

Love and Death

Loneliness
and Magic

War of Hearts

Это история о любви и смерти, об одиночестве и волшебстве. Она начинается в 1776 году и заканчивается в 1804. Герои повзрослеют вместе с книгой, пройдут через тюрьму, сумасшедший дом, эпидемию чумы и победят даже смерть. Это страстная и нежная история любви, переплетения судеб героев нескольких поколений, приправленные загадками и скелетами, что пылятся в семейных шкафах.

===== Пролог =====

Тьма в эту промозглую ночь стояла неопиcуемая, точно мир в мгновение лишился света. Ни луны, ни единой, даже самой крохотной звёздочки увидеть было невозможно. Молния разбила небеса на мириады осколков, каждый из которых низвергнул на землю потоки воды. В такой ливень нос на улицу не высунет и кошка. Тем более странно было наблюдать на пустынной мостовой скачущего во весь опор всадника. Он пронёсся галопом, минуя жилой квартал, резко осадил лошадь и спрыгнул на землю.

ЩЁЛК! Всадник, сняв перчатки, щёлкнул пальцами с длинными острыми когтями, и у него на ладони засветился огонёк. Незнакомец углубился в лесную чащу и шёл долго, не оглядываясь. Дождь лил как из ведра. Всадник опустилcя на корточки. Взмахнул рукой. Пальцы его осветились ярко-алым. Молодой человек провёл ладонью над землёй. Чуть в стороне от места, где он сидел, трава стала багровой. Всадник принялся разгребать землю. Капля терпения и его усилия увенчались успехом: под мокрой землёй оказался люк.

Незнакомец извлёк из-под плаща серебряный меч с рукоятью, инкрустированной рубинами. Он подцепил крышку люка кончиком меча, и она открылась, явив взору узкий тоннель со ступенями, уходящими глубоко в землю. Подобрав полы плаща, всадник спустился вниз, освещая себе путь мечом.

Тоннель привёл в пещеру, на стенах которой горели факелы. Посредине стоял чёрный гроб. Юноша приблизился к нему и пару минут смотрел на крышку.

Визуально человеку было не больше двадцати лет. Худенькое лицо с тонкими чертами и фарфоровая кожа делали их обладателя похожим на куклу. Главным украшением этого лица были глаза: жгуче-чёрные, живые и выразительные, чуть приподнятые к вискам, будто у кошки. Завершая невероятность образа, голову юноши венчали чёрные волосы. Очень густые, они струились по спине, доходя до поясицы.

Молодой человек поднял крышку гроба. Внутри лежал дряхлый старик. На правой руке его сиял серебряный перстень с огромным изумрудом. Юноша схватил мертвеца за пальцы и сдёрнул перстень. Немедля, факелы зашевелились, будто раздуваемые порывом ветра. Крышка гроба захлопнулась, и откуда-то сверху раздался завывающий голос: «Отдай!».

— Чёрта с два! — молодой человек не был напуган. Он усмехнулся и надел перстень себе на палец.

— Тебе это дорого обойдётся! — сказал голос.

— Буду ждать с нетерпением! — неистово хохоча, юноша щёлкнул пальцами и исчез, оставив за собой лишь голубоватый дымок.

===== ЧАСТЬ I. Глава 1. Заколдованный дом =====

Год 1777.

Полуденный зной раскалил землю так, что она превратилась в огненный шар. Только облака в вышине ярко-лазурных небес да россыпи лесных зарослей на горизонте внушали

надежду на то, что можно достигнуть приемлемых для жизни мест и не умереть от солнечного удара.

Если углубиться в сельву, можно увидеть: в непроходимой чаще расположился городок Ферре де Кастильо. Ходит о нём множество легенд, сказок и небылиц. Что из них правда, а что вымысел, сейчас уже трудно определить. Но одну из этих историй я и хочу рассказать.

Ферре де Кастильо утопает в зелени. Небольшие домики с остроконечными крышами и флюгерами, резными ставнями и коваными заборами раскиданы по всему городу. По мостовым, вымощенным булыжниками, едут экипажи, занятые дамами в дорого расшитых платьях и элегантными кавалерами во фраках. Чуть поодаль сияет куполами церковь. На Бульваре Конституции, что в центре, расположился поистине королевский дворец — дом Его Сиятельства графа Альсидеса Альтанеро. Каменный мост с перилами, разукрашенными ангелочками и феями, перекинут через реку. Хижины, низенькие и деревянные, хаотично разбросаны на противоположной стороне реки. В них живёт бедный люд: батраки, рабы, крестьяне. За хижинами раскинулись пастбища для скота и, чуть поодаль, эстансии [1] и поместья, принадлежащие богатым плебеям.

На окраине городка, на границе с лесом, стоит очень ветхий дом. С виду он кажется нежилым. По крайней мере, если судить по облупившейся штукатурке, выбитым окнам и покосившейся на бок двери. Но вечерами в доме горит тусклый свет. Суеверные жители обходят его стороной. Изначально считалось, что в доме обитают души мертвецов, не нашедшие покоя. Но, однажды, кто-то из смельчаков, посетивших дом, обнаружил: в нём живёт старик, такой же древний, как и сам дом. Спутанная борода доходит ему до пояса, а лицо покрыто морщинами так, будто этому человеку перевалило за сотню лет.

Если вы заглянете в местный трактирчик под названием «Башмак», там вас непременно предостерегут: ни в коем случае не подходить к дому и не общаться со стариком, живущим в нём. Ибо всё население, как богатое, так и бедное, уверено: старик обладает страшной колдовской силой, подобной урагану. Жители боятся этого дряхлого беднягу и величают его Брухо — колдун.

С наступлением сумерек жара спала и бархат тьмы накрыл город. На небе одна за другой вырастали звёзды, крупные, как яблоки. Прохожих в этот час было мало, только экипажи, запряжённые разномастными лошадьми, то и дело сновали по центральной улице.

По мосту быстрым шагом спустилась женщина, одетая в длинное тёмно-бордовое платье с корсетом, увитым золотым шнуром. На голове — элегантная шляпка; лицо скрыто вуалью. Женщина была явно взволнована и мчалась прочь с таким рвением, будто увидела дьявола. Соскочив с моста, она кинулась на дорогу, запрыгнула в экипаж, и тот унёс её в неизвестном направлении.

Минут через пять обычно тихую реку разбудил поток волн. Встревоженные ураганом мелкие рыбёшки выпрыгивали на поверхность, судорожно открывая рты.

Из реки выбралась девушка. Хватаясь за камни и кусты, она доковыляла до берега и побрела вдоль него. Её простое серое платье было измазано илом, с длинных волос цвета пламени свисали водоросли. Девушка шла с трудом и, должно быть, не понимала, куда идёт.

Бездумно брела и брела она вперёд, пока не наткнулась на ветхий дом. Сквозь разбитое окно увидев мерцающий огонёк, девушка постучала в дверь. Никто не откликнулся. Она постучала сильнее. Источник света в домике задрожал и стал перемещаться. Кособокая дверка скрипнула. Засов на ней щёлкнул. На пороге вырос древний-древний старик с

бородой. В одной руке он держал фонарь, в другой — длинную палку. Дед покосился на девушку.

— Эт кто это? — глухо буркнул он.

— Простите... не могли бы вы... меня впустить... переночевать, — прошептала гостья.

Старик медлил. Он поднял фонарь и осветил незнакомку. Девушка была красивая и совсем юная. От яркого света её лицо вмиг приобрело зеленоватый оттенок, она пошатнулась и, уцепившись за край двери, съехала вниз.

— Вот только этого мне не хватало, — проворчал дед. — Эй, чего это с тобой? А ну-ка, давай-ка, подымайся.

Но девушка не шевелилась. Тогда старик взмахнул рукой и тело гостьи зависло в воздухе. Дед, совершая манипуляции пальцами, загнал тело в дом. Дверь захлопнулась.

Дом внутри состоял из нескольких комнат, разделённых лоскутными ширмами. По стенам были развешаны канделябры с цепями, в центре расположились софа и два кресла на кованых ножках. В углу примостилась жаровня, на которой булькал и подпрыгивал чугунный котёл. Из него вырывались звуки, похожие на хрюканье. На красном ковре, что закрывал весь пол, лежала чёрная кошка.

Старик уложил девушку на софу. Но теперь он больше не был стариком. Едва переступив порог, он превратился в мужчину с седыми усами и бородой, одетого в золотистую рясу. Пальцы его были унизаны перстнями, один из которых, с огромным изумрудом, сверкал так, что мог бы заменить собой все фонари на улице.

Бывший старик, отбросив палку в угол, подошёл к стеклянному шкафу. Тот сверху до низу был загромождён флаконами и сосудами различных форм: и изогнутых во все стороны; и перекошенных на один бок; и длинных и узких, в горлышко которых невозможно было ничем пролезть; и широких и пузатых, похожих на цветочные горшки; и совсем крошечных, которые едва ли можно было удержать двумя пальцами. Хозяин дома извлёк с нижней полки продолговатый хрустальный сосуд, закрытый аметистовой пробкой, вернулся к незнакомке и присел рядом с ней. Откупорив пробку, он высыпал содержимое сосуда — розоватый порошок — себе в ладонь.

Мужчина обсыпал гостью порошком с ног до головы. Кожа её подёрнулась зелёным, и девушка открыла глаза. Вся обстановка в доме мгновенно исчезла. Остались только печь в углу, просевшая софа и старый сучковатый стол, вокруг которого сгруппировались деревянные лавки. На соломе потягивалась исхудалая чёрная кошка.

— Где я? — девушка внимательно разглядывала старика.

— В моём доме, — прошамкал тот скрипучим голосом. — Оставайся, чего уж теперича, ночь на дворе. Но завтра утром те придётся рассказать, кто ты такая и какого лешего ты притащилась в мою лачугу. Ты есть небось хочешь?

Гостья молча кивнула. Старик пошарил в печи, извлёк оттуда пригоревший котелок с чем-то съестным.

— На вот, поешь.

Он поставил котелок на стол, положил рядом ложку и краюшку хлеба. Девушка робко села на лавку.

— Лопай, а потом ложись спать. А я пойду посплю тож, — сказал старик, удаляясь в другую комнату, отгороженную ширмой с огромными кривыми заплатами.

Открыв котелок, девушка чуть не вскрикнула — из него пошёл синий пар и тут же стол заполонили вкусы. Здесь были и цыплячьи ножки, и вяленая рыба, и ростбиф, и

ванильный кекс, и хрустальные графины с клубничным и ежевичным соком, и огромные спелые яблоки, у которых у всех, как на подбор, один бочок был красный, а другой жёлтый. Девушка некоторое время смотрела на яства, но голод пересилил страх, и она взялась за еду.

В смежной комнате раздался шорох. Старик выругался.

— Вот дьявол, посох то забыл, — ворча он появился из-за ширмы. Ни на девушку, ни на волшебный стол он не обратил внимания. Дотащился до угла и взял сучковатую палку, с виду ничем не примечательную. Кряхтя и сопя, опираясь на палку и хромя на обе ноги, старик пошёл обратно, хотя минуту назад легко передвигался безо всякой палки. Девушка провожала его взглядом, пока он не скрылся в недрах комнаты.

Комментарий к ЧАСТЬ I. Глава 1. Заколдованный дом —————

[1] Эстансия (асьенда, фазенда) — крупное частное поместье в Испании и Латинской Америке, к которому прикреплены батраки (пеоны) — номинально свободные, но вынужденные работать на владельца асьенды и полностью от него зависящие. В Аргентине, Чили и Уругвае аналогичные поместья называют эстансиями, в Бразилии — фазендами. В литературе иногда встречается форма «гасиенда».

===== Глава 2. Наследство старого колдуна =====

Дни тянулись за днями и, с тех пор, как в заколдованном доме поселилась гостья, которую, как выяснилось, звали Йоланда, минуло одиннадцать месяцев.

Йоланда рассказала колдуну о себе лишь пару слов: что она из богатой семьи, и что её преследовали и пытались убить, сбросив с моста в реку. Впрочем, старик особо и не расспрашивал. Девушка уверяла: она не бродяжка и не преступница, и ему этого было достаточно. Сердце у колдуна Брухо, несмотря на его хмурый, неприветливый вид, оказалось добрым. Он позволил беглянке остаться и даже не удивился, когда семь месяцев спустя Йоланда родила мальчика, дав ему редкое имя Данте.

Поначалу, волшебство в доме восхищало и одновременно пугало девушку. Но позже она привыкла к нему и больше не вздрагивала, когда из дивана нежданно выскакивали летучие мыши, а камин (от возмущения, что в него положили слишком мало угля) превращался в ящерицу и убегал в неизвестном направлении.

Качая колыбельку, Йоланда вполголоса напевала что-то нежное. Её огненные волосы кольцами спускались по спине, а голубые глаза ласково смотрели на мерно спящего ребёнка. Со стороны могло показаться, что в колыбели лежит не младенец, а фарфоровая кукла. Редкая для субтропической местности белая кожа младенца, контрастирующая с иссиня-чёрными волосами и ярко-синими, как сапфиры, глазами, делали его похожим на некое иноземное существо. Йоланда и сама не знала, радоваться ли, что у неё родился такой ребёнок, или огорчаться. Ясно было одно: если мальчишка когда-нибудь появится на улице, навряд-ли он пройдёт по ней незамеченным. Брухо, со свойственной ему прямолинейностью, утверждал: этого ребёнка ждёт участь либо изгоя, либо идола. Йоланда злилась на старика за такие речи. В конце концов, мальчик ещё маленький, чтобы пророчить ему тяжкую судьбу.

Но в последнее время Йоланда заметила: с Брухо происходит что-то странное. Он стал нервный, раздражительный, иногда без причины мог не разговаривать с ней целыми днями. Девушка не понимала, что же она сделала не так, пока в один прекрасный день старик, придя домой, не швырнул на стол пергаментный конверт с уже вскрытой сургучной печатью. Ясный взгляд Йоланды упал на конверт и она вздрогнула, точно ужаленная.

— Что это?

— Как бишь его... уведомление о завтрашнем сносе моего дома, во! — сообщил старик.

— Сносе дома? Но почему? Зачем они хотят снести дом?

— А он, видите ли, им как бельмо на глазу. Он, видите ли, портит внешний вид и репутацию города, — Брухо помахал кулаком. — Этот, их прихвостень, графский секретарь, как-то даже ж приходил сюды. Не побоялся, что его тута призраки утащот. Предлагал деньжищи во-о-от такие, — дед развёл руки в стороны, точно обхватывая огромный мешок с деньгами. — Да ничего у них не выйдет. НИ-ЧЕ-ГО! Запомни, девочка. Дом-т заколдованный. Кто попытается его сравнять с землёй, сам туды и угодит. Знаешь, чего с ним стало-то?

— С кем?

— С тем, что приходил. Помер. Попал под лошадь. Прямо со всеми своими деньжонками. Как вышел отсюда, так и угодил под лошадиные копыта. Деньжищи то графские тоды по всей улице разлетелись. Во был праздник народу! — зловеще хохоча, дед вытер руки, испачканные сургучом, об бороду. — Я сюды никого не пущу, так и знай. Встану на пороге и не пущу. И ежели хотят снести дом, пущай сносят вместе со мной. Вот так вот! — пыхтя и кряхтя, старик покинул комнату.

Дрожащими руками схватила Йоланда конверт, провела пальцами по вычурной надписи с адресом. Поверх неё стоял золотой герб Его Сиятельства Графа Альсидеса Альтанеро.

— А если... если они узнали? Если это из-за меня хотят снести дом этого бедняги? Ох, боже мой, нужно было бежать из города! Может быть, ещё не поздно, да, ещё не поздно, мне нужно бежать отсюда!

Йоланда ринулась к себе. Данте спокойно посапывал в колыбельке, засунув в рот большой пальчик. Девушка вынула из дубового шкафа мешок и начала запихивать в него вещи: пелёнки Данте, гребень, несколько платьев...

Когда узелок был собран, она связала его концы верёвкой и затолкала под кровать. Она уйдёт ночью. Так будет лучше.

Ужин прошёл в напряжённом молчании. На сей раз котелок наколдовал жаренного поросёнка, гроздь винограда, румяные булочки с джемом, клубничный сок и сметанный торт с кусочками мармелада. Брухо угрюмо расковыривал на тарелке кусок поросёнка. Йоланда, дабы не выдать свою нервозность, помалкивала, будто воды в рот набрала.

В десять часов старик уковылял спать, а Йоланда всё не решалась на побег. Убрав со стола, она взялась наворачивать круги по гостиной.

— Если хочешь уйти, иди сейчас, — раздался низкий голос.

— ЧТО?! — девушка обернулась, силясь найти источник звуков. Но в комнате никого не было, кроме неё самой да ещё чёрной кошки в кресле.

— Это ты сейчас со мной разговаривала? — спросила Йоланда кошку.

— Я, — не стала отпираться кошка.

И хотя Йоланда старалась уже ничему не удивляться, в этот раз не удивиться она не смогла. Кошка смотрела на неё не мигая, и глаза её, ярко-жёлтые, точно лимоны, зловеще поблёскивали.

— Ты настоящая кошка или галлюцинация? — спросила девушка шёпотом.

— Я кошка, — отозвалась кошка. — Волшебная.

— Значит, ты умеешь разговаривать?

— Совершенно верно!

— А почему ты раньше не разговаривала со мной?

— Не было повода.

— А откуда ты знаешь, что я хочу уйти?

— Ну, я всё-таки волшебная кошка. Я вижу вещи, которые не замечают люди, — кошка улыбнулась во весь рот.

— Почему ты думаешь, что я должна уйти именно сейчас? Я хотела подождать пару часов, пока старик не уснёт.

— Наверное, потому что мы, кошки, волшебные или не очень, всегда чувствуем опасность.

— Опасность?

— В этом доме тебе угрожает опасность, — кошка сверкнула глазами.

— Только мне?

— Только тебе.

— Но почему?

— Потому что ты — не колдунья. Единственная не колдунья из обитателей этого дома.

— А как же мой сын? Он... он... тоже не колдун.

— Я бы не была так в этом уверена, — кошка лениво потянулась. — Впрочем, решать тебе. Я только предупредила. Если ты хочешь уйти, то иди сейчас и одна, без ребёнка.

— Оставить Данте здесь?

— Именно.

— Но я не могу уйти без сына.

— Какая ты глупая, — скептически заметила кошка. — Не зря ты оказалась в такой ситуации. Тебе не жаль тащить младенца с собой неизвестно куда, но жаль оставить его здесь, в тепле и уюте. Этот дом находится под защитой очень древней и очень сложной магии. Любой маг, любой человек, наделённый даже каплей волшебства, будучи здесь, станет неуязвим ни для кого и ни для чего. Данте лучше остаться здесь.

— Тогда... тогда я тоже останусь, — промямлила Йоланда. — Если магия дома так сильна, как ты говоришь, значит, он сможет защитить всех, кто здесь находится.

— Я бы не была так в этом уверена, — повторила кошка. — В тебе нет волшебства, — с этими словами кошка спрыгнула с кресла и, зевнув, пошла к комнате, в которой спал Брухо.

Йоланда задумалась. Безусловно, это крайне глупо — слушать советы какой-то кошки, даже если она говорящая. Всё равно это кошка, а не человек и навряд-ли она способна дать мудрый совет.

С такими мыслями Йоланда вернулась в спальню. Покормила Данте и закутала его в одеяльце, на уголке которого было вышито имя мальчика. Но вдруг громкий треск разрезал тишину спящего дома. Йоланде со страху показалось, что это обвалилась крыша. Уложив Данте в колыбель, она бросилась в гостиную.

— Ах, боже мой! — вскрикнула Йоланда в ужасе — вся комната была объята пламенем. Пути к выходу оказались заблокированы: и дверь, и окна так обгорели, что вот-вот грозились рухнуть. Неужели об этой опасности и предупреждала волшебная кошка?

Йоланда понятия не имела, что ей делать в такой ситуации. Она огляделась по сторонам в поисках сосуда, в который можно было бы набрать воды. Взгляд её упал на тяжёлый графин, стоящий на полке неподалёку. Она цепко ухватила его, кинулась за водой, но обнаружила, что дверной проём исчез. Вместо него была гладкая стена. Меж тем, пламя уже перекинулось на мебель и ковёр.

Тщетно пометавшись и постучав в стену, Йоланда решила разбудить Брухо. Наверняка

его колдовство способно потушить любой пожар. Но, надо полагать, дом вознамерился ей в этом помешать. Когда девушка добежала до места, где находился вход в спальню старика, она уткнулась в глухую стену.

— Помогите! На помощь! Горим!!! Мы горим!!!

Йоланде казалось, что в доме она совсем одна, все, все её бросили. Нет, она не может сдаться! Она должна что-то придумать!

Йоланда решила: единственный шанс на спасение — схватить Данте и вылезти вместе с ним в окно спальни. И девушка побежала в комнату. К счастью её спальня не была ещё охвачена ни дымом, ни огнём. Вот только Данте... Данте в колыбели не было. Зато по комнате ползала большая красно-жёлтая каскавела [1], легонько постукивая трещоткой об пол.

Йоланда вжалась в стену. В голову ей закралась мысль: эта тварь сожрала Данте! Но змея не могла так просто взять и проглотить ребёнка. Скорее всего, она бы его укусила или задушила, и, в этом случае, должен был остаться труп. Но его не было, как и следов крови. Младенец попросту испарился. Пока эти чудовищные фантазии метались в мозгу у Йоланды, каскавела свернулась кольцом возле двери, перегородив путь к отступлению.

По щекам Йоланды потекли слёзы от страха, главным образом за судьбу Данте. Собрав остатки храбрости, она доковыляла до окна и попыталась его открыть. И тут вдруг змея заговорила человеческим голосом:

— Зря-я стара-а-аешь-шь-ся. Дом т-те-е-ебя не вы-пус-с-тит.

— Кто ты? — Йоланда вся дрожала. — Откуда ты здесь взялась?

Щёлкнув трещоткой, змея в мгновение ока обратилась в чёрную кошку.

— Я тебе вчера сказала, что дом будет защищать только тех, у кого есть магическая сила, — жёлтые глаза хищно сверкнули.

— Где Данте?

— В надёжном месте. С ним всё будет хорошо. Прощай, — взмахнув хвостом, кошка вновь обратилась в змею. Выползла за дверь.

Йоланда бросилась было следом, но в тот момент, когда кончик змеинового хвоста оказался по ту сторону комнаты, дверь исчезла. Как и окно на стене. И Йоланда осталась заложницей комнаты. Напрасно она стучала и звала на помощь — никто не откликался.

Тогда девушка села на пол, обречённо ожидая своей участи. Не прошло и пятнадцати минут, как комната наполнилась едким дымом. «Хоть бы я задохнулась прежде, чем сюда доберётся огонь, — подумала Йоланда. — Лучше уж умереть от удушья, чем заживо поджариться». Это была её последняя мысль. Вдохнув ядовитую гарь, Йоланда потеряла сознание.

В центре охваченного огнём дома стоял древний старик. На плече у него сидела чёрная кошка. В руках он держал младенца. Языки пламени лизали колдуна, не обжигая его. Младенец проснулся и теперь истошно орал. Дед, не реагируя на крики, указательным пальцем рисовал в воздухе замысловатый узор. В месте, над которым поколдовал Брухо, пламя стало синим. Маг уложил младенца прямо в его центр. Ребёнок продолжал орать. Его фарфоровое личико покраснело от надрывных воплей, но огонь, тем не менее, не причинял ему неудобств. Старик снял с пальца перстень, серебряный, с зелёным изумрудом, нанизал перстень на шнурок и повесил его на шею ребёнку. Приложил ладонь к младенцу. Синее пламя вспыхнуло, став зелёным. Данте замолчал, широко распахнутыми глазами наблюдая, как от руки волшебника прямо к нему в грудь льётся золотистый свет. Продолжалось

колдовство несколько минут. Закончив, старик щёлкнул пальцами. В руке его появился длинный сучковатый посох. Он стукнул посохом об пол трижды. Раз — горящий дом раскололся на две части и земля под ногами колдуна разъехалась. Два — раздался треск. Старик, кошка и дом провалились прямоком под землю. Три — расщелина сомкнулась, будто её и не было. Младенец в полном одиночестве остался лежать в центре пустого поля.

Чуть поодаль сгрудилась кучка людей — жителей городка. Они явились поглазеть на пожар и теперь не могли прийти в себя от изумления.

— Все это видали? — спросил полноватый мужчина с лысиной.

— Они испарились, ушли под землю, — прошептала худенькая седовласая женщина.

— И следов не осталось.

— Только ребёнок.

— Э-э-э... Может его забрать оттудова? — проямлил очень высокий бородатый мужчина несоответствующим его внешнему облику писклявым голосом.

— Ну вот ещё! Этот ребёнок наверняка проклят. Всё, что связано с этим мерзким домом, — опасно.

— Не удивлюсь, если это сам Дьявол явился к нам в облике младенца, — вновь подал голос лысый.

— Он не сгорел при пожаре.

— Все исчезли, а он живой и здоровый.

— Этого выродка надо убить, пока он не накликать беду на весь город! — безобразная старуха в красном чепце непрерывно крестилась.

Люди одобрительно заголосили, но так и простояли на месте ещё некоторое время, не в силах договориться, кто же пойдёт за «прókлятым» ребёнком.

— Ну ладно, так и быть, я схожу, — сдался долговязый с женским голосом. — Даже ежели в него вселился Сатана, это всего-то младенец. Ничегошеньки он нам не сделает, а попробует, так я его... того, шею сверну и делов-то.

Данте, явно не ожидая подвоха, удивлённо разглядывал ночное небо. Прямо над его головой сверкали звёзды, а яркий полумесяц был похож на пышущий жаром, аппетитный рогалик с повидлом.

Высокий брезгливо взял младенца на руки. Другие с опаской приблизились.

— Он на человеческого детёныша то и не похож, — лысый сморщился. — Поглядите, глаза как у кошки, — косые, и сам весь бледный, как утопленник. У нас и нет таких, от кого могло бы родиться такое. Точно Дьявол.

— Чего с ним делать то будем? — спросила женщина, похожая на рыбу.

— Кинем его в речку да и всё! — отозвалась старуха. — От греха подальше.

Данте, в конце концов, почувствовал недоброжелательность и, хныча, замахал ручонками.

— Чёртово отродье! — выругался длинный, едва не выронив ребёнка из рук. — Пошлите быстрее к реке! А то мало ли чего можно ожидать от этого существа.

Люди уже готовы были двинуться в путь, как вдруг раздался выкрик:

— Стойте!

К толпе приближался нескладный человек, одетый в залатанную куртку и рваные штаны, болтающиеся на нём, как на вешалке. Он прихрамывал на одну ногу, но при этом умудрялся бежать довольно быстро.

— Стойте, кому говорю! Не смейте трогать ребёнка! Я заберу его к себе!

Комментарий к Глава 2. Наследство старого колдуна —————

[1] Каскавела — одна из разновидностей гремучих змей. Ядовитая, очень яркой красно-бурой окраски с жёлтыми зигзагами. Распространена в Южной Америке: на юге до Аргентины и Уругвая включительно, а к западу — до предгорий Кордильер.

===== Глава 3. Влюблённые =====

Годом ранее.

Луна — яркая, огромная, словно начищенный до блеска поднос, — господствовала на небе в эту ночь. Тишину центральной улицы нарушил стук копыт. Из зарослей акации появился всадник, одетый в костюм гаучо [1]: белая рубашка, красное чирипас [2] до колен, из-под которого выглядывали вышитые белые штаны; чёрные сапоги со шпорами и на каблуках. В обмотанный вокруг талии красный кушак-фаха [3] был вставлен кинжал с рукоятью, инкрустированной драгоценными камнями. Голову мужчины венчала шляпа; лицо скрывал шёлковый платок.

Свернув в аллею, гаучо поскакал галопом и остановился у заброшенного оружейного склада. Привязав лошадь к дереву, он замер, как часовой на посту. Ростом юноша был невысок и, очевидно, молод — даже многослойная одежда не скрывала его подростковую худощавость.

Гаучо стоял неподвижно, пока сбоку не раздался выстрел. Вероятно, то и был сигнал, которого он дожидался. Юноша пошёл на звук выстрела. Завернув за склад и немного углубившись в заросли, всадник упал в чьи-то объятия. Шляпа свалилась на землю — по плечам рассыпались светлые кудри. Это оказалась девушка.

— Совсем с ума сошла? — спросил приятный мужской голос. — Зачем ты так вырядилась? Если б я не знал, что это ты, меня бы хватил удар.

— А я хотела тебя увидеть! Я соску-у-училась, — прошептала девушка и, обвив руками шею своего кавалера, покрыла поцелуями его лицо.

Влюблённые спрятались под раскидистым палисандровым деревом. Девушка была довольно привлекательна: очень худенькая, с крупными карими глазами и светлыми волосами. Если судить по тонким, изящным чертам, она явно происходила из семьи аристократов.

Молодой человек, часть лица которого скрывалась в тени, был одет в форму карабинера [4]: синий мундир с пуговицами, чёрные сапоги и белые обтягивающие штаны. На голове у него расположился кивер с красным плюмажем [5]; из-за пояса торчали два пистолета.

— Я должна вернуться домой до рассвета, — сказала девушка.

— Почему?

— Как почему? А если кто-то в доме проснётся, а меня нет? Впрочем, муж такой идиот, он поверит, даже если я скажу, что ходила на ночную церковную службу, — девушка захихикала, прикрывая рот рукой.

— Значит, ты сбежала прямо из-под носа у своего муженька? — издевательски бросил молодой человек, крепко прижимая возлюбленную к себе.

— А то! Я ему в йерба матэ [6] добавила снотворную настойку, которую пьёт наша кухарка, — она рассмеялась громче.

— Хитрю-ю-юга, — кавалер погладил девушку пальцем по щеке, закрыл ей рот поцелуем.

— Я тебя обожаю, я тебя люблю, Гаспар. Ради тебя я готова на всё! — пылко зататорила девушка.

— Ро, если ты не хочешь, чтобы нас увидели, — отозвался Гаспар, — тогда пойдём отсюда.

— Куда?

— Туда же, куда и в прошлый раз.

Ро поморщилась.

— Как ты себе это представляешь? Я ведь одета по-мужски! — она опять рассмеялась. — Хозяин гостиницы скончается прямо на месте, если карабинер и гаучо заявятся к нему вдвоём и скажут, что им нужна меблированная комната...

Речи девушки заглушил ответный смешок её кавалера.

— А как ты сюда пришла? Пешком?

— Нет, на лошади. Я оставила её там, — Ро махнула рукой в сторону оружейного склада.

— Тогда поедem на твоей лошади. Плевать на хозяина гостиницы. Если он что-нибудь вякнет, я прострелю ему башку!

Гаспар обнял возлюбленную за талию, и они медленно побрели по аллее.

По центру Ферре-де Кастильо, на Бульваре Конституции, стоит трёхэтажный белоснежный дворец с колоннами. Он обнесён кованым забором и весь утопает в зелени. Этот дом принадлежит Его Сиятельству Графу Альсидесу Альтанеро — самому богатому человеку в городе.

Во дворе особняка раскинулся сад с причудливыми растениями: палисандровыми деревьями, жакарандами, пальмами, акациями и сикоморами, а также цветник из роз и орхидей.

В гостиной на канопе, обитом зелёным бархатом, сидела полная дама лет сорока пяти, затянутая в тугий корсет. Её грудь так возвышалась над декольте, что, казалось, женщина вот-вот лопнет. Густые, чуть посеребренные сединой волосы, были убраны в нелепую причёску, в центре которой торчала огромная безобразная роза. Одетая в тёмно-лиловое платье, разрисованное бутоначками и с отделкой из розовых кружев, она держала на коленях трёхцветную болонку. Закрученная на папильотки шёрстка собачки была вся унижена бантиками. Её лапки украшали кружевные манжеты. Дама читала книгу — французский любовный роман о похождениях некой куртизанки мадемуазель А.

На широкой мраморной лестнице раздались шаги.

— О, мама! Доброе утро! Я, смотрю, вы ранняя птичка сегодня, — вниз спускался светловолосый юноша, одетый в светло-коричневый костюм для верховой езды.

— Доброе утро, Эстебан, мой дорогой, — отозвалась мать, не отрываясь от чтения.

— Как поживает Гортензия? — Эстебан подошёл и, отвесив элегантный поклон, поцеловал матери руку.

— О, прекрасно! — мать, отбросив книгу, лениво взяла собачку двумя руками, чмокнула её в морду. — Мне кажется, сегодня она слишком задумчива, — заметила дама, разглядывая болонку. Та дёрнула лапой, пытаясь содрать с головы самый большой бант.

— О нет, Гортензия, дорогая, не делайте этого! — в притворном ужасе воскликнула дама, встряхивая собачку как бутылку с водой. — Вы испортите себе причёску!

Оскорблённая Гортензия утешилась быстро: она облаяла Эстебана и ухватила его зубами за манжету, торчащую из-под редингота [7].

— Мама, я еду кататься на Кристалле. Увидимся, — поспешил откланяться молодой

человек.

— Смотрите не упадите с лошади, дорогой!

Лёгкой походкой Эстебан пересёк гостиную и исчез в дверях. Мать, полностью забыв о Гортензии, которая нахально пережёвывала кружево на платье своей хозяйки, раскинулась на канапе. Она взяла с журнального столика медный колокольчик и позвонила трижды. Никто на звон не откликнулся, кроме Гортензии. Болонка, тихо тявкнув, съехала с коленей хозяйки на канапе. Встряхнулась и, как ни в чём не бывало, продолжила доедать кружева.

— Урсула! Урсула! — крикнула хозяйка.

Вдалеке щёлкнула дверь. Послышались шаги. Служанка появилась минут пять спустя. Это была высокая негритянка с угрюмым лицом, одетая в серое домотканое платье, белый передник длиной до пола и чепец.

— Да, сеньора, — протянула она.

— Сколько тебя можно ждать? Где ты ходишь? — раздражённо воскликнула хозяйка. — И сколько раз тебе говорить: называй меня мадам. Мадам Берта.

— Да, мадам Берта, — повторила Урсула, не меняя выражения лица. — Я не виновата, что дом такой большой. У меня нет ещё одних ног. Пока я дойду из одного конца в другой...

— Помолчи! Терпеть не могу твою болтовню! Ступай и разбуди всех. А потом спускайся и накрывай стол к завтраку. Но сначала подай мне матэ...

— Да, мадам, — Урсула попыталась уйти.

— Нет, стой! Лучше чай. Матэ пьют только простолюдины.

— Да, мадам, — Урсула почти ушла, однако, хозяйка снова её окликнула.

— И ещё: принеси Гортензии её любимых колбасок!

— Да, мадам.

С третьей попытки Урсуле удалось уйти. Она пошла по длинному коридору, по двум сторонам которого располагалось множество дверей. Это были комнаты прислуги и кладовые.

— Всё правильно, собака у ней жрёт деликатесы, а для человека и лишнюю тарелку супа не допросишься, — вполголоса бормотала она. — Простолюдины видите ли... Сама-то она кто? Графиня... мадам... Сказала бы я ей, кто она есть... Когда-нибудь скажу, доведёт она меня до белого каления, я ей всё выскажу!

Урсула ещё была на кухне — чистенькой и довольно светлой, но целиком заставленной котелками, жбанами и кастрюлями различных форм и размеров, — когда вновь зазвонил колокольчик и раздался утробный крик:

— УРСУЛА!!!

Девушка поставила чай на поднос. Добавив к нему фарфоровую сахарницу с сахаром, хрустальную конфетницу с пастилой и блюдо с собачьими колбасками, она поспешила обратно. Звон колокольчика и крики не прекращались.

— Всё звонит в свой колокольчик, — продолжала ворчать служанка. — Ещё бы в церковный колокол позвонила. Ну ничего, ничего, боженька, он всё видит... — Ваш чай, мадам, — Урсула поставила поднос на столик.

— Наконец-то, — Берта протянула руку, взяла крошечную чашечку из китайского фарфора, — тебя только за смертью посылать.

— С вашего позволения, мадам, — и Урсула ушла.

Берта тянула из чашки чай, оттопыривая мизинец, и одновременно кормила Гортензию колбасками.

— Ну что вы делаете, мадемуазель Гортензия? Вы ведёте себя неприлично! — воскликнула Берта, когда объевшаяся болонка выбросила очередную колбаску на пол. — Воспитанные дамы так себя не ведут. Впрочем, я прекрасно вас понимаю. Как же тяжела жизнь аристократов!

Внезапно раздался вопль и через пару минут с лестницы скатился нелепо одетый мужчина в сорочку с жабо, панталоны, красные туфли без задников и ночной колпак. Светло-карие глаза его были выпучены, как у безумного.

— Катастрофа!!! Катастрофа!!! — закричал он шепелявым голосом.

— Бласито, сынок, в чём дело? Вам приснился дурной сон?

— Нет, мама, случилось ужасное! — Бласито вцепился в волосы так, будто хотел их вырвать с корнями.

— Успокойтесь, мой мальчик, — властно сказала мать, поднимаясь с канapé.

«Мальчику» по виду было далеко за тридцать. У него на макушке уже пробивались признаки лысины, но он вопил дурным голосом, словно младенец, потерявший любимую соску.

— Так что случилось?

— Ужас... ужас... — бормотал он. — Мою жену похитили!

— Как похитили?

— Вот так! Когда Урсула меня разбудила, я проснулся и увидел, что Рокси нет в кровати.

— Поду-умаешь. Кто её может похитить? Кому она нужна, кроме вас? Наверняка она где-то в доме. В оранжерее или в библиотеке. Или в саду. Поищите её там, — поджав губы, посоветовала Берта.

— Да? — слабым голосом спросил Бласито. — А может она в доме заблудилась? Сидит, плачет где-нибудь, бедная моя жёнушка...

Шлёпая туфлями по пяткам, Бласито удалился вглубь дома. Особняк был настолько огромен, что заблудиться в нём, действительно, не составило бы никакого труда.

Комментарий к Глава 3. Влюблённые —————

[1] Гаучо — житель сельской местности, проживающий на равнинах Аргентины (а также Уругвая, Бразилии и Чили) и занимающийся скотоводством. Погонщик скота. Гаучо часто называют аргентинскими ковбоями.

[2] Чирипас — одежда гаучо. Надевается поверх брюк — кусок плотной ткани, как правило шерстяной, который определённым образом пропускается между ног и закрепляется на поясе. Для работы чирипас шьётся из более плотных тканей, для праздников — из лёгких тканей. Может изготавливаться и из тонкой кожи.

[3] Фаха — длинный тканый пояс, типа кушака. Он несколько раз оборачивается вокруг талии и может доходить до груди. К нему прикрепляется кинжал или другой инструмент гаучо. Поверх него надевается кожаный ремень с металлической пряжкой.

[4] Карабинер — солдат-стрелок, вооружённый карабином.

[5] Кивер — военный головной убор цилиндрической формы, с плоским верхом и козырьком. Плюмаж — перо на головном уборе.

[6] Мátэ — тонизирующий напиток, приготовляемый из высушенных листьев падуба. Парагвайский чай. Распространён в Парагвае, Уругвае, Аргентине. В испаноязычных странах обозначение напитка матэ часто употреблялось (начиная с XVII века) в связке со словом «трава/зелье» и звучало как «йерба матэ».

[7] Редингот — костюм для верховой езды.

===== Глава 4. Скелет в шкафу =====

Сладко зевнув, Роксана потянулась на кровати. За окном вовсю светило солнце и первой мыслью девушки было: а почему же её до сих пор не разбудили? Она перевернулась на другой бок и упёрлась взглядом в полосатое низенькое кресло. Блас сменил мебель? Когда он успел? Ведь ночью... ночью, а что было ночью? Ах да, она ходила на свидание с Гаспаром, а когда вернулась... Роксана резко села. Комната представляла собой довольно тесное помещение и ни капли не напоминала Роксане её спальню в особняке Альтанеро. Помимо кресла и кровати, из мебели здесь находились: ветхая тумба, деревянный стул и комод с облупившимся покрытием. Рядом с Роксаной, спрятав лицо в подушку, мерно посапывал Гаспар. Роксана некоторое время смотрела на него, пока до её сознания не дошёл смысл произошедшего. Она так и не вернулась домой после ночного свидания! Она до сих пор с Гаспаром в гостинице!

Роксана в ужасе сползла с постели и начала судорожно перебирать раскиданную по полу одежду. Мужская сорочка, опять мужская сорочка, штаны, снова штаны... Почему столько мужской одежды? Да, ведь она вчера нарядилась в мужчину.

Гаспар так и не шевелился. Роксана решила его не будить, чтобы избежать тяжелой сцены расставания, — неизвестно, когда она опять увидит его. Девушка оделась, затолкала волосы под шляпу и закрыла лицо паньюэло [1]. Подойдя к Гаспару, она легонько провела пальцами по его волосам, а затем выбежала в дверь.

Через пару минут Роксана уже скакала по направлению к белоснежному особняку. В голове её вихрем крутились мысли. Мысли — одна бредовее другой. Но ничего более-менее внятного о том, что же ей наврать, на ум не приходило.

Возле конюшни Роксана спешила. В графской конюшне было восемь лошадей. Агат, на которой приехала девушка, — лошадь чёрной масти — была подарком Бласа на День рождения. Сейчас, вместе со взмыленной от бешеной скачки Агат, лошадей в загонах стояло семь. Отсутствовал серый Кристалл — любимый конь Эстебана, младшего брата Бласа.

Роксана в панике металась по конюшне, как вдруг раздались шаги и на входе выросла фигура в белом переднике.

— Сеньора Роксана, это вы?

— Урсула!

— Чего это вы тут делаете, сеньора? Да ещё в мужском наряде! Там ваш муженёк голосит на весь дом уж битый час. Говорит, вас кто-то похитил. А я вот пришла искать кучера. Сеньор Блас намеревается ехать на ваши поиски. Так чего случилось-то?

— Урсула, это долгая история, — облегчённо выдохнула Роксана. — Ты должна мне помочь. Если ты сейчас меня не спасёшь, я пропала!

— Да, хозяйка. А чего мне надобно делать-то?

— Сейчас ты пойдёшь в мою спальню, возьмёшь синюю амазонку [2], туфли и шляпу из шкафа и принесёшь их мне сюда. Но так, чтобы никто не видел. Поняла? Я буду ждать.

— Да, сеньора.

— Тогда иди, Урсула, только мигом!

Урсула не заставила себя упрашивать. Подобрав подол, она кинулась в дом со всех ног.

Роксана перевела дух. Если проделка удастся, она пойдёт в церковь и поставит десять свечек каждому святому. Девушка в нетерпении мерила шагами конюшню, когда минут через пять услышала топот.

— Так быстро? — поразилась Роксана, увидев в руках служанки свой костюм для верховой езды.

— А как вы думали? Там такой шум стоит в доме! Они и не заметили, как я бегаю туда-сюда. Ежели вы сейчас не явитесь, ваш муж разобьёт себе голову подсвечником.

— Пусть бы разбил, — хихикнула Роксана, снимая мужские сапоги.

— Конечно, вам может и хорошо было б избавиться от эдакого недотёпы... Только вот за лекарем в соседний квартал кому бежать? Урсуле бежать, — недовольно ворчала Урсула. — Так где вы были-то, да ещё в таком виде?

— Не твоё дело! Чем задавать вопросы, лучше помоги мне одеться.

Вскоре Роксана уже была при полном параде. Синяя амазонка, расшитая серебром, сидела на ней как влитая, а растрёпанные волосы прикрывала шляпа с эгреткой [3] из двух больших чёрных перьев.

— Отнеси это и спрячь где-нибудь, — приказала она служанке, отдав ей костюм гаучо. Ринулась к парадному входу. Задержалась в холле и, стараясь не рассмеяться, вслушалась в громкие вопли, доносящиеся из гостиной:

— Мама, нам надо что-то делать! Сейчас я поеду в жандармерию [4] и заявлю о пропаже моей жены.

— Бласито, сынок, успокойтесь, — восклицала Берта. — Я уже послала записку вашему папеньке. Ах ты, боже мой, и Эстебан куда-то пропал! Что если в городе орудуют разбойники?

— А вдруг с моей жёнушкой что-то случилось-о-ось... — завывал Блас.

Гортензия точила когти об паркет, поскуливая за компанию.

— Мадемуазель Гортензия, не войте, вы ведёте себя некультурно! — шикнула Берта на собачку. — Сынок, сейчас подадут экипаж, и вы поедете! Где эта чёртова служанка? Она что, кучера в соседний город пошла искать?

— Мама, а что если Рокси... что если Рокси... ик, — икнул Блас. — Что если она больше к нам не вернётся?

— Не говорите так, Бласито, мой дорогой мальчик.

— Что-то рановато вы меня похоронили! — цокая каблуками, Роксана вошла в гостиную. Шесть глаз в немом молчании уставились на неё.

— Ро-ро-ро-кси... — пролепетал Блас.

— Сколько раз я вас просила не называть меня Рокси? Похоже на собачью кличку. Называйте меня по имени!

— Но дорогая, где же вы были-то? — Блас, вращая бесцветными глазками, всплеснул руками. И хотя время уже близилось к полудню, он по-прежнему был одет в панталоны и ночной колпак.

— Какой ужас! — воскликнула Роксана. — Посмотрите на себя, на кого вы похожи! Устроили мировую трагедию из-за того, что ваша супруга на часик отлучилась на прогулку.

— На часик? Вас не было всё утро!

— Ну пусть на два часика... Ну хорошо, на три, — повела плечами Роксана в ответ на укоризненный взгляд мужа. — Я должна была выгулять Агат. Она, бедняжка, уже неделю стоит в конюшне.

— Можно было бы и предупредить, — недовольно выпячивая нижнюю губу вставила Берта.

— Ох, сеньора Берта, хотя бы вы не вмешивайтесь! Вообще я не понимаю, что вы тут до

сих пор делаете? Подслушиваете наш разговор с вашим сыном? — гневно заявила Роксана.

— Но что я скажу мужу? — промямлила Берта оторопев.

— Какому мужу?

— Моему мужу! Я его вызвала сюда, хотя он сейчас на работе должен быть! И всё по вашей милости! Мы думали, что вас похитили! — визгнула Берта таким голосом, словно пыталась спародировать Гортензию. Болонка, заунывно подвывая в такт, уже вовсю нацеливалась перекусить красными туфлями Бласа.

— Я бы попросила на меня не орать, сеньора! — Роксана говорила тоном принцессы. — Скажите спасибо, что я вообще с вами разговариваю. А ещё скажите спасибо моему отцу, который выбил для вас и вашего мужа — бывших инфансонов [5] — титулы графа и графини. А я — урождённая сеньорита Фонтанарес де Арнау вынуждена зваться баронессой, жить в убогом провинциальном гадюшнике и к тому же терпеть ваше хамство и полную никчемность вашего сыночка!

— Ты знаешь почему.

— Не смейте называть меня на ты! Из меня сделали разменный товар, продали, как скаковую лошадь, только чтобы заткнуть вам рты!

— Твой брат... твой брат — убийца. Твой брат убил моего сына! — лицо Берты позеленело и она принялась обмахиваться веером. — Ох, боже мой, я не хотела говорить этого, у меня вырвалось...

— Ах, у вас вырвалось?! Ламберто — маркиз! Слышите, МАРКИЗ!!! Маркиз может именоваться убийцей только в одном случае: если он убил человека титулом выше, чем у него. Но маркиз, на честной дуэли убивший жалкого плебея, никогда, НИКОГДА не может называться убийцей! — Роксана от злости ногой топнула.

— Вот тут вы ошибаетесь, — раздался голос из холла. — Законодательный Манифест Культуры предельно ясно говорит, что любой человек, будь то герцог, инфансон или простолюдин, убивший любого другого человека, должен быть подвержен смертной казни.

В гостиную вошёл очень высокий мужчина, одетый в небесно-голубой камзол с золотой отделкой и короткие штаны-кюлоты [6], застегивающиеся под коленями. На голове у него красовался напудренный парик с косичкой. Это был никто иной, как хозяин особняка — граф Альсидес Альтанеро собственной персоной. Он приблизился к Роксане вплотную и с высоты своего исполинского роста воззрился на неё. Маленькая девушка не доставала ему и до плеча.

— Ваш брат убил моего сына. Скажите спасибо, что это произошло ДО принятия Конституции вице-королевства и до приезда сюда испанского вице-короля. Иначе его тело давным-давно было бы без головы, несмотря на то, что он маркиз!

Роксана прикусила язык.

— Здравствуйте, уважаемый мой супруг, — жеманно сказала Берта, подставляя мужу губы для поцелуя.

Альсидес лениво поцеловал супругу.

— Так, ну и в чём дело? И почему это, дорогая моя Берта, вам пришлось в вашу прелестную головку вытащить меня с заседания Совета членов Кабиљдо [7]? Сын кухарки, что принёс мне письмо, так голосил, что я ожидал по меньшей мере увидеть здесь горы трупов и лужи крови. Но я прихожу и вижу лишь только, как вы в очередной раз препираетесь с нашей любезной невесткой.

— Это я виноват, отец, — подал голос Блас. — Я подумал, что Роксану похитили, а она

вернулась и говорит, что всего лишь ездила кататься на лошади.

— И вы только ради этого меня сюда вызвали? — лицо Альсидеса налилось кровью. Подойдя к сыну, он отвесил тому затрепину. Блас визгнул и свалился на пол прямоком на Гортензию, которая как раз догрызала одну из его туфель и уже заглядывалась на вторую. Оскорблённая псина щёлкнула зубками, и челюсти её сомкнулись у Бласа на пальце.

— Ааааа! — завопил Блас, отшвыривая болонку от себя. Та метнулась в сторону, прижалась к юбке Берты.

— Альсидес, дорогой, ну зачем же вы так обращаетесь с нашим сыном? — всплеснула Берта руками.

— А вы, помолчите! Иначе и вам достанется, Берта!

Берта поджала губы.

— Ну что, я могу теперь пойти и хотя бы переодеться к обеду? — высокомерно сказала Роксана и, не дожидаясь, когда ей позволят уйти, направилась вверх по лестнице.

— Кстати, я забыл кое-что сказать, — добавил граф Альтанеро ей вслед. — Через неделю в этом доме будет бал. Приезжают ваши родственники: герцог и маркиз Фонтанарес де Арнау — отец и сын.

Сердце Роксаны радостно затрепетало. Наконец-то она увидит отца и брата! С тех пор, как её сослали из столицы в это захолустье, она практически не видела свою семью. Но девушка постаралась ничем не выдать свою радость и, молча кивнув, ушла. Итак, ей сегодня везёт. Она провела целую ночь с Гаспаром и при этом умудрилась себя не выдать перед родственниками мужа. И скоро будет бал. Наконец-то хоть одно развлечение в этом городишке!

Комментарий к Глава 4. Скелет в шкафу —————

[1] Паньюэло — шёлковый платок, который гаучо завязывают на шее. Этот платок может служить и защитой от мошкеры, когда его надевают под шляпу и прикрывают им шею и лицо.

[2] Амазонка — женское одеяние для верховой езды.

[3] Эгретка — перо или иное подобное украшение на женском головном уборе.

[4] Жандармерия — полиция, имеющая военную организацию. Сотрудники таких подразделений называются жандармами.

[5] Инфансон — богатый крестьянин.

[6] Кюлоты — штаны типа бридж, до колен или чуть ниже. Носились мужчинами-аристократами в 18 веке. Под них надевали чулки и туфли.

[7] Кабильдо — муниципальный совет, в который входили только потомственные дворяне.

===== Глава 5. Попугай и письма =====

Пару дней спустя в особняке Альтанеро начались приготовления к приезду столичных родственников. Берта, Блас, Альсидес, Эстебан и даже Гортензия — все, как один, были взвинчены и буквально стояли на головах. Урсула с ног сбилась, приводя дом в порядок. Мадам Берта заставила её сменить все портьеры и каждый раз натирать паркет до блеска, дабы к приезду «дорогих гостей» он сиял как луна.

Роксана всю неделю пребывала в столь же взбудораженном состоянии, как и остальные, и даже забыла о разногласиях с супругом и его роднёй. Особенно юную баронессу занимал вопрос: что же ей надеть на бал.

Перелопатив весь свой гардероб размером с комнату, Роксана пришла к выводу: ни одно

из её платьев не является достаточно шикарным, чтобы она позволила себе надеть его на праздник. Конечно, бал в этой затрапезной провинции не идёт ни в какое сравнение с теми балами и приёмами, на которых она побывала, живя в столице. Как-то раз она даже ходила на бал к самому вице-королю Педро де Кебальосу [1]. И, тем не менее, она должна показать всему городу, кто здесь хозяйка и главная красавица. Хотя бы этим она компенсирует себе потерянное счастье.

Роксане было всего восемнадцать лет, но после того как девушка вышла замуж, она считала, что жизнь её кончена раз и навсегда. Блас в её восприятии являлся тем человеком, который мешал ей исключительно во всём: из-за него она сидит в этой глуши; из-за него она несчастна; из-за него её величают баронессой, хотя она могла бы быть принцессой; из-за него она даже не может надеть нечто экстравагантное — его мамаша утверждает, что это неприлично. Семь месяцев понадобилось Роксане, чтобы убедить супруга позволить ей ездить верхом. После долгих споров Блас, вопреки возмущению матери, подарил Роксане лошадь.

Роксана вздохнула, с унынием разглядывая себя в зеркале. На ней было надето бархатное золотистое платье с низким декольте и рукавами-буфами. Но оно тоже оказалось забраковано — Роксана пришла к выводу, что платье её полнит. Да и в нём она похожа на представительницу обедневшего дворянского рода, но уж никак не на дочь герцога. А этот идиотский бант! Он подойдёт только Гортензии. Роксана с яростью рванула здоровенный чёрный бант, приделанный к бедру, и он остался в её руках. Девушка бросила бант на пол, наступила на него каблуком, со злорадством глядя, как на чёрном шёлке появляется дыра. Зато стало легче дышать. Она могла бы блистать при дворе вице-короля, носить настоящие бриллианты и выйти замуж за герцога или маркиза или даже за представителя королевской семьи, но раз уж она так несчастна, то имеет право хотя бы на платье с кружевами блонд [2]. Она говорила об этом Бласу, но тот не понял что она имела ввиду. Хотя в последнее время затеплилась надежда — в сердце Роксаны поселилась любовь.

Гаспар был первый мужчина, которого она полюбила искренне и со всей страстью, даже несмотря на их разницу в социальном статусе. Да, он простой карабинер, а она дочь герцога, но уже всё равно. Она и так скатилась ниже некуда благодаря отсутствию мозга в голове у Ламберто. За его безумства вынуждена расплачиваться она. Роксана вполне справедливо считала, что брат до конца жизни теперь перед ней в долгу.

Два года назад Ламберто, приехав в Ферре де Кастильо развлекаться, устроил дуэль с третьим братом Бласа и Эстебана, Хусто, за то, что последний обругал молодого маркиза, когда тот его толкнул на входе в питейное заведение. Хусто потребовал извинений. Ламберто же не считал нужным извиняться перед хоть богатым, но крестьянином. В результате дуэли маркиз клинком шпаги проткнул грудь Хусто и тот умер. Вообще-то убийство высокопоставленным человеком слуги или крестьянина, ненароком преградившего путь «их Сиятельству» своей телегой, было делом обычным, и мало кто обращал на это внимания.

Но Ламберто не повезло: начались политические дразги, и вице-королевство отделилось от соседей, приняв собственную Конституцию [3]. Согласно ей, убийство каралось смертной казнью. Причём было не важно, из какого убийца сословия и сколько у него титулов, золота и земель. «Маркиз ли ты, граф или принц, если ты убил пусть и нищего бродягу, ты должен за это ответить» — гласил текст Конституции. Несмотря на возмущения аристократической прослойки общества таким «варварством и неуважением», это сыграло

роль: дуэлей стало гораздо меньше. До принятия закона резня под видом дуэли устраивалась ежечасно по любой, самой незначительной причине.

После смерти Хусто, Альсидес — этот мерзкий, по мнению Роксаны, инфансон — приехал в столицу, явился к её отцу и пригрозил: Ламберто угодит на виселицу, если они не придут к соглашению, выгодному им обоим. Он потребовал себе титул и посватал Бласа к Роксане. Герцог, боготворивший Ламберто, пошёл на поводу у шантажиста, принеся жизнь дочери в жертву. Таким образом, Альсидес стал важным человеком в своём городе, Роксана же превратилась в узницу в доме, этих теперь богатых, но по-прежнему неграмотных и ужасно пронирыливых крестьян. Девушка первое время чувствовала себя чудовищно, всеми фибрами души ненавидя новоиспечённых родственников, а заодно страдая от предательства отца и глупости брата.

Мамы у Роксаны не было. Она умерла от тифа, едва дочке исполнилось восемь. С тех пор девочку холили и лелеяли в доме герцога многочисленные няньки и гувернантки, пока Ламберто всё не испортил. Роксана часто вспоминала маму. Наверное, если бы мама была жива в тот момент, когда отцу пришлось в голову так загубить ей, Роксане, жизнь, она бы этого не позволила.

Уже целый год Роксана была замужем за бестолковым и никчёмным Бласом, который, надо отдать ему должное, её обожал. Она считалась главной красавицей и модницей в Ферре де Кастильо. Все остальные женщины «высшего провинциального общества» и даже женщины «полусвета» [4] копировали её наряды, причёски и шляпки.

Роксана топнула ногой и отвернулась от зеркала. Чёрта-с два она пойдёт на бал в дешёвом платье! И, наплевав на Бласа и его мамашу, на следующий же день она заказала себе платье у столичной модистки за баснословную цену.

И вот приготовления закончились. Роскошное коралловое платье, отделанное кружевом блонд и с корсажем, усыпанным крупными топазами, поджидало хозяйку на кресле в углу спальни. Даже Блас подчинился и впервые в жизни позволил супруге самой подобрать ему костюм. Правда, категорически отказался снимать с головы напудренный парик, мотивируя тем, что при дворе у короля Карлоса III [5] все ходят именно так.

— Зато при дворе Марии-Антуанетты [6] уже не носят парики, — попыталась вразумить супруга Роксана. — Если вы предстанете перед герцогом Фонтанарес де Арнау, моим дорогим отцом, в таком виде, я сгорю со стыда и больше никогда не стану с вами разговаривать. Волосы теперь просто пудрят.

— Я не выйду к гостям без парика! — упёрся Блас. — У меня лысина!

— Вы невыносимы и упрямы, как баран!

— Я не выйду без парика! — Блас для убедительности постучал кулаком по дубовой тумбе.

— Чёрт с вами! Нравится вам ходить как паяц, ходите! — фыркнула Роксана. — Но не вздумайте послезавтра на балу стоять рядом со мной и всем хвалиться, что я ваша жена. Посмотрим, что скажет Ламберто, когда вас увидит. Точнее я знаю что мой брат вам скажет — он поднимет вас на смех!

Блас ничего на это не ответил, а Роксана на мгновение представила, как бы было здорово, если бы на месте Бласа рядом с ней на балу стоял Гаспар. В сорочке с жабо, во фраке и удлинённых кюлотах. Но Гаспар был бы прекрасен, даже если бы пришёл на бал в своей обычной карабинерской форме.

Однако, за день до бала Роксана растеряла весь свой апломб. Её родственники должны

были приехать на следующий день утром, а на Роксану, ни с того, ни с сего свалились тошнота и головокружение. Поначалу она списала это на волнение, но дурнота не проходила. Нет, только этого ей и не хватало! Она не может заболеть сейчас.

— Хозяйка, вам нехорошо? Вы такая бледная, — догадалась проникательная Урсула. Она пришла в последний раз взглянуть на бальное платье Роксаны. Блас в это время сидел с отцом и братом в кабинете — длинном, тёмном помещении, заставленном дубовой мебелью, — курил трубку и разглагольствовал на политические темы.

— Я дурно себя чувствую с самого утра, — кивнула Роксана. — Понятия не имею что со мной.

— А чего у вас болит?

— Ничего, просто тошнит... голова кружится.

— Эээ...

— Что? Ну, говори.

— А вы не думали, сеньора, может это... может вы... того?

— Чего «того»?

— Ну... может, вы в положении? Кстати, давно пора, вы ж замужняя женщина-то, уж целый год.

Роксана потрясённо уставилась на служанку.

— Хозяйка, не смотрите на меня так. Вы ж замужем, это ведь нормальное явление. Каждая женщина выходит замуж, чтоб потом стать матерью.

Вообще-то Роксана никогда так не думала, и в её планы раннее материнство не входило. И уж тем более не собиралась она рожать наследника Бласу, которого считала незначительной персоной. В глубине души Роксана была уверена: её заточение вечно не продлится. Когда-нибудь ей повезёт и она выберется из этого дома. А может быть, Гаспар заберёт её с собой в другие земли. Да и ей, дочери герцога, не пристало рожать наследников для каких-то крестьян. Разве ей мало, что она и так страдает? Только детей от Бласа ей ещё и не хватает!

— Я не могу быть беременна от Бласа, Урсула, — тихо сказала Роксана.

— Почему это? Он же муж ваш как-никак. Вы ж спите с ним в одной кровати. Простите меня, хозяйка, за мою дерзость. Может, я лезу не в своё дело, но от этого вполне могут появиться дети, если вы не знаете.

— Я не могу быть беременна от Бласа и вообще от кого бы то ни было. Я... — Роксана замялась, — я пью специальный отвар. Мне одна знахарка посоветовала. Помогает. Или ты думаешь, почему я до сих пор не родила Бласу его копию?

Урсула выпучила глаза.

— Но почему?

— Потому.

— Ну, в таком случае стоит позвать лекаря. Вдруг вы серьёзно больны. Хотите, я схожу за ним?

— Нет, не хочу. Ступай, Урсула. Если мне понадобится помощь, я скажу.

— Да, сеньора.

Урсула ушла, оставив Роксану в недоумении. Как она может быть беременна? Не может такого быть. Она пьёт траву регулярно. Кроме того, с Бласом они бывают вместе не часто, хоть и спят в одной кровати. Роксана ухмыльнулась. Муж уверен, что она скромница, и боится лишний раз до неё дотронуться. И она частенько подсыпает ему снотворное, дабы

встретиться с Гаспаром. Поэтому... Роксана застыла. Конечно, от Бласа она быть беременна не может, а вот от Гаспара... Перед свиданием с ним она запросто могла забыть выпить отвар. Роксана в ужасе прикрыла рот рукой. Что если и вправду она беременна от Гаспара? И что ей тогда делать? Ответ на этот вопрос всплыл в подсознании сам собой: сегодня же вечером она должна сообщить Гаспару. Она, конечно, ещё не уверена, может она и не беременна, а отравилась чем-нибудь за ужином. Но предупредить его о такой возможности надо. Да и, в конце концов, ей хочется увидеть Гаспара. Наверняка он её успокоит, скажет, что всё будет хорошо.

Роксана набросила на плечи мантилью [7]. Несмотря на недомогание, она спустилась на первый этаж, стараясь производить минимум шума. На цыпочках скользнула в оранжерею, заставленную кадками и горшками с редкими растениями. Напротив окна висела большая круглая клетка, в которой обитал гиацинтовый бразильский ара. Когда Роксана вошла, попугай высокомерно на неё уставился, всем своим видом давая понять: цену себе он знает.

— Привет, Рамиро! — сказала девушка, подходя ближе.

Попугай не реагировал, продолжая горделиво восседать в позолоченной клетке. Роксана постучала пальцами по прутьям, и тогда Рамиро соизволил повернуть свою красивую голову.

— Рамиро, мне нужна твоя помощь. Понимаешь, ты должен отнести весточку от меня Гаспару, — с этими словами Роксана щёлкнула засовом клетки, чтобы выпустить попугая.

Тот, склонив голову на бок, сверкал круглыми глазками. Роксана протянула ему скрученный в трубочку розоватый пергамент. Рамиро посмотрел на неё, на пергамент и встопорщил перья.

— Надо отнести записку Гаспару, — повторила Роксана.

Попугай выбрался из клетки, зевнул и потянулся, расправляя ярко-синие крылья. Роксана погладила его пальцем по грудке.

— Рамиро красавчик, — сообщил попугай хрипловатым голосом.

— Гаспар тоже красавчик. И Роксана его любит, — сказала Роксана. — Пожалуйста, отнеси ему записку. Это очень важно!

— Враки! — не поверил попугай, но, схватив записку в клюв, вылетел в раскрытое окно.

Сердце бешено стучало у Роксаны в груди. В ожидании попугая она вернулась в гостиную и решила помузицировать на фортепиано. Мужчины, видимо, заперлись в кабинете до самого ужина — из-за двери раздавались их вопли. Наверху, в спальне Берты, тоненько таякала Гортензия. Урсула, гремя посудой, что-то монотонно рассказывала кучеру, который вот уже вторую неделю повадился вечерами заглядывать к ней в кухню. «Похоже, эти двое скоро поладят», — подумала Роксана, выстукивая двумя пальцами на фортепиано некое подобие марша. Играла она плохо и не считала нужным учиться — у неё не было к музыке никакого призвания. Вскоре сие нудное занятие Роксане наскучило. Она захлопнула крышку фортепиано и вернулась в оранжерею. Нервы её были натянуты до предела. Меж тем, до ужина оставался ещё целый час. Роксана знала, что ей делать, ибо проделывала это сотню раз. Когда кухарка сварит ужин, а Урсула отправится накрывать на стол, она, Роксана, пойдёт в кухню и насыпет в еду снотворной травы. Главное, чтобы кучер Альфредо не разрушил все планы. Ну ничего, она его выгонит, если к тому моменту он сам не уйдёт. И куда же подевалась эта бестолковая птица?

Наконец, когда медные часы на стене пробили половину девятого вечера, в окно влетел взмыленный попугай. В клюве он нёс кусочек пергамента. Гневно выбросив пергамент на

пол, Рамиро залез обратно в клетку и принялся жадно глотать воду из поилки. Затем нахохлился, встряхнулся и в сердцах заявил:

— Кошмар-р-р!

Роксана развернула записку. Внутри мелким, кривоватым почерком было выведено:

«Дорогая Ро, к сожалению я не могу с тобой встретиться. И не знаю, увидимся ли мы снова. Меня отправляют в Рио-Гранде-де-Сан-Педро, в армию короля Карлоса III. Я ухожу на войну и не уверен, что вернусь живым [8]. Гаспар».

У Роксаны дыхание перехватило. Широко раскрытыми глазами она уставилась на послание, перечитывая его снова и снова.

— На войну... На войну? Нет, не может быть...

— Чушь! — гнул своё попугай. — Рамиро не врёт!

— На войну... он уходит на войну. Его там убьют... — повторяла одно и то же Роксана. — На войне всех убивают.

По щекам девушки заструились горькие слёзы.

— Враки! — не сдавался Рамиро и щёлкал клювом. — Рамиро не курица! Долой короля!

Комментарий к Глава 5. Попугай и письма —————

[1] Вице-король — титул высшего представителя королевской власти во владениях, лежащих за пределами метрополии. Метрополия — государство по отношению к своим колониям.

[2] Блонды — одни из самых дорогих кружев.

[3] Конституция Ла Платы была принята в 1776 году, когда вице-королевство Рио-де-ла-Плата отделилось от вице-королевства Перу, став самостоятельной колонией со своим вице-королём.

[4] Женщина полусвета — женщина лёгкого поведения, проститутка.

[5] Карл (Карлос) III — король Испании с 1759 — по 1788 годы.

[6] Мария-Антуанетта — скандальная королева Франции в 1774–1792 годах.

[7] Мантилья — деталь испанского и латиноамериканского женского костюма. Кружевная накидка, покрывающая голову и плечи, обычно чёрного или белого цвета. Мантильи вошли в моду в конце XVIII — начале XIX в.

[8] Испано-португальская война 1776–1777 годов — война за колониальные владения между Испанией и Португалией.

===== Глава 6. Его Милость виконт де Фьябле =====

К трёхэтажному особняку, обвитому плющом, вели тропинки серого камня. Во дворе на цепи сидел бульдог и, жадно щёлкая слюнявой пастью, грыз говяжью ногу. Дом располагался в конце улицы Святого Фернандо [1] — второго по престижности (после Бульвара Конституции) городского квартала.

К особняку подъехал экипаж, выпустив из своих недр элегантного молодого человека, одетого в тёмно-фиолетовый бархатный сюртук, укороченный плащ, чёрные штаны и сапоги со шпорами. В руке мужчина держал трость с золотым набалдашником в виде раскрытой драконьей пасти. Быстрым жестом незнакомец поправил шляпу, соскочил с подножки экипажа и уже дошёл до двери дома, как вдруг услышал оклик:

— Рубен!

Молодой человек обернулся, на щеках его заиграли ямочки. Он подкрутил тонкие усики пальцами и, вертя в руках трость, приблизился к гостю.

— Гаспар?

Юноша в форме карабинера стоял неподалёку. У него были светлые волосы и голубые глаза, на плече сидел большой гиацинтовый попугай.

Рубен, пожав приятелю руку, уставился на попугая.

— Гаспар, что случилось? Зачем ты здесь? И что это за попугай? — спросил он приятным, манерным голосом.

В ответ Гаспар протянул ему розоватый пергамент.

— Это от неё. Прочти.

Рубен вчитался в записку, потом весело расхохотался:

— Сумасшедшая девица! Назначает свидание.

— Прислала с попугаем, представь себе!

— Кругом разбойники! — напомнил попугай, возмущённо потрясая крыльями.

— Надо бы ответ написать, — сказал Гаспар.

— Пойдём-ка в дом, — Рубен ухмыльнулся. — Сейчас нет никого, кроме служанки. — Мать и Беренисе пошли к модистке — завтра бал у Альтанеро, а отец на заседании Совета членов Кабильдо.

Он приобнял Гаспара за плечи, слегка примяв попугая. Рамиро почувствовал, что его придавили, и издал недовольный возглас.

— Извини, приятель, — сказал Рубен попугаю. — Я не нарочно. Знаешь что? Сейчас мы накалякаем ответ, и давай-ка ты дуй восвояси.

— Рамиро всегда прав! — радостно заявил попугай и повертел головой. — Чао!

Рубен и Гаспар с попугаем вошли в особняк. Дверь за ними захлопнулась.

Полчаса спустя гиацинтовый попугай с запиской в клюве уже летел обратно к особняку Альтанеро.

Роксана стояла посреди спальни в своём шёлковом платье с топазами и глубоким декольте, буквально утопая в кружевах. В руках, затянутых в митенки, она держала крошечную тряпичную сумочку. На голове девушки высилось сооружение размером с небольшую тумбу. На изготовление причёски под названием «Пиратский парус» у парикмахера Анри, француза по происхождению, ушло четыре часа. Под длинные волосы Роксаны была подложена специальная подушечка, которая прикрывалась искусственным шиньоном. Настоящие волосы девушки были напудрены, на помажены и натянуты на каркас в форме корабля. По центру головы громоздились паруса из чёрного шёлка, утыканные драгоценными камнями и перьями. От тяжести конструкции шея у Роксаны затекла, но теперь она с полным правом могла сказать, что станет королевой этого вечера. Ведь её причёска — копия причёски самой Марии-Антуанетты. По крайней мере, Анри утверждал именно так.

Открылась дверь, и в комнату вошёл Блас. Что-то загремело: оказалось, он зацепился за косяк эфесом золотой шпаги, висящей у него на боку. Блас был одет в чёрный фрак, чёрные кюлоты с рисунком на штанинах, высокие сапоги, белую рубашку с оборками и напудренный парик. Роксана смерила его взглядом, поморщилась и жёстко проговорила:

— Если вы немедленно не переоденетесь, вы не выйдете из этой комнаты! По крайней мере вместе со мной!

— Но почему, дорогая? Я же оделся по вашему вкусу, вы сами мне выбрали этот костюм.

— Да, но я не просила надевать под него сапоги и парик. Вы ужасны! Вы похожи на

выжившего из ума погонщика скота! Или вы наденете чулки, туфли и снимите парик, или я вас запру в шкафу! — злилась Роксана.

— Но дорогая...

— Не смейте меня позорить перед отцом и братом! Вы похожи на актёра уличного балагана! Сейчас же переодевайтесь!

Блас подчинился. Вздыхая, он сел в кресло и принялся стягивать сапоги с ног.

— Кстати, мой любезный супруг, — сквозь зубы процедила Роксана, силясь себя сдержать. — Вы ещё не сказали мне, нравится ли вам мой наряд?

— Вы великолепны, дорогая! — искренне воскликнул Блас, разглядывая супругу и одновременно снимая второй сапог. — Но мне кажется, что... эээ... — он замялся, — мне кажется, у вас слишком глубокое декольте.

— Что? Вам не нравится моё декольте? — Роксана напоминала разгневанного ежа. — Это всё потому, что у вас нет вкуса!

— Не злитесь, дорогая. Мне всё нравится, — оправдывался Блас, — только вот... маменька... она, наверное, не придёт в восторг.

— Ещё бы! Она не может позволить себе носить такое декольте, потому что она толстая и похожа на варёную жабу, — выдала Роксана и слегка потянула корсаж вниз, чтобы ещё больше открыть грудь.

— Ну вот, другое дело. Теперь вы менее похожи на простолюдина, чем обычно, — сказала Роксана, когда Блас надел чулки и туфли. — Но парик тоже надо снять.

— У меня там лысина! — запротестовал Блас.

— Наденьте шляпу!

— В шляпе не ходят в помещении.

— Кто вам сказал такую глупость? Это вы так думаете, потому что никогда нигде не были, кроме как в этом захолустье. Шляпы надевают на голову, чтобы их снимать и кланяться при встрече с высокопоставленными особами. Поэтому наденьте шляпу.

— Вы так говорите, дорогая, как будто на этот бал приедет сам вице-король с семьёй. Но ведь всего-навсего будут ваши родственники и друзья отца.

— Всего-навсего? Мой отец — герцог! Он бывает на королевских балах, а вы хотите показать ему, за кого он выдал замуж свою дочь. Впрочем, может оно и к лучшему. Если вы покажетесь ему во всей своей красе, быть может, отец пожалеет, что отдал вам мою руку. Я спускаюсь вниз встречать гостей и жду вас там. Без парика! — командным тоном закончила Роксана и, приподнимая юбки и чуть сгибаясь, дабы не зацепиться «Пиратским парусом» за архитрав [2], вышла прочь.

— Ну что за несносный характер? — пожал плечами Блас. Он был спокоен как сонный, обожравшийся сметаной кот.

Однако, Блас, при всей его бесхребетности, оказался крепким орешком. Роксана это поняла, увидев, как её супруг пять минут спустя появился на лестнице. В шляпе и парике.

К особняку, тем временем, подъезжали всё новые и новые экипажи. Роксана, злая на Бласа из-за нелепого парика, отошла от него и огляделась в поисках отца и брата. Но их видно не было.

Праздник ещё только начался, а Роксана заскучала сразу, как спустилась вниз.

Мужчины, оккупировав канапе и кресла в дальнем углу залы, пили вино, курили трубки и сигары и болтали об одном и том же:

— Знаете, Жозе I [3] уже вовсю готовит наступление на Санта-Катарину.

— Какой-то бред.

— Нет, позвольте, ваше Сиятельство, война между Португалией и Испанией — это уже свершившийся факт.

— Но, ваша Милость, не думаю, что король Карлос позволит этому факту принять масштабные размеры.

— Они разобьют португальцев в два счёта!

— Я не был бы так уверен. Метрополия уже набирает в армию одних колониальных молокососов.

— Видимо, считает, что нам армия не нужна.

— Абсолютно солидарен с вами, господа. Вы знаете, что они отправляют служить Кавалерию Карабинеров? Оставляют нас без армии. Подумайте, как такое возможно?

— Ещё бы жандармов на войну отправили!

Эти разговоры о войне мало того, что утомляли Роксану, так ещё и напоминали ей о судьбе Гаспара, которого могут на этой самой войне убить. Действительно, что за нелепость? Зачем они забирают армию Ла Платы, дабы бросить её на войну с португальцами? Роксана поморщилась и отошла от мужчин подальше.

В другом углу юные девушки играли в вист [4], и зала то и дело сотрясалась от вспышек девичьего смеха. Вист Роксана не любила, как и прочие азартные игры.

У окна древние старухи, матроны в возрасте, а также молодые замужние женщины обсуждали наряды. У каждой из дам, под стать Роксане, на голове высилась настоящая башня. Они все также выписывали модные европейские журналы и были в курсе того, что сейчас носят в Париже. Конечно, ни у одной из этих особ не было паруса на голове, кружев блонд и топазов на платье, и это придавало Роксане уверенности. Она подошла к дамам, приветствуя их, и вслушалась в разговор:

— Она одета как мужчина! — воскликнула очень худая женщина с лебединой шеей. На голове её красовалась корзина искусственных фруктов.

— Вы правы, Элиза, это возмутительно! — сказала толстая дама, укутанная в шаль цвета жжёного кофе.

— Смотрите что у неё на голове! Это же просто неприлично!

— И как она осмелилась только сюда явиться?

— Невозможно поверить, что граф Альтанеро мог пригласить такую особу! — заявила молодая рыжеволосая девушка с выпяченной нижней губой.

Яростно обмахиваясь таким же ржаво-рыжим, как и её волосы, веером, она указала в угол, где собрались мужчины. Роксана тоже поглядела туда. Кареглазая дама с волосами цвета вороньего крыла, собранными на затылке в хвост, сидела на спинке кресла. Одета она была в костюм, напоминающий амазонку: чёрная юбка с разрезом по центру, из-под которой виднелись широкие штаны. Сверху — жилет мужского покроя и накаратовый [5] плащ длиной до самого пола.

Роксана не была ханжой, но воспитание в лучших аристократических традициях вбило в её голову всевозможные стереотипы. Например, она абсолютно точно знала, что женщина не должна надевать одежду, похожую на мужскую. Кроме того, распускать волосы в обществе, собирать их в хвост или в косу являлось верхом вульгарности.

Черноволосая дамочка заливисто смеялась, что-то рассказывая мужчинам. Они хохотали в ответ. Девушка курила сигару и пила виски.

— Тереза, это кто такая? — вполголоса спросила Роксана ближайшую соседку — девицу в фисташковом платье с рюшами.

— А вы не знаете, баронесса? — удивилась та. — Это Клариса Манли.

— А кто она такая? Почему она так одета? — не унималась Роксана.

Тереза схватила её за руку, заставив наклониться ближе к себе.

— Это неприличная женщина, — прошептала она Роксане прямо в ухо.

— Неприличная? В каком смысле? Проститутка? — также шёпотом спросила Роксана.

— Нет. Кажется, она из семьи идальго [6]. Говорят, что она... она... она... любит женщин...

— Как это?

— Ну... понимаете, одевается как мужчина и любит женщин. Хочет быть мужчиной, — лицо Терезы стало пунцовым.

Роксана, открыв рот, уставилась на Кларису Манли. Она, конечно, слышала про таких странных женщин, которые не желают быть женщинами, но воочию никогда их не видела. Роксану разобрало любопытство. Она собралась было вновь подойти к мужской компании и послушать, о чём говорит эта самая Клариса, как вдруг её окликнул Блас:

— Дорогая, вот вы где! А я вас ищу. Пойдёмте. С минуты на минуту придут важные гости. Мы обязательно должны быть им представлены. Мама, отец, Эстебан, а также ваши родственники уже давно здесь. Все ждут только вас.

— Что за гости?

— Граф де Фьябле с семьёй.

— Кто такой?

— О, член Кабильдо и компаньон отца.

Роксана подчинилась и отправилась вслед за мужем.

— Добрый вечер, дорогая сестра! Я так жаждал встречи с вами! — воскликнул темноволосый молодой человек с тонкими усиками и бородкой. Он был одет в элегантный твидовый костюм цвета вердигри [7] и белоснежную рубашку, отороченную тонким кружевом.

— Дорогой мой братец, Ламберто! Как же давно мы не виделись! — Роксана позволила брату взять себя за обе руки.

Рядом с маркизом стоял седовласый, невысокий мужчина приятной наружности.

— Отец, — Роксана слегка присела в поклоне. Тот снял шляпу и в ответ поцеловал дочери запястье.

— Вы прекрасны, милая сестричка, словно лепесток дикой орхидеи, — манерно протянул Ламберто.

— О, вот только не надо мне этого говорить! — отмахнулась Роксана. — Оставьте свои театральные комплименты для ваших многочисленных поклонниц.

— Где же гости, про которых говорил отец? — нервничал Блас.

Ламберто смерил его насмешливым взглядом.

— Барон, вы похожи на спаниеля, — заметил он, глядя на свисающий с ушей Бласа парик. — Придётся, пожалуй, преподать вам урок мод. А то на фоне моей сестры вы смотрите столь нелепо, что, того и гляди, вас примут за королевского шута.

Блас открыл рот, закрыл его, но не нашёлся, что сказать в ответ. Роксана подавила смешок, и тут за её спиной раздался шум.

Гости сгрудились у фортепиано и настоятельно уговаривали некую особу сыграть им

что-нибудь. Роксана пристально разглядывала ту, что привлекла всеобщее внимание настолько, что даже Клариса Манли оказалась забыта. Девушка в бледно-зелёном платье с серебристым шнуром на корсете села за фортепиано. Роксана мысленно сравнила её с собой. Личико смазливое, глаза голубые, огненные волосы собраны в пучок. Она играла очень нежную мелодию. Играла весьма недурно.

— Кто такая? — послышался вкрадчивый голос Ламберто над самым ухом.

— О чём вы?

— Что за девчонка?

— Дочь барона Риверо. Как зовут, не помню.

— Хорошенькая.

— Вам так кажется? — Роксана фыркнула. — Мышь церковная.

— Ну-у... кому что. По-моему, милая сестричка, вы совсем не разбираетесь в женщинах.

Но оно и к лучшему, вы же не Клариса Манли, — Ламберто ухмыльнулся, поплёскивая глазами.

Девушка, меж тем, закончила музицировать и гости разразились овациями. Роксана поджала губы, впервые сожалея о том, что так и не научилась хорошо играть на фортепиано. Подумать только, какая-то невзрачная девица стала звездой вечера! Сначала эта Клариса, теперь эта дочка барона. Такое впечатление, что про неё, про Роксану, все забыли. А ведь она здесь главная красавица! Роксана поглядела на Ламберто. Тот беззастенчиво раздевал сеньориту Риверо глазами.

В этот миг дворецкий открыл парадный вход и в него вошли четверо: невысокий коренастый мужчина в вайдовом фраке [8]; высокая женщина в тёмно-красном платье; полная девица, на голове у которой расцвела клумба, и... Роксана окаменела. Буквально приросла к полу. Девицу вёл под руку Гаспар. Её Гаспар. Формы карабинера на нём не было, зато были чёрный фрак, бархатные кюлоты и муслиновая сорочка с оборкой. В руках он держал трость и шляпу.

Словно из-под земли возникший Альсидес лебезил перед новыми гостями, а Берта, улыбаясь, протягивала мужчинам руку для поцелуев. По мере приближения этих людей месту, где стояли Роксана с Бласом и герцог с маркизом, юная баронесса понимала: это не сон и не галлюцинация. Это действительно был Гаспар.

— Знакомьтесь, — сказал Альсидес. — Его Светлость герцог Лусиано Фонтанарес де Арнау, его Сиятельство маркиз Ламберто Фонтанарес де Арнау — отец и брат моей невестки. Мой сын и его супруга: барон и баронесса Альтанеро. А это мой лучший друг и компаньон с семьёй: Его Сиятельство граф Дамиан де Фьябле с супругой графиней Франсиской де Фьябле. А также Его Милость виконт Рубен де Фьябле с сестрой сеньоритой Беренисе.

Ламберто, расцеловав дамам руки, вперился в противоположный угол, ища глазами дочку барона Риверо. Кажется, он был не в состоянии думать ни о чём другом. При виде него облезлая Беренисе расцвела улыбкой, но маркиз не обратил на неё внимания.

— Сеньора, вы обворожительны! — услышала Роксана знакомый голос. Она впритык уставилась на виконта. Рубен-Гаспар, не моргнув глазом, поцеловал ей запястье.

— Как вы говорите вас зовут?

— Ро... Роксана.

— Прекрасное имя! Очень рад знакомству. Если вы позволите, я поприветствую остальных. Кстати, у вас чудесный дом.

Виконт откланялся, а Роксана с вымученной улыбкой глядела ему вслед. Он подошёл к кучке мужчин, которые недавно слушали, как играет на фортепиано сеньорита Риверо.

Ламберто исчез. Блас уселся за карточный стол. Роксана на негнущихся ногах приблизилась к месту, где стоял виконт, и укрылась за колонной. До неё донеслись его насмешливые слова:

— Позвольте с вами не согласиться, ваше Сиятельство! Ни один из тех, у кого есть хоть капля разума в голове и хоть немного золота в кошельке, не станет участвовать в этой бойне. Армия — это сборище бедняков и глупцов, у которых не хватило ума откупиться.

— Но, ваша Милость, виконт...

— Ох, давайте сменим тему! В конце концов, мне это надоело — куда не придёшь, везде только и разговоры, что о войне, — беспечно отмахнулся Рубен-Гаспар. — Ваша Светлость, — обратился он к отцу Роксаны, — мне уже успели рассказать, что где-то здесь есть очаровательная девушка, которая покорила буквально всех своей игрой на фортепиано.

— Скорее красотой. Вы, виконт, пропустили самое интересное! — отозвался герцог.

— О, маменька и Беренисе так долго собирались! Я уж было подумал, что мы приедем лишь к завтрашнему утру. Было бы неплохо познакомиться с этой сердцеедкой. Неужели она и вправду так хороша, как все говорят?

— Так и есть, виконт, — отозвался присоединившийся к мужчинам Эстебан. — Эта девушка — чудо! Цветок!

— Я люблю красивых женщин. Ваше здоровье! — виконт поднял стакан с виски и выпил его залпом.

Роксана, прижимаясь к колонне, смотрела перед собой пустыми глазами. Всё это какой-то дурной сон. Этого не может быть! Этот человек не может быть Гаспаром! И тем не менее, это был он. С лицом Гаспара, с его манерами, с его ямочками на щеках. Получается, он её обманул. Выдавал себя за другого человека. Запудрил ей мозги, а она и уши развесила. Роксана готова была разреваться от обиды или, что было бы наиболее действенно, запустить в красивую голову виконта напольной вазой, стоящей неподалёку.

Комментарий к Глава 6. Его Милость виконт де Фьябле —————

[1] Святой Фернандо (Фердинанд) — покровитель знатных особ и глав государств.

[2] Архитрав — прямолинейная перекладина, перекрывающая промежуток над колоннами, столбами или оконными и дверными проёмами.

[3] Жозе I — король Португалии.

[4] Вист — командная карточная игра, предшественница бриджа и преферанса.

[5] Накаратовый — оттенок красного, алый.

[6] Идальго — низшее дворянское сословие.

[7] Цвет вердигри — зелёно-серый.

[8] Вайдовый цвет — цвет индиго (сине-фиолетовый).

===== Глава 7. Роковая случайность =====

— Говори тише, а то нас услышат...

— Я тосковал по тебе.

— Я тоже. Мы не виделись три месяца, а я должна тебе кое-что сказать и непременно сейчас.

— Что-то важное?

— Да.

Бал в особняке Альтанеро был в самом разгаре, но юноша и девушка, поглощённые

только друг другом, с него сбежали. Держась за руки, они скользнули в самый дальний уголок сада. Молодой человек притянул девушку к себе. Она не вырвалась.

— Я всё время о тебе думала.

— Я тоже.

— Я люблю тебя.

— И я, я тебя люблю.

— Тогда давай всем расскажем.

— Я уже думал об этом. Думаю, отец не будет против.

— Тогда что?

— Мне надо кое-что тебе рассказать.

— Мне тоже, я уже говорила.

— Тогда ты первая.

— Нет, ты.

— На самом деле, это серьёзно. Это серьёзней, чем ты думаешь.

— Не пугай меня. Неужели у тебя есть невеста?

— Нет. Отец знает, что меня нельзя заставить жениться на ком попало.

— Тогда что?

— Я... я... я убил человека.

Наступило молчание. Его нарушал только шелест листьев, раздуваемых лёгким ветерком.

— Как это убил? — шёпотом спросила девушка.

— На дуэли. Это было полтора года назад.

— Об этом никто не знает?

— В моей семье знают. Отцу удалось избавить меня от наказания.

— Как?

— Ну... он договорился с семьёй убитого.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Чтобы ты знала. Мне это не даёт покоя. Ты должна всё про меня знать.

— Это всё, что ты хотел мне сказать?

— Да. Тебя не пугает, что я убийца?

— Нет, я тебя люблю. Кроме того, ведь ты сам сказал, это была дуэль. Дуэль — не убийство, это случайность.

— Я рад это слышать. Знаешь, меня это мучило. Теперь твоя очередь. Ты тоже что-то собиралась мне рассказать.

— Угу... Сначала поцелуй меня.

Молодой человек не заставил себя упрашивать. Девушка, взлохматив густые, волнистые волосы возлюбленного, прильнула к его губам.

— Я... дело в том, что я... в общем, я беременна... — сообщила она молодому человеку на ухо.

— Что? Ты уверена?

— Угу, — жалобно сказала она, продолжая висеть у юноши на шее. — Что теперь со мной будет? Отец меня убьёт!

— Ничего не будет.

— Как ничего?

— Ну... если мы поженимся, то никто и не узнает. Потом всем скажем, что он родился

раньше времени. Вот и всё.

— Правда? Ты правда хочешь на мне жениться?

— Ну конечно, глупенькая!

— Боже мой, как я тебя люблю!

— Значит, придётся всем рассказать в ближайшие пару дней.

— Что я беременна?

— Нет, что мы женимся. Хочешь, я завтра вечером приду к твоему отцу и буду просить твоей руки?

— Да! Хочу! О, милый, я так счастлива! Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, люблю...

Роксана, заламывая руки, прогуливалась по зале и старалась не попадаться на глаза никому из гостей. Слезы обиды жгли ей щёки, и не хватало того, чтобы кто-нибудь их заметил. Душу юной баронессы разрывали противоречивые чувства: с одной стороны она была зла и обижена на Гаспара, то есть на Рубена, за его обман. Ну почему, почему он не сказал ей, что он виконт? Зачем было врать? Если бы она знала, что он сын компаньона Альсидеса, им и встречаться было бы гораздо легче. Да и по статусу он ей подходит больше, чем карабинер, за которого он себя выдавал. Роксана не понимала, чего ради он затеял этот маскарад. С другой стороны, с того момента как виконт де Фьябле появился в дверях её дома, Роксана жаждала остаться с ним наедине. И не только для того, чтобы высказать ему всё, что она о нём думает. Роксана соскучилась: страшно, смертельно, невыносимо. Она его любит, несмотря ни на что, и этого уже не изменить. Да и подозрение о собственной беременности вот уже второй день кряду отравляло её мысли. Да, сейчас она должна каким-то образом выловить виконта и поговорить с ним. Надо только придумать как.

Тем временем, гости устроили игру в фанты, главной звездой которой вновь стала Клариса Манли. Эта чудовищная женщина, по началу вызвав у Роксаны любопытство, теперь казалась ей воплощением вульгарности и дурновкусия. Голос у неё был хриплый; она смеялась громко, запрокидывая голову назад, как уличная женщина, и курила сигару за сигарой. Роксана, наморщив нос, отвернулась от Кларисы, ища глазами девицу в бледно-зелёном платье, но той нигде не было. Хотя её отец — низкорослый и плюгавый человечек с большим пузом — резался в вист за карточным столом, громко орал, стучал кулаком себе по лбу и пил виски. Ламберто тоже словно ветром сдуло. В голову Роксане пришла мысль: эти двое где-то вместе. Не зря её братец так заглядывался на дочку барона, наверняка решил за ней приударить. Герцог Лусиано, Блас, Альсидес, Рубен, Эстебан и ещё толпа мужчин что-то обсуждали в кабинете — их голоса были слышны сквозь распахнутую дверь. Часть гостей танцевала кадрили. Берта с Гортензией на коленях, а также мамаша и сестрица Рубена сидели за столом и уплетали ежевичный торт и мороженое со сливками.

При взгляде на обильно заставленный едой стол Роксана испытала новый приступ тошноты. Она решила подняться наверх, чтобы отдышаться и заодно припудрить нос.

Заперев дверь в спальню, Роксана расшнуровала корсет и открыла ставни. Порыв тёплого ветра подействовал на неё опьяняюще, заставив девушку на пару минут задержаться у окна. Она прикрыла глаза, позволяя воздуху наполнить лёгкие, а после глянула вниз. В тени деревьев Роксана увидела пару. В свете луны были видны лишь их силуэты: юноша во фраке и девушка в пышном криолине. Девушка обвивала шею молодого человека руками, позволяя ему себя целовать. Продолжалось это долго. Роксана засмотрелась на влюблённых,

вспоминая собственные поцелуи с Гаспаром, и по щекам её потекли слёзы. Как же она его любит! Любит, любит и ничего не может с этим сделать. И она ему всё простит, но он должен объяснить по какой причине так её обманул. Тошнота отступила. Захлопнув окно, Роксана зашнуровала корсет и спустилась вниз.

Праздник шёл своим чередом. Кадриль сменилась вальсом. Первым, кого заприметила Роксана, был Рубен. Он танцевал с какой-то незнакомой остроносой брюнеткой. Роксана скрипнула зубами от злости, но тут же кто-то тронул её за локоть. Это был Эстебан, брат её мужа.

— Драгоценная моя золовушка, позволите ли вы пригласить вас на вальс?

Роксана хотела отмахнуться, но, с другой стороны, она сегодня ни разу не танцевала. Очень немногие рискнули бы приглашать на танец замужнюю женщину. Местные кумушки сочли бы это дурным тоном по отношению к Бласу, тем более, что вокруг порхало множество девиц на выданье. Но Эстебан ей всё равно что брат, и он единственный из семейки Бласа не раздражал Роксану. Да и танцевать с ним приятно, по крайней мере, он не отдавит ей ноги.

Роксана подала Эстебану руку, и они закружились в танце. Она пыталась поймать взгляд Рубена, но тот не смотрел на неё, так же как и на свою партнёршу (он уже изрядно набрался и украдкой зевал).

Появился Ламберто под руку с той самой рыжеволосой девчонкой, что играла на фортепиано. Пожалуй, эти двое нашли общий язык. Что ж. Дочка барона. Партия не самая лучшая для роксаниного брата, но и не самая плохая. Если в итоге они поладят, наверное, она против не будет. Хотя её никто и не спросит. Роксана вздохнула, снова переведя взгляд на Рубена. В тот же миг её отношение к дочке барона Риверо поменялось. Роксана сжала зубы: Рубен в упор смотрел на рыжую. Правда, она его не замечала, пожирая глазами красавца маркиза, которым была очарована. Но Роксана испытала сильный укол ревности. Да как он смеет пялиться на эту девку?!

— Эстебан, проводите меня до канапе, мне дурно.

— Что-то не так? Я отдал вам ногу? — участливо поинтересовался Эстебан.

— Нет, просто голова закружилась.

Постепенно танцующие переключались за стол и принялись набивать рты едой. Роксана решила пойти ва-банк. Сейчас она наберётся наглости и подойдёт к Рубену. И плевать ей на всех с высокой колокольни! Но виконта уже и след простыл. Девушка, с которой он танцевал, вовсю хихикала в обществе другого кавалера. Ламберто, куря сигару, беседовал с отцом и Кларисой Манли. Рыжей девушки тоже не было, и у Роксаны в груди взорвался вулкан. Ещё немного и она начнёт раздуваться как жаба, а потом и вовсе лопнет.

В глубине малого кабинета, в кресле, сидела девушка в бледно-зелёном платье. Она была погружена в чтение огромного фолианта, переплетённого в кожу. Это занятие настолько увлекло её, что она и не услышала за спиной шаги.

— Наконец-то я вижу вас вблизи, прелестная сеньорита, — раздался вкрадчивый голос.

Девушка обернулась. Перед ней стоял виконт Рубен де Фьябле собственной персоной и опирался на трость с золотым набалдашником. Кажется, благодаря лишь ей он не падал на пол, так был пьян.

— Что вам нужно, сеньор? — тихо спросила девушка.

— Это ведь вы главная сердцеедка вечера, не так ли? Наслышан, наслышан. И просто

жажду с вами поближе познакомиться. Меня зовут Рубен. Виконт Рубен де Фьябле.

— Очень приятно, ваша Милость, — вежливо отозвалась девушка. — Йоланда Риверо.

— Вы дочь барона Риверо, не так ли?

— Вы правы.

— А почему такая прелестная сеньорита в самый разгар бала сидит одна и с книжкой в руках вместо того, чтобы веселиться?

— Праздник мне наскучил. Слишком много людей и шума, — Йоланда разговаривала смело и холодно, давая виконту понять, что желает остаться в одиночестве.

Но Рубен не отдавал себе отчёт в своих действиях.

— Вы позволите пригласить вас на танец, прекрасная сеньорита Риверо?

— Пожалуй, нет, ваша Милость. Я устала. Я думаю, здесь очень много красивых женщин, и каждая из них будет счастлива танцевать с вами, виконт.

Рубен подошёл ближе.

— Тогда, Йоланда... Могу я вас называть по имени? У вас прелестное имя.

— Как вам угодно.

— Так вот, Йоланда, раз вы не хотите танцевать, тогда пойдёмте в сад. Вы были в саду? О, он чудесен!

— Да, была, виконт. Сад действительно чудесен, но в данный момент мне бы хотелось отдохнуть, — от назойливости молодого человека Йоланда нервничала, но воспитание не позволяло ей прямо сказать виконту, чтобы он ушёл. А намёки на него не действовали.

Стуча тростью об пол, Рубен прогулялся по кабинету. Йоланда уж было понадеялась, что он сейчас уйдёт, и опять уткнулась в книгу, но тут же почувствовала его горячее дыхание на своей шее. Рубен ухватил её за плечи.

Девушка вскрикнула:

— Что вы делаете?! Немедленно прекратите!

— Ну брось... Что ты ломаешься? Иди сюда...

Йоланда вскочила на ноги.

— А я и не знал, что ты такая дикарка. Впрочем, я люблю недотрог. Ну, иди сюда, сладенькая, разве я тебе не нравлюсь? Тебе будет хорошо со мной, вот увидишь.

Йоланда попыталась кричать, но Рубен, с силой прижав её к стене, поцеловал в губы. И тут же был укушен.

— Ах ты, маленькая дрянь!

— Пустите меня! Немедленно отпустите!!! Помогите! На помощь! — заорала Йоланда когда мужчина толкнул её на диван и сам навалился сверху.

Рубен, зажимая девушке рот, попытался сорвать с неё платье. Но благо, корсет на китовом усе сидел как влитой и не двигался с места. Виконт, чертыхаясь, возился со шнуровкой, и в этот момент дверь открылась. В проёме вырос Ламберто.

— А ну пусти её! — Ламберто, за шкуру стащив Рубена с Йоланды, врезал ему по физиономии. Виконт отлетел к стене. Йоланда, плача, сползла с дивана на пол.

— А, маркиз, и ты пожаловал... — издевательски бросил Рубен. — Хороша штучка, правда? Хочешь присоединиться, так и скажи!

И вновь Рубен, получив удар, впечатался спиной в стену.

— Закрой рот! Ещё раз ты к ней подойдёшь, я тебе ноги выдерну! — в ярости завопил Ламберто.

В руках Рубена блеснул кинжал.

— Драки хочешь? Ну давай, поглядим, что скажет твой папаша, ежели узнает, как его сынок устроил дуэль прямо на балу.

— Это мы поглядим, что скажет твой папаша, когда его вышвырнут из Кабильты после того, как все узнают, как его сыночек пытался надругаться над женщиной!

— Она сама этого хотела! Она меня спровоцировала!

— Врёшь!

Двое мужчин сцепились на смерть. Йоланда тихонько скулила:

— Ламберто, не надо... Он же пьян, ты что не видишь? Надо позвать кого-нибудь...

Девушка встала и, пошатываясь, направилась к двери, как вдруг услышала глухой удар. Обернулась и замерла.

Рубен лежал на полу. У него из груди прямо на изумрудный ковёр струей лилась алая кровь. Ламберто молча стоял рядом. В руке он держал окровавленный кинжал.

===== Глава 8. Между любовью и страхом =====

Взвинченная Роксана не находила себе места. Дочка барона Риверо как в воду канула. Одновременно с ней испарился и Рубен. В душе Роксаны всё росла и росла тревога, смешанная с ревностью, обидой и ещё каким-то непонятным чувством: будто она хотела что-то сделать и забыла. Девушка гневно смотрела на танцующие парочки. Возникло непреодолимое желание прямо сейчас взять и выгнать всех гостей вон, а потом броситься на поиски Рубена, где бы и с кем бы он ни был.

— Дорогая, как вы? — подошёл Блас. — Эстебан сказал, что вам было дурно?

— Ну да, я немного устала. Но уже всё прошло, — отмахнулась Роксана.

— Такие праздники и впрямь утомительны. Может, вам стоит пойти наверх и отдохнуть? — сочувственно сказал Блас, придерживая супругу за талию. — Неизвестно сколько ещё часов всё это продлится, и я думаю... — Блас не закончил мысль, потому как в этот момент хрустальный бокал в руке Роксаны вдруг лопнул. Стекло вонзилось ей в руку. В груди тоже что-то кольнуло, будто осколки попали и туда. Потекла кровь. Роксана раскрыла ладонь и тупо уставилась на окровавленные стекляшки.

— Ах ты, боже мой! — всполошился Блас. — Вы поранились! Как же так получилось?

— Ничего страшного. Просто бокал был хрупкий. Наверное, я сильно его сжала.

— Пойдёмте в спальню. Надо обработать рану. Я позову Урсулу.

— Бросьте, Блас, это всего лишь порез! Оставайтесь здесь, а я поднимусь в спальню одна.

— Ни за что! — порой Блас уступал Роксане абсолютно во всём, но иногда переспорить его было в принципе невозможно. — Я вас отведу сам и точка. Вы моя супруга! Да что обо мне ваш отец и брат подумают, если я вас брошу одну с таким порезом? Идёмте!

Роксана подчинилась и позволила Бласу увести себя наверх.

— Он мёртв? — хрипло спросила Йоланда.

— Да.

— Ты уверен?

— Да.

— О, боже мой! — Йоланда прикрыла рот рукой.

Ламберто не шевелился, бессмысленно глядя на труп, что лежал у его ног.

— Что делать? Что мы будем делать? Почему ты молчишь, Ламберто?

— Ничего.

— Как это ничего? Ты его убил! Он мёртв! О, боже! Там полно народу, а у нас здесь труп.

— Значит, надо позвать кого-нибудь, — безэмоционально проговорил Ламберто.

— Ты рехнулся, да? — Йоланда попыталась взять себя в руки. И ей это удалось. Первое, что она сделала, — заперла дверь изнутри на ключ.

— Зачем ты закрыла дверь?

— Чтобы никто не вошёл. Никто не должен знать, что случилось.

— И как же мы это скроем? Что ты предлагаешь? Зарыть труп в саду? Или выкинуть в окно, чтобы все подумали, что он сам вывалился? — в голосе Ламберто звучали издевательские нотки. — Я его убил. Я воткнул ему в грудь кинжал.

— Ты защищал меня. И кинжал первым вытащил он, а не ты.

— И что? Кому это интересно? Его убил я. Чёрт возьми, превосходное завершение вечера! — Ламберто, начиная приходить в себя, бросил окровавленный кинжал на пол. — Лучше бы мне ещё полтора года назад отрубили голову.

— Тогда бы мы не познакомились.

— Теперь я всё равно останусь без головы. Годом раньше, годом позже...

— Нет.

— Глупо отрицать очевидное. Так и будет. Прости меня, Йоланда.

— Я сказала — нет! — голубые глаза девушки сверкнули. Она подошла к Ламберто, взяла его за руки. — Я знаю, что делать.

— Что же?

— Очень просто: мы всем скажем, что это я убила виконта де Фьябле.

— Ты сумасшедшая? — спросил Ламберто таким тоном, будто и правда сомневался в нормальном состоянии головы своей возлюбленной.

— Нет, ты послушай. Я всем скажу, что он ко мне приставал. Это же правда. Он чуть меня... меня... он хотел надо мной надругаться. Ты же сам видел. Он был пьян. Я скажу, что он вытащил кинжал и стал мне угрожать, а я вырвала у него кинжал и пырнула его. Я оборонялась. Мне поверят. И мне ничего не будет. Ну, может быть, посадят в башню на несколько месяцев. Или под домашний арест. Но я беременна. Мне ничего не будет! Отец поможет. И твой отец. Ты его попросишь, и он тоже что-нибудь сделает, чтобы меня оправдали.

— Я не согласен! — запротестовал Ламберто. — Его убил я! Я должен за это ответить. Да я и не смогу так врать. Я не смогу сказать, что это ты его убила.

— А не надо ничего говорить. Кто-нибудь видел, как ты сюда входил?

Ламберто задумался, потом отрицательно мотнул головой.

— Прекрасно! Значит, тебя вообще здесь не было. Ламберто, пожалуйста, поверь мне. Для тебя это второе убийство, а я не хочу тебя потерять, не хочу... Если тебя казнят, я тоже умру. Пожалуйста, любимый, сделай, как я прошу.

— Ну... хорошо. Но... я...

Видя, что Ламберто колеблется, Йоланда продолжила:

— Вот и отлично! Тогда делаем так: ты сейчас поднимаешься наверх, переодеваешься и спускаешься обратно в зал по центральной лестнице. Так, чтобы все это видели. Если тебя спросят, ты скажешь, что был наверху, потому что залил рубашку вином. Побудешь минут пятнадцать на балу. Поговори с кем-нибудь, потанцуй. Надо, чтобы все видели, что с тобой всё в порядке. Потом захвати с собой кого-нибудь, например, отца, и веди сюда, в соседнюю

комнату. Заведи разговор, скажи, что хочешь осмотреть дом, придумай что-нибудь. Потом я начну кричать и вы придёте сюда вдвоём. И я скажу, что его убила. Это и будет твоё алиби.

— Бред какой-то... — промямлил Ламберто потрясённо.

— Это не бред, это единственный выход.

— Даже если и так, я не смогу так врать. По-моему, это бессмыслица.

— Нет, сможешь! Я в тебя верю! Я тебя люблю, я знаю, что ты не хотел его убивать. Я знаю, что ты хотел защитить меня. Прошу тебя, Ламберто, мы теряем время. Иди наверх.

Ламберто подчинился и, проведя холодными губами по губам Йоланды, оставил её в одиночестве.

Йоланда взяла окровавленный кинжал, вытерла рукоятку платьем. Затем крепко сжала её. Расшнуровала корсет чуть больше, чем уже было. Дёрнула подол платья, отрывая от него клочок. И стала ждать. Ей было очень страшно находиться наедине с трупом, но она уговаривала себя, что всё делает правильно — это ради Ламберто. Она не может допустить, чтобы он попал в беду.

Ламберто поднялся наверх незамеченным. Ноги его не слушались, и он удивлялся сам себе: как это он умудряется всё ещё стоять прямо и не падает? Он закрылся в гостевой спальне, в которой обитал с момента своего приезда. Снял фрак и белую сорочку, перепачканную кровью виконта. Открыл шкаф, достал другую сорочку — точно такую же. Умылся и десять минут спустя, стараясь сохранить на лице безмятежное выражение, уже стоял на парадной лестнице.

Бал продолжался. За столом было фактически пусто — лишь трое обжор всё работали челюстями. Некоторые мужчины опьянели так, что спали прямо на канапе и креслах. Женщины обмахивались веерами, перемывая кости всей округе. Некоторые танцевали, некоторые разбрелись по дому, другие гуляли в саду. Клариса Манли пела забавную песенку о поваре и поварёнке, что не умели готовить бекон, на пару с нескладным мужчиной в оливковом фраке, который аккомпанировал ей на фортепиано. Роксаны и Бласа видно не было. Герцог Лусиано активно что-то обсуждал с бароном Риверо, лицо которого от количества выпитого стало похоже на большой красный томат.

Ламберто принялся расхаживать туда и обратно, мозоля всем глаза. Он объяснял, что ему ужасно наскучило на балу, поэтому он ходил дышать воздухом в сад, а потом поднялся в комнату, дабы слегка передохнуть. Врал он убедительно, так что даже отец его ничего не заподозрил.

— Похоже, вы действительно устали, маркиз? — обратился к Ламберто Эстебан.

— О, да.

— Если честно, я тоже. Не представляю, как можно в таком количестве пить и разговаривать о войне, — Эстебан покосился на барона Риверо, опустошающего стакан за стаканом. — У этого барона глотка безразмерная. Вы даже не представляете, маркиз, сколько он выпил. И ведь не пьянеет, только краснеет.

— Предлагаю пойти прогуляться по дому, — сказал Ламберто будничным тоном. — Вы обещали мне экскурсию ещё утром.

— Тогда пойдёмте.

Эстебан и Ламберто удалились под всеобщий взрыв хохота: одна из девиц во время танца зацепилась причёской за парик своего кавалера, и теперь они никак не могли распутаться.

Йоланда уже потеряла счёт времени, когда, наконец, услышала за дверью шаги, а потом

и голос Ламберто. Хлопнула дверь в соседнее помещение. Ну вот и всё. Йоланда зажмурилась, досчитала до двухсот, взяла кинжал в руку и, стараясь унять сердцебиение, уселась на коленях на пол рядом с мёртвым Рубеном. Раз. Два. Три...

Левое крыло дома разрезал крик. Минуту спустя дверь распахнулась. На пороге выросли Эстебан и бледный как стенка Ламберто. У первого буквально отпала челюсть при виде шокирующей картины.

— Что... что это? Что тут случилось?

— Я убила виконта де Фьябле, — просто сказала Йоланда.

— Как это? Почему? — изумление Эстебана всё возрастало.

— Он... он... на меня напал... Он хотел надо мной надругаться... Он угрожал мне кинжалом, я защищалась и случайно его убила.

— Надо кого-нибудь позвать, — Эстебан сглотнул. — Маркиз, вы побудете здесь? Успокойте сеньориту. Я сейчас.

— Да.

— Ну ничего себе! Вот это скандал... — и Эстебан метнулся прочь.

Когда они остались одни, Йоланда взглянула на Ламберто. Тот рассматривал свои ботинки.

— Всё прошло удачно? — спросила она.

— Угу. Даже не думал, что смогу так притворяться. Не надо было этого делать... Это неправильно. Ты не должна за меня отвечать.

— Нет, любимый, мы всё сделали правильно.

Раздались голоса и топот бегущих ног. Мгновение, и в кабинет ввалились Альсидес, Эстебан, Лусиано и красный как рак барон Риверо.

— Что произошло? — вполголоса спросил герцог, косясь на бледно-зелёного маркиза. — Надеюсь, это не ваших рук дело?

— Нет, ваша Светлость, это я его убила, — холодно произнесла Йоланда. Барон Риверс трагически взглянул на неё.

— Дочка, что вы говорите?

— Простите меня, отец. Этот человек на меня напал. Я защищалась. Он был пьян. Он угрожал мне кинжалом. У меня не было выхода. Я не хотела убивать, это вышло случайно.

— Ты что, девочка, из ума выжила? — взревел Альсидес. — Неслыханно! Убийство сына моего моего лучшего друга! В моём доме! Какой позор на мою голову!

— Простите, — Йоланда опустила глаза.

— Надо бы сказать его семье, — подал голос герцог.

— Я не решился, — вставил Эстебан. — Не знаю, как это можно рассказать.

— Пойдёмте, Ламберто, — Лусиано приобнял сына за плечи. — Кажется, бал на этом закончен. Я расскажу графу де Фьябле о том, что произошло с его сыном. А уж своим дамам он сам всё объяснит. Ох и крику сейчас будет!

Они удалились.

— Эстебан, — вне себя от злости продолжал Альсидес. — Найдите Урсулу. Пусть немедленно идёт сама или пошлёт кого-нибудь в жандармерию. Эту девицу надо арестовать! — он потыкал пальцем в Йоланду, всё также безропотно сидящую на полу.

— Но отец, вы же слышали: она оборонялась. О, он действительно был пьян! Он на ногах почти не стоял, я видел. И он всё время порывался с ней познакомиться, — попытался вступить Эстебан.

— Делайте что я говорю! Это вопиющий случай! Убийство в моём доме!!! — голосил Альсидес, едва не вырывая с головы клоки напудренных волос. — Не позволю!!! Она опозорила мой дом! Это сын моего компаньона! Она сгниёт в тюрьме! Я сделаю для этого всё!!! Клянусь!!! Нет, тюрьмы ей мало! Я отправлю её на виселицу! Публичная казнь! Перед всем городом!!!

Эстебан ретировался. Слушая вопли графа Альтанеро, Йоланда только теперь осознала что же она натворила. Но разве было бы лучше, если бы в убийстве обвинили Ламберто?

— Ну вот, сеньора, всё и в порядке, — закончив накладывать повязку на пораненную ладонь Роксаны, произнесла Урсула. — Ничего смертельного, обычный порез.

— Я же говорила, — фыркнула Роксана, — а он не верит, — указала она на Бласа.

В этот момент с первого этажа раздался шум: закричала какая-то женщина, началась беготня. Урсула, Роксана и Блас переглянулись.

— Что там такое?

— Ну, раз с вами всё хорошо, дорогая, я пойду узнаю что происходит, — Блас вышел. Урсула посмотрела ему вслед.

— Знаете, хозяйка, чего я вам скажу, только не гневайтесь. Всё ж барон, несмотря на его странности, вас любит.

— Какие глупости!

— А вот и не глупости. Вот ежели б меня так любили! Он заботится о вас. Так переполошился, когда вы руку поранили. Надобно ценить то, чего имеете.

Роксана промолчала. Чёрта-с два она будет ценить Бласа! Она любит Гаспара. То есть Рубена. И точка.

Потягиваясь как кошка, Роксана встала с кровати. Не хочет она сидеть в комнате! И не будет. Бал ещё в разгаре, а она так и не поговорила с Рубеном. Урсула убирала склянки с лекарствами и бинты в ящик. Вернулся Блас. Лицо его было фиолетового оттенка.

— Ну, что там случилось? — спросила Роксана. — Кто-то отдал Гортензии лапы?

— Нет, у нас... у нас катастрофа, — выговорил Блас, переводя дыхание. Вероятно, он бежал бегом по лестнице. — Я даже не знаю, стоит ли вам рассказывать, дорогая. Не хочу, чтобы вы нервничали.

— Ну, не тяните, рассказывайте! — топнула ногой Роксана. — Что у вас за привычка такая — тянуть кота за усы?

— Урсула, спускайся вниз, ты там нужна. Эстебан тебе объяснит что делать, — приказал Блас непривычным для него командным тоном.

Роксана напряглась. Блас никогда так себя не вёл: проигнорировал её вопрос, жёстко разговаривает с Урсулой. Неужели и вправду что-то серьёзное? Урсула, сердито сопя, удалилась.

— Ну? Вы скажите мне, наконец, в чём дело? — взбеленилась Роксана. — Кто-то заболел? Умер?

— Вот именно, — вздохнул Блас.

— Вы серьёзно? Я же пошутила.

— А я нет. Катастрофа! Просто катастрофа! У нас в малом кабинете лежит труп!

Роксана широко распахнула глаза.

— Кто-то так напился, что умер?

— Нет. Его убила дочка барона Риверо. Кинжалом пырнула.

Роксана сглотнула. Вот это ничего себе сеньорита Риверо! Ничего себе окончание столь долгожданного бала! Но почему-то вдруг противно засосало под ложечкой, хотя ей и было глубоко наплевать на эту девчонку.

— Так кто умер?

— Сын друга отца. Виконт де Фьябле.

Весь воздух мгновенно покинул лёгкие. Роксана открыла рот, дабы вдохнуть немного кислорода, но это оказалось тщетно. Через секунду она уже лежала на полу без сознания.

===== Глава 9. Бегство =====

Пока мадам Берта приводила в чувства рыдающих Франсиску и Беренисе — мать и сестру Рубена, — Урсула побежала в жандармерию. Дамиан де Фьябле, будучи в бешенстве, грозился линчевать Йоланду. И если бы не вмешательство Эстебана, он тотчас бы выполнил своё намерение.

Ламберто и Лусиано, выпроводив последних гостей, вернулись в залу. Слёзы женщин подействовали на Ламберто незамедлительно — у него начали сдавать нервы. Слушая причитания графини де Фьябле и угрозы Дамиана, шок и тихий ужас в его душе сменились отчаяньем. Что же он натворил? Зачем он согласился на это безумие?

— Сынок, вам нехорошо? — вполголоса спросил герцог, заметив гримасу страха на лице сына.

— В общем да. Отец, мне надо вам кое-что сказать.

— Так говорите.

— Только не здесь. Пойдёмте эээ... в оранжерею. Там нас не услышат.

— Вы меня пугаете, маркиз...

Уход отца и сына остался для всех незамеченным — внимание на себя забрал Блас, в этот момент чуть ли не кувырком слетев с лестницы.

— Ох, там моя супруга... Роксана в обморок упала! — сообщил он. — Надо бы ей помочь.

— Только этого не хватало! — возмутилась Берта. — Нашла время падать в обморок!

— Но мама, вы же знаете, Роксана такая чувствительная. Я ей рассказал о том, что произошло, и она потеряла сознание. Где Урсула? Может лекаря пригласить?

— Прекратите носиться со своей женой! — рыкнул Альсидес. — Сейчас не время! Того и гляди нагрянут жандармы. Дайте ей нашатырь и всё пройдёт!

Блас не посмел перечить отцу, видя что тот на взводе. Минуты тянулись мучительно долго.

— Кстати, а где там эта девица? Она не сбежит? — спросил Дамиан полчаса спустя. — Надо бы, чтобы её покарраулил кто-нибудь.

— Вообще-то я запер её, — сказал Альсидес, — но проверить будет не лишним. От таких, как она, можно всего ожидать.

— Давайте я пойду, — откликнулся Эстебан. Конечно, ему не хотелось в очередной раз лицезреть труп, но ещё сильнее он не желал новой катастрофы. Не хватало, чтобы кто-то из семьи виконта сейчас отправился караулить Йоланду. Девушке и так досталось. Эстебан, сам не зная почему, жалел её. Да, она убийца, но ведь это была самооборона. Неизвестно, как себя повела бы любая другая на её месте.

Эстебан прошёл в левое крыло особняка, но открыть дверь в кабинет не успел, услышав голоса из соседней комнаты:

— Зачем ты ему рассказал?

— Я не мог больше молчать. То что мы сделали — безумие. Не знаю, где были мои мозги, когда я на это согласился. Так нельзя. Ты его не убивала! И ты не должна брать на себя мою вину.

— Но... я не хочу, чтобы тебе отрубили голову.

— Да? А я не хочу, чтобы её отрубили тебе. Послушай, отец нам поможет. Мы должны отсюда убратся до того, как приедут жандармы. Если ты сейчас попадёшь в тюрьму, вытащить тебя оттуда будет гораздо сложнее.

— Ты предлагаешь сбежать?

— Не сбежать. Поехать с моим отцом. Герцог уже ждёт нас в экипаже.

— Куда мы поедём?

— Не знаю. Отец знает. Ты спрячешься, пока мы не придумаем что делать.

— Что именно ты ему рассказал?

— Всё. Он всё знает. Что это я убил виконта, и что я тебя люблю. Ну что? Идём?

— Да! Я пойду с тобой куда угодно. Мне всё равно, главное — быть с тобой.

Ламберто и Йоланда вышли в коридор и, стараясь не шуметь, побежали к чёрному входу. Эстебан спрятался за колонной. Он вполне мог бы их спугнуть, но всё услышанное чрезвычайно поразило романтическую часть его натуры. Эстебан дождался, когда влюблённые уйдут, и решительно отворил дверь в кабинет, где по-прежнему на ковре лежало тело виконта.

— Как вы могли такое натворить?! Где были ваши мозги?! — вопил Лусиано, пока экипаж уносил всех троих в неизвестном направлении. Ламберто прижимал Йоланду к себе.

— Простите, ваша Светлость, это я всё придумала, — всхлипнула Йоланда.

— Какое безрассудство! Ламберто, я думал, после той истории с крестьянином, вы сделали хоть какой-то вывод.

— Я сделал, отец! Это вышло случайно. Он напал на Йоланду. Он хотел её изнасиловать, а я её люблю, — захлёбывался словами Ламберто. — Пожалуйста, папа, мы должны что-то придумать.

— Любит он... Это будет непросто, понимаете вы, пустоголовые дети? — проворчал герцог. — Если бы вы сразу пришли ко мне, не устраивая весь этот спектакль, было бы значительно проще. Можно было бы повернуть дело иначе, например, изобразить ограбление, рассказать всем, что убийца скрылся. Выдумать вам алиби. Но она ведь взяла вину на себя! Она призналась, что его убила! Это слышала куча народа. Ума не приложу что теперь делать. Если доказывать, что она себя оговорила, будет ещё хуже. Тогда придётся, сын, вам признаваться, что она выгораживала вас. Второе убийство вам никто не простит, даже если я явлюсь к вице-королю и буду валяться у него в ногах.

— Ваша Светлость, вы думаете, мы правильно сделали, что сбежали?

— Понятия не имею, — пожал плечами герцог. — Но думаю, что хуже уже не будет. Всё что ты могла, ты уже сделала, девочка. Знаю только одно: если ты будешь на свободе, избавить тебя от наказания нам будет легче. Хотя нет гарантии, что не придётся бежать из страны.

— Даже так? — выдохнул Ламберто.

— А что вы хотели, маркиз?

— Я согласен бежать куда угодно, но только вместе с ней! — выдал Ламберто.

— Значит так. План такой: сейчас мы прячем девчонку в безопасном месте, а потом

возвращаемся обратно в особняк вдвоём.

— Почему, папа?

— Мы не можем сбежать. Вы понимаете это, маркиз? Сразу возникнут подозрения. Мы вернёмся. Скажем, что ездили прогуляться и проветрить мысли, потому что в доме невыносимая атмосфера, что соответствует действительности. Придётся остаться до похорон. Потому что мы все — свидетели и нас вызовут в жандармерию. А потом мы поедем домой и заберём девушку с собой. За это время я попробую сделать для неё фальшивый паспорт. Когда приедем в столицу, там будет легче что-то предпринять. По крайней мере в лицо её там никто не знает.

— Спасибо, папа!

— Спасибо, ваша Светлость!

Йоланда спрятала лицо у Ламберто на груди.

— И за что меня бог наказал, подарив такого непутёвого сына? — вздохнув, Лусиано отвернулся к окну.

Роксана лежала на кровати и смотрела в потолок. За последние два дня события обрушились на неё одним махом, будто снежная лавина: обман Гаспара, который оказался Рубеном; его смерть от руки этой отвратительной особы. И теперь новая напасть: вчера семейный лекарь, осмотрев её, сообщил, что она ждёт ребёнка. Роксана прекрасно знала, что отец её ребенка — Рубен, которого больше нет... Весь день и всю ночь Роксана рыдала в подушку. Теперь слёзы высохли и в сердце поселилось новое, неведомое ранее чувство, — желание отомстить. Отомстить той, что одним ударом кинжала лишила жизни человека, которого она, Роксана, любила. Убийца Рубена сбежала прямо из-под носа у жандармов. И её не могут найти. Жандармерия буквально сбилась с ног. Альсидес и Дамиан поставили на уши весь город, суля горы золота тому, кто отыщет беглянку и приведёт её властям. Герцог Лусиано обещал использовать свои связи в столице, но Йоланда точно испарилась. Она убила Рубена, а сама жива, здорова и разгуливает на свободе. А его больше нет. И никогда не будет.

Роксана резко подалась вверх, сев на кровати. Сегодня похороны. Она непременно туда пойдёт. Она должна хотя бы с ним попрощаться.

Когда Роксана хотела, она могла одеться и за пять минут, но обычно её туалет занимал не менее двух часов. В этот раз явно было не до длительных сборов, поэтому двадцать минут спустя юная баронесса, закутанная с ног до головы в чёрный муслин, уже выходила из экипажа напротив дома семейства де Фьябле. В сердце Роксаны ещё жила безумная надежда: это всё какой-то страшный сон. Вот-вот она проснётся и окажется, что ей просто это привиделось. И Рубен, молодой и красивый, с очаровательными ямочками на щеках, снова будет целовать её, говорить ей комплименты, смеяться над её шутками. Как и прежде. Как и всегда. Однако, траурные драпировки на дверях особняка не оставили от этих иллюзий камня на камне.

Роксана позвонила в колокольчик. Дверь открыла заплаканная служанка в чёрном ситцевом платье и таком же чепце. Ни слова не говоря, она впустила посетительницу внутрь. Роксана с трудом заставила себя идти. Ноги у неё подкашивались и она едва не рухнула на пол, как только увидела по центру гостиной гроб, обитый красным бархатом.

С Рубеном пришлось проститься много народу. Некоторых Роксана не знала даже в лицо, других — припоминала смутно. Здесь уже находились Блас, Берта, Альсидес и Эстебан.

Блас, увидев в дверях супругу, поспешил ей навстречу.

— Дорогая, зачем вы встали с постели?

— Не могла не прийти. Он умер в нашем доме, — сквозь зубы сказала Роксана, стараясь не разреветься. Ей сейчас хотелось лишь одного: чтобы все вокруг тоже умерли. Почему? Почему она даже не может попрощаться с Рубеном без того, чтобы рядом не маячил Блас или кто-то из его родственников? За что ей это?

Роксана приблизилась к гробу. Виконт, лежащий внутри, выглядел так, будто просто спал. Невозможно поверить, что его нет. Роксана закусил губы. Благо, что лицо её от любопытных взглядов скрывала вуаль. Она простояла у гроба довольно много времени, вглядываясь в красивые черты покойника и мысленно умоляя его вернуться обратно. Кто-то тронул её за плечи. Это оказался отец.

— Зря вы сюда пришли. Вам нельзя нервничать, дочка, дорогая, — мягко сказал он.

Роксана позволила герцогу увести себя в конец залы.

— А где Ламберто? — поинтересовалась она, чтобы не молчать.

— О... он... сказал, что ему тяжело находиться в такой обстановке. Но, возможно, он ещё придёт. Вам бы тоже не следовало сюда приходить, дочка.

— Нет, я останусь до конца! — заупрямилась Роксана.

— Ах, вот, кстати, и Ламберто! — воскликнул Лусиано.

К ним действительно приблизился маркиз. Он был странно бледен; под глазами его пролегли тени, будто он не спал всю ночь. Роксана не сильно удивилась. Сама она, наверное, выглядит ничуть не лучше.

— На минутку, отец.

Ламберто увёл герцога в сторону и что-то прошептал ему в ухо. Потом они и вовсе исчезли. Наверное, какие-то дела. Роксане было наплевать. В груди у неё осталась лишь пустота.

Она сидела в стороне ото всех, безразлично глядя в окно. Нежданно её внимание привлёк молодой человек в форме карабинера. Спрыгнув с лошади, он направился к дому. Сердце у Роксаны стучало всё время, пока она провожала его взглядом. Форма была точь-в-точь как у Рубена, когда он выдавал себя за Гаспара и приходил к ней на свидания. На секунду ей показалось, что это он, её Гаспар. Но этого быть не могло. Наверное, все карабинеры носят такую форму. Отпрянув от окна, Роксана уставилась на вход. Гость зашёл в дом. Это был невысокий человек со светлыми волосами и голубыми глазами. Он поприветствовал семью Рубена и немного постоял возле гроба. Затем Роксана увидела, что карабинер направляется в её сторону.

— Вы Роксана, не так ли? — спросил он вполголоса.

Девушка утвердительно кивнула.

— А вы?

— Гаспар.

При звуке этого имени Роксана испытала новый прилив горечи.

— Мы были друзьями с Рубеном. Хорошими друзьями, — сказал настоящий Гаспар.

— Как вы могли с ним дружить? — недоверчиво поморщилась Роксана. — Вы же простой карабинер, а он...

— Ну... — Гаспар горько усмехнулся, — я не всю жизнь был солдатом, поверьте мне. Я из семьи идадьго. Когда-то мы были богаты, пока отец не спустил все деньги в казино. Мы разорились, и мне пришлось идти служить. А с Рубеном мы дружим с детства.

— Значит, это за вас он себя выдавал?

Щёки Гаспара вспыхнули.

— Вы уже знаете... Я ему говорил, что это ничем хорошим не закончится, но он и слушать не стал.

— Зачем же он это делал?

— Хотел произвести на вас впечатление.

— В костюме виконта он бы произвёл на меня не меньшее впечатление, чем в костюме карабинера.

— Я ему так и говорил. Но Рубен был упрям и тщеславен, что уж скрывать.

— Откуда вы обо всём знаете?

— Вы же писали ему письма на мой адрес.

— Понятно. Г-Г-Гаспар, — это, когда-то столь дорогое для неё имя, Роксана выговорила с трудом. — Я понимаю, не очень-то вежливо с моей стороны вот так набрасываться с расспросами, но я должна знать... Рубен когда-нибудь говорил вам, что любит меня?

На лице Гаспара явственно проступила растерянность от такого вопроса в лоб. Он печально взглянул на Роксану.

— Знаете что, Роксана, вы должны перевернуть эту страницу и начать жить заново. Рубена больше нет. Отпустите его, пусть покоится с миром.

— Вы не ответили на мой вопрос!

— Роксана, поверьте, Рубен — не тот человек, ради которого стоило бы ломать свою жизнь. Вы замужняя женщина. У вас прекрасная семья. Не теряйте её!

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому что вы заслуживаете счастья. И самое лучшее, что вы можете сделать в данный момент — забыть. Похороните эту историю сегодня вместе с ним. Попрощайтесь с ним и начните жить той жизнью, которая вам дана. Она не так уж плоха, поверьте, бывает гораздо, гораздо хуже.

— Но...

— Позвольте мне откланяться. Не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь снова. Я бы хотел этого, действительно. Хотел бы знать, что в итоге ваша жизнь сложилась счастливо. Но не уверен, что у меня это получится. Сегодня вечером наш гарнизон отправляется в Рио-Гранде-де-Сан-Педро. Так что, наверное, я с вами прощаюсь навсегда.

— Значит, история про войну — правда?

— Да, Гаспар действительно уходит на войну, — краешком губ улыбнулся Гаспар. — Прощайте, Роксана. Помните о том, что я вам сказал, — с этими словами он развернулся и ушёл. Роксана смотрела в окно и плакала, провожая Гаспара взглядом до тех пор, пока его лошадь не исчезла за поворотом.

===== Глава 10. Месть и волшебство =====

В полдень похоронная процессия двинулась от улицы Святого Фернандо и дальше — через самый центр города. Кареты и экипажи в траурных драпировках, сопровождаемые толпой одетых в чёрный муслин людей, шли вереницей. Жители города, не принимающие участие в похоронах, высовывались из окон, провожая процессию взглядами.

Роксана и сама не знала, как ей удалось выдержать весь этот кошмар. Перед глазами плавали цветные пятна, в ушах стоял гул. Она ничего не соображала и не могла сказать, сколько времени заняло само шествие, а сколько похороны. Ей казалось это и бесконечным,

и одновременно молниеносным действием: вот уже — раз, и на красную крышку гроба полетели цветы. Два, и последняя горсть земли, высыпанная на могилу, забрала её любовь навсегда.

Когда все шли пешком с кладбища, до Роксаны донеслись слова Дамиана:

— Эту тварь надо найти любой ценой! Она убила моего сына! Альсидес, я заплачу любые деньги. Я отдам всё состояние, только бы увидеть, как ей отрубят голову на центральной площади.

— Дамиан, мы обязательно её найдём, — подбадривал Альсидес. — Если она в городе, ей не уйти. Жандармы рыщут повсюду, везде развешаны её портреты. Конечно, если ей удалось выбраться из города раньше, это осложняет дело. Я всю землю переверну, но найду её. Убийство произошло в моём доме. Эта гадина сбежала прямо у нас из-под носа. Для меня найти и наказать убийцу — дело чести.

Роксане стало ещё хуже от этих слов: они полностью повторяли её мысли и чувства по отношению к девице Риверо. Она отстала от процессии и медленно побрела по дороге. И вдруг остановилась. Её взгляд упал на двух людей неподалёку. Это были её отец и брат. Их загораживало большое палисандровое дерево, и, поглощённые разговором, они не увидели Роксану.

— Сегодня ночью мы уезжаем, — сказал герцог.

— Но повсюду жандармы, — отозвался Ламберто. — Этот глупый крестьянин приказал развесить портреты Йоланды по всему городу. Её теперь знает в лицо каждая собака. Мы не сможем её вывезти из города. Даже фальшивый паспорт нам не поможет.

— Прекратите устраивать панику, Ламберто! Или вы мне не доверяете?

— Доверяю. Отец, прошу вас, помогите. Если вы спасёте Йоланду, я буду перед вами в долгу до конца жизни. Я сделаю всё, что вы скажете, отец, и больше никогда не буду вам перечить.

— Ну это уж слишком! — ухмыльнулся Лусиано. — И где это вы, маркиз, научились таким речам? Какая дурная привычка — лебезить и упрашивать! Чтобы я больше от вас этого не слышал! Мне не нужна ваша благодарность. Мне будет достаточно вашего счастья. И тем не менее, я ловлю вас на слове, ваше Сиятельство, — шутливо закончил отец.

— Я так больше не могу! — не успокаивался Ламберто. — Йоланда не должна жертвовать собой ради меня! Сначала моя сестра сделала тоже самое. Папа, ответьте мне, почему вы заставили Роксану вытащить меня из беды? Заставили её выйти замуж за этого недотёпу? Разве можно жертвовать одним ребёнком ради другого? Ведь мы оба — ваши дети.

— Я в этом не уверен, Ламберто.

— Не понял.

— Нет, в том, что вы — мой сын, я не сомневаюсь. У вас на лице это написано. Но в случае с Роксаной у меня такой уверенности нет. Я всю жизнь подозревал, что ваша мать была мне не верна. И чем старше становится ваша сестра, тем сильнее я убеждаюсь в этом.

Роксана в ужасе рванула в сторону. Ей показалось, что голова её сейчас лопнет от переизбытка информации. Нет, для двух дней это уже чересчур! Её отец — ей не отец! И они вместе с Ламберто покрывают убийцу. Покрывают! Хотят её вывезти тайком из города! Ту дрянь, что убила Рубена. Роксана готова была кричать от ярости. Значит, Ламберто всё-таки спутался с этой девкой. Ламберто, искалечивший ей всю жизнь. Ламберто, по милости которого она влачит это жалкое существование в роли жены Бласа. И теперь он защищает

убийцу Рубена! Ну нет, она этого не позволит! Она им всем отомстит!

Роксана упала на землю.

— О, Боже, если ты существуешь и если ты меня слышишь, помоги мне! Или Дьявол, услышь меня! Не важно кто! Хоть кто-нибудь, помогите мне! — крикнула Роксана в пустоту, колошматя по земле кулаками. — Пусть она сдохнет! Сдохнет! Эта тварь, что убила моего любимого, пусть она сдохнет!!!

— Осторожней, — услышала Роксана вкрадчивый низкий голос, — руки разобьёшь.

Роксана подняла голову. Перед ней стояла Клариса Манли — странная женщина с бала.

— Вы? Что вам надо? — не очень-то вежливо спросила Роксана, поднимаясь на ноги и отряхивая пыль с платья. В конце концов, это — дурная женщина и она не заслуживает вежливого обращения.

— Мне? Ничего. Это тебе было что-то нужно. Ты сама меня позвала.

— Я вас не звала!

— Да ну? А не ты ли призывала тут всех чертей, только чтобы они помогли тебе? Не ты ли желала кое-кому смерти? Я, конечно, не дьявол и не бог. Но я могу помочь тебе.

Роксана изумлённо воззрилась на женщину.

— Кто вы на самом деле?

— О, это долгая история! И тебе её знать необязательно, — отозвалась Клариса Манли. — Так тебе всё ещё нужна помощь?

— Нужна. Но каким же образом вы можете мне помочь? Убьёте эту дрянть?

— Нет. Не я же хочу её смерти, а ты. Она испортила твою жизнь, а не мою. Убила твоего любимого. Так что это твои проблемы. Я могу лишь дать подсказку.

— Откуда вы всё это знаете? Вы что умеете читать мысли? — Роксане на миг показалось, что этого ничего нет на самом деле. Просто она сошла с ума и у неё галлюцинации.

Клариса улыбнулась.

— Ну, можно сказать и так. Я знаю всё и обо всём. Так вот, ближе к делу. Я могла бы указать тебе местонахождение той девицы, что тебе так мешает.

— Вот как? И где же она? — Роксана, сжав кулаки, приготовилась уже бежать в то место, которое укажет Клариса Манли.

— Спокойнее. Думаю, я не совсем верно выразилась. Я не могу знать, где она сейчас. Но я могу заставить её прийти в любое место. И она придёт.

— Это каким же образом? — Роксана сузила глаза. Эта женщина явно блефует.

— Самым что ни на есть волшебным, — Клариса Манли щёлкнула пальцами. В тот же миг её окутал вихрь красноватой пыли и она испарилась. На том месте, где только что была женщина, теперь сидела небольшая чёрная кошка. Кошка повела хвостом и вдруг улыбнулась во весь рот.

Ну всё. Точно она спятила. Она сошла с ума! Роксана уставилась на кошку, ожидая, что видение вот-вот исчезнет. Но кошка не двигалась с места и даже не моргала, глядя прямо на Роксану ярко-жёлтыми глазами, а потом заговорила человеческим голосом. Роксана так и обомлела.

— Меня всегда трогают печальные любовные истории, поэтому я хочу тебе помочь. Но если ты будешь задавать вопросы или кому-то расскажешь обо мне, ты об этом пожалеешь. Через два часа та девчонка выйдет из своего убежища и придёт на городской мост. Дальше — твои дела, — с этими словами кошка взмахнула хвостом и растворилась в воздухе, словно

её никогда и не было.

Конечно, это полный бред. Волшебства не существует. Роксана ни капли не поверила женщине-кошке. Но терять ей было нечего. Она вернулась домой. Сняла траурное платье и облачилась в другое — тёмно-бардовое. В особняке никого не было, кроме Урсулы, возле конюшни точившей ляды с кучером.

Зайдя в кабинет, Роксана выудила из-под лампы бронзовый ключик. Вставила его в замок верхнего ящика секретера [1]. Замок щёлкнул и ящик открылся. Роксана вынула из него деревянную шкатулку с медными ручками. Внутри лежал револьвер. Роксана взяла его и спрятала за корсаж, прикрыв сверху мантилей, поставила шкатулку на место, закрыла ящик и покинула дом. Она была спокойна и сосредоточена.

Юная баронесса отправилась напрямик к мосту. Если Йоланда Риверо туда не явится, она вернётся домой, положит револьвер обратно и будет ждать другого, более подходящего случая. А если явится, она её пристрелит. Вот и всё.

Некоторое время Роксана неподвижно стояла на мосту, любуясь на речную гладь. Крошечные рыбёшки плескались в прозрачной воде, изредка выпрыгивая на поверхность.

Раздались шаги — появилась Йоланда. Нервно оглядываясь, она увидела Роксану и обмерла.

Пару минут женщины молча буравили друг друга взглядами. Роксана первой пришла в себя: вынула револьвер и направила его на Йоланду. Та побелела.

— Баронесса, вы что с ума сошли? Что вы делаете?

— Ты — убийца! Я знаю, что мой отец и брат тебя покрывают, но это не важно. Я совершу своё правосудие. Ты сдохнешь прямо сейчас!

ЩЁЛК — Роксана без лишних раздумий нажала на спусковой крючок. Но произошла вещь, которую она не учла — револьвер оказался не заряжен. Йоланда в упор смотрела на неё.

— Вы ошибаетесь, баронесса. Я и Ламберто любим друг друга, — спокойно сказала она. — И я никого не убивала. Я так сказала, чтобы спасти вашего брата. Ваш отец об этом знает. Вот и вся правда.

— Ты врешь! Не смей наговаривать на моего брата! Ты — убийца! Ты! Ты убила Рубена, тварь! — швырнув револьвер на землю, Роксана бросилась на Йоланду. Она схватила её за волосы и попыталась ударить головой об перила. Йоланда отчаянно сопротивлялась.

— Прекратите! Оставьте меня в покое! Вы сумасшедшая! — кричала девушка. Но Роксана ничего не слышала. Сейчас она хотела одного: увидеть как ненавистная ей девица захлебнётся в собственной крови. И она опять, с размаху, ударила Йоланду головой. Раздался треск: перила, с той стороны где стояли женщины, свалились прямо в реку. Йоланду, которая держалась одной рукой за них, поволокло следом. Роксана не смогла её удержать.

Мгновение спустя вода над головой девушки сомкнулась и Йоланда ушла под воду, оставив за собой тучи брызг.

— Я не хотела... не хотела... это случайно... — пробормотала Роксана, ломая руки.

— Да ну? — раздался насмешливый голос. На противоположной стороне моста сидела уже знакомая Роксане чёрная кошка. — Не ты ли пару часов назад желала ей страшной и мучительной смерти? Не ты ли принесла с собой револьвер, чтобы пристрелить её?

— Это ты всё устроила, да? Почему она сюда явилась? И почему обвалились перила?

— Потому что ей пришла в голову неожиданная мысль, что было бы неплохо прямо сейчас сходить на мост, — ухмыльнулась кошка. — А над перилами я немножко

поколдовала. Са-а-мую малость. Разве ты не этого хотела? Разве ты не просила о помощи, м?

Роксана выдохнула. В конце концов, кошка права. Она пришла сюда с определённой целью — отомстить, уничтожить убийцу Рубена любой ценой. И она эту цель выполнила. Каким способом, уже не важно.

Роксана стремительно кинулась прочь. Ей повезло — на своём пути она не встретила ни одной живой души. Поймала экипаж, Роксана скрылась из виду, никем так и незамеченная.

Кошка смотрела ей вслед. Её глаза, похожие на лимоны, зловеще сверкали. Она спрыгнула с перил, встряхнулась и обратилась в женщину, одетую по-мужски. На ней были штаны, рубашка с оборками, сапоги и красный кушак, затянутый вокруг талии. Клариса Манли наклонилась, двумя пальцами подняла оставленный Роксаной револьвер.

— А это мне ещё пригодится. На будущее, — сказала она в пустоту, засунула оружие за кушак и растворилась в воздухе.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

2 ИЮЛЯ 2013 — 24 СЕНТЯБРЯ 2015

©Darina Naar

Комментарий к Глава 10. Месть и волшебство —————

[1] Секретер — предмет мебели, тип небольшого шкафа с ящиками и полками для хранения бумаг, а также с выдвигающейся или откидывающейся доской, заменяющей письменный стол. По структуре секретер близок к бюро.

===== ЧАСТЬ II. Глава 1. Эстансия «Ла Пиранья» =====

Год 1789.

Нельзя сказать, что прошедшие годы кардинальным образом перевернули жизнь Ферре де Кастильо. Но менялись короли, вместе с ними менялись мода, законы и настроение населения.

В 1788 году на испанский престол, ввиду сумасшествия наследника Карлоса III — Филиппе, — взошёл его второй сын — Карлос IV, лишённый даже намёка на управленческие способности. Так, корона перешла в руки действующего главы министерства — его Сиятельства графа Флоридабланка [1].

Политические разброд и шатание в метрополии не могли не сказаться на положении её колоний, внутри которых мало-помалу нарастало глухое недовольство испанским правлением.

Последнее, что перед смертью сделал король Карлос III — в 1785 году разрешил Ла Плате вести самостоятельную торговлю. С этого момента начался период процветания Буэнос-Айреса. В столицу теперь ввозились товары со всего мира, товары, в основном рассчитанные на толстосумов и аристократов, а из города отправлялись корабли в иностранные порты. Бриллианты и рубины, шёлк и парча, дорогая мебель, фаянс, хрусталь, фарфор, картины и прочие атрибуты роскошной жизни текли в страну рекой. Одновременно с ними сюда прибыла и литература, проникнутая идеями европейского Просвещения и рассказывающая о политических событиях во Франции и в североамериканских колониях. Буэнос-Айрес богател не по дням, а по часам. В стремительно развивающееся вице-королевство следом за своими товарами двинулись и европейцы: испанские либералы, английские предприниматели, итальянские и французские авантюристы, контрабандисты и искатели приключений. Именно они задавали тон этикету, культуре и моде, превратив Ла Плату в самую европеизированную и продвинутую страну на латиноамериканском континенте.

В результате расцвета, к 1789 году внутри вице-королевства получили распространение идеи демократического правления. Либеральный лозунг «Свобода, равенство, братство» стал популярен среди молодого поколения всех слоёв общества. Несмотря на прогресс, экономика и управление страны по-прежнему были монополизированы Испанией, что сдерживало развитие Ла Платы. И если относительно свободомыслящий Буэнос-Айрес глядел на повстанческие лозунги сквозь пальцы, то в маленьких городках и деревнях всё обстояло куда сложнее. Провинции находились под двойным гнѐтом: власть в них была поделена между алькальдами [2] и католической церковью. Первые издавали местные, действующие только в пределах городской черты, законы, управляли жандармерией и армейским гарнизоном. Церковь же создала собственную систему надзора. Инквизиционные трибуналы [3] сурово карали за малейший намѐк на отход от католической веры, недостойное поведение и высказывание крамольных политических идей. Но иной раз среди бедного населения: белых крестьян, индейцев, негров, метисов и мулатов, страдающих от жесточайшей эксплуатации латифундистов [4] и властей, вспыхивали очаги недовольства.

Инфансоны — крестьяне, что разбогатели на торговых связях с Буэнос-Айресом, и сеньоры — владельцы крупных угодий и пастбищ, плодились как саранча. Они застроили другую часть города эстансиями и поместьями, полностью монополизировав землю. Тем самым они вынуждали малоимущие слои населения наниматься к ним батраками и прислугой в дома. Плантадоры приобрели вес в обществе, забили кошель золотом, а гостинные — предметами роскоши, но остались столь же невежественными, как и были. Невежество порождает хамство и желание доказать людям, когда-то равным тебе по статусу, что они хуже, унижить их и возвыситься над ними. Вот только подобным поведением новые богатые внушали к себе отнюдь не уважение, а лишь страх и ненависть со стороны тех, кого они гнобили.

В последние годы в Ферре де Кастильо особой жестокостью стал славиться один из землевладельцев: сеньор Сильвио Бильосо — хозяин обширных пастбищ и эстансии под названием «Ла Пиранья».

«Ла Пиранья» представляла собой одноэтажный дом прямоугольной формы, очень длинный, с большими окнами и плоской крышей — асотеей [5], окружѐнной резным парапетом. Дом скрывался от чужих глаз за раскидистыми жакарандами и пальмами, так плотно прилегающими к стенам, что, казалось, будто они выросли прямо в фундамент. Неподалѐку располагались: конюшня, загоны для скота и низенькие тесные домики — жилища батраков.

Едва солнце показало первые лучики, на асотее появился силуэт мальчика. Густые чѐрные волосы доходили ему до плеч; на их фоне чересчур бледная для обитателя этих мест кожа выделялась контрастным пятном. Одет он был как гаучо: сапоги со шпорами, рубаха, перепоясанная красным фаха; потѐртое кожаное чирипас висело в нескольких местах лохмотьями.

Мальчик с весьма недетским изяществом прошѐлся по асотее. Ещё миг, и он перешагнул через парапет. ОП! Одним движением спрыгнул вниз и мягко, будто ягуар, приземлился возле полной женщины, которая что-то варила в чугунном котле.

— АЙ! — женщина взвизгнула. — Ты чего это, с ума спятил? Напугал до чѐртиков! С неба что ль свалился?

— Не с неба, с крыши. Не злись, Руфина! — отозвался мальчишка. Его худенькое

личико было занавешено длинной чёлкой, из-за которой сверкали удивительно яркие, синие, как сапфиры, глаза. Они стрелами взлетали к вискам, от чего мальчик, временами, походил на одного из представителей семейства кошачьих.

— Когда-нить ты расшибёшь голову, — укорила толстушка. — Разве ж можно так прыгать? Сколько ж раз те говорить-то?

Мальчишка пожал плечами.

— Садись-ка давай есть. У меня всё готово, — Руфина сняла котёл с огня, водрузила его на длинный стол, а затем крикнула зычным голосом: — Эй! Завтрак готов! Все к столу!

Заспанные батраки начали подтягиваться и рассаживаться по лавкам. Руфина поставила перед каждым деревянную плошку и разлила похлёбку.

— Чечевичная похлёбка, — объявила она.

Завтрак прошёл в молчании — перед тяжёлым трудовым днём людям было явно не до душевных бесед.

— Данте, ты чего сёдня опять на пастбище? — спросил мальчишку нескладный мужчина с лицом, покрытым тонкими шрамами.

— Угу, — Данте с аппетитом уписывал похлёбку.

— Не пойму я, чего ради хозяин тя гонят. Ты ж не батрак, племянник ему как-никак.

Данте хмыкнул.

— Племянник? Ха! Как же. Счастье, что он мне не родной дядя и не папаша, а то б я удавился, — грубо заявил он, запустил руку в волосы и небрежно взлохматил их.

На десерт Руфина принесла целую корзинку яблок и слив. Пока работники эстансии набивали рты фруктами, запивая их водой, Руфина обратилась к мужчине со шрамами:

— Знаешь, Виктор, прав был покойный Мендига, коды говорил: ежели он помрёт, не будет Данте покоя и житья ему не дадут, так и вышло. Скоро сожрут с потрохами, — Руфина вздохнула.

— Офдышмы фютиштимдя, — прошамкал Данте, сверкая глазами из-за чёлки.

— Чего?

— Однажды подавятся, — объяснил Данте, проглотив сливу, и со злостью выплюнул косточку так, что она улетела в противоположный конец стола.

— Учю, учю, всё бесполезно! — покачала головой Руфина. — Скоко раз повторять-то: не говори с набитым ртом.

— Поду-у-умаешь.

Батраки, один за другим, стали вылезать из-за стола и отправляться по своим делам.

Данте, открыв загон, выгнал из него отару овец. Вывел из конюшни лошадь дымчатой масти [6] и запрыгнул на неё без седла.

— Эй, погоди! — крикнул конюх — плюгавый мужичок с рыжей жиденькой бородкой. — Куда без седла то? Убьёшься ведь!

Данте закатил глаза. На губах его мелькнула тонкая ухмылка.

— Ещё ни одна лошадь пока меня не сбросила! — дерзко заявил он. Кажется, страх и чувство самосохранения были ему неведомы. Мальчишка засунул два пальца в рот и свистнул так, что у всей округи заложило уши. Куры и утки, гуляющие по двору, в ужасе шарахнулись в стороны. Данте, подгоняя овечек коротким кнутом, выкриками и свистом, прищепил лошадь и был таков.

Комментарий к ЧАСТЬ II. Глава 1. Эстансия «Ла Пиранья» —————

[1] Хосе Моньино-и-Редондо граф Флоридабланка — испанский государственный

деятель, в начале правления Карлоса IV — глава министерства.

[2] Алькальд — глава муниципалитета (городской администрации), мэр.

[3] Инквизиция в Испании и её колониях сохранялась не только в средние века, но и вплоть до конца 18 века.

[4] Латифундия — землевладение, занимающее большую площадь. Это асьенды, эстансии и фазенды.

[5] Асотея — плоская крыша эстансии, обнесённая парапетом. Обычно служила террасой или балконом.

[6] Дымчатая — вороная (чёрная) масть с волнистым серебристым отливом.

===== Глава 2. С небес на землю =====

После того, как пастух Хуан Ньетто по прозвищу Мендига [1] спас маленького Данте от расправы фанатичных католиков, минуло двенадцать лет. И не сказать наверняка, был ли Данте счастлив или нет. Скорее, принимал как должное, что люди относятся к нему с опаской.

Некоторое время назад эпидемия чёрной оспы, вихрем пролетев по этим землям, унесла жизни многих людей, в том числе жены и маленького сына Хуана Мендиги. С тех пор Мендига оставался одинок, пока судьба не подарила ему Данте. Пастух частенько говорил мальчишке, что тот — послание небес. Мендига до того привязался к Данте, что наведалься в Городской совет к алькальду, дабы официально усыновить ребёнка.

Мендига был беден, но Данте рос не обделённым заботой и любовью. Старший брат Мендиги — местный богач Сильвио не только не желал помогать собственному брату, а так и вовсе от него нос воротил, мотивируя тем, что «ему по статусу не положено общаться со всяким сбродом». Когда Данте исполнилось семь лет, на них с Мендигой свалилась очередная напасть: некто Фулько, зажиточный инфансон, обвинил Мендигу в воровстве. И хотя Мендига отпирался до последнего, доказывая свою невиновность, люди Фулько избили его палками. Три дня спустя Мендига скончался [2].

Так как Данте являлся законным сыном и наследником Хуана Ньетто и носил его фамилию, Сильвио забрал мальчишку к себе. На этом настаивали не только власти Ферре де Кастильо, но также и местный священник падре Эберардо — глухой, подслеповатый и такой древний, что паства его диву давалась, как он умудряется до сих пор быть в своём уме.

Сильвио, его жена Леонора и дети Рене и Хасмин возненавидели Данте лишь за сам факт его существования. Они всячески старались его унижить, обидеть или даже побить. Как только Данте стукнуло девять, Сильвио отправил его пасти овец и коз. Легенды о пожаре в доме Брухо и по сей день передавались из уст в уста. В спину Данте, а частенько и в лицо летели оскорбления и обвинения в сотрудничестве с Дьяволом, в колдовстве и сумасшествии. Лучший дружок Рене Тито — сын того самого Фулько, который приказал расправиться над Мендигой, и ещё пара наглых детишек стали настоящим проклятием для Данте. Они буквально не давали ему прохода. В результате мальчика достало всё это до самых кишок и он начал давать резкий отпор.

Временами Данте замечал за собой очень странные вещи: например, мог одним махом перепрыгнуть через высокий забор или сигануть с крыши вниз и даже не поцарапаться. Словно в нём было семь жизней, подобных тем, что есть у кошки. Но некоторые явления и вовсе ставили и Данте, и людей, которые их наблюдали, в ступор. Мальчик мог лишь взмахом руки передвинуть с места на место любую вещь, включая тяжёлую мебель, или заставить предметы летать по воздуху. Иногда ему казалось, что внутри него живёт другой

человек. Бывало, он даже слышал его голос. Этот голос что-то рассказывал, давал советы или ругался. Вообще-то Данте был добрым и чувствительным мальчиком, но дурная сторона его натуры иной раз вылазила в самый неподходящий момент. Тогда его синие глаза темнели, нежное личико каменело, из ладоней шёл дымок, и он вытворял нечто чудовищное: подбрасывал в кастрюлю с едой ящериц; или незаметно привязывал Рене и Хасмин к ножке стола; или показывал язык Сильвио при гостях, обругав его «навозным жуком»; или уходил ночью в тёмный лес и бродил там до утра. С каждым днём в сердце Данте всё настойчивей крепла мысль убежать из мерзкого дома. Он ненавидел Сильвио. Ненавидел его супругу и отпрысков. Вообще всех ненавидел.

Данте не отдавал себе в этом отчета, но, по сути, никогда не был привязан ни к одному человеку. Разве что к Мендиге. Чем старше становился Данте, тем сильнее росло в нём понимание, что он никому не нужен. Для сверстников он сумасшедший, нищий «нелюдь» — так его величали за необычную внешность и таинственное прошлое, а для семейки Сильвио — обуза, которая мешает им жить счастливо.

— Пшёл отсюда, ублюдок! — багровея лицом, орал всегда раздражённый Сильвио. — Не могу видеть твою рожу!

— Свалился нам на голову, — резко добавляла Леонора. — Сил больше нет это терпеть!

Самым любимым занятием Данте было глазеть на звёзды, луну, на воду или камыши, не важно на что, главное — на что-то красивое. Сегодня, пока овечки и лошадь, охраняемые небольшой коричневатой овчаркой, гуляли по пастбищу, Данте лежал на зелёной траве, всматриваясь в лазурное небо. По небу плыли облака. Высоко-высоко. Данте долго и заворожённо наблюдал, как они меняют форму.

«Хорошо было бы стать облаком, — подумал мальчик. — Никаких проблем, ни злобных людей вокруг, ни презрения, ни ненависти. Плывёшь себе по небу...». Вот плывёт черепаха, а за ней — бабочка с огромными крыльями, а за ней — длинная-длинная лодка...

Данте прикрыл глаза и не заметил, как погрузился в дремоту. Лёгкий ветерок шевелил его смоляные волосы, похожие на перья невиданной птицы.

Данте был большой фантазёр и частенько парил в каких-то лишь ему одному ведомых мечтах и сказках. Наверное, от того, что в реальной жизни этих сказок было слишком, слишком мало. И этот мир фантазий, в который он погружался, отвлекал его от суровой правды жизни.

Как и у всех впечатлительных натур, сны Данте были красочными и яркими. Жили в этих снах и злые драконы, плюющиеся огнём, и добрые феи, лишь взмахом волшебной палочки творящие чудеса, и прозрачные замки, утопающие в омутах голубых озёр, и гигантские говорящие птицы...

Однако, на сей раз мальчику приснилось и вовсе нечто странное. Русалка с золотым хвостом улыбалась ему из морских глубин. Её длинные тёмные волосы, словно змеи окутывали её стан. «Данте... Данте... иди сюда... иди сюда... сюда... иди же...», — звала она, протягивая изящную ручку. Данте приблизился и схватил русалку за пальчики. В тот же миг видение исчезло. Вместо русалки из воды явился юноша. От изумления рот Данте самопроизвольно открылся. Мальчишка был как две капли воды похож на него, но с небольшими изменениями. Чёрные волосы доходили ему до пояса, в антрацитовых раскосых глазах отсутствовали зрачки. «Смотри», — сказал он и раскрыл ладонь. На ней лежали разноцветные хрустальные шарики: красный, чёрный, голубой, золотой, зелёный и белый. «Возьми любой», — произнёс длинноволосый мальчик. Данте протянул руку, но даже не

успел выбрать шарик (он хотел взять зелёный), как вдруг все шары взмыли в воздух, и к нему в ладонь сам упал ярко-красный. Длинноволосый рассмеялся: «Твоя судьба уже написана. Это боль и слёзы. Судьбу нельзя изменить, исправить и направить туда, куда ты хочешь. Она всё равно найдёт тебя, где бы ты ни был. Но я мог бы помочь тебе... Когда захочешь, ты сам меня позовёшь», — и черноглазый растворился в красной дымке. Шар, который Данте держал в руке, ни с того, ни с сего вдруг взял и лопнул. Данте почувствовал острую боль — по пальцам потекла кровь. Данте вскрикнул и... проснулся.

Солнце нещадно палило ему в лицо — время было уже далеко за полдень. Смахнув с глаз чёрные пряди, мальчик сел. Посмотрел на свои руки. Крови и порезов на них не было. Сон. Всего лишь сон. Но почему-то стало жутко. Пытаясь прийти в себя, Данте окинул взглядом пастбище. Овечки и Ветер (так звали коня) спокойно щипали нежную травку. Собака лежала рядом, искоса разглядывая пасущихся. Данте пересчитал овец. Двести восемьдесят три. Как и должно быть. Мальчик зевнул и поднялся с земли.

Спустя десять минут он уже сидел верхом на Ветре и, щёлкая кнутом, гнал отару восвояси. Овчарка шла позади овец, не позволяя им разбежаться по сторонам.

У загона юного гаучо встретил худющий мужчина, одетый в лохмотья.

— Наконец-то! — угрюмо бросил он. — Я уж часом подумал, что, видать, ты поехал пасти овец в соседнее королевство.

Данте ничего на это не ответил. Мужичок принялся загонять овец и потерял к мальчику интерес.

— Эй, ведьмак, развлекаешься? — раздался петушиный голос.

Данте круто развернул лошадь. У дверей дома стояли два пацана лет пятнадцати. Один — о-очень длинный и о-очень рыжий, с курносом носом и крупным ртом. Всё его лицо было усыпано веснушками. Второй мальчик — небольшой и толстый, одетый в коричневый костюмчик — жадно заглатывая папайю, облизывал пальцы и капал соком прямо на белое жабо.

— Чего уставились? Заняться нечем? — с вызовом бросил Данте.

— Ты гляди-ка, Рене, — рыжий пихнул толстого в бок. — Он выпендривается, катается на лошади без седла. Во тупица, не знает, что так даже индейцы не ездят.

Рене, заржал и чуть не задохнулся, проглотив слишком большой кусок папайи.

— Смотри не подавись! — Данте присвистнул.

— Закрой рот! Ну-ка, ты, приبلуда, иди вассе отсюда! А то я те щас вмажу! Бушь знать, как разговаривать с такими, как я! — отозвался толстый, вытирая рот бархатным рукавом.

— Ты прав, с такими, как ты, вообще не стоит разговаривать. А то, чего доброго, отупеешь от их вида, — парировал Данте.

— Чё ты сказал?

— Чего слышал. Лучше не лезь ко мне. Предупреждаю по-хорошему.

— Гляди-ка, он предупреждает! — не затыкался Рене. — Хозяин тута я! Чё хочу, то и делаю. Энто мой дом, а ты тута никто! Ясно?

Данте чувствовал, как волна неистовой злобы буквально разрывает ему грудь. Как же его достали эти спесивые тупицы! Сил просто уже нет!

— Ты, нелюдь, может те в Жёлтый дом [3] пора, а? — вставил Тито. — Ой, как мы разозлилися! Может ты ещё поревёшь, нас порадуешь, а? Фу, урод!

— На себя посмотри, вонючка!

— Я не понял, чё ты сказал? Энто кто из нас вонючка? — взбеленился Тито.

— Ну уж точно не я.

— А ну-ка, мелкий, слезай с лошади! Тито, давай ему вмажем!

Пацаны спустились с лестницы, потрясая в воздухе кулаками. Лицо Данте окаменело. Он сузил глаза и направил Ветра прямо на мальчишек. Лошадиное копыто прошло в паре сантиметров от ноги Тито.

— Зырь, чё он делает! Он мне чуть ногу не отдал! — Тито подпрыгнул, пытаясь сбить Данте с лошади. Тот поставил Ветра на дыбы и, едва удерживаясь на нём, снова направил на обидчиков. Конь слегка ударил Тито передними копытами, и мальчишка брякнулся на землю.

— Ты чё делаешь? — заорал Рене, сжимая кулаки. — Вот тварёныш бездомный, да я ты щас!

Но Данте не унимался — сапфировые глаза потемнели, став почти чёрными.

Он молча направил лошадь на Рене, сбив с ног и его. В ответ Рене начал орать диким голосом, размазывая сопли и слёзы по жирным щекам:

— Папа!!! Папа!!! Меня убивают!!!

Из дома выскочил немолодой толстяк с крупным носом. Это и был сеньор Сильвио Бильосо, хозяин эстансии.

— Это чегой-то тут у вас происходит? Ренато, ты чего орёшь? Кто ты обидел?

— О-о-он! — всхлипнул Рене, пальцем тыкая в Данте.

— Эй ты, какого чёрта ты сделал с моим сыном? — Сильвио грозно сдвинул кустистые брови.

— Ничего я не сделал, — глухо отозвался Данте.

— Тоды чего он ревёт?

— А мышь его знает!

— Врёт он всё! — встрял Тито. — Он на нас напал вместе со своей лошадыю!

— В следующий раз не будете обзывать.

— А ну-ка слезай! — Сильвио подошёл ближе.

— Хрен вам! — Данте показал язык. — Вы мне не отец и мне не в указ!

— Ах ты, змеёныш! — Сильвио резко остановил коня и, ухватив Данте за ногу, попытался стащить его вниз. — Слезай, кому говорят!

— Пустите! — мальчик уцепился двумя руками за лошадиную шею. Рене, по-прежнему сидя на земле, с нескрываемым злорадством наблюдал за происходящим. Тито стоял с открытым ртом.

Ветер встал на дыбы, пытаясь сбросить седока. Данте для своих двенадцати лет искусно управлялся с лошадыю, но ни седла, ни стремян под ним не было. Держась руками за Ветра, он хотел свободной ногой лягнуть Сильвио, но кубарем свалился на землю. Пацаны заржали.

— Старый пень, — прошипел Данте, становясь похожим на маленькую разъярённую змейку.

— Чего ты сказал?

— СТАРЫЙ ПЕНЬ! — повторил Данте громко, с вызовом буравя глазами Сильвио.

Мужчина размахнулся и своей здоровенной лапищей ударил мальчика, оставив на щеке багровый след. Затем он ухватил Данте за руку и потащил в дом. Хотя лицо его горело от пощёчины, Данте не выглядел обескуражено. Глазищи его буквально искрились от ярости. В ответ на очередное хихиканье за спиной Данте обернулся, показал язык, а затем скрылся в недрах дома.

Комментарий к Глава 2. С небес на землю —————

[1] Mendiga (исп.) — бедный, нищий.

[2] Речь в данном случае идет о таком явлении, как самосуд — незаконная расправа с действительным или предполагаемым преступником, без обращения к государственным органам.

[3] Жёлтый дом — сумасшедший дом.

===== Глава 3. Особые методы воспитания =====

Сильвио втоптал Данте в гостиную — квадратную комнату, плотно заставленную мебелью, — и с силой швырнул его на пол.

— Сопляк! Как ты смеешь со мной разговаривать в таком тоне? Как ты смеешь издеваться над моим сыном? Ты, выродок! Я те щас задам! — вопил Сильвио, брызгая слюной. Широкие ноздри его раздувались от негодования.

И хотя в груди у Данте тоже всё кипело, он осознал: в подобной ситуации лучше бы промолчать. Только вот беда заключалась в том, что молчать Данте не умел. Язык у него был ядовитый, как у змеи, и так и чесался покрыть Сильвио и его семейство трёхэтажными словарными конструкциями. От ненависти мальчика всего трясло. Сидя на полу, Данте вцепился ногтями в пёстрый ковёр, пытаясь унять дрожь.

— Я тя приютил из жалости, потому что мой безмозглый братец подобрал тя в какой-то канаве! И вот, чем ты мне платишь, скотина? — орал Сильвио во всё горло. Данте молчал, занавесив лицо волосами.

— В чём дело? Чего тут за крики? — из соседней комнаты появилась женщина, укутанная в шаль цвета влюблённой жабы [1]. Она была чудовищно худа и напоминала мумию. Щёки её ввалились так, что, казалось, будто кожа натянута на голые кости.

— Леонора, энтот выродок избил Ренато! — сообщил Сильвио.

— Никого я не бил! — выкрикнул Данте.

— Да? Тоды почему мой сын валялся на земле?

— Потому что он урод и достал меня! — не сдержался Данте, но мгновенно получил оплеуху такой силы, что уткнулся лицом в пол.

— Я тя проучу, скот паршивый!

— Когда ж это кончится? — воскликнула Леонора противным визгливым голосом. — Я говорила те, Сильвио, не надо брать это исчадие в дом. А ты всё: падре Эберардс требует... Сам бы пожил с этим нелюдем, а потом требовал чего-то, этот падре. Вышвырнуть эту бродяжку к чертям на улицу, да и делов то.

— Я не бродяжка!

— Скоро он меня доведёт и я так и сделаю, — рыкнул Сильвио.

— Ты и представить се не можешь, Сильвио, чего говорят о нас соседи! О, я... я каждый день это слышу в церкви у ся за спиной. Из-за него на нас косо смотрят, говорят, будто бы мы приютили в доме Сатану.

— Сатану, ага, как же! Ещё чего не хватало! Чтоб меня — самого богатого землевладельца в этом городишке — поливали грязью из-за какого-то уродца? Я выбью из него энту дурь, будет знать, как нас позорить! — Сильвио грубо ухватил Данте за шкуру и, приподняв, толкнул в противоположный угол. Мальчик сильно ударился о стену, перед глазами его полетели звёздочки.

Входная дверь открылась, и в дом вошли Рене и Тито — явились посмотреть представление.

Данте ощутил новый удар. На сей раз ногой. Он попытался отползти к двери, но безуспешно: его схватили за гриву, протащили по полу. В руках у Сильвио остался клочок волос. Данте издал сдавленный стон.

— Заткнись, урод! Ты ещё вякать бушь? Хватит зырить на меня своими мерзкими глазищами! Выколоти бы их те! — Сильвио размахнулся и вновь огрел Данте по лицу.

— Не надо... — тихо произнёс мальчик, — хватит...

— Чего значит «не надо»? Ты просишь пощады? Ха-ха! Ежели я не буду тебя воспитывать, дак кто ж будет? На таких как ты, другие методы не действуют.

Сколько времени прошло с момента начала «воспитательных действий» до их окончания, Данте не смог бы сказать. По его ощущениям это продолжалось целую вечность. Леонора не заступалась. Она безразлично смотрела, потом ушла, уведя с собой Рене и Тито, которые с нескрываемым удовольствием на лицах глазели на происходящее.

Наконец, Сильвио выдохся.

— Пшёл вон отсюда! — обезумевший от побоев мальчик с трудом осознал, что его отпихнули к двери.

Как Данте добрался до своей комнаты, он не помнил. Вполз внутрь и без сил рухнул в кровать. Сейчас ему хотелось заснуть и больше никогда, никогда не просыпаться. И он пожалел, что сегодня его не убили. Так всем стало бы лучше.

Наутро, едва открыв глаза, Данте понял, что с трудом может шевелиться. Всё тело превратилось в один сплошной синяк. Шум за дверью заставил Данте вздрогнуть. Он укрылся с головой простынкой, делая вид, что спит. Меньше всего он сейчас хотел видеть физиономии Сильвио, Леоноры и их отпрысков.

Дверь распахнулась. На пороге появилась Леонора.

— Ты у нас принц али герцог? Завтрак на столе, а он всё спит! Тя ждать никто не обязан! Чтoб через две минуты сидел за столом! — рывкнула женщина и яростно долбанула дверь.

— Сука! — в сердцах выплюнул Данте. Он еле-еле поднялся с кровати, опустил лицо в таз с прохладной водой и на миг испытал облегчение. Мельком взглянул на себя в зеркало. Лучше бы он этого не делал. Вид был такой, будто на него вчера свалилась телега, гружёная брёвнами: под глазом красовался здоровенный синяк, на губах и лбу запеклась кровь.

Данте оделся и спустился в столовую — длинную и узкую, с плотно занавешенными окнами (дабы соседи не подглядывали за хозяевами во время трапезы). Центр комнаты занимал стол, вокруг которого разместились стулья с высокими спинками. На потолке, на цепи из чистого золота, болталась огромная безобразная люстра. Все семейство уже сидело за столом. Вокруг господ суежилась Руфина. Сильвио, ковыряя узловатым пальцем в ухе, читал «Городской салон» — местную газетёнку, что печатала исключительно сплетни. Рене, зевая, потянулся к булочкам и тотчас получил удар по рукам от матери:

— Перестань! Сладкое потом!

— Ну наконец-таки Высочество голубых кровей явилось! — ехидно сказал Сильвио, когда Данте зашёл в столовую. — Долго ж пришлось вас упрашивать, чтоб вы соизволили явиться к завтраку.

Рене и сидящая рядом с ним девица, голову которой венчали мелкие кудряшки, хрюкнули.

— Тя не учили, чего надо говорить по утрам? — прошипела Леонора.

— Доброе утро, — сквозь зубы выдавил Данте.

— Чего-чего? Не слышу!

— Доброе утро! — громче сказал мальчик и сел за стол.

Руфина мельком взглянула на него, но не произнесла ни слова, хотя губы её побелели. Она поставила перед мальчиком тарелку с чурраско [2]. Данте не был уверен, что сможет нормально есть — на губе кровоточила рана и рот открывался с трудом. Но мальчик был голоден, поэтому, подавляя боль, принялся за еду.

— Ну и чучело! — Рене, гнусно хихикая, ткнул в Данте пальцем.

Данте сжал кулаки так, что ногти с силой вбуравились в ладони. Ещё немного и он убьёт их всех. Просто возьмёт и убьёт, а потом утопится в реке.

— Некоторые считают, будто бы они тут самые главные, и им можно вытворять чего угодно... в чужом доме, — прогнусавила девица с кудряшками.

— Может, ты помолчишь и бушь наконец есть, Хасмин? — бросила Леонора. — Думается, мы чересчур носимся со всем этим омерзительным сбродом. Это всё потому что мы слишком добрые. В конце концов, мы достойны салона вице-короля. Не понимаю, почему мы до сих пор не там. Неужель золото в карманах моего мужа и бриллианты на моей шее — не повод, чтобы быть представленными членам королевской семьи?

— Эта ситуация не изменится, Леонора, пока мы находимся под гнётом испанцев, — Сильвио воровато оглянулся — не подслушивает ли кто. — Нет у нас таких прав и привилегий, как у этих аристократишек. Представь се, даже нищих идалго принимают в доме вице-короля и алькальдов, но только не нас. Нас, у которых куча денег!

Данте, слушая этот бред, зло подумал, что если бы семейство Бильосо ещё и принимали в доме алькальда, то они бы в конец распоясались. Мальчик был умен не по годам и считал, что крестьяне, разбогатевшие на эксплуатации чужого труда, не должны приниматься в высшем обществе. Однажды, когда Данте случайно попал в центр города, он видел там истинных аристократов: прекрасная дама в шляпе и дорогом платье выходила из экипажа, а элегантный кавалер открывал перед ней дверцу.

Данте взглянул на Сильвио, который одной рукой запихивал в рот куски говядины, а другой чесал волосатый живот, торчащий сквозь халат, и на Рене, который выковыривал из носа козявку. Данте мысленно представил этих двоих рядом с дамой и кавалером из центра города и его разобрал смех.

— Ты чего ржёшь, урод? — крикнул Сильвио.

— Ничего.

— Вот и заткнись! Ты не у ся дома, те тут ржать не положено!

Данте хотел было ответить какую-нибудь колкость, но почувствовал чью-то руку у себя на плече. Это была Руфина. Она принесла десерт — торт с кремом — и слышала последний выпад хозяина. Мальчик молча уставился в тарелку. По правде сказать, Данте терпеть не мог сладкое. Поэтому он лишь расковырял свой кусок торта, почти превратив его в пыль, но так и не съел ни кусочка.

— Смотри-ка, па-ап, наш приبلуда ещё и выпендривается. Ему, похоже, не нравится наша еда! — тут же наябедничал Рене.

Сильвио вlepил Данте подзатыльник.

— Жри чего дают! Радуйся, что я такой добрый и заботливый, поэтому кормлю тя!

Данте испытал непреодолимое желание сейчас, сию минуту, разорвать Сильвио на тысячу кусочков. Глаза заволокло туманом, из ладоней повалил дымок. Мальчик быстрым жестом сунул руки под стол, но толку от этого было мало. Не прошло и минуты, как Хасмин,

сидящая напротив, вскрикнула:

— АААА! Смотрите! Он горит!

Все уставились на Данте. У того с кончиков волос сыпались красные искры.

Комментарий к Глава 3. Особые методы воспитания —————

[1] Цвет влюблённой жабы — зеленовато-серый.

[2] Чурраско — жаренная на сильном, открытом огне говядина, натёртая кристаллической солью и разнообразными специями.

===== Глава 4. Одиночество =====

— Чего это такое? Ты... ты... ты... чего творишь? Ну-ка прекрати! — выпучив глаза, заорал Сильвио.

Данте молча поднялся из-за стола. С волос его сыпались искры, из ладоней вылетал синеватый дымок. Хасмин и Рене вжались в стулья. Леонора отбежала к окну. Руфина перекрестилась, прижав к себе графин с водой:

— О, боже, детка, ты горишь!

— Ты, дьявольское отродье! Прекрати это! — горланил Сильвио.

Яркие глаза Данте превратились в чёрные угольки. Он взмахнул рукой и в тот же миг остатки торта поднялись в воздух и полетели прямёхонько Сильвио в физиономию. Одновременно с этим стаканы и графин на столе лопнули, выплеснув своё содержимое на Рене и его сестру.

— Ах ты, скотина! Не много ль ты о се возомнил? Ну, я те щас покажу! — Сильвио, размазав торт по лицу, бросился к мальчику и схватил его за горло. Данте резко вывернулся:

— Не трогай меня! Всё, хватит! Ещё раз ты меня тронешь, старый пенёк, и я превращу тебя в жука!

— Превра... чего? Чего ты сделаешь? — Сильвио аж посинел.

— Превращу тебя в жука, старый пенёк! — громко повторил Данте. С волос его искры сыпались уже зелёного цвета.

— Ах ты... ты... ты, отродье... псих... дьявол...

— Так и есть! Я — Дьявол! Я могу сделать всё что угодно! Так что лучше ко мне не подходите! — и Данте направил руку на Сильвио. Прямо из центра его ладони хлынула струя ледяной воды, окатив мужчину с ног до головы.

— Вот так! — мальчишка зло рассмеялся.

— Нечистая сила!!! Сатана!!! — в ужасе завопил Сильвио. — Правильно про ты говорят! Правильно от ты все шарахаются! Ты не человек! Ты не должен жить за этой землёй! А уж особенно в моём доме! Исчадие! Будь проклят тот день, когда ты появился!!! Нелюдь!!! Всю жизнь нам испортил! ВОН! ВОН ОТСЮДАВА!!!

Данте развернулся и выбежал на улицу, с силой долбанув дверь.

— Завтра позову падре Эберардо, чтоб он изгнал нечисть из нашего дома, — сказала Леонора.

Данте нёсся по дороге. Глаза его застилала слёзы, и он ничего не видел вокруг. Чудовищные слова Сильвио звенели в ушах. Было бы лучше и вовсе не родиться. Никому, никому он не нужен на этом свете.

Мальчишка, миновав пастбища и несколько поместий, пробежал по мосту и остановился, едва переводя дыхание.

В до полуденные часы улица имени Святой Мерседес — Богоматери Всемилостивой [1], на которой оказался Данте, была фактически пуста. Только редкие экипажи проносились

мимо, да чернокожие няньки с детьми гуляли по тротуарам.

В этой части города Данте был всего раз — пару лет назад, когда видел ту даму и кавалера в экипаже. Мальчик медленно побрёл по аллее, дотащился до сквера и плюхнулся на скамейку. Так он сидел долго, вперясь в пустоту своими бездонными глазами. Редкие прохожие (в основном служанки в передниках, кучера да экономки с корзинами) с удивлением поглядывали на необычного ребёнка, неподвижно сидящего на скамейке в одиночестве.

— Ну-ка отойди от него, Фе! — пронзительный женский возглас вывел Данте из оцепенения. Он повернул голову. Рядом стоял розовощёкий упитанный малыш. Рассматривая Данте, он улыбался ему во весь рот. Данте улыбнулся в ответ и тогда малыш радостно засмеялся. Но к ним во весь опор уже неслась нянька — полная женщина в синем платье и с огромной шляпой на голове.

— Ня-а-нь... смятри... какёй мяльчик... ня-нь, — выговорил малыш, тыча пальцем в Данте.

— Я кому сказала, отойди от него, Фе! — визгнула нянька. — Ещё заразу какую-нибудь подцепишь, — она свирепо взглянула на Данте, и глаза её налились кровью. — Вот бездельник! Сидит тут средь бела дня, людей нормальных пугает. Чучело, да ещё и весь в синяках, — процедила нянька сквозь зубы. — Пойдём отсюда, Фе, — и она потянула малыша за ручку. Тот захныкал. Он долго ещё вертел головой, рассматривая так и не шевелящегося Данте, пока вместе с нянькой не скрылся за углом.

К полудню народу на улице прибавилось. Появились кучки детей без нянек, дети с родителями, а также нарядные франты и франтихи. Данте подумал, что пора бы ему убираться отсюда, только вот куда идти он не знал. Мальчик уже точно решил: в дом Сильвио он не вернётся. По крайней мере, сегодня. Но и в очередной раз слушать гадости он был не в состоянии. Однако, кое-что привлекло внимание мальчика и заставило задержаться. Неподалёку от него, возле качелей [2], расположилась семья — молодые отец и мать и девочка лет пяти. Отец раскачивал малышку на качелях, она смеялась и болтала ножками. Мужчина и женщина тоже смеялись. Девочка оказалась непоседливой. Качели быстро ей надоели и она повисла у отца на шее. Мужчина усадил дочь себе на плечи, и они принялись бегать по кругу, изображая лошадиные скачки.

Данте в упор смотрел на них и в душе его вспыхнула жгучая зависть. Да, он завидовал, безумно завидовал этому счастливому, всеми любимому ребёнку. Жизнь всегда казалась мальчику несправедливой. Почему одним дается всё, а другим ничего? Чем он хуже этих детей, которых любят, носят на шее, водят за ручку? Данте почувствовал, будто ему в сердце вонзается острый кол, и беззвучно заплакал.

Немного погодя, глава семейства обратил внимание, что странный мальчик в рваной одежде смотрит на них не мигая. Мужчина поставил дочь на землю и приблизился.

— Что тебе нужно? — спросил он хмуро.

Данте отрицательно мотнул головой, скрывая лицо за волосами.

— Тогда иди отсюда. Нечего попрошайничать.

— Я не попрошайка...

— Знаем мы таких, видали. Все вы не попрошайки. Как же! Учти, я денег не даю. Если твои родители не заботятся о тебе, тогда иди работать на плантацию, но не мозоль глаза нормальным людям. Хватит на нас пялиться! Ты напугал мою жену. Убирайся! А то я позову жандармов.

Данте исподлобья взглянул на мужчину.

— Зовите кого хотите. Все люди одинаково злые: что богатые, что бедные, что жандармы, что зеленщики, — и он кинулся прочь, только пятки засверкали.

День клонился к вечеру и на улицах появлялось всё больше и больше людей — настало время вечерней мессы.

По тротуару, цокая каблучками, шли две дамочки в светлых платьях, мантильях и с крошечными солнцезащитными зонтиками в руках. Одна была довольно высокого роста, с надменным выражением лица, еле заметной ямочкой на подбородке и острым птичьим носиком. Вторая — кареглазая блондинка, ростом пониже, вела за руку девочку лет десяти-двенадцати. Поблизости, сбивая всё на своём пути, носились ещё две девочки примерно того же возраста.

— Роксана, дорогая, — говорила та, что повыше, — неужто Хорхелина намеревается сегодня пропустить вечернюю мессу? В кои-то веки?

— О, сейчас её больше волнует как посногшибательней выглядеть перед молодым супругом, — Роксана пренебрежительно фыркнула. — Представляете, Амарилис, она даже села на диету. И теперь питается только листьями салата. Скоро ноги протянет.

— Ах, что не сделаешь ради любви! — Амарилис театрально закатила глаза. — Любовь — волшебное чувство.

— Ну не до такой же степени! Впрочем, её можно понять — ей уже сорок семь. К тому же, она похожа на всех чертей вместе взятых, но зато с кучей денег. Что ей ещё остаётся?

— До сих пор поражаюсь, как Эстебан, такой красивый мужчина, мог на ней жениться? — вздохнула Амарилис.

— Когда вы мне сказали, Роксана, я не сразу в это поверила.

— О, я, конечно, тоже была удивлена, дорогая, но с другой стороны я его понимаю: когда старуха умрёт, он станет её единственным наследником. У неё нет детей и родственников, кроме брата, она вдова дважды. По-моему, отличная партия. После того, как она отправится в мир иной, красивый молодой вдовец с кучей денег может жениться на ком угодно, даже на дочери самого вице-короля, если уж на то пошло. Эта кикимора сказочно богата, а в последнее время, Амарилис, деньги имеют более важное значение, чем титулы.

— Ну что вы, дорогая, деньги приходят и уходят, а титулы остаются на века.

— Отнюдь, — Роксана упрямо помотала головой. — У меня в роду — все креолы, пять поколений аристократов: маркизы, герцоги, графы. И что же? С тех пор как я вышла замуж за Арсиеро, я только и делаю, что принимаю в собственном доме плебеев и простолюдинов. Они ковыряют пальцами в носках, они кладут ноги на мои столики из красного дерева, а я должна ещё и вежливо с ними разговаривать. У них плантации, пастбища и мешки золота, и они, по сути, управляют городским бюджетом. А мы — аристократы, члены Кабильдо и их жены, и я — первая дама города, должны принимать их у себя с распростёртыми объятиями. На прошлой неделе один такой толстосум разбил у меня целых два фарфоровых сервиза, просто потому что у него пальцы толще, чем ручки на моих чашках.

Амарилис в ответ согласно закивала:

— Как я вас понимаю! Когда я выходила замуж, я так радовалась, что мой будущий супруг — помощник советника по торговым связям с Лимой. Это значило, что я буду видеть его нечасто. Так и есть, он месяцами не бывает дома. Но когда Норберто приезжает, это сушая катастрофа. У нас собираются эти омерзительные землевладельцы и устраивают

такой бедлам, что после этого я на неделю падаю с мигренью. АЙ!

Амарилис вскрикнула, так как в этот момент в неё врезалась одна из двоих, играющих поблизости девчонок. В своём ярко-зелёном платье и шляпе, с большим ртом и круглыми глазами девочка напоминала лягушонка.

— Сантана! Прекрати немедленно! — возмутилась Амарилис.

— Простите, тётушка...

— Ну что за несносный ребёнок? С тех пор, как погиб мой брат, я вынуждена заботиться об этой девчонке. Нет, я не жалуюсь! Не могла же я бросить собственную племянницу на произвол судьбы. Но, честно говоря, она уже истрепала мне все нервы!

Раздался визг. Вторая девчонка — с тёмными волосами и крупными чёрными глазами — ухватила Сантану сзади за талию, и они вдвоём чуть не шлёпнулись на тротуар.

— Да что же это такое? Эстелла, успокойся сейчас же! — рявкнула Роксана. — Смотри, Мисолина ведёт себя как приличная сеньорита. Ты же ведёшь себя как плебейка!

— Я больше не буду, мамочка, — громко объявила Эстелла.

Мисолина — светловолосая, голубоглазая девочка со вздёрнутым вверх носиком — была уменьшенной копией Роксаны. Одета в поплиновое[3] платьице, с крошечным беленьким зонтиком в ручках, она даже походкой подражала матери. Мисолина смерила Эстеллу надменным взглядом. Эстелла в ответ показала язык, сделала скучающую рожицу и на пару минут уgomонилась, чинно следуя рядом с сестрой. Сантана шла позади них.

Но девчонок надолго не хватило. Едва только они поравнялись с Ратушей, как Мисолина издала вопль:

— Дура!

— Сама ты дура! — Эстелла выхватила у неё зонт, а Сантана развязала бант на платье. Мисолина заревела. Девчонки, хохоча, налетели на негритянку в белом чепце, которая несла на руках трёхцветную болонку. Рядом с ней, переваливаясь из стороны в сторону, шла полная немолодая женщина в поросяче-розовом платье.

— Сеньорита Эстелла, — воскликнула негритянка. — Как вы себя ведёте? Разве ж можно вопить на всю улицу?

— Не нуди, Урсула!

Девчонки побежали вдоль мостовой.

— Вся в неё, — шепнула Роксана, кивая в сторону Берты — полной женщины в розовом.

Говоря по правде, Эстелла быть «вся в Берту» не могла, так как не являлась её родной внучкой, но кроме Роксаны об этом никто не знал. Роксана искренне удивилась, когда выяснилось: Эстелла не похожа ни на неё, ни на Рубена как внешностью, так и характером. Мисолина, родившаяся на год позже, без сомнения была дочерью Бласа. Роксане порой хотелось поменять дочерей местами. Гораздо справедливей было бы, если бы жеманная и капризная Мисолина оказалась дочерью Рубена, а не Эстелла, из которой так и лезли плебейские замашки.

Берта и Урсула с Гортензией на руках, идя позади двух высокородных подруг, вели свой разговор:

— Как же она мне надоела, — вполголоса жаловалась Берта. — Ненавижу её! Она и её родственнички угробили всю мою семью. Из-за неё я осталась совсем одна.

— Это неправда, мадам. У вас же есть сын, сеньор Эстебан, и ваши внуки, — отозвалась Урсула.

— Ну да-а, — жалобно протянула Берта. — Эстебан... Ему сейчас не до меня. После

того, как он женился на этой вобле, я его и не вижу. Он вечно с ней, она прибрала моего сыночка к рукам. Я чувствую себя такой одинокой и чужой в этом доме. Ежели б не мои внучки и Гортензия, не знаю чего со мной было бы. Моя семья распалась, я живу из милости у бывшей невестки. Ах, какая ужасная у меня судьба!

— Ну что вы, мадам!

— Сначала её братец убил моего сына. Потом их папаша опозорил и погубил моего мужа. Всё из-за этого треклятого убийства! А преступницу ведь так и не нашли! Зато этот мерзкий герцог всем рассказал, что в нашем доме убили сына одного из членов Кабильдо. Он испортил моему мужу репутацию! После того, как Альсидеса выгнали из Совета Депутатов и отобрали титул, он и слёг, бедняга. Они довели моего муженька до болезни, изверги! А потом, потом эта тварь убила моего сына, моего Бласито. Эта катастрофа и Альсидеса доконала, он не выдержал удара, покинул меня, мой дорогой. Это она, эта гадюка во всём виновата, чтоб ей пусто было! Она лишила меня сына, да ещё и вдовой оставила. И всё для того, чтобы выйти замуж за алькальда, устроиться получше в этой жизни. Всё ей мало. Таким, как она, всегда мало.

— Не говорите так, мадам! Сеньора Роксана не убивала сеньора Бласа. Он же ведь с лошади упал, это был несчастный случай, — пыталась вразумить Берту Урсула.

— О, она прекрасно разбирается в лошадях! — не сдавалась Берта. — С неё станется. Наверняка это она испортила ему подпругу [4]. Уговорила его сесть на лошадь. Да мой Бласито отродясь не ездил верхом. Он всю жизнь боялся лошадей как огня, и вот вдруг ему приспичило. Потому что его супруга так захотела, видите ли. Она это всё подстроила! Я в этом уверена! И никто меня не переубедит! Тьфу, — Берта в сердцах сплюнула.

Гортензия издала угрожающий рык в качестве поддержки. — Ненавижу её! Гореть ей в аду вместе со всем своим семейством! Однажды они за всё заплатят. О, я обязательно доживу до этого момента, я ещё станцую у них на могилах. Но, так и знай, Урсула, внушек я ей не отдам! Чёрта-с два! Они вырастут другими, не такими, как она. Пусть потом локти себе кусает.

— Ну... — Урсула задумалась, — знаете, мадам, с сеньоритой Мисолиной навряд-ли вы преуспеете. Она ж ведь копия своей матери. А вот сеньорита Эстелла, она другая. Видать, в этом случае вы своего добились.

— То ли ещё будет, — согласилась Берта, выпячивая подбородок и расправляя исполинскую грудь. — Я, может, и старая, может и не аристократка по крови, но из внушек своих сделаю достойных людей. Я хочу лишь одного: чтобы они были счастливы.

Комментарий к Глава 4. Одиночество —————

[1] Святая Мерседес — Богоматерь Всемиловитая — покровительница армии Аргентины.

[2] Качели в 18 веке представляли собой сооружение из двух канатов и дощечки, которое подвешивалось к дереву и раскачивалось (обычно мужчинами) с помощью привязанной к ним верёвки.

[3] Поплин — хлопчатобумажная, шёлковая или шерстяная ткань. Плотная, блестящая, гладкая, мягкая. Из неё шьют мужские сорочки, пижамы, дамские платья и блузы. Из шёлкового поплина изготавливают нарядные платья.

[4] Подпруга — ремень, с помощью которого седло фиксируется на спине лошади.

===== Глава 5. Узоры на воде =====

К вечерней мессе у церкви — небольшого белого здания — собралась вся городская

знать. Прихожане кучками просачивались внутрь. Женщины надели на головы мантильи, мужчины сняли шляпы и расселись по скамейкам перед алтарём. Вскоре явился падре Эберардо и началось песнопение. Затем падре откашлялся и принялся вслух зачитывать выдержки из Библии. Однако, не прошло и десяти минут после начала литургии, как большинство присутствующих уже откровенно зевали. Падре Эберардо был дряхлый-предряхлый. Он бормотал нечто невнятное себе под нос, потом вдруг оживлялся и звонким голосом выкрикивал на всю церковь: «Аминь!». — «Аминь!» — отзывались прихожане. Падре успокаивался и продолжал бормотать дальше.

В наосе — центральной части церкви — находились только креолы. Месса для белых бедняков и богатых простолюдинов служилась в другое время. Чернокожие и краснокожие горничные и няньки, пришедшие с хозяевами, молились в нартексе — пристройке перед входом в церковь. Оттуда бормотание падре Эберардо вообще не было слышно, поэтому многие слуги молились, как придётся. Некоторые и не молились вовсе, а попросту считали мух на потолке.

Среди представителей высшего сословия ситуация была ничуть не лучше. Вынуждены были прикидываться, что увлечены речами падре лишь те, кто сидел в непосредственной близости от алтаря. Например, Амарилис, Роксана и Мисолина, которые устроились прямо перед хорами [1]. Роксана в бога не верила, но как жена алькальда она обязана была посещать церковь и усердно молиться, подавая пример всем женщинам Ферре де Кастильо. Она делала вид, будто читает молитву, и шлёпала губами так, чтобы все это видели. Мисолина старательно подражала матери. Амарилис с энтузиазмом слушала падре. Сантана, Берта с Гортензией и Эстелла догадались сесть подальше от алтаря и находились не только вне поля зрения падре Эберардо, который в любом случае плохо видел, но и далеко от Роксаны, которая нарушения правил приличия видела очень хорошо. Сантана тоже пыталась читать молитвы, но частенько отвлекалась, глаза на что-нибудь. Берта, пару раз перекрестив Гортензию, взглянула на Эстеллу. Та, рассматривая мозаику на стенах, тайком подавляла приступы зевоты.

— Эстелла... Эстелла, — не размыкая губ, шепнула Берта.

— Что, бабушка?

— Тебе скучно?

— А вы как думаете? Надоело это брюзжание!

— Тогда иди.

— Что?

— Иди прогуляйся.

— Бабушка, вы прелесть!

— Тише! — Берта прижала палец к губам. — Месса продлится около часа. Если ты воротишься минут за десять до конца, никто и не заметит твоё отсутствие.

Эстелла не заставила себя долго упрасивать. На цыпочках выскользнув из церкви, она побежала по улице. Берта мстительно хихикнула. Она любила внучек и (за спиной у Роксаны) позволяла им творить всё, что угодно: желательно что-то выходящее за общепринятые рамки.

Эстелла и не заметила, как прошла городской мост и очутилась на другой стороне реки. Здесь было тихо и спокойно. Фонари и экипажи отсутствовали, но зато росли высокие деревья и пели птички. Девочка восхищённо уставилась в горизонт. Розовато-синее предзакатное небо сливалось с зелёными пастбищами, уходя в бесконечность. Где-то вдали

мычали быки и коровы. В этой части города Эстелла не была никогда. Она и представить себе не могла, что на свете существуют такие удивительно красивые места. Девочка пошла вдоль берега реки. Однако, дойдя до густых зарослей акации, Эстелла попала в тупик. Она полезла сквозь кусты и зацепилась за них подолом платья, оторвав кружевную отделку.

— Чёрт возьми! И кто придумал, что девочки должны носить эти идиотские неудобные платья? — выругалась она, забыв, что приличная сеньорита не должна грубо выражаться.

Вдруг за кустами мелькнул огонёк. Девочка была не из пугливых. Она смело выбралась из зарослей, пошла на огонёк, прижалась к цветущему дереву жакаранды и так и обомлела.

На берегу, буквально в паре шагов от Эстеллы, сидел мальчик. Он водил пальцем над водой, вырисовывая на ней узоры. Руки его светились фиолетовым, а узоры, которые он рисовал, не исчезали, ложась на гладкую поверхность воды, будто ковёр. Эстелла разинула рот, совершенно забыв о том, что приличная сеньорита не должна широко раскрывать рот, даже когда очень сильно удивлена.

Мальчик сидел как вкопанный и не шевелился, увлечённый своим занятием. Эстелла крепче ухватилась за дерево, но тут произошла неприятность: под её каблучком хрустнул сучок. Мальчик вздрогнул и обернулся:

— Кто здесь? — крикнул он в темноту.

Эстелла пустилась на утёк, но зацепилась ногой за корень и — ШМЯК — с размаху свалилась на землю прямо носом вниз. Как же больно!

Данте так и не осмелился вернуться в дом Сильвио и вот уже несколько часов сидел на берегу реки, растрачивая свою магию на бесполезную ерунду. Как вдруг услышал шорох. За деревом мелькнуло светлое платье. Девчонка? Тут же раздался хруст и стон. Данте пошёл на звук. Девчонка лежала на земле и отчаянно пыхтела, видимо, пытаясь не разреветься.

— Ты кто такая? Какого чёрта ты за мной шпионишь? — не очень-то вежливо выпалил Данте, зыряка на девчонку своими яркими глазами.

Эстелла села. С любопытством оглядела Данте. В его волосах запутались листья, и мальчишка почему-то напомнил ей дикого, но очень милого и смешного зверька — ёжика. Он был необычный, даже красивый, и у него не было спеси на лице и напудренных волос, как у друзей её сестры. Зато у него был фингал под глазом.

— Чем орать, лучше помоги. Не видишь, я упала?

— Вижу.

Данте приблизился. Ухватив девчонку под локти, он поставил её на ноги. Эстелла застонала.

— Тебе больно?

— Угу, я, наверное, ногу сломала.

— Идти можешь?

— Не знаю...

— Тогда держись за меня.

Обхватил девочку за талию, Данте повёл за собой. Он усадил Эстеллу на срубленное дерево и сам сел рядом.

— Где болит? Покажи, — сказал мальчик.

Эстелла приподняла подол платья, открыв тонкую шиколотку и кусочек панталон. Ей пришла в голову смутная мысль, что неприлично показывать ноги да ещё и мальчику, и если мама узнает, она её придушит. Но откуда она узнает? Да и нога болит ужасно...

Чулок был порван, на шиколотке кровоточила рана. Данте стащил с девчонки туфлю и

чулок. Эстелла даже возмутиться не успела, как он положил руку ей на рану и несколько раз провёл по ноге вверх и вниз. Его пальцы осветились зелёным, ранка тоже. Миг, и она затянулась на глазах, словно её и не было.

— Ну вот и всё, — пробормотал Данте и отвернулся. Эстелла хлопала глазами, разглядывая здоровую ногу. Даже следа не осталось. И нога больше не болела.

— Как ты это сделал?

— Вот как-то так, — отозвался мальчик.

— Это колдовство?

— Наверное, понятия не имею.

— Как это?

— Я умею делать много странных вещей с тех пор, как себя помню. Почему — мне никто не объяснял. Так ты мне не сказала, зачем ты за мной шпионила?

— Я не шпионила! Точнее не за тобой... в общем... — девочка запнулась.

— А за кем же?

— Ну... я гуляла тут и заблудилась немного, — призналась она. — Увидела свет и пошла на него. Потом увидела тебя и стала смотреть.

Данте исподлобья взглянул на девчонку.

— Если пришла поиздеваться, так и скажи. В кои-то веки такая фифа гуляет в нашей местности?

— Какой ты грубый! Я не фифа! — Эстелла вздёрнула нос. — И не собиралась я над тобой издеваться. Мне просто понравилось то, что ты делал.

— Что?

— Ну, ты рисовал на воде узоры и они не исчезали.

— Ах, это...

— Как ты это делал?

— Не знаю...

— А ты можешь показать?

— Показать?

— Ну да, а вдруг я тоже так смогу.

Данте сполз с бревна и присел на колени. Эстелла внимательно уставилась на мальчика. Данте поднял руку, она осветилась красным. Вода в реке тоже. Данте пальцем нарисовал на воде облако, потом ещё облако, домик и лошадку. Рисунки не исчезали, а ложились рядом друг с другом, будто мальчик рисовал на бумаге.

Придя в восторг, Эстелла захлопала в ладоши и громко завопила:

— Ух ты!!!

Данте вдруг шарахнулся в сторону.

— Что? — не поняла девочка. — Что я сделала не так?

— Не надо орать мне в ухо! Ненавижу, когда так делают! Ненавижу ор и хлопки!

— Ну извини... — пожала плечами Эстелла.

Данте отрешённо смотрел вдаль, на реку. Визг девчонки напомнил ему вопли и пощёчины Сильвио и в груди защемило от осознания собственного одиночества. Некоторое время дети молчали. Эстелла украдкой разглядывала странного мальчишку в профиль. У Данте была идеальная кожа — без единого прыщичка, без единого пятнышка. Мальчик был похож на ожившую фарфоровую куклу. Внезапно он обернулся и взгляды их встретились. Эстелла почти утонула в сапфировых глазах. Данте тоже внимательно рассматривал девочку.

Глаза у неё были чёрные, большие, с пушистыми ресницами, круглое личико и чуть пухлые губы. Щёки мальчика вспыхнули. Он ещё ни разу так близко не сидел рядом с девчонкой, тем более с такой... такой красивой.

— Нога больше не болит? — спросил он, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— Не-а... Спасибо, кстати. А почему у тебя синяк под глазом?

— Так, ерунда... Подрался кое с кем.

— Ой, а я тоже иногда дерусь. С сестрой. Один раз вырвала ей клочок волос за то, что она сломала мою куклу. Рёву потом было! Мисолина такая дура! А научи меня рисовать на воде, — всё это девчонка выпалила скороговоркой.

Взял руку Эстеллы в свою, Данте принялся водить ей над водой. Естественно, у Эстеллы ничего не получилось. Зато она ощутила, как от пальцев мальчика исходит вибрация. Неужели это магия? А он настоящий, настоящий колдун? Он был другой, не такой как те дети аристократов, что неоднократно гостили в их доме. Друзей Мисолины Эстелла на дух не выносила. Чванливые, наглые, высокомерные, презирующие всех вокруг, такие же снобы, как и их родители. А этот мальчик был особенный. Данте вполголоса рассказывал о бескрайних пастбищах, на которых пасутся белоснежные овечки и большие мясные быки; о рабах и батраках, вынужденных гнуть спины на толстосумов; о том, как он скачет верхом на длинноногой лошади и хочет стать гаучо.

Данте говорил и говорил, он никогда в жизни ни с кем столько не разговаривал. Почему-то он решил, что эта девчонка не станет его дразнить. Она не испугалась его волшебства, не шарахалась и не обзывала психом и Дьяволом. Наоборот, была восхищена, и Данте почувствовал себя уверенней в её обществе. Эстелла же забыла обо всём на свете: где она находится, что происходит и даже как её зовут. Так они и сидели, глядя на горизонт, пока последний луч солнца не скрылся под водой.

— Ой! — встрепелась Эстелла.

— Что?

— Я забыла про время! Я же ведь удрала из церкви! Точнее, бабушка меня отпустила. Я пошла гулять, но обещала, что вернусь к концу мессы. Так она уже, наверное, закончилась часа два назад.

— Конечно, — Данте взглянул на закат, — сейчас часов десять уже.

— Как ты определил?

— По солнцу.

— Боже мой, я уже должна быть дома! Надо идти, иначе мама разорвёт меня на кусочки! — Эстелла поднялась на ноги и стала отряхивать платье.

В груди у Данте кольнуло. Он не хотел, не хотел расставаться с девчонкой. Так было хорошо...

— Хочешь, я тебя провожу?

— Да... нет... не надо...

— Но ведь темно. Где ты живёшь?

— На Бульваре Конституции. Ну знаешь, где дом алькальда. Он мой отчим.

— Кто?

— Наш алькальд.

— Ммм... пойдём, я хотя бы до моста доведу тебя, ты же заблудишься, — сказал Данте.

Всю дорогу они шли молча. Девочка заметила, что Данте как-то притих.

— Что с тобой? Ты какой-то грустный, — спросила она. — Я тебя обидела?

— Нет, всё нормально.

Ну как, как он может сказать, в чём дело? Приёмная дочь алькальда! Богачка! Разве может такая девчонка дружить с таким, как он? Конечно нет. Сейчас она уйдёт в свой богатый мир и назавтра забудет о нём. А он опять останется один, как всегда. И зачем она сюда приходила?

Наконец, дети добрались до места назначения.

— Ты так и не сказал, как тебя зовут? — вспомнила Эстелла.

— Разве? Данте.

— Красиво... А я — Эстелла. Означает «звезда».

— Это имя тебе подходит. Ты похожа на звёздочку.

— Мы ещё увидимся?

— Если захочешь. Я каждый день бываю на реке.

— Я приду. Пока.

— Пока...

Девочка легко спорхнула с моста и побежала по улице, освещаемой множеством фонарей.

Комментарий к Глава 5. Узоры на воде —————

[1] Хоры — пространство перед алтарём, где помещался хор певчих.

===== Глава 6. Скандал =====

На Бульваре Конституции высился белый особняк с колоннами, утопающий в цветах и зелени. С тех пор как дом стал местом жительства самого алькальда, он немного изменился. Левое крыло разрослось и в ширину, и в высоту. По всему периметру второго этажа теперь тянулся балкон, обнесённый резными перилами. По саду бродили три сторожевых пса.

— Как ты могла такое вытворить? — Роксана кричала так, что оконные стёкла едва не вылетали из рам. — Ты у всех на глазах сбежала из церкви! Ты, ты, моя дочь, дочь первой дамы города! Да как ты посмела? Я уже не говорю о том, что с тобой могло случиться всё, что угодно! Тебя могли убить, ограбить! В этом городе одни преступники!

— Не говорите так, мамочка, — Эстелла всхлипнула. — Я просто гуляла и забыла о времени...

— Ты вообще не имела права нигде гулять! Ты должна была слушать мессу! Это твоя обязанность как моей дочери!

— Но мне было скучно, мамочка, — Эстелла опустила голову.

— Скучно? А мне по-твоему было весело? Думаешь, мне безумно весело смотреть на этого падре, из которого песок уже сыпется? Думаешь, мне весело принимать в своём доме простолудинов, которые чешут в ухе, а потом вытирают пальцы об мою скатерть? Но я же это делаю. Потому что это моя обязанность. Я — жена алькальда! Наша семья — пример для всего города, а ты... ты... позор для всех нас.

— Но я же не нарочно, мамочка, — промямлила Эстелла.

— Закрой рот! — Роксана разошлась ни на шутку. — Лучше бы брала пример со своей сестры. Вот Мисолина всегда делает всё, как положено. С ней у меня никогда не бывает проблем. Но с тобой всегда одни проблемы. Посмотри на себя, на кого ты похожа! Платье грязное, подол оборван, волосы лохматые! Ты похожа на бродяжку!

— И чего это тут у нас за визг? — Берта с Гортензией на руках вышла из кухни, где точила ляды с Урсолой, пока безумный крик Роксаны не прервал их беседу.

— А то вы не знаете, что эта пигалица натворила! — Роксана, взяв со столика веер из

страусовых перьев, начала им обмахиваться.

— Ну, во-первых, моя внучка не пигалица, — Берта выпятила нижнюю губу. — И вы не должны так называть родную дочь. Во-вторых, это я ей разрешила пойти прогуляться.

— Как это? — у Роксаны челюсть отпала. — Вы... разре... ЧТО?

— Да, это я! — Берта вздёрнула подбородок. — В конце концов, Эстелла — ребёнок. Ей двенадцать лет, в таком возрасте дети хотят попрыгать, побегать, а не сидеть в душной церкви и слушать какого-то старого маразматика. Ой, вот только не надо на меня так смотреть, дорогая бывшая невестушка, — предупредила Берта гневный взгляд Роксаны. — Можно подумать, вы сами никогда не были маленькой. И я ни за что не поверю, будто вы искренне верите в бога. Ежели б верили, не вытворяли бы чёрте чего. Вот ежели б наш падре был молод да красив, — Берта притворно вздохнула, закатывая глаза, — это было б другое дело. Такого и не грех послушать. А падре Эберардо годится только в качестве снотворного. Его даже мадемуазель Гортензия слушать не в состоянии. Правда, дорогая? — с этими словами Берта смачно чмокнула Гортензию в морду.

— Вы. Не имеете. Права! — делая паузу после каждого слова, прорычала Роксана. — Вы живёте в моём доме на птичьих правах. Я вас пожалела и позволила остаться в доме, потому что вы — бабушка моих дочерей. Но вы неблагодарная! Вы за моей спиной учите моих дочерей нарушать правила!

Гортензия в этот момент пробовала волосы своей хозяйки на зубок. Она дёрнула Берту за локон и тут же начала чихать — пудра для волос оказалась несъедобной.

— Мадемуазель Гортензия, не портите мне причёску! — недовольно сказала Берта, встряхивая головой, и продолжила: — Подумаешь, прогулялся ребёнок чуток. Чего вам жалко что ли? Девчонки не было всего- навсего два часика.

— Её могли убить!

— Какие глупости! — Берта фыркнула. — Не расстраивайся, дорогая, — она повернулась к заплаканной Эстелле. — Лучше вот расскажи, где ж ты была? Тебе понравилась прогулка?

Роксана смерила свекровь уничижительным взглядом.

— Да, бабушка, — Эстелла утёрла слёзы. — Было очень весело. Я ходила через мост. Ну, на другую сторону, знаете? Там очень красиво. Там такие поля зелёные... и речка... А ещё там лошадки, и овечки, и коровы...

Роксана чуть не задохнулась.

— Коровы? Моя дочь гуляла среди коров? О, боже мой, какой кошмар! Они могли тебя разорвать!

— Если некоторые не знают, — ядовито заметила Берта, — коровы — травоядные животные. Это не ягуары. Они не могут никого разорвать. Могут только боднуть и то, если их сильно разозлить.

— О, да-а, вы прекрасно осведомлены в этом вопросе. Вы же выросли среди коровьих лепёшек!

— А я и не скрываю этого, милочка! Когда я была маленькая, в возрасте Эстеллы, я доила коров и даже коз. Ну и чего? — Берта расправила плечи. — Да, Эстеллита, я жила на большой эстансии в окружении пастбищ и деревьев. В своё время я ненавидела это место и хотела вырваться оттуда, и мне удалось, знаешь ли. Когда я вышла замуж за твоего дедушку, вскоре мы переехали в центр города. Но иногда мне хочется вернуться обратно. Там я была свободной. Относительно, конечно, но свободной. Ходила куда хотела и делала что хотела, и

никто меня не осуждал и не сплетничал за спиной.

— Не могу поверить! — Роксана чуть зубами не скрипнула. — То что вы плебейка, это мне известно, но вы подбиваете мою дочь на всякие глупости. Я её воспитываю как сеньориту, представительницу высшего сословия, аристократку, а вы делаете из неё простолюдинку! Себе подобную! Да как ты посмела? — Роксана снова переключилась на Эстеллу. — Как ты посмела вообще сунуться в эту клоаку? Там одни коровы, быки и дикари: негры, индейцы и прочая шваль! Они же могли тебя схватить, зажарить и съесть!

Берта громко расхохоталась.

— Съесть? Ну это уж слишком! Милочка, вы перешли уже все границы! Эстеллита, не обращай внимания на эти глупости. Люди не делятся на аристократов и бедняков, как считает твоя мать. Они делятся на хороших и плохих. Среди аристократов тоже полно всякой шушеры: и воров, и мошенников, и убийц. Ой, я прекрасно знаю чего говорю! С некоторыми преступниками из высшего общества я даже общалась лично, — Берта победно взглянула на Роксану. Та промолчала, кусая губы до крови. — Так вот, а хорошие люди и среди рабов бывают, и их не мало, дорогая. А индейцы не едят людей, это всё вздор, придуманный невеждами, — Берта подчеркнула последнее слово.

— Эти люди могли похитить её, чтобы потребовать выкуп! — привела последний аргумент Роксана. — У них нет денег и они готовы на всё, чтобы их получить.

— Некоторые думают, будто всё измеряется деньгами да титулами, — вздохнула Берта. — Мой бедный муженёк, царствие ему небесное, тоже так думал. И меня к этому приучал. Я даже на это повелась, но теперь-то я поняла чего к чему. Некоторые богатые гораздо грязнее и беднее самых нищих.

— Маленькая девочка, вечером, одна, в опасном районе, — продолжала бормотать Роксана.

— Я была не одна! — вдруг выпалила Эстелла.

— Как это?

— Я была с другом.

— С каким ещё другом? — Роксана напряглась.

— Ну... с другом... я... познакомилась с одним мальчиком... он... — Эстелла запнулась. Она не умела врать и хотела было рассказать, как мальчик её вылечил, но передумала. Взрослые не верят в волшебство и наверняка скажут, что ей всё померещилось. — Он... он... он хороший.

— Что он с тобой сделал? Отвечай! Он угрожал тебе? Требовал денег? Обижал? Он тебя бил? — Роксана подскочила к дочери и, ухватив её за плечи, грубо встряхнула.

— Ну что вы, мамочка! Никто меня не бил! Мой друг — очень хороший. Его зовут Данте. Мы просто сидели на берегу реки и болтали, и я забыла про время. Вот и всё. А потом он меня проводил до моста.

— До моста? А что же он с тобой не пошёл? Что это за мальчик? Из какой он семьи? Где живёт?

— Он живёт там, за мостом. Я не знаю из какой он семьи, — Эстелла пожала плечами. — Я его не спрашивала. Но он так интересно рассказывал про лошадей, про курочек и козочек, и про то, как он гоняет овец по пастбищу...

— ЧТО?! Гоняет овец? — грудь Роксаны высоко вздымалась, хозяйка её едва не лопалась от бешенства. — Ты связалась с пастухом? Я запрещаю! Я требую, чтобы ты больше НИКОГДА, никогда не смела общаться с этим нищебродом!

— Но мама...

— Он не нашего круга! Только этого мне не хватало! Достаточно того, что у тебя бабка плебейка, каких ещё свет не видывал!

— Но мама...

— Всё! Прочь! Я всё сказала. Марш в свою комнату! Ты наказана. Сегодня ляжешь спать без ужина! И неделю ни ногой из дома. Будешь выходить только на мессу утром и вечером в моём сопровождении.

— Но мамочка! — большие глаза девочки вновь наполнились слезами.

— Никаких но! Иди к себе! Разговор окончен. И приведи себя в порядок!

Эстелла, опустив голову, отправилась наверх. Она медленно добрела до спальни, но даже дверь открыть не успела, как услышала выкрик:

— У-у-у... дура! — из комнаты напротив высунулась белокурая голова Мисолины. За головой появилась и её хозяйка.

— Так тебе и надо, что тебя наказали! Лучше бы тебя вообще заперли в подвале и отдали на съедение крысам и тараканам! — Мисолина показала язык.

Эстелла ничего не ответила. Девочка была слишком расстроена, чтобы ещё препираться со злой-сестрой. Эстелла открыла свою дверь и захлопнула её Мисолине прямо в лицо, едва не прищемив той нос.

— Ты, дура, ты мне чуть нос не расквасила! — завопила Мисолина за дверью. Эстелла, погрозив кулаком, плюхнулась на кровать, не снимая платья.

Берта стояла посреди гостиной с таким видом, будто проглотила литр уксуса. Гортензия поскуливала и фыркала, тычась носом ей в грудь.

— Это вы во всём виноваты, — прошипела Роксана.

— Я?

— Да, вы. Вы делаете это мне на зло. Хотите сделать из моих дочерей себе подобных. Старая ведьма!

— От ведьмы слышу. Я, может, и старая, но, в отличие от некоторых, я — порядочная женщина. И у меня в семье нет убийц.

— Что?

— То. Слишком долго я молчала, но теперь я всё выскажу. Это ты и твоя семейка угробили Хусто, угробили Альсидеса и оставили меня в одиночестве. Кроме того, я больше чем уверена, это ты приложила ручку к смерти Бласа.

— ЧТО?! — Роксана выронила веер, инкрустированный топазами.

— Именно так. Не надо тут строить из себя невинность. Я не такая глупая, как ты думаешь.

— Не смейте мне тыкать! — взбеленилась Роксана. — Старая приживалка!

— Я остаюсь в этом доме исключительно из-за своих внучек. Я не позволю тебе вырастить из них бесчувственных кукол. Когда ты бегала по всем углам и наставляла Бласито рога, ты думала я ничего не замечаю? Может, он и не замечал, а я и не говорила — больно уж он тебя любил. Но я-то не слепая, я ж видела, как ты бегала из дома по ночам и возвращалась утром. Вертихвостка! Мало тебе всё было! Тебя любили, на руках носили, а ты вон чего творила. Мой сын тебе плохой партией показался. И поэтому ты решила его убить, когда тебе подвернулась партия получше. Не так что ли?

— Это неправда! Я никого не убивала! — закричала Роксана на всю гостиную.

— Враньё! — отрезала Берта. — Ты — самая обычная потаскушка, хоть и с родословной!

Роксана замахнулась, чтобы вклепить бывшей свекрови пощёчину, но остановилась, так и замерев с рукой у самого бертиного носа. Гортензия, угрожающе рыкнув, попыталась зубками цапнуть Роксану за рукав.

— Ну давай, ударь меня! — с вызовом произнесла Берта. — Радуйся, что я не сказала внучкам о том, кто на самом деле их мамаша. Не хочу делать им больно. Но ежели ты меня выведешь, я расскажу всем и всё! И ещё схожу в жандармерию и заявлю там, что это ты убила моего сына.

— Блас упал с лошади! Это был несчастный случай! — Роксану буквально трясло от злости. Да как эта карга смеет обвинять её в убийстве?

— А уговорила его сесть на эту лошадь — ТЫ! Будешь отрицать? Бласито никогда не ездил верхом. И никогда бы не поехал, если бы ты это не придумала. Он тебе во всём потакал. Он тебя любил, даже готов был перебороть свой страх перед лошадьми, чтоб только тебе угодить. Это ты убила моего сына! — Берта хлопнула носом. — Мерзавка!

Роксана сжала кулаки.

— Ещё одно слово, и вы об этом пожалеете.

— Что? Убьёшь и меня? Давай! — выплюнула Берта, надвигаясь на бывшую невестку.

— Повторяю в последний раз: я не убивала Бласа! Если вы будете продолжать в том же духе, я пожалуюсь Арсиеро. И он вас выставит из этого дома.

— А потом тебе придётся объяснить своим дочерям, Эстебану, а заодно и всему городу, почему ты так безжалостно выгнала несчастную одинокую женщину из дома. Пойдёмте, мадемуазель Гортензия, дорогая, выпьем водички, а то в горле пересохло, — Берта погладила болонку, развернулась и ушла в направлении кухни.

Роксана топнула ногой. Да как смеет эта гадюка обвинять её в гибели Бласа? Как? Она ведь не виновата! Не виновата! Она не просила этого тюфяка падать с лошади. Или виновата? Роксана и сама не знала, существует ли ответ на этот вопрос. Это она уговорила Бласа прокатиться верхом. Это она не стала дожидаться конюха и сама запрягла лошадей. Может быть, она слабо затянула подпругу? Но ведь не в первый раз же она это делала! И никогда никто не падал. И она не падала. А Блас упал. Она не хотела его убивать, так вышло. Она не специально. И ту девицу, убийцу Рубена, она ведь тоже не специально в реку столкнула. Старая карга хочет, чтобы она чувствовала себя виноватой, специально над ней издевается. И ещё и дочерей против неё настраивает.

Роксана всхлипнула, прикрыв лицо руками.

— Я не хотела... Я не убивала... никого не убивала... — пробормотала она. — Я не хотела... Это вышло случайно... всё, всё случайно...

Роксана не видела, что на лестнице уже некоторое время стоит высокая и очень худая женщина. Одетая в крепдешинное [1] платье неглиже [2], с длинными руками и грубоватым мужеподобным лицом, она напоминала самку богомола. После окончания скандала его тайная свидетельница пробралась к коридору второго этажа и скрылась за одной из многочисленных дверей.

Комментарий к Глава 6. Скандал —————

[1] Крепдешин — шёлковая ткань с умеренным блеском. Из крепдешина шьют блузки, платья, изготавливают шали.

[2] Неглиже — один из видов женской ночной рубашки, выглядящий как длинное

платье, сродни халату. По предназначению неглиже — лёгкое и удобное домашнее ночное или утреннее одеяние.

===== Глава 7. Жандармы =====

Мелкий тёплый дождик падал с небес, будто россыпи алмазов. Неугомонный ветер стряхивал с деревьев и кустарников тяжёлые капли и, завывая, уносился вверх под самые облака. Мальчик и девочка, держась за ручки, шли босиком по влажной траве. Ветер продолжал хулиганить, со всей мочи дуя на детей и ероша им волосы. Мальчик прижал девочку к себе, закутывая её в плащ. Наверное, не бывает в мире бóльшего счастья, чем то, что приходит неожиданно и захватывает целиком душу и сердце.

— Мы ведь всегда теперь будем вместе?

— Конечно...

Но вдруг полная темнота укрыла детей, словно покрывалом. Налетел смерч. Дети пытались удержать друг друга за руки, но коварный вихрь подхватил девочку, унеся её вверх, в смерчевой поток. Мальчик остался один. Он в ужасе закричал и... проснулся.

Данте, завернувшись в пала [1], лежал на берегу реки. Чёрные волосы разметались по щекам, прикрывая ему глаза. Мальчик шевельнулся, смахнул чёлку с лица и чуть приподнялся, оглядываясь по сторонам. Уцепился за траву в попытке сбросить с себя наваждение. Сны, подобные этому, снились мальчишке регулярно, но в этот раз ему действительно стало страшно. Может быть, потому что в этом сне была черноглазая девочка в светлом муслиновом платье. Сейчас девочки рядом не было — она ушла вчера вечером, и Данте не был уверен, что они увидятся ещё. Вчера, когда хрупкая фигурка девочки исчезла за углом, Данте вернулся к реке и понял: они с Эстеллой не договорились о времени встречи. О чём он только думал? Стоял на мосту как болван и даже не спросил, когда именно она придёт. И почему-то не проводил её до дома, испугался, что она падчерица алькальда. Подумаешь! В гробу он видал этого алькальда.

Эстелла не выходила у Данте из головы. Он зажмурился, встряхивал волосами, как мокрый зверёк, силясь отогнать видение. Но девчонка упорно стояла перед глазами. Ближе к утру мальчик провалился в дремоту и, конечно, Эстелла не присниться ему не могла. Но почему этот сон такой жуткий? Неужели он её больше не увидит? И почему эта девочка так запала ему в душу? Они провели вместе лишь пару часов, а будто прожили целый кусок жизни. Никогда у Данте не было друзей — все от него шарахались и только обижали, но с этой девочкой он хочет дружить. Хочет.

Прохладная речная вода, в которую Данте окунул лицо, немного привела его в чувства. Мальчику следовало бы подумать о том, что он собирается делать дальше: вернуться в дом Сильвио или остаться на реке. Не может же он просидеть тут всю жизнь! Но все его мысли занимала теперь Эстелла. Нет, не хочет он сейчас видеть Сильвио и его отпрысков! Ещё денёк он погуляет, дождётся Эстеллу, а после видно будет.

Данте углубился в заросли. Пройдя немного, он уткнулся в грушевое дерево. Сочные крупные груши висели высоко и так и грозились свалиться на голову. Желудок мальчика при виде фруктов тут же потребовал, чтобы его накормили. Ведь Данте не ел со вчерашнего дня! Сбросив плащ на землю, мальчик, ловко, как кошка, полез на дерево, добрался до груш и сорвал несколько самых больших. Потом сиганул вниз и мягко приземлился на все четыре конечности.

Данте вернулся к реке, забрёл по колено в воду. У самой поверхности плавали мелкие рыбёшки — так много, что впору было собирать их руками. Что Данте и сделал. Наловив

рыбы, мальчик натаскал хвороста, разжѐг костѐр и вскоре уже уплетал запечѐнную рыбу, закусывая её грушами. После вкусного завтрака настроение у Данте поднялось. Дурной сон вылетел из головы, как и воспоминания о жителях «Ла Пираньи». Сбросив одежду, Данте погрузился в воду, тёплую-тёплую, прозрачную-прозрачную, испытывая настоящее, мало с чем сравнимое блаженство. Вот бы ещё Эстелла пришла побыстрее...

Эстелла лежала на широкой кровати, застеленной хлопковыми простынями. Солнышко едва-едва скользнуло по небосводу, а девочка бодрствовала уже целый час.

Итак, её наказали. Неделю она не сможет выйти из дома. Лишь на дурацкую мессу, которую она и так никогда не жаловала, а теперь и вовсе возненавидела. Но Эстелла была согласна с наказанием: да, она поступила плохо. Бабушка её отпустила, но она обещала вернуться быстро и не вернулась. Забыла. Нарушила обещание. Но целую неделю взаперти за такой маленький проступок — несправедливо! Она и погуляла-то всего два часика. Эстелла всхлипнула, утирая слѐзы со щѐк. Она подвела бабушку и огорчила маму, а Мисолина теперь счастлива в своём злорадстве, но самое обидное, что она договорилась о встрече с Данте. И не придѐт.

Эстелла не могла себе этого объяснить, но синеглазый мальчик буквально поселился у неё в мозгу. И она разрывалась между любопытством и желанием снова с ним пообщаться, послушать интересные истории, увидеть ещё какое-нибудь чудо, которое он делает руками. Эстелла жутко, до колик в животе, хотела увидеть нового друга. Ничего подобного девочка ещё не испытывала ни к одному человеку: ни к маме, ни к бабушке, ни к своей лучшей подружке Сантане. И обиднее всего, что она не может никому об этом рассказать, даже бабушке Берте. Бабушка, безусловно, очень хорошая, и Эстелла её любила, но остерегалась доверять ей свои детские тайны. Хотя в силу возраста у неё их и было-то — кот наплакал, но у Берты язык был без костей. В порыве гнева бабушка могла запросто выболтать её секреты. С мамой Эстелла тоже поделиться ничем не могла — они с Роксаной друг друга не понимали. Вчера мама подняла жуткий шум из-за того, что новый друг Эстеллы пасѐт овец. Так как же она ей скажет, что этот мальчик фактически околдовал её? С Мисолиной они терпеть не могли друг друга, хоть и были сѣстрами, так что и с ней ничем нельзя делиться. Оставалась Сантана. Сантана поняла бы её. Сантане Эстелла рассказала бы о том мальчике — они были по-настоящему близкими подругами. Но Сантану она увидит не раньше, чем через неделю. Так что за семь дней наказания, она просто лопнет от переизбытка эмоций. Эх, был бы жив папа, с ним бы она поболтала!

Блас погиб четыре года назад. Эстелле тогда едва сравнялось восемь. Это произошло, как удар молнии — в одно мгновение: раз, и сегодня папа улыбался и гладил её по голове, а завтра он уехал кататься на лошади и больше не вернулся. Эстелла очень любила отца и была с ним гораздо ближе, чем с матерью. Смерть Бласа стала для девочки трагедией. Две недели после похорон она провалилась с температурой, и ещё долго плакала, и не могла играть и смеяться. И удивлялась, глядя на безразличную Мисолину, не проронившую ни слезинки.

— Папочка, как ты мне нужен, если бы ты только знал... — Эстелла вновь расплакалась. Несмотря на роскошный дом и огромное количество людей в нём, поговорить девочке было не с кем, и Эстелла невыносимо скучала по отцу. Он сажал её к себе на колени и рассказывал смешные истории, он гладил её по головке и расспрашивал о том, как прошѐл её день. Конечно, Эстелла любила и маму, и бабушку, и хорошо относилась к новому мужу

мамы Арсиеро, любила Урсулу и Гортензию, но это всё было не то. Девочка чувствовала себя одинокой и хотела ласки, проявления любви, чтобы мама её целовала на ночь, читала ей сказки, придумывала причёски. Но вместо Роксаны всё это делала Либертад — молоденькая горничная, пришедшая в дом пару лет назад. Урсула, переквалифицированная в экономки, уже не справлялась с работой, и наняли Либертад. Либертад любила Эстеллу, и та тоже любила эту девушку за её доброту. А ещё проницательная Эстелла заметила: к смазливой мулатке неровно дышит дядя Эстебан.

Его жена, сестра Арсиеро, Хорхелина ревновала молодого мужа к каждому столбу. И бедной Либертад не было покоя. Хорхелина не давала ей прохода, угрожая прижечь ей лицо раскалённой кочергой. И если бы не заступничество Берты, Либертад давно бы сбежала.

Эстелла, как и Берта, терпеть не могла Хорхелину. Обе втайне надеялись, что когда-нибудь Эстебан бросит эту жердь и женится на Либертад.

В дверь постучали. Эстелла, вытерев слёзы одеялом, уселась на кровати. В комнату вошла очень симпатичная мулатка лет двадцати, с круглым личиком, полными губами и целой копной каштановых кудрей. Это и была Либертад. В руках она держала поднос с едой.

— Сеньорита Эстелла, а я вам завтрак принесла.

— Завтрак? Но разве я буду завтракать в столовой?

— Нет, сеньорита. Ваша мать запретила. Она сказала, вы будете неделю сидеть в комнате.

Эстелла чуть не задохнулась.

— Мы так не договаривались! Вчера она сказала, что мне нельзя выходить из дома, а не из комнаты. Но по дому-то перемещаться я могу!

— Нет, сеньорита, вернее... — Либертад поставила поднос на стол, покосилась на дверь и продолжила шёпотом: — это ваша сестрица убедила сеньору Роксану ужесточить вам наказание. Я всё слышала. Сеньорита Мисолина вчера до ночи вопила, что убегать из церкви — грех и позор, а уж про то, что вы гуляли с мальчиком, я молчу...

— Почему? Что тут такого?

— Ну, понимаете, с мальчиком, не с девочкой же. Сеньорита Мисолина топала ногами и кричала, что это неприлично, и что вас надобно проучить. И сеньора Роксана с ней согласилась. Хотя бабушка ваша возмущалась, но сеньора Хорхелина ей на зло сказала, что она согласна с вашей мамашей. Дескать, в доме не должно быть ничего неприличного, и что вы дурно воспитаны раз гуляете с мальчиками. Вы ж знаете, она такая ханжовка.

— Ханжа ты хотела сказать, — поправила Эстелла.

— Ну да, какая разница? Короче, они решили на неделю запереть вас в комнате. А мне велели запирать вас на ключ и носить еду три раза в день, и всё.

Эстелла не могла прийти в себя от возмущения и обиды. Мисолина! Опять Мисолина!

— Вот змея! — прошипела она, сжимая кулаки. — Ну ничего, я посижу тут неделю, но когда выйду, я ей устрою! Мерзавка белобрысая!

— Вы б поели что ли, а то ж вы вчера не ужинали. Да не расстраивайтесь. Неделя быстро пролетит, ахнуть не успеете. Хотите, я утащу для вас книжки из библиотеки? Хотя сеньора Роксана запретила давать вам читать всё, кроме Библии, и даже с вами разговаривать запретила, но чихать я на неё хотела. Ночью я утащу книжки и принесу.

Эстелла вздохнула.

— Хорошо. Спасибо, Либертад. Ты права. Неделя — это немного. И если я не буду есть, я умру и не смогу отомстить Мисолине.

Девочка встряхнулась, расправила плечи, поставила поднос на колени и с аппетитом взялась за еду.

— Я приду потом за посудой, — Либертад направилась к двери.

— Угу. Только книжки не забудь, а то я тут выть начну с тоски, — добавила Эстелла.

Либертад вышла, заперев дверь на ключ.

Весь день Данте блуждал в одиночестве, то углубляясь в сельву, то возвращаясь обратно к реке. Он старался не уходить надолго, дабы не разминуться с Эстеллой, но девочка так и не пришла.

Луна в эту ночь сияла на небе, как начищенный золотой поднос. А звёзды, будто нарисованные кистью волшебника, висели над самой головой, грозясь вот-вот свалиться от собственной тяжести и раствориться в речных волнах.

Данте, подтянув колени к груди, упёрся взглядом в тёмно-синий бархат небес. На душе у мальчика было тяжело. Радость сменилась тоской, а потом глухим разочарованием. Эстелла не пришла. Обманула. Или забыла про него. Зачем он ей нужен? Кто он? Никто и звать никак. А он-то глупый подумал, что нашёл в её лице друга...

Ночь сегодня была прохладной. Данте потеплее закутался в пала и уложил голову на колени. Он не испытывал ни обиды, ни ярости, только злился сам на себя за то, что поверил Эстелле. Нельзя никому верить. Все люди — лгуны и способны причинять лишь боль. Боль — это именно то, что Данте сейчас чувствовал.

Вдруг мальчик услышал шорох. Сердце против воли затрепетало. Хотя разум и говорил, что так поздно Эстелла не придёт. Шорох превратился в размеренный стук лошадиных копыт. Где-то залаяла собака. Раздались свист и хлопки.

Данте шмыгнул в чащу и спрятался в кустах мимозы. Лучше не попадаться никому на глаза. Неизвестно что это за всадники: индейцы ли, охотники или разбойники.

Наконец, в поле зрения Данте появилась большая чёрная овчарка. Она пошарахалась по берегу, нюхая траву и песок, а затем приблизилась к месту, где спрятался мальчик, и замерла. Похоже, собака его учуяла, а потом и увидела: её коричневые глаза вперились в синие глаза Данте. Миг, и собака громко залаяла.

Данте, продираясь сквозь кусты и царапая ветками руки и лицо, ринулся прочь. Собака с лаем бросилась за ним. Прыг! Овчарка резко прыгнула на мальчика, повалив его на землю. Данте закрыл глаза и сжался в комок. Но вопреки ожиданиям, собака не стала его грызть. Придавив Данте к земле лапами, она продолжила лаять. На лай прискакали всадники — три жандарма.

— Спасибо, Тата, ты хорошо поработала. Славная девочка! — сказал жандарм с длинными усами. Оттащив собаку от Данте, он с руки начал кормить её сырым мясом. Поедая лакомство, Тата виляла хвостом.

Два других жандарма грубо ухватили Данте за шиворот и подняли с земли. Тот, что был поменьше ростом, взглянул на Данте.

— Он?

— Похоже, он! — отозвался второй жандарм сиплым голосом.

— Тоды пошли. Отведём пацана и по домам. Хватит уж на сегодня, весь вечер по лесу бегаем, — предложил коротышка.

— Я никуда с вами не пойду! — выкрикнул Данте громко.

— А кто тебя спрашивать то будет? — хихиканье сиплого напоминало кудактанье

курицы. — Нам велено найти и доставить. Это наша работа. Мы городские жандармы.

— Я ничего не сделал! Я не пойду в тюрьму! — Данте попытался вырваться из крепкой хватки — тщетно. Все три жандарма переглянулись и покатались со смеху.

— В тюрьму? На кой чёрт ты там в тюрьме-то сдался, сопляк? Пойдёшь к своему хозяину, от которого ты удрал.

— У меня нет хозяев!

— А ведь ещё и врёт, наглец! — ухмыльнулся коротышка. — К нам поступила жалоба от сеньора Сильвио Бильосо о том, что с его эстансии сбежал мальчишка-батрак, и до этого ещё сумел разгромить ему полдома и напугать его сына до икоты.

— Я... я... я... не батрак... — Данте дар речи потерял. — Он... он... он... мой приёмный дядя. Мой приёмный отец был его братом. Я не батрак!

— Знаешь чего, пацан, — сказал сиплый. — Мы жандармы, а не судьи. Наше дело преступника найти и доставить обратно к хозяину для дальнейшего наказания. По его усмотрению. Все батраки и рабы — собственность хозяина, и наказывает их он, а не мы. Ежели б мы всех беглых рабов в тюрьму забирали, там бы мест не осталось для других преступников.

— Я не раб!

— Это твои проблемы. Нам велено доставить, — усатый чуть приспустил собаку, и она оскалила зубы на Данте, давая понять, чтобы он и не пытался сбежать. Сиплоголосый, связав мальчику руки, заставил его сесть на лошадь позади себя. Жандармы пришпорили коней и поскакали галопом. Тата бежала рядом, подгоняя всадников лаем.

Комментарий к Глава 7. Жандармы —————

[1] Пала — традиционный плащ гаучо. По виду похож на пончо. Шьётся из хлопка, тонкой шерсти, шёлка. Обычно его носят в тёплую погоду и даже в жару, чтобы прикрываться от солнца.

===== Глава 8. Сила магии =====

Когда Данте в сопровождении жандармов прибыл в «Ла Пиранию», его трясло от испуга так, что он не сразу слез с лошади.

— Ну, давай, шевелись! — крикнул сиплый жандарм, затолкнув Данте в калитку.

В свете факелов дом выделялся чёрным пятном и выглядел жутковато. Батраки давно улеглись спать, и только Руфина, сидя на пеньке, перебирала фасоль. Внезапное появление жандармов напугало женщину. Она вскочила на ноги, перевернув мешок с фасолью, но увидела Данте и вскрикнула:

— Ох, боже мой! Нашёлся!

Данте почувствовал, что жандарм ослабил хватку, и тут же вырвался. Подбежав к Руфине, он уткнулся носом ей в живот. Руфина прижала его к себе.

— Нам нужен дон Сильвио, — сказал жандарм-коротышка.

Руфина отстранилась от Данте, распахнула за спиной дверь, открывающую вид на узкий коридорчик, и крикнула в пустоту:

— Кандела! Скажи хозяину, что пришли жандармы!

Женщина повернулась обратно и тут же взгляд её упал на Данте, который пытался вытереть слёзы с лица. Получалось это у него с трудом — запястья были обмотаны верёвками.

— Это ещё чего такое? — Руфина указала на связанные руки мальчика. Она растопырила локти, став похожей на разъярённую буйволицу, и покосилась на жандармов.

— А чёб не сбежал! — отозвался усатый. Тата при этих словах зарычала.

— Убери отсюда своё страшилище, а то я щас как её отделаю! — Руфина погрозила собаке кулаком. — Как можно связывать ребёнка? — взяв мачете [1] со стола, она разрезала верёвки на руках Данте. — Садись за стол, милый. Ты есть хочешь?

Данте молча кивнул. Говорить внятно он не мог — давился слезами.

Руфина наложила в деревянную плошку утали [2], добавила к ней большое красное яблоко и калebas [3] с матэ. Все это она поставила перед мальчиком. Данте принялся так быстро запихивать еду в рот, словно боялся, что её вот-вот отнимут. Руфина лишь головой покачала.

— Куды ж ты так торопишься? Ты ж ведь подавишься! — сказала она укоризненно.

Но Данте чувствовал: надо поужинать сейчас обязательно. Когда он сможет поесть ещё раз — неизвестно. Ведь это чудовище, его так называемый дядя, может сделать что угодно. Мальчик молниеносно, почти не жуя, проглотил клейкую кашу. Так же молниеносно он слопал яблоко и принялся за матэ.

БАМС! Дверь дома распахнулась. На пороге появилось большое круглое пузо. За пузом вывалился и его хозяин. Поросёныш глазами Сильвио, пошарив по округе, упёрлись в Данте. Землевладелец перевёл взгляд на необъятную Руфину и ощерился. Он уже было хотел что-то гаркнуть, но усатый жандарм его опередил:

— Сеньор Сильвио, мы нашли мальчишку!

— Возле реки ошивался, — добавил сиплоголосый жандарм.

— Ещё и бегал от нас, гадёныш. Но наша собака любого поймает, — доложил коротышка.

— Замечательно, — Сильвио поковырял пальцем в ухе, засунув его туда почти наполовину. — Вы свою работёнку сделали. Теперь проваливайтесь восвояси. Время позднее, уж полночь скоро.

Жандармы откланялись. Калитка скрипнула — они ушли.

— Ну-с! — Сильвио повернулся к Руфине. — Кто ты, толстуха, просил его кормить?

— Не морить же ребёнка голодом, — проворчала Руфина.

— После того, чего он тут устроил, он больше и крошки хлеба в моём доме не получит. Так, ты! — Сильвио повернулся к Данте. — Ну-ка вставай, пошли!

— Куда? — мальчик сдержал дрожь в голосе.

— Куды надо! Встать, я сказал!

Данте с трудом поднялся со скамейки. Ему на секунду пришлось ухватиться за стол — ноги вдруг сделались ватные. Так он и знал, что этот человек не упустит шанса над ним поизмываться.

Данте пошёл следом за Сильвио, испытывая невероятное чувство унижения. Он старался держаться от мужчины на расстоянии — мало ли что придёт в голову этому зверю. Может, он его в комнате заперёт на ключ и оставит без еды дня на два? Ну это-то он выдержит, тем более что сердобольная Руфина найдёт способ добраться до него, когда все уснут. Хорошо, что он успел поужинать.

Но надежды Данте на столь благополучный исход мигом улетучились, когда Сильвио вытолкнул его на чёрную лестницу. Он осветил факелом темноту, а затем приподнял крышку люка.

— Спускайся! — Сильвио указал на дыру в полу.

— Зачем? Я туда не пойду!

— Пойдѣшь. Пойдѣшь, как миленький. Я сказал спускайся! Или я силой тя втолкну, и ты скатишься по лестнице и все кости се переломаешь. Так что спускайся по-хорошему.

Данте вжался в стену.

— Я... я... я... туда не пойду! Там крысы! И там нет света! Я туда не пойду!

— Ты меня уже заколебал, — Сильвио говорил спокойно, даже безразлично. Это было куда хуже, чем крики и брызганье слюной. И Данте понял: этот человек уже не остановится. Он хочет закрыть его в подвале и там уморить. Сильвио был адекватен и вменяем. Вероятно, он несколько дней это обдумывал.

— Спускайся вниз, — повторил Сильвио. — Уж полночь, я спать хочу и не собираюсь стоять тут до утра.

Данте даже челюсти не смог разжать, чтобы хоть что-то сказать. Всё тело будто железным обручем сковало, и он только беспомощно хлопал глазами. Неужели это от страха? Мальчик был далеко не из трусливых и такое с ним случилось впервые. Он попробовал призвать на помощь магию, но это мало что дало — лишь заискрились кончики пальцев. Зато лимит терпения у Сильвио оказался исчерпан.

— Даже не пытайся применять тут свои дьявольские штучки! После твоей выходки в столовой мой сын заикается до сих пор! Урод! Не думай, что те это с рук сойдѣт! — и Сильвио, схватив Данте за шкурку, потащил его к люку. Данте не сопротивлялся, его как беспомощного котѣнка приподняли над полом и столкнули в дыру. Мальчик пролетел по крутой лестнице, сосчитав боками ступеньки, и впечатался в землю.

— Я ж ты предупреждал: лучше по-хорошему! Ежели переломал все кости, я лекаря звать не стану, так и знай! — дверца люка захлопнулась. В замке повернулся ключ. Данте некоторое время слушал, как Сильвио пыхтит и отдувается. Постепенно шарканье его ног затихло вдали.

Мальчик остался в крошечной темноте и тишине. Слышалось только лёгкое шуршание сбоку. «Наверное крысы», — подумал Данте, медленно впадая в панику. Никого он не боялся так, как крыс. Этот страх появился из ниоткуда и был патологическим. Данте десять раз предпочѣл бы встретиться один на один с ягуаром или волком, чем увидеть крысу. Хотя в такой темноте он и не увидит её. Почувствует, когда ему отгрызут пальцы или уши.

Понемногу тело Данте обрело чувствительность. Мальчик уцепился за влажную землю пальцами и приподнялся, закутываясь в оборванный плащ. Он был жив и даже цел. Удивительно, но факт — при падении он не сломал ни руки, ни ноги, ни рѣбра, не свернул шею и не разбил голову, хотя ступени были каменные. Наверяд-ли это волшебство. Скорее — простое везение.

Данте сосредоточился и попытался вызвать на ладони огонѣк. Ему это удалось. Разглядеть что-то при таком свете было сложно, да разглядывать собственно и нечего было — подвал пустовал. Прежде здесь хранились бочки с вином и бутылки с виски, к которым подчас любил приложиться Сильвио. А ещё мешки с мукой, зерном и кофе. Но, после того как тут завелись крысы, оставлять в подвале хоть что-то стало невозможным. Крысы жрали зерно, прогрызали дыры в мешках с кофе и опрокидывали бутылки с полки, разбивая их вдребезги. Руфина который год вела с крысами войну. И который год война оканчивалась безоговорочной победой крыс.

Вместе с тем как к Данте возвращались силы, огонѣк на его ладошке становился ярче. Данте направил руку на стены ещё раз. Луч упал на огромную жирную крысу, важно лежащую в углу. Новый приступ страха буквально вывернул Данте все внутренности. Он

ползком добрался до лестницы и сел на ступеньки — как можно дальше и выше от крысы.

Но страх не уходил, сводя мальчика с ума. Крыса же на Данте никак не реагировала; лежа на месте, изредка пошевеливалась. Но каждое её малейшее вздрагивание, отдавалась в мозгу у Данте, как удар церковного колокола. Мальчик залез ещё повыше на пару ступенек, уткнулся лбом в стену. Солёные капельки слёз потекли по его фарфоровым щекам...

Он провалился в дремоту, но ненадолго. Жирная крыса, приподняв морду, зевнула. И Данте моментально проснулся. Крыса повела носом и опять уложила морду на пол. Данте зажмурился, закусывая губы до крови. Это только вопрос времени. Однажды крыса проголодается, встанет и будет искать еду. И тогда он начнёт орать диким голосом. Данте не знал, есть ли в подвале ещё крысы — он не видел их в темноте, но Руфина всегда утверждала, что их тут пруд пруди. Мальчик старался взять себя в руки и подумать о чём-нибудь другом. Но это было в высшей степени сложно — близость крысы не давала ему покоя. Ну за что ему всё это? Что такого он сделал в жизни, дабы терпеть эти унижения? Он ведь тоже хочет быть счастливым, хочет бегать и играть, хочет семью и друзей. Чем он хуже остальных детей? Хотя, наверное, чем-то хуже, раз даже та девчонка его обманула. А может быть, она всего-навсего не смогла прийти на встречу? Эстелла же говорила, что её будут ругать за побег с мессы. Конечно! Её могли не выпустить из дома! Горечь в сердце мальчика сменила надежда. И как ему это не пришло в голову? Он-то подумал, что Эстелла о нём забыла. А может быть и нет. Вдруг она придёт завтра? Душа Данте, едва расправив кончики крыльев, мигом сжалась, рухнув в новую бездну отчаяния. Как же он узнает, приходила Эстелла или нет, если он заперт тут, в этом мерзком подвале, и понятия не имеет выпустят ли его отсюда или оставят умирать с голоду? Что же делать? Надо отсюда выбраться, чтобы увидеть Эстеллу. Эта девочка — единственный человек на всём свете, с которым ему хорошо.

Данте взглянул на свои руки. Они тотчас вспыхнули голубоватым светом. На кой чёрт ему сдалась эта магия, если она ничем не помогает? И он маг, волшебник, вместе со своей силой вынужден умирать от страха в сыром подвале, ожидая, когда его покусает крыса. И почему он должен подчиняться Сильвио — человеку, у которого нет ни только сердца, но и даже мозгов? Зачем ему вся эта магия, если он, благодаря ей, лишь может рисовать узоры на воде да передвигать тарелки по воздуху? Магия не даёт ему счастья, только одни неприятности. Из-за неё люди шарахаются от него, все боятся его и ненавидят. Лучше бы этой магии и вовсе не было!

На светящиеся ладони с лица мальчика упали крупные слёзы. Данте долго смотрел, как они переливаются в лучах света.

— Почему ты мне не помогаешь? — спросил он. — Зачем ты горишь? Зачем ты нужна, если от тебя никакого толку? Помоги мне! Чёртова магия, помоги мне!

Вдруг свет на ладонях стал ярче. Из пальцев пошёл фиолетовый дымок.

— А может ты просто не умеешь мной управлять? — раздался вкрадчивый голос.

Данте вздрогнул. Он оглянулся по сторонам, освещая стены и пол руками, но никого не увидел, не считая крысы в углу.

— Всё дело в том, что мы с тобой не знакомы, — продолжил голос. — Ты меня боишься и не желаешь знакомиться. Хотя вроде никогда не был трусом.

— Ты кто? — Данте осознал, что голос исходит прямо у него из пальцев.

— Я — это ты.

— Что это значит? Это не ответ. Ты не можешь быть мной, потому что я — это я. Я не

знаю, кто ты такой. И вообще-то невежливо разговаривать с человеком, не показываясь ему на глаза.

— Мы с тобой одно целое. Я живу в тебе.

— Бред какой-то... Я хочу тебя увидеть! Я не собираюсь разговаривать с призраками! — осмелев потребовал Данте.

— Я не призрак. И ты не можешь меня увидеть.

— Почему это?

— Потому что я существую и не существую. Я живу в твоём сердце, в твоей голове, в твоих руках. Я часть твоей души.

Данте встряхнулся в попытке согнать с себя оцепенение.

— Я тебе не верю. Я читал в книгах, что некоторые колдуны могут становиться невидимыми. Думаю, что ты колдун и просто пытаешься запудрить мне мозги. Ты хочешь мне внушить, что у меня не все дома. И что ты — моя галлюцинация, раз живёшь только в моей голове. Я тебе не верю! У меня с головой пока всё в порядке! — воскликнул Данте.

— Я и не говорил, что ты сумасшедший, — обиженно произнёс голос. — Без меня ты был бы обычный, самый обычный человек. Я — твоя магия.

— Откуда ты взялся?

— О, это очень сильное, очень могущественное колдовство, совершённое одним великим волшебником. Он передал тебе часть своей силы в тот самый день, когда сгорел проклятый дом.

— Я знаю эту историю. Приблизительно. Но ты откуда её знаешь? — недоверчиво спросил Данте.

— Я и есть та сила, что тебе передал старик. Когда ты родился, в тебе уже были зачатки магии. Незначительные. Это произошло, потому что ты родился в доме, наполненном колдовством. Но когда старик передал тебе свою магию, всё, что было в тебе, усилилось многократно.

— Но почему ты разговариваешь, если ты не человек?

— Так и есть, — согласился голос. — И я не умею разговаривать. Точнее говорить я могу только с тобой. Меня слышишь только ты.

— То есть ты хочешь сказать, что я псих, который сейчас болтает сам с собой?

— Со стороны — возможно. Но ведь ты меня слышишь, значит, разговариваешь со мной, а не сам с собой. Ты можешь позвать меня в любое время, когда захочешь.

— А почему ты раньше не появлялся?

— А ты меня звал? — ехидно поинтересовался голос.

— Нет, но...

— Ты никогда не просил меня о помощи. А как попросил, так я и пришёл.

— Ну ладно, допустим. У тебя хотя бы есть эээ... имя? Я же должен тебя как-то называть. Я же не могу к тебе обращаться: «эй, ты», даже если тебя и не существует.

— Меня зовут Салазар.

— Салазар... странное имечко. Ладно, будем знакомы. Только я не понимаю, раз у тебя есть имя, то почему я не могу тебя увидеть? Мне бы хотелось на тебя поглядеть.

— Посмотрись в зеркало, — насмешливо посоветовал голос.

Данте гневно дёрнул плечами. Впрочем, Салазару надо было отдать должное — благодаря его появлению Данте забыл про крысу.

— Так вот, Салазар, раз ты пришёл, значит, ты можешь мне помочь?

— Ммм... пожалуй. Правда, я не знаю, какой именно помощи ты ждёшь. Чего ты хочешь, скажи?

— Неужели непонятно? Я хочу выбраться отсюда, и чтобы все идиоты раз и навсегда от меня отвалили!

— Я не джинн и не исполняю желания, — высокомерно процедил Салазар.

— Тогда не издевайся! — разозлился Данте. — Если не можешь помочь, иди к чёрту!

— Без твоего участия — не могу. Ну как я могу разрушить стену, если ты сидишь и даже не шевелишься?

— Разрушить стену? — сказать, что Данте удивился, — не сказать ничего. У мальчика чуть глаза из орбит не вылезли.

— А ты знаешь ещё способ как выбраться отсюда? — усмехнулся Салазар. — Ну, можно ещё потолок высадить. Только я боюсь, что от грохота тогда содрогнётся весь дом. Так что предлагаю не терять времени и всего-навсего проковырять окно во внешней стене.

— Как?

— Встань напротив стены и направь на неё обе руки. И подумай мысленно о том, что ты хочешь сделать.

Данте терять было нечего. Он поднялся на ноги и зажмурился, направив ладони на стену. Богатое воображение мальчика вмиг нарисовало картину: вот стена была, и вот вдруг она треснула. Данте, почувствовав в руках сильнейшую вибрацию, открыл глаза. Мощная струя ярко-жёлтого света выскочила из кончиков его пальцев, ударив в стену. ПЫХХХХ... Что-то зашипело. По каменной стене пошла трещина. Она была странной формы — круглая, будто кто-то рисовал окно углём прямо на стене. Круг сомкнулся и вывалился наружу, открыв взору небольшую сквозную дыру. Данте вскрикнул. Сердце в груди заколотилось. Не может быть! Он сейчас выйдет отсюда!

— Спасибо... — прошептал мальчик, прижимая руки к груди. — Салазар, кем бы ты ни был, спасибо!

Но никто больше не отвечал. От вспышки света крыса проснулась, и Данте на секунду замер, глядя как она поднимается и в упор смотрит на него. Нет уж, какая-то мерзкая крыса не мешает ему! Стиснув зубы и подавляя приступы дикого страха, Данте шагнул к дыре, освещая себе путь пальцами. Его ноги прошли в паре сантиметров от крысиного носа. Крыса пошевелила усами, но и опомниться не успела, как Данте подтянулся на руках, скользнув в дыру.

Он выбрался наружу и попал в узкий длинный тоннель, уходящий вверх. Мальчик некоторое время карабкался по тоннелю. Тоннель петлял и вилял, то сужался, то расширялся. Похоже, это был лаз, которым раньше кто-то пользовался.

В конце концов, Данте увидел впереди огонёк. Ещё миг, и прохладный ночной воздух ударил ему в лицо, растрепав копну волос. Он увидел россыпи звёзд на чёрном атласе небес. Мальчик выкарабкался из земли, в изнеможении плюхнулся на траву. Неужто он сбежал? Нет, нельзя сейчас тут лежать! Вдруг его найдут? Далеко от «Ла Пираньи» он вряд-ли ушёл. Надо убираться отсюда! Несмотря на жуткую усталость, Данте заставил себя подняться. Весь в грязи, он бросился вперёд, не имея представления о том, где находится и куда бежит. Споткнулся о сучок и упал. Вновь поднялся. Миновал небольшую чащу и пару пастбищ. Опять упал. Прямо носом вниз. И понял, что больше не может идти — силы иссякли окончательно.

— Это ктой-то здесь? — услышал вдруг Данте дребезжащий голос над самым ухом.

Мальчик, вскинув голову, упёрся взглядом в чей-то сапог.

Комментарий к Глава 8. Сила магии —————

[1] Мачете — длинный (свыше 50 см) нож для уборки сахарного тростника в странах Латинской Америки.

[2] Угали — африканское национальное блюдо. Каша или пюре на основе кукурузной муки. Угали едят руками.

[3] Калebas — общее название сосудов для питья матэ. Традиционно делается из тыквы, но испанцы, вывезя этот напиток из Латинской Америки, придумали и декоративные варианты калebasа — из древесины, палисандра, дуба, кебрачо, а также фарфора, керамики и серебра. Пьётся матэ при помощи специальной металлической, тростниковой или бамбуковой трубочки — бомбили.

===== Глава 9. Брат и сестра =====

Перед Данте стоял невысокий сморщенный человечек в сутане. Это был падре Эберардо.

— Почему ето ты тут лежишь? — прошамкал он. — Тебе плохо?

Данте, кое-как встав, исподлобья взглянул на падре. Он и раньше с ним встречался и всегда в присутствии его жаждал немедленно убежать.

— Простите, падре. Я не хотел вас пугать, — промямлил Данте, отряхивая грязь с одежды.

— Ты Данте, не так ли? Племянник дона Сильвио?

Данте кивнул. Он побаивался падре, поэтому спорить не стал, хотя и не был согласен именоваться племянником Сильвио. Слава богу или дьяволу, что это не так.

— Хороший человек, дон Сильвио, — продолжил падре. — Немножко неотёсанный, ну так что ж с того. Зато всегда помогает моему приходу. Вон Руфина каждый день носит нам с диаконом то яички, то молочко, то пирожки, а то и мяско парное.

Данте промолчал. Он-то прекрасно знал, что Сильвио не запрещал Руфине ублажать падре из личной выгоды. Ведь падре Эберардо всем рассказывал о том, какой дон Сильвио щедрый и великодушный.

— А я тут припозднился чуток, — объяснил падре. — Отходную читал [1]. Знаешь, старуха Обдулия вот-вот преставится. Вообще-то, туда ей и дорога. Прости, Господи, но гадюка, каких ещё свет не видывал, — падре перекрестился.

Данте с трудом припомнил, кто такая старуха Обдулия. Он плохо знал соседей, потому что ни с кем из них не общался. Кажется, это та злая бабка, что хотела его утопить, когда он был младенцем. По крайней мере, Мендига, рассказывая эту историю, называл ту старуху Обдулией.

Падре держал чётки, на которых болтался огромный крест. И крест этот вызывал в Данте ужас, мерно покачиваясь у падре в руках, словно маятник. Мальчик чувствовал, что задыхается от желания вырвать у старика из рук чётки и выбросить их подальше. И так было всякий раз, когда он видел падре или кресты с иконами. Данте боялся подходить к церкви. В первый раз, когда он там побывал, его тошнило так, что он едва не потерял сознание. А во второй раз, пару лет назад, у него возникло дикое, необузданное желание поджечь всё, что находилось внутри. С каким бы удовольствием он посмотрел, как иконы скукоживаются в огне! Данте опустил глаза, дабы не видеть падре и его чётки.

— Я спешу, падре. Можно я пойду? — выдавил он

— Иди, сын мой. Завтречка я к твоему дяде загляну. Надобно мне с ним обсудить кой-

чего. А заодно я бы хотел и с тобой потолковать.

— О чём?

— Дон Сильвио жаловался на тебя намедни. Говорил, что ты дурно ведёшь себя и плохо влияешь на его детей. А ещё ты не посещаешь церковь. Нехорошо ж ведь это. Господь прогневается на тебя.

— Простите, падре, мне надо идти! — невежливо прервал Данте. Он больше был не в силах слушать эту ахинею, кроме того, смертельно устал. И мальчик пустился наутёк, только пятки засверкали. Падре недовольно проводил Данте взглядом.

Данте бежал и бежал вглубь сельвы, пока не выдохся. Тогда он сел на землю, облокотился спиной о дерево и в мгновение ока провалился в сон. Теперь он уже был не здесь, а далеко-далеко, в другом мире. В мире, где живут мечты и сказки.

Данте стоял в озере по щиколотку в воде. В руках он держал плетёную корзину. Посреди озера красовалось раскидистое вишнёвое дерево. Данте смеялся, срывая огромные спелые ягоды, похожие на капли крови. Тут дно у корзины отвалилось и все вишни упали в воду. Данте, ругаясь, опустился на колени и стал их собирать обратно.

— Привет, — раздался звонкий девчачий голос. Кто-то тронул его за плечо. Данте обернулся. Это была Эстелла.

— Ты такой милый, — Эстелла, чмокнув его в щёку, побежала прочь. Тёмные локоны мелькнули вдали, скрываясь за зелёными зарослями.

— погоди! Стой! — Данте хотел побежать за девчонкой, но вишни, которые он рассыпал по дну озера, вдруг пустили корни. Они росли и росли, обвивая гибкими ветвями ноги и руки мальчика так, что он не смог сдвинуться с места...

За завтраком в особняке Гальярдо де Агилар царил напряженная атмосфера, скрытая за масками равнодушия. Арсиеро — мужчина интеллигентной наружности, с тонкими усиками и узким клювообразным носом — читал «Политическое обозрение». Эстебан, элегантно закинув ногу на ногу, изучал результаты вчерашних скачек и недовольно морщил нос. Урсула раскладывала по тарелкам жаркое, завёрнутое в листья салата, поливала его соусом и наполняла хрустальные стаканы соком. Роксана бросала на членов своего семейства презрительные взгляды. Мисолина, с видом принцессы, которую вечно недооценивают, раскладывала на коленях салфетку. Берта усаживала вертящуюся во все стороны Гортезию на табурет рядом с собой.

— А кого не хватает? — растерянно поинтересовался Эстебан, отрываясь от таблицы с именами лошадей-победителей. — Мне кажется, нас слишком мало.

— Нет Эстеллы и вашей жены, дорогой, — напомнила Берта.

— Ах, да, точно! Хорхелина, наверное, доньне прихорашивается. Вы же знаете, маменька, её туалет обычно занимает часа три. А что с Эстеллой?

— Она наказана, — сухо объяснила Роксана.

— Я же вам говорила, Эстебан, что Роксана решила поиздеваться над родной дочерью, — уколола Берта. — Хорошо, на цепь не посадила.

— Помолчите, мадам. Вас это не касается. Она наказана за недостойное поведение. Она сбежала из церкви, чтобы гулять с малолетним бандитом, — Роксана смерила Берту взглядом победительницы.

— А по-моему, дорогая, вы чересчур жестоки к малышке, — отозвался Арсиеро из-за газеты. — Можно было всего лишь запретить ей гулять. Зачем же запирайте девочку в

комнате?

— Затем. Она ещё такая маленькая, а уже ведёт себя, как гулящая девка! Подумать только, пойти развлекаться с пастухом! Это надо пресечь пока не поздно, а то лет через пять она нас опозорит на весь город. Не дай бог ещё принесёт в подоле! И что мы тогда делать будем? Ведь никто приличный на ней не женится после этого. А мои дочери должны выйти замуж только за мужчин с титулами, истинных аристократов. В нашем доме и так полно простолудинов, которые мнят о себе невесть что!

Мисолина разглядывала ножку стола, сдерживая торжествующую улыбку.

— Как можно так говорить о собственной дочери? — разозлилась Берта. — Сами-то вы как себя вели с десятков лет назад?

— Закройте рот! — Роксана гневно уставилась на бывшую свекровь. Берта в ответ показала язык.

— Бога ради, избавьте меня от вашей ругани! — воскликнул Эстебан, эффектным жестом убирая с лица волосы.

Все умолкли. Урсула, закончив раскладывать еду, ушла. Теперь на столе, помимо жаркого, высились корзинки с фруктами и салатницы с салатами, графины с водой и соками всех цветов радуги, пышущие жаром рогалики с повидлом, а также ароматный банановый пирог.

— Приятного аппетита, — сказал Арсиеро.

— Приятного аппетита, — отозвались остальные.

— Да благословит Господь эту пищу, — с достоинством произнесла Роксана.

— Аминь, — и все принялись за еду.

Через минут десять после начала трапезы, на лестнице раздался стук каблуков. Сверху спустилась очень высокая женщина, худая как богомол, с мужеподобным лицом и выступающим вперёд подбородком. На ней было тёмно-красное платье омбре [2] с рюшами, волосы украшены серебристой сеточкой. За дамой, с подносом, заваленным папильотками и шпильками, спускалась Либертад.

— Вы опоздали к завтраку, Хорхелина, — едва сдерживая поток неллицеприятных слов выдавила Роксана. — Мы уже прочитали молитву и приступили к еде.

— Ой, простите, любезная золушка, я слегка припозднилась. Эта омерзительная горничная такая нерасторопная. Она делала мне причёску целых два часа и выдрала все волосы. Тварь безрукая! Здравствуйте, мой зайчик, — Хорхелина жеманно закатила глаза к потолку и наклонилась к Эстебану, подставляя губы для поцелуя. Он рассеяно чмокнул супругу. Белый передник Либертад мелькнул, скрываясь за дверью. Эстебан вновь углубился в чтение — на сей раз он читал журнал светских сплетен.

Хорхелина плюхнулась на стул рядом с мужем и покосилась на пустую тарелку.

— Что, в этом доме нет нормальной прислуги? У одной грабли вместо рук, а вторая вообще неизвестно где ошивается. Я что, должна сама себя обслуживать? Где эта вонючая негритянка? — разразилась ядовитой тирадой Хорхелина.

— Я понимаю, сестра, что вы встали не с той ноги, — Арсиеро, наконец, отложил газету, — но это не повод, чтобы обзывать Урсулу. В высшем обществе, если вы не знаете, не принято изгаляться над прислугой. Так делают только богатенькие плебеи. А мы, урождённые аристократы, уважаем всех людей, которые нам служат. Урсула — прекрасная экономка, она работает в доме уже много лет. Она не виновата в том, что вы опоздали к столу. Время завтрака едино для всех. Таковы правила этого дома, так что, будьте добры,

наложите себе еду сами. У вас руки не отвалятся, я вас уверяю.

Хорхелина заткнулась — только брату было под силу поставить её на место.

— Тётушка Хорхелина, а как вы думаете, — прозвучал в тишине тонкий голосок Мисолины, — стоит ли выпускать мою сестру из комнаты спустя всего три дня, если она такое натворила? А то мама и бабушка до вашего прихода как раз об этом спорили.

— Разумеется нет, — ответила Хорхелина. — Она позорит доброе имя нашей семьи. Каждая приличная сеньорита обязана посещать мессу и водиться только с людьми своего круга. А уж с мальчиками и вовсе лишь в присутствии взрослых. Иначе это просто неприлично.

— Её надо проучить! — воодушевлённая поддержкой, Мисолина победно вздёрнула нос.

— А я вот думаю, что не помешало бы проучить и Мисолину, — сказал Арсиеро. — Чтс ты думаешь, дорогая, если мы тебя тоже закроем в комнате, как и твою сестру? Её в наказание за побег с мессы, а тебя — за злорадство и стукачество.

Мисолина прикусила язык. Берта улыбнулась кончиками губ. Она неплохо относилась к Арсиеро, считая его умным и справедливым человеком. И Берта жалела, что Роксане в очередной раз повезло с мужем. Роксана не любила Бласа, который носил её на руках; она не любит и Арсиеро, только ищет выгоду. Теперь возгордилась окончательно, став первой дамой города. Как же жизнь несправедлива! И сейчас эта змея издевается над её внучкой! Сделала из Мисолины себе подобную и хочет испортить жизнь и Эстелле.

«Ну это мы ещё посмотрим кто кого!», — подумала Берта, вместо куска мяса протягивая Гортензии лист салата. Болонка недовольно заурчала, давая понять, что ЭТО она есть не будет.

— Простите, дорогая, я всё перепутала, — Берта погладила собачку, примяв красный маркизетовый [3] бант, и загадочно улыбнулась самой себе. В её голове созрел гениальный план.

Комментарий к Глава 9. Брат и сестра —————

[1] Отходная молитва — молитва, которую читает священник перед ложей умирающего.

[2] Омбре — шёлковая лёгкая ткань с характерными повторяющимися продольными линиями цветовой гаммы. Из данной ткани шьют дамскую одежду, галстуки.

[3] Маркизет — почти прозрачная тонкая бумажная или шёлковая ткань.

===== Глава 10. Охотник =====

Данте проснулся от непонятного шума. Солнце пока лишь робко высовывало лучики из-за горизонта. Данте прислушался: где-то вдалеке кричали птицы и ржала лошадь. Неужели его опять ищут жандармы? На миг Данте испугался, но болезненная его интуиция подсказывала: надо пойти на звуки. Мальчика тянула туда какая-то неведомая сила. Да и не могут его сейчас искать. Ещё слишком рано.

— Салазар! — тихо позвал мальчик. — Салазар, что мне делать?

— Иди туда, — шепнул голос.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Если ты успеешь спасти одну невинную жизнь, ты не пожалеешь об этом долгие годы, — загадочно сказал Салазар.

И Данте побежал на звуки. Пролез сквозь кусты мимозы и увидел всадника. Это был молодой мужчина лет тридцати, одетый как гаучо. Голову его прикрывала шляпа с узкими полями, из-за пояса торчал кинжал. Он гарцевал на лошади изабелловой [1] масти; на боку

её висели лассо и тушки мёртвых тропических птиц. В руках мужчины держал лук и стрелы — тонкие и лёгкие, вырезанные из жилок листа пальмы [2].

Отравленные стрелы! Этот человек — охотник за птицами! У Данте аж слёзы выступили. Он обожал всех животных, кроме крыс, и ненавидел людей, что охотились за ними. Иногда гаучо, свободные погонщики скота, наживы ради ловили диких лошадей; убивали кабанов и быков и сдавали их тушки на мясо; снимали шкуры с нутрий, шиншиллы, лис и волков; уничтожали очень красивых тропических птиц, дабы пустить их перья на украшения для шляп и нарядов богачей.

Данте выбрался из кустов и напрямую двинулся к всаднику. Охотник, заправив стрелу в бамбуковую трубку, натянул тетиву и дунул внутрь трубки. Стрела бесшумно скользнула ввысь. В ту же секунду зелёный луч вырвался из пальцев Данте, переломив стрелу пополам. Большая чёрно-алая птица выпорхнула прямо из-под носа у гаучо. Но улетела она недалеко — примостилась на соседнее дерево и вылупилась на Данте чёрными круглыми глазками.

Охотник тоже взглянул на мальчика.

— Почему стрела сломалась? — пробормотал он. — Ничего не понимаю...

— Зачем вы убиваете птиц? Нельзя их убивать! Вообще нельзя убивать животных. Это жестоко! — Данте говорил с вызовом.

— Ты думаешь? Я раньше тоже так думал. Но когда перед тобой стоит выбор: дать умереть ребёнку от голода или убить красивую птицу, чтобы продать её перья и купить ему еду, приходится чем-то жертвовать. И для меня выбор очевиден.

— Для меня тоже, — глухо отозвался Данте. — Я бы никогда не убил животное.

— Значит, по твоей логике выходит, что лучше убить человека, чем птицу?

— Именно. Человека мне не жалко.

— Даже ребёнка?

— А разве меня кто-то жалеет? Кто-то хоть раз меня пожалел? — голос Данте стал хриплым, глаза потемнели. — И дети, и взрослые одинаковы. Если будут одновременно умирать птица и человек, я спасу птицу. Ясно вам? А убивать птиц из-за их перьев — это варварство!

Всадник, спрыгнув с лошади, приблизился к мальчику.

— Откуда ты такой взялся? — поинтересовался он, взирая на Данте небесно-голубыми глазами.

— Ниоткуда. Просто гулял по лесу, услышал шум и пришёл. И правильно сделал. Спас от вас хотя бы одну птицу.

Птица продолжала сидеть на дереве, вращая головой и ероша перья.

— Почему ты так не любишь людей? — спросил охотник.

— Потому что они все твари! — убеждённо заявил Данте, сверкнув раскосыми глазами.

Охотник печально вздохнул.

— Ошибаешься. Есть люди и очень хорошие.

— Я не встречал.

— Совсем-совсем?

— Совсем, — Данте покраснел. Соврал. Единственный хороший человек — Эстелла. Значит, всё же встречал.

— Мне жаль тебя. Не знаю, кто тебе всё это внушил и кто тебя так обидел, что ты всех ненавидишь, но поверь мне, не все люди плохие.

— Но их большинство.

— Возможно, но есть и меньшинство.

— А вы? — Данте встряхнул головой так, что волосы разлетелись у него по лицу. — Вы

— убийца невинных животных — тоже относите себя к разряду хороших людей?

— Ммм... я навряд-ли смогу ответить на твой вопрос, — грустно отозвался охотник.

— Почему?

— Как ты сам сказал, я — убийца. Двенадцать лет назад я убивал людей на войне, чтобы самому выжить и позволить жить людям в этой стране. Теперь я убиваю животных, чтобы прокормить жену и ребёнка. В любом случае я убийца. Но даже для убийства могут быть свои причины.

— И вы хотите сказать, что у всех людей могут быть свои причины, чтобы вести себя плохо?

— Именно так.

Данте прищурил глаза.

— Вы сумасшедший.

— Может быть. Но ты мне так и не сказал, почему сломалась стрела?

— Я захотел, чтобы она сломалась. И она сломалась.

— Интересно. А как тебя зовут?

— Вам-то какое дело?

— Зачем же грубить? Мы с тобой беседуем и я хочу знать как тебя зовут. Я не привык разговаривать с людьми, не будучи с ними знаком.

— Данте.

— Данте... Редкое имя. Я — Гаспар.

— Угу.

— Что ж, будем знакомы.

Спустя полчаса Гаспар, разведя костёр, поджарил куропатку, надев её на вертел. Данте сначала категорически отказывался есть убитую птицу, но голод победил его возмущение и он с аппетитом стал запихивать куропатку в рот.

— Ну вот, как только приходит голод, все убеждения относительно гуманности к животным летят в тартарары, не так ли? — улыбнулся Гаспар. Сняв шляпу, он бросил её на землю.

Данте пробурчал что-то невнятное; проглотив куропаткино крыло, добавил:

— У каждого своя правда. У вас своя и у меня своя. Одно дело убить птицу, чтобы не умереть с голоду, и другое — чтобы продать ради перьев, которыми украшают наряды богатенькие дамочки. Это отвратительно.

Гаспар почесал белокурую голову.

— Наверное, ты в чём-то прав. Это отвратительно. Но за перья тропических птиц много платят, потому что этот товар отправляют в Европу. А мне надо кормить семью. Мы не богаты, у нас нет плантаций и пастбищ. Мы живём на деньги, которые я зарабатываю охотой на лошадей и птиц. Так делают большинство гаучо. Может, это и отвратительно, но иного выхода у нас нет. Это куда лучше, чем быть вором или контрабандистом. Или наниматься батраками к злым хозяевам. Мы свободны и вольны делать всё, что нам вздумается.

— А я всегда хотел стать гаучо, — сказал Данте с печалью. — Но, наверное, у меня не получится. Это так и останется мечтой.

— Почему?

— Я не смогу охотиться на животных, даже чтобы не умереть с голоду. Потому что

животные — мои друзья. В отличие от людей. Они меня любят и я их тоже. И гаучо надо родиться.

— Кто тебе это сказал? — улыбка скользнула по лицу Гаспара. — Я родился в семье идадьго. Когда-то мы были богаты, но отец проиграл все деньги в карты. И умер от разрыва сердца. Мне пришлось идти в армию наёмником, чтобы прокормить маму и сестру. Так я стал карабинером. Потом мама и сестра заболели чёрной оспой и тоже умерли. Я женился, у меня родились... эээ... родился сын, и после меня отправили в Рио-Гранде-де-сан-Педро на войну с португальцами. Я был уверен, что не вернусь оттуда. Но меня ранили, лечили в госпитале, а из госпиталя отпустили домой. Сказали, что больные солдаты им не нужны. Нужны здоровые. Так я вернулся к своей семье.

— А как вы стали гаучо?

— Мы с женой и сыном однажды познакомились с несколькими гаучо и они предложили присоединиться к ним. У них своё поселение. Они живут особняком. Выпасом скота сейчас они уже редко занимаются, потому что хозяевам стало невыгодно нанимать свободных гаучо за немалые деньги, когда у них есть собственные пастухи — батраки, которые работают за бесплатно. В счёт своего долга и за еду. Так что теперь мы зарабатываем, перегоняя большие стада с места на место. Отлавливаем диких лошадей, быков, овец и коз, лис и волков, нутрий и шиншилл, даже иногда крокодилов, попугаев или других птиц. Этим и живём.

— Я тоже пас овец, — просто сказал Данте.

— Вот как? Где же?

— В эстансии «Ла Пиранья», тут неподалёку. Её хозяин — мой приёмный дядя Сильвио Бильосо, — при воспоминании об этом человеке Данте поморщился.

— А где твои родители?

— Не знаю... Я никогда их не видел и мне плевать где они. Раз они бросили меня, значит, не имеют права называться родителями. У меня был приёмный отец. Он был хороший, очень хороший, но он умер.

— А сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Моему сыну тринадцать.

— А...

Некоторое время сидели молча. Гаспар, разглядывая мальчишку, заметил у него на руках синяки.

— А почему ты в синяках? И вообще весь какой-то растрёпанный. Что ты делаешь в лесу в такую рань?

— А я от них сбежал, — выдал Данте. Почему-то этот человек производил на него приятное впечатление. — Они меня бьют. А в последний раз этот зверь, мой приёмный дядя, запер меня в подвале. А там были крысы, во-от такие. Ну я оттуда и сбежал. Ненавижу крыс! — Данте передёрнуло.

— Как это в подвале запер? — Гаспар был поражён.

— Очень просто. Взял и запер. За то, что я ему в лицо тортом запустил. А я это сделал потому что они меня довели. Он сначала меня избил так, что я еле шевелился, а потом ещё хотел заставить меня вежливо с ним разговаривать. Сука! — Данте сплюнул.

— Знаешь что?

— Что?

— А хочешь пойти со мной?

— Куда?

— Ко мне в гости. Я покажу тебе наш посёлок, ты увидишь как мы живём, увидишь моего сына и жену.

— А меня там не будут обзывать?

— Конечно нет!

— Тогда я согласен. Только вот...

— Что?

— Ну... я сбежал же от этого монстра. Он точно будет меня искать. Он, наверное, ещё не знает, что я сбежал. Они же обычно раньше одиннадцати не встают. Аристократов из себя строят, а даже читать толком не умеют. Я и то лучше их это умею. Вот, думаю, он не успокоится. В прошлый раз, когда я сбежал, он даже жандармов позвал, чтобы меня найти. У вас могут быть проблемы из-за меня.

— Не переживай, разберёмся, — сказал Гаспар. — К проблемам мне не привыкать. Пойдём.

Гаспар, усадив Данте на лошадь, сам примостился сзади. Они поскакали вперёд и вскоре исчезли за горизонтом. Чёрно-алая птица, расправив крылья, летела следом за всадниками, рисуя в воздухе мёртвые петли.

Комментарий к Глава 10. Охотник —————

[1] Изабелловая масть — окрас лошади кремового цвета или цвета топлёного молока; кожа на теле розовая, глаза голубые. Редкая масть.

[2] Специальные отравленные стрелы использовались для охоты на птицу. Стрелы изготавливались из жилок листа пальмы. Мелкие и лёгкие, полностью бесшумные, с очень острыми концами, которые смазывались специальным ядом кураре. Такие стрелы помещали в бамбуковую трубку и при выстреле выдували из неё. Будучи задета такой стрелой, птица мгновенно падала камнем и умирала от удушья.

===== Глава 11. Клементе =====

Эстелла, сидя в кресле, читала любовный роман и захлёбывалась слезами. Любовь и смерть, страдания и приключения будто сошли со страниц книги, представ перед девочкой воочию. И конечно же красивый и отважный главный герой, в которого она тут же влюбилась.

Замок в двери щёлкнул. Эстелла, поспешно вытерев слёзы, спрятала книгу за кресло и схватила с низенького столика Библию. Это была единственная книга, которую девочке разрешали читать во время заточения в комнате. Но Либертад регулярно снабжала юную сеньориту любовными романами, таская их из библиотеки. Если бы не это, Эстелла за три прошедших дня чокнулась бы с тоски.

Кроме Либертад в спальню Эстеллы не заходил никто. По вечерам служанка причёсывала девочку, помогала одеться, и Эстелла вместе с Роксаной шла на вечернюю мессу. Мать не разговаривала с ней, но не отпускала от себя ни на шаг. После мессы они возвращались домой и Эстеллу опять запирали в комнате, приказывая учить молитвы наизусть. Эстелла ничего не учила — на зло всем.

Но сегодня маленькая узница чуть с кресла не свалилась, когда бабушка Берта на цыпочках переступила порог её комнаты. И у неё даже Гортензии в руках не было, хотя обычно Берта её от себя не отпускала.

— Бабушка? — Эстелла выпучила глаза.

— Привет, дорогая.

— Вы что тут делаете? Вам мама разрешила ко мне зайти?

— Нет. Это Либертад дала мне ключ. Вообще-то я на пять минут. Я ещё вечером загляну, когда все спать лягут. Я хочу сказать, что у меня есть план. Я знаю как тебе помочь.

Эстелла застыла.

— Вы знаете как убедить маму снять с меня наказание?

— Нет, этого я не знаю. Хотя даже Арсиеро на твоей стороне, но твою мамашу переубедить нельзя. Но я тебе помогу выйти на прогулку.

— В смысле?

— Ну... ты ж ведь хочешь увидаться с тем мальчиком иль я не права? — Берта подмигнула.

Эстелла покрылась румянцем.

— Хочу... но я не знаю, где его теперь искать. Мы... мы не договорились о встрече... точнее договорились, но я на неё не пришла. И теперь я вряд-ли его найду.

— Тогда сходишь туда, где он обычно бывает, и оставишь ему записку. Я приду вечером. Только тссс... — прижав палец к губам, Берта выплыла в дверь.

Эстелла прикрыла глаза. Сердечко её трепетало от радости. Может быть, сегодня она увидит Данте.

Путь до поселения гаучо оказался неблизким, но Данте обожал ездить верхом. В такие моменты он чувствовал себя счастливым и свободным. Сейчас за спиной его сидел Гаспар, и это создавало определённое неудобство. Данте вспомнил о Ветре — своём дымчатом коне, которого любил безмерно. Ветра подарил ему покойный Мендига, когда мальчику исполнилось шесть лет. Тогда же Данте впервые и сел на лошадь. Теперь Ветер остался у Сильвио. Надо будет забрать его. Или украсть. Данте был большим противником воровства и никогда не брал чужого, но эта лошадь принадлежала ему по праву.

Наконец, они въехали в посёлок, носящий красноречивое название «Лас Бестиас» [1]. Миновали деревянный кабачок «Кентавры», вокруг которого сгрудились мужчины и женщины, одетые в кожаные чирипас, пончо всех цветов радуги и сапоги со шпорами; с красными платками на шеях и кинжалами за поясом. На углях шкворчало мясо, распространяя дурманивший аромат. Данте смотрел на этих людей во все глаза. Так пялился, что едва не свернул себе шею. Гаспар только посмеивался, глядя на забавную реакцию мальчишки. Но навряд-ли он понимал, почему Данте так себя ведёт. С тех пор как мальчик себя помнил, это была его мечта — стать таким, как эти люди. А теперь он видел их так близко!

Всадники пропустили несколько домиков, подле которых паслись коровы и лошади. На заборах висело разноцветное белье, а женщины в широких юбках, заткнутых за бёдра, кормили гусей, пели, громко обсуждали друг с другом последние новости или нянчили грудных детей.

Гаспар и Данте спешили у деревянного домика, мало отличного от других. На верёвке во дворе сушились шкуры, рубашки, штаны и чепчики. По двору важно вышагивали индюки. В луже напротив возилось свиньячье семейство: мама-хрюша и четыре крошечных поросёнка.

— Вот тут я и живу. Проходи, — сказал Гаспар, отворяя дверь.

Данте робко вошёл. Домик и внутри был отделан деревом и выглядел очень чистеньким.

— Дорогая, привет! — крикнул Гаспар. — Со мной сегодня гость.

Из-за ракушечной занавески показалась миловидная женщина лет двадцати пяти-тридцати. Пухленькая, с широкой улыбкой, одетая в серое домотканое платье и цветастый фартук. Руки её до локтей были перепачканы в муке.

— Это моя жена Каролина, — сказал Гаспар. — А это Данте.

— Проходи, золотце, располагайся, — у Каролины оказался нежный, певучий голос. — А я тут как раз пироги затеяла.

— Милая, а где КLEMENTE?

— Где-то во дворе бегают.

— КLEMENTE — мой сын, я тебе говорил про него, — объяснил Гаспар. — Ему тринадцать. Он очень хороший мальчик. Думаю, вы подружитесь.

Данте многозначительно приподнял тонкую бровь. Разве он может подружиться с кем-то? Хотя может. С Эстеллой же подружился. Если КLEMENTE и вправду хороший, это было бы здорово — найти приятеля-мальчишку. У Данте никогда не было друзей, а тут вдруг начали появляться. Но воспоминания об Эстелле камнем легли на сердце. Он поёжился, отгоняя мрачные мысли.

— Пойду во двор, поищу КLEMENTE и познакомлю вас, — Гаспар вышел. Раздался его крик на улице: — Клем! Клем, ты где?

Данте несмело отодвинул ракушечную занавеску и оказался на кухне — небольшой, но очень светлой. Каролина месила тесто, напевая что-то себе под нос. Она вдруг чем-то напомнила Данте Руфину, хоть и не была ни капельки на неё похожа. Да, по Руфине он тоже скучает...

— Что с тобой, детка? Почему ты такой грустный? — участливо поинтересовалась Каролина.

— Ничего, всё хорошо, — Данте каким-то болезненным взглядом рассматривал обстановку.

Дом был небольшим, но уютным, благодаря коврикам и плетёным циновкам, полосатым диванчикам и креслам с мягкими спинками. В окна то и дело врывались потоки свежего воздуха.

Дверь скрипнула, зашуршали ракушки на занавеске и в кухню вошли Гаспар и светловолосый мальчик, довольно рослый и симпатичный.

— Это КLEMENTE, — представил Гаспар. — А это Данте.

КLEMENTE, смело подойдя к Данте, протянул руку. Данте пожал её.

— Привет. Я КLEMENTE. Можно просто Клем, — сказал мальчишка весело. — Папа говорит, что он познакомился с тобой, когда охотился на птиц. Значит, это ты спаситель животных?

— Можно сказать и так...

— Здрóрово! Я люблю людей с прибабахом! — сообщил КLEMENTE.

— Я не с прибабахом! — тут же взъелся Данте.

— Да ладно, не злись, я не имел ввиду ничего плохого. Я ведь тоже с прибабахом, так что мы найдём общий язык.

Данте невольно улыбнулся. Мальчишка был непосредственный и не вызывал антипатии.

— Ма-ам! А мы есть то будем сегодня? — спросил КLEMENTE.

— Будем. Рыба уже готова, а пирог надо только в печь поставить.

— Мама готовит — пальчики оближешь. А пошли во двор пока, — тараторил КLEMENTE.

— Пойдём.

— Там, кстати, в кустах птица сидит, такая странная. Никогда такую не видел. Пошли посмотрим на неё.

— Ага...

Дети вышли. Гаспар улыбнулся им вслед.

— Гаспар, а что происходит, объясни? — Каролина приблизилась к мужу. — Что это за мальчик?

— Нормальный мальчик, — успокоил Гаспар, целуя жену в губы. — Племянник Сильвио Бильосо, кажется. Ну знаешь, хозяин «Ла Пираньи». Только пацан говорит, что тот его бьёт нещадно и даже запирает в подвале. Он весь в синяках, сбежал от них и гулял по лесу. Помешал мне застрелить одну птицу. Мне жаль его стало, и я привёл его к нам.

— Сбежал, говоришь? Ох, Гаспар. Тот человек очень опасен. Сильвио Бильосо, говорят, настоящий зверь. Однажды забил своего раба цепью до смерти. И даже брата родного на порог не пускал. Как бы нам это боком не вышло.

— Не думаю. Вообще-то... мне тут мысль одна в голову пришла...

— Какая?

— Ну... — Гаспар помялся, — Энрике...

— Гаспар, пожалуйста, не напоминай мне об этом, — слёзно взмолилась Каролина.

— Нет, ты меня не дослушала. Я подумал, что может... мы могли бы...

— Что?

— Взять мальчишку к себе.

— ЧТО?

— Ну да, я и говорю в память об Энрике. Ведь если бы он тогда остался жив, сейчас у нас было бы два сына. А если мы возьмём мальчишку, у нас опять будет два сына. Погляди, как они ладили с Клементе.

— Гаспар, но если мальчик сбежал от такого влиятельного человека... Нет, мы накличем беду на себя и на Клементе.

— Я мог бы поговорить с этим человеком. Насколько я понял из рассказа ребёнка, тот человек не очень-то жалуется. Может, он наоборот с радостью от него отделается. Как знать?

Каролина пожала плечами.

— Дорогой, ну я не знаю. Мальчик по виду очень милый, но мы его плохо знаем. Неизвестно какой он на самом деле. Вот так с бухты-барахты брать в дом чужого ребёнка... И мы же не миллионеры, в конце концов! Кормить лишней рот... Надо подумать, хорошенько подумать...

— Но если бы Энрике был жив, ты бы тоже говорила, что он лишняя рот?

— Нет конечно, но... Ох, я должна подумать. Давай обсудим это потом, хорошо? А то и дети тут совсем рядом. Поговорим вечером в спальне.

— Хорошо, милая, как скажешь.

А Данте и Клементе во дворе разглядывали диковинную чёрно-алую птицу, сидящую на кусте акации.

— Эта та самая, которую чуть не убил твой отец, — сказал Данте.

— Ничего себе! А почему она летела за вами?

— Я не знаю.

— Ты ей понравился! — воскликнул Клементе.

— Скажешь тоже.

— А что? Животные же привязываются к людям. Ты её спас, вот она за тобой и увязалась. А давай её позовем, может она пойдёт к нам?

— Давай.

Данте приблизился к кусту, где сидела птица. Он был уверен, что она тотчас же улетит. Но птица не двигалась с места. Её чёрные перья сверкали на солнце. Роскошный, как у павлина, алый хвост и такой же алый галстучек на шее, были видны издали.

Данте, застыв как вкопанный, смотрел на птицу. Она тоже уставилась на мальчика круглыми, словно чёрные жемчужины, глазами и не выказывала ни беспокойства, ни агрессии.

— Какая ты красивая, — тихо проговорил мальчишка. — Я хочу с тобой познакомиться. Меня зовут Данте.

Протянув руку, он легонько дотронулся до птицы. Она не возражала. Тогда Данте ласково погладил её по грудке пальцем.

— Зачем ты за мной прилетела? Ты хочешь пойти со мной? — спросил он. — Не бойся меня, я не стану тебя обижать.

Неожиданно птица потянулась клювом к руке мальчика. Клементе, стоящий чуть поодаль, ойкнул. Но птица не собиралась причинять боль. Своим гладким блестящим клювом она потёрлась о пальцы ребёнка. Данте погладил её по клюву и птица издала красивый горловой звук, похожий на бульканье.

— Ничего себе! Ты и вправду ей понравился! — Клементе подпрыгивал на месте. — Папа, мама, смотрите, эта птица влюбилась в Данте! — насмешливо добавил он, когда из домика вышли Гаспар и Каролина.

Данте усадил птицу к себе на руку. Каролина наблюдала с опаской.

— Она не выклюет тебе глаза, детка?

— Нет, — убеждённо сказал Данте. Птица взгромоздилась ему на плечо. — Я заберу её с собой. Она всегда теперь будет со мной.

— Тогда пойдёмте есть, а то обед остынет, — улыбнулась Каролина. — Наверное, и птицу покормить надо. А что они едят?

— Это тропическая птица, значит, она ест фрукты, — ответил Данте.

— А как ты её назовёшь? — любопытничал Клементе.

— Ммм... Янгус. Это имя одной принцессы, про которую я читал в книжке.

Обед оказался очень вкусным. Данте сначала стеснялся, но так как был голоден, вскоре позабыл обо всём и, по примеру Клементе, взялся набивать рот тушёной рыбой, а после и пирогом с капустой и курицей.

— Кушай детка, кушай, — Каролина разглядывала мальчишку в упор.

Птица облюбовала спинку стула. Поддерживая лапой манго, она уплетала его и выбрасывала кожуру на пол. Затем опустила клюв в стакан с водой, протянутый ей Данте.

Но когда Каролина зашла Данте за спину, Янгус ревниво заворчала, хлопая крыльями. Каролина взяла расчёску и принялась приглаживать Данте волосы.

— Что ж ты такой лохматый? Надо тебя причесать... Да и одежда грязная у тебя.

— Ещё бы, я ж в подвале сидел с крысами, — прошепелявил Данте, уписывая пирог.

— Тогда покушай и иди мыться. Я сейчас воды нагрее. А Клементе даст тебе что-то из своей одежды. Правда, Клем?

— Ага, дам. Мне не жалко. Не будет же он как бродяга тут ходить в своих лохмотьях.

— Вы хотите, чтобы я у вас остался? — удивился Данте.

— А ты не хочешь? — поинтересовалась Каролина.

— Ну... я бы остался, потому что вы хорошие, — Данте опустил ресницы. — Только это невозможно, наверное.

— Почему?

— Да потому что меня всё равно найдут.

— Мы хотим тебе помочь, — Гаспар тронул мальчика за плечо. — Если с тобой жестоко обращаются, с этим надо что-то делать.

— Чего тут сделаешь? — серьёзно сказал Данте. — Просто я им жить мешаю, вот и всё.

Каролина, бросив печальный взгляд на Гаспара, погладила Данте по волосам.

— Значит, этот дон Сильвио и его родственники наставляют тебе синяков? — спросила она.

— Ну да... это у них методы воспитания такие, — пробурчал Данте.

— Никак вы не поможете, — вмешался Клементе. — Если заявить на них жандармам, ну придут к ним, погрозят. И всё. Этот Сильвио, он же богачей, его все боятся, а жандармов он купит, если понадобится.

— Да, не надо к ним лезть, — согласился Данте. — Вы их не знаете. Они там все такие: и он, и его жена, и их дети. Они и убить могут. Лучше я пойду куда-нибудь в другое место. А то они ещё придумают чего-нибудь, скажут, что вы меня похитили, например. Они могут.

— А я знаю что делать! — объявил Гаспар.

Клементе, Данте, Каролина и даже Янгус — все одновременно повернули к нему головы.

— Я пойду вместе с Данте к этому человеку и скажу, что хочу забрать его к нам.

Комментарий к Глава 11. Клементе —————

[1] «Лас Бестиас» (исп.) — «звери» или «бестии».

===== Глава 12. Глаза в глаза =====

С момента появления Данте в уютном маленьком домике прошло два дня. Мальчик был счастлив, столь неожиданным образом встретив этих добрых людей. Каролина, которая поначалу сомневалась стоит ли брать в дом чужого ребёнка, уже к концу следующего дня воспринимала Данте как родного. Мальчик буквально очаровал женщину, ещё не успевшую оправиться от недавнего горя. Брат-близнец Клементе, Энрике, погиб три года назад, утонув в реке.

И Каролина, и Гаспар очень тяжело пережили смерть сына. Как и Клементе, что потерял не только брата, а и часть себя. Данте мигом вернул радость в эту семью. Каролина не могла насытиться на мальчишку, постоянно подкармливала его и гладила по голове. Гаспар учил Данте бросать лассо, а Клементе ходил за ним хвостиком. У Клементе не было друзей в посёлке. С детства он играл только с братом и его приятелями. После смерти Энрике, Клементе ушёл в себя и перестал общаться со сверстниками. С виду самоуверенный, разговорчивый мальчик оказался одиноким и плохо приспособленным к жизни. Клементе всегда жил за спиной у брата, и ему нужен был не просто друг, а некий идол, которым он мог бы восхищаться. Данте нравился его новый приятель. Впервые в жизни он общался с нормальным мальчишкой, который его не обижал, не унижал и не дубасил. И он мечтал поселиться здесь навсегда. Хотя и грустил. Нет, вовсе не о своей адской жизни в «Ла Пиранье». Лишь о красивой дымчатой лошади, что осталась где-то там, да о черноглазой девочке, с которой он провёл пару часов, самых счастливых на его памяти.

В конце концов, Клементе заметил, что Данте о чём-то всё время думает и молчит,

глядя в никуда.

— Чего это с тобой? Тебе не нравится в нашем доме? — спросил он. — Или ты боишься, что этот дон Сильвио придёт и заберёт тебя силой?

Данте отрицательно мотнул головой.

— Тогда чего с тобой?

— Просто я хочу увидеть одного человека.

— У тебя остались там друзья, да? — сразу же стух Клементе.

— Нет. Точнее да. Не друзья, подруга.

— Ну тогда поезжай! — голос Клементе вновь повеселел.

— Чего?

— Бери лошадь, садись и поезжай. Увидишься со своей подружкой. Только возвращайся.

Через пять минут Данте уже гладил красавца Одуванчика по золотистой гриве. Дурную манеру Данте — скачку без седла — Клементе запретил категорически.

— А если ты разобьёшься? Чего я скажу родителям? Да они мне шею свернут! Нет уж, бери седло. И если ты захочешь покатать свою девчонку, она навряд-ли сядет на лошадь без седла. Девчонки они капризные, знаешь ли.

Последний аргумент крыть было нечем. И Данте, скрепя сердце, надел на Одуванчика седло.

— Только смотри не попадись на глаза своему дяде-придурку. Возвращайся! — наставлял Клементе.

— Если ты на год меня старше, это не значит, что ты можешь меня поучать, — отозвался Данте.

Он пришпорил Одуванчика и громко свистнул, подзывая Янгус. Птица взмыла под облака, устремляясь за хозяином.

Эстелла металась по комнате. До конца заточения оставалось пару дней, но девочка не могла воспротивиться искушению. Бабушкин план был прост, но казался Эстелле каким-то диким и очень романтичным, как сошедшим со страниц её любимых книг. Видимо, Берта тоже начиталась этих книжек, когда накануне ночью прошмыгнув в комнату Эстеллы, изложила ей свою гениальную идею: сегодня ночью она поможет внучке убежать через балкон.

Эстелла не знала, надо ли соглашаться на это безумие. Ведь осталось потерпеть два дня и наказание закончится. Да и у неё был готов план мести Мисолине. А если мама узнает о её проделке... Страшно представить что будет! Но бабушка уверяла — комар носа не подточит. Берта обещала её прикрыть: она организует в комнате военный штаб и будет держать оборону: закроет окно, подложит на кровать валик из одеял и, если что, начнёт храпеть на весь дом.

Эстелла не рассчитывала увидеть Данте. Но, быть может, ей удастся послать ему весточку. Ради этого рискнуть стоит.

Чем ближе подходил вечер, тем больше волновалась Эстелла. Когда старинные часы на стене показали семь, у девочки уже зуб на зуб не попадал от страха. А ведь ей предстоит ещё дурацкая месса, которую надо высидеть, терпя занудство падре, молчание матери и довольную ухмылку Мисолины.

В комнату вошла Либертад.

— Сеньора Роксана велела одеть вас к мессе, сеньорита.

Эстелла села перед зеркалом, дабы Либертад уложила ей волосы.

— А чего это с вами, сеньорита? Вы какая-то странная сегодня.

— Вовсе нет. Просто мне надоело сидеть взаперти. Ещё и эта месса!

— Ой, как я вас понимаю! Хорошо, что мне не надобно сопровождать никого из вас в церковь, как Урсуле. Хотя сеньора Роксана думает, будто бы я хожу на воскресную мессу. Но я и туды хожу раз в месяц примерно. Ну, чтоб никто не насплетничал, что меня тама не было.

— А как там Хорхелина? — поинтересовалась Эстелла ради поддержания беседы. Ей надо было болтать хоть о чём-нибудь, чтобы не сойти с ума от волнения.

— Когда-нибудь она меня доведёт! — Либертад зубами скрипнула. — У меня, конечно, терпение завидное, но даже ему иногда приходит конец. Представьте себе, вчера она заставила меня выщипывать ей волосы на пальцах.

— На пальцах? — Эстелла подавила смешок.

— Ну да, у ней пальцы все волосатые, и на руках, и на ногах, фе-е... — Либертад поморщилась.

— Поэтому она и бесится. Она же старая и страшная, а ты молодая и красивая, — сказала Эстелла. — И дядя Эстебан к тебе неровно дышит. Не говори что нет, я хоть и маленькая, но не дура и не слепая. Это заметно. Вот эта жердь и долбит тебя. От ревности.

Либертад ничего не ответила, покраснев до корней волос.

Спустя полчаса, Роксана с Эстеллой за руку, Берта с Гортензией, Урсула, Хорхелина, Эстебан и Мисолина вышли из экипажа у церкви. Арсиеро никогда не ходил на мессы, ссылаясь на занятость. На самом деле падре Эберардо не вызывал у него уважения. Нс имиджа алькальда ради Арсиеро появлялся на воскресной утренней службе и бывал на исповеди, дабы покаяться в греховном пристрастии к куриному паштету и пончикам с повидлом. За это падре назначал ему «суровое» наказание — сорок пять раз прочитать Отче Наш.

Литургии в церкви отличались друг от друга. Иногда вместо Библии падре Эберардс читал какие-то бумажки, поднесённые ему диаконом — низкорослым, щупленьким мужичком с туповатым выражением лица. И всякий раз по выходу из церкви прихожане уверяли, что сегодня месса была лучше, чем вчера. А вот позавчера падре вообще себя превзошёл, прочитав великолепную проповедь. Даже сбился всего пять раз. Эстелла же, что позавчера, что вчера, что в любой другой день попросту зевала.

Но сегодня всё обстояло иначе. Нет, не из-за падре. Из-за волнения, которое она пыталась скрыть. Эстелла одновременно и ждала окончания мессы, и боялась его. А вот Берта была оживлена, с блаженной улыбкой слушая падре. Со стороны всем казалось, что млеет она от проповеди, но на деле млела она от предвкушения мести Роксане. У Гортензии на мордочке была примерно такая же улыбка — чем старше становилась собачка, тем больше она походила на свою хозяйку.

Через сорок минут прихожане вывалились из церкви. Одни зевали, другие обсуждали мессу, третьи лопали сладости, извлекая их из карманов. Пока ждали экипаж, Эстелла оглядывалась по сторонам. Она смертельно истосковалась по улице, по свежему воздуху. И хотя на балкон выходить ей не запрещали, свободолюбивая девочка чувствовала себя точно посаженной в клетку. Жадно наблюдала она за прохожими, как вдруг её цепкий взгляд поймал знакомый силуэт. Вон там, за тем цветущим палисандром. Белая кожа, чёрные

волосы, плащ-пала и красное фаха. Сердце девочки застучало сильнее. Миг, и они встретились взглядами. Сапфировые раскосые глаза не узнать было нельзя, и Эстелла чуть не грохнулась на мостовую. Все сомнения разлетелись вдребезги. Она не может не пойти сегодня к реке. Как же она соскучилась по своему другу!

Но тут же сказка и закончилась — Эстеллу резко дёрнули за руку.

— Идём! — воскликнула Роксана. — Хватит пялиться на прохожих, ты ведёшь себя вызывающе!

Эстелла подчинилась, но ноги её не слушались. Она продолжала оглядываться. Вот только Данте куда-то исчез — девочка больше его не видела. Вскоре экипаж увез всё семейство прочь.

Дорога от «Лас Бестиас» до «Ла Пираньи» оказалась неблизкой и как бы Данте не спешил, он добрался до места только к сумеркам. Привязав Одуванчика к дереву, стоящему на лужайке с сочной травкой, Данте выпустил Янгус полетать, а сам кинулся к реке. Естественно, на берегу никого не было. Может Эстелла и приходила, а может и нет. И вдруг мальчика осенило! По заходящему солнцу Данте определил, что время где-то между восемью и девятью вечера. Сейчас в церкви идёт месса, и, должно быть, Эстелла там.

Всю дорогу Данте бежал бегом, надеясь, что его не примут за бродяжку. Он был одет в вещи Клементе, слегка ему великоватые, но чистые и не дырявые, так что, пожалуй, его не выгонят, если он немного постоит у церкви.

Данте спрятался за большим палисандром и стал ждать. Сердце стучало где-то в ушах. Минут через двадцать месса закончилась и люди вывалились из церкви. Эстеллу Данте засёк сразу — яркая девочка выделялась в толпе. Сердце почти остановилось. Потом оно оттолкнулось от рёбер и заколотилось как сумасшедшее. Эстелла шла за ручку с женщиной и вела себя спокойно. Она была жива, здорова и по виду весела. Похоже, девочка и думать о нём забыла. И не заметно, чтобы её наказали. В грудь Данте словно вонзился кинжал. Он ухватился за дерево, силясь не разреветься. Ну правильно. Зачем он ей нужен? Богатая, счастливая девочка, которую все любят и трясутся над ней.

Эстелла вертела головой по сторонам, а Данте стеклянным взглядом изучал её, и тут глаза их встретились. Данте ожидал, что Эстелла кивнёт или улыбнётся, но она никак не реагировала, а затем растворилась в толпе. Данте съехал вниз по стволу дерева и прижался к нему затылком. Ну вот и всё. Лучше б он не приезжал сюда. До этого в нём жила микроскопическая надежда на то, что Эстелла не приходила, потому что её наказали. А теперь он убедился — ей на него наплевать. Она сделала вид, что не узнала его, даже не улыбнулась. Ну почему ему всегда так больно? Может, он просто не умеет быть счастливым? Данте запустил пальцы в волосы и, всхлипывая, уткнулся носом в колени.

===== Глава 13. Большая тайна маленькой девочки =====

Теперь Эстелла знала: она воплотит в жизнь бабушкин план сегодня же ночью. По возвращении домой девочка убежала в комнату, ссылаясь на головную боль, и прямо в одежде брякнулась в кровать, но и поплакать не успела, как пришла Либертад с подносом еды.

— Сеньорита, я вам ужин принесла.

— Поставь там и уходи.

— Вам нехорошо? Вы бледная какая-то.

— Нет, просто я устала. Иди, Либертад, я поем. Можешь не приходить ещё раз.

Заберёшь поднос завтра.

Служанка ушла. Эстелла свернулась калачиком на кровати. Немного поплавав, девочка решила что-нибудь съесть. А то вдруг она с голоду в обморок хлопнется, когда будет спускаться с балкона. Эстелла силком впихнула в себя куриную ножку и бублик с орехами, запив их чаем.

Дабы отвлечься, она начала вышивать, но уколола палец иголкой. Так что пришлось отложить сие бесполезное занятие. Содержание любимой книжки в голову тоже не лезло. Девочка не понимала смысла написанного — буквы расплывались перед глазами. Эстелла отбросила и книгу.

Один за другим в доме гасли огни, затихало хождение и шарканье в коридорах. Выйдя на балкон, Эстелла перегнулась через перила, чтобы увидеть свет в окнах нижнего этажа. Не увидела. Часы пробили полночь. Теперь уж наверняка все спят. Эстелла зажгла свечу, водрузив её на комод, стала бесшумно рыться в шкафу.

Переодеться надо во что-то удобное, ведь ей с балкона спускаться. Как же она будет это делать в юбке с кринолином? Эстелла уже остановила выбор на синем платье в клетку — тёмном и неприметном издали, но тут её осенило. У неё же есть амазонка! Хотя, возможно, она ей мала, ведь её покупали ещё четыре года назад, когда был жив папа. После смерти Бласа и Роксана, и Берта в один голос запретили всем членам семьи ездить верхом. Они распродали скаковых лошадей, оставив только три, чтобы запрягать в экипаж, и изящная эстеллина амазонка чёрного бархата так и пылилась в шкафу до сих пор.

Девчонка сбросила домашнее платье, плюхнув его на пол. Юбка-брюки влезли отлично, а вот верх уже не сходиллся в груди, которая с недавнего времени начала расти. Эстелла порылась в комод, нашла там рубашку с рюшами и жилет, покроем напоминающий мужской. Десять минут спустя она уже разглядывала себя в зеркало. Вид был своеобразный. Эстелла сама себе напомнила женщину-жокея из европейских журналов мод, которые выписывала мама.

За дверью раздались шаги. Эстелла запаниковала, но это оказалась бабушка Берта, что, с небывалой для её объёмов проворностью, влетела в комнату.

— А вот и я.

— Бабушка, я уже готова.

— Чего это ты на себя нацепила?

— Амазонку.

— Ты чего ж собираешься верхом ехать? Я запрещаю! — шёпотом вещала Берта. — Помнишь, чего случилось с твоим папенькой?

— Не собираюсь я ездить верхом, я ж так толком и не научилась. Вы же мне сами запретили, бабушка.

— И правильно сделала.

— Просто я подумала, что будет неудобно спускаться в кринолине и панталонах с балкона, и надела амазонку.

— Ну да, — согласилась с доводами Берта. — А я вот принесла простыни. Два часа их скучивала.

Берта извлекла из-под юбки тугую верёвку с узелками, скрученную из простынок.

— Бабушка, вы чудо!

— Чего не сделаешь ради внучки? Вспоминаю свою бурную молодость. О, я частенько таким образом вылазила по ночам из дома!

— Вы тоже лазили через окно?

— А то! У меня большой опыт. Я даже с крыши сигала! Ни разу не падала. Но я тогда была ху-у-уденькой, — мечтательно вздохнула Берта. — Сейчас-то я, ежели полезу, так сразу и брякнусь, как мешок с трухой. Ну всё, хватит разговорчиков! Время уж за полночь перевалило, ничего ж не успеем.

Предприимчивая Берта, примотав один конец самодельной верёвки к перилам балкона, вторым обкрутила талию Эстеллы. Девочка никогда ещё не вытворяла подобного и боялась упасть. Но желание увидеть Данте было сильнее. Эстелла перешагнула через перила и цепляясь руками за узелки на верёвке, полезла вниз. Берта, стоя на балконе, держала верёвку и с волнением наблюдала за внучкой.

Всё оказалось проще, чем Эстелла думала — она легонько приземлилась на газон, отвязала простынку, и, помахав бабушке рукой, побежала к калитке, что скрывалась в конце сада. В амазонке было очень удобно. Руки немного болели после спуска, но Эстелла не обратила на это внимания. Открыв засов, она выскользнула на улицу.

На Бульваре Конституции было довольнолюдно. Смех и вопли раздавались отовсюду. На углу кучковались странного вида женщины — растрёпанные, ярко покрашенные и в платьях ядовитых цветов. Эстелла поморщилась. Никогда она не видела таких безвкусных женщин и понятия не имела, кто они такие. Похожи на клоунесс из цирка.

Миновав центральную площадь, девочка побежала по аллее и, спустя минут двадцать, добралась до моста. И вот тут ей стало страшно. Дальше не было света, ни одного фонаря. Только деревья и кусты. Боже, и о чём она только думала? Зачем она пошла сюда ночью? А если здесь ягуары бродят? Или волки... И никто её не спасёт!

Эстелла не знала как быть: идти ли в темноту или вернуться домой. Безумное желание увидеть Данте росло в ней с каждой минутой, борясь с остатками благоразумия. Девочка уцепилась за перила моста, вглядываясь в реку.

ХЛОП! За спиной раздался шорох крыльев. На перила села очень красивая птица чёрно-алая. Эстелла вытаращилась на неё. Птица тоже поглядела на Эстеллу круглыми, как огромные бусины, глазами.

— Ты откуда прилетела? — спросила девочка.

Птица, пощёлкав клювом, пронзительно свистнула да так, что у Эстеллы уши заложило.

— Ты зачем так орёшь? — возмутилась Эстелла.

Птица взъерошила перья. Из глубины леса раздался крик:

— Янгус! Янгус, ты где?

Сердце Эстеллы чуть не выпрыгнуло. Этот голос — сипловатый, имеющий уже все признаки возрастной ломки, был ей знаком. Птица снова присвистнула, в этот раз чуть тише. Из зарослей выбежал Данте, подсвечивая себе путь пальцами.

— Вот ты где... — сказал он птице и остановился.

Эстелла глядела на него во все глаза.

— Это твоя птица? — спросила она.

— Угу...

У Данте язык буквально отнялся. Вот уж чего-чего, а наткнуться на Эстеллу посреди ночи он никак не ожидал.

После мессы Данте вернулся в сельву, собираясь ехать обратно в «Лас Бестиас», но что-то удержало его. Несколько часов он сидел на берегу, лакомясь запечённой на костре рыбой. Вдруг Янгус, до этого невозмутимо сидящая на дереве, со странным шипящим звуком взмыла

в небо и полетела прочь. Данте ринулся за ней — он не желал расставаться с птицей. Данте бежал и бежал, спотыкаясь о корни деревьев и подсвечивая себе путь руками, и оказался на мосту. Янгус преспокойно восседала на перилах и больше не бесилась. Рядом с ней стояла Эстелла. Данте протёр глаза.

— Ты откуда здесь?

— Я... я... просто хотела тебя увидеть, — честно сказала Эстелла, покраснев как томат. Данте и сам был не менее красный. Значит, Янгус привела его к Эстелле специально. Мальчик был готов сейчас расцеловать и птицу, и Эстеллу.

— Сейчас так поздно... Как же ты вышла из дома?

— Вылезла через балкон по простыням, — призналась Эстелла.

— Чокнутая...

— Это бабушка всё придумала.

— А почему ты раньше не приходила?

— Потому что меня наказали. На неделю заперли в комнате.

— Я тебя видел сегодня у церкви.

— Я тебя тоже видела. Мама разрешила выходить только на мессу в её сопровождении. Ни на шаг меня не отпускает. Что с тобой, ты плачешь? — удивилась Эстелла, заметив как по щекам Данте побежали тонкие струйки слёз.

— Нет... да... не знаю, хорошо, что ты пришла. Я думал, ты про меня забыла.

— Нет, не забыла.

Эстелла, подойдя ближе, смахнула с лица Данте прозрачные капельки.

— Не плачь. Зачем ты плачешь? Ты же мальчик.

Данте совсем обалдел от прикосновений Эстеллы, так мало в жизни он испытал ласки. А эта девочка была ему нужна, как никто другой. Эстелла протянула ладошку.

— Пойдём погуляем. Я же не просто так удирала из дома?

— Нет, не просто так...

Взяв Эстеллу за руку, Данте повёл её вдоль берега, освещая путь пальцами. Янгус полетела следом.

Некоторое время Данте и Эстелла шли вперёд, сопровождаемые лишь своим крылатым охранником. Данте был счастлив безмерно, невероятно. Он рассказал подруге о том, как встретил Янгус, рассказал про Гаспара, Кlemente и добрую Каролину, которые хотят забрать его к себе. Лишь умолчал о своих злоключениях в подвале, сочтя — такие подробности не для девичьих ушей. Да и признаваться Эстелле, что он до смерти боится крыс, тоже не хотелось. Девочка слушала рассказ Данте заворожённо, будто диковинную сказку. В свою очередь, она поведала Данте, как сидела пять дней взаперти по милости Мисолины.

— Хочешь, я её напугаю? — спросил Данте.

— Как?

— Волшебством. И она никогда больше тебя не обидит!

— Не знаю... я уже придумала как ей отомстить, хотя... а давай. Только надо, чтобы она напугалась до колик в животе.

Дети смеялись, обсуждая планы мести Мисолине. Даже в этом они нашли что-то общее.

— Ты не замёрзла? А то вид у тебя... — в темноте яркие глаза Данте сияли, как два маяка.

— Да, есть немного, — призналась Эстелла. — Я не додумалась одеться потеплее. Я балда, да, это правда.

Данте, сняв плащ, набросил его на плечи девчонке.

— Так лучше?

— Ага, спасибо. А как же ты?

Мальчик ухмыльнулся.

— Я закалённый. Привык к любой погоде.

Эстелла мгновенно согрелась, но, сказать по правде, была слегка разочарована — Данте мог бы и обнять её. О чём она вообще думает? Начиталась любовных романов. С точки зрения морали, которую бесконечно внушала ей мать, она ведёт себя отвратительно: сбежала из дома ночью и гуляет с мальчиком; позволяет ему держать себя за руку и ещё и мечтает об объятиях. Но Данте в одно мгновение стал ей родным. Как же они похожи! Эстелла слышала в его фразах собственные мысли. Но если мама когда-нибудь узнает об этом, она открутит ей голову. Роксана берегла своих дочерей для будущих женихов, и ей была невыносима сама мысль о том, что одна из них может полюбить в мужчину без титулов. Роксана по-прежнему считала себя глубоко несчастной. Она всего-навсего первая дама захолустного городка, а могла бы выйти замуж за принца. И в этом виноваты её отец и брат, которые в Ферре де Кастильо теперь и кончика носа не показывают. Арсиеро Роксана не любила. Вышла замуж за него, дабы не оставаться вдовой. После смерти Рубена на любви она поставила крест. И себе влюбляться запретила, и хотела это же проделать с дочерьми. Если бы Роксана могла, она бы закутала Эстеллу с ног до головы в мешковину и посадила бы на цепь до момента, пока она не достигнет возраста невесты.

Ни о какой любви Эстелла, разумеется, и думать не думала. В силу возраста ни Эстелла, ни Данте не понимали, почему их так тянет друг к другу, принимая всё за проявления дружбы.

— Данте, я устала. Давай посидим, — подала голос девочка.

— Давай.

Они уселись на пенёк.

— Ты согрелась?

— Да... Как краси-иво! С моего окна таких звёзд не видно. А здесь они будто нарисованные.

— Ага.

Эстелла бессознательно положила голову к мальчику на плечо. Данте не шевелился, боясь спугнуть её.

— Эстелла...

— Ммм?

— А ты умеешь ездить верхом?

— Немножко. Меня раньше учили, но потом запретили.

— Почему? — Данте, осмелев, прикоснулся щекой к волосам девочки, ощутил тонкий цветочный аромат и с наслаждением втянул его носом.

— Потому что папа умер, когда упал с лошади.

— Как это? Странно...

— Почему?

— Я сто раз падал с лошади и ни разу не умирал.

— Сказали, что у него седло было слабое... но я не знаю толком.

— Я вообще езжу без седла. От простого падения нельзя умереть, вот что. Только если на большой скорости...

— Вообще-то папа плохо на лошади ездил и на большой скорости поехал бы навряд-ли.

— Ты его любила?

— Очень, — Эстелла, отстраняясь от Данте, начала тереть кулачками глаза.

— Не плачь, пожалуйста, — виновато сказал Данте. — Прости меня. Я такой дурак, взял и довёл тебя до слёз.

— Нет, ты не виноват. Я всегда плачу, когда вспоминаю папу. Наверное, потому что это было не так давно. Всего четыре года назад...

Данте прижал девочку к себе. Эстелла всхлипывала, тычась носом ему в плечо. Данте кончиками пальцев гладил её по волосам. Ласка мальчика подействовала на Эстеллу успокаивающе. Слёзы высохли, но девочка не спешила покидать тёплые объятия. Так хорошо... Вот был бы Данте всегда с ней рядом, а то она вечно плачет в одиночестве и даже некому её пожалеть.

— Тебе лучше? — вполголоса спросил мальчик.

— Ага, не обращай внимания, просто я чувствительная и постоянно реву.

— Я спросил про лошадь, потому что хотел тебе предложить покататься верхом.

— Прямо сейчас?

— Ну нет конечно. Сейчас ночь и не видно ничего. Днём. Хотя, наверное, мы теперь нескоро увидимся, да? — грустно добавил Данте.

— Не знаю... Я бы виделась с тобой каждый день, но мама навряд-ли это одобрит. А вот бабушка не против. Но я не знаю что будет даже сегодня. Вдруг я вернусь, а у меня в комнате вместо бабушки мама сидит? Тогда я не знаю, что она со мной сделает.

— Вот что, надо придумать способ сообщать друг другу о возможности или невозможности встретиться.

— Хорошая мысль! А что за способ?

— Ммм... Давай так: я буду оставлять на паперти церкви красную розу. Это будет знак того, что я тебя жду на мосту. И ты оставляй белую розу, если сможешь прийти.

— Мне это нравится! — обрадовалась Эстелла. — У нас в саду полно роз.

Вдруг, как по волшебству, раздался свист — это Янгус напомнила о себе, сидя на соседнем дереве.

— Чего она хочет? — любопытствовала Эстелла.

— Понятия не имею. Она у меня три дня всего, я ещё не научился её понимать.

Данте посветил на птицу рукой. Янгус, присвистнув, промахала крыльями.

— Я понял! — воскликнул Данте. — Она хочет нам помочь! Мы же можем переписываться! Янгус сможет носить письма.

Янгус в ответ согласно забулькала.

— А если я захочу написать тебе первой? Я же не смогу найти Янгус, хотя... Боже, у нас же есть попугай! Либертад, наша горничная, говорила, что она частенько посылает его с почтой. Какая же я дура! Она ведь мне намекнула, а я пропустила это мимо ушей!

— Твое письмо навряд-ли бы дошло, даже если бы ты его и отправила.

— Почему?

— Я же говорил, три дня был в доме у гаучо, это далеко отсюда. Я приехал только сегодня.

— Ах, да, — Эстелла легонько потерлась щекой о волосы мальчика. Волосы были мягкие и пахли свежей травой. Янгус снова заворчала. Эстелла встрепенулась.

— Мне пора идти. Там же бабушка меня ждёт, я должна вернуться вовремя. Иначе наши

встречи закончатся на неопределённый срок.

— Я тебя провожу.

— Нет, Данте, не надо. А если кто увидит?

— Кто увидит? Все спят! Темнота кругом. Я провожу и точка.

— Ну хорошо.

Спустя двадцать минут дети, держась за ручки, добрались до Бульвара Конституции. Эстелла сняла плащ и вернула мальчику.

— Спасибо.

— Не за что. Когда мы увидимся?

— Я положу розу на паперть или пошлю попугая.

— Я буду ждать.

— До встречи! — властно сказала Эстелла и, подойдя вплотную, расцеловала Данте в обе щеки.

Данте застыл от неожиданности, но Эстелла не обратила на это внимания. Помахав ручкой, она побежала по дороге.

Данте прижал руки к щекам. Его никто, никто никогда не целовал. Как приятно! И мальчику захотелось, чтобы это повторилось ещё. Может быть завтра Эстелла опять его поцелует?

===== Глава 14. Приглашение =====

Сердце Эстеллы едва не выскочило, пока она добежала до калитки и шмыгнула внутрь, миновала сад и оказалась под балконом. Самодельная верёвка из простыней ещё свисала с перил, и вот тут Эстелла ужаснулась. А если верёвку кто-то заметил? Вдруг ночью кто-то выходил в сад? Девочка глянула вверх. Ведь надо ещё туда залезть. О боже, и об этом она не подумала! Спуститься было делом нехитрым, а вот подняться...

Найдя на земле камешек, Эстелла бросила его в окно. Он легонько стукнул в ставню, но ответа не последовало. Значит, бабушка заснула. Ну вот и всё, она попалась. Эстелла, сев на траву, подтянула ноги к груди и стала ждать. Утром её тут найдут. Ну и крику будет! И самое обидное, что о встречах с Данте придётся забыть.

— Эстелла... Эстелла, — вдруг услышала девочка шёпот. Оглянулась. За забором сверкали ярко-синие глаза. Это был Данте. Вскочив на ноги, Эстелла подбежала к нему.

— Ты чего тут делаешь? Ты разве не ушёл?

— Ну... я подумал... ну... ты сказала, что вылезла через балкон. Я понял, что ты же не сможешь попасть обратно. И вернулся.

— Так и есть. Я не обезьяна и не умею лазить по верёвкам.

— Я тебе помогу.

— Как?

— Волшебством.

— А... но тогда заходи сюда, ко мне. Позади дома есть открытая калитка.

— Я и так войду, — усмехнулся мальчик. Он подтянулся на руках и уже через секунду сидел верхом на заборе.

— У нас собаки, — предостерегла Эстелла, — но они вроде бы спят.

— Ничего, — Данте, спрыгнув с забора, тихонько приземлился на все четыре конечности.

— Что я должна делать?

— Обмотайся верёвкой и встань под балконом.

Эстелла подчинилась, обвязав кончик простынки вокруг талии.

— На счет три, — скомандовал Данте. — Только держись крепко. Раз, два, три!

Мальчишка направил руки на верёвку. Эстелла судорожно в неё вцепилась и едва не вскрикнула. Верёвка осветилась красным, закачалась и стала уменьшаться в длину, подтягивая девочку за собой. Через миг Эстелла уже находилась на балконе.

Кошачьи глаза Данте блестели в темноте. Эстелла помахала мальчику рукой. Данте, помахав в ответ, перепрыгнул через забор и был таков. Эстелла ещё некоторое время смотрела вдаль, затем, вздохнув, зашла в комнату.

Бабушка Берта мерно посапывала, сидя в кресле-качалке, но Эстелла на неё не разозлилась за то, что она

не слышала стук камешка об оконную ставню. Она была счастлива.

В последующие два дня Эстелла думала о только Данте. И книжки нынче ей были в тягость. Теперь любовные истории, описанные в них, казались неискренними, а герои неживыми, точно куклы. Девочка часами изучала потолок или стену. Перед глазами стоял Данте. Её самый лучший друг, самый близкий, ближе, чем Сантана. И Эстелла умудрилась избежать вечерней мессы два раза подряд, жалуясь на головную боль. Роксана повозмущалась, но разрешила дочери не идти в церковь. Берта злорадно потирала ручки за спиной у бывшей невестки, не реагируя на состояние протрации, в котором находилась её внучка.

И вот наступил великий день — наказание с Эстеллы было снято. В понедельник девочке разрешили спуститься к завтраку, в связи с чем Мисолина пребывала в дурном настроении.

— Ну что, получила своё, принцесска? — бросила она, исподлобья взглянув на сестру.

— Ну что ты, дорогая, не беспокойся обо мне. Подумай лучше о себе, а то как бы ты своё не получила, — отозвалась Эстелла, широко улыбаясь.

Мисолина, сбита с толку такой реакцией, наморщила лоб.

Сегодня за завтраком присутствовали лишь Берта, Эстелла, Мисолина и Эстебан. Вместо простудившейся накануне Урсулы господам прислуживала Либертад. Она расставляла корзинки с аппетитными булочками и выкладывала на тарелки салат из чайота [1].

— Либертад, мне больше не накладывай, — проговорила Берта, старательно кося под дурочку. — Всё так вкусно, а я и так толстая. Вон лучше Эстебану положи побольше, мой сынок совсем исхудал.

Служанка подошла к краю, где расположился Эстебан, и случайно (или намеренно) задела его платьем. Эстебан, как всегда закрываясь журналом, делал вид, что поглощён чтением, но от зорких глаз Эстеллы ничего не ускользнуло.

— Дядя Эстебан, а у вас журнал вверх ногами, — подсказала девочка.

— А? Да? — Эстебан растерялся. — А, ну да... там эмм... просто таблица с результатами скачек напечатана вверх ногами, — Эстебан перевернул журнал.

— Понятно, — Эстелла едва удержалась от смеха. Ну что за дураки эти двое? И зачем скрывать свои чувства? Ведь дядя Эстебан взрослый, он может делать что хочет. Может, к примеру, расстаться с Хорхелиной и жениться на Либертад. Для Эстеллы пока весь мир делился только на чёрное и белое, на да и нет. Будучи ещё ребенком, хоть и умным не по годам, она не понимала, почему взрослые ведут себя так странно. Зачем они мучаются, выдумывают какие-то условности и правила, а не могут просто быть счастливыми?

— Спасибо, Либертад, я сам, — Эстебан выхватил у служанки тарелку, зацепив девушку пальцами за руку. Лицо Либертад приобрело оттенок спелой клубники. — Можешь идти, если нам будет что-то нужно, мы тебя позовём.

— Да, сеньор.

Девушка убежала. Берта приподняла брови. Эстелле захотелось настучать дяде кулаком по голове. Ох, уж эти взрослые!

— А где все? — удивилась Эстелла, оглядываясь. — Я думала, мы ждём маму, тётушку Хорхелину и дона Арсиеро. Где они?

— Они уехали, дорогая, — откликнулась Берта. — В столицу. К дедушке Лусиано и дяде Ламберто. Прямо сегодня с утра. У них там будет какой-то бал. И Арсиеро хочет познакомиться с политиками, важными для его карьеры. В общем-то, я мало что знаю. Подробностей мне не рассказывают.

— А надолго они уехали?

— Дня на три.

— Кстати, — вмешалась Мисолина. — Вы не забыли? Сегодня вечером ко мне придут мои друзья. Слышала, Либертад?

— Да, сеньорита, — пришедшая обратно Либертад на сей раз несла корзинки с фруктами.

— Их надо встретить, как подобает.

— Конечно, сеньорита.

— А, это те самые чванливые паяцы? Знаю, знаю, — съязвила Эстелла. — Чем с такими общаться, так лучше сразу повеситься.

— Вот и вешайся, а я сегодня принимаю гостей. Ясно? — Мисолина выпятила подбородок.

— Ну, в таком случае, и я, пожалуй, приглашу парочку друзей.

— Друзей? — Мисолина напряглась. — Откуда они у тебя? У тебя никогда их не было, кроме этой идиотки Сантаны.

— Ммм... да, приглашу. Почему ты можешь иметь друзей, а я нет? У меня тоже будет... да, как это называется? Приём гостей, вот, — Эстелла откровенно насмеялась над сестрой.

— Только попробуй испортить мне настроение!

— Очень ты мне нужна.

— Не пойму, чего это ты такая весёлая после наказания? — Мисолина расправила складки на платье. На лице её читалось недоумение, смешанное с возмущением.

— А я по-твоему плакать должна? Я радуюсь, что меня выпустили и хочу развлекаться. Что ту особенного?

— Я всё равно узнаю что ты задумала! И расскажу маме! — пообещала Мисолина. — И тогда тебе несдобровать, уродина.

— Сама такая!

— Девочки! — Эстебан небрежно отбросил журнал на соседний стул. — Перестаньте препираться! Давайте уже завтракать, в конце концов!

— Да, дядя Эстебан, — Мисолина тут же понизила голос и опустила ресницы, прикидываясь пай-девочкой.

Эстелла закатила глаза — уж она-то прекрасно знала, на что способна Мисолина.

Данте не находил себе места. После их свидания с Эстеллой прошло два дня, а от

девочки не было ни слуху, ни духу. Она не прислала записку и не положила розу на папёрть, как обещала. Может быть, её опять наказали? Но ведь Эстелла благополучно добралась до дома! Что же случилось? Вдобавок, Данте понимал: в семье Гаспара наверняка уже бьют тревогу. Но поехать сейчас в «Лас Бестиас» он не может. А вдруг он пропустит момент, когда Эстелла придёт?

Соорудив на берегу некое подобие шалаша из листьев пальмы, Данте решил остаться ещё ненадолго. А пока можно послать Янгус в «Лас Бестиас» с запиской.

И вот Янгус была отправлена к семье Гаспара, унеся в клюве послание следующего содержания:

«Со мной всё хорошо, но пока я не могу вернуться. У меня есть ещё дела. Данте».

А что иное он мог написать? Не скажет же он им, что не возвращается, потому что заиклился на своей подружке. Данте и сам прекрасно понимал: это смешно, ведь он видел Эстеллу всего два раза.

С утра в понедельник, пока Одуванчик лакомился сочной травой на пастбище, Данте шарахался по округе, не зная чем себя занять. Всё это глупо, Эстелла не придёт. Наверное, всё пошло плохо и её опять наказали. Но, с другой стороны, он знает, где она живёт. Если до вечера девчонка не даст о себе знать, ночью он залезет к ней в окно сам. Эта мысль крепла в Данте с каждой минутой, пока он, стоя на мосту, всматривался в прозрачную гладь реки.

— Кр-ра-а-савчик! — услышав хриплый голос под самым ухом, Данте вздрогнул. На перилах моста сидел огромный гиацинтовый попугай и таращился на него во все глаза.

— Это ты сейчас со мной разговаривал? — спросил мальчик.

Попугай молча растопырил перья.

— Ты откуда взялся? Кто тебя послал? Эстелла? Конечно, она ведь говорила про попугая!

Данте чуть не подпрыгнул от радости. Осмотрев попугая, он обнаружил, что тот окольцован. На лапке птицы блестело серебряное колечко, к которому была привязана бумажка.

— Ты очень красивый и умный, — сказал Данте, глядя попугая по голове. — Но можно я сниму записку с твоей лапы? — он протянул руку, и — о, чудо — Рамиро подставил лапку.

— Спасибо.

— Рамиро король! — попугай встряхнулся.

Дрожащими руками Данте развернул бумажку. Ровный, округлый почерк гласил:

«Данте, помнишь, ты мне обещал помочь отомстить моей сестре? Так вот, сегодня у неё будут гости. Я тоже решила позвать друзей ей на зло. И хочу пригласить тебя. Приходи ко мне домой в 17.00. Родители уехали, дома будут только бабушка, служанка и мы с сестрой. Я тебя жду. Эстелла».

Данте несколько раз перечитал послание. Эстелла приглашает его к себе домой? Его? В дом алькальда? Она что спятила? Лучше бы сама пришла, раз родители уехали. Далась ей эта сестра. И не пойти нельзя — он и вправду пообещал помочь, да и так хочет увидеть девчонку, что просто умирает.

Попугай продолжал сверлить мальчика взглядом.

— Рамиро хочет, — напомнил он о своём присутствии.

— Чего ты хочешь? — не понял Данте.

— Рамиро всё знает, — попугай почесал голову лапой.

— А... тебе ответ нужен.

Данте взмахнул рукой. В воздухе материализовались кусочек бумаги и перо с чернильницей.

— Тр-р-р-р, — затарахтел попугай, опасливо глядя на светящиеся пальцы Данте.

Данте взял перо, написал всего два слова: «Я приду» и отдал послание попугаю. Тот, схватив записку в клюв, полетел прочь.

Данте вернулся к своему шалашу, разделся и принялся стирать одежду. Закончив, развесил её на ветвях дерева, а сам окунулся в речную воду. Всё же он идёт в дом алькальда, надо выглядеть прилично.

Четыре часа спустя Данте, с бледно-зелёным от волнения лицом, стоял у высокого забора, опоясывающего белый особняк. Набрав воздух в лёгкие, он позвонил в серебряный колокольчик, что висел у калитки.

Комментарий к Глава 14. Приглашение —————

[1] Чайот — съедобное растение семейства Тыквенных. Считается овощем. Распространён в Центральной и Южной Америке (частенько именуется как «мексиканский огурец»). Едят в тушёном, варёном и сыром виде.

===== Глава 15. Двое =====

Эстелла любовалась на себя в зеркало и усиленно пыжилась, чтобы не засмеяться, пока Либертад огромными садовыми ножницами вырезала на её юбке дырки и прорехи. Волосы Эстеллы были начесаны и уложены в косматый пучок, центр которого украшал искусственный бант-паук. В углу, дубася кулаком по креслу, изнывала от хохота Сантана.

— Ой, я щас умру, — Сантана почти икала.

— Не умирай, тебе тоже скоро гримироваться.

— Тётушка Амарилис мне шею свернёт, — пыхтела Сантана.

— А мне — мама. Но я всё равно хочу отомстить этой чванливой дуре Мисолине. У нас, кстати, ещё гость должен прийти.

— Гость? — Сантана сползла с кресла на пол.

— Я же говорила. Придёт тот мальчик, с которым я познакомилась, когда с мессы сбежала.

— А...

— Точнее, я надеюсь, что он придёт. Я послала к нему попугая с запиской. Он написал, что будет.

— Ну вот, всё! — провозгласила Либертад, поднимаясь с колен и убирая ножницы в карман передника. — Сеньорита Сантана, теперь ваша очередь, — служанка указала на платье цвета испуганной мыши [1], разложенное на кровати. Сантана встала на ноги.

— Надо бы мушку прилепить, — задумчиво произнесла Эстелла.

— Зачем?

— Для красоты. Либертад, приделай мне мушку! — капризно потребовала девочка.

Либертад приподняла брови.

— Ужас какой! Мушки ведь уж вышли из моды. Их теперь носят только актриски и... недостойные женщины. Да и раньше лепили, чтоб скрыть прыщи да бородавки. А у вас кожа, как лепесток лилии. Так что не выдумывайте!

— Надеюсь, Данте меня не испугается, — хихикнула Эстелла.

— Кто?

— Ну Данте, тот мальчик.

— Он тебе нравится, да? — Сантана прищёлкнула языком.

— Он очень хороший. Тебе он тоже понравится. Он умный, интересный и не выпендривается.

— Тётушка Амарилис говорит, что мы не должны общаться с людьми не нашего круга, — укорила Сантана.

— Моя мама тоже так говорит, но мне плевать, что Данте не из нашего круга, — Эстелла для убедительности упёрла руки в бока. — Я всё равно буду с ним дружить. Или, по-твоему, мы должны общаться только с друзьями Мисолины? Фу-у, уроды!

— Ну... я бы не сказала, точнее не все... вот, ну... — Сантана порозовела, — вот... Диего в общем-то ничего.

— Диего? Какой Диего? — Эстелла непонимающе взглянула на подругу. Та окончательно покрылась розовыми пятнами.

— Ну, он сын доктора Эухенио и сеньоры Беренисе.

— А, этот белобрысый? Он какой-то ку-ку совсем, — наморщила носик Эстелла. — Был бы он умный, он бы не общался с Мисолиной.

Сантана промолчала. Надо полагать, мнение подруги она не разделяла. Но Эстелла не обратила на это внимания, вертясь перед длинным зеркалом, занимающим часть стены. Либертад о чём-то думала, улыбаясь себе под нос.

В гостиной, на канapé зелёного бархата, расставленных квадратом, сидели четверо: Мисолина в платье из глазета [2], рыженькая девочка с круглым лицом и бородавкой на подбородке и двое мальчишек. Один из них, белобрысый и курносый, не сводил светлосерых глаз с Мисолины. Та, строя из себя хозяйку дома, разливала чай по крошечным чашечкам. Второй мальчик, одетый в гвоздичный [3] костюмчик и сорочку с ажурными манжетами, поигрывал тростью, глядя в потолок. Его каштановые, слегка волнистые волосы прикрывали шею, а на лоб ниспадала длинная чёлка, занавесив её хозяину половину лица. Сквозь чёлку торчал карий глаз. Взгляд у него был пронзительный и жёсткий.

— Твои родители надолго уехали? — спросил светловолосый, глядя Мисолине в рот.

— Ой, не знаю, Диего, — манерно выпятила губки Мисолина. — Но это не страшно даже если их не будет несколько недель. Ведь в доме остался дядя Эстебан. И конечно же я. Они мне доверяют. Прекрасно знают, что я — истинная аристократка и хорошая хозяйка. И я никогда не буду вести себя плохо, в отличие от моей сестры. Потому что я собираюсь в будущем выйти замуж за очень влиятельного человека. Я хочу стать такой же важной дамой, как мама. Нет, даже ещё важнее. Я буду почти как инфанта, а для этого мне нужна хорошая репутация. О, конечно, если эта мегера Эстелла не устроит что-нибудь такое, от чего никто не захочет с нами породниться. Но если она это сделает, я её убью! — голубые глаза Мисолины недобро сверкнули, будто ножом разрезая воздух.

— Кстати, а где твоя сестра? — со скучающим видом поинтересовался темноволосый.

— У себя. К ней пришла её противная подруга, племянница сеньоры Амарилис.

— Эта та, что на мартышку похожа? — темноволосый хихикнул.

— Скорее на лягушку, — подтвердила Мисолина. — Мы с ней водимся, только потому что мама дружит с её тётушкой. Но сеньора Амарилис — утончённая дама, и у неё муж очень важный человек. А эта девчонка, у неё даже родителей нет. Они умерли, представляете. И она живёт у тётки из милости, фи...

— Ой, бедная сиротка, какая жалость! — мальчик с чёлкой откинулся на спинку канapé в новом приступе ядовитого хихиканья.

— Мисолина, Луис, ну почему вы такие злые? — вставила рыженькая девочка. — Нельзя ненавидеть всех людей на свете и надо всеми смеяться. Это нехорошо.

— Какая ты правильная, Соль! Может, тебе в монашки пойти, а? — Луис опять заржал, приглаживая чёлку. Видел ли он через неё хоть что-то или нет, оставалось загадкой.

— Хватит спорить, пейте чай! Наша служанка хоть и мулатка, а готовит хорошо, — потеряла терпение Мисолина.

— А что, мулатки обычно плохо готовят? — съязвил Луис и постучал тростью об пол, привлекая к себе внимание.

— Не знаю. Это я к тому, что она чёрная и этим всё сказано. Фу-у, — на лице Мисолины появилось брезгливое выражение, словно она проглотила паука.

Дети пили чай, строя из себя взрослых. Луис периодически смахивал воображаемую пыль с костюмчика, Диего разглядывал Мисолину, а Соль откровенно зевала и поглядывала то на парадную лестницу, то на хрустальную люстру, висящую под потолком.

— А папа подарил мне трость! Представляете, у неё набалдашник рубиновый, — похвалился Луис, демонстрируя всем рукоятку трости.

— А мне мама обещала привести из столицы самое модное платье! — заявила Мисолина. — Я буду самой красивой в городе!

— Ты и так самая красивая, — уверил Диего.

Наверху со щелчком захлопнулась дверь, раздался стук каблуков и через минуту на лестнице показались Эстелла и Сантана. Все дети одновременно подняли головы. Луис уронил трость на пол. У Мисолины перекошило лицо. Соль прикрыла рот рукой, давясь от смеха, а Диего облил чаем свой бархатный жилет.

— Привет! — сказала Эстелла громко. — Надеюсь, мы не опоздали?

Девочки спустились с лестницы. Из-под изрезанной в клочки юбки Сантаны торчали сапоги со шпорами. К подолу Эстеллы были привязаны бубенчики и колокольчики, аналогичные тем, что надевают на шею коровам и козам.

Бряцая своим снаряжением по паркету, девчонки подошли к гостям и плюхнулись на канапе.

— Привет, мальчики! Как дела? — Эстелла поправила дырку на подоле так, чтобы её получше стало видно. — Как вам мой наряд? Экстравагантно, правда?

— Нет слов! — восхитился Диего, прижимая пальцы к губам.

— Что ты себе позволяешь? — Мисолина буквально тряслась от бешенства. — Вообще-то это мои гости.

— Были твои, стали общие. Я тоже хочу развлекаться. Между прочим, сестрёнка, скоро к нам присоединится ещё один гость. Мы с Сантаной его ждём. Да, кстати, все знакомы с Сантаной? Вроде все, — Эстелла тараторила без остановки.

— А я не зна-ал, что ты така-ая, — надменно протянул Луис.

— Какая такая?

— Такая наглая.

— Хм, а я вот не знала, что ты такой занудный, — парировала Эстелла, театрально зевая. — А можно мне пирожное? Я есть хочу!

Она схватила с подноса крошечное пирожное и целиком затолкала его в рот, перемазав руки и подбородок кремом. У Мисолины язык отнялся окончательно. Сантана исподтишка поглядывала на Диего, но, заметив, что он не сводит глаз с эстеллиной сестры, отвернулась.

Как раз в этот момент зазвенел колокольчик.

— А вот и наш гость пришёл! — обрадовалась Эстелла.

Данте в нерешительности топтался у калитки и хотел уже сбежать, но увидел, что на звон колокольчика кто-то идёт. Отступить было поздно. Калитку открыла миловидная девушка в белом чепчике и переднике.

— Ты к Эстелле? — спросила она.

— Да, — робко отозвался мальчик.

— Тогда проходи.

Служанка впустила Данте внутрь и закрыла калитку.

— Идём со мной.

Данте пошёл следом за Либертад, не чувствуя ног. Никогда в жизни он не был в таком шикарном доме. «Ла Пиранья» не была лачугой, но сравнению с домом алькальда явно не подлежала. Первым делом Данте уловил тонкий аромат лаванды, издаваемый небольшим парфюмированным фонтанчиком по центру гостиной. Мальчик с наслаждением втянул запах носом. После взгляд его упал на огромный расписной камин, где красовалась статуэтка: два ангела, чёрный и белый, прижимались друг к другу крыльями. Белая ангел держал в руках лилию, чёрный — меч. Широченная мраморная лестница уходила ввысь. Пол украшал зелёный ковер, вокруг которого сгрудились четыре диванчика-канapé. Данте не ожидал, что будет столько народу. Шесть человек! Все примерно их с Эстеллой ровесники. Данте чуть в обморок не грохнулся, когда вся толпа дружно воззрилась на него.

— Сеньорита Эстелла, это к вам, — Либертад указала на Данте.

Эстелла, подойдя к мальчишке, взяла его за руку и повела за собой.

— Знакомьтесь, это мой друг Данте, — представила она. — А это моя подруга Сантана, моя сестра Мисолина и её друзья: Диего, Луис и Соль.

— Здравствуйте, — промямлил Данте, чувствуя себя всё глупее. Ну зачем, зачем он сюда пришёл?

От волнения Данте не сразу увидел, что его подруга и ещё одна девочка выглядят странно. Эстелла усадила мальчика рядом с собой, сунув ему в руки чашку с чаем.

— Угощайся.

Дети пристально рассматривали новенького. Особенно вылупился на Данте Луис.

— Чего ты уставился? — не выдержал Данте.

— Ничего. Просто думаю, а кто ты такой? Никогда тебя не видел раньше. Как твоя фамилия, говоришь?

— Тебе-то какое дело?

— Большое. Папа говорит, что нельзя общаться с людьми, титулов и фамилий которых ты не знаешь, — Луис вздёрнул нос.

— Неужели? — Данте сделал скучающее лицо. — А я вот не привык разговаривать с людьми, лица которых не вижу. Не помешало бы тебе причесаться, прежде чем выпендриваться.

Все девчонки, исключая Мисолину, прыснули со смеху. Луис был обескуражен.

— Не стоит так со мной разговаривать. Мой отец дипломат, между прочим.

— Эка невидаль! — Данте демонстративно отвернулся.

В общем-то, всё оказалось не так плохо, как Данте предполагал изначально. Его наряд гаучо не вызвал неодобрения по одной простой причине — Эстелла и её подруга были одеты ещё хуже. Компания Мисолины решила, что они все специально так сговорились. И они приняли Данте за своего, только не могли понять чей он сын. У мальчика во внешности

и манерах присутствовало некое врождённое изящество, которое давало ему фору. И благодаря его белой коже и тонким пальцам, каких не встретишь у простолюдинов, дети не усомнились в его непростом происхождении. Данте показалось это забавным, и он принял правила игры.

В конце-концов, прикидываться аристократом не так уж и сложно, а после того, как Луис, окончательно обнаглев, водрузил свои ноги в туфлях из крокодиловой кожи прямо на журнальный столик, Данте засомневался в его воспитанности. Он, выросший среди батраков и рабов в доме неграмотного Сильвио, и то знал, что ноги на стол класть нельзя. Но Луис явно чувствовал себя принцем и считал, что ему всё дозволено.

— Убери ноги со стола, — сказал Данте.

— Почему это?

— Потому что это стол, а не подставка для ног, — терпеливо объяснил Данте.

— Вот именно, — поддержала Сантана. — Хвалишься своими родителями и манерами, а сам кладёшь ноги на стол.

— Что хочу, то и делаю, — упёрся Луис.

Все замолчали, но не прошло и минуты, как стол, на котором лежали ноги Луиса, вдруг подпрыгнул, скрипнул ножками и сам уковылял к соседней стене. Луис в ужасе поджал ноги. Дети взвизгнули. Все, кроме Эстеллы. Она, мигом сообразив что произошло, лукаво ухмыльнулась.

— Чт-т-то эт-т-то б-б-было? — заикался Луис.

— Тебе же сказали — убери ноги со стола, — ответила Эстелла. — Ты не послушался.

— Это ты сделала?

— Что?

— То, что стол ушёл на своих ногах.

— У тебя ещё и галлюцинации! — насмешливо воскликнул Данте. — Стол никуда не ушёл. Ты сам его пнул.

— Я не пинал!

— А я видел!

— И я, — подтвердила Эстелла, тайком подмигнув Сантане.

— И я, я тоже, — сказала Сантана, хотя глаза у неё были широко раскрыты.

— Ты... ты... ты... дура, не смей всё портить! — у Мисолины, наконец, прорезался голос.

— Я? — Эстелла изобразила удивление. — А я-то здесь причём? По-моему, это твои друзья не умеют себя вести. Кладут ноги на стол, пинают мебель так, что она летает по всей гостиной. Ну и аристократы!

Соль и Сантана расхохотались. Похоже, Соль окончательно перешла на сторону Эстеллы. Она подсела ближе к Сантане, и они вдвоём о чём-то шушукались, поглядывая на Данте. Эстелла и Данте бросали друг на друга нежные взгляды и от внимания остальных это не ускользнуло.

— АЙ! — Эстелла визгнула, почувствовав, как ей на голову что-то посыпалось. Это Мисолина вывалила на сестру целую корзинку колотых орехов. — Ты, идиотка! Ты что делаешь?

Довольная Мисолина показала язык. Её друзья хихикали, пока Эстелла пыталась стряхнуть орехи с причёски.

— Давай я помогу, — тихо сказал Данте.

Он аккуратно принялся вытаскивать орехи из волос девочки. Диего и Луис переглянулись. Раздалось ржание.

— Па-а-арочка... Лю-ю-бофф, фу-у-у-у-у! — прохрипел Луис. — Такие дураки, сил нет на них смотреть. А-А-А! — Луис взвыл, получив в лоб самым большим орехом.

— Ещё одно слово и ты проглотишь свой язык, — глаза Данте потемнели; сейчас в их глубинах копошились два злобных чёртика.

Либертад принесла мороженое, но Данте был уже взвинчен. Хотелось надавать по физиономиям всем богатеньким придуркам, а потом встать и уйти, забрав Эстеллу с собой. Девочка мельком взглянула на него и заметила, что волосы мальчика чуть искрятся. Данте почувствовал облегчение, когда Эстелла тайком погладила его по руке.

Но как только Либертад ушла, мороженое ни с того, ни с сего взбунтовалось, выскакивая из креманок и падая на пол. Мисолина готова была разреветься — её обед оказался безнадёжно испорчен.

— Это всё из-за тебя! — скрипнула она зубами на сестру. — Ты всё специально придумала, гадина!

Пш-ш-ш-ш... Ведёрко с мороженым поднялось в воздух. Дети в ужасе наблюдали, как оно подлетело к Мисолине и, зависнув аккуратно над ней, вывалило своё содержимое ей на голову. Мисолина заорала, когда ледяное мороженое потекло по её волосам, плечам и спине:

— АААААААААА!!! Либерта-а-ад!!!

Эстелла от смеха согнулась пополам, пока Мисолина выла диким голосом. На визг прибежала Либертад.

— Не волнуйтесь, сеньорита. Не надо так кричать. Пойдёмте в вашу спальню, я вас сейчас отмою.

— Дура! Дура! Дура! — Мисолина ревела и топала ногами. — Ты мне за это ответишь. Я тебе ещё покажу!

Либертад увела девочку наверх. Эстелла, Соль и Сантана почти стонали, зато Диего и Луис вжались в канapé, опасливо глядя то на Данте, то на Эстеллу.

— Я пойду погляжу, как там Мисолина, — сказала Соль. — Нехорошо, что мы над ней смеялись.

— Мы с Данте тоже пойдём, — отозвалась Эстелла.

— Куда? — удивился Данте.

— Пойдём погуляем. Эти снобы мне уже надоели. А Мисолина своё получила, будет с неё.

— Идём.

— Санти, ты с нами?

— Э-э-э... нет, я переоденусь и — домой. Меня там, наверное, уже потеряли. А тебе тоже не помешало бы переодеться, кстати.

— Да, точно, я забыла. Пойдём тогда ко мне в комнату. Данте, подождёшь?

Мальчик, кивнув, покосился на Луиса и Диего. Оставаться наедине с ними ему не хотелось.

— Я подожду в саду, ладно? — добавил он и вышел, не оборачиваясь.

Данте и Эстелла шли по зелёной полянке, держась за руки. Босые ноги детей утопали в мягкой густой траве. Некоторое время они молчали, наслаждаясь лёгким ветерком и

обществом друг друга.

— Здорово мы Мисолине отомстили, — сказала Эстелла. — Это всё благодаря тебе. Спасибо. Без тебя бы ничего не получилось.

— Да они меня взбесили! И твоя сестра, и её дружки. Если это аристократы, то они ничуть не лучше тех придурков, с кем я общался до этого. А вообще я удивился, когда получил твою записку. Лучше б мы с тобой погуляли, чем сидеть в дурной компании.

— Так мы и погуляем сейчас. Подумаешь, полтора часика поиздевались над Мисолиной, — Эстелла фыркнула. — Сантана скажет бабушке, что я ушла с тобой. Родителей дома нет, мы можем гулять хоть до утра.

— Это здорово. Я хотел покатать тебя на лошади. Помнишь?

— Ага. Сейчас?

— Ну да. Пока ещё не стемнело.

Данте присвистнул, подзывая Одуванчика. Раздался мерный стук копыт и вскоре лошадь появилась в поле зрения детей.

— Какой красивый! — Эстелла смело погладила золотистую гриву коня. — Это твой?

— Не совсем. Это лошадь тех гаучо, ну, помнишь, я тебе рассказывал, что они хотят забрать меня к себе?

— Да.

— А мой Ветер всё ещё в «Ла Пиранье». Кстати, надо бы его оттуда забрать. Но это потом. Ты умеешь сидеть на лошади?

— Сидеть умею, а вот ездить не очень, — вздохнула девочка.

Данте одним махом запрыгнул в седло.

— Садись сзади и крепко держись за меня.

Эстелла с некоторыми сложностями влезла на Одуванчика и обхватила Данте за талию. Мальчик был худенький, едва ли не худее, чем она сама, так что руки Эстеллы обвили его целиком.

— Готова?

— Да.

Данте пустил лошадь рысью. Эстелла тряслась от страха, а если ещё и вспомнить, что папа умер из-за падения с лошади... Она зажмурилась, прижимаясь к Данте сильнее.

— Когда я сказал держаться крепко, я не имел ввиду, что настолько. Ты мне рёбра сломаешь! — раздался весёлый голос.

— Прости, — Эстелла ослабила хватку.

Они скакали по бескрайним полям. Копыта лошади утопали в траве. Иногда Данте пускал Одуванчика шагом, и Эстелла глазела на деревянные домики, мелькающие вдали, слушала мычание коров и хрюканье поросят. Иногда они скакали так быстро, что у Эстеллы перед глазами проносился калейдоскоп из кустов и деревьев. Волосы Данте развевались на ветру, ложась Эстелле на лицо. Но ей было приятно — сегодня волосы пахли мятой.

Когда окончательно стемнело и на небе появились первые звёздочки, Данте остановился. Он спрыгнул с лошади и помог спуститься Эстелле.

— Ну как, понравилось?

— Да, чудесно...

Они расположились в траве у раскидистого грушевого дерева. Данте притащил хворост и разжёг небольшой костёр. Дети срывали сочные груши, нанизывали на палочки и запекали над огнём. Ничего вкуснее Эстелла в жизни не ела.

— Нравится?

— Ага. Только я вся перепачкалась соком.

Девочка вытерла лицо и руки кружевным платочком. Потом замерла, поймав взгляд Данте. Выразительные синие глаза мальчишки вбуравились в чёрные глаза девочки. Она не отводила взгляд. Данте опомнился первым, резко отвернулся, вперясь в горизонт. Закат сегодня был цвета адского пламени [4]. Он разгорался всё ярче и ярче, но потом стал бледнеть, растворяясь на фоне чернильно-синих небес и уступая место звёздам.

— Боже, как красиво! — выдохнула Эстелла.

Данте улёгся на спину, подложив руки под голову. Эстелла колебалась, продолжая сидеть, хотя её сердечко жаждало последовать примеру друга. Разум твердил девочке, что она сошла с ума, что ведёт она себя ну просто ужасно. Она же приличная сеньорита, в конце концов! О, если кто-то узнает... То, что Данте без комплексов — это она уже поняла. Но она то нет. А сейчас она ведёт себя как... как... простая крестьянка или негритянка.

— Ты чего такая? — спросил Данте, чуть приподнимаясь на локтях.

— Ничего, — выдавила Эстелла, борясь с собственным воспитанием. В этой борьбе победил Данте. Он легонько потянул девочку за рукав, и она, проиграв битву, улеглась на траву рядом с ним.

Множество звёзд, точно самоцветы рассыпанные всюду, светили детям в глаза. Прошла вечность до того момента, как Эстелла пролепетала:

— Хорошо здесь, но мне надо домой. Уже скоро утро.

— Значит, ты хочешь домой? Я тебе надоел? — грустно спросил Данте.

— Нет, — Эстелла села. — Просто... моя сестра... она ведь жутко злая. Ты же знаешь. Она может рассказать маме, что я гуляла ночью, и у меня будут неприятности.

— Я понимаю, — Данте тоже поднялся. Душа его разрывалась, грозясь разлететься на осколки. Как же он не хочет расставаться с Эстеллой! Не хочет. Вот бы она всегда, всегда была с ним рядом. Ну почему всё так сложно?

Обратной дороги Данте не заметил. Только-только они были далеко, и вот уже и мост. И вот уже и Бульвар Конституции, и белый особняк с колоннами.

Данте остановил Одуванчика аккуратно напротив эстеллиного дома.

— Я пришлю тебе попугая с письмом, хорошо? — сказала Эстелла.

— Угу...

— Если ничего не произойдёт, то в ближайшие дни. Ты же понимаешь, я не могу каждую ночь с тобой гулять.

— Угу...

— Ещё раз спасибо за всё.

Эстелла взглянула на Данте и сердце вдруг защемило. Ведь они увидятся ещё? Правда же? Не может быть, чтобы не увиделись! Девочка быстрым жестом убрала с лица Данте его растрёпанные волосы и, как кошка, потёрлась щекой о его щёку. Это был внезапный порыв. Эстелла и сама не понимала, почему она так сделала.

— Ну, пока.

— Пока...

Данте провожал девочку взглядом до самой двери. Напоследок она ещё раз обернулась, помахав ручкой. Дверь захлопнулась. Мальчик стоял как вкопанный. Никогда он так не привязывался ни к одному человеку. Он не может жить без этой девчонки, теперь уже наверняка. Опустив голову и пиная ногами камушки, Данте пошёл прочь. Чуть приоткрытое

окно на первом этаже бесшумно затворилось.

Эстелла мечтательно вздыхала, поднимаясь по лестнице. Сегодняшний день, проведённый с Данте, был чудесен. Чудесен, чудесен... Эстелла на цыпочках дошла до спальни и скользнула внутрь.

— Ну вот ты и попалась, крыса. Теперь наконец-то все в доме поймут, какая ты, и будут любить только меня, — следом за Эстеллой по ступеням поднималась Мисолина со злорадной усмешкой на губах.

Комментарий к Глава 15. Двое —————

[1] Цвет испуганной мыши — нежно-серый.

[2] Глазет — ткань, похожая на парчу, с шёлковой цветной основой и узорами из золота и серебра.

[3] Гвоздичный — серый цвет.

[4] Цвет адского пламени — лиловый оттенок красного. Или перламутрово-красный.

===== Глава 16. Выстрел =====

Остаток ночи Данте провёл, сидя на берегу и болтая ногами в воде. Янгус пока не вернулась из «Лас Бестиас». Интересно, доставила она письмо семье Гаспара или нет? Данте чувствовал себя виноватым перед этими людьми. Они его приютили, ласково обращались с ним, хотели забрать к себе, а он взял и сбежал. Но присутствие в его жизни Эстеллы не позволяло мальчику бросить всё и уехать. А сегодня с утра Данте решил осуществить ещё одну затею, которая не давала ему покоя. Ветер, его конь, подаренный Мендигой, всё ещё находился у Сильвио, и Данте вознамерился его забрать.

Наспех закусив бананами и кокосовым молоком, перед рассветом Данте подобрался к «Ла Пиранье». На Одуванчике он ехать не рискнул, дабы не шуметь, и отпустил его на свободу. Окна эстансии были темны. Данте, обойдя поместье кругом, подцепил шатающуюся дощечку в заборе и пролез внутрь. Бесшумно, будто ягуар, он добрался до конюшни. Наколдовал огонёк и увидел Ветра. И самообладание тотчас изменило Данте, сердце заколотилось как сумасшедшее. Несколько лет Ветер был его другом, скрашивал его одиночество.

Данте кинулся к стойлу и, забыв об осторожности, повис на шее у коня. Но что-то было не так: Ветер стоял понурый и неухоженный. Наверное, Сильвио запретил его чистить специально. Гад!

Данте аккуратно вывел лошадь во двор, но, вот незадача, ударился ногой о ведро. Ведро загромыhalo. Раздался собачий лай.

— Ветер, давай, миленький, пошли, — уговаривал Данте. Однако, конь упирался и шёл очень медленно. Лай становился всё громче и громче...

— Ветер, идём. Ты меня разве не узнаёшь? Это я, Данте, — мальчик погладил лошадь по гриве. Собаки буквально захлёбывались лаем. Конь, наконец, послушался. Они с Данте почти уже вышли за забор, как ВДРУГ...

— А ну-ка стой! Ах ты, мерзкий ворюга! Стой, кому говорят!

Этот отвратительный голос Данте не смог бы ни с чем спутать. То был Сильвио. С охотничьим ружьём в руках. Рядом с ним стояла Леонора, держа фонарь.

— А! Так это ты, гадёныш?! — взревел Сильвио.

Данте, миглом оседлав Ветра, направил его напрямик на забор. Ветер легко взял это препятствие. Сильвио отворил ворота.

— Стой, ворюга!!! Верни мою лошадь!

— Это моя лошадь! Эту лошадь подарил мне отец! — крикнул Данте.

Щёлк! Сильвио взвёл курок и направил ружьё на всадника.

БАХ! Раздался выстрел.

Данте не сразу понял что произошло. Звук выстрела, оглушив мальчика, звенел у него в ушах. Данте ощутил, что падает. Наверное, его ранили. А он без седла. Но никакой боли Данте не испытывал. Раны не было. Зато Ветер вдруг захрипел и ноги его подогнулись. Конь упал. Данте кубарем скатился на землю. Ветер лежал на боку, со свистом выдыхая из ноздрей воздух. Данте прижался к нему и почувствовал: шерсть мокрая. Мальчик поднёс ладони к лицу. Алая кровь потекла по пальцам.

— Вот тебе твоя лошадь, забирай её! — выкрикнул Сильвио. Хохоча, он закрыл калитку и ушёл в дом.

У Данте стучало в висках. Он подполз ближе к коню и обнял его за шею.

— Нет... нет... не умирай, пожалуйста... пожалуйста... только не это... — голос мальчика срывался в крик. Он не видел в темноте дымчатую шерсть лошади, но ощущал, что Ветер ещё дышит.

— Не умирай... не уходи.... пожалуйста...

Данте прижался лицом к лошадиной гриве. Ветер задрожал. Напрягся как струна. Ещё секунда и конь застыл.

Округу разрезал крик. Данте не осознавал, что это кричит он сам. Кричит, словно одержимый. Мальчику казалось, что сердце его вытащили из груди, и теперь там зияет дыра.

Ещё долго Данте обнимал мёртвую лошадь. Постепенно крики перешли в едва заметное всхлипывание. Когда, наконец, в затылок мальчику ударило солнце, кто-то подхватил его под локти.

— Данте, Данте, пойдём, — знакомый голос. Его приподняли. Вся одежда Данте была перепачкана кровью. Вокруг — тоже кровь, много крови. Нежно-зелёная трава стала багряно-красной.

— Успокойся, — кто-то гладил Данте по голове и тащил за собой. Обезумевший мальчик, подняв голову, увидел Руфину.

— Ветер... — прохрипел он.

— Не переживай. Я скажу Виктору. Мы его похороним. Выкопаем могилу и зароем, всё будет хорошо.

— Это он... он убил... этот... гад... он убил... — бессвязно бормотал Данте.

— Да-да, я знаю.

— Он убил Ветра... тварь... тварь... и он смеялся... будь он проклят...

— Не говори так! Проклинать кого-то — грех. Деточка, это всего лишь лошадь.

Данте дико взглянул на Руфину снизу вверх.

— Всего лишь лошадь? Может быть... для вас... для всех... А для меня это был мой друг.

Руфина, прижав мальчика к себе, втащила его в дом через чёрный ход.

Следующую часть дня Данте провёл в кухне, сидя на стуле и уткнув взгляд в мешок с кукурузной мукой. Он не шевелился, не плакал и не разговаривал.

— Детка, ну нельзя же так убиваться из-за лошади. Поешь хоть что-нибудь.

Данте упорно не реагировал.

— Что ты с собой делаешь? А что будет с тобой, если умрёт кто-то близкий? Если умрёт человек? Ты же попадёшь в Жёлтый дом, — ворчала женщина. — Деточка, поговори со

мной.

Руфина ходила кругами, всплескивала руками, гладила Данте по волосам, соблазняла его ароматными пирожками, но всё было тщетно.

Дверь в кухню распахнулась. Вошёл Виктор.

— Я, ну это, — он почесал голову, — могилу, короче, выкопал. Прощаться-то будете или я сам уж зарую?

Данте вздрогнул.

— Я пойду, — прошептал он одними губами, поднимаясь со стула.

— Вот олух старый, — прошипела Руфина, когда Данте скрылся за дверью. — Прощаться... То же мне придумал — с лошадьёю прощаться. Зарыл бы молча да и всё. Погляди, пацан аж чёрный весь. Убить тебя!

— Ну... я ж это, не знал... Я не подумал, — вздохнул Виктор.

— Не знал он. Пошли уже, — Руфина подтолкнула мужичка к выходу.

Данте больше не плакал и не кричал. Столбом он стоял у края могилы, глядя как Виктор засыпает Ветра землёй. Вот и нет больше Ветра. Его друга. Его любимого коня. Глухая боль узлом скрутила внутренности, не давая дышать. А ещё ненависть. Дикая, бездонная, всепоглощающая. Стоя у могильной ямы, Данте поймал себя на мысли: он желает смерти Сильвио и его семье. Или какого-нибудь несчастья. Ну должна же быть справедливость на этом свете!

За несколько дней Данте отгородился от мира, сидя в своей комнатке. Даже когда приходила Руфина, он делал вид, что спит. Служанка вздыхала, оставляла на столике поднос с едой и уходила.

Но вскоре в семействе Бильосо разразилась катастрофа. Неизвестно, произошло это случайно или ненависть, горящая в сердце Данте, была так сильна, что материализовалась. Сам Данте не сделал ничего, кроме посылания ежедневных проклятий, но он нисколько не расстроился, когда жандармы принесли в «Ла Пиранью» дурную весть: экипаж, в котором Леонора и Хасмин отправились в центр города за покупками, перевернулся, и обе женщины упали в обрыв вместе с каретой и кучером. Все погибли.

На дверях «Ла Пираньи» повесили траурные драпировки. Рене ревел, закрывшись в спальне, а Сильвио ходил по дому мрачнее тучи. Данте они теперь не трогали — не до него было. Сам Данте, смерти никому не желая, испытывал странное чувство: смесь злорадной радости и облегчения.

— Да как ты могла? Ты воспользовалась нашим отсутствием, чтобы пообжиматься с грязным пастухом у всех на глазах! — Роксана размахнулась и ударила Эстеллу по щеке так, что девочка упала на канапе.

— Так, это что тут происходит? — подоспев вовремя, Арсиеро ухватил Роксану за руки.

— Он мой друг, — оправдывалась Эстелла.

— Какой позор на мою голову! — Роксана вырвалась из рук мужа.

— Милая, успокойтесь.

— Не собираюсь я успокаиваться! Я делаю всё, чтобы оградить мою семью от пагубного влияния этих омерзительных плебеев, а моя дочь бежит к ним на свидания.

— Она испортила мне званый обед, — добавила Мисолина, сидящая в кресле неподалёку. — Она привела этого пастуха в наш дом и заставила моих друзей пить с ним чай. А потом они вывалили мороженое мне на голову!

— Ты бы лучше не лезла ни в своё дело! — прикрикнул Арсиеро. — Ну-ка, давай-ка, марш к себе в комнату, сеньорита Мисолина! И сиди там, пока тебя не позовут.

Мисолина оскорблённо поджала губы, но ушла.

— Я думаю, эта маленькая шалость не стоит того, чтобы так паниковать, — вздохнул Арсиеро, наливая из графина воду в стакан и подавая её супруге. — Выпейте водички, милая, и успокойтесь.

Роксана, дрожа от гнева, взяла стакан и залпом его осушила.

— Я запрещаю!!! Запрещаю тебе общаться с грязными пастухами!!! — завопила она. — Я уже это говорила, я предупреждала, но ты ничего не понимаешь! Ты непробиваемая! Хорошо, тогда я приму другие меры! Ты всё равно с ним общаться не будешь, так и знай!

— Ну зачем же так кричать? — терпению Арсиеро можно было позавидовать. — Я уверен, что Эстелла не хотела ничего плохого, правда, дорогая?

— Он мой друг! Я просто хочу с ним дружить! Что здесь дурного? — выкрикнула девочка. В её глазах блестели сейчас не только слёзы, но и искорки упрямства. Роксана нарезала круги по гостинной.

— Действительно, нет ничего дурного в том, что ты хочешь дружить с этим мальчиком, — Арсиеро присел рядом с Эстеллой на канapé. — Но, дорогая, неужели Мисолина сказала правду? Ты действительно с ним обнималась и целовалась у дверей дома?

— Я чмокнула его в щёку, на прощание, — Эстелла вспыхнула. — Что здесь особенного?

— Но, дорогая, так нельзя себя вести с мальчиками. Иначе, когда ты вырастешь, тебя будут принимать за... за девушку дурного поведения. И приличные женихи и не взглянут на тебя, — внушал Арсиеро.

Эстелла опять расплакалась.

— Не надо убиваться. Я понимаю, что ты сделала это не подумав. Но теперь ты больше не будешь так делать, правда?

Девочка кивнула.

— Ну вот и договорились. И это не значит, что ты не можешь дружить с тем мальчиком. Дружи, приглашай его в гости. Ведь твоя сестра тоже общается с мальчиками. Но она это делает у нас на глазах и не обнимается с ними за углом. Так что твой друг может прийти к нам и... — Арсиеро вздрогнул, так как Роксана впиалась ногтями ему в плечо.

— Что вы такое городите, Арсиеро? Этого ещё не хватало! Никаких пастухов в моём доме не будет! Я решительно запрещаю!

— Но Роксана, помилуйте! Они ведь ещё дети!

— А я-то думала, что у меня муж, который во всём меня поддерживает. А он, вместо этого балует мою дочь, разрешая ей позорить доброе имя нашей семьи. Вы даже не отец ей! Так что не вмешивайтесь! Воспитанием своих детей я занимаюсь сама, и я всё решила! Если она не понимает по-хорошему и даже недельное сидение взаперти не пошло ей на пользу, я приму иные меры.

— Но что вы задумали, милая?

— Сегодня же напишу отцу. Он просил ему написать, когда мы доедем. Но я же не знала, что дома меня ждёт такой позор. Как я теперь буду смотреть в глаза соседям? Не сомневаюсь, они видели, как моя дочь бегала по городу с пастухом. Ох, боже мой, какой ужас! Ну ничего, я положу этому конец. Она поедет в закрытую школу для девочек!

— Что? — хором спросили Арсиеро и Эстелла.

— Именно так. У отца огромные связи. Он устроит её в самую лучшую школу. Это моё последнее слово и оно не подлежит обсуждению, — отрезала Роксана, развернулась и направилась в кабинет.

— Что... что это значит? — у Эстеллы почти уже началась неконтролируемая истерика. — Я... я у-уюду отсюда?

— Да, дорогая, — отозвался Арсиеро. — Но в школе неплохо, уверяю тебя. Там научат хорошим манерам, испанскому, танцам, музыке и арифметике, кулинарии и шитью. В общем всему, что обязана знать и уметь будущая жена, мать и хозяйка. О, твой дедушка найдёт для тебя самое лучшее учебное заведение в вице-королевстве! Там ты познакомишься с другими девочками из приличных семей. Ты не будешь скучать.

— Но я не хочу уезжать из дома!

— Я понимаю, но в этом нет ничего страшного. Наоборот, ты станешь самостоятельной, многое узнаешь. О, школа — это прекрасное решение! Я не хочу на тебя давить, но твоя мама права. Смотри, моя сестра Хорхелина тоже когда-то училась в школе для девочек. А потом вернулась домой здоровой и невредимой. Ведь это не навсегда.

— Не навсегда? — Эстелла захлопала ресницами.

— Ну конечно нет!

— А на сколько?

— Ммм... ну, в каждой школе по-разному. В светской обычно изучают побольше наук. В монастырской — богословие и хорошие манеры. Но это не будет слишком долгим сроком. Лет пять.

Шокированная Эстелла уставилась на Арсиеро.

— Пять лет? Так до-олго... Но я не хочу! Пять лет — это очень много. Значит, когда я вернусь домой, я уже буду взрослой?

— Вот именно! О, тебе уже будет семнадцать лет! Ты отучишься, вернёшься и станешь невестой на выданье. Уверен, после обучения в школе, ты сможешь подцепить богатого и знатного жениха.

— Я выйду замуж только по любви! — сверкнув глазами, Эстелла поднялась с канапе. — Я выйду замуж по любви, как бабушка Берта!

Она подобрала юбки и отправилась наверх. Арсиеро задумчиво посмотрел ей вслед.

— Все так говорят, дорогая, пока не столкнутся с печальной действительностью...

===== Глава 17. Зеркало =====

Данте, лёжа на кровати, с тоской глядел, как по оконному стеклу бегут ручейки воды. Дождь лил весь день и всю ночь. Наверное, небо тоже оплакивало смерть Ветра. Прошли сутки, а рана в душе Данте не затягивалась. Шок и злость сменила глубокая печаль, и Данте без остановки плакал и плакал. Возможно, только встреча с Эстеллой могла бы вытащить его из бездны отчаяния. Да, Эстелла бы его утешила, обняла, погладила бы по голове. Как же она ему нужна! Но попугай от девочки не прилетал, а Данте испытывал такую боль, что не мог думать о чём-то хорошем. К счастью, его никто не тревожил. Сильвио занимался похоронами, а Рене боялся Данте после того, как последнему хватило-таки жестокости сказать, что это он, Данте, наслал проклятие на Леонору и Хасмин. Теперь Рене шарахался от Данте как от зачумлённого. Но мальчик не чувствовал себя виноватым. Отмщённым скорее. Почему он должен жалеть Рене или Сильвио? Они хоть раз его пожалели? Разве Рене жалел его, когда бил и обижал вместе со своими друзьями, когда тыкал пальцем и называл «нелюдем»? А Сильвио разве его пожалел, когда бросал головой об стену, пинал ногами и

запирал в подвале или когда стрелял в Ветра из ружья? Это небо их покарало, так им и надо. И Ветра всё равно уже не вернуть... Данте тихонько заскулил, укутываясь в простынку.

— Тук-тук-тук! — раздался настойчивый стук. Данте, подняв затуманенную голову, увидел за окном что-то алое... крылья. Янгус! Раненное сердце мальчика подпрыгнуло. Он кубарем скатился с кровати и, добежав до окна, выпустил птицу. Янгус ворвалась в комнату. Сделав круг под потолком, она села на пол и встряхнулась, разбрызгивая по стенам потоки воды.

— Янгус, ты вернулась! — Данте брякнулся на колени, глядя птицу по грудке. — Знаешь, что случилось? Они убили Ветра. Они его убили... Он умер.

Янгус, издав жалобный возглас, нахохлилась и потёрлась хохолком о руку мальчика. Тёплые, хоть и мокрые пёрышки, действовали на Данте успокаивающе.

— Как хорошо, что ты у меня есть, Янгус. Я тебя очень люблю.

Птица нежно закурлыкала, ероша перья. Данте уткнулся лбом в пол и беззвучно заплакал. Янгус примостилась рядышком. Она чистила перья, сушила их, булькая и цепляя Данте клювом за рукава.

Наутро дождь остановился. По случаю кончины Леоноры и Хасмин в церкви была назначена панихида. Часам к десяти «Ла Пиранья» опустела. Рабы и батраки ушли на плантации и пастбища, а другие, включая домашнюю прислугу, отправились на молебен. Данте не пошёл. Принципиально. Когда двумя часами ранее Руфина, сунув нос в дверь, сказала о панихиде и прощании с покойниками, Данте грубо ответил, что прощаться он ни с кем не намерен, ведь у него никто не умер, кроме коня, и захлопнул дверь женщине в лицо.

Теперь мальчик стоял у длинного зеркала, приделанного к шкафу, и упорно рассматривал отражение. Фарфоровая кожа, удлинённые к вискам глаза и тонкие брови-стрелы придавали мальчику сходство с кошкой. Сейчас лицо выглядело измученным, под глазами пролегли тени, а сапфировые глаза ввалились и потускнели. Данте не нравилась его внешность. Мальчик думал, что стал бы намного счастливее, если бы не был магом. Если бы он был как все: со смуглой кожей, круглым лицом, нормальным разрезом глаз. Может, и люди тогда бы относились к нему иначе.

— Ненавижу тебя, — выплюнул Данте в зеркало и отвернулся.

— А-ха-ха-ха! — раздался смех из ниоткуда.

Данте резко обернулся. Взглянул на Янгус — птица дремала, уткнув клюв в спину. Данте перевёл взгляд на зеркало и обомлел: отражения в нём не было. Совсем. Зеркало пустовало. Данте подошёл ближе.

— Эй, ты где? — хрипло спросил он. — Что за шутки?

— Ну ты же ненавидишь меня, — отозвался кто-то. — Сам сказал. Вот я и решил не мозолить тебе глаза, — голос вновь рассмеялся.

— Салазар, это ты? Покажись!

— Как скажешь.

В зеркале зашевелились тени. Пошёл дымок и отражение в зеркале вновь появилось. Такое же, каким и было до этого.

— Нет, так не честно! — разозлился Данте, встряхивая волосами. — Ты показываешь мне меня, а я хочу увидеть тебя. Я вспомнил, ты говорил: чтобы тебя увидеть, я должен заглянуть в зеркало.

— Ух ты! А ты соображаешь, когда хочешь, — уколол Салазар. — Похоже, ты не безнадёжен.

— Ну покажись, я хочу тебя увидеть, — Данте разобрало любопытство.

— Что ж, будь по-твоему.

Зеркало заволокло красной дымкой. Что-то внутри щёлкнуло. Дым постепенно рассеялся и Данте вновь увидел себя, но немного другого. Зеркальный Данте был одет в чёрные облегающие штаны, сапоги, белую рубашку и ярко-зелёный плащ, который хвостом волочился по полу. Данте никогда не видел, чтобы кто-то в городе так одевался. Плащи такой длины ни мужчины, ни юноши не носили ни в крестьянской среде, ни в аристократической. Салазар, сверкнув антрацитовыми глазами, в коих отсутствовали зрачки, поправил густые чёрные волосы, достигающие ему до пояса.

Данте в упор рассматривал человека в зеркале. Теперь отражение вело себя иначе, будто жило собственной жизнью. Салазар улыбнулся, приподняв тонкую бровь.

— Ну как, доволен?

— Мне кажется... кажется... я тебя уже где-то видел, — сказал Данте. — Только вот где, не помню.

— Зато я помню. В твоей голове. Точнее во сне, — Салазар прищурился. — Я тогда тебе сказал, что ты можешь меня позвать в любое время.

— А почему ты сейчас появился, ведь я тебя не звал?

— Зато ты упорно кричал, как ты ненавидишь своё отражение.

— По-моему, поводов для этого достаточно.

— А по-моему, тебе не за что себя ненавидеть. Себя вообще надо любить. Запомни это! А те, кто называют тебя нелюдем и уродом, сами на себя в зеркало, видимо, не смотрели, — Салазар расхохотался, щёлкнул пальцами, мигом исчезнув. Зеркало опустело.

— Эй, ты где?

ПЫХХХ...

Теперь зеркало вспыхнуло синим и в нём вырисовался облик молодого человека. Данте присмотрелся. Чёрные волосы до плеч, раскосые синие глаза. Он был... был... красив. Даже Данте не смог этого не признать. И он был похож на него, на Данте, только значительно старше.

— Если бы ты захотел, ты бы положил к своим ногам весь мир. Но ты не хочешь, — сказал юноша мягким голосом. — Тебе нравится быть жертвой. Тебе нравится жалеть себя. Хотя у тебя есть всё, чтобы уничтожить тех, кто тебе мешает, и быть с теми, кто тебе дорог. И не говори, что это не так.

С этими словами юноша растворился в дымке, вновь обернувшись в длинноволосого Салазара.

— Что это было?

— Это ты. В будущем.

— Я стану таким, когда вырасту?

— О, да! Понравилось?

— Ммм... не знаю. Странно видеть себя взрослым. погоди, значит, это зеркало тоже волшебное? Оно показывает будущее?

— Зеркало тут не причём. Это я могу показать тебе всё, что угодно, хоть будущее, хоть прошлое и в любом другом зеркале. Кстати, я за этим и пришёл. Есть одна вещь, о которой ты не знаешь.

— Что за вещь?

— Помнишь, я тебе говорил о старике, что отдал тебе свою силу?

— Помню.

— Так вот, он отдал тебе и ещё кое-что.

— Что же?

— Волшебный перстень. Перстень, благодаря которому магия, заложенная в колдуне, усиливается многократно. Перстень, исполняющий любое желание. Это сильнейший магический артефакт. Старик повесил его тебе на шею. Было бы неплохо его найти.

Данте сглотнул.

— Но я не знаю, где он может быть. Даже не знаю, как он выглядит.

— О, ты сразу поймёшь, что это он. Его нельзя перепутать ни с чем. Я пришёл, чтобы тебе это рассказать. Не думаю, что люди, к которым попал этот перстень, знают его истинную ценность. Перстень становится силой только в руках колдуна. Для обычного человека это лишь красивая побрякушка.

— Но... но где я буду его искать?

— Подумай. Когда тебя нашёл Мендига, перстень висел у тебя на шее. Не заметить его было нельзя. Конечно, он мог его продать, но я сомневаюсь в этом. Скорее, сохранил для тебя. Перстень мог попасть и к Сильвио, в качестве приложения к тебе. Значит, он может быть где-то в этом доме. Или в доме Мендиги.

— Дом папы разрушили, — печально произнёс Данте. — Два года назад. Сказали, что это рухлядь, и сравняли с землёй. А в этом доме... навряд-ли Сильвио понравится, если я буду что-то искать в его доме.

— А ты попробуй, — Салазар рассмеялся так, что затряслись оконные стёкла, и растворился в зеркале, явив взору Данте его обычное отражение.

===== Глава 18. Волшебный перстень =====

Хоть это и могло показаться кощунством, но пока хозяева «Ла Пираньи» горевали на похоронах, Данте обследовал их дом. Не раздумывая, мальчик обшарил все ящики стола и секретера в кабинете и все закоулки в гостиной. Ничего похожего на перстень не обнаружил и добрался до правого крыла дома, где располагались комнаты Сильвио и его детей. Подошёл к «святая святых» — так называли родительскую спальню Рене и Хасмин. Даже им было запрещено туда входить, но Данте это не смутило. Эти люди сделали ему много дурного, чтобы он стал церемониться. Да и он не ворует, не читает чужих писем и дневников и не сует свой нос ни в какие бумаги и папки Сильвио — всего-то хочет найти вещь, принадлежащую ему по праву. Конечно, если перстень попал в руки Сильвио, он мог и продать его, и тогда уж концов не найдёшь. Но Данте не сомневался: перстень здесь, в доме. Интуиция ни разу ещё не подводила мальчика.

Повернув золочёную ручку, он вошёл в хозяйскую спальню. Стены её были отделаны бежевой тканью, расписанной ярко-красными маками. На полу — красный ковёр. Огромная дубовая кровать с тяжёлой спинкой укрыта покрывалом, разрисованным красными розами. Туалетный столик затыкан поддельными рубинами. У Данте аж птички перед глазами полетели от обилия всего красного. Мальчик проморгался и вскоре привык к безвкусице, царившей в комнате. Он открывал шкафы, шкатулки и ящики, искал под кроватью и матрасом и, наконец, в углу под кружевной салфеткой заметил сундук. Тот оказался заперт. Пошарив по туалетному столику, Данте выудил шпильку. Замок поддался без возражений. И только Данте открыл крышку, так в нос ему ударил столб пыли. Мальчик чихнул аж три раза. В сундуке находился какой-то хлам: пожелтевшие от времени портьеры, старые покрывала, потрёпанные атласные туфли с бантиками. После продолжительных копаний в этой рухляди,

Данте извлёк со дна прямоугольный ящичек. Мальчик уселся на пол, подцепил шпилькой замок, и ящичек открылся. Письма... конвертики... счета... бумажки... Ничего интересного. Данте уже хотел закрыть ящик, запихать его в сундук и поискать в другом месте, но тут что-то сверкнуло под его пальцами. Данте разгрёб кучу жёлтых листков и выудил из-под них серебряный перстень с изумрудом.

Вот оно! Данте не сомневался, что нашёл именно тот самый перстень. Изумруд на нём сиял так, что мог бы затмить собой луну. Перстень был великолепен, и Данте надел его на указательный палец левой руки. Перстень вошёл, как влитой — колечко на глазах уменьшалось в размерах, подстраиваясь под тонкие пальчики ребёнка. Данте долго не мог оторвать от него взгляда, но тут раздался шум. Данте встрепенулся. Быстро побросал все вещи в сундук, позакрывал ящики и пулей выскочил из комнаты. Уф! Успел. Мальчик, захлопнув дверь, бегом выбежал из правого крыла дома и едва не налетел на Сильвио.

— Ты чего делал в том крыле, урод? — Сильвио скрестил руки на пузе.

— Ничего.

— Я разве ж не запрещал те туды ходить? Значит, вместо того, чтоб проводить в последний путь свою тётю да сестру, ты обшаривал мой дом, гадёныш?

— Они мне не сестра и тётя! Они мне никто! — Данте смело взглянул на поросычью физиономию землевладельца. — Так вам и надо, что они умерли! Это вам наказание за то, что вы убили мою лошадь!

— ЧЕГО? — Сильвио едва слюной не захлебнулся. — Эта лошадь была моя! Всё, чего находится в этом доме, — моя собственность. Даже ты, урод.

— Я не урод! — Данте скрипнул зубами. — И я не ваша собственность!

— Да ну? А ну-ка, иди сюды! Как ты смеешь радоваться смерти моих родственников?

— А вот и смею! Так вам и надо! — у Данте искры из глаз полетели. Боль и ярость последних дней вырвались наружу. — Я вас ненавижу! Всех ненавижу!!!

— Ах ты, сучёнок! Я тя шас убью!

Сильвио потянулся, чтобы схватить мальчика за горло. Данте выставил руки в попытке защититься, и из его пальцев вырвалось пламя, подпалив Сильвио волосы и рубашку. Мужчина в ужасе попятился, споткнулся и упал на пол.

— Ты... ты... ты... ты... чего сделал? Ты... ты... убить меня хотел, сукин сын?

— Папа, чего это с тобой? — на ор прибежал Рене.

Данте так устал от этой проклятой жизни и от этих людей, что у него уже сил не осталось ни на что. Он молча бросил испепеляющий взгляд на отца и сына.

— Этот монстр хотел меня убить! — Сильвио зарычал, трясая головой. — У него из рук огонь вырвался. На мне одежда чуть не погорела! Маленький ублюдок, зря его не утопили, коды он родился!

Сильвио, буравя Данте своими крохотными глазками, больше ничего не сказал, но Данте вдруг увидел над головой Рене его мысли, облачённые в буквы... в слова... Данте прочитал: «Как же ты достал уже, нелюдь. Испортил нам всю жизнь!».

Мальчик зажмурился, не понимая что происходит, и тут же поймал ещё что-то, другие слова, другие мысли. Теперь он их слышал. Кажется, то были мысли Сильвио: «Ежели б это чудовище не родилось, у нас всё было б хорошо. Может накормить сучёнка крысиным ядом?».

Вскрикнув, Данте схватился за голову, выбежал на улицу и понёсся по дороге, едва не угодив под экипаж.

— Эй, молокосос, ты куда прёшь? — рявкнул кучер.

Данте добежал до ближайшей антикварной лавки и нырнул внутрь. Пытаясь успокоиться, он рассматривал витрины, ловя косые взгляды приказчиков и покупателей, и опять слышал, слышал голоса:

«Что это за чучело тут толчётся?».

«Хулиганье всякое».

«Грязный бродяжка, смотреть страшно».

«А вдруг он хочет что-то украсть?».

Данте, выскочив из лавки, застыл на тротуаре. Что происходит? Он сошёл с ума?

Мимо шли люди. Мальчик разглядывал их и у каждого над головой видел мысли. Над кем-то они висели в виде картинок, над кем-то в виде букв и отдельных слов, а чьи-то мысли он слышал ушами.

«Сегодня супруга хотела пойти в театр. Нужно не забыть заказать ложу...»

«Интересно, он уже прочитал моё письмо? Ох, боже мой, что он ответит? Любит ли он меня?» — явно девичьи мысли.

«Если жена узнает, что я ходил в казино, чего бу-удет...».

Данте сжал виски пальцами. Он не понимал, откуда взялся этот поток чужих мыслей и страхов. И почему он лезет к нему в голову? Тут его взгляд упал на перстень. Изумруд вращался в оправе, сияя каким-то фантастическим светом. Так вот оно что!

Данте решительно сдёрнул перстень с пальца. Шум в голове тут же прекратился. Мальчик огляделся по сторонам. Больше он не слышал чужих мыслей и не видел их над головами прохожих. Конечно, поначалу Данте испугался, но не мог не признать: сила перстня заинтересовала его ни на шутку. Он добрёл до ближайших зарослей акации, лихорадочно вспоминая, что же ещё говорил Салазар.

«Перстень, благодаря которому, магия, заложенная в колдуне усиливается многократно. Перстень, исполняющий любое желание...».

Желание, любое желание! Поднеся перстень к губам, Данте громко сказал:

— Больше никогда, никогда не хочу жить в доме Сильвио!

Мальчик тотчас вскрикнул — изумруд увеличился в размерах и вспыхнул, вертясь с бешеной скоростью. И вновь застыл.

Данте, сидя в зарослях, ещё долго смотрел на камень, но ничего больше не происходило. Так минуло часа два. К глазам Данте опять подступили слёзы. Ну вот, и тут враньё. Как всегда. Все его обманывают, даже Салазар. Сплошное разочарование. Где же его желание? Если этот перстень способен лишь читать мысли, то ему он и даром не сдался. Зачем ему чужие глупости и ужасы, когда и своих с избытком хватает?

Мерно покачиваясь из стороны в сторону, Данте обнял себя за колени и увидел: по дороге бежит Виктор. Данте вылез из кустов. Мужчина бросился к нему.

— Вот ты где, а я уж полгорода обегал. Хозяин велел тебя найти.

— Зачем?

— Там один человек приехал. К тебе.

— Что за человек? — сердце Данте ушло в пятки.

— Гаучо. Зовут, кажется... эээ... Гастон... Гамар... Гаспар! Во! Точно, Гаспар. Он говорит... Эй, ты куда? Ты дослушай сначала!

Но Данте уже ничего не слышал. Он нёсся по дороге, едва не задыхаясь от счастья.

===== Глава 19. Конец и начало =====

Сильвио и Гаспар сидели в креслах друг напротив друга. Руфина подавала им кофе в крошечных чашечках. Данте робко прокрался в гостиную.

— Привет, — Гаспар ласково улыбнулся ему.

Данте в ответ сверкнул глазами.

— Здравствуйте, — сказал он, присаживаясь на краешек дивана.

— Ты, сопляк, этот человек пришёл угрожать мне. Это ведь ты, урод, нажаловался на дурное обращение, не так что ль? — грубо заявил Сильвио. Двойной подбородок его дрожал от ярости.

Данте промолчал. Гаспар же был шокирован таким хамством.

— Я ещё не закончил, сеньор, — сказал он. — Я пришёл не угрожать. Я предлагаю вам сделку: вы отдаёте мне мальчишку и подписываете бумагу об отказе от опекуинства, а я и моя семья закрываем глаза на некоторые нелицеприятные факты. Например на то, как вы запирали ребёнка в подвале. Или на то, что он был весь в синяках, когда я с ним познакомился.

— Не смейте мне угрожать! — взбеленился Сильвио. — Вы его не знаете! Это не ребёнок, это исчадие! С ним иначе никак!

— А я ведь могу многое рассказать, — стоял на своём Гаспар. — Схожу, к примеру, в жандармерию. Или к нашему алькальду, нажалуюсь членам Кабиљдо или падре Эберардо. Впрочем, нет, какой прок в падре Эберардо? Я не поленюсь и наведуясь в столицу к епископу. Посмотрим, как вы тогда запоёте.

Сильвио покрылся жёлтыми пятнами.

— Голова щас лопнет. Тама в буфете должён быть виски, давай сюды, — приказал он Руфине.

Руфина беспрекословно подчинилась. Пошла к буфету и принесла бутылку. Сильвио приложился к горлышку, заглатывая сразу половину. Гаспар, взглянув на Данте, заметил, с каким отвращением мальчишка смотрит на приёмного дядю.

— Ну так что? Я забираю мальчика?

— Забирай! Забирай и иди к чёрту на рога вместе с ним! — выкрикнул Сильвио. — Я буду счастлив избавиться от этого уroda, давно пора! Но потом не говори, будто б я тя не предупреждал. Вот он уничтожит всю твою семейку да подожжёт твою лачугу, я тоды погляжу на тя! Забирай! И катись вон отсюдова! Вон! Выметайтесь из моего дома! Оба!

Сильвио развернулся и ушёл, унеся с собой недопитую бутылку виски. Руфина молча смотрела поочерёдно то на Гаспара, то на Данте.

— Так вы и вправду забираете его от нас?

— Да.

Данте не мог поверить, что Сильвио так легко сдался. Вот так запросто отдал его Гаспару! Невероятно!

— Значит, я могу идти вещи собирать? — проямлил он.

— Конечно, иди собирайся. Поедем домой. Каролина и Кlemente с ума сходят. Ты так внезапно пропал, а потом прилетела Янгус с запиской, да ещё вчера с утра прибежал Одуванчик. Сам. Мне показалось это дурным знаком, и я решил ехать за тобой.

Данте не заставил себя долго упрашивать. Он побежал к себе, буквально прыгая от радости. Руфина закрыла лицо руками.

— Как же так? Значит, я больше не увижу моего мальчика?

— Ну конечно увидите, — подбадривал Гаспар. — Он будет приезжать, когда захочет.

Данте метался по комнате, как попало увязывая свои немногочисленные вещи в узелок. Янгус недовольно булькала.

— Янгус, ну что ты ворчишь? Мы же едем к Гаспару! Он меня забирает из этого ада! Понимаешь? Навсегда! Я больше сюда не вернусь! Перстень исполнил моё желание!

Данте вдруг остановился. Несколько книжек, которые он держал в руках, упали на пол, больно шарахнув его по ноге.

— Ой, а как же Эстелла? Я же не подумал о ней... Как же я теперь увижу Эстеллу? За эти дни столько всего случилось, а попугай от неё так и не прилетел. Что же делать? Мне ведь надо её увидеть. Хотя бы попрощаться...

Янгус помахала крыльями. Точно! Он напишет записку и прямо сейчас отправит Янгус к Эстелле. Данте взмахнул рукой, вызывая из воздуха перо и бумажку, и нацарапал:

«Эстелла, надо увидеться. Это срочно. Я буду тебя ждать через час на мосту. Данте».

Спустя минуту, Янгус с запиской в клюве уже взмыла над городом.

Данте вышел в гостиную.

— Ну? Готов? — поинтересовался Гаспар.

— Эмм... Дядя Гаспар, а можно... в общем, давайте поедem чуть попозже.

— Почему? — удивился Гаспар.

— Я... я хочу попрощаться с одним человеком, — лицо Данте вспыхнуло, и он опустил ресницы.

Гаспар улыбнулся.

— Понятно. Ну хорошо. Кстати, я так и не понял, почему Одуванчик прискакал домой один?

— Я его отпустил на волю, когда хотел забрать Ветра. Но... Ветра убили... Он... он... убил... — к горлу Данте вновь подкатил ком. — Я потом расскажу.

— Ну ничего. Иди прощайся с друзьями, а я поболтаю пока с Руфиной.

Последняя утирала слёзы фартуком.

— Руфина, не плачь. Я буду тебя навещать — пообещал Данте.

— Я знаю. Я так рада, что мой мальчик обретёт дом и семью.

Старушка, прижав мальчишку к себе, поцеловала его в затылок.

Час спустя, Данте, нервно похрустывая пальцами, стоял на мосту. Но Эстелла не приходила. Ни через пятнадцать минут, ни через час, ни через два.

Но потом над ухом Данте раздался шорох крыльев. Взмыленная Янгус села мальчишке на плечо. В клюве она держала пергамент. Данте стремительно выхватил его. Бумага пахла розами. Красивые, круглые буковки Эстеллы в нескольких местах расплылись, образуя кляксы. Кажется, девчонка плакала, пока писала ответ:

«Данте, прости, но я не смогу прийти. Сегодня я уезжаю. Меня отправляют в Буэнос-Айрес, в закрытую школу для девочек. Очень надолго. Мы больше не увидимся. Мне понравилось дружить с тобой. Я была счастлива, когда мы гуляли и катались на лошади. Ты самый лучший мой друг. Надеюсь, у тебя всё будет хорошо. Прощай. Эстелла».

Данте ухватился за перила, силясь не упасть. Она уезжает. В столицу. Надолго. А может и навсегда. Он её больше не увидит.

Янгус издала возмущённый свист, когда Данте, спихнув её с плеча, кинулся вверх по мосту. Но птица не обиделась и полетела следом за мальчиком. Данте бежал и бежал всю дорогу до дома алькальда, не останавливаясь, не обращая внимания на прохожих, что с изумлением пялились на странного мальчишку, мчащегося во весь опор, и на необычную

чёрно-алую птицу, летящую за ним. Добежал. И застыл в нескольких метрах от особняка, утопающего в розовых и фиолетовых цветах жакаранды.

Ворота были распахнуты настежь. Напротив них стоял экипаж. Кучер загружал в него многочисленные сумки, кошельки, чемоданы, шляпные коробки и прочую кладь. Вскоре из дома вышли: сеньора в ажурном платье, представительный сеньор с усиками, полная дама с собачкой на руках, элегантный блондин и две служанки.

Сердце Данте трепыхалось, как крылья бабочки, летящей в огонь. Он увидел Эстеллу в дорожном платье и шляпке, завязанной под подбородком голубой лентой. Насколько разглядел, девочка была бледна и заплакана. Попрощалась она только с дамой с собачкой и молоденькой служанкой, а остальным просто кивнула. Подобрав подол, зашла в экипаж. Кучер сел на козлы и тронул вожжи. Взрослые удалились в дом. Не осознавая, что он делает, Данте бросился за экипажем, но поздно — тот уже исчез за углом. Данте готов был кричать. И злился сам на себя. Что он наделал? Оплакивал Ветра, скандалил с Сильвио и радовался чужой беде. Искал дурацкий перстень, а с Эстеллой — самым дорогим ему человеком — даже не попрощался. Щемящая тоска скребла сердце когтями, будто хищная рысь. Слёзы лились градом. Данте прижал руки к груди и медленно побрёл прочь.

Чёрно-алая птица парила вокруг то почти задевая крыльями землю, то устремляясь вертикально вверх. И Данте вскинул голову, глядя в небо — высоко-высоко плыли пушистые белые облака.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

2 ИЮЛЯ 2013 — 24 СЕНТЯБРЯ 2015

©Darina Naar

===== ЧАСТЬ III. Глава 1. Кружева и жемчужины =====

Год 1795.

Волны белоснежных алансонских кружев, переливающегося шёлка шине [1] и серебряной парчи струились по полу, занимая внушительную часть спальни — комнаты со стенами, обитыми нежно-розовым жаккардом [2]. Вот уже битый час Урсула ползала на коленях по полу, расправляя подол и складки хозяйской юбки. Невеста, подобно каменному изваянию, стояла не шевелясь. Небольшая округлая грудь её подчёркивалась глубоким декольте. Осиная талия была затянута между пластинками китового уса так, что, казалось, её обладательница и дышать не в состоянии. Изящные руки невесты облачены в ажурные митенки. Тёмные кудри забраны в пучок, к которому прикреплялся шлейф-фата, отделанный лебяжьим пухом и длиною уходящий в бесконечность. — О! — восхищённо голосила служанка через каждую минуту. — Сеньорита Эстелла, вы... вы... красавица! — Угу... — Да вот не понимаю я всё равно, с чего ж вы такая грустная? У вас же сегодня свадьба, а не похороны! — Угу... Урсула, пожав плечами, больше не приставала с назойливыми вопросами.

Эстелла молчала. Лицо её не выражало ничего. Чёрные омуты глаз казались огромными на тонком лице. В них не было блеска — лишь печать обречённой покорности. Детская округлость щёк теперь уступила место хрупкой худощавости. Лицо восемнадцатилетней невесты заострилось, кожа выглядела полупрозрачной.

В открытую дверь ввалилась Берта — ещё более полная, чем раньше. Одета в золотистое атласное платье, она напоминала подушку в праздничной наволочке. В руках женщина держала коробочку красного бархата. — Ах, какое великолепное зрелище! Здравствуй, дорогая. Ты восхитительна! — объявила она. — Бабушка... — Ну вот, готово! —

Урсула, закончив расправлять платье, встала с колен. — Ох, и умучилась я с вами сегодня. Но вы божественны, сеньорита! У вас самое роскошное подвенечное платье во всём вице-королевстве. — Спасибо, Урсула. — Ох, сегодня такой великий день! — слёзно вздохнула Берта. — Даже не думала я, что с этой адской жизнью доживу до свадьбы моей дорогой Эстеллиты. А я тебе принесла подарочек, — Берта открыла коробочку. Внутри лежала аметистовая лилия. — Это фамильная драгоценность, — объяснила Берта. — Передается по женской линии первой невесте в семье. Её носила ещё моя прапрабабушка. Берта подошла, чтобы приколоть брошь к усыпанному крупным жемчугом корсажу невесты. — Не стоит бабушка, — Эстелла отстранилась. — Как это не стоит? Эта вещица приносит счастье. Когда я выходила замуж за моего дорогого муженька, царствие ему небесное, я надевала эту брошь, и мой брак был счастливым. И маменька моя, которая тоже надевала эту брошь на свадьбу, была счастлива в браке с отцом. Эта вещь — символ любви и счастья. В день своей свадьбы я буквально парила на небесах! — Берта мечтательно прикрыла глаза. — Бабушка, не настаивайте, я не надену, — упрямылась Эстелла. — Подарите эту штуку Мисолине через две недели, в день её свадьбы. Берта надула губки, как маленькая обиженная девочка. — О, я понимаю, ты волнуешься, дорогая. Любая невеста волнуется перед венчанием. Это естественно. Я всё понимаю. — Нет, бабушка, вы ошибаетесь. Я абсолютно спокойна. Все мои волнения давно умерли и похоронены. Я мертва, и никакая брошь здесь не поможет. — Чего это ты мелешь, девочка? Какой вздор! — запротестовала Берта. — Тебе годков-то всего восемнадцать, а ты брюзжишь, как старуха.

— А есть разница? — Эстелла повела обнажёнными плечами. — Будь мне восемнадцать, двадцать, тридцать или восемьдесят, это ничего не меняет. Всё осталось в прошлом. Как-то раз, когда я была маленькая, я услышала, как мама сказала, что после венчания с папой, её жизнь закончилась. Тогда я не понимала, почему она так говорит, ведь папа был хорошим, но теперь понимаю. Я ещё пока не замужем, хотя это лишь вопрос времени, но моя жизнь уже закончена. Она никогда не станет прежней, и сейчас я понимаю маму гораздо больше, чем в детстве.

— Мама всю жизнь прожила без любви, но она знает что такое быть любимой — папа её любил, и дон Арсиеро любит. Хотя она не знает что такое любить самой. Она не испытала настоящей любви. Самое ужасное, что я её испытала. И это гораздо хуже — жить без любви, зная, что она существует не только в книгах. Но у меня её больше не будет, — всю эту тираду Эстелла произнесла, храня каменное выражение на лице.

— Зря вы так, — подала голос Урсула, складывающая шпильки, разбросанные по туалетному столику. — Вам, считай, повезло. Жених вам достался отменный: молодой, симпатичный, с хорошей репутацией и с деньгами. Да и человек неплохой — не псих и не тиран. Иным не везёт так. Некоторых вон отдают за старых похотливых уродов, из которых песок сыпется, а они всё женятся да женятся. А вы ещё жалуетесь. Прямо как ваша матушка. Та всегда всем недовольна. Чего бы не происходило, она найдёт к чему прицепиться. — Да, ведь Маурисио и вправду хороший человек, дорогая, — подтвердила Берта. — Мне всё равно какой он, будь он хоть ангел пушистый, я его видела три раза и не люблю его. И не надо мне говорить, что любовь не важна, или что она придёт со временем. Это неправда! Вы же с детства мне говорили, бабушка, что вышли замуж по большой любви. Именно поэтому вы были счастливы с дедушкой. Берта, не найдя что возразить, промолчала, зато Урсула хмыкнула. — Знаете, сеньорита, любовь приходит да уходит, а надёжность остаётся на века. Не надобно гнаться за любовью, от ней нет проку, беды только. Поглядите на Либертад.

Скоко женихов она прогнала, дурёха? Это потому что сирота она и наставить её на путь истинный некому. Давно б уж вышла замуж, родила детей, так нет — сидит в девках. А всё потому что приспичило ей. Любовь у ней, видите ли. А эту любовь можно ещё с полсотни лет прождать да так и не дожждаться. Вот и вы туда же. — У Либертад всё будет хорошо, — Эстелла чуть прищурилась, рассматривая себя в зеркале. — Дядя Эстебан любит её. Я это знаю, все это знают. Им мешают предрассудки, но любовь победит, я уверена. Любовь побеждает всегда. Главное, что они есть друг у друга, — Эстелла замолчала, на мгновение прикрыв глаза. Будто услышав, как её обсуждают, в комнату без стука влетела Либертад. — Вы прекрасны, сеньорита, — служанка, заглянув невесте в лицо, покачала головой. — Вам тут принесли... от модистки. — Да, это букет, наверное, — за Эстеллу ответила Берта. — Положи там. И разве тебя в дверь стучать не учили? — Простите, мадам, я торопилась, — Либертад водрузила небольшую картонку на тумбу. — Экипаж уже подан. Все собрались в гостиной. Сеньор Арсиеро ждёт вас, чтоб сопровождать в церковь, сеньорита. — Спасибо, Либертад. Я готова. Только, если позволите, я бы хотела на минуту остаться одна. — Идёмте, подождём внизу. И я всё же оставлю брошь, вдруг ты передумаешь, — Берта положила коробочку с фамильным украшением на кровать и первая вышла из комнаты. Следом за ней помещение покинула и Урсула. Либертад не двигалась с места.

— Что, Либертад? Я же попросила оставить меня на минутку, — в голосе Эстеллы прозвучали нотки недовольства.

— Я сейчас уйду, сеньорита. Я просто хотела вам сказать кой-чего. Я хочу вам пожелать... Нет, счастья я желать не буду, я хочу пожелать вам удачи.

— Спасибо, Либертад. Она мне действительно понадобится.

— Знаете, а ведь ещё не поздно.

— Не поздно для чего?

— Не поздно передумать.

— Нет, Либертад, ничего уже нельзя исправить.

— Можно. За счастье надо бороться! — уверенно сказала Либертад. — Я всегда вами восхищалась, вашей смелостью и упорством, но теперь вы меня удивили и огорчили.

— За счастье стоит бороться, когда оно есть, Либертад. Твоё счастье у тебя есть, и ты борись за него, правда. А моего... моего счастья, его больше нет. Я не могу бороться за то, чего нет.

— Вы могли б побороться за себя, — не сдавалась служанка.

— А зачем?

— Чтоб не превратиться в овцу, которая идёт на поводу у стада и пастуха. Из церкви сбежать не поздно даже в последнюю секунду. Пока вы не обвенчаны, вы свободны.

— Несмотря на ваших родных и их предрассудки, несмотря на предрассудки всего города. Пока вы ещё свободны. Вы могли б убежать куда угодно, да хоть в столицу, хоть к чёрту на рога. Но ежели вы выйдете замуж за этого маркиза, это будет уже неисправимо. Выходить замуж за нелюбимого — в тысячу раз хуже, чем остаться одной. Подумайте. Простите меня за прямоту, сеньорита, но поверьте мне. Я не знаю, поймёте ли вы меня, вы ещё юная, но это ужасно — быть с нелюбимым. Я бы никогда, никогда не смогла лечь в постель с мужчиной, которого видела три раза в жизни и которого не люблю. Это противно, вы будете плакать горькими слезами уже сегодня ночью, поверьте глупой служанке, — Либертад вышла, более не сказав ни слова.

Эстелла осталась одна. Подвенечное платье было настолько тяжёлым, что она двигалась

с трудом. Красивое платье, очень красивое и дорогое. И белые жемчужины на корсаже подходят под её настроение. Жемчужины приносят несчастье и слёзы. Так и есть. Всю оставшуюся жизнь она обречена плакать, существуя где-то между землёй и небесами. Люди любят, ненавидят, страдают, причиняют друг другу боль, смеются или плачут от счастья и несчастья, но для неё это уже не важно. Её душа больше не на земле. Её души больше нет. Нет уже около трёх месяцев. Она потеряла себя. Не может жить, лишь существует. Заточить саму себя в монастыре ей не позволили: Роксана бушевала, Арсиеро уговаривал, только Мисолина радовалась. А теперь ей предлагают чужой дом и незнакомого мужчину в супруги. Большая ли разница: жить в монастырской благочестивой пустоте или в браке, где всё ненастоящее? Картонный брак, картонные чувства. Как Эстелла не удерживала слёзы, они невольно покатались по щекам, грозя испортить лицо «счастливой невесты». Да, красавицей же она будет, с красным носом войдя в церковь!

Едва шевелясь в своём платье, Эстелла вынула из-под позолоченной лампы ключик и открыла один из верхних ящиков туалетного столика. Извлекла нечто, завёрнутое в паньюэло — кусок ярко-красного шёлка, всё хранящего запах кожи его владельца. Это оказался золотой медальон, довольно вычурной работы, с кулоном в форме цветка монарды [3]. Взяв малюсенькую булавку, Эстелла подцепила ею крышечку медальона. Он раскрылся. Внутри лежало колечко, сплетённое из чёрных волос. Эстелла долго всматривалась в него, затем прижала к губам и расплакалась. Горько, навзрыд, совсем как пятилетняя девочка, у которой забрали куклу.

— Прости меня, — шепнула она кольцу. — Прости меня, слышишь? Я знаю, что слышишь. И ты знаешь, почему всё так. Ты знаешь, я этого не хочу. Кроме тебя мне не нужен никто. Я люблю тебя. Всегда любила и буду любить до последнего вздоха. Услышь меня, пожалуйста... я не могу без тебя... не могу дышать, не могу жить. Это слишком больно. Ты мне нужен, так нужен... Ты всегда будешь жить в моём сердце, всегда-всегда-всегда... Эстелла ещё некоторое время прижимала колечко к губам, после закрыла его в медальон, сняла митенку и намотала цепочку медальона себе на руку. Надела митенку сверху. Промокнула слёзы кружевным платком. Бросила взгляд на розовую лилию-брошь, оставленную бабушкой на кровати. Взяла с тумбы картонку, принесённую Либертад. Спустя десять минут, задрапированный каллами и запряжённый белоснежными конями экипаж уносил юную невесту и Арсиеро, её посажёного отца, по направлению к церкви. Эстелла, прижимаясь лбом к окну, прикрыла глаза. Из-под длинных ресниц катились слёзы, похожие на россыпи сверкающих алмазов. Комментарий к ЧАСТЬ

III

Глава 1. Кружева и жемчужины —————

[1] Шёлк шине — разновидность лёгкой шёлковой ткани особой выделки. Использовалась в парадных и подвенечных платьях.

[2] Жаккард — плотная ткань с крупным узором. Помимо шитья одежды, использовалась для обивки стен, взамен обоев.

[3] Монарда или бергамот — травянистый многолетник, с ярко-красными цветками. Родина его — Южная Америка и восток Северной Америки. В Центральной Европе выращивают в садах.

===== Глава 2. Букет невесты =====

Ожидая венчания, гости толпились возле церкви. Некоторые уже заняли отведённые им места на скамейках в наосе. У алтаря туда и обратно вышагивал жених — темноволосый и

смуглый молодой человек со слегка крупным ртом. Одетый в насыщенно-синий аби [1] с отделкой цвета серебра, серый жилет из жаккарда, удлинённые бархатные кюлоты и белую сорочку с жабо, он имел вид напыщенный и окидывал всех снисходительным взглядом. Неподалёку от жениха стояла красивая, но очень надменная женщина. Берта, Эстебан и Хорхелина приветствовали гостей поклонами и реверансами. Пять чернокожих женщин развешивали на церковных воротах серебряные и золотые колокольчики, ложки, цепочки и другие металлические предметы — на счастье молодым.

Роксана, затянутая в изумрудное платье с невообразимо широким панье [2], вполголоса отчитывала девочку в розовом и мальчика в костюмчике цвета абрикоса за их беготню вокруг церкви. Расправившись с детьми и заставив их умолкнуть, Роксана вышла за ворота и всмотрелась вдаль. Не сказать, что она была весела или грустна, скорее взбодоражена. Сегодня Эстелла выходит замуж. А через две недели замуж выходит и Мисолина. Они переедут, и дом опустеет. Роксана в свои тридцать шесть, по меркам времени, считалась солидной женщиной, матерью семейства и вдовой, умудрившейся выйти замуж снова. Почти двадцать лет пролетели одним махом. Роксане до сих пор казалось, что всё произошедшее в её жизни, было и не с ней вовсе. Неожиданная свадьба с Бласом — как удар обухом по голове. Свадьба, что разрушила её мечты о счастье. Встреча с Рубеном, любовь... её любовь. И его смерть. Потом рождение дочерей, смерть Бласа, знакомство с Арсиеро и так до бесконечности. Роксана всё помнила в мельчайших подробностях. Теперь вот и её дочери выходят замуж, а она уже считается пожилой матроной, чуть ли не старухой, хотя в душе её по-прежнему живёт та молодая строптивая Роксана, которой брат искалечил жизнь своей непробиваемой безалаберностью. Роксана смотрела в горизонт, силясь увидеть экипаж с Эстеллой и Арсиеро, но их пока не было. Сегодня, навеянные предсвадебным настроением, у неё перед глазами проносились картины собственной жизни. И собственной свадьбы. Прикрыв глаза, Роксана погрузилась в болезненные воспоминания... — ЧТО? — Да, дочка, мне жаль, но вы выходите замуж за сына этого человека. — Но... но... я не хочу! Они же нищие, без рода, без племени, без титулов и без гроша в кармане. Убогие провинциалы! — Роксана едва ли ногами не топала. — Я пожалую им титулы и должности. И вы не будете ни в чём нуждаться, я обещаю, — у Лусиано появилось виновато-рассеянное выражение на лице. — Это не сделает их лучше. Отец, я не знаю этого человека! Я его даже не видела ни разу! Я не хочу за него замуж! — Дочка, дорогая, обычно я не давил на вас, но в этот раз положение безвыходное. Поэтому на правах вашего отца я настаиваю на своём. Вы выйдете замуж за сына Альсидеса Альтанеро. Обручение через две недели и через три месяца свадьба. Как и положено. — Но... я... я убегу из дома! — завопила Роксана. — Я выпрыгну из окна! Я наглотаюсь мышьяка! — Кричать, плакать и совершать глупости бесполезно. Простите, дочка, но вам придётся смириться. Иначе ваш брат попадёт на гильотину. Его Светлость герцог Лусиано Фонтанарес де Арнау, погладив дочь по волосам, покинул просторную залу, богато украшенную золотой лепниной.

И вот уже Роксана стояла перед входом в церковь, и, отдавая дань моде, утопала в волнах нежно-розового атласа. Блас в нелепом парике и бесформенном камзоле с рюшами переминался с ноги на ногу, стоя у алтаря. Дважды он чуть не упал, запутавшись каблуком в чулке, пока Роксана под руку с Лусиано шла к нему. В тот момент она ненавидела всех: отца за то, что пошёл на поводу у шантажиста; Ламберто, который с самой юности не мог не влипнуть хотя бы в одну историю; Бласа, которого она вынуждена будет терпеть всю жизнь, и его омерзительное семейство в придачу.

Берта с Гортензией на руках и Альсидес стояли сбоку от алтаря. Роксана готова была вцепиться в физиономии им обоим. То, что происходило дальше, она вспоминала как страшный сон. Вот она и Блас опустились на колени на низенькую лавочку перед алтарём. Вот она говорит какие-то слова и клянётся этому незнакомому мужчине в любви и верности. Вот он надевает ей кольцо на палец. Хорошо, что лицо скрыто вуалью — никто не видит слёз. А после — бал, пир, свадебный вальс... Всё пролетело как одно мгновение. И вот она, совсем девочка, не знающая жизни, не знающая любви и мужской ласки, вдруг оказалась замужней женщиной. Брачной ночи Роксана тогда не боялась, потому что не знала о её существовании. С отцом было не принято говорить о таких вещах. С братом тем более. Мама уже много лет лежала в могиле, а няnek и гувернанток Роксане нанимали не для того, чтобы она с ними беседовала на запретные темы. Поэтому, когда Блас, слегка помявшись у порога, зашёл впервые в их общую спальню, Роксана испытала недоумение и раздражение. А когда он заявил, что они ещё и спать должны в одной постели, так и вовсе ужас. Она кричала, рыдала и рвала на себе волосы. И первую неделю новоиспечённый муж ночевал в гостевой комнате, пока в дело не встряла Берта. В грубой форме она объяснила невестке, что та обязана не только спать с Бласом в одной кровати, но ещё и ублажать его, делая разные мерзости, от которых у Роксаны волосы зашевелились. Берта грозила выставить Роксану на позор перед всем городом как супругу, не исполняющую супружеский долг. Сама-то Берта каждый день рассказывала: она вышла замуж за Альсидеса по большой любви, любит его страстно и самозабвенно и вообще самая счастливая женщина на свете. Роксана же была уверена, что свекровь нарочно издевается, мстя за преступление Ламберто. Но в итоге Роксана уступила от страха и неведения, однажды впустив Бласа в комнату. Это было противно до судорог, хотя и закончилось быстро. К великому счастью Роксаны, Блас оказался неумелым любовником. Остаток ночи Роксана просидела в ванной, подавляя приступы рвоты.

Роксана вздохнула, вытаскивая себя из воспоминаний. Не время для этого. Сегодня свадьба Эстеллы. Удивительно, но до этой минуты Роксане ни разу не пришло в голову, что она делает с дочерью то же, что когда-то отец сделал с ней. И сегодня Эстелла пойдёт к алтарю в том же состоянии, что двадцать лет назад её мать. И сегодняшней ночью будет испытывать то же самое, что испытывала тогда её мать. Разве Эстелла заслужила это? Возможно и нет. Но она, Роксана, тоже не заслужила такой участи. А до сих пор никто не заплатил ей за всё пережитое. Отец и Ламберто припеваючи живут в столице. Блас умер, Альсидес умер, Берта осталась одна, а Роксана, злясь на весь мир, жаждала чьей-то боли и крови, но добраться до обидчиков не могла. Да и не знала, как отомстить цивилизованным методом, не потеряв статус первой дамы, примера для всего города.

Но кто-то же должен заплатить за её беды! Она же не святая мученица и не собирается страдать одна. Пусть теперь страдают другие. Она не просила ни Эстеллу, ни Мисолину появляться на свет. Роксана не хотела иметь детей и не любила дочерей маленькими. Не любит их и взрослыми. И зачем ей нужны эти две бестолковые девицы? От них никакого толку, лишь куча проблем. Особенно с Эстеллой. Что она творила весь предыдущий год, Роксана вспоминала с содроганием. Но всё закончилось, и теперь и Мисолина, и Эстелла обязаны принести хоть какую-то пользу, и компенсировав потраченные на них нервы, годы и деньги на наряды, гувернанток и чёртову школу. Они удачно выйдут замуж: одна станет маркизой, вторая графиней. Не просто же так она их рожала и мучилась с ними восемнадцать лет! То, что Эстеллу месяц назад силой вытащили из монастыря, где она

хотела принять постриг, а Мисолина рыдает как нервно больная, Роксану не волновало. Плевать. С детства Роксана делила мир на себя и всех остальных. Она главная, прочие существуют для взаимодействия с ней: одни обслуживают, другие развлекают, третьи приносят выгоду.

Раздался стук копыт — подъехал экипаж невесты. Расправив плечи, Роксана вошла в церковь и села в первый ряд напротив хоров. Зазвучал орган. Нервно кусая губы, в дверь влетела та самая девочка в розовом платье, которую Роксана распекала за беготню. Держа в ручках плетёную корзинку, она пошла вперёд, разбрасывая лепестки роз и лилий. Жених приосанился. Арсиеро и Эстелла под руку появились на ковровой дорожке, что вела к алтарю. Гости, как по команде, обернулись и... у Роксаны челюсть отпала. Ей захотелось немедленно, сию секунду, подбежать к дочери и у всех на глазах надавать ей оплеух. Эстелла, утопающая в облаках белоснежного шёлка, кружев и лебяжьих перьев, держала в руках жгуче-чёрные розы.

Роксана вся кипела от негодования, когда невеста и посажёный отец двинулась к алтарю. Лицо Эстеллы скрывала длинная вуаль. Три девочки в таких же розовых платьицах, как у малышки рассыпáющей лепестки, несли шлейф. Роксана сжала кулаки. Ну она ей устроит! Идиотка! Глупая, никчёмная дура, способная лишь позорить, позорить и позорить семью каждый день. Выходит замуж с чёрным букетом. Устроила публичный траур. Даже она, Роксана, себе такого не позволяла. В конце концов, она тоже не хотела выходить за Бласа, но вышла же. И не устраивала клоунаду на собственной свадьбе. Даже когда Рубен умер, она не допустила подобного. И всё из-за вонючего пастуха. Гореть ему в аду! Роксана была в бешенстве, напроць забыв о том, что Эстелла её родная дочь. А гости переглядывались и перешептывались, и Роксана не только ушами, но и даже спиной это слышала. — Смотрите, у невесты чёрный букет. — Никогда такого не видела. — Видимо, она не жаждет выходить замуж. — Подчеркнула, что она в трауре. Несчастную из себя строит. — Ещё бы, помните что было три месяца назад на площади? Все это видели. — Влюбиться в бандита, в Сатану и кричать об этом во всеуслышание. А теперь они хотят её сбаврить приличному жениху. Знаем мы, какая она приличная, видали. — Бедный сеньор Маурисио. Какой скандал! — Да уж, на его месте я бы немедленно отменил свадьбу! Эта девчонка ни в грош не ставит ни жениха, ни правила приличия.

Арсиеро за звуками органа не слышал сплетен и с невозмутимым выражением на лице подвёл Эстеллу к жениху.

— Теперь, Ваше Сиятельство, о ней должны заботиться вы. Это ваша обязанность до конца жизни, — сказал он тихо.

Жених кивнул. Арсиеро уселся рядом с Роксаной.

— Что? Что это такое? — спросила она шёпотом.

— О чём вы, дорогая?

— О букете.

— Ну... я не знаю, — замялся Арсиеро. — Эстеллита так захотела.

— Почему вы ей позволили? Почему не отобрали и не выбросили этот букет в мусор?

— Но ведь это её свадьба. Она захотела экстравагантный букет, что здесь страшного?

— Закройте рот! — прошипела Роксана, едва не скрипнув зубами. — Какой позор на мою голову! Она захотела экстравагантный букет! Как же! Знаем мы, чего она хотела. Хотела перед всем городом подчеркнуть, какая она несчастная. Дрянь неблагодарная! Сколько сил я на неё потратила, сколько нервов, и всё бесполезно! Это влияние безмозглой

старухи, я уверена. Давно пора было выгнать её вон из нашего дома! Я не удивлюсь, если окажется, что это старая карга её надоумила. Как же, она ведь двадцать лет мне твердит, что выходила замуж по любви. Вот, пожалуйста, чего она добилась. У нас за спиной весь город говорит, что моя дочь неприличная женщина, скоро пальцем начнут тыкать. Когда мы выйдем из церкви, я их обеих убью, и бабу, и внучку!

— Ну что вы, дорогая, успокойтесь. Мы же в церкви. Нельзя ругаться в божьей обители. Это грех. Да и свадьба сегодня, не нужно устраивать разборки и портить всем настроение.

Роксана отвернулась, оставшись при своём мнении. Эстелла, меж тем, отдала букет Сантане — одной из трёх девушек-свидетельниц в одинаковых голубых платьях. Чуть пройдя вперёд, она опустилась на колени на низенькую скамеечку. Жених примостился рядом. И церемония началась.

Комментарий к Глава 2. Букет невесты —————

[1] Аби — верхняя мужская одежда с узкими полочками. Шили Аби из бархата, украшали изящной вышивкой золотом, серебром, цветным шёлком.

[2] Панье — каркас из ивовых или стальных прутьев или из пластин китового уса для придания пышности женской юбке.

===== Глава 3. Свёрток =====

Эстелла совершала отрепетированные заранее действия, будучи близка к истерике. Падре Антонио, что пришёл на смену умершему в том году падре Эберардо, — моложавый мужчина с бородой и хмурым лицом, приветствовал молодых и гостей и цитировал выдержки из Библии. Эстелла не слушала его. Украдкой нащупав медальон в перчатке, она тихонько сжала его пальцами. Длинная ажурная фата закрывала целиком её лицо, что радовало, ибо из глаз лились и лились настоящие ручьи. А в ушах набатом звучало имя Данте. Данте... Как же она его любит, и не мила ей жизнь без него! Она помнит его запах, голос, и кожа её помнит его ласки. И как же она нынче будет с другим мужчиной, с чужим, незнакомым? Она потеряла Данте навсегда, и это не исправить, но ей так и не позволили уйти в монастырь. Конечно, призвания к монашеству у неё нет и никогда не было, но Эстелла видела в этом единственный выход. Там её бы никто не терзал, там ей не нужно было бы лгать, что она счастлива, хотя сердце горит адски.

Эстелла не могла смотреть ни на мать, ни на Арсиеро, ни даже на бабушку и дядю Эстебана, ни тем более на Мисолину. У той тоже через две недели свадьба. Жениха она видела лишь раз и, как подозревала Эстелла, Мисолина неровно дышала к Маурисио. Но он был очарован Эстеллой, и Мисолине подыскали другого жениха, дабы она не расстраивалась. Раньше Эстелла позлорадствовала бы, но теперь ей было всё равно. Смертельно раненное сердце девушки кровоточило. Роксана же доказывала ей: удачный брак — её долг перед семьёй, как представительницы древнего рода, но Эстелла не понимала, о каком долге идёт речь и почему её используют как товар. Ей было наплевать на родословные и титулы, ведь она мечтала выйти замуж по любви, как бабушка. Но после недавнего происшествия Берта встала на сторону тех, кто уговаривал Эстеллу не отвергать Маурисио. И Эстелла осталась одна. Весь её мир, полный надежд, чудес и сказок, рухнул в одночасье. Она думала что умрёт, не выживет, не переживёт... Жива и дышит, хотя жизнью это назвать трудно. — Существуют ли причины, которые могут воспрепятствовать этому браку? Если кто-то знает о них, пусть скажет сейчас или молчит всю жизнь, — низкий, грудной голос падре Антонио вывел Эстеллу из оцепенения. На вопрос ответа не последовало. — В таком случае, с позволения Господа нашего, я спрашиваю жениха,

спрашиваю и невесту: пришли ли вы в лоно церкви по своей воле и по своей воле же хотите заключить брак? — Да! — бойко отозвался Маурисио. Эстелла горько усмехнулась. По своей воле?! Они ещё и смеют об этом спрашивать? Подлые людишки, вежливые убийцы, что улыбаются в лицо, а потом вонзают нож в спину. — Да... — глухо сказала невеста. — Будете ли вы любить и уважать друг друга всю жизнь? — продолжил падре. — Да, падре, — Маурисио бросил на Эстеллу нежный взгляд, хоть и не видел её лица за ажурной тканью фаты. Как она может его любить? Ведь он ей чужой. Какой бы он ни был хороший, добрый и симпатичный, он ей чужой! — Да... — машинально пробормотала Эстелла.

— Готовы ли вы с любовью принять от Господа нашего детей, которых он подарит вам, и воспитать их согласно учению католической церкви?

— Да, падре! — Да, — эхом повторила Эстелла. Это невыносимо! Как бы вежлив и ласков не был Маурисио сейчас, он обернётся зверя, узнав, что она не девственница. Хотя... может быть... Да! В голову Эстеллы ворвалась идея: до брачной ночи дело не дойдёт, потому что по окончании свадебного пира она проглотит крысиный яд. Иного выхода нет. Зачем доводить до катастрофы? Она умрёт и не будет больше страдать. Эти чудовищные мысли заставили Эстеллу взять себя в руки. Падре Антонио велел жениху приступить к клятве.

— Я, Маурисио Хоакин Рейес Прието беру вас, Эстелла Селесте Гальярдо де Агилар, и законные супруги и пред ликом Господа и католической церкви клянусь быть рядом с вами в печали и радости, в богатстве и бедности, во здравии и болезни; любить и уважать вас, быть верным и справедливым мужем и хорошим отцом для наших будущих детей с этого момента и до конца жизни, — с волнением сказал Маурисио.

— Я, Эстелла Селесте Гальярдо де Агилар беру вас, Маурисио Хоакин Рейес Прието, и законные супруги и пред ликом Господа и католической церкви клянусь быть рядом с вами в печали и радости, в богатстве и бедности, во здравии и болезни; любить и уважать вас, быть верной и справедливой женой и хорошей матерью для наших будущих детей с этого момента и до конца жизни, — выдавила Эстелла жёстко, как отрезала. Один из трёх свидетелей Маурисио поднёс кольца. Эстелла стянула левую перчатку. Она ощутила неприязнь к мужу, как только он коснулся её пальцами. А ведь когда-то другие руки, другие губы скользили по её коже... Эстелла взяла кольцо с перламутровой подушечки. Руки её дрожали, и, вот незадача, она укололась булавкой, что страховала кольца от падения на пол. Выступила кровь. Эстелла надела кольцо жениху, размазав капельку крови по его руке. Он не заметил. Она машинально подумала, что у Маурисио некрасивые, толстоватые пальцы и шершавая ладонь. Тут же всплыло воспоминание о других пальцах, длинных и тонких, чуть заострённых, которые она целовала и которые считала самыми красивыми на свете. Давно, так давно, будто в чужой жизни. И в то же время совсем недавно. И трёх месяцев не прошло. Ну ничего, сегодня всё закончится. Главное найти крысиный яд. Он должен быть на кухне, Либертад травит им крыс в подвале. — Пусть эти монеты станут символом нашей любви и верности и уберегут от бед, — Маурисио насыпал Эстелле в ладони тринадцать золотых монет. — Сохраните эти монеты на всю жизнь, — сказал падре. — Во имя Отца и Сына, и Святого Духа я объявляю вас супругом и супругой. Аминь! — Аминь, — выдохнула паства позади молодожёнов. Маурисио, убрав фату с лица Эстеллы, поцеловал её в лоб. Губы его были холодны как лёд. Эстелла и Маурисио поднялись с колен и подошли к алтарю, дабы возложить на него цветы. Зазвучал орган. Новоиспечённые супруги двинулись на выход, увлекая вереницу свидетелей, родителей и гостей за собой. Дети несли шлейф, а Эстелла не

чувствовала ни рук, ни ног, ничего не ощущала, кроме желания остаться одной и тихо умереть. У церкви на молодожёнов посыпались лепестки роз и горсти риса. Маурисио принимал поздравления, а Эстелла лишь кивала головой, глядя в пустоту. — Поздравляю вас! О, Эстелла, вы обворожительны, — это подошёл Арсиеро. Берта, обняв внучку, разрыдалась в платочек. Зато губы Роксаны были сжаты в тонкую полоску, а брови сдвинуты. Обнимая дочь, она процедила ей в ухо: — Этот мерзкий букет тебе дорого обойдётся, маленькая дрянь. Приторно улыбаясь, Роксана отошла к гостям, а Эстелла не сразу поняла, о чём речь. Она забыла про букет, хотя и держала его в руках. «Посмотрим, что ты скажешь завтра, мамочка, когда найдут моё мёртвое тело» — зло подумала Эстелла. Разве она не имеет права на необычный букет? Захотела чёрный и выбрала, и пусть все идут к чёрту. Три месяца назад она на всю центральную площадь орала о любви к Данте, так что весь город знает, что она выходит за Маурисио не по своей воле. А Роксана теперь ей не в указ. Эстелла отныне замужем, и если кто и может ей приказывать, так это муж. Эстелла рассеянно оглянулась, и вдруг... сердце пропустило глухой удар. Неподалёку, за жакарандовым деревом мелькнул силуэт. До боли знакомый. Он! Её Данте! Но этого не может быть. Наверное, это кто-то из гостей, но так похож! По осанке, по посадке головы Эстелла могла бы поклясться, что это Данте. Нет, бред. Теперь в любом мужчине с чуть похожей фигурой, она видит Данте.

Незнакомец стоял спиной. Чёрные густые волосы доходили ему до поясницы. Одет он был в изумрудный шёлковый плащ, хвост которого лежал на земле.

На минутку Эстелла отвлеклась — приехавшие из Байреса [1] дедушка Лусиано и дядя Ламберто подошли поздравить. Эстелла их любила, хотя и не была с ними близко знакома.

Наконец, свадебный кортеж направился к экипажам. Из-за тяжести платья Эстелла двигалась медленно. Пройдя мимо длинноволосого незнакомца, она взглянула на него и испытала разочарование — лицо закрывала маска. Но Эстелла и ахнуть не успела, как он быстро вложил ей в руку небольшой свёрток. Поднёс палец к губам, давая понять, чтобы она молчала. Эстелла прижала к себе свёрток, закрыв его букетом. Молодожёны и гости расселись по экипажам и разъехались. Незнакомец так и стоял на месте. Когда у церкви не осталось ни единой живой души, он, произведя мудрёную манипуляцию рукой, бесследно растворился в воздухе. Свадебный бал, поразив умы обывателей великолепием и помпезностью, для Эстеллы пролетел вихрем. Весь вечер она танцевала: с Маурисио, с Арсиеро, с дядей Эстебаном, с дядей Ламберто, с дедушкой Лусиано... и так по кругу. Мелькали лица: злое Мисолины, растроганное Берты, взволнованное Сантаны, недовольное Роксаны... Шесть часов длился бал. Бесконечно долгий и невероятно короткий одновременно. Как и вся её жизнь, что оборвётся сегодня. Эстелла приняла решение и отступить от него не собиралась. Этой ночью они с Маурисио останутся в особняке, а завтра переедут в замок Рейес. А ещё запланирована поездка в Лондон. Понятно, что туда она не попадёт. К полуночи гости разошлись и Эстелла в платье неглиже клубничного цвета ходила по своей спальне. Это единственное место, где она может спрятаться сейчас. На эту ночь они с Маурисио должны обосноваться в гостевой комнате. Там, специально для новобрачных, установили огромную дубовую кровать. А её комнатку, девичью спальню с бутонами роз на стенах, что хранили воспоминания о её детских радостях и слезах, Эстелла уговорила родственников не переделывать. Теперь тонны свадебных кружев и шёлка были небрежно свалены на кровать. На полу стояли чемоданы, сумки, кошёлки, коробки, баулы с вещами, которые Либертад упаковала накануне. На столике рядом высилась кipa подарков.

Эстелла и не взглянула на неё. Один за другим в доме гасли огни. Эстелла убедила Маурисио, что она подготовится к ночи у себя — ей так привычнее, и придёт в их спальню. Он был не против. Только она не придёт. Когда он явится за ней сам, то обнаружит её окоченевший труп. Подождав наступления тишины, Эстелла зажгла свечку и на цыпочках спустилась по лестнице. Скользнула в правое крыло дома, где располагались комнатки прислуги, кладовые и кухня. Она редко здесь бывала, а вот бабушка частенько просиживала на кухне целые часы в компании трёх служанок, лузгала орешки и сплетничала. Сейчас кухня была пуста, а огонь в очаге погашен, хотя от плиты ещё шёл жар. На кухонном столе высились горы немытой посуды. Для кого-то свадьба — праздник, но не для прислуги. Измученные служанки, дворецкий и кухарка уснули, даже не закончив уборку. Эстелла, водрузив свечу на стол, подобрала юбку и присела на корточки. Она стала открывать дверцы и ящички в поисках яда. Приправы, сушёные травы, чай, кофе... Содержимого в скляночках и баночках оказалось пруд-пруди. Эстелла совсем уже расстроилась, когда наткнулась на банку, выкрашенную в ярко-красный цвет. На ней чьим-то кривым почерком было выведено: «Мышьяк». Внутри — белый порошок. Эстелла решила не глотать его сразу. Вдруг она не успеет дойти до комнаты и умрёт где-нибудь на лестнице? Нет уж, она хочет умереть у себя в постельке. Это её последнее желание. Эстелла действовала осознанно и хладнокровно, будто собираясь выпить чашечку чая с пирожным. Закрыв банку, она прижала её к себе, взяла свечу и вернулась в комнату. Поставила банку на туалетный столик. Заперла дверь на ключ. Налила из графина воды в стакан — запивать яд. И тут её обуял страх. Несколько раз она прошлась по кругу, бросая нервные взгляды то на банку с ядом, то на свадебное платье.

В этом платье её и похоронят. Да, ведь никто не знает, что она не девственница, и не узнает. Все будут думать, что она умерла невинной. Наденут на неё это мерзкое платье, фату и положат в гроб.

Взор Эстеллы, поблуждав по комнате, упал на гору коробок на столе. Подарки её не интересовали, но вот сбоку лежал небольшой чёрный свёрточек, тот, что передал ей незнакомец у церкви. А она ведь так и не поглядела что там, сунула его в кучу других подарков и забыла. Нет, хоть она и собирается умирать, всё равно хочет поглядеть что внутри. Вдруг там что-то важное! Эстелла, схватив свёрток, села на пуф и разорвала папирусную бумагу. Внутри лежала прямоугольная коробочка. Открыв её, девушка обнаружила очень красивую и изысканную вещицу — серебряное зеркальце. Овальное, с ручкой и крышкой, инкрустированными изумрудами. Зеркало было явно дорогое, ювелирной работы, но Эстелла испытала злое разочарование и обиду, как ребёнок, которому вместо долгожданной игрушки или сладости дарят одежду. Просто зеркало. Обычный подарок. И почему незнакомец сделал из этого тайну? Повертев зеркало в руках, Эстелла вгляделась в отражение. Какая она бледная и худая! За три месяца превратилась в скелет. Данте... Ах, если бы он был здесь! Она бы ничего не боялась. Она бы убежала с ним хоть на край света. Но это невозможно. Слезинки скатились со щёк девушки, упав на отражение, и тут произошло удивительное — зеркало задымилось. Эстелла едва не уронила его, но овладела собой. В конце концов, её не должны пугать такие вещи. Она и маленькой их не боялась, потому что верила: волшебство — чудо, оно приносит красоту и радость. Так чего бояться? Тот человек, вероятно, колдун, поэтому и выглядел так необычно. Может, это связано с Данте? Эстелла жадно всматривалась в зеркало, а изображение в нём быстро-быстро вращалось. На поверхность всплыли буквы. «Привет» — прочитала Эстелла. — Привет, — прошептала она вполголоса. — Ты кто? «Я друг», — выплыла новая надпись. Эстелла

осмелела. — Что тебе нужно? «Я хочу помочь». — Но уже ничего нельзя исправить! «Можно». — Действительно можно. Можно умереть. Мне. «Если ты наделаешь глупостей, я не смогу помочь». — И как же ты мне поможешь? «Волшебством». — Вот как? А твоё волшебство может вернуть мне Данте? Или убить Маурисио? Или вообще всех убить? «Может». — Что именно оно может? «Всё это и даже больше». — Тогда верни мне Данте! Прощу тебя! Я не могу жить без него, — всхлипнула Эстелла. — Я отдам что угодно! Только скажи, что тебе нужно. Пожалуйста... «Мне ничего не нужно. По крайней мере от тебя». — Но я не понимаю. Ты вернёшь мне Данте или нет? — нетерпеливо спросила девушка. «Возможно. Только не я, а ты, ты сама». — Я? Как? Из зеркала повалил фиолетовый дымок. Ручка его стала горячей и Эстелла вскрикнула. «Не бойся, — снова возникла надпись. — Если ты сделаешь всё правильно, никто не пострадает». — Но... это вернёт мне Данте? «Да». — Тогда я... я... я на всё согласна. Что я должна делать? Ведь я не волшебница и не умею колдовать. «Этого и не нужно. Открой зеркало с другой стороны и достань то, что там лежит». Эстелла, перевернув зеркало, увидела на обороте крохотный замочек. Она подцепила его пальцем. Что-то щёлкнуло, из оправы выскочил один из изумрудов. Вслед за этим открылась задняя крышка зеркала. Внутри оказался отсек, где лежал небольшой хрустальный фиал с голубоватой жидкостью. Эстелла вынула его и перевернула зеркало. — Что это такое? «Зелье Времени. Надо выпить всё до капли». — И что будет? «Ты попадёшь в прошлое. Ровно на год назад». Сердце Эстеллы заколотилось. — И я увижу Данте? «Да». — Но... подожди... я не понимаю. Я попаду в прошлое, я увижу Данте, но что будет потом? «Проживёшь сначала этот год».

— Пережить всё ещё раз? — Эстелла пришла в ужас от такой перспективы. — Нет, я не выдержу. Всё сначала, это... это слишком.

«Когда ты попадёшь в прошлое, ты забудешь абсолютно всё». — Тогда зачем это? Когда закончится год, всё станет также, как сейчас? И я снова потеряю Данте? «Не обязательно. Ты не сможешь изменить всё, что произошло, но у тебя будет шанс повлиять на ход ситуации. Один раз». — Но... как же я смогу повлиять на что-то, если я ничего не буду помнить? «Когда наступит нужный момент, я дам тебе знать. Подумай. Ты хочешь выбраться из этой ситуации или нет?». — Я хочу только одного — увидеть Данте. «Ты его увидишь». — Мне нужно выпить зелье? Только и всего? «Да. Зелье действует мгновенно. Ты его выпьешь и загадаешь точный момент, в который хочешь вернуться. С собой ничего брать нельзя. Совсем ничего. Ты можешь взять только это зеркало, чтобы я смог с тобой связаться». Эстелла колебалась. Хочет ли она увидеть Данте? Конечно хочет! Ещё бы! Да и терять ей нечего. Какая разница? Она же в любом случае собиралась проглотить мышьяк. Так чего она боится? — Я согласна! — объявила Эстелла. «Хорошо. Тогда восстанови в памяти момент, в который хочешь попасть, — подсказало зеркало. — Подумай куда именно. Оденься также, как тогда. Закрой зеркало и положи его в сумку. А затем выпей зелье. И жди. Да, и сними медальон с руки». — Но... но это память о Данте... «Всё к тебе вернётся вместе с самим Данте. Когда я сказал, что никаких вещей из будущего брать нельзя — это значит СОВСЕМ никаких. Иначе всё пойдёт прахом. Это очень сильная магия и если нарушить законы времени, отрикошетит не по-детски. Удачи». Изображение в зеркале покрутилось и застыло. Теперь на Эстеллу взирало её собственное отражение. Девушка бросилась вскрывать чемоданы в поисках нужных вещей. Так торопилась, что за считанные минуты комната превратилась в склад. Синее дорожное платье в полосочку, украшенное кружевом, шляпка-капор с лентами, ботинки без каблучков. Так она выглядела в тот самый день — день

её возвращения домой. День, перевернувший её судьбу. Эстелла не взяла никакого багажа, кроме тряпичной сумочки, куда затолкала волшебное зеркало и кружевной платочек. Она сняла обручальное кольцо и бросила его на стол. Сняла по-прежнему обмотанный вокруг руки медальон. Поцеловав, бросила его в напольную вазу в углу. И тут в коридоре раздались шаги. В дверь постучали. — Эстелла, дорогая, это я, Маурисио, ваш супруг. С вами всё в порядке? Вы ушли так давно. Я жду вас в спальне, а вас нет и нет... Вам не нужна помощь? — Нет, — ровно ответила Эстелла. — Не волнуйтесь, у меня всё в порядке. Я прихорашиваюсь. Я приду через десять минут. — Хорошо, я вас жду, дорогая. Эстелла несколько секунд прислушивалась к шагам. Щёлкнул замок в двери, и коридор погрузился в тишину. Вынув из хрустального фиала пробку, Эстелла поднесла сосуд к губам и мигом осушила его. Голубоватая жидкость не имела вкуса, хотя и пахла хвоей. Эстелла взглянула на свои руки и — ОЙ! — чуть не упала — руки бледнели, исчезая прямо на глазах. За руками в прошлое отправились тело и ноги. Последней растворилась в воздухе голова. Комментарий к Глава 3. Свёрток —————

[1] Байрес — краткое название Буэнос-Айреса.

===== Глава 4. Разбойники с большой дороги =====

Год 1794.

За пределами Ферре де Кастильо раскинулись непроходимые леса с хвойными араукариями, высоченными лапачо, насаждениями жаккаранд, сикомор и дынных деревьев [1]. Единственная дорога, по которой экипажи въезжали в город и выезжали из него, проходила через центр сельвы. Дорога петляла и виляла, то сужаясь, то расширяясь, и не было ей ни начала, ни конца. Южное солнце, разливая по небу лучики и делясь теплом с землёй, уже стояло высоко над горизонтом, когда на дороге появился экипаж. Кучер, сидящий на козлах, подгонял хлыстом двух серых лошадок, насвистывая вульгарную песенку про сладкую как персик красотку, у которой ноги растут от ушей. Эстелла в синем платье в полосочку, отороченном кружевами, и шляпке-капоре с любопытством смотрела в окно. Кроме мелькающих густых зарослей, иного пейзажа не наблюдалось, но временами из чащи выпархивали многоцветные колибри, похожие на гигантских бабочек. Чёрные глаза девушки блеснули от счастья: она возвращается домой! Конечно, Буэнос-Айрес — город красивейший. Чего стоят только Бульвар Аламеда с его с магазинами, нет, магазинищами, витрины которых тянулись вдоль нескольких улиц; рестораны и кафе, театры и увеселительные заведения разной направленности, огромная типография, широченные улицы и великолепный дворец вице-короля Николаса де Арредондо. А сколько там народу! И днём, и ночью! Невозможно пройти по улице и никого не встретить. В Ферре де Кастильо всё иначе: в определённые часы улицы вымирали, но Буэнос-Айрес кишел народом, а ночью был неузнаваем: тысячи мерцающих огней, группы бродячих музыкантов, клоунов, танцоров; и художники, рисующие портреты среди улицы, — всё это заставляло сердце любой провинциалки выпрыгивать из груди. Но насладиться красотами и жизнью города за пять лет Эстелла так и не сумела. Школа имени Святой Терезы — самое престижное учебное заведение для девочек во всем вице-королевстве — была обособлена от внешнего мира. Хотя школа считалась светской, там преподавали и богословие. Эстелла почерпнула достаточно объёмный, но разрозненный багаж знаний: научилась манерам и этикету; знала все последние веяния моды; умела вести непринуждённые светские беседы за чашкой чая и выучила тайный язык веера; могла создать замысловатую причёску, не прибегая к помощи горничной; танцевала легко и грациозно, не наступая на ноги кавалеру; играла на

фортепиано, пеленала детей и даже плела кружево. И не понимала зачем ей это нужно. Только уроки танцев не вызывали у неё протеста. Эстелла сто раз бы предпочла научиться ездить верхом, свистеть или стрелять из лука, или лечить животных, разбираться в растениях, в травах. Она мечтала стать лекарем. И если лечить не людей, так животных. Но увы, девочкам дорога в такую профессию была заказана. Их удел — дом и материнство. У Эстеллы эта несправедливость вызывала дикое раздражение. Почему мужчинам можно всё, а женщина способна (по их мнению) лишь быть домохозяйкой, женой и матерью? Да она, Эстелла, со своим врождённым умом и сообразительностью заткнёт за пояс любого мужчину!

В школьной библиотеке найти какие-либо занимательные книги было непросто, а Эстелла всё свободное от уроков время рылась там в поисках интересного чтения. Но за содержанием литературы в школе тщательно следили. Религиозные трактаты, различные редакции Библии и описания жизней святых и монахов, епископов и простых священников; книжки по кулинарии и шитью, этикету и нудные романы, разрешённые церковью, где герои представляли либо одержимыми католиками либо такими глупыми, что в принципе не могли совершить чего-то недозволенного.

И всё же лазейка существовала. Раз в месяц у девочек объявлялся выходной. В этот день не было ни молитв, ни уроков, ни слежки унылых сухарей-преподавательниц и директрисы сеньоры Теодоры, которую ученицы прозвали «Сторожевым псом». Девочки выходили в город. Всей гурьбой шли в кафе, глазели на витрины и яркие вывески.

В течение дня они рассыпались по кучкам: одни уходили гулять по улицам; другие шли по магазинам тратить на наряды золотые и серебряные монеты, присылаемые из дома; третьи, как Эстелла, бегом неслись в городскую библиотеку. Они выбирали книги и журналы, записав их на чужое имя в библиотечной карточке, распахивали их по сумочкам друг друга, прятали под юбки и, по приходу в школу, рассовывали по секретным тайникам.

Нельзя сказать, что Эстелла сильно скучала. Общительная и смелая девочка мигом нашла себе приятельниц. Но так, чтобы близко с кем-то подружиться... Так близко, чтобы доверять секреты, советоваться, делиться переживаниями. За пять лет этого не произошло — такая подруга осталась дома. Эстелла писала Сантане письма. Та отвечала. Они скучали друг по другу, но Эстелла на каникулы домой не возвращалась ни разу. Девушка так и не простила родных за то, что они её спланировали как ненужную вещь. Из всей семьи переписывалась Эстелла только с бабушкой Бертой, дабы узнавать новости. Когда до конца обучения оставался год, Эстелла колебалась между желанием вернуться домой и желанием остаться в Байресе — относительно свободомыслящей, без оков и предрассудков. Нет, предрассудки существовали и здесь, но из-за огромности города не было сплетен и никто не знал Эстеллу в лицо. Разумеется, Эстелла скучала: по бабушке Берте, которая жаловалась в письмах, что осталась одна, когда Гортензия отошла в мир иной от собственной дряхлости; по Либертад, у которой, по словам всё той же бабушки, чрезвычайно бурно развивался роман с дядей Эстебаном; по Сантане, без которой Эстелле и посплетничать было не с кем; и... Эстелла сама себе боялась признаться в этом, но иногда, в самых смелых мечтах, она видела Данте, вспоминала о нём, о той детской дружбе. Интересно, какой он сейчас? Сильно ли изменился? Стал ли красивый или не очень?

В последний школьный год Эстелла часто думала о любви. Может, она романов начиталась? Но и приятельницы давали ей поводы мечтать о запретном. Маленькие девочки выросли, превратившись в девушек, и теперь каждая вылазка в город оборачивалась

обсуждением потенциальных женихов. В выходные дни некоторые заводили мимолетные романы, о которых после рассказывали друг другу на ушко. Эстелла не участвовала в этих забавах и намеренно ни с кем не знакомилась. Но однажды к ней прилип случайный кавалер. Звали его Аарон. Он был молод и симпатичен, и Эстелла сходила с ним в кафе, где слопала здоровенную порцию ванильно-клубничного мороженого. И на целых два дня влюбилась. Однако, новая встреча с тем субъектом закончилась отвратительно — он поцеловал Эстеллу в губы. Девушка не была блюстительницей морали и нравственности, но её романтические бредни подверглись жестокому испытанию. «Первый поцелуй — это волшебно, первый поцелуй запоминается на всю жизнь...», — каждый второй любовный роман об этом гласил. И в представлении Эстеллы всё так и было. Неоднократно она не спала ночами и, глядя в кисейный полог над кроватью, мечтала, как нежно и страстно целует её возлюбленный и что она при этом испытывает. Мечты разбились вдребезги, как только это произошло в реальности. Приятно? Нет. Омерзительно. Запах табака и виски, исходящий от кавалера, ударил Эстелле в горло, и, когда Аарон, точно бульдог, облизнул ей часть лица, Эстелла вырвалась и убежала. И прорыдала всю ночь. Как же так? Неужели любовные истории из книг — враньё? Почему она не испытала от поцелуя даже крошечного удовольствия? Неужто любви не существует? Но бабушка Берта говорила, что вышла замуж по любви. Может это она, Эстелла, не способна полюбить?

В общем-то, все мимолетные интрижки учениц имели характер невинный и доселе ограничивались поцелуями, объятиями да прогулками, пока одна из девушек внезапно не заболела. И хотя это тщательно скрывалось, слух пронёсся вихрем: шестнадцатилетняя ученица беременна. Разразился скандал, в школу приехали родители девицы и грозились директрису отдать под публичный суд за то, что не уследила за нравственностью ребёнка.

Выход в город запретили всем категорически, но учиться Эстелле оставалось пять месяцев. Они пролетели незаметно и, несмотря на сомнения, Эстелла решила вернуться в Ферре де Кастильо.

И вот уже было получено свидетельство об окончании закрытой школы для девочек имени Святой Терезы с отличием, и Эстелла в дорожном платье сидела в экипаже, который вёз её домой. Девушка не потащила с собой ворох багажа — отправила его вперёд, взяв лишь тряпичную сумочку. Дорога предполагалась длительной — двое суток с остановкой для трапезы, смены лошадей и кучера.

Эстелла отвернулась от окна и откинулась на спинку сиденья. Не верится, что уже прошло пять лет. Ведь та обиженная маленькая девочка уезжала только вчера! Проревела всю дорогу, потому что не успела попрощаться с Данте. Он просил о встрече, а она отделалась запиской. Так невежливо! Эстелла вздохнула. Интересно, Данте хотя бы помнит о её существовании? Мальчики в таких вопросах непостоянны. Наверняка следом же завёл себе другую подружку. Мальчишка то он был красивый, яркий, интересный, хоть и немного диковатый.

Внезапный шум вывел Эстеллу из размышлений. Стук. Голоса. Резкий толчок. Экипаж остановился. Эстелла услышала как вскрикнул кучер. Раздался шлепок, будто кто-то спрыгнул или упал на землю. Чья-то тень метнулась в придорожные заросли. Дверца экипажа распахнулась и Эстелла увидела немолодого мужчину в лохмотьях. В его неопрятной бороде запутались колючки, а в руке блеснул кривой кинжал. — Деньги давай, украшения, золото, серебро — всё, что есть! — гаркнул мужчина басом. Эстелла вжалась в спинку сиденья. Самое плохое заключалось в том, что у неё с собой не было никаких

ценностей. Любые украшения, кроме крестиков и медальонов с изображением святых, в школе носить запрещалось; золотые дублоны и эскудо и серебряные песо [2] ей присылали на оплату школы и покупку нарядов. Она их все потратила накануне, дабы блеснуть перед Мисолиной столичными туалетами. По чужим рассказам Эстелла знала о разбойниках, что нападают на кареты и экипажи, идущие через лес, и грабят пассажиров. Если отдашь им ценности, они не тронут, не будут убивать или пытаться. Им нужны деньги и украшения, но этого как раз у девушки и не было. — Ты глухая что ль, золото говорю давай! — повторил бандит. — Но у меня нет, сеньор, — пролепетала Эстелла. — А-ха-ха-ха! — бандит расхохотался, потрясая кинжалом. — Да ладно заливать! Ты сразу видать богачка. У такой как ты и нет ничего? Ни золота, ни серебра, ни побрякушек с камушками? Да в жисть не поверю! — Но я говорю правду, сеньор. Я еду издалека, а весь мой багаж отправился раньше. У меня с собой нет ничего ценного. — Все так говорят. А как перетрусят, тут же и дублоны припрятанные находят, и побрякушки. Значит, ты мало напугана, видать, — бандит влез в экипаж и, приставив кинжал к горлу девушки, другой рукой начал обыскивать её платье. — Не трогайте меня!!! Уберите руки сейчас же!!! — Эстелла попыталась отпихнуть разбойника ногой. — Эй, кто-нибудь!!! Помогите!!! Кучер! Кучер!!! Почему кучер не приходит? Он же мужчина! Где он? Неужели его убили? Или он сбежал и оставил её на произвол судьбы? Она же видела, как кто-то метнулся в лес. Эстелла, заметив снаружи ещё двоих разбойников, поняла: так просто ей не выбраться. Те отвязывали лошадей от экипажа, но одна кобыла вдруг заржала, встала на дыбы и, повалив кривоногого бандита на землю, ринулась вперёд по дороге. — Чёрт! Лошадь держи!!! — завопил третий бандит визгливым голосом, но той уже и след простыл. — Вот дьявол, ушла кобыла! — воскликнул второй бандит, поднимаясь с земли. Эстелла не знала что делать в такой ситуации. Она одна, в лесу, на пустой дороге и толпа разбойников вокруг! И девушка истошно завизжала.

— Ну чего ты орёшь? Никто те не поможет! Здеся ты никто не услышит, да и кучер твой убёг, как крыса, а до города ещё шлёпать да шлёпать. А ты сладкая козочка, я гляжу, — пропыхтел бандит, толстым пальцем глядя Эстеллу по подбородку. — Ишь какая! Кожа, как у новорожденного ягнёночка. Если у ты вправду ничего нету для нас, может, ты заплатишь нам иначе? Хочешь развлечься, крошка?

Эстелла зажмурилась, медленно впадая в панику, и закричала опять, чтобы отвлечь бандюгу, а сама думала чем же огреть его по голове. Но поблизости не было ничего подходящего.

— Помогите!!! Эй!!! Кто-нибудь!!! На помощь!!! Разбойника крики девушки забавляли. Кинжалом он попытался разрезать шнурок на её корсаже, но Эстелла не сдавалась: ухватив его за руку, вцепилась в неё ногтями, оставляя на толстой коже багровые ямки. И тут... Глухой удар. Шмяк! Чья-то рука схватила бандита за шкурку и шарахнула его затылком о бортик дверцы. Тот взвыл. Его выволокли наружу. Раздался свист, и на шею разбойника опустилось лассо — его заарканили, точно быка, и протащили по земле. Второе лассо одновременно связало двух других бандитов. Щёлк! — тонкий кожаный хлыст с характерным звуком прошёлся по всем трём физиономиям. Разбойничья шайка валялась на земле и стонала от боли. — Похоже, вы бесстрашны только когда нападаете на незащитных людей на пустой дороге, не так ли? — язвительно выкрикнул спаситель. Гарцуя на лошади, он объехал экипаж, а потом заглянул внутрь. Увидел сжавшуюся в комочек девушку и замер. — Сильно испугались? — спросил он. Голос оказался очень приятный: мягкий, молодой, задорный. Сердце Эстеллы ёкнуло и она сама не поняла почему — голос был ей

незнаком. Лица Эстелла не увидела — его закрывало паньюэло — красный шёлковый шарф, который гаучо носили на шее, но надевали и на лицо, защищая его от пыли. На голове всадника красовалась широкополая шляпа. — Нет, всё в порядке, — промямлила Эстелла. — Это местная шайка. Обычное дело, они всегда тут промышляют, грабят экипажи, — всадник беззастенчиво пялился на девушку, прожигая её взглядом. Она смущённо опустила ресницы. — А вы всегда всех спасаете? — Не всегда. Но и не впервой. Хотя сегодня я просто проезжал мимо. — Получается, что вы — мой ангел-хранитель? — Возможно, — голос стал ещё веселее, кажется, всадник смеялся. — А что с кучером? Бандит сказал, что он сбежал. — Скорее да, чем нет. Я поблизости его не наблюдаю. — А что же мне теперь делать? — Эстелла вздохнула. — Как же я до дома доеду? — Далеко ехать? — В Ферре де Кастильо. — Ну-у-у, не очень далеко. Я тоже туда еду. Хотите подвезу? — Да... — Тогда вылезайте из экипажа и садитесь на лошадь. — Но... но... я плохо езжу на лошади, — замялась Эстелла. — Я... я... думала, вы меня в экипаже отвезёте. — Вот ещё! Я вам не кучер, — отрезал молодой человек. — Или садитесь в седло, или шлёпайте пешком. Эстелла вылезла наружу и уставилась на лошадь и её седока. Молодой человек был одет в белую рубашку, тёмно-синие чирипас, из-под которого выглядывали белые же нижние брюки с кистями, и чёрные сапоги со шпорами. Запястья его украшали сплетённые из кожи браслеты. Лошадь была под стать её хозяину: полностью чёрная, с серебристой гривой и серебристыми же мазками на груди. Такой масти Эстелла никогда не видела. — Красивая у вас лошадь. — А то. Он не только красивый, но ещё и быстрый. Я гаучо, думаете я буду ездить на плохой лошади? — всадник хмыкнул, заставив коня пройти по кругу. — Его зовут Алмаз. Эстелла решила, что незнакомец специально рисуется перед ней, но залюбовалась и на коня, и на изящного всадника.

Бандиты так и валялись на земле. Всадник, спрыгнув с лошади, подошёл к ним. Пнул одного каблуком в бок.

— Эй, ну и что мне с вами делать, а?

— Отпусти нас, — пропыхтел тот самый бандит, что угрожал Эстелле кинжалом.

— Отпустить? Чтобы вы опять грабили невинных людей? Нападали на беззащитных девушек?

— Мы грабим только богачей, — простонал визгливоголосый.

— Да ну? А если я завтра поеду через этот лес в экипаже, вы тоже сочтёте, что я богач и что меня можно ограбить? Чёрта-с два я вам поверю! Ненавижу воров!!! Всадник присвистнул, подзывая серую лошадь, что осталась от двух, запряжённых в экипаж. Взяв концы лассо, которыми были скручены грабители, он прикрепил их к седлу. А затем ка-ак свистнул кобыле прямо в ухо. Лошадь, с испуга заржав, встала на дыбы и пустилась наутёк, волоча за собой всех троих бандюг. Эстелла прикрыла рот рукой — девушку шокировала такая жестокость. — Что вы сделали? Это бесчеловечно. Они же умрут! — Не умрут. Лошадёнка слабенькая, трусливая. Минут через десять остановится где-нибудь в лесу. Неужели вам жалко грабителей, которые на вас напали? Какая вы смешная! — всадник расхохотался, вновь оседлав коня. — Ну, долго вы будете стоять, как цапля на болоте? Садитесь на лошадь. — Я же сказала, я плохо езжу. — Ну сидеть-то умеете? — Умею. — Тогда залезайте и крепко держитесь за меня. Эстелле пришлось подчиниться. Проклиная идиотское длинное платье и того, кто его придумал, она кое-как взгромоздилась на лошадь. Хорошо, что кринолины и панье почти вышли из моды, оставаясь в качестве дополнения для вечерних и бальных платьев. Эстелла надела ремешок сумочки на шею и обхватила всадника

руками за талию. Сзади, в его кожаное фаха, был вставлен кинжал с выгравированным на его рукояти изображением райской птицы Парадисы. — А зачем вам кинжал? — поинтересовалась девушка. — Ну, лассо и хлыст не всегда помогают, как в данном случае. Иногда нужно и более устрашающее оружие, — отшутился молодой человек. В очередной раз громко свистнув, он пришпорил Алмаза, пустив его рысцой. — Вы можете так громко не свистеть? — взмолилась Эстелла. — Я уже оглохла. Он ничего не ответил. Запрокинул голову назад и расхохотался. Шляпа его съехала, и на лицо Эстелле посыпался водопад чёрных волос. У девушки на миг ум за разум зашёл — она уловила тонкий аромат мяты. — Ну что, не страшно? — спросил он. — Нет. — Ну вот и хорошо. Тогда поедem быстрее, иначе и к завтрашнему утру не доберёмся. Лошадь поскакала галопом. Деревья замелькали со скоростью света и Эстелла сильнее прижалась к спине незнакомца, испытывая при этом нечто необъяснимое. Девушка украдкой коснулась щекой его волос. Странное ощущение не уходило. Наверное, у неё температура повысилась. Сквозь тонкую ткань рубашки Эстелла чувствовала: все мышцы всадника натянуты как струны. Ему либо было неловко, либо он испытывал не меньшее смятение, чем девушка. И ещё у него билось сердце, быстро-быстро, как у зайчика. Они ехали и ехали, казалось, дороге не будет конца, как вдруг в отдалении выросли остроконечные крыши городских зданий. — Кстати, вы так и сказали как вас зовут, — нарушил молчание всадник. — Эээ... разве? Да, точно. Эстелла. Меня зовут Эстелла. А вас? А-АЙ! Что вы делаете? Всадник резко натянул поводья. Лошадь застыла поперёк дороги. До городских ворот оставалось каких-то минут пять езды. — Что случилось? Почему мы остановились? Я что-то не то сказала? Я вас обидела? Ведь я лишь спросила, как вас зовут. — Ну всё, хватит! — молодой человек спешил.

Эстелла чуть не свалилась. Едва успела ухватиться за спину Алмаза руками, но спаситель, приобняв за талию, поставил её на землю.

— Ты меня не узнала, да? Значит, ты всё забыла?

Эстелла прерывисто дышала, будто пробежала целый километр. Заглянула в глаза — синие-синие, как сапфиры, чуть раскосые, обрамленные чёрными ресницами. Гаучо стянул с лица шарф. Не может быть! Данте!

Комментарий к Глава 4. Разбойники с большой дороги —————

[1] Деревья, растущие в Аргентине.

[2] Старинные денежные единицы Испании и её колоний. 1 дублон = 4 эскудо; 1 эскудо = 2 песо; 1 песо = 8 реалов.

===== Глава 5. Два сердца =====

Не узнать его было нельзя, хотя он изменился. Совсем взрослый. Красивый. И больше не похож на дикого зверька. Резкие черты его округлились, став мягче, а кошачий разрез глаз теперь сильно не выделялся.

— Данте, — выдохнула Эстелла. — Почему ты не сказал, что это ты? Ты ведь меня сразу узнал, да? Он кивнул. — Как только заглянул в экипаж. Разве я мог тебя не узнать, я ведь не слепой? Да и ты не сильно изменилась. — О, боже мой, как же я рада тебя видеть! — Может, поспорим, кто рад больше? — Данте улыбнулся. Ласково, чуть застенчиво. Эстелла чувствовала, как её бросает то в жар, то в холод. Щёки девушки покрылись предательским румянцем. Лицо Данте тоже пылало. Эстелла увидела в его бездонных глазах застывшие слёзы. — Я думал, больше никогда тебя не увижу. — Я тоже... — Эстелла всхлипнула, глотая солёные капельки, текущие по лицу и губам. — Шшш... — Данте провёл кончиком пальца по её щеке, нежно, почти не касаясь. — Не надо плакать. Больше не надо, всё

позади. — Ты прав. Прости, что я тогда не пришла. Я не смогла, меня не выпускали из дома. — Я понимаю. — Я боялась, что ты обиделся на меня. — Нет, ты ни в чём не виновата. Никто не виноват. Просто так получилось. Данте закусил губы, не зная, как себя вести. За это время он повзрослел, научился общаться с людьми, а не шарахаться от них и огрызаться. Девушки-гаучо оказались на редкость свободными, как в плане самостоятельности и независимости, так и в плане общения с мужчинами. Если бы Данте, за пять лет превратившийся из одинокого диковатого мальчика в загадочного красавца, захотел, он мог бы увести за собой любую девушку. Только он не хотел. Ну не может он никого полюбить, наверное, ему это не дано. Данте убедил в этом сам себя, хотя в сердце и жило воспоминание об Эстелле, как о чём-то далёком и чудесном, о детской сказке, которая никогда не станет явью. И вот он встретил её опять. Красивую и взрослую. Перед глазами юноши стоял туман. Весь его мир перевернулся. Вот она, девушка, о которой он мечтал, при одном взгляде на которую, у него внутри всё пылает. — Хочешь погуляем где-нибудь? Или ты устала с дороги? — выдавил Данте. — Я... нет, я не устала. Я же не пешком шла, а ехала в экипаже. Просто немного испугалась, когда напали разбойники. Но ты вовремя появился. Давай погуляем. А где? — Там же, где и раньше. Помнишь? — Да! Взяв лошадь под узду, Данте повел её за собой. Эстелла шла рядом. Оба молчали. Данте легонько коснулся ладони девушки. Эстелла не сопротивлялась. Они сцепились кончиками пальцев, совсем как в детстве, и пошли к городским воротам. Данте и Эстелла провели вместе целый день. Они бродили по пампасам и сельве, катались на Алмазе и любовались облаками, ели запечённые на костре фрукты и рыбу и болтали без умолку. Эстелла рассказывала о Буэнос-Айресе: о величественных домах и широких мостовых, о театрах и библиотеках, об уличных танцорах и музыкантах. Данте слушал, затаив дыхание. Он никогда нигде не был, кроме Ферре де Кастильо. Подчас, выезжал за городскую черту, перегоняя стада быков и лошадей. Вся его жизнь прошла здесь: и тяжёлое, полное травли и бед детство, и относительно спокойная юность. Он не вылезал из седла сутками и не знал иного. Поэтому рассказы Эстеллы о том, как она заблудилась в огромном столичном магазине, представлялись ему сказкой. В Ферре де Кастильо таких больших магазинов не было — лишь тесные лавчонки. Данте украдкой разглядывал свою спутницу, чуть щуря глаза. Эстелла и в детстве была красивой, но теперь Данте не мог на неё налюбоваться. Девушка чувствовала на себе его обжигающий взгляд, и у неё в груди бурлил гейзер.

Данте привёл Эстеллу к реке — тайному месту их детских свиданий. Они расположились на берегу. Данте, сбросив сапоги, подвернул штаны и опустил ноги в тёплую воду. Эстелла, не долго думая, последовала его примеру. После пятилетнего заточения в школе ей до зубовного скрежета хотелось развлекаться.

Эстелла сняла шляпку. Под ней не было никакой причёски — девушка поленилась её делать в дорогу. И теперь тёмные, густые, чуть волнистые волосы, отросшие до талии, хулигански рассыпались по плечам. К слову, для женщины распускать волосы на людях считалось верхом неприличия, но ведь она сейчас с Данте. Кроме него её никто не видит, а ему без разницы. Он едва ли знает что правильно для аристократки, а что нет.

Эстелла тоже, втихаря, рассматривала своего друга. Какой же он очаровательный! Должно быть, девушки от него млеют. Эстелла моментально испытала укол ревности. А вообще Данте стал гораздо спокойнее: не дёргался, не шарахался, не оглядывался по сторонам и больше не напоминал затравленного зверька, обозлённого на весь мир. Значит, у него всё хорошо. Эстелла порадовалась за юношу, но была удивлена и озадачена тем фактом,

что Данте ни разу за всё время их прогулки не использовал магию. Сегодня небо было тёмно-василькового цвета. Огромный месяц, похожий на рог буйвола, повис низко-низко над землёй, почти касаясь воды. — Данте, а почему ты не делаешь ничего волшебного? Неужели ты теперь не можешь колдовать? — спросила Эстелла. — Могу, просто не хочу. — Как это? — Эстелла похлопала глазами. — Не хочу, чтобы кто-то знал, что я колдун. — Раньше тебе было всё равно. — Потому что все об этом знали, называли меня чокнутым и шарахались. И мне надо было чем-то защищаться, а кроме магии у меня не было ничего, — в голосе Данте Эстелла слышала нотки глубокой печали. — А что изменилось? — Там, где я живу сейчас, никто не знает. Кроме Кlemente, моего брата. И я научился делать элементарные вещи без магии, не растрчивать её по пустякам и не демонстрировать всем подряд. — Ну и зря. Ты же волшебник! Волшебство прекрасно. Это твой дар, а ты хочешь от него избавиться. Зачем? — Только ты так думаешь, — Данте скручивал травинку меж пальцев. — Потому что ты смелая. Ты не побоялась со мной дружить, зная, что я... что я не совсем нормальный. А люди этого боятся. Я тоже раньше думал, что это дар и что это отличает меня от других. Но сейчас я думаю, магия — моё проклятие. А я устал прятаться от людей. Тебе трудно это понять. У тебя была и есть семья. А я обрёл семью недавно и не хочу её потерять. Ты ведь не знаешь что такое одиночество. — Это неправда, — запротестовала Эстелла. — Я знаю. Да, я родилась в доме, где много народа, но я всегда была там чужой. Мама никогда меня не любила, а папа умер рано. А потом они отправили меня в школу, избавились как от ненужной вещи, — с обидой сказала Эстелла. — Я пять лет жила одна в чужом месте, и никто из моей семьи меня не навещал. Только бабушка писала письма. И потвоему я не одинока? — Мы говорим о разных вещах, Эсте, — вздохнул Данте. — У тебя другая история. Ты просто не нашла взаимопонимания с родственниками. Но если бы им было и правда наплевать на тебя, они бы не отправили тебя в дорожную школу, не стали бы платить за твоё обучение. Они бы вышвырнули тебя на улицу и закрыли дверь перед носом. А разве в школе ты была одна? У тебя не было подруг? — Были. — Вот видишь. Когда ты говоришь, что ты одинока, ты кажешься маленькой эгоистичной девочкой тем, кто знает, что есть подлинное одиночество. Ты не знаешь что это такое — когда у тебя никого нет. Вообще никого. И когда тебе некуда пойти, потому что тебя отовсюду гонят, как будто ты лесное чудище. Я устал от этого. Теперь у меня есть дом и семья, и люди не смотрят на меня, как на зачумлённого. Они меня не боятся, считают своим. Но любое общество опирается на предрассудки, и если кто-то узнает, что я колдун, меня опять будут гнать и тыкать пальцами. А я не хочу больше.

Данте, замолчав, уставился вдаль. Нет, он больше не хочет быть изгоем и сделает всё, чтобы этого не произошло.

— Я понимаю... прости меня, — Эстелла коснулась его руки. От этой невинной ласки сердце Данте, прыгнув в сторону, ударилось о рёбра и судорожно заколотилось. Блаженно прикрыв глаза, он на ощупь поймал руку Эстеллы и тихонько сжал её.

— А чем ты сейчас занимаешься?

— Ловлю диких лошадей и быков. — Раньше ты был против охоты на животных, — усмехнулась Эстелла, вспомнив его детские возмущения по этому поводу. — Я и сейчас против, — возразил Данте. — Я никого не убиваю, не сдираю шкуры и не вырываю перья. У меня даже из оружия только лассо. Я ловлю лошадей и быков на продажу. Живыми. — А я бы хотела стать лекарем, лечить людей или животных. — Вот как? — Данте впервые слышал такие речи из уст женщины. Обычно они все хотят замуж и нарожать кучу детей. Глаза его

загорелись. — А почему тебя это удивляет? Ты тоже считаешь, что женщина должна только воспитывать детей и готовить еду? — наморщила носик Эстелла. — Вовсе нет, я так не считаю. Чины [1] тоже умеют охотиться, и они умеют и овец пасти, и на лошади ездить, и даже стрелять из лука. А почему же ты не хочешь осуществить свою мечту? — Хочу. Только мне навряд-ли позволят. Скажут, что это глупости. — Но это возможно? — Ага, нужно учиться в университете. Женщин туда тоже берут, но редко. Часто это женщины, у которых нет родителей или которые очень самостоятельные. Бывает, даже вдовы учатся в университете, а вот замужние нет. Мужья им не разрешают. — Чушь! Если бы у меня была жена, я бы ничего ей не запрещал, — Данте встряхнул волосами. Эстелла весело рассмеялась. — Почему ты смеёшься? Я как всегда ляпнул чепуху? — Нет, наоборот. Впервые слышу из уст мужчины такие речи. Они же с пеной у рта кричат, что удел женщины — дом, семья и дети. Но почему? Почему мужчинам можно быть кем-то в этой жизни, а женщинам нет? Я с этим не согласна. — Я тоже. Ты же не уродка какая-нибудь, чтобы тебя замуровывать в четырёх стенах. Ты очень красивая и должна быть свободна. — Я бы хотела учиться, а потом работать, — задумчиво сказала Эстелла. — Это не значит, что я не хочу семью. Хочу, но потом. Точнее, я хочу семью, которая не будет мне навязана. Это будет мой сознательный выбор. Я хочу выйти замуж только по любви, — и покраснела. Боже, о чём она думает? Данте хоть и понимает её с полуслова, но он мужчина. А она разговаривает с ним, как с подружкой. Её же учили в этой треклятой школе: с мужчинами нельзя откровенничать, делиться мыслями, желаниями, чувствами. С ними надо кокетничать и убеждать их в том, какие они умные, чтобы показаться дурочкой. Ведь дурочки очень быстро выходят замуж. Но она не хочет замуж. Да и прикидываться дурой перед Данте тоже не намерена. — Ты так говоришь, будто у тебя есть уже кандидат в мужья, — вырвалось у Данте. — У тебя есть жених? Эстелла не ожидала такого вопроса в лоб. — Эээ... нет... Нет! Я это сказала... теоретически. Наверное, он будет. Со временем. А у тебя, у тебя есть невеста? — Нет, нет у меня невесты, — выдавил Данте, разбрызгивая ногами воду в реке. — Ни за что не поверю, что ты ни с кем не встречался! — дерзко заявила Эстелла и тут же захотела сама себе откусить язык. — Я этого не говорил. Но я никогда не женюсь без любви, — отозвался Данте, нервно кусая губы. — И ты никого не любишь? — А, может, я вообще не способен полюбить? — Данте заглянул Эстелле в глаза. Этот взгляд проникал в душу, выворачивая её наизнанку. — Я тоже думала, что не способна на это. Иногда даже подозревала, что любви не существует. — Читаешь мои мысли? — Нет, говорю про свои. Я сказала, что я так думала. — А что-то изменилось? — Угу, теперь я думаю, что надо встретить определённого человека, того, к кому ты это почувствуешь. Данте усмехнулся. — С каких же пор ты изменила мнение? — С тех самых, с недавних, с... сегодняшнего дня. — Почему?

Эстелла опустила голову. У Данте стучало в висках. Она права. Он тоже был убеждён, что не способен ничего испытывать девушкам, кроме любопытства. Но ведь то, что он чувствует сейчас — необыкновенно. Он теряется, смущается, обдумывает ответы, дабы чего-нибудь не ляпнуть. Ни с одной девушкой так не было. Ни с одной так не кружилась голова и не хотелось так схватить её в объятия, прижать к себе и не отпускать.

Эстелла всегда была особенной для него. Может, это она и есть, та самая, которую он ждал?

Данте не понимал, что это так стучит: его сердце или копыта Алмаза, бегущего поблизости. Взяв Эстеллу за руку, он прижал её пальцы к щеке и блаженно потёрся о них. — Данте... — М? — Перестань... — Почему? — Не знаю... это нехорошо. Ведь мы же

друзья. — Ты так думаешь? Думаешь, то, что происходит между нами, — всего лишь дружба? — Да... я не знаю... — Дружба, она другая, — Данте прижал руку Эстеллы к губам. — Но... но... это слишком быстро... я должна подумать... — О чём? — губы Данте скользили по запястью, по ладошке, по пальцам. У Эстеллы ум за разум зашёл. Что с ней? Можно подумать, ей впервые мужчина целует руку. Конечно, не так откровенно, но и не впервые. — Обо всём. Пожалуйста, давай не будем торопиться. — Эсте, чего ты боишься? — Того, что чувствую. — А зачем же этого бояться? — Это что-то слишком сильное. — Я знаю, я тоже это чувствую... Данте расстегнул пуговицы на манжете эстеллиного платья, обнажив её руку до локтя. Поцелуи поднялись выше. Эстелла прикрыв глаза, запустила свободную руку в густые волосы Данте и взлохматила их. Это была именно та ласка, которая безотказно и всегда сводила Данте с ума. Перед глазами у юноши полетели звёзды. Он выгнулся, словно кот, которого чешут за ухом, и уткнулся головой девушке в живот, выпустив её ручку из своей. Эстелла очнулась, когда прекратились поцелуи, и пришла в ужас от своих действий. Когда она отстранилась от Данте, он издал тихий протестующий стон, но девушка, вскочив на ноги, стряхнула с них воду и стала напяливать чулки и ботинки. — Эсте, что случилось? — Что мы делаем? Боже, мы рехнулись! Данте, мне надо идти. — Но почему? — Данте чувствовал себя беспомощным. — Я должна идти. Мы и так целый день были вместе. Мне надо домой. — Мы увидимся ещё? — Не знаю. — Как это «не знаю»? — Мне надо подумать. — Я не понимаю... О чём подумать? О чём тут можно думать? — Пожалуйста, дай мне время. Ни о чём не спрашивай, я сейчас ничего не соображаю. Просто позволь мне уйти, пока мы не натворили глупостей. — Я тебя провожу, — Данте, вытащив ноги из воды, встряхнулся, как мокрый зверёк. — Нет! Ещё светло, я дойду сама. Я не заблужусь. Умоляю, не ходи за мной! И Эстелла рванула прочь. На лице Данте отразилось всё, что он думал об интеллекте своей подруги. Синие глаза потемнели. Какого дьявола? Было так хорошо, а она взяла и всё испортила! Данте в ярости долбанул кулаком по земле. Чтоб ему провалиться, этому идиотскому католическому воспитанию! Комментарий к Глава 5. Два сердца —————

[1] Чина — одно из названий женщины-гаучо.

===== Глава 6. Табита =====

Данте метался по округе, принимая десятки разных решений, но так ни одно и не осуществил. Сначала он хотел немедленно вернуться в «Лас Бестиас» и больше никогда не видаться с Эстеллой. После порывался побежать за Эстеллой, влезть к ней в окно и потребовать объяснений. Поостыв, Данте сделал вывод, что он Эстеллу чем-то обидел. Значит, надо пойти к дому алькальда, залезть к Эстелле в окно и попросить прощения. Но что такого ужасного он сделал? Поцеловал её руку, только и всего. Ведь это она первая начала встрёпывать ему волосы, а что было дальше, он не помнит. Да и они взрослые люди, они дружили с детства. Если это можно назвать дружбой. Нет, нельзя. Эта девушка сводит его с ума, отнимает рассудок. Чего он добьётся, если пойдёт к Эстелле сейчас? Она же просила не ходить за ней, и если он влезет в её окно, она напугается и выгонит его. Они поссорятся, а он этого не хочет. Он хочет прижать её к себе и целовать, целовать бесконечно...

Данте встряхнулся, пытаясь согнать наваждение. Завтра он придумает что делать, а сейчас лучше идти домой. Юноша свистнул, подзывая Алмаза. Конь приблизился. Данте, нежно потрепав его по гриве, вскочил в седло. Дорога до «Лас Бестиас» казалась бесконечной. Сельва сменилась редкими зарослями цекропий [1], с висящими на их ветвях

ленивцами, а затем и вовсе степью пампы. Данте виртуозно управлялся с лошадьёю и считался лучшим из наездников. При этом, попав в среду, о которой он мечтал с детства, он не то, чтобы разочаровался, но пыл его заметно поубавился. Жизнь гаучо — аргентинских ковбоев — была далеко не сахарной. Не вылезая из седла сутками, они отлавливали диких лошадей и быков, перегоняли стада на огромные расстояния. Да и публика «Лас Бестиас» не являлась столь романтической, как Данте себе её представлял. Среди гаучо были и порядочные люди, но были и отбросы. Беглые каторжники, батраки и рабы, контуженные солдаты и дезертиры, разорившиеся торговцы, метисы, мулаты, индейцы, изгнанные из своих поселений — всех не перечесть. И каждый из них носил гордое название «гаучо». Характер и нрав этих людей вызывали у местного населения панический страх. Частенько он был преувеличен, но имело место и противоположное. Одни гаучо убивали млекопитающих и птиц, сдирая с них шкуры и перья, другие совершали набеги на местные эстансии и поместья с целью наживы. Такие люди вызывали в Данте стойкую неприязнь. Но юношу привлекала свобода: формально гаучо не подчинялись никакой власти; они ни от кого не зависели: ни от общества, ни от церкви, ни от вице-королевства. Гаучо умели мастерски объезжать диких лошадей, знали повадки птиц и траектории движения звёзд. Могли по солнцу, ветру, форме облаков и туч предсказать погоду. Бродячие гаучо, перемещаясь с места на место, делали повозки из кожи без единого гвоздя. Это был их транспорт, а порой и единственный дом. Они заселялись на любых землях, свободно пересекая границы. Жизнь Данте в «Лас Бестиас» не была идеальной, но с тем, что он пережил в «Ла Пиранье», она не шла в сравнение. Здесь его никто не шпынял, а в домике Гаспара и Каролины всегда царили мир да любовь. Но настроение Данте омрачали страхи, навеянные его болезненным воображением. Он безумно, до трясучки, боялся разочаровать Гаспара, Каролину или Клементе, сделать то, что им не понравится. Боялся настроить против себя посёлок, боялся остаться в одиночестве, боялся... Много всего. Не перечесть. Поэтому он принял решение — скрывать ото всех и историю Заколдованного дома, и свой магический дар. Последнее ему посоветовал Клементе, увидев однажды, как Данте колдует. Пришёл в восторг и одновременно в ужас и убедил: никому, никому на свете не показывать того, что он умеет. А то его не только выгонят из «Лас Бестиас», но и отдадут под инквизиционный трибунал с обвинением в колдовстве.

С церковью у гаучо были своеобразные отношения. Те, кто придерживались католической веры, посещали воскресную мессу и исповедовались у падре Антонио. Но были среди гаучо и еретики, и язычники, и инаковерующие, не признающие христианских догм. Данте с детства боялся церковников и, взрослея в таком разношёрстном обществе, впитывал всё как губка. У него сформировалось донельзя пространное восприятие религии. Данте категорически не верил в бога, зато верил в языческие приметы и суеверия и надевал на себя индейские и негритянские амулеты, но семейство Гаспара вынуждало его ходить по воскресеньям в церковь. Данте сопротивлялся всей душой, порой до скандала, но страх потерять расположение этих людей был сильнее. В итоге он сдавался и посещал мессы. Это было невыносимо физически и, чем старше становился Данте, тем больше эта ситуация усугублялась. Находясь в церкви, он ощущал в теле жуткую боль, будто у него лопалась кожа, а после мессы падал, как подкошенный. С волос сыпались искры, а из пальцев и из ушей валил дым. Данте плакал, кричал, настолько ему было плохо, и боялся рассказать об этом даже Клементе. А в следующее воскресенье всё повторялось: он опять шёл в церковь, выдерживал службу и убегал с неё бегом.

Гаспару и Каролине, примерным католикам, такое поведение не нравилось. И однажды Данте подслушал, как Каролина говорила, что жалеет о том, что они взяли его к себе — он или сумасшедший, или одержим бесами; наверное, не зря Сильвио так сурово его наказывал. Данте смертельно боялся, что его прогонят из дома, поэтому старался ничем не выдать себя, а ночами плакал в подушку. Религия индейцев и негров такую реакцию у юноши не вызывала. Напротив, ему нравились их танцы и ритуалы, и Каролина только руками всплескивала, глядя как он заворожённо, часами, слушает звуки африканского барабана или тростниковой флейты, почти войдя в транс. Наступила ночь. На небе не было ни звёздочки. Яркий месяц одиноко плыл за всадником, пока тот ехал по пустынной пампе. Наконец, вдали забрезжили огоньки. Потянуло запахом специй и мяса, жаренного на углях. Поравнявшись с табличкой с надписью «Лас Бестиас», Данте заставил Алмаза двигаться шагом. Миновал кабачок «Кентавры» — основное место сбора здешних пьянчужек, и отпустил поводья. Алмаз шёл тихо, а Данте погрузился в думы об Эстелле. Почему же она всё-таки сбежала? Неужто он ей так неприятен? Данте отключился от реальности, поэтому едва успел схватить поводья, когда на дорогу выскочила молодая пайсана [2]. Юбка доходила ей до пят; пышная грудь была скрыта под нанковой [3] блузой, с одетым поверх неё коричневым жилетом. Данте резко дёрнулся, поставив Алмаза на дыбы. — Табита, ты что совсем больная? Куда ты лезешь? — Никуда не лезу! Я тебя звала целых пять минут, а ты и головы не поднял, — нахально заявила Табита. Не мигая, она смотрела на Данте круглыми, светлыми глазами. — И поэтому надо лезть под копыта? — А если ты по-другому не понимаешь! Я так давно тебя жду! Где ты был? — Не твоё дело, — огрызнулся Данте. Он чуть тронул поводья с целью избежать разборки, но наглая девица не сдавалась. Она преградила Алмазу путь, упершись в него грудью. Данте закатил глаза. — Чего ты хочешь? — Тебя. Я соску-у-училась. Хочу, чтоб ты пошёл со мной. Пойдём! — Не пойду. Я устал. И я тебе уже сказал: между нами всё кончено. — Ничего не кончено! — Табита повысила голос так, что люди стали оглядываться. — Может, созовём сюда зрителей? — разозлился Данте. — Пусть полюбуются какая ты дура. Я сто раз объяснял: девка, которая спит со всеми, мне не нужна. — Когда я спала с тобой, ты так не говорил! А теперь ты меня бросаешь, потому что я нравлюсь другим мужчинам! — выкрикнула Табита, резко задрала голову. Соломенная шляпа её свалилась на землю, и под ней оказались светло-рыжие волосы, кудрявые и растрёпанные.

— Давай, ори громче, а то ещё не все знают кто ты есть. Мне плевать, нравишься ты кому-то или нет. Я не собираюсь ходить с ветвистыми рогами, поищи другого дурака! — Данте смерил девушку зверским взглядом. Ну в конце концов, это невыносимо! Пристала как банный лист!

— Если ты меня бросишь, я пойду и утоплюсь, — Табита упёрла руки в бока. — Да делай ты что хочешь! Иди и топись! А лучше иди сразу в район Красных фонарей, там тебе самое место! — Данте привстал с седла и, держась на стремянах, грубо толкнул девицу рукой. Табита упала на землю. Данте пришпорил Алмаза и ускакал прочь, оставляя за собой тучи пыли. После встречи с назойливой Табитой настроение Данте было испорчено окончательно. Он спешил к чистенькому уютному домику, что за пять лет не изменился ни на йоту. Любовно погладив Алмаза, счистил с его боков комья грязи, расчесал гриву и поставил его под навес. Насыпал овса, налил воды и вошёл в дом. Внутри было тихо и аппетитно пахло жареным мясом. Сняв сапоги, Данте прокрался в гостиную. Древние часы с кукушкой пробили полночь. Надо бы перекусить и идти спать. Но Данте не мог

сосредоточиться — Эстелла стояла перед глазами. Полчаса спустя юноша уже лежал у себя в комнате — небольшой, но уютной, с синими стенами и узкой кроватью. Насест для Янгус располагался тут же. Данте поселил птицу рядом с собой, не желая с ней расставаться. Каролина протестовала, предлагая отправить Янгус жить с курами, но Данте упёрся, грозясь в случае отселения Янгус в курятник, отселиться туда вместе с ней. Каролина уступила, и теперь Янгус, как полноправная хозяйка комнаты, горделиво восседала на насесте, поводя чёрно-алым хвостом. Сейчас птица дремала, щёлкая клювом и распушив все свои перья так, что превратилась в большой мохнатый шарик. А Данте всё думал и думал, глядя в темноту. Так чего же испугалась Эстелла? Юноша находился в смятении, в груди горел пожар. Воспоминания о мягкой ручке, которую он целовал, о запахе фиалок, которым благоухало платье Эстеллы, о её робкой, неумелой ласке, сводили Данте с ума. Эстелла другая, особенная, не такая, как Табита. Она не будет висеть у него на шее и предлагать себя. Наверное, она сочла его поведение дерзким. Табита подняла бы Эстеллу на смех, если бы узнала, что та испугалась Данте так, словно он насильник. Вспомнив о Табите, Данте поморщился, перевернулся на живот и уткнулся носом в подушку. Нет, пока он не знал сущности этой девицы, она не вызывала в нём раздражения, но Данте никогда не видел её невестой или женой. Табите уже исполнилось двадцать. Она славилась разгульным образом жизни, поэтому брать её замуж никто не торопился. Она была глупа как пробка и навязчива как репей, но Данте она веселила, пока однажды он не застукал её в кабаке в обнимку аж с двумя кавалерами. И она стала ему резко неприятна. Вот ещё, не хватало, чтобы над его рогами смеялся весь посёлок! На Табите свет клином явно не сошёлся, были кандидатки и гораздо лучше. На одну из них — симпатичную девицу по имени Пия Лозано, что жила по соседству, намекали Каролина и Гаспар. Данте отшучивался, предлагая Пию Лозано в жёны Клементе. Тот в ответ разворачивался и уходил, долбанув дверь. Данте удивлялся, но не принимал это близко к сердцу. Клементе в последнее время замкнулся в себе и ходил мрачнее тучи. Данте попытался как-то его разговорить, на что получил совет: не лезть не в своё дело. И Данте этому совету последовал. Когда захочет, Клементе сам расскажет. Несмотря на развитую интуицию, Данте обладал плохой памятью на события, касающиеся других людей, и не заострял внимания на мелочах. Вплоть до того, что мог забыть произошедшее два часа назад. Навязываемая ему невеста Пия Лозано не пробуждала в Данте чувств. Он не любил худых девушек, а у Пии отовсюду выпирали кости, и он за глаза прозвал её «смертью». Про Табиту можно было и не думать, она этого не стоила. Но, надо отдать ей должное, она многому его научила, хоть и не являлась первой девушкой в его жизни.

А первой была Томаса — роскошная женщина из «Фламинго» — заведения, расположенного в районе Красных фонарей, куда пару раз они наведывались с Клементе. Томаса — крутобёдрая и пышногрудая мадам чуть за тридцать — любила юных мальчиков и пирожные с кремом. Она учила Данте курить сигары и целоваться по-французски и заплетала ему волосы в косичку. После пары-тройки раз, эта вульгарная бабенция Данте до смерти надоела.

Потом была Виолета — худышка-горничная с рядом расположенной эстанции «Санта Эсперанса», через день бегавшая к нему на свидания. Но дело ограничилось поцелуями. Однажды за этим увлекательным занятием их застукала хозяйка эстанции, и Виолета на свидания больше не приходила. Данте позабыл о ней через неделю. Каким образом он познакомился с Табитой, Данте не помнил. Напился до чёртиков и утром проснулся в кровати с девицей, объявившей, что её зовут Табиана или просто Табита. Это пошло на

пользу. С тех пор горячительные напитки Данте употреблял с осторожностью. Да, он и не заметил как пролетело время. Пару лет назад он ещё гонялся за бабочками, ловил лягушек и рыбок в реке, и тут — бац — детство закончилось. За последние года полтора Данте, превращаясь из подростка в красивого юношу, нагулялся так, что ощущал лишь скуку. Пожалуй, все эти Томасы и Табиты — потаскушки, служанки, крестьянки, пайсаны — отбили ему вкус, а может, и привили его. И теперь Данте желал контраста. Изящную, хрупкую, нежную девушку. Искреннюю и способную любить по-настоящему. С запахом фиалок и лаванды, а не дешёвого поддельного одеколona. Такую, как Эстелла. А может, он её и искал? Но не нашёл. Потому что не там искал. Или потому что её нельзя никем заменить. Ни одна из тех женщин не достойна и кончика её туфельки. Данте блаженно закрыл глаза, вспоминая сегодняшнее приключение: разбойников, встречу с Эстеллой, прогулку, невинные ласки... Необъяснимо. Или нет, всё предельно ясно. Данте резко сел на кровати. И как он не понял, почему его одолевает робость при виде Эстеллы, а по телу пробегает дрожь от её взгляда, от прикосновений, от её голоса. И так хочется плакать и смеяться одновременно, а сердце трепыхается, будто крылья горящего в огне мотылька. Это же просто, как вода в ручье! Он влюблён. В последующие пару дней Данте не находил себе места, порываясь покинуть «Лас Бестиас», чтобы увидеть Эстеллу, но ему постоянно что-то мешало. Сначала нужно было отогнать в Гуатраче [4] табун лошадей. Данте уехал ни свет, ни заря и вернулся ночью. Наутро забот прибавил Клементе: теперь он не общался даже с родителями. У самого Данте лихорадочное состояние тоже не уходило. Он был взвинчен до предела, но характер его, в силу сурового детства, оказался гибче, чем у брата. Когда Данте хотел, он мог приспособиться к любым обстоятельствам. Клементе же такой способностью не обладал. Первая половина завтрака прошла в молчании. Гаспар набивал рот салатом из листьев маниока [5]. Клементе смотрел в потолок. Данте скармливал Янгус крупный плод черимойи [6], счищая с него кожуру. Когда Каролина подала матэ, Гаспар не выдержал. — Клем, а что происходит? — поинтересовался он у сына. Клементе очнулся, исподлобья взглянув на Гаспара. — О чём это вы, папа? — Что происходит с тобой? Ты странный. О чём-то думаешь, молчишь. — Ничего не происходит, — пробурчал Клементе. — А мне кажется, ему просто скучно, — ввернула Каролина. — Чтобы стало весело, нужно найти невесту. — А мне кажется, вам надо пойти к чёрту, мама! — Клементе встал, с грохотом уронив деревянную лавку, и вышел за дверь. Родители с недоумением посмотрели ему вслед. Затем обратились к Данте, невозмутимо чесавшему грудку Янгус. Та, блаженно закатывая глаза, булькала что-то на своём, птичьём. — Данте, ты знаешь, что происходит с Клементе? — спросил Гаспар. Данте приподнял тонкую бровь. — С чего мне знать? Я спрашивал, он меня послал куда подальше. Теперь не лезу.

— Ну он же твой брат, — укоризненно сказал Гаспар. — Ты ведёшь себя, как эгоист. Надо узнать в чём дело. Нас с Каролиной это беспокоит. Но мне он едва ли расскажет, а с тобой поделится. Вы же ровесники, раньше вы доверяли друг другу.

Данте встряхнул волосами, задев ими Янгус. Птица громко щёлкнула клювом. Юноша частенько не понимал Гаспара и Каролину. Людьями они были замечательными, но уж очень высоконравственными. Особенно Каролина — блюстительница морали, склонная всех поучать. Данте эта выхолощенная правильность зверски бесила. Да и почему он должен решать чужие проблемы? У него своих по горло, а мысли об Эстелле превратились уже в навязчивую идею. Они с Клементе не дети и есть такие вещи, которые рассказывают даже самым родным. — А ты тоже какой-то странный, — заметила Каролина. — Почему? — Не

такой, как всегда. Нервный, взбудораженный. Я ошибаюсь? — Нормальный я, просто не выспался, — открутился Данте. — Слушай, а давай-ка вот что. Бери-ка ты Клементе и тащи его куда-нибудь развлекаться, — предложил Гаспар. — Вы взрослые парни-то, жениться уж пора, а вы сидите дома. А сегодня суббота. — Я не согласна! — запротестовала Каролина. — Нечего гулять по кабакам! Довольно глупостей! Это портит репутацию. Как они потом женятся? Клементе ещё куда ни шло, но Данте и так все кличут первым ветреником. Люди решат, что мы вырастили не сыновей, а двух гуляк. Пусть дома сидят. — Милая, перестань, — прервал Гаспар. — Не будь ханжой! У них сейчас возраст такой, им надо перебеситься. — Ты таким не был в их возрасте. Ты был серьёзным, поэтому я тебя и полюбила. Если бы ты был вертопрах, я бы и не посмотрела на тебя. Для меня мораль и нравственность — превыше всего. — Ничего нет безнравственного в том, что дети капельку развлекутся, — не согласился Гаспар. Каролина сделала нетерпеливый жест. — Дядя Гаспар, вы хотите, чтобы я отвёл Клема в кабак, напоил и выведал все его тайны? — хитро прищурился Данте. — Только есть одно но: на сегодня у меня планы. — Что за планы? — удивился Гаспар. — Ну... я хотел поехать в город. — В город? — Ага, у меня там дела. Гаспар и Каролина переглянулись. — А можно узнать что за дела? Краска залила щёки Данте. — Ну... просто дела. — Надеюсь, ничего криминального? — забеспокоился Гаспар. Данте отрицательно помотал головой. — Неужели дела любовные? Давно пора! — Гаспар оживился. — Ты знаешь, ведь мы с Гаспаром поженились совсем молодыми, — добавила Каролина. — Мне не было и семнадцати, — она мечтательно улыбнулась. — Я увидела его и полюбила. Мы и месяца не встречались, сразу поженились. Потом у нас родились дети, а потом... потом... Гаспар ушёл на войну. Я осталась одна с Клементе и Энрике на руках. Так переживала, что больше не увижу моего мужа! В день по несколько раз молилась Пресвятой Деве и плакала. И Бог мне помог. Он не допустил, чтобы я осталась вдовой с двумя младенцами. Мой Гаспар вернулся живым и невредимым, — Каролина обняла мужа за плечи. Данте молчал. Эту историю он слышал раз пятьсот. Вечно одно и то же. Когда Каролина заводит речь о женитьбе, она непременно рассказывает об их любви с Гаспаром. — Я к чему это говорю, — продолжила Каролина, — в вашем возрасте уже пора подумать о семье. Негоже это, болтаться в холостяках. А то смотрите, дотяните и всех порядочных невест разберут. Останутся одни падшие женщины, вроде Табиты, и им подобные, — Каролина поджала губы, негодуя по поводу морального облика вышеупомянутой особы. — Вот, обратил бы внимание на Пию Лозано. Такая хорошая, порядочная девочка. Скромная. И церковь посещает. Она будет образцовой женой и матерью. Для тебя в самый раз. Тебе только такая и нужна. Может быть, ей удастся научить тебя быть смиренным и богобоязненным. Данте отвернулся, прижимаясь щекой к тёпленькой Янгус, которая, обожравшись фруктами, заснула на его плече. Каролина своими нравоучениями выводила Данте из себя.

Гаспар не реагировал на её чрезмерную набожность — это не мешало ему любить её, — а вот Данте мысленно посылал её ко всем чертям.

— Я, кстати, и для Клементе невесту присмотрела, — объявила Каролина. — Дочка дона Эмилиано — Ильда. Серьёзная, набожная. Никогда не была замечена ни в чём предосудительном. Даже на улицу всегда выходит с покрытой головой, как и подобает настоящей христианке. Было бы неплохо убедить Клементе обратить на неё внимание. Данте смутно припомнил эту Ильду — невзрачное создание, с полным отсутствием бровей и ресниц и с жидкими волосёнками цвета дорожной пыли. — По-моему, тётя Каролина, вы

издеваетесь над нами, — отшутился он. — Чем жениться на эдаком чудище, так лучше сразу удавиться. Бедный Клем! Вы предложите ему Пию Лозано, она хотя бы симпатичная. А я, так уж и быть, останусь холостым, — Данте, хихикая, поднялся из-за стола. — Я, между прочим, серьёзно говорю, а тебе бы всё шутки шутить, — сказала женщина укоризненно. — Да я и не шучу. Не нужна мне эта Пия и даром! — А кто тебе нужен? Табита? — И Табита не нужна, пропади она пропадом! Мне нужна девушка другого типа, — сказал Данте. — На ком попало я не женюсь! — Но Пия Лозано не «кто попало»! Это лучшая невеста в посёлке. Ты, по-моему, возомнил себя каким-то аристократом, — покачала головой Каролина. — А может и так! — Данте, не в силах больше спорить, направился к двери. — Ну вот что ты пристала к мальчишке? — сказал Гаспар, когда Данте скрылся в дверном проёме. — Не хочет он жениться на этой Пии! И не надо. Зачем делать наших детей несчастными, скажи мне, пожалуйста? — Я не собираюсь делать их несчастными, — Каролина села напротив мужа. — Но милая, ты ведь хочешь, чтобы они женились без любви. — Это не так! Я хочу, чтобы они не наворотили глупостей, и поэтому предлагаю им посмотреть на этих девушек. Разглядеть их и полюбить, вот и всё. — Полюбить может только сердце. Ведь наши сердца выбрали друг друга сами, а не по чьей-то указке. Так позволь и детям самим выбрать своё счастье. — Моё сердце выбрало тебя, потому что ты был этого достоин, Гаспар. Я бы не смогла полюбить дурного человека. Сначала я тебя увидела, поняла — ты достоин моей любви, и потом полюбила. И я хочу, чтобы Кlemente и Данте выбрали добропорядочных девушек. Если мы позволим им делать, что угодно, всё это закончится плачевно. Они могут ошибиться. — Но это будет их выбор. Это будет их ошибка. Что ты сделаешь? — поинтересовался Гаспар. — Я не верю, что ты будешь им мешать. — А вот и помешаю! Я столько сил вложила, чтобы воспитать наших мальчиков достойными людьми. И позволить им растратить их жизни на каких-то потасканных блудниц? Я встану у них на дороге! Пусть перешагивают через мой труп! — Ну это уж слишком! — справедливо возмутился Гаспар. — Не слишком. Мои мальчики женятся на достойных. Пия Лозано с ума сходит по Данте. Это знает весь посёлок, только он не замечает, потому что не смотрит на неё. А посмотрел бы и сразу полюбил бы. — Не знал, что у тебя такие своеобразные представления о любви, — удивился Гаспар. — Я всего-навсего хочу лучшего для своих детей. Пойду заварю матэ, — и Каролина ушла. Комментарий к Глава 6. Табита —————

[1] Цекропия — род растений семейства Крапивные, распространённых во влажных тропических лесах Центральной и Южной Америки. Листьями и цветками этих деревьев питаются ленивцы.

[2] Пайсана — одно из названий женщины-гаучо. В разговорной речи их обычно называют «чина».

[3] Нанка — грубая, желтоватого оттенка или серая, дешёвая хлопчатобумажная ткань.

[4] Гуатраче — город в Аргентине.

[5] Маниок — растение семейства Молочайные, растёт в тропиках. В еду используют листья и похожий на картофелину корнеплод.

[6] Черимойя — тропический фрукт. Растёт в Перу, Эквадоре, Боливии, Аргентине, Бразилии, Чили, Венесуэле.

===== Глава 7. «Фламинго» =====

Данте вышел во двор. Кlemente, сидя на бревне, смотрел вдаль. Данте присел рядом.

— Чего тебе? — буркнул Клем. — Ничего. Просто хочу сказать, что еду в город. Ну, это чтобы ты меня не искал. — В город? Зачем? — Ммм... у меня дела там, — Данте

напрягся. — Ты идёшь туда? — Куда «туда»? — не понял Данте. — К этой толстухе Томасе? Данте расхохотался, запрокинув голову, и чуть не навернулся с бревна. Янгус, дремлющая на его плече, рассерженно завопила и в отместку за то, что её потревожили, постучала юношу клювом по голове. — Конечно нет! Чушь какая! — воскликнул Данте, утирая слёзы, брызнувшие из глаз. — Как тебе это пришло в голову? Чёрт возьми, я даже забыл, как выглядит та бабенция! Мне и Табиты хватает с избытком, чтоб я ещё бегал по притонам. Баста, эти времена в прошлом! Шлюхи мне надоели до самых кишок. Мне нужна приличная девушка. — Все так говорят, — Кlemente почесал белокурую голову, — но когда дело доходит до кровати, приличным до неприличных, как до Европы пешком. А давай пойдём туда вместе! — Куда? В Европу? — съязвил Данте. — Нет, во «Фламинго». Ты же всё равно в город едешь. Так вот, я могу с тобой поехать. Данте на мгновение стушевался. Он не собирался гулять по притонам, а намеревался отслеживать Эстеллу. Предложение Кlemente ломало ему планы. Если Клем увяжется с ним, он не увидит Эстеллу. Ни за что, ни за что на свете он не расскажет Кlemente, что влюбился в аристократку, капризную барышню, которая обижается на любое слово. Кlemente всегда поднимал наивных и неопытных девушек на смех, ведь его тянуло исключительно на дрянных женщин, от которых Данте до смерти устал. А Эстелла наверняка девственница — Данте в этом не сомневался. — Ну так что? Мы поедём? — нетерпеливо спросил Кlemente. Данте заметил: как только Клему пришла в голову мысль посетить «Фламинго», он перестал быть мрачным. — Эм-м... А почему именно туда и почему сегодня? — Как почему? Ты же сам сказал, что едешь в город. Так почему бы и мне не поехать? Сегодня же суббота. А во «Фламинго», ну... а куда ещё сунуться? Пойдём, развлечёмся. Не в театр же идти на оперу. Фу-у-у... Данте фыркнул. Он бы предпочёл оперу любованию на вульгарных девиц из района Красных фонарей. Но их с Кlemente вряд-ли пустят в театр. Только и остаётся, что ходить по злочным местечкам. — Ну что, едем? — Едем, — обречённо кивнул Данте, так и не придумав как отвертеться. Но если Клему это поможет прийти в себя, он пожертвует ещё одним днём и встречей с Эстеллой. Через час приятели, оседлав чёрного Алмаза и рыжего Тигра, отправились в путь. Когда два юных всадника прибыли на улицу Баррьо де Грана, что в районе Красных фонарей, на город опустился сумрак. Развешанные всюду лампы бросали на мостовую багряные отблески. В светящихся пурпуром окнах, точно манекены в витринах, красовались полуобнаженные проститутки. Одни стояли на подоконниках, другие сидели на них, свесив ножки, прикрытые ажурными чулками, на улицу. Мостовая была запружена лошадьми и экипажами. Яркие крашенные и безвкусно одетые женщины слонялись по округе. Они курили трубки и сигары, заглядывая всем мужчинам в лица; они подмигивали, манили пальцами и даже свистели потенциальным клиентам вслед. На наличие подобного района в городе закрывали глаза все. Жители относились к проституции лояльно, уверенные, что такие злочные местечки, существуя для развлечения и молодых, и пожилых мужчин, сохраняют институт семьи. И не надо их трогать во избежание прелюбодеяний и растления порядочных девушек. Данте и Кlemente спешили у двухэтажного здания, где на входе росли кусты лайма, а на крыше высилось сооружение — розовый фламинго, прикреплённый ногами к вывеске: «Фламинго — дом наслаждений».

Едва Данте поставил Алмаза под навес, как его дёрнули за рукав. Он обернулся. Перед ним стояла женщина с размалёванными красной краской скулами. Ноги её прикрывала укороченная кисейная [1] юбка, из-под которой выглядывали белые панталончики.

— Пойдём со мной, красавчик, — вкрадчивым голосом прошелестела она, выпячивая

грудь и хватая юношу под локоть. — Нет, не пойдём! — Данте резко вырвался из цепких ручек. Он не планировал оставаться в борделе надолго. Отворив тяжёлую дверь, Данте и Кlemente вошли в здание. Тут же в носы им ударил запах табака и алкоголя. Играла музыка, слышались взрывы хохота. Миновав холл, заставленный скамейками и фонтанчиками в виде обнажённых амурчиков, приятели оказались в просторной зале. Нарочито яркая, вульгарная обстановка этого заведения Данте всегда раздражала. Стены, обитые огненно-красным плюшем, украшали картины с изображением голых женщин и любовных утех. Центр паркетного пола застилал ковёр цвета сёмги [2]. По периметру залы были расставлены бархатные пуфы, канапе, диваны, кресла с позолоченными ножками и подлокотниками. Громадная люстра с сотней горящих свечей висела под потолком. Сбоку стояло фортепьяно. Крупная черноволосая женщина, играя на нём, пела песенку о том, как легкомысленная кокотка соблазнила молодого офицера. Неподалёку, на круглом пуфе возлежал старик. Его расшитый серебром жилет трещал по швам и расходился на животе, являя взорам белую сорочку. Рядом расположились две девицы в откровенных платьях и чулках. Одна, держа старика под руку, щекотала ему живот. Вторая обнимала за шею и подносила к его губам бокал с вином. Хозяйка заведения донья Нэла — жилистая дамочка в фиолетовом платье — беседовала с господином в шляпе. Мужчины, сидя за карточным столом, резались в вист, выпивали, горланили, нецензурно выражались, спорили о чём-то. Девица в корсете и цветастых панталончиках разливала виски по стаканам. Наверх вела широкая лестница. То и дело по ней спускались и поднимались ночные бабочки всех мастей и их клиенты: старые и состоятельные, молодые и дерзкие, и совсем, совсем мальчики, незрелые и неопытные. Стоял такой смрад, что у Данте, привыкшему к свежему воздуху, заслезились глаза. Настроения веселиться не было никакого, поэтому он уволок Кlemente за столик у окна. Приятели заказали выпивку, жаркое и десерт, но не успели и опомниться, как их окружили проститутки, жаждущие ночи любви. На подлокотник кресла Данте вспорхнула Коко — девица с неестественно-рыжими волосами, симпатичная и, по мнению Данте, жутко тупая. Обнимая его за шею, Коко цепляла пальцами волосы юноши и целовала его в губы. Данте пил вино, безразлично озираясь. За соседнем столиком восседала курносая проститутка. Склонив голову на бок, она гляделась в зеркало. Она создавала видимость, что любит себя, но, направляя зеркало на Данте и Кlemente, девица разглядывала их. «Ну хоть бы она уже подошла к Кlemente и увела его наверх», — с досадой подумал Данте — девица всё чаще направляла зеркало на него, а не на Клема. Того всюю обхаживала смуглая брюнетка, разодетая в голубые кружева. — Какой ты сладенький, — шептала Коко Данте в ухо. — Я люблю молоденьких, хорошеньких. Такие, как ты, тут редко появляются. В основном одни мерзкие стариканы... — расстегнув пуговицы на рубашке Данте, Коко провела ладонью по его груди. Минут через десять Данте уже знал подноготную всего борделя. Коко была настоящим справочным бюро. Она знала, кто есть кто, кто с кем дружит, а кто враждует, кто с кем находится в родстве и как зовут каждого знатного клиента, приходящего во «Фламинго». Пустяки и сплетни, которыми была забита её голова, Данте утомили и он начал зевать. На столе тем временем появились: пучеро с рисом [3], фруктовый салат, мандариновые кексы, пончики с мармеладом и ещё три бутылки вина. — Привет, мой пёсик! — раздался голос над ухом. Подгребла Томаса — полная, одетая в бархатный костюмчик с панталончиками. Держа в руке пирожное, она с аппетитом уминала его.

— Привет, сладкоежка, — равнодушно бросил Данте, подставляя губы для поцелуя. Томаса смачно его чмокнула.

Коко издала возмущённый взглас: — Томи, вообще-то это мой клиент! — Да я что против? — пожалла пышными плечами Томаса. — Просто я с ним хорошо знакома. О, мой Де, он такой милашка! У него кожа, как у младенца! — Томаса жеманно закатила глаза. — Тебе повезло сегодня, Коко. Она засмеялась грубым, хрипловатым смехом и удалилась, покачивая бедрами. Клементе, меж тем, избавился от брюнетки, послав её куда подальше, и мрачно разглядывал девку с зеркальцем. Та курила сигару. — Ну и чего ты мнёшься? — не вытерпел Данте. — Возьми и подойди к ней, раз так нравится. — О чём ты? — Клементе вздрогнул. — Вон та девка с кудрями тебе нравится. Так подойди к ней. — Её зовут Лус, — вставила Коко. Клементе, ничего не ответив, упёрся взглядом в собственные ногти. — Ты себя ведёшь, как на балу в высшем обществе. Ненавижу укусы, прекрати! — Данте оттолкнул Коко, которая укусила его в шею, и продолжил: — Клем, это бордель, а они — проститутки! Они никому не отказывают. Кстати, у твоей кудрявой грудь, как спелые яблоки. — У меня не хуже. У меня — как апельсины! — выдала Коко, от обиды раздуваясь, точно жаба. Данте, запрокинув голову, захохотал так, что затрясся стол. Клем, встав, отошёл к окну. Данте недоуменно поглядел ему в спину. — Твой друг импотент? — без обиняков спросила Коко. — А я откуда знаю? Я не проверял! — О, может дать ему пастилку Ришелье [4]? У меня есть немного, — хрюкнула Коко, прикрывая рот рукой. — Фу, пошлая дура! — сморщился Данте, наливая себе ещё вина. — Пойдём наверх, сладкий, — Коко пропустила шевелюру Данте сквозь пальцы. — Чёрт возьми. — Тебе нравится, когда я так делаю, да? — Коко опять заржала, ероша Данте копну его волос. Конечно, то, что он испытал, когда это же делала Эстелла, ни с чем не сравнимо. Но перед такой лаской Данте был бессилен. В результате Коко утащила его наверх, в одну из комнат, подготовленных специально для любовных утех. Там горели свечи и пахло хвоей от дымящихся на столике благовоний. Сбросив сапоги, Данте ощутил под ногами мягкий ворс ковра. Вскоре он уже лежал на кровати. Коко, взяв перо, окунула его в креманку с жидкой карамелью и принялась водить этим пером по телу и лицу Данте, перемазав его всего. Затем перешла к поцелуям. Данте, закрыв глаза, небрежно подставлялся под ласки, и на месте Коко вдруг представил Эстеллу. Если бы это была она... Если бы это её губы скользили сейчас по его коже... — Ещё! Хочу ещё! — властно потребовал Данте, когда Коко на мгновение остановилась. Карамельные поцелуи продолжились. Данте забылся. — Эстелла... Эстелла... — позвал он тихо. — Ты хочешь, чтобы я стала Эстеллой? — спросила Коко. — Да... — Хорошо, тогда я Эстелла. Приятно познакомиться. А какая она, эта Эстелла? Она красивая? — Очень... — Неужели красивей, чем Коко? — Гораздо красивей. — Вот как? А в постели она тоже лучше, чем Коко? — Не издевайся или я встану и уйду! — разозлился Данте. — Эстеллой ты быть не можешь по одной причине — ты проститутка. А она ангел. Ясно? — Я-ясно, господи-ин, — протянула Коко голоском маленькой девочки и опять заржала. — Заткнись и делай свое дело наконец! — Данте, столкнув Коко на кровать, навис над ней и закрыл ей рот поцелуем.

Когда Данте проснулся, в окно вовсю светило солнце. Он сел на кровати, сбросив с себя кусок алого шёлка, служившего одеялом. В глазах зарябило от чего-то яркого, поросячепрозового. Данте проморгался. И пол, и стены, и потолок, и мебель — абсолютно всё в комнате было розового цвета. Ядовито-синим пятном выделялся ковёр на полу. Разбросанная одежда, бокалы из-под вина и пустые креманки не оставляли сомнений — ночь прошла бурно. Но Данте с трудом мог вспомнить что он вчера делал. Надо же было так напиться! Идиот!

На кровати рядом с Данте спала девица. Огненно-рыжие волосы. Веснушки. Боевая раскраска бывалой проститутки, слегка размазанная по лицу. Данте, морщась, отвернулся от Коко, смахнул со щёк прилипшие волосы. Запах карамели и хвойных благовоний, тлеющих на столике, не создавал радужного настроения. Голова кружилась. Смутно припомнив карамельное развлечение, Данте фыркнул. Наверное, Эстелла бы в обморок свалилась, узнав, по каким злчным местам он ходит. Во что он превратился? Ему всего семнадцать, а он уже познал все низменности любви и теперь они вызывают тошноту. Такие же сладко-приторные, как карамель, которой он пропитался вплоть до кончиков ресниц.

Данте поднялся на ноги и, дойдя до ближайшей двери, попал в ванную комнату. Красные стены, ванна в форме сердца. По многочисленным полочкам расставлены сосуды с парфюмерной водой и маслами и разложены душистые мыльные шарики. А ещё здесь был обширный запас разных трав и снадобий, возбуждающих чувственность. Двадцать минут спустя Данте, одетый и с мокрыми волосами, положив на одноногий столик несколько золотых эскудо, покинул розовую комнату. Коко продолжала спать. Данте спустился вниз. В дальнем углу гостиной за столом сидел Клементе, опухший и всклокоченный, и пил кофе. — Ты тоже ещё здесь? — изумился Данте, усаживаясь напротив. Он налил себе воды из стеклянного графина, стоящего на столе, и выпил её залпом. — Угу, — Клементе исподлобья взглянул на приятеля. — Ночь, судя по твоему виду, прошла убойно, — пошутил Данте. Вид у Клема и правда был неважный — будто он всю ночь дрова рубил. — Да уж, только вот на тебе это не отражается. Ты неисправим, — сказал Клементе. — Как девица? — Ммм... неплохо. Но я мало, что помню, — Данте зевнул. — Да чего с неё взять? Она же потаскуха. Все они одинаковые. Надоели! — Нет, не одинаковые, — вздохнул Клементе. — В смысле? — Данте оживился. — Неужели тебе этой ночью досталось какое-то чудо чудное, которое свело тебя с ума? — Можно сказать и так. Только не этой ночью, а вообще. — Не понял. — Ну... это не первая ночь, которую я провожу с ней. Да и не последняя, наверное. — А, с одной и той же шлюхой много раз подряд? — Данте скривился. — Нет уж! Эти вульгарные создания, фу-у... Я и Томасу больше двух раз не выдержал. Даже коровы, идущие по своей воле на бойню, умнее, чем все обитательницы «Фламинго» вместе взятые! — Лус не такая! — Клементе оскалил зубы. — Лус? Ах, та самая Лус — любительница зеркал! Ты всё-таки её подцепил! Надо же, и имя как у святой. Ну ничего себе! Ты, походу, серьёзно на неё запал, да? — воскликнул Данте насмешливо. — Прекрати ржать! Не смешно. Вот когда ты влюбишься, я гляну, как ты запоёшь. И ещё посмеюсь над тобой. — Что-о-о? — Данте облокотился на спинку стула так, что тот встал на задние ножки и покачнулся. — Только не говори, что ты влюбился в эту Лус! — А если и так, то что, нельзя? — огрызнулся Клементе. — Ты спятил? Клем, опомнись! Скажи, что это была шутка. — Нет, не шутка. Лус особенная. Она мне нужна. — В кровати она всем нужна, всему городу. — Заткнись, а! — Клементе сжал кулаки. — Мда... а это и вправду серьёзно, — у Данте и мысли никогда не возникало, что в проститутку, в падшую женщину, можно влюбиться. — Клем, очнись! Ты чокнулся, да? Она же ещё хуже, чем Табита! Та хотя бы делает это бесплатно. А твоя Лус спит со всеми за деньги, и ты говоришь, что в неё влюбился. Какой бред! — Я тебе это рассказал не для того, чтобы ты читал мне нотации! — отрезал Клементе. — Если ты будешь оскорблять Лус, я разукрашу твою смазливую рожу, понял? — Это уже пахнет Жёлтым домом, — Данте понизил голос. — Клем, прости, я бы понял, если бы ты влюбился в хорошую девушку. В кого угодно, даже в замужнюю, но в проститутку... Сам подумай! — Да чего тут думать? — вспыхнул Клементе. — Ты достал, ей

богу, ещё хуже, чем мать. Чего вы все меня поучаете? Чего вам спокойно не живётся? Если ты не можешь никого полюбить, то я тут не причём!

— Да кто тебе это сказал? — Данте взмахом головы убрал волосы с глаз. — Проститутку я не полюбил бы, да, какой бы красоткой она не была. Но это не значит, что я не могу полюбить вообще.

— А что, есть кандидатки? — ядовито выдавил Клем. — Даже если и есть, тебя это не касается! — Вот как? Значит, ты думаешь, что вправе читать мне мораль, а сам можешь вытворять всё подряд? Наступило молчание. Данте смотрел, как лучик солнца играет на поверхности воды, отражаясь от прозрачных стенок стакана. Ну вот, взял и разругался с Клементе. И вместо того, чтобы быть с Эстеллой, провёл ночь в притоне. Хорош моралист! Клементе пил уже остывший кофе, глядя в никуда. — И кто же она? — наконец, спросил он. — О чём ты? — Та высоконравственная особа, что покорила твоё сердце. Ты сказал, что влюбился. Это правда? Данте кивнул. — И когда это ты успел? Кто она? Я её знаю? — Нет, — Данте провёл рукой по волосам, убирая их со лба, — это моя подруга. Из детства. Мы с ней расстались, не виделись пять лет, а сейчас встретились. — И ты понял, что влюбился? — Ага. — Так кто она? То что не проститутка, это я понял. — Нет, она не проститутка! — гневно сверкнул глазами Данте. — Она... она... аристократка, приёмная дочь алькальда. — Чего? — Клементе выронил из рук чашку с недопитым кофе. Её содержимое разлилось по столу. — Чего слышал. — Ты влюбился в дочку алькальда? В богачку? В аристократку? Ты? Ты, что забыл, кто ты есть и где твоё место? Она же из другого мира! И ты ещё смеешь меня отчитывать за то, что я люблю Лус? Да ты спятил! Да, Лус — проститутка, но мы с ней примерно одного социального статуса. А ты со своей благородной кралеи, как небо и земля. Ты и аристократка — это смешно! — Не хочу говорить на эту тему! — оборвал Данте. — Объясни лучше, как ты собираешься рассказать родителям о Лус? Ты понимаешь, что это будет скандал? — Не собираюсь я им рассказывать! — А, значит, хочешь остаться правильным? Жениться на нормальной девчонке и наставлять ей рога с проституткой? — Ну и что? Какая разница? Понятно, что на Лус я не смогу жениться. А ты думаешь, тебе кто-то позволит встречаться с богачкой? Не только наши родители, но и её семья тоже. Они ж тебя с лица земли сотрут, если узнают, что ты хочешь соблазнить их дочь! — Мне плевать! Я переступлю через любого, кто будет мне мешать! Я не собираюсь всю жизнь мучиться с нелюбимой женой и бегать тайком ей изменять! Если я женюсь, то по любви! Я женюсь только на Эстелле или не женюсь совсем. Я её люблю! Ясно? Это не прихоть. Даже не страсть, она вообще девственница. Я её люблю люблю такую, какая она есть! — всё это Данте выпалил одним махом. Клементе уставился на него. — Ого! Девственница? — он прикрыл рот рукой, сдерживая смешок. — Скажи мне, чего ты делать-то с ней будешь после Томасы, после Коко и Табиты? Да ты, как только в кровать её затащишь, сразу и разлюбишь. Она будет лежать бревном. К тому же аристократка, а их воспитывают в строгости. — Замолчи! Сам ты бревно! Ничего ты не знаешь! Если ты бредишь проститутками, это не даёт тебе права оскорблять порядочных девушек! — А тебя в конец переклинило. — Да, именно так! И я вместо того, чтобы быть сейчас с Эстеллой, сижу с тобой в этом притоне! — Данте прорвало. — Ты месяц был мрачный и нелюдимый, потому что тебе хотелось покувыркаться со своей шлюхой! И ради этого ты потащил меня сюда! Я думал, у тебя что-то случилось, я хотел тебя отвлечь, пренебрёг своими планами! А оказывается, ты, всего-навсего, бегаешь за потаскухой из борделя!!! Я бы мог быть сейчас с Ней, а сижу тут с тобой! Баста, я ухожу отсюда! — Данте,

вскочив на ноги, ринулся к выходу. — Совсем больной что ли?! — крикнул Кlemente. Данте в ответ долбанул дверь, расписанной обнажёнными амурчиками. Комментарий к Глава 7. «Фламинго» —————

[1] Кисея — лёгкая, прозрачная бумажная ткань.

[2] Цвет сёмги — жёлто-розовый, как рыба сёмга.

[3] Пучеро — аргентинское мясное блюдо, состоящее из: говядины, телятины, курятины, свиной грудки, свиных рёбрышек, костей горного хамона, картофеля и овощей (капуста, сельдерей, кабачки, морковь, репа и т. д.). Традиционно подаётся с рисом или макаронами.

[4] Разноцветные пастилки Ришелье использовались в борделях для многократного увеличения мужской силы.

===== Глава 8. Возвращение домой =====

Всю дорогу Эстелла бежала, словно за ней гналась стая голодных шакалов. Добежав до дома, облокотилась о забор. Её распирало от противоречивых чувств. С одной стороны, было стыдно и страшно, что она позволила Данте так много, но с другой стороны... этот юноша сводил её с ума. Когда он целовал ей руку, было так приятно, что она едва не потеряла сознание, а после взяла и убежала. И даже не договорилась с ним о новой встрече. Наверное, Данте счёл, что она идиотка. Они так удачно сегодня столкнулись, а теперь могут разминуться. Да и Данте живёт далеко отсюда, в поселении гаучо. Эстелла смутно представляла, на что похожа его жизнь, но, судя по рассказам юноши, она очень романтична. Лошади, быки, овечки, красивые мужчины, вооружённые лассо, мачете и кинжалами, и Данте среди них. Ладно, впереди у неё целая ночь. Ночью в голову приходят здоровые мысли и решения. А сейчас надо зайти в дом и ничем себя не выдать.

Затолкав растрёпанные волосы под шляпку, Эстелла отворила калитку и вошла. Парадная дверь была открыта. Кучер Альфредо — небольшой и лысоватый мужчина с усиками (с ним в прошлом году обвенчалась Урсула) — затаскивал в дом многочисленные сумки и чемоданы — эстеллин багаж. — Добрый вечер, сеньорита, — сказал Альфредо радостно. — Как же вы изменились-то, совсем уж взрослая стали и такая красавица. Коды вы уезжали отсюда, были во-от такой малышкой. Страх, как время-то летит! — Здравствуй, Альфредо. Я так рада тебя видеть! — Эстелла, минуя кучера, зашла в дом. В гостиной было пусто, но, пройдя чуть вперёд, Эстелла услышала из-под лестницы шёпот. Разговор. Нет, спор. Она на цыпочках подкралась ближе и наострила ушки: — Ты чего творишь-то? Я, как экономка, требую, чтоб в этом доме ты вела себя прилично! — вещал голос Урсулы. — Урсула, ты мне не мать и не сестра, не читай мне нотации! — плаксиво отозвалась Либертад. — Ты ж ведёшь себя, как публичная девка. В чужом доме, соблазнять чужого мужа... А ежели б вас застукала не я, а сеньора Хорхелина или сеньора Роксана? Ты хоть понимаешь чего было бы? Ты ведь спишь с чужим мужем! — Он ей муж только для всех! Она старая и страшная. И он любит меня! — И как же тебе не стыдно-то? — Ты ведь вышла замуж за кого хотела, Урсула, так что не лезь в мою жизнь! — Я вышла замуж за человека, равного мне по статусу. А ты лезешь к хозяину. Ты забыла где твоё место! — Я к нему не лезу! Мы любим друг друга. Чего тут дурного? — Чего дурного? Он твой хозяин и он женат, вот чего. — Когда-нибудь она помрёт, вечно никто не живёт. Все помирают. — Да ты из ума выжила! Как так можно?! Да, сеньора Хорхелина не подарок, но желать ей смерти... — А я желаю! Желаю! — прошипела Либертад не своим голосом. — Ежели б я могла, я бы её убила сама. Насыпала бы ей мышьяку в ужин, но я не могу, у меня духу не

хватит. Но когда-нибудь она помрёт, и я дождусь этого момента, пусть и придётся ждать ещё лет двадцать. — Грешно так говорить, Бог тебя накажет! Ты ж в ад попадёшь! — Плевать я хотела на эти страшилки, верь в них сама, Урсула! А мне не стыдно так говорить! Я борюсь за своё счастье. Я люблю Эстебана, а он любит меня, ясно? — Сеньора Эстебана. — Для меня он не сеньор. Для меня он мой муж. — Любовник. — Нет, муж. — Вместо того, чтоб нести чушь, лучше б подумала о себе. Вышла б замуж, родила б детишек давным-давно. Тебе уже двадцать шесть! Ты ж самая настоящая старуха, ежели не поторопишься, ты никогда не выйдешь замуж. — Я не старуха! Ты сама-то во сколько лет вышла замуж, Урсула? Так что отстань от меня, не вмешивайся! — Ежели ты будешь заниматься непотребностями в открытую, в твою жизнь вмешается кто-то другой. Либертад всхлипнула. — Я так больше не могу. Я его люблю, а эта тварь... его жена... Боже, когда же она сдохнет? Я её ненавижу, ненавижу!

— Прекрати так говорить, — голос Урсулы смягчился. — Ты сама себя изводишь. Было б лучше, если бы ты порвала с ним отношения и забыла его.

— Я не могу, не могу забыть. Ничего ты не понимаешь, Урсула. Ты чёрствая! Эстелле надоело шпионить. Нарочно зацокав каблуками, она покашляла. Либертад и Урсула оглянулись. — Ой, сеньорита Эстелла, это вы? — воскликнула Либертад. — Вы вернулись! — Привет, Либертад, привет, Урсула! Как же я рада вас видеть! — Эстелла испытывала какой-то детский восторг. Она дома. Дома! — Но почему ты плачешь, Либертад? — О, это долгая история, сеньорита, я потом расскажу. — Нечего отвлекать сеньориту Эстеллу и забивать ей голову своими глупостями, — заворчала Урсула. — Она поди устала с дороги. — А чего ж вы так долго ехали, сеньорита? — Либертад вытерла слёзы с покрасневших глаз. — Мы вас ещё днём ждали. — Мне бы тоже хотелось это знать, — раздался с лестницы строгий голос. Одетая в клетчатое платье, с невысокой причёской, сейчас Роксана показала Эстелле незнакомой женщиной. Холодно чмокнув дочь в щёку, она отстранилась, когда Эстелла попыталась обнять её. — Ох, прошу вас, не надо нежностей, вы изомнёте мне платье! — сказала Роксана. — Лучше объяснитесь, где вы были? Почему вы так долго ехали? — Мама, здравствуйте. Я задержалась, потому что... потому что во время остановки долго меняли лошадей и кучера. У них там какие-то проблемы были, пришлось ждать, — на ходу выкрутилась Эстелла. — Какое неуважение! Подумать только, дочь алькальда должна ещё и ждать, когда ей поменяют кучера! — хмыкнула Роксана. — На вашем месте я устроила бы скандал за такую их нерасторопность. Эстелла промолчала. — Надо б помочь Лупите с ужином, пойду я, — вставила Либертад. — С вашего позволения. Она удалилась. Урсула и Альфредо в это время тащили эстеллины чемоданы вверх по лестнице. — Мама, я ужасно устала с дороги. Если вы позволите, я поднимусь к себе. — Разумеется. Посмотрите, на кого вы похожи. У вас платье всё в пыли. И это моя дочь! Какой позор! Немедленно переоденьтесь! И не забудьте, ужин в этом доме в восемь часов. Не знаю, научили ли вас пунктуальности в школе, но будьте добры не опаздывать к столу. — Да, мама. Эстелла отправилась к себе, миновала лестницу и в коридоре столкнулась с Мисолиной. Разглядывая сестру, Эстелла отметила, что Мисолина с годами похорошела и превратилась в копию матери. Разодетая в шёлк цвета фиалки, она смерила растрёпанную и пыльную сестру взглядом принцессы, удостоившей внимания бродяжку. — Вот значит в каком виде семейные любимицы возвращаются из столицы, — процедила Мисолина. — Ты похожа на замухрышку. — Посмотрела бы я, на кого была бы похожа ты, если бы проехала двое суток в экипаже. — Какой дурой невоспитанной была,

такой и осталась, — парировала Мисолина. — Но учти, в этом доме кое-что изменилось. — Что же? — Эстелла состроила заинтересованное лицо. — Ты всю жизнь была любимицей, а я ненужной в этом доме. Все считали тебя хорошей, а меня плохой. Но теперь всё иначе. Мама любит только меня. Учти это и не вмешивайся. Потому что я самая воспитанная и самая приличная девушка в городе, а ты хабалка. — Да ты совсем больна, я смотрю, — насмешливо сказала Эстелла. — Не смей меня обзывать! О, я непременно скажу маме, чтобы она следила за тобой внимательней. Мало ли чем ты занималась, пока жила в столице, — Мисолина выдавила подобие улыбки. — На что ты намекаешь? — сощурила глаза Эстелла. — О, я не намекаю! Я говорю как есть. Не сомневаюсь, что ты ещё преподнесёшь всей семье сюрприз. Если, конечно, не привезла его в своём пузе сейчас. — Ах ты, дура! Ну-ка, закрой рот! — рассвирепев, Эстелла схватила Мисолину за волосы, потянула и вырвала целый клочок. Мисолина царапала сестру ногтями, но Эстелла не отступила, пока не уронила её на пол. — Ещё слово вякнешь и я выцарапаю тебе глаза! — Эстелла бросила клочок мисолининых волос прямо ей в лицо.

Мисолина держалась руками за голову, воя и сидя на полу.

— Тварь паршивая, тебе ещё устрою! — сквозь зубы выплюнула она. — А-ха-ха-ха! Кто из нас тварь, это ещё можно поспорить! Взгляни на себя, ты же вся зелёная от зависти. Потому что я приехала из Байреса, а ты сидишь в этом захолустье. И ещё я красивее и умнее тебя. — Всё равно в этом доме меня будут любить больше! Эстелла в ответ фыркнула. В конце коридора скрипнула дверь. В проёме показалась Берта. — Это чего тут за шум? О, Эстелла, дорогая, ты приехала! Переваливаясь из стороны в сторону, Берта подковыляла ближе и обняла Эстеллу. Взглянула на Мисолину. Та скулила, обтирая платьем пол. — Чего это тут у вас случилось? Не успели встретиться, как уже разругались? — Она меня оскорбила! — сообщила Эстелла. — Она меня ударила! Она мне вырвала волосы! — визгнула Мисолина тонким голоском. — Эстелла, ну как так можно? — всплеснула руками Берта. — Мисолина — твоя сестра. — Она монстр, а не сестра. Нормальные сёстры после пяти лет разлуки хотя бы здороваются, эта же кидается с оскорблениями. — Неправда! Я её не оскорбляла! Вечно она врёт, это всем известно. О, бабушка, её надо наказать! Я так обрадовалась её приезду, а она меня избила, — сочиняла Мисолина, понизив голос до ангельского звучания. — Она врёт, бабушка! — Эстелла готова была размазать сестрицу по стене. Вот змея! — Она меня обзывала. Говорила гадости и получила за это, вот и всё. И если будет продолжать в том же духе, ещё получит. Если вы позволите, я пойду к себе и отдохну до ужина. — Бабушка, не верьте ей, — жалобно пролепетала Мисолина, как только Эстелла скрылась в комнате. — О, никто не должен ей верить! Её следует запереть в комнате на всю жизнь. Она всегда меня обижает. Она чудовище, поверьте мне, бабушка, — Мисолина отряхивала пыль с платья. — Разве ж можно так говорить о родной сестре? — вздохнула Берта, качая головой. — Как же тебе не стыдно-то? — Стыдно? Мне нечего стыдиться, бабушка! — вздёрнула подбородок Мисолина. — Я знатного происхождения, поэтому я всегда веду себя, как подобает аристократке. Я никогда не повышаю голос и при разговоре опускаю глаза в пол. — Оно и видно, — скептически заметила Берта. — Что ж, вы можете мне не верить, бабушка. Но вы сами увидите, что я права. Вы любите Эстеллу, потому что она задурила вам голову, прикидываясь ангелом. Но я много сил потратила за эти пять лет, убеждая маму, что она не может любить Эстеллу. Она должна любить только меня! Я никогда, никогда не разочарую маму, а Эстелла сделает это уже через пару дней! — задрав нос, Мисолина удалилась. — Какой-то кошмар, — вздохнула Берта, когда за

Мисолиной закрылась дверь. — И чего ж за несчастье? Две сестры, две родные сестры никак не найдут общий язык! Пыхтя, она начала спускаться по лестнице и продолжала ворчать: — Хоть я и старая, но не глупая. Мозги-то у меня ещё работают. Надо б придумать как помирить Эстеллу с Мисолиной. Нельзя же жить в бесконечной вражде, сёстры как-никак, одна кровь.

Данте выскочил из «Фламинго» как ошпаренный. Буквально трясясь от ярости, он оседлал Алмаза и поскакал прочь. — Эй, ты куда прёшь? — крикнул ему вслед бородатый мужчина, когда Данте чуть не сшиб того на мостовой. Юноша даже не оглянулся. Глаза застилал гнев, с кончиков волос сыпались искры, но Данте не обращал внимания. Клементе смешал ему все карты. Подумать только, влюбился в проститутку! И не понимает, не понимает, что он, Данте, хочет увидеть Эстеллу. Эгоистичный маленький мальчик этот Клементе! Данте остановился, когда достиг моста. Он проклинал весь вчерашний день, хотя сам был во всём виноват. Не стояло говорить Клементе, что он едет в город. Данте слегка мутило после бурных вечера и ночи; он облокотился о перила и некоторое время вглядывался в горизонт.

Раздался шорох. В кожу юноши впились острые когти, мягкие перья коснулись щеки. Данте повернул голову. На плече сидела Янгус, глядя на него круглыми бусинками глаз.

— Янгус? — у Данте рот открылся. — Ты что тут делаешь? Откуда ты взялась? Я же оставил тебя в «Лас Бестиас»! Птица, ласково побулькав, подставила голову, требуя, чтобы её почесали. Данте провёл пальцем по пушистому хохолку. Янгус блаженно закатила глаза. Данте усмехнулся, узнав в повадках птицы свои собственные. Когда ему взъерошивают волосы, он ведёт себя также. Правду говорят: животное — копия своего хозяина. Ярость и досада мало-помалу отступали. Надо собраться с мыслями, выкинуть из головы бордель и Клементе и придумать как же встретиться с Эстеллой. Идея залезть к ней через балкон, ещё вчера казавшаяся здоровой, сегодня уже не выглядела так блестяще. Это верх идиотизма! Эстелла обиделась на него, а если он ещё и залезет к ней в окно, она испугается. Янгус, трясая крыльями, что-то протрещала. Ну точно! Он отправит Янгус с запиской. Уж птицу Эстелла не прогонит! Спустя пять минут Янгус взмыла под облака, унеся в клюве кусочек пергамента — надежды и мечты влюблённого сердца.

===== Глава 9. Последняя капля =====

Два дня спустя, в честь возвращения Эстеллы, Либертад накрыла праздничный ужин. Лупита (повариха) превзошла саму себя, и теперь на столе красовались: гигантское сооружение из морепродуктов, асадо [1], бисквиты с фруктами, огромный тарт [2] и вино.

Арсiero провозгласил тост и, не скрывая радости, обнял Эстеллу, приподняв её за талию. Берта аж прослезилась, слушая рассказы внучки о Буэнос-Айресе, и без конца промокала глаза кружевным платочком. Дядя Эстебан нервничал, хотя Хорхелины дома не было (следуя моде, она укатила в Палестину на Мёртвое море, в надежде омолодиться в его водах). Даже Роксана вела себя благосклонно: улыбалась дочери и не сделала ей ни одного замечания. И лишь Мисолина сидела с надутым видом. Оказалось, жизнь в особняке не изменилась ни на йоту: те же разговоры, те же люди, те же нудные правила и ритуалы, что и пять лет назад. После ужина, по традиции, все перешли в гостиную. Урсула подавала чай. Арсiero и Эстебан обсуждали последние политические события: — Не могу поверить, что Национальный Конвент решился на такое! — Эстебан, элегантно закинув ногу на ногу, курил сигару. — Отменить рабство, представьте себе. Это уму непостижимо! — Если закон

об отмене рабства примут в Париже [3], не далёк тот день, когда отголоски этого прокатятся по всей Европе и Америке, — отозвался Арсиеро, морща лоб. — И если эта волна доберётся до нас, даже и представить страшно что произойдёт. Остаться без рабов... Кто же будет нам прислуживать? Кто будет работать на плантациях? Неужели мы должны будем сами себе готовить или убирать в доме? Или нанимать работников за плату. Вздор какой! Даже латифундисты этого не делают, их батраки работают за собственные долги и еду. А мы будем страдать без прислуги, потому что кому-то приспичило уравнивать их в правах с нами! — Уверена, дорогой, этого не произойдёт, — вмешалась Роксана. — Вся чернь останется там, где ей положено быть — в помойной яме. Сами подумайте, как можно уравнивать их в правах? Кто мы, а кто они? Фи-и... Да на что они годны, кроме мытья полов и сбора урожая? Ах, этого не может произойти! Ни один человек в здравом уме не примет подобный закон. Боже мой, хватит! Больше не могу слушать этот бред! Роксана яростно листала журнал мод. Мисолина укрылась в дальнем кресле, вооружившись иголкой и вышивкой. К вышиванию у неё не было никакой склонности, но она убеждала всех, что это её любимое занятие. Последним пискom моды среди девушек и дам считалось ничегонеделание целыми днями, и Мисолина в этом преуспела, как никто. Бабушка Берта зато вновь удивила Эстеллу своей неугомонностью. Похоронив Гортензию, она не стала заводить ещё животных, найдя себя в выращивании кактусов. Теперь кактусы: большие и маленькие; круглые и плоские; растопыренные и бесформенные; напоминающие огромные свечи и совсем крошечные; с длинными иголками и полностью гладкие, Берта расставила по всему дому. Нельзя было войти в какую-либо комнату, не напоровшись на одно из бабушкиных растений. Берта даже в спальню Эстеллы втиснула кактус — с ярко-малиновыми цветами и стеблями, похожими на верёвки. Эстелла кактусы не любила, но дабы порадовать бабушку, водрузила её подарок на окно. Теперь, вместо того, чтобы пить чай, Берта ходила по гостиной, поливая и удобряя свои кактусы. Делала она это исключительно сама, не доверяя заботу о них ни Урсуле, ни Либертад. Роксана смотрела на это новое безумство Берты скептически, за глаза обзывая её «маразматичкой». Эстелла же сочла, что бабушке просто некуда девать свою энергию. Последней у Берты было хоть отбавляй. Раньше всё её внимание забирала Гортензия, а теперь — кактусы. Эстелла читала любовный роман, но переживания главной героини напомнили ей о собственных. И о Данте. Скорее бы этот длинный день закончился! Мисолина, корчась от боли в исколотых иголкой пальцах, упорно вышивала носовой платок, бросая на Эстеллу пронизывающие взгляды, точно хотела по лицу определить её мысли.

Эстелла, в конце концов, заметив столь повышенное внимание к своей персоне, показала сестре язык. Но её удивляло, что Мисолина никому не рассказала об их драке. Это насторожило Эстеллу, ведь сестрица всю жизнь ябедничала; подлость и стукачество в ней заложены с колыбели.

Два часа спустя, Эстелла, лежа в постели, заснуть не могла — вращалась и вращалась, будто под простынь ей насыпали фасоль. Чувства к Данте оказались слишком, слишком глубоки. Какая-то неведомая сила затягивала её в омут, и этим омутом были его глаза. Сапфировые, сияющие, по-кошачьи хищные. Неужели она влюбилась? Но ведь она мечтала об этом! Это и есть та любовь, о которой она грезила во сне и наяву. Так вот, что чувствуют, когда влюбляются: блаженство, и страх, и счастье — всё одновременно! Часы пробили пять утра, а Эстелла так и не сомкнула глаз. Сидя на постели, кутаясь в длинную ночную рубашку, она обнимала себя за ноги и улыбалась темноте. Она влюблена! Влюблена в Данте!

И почему же она раньше не поняла, что он предначертан ей судьбой? Ждала, воображала, мечтала, а ведь она давно его встретила, своего принца из сказки. Он жил в её сердце с момента, когда она увидела его рисующим узоры на воде. Данте... Её Данте... Протянув руку, Эстелла нащупала графин на туалетном столике — хотела налить воды, но графин был пуст. Делать нечего, придётся идти вниз. Девушка обулась, взяла свечу и вышла в коридор. Держась за перила, спустилась по лестнице, добралась до кухни и застыла на пороге. Нет, там не было приведений, но Эстелла не ожидала в четыре утра стать свидетельницей такой сцены. Дядя Эстебан, усадив Либертад на стол, жадно целовал её в губы. Та обвиняла руками его за шею. Поглощённые поцелуями, Эстеллу они не заметили. А девушка не знала что делать: убежав, притвориться, что ничего не видела, или войти и спугнуть парочку. В конце концов, она хочет пить! Эстелла молча смотрела на любовников. Она никогда не видела поцелуи в живую, только читала о них в книгах. Тот раз, когда её поцеловал Аарон, не в счёт. Эстелла хотела забыть о своём неудачном первом опыте. Но, может, ей было неприятно, потому что она не любила Аарона? А если бы любила? А если бы её поцеловал Данте, вот так, в губы? Что бы она почувствовала? Разум затруднялся ответить, но сердце и воображение уверяли: она бы испытала нечто невероятное. От таких мыслей щёки Эстеллы залились румянцем. Решив всё-таки обнаружить своё присутствие, она кашлянула. Либертад и Эстебан вздрогнули, мгновенно отпрянув друг от друга. На их лицах читался испуг. — Ах, сеньорита Эстелла, это вы! Вы нас напугали, — Либертад перевела дух. — Я хочу пить, не обращайтесь на меня внимания, — Войдя в кухню, Эстелла зачерпнула графином воду из бочонка. — Ну вот и всё, я ухожу. — Но ведь вы никому не скажете чего тут видели, правда? — с надеждой спросила Либертад. — О чём ты, Либертад? Я ничего не видела. Я ужасно хочу спать, и у меня слипаются глаза. Хихикая себе под нос, Эстелла вернулась в комнату, выпила прохладной воды и уселась на кровать, прижимая к себе подушечку, наполненную лебяжьим пухом. Ясно одно: она влюблена в Данте, как Либертад влюблена в дядю Эстебана. И это здорово! Да и в её случае всё намного проще: у Данте нет ни жены, ни невесты. Громкий стук вывел Эстеллу из оцепенения. Вскочив, она подбежала к окну. Распахнула его. В комнату смерчевым вихрем ворвалась чёрно-алая птица. Янгус — птица Данте! Откуда она здесь? Сделав круг по комнате и бросив Эстелле записку, Янгус села на туалетный столик, сбив крыльями несколько пудрениц и скляночек с духами. Эстелла, развернув записку, посветила на неё свечой и прочла: «Эсте, я знаю, что ты сердисься, но, пожалуйста, прости меня. Давай встретимся и поговорим. Напиши ответ и отправь его с Янгус. Данте». Встретиться? Он просит о свидании. Так сразу? Ведь всего два дня прошло. Хочет ли она его увидеть? Конечно хочет! Но... Эстелла мысленно вообразила их встречу с Данте. Что она скажет, когда он спросит, почему она сбежала? У неё нет ответа на этот вопрос.

Увидеться с ним сейчас, именно сейчас, когда она осознала, что влюблена в него... Нет, нет, она же умрёт со стыда! Она ни за что не признается ему в любви первая. А если Данте её не любит, считает просто подругой? Нет, она не станет вешаться к нему на шею!

Янгус, сливаясь с темнотой, пощёлкивала клювом. Эстелла взяла перо и чернила и вывела на обратной стороне записки Данте: «Я не приду». Отдав пергамент птице, она выпустила её в окно. Надо собраться с мыслями, пока она не натворила глупостей. Нельзя встречаться с Данте на эмоциях, нельзя!

Злость и досада, горящие в сердце Данте, испарились, как только он получил ответ от

Эстеллы. На смену им пришло отчаяние. Ну почему? Почему она не хочет его видеть? Ведь он извинился в записке, а Эстелла ответила так сухо, будто они чужие друг другу. Остаток ночи Данте бродил по берегу. Итак, наступил понедельник, а поездка в город, на которую он так рассчитывал, не принесла результатов. Всё ещё больше запуталось. Эстелла не хочет с ним встречаться, ну и пожалуйста. Он как-нибудь это переживёт. Не нужна ему любовь! Влюблённый человек одержим, не способен здраво мыслить. К чёрту любовь! Он вернётся в «Лас Бестиас» и забудет Эстеллу. Как только на небосводе появились признаки рассвета, Данте оседлал Алмаза и пустился в путь. Янгус летала рядом; то пикировала к самым облакам, то опускалась так низко, что цепляла когтями за кусты.

До конца ночи Эстелла не сомкнула глаз, размышляя, правильно ли она сделала, ответив отказом на попытку примирения Данте, да ещё в такой категоричной форме. Но если бы она пошла на свидание, она бы не сдержалась: повисла бы у Данте на шее и призналась в любви, как на духу. Но она всё-таки воспитанная сеньорита, аристократка, и не может вести себя, как плебейка. Даже Либертад не сразу закрутила с дядей Эстебаном. Их история продолжается уже много лет, а в активную фазу вступила лишь недавно. Эстелла знала об этом из писем бабушки. Либертад Берте нравилась, несмотря на её тёмный цвет кожи. Но она была не столько за Либертад, сколько против Хорхелины, которая, по её мнению, испортила жизнь Эстебану, сделав из него подкаблучника. Маленькой Эстелла не понимала, почему же дядя не бросит Хорхелину и не женится на Либертад, но повзрослев многое поняла. Развод исключён — церковь и общество не одобряют. Единственный способ избавиться от Хорхелины — овдоветь. Тогда Эстебан будет вправе развлекаться, с кем угодно: со служанкой, с проституткой, хоть с кикиморой — вдовца-мужчину за это не осудят. Если, конечно, он во всеуслышание не объявит женщину с низким происхождением своей женой. Но зачем же дядя женился на Хорхелине? Уж точно не по любви. А раз так, то и жаловаться ему грех, он сам виноват. Эстелла не могла больше лежать в кровати и спустилась вниз. Поутру в доме царило воистину сонное болото. Роксаны и Мисолины не было — они никогда не вставали рано, нежась в кроватях или прихорашиваясь в будуарах [4] до последнего, и являлись непосредственно к завтраку, а Арсиеро, сидя в кабинете, занимался бесконечными документами. Первым, кого Эстелла встретила в гостиной, был дядя Эстебан. Вид его, странно взъерошенный, девушку озадачил. Дядя всегда тщательно за собой следил, но сегодня он застегнул жилет не на те пуговицы и надел на ноги разные ботинки. Дядя Эстебан пил виски, шальным взглядом осматривая округу. — Доброе утро, дядя, — Эстелла сдержала смех. Наверняка, после того, как она вчера ушла с кухни, у поцелуев было и продолжение. — А? Что? Ах, Эстелла, доброе утро. Что-то вы ранс сегодня... — выдавил Эстебан растерянно. — Да, не спалось. — Ммм... Разговор явно не клеился и Эстелла решила оставить дядю в покое. Она отправилась в кухню и уже издали услышала голос Берты, вопящей на всё правое крыло дома: — Лупита, чего ж ты тупая-то такая? Прежде, чем резать листья кактуса, надо было вытащить из них иголки!

— П-простите, м-м-мадам, ну я же н-не з-з-знала! Я н-н-никогда н-не готовила как-кактусы, — заикался в ответ гнусавый голосок.

— Балда, вот ты кто! Это, между прочим, вкуснятина! — Здравствуйте, бабушка, — поприветствовала Эстелла. — О, здравствуй дорогая! Чего-то ты рано сегодня. — Так вышло. Наверное, это всё из-за впечатлений. Я же вернулась домой. А что вы делаете, бабушка? — Вот, учу Лупиту готовить Нопалес Рейенос [5]. Это мексиканское блюдо, вкуснейшее! — Д-

да, — заныла Лупита — пухленькая негрityнка в белом фартуке. — Из к-кактуса к-колючего. У не-него иг-голки дли-длиннее м-моих п-пальцев. Я в-вся ис-исцарапалась. М-могли б-бы взять к-кактус, у к-которого н-нет к-колючек. — Не умничай! — оборвала Берта. — Не все кактусы съедобны. А опунция [6] ещё и вкусная. Прежде, чем резать кактус, надо было вытащить иголки, ты сама виновата! — Бабушка, а зачем кактусы? Может Лупита всё же приготовит завтрак? — вмешалась Эстелла. — А то он не за горами. — Так она и готовит завтрак. — О, если мама узнает, что на столе блюдо из кактусов, она будет кричать, что её хотели отравить, — Эстелла хихикнула. — Даже и не поймёт. А то и язык проглотит! — Берта наморщила нос. — Блюдо — пальчики оближешь! Кстати, дорогая, я бы хотела с собой поговорить. — Вот как? — Эстелла напряглась. А вдруг бабушка что-то знает про Данте? Хотя откуда? Только если она ночью видела птицу... — О чём же, бабушка? — О Мисолине. — О Мисолине? — Да, давай-ка присядем. А ты, — Берта обернулась к Лупите. — Извлеки колючки, помой листья и нарежь тонкими пластинками. — Д-да, м-мадам. Эстелла уселась на стул. Берта, кряхтя, примостилась напротив. — Так что там с Мисолиной, бабушка? Если честно, мне не хочется о ней говорить. — Мне не нравятся ваши отношения с сестрой. Почему вы вечно ссоритесь, дорогая? Дерётесь, оскорбляете друг друга. Почему ты, к примеру, её вчера побила? — Потому что она заслужила. Она наговорила мне гадостей! — Но Мисолина утверждает, что это ты виновата. — О, да, конечно! — Эстелла закатила глаза. — А когда я не была виновата? Она меня ненавидит. Она мне завидует, а я защищаюсь. Или, по-вашему, я должна терпеть оскорбления? Мисолине кажется, что меня любят больше, чем её. И она бесится, хотя это неправда. Мама никогда на неё не кричит и всегда ставила и ставит её мне в пример. Мама меня любит меньше, чем Мисолину, но Мисолине всё мало. Она больная. У неё паранойя. — Зачем же так говорить о сестре, дорогая? — укоризненно сказала Берта. — Да, Мисолина капризна, но она не плохая. Ты преувеличиваешь, Эстелла. Просто Мисолина утончённая натура, вы разные, поэтому не находите общий язык. — Вы тоже считаете, бабушка, что она вся такая утончённая, а я хабалка, да? — Конечно, нет! — Я тоже умею вести себя в обществе, но, в отличие от Мисолины, я не нападаю с оскорблениями, когда никто не слышит. И на людях не прикидываюсь ангелочком. Двуличная крыса, вот кто она! — выплюнула Эстелла. — Вот видишь, чего ты делаешь, Эстеллита. И это вместо того, чтоб с сестрой поговорить, наладить с ней отношения... — Наладить отношения? — кипя от ярости, Эстелла вскочила на ноги. — Поговорить? С ней нельзя разговаривать! Это невозможно, бабушка! У неё, что не слово, то яд. Я не собираюсь с ней налаживать отношения! Самое лучшее, что можно сделать, — держаться от неё подальше. Я думала вы хотите сказать мне что-то важное, бабушка. Про Мисолину я разговаривать не хочу. Она меня раздражает! Она меня достала! Терпеть её не могу! Подхватив юбку, Эстелла выбежала из кухни. Берта проводила её взглядом, потом переключилась на Лупиту. — Ну, чего ты застыла? — Я в-всё с-сделала, м-мадам. — Тогда клади листья кактуса в бульон и вари их! Занимайся делом, хватит шпионить!

Данте скакал во весь опор и загнал беднягу Алмаза так, что с того пот катился градом, когда они добрались до «Лас Бестиас». Окна и двери в доме были распахнуты настежь, шкуры с верёвок убраны, а всегда бегающие по двору куры, утки, гуси и индюшки заперты в курятнике. На бревне сидел Клементе и лопал плод маракуйи, выплёвывая косточки себе под ноги. Он взглянул на Данте исподлобья, не произнеся ни слова. Данте, так же молча, бросил не менее дружелюбный взгляд, снял с Алмаза седло и принялся обливать его водой, черпая

её ковшом из стоящей рядом бочки.

— Зря ты возишься с лошадьё, — подал голос Клем. — Лучше б шёл сам мыться да переодеваться. — Почему это? — К тебе сегодня невеста пожалует. — Чего? — от неожиданности Данте вместо Алмаза вылил воду на себя. — Родители пригласили в гости Пию Лозану и её отца. — А я тут причём? — Хотят тебя свести с ней. Сам не знаешь что ль? — ЧЕГО? — Данте остервенело шмякнул ковшик в бочку, разбрызгав воду. — Кто их просил? Что за цирк? Клем пожал плечами. — Можно подумать, ты впервые слышишь, что мама хочет вас сосватать. — Но я этого не хочу! Не хочу!!! Чёрта-с два! Если бы я знал, я бы сюда сегодня не вернулся! Лучше б остался спать на улице!!! — Данте был вне себя. В ярости он пнул каблуком рядом стоящее корыто. Оно отлетело в сторону. — Чего ты бесишься? Успокойся, — примирительно сказал КLEMENTE. — Криками всё равно ничего не исправить. — Я НЕ ХОЧУ!!! — заорал Данте во всё горло. КLEMENTE едва успел заткнуть уши. — НЕ ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ НА ПИИ ЛОЗАНО И НИКТО МЕНЯ НЕ ЗАСТАВИТ!!! И ВЕЩЬ!!! Я НЕ ПОЗВОЛЮ СОБОЙ РАСПОРЯЖАТЬСЯ!!! И Я НЕ БАРАН, ЧТОБЫ ЗА МЕНЯ РЕШАЛИ ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ!!! Данте больше собой не владел: с кончиков волос сыпались искры, а пальцы дымились. КLEMENTE, увидев это, подошёл к нему и обнял за плечи. — Успокойся, — внушал он. — Успокойся, кому говорю! Если родители увидят твои волшебные штучки, у них будет шок. Тебя ж не заставляют прямо сейчас идти к алтарю. Они всего лишь придут знакомиться. Не понравится, никто не заставит тебя жениться. У Данте аж слёзы на глазах выступили от обиды. Разумом он понимал, что КLEMENTE прав — ничего не случится, если он познакомится с этой Пией, но вероломство Каролины и Гаспара убивало его наповал. Как так можно? Втихаря, у него за спиной, сводить его с девицей, которая ему сто лет не нужна. Ну что за люди? Пытаясь совладать с эмоциями, Данте зачерпнул воду из бочки и вылил ковшик себе на голову. — Значит, ужин? Ладно, — прошипел он хрипло. — Я им устрою! Я сделаю так, что эта Пия Лозано сама отсюда сбежит! Он развернулся и, гремя шпорами, вошёл в дом. Янгус полетела следом.

Комментарий к Глава 9. Последняя капля -----

[1] Асадо — популярное блюдо из жареного мяса, распространённое в Аргентине, Боливии, Чили, Колумбии, Эквадоре, Парагвае, Перу, Уругвае и Венесуэле.

[2] Тарт — открытый пирог из песочного теста, замешиваемого без соли или сахара. Начинкой для тартов служат овощи, мясо, рыба, заливаемые сливочно-яичной массой.

[3] Национальный Конвент — законодательный орган во время Великой французской революции 1792–1795. 4 февраля 1794 года во Франции был принят закон об отмене рабства на территории всех французских колоний.

[4] Будуар — комната, принадлежащая женщине, гардероб или спальня.

[5] Нопалес Рейенос — мексиканское блюдо из листьев кактуса, нечто вроде голубцов.

[6] Опунция — съедобный кактус, один из самых крупных, с сочной мякотью и очень крупными колючками.

===== Глава 10. Пия Лозано =====

Данте лежал клубком на кровати, вновь ощущая себя мальчиком, которого все обижают. Этот дурацкий ужин стал последней каплей и выбил его из колеи, попросту доконал. Сейчас ему хотелось одного — завывать. Ну что они привязались? Не нужна ему эта девица! Никто, никто не нужен, кроме Эстеллы. А Эстелла видеть его не хочет.

Данте долбанул кулаком в стену. Янгус слетела с насеста и теперь гуляла по нему, прорывая когтями ткань его рубашки и громко хлопая крыльями. Когда юноша перевернулся

на спину, птица устроилась у него на животе. Данте погладил её по грудке. Всегда Янгус приходит к нему на помощь. Самая верная его птица. Янгус никогда не предаст его, в отличие от людей. Даже Гаспар и Каролина, которых он любил и расположение которых боялся потерять, поступают с ним подло. Втюхивают ему ненужную невесту. Что же делать? Что? И тут Данте осенило. По посёлку ходили слухи, будто Пия Лозано положила на него глаз, но мало ли что говорят. Лично они не знакомы и такую влюблённость легко победить — надо, чтобы девица в нём разочаровалась. А вдруг она обратит внимание на КLEMENTE? Было бы здорово! Эта новая идея захватила Данте так, что он позабыл об Эстелле. И как он раньше не додумался? А что, Пия — девчонка скромная, симпатичная, а КLEMENTE надо отвлечь от шлюхи из «Фламинго». Он убьёт двух птиц одним выстрелом — избавится от потенциальной невесты и образумит КLEMENTE. Наверняка Клем увлекся Лус, потому что не встречал нормальных женщин. Но вдруг он влюбится в Пию? И вот наступил вечер. Стол уже был накрыт, а Каролина с Гаспаром встречали гостей у входа. Когда Данте пришёл, все сидели за столом. — Добрый вечер, — поздоровался он. КLEMENTE, взглянув на него с опаской, удивлённо приподнял брови — на лице Данте играла улыбка. — Мы только тебя и ждём, детка, — Каролина буквально цвела, рассыпаясь в любезностях. — Знакомьтесь. Это Данте — наш младший сын. А это сеньор Анхель Лозано с дочерью Пией — наши дорогие соседи. — Приятно познакомиться, — Данте, кивнув Пии, пожал руку её отцу, аи присел рядом с Клемом, аккуратно напротив гостей. Анхель Лозано — низкорослый и очень полный мужичок, одетый в белую рубаху и безразмерные штаны — показался Данте каким-то нелепым. Пия Лозано — кареглазая девица в цветастом платье и с пепельно-русыми волосами, заплетёнными в косу, — смущаясь Данте, опустила глаза в тарелку и рассматривала лежащие на ней тушёные бобы с бараниной. На вкус Данте Пия была недурна собой, но простовата. И ещё у неё были некрасивые пальцы с обкусанными ногтями. Данте, предпочитающий ухоженные женские пальчики, поморщился. КLEMENTE вёл себя тихо и под стать Пии не произносил ни слова, уплетая поданное Каролиной блюдо. — Ох, я так рада, что вы заглянули к нам на ужин! — лезла из кожи вон Каролина. — Мы знакомы почти со всеми соседями, но с вами как-то не довелось. — Это потому что мы приехали в «Лас Бестиас» недавно, — объяснил сеньор Анхель. — Мы мало с кем общаемся, особенно дочка. Я-то, конечно, выхожу на люди, а вот Пия сиднем дома сидит. Подруг у ней нет, только вот в церковь ходит да на речку белье стирать. Очень уж скромная она у меня. — Ну что вы, сеньор Анхель, это замечательное качество! Сейчас некоторые особы ведут себя совершенно недопустимо. А Пия такая красавица и такая воспитанная, набожная, — на все лады расхваливала девицу Каролина. — О, она наверняка станет прекрасной женой и матерью! В будущем. — Да уж, в этом я не сомневаюсь, — подтвердил сеньор Лозано. — Да вот боюсь, как же она выйдет замуж-то, ежели она такая нелюдимая? Она ж дома сидит и сидит всё время. Её никто и не видит из женихов-то. — Уверена, вы ошибаетесь, — продолжила Каролина. — Скромную и такую красивую девушку грех не увидеть. Все в посёлке знают, что Пия — настоящий ангел.

— А я вот не собираюсь жениться! — вмешался Данте. — Я не создан для брака, знаете, люблю погулять, развлечься. Ой, а пойти во «Фламинго», так вообще — плёвое дело. Каждую неделю туда мотаюсь.

У сеньора Анхеля на лбу выступила испарина.

— Не при сеньорите обсуждать столь безнравственные места, — попытался он сгладить неловкость. — Да ладно, бросьте, все знают, что такое «Фламинго». Сеньор Лозано, разве

ваша дочь не знает? Это бордель! Хотя да, она не знает, наверное, что такое бордель, — Данте расхохотался. — Да ладно вам, сеньор Лозано, можно подумать, вы туда ни разу не ходили. Все мужчины там бывали. Хотя нет, вру, не все. Вот мой брат Кlemente ни разу не был. Он святой! Всё время меня отговаривает: не ходи туда, да не ходи, это неприлично. Представьте, он хочет жениться девственником, — Данте снова расхохотался, запрокидывая голову назад и раскачиваясь на стуле. Кlemente закашлялся, подавившись бобом. Данте хлопнул его по спине. Каролина, удалилась в кухню, нарочно громко звякая посудой. — Расскажите немного о себе, — обратился к сеньору Лозано Гаспар. — Вы сказали, что приехали недавно. Откуда вы? — Приехали мы с севера, из Корриентеса [1]. Моя супруга, мать Пии, да упокоит Господь её душу, умерла от болотной лихорадки [2]. Мы с Пией не в силах были оставаться там, где всё напоминало о ней. Вот и переехали сюда — в спокойное тихое местечко. Пока отец Пии рассказывал историю своей жизни, дочь, рискнула поднять голову и теперь паялилась в красивое лицо Данте. Тут же раздалось хлопанье крыльев — на плечо к Данте взгромоздилась Янгус. Пия, вскрикнув, закрылась руками. — Да не бойтесь это моя птица. Её Янгус зовут, она как член семьи, — Данте взял со стола грушу и сунул её Янгус в клюв. Каролина водрузила на стол огромное блюдо с жареными бычьими хвостами. — Данте, — укоризненно сказала она, — у нас гости, было б лучше, если б Янгус не сидела сегодня за столом. — Почему это? — Она может напугать наших гостей. — Да, моя дочь до смерти боится птиц, — подтвердил сеньор Лозано. — Я вообще всех животных ненавижу. Они опасные твари, — наконец, у Пии прорезался голос и это стало её роковой ошибкой, убившей в Данте минимальные проблески симпатии. Юноша грубо хмыкнул, продолжая скармливать Янгус фрукт. — Янгус останется со мной. Она мой друг. Я не буду изменять своим привычкам и гнать друзей, только потому что к нам пришли соседи, — отрезал Данте. — Кстати, не выношу людей, которые ненавидят животных. Они злые, — он сверкнул раскосыми глазами, с вызовом глянув на Пию. Кажется, та поняла, что совершила глупость, и опустила глаза. — А я боюсь собак, — сказал Анхель. — Они очень опасны. — Не опаснее, чем люди. Я бы убивал всех людей, которые ненавидят и мучают животных, — добил Данте. — Кстати, никто не хочет женевера [3]? А я хочу. Мама, — обратился он к Каролине, красной от ярости и стыда, — у нас остался женевер? Знаете, сеньор Лозано, я страшно люблю выпить. Иногда напиваюсь так, что валяюсь под столом, — Данте вошёл в азарт и ему стал нравиться тот бред, который он нёс. Интересно, через сколько минут гостёчки убегут, засверкав пятками? — А вот Клем терпеть не может спиртное, он вечно меня пилит, когда я приползаю из кабака. Жуткий зануда! Кlemente разинул рот, собираясь ответить, но, получил от Данте пинок каблуком по ноге и чуть не взвыл от боли. То багровея, то зеленея, Каролина ушла в кухню. Данте встретился взглядом с Гаспаром, и тот ему подмигнул. — Представляете, сеньор Анхель, мои сыновья такие разные, — сказал Гаспар. — Кlemente — серьёзный, честный, ему жениться уж пора. А Данте ещё не нагулялся, он у нас такой ветряный. Да и рано ему пока жениться, он же младшенький. Похоже, Гаспар сжалился над Данте, решив прийти ему на помощь, и на душе у Данте стало легче. Зато у Кlemente отпала челюсть от вероломства отца и брата: он переводил взгляд с одного на другого, но так и не мог придумать как отомстить. Каролина поставила на стол масаморру с мёдом [4]. Руки её дрожали. «Да уж, Гаспару будет несладко после ухода гостей», — подумал Данте. Но он был уверен: супруги помирятся, как только окажутся в спальне.

Во время десерта Данте решил, что сделал достаточно, чтобы отвести от себя невесту,

и больше не осмелился гневить Каролину.

— Вы великолепная хозяйка! Всё было очень вкусно! — похвалил сеньор Анхель Каролину перед уходом. — О, мы бы хотели, чтобы вы пришли к нам ещё, — промямлила она. — Всенепременно. Каролина и Гаспар, улыбаясь, проводили гостей до калитки. Но, только за семейством Лозано закрылась дверь, всю любезность Каролины как ветром сдуло. — Ты чего натворил? — закричала она на Данте. — Ты чего себе позволяешь? Это ж была твоя невеста! После того, что ты устроил, ни один отец, будучи в здравом уме, не выдаст за тебя свою дочь! — Ну и прекрасно! Теперь-то вы от меня отстанете? — нервно поинтересовался Данте. — Я сто раз уже говорил: я не собираюсь жениться на Пии Лозано! Вы не поняли по-хорошему, поэтому я сделал по-плохому. Ещё не хватало мне жениться на животнотеневистнице! Да если она или её папаша посмеют издеваться над животными, я возьму мачете и отрежу им руки. — Ты совсем спятил, да? — Каролина перекрестилась. — Безбожник! Руки он отрезать собрался! Подумаешь, птиц она не любит! Да твоя птица ведь дом загадила, сил уже нет! За что её любить-то? А ты оскорбил приличную невесту! Где ж ты теперь такую найдёшь? Ты агрессивный, потому что тебе пора жениться! — Да не будет он жениться! — вдруг вмешался Клементе. — Не хочет он жениться на этой Пии, потому что у него мозги набекрень съехали от любви к другой. — Чего-о-о? — Каролина выпучила глаза. — Данте, у тебя есть на примете другая девушка? А почему я об этом не знаю? Данте помотал головой, бросив на Клема тяжёлый взгляд и мысленно умоляя его закрыть свой рот. Но Клементе, похоже, решил ему отомстить. — Да потому что его дамочка не из нашего круга, — сообщил он. — Ох, боже мой! Неужто ты влюбился в непотребную женщину? Неужто это Табита?! — всплеснула руками Каролина. — Это не Табита! Я ни в кого не влюбился, отстаньте от меня! — выкрикнул Данте. — Брось, Данте, скажи им правду. Скажи, что ты влюбился в богачку, в дочку нашего алькальда, поэтому и не хочешь жениться на Пии Лозано! — злорадно выдал Клементе. Данте как обухом по голове ударило. Почему Клем не может держать за зубами свой язык? Ведь он, Данте, никому не рассказал, что тот влюбился в проститутку. Зачем же Клем его предаёт? — Чего? Дочка алькальда? Да ты совсем ополоумел! — завопила Каролина. — Я ему говорил, но он не слушает, — добавил Клем. — Ну ничего, меня послушает! — Каролина ходила из угла в угол. — Только этого мне не хватало — скандала на весь город! Отвергнуть такую красавицу, Пию Лозано, ради богатой вертихвостки, уму непостижимо! С аристократами захотел породниться, неблагодарный! Чего ты молчишь? Но на Данте напал столбняк: он прирос к полу, не в силах произнести ни слова и испытывая невероятное чувство унижения. И к сердцу, постепенно, змеёй, подползала жгучая боль. Клементе его предал. А Эстелле он не нужен. И Каролине тоже, раз она так орёт. — Я пойду, пожалуй, к себе, мама. Ужасно устал, а завтра с утра надо быков отгонять, — удовлетворённо сказал Клементе и смотался. — Ежели б ты женился на Пии, она б научила тебя молиться, сделала бы то, чего я не смогла! — продолжила Каролина метать громы и молнии. — Ты — безбожник! В тебя вселились бесы, вот чего! И если мне придётся выбрать между тобой и Богом, я выберу Бога! Я мать, и я знаю, что для вас лучше! О, я уверена, Клементе никогда бы так сделал, потому что он порядочный. Это всё от того, что ты нам не родной! У Клементе всё в порядке с происхождением, а кем были твои родители ещё неизвестно! — Каролина, милая, что ты говоришь? — встрял Гаспар, глянув на смертельно побелевшее лицо Данте. Пытаясь заткнуть Каролину, он схватил её за руки, но она вырвалась.

— Неблагодарная свинья! Мы взяли тебя в дом из жалости, а ты вот чем нам платишь!

Да ты должен благодарить нас за то, что мы сделали твою несчастную жизнь хоть немного лучше! Ты должен стать набожным, должен чтить Бога и жениться на порядочной девушке. А ты бегаешь за дочкой алькальда, на деньги позарился! Оказывается, у нас тут плохо, раз ты рвёшься к аристократам! Или ты будешь делать то, чего тебе говорят, или иди туда, откуда пришёл. Всё, хватит, я устала. Ты — негодный сын! Мне стыдно за тебя перед соседями!

— Каролина, замолчи! — выкрикнул Гаспар. — Я тебе говорила, Гаспар, говорила, что это опасно — брать в дом чужого ребёнка. О, правильно, правильно тогда сказал тот человек, Сильвио Бильосо, — мы с ним ещё наплачемся. Так и есть. Он не боится ни Бога ни Дьявола, ему плевать на всех! Я жалею, Гаспар, что тебя послушалась и взяла его к нам! Данте кинулся на выход, рванув дверную ручку. Выйти из дома удалось не сразу — от шока юноша забыл, в какую сторону открывается дверь. — Ты чего наделала? — Гаспар усадил Каролину на стул, когда Данте, с грохотом проломившись в дверной проём, выбежал на улицу. — Зачем ты это сказала? — Он сам виноват. Чего он устроил? И ты ему подыгрывал! — Потому что в какой-то степени он прав. Мы не должны подсовывать ему невесту, которую он не хочет. — Вот как? Значит, мы должны согласиться с тем, что он хочет жениться на богатой невесте ради её денег? Только через мой труп! — Кто тебе сказал, что ради денег? — А ради чего? О, только не говори, что в дочку алькальда можно влюбиться! Она наверняка страшная и с мерзким характером. Таких любят за их деньги! — Но так нельзя, милая. Женитьба на нелюбимой девушке — это несчастье, тем более если он любит другую. — Перестань, Гаспар. Я уверена, это враньё. Он специально наговорил этот бред нашему сыну, а Клем поверил. Нет никакой богачки. А если и есть, это нереально. Реально жениться на Пии Лозано, очень хорошая девочка. Но теперь её отец ни за что не согласится на этот брак. И будет прав! — Дорогая, выпей водички. Каролина, переведя дух, залпом осушила стакан воды. Данте бежал и бежал в сельву, бежал без остановки. Жестокое слова Каролины звенели в ушах. Он испытывал дикую боль, боль, какую не ощущал уже давно, с момента обитания в «Ла Пиранье», где семейство Бильосо гоняло его из угла в угол. Только сейчас всё намного хуже. Тех людей он не любил. А к этим он привязался, как к родным, поверил им. И благодаря им поверил, что на свете существуют и хорошие люди, а не только твари. И они так подло его предали. Никогда не любили, просто пожалели. И никогда, никогда не считали своим. Страх, что мучил Данте целых пять лет, — страх быть отвергнутым — вмиг стал реальностью. В изнеможении упав на траву, Данте застучал кулаками по земле. Ну почему? Почему он никому не нужен? Всю жизнь его все отталкивают, отшвыривают, будто он бесчувственная деревяшка. И теперь, когда он думал, что обрёл семью, всё оказалось ложью. Как же больно! Даже Эстелла не хочет с ним общаться. Наверное, он сам виноват, с ним что-то не так. Ну не может, не может он быть таким, каким они хотят его видеть! Он пять лет переступал через себя, стараясь всем угодить, ходя каждое воскресенье в церковь и испытывая там чудовищные муки. И опять он один. Все, все люди предатели. Данте лежал на земле, пока его не пробрал озноб. Пришлось вставать. Вытерев слёзы, льющие ручьём, Данте поплёлся обратно к дому. Внутри было темно и тихо. Данте бесшумно пробрался в свою комнату, вынул из-под кровати холщовый мешок и запихал туда свои одежду и книги. Накинув плащ, посадил на плечо Янгус и закрыл входную дверь. Вывел Алмаза из-под навеса и ушёл прочь, не оставив и записки. Данте не испытывал ни злости, ни обиды, только всепоглощающую боль. Куда идти, юноша не знал и сейчас не мог придумать — голову застилал туман.

Небольшой посёлок можно было легко пройти пешком минут за пятнадцать, поэтому

вскоре Данте поравнялся с вывеской «Лас Бестиас». Из глаз вновь потекли слёзы, и Данте прижался щекой к тёплым перышкам Янгус, но это не принесло облегчения. Итак, он уходит отсюда, из места, ставшего ему домом. Места, где он из маленького мальчика превратился во взрослого юношу. Сюда он больше не вернётся. Зачем? Он ведь мешает Гаспару и Каролине жить счастливо, позорит их перед всеми, не чтит бога, не выносит церковь и запреты. Он чересчур свободолюбивый, он плохой. Так пусть они будут счастливы без него.

В последний раз глянув на вывеску и на посёлок, утопающий в предрассветном сумраке, Данте взял Алмаза под узду и двинулся вперёд, навстречу горизонту. Комментарий к Глава 10. Пия Лозано —————

[1] Корриентес — аргентинская провинция, расположенная на северо-востоке страны между Буэнос-Айресом и Асунсьоном (столицей Парагвая).

[2] Болотная лихорадка — малярия. Передаётся через комаров.

[3] Женевер — алкогольный напиток гаучо. Можжевельниковая водка.

[4] Масаморра — сельский десерт на основе маиса, воды, сахара и ванили, также распространён вариант с молоком и мёдом.

===== Глава 11. Белая роза =====

По пояс свесившись с балкона гостиницы «Маска», Данте смотрел вдаль. Вид отсюда открывался на центральную мостовую, и Данте часами разглядывал проносящиеся мимо экипажи, элегантных молодых людей с пудренными волосами и дам в длинных платьях и с крошечными зонтиками в руках. Иногда появлялись и бедно одетые люди: служанки в передниках, сапожники, почтальоны, посыльные. Для Данте, который не видел в жизни ничего, кроме зелёных пастбищ да воздушных облаков над головой, это был новый, неизведанный мир.

Прошло три дня с тех пор, как он поселился в «Маске». В первый день после ухода из «Лас Бестиас» Данте шаркался по округе, не зная, куда податься. У юноши с собой были деньги — золото и серебро, заработанное нелёгким трудом погонщика скота, — и он решил снять комнату в доме гостиничного типа. Обойдя несколько подобных домов, он остановился на этом. Наряду с номерами и меблированными комнатами, что сдавались для любовных утех, в «Маске» имелись комнаты и для длительного проживания. Здесь не было клопов и тараканов, а также соседей с детьми, чему Данте — категоричный ненавистник шума и воплей — был рад безмерно. Апартаменты с балконом, широкой кроватью, софой, комодом, низеньким столиком и зеркальным шкафом располагались в конце коридора третьего этажа. Данте отродясь не жил в такой просторной спальне: ни в «Ла Пиранье», где в его комнатке умещались только кровать да стул, ни в доме Гаспара, где он задевал головой косяки. Хозяин гостиницы сеньор Нестор — добродушный, смешливый мужчина, поначалу воспротивился заселению Янгус вместе с Данте в комнату, но уступил, когда Данте поклялся, что его птица очень воспитана и не долбит дыры в комоды и не подтачивает ножки кровати. Юноша заплатил за месяц пять эскудо, что было весьма и весьма разумной ценой за столь замечательную комнату, и вселился. Он смастерил Янгус жёрдочку — длинную ветку жакаранды, приделанную к двум высоким ножкам. На неё Данте повесил поилку и крючок для фруктов. Алмазу тоже нашлось местечко — в конюшне при гостинице. Накануне Данте, съездив на охоту, поймал двух редкомастных лошадей и продал их перекупщикам за неплохую цену, но в груди его по-прежнему зияла дыра. Данте стоял на балконе уже битый час. Янгус была сегодня необычайно оживлена: лазила по перилам, махала крыльями, взлетала Данте на голову и теребила его за волосы. Помимо боли от потери семьи и

одинокства в сердце юноши когтями ягуара скреблась тоска по Эстелле. Данте засыпал её посланиями с просьбой о свидании. А вчера вечером караулил девушку у входа в церковь, и после мессы пытался привлечь её внимание, в открытую маяча у неё перед носом, но Эстелла сделала вид, что не заметила. На письма она отвечала категоричным отказом. Это сводило Данте с ума, причиняя ему невыносимые страдания. Ну почему всё так сложно? Есть на свете люди, которые живут, не зная бед и несчастий, а у него, что ни день, то проблемы. Семья Гаспара его отвергла, Эстелле он не нужен. А он с каждым днём всё больше влюблялся в эту девушку. Сжав в руке пергамент, где было выведено слово «Нет» — утренний ответ Эстеллы на очередную мольбу о встрече, — Данте прижался к нему губами. На бумагу брызнули солёные капельки. Подняв глаза к небу, Данте попытался заставить слёзы вкатиться обратно. Древние часы со скрипучим маятником пробили восемь — время вечерней мессы. От гостиницы до церкви было идти пешком минут десять. Конечно, на Алмазе он бы доехал за три минуты, но привлекать к себе внимание редкой красотой лошади Данте не хотел. Он запер дверь на ключ и, сопровождаемый Янгус, бегом побежал по аллее. Возле церкви народу собралось немерено. Данте успел к началу, но так и не увидел ни Эстеллы, ни членов её семьи. Он слился с толпой, незаметно положив на паперть красную розу, сорванную на городской клумбе. Прозвонил колокол. Прихожане ввалились в церковь. Данте спрятался за цветущее дерево жакаранды, уселся на землю и стал ждать.

В особняке Гальярдо де Агилар день начался с неожиданности. Поутру, Эстелла, приняв ванну с лепестками фиалки, надела лазурное платье и уже добрых четверть часа, стоя у зеркала, втыкала в причёску черепаховую пейнету [1]. Гребень не желал держаться на голове вертикально, и Эстелла вся обозлилась, как вдруг дом разрезали крики. Бросив пейнету на туалетный столик, девушка побежала вниз.

Ещё издали она услышала голос Хорхелины. Та, толком и не успев вернуться из Палестины, уже закатила истерику. Эстелла спустилась на пару ступенек и замерла на лестнице. Ближе подходить она не рискнула — от диких хорхелининых воплей сотрясались потолок и стены. — Вы не можете так со мной поступить, Роксана! Вы должны принять меры! — вопила оранжевая, как морковь, Хорхелина. — Будьте любезны не орать на весь дом, — холодно отрезала Роксана. — Ведёте себя, как торговка на базаре. Не понимаю, что такого ужасного произошло? — Не понимаете? Ах, вы не понимаете?! — причёска Хорхелины растрепалась и сейчас женщина напоминала отцветший одуванчик. — Я, значит, приезжаю домой, счастливая, красивая, чувствуя себя помолодевшей на пятьдесят лет, — тут Эстелла еле сдержала смех, — думаю, что мой дорогой мужёнок меня ждёт, что он меня обнимет, поцелует. Я ведь так по нему скучала! Я захожу в спальню и что я вижу? Мой муж, мой дорогой Эстебан целуется с горничной! В губы! С грязной прислугой! Променять меня — богиню, на эту подстилку!!! — Может воды, сестрёнка? — предложил маячивший рядом Арсиеро. — Воды? Не надо мне вашей воды! — Хорхелина затопала ногами. — Я требую, чтобы вы немедленно выгнали эту девку из моего дома!!! — Позвольте, но в этом доме хозяйка я, — сквозь зубы процедила Роксана. — И именно я буду решать кого выгнать, а кого оставить. — Она должна уйти сию же секунду!!! — Хорхелина перешла на визг. — Или я за себя не отвечаю! Я её убью!!! — Пойду-ка я переговорю с Эстебаном, — безэмоционально сказал Арсиеро. — Хочу услышать внятное объяснение, а не только ваши вопли, дорогая сестра. Позвольте, — Арсиеро удалился в кабинет, прикрыв дверь. — Ты... ты... её выгонишь, поняла меня? — прохрипела Хорхелина Роксане в лицо. Та вздёрнула

брови. — Не смейте мне тыкать — это, во-первых! И во-вторых, не смейте мне указывать, что я должна делать в собственном доме. Вы тут не хозяйка, всего лишь гостья, так что ведите себя соответственно. — Я сестра Арсиеро! И если ты не хочешь остаться без мужа, ты сделает то, что я велю я, — сжимая кулаки выдавила Хорхелина. — Что-о-о? Не смей так со мной разговаривать, хамка! — Роксана стала похожей на ошетилившегося дикобраза. — А вот посмею! — прорычала Хорхелина. — Говорю в последний раз: тебе придётся выгнать эту подстилку, эту горничную из дома. — Вот теперь я точно её не выгоню! — глаза Роксаны превратились в две узкие полоски. — Тогда я скажу Арсиеро, что ты убийца. — ЧТО? — Что слышала. Думаешь, я ничего не знаю? Я не такая дура. У меня есть не только уши и глаза, но ещё и мозги, и я умею сложить одно с другим. Ты убила своего первого мужа, ослабив ему подпругу. Ты сделала это намеренно, чтобы остаться вдовой, а потом выйти замуж за моего брата. Тогда он уже был членом Кабиљдо, его вот-вот должны были избрать в алькальды, и ты захотела стать первой дамой, мегера. Роксана покрылась зелёными пятнами. — Да, я прекрасно всё знаю, — продолжила Хорхелина. — Я слышала твой разговор со старухой Бертой. Она, конечно, карга, но не дура. Она знает, где собака зарыта. Ты убила отца своих дочерей, и если ты не выгонишь горничную, я расскажу об этом всем. Эстелла в ужасе прижала пальцы к губам, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Нет, это неправда! Её мать убила отца... Быть не может!

— Закрой рот! Не смей нести эту чушь! — прошипела Роксана. — Если ты думаешь, что способна со мной справиться, то ты ошибаешься. Я раздавлю любого, кто встанет у меня на пути! И не смей меня шантажировать, мерзавка, я тебя не боюсь! — Роксана пошла грудью на Хорхелину. Та попятилась, споткнулась о ковёр и упала на пол. — Значит, ты считаешь меня убийцей? Прекрасно! Но ведь я могу убить и тебя!

Хорхелина сглотнула, пытаясь отползти в угол, но Роксана наступила каблуком на подол её платья. — Так вот, я тебя убью! Я тебя уничтожу, размажу о стену! Ты не знаешь, с кем связываешься. Всё, ты меня вывела, милочка, советую собирать вещички. Арсиеро скоро попросит тебя съехать отсюда или тебя из этого дома вынесут вперёд ногами, — Роксана, пнув Хорхелину, отошла от неё. — Да, кстати, Либертад останется. Мне глубоко безразлична судьба этой служанки, пусть она горит синим пламенем, но ты, дорогуша, совершила огромную ошибку. В этом доме хозяйка я. И если ты ещё раз откроешь свой рот, ты отправишься на тот свет, поняла? Хорхелина боязливо кивнула, проглатывая слёзы. — Вот и отлично! Значит, мы всё уладили. Иди к себе, дорогуша, и приведи себя в порядок, а то ты похожа на помоечную шавку, — Роксана развернулась и ушла прочь. Эстелла не чувствовала ног и не помнила, как добрела до спальни. Очнувшись, сидя на полу у себя в комнате и прижимаясь спиной к двери. Разум её никак не переваривал новую информацию. Хорхелина обвинила маму в убийстве папы. И мама этого не отрицала, наоборот, стала угрожать убить и Хорхелину. Мама — убийца... Убила папу. Этого не может быть... Как же так? Её мама убийца. Нет, невозможно. Мама, конечно, строгая, своенравная, но чтобы убить... Наверняка Хорхелина это специально выдумала. Но почему же мама не отрицала? Несколько часов Эстелла рыдала навзрыд. И даже к завтраку не спустилась. Да и состоялся ли он? Там внизу теперь скандал нешуточный. Хоть мама и заткнула Хорхелину, но и Эстебану, и Либертад, скорее всего, тоже досталось. Утерев слезы, Эстелла отправилась в кухню. Никого там не застала. В доме царила тишина, такое впечатление, что все вымерли. Эстелла понятия не имела, куда все делись, да и была не в состоянии о чём-то или о ком-то думать. Взяв яблоко, она сунула его в рот и вышла на улицу через чёрный ход. Бродила по городу она до сумерек,

глазая на прохожих, вспоминая маму и Хорхелину, и плакала. Потом вспомнила о Данте. Вот бы сейчас он был здесь. Утешил бы, обнял, как в детстве. Её самый близкий друг... Последние дни Данте осаждал Эстеллу письмами с мольбами о встрече. Нервы девушки были натянуты, как струны испанской гитары. Вчера она написала лишь коротенькое «нет», и пожалела об этом тут же. Сердце Эстеллы разрывалось от тоски по Данте и от страха. А теперь ещё и мама... Эстелла не заметила, как добрела до церкви. Месса уже давно закончилась. Теперь дома её хватились и ищут, но девушке было всё безразлично. Она прошла мимо церкви, почти впритык, и резко остановилась. На паперти лежала красная роза. Девушка огляделась по сторонам, убедилась, что поблизости нет прохожих, и ринулась к цветку. Кроваво-красный бутон благоухал так, что у Эстеллы голова закружилась. К шипам была прицеплена записка со всего одним словом: «Пожалуйста». Такая робкая мольба окончательно выбила Эстеллу из колеи. В детстве они с Данте договорились оставлять на паперти розу в знак возможности или невозможности встретиться. Он ждёт её сейчас. И она не может не пойти. Прижав цветок к груди, Эстелла бросилась вперёд. По дороге заметила пару кустов с розами. Сорвала одну и помчалась дальше.

Данте дождался окончания мессы, но Эстеллу так и не увидел. Роза осталась лежать на паперти. Опустив голову, юноша побрёл прочь, пиная камушки. Возвращаться в «Маску» не хотелось и ноги сами привели его к реке — излюбленному с детства месту. Чувствуя себя разбитым, совсем больным, Данте устало сел на землю и уткнулся носом в колени.

Находился он в такой позе, пока не заломило шею. Тогда Данте закутался в пала, провёл рукой по траве, и та осветилась малиновым. Как давно он не использовал магию! Только зачем она ему? Что с ней, что без неё, он один на целом свете. Данте лёг на спину и уставился на звёзды, висящие низко над головой. Янгус примостилась на дерево, издавая гортанные звуки, похожие на бурчание. Данте потихоньку погрузился в дремоту, но вдруг ощутил невесомое щекотание, будто на лицо ему села бабочка. Уловил носом приятный аромат. Распахнул глаза. Рядом сидела Эстелла и водила бутоном розы по его губам.

Данте резко сел. Эстелла застенчиво улыбнулась в ответ на его горящий взгляд. — Эсте... — Привет. Не думала, что ты ещё помнишь наш сигнал с розами. — Да... помню... — Тогда это тебе! — весело сказала Эстелла, протягивая Данте белую розу. Данте схватил цветок, зацепив руку Эстеллы пальцами, и покраснел. Пришла. Она всё-таки пришла! Эстелла не сводила с него глаз. На душе сделалось так легко, так хорошо. Весь страх куда-то ушёл. И чего она боялась? Вот дура! А Данте испугался, что Эстелла опять сбежит. Если он сейчас сделает что-нибудь не так, она уйдёт и больше не вернётся. Разочаруется в нём окончательно так же, как Каролина, Кlemente и Гаспар. При воспоминании об этом в груди снова кольнуло. Данте уцепился одной рукой за траву, второй прижимая к себе розу, и уставился куда-то в пространство. — Что с тобой? — спросила Эстелла. — Ничего. — Ты же хотел со мной поговорить, столько записок написал, а сейчас молчишь. — Да... — Так вот, я пришла. Что ты хотел мне сказать? — Не знаю... — Данте, ты какой-то странный. И вообще что ты тут делаешь ночью? Разве тебя не ждут дома? Ты же живёшь далеко отсюда. — Я теперь живу здесь, недалеко, в гостинице. — Почему? — искренне удивилась Эстелла. Данте закусил губы, но слёзы против воли брызнули из глаз. — Данте, Данте, — Эстелла погладила его по плечу кончиками пальцев, — у тебя что-то случилось? Он нервно кивнул. — Да... они... они... меня прогнали... — Кто? — Моя семья. Они сказали, что я им не родной... что взяли меня из жалости... и я ушёл, — пробормотал Данте. — Но ты говорил, что они

хорошие люди. — Да, хорошие, только я им не нужен. Эстелла, протянув руку, вытерла слёзы со щёк Данте. — Не плачь, не надо, всё наладится, вот увидишь. Данте ухватил её за запястье. — Только не убегай, пожалуйста, — прошептал он. — Не уходи больше, не бросай меня. Хотя бы ты не бросай меня... — Я не уйду, не уйду, — Эстелла, обняв юношу за голову, притянула его к себе, взлохматила ему волосы. Чуть погодя Данте успокоился, тычась носом Эстелле в шею и вдыхая аромат фиалок. — Почему ты так долго не приходила? — Боялась. — Боялась? Меня? — Нет, себя... того, что чувствую. Данте поднял голову. Взгляды их встретились. — А что ты чувствуешь? — выдохнул он одними губами. — Это сложно объяснить. Почему ты хочешь это знать? — Потому что я тоже это чувствую... Синие глаза, в которых смешались лёд и пламя, боль и нежность, сияли в темноте. Взгляд Данте, изучив лицо Эстеллы, остановился на губах. Сердечко у девушки ёкнуло. Но сегодня она не испытывала страха или желания убежать. Разлука пошла на пользу. И в конце концов, она же грезилась об этом! Она хотела этого всякий раз, как читала о любви в книгах. Данте приблизился, провёл губами по её губам, легонько, совсем чуть-чуть. И тут же отпрянул, ожидая чего угодно, включая брань, крики и оплеухи. Но Эстелла не шелохнулась. Глаза её были закрыты. Она чуть приоткрыла рот, ожидая продолжения. Данте, осмелев, нежно поцеловал девушку в губы, в щёки, спустился на подбородок и опять отстранился, не веря, что Эстелла позволяет такие выходки. Эстелла же вся трепетала от предвкушения, и вместе с тем была раздосадована. Ну чего он медлит? Ясно же, что она не убежит. Вздохнув от нетерпения, Эстелла запустила пальцы Данте в волосы, чуть притянула его к себе, давая понять, что хочет большего.

У Данте в мозгу что-то щёлкнуло, полетели красные птички. Прижав Эстеллу к себе, он накрыл губами её губы. Это был самый счастливый момент в его жизни. Неужели это всё наяву? Столько раз он видел во сне, как целует Эстеллу, и вот сон вдруг сбывается.

Ласковые, страстные, такие желанные поцелуи Данте были гораздо, гораздо слаще самой смелой фантазии Эстеллы. Это продолжалось долго, и Эстелла опьянела, превратилась в безвольную тряпичную куклу. Если бы он захотел, он бы мог сделать с ней всё, что угодно. Данте уловил это её состояние. Его Эстелла, теперь по-настоящему его. Такая искренняя, милая. Нет, он не станет пользоваться моментом. Он никогда не причинит ей боль, не обидит её. Никого он ещё так не любил, как эту девочку, чьи робкие ласки были несравнимы с ласками шлюх из «Фламинго». Пропади они все пропадом! Ему нужна только Эстелла. Он любит её с двенадцати лет. Почувствовав, что Эстеллу слегка знобит, Данте немного отстранился, шепча девушке в рот: — Эсте, ты замёрзла? — Не знаю... Он притянул её к себе, закутывая в плащ. Долго ещё они сидели в объятиях, прижимаясь щеками и губами другу к другу. — Боже мой, что происходит? Мы сошли с ума, — пролепетала Эстелла. — Ну и что? Мне так хорошо с тобой, Эсте. — И мне... О, боже мой, у меня такое ощущение, будто я пьяная. Я ничего не соображаю, — рассмеялась Эстелла. — Как же я обо этом мечтал! — Данте потёрся щекой о затылок девушки. На губах его играла улыбка от ощущения безграничного счастья, окатившего с головы до ног, будто огромная морская волна. Утопая в тёплых объятиях и кутаясь в широкий плащ, Эстелла и Данте не заметили, как пролетело время. Отломив от белой розы ножку, Данте закрепил бутон у Эстеллы в волосах. Девушка смеялась, забыв обо всём на свете, прижималась к Данте, ощущая такой любимый с детства запах мяты, чувствовала сквозь рубашку, как бьётся сердце юноши. Весь мир умер, остались только они вдвоём. Но постепенно разум вернулся в затуманенную голову Данте. На небе светила луна — круглая, огромная, похожая на поджаристый пирог. Сейчас не меньше

одиннадцати часов, и Эстелле наверняка влетит за позднюю прогулку. Что если её опять накажут и он больше её не увидит? Расставаться с девушкой Данте не хотелось. Была бы его воля, он бы никогда её не отпустил, но он и понимал, что это чревато последствиями. — Эсте, я ведь так и не знаю, как ты здесь оказалась. Я ждал тебя у церкви, когда положил розу, но так и не дождался. — Потому что я не была на мессе. — Но как же ты сюда попала? Как ты нашла розу? Тебя не хватают дома? — Хватятся. Думаю, уже хватились, но мне всё равно. Я не хочу возвращаться домой. — Почему? — Я сбежала оттуда утром и бродила по улицам. Потом пошла к церкви и увидела твою розу. И пришла сюда. — Ты одна бродила по улицам весь день? — Данте встревожился, глядя Эстеллу по растрёпанным волосам. — Как же так? Эсте, у тебя дома что-то случилось? — Угу... — Не расскажешь? — Расскажу, — она горько вздохнула. — Кому я ещё могу довериться, кроме тебя? Я... я случайно услышала такое... у меня это в голове не укладывается. Хорхелина, сестра моего отчима, обвинила маму в убийстве папы. — Как это? — Помнишь, в детстве я тебе рассказывала, что мой папа умер, упав с лошади? — Да. — Так вот, тётя Хорхелина и бабушка считают, что мама специально ослабила ему... как это называется... подпругу или седло... ну, чтобы он упал. Они думают, мама его убила специально, чтобы избавиться от него и выйти замуж за Арсиеро, потому что она хотела стать первой дамой. Данте легонько сжал пальцами эстеллины плечи. — Эсте, то, что ты говоришь, это очень серьёзно. Ты уверена?

— Я не знаю, я ни в чём не уверена и ничего не понимаю. Я случайно это услышала. Хорхелина шантажировала маму тем, что расскажет обо всём Арсиеро. Но мама... она... она... повела себя очень странно. Она стала в ответ угрожать Хорхелине, что убьёт её. Она не отрицала, понимаешь? Данте, мне страшно! Вдруг это правда? Я испугалась и убежала из дома тайком. Они, наверное, меня ищут, но я не хочу туда возвращаться. Я уже не знаю, что и думать, я за целый день столько всего надумала. Хорхелина вполне способна наврать, но она, она сказала, что бабушка тоже думает, что... это мама... — Эстелла обняла Данте за талию. Как же хорошо, что он у неё есть и она может ему обо всём рассказать. Она не одна.

— Знаешь, что, — сказал Данте через паузу, — я думаю, если бы твоя мама была виновата, она бы повела себя иначе. Раз она проигнорировала обвинения, скорее всего, она решила взять шантажистку на испуг. — Ты думаешь? — в сердце Эстеллы затеплилась надежда. — Ммм... не скажу, что уверен, но, понимаешь, человек, который виноват, так себя не ведёт. Она бы испугалась, стала юлить, оправдываться, доказывая свою невиновность, и потом уступила бы шантажистке. А она уступила? — Нет... — Вот видишь. Значит, она не боится, что та расскажет кому-то. Я не знаю твою маму, но в данном случае она вела себя, как невиновный человек. А если она блефовала, будучи виноватой, то тогда она чудовище. Но ведь чудовище твоей мамой быть не может, не так ли? — Нет, мама не чудовище. Она хорошая, просто строгая, любит соблюдать всякие правила, читать нотации, но она не плохая. — Конечно, плохая мама не воспитала бы такое чудо, как ты... — Данте потёрся щекой о щеку Эстеллы. — Знаешь что? Поговори об этом с бабушкой. Вдруг ты что-то не так поняла, а она тебе всё объяснит. — Да... — задумчиво протянула Эстелла, — ты прав. Как хорошо, что я тебе это рассказала. Мне стало легче! Я поговорю с бабушкой и всё выясню. Только вот... я смертельно не хочу идти домой, а надо... — Ты устала? — Угу. — Бедная моя девочка... Раз ты с утра бегаешь по всей округе, ты, наверное, и есть хочешь? — Если честно, то да, — Эстелла покраснела, зарываясь лицом в грудь Данте. — Я даже не завтракала. — Вот что, пойдём-ка со мной. В доме, где я живу, есть отличный трактирчик. Там кормят очень вкусно. Мы поужинаем, ты согреешься, а потом я довезу тебя до дома. —

Данте, ну я не знаю, — от такого предложения Эстелла растерялась. — Я и денег с собой не взяла. — Ты меня обидеть хочешь? — Данте сердито встряхнул головой. — За ужин платить буду я! Пойдём. Эстелла не стала спорить. Организм безотлагательно требовал сытной еды и тёплой постельки. Когда она вернётся домой, что там её ждёт — неизвестно. Будет не лишним поужинать, дабы не спать голодной. Данте присвистнул, подзывая Янгус. Птица, слетев с дерева, уселась хозяину на плечо. Обнимая одной рукой Эстеллу и кутая её в плащ, а другой подсвечивая дорогу, Данте пошёл к мосту. Эстелла обхватила его за талию и едва перебирала ногами. Янгус, ревниво ворча, тянула Данте за волосы. Спустя четверть часа юноша и девушка уже сидели в трактире. Уютное заведение с камином и деревянными столиками понравилось Эстелле. Тем более, что столик они заказали в отдельном кабинете за перегородкой. На ужин были морепродукты. Эстелла лопала рыбу и мидии, слегка клюя носом. Зато у Данте аппетита не было, он почти не притронулся к еде. Опьянев от любви, он никак не мог налюбоваться на уплетающую за обе щёки Эстеллу. Какая же она красивая! — Данте, что с тобой? Почему ты ничего не ешь? — удивилась Эстелла. — Всё так вкусно, с ума сойти! — Я не хочу. — Ты какой-то странный. — Вовсе нет. Просто мне нравится на тебя смотреть. Девушка покраснела. — Ну съешь хоть что-нибудь, а то я чувствую себя неловко. Дабы сделать Эстелле приятно, Данте через силу проглотил мороженое, хотя сладкое и не очень жаловал. — Мне наверное пора, Данте, — грустно сказала Эстелла, когда с ужином было покончено. — Жутко не хочется, но мне надо домой.

— Я знаю... Я доведу тебя на Алмазе. Ты устала, пешком не дойдёшь.

— Угу. Данте, положив на столик под салфетку несколько серебряных монет, набросил на Эстеллу свой плащ. У выхода из кабинета он не сдержался, прижал девушку спиной к стене и покрыл её поцелуями. — Данте, что мы делаем? Не надо, это слишком... слишком быстро, — промямлила Эстелла, когда губы Данте спустились на её шею. — А зачем медлить? По-твоему это быстро? Мы знакомы пять лет. — Но тогда мы были детьми. — Всё равно это была не дружба, мы не понимали, вот и всё, — Данте чуть потянул корсаж Эстеллы вниз, открывая ей плечи. Она вся дрожала, разрываясь между страхом и желанием. Боже, что она творит! Как стыдно! Совсем с ума сошла! — Данте, умоляю, остановись... — Тебе не нравится? — Мы зашли слишком далеко, перестань... Данте зарылся лицом в эстеллины волосы. — Что ты со мной делаешь, Эсте? Я тебя люблю, так люблю, — прошептал он Эстелле в ушко. Ощущение невероятного счастья разлилось по телу девушки. Как же она мечтала это услышать, услышать именно от Данте! И вот он сказал эти слова. Он её любит! Любит! Эстелла в ответ расцеловала Данте в обе щёки, шепнув: — И я... — и спрятала пылающее лицо у него на груди. Данте находился в каком-то дурмане, что струился по телу от кончиков ресниц до кончиков пальцев. Она его любит! За эту коротенькую фразу он мог бы отдать всё, что угодно, и пережить сначала всё, что угодно, только бы услышать вновь это робкое признание. — Мы ведь больше не расстанемся, правда? — Данте крепко прижал девушку к себе. — Ни за что! Покинув трактир, Данте вывел из конюшни Алмаза, и спустя десять минут влюблённые остановились у белого особняка. Эстелла вернула плащ. Данте обратил внимание, что она изменилась в лице. — Что с тобой, Эсте? — Ничего, я боюсь возвращаться домой. Я не знаю, что сейчас будет. Мама, наверное, меня разорвёт на кусочки. Данте обнял дрожащую девушку. — Успокойся, пожалуйста. Я бы так хотел тебе помочь, но не знаю как. — Нет, ты уже мне помог, очень помог. Теперь я знаю: что бы не произошло, у меня есть ты. Только умоляю, отпусти меня сейчас. Кто-нибудь может увидеть нас в окно, например, моя сестра. А она такая гадина! Данте, я должна идти. Он разомкнул

объятия. — Когда мы увидимся? Эстелла едва не разревелась. — Данте, не спрашивай меня об этом. Клянусь, я не знаю. Я оставлю розу на паперти. — Ты ведь теперь знаешь, где я живу, так? — Угу. — Если мы разминёмся, ты можешь передать мне записку или розу через хозяина «Маски». Его зовут сеньор Нестор. Он добрый человек. А я пришлю к тебе Янгус завтра к вечеру, чтобы узнать как ты. — Да, хорошо. А теперь я пойду. Эстелла побежала к дому не оглядываясь. Данте, закусив губы, смотрел ей вслед. Если бы он мог ей хоть чем-то помочь, но тут даже волшебство бессильно. Комментарий к Глава 11. Белая роза —————

[1] Пейнета — гребень, который носили женщины в Испании и странах Латинской Америки. Изготавливалась из слоновой кости или черепахового панциря. Размер исторической пейнеты — обязательная высота в 20 сантиметров. Цвет — чёрный или коричневый (для замужних женщин), белый или кремовый (для незамужних). Носили её строго по центру головы — никаких «налево», особенно для замужних, не допускалось даже в такой мелочи, как закалывание гребня.

===== Глава 12. Кипяток =====

Эстелла обошла особняк кругом, решив зайти в него также, как выходила, — через кухню. Может, там она встретит прислугу или бабушку и они помогут ей придумать какое-то оправдание? Только бы всё получилось! Только бы на кухне оказались Либертад или бабушка Берта. Надежда безумная. Скандала избежать нереально, но вдруг ей повезёт? Если она войдёт в главный вход и сразу напорется на Роксану, нервы её не выдержат, и она выскажет матери в лицо всё, что слышала утром. Нельзя этого допустить! Да и на кого она сейчас похожа: растрёпанная, с розой в волосах и блеском в глазах, с ещё не остывшими на губах поцелуями Данте. У неё на лице явно написано, где она была и что делала.

Эстелла, вытащив из причёски розу, воткнула её в корсаж. На цыпочках прокралась на чёрную лестницу. Отворила дверь в кухню. Внутри горели свечи. На огне подпрыгивали чугунные котелки. Бабушка Берта, Урсула и Лупита сидели за столом и пили чай. — Ах, дорогая, вот и ты! — воскликнула Берта. — А я уж начала волноваться. Сейчас только не хватает, чтоб и с тобой чего-нибудь приключилось. Ты ходила на вечернюю мессу? — Да, бабушка. А потом... потом решила прогуляться пешком, засмотрелась на экипажи... Ночью город такой красивый, — сочиняла Эстелла на ходу. — Ну, слава богу, ты воротилась! Да мы так и подумали, что ты пешком идёшь. — И мама? — Какая мама? Ах, твоя мама, ну да. Мы все решили, что ты на мессе. Куда же ты ещё могла пойти? Кроме тебя туда никто сегодня и не ходил. Хорхелина застучала Эстебана с Либертад, представь себе, дорогая, — смаковала подробности бабушка. — Её аж перекосило всю с расстройства. У ней рот съехал на бок. И теперь она стала ещё страшнее, чем моя жизнь. Лекарь вот приходил, сказал что это нервное. Лупита и Урсула хором прыснули со смеху. Эстелла не верила своим ушам. Значит, они даже её не искали? Вот это везение! — Присоединишься к нам? — лукаво спросила Берта, рассматривая взъерошенную внучку. — Заварить тебе чайку? — Нет, бабушка, спасибо. Я пойду к себе, пожалуй. Шла пешком, мозоли натёрла, — наврала Эстелла. — Ну, иди отдыхай, — довольно сказала Берта. У Эстеллы создалось впечатление, что бабушка обо всём догадалась. Да, её не проведёшь! В гостиной, кроме Либертад, вытирающей с мебели пыль, никого не было. Погруженная в свои думы, юную хозяйку она не заметила. Эстелла пошла по лестнице, и вдруг на неё с размаху налетела Хорхелина. — Уйди с дороги, соплячка! Вся в мамашу! — завизжала Хорхелина, грубо отпихнув Эстеллу в сторону. Рот её и вправду был слегка перекошен на бок. Хорхелина унеслась вниз, топая каблуками, как лошадь на скачках. Эстелла, проводив её взглядом, поспешила к себе и вскоре уже

принимала ванну с пеной. Судорожно мечущиеся в голове мысли чуть-чуть успокоились, нервная дрожь прекратилась и, вдыхая аромат роз и фиалок, Эстелла погрузилась в состояние неги. Провела пальцами по губам. Данте... Её Данте и безумный, незабываемый день, начавшийся так ужасно и окончившийся так восхитительно. Значит, в книгах пишут правду: любовь есть. Эту любовь она чувствует сейчас каждой клеточкой тела. Поразительно, что находясь в доме Данте, она не натворила глупостей. Просто Данте вёл себя деликатно, но будь он настойчивей, сегодняшнюю ночь она провела бы в его постели. Эстелла вылезла из ванны и остановилась перед большим, до пола, зеркалом, рассматривая себя обнажённой. Тонкая талия, округлая грудь, крутые бёдра. Интересно, Данте счёл бы её красивой, если бы увидел вот такой, совсем беззащитной? По телу Эстеллы побежала дрожь, когда она представила эту картину: вот она стоит перед Данте нагая, он смотрит на неё с желанием, он ласкает её, прижимает к себе, покрывает поцелуями с головы до ног, делает её своей... Боже, и о чём она думает? Набросив ночную рубашку цвета фисташки, Эстелла блаженно вытянулась на кровати. Тёмные, мокрые волосы рассыпались по белым простыням, и девушка погрузилась в дремоту.

В гостиной Либертад вытирала пыль, напевая себе под нос легкомысленную песенку. Когда Хорхелина промчалась мимо и скрылась в направлении кухни, Либертад лишь пожалала плечами. Супруга Эстебана никогда не заходила на кухню, уверяя, что в этом «зловонном» месте её хрупкий организм не выдержит ни секундошки. Видимо, Хорхелина совсем с катушек съехала. Или двери перепутала от злости. Либертад не чувствовала себя виноватой, считая, что имеет на Эстебана такие же права, как и Хорхелина.

Раздался топот — это Хорхелина неслась обратно. Либертад и ахнуть не успела, как соперница влетела в гостиную, сшибая стены и дверные косяки. В руках Хорхелина держала дымящийся котёл. — Ну подстилка, ты дождалась! — прохрипела она. — Раз никто в этом доме не принимает меры, я приму свои! Хорхелина с воплем: «Сдохни, мерзавка!» подлетела к Либертад и попыталась вылить на неё содержимое котла. Либертад, вскрикнув, отпихнула её в сторону. Хорхелина наступила каблуком на подол, пошатнулась и вместе с котлом грохнулась на пол. Котёл отлетел в сторону, а всё его содержимое — кипяток — оказалось на Хорхелине. И та истошно заорала. Либертад прикрыла лицо руками. Пальцы у неё были красные — часть кипятка попала и на неё. На крики из кухни прибежали Урсула и Берта, а из кабинета выглянули Эстебан с Арсиеро. — Что случилось? — Эстебан покосился на извивающуюся на полу Хорхелину и подлетел к Либертад. Взяв её обожжённые пальцы в свои, он стал на них дуть. — Она... она... хотела меня убить, — выдавила горничная. Арсиеро поднимал Хорхелину с пола, но та визжала и корчилась. — Сестра, прошу вас, успокойтесь! Объясните что произошло? — Это больная прибежала на кухню, как схватит с огня котёл с кипятком и утащила его, — встряла Берта. — Я, Урсула и Лупита пили чай на кухне, мы троём — свидетели. — Но я всё равно ничего не понимаю. Почему она вылила кипяток на себя? — спросил Арсиеро. — Я... я... это её толкнула... оттолкнула от себя, — дрожащим голосом промямлила Либертад. — Она хотела меня облить... — Враньё! — прохрипела Хорхелина. — Это она хотела меня обварить. Она видела, что я несу кипяток, и толкнула меня специально. — Это неправда! — всхлипнула Либертад. — Я к ней даже не подходила... она... — Закрой рот, служанка! — на лестнице появилась Роксана. Следом за ней нарисовались Мисолина в васильковом платье и сонная Эстелла, на бегу запахивающая пеньюар. — Что здесь случилось? — Эстелла оглядела валяющуюся на полу Хорхелину и рыдающую Либертад. — Не вмешивайся, тебя это не касается! — приказала Роксана. —

Значит так, Урсула, отправь посыльного за лекарем для сеньоры Хорхелины, а сама иди в жандармерию! — Но дорогая, зачем? — не понял Арсиеро. — Что здесь непонятного? — властно отозвалась Роксана. — Твою сестру обварили кипятком, её надо лечить. А ту, что это сделала, — в тюрьму. — Но я этого не делала! — в отчаянье выкрикнула Либертад. — А я видела, — холодно сказала Роксана. — Так что закрой рот, служанка. Твоё место в тюрьме. Эстелла от возмущения не смогла выдавить ни звука, хотя и жаждала вмешаться. Эстебан и Берта увели Либертад на кухню. Эстелла ушла следом за ними. Урсула побежала в жандармерию. Арсиеро, подняв Хорхелину на руки, потащил её наверх. Роксана и Мисолина остались в гостиной вдвоём. Поправив причёску, Роксана прошлась туда-сюда, цокая каблучками. — Мама, а что теперь будет? — спросила любопытная Мисолина. — Ничего особенного. Хорхелина останется уродкой, а может и умрёт от ожогов, а служанка пойдёт в тюрьму. Наконец-то наш дом избавится от двух позорных наростов. Всё складывается на удивление замечательно! Мисолина злорадно хмыкнула. Сейчас она как никогда напоминала свою мать. Либертад сидела в кухне, уронив руки на колени. За её спиной стоял дядя Эстебан. Берта что-то варила на огне в небольшом котелке. Как только Эстелла вошла, все трое повернули головы.

Лицо у Либертад опухло от слёз. Дядя Эстебан тоже был взвинчен, у него дрожали губы, хотя он и пытался сохранить внешнее спокойствие.

— Что там, дорогая? — спросила Берта. — Ничего. Урсула ушла за жандармами. Берта вздохнула, продолжая мешать в котле какую-то зелёную кашу. Эстелла присела рядом с Либертад. Та вся дрожала. — Либертад, не расстраивайся, — утешительно сказала Эстелла. — Это ужасно, я понимаю, ты испугалась, но так ей и надо. — Вот и я говорю, — встряла Берта. — Поделом! А они раньше времени впадают в панику. — Если она умрёт, меня посадят в башню, — прошептала Либертад. — Ну и бред! — возмутилась Берта. — Не неси чушь, какая ещё башня? Это она хотела тебя облить кипятком, а ты защищалась. За что ж тебя в башню? Либертад разрыдалась. Дядя Эстебан погладил её по плечу. — Не вой, — продолжила Берта, — тебе, считай, повезло. Хоть цела осталась. Вот сейчас сварю мазь и намажем твои пальцы. Они мигом и заживут. — Роксана весь день рвала и метала, — сипло произнёс Эстебан. — Либертад осталась в доме, потому что Роксана по какой-то причине ненавидит Хорхелину неизмеримо больше. — А теперь она хочет отделаться от них обеих, — закончила мысль Берта. — Но мы не позволим. Мы все свидетели. И я, и Урсула, и Лупита, мы здесь сидели и видели, как примчалась Хорхелина и утащила котёл с кипятком. Мы защитим Либертад. — Спасибо, — Либертад головой прижалась к руке дяди Эстебана. Берта, сняв котёл с огня, вывалила в тарелку его содержимое — зелёную вязкую кашу. — Это мазь из кактуса. Сейчас остудим и помажем твой ожог, — сказала она. — Пока остывает, я сделаю всем матэ. Ночка предстоит долгая. Эстелла опустилась на стул, провела рукой по ещё влажным волосам. Ну и денёк! Вот взяли и вытащили её из постельки, не дали помечтать! Теперь придётся ждать жандармов и утешать Либертад. Знала бы заранее, осталась бы с Данте. Позволила бы ему целовать себя ещё, бесконечно... Нет, она же приличная сеньорита, в конце концов! Она и так чересчур многое знает для своих лет. И всё из-за медицинских книжек, которая она тайком почитывает. Большинство девушек, выходя замуж, не имеют ни малейшего представления о поцелуях и ласках. А она весь вечер только об этом и думает. Совсем свихнулась! Мама упала бы в обморок, если бы могла прочитать её мысли. Вздыхнув, Эстелла закрыла глаза, вспоминая Данте. Его голос... его губы... его запах... Она не заметила, что бабушка вот уже несколько минут пристально изучает

выражение её лица. В глазах Берты появился хитрый огонёк.

За ночь Данте так и не сомкнул глаз. Его любовь. Его Эстелла. Такая красивая, такая нежная.... Как бы он хотел сжать её в объятиях и всю ночь вдыхать её запах, и целовать, целовать... Хотя они и ровесники, но Данте чувствовал себя неизмеримо старше и опытней, наверное, потому что видел и худшие стороны жизни. А Эстелла совсем девочка. Хрупкий комнатный цветок, не знающий холода и грязи. Её наивное сердечко ещё не испытало боли и ужаса, ещё не принадлежало никому. И Данте, который смертельно устал от распутных женщин, это сводило с ума. Удивительно, но вчера ему даже в голову не пришло увлечь Эстеллу за собой. Всего-то нужно было подняться на три этажа вверх, и она бы осталась с ним до утра. Нет, так нельзя! Он слишком её любит, слишком уважает и боится потерять, чтобы к чему-то принуждать. Всё должно произойти само собой, когда Эстелла сама этого захочет. С утра Данте собирался охотиться на лошадей, но никак не мог стряхнуть с себя сладостную истому. Ему казалось, будто у него дымятся мозги, и позже он понял, что это ощущение реальное: из пальцев валил красный дым, а с кончиков волос сыпались искры. Такое бывало с ним после сильного эмоционального потрясения, от приступа неконтролируемого гнева или от посещения церкви, но от поцелуев с женщиной — никогда. Проведя рукой по лбу, Данте сделал вывод, что у него жар.

Он заставил себя встать с кровати, подошёл к Янгус, ковыряющей банан, и погладил её по грудке. Птица издала звук, похожий на шипение, выражая недовольство тем, что этот безумный, дымящийся и искрящийся субъект не даёт ей спокойно поесть.

— Янгус, миленькая, пожалуйста, отнеси весточку Эстелле, — взмолился Данте. — Дс вечера я не доживу. Янгус, ну пожалуйста. Янгус, встряхнув крыльями, покосилась на Данте одним глазом и продолжила клевать банан. Чертыхаясь, Данте потратил добрых минут десять на поиски чернил и пера с бумагой в ящиках комода. Вечно всё куда-то девается, когда оно срочно нужно! Взгляд его зацепился за круглую, синего бархата коробочку, лежащую на стопке пергаментных листков. Данте вынул её, бросил на стол, вытащил бумагу и меленьким почерком нацарапал записку: «Эсте, как ты? Я волнуюсь. Люблю. Данте». Через пару мгновений Янгус взмыла в облака, Данте проводил её тоскливым взглядом. Огонь в душе не утихал. Надо встряхнуться, чем-то заняться. Сейчас он дождётся Янгус с ответом и поедет на охоту. Так и время пролетит незаметно, да и не работать он не может. Конечно, деньги у него ещё есть, но однажды они закончатся. А вдруг он захочет пригласить Эстеллу на ужин или, быть может, купит ей подарок? Синяя коробочка, которую Данте извлёк из комода, запрыгала по столу, как кузнечик. Юноша долго колебался, глядя на неё, но открыл. Внутри лежал перстень с изумрудом. Данте и забыл, когда в последний раз он надевал его. По словам Салазара перстень — сильнейший магический артефакт. Он меняет свойства в зависимости от того, на какой палец его надеть. Но живя в семье Гаспара, Данте так и не осмелился это проверить. Никто, даже Кlemente, не подозревал о перстне. Но теперь в голову Данте закралось сомнение: а правильно ли он скрыл от Гаспара и Каролины свой волшебный дар? Может быть, если бы они знали в чём дело, они не давили бы на него так жёстко. Хотя вряд-ли набожная и консервативная Каролина восприняла бы его магическую сущность. Решила бы, что в него вселились бесы и потащила бы его к падре Антонио их изгонять. Нет, он был прав. Но раз теперь он свободен, никому ничем не обязан, ему не надо ходить в церковь и перед кем-то отчитываться, он может вновь использовать магию. Данте рассматривал потрясающей красоты перстень, вертя его в руках, но так ни на

что и не решился. За пять лет он отвык пользоваться магией. Но магия не такая уж плохая штука. С её помощью можно совершать чудеса, делать красивые вещи, она исполняет желания. Благодаря магии он познакомился с Эстеллой. Да и перстень изменил его жизнь. Интересно, вырос бы он таким, как сейчас, если бы эти пять лет провёл в доме Сильвио? Да и был бы он сейчас жив или его давно бы заморили голодом в каком-нибудь подвале? В тот день он попросил перстень совершить чудо, и через несколько часов приехал Гаспар, и забрал его навсегда. И вот как теперь всё обернулось. Опять он один. Но ведь у него есть перстень, есть магия, она никуда не делась, и он может и сейчас загадать любое желание. Например, помириться с Гаспаром, Каролиной и Кlemente. Возможно. Но зачем? И надолго ли? Помирится, а потом всё повторится сначала. Каролина не изменит своим принципам, опять потащит его в церковь и заставит молиться, будет читать нотации и подыскивать ему невесту, а когда он откажется подчиняться, обвинит в неблагодарности и прогонит прочь. Нет уж, второй раз этот удар он не перенесёт. Жестокие слова Каролины засели у Данте в голове. Нет, он не станет навязываться. Может, загадать, чтобы Эстелла пришла к нему и осталась навсегда? Так тоже нечестно. Она должна сама этого захотеть, в конце концов, они любят друг друга и им не нужна магия, чтобы быть вместе. Данте, сунув перстень обратно в коробочку, спрятал его в нижний ящик. Наверное, однажды ему понадобится помощь перстня, но сейчас это лишнее.

===== Глава 13. Мировая бабушка =====

Сегодня Эстелла чувствовала себя разбитой, за ночь так и не отдохнув. Легла спать под утро и проспала от силы часа три. Теперь, непричёсанная и одетая кое-как в платье цвета абрикоса, она сидела в кресле, вертя в ладонях изящное серебряное зеркальце с ручкой и крышкой, инкрустированными изумрудами. И не могла вспомнить, откуда оно взялось. Наверняка купила в столице, но где и когда так и не сообразила. Эстелла вглядывалась в отражение: вид был такой, словно она безмятежно проспала часов двенадцать. Даже удивительно, принимая во внимание, сколько всего произошло накануне. Сначала подслушанный разговор Хорхелины и мамы, после — свидание с Данте, его опьяняющие ласки, и, наконец, история с Либертад, окончания которой она дождалась вчера, в полудрёме лежа на кухонном столе.

Поначалу Хорхелину хотели забрать в госпиталь, но она так вопила, что желает умереть дома, что её оставили в покое. Намазали с ног до головы противоожоговой мазью, забинтовали, и теперь она лежала в кровати, напоминая египетскую мумию, и лишь глазами хлопала. С Либертад дело обстояло куда хуже. Показания трёх свидетельниц в лице бабушки Берты, Урсулы и Лупиты жандармы оставили без внимания. Сквозь бинты Хорхелина рассказала свою версию событий: якобы она гуляла с котлом кипятка по гостиной, никого не трогала, но вдруг, откуда ни возьмись, выскочила Либертад, выхватила у неё котёл и вылила его содержимое ей на голову. Слова Хорхелины подтвердила и Роксана, заявив, что всё видела своими глазами. Так, Либертад забрали в жандармерию, от чего Роксана ликовала, убеждая всех: теперь-то дело служанки — труба, но надо ещё заказать гроб для Хорхелины. Роксана въедливо расспрашивала лекаря о здоровье золовки, но, к её огорчению, тот уверил, что жить Хорхелина будет. Роксана не скрывала разочарования по поводу «некончины» Хорхелины, чем привела Эстеллу в ещё больший ужас. Неужели её мать такое чудовище? Вчера поговорить с бабушкой Эстелле не удалось, и к завтраку сегодня девушка спускаться не желала. Там явно станут обсуждать Либертад, мать будет смаковать подробности, бабушка будет закрывать ей рот, да и любоваться на мрачное лицо дяди

Эстебана и злорадное Мисолины Эстелле не хотелось. Дядю она вообще не понимала. Вчера позволил жандармам забрать Либертад, собрал вещички и переселился от Хорхелины в гостевую спальню. А теперь ходит с кислой миной. Неужели все мужчины такие? Эстелла была смертельно разочарована в дяде и напугана мыслями: неужели Данте тоже бросил бы её в беде? Нет, невозможно! Данте смелый. Вон как лихо он спас её от грабителей. Раздался стук в окно. Эстелла лениво поднялась и впустила Янгус в комнату. Данте же говорил, что пришлёт птицу вечером. Вот сумасшедший! Терпение у него отсутствует целиком и полностью. Эстелла улыбнулась, читая записку. Нет, зря она так подумала о нём. Данте не дал бы её в обиду. Ни за что! «Милый Данте, у меня всё отлично. Вчера у нас дома был жуткий скандал, но не из-за меня. Они даже не заметили, что меня не было весь день. Хочу увидеть тебя. Люблю. Твоя Эсте», — вывела Эстелла на другой стороне пергамента, присланного Данте. Отправив Янгус восвояси, Эстелла пришла в себя. Завтрак она уже однозначно пропустила, но надо идти вниз. В конце концов, она должна выяснить: убила ли мама папу или это всё бред Хорхелины? Добрых минут сорок ушло на поиски бабушки. Эстелла обошла пол дома, но Берта словно с воду канула. Зато всюду маячил дядя Эстебан — девушка натыкалась на него раз десять. Ходя из угла в угол, он шлёпал губами и тряс головой, напоминая умалишенного. Эстеллу это дико бесило. Сам виноват, нельзя было позволять забирать Либертад! Бабушку Эстелла обнаружила в библиотеке. Та рылась в огромных томах, сдувая с них пыль, и что-то бормотала себе под нос. — Бабушка, доброе утро. — Добренькое. — Я вас еле отыскала. А что вы делаете? — полюбопытствовала Эстелла. — Ищу кое-что. — Может, я могу помочь?

— Навряд-ли, хотя... — Берта плюхнула на стол здоровенный фолиант, подняв вихрь пыли. — Между прочим, для тебя стараюсь.

— В смысле? — Эстелла повела бровью. — Да вот, боюсь, как бы ты в историю не попала. Вот где ты вчера гуляла, к примеру, м? — Как где? Я же говорила, была на мессе, потом шла пешком, — оправдывалась Эстелла, в глубине души понимая: бабушку не обманешь. — Ну да... С утра до ночи? — Я вас не понимаю, бабушка. — Да брось, дорогая, я ж знаю, что тебя не было целый день. Ты ушла утром и не слышала скандала, который закатила Хорхелинища. Неужто ты не удивилась, что за весь день тебя никто не хватился? — Эмм... — Это я всем сказала, будто у тебя голова болит и ты спишь, а к вечеру сказала, что ты оклемалась и ушла на мессу. Эстелла занервничала, не зная как выкручиваться. — Так где ты была-то? — Дело в том, что я... я... просто гуляла... Я вчера услышала кое-что... — Что же? — Ну, как раз, когда ругались Хорхелина и мама, я спустилась вниз и услышала... в общем, Хорхелина сказала, что... что мама... убила папу. Она угрожала маме, и мама не отрицала и... — Так вот оно что! Теперь ясно, почему Роксана желает смерти этой самке богомола. — Бабушка, это правда? Мама убила папу? — со слезами в голосе спросила Эстелла. Берта немного помолчала, обдумывая варианты ответа. — Чушь, — выдала она наконец. — Не бери в голову. Ты ж знаешь, у Хорхелины с мозгами ку-ку. — Но она сказала, вы тоже думаете, что это мама убила папу. — Чушь! — не моргнув глазом повторила Берта. — Впервые об этом слышу! Эстелла вздохнула с облегчением. — О, боже мой, как хорошо, что я с вами поговорила, бабушка! Я словно сняла груз с плеч. Значит, это неправда! Ох, если бы не Данте... — Эстелла резко умолкла. — Кто? — Это я просто так... — Данте? Кто такой Данте? Имя редкое. — Он и сам редкость, — Эстелла готова была себя побить за длинный язык. Берта захихикала. — Та-ак, теперь всё ясно. Значит, ты была с этим Данте? Я вообще-то так и подумала, что ты нашла себе кавалера. Не зря я тут копаюсь с самого

утра. — Не понимаю... Как вы догадались? — Ну, я ж не вчера родилась. Ты пришла лохматая, взволнованная, глаза сияют. Я ж не совсем дура. Это ж псу понятно. Целуется-то он хорошо? — выдала бабушка. Эстелла смутилась. — Да ладно краснеть, можно подумать, я не знаю чего это такое. Я замужем была как-никак и родила троих сыновей. А чего ещё ты с ним делала, ась? — Ничего. — Ничего? Правда? — Правда. Нет, ещё мы ужинали... в трактире. — И всё? — Всё. — Уверена? — Абсолютно. Бабушка, я не понимаю, к чему такой допрос? — А к тому. Чего мы делать-то с тобой будем, ежели ты глупостей натворишь, а? Ляльку нянчить? — Но я... — Ты не думай, я не ханжа. Любовь — прекрасное чувство, но раз уж ты взялась бегать по мальчикам, должна и знать кой-чего. А то будешь потом выть белухой, как твоя мамаша в первую брачную ночь: «я не знаю, я не умею, я не хочу». Эстелла окончательно превратилась в томат. Только этого ей и не хватало! Если бабушка начнёт рассказывать всякие интимные подробности, Эстелла провалится сквозь землю от стыда. — А это всё потому, что никто не удосуживается своим дочерям разъяснять, чего и как они должна делать. Стыдно им, да и падре не велит. Вот и лежат они потом в кровати с мужьями, как мумии. Потому мужья и бегают от них по борделям да кабаре всяким. А вот мой муженёк, царствие ему небесное, ни разу никуда не бегал, потому что был доволен своей женой, — Берта хихикнула. — А те, кто умудряются-таки влюбиться, натворят дел до брака и в подоле приносят. Вот сюрприз для родственников! — Бабушка, я... я... не собиралась...

— Да не выдумывай, все так говорят. Там, где есть поцелуи, там есть и всё остальное. И не гляди на меня так. Я помочь тебе хочу. Кстати, — Берта вновь захихикала, — я ж замуж с пузом вышла. Мы ж долго встречались сначала с моим муженьком, потом поженились, когда я уже ждала Бласито, твоего папеньку, земля ему пухом. Так вот, я это к чему: где-то тут был у меня один рецепт... трава такая, выпьешь и встречайся сколько душевнечке угодно. А я родила Бласа, знаешь почему? Забыла, балда, однажды траву выпить, — Берта прикрыла рот рукой, подавляя хохот. — Но я не жалею. Вот сейчас найду, наварю, авось пригодится.

— Но бабушка, я... не собираюсь этого делать. — Да ладно брехать! Сколько лет-то ему хоть? — Семнадцать. — А, ну может ещё ничего. Неопытный. Красивый? — Ага. — Влюбились поди? — Очень... вы... вы... его знаете, то есть, это Данте — тот мальчик, с которым я встречалась, когда была маленькой. Помните, я даже на простынях с балкона спускалась, бегала к нему на свидание? — Так это он? — у бабушки глаза округлились. — А я и думаю, имя-то знакомое. Как же ты его встретила? — Случайно. — Ну, детская любовь — это уже серьёзно. — Он сказал, что любит меня. Берта покачала головой. — Уложит тебя в кровать, как пить дать! И сама не заметишь, как проснёшься утром в его койке. Точно говорю! Так что раз пришла, давай-ка помогай. Сейчас рецептик откопаем и пойдём варить. Я, конечно, не против правнуков, да только замуж надо бы сначала, и там хоть сто штук рожай. Но до этого — ни-ни, а то твоя мамаша головы нам обеим открутит. Берта, вытащив несколько тяжелых книжищ, всучила их внучке. Эстелле было стыдно, что бабушка так лихо её разоблачила, но стало и легче. Теперь у неё есть союзница. Возможно, при содействии бабушки, и с Данте встречаться им будет проще. Открыв первую попавшуюся книгу, Эстелла дунула на страницы и долго смотрела, как вихри пылинок кружатся и кружатся в воздухе. Остаток дня прошёл в суете. Эстелла и Берта варили в кухне старинный отвар, состоящий из двадцати компонентов, включающих три горсти ножек мадагаскарских тараканов, чем привели Урсулу в бешенство. — И кто после вас это всё будет мыть? — вопила она. — У меня работы невпроворот, а я ещё должна убирать за вами?! — Ну мы уж

как-нибудь сами управимся и с варкой, и с уборкой, — выпятив нижнюю губу съехидничала Берта. — Не безрукие поди. Запах в кухне стоял такой, что щипало в глазах, и Урсула ретировалась, зажимая нос полотенцем. В итоге, после долгих мучений, Берта объявила: вонючая гадость готова, но должна настояться семь суток, и потом её можно пить. Берта, уступив кухню Лупите, увела Эстеллу в свою комнату и тайком поведала ей о некоторых особенностях соблазнения мужчин. Эстелла не знала, как отвертеться, впад в ступор, и превратилась в гранат. Наконец, пришло время ужина, и тут Эстелла едва ли не запрыгала от радости — в гости нагрянули Амарилис и Сантана. Как бы Эстелла не была близка с бабушкой, а она не решалась обсуждать с ней многое. Но Сантане можно рассказать обо всём. В последний раз Эстелла видела подругу, когда та была ещё юной девочкой, поэтому перемены, произошедшие в ней, Эстеллу изумили. За пять лет из неказистого лягушонка Сантана превратилась в очаровательную особу с тёмными локонами и круглыми карими глазами. И даже несколько большеватый рот не портил её. Впервые за последние дни за столом царила весёлая атмосфера (настроения не было лишь у дяди Эстебана и Мисолины). По окончании ужина всё семейство оккупировало гостиную. Арсиеро читал газету, Эстебан стакан за стаканом глушил виски, Роксана и Амарилис перемывали кости всей округе. Бабушка Берта носилась туда-сюда, беседуя с кактусами и называя их по именам: Ёжик, Кнопка, Тазик, Козлик, Червячок, Кувшинка, Пирожок. А любимый бабушкин кактус — огромный, головастый, цветом напоминающий перезревшую сливу, носил ещё более горделивое имечко — Синяк.

Мисолина вышивала на носовом платке гроздья винограда. До этого она украсила полотенце огромной безобразной розой, от чего пыжилась уже целую неделю, возомнив себя чуть ли не профессиональной вышивальщицей.

Эстелла и Сантана, чинно сидя на канapé, тянули из крошечных чашечек чай, но вскоре сие занятие им наскучило, и Эстелла незаметно увела подругу вверх. — Санти, дорогая, наконец-то мы увиделись! Мне надо столько тебе рассказать! — щебетала Эстелла. — Я тоже счастлива тебя увидеть. Эсти, у тебя что-то случилось? — Ой, ещё как! Но почему ты так долго не приходила? Я ведь приехала уже давно! — О, мы с тётей Амарилис и дядей Норберто отдыхали в Испании. Даже не представляешь, какая там красота! Барселона — город-мечта. Её дворцы... площадь Рамбла... Болтовня заняла много времени. Сантана рассказывала о Барселоне, показывала новые наряды, туфли, шляпки, хвасталась пейнетой из слоновой кости. Эстелла не произносила ни слова, ожидая, когда утихнет поток восторженных слов. — С тобой всё-таки что-то случилось, — переключилась Сантана. — Ты какая-то притихшая. — Так и есть. Представляешь, когда я ехала домой, на меня напали грабители. Сантана ахнула, прикрыв рот руками. — Какой ужас! Они тебя не покалечили? — Нет, меня спас один человек. — О... О! Человек? Кто он? Мужчина? — Сантана наострила уши. — Ага. — Молодой? — Ага. — И красивый! — убеждённо воскликнула Сантана. — Очень! — Ах, ничего себе приключение, прямо как в книгах! — Не говори глупостей, знаешь, как я испугалась? Чуть не умерла. — Представляю. Но ведь тебя спасли! Только не говори, что твой спаситель что-то потребовал взамен. — Ой, ну что ты несёшь, конечно нет! Санти, ты начиталась бульварных романов. Знаешь, кто это оказался? — Неужели сынок вице-короля? Ну, или какой-нибудь маркиз по меньшей мере. Или нет, пират-контрабандист, прибывший на своём корабле накануне вечером. Он увидел тебя и тут же пал, сражённый стрелами амура, — Сантана захихикала. — Какой пошлый бред! — надулась Эстелла. — Ну тебя! Я же серьёзно говорю, а ты несёшь всякую чушь. Это был Данте. —

Данте... Данте... — Сантана закатила глаза, припоминая, где она слышала это имя. — Что-то знакомое... Что за Данте? — Ну, помнишь, когда мы были маленькие, я дружила с одним мальчиком? И я его приводила к нам в гости. — Это который такой лохматый и похожий на куклу? Помню! Он ещё в тот раз запустил в Мисолину мороженым, я чуть не лопнула от смеха. Ты хочешь сказать, ЭТО ОН тебя спас? — Сантана чуть ли не прыгала от переизбытка эмоций. — Ага, он самый. Причём, я сначала его и не узнала. — Ну ничего себе! А что было дальше? — Ничего. Проводил домой. А вчера... вчера мы опять встречались. — И? — Он признался мне в любви! — Да ладно! Так и сказал? — Угу. «Я тебя люблю» — так и сказал. И поцеловал, — Эстелла блаженно обняла себя за плечи. — В губы? — Ага. — Обалдеть! А я ещё ни разу не целовалась с мужчиной, — вздохнула Сантана. — Это всё из-за тётки Амарилис. Ни на шаг меня от себя не отпускает. Такая вредная! Ну, и как оно? — Что? — Поцелуй. — Это... это было так чудесно, как в сказке, до головокружения... Такого я ещё не испытывала. — Везёт тебе, — задумчиво сказала Сантана. — Эсти, а ты-то сама тоже в него влюблена? — Сантана легонько пихнула Эстеллу и та, давась от хохота, упала спиной на кровать. — Не знаю... Он такой, такой... такой потрясающий! Красивый, милый, ласковый... Самый-самый лучший! — А его прикосновения тебе нравятся? — любопытничала Сантана. — Ммм... да... Очень! У него пальцы такие нежные, и волосы мягкие... А глаза такие... красивые...

— Всё ясно — ты обезумела от любви! — сделала вывод Сантана. — И далеко у вас зашло? Ну, были только поцелуи или ещё что-то?

— Ничего больше! Но этот поцелуй нельзя забыть, это было волшебно! — Как же я тебе завидую, моя дорогая подружка! — Сантана обняла Эстеллу за талию. — Я тоже хочу влюбиться! Так хочу, даже не представляешь как... Беспечные девчонки и понятия не имели, что за дверью стоит Роксана и внимательно слушает их разговор, попутно сжимая кулаки.

===== Глава 14. Сторожевые псы =====

В последнее время Роксана взяла моду шпионить под дверью. На сей раз уловила она не всё — некоторые фразы подружки произносили шёпотом, да и она не слышала начало разговора. Но основной смысл Роксане был ясен: её дочь нашла себе кавалера и они с Сантаной обсуждают поцелуи и прочие интимные подробности. Какая распушенность! Когда она выходила замуж, она не знала что такое поцелуи, не говоря уже об остальном.

Сначала Роксана хотела ворваться в комнату и отколотить Эстеллу, а потом запереть её в четырёх стенах навсегда. Но, поразмыслив, она решила, что это не выход. Надо быть умнее и дать Эстелле волю, проследить за ней и поймать с поличным сразу обоих: и её, и её любовника. Роксана рванула прочь от двери и скрылась в своей комнате. Давно уже её охватывали приступы неконтролируемой злобы. Роксану жгла так и неутоленная жажда мести за свою несчастную жизнь, за потерю Рубена — единственного человека, которого она любила. Прошло семнадцать лет, но она всё так же одинока и живёт с нелюбимым мужем, вторым нелюбимым по счёту. А какие-то другие девицы испытывают любовь, страсть, счастье, восторг — множество чувств, которые она в себе похоронила. Та же Либертад. Всего-навсего жалкая служанка, ничтожество, но у неё есть любовь и сила бороться за неё. Роксану это бесило неимоверно. А теперь и Эстелла вздумала искать себе любовь. Роксана топнула ногой с такой силой, что каблучок её модных туфелек, украшенных серебряными бантиками, громко хрустнул. Она всех уничтожит! Пусть все тоже страдают и плачут. У неё нет личного счастья, но зато у неё есть власть — она хозяйка дома и первая дама города. Роксана глянула в зеркало. Какая она старая! Ей уже тридцать пять! Сегодня

утром она обнаружила морщинку возле глаза. Скоро она вся ими покроется, а эти две пигалицы, её дочери, всё хорошеют и хорошеют. Какого чёрта она вообще их родила? Почему, когда умер Рубен, она не потеряла ребёнка или не вытравила плод? Вот дура? Могла бы догадаться. К дочерям Роксана не испытывала никаких чувств, воспринимая их как ещё одну помеху на своём пути. Эти девицы ей не нужны. Если бы не Эстелла, она сбежала бы от Бласа после смерти Рубена. Но эта девчонка появилась на свет и смешала ей все карты. А теперь молодость её уходит. «Ненавижу! — прошипела Роксана зеркальному отражению. — Всех ненавижу!». Ах, если бы Рубен был жив, она могла бы ещё обрести счастье! Она помнит их первую встречу в деталях. Каждую фразу. Каждый поцелуй...

Одетая в платье из цветного шёлка и с чёрной мантилей на голове Роксана прогуливалась по Ферре де Кастильо, изучая его окрестности. Две недели назад она, выйдя замуж за Бласа, поселилась в этом забытом богом месте. Ненавистный городишко, ненавистный муж, ненавистные свекровь и свёкр... Продолжать можно бесконечно. Через месяц ей исполнится восемнадцать лет, а жизнь уже закончилась.

Общественная мораль твердила: внутренней сути женщины соответствует предназначение жить для других, умение отречься от себя и раствориться в нуждах близких. Роксана не была согласна с этим и не намеревалась отречься от своей жизни во имя кого-то или чего-то. Роксана вообще ненавидела само понятие института семьи, ненавидела брак, ненавидела детей, а несчастная, по её мнению, судьба взрастила в ней чувство обиды на весь свет. Роксана была уверена: весь мир вращается вокруг неё, а все остальные люди, их чувства, мысли — лишь приложение к ней. Роксана, сойдя с тротуара на мостовую, и ахнуть не успела — на неё во весь опор мчался экипаж. Заметив очаровательное препятствие на дороге, кучер натянул поводья. Экипаж затрясся и остановился. — Эй, ты, грязный кучер, ты что, не видишь, куда прёшь? — выкрикнула Роксана на всю улицу. Несколько прохожих обернулись в недоумении. — Это вы, сеньора, не видели, куда идёте. Для прохожих есть тротуар!

— Ты мне указывать смеешь, где я должна ходить, нищеврод? Да я сейчас жандармов позову! Ты не знаешь, с кем связался! Мой отец — герцог!!! А свёкр — член Совета Кабильдо!!!

— Извините, сеньора, я не хотел вас обидеть, — кучер, немолодой, горбоносый мужичок, сменил тактику, решив не связываться со скандальной дамой. — Как ты смеешь разговаривать со мной, сидя на козлах? Ты должен кланяться в землю при встрече со мной, грязный плебей! — Простите, сеньора, но, ежели вы не знаете, в нашем городе так не принято. Я кучер и выполняю свою работу. Ежели я буду кланяться каждому встречному, я тогда не смогу ездить, только и буду ходить, согнувшись пополам. — Берегись, вонючий простолюдин! Я отправлю тебя на виселицу за твою дерзость, так и знай! Тут дверца экипажа открылась. Из неё вынырнул молодой человек — элегантный, высокий, с тонкими усиками. Одет он был в форму карабинера. Роксана с высокомерием глянула на него. Он приблизился, отвесил поклон — поклон подчёркнуто вежливый. — Извините, сеньора, что мы преградили дорогу столь высокородной даме, но не гневайтесь на нас. Мы очень спешили. Это я приказал кучеру ехать быстрее. Ещё раз прошу прощения. Роксане показалось, что незнакомец за светскими манерами скрывает насмешку. — Не смейте надо мной издеваться! Как вы вообще осмелились со мной заговорить? Я — аристократка в пятом поколении! Я баронесса! — Но ведь вы первая заговорили с моим кучером, сеньора баронесса, и я решил вас поприветствовать, дабы вы больше не гневались, — молодой

человек улыбнулся и на щеках его заиграли ямочки. Роксана впервые не могла оторвать взгляд от мужчины. Какой он галантный! Несмотря на форму карабинера, он на простака и вовсе не похож. С такими-то манерами... Роксана вздёрнула нос, скрывая смущение под маской холодности. — Меня, кстати, зовут Гаспар. Гаспар Ортега. Я карабинер, как вы видите, сеньора. — Сеньорита Роксана Фонтанарес де Арнау... то есть... теперь сеньора баронесса Альтанеро, — представилась Роксана. — Стало быть, вы недавно вышли замуж, раз забываете, что вы сеньора, — ухмыльнулся карабинер. — А я и думаю, такая юная девушка и вдруг сеньора... — На мне написано, что я сеньора? — взбеленилась Роксана. — О, да, у вас чёрная мантилья. — Ах, ну да... Не знала, что простые карабинеры разбираются в тонкостях женского туалета. Я думала, это свойственно лишь урождённым аристократам. Но вы, кажется, спешили? — Ох, уже нет. Я всё равно опоздал, так что спешить мне уже некуда. Позвольте пригласить вас в мой экипаж. — Зачем это? — насторожилась Роксана. — Давайте прогуляемся и поужинаем. Только вы и я. Я знаю одно забавное местечко... — Разве у таких, как вы, есть деньги на забавные местечки? — Вы меня обижаете, Роксана. Позвольте, я буду называть вас по имени. Имя у вас прелестное. — Как угодно. — Ну так что, едемте, если я, конечно, не отвлеку вас от важных дел? — Нет, не отвлечёте. Но ведь я замужем. Вы забыли? Могут пойти сплетни... А впрочем, в этом городе меня никто и не знает. — Тем более. Думаю, что раз вы гуляете одна, то либо вашему мужу глубоко наплевать на вас, либо вам наплевать на него. Вы же вышли замуж по расчету. — Вы провидец? — А-ха-ха, нет! Большинство девушек в наше время выходят замуж по настоянию родителей. А по взаимной любви — это редкость. И обычно влюблённые ходят парами. А вы гуляете одна. — Хорошо, поехали, сеньор пророк. Рубен-Гаспар распахнул дверцу, и Роксана вместе со своими многочисленными юбками загрузилась в экипаж. Она не чувствовала угрызений совести ни перед Бласом, ни перед кем бы то ни было. Ей смертельно хотелось развлекаться.

Что происходило дальше, Роксана припоминала смутно. Они гуляли по центральной площади, сидели в ресторане-кабаре под названием «Чёрный ангел», глядя вульгарное шоу с местными танцовщицами.

Девушки лёгкого поведения качались на качелях и задирали ноги, демонстрируя чулки, панталоны, подвязки и прочие предметы туалета, запрещённые к показу на людях. Шоу Роксане не понравилось, зато еда была необычайно вкусной: телятина, лобстеры, жареная птица, трюфели и клубника со сливками на десерт. Рубен-Гаспар бесконечно отвешивал комплименты, расхваливая то красоту Роксаны, то её платье, то тембр её голоса. И подливал вина. Ещё и ещё...

Как они покинули ресторан, Роксана не помнила. Помнила только, как щёлкнул замок на двери гостиничного номера. — Пойдём в постель, — сказал Рубен-Гаспар. — Тебе понравится. Я знаю, ты хочешь приключений, иначе ты бы со мной не пошла. Голос у него был певучий и холодный. Он манерно растягивал слова, и у Роксаны по спине ползли мурашки. Рубен-Гаспар не был с ней ласков. Грубо толкнув Роксану на кровать, он рывками сорвал с неё одежду. Он обращался с ней, с Роксаной, представительницей древнейшего рода, аристократкой, высокомерной гордячкой, как с проституткой. И ей это нравилось. Роксана запомнила запах виски и дорогого парфюма, никак не ассоциирующегося с образом бедного карабинера. Он щекотал её усами, кусал зубами и трепал за волосы, а она, заливиисто хихикая, впервые испытала наслаждение от близости с мужчиной. Утром проснулась в его объятиях. И непонимала как это могло произойти. Как она могла переспать с мужчиной в

первый же день знакомства? И ведь она его полюбила. Сходу, сразу. Дикой, неистовой, животной любовью. Они встречались тайком год. Они проводили безумные ночи в съёмных меблированных комнатах или на пляже прямо под открытым небом. Но целый год мятежного, украденного счастья, выпавший на её долю, вдруг закончился. Тот злополучный день. День бала. Вот он, её Гаспар, входит в залу и оказывается виконтом Рубеном де Фьябле. Так и не поняв причин, что побудили молодого человека выдумать эту дурацкую ложь, она готова была его простить. Но не успела сказать ему об этом. Та девка, дочка барона Риверо и любовница Ламберто по совместительству, лишила жизни Рубена одним взмахом кинжала. Роксана выдохнула, пытаясь унять дрожь, вызванную болезненным воспоминанием. Она стёрла ту девку с лица земли, сбросив её в реку, но Рубена это не вернуло. Зато у неё остался его подарок — ребёнок в утробе, но Роксана сочла это ещё б; льшим несчастьем. Когда боль от потери Рубена утихла и Роксана осознала, что вела себя, как влюблённая кошка, она решила забыть об этом чёрном пятне на своей биографии. Но Эстелла являлась каждодневным напоминанием о её падении, вечным укором. Одни неприятности от неё! Вот и теперь эта маленькая дрянь хочет покрыть позором её доброе имя. Ну ничего, она её научит как себя вести! Роксана встряхнулась, поправила выбившуюся прядь волос и, взяв со стола фарфоровую пудреницу, припудрила нос. Улыбнулась своему отражению в зеркале и вышла из комнаты, громко цокая каблуками.

После встречи с подругой Эстелла была взвинчена. Итак, теперь у неё две союзницы: бабушка Берта и Сантана. Остаётся придумать, как ей тайком встречаться с Данте. В ночное время это опасно. Если она каждую ночь будет бегать из дома, рано или поздно это кто-нибудь заметит. Да и бабушка напугала Эстеллу рассказами о беременности, о первой близости с мужчиной и прочими страшилками. Эстелла, в отличие от сверстниц, не была столь уж несведуща в вопросах интимного характера, благодаря изучению книг по медицине и ветеринарии. И её никогда не пугал этот вопрос с физической точки зрения — так заложено природой. Но теперь девушка испытывала страх. Да, когда Данте нет рядом, она уверена в себе, в своём рассудке, она не дура и не падшая женщина и не пойдёт с первым встречным. Но если вспомнить, что с ней делается, когда они с Данте вместе... В тот раз от его поцелуев она перестала владеть собой. Он повёл её в трактир, она не отказалась и пошла. И так же пошла бы с ним и в его апартаменты, стояло ему проявить настойчивость. Так что бабушка права: если Данте захочет, он в два счёта уложит её в постель.

И Эстелла решила: ночью встречаться с Данте небезопасно. А вот днём... При свете дня она будет чувствовать себя спокойней. И Эстелла надумала отказаться от похода на вечернюю мессу и посещать утреннюю. Это не возбранялось. Единственная разница — на утренней службе присутствовала публика статусом ниже: идальго — выходцы из обедневших дворянских семей, инфансоны — богатые простолюдины, а также владельцы эстансий, плантаций и пастбищ. Вечерняя же служба была пафосной, больше походя на показ мод среди представительниц аристократии. Для Роксаны и Мисолины, не знающим куда себя деть от безделья, месса являлась ежедневным развлечением. Поэтому к ней мать и дочь готовились тщательно, чтобы пустить пыль в глаза всему городу. Для Эстеллы же, как в детстве, так и сейчас, поход в церковь являлся ненужной и крайне скучной обязанностью. Её врождённое свободолюбие часто конфликтовало с внешней оболочкой, воспитанной в строгих рамках морали.

Падре Антонио внушал прихожанкам: всё, что они делают в жизни, приведёт их в ад.

Надеть красивое платье — грех; объедаться сладостями — грех; не исполнять супружеский долг — грех; исполнять его слишком часто — тоже грех. С детства в Эстеллу вдалбливалось: женщина создана для послушания и прислуживания мужчинам, должна терпеть побои и оскорбления, помогать несчастным, исполнять волю мужа и родителей. В Эстелле всё росла уверенность: самое важное в жизни — это счастье. У каждого оно своё, вне зависимости от пола, возраста, веры и социального статуса. Для одних боготворить мужа, помогать обездоленным, быть матерью и душой семьи — действительно счастье. А для неё счастье — любить и быть любимой, найти в жизни своё предназначение, не переступать через себя и не делать то, чего не хочется. Эстелла не была религиозна. Её благочестие являлось следствием соблюдения общественной морали, на деле ей глубоко чуждой. Разбуженная лучами солнца, Эстелла привела себя в порядок и спустилась в кухню. Взяла корзинку, засыпала её доверху ароматными персиками, положив на дно записку: «Жди меня на мосту в 11.00. Эсте». Подозвала Дуду, сына кухарки Лупиты, — четырнадцатилетнего мальчишку, который при доме служил посыльным, и отправила его отнести фрукты в гостиницу «Маска». Эстелла не сомневалась — проделка удастся. После завтрака она всем скажет, что идёт на утреннюю мессу, а сама пойдёт на свидание с Данте. Завтрак прошёл спокойно. Эстелла витала в облаках. Эстебан с утра куда-то исчез. Хорхелина, по-прежнему обмотанная бинтами, завтракала у себя в комнате. Арсиеро, позёвывая, читал газету. Мисолина, пристально изучая Эстеллу, морщила лоб. Бабушка Берта, ни на кого не реагируя, читала книжку и была так увлечена, что положила тарталетку мимо рта. Зато лицо Роксаны выражало чуть ли не ненависть. При взгляде на Эстеллу карие глаза её метали молнии, но Эстелла ничего не замечала, с нетерпением дожидаясь конца трапезы. Однако, планы её были нарушены в одно мгновение. Когда она сказала, что сегодня идёт на утреннюю мессу, Роксана и Мисолина объявили, что пойдут с ней. — Но... но... вы же никогда туда не ходили утром, — пролепетала шокированная Эстелла. — Ты тоже, — визгнула Мисолина. — Почему же тебе можно идти, а нам нет? Чем мы хуже тебя? — Да, сто лет не ходила на мессу с утра, — довольным тоном вставила Роксана. — Я, как первая дама города, должна везде успевать, всё про всех знать и всё держать под контролем. Так что решено — мы идём втроём! Эстелла чуть не плакала от обиды, когда садилась в экипаж вместе с матерью и сестрой. Ну почему? Почему именно сегодня этим двум женщинам приспичило увязаться с ней? Они никогда не ходили на утреннюю мессу, уверяя: там собираются простолюдины, с которыми аристократки и в одной церкви не должны сидеть, дабы не запачкаться. И вдруг собрались. Да ещё и сразу вдвоём. А она как назло уже отправила Данте записку. Эстелла чувствовала себя, будто под конвоем. Роксана и Мисолина пасли её, как заключённую, едва ли за руки не держали. Прямо сторожевые псы!

Проповедь падре Антонио Эстелла не слушала. Все сорок минут она лихорадочно соображала как оповестить Данте об отмене свидания. Но ничего в голову не приходило, кроме желания настучать Мисолине по её наглой ухмыляющейся физиономии.

После мессы «конвой» доставил Эстеллу в особняк. В груди у девушки бурлил гейзер. Весело напевая, Роксана ушла, оставив дочерей в гостинной. — Что это с тобой? Почему у тебя такая кислая рожа, дорогая сестрёнка? — злорадствовала Мисолина. — Тебе не понравилась проповедь падре Антонио? По-моему, было чудесно. Мисолина чуть ли не смеялась сестре в лицо. Эстелла бросилась вверх по лестнице. Добежала до спальни. С силой захлопнув дверь, упала на кровать и разревелась.

С утра Данте пребывал в мрачном настроении, хоть накануне и поймал редкую масть лошади — кремовую, с голубыми глазами — и выручил за неё крупную сумму денег. В груди юноши скреблась тоска. Сколько ещё ждать встречи с Эстеллой? День, два, неделю, месяц? Нет, он не выдержит. Как же хочется, чтобы она пришла и осталась с ним навсегда! Янгус что-то игриво тарахтела, прыгая по жёрдочке туда-сюда. Данте нарезал круги по комнате, не зная чем себя занять. Да и из головы не выходили мысли о Гаспаре, Каролине и Кlemente. Как бы Данте не обижался, а он скучал по уютному маленькому домику, по людям, которых привык считать семьёй. Никого у него нет. Вечно он один. Они уже, наверное, и думать про него забыли, а он всё вспоминает свою жизнь в «Лас Бестиас»; курочек, уток, бегающих по двору; запах поджаренного на углях мяса; безбашенные развлечения гаучо: дрессировку диких лошадей или соревнования лучших наездников посёлка, где он частенько побеждал. От горестных дум Данте отвлёк стук в дверь. Это оказался сеньор Нестор, хозяин «Маски», — приятный, улыбчивый мужчина с седыми бакенбардами. Он держал в руках корзинку с персиками. — Тут вам подарочек принесли, — услужливо сообщил он. — Кто? — удивился Данте. — Мальчишка-посыльный. Фамилию вашу не назвал, сказал для сеньора Данте. А вы тут один с таким именем. Да это, небось, тайное послание от дамы, — хихикнул сеньор Нестор, вручая Данте фруктовый подарок. — Знаем мы их штучки. Пойду я, у меня ещё дел куча. Хозяин ретировался. Данте, водрузив корзинку на комод, глянул на фрукты. Персики как персики. Один к одному, красивые, ароматные. Но кто их принёс и зачем? Тут Янгус, спорхнув с жёрдочки, села прямо на ручку корзинки. От тяжести птицы корзинка опрокинулась. Персики раскатились по ковру. — Янгус, — недовольно проворчал Данте, — ну и зачем ты хулиганишь? Птица что-то побулькала, усаживаясь на комод. Данте, ползая по полу, сложил все персики обратно в корзинку. Свистнул, подзывая птицу: — Иди сюда! Я понял, ты хочешь есть. Поэтому перевернула корзину, да? Янгус взгромоздилась юноше на плечо. Данте протянул ей персик. Птица подхватила его лапой и, держа фрукт когтями, воткнула клюв в сочную мякоть. В этот миг взгляд Данте упал на розоватый клочок пергамента, что валялся на полу.

Данте так быстро подполз к записке, что Янгус чуть не навернулась с его плеча вместе с персиком. Она недовольно вскрикнула, устраиваясь поудобнее и снова принимаясь за еду.

Данте развернул пергамент и несколько минут жадно вчитывался в содержание. Эстелла приглашает его на свидание! Он её увидит!!! Часы показывали четверть одиннадцатого. Юноша резко поднялся с пола, стряхнув Янгус с плеча. Та обиженно заорала и улетела к жёрдочке. — Янгус, прости, но я тороплюсь. Я возьму тебя с собой, не дуйся. Данте молниеносно ополоснулся водой из таза, переоделся и причесал растрёпанную гриву. Затем, усадив Янгус обратно на плечо, он скатился с крутой лестницы, отделанной деревянными перилами. — До свидания, сеньор Нестор! Когда приду, не знаю! — крикнул он хозяину и бегом припустил по улице.

Сердце колотилось, и Данте не заметил, как добежал до моста, будто долетел на невидимых крыльях. Но по мере того, как шло время, радость сменилась волнением, потом нетерпением и, наконец, отчаяньем. Эстелла не пришла. Сама назначила встречу и не явилась. Шарахаясь по мосту, Данте смотрел на реку, на повозки, проезжающие туда и обратно, но Эстеллы так и не было. Неужели с ней что-то случилось по дороге? Или она забыла? Нет, невозможно. Не смогла сбежать из дома? Тогда для чего присылала записку?

Прождав до трёх часов дня, Данте уныло поплёлся обратно. Возвращаться в «Маску» ему не хотелось, но хотелось завывать. Данте и не заметил, как добрёл до Бульвара

Конституции, по центру которого высился белоснежный дом алькальда. Юноша долго крутился возле особняка, сквозь ограду глядя на эстеллины окна. Шторы были задернуты, и никаких признаков жизни в её спальне не обнаруживалось. Спустя время, прохожие стали на Данте коситься. Когда совсем стемнело, Данте ушёл. На глазах его сверкали слёзы — эйфория от ожидания была столь велика, что разочарование оказалось чересчур болезненным. Он шёл вперёд, не разбирая дороги, а Янгус носилась рядом, касаясь крыльями его головы. Данте добрался до улицы «Ла Фортуна», где располагалось сверкающее многочисленными огнями казино «Червонная дама». Через два квартала отсюда начинался пресловутый район Красных фонарей. Туда Данте идти не хотел и уже повернул обратно, как ВДРУГ... налетел на что-то. Или кого-то. — Ой, простите, я вас не видел, — извинился Данте. Поднял голову и оторопел. Перед ним стоял Клементе.

===== Глава 15. Ночной визит =====

Данте смотрел на Клема во все глаза. Уж кого-кого, а увидеть его сейчас он не ожидал.

— Привет, — сказал Клементе. Данте угрюмо кивнул — на него опять нахлынула обида, глубокая, злая, от которой в груди всё горело. Клем — предатель, разболтал всем об Эстелле, а ведь он, Данте, считал того братом. — Ну, так и будешь молчать? — А чего ты хочешь от меня услышать? — пробурчал Данте. — Хочу объяснений. Твой побег из дома всех потряс. Вообще-то так не делается. Взял и молча смылся, даже записки не оставил. Не знал я, что ты такой неблагодарный. Я думал, мы семья. Мы волновались за тебя: и я, и родители. — Да ну? — глаза Данте, недобро сверкнув, потемнели, из сапфиров превратившись в опалы. — А я думал, вы жаждете от меня отделаться. Вот я и доставил вам радость — избавил дом от своего присутствия. — Чего ты несёшь? Совсем чокнулся, да? — фыркнул Клементе. — Кто тебя гнал? Кто хотел от тебя избавиться? Ты совсем из ума выжил, я гляжу. — А по-твоему то, что мне сказала твоя мать — нормально? Это ли не было желанием отделаться от меня? — А что, что такого она сказала? Ты обиделся, когда она на тебя наорала из-за Пии, и поэтому сбежал? И ты считаешь, что она была не права? За ужином ты вёл себя отвратительно! — Дело не в Пии! И не в ужине! Твоя мать всё это время лгала, что полюбила меня. На самом деле не любила никогда, взяла из жалости. Я для неё обуза и она жалеет, что не оставила меня подыхать в подвале! — гневно сообщил Данте. Клементе оторопело на него уставился. — Чего-то я не понял, — выдавил он после паузы. — Тебе мама это сказала? — А то ты не знаешь! — нервно встряхнул волосами Данте. — Нет, не знаю. Я же тогда ушёл, я не слышал ваш разговор. — И хочешь сказать, тебе никто не сообщил о том, что было дальше? — Нет. На следующий день папа обнаружил твоё исчезновение вместе с Алмазом, Янгус и вещами. Мама орала, они поругались с папой из-за тебя, между прочим, но я решил, что ты ушёл, потому что тебе хотели сосватать Пию. — Сдалась мне эта Пия! — с энтузиазмом выкрикнул Данте, спугнув ворон с соседнего дерева. — Папа искал тебя всюду, даже в лес ездил, — терпеливо продолжил Клем, не реагируя на настроение брата. — Мы все переживали за тебя, не знали, где ты и что с тобой. Хорошо, что я тебя сегодня встретил. Но не могу поверить, неужто мама могла тебе такое сказать? — Не просто могла, а сказала, даже глазом не моргнула. — На эмоциях мы можем многое натворить и наговорить. Зря ты воспринял это всерьёз. — Как раз когда мы себя не контролируем, все наши тайные мысли, чувства, желания оказываются у нас на языке, — Данте смерил Клема печальным взглядом. — Каролина сказала правду: я так и не смог стать частью вашей семьи. Я вам чужой. Я везде чужой. Мне нигде нет места, я всем мешаю, позорю перед соседями, делаю всё не так, как положено. И я не могу быть таким,

каким вы хотите меня видеть. Я пытался, пытался стать хорошим, но у меня не получается. Наверное, во мне действительно живёт какое-то чудовище. Так что тётя Каролина права. Всем было бы лучше, если бы тогда, в детстве, Сильвио убил бы меня, — Данте прикрыл глаза, глотая слёзы. — Данте, перестань! Ты ведёшь себя как ребёнок! Не говори глупостей! Кто тебе сказал, что ты плохой? Чего ты мелешь? Это всё было на эмоциях. Мама просто разозлилась, но она тебя любит, мы все тебя любим. Нельзя было так убегать. Ты нас напугал. — Но ведь я это знал, всегда знал, что вы взяли меня из жалости. Просто я не хотел об этом думать, а твоя мать сказала мне правду, вот и всё. — Когда родители решили взять тебя к нам, они и вправду тебя пожалели, и я не вижу ничего дурного в этом. Любовь часто рождается из жалости. Но я полюбил тебя, как брата, не из жалости, а потому что ты этого достоин, чёрт возьми! И ты заменил мне брата, которого я потерял. Ты теперь и есть мой брат. Навсегда. Это уже не изменится. — Ты... ты меня предал... — О чём ты? — наморщил лоб Клементе.

— Ты рассказал родителям о моей любви к Эстелле. Кто тебя просил? Как бы мы с тобой не спорили, и как бы я не был против твоих отношений с девочкой из борделя, я никому бы не рассказал об этом даже под пытками. А ты меня предал.

Клементе опустил голову. — Я не предавал, это вышло случайно, — начал объяснять он собственным сапогам. — Но ты тоже был хорош, ты пытался свести меня с Пией. А я рассказал это в отместку! — За ужином это просто была неудачная шутка! Я лишь хотел, чтобы ты обратил на эту девчонку внимание, а она на тебя. Хотел, чтобы вы познакомились и полюбили друг друга. Я хотел тебе помочь! Но я тебя ни к чему не принуждал. Не понравилась — нет, так нет. Ты же растрезвонил всей округе о моей любви к Эстелле! Это моё личное, это никого не касается, я вывернул перед тобой душу, а ты в неё наплевал! — Данте резко повернулся спиной. После того, как он высказал накопившееся, из глаз полились слёзы. — Но я ведь не хотел, — голос Клементе звучал виновато. — Я не знал, что это так важно для тебя, я... — Да, важно. А если бы я всем рассказал о твоей Лус, это было бы для тебя неважно? Клементе вздохнул. — Но ведь ты не брал с меня обещание, что я не должен никому рассказывать. Я не думал, что это такой секрет. Данте сердито дёрнулся. — А я не думал, что у тебя язык как помело. Откуда я мог знать, что с тебя надо брать клятву молчания? Если бы знал, не сказал бы тебе ни словечка. Ты вот уверяешь, что я для тебя брат, а братьев и друзей не предают по умолчанию. Но теперь я это учту. Теперь я знаю, что тебе нельзя доверять. Клементе приблизился и положил руку Данте на плечо. — Данте, может, раз уж мы встретились, мы прекратим эту нелепую ругань? Ну извини меня... Наверное, это и были те слова, которые Данте хотел услышать. Страхнув слёзы с лица, он кивнул. Клементе, обняв его, похлопал рукой по спине. — Так и будем стоять посреди улицы? — спросил он, глядя на прохожих, что с любопытством вытягивали шеи. — Пойдём отсюда. Куда ты шёл, кстати? — Понятия не имею. — Как это? — Вот так. Просто гулял. А ты? — Ну... — Клементе покраснел. — Можешь не говорить. Я и так знаю, откуда ты шёл. Из «Фламинго». — Угу. — А почему днём? — Ну-у, это долгая история. Я ушёл оттуда как раз перед открытием. — Ясно. Минут пятнадцать приятели, сопровождаемые Янгус, шли молча. Клементе изучал тротуар под ногами. У Данте ещё оставался осадок и обида не ушла полностью, но после извинений Клема, ему стало легче. Слёзы высохли и теперь Данте искоса разглядывал брата. Они не виделись пару недель, но Клем казался ещё угрюмее, чем раньше. Волосы у него были взлохмачены, под глазами пролегли синие круги. — И что ты собираешься сегодня делать? — подал голос Данте. — Вернёшься домой? Или

останешься? — Не знаю. — Поздно уже, оставайся на ночь у меня. — А где ты живёшь? — Кlemente поднял голову. — В гостинице, в центре. Хорошее местечко. — Вижу, ты не очень-то скучаешь по дому. — А у меня есть дом? — Данте горько усмехнулся. — Нет и никогда не было. — А почему в гостинице? — А я по-твоему должен на улице жить? — огрызнулся Данте. Клем с минуту в упор глядел на Данте, потом покачал головой. — Чего? — не понял тот. — Ты принарядился, я смотрю. Никогда тебя таким не видел. Шёлковая рубашка... Ну надо же! Данте пожал плечами. На самом деле наряжался он исключительно для Эстеллы. Теперь, когда городские перекупщики платили ему за редкомастных лошадей в два раза больше, чем за них же платили латифундисты, он мог позволить себе купить и что-то красивое. Конечно, любой, мало-мальски разбирающийся в моде человек поднял бы его на смех. Штаны из тонкой кожи, заправленные в сапоги, плетёные браслеты на запястьях и кинжал на поясе мало сочетались с шёлковой рубашкой и рединготом, но так Данте чувствовал себя уверенней, чем в рваных обносках, в которых ходил обычно. Да и он хотел произвести впечатление на Эстеллу.

Как отреагировала бы девушка на его наряд, узнать сегодня ему не удалось, зато Клем был поражен, сочтя, что брат одет щегольски.

— Для кого стараешься? — спросил он. — Для своей аристократочки? — Не понимаю, о чём ты, — прикинулся дурачком Данте. — Ну ты ж встречаешься с дочкой алькальда? — Вовсе нет. — То есть вы расстались? — Да, она мне надоела, — выдал Данте. — Зануда редкостная! Не хочу больше об этом говорить, — нет, ни за что больше он не расскажет Кlemente про Эстеллу! Кто может гарантировать, что завтра об этом не узнает весь город? Пусть думает, что они расстались. — Странно. А я решил, это она тебе покупает шёлковые рубашки. — Неправда! — мгновенно взбеленился Данте. — Что, берёшь пример со своей мамы? Тоже скажешь, что я позарился на чужие деньги? — Я этого не говорил. Просто удивился. Ну если это не она тебя спонсирует, то откуда у тебя деньги? — Оттуда же, откуда и всегда! Я их заработал! Ловлю лошадей и продаю их местным перекупщикам. — Так хорошо платят, что хватает на шёлк? — скептически заметил Клем. — За редкие масти — да. Аристократы запрягают таких лошадей в повозки, кичатся друг перед другом. У них собственные конюшни и там в основном лошади редких мастей. Это показатель статуса. За болтовней они не заметили, как добрались до гостиницы — четырёхэтажного здания с квадратными окнами и вывеской у входа: «Дом гостиничного типа «Маска»». — Вот тут я и живу! — объявил Данте. — Ничего себе! — Клем рот разинул. Но ещё сильнее он был поражен, войдя внутрь. — Есть хочешь? На первом этаже трактир, — сказал Данте. — Не откажусь. — Лучше заказать ужин в комнату, — Данте подошёл к высокому столу в холле, за которым сидел сеньор Нестор, увлечённый чтением газеты. — Пришли наконец-то. — Меня никто не спрашивал, сеньор Нестор? — Нет. — Ко мне брат приехал, может он сегодня переночевать здесь? — Да пускай ночует, мне не жалко, — хозяин заулыбался, оглядев Кlemente. Тот, сняв шляпу, улыбнулся в ответ. Спустя полчаса Данте и Кlemente, сидя в комнате за низеньким столиком, уплетали ужин, состоящий из поджаренных с луком куропаток, свежих фруктов, ароматных булочек с повидлом и крепкого чая. Кlemente не переставал удивляться, разглядывая обстановку. — Да, устроился ты знатно! Мне нравится здесь! Уютно, просторно. Я бы не отказался пожить самостоятельно в таком месте. — Так кто мешает? — фыркнул Данте, запихивая в рот куропаткину ножку. — Уходи из дома, приезжай сюда. Комнат сдаётся тут — пруд пруди, а сеньор Нестор хороший хозяин. — Родители меня не отпустят, да и не могу я. Всё уж. — Почему это? — Одному тут хорошо,

да. Свобода, делай чего хочешь, ходи, куда хочешь. А с семьёй нет. Да и дети потом пойдут, тесновато будет. — Не понял. Причём тут дети? Какие дети? Ты что сбрендил? — Данте постучал себе по виску кулаком. — Через два месяца у меня свадьба, — сообщил Кlemente как-то обречённо. Данте чуть не поперхнулся. — К-к-кая свадьба? Это что шутка? — Да нет, я серьёзно. Женюсь я. Хорошо, что тебя встретил. Видишь, удачно приехал. Теперь и ты знаешь. Возвращаться в «Лас Бестиас» ты, видимо, не желаешь. Я бы тоже не захотел, здорово здесь. Но на свадьбу-то приедешь? — А она точно состоится? — Данте не мог прийти в себя от изумления. — Не передумаешь? — Да поздно передумывать. Помолвка уже была. Теперь надо соблюсти срок приличия не меньше двух месяцев между помолвкой и свадьбой. Так в церкви требуют, чтоб слухи всякие не ползали. Мы и так слишком быстро обручились, а сплетники любят языки почесать. Мама настаивала, чтобы мы женились не раньше, чем через полгода после помолвки, а то и через год, но я решил ускорить процесс. Чего ждать-то? Данте сглотнул. — Помолвка... но... но... Я ничего не понимаю. Когда ты успел всё это, Клем? Две недели назад ты и не помышлял о женитьбе. — Вот взял потом и помыслил.

— А кто невеста? Хотя я догадываюсь. Это Лус? Та, из борделя? Поэтому ты приходил туда днём? Но как родители тебе позволили?

Клем вздохнул. — Ошибаешься. С Лус я ходил попрощаться. А женюсь я на Пии Лозано. — Эээ? — кроме нечленораздельного мычания Данте больше ничего не смог выдавить и уронил на пол пустую чашку из-под чая. Она разбилась вдребезги. Кlemente пожал плечами. — Не понимаю, почему у тебя такая реакция. Ты же сам хотел свести нас с Пией. Данте похлопал глазами. Вылез из-за стола, прошёлся по комнате, взял с полки другую чашку и, налив чай, сел обратно. — Значит, она тебе понравилась? — Кто? — Ну кто? Пия! В тот раз. Ты же после того ужина обратил на неё внимание? Как это получилось? — Да очень просто. После того, как ты сбежал, мама два дня пошумела, и они с папой пошли в гости к Анхелю Лозано и сосватали нас с Пией. Без нашего ведома. Явились домой и объявили мне, что через три дня помолвка. — И ты согласился? — Ну-у... родителям не принято перечить, если ты не в курсе. А кто пытается, общество его осуждает. Я, конечно, разозлился, но потом подумал: а что я теряю? С Лус мы всё равно не будем вместе. Родители воспротивятся и жениться на ней мне не позволят. Да и в церкви нас не обвенчают. Такие, как Лус, и по улицам-то могут ходить лишь в определённое время и в определённых местах. Если я останусь с ней, в меня будут тыкать пальцами. А Пия девушка приличная. Данте наморщил нос. — Клем, что с тобой? Ты говоришь не своими словами. Почему тебе так важно чужое мнение? Да какая разница, кто и о чём станет сплетничать? Ты же любишь Лус! Или нет? — напрямую спросил Данте. — Или за это время ты полюбил Пию? — Я люблю Лус, — безразлично сказал Кlemente. — Тогда я не понимаю. Я не понимаю такую любовь! Зачем ты женишься на Пии? — Данте в ярости пнул ногой остатки чашки, и они разлетелись по углам. — Как можно жениться на нелюбимой женщине? Ты же загубишь жизнь и себе, и Лус, и Пии. Вы все будете страдать. Зачем? За любовь надо бороться! — Ты же сам меня уговаривал забыть о Лус. — Нет, ты не слышишь меня. Если бы ты разлюбил Лус и полюбил Пию, это меняло бы дело. Но любя одну, жениться на другой... — Есть одно большое НО: Лус меня не любит. По-твоему, что я должен делать? Как я могу бороться за любовь, которой нет? Что бы ты сделал на моём месте: добивался бы той, что не любит, стучался в запертую дверь? Нельзя заставить кого-то себя полюбить. — Я бы остался один, — сказал Данте. — Если твоя любовь к Лус настоящая, то она не умрёт и

не уйдёт, что бы ты не делал, и как бы ты не выдавливал её из себя. А если ненастоящая, то её вылечит время. И придёт настоящая, та, единственная, которую полюбишь ты, и которая полюбит тебя. То, что ты хочешь сделать, — безумие. Ведь Пия тоже имеет право на счастье. Не губи её, она ещё встретит его, своё счастье. — Думаю, я ей нравлюсь, — отозвался Кlemente. — Похоже, в тот раз она в тебе разочаровалась. Поздравляю, ты добился своего! А я обо всём подумал. Я признался Лус в любви, она сказала, что не любит меня, и я принял решение. И не стану его менять. — Давай-ка спать, — вдруг прервал беседу Данте, взглянув на темноту за окном. — Ночь уже. Мы ещё это обсудим. Утром всегда приходят мысли разумнее, чем вечером. Подушка — лучший советчик. Кlemente не протестовал. Данте уступил ему кровать, а сам лёг на софу. Но заснуть так и не смог. Часы пробили полночь, а юноша всё ворочался. Какой безумный день сегодня! Несостоявшееся свидание с Эстеллой, примирение с Кlemente и эта неожиданная новость — Клем женится на Пии. Да, он совершает глупость, но как он, Данте, может ему помешать? Связать верёвкой и не пустить в церковь венчаться с Пией? Глупо. И он не имеет на это морального права. Кlemente мерно посапывал; Янгус дрыхла, воткнув клюв в спину, но к Данте сон решительно не прилипал, и он вышел на балкон. Задрал голову вверх, рассматривая ночное небо. Да, Эстелла правду говорила, на этом берегу реки звёзды иные: мельче и дальше.

Сейчас небо напоминало кусок чёрного бархата, где некий растяпа-богач рассыпал горсти алмазов.

Данте глянул вниз. Тротуар освещали яркие фонари. Ветер колыхал верхушки деревьев и раздувал волосы на голове. Данте закрыл глаза, подставляя лицо прохладному воздуху. Потом открыл и, метнув взгляд на близлежащее дерево, вздрогнул. На фоне раскидистой кроны вырисовывался чей-то силуэт. Данте пригляделся. Светло-зелёное платье, корсет, тонкие ручки в ажурных митенках, длинные волосы. Девушка! Данте перегнулся через перила по пояс, грозясь навернуться с третьего этажа. Девушка, пройдя чуть вперёд, обняла себя руками — плечи её были обнажены. Свет фонаря упал на её лицо, и Данте чуть не брякнулся с балкона. Это была Эстелла. С лихорадочно бьющимся сердцем Данте вбежал в комнату. Зацепился рукавом за птичью жердь. Янгус проснулась и недовольно запыхтела, но юноша не обратил на это внимания. Что Эстелла здесь делает? Да ещё в тонком платьице на ледяном ветру. Совсем с ума сошла! Данте выругался про себя и, выдвинув ящик комода, нашёл там плащ. Натянул штаны, сапоги, рубашку и редингот и выскочил из комнаты. Ринулся вниз по лестнице, путаясь в собственных ногах. Холл уже опустел, свечи были потушены, входная дверь заперта изнутри. Данте потянул рычажок — щеколда со скрипом открылась. — Тсс-с-с... не скрипи, ты, чтоб тебя! — если бы Данте мог, он бы затопал на щеколду ногами, но тогда разбудил бы весь дом. Сеньор Нестор не запрещал водить гостей днём, главное — не шуметь, но вот к ночным похождениям он был категорично строг и их пресекал. Данте, бесшумно закрыв дверь, бегом кинулся туда, где видел Эстеллу. А вдруг она ему померещилась? Ну что Эстелла будет здесь делать в час ночи? Но девушка оказалась не приведением. Бледно-зелёное платье выглядывало из-за дерева — она стояла, прижимаясь спиной к стволу. — Эсте, — позвал Данте. Она обернулась. Через мгновение они уже сжимали друг друга в объятиях. — Сумасшедшая... — шепнул Данте. — Как ты здесь оказалась? Ты же совсем замёрзла! Эстелла судорожно вцепилась в Данте, боясь, что он вот-вот исчезнет. Юноша набросил ей на плечи плащ, столь широкий, что девушка в нём утонула. — Прости, что я не пришла утром, — всхлипнула Эстелла, тычась носом Данте в шею. — Я не смогла вырваться из дома. Я свалила дурочку, послала тебе записку, а сама не

сумела отвязаться от мамы и сестры. Они теперь повсюду за мной ходят. Не знаю, что им надо. Я сбежала только, когда они легли спать. Пришла сюда и поняла, что не знаю, как тебя вызвать. Я же не могла постучаться и сказать, чтобы меня пустили к тебе. Это же гостиница! Боже, мне так стыдно! Ночью пришла к мужчине в гостиницу... Я... я... просто хотела тебе объяснить, я... Данте вместо слов накрыл губы Эстеллы своими. Тёплый ворсистый плащ на плечах; такой родной ей запах мяты, исходящий от волос Данте; нежные поцелуи — всё это сводило Эстеллу с ума, бросая её в омут невероятных ощущений. Он целовал её медленно, неспешно, жарко. «Вот сегодня, наверное, это и произойдёт», — мелькнула у Эстеллы мысль в голове. Сейчас Данте поведёт её к себе. А она не выпила отвар, как советовала бабушка. А ведь она обещала себе ночью с Данте не встречаться. Хотя глупо сопротивляться неизбежному. Это всё равно произойдёт. Хочет ли она сейчас прижаться к его обнажённой груди, уснуть в его объятиях? Да! Хочет! Она так его любит, и если он её позовёт, она пойдёт. Но Данте не спешил приглашать Эстеллу в свои апартаменты и чувствовал себя неловко. Эстелла пришла к нему сама, замёрзла, конечно, он должен позвать её к себе, согреть, накормить, приласкать и оставить на ночь. Но чёрт возьми! Ну как всё не вовремя! Он не может сейчас позвать Эстеллу вверх. Там же Кlemente! А Эстелла ощущала глухое разочарование. Ну почему он медлит? — Девочка моя, ты сильно замёрзла? — виновато спросил Данте, сжимая изящные пальчики Эстеллы в своих. — Нет, я уже согрелась. Спасибо за плащ. — Тогда, если хочешь, пойдём погуляем?

— Погуляем? — Эстелла похлопала ресницами, не веря тому, что слышит. Он не тащит её в кровать? Невероятно! — Ты... ты хочешь погулять?

— Да, дело в том, что ко мне приехал брат, вот прямо сегодня, и он остановился у меня, — Данте решил сказать, как есть. — Я не могу тебя сейчас позвать к себе. Понимаешь, только не обижайся... Я не хочу ему говорить, что у нас всё зашло так далеко, и... я не хочу тебя смущать, и... Эстелла вдруг громко рассмеялась, слушая, как Данте сбивчиво пытается ей объяснить, почему не тащит её к себе в кровать. — Почему ты смеешься? — Какой же ты милый! Я никогда таких, как ты, не встречала! Не надо мне ничего объяснять, пойдём гулять! Я и не собиралась подниматься к тебе. За кого ты меня принимаешь? Они бродили по улицам, кутаясь в плащ и прижимаясь друг к другу. Смех, поцелуи, разговоры смешались воедино. Опомнились они, когда чёрный бархат на небе сменился серо-розовым шёлком приближающего рассвета. — О, боже, Данте, мне пора идти! — спохватилась Эстелла. — Надо влезть обратно в комнату, пока все не проснулись. — Но, Эсте, как же ты сама туда залезешь? — За домом есть лестница, ей садовник пользуется. Я её подставляю к балкону и влезу. Не переживай. — Я тебя провожу. — Ни в коем случае! Прислуга встаёт рано. Нас могут увидеть! Они дошли до «Маски» и остановились на углу. Эстелла хотела снять плащ, чтобы вернуть его, но Данте её удержал: — Оставь себе. Пока дойдёшь до дома, ты замёрзнешь. У тебя руки голые. — Да, я не подумала о нормальной одежде. Не до этого было. Надела первое, что попало под руку. — Безумная. Эсте, я так тебя люблю, так люблю, — Данте целовал девушке ручку, пальчик за пальчиком. — Данте, я... я люблю, люблю тебя, — шепнула Эстелла, заливаясь краской. Она высвободилась из объятий и побежала по дороге. Тёмно-синий плащ, как крылья сказочной птицы, парил за её спиной. Данте, проводив Эстеллу взглядом, вздохнул и пошёл к двери.

Когда Данте вернулся в комнату, Кlemente и Янгус уже проснулись. Войдя в дверь, Данте удивился — его птица прыгала по жёрдочке туда-сюда, вопя так, что её наверняка

было слышно в соседнем квартале. — Янгус, ты почему так кричишь? — укоризненно шикнул Данте. — Тише, весь дом разбудишь! Янгус перелетела с жёрдочки к Данте на плечо. Орать она перестала, но вела себя беспокойно: тянула юношу за волосы и трясла крыльями. Данте, погладив птицу по грудке, вышел на балкон. Клем в эту минуту любовался на центральную мостовую. — Ты где был? — спросил он не оборачиваясь. — Так, прогулялся тут неподалёку, — уклончиво ответил Данте. — Я проснулся, а тебя нет. Удивился, куда это тебя понесло в такую рань. — Не спалось мне, — Данте уцепился за перила, глядя вдаль, где в розово-золотых отблесках рассвета торчали крыши богатых домов: острые и плоские, белые, красные, серебристо-синие и травянисто-зелёные, увитые плющом, с флюгерами и лепниной. — Красивый вид отсюда, правда? Клем заглянул Данте в лицо. — Ничего особенного. Я предпочитаю вид на пастбища и сельву, чем на богатый квартал и экипажи с расфуфыренными аристократами. О, вижу ты не разделяешь моё мнение, — усмехнулся он. — Ты изменился. Тебя заморозил город, это плохо. Перестань мечтать о невозможном. Таким как мы, никогда туда не попасть. — Я и не думал об этом, — пробурчал Данте покраснев. — Вот и не думай. Это не наш мир, спустись с облаков на землю сам, иначе кто-нибудь столкнёт насильно, а падать очень больно. Кстати, я ждал, когда ты вернёшься. Хотел проститься. Я уезжаю домой. — Уже? — А смысл здесь торчать? С наступлением рассвета на улице появились прохожие — в основном домашняя прислуга: прачки, кухарки, горничные. Одни ходили туда-сюда, ожидая открытия многочисленных лавочек; другие тащили корзины с бельём в прачечную, расположенную в соседнем квартале. Зеленщики и торговцы рыбой, мясники и колбасники, кондитеры и продавцы специй открывали ставни своих заведений.

Толстый аптекарь, похожий на обожравшегося кота, стоя на углу под огромной вывеской: «Аптека «У Сантоса»: травы, медикаменты, средства гигиены», курил трубку и приветствовал всех ленивыми кивками головы.

— Давай хотя бы дождёмся, когда откроется трактир. Надо позавтракать, ехать ведь далеко, — сказал Данте. — Угу, ты мне вчера так и не ответил, приедешь ты на свадьбу или нет? — Ну конечно приеду, — вздохнул Данте. — Послушай, Клем, я не собираюсь тебя отговаривать или убеждать в чём-либо, это твоя жизнь, но... — Вот давай и обойдёмся безо всяких «но», — перебил КLEMENTE. — Уговаривать меня не надо, я принял решение, и я не из тех, кто отказывается от своих слов. Я женюсь на Пии и точка. Свадьба уже назначена. Надеюсь, ты больше не исчезнешь и мне не придётся искать тебя по всему вице-королевству. — Не исчезну, — уверил Данте. — Я ещё хотел сказать, точнее попросить... — О чём? — Не говори своим родителям, что видел меня. Не говори им, где я, и не давай никому мой адрес. Прошу тебя. — Но почему? Ведь они волнуются! — Я не хочу их видеть. По крайней мере сейчас. — Значит, ты так и не простил маму? — Не важно, — Данте встряхнулся, как мокрый зверёк. — Просто не говори им и всё. Или они сюда явятся, начнут меня поучать. Да ещё твоя мать со своей церковью, — Данте запнулся. — Я приеду сам к тебе на свадьбу. — Хорошо, я не скажу, — согласился Клем, — но это будет сложно. Врать я не умею, особенно родителям, но я постараюсь. Не хочу, чтоб ты опять говорил, что я предатель. Позавтракав, Данте и КLEMENTE попрощались крепким рукопожатием. Данте провожал брата взглядом, пока тот, сидя верхом на рыжей кобыле, не скрылся за углом. Данте вернулся к себе и устало прилёг на софу. Закрыв глаза, улыбнулся, всё ощущая на губах поцелуи Эстеллы. Ах, если бы сегодня ночью она опять к нему пришла! Он бы её не отпустил, целовал бы, ласкал всю ночь, до утра.

Эстелла сидела в кресле, глядя в одну точку. Ночное приключение повлияло на неё странным образом. Она любит Данте. Нет, не просто любит, жить без него не может. Но Эстелла не чувствовала себя счастливой, напротив, ей хотелось плакать. Казалось бы, встреча с Данте должна была вознести её до небес, а она испытывает страх, неуверенность, усталость и желание, чтобы всё стало, как раньше. Она хотела любить Данте и не хотела одновременно, будто в её груди бились два сердца, которые спорили между собой: одно тянуло вперёд, к Данте, а другое пятилось назад и не пускало. Хорошо было бы родиться мышкой, спрятаться в норку ото всех проблем и подождать, когда они разрешатся сами. Именно мышкой себя Эстелла и ощущала, только мышкой, у которой норки нет. Бездомной и никому ненужной маленькой мышкой.

За дверью раздались торопливые шаги. Эстелла едва утёрла слезы, как в комнату без стука влетела Сантана. Эстелла не удивилась её появлению — она ждала подругу с минуты на минуту, но Сантана ворвалась как ураган, чем Эстеллу озадачила. — Санти, дорогая, что случилось? Сантана, взглянув на Эстеллу трагически, вместе со всеми многочисленными юбками плюхнулась на кровать. — Бежала по лестнице, чуть ногу не сломала, — объяснила она, переводя дух. — Почему? — Сейчас такое было, ТАКОЕ, даже не знаю как тебе сказать! — Ты меня пугаешь... На тебя кто-то напал по дороге? — Нет, точнее не совсем, и не по дороге. Уф-ф! Я пришла минут двадцать назад. — А чего ж сразу не поднялась? — наморщила носик Эстелла. Сантана встала, подойдя к двери, выглянула наружу. Повернула ключ в замке и продолжила: — Захожу я, значит, в дом — Урсула мне открыла. Дошла до гостиной, даже опомниться не успела, как на меня налетела твоя мамаша. За руку схватила и поволокла в кабинет. — И? — Эстелла вытаращила глаза. — Что ей было надо? — Стала меня допрашивать: мол, правда ли то, что ты нашла себе кавалера и всякое такое. Эстелла побелела. — Я ответила, что это неправда и спросила у неё, с чего она это взяла. А она прямо в лицо мне заявила, что подслушала наш с тобой разговор. Ну помнишь, когда ты мне рассказала, как ты целовалась с Данте? Эстелла сползла с кресла на пол, прижимая руки к губам. — Она всё знает, боже мой! Мама знает, что я встречаюсь с Данте, поэтому и ходила за мной по пятам! И ещё и Мисолину подговорила делать тоже самое. Ох, что же теперь будет? — Да ты, погоди, успокойся. Она меня стала расспрашивать, знаю ли я, кто он такой, как давно ты с ним встречаешься и всё прочее. Я сказала, что никакого кавалера нет. А то, что она слышала — это ты мне пересказывала недавно прочитанный любовный роман, очень откровенный, с поцелуями и прочим. Я даже название на ходу придумала «Любовь графини де Буляр», — Сантана хихикнула. — И мама поверила? — похлопала ресницами Эстелла. — Ммм... не уверена. Точнее, она... эмм... не знаю, надо ли тебе это говорить. — Надо! — убеждённо воскликнула Эстелла. — Но я не хочу тебя настраивать против матери. — Санти, скажи мне всё, как было! — В общем... она... она мне предложила деньги, — тихо сказала Сантана. — Что? — Ага, сказала, что заплатит много золота, если я ей расскажу, с кем ты встречаешься, кто он такой, где живёт, ну в общем всё-всё-всё. — А ты? — Ты меня обижаешь! Неужели какие-то деньги могут стоить нашей дружбы? Да ни за что! Я никогда бы не предала тебя, тем более за деньги. Я ей так и сказала и настаивала на истории про любовный роман. Наплела чушь, что ты рассказывала мне сюжет, представляя себя героиней. Это было первое, что взбрело мне в голову. Твоя мать такая злая и подлая, ещё хуже, чем тётя Амарилис. Тётя строгая, но она справедливая. А твою мать я даже боюсь, прости.

— Сомневаюсь, что мама поверила, — вздохнула Эстелла. — Но всё равно спасибо тебе, Санти. Ты моя самая лучшая подруга! Что бы я без тебя делала? — Эстелла порывисто обняла Сантану. — Если мама спросит, я буду придерживаться твоей версии про любовный роман. Но теперь... теперь... — Эстелла всхлипнула, — я же теперь не смогу видаться с Да...

— Тсс-с... — Сантана приложила палец к губам. — Здесь, в доме, обсуждать это опасно, — она опять выглянула за дверь. — Никого, но всё равно давай-ка выйдем на балкон в целях безопасности. Из соседнего окна нас могут слышать? — Эмм... рядом с моей спальней пустая гостевая, потом комната, где живёт дядя Эстебан, а самая последняя — бабушкина. У Мисолины, Хорхелины и мамы с Арсиеро окна и балконы выходят на другую сторону. — А снизу? — Под моей комнатой малый кабинет. Это был кабинет дедушки Альсидеса, но после его смерти, бабушка заперла его на ключ, и там никто не бывает. Девушки вышли на балкон и Сантана затараторила вполголоса: — Я что хотела сказать: встречаться тебе с Данте сейчас опасно. Ты же понимаешь? — Угу, но я опять с ним встречалась. — Когда? Под носом у матери? — Можно сказать под носом. Вчера ночью вылезла в окно и пошла к нему в гостиницу. — Сама? Одна ночью в гостиницу к мужчине? Да ты рехнулась! — всплеснула руками Сантана. — У вас что-то было, да? — В каком смысле? — В том самом. Ты с ним спала? — напрямую спросила Сантана. — Не-ет, ты что, конечно, нет! — запротестовала Эстелла, заливаясь краской. — Мы только целовались. — Но ты же была в его номере. Эсти, это неприлично, совсем неприлично. Ты ему сама себя предложила, понимаешь? — Но я не заходила внутрь. Я была возле гостиницы, а Данте меня увидел с балкона и вышел. — Ну тогда ладно, — успокоилась Сантана. — Но всё равно это безрассудство. Тем более в свете последних событий. — И что мне делать? — Не встречаться с ним. Эстелла чуть не вскрикнула. — Но я не могу! Я не смогу. Я его люблю! — Говори тише, — предостерегла Сантана. — Всё это случилось из-за нашей неосторожности. Кто же знал, что твоя мать шпионила под дверью? Я не имела ввиду расстаться с ним навсегда. На время, пока всё не уляжется. — Но... но... — Эстелла всхлипнула, — я не могу с ним расстаться даже на время. — Эсти, это единственный здравый выход. Надо усыпить бдительность твоей матери и сестры. Ты же сама сказала, что они на пятки тебе наступают, а если ты будешь бегать на свидания по ночам, тебя поймут с поличным. Вот тогда будет настоящая катастрофа! Вы должны повременить со встречами, только и всего. Твоя мать сейчас захочет убедиться в правдивости моих слов, поэтому тебе надо прикинуться святой. Они увидят, что ничего не происходит, и ослабят слежку, и ты опять будешь с ним встречаться. Только осторожней, а то попадёшь в историю. Не уступай ему, не вздумай ложиться с ним в постель! — наставляла Сантана. — Ему это не грозит последствиями, а вот у тебя могут быть крупные неприятности. Закрыв лицо руками, Эстелла разревелась. — Я знаю, что ты права, Санти, но я его люблю, я не могу с ним расстаться. Ты не знаешь, что со мной происходит, когда я вижу Данте. Он меня околдовал. Я запуталась, не знаю, что делать, я... я хочу быть с ним и в то же время не хочу. Мне страшно... Это чувство такое, такое... огромное, как небеса. — Да ты совсем помешалась! Правду в книгах пишут, любовь — болезнь. Ты им одержима. Это ещё один повод повременить со встречами. Сантана, сходя в комнату, принесла Эстелле стакан воды. — На-ка выпей и не реви. — Но ведь Данте... Как я ему скажу, что пока не могу с ним встречаться? — Эстелла совсем ослабла под натиском подруги. — Ммм... ты ведь знаешь его адрес? Напиши ему письмо. — Но... но... если я пошлю Дуду с письмом к Данте, вдруг мама на него надавит, и он расскажет

куда ходил?

— В тебе проснулся здравый смысл, наконец-то! — обрадовалась Сантана. — Да, мальчишку посылать опасно. Вот что: давай-ка пиши письмо сейчас. Тётя Амарилис принимает важных гостей, а я смылась. Хотя она была рада, что я не буду крутиться у неё под ногами. Так что я сегодня без контроля, могу сама зайти к твоему Данте и отдать письмо ему лично в руки.

— Санти, ты, ты... ты просто ангел! Как хорошо, что ты у меня есть! — Эстелла опять разревелась. — Так, всё, хватит ныть, садись и пиши. Вытерев слёзы кружевным платочком, Эстелла села за столик, взяла нежно-зелёный пергамент, белоснежное страусовое перо и вывела: «Милый мой Данте, наверное, после того, что было между нами, моё письмо покажется тебе странным...»...

День Данте прошёл в ожидании новостей от Эстеллы. После отъезда Клема он отправился на охоту, чтобы проветрить мысли и прогулять Алмаза.

Вернулся к вечеру, пригнав пару рыжих лошадей с чёрными пятнами по бокам. Привязал их в гостиничной конюшне, почистил и накормил, но так и не отвлёкся от мыслей об Эстелле. Эта девушка, такая нежная, хрупкая, невинная, буквально его приворожила. Никогда ещё Данте так не терял голову от любви.

Как только Данте и Янгус вернулись в «Маску», птица опять взбесилась. Тряся крыльями, она верещала Данте прямо в ухо. — Янгус, да что с тобой такое? Почему ты так себя ведёшь? Ты не заболела? — обеспокоенно заметил юноша. Он и сам был взвинчен, наверное, Янгус чувствовала это и вела себя под стать хозяину. Данте нарезал круги по комнате, хотя и дьявольски устал. Сна не было ни в одном глазу. Да и вдруг Эстелла опять придёт ночью, а он возьмёт и всё проспит? Янгус с остервенением клевала киви, выбрасывая кожуру на пол. Когда в дверь постучали, птица громко вскрикнула. Вошёл сеньор Нестор, и Янгус утихла. — Простите за вторжение, Данте. Но к вам пришли. — Ко мне? Кто? — Сеньорита. Богато одетая и очень красивая. Ожидает вас в холле. Сердце Данте пропустило удар. Эстелла! Заметив, как юноша изменился в лице, сеньор Нестор удалился, хихикая себе под нос. Данте метнулся к двери, но тут Янгус, спорхнув с жерди, села к нему на голову, больно вцепившись когтями в волосы, и зашипела по-змеиному. — Янгус, да что с тобой сегодня? — изумился Данте. — Ты не хочешь, чтобы я ходил? Но ведь там Эстелла... Тебе же нравится Эстелла, я знаю. Но птица продолжала шипеть. Данте решил: она хочет, чтобы он взял её с собой. Они вышли, и птица спустилась к Данте на плечо, широко открывая крылья, будто собиралась взлететь. Данте, отвлекаясь на странное поведение Янгус, шёл по коридору третьего этажа, не глядя вперёд, и ВДРУГ... толчок. — Ой, прошу прощения, я не специально, — юноша смутился, увидев, что толкнул женщину. — Ничего страшного, всякое бывает, — прозвучал низкий голос. Янгус вновь зашипела и, ухватив Данте клювом за волосы, потянула их на себя. — Занятная у вас птица, — сказала женщина. Янгус агрессивно щёлкнула клювом. Одетая во всё чёрное, женщина стояла вполоборота. В потёмках Данте не разглядел её лица, но к горлу вмиг подкатила тошнота, и дикая ненависть захлестнула Данте. Интуиция его никогда не подводила. Он чувствовал людей, испытывая к одним необъяснимую симпатию, а к другим стойкую неприязнь без веских на то причин. — Извините, я спешу, — выдавил Данте и пустился прочь. Какая отталкивающая особа! Карие глаза дамы вспыхнули, став ярко-жёлтыми. Усмехаясь, она ушла вперёд и растворилась во тьме коридора. Данте так мчался, что зацепился одним каблуком за другой и чуть не

брякнулся с лестницы. Вот дьявол! Женщина в чёрном оставила в душе его неприятный осадок. Но плевать на неё! Наверное, она плохой человек и он это почувствовал, вот и всё. Но сейчас это не имеет значения, ведь к нему пришла Эстелла, она ждёт его внизу! Надежда лопнула, как только он оказался в холле и увидел посетительницу. Девушка стояла спиной, на ней было длинное синее платье с бахромой и голубая шляпка-чепец с цветами.

Данте с ходу определил, что она выше Эстеллы и шире в кости.

— Сеньорита, вы хотели меня видеть? — спросил он, скрывая разочарование. Девушка обернулась, уставилась на него не мигая. — Вы Данте? — Да. — Я пришла от Эстеллы. Я её подруга. Меня зовут Сантана. Я принесла вам письмо, — она не сводила с юноши и его птицы круглых карих глаз. От столь откровенного разглядывания Данте смутился. Сантана, развязав тряпичную сумочку, вынула пергаментный конверт, протянула его Данте. — Спасибо. Это всё? — В общем да. Хотя я могу вам рассказать вкратце, что случилось, — пояснила она. — Мать Эстеллы подслушала наш с ней разговор и узнала о ваших встречах. Эстелла решила, что ей с вами видеться небезопасно. Да и, по правде сказать, — Сантана снова изучающе оглядела Данте, — я могу понять, почему она обратила на вас внимание, но будет лучше, если вы оставите Эстеллу в покое. — Это ещё почему? — Данте начал злиться. Какого чёрта эта наглая девица вмешивается не в своё дело? Но он прикусил язык. Вдруг Эстелла обидится, если он нагрубит её подруге? Янгус, сидя на плече хозяина, молча вертела головой, зыря на Сантану. — Потому что из этого не выйдет ничего хорошего, — продолжила Сантана. — Вы сделаете её несчастной, да и сами попадёте в беду. Вы не знаете её мать, о, это ещё та гадюка! И семья Эстеллы никогда не захочет породниться с вами. Эти истории заканчиваются счастливо только в книгах, в реальной жизни они обречены. И лучшее, что вы можете сделать — позволить Эстелле жить так, как она жила всегда. Без вас. Это всё, что я хотела сказать. Прощайте. Махнув рукой, Сантана прикрыла за собой тяжёлую входную дверь. Данте стоял как вкопанный, прижимая к себе письмо. Сеньор Нестор бросил на юношу лукавый взгляд, и Данте, прочитав в нём насмешку, еле сдержался, чтобы не запустить в хозяина цветочным горшком. Он развернулся и побежал вверх по лестнице. Янгус только крыльями помахивала, удерживая равновесие. «Милый мой Данте, наверное, после того, что было между нами, моё письмо покажется тебе странным, но, долго размышляя над этим вопросом, я поняла, что нам нужно расстаться. Моя мать узнала о наших встречах, и теперь ходит за мной по пятам. Если мы продолжим совершать безрассудства, то непременно попадёмся. Мне очень страшно. Я весь день сегодня плакала, думая о тебе. Наверное, было бы лучше, если бы мы никогда не встречались. Тогда каждый из нас жил бы своей жизнью без боли, без страданий, без сожалений и без любви. Но я хотела полюбить, я мечтала о любви, читая о ней в книгах и представляя себя их героиней. Я ждала, когда моя любовь придёт, и она пришла. Хотела бы я жить без любви сейчас, наконец, испытай её? Нет, даже если придётся страдать. Но моя любовь к тебе слишком сильна, она превратилась в болезнь, сделала меня своей рабой. А я всегда гордилась тем, что могу рассуждать здраво и не изменять себе, но теперь я совершаю ужасные поступки. Прошу тебя, дай мне время. Не преследуй меня и не ищи со мной встреч, этим ты можешь серьёзно мне навредить. И умоляю, не присылай больше свою птицу с записками! Она так привлекает внимание, что всякий раз я боюсь, как бы слуги её не застрелили. Я не знаю, как мне жить без тебя. Я так тебя люблю, если бы я могла, я бы пошла с тобой на край света. Но я не могу. Наверное, я трусиха. Не держи на меня обиды. Прощай. Эстелла. P.S. не пугайся, когда письмо тебе принесёт Сантана. Это моя подруга, она обо всём знает, и ей можно доверять.

Мы с тобой слишком разные и будет лучше нам забыть друг друга навсегда, покориться обществу и Богу и не идти против них». Последняя строчка-приписка, выведенная в самом низу листа, Данте смутила. Он несколько раз перечитал письмо. И чем дольше он в него вчитывался, тем больше понимал — написанное в начале мало стыкуется с конечной фразой. Никогда Эстелла не говорила, что должна покориться кому-то, да ещё и богу, ведь она не была набожной.

Это не свойственно той Эстелле, что признавалась ему в любви и не испугалась его магии; той, что вылезала через балкон и ночью прибегала к нему на свидание; той, что мечтала стать лекарем, вопреки мнению патриархально-богобоязненного общества, где царили полное бесправие женщин и жёсткая власть мужчин-тиранов.

Внутри у Данте что-то сжалось. Вздохнув, он спрятал письмо под рубашку, ближе к сердцу. Интуиция колдуна, сверхчувствительная, болезненная, и сейчас его не подводила, крича: здесь что-то не так.

Войдя в спальню, Эстелла застала своеобразную картину: ящики комода были выдвинуты; вещи раскиданы; шёлковое платье цвета фиалки валялось на полу. На нём красовались объёмная дыра и следы чьих-то грязных подошв. Эстелла не расстроилась из-за платья, напротив, ей стало весело. Девушка даже не сомневалась: всё это — дело рук завистливой Мисолины. Как только сегодня за завтраком Арсиеро объявил, что они вечером идут на бал в дом Амарилис, Мисолина вздумала пакостить. С утра она попыталась вылить на голову сестре охровую краску, но к вящему её неудовольствию вовремя подоспела Урсула и уберегла волосы Эстеллы от участи быть выкрашенными в жёлтый цвет. Но и после обеда Мисолина не успокоилась. Когда сёстры вдвоём шли по лестнице, она, с радостным криком: «Сломай себе шею, уродина!», подставила Эстелле подножку. Эстелла чудом не скатилась вниз — ухватилась руками за перила. И вот теперь Мисолина испортила ей бальное платье. Но это ерунда. Эстелла привезла из Буэнос-Айреса кучу нарядов, которые Мисолина и в глаза не видела. Часть их не вошла в шкаф и нынче пылилась в сундуках под кроватью. В общем-то, Эстелла даже могла бы поблагодарить Мисолину — сестрица, сама того не ведая, развлекала её весь день. Если бы не эти выходки, Эстелла сошла бы с ума от тоски по Данте и чувства неизвестности. Она понятия не имела, удалось ли Сантане передать письмо. А теперь ещё и бал. Эстелла не хотела туда идти, но бал будет в доме у Сантаны, так что она расспросит подругу обо всех деталях её встречи с Данте. Открыв большой коричневый сундук, Эстелла вытащила алое платье из тончайшего японского шёлка, расписанного по подолу крупными розами, и с корсажем, усыпанным рубинами. Мерцающие камушки напоминали капельки крови. Ох, это платье ей невероятно идёт! Красный — цвет страсти, любви и её войны с обществом за личное счастье. Глядя на платье, Эстелла ощутила прилив некой внутренней силы и пожалела, что послушалась Сантану. Чего ей бояться? Разве она совершила что-то ужасное: украла, убила, предала? Нет. Просто полюбила. Но разве любовь — грех? Она всего-то хочет быть рядом с человеком, которого выбрало её сердце. И кому нужны эти глупые предрассудки и условности? Уж точно не им с Данте. Разложив алое платье на кровати, Эстелла взяла изорванное, вышла в коридор и громко постучала в противоположную дверь — комнату Мисолины. Минут пять никто не отзывался, но Эстелла знала: сестрица у себя и уже прихорашивается к балу. Сейчас она ей покажет! И Эстелла со всей силы пнула дверь ногой. Мисолина соизволила выйти. — Чего тебе, ты что пинаешь мою дверь? Совсем дура? — спросила она приторно-ленивым тоном. — Это ты дура, ты

сейчас у меня схлопочешь, крокодилица! — и Эстелла накрутила испорченное платье Мисолине на голову. С волос той посыпались шпильки и лепестки искусственных лилий. — АААААА!!! Отпусти-и-и!!! Идиотка, я только что сделала причёску!!! — В следующий раз не будешь рвать мои вещи! — Эстелла отпустила сестру, надев платье ей на шею. — Я тебя ненавижу! — захныкала Мисолина. — Когда-нибудь ты за всё ответишь, придёт и такой день. — Не вой и убери с головы похоронный венок, он тебе не идёт, — насмешливо посоветовала Эстелла и удалилась к себе, заперев дверь на ключ.

Спустя три часа, Эстелла, в своём шёлковом наряде и с алмазной тиарой на кудрях, уже садилась в экипаж. Арсиеро и Роксана уехали вперёд, дабы встретиться с некими важными персонами. Эстебан в последнее время повадился исчезать куда-то без предупреждения, но обещал прийти позже. Хорхелина, всё ещё замотанная бинтами, осталась дома. Так что в экипаже находились Эстелла, бабушка Берта в фиолетовой шляпе с перьями и зарёванная Мисолина в платье цвета янтаря. Испорченную причёску её прикрывала сеточка, усыпанная чёрными жемчужинами — подарок Арсиеро на день её рождения.

Эстелла, чтобы не видеть физиономию сестрицы, смотрела в окно. Нет, она неправильно поступила, написав Данте это письмо. Конечно, Сантана желает ей добра, но она сторонний наблюдатель. Она не знает что творится у Эстеллы в душе. А Эстелла поняла одно: за свою любовь она будет бороться. Ради этой любви она вынесет и укоры, и скандалы, и позор, и ненависть. Даже если в неё будут тыкать пальцами и обзывать дурными словами, она не расстанется с Данте. Завтра же пойдёт к нему и, если он захочет, она останется в его объятиях навсегда. Разглядывая проносящиеся мимо кустики и деревья, Эстелла думала о зелёных зарослях сельвы, о тёплой воде в реке, о белоснежных облаках, плывущих в вышине небес, о ветерке, ласкающем листья и травы, и о поцелуях её дорогого синеглазого всадника, скачущего во весь опор на жгуче-чёрной лошади. Вот он, тот мир, где она хочет жить! В том мире нет правил этикета, нет балов и капризных аристократов, дорогих вин и бриллиантов, но зато там есть свобода и искренность и нет места лицемерию, злословию и лести. Это мир, наполненный запахом свежей травы, мир, в котором живет её первая и единственная любовь.

===== Глава 17. Ревнивцы и ревнивицы =====

Блеск начищенного паркета отражался в пламени свечей и в глазах взволнованных девушек, которые, как стайки пёстрых колибри, заполнили просторную залу. Их яркие платья, причёски с цветами, бантами, лентами и драгоценными камнями, лица, прикрытые шёлковыми и кружевными веерами и веерами из перьев, мелькали тут и там.

Оркестру, специально приглашенному из Буэнос-Айреса, отвели место по левую сторону от мраморной лестницы. Под его аккомпанемент по центру залы кружились в танце парочки.

Замужние молодые дамы, пожилые женщины и вдовы разместились у противоположной, зеркальной, стены на канапе, обитых розовым жаккардом. Обсуждали детей, мужей, славящегося своими молебнами падре Антонио и крамольное поведение некоторых особ. Бабушка Берта беседовала с длинноносой дамой, одетой в тёмно-зелёное батистовое платье и всем своим видом напоминающей аиста. Они отчаянно спорили: можно ли скрестить розу с кактусом. Дама утверждала, что ни в коем случае, но Берта настаивала, что скрестить с кактусом при желании можно даже тыкву.

Из распахнутых дверей кабинета раздавались споры, ругань, бахвальство и тосты. Отцы семейств, развалившись в кожаных креслах, пили виски и громко обсуждали новости. Там

находились и Арсиеро, и явившийся, будто из воздуха, Эстебан, а так же Роксана — единственная из дам, кто предпочитала женской компании мужскую.

Мисолина стояла в кучке других девушек, шепча что-то на ухо рыжеволосой Соль — своей подружке. Сантана и Амарилис бегали туда-сюда, занимаясь праздником, а сеньор Норберто — мужчина с лысиной, горбоносый носом и седыми бакенбардами, уже набрался виски и теперь отчаянно размахивал тростью, пытаясь вставить реплику в извечный мужской спор о политике.

Эстелла скучала в одиночестве. Ей удалось перекинуться с Сантаной лишь парой фраз, и та убежала по домашним делам. Эстелла издали наблюдала, как она носится вверх и вниз по лестнице, волоча шлейф кисейного бледно-оранжевого платья.

После возвращения домой Эстелла вышла в свет впервые, и многие на балу были ей не знакомы. Стараясь казаться неприметной, что было сложно, учитывая её яркую внешность вкупе с алым платьем, декольте которого заставляло женщин лопаться от злости, а у мужчин вызывало желание, Эстелла перемещалась по зале с бокалом пунша в руках.

Мягкие диваны, обитые плюшем цвета Мов [1], занимали элегантные молодые люди. Они пили вино, курили сигары, то и дело разрывая звуки музыки хохотом; обсуждали ставки на скачках и новости с биржи, а также юных девиц на выданье — потенциальных невест. Центром их компании был красивый черноволосый юноша. Обзывая вице-короля «никуда негодным бездарем и остолопом», он делал это с таким видом, словно рассказывал о погоде. Карие глаза, чёлка набекрень, фрак цвета вороньего крыла, надменное лицо — всё это делало молодого человека королём вечера. Девицы едва не сворачивали себе шеи, плясь на юношу, хихикали и шушукались, прикрываясь веерами. Молодой человек не удостоивал ни одну из них и каплей внимания.

Эстелла знала этого мальчика, хоть и давненько его не видела. Это был Луис — некогда дружок Мисолины, теперь — главный городской повеса и лгун, соблазняющий всё, что шевелилось, и спускающий на развлечения огромное состояние своего отца.

Сероглазый блондин с припудренными волосами, что сидел напротив Луиса, оказался никем иным, как Диего. Молча, не раскрывая рта, он пялился на Мисолину, которая откровенно его игнорировала. Раньше Эстелла этому удивлялась, не понимая, как можно влюбиться в Мисолину, но с возрастом молодого человека ей стало жаль. Лучше бы Диего обратил внимание на Сантану. Когда-то она неровно к нему дышала. Но с тех пор много воды утекло и о нынешних чувствах подруги Эстелла не знала — Сантана никогда не рассказывала, нравится ей кто-то или нет.

Эстелла перевела взгляд на женскую компанию. Бабушка Берта и её аистоподобная собеседница разругались в пух и прах и теперь сидели в разных углах, бросая друг на друга гневные взгляды.

Сеньора Беренисе, дочь покойных супругов де Фьябле, — бесцветная полная дама — обсуждала с пышногрудой сеньорой Терезой рецепт варки напитка из груш. Взгляд Эстеллы упал на очень красивую женщину в вишнёвом платье. Каштановые волосы её были завиты в локоны и уложены в высокую причёску, центр которой венчала пейнета цвета слоновой кости. Дама разглядывала своё отражение в крошечном зеркальце, пристёгнутом на цепочке к её перчатке. Цвет гребня удивил Эстеллу — дама не замужем. Замужние женщины и вдовы носили чёрную пейнету.

«Старая дева, наверное», — подумала Эстелла.

К девушкам, не вышедшим замуж до двадцати пяти лет и именуемым в обществе

«старыми девами», мужчины относились с пренебрежением, женщины — с жалостью. Эстелла же втайне завидовала им. Они жили жизнью гораздо более счастливой, чем те, кого насильно выдали замуж. В планы Эстеллы брак с нелюбимым мужчиной не входил. Она мечтала выйти замуж по любви, а теперь и вовсе лишь за одного человека — за Данте. При ином раскладе предпочла бы остаться в одиночестве.

Пока Эстелла с любопытством рассматривала даму в вишнёвом, явилась Сантана.

— Боже, наконец-то я освободилась! Это суший кошмар — принимать гостей в доме. А ты что скучаешь? — выпалила она Эстелле в ухо.

— Я не скучаю. Просто здесь общаться не с кем. Хорошо, что ты пришла, Санти. Я ведь толком никого и не знаю. Например, кто вон та женщина в вишнёвом?

— Сеньорита Матильде Рейес, модная штучка из Росарио. Очень богатая старая дева.

— А почему? — удивилась Эстелла. — Такая красавица и вдруг старая дева...

— Родители умерли, она воспитывала младшего брата, вот и не вышла замуж.

— А кто её брат?

— Маркиз Маурисио Рейес. Вон он. Кстати, пол вечера глаз с тебя не сводит. Пялится и пялится, — зашептала Сантана, указав на молодого человека с зализанными каштановыми волосами и несколько крупноватым ртом. Эстелла посмотрела на него. Он поймал её взгляд. Она смутилась и отвернулась.

— Ничего особенного.

— Ну-у... да-а... — протянула Сантана, закатывая глаза. — По сравнению с твоим Данте и вправду ничего особенного. Но, знаешь ли, внешность обманчива. А Маурисис Рейес богат и образован. И он маркиз. Учился в Европе, хотя родился в Росарио, лишь недавно приехал из Лондона и обосновался здесь. Конечно, у него нет синих глаз и фарфоровой кожи, как у некоторых, но зато он при деньгах.

Эстелла вспыхнула.

— Мне наплевать на деньги!

— Понятно всё с тобой, ты влюбилась по уши, но ты же понимаешь, Эсти, что Данте твой не подходит тебе по статусу? Он живёт в гостинице, у него нет ничего, кроме смазливой физиономии. И не очень-то он был со мной вежлив. У него в глазах есть что-то такое... ну, не знаю, злое, — выдала Сантана.

— Это неправда! — запротестовала Эстелла. — Данте не злой, он хороший!

— Говори тише, — шикнула Сантана. — Может с тобой он и хороший, но когда он смотрел на меня, я подумала, что он хочет перегрызть мне горло. Испугалась даже.

— Данте очень ласковый, он... он добрый, милый, — Эстелла сделала негодующий жест рукой. — Просто у него жизнь тяжёлая.

— Я лишь высказываю своё мнение. Кстати, маркиз так и пилит тебя взглядом. Странно, почему он ещё не пригласил тебя танцевать.

— Да я бы и не пошла! У меня есть Данте, я его люблю и не буду танцевать с другим.

— О, да, Данте! Твой Данте и танцевать-то наверняка не умеет, — хихикнула Сантана. — Он такой неотёсанный.

— Он не неотёсанный, он очень нежный и вежливый, — Эстелла готова была разреваться от досады. Ну почему Сантане не понравился Данте, ведь он самый лучший на свете? — Ну и пусть он не умеет танцевать, зато он искусный наездник, и он спас меня от разбойников, и он... он... он самый, самый... я его безумно люблю.

— Любовь — болезнь, я ни раз это говорила. Гляди-ка, а твоя сестрёнка-то положила

глазки на маркиза, причём оба, — Сантана громко засмеялась.

Эстелла, глянув на Мисолину, тоже не сдержала улыбку. А ведь она была уверена — Мисолина пялится на Луиса, который жестикулировал так, что щёлкал пальцами по носу паренька в очках — своего соседа. Отнюдь. Мисолина пожирала глазами маркиза Рейеса.

— У Мисолины сейчас начнётся припадок, — сказала Эстелла, заметив яростный взгляд сестрицы. — Стало быть, ей нравится маркиз? Ну ладно!

— Что ты задумала?

— Увидишь.

Эстелла заглянула Маурисио прямо в глаза. Глаза у него были серо-карие, круглые и пустые. Резко раскрыв веер, Эстелла махнула им три раза к себе. Маркиз чуть склонил голову, отвесив микроскопический поклон. От внимания Мисолины это не ускользнуло. Эстелла бросила победный взгляд на сестру и щелчком запахнула веер.

— Что ты делаешь? — удивилась Сантана.

— Язык веера, — пояснила Эстелла. — Я изучала его в школе. Каждое движение веера означает что-то определённое. Я дала ему понять, что он может пригласить меня на танец.

— Ты же сказала, что любишь Данте и танцевать ни с кем не будешь.

— Я и люблю Данте. Но разве я не могу потанцевать? Что здесь такого? Хочу утереть нос Мисолине. И я ему не навязывалась. Маркиз сам на меня нахально пялится весь вечер. Кстати, давно хотела тебя спросить, Санти. Вот ты всё печёшься о моей личной жизни, а не хотела бы ты подумать о своей?

Сантана покраснела.

— Не время ещё.

— Почему это? Тебе не помешало бы поискать себе любимого, а то останешься старой девой, как эта сестра маркиза.

— Тётя Амарилис тоже так говорит. Говорит, что удачное замужество — это моя благодарность ей за то, что она взяла меня к себе. И она права. Мне был всего год, когда отец умер, попав под экипаж. Потом к нам в дом пришли какие-то люди и забрали всё наше имущество, а мама покончила с собой. Она не подумала, что будет со мной, и я никогда её не прощу. Если бы не тётя Амарилис, я не знаю, где бы я сейчас была. Наверное, я должна в знак признательности выйти замуж за хорошего человека и устроить свою жизнь, но...

— Тебе же нравился Диего, — перебила Эстелла этот поток воспоминаний. — Может, надо намекнуть родным, что ты была бы не против такого мужа, как он? Твои дядя и тётя мигом бы всё устроили, я уверена. Он же робкий, он сам не подойдёт.

— Это в прошлом! — Сантана взмахнула кудряшками. — Во-первых, ему нравится твоя сестра. Я думаю, что он ненормальный, одержимый Мисолиной дурачок. Во-вторых, это была детская симпатия, и только с моей стороны. Диего никогда меня не замечал, и сейчас я уже не думаю о нём. Конечно, если бы я попросила тётю Амарилис или дядю Норберто, они могли бы сосватать нас с Диего. Но я не хочу.

— Тебе кто-то другой нравится, да? Ну это я просто так сказала про Диего, я ж не знаю, ты такая скрытная, Санти, — растерялась Эстелла. — Ты же ничего про себя не рассказываешь, это я всё болтаю и болтаю.

— Я боюсь, что ты меня не поймёшь. Я потом как-нибудь расскажу тебе, если решусь, но сейчас не время и не место для таких откровений.

— Ты меня напугала.

— Давай не будем об этом, — прервала Сантана. — Смотри, объявили вальс. И маркиз

идёт к нам. Кажется, тебе-таки придётся с ним танцевать. Сама напросилась.

Действительно, когда оркестр заиграл первые аккорды вальса, маркиз Маурисио Рейес подошёл к девушкам, отвесив поклон.

— Позвольте пригласить вас на танец, сеньорита.

Эстелле пришлось идти танцевать. В конце концов, она сама дала маркизу карт-бланш. И всё из-за Мисолины. Всегда всё из-за Мисолины. Желание утереть нос сестрице превышало допустимые пределы в душе Эстеллы, и она ещё и построила Маурисио глазки, когда они, вальсируя, проплывали мимо Мисолины, в этот раз не приглашённой никем. Маркиз танцевал недурно — ни разу не наступил Эстелле ни на ногу, ни на платье. Он был высок и строен и вблизи выглядел симпатичнее, чем издали. Маурисио улыбался, отвечивая Эстелле комплимент за комплиментом, но собеседником оказался посредственным. Он рассказывал исключительно о своём происхождении и титулах, о том, сколько акров земли он купил в прошлом месяце и какой у него счёт в банке.

И ещё он переборщил с парфюмом. Эстелла не любила резкий запах душистой воды, даже очень дорогой, и тут же вспомнила о другом запахе — мяты и свежей травы, запахе свободы и вольной жизни, исходящем от волос и кожи Данте.

После трёх, дозволенных этикетом, танцев маркиз отвел Эстеллу на место и с поклоном удалился.

— Ну как? — поинтересовалась Сантана.

— Ужасно! Зануда редкостный, — поморщилась Эстелла. — Начал перечислять, сколько у него земли и денег на счёте. Идиот! Вероятно, не знает, о чём ещё поговорить с девушкой.

— Тогда пиши-пропала, — хихикнула Сантана. — Если начал сразу с этого, значит, хотел, чтобы ты оценила его как выгодного жениха. У него на тебя явно далеко идущие планы. Не удивлюсь, если вскоре придёт свататься.

— И будет послан к чёрту на рога!

— Зато погляди какая рожа у Мисолины!

Выражение лица сестрицы Эстеллу позабавило: Мисолина надула губы и наморщила нос, и при этом сжимала веер в руках так, что едва не вырывала из него перья.

Довольно вздёрнув нос, Эстелла прогуливалась по зале. Проходя мимо сестры, она нарочно зацепила её подолом платья и (в поисках куда-то исчезнувшей бабушки) добралась до угла, где сидели местные сплетницы.

— Фу, какой позор! А ещё дочка алькальда. Нарядилась, как публичная девка! — услышала Эстелла шёпот за спиной.

— Кто ж надевает красное на бал?

— А декольте-то, декольте! Какой стыд! Я б на месте её матери вырвала бы ей все волосы!

— А я бы и вовсе отказалась от такой дочери. Таких исправит только монастырь или могила.

Эстелла резко обернулась, встретила взглядом с очень немолодой худосочной женщиной и прошипела:

— Хорошо, что вы мне не мать, а то я бы сослала вас в Жёлтый дом!

Все тётки, как по команде, открыли рты. Вот кошёлки!

Эстелла отошла от старух. Да, декольте у неё было знатное, так что в поклонниках она недостатка не испытывала. Девицы заранее распределяли свои танцы между кавалерами,

дабы не остаться в одиночестве, но все эти договоры и распределения полетели в тартарары из-за Эстеллы. Молодые люди, позабыв о своих обещаниях, покидали невест и, выражая Эстелле восхищение, приглашали её на танец. По этикету отказаться Эстелла могла лишь после третьего танца с одним и тем же кавалером. Четвёртый танец допускался, но между сосватанными женихом и невестой. Согласие девушки на четвёртый подряд танец с одним партнером осуждалось, но если уж такое случалось, то мужчина на следующий же день обязан был просить её руки.

Через два часа безостановочных вальсов, кадрили, котильонов и ригодонов [2] маленькие ножки Эстеллы, обутые в серебристые туфельки, с непривычки заныли. Да и девицы, что подпирали стенку, косились на неё, сжимая губы в ниточки. А девушка чувствовала себя тропической птицей, угодившей в курятник.

Бал закончился скандалом. Во время кадрили лямки, держащие корсаж Соль, вдруг лопнули и её объёмная грудь вывалилась из декольте. Девушка едва успела её подхватить. Прикрываясь юбкой, под всеобщие смешки, она умчалась в верхние комнаты. Сантана, в обязанности которой входило следить за гостями, отправилась помогать Соль в починке платья. Мужчины хихикали, обсуждая анатомические подробности оконфузившейся девицы, а женщины все, кроме Эстеллы, накинули шали — мало ли что. Теперь на Эстеллу смотрели с ненавистью: да как она смеет продолжать щеголять открытой грудью. Эстелла же была спокойна, точно объевшийся кроликами удав — корсаж её сидел как влитой, словно был вживлён в кожу, а Соль сама виновата — нельзя с такой большой грудью надевать хлипкое платье.

В итоге, вечер был испорчен и гости кучками, по трое-четверо, стали разъезжаться по домам. Эстелла оглядывалась в поисках родных, но увидела только Мисолину в обществе Диего, что таскал для неё бисквиты со стола, и бабушку. Берта заметила внучку и, переваливаясь из стороны в сторону, подковыляла к ней.

— Ох, и устала же я! Ноги прям, как каменные.

— Я тоже. Бабушка, не пора ли нам домой? Уже так скучно, и смотрите, все разъезжаются.

— Я б с удовольствием. Только мы ж наверняка поедем все по отдельности. У Арсиеро и твоей матери переговоры с местными землевладельцами.

— Ах, да, я слышала краем уха: городские власти хотят выкупить землю под какое-то строительство, но её владельцы упираются. Они никак не могут договориться, а всё из-за жадности. Хотя меня эти дела не касаются. Я бы поехала домой.

— Тогда захватим Мисолину и поедемте втроём.

— А дядя Эстебан?

— Ммм... — Берта замаялась, — у него дела тоже. Он приедет... потом.

— Дядя странный в последнее время. Уходит, приходит, исчезает. Вы вот тоже бегали где-то, бабушка, я ведь вас давно ищу, — Эстелла хитро сверкнула глазами из-под ресниц.

— Да? Нет, нет, я никуда не бегала! Тут я была, дом рассматривала. Не хотелось слушать сплетни, знаешь ли.

Эстелла фыркнула. О, да, местные кумушки сегодня ей все кости перемыли. Наверное, бабушка от их бреда и сбежала. И всё от того, что у неё самое красивое платье на балу. Ну не могут люди завидовать молча!

Спустя пятнадцать минут, Эстелла, Берта и Мисолина вышли из гостеприимного каменного домика, утопающего в зарослях диких орхидей — любимых цветов Амарилис, и

оглядывались по сторонам, ища свободный экипаж.

— Боже, какая ж темень! — всплеснула руками бабушка. — Как же мы, три одинокие женщины, поедem по такой темнотище? Нас ведь и убить могут! Столько случаев, когда на экипажи нападают грабители.

— Нет, я не поеду! Нам нужен сопровождающий, — захныкала Мисолина. — Я боюсь темноты и боюсь грабителей. Давайте подождём маму и Арсиеро. Или дядю Эстебана. Бал ещё не закончился. Зачем мы так рано уходим?

— Рано? Уже час ночи! — возмутилась Эстелла. — Подумаешь, грабители, я хочу спать!

— Дамы, вы не заблудились? Позвольте вам помочь, — раздался мужской голос позади. Эстелла закатила глаза — это был маркиз Маурисио Рейес.

— О, весьма великодушно с вашей стороны было бы нам помочь, — жеманно протянула Берта, с любопытством разглядывая молодого человека. — Мы никак не можем найти свободный экипаж.

— А что ж, столь прекрасные дамы совсем одни поедут по такой темноте? Как можно? — недоумевал Маурисио.

— А что вы прикажете нам делать, маркиз? — не очень-то вежливо спросила Эстелла.

— Ах, сеньорита Эстелла, это вы? Какая неожиданность! — Маурисио как-то неумело изобразил удивление.

Эстелла вздёрнула бровь. Конечно, так она и поверила, что он подошёл помочь одиноким дамам! Наверняка решил продолжить знакомство. От внимания Эстеллы также не ускользнуло: в светло-голубых глазах Мисолины впервые светилась не злость, а что-то иное. Она глупо улыбалась, глядя маркизу в рот.

Маурисио, отыскав свободный экипаж, помог всем трем дамам забраться внутрь и сел с ними. Кучер тронул вожжи, и экипаж растворился в ночной тьме.

К вечеру следующего дня Данте уже готов был выть и бросаться с кулаками на стены. Какое-то странное, щемящее чувство в груди не покидало его с момента прочтения письма. Юношу насторожило его содержание, да и подружка Эстеллы категорически не понравилась. Данте сделал вывод, что доверять этой особе нельзя.

Кукушка в часах прокуковала полночь, и терпение у Данте лопнуло. Нет, он больше не может сидеть и ждать! Незнестность невыносима. Он должен поговорить с Эстеллой, должен её увидеть, иначе умрёт. Так что прямо сейчас он пойдёт к её дому.

К часу ночи Данте, миновав Бульвар Конституции, бесшумно перемахнул через забор белоснежного особняка, пробрался в сад и спрятался за акациями. Чуткий слух юноши уловил мелодичное пение — на одном из кустиков сидела малюсенькая желтовато-бурая птичка-печник. Огни в доме были погашены. Некоторое время юноша всматривался в пустоту окон, потом решился и бросил в эстеллину ставню камушек. Никто не отозвался. Он бросил второй камушек, побольше, — ноль реакции. Тогда Данте, повторяя музыкальную трель бурой птички, посвистел. Ответа не последовало. Данте разозлился и свистнул громче — и вновь тщетно.

В отчаянии Данте решил забраться к Эстелле на балкон. Уже вылез из кустов и прокрался немного вперёд, как вдруг — ЦОК-ЦОК-ЦОК — послышался стук копыт. Данте шмыгнув к первым попавшимся акациям, оказался между балконом Эстеллы и входной дверью. Затаился, стараясь не дышать.

К воротам подъехал экипаж. Из него вышел молодой человек во фраке. Голову мужчины

венчала элегантная шляпа, в руке он держал трость. Спрыгнув с подножки, он протянул руку и помог выбраться из экипажа двум девушкам и немолодой полной сеньоре. Данте узнал женщин — то были Эстелла, её белокурая сестра и их бабушка. Мужчину же он видел впервые. Все четверо вошли в калитку. Берта, открыв дверь, потянула Мисолину с собой. Та не посмела перечить, с недовольным лицом входя в дом. Эстелла скользнула было за ними, но молодой человек удержал её:

— Пойдите, Эстелла...

Они остановились напротив кустов, за которыми прятался Данте. Теперь, в свете горящих на козырьке дома фонарей, юноша внимательнее разглядел их. Эстелла была необыкновенно хороша: алое платье, усыпанное рубинами, алмазная тиара на локонах, ажурные перчатки на изящных ручках. Молодой человек, вероятно, был богат, хорошо воспитан и недурён собой.

— Что вы хотите, маркиз?

— Эстелла, я хочу сказать, что я рад, я так рад нашему знакомству, вы и представить себе не можете! Знаете, я бы хотел, чтобы вы всерьёз подумали о продолжении нашего общения. У меня есть земли и деньги, я уже говорил, я могу обеспечить вам достойную жизнь. Я давно присматриваю себе невесту и, мне кажется, сегодня я встретил свой идеал — вас.

Данте чуть не задохнулся — воздух мигом покинул лёгкие, белая дымка поползла перед глазами, а волосы заискрились.

— Сеньор Маурисио, я очень устала. Уже ночь, время для подобных разговоров позднее. Я хочу спать, — ответила Эстелла.

— О да, я понимаю, — он наклонился, поцеловав её ручку. — Я уйду. Но обещайте, что подумаете над моими словами.

— Да, разумеется, — Эстелла выглядела растерянной.

— Я не из тех, кто отступает от своих намерений. Имейте это ввиду. Я человек слова. Желаю вам приятных снов, Эстелла.

— До свидания, маркиз, — Эстелла стремглав шмыгнула в дом.

Молодой человек развернулся и пошёл к экипажу. Сев в него, он укатил в неизвестном направлении.

Данте с трудом шевелился и вовсе не от страха, что его увидят и примут за ночного вора. Тело будто окаменело, а в грудь, капля за каплей, лился раскалённый металл. Ревность — новое, незнакомое чувство, дикое и необузданное, захлестнуло юношу. И рассудок под его воздействием отказался подчиняться здравым доводам. Так вот оно что! Значит, всё, написанное Эстеллой, — враньё. Это письмо — жестокая издёвка для усыпления его бдительности.

Данте почувствовал всю унижительность своего положения: он прячется в кустах, как разбойник, умирает от желания увидеть Эстеллу, совсем извёлся, а она гуляет с другим. Маркиз! Конечно, это человек её круга. А он, Данте, что он может ей предложить, кроме своей любви? У него нет ничего: ни денег, ни происхождения, ни семьи. Логично, что она выбрала того, богатого. Но почему же нельзя сказать это прямо, зачем же врать? Зачем было писать письмо, признаваться в любви? А он поверил, что его может кто-то полюбить. Так ему и надо, дураку! Нельзя верить людям! Он всегда в этом убеждается, но всё равно лезет на рожон.

Данте хотел уйти прочь, но — вот незадача — зацепился рукавом за куст. Пока

выпутывался, окно в спальне Эстеллы открылось. Девушка, всё в том же алом наряде, вышла на балкон. Данте замер. Эстелла смотрела на него, но не видела — ночного гостя скрывали темнота и кусты акации. Данте ловил малейшее движение девушки. Прохладный ветерок раздувал её теперь уже распущенные волосы, и Данте едва не задышался от любви, от ревности и обиды. По лицу потекли дурацкие слёзы, и юноша злился на себя. Он её любит, так безумно любит, а она променяла его на другого. Ну почему все люди такие предатели?

Наконец, Эстелла, скрылась в недрах комнаты. Окно захлопнулось. Данте резко поднялся на ноги, оторвав ветками часть рукава, перемахнул через забор и пустился бегом по дороге.

В мозгу набатом стучала мысль: Эстелла его больше не любит, не любит, она нашла себе другого: богатого, красивого и достойного. И она права. Зачем ей, дочке алькальда, такое ничтожество, как он? Только ему-то что делать со своей любовью?

Данте не заметил, как ноги сами принесли его к убежищу на берегу. Здесь, в этом месте он и познакомился с Эстеллой. Здесь же они впервые поцеловались. А теперь он её потерял, но без Эстеллы он не может жить и не хочет. Наверное, умереть — было бы лучшим выходом.

Река сегодня была беспокойная. Данте смотрел на неё, впав в оцепенение. Потом, не осознавая, что делает, он вошёл в воду и двинулся вперёд. Не надо было ему появляться на этот свет. Он никому не нужен, всю жизнь обречён мучиться. К чему такая жизнь? Давно надо было это сделать.

Данте остановился, когда вода дошла ему до подбородка. Если он сейчас здесь утонет, кому от этого будет хуже? Никому. Разве кто-то станет его оплакивать? Никто. Даже и не заметят.

Прикрыв глаза, Данте сделал ещё несколько шагов.

Раз.

Самоубийц хоронят вне кладбища. Прекрасно. Значит, его не будут отпевать в церкви.

Два.

Если выловят из реки. Лучше бы не выловили.

Три.

Даже магия не даёт счастья. Напротив, принесла ему сплошную беду.

Четыре.

Эстелла больше его не любит. Даже и не вспомнит о нём. Пусть будет счастлива со своим маркизом.

Пять.

Волны сомкнулись над головой юноши, увлекая его в объятия. Одинокая луна на небе светила ярко, будто горящий факел, едва касаясь краешком чёрной воды...

Комментарий к Глава 17. Ревнивцы и ревнивицы —————

[1] Цвет Мов — розовато-лиловый.

[2] Салонные бальные танцы 18 века.

===== Глава 18. Магия крови =====

Набрав воздух в лёгкие, Данте погрузился с головой в воду. Почти ушёл на дно. Почти отключился. Но вдруг в мозгу что-то щёлкнуло. Он же оставил Янгус в номере гостиницы! Сейчас он утонет, а она умрёт там с голоду. Нет, он не может так поступить с Янгус! Самая верная его птица, его лучший друг, единственный. И ещё Алмаз. Его тоже нельзя бросать. Надо вернуться в «Маску» и выпустить животных на волю. Они ведь никогда его не

предавали, в отличие от людей, и он, он не может обмануть их доверие.

Данте стремительно подался вверх. Голова была чугунная, он наглотался воды и ила, да и тяжёлые сапоги на ногах мешали. И почему он не снял их на берегу?

Высунув голову из воды, Данте вдохнул ночной, обжигающе холодный воздух и закашлялся. Выполз за берег, цепляясь за дно руками, и повалился на траву. Хотелось тупо, надрывно орать во всё горло. Эстелла его обманула, и ему так больно, что он не хочет жить. Но и умирать не хочет.

Сегодня на небе звёзд не было, только огромная луна едва не касалась головы. Если он умрёт, то больше не увидит небо, не увидит звёзды и луну, не оседлает Алмаза и не поскачет по просторным пампасам. Не станет ни воздуха, ни света, ни запаха травы, ни свободы — всех тех незначительных мелочей, из которых состояла его жизнь. Нет, он не хочет умирать в семнадцать лет! О чём он только думал, когда полез в воду? Правду говорят — любовь лишает разума. Надо идти в «Маску», выпустить Янгус полетать, порвать все эстеллины письма, запить снотворную настойку джином и отрубиться на двое суток. Проснётся и почувствует себя другим человеком. Плевать. Плевать на какую-то легкомысленную богачку! Эстелла его не сломает, пропади она пропадом! Он пойдёт во «Фламинго» и будет развлекаться до сдвига в мозгах, вырвет Эстеллу из сердца. Все женщины — вертихвостки, и правильно делает Клем, между любовью и разумом выбирая разум. Он прав во всём.

Данте встряхнулся, словно мокрый щенок, — струи воды полетели в стороны. Ночной холод продирает до костей. Какой он идиот, надо было хоть раздеться прежде, чем лезть в воду!

Данте определил: сейчас около пяти утра. Дрожа от озноба, он встал и огляделся. Оказалось, что вылез он на другой берег. Ориентироваться на местности Данте умел превосходно, но сейчас он был близок к обмороку. И юноша побрёл вдоль реки, опустив голову и пиная камушки и ракушки.

Рассвет шатром укрыл землю. Утреннее небо оттенком напомнило Данте персик. Он заметил вдали одинокий силуэт. Это была женщина — очень полная негритянка. Сидя на коленях, она вынимала разноцветное бельё из корзины и полоскала его в реке, стуча камнем и посыпая песком.

Когда Данте приблизился, женщина подняла голову, вытирая пот со лба. Сердце юноши ёкнуло. Это оказалась Руфина. С минуту она зыркала на Данте широко раскрытыми глазами, потом вскрикнула, прижав пальцы к губам:

— Боже ж ты мой!

— Руфина... — Данте кинулся вперёд, зацепился ногой за ветку и кубарем свалился Руфине под ноги.

— Осторожней, чего ж ты творишь, ты ж ведь убьёшься! Мальчик мой, Данте, это ты! Не могу поверить! И откуда ты тутая взялся? — Руфина, обхватив юношу за голову, прижала его к своей безразмерной груди.

— Р-руф-фина... — заскулил Данте, точно зверёк, которому отдавили хвост, — он был на грани нервного припадка.

Глаза Руфины заволокло слезами, но это не она топилась пару часов назад, потому вела себя более адекватно.

— Мальчик мой, чего с тобой такое? Почему ты плачешь? Успокойся. Чего же ты весь мокрый-то? Ты в реку свалился что ли?

Данте выдавил некое нечленораздельное мычание.

— Какой же ты стал взрослый, мой дорогой мальчик. Как же я рада тебя видеть! Совсем ты позабыл старушку Руфину, — женщина гладила юношу по лицу, вытирая ему слёзы.

— Я... я не хотел... — пролепетал Данте. — Я... всегда всё делаю не так... только порчу людям жизнь... Прости меня, Руфина...

— Не мели всякую чушь! Чего это за самобичевания? — проворчала Руфина. — Я тебе говорила раньше-то, могу и сейчас повторить: нельзя доводить себя до такого состояния. Ты нормальный, полноценный человек, не урод, не дурачок и не прокажённый. Чего ты делаешь с собой? Ты ж попадёшь в Жёлтый дом! Смотри, ты и говорить внятно не можешь. Куда это годится? Ну всё, всё, успокойся, мой хороший... — Руфина, раскачиваясь из стороны в сторону, прижимала к себе измученного юношу.

Сейчас Данте это и было нужно: чтобы его приласкали и пожалели. Дрожь в теле ослабела, уступив место дикому изнеможению, и Данте, убаюканный монотонным покачиванием, почти отключился. Руфина выжимала ему волосы, а затем принялась выжимать и бельё, складывая его обратно в корзину. Безумная боль стучала у Данте в висках, разрывая мозг на кусочки. Прикрыв глаза, юноша привалился спиной к дереву.

— Мальчик мой, тебе плохо? — обеспокоенно спросила негритянка. — Ты весь зелёный.

— Нет... всё... в порядке, Руфина, — еле слышно промямлил Данте.

— Чего-то не заметно. У тебя такой вид, будто за тобой гнались ягуары.

— А... нет... отсюда далеко до города, Руфина? Где мы находимся?

— До «Ла Пираньи» рукой подать. Почему ты спрашиваешь? Тебе надо в город?

— Угу. Я теперь там живу, — Данте понемногу обретал способность говорить внятно.

— Деточка, как же ты там оказался-то? — удивилась Руфина.

— Это долгая история...

— Тогда пойдём-ка. Надо мне уж возвращаться в поместье да завтрак господам готовить, а то они меня поездом съедят.

— Они живы и здоровы, да?

— Ещё как! Жрут, богатеют, жиреют и всех презирают. Ничего не меняется. Да и как же оно изменится-то, если в головах и в сердцах и нет ничегошеньки у них, кроме злости?

Данте и Руфина ещё с полчаса шли по открытой пампе. Данте нёс корзину с бельём, стараясь не спотыкаться, а Руфина его разглядывала.

— Какой же ты стал красавец-то, — сказала она. — Девчонки-то поди вешаются тебе прямо на шею. У тебя, наверное, и невеста уж есть?

Раненное сердечко Данте защемило с новой силой — он тут же вспомнил об Эстелле.

— Н-н-нет... — он беспомощно захлопал глазами. Руфина заметила в них слёзы.

— Я чего-то не то ляпнула что ль?

— Н-нет, всё нормально...

Они остановились у ворот с надписью «Эстансия «Ла Пиранья»». В горле Данте встал огромный ком, когда он увидел знакомые места и окна дома, где жил раньше. Вспомнил, как пас овец и козочек, вспомнил маленькую гончую собачку — его верную помощницу, а ещё подвал с крысами и несколько лет издевательств и унижений семейства Бильосо и соседских детей, своё одиночество и неприкаянность, смерть Ветра... Не забыл, нет. И никогда не забудет. И не простит.

— Руфина, извини, но дальше я не пойду.

— Понимаю, ты не желаешь с ними встречаться, — Руфина выхватила корзину у юноши

из рук. — Деточка, но мне бы хотелось видеть тебя-то, пускай бы и изредка.

— Я живу в гостинице. Она называется «Маска». Это там, в центре, на Бульваре Путешественников. Ты можешь навещать меня в любое время, Руфина. Хозяин очень хороший. Ты же понимаешь, сюда я не приду, не могу...

— Да, но как же я пойду в гостиницу-то? — всплеснула руками негритянка. — Да что люди-то обо мне подумают? Старуха притопала в гостиницу к молодому мальчику. Скажут, совсем бабка из ума выжила.

— Ничего никто не подумает! Плевать на всех! Ты мне как мать, ты заменила мне мать, Руфина!

— А как же та, другая? — недоверчиво пробурчала Руфина.

— Какая другая?

— Та женщина, что тебя воспитывала эти годы, разве ж она тебе не как мать?

Данте опустил глаза.

— Я тоже хотел в это верить, но для них я так и остался чужим.

— Как же так-то, ведь они забирали тебя с такой поспешностью, с уверенностью? Я думала, раз ты не приезжаешь в гости, значит, у тебя всё хорошо. Чего ж произошло?

— Ничего страшного. Просто это я такой. Мне тяжело ладить с людьми, я их ненавижу, я им не верю. Иногда я и сам с собой не могу поладить, что уж говорить об окружающих?

— Бедный мой мальчик, чего ж ты у меня такой несчастливый? — Руфина всмотрелась в бездну сапфировых глаз. Сейчас в них не было блеска, лишь глубокая печаль.

— Всё будет хорошо, Руфина, не переживай. У меня девять жизней, как у кошки. Заканчивается одна и начинается другая.

После прощальных объятий Руфина заковыляла к дому с корзинкой наперевес. Данте, проводив взглядом её спину, развернулся и тихонько побрёл по дороге. На душу камнем легла невыносимая тяжесть. Она сдавила грудь и юноша хватал губами воздух, чтобы не задохнуться. Данте чувствовал себя совершенно больным, будто по нему потоптался табун диких лошадей.

К счастью, когда юноша ввалился в «Маску», сеньора Нестора в холле не было. Пошатываясь, Данте вскарабкался по лестнице, добрался до комнаты, открыл дверь и.... застыл на пороге.

Ящики комода были выдвинуты, все вещи, включая одежду и книги, раскиданы по полу. Даже матрац стащили с кровати. Взъерошенная Янгус, сидя на жёрдочке, молча таращилась на хозяина круглыми бусинками глаз. Данте проморгался.

— Янгус, милая, что здесь случилось? — выдавил он потрясённо, подошёл к птице и, глядя её по грудке, внимательно осмотрел на предмет ранений. Не обнаружив повреждений, с облегчением перевёл дух. Янгус потёрлась головой о его пальцы. Раскрыла клюв — в ладонь Данте упал перстень с изумрудом.

— Зачем ты вытащила перстень, он ведь был в комоде?! — поразился Данте. — Здесь что — воры побывали?

Данте прошёлся по комнате, но не увидел ни одной пропажи. И деньги были на месте, их не тронули.

— Не понимаю... Если это воры, почему они ничего не взяли? А если не воры, то кто тут шарил? И как сеньор Нестор это позволил? Я ничего не понимаю...

Янгус издала горловой звук, похожий на тарахтение. Данте, сжимая перстень в руке, чувствовал, как камень вибрирует, и тут его осенило.

— Кто-то искал перстень! Поэтому ты его забрала, да? — Данте уставился на Янгус. Птица снова затарахтела.

Но кому он нужен? Кому нужен этот чёртов перстень? И главное зачем? Человек, у которого нет магической силы, не сможет им воспользоваться. И ведь о нём никто не знает. Разве что Сильвио... Или кто-то всё же знает? И этот кто-то знает, где он, Данте, живёт, и что он колдун, знает время его отсутствия и присутствия в «Маске». Последний факт привёл Данте в ужас. Он не привязан ко времени: уходит и приходит, когда вздумается, и никак нельзя это предугадать. Но этот незванный гость знает всё!

Данте стало страшно. Кто-то охотится за перстнем. Или за его хозяином — за самим Данте. Что же делать?

Данте вжался в спинку софы, обхватив голову руками. Он сейчас сойдёт с ума. Всё навалилось так внезапно, одним махом. Не то, чтобы он боялся каких-то мифических преследователей — у Данте отсутствовало чувство самосохранения, — но его пугало, что некто знает о перстне и знает, что он колдун. Нет, он не хочет больше быть изгоем, не хочет, чтобы в него тыкали пальцами. Пять лет он избегал магии, и вот всё сначала. Если в городе узнают о колдовстве, падре Антонио — известный поборник христианской морали — и его богобоязненные прихожане разорвут Данте на клочки.

Обняв колени, юноша тихонько заскулил. Это чувство дикого страха было сродни той панике, которую он испытывал в детстве при виде крыс. Страх перед крысами жил в душе Данте до сих пор, только притупился с годами. Но крыс тут нет, а страх, такой же неконтролируемый, есть.

Зашумели крылья — Янгус села Данте на плечо. Почувствовав поддержку, юноша пришёл в себя, и к нему вернулась способность мыслить. Надо бежать отсюда. Это единственный выход, пока он не угодил в беду. Но куда? Данте подумал о «Лас Бестиас». Кlemente, когда уезжал, звал его с собой. Он не поехал, и зря. И у Клема свадьба скоро. А он обещал прийти. Да, тяжело и больно туда возвращаться, но там он будет не один. Там Кlemente, Гаспар... Там его место. А здесь, в городе, он чужак и своим никогда не станет.

Отыскав в куче разбросанных вещей мешок, Данте запихал туда всё, что попало под руку. Через час его небогатый багаж был упакован. Данте расплатился за комнату, попрощался с сеньором Нестором и с Янгус на плече покинул «Маску». Вывел Алмаза из конюшни и, держа его под узду, пошёл к мосту.

Через полчаса в «Маску» прибежала девушка. Нежно-лиловая шляпка её съехала набекрень, открыв взорам растрёпанные тёмные локоны. Вся дрожа, она о чём-то расспросила сеньора Нестора, затем вышла на улицу и, прижав к груди тонкие ручки, побрела прочь. Крупные слёзы блестели на её щеках, словно россыпи бриллиантов.

Но стояло Данте, раненному вероломством Эстеллы и терзаемому страхом пред неким злоумышленником, вернуться в «Лас Бестиас», как он тотчас пожалел об этом. Каролина, отозвавшаяся на его робкий стук в дверь, смирившая Данте мрачным взглядом и, впустив его, с поджатыми губами ушла в кухню.

— Гаспар! Клем! Идите-ка сюда! Смотрите, кто к нам пожаловал! Герцог-то наш голубых кровей снизошёл до нас! — это были первые слова, которые услышал Данте с порога. Он до последнего надеялся, что Каролина признает вину, — увы, она не испытывала угрызений совести.

Данте так и стоял у двери с Янгус на плече, не решаясь заходить, когда появились

Кlemente и Гаспар. На губах Клема заиграла улыбка.

— Как же хорошо, что ты вернулся! — воскликнул он.

— Мы уж думали, ты совсем нас бросил, — растерянно вставил Гаспар, опуская глаза.

Данте решил, что ему стыдно. Да, в конце концов, Гаспар человек хороший и виноват лишь в том, что позволяет Каролине любые выходки. «Мог бы разок поставить её на место», — подумал Данте. При своих либеральных взглядах на жизнь и на институт брака, одно он считал неизменным — командовать в доме должен мужчина.

— Пойдём. Ты с дороги устал, наверное, — сказал Клем. — А мама как раз ужин приготовила.

— Угу...

Данте прошёл за Гаспаром и Кlemente в кухню. Янгус вела себя тихо. Не издавая ни звука, она сидела у Данте на плече и тянула его за волосы в качестве моральной поддержки.

Когда все трое вошли в дверь, Каролина расставляла на столе тарелки. Она гневно зыркнула на Данте, перевела взгляд на мужа.

— Говорила ж я тебе, Гаспар, что он приползёт обратно. Нечего было искать его по всей округе. Деваться ему всё равно некуда. Вот, я оказалась права. Я всегда права. Явился, как ни в чём не бывало, неблагодарный. Да опять это чудище крылатое с собой приволок.

Данте, опустив ресницы, прижался щекой к мягким пёрышкам Янгус.

— Всё сказала, дорогая? Может успокоишься, наконец? — раздражённо сказал Гаспар. — Данте, садись за стол.

Данте присел на краешек стула, так и не поднимая глаз.

— Кыш! Пошла отсюда! Нечего перьями трясти над столом! — Каролина спихнула Янгус с плеча юноши. Птица, обиженно вскрикнув, улетела в гостиную. — Животным за столом не место! Всё, хватит, слишком я вас распустила! Отныне в этом доме всё будет по правилам, которые диктует Господь. Кого это не устраивает, может выметаться! А то взяли моду: хочу-не хочу, буду-не буду, бегают туда-сюда, приходят, уходят, когда вздумается, тащат всякую гадость в дом. Сил больше нет никаких!

Ужин прошёл в молчании. Данте кусок в горло не лез, и он не съел ничего, кроме яблока и стакана молока. Кlemente, погруженный в свои мысли, лениво расковыривал кусок мяса на тарелке, а Гаспар запихивал в рот всё, что попадалось под руку. В конце концов, уронил на пол графин.

— И ты туда же, — проворчала Каролина, отвлекшись от еды на сбор осколков. — Ведёшь себя как ребёнок.

— Я... я... пойду... в комнату... у меня голова болит, — выдавил Данте.

— Иди, иди, ясное дело, ужин тебе не нравится. Наверное, аристократочка яствами закармила.

Данте бегом выскочил из-за стола, чувствуя, что сейчас задохнётся. Острые когти вонзились в плечо. Над ухом щёлкнул клюв и раздалось жалобное бульканье.

— Янгус... ты, наверное, есть хочешь, — вздохнул Данте. — Пойдём в сад, я нарву тебе фруктов.

Ночью Данте не сомкнул глаз. Насытившаяся бананами и грушами Янгус мерно дрыхла на своей старой жёрдочке, которую, к счастью, никто не догадался выбросить, а Данте всё рассматривал потолок. Он ещё надеялся, что Каролина оттаит, и заодно усомнился в своей правоте. Может быть, он плохой и заслужил всё это? А вдруг, действительно, его наказывает тот самый Бог, в которого он не верит? Растерянность, боль, обида, презрение к себе за

непохожесть на других смешались воедино в сердце Данте. Он сам виноват. Он разочаровал Каролину и должен как-то заслужить её прощение.

Однако, ни на следующий день, ни через неделю кардинально ситуация не поменялась. Данте вёл себя тихо, не спорил, не перечил, даже помогал Каролине по хозяйству, но женщина находила всё новые лазейки для придирок. Закончилось всё плачевно — две недели спустя Гаспар и Каролина разругались в пух и прах.

— Это всё из-за тебя! — кричала Каролина на Данте. — Ты разрушаешь нашу семью! Мы с моим мужем никогда не ссорились, жили душа в душу! Это твоих рук дело! Вместо того, чтобы покаяться во грехах, ты настраиваешь моего мужа против меня и против Бога! Неблагодарный! Я заменила тебе мать, всю душу в тебя вложила, а ты бегаешь из дома в поисках лучшей жизни! На денежном мешке жениться захотелось! Тоже мне аристократ нашёлся! Что ж ты приполз-то обратно, как побитая собака? Выгнала она, небось, тебя? И правильно сделала! Богатые женятся на богатых! Зачем ты ей такой нужен? Никто и звать никак. Отверг хорошую невесту! Меня не послушался, вот и получил что хотел!

Данте крыть было нечем. Каролина во всем права: Эстелла его отвергла, нашла себе богача, и он действительно приполз обратно, не найдя себе места в городе. Да и существует ли где-то место для него? Скорее нет, чем да.

Закончилось эта история безоговорочной победой Каролины. Клементе тактично самоустранился. Гаспар, выбросив белый флаг, примирился с супругой и теперь во всём с ней соглашался, а Данте окончательно замкнулся в себе, как улитка, спрятался в раковину и не желал выползть из неё.

Наступил октябрь, и уже чувствовалось приближение жары. Ночами Данте лежал без сна. Иногда злился, стуча кулаком в подушку. Иногда забивался в угол и плакал или впадал в состояние полудрёма-полугаллюцинации, в порыве которого звал Эстеллу. В такие минуты Данте готов был простить ей всё что угодно, и тут же яростно доказывал себе: измена — это единственное, что он простить не сможет.

Измученный бессонными ночами, Данте поднимался ни свет ни заря, седлал Алмаза и на весь день исчезал из дома. Охотился на лошадей или просто скакал по пампе, загоняя Алмаза так, что конь замирал как вкопанный. Тогда Данте сползал вниз и, обнимая его за шею, просил прощения. Купал лошадь в реке и к вечеру возвращался домой.

Да и Янгус в доме теперь жилось не сладко: Каролина гоняла её тряпкой, запрещая сидеть за столом во время еды, утверждала, что птица портит вещи и от неё нет толку, лишь шум и мусор. Каролина не раз и не два грозилась подсыпать Янгус в питьё стрихнин и сдать её тушку на перья для головных уборов. Данте чувствовал, как у него развивается паранойя на этой почве — он боялся за жизнь Янгус, кормил её фруктами, самолично сорванными с деревьев, и брал птицу с собой, даже выходя на пять минут во двор.

Ноябрь превратился в окончательный ад. Теперь Данте уже не мог просто так собраться и ускакать в пампасы — Каролина взялась его за его нравственное и духовное «перевоспитание», каждое утро таская Данте на молебен. Если он пытался отлынивать, она закатывала скандал, доводя юношу до истерики. Сия экзекуция касалась лишь Данте; Гаспар и Клем, как и раньше, ходили только на воскресные мессы.

Любое посещение церкви забирало у Данте физические силы, изматывая его до предела. Он еле-еле доползал до дома и пластом падал в кровать. Каролина уверяла, что это из него «бесы выходят», а Данте возненавидел церковь и всё, что с ней связано, ещё сильнее, чем прежде.

За четыре дня до свадьбы Клема случилась беда: умерла Гроза — дворовая собака. По неизвестной причине. Но Данте и опомниться не успел, как через сутки заболела и Янгус. Теперь она сидела нахохлившись, не ела, не чистила пёрышки и не издавала никаких звуков. Данте не отходил от птицы, разговаривал, уговаривал, отпаивал её водой, но всё было тщетно.

На следующий день Янгус перестала реагировать на всё, тоскливо глядя на Данте из-под полуприкрытых век.

Ужин накануне венчания оказался в тягость всем: Клем впал в спячку, пытаясь принять неизбежный факт, что уже завтра Пия Лозано станет его женой; Гаспар и Каролина не разговаривали друг с другом после новой ссоры; Данте же находился в диком состоянии из-за болезни Янгус.

— Данте, с тобой-то что? — не выдержал Гаспар, когда Данте опрокинул на себя тарелку с салатом.

— Янгус заболела. Очень сильно, — глухо отозвался Данте.

— Ну так это ж птица. Животные болеют и умирают, как и люди, никто не вечен, — пожал плечами Гаспар. — Жаль, конечно. Но так убиваться из-за птицы... Я тебя не понимаю, посмотри на себя, ты весь зелёный. А у Клема завтра свадьба. Стоит ли портить настроение всем из-за какой-то птицы?

— Она мой друг, самый мой лучший друг... Ничего вы не понимаете. Я её люблю.

— Лучше бы ты Бога так любил, как любишь это чудище, — вставила Каролина. — Пользы от неё никакой, одни перья кругом. Туда ей и дорога. Умрёт, так и прекрасно. Грязи меньше будет в доме.

Данте впритык уставился на Каролину. Глаза его почернели.

— Скажите мне правду, тётя Каролина, — хрипло прошептал он. — Это вы её отравили? Вы отравили Янгус?

— Отравила? Я? — Каролина рассмеялась. — По-твоему, мне заняться больше нечем, как травить эту никчёмную птицу?

— Вы же её не любите, она вам мешает. Умоляю, скажите мне правду! Я хочу знать, от чего она заболела. Чем вы её накормили? — Данте всхлипнул, закрыв лицо руками.

— Ничем не кормила, — Каролина была поражена таким отчаяньем. Голос её смягчился. — Данте, успокойся. Я не травила твою птицу, Богом клянусь!

— Тогда почему она заболела? Почему? Она была здорова, а сейчас умирает ни с того, ни с сего. Так не бывает. Правда не вы?

— Правда, — Каролина погладила Данте по голове. — Может, она сама чего-то наклевалась? Не расстраивайся, это всего лишь птица.

— Данте, — подал голос Гаспар, — хочешь, мы поймаем тебе другую птицу? Такую же красивую или ещё красивее.

— Мне не нужна другая птица! Мне нужна Янгус! — выкрикнул Данте во всё горло. — Живая и здоровая!

— Перестань так себя вести! — вновь разозлилась Каролина. — У Клементе завтра свадьба, а ты хочешь испортить праздник из-за какой-то паршивой птицы!

— Достали вы со своей птицей, ей богу! — взбеленился Клем. — Пусть она в аду сгорит вместе с вами! — он встал и ушёл.

— Он нервничает, — вздохнул Гаспар.

— Не мудрено, у человека свадьба, а мы тут носимся с этой птицей, — добавила

Каролина.

— Я... пойду... к себе, — Данте встал и, пошатываясь, покинул кухню.

— Я думаю, у мальчика не в порядке с головой, вот что, — сказала Каролина. — Мы ж не знаем, кем были его родители. Может, они сумасшедшие, еретики или убийцы, а болезни головы, как известно, передаются по наследству.

Гаспар промолчал.

К ночи Янгус стало хуже: она уже не могла сидеть на жёрдочке и Данте уложил её на свёрнутый мягкий плед. Он не сомневался — птица вот-вот умрёт.

— Янгус, моя хорошая, что с тобой? — сидя на полу рядом с любимицей, Данте гладил её по пёрышкам, размазывая по лицу слёзы. — Пожалуйста, не умирай... не оставляй меня, слышишь? Янгус... Янгус, не уходи, я этого не переживу...

Данте уже почти довёл себя до нервного срыва, как в его затуманенную голову пробилась здравая мысль: ну почему, почему, он вынужден терять близких, выносить боль и унижения, кого-то о чём-то просить, убеждать, умолять? Ведь он маг! Зачем нужно это идиотское волшебство, если от него никакой пользы? Ну должно же оно хоть в чём-то помочь!

— Салазар, — шёпотом позвал Данте. — Салазар, отзовись! Пожалуйста...

Ладони Данте подёрнулись синей дымкой, что-то зашуршало. Юноша глянул в зеркало. Оттуда на него смотрел двенадцатилетний мальчик с волосами до пояса и пронзительными чёрными глазами.

— Чего ты хочешь? — спросил Салазар.

— Эээ... но... почему ты такой же, как раньше? Мы же должны быть одного возраста.

— Ты сам виноват. Ты хотел от меня избавиться. И ты намеренно меня убиваешь, ходя в церковь.

— Но... но... я просто не хочу отличаться от других людей.

— Ты от них отличаешься по определению, — насмешливо сказал Салазар. — И если бы ты захотел, ты был бы сильнее их всех вместе взятых. Ты можешь заставить весь город дрожать от страха и каждого из тех, кто тебя унижает, ты можешь заставить валяться у себя в ногах. Но ты хочешь быть как все. А, между прочим, ещё не поздно. Пока. Так зачем ты меня звал?

— Янгус... она... она умирает... я не знаю что с ней. Пожалуйста, умоляю, прошу тебя. Салазар, помоги...

— Ты хочешь спасти птицу?

— Да. Это возможно?

Салазар задумался.

— Магия может всё, кроме одного — она не умеет оживлять мёртвых.

— Но Янгус не мёртвая, она живая, она дышит. Салазар, если возможно её вылечить, скажи, что мне делать?

— Это смотря на что ты готов пойти, — произнёс Салазар с тонкой усмешкой на губах.

— На всё.

— Вот как? Похоже, я тебя недооценивал. Есть один ритуал. Но эта магия — чёрная. Только чёрная магия может спасти существо или человека, обречённого на смерть. Белая магия спасает того, у кого есть шансы выжить. Но я должен тебя предупредить. Первое: чёрная магия необратима; если ты используешь эту магию сейчас, ты не сможешь больше глушить в себе магию и делать вид, что её нет. Второе: чёрная магия даёт одно в обмен на

другое. Спасти жизнь можно лишь обменяв её на другую жизнь, на чью-то душу или силу.

Данте сглотнул.

— Я должен убить кого-то? — шёпотом спросил он.

Салазар ухмыльнулся.

— Не обязательно. Тем более, что Янгус птица, а не человек.

— Тогда что?

— Отдашь Янгус часть своей силы, и она будет жить.

— И всё?

— В данном случае этого достаточно. Ты уверен, что хочешь на это пойти?

— Да, — без колебаний выдал Данте.

— Хм... а я действительно тебя недооценивал, — Салазар, прищутив антрацитовые глаза, сверкнул ими.

— Что я должен делать?

— Надень волшебный перстень на большой палец левой руки.

Данте снял с шеи шнурок, на котором висел серебряный перстень. Надел на палец, и рука тут же завибрировала. Изумруд увеличился, сверкая так, что осветил собой всю комнату.

— Теперь возьми кинжал, разрежь себе руку, любую, и заполни кубок кровью до половины, — Салазар указал на кубок на столе.

На раздумья у Данте времени не было — Янгус едва дышала и каждая минута могла стать для неё последней. Вытащив из-за пояса кинжал, он закатал правый рукав и одним движением располосовал запястье. Данте не чувствовал боли — схватил кубок и принялся собирать в него кровь. Падая на дно кубка, кровь превращалась в голубоватую жидкость. Заполнив сосуд до половины, Данте кое-как перемотал окровавленную руку платком.

— Салазар, что делать дальше?

— Теперь заставь Янгус выпить содержимое кубка. Если не будет пить, открой ей клюв руками и вливай жидкость насильно.

— Янгус, миленькая, ты должна мне помочь, — взмолился Данте, подползая к птице. Он боялся трогать Янгус руками — она была как мёртвая. — Янгус, это надо выпить, — Данте поднёс кубок к клюву птицы. Та вздрогнула от прикосновения, но пить не стала.

Делать нечего. Аккуратно приподняв Янгус, Данте уложил её к себе на колени. Обычно тяжёлая птица теперь была невесомой, как кусочек японского шёлка.

— Янгус, пожалуйста, постарайся... Я хочу тебе помочь... Надо это выпить, умоляю тебя... — прошептал Данте, глядя птицу по хохолку.

Он вновь поднёс кубок к Янгус, и она послушно открыла клюв. Чуть приподняв птичью голову, Данте стал по капельке вливать ей в горло волшебную жидкость.

Длилась эта процедура бесконечно — боясь, что Янгус задохнется, юноша действовал крайне осторожно.

Поставив, наконец, пустой кубок на пол, Данте закрыл глаза, в изнеможении облокотился о бортик кровати и некоторое время так сидел, изредка трогая пальцем лежащую на его коленях птицу. Она была тёплая и дышала.

Минут через пятнадцать перья Янгус осветились красным. Данте с ужасом и надеждой одновременно смотрел на птицу — из её ноздрей вырывались искры. Потом свечение погасло и Янгус подала признаки жизни: замахала крыльями и что-то тихонько пробулькала.

— Янгус... — весь дрожа пробормотал Данте. Птица ласково ткнула клювом ему в

ладонь.

Ещё через час она уже сидела на жёрдочке, чистя склеенные пёрышки. Данте в абсолютно невменяемом состоянии ходил кругами, будто сумасшедший по палате.

— Янгус, ты есть хочешь? — взяв поднос с фруктами, он протянул ей киви. Янгус затарахтела и, подхватив киви когтями, вонзила клюв в сочную мякоть.

Данте бессознательно смеялся, глядя на выздоравливающую любимицу, и кормил её фруктами, пока не ощутил головокружение. В глазах резко потемнело, ноги подкосились и юноша тихонько сполз по стеночке. Слегка отдышался и заметил, что пол в комнате весь красный, как и его одежда. А он и забыл про свою руку, потерял очень много крови, поэтому ему и дурно. Убрав с раны платок, Данте увидел: перстень, который он и не подумал снять с пальца, вибрировал, впитывая как губка все попадающие на него капельки крови.

Данте, сняв перстень, провёл камнем по ране. И чуть не вскрикнул. Изумруд, вбирая в себя кровь, становился всё зеленее и зеленее и параллельно заживлял рану. Она затянулась на глазах, даже и следа не осталось.

Зеркало на стене вспыхнуло — в нём снова появился Салазар. Теперь он больше не был двенадцатилетним мальчиком, а был взрослым юношей возраста Данте. Всё те же чёрные волосы струились до поясицы, изумрудный плащ стелился по полу, а раскосые антрацитовые глаза сверкали на бледном лице. Салазар смеялся.

— Знаешь, что ты только что сделал?

— Знаю. Спас жизнь Янгус. Но если бы не ты... спасибо...

— Нет, дело не в Янгус, а в перстне. То что ты сделал — Магия Крови, сильнейший чёрный ритуал, позволяющий закрепить за собой магический артефакт. Перстень вобрал в себя твою кровь, и ты стал полноправным его хозяином. Раньше он работал в руках любого колдуна. Теперь он не станет слушаться никого, кроме тебя. В твоих руках величайшая магическая сила. И ты не можешь от неё отказаться. Я тебе уже говорил, что чёрная магия необратима. Ты больше не можешь прикидываться обычным человеком, ты больше не можешь давить в себе магию. Если ты попробуешь, она тебя уничтожит, — Салазар улыбнулся краешком губ.

— Но... но... я не понимаю...

— А что ты не понимаешь? Я тебя предупреждал. То, что ты сделал сегодня, — магия, замешанная на человеческой крови — это самое наичернейшее колдовство из всех, что существуют. И у тебя теперь нет иного пути, кроме как научиться своей силой управлять и жить с ней в мире, или однажды она тебя задушит. Хочешь проверить? Только попробуй завтра сунуться в церковь, — и щёлкнув пальцами, Салазар растворился в зеркале.

===== Глава 19. Миром правят лжецы =====

Проспал Данте от силы часа три и к рассвету уже был на ногах. Янгус спокойно дрыхла, уткнувшись клювом в спину, и умирать больше не намеревалась.

Покинув дом, Данте вышел во двор. Вдыхая прохладный предрассветный воздух, он пытался прийти в себя после тяжёлых испытаний этой ночи. Предупреждения Салазара не убедили Данте, что он поступил неправильно. Чёрная магия? Да какая разница белая она или чёрная? Любая магия работает как во зло, так и во благо. Он не сделал ничего дурного, напротив, спас Янгус. Птица жива и здорова, это главное. Если бы она умерла, он бы умер вслед за ней, такой потери он бы не пережил. Иногда Данте пугался своей привязанности к животным — он любил и Янгус, и Алмаза с какой-то нездоровой фанатичностью. Если бы умирала вчера не Янгус, а та же Каролина, он бы перенёс это гораздо легче. Наверное.

Данте провёл рукой по волосам, убирая их со лба, поднял голову и улыбнулся звёздам, уже тускнеющим на фоне тёмно-голубых небес. Всё будет хорошо. Сегодня свадьба Кlemente. Не очень весёлое мероприятие, но и портить его Данте не хотелось. Салазар нарочно его дразнил, да и в церковь не пойти он не может. Максимум, что там произойдёт: ему станет плохо. Ничего, переживёт, не впервой.

Каролина настояла именно на церковном венчании, хотя падре Антонио мог бы приехать и в посёлок. А многие гаучо и вовсе женились на открытом воздухе и без присутствия падре. Данте обожал индейско-африканские свадьбы, сопровождаемые ритуальными плясками под стук барабанов. Но Каролина, Пия и Анхель Лозано категорически противились даже венчанию вне церкви. Кlemente и Гаспар не спорили, а с Данте никто и не советовался, хотя он был обеими руками и ногами за то, чтобы свадьба вообще не состоялась.

Ну ничего, он выдержит. Как хорошо, что жива Янгус! Данте пребывал по этому поводу в состоянии бешеной эйфории. Но что же с ней произошло? Ни с того, ни сего никто не болеет и не умирает, должна быть причина. Янгус заболела позавчера, хотя Данте кормил её самолично из рук. Кормил... кормил грушами. Быть может, грушевое дерево поливали ядом? Но ведь и он ел эти груши и не отравился.

Взгляд Данте упал на пустую собачью будку, и в мозгу у него словно включился свет. Вот оно! Как же он раньше не додумался? Буквально за сутки до болезни Янгус умерла Гроза — собака, живущая во дворе. Умерла внезапно и очень быстро. И непонятно от чего. Таких совпадений не бывает, наверняка одно напрямую связано с другим.

Данте припомнил хронологию событий того дня. С утра он был в церкви с Каролиной, они вернулись домой, пообедали, и Данте с Гаспаром уехали на встречу с перекупщиками, а Кlemente отправился к портному. В доме оставалась только Каролина, и когда они с Гаспаром к вечеру вернулись, Гроза уже полумёртвая лежала в будке. Неужели всё-таки Каролина? Но ведь она клялась, что не травила Янгус! Данте не хотелось верить, что Каролина способна на такое. Она, конечно, совсем помешалась на церкви, но убивать животных... Нет, нет, невозможно!

Подойдя к будке, Данте направил на неё руку. Пальцы юного мага засветились, точно фонари на Бульваре Путешественников. Данте обратил внимание, что свет, исходящий от пальцев был ярок, как никогда, но сейчас его больше волновали причины смерти Грозы. Он внимательно изучил будку внутри и пространство вокруг неё, но ничего не обнаружил. Как же узнать, кто убил собаку и пытался убить Янгус?

Вдруг под каблуком что-то хрустнуло. Данте наклонился и извлёк из-под сапога крошечный медный кулон. Опознать, кому он принадлежит, Данте не смог. Скорее всего, кулон женский. Данте вернулся в дом с полной уверенностью — эту загадку он разгадает. Нужно знать врага в лицо, чтобы защититься.

Два часа спустя, за завтраком, Данте, соорудив невинное лицо, протянул Каролине найденную побрякушку.

— Тётя Каролина, я тут нашёл во дворе. Это не ваше?

Каролина, взяв кулон в руки, несколько минут его рассматривала, затем показала Гаспару. Тот пожал плечами.

— Никогда не видела, — сказала Каролина. — Потерял, наверное, кто-то. Клем, — обратилась она к сыну, — не знаешь, откуда это?

Кlemente безразлично глянул на кулон.

— Наверное, это Пия потеряла, — сказал он будничным тоном.

— Пия? — вскинул бровь Данте.

— Ну да. Пия — моя невеста. Я видел у неё такой кулон на шее. Она была тут как-то раз, вот и обронила, наверное.

— Тогда надо вернуть его, — Каролина водрузила на стол корзину с поджаристыми пирожками-эмпанадас [1]. — Ну вот и разобрались.

— И когда именно Пия здесь была? — глаза Данте заволокла ночь. — Что-то я её не видел ни разу.

— Пару дней назад, — вместо Клементе ответила его мать. — Это было в тот день, когда вы с Гаспаром ездили к сеньору Умберто договариваться о продаже лошадей. Пия заходила к нам на чай. Я ещё удивилась, но она сказала, что пришла поболтать со мной. А я думаю, она приходила, чтоб увидеть Клема, — Каролина хихикнула.

— Сука! — выплюнул Данте, встряхнув недавно вымытыми волосами — капельки воды полетели во все стороны.

— ЧТО-О-О? — хором воскликнули Гаспар, Каролина и Клементе.

— Ничего, — сквозь зубы прошипел Данте и пулей выскочил из-за стола, так и не съев ни кусочка.

Целый час Данте в ярости бегал туда-сюда по комнате. Тварь! Мерзкая живодёрка! И как он сразу не догадался? Пия в первый же день их знакомства заявила, что ненавидит животных. И как только у Клема мозгов хватило обручиться с такой гадиной? Свадьба... Сегодня свадьба. Чёрт возьми, как же он туда пойдёт? Он ведь не удержится — увидит эту Пию и ляпнет ей в лицо всё, что думает.

Янгус лопала банан, тарахтя от удовольствия. И чем дольше Данте смотрел на вновь жизнерадостную и полную сил любимицу, тем больше ему хотелось Пию убить. Из-за этой змеи он едва не потерял Янгус!

Ещё через час жених с каменным лицом и всё его немногочисленное семейство загрузились в повозку, что управлялась светло-рыжим конём по кличке Лимончик. Данте, как заправский наездник, не сел на козлы, мотивируя тем, что он не кучер, и оседлал лошадь. Он легонько натянул поводья, и Лимончик двинулся в путь.

Клементе, одетый в тёмно-серый сюртук, светлую рубашку и узкие кюлоты, заправленные в сапоги, прогуливался близ алтаря. Гаспар, болтая с кучкой народа — друзей и знакомых, пришедших на свадьбу, не скрывал волнения. А Каролина в желтоватом тарлатановом платье [2] и с цветами в волосах лучилась от гордости.

Невеста и её отец пока не появились и немногочисленные гости — диковатые гаучо, не привыкшие к подобным торжествам, — сидели на лавках в наосе, рассматривая друг на друга.

Данте стоял снаружи, решив, что зайдёт в церковь в последний момент. Когда повозка невесты прибудет, он шмыгнёт внутрь и сядет где-нибудь в уголке.

Юноша испытывал необузданное желание сравнить церковь с землёй. Мысленно представив эту картину, ощутил какое-то болезненное, злорадное наслаждение.

Застучали копыта и в поле зрения Данте появилась открытая повозка с запряжёнными в неё двумя серыми лошадёнками. Сеньор Анхель Лозано, сидя на козлах, будто сокровище доставлял на венчание свою дочь.

Тпр-р-ру... Остановив лошадей, он слез с подножки и подал невесте руку.

Глубоко вздохнув, Данте вошёл в церковь. И вмиг у него закружилась голова. В ушах зазвенело. Кое-как он добрался до наоса и сел на одну из дальних скамеек.

По случаю торжества наш герой выглядел иначе, чем всегда: он надел аби, шёлковую рубашку, длинные кюлоты из кожи и завязал волосы в хвост. И хотя народу в церкви Святой Аны было немного (около двадцати человек), Данте чувствовал себя скованно, ибо не выносил людей в принципе.

И вот невеста и её отец появились у входа. Музыкант запиликал нудную мелодию на скрипке. У Данте уши едва не заложило, хотя музыку он любил — она вызывала в его сердце ощущение внутренней гармонии и свободы. «Могли бы найти музыканта и получше. Всю свадьбу испортило это пиликанье», — с досадой подумал Данте.

Дамы в ситцевых платьях и чепцах с умилением смотрели на невесту. Её наряд тоже не отличался роскошью: бежевое казинетовое платье [3], закрытое до самой шеи; сверху — плетёная шаль «из бабушкиного сундука»; на голове — венок из мимоз, в руках — фиалки. «Нарядилась, как монашка», — вынес вердикт Данте, невольно вспомнив, сколь восхитительна была Эстелла в алом платье с рубинами. Но у Эстеллы, хоть и небольшая, но красивая грудь (уж в чём-чём, а в женских прелестях Данте разбирался), а у Пии грудь отсутствовала. Невеста Клема напомнила Данте чересчур женственного мальчика-евнуха. Он ухмыльнулся, вспомнив ещё и пышногрудую Лус. Клементе сам себя загоняет в угол. Что он будет делать, когда окажется в кровати с этой варёной рыбиной? Это он-то, избалованный ласками девочек из «Фламинго», влюблённый в одну из них, поднимавший на смех девственниц. Вот дурак! Надо же так загубить себе жизнь! Кстати, ведь ещё не поздно. Бывают случаи, когда свадьба срывается прямо у алтаря. Хорошо бы Клементе одумался, взял бы да сбежал, оставив эту живодёрку с носом. Брошенная невеста. Вот позорище!

Данте едва не рассмеялся, со своим богатым воображением тут же представив эту картину, и всем сердцем пожелал, чтобы сегодня так и произошло. Жаль, он не взял с собой перстень. Надо было загадать желание, чтобы свадьба расстроилась.

Но, как бы Данте не настраивал себя на шутливо-ехидный тон, он уже чувствовал покалывание в кончиках пальцев. С этого обычно всё и начинается. Если церемония затянется, он не выдержит. Или убежит посреди свадьбы, или начнёт дымиться и выдаст себя с головой.

И действительно, в тот момент, когда жених и невеста подошли к алтарю, Данте почувствовал боль — неприятное до тошноты ощущение, что у него плавится кожа, подобно воску церковных свечей. Сжав кулаки, Данте впился ногтями в ладони.

«Пожалуйста, — мысленно взмолился он, — прошу тебя, не сейчас. Я не могу портить свадьбу Клементе».

«Но ты считаешь себя вправе издеваться надо мной, не так ли? — услышал Данте шёпот в голове. — Когда я тебя всякий раз умоляю не заходить в церковь, ты меня не слышишь, — по-змеиному прошипел Салазар. — Каждый твой поход сюда меня убивает».

«Но мне ведь тоже больно».

«И будет ещё больнее, пока ты не поймёшь, что колдуну в церкви не место. А чёрному тем более».

И Данте ощутил новый приступ жгучей боли, такой, что из глаз его покатались слёзы.

«Салазар, я тебя умоляю, только не сегодня, пожалуйста».

«Я ничего не могу с этим сделать. Единственный способ прекратить это — уйти».

Но вскоре боль отступила и Данте даже взглянул на алтарь без мысли запустить в него

чем-нибудь тяжёлым. Падре Антонио читал проповедь об обязанностях жены и мужа друг перед другом и перед церковью. Данте, который никогда не видел католический обряд венчания, был разочарован. Свадьба всегда представлялась ему красивым, нежным, волшебным праздником любви, а на деле оказалась нудной отповедью о том, как надо чтить Бога. Из речи падре следовало, что мужчина и женщина венчаются не для себя и брак — не гимн их любви. Они женятся для родителей и общества, и для того, чтобы завести детей. Любовь же плотская есть грех, если не несёт цели зачатия ребёнка. Поэтому муж обязан беречь супругу, не подвергая её греху сладострастия без надобности, а жена должна исполнять супружеский долг вне зависимости от своего желания — это и называется «чтить супруга своего».

Новый приступ недовольства собой нахлынул на Данте. Он точно какой-то неправильный, он ненормальный — теперь это абсолютно ясно. Он не понимает и не разделяет ни одно из утверждений падре, считая брак союзом двух любящих людей, который дарит счастье жениху и невесте, но никак не их родственникам. Но падре Антонио уверял: после свадьбы супруги становятся кем-то вроде рабов на службе у общественного мнения и религиозных постулатов. Обязаны, обязаны, обязаны... У Данте болтовня падре, в конце концов, вызвала раздражение. Если и вправду единственной целью брака является создание потомства, то увы, сие ему не подходит. Данте не любил детей: ни больших, ни маленьких.

Пожалуй, от того, что натерпелся от них немало, и он не представлял себя отцом человеческого детёныша. Нет уж, увольте.

Глядя на лица гостей (особенно на блаженное Каролины), Данте решил: слова падре отражают гнилую сущность и лживость христианской морали, столь почитаемой всеми. «Удачный брак» приносит выгоду родителям, спихнувшим с себя обузу в виде ребёнка, и это написано на их лицах. А на лицах Клементе и Пии читалось полное безразличие друг к другу.

Когда молодожены приступили к клятве в «вечной любви», Данте затошнило. Он снова почувствовал боль, теперь в голове, — в висок будто пшагу воткнули. Из кончиков пальцев повалил красный дымок. Данте спрятал руки под чуть длинные ему кружевные манжеты — болезненная прихоть мальчика, привыкшего ходить в тряпье. Скорей бы всё закончилось!

Клятва. Обмен кольцами. Жених уронил своё на пол. Данте слышал от кого-то эту примету: падение кольца — к несчастью. Хотя куда уж хуже? Этот брак и так обречён. Каролина при этом инциденте поджала губы. О, наверняка после церемонии она ещё и выскажет бедному Клементе, что он растяпа.

— Объявляю вас мужем и женой! Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь! — объявил падре Антонио.

Поцелуй. Символический — в щёку. Какой же фарс!

Данте облегченно выдохнул, надеясь, что сейчас кошмар закончится, — не тут то было. Чрезмерно набожная Пия, возложив на алтарь цветы, стала зажигать свечи, одну за другой. Она ставила свечку каждому святому, коих было немереное количество, прося их о счастье в браке.

Данте искусал себе губы до крови — боль всё нарастала и нарастала. Из ушей повалил столб дыма, а с волос полетели искры: красные, зелёные, синие...

Одна из дам, полная старушка в чепчике, вскрикнула. Все обернулись.

— Он горит!

— Что это?

— Как-никак Дьявол постарался!

— Сатана! В него вселился Сатана!

Раздались вопли, но подойти к Данте никто не осмелился. Люди, сидящие позади него, бросились в рассыпную. Каролина покраснела, Гаспар открыл рот, а Клементе отрешённо рассматривал мозаику на стенах. Это было последнее, что видел Данте — глаза его заволокло туманом.

— Вон! Вон отсюда! Прочь из церкви, Дьявол! Исчадие! Изыди! — вопил кто-то.

— Нечистая сила! Осквернил святую обитель!

Данте рывком встал на ноги, не ощущая их, но и двух шагов не сделал — пошатнулся и упал без сознания.

Комментарий к Глава 19. Миром правят лжецы —————

[1] Эмпанадас — аргентинское национальное блюдо. Пирожки из пшеничной муки и говяжьего жира с различной начинкой.

[2] Тарлатан — недорогая, мягкая, хлопчатобумажная ткань. Шла на изготовление платьев.

[3] Казинет — хлопчатобумажная или шерстяная одноцветная ткань для недорогой верхней одежды, униформы.

===== Глава 20. Взаимонепонимание =====

Эстелла улиткой свернулась на кровати. Хотелось плакать, а после — тихо умереть. Она потеряла Данте. Вот уже два месяца о нём ни слуху, ни духу. И всё из-за того глупого письма. Ну зачем, зачем она послушалась Сантану? Похоже, Данте, приняв её слова о расставании буквально, взял и уехал, и теперь она не знает, где его искать. На следующий после бала день она, потеряв остатки разума, отправилась в «Маску» и напрямую спросила у хозяина про Данте. Эстелле до сих пор было стыдно за это, и, самое главное, она ничего не добилась, лишь скомпрометировала себя. К счастью, эта выходка осталась незамеченной двумя домашними жандармами: Роксана была занята делами Арсиеро, ублажая местных латифундистов, дабы они отписали земли в пользу Городского Совета Кабильдо, а Мисолина витала в облаках, строя планы в отношении Маурисио Рейеса.

Эстелла не знала где искать Данте. Каждый день она оставляла розу на паперти и высматривала любимого в толпе у церкви, бегала на мост, а однажды ночью добралась аж до самой реки, чуть не умерев в темноте от страха. Но Данте исчез бесследно.

Спустя две недели поисков, надежда и страсть в душе Эстеллы сменились глубокой печалью. Она плакала три дня и на нервной почве слегла с температурой. А ещё разругалась с Сантаной, когда та пришла её навестить, обвинив подругу во всех смертных грехах. Сантана обиделась и ушла, заявив, что ноги её в доме Эстеллы больше не будет.

Прошло два месяца, но Эстелла всё злилась на Сантану и на себя за то, что её послушала. Любовь в сердце девушки горела огнём, вытеснив иные чувства. Сейчас она бы жизнь отдала, чтобы хоть краем глаза увидеть Данте. Хорошо, что Роксана и Мисолина от неё отстали со слезкой — убедились, что она ни с кем не встречается, ибо Эстелла вообще прекратила выходить из дома. Посещала только вечернюю мессу, всякий раз кладя на паперть красную розу, но ответной белой так и не дождалась.

А вдруг с Данте что-то случилось? Что если он попал в беду? В последние пару дней эта мысль грызла Эстеллу. Почему Данте так внезапно исчез? Не может быть, чтобы из-за письма! На её Данте это не похоже. Он бы попытался выяснить что случилось, прислал бы птицу с запиской, вломился бы к ней через балкон, в конце концов. Эстелла и боялась, и

одновременно ждала от Данте какой-нибудь безрассудной выходки. Он же отчаянный, смелый и такими влюблёнными глазами на неё смотрел. Он не мог так запросто отступить от неё. Нет, нет, что-то произошло. Только бы он был жив! Эстелла в отчаянье ломала руки, понимая, что если с Данте что-то и случится, она не узнает об этом. Ведь ей даже спросить о нём некого: она не знакома ни с его семьёй, ни с друзьями.

Сегодня Эстелла проснулась ни свет, ни заря от жуткого кошмара: во сне она горела. Огонь, кругом огонь, и девушка никак не могла выбраться из него. Задышалась и кричала, потом сквозь дым и пламя увидела Данте. Он протягивал к ней руки, пытаясь её вытащить из ловушки, но когда она ухватила его за пальцы, Данте превратился в кучку пепла. Эстелла проснулась в холодном поту.

Прошло два часа, а она так и не пришла в себя от этого то ли сна, то ли видения. Всё казалось таким реальным. Теперь Эстелла была убеждена: с Данте случилось нечто плохое. А ей и посоветоваться не с кем: с Сантаной она разругалась, а бабушка три дня назад уехала в Гваделупу, чтобы поглазеть на тамошних свободных рабов [1]. Роксана и Арсиеро отправились в Байрес на деловые переговоры и застряли там аж на две недели. Мисолина, поглощая один любовный роман за другим, напоминала влюблённую курицу; теперь она Эстеллу не трогала, глядя на неё, как на кучку мусора.

Зато вернулась Либертад. Весьма неожиданным образом. Поведение дяди Эстебана поразило Эстеллу: с Хорхелины наконец-то сняли бинты, и он опять переехал в их общую спальню. Отныне они ворковали, как два голубка. В связи с этим Хорхелина проявила «великодушие», позволив Либертад вернуться в дом. Эстебан теперь и не смотрел на горничную.

Эстелла недоумевала, Либертад рыдала по углам, Урсула читала ей нотации, а бабушка объявила Эстебану бойкот, в сердцах заявив, что Эстебан больше ей не сын; видите ли она ему столько помогала, устраивала тайные свидания с Либертад в тюрьме, но раз он сделал свой выбор, к ней может отныне не обращаться. И Берта укатила лечить нервишки на курортных островах.

Эстелла была с Бертой солидарна — дядя Эстебан поступил с Либертад подло, а ведь она столько натерпелась от Хорхелины. Неужели все мужчины такие? Ведь, казалось, дядя Эстебан любил Либертад. А что если и Данте нашёл себе другую? Он ведь такой красивый наверняка девушки с ума по нему сходят. Нет, она этого не переживёт! Как же она хочет его увидеть, услышать его голос, ощутить его губы на своих губах... За что ей такие муки?

Раздался стук в дверь и Эстелла вытерла слёзы рукавом кружевной ночной рубашки.

— Войдите.

— Это я, сеньорита, — зашла Либертад с подносом в руках и с газетами подмышкой. — Вы не спустились к завтраку, и я его принесла. Нельзя ж сидеть голодной, в самом деле! А ещё вам письмо.

— Мне? Письмо? — Эстелла подпрыгнула, как ошпаренная. Неужели от Данте?

Либертад покопалась в куче писем и газет и выудила длинный конверт. Эстелла, вся дрожа, вырвала его из рук служанки. Та с удивлением посмотрела на неё:

— С вами всё в порядке, сеньорита?

— Ага.

У Эстеллы не хватило терпения дожидаться ухода Либертад, она молниеносно разорвала конверт и при виде его содержимого испытала такое жуткое разочарование, что расплакалась.

— Чего-то случилось, сеньорита?

— Н-н-нет... Это от маркиза Рейеса. Он приглашает меня сегодня в театр оперы.

Пишет, что будет петь Фифита Мьель, и он купил два билета в ложу.

— Тогда чего ж вы плачете? Подумаешь, опера. У вас такое лицо, будто кто-то помер.

— Я не хочу туда идти!

— Не хотите идти на оперу или не хотите идти с ним?

Эстелла поймала внимательный взгляд служанки.

— С ним.

— Он вам так не нравится? — удивилась Либертад. — А мне он кажется милым. Как-то он приходил к сеньору Арсиеро, вежливый и симпатичный молодой человек.

— Может быть, но мне он не нравится. Я его видела один раз на балу, а он прицепился, как колючка, и теперь обхаживает мою семью. Даже бабушку очаровал, — пробурчала Эстелла.

— Не понимаю вас, сеньорита. Кто ж отвергает такого жениха? Так себя ведут в одном случае: если влюблены в другого. А вы разве ж влюблены?

Эстелла всхлипнула, закрыв лицо руками. Либертад пожевала нижнюю губу, сообразив, что наступила Эстелле на любимую мозоль. Она села на пол и взяла Эстеллу за руку:

— Сеньорита Эстелла, скажите мне правду: маркиз вас раздражает, потому что вы влюблены в другого?

Эстелла, кивнув, разревелась сильнее:

— Т-только н-никому не говори об этом, Л-либертад...

— Я-то не скажу. Но почему ж вы сами не скажете им? Уверена, если вы попросите сеньора Арсиеро, он не будет вас неволить. Объясните, что любите другого, пусть ваш кавалер придёт сюда, познакомится с вашей семьей, вот и всё. Сеньор Арсиеро добрый человек, уверена, он вас поймёт.

— Нет, не поймёт, — помотала головой Эстелла. — Он находится под влиянием мамы, а она никогда не допустит, чтобы я связала свою жизнь с таким, как Данте. Потому что он не нашего круга.

— Значит, он бедный?

— Угу...

— И его зовут Данте. Краси-и-ивое имя, — протянула Либертад.

— Он и сам красивый, он такой, такой... он необыкновенный. Я таких больше не встречала, но мы потерялись.

— Как так?

— Ну, мы разминулись, и я не знаю, где теперь его искать.

— Вы его очень любите? — сочувственно спросила Либертад.

— Очень.

— Мне это знакомо, — вздохнула служанка. — А вы знаете его адрес? Может, я помогла бы вам его отыскать?

— Нет, Либертад. Спасибо, но тут уже ничем не поможешь. Он уехал, и от него ни слуху, ни духу.

— Ну не расстраивайтесь, сеньорита. Уверена, он объявится. У некоторых мужчин есть такая мания — появляться и исчезать в самый неподходящий момент.

— А мне-то что делать? Ты думаешь, надо принять приглашение маркиза и пойти с ним в оперу?

— Почему нет? Он ведь не урод и не старик, в конце концов! Весьма приятный молодой человек. Сходите, развейтесь. Нельзя ж сидеть взаперти и реветь целыми днями. Вы ж красавица, завидная невеста и у вас вся жизнь впереди, а будете тут сидеть такая мрачная, ещё заболете и помрёте.

— Наверное, ты права, Либертад, — Эстелла вытерла слёзы. — Да, пожалуй, я схожу в театр с этим занудой. Хотя бы отвлекусь от тяжёлых мыслей. Решено! Вечером иду слушать оперу!

Тупая боль сдавила виски. Ощущения были ужасные, словно по телу потоптался носорог. Ещё не открывая глаз, Данте повернул голову и уткнулся в нечто мягкое, похожее на нежнейший лебяжий пух. Разомкнул веки и вперился в потолок.

Он лежал на кровати у себя в комнате. Рядом, на подушке, примостилась Янгус и, прижавшись к лицу Данте пушистым бочком, мерно дрыхла. Данте потёрся о птичий бок лицом и, кое-как сев на постель, обхватил голову руками.

Что же произошло? Почему он здесь, да ещё в таком состоянии? Данте перевёл дух, окидывая взглядом комнату — на спинке стула висела кипа нарядной одежды. Ах да, свадьба! Свадьба Кlemente. Она уже закончилась? Данте вспомнил венчание, обмен кольцами, поцелуй... Значит, они поженились. А вот то, что было дальше, обрывалось в памяти, образуя чёрную дыру. «Исчадие! Вон! Вот отсюда! Осквернил святую обитель...», — чем больше Данте приходил в себя, тем отчетливей он слышал эти вопли. Но лиц не видел. Темнота, блуждающие тени, вспышки, красные черти перед глазами — полусны-полугаллюцинации. И вот он очнулся у себя в комнате. Такой провал в памяти Данте отнюдь не впечатлял, должно быть, это первые признаки безумия.

Янгус чуть дёргала крылышками, пребывая в объятиях Морфея. Данте кое-как сполз с кровати — всё мышцы болели и шевелился он с трудом. Это было обычное его состояние после похода в церковь, но в обморок он ещё ни разу не падал. А ведь Салазар предупреждал! Он не послушался. Но он должен поговорить с Каролиной и Гаспаром. С самого начала следовало им рассказать, что он колдун.

Данте окунул лицо в прохладную воду — головная боль отступила, и юноша, оглядев себя, начал соображать. На нём была ночная рубашка. Данте, рванув её вверх, выбросил на пол и отпихнул ногой. Это означает, что в кровать его уложил кто-то посторонний (наверняка Каролина) — сам он никогда бы не надел ночную рубашку — признак целомудрия. Каролина, помнится, бесконечно внушала им с Кlemente, что ложиться в постель надо одетыми, да и спать в такой позе, чтобы сквозь одеяло не проступали очертания тела — так внушала церковь. Данте втихую крутил пальцем у виска и делал по-своему — спал обнажённым.

Янгус проснулась, зевнула, широко раскрывая клюв, и что-то сонно пробулькала.

— Сейчас, Янгус, я схожу в сад, фруктов тебе принесу, — сказал Данте.

Наш герой оделся и вышел через запасную дверь. На улице стоял жуткий зной, день был в самом разгаре. «Часа три», — определил по солнцу Данте. Нарвав спелых персиков, груш и манго, а также вишен, растущих на заднем дворе, он уже хотел идти обратно, но услышал оклик:

— Данте!

Он оглянулся. Из-за забора на него пялилось веснушчатое красноватое лицо Табиты, обрамлённое косматыми кудряшками.

— Привет.

— Привет. Чего ты хочешь?

— Ничего. Просто шла мимо, увидела тебя и решила поздороваться. А ты всё такой же красавчик. Нет, даже ещё лучше.

— Поздоровалась? — сердито оборвал Данте. — Вот и топай своей дорогой!

— А по посёлку про тебя столько слухов ползает! — заявила Табита. — Одни говорят, будто в тебя вселился Дьявол, другие уверяют, что ты сторел заживо прямо в церкви, а третьи клянутся, что тебя отправили в Жёлтый дом.

— И ты явилась удостовериться? — съязвил Данте, приподнимая тонкую длинную бровь.

— В общем да. Значит, все врут? Я смотрю, с тобой полный порядок, ты не при смерти и в своём уме настолько, что даже хамишь. А я хотела выразить соболезнование твоим родителям.

— Не дождётесь! — выпалил Данте и рванул к дому, подавив страстное желание забросать Табиту фруктами.

— Обожаю, когда ты злишься, мой сладенький! — крикнула Табита.

В ответ Данте с силой долбанул дверью.

В спальне он накормил Янгус и перекусил сам. За общим столом есть ему не хотелось.

Около часа Данте просто сидел на кровати, собираясь с мыслями. Он решил, что расскажет Гаспару и Каролине правду о своей магической сущности, и будь что будет. Напрасно он сюда вернулся. Можно было уйти из «Маски» в другую гостиницу, но свадьба Клема спутала ему карты. Да и мифические преследователи Данте уже не пугали. Неизвестно, были ли они вообще, может, это всего-навсего воры, промышляющие чем-то определённым.

Данте знал, что есть разные категории грабителей: одни не гнушаются забрать всё, что плохо лежит, другие утаскивают только деньги, а третьи — украшения и драгоценные камни — об этом частенько писали в местных газетах, которые юноша почитывал, завтракая в трактире при гостинице. Может, как раз эти воры и были охотниками за драгоценностями, раз они и деньги не забрали? Зря он убежал из «Маски», повёл себя как маленький трусливый мальчик. Ведь он никогда не боялся воров и прочей шушеры. И с чего вдруг он решил, что за ним кто-то охотится? Кому он нужен вместе со своей магией? Никто об этом не знает, а знал бы, так и близко бы не подошёл — колдунов все боятся. Кроме Эстеллы... Нет, сейчас он не станет о ней думать.

Данте поднялся на ноги. Янгус села ему на плечо.

— Ты хочешь пойти со мной?

Птица, забулькав, потёрлась клювом о лицо Данте.

— Ну ладно, пойдём. Когда ты рядом, я чувствую себя спокойнее, милая моя Янгус.

Когда Данте вошёл в гостиную, Каролина и Гаспар одновременно подняли головы. Гаспар, вздохнув, отложил газету. Каролина побледнела и перекрестилась. КLEMENTE видно не было — после свадьбы он, как и планировал, переехал с Пией в домик по соседству.

— Проснулся, наконец-то, — буркнула Каролина. — Два дня уж в отключке. Сегодня же пойду за падре Антонио. Дело ясное: в тебя вселились бесы. Их следует изгнать.

— Каролина, — вмешался Гаспар недовольным тоном, — давай не будем начинать сначала, твоих бесов мы уже обсуждали. Думаю, мы все втроём должны поговорить серьёзно.

— Куда уж серьёзней-то? Дьявол в доме, — выдавила Каролина и умолкла, поймав на себе гневный взгляд супруга.

— Данте, присядь на диван, разговор будет тяжёлый, и... — Гаспар помолчал, подбирая слова. — Думаю, так больше продолжаться не может.

Данте сел.

— Дядя Гаспар, я знаю, надо было сразу вам об этом рассказать. Думаю, вы и тётя Каролина имеете права знать кое-что обо мне, — не стал ходить Данте вокруг да около. — То, что произошло в церкви, — это... это...

— Это последствия твоего непослушания и неуважения к Богу, — вставила Каролина.

— Каролина, помолчи! Данте, продолжай.

— В общем, я не могу ходить в церковь, — тихо выговорил Данте, опуская ресницы. — Каждый раз после этого мне плохо, и на это есть причина...

— Разумеется есть — в тебя вселился Дьявол! — выкрикнула Каролина.

— Я маг, — устало проговорил Данте.

— ЧТО? — Каролина и Гаспар выпучились друг на друга, а затем на Данте.

— Я маг, колдун. Моя магия — это врождённый дар или проклятье, не знаю. Так было всегда. Я пытался бороться, но это бессмысленно, моя магия сильнее меня. Она живёт в моей крови, и когда я попадаю в церковь, я испытываю сильную боль. Я не могу это контролировать. Моя магия и религия несовместимы. Это же произошло и на свадьбе Клема — венчание было слишком долгим. Я потерял сознание от боли, вот и всё.

Наступило молчание. Гаспар смотрел в стену. Данте разглядывал пол под ногами, а Янгус нежно теребила его за волосы. Каролина, крестясь, спряталась за высокий стул в надежде, что тот защитит её от Данте.

— Не надо меня бояться, тётя Каролина. Я не причиню вам зла, — прошептал Данте.

— Да, да, больше не причинишь. Всё хватит, я терпела слишком долго! Мало того, что он одержим Дьяволом, он ещё и сумасшедший. Только этого мне не хватало!

— Я не одержимый и не сумасшедший. Я колдун.

— Гаспар, скажи ему всё, как есть. Я больше не могу слушать эту ахинею!

— Дядя Гаспар, поверьте мне! Я не говорил, потому что не хотел вас пугать. Но в этом нет ничего страшного. Я могу передвигать предметы по воздуху, могу делать разные красивые вещи. Я не знаю, почему именно я, но так получилось. Вы не должны меня бояться, — оправдывался Данте, по хмурому лицу Каролины понимая, что его слова летят в никуда.

— Данте, послушай, — прервал Гаспар, — не нужно ничего выдумывать. Того, что ты устроил в церкви, достаточно. Ты испортил свадьбу Клементе. Из-за тебя он поссорился с невестой.

— Пия до сих пор в шоке. Она молится уже третий день, — добавила Каролина. — Бедная девочка! Мне пришлось ей и её отцу рассказать, что ты нам не родной. Ведь безумие передаётся по наследству, и она очень боится, как бы оно не передалось их с Клементе будущим детям. Весь посёлок теперь тычет в нас пальцами, и всё по твоей милости!

— Простите, — промямлил Данте, ощущая уже знакомую боль в груди от осознания своей никомуненужности.

— Данте, — Гаспар вздохнул, — так больше жить невозможно...

— Да, мы пытались сделать из тебя человека, видит Бог, но это бесполезно.

— Поэтому... мы приняли решение. Это было непросто, но ты больше не можешь

оставаться в этом доме. Тебе придётся уйти, если, конечно, ты не хочешь накликать беду на нашу семью.

Нельзя сказать, что Данте этого не ожидал. Но чтобы вот так, прямо в лицо... Он судорожно открыл рот, закрыл его, снова открыл, но больше не выдавил ни звука.

— Всё, разговор окончен. Уходи! — сказала Каролина. — Я устала с тобой бороться. Мы приняли тебя, как родного, а ты нам отплатил за нашу доброту, покрыв нас позором. Собирай вещи и выметайся! И не смей сюда возвращаться, посланник Дьявола! Я больше никогда не хочу тебя видеть!

Потрясённый Данте рывком встал на ноги и, пошатываясь, ушёл к себе.

— Только не говори мне, что это неправильно, — Каролина нервно ходила по гостиной. — Моё терпение исчерпано. Я теперь не знаю, как в глаза смотреть соседям, когда у меня за спиной все говорят, что мы пригрили змею на груди, поселили Дьявола в собственном доме.

— Я думаю, это единственный здравый выход, — не стал спорить Гаспар. — Знаешь, почему я согласился? Потому что мне жалко мальчишку. Хочу спасти его от таких, как ты, и тебе подобных. Пускай он идёт с миром в большую жизнь, пока его не разорвали на клочки ты и твои лжесвятые подружки.

— Чего ты мелешь? И ты туда же? Ты оскорбляешь Бога! — завопила Каролина. — Этот посланник Дьявола разрушил нашу семью, и тебе его жалко?

— Это ты, ты разрушила нашу семью, — грустно произнёс Гаспар. — Я женился на доброй, великодушной и адекватной женщине, а оказался мужем религиозной фанатички. Поэтому я хочу уберечь наших детей от тебя. Я не смог уберечь Кlemente от навязанного ему брака, у меня не хватило смелости и авторитета, чтобы сказать своё веское: «нет», но он вырвался отсюда. Правда, не знаю, куда он попал. А Данте... ну что ж, может он, единственный из нас, построит своё счастье с нормальной женщиной, а не с помешанной на религии идиоткой, — Гаспар ушёл, оставив Каролину в одиночестве.

Запихав в мешок свои немногочисленные вещи, Данте вывел Алмаза из-под навеса, вскочил в седло и, сопровождаемый Янгус, быстро оставил «Лас Бестиас» позади.

Проскакав галопом несколько километров, Данте остановился. Глухая боль сдавила грудь. Он обхватил шею Алмаза руками и заскулил, тычась носом в блестящую чёрную гриву.

Наутро Каролина, зайдя в комнату Данте проверить, ушёл он или нет, и заодно там убраться, обнаружила на кровати записку, в которой было всего два слова: «Берегитесь Пию».

Комментарий к Глава 20. Взаимонепонимание —————

[1] Гваделупа — острова в Карибском море, до сих пор принадлежащие Франции. В 1794 году были французской колонией и в этом же году на всей территории Франции, включая Гваделупу, отменили рабство.

===== Глава 21. Капля безумия =====

Данте планировал добраться до города к вечеру, но силы его были на исходе и, когда совсем стемнело, он тихонько сполз с лошади на землю. Разжёл костёр и поужинал запечёнными на огне фруктами. Янгус предпочла сырые, а Данте опять вспомнил об Эстелле. Когда-то они сидели возле костра и лопали запечённые груши. Смеялись, баловались, и восторженный стук их юных сердец отдавался эхом в ушах. И так хотелось Данте поцеловать её нежные щёчки, перемазанные сладким соком. И не знал, не думал он

тогда, что так быстро Эстелла о нём забудет. Они могли бы быть счастливы, но Эстелла предпочла другого — богатого, перспективного, с титулами и амбициями. С таким женихом у неё хорошее будущее: она станет маркизой, будет танцевать на балах, разодетая в шёлк и парчу. А он, Данте, может подарить ей лишь свою любовь, отдать всю жизнь, но для это ничтожный подарок. Он её недостойн. Он никому не нужен на этом свете. Одиночество и боль — его удел. И если бы Эстелла осталась с ним, он бы быстро ей надоел.

В связи с новым потрясением Данте уже не испытывал обиды к Эстелле — он счёл, что она во всём права. Он страшный человек, псих и моральный урод, который всех ненавидит и внушает ненависть к себе. Люди не чувствуют к нему ни любви, ни жалости, так почему же он должен их любить и жалеть? Надо принять себя таким, какой есть и, вне зависимости от того, сколько ему дано ещё прожить на этом свете — пять месяцев или пятьдесят лет — нужно идти вперёд с высоко поднятой головой, не унижаясь, не лицемеря, даже если будет больно.

Данте пролежал в траве до утра, так и не сомкнув глаз. Потом с усилием встал и двинулся в путь. Янгус сидела у него на плече. Алмаз, которого юноша при любой возможности избавлял от седла и узды, свободно шёл позади.

Когда солнечный диск поднялся над горизонтом, Данте прибыл в город. Куча времени ушла на поиск нового места жительства. Данте обошёл с десяток гостиниц, но в каждой ему что-то не нравилось: в одной за тесную комнатку хозяин просил баснословную цену; в другой было сыро и воняло плесенью; третью портили шумные соседи — семейство с двумя плохо воспитанными детьми, от шалостей которых стонали все жители. Данте не выносил шум, поэтому отказался от подобной перспективы. Кроме того, не во всякую гостиницу пускали с животными — в одной не было конюшни для Алмаза, в другую категорично не принимали с птицей. Отвергнуть своих любимцев Данте не мог, лучше провёл бы ещё ночь на улице, чем выкинул их вон.

Под вечер, смертельно устав и объехав весь город, Данте вернулся в «Маску». Сеньор Нестор был несказанно ему рад. Взлохмаченный, измученный, с травой в волосах и с Янгус на плече он получил ключ от комнаты без лишних расспросов, за что остался хозяину весьма и весьма благодарен.

— А я знал, что вы вернётесь! — улыбнулся сеньор Нестор.

— Почему?

— Ну... вы же не могли уехать с концами, не попрощавшись с такой красоткой.

— С какой красоткой?

— Ах, вы разве не знаете? Тут сразу после вашего отъезда прибежала девушка, расспрашивала о вас.

Данте побелел так, что труп в гробу был бы гораздо румяней.

— Что за девушка? Какая из себя?

— Не та, что приходила до этого, — хитро сощурился сеньор Нестор. — Совсем другая. Очень, очень красивая, худенькая, с большими глазами. Темноволосая. Расспрашивала о вас и очень волновалась. Ушла расстроенная, когда я сказал, что вы уехали. Она даже назвала своё имя. Дайте-ка вспомнить... Эсперанса... нет, Эсмеральда... Эс-эстрелья...

— Эстелла, — прошептал Данте.

— Точно! Вот уж, голова моя дырявая! Да, Эстелла, очень красивая девушка.

— С-спасибо, — потрясённо пролепетал Данте и двинулся наверх.

Комнатка была всё та же: с широкой кроватью, резным комодом и мягким ковром на

полу. Жердь Янгус стояла в углу за портьерой. Данте, бросив мешок с вещами на пол, выдвинул жердь и поставил её на место. Янгус, в мгновение ока сев на неё, принялась чистить пёрышки. Данте налил воды в поилку и повесил к жёрдочке яблоки, сорванные с яблони, ветви которой тянулись прямо на балкон.

Данте едва стоял на ногах от усталости, но сообщение сеньора Нестора выбило его из колеи. Эстелла к нему приходила. Сама. Но зачем? Скорее всего, хотела объясниться, сказать ему, что любит другого. Значит, всё же она не лгуня, просто поняла, что они не пара. Только вот он не знает, что ему делать со своей любовью.

Насильно заставив себя лечь в кровать, Данте на пару часов погрузился в беспокойный сон. Ему приснилась Эстелла. Она нежно улыбалась и манила его за собой. «Данте... Данте... иди сюда... ты мне нужен... пойдём...». Данте схватил её за ладошку, прильнув к ней губами, подцепил пальцами шнуровку корсажа, расшнуровывая её. И целовал, целовал... Эстелла блаженно подставляясь под ласки. «Люблю... я тебя люблю, Эсте...», — шептал Данте. Платье упало на пол. Пальцы юноши скользнули по обнаженной спине девушки, поцелуи спустились на плечи и... вдруг Янгус завопила диким голосом. Данте резко сел, потирая оглохшее ухо. Птица взгромоздилась ему на голову и махала крыльями.

— Янгус, ты чего кричишь? Мне приснился такой сон... такой сон, а ты взяла и всё испортила, — с сожалением вздохнул Данте, стряхивая птицу с головы.

Вообще-то, ему частенько снились откровенные сны, но с Эстеллой впервые. Он мало представлял её в роли любовницы. Для Данте она была богиней, дивным невинным ангелом. Юноша её обожествлял, воздвигая на пьедестал, по сравнению с которым иные женщины меркли так, что вызывали презрение.

Данте, встав, заглянул в комнатку-пристройку, что служила ванной. Опустил голову в ледяную воду. Вышел на балкон. Часы на стене показывали семь вечера. Отвлекаясь от навязчивых мыслей о том, что надо бы навестить к церкви и покарать там Эстеллу, Данте вглядывался в прохожих.

По бульвару гуляли влюблённые парочки и проносились экипажи. Кучера, сидящие на козлах, приветствовали друг друга кивками и выкриками. Богомольные дамочки и старушки, с покрытыми мантильями волосами, спешили на вечернюю мессу. Вот, аптекарь на углу обсуждает новости с очень худым господином с проплешинами и рыжей бородёнкой — владельцем парфюмерной лавки «Ароматы для изысканных натур», немцем французского происхождения, мсье Пьером. Вот, переваливаясь и пыхтя, прогуливается толстый-толстый мясник сеньор Дади — мужчина странный и неразговорчивый, вдовец с двумя детьми, всегда улыбающийся лишь сеньоре Марте — зеленщице из лавки напротив. А вот бежит её сын — огненно-рыжий мальчик лет десяти. Он тащит на поводке неказистую таксу по кличке Сарделька. А вон идёт невысокая девушка в серой униформе с длинным белым передником и чепцом на голове, из-под которого выглядывают непослушные кудри урождённой мулатки. Она несёт в руках корзину с овощами.

Данте разобрало любопытство, когда маленькая служанка остановилась у него под балконом. Плюхнув корзину на землю, она озиралась по сторонам, пока натруженные ручки её отдыхали от ноши. В голове у Данте что-то щёлкнуло — девушка показалась ему знакомой. Где он её видел? А может, она просто на кого-то похожа? Эти несчастные девочки-горничные все на одно лицо в своих чепчиках и фартуках. Из глубин памяти вдруг выплыл белый особняк на Бульваре Конституции. Он, маленький мальчик двенадцати лет отроду, однажды был там в гостях. И дверь ему открыла премилая молоденькая горничная...

Спотыкаясь, Данте ринулся на выход. Служанка Эстеллы! У него под балконом! Он не успел ни о чём подумать. Сообразил, что делает что-то не то, когда уже ухватил считавшую ворон Либертад под локоть.

— Ай! — визгнула Либертад, выпучив на Данте круглые глаза. — Вы кто такой? Чего вам надо?

— Не надо пугаться, я не причиню вам зла, — пробормотал Данте задыхаясь. — Я просто хочу кое-что узнать...

— Узнать? — Либертад с открытым ртом разглядывала юношу. Похоже, нечеловеческая красота Данте слегка её потрясла. — Чего же?

— О... о... о вашей хозяйке... точнее...

— О хозяйке? О, у меня их много! — лукаво сказала Либертад, быстро сообразив в чём дело. — О какой именно?

— Об... об... Эстелле...

— Я могла бы и догадаться. Так это вы тот самый её ухажёр?

Данте покраснел до корней волос.

— Не знаю...

— Вы Данте?

— Да.

— А я запомнила ваше имя, потому что оно редкое. Знаете, а сеньорита говорит, будто вы без вести пропали, хотя вы наверняка просто её обманули.

— Нет... я... я...

— Ежели б это раньше было, я б даже помогла бы вам встречаться, но теперь я не доверяю мужчинам, — искренне заявила Либертад. — Все вы одинаковые: сначала говорите о любви, а потом делаете вид, что вы тут не причём. Так что, я не скажу сеньорите Эстелле, что я вас видела, и вам не советую к ней больше лезть. Она девушка приличная и семья у ней строгая. Я-то прекрасно знаю, чего делается с высоконравственными девушками, коды они втюриваются в красавчика вроде вас.

Данте пытался вставить хоть слово, но его замкнуло так, что у него сел голос.

— Да и у сеньориты Эстеллы есть на примете другой ухажёр, — продолжила Либертад, не обращая внимания на шок Данте. — С виду очень приличный, и он уж наверняка сделает её счастливой. Кстати, вечером они идут в оперу. Туфита... Титита... Не помню... Не важно. Некогда мне больше с вами разговаривать, наша кухарка ждёт овощи, чтоб ужин готовить.

Либертад, лихо подхватив корзинку, ушла. А у Данте внутри словно взорвался вулкан. Эстелла развлекается с другим, а он тут весь извёлся, сходит с ума, умирает!

Ярость ослепила Данте, и он пнул ногой увесистый горшок с орхидеями, что стоял на газоне. Тот, отлетев в сторону, разбился о стену дома. Ах, вот она как! Тогда он поймает её с поличным! Всё, хватит! Пусть посмотрит ему в глаза и скажет, что ей нужен другой! Пусть! В конце концов, он имеет права это услышать!

В безумном состоянии Данте вернулся в номер, вытряс из мешка вещи и выудил из них, что получше, — одежду, которую он надевал на свадьбу Клементе.

Данте не знал, можно ли в театр ехать верхом, поэтому, поймав свободный экипаж, он вскоре прибыл к месту назначения.

Здание театра — массивное сооружение с колоннами и облупившейся штукатуркой, было частично заклеено афишами. Не прошло и десяти минут, как Данте увидел Эстеллу и Маурисио. Маркиз помогая Эстелле снять накидку, отдал проверяющему билеты и, галантно

пропустив девушку вперёд, повёл её ко входу в ложу. Данте, прячась за колонной, хотел было устроить сцену ревности прямо в холле, но не решился. Пришлось купить билет, хотя оперу слушать он не намеревался — намеревался выследивать Эстеллу.

Оказался Данте на балконе третьего яруса, как раз напротив ложи, в которой сидели Эстелла и Маурисио, и теперь он мог разглядывать любимую в бинокль. В нежно-голубом платье, с лилией в волосах и жемчужинками в маленьких ушках, Эстелла была великолепна. Данте принуждал себя сидеть спокойно, не направляя на неё бинокль через каждую секунду. Он стал разглядывать сцену, которая напоминала цирковую арену, окружённую массой прожекторов.

Представление началось. Хвалёная певица Фифита Мьель, чья розовощёкая физиономия красовалась на афишах, напомнила Данте сильно откормленную хрюшку, затянутую в платье ярко-малинового цвета. Огромная грудь её едва не вываливалась из малюсенького корсажа; голову певицы венчала серебряная диадема, шею украшало здоровенное кольцо из фальшивых бриллиантов.

Когда Фифита начала петь, Данте чуть не навернулся с балкона от неожиданно резкого, сиреноподобного звука, вырывающегося из её горла. «Какая вульгарная баба, похожа на проститутку из «Фламинго»», — брезгливо подумал Данте. И он направил бинокль на зрителей: одни слушали певичку с благоговением на лицах, другие — зевали. Эстелла сидела как каменная, вытаращив глаза. Вскоре к Фифите присоединился партнёр — усатый высокий брюнет с идиотским именем Бонбон Куартье, пение которого напомнило Данте блеяние овцы.

Эстелла так и сидела не шевелясь. Маурисио, сжав её руку, прильнул к ней губами. Ревность, досада, обида и вместе с ними любовь, дикая и необузданная, оглушили Данте. Ему хотелось выть и стучать ногами от злости. Этот мужчина не имеет права целовать ей руки!

Это он, он, Данте, должен это делать. Она сейчас должна быть с ним, в его объятиях!

Данте со всей одури шмякнул бинокль себе на колени, сжимая кулаки. За что Эстелла так с ним поступает? Как унижительно тут сидеть, наблюдая в бинокль, как она милуется с другим.

Данте взглянул на сцену. Певичка надрывалась от натуги, голося какую-то особенно занудную арию, то прижимая руки к груди, то обхватывая ими голову. Это невыносимо! Надо бежать отсюда. Но Данте так и не двинулся с места, пока не объявили антракт. Некоторые зрители отправились на выход, иные остались на местах, ожидая официантов, разносящих напитки и сладости. Эстелла совместно с Маурисио покинула ложу. Данте ринулся следом. Сердце выпрыгивало через горло. Сейчас он их поймает. Сейчас он увидит, как она целуется с этим маркизом, схватит Эстеллу за руку и потребует объяснений. А потом вызовет соперника на дуэль.

В толпе неприкаянно бродящих по театру в поисках буфета и туалета зрителей, Данте не сразу увидел, что Эстелла и Маурисио намерены уйти совсем. Маурисио помог девушке набросить накидку на плечи, галантно открыл дверь, обмахивая Эстеллу веером, и поцеловал ей ручку, прикрытую тончайшей ажурной перчаткой.

Они вышли из театра и двинулись вглубь аллеи. Данте метнулся следом, скрываясь за кустами и деревьями, и приблизился настолько, что слышал разговор:

— Маркиз, прошу вас, я вам уже сказала, мне дурно, отвезите меня домой.

— Вам не понравилась Фифита?

— Она была омерзительна!

— Хорошо, простите меня, Эстелла, это целиком моя вина. Но Фифита очень известная певица, о ней говорят по всему вице-королевству, и я думал вы будете очарованы. Наверное, я должен был поинтересоваться вашим вкусом, прежде чем вас приглашать. Но я не думал, что вам не нравится опера.

— Мне нравится опера, но не в таком исполнении, — резко сказала Эстелла. Рука её, чуть дрогнув, взметнулась к шляпке и поправила её, будто девушка удержалась от оплеухи. — Маркиз, отвезите меня домой!

— Хорошо, мы сейчас поедem, но прежде я хотел сказать кое-что.

— Что же?

— Эстелла, это серьёзно. Это самая важная вещь, о которой я когда-либо говорил в своей жизни. Что в сравнении с этим все мои титулы и земли, если рядом не будет вас?

— Я вас не понимаю.

— Вы так холодны со мной, а, между тем, ни дня не проходит, чтобы я не думал о вас.

— И?

— Эстелла, я люблю вас!

— Что? — Эстелла вытаращила глаза.

— Я люблю вас, — повторил маркиз.

Девушка не успела ответить — в этот момент раздался шорох в кустах. Эстелла и Маурисио обернулись, но никого не увидели, только услышали звук отдаляющихся шагов — кто-то убежал прочь.

— Наверное, зверь какой-то, — сказала Эстелла.

— Даже если и человек, какая разница? Мне скрывать нечего и нечего стыдиться. Я говорю как есть: я вас люблю и мои намерения серьёзны. Что вы мне ответите?

— Ничего.

— Ничего? То есть вы подумаете? — настаивал Маурисио.

— Ну да... Отвезите меня домой.

Данте бежал и бежал в лес, пока у него не закончился воздух в лёгких. В итоге, споткнулся о корни и брякнулся на землю. И даже не ощутил боли — боль в груди перекрыла всё. Он яростно заколотил кулаками по земле, представляя, как дубасит соперника, и как распухает смазливая физиономия маркиза, и как по его белоснежной шёлковой рубашке расплзаются красные пятна крови. Да как он посмел признаваться Эстелле в любви? Кто он такой? Данте вцепился ногтями в траву и зарычал, как разъярённый тигр.

— Какого чёрта? — хрипло выкрикнул он в ночную мглу. — Она моя! Моя! Я не отдам её! Не отдам!!!

Не успокоился Данте ни за два часа, ни за три. Напротив, к полуночи, доведя себя до нервного срыва и разбив костяшки пальцев до крови, со всей дури молотя ими об землю, он решил, что больше не может выносить эту муку. Всё, хватит! Эстелла должна сказать ему, глядя в глаза, что любит другого. Он хочет это услышать, прочитать это в её прекрасных глазах, даже если потом умрёт от горя.

Ошалев от ревности, Данте кое-как поднялся на ноги, выбрался на мостовую и, спотыкаясь, пошёл вперёд. Дошёл до особняка, окружённого многочисленными фонарями, в свете которых парили ночные жуки и бабочки. Зияя чернотой, окна дома говорили, что его обитатели давным-давно спят.

Данте, перемахнув через забор, бесшумно, как ягуар, скользнул к уже знакомым ему кустам акации. Что делать? Бросить камушек в окно? Эстелла не услышит, а услышит, так не выйдет. А даже если и выйдет на балкон, навряд-ли его впустит. Не станет же она компрометировать себя перед своим расфуфыренным маркизом. Данте закусил губы. Ну почему, когда надо сделать нечто важное, его мучает дикий, неуправляемый страх? Страх показаться идиотом. Страх быть осмеянным и изгнанным прочь.

Данте поднёс руки к лицу — они осветились серебром. Он припомнил свой давний магический опыт без помощи перстня — когда он разрушил стену в подвале. Что там говорил Салазар? Надо направить руки на объект колдовства и представить что ты хочешь сделать. Данте нацелился ладонями на эстеллин балкон, вообразив, как он залезает на него.

Щщщщ... — шипя как змея, у его ног упало лассо. Данте схватил его. Лассо как лассо, только светится в темноте. Неплохо для человека, который не колдовал пять лет.

Данте прицелился и забросил лассо на балкон — оно зацепилось за выступы на перилах. Раз, два, три. Секунда. Он подтянулся на руках и вот уже он на балконе. Но дверь в комнату была закрыта и изнутри занавешена шторами. Данте, сложив лассо, совершил ещё манипуляцию рукой, и оно исчезло.

Эстелла лежала в постели, но заснуть не могла уже битый час. Признание Маурисио потрясло её. Боже, и зачем она с ним пошла в эту оперу? Как она довела ситуацию до подобного? Он признался ей в любви, а она не знает как быть. Эстелла не хотела обижать Маурисио — человек он неплохой, пусть и навязчивый, — но ведь она влюблена в Данте. А Данте как в воду канул. Она так мечтала о любви. И вот любовь пришла, а счастливой она себя не чувствует.

— Данте, — всхлипнула Эстелла, шёпотом призывая его к себе, — Данте, вернись ко мне, пожалуйста...

Но, очевидно, с ним произошло что-то, и его уже нет в живых. Эти страшные мысли давно блуждали в голове Эстеллы, сердечко её сжималось от тоски, а слёзы катились по щекам ручьями.

Впав в нервную дремоту, прерывающуюся её же собственными вздохами, Эстелла вдруг услышала какой-то звук. Навострила ушки. Будто мыши скребутся, тихо-тихо. Она зажгла свечу, вылезла из кровати и прошлась по углам в поисках мышиной норки.

Тихий стук в окно напугал её так, что она едва не уронила свечу на ковёр. Сердце замерло. А если это птица Данте?

Водрузив свечку на туалетный столик, Эстелла распахнула дверь и выпала в осадок. То была не птица. То был сам Данте. Он стоял у неё на балконе.

Эстелла чуть сознание не потеряла. Он живой. Только какой-то измученный.

— Д-д-данте, — пролепетала она. — Ты... ты... как здесь... оказался? Боже мой... с тобой всё в порядке... это ты... я не верю...

Он не произнёс ни слова. Данте намеревался жёстко объяснить с Эстеллой, но, увидев её, такую красивую, в светлом домашнем платице с кружавчиками, он растерял всю свою решимость. Как же он её любит, любит до безумия, несмотря на все обиды и боль! Эстелла, заметив муку в сапфировых глазах, проглотила комок в горле и сообразила: балкон надо закрыть. Схватив Данте за руки, Эстелла с небывалой для такой хрупкой девушки силой втянула его в комнату.

— Ты сумасшедший! Совсем рехнулся? А если бы тебя увидели? Господи, как я соскучилась, я не верю, что это ты... Данте, где ты был всё это время? Почему ты молчишь?

У Данте язык отнялся от нахлынувших чувств, а Эстелла ничего не понимала. Пришёл сам в её комнату среди ночи и молчит. Даже не обнимет её. А она так соскучилась! О, неужели у него есть другая, и он явился для того, чтобы об этом рассказать?

— Данте, что с тобой? Скажи мне, что происходит? — чуть не плача спросила девушка.

Он взглянул на неё как-то болезненно и, наконец, выдавил, не размыкая губ:

— Почему?

— Что почему?

— ...почему... ты... так со мной... поступила?

— Я не понимаю, о чём ты? — Эстелла похлопала ресницами, лихорадочно соображая, что же такого она сделала. Ах, да! Письмо! — Я... я... поняла, ты обиделся, — затараторила она скороговоркой. — Я не должна была тебе писать это глупое письмо. Я послушалась Сантану, но тут же пожалела об этом. И на следующий день я приходила к тебе в гостиницу. Мне сказали, что ты уехал. Я... я... знаю, что поступила по-дурацки. Надо было нам просто поговорить без всяких писем.

Данте окончательно превратился в бескровный труп. Значит, ему это не привиделось. Она и не отпирается, что у неё есть другой.

— Надо... было... сказать мне правду... К чему был этот цирк? — стараясь сохранить хотя бы капельку рассудка, выговорил он.

— Но я... подожди. Да, это было глупо с моей стороны, но стоит ли так обижаться?

— А ты считаешь, не стоит? — с горечью спросил Данте.

— Конечно нет!

— По-твоему, я должен всё проглотить? А в общем ты права. Кто я? Ничтожество, нищий ублюдок, без рода, без племени, без денег и титулов. Зачем тебе такой нужен? Да ещё и требует чего-то. Но я думал, во имя той дружбы, что связывала нас в детстве, я имею права услышать объяснения. Ведь это так просто: скажи мне прямо, что больше меня не любишь.

Эстелла взглянула на Данте с искренним непониманием.

— Что ты несёшь? Как тебе вообще в голову это пришло? Я по тебе тосковала, а ты, ты сам исчез куда-то, молча, без предупреждения...

— Тосковала? — кошачьи глаза Данте почернели и обречённость в них уступила место холодной ярости. — Я видел, как ты тосковала! Это было ещё до того, как я уехал! Ты развлекалась с другим, а мне запудрила мозги этим дурацким письмом! Я не понимаю, зачем врать? Почему нельзя было сказать, что ты любишь другого?! — Данте повысил голос.

— Тише! Не кричи! Ночь на дворе! Что ты городишь? — у Эстеллы челюсть отвисла от таких обвинений. — Я два месяца по тебе с ума сходила, я чуть не умерла! Я думала, что больше не увижу тебя! О чём ты говоришь? У меня нет других мужчин!

Данте в бешенстве встряхнул волосами так, что они рассыпались каскадом по его лицу.

— А я видел! Я сам видел! Я сидел в твоём в саду. Ты пришла вся расфуфыренная и кокетничала с каким-то франтом прямо перед дверью. А сегодня ты ходила с ним в театр! Я это видел своими глазами! Я там был!!! Он тебе руки целовал, а потом признавался в любви! Я не думал, что ты такая подлая! Зачем ты врёшь? Скажи мне правду! Или ты хотела обманывать нас обоих, водить за нос и его, и меня? Тебе мало одного мужчины, тебе надо сразу много, да?

— Да! Мне мало! Мало! Мне нужно много мужчин! Я не собиралась тебе говорить, но раз ты всё узнал, что ж... Маурисио — мой жених. Он прекрасный человек, уважаемый в обществе и очень добрый и воспитанный. Не жестокий и не злой, как некоторые, — выдала

Эстелла потоком. Пусть, пусть ему тоже будет больно!

Но всю злость Данте как ветром сдуло. Полуприкрыв глаза, он весь как-то сжался и облокотился о дверцу шкафа.

— Услышал что хотел? Доволен теперь? Уходи! — жёстко бросила Эстелла, разрываясь между двумя желаниями: спихнуть его вниз с балкона или обвить руками его шею.

— Хочешь, чтобы я ушёл? — хрипло сказал Данте. — Ждёшь жениха? Может, он должен прийти к тебе для дальнейших развлечений?

Эстелла едва ногами не затопала. За что, за что он так её обижает?

— В отличие от тебя, Маурисио нормальный человек и не лезет ночью к девушке через балкон, как грабитель.

— А ты любишь только хороших мальчиков, да?

— Уходи, — повторила Эстелла, глотая слёзы.

Полуопущенные ресницы Данте дрожали. Он добрался до балкона и — Эстелла ахнуть не успела — Данте сиганул вниз, перемахнув через перила. Зажав руками рот, чтобы не заорать, Эстелла выскочила на балкон посмотреть не разбился ли он. Данте упал на кусты, перебудив всех дворовых собак. К счастью, они были привязаны и не могли передвигаться по саду свободно, но начали захлёбываться лаем. Данте выбрался из кустов, прорвав дыры в одежде и, пошатываясь как пьяный, побрёл к забору, перелез его и был таков.

Эстелла беззвучно заплакала. Что она сделала? Вот дура! Наговорила ему всякий вздор, и он ушёл. И больше не вернётся.

— Данте, — прошептала она звёздам. — Вернись...

===== Глава 22. Из бездны к облакам =====

Данте шёл, куда глаза глядят, прижимая руки к груди и силясь не закричать. Ног он не чувствовал, словно их отрезало. Идя к Эстелле, юноша надеялся, что она всё объяснит, приласкает его, скажет, что он всё неправильно понял. И вот он добился своего — вырвал у неё горькую правду. Что будет так больно, Данте не предполагал и в самых жутких кошмарах.

Он прижался к палисандру, хватая губами воздух. Итак, Эстеллы у него больше нет. Она вышвырнула его из своей жизни, как бездомную дворняжку. Все, все его вышвыривают...

Данте упёрся лбом в дерево, впиваясь ногтями в его кору. Он был не в силах идти куда-то. И вдруг две тонкие ручки плетью обвили его за талию сзади.

— Нет, — прошептал родной голос, — не уходи... не отпускаю... никуда не отпускаю...

Данте опешил, но это явно не была галлюцинация — это была Эстелла. Она намертво приклеилась к нему, словно бабочка к ароматному цветку, и не отпускала.

Данте, разжав Эстелле руки (они были ледяные), повернулся к ней лицом. Она тряслась как в ознобе, хныкая, повторяла одно и то же:

— Не уходи, не уходи... пожалуйста, не уходи... не уходи...

Данте не понимал, чего она хочет, а Эстелла, не владея собой, махала руками, скулила, гладила Данте по лицу, как в бреду повторяя:

— Люблю... люблю... люблю...

Потом закричала, дубася его кулачками в грудь.

— Я тебя ненавижу... ненавижу... ненавижу... Что ты со мной сделал? Я не могу без тебя жить... не могу...

Данте порывисто прижал её к себе. Безумное отчаянье смешалось с облегчением. Пьянящий запах эстеллиных волос доводил до экстаза, до полного изнеможения, а сердце

грозило лопнуть от счастья.

— Эсте... Эсте... а что происходит?

— Я тебя люблю...

— Но... ты же сказала... как же он, тот, другой?

— Забудь, нет никакого другого. Ну почему ты такой дурак? — Эстелла опять пихнула его кулаком в грудь. — Почему ты ничего не понимаешь? Он мне не нужен. Никто, никто не нужен, кроме тебя...

— Тогда зачем ты всё это наговорила?

— От злости, от обиды. Ты меня обидел, очень сильно... своим недоверием. Почему ты мне не веришь? Мы знакомы с детства. Разве я хоть раз тебя обманула?

— Нет, — Данте потёрся щекой о щёку Эстеллы, — прости меня... прости меня, пожалуйста, моя девочка. Я не привык доверять людям, вот и всё. Я... я... люблю тебя, так люблю...

Поцелуи, объятия, ласки — всё смешалось. Данте целовал её солёные от слёз губы, а Эстелла повисла на нём, почти впад в кому от переизбытка чувств.

Постепенно разум к Данте вернулся, и до него дошло, что они стоят посреди улицы.

— Эсте, ты дрожишь, тебе холодно? — разомкнув объятия, Данте увидел, что девушка одета в лёгкое ночное платье и тряпичные туфельки. — Эсте, ты что ж выскочила из дома, в чём была? — обалдел Данте.

— А? — полусонно отозвалась Эстелла. — Я... я... не помню... Я не помню даже, как я вышла из дома: через дверь или через окно.

— Совсем дурочка, с ума сошла, — сняв пала, Данте набросил его на Эстеллу.

— Я так хотела тебя догнать! Всё, что я тебе наговорила, это враньё. Из-за тебя я становлюсь невменяемой.

— Проводить тебя домой?

Эстелла как-то судорожно дёрнулась.

— Ты хочешь расстаться сейчас? Мы же не побыли вместе ни капельки! Я тебе надоела?

— Нет... Нет! Ты мне не надоела! Я тебя обожаю, я бы хотел быть с тобой всегда. Но ведь сейчас ночь. У тебя не будет проблем дома?

— Нет, я предоставлена сама себе: бабушка в Гваделупе, мама и отчим в Буэнос-Айресе, Мисолина тоже влюбилась и ни на кого не смотрит. Я могу делать что хочу.

— Но ты ведь замёрзла, убежала из дома раздетая, в ночном платье... Кто так делает?

— Всё равно не хочу домой! — капризно-вяло объявила Эстелла. — Хочу остаться с тобой!

В голову Данте прокралась запретная мысль, которую он колебался озвучить вслух. Но решил: медленно, жарко поцеловал Эстеллу в губы, а потом шепнул ей в рот:

— Пойдём со мной...

— Куда? — также шёпотом отозвалась Эстелла.

— Ко мне...

Щёки девушки покрылись румянцем, а грудь её высоко вздымалась.

— Пойдём? — повторил Данте.

— Угу, — кивнув, она обняла его за талию. Прижимаясь друг к другу, влюблённые пошли вперёд и скрылись в бархатной тишине ночи.

Напоив Эстеллу чаем с булочками и закутав её в плед, Данте растирал её маленькие

ножки, опустив их в таз с водой. Эстелла согрелась и блаженствовала, пока изящные заострённые пальцы Данте гладили её стопы и щиколотки. Урывками он, вынимая эстеллину ножку из воды, прижимал её к губам. И Эстелла поняла: на сей раз она не выберется из цепких рук юноши. Но она знала — однажды этот момент наступит. Эстелла и хотела этого, и боялась, и не признавалась себе, что морально она ещё не готова к такому повороту в их отношениях. Как себя вести, что делать, когда Данте доберётся до её тела, девушка представляла смутно. Сказать ему, что она ничего не умеет? При этой мысли Эстелла залилась румянцем. Как же она скажет? Она и слов не подберёт, сгорит со стыда да и всё.

Вытерев эстеллины ножки мягким полотенцем, Данте отнёс таз в ванную.

— Эсте, ты согрелась? — спросил он, входя обратно в комнату.

— Угу, — Эстелла заглянула ему в глаза. Сейчас они были дьявольски-яркие, синие-синие, будто море.

Данте, лишь по мнению его неопытной подружки, был уверен в себе и спокоен, как сытый кот. На деле же у него тряслись все поджилки. Для своих семнадцати лет Данте считал себя опытным любовником. Но теперь он пришёл в панику, осознав, что опытен он только в обращении со шлюхами. Опыт же его в отношении нормальных женщин равняется нулю. Это Табиту или девку из борделя можно было пихнуть на кровать и сделать с ней всё, что ему захочется, Эстелла же явно не пришла бы в восторг от такого. Хотя и Томаса, и Коко уверяли, что он очень ласковый. Но это с их колокольни, а Эстелла другая — вся такая хрупкая, нежная. И он не знает, как к ней подойти.

Но надо было что-то предпринимать и Данте решился: усадив Эстеллу к себе на колени, жадно прильнул к её губам. Полусумрак был влюблённым хорошим союзником, скрывая смущение и румянец на щеках. Иначе Эстелла не осмелилась бы на такие жаркие ласки. Пребывая в сонно-блаженном состоянии, она едва не мурлыкала Данте в ухо. Чуть обнажив Эстелле плечо, Данте покрыл его поцелуями и нетерпеливо сорвал рубашку, явив её взору голый торс.

У Эстеллы голова пошла кругом. Она прижалась к груди юноши, уловив тот самый, любимый с детства запах мяты, но вдруг её потянуло в сон. Она потёрлась щекой о голое плечо Данте. Какая у него кожа! Вот бы всегда так к нему прижиматься, всю жизнь... Эстелла сладко зевнула и... вырубилась.

— Эсте, Эсте! — позвал Данте. Она что-то замурлыкала, но так и не проснулась.

Вот чёрт! Данте и раздосадованный, и измученный, и сам не менее сонный, но счастливый, уложил Эстеллу в постель, накрыв одеялом, а сам устроился на софе. Но глаз так и не сомкнул, слушая тишину и стук собственного сердца. Она здесь, близко, лежит в его кровати. Такая любимая, такая желанная. И он не может к ней подступить. Если настоять на своём, Эстелла обидится. Снова поссориться, потерять хрупкое счастье, отвоёванное с таким трудом, было бы верхом идиотизма. Но как бы он хотел ощутить её обнажённую кожу на своей... И они бы всегда, всегда были вместе. Навсегда.

Данте подполз к кровати и сел на пол, разглядывая умиротворённое личико девушки. Какая же она красивая! И как хорошо, что призрак соперника ушёл из их жизней. Зевнув, Данте положил голову на кровать и рассматривал Эстеллу, пока глаза его сами не закрылись.

Находясь в полудрёме, Эстелла уткнулась носом в подушку и вдохнула мятный запах. Перевернувшись на спину и нащупала что-то мягкое, шелковистое. Эстелла открыла глаза.

Данте спал, уложив голову на кровать. Смоляные волосы его рассыпались по белой простыне и именно они и подвернулись Эстелле под руку.

О, ужас! Она это сделала! Она с ним переспала? Но она этого не помнит...

Первый порыв был: вскочить и убежать. Но когда разум вышел из сладкого небытия, Эстелла увидела, что она в одежде. Данте не совсем — он без рубашки, но спит на полу.

«Слава богу!» — выдохнула Эстелла. Вчера она была в таком состоянии, что могла запросто наворотить глупостей. Вместе с чувством облегчения в сердце ворвалась и радость: как же она любит Данте! Он такой милый! Ведь мог бы воспользоваться ситуацией, но не посмел. Значит, и вправду её любит.

Запустив руку Данте в волосы, Эстелла взлохматила их. Он чуть шевельнулся и издал тихий стон, подставляясь под ласки.

— Ещё...

— Тебе нравится, когда я так делаю, да?

— Угу...

Эстелла ерошила ему волосы, точно песок пропуская их меж пальцев. А Данте провалился в бездну, утопая в водопаде ощущений.

— Данте... Данте... очнись, — позвала Эстелла хихикая, — он откликнулся раза с пятого. — Тебе что и вправду так нравится?

— Ага...

За окном светили тысячи огоньков-звёздочек, мало-помалу тускнеющих под дымкой облаков. По стеклу прыгали солнечные лучики, рассеивая сумрак комнаты. Кукушка в часах прокуковала шесть утра. Данте зевнул, расправляя плечи.

— Рано ещё, поспи, Эсте, — шепнул он.

— Не хочу... Что же ты всю ночь спал на полу? Прости, я заняла твою кровать. Не понимаю, как я уснула.

— Глупости, я могу спать, где угодно. Просто я смотрел на тебя и заснул. Пойду в ванную.

Данте мягкой походкой ягуара скрылся за дверью ванной. Эстелла полубовалась на его обнажённую спину, потом свободнее растянулась на кровати.

Вернулся он минут двадцать спустя уже в рубашке и с мокрыми волосами. Сел рядом с Эстеллой, скользнул взглядом по её лицу и остановился на губах. В груди девушки вспыхнул пожар, когда она прочла желание в сапфировых глазах. Предательский румянец выступил на щеках, и она опустила ресницы. Ворот рубашки Данте был расстёгнут, и по гладкой коже, минуя шею и маленькую круглую родинку на ключице, с волос стекала вода. Эстелла уставилась на эту родинку и у неё возникла безумная мысль — она хочет её поцеловать и, подобно воде, скользнуть по его телу...

Данте порывисто обнял Эстеллу.

— Люблю... — выдохнул он.

— И я...

Ловкие пальцы Данте спустились на поясницу девушки, нащупали тесёмку юбки, развязали узелок...

Вот сейчас всё и произойдёт. То, о чём она тайно мечтала, и то, чего боялась. Грех любви, о котором пишут в книгах и о котором с ужасом отзывается падре Антонио.

Пальцы поднялись выше, точно змеи проникли под батистовую кофточку, поползли вверх по позвоночнику. Какие у него руки... Данте накрыл губы Эстеллы своими. Много,

много поцелуев. Эстелла потеряла им счёт. Ничего страшного, всё будет хорошо, он такой ласковый... такой любимый...

Но когда Данте уложил Эстеллу на спину и затылок её коснулся мягкой подушки, разум осенила вспышка: она не выпила бабушкин отвар. Какое безрассудство! Она совсем рехнулась!

— Боже мой, Данте, остановись, не надо...

— Почему? Тебе не нравится? Я сделал тебе больно?

Эстелла чувствовала, как он весь дрожит от нетерпения.

— Нравится... но, пожалуйста, давай остановимся... это слишком... мы зашли слишком далеко... пожалуйста...

— Но ведь мы любим друг друга. Ты наслушалась всяких падре. Не верь им! Мы не делаем ничего дурного. То, что происходит между нами, это нормально.

— Данте, я тебя умоляю, не дави на меня. Я не готова, я ещё не готова! — Эстелла резко подалась вверх, столкнув юношу с себя. — Я... я... в ванную... — и она торопливо убежала.

Щёлкнул засов. Данте в бессильной ярости долбанул кулаком по подушке. Она специально над ним издевается! Кто так делает? Распалила его и бросила. Он же не бесчувственное бревно, в конце концов!

Когда Эстелла вышла из ванной, Данте, стоя на балконе, отрешённо рассматривал небосвод. Часы показывали 7:10 утра. Эстелла, обняв Данте сзади за талию, ткнулась носом в его ещё влажные волосы.

— Как я люблю запах твоих волос!

Он промолчал.

— Ты обиделся, да?

— Нет.

— Обиделся, я же вижу, — вздохнула Эстелла. — Ну не дуйся, пожалуйста. Данте, я не хочу ссориться, но всё должно быть постепенно.

— Постепенно бывает у улиток. А я мужчина. Пока ещё даже молодой и здоровый. Хотя, если ты продолжишь в том же духе, боюсь, надолго меня не хватит.

— Ты хочешь всё и сразу, а я ещё не готова к такой перемене в наших отношениях.

— Тогда зачем было до этого доводить? — Данте угрюмо повёл плечами. — Сказать сразу было нельзя? Если ты не готова, я дам тебе столько времени, сколько ты хочешь. Я разве тебя к чему-то принуждал? Но ведь ты не сопротивлялась и не отталкивала меня. Тебе просто наплевать, что у меня тоже есть чувства.

— Не говори так, ты мне очень дорог.

— Не заметно.

— Ну Данте, перестань. Ты опять хочешь поругаться?

— Нет.

— Тогда пойдём. Мне уже домой пора, надо вернуться к завтраку. Проводи меня, — схватив Данте за руку, Эстелла втащила его в комнату.

Данте, закутав любимую в плащ, усадил её на Алмаза позади себя. За считанные минуты они доехали до особняка и спешили у ворот.

— Эсте, мы же увидимся ещё? — как-то жалобно спросил Данте.

— Ну конечно!

— Ты всякий раз так говоришь, а потом что-то случается.

— Нет, мы увидимся, я обещаю. Завтра! Сейчас, пока нет родителей, я могу идти, куда

захочу!

— А потом?

— Мама и Мисолина больше меня не подозревают. Двух месяцев хватило, чтобы они успокоились. Кстати, я ведь могу им говорить, что хожу куда-нибудь с Маурисио, а сама пойду с тобой.

— Кто это — Маурисио?

— Ну, это тот мужчина, с которым я ходила в оперу. Ты его видел.

Данте изменился в лице.

— Не говори о нём! Не хочу про него слышать!

— Ну, Данте, не ревнуй! Я уже сказала, что люблю только тебя.

— Тогда не встречайся с ним больше, Эсте, пожалуйста. Он ведь за тобой увивается, — отчаянно взмолился Данте.

— Хорошо. Когда он в следующий раз явится, я выставлю его вон.

— Обещаешь?

— Обещаю!

Данте сразу повеселел. Влюблённые, не в силах расстаться, ещё долго целовались напротив эстеллиного дома. Распахнулась дверь. Данте и Эстелла вздрогнули, отпрянув друг от друга, но это оказалась Либертад. Она бросила на Данте мрачный взгляд, узнав его, и зашептала скороговоркой:

— Сеньорита Эстелла, вы чокнулись? Скажите спасибо, что это я вас увидела в окно, а не кто-то другой! Целоваться с мужчиной у дверей дома, у всех на виду! О чём вы вообще думаете? Идите скорее внутрь, вас ждут.

— Кто? Надеюсь, не маркиз?

— Нет. Сеньорита Сантана. Она странная, кажется, у ней случилось что-то.

Эстелла нахмурилась. Они же разругались с Сантаной из-за Данте и та клялась, что больше не переступит порог особняка. Наверное, и вправду что-то случилось, раз принципиальная Сантана решила забыть о ссоре.

Либертад ушла в дом, не желая быть свидетельницей прощания. Данте прижал руку Эстеллы к щеке.

— Не хочу расставаться, — шепнул он.

— Я тоже, но я обещаю, мы увидимся, а сейчас надо узнать, что случилось с Сантаной.

— Если честно, твоя подруга мне не нравится. Ведь это та самая, что приходила ко мне с письмом?

— Ага. А почему не нравится? Она хорошая.

— Может быть. Я не могу объяснить, я чувствую, что с ней что-то не так. Это инстинкт, интуиция.

— Я дружу с Санти с пяти лет, Данте. Она замечательная.

— Ладно, — кисло сказал он, — раз ты её так любишь, я тоже буду хорошо к ней относиться. Я постараюсь.

— Вот и отлично! Я пойду, — Эстелла, отбежав от Данте, помахала ручкой.

Дверь закрылась. Данте улыбнулся своим мыслям. Подумать только, ещё вчера он чувствовал себя несчастным, а сегодня у него за спиной, будто крылья выросли! Невероятное чувство — любовь.

===== Глава 23. Тайна Сантаны =====

Когда Эстелла вошла в гостиную, Сантана, одетая в золотистое парчовое платье, сидя на

канопе, паялилась в камин. На столике стоял нетронутый кофе, вероятно, уже остывший.

— Привет, — сказала Эстелла.

Сантана вскинула брови, увидев подругу, до пят закутанную в тёмно-синий мужской плащ.

— Привет. Что это у тебя за вид?

— Это долгая история, — Эстелла села в кресло. — Санти, Либертад сказала, что ты меня ждёшь. Что-то случилось?

— Ммм... угу, — вяло отозвалась Сантана. Обычно весёлая, оптимистичная девушка сегодня выглядела расстроенной. — Ты была с ним?

— Ну да...

— Значит, объявился?

— Ага. Приревновал меня к Маурисио Рейесу, представляешь? Шпионил за нами. Сумасшедший! — рассмеялась Эстелла.

— Вы поругались?

— Эээ... да, он разозлился на меня, но в итоге мы помирились.

— И ты с ним переспала, — Сантана скривила губы.

— Нет, ну что ты!

— Тогда почему ты в таком виде? — недоверчиво заметила Сантана. — Как после ночи любви. Всклобоченная, в мужском плаще, и глаза блестят. Что у вас было?

— Ничего. Пожалуй, надо переодеться, — Эстелла сильнее запахла широкий плащ. — Да и не стоит обсуждать это в гостинной. Хотя мамы нет дома, но ещё есть Мисолина и Хорхелина, и от них можно ожидать всего. Пойдём-ка в мою комнату, — Эстелла, схватив Сантану за руку, потащила её наверх.

Миновав длинный коридор, они вошли в спальню. Закрыв дверь на ключ, Эстелла сбросила плащ и сунула нос в шкаф. Выбрала платье цвета фуксии с рукавчиками-фонариками и оборкой на корсаже по типу мужского жабо. Сантана, сидя в кресле, задумчиво смотрела, как подруга возится с нарядом и расчёсывает волосы. Окончив туалет, Эстелла прижала плащ Данте к себе, затем сложила его и спрятала в верхний ящик комода.

— Завтра верну.

— Это его плащ?

— Угу. У меня их уже несколько штук, надо вернуть, а то моя комната скоро превратится в склад мужских плащей, — Эстелла захихикала, щуря чёрные глаза.

— Так ты с ним спала или нет?

— Не с ним, а у него.

— Не поняла.

— Ну... — Эстелла решила не рассказывать много, а то Сантана опять начнёт её пилить. Однажды она уже поссорилась с Данте из-за её дурацких советов. — Ну, я была у него в гостинице, мы ужинали, целовались, а потом... потом я заснула. Он уложил меня на кровать, а сам спал на софе. Между нами ничего не было.

— Странно... Как так может быть? Ты была у него в кровати, и он даже не пытался тебя склонить к чему-то большему?

Эстелла вспыхнула.

— Ну... ну... мы целовались, обнимались, всё такое. Я ему сказала, что мне нужно время, и он согласился подождать. Данте меня любит.

— Эсти, ты, конечно, вправе сама решать, что тебе делать со своей жизнью, — Сантана

изучала собственные ногти, — но смотри, как бы не пришлось жалеть.

— Я не буду жалеть, даже если лягу с Данте в постель, потому что...

— То есть ты такой возможности не исключаешь?

— Нет, не исключаю! — разозлилась Эстелла. — Данте — моя судьба. Он для меня всё.

— Ну-ну, — Сантана скривила губы в лёгкой ухмылке.

— Вообще-то я ожидала, что мы будем говорить о тебе, а не обо мне! — сменила тему Эстелла. — Санти, ты же пришла не просто так? Вроде мы поссорились и не разговаривали. Я думала, ты на меня злишься.

— Нет, не злюсь.

— Но у тебя что-то случилось?

Сантана кивнула:

— У меня новость: я выхожу замуж.

Эстелла с размаху плюхнулась на кровать так, что ивовые прутья в юбке захрустели.

— Замуж?! Вот это новость! Не ты ли мне говорила, что не собираешься замуж?

— Я и не собиралась. Это решили дядя с тётей. А мне что делать, по-твоему? Я в их доме всего-навсего бедная родственница, приживалка, приходится подчиняться.

— Не могу поверить... Что за бред? Как можно выйти замуж без любви? Ты жениха-то хоть видела?

— Видела и знаю его. Ты его тоже знаешь.

— О-о-о, неужели Диего? — у Эстеллы вырвался вздох облегчения.

— Не угадала. Луис Парра Медина.

— Тот чванливый красавчик?

— Угу.

— Фу... прости, Санти, но он такой сноб. В детстве был невыносим, и, по-моему, стал ещё хуже. Неужели он тебе нравится?

— Он мне не нравится! — театрально воскликнула Сантана. — Он нарцисс и жуткий бабник!

— И как же ты можешь выйти за него замуж?

— Да что ты, в самом деле, совсем дурочкой стала из-за своего Данте? — в голосе Сантаны зазвучали панические нотки. — Пойми, я его не выбирала. Жениха мне выбрали дядя Норберто и тётя Амарилис. Меня никто не спрашивал, нравится он мне или нет.

— О, Санти, я думаю ещё можно что-то сделать. Поговори с дядей и тётей, скажи им, что он тебе не нравится. Пусть они найдут жениха, который бы тебе приглянулся. Почему именно Луис?

— Потому что дядя Норберто, — Сантана вздохнула, — по уши в долгах. А отец Луиса очень богат, он торгует золотыми слитками. У них куча денег. Тётя сказала, что... что... не хотела говорить тебе, но, наверное, ты должна знать. Мой отец был секретарём твоего дедушки.

— Да, это я знаю.

— Они хотели купить какой-то дом, и папа пошёл к нему с деньгами. А на обратном пути угодил под лошадь. Потом в наш дом явились какие-то люди и потребовали с мамы эти деньги. Сказали, что якобы папа их украл. И сейчас тётя Амарилис говорит, что... в общем... она думает, будто это твой дед послал вымогателей. Из-за них мама покончила с собой. Но они не успокоились и затребовали деньги с тёти и дяди, и дяде Норберто пришлось влезть в долги. Он подписал кучу векселей, и эти векселя выкупил Луис Парра Медина-старший. И

теперь он требует всю сумму сразу. А у дяди нет наличных денег, чтобы расплатиться, — они вложены в ценные бумаги и взять из банка их нельзя. Они сошлись на том, что Парра Медина простит дяде долг, если я выйду замуж за Луиса. Отец Луиса хватается за голову от его поведения, он думает, что брак наставит сыночка на путь истинный. Только это ни к чему не приведёт.

— Но... погоди, — прервала Эстелла, — ты сказала, что это мой дедушка послал в ваш дом вымогателей. Но это невозможно! Дедушка Альсидес был строгий, но хороший, иначе бабушка бы его не любила.

— Это лишь предположение тёти Амарилис. Одно из многих. Она одержима идеей, что гибель папы была неслучайной. Переубедить тётю невозможно. Этих идей в её голове за восемнадцать лет накопилось великое множество. Одна глупее другой. Но дело не в этом. Тётя сказала, что эти деньги — долг моего отца, а значит и мой, поэтому я обязана пожертвовать собой ради блага семьи. Только есть одно но: я не могу выйти замуж. Ни за Луиса, ни за кого-то ещё. Даже если бы мне нашли другого жениха, я бы не смогла его полюбить. Так что тут дело не в Луисе, он красивый и представительный, но мне всё равно за кого выходить, я буду несчастна в любом случае.

— Почему ты так говоришь? — возмутилась Эстелла. — Санти, ты просто ещё не встретила мужчину, который свёл бы тебя с ума. И я думала, что не смогу никого полюбить. Но теперь у меня есть Данте. Ты тоже встретишь свою любовь.

Сантана упрямо помотала головой.

— Лучше бы я в монастырь ушла.

— Какая глупость!

— Ты не понимаешь! Конечно, как ты можешь меня понять, если ты одержима своим Данте? А я никого не могу полюбить, потому что не люблю мужчин в принципе.

— Как это?

— А вот так. Они мне не нравятся.

— Ты просто ещё не встретила того, кто бы понравился, — доказывала Эстелла.

— Нет. Мне не нравятся мужчины, потому что мне нравятся девушки.

Эстелла вытаращила глаза.

— Что-о-о?

Сантана покраснела.

— Это всегда так было. Хотя раньше я испытывала симпатию к мальчикам, но это сошло на нет. Мужчины меня не привлекают физически, я не представляю, как с ними можно спать в одной кровати. Это же фу... мерзость, — Сантана поморщилась. — А девушки привлекают, я чаще смотрю на красивых девушек, чем на парней. Навряд-ли ты меня поймёшь.

— Я д-д-действительно не понимаю, — вскочив на ноги, Эстелла прогулялась туда-сюда по комнате. — С ума сойти можно! Разве такое бывает?

— Бывает.

— Нет, Санти, я не верю, что ты серьёзно. Это тебе так кажется, — упиралась Эстелла. — Просто тебя никто не целовал, ты не чувствовала запах мужчины, поэтому тебе мерещится всякая ерунда. Это из-за неопытности.

— Кто тебе сказал, что у меня нет опыта? — фыркнула Сантана. — Есть. Но только с девушкой.

Эстелла, разинув рот, попятилась в угол.

— Эээ?

— Ну да, у меня была одна подруга... А с мужчинами я быть не могу, они вызывают во мне антипатию. Теперь ты понимаешь?

— Нет-нет, не понимаю. Прости Санти, но я не понимаю...

— Так я и знала. Зря я тебе рассказала.

— Действительно, зря.

Наступила пауза. Эстелла понятия не имела, как себя вести в этой ситуации. Хотя она лукавила в том, что не слышала ни о чём о подобном. В школе имени Святой Терезы её одноклассницы рассказывали массу скабрёзных историй, а как-то она вычитала в журнале светских сплетен о даме, которую осудили за соращение кузины. Эстелла недоумевала, как это возможно, и не думала столкнуться с этим явлением воочию. Она пыталась скрыть шок за маской безразличия и светских манер, но Сантана вмиг ощутила натянутость.

— Я, пожалуй, пойду.

— Д-да...

Они спустились вниз. В гостиной Либертад начищала до блеска паркет, ползая на коленях. Эстелла проводила Сантану до калитки.

— К сожалению, мне так и придётся выйти замуж за Луиса, — сказала Сантана напоследок. — И во многом это благодаря тебе и твоему Данте.

— А я-то здесь причём?

— При том. Ты меня разочаровала. Я не верю, что ты с ним не спала. Думаю, ты уже это сделала и просто врёшь. Если бы не твои романтические бредни, я бы тебе объяснила, что с женщиной это гораздо приятней. Но уже поздно.

Сантана ушла. Эстелла затворила калитку. Пока добралась до двери, чуть не разревелась. Итак, она потеряла подругу. Данте был прав, когда говорил: с Сантаной что-то не так. Последние её слова Эстеллу добили. Неужели она ждала от Эстеллы чего-то большего, чем дружба? Да ещё и какой-то бред наплела про дедушку Альсидеса, выставила его убийцей вместе со своей тёткой. Семейка сумасшедших!

Войдя в дом, Эстелла услышала вопли, кинулась в гостиную и чуть не споткнулась о ведро с водой.

— Пошла вон отсюда! — орала Мисолина на Либертад. — Я из-за тебя подскользнулась, уродка!

— Мыть пол — моя работа, сеньорита! — храбро отозвалась Либертад. — Я могу, конечно, не мыть его, но вы ж потом сами скажите, что пол грязный.

— Пошла вон, я сказала, не смей мне хамить! — Мисолина топнула ногой.

— Не кричи на Либертад! — вмешалась Эстелла. — Она не виновата, что ты не смотришь под ноги!

— Что? — Мисолина обернулась на голос сестры, уперев руки в бока. Глаза её недобро сверкнули, будто две ледышки на солнце. — Ты, не смей указывать что мне делать у себя дома!

— Это и мой дом тоже, — спокойно возразила Эстелла. — Иди, Либертад.

Служанка, забрав ведро и тряпку, скрылась из виду.

— Не смей здесь командовать, уродина! — Мисолина тряхнула белокурыми локонами.

— Не нарывайся, сестричка, а то, когда мама вернётся, я ей расскажу, как ты себя вела. То же мне аристократка, хуже, чем торговка на базаре!

— Закрой рот! Это на тебе написано крупными буквами, что ты простолюдинка!

Эстелла хмыкнула.

— Так оно и есть. Если ты забыла, наши бабушка и дедушка — выходцы из простых семей, как и папа. К моему глубокому сожалению, мы с тобой сёстры, и в тебе течёт не меньше крестьянской крови, чем во мне, — Эстелла показала сестре язык.

— Не смей называть меня крестьянкой и разговаривать со мной в таком тоне, потаскушка!

ШЛЁП! Мисолина визгнула, получив увесистую затрещину.

— Что ты сказала? А ну-ка повтори!

— И повторю! Ты потаскушка! Ты заришься на чужих мужчин!

— Что-что?

— Да, что слышала! Маурисио был мой, пока ты его у меня не отбила!

Эстелла громко расхохоталась, запрокидывая голову.

— Твой?! Да он на тебя и не смотрел никогда! Он с первого же дня лез ко мне. Но знаешь, что: твой маркиз мне и даром не нужен, забирай его себе. По занудству он тебя превзошёл, так что вы отличная пара!

— Ах ты, тварь! — Мисолина толкнула Эстеллу на пол. — Потаскуха!!! Потаскуха и вруша!!! Говоришь, что он тебе не нужен, а сама бегаешь к нему на свидания! АААААААААААА!!!!!!

Эстелла, схватив сестру за ноги, потянула её на себя, и Мисолина тоже оказалась на полу. Эстелла намертво вцепилась в мисолинины волосы, выкрутив ей руку так, что у сестрицы хрустнуло плечо.

Раздался стук каблуков.

— А ну-ка, отпусти её! — пришла Хорхелина.

— Ай! — тётка толкнула Эстеллу, и та ударилась локтем о ножку дивана.

— Она пыталась меня убить! — тут же сообщила Мисолина, поднимаясь на ноги.

— Вся в свою мамашу, ну ничего, сейчас мы её научим хорошим манерам, — объявила Хорхелина.

И они вдвоём с Мисолиной бросились на Эстеллу. Девушка отчаянно сопротивлялась, но сумасшедшие дамы разорвали на ней платье и наставили синяков. Эстелла в отместку укусила тётку и оцарапала ногтями сестру, но одна против двух психопаток была бессильна.

— Сейчас мы разукрасим твою гнусную рожу! — орала Мисолина, подпрыгивая на месте. — Будешь знать, как зариться на чужих женихов!

Хлопнула дверь.

— Это что тут такое? — Эстебан влетел в дом и обомлел, увидев, как три женщины валяются на полу, лупцуя друг друга чем придётся. Он кинулся их разнимать.

При виде супруга Хорхелина сразу успокоилась.

— Здравствуйте, мой сладенький. Не обращайтесь внимания. Ваша племянница Эстелла обозвала нас с Мисолиной дурными словами. Мы решили преподать ей урок хороших манер.

— Своеобразное у вас представление о манерах, — хмыкнул Эстебан.

Мисолина отряхнулась и, злорадно скалясь, ушла наверх. Эстелла прижалась спиной к креслу и всхлипывала, кутаясь в изодранное платье.

— Эстелла, с вами всё в порядке? Помощь нужна? — спросил дядя Эстебан.

Эстелла отрицательно мотнула головой.

— Не вздумай соблазнять моего мужа, мерзавка! — выдала Хорхелина. — Знаем мы таких, как ты! Идёмте наверх, дорогой.

Эстебан, помявшись и несколько раз оглянувшись на Эстеллу, позволил увести себя прочь.

В висках у Эстеллы стучало, а на лице и руках красовались синяки и кровоподтёки. И за что ей такое? Нет, это уж чересчур! Как будто мало ей Сантаны. И Эстелла решила: в этом доме, наедине с двумя идиотками, она не останется. Все, все против неё, она одна и без защиты. Надо уходить отсюда немедленно!

Эстелла закуталась в остатки платья и поднялась в комнату. Приняла ванну, смыв кровавые ссадины, надела тёмно-зелёное батистовое платье. Вытащив из-под кровати чемоданчик, сложила туда всё необходимое: бельё, несколько платьев, несколько ночных рубашек, несколько пар туфель, расчёску, зеркальце, немного золотых и серебряных монет, мыльный шарик, полотенце, флакон с ароматной водой, два плаща Данте, бабушкино снадобье... Арсиеро и Роксана накануне прислали письмо, где обещали вернуться через неделю. Вот и она уйдёт на неделю — невыносимо жить в такой обстановке. На этот срок вещей ей хватит.

Закончив сборы, Эстелла чиркнула на розоватом пергаменте пару строк: «Я в гостях у Сантаны», положила его на кровать и спустилась вниз, неся чемоданчик в руках. Она ни минуты не колебалась и не задумывалась, куда ей идти. Знала: во всём мире существует только одно место, где её ждут.

Вскоре экипаж доставил Эстеллу к четырёхэтажному зданию с вывеской у входа: «Дом гостиничного типа «Маска»».

Однако, Эстелла, уверенная, что встретится с Данте немедленно, испытала глухое разочарование, когда сеньор Нестор объявил, что юноши нет: он уехал пару часов назад вместе со своей птицей и лошадьми.

Эстелла не осмелилась ждать Данте в холле, и, выйдя на улицу, села на лавочку в парке, откуда был виден вход в «Маску». Она рассматривала прохожих: мужчин и женщин, служанок и франтов, торговцев и старушек, няnek с детьми и влюблённые парочки, но Данте не появлялся. И где его носит? Накрапывал дождик, и Эстелла ёжилась от холода и сырости в своём тонком платьице.

Когда фиолетовые тучи окончательно закрыли солнце и мелкие слезинки небес превратились в ручьи, Эстелла, расстегнув чемодан, извлекла чёрный плащ с капюшоном и закуталась в него. Но сдаваться она не собиралась — домой она не пойдёт. Лучше будет мокнуть до утра. Всё равно Данте вернётся.

Прячась от дождя, Эстелла села на другую лавочку — под раскидистой кроной палисандрового дерева. Теперь её могли видеть все, кто заходил в «Маску». Поджав ноги, она закрыла глаза и впала в оцепенение. Очнулась от того, что кто-то теребил её за плечо.

— Эсте! Эсте!

Это был Данте. С мокрыми волосами, весь в пыли, он держал одной рукой Алмаза за поводья, а другой тормозил Эстеллу. Вечерний сумрак накрыл город. Дождь лил стеной.

— Эсте, ты что тут делаешь в такой ливень? Ты спятила? Ты же простудишься!

— Жду тебя, — промямлила Эстелла. — Я днём пришла, очень давно тут сижу.

— Что случилось?

— Я... я ушла из дома, — Эстелла зябко поёжилась и жалобно прибавила: — Я могу остаться у тебя? Я замёрзла...

О, как ему знаком этот затравленный взгляд! С равным же чувством обречённости он уходил из дома Каролины и Гаспара. Данте не колебался ни секунды — схватив Эстеллу за

руку, потащил за собой.

— Заходи внутрь, подожди меня. Я отведу Алмаза в конюшню и вернусь. Я мигом!

Эстелла второй раз попадаться на глаза сеньору Нестору не рискнула и осталась в прихожей. Настолько одинокой она себя никогда не чувствовала.

Данте вернулся молниеносно — прибежал бегом. Он схватил эстеллин чемодан, и сквозь дубовую дверь они зашли в холл. Сеньор Нестор сидел за столиком, увлечённый раскладыванием пасьянса.

— Сеньор Нестор, ко мне тут сестра приехала. Можно она поживёт у меня? — Данте придал голосу оттенок нейтральности.

— Сестра? Ага, да сколько угодно! — хозяин, оглядев «сестру», лукаво улыбнулся.

===== Глава 24. И огонь, и вода =====

Укутанная в тёплый плед, Эстелла лакодилась жареной курочкой. Янгус, сидя на плече девушки, с аппетитом уписывала гранат, держа его одной лапой. Данте ходил из угла в угол, переваривая эстеллин рассказ.

— Как это они тебя побили? Это... это... переходит все границы. Это беспредел! Руки им оторвать! Как они посмели? — он сжал кулаки.

— Данте, успокойся. Мисолина и Хорхелина две чокнутые дуры. Мы с Мисолиной вечно ссоримся и дерёмся, а Хорхелина влезла ни в своё дело. А потом пришёл дядя и всё прекратилось.

— Твари, — прохрипел Данте. — А этот гусь, твой дядя, тоже хорош. Почему он не поставил на место свою жену? Он мужчина или нет?

— После того, как он обошёлся с Либертад, я в этом не уверена, — вздохнула Эстелла.

Данте, сев на пол, заглянул ей в глаза.

— Прости, что заставил тебя мокнуть под дождём. Но я... я не думал, что ты придёшь. Я думал, мы увидимся позже, и не торопился. Хорошо, что ты пришла ко мне.

— Куда же я ещё могла пойти? — пожалала плечами Эстелла. — Ближе тебя у меня никого нет. А где ты был?

— Ездил в одно поместье продавать лошадей.

— Удачно?

— Ага. Хозяин — коллекционер редких мастей, платит хорошо. Я давно с ним работаю. Ну почему ты сидела столько времени на улице? Могла бы хоть пойти к этой, своей подружке. Ты ж её любишь.

Эстелла с аппетитом лопала куриную ножку, обмакивая её в соус.

— Не говори мне о Сантане.

— Почему? — удивился Данте. — Поссорились?

— Нет. Просто ты был прав, когда говорил, что она странная. Так и есть.

— Та-ак. И что же она вытворила? — нахмурился Данте.

— Ой, ты не поверишь, Данте. Я сама не верю. И я не знаю, как это рассказать. Она... в общем... помнишь, когда мы утром расстались, Либертад говорила, что Санти меня ждёт?

— Помню.

— Вот, Сантана сказала, что её насильно хотят выдать замуж.

— Это ужасно. Но ведь у многих брак без любви в порядке вещей. Мой брат тоже женился по настоянию родителей.

— Дело не только в этом. Сантана сказала, что не может выйти замуж, потому что... потому что... не любит мужчин, — Эстелла накрылась румянцем.

— В смысле?

— В прямом. Так и сказала: не люблю мужчин. Дескать, они её не привлекают. Её привлекают девушки.

— ??? — Данте рот открыл.

— У меня была такая же реакция, — грустно сказала Эстелла. — Ты понимаешь, как это может быть? Я — нет. А потом она сказала, будто я её разочаровала из-за того, что встречаюсь с тобой. Короче, подруги у меня больше нет. Мы дружили с пяти лет, я и помыслить не могла о таком. Да и вообще это дико как-то, раньше ей нравились мальчики.

Эстелла на нервной почве ела и ела. Теперь она лопала пирожное с ванильным кремом, запивая его чаем.

— Бедная моя девочка, — Данте уложил голову к Эстелле на колени. — Ты ещё многого не знаешь. Ты не знаешь жизни. В мире много странных, глупых, злых людей и предателей, и преступников, и извращенцев. Просто ты не сталкивалась с ними, и это хорошо. Но общество полно предрассудков, и тому, кто выделяется из общепринятых стандартов, живётся тяжело. Я это понимаю, как никто другой, и твою подругу мне даже жаль.

— Но, Данте, для меня это правда дико. Я не понимаю, как девушка может влюбиться в другую девушку. А Санти сказала, что у неё даже были отношения с девушкой.

— Вот тебе и ответ. Если она любила мальчиков, а потом переключилась на девочек, это от того, что какая-то дура запудрила ей мозг. Твоей подружке нужен мужчина, вот и всё.

Вдруг осознав, о чём именно она беседует с Данте, Эстелла закусил губы.

— Что такое? Я что-то не так сказал? — заметил Данте её волнение.

— Нет... просто... просто... не думала, что мы с тобой будем обсуждать подобное. Ты ведь мужчина. А я даже с мамой такие вещи никогда не обсуждала.

— А со мной можешь обсуждать всё что угодно.

— Почему?

— Потому что я тебя люблю. Мы с тобой одно целое и понимаем друг друга с полуслова.

— Это правда.

— Ты из дома-то как умудрилась сбежать, да ещё и с чемоданом?

— Они не видели. Я им записку оставила, что ушла к Сантане. Все, кто сейчас в доме меня искать не будут. Мама и отчим вернутся через неделю. Можно это время я побуду здесь?

— Да хоть всю жизнь!

От вкусной трапезы, заботы Данте и тепла, разливающегося по комнате благодаря зажжённому камину, Эстеллу потянуло в сон. Глаза у неё слипались, и она с трудом подавляла зевоту.

— Устала?

— Угу...

— Я сейчас постелю постельку и ложись-ка спать! — объявил Данте.

Позже, Эстелла, приняв водные процедуры и нарядившись в хлопковую рубашку до пят, нежилась на мягкой перине. Смутная тревога о том, что Данте будет настаивать на близости, рассеялась, когда юноша, укрыв Эстеллу одеялом и поцеловав её в губы, лёг на софу. Девушка осталась ему бесконечно благодарна за это, но и ощутила разочарование, будто дитя, которому пообещали сладкое лакомство, но вместо него накормили кашей.

Данте, слушая дыхание Эстеллы, в конце концов, провалился в сон. Но, как ему

показалось, вздремнул от силы минут десять (в реальности — два часа), услышал всхлипывание и проснулся.

— Эсте! Эсте, ты что плачешь? — Данте кубарем скатился с софы и полуползком-полубегом долетел до кровати.

Эстелла лежала, прижимая руки к ушам, и плакала. Данте, присев рядом, коснулся её волос.

— Эсте...

Она обняла его за шею.

— Мне так плохо... Данте, я чувствую себя ужасно.

— Эсте...

— Я чувствую себя такой одинокой. Никому я не нужна, никого у меня нет в этом мире.

— Ты нужна мне! У тебя есть я, — шепнул Данте. — Я всегда буду с тобой, всегда-всегда.

— Правда?

— Ну конечно! Ш-ш-ш... только не плачь, Эсте, пожалуйста. Я не могу видеть, как ты плачешь, — Данте укачивал Эстеллу, словно ребёнка.

— Как хорошо с тобой... Данте, я тебя так люблю! — Эстелла потёрлась щекой о его плечо.

— И я... Эсте, тебе нужно поспать. Завтра проснёшься и всё увидишь в ином свете.

— Угу.

— Тогда ложись.

— Ты хочешь уйти?

— Эмм?

— Не уходи...

— Но я не ухожу. Я же тут, рядом.

— Нет, останься со мной. Я хочу заснуть в твоих объятиях...

Данте ушам своим не поверил. Раскосые глаза его вспыхнули, как две молнии в ночной мгле.

— Но... но ты же говорила, что ещё не готова... — он запнулся.

— Смотря к чему. Я имела ввиду, что ты меня обнимешь и мы будем сладко спать. И ничего больше. Понимаешь?

— Если честно, то нет.

— Ну что тут непонятного? — Эстелла встряхнула локонами. — Я не хочу сегодня спать в одиночестве, а с тобой так хорошо. Но мы будем просто спать! Иди сюда, — Эстелла поманила его к себе.

— Я всё равно ничего не понял, — ухмыльнулся Данте, ныряя под одеяло, пока она не передумала.

— У тебе сердце стучит, как бешеное, сейчас выпрыгнет, — захихикала Эстелла, устраивая голову к нему на грудь. — Какой ты тёпленький...

— И всё равно я не понимаю.

— Чего?

— Ты сказала, что тебе нужно время, и сама же уложила меня с собой в кровать. Объясни мне что происходит?

— Я же сказала, мне грустно, я не хочу быть одна.

— Для этого не обязательно лежать в одной кровати. Я бы мог посидеть рядом с тобой,

пока ты не уснёшь.

— Мне не нравится, что ты спишь на софе. Она неудобная.

— А мне не нравится, что ты не понимаешь, как мне тяжело.

— Нет, не понимаю. Мне так хорошо сейчас, что тут тяжёлого? Просто я хочу к тебе привыкнуть.

— Привыкнуть? Мы с двенадцати лет дружим, и ты всё ко мне не привыкла? — Данте фыркнул.

— Нет, это не совсем то. Я хотела почувствовать тебя рядом с собой, ну вот так, близко, заснуть и проснуться в твоих объятиях. Я не могу так сразу решиться на что-то большее, я боюсь...

— Чего ты боишься? Меня?

— Нет, тебя не боюсь. Я боюсь самог; этого момента, ну... ты понимаешь, я... я никогда ещё не была с мужчиной... — щёки Эстеллы вспыхнули. Данте рассмеялся как-то истерически.

— Не поверишь, но я догадался.

— Правда?

— Ага, но это не страшно, у всех бывает в первый раз. Это всё, чего ты боишься?

— Не совсем.

— А что ещё?

— Ну... ведь могут быть последствия... Я в книжках читала, — поспешно добавила Эстелла, дабы он не подумал, что для неопытной девушки она чересчур осведомлена.

Данте захихикал.

— Ну что ты смеёшься всё время? — надулась Эстелла. — Я говорю серьёзно, а ты хихикаешь.

— Глупенькая, если бы мужчины тоже не думали о последствиях, они бы все спятили, вынужденные содержать не только жён и любовниц, но и ораву незаконнорождённых детей.

— Стало быть, ты знаешь что делать, чтобы, ну... чтобы... не хотелось бы попасть в беду... Это же позор! Представляешь, что со мной будет, если...

— Эсте, по-моему, ты забыла одну ма-аленькую деталь: я маг, — Данте опять рассмеялся.

— А это имеет какое-то значение? — искренне удивилась Эстелла.

— Очень даже имеет. Если я не захочу, никаких последствий не будет. Вообще никогда. Ну, так что мы будем делать: спать или что-то ещё?

— Спать! — громко объявила Эстелла, устрояясь на груди Данте, как на подушке. — «Что-то ещё» пока откладывается.

— Ты надо мной издеваешься...

Эстелла, сладко зевнув, свернулась в комочек и вскоре уже блаженно посапывала. А к Данте сон всё не шёл, по телу разливался жар, и дыхание перехватывало от накатывающей волнами страсти. Эстелла с ним, так близко. Она в его власти. Другой воспользовался бы моментом, но Данте не посмел. Эта хрупкая девочка так слепо ему доверяет! Она убеждена, что он её не тронет. И она права. Никогда, никогда он не обманет её, не предаст...

Данте уткнулся Эстелле в затылок, втягивая носом тонкий аромат жасмина.

— Люблю, — одними губами шепнул он и провалился в сон.

Проснулся Данте, однако, от странных ощущений. Тихонько приподнял ресницы. Эстелла, сидя на кровати и сбросив с него одеяло, кончиками пальцев гладила его

обнажённый торс.

Данте вздумал поприкидываться спящим, но изображать бревно было непросто. От робких прикосновений девушки у него ум за разум заходил. Она его рассматривала, изучала с любопытством, будто книгу или картину. Данте не шевелился, дабы Эстеллу не спугнуть, давая желание схватить её и покрыть поцелуями всю, с головы до ног.

Мягкие пальчики Эстеллы спустились юноше на живот. Остановились. Поднялись выше. Прошлись по талии и скользнули ниже — на бёдра. Эстелла просто водила пальцами по коже, чуть её касаясь, а Данте испытывал от этой невинной ласки такое блаженство, какое не испытывал даже от ласк опытных проституток. Он не сдержался и вздохнул. Эстелла замерла. Пришлось «просыпаться». Данте шевельнулся, поймав её испуганный взгляд.

— Ты... ты... спал? Или не спал? — выдавила Эстелла.

— Вообще-то нет. Ну, вернее сначала спал, а потом нет.

— Почему ты не сказал, что не спишь?

— Не хотел.

Несмотря на смущение, глаза Эстеллы блестели, грудь вздымалась.

— Прости...

— За что? Почему ты извиняешься? И почему остановилась?

— Потому что зашла слишком далеко... Я... я хотела просто тебя рассмотреть, потому что... ну... я ещё никогда не была с мужчиной, я тебе говорила. И я потеряла голову, — Эстелла вперилась в пол. А Данте расхохотался.

— Ну что ты напугалась? — он нежно погладил девушку по подбородку. — В том, что мы испытываем друг к другу, нет ничего страшного.

— Я... я... знаю...

Данте обнял девушку. Она уткнулась носом ему в грудь, едва не лопааясь от страсти, провела рукой по его обнажённой спине.

— Эсте, не бойся, не надо бояться своих чувств.

— Нет-нет, давай это прекратим, Данте, пока мы... не натворили глупостей. Давай лучше завтракать.

— Ты оставишь меня даже без поцелуя?

— Поцелуй будет, но потом, когда ты оденешься. Пожалуйста... Я же не дерево!

— А ты думаешь, я дерево? Один поцелуй, и я тебя отпущу.

— Ну хорошо...

Этим дело, понятно, не ограничилось, и влюблённые жадно покрывали друг друга поцелуями ещё минут пятнадцать.

Наконец, Эстелла вырвалась из цепких объятий. Добежала до ванной и там закрылась. Данте бессознательно смеялся, лежа в кровати. Он был счастлив. Они непременно будут вместе. Иначе и быть не может. Друг к другу их словно толкает неведомая сила.

Конечно, Данте предполагал: с Эстеллой будет сложно, но не думал, что настолько. Нет, она не была капризной, но он до смерти боялся её обидеть и не знал, как себя вести. Эстелла этого не понимала. Чувства одиночества и обречённости, испытываемые ею накануне, уступили место безграничному счастью. Пока Данте бегал за завтраком, Эстелла оделась и теперь прихорашивалась у зеркала, разглядывая тёмно-зелёную амазонку (влюблённые собрались кататься на лошадях). Янгус, копируя девушку, усердно чистила пёрышки. Эта ночь обнаружила в Эстелле новые грани её чувств, доказав: сердце её не

ошиблось. Данте никогда не причинит ей зла. Вчера она так безрассудно отдалась под его власть, и он мог этим воспользоваться, но не сделал этого.

Щёлкнула дверь. Появился Данте с кучей тарелок и коробок — принёс еду. На завтрак были горячие эмпанадас, овечий сыр, салат из латука [1] и матэ. Правда, Эстелла вообще не заметила, что она ела, и какое оно было на вкус. Данте обжигал её взглядом. Его дивные глаза заставляли девушку трепетать. Боже, она так его любит! Наверное, сильнее любить невозможно.

Позже, влюблённые оседлали Алмаза и, прихватив Янгус, отправились на прогулку. Эстелла ждала, что это будет романтическая прогулка с поцелуями и ласками в высокой траве. Нет, душой она сопротивлялась, чтобы её первая близость с мужчиной произошла среди бела дня и на открытом воздухе, а не ночью в тёплой постельке, но страсть так окутала её дурманом, что Эстелла была готова ко всему. «В конце концов, тут ничего страшного, и, быть может, эта прогулка станет незабываемой», — думала Эстелла, прижимаясь к спине своего милого всадника, когда они галопом скакали по пампасам.

Но все её мечты разбились о непредсказуемость Данте, точно лёд разбивается от удара ножом. Эстелла знала, что голова у её мага работает немного не в ту сторону, и теперь вынуждена была в этом убедиться.

Остановив коня у кустов мимозы, Данте помог Эстелле выбраться из седла. И через минуту она с ужасом наблюдала, как он, поднимая копытами Алмаза пыль, унёсся вслед за табуном диких лошадей. Как же так? Она ведь рассчитывала на любовную прогулку, и не желала смотреть, как её любимого растопчет табун креолло [2].

Шарахаясь по округе, Эстелла хотела и разреветься, и убить Данте за потрёпанные нервы, если, конечно, он явится живым. Спустя время, раздался стук копыт. Вернулся Данте, всё также верхом на Алмазе. Шляпа болталась у него за спиной, волосы разлетались в стороны, и он вёл на лассо белоснежную лошадь. Приблизился. Спрыгнул вниз.

— Эсте, ты чего? Испугалась? — весело спросил он, глядя на эстеллино выражение лица.

— Ещё бы! — капризно-негодующе воскликнула она. — Я думала, мы едем на прогулку, а не на охоту. А если бы они тебя затоптали?

Данте надрывно расхохотался.

— Девочка моя, я имею дело с лошадьми каждый день, я знаю все их повадки, и знаю, как себя можно вести с ними, а как нельзя. И я хотел сделать тебе сюрприз.

— Ничего себе сюрприз! Да я чуть не умерла с испуга!

— Я поймал эту лошадь для тебя, — объявил Данте, указывая на брыкающуюся кобылу.

— Для меня? — Эстелла недоверчиво покосилась на животное.

— Да, она твоя. Это мой подарок тебе. Взгляни, какая красавица!

Лошадь, действительно, была загляденье: белоснежная, с чёрной гривой и чёрным же хвостом.

— Ты спятил! Я не умею обращаться с лошадьми, я их боюсь, — замахала руками Эстелла. — И эта лошадь дикая.

— А я здесь для чего? — ухмыльнулся Данте. — Я гаучо, нет такой лошади, которую я не смог бы обуздать.

Данте надвинул шляпу на лоб. ОП! Подтянулся и запрыгнул верхом на белую лошадь. Без седла. Эстелла взвизгнула:

— Ты куда? Без седла! Ну-ка слезай, ты же разобьёшься!

— Ты говоришь сейчас, как древняя старушенция, — захихикал Данте. — Терпеть не могу, когда меня пилят!

Дикая лошадь, недовольная тем, что её хотят поработить, заржав, встала на дыбы. Данте одной рукой обхватил её за шею, а другой удерживал при помощи лассо. В негодовании лошадь кинулась в заросли, увозя на спине свой безбашенный груз.

Эстелла прижала ладони к щекам. Ну и прогулочка! Знала бы она, что этот безумный станет такое вытворять, ни за что бы не поехала.

Всадник и его красивая пленница исчезли из виду на некоторое время, а потом вдруг проломились сквозь кусты. Кобыла больше не сопротивлялась. Эстелла не верила своим глазам: Данте, подъехав ближе, пустил лошадь по кругу, демонстрируя её покорность. Эстелла захлопала в ладоши. И правда, чего она испугалась? Он же шикарный наездник. И такой смелый!

— Ну как, нравится подарочек? — улыбнулся Данте. — У самой красивой девушки должна быть самая красивая лошадь. Не бойся, Эсте, через неделю она станет как шёлковая. А пока садись на Алмаза, будем учиться ездить верхом.

— Что? — Эстелла разинула рот. — Но я... я... не умею...

— Научишься. Не думаешь же ты, что я, подарив тебе лошадь, позволю, чтобы она, бедная, сутками стояла в конюшне? Ты будешь на ней ездить. Так что давай-ка, садись на Алмаза.

— Эээ...

— Что?

— Но... тут нет дамского седла.

— Конечно нет.

— Ты хочешь чтобы я села на лошадь по-мужски?

В ответ на круглые глаза Эстеллы Данте расхохотался так, что чуть не навернулся с лошади.

— Чего ты смеешься?

— Прости, Эсте, но я ничего не понял. Ты серьёзно? Когда мы ехали сюда, ты сидела Алмазе, заметь, сидела по-мужски, и не спрашивала про дамское седло.

Эстелла насупилась. Поймал. Данте опять рассмеялся, заставив кобылу, покрутиться на месте.

Делать было нечего. Проклиная всё на свете, Эстелла забралась в седло. Но недовольство её закончилось быстро. Алмаз был послушен и реагировал на малейшее движение поводьев, да и Данте страховал девушку. И Эстелла расслабилась и осмелела. Оказывается, езда верхом — это очень увлекательно. Не прошло и двух часов, как юная наездница уже уверенно справлялась с лошастью.

— Да ты прирождённая наездница, Эсте! — воскликнул Данте. — Зря ты не ездила раньше.

— Ты же знаешь, после смерти папы мне запретили любые прогулки верхом, — вздохнула Эстелла. — А в детстве мне нравилось. Но когда папа упал с лошади, я стала бояться.

— Абсолютно напрасно, — Данте погладил девушку по растрёпанным кудрям.

— А почему у тебя нет хлыста? Что если я захочу поехать быстрее? В детстве мой учитель говорил, что погонять лошадь надо хлыстом.

— Ни в коем случае! Лошадью управляют поводьями. Ни одно животное не станет

доверять хозяину, который причиняет ему боль. Если наездник бьёт лошадь, чтобы она слушалась, это плохой наездник. Вести себя нужно твёрдо, уверенно, но ласково. Если животное, любое, не только лошадь, почувствует, что ты его боишься, презираешь или хочешь обидеть, оно не станет подчиняться.

Пока Данте рассказывал о лошадиных повадках, Эстелла смотрела ему в рот. Как это возможно, чтобы всё, абсолютно всё в человеке вызывало восхищение? Неужели любовь настолько слепа или Данте и вправду — совершенство?

— Эсте! Эй! Очнись! — крикнул Данте, когда Алмаз наступил на камень. — Даже если у тебя очень умная лошадь, и у неё восемь глаз на затылке, всё равно смотри на дорогу! Что с тобой?

— Я устала. Я не привыкла так долго сидеть в седле.

— Да, ты права. Прости меня, я забыл, — Данте спешился и, подхватив Эстеллу подмышки, поставил её на землю. Затем он снял с Алмаза седло и узду и, выпустив его побегать, сунул снаряжение Эстелле в руки.

— Надевай сама, — он указал на кобылу. — Это твоя лошадь, она должна привыкнуть к тебе.

Эстелла растерялась.

— Но я не умею.

Данте, объяснив Эстелле, как запрягать лошадь, заставил-таки её саму надеть узду, седло и закрепить подпруги. Кобыла сначала артачилась, но Эстелла уверенно погладила её по гриве, и та позволила надеть на себя снаряжение.

— Очень слабо затянула левую подпругу, — сказал Данте. — Всегда проверяй, как запряжена лошадь, прежде чем садиться на неё. Плохо зафиксированное седло может съехать на бок, и ты не удержишься. Это хуже, чем совсем без седла, можно упасть и свернуть шею. А стремяна... — Данте не закончил мысль, потому как Эстелла вдруг всхлипнула. — Что? Что я такого опять ляпнул? — удивился Данте.

— Нет, ничего... Ты тут ни причём. Я просто про папу вспомнила, — Эстелла давилась слезами. — Он как раз... как раз умер из-за этого... из-за седла...

Данте обнял девушку.

— Ну не плачь, прости меня, Эсте, я не хотел портить тебе настроение. Но ведь мы учимся ездить верхом, и это важно. Я не хочу, чтобы с тобой случилось то же, что с твоим папой. Понимаешь?

— Ага. Но ты-то сам едешь и без седла.

— Это другое дело. Я опытный наездник. И без седла я езжу с детства, это уже привычка, кроме того, это даёт лошади возможность отдохнуть от седла и узды. И это менее опасно, чем ездить на плохо закреплённом седле.

Данте привязал белую лошадь к дереву на длинный повод, чтобы она могла лакомиться травой. Алмаз бегал неподалёку, а Янгус нежданно проявила повадки хищной птицы. Обычно она питалась фруктами, но вдруг ни с того, ни с сего изловила игуану и, придавив её лапами, с остервенением вонзала в неё клюв, размазывая по перьям кровь.

— Янгус, да я смотрю ты кровушку вздумала пить, — пошутил Данте, сочтя, что новые повадки птицы связаны с тем ритуалом, что он совершил, спасая ей жизнь.

Данте разжёл костёр, и влюблённые лопали запечённые груши, манго и бананы. А в небесах уже появились первые признаки заката: тусклые звёздочки и месяц, формой напоминающий дьявольские рога.

Сладкая трапеза перешла в сладкие поцелуи, и Данте с Эстеллой утопали в высокой траве и в объятиях друг друга. Чуть стянув с Эстеллы корсаж, Данте целовал её шею и плечи, спускаясь всё ниже и ниже.

— Данте, Данте, погоди... остановись! — прошептала девушка, когда его руки нащупали тесёмки юбки, а губы скользнули в ложбинку между грудью. Ну неужели её первая ночь любви будет, как у простой крестьянки в траве? Нет, она так не хочет!

— Ммм?

— Я не хочу...

— Как это? Я же чувствую, что хочешь.

— Нет, в том смысле, я не хочу здесь, вот так... ну... в траве... ну... мы же не животные, в конце концов.

— Какой бред! — хрипло сказал Данте и сел. Голова у него кружилась от страсти, а в груди всё кипело от возмущения. Ну вот! Опять. Опять она за своё! Довела его до ручки и хочет сбежать. Данте еле сдерживался, чтобы не затопать на Эстеллу ногами, разрываясь между двумя чувствами: зацеловать её всю или придушить сию же минуту. Не зная, что делать, он отвернулся.

— Ну, Данте, ну не дуйся, — примирительно сказала Эстелла, теребя кончики его волос.

— Я не понимаю, чего ты хочешь. Что это за игра?

— Это не игра. Я же сказала, я не хочу, чтобы это произошло здесь. Для меня это важно. Ты же обещал не давить на меня. Ты обещал. Поехали домой, я устала.

Данте подчинился, удивляясь сам себе. Эстелла — единственная женщина, которой он позволяет так собой манипулировать. Не важно, делает ли она это специально или неосознанно, но то, что эта хрупкая девочка имеет над ним, таким свободолюбивым, таким недоверчивым, огромную власть, и сомневаться не приходится.

Пока ехали обратно — Эстелла на белоснежной лошади, которую она назвала Жемчужиной, а Данте на Алмазе — обида у юноши прошла, и он вздумал воздействовать на любимую иначе. Нет, он не станет её неволить, уламывать, уговаривать — это бесполезно. Она всё равно находит предлог и сбегает. Он сменит тактику.

После ужина, состоящего из креветок и бисквитного десерта к чаю, Эстелла ждала новой порции ласк, но Данте, чуть скользнув губами по её губам, устроился с книжкой на софе.

— Эээ... и это всё?

— О чём ты? — Данте не поднимал глаз от книги, делая вид, что увлечён чтением.

— Это был не поцелуй, это было издевательство!

— Ну извини, если тебе не нравятся мои поцелуи, целуй меня сама.

— Вот ещё! — Эстелла надулась как индюшка и взялась за уборку посуды. — Что, интересная книга? — спросила она спустя час. Внутри всё бурлило от злости. Неужели ему книга интересней, чем она?

— Угу...

— А со мной ты поговорить не хочешь?

— Потом, — Данте сверкнул глазами, и она увидела в них весёлые искорки.

Эстелла забралась в постель и свернулась клубочком в ожидании, когда Данте надоест притворяться ледышкой. Не тут-то было! Стрелка часов уже приближалась к полуночи, а Данте всё сидел в обнимку с книгой.

— Данте! Может, мы уже пойдём спать? — властно позвала Эстелла.

— А я не даю тебе спать? — удивился юноша.

— Но разве ты ко мне не придёшь?

— Ну уж нет. Чёрта-с два! Сегодня я сплю на софе, — отрезал Данте.

— Почему это?

— Потому.

Эстелла закуталась в одеяло и отвернулась к стене.

— Данте, ты придёшь или нет? — раздражённо бросила она ещё через полчаса.

— Нет. Ты же спать хотела. Вот и спи.

— Я не хочу спать одна.

— Положи рядом с собой плюшевого кота, который сидит на шкафу, — Данте ухмыльнулся, услышав как гневно закрипела кровать. Немного погодя, он, отложив книгу, загасил свечу и растянулся на софе.

— Я предупреждаю в последний раз, — подала голос Эстелла, — мне холодно, и если ты не придёшь, я приду к тебе сама, и мы будем спать на софе вместе!

— Если ты так сделаешь, я сползу на пол, так и знай.

— По-твоему, я должна спать на полу? Ты обнаглел!

— Я тебя ни к чему не принуждаю. Спи на кровати.

— Но мне холодно!

— Хорошо, я разожгу камин.

Данте встал, зажёл свечу и немного повозился с камином. Погасил свечу и вновь лёг на софу. Треск огня баюкал, погружая комнату в тепло, а её обитателей в состояние неги.

— Данте, — опять позвала Эстелла.

— М?

— Мне жарко.

— Вам, принцессам, не угодишь! — насмешливо отозвался Данте. — Что по-твоему я должен сделать?

— Ничего, — набычилась Эстелла.

— И вправду жарко. Пойду-ка я окунусь в прохладную воду, — и Данте ушёл в ванную.

Эстелла ощущала разочарование вкупе с обидой. Она ведь сама его зовёт, а он не идёт! Где это видано, чтобы девушка уговаривала мужчину лечь с ней в постель? Чего он хочет? Нет, всё хватит! Она тоже не железная. Сейчас он выйдет из ванной, и она подойдёт к нему, и сама поцелует. И будь, что будет.

Эстелла вытащила из угла свой чемодан. Выудила из него шёлковую ночную рубашку с кружавчиками. На глаза ей попала бутылочка с бабушкиным снадобьем. Выпить? Но тут щёлкнул засов, и Данте появился в дверях ванной. Мокрый и почти голый — в одном полотенце. С длинных волос его по спине и груди на пол стекала вода.

— Ты пойдёшь в ванную, тебе же было жарко? — спросил он хитро.

Конечно, он делает это специально. Мог бы и одеться. Гибкое и сильное, с выпуклыми мышцами и гладкой кожей, тело Данте на Эстеллу действовало безотказно — она чуть не задымилась от страсти и желания.

И Эстелла ринулась в ванную, прихватив ночную рубашку, полотенце и пузырёк с зельем. Заперлась, откупорила бутылочку и сделала глоток. Снадобье на вкус было горьким. Эстелла поморщилась, но сделала ещё глоток. Бабушка говорила, что пары глотков достаточно. Вздохнув, Эстелла сделала ещё и третий глоток. Для надёжности. Приняв

ванную, набросила белый шёлк на влажную кожу и робко высунула нос за дверь.

Но Данте в комнате не было. Стоя на балконе, он любовался на многочисленные звёзды. В одном полотенце и с мокрой головой. И, похоже, одеваться не собирался.

— Ты что спятил? Тут же ветер! Ты простудишься, — укоризненно сказала Эстелла.

— Ничего подобного! Я люблю ветер.

— Данте...

— М?

— Пойдём в комнату.

— Зачем? Чтобы опять играть в кошки-мышки?

— Нет, мне не нравится, что ты стоишь на ветру. Ты заболеешь, ты же весь мокрый. И ты... ты мне нужен.

— Хорошо. С условием.

— С каким?

— С тебя поцелуй.

Эстелла рассмеялась, но и опомниться не успела, как её сжали в объятиях. Подняв любимую на руки, Данте втащил её в комнату и усадил на кровать.

Цепкие руки его скользнули под эстеллину рубашку, стягивая с плеч нежный шёлк.

— Данте, ты правда меня любишь?

— Я тебя люблю, Эсте.

— И ты меня не бросишь? Вдруг я тебе надоем потом...

— Какая ты дурочка! Неужели ты не поняла до сих пор, что я люблю тебя с момента, как впервые увидел? Я люблю тебя с двенадцати лет! Ты для меня как воздух, без которого нельзя дышать, как вода, что утоляет жажду, как солнце, без которого погибает всё живое.

— И мы будем всегда вместе?

— Всю жизнь.

Чёрные локоны Эстеллы рассыпались по белым простыням, и она поддалась жарким поцелуям. Аромат мяты и зелёной листвы, коим благоухала вся постель, волосы, и кожа её хозяина, доводили Эстеллу до умопомрачения. Мягкие пальцы пробежали по спине, и Эстелла осталась без одежды. Волна стыда и наслаждения окатила девушку, когда Данте, прижав её обнаженной грудью к своей груди, замер, ловя ощущения. Эстелла выгнулась, как кошка, подставляясь под ласки, и губы Данте заскользили по её лицу, плечам, животу, спускаясь вниз и возвращаясь обратно; тяжёлые влажные волосы закрывали ему лицо, и на Эстеллу с них падали капельки воды.

Пламя яростно полыхало в камине. Его языки отражались в окнах и зеркале на стене, и, казалось, что комната тоже охвачена огнём.

Ощущения были новые, ни на что не похожие. Сколько раз Эстелла представляла себе этот миг, но реальность не шла в сравнение даже с самой смелой из её фантазий. В темноте она видела, как сияют сапфирами его глаза. Эстелла не думала ни о чём и ни о чём не сожалела, отдаваясь чувствам. Назад дороги нет. Теперь они связаны навсегда.

Яркая вспышка... Эстелла открыла глаза, вообразив, что начался пожар, и вскрикнула: вся кожа и у неё, и у Данте светилась золотом. По венам будто струился солнечный свет. Наверное, это магия. Его магия. Это не было неприятно, сила и тепло распространились по телу, от кончиков ресниц до кончиков пальцев, словно волшебство, живущее внутри Данте, перетекало и в Эстеллу.

— Люблю... люблю тебя, Эсте, — шепнул он. — Тебе хорошо?

— Да... и я... тебя люблю... — выдохнула она одними губами.

Жар, страсть и магия, подобно морским волнам, вбуравливались в кровь, прожигая насквозь кожу, и Эстелла почти отключилась, зависнув где-то между небом и землёй, между раем и адом...

Время текло, будто песок сквозь пальцы. Приближался рассвет. Солнце — огненный шар — появилось на горизонте. В небе не было ни облачка. Наступающий день обещал быть жарким. Огонь в камине потух, и угли едва тлели. Данте и Эстелла заснули, обвивая друг друга ногами и руками, как две змейки, украшенные чёрной пеной искрящихся волос.

Комментарий к Глава 24. И огонь, и вода —————

[1] Латук — листья салата, однолетнее или двухлетнее растение, огородная культура.

[2] Креолло (креольская порода лошадей) — лошади, завезённые в пампасы испанскими конкистадорами, и в последствие ставшие дикими. Сродни североамериканским мустангам.

===== Глава 25. В океане счастья =====

Солнце палило в окно, и его блики, отражаясь в зеркале, ударяли Эстелле в глаза. Янгус задорно тарахтела, обклёвывая яблоки с яблони, ветви которой раскорячились так, что грозились прорасти сквозь балкон.

Эстелла, зевнув, ткнулась носом в затылок Данте. Он спал сном младенца, уложив голову к Эстелле на грудь и обвивая девушку руками. Она долго смотрела на юношу. Ресницы его чуть вздрагивали, по щекам разлился румянец, а на чуть припухших от поцелуев губах застыла улыбка. От неудобной позы у Эстеллы затекла спина, но покидать объятия Данте ей не хотелось. Думать о том, что было ночью, и упрекать себя тоже. Это случилось и ничего не изменить и не исправить. Теперь она больше никогда не будет одна. Теперь их двое: она и Данте. Этой ночью он сделал её своей, и отныне она, даже если захочет, никогда не будет принадлежать другому мужчине.

Всё ощущая под кожей лёгкую вибрацию, Эстелла взглянула на свои пальцы — нет, они больше не сияли, зато с кончиков волос Данте золотистым дождём сыпались искорки. Какое же счастье — быть вот так, рядом с ним! Погладив юношу по спине, Эстелла осознала: они оба обнажены, а одеяло валяется где-то на полу. Вчера Эстелла слышала, как оно упало. Нет, она не хочет расхаживать перед Данте голышом, ну и что, что ночью они были вместе, она всё равно умрёт от стыда! Бабушка, мама, Урсула и преподавательницы в школе Святой Терезы твердили: нельзя никому показываться голой. Даже в супружеском ложе порядочная дама спит одетой. Надо встать, пока Данте не проснулся.

Раза с пятого Эстелле удалось спихнуть Данте с себя. Он пошевелился и перекатился на спину. Молниеносно схватив одеяло, Эстелла укуталась в него до самых ушей.

Данте продолжал спать, а у Эстеллы кровь закипела в жилах — впервые она воочию лицезрела обнажённого мужчину. Несмотря на смущение, Эстелла захотела к нему прикоснуться. Положила руку Данте на грудь, погладила. Спустилась на живот и услышала, как напрягаются его упругие мышцы. Цап! Пальцы Данте змеями обвили её запястья. Потянул на себя. Отпихнул одеяло, сжал в объятиях. Хватка у Данте была мёртвая — это Эстелла поняла ещё с момента их встречи с грабителями в лесу.

— Привет.

— Привет, — Эстелла покраснела до корней волос. Ей было неловко и, не зная что ещё сказать, она потёрлась щекой о его щёку.

— Я тебя так люблю, — шепнул Данте ей в ушко, водя пальцем по позвоночнику.

Эстелла уткнула носик ему в шею, спрятав лицо за волосами.

— Ой, Данте, о чём мы вчера только думали?

— Я лично — ни о чём. Мне было так хорошо, что не передать словами.

— Мне ужасно стыдно...

— Почему?

— Ну... от того, что было ночью...

— Это было чудесно!

— Да, поэтому мне стыдно. Мне... мне понравилось... — Эстелла окончательно превратилась в свёклу. — Это... это было... ну... я не думала, что будет так, так приятно...

— Это потому что мы любим друг друга. Большая разница, когда это происходит по любви и когда без. Но я всё равно не понимаю: ты стыдишься того, что тебе было хорошо? Это странно.

— Ну да... просто... просто... некоторые говорят, что это грех.

— Грех? Получить удовольствие от любви — грех?

— Да... я... читала, и мне говорили, что даже с мужем это надо делать ну, только, чтобы... чтобы был ребёнок. А когда просто так, да ещё и в удовольствие, это нехорошо.

— Какой идиот вбил это в твою красивую головку, Эсте? — Данте фыркнул как кот. — Мы сделали это по любви, а любовь — не грех. Это самое прекрасное чувство из всех, что существуют. Гораздо больший грех совершают те, кто женится по расчёту, не зная и не любя друг друга. Что может быть хуже?

— Ты прав, но... мы без одежды...

— И что? Разве теперь мы не стали одним целым? У нас не должно быть никаких секретов друг от друга. Не бойся меня. И если тебя что-то мучает, ты всегда можешь мне сказать об этом. Договорились?

— Договорились, — Эстелла чувствовала кожей, что Данте её рассматривает. И понимала: после того, что было между ними, она ведёт себя глупо, но не могла с этим справиться — годами вбиваемые стереотипы делали своё гиблое дело.

Данте же испытывал блаженство и какой-то детский восторг. Долгожданная ночь любви с Эстеллой оказалась выше всех его ожиданий. Эта ночь повернула его жизнь на сто восемьдесят градусов, вывернула душу, и весь мир Данте сосредоточился на этой девочке, что лежала сейчас в его объятиях. Но Данте понимал и то, что с Эстеллой будет трудно. Её голова забита церковными постулатами, глупыми догмами и правилами, придуманными тем, кому выгодно держать женщин в состоянии подчинения. Да, Эстелла впустила Данте в своё сердце, отдала ему душу и тело, но впустит ли она его в свою голову, дабы он вытряс из неё бредни, возвращённые моралью? И он, не связанный ни религией, не канонами, ни законами, попробует вырвать её из удушающей клоаки светского общества. Он научит её быть свободной и счастливой. И никому не отдаст.

— Эсте...

— А? — Эстелла рискнула поднять на Данте глаза.

— Мы же теперь всегда будем вместе?

— Ну конечно! Разве после того, что мы натворили, может быть иначе? — вздохнула Эстелла, теребя его за волосы. — Ты мой самый родной.

— Дороже тебя у меня нет никого, — Данте поцеловал её в подбородок. Эстелла рассмеялась, пальцем обводя контур его губ.

— Что?

— Ничего. Ты похож на взъерошенного кота.

— На себя бы посмотрела.

— Данте, давай встанем и оденемся.

— Почему?

— Ну... мне как-то неловко...

— Почему?

— Перестань почему-то! — ошетижилась Эстелла. — Почему, да почему... Потому что я хочу встать.

Данте разжал объятия.

— Вставай! — синие глаза сверкнули.

— Зажмурься!

— Почему?

— Ещё раз скажешь «почему», и я тебя убью!

— Почему?

Раздались смешки, и влюблённые кубарем скатились на пол.

— Чего это ты такой весёлый? — возмутилась Эстелла, натягивая ночную рубашку. — Ржёшь и ржёшь. Никогда тебя таким не видела.

— Потому что я таким и не был никогда.

— Может быть, ты оденешься?

— Зачем? Мне и так хорошо.

— Ну Данте, ну оденься!

— Ладно, — встав, он голышом прогулялся по комнате. Три раза прошёл туда-сюда у Эстеллы перед носом.

— Долго ты будешь передо мной маячить? — разозлилась Эстелла. — Я же просила тебя одеться! Даже муж и жена не ходят друг перед другом голыми. Это неприлично!

— А я хожу! Я привык спать голым, ходить голым, когда мне вздумается, и даже, представь себе, моюсь голым. Так что придётся привыкнуть. Если не нравится, найди себе маркиза и спи с ним, закутавшись в три одеяла, — съехидничал Данте и повернулся к Эстелле спиной, встав у шкафа, с которого свисали лапы чёрного плюшевого кота.

Эстелла не знала, как реагировать: обидеться или задушить его в объятиях. Он такой... такой красивый... Внутренние изменения, произошедшие в ней всего за одну ночь, проявились неожиданно: пока Данте вынимал одежду из шкафа (он делал это нарочно медленно), Эстелла поймала себя на том, что уже добрых минут десять не сводит глаз с его выпуклой попы. И пришла в ужас. Зажмурилась и отвернулась. Надо взять себя в руки. Она впала в безумие. Что она творит? О чём думает? Она, Эстелла, девушка из приличной семьи, воспитанная в строгих правилах, сбежала из дома, поселилась в гостинице с любовником, и теперь, сидя на полу, любит его обнажённую фактурную задницу. У её родственников наверняка случился бы припадок, если бы они узнали. Как же она изменилась за два дня! Неужели любовь так коварна, что может сломать всё, внушаемое годами?

Данте, наконец, оделся и, заметив, что Эстелла притихла, подкрался к ней со спины. Положил голову на её плечо.

— Эсте, что такое? Ты обиделась на то, что я ходил голый? Ну прости меня... Я не думал, что ты так отреагируешь.

— Дело не в этом.

— А в чём тогда?

— Ну... ты же понимаешь... или не понимаешь? После того, что произошло... Это же

позор, в меня будут пальцами тыкать, если узнают, что я... ну, что я была с женщиной.

— Никто не узнает, если ты сама не расскажешь.

— Ты хочешь опять прятаться?

— Нет.

— Тогда объясни мне, Данте, что с нами будет дальше? С нашими отношениями?

— А что ты хочешь, чтобы с ними было? Ты хочешь расстаться? Жить вместе? Сбежать отсюда? Пожениться? Что? Скажи мне.

Эстелла повела плечиком.

— Не знаю. Я только хочу, чтобы мы могли любить друг друга открыто, а единственный способ это сделать — пожениться.

— Ммм... ну а почему нет? Если ты этого хочешь, мы поженемся.

У Эстеллы лицо вытянулось.

— Вот так просто?

— Да, вот так просто. Эсте, я тебя не понимаю. Почему такая реакция? Если ты хочешь пожениться, значит, мы поженемся. Я хочу быть с тобой, и мне всё равно, каким способом это будет. Я так боюсь тебя потерять, тогда я просто умру.

— Да, ты прав. Всё равно я не вижу другого выхода.

— Что значит «не вижу другого выхода»? — Данте встряхнул волосами, словно отмахиваясь от назойливой мухи. — Ты так говоришь, будто тебя кто-то насильно к этому принуждает. Я сказал, что мы поженемся, но поженемся по любви и обоюдному согласию. И будем счастливы. А не потому что так надо, чтобы все отстали.

— Но разве я могу теперь выйти замуж за кого-то другого?

— Ничего не понимаю.

— Ну, допустим, я бы захотела выйти замуж за другого... Не смотри на меня так, — добавила девушка, перехватив на себе испуганный взгляд, — я сказала «допустим». Так вот, допустим, я бы встретила другого, но я бы всё равно не смогла бы выйти за него, потому что... потому что я уже была с тобой. Ну, в смысле, если бы он узнал, что я была с другим, он навряд-ли бы на мне женился. Так что я могу выйти замуж только за тебя.

— Ты вольна делать всё, что тебе вздумается. Я тебя ни к чему не принуждаю. И ты не обязана выходить за меня, только чтобы заткнуть рты каким-то ханжам. Просто я думал, что ты тоже меня любишь. Но раз нет, что ж... — Данте говорил спокойно, но голос его дрогнул. — А другой — это тот маркиз, да?

— Данте, ну опять ты за своё?! Причём тут Маурисио? Я говорила это чисто теоретически. Почему ты всё воспринимаешь в штыки? У меня было строгое воспитание. И мне, и Мисолине внушали, что мы должны вести себя прилично. Не думаю, что моя семья бы оценила, что я... ну то, что я сделала...

— Переспала со мной. Интересно, когда ты научишься называть вещи своими именами?

— Ну да... Так вот, мне кажется логичным, что после этого я выйду замуж за тебя и только за тебя. Или вообще не выйду.

— Правда?

— Клянусь!

Повеселев, Данте упёрся Эстелле головой в живот. Девушка прижала его к себе.

— Тогда зачем ты несла всю эту чушь? Почему нельзя было сразу сказать, что хочешь быть со мной?

— Просто я тебе рассказала о своих взглядах.

— Ну так что, значит, женимся?

— Ага, — Эстелла подалась назад, устраивая голову Данте у себя на коленях. — Свадьба... наша свадьба... Ах, Данте! Платье у меня будет эмм... красное! Да, хочу красное! И без фаты, фату мне уже нельзя. Конечно, если мы никому не скажем, то можно, но это нехорошо, ведь я не девушка и не могу выходить замуж в фате. А ещё будет играть орган, и хор будет петь Аве Мария, и букет у меня будет из белых и красных роз. Священник станет говорить красивые слова, и мы поклянемся друг другу в вечной любви, и... — Эстелла умолкла, заметив, что Данте помрачнел, вперив стеклянный взор в потолок.

— Что такое? Тебе не нравится такая свадьба, да? Ты хочешь по-другому?

— Дело не в этом. Эсте, знаешь, ради тебя я готов пойти на всё, даже повенчаться в церкви, но... Я не могу венчаться. Не потому что не хочу, а потому что нас просто не обвенчают. Я не крещёный.

— Ну и что? Крестись. Пойдём к падре Антонио, и он тебя окрестит.

— Невозможно. Эсте, ты забыла, что я маг? Даже если бы я и пошёл на это ради тебя, я не знаю что при этом может произойти. Я не могу контролировать свою магию, когда нахожусь в церкви, вот в чём дело. Моя магия и церковь несовместимы.

Эстелла чуть не расплакалась.

— Но... но... ты хочешь сказать, что мы не можем пожениться?

— Нет, я хочу сказать, что мы не можем венчаться в католической церкви. Но это не единственный способ, чтобы пожениться.

— Как это? Я не понимаю, — изумилась Эстелла.

— Мы можем пожениться не по католическому обряду. У нас будет свадьба, красивая, с цветами, платьем, музыкой, всё, как ты хочешь, просто она будет не в церкви. Она будет другая, это тоже свадьба, настоящая, но языческая. Когда я жил в «Лас Бестиас» я много раз был на таких свадьбах. Это потрясающе красиво! И когда я недавно побывал на свадьбе у Кlemente в церкви, это было так дико скучно, что, если бы моя магия мне не мешала, я бы заснул.

Эстелла никогда не задумывалась о том, что свадьба её могла бы стать оригинальной, но после слов Данте она загорелась идеей. Действительно, ведь её мужчина необычный, значит, и свадьба у них должна быть необычная.

— Ну так что, Эсте? Ты выйдешь за меня замуж?

Как же она мечтала это услышать!

— Да! Да, выйду! — Эстелла покрывала поцелуями лицо Данте, а он всё не верил, что на свете бывает такое счастье. И это счастье отныне принадлежит ему.

Неделя пролетела незаметно. Нежность сменялась смехом, страстные ласки сонной негой. И если Эстелла поначалу задумывалась, что ведёт себя нехорошо, живя с мужчиной вне брака, то вскоре она махнула на это рукой. Пришла уверенность: ничего дурного они с Данте не делают.

Каждую ночь влюблённые проводили вместе: и просто спали, прижимаясь друг к другу, и занимались любовью; и Эстелла поняла, что Данте теперь неотделим от неё, как вторая кожа. Он больше не был тайным возлюбленным, о поцелуях которого она грезилась ночами, он стал для неё родным человеком, без которой она не могла физически существовать. Страсть разгоралась в Эстелле, окрыляя её, когда она утопала в таких нежных, таких жарких и сильных объятиях своего любовника. Девушка потеряла счёт времени, забыв, сколько недель или лет минуло с тех пор, как одним дождливым вечером она прибежала к Данте,

напуганная заскоком лучшей подруги и ненавистью, царившей в её доме. Из наивной девочки Эстелла мало-помалу превращалась в страстную молодую женщину.

Однажды, выглянув в окно, Эстелла с удивлением обнаружила, что Бульвар Путешественников сияет огнями и рождественскими гирляндами. Вот, полная женщина несёт в руках торт, украшенный кремовой омелой. А вот, двое мужчин сгружают с повозки здоровенную мохнатую ель.

Сочельник! И как она могла забыть об этом? Сердце Эстеллы затрепетало. Она обожала Рождество, а в этом году оно станет необычайно счастливым, потому как она сама наполнена счастьем до кончиков ресниц. Эстелле захотелось кричать от радости, как кричали неподалёку дети лавочников, играя в прятки. Прохожие спешили мимо, их болтовня и выкрики перемежались со смехом; они шуршали обёртками от подарков, звенели ёлочными колокольчиками, тащили целые пакеты вкусной снеди, сгибаясь под их тяжестью. Окна домов отливали серебром и золотом, синими и зелёными, красными и розовыми огоньками, а прямо на тротуаре играл бродячий оркестр.

С сияющими глазами Эстелла влетела в комнату. Данте дома не было — с утра он уехал на встречу с богатым испанцем, коллекционером редких пород лошадей. Надо устроить сюрприз: украсить комнату, приготовить праздничный ужин. Это будет самое волшебное Рождество в её жизни!

Эстелла принялась за уборку: разобрала шкаф, помыла зеркало, почистила жердь Янгус. Данте не запрещал ей копаться в его вещах, хоть и был недоволен тем, что она, непривычная к хозяйству, этим занимается. Но Эстелле нравилось, она всегда терпеть не могла бездельничать, как это любили делать Роксана с Мисолиной и прочие обитатели её дома.

Интересно, мама и Арсиеро уже вернулись? Или они будут отмечать Рождество в столице? Наверяд-ли. Значит, вернулись. И наверное, уже ищут её. Но если бы случилось что-то плохое, Сантана или Либертад нашли бы способ её оповестить, ведь они знают о Данте, а разыскать его в городе не так уж сложно. Но раз нет никаких вестей, значит, всё в порядке.

Сев на пол у комода, Эстелла один за другим выдвинула ящики. Ну почему Данте так любит бардак? Вечно у него всё напихано как попало. Она долго раскладывала всяческие бумаги, перья, побрякушки, шляпы, паньюэло, ремни, полотенца и простыни по стопочкам и коробочкам, пока взгляд её не наткнулся на розовый пергаментный конверт.

Эстелла сразу узнала его. Это было то самое письмо, из-за которого они поссорились с Данте. Зачем он его сохранил? Может, Данте хранит все её записки? Интересно было бы их найти. Эстелла перечитывала письмо и смеялась. Какая же она была дурочка! И как же теперь изменились её отношения с Данте, он стал ей ближе всех на свете, даже ближе собственной семьи.

«...Я так тебя люблю, если бы я могла, я бы пошла с тобой на край света. Но я не могу. Наверное, я трусиха. Не держи на меня обиды. Прощай. Эстелла.

P.S. не пугайся, когда письмо тебе принесёт Сантана. Это моя подруга, она обо всём знает, и ей можно доверять.

Мы с тобой слишком разные и будет лучше нам забыть друг друга навсегда, покориться обществу и Богу и не идти против них»...».

Прочитав последнюю строчку, Эстелла окаменела. Разве она такое писала? Нет, и не могла написать. И это не её почерк, хоть и похож. Кто-то, старательно копируя её почерк, дописал письмо. Но кто? Кому это надо? Не Данте же сам. Кто знал о письме, кроме них двоих, да ещё Сантаны?

Сантана! У Эстеллы даже рот самопроизвольно открылся. Вот так да! Значит, Сантана наглым образом дописала её письмо! Нацарапала бред про бога и покорение обществу. Да ни за что не станет она никому покоряться! Теперь, когда у неё есть любовь, такая сильная, горячая, волшебная, никому она её не отдаст, даже если весь мир будет против.

Первым желанием Эстеллы было швырнуть письмо в камин, дабы полюбоваться, как его пожирает пламя, но она одумалась, решив сначала рассказать Данте. Какая же двуличная особа эта Сантана! Мало того, что ненормальная, так ещё и вздумала разлучить её с Данте.

— Ну ладно, Санти, с тобой я ещё поговорю, — заявила Эстелла стене, представив вместо неё Сантану. — Посмотрим, что ты скажешь, когда я суну тебе под нос это письмо. Предательница!

===== Глава 26. Рождество =====

Данте, открыв дверь, чуть не налетел на гигантское сооружение из орхидей. Вся комната утопала в цветах и свечах. Эстелла сидела за низеньким столиком, где громоздились блюдо с жареной рождественской индейкой, фрукты, креманки с карамелью и торт, украшенный шоколадным венком омелы.

Увидев Данте, Эстелла подбежала и повисла у него на шее. Зацеловала его всего.

— Эсте...

— Я соскучилась...

— Я тоже. А что тут происходит?

— Сегодня же Сочельник, и я решила устроить праздник. Нравится?

Данте кивнул, и это всё на что его хватило. У него сдавило горло — никогда у него не было настоящего Рождества. Каролина в Рождество тащила всех на церковную службу и Данте смертельно завидовал тем, кто оставался дома. Они угощались вкусностями, зажигали свечи на ёлках и веселились всю ночь, а он, сидя в церкви, слушал нудные песнопения хора и речи падре.

— Данте, ну ты чего? Тебе не нравится сюрприз? — виновато спросила Эстелла. — Но ведь Рождество... Я... я не знала, что тебе не нравится Рождество. Ну вот, — Эстелла вздохнула.

— Нравится, очень нравится! — Данте обнял её. — Просто у меня никогда не было такого Рождества. Это самое счастливое Рождество в моей жизни, Эсте! И это счастье подарила мне ты.

— Я тоже не помню ни одного по-настоящему весёлого Рождества. Ну если только в глубоком детстве.

— Ни за что не поверю, что у тебя не было Рождества: с ёлкой, подарками и праздничным столом, — Данте заправил локон Эстелле за ушко.

— Нет, это всё было, но я всегда скучала в Рождество. Весело было, когда был жив папа. А когда он умер, всё это превратилось в какую-то нудную церемонию. Мама запрещала играть и прыгать, надо было сидеть за столом и правильно есть, правильно разворачивать подарки и всех вежливо поздравлять и благодарить. А потом все разбредались по углам. Обычно я сидела одна у ёлки и ревела от обиды, потому что мне всегда дарили не то, что я хотела, а то что нравилось маме.

Данте улыбнулся как-то печально.

— А мне никто никогда не дарил подарков. Когда я жил в «Ла Пиранье», в Рождество я убегал на улицу и бродил там до утра, смотрел в окна и на людей. Если же я оставался в доме, то меня закрывали в комнате, чтоб я не мешал им развлекаться. В доме у Гаспара тоже

не было Рождества. Такого, о котором я мечтал. Мы ходили в церковь и всю ночь слушали падре. После я приползал домой и бухался в кровать. А теперь вообще не могу находиться в церкви долго. На свадьбе Клема я даже часа не выдержал.

— Почему?

— Из-за магии, я же тебе говорил. Когда я там нахожусь, я испытываю боль, словно с меня кожу сдирают.

Эстелла погладила Данте по щеке. Они так и продолжали обниматься, стоя возле двери.

— Я не знала, что это так серьёзно, ну ничего. Теперь мы вместе, всегда будем вместе. Давай-ка пойдём за стол, а то ужин остынет.

Данте не заставил себя упрашивать: по-быстрому приняв ванну, сел за праздничный стол.

— Ты сама это всё приготовила? — удивился он.

— Нет, конечно. Я плохо готовлю. Купила в трактире. А украсила всё сама. Я хотела, чтобы у нас был праздник. Я так счастлива с тобой, Данте.

— Люблю, — шепнул он и рассмеялся, с энтузиазмом уминая индейкину ножку.

Данте чувствовал, как радость распирает его изнутри. И всё благодаря его ласковой девочке. Она словно вдохнула в него новую душу, разделив жизнь на до и после, и всё, всё, что было раньше, осталось далеко-далеко позади.

Они кормили друг друга из рук, целовались, измазав носы тортом. Ужин плавно перетёк в горячие ласки. И Эстелла, лёжа на красном ковре-шкуре, вновь ощутила, как магия Данте побежала по её венам. Пушистый, длинный ворс приятно щекотал её обнажённую спину, а поцелуи Данте, будто капельки утренней росы, спускались по коже. В груди Эстеллы пылало неистовое желание: ей хотелось Данте съесть, как сладкую конфету.

Янгус давно дрыхла, тихонько вздрагивая во сне. Часы пробили четыре утра. Данте и Эстелла, закутанные в плед, сидя у камина, целовались и смотрели, как языки пламени меняют форму, то разгораясь, то затухая.

— Это самое восхитительное Рождество в моей жизни, — прошептал Данте.

— И в моей... Данте, я вот о чём хочу спросить, — прервала Эстелла дождь из поцелуев. — А что происходит, когда... ну, когда мы бываем близки? Это же твоя магия? Я вижу, как всё светится, и чувствую, будто что-то струится у меня под кожей, по всему телу. Что это?

— Да, ты чувствуешь мою магию. Магия живёт во мне с рождения, это моё обычное ощущение. Но почему ты тоже это чувствуешь, когда мы вместе, я не знаю. У меня нет ответа на этот вопрос, Эсте.

— Как так? Почему? Разве с другими женщинами у тебя такого не было?

— Нет, Эсте, только с тобой. Если бы было и с другими, каждая из них убежала бы от меня, решив, что я дьявол, — Данте невесело рассмеялся. — А ты не испугалась. Ты смелая, самая смелая женщина из всех, что я встречал.

— А мне нисколько не страшно, наоборот, это приятно. Это же волшебство! Что в нём страшного, ведь это красиво, чудесно?! Я словно прикасаюсь к твоей душе, а ты к моей. Я думаю, это происходит, потому что мы любим друг друга.

— Это единственное разумное объяснение, потому что я вправду не знаю.

Но не успели влюблённые заснуть, как, около восьми утра, идиллия была прервана.

Забарабанили в дверь. Пока Данте, наспех замотанный простынкой, встречал незваных гостей, Эстелла, прихватив одежду, шмыгнула в ванную и оттуда услышала голос сеньора

Нестора.

Изо всех сил скрывая досаду, Данте воззрился на него.

— Дико извиняюсь, что врываюсь ни свет, ни заря, — виновато пробубнил сеньор Нестор, — но там к... хм... вашей даме пришла женщина и требует, чтобы сеньорита к ней спустилась.

— Хорошо, спасибо, сеньор Нестор. Она выйдет, — ответил озадаченный Данте. Хозяин ушёл.

Полуодетая Эстелла с круглыми от страха глазами выскочила из ванной и, подбежав к Данте, прильнула к нему.

— Боже мой, кто это пришёл? Что за женщина меня здесь ищет? А вдруг это мама? Данте, о, боже!

— Тише... тише, не надо паники, Эсте, — Данте успокаивающе гладил её по спине. — Скажи мне, кто знает о том, что ты здесь? Ты кому-нибудь говорила, куда идёшь?

— Нет. Я оставила дома записку о том, что ушла к Сантане. Санти могла сказать, что меня у неё не было. Либертад могла догадаться, что я с тобой, как и Санти, и они могли рассказать маме. Ох, мама вытрясет любую информацию из кого угодно, а найти нас — пара пустяков. Данте, ведь мы даже не прятались, — Эстелла в отчаянье ломала руки. — И где была моя голова? Мы должны были спрятаться! О, Данте, что же делать?

— Эсте, успокойся. Сейчас мы спустимся вниз и узнаем, кто там пришёл. И будем действовать по обстоятельствам.

— Мы?

— Да, мы. Я пойду с тобой. Нас никто больше не разлучит, Эсте. Теперь, когда я узнал что такое счастье, я буду бороться за него! Я тебя не отпущу, я тебя никому не отдам и никому не позволю тебя обидеть!

— Боже мой, как я тебя люблю! — Эстелла обвила руками шею Данте. Да, она будет драться! Объявит войну всему миру за право любить и быть любимой.

Держась за руки, Данте и Эстелла спустились в холл, и девушка вздохнула с облегчением, увидев, что ждёт её вовсе не мать. Это была Сантана. Одетая в тёмно-золотое бархатное платье и шляпку с бантом, она смерила Данте взглядом, полным ненависти. Посмотрела на Эстеллу — взлохмаченную, с сияющими глазами и припухшими губами, наспех одетую в первое попавшееся платье, и Эстелла заметила на лице Сантаны какую-то брезгливость.

— А, это ты, Санти. Слава богу! Я испугалась, решила, что это мама.

— Мы могли бы поговорить наедине? — процедила Сантана, злобно зыркнув на Данте. В ответ получила взгляд не менее «дружелюбный».

— Вообще-то у нас с Данте нет секретов друг от друга.

Сантана высокомерно вскинула голову.

— Ну уж нет, идите наверх и разговаривайте без меня! — отрезал Данте. — Я не хочу при этом присутствовать. Не собираюсь я сидеть и слушать женские сплетни, я вам не дрессированная обезьянка. Пойду прогуляюсь, — и он вышел на улицу.

— Сколько не хорохорься, а даже и красивая физиономия не спасает от огромной, светящейся на лбу надписи: «Простолюдин», — не удержалась Сантана.

— Пойдём, — сухо выговорила Эстелла и пошла наверх, не оборачиваясь. После такого выпада у неё отпало желание общаться с подругой. Сантана двинулась следом.

— Проходи, — Эстелла пригласила гостью внутрь. Та вплыла, как королева в сарай, и

изучила взглядом комнату. Свечи и цветы, остатки ужина на столе и скомканная постель Сантану не смутили, но привели в негодование. Она чванливо поджала губы.

— Садись, — Эстелла указала на софу.

— До чего же ты опустилась. Ужас какой! — Сантана присела на краешек софы, подобрав юбку. — Поселилась в убогой гостинице в качестве сожительницы немытого пастуха, повелась на смазливое личико. Ну и как тебе? Хорошо с ним живётся? По носу ещё ни разу не получала?

— Прекрати! — оборвала Эстелла. — Я не намерена слушать твои колкости! Да, Данте не богат, но здесь я гораздо счастливей, чем в тех хоромах, где жила раньше. И он носит меня на руках и никогда меня не обидит, я знаю. Мы любим друг друга.

— О, да! Любовь и всё такое... Ну-ну, — Сантана закатила глаза.

— Чай или кофе будешь?

— Что? Ты предлагаешь мне пить из грязных чашек? Нет, благодарю.

— Почему грязных? Они чистые, я сама их мыла.

— О, да ты уже и сама посуду моешь? Так скоро и в прачки наймёшься. Знаешь ли, я не люблю нищету и предпочитаю фарфоровую посуду.

— Ты меня поражаешь, Санти. Ты ведь никогда не гналась за статусом, — Эстелла всё больше разочаровывалась в Сантане. С кем же она дружила столько лет?

— Да, но не до такой же степени мне опускаться, как это сделала ты. Я с детства живу в приличном доме и общаюсь с приличными людьми. И я не желаю это менять.

— Санти, вот что: скажи мне, зачем ты пришла, будь любезна. Я тебя в гости не звала, а ты пришла и оскорбляешь меня и моего мужчину.

— Я пришла сказать спасибо.

— Спасибо? За что же?

— За то, что ты подставила меня перед своей мамашей. Она, значит, приходит к Сантане и требует сказать, где её дочь, потому что Эстелла, видите ли, должна быть у Сантаны. А Сантана ни сном, ни духом. Спасибо тебе!

— Ну извини, я не думала, что она придёт к тебе, — потупилась Эстелла.

— Разумеется! Ты вообще хоть о чём-то думаешь, кроме своего пастуха?

— Прекрати так называть Данте! — Эстелла в гневе топнула ногой, и Янгус на жёрдочке подпрыгнула с испуга. — У него есть имя, красивое имя. И он не пастух, он гаучо, а эта профессия ничуть не хуже других.

— Ничего себе, как ты заговорила! Быстро же он тебя, аристократочку голубых кровей, превратил в рабыню. Но сути дела это не меняет — твоя мамаша рвёт и мечет.

— Значит, ты меня заложила, да? Ты сказала маме, что меня у тебя не было?

— Да, я сказала, что ты за эту неделю не приходила ко мне ни разу, и что я не знаю, где ты. И я пообещала ей тебя найти. Короче, если ты не хочешь, чтобы твоя мать явилась сюда сама и увидела тебя в подобном состоянии, лучше вернись домой добровольно. Она ведь всё равно тебя найдёт, да и я не стану молчать. Я ей расскажу, где ты прячешься.

— Вот как? — Эстелла повела бровью. — И ты способна предать меня после стольких лет дружбы?

— Ты первая предала меня, — жёстко сказала Сантана. — Ты променяла тринадцать лет дружбы со мной на синие глазки своего пастушонка. И я не считаю, что поступлю неправильно, рассказав твоей матери, где ты, потому что желаю тебе добра, потому что хочу вырвать тебя из лап этого бандита. У него взгляд убийцы, а ты ничего не видишь. Ты

ослепла. Как же низко ты пала! Ты сейчас похожа на проститутку наутро после приёма с десятков клиентов.

— Знаешь что? Ты можешь делать что угодно и рассказывать что угодно и кому угодно! — выдала Эстелла, трясаясь от ярости. — И не надо прикидываться овечкой! Ты считаешь, я предала нашу дружбу? Чем же? Тем, что полюбила Данте? Я не виновата, что ты видела в нашей дружбе то, чего там нет и не было. И ты сама её убила, не я, а ты, когда подделала моё письмо к Данте!

— Что?

— Не притворяйся! — Эстелле захотелось Сантану отколотить. Подбежав к комоду, она вынула письмо и пихнула его Сантане под нос. — Вот. Читай. Хочешь сказать, это не ты дописала тот бред, что внизу? Я ведь этого не писала, и это даже не мой почерк! Я тебе доверила самое дорогое — мои чувства к Данте, а ты вздумала нас разлучить.

— Да, это я. Я действительно хотела, чтобы вы расстались. Я хотела, чтобы он оставил тебя в покое. Пойми ты, идиотка, этот человек тебе не пара! Он сломает тебе жизнь. Я хотела тебе помочь, но поздно. Ты превзошла саму себя, кувыркаешься с ним в постели, как похотливая кошка, и даже не скрываешь этого. Не ожидала от тебя.

— Да! ДА! Мы с Данте спим вместе! — крикнула Эстелла, больше не владея собой. — И у нас было всё! И ни один раз! И это было прекрасно! Я испытала с этим мужчиной такое, что тебе и не снилось. И никогда ты такого не испытаешь, потому что ты ненормальная извращенка. Всё, уходи отсюда! Проваливай! — Эстелла распахнула дверь.

— Что ж, моё дело было предупредить. Потом не жалуйся, — Сантана вышла.

Долбанув дверью, Эстелла рухнула на красный ковёр и разревелась в голос.

Данте болтался по улицам, ежесекундно думая об Эстелле. Как она там? Зачем припёрлась эта её мерзкая подружка? Он десять раз пожалел, что ушёл. Надо было остаться и послушать, чего хочет та девица, но гордость и страх выставить себя дураком не позволяли Данте присутствовать при женских разборках.

Спустя три часа, сердце Данте не выдержало, и он бегом прибежал в «Маску». В холле его окликнул сеньор Нестор:

— А ваша дама ушла.

— Какая дама? Ах, та, что приходила? Хорошо.

— Нет, та, что приходила, ушла часа полтора назад. Другая.

Данте побледнел.

— К-куда ушла?

— Не знаю, — сеньор Нестор скривил рот на бок. — Ушла с вещами.

— Как это с вещами?! И ничего не сказала?

— Сказала, что оставила вам записку в комнате.

Данте кинулся вверх. Чуть не упал на ровном месте, налетев на косяк. Вбежал в комнату. Эстеллы не было, как и её вещей. Ушла. Оставила пустые полки в шкафу, скомканную постель и ночную рубашку на софе. На столике среди цветов и выгоревших свечек лежал конверт. Данте, судорожно его схватив, выудил письмо, но сразу прочитать не смог: буквы плясали и расплывались, превращаясь в цветные пятна. Данте протёр глаза и, наконец, разобрал слова:

«Любовь моя, Данте! Прости, что ухожу так внезапно, но другого выхода нет. Моя семья ищет меня, а Сантана грозила рассказать им, что я с тобой. Они бы всё равно нас нашли и забрали бы меня силой. Но если я приду домой сама, возможно, ещё выкручусь. Не

обижайся, мой милый, что я не сказала этого, глядя в твои прекрасные глаза. Я лишь хочу спасти тебя и себя от гнева моей семьи. Умоляю, не ищи меня в ближайшие дни, иначе ты всё испортишь. Я найду тебя сама. Твоя Эсте».

Данте прижал письмо к губам. Нет, он предполагал: однажды это произойдёт, ведь Эстелла не может жить тут с ним вечно. Но чтобы вот так быстро... Только вчера они отмечали Рождество, и вмиг сказка закончилась. Разумом Данте понимал, что Эстелла права: явиться домой добровольно — единственный выход, но сердце, сердце не хотело отпускать её. Он так привык к ней! Всего лишь семь дней, а будто целая жизнь. Он привык просыпаться с ней рядом и засыпать, сжимая её в объятиях, вдыхать её запах и слышать её звонкий голос у себя под ухом. Комната пропиталась ею, каждая вещичка, каждый уголок, и его постель, и он сам пропитался её любовью, её робкими ласками. А теперь он вновь один. Как же тяжело!

Раздался шорох крыльев — Янгус уселась на плечо. Данте потёрся головой о её перышки и вперился в стену, обнимая письмо.

С лихорадочно бьющимся сердцем, но решимостью бороться до конца, Эстелла отворила калитку. На парадной двери висел венок из омелы, украшенный шишечками и золотыми колокольчиками. Эстелла была абсолютно уверена, что сейчас, прямо с порога, начнутся крики. Она была морально к этому готова и удивилась, обнаружив в гостиной только дядю Эстебана.

Здоровенная ель, увешанная белыми и красными шариками и с огромным бантом на макушке, стояла по центру залы. Около неё валялись тонны обёрточной бумаги и пустые коробки от подарков. Дядя Эстебан в домашнем халате и с лебяжьим пухом на светлых кудрях, сидя в кресле, стакан за стаканом глушил виски. Блудную племянницу он поначалу не заметил. Эстелла на цыпочках прокралась до лестницы, еле удерживая чемодан, и тут дядя подал голос:

— Не бойтесь, в доме нет никого, кроме меня и прислуги. Все ушли.

— А куда, дядя?

— В жандармерию.

Эстелла аж посинела.

— Зачем?

— Чтобы жандармы отыскиали вас и вашего мальчика.

Эстелла уронила чемодан. Он с грохотом ударился о ступеньку и раскрылся, вывалив своё содержимое на лестницу.

— Но... я...

— Эстелла, вы что совсем с ума сошли? Разве можно так делать? В открытую... безумие какое-то, — Эстебан подошёл ближе. — Ну, чего вы плачете? — сказал он, заметив слёзы. — Не плачьте. Хорошо, что вы пришли сами и сейчас. Надо что-то придумать вам в оправдание. Не понимаю, почему ваша подруга вас не прикрыла. Она всё испортила. Если бы не она...

— Мы с ней поссорились, — всхлипнула Эстелла. — Я на неё накричала...

— И она отомстила?

— Угу. Значит, Сантана-таки меня заложила? А я надеялась, что она передумает.

— Да, она пришла и сказала, что вы убежали с мужчиной, но она не сказала, где вас искать.

— Я... я... не убегала... Пожалуйста, дядя, — Эстелла подняла глаза, хоть ей и было стыдно, — дядя, помогите мне! Да, я на вас сердилась из-за... из-за Либертад, но я уверена, что вы, вы же любили её. Тогда вы знаете, что это такое. Помогите мне! Пусть они не трогают Данте, пусть они не обращаются к жандармам, пожалуйста!

— Любите его? — вздохнул дядя, отводя глаза.

Эстелла кивнула.

— Значит, его Данте зовут... Что ж вы нас не познакомили с ним? Кто ж так делает? Если бы вы рассказали, всё было бы намного проще. Вы сами себя загнали в угол.

— Я знаю...

— Ладно, не ревите. Я вам помогу. Урсула! Урсула, иди сюда! — окликнул Эстебан служанку.

Та появилась в дверях и при виде Эстеллы всплеснула руками:

— Ой, сеньорита, где ж вы были-то? Тут все прямо с ног сбились. Как объявились господа два дня назад, чего начало-о-ось! Ваша мать так истерила, а сеньорита Сантана сказала, что вы сбежали с каким-то мужчиной.

— Урсула, — оборвал Эстебан. — Значит так, раз — вели Альфредо отнести вещи сеньориты в её комнату. Два — отправь Дуду в жандармерию. Пусть бежит бегом, не останавливаясь, и скажет там, что сеньорита нашлась, с ней всё в порядке и искать её больше не надо.

— Да, сеньор. Да, ну всё-таки, сеньорита Эстелла, где вы были-то? — не унималась служанка.

— Урсула, быстрее! — прикрикнул Эстебан, и та с недовольной миной ушла. — А вы идите наверх, переодевайтесь, а то вид у вас, словно за вами гнались носороги. И из комнаты ни ногой, если не хотите попасть матери под горячую руку. Я сам всё улажу.

— Да... да... спасибо... спасибо, дядя! — Эстелла рванула к себе.

Минут сорок спустя в гостиной раздался шум, голоса, крики. Продолжалось это долго, потом всё замолкло и особняк погрузился в тишину. За окном уже стемнело и Эстелла калачиком лежала на кровати, когда в дверь постучали. Пришла Либертад. За ней — Эстебан.

— Ну, скажите вы мне, наконец, что там было? — воскликнула Эстелла. — А то я тут как в тюрьме, ничего не знаю. Что там?

— Ох, ну и вы даёте, сеньорита! Здесь такой скандал был из-за вас, — Либертад примостила на комод поднос с едой. — Ваш ужин. Принесла тайком, потому что сеньора Роксана распорядилась вас сегодня не кормить.

— Дядя, что вы им сказали?

— Пришлось разнести версию вашей подружки в пух и прах и обвинить её во лжи. Сказал, что вы были у Сантаны, но поссорились с ней, и она на зло вам придумала этот бред.

— Но Сантана легко это опровергнет, — Эстелла откинула волосы со лба.

— Нет, она подтвердит мою версию.

— Почему вы так решили? — удивилась Эстелла.

— Ну, у меня есть на неё... свои методы воздействия, — загадочно сообщил дядя Эстебан.

— На Сантану?

— Вот именно. Если ваша подружка ещё будет пакостить, отправляйте её ко мне. Я поставлю её на место.

Эстелла хлопнула глазами. Что такое дядя Эстебан знает о Сантане? Неужели, он узнал о её странных наклонностях? Эстелла не спросила, потому что не осмеливалась обсуждать с дядей такие вещи.

— Так вот, ещё кое-что, — Эстебан понизил голос. — Вы не должны больше с ним встречаться.

— С кем?

— Ну, с тем мальчиком, с вашим женихом, или кто он вам?

— Он... нет-нет, я не могу! — Эстелла тут же захлюпала носом. Ну вот, она-то думала, что дядя хочет ей помочь, но и он туда же. — Я не могу с ним расстаться! Я без него умру!

— Похоже, у вас это серьезно! Но кто говорит о расставании? Я имел ввиду, что вы больше не можете встречаться с ним тайком.

— Но... я не понимаю...

— Пусть он придёт сюда и официально попросит вашей руки.

— Вот так запросто?

— Это единственный выход. Эстелла, послушайте, я скажу вам правду. Вы должны знать кое-что.

— Эээ... — Либертад в этот момент взбивала подушку, — лучше не говорите.

— Нет, она должна знать! — не согласился Эстебан. — Ваша мать сказала, что нашла вам жениха. Она хочет, чтобы вы вышли замуж как можно быстрее.

— Только не говорите мне, дядя, что этот жених — Маурисио Рейес! — взбеленилась Эстелла.

— Если бы. Это граф Сезар де Пас Ардани. Очень богатый и важный человек. Приехал недавно из Рио-Негро и обосновался здесь.

— Я его не знаю.

Эстебан поморщился.

— Зато я знаю. Слава о нём ходит ещё та. Ему семьдесят два года и он четырежды вдовец. Всегда женится на молодых девушках и загоняет их в гроб. Все его жёны умерли, не достигнув возраста двадцати пяти лет. Даже девицы из борделя его боятся.

Эстелла еле удержалась, чтобы не запустить вазой в стену.

— И мама хочет, чтобы я вышла замуж за это... это... это... недоразумение? Она что сдвинулась?

— Именно. Не просто хочет, а настаивает. И сказала, что изменит своё решение только в одном случае: если появится другой кандидат. Поэтому я и говорю, Эстелла, единственный способ это уладить — чтобы ваш мальчик пришёл и попросил вашей руки.

— Ушам своим не верю! Бред какой-то... — Эстелла прижала руки щекам. — Не понимаю... Мама совсем спятила? Почему она желает мне несчастья, что я ей сделала?

Эстебан промолчал.

— Вы забыли одну вещь, сеньор, — вмешалась Либертад. — Да, мальчик красив, и думаю, что он её любит, ну, мне так показалось, когда я его видела. Но что стоит вся его красота против миллиардов того старикана? А сеньору Роксану интересуют только деньги и титулы.

— Но другого выхода всё равно нет, — сказал Эстебан. — Я попробую убедить Арсиеро, чтобы он не отдавал девочку за этого уроды, но вы обе прекрасно знаете, какое влияние Роксана на него имеет. Ещё и мама уехала. Приспичила ей эта Гваделупа!

Шлёп! Либертад хлопнула себя по лбу.

— Не знаю, как вы к этому отнесётесь, но у меня есть идея! — провозгласила она радостно. — Дочка моей троюродной тёти была в такой же ситуации. Её хотели выдать замуж за отвратительного человека, и она придумала одну штуку. Она подговорила своего возлюбленного и нескольких его друзей, чтоб они посватались к ней. Короче, женихов было так много, что семья невесты прибалдела, и они разрешили ей самой выбрать, за кого выходить замуж. И она выбрала любимого.

— И что ты предлагаешь? — недоверчиво спросила Эстелла.

— Надо, чтоб женихов, которые придут свататься, было много, и чтобы они были один лучше другого. Тогда ваше семейство растеряется и предоставит выбор вам.

— А это выход! — обрадовалась Эстелла. — Но где взять много женихов? У меня столько нет.

— Да прям, — хихикнула Либертад. — Ваш Данте — раз, тот старик — два, ещё этот, как его, маркиз — три. Уже трое.

— Ну, допустим, Данте придёт, этот старик тоже, с подачи мамы. Но я что, по-вашему, должна сама уговаривать Маурисио Рейеса посвататься ко мне? — проворчала Эстелла.

— Маркизу я сам объясню ситуацию, — сказал Эстебан. — Мы с ним неплохо общались и, насколько я знаю, он неровно к вам дышал, Эстелла. Если он не передумал, я уговорю его вам помочь.

— Нет, нет, я так не хочу! — запротестовала Эстелла, вспомнив, что Маурисио объяснялся ей в любви. Да и она поссорилась с Данте из-за него. — По отношению к маркизу это нехорошо. Я не хочу его использовать. Одно дело, если кто-то просто придёт и изобразит жениха, и другое дело — играть на чужих чувствах.

— Да бросьте вы, — Либертад выпятила нижнюю губу. — Если б он хотел на вас жениться, он бы посватался уж давно, а так... Что для вас важнее: выйти замуж за любимого и избавиться от этого старого дегенерата или пощадить чувства маркиза?

— Конечно первое!

— Тогда не трусьте!

— Завтра же я наведуясь в гости к маркизу Рейесу, — добавил Эстебан задумчиво. — А вы свяжитесь со своим Данте. Уверен, Либертад придумает, как это сделать незаметно.

— Дядя, а почему вы мне помогаете? — лукаво прищурилась Эстелла.

— Потому что вы дочь моего брата, потому что я вас люблю и потому что я не хочу, чтобы вы повторяли мои ошибки. Чтобы потом вам не пришлось ждать чьей-то смерти или думать о том, как бы ускорить этот процесс, — Эстебан быстро поднялся и вышел.

Либертад разглядывала муху на занавеске. Эстелла не поняла, что дядя имел ввиду. Что значит «ускорить процесс»? И ей стало страшно.

===== Глава 27. Трансформация =====

Ночью Эстелла уснула лишь на пару часов. Проваливаясь в небытие, то сладкое, то кошмарное, она то видела, как выходит замуж за дряхлого деда, то наяву слышала ласки и поцелуи Данте.

Проснувшись она разбитой, но готовой бороться до конца. Дядя Эстебан встал на её сторону и, как ни крути, а он мужчина, значит, его слово в доме весомее слова той же бабушки. Про Сантану Эстелла и думать не желала. Было горько и обидно. Она потеряла подругу. Но не важно, теперь у неё есть Данте, а иное не существенно.

Приняв ванну с лепестками фиалки, Эстелла рассматривала себя в зеркало. Визуально никак не заметно, что она теперь женщина. Разве что жесты её стали мягче, грациозней, как

у кошки при ловле птички. И глаза сияют, несмотря на страхи, живущие в сердце. Она узнала вкус любви: и сладкий, и горький, с едва уловимым запахом мяты и свежей травы. Любовь свободную, горячую и нежную. Ей дано испытать то, что не испытывают девушки, выходящие за нелюбимых. Вот, её мать, например, дважды вышла замуж по расчёту. Несчастливая, поэтому и злая. А Эстелла самая счастливая! Никогда она не забудет, как купалась в ласках Данте, сгорая и возрождаясь из пепла, проваливаясь в бездну или взлетая до небес.

Надев платье, бирюзовое, с подвесками на плечах по типу эполет, Эстелла спустилась вниз. И тут же услышала диалог — голоса её родственников разносились по всему первому этажу.

— Мама, вы должны немедленно выдать Эстеллу за этого графа! — вещала Мисолина. — Срочно, пока она не опозорила нашу семью!

— Я это и без вас знаю, Мисолина, — Роксана уколола дочь взглядом, как иголкой. — Я не позволю какой-то соплячке давать мне советы.

— Но мама, я же говорю правду. Она смешает нас с грязью, и я не смогу удачно выйти замуж, а ведь я, в отличие от неё, порядочная сеньорита.

— Милая Рокси, девочка верно говорит. Тут лишь два варианта: монастырь или срочное замужество, пока нас не забросали яйцами, — встряла Хорхелина.

— Но позвольте, дамы, — сказал Арсиеро. — Почему именно этот человек? Можно найти кандидата и получше. Вот, к примеру, Маурисио Рейес. Чем плох такой жених? Кстати, он за ней даже ухаживал.

— Ну уж нет! — пискнула Мисолина. — Такой хороший жених моей сестре не подходит. Жирно ей будет!

— Думаю, Мисолина права, — холодно выцедила Роксана. — Маурисио Рейес — завидный кандидат, я не спорю. Но её руки он ещё не просил, а этот брак должен состояться безотлагательно. Да и после её выходок, мы обязаны её наказать, а не поощрить. А вы, Арсиеро, хотите найти ей жениха, в которого грех не влюбиться. В чём логика?

— Но, Роксана, дорогая, ведь брак — это на всю жизнь! Неужели из-за мелкого проступка вы хотите несчастья для своей дочери?

Роксана хмыкнула.

— Я забочусь о благе семьи. Я хочу, чтобы наша фамилия не была запятнана грязными историями. Эстелла уже созрела для замужества и пока она не натворила ещё что-нибудь, надо обломать ей крылья. Она чересчур много себе позволяет. Да и чем плох граф де Пас Ардани? Он сказочно богат. Она будет купаться в деньгах, ходить в шикарных нарядах, станет графиней. Лучше и придумать нельзя! Тем более, он готов жениться хоть завтра.

— Но дорогая, он же стар!

— И что? Тем лучше, он умрёт через пару лет, и она останется богатой вдовой.

— Но он вдовец и здоров как бык, насколько я знаю. Умрёт он явно не скоро.

— Четырежды вдовец! — в столовой появился Эстебан. — Доброе утро. Простите, что вмешиваюсь, но Эстелла всё-таки моя племянница. Как можно желать ей в женихи этого старого извращенца? Он чёрный вдовец, он свёл в могилу четырёх молодых жен. Да про него столько слухов ходит!

— Ох, бросьте, Эстебан, слухи слухами, а он титулован и богат, и аристократ в шестом колене, — сказала Хорхелина.

— Закройте рот! Я не с вами разговариваю! — рыкнул вдруг Эстебан. Все открыли рты

— так с супругой он никогда не обращался.

— Что вы сказали? — вытаращила глазёнки Хорхелина.

— Что слышали! Не смейте затыкать мне рот! Я ваш муж и вы должны меня уважать, иначе я подам на развод!

Хорхелина умолкла. Эстелла, которая пряталась за дверью, была поражена не меньше остальных. Видимо, у дяди лопнуло терпение. Давно пора.

— Эстебан, что с вами? Вы встали не с той ноги? — удивился Арсиеро. — Зачем вы обижаете мою сестру?

— Потому что она городит вздор и лезет не в своё дело. Я её муж и вправе разговаривать с ней, как мне вздумается. Так вот, возвращаясь к Эстелле. Как её дядя, я категорически против, и вы не можете игнорировать моё мнение. Её отец умер, и за девочку отвечаю я. И я не позволю вам сломать ей жизнь!

— Но граф уже посватался к Эстелле, — ядовито улыбнулась Роксана. — И я обещала ему, что дам своё согласие. Этот вопрос решён!

— Тогда я обращусь к адвокату, — просто сказал Эстебан.

— ЧТО? — хором воскликнули Арсиеро, Роксана и Хорхелина.

— Да, именно так. Я найму адвоката, и мы подадим в суд, чтобы лишить Роксану материнских полномочий. Я стану официальным опекуном Эстеллы и буду распоряжаться её судьбой, пока ей не исполнится двадцать один год или пока она не выйдет замуж. Я буду настаивать на том, что вы хотите отдать мою племянницу в рабство, и расскажу об этом всем!

— В какое рабство? Ты что несёшь? — взбесилась Роксана. — А я-то думала, ты единственный нормальный в своей полоумной семейке! Как же я ошиблась! Семейка плебеев! Вижу, деверь, ты в конец отупел от общения со служанками! И с каких это пор удачное замужество считается рабством?

— С тех самых! Этот человек — маньяк! Он загонит её в могилу! Вы что совсем глупые? — Эстебан треснул кулаком по столу. Все вздрогнули. — Я не позволю сломать жизнь дочери моего брата! И я тебя предупреждаю, — понизив голос, он наклонился к Роксане. — Ты думаешь, Эстебан слабак и дурачок, но ты меня плохо знаешь, золовушка. Мне будет жаль, если по твоей милости наша семья развалится, но я могу и открыть рот...

— Не поняла? — оцетинилась Роксана. Эстебан, заглянув ей в глаза, выдавил полушёпотом:

— А что ты не поняла? Если ты не оставишь девчонку в покое, я открою рот и расскажу всем несколько любопытных подробностей из биографии первой дамы Ферре де Кастильо. А вы, Арсиеро, смотрите в оба, она неспроста любит чёрных вдовцов. Следует их примеру. Не ровен час, найдёт и третьего мужа.

Эстебан поднялся и ушёл. Пронёсся мимо Эстеллы, чуть не сбив её с ног.

— Вы всё слышали? — бросил он. — Ну и прекрасно. Тем лучше!

Эстелла вошла в столовую.

— Хорхелина, — обратился Арсиеро к сестре, — что за муха укусила вашего мужа?

— Не переживайте, дорогой братик. Я ему всё выскажу потом, — Хорхелина сжимала губы в тонкую ниточку. — Какое хамство — обозвать уважаемого человека маньяком!

Эстелла плюхнулась на своё место.

— Доброе утро, дорогая, — сказал Арсиеро и тут же получил от Роксаны удар локтем в бок.

— Вообще-то мы договорились, — прошипела она, — пока эта девица не научится себя вести, мы с ней не общаемся. Но раз уж вы нарушили наш уговор, Арсиеро, передайте этому позорному наросту на добром имени нашей семьи, что завтра к ней придёт жених. И она должна встретить его с почтением и уважением, иначе я сверну ей шею.

Эстелла промолчала, тайком сжимая кулаки. Мисолина смерила её победным взглядом.

— Ты выйдешь замуж за мерзкого старика! — выдала она радостно. — А у меня будет шикарный жених. Чтоб ты сдохла от зависти!

— Мисолина, мы же договорились!

— Да-да, мамочка, простите, но я должна была это сказать, — пролепетала Мисолина притворно-смирненным голоском.

«Когда я выйду замуж за Данте, ты подавишься своим ядом», — подумала Эстелла и с аппетитом принялась за творожный пудинг.

Остаток дня она провела в комнате, мечтая о Данте, и лишь к вечеру сообразила: пора действовать. Если старик придёт завтра, ей нужно срочно оповестить Данте.

Она спустилась в кухню и застала там Либертад, которая, лузгая орешки, о чём-то напряжённо думала.

— Либертад, очнись!

— Ой, сеньорита, я вас не видела, — отозвалась служанка.

— У тебя что-то случилось?

— Да так, всё то же. Вы ж знаете.

— Дядя Эстебан?

— Ага.

— Так вы не помирились?

— Прямо уж. Он всё носится со своей кошёлкой, а на меня ноль внимания, будто и нету меня.

— Вчера, когда вы пришли ко мне вместе, я подумала, что вы помирились, — разочарованно сказала Эстелла.

— Нет, просто Эстебан помочь вам хочет. Я ужин вам несла, а он как раз тоже к вам шёл. Вот мы и встретились.

— Хочешь, я поговорю с дядей о тебе? Ну, чтобы он объяснил, что произошло.

Либертад пожала плечами.

— А чего тут объяснять-то? Всё ясно, как день: он меня разлюбил.

— Эмм... не знаю, не знаю. Мне кажется, с дядей что-то не так.

— Почему? — встрепелась Либертад.

— Ты разве не видела, как он вёл себя за завтраком?

— Нет. За завтраком ведь Урсула прислуживала. И чего ж там было?

— Он наорал на Хорхелину, а потом на маму, очень, очень так резко. Никогда его таким не видела.

— Люди меняются со временем, — вздохнула Либертад.

— Не думаю. Тут что-то не так! — убеждённо воскликнула Эстелла. — У дяди появились тайны, он что-то узнал про маму или Хорхелину. Вчера он мне сказал, что и про Сантану что-то знает. Или у него крыша поехала.

— Скорее последнее. Я бы не удивилась, — пробурчала Либертад.

— Всё равно я с ним поговорю, — упрямства Эстелле было не занимать. — Я хочу тебе помочь. Но ты, ты тоже должна мне помочь.

— Конечно, сеньорита, я всегда вам помогу, вы ж знаете!

Эстелла протянула Либертад пергаментный конверт.

— Чего это?

— Это письмо для Данте. Я ему написала обо всём, о чём мы вчера говорили. Его надо отнести в гостиницу «Маска», но я боюсь посылать Дуду.

— И верно делаете. Ежели ваша мамаша узнает, она кавалера вашего со свету сживёт. Я схожу туда и отнесу.

— Либертад, ты чудо! — Эстелла порывисто обняла служанку.

— Ой, ну ладно вам, сеньорита, вы меня засмущали!

Десять минут спустя, Либертад уже неслась по улице, сжимая конверт в руке.

Эстелла вернулась в гостиную. Бойкот, объявленный родственниками, стал для неё неожиданностью, но не сильно её расстроил. Можно подумать, до этого они жаждали с ней общаться!

Удобрив бабушкины кактусы, Эстелла налила себе бренди и, выпив глоток, закашлялась. Фу-у... ну и гадость! Поставила стакан на место и увидела: в кабинет дедушки Альсидеса, который Берта всегда запирала на ключ, приоткрыта дверь. Из щели сочился свет.

По натуре Эстелла была жутко любопытна, поэтому она подкралась и сунула нос в щель. В кабинете горели канделябры и свечи. Все папки из большого шкафа-стеллажа, что стоял у окна, были вывалены на стол. Дядя Эстебан вытаскивал бумаги, перебирал их, откладывая некоторые. Эстелла хотела войти и поинтересоваться, что происходит, но тут раздался шум на лестнице. Дядя схватил отложенные документы и, сунув их под жилет, быстро запихал папки в стеллаж. Эстелла укрылась за колонной.

Появилась Хорхелина. Цокая каблуками, как подкованная лошадь, она, увидев свет в дедушкином кабинете, туда вломилась.

— Вот вы где, а я ищу вас по всему дому! Что это вы тут делаете? Насколько я знаю, этот кабинет всегда был закрыт. Откуда у вас ключ?

— А вам-то какое дело? Это кабинет моего отца, и это мой дом, я имею права находиться, где хочу, — огрызнулся Эстебан.

— Как вы со мной разговариваете? Это неуважение. Знаете, что, мой сладкий, в последнее время вы стали грубы и агрессивны, и я вами недовольна. Если вы продолжите в том же духе, я нарушу наш уговор.

— Попробуй только, — выговорил Эстебан сквозь зубы. Эстелла с каждым выпадом дяди поражалась всё больше — обычно уравновешенный, сейчас он готов был надавать супруге пинков. Но Хорхелина не унималась.

— И попробую! Сегодня за завтраком вы себя вели, как лакей, вы оскорбили меня в присутствии всей семьи! Если вы не прекратите, я усажу вашу горничную обратно в тюрьму. И ещё подкуплю стражу, чтобы ей там подсыпали мышьяк в баланду. В ваших же интересах и в интересах вашей служаночки любить и уважать меня, пока смерть не разлучит нас, как мы клялись друг другу у алтаря. Помните, милый? — жеманным голосом скрипела Хорхелина.

— А знаете, милая, вы правы. Эта клятва, как и все ваши подлости, имеют силу до определённого момента — до момента, пока вы живы. И полагаю, что жить вам осталось недолго.

ХЛОП! Эстелла вздрогнула — что-то, загромыхав, ударилось в стену.

— Что вы делаете? Пустите меня, я буду кричать!

— Давай, кричи! Я всё равно тебя убью, тварь!

— Пустите, вы рехнулись... — прохрипела Хорхелина, а Эстелла приросла к полу. Что делать? Ворваться в кабинет? Вдруг дядя убьёт Хорхелину? Нет, нет, она конечно гадюка, но будет лучше, если её убьёт кто-то другой.

Дрожа от страха, Эстелла отворила дверь и ахнула: Эстебан, прижимая Хорхелину к стене, душил её, обхватив руками за шею.

— Дядя, прекратите! Отпустите её! — выкрикнула Эстелла не своим голосом и кинулась вперёд. Но Эстебан вцепился в Хорхелину мёртвой хваткой. Та, выкатив глаза, уже начала синеть. Эстелла подцепила с подоконника графин и вылила воду на Эстебана. Разжав руки, он бухнулся в кресло. Хорхелина упала на пол, закашлялась, держась за горло.

— Идиот, — прохрипела она, выползая из кабинета. — Вам это дорого обойдётся, клянусь!

С Эстебана лились ручьи воды и он тряс головой, как безумный.

— Дядя, вы что спятили? Вы же могли её убить!

— Туда ей и дорога. Всё равно она жить не будет. Или я, или она, — сказал он сипло.

Эстелла, заглянув ему в глаза, отшатнулась — Эстебан походил на умалишённого.

Что же делать? Надо позвать кого-нибудь. Но кого? И Либертад ушла. Арсиеро? Нет, он прибьёт Эстебана, если узнает, что тот едва не задушил его сестру. Маму и Мисолину — исключено. Некого звать на помощь. И почему с ней нет Данте, он бы подсказал, что делать.

Эстелла протянула дяде стакан виски. Тот осушил его залпом. Да, оставлять Эстебана одного крайне опасно, чего доброго, он продолжит душить Хорхелину. И Эстелла, обречённо вздохнув, плюхнулась в соседнее кресло.

Целый день Данте лежал в кровати, умирая от тоски. Даже выйти, чтобы купить еды, он был не в состоянии. Постель ещё пахла Эстеллой, как и шёлковая ночная рубашка, забытая ею впопыхах. Данте прижимал рубашку к себе, вдыхая аромат фиалки, которым та благоухала, и перечитывал эстеллины письма, одно за другим. И впервые он пожалел, что всё зашло так далеко. До той памятной ночи Данте мог ещё бороться с этим безумием, переключался на другие дела и проблемы. Теперь всё потеряло смысл. Эстелла стала его болезнью, патологическим наваждением. Но любовь такой быть не должна, она должна приносить радость, а он с ума сходит. Ясно, у него что-то с головой.

Пока Данте возвращал в себе эти бредовые фантазии, Янгус развлекала себя сама: висела вниз головой, цепляясь лапами за жердь, как гигантская летучая мышь, раскачивалась и довольно закатывала глазки.

Тук-тук-тук!

— Войдите, — отозвался Данте на стук в дверь.

— Данте, вам записку тут принесли, — нос сеньора Нестора возник в проёме, следом появился и его хозяин.

— Записку?

— Да, девушка в форме горничной принесла, сказала для вас.

Данте так резко вскочил с кровати, что споткнулся о ковёр и шлёпнулся на пол. Сеньор Нестор лишь головой покачал, когда юноша, схватив записку, пробормотал «спасибо» и выставил хозяина в коридор. Развернул зеленоватый конвертик:

«Данте, я скучаю, думаю о тебе каждую секунду. Сантана меня предала, она всем

рассказала, что я была с тобой. Если бы не дядя Эстебан, не знаю, что бы со мной было. Но теперь мама хочет, чтобы я вышла замуж. Она нашла мне жениха — очень старого и богатого... — на этой строчке Данте, едва не выронив письмо, прислонился к двери и продолжил чтение: — Дядя и Либертад придумали план. Они говорят, единственный выход: чтобы ты официально попросил моей руки. Уже завтра тот старик придёт свататься. Данте, спаси меня, умоляю! Ты говорил, что сделаешь всё ради меня. Прошу тебя, приходи! Я тебя жду. Целую. Твоя Эсте».

Её хотят выдать замуж за старика! Они там совсем из ума выжили что ли? Возмущению Данте не было предела. Наплевать на всех! Он немедленно пойдёт и скажет её семейству, что любит Эстеллу. И если они не отдадут её по-хорошему, он её украдёт.

— Чёрта-с два они заберут её у меня! Не отдам! Эта женщина моя, — шипел Данте вытрясая одежду из шкафа.

Всё, хватит! Они долбят Эстеллу, унижают — на той неделе она прибежала вся в синяках, — а теперь ещё и старика ей нашли в мужья. Нет, нет, он никому не позволит над ней издеваться!

Данте так быстро застёгивал шёлковую сорочку и заталкивал кожаные кюлоты в сапоги, что не увидел, как зеркало задымилось.

— Кхм-хм, — обратил на себя внимание Салазар. — Может, ты прекратишь беситься и послушаешь меня?

— Чего тебе? Я тороплюсь, ты не видишь разве? — агрессивно бросил Данте, поправляя манжеты на рединготе.

— Послушай меня, чудо-юдо! — раздражённо сказал Салазар. — Если ты пойдёшь в таком виде и в таком состоянии, то нет у тебя ни малейшего шанса против того перечника. У него наверняка куча денег, а ты — ничтожество.

— Я её заберу! Она моя! Это моя женщина, и я не позволю над ней измываться, никому не позволю, даже её родителям! — выкрикнул Данте, задыхаясь от гнева и отчаяния. С волос его летели красные искры.

— Да твоя, твоя. Она в любом случае уже не сможет быть с другим, — чёрные глаза Салазара странно блестели.

— Почему?

— Потому. Сам не догадываешься? Ты пропустил через её кровь свою магию.

— Я не специально. Это произошло само по себе.

— Я знаю. Это произошло, потому что ваши чувства взаимны и очень сильны. Чары Любви, — Салазар закатил глаза, как герой-любовник из оперетты. — Эта магия белая, сильнейшая вещь, самая мощная из всего, на что способна белая магия. Когда такое происходит между магом и магессой, они обмениваются силой. Но твоя девушка не волшебница, и у этого могут быть странные последствия.

Данте вздрогнул.

— Ты же сказал, что это белая магия, что это из-за любви. Какие ещё последствия?

— У магии всегда есть последствия, даже у белой. Эстелла больше не сможет спать с другим мужчиной, если он не маг, — не стал ходить вокруг да около Салазар. — Точнее сможет, но что она почувствует при этом, даже я не могу сказать. Навряд-ли ей будет приятно. Твоя магия станет охранять её от других мужчин. Бедняжка, если она ляжет в постель с другим, ей не позавидуешь.

У Данте челюсть отпала.

— Но... но... я этого не хотел... Я... я... не знал... Я не хочу, чтобы она страдала. Это можно как-то отменить?

— Ммм... можно. Главное условие Чар Любви — взаимность. Если Эстелла тебя разлюбит, та часть магии, что осталась в ней, умрёт. Но почему ты думаешь, что она будет страдать? Я не понимаю, чего ты испугался. Эта женщина твоя, она любит тебя и будет только с тобой. Зачем ей другой? А если она тебя разлюбит, чары сами и рассеются. Не паникуй, — улыбнулся Салазар.

Данте перевёл дух. И правда. Эстелла же не будет спать с другим мужчиной, она же любит его, Данте. Но вот если она выйдет замуж...

Данте сжал кулаки.

— Салазар, надо любым способом вытащить Эстеллу из того дома! Её же хотят выдать замуж! Я должен туда идти! Она просила, чтобы я пришёл.

— Повторяю ещё раз, для тупых: если ты явишься туда как Данте — нищий охотник на лошадей, да ещё и в неадекватном состоянии, ты всё испортишь. И придётся твоей Эстелле стать женой дряхлого маразматика. Так что успокойся, приведи себя в порядок и подумай как впечатлить её семью, чтобы они отдали её тебе без слов.

— Но... но... как? Они же спросят, сколько у меня денег, и когда узнают, что я беден, выгонят меня вон, — печально вздохнул Данте.

— Ведь ты же маг! Ты можешь их запутать, околдовать, пустить пыль в глаза. Тебе что важнее: рассказать чистую правду о себе или отвоевать Эстеллу?

— Конечно второе!

— Тогда придётся играть. Наври про кучу денег и земель, изобрази принца по меньшей мере. И правдоподобно. Понимаешь?

— Я так не умею, — Данте прижал пальцы к вискам. — Если я начну врать, будет ещё хуже. Я запутаюсь, и они мигом меня раскусят.

Салазар водил пальцем с длинным ногтем по подбородку.

— Есть у меня одна идея, — хитро молвил он.

— Какая?

— Тебе это может не понравиться.

— Скажи, что ты придумал. Всё равно как, но я хочу забрать Эстеллу.

— Вместо тебя пойду я! — объявил Салазар, прищёлкнув языком.

— Как это? Ты же говорил, что тебя вижу и слышу только я, что ты, это... нематериален, вот.

— Так и есть. Но ещё у тебя имеется такая штука, как перстень.

— И он может помочь?

— А то! Ну? Ты хочешь, чтобы вместо тебя пошёл я?

Данте внимательно изучил Салазара, взвешивая все за и против. А почему нет? На лицо они одинаковы, длина волос и цвет глаз не существенный нюанс, а Салазар эффектен, изящен, с манерами, достойными аристократа. Он умеет кривляться, хитрить и вполне сошёл бы за какого-нибудь маркиза.

— Ладно, — ответил Данте, — я согласен, но с условием: только попробуй запудрить мозг Эстелле. Она моя!

Салазар расхохотался. Громко, как-то наигранно.

— Она даже не заметит, что это не ты. Да и я не нуждаюсь в развлечениях такого рода. Я не человек, я эмм... больше дух. Мне не нужны женщины, так же как еда, вода, воздух и

прочие физические потребности.

— Но... но... они не поймут, что ты не человек?

— Конечно нет!

— И что я должен делать?

— Надень перстень на мизинец левой руки.

Данте, сняв перстень с шеи, надел его на палец. Изумруд тотчас замерцал.

— Направь камень на зеркало и представь, как открывается рама.

Данте зажмурился, направил руку с перстнем в центр зеркала, и в его сознании всплыло видение: зеркало открывается, будто дверь.

ЩЁЛК! Данте распахнул глаза, а заодно и рот, потому как зеркало отделилось от рамы и теперь парило в воздухе. Салазар все ещё находился внутри.

— Теперь выпусти меня.

— Как?

— Прижми левую ладонь к зеркалу и вытягивай всё, что за ней потянется. Только до конца. Не хочу остаться без руки или без ноги, знаешь ли, — ухмыльнулся Салазар.

Сглотнув, Данте приставил ладонь к стеклу и тут же почувствовал, как зеркало задрожало. Данте оторвал руку от зеркала — за ней потянулась фиолетовая дымка. Она ползла и змеилась длинной, бесконечной лентой, пока не растворилась в воздухе. Зеркало потухло и почернело. У Данте дико болела рука. Ощувив в ногах слабость, он облокотился о комод — такая магия забрала много сил.

— Ну и? Салазар! Я сделал всё правильно? Ты где? — спросил Данте, переведя дух.

ФЬЮТЬ! Юношу окутал фиолетовый вихрь. Он крутился и вертелся, превращаясь в очертания человека. Через пару секунд появился Салазар, и Данте опешил — его отражение стояло прямо перед ним.

— Ничего себе! — Данте протянул руку, чтобы потрогать Салазара, но она прошла сквозь его тело, как сквозь туман.

Салазар рассмеялся.

— Эээ... но как же ты пойдёшь? Ты же состоишь из воздуха.

— Это потому что мы ещё не закончили, — сказал Салазар. Антрацитовые очи его недобро сверкнули, и он направил пальцы на Данте. Тот пошатнулся, будто сдуваемый ветром. Из руки Салазара полился яркий свет, и Данте ощутил, как что-то врывается ему в грудь. По венам побежал холод, а Салазар исчезал, впитываясь в тело Данте.

Данте чувствовал жжение в руках, в ногах, в груди, в горле. Сейчас он задохнётся! Юноша попытался крикнуть, но изо рта не вырвалось ни звука, и он без сознания упал на пол.

Мало-помалу тело обрело чувствительность. Данте очнулся на красном ковре, где они с Эстеллой накануне занимались любовью. За окном светило солнце. Уже утро? Но что произошло? Ах, да, вчера он выпустил Салазара из зеркала, тот что-то наколдовал, и Данте упал в обморок. Он же хотел идти к Эстелле! Или нет, они договорились, что пойдёт Салазар. Но где же он?

— Салазар! — Данте изумился тому, как звучит его голос. Тот стал ниже и глуше, ласкал, шуршал, обволакивал, словно трещотка гремучей змеи.

— Что за чертовщина? — выругался Данте. Встав на ноги, он наступил на что-то, обернулся и увидел: под каблук ему попал тёмно-синий шёлковый плащ. А ещё на нём были высокие сапоги с пряжками, бархатные синие кюлоты со шнурками на боках и белая

сорочка, на манжетах которой сверкали запонки. Он одет как аристократ!1

— Что это? — Данте взглянул на свои пальцы. Длинные ногти, вернее они больше напоминали когти Янгус. Откуда они? Сроду их таких не было.

Данте ринулся к зеркалу. Оттуда на него смотрел Салазар. Но теперь-то Салазар был не только внутри, но и снаружи.

Он стал Салазаром! Почти — глаза были его, ярко-синие. Но зато волосы до пояса, как у Салазара. Чёрт возьми! Неужели Салазар вселился в него? Что происходит?

«Слишком много думаешь, — шепнул голос в голове. — Хотел идти в дом девчонки, вот и иди».

— Нет, минуточку! Мы же договорились, что пойдёшь ты.

«А это разве не я?» — ухмыльнулся голос.

— Да, но... Эсте очень умная. Она сразу поймёт, что что-то не так. И много ли это даст? Я стал твоей визуальной копией, но не стал тобой. Какой в этом смысл?

«Ммм... не думаю, что она поймёт. Влюблённые женщины слепы».

Данте не ощущал себя Салазаром, осознавал, что он — Данте, но когда поднёс руку с перстнем к лицу, из головы улетучились сомнение, волнение, боль, неуверенность в себе, страх. Совсем. Он больше не боялся ни бога, ни чёрта. Весь мир ему подвластен, он маг, он может подчинить себе кого угодно и не испытывать угрызений совести! Может даже убить. Всякого, кто преградит ему путь. А ещё он любит Эстеллу. Она захватила его душу, вбуравилась в кровь. Сейчас он пойдёт и заберёт её, потому что эта женщина принадлежит ему!

Салазар, надменно поведя бровью, ухмыльнулся и, взмахнув плащом, покинул комнату. Янгус, встопорщив перья, угрожающе шипела и трясла крыльями.

Комментарий к Глава 27. Трансформация —————

[1] Раньше показателем достатка служила не только стоимость ткани и покрой костюма, но и мелкие детали и аксессуары. Простолюдины никогда не носили запонки, пряжки, шнурки, пуговицы, платки, перчатки, трости, зонты, часы и т. д. Это считалось привилегией аристократов.

===== Глава 28. Три жениха =====

День Эстеллы начался плохо. За завтраком Роксана объявила, что к полудню пожелует граф Сезар де Пас Ардани, и велела Эстелле принарядиться. Эстелла ушла к себе. Выбрала скромное клетчатое платье с накладным воротничком. Наверняка этот дед не любит яркие туалеты, ведь ему уже семьдесят два. Да и зачем ему жениться? Что он будет делать с молодой женой, старый дурак? Эстелле было и смешно, и противно, и тревожно одновременно. А вдруг Данте не придёт и весь план провалится? Нет, невозможно! После того, что было между ними, Данте не бросит её в беде.

Но едва Эстелла застегнула верхнюю пуговицу на платье, как в комнату бесцеремонно ворвалась Роксана.

— И что это вы на себя нацепили, можно узнать?

— Ну... мама, я подумала, что надо одеться поскромнее, — пролепетала Эстелла.

— Вам не следует думать! В вашей голове всё равно нет мозгов!

Открыв шкаф, Роксана изучила его содержимое. Выбрала ядовито-розовое платье из громуара [1], очень открытое, с корсажем, усыпанным мелким шерлом [2].

— Наденьте это! — приказала она. — И не вздумайте скромничать! Накрасьте губы ярче, побольше румян, украшений. Вы должны поразить графа!

— Мама, но ведь это дневной визит, — запротестовала Эстелла, вспомнив, как в школе Святой Терезы ей внушали: утренний и дневной наряд должны быть скромными, а обнажать плечи и грудь можно вечером и то лишь на балу при свете канделябров. — Это платье бальное. Кто же встречает гостей днём в вечернем туалете?

— Не смей мне перечить! — рявкнула Роксана. — Вы должны меня слушаться. Граф не просто гость, он ваш будущий муж. Он любит ярких женщин и глубокие декольте. Вы должны показать ему себя во всей красе, иначе он передумает на вас жениться и вы останетесь без жениха.

«Хорошо бы», — угрюмо подумала Эстелла. Но деваться ей было некуда, и, когда Роксана ушла, Эстелла надела выбранный ею наряд. Она знала: это платье сидит на ней восхитительно. Девушка зачем-то купила его в Байресе, но ни разу не надевала. Платье обнажало плечи, спину и часть груди. Хвост юбки, ниспадая водопадом, волочился по полу. Эстелла любила экстравагантные туалеты, чувствуя себя в них легко и уверенно, но в нормальности матери она усомнилась. У Роксаны явно что-то с головой, раз она хочет продать дочь старому извращенцу, точно скаковую лошадь.

«Данте, счастье моё, заberi меня отсюда!», — про себя взмолилась девушка в ту секунду, когда в комнату вбежала Либертад с сообщением о прибытии женишка. Еле передвигаясь из-за тяжести шлейфа, Эстелла спустилась вниз.

В гостиной уже собралась вся семья: Роксана в платье цвета верблюда [3] с жемчужным соутаром [4] на шее; Мисолина в абрикосовом платье и с волосами, укрытыми сеточкой; и Арсиеро с Эстебаном, разодетые по последней английской моде: во фраках, жилетах и длинных кюлотах. Не было лишь Хорхелины — ссылаясь на мигрень, она отказалась от участия в семейном мероприятии.

— Добро пожаловать, Ваше Сиятельство! — Роксана подала руку морщинистому человечку в очках и жилете, натянутом на пузо, как на барабан. Его три седых волосинки были напудрены и завязаны в хвостик, а нос касался кончиком верхней губы. Старик приосанился, шаркая короткими ножками, и поцеловал Роксане запястье, пожал руки Арсиеро и Эстебану. Мисолина и Эстелла присели в поклоне.

Стуча о паркет деревянной тростью-палкой, жених дотащился до канапе и вскоре уже попивал чай, полулёжа, точно султан. «Ну и развалина! — подумала Эстелла. — И куда ему жениться, он же еле ползает?».

Либертад принесла угощение: бисквиты, тартинки, корзиночки с кремом, пирожки с цукатами и вафли. Уходила, возвращалась, убирала грязные чашки и блюда и ставила новые.

Уже через пятнадцать минут Эстелле захотелось сбежать. Роксана расхваливала её, как товар на базаре, только что ценник не повесила. Граф де Пас Ардани произвёл на девушку впечатление неприятное. У него тряслись руки и он постоянно причмокивал, не сводя с эстеллиного декольте крошечных серых глазок.

«Боже, пусть это быстрее закончится! — молила про себя Эстелла. — Хоть бы он подавился чем-нибудь!».

Ни Арсиеро, ни Роксана внимания на Эстеллу не обращали, беседуя с графом. Эстебан был взвинчен и то и дело поглядывал на часы с цепочкой, вынимая их из кармана. С дедом он не перемолвился ни единой фразой, кроме приветственных слов. Зато Мисолина самодовольно потягивала из чашечки чай. Эстелла заметила, что старик, помимо неё, ещё и на Мисолину поглядывает. Да он просто маньяк, охотник на молоденьких девушек! Эстелле

захотелось графа ударить по голове его же тростью; Мисолина же не ничего не видела — так радовалась несчастьем сестры.

Наконец, прозвонил колокол у входа. Все мышцы Эстеллы напряглись. А что если это Данте?

Урсула, открыв дверь, возвратилась в гостиную.

— Сеньоры, там молодой человек, — объявила она. — Пришёл к сеньору Арсиеро и сеньоре Роксане.

У Эстеллы в висках застучало. Роксана недовольно сжала губы.

— Урсула, будь любезна, скажи, что мы не можем принять его сейчас, — велела она. — У нас гость. Пускай приходит в другой раз.

— Но дорогая, — остановил её Арсиеро, — сначала надо узнать кто это. А вдруг он принёс важное сообщение?

— Не может быть ничего важнее брака нашей дочери и Его Сиятельства графа де Пас Ардани, — Роксана искусственно улыбнулась старикашке.

— Роксана, это нехорошо — влез Эстебан. — Как супруга алькальда и первая дама, вы не можете выставлять визитёров за порог, даже если это простолюдины.

— О, если это из-за меня, то не стоит, не стоит, — сказал граф дребезжащим голосом. — Я люблю большие компании и буду счастлив, если новоприбывший гость присоединится к нам.

— Урсула, так кто же к нам пожаловал? — спросил Арсиеро.

— Это Его Сиятельство маркиз Маурисио Рейес!

Эстелла скрипнула зубами.

— О! А я слышал об этом молодом человеке! — встрепенулся старик. — Хотелось бы с ним познакомиться.

— Урсула, пригласи Его Сиятельство, пусть проходит! — велел Арсиеро.

Роксана явно растерялась, но не посмела возражать.

И вот Маурисио показался в дверях. Галантно раскланялся, целуя дамам ручки. Эстелла поймала на себе его оценивающий взгляд. Её затошнило, а в голову ворвалась мысль: план Либертад безумен и обречён на провал. Всё удастся, только при огромном везении. Но вероятность его — один к ста. И о чём она раньше думала? Где была её голова? Не стояло подключать Маурисио к этому цирку.

— О, Ваше Сиятельство, маркиз, давненько вы к нам не заходили! — Арсиеро крепко пожал Маурисио руку. — Мы уж думали, вы забыли о нас. Будьте любезны, проходите, располагайтесь. И знакомьтесь: Его Сиятельство граф Сезар де Пас Ардани.

— Маркиз Маурисио Рейес к вашим услугам, — Маурисио пожал деду руку. — Прошу прощения, что ворвался так внезапно, но я не знал, что у вас гость, и не стал предупреждать о визите заранее. Это моя ошибка, простите меня.

— Ну что вы, Ваше Сиятельство! Не извиняйтесь, мы всегда вам рады, — Эстебан лукаво взглянул на Маурисио. — Так с чем же вы к нам пожаловали?

— Ах, меня привело к вам, сеньоры, дело, которое не терпит отлагательств!

— Вы нас заинтриговали, Ваше Сиятельство, — любезно сказала Роксана. Да притворства маме не занимать, когда ей выгодно, она умеет быть настоящей артисткой. Эстеллу это качество в Роксане всегда раздражало.

— Я не стану ходить вокруг да около и перейду сразу к делу. Я пришёл в ваш дом, сеньора Роксана, сеньор Арсиеро, чтобы официально просить руки вашей дочери.

Эстелла не удивилась. Наверное, маркиз спасёт её от этого старого дегенерата, но как она объяснит ему, что любит другого?

Арсiero приподнял брови. Мисолина покрылась красными пятнами и разинула рот, согласная тут же выкрикнуть «да» на всю округу. Ха! Она думает, что маркиз пришёл к ней. Эстелла едва не расхохоталась в голос.

— Ну что ж, это замечательно, — сказала Роксана. — Хоть и неожиданно. Признаться, вы застали нас врасплох, Ваше Сиятельство. Конечно, по старшинству, первой должна выйти замуж Эстелла, но думаю, падре Антонио не будет возражать, если мы сыграем обе свадьбы одновременно.

— Неужели сеньорита Мисолина тоже выходит замуж? — простодушно спросил Маурисио. — О, я не знал! Примите мои поздравления!

Наступила пауза.

— Простите, я что-то не так сказал? — не дошло до Маурисио.

— Нет, но, маркиз, разве вы пришли свататься не к Мисолине, моей младшей дочери? Вы же только что просили её руки! — наморщила лоб Роксана.

Впервые Эстелла увидела, как Маурисио улыбается. Обычно он был серьёзен, и когда его что-то веселило, лишь немного кривил губы. Эстелла подумала, что улыбка маркизу идёт, пусть он и холоден, как ледник в Андах, но с улыбкой Данте её не сравнить. Когда Данте смеётся, душа отражается в его глазах, у Маурисио же глаза мертвы.

— Боюсь, сеньора, вы меня неправильно поняли. Сеньорита Мисолина, безусловно, девушка красивая, но я прошу руки вашей старшей дочери — сеньориты Эстеллы.

Мисолина так и застыла с открытым ртом.

— Увы, но это невозможно, — процедила Роксана. — Сожалею, но мы вынуждены вам отказать, Ваше Сиятельство. Дело в том, что у Эстеллы уже есть жених. Она выходит замуж за графа де Пас Ардани, присутствующего здесь. Мы как раз это обсуждали, и это решённый вопрос!

В ответ на эту реплику старик кивнул и ощерился, демонстрируя редкие чёрные зубки.

— А я думаю, Роксана, вы не правы, — вмешался Эстебан. — Мы только говорили с Егс Сиятельством на эту тему, но они с Эстеллитой ещё не обручены, и сеньор маркиз мог бы составить конкуренцию господину графу.

— Абсолютно с вами солидарен, Эстебан! — сказал мигом повеселевший Арсiero. Эстелла заметила, как он подмигнул дяде. — Почему бы нам не обсудить этот вопрос за обедом? В конце концов, мы не колбасой торгуем, а выдаём замуж нашу дорогую девочку. И мы не можем принимать скоропалительных решений. Надо всё взвесить, обдумать...

Грудь Роксаны гневно вздымалась — появление маркиза испортило её «идеальный» план. Она сжимала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и взглядом метала молнии в Эстеллу. Девушка же не понимала, в чём она виновата, испытывая недоумение и горечь. Почему мать так её ненавидит? Мисолина кусала ногти. Судя по выражению её лица, она была готова выпить эстеллину кровь через трубочку для коктейля.

Мужчины, побеседовав о театральных постановках и криминальных происшествиях, сели на своего любимого конька — политику, быстро найдя общий язык. Мисолина, Роксана и Эстелла, сидя с каменными лицами, как три вороны на заборе, яростно зыркали друг на друга.

Когда Либертад пригласила всех за стол, опять зазвонил колокольчик. По спине Эстеллы побежали мурашки. Мгновение, и...

— Сеньоры, — объявила Урсула громко, — там опять гости. Ещё один молодой человек. Говорит, что ему нужны хозяйева дома.

— Мы больше никого не принимаем! — рассвирепела Роксана. — Так сложно понять, что у нас семейный обед? Выстави его вон, кем бы он ни был, Урсула!

— Но сеньора, тот человек говорит, это срочно.

— А кто он такой, Урсула? — спросил Эстебан.

— Мне он незнаком. Молодой и красивый, и сразу видать из богачей, и хоть он и говорит по-испански, но, походу он иностранец. Одетый он странно, у нас так не ходят.

— Вот как? — Арсиеро разобрало любопытство. — Сегодня прямо день визитов! Ну что ж, пригласи этого господина, Урсула, — распорядился он.

Сердечко Эстеллы ёкнуло. Через минуту Урсула вернулась, и следом за ней зашёл высокий юноша. Эстелла чуть не вскрикнула — это был Данте. С его лицом, с синими омутами глаз, с его фигурой, но волосы его доходили до поясницы. И одет он был роскошно. Эстелла силилась придти в себя. Нет, разумеется, это Данте, но, кажется, он нарочно строит из себя принца.

— Добрый день, — первым нарушил молчание Арсиеро. — Хотелось бы узнать, кто вы такой, и что вам угодно?

— Добрый. Мне нужны хозяйева этого дома. Я виконт Данте Ньетто. И я пришёл по срочному делу.

Виконт? Что он несёт? Эстелла вопросительно заглянула в сапфировые глаза. Данте ответил на её взгляд, незаметно подмигнув. И по венам девушки заструилось тепло. Страх отступил. Он пришёл. Он здесь. Всё будет хорошо.

— Ну что ж, проходите, Ваша Милость, — приосанился Арсиеро. — Ваш визит для нас — неожиданность. Но позвольте спросить, мы знакомы? Если честно, я вас не припоминаю.

— Боюсь, что нет, не знакомы, — Данте протянул Арсиеро руку, поцеловал дамам запястья. Когда дошла очередь до Эстеллы, он чуть сжал её пальцы. Эстелла обратила внимание, что у юноши длинные ногти, вернее когти, похожие на когти хищной птицы.

— Мы не знакомы по той причине, что я лишь недавно приехал из Маракайбо [5]. И я почти никого не знаю здесь, — голос Данте звучал немного непривычно. Эстелла обожала тембр его голоса, но теперь он был ниже и тише обычного. Он баюкал, гипнотизировал, ласкал, вводил в транс...

— О, а я никогда не был в Маракайбо! — оживился Эстебан. Изучив взглядом юношу, он обернулся к Эстелле. Та незаметно кивнула. На лице дяди отразилось удовлетворение.

Роксана же была в ярости, а Маурисио, похоже, нутром почувствовал скрытую угрозу, как самец, на территорию которого затесался чужак. Не мигая он уставился на Данте, и в его пустых глазах мелькнула неприязнь. Граф де Пас Ардани, до горла нагрузившись чаем и сладостями, клевал носом.

— Но что же привело вас к нам, Ваша Милость? — поинтересовался Арсиеро.

— Ах, любезный сеньор, наверное, вы сочтёте меня дерзким, но я не привык ходить вокруг да около, — Данте изящным жестом убрал волосы со лба. В лице его появилось что-то хищное, но Эстелле это понравилось. Какой он сегодня... необычный.

— Я пришёл просить руки вашей дочери! — сказал Данте, и Арсиеро едва сдержал смех. Роксана выронила из рук чашку. Та разбилась вдребезги.

— Вот как? Значит, Мисолина всё-таки выйдет замуж? — воскликнула она.

Несмотря на влюблённость в Маурисио, Мисолина приосанилась, из-за полуопущенных

ресниц изучая Данте. Красота юноши определённо впечатлила блондинку, и щёки её заалели. В этот момент Эстелла испытала к сестре такой приступ ненависти, что сама напугалась: как было бы хорошо, если бы Мисолина прямо сейчас подавилась пирожным. И больше не было бы у неё сестры... Нет, нет, нельзя желать кому-то смерти, это грех! Но если Мисолина вздумает лезть к Данте, она её придушит.

— Мисолина? — удивился Данте. — Ох, нет, сеньора, я прошу руки другой вашей дочери — Эстеллы.

Все замерли, как в опереточной комической сцене.

— Но... но... это немыслимо... невозможно... Это заговор против меня! — выплюнула Роксана. А Арсиеро расхохотался.

— Бог мой, подумать только! Да вы, дорогая Эстелла, прямо нарасхват! Виконт, вы третий сегодня, кто просит её руки. Эти господа явились по тому же поводу, — Арсиеро указал на графа и маркиза.

— Вот как? Ну что ж, я готов побороться за руку сеньориты. Это будет даже забавно. Сеньорита настолько восхитительна, что у неё нет отбоя от поклонников, не правда ли? — и Данте подчёркнуто вежливо склонил голову перед Эстеллой.

Дряхлый граф, изучив двух других женихов, верно, осознал, что тут ему ловить нечего. Данте и Маурисио прожигали друг в друга взглядами. Глаза Данте потемнели, став похожими на гешири [6]. Он не отвернулся до тех пор, пока Маурисио не опустил ресницы. Кажется, последний понял, что проиграл.

— Простите, сеньоры, — явилась Либертад, — но обед уже подан и остывает.

— Да-да, идёте к столу! — пригласил Арсиеро, и они вдвоём с Эстебаном повели гостей за собой.

За обедом, как Роксана не старалась усадить дочь возле графа, Эстебан с Арсиеро настояли, чтобы с ней рядом сел Маурисио. Данте оказался напротив них, и Эстелла почувствовала себя неловко. Данте сверлил девушку глазами, и припоминая его вспыльчивость, Эстелла боялась, что он накинется на Маурисио, как змей на кролика.

Она не знала куда деваться от назойливости одного жениха и колких взглядов другого. Зато граф де Пас Ардани потерял к ней интерес, увлекшись Мисолиной. Та же готова была выть от обиды. У Эстеллы целых три жениха, и двое — настоящие красавцы, а у неё, у Мисолины, ни одного!

На обед были: пассерованные с овощами эскалопы [7], морепродукты, блинчики-налистники [8] с разной начинкой и даже португальское вино. Глядя, как Данте ловко управляется со столовыми приборами, Эстелла удивилась. Где это он научился? Как ему удастся? Ах, да, ведь он же маг!

Арсиеро и Эстебан сидели с двух сторон от Данте. Эстелла не слышала их, но заметила, что они донимают его расспросами.

— Эстелла, не хотите ещё креветок? — галдел над ухом Маурисио. Достал, ей богу!

— Нет, спасибо, маркиз.

— Но вы ничего не едите.

— Я не голодна.

— Ох, понимаю, вы переживаете, но не стоит. Я не позволю вам выйти замуж за графа. Думаю, мне удастся этому помешать, — заговорщически шепнул Маурисио.

— Маркиз, послушайте...

— Называйте меня Маурисио.

— Хорошо, Маурисио. Я знаю, что вы хотите мне помочь, и что это дядя Эстебан уговорил вас сюда прийти, но...

— Вовсе он меня не уговаривал, — перебил Маурисио. — Как только Эстебан мне сказал, к кому вас сватают, я сразу же решил прийти. Не могу позволить, чтобы такой красавице искалечили жизнь. Вы этого не заслуживаете.

— Я понимаю, я вам очень благодарна, маркиз, то есть Маурисио, но... давайте мы с вами сразу договоримся. Дело в том, что, что эээ... ведь это всё игра не правда ли? — Эстелла заглянула ему в лицо.

— Что вы имеете ввиду, Эстелла?

— То, что вы хотите на мне жениться. Ведь вы так сказали, чтобы отвадить этого ужасного графа?

Маурисио беззаботно рассмеялся.

— Вы ошибаетесь. Я прошу вашей руки всерьёз. Мы, конечно, с вами ещё мало знакомы, Эстелла, у нас пока не было возможности узнать друг друга, но я вам уже говорил, что не бросаю слов на ветер. Я действительно хочу, чтобы вы стали моей женой. И пришёл я сюда вовсе не из братского сострадания. Да, я не хочу, чтобы вы попали в лапы этого графа, про него столько мерзостей рассказывают... Я вам помогу избежать столь незавидной участи, но это не значит, что я ничего не потребую взамен.

Эстелла была раздосадована. Так она и знала, что этим всё закончится! Так и знала! Ведь она же чувствовала: не надо подключать к плану Маурисио. И как в воду глядела. Теперь, даже если дед отвадится (хотя он уже самоликвидировался, без зазрения совести пялясь на Мисолину), Маурисио не оставит её в покое.

Эстелла глянула на Данте. Его окаменевшее лицо её встревожило — девушке было знакомо это выражение. Она уже видела Данте таким в день, когда он в припадке ревности залез к ней в окно, и это не предвещало ничего хорошего.

А Данте едва не задыхался. Как может Эстелла у него под носом кокетничать с этим маркизом? К тому же, он ощущал дикую усталость — ритуал трансформации забрал много сил. А этот разлюбезный эстеллин отчим устроил допрос. Данте и сам удивлялся, насколько уверенно он врёт. Сказал, что приехал из Маракайбо; что его отец — латифундист и занимается разведением крупного рогатого скота; что у него море земель и золота. Конечно, Данте понимал, что рассказы его шиты белыми нитками и однажды раскроются, но ради Эстеллы он готов на всё.

— Ваша Милость, а как вы относитесь к отмене рабства на территории Франции и её колоний? Глупость, правда? — спросил Эстебан у Данте.

Данте мало разбирался в политике, но нужные ответы ему подсказывала личина Салазара. Да, сейчас в нём два человека, две личности, и Салазар, надо отдать ему должное, помогал выходить из самых тупиковых ситуаций.

— Вы абсолютно правы. Это невероятная глупость! — сказал Данте.

— Мы все в негодовании. Не хотелось бы, чтобы эта участь постигла и нас, — вмешался Арсиеро. — Представьте, виконт, если эта пропаганда независимости цветных и чёрных достигнет своего апогея и доберётся до нас, мы останемся без рабов. Кто же будет нас обслуживать? Нелепость!

«Ах, как красиво! А с виду приличные люди, — зло подумал Данте. — Лицемеры! Говорят о справедливости, честности, лояльности, а сами боятся остаться без бесплатной рабочей силы. Хорошо бы этих рабов побыстрее освободили, чтобы эти толстосумы,

наконец, пошевелили хотя бы одним пальцем».

— А вот моя мать так не считает, — Эстебан состроил скучающее лицо. — Она ныне отдыхает в Гваделупе, а там как раз отменили рабство. Представляете, виконт, чёрные ходят по городу в гражданской одежде. Даже занимаются торговлей наравне с белыми. Они и в церкви молятся вместе с белыми, и теперь все вынуждены пожимать им руки. Немыслимо!

— Да-да, абсолютно с вами согласен, — растерянно пробормотал Данте.

С этими людьми ему явно не по пути. И как Эстелла тут живёт? Как же она выросла достойным человеком в такой клоаке? Надо забирать её отсюда! Но Данте разумом понимал, что Эстелла, как бы она не отличалась характером от своих родственников, привыкла к богатству. Скатерть из тонкого хлопка, фарфоровая посуда, серебряные кубки и столовые приборы, роскошная мебель, дорогие наряды... Он не достоин её, и он не сможет дать ей жизнь, к которой она привыкла. Всё, что у него есть, — его безумная любовь и его магия. Но ни то, ни другое не поможет в мире, где царит культ золота и титулов.

Эстелла же готова была выть, так хотела она прогнать Маурисио. Данте поднял на неё глаза, и она прочла в них боль. Он ревнует, ужасно ревнует, и он прав. Со стороны кажется, будто она кокетничает с Маурисио. Маркиз к ней так наклоняется, чуть ли не дышит прямо в ухо.

— Маркиз! Маурисио, будьте добры, не наклоняйтесь ко мне так близко, — сердито попросила Эстелла. — Это неприлично! Мы находимся в доме моих родителей, и на нас все смотрят.

— О, да, простите меня, Эстелла, вы правы! — ответил он. — Каюсь, я забылся. Вы так безумно хороши, что я не могу устоять. Вы — совершенство. И я уже говорил вам, что люблю вас. Вы мне тогда не ответили...

— Вы хотите ответа? Я могу ответить сейчас! — Эстелла снова поймала отчаяние в синих глазах. — Я скажу честно и прямо. Если вы умный и добрый человек, Маурисио, а я уверена, это так, вы меня поймёте. Я вас не люблю. И я не хочу за вас замуж. Я благодарна вам, что вы сюда пришли и помогаете мне. Я уверена, вы ещё встретите девушку, которая оценит вас и полюбит. Вы хороший человек, но мой ответ: нет.

Как только Эстелла облекла свои чувства в слова, ей стало легче. Маурисио позеленел.

— Значит, сеньорита думает, что я из тех мужчин, с которыми можно играть? — спросил он.

— Вовсе нет, маркиз. Я с вами не играю и не играла.

— Но вы дали мне надежду.

— Возможно, невольно. Простите меня, если это так. Но теперь я сказала вам правду.

— Вы любите другого?

— Это не имеет значения, — вспыхнула Эстелла.

— Тогда почему вы мне отказываете?

— Потому что я вас не люблю.

— Ох, Эстелла, вы так наивны! Браки в наше время редко заключаются по любви. Чаще любовь приходит уже в браке.

— Ошибаетесь. Любовь либо есть, либо нет, — тихо, но твёрдо промолвила Эстелла.

— Так всё же, у вас есть другой мужчина? — не успокаивался Маурисио. — Может, это он, тот виконт? Он уже дырку на вас протёр, смотрит и смотрит, — он указал на Данте.

— Это не важно!

— А действительно, не важно! — Маурисио стал резок. — Вы, Эстелла, ещё дитя. И в

можете любить, кого вам заблагорассудится. Всё равно вы выйдете замуж за меня. Потому что я так хочу!

— Я же сказала вам: нет! — огрызнулась Эстелла.

Маурисио улыбнулся.

— Позвольте вам напомнить, сеньорита, вы здесь ничего не решаете. Последнее слово всегда остаётся за родителями. Вы выйдете замуж за меня. Или за графа де Пас Ардани. Тогда я подожду, когда в «Городских ведомостях» появится некролог о кончине графа или графини де Пас Ардани. Если он околеет раньше вас, в чём я сомневаюсь, я опять к вам посватаюсь. Но если же вы умрёте раньше, в чём я не сомневаюсь, потому что этот человек — монстр в обличье овечки, я принесу цветы на вашу могилку. Подумайте. Либо вы станете моей, либо будете страдать. У вас ещё есть время подумать.

— А я не знала, что вы чудовище, — прошипела Эстелла сквозь зубы.

— Я не чудовище, Эстелла. Но я не привык отступать. Я вас люблю и вы будете моей. Или не будете ничьей.

— Это всё пустые слова. На самом деле вы не знаете, что такое любовь. Любимым желают счастья, пусть и не с вами рядом. А вы не любите, в вас играют ваше Эго и чувство собственности. Вы мне глубоко неприятны, маркиз. И я больше не желаю вас видеть никогда! Вы убили сейчас те проблески симпатии, что я к вам испытывала. Дядя Эстебан, — окликнула Эстелла, — давайте поменяемся местами, мне здесь дует прямо в спину.

Эстебан, вопросительно оглядев Маурисио, пересел к нему, поменявшись с племянницей местами. Теперь от Данте Эстеллу отделял лишь угол стола. Оба покрылись румянцем, и Данте до скрежета в зубах захотел обнять девушку, наплевав на всех.

— Дорогая, что случилось, почему вы сбежали от Маурисио? — тихо спросил Эстебан, наклоняясь к Эстелле.

— Он сказал мне гадость. Он мне не нравится!

— Но маркиз такой любезный. Не верится, что он мог вас обидеть, — изумился Эстебан.

— А вот обидел.

Либертад принесла десерт — вишнёвое мороженое, но аппетита у Эстеллы не было — Данте теперь находился в такой опасной близости, что она чуть не лопалась от эмоций. Нет, она не должна всем демонстрировать, что влюблена в него! Но чувства были сильнее разума, и Эстелла то и дело поднимала на Данте глаза. Он тоже гипнотизировал её взглядами: колкими, горячими, завораживающими. Глаза Данте менялись: то светлели, напоминая лазурь, то темнели, как ониксы.

— Эстелла, Эстелла, перестаньте! — шепнул дядя Эстебан на ухо племяннице.

— Что? — не поняла девушка.

— Очень откровенно переглядываетесь. У вас на лицах всё написано. Будьте осторожней. Если Роксана узнает, что он вам нравится, наш план полетит к чёрту!

— Почему?

— Разве вы не понимаете? Да ваша мать удавится, но не допустит брака по любви. Она поэтому так и торопится выдать вас за кого попало: боится, вдруг вы станете счастливой. Надо действовать наоборот: вы всех должны убедить, что виконт вам не понравился. Так что хватит на него пялиться!

— Но ведь он восхитителен, дядя!

— О-о-о, да вы совсем помешались! — улыбнулся Эстебан.

— Но он ведь вам понравился, правда? — с надеждой спросила Эстелла.

— Пока сложно сказать. Хотелось бы познакомиться с ним поближе. Но на сегодня впечатление хорошее, очень приятный юноша. Воспитан, умен, галантен, только излишне загадочен. Что-то есть в нём странное, но женщины любят таких, — Эстебан хитро прищурился. — Перестаньте на него глазеть! — повторил он, хихикая себе под нос.

В итоге, обед прошёл благополучно. Эстелла забыла про старика, как и он про неё, а после забыла и про Маурисио. Данте произвёл на её семью впечатление, но они так и не решили, кому же из троих женихов отдать эстеллину руку.

Граф де Пас Ардани распрощался, поклонами благодаря всех и смачно поцеловав руку Мисолине. Данте и Маурисио задержались дольше: ни один из них не желал уходить первым, пока Данте не открыл главный козырь.

— Господа, перед тем как уйти, я хочу сделать сеньорите Эстелле подарок! — сообщил он.

Глаза у Эстеллы округлились. Даже на лице Роксаны мелькнуло любопытство, хотя она была не на стороне Данте, сочтя, что ни Эстелла, ни Мисолина такого мужа не заслуживают.

— Но чтобы увидеть подарок, нужно выйти в сад, — сказал Данте.

— Тогда пошли быстрее! — не сдержалась Эстелла. — Я обожаю подарки!

Глаза её сверкнули, и она бросилась вперёд, проигнорировав укоризненный взгляд Эстебана. Нет, она не может прикидываться, что равнодушна к Данте! Как же она его любит!

Но когда Эстелла увидела свой подарок, она расхохоталась как сумасшедшая. В саду стояла Жемчужина — её белая лошадь, которую Данте поймал перед самой счастливой ночью в её жизни, их первой ночью любви.

— Эту красавицу зовут Жемчужина, — объяснил Данте. — Для самой прекрасной сеньориты самая прекрасная лошадь.

Эстелла запрыгала, хлопая в ладоши:

— Какая прелесть!

Эстебан и Арсиеро с восторгом разглядывали кобылу, и даже Роксана подошла, дабы погладить животное по шелковистой гриве. Мисолина осталась в доме, не желая смотреть, как Эстеллу заваливают подарками, а Маурисио и вовсе капитулировал с поля боя. И никто не заметил, когда он исчез.

— Вы очень любезны и щедры, виконт, — сказала Роксана, заглянув Данте в лицо. — Лошадь превосходна и, похоже, стоит целое состояние. Но ведь девушка не может принять такой подарок от незнакомца. Вы ещё не обручены.

— Но я прошу её руки, — Данте не отводил глаз от Роксаны. Что-то в этой эффектной женщине заинтересовало его. И сердце ёкнуло, будто он встретил человека, которого не видел много лет. Странное чувство. Наверное, потому что это мама Эстеллы.

— Нам нужно всё обдумать, — добавила Роксана.

— Да, моя супруга права, — вмешался Арсиеро. — Сразу три жениха у нашей девочки... Мы должны выбрать. Вы же понимаете, виконт?

— Разумеется, — спокойно согласился Данте, хотя и кипел от желания увести Эстеллу с собой, покончив с этой комедией. — Я буду ждать вашего решения, — он взглянул прямо на Арсиеро. — Я хочу, чтобы вы знали: я не ищу выгодной невесты. Я приехал в этот город недавно и не знаю вас. Я увидел вашу дочь и полюбил её. Позвольте нам просто быть счастливыми.

Арсиеро растерялся от такой прямооты и не нашёлся, что сказать. Эстебан бросил на

Данте убийственный взгляд. И тут Эстелла поняла, почему дядя так реагирует: не следовало говорить при Роксане о любви. Кажется, Данте совершил ошибку.

Данте ушёл не оборачиваясь. Японский шёлк его плаща был так тонок, что летел за хозяином, словно крылья.

Эстелла смотрела на любимого, пока дядя Эстебан не толкнул её локтем, но было уже поздно — Роксана внимательно изучала выражение лица дочери.

— Эй, Альфредо! — она окликнула кучера. — Отведи лошадь в конюшню! — и с полуулыбкой повернулась к Эстелле. — Стало быть, третий жених вам понравился? Ну-ну...

Ощущая в ногах дикую усталость, Данте так и не дождался кучера, исчезнувшего в неизвестном направлении. В дом Эстеллы юноша прибыл в экипаже, но обратно можно и верхом поехать. Отвязав одну из лошадей, запряжённых в экипаж, он вскочил на неё и ускакал. Но не проехал и пары кварталов, как услышал стук копыт и выкрик:

— Стойте!

Лихо развернув лошадь, Данте оказался нос к носу с Маурисио. Тот сидел верхом на кобыле рыжей масти. Данте, как опытный наездник, сразу определил, что маркиз в седле держится неумело.

— Что вам нужно? — уколол он соперника взглядом.

— Хочу предупредить вас.

— О чём же?

— Лучше не вставайте на моём пути. Она моя. Эстелла — моя.

Данте расхохотался, грубо и громко. Длинные волосы, подхваченные ветром, разлетались за его спиной, как корабельные паруса.

— Эстелла не вещь, чтобы быть чьей-то, — сказал Данте, надменно выпячивая подбородок. — Вы много на себя берёте. К тому же вы — трус.

— Я не трус! — рыкнул Маурисио.

— Не были бы трусом, не угрожали бы мне втихаря ночью, пока никто не слышит. Не желаете честно побороться за женщину, потому что боитесь проиграть.

— Я вас не боюсь! — Маурисио выводило из себя презрительное спокойствие Данте. — Может, хотите сразиться на дуэли?

— Дуэли запрещены, если вы не в курсе, да и руки марать я о вас не стану, — Данте душило желание вывести противника из себя. И чем в больший гнев впадал Маурисио, тем мягче звучал голос Данте.

— Скажите просто, что вы боитесь дуэли.

— Не хочется вас убивать, а потом попадать на виселицу из-за такого немужчины, как вы.

— Что? Это я не мужчина? — Маурисио пошёл пятнами.

— Ну не я же. Орёте, как базарная торговка, — Данте откровенно забавлялся яростью маркиза.

— Я её люблю! Оставьте её в покое!

— Могу сказать тоже самое, — перешёл Данте на бархатный полусёпот. — Я не собираюсь делить ни с кем эту женщину, тем более с вами! Ясно? Так что убирайтесь по-добру, по-здорову.

— Что ж, я вас предупредил. Потом не жалуйтесь. Имейте ввиду: я давлю своих врагов, как насекомых. Я их стираю с лица земли! У вас ещё есть время передумать, но если вы

преградите мне дорогу, я вас уничтожу! — Маурисио, неуклюже развернув кобылу, чуть не вывалился из седла. Когда он поскакал прочь, Данте зловеще захохотал ему в спину.

— Сначала на лошади научись ездить, аристократишка, а потом угрожай мне! Я не боюсь ни бога, ни чёрта, а уж тебя тем более! — услышал Маурисио выкрик, а потом удаляющийся цокот копыт.

Комментарий к Глава 28. Три жениха —————

[1] Муар — шёлковая ткань с волнистыми разводами. Громуар — муар высшего качества.

[2] Шерл — драгоценный камень, турмалин чёрного цвета.

[3] Цвет верблюда (шамуа) — светлый рыже-коричневый (от фр. *chamoï* — верблюд).

[4] Соутар — жемчужное кольцо на нескольких провисающих нитях, скреплённых одной застёжкой.

[5] Маракайбо — город в Венесуэле.

[6] Гешири (арм. — ночь) или чёрная яшма — старинное название драгоценного камня гагата.

[7] Эскалопы — ровные, круглые пласты мяса, нарезанные из вырезки (телячьей, свиной) или из других частей мякоти.

[8] Блинчики-налистники — блинчики с начинкой.

===== Глава 29. Хочу и баста =====

Ночью Эстелле приснился откровенный сон. Впервые в жизни. До этого максимум, что ей снилось: как Данте обнимает её или целует в губы. Теперь же она, как наяву, ощущала жаркие ласки Данте и его кожу, целовала его, испытывая какую-то животную страсть. И проснулась в лихорадке. Одеяло было сброшено на пол, а по телу разливался жар. Как же она хочет, чтобы это повторилось! Опять принадлежать ему, опять уснуть в его объятиях...

Эстелла села на кровати, обняв себя за колени и уложив на них голову. Вчера Данте был неподражаем. Она и не думала, что он произведёт такое впечатление на её семью. Но зачем он назвался виконтом? Глупость. Это всё от его неуверенности в себе. Главное, чтобы эта ложь не раскрылась. Он же сказал, будто приехал из какой-то Марпакуйбы, Маракайбы... чёрт знает, где это. И вряд-ли кто-то станет выяснять.

Эстелла была убеждена, что её свадьба с Данте — лишь вопрос времени.

— Люблю, — прошептала она и, спрыгнув с кровати, ринулась в ванную, напевая песенку про цветочницу, что растеряла всех ухажёров из-за своего упрямства.

В кабинете — большой комнате, заставленной мебелью цвета альмандина [1] — царило напряжение. Арсиеро, Роксана, Эстебан и Хорхелина сидели в кожаных креслах, расстреливая друг друга взглядами. Первым молчание нарушил Эстебан.

— Вы как хотите, дорогие родственники, но я отказываюсь вас понимать. Раз у нас возникла такая ситуация и у девочки сразу три жениха, так почему бы нам не сделать проще: пусть Эстелла сама решит, кто из них ей наиболее приятен.

— Я не согласна! — подбородок Роксаны дрожал от ярости. — Эта малолетняя идиотка не способна ничего решить! Понятное дело, она выберет смазливового виконта. Это уже вчера было ясно.

— Ну и что? — не соглашался Эстебан. — И пусть выберет его. Юноша вполне себе приличный.

— Мы даже не знаем, кто он такой! — артачилась Роксана. — Явился неожиданно,

испортил нам обед, заявил о женитьбе. Если он приехал из Венесуэлы, где и когда он умудрился увидеть Эстеллу так, что сразу влюбился?

— Возможно, он увидел её на балу у Амарилис и Норберто, дорогая, — предположил Арсиеро.

— Ну да, или когда она сбежала из дома, — влезла Хорхелина. — Проснулся утром и увидел её у себя в кровати.

— ЧТО-О-О? — Роксана стрельнула в Хорхелину глазами. — А ну-ка быстро говорите что вам известно!

— Ничего мне неизвестно! — отмахнулась та. — Это мысли вслух.

— Может, вы в чём-то и правы, золовка, — задумчиво сказала Роксана. — Она смотрела на него, как похотливая кошка! Она раздевала его глазами, как бордельная шлюха. И это моя дочь! Если бы я могла, я бы выколола ей глаза! Позорище!

Эстебан сердито помотал головой.

— Но вы-то тоже не святая, — намекнул он.

— Да как вы можете обвинять меня в аморальности? — вскипела Роксана. — Я — первая дама, жена алькальда и я никогда не вела себя предосудительно и никогда не соблазняла всех встречных мужчин!

Как по команде, Хорхелина и Эстебан хмыкнули, впервые в чём-то найдя общий язык.

— Не смейте хмыкать! Да как вы позволяете себе сомневаться в моей порядочности? И вообще мы говорили не об этом, а вы передёргиваете и меняете тему! Сейчас важнее всего, чтобы свадьба этой неблагодарной состоялась как можно быстрее. И я остаюсь при своём мнении: маркиз Рейес слишком порядочен для Эстеллы. А этот иностранный авантюрист со своей смазливенькой мордашкой и эффектными подарочками вообще ей противопоказан. Он её развратит окончательно. Я на стороне графа де Пас Ардани. Только он должен стать её мужем. Он поставит её на место и научит вести себя, как положено.

— Дорогая, — перебил Арсиеро, — не грубите. Что-то вы помешались на этом старике. Да будет вам известно, что Эстелла ему не понравилась. Он мне вчера шепнул, что не хочет на ней жениться, потому как не любит брюнеток, и добровольно отказывается от неё в пользу одного из молодых кавалеров. Но он с удовольствием женился бы на Мисолине. Так что наша задача упрощается, выбирать надо из двоих. Положив руку на сердце, я бы предпочёл семейство Рейес, ибо согласен с вами абсолютно, Роксана, что тот иностранный мальчик интересен, но мы знаем о нём лишь с его слов. Было бы неплохо познакомиться с его семьей, но они в Венесуэле...

— Нет, Арсиеро, так нельзя, — сказал Эстебан. — Мне и самому нравится Маурисио он хороший человек, но если девочке симпатичен другой, несправедливо её неволить, тем более, что он ничуть не хуже маркиза.

— Ну не знаю... — развёл руками Арсиеро. — Как, оказывается, трудно выдать замуж молодую девицу!

— Оба юноши равноценны и оба достойны её руки. И я считаю, что мы должны позволить Эстелле выбрать, кто ей нравится: маркиз или виконт. Ведь ей жить с ним всю жизнь, а не нам! — добавил Эстебан.

Лицо Роксаны ясно говорило: слова Эстебана — чушь, не достойная внимания.

— Значит, граф отказался от неё, — протянула она, — и я понимаю почему: ни один порядочный мужчина не захочет жениться на кошке, которая предлагает себя всем. И если выбирать из двух зол меньшее, то я за Маурисио Рейеса. Во-первых, он старше того, другого.

Следовательно — более опытен и сможет её построить так, чтобы она стала хорошей женой и матерью для их будущих детей. Во-вторых, мы знаем, кто он и что он представляет из себя. Я общалась с Матильде, его сестрой, очаровательная дама...

— Но Эстелле понравился другой! — упирался Эстебан. — Да и мальчик сказал, что любит её.

— Она тут ничего не решает! До замужества судьбой девиц распоряжаются родители. Я её мать, хочет она того или нет, и она сделает так, как скажу я. А по поводу любовных историй, ах, не смешите меня, Эстебан! Самый глупый брак — брак по любви. Никто из моего окружения не выходил замуж по любви, и никто не умер от этого. Это всё блажь! Моя дочь сделает, как принято в обществе и в нашей семье. И вот только не надо сейчас, деверь, ставить мне в пример свою мамашу! Слышать о ней не могу, — Роксана, открыв расписанный бабочками веер, начала им обмахиваться.

— Роксана, почему вы хотите, чтобы Эстелла страдала?

— Страдала? — Роксана расхохоталась. — Ох, Эстебан, прошу вас, не надо сантиментов! Все женщины по умолчанию страдают. И она не будет исключением. Такова её участь. Если бы Эстелла родилась грязной плебейкой, она была бы вольна выходить замуж хоть за чёрта с рогами и копытами. Но мы — почётное семейство, пример для всего города, и обязаны делать всё, как положено. Итак, решено. Она выходит замуж за Маурисио Рейеса и точка.

— Слушайте, а как же Мисолина? — вспомнила Хорхелина. — Насколько я знаю, ей нравится этот маркиз. И она не виновата в блудливости своей сестры. Предлагаю другой вариант: Маурисио женится на Мисолине, а Эстелле можно найти четвертого жениха, ну, ради справедливости.

— Есть одно но, — Роксана ухмыльнулась, — Мисолина не выйдет замуж за того, кто ей нравится. По тем же причинам. Мои дочери не выйдут замуж по любви, я этого не хочу, да и в нашей семье так не принято. А Маурисио посватался к Эстелле, навряд-ли он женится, если вместо Эстеллы мы предложим ему Мисолину. А Эстелла старшая, она должна выйти замуж первой и как можно быстрее. Но, Арсиеро, вы сказали, что графу де Пас Ардани приглянулась Мисолина? Прекрасно! Так и сделаем: Эстелла выходит замуж за маркиза, а Мисолина за графа. Можно сыграть две свадьбы одновременно или одну за другой.

— Но, Роксана, думаю, Эстебан в чём-то прав, — почесал нос Арсиеро. — Если Эстелле приятен молодой виконт, а Мисолине маркиз, они обе будут страдать.

— Это им полезно, — Роксана поднялась с кресла. — Я больше не намерена обсуждать эту тему. В конце концов, это мои дочери! Отец их умер, и их судьбой распоряжаюсь я. А вы, Эстебан, пока что не официальный опекун им, всего лишь дядя. Завтра, Арсиеро, мы с вами навестим обоих женихов. Надеюсь, вы сообразоволяете сами поставить наших двух клуш в известность, или этим тоже должна заниматься я? — и Роксана вышла.

— Пойду поговорю с девочками, — вздохнул Арсиеро, тоже покидая кабинет.

Эстебан и Хорхелина остались вдвоём. Эстебан явно был расстроен, и супруга полезла к нему, обхватив за шею костлявыми ручонками.

— Ну что вы, милый, стоит ли расстраиваться из-за каких-то малолетних соплячек?

— Закройте рот! Они мои племянницы, а их мать спятила! Она делает всё на зло, специально не хочет, чтобы девочки вышли замуж по любви и были счастливы. Не говоря уже о том, что теперь она вздумала отдать за графа Мисолину. Дался ей этот старый дегенерат!

— Не стоит на меня кричать, милый. Я пока ещё не забыла, как вы душили, и могу всем рассказать. Кстати, а что вы искали в кабинете покойного папашки? Тоже подозреваете, что он был нечист на руку?

Эстебан замер.

— Что?

— Ой, ну не прикидывайтесь, мой сладкий! Я же видела в тот раз, как вы что-то искали. И давно подозреваю, что ваш папаня был ещё тот типчик.

— Что вам известно об отце?

— Ммм... немного. Просто я знаю, есть кое-кто, кто тоже подозревает его в грязных делишках.

— «Кое-кто» — это кто?

— Один человек уже обшаривал кабинет, ещё раньше, чем вы.

Эстебан, подлетев к Хорхелине, ухватил её за плечи и встряхнул, как бутылку с водой.

— Говори кто?

— Не грубите мне! Если вы будете вести себя, как дикарь, я ничего вам не скажу!

Эстебан убрал руки.

— Ну? Так кто?

— Ваша служаночка.

— Что?

— Однажды я видела, как она открывала дверь в малый кабинет, запиралась изнутри и там копалась. Цветная тварь что-то вынюхивает. И вы тоже. Похоже, вы сговорились.

— Не смей обзывать Либертад!

— Вот как? Всё защищаете её?

— Это моё дело!

— Да? А то, что вы меня во сне называете её именем, тоже ваше дело?

— Именно.

— Знаете что, Эстебан, мне это надоело, — осклабилась Хорхелина. — Я сегодня же приглашу жандармов и скажу им, что эта уродка пыталась меня убить.

— Вам никто не поверит, — нервно рассмеялся Эстебан.

— Ну, в прошлый раз все поверили, что это она меня обливала кипятком, хотя я сама его на себя опрокинула.

— ???

— Да-да, перестаньте так смотреть! Я и в этот раз что-нибудь придумаю. К примеру, наглотаюсь яда и скажу, что это она мне его подсыпала. Я отправлю её на виселицу.

— Не смей!

— А что вы сделаете? Убьёте меня? В тот раз не смогли и сейчас не сможете. Вы слабак, милый! Если бы вы и правду её любили, вы бы давно что-нибудь придумали. Все мужчины трусы по определению. Так же, как эти пресловутые женихи. Устроили тут цирк! Ни один из них не способен тупо прийти и украсть свою женщину. Кролики и то смелее вас всех! — и Хорхелина долбанула дверь, оставив Эстебана в одиночестве.

Эстелла ещё красовалась перед зеркалом, когда услышала в коридоре жуткий вой и топот. Секунда, и в её комнату влетела Мисолина.

— Ах, ты тварь! Долго я терпела, но всё, хватит! Сейчас я тебя убью! — Мисолина явнс была не в себе. Подскочив к Эстелле, она схватила её за горло, и через мгновение обе сестры

уже кубарем катались по полу.

— Тварь! Тварь! — орала Мисолина. — Мало тебе, что ты отхватила заморского красавчика! Ты решила подцепить и моего жениха! Ты отняла у меня Маурисио! Я тебя убью!!!

— Ты что больная? — Эстелла, вырываясь, отпихивала Мисолину. — Не нужен мне твой Маурисио, забирай его себе!

— А, «забирай себе»? То-то оно и видно, какая ты добрая и великодушная! Поэтому ты и готовишься к свадьбе с моим женихом, да? И ещё убедила всех, что я должна выйти за того старика!

— Чего? Никого я ни в чём не убеждала! И, к твоему сведению, я выйду замуж за Дан... за виконта!

— Враньё!!! — Мисолина не успокаивалась. — Мне Арсиеро сказал, что ты выходишь за Маурисио! А я — за старика. Они так решили. О, я уверена, это ты их убедила!

— Что? — Эстелла спихнула Мисолину с себя. — Да послушай ты, прекрати орать! Объясни: то, что ты сейчас сказала, — правда?

— Конечно правда! — всхлипнула Мисолина, потирая ушибленный локоть.

— Так они решили, что я выйду замуж за Маурисио? — обалдела Эстелла. — Нет, не может быть... не может быть!

— Хватит прикидываться! — визгнула Мисолина. — Я уверена, ты всё знала заранее. Собрала вчера целую ватагу мужчин, потаскушка!

— Не может быть... — прижав руки к губам, Эстелла отползла в угол. — Я... я не хочу замуж за Маурисио Рейеса... Я не хочу... — бормотала она. — Но ведь дядя... дядя Эстебан обещал мне помочь... Как же так? — уронив голову на колени, Эстелла разрыдалась.

Мисолина смотрела на неё с недоверием.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты что и вправду ничего не знала? — спросила она.

Эстелла помотала головой, заметив про себя, что впервые сестра разговаривает нормальным тоном.

— Так не должно было быть... — пролепетала она. — Мы... мы... с дядей и Либертад это затеяли, чтобы, чтобы я вышла замуж за... за Данте... Всё провалилось, не может быть!

— Чего ты ревёшь? Это я должна реветь, потому что это у меня беда, а не у тебя. Они решили, что тот мерзкий дед должен стать моим мужем. Не понимаю, почему мама это делает. Ведь я всегда старалась быть на неё похожей, всегда делала всё, как она велела. Я хотела соответствовать ей и положению нашей семьи, а она всё равно меня не любит и желает мне несчастья.

— Ты уверена, что только тебе одной, да? — сказала Эстелла со злостью. — Ты эгоистка и не видишь ничего и никого, кроме себя. Мама нас ненавидит. Она специально хочет лишиться меня любви, не хочет, чтобы я была счастливой.

— Тебе что и вправду понравился тот длинноволосый? — в голосе Мисолины сквозило изумление.

— Ничего ты не понимаешь, потому что ты бесчувственная дура! Ты бревно, а я его люблю. Я его люблю больше жизни! Он самое дорогое, что у меня есть. И я не хочу выходить замуж ни за кого другого! — выпалила Эстелла.

— Об этом придётся забыть, — вошёл Арсиеро. — Мисолина, идёте отсюда. Зря вы напали на Эстеллу, она ничего не знала. Это решение вашей матери, — Арсиеро поднял

Мисолину с пола.

— Значит, это правда? — спросила Эстелла.

— Да, дорогая. Я как раз пришёл вам сообщить, но Мисолина меня опередила. Мы долго думали и сошлись во мнении, что вы выйдете замуж за Маурисио Рейеса, а Мисолина за Сезара де Пас Ардани.

Мисолина вновь завывала, прикрывая лицо руками, но Эстелла не чувствовала к ней жалости.

— Но за что, сеньор Арсиеро? Вы же знаете... Разве вы не поняли вчера, что маркиз мне не нравится? Мне нравится другой, — выдавила Эстелла, глотая слёзы.

— Я понимаю, дорогая, тот мальчик вас заворожил. Он и вправду хорош собой, но внешность — это не главное. Вы это поймёте со временем. Уверен, вы полюбите своего мужа и будете счастливы.

— Я не буду с ним счастлива никогда! — выкрикнула Эстелла.

— Кричать бесполезно, дорогая, — ласково сказал Арсиеро. — Решение уже принято. Вы выходите за маркиза, ваша свадьба будет первой. Это прекрасная партия, и я не вижу повода для слёз и истерик. А вот на счёт Мисолины я ещё попробую что-то сделать.

Мисолина с надеждой взглянула на него.

— Правда?

— Правда, дорогая. Попытаемся найти вам другого жениха. Мне не нравится этот граф, он слишком стар для вас. Успокойтесь и пойдёте со мной, — Арсиеро обнял Мисолину за плечи, уводя её из комнаты.

— Вот, значит, как? — процедила Эстелла им вслед. — Значит, для неё вы попробуете что-то сделать, а для меня нет?

— Дорогая, я уже сказал, — Арсиеро обернулся, — у Мисолины жених неудачный, а она достойна лучшего. У вас жених великолепен. Я изначально был обеими руками за Маурисио. Вы должны радоваться. Завтра уже можно начинать подготовку к обручению и свадьбе, — и Арсиеро закрыл дверь с той стороны.

— Ах, так? Ну, ладно! — зашипела Эстелла, как маленькая хищная кошечка. — Я этого не хотела, но вы сами меня вынудили. Никакой свадьбы не будет!

Эстелла заперлась на ключ и, вытащив чемодан, запихала в него всё, что попало под руку. Сложила вещи и сунула их под кровать, решив уйти ночью. Несмотря на крики Роксаны, она не вышла к ужину, и, когда Либертад принесла его, Эстелла изобразила, что смертельно хочет спать.

В доме один за другим погасли огни. Эстелла зажгла свечу, присела за туалетный столик и написала два письма.

Первое было для Либертад. В нём Эстелла рассказала о подслушанном разговоре между Эстебаном и Хорхелиной, но умолчав о том, как дядя пытался супругу задушить.

«Либертад, я уверена, что дядя любит тебя, — писала Эстелла. — Хорхелина шантажирует его твоей свободой, держит в руках, обещая отправить тебя в тюрьму, если он её бросит. Не поддавайся! Вы должны бороться за свою любовь, потому что любовь — это единственное, ради чего стоит жить и ради чего стоит умереть. Не волнуйся за меня, я уйду навстречу счастью. Я уйду за своей любовью. И ты иди за своей. Эстелла».

Запечатав письмо, Эстелла сунула его под подушку — завтра Либертад придёт убираться и обнаружит конверт.

Второе письмо-записка предназначалось родным:

«Если вы думаете, что я не способна пойти против вас ради своего счастья, вы ошибаетесь. Я пойду до конца! И вы, мама, такая злая, потому что никогда никого не любили. А я люблю и любима! Живите с миром и не ищите меня. Я хотела сделать всё, как положено, но вы решили обречь меня на страдания. Что ж, раз вы считаете, что вправе лишать меня любви, тогда я думаю, что я вправе лишить вас своего общества. Прощайте. Эстелла».

Положив письмо на комод, Эстелла взяла вещи и покинула спальню. Спустилась по лестнице и замерла, чуть не уронив себе на ногу чемодан — по дому скользнула тень. Вор? Девушка притаилась под лестницей. Человек-тень поднялся вверх. Пойти следом? А если это грабитель или убийца? Он и её убьёт! Скрыться незамеченной? А если он убьёт кого-то из семьи? Хотя они это и заслужили, но всё же...

Эстелла в нерешительности топталась под лестницей, как вдруг выросла новая тень — в потёмках нельзя было понять, кто это. Второй человек, гораздо ниже ростом и толще, вперевалочку поднялся вверх следом за первым. Нет, она не пойдёт за ними! Она не хочет умирать в семнадцать лет, мало ли кто это забрался в дом.

Высокий человек в чёрном вошёл в одну из спален второго этажа. По центру комнаты стояла широкая двуспальная кровать, укрытая прозрачным балдахином. Хорхелина спала как мёртвая. Гость приблизился. На нём была шляпа, а руки закрывали перчатки. Взяв с кресла тяжёлую подушку с бахромой в углах наволочки, он наклонился, приподняв балдахин, и накрыл этой подушкой лицо Хорхелины. Занёс руку — она дрожала — хотел надавить на горло, но в эту секунду его схватили под локоть.

— Вы чего делаете, безумный? Совсем чокнулись?! Вот уж радость-то, на старости лет ходить в тюрьму к родному сыну!

— Мама?! — поразился Эстебан.

— Она самая! — Берта выволокла его в коридор в тот момент, когда Хорхелина, закашлявшись, сбросила подушку с лица.

— Что вы тут делаете?

— Я тут живу, если вы забыли! А в данный момент я спасаю своего сына от глупости. Решили стать убийцей? Только этого мне не хватало!

— Вы же были в Гваделупе! — не мог прийти в себя Эстебан, тараща глаза на мать.

— Была да вернулась. Сюрприз хотела вам сделать завтра с утречка. Да вот пришлось рассекречиваться. Чего это вы тут без меня вытворяете, а? Ну-ка, давайте-ка, идёмте вниз и рассказывайте чего происходит? Почему вы хотели убить свою жену?

Мать и сын под ручку принялись спускаться по лестнице.

— Я не могу больше, мама. Я её ненавижу!

— Когда я уезжала отсюда, вы говорили совсем другое.

— Потому что она угрожает упечь Либертад в тюрьму. Как вы не понимаете, мама, это серьёзно. И единственный выход прекратить это мучение — избавиться от Хорхелины.

— Ага, и загреметь в тюрьму! А ещё лучше на виселицу! Из-за какой-то кикиморы, — пропыхтела Берта, останавливаясь у лестницы под носом у Эстеллы. — Ни в коем случае в моей семье не будет убийц! Никто из нас не должен запятнать себя кровью! Неужто вы хотите уподобиться этому мерзкому семейству, с которым Альсидес породнился из-за своей алчности? Будь они все неладны! Они угробили всю нашу семью! Сначала брат этой идиотки Роксаны убил Хусто. Потом эта гадюка убила Бласа...

— Мама, откуда такая уверенность, что Роксана его убила? Хорхелина как-то

проболталась, но я не верю, — шепнул Эстебан. — Хотя, когда я намекнул на это недавно, Роксана аж позеленела вся.

— А я уверена! Это она его убила! Ваш брат отродясь не ездил на лошади, а тут вдруг взял да поехал. Это она его убедила покататься верхом и специально подпругу ослабила, чтобы он свалился. А потом она довела до инфаркта вашего папеньку.

Наступила гробовая тишина. Эстелла, готовая визжать от ужаса, забилась в угол, прикрыв рот руками. Но ей казалось, что весь дом слышит, как колотится её сердце.

— Но если это она убила Бласа, мы должны что-то сделать, — сказал Эстебан. — Она должна понести наказание.

— А разве ж её братец, который убил Хусто, понёс наказание? Все они стоят друг друга. А у нас нет доказательств, — вздохнула Берта. — Жандармы решили, что с Бласито произошёл несчастный случай. В итоге ограничились тем, что публично высекли конюха, Роксана распродала всех лошадей, и дело замяли.

— А если попробовать найти эти доказательства?

— А ежели б у меня и были доказательства, я не знаю, чего бы я делала с ними, — ответила Берта. — Эту дрянь мне не жалко, пускай в аду сгорит, но вы забыли о девочках. Чего ж будет с ними, ежели они узнают, что их родная мать уколошила их отца? Я уж не говорю о том, что в них пальцами будут тыкать и они не смогут найти себе приличных женихов. Это ж будет скандал на весь город! Катастрофа и полный развал нашей семьи, точнее того, что от неё осталось. Вы это понимаете?

— Я понимаю, мама, но что же делать?

— А ничего. Жить, как и раньше жили. Прошное пускай остаётся в прошлом. И забудьте о Хорхелине, чёрт её дери. Попробуем придумать что-то другое, но убивать — преступление и страшный грех. Не вздумайте пачкать свою душу этой грязью!

Эстебан вздохнул.

— Ладно, мама, вы правы.

— Я всегда права! Так чего тут у вас-то? Хорошие новости есть иль плохие только?

— Плохие. Роксана решила выдать Эстеллу и Мисолину замуж. Вчера к нам приходили женихи. Целых три. Все к Эстелле.

— Вот так номер! Да где ж это плохие новости? Очень хорошие! — Берта потёрла ручки.

— Они решили, что Эстелла выйдет замуж за Маурисио Рейеса.

— Ох, отлично! Мне нравится этот молодой человек! — окончательно оживилась Берта.

— Но она его не любит, она любит другого. Он тоже сюда приходил вчера. Своеобразный мальчик. Приятный, обаятельный, но странный он. Днём я разозлился на Роксану, но теперь думаю, что они с Арсиеро в чём-то правы. Маурисио — замечательная партия для Эстеллы, и он способен сделать её счастливой.

— Могли б и подождать денёк, — надулась Берта. — Я, как всегда, всё самое интересное пропустила.

— Ничего там не было интересного, мама! В этом доме становится всё невыносимей. Но Эстелле повезло, я считаю, бывает хуже. Маурисио человек хороший, мы с ним подружились даже. Сейчас я больше волнуюсь за Мисолину.

— Почему?

— Её хотят выдать замуж за Сезара де Пас Ардани.

— Кто это?

— Похотливый старик. Ему семьдесят два года, чёрный вдовец. Свёл в могилу четырёх жён. Женщины были здоровые и молодые. Некоторые говорят, что убил намеренно. Другие говорят, что умерли они, потому что он издевался над ними.

— Это возмутительно! — Берта топнула каблуком.

— Тише, мама, весь дом разбудите!

— Ну и пусть слышат! Как так можно, шестнадцатилетнего ребёнка выдавать замуж за старое больное чудовище? Да я их убью!

— Мама, пойдёте в кабинет, я там всё подробно расскажу, а то мы всех перебудим.

— Да, идёте, — Берта позволила себе увести.

— А где ваши чемоданы?

— Я их там оставила, в холле. Завтра Альфредо притащит...

Дверь кабинета захлопнулась. Шокированная Эстелла на четвереньках выползла из-под лестницы. Ноги её слушались плохо. Значит, это правда. Мама убила папу. В тот раз бабушка попросту её обманула, чтобы пощадить её чувства. А Эстелла всё больше убеждалась, что мать её вовсе не строгая и правильная, какой она её считала, но скорее жестокая. И чужие беды, верно, доставляют ей удовольствие. Нет, она тут не останется! Жаль, бабушка вернулась не вчера, хотелось бы с ней поговорить, но если она попадётся им с дядей на глаза, те не позволяют ей сбежать, начнут уговаривать... Нет, не будет она ни с кем прощаться!

Подхватив чемодан, Эстелла рванула на выход. Споткнулась о бабушкины баулы, разваленные по всему холлу. Выскочила наружу. Добежала до конюшни. Зажгла фонарь и нашла свою Жемчужину. Та мирно стояла в стойле. Эстелла, припомнив всё, чему её учил Данте, запрягла лошадь и тихонько вывела её за ворота. Влезла в седло, поместив чемоданчик в правую сумку для багажа [2], и дёрнула поводья. Ехала она не быстро — боялась и чувствовала себя в седле неуверенно, но зато впервые делала это самостоятельно. Неспешной рысью Эстелла добралась до «Маски» за сорок минут. Спешилась, отвела Жемчужину в конюшню и постучала в дверь.

Комментарий к Глава 29. Хочу и баста —————

[1] Цвет альмандина (альмандиновый) — тёмно-вишнёвый, гранатовый.

[2] На лошадей было принято крепить багажные сумки: правая — для багажа всадника, левая — для багажа лошади.

===== Глава 30. Свободная =====

Утром, на фоне алого кольца рассвета, появились два всадника. Оба в шляпах и плащах, они скакали тихо, пока не выехали за городской мост, за которым начинались бескрайние пампасы. Когда солнце поднялось над горизонтом и очертания лошадей и их седоков приобрели краски, стало очевидно, что это юноша и девушка.

Данте, одетый как гаучо: в белой рубашке, кожаных чирипас и перевязанный фаха, с заткнутым за него кинжалом, и Эстелла, в тёмно-серой амазонке и синем плаще Салазара, верхом на Алмазе и Жемчужине покидали город.

Когда вчера девушка явилась в «Маску», сеньор Нестор впустил её, ворча, что она выдернула его из седьмого сна. Задвинув щеколду и нахлобучив ночной колпак на глаза, он уковылял восвояси, а Эстелла пошла к Данте на ощупь — все источники света в гостинице были погашены.

Данте так и обомлел, увидев на пороге любимую с чемоданом в руках. Часы показывали три утра. Эстелла заметила: у возлюбленного её больше нет волос до пояса и надменности во

взгляде, но сочла: дело в магии, и не стала выпытывать подробности.

Остаток ночи прошёл в рассказах и слезах. Эстелла сообщила, что их план с треском провалился, что её хотят выдать замуж за Маурисио, и поэтому она сбежала. Было решено отправиться в «Лас Бестиас» ещё до рассвета.

Собрав вещи и прихватив Янгус и лошадей, беглецы покинули «Маску», а к пяти вечера уже прибыли в посёлок, где над въездом красовалась надпись: «Лас Бестиас».

Поразительно, но Эстелла, непривычная к долгой езде верхом, ни капли не устала, так была очарована. Вокруг — лишь звери и птицы; одинокие кипарисы, перемежающиеся с рощицами — зарослями акаций и жасмина; мягкая зелёная трава под ногами да лазурное небо над головой; Алмаз, Жемчужина, Янгус и они с Данте. Иногда на горизонте появлялись эстансии с плоскими крышами-асотеями, стада быков, коров и овец, похожие на большие тучи, движущиеся по земле. Из труб валил дымок; повсюду слышались выкрики и щёлканье хлыста.

Наконец, они прибыли к месту назначения и Эстелла впала в эйфорию. Ей хотелось петь, кричать, прыгать. Она свободна! Впервые в жизни свободна! Она вдыхала свежий воздух и запах травы, впивала нежные губы Данте, когда он приближался, чтобы поцеловать её. Ощущение было восхитительное, будто она вырвалась из многолетнего заточения в клетке. Никто её не преследует, не поучает, не унижает. Она рядом с Данте, и они вольны делать что угодно.

— Вот мы и на месте! — объявил Данте. Глаза его сияли, хотя Эстелле показалось, что они полны грусти и блестят от слёз.

Влюблённые пустили лошадей шагом. Поравнялись с кабачком «Кентавры», окна которого сверкали огнями. Изнутри раздавались музыка и выкрики. Рядом на вертелах жарилось мясо: баранина, говядина, индюшати́на, мясо ягуара и крокодила. Двери были распахнуты настежь. Часть посетителей сидели на улице. Они орали на все голоса, чокаясь пивными кружками и сквернословя, хохотали вместе с потасканного вида девицами, их окружавшими.

— Это кабак? — простодушно спросила Эстелла.

— Ага.

— А мы туда не пойдём?

— Конечно нет! — усмехнулся Данте. — Там нет ничего интересного. Одни пьяницы и шлюхи.

— А мне кажется, там весело. Я никогда не была в кабаке!

Эстеллу не смущали красные физиономии и сизые носы — она не обратила на них внимания, так ей было хорошо. А вот Данте занервничал, заметив веснушчатую физиономию Табиты. В расстёгнутой кофточке она, сидя на коленях у бородатого пьянчужки, курила самокрутку. Если эта дура заметит его, да ещё и рядом с другой женщиной, она запросто устроит скандал. Навряд-ли Эстелле это понравится. Ссориться с любимой Данте не хотелось, и он резко дёрнул поводья.

— Ну, Данте, куда ты так торопишься, я хочу посмотреть! — заныла Эстелла.

— Нечего тут смотреть, тут неинтересно, — Данте увидел выпученные глаза Табиты — она пялилась в упор. И он решил отомстить, демонстративно поцеловав Эстеллу в губы.

Поцелуй был долгий, даже откровенный. На щеках Эстеллы вспыхнул румянец, когда она осознала, что весь кабак на них смотрит. Лицо у Табиты вытянулось.

— Данте, ты спятил, тут же толпа народа! — возмутилась Эстелла, обретя способность

дышать.

— Ну и что? Ты же моя жена.

— Пока ещё не жена.

— Так скоро будешь. По-твоему, зачем мы сюда приехали?

— Чтобы нас не нашли мои родственники.

— Не только. Ты познакомишься с моей семьёй, и у нас будет свадьба.

— Свадьба? Но... но... так быстро?

— Свадьба... свадьба... траля-ля... — пропел Данте и рассмеялся, чмокая Эстеллу в носик. — А чего нам ждать? Мы же это уже обсуждали.

— Но... ты хочешь жениться тайком?

— Почему тайком? Я же познакомился с твоими родственниками, теперь ты познакомишься с моими, и мы сыграем свадьбу. И больше никогда не расстанемся. Понимаешь? Брак — это навсегда. Мы поженимся и поставим всех перед фактом, и больше никто не сможет искать тебе женихов: ни старых, ни молодых.

— Да, а ты прав...

Эстелла, вообразив физиономии своих родственников, позлорадствовала. Так им и надо! Они не захотели её понять, вот пусть расплачиваются. А мама вообще убийца, и она, Эстелла, не станет подчиняться никому, кроме своего Данте.

Они миновали кабачок, и Данте напоследок смерил Табиту саркастическим взглядом. На конопатой рожице читался шок. Табита, с ненавистью изучив Эстеллу, вконец выпала в осадок — новая избранница Данте была божественно хороша.

Влюблённые двинулись дальше. Проезжали мимо маленьких домиков с огородиками, с играющими прямо на земле детьми, с женщинами в тюрбанах, стирающими белье в деревянных корытах. На заборах висели шкуры. Данте, кивая некоторым людям, перебрасывался с ними парой фраз. Всюду бегали цыплята, гуси, поросята, овечки. Эстелла их считала. Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать...

Вдруг раздались свист и хлопки. Эстелла и Данте спешили, попав в толпу народа. Внутри большого загона какой-то гаучо пытался обуздать дикую лошадь. Ни седла, ни стремян под ним не было. Эстеллу разобрало любопытство. Она уже видела, как Данте ловил Жемчужину, и то не так близко. Толпа заулюлюкала, когда гаучо, сжимая коленями бока лошади, обхватил её руками за круп. Гнедая встала на дыбы, но всадник удержался. Раздались аплодисменты.

— Данте, давненько тебя с нами не было, — к ним подошёл долговязый метис. Пожал Данте руку.

— Да, Гвидо, я перебрался в город, а сейчас приехал по делу.

— Я смотрю, с тобой всё отлично, — Гвидо оглядел Данте с головы до ног. — Прямо цветёшь. А о тебе тут куча слухов ползает. Эти сдвинутые на молитвах, — Гвидо покрутил пальцем у виска, — клянутся, что ты продал душу дьяволу, а Табита всему посёлку разрезвонила, будто ты в Жёлтом доме. Я то, конечно, не поверил. Знаешь ли, месть ревнивой женщины...

Данте приложил палец к губам, взглядом указывая на Эстеллу. Ему стало стыдно за свои прошлые похождения. Что если Эстелла узнает, с какого сорта женщинами он имел дело? Но та слушала разговор Данте с Гвидо в пол-уха, не понимая смысла слов, — её гораздо больше интересовало обуздание лошади.

— Гвидо, знакомься, это моя невеста, — сказал Данте. — Эсте, это Гвидо, мой

приятель. Он тоже гаучо. Эсте!

— А? — Эстелла, вздрогнув, повернула голову. — Прости, я засмотрелась. Здравствуйте, я Эстелла! — она смело подала Гвидо руку. — А вы индеец? Никогда не видела настоящих индейцев!

Тот рассмеялся.

— Я метис. Моя мать индианка, отец португалец, когда-то его предки приехали в Лиму, а потом сюда и тут и обосновались. Так значит, невеста? Ну ты быстрый, Данте! Только недавно утверждал, что у тебя нет невесты, и вот на тебе! — Гвидо приосанился. — Где ж это ты её подцепил? Какая красotka! Настоящая дама!

— Она и есть дама. И у нас будет свадьба.

— Неужто такая же, как у Клема? Тогда уж лучше не женись! После того, как Клем женился, мы уж забыли, как он выглядит. Жёнка-то богомольная поди никуда не пускает, — Гвидо захохотал. Стоявшие рядом мужчины тоже.

Тем временем, гнедая была обуздана. Гаучо проехался по кругу, благодарственно склоняя голову. Снял шляпу, явив взорам копну каштановых кудрей.

— Это девушка? — ахнула Эстелла.

— Ещё какая! — вместо Данте ответил Гвидо. — Данте, походу дама-то твоя не в курсе, какие у нас девушки бывают. Она натура утончённая, сразу видать. А у нас тут, что девка, что мужик — всё одно. Они не хуже нас умеют ездить верхом. Её зовут Джованна, все кличут Джо. Она с пяти лет в седле, как настоящий парень, и не отличишь.

Эстелла во все глаза пялилась на молодую пайсану. Та, спрыгнув с лошади, раскланялась публике и перемахнула через забор. Одета она была по-мужски: в сапогах, рубаше, штанах и с кинжалом за поясом.

— Пойду-ка я домой, — сказала она хриловатым баском. — А то Тинчо с работы привалит, а на кухне — мышь сдохла, — задымив папиросой, Джо вразвалочку удалилась.

— Она даже ходит как мужчина, — пробормотала Эстелла, а про себя подумала: вдруг эта Джо тоже, как и Сантана, любит женщин? При столь мужских замашках это было бы неудивительно.

— А муж её всё равно любит! — сообщил Гвидо, скаля редкие зубы.

— Муж? У неё есть муж?

— И муж, и ребёнок, и мозги в башке — всё есть.

Эстелла пожала плечами. Правда, мужчины странные существа. И кого это угораздило жениться на такой мужланке?

Данте обнял любимую.

— Друзья, внимание! Я хочу сделать объявление! — выкрикнул он. Вся толпа — человек тридцать повернули головы. — Знакомьтесь: моя невеста Эстелла. На днях у нас будет свадьба! Я всех приглашаю!

Раздались вопли, свист и хлопки. Эстелла и опомниться не успела, как Данте, подхватив её за талию, усадил на Жемчужину, сам вскочил на Алмаза, и они проехали по кругу.

— Надо ж, какую красоту себе отхватил!

— Завидная невеста! Я тоже такую хочу!

— Пригласил, теперь не отвертись! Мы все припрёмся на свадьбу!

В глубине души Данте побаивался, что эти дикие, косматые, бородатые и кое-как одетые люди Эстеллу напугают. И удивился, что ведёт она себя спокойно и даже улыбается. Девушка помахала приятелям Данте ручкой на прощание — она не замечала ничего плохого,

будучи в восторге.

— Эсте, они тебя не напугали? — поинтересовался Данте, когда они снова двинулись в путь.

— Ну что ты! Такие весёлые люди! Мне нравится тут, Данте! Очень. Мне кажется, эта жизнь, о которой я мечтала! Ты думаешь, я могла бы научиться ездить верхом так же, как та женщина, которая обуздавала лошадь?

— Ммм... могла бы, думаю. Если хочешь, я тебя научу разным трюкам и научу кидать лассо.

— Да, хочу, хочу, хочу! — Эстелла вела себя как маленькая девочка.

— Договорились. Но только в седле. Не хочу, чтобы ты свернула шею. Джо ездит на лошади с детства, а ты только села, так что без глупостей!

Эстелла, хохоча, стащила с себя шляпу — тёмные локоны заструились вдоль спины.

— А я красивая с распущенными волосами?

— Ты всегда красивая. Я обожаю тебя любой, но с такой причёской ты выглядишь более... ммм... более свободной. Тебе идёт.

— Они ведь тоже так ходят. Ну что я, как белая ворона? — хихикнула Эстелла, указывая на простоволосую женщину, что шла мимо. — На меня и так все смотрят. Они вон какие все загорелые!

— Мы с тобой два сапога пара. Я, сколько бы не сидел под солнцем, так хоть бы чуточку загорел. Чёрта-с два! Оно меня не берёт. Может, это с магией связано, не знаю.

— А я никогда и не загорала. Для женщины в высшем обществе неприлично иметь смуглую кожу. Хотя, по-моему, это красиво, но у нас так не принято. Мы вечно в самую жару ходим с зонтиками и в перчатках, да ещё и в шаль закутываемся, чтобы шея не сгорела.

Они миновали ещё несколько домиков, и Эстелла заметила, что Данте как-то погрустнел. Когда они проезжали мимо дома, на ограде которого висели сапоги, а по дворику гуляли индюшки, Данте закусил губы.

— Данте, что-то не так?

— Нет, всё так.

— Ты странный.

— Нет, я обычный, не обращай внимания.

— А куда мы едем?

— К моему брату Клементе. После того, как он женился, он живёт отдельно от родителей. Думаю, мы остановимся у него на пару дней.

— О, ты так много о нём рассказывал! Я давно хочу с ним познакомиться! — обрадовалась Эстелла.

Юноша и девушка выехали на импровизированную аллею из вишнёвых деревьев, внутри которой стоял домик, похожий на перевёрнутую половинку яйца.

— А что это за дом? — любопытничала Эстелла.

— Здесь живёт местный знахарь. Все говорят, что он колдун, но по мне, так обычный дед. Навряд-ли он маг, хотя я не общался с ним, только издали видел. Он лечит всех травами и ещё он совершает ритуальные обряды на праздниках. Завтра я к нему наведаюсь. Именно он будет проводить церемонию нашей свадьбы.

— Значит, он что-то вроде местного священника?

— Ну... можно сказать и так.

Они спешили у двухэтажного домика, утопающего в зарослях жасмина. Привязав

лошадей у входа, Данте толкнул низенькую калитку и вошёл в сад. Эстелла — следом. Но юноша и в дверь постучать не успел, как из неё молнией вылетела девушка. Пронеслась мимо, чуть не сбив Данте и Эстеллу с ног. Одета она была в длинную чёрную рясу с капюшоном. Из-под капюшона по плечам спускались каштановые кудри. Девушка выскочила, как смерч, и унеслась по дороге. Эстелла, переведя взгляд на Данте, заметила на его лице не столько недоумение, а скорее шок.

— Данте, что-то случилось? Кто это?

— Понятия не имею, что тут у них происходит, и тем более не понимаю, что ОНА тут делала! — фыркнув как-то презрительно, Данте постучал в дверь.

На стук никто не отозвался и тогда он повернул ручку. Дверь поддалась — после ухода незнакомки осталась незаперта. Данте втащил Эстеллу внутрь. Небольшая прихожая, на полу — циновки.

— Клем! — позвал Данте. — Клем!

Но его никто не услышал — из внутренних комнат раздавались вопли.

— Замолчи! Хватит надо мной издеваться! — кричал голос Клемента. — Ну невозможно же так жить, ей богу!

— Не смей упоминать Бога, ты Сатана и брат твой Сатана! — не менее громко орал женский голос. — Я буду молиться, чтобы вы все сгорели в аду!

Данте и Эстелла переглянулись.

— Мне кажется, мы не вовремя, — шепнула Эстелла. — Как-то нехорошо сваливаться людям на голову, когда у них скандал.

— Да брось ты, Клем мой брат. Просто я не хочу идти в тот дом... ну... — Данте запнулся, — к моим приёмным родителям. Я не хочу их видеть.

— Не переживай, я всегда буду с тобой и всегда буду на твоей стороне, — Эстелла взяла Данте за руку, уловив боль в его глазах.

А Пия с Клементе продолжали сыпать оскорблениями.

— Ты меня достала со своей никчемностью, со своими молитвами и истериками! — заливался Клем. — Будь проклят тот день, когда я на тебе женился!

— Не смей проклинать, это грех! О, Господи, защити меня и помоги мне! Спаси меня от этого нечеловека, который по твоей воле или по воле злых людей, не знаю, стал моим мужем. Чтоб он провалился! Это чудовище заставляет меня купаться во грехе и всякий раз после этого я вынуждена стоять на горохе и читать молитву Пресвятой Деве тридцать четыре раза, — гнусавила Пия нараспев.

— Брось ломать комедию, идиотка!

— Заткнись, исчадие, ты мешаешь мне молиться! Господи, прости его.

— Иди и молись у себя в комнате, больше не могу это слушать! Какая ты жена? Нет у меня жены! Я женился на глупой монастырской мыши!

— Именно поэтому ты бегаешь по притонам, прости Господи! Животное! Кувыркаешься со всякими тварями, а потом они приходят сюда и качают права! О, Бог он всё видит. В аду для тебя уже готов котёл!

— Это не твоё дело с кем и чем я занимаюсь!

— Ещё как моё! Я твоя жена!

— Да какая ты жена, если мы спим в разных комнатах? Ты не женщина, ты пенёк! Ты даже не в состоянии ублажить своего мужа!

— Ох, замолчи! — истерически вскрикнула Пия. — Не смей говорить при мне таких

слов! Грешно заставлять женщину заниматься всякими непотребностями!

— Спать со мной — это непотребности?! — взвыл Клементе.

— Ещё какие!

— Но я твой муж!

— Бог всё видит, учти. Я позволила тебе это сделать после нашей свадьбы, но больше — ни в коем случае! Это грех! Ох, я умру если это повторится ещё раз. Я согласна даже не рожать детей, лишь бы этого не делать.

— Не рожать детей — тоже грех! — сморозил Клем.

— Ты не можешь меня заставить! Если Бог даст нам детей, то он даст, и для этого необязательно делать всякие гадости. Я могу пойти к падре Антонио, и он скажет, какие молитвы надо прочитать, чтобы зачать ребёнка.

Всё стоявшие в прихожей Данте и Эстелла одновременно прыснули со смеху.

— Она не знает что теряет, — шепнула Эстелла Данте на ушко. — Хотя... может, она его просто не любит?

— Да она больная на голову, разве не очевидно? Помешана на молитвах. Надеюсь, нас с тобой не ждёт та же участь? А то я сбегу со свадьбы! — пошутил Данте, крепко обнимая любимую.

— Если ты не будешь выполнять супружеские обязанности, я расскажу об этом всем, да ещё и к твоему падре Антонио схожу! — продолжал Клементе.

— А падре знает, что я благочестивая католичка и не занимаюсь развратом. Иди вон к своим девкам и делай всякие пакости с ними. И больше пусть сюда не являются, а то я за себя не отвечаю! Со мной рядом Бог! Надо было сунуть ей в лицо святой крест, чтобы она превратилась в кучку пепла! Пойду помолюсь, а то скоро мне на мессу идти.

Раздались шаги — Пия убежала наверх. Тогда Данте высунул нос из-за угла. Клем стоял посередине комнаты, обхватив голову руками.

— Кхм... можно? — спросил Данте.

Клементе обернулся и окаменел от неожиданности.

— Данте?

— Привет.

— Привет, ты... ты откуда здесь?

— Да вот, приехал по делам. Знакомься, это Эстелла, — он выудил Эстеллу из-за себя. — А это Клем, мой брат.

— Привет, — Клементе похлопал глазами.

— Привет. Данте много о тебе говорил. Рада познакомиться, — Эстелла подошла и сама пожала Клему руку.

— Мы, похоже, не вовремя? — скептически заметил Данте.

— Вы всё слышали? Да нет, собственно, у нас каждый день так. Обычные будни обычного брака. Извини, что стала свидетельницей такой сцены, — он повернулся к Эстелле.

— А, ничего, не извиняйся, я привычная. У меня дома примерно тоже самое, — улыбнулась Эстелла.

— Клем, мы с Эстеллой женимся, — не стал ходить вокруг да около Данте.

— Вот как? — Клементе наморщил лоб. — Когда же?

— Да хоть завтра! Главное договориться с этим, как его, Тилон... Тритон...

— Тибурон. Ты хочешь языческую свадьбу? Но... думаю, мама будет против. Она туда

не пойдёт.

— А я её и не приглашаю! — Данте взмахнул волосами, после трансформации в Салазара ощущая, что ему не хватает их длины. Хоть и превратиться обратно в себя оказалось просто — надо было лишь снять изумрудный перстень с пальца.

— Ну что ж, располагайтесь. Это хорошо, что вы пришли сюда, а не к родителям. Я так соскучился по нормальным людям, ты не представляешь! — вздохнул Клементе. — Пия — сдвинутая, сами увидите. Ну ладно, хватит об этом. А где ваши вещи?

— Там, у порога.

— Пойдёмте, я вас отведу в гостевую спальню. У нас только одна гостевая комната, кстати.

— А нам больше и не надо, — Данте прижал Эстеллу к себе. Та вспыхнула от стыда и удовольствия.

Клементе как-то обречённо рассматривал парочку.

— Ты, я смотрю, прямо весь светишься, — с завистью сказал он.

— Я встретил Гвидо, — синие очи дерзко сверкнули. — Он говорит, что уже забыл, как ты выглядишь.

— Всё тебе шуточки шутить, не меняешься. Теперь никуда ж лишний раз не пойдёшь, а пойдёшь, так потом крику два дня. У меня ж это, семья, — при этих словах Клем сморщился, будто съел лимон.

— Никуда не пойдёшь, семья, бу-бу-бу, ты говоришь, как дряхлый дед! — ухмыльнулся Данте. Клем и вправду сейчас выглядел старше своих лет. — Но я в любом случае безумно рад тебя видеть!

— А я-то как рад!

Клементе и Данте внесли чемоданы в небольшую светлую комнатку: стены, обитые ситцем в мелкий горошек, двуспальная кровать по центру, деревянный шкаф в углу и прозрачные шторы на окнах.

— Не хоромы, но жить можно, — объявил Клем. — Располагайтесь.

— Мне нравится! — воскликнула Эстелла. — Здесь так светло и уютно! А я люблю, когда светло!

— Да, нам всё нравится. Главное, что кровать просторная, — рассмеялся Данте. — Эсте, ты позволишь, я спущусь вниз и поговорю с братом? Я недолго.

— Ага, иди. А я пока тут всё осмотрю, вещи разберу...

Клем и Данте спустились вниз, оставив Эстеллу одну. Сели на плетёную соломенную софу. Клем заварил матэ.

— Милая девчонка, — сказал он. — Где ты её подцепил-то? Кто она?

— Дочка алькальда.

Клем вытаращил глаза.

— Дочка алькальда? Что, та самая?

— Ага.

— Ты ж говорил, что у вас всё закончилось.

— Ну... сказал так, чтоб все отстали.

— И ты собрался жениться? Вот так сразу?

— Да. Я люблю её до безумия. И она меня. Мы не можем жить друг без друга.

— А что её родители?

— Я с ними познакомился, но они хотят выдать Эсте замуж за другого, поэтому мы

сбежали и хотим пожениться как можно быстрее. Это единственный выход. Тогда нас уже никто не разлучит. Ведь брак — это на всю жизнь.

— Да, уж я-то это знаю!

— Не буду говорить, что я тебя предупреждал.

— Вот и не надо! Сам дурак, знаю. А ты-то сам уверен, что не пожалеешь?

— Нет, Клем. У нас с Эсте нет вариантов. Или свадьба, или у меня её заберут. Нас всё равно однажды найдут, а если мы расстанемся, мы оба умрём. У тебя другая история. Когда ты женился на Пии, ты не любил её, думаю, и сейчас не любишь. А я умираю от любви, вот и вся разница.

— А я тебе завидую! Ты делаешь то, чего не смог сделать я: ты борешься за свою любовь. А девчонка-то хорошенькая, смышлённая такая. Я желаю тебе счастья, брат! — Клементе, обняв Данте, похлопал его по спине.

— А теперь Расскажи-ка о себе. Судя по тому, что мы с Эсте слышали, твои отношения с Пией оставляют желать лучшего.

— Да нет у нас никаких отношений, — хмуро буркнул Клементе. — Кроме ругани нет ничего. Мы спим в разных комнатах. Быть моей женой она не хочет даже ради того, чтобы завести детей, ты ж сам слышал. Ей религия, видите ли, не позволяет спать с мужем. Грех, понимаешь ли. У нас это было всего один раз, после свадьбы. И это было так смешно и нелепо, что я до сих пор вспоминаю с содроганием.

— Почему?

— Представь себе, она была в ночной рубашке. Когда я сказал, что надо раздеться, она начала орать. Дескать, какая-то там нянька, которая её воспитывала, учила, что женщина не должна раздеваться до гола ни перед мужем, ни даже перед зеркалом. Представь себе, она и моется в одежде. На мой вопрос, а как же, простите меня, я должен с ней спать, она сказала, что через рубашку.

Данте не сдержался и хрюкнул.

— Да, тебе смешно, а я впервые узнал, что, оказывается, приличные женщины, в отличие от неприличных, занимаются этим через дырочку в ночной рубашке. Она и мне не позволила раздеться. Сказала, что голое тело — это срамota. Прекрати ржать!

Но Данте прорвало, он съехал с дивана и почти икал, мысленно представив, как возможно заниматься любовью «через дырочку в ночной рубашке».

— Тебе-то весело! А мне каково? Потом, когда мы всё-таки это сделали, она сказала, что это было ужасно, рассыпала по полу горох и стала по нему ползать на коленях и читать свои молитвы. С тех пор мы спим в разных комнатах.

— Бедный Клем! Но, я смотрю, ты времени-то даром не теряешь. Слушай, у меня была галлюцинация или нет? Когда мы с Эсте пришли, мимо нас промчалась Лус?

Клементе кивнул.

— Ага.

— Вы с ней помирились?

— Да мы и не ссорились. Просто она сказала, что не любит меня, и я женился на Пии. А потом... потом снова пошёл во «Фламинго».

— И это говорит женатый человек! — съязвил Данте.

— Да, а что мне делать-то, если у меня жена — бревно? Я же здоровый молодой мужчина, у меня есть определённые потребности. Можно подумать, ты сам туда не наведываешься.

— Сто лет там ни был!

— Хочешь сказать, что тебе хватает твоей аристократки?

— Да, мне хватает Эстеллы. Мне не нужны другие женщины. Она самая прекрасная! Она восхитительна!

— Ты говоришь о ней, как о божестве. Да ты голову потерял! Спусти её с пьедестала. Ты ж говорил, что она девственница.

— Была. Уже нет.

— Значит, у вас уже всё было? — глаза Клема округлились. — Как же быстро ты её уломал! Такие девочки обычно долго водят за нос и требуют сначала жениться.

— Она ничего от меня не требует, я сам этого хочу. Мы любим друг друга.

— Не верю, что тебе понравилось с девственницей после шлюх из «Фламинго», — поморщился КLEMENTE.

— Да они и в подметки ей не годятся! — надулся Данте. — Эстелла самая нежная, самая чистая и самая ласковая, а научить любви — не так уж и сложно, было бы желание. Нам хорошо вместе. Она только моя, а эти девки, которыми ты восхищаешься, обслуживают весь город. Фу-у-у... Да я, если хочешь знать, теперь и близко к ним не подойду. Эстелла пахнет цветами, ты бы знал, какая у неё кожа... Но ты лучше объясни, зачем Лус явилась сюда, что за цирк?

Клем изучал свои ногти.

— Говорит, что беременна. От меня.

— Чего? — Данте расхохотался так, что чуть не лопнул. — И ты поверил? От тебя, как же! И ещё от ста человек. Попала в неприятность и теперь думает, на кого навесить отцовство. Кто первый клюнет, тот и папочка. Она проститутка, Клем! Ты совсем ку-ку?

— Я и не говорил, что верю. Я наоборот ей сказал, что не верю, будто ребёнок мой. Она пригрозила доложить Пии, если я не признаю отцовство. Потом пришла Пия, начала орать и обзывать Лус. Ударила её по лицу и чуть не стукнула её по голове иконой Пресвятой Девы Лухан. Лус убежала, ну а дальше ты знаешь.

— Клем, когда я говорил тебе не жениться на Пии, ты меня не послушался, так послушайся хоть сейчас: не верь в это! Лус проститутка и может быть беременна от кого угодно.

— Да я понимаю, что ребёнок не может быть на сто процентов моим, но только я всё равно не знаю, что теперь делать.

— Ты боишься, что она расскажет Пии?

— Плевать мне на Пию! Но Лус говорит, что хозяйка «Фламинго», донья Нэла, грозит её выгнать. Она ей дала время, чтобы та нашла отца ребёнка и место, где жить. Беременные девочки в её заведении не нужны, а идти Лус некуда. Её семья от неё отказалась. Вот она и пришла ко мне.

— Я, конечно, в таких делах не разбираюсь, — задумчиво произнёс Данте, — но было бы лучше, если бы этого ребёнка вообще не было. Ты не находишь?

— Ну, не знаю... вроде дети — это дар Божий. Да и как его не будет, если он уже есть? А убийство — грех.

— И бла-бла-бла... — Данте закатил глаза. — Не надо уподобляться своей жене и рассказывать мне про божий дар и про грехи, а то меня стошнит. В данном случае это не дар, а головная боль. Вот скажи, зачем тебе ребёнок от Лус? А ей он зачем, хоть от тебя, хоть от кого-то ещё? Нет, я бы понял, если бы ты решил завести ребёнка с Пией, она ведь твоя

жена, но от проститутки...

— И что делать-то?

— Ну, вроде у женщин есть способы, как избавиться от беременности. Она проститутка, должна об этом знать. Не думаю, что у неё это в первый раз. А если не знает, так есть лекари, всякие там знахари, бабки, травки... Ну, я в этом мало понимаю, я ж не женщина. Ты ей просто скажи, пусть она найдёт способ.

Клементе немного помолчал.

— Но как так можно? Убить человека... — пробормотал он.

— Клем, он ещё не человек! Он будет человеком, когда родится. Почему я должен тебе это объяснять, ты уже большой мальчик?! Я так вообще не собираюсь заводить детей, они мне глубоко неприятны.

— Как это ты не собираешься иметь детей? — удивился Клементе. — Даже с Эстеллой?

— Даже с Эстеллой. Я же сказал, я их не люблю. И нам с ней не нужен третий лишний.

— А если она захочет?

— Она не захочет.

— Ну, всё женщины хотят.

— Не думаю. Если бы все женщины их хотели, не было бы брошенных на улице или в приюте детей. Я — главный пример. Меня тоже бросили на произвол судьбы. И я не вижу в Эстелле склонности к материнству. Она хочет учиться, а не заводить детей.

— А если случайно получится, ну, как у Лус? Тут ведь такое дело, знаешь ли...

— Не получится. Ты забыл, что я маг? Я могу контролировать такие вещи. Если я не захочу, детей у меня не будет никогда, а я не хочу.

— Я всегда говорил, что ты не от мира сего, — аргументы у Клема иссякли и, не зная, что ещё добавить, он принялся рассматривать потолок.

===== Глава 31. Тибурон =====

Наутро Данте проснулся первым. Эстелла ещё находилась в объятиях Морфея, лёжа на животе и уткнувшись носиком в подушку. Данте, стащив с неё одеяло, погладил её пальцем по позвоночнику. Поцеловал в шею.

— Ну можно я ещё посплю? Капельку... — захныкала Эстелла. — Ты всю ночь не давал мне спать...

— Спи, солнце мое, — Данте на секунду зарылся лицом в волосы Эстеллы, рьяно подался вверх (он был уже одет) и вышел из комнаты. Сладко зевнув, девушка подтянула ноги к груди и с улыбкой снова вырубилась.

Едва ступив на узенькую деревянную лесенку, Данте услышал внизу голоса. Пия гремела тарелками, накрывая стол в гостиной (отдельной столовой в доме не было). Анхель Лозано, её отец, качаясь в кресле-качалке, прятался за газетой — видны были только его ноги в широченных штанах из поскони [1] и стоптанных домашних башмаках, из коих вылезали пальцы. Клементе, сидя на полу, чинил табуретку.

— Нет, это неслыханно! — возмущалась Пия громко. — Притащить в дом чужих людей и заселить их в одну комнату, не посоветовавшись со мной! Бог тебя накажет за такую подлянку!

— Ну, во-первых, это не чужие люди, а мой брат с невестой, и, во-вторых, это мой дом. Я купил его на свои деньги и буду приглашать сюда, кого захочу.

— А я твоя жена!

— Эту тему мы уже обсуждали вчера. Когда ты станешь полноценной женой, тогда и

поговорим о твоих правах. А пока ты — предмет интерьера, — Кlemente с опаской взглянул на Анхеля, но тот ничего не слышал, увлечённый газетой.

— Они спали в одной комнате, в одной постели! Какой позор, Господи, спаси нас грешных! — истерила Пия.

— И что? У нас нет другой гостевой комнаты, не мог же я поселить их под лестницей.

— Но они не женаты!

— Они скоро поженятся.

— Это приличный дом! — Пия аж вся побагровела от натуги. — Мужчина и женщина не должны спать в одной комнате! Твой брат — Дьявол, это всем известно. Как ты мог впустить Дьявола в наш дом? Ты забыл, что он устроил у нас на свадьбе?

— На свадьбе ему стало плохо, только и всего, — лицо Клема не выражало ничего. — И не мудрено. Ты со своими молитвами и поклонением каждому святому затянула венчание до полутора часов.

— Мало того, что он сам исчадие, так ещё и приволок в дом грязную девку и кувыркается с ней у нас под носом! О, я прекрасно слышала, как они хихикали ночью. А ещё я видела, как он ходит голый по комнате. Гадость!

— Откуда ты это видела, можно узнать?

— А я в окно подсматривала.

— Вот как? А разве подсматривать — это не грех? — съехидничал Кlemente.

— Должна же я знать, что делается в моём доме. Он ходил по комнате голый, совсем голый! Срамота! А она спала в кровати тоже голая. О, я всё видела, и Бог тоже видел этот разврат!

— Бог рядом с тобой стоял, когда ты в окно шпионила?

— Не богохульствуй! Они купаются во грехе, да ещё и приволокли эту жуткую тварь с крыльями.

— Янгус — птица, а не тварь с крыльями.

— Ненавижу птиц! Ты поселил в доме Дьявола и проститутку, и...

— Минуточку! — Данте спустился по лестнице. — Вы, сеньора, можете говорить и думать обо мне, как угодно. Я привык, что про меня болтают за спиной, но Эстеллу оскорблять не смейте! — выдавил он сквозь зубы.

— Та-ак, спокойно! — Клем поднялся с пола.

— Ничем я не оскорбила вашу девку! — сообщила Пия. — Я у себя дома, а вы в гостях. Вы привели проститутку в мой дом.

Данте сжал кулаки.

— Если бы ты не была женщиной, ты бы сейчас получила по физиономии! Не смей называть Эстеллу проституткой! Она порядочная, намного порядочней, чем ты, хоть ты и строишь из себя святую, живодёрка! — не сдержался Данте.

— Данте, перестань! — одёрнул Клем.

— Все женщины, которые спят с мужчинами, по умолчанию грязные проститутки! — наигранно декламировала Пия. — И Господь это знает! Он вас всех покарает! Когда вы окажитесь в адском котле, я буду смотреть на вас с небес и прибавлять огонь побольше, чтоб вам было хуже. Дьявол и проститутка — отличная парочка!

— Я сейчас её убью... — пробормотал Данте. — Просто возьму и убью...

Кlemente заметил, что от его головы уже начал подниматься лёгкий дымок.

— Данте, я хотел тебе кое-что показать, — ухватил он нерадивого братца в охапку, —

пойдём, — Клементе подтолкнул Данте к соседней комнате, но тот не сдвинулся с места.

— Нет, не волнуйся, Клем, я передумал и не буду её убивать, — чёртики ненависти мелькнули в глазах Данте. — Но я хочу рассказать тебе одну занимательную историю. Помнишь, Клем, за два дня до твоей свадьбы у нас умерла Гроза, собака, а потом заболела Янгус? — Данте с удовлетворением отметил, что Пия побледнела. — И я вот всё думал, чтс же за хворь такая приключилась с нашими животными? И пришёл к выводу, что их отравили.

Клементе почесал голову.

— Неужели? Но почему ты вспомнил об этом сейчас?

— А потому. Сеньора, — обратился Данте к Пии, — или, может, мне величать вас Святой Девой? — глаза его превратились в две ледышки. — Клем вернул вам кулон, который вы потеряли в доме наших родителей, когда насыпали отраву нашим животным?

Пия выронила поднос с пирожками — те рассыпались по полу. Анхель зашуршал газетой, вынырнув, наконец, из-за неё.

— Молодой человек, я вам не позволю так обращаться с моей дочерью, — сказал он. — Вы не у себя дома.

— Данте, что ты говоришь? — судя по выражению лица Клементе, недоверие в его душе боролось с ужасом. — Нет, она, конечно, не подарок, но чтобы... Нет, быть не может!

А Данте трясло от приступа неконтролируемого гнева. Эта мерзкая убийца, прикидывающаяся святошей, оскорбляет его Эстеллу!

— Ну что, богомолка, отрицать будешь? А может, это твой бог или падре тебе посоветовали отравить моих животных, а? — Данте заглянул Пии в глаза. Та не отвела взгляд. Лицо её стало жёстким.

— Собака сдохла, потому что такова её судьба, — ответила Пия. — Она жертва обстоятельств. Я же должна была на ком-то испробовать, как действует отрава. А эта ваша птица — посланница ада, я хотела её уничтожить, но раз уж не вышло тогда, я попробую ещё. Со мной Бог, и он мне поможет победить любое зло на этой земле! — выудив из-за пазухи медный крест размером с ладонь, Пия потрясла им у Данте перед носом. — Видишь, вот это — добро, а всё остальное — зло. И я его искореню, чего бы мне это не стояло.

Наступила гробовая тишина. Анхель и Клементе были в шоке. Данте переводил злобный взгляд с лица Пии на крест в её руках, и багряная дымка поплыла у него перед глазами. Ещё миг, и он перестал владеть собой: Пия вскрикнула, когда Данте, сорвав крест с её шеи, бросил его на пол.

— Мы больше ни секунды не останемся в этом доме! — выкрикнул Данте, кидаясь к лестнице. — Мы уходим!

— Но, Данте...

— Пусть уходит! — Пия ликовала. — Он оскорбил Бога, а значит и меня. Забирай свою подстилку и вон отсюда!

— Сука! — не остался в долгу Данте, скрываясь в дверях второго этажа.

Опупевший Клементе уставился на Пию, которая, ползая по полу, размахивала крестом.

— Дочка, — сказал Анхель, — конечно, он поступил дурно, что бросил крест на пол, но и ты вела себя плохо. Это брат твоего мужа и девочка эта — его будущая жена.

— У них свадьба через пару дней, — тихо добавил Клементе. — А ты обозвала её проституткой, но она порядочная девушка.

— Порядочная не спит с Дьяволом! — заявила Пия, совершая крестные знамения вокруг себя.

— Ты давай-ка мне лучше объясни, — повысил голос Клем, — что значит, что это якобы ты отравила Грозу и Янгус? Это что за номер?

— Не собираюсь я тебе докладывать о своих делах! — отрезала Пия.

— Но, дочка, неужели правда, что ты убила собаку?

— Я же сказала, — скрепя зубами выдавила Пия, — я её не убивала! Она жертва обстоятельств. Я лишь проверила на ней действие отравы. Я не виновата, что та оказалась сильной. Только не понимаю, почему сдохла собака и не сдохла птица. Она точно посланница Сатаны, раз даже отраву её не берёт!

— Дочка, как же так можно? Я не думал, что ты на такое способна, — Анхель покачал головой.

— Не могу поверить! На каком же чудовище я женился?! И ты ещё смеешь бога упоминать? Убийца! Больная фанатичка! — Клементе орал так, что люстра, приделанная к потолку двумя медными цепями, ходила ходуном. — Значит так, я, как твой муж и хозяин этого дома, тебя наказываю! Немедленно иди к себе в комнату и не смей оттуда выходить! Поняла?

— Что?

— Что слышала! Иначе я подам на развод и всем расскажу, что ты не выполняешь супружеский долг! Станешь разведённой овцой, и все пальцами в тебя тыкать будут!

— Ты не посмеешь, посланник ада!

— Вон! Вон отсюда! Пошла к себе, и больше не попадайся мне на глаза! И учти, мой брат и его невеста никуда не уйдут! Это мой дом, и они мои гости!

— Ах так? Ну хорошо! Тогда я буду молиться три дня и три ночи и поставлю свечки за упокой тебе, твоему братцу, его девке и вообще всем, кто ломает мне жизнь! — и Пия в слезах убежала.

— Сеньор Анхель, вы считаете это нормальным? — обратился Клементе к тестю. — Вот скажите, ваша дочь здорова?

— Я... я... честно говоря, я потрясён, — промямлил тот.

— Вы сегодня наблюдаете такую сцену, потому что впервые пришли к нам на завтрак, — сказал Клем. — С утра она ещё хуже, чем вечером. Но вообще-то она такая всегда.

— Но Пия с детства была спокойной, скромной девочкой, не понимаю, что с ней случилось.

— Что с ней случилось? С ней случилась церковь! Моя мать такая же. Это ужасно! И знаете, если она продолжит в том же духе, я отвезу её в Жёлтый дом. Она опасна для общества! Вчера она убила собаку, а завтра она начнёт убивать людей, потому что ей покажется, будто они посланники дьявола.

— Да, ты прав, — Анхель опять вздохнул. — Тяжело признавать, но, вероятно, девочка больна.

— Пойду наверх, надо извиниться перед Данте за эту безобразную сцену.

— Позволь, я с тобой.

Данте в ярости носился по комнате, запихивая разложенные накануне вещи обратно в чемоданы. Эстелла уже встала, оделась и теперь недоуменно смотрела на мечущегося, как лев в клетке, любимого.

— Данте, милый, что случилось?

— Мы отсюда уходим! Ни секунды больше в одном доме с этой гадиной не останусь! —

рычал Данте, бегая от шкафа к кровати и назад. Так он бесился, пока не налетел на стул и не свалился на пол.

— Данте, — Эстелла, сев рядом, обняла его за шею, — милый мой, успокойся. Расскажи мне, что произошло?

— Эта... эта кикимора... Пия! Мало того, что она оскорбляла тебя и трясла перед моим носом крестом, так она ещё и шпионила за нами!

— Как это?

— Так. Я слышал, как она рассказывала Клему, что сегодня утром подсматривала за нами через окно. И ещё возмущалась, что, дескать, мы голые спим. Это невыносимо! Я не знаю, как Клем тут живёт, и не хочу этого знать! Она же больная! У неё явно проблемы с головой, да ещё и с садистскими наклонностями, мерзкая живодёрка!

— Не понимаю...

— Два месяца назад она убила нашу собаку и чуть не убила Янгус — накормила их отравой. Я подозревал, что это она. Сегодня она меня довела и я бросил ей это в лицо, и она не стала отпираться. Тварь!

— Ну успокойся, мой дорогой. Если ты хочешь уйти, мы уйдём, — Эстелла прижала его голову к своей груди, и в её объятиях Данте начал остывать.

— Войдите, — сказала Эстелла, когда в дверь постучали.

Это были Кlemente и Анхель. Увидев, что влюблённые сидят в обнимку среди кучи вещей и чемоданов, Анхель смутился.

— Простите, что помешали, но я хотел извиниться за свою дочь, — сказал он потупившись. — Понимаете, я думаю, она помешалась на религиозной почве. И что с этим делать, я не знаю.

— Данте, правда, я не хочу чтобы вы уходили. Пия больше не станет вас трогать, я наказал её. Теперь она сидит в комнате в обнимку с иконой святого Мигеля, рыдает и грозит, что будет молиться за то, чтобы мы все умерли, — Кlemente невесело рассмеялся. — Вот такая у меня жена.

— Данте, ну правда, давай останемся, — сказала Эстелла мягко. — Ну сам подумай, куда мы сейчас пойдём? Мы не можем вернуться в город, пока не поженимся, ты же сам знаешь...

— Хорошо, — прошептал Данте сипло, — но мы останемся только до свадьбы. Сразу после свадьбы мы переедем.

— Куда? — хором воскликнули Кlemente и Эстелла.

— А это уже моё дело, — пробурчал Данте и в поисках ласки ткнулся носом в эстеллину шею.

Кlemente и Анхель ретировались.

К обеду в доме наступило затишье — только вой и молитвы Пии разносились на весь второй этаж. Анхель и Кlemente ушли по делам (теперь они вели совместную торговлю шкурами и мясом), а Эстелла, вооружившись иголкой, изобретала себе свадебный наряд из ярко-зелёного бального платья, которое она прихватила из дома впопыхах. Янгус, сидя на плече девушки, внимательно смотрела за её работой и щёлкала клювом. Данте же отправился на встречу с человеком, который должен был проводить обряд венчания.

До дома старика Тибурона можно было добраться пешком минут за пятнадцать или доехать на лошади за пять минут. Данте пошёл пешком. Несмотря на утреннюю нервотрёпку, он успокоился и сейчас злорадствовал. Наконец-то Клем проявил характер,

поставив эту чокнутую Пию на место.

Вскоре Данте уже рассматривал фасад домика, напоминающего половинку яйца, вбуравленную в землю. С трудом обнаружив дверь, постучал. На порог выплыла тучная индианка. Хмурое, хоть и молодое лицо, тяжёлая нижняя челюсть и кожа оттенка меди придавали ей вид суровый, даже пугающий.

— Мне... мне нужен сеньор Тибурон, — сказал Данте робко.

Женщина махнула рукой, приглашая гостя внутрь. Миновав узкий коридорчик, они зашли в помещение, стены которого были обиты красным бархатом. Всюду дымились благовония, и у Данте мигом закружилась голова. Красные кресла и лежаки с откидными бортиками, с золотыми и пурпурными подушками; по центру — круглый стол, расписанный позолотой. Окна закрывали портьеры цвета свернувшейся крови. Хозяина комнаты Данте увидел не сразу: одетый в алую рясу-халат, он лежал на красном диване и курил кальян, выпуская из трубки клубы сизого дыма. Это был пожилой мужчина с длинной бородой и длинными же седыми волосами. Оглядев растерянного Данте, он ухмыльнулся.

— Эу, подай гостю выпить, — обратился он к индианке.

Та поклонилась и молча вышла.

— Надо же, кто к нам пожаловал! А я вот всё думал, когда же ты придёшь? — сказал старик моложавым голосом. — Данте, не так ли?

— Мы разве с вами знакомы, сеньор?

— О, быть может, мы встречались в прошлой жизни, — загадочно улыбнулся хозяин. — Присаживайся вон там и рассказывай, зачем ты пожаловал в мою скромную обитель? — он указал на кресло напротив.

Данте сел в него. Кресло было мягким и жутко неудобным, и Данте будто провалился в болото.

Эу принесла кубок со странно булькающей жидкостью зелёного цвета. Взяв сосуд в руки, Данте осторожно понюхал его (пахло полыньё), но пить не стал. Интересно, этот человек — настоящий колдун?

Старик внимательно глядел на юношу.

— Я знаю, что вы проводите свадебные обряды, — начал Данте.

— Так и есть.

— Мне бы хотелось, чтобы вы поженили меня и мою невесту.

— Когда же ты хочешь свадьбу?

— Чем раньше, тем лучше.

— Могу предложить нечто особенное.

— О чём вы?

— Для тех людей, что не хотят венчаться в церкви, безбожников, еретиков, чернокожих и краснокожих или тех, кто желает оригинальную свадьбу, я провожу обычный языческий обряд бракосочетания. Но ведь ты маг. А для магов существуют и более интересные ритуалы.

— Откуда вы знаете, что я маг? — обалдел Данте.

— Я это чувствую.

— Значит, вы настоящий колдун?

— А ты думал я шарлатан? — старик рассмеялся. — Я настоящий колдун. Как и ты. Я вижу твою магию, её много, но она разделена пополам.

— Что это значит?

— А ты хитрец, однако, активно используешь чёрную магию и прикидываешься

овечкой.

— Это неправда, это было всего лишь раз, — Данте потупился, вспомнив о Янгус.

— Нет, больше, — подмигнул старик. — Например, когда хочешь казаться тем, кем не являешься.

Данте нахмурился. Неужели старик имеет ввиду тот момент, когда он обратился в Салазара? А ведь Салазар не предупредил, что эта магия тоже чёрная!

— В тебе живут два человека, — продолжил Тибурон, — и оба управляют тобой. Один — Свет, второй — Тьма. Возможно, ты это чувствуешь, а возможно, и нет.

Данте, встряхнув волосами, прервал колдуна:

— Знаете, я не хочу слушать нравоучения, внушения и прочую ерунду. Я не за этим здесь. Вы мне скажите по поводу свадьбы.

— Как хочешь. Только смотри, я тебя предупредил. Не позволяй Тьме ворваться в твою душу. Страшная сила, способная, как спасти, так и погубить, живёт в перстне, что у тебя на груди.

Данте окончательно впал в ступор.

— Вы что, видите сквозь одежду?

— Нет, чувствую. Только один артефакт на свете имеет такую силу — перстень! — старик улыбнулся. — Но не доверяй этому. Перстень даёт силу, но лишает разума. Он даёт власть, но забирает душу. Так вот, свадьба, — резко переключился колдун. — Твоя невеста — не ведьма, насколько я понимаю, а жаль...

— Вы и это знаете? — ахнул Данте, всё больше опасаясь колдуна. — Какая разница, что Эстелла не ведьма?

— Для тебя никакой. Но для неё близость с магом может быть чревата.

— Но... мы любим друг друга!

— Ты её украл из дома, ведь так?

— Ну, можно сказать и так. Мы убежали вместе.

— Вас найдут, — скептически заметил старик. — Три врага преследуют вас: коварная женщина, ревнивый мужчина и человек в маске. Последний — самый опасный, потому что ты не знаешь его лица. Он многоликий, меняет облик по желанию. Эти трое не оставят вас в покое. Для таких случаев есть один ритуал, Ритуал Забвения. Используя его, можно добиться того, что враги забудут о вас навсегда. Но это невозможно, потому что у твоей женщины нет магической силы. Это осуществимо только в отношении магов. Если даже мы и совершим Ритуал Забвения, враги забудут о тебе, но не о ней.

— А что делать?

— Выход есть, — сейчас лицом Тибурон напоминал ястреба, — но всё зависит от тебя.

— Это тоже чёрная магия? — настороженно спросил Данте.

— Чары Любви. Можно сделать так, что эта женщина станет твоей навсегда. Никто и никогда не разорвёт вашу связь. И пока жива любовь, она будет хранить вас обоих. Не если ты или она, кто-то один, разлюбит, действие чар закончится.

— Я уже слышал об этом. Но разве сейчас мы с Эстеллой не связаны таким же образом?

— Не совсем. Она не магесса и не может хранить долго волшебство в своей крови. Потихоньку магия слабеет, и если вы, например, расстанетесь надолго, то она угаснет. А я предлагаю тебе сделать так, чтобы твоя магия осталась в её крови навсегда.

— Эстелла тоже станет ведьмой?

— Нет, ведьмой она не станет. Способность колдовать даётся от рождения, но между

вами возникнет прочная связь, связь вечная.

— А у этих чар есть последствия? — поинтересовался Данте. — Ведь у каждого магического ритуала есть последствия, разве не так?

— Ты прав, но их можно варьировать в зависимости от ситуации. В данном случае последствия — это обмен. Дашь на дашь. Я сделаю так, что с этой женщиной тебя не разлучит никто и ничто. Даже если завтра город накроет бубонная чума, все вымрут, а вы вдвоём выживите. Или умрёте, но вдвоём. Понимаешь?

— То есть, если один из нас умрёт, то умрёт и второй?

— Именно. Но вероятность того, что вы оба выживите значительно больше. Но это так, пугалки, уверен, до этого не дойдёт. Хотя это целиком зависит от тебя: думай головой и не попадай в истории. Ну так что?

— Вы не сказали о цене. Дашь на дашь предполагает, что я должен буду сделать что-то взамен?

— А ты умный парень, сразу хватаешь быка за рога. Цена есть. Насколько она большая, решать тебе.

— Что за цена?

— Перстень.

— Что?

— Ты отдашь мне волшебный перстень.

Такого Данте не ожидал.

— Подобная цена за твою любовь тебе кажется чересчур высокой? — хищно улыбнулся старик. — Значит, я в тебе ошибся. Не думал, что ты такой алчный. Получается, что ты не так уж и любишь девушку.

— Это неправда! — разозлился Данте, понимая, что дед манипулирует его чувствами к Эстелле. Но... разве у его любви есть цена? Ради Эстеллы он бы отдал всё, что угодно. И зачем ему этот перстень? Кроме несчастья эта побрякушка ничего не принесла ему. Но у Данте оставались сомнения.

— Допустим, я соглашусь, — сказал он. — Но я хочу услышать ответы на свои вопросы.

— Спрашивай.

— Откуда вы всё обо мне знаете? Откуда вы знаете про перстень?

— Я колдун, а кто из колдунов не слышал о перстне? Среди нас, магов, все знают, что Брухо оставил перстень на шее у младенца-волшебника. Того младенца, который выжил при пожаре. Ведь это ты. Стоит лишь заглянуть тебе в лицо, чтобы узнать тебя. Тебя нельзя ни с кем спутать.

— Хорошо, допустим. А зачем вам перстень?

— О, какой же колдун не мечтает о нём? Это сильнейший магический артефакт. Многие маги охотятся за ним. И тебе было бы безопасней избавиться от такой силы, тем более, ты не используешь её по назначению. Получается, она тебе не нужна.

— Если я отдам перстень, я перестану быть магом?

Тибурон рассмеялся.

— Вовсе нет. Магический дар пришёл к тебе не с перстнем, он в тебе от рождения. А перстень — это артефакт, дающий власть, власть над людьми, стихиями и силами природы.

— А кто вы на самом деле?

— Я Тибурон, просто маг, как и ты.

— Вы имеете какое-то отношение к Брухо? К моей настоящей семье, к пожару в том

доме?

— Ни в коей мере. Я лишь хочу получить перстень.

— Я могу подумать?

— Разумеется.

— Хорошо. Тогда я подумаю, а затем приду снова. А что на счёт свадьбы?

— Надумаешь, и будет свадьба. Вышеназванный ритуал совершим прямо на ней.

Данте поднялся и, поставив на стол кубок, из которого так и не сделал ни глотка, хотел уйти.

— Почему ты не выпил напиток, который приготовила Эу? — окликнул его старик.

— Не пью сомнительные жидкости. Вдруг там яд?

— Bravo! В тебе чувствуется дух истинного колдуна. Я бы на твоём месте тоже ничего бы не стал пить в доме другого мага, — взяв кубок, Тибурон понюхал его. — Эликсир Сна: сон-трава, полынь, кровь скорпиона и кожа семидневного головастика. Усыпляет намертво. А-ха-ха-ха! Я бы мог тебя усыпить и забрать перстень. Но я не вор. Только честный обмен. Украденный артефакт не станет работать на человека, его укравшего — закон магии. Ступай.

Данте выбежал на воздух. Итак, этот человек предлагает ему сделку. Может, надо было отдать перстень сразу? Нет, а вдруг дед обманет, он адски хитер. Не то, чтобы Данте было жалко перстень — ради Эстеллы он бы позволил содрать с себя кожу, — но выставяться идиотом тоже не хотелось.

Пока Данте брёл назад, он решил: завтра пойдёт к колдуну и скажет, что отдаст перстень после того, как они с Эстеллой поженятся. Он сыграет по правилам старика, но на своих условиях.

С этими мыслями Данте вошёл в дом и тут же услышал вопли. Влетел в гостиную и потерял дар речи: Эстелла, визжа, шарахалась по столу, а под ней, сверкая чёрными глазками, гуляла огромная жирная крыса.

Комментарий к Глава 31. Тибурон —————

[1] Посконь — домотканая дешёвейшая ткань из конопляного волокна, грубая и неокрашенная.

===== Глава 32. Тарантул =====

Данте тупо смотрел то на Эстеллу, то на крысу. По спине побежал холодок, и тот детский безудержный страх, страх патологический, вновь проснулся в нём. Каменные стены. Каменный ледяной пол. Вот, в углу лежит огромная крыса. А вот, и он сам — худенький мальчик двенадцати лет от роду, прижавшись к стене умирает от ужаса.

Вопли Эстеллы перешли в нервные всхлипывания. Босая, она металась туда-сюда по столу. Крыса важно ходила кругами, с любопытством глядя на перепуганную девушку. Размером она была с небольшую собачку.

В мозгу у Данте вдруг что-то щёлкнуло, и это что-то вырвало его из объятий страха. Нет, он больше не маленький забитый мальчик! Это было давно, он уже взрослый. Он не боится оседлать дикую лошадь и один побороться с бандитами. Смешно, если он испугается крысы. В этот момент Эстелла, плача, закрыла лицо руками.

Шлёп! Раздался звук, похожий на тот, с которым нож вонзается в плоть.

Бульк! Что-то зажурчало.

Эстелла отняла руки от лица. Крыса валялась на полу в луже крови, в боку у неё торчала серебряная рукоять с изображением Парадисы — райской птицы с длинным пышным

хвостом. Такой кинжал у Данте! Эстелла обернулась. Данте, бледно-зелёный, стоя в дверях, в упор смотрел на крысу.

— Она сдохла? — глухо выговорила Эстелла.

— Должна сдохнуть от удушья. Кинжал смазан ядом кураре, — отозвался Данте безэмоционально.

— Ядом? — Эстелла слезла со стола.

— Таким ядом индейцы и гаучо мажут стрелы для охоты на животных. Это смертельный яд. Убивает сразу.

— Так то стрелы. Зачем же мазать ядом кинжал? А вдруг ты сам об него поранишься? — обняв Данте, Эстелла почувствовала, что он весь натянут как струна.

— Не поранюсь, я умею обращаться с кинжалом. Но мало ли с кем можно столкнуться на пустой дороге, — голос юноши звучал хищно, а глаза были черны, как два уголька.

— Данте, милый, хорошо, что ты пришёл, я так испугалась...

— Не бойся, моя девочка. Подумаешь, крыса. Я буду тебя защищать. Всегда и ото всех.

— Да, я знаю. Рядом с тобой я ничего не боюсь.

— Откуда здесь взялась крыса... Как она сюда попала... — Данте произносил слова на одной ноте, находясь в глубоком трансе.

— Понятия не имею. Я спустилась вниз приготовить себе чай, как вдруг мне под ноги упала крыса.

— Что значит «упала»?

— Упала прямо сверху. Я стояла под лестницей. Должно быть, она спрыгнула с перил.

— Или её кто-то сбросил.

— Ты думаешь?

— Уверен, и даже подозреваю кто.

— Пия?

— Ну а кто ещё?

— Но ведь твой брат запер её в комнате, — усомнилась Эстелла.

— Значит, так запер. Крыса не могла прийти сюда сама. Эта богомолка хочет сжить нас со свету!

— Наверное, ты прав, — Эстелла взяла Данте за руку. Поцеловав его тонкие заострённые пальцы, заметила на них когти.

— Данте, а у тебя опять ногти выросли, — сообщила девушка весело. — Как в тот раз, когда ты был у меня дома. Ты превращаешься в кота. Нет, я не против, если ты станешь чёрным пушистым котярой. Я бы тебя гладила по шёрстке и клала с собой в постельку, но при условии, что ты не станешь меня царапать, — Эстелла захихикала.

Но Данте наблюдал её в каком-то тумане. Зато перед глазами чётко стояла мёртвая крыса. И при виде того, как она истекает кровью, в душе его проснулся злорадный восторг. Он убил крысу! Убил! И ему хорошо! И если бы на месте этой крысы оказался человек, ему бы тоже было хорошо. Он бы с удовольствием полюбовался, как недруги валяются в лужах крови у его ног.

— Милый, что с тобой? Не пугай меня, — Эстелла потрепала Данте за подбородок. — Не превращайся в кота, не надо, я пошутила! Ни в кого не превращайся, я люблю тебя таким, какой ты есть. Слышишь? Я тебя люблю! — и, встав на цыпочки, Эстелла поцеловала Данте в губы.

Это подействовало мгновенно. По телу разлилась истома. Красная дымка перед глазами

спала. Данте вздрогнул и очнулся. Отвёл взгляд от крысы. Увидел Эстеллу в своих объятиях. Глаза его вновь посветлели, когти исчезли.

Заметив на полу кровавое месиво, Данте испытал приступ тошноты. Что это с ним? Он будто был под гипнозом. Неужели страх довёл его до такого состояния, что он перестал себя контролировать? С ним уже происходило подобное в детстве, когда Сильвио бросил его в подвал, и Данте не сопротивлялся, обратившись в истукан. Вот и сейчас. Он помнит, как вынул из-за фаха кинжал и метнул его в крысу, и дальше будто провалился в яму. И эти когти... Неужели он опять трансформировался в Салазара? Он ведь думал, что с этим покончено, когда после сватовства в доме Эстеллы возвратился в «Маску», снял перстень и тут же обернулся в себя. С того момента Салазар не появлялся, а перстень Данте больше не надевал. Но, быть может, магия изумруда действует и без этого? Тибурон же сказал, что это сильнейшая штука. А он, Данте, до сих пор не знает всех его свойств. Наверное, от перстня и впрямь лучше избавиться, пока он не превратил своего хозяина в монстра. Да, так и сделает, отдаст перстень Тибурону сразу после свадьбы.

— Надо бы убрать отсюда крысу, — сказала Эстелла.

— Угу...

Проглотив комок в горле, Данте подошёл к крысе. Взмахнул рукой. Хлоп! Крыса и кровавая лужа исчезли, словно их и не было.

— Здорово! — Эстелла сразу успокоилась. Вообще, она имела в характере замечательное качество: легко забывала о проблемах, когда они оставались позади. В душе же Данте любая неприятность поселялась надолго, поэтому он иногда завидовал Эстелле. Сама Эстелла называла эту свою черту легкомыслием, уверяя, что не может долго заниматься одним и тем же, не может думать об одном и том же или подолгу расстраиваться. Правда, чувства к Данте — исключение, она думает о нём постоянно.

— Милый, а где ты был?

— Ходил к тому старику.

— Ты договорился о нашей свадьбе?

— Почти. Завтра я опять к нему пойду. Думаю, свадьба будет через пару дней.

— А этот старик действительно колдун?

— Да, настоящий колдун, я даже удивился. Но он такой же, как и я. Пойдём в комнату, я тебе расскажу...

В обнимку они ушли наверх и до конца вечера не выходили из спальни. Данте лишь на пять минут спустился, поприветствовал Клема, взял поднос с ужином и снова заперся с Эстеллой в комнате. Про крысу он никому не сказал, но заснуть ночью не мог, в отличие от Эстеллы, которая вырубилась сразу, как голова её коснулась подушки. Данте до утра лежал без сна, перебирая длинные волосы своей возлюбленной. Да, ради этой девушки, ради того, чтобы быть с ней рядом, любить, оберегать её, он пойдёт на многое, если не сказать на всё. И никто их не разлучит — он не позволит.

Проснулся Данте рано от звуков чьего-то голоса.

— Данте... Д-д-анте...

Ещё не открывая глаз, он определил, что голос принадлежит Эстелле и, верно, та чем-то напугана. Данте резко подался вверх:

— Что случилось?

Эстелла сидела на кровати, прижимаясь спиной к стене, и попискивала, как мышка.

— Данте... — шепнула она, подняла палец, указав себе на голову. Там сидел паук

размером с ладонь. — П-пожалуйста, у-у-убери его... Я ненавижу их... ненавижу...

Эстелла находилась на грани обморока, и в её взгляде Данте прочитал тот же страх, что он испытывал всегда при виде крысы.

— Подожди, не дёргайся! Сейчас...

Одним движением Данте подполз к девушке и снял насекомое с её волос. Паук не был страшным или отталкивающим, напоминал скорее краба, — мохнатый, серовато-серебристый с розовыми, оранжевыми и чёрными пятнышками, лежа у Данте на ладони, он шевелил лапами.

Эстелла притянула колени к груди.

— Убери его отсюда, пожалуйста! — взмолилась она. — Я смертельно боюсь пауков, а он такой большой... Он тебя не укусит?

— Нет, не думаю, — Данте осматривал паука. — Это тарантул. Он не опасен для человека. Тарантулы никогда первыми не нападают на тех, кто крупнее их по размеру, только обороняются.

— Но он ведь, наверное, ядовитый...

— Не опаснее пчелы, даже кошку не убьёт. Укус вызовет жжение или боль, и всё. Он убивает на смерть только насекомых.

— Всё равно выкинь его куда-нибудь или убей, только чтоб его не было рядом со мной, — всхлипнула Эстелла.

— А мне он кажется красивым, — Данте усмехнулся эстеллиной реакции — она сморщилась.

— Красивым? Он ужасен! Данте, убери его!

Данте хотел выбросить паука в окно, но передумал — завернул его в тряпку и быстро оделся.

— Ты куда?

— Отдам паука хозяйке.

Эстелла вопросительно поглядела на него.

— Ты думаешь, это она?

— Родная моя, ну а кто ещё? Сеньор Анхель тут не живёт, только в гости заходит. И не думаю, что Клем стал бы подкладывать нам пауков. Такие пауки не водятся в домах и не ползают по улице. Даже если бы мы с тобой улеглись на ночь под деревом, вероятность того, что он бы свалился нам на головы, стремится к нулю. Таких больших пауков выращивают на продажу для коллекционеров, которые разводят редких насекомых, или для того, чтобы сдавать их в аптеку — из их яда и лапок делают лекарства. Таких совпадений не бывает: вчера крыса, сегодня паук. Ну я ей устрою! — и Данте, прихватив тарантула, выскочил за дверь.

Найти Пию труда не составило — на втором этаже было всего три спальни: комната Клементе, их комната с Эстеллой и комната Пии. Данте дёрнул дверь — она оказалась не заперта — и без стука ввалился внутрь. Пия, с ног до головы закутанная во всё серое, молилась, перемещаясь на коленях от одной иконе к другой и так по полукругу, у импровизированного алтаря, что занимал половину комнаты.

— Эй ты, радушная хозяйка, ну-ка заberi свой подарочек! — грубо сказал Данте. Развернув тряпку, он бросил паука на Пию.

Паук зацепился за её шаль и повис на ней. Пия не заорала и не запрыгала — продолжила в молитве шлёпать губами, как ни в чём не бывало.

— Оставь нас в покое, поняла? Не трогай Эстеллу или я тебя убью!

— Ты мне угрожаешь? — Пия, подняв глаза, перекрестилась и сбросила паука с себя.

— Именно. Оставь в покое мою жену!

— Она тебе не жена.

— Эстелла моя жена, и я никому не позволю над ней издеваться! Если ты продолжишь в том же духе, с тобой произойдёт то же, что с крысой, которую ты вчера бросила на неё!

— Что же ты с крысой сделал, с бедняжкой? — ехидно поинтересовалась Пия.

— Я её убил. Кинжалом, обмазанным ядом, — со смаком сказал Данте. — Хочешь, могу и на тебе проверить действие этого чудесного снадобья?

— Хм, интересно. И кто это недавно меня называл убийцей? Ты же любишь животных, а крысу убил! А это тоже животное. Какая-то избирательная у тебя любовь.

— Да! Так и есть! — выкрикнул Данте, зеленея. Он буквально задыхался — то ли от присутствия Пии, которую люто ненавидел, то ли от огромного количества икон и крестов. — У меня избирательная любовь. Я люблю только моих животных и Эстеллу, а остальных ненавижу! Ясно?

— Любить надо Бога, — спокойно сказала Пия, — а иное — грех.

— Да пошла ты к дьяволу, больная! Ты не знаешь что такое любовь! И никогда не узнаешь! Так и будешь молиться своим богам и гнить в этой конуре. А Эстеллу ты ненавидишь, потому что завидуешь ей! Да, ты завидуешь! Она любит и любима, а ты — нет! Она счастлива, а ты — нет! Ты похоронила себя в этих тряпках и иконах! Никому ненужная богомолка! Даже мужа своего не в состоянии ублажить! — Данте выскочил в коридор, как ошпаренный, и тут же напоролся на Клема.

— Что-то случилось? Что за вопли с утра? — удивился тот.

— У жены своей спроси! Кто-то мне говорил, что наказал её. Оно и видно! — и Данте с размаху захлопнул дверь, чуть не расквасив Кlemente нос.

К обеду Данте решил пойти к Тибуруну, хотя и опасался Пии — мало ли что ожидать от этой сдвинутой.

Разговор со стариком был непродолжителен: они сошлись на том, что Данте отдаст перстень после того, как Тибурон проведёт свадебную церемонию.

— Мне нравится твой подход, — сказал старик. — Это разумно. Никогда не верь людям на слово, особенно колдунам. Свадьба состоится завтра. Кстати, помнишь, что я тебе вчера говорил: не впускай Тьму в свою душу?

— Помню.

— Хорошо же ты усвоил урок, ничего не скажешь.

— Не понимаю, о чём вы.

— На тебе кровь. Кого ты убил вчера?

Данте вздрогнул, машинально оглядев свою одежду и руки — крови не было.

— Вы что-то путаете. На мне нет крови, — фыркнул Данте. — Я никого не убивал! Только крысу, подумаешь, мерзость какая. Может, мне ещё отчитываться перед вами за каждого раздавленного москита?

— Дело не в крысе, дело в тебе, — Тибурон смотрел на юношу не мигая. — Ты становишься жестоким. Ты сделал это с удовольствием. Убил крысу и испытал удовольствие при виде её крови. Разве не так? Злорадное чувство мести, превосходства, желание уничтожить всех, кто тебе мешает.

— Прекратите! — рассвирепел Данте.

— Люди всегда злятся, когда им говорят правду.

— Вы упрекаете меня за то, что я убил крысу? Да она напала на Эстеллу! — возмущению Данте не было предела; ему хотелось затопать на старика ногами.

— Нет, я говорю о твоих чувствах. Крысоловы тоже убивают крыс. Раньше церковники их власть над крысами объясняли не иначе, как данную дьяволом, и расправлялись с ними, пока крысы не разнесли повсюду чуму. А когда крысолов убивает крысу, испытывает ли он при этом удовольствие? Не думаю. Это его работа. А когда палач по рекомендации церкви и Святой Инквизиции убивает приговорённого к казни крысолова, он испытывает удовольствие? Возможно. Даже скорее всего, ибо не каждый человек способен быть палачом. Смотри, как бы однажды ты не стал либо палачом, либо его жертвой. Будь осторожней и иди готовься к свадьбе.

Данте стало неприятно. Выйдя на улицу, он почувствовал себя беспомощным. Что за ерунду нёс этот дед? Подумаешь, крысу убил. Не собирается он быть ни палачом, ни жертвой, и вообще у него завтра свадьба. Какого дьявола ему все портят настроение?

Но Данте и понимал, что Тибурон в чём-то прав. Вчера он почувствовал власть над чужой жизнью, испытал наслаждение при виде крови врага — в данном случае крысы. Вчера он победил недруга и, возможно, победил и сам страх. И самое жуткое: он плохо помнит момент убийства, зато отчётливо помнит, как крыса истекала кровью. И помнит свой восторг по этому поводу. Неужели он сходит с ума?

Остаток дня Данте провёл в разъездах и подготовке к свадьбе. Арендовал небольшой уютный домик для них с Эстеллой (тот состоял лишь из двух комнат, но Данте всё равно радовался, как мальчишка, что уже завтра они с Эстеллой переедут); совместно с приятелями-гаучо развешал на импровизированной площади-поляне (месте всех празднеств) ленты, колокольчики, бубенцы и языческие амулеты. Мужчины дружно расставили африканские барабаны, отгородили места для гостей. Назавтра оставалось принести корзины с цветами и свечи.

Вернулся Данте к семи вечера. Умирая от волнения за Эстеллу, он пулей влетел в дом. Кlemente и Анхель, сидя в гостиной, пили матэ и громко о чём-то спорили. Данте услышал слова: «поставщики», «шкуры», «векселя» и молча поднялся по лестнице, поймав спиной косые взгляды. Вбежал в спальню. В комнате было чисто, на кровати рассыпаны шпильки и гребни для волос. Эстелла отсутствовала.

Распахнув окно, Данте глянул вниз в страхе найти под ним бездыханное тело Эстеллы, которую сбросила Пия в порыве злобы. Не нашёл.

Всякие бредовые мысли не покидали его голову, и за десять минут нахождения в пустой комнате Данте сам себя убедил, что Эстеллы уже нет в живых. Куда она могла пойти одна вечером? Никуда. Она ведь никого тут не знает! Конечно, эта Пия что-то с ней сделала.

Лихорадочно покопавшись в ящиках, Данте отыскал верёвку и выбежал в коридор. Прав был Тибурон. Сейчас он станет палачом — придушит Пию, а потом убьёт и себя. Всё равно без Эстеллы он жить не сможет.

Из комнаты Пии раздавались голоса. Наверняка эта дура молится. Данте быстро распахнул дверь и... тут же превратился в каменное изваяние. Пия впервые в жизни не молилась. Она сидела на табурете, а Эстелла, живая и здоровая, с полным ртом шпилек, колдовала над её причёской.

===== Глава 33. Бой-мама =====

На щелчок дверного замка Пия и Эстелла обернулись и застыли в немой сцене, увидев

Данте, взлохмаченного, с безумными глазами и верёвкой в руке.

Первой пришла в себя Эстелла. Вынула шпильки изо рта и спросила:

— Милый, ты уже вернулся? Что-то случилось?

— У нас завтра свадьба, — изрёк Данте.

— Уже? Здорово! Значит завтра... уже завтра... Мне даже не верится! — Эстелла аж подпрыгнула.

— Я тебя по всему дому ищу, — продолжил Данте сдавленно. — Эсте, что ты делаешь рядом с этой сумасшедшей? Отойди от неё, а то она тебя покалечит!

— Я всего-навсего делаю ей причёску.

— Причёску?

— Ну да.

Данте не нашёл что ответить, так был потрясён.

— Ну, чего стоишь столбом? — выдавила Пия. — Иди отсюда, не видишь мы заняты!

— А я не с тобой разговариваю, богомолка! — Данте в бессильной ярости прикрыл глаза, стараясь удержать себя в руках. В груди кипели гейзеры. Как же он ненавидит эту Пию! Так и хочется свернуть ей шею!

— Данте, не груби! — укорила его Эстелла. — Мы с Пией уже выяснили все вопросы. Иди в комнату, я потом приду.

— Эсте, ты уверена, что хочешь остаться наедине с этой особой?

— Абсолютно уверена.

Данте закрыл дверь, оставив женщин вдвоём. Приглушённый разговор возобновился. Данте не разбирал слов, но было очевидно, что Эстелла и Пия не скандалят и не убивают друг друга. Но уйти он так и не решился — наверняка эта Пия что-то затевает. Поэтому час спустя, когда девушки вышли в коридор, они увидели, что Данте сидит у двери на полу.

— Данте? — Эстелла скривила рот, сдерживая смех. — Ты что тут делаешь?

— Жду тебя.

— А почему под дверью? Мог бы в другом месте подождать.

— Не мог бы! Мало ли что эта женщина намерена с тобой сделать.

— Не понимаю, как ты его терпишь? — гневно сказала Пия. — Он же не в себе!

— Закрой рот, убийца! — выплюнул Данте. — Это ты не в себе!

— Данте, ну хватит уже! Мы с Пией сложили оружие. У нас мир.

— Она специально что-то затевает, не верь ей, Эсте! — не унимался Данте, продолжая сидеть на полу.

— Знаете что, не намерена я слушать ваши разборки. Пойду накрывать на стол. Кстати, не знаю, где ты болтался весь день, но если ты не в курсе, к нам на ужин придут сеньор Гаспар и сеньора Каролина, твои родители, — Пия, задрав нос, удалилась.

— Ой, я так рада, что познакомлюсь с твоими родителями, хоть они тебе и приёзные, но... Данте, ты чего?

— А ничего! Теперь мне всё ясно, вы сговорились против меня! — и Данте, убежав в спальню, закрылся там на ключ.

— Я-то думала мы с тобой ровесники, — крикнула Эстелла через дверь, — но теперь вижу, что тебе лет пять максимум!

Молчание.

— Я, между прочим, помирилась с Пией ради тебя! — вещала Эстелла. — И с родителями твоими хочу познакомиться. Это я попросила Клементе их привести. Я же буду

твоей женой! Я не хочу начинать семейную жизнь со скандалов, а ты ведёшь себя, как маленький. Данте, ну открой мне! Долго я буду кричать на весь коридор?

Щёлкнул замок. Эстелла вошла. Данте стоял к ней спиной.

— Данте, ну что случилось? Чего ты капризничаешь?

— Я не капризничаю! — резко бросил он. — Ты не понимаешь, что я испугался? Я уже чего только не надумал. Решил, что она тебя убила, и хотел убить и её. Хотел задушить её вот этой верёвкой, — он потряс мотком верёвки, который машинально продолжал держать в руках.

— Ты что рехнулся совсем, да? — отобрав верёвку, Эстелла цепко обвила юношу руками.

— Да, рехнулся! Я тебя люблю, как ты не понимаешь? Если с тобой что-то случится, я умру!

— Какой же ты дурачок! — Эстелла рассмеялась и развернула Данте к себе лицом.

— Значит, ты помирилась с Пией? Как это ты умудрилась? И она тебе не угрожала? Она же сумасшедшая!

— Вовсе нет. Она нормальная, Данте, просто одинокая. Ей не с кем общаться. Совсем. Вот она и общается со своими иконами. Я пришла к ней и сказала, что хочу поговорить. Она меня не выгнала. Я ей рассказала о себе, рассказала, что мы с тобой и вправду любим друг друга. Думаю, она поняла. Потом я уговорила Клема позвать ваших родителей и убедила Пию, что, дабы понравиться мужу, она должна чуть-чуть измениться внешне. И я ей сделала причёску, вот и всё.

Данте повёл плечами.

— Зачем ей нравится мужу, если она его не любит? Кроме своего бога она никого не любит.

— Она не любит Клементе, потому что он мужлан, — сообщила Эстелла. — О, я теперь её хорошо понимаю. Она мне рассказала, как вёл себя Клементе в их первую брачную ночь. С коровами и то лучше обращаются. Если бы ты со мной так себя вёл, когда у нас был первый раз, я бы после этого закрылась в четырёх стенах навсегда.

— Вот как? — удивился Данте.

— Именно. Поначалу Пия стала мне внушать, что я совершаю грех, когда сплю с тобой. Её поразило, как же я могу еженощно терпеть издевательства. Я её не поняла, я рассказала ей, как нам хорошо, как я летаю, когда мы вместе, и она была шокирована. Пия не представляет, что это может приносить удовольствие. Данте, ты должен объяснить своему брату, как обращаться с женщинами. Она же совсем неопытная, а он ведёт себя с ней, как с проституткой, и ещё хочет, чтобы она была хорошей женой. Пии девятнадцать лет, но она совершенно ничего не знает. Она даже платьев красивых никогда не видела и не была ни на одном празднике, кроме своей свадьбы. Она всю жизнь жила в окружении запретов и религиозных книг, потому что в доме у её отца не было ничего другого. И единственное её развлечение — мессы и молитвы. Понимаешь, когда я ей рассказала о своей жизни, о нарядах и балах, о танцах и театрах, о столичных магазинах, она слушала это как диковинную сказку. И мне стало жаль её.

— Только не говори, что хочешь с ней подружиться, — возмутился Данте.

— Не думаю, что мы могли бы стать подругами, — задумчиво проговорила Эстелла. — Мы с ней разные. Но я могла бы ей помочь, объяснить что-то, ну, как женщина женщине, научить её одеваться, следить за собой. Ведь Пия симпатичная девушка и просто заживо себя

хоронит в этих монашеских тряпках. Да, она не любит Клементе, так же как и он её. Вот, если бы она полюбила, я уверена, она вела бы себя иначе. Я ведь тоже не представляю, как вела бы себя, если бы оказалась в кровати с чужим мне мужчиной. Думаю, что тоже постаралась бы избежать этого всеми способами. Мне повезло, что моя первая ночь была с тобой, с мужчиной, которого я боготворю. Ты научил меня любить, желать тебя, ты раскрыл во мне ощущения, которых я не знала раньше. Вы, мужчины, думаете, что для нас, женщин, переспать с кем-то также легко, как и для вас. Но это не так. Поэтому я понимаю Пию. Хотя я и не так религиозна, но наше с ней воспитание имеет общие черты. Мораль, запреты, правила среды, из которой я убежала — всё едино.

— Всё равно я ей не верю. Будь осторожней, Эсте. Пия — живодёрка. Я пока не забыл, как она убила Грозу и хотела убить Янгус.

— Но ведь ты тоже сегодня хотел её убить, — рассмеялась Эстелла, дёргая Данте за уши.

— Когда тебя кто-то обижает, я перестаю себя контролировать, — грустно сказал юноша.

— Она меня больше не обижает, а за те выходки я её простила. Пия не может иначе выразить свой протест и пакостит, как умеет. Её возмутило, что мы спим вместе, потому что она думала, будто ты меня мучаешь. Она ведь считает, что близость с мужчиной для любой женщины — пытка. Она просто не понимает. Данте, давай забудем об этом. С тех пор, как мы сюда приехали, ты какой-то нервный, — Эстелла убрала растрепавшиеся волосы с его лица. — Взрываешься, раздражаешься. Успокойся. Я хочу, чтобы ты стал таким, как раньше.

— Я и раньше взрывался по пустякам. У меня такой характер, и другого нет. Если тебя это не устраивает, иди к своему напыщенному маркизу, — совсем по-детски надулся Данте.

— Если бы мне нужен был тот напыщенный маркиз, я бы не сбежала из дома и не приехала сюда с тобой.

— Правда?

— Ну конечно! Данте, мы уже столько раз это обсуждали! У нас завтра свадьба, а ты всё не веришь, что я тебя люблю?

— Я верю, верю, просто я боюсь тебя потерять. Эсте, ты — это всё, что у меня есть.

— А ты у меня.

— Неправда...

— Чистая правда! Поцелуй меня.

Сей занимательный диалог закончился предсказуемо. Когда в дверь постучал Клем, он увидел, что Данте и Эстелла, лежа на кровати, покрывают друг друга поцелуями. Хотя они и были одеты, он смутился и отвернулся.

— Простите, я хотел сказать, что там мама и папа пришли. И стол к ужину накрыт. Все ждут только вас.

— Мы идём! — Эстелла радостно скатилась с Данте. Тот вздохнул.

— Ну ты чего? — удивилась она. — Пойдём.

Данте молча встал, и они отправились следом за Клементе.

Наши героини спустились в гостиную, по центру которой стоял уже накрытый стол. Клем с удивлением взирал на супругу, впервые заметив, что она недурна собой. Причёска, сделанная Эстеллой, — две тугие косы, закреплённые на макушке шпильками, и сплетёнными в них парчовыми розами — Пии очень шла. Она надела светло-серое платье в чёрный горошек; Эстелла одолжила ей свой белый пояс-кушак и пришила ей на воротник

кружева, так что Пия, в итоге, перестала быть похожей на задрипанную монашку. Сама Эстелла, одетая в простое (по её мнению) муслиновое платье цвета милори [1] с квадратным вырезом, была похожа на принцессу, случайно угодившую в среду простолюдинов и старавшуюся не выдать своего происхождения.

Гаспар увлечённо беседовал с Кlemente, а Каролина, едва войдя в дом уже распекала невестку за слишком вычурный наряд. Эстелла краем уха слышала что-то про «ад и сатану», а ещё про то, что «так наряжаются только потаскухи» и «одежда должна быть скромной». «Куда уж скромней-то?», — подумала Эстелла и насторожилась. Если уж Каролина и у богобоязненной Пии нашла, к чему прицепиться, что же она подумает о ней, об Эстелле? Каролина была единственным человеком, которого Пия боялась, ибо стояла перед ней, опустив глаза и краснея.

— Это ОНА тебя научила? — шипела Каролина. — Только явилась, а уже всех развратила! Так и знала, что это исчадие найдёт себе безбожницу в жёны!

Данте и Эстелла зашли в комнату в ту секунду, когда Каролина произнесла эти слова. И все, как по команде, замолчали.

— Здравствуйте, — смело сказала Эстелла. — Я Эстелла. Если вы говорили обо мне, то это я и есть, та самая безбожница. И это я помогла принарядиться Пии. И не вижу в этом ничего дурного. Она красивая девушка и имеет право выглядеть, как сочтёт нужным.

Каролина, сложив губы в ниточку, уколола Эстеллу взглядом.

— Она замужняя женщина, к вашему сведению. И она должна выглядеть, как подобает замужней женщине, будущей матери и истинной христианке. А вы ещё не успели войти в нашу семью, как уже распространяете разврат.

— Каролина, прекрати! — встрял Гаспар. — Мы рады познакомиться с избранницей Данте, — он улыбнулся.

— Говори за себя! — кудахтала Каролина.

— Я тоже рада с вами познакомиться, — Эстелла сделала вид, что не слышала последнюю фразу Каролины, и сама пожала Гаспару руку.

Каролина сверлила девушку глазами, неприязненно кривя лицо при виде её смелого (по меркам этих мест) декольте и распущенных пышных волос.

Данте не произнёс ни слова — поздоровался с родителями лишь кивком, но напоминал разъярённого коршуна, готового вцепиться во врага.

Пия, что чувствовала себя в новом облике разряженным пингвином, подала на стол. На ужин были пирожки-эмпанадас, асадо, салат из бобов и овощной паштет. После того, как еда была расставлена, молодая хозяйка тоже села за стол. Каролина приподняла брови.

— Сколько можно повторять? — шикнула она на невестку. — Хозяйка не должна садиться за стол, пока гости не поедят!

— Нет, секундочку! — вмешалась Эстелла. — Пия такой же член семьи, как и остальные. Она тут не прислуга, а хозяйка дома. И она должна ужинать с нами. А наложить еду каждый себе может сам. Как говорит мой отчим — руки не отвалятся.

— Мало того, что вы распущенная, так ещё и невоспитанная, — не утихала Каролина. — Не смейте меня учить, как мне обращаться с собственной невесткой!

— Но я тоже стану вашей невесткой, — ответила Эстелла спокойно. — Не хотелось бы, чтобы вы меня шпыняли также, как Пию. Да у вас и не получится. Я могу дать отпор, сеньора, — Эстелла натянуто улыбнулась.

— Не волнуйся, милая, пусть только попробует, — изрёк, наконец, Данте, исподлобья

зыркнув на Каролину. — Я никому не позволю гнобить мою женщину! Кстати, кто ещё не в курсе, свадьба у нас завтра.

— Вот как? — обрадовался Клем, за обе скулы уплетая паштет. — За это надо выпить! Пия, у нас есть женевер?

— Есть, сейчас принесу, — и Пия ушла на кухню.

— Еретичка невоспитанная, ад по ней плачет! — заявила ей вслед Каролина. — Как не стыдно вставать из-за стола, не спросив разрешения? К тому же вырядилась, как кукла. Если бы я знала, что она такая, никогда бы не позволила жениться на ней моему единственному сыну, — последние слова Каролина подчеркнула, при этом взглянув на Данте. Тот опустил глаза.

Привыкнув к ежедневным разборкам в доме родителей, к хамству Хорхелины, к наглости Мисолины и жестокости мамы, которые тоже могли сказать в лицо что попало, Эстелла не обижалась на Каролину, мысленно представляя: она находится в некой защитной сфере и обидные фразы пролетают мимо неё. Но когда Каролина уколола Данте, девушке стало больно. Она кожей почувствовала, что ему плохо, хоть он и молчал, гипнотизируя взглядом бобы на тарелке.

— Мама, хватит! — сказал Клемента громко. — Вы хотите испортить вечер?

— А ты не затыкай мне рот! — разозлилась мама. — Ты не занимаешься воспитанием жены, она у тебя от рук совсем отбилась, да ещё тут её с пути истинного сбивают.

— Кстати, а где сеньор Анхель? — любопытствовала Эстелла, сияясь перевести разговор в более позитивное русло. — Он вроде собирался ужинать с нами.

— О, он очень извинялся, но он ушёл по срочному делу, — Клем развёл руками. — Кажется, у быков началась эпидемия. Мрут один за другим и никто не поймёт от чего.

Вернулась Пия, принеся с собой бутылку женевера. Молча разлила его по стаканам.

— А что вина у нас нет? — спросил Данте. — Вообще-то Эстелла не привыкла к таким напиткам...

Каролина закатила глаза.

— О, любимый, ничего страшного! Я попробую, — ответила Эстелла.

— Хочу пожелать вам большого счастья! — провозгласил Гаспар, поднимая стакан. — Дети, живите в любви и мире. Никогда не ссорьтесь и не упрекайте друг друга ни в чём. Это убивает любовь на корню.

Мужчины выпили. Пия едва прикоснулась к содержимому стакана и тотчас заела его маслиной. Эстелла, понюхав напиток, осторожно сделала глоток. Тут же горло обожгло огнём, будто она съела зажжённый факел, и Эстелла судорожно открыла рот.

— Я же сказал, ты непривычная к таким напиткам, — Данте налил ей воды. — Заешь чем-нибудь.

Положив в рот кусочек мяса, Эстелла немного отдышалась, хотя в глазах стояли слёзы и в горле по-прежнему щипало.

— Дорогая, а ты почему не выпила? Не хочешь поздравить молодоженов? — осведомился Гаспар, заметив, что Каролина сидит с каменным лицом, не пьёт и не ест.

— Не вижу повода для поздравлений, — сказала она мрачно. — Очевидно, кто есть эта женщина. Она развращает всё, к чему прикасается. Не понимаю, что я вообще делаю в этом рассаднике греха.

Бамс! Данте ударил рукой по блюду с пирожками. Оно поднялось над столом, зависло в воздухе. Все застыли. Блюдо покрутилось, перевернулось, и пирожки разлетелись по столу.

— А я не понимаю, что здесь делаем я и моя жена! — по-змеиному зашипел Данте.

— Данте успокойся, — Эстелла схватила его под локоть.

— И не подумаю! Всё, хватит! Я долго терпел, но всему есть предел! Завтра мы с Эсте женимся, и вы больше никогда, слышите, никогда нас не увидите!

— И не надейся, что мы придём на твою свадьбу, — сказала Каролина жёстко. — Я не намерена участвовать в этом богопротивном мероприятии.

— А я вас туда и не приглашаю! — крикнул Данте вставая. — Эсте, пойдём отсюда.

— Но, Данте, это ведь твоя семья!

— Ладно, как хочешь. Когда тебе надоест участвовать в этой комедии, поднимайся в спальню. А я ни секунды больше тут не останусь! — и он бросился прочь.

Ужин продолжался. Пия подала десерт — вишни и яблоки в вине, но их ели только Гаспар и Клементе. Эстелле кусок в горло не лез, хотя она старалась до победного сохранить спокойствие. Каролина по-прежнему не притрагивалась к еде.

— Мама, пофему фы нифефо не ефите? — спросил Клем с набитым ртом.

— Потому что готовить твоя жена не умеет. В рот это взять нельзя. Не понимаю, как ты до сих пор не умер с голоду. Вон исхудал совсем, сразу видно, что она тебя не кормит.

Пия покраснела и опустила голову, вилок выковыривая сердцевину из яблока.

— А по-моему очень вкусно! — сказала Эстелла. — Я, кстати, хочу научиться готовить что-нибудь интересное для Данте. Пия, ведь ты меня научишь?

Пия молча кивнула.

— Вы ещё и готовить не умеете? — Каролина сделала брезгливое лицо. — Какой ужас! И из какого же притона он вас вытащил? Впрочем, вы два сапога пара. Вырастили изверга на свою голову, змею на груди пригрели. Он никого не уважает! Я говорила тебе, Гаспар, не надо брать в дом чужого ребёнка. Но это всё моя доброта и моя жалость, да твои уговоры. Я не смогла настоять на своём. Результат на лицо. Мало того, что он бесноватый, распущенный и неблагодарный, так теперь он решил опозорить нас всех окончательно, породнившись неизвестно с кем! Но Бог всё равно накажет его, вот увидите! Я буду молиться за это!

— Боже, я больше не могу! — Эстелла поднялась из-за стола. — Я хотела по-хорошему, хотела познакомиться с вами, как с будущей свекровью. И я ведь думала, что Данте преувеличивает, когда говорит о вас. Но теперь вижу, что он абсолютно и во всём прав. Вы бессердечная! Вы не имеете права говорить о боге, потому что бог — он в душе, а не в иконах и не на языке. Истинно верующий человек не кичится своей верой и не выставляет её напоказ. Он просто верит. А вы показушной набожностью прикрываете свою жестокость. Вы сами взяли Данте в свою семью, а теперь унижаете его, подчёркивая, что он вам не родной. Это ужасно! — и Эстелла ушла.

— Вот мерзость, — фыркнула Каролина. — Впрочем, он нашёл девку себе под стать.

— Мама, хватит! Я уже устал от вас! — рыкнул Клементе. — Вы испортили весь ужин. Вы довели Данте до ручки и оскорбили эту девушку.

— Не затыкай мне рот, Клементе!

— Боже, какой позор, — Гаспар, поставив локти на стол, упёрся лбом в ладони.

— Вот именно позор! — разглагольствовала Каролина. — Вы только полюбуйтесь на эту так называемую невесту! Вырядилась, как шлюха. Свадьба у них видите ли. Эта свадьба незаконна! Законная свадьба только в храме божьем. А за прочую ересь на костре сжигать надо! Это богохульство!

— Как мне стыдно, — добавил Гаспар тихо. — Бедная девочка наверняка подумала, что мы все сумасшедшие. И она недалеко от истины.

— Что? — Каролина сощурилась, став похожей на гигантскую ящерицу. — Бедная девочка? Да что ты несёшь? Она мне хамила! Она вела себя, как хозяйка дома! Она надела платье с вырезом! Да она... она... — Каролина задыхалась от ярости.

— Однажды я отправлю тебя в Жёлтый дом, — просто сказал Гаспар. — Сначала ты добилась того, что наши дети не хотят нас видеть, потому что ты устраиваешь скандалы ежеминутно. Ты хоть заметила, что Данте смотрел на нас с ненавистью? Не заметила? А я заметил и думаю, он прав. Мы его обидели. Теперь ты и эту девочку от себя отвернула. Молодец, поздравляю! Неужели нельзя было просто порадоваться их счастью?

— Нечему тут радоваться! — Каролину несколько не трогали слова Гаспара. — Она его околдовала, разве не видно? Я категорически против, чтобы он женился на этой подстилке! Пусть он нам не родной, но это не даёт ему право полоскать наше имя в помойной яме!

— Она не подстилка! — у Пии вдруг прорезался голос. — Она хорошая девушка.

— Стоп, я чего-то не понял, — удивился Клементе. — Ты же только сегодня утром уверяла, что она плохая и должна гореть в аду.

— Мы с ней поговорили, и я поменяла мнение. Она из высшего общества. Она аристократка. Знаете, кто она? Дочка алькальда! И она добрая. Она единственная, кто говорил со мной, как с нормальным человеком. Проклинаю, прости Господи, тот день, когда папе стукнуло в голову породниться с вашей семейкой! Папа с самого детства ломал мне жизнь. Он не позволял мне жить, как все другие девушки. Он сделал из меня забитую старуху в девятнадцать лет. А сегодня Эстелла раскрыла мне глаза. Она рассказала мне, как она жила до встречи с Данте. И знаете что: я бы всё отдала за возможность прожить такую жизнь! Но уже поздно. А всё потому что некоторые состряпали этот никому ненужный брак! А они женятся по любви. О, они будут счастливы, в отличие от всех нас! — Пия ушла, оставив всех троих родственников сидеть с открытыми ртами.

— Я тоже когда-то женился по любви, — в полной тишине сказал Гаспар.

Когда Эстелла вошла в комнату, Данте, стоя у раскрытого окна, упирался лбом в раму. Янгус сидела у него на голове и помахивала крыльями, удерживая равновесие.

— Милый, прости меня, — голос Эстеллы звучал виновато. — Это я всё придумала, но я не знала, что твоя мать такая... такая...

Данте молчал.

— Ты обиделся на меня, да?

Он отрицательно помотал головой — Янгус, недовольно зашипев, тюкнула его клювом в затылок. Эстелла обняла юношу. Почувствовала, что он плачет.

— Ну Данте, ты чего?

— Ничего. Я никогда, больше никогда не хочу видеть этих людей! Я же тебе говорил...

— Да, но я же не знала, что всё так.

— Теперь знаешь. Дело не в сегодняшнем вечере, а дело в том, что они мне неприятны. Неужели ты не понимаешь? — смахнув Янгус с головы, Данте повернулся к Эстелле лицом, переходя на задушенный хрип. — Они меня предали! Они меня впустили в свой дом, подобрали, как брошенную собачку. Я их полюбил, полюбил всем сердцем, а потом они меня выбросили из своей жизни. Грубо, пинком. Как ненужную вещь. Все люди предатели, я всегда это знал, но продолжал и продолжаю ещё на что-то надеяться. Лучше бы я тогда остался в «Ла Пиранье». Наверное, сейчас меня бы не было в живых, тот человек однажды

убил бы меня. Но от него я не и ждал ничего хорошего, я знал, что он сволочь, и знал, что он меня ненавидит. А эти люди, я думал, что они хорошие, я им верил, а они вот так со мной. Это потому что я не соответствую их ожиданиям. Я не такой, каким меня хотят видеть, вот в чём проблема, Эсте. Чтобы меня полюбить, им надо сделать из меня кого-то, кем я не являюсь. Они не любят и никогда не любили меня таким, какой я есть. Наверное, потому что я сам себя таким не люблю, — и Данте разрыдался, уложив голову Эстелле на плечо. Эстелла, потрясённая этим потоком обиды, сама едва не расплакалась.

— Пойдём, — она повела юношу к кровати. — Давай ты ляжешь, а то ты совсем расклеился.

— Эсте, не бросай меня, пожалуйста. Хотя бы ты не бросай меня...

— Глупенький, — они сели на постель, — ты забыл, у нас же завтра свадьба?! Я уже никуда, никуда не уйду!

— Я больше не могу... Я больше не хочу быть один... Я хочу свой дом, я хочу, чтобы меня любил хоть кто-нибудь.

— Я тебя люблю, ты мне нужен, мой милый. У нас будет свой дом. И ты никогда больше не будешь один. Также как и я никогда больше не буду одна. Нас теперь двое!

Влюблённые уткнулись друг в друга носами. И Данте, вспомнив о своём договоре с Тибуроном, улыбнулся сквозь слёзы — колдун обещал сделать так, что их с Эстеллой не разлучит даже смерть. Завтра он отдаст этот гнусный перстень, сломавший его жизнь в тот день, когда он загадал желание избавиться от Сильвио и попал к предателям. Он отдаст его, отдаст в обмен на возможность быть с Эстеллой ближе, чем просто муж и жена. Они и вправду станут одним целым, и пусть весь мир катится к чёрту!

Комментарий к Глава 33. Бой-мама —————

[1] Милори — тёмно-голубой, синий цвет.

===== Глава 34. И солнцем для тебя станет любовь =====

Эстелла была уверена: её свадьба с Данте станет событием, которое она запомнит на всю жизнь. Самый прекрасный день, день, когда она навеки соединится с Данте. День исполнения мечты.

Ярко-зелёный атлас подвенечного платья — первое, что увидела Эстелла, открыв глаза утром. Девушка потянулась и, задорно вскочив на ноги, закружилась по комнате в порыве безудержного веселья. Сегодня она выходит замуж!

Сборы невесты, вопреки обычаям, не заняли много времени. Платье Эстелла сделала из бального, укоротив верхнюю юбку до щиколотки, а к нижней пришив цветы — искусственные лилии, скрученные из белого гипюра. Спина девушки была обнажена, и корсаж держался на шнуровке. На ногах — зелёные башмачки без каблучков. Волосы невеста распустила, закрепив их с одной стороны заколкой в виде морской раковины. Вот и весь наряд.

В таком виде её и застала Пия. Долго рассматривала и не могла решить нравится ей или нет. В итоге, сказала, что у Эстеллы определённо есть фантазия, но она сама никогда бы не надела такое платье — слишком уж глубокий вырез на спине, а Бог подобного не одобряет.

Данте, одетый в белую рубашку, обтягивающие штаны из кожи крокодила и сапоги до колен, возжелал ехать верхом на Алмазе. И, вопреки протестам Пии и Клементе, Эстелла тоже уселась на Жемчужину.

— Где это видано, чтобы жених и невеста ехали верхом? — возмущалась Пия. — Кошунство! Клементе мог бы вас отвезти на повозке.

— Ни за что! Я хочу верхом! — упёрся Данте.

Кlemente, оседлав Лимончика, отправился с молодожёнами, а Пия осталась дома. Она, как истинная католичка, не могла пойти на языческую свадьбу, к тому же боялась Тибурона, но пообещала встретить Данте и Эстеллу вкусностями, когда они вернутся.

До места назначения доехали за полчаса. Ещё издали услышали мелодичные переливы флейты и гитары, смешанные со стуком барабанов и звоном пандейро [1]. Вынырнув из зарослей, Данте, Эстелла и Кlemente оказались на поляне, огороженной корзинами и кадками с цветами. Повсюду горели факелы. Гости, вперемишку с музыкантами, сидели потурецки прямо на траве. Негры стучали на джембе [2], усатый креол играл на чаранго [3], зычным голосом исполняя страстную паяду [4]. Три индейца, все в перьях, играли на кенах [5].

Тибурон находился внутри импровизированного алтаря — полукруглого возвышения, укрытого белыми и красными цветами. Всадники спешили. Кlemente пролез вперёд и, дойдя до колдуна, сказал ему пару слов.

Данте успокаивающе сжал эстеллину руку. Гости подвинулись, освобождая проход. Данте и Эстелла, держась за руки, под гудение морских раковин [6] и перестук барабанов вступили в центр круга, огороженного кроваво-красной верёвкой.

Приветствуя молодожёнов, Тибурон поклонился им, поклонился гостям и музыкантам, воздел руки к небесам и сказал что-то на незнакомом Эстелле диалекте. Одет он был в длинную золотую рясу и синий тюрбан; шею колдуна украшало великое множество бус и амулетов.

— Приветствую вас в доме Солнечного Света, что предлагает нам Мать Земля, для проведения ритуала воссоединения и трансформации двух людей по собственной воле и выбору, — путано молвил старик каким-то загробным голосом.

Сердце Эстеллы трепыхалось от волнения. Пригластительным жестом велел жениху и невесте опуститься на колени у алтаря, Тибурон набросил на шеи Данте и Эстелле цепь, сплетённую из двенадцати ракушечных нитей.

Звуки барабанов вводили в транс; креол-певец затянул что-то схожее с молитвой. Выйдя из-за алтаря, Тибурон прошёлся по кругу, повторяя слова на непонятном языке и собирая из рук гостей лепестки белых и красных цветов: роз, лилий, калл, орхидей, хакобиний и сесбаний, и складывая их в две корзины.

Поляну заволокло алым туманом. Добившись того, что туман целиком окутал весь круг, Тибурон вернулся к алтарю и поставил обе корзинки в его центр.

— Oluwa ti orun! [7] О, Владыка Стихий Небесных! — провозгласил колдун. — Обращаюсь к тебе, возрадуйся, ибо сегодня соединяются два любящих сердца. Я призываю тебя благословить эту любовь! Oluwa ti aiye! О, Владыка Земли! Пусть дочери твои — цветы даруют этой любви свою красоту и терпение.

Из пальцев старика заструился розовый свет, и он направил руки на лепестки в корзинках. Те вспыхнули, точно крохотные звёздочки.

— Petals! Пришло время цветов!

Тибурон указал Данте на корзинку с белыми лепестками. Когда юноша дождём принялся сыпать на Эстеллу светящиеся лепестки, девушка почувствовала, как по жилам её разлилось тепло. Затем старик велел Эстелле высыпать красные лепестки на Данте, что она с воодушевлением и проделала.

— Цветы дарят вам свою красоту. Они говорят: храните любовь, ибо это есть ценнейшее

богатство на земле. Принимайте друг друга, не пытаясь что-то менять. Любовь учит терпимости. Enu o si wa! Да будет так!

— Oluwa ti ina! О, Владыка Огня, обращаюсь к тебе! — продолжил дед. — Да снизойди до нас и пошли этим любящим сердцам свою защиту! — он поднял два пальца вверх. В воздухе материализовался факел. — Ina si! Пришло время огня!

Тибурон прошёл по кругу, поджигая красную верёвку, отгораживающую молодых от гостей. Они оказались объяты стеной пламени.

— Огненное кольцо дарит вам защиту. Оно говорит: храните тепло в своём доме, оберегайте его от чужого вторжения. Ибо дом — место покоя и уверенности. Не допускайте, чтобы в дом ваш проник холод. Enu o si wa! Да будет так!

Эстелле казалось, что она обратилась в птицу и парит высоко-высоко в небесах. Голос Тибурона гипнотизировал её, вводя в экстаз.

— Oluwa ti afe fe ati eye! О, Владыка Ветров и Повелитель Птиц, обращаюсь к тебе. Спустись к нам и сохрани любовь этих двух сердец на веки вечные!

Колдун щёлкнул пальцами. Появилась золотая клетка. В ней сидели две крошечные рубиновые колибри.

— Eye to! Пришло время птиц! Это колибри. Те, чья любовь прожила на земле до самой смерти, умирая телесно, превращаются в колибри — порхающие драгоценные камни. Они дарят вам своё бессмертие и говорят: ваша любовь станет вечной, уничтожая все преграды и несчастья, выпавшие на её долю. Отныне вы не сможете существовать один без другого, но лишь до тех пор, пока любовь живёт в ваших сердцах. Enu o si wa! Да будет так! — с этими словами Тибурон открыл клетку.

Крохотные, словно бабочки, птички, вылетев, уселись на плечи жениху и невесте. Тибурон взмахнул рукой. ХЛОП!

Эстелла едва удержалась от вскрика. Колибри исчезли. Теперь вместо живой птицы на левом плече девушки красовалась пинтадос — татуировка в виде колибри.

— Oluwa ti omi! О, Владыка Морей и Океанов, Благословенных Дождей, дарующих слёзы небес. Спустись и ты к нам и подари этим любящим сердцам верность! — в руках колдуна появились два серебряных кубка со сверкающей синей жидкостью. Он протянул их молодожёнам, велев выпить всё до капли. Жидкость имела вкус клубники.

— Ni omi! Пришло время воды! Вода дарит вам свою верность. Она говорит: будьте осторожны в делах и словах. Никогда не лгите, не предавайте друг друга. Если в душах ваших вспыхнет пожар обиды, гнева и ненависти, загасите его нежностью воды. Вода лечит. Вода поит жаждущего. Вода оберегает. Enu o si wa! Да будет так!

— Oluwa ti ether! О, Владыка Эфира, Луны и Звёзд, Тьмы и Света! Приди и подари двум влюблённым сердцам силу!

Щёлк! Теперь в руках колдуна появилось блюдо. На нём лежали золотые ножницы и кинжал. Дед велел Данте и Эстелле взять ножницы и отрезать у себя по пряди волос. Эстелла выпала в осадок, когда он пожелал, чтобы они обменялись прядями и, располосовав себе руки кинжалом, кровью смочили отрезанные волосы.

Данте, молниеносно ухватив кинжал, разрезал себе руку. Обмотал её эстеллиными волосами. Тибурон взмахнул пальцами, и рана у Данте исчезла.

Когда Эстелла взяла кинжал, она приготовилась к тому, что будет больно. Чикнула руку вдоль запястья, но ничего не почувствовала. Совсем. Заструилась кровь. Девушка прижала к ране смоляную прядь волос Данте. Тибурон опять взмахнул рукой, и рана затянулось и у неё.

Старик в мгновение ока скрутил из волос два кольца. И когда Данте надел колечко ей на палец, девушку словно молнией ударило — кольцо заискрилось серебром, а по венам потекла магия.

— Ni ether! Пришло время Эфира и магической сущности его! Эфир дарит вам свою силу. Помните, отныне, где бы вы ни были: во свете или во тьме, в аду или в раю, вы всегда сможете найти друг друга. Волосы и кровь — сильнейшая магическая субстанция. Но ничто не вечно, помните и это. Кольца умрут в тот день, когда умрёт ваша любовь. Кольца будут чувствовать друг друга. Если умрёт одно, умрёт и второе. Enu o si wa! Да будет так!

У Эстеллы поползли по спине мурашки. Зачем колдун такое говорит? С чего это вдруг их любовь умрёт? Они будут счастливы до конца своих дней! Сумасшедший дед.

— Oro ti okan! Владыка Стихий Небесных говорит, что пришло время для Слова Сердца! — объявил Тибурон. В его руках возникли два пергаментных свитка. — Это клятва. Читайте её вслух, одновременно, громко и чётко.

Данте и Эстелла развернули свитки и приступили к чтению:

— Солнце — Отец Небес, Мать Земля, Ветер, Эфир и Море — соединяют нас. Они дарят верность и силу нашим сердцам. Они благословляют наш вечный союз, союз любви и света. Огонь подарит тепло, Вода смерит горячность, Цветы научат видеть красоту, Ветер избавит от бед, а Эфир не позволит потерять друг друга. Мы вручаем души, тела и всю жизнь друг другу. Мы дарим друг другу любовь и уважение. Да будет так, здесь и сейчас, всегда, навсегда и бесконечно!

Столб алого света окутал Данте и Эстеллу, когда они произнесли клятву. Свет этот просочился сквозь них, захватив волосы, всю кожу. Эстелла чувствовала, как её кровь буквально вскипает, но это не было чем-то неприятным.

Теперь зрители, которых до этого момента от глаз молодожёнов скрывал густой туман, стали видимы. По-прежнему стучали барабаны и гудели ракушки. Тибурон объявил, что теперь Данте и Эстелла могут встать с колен и подарить друг другу поцелуй. Данте, приблизив лицо к лицу Эстеллы, накрыл её губы своими, и по жилам обоих побежала вибрация, словно с поцелуем юноша отдавал девушке свою магию, как это бывало в моменты их близости.

— Владыка Стихий Небесных благословил вас! — сказал колдун. — Теперь вы муж и жена. И пусть солнцем для вас станет любовь! — Тибурон приложил два пальца (указательный и средний) ко лбу Эстеллы, вливая в неё струю солнечного света. То же самое он проделал и с Данте. — Enu o si wa! Да будет так!

Сцепив пальцы, молодые вышли из зачарованного круга. Гости заорали. На Данте и Эстеллу посыпались лепестки цветов, кукуруза и зёрна какао. Ритм барабанов вновь сменился мелодией чаранго, и певец затянул нежную балладу о вечной любви.

— Эсте, я на секундочку, — шепнул Данте Эстелле на ушко. — Скажу колдуну пару слов.

Девушка не сразу сообразила, что он имел в виду, так как в эту секунду местные женщины, улюлюкая, надевали на неё бусы из камушков и ракушек.

Данте возвратился к алтарю. Тибурон поджидал его, попутно убирая свечи и факелы.

— Ну что, ты доволен? — спросил старик хитро.

— Да, церемония была замечательная. Очень красиво! Значит, мы с Эстеллой теперь всегда будем вместе?

— Абсолютно точно! Ну что ж, я выполнил свою часть уговора. Теперь ты должен

выполнить свою.

Данте без колебаний снял с шеи шнурок с перстнем и вложил его Тибурону в руку.

— Я всегда выполняю свои обещания, — сказал он. — Надеюсь, я об этом не пожалею.

Но старик уже ничего не слышал. Он жадно вперился глазами в изумруд, рассматривая его. Данте развернулся и ушёл, испытывая невероятное облегчение. Он вернулся к гостям и Эстелле, обнял новоиспечённую супругу за талию.

— А я думала, мы будем праздновать в доме Клема, — удивилась Эстелла, когда один из гостей пригласил молодожёнов проехать за ним к столу.

— Не вижу смысла. Клем здесь с нами, и здесь все люди, которые ко мне хорошо относятся. Ни один из них не будет издеваться надо мной, потому что они такие же отщепенцы, как и я.

— В каком смысле?

— Ну, многих из них не принимают в обществе, как в среде креолов, так и в среде своих. Метисов, например, не выносят как белые, так и чистокровные индейцы. Многие здесь язычники, еретики, беглецы. Некоторые отлучены от церкви или скрываются от врагов. Так же, как мы.

— Но нас ведь ждёт Пия...

— Плевать мне на Пию! Эсте, мы немного попразднуем с ними, а потом сбежим. Будут песни, танцы, угощение. Тебе понравится.

Эстелла не хотела обижать Пию, но ей хотелось и увидеть праздник, поэтому она не стала возражать.

Неподалёку, прямо на расстеленной в траве холщовой скатерти были выставлены лакомства: устрицы, свежие и тушёные в горшочках овощи, эмпанадас, яйца страусов, жаренные на углях говядина, баранина, мясо антилопы, зебры и даже мясо крокодила.

Гости, рассаживаясь под деревьями и кустами, принимались за еду. Данте спрыгнул с Алмаза, помогая Эстелле вылезти из седла. Раздались аплодисменты, женщины завывали на разные голоса. Эстелла, обвешанная бусами, еле шевелилась, шея у неё затекла, но душа ликовала. Они теперь женаты! Теперь этот мужчина навсегда принадлежит ей! На смену жившему в Эстелле страху за их с Данте любовь пришла уверенность. Им больше не надо прятаться! И она может открыто держать его за руку, обнимать его, целовать. Это невероятно!

Пока молодых обсыпали пахучими травами, цепкие пальцы Данте сжимали эстеллину ладошку. Заглянув в фантастические очи возлюбленного, Эстелла прочитала в них безграничное блаженство. Таким счастливым она Данте ни разу ещё не видела.

Свадьба продолжалась. Женщины зажгли факелы и принялись окуривать округу ладаном, мужчины в перерывах между едой пели пошлые песенки. Эстелла рискнула попробовать несколько незнакомых блюд. К такой тяжёлой пище она была непривычна и много съесть не сумела, зато просекла, что Данте вообще не притронулся к еде. Лишь выпил женевер, и, кажется, слегка захмелел. Эстелла припомнила, что её милый-любимый и с утра ничего не ел. Выпить такой крепкий напиток на голодный желудок! Как бы он вообще не грохнулся в отключке. Эстелла взглянула на КLEMENTE — тот уже изрядно набрался и теперь весело ржал в компании мужчин и женщин-гаучо. Впервые за долгое время он вырвался из-под надзора жёнушки, в связи с чем разошёлся ни на шутку.

— Данте, съешь что-нибудь, — сказала Эстелла вполголоса.

— Не хочу.

— Но ты совсем ничего не ел сегодня.

— Но я не хочу.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросила Эстелла.

— Ничего. Наверное, я перевозился. А сейчас мне надоело. Я не привык к толпе, я не люблю быть среди людей. Давай сбежим, — в голосе Данте скользнуло нетерпение.

— Ну не знаю, а мне нравится! По-моему, здесь весело, — не согласилась Эстелла. — К тому же, я обещала Пии, что мы заедем после свадьбы. Она тоже приготовила для нас ужин.

— Потом. До вечера ещё много времени. А пока давай смоемся отсюда.

— Ну хорошо.

Спустя полчаса, однако, молодожёны так и не нашли возможности улизнуть. Едой их всё же напичкали. Даже Данте пришлось отведать кусок свадебного пирога. А когда с пирогом было покончено, Данте и Эстеллу убедили совершить ещё один ритуал — посадить саженец драцены.

— Это Дерево Удачи, — объявил кто-то позади. Эстелла увидела уже знакомого ей Гвидо. В уголках его глаз пролегли лучики — он улыбался. Также девушка заметила здесь и Джо в сопровождении щупленького мужчины. Тот был ниже её на голову и держал за руку мальчика лет семи.

— Я расскажу одну древнюю индейскую легенду, — продолжил Гвидо. — Жили когда-то давным-давно девушка и юноша — Келькацкуотль и Тецкаоматль. И полюбили они друг друга. Но Келькацкуотль была дочерью Верховного жреца, а Тецкаоматль — бедняком. Однажды юноша собрался с духом и решил попросить у Верховного жреца руки его дочери. Жрец, однако, разгневался и, схватив валявшуюся рядом палку для жертвенного костра, с силой вонзил её в землю и сказал: «Повелеваю тебе каждый день приходить сюда и поливать эту сухую палку водой. Ежели появится на ней хоть один зелёный листок, я, так уж и быть, отдам тебе в жёны свою дочь. Но если через пять дней палка не оживёт, ты будешь принесён в жертву богам за свою дерзость!». И стал Тецкаоматль приходить каждый день и поливать эту палку, как повелел жрец. И на четвертый день на сухом дереве появился зелёный листок. На пятый день юноша прибежал к палке и увидел, что она сверху донизу покрыта плотными зелёными листьями. Девушка и юноша поженились и до конца дней своих приходили к этому дереву, вознося благодарность богам за подаренное им счастье! С тех пор все индейцы верят: росток Древа Удачи, срезанный в полнолуние, приносит счастье в любви. Так что, пока будет расти это дерево, будет жить и ваша любовь! — закончил Гвидо, указывая на саженец, и надвинул шляпу на глаза.

Начались танцы. Оказалось, невесте и жениху принимать в них участие категорически запрещено — они могут только смотреть, дабы не потерять ту энергию и силу, что передал им Тибурун. Но Эстелле и не хотелось танцевать, сейчас ей хотелось просто быть рядом с Данте. Прижаться к нему и не покидать его объятий, и чтобы весь мир взял и исчез. Да и так танцевать она не умела. Стучали барабаны, звенели бубны, и все танцующие дергались в какой-то дикой пляске, словно у них были припадки. Женщины крутили бедрами и волосами. Мужчины от них не отставали. Эстелла была в шоке, впервые увидев мужчин, которые трясли попой не хуже, чем танцовщицы-негритянки из кабаре. Затем был танец под названием маламбо. Исполняли его только мужчины, а женщины хлопали в ладоши и свистели.

Данте ухватил супругу за руку.

— Пойдём, — шепнул он.

Они быстро поднялись и незаметно ретировались, оседлав Алмаза и Жемчужину. Некоторое время скакали галопом, пока «Лас Бестиас» и его жители не остались позади.

— Данте, а куда мы едем? Разве не в наш дом? — удивилась Эстелла, поняв, что они удаляются от посёлка.

— Нет, туда чуть позже.

— Тогда куда?

— Я просто хочу остаться с тобой наедине.

— Мы и так наедине.

— Нет, не так, а совсем. Понимаешь?

Эстелла не понимала, чего он хочет, но, привыкнув Данте доверять, упираться не стала.

Данте остановил Алмаза возле небольшой рощицы. Они отпустили лошадей скакать по полю и лакомиться сочной нежной травкой, а сами проломились сквозь кусты мимозы. Оказались на берегу реки. Это место было Эстелле незнакомо. В отличие от местечка их тайных детских свиданий, здесь трава росла чуть ли не по колено, а на мели не было ракушек и гальки — лишь мягкий песок, омываемый водой.

— Зачем мы сюда пришли?

— Просто хочу искупаться, — объявил Данте радостно.

— Искупаться?

— Да! У меня штаны из крокодила, знаешь, как жарко! — Данте мигом скинул сапоги и всю одежду. Остался голый. Эстелла вспыхнула.

— Ты что рехнулся? Ты же голый! А вдруг тебя увидят?

— Никто не увидит. Это место безлюдное. Присоединяйся! — крикнул он, с разбега прыгая в воду.

— Ни за что! У меня нет с собой купального костюма, а голой в реке я плавать не буду!

— Ну и жарься тогда на солнце. А водичка, между прочим, — чудо! — и Данте ушёл с головой под воду.

Эстелла примостилась на берегу и некоторое время наблюдала за поверхностью реки. Данте то выныривал, то снова уходил на дно. Плавал он хорошо, в этом девушка не сомневалась, но солнце пекло нещадно, и скоро Эстелла позавидовала своему новоиспечённому мужу.

Данте там хорошо в прохладной водичке, и вылезать оттуда он и не собирается. А она тут сидит на жаре! Несправедливо! Но и за ним она не полезет. В платье так точно. А купаться голой в общественном месте — это дикость. Всё же она из приличной семьи.

Было уже около шести вечера, но солнце продолжало палить. И если пару часов назад Эстелла ещё спокойно могла сидеть на траве, то сейчас это стало и невозможным, ибо земля прожигала кожу через одежду, будто девушка сидела на раскалённых углях. Единственное спасение было в реке и под раскидистой кроной палисандрового дерева, где Эстелла и укрылась.

Данте, наконец, вылез из воды и без зазрения совести направился к ней. Взяв Эстеллу за подбородок, он страстно поцеловал её в губы. С него текли ручьи.

— Ну Данте, ты меня замочишь, ты же мокрый!

— Так жара ведь!

— Ну я же в платье! Как я обратно пойду?

— Так сними платье.

— Ни за что! И вообще прикройся, — возмутилась Эстелла, чувствуя, как у неё стучит в

висках. — Хватит меня провоцировать!

— Я не провоцирую, — он хитро прищурил глаза, сверкнув ими сквозь ресницы, где застыли капельки воды. — Но, если ты забыла, Эсте, мы теперь муж и жена. Да и за целый день я сварился. Я не виноват, что январь в этом году такой жаркий. К тому же, я хочу тебя целовать.

— Ну Данте...

Эстелла пыталась его отпихнуть, но понимала, что бессильна. Никогда она не сможет устоять перед его ласками. Это превратилось в болезнь. Сев на колени, Данте прижал девушку к себе. Провёл губами по её губам, по шее, спустился ниже... Эстелла охотно поддавалась и проницательный Данте мигом уловил это её состояние безвольной куклы. Эстелла погладила его прохладную спину. На пояснице нащупала что-то... что-то выпуклое.

— Данте, погоди, а что у тебя на спине?

— ???

— Дай я погляжу, там что-то есть. Вдруг там какое-нибудь насекомое? Повернись.

Данте подчинился. Эстелла внимательно осмотрела его спину. На пояснице красовалась серебряная надпись: «И солнцем для тебя станет любовь».

— Данте, что это? — глаза Эстеллы округлились. — Её раньше не было. Это последствия ритуала? Ещё один рисунок? — Эстелла перевела взгляд на его левое плечо с изображением крошечной колибри, пёрышки которой чуть отливали золотом, будто на них играли солнечные зайчики.

— Наверное.

— Интересно, — Эстелла поглядела и на своё плечо — колибри была точно такая же. — А на спине у меня есть? Данте, погляди. Я не чувствую, что там что-то есть.

Ловкие пальцы Данте подцепили шнуровку на её корсаже и, будто змеиные хвосты, заскользили по коже, избавляя её от одежды. Эстелла и ахнуть не успела, как осталась без платья.

— Ты настоящий злодей, — шепнула она ему в рот. — Я просила посмотреть на рисунок, а не раздевать меня.

— Как я посмотрю, если ты в платье? — Данте погладил её по пояснице, нащупал выпуклую татуировку. — Кажется есть.

Он быстрым движением уложил Эстеллу на спину, и они перекатились по траве. Девушка, чувствуя, как напрягаются его мышцы, окончательно перестала владеть собой.

— Что ты со мной сделал? У меня кружится голова! Ты точно меня приворожил! Может, ты что-то подсыпал мне в еду? Признавайся, коварный колдун!

Данте смеялся.

— Ага, свою любовь.

— Ммм... а это вкусно?

— Попробуй... — и Данте заставил девушку замолчать, закрыв ей рот поцелуем.

Мира больше не существовало. Они были вдвоём в их собственной вселенной.

— Пошли окунёмся в воду, а то тебя солнечный удар хватит. Ты столько сидела на солнце, смотри, конопushками вся покроешься назавтра. Идём!

— Ну Данте...

Но он не стал слушать протесты, подхватил Эстеллу на руки и втащил прямо в реку. Вода оказалась тёплая-тёплая и прозрачная, точно хрусталь. Эстелла, решив отомстить за такое коварство, забрызгала Данте водой с головы до ног.

— Ах так?! Ну ладно! — Данте ухватил её за талию, и они брякнулись на мелкое илистое дно. Водоросли приятно ласкали Эстелле спину, а тёплая вода окутывала юные тела, слившееся в едином танце любви...

Сегодня ощущения от близости с Данте у Эстеллы были другими. До этого они сочетали в себе любовь, страсть, страх потерять Данте и некие фантазии и сны, которые она сама себе придумывала. Теперь же Эстелла была спокойна, расслаблена и уверена в себе. Она больше не боялась потерять Данте и не боялась, что он её бросит обещанной. Они муж и жена. Нет, любовь Эстеллы не иссякла, напротив, она стала глубже и ярче, расцвела подобно тропической лиане. И Эстелла испытала острое наслаждение не только душой и головой, но и телом.

Буквально каждой клеточкой Данте ощущал на своей коже кожу Эстеллы. Бессознательно запустив пальцы в её густые локоны, юноша прикрыл глаза. Только бы это не заканчивалось... Никогда... никогда. Эстелла. Его Эстелла. Вывернутая у судьбы любовь. Украденная вопреки всем и всему.

Когда солнце приблизилось к воде, Эстелла вылезла на берег и натянула платье. Данте помог ей зашнуровать корсет.

— О, боже, Данте! Мы совсем спятили! А что если нас кто-нибудь видел?

— Плевать, — отрезал Данте. — По-моему, это было даже интересно.

— Интересно?

— Ну да. Придало остроты нашим ощущениям.

Эстелла покраснела, вспомнив своё настойчивое желание юношу съесть, как кусочек шоколада.

— Слушай, ты, любитель острых ощущений, я не уверена, что нас никто не видел.

Данте захихикал.

— Да никто нас не видел, успокойся! Иди сюда... — она позволила себя обнять. — Это было чудесно.

— Да уж... — щёки Эстеллы пылали. — Но а как же наша брачная ночь?

— А это что по-твоему было? — ухмыльнулся Данте.

— Ну... ведь ещё не ночь. Я предполагала, что брачная ночь должна быть ночью, — укоризненно сказала Эстелла.

— Эсте, ну какая же ты правильная! — он опять рассмеялся. — Какая разница? Можно подумать, мы делаем это в первый раз.

— В реке точно в первый.

— Хочешь сказать, что тебе не понравилось?

— Я этого не говорила.

— Но если ты хочешь брачную ночь, мы можем это повторить и ночью. Ай! Ты чего дерёшься? — воскликнул Данте, когда Эстелла пихнула его кулаком под рёбра.

— Ничего! Умерь свой пыл! Я кто по-твоему, шлюха из борделя? — надулась Эстелла.

— Глупая, ну не обижайся. Мы же теперь муж и жена.

— Ага, поэтому теперь можно надо мной издеваться, да?

— Я не знал, что тебе это неприятно. Я думал, тебе хорошо со мной.

— Мне хорошо. Но успокойся, ага? Мы ведь ещё должны заехать к Пии и Клему домой. Они нас ждут с ужином, да и вещи надо забрать. Так что давай, собирайся, — скомандовала Эстелла.

— Представляю, что с ними будет, когда они нас увидят... такими... — хохотнул Данте.

— Чего ты хихикаешь? Какими «такими»? Я что так плохо выгляжу? — взбеленилась Эстелла.

— Да нет, не плохо. Я бы сказал даже очень хорошо. Вот только у нас мокрые волосы, а ещё по твоему лицу видно, что ты только что получила греховное удовольствие. А-ха-ха-ха! Смотри, как бы Пия не начала размахивать крестом у тебя перед носом!

— Ну хватит, — обиделась Эстелла. — На себя погляди. У тебя во весь лоб надпись: «Я занимался любовью только что», — и Эстелла легонько щёлкнула его по лбу.

— Хо-хо-хо! Какая коварная женщина досталась мне в жёны!

— Не издевайся, наглец! Это ты меня соблазнил. Если бы ты не расхаживал голышом...

— Ты бы соблазнила меня сама, — закончил мысль Данте, прижимаясь щекой к щеке Эстеллы. — Помнишь, мы в детстве так делали?

— Ага... — Эстелла рассмеялась. — И мне до сих пор это нравится.

— И мне...

— Кто бы мог подумать? Ох, Данте, разве я могла тогда подумать, что мы с тобой станем так близки?

— Я так тебя люблю!

— А я как!

Данте и Эстелла оделись. Сцепив руки, они покинули своё тайное укрытие. Белая и чёрная лошади шли за ними, держась на почтительном расстоянии от хозяев, но бок о бок друг с другом. На землю опускалась влажная южная ночь. Волосы юноши и девушки чуть мерцали в сумерках, когда они удалялись в горизонт. Лишь вода в реке да примятая трава остались свидетелями их любви.

Комментарий к Глава 34. И солнцем для тебя станет любовь —————

[1] Пандейро — это бразильский рамочный барабан, инструмент, сильно смахивающий на бубен.

[2] Джембе — западноафриканский барабан в форме кубка с открытым узким низом и широким верхом, на который натягивается мембрана из кожи — чаще всего козьей. Играют на джембе руками.

[3] Чаранго внешне похож на гитару, имеет 10 струн, расположенных попарно. Распространён в Латинской Америке, использовался индейцами Перу, Аргентины, Чили Боливии в качестве музыкального инструмента.

[4] Паяда — диалог в стихах.

[5] Кена — продольная флейта, используемая в музыке Андского региона Латинской Америки. Обычно изготавливается из тростника.

[6] Морские раковины большого размера с незапамятных времен использовались среди многих народов в качестве музыкальных инструментов. Играют на них, как на трубе, дуя внутрь.

[7] Тибурон говорит на языке йоруба — язык, распространённый на юго-западе Нигерии, а также в прилегающих районах Западной Африки.

Oluwa ti orun — Владыка небес.

Oluwa ti aiye — Владыка земли.

Oluwa ti ina — Владыка огня.

Oluwa ti afefe ati eye — Владыка ветра и птиц.

Oluwa ti omi — Владыка воды.

Oluwa ti ether — Владыка Эфира.

Petals — лепестки.

Ina si — огонь.

Eye to — птицы.

Ni omi — вода.

Ni ether — эфир.

Oro ti okan — Слова сердца.

Enu o si wa — Да будет так.

===== Глава 35. Анонимный подарок =====

Жару января сменили тёплые апрельские дожди, но совместной жизни двух юных супругов это не мешало. Маленький домик, утопающий в зарослях орхидей и жасмина, где Данте и Эстелла поселились, состоял всего из двух комнат: спальни и гостиной, которая служила, как столовой, так и кухней. По центру гостиной расположились жемчужного цвета диван и несколько кресел. На стене напротив — небольшой камин. У окна — столик орехового дерева и две лавочки. В противоположном углу — буфет с кухонной утварью и разделочный стол. На полу лежал круглый синий ковёр. Супружеская спальня вмещала двуспальную кровать, шкаф и зеркало в полный рост, прибитое к стене.

Несмотря на скромную обстановку, Эстелла чувствовала себя счастливой. Да, здесь не было такой роскоши, как в родительском особняке, но девушка буквально летала. Пока Данте пропадал целыми днями на охоте, она училась готовить мясо на жаровне, что стояла на террасе, кормила индюшек, вышивала салфетки, повесила на окна светлые шторы и рассадила повсюду цветы. Иногда забредала в гости к Пии. Последняя, хоть и донимала Эстеллу разговорами о боге и церкви, часом выдавала и здравые мысли, и Эстелла-таки надеялась сделать из неё человека. Да и ей было скучно. Девушка не привыкла находиться в полном одиночестве, а Данте возвращался домой лишь к ночи, а когда ездил по эстансиям продавать лошадей, так и вовсе через пару суток.

Дни, в которые Данте оставался дома, можно было пересчитать по пальцам. Обычно наши герои проводили их, утопая в объятиях, ласках и поцелуях, и Эстелла забывала даже собственное имя. В другое время девушка тосковала по любимому и, дабы занять себя, фантазировала, что Пия теперь её подруга. Разумеется, настоящими подругами они не были, и все их совместные посиделки сводились к приготовлению еды (Пия учила Эстеллу готовить) или пошиву нарядов (Эстелла учила Пию шить).

Клементе тоже дома появлялся нечасто. Как выяснила Эстелла, Клем был Пии не так уж и противен. До свадьбы она даже испытывала к нему лёгкую влюблённость, пока их первая брачная ночь не поставила на ней большущий крест. Эстелла была убеждена: в неудачах их брака виноват исключительно Клементе. Со слов Данте она знала: его брат влюблён в девку из борделя, а на Пии женился по настоянию родителей. С супругой он был груб и резок, из-за чего любое упоминание о близости с ним у Пии вызывало ужас. Приступы религиозности так и случались с ней регулярно, хотя она и стала менее агрессивной. Но до сих пор Эстелле не верила, что с Данте ей хорошо.

— Такого не бывает, — утверждала Пия. — Все мужчины получают удовольствие, мучая женщин. Если б это было не так, они бы не заставляли жён заниматься богопротивными гнусностями.

Эстелла была не в силах переубедить Пию, как ни старалась. Наверное, излечить её смогли бы только любовь и ласка мужчины. И Эстелла уговорила Данте побеседовать с Клемом на эту тему.

Данте, хоть и относился к Пии с подозрением, внял просьбам любимой. Эстелле он этого не говорил, но считал: слова её не лишены смысла. Зная склонность Клема к развлечениям с потаскушками и припоминая его насмешки над девственницами, Данте допускал, что тот вёл себя с Пией, как с бордельной шлюхой, чем и вызвал её страх. И если ей было неприятно, больно и противно, конечно, теперь она делает всё возможное, чтобы избежать повторения неудачного интимного опыта.

Данте никогда не отличался дипломатичностью, поэтому не стал ходить вокруг да около и напрямую вывалил Клему всё, что думает.

— Похоже, ты стал подкаблучником, — съязвил Кlemente. — Потакаешь во всём своей Эстелле и подрываешь авторитет мужчины в доме. Жена нужна, чтобы доставлять мужу удовольствие, и не важно, нравится ей это или нет. На то она и жена. Её удовольствие — вещь второстепенная.

— Большого бреда я ещё не слышал, — фыркнул Данте. — Ты относишься к женщинам, как к животным. А как же любовь? Такое отношение убивает её на корню. А мы с Эсте бережём нашу любовь, она чересчур дорого нам досталась, чтобы мы имели глупость её потерять. Ни я, ни она друг другу не подчиняемся и ни в чём друг друга не ограничиваем. Наша любовь построена на доверии, а не на борьбе за главенство в доме. Не знаю, откуда такие бредни и желание самоутвердиться в твоей голове, Клем, но я лично никогда не получу удовольствия от близости с женщиной, зная, что ей больно или неприятно со мной. Даже тех шлюх из «Фламинго» я никогда не обижал и не принуждал к чему-либо. Как я могу наслаждаться женщиной, если она в ужасе плачет или плюётся от моих поцелуев? Гадость какая! Удовольствие получаешь от взаимности, когда видишь отдачу, видишь, что ей тоже хорошо. Да если бы я проявил с Эстеллой хоть какой-то намёк на эгоизм в наш первый раз, наплевал на её чувства, причинил ей боль, я бы потерял её навсегда.

— Нашёл кого поставить в пример. Вы вообще женились тайком, — доказывал Кlemente, — и вы не пример в данном случае. Любовь и брак — это разные вещи. По любви женятся единицы. Есть женщины, созданные, чтобы быть жёнами и матерями. А есть женщины, созданные для любви. На таких не женятся. Жена обязана подчиняться мужу, или брак полетит ко всем чертям. Погляди на маму и папу.

Данте хмыкнул.

— Они женились по любви, кстати. Но когда в голове нет мозга, тут даже глубокие чувства бессильны. Каролина сама всё испортила, а Эстелла у меня умненькая, она не религиозная фанатичка и равнодушна к общественному мнению. И я знаю, если завтра весь мир от меня отвернётся, она останется со мной. Так же, как и я с ней.

— Я бы не был так уверен. Женщины, они как крысы, — всегда бегут с тонущего корабля первыми. Ты позволяешь ей слишком много. Скоро она сядет тебе на шею. Да ещё и внушает Пии какие-то либеральные идеи. Представь, Пия мне тут недавно заявила, что была бы не против пойти учиться. Учиться! Женщине учиться! Кто это вообще придумал? Их место на кухне и в постели мужа. Это всё твоя аристократочка виновата, она внушает моей жене неправильные мысли.

Данте не в силах был и дальше оспаривать эту ахинею.

— Твоя голова забита стереотипами. Не ожидал, что после свадьбы ты превратишься в ханжу. Знаешь, Клем, когда мужчина уверен в своей мужественности, он не станет гнобить женщину, мучить её и загонять её в пятый угол.

Кlemente обиделся и ушёл, но Данте не считал себя неправым, так что разговор этот не

принёс ничего, и сколько Пия не пыталась привлечь внимание Клема (Эстелла даже убедила её однажды надеть платье с небольшим декольте), он не обращал на неё внимания, точно она была мебелью.

Три месяца минуло в одночасье. Эстелла всё это время варилась в котле семейной жизни, своей — счастливой и полной ласк, поцелуев и доверия, и чужой — выслушивая жалобы Пии на отвратительное поведение Клема, на придирки Каролины, с которой Эстелла упорно избегала общения, и на инертную тоску, коя овладела Пией так, что ей даже стало лень убираться в доме. Зачем? Её никто за это и не похвалит, принимая как должное, что она с утра до ночи вкалывает кухаркой и поломойкой. В лице Эстеллы она нашла собеседницу, жилетку, носовой платок и книгу полезных советов и, верно, сочла: это и есть дружба.

Эстелле же быстро надоело слушать жалобы, но общаться, кроме Пии и Данте, ей было не с кем. И она заскучала по Сантане. Когда-то они были так близки, делились своими маленькими и большими тайнами, пока в один миг всё не закончилось. Эстелла, хоть и обижалась на Сантану, но готова была её простить, если бы та извинилась за своё поведение.

Да и жизнь в «Лас Бестиас» оказалась не сахарной. Поначалу Эстелле нравились тишина и покой, свежий ветерок, шелест листьев, кудахтанье курочек и кряканье уток под окном.

Но всё чаще вспоминала она широкие городские улицы, людей на Бульваре Конституции, экипажи, покрикивание кучеров, дам и кавалеров в элегантных туалетах, а ещё балы, что собирали сливки общества, и даже пресловутый театр оперы. Здесь же Эстелла чувствовала себя оторванной от цивилизации. Она могла весь день проковыряться в садике у дома, не увидев ни единого прохожего. И в голову её всё чаще забиралась мысль: почему бы им с Данте не вернуться в город. Сейчас они муж и жена и могут открыто любить друг друга. Но заговорить об этом с юношей Эстелла не осмеливалась. Но заметила: в последнее время Данте какой-то подавленный. Что-то явно мучило его, но он молчал, пока она не спросила прямо.

— Данте, что с тобой? Ты грустный в последнее время. Я тебе надоела? — поинтересовалась Эстелла, увидев как он, сидя на диване, в очередной раз смотрит в никуда. — Ты жалеешь, что женился на мне, так?

— Что ты такое говоришь? — нахмурился Данте. — Конечно нет! Я тебя люблю больше жизни, как ты могла так подумать?

— Тогда что? — сев к нему на колени, Эстелла обняла его за шею. — Расскажи мне. Ведь мы всегда друг другу доверяли. Что тебя мучает, мой милый?

— Нет, всё хорошо, Эсте, правда. Просто, просто мне кажется, мы живём жизнью какой-то не такой, как хотелось бы.

— В смысле?

— Ну... например, я думаю, что тебе здесь скучно.

— Вовсе нет! — соврала Эстелла краснея.

— Не лги, я вижу тебя насквозь, — укоризненно сказал Данте. — Ты не привыкла жить в глуши.

— Но разве ты не этого хотел? — удивилась Эстелла. — Ты всегда жил на природе, на свободе.

— Вот именно. А сейчас я не чувствую себя свободным. Моя жизнь превратилась в рутину. Охота-дом, дом-охота. А я привык к иному. Раньше я уезжал, куда глаза глядят, и даже не знал, где проведу следующую ночь. Но и ты никогда не жила в мирке, ограниченном

четырьмя стенами, разве не так?

— И что ты предлагаешь? — робко спросила Эстелла.

— Давай вернёмся в город.

Эстелла не могла поверить своим ушам: такое впечатление, что Данте прочитал её мысли. Воистину они нашли друг друга.

— Не говори, что не хочешь этого, — продолжил он. — Я не верю, будто тебе нравится кормить кур.

— Я не говорила, что нравится. Точнее, когда я сюда приехала, мне это нравилось, пока было развлечением и не превратилось в обязанность. Ты действительно хочешь в город? А я думала, ты не любишь городскую жизнь.

— Да нет, напротив, обожаю. Вернее, я не могу тебе сказать, какая жизнь мне нравится больше. Здесь — полная свобода, там — эйфория. Когда я впервые попал в город, я почувствовал его ритм, хотя меня и раздражают толпы людей вокруг, но там интересно, можно куда-то пойти. Там я чувствовал себя полноценным человеком, а здесь опять чувствую себя пастухом.

Эстелла, не помня себя от счастья, покрыла всё лицо Данте поцелуями.

— Данте, ты просто чудо!

— Так ты согласна?

— Ну конечно! Я уже несколько дней об этом думала, но не решалась тебе сказать. Я тебя обожаю!

— До сих пор не верится, что я нашёл человека, который так меня понимает, — вздохнул Данте. — Мне так хорошо с тобой, Эсте...

— Просто мы чувствуем друг друга, ведь у нас одна душа на двоих.

Они ещё долго плавали в собственном мирке из ласк и поцелуев, но нежности были прерваны громким стуком в дверь. Это оказался Клементе.

— Привет. Простите, что помешал, но я принёс новость.

— Надеюсь, хорошую? — спросил Данте.

— Ммм... — Клем почесал голову. — Это как посмотреть. Богомольные наши, думаю, придут в восторг, а вот вы, не знаю. В общем... умер Тибурон.

Эстелла и Данте переглянулись.

— Боже мой! Это тот, который нас поженил? — ахнула девушка. — Как жалко, а мне он не показался старым.

— Никто не знает, сколько ему было лет, старый он был или молодой, — уточнил Клем.

— А от чего он умер? — голос Данте дрогнул.

— Все только руками разводят. В последнее время он куда-то исчез. Его никто не видел в посёлке со дня вашей свадьбы. Дом его был заперт, окна заколочены, а вчера он вдруг объявился. Люди говорят, он был страшно бледен и постарел лет на двадцать. Один человек зашёл к нему, чтобы договориться о празднике для своего сына, увидел, что дверь в дом открыта, и заглянул внутрь. Тибурон лежал мёртвый на полу. Его служанка Эу тоже была мертва. По какой причине — никто не знает. Есть версия, что они сами отравились либо их отравили. В общем, расследовать это навряд-ли кто-то будет. Жандармы ни за что не приедут в нашу глушь из-за такой ерунды. Да и кому это надо? Церковники вон рады без ума. Они все его терпеть не могли. Некоторые даже болтают, что падре Антонио самолично к этому ручку приложил, но это бред, я думаю. Похороны будут завтра.

— Клем, будешь чай? — предложила Эстелла.

— Нет, спасибо. Я забежал на минутку, новость рассказать. Меня ждёт сеньор Анхель. Дела совсем плохи. Ветеринар, приехавший из столицы, сказал, что у быков чума. Они мрут десятками. Сеньор Анхель боится, как бы это не перекинулось и на другой скот. Мы договорились, что будем сегодня вместе с ветеринаром отделять здоровых быков от больных. Может, получится спасти тех, кто ещё не заражён. В общем, дел невпроворот. Пойду я.

Пока Эстелла провожала Кlemente и закрывала за ним дверь, Данте сидел не шевелясь.

— Что с тобой, милый? — поинтересовалась она, воротившись в гостиную.

— Ничего.

— Ты из-за быков так расстроился? Ну да, чума — это ужасно, но что ж сделаешь.

— Нет, быки тут ни причём.

— Тогда что? Ах, да, эта новость! Странно правда, что тот старик умер? Но ведь он нам не родственник, мы его едва знали. Жаль, конечно, но разве это повод так переживать?

— Я не переживаю, я просто не ожидал, — выговорил Данте. На самом деле эта смерть поразила юношу. Не связана ли она с перстнем?

— Данте, любимый, всё равно ты задумчивый какой-то сегодня, — Эстелла, тронув его за подбородок, заглянула ему в глаза. — Ну что ты?

— Нет, нет, ничего, — промямлил Данте. Может ли он рассказать Эстелле о своих подозрениях? Нет, не может. Зачем её пугать? Это только его проблемы. Обвив руками талию девушки, Данте прижался к её животу. — Просто мне тоскливо. Я же тебе объяснил причину.

— Значит, решено? Мы возвращаемся в город?

— Да!

— Когда?

— По мне, так хоть завтра, ведь нас здесь ничто не держит.

— Да, ты прав. А на похороны к старику ты не пойдёшь? — спросила Эстелла.

— Нет, — вновь помрачнел Данте. — Нет, ни ты, ни я туда не пойдём, Эсте. Нам нечего там делать. Давай-ка займёмся сборами. Если сегодня упакуем вещи, завтра с утра сможем выехать, и к вечеру уже будем в городе. Как тебе?

— Очень хорошо! Жду-не дождусь смены обстановки! — и Эстелла бросилась в спальню. Вытряхнув из шкафа одежду и выудив из-под кровати чемоданы, она начала складывать вещи.

Ночью Данте заснуть не мог и ворочался до самого утра. Какая-то смутная тревога терзала его. Это продолжается уже несколько дней, словно какое-то предчувствие. Вспоминая происки своей сверхинтуиции, которая ни разу его не подводила, Данте пожалел, что придумал этот план с отъездом. Да ещё дурацкий дед взял и умер.

Эстелла спала безмятежно, улыбаясь во сне. К шести утра Данте, не выдержав, встал с кровати, умылся, оделся и выставил собранные Эстеллой чемоданы к порогу. Накормил Янгус бананами, расчесал гривы Жемчужине и Алмазу, проверил их подковы, и, когда вернулся в дом, у двери увидел длинную узкую коробку. Она была обернута пергаментом и перевязана алой лентой.

Осмотрев коробку, Данте занёс её в дом. Поставил на стол, открыл и ахнул. Внутри лежал меч. Серебряный, небывалой красоты, с ручкой инкрустированной рубинами. Эта штука явно стоит целое состояние!

Данте, обожающий красивые вещицы, но с детства лишённый возможности окружить себя ими, испытал восторг, схватил меч за рукоять. И тот засиял, да так ярко, что затмил бы

собой любой факел. Похоже, меч волшебный. Но кто его подложил под дверь и зачем?

Данте поковырялся в коробке. Вытряс оттуда записку. Развернул. На ней микроскопическими буквами было выведено:

«Этот меч волшебный. При правильном использовании он не причинит зла, но может и убить. Это мой подарок на твою свадьбу. Желаю, чтобы ты никогда больше не разбрасывался магическими артефактами. Не стояло отдавать перстень кому попало. Перстень уничтожил старика, потому что никто не может управлять им, кроме тебя. Дед умер, но перстень жив. Ты ещё можешь забрать его. Мне жаль, что я не могу сказать тебе это в лицо, но однажды мы встретимся, и ты поймёшь меня. Справедливость — вот истинная суть бытия».

Подписи на записке не было. Кто-то знает и о том, что он колдун, и о его свадьбе, и о том, что он отдал перстень, и даже о том, что перстень не слушается другого колдуна. Он и сам забыл об этом, когда заключил сделку с Тибуроном, а этот человек знает абсолютно всё.

Данте уронил меч на пол, тот вспыхнул, и в его лезвии, остром-остром, как в зеркале, Данте увидел своё отражение. Нет, не своё. Чёрные глаза и хищное лицо. Это был Салазар.

— Давно ты не появлялся, — вполголоса шепнул Данте, дабы Эстелла не услышала из спальни.

— И не появился бы, но не могу не сказать тебе, что ты придурок.

— Что?

— Кто тебя просил отдавать перстень?

— Это была сделка.

— Разве я тебе не сказал, что Магия Крови — вещь сильная.

— Я забыл об этом, — вздохнул Данте. Это была правда.

— Ты убил Тибурона. Бедный старикашка, — ухмыльнулся Салазар. — Впрочем, туда ему и дорога, нечего было совать свой нос куда попало.

— Нет, я не убивал его! Я не виноват! — в отчаянье вскрикнул Данте. Эстелла в соседней комнате шевельнулась.

— Ты его убил, — повторил Салазар. — Это твоя вина. Ты не предупредил его о том, что перстень пропитан твоей кровью. Ты убийца и смирись с этим. Но дело не в том. Мне на это глубоко наплевать. Я хотел сказать кое-что ещё: отныне я не стану тебе помогать.

— Что?

— Что слышал. Ты можешь больше меня не звать. Ты пренебрёг силой, что тебе была подарена. Ты пренебрёг вещью, которая была отдана тебе. Ты променял свой дар на бестолковую девчонку. Ты получил, что хотел, — девчонка теперь твоя. Но то что сделал Тибурон — тоже чёрная магия. Любой ритуал, замешанный на крови, относится к магии Тьмы. Ты сделал свой выбор, решил, что сила твоя тебе не нужна. Ты предал свою сущность, отдав перстень.

— Но... Салазар... — Данте растерялся. — Я... я... просто хотел, чтобы Эстелла была со мной.

— Она с тобой, ты добился своего, но напрасно ты забыл о том, что тебе сказал колдун: будь осторожней. У тебя есть враги и их немало. Ты чёрный маг, запомни это, и не лезь в пекло ада. Это моё последнее предупреждение, надеюсь, ты услышишь его и истолкуешь верно. Ибо больше я распинаться не стану. Не зови меня, я не приду. Отныне, что бы с тобой не произошло, куда бы ты не влип, выкручивайся сам! — меч вспыхнул, и изображение Салазара исчезло.

В голове у Данте лихорадочно метались мысли, но ни одна не задерживалась надолго.

Он оторопел, почувствовал себя беспомощным. За столько лет привык к Салазару, и вот на тебе. А что если ему и впрямь однажды понадобится помощь, помощь магическая, как в тот раз, когда он его заперли в подвале без шансов на спасение, или в тот раз, когда умирала Янгус? Если бы не магия, если бы не Салазар, он бы не выкрутился никогда в жизни. А своей магией он толком пользоваться не умеет, так и не удосужился научиться за восемнадцать лет. И теперь он ещё и потерял расположение Салазара. Какой же идиот!

Через десять часов Данте и Эстелла уже стучались в «Маску». Сеньор Нестор, с лорнетом [1] и газетой в руках и трубкой в зубах, крайне удивился их появлению.

— Вот так сюрприз! — воскликнул он. — А я думал вы с концами уехали и больше уж не вернётесь.

— Мы тоже так думали, — Данте поставил чемоданы на пол, — но вот вернулись. Знаете, сеньор Нестор, мы ведь теперь муж и жена.

— Неужели? — вылупил глаза хозяин, став похожим на совёнка. — Вот те на!

— Да, и нам нужна комната посвободнее.

— Что ж, у меня есть комнаты для молодых семей, да. На четвёртом этаже. Сейчас, сейчас найду ключи, — он наклонился под стол и принялся там шарить. — Кстати, вам же тут письма приходили какие-то.

— Письма?

— Да-да, были письма. Сейчас найду. Вот, нашёл!

Сеньор Нестор извлёк картонку с пачкой писем, поковырялся в ней и вручил юноше продолговатый конверт с надписью: «Для Данте».

Данте нетерпеливо вскрыл его. Внутри оказался другой конвертик, поменьше, и предназначался он Эстелле. Кто-то замаскировал одно письмо под другое.

— Эсте, по-моему, это тебе, — протянув любимой письмо, Данте забрал у сеньора Нестора ключи от комнаты 412.

Спустя полчаса, Эстелла, сидя на канapé у окна, в третий раз перечитывала вручённое ей послание. Это было письмо от Сантаны, письмо официальное:

«Уважаемая сеньорита Эстелла Селесте Гальярдо де Агилар, доводим до вашего сведения, что вы приглашены на церемонию венчания сеньориты Марии Сантаны Бернарди и сеньора Хорхе Луиса Парра Медина, которая состоится 14 апреля 1795 года в храме Святой Аны в 16.30. Вы можете взять с собой сопровождающего». И рукой Сантаны снизу было приписано: «Эстелла, знаю, что ты злишься, но приходи, пожалуйста, ты мне очень нужна. Санти».

Уронив приглашение на колени, Эстелла закрыла лицо руками. Данте, который в эту секунду разбирал чемоданы, обернулся на её всхлип.

— Эсте, что с тобой?

— Н-н-ничего, — еле выговорила она.

Данте, подойдя к ней, сел на пол. Взял её за запястья.

— Это из-за письма?

— Это... это приглашение на свадьбу. Сантана приглашает нас на свадьбу. Свадьба через два дня, — Эстелла протянула ему письмо.

Данте пробежался глазами по содержанию приглашения, на обороте которого красовались два белых лебедя.

— Я не понял, где здесь написано «нас»? — сказал он после паузы. — Она приглашает

тебя, я-то что там забыл?

— Там же сказано: «вы можете взять с собой сопровождающего». Кого я ещё могу взять с собой? Ты же мой муж!

— Ну хорошо, допустим, я пойду. Но почему ты плачешь, Эсте? Подумаешь, приглашение. Ты меня напугала, я решил, что кто-то умер.

— Прости, милый, я не хотела, — Эстелла по-кошачьи ласкалась к нему. — Но для меня важно, что она меня пригласила. Мы с ней дружили с пяти лет, она была для меня самым близким человеком, конечно, до тех пор, пока я не встретила тебя. Мы с Санти были не разлей вода и так глупо поругались. Мне до сих пор тяжело об этом вспоминать и мне обидно, но, думаю, если бы она первая пошла на примирение, я бы её простила. Потому что мне не хватает моей подружки, очень, очень сильно, — и Эстелла опять разрыдалась.

Данте притянул её к себе.

— Ну не плачь. Если она тебя пригласила, наверное, и вправду хочет помириться. Может, ей стало стыдно?

— Сейчас Санти очень страдает, потому что выходит замуж за нелюбимого. Думаю, в моём присутствии ей станет легче. Я хочу её поддержать. Данте, ты ведь пойдёшь со мной?

— Пойду, куда я денусь? — вздохнул Данте. — Ты же моя жена, как я могу тебя одну бросить? Да и там наверняка будут твои родственники. Заодно убьём одним выстрелом двух птиц: скажем им, что мы поженились, и дело с концом. И пусть не пытаются разлучить нас, это бессмысленно.

— Только ты можешь меня успокоить. Как хорошо, что ты есть у меня, мой Данте.

— А ты у меня... Давай-ка, хватит реветь. Если хочешь попасть на эту свадьбу, надо хотя бы вещи рассовать по полкам, а то у нас тут базар прямо, — пошутил Данте, целуя Эстеллу в щёки и слизывая с них слёзы.

Комментарий к Глава 35. Анонимный подарок —————

[1] Лорнет — оптический прибор. Лорнеты были как с одним стеклом (похожие на лупу), так и с двумя (как современные очки, только без дужек и на ручке).

===== Глава 36. С чего начинается ад =====

Апартаменты, где супруги поселились, представляли собой квадратное помещение, разделённое перегородками на три зоны. В одной части находилась кухня: обеденный стол, раковина и миниатюрная печь. Центральная часть, самая просторная, являлась гостиной, где стояли зелёное канапе, пуфы и комод, у стены — камин, а на полу — мягкий ковёр с длинным ворсом. У окна Данте разместил янгузову жердь, и теперь птица весело тарахтела, когтистой лапой дермыгая голову. Балкон выходил на другую сторону — тихую аллею Лос Роблес, засаженную многовековыми дубами. Третья зона была спальней. Там стояла широкая кровать, укрытая цветастым покрывалом. В углу — шкаф, а на стене дверь — вход в ванную комнатку. Стены, обклеенные жемчужного цвета тканью с жёлтенькими и зелёненькими завитками, Эстеллу умиляли — она любила всё светленькое. Уже к вечеру следующего дня апартаменты обрели вид уютного семейного гнездышка.

Утром 14 апреля Эстелла на кухонном столе разглаживала их с Данте одежду утюгом, подогреваемым от печки.

Данте скептически отнёсся к новому походу в церковь, не зная, как вести себя. Конечно, они муж и жена и теперь всюду должны быть вместе, да и бросить Эстеллу одну на съедение её семейке он не может. Но... последнее его посещение церкви — свадьба Клема — ничем хорошим не закончилось. С той поры много воды утекло, Данте частенько использовал

магию, да ещё этот ритуал, проведённый Тибуроном, и ритуал трансформации в Салазара... Неизвестно, как сейчас он отреагирует на иконы и кресты. Салазар сказал, что он чёрный маг. Наверное, так и есть. Хотя какая разница? Чёрная магия, белая, главное, что она помогает, да и ничего дурного он не сделал. Ведь и с помощью белой магии реально натворить бед, а чёрная может и спасти. Данте мог бы уловить принципиальную разницу, если бы у него был наставник, маг, который учил бы его, объяснял что-то. Но Данте с рождения постигал глубины магии и уживался с ней самостоятельно, поэтому он не знал, насколько мощная сила скрыта в нём и на что вообще способна его магия.

Эстелла же так разволновалась из-за Сантаны, что напрочь забыла: мужу её не надобно идти в церковь. Данте хотел сказать ей о своих страхах, но всё тянул и тянул и, когда настало время идти на венчание, было уже поздно отступать.

Эстелла убедила его сесть в экипаж, а не верхом на лошадей, и в четыре часа они прибыли к церкви Святой Аны. Сколько же народу! Человек сто, не меньше. Эстелла была поражена такому размаху. Прямо королевская свадьба! И откуда они понабрали столько гостей? Ах, да, наверняка это тётка Амарилис — любительница пускать пыль в глаза — и не менее чванливые родители Луиса сподобились.

Гости кучками толпились у входа, разодетые в шёлк да парчу, и Данте почувствовал себя неловко, хоть и выглядел не хуже этих аристократов. Уж Эстелла постаралась! Сорочка из нежного шёлка, узкие длинные кюлоты и синий бархатный фрак, полы которого были завернуты вверх, подчёркивали тонкость талии — новый писк моды, приплывший из Лондона.

За последний год волна элегантной английской моды захлестнула Ла Плату, сменив вычурную искусственность моды парижской. Теперь все кавалеры поголовно подбрасывали усы снизу и, не хуже женщин, мерились стройностью, стягивая талию жилетами, фраками и сюртуками. Отныне никто не носил париков и не пудрил шевелюру; мужчины отпускали волосы до плеч и ниже, завязывали их в гладкий хвост или плели косу. Среди франтов в моду вошли воротники-стойки (доставали они часто аж до подбородка, а то и до ушей), перевязанные батистовыми бантами и галстуками. Особым шиком считалось, когда обладатель обмотанной, как у цирковой собачки, шеи не мог повернуть голову, и в лучшем случае способен был лишь хлопать глазами. Писком считались и высокие цилиндры, хотя популярностью они пользовались в основном у юных кавалеров; мужчины постарше надевали шляпы, именуя цилиндр вызывающим предметом туалета. Пудрить лицо тоже нынче было не модно. Теперь красивым считался здоровый румянец.

Женщины от мужчин не отстали. Корсет теперь был предметом необходимости для юных девушек, но дамы в возрасте с превеликим удовольствием избавились от него, ибо в моду вошло платье а-ля «беременная гречанка» — тога с завышенной талией и кулиской под грудью. С не меньшим облегчением женщины сняли и громоздкие панье, заменив их на многослойные нижние юбки и небольшие кринолины. Декольте поднялись выше — чрезмерно открытые оставались прерогативой бальных и вечерних нарядов. Совсем из моды вышли парики, шиньоны, накладки, подушечки, каркасы, а вместе с ними в лету канули и громоздкие причёски Марии-Антуанетты. Теперь волосы укладывались низко на уши и шею; некоторые дамы обрамляли лицо локонами и даже частично распускали их, увязывая в хвосты и полухвосты с условием, что длина волос не превышала допустимые пределы ниже лопаток. Распускать очень длинные волосы по-прежнему считалось неприличным.

В этом году стояла небывалая для апреля жара, поэтому гости толкались у церкви, не

желая до венчания париться в душном храме. Оглядевшись по сторонам, Эстелла поняла, что никого тут не знает. Данте, чувствуя себя неловко, сам себе казался разряженным индюком на ярмарке.

— Эсте, на нас все смотрят, а я похож на рождественскую ель, — шепнул он.

— Данте, не выдумывай. Я пока не вижу ни одного знакомого лица. Нас тут никто не знает. А выглядишь ты восхитительно. Ты похож на принца, — ответила Эстелла, поправляя складки своего аметистового платьяца-тоги из шёлкового поплина [1]. — Тебе так идёт фрак! Погляди, у многих он с трудом застегнулся и натянут на пузо, как на барабан. Ненавижу, когда у мужчины пузо! — и она поморщилась.

Данте, волнуясь, тайком сжал ей руку. Всё равно у него какое-то предчувствие. Не нравится ему тут и всё.

Подъехал жених в белоснежном экипаже, увитом зелёным плющом. Выйдя, подал руку немолодой даме в лиловом — видимо, это была его мать. Они присоединились к гостям, отвечивая поклоны направо и налево. Луис, хоть и был внешне симпатичным, Эстелле никогда не нравился из-за его высокомерия. Но сегодня он выглядел бледновато и мрачно. Неужели и он не хочет жениться? А что если он тайно любит другую женщину? Как знать. И зачем нужны эти браки в угоду родителям? Кого они делают счастливыми, кроме самих родителей? Вздохнув, Эстелла перевела взгляд на Данте. Тот, не мигая, смотрел на Луиса.

— Милый, это и есть жених Сантаны, — сказала Эстелла. — Ты узнал его, да? Помнишь, ты с ним познакомился, когда в детстве был у меня дома? Это бывший дружок Мисолины, Луис, тот, который ноги клал на стол.

— А, ну да, припоминаю... — растерянно выговорил Данте, глядя на жениха в упор.

— Данте, что-то не так?

— Нет... да... в общем, в общем, это не важно.

— Как не важно? Но у тебя такое лицо... — Эстелла наморщила носик.

— Забудь, просто я тут никого не знаю и мне не по себе, — выдавив улыбку, Данте отвернулся от Луиса, разглядывая других гостей: даму в голубом платье, что держала под ручку смешного толстячка, и маму с ребёнком лет трёх, одетым в белый кружевной костюмчик.

Ну как он может рассказать Эстелле о том, что сейчас увидел? Такого никогда раньше не было, не считая одного раза, в детстве. Данте прекрасно помнил тот день, когда он нашёл в доме Сильвио изумрудный перстень, и, как только надел его, стал читать чужие мысли. То же самое произошло и сейчас. Без перстня.

Лишь только Луис спрыгнул с подножки экипажа, Данте увидел над ним изображение. Что именно это было, Данте издали не рассмотрел — нечто вроде чёрного облака. Как нимб, оно висело над головой жениха. Над головами его матери и всех остальных никаких рисунков не было. Если это мысли Луиса, то не понятно, что они означают. И почему он видит это только над его головой?

Эстелле надоело стоять на месте и, взяв Данте за руку, она потянула его за собой. Как только Данте увидел Луиса вблизи, он разглядел и тот самый нимб. Это было изображение чёрной розы, которую раскалывала пополам молния.

Данте проморгался, но видение не исчезало. Сам Луис выглядел отрешённым и вертел в руках необычного вида трость — с острым, как пика, золотым наконечником. «Нет, точно свадьбе он не рад, — подумала Эстелла. — У счастливого жениха лицо другое и другой взгляд». Ну и зачем нужна такая свадьба? Жених не рад, невеста не рада. Эстеллу это

возмущало. Такой брак виделся ей, как издевательство над женихом и невестой со стороны родителей. Мать и отец Луиса — очень высокомерные снобы, вели себя так, будто окружающие были грязью под их ногами, чем вызвали у Эстеллы отторжение. Неприятные люди.

Подъехал новый экипаж, и все надежды Эстеллы на благополучный исход сантаниной свадьбы полетели в тартары.

Первым с подножки спустился Арсиеро. Он помог выйти Мисолине, Роксане, бабушке Берте и Хорхелине. Эстебана с ними не было. Ясно, он недолюбливает Сантану, хотя возможно, не пришёл по иной причине. Побледнев, Эстелла уцепилась за Данте и взглядом указала на новоприбывших.

Откуда ни возьмись выплыла Амарилис, перекрыв эстеллиному семейству дорогу. Оказывается, она всё время была здесь, но Эстелла почему-то не заметила её. Пока Амарилис обменивалась приветствиями с Роксаной и остальными, бабушка Берта засекла Эстеллу. В тёмно-голубом платье с завышенной талией, обмахиваясь красно-сине-жёлтым веером, она подковыляла к парочке.

— Вот ты где, блудная внучка! — весело провозгласила она. — А меня ж ведь терзало подозрение, что ты сюда явишься, а то б я тоже не пошла. Чего я тут забыла-то на свадьбе этой предательницы? Но я ожидала встретить тут тебя и не ошиблась.

— Знакомьтесь, бабушка, это Данте — мой муж, — сказала Эстелла.

— Здравствуйте, сеньора, — Данте поцеловал бертину пухлую ручку, закутанную в кружевную перчатку.

— Здравствуйте, здравствуйте, сеньор муж... Муж? Как муж? — Берта выпучила глаза.

— Да, муж. У нас была свадьба, мы уже три месяца женаты, — объяснила Эстелла.

— Вот так номер! — Берта была шокирована, но не успела ничего спросить, потому как подошли Роксана и Арсиеро. Хорхелина с кем-то болтала в толпе, а Мисолина, выглядывая из-за спины матери, зло косилась на сестру.

— Какие люди! — воскликнула Роксана ядовито улыбаясь. — Ну надо же, моя дочь собственной персоной! А я уж надеялась, что вас давно черви съели, раз вы не даёте о себе знать.

— Эстелла! Как же так? Как вы могли убежать из дома? — укорил Арсиеро.

— Сами виноваты, — Эстелла говорила резко. — Я вас просила не выдавать меня замуж за кого попало, но вы меня не слышали. Но теперь уже поздно. Отныне я свободна от вас, вы мне больше не в указ.

— Ах, ты, маленькая дрянь! — Роксана замахнулась, чтобы отвесить Эстелле оплеуху, но Данте тут же схватил её за запястье.

— Это что ещё такое, а ну пустите! — взывала Роксана.

— Не смейте бить мою жену! — Данте отпустил Роксану, чуть не свернув ей руку, и прижал Эстеллу к себе.

— Что-о-о? Какую жену? — зашипела Роксана. — У неё свадьба на носу! Она выходит за Маурисио Рейеса, это дело решённое, да будет вам известно.

— Придётся забыть об этом, — Данте прожигал Роксану взглядом. — Ваша дочь не может выйти замуж ни за Маурисио Рейеса, ни за кого-то ещё, потому что она замужем за мной.

Арсиеро закашлялся, зато на лице Мисолины сверкнула улыбка.

— Как это? — промямлил Арсиеро.

— Весьма просто. Мы женаты уже три месяца, — объяснила Эстелла. — У нас была свадьба, Данте мой муж, и я подчиняюсь только его воле. Отныне вы не вправе мной командовать!

Эстелла вела себя смело, готовая защищать свою любовь, как маленькая тигрица, хотя голос её дрожал.

— Я так и знала, что этот человек не просто так явился в мой дом, — лицо Роксаны приобрело оттенок граната. — Он хочет опозорить нашу семью, уничтожить нас! Ну ничего, я это так не оставлю!

— Роксана, хватит! — Арсиеро грубо встряхнул её за плечи. — Если они действительно женаты, тут уж ничего не исправишь. Что ж... В общем-то, молодой человек вполне себе приличный. Вы произвели на нас хорошее впечатление, — обратился он к Данте, — когда приходили просить руки Эстеллы. Признаться, я не ожидал, что вы украдёте её из дома, но смелости вам не занимать, виконт, — Арсиеро улыбнулся.

— Меня зовут Данте.

— Что ж, добро пожаловать в нашу семью, Данте, дорогой зять! — и Арсиеро протянул ему руку.

— Только через мой труп! — Роксана заглянула Данте в лицо. — Я не буду устраивать скандал на свадьбе племянницы моей лучшей подруги. Но после — берегитесь! — она перевела взгляд на Эстеллу. — Ты посмела меня ослушаться, дрянь! Я твоя мать, я тебя родила в муках и только я вправе решать, как тебе жить. Ты выйдешь замуж за Маурисио Рейеса и точка.

— Она уже замужем! — крепко обнимая любимую, Данте готов был разорвать её мамашу на тысячу кусочков.

— Это дело исправимо, — хмыкнула Роксана.

— Увы нет, мама. Развод не возможен.

— Вы правы, дорогая доченька, — сказал Арсиеро. — Развод запрещён церковью и возможен только в экстренных случаях, к примеру, если женщину поймают на измене.

— А кто говорит о разводе? — уголки губ Роксаны дрогнули, словно она подавила желание расхохотаться. — В нашей семье разведённых не будет никогда, но это не единственный способ освободиться от уз ненужного брака. Я тому главный пример. После смерти вашего отвратительного папаши я очень удачно вышла замуж за Арсиеро, стала первой дамой, — смерив дочь победным взглядом, Роксана удалилась. А у Эстеллы ноги подкосились, и если бы Данте не держал её, она бы упала.

— Идёмте, Мисолина, успокоим вашу мать, а то она совсем расстроилась, — Арсиеро увёл радостную Мисолину.

Данте и Эстелла остались наедине с Бертой. Та выглядела задумчиво.

— Не обращайтесь внимания, — сказала она. — Мать Эстеллы помешанная. Данте? Вас зовут Данте, не так ли?

Он кивнул.

— Что ж, Данте так Данте. Очень рада, что моя внучка вышла замуж за мужчину которого выбрало её сердце. По правде сказать, дорогая, я тобой горжусь! — Берта похлопала в ладоши. — Ха! Лихо ты утёрла нос им всем! А вы, Данте, привыкайте, семейка у нас ещё та.

— Не надо ему привыкать, бабушка. Мы не станем общаться с мамой. Мы сегодня просто пришли на свадьбу к Санти, — хоть Эстелла и не подавала виду, но в глубине души

ей было жутко. Мать прямым текстом намекнула, что сделает её вдовой. Если она убила папу, она способна убить и Данте. О, боже! Желание помириться с Сантаной затмило её разум! И зачем они с Данте сюда пришли?

Подъехал экипаж невесты. Сантана, вся в белом и с жёлтыми розами в руках, вместе с дядей Норберто вылезла из него.

Гости гурьбой втискивались в церковь, а Эстелла замерла как истукан, не зная, что делать: подойти к подруге или идти вместе со всеми. Сантана, заметив её, подошла сама. Данте и Норберто разбрелись по сторонам, исподлобья глядя друг на друга.

— Хорошо, что ты здесь, Эсти, — Сантана порывисто обняла подругу. — Я думала, ты не захочешь меня видеть.

— Отчего же? Несмотря ни на что, я считаю тебя своей подругой.

— Правда?

— Правда. В последнее время мы не ладили, кучу гадостей наговорили друг другу, но как я могу забыть годы дружбы с тобой? — Эстелла расплакалась.

— Прости меня, — в глазах Сантаны слёз не было, только печаль.

— И ты меня, Санти... Не знаю, что тебе пожелать сегодня. Счастья? Но я не знаю, какое может быть счастье без любви. Любовь — это волшебство, это самое прекрасное, что есть на свете. Любовь разукрашивает жизнь тысячей оттенков. Когда у тебя есть любовь, ты не видишь ни чёрных, ни белых полос, они все яркие, как оперение колибри.

— Надо же, как ты заговорила, — ухмыльнулась Сантана. А Эстелла поражалась её безразличию. Как? Как она может быть такой спокойной в день, когда рушится её жизнь? Окажись Эстелла на её месте, она бы кричала и рыдала.

— Видимо, я чего-то не понимаю в этой жизни. А может, просто мне не дано любить так, как ты, тем более мужчину. Значит, вы с ним вместе? — Сантана указала на Данте, который рассматривал траву у себя под ногами. Подруга Эстеллы по-прежнему была ему неприятна и любезничать с ней он не собирался.

— Да, Санти, мы поженились.

Сантана вытаращила глаза.

— Как это?

— Очень просто, взяли и поженились. Мы теперь муж и жена. Отныне нас с Данте не разлучит никто! — Эстелла говорила с гордостью.

— Ничего себе! Знаешь, Эсти, а я тобой восхищаюсь. Ты нашла в себе силы бороться за то, что считаешь своим счастьем, и ты права. У меня такой смелости нет, но я думаю, сегодня мой кошмар закончится, — взгляд Сантаны не выражал ничего.

— Не понимаю тебя.

— И не надо. Просто не думай обо мне плохо. Так открыто, как ты, я бороться не умею и не могу. Я выбрала другой путь, это тоже борьба, но иная.

Сантана говорила так пространно, что Эстелла в конец запуталась.

— Девочки, — прервал их дядя Норберто, — мне придётся вас разлучить. В церкви полно гостей и все они ждут невесту.

— Да, конечно, — Эстелла, улыбнулась подруге и её дяде, взяла Данте под ручку, и они вошли в церковь.

Комментарий к Глава 36. С чего начинается ад —————

[1] Поплин — хлопчатобумажная, шёлковая или шерстяная ткань, плотная, блестящая, гладкая, мягкая. Из него шьют мужские сорочки, пижамы, дамские платья и блузы. Из

шёлкового поплина изготавливают нарядные платья.

===== Глава 37. Кинжал и череп =====

Как только Данте переступил порог божьей обители, он ощутил такую боль в висках, словно в них вбили штыри. До слёз. Сжал зубы и добрёл до лавочки, пропустив Эстеллу вперёд.

Сели они рядом с Бертой и подальше от других эстеллиных родственников. Эстелла была поглощена думами о словах Сантаны, и не заметила, что любимый её не в порядке. А у Данте всё плыло перед глазами. Раньше так не было. Раньше боль приходила постепенно, волнами, нынче же — сразу и одним махом. Вся кожа у Данте горела, будто её обжигали огнём. Нет, он навряд-ли вытерпит всю церемонию.

Зазвучал орган, и Норберто, горделиво вышагивая, повёл племянницу к алтарю. Сантана едва не спотыкалась о тяжёлое парчовое платье, низ которого был расшит воланами. Лицо невесты скрывала такая плотная фата, что Эстелла засомневалась — видит ли Сантана сквозь неё хоть что-нибудь. Бабушка Берта, кутаясь в шаль (в церкви было прохладно) с воодушевлением взидала на невесту и её посажёного отца. Эстелла припомнила их свадьбу с Данте. Это было чудесно! И она так счастлива, любит и любима. А бедная Санти выходит замуж за нелюбимого. Жаль её.

Эстелла глянула на Данте. Тот был бледнее мела, у него аж губы посинели, а в глазах стояли слёзы. Что это с ним? Он же не выносит Сантану, и невлюбил её ещё больше после того, как Эстелла поведала ему историю с письмом. Наверное, он тоже вспомнил про их свадьбу и растрогался. Хотя католическое венчание мало напоминало тот ритуал, который сделал её и Данте мужем и женой.

Норберто довёл Сантану до жениха, и падре приступил к своим обязанностям.

Данте впивался ногтями в ладони, ему было чудовищно плохо. От боли у него текли слёзы, но на это никто не реагировал — остальные тоже сидели с влажными от умиления глазами. Эстелла коснулась его руки и, наконец, поняла, что с ним неладно — вся кожа у Данте ходила ходуном, будто под ней черви ползали.

— Что с тобой, мой милый? — испуганно шепнула она.

Он неопределённо взмахнул головой.

— Данте, тебе плохо?

Он кивнул. Эстелла похлопала глазами, глядя его по руке.

— Милый... ты... что с тобой? — и тут девушку осенило. — О, боже, Данте! Это из-за магии, да? — ужаснулась Эстелла. Сейчас она готова была себя придушить. Как она могла забыть, что её мужу нельзя идти в церковь?

— Угу...

— О, любовь моя, прости меня, я забыла об этом. Я такая дура! Тебе очень больно? Что я могу сделать?

— Ничего, — выдавил Данте сквозь зубы, — не обращай на меня внимания.

Но Эстелла уже не могла сосредоточиться на свадьбе и подумала: им лучше уйти. Надо вывести Данте на воздух.

— Милый, может выйдем? — шепнула она и чуть не взвизгнула. Видимо, было поздно. У Данте стремительно отрастали ногти и волосы. Ещё минута, и он обратился в Салазара. Боль прошла, словно и не было её.

— Данте, — позвала Эстелла, — Данте, хочешь уйдём?

— Нет, не нужно, — голос его зазвучал низко и как-то хищно.

— Правда всё в порядке?

— Правда, красавица, не волнуйся.

Данте огляделся по сторонам. Он не ощущал себя Салазаром, но зато мог читать мысли любого человека, находящегося здесь. Вон сидит мужчина с усами — он думает о том, как бы поскорее выкурить трубку. Вон та женщина в бежевом размышляет о каком-то письме, а тот юноша с длинным носом мечтает о кудрявой девушке. У Арсиеро над головой пергаментные свитки — он думает о делах, а у Роксаны — оскалившийся тигр. Интересно, что это значит? Наверное, она хочет кого-то загрызть. И он даже знает кого — их с Эстеллой. У Мисолины мысли о неизвестном мужчине, а над затылком Сантаны висит кинжал. Почему во время свадьбы она думает про кинжал? Непонятно. Над головой Луиса чёрная роза горела в алом пламени. Жених с невестой стоят друг друга — думают о чём угодно, кроме любви. Данте повернулся к Эстелле и её бабушке. Над Бертой плавали чашка горячего чая и пирожное с клубничкой — о них она и мечтала в данный момент. А вот мыслей Эстеллы видно не было. Она ни о чём не думает? Или как объяснить тот факт, что она — единственная здесь, чьи мысли ему неподвластны?

Данте сейчас не задавался вопросом, откуда у него вдруг взялся этот дар. Хорошо, что боль отступила. Конечно, у него отросли когти и волосы, но, наверное, это пройдёт, когда они покинут церковь.

— Родной мой, тебе лучше? — Эстелла смотрела на него с тревогой.

— Да-да, красавица, всё в порядке.

— Как ты меня напугал! — она нежно погладила его по руке.

И вдруг... Сантана и Луис стояли на коленях перед алтарём. Вот только что жених произносил клятву, и вот, ещё секунда, и он стал заваливаться навзничь. И упал на пол. Раздались крики:

— Ему плохо! Скорее позовите лекаря! Жених умирает!

Все повскакивали с лавок, несколько человек подбежали ближе, другие в панике выскочили на улицу, чтобы поискать помощь, а над головой Луиса, лежащего у алтаря в глубокой отключке, теперь красовался череп.

— Господи, какое несчастье!

— Подумать только, жених упал в обморок на собственной свадьбе!

— Впервые такое наблюдаю.

— Это какое-то проклятье. Говорят, отец невесты тоже умер при странных обстоятельствах.

— Наверняка дьявольские происки.

— Уймитесь вы уже! — поверх всех голосов раздался командный голос Роксаны. — И отойдите от него — вы перекрыли доступ к воздуху. Ну где там лекарь? И вообще надо бы вытащить его на улицу.

— А вдруг он помрёт? Нет-нет, дождёмся лекаря.

Луису расстегнули ворот рубашки. На лицах его родителей читался испуг, на лицах других — любопытство.

Тётя Амарилис усадила Сантану на дальнюю лавку. Ни та, ни другая не казались расстроенными. Данте задержал взгляд на Амарилис. С виду — обычная дама: не красавица, но миловидная, знает себе цену и в меру высокомерна. Но что-то было не так в этой женщине — Данте нутром это чувствовал. Над затылком Амарилис светился нимб в виде рыжей лисицы. Она думает о лисе в тот момент, как жених её племянницы при смерти?

Странно.

Тётка Сантаны ощутила на себе его взгляд (а взгляд у Данте был жгучий). При виде юноши у неё вытянулось лицо. Пару минут Амарилис смотрела на Данте в упор, но потом отвернулась и стала что-то внушать Сантане, безучастно сидящей на лавке.

— Какой ужас! — Эстелла взяла Данте под руку. — Ничего себе свадьба у Санти вышла! Но с другой стороны... Мне, конечно, жаль Луиса, но если свадьба отменится из-за его обморока, считай, Сантане повезло. Такое только в книгах бывает, а в жизни — одна невеста из миллиона, у которой свадьба срывается ни с того, ни с сего.

— Думаю, никакой свадьбы уже не будет, — выдал Данте, когда они с Эстеллой подошли ближе к толпе.

— Почему?

— Зря они суетятся. И лекарь ему не поможет. Впору вызывать катафалк. Он мёртв.

— С чего ты взял? — Эстелла, наступив на подол, чуть не брякнулась.

— Над ним висит череп, — Данте говорил безэмоционально.

— Как это? — Эстелла переводила взгляд с Данте на Луиса, но никакого черепа не видела. Зато глаза Данте почернели так, что в них не стало зрачков.

— У него над головой череп! — повторил Данте уже громко. Все обернулись.

— Что говорит этот человек? — воскликнула женщина в платье цвета грецкого ореха.

— Жених мёртв, — молвил Данте.

— Он не может быть мёртв, мой сын просто переволновался, — бормотала мать Луиса, теребя уголок нежно-голубой шали.

Данте подошёл ещё ближе. Все расступились. Присев на корточки, он пощупал у жениха пульс.

— Твой муж лекарь? — недоверчиво спросила бабушка Берта, подкрадываясь к Эстелле сзади.

— Н-нет... — Эстелла не знала, как реагировать. Девушка понимала: дело в магии, но разве она может объяснить это остальным?

Данте провёл рукой над телом Луиса. Поднялся вихрь чёрной пыли и зеваки шарахнулись в стороны.

— Он мёртв, — объявил Данте окончательный вердикт.

Хоть Данте и не отдавал себе в этом отчёта, но теперь всё внимание с Луиса переключилось на него, ибо с кончиков его волос сыпались огненные искры, а крючковатые когти на пальцах зловеще блестели в полусумраке.

— Да в него дьявол вселился! — вскричал старичок с бородавкой на гигантском шишобеле.

— Это сам Сатана явился в божью обитель! — визжала щупленькая старушка, непрерывно крестясь.

— Изыди! Вон! Вон отсюда! — заорали все хором.

А Данте захотелось рассмеяться. По сравнению с ним эти люди — ничтожества, пустые места, пыль под ногами. А он колдун, чародей, в его крови живёт волшебная сила, и одним взмахом руки он может сравнять с землёй как церковь, так и её прихожан. В ответ на вопли разъярённой толпы Данте зловеще улыбнулся.

— Смотрите, он смеётся!

— Наверняка это он наслал на моего сына проклятие, — причитала мать Луиса.

— Убийца! Убийца!!!

Люди кричали и махали кулаками, но так как Данте весь искрился, подступиться к нему не решались.

А у Данте в голове гудело. Толпу он видел смутно. Всех присутствующих представлял назойливыми мухами, что жужжат и жужжат ему в уши. И ничего не стоит раздавить их.

Кто-то резко дёрнул его за рукав. Данте обернулся. Перед ним стоял падре Антонио (до этого он отлучался в свои комнаты, дабы снять праздничное церковное одеяние). Падре держал в руках огромный медный крест.

— Спокойствие! — велел священник пастве. — Очевидно, этот юноша бесноватый. Но я, как представитель Господа нашего здесь, на земле, изгоню из него бесов немедленно! Не бойся сын мой, да прибудет с тобой вера! Господь очистит тебя от скверны, — зрачки падре расширились в предвкушении. Было известно, что падре Антонио — падок до изгнания из людей нечисти. Правда, совершал он ритуалы экзорцизма [1] при скоплении большой массы народа — для пущего эффекта.

Шокированная Эстелла не в силах была двинуться с места и что-то сказать — язык её словно прилип к нёбу.

Падре помахал крестом перед Данте, и у того ум за разум зашёл. Он схватил священника за руку и, с яростью вырвав крест, бросил его на пол.

Пых!!! Всё заволокло дымом. И падре, и его прихожане попятились назад — тело Луиса, лежащего за спиной Данте, вдруг самовозгорелось. С кончиков когтей Данте-Салазара вырывалось пламя. Глаза его превратились в две чёрные косые полосы, будто нарисованные на лице кистью сумасшедшего художника. Отпихнув крест ногой, он захохотал как-то адски. Тело Луиса и алтарь полыхали в огне, и в отсветах пожара бледное лицо Данте казалось неживым. Он был похож на зомби, только что восставшего из могилы.

— Алтарь горит!

— Он поджжёт церковь!

— Проклятый Дьявол!

Люди, с падре Антонио во главе, бросились на выход. У дверей началась давка.

— Данте! — у Эстеллы, наконец, прорезался голос. Она кинулась к нему, но, подхваченная рукой Берты, была безжалостно втянута в толпу.

— Бабушка, пусти меня! — прохрипела Эстелла не своим голосом.

— Ни за что! Во-первых, там пожар. Во-вторых, если мы будем стоять на месте, толпа нас раздавит. В-третьих, тот человек — чудовище, разве ты не видела, что он натворил? Я запрещаю тебе и близко к нему подходить!

— Это мой муж!!! Данте! Данте!!!

Бабушка с силой впиалась Эстелле в руку, точно кандалами её сковала, но девушка не чувствовала боли. Она должна идти к Данте. Народ напирал, и в результате обеих женщин оттеснили к выходу. Эстелла видела, как упала незнакомая ей полная дама. Она барахталась в попытках встать, но тщетно — толпа проломилась сквозь двери, пройдясь по женщине ногами.

— Срочно позовите жандармов! — крикнул падре Антонио, когда все оказались на улице. — Этот человек — пособник Дьявола либо колдун и должен быть стёрт с лица земли!

Двое молодых мужчин, оседлав лошадей, поскакали в жандармерию, которая находилась за углом. Падре и ещё несколько человек подпёрли дверь бревном, дабы невозможно было её открыть изнутри, но тут изо всех щелей дома божьего повалил едкий чёрный дым. Падре и его помощники отпрянули.

— Данте! Данте! — обезумев, Эстелла вопила при всём честном народе. — Что вы делаете? Зачем вы закрыли дверь? Там же пожар! Там мой муж! Он же погибнет!

ХЛОП! В одно мгновение из клубов дыма, что вырвались из храма, сложился силуэт человека с волосами до пояса, от которых летели синие искры. Он вертелся и кружился, словно смерч, пока не превратился в Салазара.

Церковь горела, было слышно как внутри рушатся балки. Волосы и когти Салазара стали уменьшаться. Секунда, и Данте обратился в себя.

Толпа окружила его плотным кольцом, не давая и шагу ступить. Данте не понимал, что происходит, совершенно ничего не помня. Пока все вопили, грозя юноше расправой, невеста и её семья под шумок исчезли.

— Сжечь его на костре!

— Его надо уничтожить, проклятый ведьмак!

— Это он убил жениха, теперь всё ясно!

— Этот человек колдун! — перекрикивал всех падре Антонио, багровея от натуги. — Он поджёт церковь! Надругался над божьей обителью! Посмотрите, она горит, точно в пламени ада!

— Замолчите! Это неправда! Пустите меня! Это мой муж! — Эстелла почти уже добралась до Данте, но...

— А вот и жандармы! — Эстелла опешила, когда её мать приблизилась к толпе в сопровождении четырёх храбрых жандармов. — Арестуйте его! Этот человек убийца! Он убил жениха прямо на свадьбе, а потом поджёт его труп и всю церковь, — вещала Роксана. — Он опасен. Его надо отправить на виселицу!

— Точно!

— Первая дама верно говорит! — подхватила толпа.

— Не пускайте его!

Данте отчаянно вырывался, но один против такой оравы был бессилен. Жандармы, растолкав народ, схватили Данте и вывернули ему руки.

— Нет! — Эстелла отпихивала загораживающего ей проход двухметрового амбала. Но тот стоял неподвижно, как скала. Роксана грубо удержала дочь под локти.

— Не смей вмешиваться! Ты обязана делать то, что я велю. Запомни, я сделаю всё, чтобы это животное, которого ты называешь мужем, отправилось на тот свет! Я тебе сказала, что ты выйдешь за Маурисио Рейеса, и ты выйдешь!

Не соображая, что она делает, Эстелла со всей одури вонзила зубы матери в руку.

— Ах, ты, дрянь! — Роксана на секунду замешкалась. Эстелле этого хватило. Она бросилась вперёд, пихнув мешавшего ей амбала ногой в пах, подпрыгнула и повисла на шее у долговязого жандарма, который пытался связать Данте.

— Что такое? В чём дело? Уйди, девчонка! — ругался жандарм.

Трое других держали Данте, но он уже не сопротивлялся, ибо был невменяем и едва стоял на ногах.

— Отпустите моего мужа! Данте! Данте! — Эстелла, не долго думая, воткнула ногти жандарму в глаза. По её пальцам заструилась тёплая кровь.

— Сука! — истошно заорал мужчина.

Кто-то стал оттаскивать её, люди в ужасе расступились, но Эстелла ничего не видела и не чувствовала, погружая ногти в физиономию жандарма, пока не выдавила ему глаза. Только потом Эстелла, отцепив руки, с высоты роста мужчины упала на землю плашмя. Она

была без сознания.

Комментарий к Глава 37. Кинжал и череп —————

[1] Экзорцизм — в католической религии процедура изгнания бесов и других сверхъестественных существ из одержимого с помощью молитв и обрядов.

===== Глава 38. Магическая связь =====

Эстелла шевельнулась, чувствуя в висках зудящую боль. Почему так холодно? Девушке зуб на зуб не попадал. Она хотела обнять себя за плечи, но не смогла — запястьям что-то мешало. Эстелла села и огляделась. Незнакомая тесная комната. Серые стены без окон, из мебели — низкая кровать, на которой Эстелла и лежала. Из источников света — свечка на полу. На девушке была длинная рубашка; руки и ноги связаны веревками. Ничего не понимая, Эстелла крикнула:

— Эй! Есть тут кто-нибудь?

Ответа не последовало. Девушка легла на кровать, застеленную домотканой простынкой, и свернулась в клубочек, чтобы согреться. Потихоньку туман в голове рассеялся и она вспомнила инцидент в церкви. Пожар, обезумевшего Данте, собственные вопли и выдавленные глаза жандарма. И дальше — провал. Где она? Почему связана, кто её здесь держит и за что? И самое главное — где Данте? Может, она в тюрьме из-за того, что покалечила жандарма? Но на тюрьму это место не похоже. Там каменные стены и решётки — так Либертад рассказывала. Тут же стены обиты серым ситцем и есть дверь... Дверь!

Эстелла скатилась с кровати настолько быстро, насколько позволяли верёвки. Допрыгала до двери. Дёрнула ручку — заперто. Тогда она застучала в дверь кулаками.

— Эй! Откройте! Выпустите меня!!!

Никто не отзывался. Может, она в Жёлтом доме? Тогда её должны пичкать лекарствами. Но никаких намёков на них поблизости не было. Что же делать?

Эстелла осмотрелась, увидела на полу одеяло и легла обратно на кровать, кое-как им укрывшись. Одеяло было колючим и не давало особого тепла, но зато позволяло не умереть от холода.

Данте, милый Данте... Где же он сейчас? И как могло произойти всё то, что произошло на свадьбе Сантаны? Сначала смерть Луиса — молодого, здорового, полного сил юноши. Потом превращение Данте в какого-то монстра. Но ведь это не он поджёг тело Луиса, этого не может быть! Скорее всего, когда Луис упал, он зацепился за свечи на алтаре. Вот всё и загорелось. И Данте чуть не погиб в этом пожаре, а толпа орала и хотела его разорвать, а потом мама привела жандармов... У Эстеллы в груди защемило — это она виновата. Она безмозглая дура. Ведь Данте ей говорил, что ему нельзя идти в церковь, а она забыла. Далась ей эта Сантана! Она в результате так и не вышла замуж, и всё у неё теперь хорошо. А Данте попал в беду. Где же он? Неужели его забрали жандармы?

Спустя пару часов, а может и дней (Эстелла не представляла, какой сейчас час, день, время суток и время года), в дверном замке повернулся ключ. Эстелла встрепелась и села. На пороге появилась Роксана. В руках она держала поднос с едой.

— А, очнулась наконец-то, — презрительно выдавила она.

— Мама? — Эстелла вздохнула с облегчением. Значит, она не в тюрьме, не в Жёлтом доме и её не похитили разбойники. Тогда непонятно, почему она не в своей комнате.

— Мама, а что происходит? Где я?

— Не важно, — Роксана поставила поднос на пол. — Привыкай. До тех пор, пока всё не будет кончено, ты отсюда не выйдешь.

— Ничего не понимаю...

— А не надо ничего понимать! У кур, вроде тебя, мозг куриный, поэтому им не надо что-то понимать и о чём-то думать. Они обязаны подчиняться. Ты — позор нашей семьи. Я проклинаю тот день, когда тебя родила, — Роксана смерила дочь взглядом убийцы. — Лучше б я тебя удавила ещё в детстве! Благодаря тебе весь город над нами насмехается. Моя дочь — шлюха, спутавшаяся с кем попало. О, теперь-то я знаю, что за чудовище вторглось в наш дом — безродный сиротка с тёмным прошлым. Ни из какого Маракайбо он не приезжал, это враньё! Падре Антонио знаком с человеком, у которого этот выродец жил, и он рассказал много любопытных фактов. С рождения этого монстра обвиняли в колдовстве и пособничестве дьяволу. Будучи младенцем, он поджёг дом, в котором жил. Дом сгорел со всеми его обитателями, а этот дьяволёнок выжил. Ну ничего, недолго осталось. Его песенка спета! — Роксана торжествовала и не скрывала этого.

— Ты же, потаскушка, выйдешь отсюда только для того, чтобы стать женой Маурисио Рейеса. Приятного времяпрепровождения в этом чудном местечке! — и Роксана ушла, заперев дверь.

Эстелла была ни жива, ни мертва. Когда до неё дошёл смысл слов, сказанных матерью, она повалилась на кровать и закричала диким голосом. Вырывала с головы волосы, царапала лицо в кровь. Это она во всём виновата. Она, она погубила Данте.

Замок опять щёлкнул — вернулась Роксана. Подбородок её дрожал от гнева.

— Заткнись, позорище! — рывкнула она, ударив Эстеллу по щеке. — Не смей устраивать тут плач по своему любовнику! Ещё один звук, и ты пожалеешь, что я тебя не убила там, у церкви!

— Данте... где Данте? — прохрипела Эстелла.

— Данте? Какой Данте? — издевательски спросила мать. — Ах, да, твой любовник! Так он уже два месяца как в башне сидит в обнимку с крысами. Ждёт своей участи. Не понимаю, почему они тянут с исполнением приговора. Это все падре Антонио — возомнил себя спасителем душ и хочет образумить нечестивца. Стоит ли мучиться? — грубо хмыкнула Роксана.

— Какого приговора?

— Ах, да, ты же не знаешь, бедняжка, — Роксана ликовала, буквально наслаждаясь горем дочери. — Скоро твоего муженька казнят на площади по обвинению в убийстве Луиса Парра Медина, распутстве, ереси и колдовстве.

— Нет...

— Да! Ещё раз я услышу твои вопли, я вернусь, привяжу тебя к кровати и вставлю в рот тряпку, поняла, дрянь? — постукивая каблучками, Роксана удалилась.

Эстелла перекатилась на бок, в ужасе впившись зубами в одеяло. Не может быть! Нет, не может быть! Данте... Данте... Данте... Мало-помалу рыдания затихли. Эстелла впала в полусон, повторяя любимое имя и крутясь на постели как буйно помешанная.

Роксана вышла из правого крыла дома, где располагались кладовые и комнатки служанок. Именно в одной из них она и закрыла Эстеллу. В последнее время Роксана испытывала чудовищную злость. В ней проснулось садистское желание мстить, терзать, заставлять страдать всех вокруг. Особенно она взъелась на Эстеллу. Побег из дома и тайное замужество Эстеллы разбередили Роксане рану. Её дочь, дочь незаконнорождённая, зачатая от любовника, — чёрное пятно на её благородной биографии, поступила так, как она, Роксана, не дерзнула. Эта маленькая, глупая девчонка осмелилась ради любви бросить вызов

обществу, а Роксана, при всём своём уме и силе духа, не смогла сбежать от Бласа, не смогла открыто заявить: она любит Рубена. Роксану дико бесило, что дочь в чём-то превзошла её. Но ещё больше её раздражало, что теперь в городе все шушукаются об Эстелле.

Вот уже третий месяц Роксана мечтала стать женой рехидора [1] — Арсиеро предложили эту должность члены Кабильдо, но теперь, в связи со скандалом, придётся поставить на этом крест. Так, в прошлом сломалась карьера Альсидеса, её ненавистного свёкра, которого после смерти Рубена сняли с должности Председателя Совета Депутатов. Неужто и она обречена стать женой бездарного политика, уподобиться Берте, этой ведьме? И всё из-за Эстеллы!

С каждым годом аппетиты Роксаны всё росли. Когда-то столь вожаденное место супруги алькальда отныне ей наскучило. Ей хотелось блистать при дворе вице-короля, но теперь эти иллюзии полетят к чёрту. С такой репутацией никто не назначит Арсиеро рехидором и тем более не даст ему титул маркиза, который вот уже несколько лет обещает выбить отец. Лицо Роксаны исказилось, точно его свело судорогой. Отца она тоже ненавидит. Мерзкий старикашка! Как для мужа этой дряхлой кошёлки Берты выбивать титул графа, так он быстро сориентировался, только бы спасти жалкую шкурку Ламберто, а как для мужа родной дочери, так всё обещает и обещает.

Налив в стакан бренди, Роксана осушила его залпом. После свадьбы Сантаны прошёл два месяца, а она всё не успокаивалась. Роксана была в бешенстве. В тот же день забрала Эстеллу в особняк и ночью, тайком ото всех, с помощью двух (нанятых для особых поручений) слуг поместила её в одну из комнат в правом крыле дома. А наутро сказала родственникам, что якобы Эстелла убежала.

От семьи ослепшего жандарма пришлось откупаться золотом, дабы они не дали ход делу об увечьях, которые Эстелла нанесла мужчине.

Луиса похоронили в закрытом гробу (тело слишком обгорело при пожаре) и с почестями. На панихиду пришёл весь город, но, что удивительно, не было там ни Сантаны, ни Амарилис, ни Норберто. Роксана сочла, что им попросту стыдно. Ещё бы! Такая рыба с крючка сорвалась! Семейство Парра Медина сказочно богаты, и Луис был единственным наследником империи своего отца (тот торговал золотыми слитками). Где бы эта несчастная сиротка Сантана нашла жениха лучше?

Два месяца Эстеллу кормили снотворной травой и она была в отключке. Роксана сделала всё возможное, дабы за это время избавиться от Данте. Его арестовали и заперли в башне. Роксана же не поленилась и наведлась в столицу к епископу, заручившись поддержкой падре Антонио. Они сфабриковали дело и без всякого суда, заочно, приговорили Данте к смертной казни. Никто из правления города и церкви не выступил против — все, кто был на свадьбе Сантаны, желали Данте страшной и мучительной смерти. Некоторые особо рьяные фанатики даже устроили манифестации у дверей тюрьмы, скандируя лозунги: «Смерть дьяволу! Очистим город от бесов!». Роксана пыталась максимально ускорить процесс исполнения приговора, но тут палки в колеса ей вставил падре Антонио, вбивший себе в голову, что непременно должен убедить Данте раскаяться во грехах.

Роксана не заметила, как осушила пол бутылки бренди. Она доведёт всё до конца. Это уже дело чести. Надо восстановить доброе имя семьи. Надо выдать Эстеллу замуж за Маурисио Рейеса (тот сейчас находился по делам в Лондоне и не знал об этой скандальной истории). Роксана надеялась повернуть дело так, чтобы он и не узнал о похождениях

Эстеллы. Правда, может всплыть тот факт, что она не девственница. Но придётся рискнуть. А ещё Роксана жаждала эстеллиных страданий. Таких же, какие испытала она, когда Йоланда Риверо убила Рубена. И теперь Роксана мечтала о реванше. Пусть эта незаконнорождённая почувствует то же, что испытала её мать. Пусть плачет, воеет, рвёт на себе волосы и бьётся головой об стенку. А она, Роксана, насладится зрелищем. Все, все должны страдать, чтобы искупить свою вину перед ней. Сначала она расправится с Эстеллой, а потом и до Мисолины очередь дойдёт. Та обвенчается с графом де Пас Ардани. Хорошо бы он загнал её в могилу, как своих предыдущих жен. Роксана бы надела траур и даже всплакнула бы у гроба этой девицы, изображая убитую горем мать. К тому же ей идёт чёрный цвет. Ох, в чёрном она великолепна! Арсиеро влюбился в неё именно, когда она носила траур по Бласу. Как знать, вдруг и после смерти Мисолины в неё кто-то влюбится? Тогда можно избавиться ото всей семейки разом, например, подсыпав в ужин стрихнин. Все бы умерли, а она бы уехала с прекрасным принцем в дали дальние, где была бы счастлива.

Роксана ухмыльнулась, рассматривая себя в зеркало, приделанное над каминной полкой. А что? Она ещё красива, могла бы выйти замуж и в третий раз. Если в скором времени избавится от дочерей, можно будет подумать и о себе. А если, благодаря Эстелле, Арсиеро не получит кресло рехидора, то какой с него прок? Возможно, она ещё встретит счастье, главное, чтобы никто не нарушил её планы. О, с каким удовольствием она бы опять овдовела!

Погружённая в такие мысли, Роксана поднялась наверх, унося с собой недопитую бутылку бренди.

Спустя энное количество часов, измученная Эстелла села на кровати. Свеча потихоньку превращалась в огарок. Скоро она погаснет, заключив девушку в объятия темноты. К еде, принесённой Роксаной, Эстелла не притронулась. Есть не хотелось, да и мало ли что мать туда насыпала.

— Данте... — позвала девушка пустоту. — Данте, любовь моя, что с тобой сделали? Где же ты, мой милый?

Вдруг она почувствовала, как что-то обожгло ей руку. Обручальное колечко, скрученное из волос Данте, мерцало. Девушка прижалась к нему губами — губы будто огнём опалило. Во рту остался солоноватый привкус.

Эстелла с ужасом увидела, что из кольца капает кровь.

— Данте! Данте! — Эстелла закричала, ощутив боль во всём теле. Скрутилась в комок и закулила, как раненная собачка. Боль не уходила, и кровь продолжала литься из кольца. Эстелла не понимала что происходит, её знобило, трясло, как в лихорадке, и вся кожа будто покрылась пузырями. Эстелла тёрла кожу, убеждалась, что на ней ничего нет, но боль не отступала. Так прошло пару часов. Эстелле они показались вечностью. Наконец, боль утихла, хотя кольцо всё также кровоточило. Эстелла так обессилила, что не могла даже шевелиться. Затем она услышала шаги — кто-то топтался под дверью.

— Кто тут? — спросил глухой голос снаружи. — Отзовитесь, иль я решу, будто в доме призраки!

Эстелла узнала Либертад. Так она, Эстелла, в особняке? Но почему тогда остальные члены семьи не вызывают её отсюда?

Девушка кое-как сползла с кровати и добралась до двери. Сев у порога на пол, приложила ухо к замочной скважине.

— Либертад? Либертад, это ты?

— Кто это?

— Это я, Эстелла.

— Сеньорита Эстелла? — кажется, горничная обалдела, ибо голос её звучал как-то задушено. — Ох, ты, боже ж ты мой! Чего это вы там делаете? Я ведь решила, будто тут привидение.

— Нет, это я. Мама меня здесь заперла.

— Как это заперла? А мы думали... Точней, она сказала, что вы убёгли, ну, после того, как вас в отключке притащили со свадьбы сеньориты Сантаны.

— Нет, я здесь. Либертад, у тебя есть ключ?

— Нет.

— Либертад, миленькая, помоги мне! — взмолилась Эстелла. — Мне надо отсюда выбраться, мне надо узнать про Данте.

Служанка вздохнула.

— Ох, забудьте об этом, сеньорита. Его дело труба.

— Что ты говоришь?

— Так и есть, — зашептала Либертад скороговоркой. — Когда в такое дело влезает церковь, тут уж пиши пропала. Ваша мать даже епископа подключила. Конец вашему мальчику, не выберется он оттуда. Эти святоши хотят его убить.

Вместо ответа Эстелла закричала, царапая стену ногтями. До последнего она не верила рассказам Роксаны, надеясь, что мать специально издевается, и на самом деле с Данте всё хорошо. Но слова Либертад буквально вырвали Эстелле сердце.

— Тише, не кричите! — уговаривала Либертад. — Я не знаю, где искать ключи, но думаю, лучше всего будет мне пойти да разбудить Эстебана, вашу бабушку, сеньора Арсиеро. Никто ж ведь не знает, что вы в доме. Ежели они узнают, что сеньора Роксана вас закрыла, ох, и скандал будет! Только не кричите. Погодите, я скоро ворочусь и приведу с собой кого-нибудь. Ждите меня, слышите?

— Угу...

Минут через двадцать за дверью эстеллиной каморки раздался шум. БРЯМС — замок отлетел в сторону. В проёме выросли: Либертад, заспанная и испуганная бабушка Берта в длинной ночнушке и белоснежном колпаке и дядя Эстебан, который держал в руке топор — именно им он и сломал дверь. Эстелла, скуля, лежала на полу в позе улитки.

— Вот она, я ж говорила, мне не приснилось, — сказала Либертад.

У бабушки и Эстебана челюсти отвисли.

— Эстелла, это как же понимать? Чего это такое? — всплеснув руками, Берта бросилась поднимать внучку с пола и снимать с её рук и ног верёвки.

— Она сказала мне через дверь, будто бы это сеньора Роксана её тут закрыла, — объяснила Либертад.

— Вот дрянь! — не сдержался Эстебан.

— Всегда знала, что эта женщина чудище, но чтоб настолько... Кажется, у девочки истерика, — Берта похлопала Эстеллу по щекам, приводя её в чувства. Но та, вся дрожа, никого не узнавала.

— Данте... Данте... — звала она надрывно.

— Это она такая сделалась, потому что я, дура, ляпнула про того мальчика, — сообщила Либертад виновато. — Она спросила, а я и сказала как есть, что, мол, труба ему. Я ж не

знала, что такая реакция будет. До этого она была более-менее нормальной. Хоть говорила разборчиво.

Эстебан покачал головой.

— Что за проклятие в нашей семье? Почему мы все несчастны? — пробормотал он. — Вот и Эстелла влюбилась в того, в кого не следовало.

— Ежели вы имеете ввиду того человека, то он самый настоящий злой колдун! Про таких в детских сказках пишут! — воскликнула бабушка Берта. — Я ж там была, я всё видала. Из него искры сыпались, а потом он помахал руками над Луисом, и тот загорелся. А ещё тот человек бросил крест на пол прямо в церкви, не побоялся никого, даже падре Антонио. А потом начался пожар. Так страшно было! В общем, я даже рада, что так вышло. Туда ему и дорога! Скорей бы всё закончилось. Было б гораздо хуже, ежели б он однажды чего-нибудь сделал гадкое с моей девочкой. От такого человека можно всего ожидать. Колдовство — страшная штука. Ну ничего, как-никак она ещё молодая, вся жизнь впереди, поплачет да успокоится. Я на стороне здравого смысла. Я желаю внучке счастья, а с тем человеком её ждала бы беда. Погорюет чуток да выйдет замуж за Маурисио Рейеса. Прекрасный мужчина, умный, добрый, воспитанный, без всяких заскоков да извратов. А тот, другой, он её просто околдовал и всё. Может и опоил чем-то, кто ж знает? Не зря она в таком состоянии. Ну ничего, мы с этим справимся.

Эстебан, подняв Эстеллу на руки, понёс её наверх. Берта и Либертад молча шли следом. У обеих на лицах читалось облегчение.

Данте с трудом разомкнул веки. Увидел тусклый огонёк — то светился факел на стене напротив. Юноша не чувствовал ни рук, ни ног из-за кандалов и цепей на запястьях, щиколотках и шее, которыми он был прикован к стене.

Это безумие длилось уже два месяца: пару раз в неделю тюремный конвой выводил Данте из его темницы в другое помещение башни, что носило название «Камера раскаяния» и уходило под землю этажей на десять, и оставлял там наедине с очередной фантазией больного инквизиционного мозга.

Как-то (это напоминало кошмарный, бесконечный сон), его окунали головой в бочку с ледяной водой, заставляя задыхаться от недостатка кислорода. При экзекуции присутствовал и падре Антонио. Каждый раз, когда узника за волосы вытягивали из воды, священник, сладенько улыбаясь, вопрошал: не отрёкся ли Данте от ереси и не желает ли он встать на путь раскаяния. Данте испытывал только злобу от невозможности вырваться из оков и хватки тюремных надзирателей и надавать святоше пинков за его лицемерие. Отрекаться от своего Я он не собирался, поэтому просто молчал.

В другой раз его усадили на кресло с острыми шипами, которые вонзались в кожу при любом движении. Тюремщики нагревали железное кресло так, что шипы раскалялись до красна, и Данте чувствовал, как они вбуравливаются ему под кожу, расплавляя её, точно воск.

Иногда пытки продолжались по несколько часов, иногда по несколько дней. Падре Антонио являлся на каждую. Он надеялся сломать Данте, склонив его к вере, и даже обещал: если тот покорится, его не будут пытать и позже отпустят на свободу. Данте был непреклонен, и священник негодовал, потрясая крестом и уверяя, что даже в ад душу Данте не возьмут.

Но ни от одной, даже самой изощрённой пытки, Данте не испытывал сильной боли. Вот

и сейчас, обездвиженный, обнажённый до пояса, он был прикован к стене, но ощущал только усталость. Зато в груди кипели досада и чувство унижения от того, что он находится в таком беспомощном состоянии.

Тюрьма не сломала Данте ни морально, ни физически, но, привыкший к свободе, он готов был на стены бросаться. Это стало худшей из пыток — не видеть ни краешка неба, ни солнечного лучика. Только духота и мрак, разгоняемый огарком свечи. А ещё здоровенные крысы и вместо еды омерзительная баланда — каша из прогоркшей крупы, испорченных овощей или бобов, кусок чёрствого хлеба и вода. Данте не был избалован и придиричив к еде, но, с детства живущий полукочевой жизнью, питавшийся ароматными фруктами с деревьев и свежей речной рыбой, он никогда не испытывал голода и первые дни в тюрьме не мог есть вообще. Пока не осознал: так он не протянет и недели. Если он не будет есть, он умрёт, и тогда враги его восторжествуют. И Данте всякий раз насильно впихивал в себя тюремные «лакомства». Это позволяло находиться в здравом уме и стоять на ногах ровно.

Хуже дело обстояло с крысами. Данте думал: в тот момент, когда он убил крысу, что подбросила Пия, он избавился от своей фобии навсегда. Как бы не так! В первые дни местные крысы едва не довели его до помешательства. Они не кусали (видимо, уже привыкли к соседству людей), но подходили близко и нюхали Данте, дёргая носами. И у бедного узника аж уши закладывало. Он вжимался спиной в каменную стену, притворяясь египетской мумией. Обычно крысы оставляли его в покое, но жить в страхе сутками было невыносимо. Поэтому однажды Данте решил всех крыс в камере (он насчитал их пять) убить. Но оружия у него не было, а из столовых приборов конвоиры выдавали только деревянную ложку. Единственный вариант был — убить крыс с помощью магии.

Данте зажмурился и, направив руки на крыс, представил, как они все падают и умирают. Из пальцев его заструились красные лучи. Но, то ли лучи эти были слабы, то ли для магического убийства требовалось что-то ещё, крысы только напугались света и разбежались по углам. Но Данте вошёл в азарт. Пораскинув мозгами, он придумал крыс спалить. Наколдовал на ладони огонь. Представил, как огонь этот превращается в шар. Пылающий шар всё разрастался и разрастался. ЧПОК! Данте прицелился и метнул его прямо в крыс. Их шерсть тут же вспыхнула. Завоняло палёным. Через десять минут все крысы превратились в кучку пепла. Это была та победа, которая заставила Данте воспрянуть духом.

Но, хотя Данте и старался не унывать, гнетущая тоска подспудно грызла его. Он думал об Эстелле. Бесперывно, день за днём, ночь за ночью, каждую минуту. Где же его девочка? Что с ней сделали?

Данте мало что помнил из произошедшего в церкви. Кусок памяти будто стёрли. Вот они с Эстеллой стояли у входа, и он видел над головой жениха чёрную розу. Вскоре подъехала семья Эстеллы, мать угрожала, Арсиеро не мог поставить свою жену на место, а бабушка Берта произвела приятное впечатление на Данте. Позже они с Эстеллой зашли в церковь и ему стало плохо. И дальше — полный провал. Туман рассеялся, когда он очнулся в кольце из разъярённой толпы и четырёх жандармов. Все лица смешивались в одну массу, перед глазами плясали цветные круги, и единственное, что врезалось в память чётко — это безумное лицо Эстеллы, которая, прорываясь сквозь толпу, тянула к нему руки. И опять провал.

Что же с Эстеллой? Неужто и её где-то мучают? От мысли об этом Данте хотелось кричать. Он бы жизнь отдал за эту девушку, он бы позволил содрать с себя всю кожу, только бы её не трогали.

А накануне произошло и вовсе нечто странное. Он был прикован к стене уже вторые сутки, а вчера тюремщику ещё вздумалось избить его хлыстом так, что и тело, и лицо покрылись кровавыми рубцами. Если бы после ухода стража, раны магическим образом не затянулись сами, юноша уже давно бы истёк кровью. Но главным было не это. Колечко, скрученное из эстеллиных волос, пульсировало на пальце, будто забирало всю боль в себя, и во время экзекуции Данте ни разу не вскрикнул. Из кольца лились солёные капельки и, попадая Данте на кожу, они останавливали кровь. Данте вспомнил слова Тибурона: они с Эстеллой будут чувствовать друг друга при помощи этих колец. Значит, его девочке тоже было плохо. Данте мысленно просил её успокоиться, но кольцо источало слёзы до тех пор, пока тюремщик не прекратил размахивать хлыстом.

Когда он окажется в камере, надо изучить свойства кольца. А вдруг удастся связаться с Эстеллой? Хорошо было бы увидеть её хоть краем глаза, пусть и в последний раз. Он запомнит каждую её черточку, унесёт с собой в могилу память о ней...

Когда месяц назад падре Антонио объявил Данте, что раз он не желает стать богопослушным, его ждёт смертная казнь, юноша воспринял это спокойно. В глубине души он всегда знал, что этим всё и закончится. Наверное, он родился не в то время и не в том месте. Магов все боятся, его никогда не примут в этом обществе, заикленном на предрассудках и страхах. Он с самого рождения жил, как в аду. Может, смерть станет выходом из этого тупика? Когда-то он даже пытался умереть. Похоже, мечта сбылась.

Единственным светлым пятном в его жизни была Эстелла. Эстелла... При мысли о ней у Данте сдавило грудь. Бедная девочка, ей будет тяжело это принять. И что её ждёт после того, как он оставит этот мир навсегда? Наверняка её выдадут замуж за какого-нибудь богача. Хорошо бы ей повезло с новым мужем.

Данте, закрыв глаза, усмехнулся про себя. Раньше он и мысли не допускал о том, что его Эсте будет с другим мужчиной, сейчас в нём ревность и не шевелится. К чему эти глупости? Он ведь не хочет, чтобы она всю жизнь лила слёзы на его могиле, носила траур или загубила свою юность и красоту в каком-нибудь монастыре. Нет, не хочет. Да, им двоим будет больно расстаться, когда они, наконец, обрели счастье, но пройдет время, слёзы Эстеллы высохнут и она посмотрит на всё другими глазами. Снова станет улыбаться, радоваться жизни. Нет, он не хочет обрекать её на муки и мечты о том, чего уже никогда не будет. А он... он умрёт. Если правду говорит падре, что существует где-то загробная жизнь, значит, он ещё увидит свою Эсте оттуда, красивую, весёлую, с сияющими глазами. Вообще-то Данте не верил в существование бога, ада, рая и прочих глупостей, но иногда допускал: есть место, куда после смерти физической попадает душа. И ведь он маг! Интересно, волшебники умирают так же, как обычные люди? А вдруг, нет? Вдруг он и вправду попадёт в какой-то иной мир!

Скрипнул засов. Вошли два стражника — один напоминал большой шкаф на коротких ножках, второй, с длиннющей шеей, был похож на жирафа. Они приблизились к Данте и отстегнули оковы от стены. Данте не чувствовал ног, поэтому, когда тело потеряло опору, он рухнул на грязный пол. Его схватили под руки и потащили по узкому тоннелю, в конце которого виднелась кривая лесенка, уходящая отвесно вверх.

Ноги были ватные, к тому же идти Данте мешали тяжёлые цепи. Карабкаться по лестнице пришлось долго. Тюремщики грубо пихали Данте вперёд. Он про себя считал ступеньки, проделывая это при каждом спуске или подъёме сюда, дабы не сойти с ума, остаться в здравом рассудке до последнего. Он не позволит этим нелюдям себя сломать! Он не виноват, что магия его не совместима с религией. И он не виноват в том, что он колдун.

Он таким родился, и он пойдёт на смерть с высоко поднятой головой. Никто не увидит страха или покорности в его глазах. Пусть они все подавятся своим ядом, твари.

В этот раз ступеней Данте насчитал пять тысяч семьдесят четыре — на три больше, чем пару дней назад. Всё время выходит по-разному. Немудрено, попробуй посчитать их в почти крошечной темноте.

Наконец, Данте втолкнули в его темницу. Он упал на кучу соломы в углу. Когда стражники закрывали дверь, к ним подошёл ещё один — безразмерно толстый, с гнилыми зубами.

— Там к этому опять падре Антонио.

— Ну чего ему всё неймётся то? — проворчал конвоир-шкаф.

— Дотошный, хочет обратить в веру поганого колдуна, — забасил толстяк.

Все трое заржали.

— Эй, ты, — окликнул Данте толстый. — К тебе падре Антонио.

Сжимая зубы, Данте выдавил:

— Пусть катится к чёрту!

— Ишь какой, всё характер кажет! Ну-ну, поглядим, чего с ним будет дальше, — в голосе новоприбывшего конвоира звучало ехидство. — Падре Антонио-то не просто так пришёл. Слышь, ты, ведьмак, святой отец говорит, казнь твоя через три дня. Он тебя окрестить хочет, чтоб душенька твоя чародейская в мир иной отошла спокойной.

— Пошёл он к чёрту! — повторил Данте. — Если вы его сюда впустите, я плюну ему в его лживую физиономию, так и знайте!

— Ты чего ж помереть некрещёным хошь? — ухмыльнулся жирафоподобный тюремщик.

— Это моё дело!

— И правда, мы чего тут уговаривать его должны чё ли? Вот ещё! — хмыкнул шкаф. — Хоть крещённого, хоть некрещёного, всё равно его похоронят за кладбищем, где хоронят колдунов, еретиков да самоубийц, и то не сразу. Чай поди, падре ещё прикажет провести трупик по городу в назидание остальным.

— Это уж точно! — согласился толстяк. — Помнится, пару годков назад падре велел так сделать с этим, как его... Эскивель, Армандо Эскивель по кличке Непобедимый, который прирезал семь человек, включая свою мать и жену. Его вздёргнули на виселице, а после возили труп по улицам ещё целый день, и потом прицепили на городские ворота, чтоб все полюбовались. Падре наш знаток своего дела, что и говорить.

Тюремщики заржали в голос и все втроём ушли, оставив Данте одного.

Через три дня. Через три дня его муки закончатся. Тем лучше. Данте не испытывал ужаса или горечи, давно ожидая развязки, и удивлялся, почему они так тянут. Видимо, хотели его подольше помучить. Но он так и не попрощался с Эстеллой. Данте уже не мечтал о том, чтобы обнять её или поцеловать. Хотя бы увидеть, пусть издалека. Он унесёт её милый образ с собой, куда бы он не отправился. Конечно, это не значит, что сейчас он её забыл. Отнюдь. Жаль, у него нет бумаги и пера, он мог бы нарисовать её портрет, даже не видя девушку. Он помнит каждую её черточку. Когда-то он неплохо рисовал на песке и на воде. С помощью колдовства, правда, но ведь это могло бы и на бумаге получиться.

Данте ощутил как вибрирует обручальное кольцо. Сейчас оно не плакало, как вчера, но искрилось. Данте взгляделся в него.

«Эсте, Эсте, родная моя, где ты?» — мысленно спросил он, прижимаясь к колечку

щечкой. Кольцо осветилось ярче.

— Эсте... Эсте... — позвал он вслух.

Из колечка вновь закапали слёзы. Ясно, она плачет. Данте поцеловал кольцо, представляя, как ласкает Эстеллу, как вытирает ей слёзы, как баюкает её и сжимает в объятиях.

— Успокойся, слышишь меня, Эсте? Не плачь, всё будет хорошо...

По губам разлилось тепло. Чувство было странное — точно девушка ответила на поцелуй. Кожу, там, где были татуировки, закололо иголочками, и Данте услышал тихий голос, голос прямо из кольца:

— Данте... Данте... вернись ко мне... я люблю тебя...

— И я люблю, — шепнул Данте.

Эстелла лежала на кровати в своей девичьей спальне, находясь в состоянии, близком к сумасшествию. Плакала и плакала от страха, боли и тоски по Данте. В груди её будто вырос здоровенный мыльный пузырь. Он всё надувался и надувался, давил на лёгкие, после чего лопался, выливаясь в новый поток безудержных слёз. Она сейчас умрёт, просто возьмёт и умрёт, она не выдержит. Колечко больше не кровоточило, лишь чуть-чуть вибрировало, зато рука онемела, как бывает, когда сильно ударишься. Эстелла была убеждена: Данте сейчас плохо.

Так прошло много часов, пока вдруг кольцо не заискрилось, и Эстелла услышала едва различимый шёпот, будто назойливая муха жужжала ей в ушко: «Эсте... Эсте...».

— Данте, — ответила она, — ты мне нужен. Я не могу без тебя... Вернись ко мне!

«Успокойся, не плачь, Эсте... Всё будет хорошо...».

— Я люблю тебя...

— И я люблю...

Она и вправду слышит голос Данте или это признаки безумия? Но ведь кольцо волшебное! Тот маг, что обвенчал их с Данте, говорил: кольца помогут им всегда найти друг друга.

Эстелла прижалась к кольцу губами, и по телу её побежала дрожь — она точно вкусила губы Данте. Обе татуировки (на плече и на пояснице) вспыхнули, разливая тепло по венам девушки.

— Данте, Данте, — Эстелла задыхалась. Значит, он живой!

Эстелла, как наяву, ощущала присутствие Данте, его поцелуи и объятия, и прикосновения его нежных пальцев. Она впала в какое-то блаженное оцепенение, пока идиллию не разрушили крики диких носорогов в людских обличьях:

— Да я тебя убью, старая дура! — вопила Роксана где-то поблизости (вероятно, в коридоре или на лестнице).

— Это я тебя убью, маньячка! — не осталась в долгу Берта. — Запереть родную дочь в каком-то хлеву!

— Заткнись, карга! — напускную интеллигентность Роксаны как корова слизала. — Это моя дочь! Я её родила и она моя собственность, поэтому я буду делать с ней всё, что мне вздумается. Она обязана мне подчиняться!

— А я обязана упечь тебя в тюрьму! Давно надо было это сделать!

— А ну-ка прекратите! — раздался голос Арсиеро. — Уймись, что вы как на базаре? Давайте поговорим спокойно.

— Не буду я говорить с ней спокойно! Черепушку ей раскрыть давно пора, и то мало! — кричала Берта.

— Мама, успокойтесь, — это был Эстебан. — Сегодня утром я ходил к адвокату. Мы лишим эту женщину материнских полномочий, и я стану опекуном девочек. У нас есть все основания для этого.

— Ну-ну, попробуйте! — Роксана ни капли не испугалась.

— Дорогая, вы в последнее время ведёте себя невыносимо, — сказал Арсиеро. — Вы перешли всякие границы. Как же можно было запереть девочку так надолго?

— Потому что, если её не запереть, она пойдёт кувыркаться с первым встречным! — не умолкала Роксана. — Мне не нужна шлюха в доме!

— Прекратите так называть Эстеллу! — теперь завопил и Эстебан. — На себя бы посмотрели! Вы думаете, тут все дураки и никто не знает, как вы изменяли моему брату? Бегали по ночам и возвращались под утро!

— Вот именно! — подтвердила Берта.

— Ну это уж слишком! Я понимаю, вы злитесь, но зачем же оскорблять мою жену? — возмутился Арсиеро. — Конечно, она перегнула палку, но отнимать у неё дочь, говорить, что она дурная женщина... Как так можно?

— Да бросьте вы, Арсиеро, — в голосе Роксаны звучали нотки превосходства. — Ничего они не сделают. Процесс лишения родительских прав долог, а скоро из Лондона вернётся Маурисио Рейес. Как только это произойдёт, состоится его свадьба с этой несчастной, и она покинет этот дом навсегда.

— Эстелла не может выйти замуж! — протестовал Эстебан. — Она замужем за этим мальчиком, который сейчас в тюрьме.

— Ох, не волнуйтесь, Эстебан, ровно через три дня она станет вдовой. Только что посыльный принёс мне известие от падре Антонио. Казнь этого мерзавца состоится в ближайшую пятницу. Это будет самый великий день в моей жизни! День, который расставит всё на свои места, избавит нас от нежелательных членов семьи и заткнёт рты всем сплетникам. Пусть эта потаскушка оплакивает своего нищего принца, а я, тем временем, начну подготовку к свадьбе. И обязательно пойду в пятницу на площадь, дабы насладиться великолепным зрелищем. Такой спектакль пропустить нельзя!

— Ты, злобная идиотка! — выкрикнула Берта.

— Заткнись, старуха!

— Но Эстелла всё равно не может выйти замуж сразу после смерти предыдущего мужа, — не утихал Эстебан. — А как же траур? Это как минимум года два...

— Эстебан прав, — сказал Арсиеро.

— Минуточку, а кто кроме нас знает, что она вдова и должна носить траур? — спокойно отозвалась Роксана. — Где была эта свадьба? Да и была ли она? Я лично её не видела. Так что никаких трауров! Наденет и белое платье, и фату, будто она девственница, и только пусть попробует не убедить в этом маркиза Рейеса. Если он вернёт её обратно, как падшую женщину, я прижгу ей физиономию раскалённой кочергой, так и знайте!

Тут все умолкли — прозвонил колокольчик у входной двери.

Через три дня... Через три дня Данте умрёт. Нет, не может этого быть! Она должна хотя бы его увидеть. Надо как-то убежать из дома и проникнуть в тюрьму!

Эстелла скатилась с кровати, бросилась к комоду и стала там шарить. Найдя расчёску, кое-как пригладила ею волосы. Надела первое попавшееся платье — бледно-голубое с

синими цветочками. Пока искала туфли, зацепила рукой деревянный сундучок. Он упал, высыпав своё содержимое на ковёр.

Эстелла, чертыхаясь, начала запихивать побрякушки обратно в сундучок. Тут были нитки, шпильки, декоративные булавки, пудреницы, маникюрные ножнички и прочий хлам. Схватив серебряное зеркальце с ручкой, инкрустированной изумрудами, она тотчас выронила его — оно обожгло ладонь. Эстелла внимательно уставилась на зеркало — из него шёл лёгкий дымок. Откуда это зеркало? Она не помнит, чтобы покупала его. Оно волшебное? А вдруг оно ей поможет? Ведь она не боится магии! Никогда не боялась и сейчас не испугается. Обкрутив горячую ручку подолом, Эстелла открыла крышку зеркала и вместо отражения увидела на его поверхности надпись: «Время пришло».

Комментарий к Глава 38. Магическая связь —————

[1] Рехидор — то же, что и губернатор. Стоит над алькальдом (который по сути мэр) и управляет им. А рехидором управляет Совет Кабильдо, состоящий из членов знатных семей.

===== Глава 39. Надежда умирает последней =====

Эстелла разглядывала надпись на зеркале, не понимая, что она означает. Надпись не исчезла, пока Эстелла не коснулась её пальцем. Изображение в зеркале закружилось. Хотя Эстелле было страшно, она уговаривала себя не паниковать: это волшебство, она не должна его бояться, тем более она до безумия любила и любит мага.

На поверхность зеркала выплыла другая надпись:

«Наконец-то. Я жду тебя уже несколько дней».

— Кто ты? — вполголоса спросила Эстелла.

«Я друг. Ты меня не помнишь сейчас. Вспомнишь через три месяца. Я хочу помочь».

— Помочь в чём?

«Однажды ситуация вышла из-под контроля. Это была и моя вина. Гнев затмил мой разум. Но нам с тобой удалось повернуть время вспять. Сейчас — последний шанс. Другого не будет».

— Я ничего не понимаю... — растерялась Эстелла.

«Не пытайся ничего понять, просто поверь мне. Ты же хочешь спасти Данте?».

— Конечно хочу! — пылко сказала Эстелла. — Значит, ты от Данте?

«Можно сказать и так. Ты ведь знаешь, что он попал в беду? И только ты способна изменить ход событий. Лишь один раз, в нужном месте и в нужное время».

— Что я должна делать?

«Надо сварить волшебное зелье».

— Зелье? — Эстелла похлопала ресницами. — Но... к-к-какое зелье?

— Эликсир Силы.

— Но... я не умею варить ни зелья, ни эликсиры! — Эстелла ощутила острый приступ паники. — Я ведь не волшебница! И даже не аптекарь! Я и готовить толком не умею!

«Для того, чтобы сварить его, не надо быть волшебницей. В тебе есть всё, что нужно. Главное — любовь, что горит в твоём сердце. Чары Любви живут в твоей крови. Поэтому только ты можешь приготовить это зелье как положено. Если его будет варить любой другой человек, даже самый искусный чародей, зелье не подействует».

Из зеркала пошёл дымок, и ручка его вновь нагрелась.

«Открой зеркало с обратной стороны».

Эстелла, перевернув зеркало, нашла защёлку и нажала на неё ногтем. Один из изумрудов выскочил из оправы. Крышка открылась. Внутри лежал свёрнутый в трубочку

малюсенький пергамент. Это был рецепт зелья: тридцать два компонента, включая человеческую кровь и волосы, и ещё какие-то странные названия ингредиентов; некоторые из них были написаны на латыни. Да она в жизни его не сварит!

Эстелла развернула зеркало.

— Послушай, но я это не сварю, — сказала она. — Это очень сложное зелье. И я даже не знаю, где искать все эти ингредиенты.

«Послушай ты, — писало зеркало. — Я полагал, что ты любишь Данте. Так докажи! Это единственный шанс спасти ему жизнь. Либо ты сваришь зелье, либо через три дня твой Данте умрёт, и никто: ни я, ни магия, ни даже сам Дьявол не поможет ему. Магия не умеет воскрешать мёртвых. Она в силах спасти только живого человека. Все ингредиенты и травы продаются в аптеке. Кровь и волосы использовать только свои, иначе ничего не выйдет. Ты должна сварить зелье и отдать его Данте. Ты меня поняла?».

Эстелла представила себе страшную картину: Данте весь в крови умирает у неё на руках. Глотая слёзы, она поспешно закивала:

— Да... да... я это сделаю! Я сварю это зелье!

«Все дальнейшие инструкции в рецепте. Будь крайне внимательна. Если ты что-то напутаешь, эликсир не подействует, и ничего исправить будет НЕЛЬЗЯ. Судьба даёт вам шанс, но он последний».

— Да, да, я всё поняла! — у Эстеллы зуб на зуб не попадал от страха. Если она что-то сделает неправильно, она погубит Данте. Она и так виновата в том, что потащила его на свадьбу Сантаны и не остановила жандармов.

«Торопись. У тебя всего три дня, — продолжило зеркало. — Когда зелье будет готово, дай мне знать».

— Как?

«Достань зеркало и прикоснись к стеклу».

Надпись повертелась и исчезла. Теперь Эстелла увидела своё заплаканное, похудевшее лицо, круги под глазами и встрёпанные волосы. На кого она похожа! Да уж, два месяца заточения в четырёх стенах не прошли для неё даром.

После того, как Либертад помогла ей выбраться из импровизированной тюрьмы, придуманной Роксаной, Эстелла с матерью не сталкивалась. Та всячески её игнорировала, но утомлённая скандалами с Бертой и Эстебаном, позволила дочери перемещаться по дому. Но запретила выходить на улицу и лишила карманных денег, кои обычно выдавались Эстелле на покупку нарядов и разных мелочей в виде шпилек, булавок, зонтиков, перчаток и носовых платочков с вышитыми на них птицами. Эстеллу угнетало лишь то, что она не с Данте. В деньгах она никогда не нуждалась — в доме было всё, что душе угодно. Да и нарядов у неё столько, что они не вмещаются в огромный дубовый шкаф, поэтому часть их хранится в сундуках и чемоданах. Так что отсутствие наличных денег не стало поводом для её огорчения. До нынешнего дня. За ингредиентами для зелья надо идти в аптеку. Если судить по их названиям, все они редкие и наверняка дорогие. А денег у неё нет.

Эстелла вчиталась в рецепт: лягушачья кожа, пчелиный воск, медовая вода, красный перец, лепестки чёрной розы, надкрылья жуков-скарабеев, сушёные богомолы, лапки тарантулов, семена кроличьего дерева, полынь, корни одуванчиков, орхидея-призрак, лепестки космеи... Аптекарь наверняка примет её за сумасшедшую или за ведьму. Но медлить было нельзя, и перед Эстеллой встали два глобальных вопроса: как достать деньги и как выйти из дома незамеченной.

Эстелла спустилась вниз, дабы посоветоваться с Либертад. Но какого же было её удивление, когда, заглянув в кухню, она, помимо горничной, обнаружила там Амарилис — тётку Сантаны. Стоя к Эстелле спиной, женщины о чём-то шушукались. Но, заметив девушку, умолкли. Амарилис была сконфужена, а Либертад быстро сунула руки в карман передника — что-то спрятала.

— Сеньора Амарилис, здравствуйте, — Эстелла вымученно улыбнулась. Нельзя, чтобы все догадались, что у неё беда.

— Здравствуй, дорогая, — Амарилис внимательно её разглядывала. — Что-то ты бледная, усталая. А твоя мать говорила, что ты уехала в путешествие...

— Да, я вернулась сегодня, — наврала Эстелла, дабы от неё отвязались. — Либертад, я хотела поговорить с тобой, но вижу, ты занята?

— Если это из-за меня, то я уже уйду, — Амарилис небрежно поправила причёску. — Болтайте на здоровье. Просто Либертад подала мне очень сладкий чай и я объясняла ей, сколько ложек сахара надо класть, чтобы не перебарщивать. Счастливо оставаться.

Амарилис ушла, колыхая бёдрами, прикрытыми длинной юбкой в складочку.

— Либертад, а что она тут делала? — спросила Эстелла, не припоминая, чтобы Амарилис когда-либо до этого заходила в кухню. Подруга мамы такая же чванливая, как и Роксана. Странно, что эта женщина гуляет по дому, когда ей вздумается.

— Да чихвостила меня за чай. И вот не лень же человеку было сюды тащиться, — выкрутилась Либертад. — Она приходила в вашей мамаше, и вот придралась ко мне. Так чего вы хотели, сеньорита?

— Либертад, мне надо выйти из дома. Незаметно. Мне надо в аптеку.

— В аптеку? — нахмурилась Либертад. — Ну нет, только не говорите, что вы беременны и хотите купить траву, дабы...

— Нет, ну что ты, Либертад, боже упаси! — Эстелла возмущённо замотала головой. — Только этого мне сейчас не хватало! Я вовсе не беременна. Мне надо купить кое-что другое.

— Тогда я могу сходить вместо вас.

— Эмм... Нет, я бы предпочла сама. И ещё я хочу спросить, Либертад, — Эстелла помялась, — я... я... хочу увидеть Данте...

— Ваш Данте в тюрьме.

— Я знаю. Я о том и говорю. Как мне туда попасть? Ну, ты ведь была там, ты знаешь, наверное, как это делается?

— К приговорённым к смерти никого не впускают, кроме священника, — честно ответила Либертад. — Бесполезная затея.

— Неужели совсем ничего нельзя сделать? Либертад, я должна его увидеть. Я должна туда попасть!

— Ммм... понимаю, вы хотите попрощаться, — вздохнула служанка. — Это ваше право. Он ведь муж вам как-никак. Но в тюрьму к смертникам, тем более к обвинённым в колдовстве да преступлениях против церкви, попасть нельзя. Если только...

— Если только что?

— Если только попробовать подкупить конвой.

— Подкупить конвой... — эхом повторила Эстелла.

— Ага. Когда я в башне была, слыхала, как тюремщики это обсуждали. Ежели дать им мешочек с золотыми да серебряными монетками, они вас впустят в камеру и к самому Сатане. Жадные людишки.

— Но... у меня нет денег. Мама лишила меня карманных денег, чтобы я не сбежала.

— Глупости говорите, сеньорита. Это у меня нет денег и взять их неоткуда, а у такой богачки, как вы, они найдутся всегда. Да каждый из ваших нарядов и побрякушек с камушками стоит кучу денег! Отнесите что-нибудь в ломбард.

Эстелла замерла. Точно! У неё много украшений, некоторые — истинные произведения искусства. Она отнесёт какое-нибудь из них в ломбард. Она видела здание с такой вывеской на Бульваре Путешественников. Купит ингредиенты для зелья и остальные деньги отдаст тюремным стражникам, чтобы они впустили её к Данте.

— И как я сама не догадалась? Либертад, ты просто чудо! Ты меня спасла! — Эстелла в порыве радости расцеловала горничную в обе щёки.

— Ой, ну вы меня засмущали совсем, сеньорита.

— Но как мне выйти из дома?

— Ммм... вообще-то есть у меня одна идея... — Либертад задумчиво почесала кончик носа. — Но ежели мы попадёмся, нам влетит обеим.

— Я хочу рискнуть. Говори что за идея! — воскликнула Эстелла, сгорая от нетерпения. В её руках жизнь Данте. Как только Эстелла это осознала, страх и паника куда-то ушли, уступив место отчаянной надежде и решимости. Сейчас она горы могла бы свернуть.

— Мы с вами поменяемся местами, — объяснила Либертад. — То есть вы оденетесь, как я, и выйдете через заднюю дверь, чтобы все подумали, будто вы — это я. А я останусь у вас в комнате и буду прикидываться, что якобы вы спите.

— Отличная идея! Так и сделаем! Давай, Либертад, идём переодеваться, у меня времени очень мало. Надо торопиться, — тараторила Эстелла.

— Затягиваешь, ежели нас раскроют... — предостерегла Либертад.

— Плевать! Если нас раскроют, я возьму всю вину на себя. Скажу, что заставила тебя силой мне подчиняться. Идём!

Через час, Эстелла в чепце служанки, шерстяном сереньком платье и белом переднике, сидя на кровати, перебирала драгоценности: бусы, браслеты, кольцо, диадемы, перстни, серьги, броши, подвески. Их было так много, что они, подобно ковру, заполнили собой всю постель. Эстелла была убеждена: она делает всё правильно. Это её украшения, некоторые подарены бабушкой, мамой, Арсиеро на дни рождения или Рождество, другие она покупала сама, когда жила в столице, и она вправе делать с ними, что угодно. Ради Данте она бы отдала всё.

Эстелла сейчас находилась в состоянии эйфории. Фантастическая надежда на спасение Данте окрыляла девушку, придавая ей силы. Покопавшись в драгоценностях, Эстелла остановила свой выбор на громоздкой диадеме с бриллиантами, присоединила к ней рубиновый браслет — огромный, в пол руки, — и серьги с топазами. Завернула всё в кружевной платок и, оставив Либертад у себя в спальне, вышла через задний ход.

Проделка удалась. Широкие поля простонародного чепца, завязанного под подбородком лентой, прикрывали девушке часть лица, и ей удалось проскользнуть мимо Альфредо и Урсулы, о чём-то споривших во дворе. Слуги увидели девушку в форме горничной и с корзиной в руках, и не усомнились, что это Либертад отправилась за продуктами к ужину.

Миновав Бульвар Конституции, Эстелла бросилась бежать. До Бульвара Путешественников она долетела за полчаса и оказалась у такого родного, до боли знакомого места. В груди защемило. Сдерживая слёзы, Эстелла топталась у вывески: «Дом гостиничного типа «Маска»», глядела на балкон — бывшую комнату Данте. Там случилась

их первая близость. Там же она провела рождественскую неделю, самую счастливую в жизни. Как же они с Данте могли попасть в такую беду? Это она во всём виновата, попёрлась на эту свадьбу и погубила Данте. И они ведь уходили из «Маски» налегке, все их вещи остались там. Надо их забрать. Или нет, не надо. Она вернётся сюда вместе с Данте.

Они вернутся в их маленькое любовное гнёздышко с видом на дубовую рощу. Всё будет хорошо.

Эстелла помчалась по бульвару, читая вывески справа и слева: «Мясная лавка «Весёлая корова». У нас самое свежее мясо»; «Бакалея «У тёти». Самые низкие цены»; «Приправы и зелень от Марты. Заходи и не чихай»; «Восточные сладости. Почувствуй себя арабским шейхом». «Магазин часов «Отстающие стрелки»»; «Магазин подарков «Гейша»»; «Кулинария «Пышки и Плюшки для толстяка и толстушки»»; «Антикварная лавка. Меняем старое на новое»; «Магазин канцелярских принадлежностей «Грамотей»»; «Скобяная лавка «Удар молота»»; «Шёлк. Кружева. Кожа. Оденем даже кошек»; «Рыбный магазин «У моря». Сегодня скидка на позавчерашних крабов, не упустите выгоду»; «Парфюмерная лавка Мсье Пьера Бюнуа. Ароматы для изысканных натур»; «Аптека «У Сантоса»: травы, медикаменты средства гигиены». Вот сюда ей надо. Но сначала надо отыскать ломбард.

Поблуждав по улице, в самом конце её Эстелла обнаружила неприметную дверцу, покрашенную в бледно-жёлтый цвет. Вывеска гласила: «Ломбард «Ростовщик». Ссуды. Залоги. Обмен».

Тут Эстелла сообразила: в форме горничной соваться в ломбард с драгоценностями глупо и чревато последствиями. Чего доброго там решат, что она их украла. Рывком сняв с себя фартук и чепец, Эстелла затолкала их в корзинку. Осталась в сером платье. Так она, по крайней мере, сойдёт за мещанку. Толкнув дверь, Эстелла робко вошла внутрь.

У прилавка её встретила сеньора средних лет, одетая в строгое чёрное платье и жакет по типу мужского. Изучив Эстеллу, она остановила взгляд на её ухоженных ручках и туфельках из змеиной кожи, кои никак не сочетались с бедняцким шерстяным платьем. Но вопросы задавать не стала.

— Они явно очень дорогие, — задумчиво сказала хозяйка ломбарда, оглядев драгоценности.

— Это наследство моей тётушки, — поспешила заверить Эстелла.

— Я думаю, вам лучше обратиться к ювелиру, — посоветовала дама. — Мы, конечно, принимаем и украшения тоже, но не специализируемся на них. Здесь, очевидно, дорогие камни и качественная работа. Ступайте к ювелиру и, мой вам совет: не приходите сюда больше. Я ж вижу, вы впервые тут. Это зараза ещё та, некоторые стаскивают в ломбард всё, до последней рубашки.

— Я бы и не пришла, но мне срочно нужны деньги.

— Понимаю. Ювелир сеньор Адорарти живёт во-он там — через три дома. Он оценит ваши украшения согласно их реальной стоимости, — сердобольно сказала дама. Видимо, она решила, что перед ней аристократка, попавшую в беду, и пожалела девушку.

— Спасибо.

Эстелла, выскользнув из ломбарда, побежала вперёд. Отсчитала три дома. Вот она, ярко-красная вывеска, на которой золотыми буквами выбито: «Сеньор Адорарти, ювелирных дел мастер».

Эстелла позвонила в колокольчик. Дверь ей открыла смуглая девчушка с копной неожиданно белёсых кудрей и молча проводила внутрь. Стены в доме были обиты красным

деревом. Ювелирных дел мастер сидел за дубовым столом. Насвистывая себе под нос песенку и вооружившись гигантской лупой, он рассматривал драгоценные камни всяческих размеров и огранки. Это был немолодой седовласый мужчина с усами.

— Альдо Адорарти, ювелир, — представился он. — Чем могу быть полезен, сеньорита?

— Я хочу продать вот это, — Эстелла вручила ювелиру свёрток с украшениями.

Около получаса сеньор Адорарти вертел драгоценности и так, и эдак, рассматривая их то через лупу, то через лорнет. Эстелла пила липовый чай, заваренный белобрысой служанкой. Ювелир причмокивал, покачивал головой и вздыхал как-то блаженно, созерцая принесённые Эстеллой побрякушки.

— Превосходно! — провозгласил он свой вердикт. — Прекрасная огранка, тонкая работа, уникальная, я бы сказал. Пожалуй, я выкуплю их. Но позвольте спросить о происхождении этих вещиц. Я человек уважаемый, знаете ли, сеньорита, не хотелось бы связываться с незаконными делами...

— Ну что вы, сеньор Адорарти! Здесь нет ничего незаконного. Это наследство моей покойной тёти, — сочиняла Эстелла на ходу. — Она умерла и оставила их мне по завещанию. А я не хочу их носить, да и некуда мне. Это, конечно, память о моей дорогой тётушке, а она была ценительницей прекрасного, очень любила драгоценности, но мне нужны деньги. Поэтому я хочу всё продать.

— Что ж, — сеньор Адорарти пару минут пристально изучил Эстеллу, — вы производите впечатление приличного человека. Думаю, мы сторгуемся.

Он написал на бумажке несколько цифр — это означало предлагаемую цену. И скоро Эстелла вышла из его дома с сумочкой, полной золотых дублонов и эскудо и серебряных песо.

Девушка переступила порог аптеки — светлого просторного зала, уставленного шкафчиками с колбочками, баночками и пузырьками с сиропами и снадобьями, ларцами и коробочками с травами и кореньями. Пахло полынью и ещё чем-то, похожим на гнилую солому. Сеньор Сантос, толстый-претолстый аптекарь, растирал в каменной ступе какой-то порошок. Увидев девушку, он поднял голову и любезно приосанился.

— Добро пожаловать, госпожа. Чем могу быть полезен?

Эстелла вынула рецепт со списком ингредиентов.

— Мне надо вот это всё, — она протянула бумажку. Аптекарь, почёсывая голову, долго разглядывал список. Глаза его, светло-карие, круглые и выпуклые, как у лягушки, едва не выкатились из орбит, но он ничего не спросил, должно быть, видел на своём аптекарском веку и не такое.

— Вам придётся подождать, госпожа, — сообщил он. — Наименований тьма тьмущая. И кое-что надо будет делать в ручную. Например, порошок из сушёной саранчи придётся изготовить у вас на глазах вот в этой ступе, — он ткнул пальцем в каменную чашку на прилавке.

— Я подожду.

— Тогда присаживайтесь вон туда, — сеньор Сантос указал на лавочку в другом конце аптеки. — Там журнальчики на столе, почитайте.

Эстелла села на лавку, а аптекарь поковылял в подсобное помещение. Его телеса перекатывались из стороны в сторону, и он напоминал большой мяч на двух микроскопических ножках.

Всё это заняло больше часа. Когда Эстелла с полной корзиной покупок вышла на улицу,

уже стемнело. Как она задержалась! Надо срочно идти домой.

Нацепив фартук и чепец, Эстелла ринулась бегом по улице. Добежала до дома минут за двадцать. На цыпочках прокралась через чёрный ход. В кухне была только Лупита. Она стояла у трёх одновременно кипящих котлов, занятая приготовлением ужина. Эстелла тенью проскользнула за её спиной (Лупита так и не обратила на неё внимания), миновала коридор и пустую гостиную и, перепрыгивая через две ступеньки, взбежала по лестнице. Либертад сидела в её комнате, покачиваясь в кресле-качалке, и вязала чулок.

— Ну, слава богу, вы пришли! — воскликнула она, когда Эстелла появилась в дверях. — Я уж решила, вы сбежали с концами.

— Нет, просто задержалась.

— Сделали всё чего хотели?

— Да, только к Данте не попала. Но зато была в аптеке и деньги достала.

— Всё ж зря вы заложили украшения, — сказала Либертад. — Надо было чего-то другое, попроще. А то вдруг ваша мамаша их хватится?

— Ну вот ещё! У меня их целая шкатулка. Никто даже не помнит, какие они и сколько их. Ради Данте я отдам всё, что у меня есть. Мне ничего не нужно, мне нужен только он.

— Я вас понимаю, — вздохнула Либертад печально. — Но, по-моему, вы бессильны чего-либо сделать. Ну подкупите вы конвой, ну увидите его в этой тюрьме, и чего дальше? Только хуже себе сделаете. Вы ж не сможете его похитить из тюрьмы, а казнь, говорят, в пятницу. Весь город только об этом и болтает уж второй день.

— Пусть болтают что хотят. Мне наплевать, — отрезала Эстелла.

Либертад ушла. Эстелла на какой-то момент впала в нирвану, прижимаясь щекой к обручальному кольцу. Ощутила его тепло. Нет, сейчас не время расслабляться! Ей нужно досконально изучить рецепт и, как только все лягут спать, она пойдёт в кухню и будет варить зелье. Заставив себя отвлечься от колечка, Эстелла читала рецепт, пока комната не погрузилась во мрак.

===== Глава 40. Эликсир Силы =====

Эстелла не вышла к ужину и, хотя Либертад принесла его в комнату, настаивая, чтобы Эстелла всё съела, но та её обманула, скормив еду дворовым собакам.

Наконец, разговоры и беготня в доме утихли. С лихорадочно бьющимся сердцем Эстелла прокралась в кухню, взяв с собой корзинку с ингредиентами и рецепт зелья. Зажгла две свечи, вытащила чугунный котелок и, налив в него медовой воды, поставила на огонь.

ЭЛИКСИР СИЛЫ.

Пропорции и способ изготовления:

а) 2 лягушачьи шкурки нарезать и опустить в слегка подогретую медовую воду (1/2 от среднего котелка).

б) 8 сушёных богомоллов растолочь, смешать с растопленным пчелиным воском, 2-мя пучками мелко нарезанной полыни и 10-ю корнями одуванчиков. Бросить в котёл и довести до кипения. После — мешать серебряной ложкой по часовой стрелке 30 раз непрерывно.

с) 27 надкрыльев жуков-скарабеев нарезать, смешать с 4-мя щепотками порошка из саранчи и 8-ю щепотками семян кроличьего дерева. Всыпать в котёл. Варить 20 минут на медленном огне.

д) Добавить 2 щепотки красного перца и 4 орхидеи-призрака. Мешать против часовой стрелки до тех пор, пока зелье не станет синим.

е) Лапки тарантулов (16 штук) перетереть с лепестками чёрной розы (81 лепесток) и

космеи (12 лепестков). Залить медовой водой (1 стакан) и настаивать 7 минут 23 секунды. Затем тонкой струйкой добавить в зелье. Довести до кипения, непрерывно мешая 14 раз по часовой стрелке, 2 против часовой, 18 по часовой, 3 против часовой, 6 по часовой, 1 против часовой и 97 по часовой (при последних помешиваниях делать паузу через каждые 12 помешиваний). Варить ещё 30 минут.

f) Остальные ингредиенты (кроме волос, крови и игл дикобраза) смешать в однородную массу и одновременно добавить в зелье. Варить, пока зелье не станет ярко-розовым.

g) Добавить 800 капель человеческой крови, капая по одной. Добавить 37 человеческих волос. Как только зелье покраснеет, разжечь факел, опустить его в котёл. Снадобье должно загореться. Через 4 минуты 10 секунд всыпать в котёл 13 иголок дикобраза. Дождаться пока зелье не станет прозрачным, затушить огонь. Остудить и настаивать 56 часов в полной темноте. Когда зелье примет консистенцию воды, его можно разлить по флаконам и использовать по назначению.

Изготовление Эликсира заняло у Эстеллы всю ночь. Сначала она боялась, что у неё ничего не выйдет, но увлеклась процессом и, чётко следуя рецептуре, добилась отличного результата.

Самым сложным оказался последний пункт. Эстелла даже боли не почувствовала, когда располосовала себе левую руку кухонным ножом и, отсчитывая восемьсот капель, по одной накапала их в котёл. Ни разу не сбилась в счёте. Забинтовала руку. После добавления тридцати семи волос, безжалостно вырванных из собственной головы, зелье стало ярко-красным и запузырилось. Эстелла разожгла факел и опустила его в эликсир. Это было поистине изумительное зрелище — никогда ещё Эстелла не видела, как горит жидкость. Огонь распространился по кругу, заняв весь котелок, и зелье под его воздействием обесцветилось, став бледно-розоватым. Через четыре минуты десять секунд Эстелла добавила иголки дикобраза, и варево сделалось прозрачным как стёклышко.

Загасив огонь, девушка водрузила котелок на столешницу. Перевела дух. Смрад стоял чудовищный, а под потолком вились клубы сизого дыма. Пока зелье остывало, Эстелла отмыла кухню, закрыла котелок крышкой и, обернув его тряпкой, потащила в свою комнату. Заперла дверь, поставила котелок в пустой сундук. И только здесь, в безопасности, девушка поняла, что всё закончено. Она это сделала!

Удивительно, но пока Эстелла варила зелье, её никто не спугнул. Весь дом словно вымер или впал в спячку. Ни у кого не было бессонницы, никто не пришёл выпить воды или отыскать источники шума и вони. Ей невероятно повезло! Часы пробили четыре утра, и Эстелла смертельно устала. Да, поспать бы не помешало, но сначала надо сказать зеркалу, что она сварила Эликсир.

Вынув зеркало из комода, Эстелла провела по нему пальцем. Оно задымилось.

— Я сварила зелье! — объявила Эстелла.

«Молодец! — выплыла надпись. — Но ты абсолютно уверена, что всё сделала правильно?».

— Я всё делала по рецепту. Не может быть, чтобы я ошиблась. Я была очень внимательна. Но зелье должно ещё настаиваться. Я боюсь, что не успею отдать его Данте, — жалобно сказала Эстелла. — Оно будет готово только утром в пятницу. Что мне делать?

«Всё произойдёт в пятницу в 16.00. Ты успеешь. Когда Эликсир настоится, налей его в капсулу, что лежит внутри зеркала», — ручка зеркала вновь обожгла Эстелле пальцы, и девушка, быстро открыв крышку, вытащила крохотную прозрачную капсулу.

— Такая маленькая? — воскликнула она, рассматривая капсулу размером меньше напёрстка. — Тут даже на один глоток не хватит! А я наварила целый котелок!

«Это волшебная капсула. Войдёт в неё примерно стакан».

— Но как передать её Данте? Я должна попасть к нему в тюрьму? Но тогда зелье не успеет настояться.

«Чтобы зелье подействовало, надо положить капсулу в рот и раскусить её. В день казни, после того, как Данте приведут на площадь, ты отдашь ему капсулу. Не в руки. Руки у приговорённых к смерти обычно связаны, да и если он поднесёт их ко рту, ничего хорошего не выйдет. Палачи следят за тем, чтобы смертники не отравились чем-нибудь, не убили себя раньше. Таких прецедентов нисколько. Поэтому ты положишь капсулу Данте прямо в рот».

— Это идиотизм! — Эстелла возмущённо встряхнула головой. — Как я это сделаю? На площади, в толпе народа!

«Через поцелуй».

Ещё пару часов Эстелла бегала по комнате из угла в угол. Наконец, заставила себя лечь в постель и погрузилась в сон. Разбудила её резкая боль. Со вскриком Эстелла села. Татуировки пульсировали, а обручальное колечко источало серебристый дымок. От жутких ощущений, будто у неё выкручиваются суставы, лопается кожа, рвутся мышцы и ломаются кости, девушка готова была на стену лезть. Что происходит? Наверное, её Данте плохо.

Эстелла прижала колечко к губам, но ответной реакции, как в тот раз, когда она слышала его голос, не было. Из кольца валили клубы дыма.

— Данте... Данте, мой милый, что с тобой? — звала девушка.

Позже направление боли сменилось. Запястья и щиколотки вспухли и покраснели. Ноги и руки онемели, и она перестала их чувствовать. В окно уже палило солнце, а Эстелла, обессиленная от приступов боли, всё лежала в кровати. На бой часов она подняла голову. Десять утра. В это время в доме обычно шум и гам, а сейчас тишина, как в склепе. Надо бы выйти и узнать в чём дело и почему её не зовут к завтраку. Но мысли эти оставались только мыслями — слабость сковала всё тело железным обручем.

Ещё через час боль утихла. Эстелла сползла с кровати, кое-как оделась в тёмно-фиолетовое платье-тогу с длинными рукавами, дабы прикрыть вчерашний разрез на запястье, и вышла за дверь. В доме было пусто. Небывало пусто для одиннадцати часов утра. Что же, никто не завтракал? Странно это.

Либертад, сидя на полу в гостиной, натирала паркет. Когда Эстелла зашла, горничная взглянула на неё с удивлением.

— Либертад, а что происходит? — поинтересовалась Эстелла. — Куда все делись? Почему в доме такая тишина?

— Господа ещё не вставали, — сообщила Либертад будничным тоном. — Все спят. Но, думаю, встанут к обеду.

Эстелла больше и спросить ничего не успела, как в кабинете Арсиеро раздались грохот и звон разбивающегося стекла.

— Что там такое? Там кто-то есть, — насторожилась Эстелла. — А говоришь, все спят...

— Да нет, небось вывалилось чего-нибудь из шкафа, — вид у Либертад был подозрительно сконфуженный.

— Так не бывает. Вещи сами по себе не падают, если только в доме не завелось привидение.

И Эстелла направилась к кабинету. Либертад же вдруг поперхнулась и закашлялась, да так громко, что Эстелле показалось: она вот-вот задохнётся.

— Либертад, что с тобой?

— П-п-подавилась. Кхе-кхе-кхе-кхе-кхе!

Но Эстелла уже распахнула дверь. Заглянула в кабинет. Пусто. На полу валялись осколки, бывшие когда-то фарфоровой вазой с жёлтыми цветочками.

— Никого нет, — Эстелла сделала недоумевающее лицо. — Но ваза упала и разбилась. И как она могла сдвинуться сама?

— Я сейчас всё уберу, — Либертад, тут же прекратив кашлять, добежала до кабинета со скоростью молнии.

— Убери, а то поранится кто-нибудь. Потом приготовь мне завтрак. А что и бабушка ещё не проснулась? И Урсула, и Лупита? Они же обычно рано встают.

— Угу, все спят, говорю ж.

Странное явление. Но Эстелла, решив не брать это в голову, ушла в оранжерею, кояс недавних пор стала её любимым местечком для уединения.

Оранжерея была заставлена цветами и растениями всяческих форм и размеров. Высокие и низенькие, цветущие и выющиеся, с шипами и глазами, в огромных кадках и миниатюрных горшочках, они источали феерическую смесь ароматов. А ещё тут имелась золотая клетка. В ней жил гиацинтовый попугай Рамиро. Раньше он носил почту, но теперь, в силу преклонного возраста, не летал, но зато расхаживал пешком по полу и лакомился растениями, обклёвывая их стебли и листья. Эстелла любила за ним наблюдать. Старый добрый Рамиро...

Чтобы унять тревогу и напряжение, Эстелла, сев на лавочку, углубилась в книжку — легкомысленный роман о похождениях молодого авантюриста с итальянским именем Чезаре. Книга была забавна, а поступки героев так глупы, что у Эстеллы даже слегка поднялось настроение. Рамиро гулял вокруг горшков и кадок, цокая когтями, трепал цветы и тархтел:

— Тррррр... Тррррр....

Ползая на коленях по большому кабинету, Либертад собирала осколки вазы. Бархатная портьера шевельнулась, и тогда служанка сказала, не поднимая головы:

— Она ушла. Можете выходить.

Портьера раздвинулась. Из-за неё вылезла Амарилис.

— Я чуть было не попалась, — выдохнула она.

— Ещё бы! Кто вас просил так шуметь? Говорила ж я вам, ночью надо было это делать, а не утром. Того и гляди все проснутся, — ворчала Либертад, сгребая осколки в мешок.

— Не понимаю, почему эта девчонка встала так рано.

— И я не понимаю. Вы ж говорили, что снотворное сильное, и они все проспят до обеда. Хотя сеньорита Эстелла вообще странная, нервная в последнее время. Всё из-за того мальчика. Может, поэтому и снотворное её не берёт. Хотя я самолично бухнула его в ужин, и ужин этот отнесла ей сама.

— Хм... а что за мальчик? — повела бровью Амарилис.

— Да разве ваша племянница не говорила вам? Они подружки как-никак.

— Мы с Сантаной не очень ладим.

— Да влюбилась тут сеньорита Эстелла в одного мальчика, а его в пятницу того... казнят на площади.

— Хм... любопытно, — Амарилис, казалось, была заинтригована.

— Ага. Говорят, он это... колдун, и ещё церковь поджёт, ну, на свадьбе вашей племянницы это ж было.

— Ах, так это он, тот самый? — Амарилис прошлась по комнате, всем своим видом напоминая хитрую лису. — Я, кажется, видела его, мельком. Необычный юноша и редкостно хорош собой. Я обратила на него внимание там, в церкви. Как ты говоришь его зовут?

— Данте, кажется. Да чего о нём болтать-то без толку? Труба ему, — подытожила Либертад.

— Жаль, мне он показался очень юным. Сколько ему лет?

— Лет семнадцать-восемнадцать. Но вы мне не сказали, сеньора, вы нашли чего хотели?

— Эмм... нет.

— Я ж говорила, нет тут ничего. Мы с Эстебаном всё уж перерыли и в этом кабинете, и в маленьком.

— Но ведь должны быть какие-то бумаги! Не мог же старый плут сдохнуть и забрать их с собой в могилу! — Амарилис, взяв в руки серебряную пепельницу, пристально её разглядывала.

— Не мог. Я вот чего думаю: а там ли мы ищем?

— Хм... Возможно, было бы нелишним обыскать чью-то спальню...

— Вы думаете эта мегера Роксана стала бы хранить у себя компромат на бывшего свёкра? Да она его терпеть не могла! Ежели б к ней попали эти бумажки, она б сдала его с потрохами, это уж наверняка.

— Я бы не была так уверена, Либертад. Это удар по репутации. Имя — то, чем больше всего дорожат в этом доме, — объяснила Амарилис. — Но я тоже думаю — Роксана тут ни причём. Её мысли работают в ином направлении, уж я-то знаю, ведь дружу с ней столько лет, хоть это и непросто. Но ради благих целей можно потерпеть и неудобства. Роксане нет дела до семьи бывшего мужа. Как и до моей семьи. А вот бабуля... Полагаю, она могла бы кое-что поведать о своём покойном муженьке. Ежели в её руки попали эти бумаги, она явно их припрятала. Тем более, что именно она хранит ключик от его кабинета.

— Я уже думала об этом, — Либертад завязывала мешок с мусором. — Мадам Берта — женщина с принципами, сомневаюсь, что она бы стала прикрывать грязные делишки своего мужа.

— Может, и не стала бы, будь он жив. А покойников-то зачем трогать? Наверняка тоже печётся о репутации. И если и узнала что-то, помалкивает. Не все люди способны вытрясать скелеты из шкафов. Но я их вытрясу непременно! — пообещала Амарилис.

— Нет уж, увольте, в комнату мадам Берты я не полезу! — утрамбовав мусор, Либертад поднялась на ноги. — Знаете, она так чутко спит, и она такая хитрая. Её не проведёшь. Она сразу засечёт, что что-то происходит.

Амарилис задумалась.

— Это мог бы сделать Эстебан, — выдала она.

— Я ему скажу. Но я ж не просто так вам помогаю, — напомнила Либертад.

— Получишь ты своего Эстебана. Недолго осталось.

— Надеюсь, вы не отраву мне подсунули, и они сегодня все проснутся? — встревожилась Либертад. — А то они всю ночь проспали и полдня уж, дрыхнут не шевелясь, как трупы в гробах.

— Они проснутся. Отрава — это не мой метод, — голос Амарилис зазвучал низко и вкрадчиво. — Я ведь не Роксана.

И она удалилась, горделиво задрав голову.

На следующий день Эстелла хотела отмочить тот же фокус, что и накануне — поменяться платьями с Либертад, дабы навестить Данте в его темнице, но не тут-то было. Супруги Дельгадо, Беренисе и Эухенио, устроили званый обед, на который Роксана, Арсиерс и остальные члены семьи были приглашены как почётные гости. Обед давался в честь обручения их сына Диего с троюродной сестрой, приехавшей в Ферре де Кастильо из Новой Испании [1].

Роксана не было приятно вновь переступать порог дома на улице Святого Фернандо — великое множество тайн и воспоминаний хранили эти стены. Особняк, перешедший к Беренисе (сестре покойного Рубена де Фьябле) по наследству, стал её семейным гнёздышком, где царила чопорная скука. Без сопровождения дочерей ни Роксана, ни Арсиеро туда пойти не могли, ибо пригласили всю семью, и изнывающая от тревоги Эстелла провела среду, слушая ханжеские беседы едва знакомых ей людей.

Роксана, в компании Арсиеро и его коллег-депутатов, обсуждала какие-то законопроекты, пила вино и даже спорила наравне с мужчинами. Бабушка Берта что-то внушала Беренисе — полной и бесцветной женщине в устрично-розовом платье. Эстебан слонялся по дому со стаканом виски в руках. Хорхелина слушала болтовню хозяина, с любопытством его разглядывая.

Рассказы отца Диего, Эухенио Дельгадо — дипломированного доктора, немногo развлекал Эстеллу. Это был видный мужчина, высокий и моложавый, с чуть выющимися седыми волосами. Есть люди, которые умеют стареть с шиком. Доктор относился к их числу. Лицо его, хоть и покрылось морщинками, но ещё сохраняло тонкость и изящество черт. Надо полагать, в юности доктор Дельгадо отличался красотой.

Доктор был известен не только современными врачеваниями, но и длинным языком. Он любил поболтать, собирая вокруг себя толпы почитателей. Вот и сейчас гости, затаив дыхание, слушали его рассказы о новомодном медицинском изобретении — пиявках. Дескать, Европа поголовно ими лечится, найдя альтернативу всем лекарствам. Ведь эти крошечные существа могут спасти даже от тифа, оспы или чумы. Слушатели смотрели мужчине в рот.

Но вскоре после начала болтовни чудо-доктора, с пиявок перешедшего на мистический рассказ о том, как он за два часа вылечил гангрену на ноге, которую уже собирались ампутировать, до Эстеллы дошло, что доктор — обыкновенный шут и бахвал и ни черта в медицине не смыслит. И свой диплом наверняка купил.

Эстелла потеряла интерес к рассказам доктора Дельгадо, переключив внимание на Мисолину. Та сидела в одиночестве, с отрешённым видом глядя в никуда. Диего, стоящий у колонны напротив, взирал на неё с отчаяньем. Меж тем, вскоре он должен был жениться на Кларибель — блеклой девице, плоскогрудой и длинноносой, что сейчас играла на фортепиано. С красавицей Мисолиной эта кура определённо не могла соперничать. Если бы Эстелла не была так занята своими проблемами, своей бедой, своими мыслями о Данте, она, наверное, пожалела бы сестрицу и этого мальчика, страдающего от безответной любви. Но, честно говоря, Эстелле было наплевать. Пусть они все катятся в преисподнюю! Сейчас её волнует только Данте.

По рассказам бабушки Эстелла знала: как Эстебан и Арсиеро не убеждали Роксану не

выдавать Мисолину за графа де Пас Ардани, это не помогло. Роксана упёрлась как баран. Тогда Эстебан пошёл другим путём: уговорил Диего посвататься к Мисолине. Диего лучился от счастья, родители его не возражали, да и Мисолина была согласна на всё, лишь бы её избавили от похотливого вдовца. Роксана едва не уступила, как вдруг нарисовалась Кларибель. Это была дочь кузена Беренисе — владельца большой верфи в Новой Испании. Диего она приходилась троюродной сестрой. Именно отец Кларибель выкупил для Беренисе и её семьи родительский особняк, который был выставлен на продажу из-за просроченных векселей. Он подыскал сытное местечко городского доктора для Эухенио и оплачивал семейству кузины счета и прихоти. Сам же доктор Дельгадо всё заработанное проматывал за игровым столом.

Богатый родственник потребовал, чтобы Диего женился на его дочери. Он рассчитывал устроить личную жизнь Кларибель, а заодно сохранить капитал в семье. В конце восемнадцатого столетия свадьба между кузенами и кузинами была нормой, и к таким внутрисемейным бракам относились спокойно.

Родители Диего не могли отказать своему благодетелю, иначе он грозился, предъявив им счета, сделать их банкротами. И теперь Кларибель приехала в Ферре де Кастильо на собственную помолвку.

Мисолина осталась не у дел, а Роксана мгновенно зацепилась за это, уверяя, что «брак с Диего развалился, потому как сама судьба желает, чтобы Мисолина стала графиней де Пас Ардани». И все доводы отныне были бессильны.

Званный обед, плавно перетёкший в ужин, закончился крайней степенью раздражения для Эстеллы. Беренисе завела шарманку о том, как справедлив падре Антонио, естественно не обходя стороной тему, что уже два месяца обмусоливал весь город: публичную казнь колдуна, устроившего пожар в церкви.

— Туда ему и дорога. Мерзкий Дьявол, покусившийся на святые реликвии, должен гореть в пламени ада! — заявила она.

Все прочие дамы согласно кивали, возмущаясь: «и как же земля таких людей носит?».

— А какой способ казни выбрали падре и судьи? — как бы невзначай поинтересовалась Роксана.

— Ой, мы, богопослушные прихожанки, так надеялись, что это будет костёр или виселица, — ответила Беренисе, — но идиотский закон «О гуманности к осуждённым на смерть», что подписал наш вице-король, не впервые портит людям, жаждущим возмездия, всю малину, — у Беренисе на лице было такое выражение, будто она съела червяка. — Представьте себе, епископ запретил сожжение на костре и требует, чтобы во всём вице-королевстве осуждённых даже за преступления против церкви наказывали либо гарротой [2], либо гильотиной [3], либо расстрелом. Падре Антонио сказал, что для пятничной казни они с епископом и судьями выбрали расстрел. Уму непостижимо!

Дамы зароптали.

— Слишком почётная смерть для какого-то грязного плебея, — Роксана наморщила нос, точно учуяв неприятный запах. — Как же так? Аристократов отправляют на гильотину, а какого-то мальчишку без рода, без племени, приговорили к расстрелу, будто он генерал или маршал.

— Раньше расстреливали только военнослужащих, — добавила Хорхелина. — А теперь всех подряд. Куда мы катимся?

Остаток вечера Эстелла сжимала кулаки, готовая растерзать всех сплетниц, содрать с

них кожу и вырвать им языки и глаза. Эти гадюки желают её Данте мучительной смерти. Чтоб они сами все подошли!

Наступил четверг. Завтра будет самый страшный день в её жизни. Удачно ли она сварила зелье? Спасёт ли это Данте? Эстелла не могла предположить, чем обернётся ситуация, а, меж тем, она до сих пор Данте не видела и краем глаза.

К полудню девушка готова была выть. Заламывая руки, она бегала вверх и вниз по этажам, но улизнуть из дома ей не удавалось, ибо Роксана устроила семейное сборище в гостиной, приказав откупорить бутылку шампанского. Мать, заметив слёзы на глазах Эстеллы, развеселилась ещё больше, потребовав, чтобы к ужину Лупита испекла праздничный торт.

— Чего это с тобой? — шепнула Берта на ухо Эстелле.

— Мне... мне надо уйти...

— Уйти? Куда это ты собралась? — Берта вытирала пыль с огромного кактуса, плоские листья которого торчали в разные стороны, как пальцы.

— Выйти... мне надо выйти из дома, — бормотала Эстелла. — Незаметно.

— Зачем?

— Мне надо... надо в одно место...

— В какое такое место? — не отставала Берта.

— Мне надо... к нему...

— К нему? К кому это «к нему»?

— К Данте.

— А... Так он ведь в тюрьме!

— Мне туда и надо.

— Ну уж нет! — возмутилась Берта, притопнув ножкой. — В тюрьму! Ишь чего удумала! Ещё чего не хватало! Моя внучка в тюрьму... Только через мой труп!

— Мне надо к нему... мой муж, там мой муж...

— Этот человек опасен, — отрезала бабушка. — Разве ты забыла, что он натворил в церкви? Он колдун и безбожник. К тому же все уверены, что Луиса Парра Медина убил именно он. Он и тебя может убить.

— Это неправда! Данте никогда не причинит мне зла! — глаза Эстеллы яростно сверкнули.

— Не удивлюсь, если окажется, что он тебя околдовал, напоил каким-нибудь снадобьем, как делают все колдуны. Я запрещаю тебе к нему идти, как сегодня, так и завтра!

— Пошли вы все к чёрту! — взбешённая Эстелла рывком вскочила и убежала в спальню.

К вечеру нервы Эстеллы сдали, и она решилась на отчаянный шаг. Не поставив в известность даже Либертад, девушка переоделась в простое ситцевое платье, и, взяв тряпичную сумочку, куда положила золотые монеты, оставшиеся от продажи драгоценностей, вышла в коридор. В дальнем его конце было окно, от которого вниз тянулась пожарная лестница. Из него Эстелла благополучно и вылезла. Добежала до потайной калитки, распугав всех собак. Наплевать. Она хочет увидеть Данте и точка. Девушка выскользнула в калитку, не обращая внимания на залиvistый собачий лай, и вскоре экипаж умчал её вдаль.

Новые пыточные фантазии святого отца и тюремщиков, в конце концов, довели Данте до изнеможения. Он опять находился в «Камере раскаяния», избитый хлыстом и

подвешенный за руки на огромный деревянный крест. На шею ему надели ошейник с четырьмя штырями. Два из них впивались в подбородок, два — в грудь, не позволяя двигать головой. Руки и ноги были закованы в тяжёлые кандалы-браслеты с острыми шипами внутри. Шипы эти вбуравливались в кожу, протыкая её насквозь. Данте, провисев так около суток, уже почти ничего не соображал, ослабев от кровопотери. На использование магии, залечивающей раны, нужны были силы, кои сейчас отсутствовали.

Накануне Данте понял, что магическая связь колец имеет последствия и для Эстеллы. Когда она плакала, его кольцо источало слёзы. Когда ей было плохо, и он чувствовал в груди невыносимую тоску. Определённо связь двусторонняя. И девочка его испытывает то же самое, что и он.

Нет, нет, он не хочет, чтобы она страдала!

Это заставило Данте принять решение: когда явился конвой, чтобы оттащить его в пыточную камеру, Данте, сняв колечко, спрятал его в одной из расщелин в стене темницы. Когда он вернётся сюда, он его наденет. Наденет и на казнь, чтобы забрать с собой в могилу.

И это стало ошибкой. Именно кольцо помогало юноше переносить самые тяжёлые пытки. Без него Данте в полной мере ощутил всю «прелесть» инквизиторской святости. Почти четыре часа толстый страж бил его горящим хлыстом. Данте не кричал, искусав все губы и испытывая чудовищную боль. Затем его бросили одного истекать кровью. Данте знал: до смерти его не запытают, ибо падре велел конвоирам быть осторожными, чтобы в день казни Данте был «сломлен морально, но держался на ногах».

Теперь Данте чувствовал, что он близок к помешательству как никогда. Ну почему они его просто не убьют сразу? Зачем всё это? Часы тянулись долго и мучительно. День или ночь здесь, в башне, понять было невозможно. Данте, стараясь отключиться от физической боли, закрыл глаза и углубился в воспоминания. Только те, где была Эстелла. Все самые лучшие его воспоминания связаны с ней.

Первая встреча... Смешная двенадцатилетняя девчонка, которая шпионила за ним, а потом испугалась, побежала и расшибла коленку. Их дружба, разлука и новая встреча спустя пять лет. Он спас её от разбойников, они скакали на лошади, и Эстелла прижималась к нему, а у него сердце выскакивало из груди. Нежная дружба отверженного всеми маленького мага и красивой смелой девочки превратилась в любовь. Огромную, как океан, в волнах которой они тонули вдвоём. И разве они не обрели счастье? Вырвали его у судьбы, вопреки всему и всем. Ну почему оно продлилось так недолго? Но он благодарен судьбе за то, что та подарила ему Эстеллу. Ему довелось испытать нечто невероятное, глубокое, настоящее. Пусть это было недолго, но оно было в его жизни.

— Эсте... Эсте... — позвал Данте одними губами, мысленно рисуя любимый образ. Благодаря его богатой фантазии, Эстелла, как наяву, стояла перед глазами.

Обрывки воспоминаний, сладких и горьких, нежных и болезненных, смешались воедино. Данте вспомнил и о своих животных. Когда они с Эсте уходили на свадьбу Сантаны, они оставили Янгус и Алмаза с Жемчужиной в «Маске». Сеньор Нестор, конечно не позволит им умереть с голоду. Может быть, он их выпустит на волю. А может, Эстелла заберёт их к себе.

Данте не услышал, как скрипнула дверь. Ещё минута, и его отвязали от креста. Юноша рухнул плашмя на сырую землю. Конвоир толкнул его ногой в бок.

— Эй, ты, подымайся, хватит валяться!

— Воды... — пошептал Данте.

— Чего?

— Воды... Я хочу пить...

— Хосе, дай ему воды, — сказал толстый конвоир напарнику. — А то сдохнет ещё.

Падре Антонио навряд-ли это оценит. Он хочет устроить представление перед всем городом.

Данте подали воду. Он жадно проглотил её, не чувствуя вкуса. Конвоиры волоком протащили его по коридору — ног он не ощущал, больше не считал ступени. Наверное, это конец.

— Какой сегодня день? — тихо спросил Данте у стражника, когда его втокнули в темницу.

— Четверг.

Четверг. Прекрасно. Значит, его мучения окончатся завтра.

Тюремщик ушёл. Данте, вынув колечко из стены, надел его на палец. Кольцо задымилось. Раны и ожоги на теле тотчас затянулись. Данте беспомощно упёрся лбом в выступ стены. Его тошнило, кожа горела огнём. Обессиленный он сполз вниз и свернулся клубком на куче соломы.

Комментарий к Глава 40. Эликсир Силы —————

[1] Новая Испания — испанская колония в Северной Америке, существовавшая в 1535–1821 г.г. В её состав входили территории современной Мексики, юго-западных штатов США (а также Флориды), Гватемалы, Белиза, Никарагуа, Сальвадора, Коста-Рики, Кубы. Кроме того, в подчинении Новой Испании были Филиппины и острова в Тихом океане и Карибском море.

[2] Гаррота — испанское орудие казни через удушение. Первоначально гаррота представляла собой петлю с палкой, при помощи которой палач умерщвлял жертву. С течением времени она трансформировалась в металлический обруч, приводившийся в движение винтом с рычагом сзади.

[3] Гильотина — механизм для приведения в исполнение смертной казни путём отсечения головы.

===== Глава 41. В последний раз =====

Тюремная башня — огромное, мрачное здание на окраине — была обнесена каменным забором со штырями. Вокруг стояли часовые с карабинами и арбалетами наперевес. Эстелла с полчаса нерешительно топталась поодаль, но, собрав волю в кулак, подошла к ближайшему стражнику.

— Сеньор, простите...

Тот, повернув голову, уставился на неё. Это был средних лет мужчина с густой бородой и кустистыми бровями.

— Мне... я... я бы хотела увидеть человека, который сидит в этой тюрьме, — сказала Эстелла. — Как мне это сделать?

— Посещения разрешены только в определённые часы, с двенадцати дня до семи вечера. Приходите завтра, — пробасил конвоир.

— Но, сеньор, это невозможно. Дело в том, что завтра... завтра будет уже поздно. Это мой... брат. Да, мой брат сидит в этой тюрьме, а завтра его хотят казнить. Я должна увидеть его сегодня, понимаете?

— Я ж сказал, посещения во внеурочное время запрещены! — стражник был непреклонен.

— Разве мы не можем договориться?

Мужчина смерил её суровым взглядом.

— Думаю, нет.

— Но, сеньор, пожалуйста! У меня есть золото.

Часовой грубо хмыкнул.

— Судя по вашей одежде, золота у вас нет. По крайней мере столько, сколько берут здесь за отступление от правил. Так что не морочьте мне голову! Идите отсюда.

— Я не уйду! — в отчаянье выкрикнула Эстелла.

— Вы хотите, чтоб я впустил вас во внеурочное время, да ещё и к приговорённому к смерти? — ухмыльнулся конвоир. — Да даже если вы продадите душу Дьяволу, вы не найдёте денег, чтобы со мной расплатиться.

— Вы ошибаетесь! — Эстелла сунула ему в руки тряпичную сумочку, полную золотых монет.

Развязав тесёмку, конвоир заглянул внутрь. Лицо у него вытянулось. Он вытащил один золотой и попробовал его на зубок.

— Настоящие. Ну надо же! Где ж вы их взяли? Упёрли у своих хозяев?

— У меня нет хозяев! — топнула ножкой Эстелла.

— Значит, вы их украли. Вы воровка, да и взяточница к тому же. Я вас сейчас арестую и дело с концом!

— Послушайте, сеньор, — Эстелла готова была его разорвать на тысячу кусочков. — Ну вы что, совсем тупой? Разве до вас не доходит, что богато одетая женщина около тюрьмы привлекает к себе внимание? Поэтому я оделась просто. У моей семьи много денег, и если вы меня не впустите, у вас будут проблемы. Может быть, вы хотите оказаться в этой самой башне на месте одного из тех, кого вы охраняете? — Эстелла пошла ва-банк.

— А вы не только красотка, но ещё и отважная, да с мозгами. Такие женщины крайне опасны, — конвоир прищёлкнул языком. — Кого вы там увидеть-то хотите? Как зовут вашего узника?

— Данте. Данте Ньетто.

— А, тот самый, о котором весь город болтает? Колдун?

— Да-да, — Эстелла дрожала от нетерпения. — Так я могу его увидеть?

Стражник сунул узелок с деньгами в свой широченный карман.

— Что ж, меня восхищают женщины, готовые ради любви на всё.

— Это мой брат, — пробормотала Эстелла, краснея.

— Ну-ну. И каждая из дамочек, приходящих сюда к молодым юношам, говорит, что она пришла к брату. Сколько сердобольных сестричек развелось, мне б одну такую. Гы-гы-гы, — конвоир захохотал. — Ступайте за мной.

Он пошёл вперёд, Эстелла кинулась следом.

Бородатый стражник дал пару золотых часовому, охраняющему вход в башню, и тот пропустил их внутрь.

Эстелла, конечно, знала, что тюрьма — место неприятное, но то, что она увидела, её потрясло. Длинный каменный коридор-тоннель, уходя в бесконечность, освещался факелами. Вместо пола — комья земли. Было сыро и воняло плесенью.

От страха втягивая голову в плечи, Эстелла семенила за тюремщиком. Они миновали коридор, спустились в мрачное подземелье. Эстелле казалось, что она попала в склеп и того и гляди отовсюду полезут мертвецы.

Раздался шорох и хлопанье — мимо пронеслась летучая мышь, задев Эстеллу крылом.

Девушка вскрикнула, зажимая рот рукой.

— Да не бойтесь, они не едят людей, — сказал конвоир, направляя факел вверх. Эстелла чуть в обморок не брякнулась — летучих мышей под потолком было видимо-невидимо. Они висели впритык друг к другу, напоминая гроздь винограда.

— Смотрите под ноги, — предупредил стражник. — Тут пауки, крысы и тараканы.

Миновав ещё несколько тоннелей, они остановились у каменной двери. Тюремщик, вынув связку ключей, открыл пять замков и здоровенный железный засов. Они вошли в коридор, освещённый чуть ярче. По обеим его стенам тянулось множество решёток. Сквозь них высывались руки: молодые и старые, пухлые и костлявые, и с ухоженными ногтями, и с чёрными и обкусанными. Эстелла завизжала, когда чья-то рука, корявая и волосатая, схватила её за плечо. Стражник, выхватив хлыст, щёлкнул им по руке. Та отпрянула, исчезнув в недрах решётки.

— Не прижимайтесь к стенам. Идите по центру, — велел он. — Здесь сидят воры и убийцы, приговорённые к длительным срокам. Они сто лет не видали красивых женщин, так что могут разорвать вас на куски.

Шокированная Эстелла прижала к себе юбку, мигом захотев стать невидимкой.

Они проходили мимо всё новых и новых коридоров с клетками, и им не было конца. В каждом блоке сидели заключённые разных мастей: в одном — совершившие менее тяжкие преступления вроде кражи или подлога, в следующем — женщины, убившие детей или мужей, в следующем — беглые каторжники, дезертиры, солдаты, обвиняемые в военных преступлениях.

К тому моменту, как Эстелла и конвоир добрались до огромной двери, запертой аж на десять замков и четыре засова, да ещё и опутанной цепями, Эстелла уже находилась в полуобморочном состоянии. Эта экскурсия фактически довела девушку до истерики. Она представила Данте в такой же камере с решётками, и по щекам её покатались слёзы. За что им всё это? Они же мечтали просто любить друг друга. Это она виновата. Она не уберегла их счастье. Это она убедила Данте вернуться в город. Это она потащила его на свадьбу Сантаны. Если бы не это, они бы сейчас жили в «Лас Бестиас». Скучно ей там стало. Кака же она идиотка!

— Мы почти пришли, — сказал тюремщик, открывая бесконечные замки на двери.

Сейчас она увидит Данте! Его, такого свободолюбивого, не признающего никаких ограничений и правил, они посадили в клетку, как зверя. Он в этом аду уже два месяца. Она бы и дня не выдержала. Неужели он ещё в своём уме?

В последнем коридоре была полная темнота и холодно, как в погребке. На стене горел один-единственный факел. Решёток не было — камеры закрывались глухими дверьми.

— Здесь сидят приговорённые к смерти за колдовство и преступления против церкви, — пояснил стражник. — Это исключительные преступления, самые дурные из всех. Во как!

У Эстеллы зуб на зуб не попадал от стужи, пока они добрались до места назначения. В отличие других блоков, здесь тишина была полная. Там заключённые кричали, сквернословили, хохотали, переговариваясь с приятелями в соседних камерах, и даже отпускали скабрзные шуточки.

Конвоир остановился у одной из дверей, поковырялся в замке. Пропустил Эстеллу в камеру, а сам остался снаружи.

— Вы приличная девушка, сразу видать, — тюремщик почесал голову палкой от

факела. — Мне вас жаль. Я позволю вам попрощаться с ним подольше. Приду через час. Только без глупостей, — и он запер дверь.

Поначалу Эстелла решила, что здесь она одна. Было темно, горел прикреплённый к стене огарок — единственный источник света. Может, Данте скоро приведут к ней сюда?

Но когда глаза её привыкли к полумраку, Эстелла увидела кучу соломы в углу. На ней клубком лежал черноволосый человек.

Девушка едва не рухнула прямо на пол (в этом крыле он был деревянный). Подбежала к узнику. Схватила его за плечи.

— Данте! Данте!

Он шевельнулся. Подняв голову, тупо воззрился на неё. Эстелла закусила губы. Черты Данте заострились и лицо напоминало маску. Кожа при блеклом освещении казалась прозрачной; некогда мягкие шелковистые волосы висели сосульками.

За два месяца Данте превратился в тень. Глаза его, по-прежнему ярко-синие, теперь особенно выделялись на лице, косо уходя к вискам, и Данте походил на дикого зверька, которого посадили в клетку и долго морили голодом.

Пару минут юноша и девушка молча смотрели друг на друга, потом окаменевшее лицо Данте приобрело осмысленное выражение.

— Эсте... — выговорил он шёпотом.

Она была в ужасе. Её Данте в таком жутком месте. Глаза его больше не сияли — Эстелла увидела в них печать смерти.

— Эсте... — повторил Данте.

Эстелла расплакалась, но вымолвить не могла ни слова. Так много хотела ему сказать, рассказать про колдуна из зеркала и Эликсир Силы, но молчала.

— Не плачь. Зачем ты плачешь? — Данте погладил её по щеке. Эстелла, давась слезами, судорожно вцепилась в него. Данте всегда был стройный, что ей безумно нравилось (Эстелла не любила толстых мужчин), но сейчас, даже сквозь рубашку, у него выпирали рёбра.

— Девочка моя, не надо плакать, — сказал он глухо. — Как ты сюда попала? Откуда ты здесь?

— Д-д-д-данте... — это всё, что она смогла выговорить.

Он вытирал ей слёзы, обнимал, гладил по волосам, но был какой-то заторможенный.

— Это хорошо, что ты пришла, — эмоций в голосе Данте не было. — Я хотел тебя увидеть. Гораздо лучше будет, если мы попрощаемся сейчас.

В ответ на эту реплику Эстелла заскулила, как собачка, которой отдавили лапы.

— Успокойся, Эсте. Я не хочу, чтобы ты страдала. У тебя вся жизнь впереди, у тебя всё будет хорошо. Пройдёт время, и ты снова научишься улыбаться, радоваться каждому дню. Вот увидишь. Оставь сегодня прошлое в прошлом. Оно канет в лету и не вернётся больше, а ты пойдёшь вперёд не оглядываясь.

На ресницах Эстеллы сверкали хрустальные капельки. В мозгу у неё стоял туман, но девушка понимала: Данте говорит что-то не то. Не то, что она хочет услышать. Какой-то бред.

— Знаешь, а я ни о чём не жалею, — продолжил он. — Моя жизнь не была радостной, но я не думал, что она закончится так быстро. Хотя было время, когда я жаждал с ней расстаться. А потом встретил тебя и она заиграла новыми красками. То, что мы пережили вместе — это было невероятно. Это самое прекрасное, самое сильное, самое глубокое

чувство из всех, что я когда-либо испытывал. Я никогда никого не любил, кроме моих друзей-животных. Я ненавидел и ненавижу людей, и я думал, что не способен кого-то полюбить, пока не появилась ты. Знаешь, Эсте, если бы можно было всё начать сначала, я бы не стал ничего менять. Я бы сделал всё то же самое. Я жалею лишь о том, что счастья, которое мы испытали, было мало. Мы не успели им насытиться, не успели вкусить его, насладиться им в полной мере. Прости меня за это. Я не хотел причинять тебе боль. Прости, что так вышло.

Эстелла онемела, не могла выдать из себя ничего, кроме нечленораздельных звуков в виде стонов и всхлипов.

— Эсте, послушай, — взяв её за подбородок Данте заглянул ей в глаза. — Пообещай мне, что не станешь ломать свою жизнь из-за того, что уже никогда не вернётся. Я знаю, ты сильная и смелая, и ты всё выдержишь. Ты пойдёшь дальше одна, без меня, ты забудешь меня и встретишь ещё своё счастье.

Эстелла в ответ замотала головой.

— Нет, нет, не отрицай, — прервал он. — Я хочу, чтобы это было так. Я не хочу, чтобы ты всю жизнь оплакивала нашу любовь. Ты должна жить дальше. Я знаю, это тяжело, но время вылечит.

Эстелла завывала, судорожно хватая губами воздух. Данте прижался щекой к её щеке. В последние месяцы в душе его зияла чёрная дыра. Он не боялся умереть, свикся с этой мыслью и уже давно ждал конца. Но сейчас он вдруг осознал: он не хочет, не хочет расставаться с Эстеллой. И он не хочет умирать!

— Эсте, прошу тебя, не приходи завтра на площадь. Не надо. Мы должны попрощаться сейчас.

— Н-н-нет...

— Мы прощаемся сейчас. Я не хочу, чтобы ты там была. Я хочу, чтобы ты запомнила меня таким, какой я сейчас. Живым.

Ещё некоторое время они обнимали друг друга. Данте гладил Эстеллу по лицу, рассматривал её, стараясь запомнить каждую её черточку.

Лязгнула щеколда. Эстелла вцепилась в Данте сильнее. Он застонал сквозь зубы. Это всё. Они больше не увидятся.

— Ваше время вышло, — сказал конвоир. — И так уже полтора часа прошло.

Эстелла дрожала, цепляясь за Данте, как утопающий за соломинку, пока Данте сам не разжал ей руки. Обнял ладонями её за щёки.

— Эсте... Эсте, послушай меня. Ты должна быть сильной. Иди домой, моя девочка. Иди домой, тебе здесь не место. Иди. Ты должна идти.

— Нет...

— Я тебя люблю, ты единственный человек, которого я любил и люблю в этой жизни.

— И я... я... люблю... — Эстелла задыхалась.

— Иди. Позаботься о Янгус, об Алмазе. Забери их к себе. Если не сможешь, выпусти на свободу.

— Д-д-данте...

— Ну, долго я буду ждать? — тюремщик был раздражён. Подхватив Эстеллу под локти, он потянул её на выход. — Идёмте!

Она сейчас умрёт. Просто возьмёт и умрёт, не сходя с этого места.

Данте и Эстелла до последнего смотрели друг на друга, пока тюремщик не вытолкнул

девушку в коридор. Загребел ключами.

Данте остался один. Несколько минут он прожигал взглядом стену. Ну вот и всё. Он больше не увидит свою Эстеллу. И как никогда в нём буквально кричало желание жить. Он хочет жить, хочет! Он хочет быть рядом с этой девушкой, снова ласкать её, целовать...

По фарфоровым щекам Данте скатились две крупные слезы. Как так может быть? Он уже целый месяц знает, что обречён. Он ждал смерти как избавления от мучений, и тут пришла Эстелла и в один миг вырвала ему сердце. Лучше бы она не приходила. Ну почему у него вечно всё шиворот-навыворот? Сколько людей живут себе припеваючи и ни с чем подобным не сталкиваются и за семьдесят лет жизни. А он за свои восемнадцать уже испытал столько, сколько и в кошмаре не приснится.

— Чёрт возьми! — выкрикнул Данте, ударив кулаком в стену. — Я не хочу умирать! Не хочу умирать в восемнадцать лет, так и не познав настоящей жизни, не насладившись любовью, которую с таким трудом отвоевал. Почему? Ну почему? Салазар! Салазар, отзовись! Я знаю, ты злишься, ну пожалуйста, неужели ничего нельзя сделать?

Но никто не ответил. Данте закрыл лицо руками и разрыдался.

ПЫХХХ...

Данте поднял голову. Перед ним стоял Салазар — такой, каким он видел его в тот раз, когда выпустил из зеркала. В чёрных глазах сияли искорки.

— Надо же, оказывается, я ещё на что-то гожусь! — съехидничал он. — А я думал, ты решил, что прекрасно обойдёшься и без меня, и без перстня, и без своей магии — того, что тебе подарили за просто так, а ты это выбросил за ненадобностью.

— Не говори так. Ну неужели какой-то перстень стоит такой обиды? — воскликнул Данте, вытирая слёзы. — Помоги мне, пожалуйста.

— Чего ты хочешь? Умереть легко и спокойно? О, стоит ли дожидаться завтра?! Я могу устроить это прямо сейчас, — в речи Салазара сквозила насмешка.

— Нет, я не хочу умирать!

— Гм... странно. По-моему, тебе всегда было наплевать на свою жизнь.

— Может быть. Но не сейчас. Ну как ты не понимаешь, я люблю Эстеллу! Она мне нужна, я хочу быть с ней. И всё что я сделал — это ради неё, и перстень я отдал ради неё, — Данте убрал со лба нечёсанные волосы.

— Так чего ты хочешь от меня? Чтобы я помог тебе взорвать тюрьму и сбежать из неё?

— Это было бы неплохо.

— Увы, нет, — отрезал Салазар. — Во-первых, тебя поймают сразу. Далеко ты не убежишь. Тебя в лицо теперь знает каждая собака в городе. Этот падре приказал всюду расклеить твои портреты с надписями: «безбожник, еретик, колдун» и всё в том же духе. Во-вторых, сейчас я не могу вмешиваться.

— Почему? — искренне не понял Данте.

— Я не могу вмешиваться в ход времени. Я не могу менять прошлое, это чревато, — вкрадчиво сообщил Салазар.

— Какое прошлое? Что ты несёшь? — взбесился Данте. — Ты спятил?

— Вовсе нет. О, это длинная история! — Салазар прогулялся по камере, поднимая тучи пыли изумрудным плащом. — Пока действие Зелья Времени не закончится, я не смогу ничего сделать. Об этом знает только Эстелла, причём сейчас она не помнит что произойдёт через три месяца. Мы находимся в прошлом. Вмешиваться в него нельзя. Все события пойдут своим чередом. Изменить ситуацию можно лишь раз. И этот момент наступит завтра. Ни

днём раньше. Прости, но таковы законы времени. Если их нарушить, произойти может что угодно. Например, мы попадём в очень глубокое прошлое — в каменный век к пещерным жителям, или в далёкое будущее, где, возможно, люди станут ходить на головах.

— Я ничего не понял, — Данте казалось, что голова его сейчас лопнет, и он обхватил её руками.

— А понимать и не надо. Успокойся и ложись спать. На завтра тебе нужны силы. Много сил. Ты же любишь Эстеллу. Вот и доверься ей. Если она всё сделала правильно, то завтра тебя ожидает сюрприз. Она придёт на площадь, и ты увидишь что будет.

— Но она не придёт. Я просил, чтобы она не приходила!

Салазар рассмеялся, встряхивая длинными волосами.

— О, мой тебе совет: никогда не верь женщинам! Никогда. Они говорят одно, а делают другое. Она придёт.

И Салазар растворился в воздухе, оставив за собой фиолетовый дымок.

===== Глава 42. Даже если мир против =====

Эстелла брела по дороге куда глаза глядят. И почему она впала в такую истерику при виде Данте? У неё же есть надежда. Безумная, но есть! Вся надежда на зелье. Она приходила не прощаться с Данте, а просто увидеть его. Но вышло, что попрощалась. Наверное, это тюрьма и замученный вид Данте так на неё повлияли. Бедный, как он исхудал, аж рёбра выпирают. Одни глаза остались, и это всего за два месяца. А она даже не спросила ни о чём, мычала и выла, как идиотка. Надо прийти в себя, надо взять себя в руки. Всё будет хорошо. Эликсир спасёт Данте, должен спасти. Она в это верит. Если не будет верить, просто сойдёт с ума.

Эстелла явилась домой только к ночи — ей и в голову не пришло нанять экипаж. И она забыла, что уходила через окно. Обо всём забыла. Дотащилась до особняка и вошла прямо в парадную дверь. В ушах набатом звучали слова Данте: «Я не хочу, чтобы ты завтра приходила на площадь. Я хочу, чтобы ты запомнила меня таким, какой я сейчас. Живым». Но если ничего не получится? Если зелье не подействует? У неё же нет иного плана, как спасти Данте. Если что-то пойдёт не так, Данте умрёт. — Нет, нет, только не это! — Эстелла всхлипнула, сжимая виски руками. Споткнулась о порог и чуть не упала, но кто-то вдруг подхватил её под локти. — Ты что, совсем обалдела? — голос бабушки Берты звучал сурово. — А ну-ка бегом заходи в дом. Ты где была? — Я... я... в тюрьму ходила, — честно призналась Эстелла. — Как в тюрьму? — всплеснула руками Берта. — Я ж тебе запретила! Надеюсь, тебя не пустили к этому монстру? — Данте не монстр, — шёпотом выговорила девушка. Она была совсем без сил. — Я его видела. — Но как же тебя вот так запросто впустили к этому дьяволу? — изумилась бабушка. — Данте не дьявол, — пробормотала Эстелла. — Я подкупила часовых, — буднично сообщила она, вырвалась и двинулась вверх по лестнице. У бабушки глаза чуть на лоб не вылезли. — Совсем помешалась, — вздохнула она. — Нет, это ненормально. Наверняка этот человек чем-то её опоил или порчу навёл. Тут и к бабке не ходи. Ночью Эстелла не сомкнула глаз, едва дожив до утра. Сползла с кровати, вытащила зелье из сундука. Открыла котелок. Эликсир выглядел как самая обычная вода. Так и должно быть. Эстелла налила зелье в высокий стакан. Потом аккуратно перелила его в капсулу. Зеркало её не обмануло — всё содержимое стакана уместилось в крошечную капсулу целиком. Эстелла закупорила капсулу, отыскала в шкатулке с драгоценностями медальон на длинной цепочке с кулоном в виде цветка монарды. Медальон открывался и внутри был пустой. Подобные вещицы использовались девушками для хранения фотографий,

но Эстелла положила в него капсулу. Приняла ванну. Надела бархатное тёмно-синее платье с квадратным воротничком, дорожные ботинки без каблуков; медальон повесила на шею. Оставалось ещё часов семь, а Эстелла уже не могла ждать. Она хотела занять себя чем-нибудь, но тщетно. Читая книгу, не понимала ни слова; вышивая салфетку, чуть не отрезала себе палец ножницами. Роксана же была необычайно оживлена. Видя дочь в лихорадочном состоянии, она, громко хохоча, голосила, что «сегодня знаменательный день, который очистит семью от позора». Эстебан читал газеты и журналы, непрерывно, один за другим. Арсиеро с утра убежал на заседание Совета Депутатов. Либертад думала о чём-то своём, была рассеяна и, подавая чай, пролила его мимо чашки. Мисолина исподлобья смотрела то на мать, то на сестру. Хорхелина обсуждала сама с собой сплетни про соседей. Вообще-то, говорила она для всех, но её никто не слушал. Эстелла заставила себя проглотить бутерброд с сыром и апельсин, дабы не упасть в обморок от голода. Берта зорко следила за внучкой и после завтрака принялась ходить за ней по пятам, чтобы помешать Эстелле идти на площадь. Но Эстелла знала: она туда пойдёт, даже если придётся бабушку связать.

После разговора с Салазаром Данте заснул. За два месяца тюремного ада ему не снилось ничего, но этой ночью Эстелла ворвалась в его сон, унеся в небытие и страдания, и беды, и боль.

Держась за руки, они шли босиком по влажной траве. Небеса отливали золотом рассвета. Тёплый ветерок играл длинными локонами Эстеллы, и они колыхались за её спиной. «Я тебя люблю», — сказал Данте. «Я тебя люблю» — эхом повторила Эстелла, касаясь губами его губ. Он кружил её; подол белого кисейного платья разлетался в стороны. Эстелла смеялась. Внезапно всё заволокло туманом и картинка сменилась. Данте стоял посреди залы, утопающей в огнях и зеркалах. Волосы струились у него до поясницы, а лицо скрывала маска. Вокруг — праздник, смех, музыка... и Эстелла. Она громко хохотала, прячась за веером, и танцевала с другим мужчиной. Лица его Данте не увидел, но ощутил глухую боль в груди. Кто-то прикоснулся к нему, и Данте вздрогнул. Перед ним стояли трое: две женщины и мужчина. Одну из женщин он узнал — это была Амарилис, тётка Сантаны. На шее её висела лисья шкурка. Улыбаясь, она сказала: «Есть много вещей, о которых ты не знаешь. Никогда не верь словам, только поступкам. Лица и слова обманчивы». Мужчину Данте не знал. На вид ему было лет сорок. Он молча рассматривал Данте, и светлые глаза его сияли, как рождественские огни. Вторая женщина, с ярко-рыжими волосами и тонким лицом, тоже никого Данте не нашла. Тронув его за плечо, она произнесла: «Не надо идти туда, где тебя не ждут. Иди к той, что тебя зовёт. Она твоя судьба. Иди! Прочь!» — рыжеволосая, с силой толкнув Данте в грудь, обратилась в Янгус и взмыла ввысь, роняя всюду чёрно-алые перья. Данте вскрикнул и проснулся. Он по-прежнему находился в камере — лежал на куче соломы в углу. Какой-то дурацкий сон... Юноша так больше и не сомкнул глаз — всё ждал, когда за ним придут, чтобы вести на казнь. Но никто не приходил, и Данте весь извёлся. Наконец, около полудня скрипнул дверной засов — жирафоподобный тюремщик принёс еду. Молча поставил на пол миску с варёной фасолью и кружку с водой. Ушёл. Он должен это съесть. Должен, чтобы выдержать всё до конца. Данте кусок в горло не лез, но он-таки запихнул в себя пресную фасоль, запив водой. Ещё через час явился падре Антонио. Вопреки протестам Данте, священника впустили к нему в камеру. Тот требовал, чтобы Данте крестился, иначе грозил, что его не похоронят даже за кладбищенской оградой — место для самоубийц и детоубийц, а просто выбросят труп шакалам на радость. — Ну что,

будешь ты креститься, жалкий вероотступник? Да или нет? — у падре чуть ли дым из ноздрей не валил. — В последний раз спрашиваю. Данте, подняв голову, заглянул священнику в лицо: — Нет. — Гореть тебе в аду, посланник Сатаны! — грудь падре вздымалась от гнева. — О, мы ещё встретимся! — выплюнул Данте. — В том самом аду. Я вас там буду поджидать. Падре ушёл, шарахнув каменной дверью о стену. Через полчаса явился тюремщик — принёс Данте таз с водой, мыльный шарик и одежду: белую рубашку и чёрные штаны. — Зачем это? — спросил Данте. — Так положено. На площади будет толпень, это уж наверняка. Весь город только о те и болтает. Не хочется, чтоб говорили, будто мы тута дурно с заключёнными обращаемся, раз они у нас немытые ходят. — Не всё ли равно, в каком виде я буду умирать? — Не всё равно, — страж хмыкнул. — Большинство людей тя отродясь не видали, но по рассказам падре представляют как некого чёрта с рогами и копытами. Они придут глазеть на твою казнь. Те надобно показать им, что нет у тя ни рогов, ни копыт. Вот увидют тя в человеческом обличье, растрогаются поди сердобольные тётушки, да слезки пустют, пожалеют и оплакают твою заблудшую душонку. Всяко лучше, чем подыхать, как собака, во всеобщей ненависти. — Меня не надо жалеть, — огрызнулся Данте.

— Дурак ты. Народ-то силу имеет большую, хоть и не верит никто в это. Но коды народу много, он может и горы своротить. Знаешь чего бывает? Ежели толпа дружененько возмутится несправедливости, так могут и казнь сорвать, да палачей самих и повесют заместо преступника. Так, правда, редко бывает, с народными героями в основном-то, но всё ж таки. Мало ли.

Данте вдруг рассмеялся, прямо истерически захохотал, вообразив эту картину. Его, которого с детства унижали и долбили, вдруг толпа бросится защищать от палачей. Ага, как же, жди! Он смеялся, тычась носом в колени, и никак не мог остановиться. Конвоир, покрутив пальцем у виска, вышел. Данте тупо уставился на таз с водой. Наверное, тюремщик в чём-то прав. Сейчас он похож на чудище. Если уж всё равно умирать, так с высоко поднятой головой. Люди всегда смотрели на него, будто он грязь на мостовой. Сегодня он посмотрит на них так же. К двум часам дня явился конвой, состоявший из трёх человек. На руки и ноги Данте надели кандалы. Вытолкнули его из камеры. Шли долго, блуждая по узким коридорам и распугивая факелами крыс, пауков и летучих мышей. Внутри у Данте образовалась пустота. Был ли он спокоен? Нет. Волновался? Тоже нет. Он просто ждал конца этой истории, истории своей жизни. И это безразличное оцепенение сковывало его до тех пор, пока он не покинул башню. Стоял июнь. Обычно холодный месяц, в этом году был тёплым, как никогда. Лёгкий ветерок колыхал листья на деревьях, а сквозь кудрявые тучки улыбалось солнце. Данте чуть с ума не сошёл, когда увидел зелёную траву. На кустиках, выстроившихся стройными рядами у ограды, пели маленькие бурые птички — печники. Они заливались на разные голоса, весело перепрыгивая с ветки на ветку. Данте сжал зубы, ощутив как к глазам подступают слёзы. Два месяца он не видел света вообще. Не видел ничего, кроме четырёх каменных стен да тусклого огарка. День и ночь были неотделимы друг от друга. Сегодня он видит птичек в последний раз. Никогда больше он не поскачет на Алмазе по просторным пампасам, свободный как ветер, вдыхая полной грудью свежий воздух, запах листвы и цветов; и Янгус с пронзительным криком больше не пролетит над его головой, рисуя мёртвые петли в лазурных небесах. Данте и три конвоира, выйдя за каменные ворота, мигом угодили в толпу, состоящую из дам средних лет и старше. Едва несчастный узник появился в поле их зрения, женщины, размахивая крестами и иконами, ринулись к

нему. И лишь бдительность стражников уберегла Данте от участи быть разорванным взбесившимися богомолками. Это были прихожанки церкви Святой Аны, главные поборницы морали и нравственности в городе. Возглавляла сборище Беренисе Дельгадо, супруга доктора Дельгадо и мать Диего, возмущённая тем, что после пожара церковь Святой Аны закрыли на ремонт. Хотя сгорела она не сильно — испортился алтарь и часть скамей наоса и обвалилось несколько балок на потолке. Но падре Антонио, воодушевлённый содействием Роксаны, лихо воспользовался ситуацией, чтобы настроить паству против Данте. Мессы в городе не служились уже два месяца, и падре с лёгкостью убедил прихожан, что Господь покарает за это весь город, а виноват Данте. И сегодня эти зазомбированные религиозным культом женщины уже четыре часа караулили бедного узника у ворот тюрьмы. — Безбожник! — Посланник Сатаны! — Гори в аду! — Поджёт нашу святую обитель! Теперь нам негде молиться! — Ничего, Господь он всё видит, сегодня ты за всё заплатишь, грязный еретик! Данте не вслушивался. Ему не привыкать к оскорблениям. Да пусть кричат что хотят. Ему уже всё равно. Конвоиры подвели юношу к деревянной телеге, на которой стояла большая железная клетка. — Залезай, — велел один из стражников, открыв дверцу клетки. Данте не шелохнулся. — Я... я... не хочу. Вы думаете я убегу? Я не убегу. Не надо меня в клетку, — пробормотал он. Конвоиры прыснули со смеху.

— Залезай говорю, — сказал тюремщик, напоминаящий индюка. — Так положено. Всех еретиков и колдунов перевозят в клетках. Оберегают нормальных людей от вас.

Данте грубо затолкнули внутрь. Надев на голову мешок, пристегнули цепями к прутьям клетки. Конвоир закрыл дверцу на замок. Больше Данте не видел ничего. Он вжался в решётку, чувствуя, как подпрыгивает телега при движении, слышал вопли зевак, сгрудившихся вдоль улиц: — Убийца! — Долой его! — Туда тебе и дорога! — Еретик и богохульник! Выкрики и проклятья преследовали Данте всю дорогу, и, казалось, им не будет конца. Его везли, нарочно петляя через весь город. Кучер дул в ракушку, звонарь бил в колокол, приглашая горожан на казнь знаменитого колдуна. Дикая беспомощность захлестнула Данте. Он был загнан в угол, обездвижен и выставлен на потеху всем. Наверное, то же самое чувствует свободолюбивый ягуар, когда его помещают в зоопарке в клетку, демонстрируя глупцам в качестве развлечения. Когда показательное шествие по улицам закончилось, Данте трясло так, что он едва не потерял контроль над собой. Нет, так нельзя! Они специально над ним издеваются, они хотят его сломать. Чёрта-с два! Надо взять себя в руки. Он пойдёт на смерть, как победитель, ибо ни в чём не виноват и не причинил никому зла. Телега остановилась. Щёлкнул засов клетки. От Данте отстегнули цепи и выволокли его наружу. Данте путался в ногах — мешали кандалы, к тому же, он ничего не видел. Юношу довели до места назначения и, наконец, сняли мешок с головы.

Эстелла готова была бабушку Берту убить, когда в четвёртом часу дня та предложила ей пойти вышивать наволочки для подушек. — Что? — уж не ослышалась ли она? И о чём бабушка думает? Но Берта вознамерилась любой ценой помешать Эстелле в её затее и увела внучку к себе в спальню. Усадив в кресло, сунула ей в руки голубую атласную наволочку. — Давай вышьем звёзды, — сказала бабушка. — Можно несколько. Кучкой. Вот смотри: вот тут три, а в том углу можно пять. Она не может не пойти на площадь, она должна отдать Данте капсулу — мысли эти сверлили Эстелле мозг. Она выудила из шкатулки длинную сапожную иглу. — Нет, эта иголка не годится, — наставляла Берта. — Кто ж вышивает такой иглой? Надо самой тонкой, вот этой. И золотой ниткой. Но Эстелла, не долго думая,

вонзила сапожную иглу себе в палец; со всей дури загнала её туда на четверть. — Ой, боже мой, ты чего ж делаешь-то?! — всплеснула руками Берта. — Я пойду и забинтую руку. Вернусь через минуту, — сказала Эстелла ровным голосом, хотя лицом напоминала зомби. — Ага, иди-ка, а то кровью всё измажешь. А может звёзды красными сделать, как ты думаешь? — Может быть. Хорошая идея, бабушка, — на одной ноте проговорила Эстелла. — Можно вышить их и мелкими, и крупными. Сейчас забинтую палец, приду и мы решим. Она кинулась к выходу. Одним движением вынув из замка ключ, захлопнула дверь снаружи. Берта и опомниться не успела, как оказалась заперта в собственной комнате. — Эй, ты чего это делаешь? Эстелла, чего это за выходы? А ну-ка вернись и открой меня! — но ответом ей послужил топот бегущих по лестнице ног. Эстелла выскочила из дома. Четыре сторожевых собаки носились по саду. Свободно, без привязи. Эстелла всегда боялась этих собак — однажды они чуть не отхватили ногу Дуду, кухаркиному сынку. Собаки захлёбывались лаем, слюни стекали у них по мордам. Эстелла по пути схватила палку. Большую, с острыми сучками. Вообще-то она никогда не обижала животных, а Данте научил её смотреть на них другими глазами, но сейчас выхода не было. Эти собаки злые, специально натасканные, чтобы нападать на людей. Если сейчас они её загрызут, она не доберётся до Данте. Одна из собак уже неслась прямо на Эстеллу. Шлёп! Эстелла размахнулась и со всей одури врезала собаке палкой по морде, оставив на ней кровавую царапину. Заскулив, собака попятилась. Три других псины не решились подходить к девушке — сейчас она могла бы разорвать их голыми руками.

Отшвырнув палку, Эстелла выскользнула за калитку. Побежала по дороге. От Бульвара Конституции до Пласа де Пьедрас было недалеко, но дорога петляла, то проходя сквозь аллею, то сворачивая направо и налево, и тянулась вдоль обрыва.

Эстелла нутром чувствовала: она может опоздать, наверное, уже опоздала. И всё из-за бабушки. Ну как она не понимает, что Данте для неё, Эстеллы, дороже всех на свете? Не казнь не может состояться за одну минуту. Пока Данте привезут на площадь, пока объявят приговор, пока падре зачитает свои молитвы. Она успеет! Эстелла не захотела ловить экипаж. Так она потеряет драгоценное время — до площади экипажи и кареты ходили окольным путём, чтобы не ехать мимо обрыва. Сжимая зубы и задыхаясь от быстрого бега, Эстелла не остановилась, даже когда у неё закололо в боку. Ещё издали она увидела огромное скопище народа. Нагло всех распахивая, Эстелла полезла в самую толчею, не реагируя на возмущения. Плевать, что о ней подумают, на всё плевать. Данте. Данте... Она должна его спасти! Центральная городская площадь Пласа де Пьедрас была замощена булыжниками и огорожена идеально выстриженными круглыми кустиками. Сейчас тут яблоку негде было упасть. Похоже, пришёл весь город. Знатные дамы и господа сидели в каретах и экипажах, из окон наблюдая за представлением. Народ попроще стоял плотными рядами вокруг деревянного эшафота — квадратного помоста, по центру которого высилась каменная стена. Эшафот окружали семь человек в чёрных плащах с красной каймой, перепоясанных жёлтыми кушаками. В руках они держали арбалеты. До этого момента Данте не имел представления о том, каким способом его будут казнить, и не задумывался об этом. Увидев палачей, он изумился. Стрелки! Когда на лице Данте мелькнула ухмылка, зеваки разразились новой тирадой ругательств — это были всё те же прихожанки церкви Святой Аны; у каждой из них на груди висело по медному кресту. Однако, Данте отметил, что лица публики, не столь увлечённой богослужениями, претерпевают изменения. Его повели к эшафоту прямо сквозь толпу, и Данте услышал перешёптывания: — Такой молодой! А я

думала, он старше, — восклицала женщина, укутанная в голубую шаль. — Какой он красавец, мама! — визгливо вторила ей молодая девица в чепчике. — Ах, не мелите чушь, Исабель! Он же чудовище! Он убил Луиса Парра Медина и поджёг церковь, разве вы не знаете? Говорят, хотел убить всех, кто был в церкви, но падре Антонио ему не позволил. Святой человек наш падре. — А как вам моя новая шляпа? Мило, правда? — кокетничала дама с уродливой розовой клумбой на голове. — Я купила её специально для этого дня. Такое событие никак нельзя пропустить! — Бесподобно! Восхитительно! — Надо не забыть зайти на Авенида де Лухо. Жене понадобилось новое шёлковое манто. Она меня донимает уже вторую неделю, — пожаловался высокий мужчина с тонкой косичкой. — Посмотрите, да он же совсем мальчик! — женщина в переднике, указала на Данте. — Это немыслимо! Не ровен час, начнут казнить десятилетних детей. — Этот падре Антонио тот ещё жучара, — возмущался низкорослый лысоватый дядюшка с усами. — Он выслуживается перед епископом, лижет тому зад. А вы читали вчера «Городские ведомости»? — спросил он у своих спутников. — Там написано, будто падре наш сговорился с членами Кабиљдо и судьями Трибунала, чтобы они выносили смертные приговоры и виновным, и невиновным. Так и написали, что сегодняшняя казнь — ещё одно бесчинство святых отцов при попустительстве алькальда и тех, кто его избрал. — Не удивлюсь, если сегодня же «Городские ведомости» закроют, и все, кто это написал, отправятся на эшафот следом за этим несчастным, — отозвался крючконосый старичок с лорнетом в руках. — Думаю, писаки правы. Эти звери уже повадились казнить всех подряд. Одни мальчишки. Вспомните недавнее дело Армандо Эскивеля, ему было двадцать два. Вместо того, чтобы ловить настоящих преступников, они ломают жизни невинным детям...

Конвою, наконец, удалось провести Данте сквозь толчею. Он взошёл на помост. Несмотря на кандалы на руках и ногах, даже не споткнулся, настолько горело в нём желание показать всем, что он не сломлен. Толпа зароптала и оскорбительные выкрики моралисток утонули в потоке негодования остальных. Одних поразила редкая красота юноши, других — его молодость, третьих — презрительный взгляд, которым он их смерил. Сердобольные дамы в возрасте и молодые девушки сразу же всплакнули, прикладывая к глазам кружевные платочки.

Появился падре Антонио в сопровождении Арсиеро и ещё двух человек, одетых в серые мантии Судейского Трибунала. Главный судья, вынув длиннющий свиток, стал громко зачитывать приговор, который Данте и в глаза никогда не видел. Как не видел и суда, но падре и судьи, и глазом не моргнув, уверяли: суд прошёл заочно, без присутствия обвиняемого, ибо он так опасен, что любой его вывоз за пределы тюрьмы мог бы обернуться катастрофой. Второй судья оказался писарем — перо его так и порхало над бумагой, фиксируя всё происходящее. Чтение приговора, содержавшего шестьдесят четыре пункта инквизиторского бреда с обвинениями в колдовстве, ереси, убийстве и преступлениях против в церкви, закончилось лишь через сорок минут. — Данте Гонсало Ньетто, признаёшь ли ты себя виновным? — спросил судья, сдвигая очки на кончик носа. Данте исподлобья взглянул на него, потом на падре. Гордо вскинул голову, заставив волосы каскадом разлететься по лицу. — Нет, — сказал он односложно. Поглядел на Арсиеро. Тот, совместно с писарем, стоя поодаль, изучал свои туфли. Данте обвёл взглядом толпу. Увидел эстеллину мамашу — Роксана улыбалась во весь рот. А вот и ещё одно знакомое лицо мелькнуло. Руфина! Данте задержал на ней взгляд — женщина плакала. — Тебе положено последнее слово, — объявил судья. — Хочешь ли ты что-то сказать? Раскаться, попросить прощения у

всех, кому ты причинил зло? Данте повернулся лицом к народу. Глаза его метали молнии. — Мне раскаиваться не в чем! У меня своя правда, и я уйду с лёгким сердцем. Вы — вежливые убийцы, кичитесь своей святостью, скрывая под масками любезности пустые сердца. Никогда вы не испытаете истинного счастья, потому что счастье, оно внутри. Оно живёт в душах, которые умеют летать. В сердцах мечтателей и поэтов. В головах фантазёров и влюблённых. Я стану свободным! Вы знаете что есть свобода? Спросите у птиц, которых вы так любите убивать ради перьев для своих нарядов. Душа, у которой есть крылья, никогда не станет узницей общественных норм и предрассудков, в какую бы клетку её не загнали. Я уйду вместе с птицами, а вы все — серая масса, останетесь гнить в своих золотых клетках, пока не сдохнете от старости, трясясь над своими деньгами, иконами и титулами. Ненавижу вас! Наступила гнетущая тишина, которую вдруг разрезал крик: — Данте!!! Данте!!! — сквозь толпу пробиралась растрёпанная Эстелла. Она невольно залюбовалась красивым узником. Вчера там, в тюрьме, он показался ей совершенно измученным, но не сегодня. Данте смотрел на всех свысока, шелковистые волосы его развевались на ветру, как паруса пиратского корабля. И не было в его взгляде ни страха, ни горечи. Да, её сердце сделало верный выбор, ни на секунду Эстелла не пожалела, что полюбила этого человека. Быстрым жестом она открыла медальон, вынула капсулу и зажала её в руке. — Данте!!! Они встретились взглядами. В глазах девушки Данте увидел тревогу и боль. Ну зачем она здесь? Ведь он же просил её не приходить. — Эсте, иди домой! Уходи отсюда! Иди домой! — крикнул Данте. Но она не отступала. Его милая храбрая девочка. Прорвалась сквозь ораву людей и бросилась к нему. Конвоиры преградили Эстелле путь. — Нет, пожалуйста, — взмолился Данте тихо. — Не трогайте её! Я имею права на последнее желание. Позвольте нам попрощаться.

— Господь велит нам быть милосердными даже к таким заблудшим овцам, как этот грешник, — пафосно декламировал падре Антонио, будто актёр на сцене театра. — Так проявим же милосердие. Последнее желание приговорённого к смерти всегда подлежит исполнению.

Данте захотелось залепить падре оплеуху. Не будь у него кандалов на руках, он бы осуществил это намерение. Эстелла заметила, с какой ненавистью юноша смотрит на всех: на падре, на Арсиеро, на судей, а на неё, на неё одну с такой любовью! Восхитительные сапфировые глаза. Они способны обжечь и заласкать, убить и затянуть в омут страсти. Ни у кого больше нет таких глаз. Эстелла поднесла руку к губам, сделав вид, что подавляет рыдания, и положила капсулу себе в рот. Конвоиры расступились, позволив девушке подойти к Данте. Вся дрожа, она обвила его руками. — Зачем ты здесь, девочка моя? Я же тебя просил не приходить, — шепнул Данте так, чтобы слышала только она. Вместо ответа Эстелла жадно прильнула к его губам. Эти губы, нежные, горячие, которые ласкали её ночами, доводили до исступления. Она ощутила как вибрируют татуировки на коже. Обручальные кольца заискрились. Капсула осталась у Данте во рту. В ответ на его изумлённый взгляд Эстелла, приложив палец к губам Данте, шепнула ему в рот: — Надо только раскусить. Больше она ничего не успела сказать — двое мужчин, схватив её за руки, грубо поволокли с собой. Эстелла вырывалась и чуть шею себе не свернула, пялясь на Данте. Он смотрел на неё с блаженством и отчаяньем одновременно. Похоже, он не верит, что останется жив. Он с ней прощается. — Данте, я люблю тебя! — крикнула девушка во всё горло. — Люблю! Люблю! Я тебя люблю! — и Эстелла исчезла в толпе. — Люблю, — прошептал Данте, не размыкая губ. Падре велел палачам приступать к своим обязанностям.

Вместе с судьями и Арсиеро он отошёл в сторону. Конвоиры, подведя Данте к каменной стене, отвернули к ней лицом и спустились с помоста. Когда Эстелла оказалась в толпе, то увидела мать. И поняла — люди, что схватили её, действуют по приказу Роксаны. — Мерзавка, я тебя придушу сейчас! — Роксана замахнулась и ударила дочь по щеке. — Тебе мало того, что ты уже сделала? Наше имя теперь полоскают в каждой помойной яме! — Не смейте мне указывать, как мне жить, убийца! — прошипела Эстелла в ответ. — Я замужняя женщина, и я слушаюсь только своего мужа. — Вдовушка. Ты уже вдовушка! Ещё минута, и всё будет кончено, — Роксана расхохоталась. — Молись, ибо близок твой час, в который ты предстанешь пред Всевышним, — выкрикивал падре Антонио нараспев. — Вспомни грехи свои и покайся, иначе гореть будешь вечно в пламени ада. Да помилует Господь твою проклятую душу, не пожелавшую вступить в лоно христианской церкви. Аминь! Данте всё ещё держал капсулу во рту. Салазар вчера говорил, что Эстелла придёт на площадь, и произойдёт то, чего он не ожидает. Может, в капсуле яд, чтобы он умер мгновенно и без мучений? Хорошая идея. Как бы там ни было, а терять ему нечего. И Данте раскусил капсулу. В горло ему будто полилась ключевая вода. Данте велели развернуться лицом. Все семеро палачей выстроились прямо перед ним в линию. Взвели арбалеты. Натянули тетиву. Данте почувствовал, что тело у него онемело, точно его заморозило. Наверное, это всё же был яд. Эсте захотела, чтобы он ушёл легко. «Спасибо, моя девочка», — подумал он. — Пли! — выкрикнул главный палач, и семь стрел вонзились Данте в грудь. Он упал на спину. На какой-то миг воцарилась тишина. Многие женщины плакали. Сердце у Эстеллы почти остановилось. Она считала секунды и ждала — вот, вот сейчас он очнётся. Сейчас должно подействовать зелье. Сейчас что-то будет. Но ничего не происходило. Данте не шевелился, толпа не расходилась и, когда один из палачей, подойдя к Данте, начал вытаскивать из него стрелы — все вздохнули. Из груди юного узника полилась алая кровь. Сердце у Эстеллы упало. Нет, не может быть! Этого не может быть! Неужели, она неправильно сварила чёртов Эликсир?

— Данте!!! — Эстелла так толкнула державшую её Роксану, что та свалилась прямо на булыжники.

— Ну-ка стой, дрянь! Но Эстелла уже не слышала ничего. Она влезла на помост и рухнула перед Данте на колени. — Данте! Данте! Данте! — девушка кричала, срывая связки, но он не шевелился. Он был похож на фарфоровую куклу — прекрасную и неподвижную. В детстве у Эстеллы была такая кукла, но Мисолина её разбила. От зависти, что та досталась не ей. Сейчас, заглянув в точёное лицо Данте, Эстелла невольно вспомнила свою куклу. Белоснежная кожа его напоминала тончайший китайский фарфор, и волосы на её фоне казались ещё чернее. Синие глаза были широко распахнуты и пусты. — Нет... нет... нет, не может быть... нет... — Эстелла, воя, легла на Данте и вся перепачкалась в его крови. Палачи топтались рядом — никто не решался оттаскивать обезумевшую, распластавшуюся по земле девушку. — Данте! Данте! Нет! Не уходи! Не бросай меня, слышишь? Как же так? Почему? Данте... Данте... Я люблю тебя, люблю, очнись, пожалуйста, умоляю тебя, вернись ко мне... Эстелла вцепилась в его рубашку обеими руками и стала юношу трясти. Покрыла поцелуями его лицо. Но Данте не отзывался ни на мольбы, ни на крики, ни на поцелуи. Он был мёртв.

===== Глава 43. Разбитое сердце =====

Эстелла ещё долго лежала на окровавленной груди Данте. Он так и не шевелился, и его глубокие, как омуты, очи смотрели в никуда. Эстелле было безразлично, кто и что о ней

подумает. Она убила Данте. У неё был шанс спасти ему жизнь, но она неправильно сварила зелье, и теперь его больше нет. И её тоже больше нет. Ничего не осталось. Душа её умерла вместе с Данте, и в груди теперь кровоточила огромная рана.

— Данте, заberi меня с собой, — хрипела девушка, прижимаясь губами к его ещё тёплым губам. — Пожалуйста... я не смогу жить без тебя... Не оставляй меня одну, я хочу к тебе... Она рыдала, кричала, гладила Данте по лицу, перебирала его волосы, но всё было напрасно. Вдруг кто-то схватил девушку за талию. Эстелла уцепилась обеими руками за Данте. — Нет... Данте... Данте... — Вставайте! — приказал один из палачей. — Оставьте нас в покое, — прошипела Эстелла. — Вы уже сделали всё, что хотели, вы забрали его у меня, проклятые убийцы! Вы не давали нам спокойно жить, дайте хотя бы спокойно умереть. — Ну сейчас ты у меня схлопочешь! — завопил голос Роксаны. Эстеллу, приподняв за волосы, протащили по земле. Упав, она ударилась о булыжники. Перед глазами всё плыло от слёз, воздух в лёгких отсутствовал, а грудь болела так, будто её разрубили топором. Скорей бы умереть, уйти вслед за Данте и больше не страдать. Но, похоже, этот день был лишь началом её мучений. — Ты, грязная подстилка! — громко рывкнула Роксана. От злости она забыла, что вокруг стоят люди. — Значит, хочешь сдохнуть вместе со своим пастухом? Прекрасно! Сдыхай, но сначала я разукрашу твою рожу! Ты мне заплатишь за позор, которому подвергла всю семью! Будь проклят тот день, когда ты родилась, скотина! На Эстеллу посыпался град ударов. Роксана била её руками и таскала за волосы. Девушка не сопротивлялась, ожидая конца. Сейчас мать её убьёт, и они с Данте опять будут вместе. Скорей бы. Раздалось хлопанье крыльев. Народ завизжал, когда на голову Роксане села большая птица. Это была Янгус. Она вцепилась крючковатыми когтями женщине в волосы и стала долбить её клювом прямо в затылок. — Уйди, тварь! Уйди прочь! — Роксана попятилась, смахивая птицу с себя, наступила на подол и шмякнулась на каменное покрытие Пласа де Пьедрас. Янгус, злобно шипя, ухватила её за пальцы и проклевала их до крови; защёлкала острым клювом, целясь Роксане в глаза. Стоял гвалт — народ гудел, с воодушевлением глядя на представление. Прибежали Арсиеро и двое роксаниных слуг. Один из них согнал Янгус с Роксаны, ударив птицу хлыстом. Промахнулся. Янгус взвилась к облакам, засыпав его голову чёрными и алыми перьями, с шумом пролетела над толпой и приземлилась рядом с Данте. Завопив, растопырила крылья, точно пыталась укрыть ими своего хозяина. Роксана отряхнулась и подошла к Эстелле, которая всё лежала на голых камнях. Пнула её ногой. Но Арсиеро удержал супругу от дальнейших действий. — Вы что делаете? Ну-ка прекратите! Что за беспредел? — заорал он. — Не смейте указывать что мне делать со своей дочерью! Я её родила, она моя собственность! Захочу убью, захочу побрею наголо, захочу отрублю ей уши, как свинье! — у Роксаны глаза чуть из орбит не вываливались, но Арсиеро впервые в жизни проявил характер, приказав слугам отвезти супругу домой. Хотя Роксана упиралась, мужчины усадили её в экипаж, и тот умчал всех троих в неизвестном направлении. Арсиеро приподнял Эстеллу. Она кое-как села, обхватив себя руками за колени. Девушка была вся в ссадинах и в крови, но чья это кровь, её или Данте, понять было невозможно. — Вы можете встать? — спросил Арсиеро. — Ухватитесь за меня и пойдёмте домой. Эстелла взглянула на отчима с такой ненавистью, что тот поневоле отшатнулся.

— Я. Никуда. С вами. Не пойду, — выговорила она отрывисто. — Не трогайте меня Убийца! Идите к чёрту! — Эстелла повысила голос так, чтобы её слышали зеваки. — Вы все отныне для меня не существуете! Все, абсолютно все, кто здесь находится, убийцы и

сообщники убийц! Вы молчите, вы позволяете этим извергам убивать невинных людей! — она покосилась на Арсиеро, а потом и на падре Антонио, и на судей в серых мантиях, и на стрелков. — Вы здороваетесь с ними и принимаете их в своих домах, зная, что руки их испачканы чужой кровью. Отныне никто мне не в указ! Никому я не буду подчиняться! Убирайтесь все прочь от меня! — Эстелла кое-как поднялась на ноги и доковыляла до Данте, но...

— Не пускайте её! — приказал Арсиеро палачам. Те не могли ослушаться главу города и преградили Эстелле путь, направив на неё арбалеты. — Что, хотите и меня застрелить? Давайте! — выкрикнула Эстелла. — Так, всё, хватит устраивать этот балаган! — выкрутив Эстелле руки, Арсиеро взвалил её себе на плечо и потащил. — Я не пойду! Никуда не пойду! Данте! Данте! Я хочу умереть вместе с Данте! — Сейчас же закройте рот! — Арсиеро был груб, как никогда. — Так позориться из-за бродяжки, когда вас ожидает чудесный жених. Как вам не стыдно? Как вы можете быть такой неблагодарной? Данте, тем временем, завернув в саван, погрузили на телегу. Янгус пристроилась на его грудь, и, как палачи не сгоняли её, это было бесполезно. Эстелла визжала, кусалась и вырывалась, но Арсиеро затолкнул её в ближайший экипаж. — Трогай! — приказал он кучеру. — Нет! Нет! Данте!!! Данте!!! — Замолчите вы, наконец, или нет? Забудьте о нём, он мёртв, а у вас через три месяца свадьба. Вы должны радоваться. Маурисио Рейес — прекрасная партия, да и он не знает о том, каким позором вы себя покрыли. Считай, вам повезло. Минут десять ехали молча. Эстелла, сжимая кулаки, глядела в потолок. В её израненном сердце кипела жгучая ненависть ко всем людям, что так безжалостно растоптали её любовь. Нет, домой она не вернётся. Снова видеть наглые физиономии матери, Мисолины, Хорхелины, Арсиеро... Они все будут ликовать, насмехаться над её горем. Прав был Данте, прав абсолютно, когда говорил, что все люди твари. Нет, она не поедет домой! Когда экипаж поравнялся с Авенида де Лухо и слегка успокоенный Арсиеро отвлёкся на созерцание пейзажа, Эстелла решилась на отчаянный шаг. Распахнула дверцу и на полном ходу выпрыгнула из экипажа. — Эй! Вы что рехнулись? — крикнул Арсиеро. Кучер натянул вожжи, и экипаж остановился. Эстелла упала на землю, но даже боли не почувствовала. Тут же вскочила и побежала по дороге. Не важно куда, лишь бы подальше отсюда. Данте... Данте... Они его убили! Отняли у неё человека, который составлял смысл её жизни. Мерзкие скоты! Боль в груди оглушила девушку. Размазывая слёзы по лицу, Эстелла неслась куда глаза глядят. Мимо ехали экипажи и кареты, мелькали дома и магазины, шли прохожие, одна улица сменяла другую, но Эстелла ничего не видела. Наконец, силы её иссякли. Она привалилась спиной к дереву и сползла прямо на землю. Данте... Данте... его больше нет. Она не смогла его спасти. Какая же она дура! Чем подкупать конвой, лучше бы она подкупила каких-нибудь бандитов, чтобы те выкрали Данте по дороге на площадь. Надо было помочь ему сбежать, а не варить этот идиотский эликсир. — За что? За что?! — выкрикнула девушка, молотя кулаками по стволу дерева. — Почему они отняли его у меня? Данте, вернись ко мне! Почему ты оставил меня одну? Как же так? Ты же обещал, что мы будем вместе всю жизнь... Долго она плакала и кричала, лежа на земле. В мозгу стоял туман, и Эстелла не имела представления, где она находится. Вся дрожа, приподнялась. Огляделась по сторонам. Увидела табличку на углу одного из домов: «Баррьо де Грана». Это название ничего Эстелле не говорило, и она не обратила внимания, что улица выглядит своеобразно.

Все фонари в округе были красные, как и окна в домах. Повсюду бродили толпы вульгарно размалёванных женщин, одетых в пёстрые, едва ли не клоунские наряды.

Эстелла закрыла лицо руками и, тихонько раскачиваясь вперёд-назад, заскулила. Так прошло ещё некоторое время. Вдруг кто-то схватил её за плечо. Эстелла отняла руки от заплаканного лица. Перед ней стоял бородатый мужчина. — Пойдём, крошка? — спросил он. — Что? — не поняла Эстелла. — Пойдём со мной. Эстелла тупо на него уставилась. — Я вас не понимаю. — А-ха-ха! Смотрите-ка, шлюха строит из себя монашку! А ну-ка пошли, кому сказал! — мужчина, протянув руку, схватил Эстеллу за грудь. — Вы что себе позволяете? — взвизгнула Эстелла, резко отпихнув его. — Я сейчас жандармов позову! — А козочка-то ретивая попалась. Ну я люблю таких обламывать! — с этими словами бородач долбанув Эстеллу лапищей по лицу так, что она упала ничком на землю, выкрутил ей руки и поволок за собой. — Пустите! Отпустите немедленно! Помогите, на помощь! Люди! Люди! — вопила Эстелла во всё горло, но никто не реагировал. В Баррьо де Грана, районе красных фонарей, это было обычным явлением: девиц частенько били и таскали за волосы прямо среди улицы и никто за них не вступался — такова участь проститутки. Наверняка бородач принял Эстеллу за одну из них, ибо был в хлам пьян — перегаром от него несло за версту. Открыв ближайшую дверь, он впихнул туда Эстеллу. Это оказался прокуренный кабак. Минувя холл, они вломились в туалет. — Раздевайся! — приказал мужчина. — Ах, ты, грязная свинья, выпусти меня сейчас же! — Ну раз ты сопротивляешься, сегодня поработаешь бесплатно. Мужчина принялся снимать с неё платье. Эстелла кусалась и царапала его ногтями, но насильник вплотную прижал её к стене, и девушка никак не могла вырваться. За спиной у Эстеллы находилось зеркало. Терять ей было нечего, и она со всей одури стукнула по нему кулаком, разбив вдребезги. — Какая темпераментная шлюшка! — волосатые руки мужчины забрались под её юбку, и он принялся лапать Эстеллу за бедра, стягивая панталоны. Эстелла подняла голову вверх. Взгляд её зацепился за длинный кусок зеркала. Она схватила его рукой. Острые края глубоко врезались в ладонь. Полилась кровь, но боли она не ощутила. Эстелла потянула осколок, хрустнув, он отломился от рамы. В этот момент бородач расстегнул штаны. — Ну-ка, доставь мне удовольствие, детка. — Непременно, — и Эстелла полоснула мужчину осколком. — Ах, ты, сука! — извиваясь и корчась, он повалился навзничь и завопил, держа руками ширинку. Окровавленная стекляшка осталась у Эстеллы в руке. — Таким, как ты, размножаться не следует, — грубо выдала девушка. Перед глазами её летали звёзды и возникло страстное, безумное желание кого-нибудь убить. — Надеюсь, ты сдохнешь, животное, — отбросив стекляшку, Эстелла ринулась прочь. Выйдя на улицу, она решила убежать отсюда от греха подальше, ибо до неё начало доходить, что попала она в дурное место — порядочные женщины по этой улице не ходят. Кровь из ладони хлестала ручьём. Эстелла кое-как перемотала руку кружевным платочком и, прижимая её к себе, помчалась дальше. Она миновала кабак, таверну, казино, заведение под названием ««Фламинго» — дом наслаждений», и, наконец, Баррьо де Грана остался позади. Эстелла шла и шла, и в результате выбралась за окраину. Впереди — только глухой лес. С этой стороны Ферре де Кастильо она не была никогда. Заходящее солнце расцветило горизонт фиолетово-огненными мазками, будто нерадивый художник опрокинул на холст свои краски. Поблуждав ещё немного, Эстелла наткнулась на озерцо, заросшее камышами и кувшинками, добрела до него и рухнула лицом в воду. Она вспомнила их с Данте излюбленный берег реки. Там, детьми, сидя на брёвнышке, они болтали ногами в воде. И тот берег, где недавно они занимались любовью. Восхитительное наслаждение тогда она испытала. Но отныне никогда этого не будет, потому что Данте у неё больше нет.

Воя, Эстелла заколотила руками по воде, устроив настоящую бурю из брызг.

Землю накрыла ночь. Темнота стояла хоть глаза выколи. Сегодня не было ни звёзд, ни месяца — их заволокло тучами. Небо словно надело вдовий чепец. Начал накрапывать мелкий дождик, постепенно превратившийся в ливень, а Эстелла не могла встать и идти куда-то. Она лежала в воде, промокшая до нитки, в грязи и в крови, и ей было всё равно. — Данте, — взмолилась она, — умоляю, заberi меня к себе... Услышь меня, мой родной... Я хочу быть с тобой... Я хочу умереть... Вдруг раздался шорох. Захрустели старые листья и сучки под чьими-то шагами. Некто проломился сквозь камыши и остановился. В лицо Эстелле упал свет фонаря. — Эй, вы живы? Что с вами? Вам плохо? — спросил приятный женский голос. Эстелла не сразу сообразила, что обращаются к ней. — Зачем вы тут лежите? Такой ливень, вы же простудитесь! — незнакомка, поставив фонарь за землю, присела на корточки с Эстеллой рядом. — Я хочу умереть, — пролепетала Эстелла. — Вот ещё, глупость какая! Давайте-ка вставайте и пойдёмте со мной. — Куда? — Есть тут одно местечко, — подцепив Эстеллу под локти, женщина приподняла её. Эстелле было всё безразлично. Незнакомка взяла фонарь и, приобняв девушку за плечи, повела её за собой. Минут через десять они вышли на маленькую улочку, тускло освещённую фонарями. Спутница Эстеллы оказалась молода и хороша собой. Одета она была в чёрный балахон с капюшоном, из-под которого выглядывали ярко-каштановые локоны. — Как вас зовут? — глухо спросила Эстелла. — Инес. А вас? — Эстелла. А вы всегда всем помогаете? — О, нет! Но, очевидно, вы попали в беду. Не могла ж я вас оставить в озере под дождём. — А куда мы идём? — А мы, собственно, уже пришли. Вот сюда, — Инес остановилась напротив небольшого квадратного здания, на крыше которого высился крест. Эстелла прочитала надпись на ограде: «Монастырь Пресвятой Девы Луханской». — Монастырь? Вы монахиня? — Разумеется нет! — рассмеялась Инес. — И даже не послушница. Скорее, заблудшая овца, которую приютили сердобольные монашки. Матушка Настоятельница — суший ангел, сами увидите. Впервые я встретила добрых людей именно здесь. До этого встречала только злых уродов, — и Инес дёрнула медный колокольчик, что висел у двери.

Эстелла отупело разглядывала стену. Келья в «Монастыре Пресвятой Девы Луханской» — комнатка с серыми стенами, крестом над изголовьем кровати и маленькой тумбочкой в углу, вот уже третий день кряду была её единственным убежищем, спасающим от холодного безразличия внешнего мира. Безразличия к её горю. Чем больше проходило часов и дней, тем более несчастной чувствовала себя Эстелла. Неправду говорят, что время лечит. Может кого-то, но не её. За эти дни боль от потери Данте стала острее в разы. Тогда, после казни, шок затмил собой часть боли, но теперь осознание того, что любимого её нет больше на свете, накрыло Эстеллу гигантской волной. Всё время она лежала или сидела, глядя в потолок, и, как добрые монашки и аббатиса [1] матушка Грасиэла не пытались найти к Эстелле подход, та за три дня проронила лишь пару слов. В итоге, женщины смирились и нынче не настаивали на задушевных беседах. Эстелле же было так больно, что она даже благодарности к монахиням не испытывала. Обручальное колечко на пальце не светилося — оно было черно и мертво. Умерло вместе с Данте. Эстелла первые сутки смотрела на колечко в надежде, что оно заискрится, что вдруг Данте каким-то чудом воскреснет. Эстелла цеплялась за эту несбыточную надежду, но кольцо не подавало признаков жизни. И Эстелла, рыдая навзрыд, окончательно поняла страшную истину. Это всё. Это конец. Нет больше её Данте. Не в силах смотреть на кольцо, Эстелла, сняв его, закрыла в медальон с кулоном в виде цветка монарды. Легче не стало, но теперь кольцо хотя бы не мозолило ей глаза.

Инес, новая знакомая Эстеллы, оказалась на редкость общительной. Она приходила в эстеллину келью по несколько раз на дню, отвлекая девушку болтовнёй. Эстелле она виделась слегка грубоватой, но забавной. Инес не обладала утончёнными манерами аристократки, хотя у неё был приятный, вкрадчивый голос. Она рассказывала интересные истории, а также жаловалась, что монашки запрещают ей курить в стенах монастыря. На второй же день знакомства Инес вывалила Эстелле всю историю своей жизни.

У Эстеллы не было сил удивляться или проявлять какие-то иные эмоции, и, в другое время, от пошловатой откровенности Инес она впала бы в ступор. Но сейчас Эстелле было наплевать на всё, кроме собственной боли, и она только молча слушала. А Инес не затыкалась ни на секунду. Происходила она из семьи мещан. Отец её — писарь, служивший в Городском Совете Кабильдо. Мать — домохозяйка, всю жизнь мечтавшая стать богатой, но вышедшая замуж за простого «бумажного червя», и в связи с чем несчастная, завистливая и озлобленная на весь мир мать четверых детей. Инес была младшей. Три её старших брата жили отдельно и имели собственные семьи. Она же обитала под родительским крылышком, мечтая об удачном замужестве, пока не влюбилась в молодого контрабандиста. Они встречались тайком несколько месяцев, и девушка забеременела. Но создание семьи в планы кавалера Инес не входило. Он потребовал, чтобы она вытравила плод. Инес отказалась, и кавалер её бесследно исчез, будто в воздухе растворился. Когда родители девушки узнали об этом, произошёл скандал. Отец кричал и избил её так, что она потеряла ребёнка. Но беда одна не приходит, и вскоре отец Инес был уволен с работы за подлог документов. Семья оказалась на мели. У матери Инес открылась подагра [2], коя навечно приковала её к постели. И тогда отцу стукнул в голову блестящий, по его мнению, замысел — сделать из Инес куртизанку, кокотку высшего полёта. Дамы полусвета, как их именовали: кокотки, элитные проститутки, актрисы, живя на содержании у очень богатых мужчин, буквально купались в деньгах, обеспечивая и себя, и свои семьи. Отец Инес загорелся этой идеей, мотивируя тем, что раз Инес не девственница, то замуж приличный человек её не возьмёт, зато могут взять в содержанки. Тем самым она, хоть и не восстановит поруганную честь, но вытащит семью из нищеты. Инес впала в истерику, отец стоял на своём, а обездвиженная мать была бессильна ему помешать. И он продал Инес похотливому богачу за четыре кошелёка золота. — А потом этот хрыч заявил, будто бы у меня нет шансов стать кокоткой, — Инес хрипло рассмеялась, закидывая ногу на ногу, — потому что у меня нету этих, как их... хороших манер, вот. А у кокотки должны быть манеры, как у фифы. А я, видите ли, локти на стол кладу и ногу на ногу, грызу ногти да выражаюсь, как пьяный мясник. Это правда, ну чего ж я сделаю, если я с детства водилась с мальчишками, а девок на дух не выношу и не выносила всю жизнь. Короче, козла того я поублажала с месяц примерно, а потом я ему надоела и он сплавил меня в бордель. Когда мать и отец узнали об этом, они разозлились и заявили, что я им больше не дочь. Нормально, да? Папашка-то ведь хотел, чтоб я не в бордель пошла, а жила на содержании у миллионеров, а в борделе там никто не шикует особо, кроме клиентов. Вот так вот я попала во «Фламинго», заведение доньи Нэлы. Не, я не жалуюсь, могло ж ведь и хуже быть, там престижное заведение-то. А донья Нэла строгая, чёрт её дери. Любит, чтоб все по одной доске у ней ходили. — Но почему ты осталась в борделе? — тихо спросила Эстелла. — Неужели нельзя было куда-то в другое место пойти? — А куда я могла пойти-то без гроша в кармане? — хмыкнула Инес. — Прачкой работать али поломойкой? Ну вот ещё! Ежели б домой припёрлась, так папаня всё равно продал бы меня другому хрычу. Он до денежек падок, только заработать их никак не в

состоянии. Так какая мне разница была, под кого ложиться? А донья Нэла девочек своих в обиду не даёт. Вот я и осталась.

Эстелла повела плечами, подумав, что влипни она в такую историю, она бы предпочла умереть или ушла бы на улицу, да куда угодно, но только не в бордель. Никогда она не понимала женщин, которые шли на это добровольно. Лучше уж устроиться прислугой в богатый дом, чем быть проституткой.

— А как ты оказалась в монастыре? — продолжила разговор Эстелла. — О-ох, это долгая история. Работала я в борделе, значит, несколько лет работала, никого не трогала. Но год назад повадился ходить ко мне один постоянный клиент. Симпатичный мальчик, молодой, но бедный. Годков восемнадцать. Мне-то уж двадцать пять, поэтому меня смешат такие сопли с их романтическими бреднями. Короче, запал он на меня, — Инес захихикала. — Представь себе, говорит: люблю, не могу. Даже предлагал меня забрать из борделя и убежать со мной куда-нибудь. Не, ну понятно, я-то смогу жить нормальной жизнью, ежели уеду в другое место. В этом-то городишке мне дорога повсюду заказана. Такие как я, мы ж не можем даже ходить везде, где хочется, и когда хочется. Да только зачем мне куда-то бежать, ежели мне неохота? Мне и тут неплохо. Бывает, клиенты попадаются разные, и дураки приходят, куда без них, но у нас там даже охрана есть. Донья Нэла обо всём позаботилась. Ну так вот, послала я этого мальчика куда подальше, и он мне сказал: ах, так, ну тогда я женюсь на порядочной и забуду про тебя. Ну и скатертью дорога, женился он на какой-то святоше. Представь себе, и это после того, как побегал по шлюхам, — Инес, запрокинув голову, зашлась грубым хохотом. — А месяца два спустя гляжу, опять толчётся у моего порога. Доступ к телу жёнки запрещён, она ж правильная. А Инес чего, её можно и так, и сяк. Вот и пришёл обратно. Всё бы ничего, но тут угораздило меня опять залететь. Донья Нэла, когда узнала, разозлилась так прям жуть. Она терпеть не может беременных. Короче, сказала мне, чтоб я искала папашу ребёнку, требовала с него денег и место, где жить, а потом убиралась по-добру, по-здорову из её заведения. Знаешь, а я ж ведь не могла бы сказать кто папаша-то. — Почему? — удивилась Эстелла. — Разве ты не знаешь, с кем у тебя было.... была связь? — А как знать-то? Ежели у меня за ночь по несколько клиентов бывает. Ну, представь себе, я принимаю в ночь их одного за другим, потом выясняю, что залетела. От кого? Поди разбери! Ну я подумала тогда и решила пойти к тому, который триндел, что любит меня. Пришла прям к нему домой и сказала, что ребёнок у меня от него, — Инес опять заржала, скаля белые зубы. — Но он ведь не поверил. Я-то думала, он совсем наивный, да промахнулась чуток. А потом выперлась его жена, начала орать, и я ушла. Ну мы после ещё несколько раз с ним встречались. Но тут советчик у него отыскался, чтоб его. Он сказал, будто брат ему посоветовал мне сказать, чтоб я от ребёнка избавилась. Я, кстати, того братца-то видала. Красивый чёрт, глаз не оторвать, но сука та ещё. Он редко к нам захаживал, но девки все от него млели прям. Эстелла напряглась. Сердце заколотилось быстро-быстро. — Ничего, если я покурю, пока монашки не видят? — Инес вынула сигариллу из кармана простого коричневатого платица, что было на ней надето. — Ничего. А как зовут того мужчину, что в тебя влюбился? — дрожащим голосом спросила Эстелла. — Клементе. А что? Эстелла, всхлипнув, закрыла лицо руками. — Нет, этого не может быть... таких совпадений не бывает, — забормотала она. — Чего это с тобой? — изумилась Инес. — Просто... просто я знаю эту историю. И я знаю Клементе. Он... он брат моего мужа. — Твоего мужа? — Инес закашлялась. — У тебя есть муж, детка? — Больше нет, — Эстелла кусала губы. — Его звали Данте. Это он посоветовал Клему тебе не верить. Но Данте... мой

Данте умер. Три дня назад. Наступила тишина. Похоже, Инес была шокирована. — Как умер? Данте умер? — Угу... — уронив голову на руки, Эстелла разрыдалась в голос. — Но... он же совсем мальчик ещё... От чего же он умер? Как он мог умереть? — Его убили... Снова молчание.

— Теперь я всё поняла, — задумчиво сказала Инес. — Когда я спрашивала Клема, почему к нам больше не заходит его брат, он сказал, что тот женился. Значит, ты и есть та самая его жена? Ну надо же, чего только не бывает в жизни! Значит, поэтому ты была в таком состоянии? Мы, получается, с тобой встретились в день его смерти, вот оно что! Ты очень его любила, да?

— Очень, и он меня... мы любили друг друга, любили до безумия, но у меня его отняли... — прошептала Эстелла. — Ну, ты это, не расстраивайся. Ты ж молодая ещё, вся жизнь впереди, — сочувственно произнесла Инес. Эстелла взглянула на неё с яростью. — Не говори мне этого! Мне не нужна жалость! И не хочу я слушать соболезнования! Мне это не поможет! — она скрипнула зубами, утирая слёзы. — Я больше не хочу об этом говорить, если я буду об этом говорить, я умру прямо сейчас. Ты мне так и не объяснила, как ты оказалась здесь? Ты всё ещё беременна? — О, нет! — Инес удержала смех. — Я разозлилась на Клема, но потом решила, что он прав. И Данте твой был прав. Никому из нас не нужен этот ребёнок, это лишь головная боль. Да и что бы я делала одна, с пузом, без гроша в кармане? Я сказала донье Нэле, что у меня был выкидыш, сама пошла в аптеку и купила там специальную траву. И всё бы ничего, да вот только жандармы каким-то образом об этом узнали. — В смысле? — Ну, аптекарь не ведь продавать такие штуки, которые провоцируют выкидыш, это преступление, за это ж в тюрьму сажают. А он продаёт из-под полы. Выгодно это. Ежели б он этого не делал, даже мы, проститутки, все были бы вечно беременны, что уж говорить о неопытных девицах. Так вот, жандармы устроили облаву на аптеку в тот момент, когда я купила эту траву. Я оттуда дёру дала, а аптекарь меня подставил. Сам выкрутился, гад, а меня заложил: дескать, я его обманула, что не для тех целей траву покупаю. Жандармы нагрянули в бордель, чтоб меня арестовать, а я удрала в окно. С тех пор прячусь. Вот, случайно дотопала до монастыря и монашки меня приютили, потому что я была голодна и слегка больна после выкидыша. Они меня выходили, и я тут осталась. Чего делать дальше, пока не знаю. — Как ни крути, а законы у нас тупые, — возмутилась Эстелла. — Не понимаю, какая им разница? Тело женщины — её собственность. — Церковники так не считают, — Инес сморщилась. — Говорят, будто тело женщины становится общественным и уже ей не принадлежит после того, как она беременеет. В ответ Эстелла фыркнула. — Я бы сделала тоже самое, что и ты, — добавила она. — Я считаю, каждая женщина сама вправе решать, что ей делать с собственным телом, и когда и в какое время ей заводить или не заводить ребёнка. И пусть бы меня посадили за это в тюрьму! Я бы плюнула в лицо тому, кто посмел бы это сделать. Все эти церковники — лжецы и убийцы. Ненавижу их! Они улыбаются тебе в лицо, говорят о святости и грехах, а сами вонзают нож в спину. И руки у них в крови невинных людей. Вот кого надо пытать и сажать в тюрьму, и гноить их там, а не несчастных, попавших в беду женщин. Чтоб эти святоши все подошли! Инес смотрела на Эстеллу с разинутым ртом. — Ты ж, видать сразу, аристократка, значит, правильная. Никогда не слыхала от приличной женщины такие речи. — Потому что я такая же, как Данте. Мы с ним одинаковые. Я неправильная с точки зрения нормального общества. Я никогда не мечтала стать рабыней в собственной семье, у нас с Данте было равноправие. Я хотела учиться. И он меня поддерживал. Поэтому мы

нашли друг друга, мы понимали друг друга. Поэтому я хочу умереть вслед за ним. От меня осталась только оболочка. Я могу говорить, ходить, что-то делать, но я мертва. Он был для меня всем: моим миром, моей душой, моей кожей. А теперь у меня больше нет ничего. Лишь боль и ненависть к тем, кто его убил. Будь они прокляты! Инес курила сигариллу за сигариллой. Эстелла погрузилась в свои нелёгкие думы, а потом вдруг очнулась и спросила: — А тебя разве не Лус зовут? Когда Данте рассказывал мне вашу историю с Клемом, он называл имя Лус. Это не ты?

Инес опять засмеялась.

— Предпочитаю забыть об этом имени. Как Лус меня знают во «Фламинго», как Лус меня знает весь город, включая моих родителей. И жандармы ищут Лус. Поэтому сейчас я предпочитаю называться вымышленным именем. — Ясно. А что ты намерена делать дальше? — Понятия не имею, — Лус-Инес почесала голову, ероша кудрявые волосы. — У меня не жизнь, а полное дерьмо. Я подумываю сбежать отсюда к чертям туда, где меня никто не знает. А ты? Ты-то чего будешь делать, решила уже? — Да. Да! — Эстелла подняла голову. Глаза её сверкнули каким-то фанатичным огнём. — Если бы я могла, я бы себя убила. Но я надеюсь встретиться с моим Данте в другом мире, за гранью добра и зла, где бы это ни было. Но домой я не вернусь. Не хочу видеть их премерзкие рожи. Думаю, единственный здравый выход — остаться тут. Я приму постриг в этом монастыре. Я хочу стать монахиней! Комментарий к Глава 43. Разбитое сердце —————

[1] Аббатиса — настоятельница женского монастыря (аббатства) в католичестве.

[2] Подагра — заболевание конечностей, острая форма артрита, выражающаяся резкой болью, опухолью конечностей и суставов и неспособностью двигаться.

===== Глава 44. Цирк приехал =====

Хотя Лус и не разделяла желания Эстеллы уйти в монастырь, она не стала её разубеждать. Эстелла же дальнейшей жизни, жизни светской, полной утех и веселья, без Данте не представляла. Балы, театры, наряды, прогулки верхом — всё кануло для неё в лету. Ей хотелось спрятаться, зарыться в норку и никогда, никогда не выходить оттуда.

Спустя неделю безвылазного сидения в келье, Эстелла решила выйти, дабы поговорить с аббатисой.

Мадре Грасиэла — статная женщина с красивым лицом, немного подпорченным оспой, оказалась человеком мудрым и справедливым. Она внимательно выслушала Эстеллу, после чего объяснила ей: чтобы стать монахиней, необходимо пройти через несколько этапов. Сначала Эстелла должна будет жить в монастыре, подчиняясь его распорядку и выполняя те или иные поручения аббатисы. Но в этот период она, если захочет, сможет вернуться к мирской жизни. Когда же аббатиса убедится в серьёзности её намерений, она напишет прошение епископу, и тот должен будет выслать подтверждение, что разрешает девушке стать послушницей. Период послушания продлится вплоть до нескольких лет, но и тогда Эстелла всё ещё сможет уйти обратно в мир. И последний этап — постриг. Если Эстелла пройдёт два первых этапа и примет-таки обет, назад дороги уже не будет. Она не сможет снять монашеское облачение, ибо измена Богу — это огромный грех.

— Пойми, девочка, — сказала мадре ласково, — уход в монастырь — это очень ответственный шаг. Принимают постриг, когда искренне желают служить Господу, а не для того, чтобы спрятаться от кого-то или чего-то, что мешает жить в миру. Ты должна будешь отречься от своей семьи, от своих убеждений, от любых мятежных чувств и мыслей. Ты посвятишь себя только служению Господу, ему ты станешь невестой и будешь верна до

последнего вздоха. Монастырь — не райский оазис, не соломинка для утопающего, это путь, который человек выбирает осознанно, следуя ему умом, душой и телом и не допуская иного. Пока я не вижу в тебе ни глубокой веры, ни призвания, вижу лишь желание спрятаться от невзгод. И до тех пор, пока я не увижу искреннего желания служить Господу в твоих глазах, ты не станешь даже послушницей. Но если ты хочешь испытать себя, я позволю тебе жить в монастыре, подчиняясь его распорядку и моей воле, как и прочие его обитатели. Ты будешь присматриваться к монашеской жизни, изучать её со стороны. И лишь после этого тебе может быть дозволено проникнуть в неё глубже, стать её частью.

Эстелла не думала, что всё так сложно. Она была уверена, что станет монахиней дня за три. Подобная спешка была обусловлена не только горем девушки. К нему примешивался и страх, страх, что её найдут и силой вернут домой до того, как она примет постриг. И тут madre буквально сломала её планы, заявив, что на это нужно несколько лет. Итак, монашкой ей не быть. Она просто не успеет — мать землю перевернёт, а найдёт её, дабы выдать замуж за Маурисио Рейеса. Аббатисе о своих страхах Эстелла не сказала (навряд-ли та бы это оценила) и покинула её кабинет с тяжёлым сердцем.

Наступил сентябрь. Холодный и дождливый. Солнце за два месяца нахождения Эстеллы в монастыре выглянуло из-за тучек лишь единожды. Но такая погода вполне соответствовала её душевному состоянию. Наверное, природа тоже в трауре.

Эстелла вставала ни свет, ни заря и вместе с монашками и послушницами молилась, постилась, ковырялась в саду, что раскинулся вокруг монастыря, готовила еду и перестилала кровати, штопала и ухаживала за больными и бездомными. Нравилась ли ей такая жизнь? Эстелла не задумывалась об этом. Ей было всё равно. Монотонный труд с утра до ночи позволял не думать, отвлечься от душевной боли. Она старалась всё время быть на виду, беседовала с монашками и аббатисой, с Инес и послушницами, но, как только наступала ночь и Эстелла оказывалась в своей одинокой келье, она кусала зубами подушку, стараясь не кричать, и вспоминала Данте. Как наяву слышала его голос и ощущала нежные поцелуи, прикосновение его кожи к своей, запах мяты, исходящий от его волос, такой любимый, такой родной...

Ни на секунточку Данте не покидал её мыслей. Иногда снился, живой и здоровый. Улыбаясь, обнимал её, гладил по щеке и заправлял локон ей за ушко своими тонкими пальцами. А потом Эстелла видела, как он умирает у неё на руках с окровавленной грудью и широко распахнутыми глазами. Этот взгляд. Он будет преследовать её долгие годы, до конца её дней. Где бы она не находилась, что бы не делала, Эстелла видела синие глаза, мёртвые и неподвижные. Как же она обожала эти глаза, когда они были наполнены жизнью, светом и любовью! Эстелла просыпалась, дрожа как в лихорадке. Ломала руки. Шёпотом звала Данте, впиваясь ногтями в стену, но всё было напрасно. Не услышит он никогда ни её мольбы, ни её рыдания.

В конце концов, Эстелла поняла: и монастырь не даёт ей успокоения. Всё бесполезно. Данте впитался в её кожу, в её мозг. И рана в груди не затягивалась — кровь так и хлестала из неё ручьём.

Так Эстелла жила день за днём, неделя за неделей, пока не грянул очередной гром.

Одним серым днём, похожим как две капли воды на предыдущие, Эстелла, сидя в келье, вышивала икону Святого Доминика. Когда аббатиса узнала, что девушка умеет вышивать и разглядела её работы, придя от них в восторг, она поручила Эстелле вышивать иконы да церковные облачения. Сейчас пред Эстеллой находилась оригинальная икона, изображение

с которой она и пыталась перенести на ткань с помощью тонюсенькой иголки и золотых и серебряных нитей. Эстелла вышивала Святого Доминика уже четвёртый день. Сегодня она закончила работу над его одеждой и волосами и приступила непосредственно к лицу. Тут-то и возникли проблемы. Нет, лица вышивать она умела прекрасно, да только выходил у неё не Доминик. Эстелла уже дважды вспарывала вышивку, ибо лик Святого почему-то упорно напоминал лицо Данте. Вот и опять, вышивая глаза, она непроизвольно приподняла их кончики вверх, а подбородок сделала тонким, чуть заострённым.

В келью зашла сестра Рита — молодая монахиня, смешливая, симпатичная, с ямочками на щеках. Несколько минут она с любопытством разглядывала эстеллину работу, потом сказала:

— Очень красиво вы вышиваете, только, мне кажется, эээ... как-то он на Доминика-то не шибко похож. У того глаза-то круглые.

Эстелла вздохнула, бессильно уронив руки с вышивкой на колени.

— Ничего не получается сегодня. Уже дважды переделывала, и всё равно выходит не то.

— Да отдохните чуток, — участливо сказала сестра Рита. — Это ж ведь не к спеху, а вы вышиваете так, будто завтра сюда епископ нагрянет да станет разглядывать ваши иконы. Я чего пришла-то? Там мадре вас просит к ней зайти.

— Что-то случилось?

— Да не знаю я, — потупилась сестра Рита. — Мне не докладывает она. Просто позвала вас.

— Хорошо, я приду сейчас.

Сестра Рита ушла, и минутой спустя Эстелла последовала за ней.

Монастырь внутри представлял собой длинное помещение, по стенам которого было разбросано множество одинаковых дверей — келий монашек и послушниц. В конце здания находилась столовая, а сбоку к жилому помещению, как чужеродный нарост, прилепилась молельня — нечто вроде квадратного сарайчика с крестом на крыше.

Келья и рабочий кабинет аббатисы располагались в левом крыле монастыря. Чтобы туда попасть, надо было подняться по узенькой лесенке.

Эстелла, цепляясь за перила, вскарабкалась наверх и робко постучала в деревянную дверь.

— Войдите, — пригласила мадре Грасиэла.

— Можно, мадре? Вы меня звали?

Эстелла зашла внутрь, теряясь в догадках. И что же понадобилось настоятельнице? Может, нужно ещё какие-то иконы вышивать или, может, Эстелле позволят-таки стать послушницей? Но Эстелла увидела ответ мгновенно. Напротив дубового стола, за которым с горделивой осанкой восседала аббатиса, находилось мягкое кресло. В его недрах утопала Роксана. За её спиной стоял Арсиеро.

Побелев как смерть, Эстелла попятилась обратно к двери. Все трое уставились на неё.

— Заходи, детка. Я тебя вызвала, потому что к тебе родители приехали, — сказала аббатиса.

— Нет, нет, я не хочу... не хочу их видеть! Пусть они убираются! — Эстелла хотела убежать и не могла — от шока ноги приросли к полу. Губы Роксаны расплзлись в зловещей улыбке.

— Зачем ты так говоришь, дочка? — воскликнул Арсиеро. — Мы ведь желаем тебе только добра.

— Знаете, мадре, вы даже не представляете, как мы настрадались, — Роксана вдруг всхлипнула, прижимая к глазам надушенный кружевной платочек. — Мы уже два месяца ищем нашу девочку. Я уж было подумала, что её нет в живых.

— Эстелла, — укоризненно сказала аббатиса, — ты же мне говорила, что у тебя нет родственников. Зачем же было лгать? Твои родители так переживают за тебя. Какая же ты злая, неблагодарная дочь!

— Ох, не говорите так, матушка, о моей девочке! — пела Роксана приторно-страдальческим голосом. Эстелла с каждой секундой всё больше поражалась её коварству. Роксана без зазрения совести строила из себя ангелочка перед аббатисой. — Эстельита с детства заставляет нас так страдать, так страдать. Но я, как истинная христианка, всё прощаю ей, матушка. Она же моя дочь, и она не ведает, что творит. Ох, дело в том, что у моей доченьки расстройство головы. Матушка, понимаете, она всё время из дома бежит. Вот уже восемнадцать лет мы мучаемся. Даже пришлось поместить её в Жёлтый дом. А она и оттуда сбежала. И напрямик к вам. Ох, матушка, поверьте, ведь это так тяжело, когда твоя родная кровиночка сумасшедшая, прости меня, Господи. Бедная моя малютка... — Роксана, закрыв лицо руками, завывала, как раненный зверь.

— Ну что вы, успокойтесь, сеньора, — участливо сказала мадре Грасиэла, наливая из графина воду в стакан. — Выпейте водички. Если честно, ваш рассказ не укладывается у меня в голове. Девушка действительно показалась мне странной, но я подумала, что она попала в беду.

— Ох, нет, матушка, она может ввести в заблуждение кого угодно. Она больна. И она опасна. Она даже способна убить кого-нибудь, — добавила Роксана театральным шёпотом.

— Это враньё! — сквозь зубы проговорила Эстелла. Такую комедию мать ещё никогда не разыгрывала, по крайней мере, в её присутствии. — Она врёт! Не верьте ей, мадре! Моя мать — самый жестокий человек из всех, кого я знаю!

— Эстелла, побойся Бога! — возмутилась настоятельница. — Это же твоя мать! Грешно так говорить!

— Не надо... не надо, матушка, — плаксиво сказала Роксана. — Я уже привыкла. Она ни во что меня не ставит. Но доктор говорит, что это из-за её болезни. Вы понимаете, мы должны её забрать и поместить в Жёлтый дом, пока она снова не причинила кому-нибудь зла.

— Снова? — теперь мадре, налив воду себе, проглотила её залпом.

— О, да, матушка, у Эстеллиты бывают припадки. Тогда она бьётся головой о стенку и кричит. А ещё она бьёт свою сестру, однажды чуть не зарезала её кухонным ножом. Она ломает мебель, она рвёт на себе волосы и одежду, а как-то раз она хотела отравить всю нашу семью. Представляете, матушка, она подсыпала в ужин отраву для насекомых. Мы только чудом его не съели — служанка учуяла странный запах и сказала мне. После этого пришлось поместить Эстеллиту на лечение. Она буйно помешанная, она больна, — вдохновенно сочиняла Роксана. — Понимаете, матушка, мы ведь это скрываем, мы боимся огласки. Мой муж алькальд, он занимает высокое положение в обществе, а это такой скандал, такой скандал...

— Хватит на меня наговаривать! Вы не мать, вы чудовище! — Эстеллу всю трясло от ярости, но её слова никто не принимал всерьёз.

— Мы приехали, чтобы забрать Эстеллу отсюда, матушка, — объяснил Арсиеро.

— Я никуда с вами не поеду! Не поеду! — Эстелла начала орать. — Вы убийцы, мерзкие

убийцы!

— О, матушка, я больше не могу этого выносить! — Роксана, воя, хрустела пальцами. — Сил моих больше нет, я не могу это пережить! И мой муж тоже. Вы знаете, у меня слабое сердце, — в порыве вдохновения она приложила руку к левой стороне груди. — О, моё бедное сердце!

Сердце? Слабое сердце? У неё? У Роксаны? Если бы Эстелла была в состоянии, она бы захохотала в голос. Да мамаша её здоровее всех членов семьи вместе взятых!

— Но вы абсолютно уверены, что девушка больна? — спросила мадре

— Я вам клянусь! — перекрестилась Роксана. — Я ведь мать! Неужели вы думаете, что я буду наговаривать на здорового ребёнка? Но ситуация безвыходная.

— В таком случае, хорошо бы прямо сейчас отвезти девушку к доктору, — развела руками аббатиса.

— Я никуда не поеду с этими людьми! Они убийцы! — Эстелла, обретя способность двигаться, рванула дверную ручку. Бегом добежала до входа. Нет, нет, она не поедет домой! Лучше умереть.

Эстелла выскочила на улицу, но тут же попала в западню — у дверей монастыря стояло четверо мужчин с карабинами. Похоже, Роксана всё предусмотрела. Как только Эстелла скользнула за ворота, мужчины преградили ей путь, наставив на неё оружие. Эстелла кинулась обратно — хотела обежать монастырь и перелезть через забор с другой стороны, но тут появились мадре Грасиэла, Арсиеро и Роксана, и она напоролась прямо на них. Арсиеро схватил её в охапку.

— Нет, нет, пустите!!!

— Не кричите, вы в монастыре, а не на базаре! — одёрнул её отчим.

— Отпустите! Я никуда с вами не пойду! Убийцы, убийцы!! Вы убили Данте! Верните мне Данте! Я вас ненавижу, всех ненавижу! Данте... Данте...

— Вот видите, матушка, — жаловалась Роксана. — Какая же я несчастная, и за что Бог наказал меня, подарив такую ужасную дочь?

— Да будет вам, сеньора, — качала головой мадре, глядя на Эстеллу. Сейчас та и вправду напоминала умалишённую. — Что это за Данте, которого она зовёт?

— О, не обращайтесь внимания, матушка. Доктор говорит, это галлюцинации, она не понимает что несёт. Ей всё время что-то мерещится.

Роксана подошла к слугам.

— Свяжите её и посадите в экипаж, — распорядилась она и опять повернулась к аббатисе. — Вы же понимаете, матушка, она буйная. В Жёлтом доме её часто связывали, иначе она может покалечить себя или кого-то ещё. Я уже несколько лет наблюдаю эту картину. У неё постоянные припадки. Но ведь я же мать! Мне так тяжело! — и Роксана пустила слезу.

— Бедная девочка, — жалостливо произнесла аббатиса.

Тем временем, роксанины слуги связали Эстеллу верёвками. Замотали ей рот шарфом и впихнули её в экипаж. Эстелла не сумела вырваться. Ну что могла сделать одна хрупкая девушка против четырёх двухметровых мужланов?

Арсиеро и Роксана попрощались с аббатисой и тоже запрыгнули в экипаж. Эстеллу так крепко скрутили верёвками, что она не могла пошевелиться, только хлопала глазами, из которых лились горькие слёзы.

Экипаж тронулся в путь и монастырь вместе с его обитателями остался позади. Роксана,

тотчас прекратив изображать скорбящую мамашу, громко расхохоталась.

— Ну, как я? Похоже, во мне умерла актриса!

— Это уж точно, — печально сказал Арсиеро. — Вам не кажется, дорогая, что вы перегнули палку?

— А как, по-вашему, мы могли её оттуда забрать? Эта madre — препротивная особа, святая, что ты, фу-ты, ну-ты. Вот и пришлось устроить цирк. Ну, ты, дрянь, — обратилась Роксана к Эстелле, — игры закончились, усекла? Отныне ты будешь подчиняться мне во всём, или пеняй на себя!

Эстелла всю дорогу тупо смотрела в потолок, переваривая случившееся. Её мать натуральная змея. И самое неприятное, что Арсиеро даже не упрекнул Роксану за разыгранный перед аббатисой дешёвый фарс. Сейчас Эстелле казалось, будто голова и грудь её раскололись на тысячу кусочков. А экипаж всё ехал и ехал не останавливаясь, и несчастная девушка даже думать боялась о том, что ждёт её впереди.

С тех пор, как Эстелла вернулась домой, прошёл месяц, а настроение её не изменилось ни на йоту. Тоска по Данте жгла грудь огнём. Неделью девушка пролежала в постели, рыдала и звала Данте, не принимая пищу и ни с кем не разговаривая. Позже она увлеклась рисованием и следующие три недели только этим и занималась. Рисовала одно и то же — Данте, только Данте и никого и ничего кроме него. В фас и в профиль, в полный рост и крупным планом. Рисовала по памяти, воспроизводя мельчайшие детали: каждую линию, каждую чёрточку милого её сердцу лица. Когда-то она целовала это лицо, целовала чётко очерченные губы и тонкий профиль, брови-стрелы и круглую родинку на ключице, гладила шелковистые волосы...

Эстеллины родственники, на сей раз проявив единодушие к её скорой свадьбе с Маурисио Рейесом, занялись приготовлениями. Урсула, Либертад, Лупита и бабушка Берта изобретали экзотическое меню. Арсиеро и Эстебан выбирали официантов, мажордомов, кучеров и прочую службу; думали, где разместить гостей и какой лучше заказать оркестр для бала: из Буэнос-Айреса или из самого Парижа. Роксана с Хорхелиной подписывали бесконечные приглашения и наносили визиты всем почтенным семействам города. Лишь Мисолина ходила с кислым лицом и бездельничала. Эстелла же фактически не покидала своей комнаты, умудрившись со всеми разругаться. Когда Арсиеро, Эстебан и бабушка с Урсулой наперебой стали расхваливать Маурисио Рейеса и поздравлять её со свадьбой, она в грубой форме послала их вон.

За два дня до венчания в особняк явилась модистка сеньорита Глэдис и принесла свадебное платье. Потрясающе красивое, расшитое жемчугом и алласонским кружевом, оно сидело на невесте восхитительно, подчёркивая тонкость её талии и округлость груди. Либертад, Урсула и бабушка Берта (да и сама сеньорита Глэдис) бегали вокруг Эстеллы, радуясь как дети. Эстелла же испытывала боль и чувство вины. Выходя замуж за Маурисио, она предаёт Данте, разрывает последнюю ниточку, их связывавшую. Как только она станет маркизой Рейес, ляжет с Маурисио в одну постель, почувствует запах чужого мужчины, эта связь будет прервана навсегда.

Обручальное колечко, сплетённое из волос Данте, ещё хранилось в медальоне. Эстелла не решалась глядеть на него. Чтобы избежать искушения, она спрятала медальон в ящик туалетного столика, завернув в паньюэло — кусочек алого шёлка, что Данте ранее носил на шее. Эту вещь он обронил, когда лазил к ней в окно, и она была единственным, не считая

кольца, что осталось у девушки на память о нём. Прочие вещи Данте хранились в «Маске». У Эстеллы возникала идея навестить их с Данте любовное гнёздышко, но она боялась сойти с ума от воспоминаний.

Вина перед Данте медленно убивала девушку. Она предаёт их нежную, страстную, горячую любовь, выходя замуж за другого. Да не просто за другого, а за Маурисио Рейеса — того мужчину, к которому Данте ревновал её до безумия. И хотя сам Данте в тот день, когда она навещала его в тюрьме, сказал, что хочет, чтобы она встретила другого и была счастлива, чтобы она не вздумала до конца жизни оплакивать его смерть, легче от этого Эстелле не становилось.

Когда пришёл сеньор Гутьеррес — мастер по изготовлению шляп, венков и букетов — Эстелла, разглядывая образцы, остановилась на чёрных розах. Так она отдаст дань памяти Данте, ведь она не знает даже, где его могила и существует ли она. Эстелла вдова и должна носить траур, но вместо этого она наденет белое платье и фату, символы невинности, и совершит обман, грех перед богом, перед людьми, перед Данте и даже перед Маурисио.

— Хочу чёрный букет, — сообщила Эстелла шляпнику.

— Сеньорита шутит? — оторопел шляпных дел мастер.

— Нет, я не шучу. Я хочу чёрный букет. Делайте, что я велю! — разозлилась Эстелла. — Или я вас прогоню! Я хочу букет из чёрных роз.

— Это редкий вид роз, их ещё отыскать надо.

— Не важно. Составьте мне такой букет. Это приказ.

Сеньор Гутьеррес не осмелился перечить, дабы не потерять таких важных и богатых клиентов, как эстеллино семейство, но решил: у невесты не все дома.

Во второй половине дня пришёл ювелирных дел мастер, сеньор Альдо Адорарти. Тот самый, которому Эстелла продала украшения. Девушка прикинулась дурочкой и молча выбрала алмазную булавку для прикалывания фаты, ткнув в неё пальцем. Она думала, что ювелир узнает её, но тот либо не узнал, либо сделал вид.

Сеньор Адорарти принёс целый чемодан драгоценностей, чтобы дамы выбрали их к своим нарядам. И бабушка как всегда отличилась. Будучи падка до всего блестящего и яркого, она, увидев чемодан, забитый украшениями, испытала приступ неконтролируемого желания скупить всё. И сеньор Адорарти был вынужден два часа просидеть в гостиной и выпить по меньшей мере десять чашек кофе, пока Берта, обвешавшись с ног до головы бусами, браслетами, ожерельями и диадемами, выбрала-таки, что ей надо. Накупила целую шкатулку. Даже приобрела рубиновую заколку для ночного чепчика и гранатовый зажим для панталон. Ювелирных дел мастер ушёл из особняка довольный — мало того, что продал уйму драгоценностей, так ещё и развлёкся на славу, ибо бабушка повеселила его своей болтовнёй и даже подарила ему кактус — большой, с огромными иголками и круглыми, как шарики, листьями.

За день до венчания Либертад упаковала все эстеллины вещи — после свадьбы девушка должна была переехать в дом мужа. Планировалось, что брачную ночь супруги проведут здесь, в знакомой Эстелле обстановке, а потом отправятся в свадебное путешествие в Лондон.

Вечером у Эстеллы началась паника. За что ей всё это? Она потеряла свою любовь и теперь вынуждена будет жить с нелюбимым. Но она сама виновата. Она неправильно сварила зелье, которое должно было Данте спасти. Не говоря уже о том, что это именно она потащила Данте на свадьбу Сантаны. Она кругом виновата, это она загубила Данте.

Вспомнив про эликсир, Эстелла вспомнила и про волшебное зеркало. Выудив его из баула, она открыла крышку и вгляделась в своё похудевшее, измученное лицо.

— Послушай, — обратилась Эстелла к зеркалу, — поговори со мной, пожалуйста. Я хочу кое-что спросить. Почему не подействовало зелье? Я ведь старалась, я была очень внимательна, когда его варила. Как же я могла ошибиться? Ответь мне, умоляю!

Но зеркало молчало: не искрилось, не дымилось, не нагревалось. На нём не было никаких надписей, и по-прежнему на Эстеллу взирало её испуганное отражение.

Эстелла ещё долго звала зеркало, но оно так и не отвечало, став бесполезным куском стекла.

Ужин накануне свадьбы прошёл в нервном возбуждении. Мисолина закрылась в комнате. Роксана, оглядывая всех победным взором, нагло ухмылялась Эстелле в лицо. Взмолвленная Берта обсуждала с Эстебаном и Арсиеро последние приготовления, списки гостей и количество белых ленточек и розочек, которые нужно повесить на входной двери. Хорхелина молча набивала рот тушёной с овощами курицей. Либертад незаметно ото всех погладила Эстеллу по руке, когда накладывала ей еду.

В конце трапезы Роксана объявила: завтра рано утром приедут её отец и брат. Эстелла любила дедушку Лусиано и дядю Ламберто, но сейчас она и этой новости не обрадовалась. Завтра она станет женой Маурисио Рейеса. А Данте больше нет. А волшебное зеркало не хочет с ней разговаривать.

Ночью пьяный в дулет Маурисио затеял серенаду прямо у Эстеллы под окнами. Музыканты, разодетые как певцы марьячи — в пончо белого цвета и с сомбреро на головах, играли на гитарах и дудели в рожки, исполняя лирические баллады о любви к прекрасной сеньорите:

О, сеньорита, выйди на балкон,
Погляди, у тебя под окнами праздник.
Твой верный рыцарь у твоих ног,
Сражён твоей он красотой.
Ответь, сеньорита, на любовь,
Что бьется в сердце молодого господина,
Подари улыбку и поцелуй
И выбрось из окна цветок.
Завтра, сеньорита, зазвонят колокола,
Когда ты пойдёшь под венец с тем, кто любит тебя,
С тем, кто видит тебя во сне.
Он подарит тебе счастье и сердце своё,
Когда луну сменит солнца свет.
Ты станешь ему дороже всех монет,
О, сеньорита, выйди на балкон!

Эстелла растерянно слушала серенаду. Глубокие, звучные голоса певцов, однако, вызвали у девушки досаду. Для чего Маурисио затеял этот балаган? Ведь он знает, что она его не любит и всё равно на ней женится, не хочет отпустить её с миром. Какой навязчивый человек! И Эстелла прямо посреди серенады ушла с балкона в комнату.

Концерт продолжался. На соседнем балконе стояла бабушка и активно хлопала в ладоши, подпевала певцам, то и дело бросая им цветы. Эстелле хотелось закрыть уши и завывать.

Через полтора часа пение закончилось. Музыканты ушли, а Эстелла плакала, свернувшись клубочком на своей девичьей кровати. Завтра она покинет эту спальню, что была свидетельницей её слёз и радостей, её любви и её горя. Покинет, чтобы выйти замуж за человека, который её дико раздражает. Человека, который никогда не станет любимым, никогда не заменит ей Данте. А Данте лежит в земле мёртвый и никогда, никогда он больше не вернётся к ней. Сколько бы ещё лет не продлилась её жизнь, впереди не ждёт её ничего хорошего и светлого — только страдания. Теперь она обречена мучиться после того, как вкусила глоточек счастья. Её счастье, оно было таким недолгим, но оно было настоящим, огромным, как мир.

===== Глава 45. Её Сиятельство маркиза Рейес =====

В последнее время Роксану мучила бессонница, а сегодня ещё Маурисио Рейес устроил для Эстеллы серенаду под окнами. Перебудил весь дом, вынудив Роксану спуститься в гостиную. Ну ладно, завтра её муки закончатся — эта мерзавка, покрывшая позором всю семью, выйдет замуж.

Маркиз Рейес приехал всего три дня назад и пока не знал о скандальном поведении Эстеллы. Роксана надеялась, что свадьба пройдёт без эксцессов. Она хотела видеть дочь полностью в своей власти, она упивалась победой и жаждала отмщения за представление на площади. Подумать только, эта девица осмелилась бросить ей вызов. Во всеуслышание признавалась в любви к грязному пастуху и целовала его в губы на глазах у всего города.

Налив виски, Роксана залпом осушила стакан. Налила ещё. Снова выпила.

— Разве ты не знаешь, что пить эту гадость вредно? Чего доброго, превратишься в алкоголичку, — вдруг раздался у Роксаны за спиной низкий женский голос. Знакомый голос. Где-то она уже его слышала.

Вздрогнув, Роксана обернулась. Но никого не увидела. Сначала. Но потом заметила в кресле две жёлтые точки — то блестели в сумраке глаза чёрной кошки. Той, что когда-то помогла ей убить Йоланду Риверо.

— Ты? — от страха Роксана уронила стакан на пол. Он с грохотом упал, забрызгав своим содержимым её юбку, и разбился.

— Вижу, ты мне не рада, — насмешливо сказала кошка.

— Что... что, что.... тебе надо?

— Ничего особенного. Зашла вот навестить старую знакомую, узнать как у тебя дела. Поинтересоваться скольких ещё человек ты угробила, и скольких ещё хочешь угробить?

— Никого, никого я не хочу угробить, — пробормотала Роксана.

— Да ну? Не скромничай. Моральное убийство — это куда большее преступление, чем убийство физическое.

— Н-не понимаю...

— Ну, к примеру, твоя первая жертва — Йоланда Риверо. Ты убила её, столкнув с моста. Потом ты убила своего мужа.

— Нет-нет, это неправда! — Роксана топнула ногой, постепенно приходя в себя. — Если ты колдунья, как ты говоришь, то должна знать, что это был несчастный случай. Я его не убивала. Я не хотела. Точнее, я хотела от него избавиться всегда, но убивать я не собиралась. Он сам свалился с лошади.

— Я бы не была так в этом уверена, — сверкнула глазами-лимонами кошка.

— О чём ты?

— Даже если убила не ты, но кто-то же его убил. Это всё равно было спланированное

убийство.

— Как это? — Роксана сглотнула.

— Я не думала, что у тебя такая дурная память. Ты вроде ещё молода, а не помнишь подробностей, будто старушка.

— Ну, я помню, что сама запрягала лошадей.

— А потом?

— А потом... потом... я пошла за Бласом в дом. Мы ведь договорились ехать на прогулку.

— И оставила лошадей возле конюшни?

— Ну да...

— Уже запряжённых, — кошка пошевелила ушами. — А потом вы с Бласом обменялись лошадьми, потому что Агат, твоя лошадь, была спокойная, а его буянила. И Блас сел на твою. И упал он с Агат.

Роксана рот открывала.

— На что ты намекаешь? Что это я сама испортила подругу у собственной лошади? — возмутилась она.

— Только если ты хотела самоликвидироваться, — усмехнулась кошка. — Я не понимаю, как такая умная, хитрая женщина, как ты, женщина, столь изощрённая в попытках победить двух юных девчонок, могла забыть такой значительный факт? Блас упал с Агат, подруга была ослаблена на ней, а не на его лошади. Значит, убить хотели тебя.

— Этого не может быть, — пробормотала Роксана. — Но... но... кто? За что? Кто-то хотел меня убить... А ведь правда! Как же я не подумала об этом раньше?

На Роксану напал приступ ярости. Столько лет её обвиняли в убийстве Бласа так, что она и сама поверила в свою вину, и как она могла забыть о такой важной детали? Какая же она дура! Столько лет терпела эти обвинения! А ведь Блас действительно упал с Агат. Причём, предложил ей поменяться лошадьми сам, она даже и не думала об этом. Значит, кто-то специально ослабил ей подругу, хотел убить её, но убил Бласа.

— Послушай, кошка, или как там тебя зовут, зачем ты явилась именно сейчас? — эффектным жестом Роксана поправила причёску.

— Меня не особо радует то, во что ты превращаешься.

— О чём ты?

— Ты всегда была капризной, избалованной особой, эгоистичной и взбалмошной. Но никогда не была чудовищем. Вот я и пытаюсь понять, зачем ты превращаешься в лесное чудище? Зачем ты мучаешь ни в чём неповинных людей, своих дочерей, к примеру?

— А тебе-то какое дело? — рассвирепела Роксана.

— О, больше всего в жизни я ценю справедливость! — кошка помахала пушистым хвостом. — Мне кажется, ты обозлилась на весь свет, даже на тех людей, что тебе ничего не сделали. Вот я и подумала, может, стоит направить твою неуёмную энергию, которой у тебя хоть отбавляй, в иное русло? Например, вместо того, чтобы мучить бедных девочек, упиваясь властью над ними, ты могла бы побороться с достойными соперниками. Могла бы выяснить истинную причину смерти Бласа, вернее, выяснить, кто тебя хотел убить в тот день. И ещё кое-какие семейные тайны. Поверь, в этом доме много скелетов пылится в шкафах, и их не помешало бы оттуда встряхнуть. Ты могла бы это сделать, потому что ты очень изобретательна и умна, но только ум свой ты расходуешь не туда, куда надо. Твои дочери не виноваты в том, что тебе не пришло в голову сходить в аптеку и купить травку, дабы вызвать

выкидышь. Они не виноваты, что ты их родила. И не виноваты в том, что ты их не любишь. Оставь их в покое, они уже взрослые и не такие глупые, как тебе кажется.

Роксана в задумчивости прошла по гостиной туда и обратно.

— Я не понимаю лишь одного: что тебе надо? — спросила она. — Как и в тот раз, так и сейчас я не понимаю, какое тебе до меня дело? Сначала кажется, что ты хочешь мне помочь, но потом выходит, что это не так. Эй, ты где?

Роксана покрутилась по сторонам, но говорящей кошки уже и след простыл. Она исчезла также неожиданно, как и появилась, оставив Роксану в одиночестве.

Венчание и свадебный бал Эстелла провела как в бреду, в таком душевном состоянии она находилась, да и физически была измотана — всю ночь накануне проплакала, а после шла к алтарю, принимала поздравления, танцевала на балу: с Маурисио, с Арсиеро, с дядей Эстебаном, с дядей Ламберто, с дедушкой Лусиано.

Последние приехали утром. Радостные, поздравляли Эстеллу и её семейство с удачной партией, а Эстелла отводила глаза, дабы дядя и дедушка не прочитали в них боль.

Перед венчанием дядя Ламберто наведлся к Эстелле в комнату. Пока Анри, парикмахер-француз, сооружал невесте причёску, Ламберто развлекал её болтовнёй о пустяках. Рассказывал о том, что она должна будет гордиться Маурисио, всегда его хвалить за успехи и поддерживать в любых начинаниях — мужчины это обожают.

Эстелла пропускала эти советы мимо ушей. Во-первых, на Маурисио ей было глубоко наплевать. Во-вторых, дядя Ламберто виделся Эстелле каким-то безалаберным. Тоже советчик выискался, сам ни разу не женат и никогда не был. И, по всей видимости, не собирается, ибо из рассказов Берты Эстелла знала — дядя Ламберто ещё тот повеса. Развлекается напропалую с самыми дорогими столичными кокотками, и многие женатые мужчины ему завидуют, ведь он не связан обязательствами и не страдает от этого. Даже детей у него нет. По крайней мере, о их наличии никто не слышал. И какого чёрта этот человек даёт ей советы? Смешно.

Эстелла отвлеклась на созерцание причёски, которая, наконец, была готова. Оставалось лишь прицепить к ней фату.

Анри ушёл. Урсула собирая шпильки, раскиданные по всей комнате, складывала их в серебряную коробочку.

— Эстелла, а что это за рисунки? Откуда они у вас? — вдруг спросил дядя Ламберто, указывая на пачку пергаментов на комод.

— Это я рисовала, — машинально ответила Эстелла.

— Вы? Очень здорово! Да у вас талант! Вы никогда не хотели стать художницей?

— Нет, — наморщила носик Эстелла, — я всегда хотела стать врачом.

— Врач — полезная профессия, — задумчиво сказал дядя. — Но для женщины редкая. Да и к этому должно быть призвание, как и к любой другой деятельности. Вот к художеству у вас явно есть призвание. А на счёт врача... Вы уверены, что вам оно надо? Немощные люди, заразные болезни... бррр... Неприятная профессия на мой взгляд.

— Не знаю, я всегда хотела учиться на врача. Но сейчас навряд-ли это возможно.

— Почему? У нас с дедушкой много связей, мы могли бы устроить вас в университет. В столицу. Вы бы там учились, а жили бы в нашем доме. Он у нас большой, а народу там мало.

— Вы забыли, дядя, что сегодня я выхожу замуж? — напомнила Эстелла. — Навряд-ли мой муж позволит мне учиться и тем более жить в Байресе.

— Глупость какая! Он бы мог туда переехать вместе с вами. Он же молодой, образованный человек, он не должен быть против. Я с ним поговорю. Но вы подумайте, Эстелла, на счёт профессии художницы. Я вам серьёзно говорю, у вас талант.

— Ох, не выдумывайте, дядя! — отмахнулась Эстелла.

— Давайте поспорим. Что если я возьму один из ваших рисунков и покажу знакомому художнику, моему другу?

— Делайте что хотите, дядя.

— Прекрасно! Вот увидите, мой приятель придёт в восторг!

Эстелла пожала плечами. Правильно бабушка говорит — дядя Ламберто человек со странностями, и что ему стукнет в голову в тот или иной момент, предугадать нельзя. Вот где он был до этого? Если бы он появился на полгода раньше и предложил бы ей свой дом и университет, она бы не колеблясь уехала, да ещё и Данте бы с собой прихватила. Он бы точно влюбился в столицу. Ведь он так мечтал стать кем-то значимым в этой жизни! А сейчас всё это не имеет смысла. Она хотела учиться, чтобы стать независимой, теперь она выходит замуж и будет зависима от Маурисио до конца дней своих. Этот консерватор ни за что не позволит ей учиться в университете!

Дядя Ламберто оказался единственным, кому удалось отвлечь Эстеллу от её дум, правда, ненадолго. Вскоре вернулась Урсула и объявила, что пора одеваться.

Облачившись в подвенечный наряд, Эстелла ощутила, будто надела тяжёлый хомут, который придавил её к земле. Маурисио мало занимал её мысли. При знакомстве она испытывала к нему равнодушие и раздражение от его навязчивости; жалость после того, как не смогла ответить на его любовь; благодарность, когда он пришёл выручать её из беды в день сватовства, и презрение, когда вздумал ей угрожать. В итоге, он добился своего, и теперь Эстелла ощущала к нему жгучую неприязнь, почти ненависть. Меж тем, сегодня ночью она разделит с ним ложе.

Эта по-королевски роскошная свадьба стала грандиозным событием в Ферре де Кастильо — городке, где этих событий происходило так мало, что каждое воспринималось на ура и обсуждалось месяцами. А Эстелла чувствовала себя несчастной. Не спасала её и поддержка Сантаны. Та была грустна и долго обнимала Эстеллу, желая ей счастья, а главное — побыстрее забыть Данте и полюбить Маурисио, ибо ничего другого уже не оставалось. Эстеллу это бесило. Чёрта-с два! Никогда она не забудет Данте! Не бывать этому! Да и можно ли верить в искренность Сантаны? Эстеллу не покидала навязчивая идея: Сантана причастна к смерти Луиса. Но это были лишь её домыслы, ничем не подкреплённые.

У алтаря Эстеллу осенила идея наглотаться яда. После бала, убедив Маурисио, что переоденется она в своей спальне и придёт в гостевую, где для молодожёнов поставили большую дубовую кровать, Эстелла спустилась в кухню и долго там шарила. Баночек и скляночек в ящиках было полно, но ни в одной из них не было яда. Эстелла совсем отчаялась, как вдруг наткнулась на ярко-красную банку с надписью: «Мышьяк». Девушка открыла её, но банка оказалась пуста. Что ж, раз не получится отравиться, она найдёт другой способ себя убить.

Эстелла вернулась в спальню. Пометавшись по комнате и так и не решив, что же лучше: порезать руки кухонным ножом или пырнуть себя этим ножом в грудь, она вдруг ощутила тошноту. Секунда, и у неё закружилась голова. Эстелла упала на ковёр.

Отключилась буквально на секунду, и тут же очнулась. Поглядела на часы — два часа ночи.

Сидя на полу, Эстелла обхватила себя руками, и в голову её потоком хлынули мысли: вспомнила про незнакомца, что передал ей свёрток с чем-то важным. Но это было не сегодня. Это было в тот, первый раз, когда она выходила замуж за Маурисио. Эстелла помотала головой. Она выходила замуж за Маурисио дважды? Как это? Зеркало! Волшебное зеркало! Тот незнакомец передал ей зеркало, а внутри него лежало зелье... Зелье Времени!

Эстелла прикрыла рот рукой. Вот оно что! Она возвращалась на год назад, чтобы спасти Данте, сварив тот самый эликсир, но так его и не спасла, перепутав рецептуру. И теперь ничего уже не исправить, ведь зеркало говорило, что это последний шанс.

От размышлений Эстеллу оторвал яркий отблеск на стене. Она повернулась и увидела, что волшебное зеркало на комодѣ сияет и дымится, хотя ещё вчера оно не отвечало на её зов. Девушка со всех ног ринулась к зеркалу, схватила его.

— Я всё вспомнила! Действие Зелья Времени закончилось. Ответь мне! Почему ничего не получилось? Что я сделала не так? — затараторила она скороговоркой.

«Кто тебе сказал, что ничего не получилось?» — выплыла надпись.

Сердечко Эстеллы, ёкнув, забилося быстрее.

— Что ты имеешь ввиду? Ведь Данте... — Эстелла не успела договорить, потому что в коридоре раздались шаги. Постучали в дверь.

— Эстелла, дорогая, это я, Маурисио, ваш супруг. С вами всё в порядке? Вы ушли так давно. Я жду вас в спальне, а вас нет и нет... Может, вам нужна помощь?

— Нет, — отозвалась Эстелла, — не волнуйтесь, у меня всё в порядке. Я прихорашиваюсь. Я приду через десять минут.

— Хорошо, я вас жду, дорогая.

Маурисио ушёл. Эстелла услышала, как закрылась дверь.

— Ты мне не ответило, — снова обратилась Эстелла к зеркалу. — Ты обещало, что мы спасѐм Данте, но Данте, ведь он... неужели я неправильно сварила зелье?

«Пока я не могу тебе ответить».

— Объясни.

«В данный момент я не могу тебе ничем помочь. Будем откровенны, я не знаю, где Данте».

— Но... я не понимаю...

«Я пока тоже. Возможно, причина не в Эликсире, а в нарушении хода времени. Это всё, что я могу пока тебе сказать. Сейчас сделай следующее: надень два обручальных кольца на безымянные пальцы обеих рук».

— Два кольца?

«Два обручальных кольца. Одно лежит в медальоне, второе в напольной вазе, что стоит в углу. Ты положила его туда перед тем, как вернуться в прошлое».

— Да, теперь я вспомнила. Но зачем?

«Делай, что я говорю. Не знаю, когда я смогу теперь с тобой связаться. Не теряй зеркало, но не пугайся, если оно не будет отвечать. Просто жди. Есть такие места, где магия зеркала не действует. Теперь надевай кольца и ступай к Маурисио».

— Но...

Надписи в зеркале исчезли. Эстелла открыла медальон. Колечко по-прежнему было черно и не светилось. Поцеловав его, Эстелла надела кольцо на безымянный палец левой руки рядом с кольцом Маурисио. Потом она вытащила на середину комнаты напольную вазу, перевернула её дном вверх и встрясла всё содержимое на пол. Внутри оказался точно такой

же медальон с точно таким же кольцом. Эстелла надела второе колечко на безымянный палец правой руки. Ничего не произошло.

Быстро приняв ванную, она надела лиловый кружевной пеньюар, купленный для первой брачной ночи, и покинула спальню. Тихонько постучала в гостевую комнату. Поджилки её тряслись от дикого страха. Эстелла и думать не могла о том, что сейчас произойдёт. Она не хочет, не хочет быть с Маурисио!

— Ну наконец-то, — сказал Маурисио весело. Он уже лежал в кровати, укрытый белыми простынями. На голове его красовался смешной ночной колпак с помпончиком.

Эстелла робко протиснулась внутрь.

— Сегодня мы стали мужем и женой. Я так счастлив! — объявил Маурисио.

— Угу...

— Тогда ложитесь в постель, дорогая. Что вы там жмётесь?

— Угу...

Эстелла зажмурилась. Раз. Два. Три. Одним движением она сбросила кружевной халатик. Он упал на пол. Девушка осталась в одной рубашке.

— Идите сюда, дорогая, — повторил Маурисио.

Неужели ей придётся с ним спать? Она просто сейчас умрёт. Не осознавая, что делает (будучи с Данте, Эстелла привыкла спать голой), девушка рывком сняла ночную рубашку. Закуталась длинными волосами и хотела уже лечь в кровать, но тут Маурисио издал протестующий возглас:

— Господи, что это вы делаете?

— Л-л-ложусь с-с-спать, — еле выговорила Эстелла.

— Голой? Да как вам не стыдно?! Кто же спит голым? Где вы такого нахватались? Ну-ка наденьте рубашку сейчас же! Ужас какой! — фыркнул Маурисио.

С трудом поверив в услышанное, Эстелла кинулась обратно, схватила с пола рубашку и молниеносно нацепила её на себя.

— Вот так-то лучше. А теперь укладывайтесь в постель.

Эстелла робко прилегла на краешек кровати и закрыла глаза. Маурисио погасил свечу.

— В темноте лучше, — объяснил он. — Ночью Бог спит и не видит нас.

— А...

— Не бойтесь, я осторожно, — сказал Маурисио. — Первый раз может быть больно, не пугайтесь, это нормально.

Эстелла невольно вспомнила свою первую ночь с Данте. Это было прекрасно. И нисколько ей не было больно. Она вовремя прикусила язык, едва не ляпнув вслух, что наличие неприятных ощущений у женщины зависит исключительно от мужчины — Данте объяснял ей так.

— У вас какая-то неправильная рубашка, — пробурчал Маурисио. — В ней должен быть кармашек, который расстёгивается...

— Вам виднее, — со злостью ответила Эстелла. Боже, какой дурак!

Всё произошло быстро. Не снимая ночной рубашки. Эстелла приготовилась к тому, что сейчас он будет её целовать, и её стошнит. Но поцелуев не было совсем. Маурисио вёл себя, как заводная кукла. А Эстелла и не успела почувствовать, что ей противно, как оба кольца вдруг завибрировали. Сначала она ощутила глухую боль в пальцах. Боль всё разрасталась и разрасталась, и, когда дело дошло до главного, Эстелла не сдержалась и закричала.

— Вы чтос ума сошли? — возмутился Маурисио. — Весь дом разбудите! Приличные

женщины не должны вопить и проявлять активность. Вы должны лежать молча и не шевелиться.

Но Эстелле было дико, невыносимо, жутко больно. Как такое может быть? Ведь она уже не девочка, сколько раз она была с Данте и никогда не было и намёка на боль.

Эстелла уже не могла дождаться, когда всё закончится. Она плакала, вцепившись зубами в одеяло, а боль всё не уходила. Маурисио сопел и пыхтел, но она даже забыла о нём. Боль буквально разрывала всё тело на части, а кожу точно прижигали раскалённой кочергой.

Прошло около пятнадцати минут, но Эстелле показалось, что это длилось часа два.

— Вы просто прелесть, — сказал Маурисио, целуя её в лоб. — Ну чего вы дрожите? Успокойтесь и давайте спать. Ничего страшного не произошло, — он улёгся на бок и через десять минут уже сладко посапывал.

Эстелла свернулась клубком. Её знобило, хотя боль ушла, но она чувствовала невероятную слабость. Маурисио не заметил, что она не девочка? Странно. Или он сам неопытный? Навряд-ли. Видимо, это из-за магии. Неужели так больно ей было тоже из-за магии? То, что она испытала, это ненормально. Магия должна была защищать её, а не причинять боль. И зачем зеркало ей посоветовало надеть эти кольца? К тому же она предала Данте. Переспала с другим мужчиной. Чувство было такое, точно она извалялась в грязи.

Эстелла кое-как сползла с кровати и доковыляла до ванной. Зажгла там свечу и увидела, что вся кожа, руки, ноги, грудь, даже лицо у неё крови. Эстелла стала отмываться холодной водой из таза (Маурисио даже не удосужился приготовить тёплую воду), но когда она задевала кожу кольцами, те впитывали в себя кровь.

От магии колец Эстелла сразу же почувствовала облегчение. И решила сбежать. Прямо сейчас. Сейчас или никогда, пока все спят. Она не хочет повторения. Она не хочет быть с Маурисио. Ей противен даже запах его дорогого одеколона, которым он благоухает, как парфюмерная лавка на Бульваре Путешественников.

Только один запах ей приятен — запах мяты и свободы, запах её Данте.

Эстелла на цыпочках выбралась из ванной и, набросив халатик, выскользнула за дверь. Добежала до своей комнатки, заперлась на ключ. Поспешно натянула на себя тёмно-зелёную амазонку — первое, что попало под руку. В ту же секунду она увидела, что зеркало вновь дымится.

— Послушай, ты мне не сказало, что будет так больно, — начала она, подходя к зеркалу.

«Я вас не понимаю, — появилась надпись. — С кем я разговариваю?».

— Как это с кем? Это я — Эстелла, мы час назад разговаривали!

«Это была не я».

— Вы женщина? — поразились Эстелла. — А как вас зовут?

«Это не имеет значения. Я поняла, что вам нужна помощь, но я не волшебница».

— Но я тоже не волшебница, — Эстелла понимала всё меньше и меньше.

«Я уже длительное время наблюдаю за человеком, который разговаривает с зеркалом. Видимо, это именно он разговаривал с вами».

— Вы его видели? — встрепелась Эстелла.

«Да, видела».

— А какой он из себя?

«О, никогда не доверяйте внешности! — откликнулась женщина из зеркала. — Он красив как бог, но в душе его живёт демон».

«Только один человек для меня красивее, чем любой бог, — зло подумала Эстелла. —

Но его больше нет». Но вслух она этого не сказала.

«Я не знаю, кто он такой, но мой вам совет: будьте осторожны, — продолжила зеркальная собеседница. — Берегитесь, этот человек — чёрный колдун и он опасен. Не слушайте его! Он даёт вам дурные советы».

— Но... он, он обещал мне помочь, — промямлила Эстелла.

«Не верьте ему. Лучше выбросьте это зеркало. Я могу дать вам подсказку: найдите женщину, которая умеет превращаться в кошку. Она знает ответы на все вопросы».

— Что-о-о? Объясните.

«Это всё, что я знаю. Простите, я не могу больше говорить», — и изображение в зеркале потухло.

===== Глава 46. Портрет прадедушки =====

Эстелла была сбита с толку разговором с зеркалом. Незнакомка посоветовала найти женщину, которая превращается в кошку. Где ж она такую найдёт? Девушка колебалась перед тем, как решиться на побег, ибо идти сейчас ей было некуда. Раньше она уходила к Данте. Он её успокаивал, выслушивал, согревал в объятиях. Теперь его нет и она одна в этом мире. Но и оставаться с Маурисио она была не в силах. Нет, нет! После их близости она и смотреть на него не может, он стал ей ещё более омерзителен, чем был до этого.

Эстелла придумала аж четыре варианта, куда ей идти. Первый: вернуться в монастырь. Но там её легко найдут, да и аббатиса уверена, будто Эстелла сумасшедшая. Вариант второй: уехать в Буэнос-Айрес с дядей Ламберто. Наверное, если она попросит его о помощи, он не откажет. Но тогда придётся рассказать ему всё о себе и о Данте. Дядю Эстелла знала плохо и делиться с ним своими чувствами ей не хотелось. А просто так, без причины, от Маурисио он её не увезёт. Вариант три: пойти в «Маску». Она продаст ещё часть драгоценностей и на эти деньги снимет комнату. Но ей будет тяжело находиться там, где они жили с Данте. Да и отыщут её мигом. Идти в другую гостиницу одинокой девушке опасно — неизвестно куда она попадёт. «Маска» хотя бы место приличное. Оставался четвёртый вариант и именно в нём Эстелла видела выход. Она поедет в «Лас Бестиас» и постучится в дом Пии и Клементе. Наверное, они её не выгонят. Интересно, они вообще в курсе того, что случилось с Данте? До этой глуши новости могут ведь дойти лет через пять; туда даже газеты не носят.

Эстелла на этом варианте и остановилась, но... Сначала она всё равно зайдёт в «Маску». Надо забрать оттуда вещи, свои и Данте. И он просил её позаботиться о животных. Как же она могла забыть? Где Янгус, она не знает. В последний раз видела птицу, когда та уселась на телегу, куда уложили тело Данте. Но Алмаз и Жемчужина, вероятно, ещё в «Маске». Сеньор Нестор не мог выбросить животных. Она заберёт их, поедет в «Лас Бестиас» и там отдаст часть вещей Данте и лошадей Клему и Каролине с Гаспаром.

Эстелла перетрясла чемоданы, вынув всё лишнее: бальные платья, дорогие туфельки, громоздкие шляпы с перьями. Взяла одежду поудобнее и попроще. И шкатулку с драгоценностями захватила — ей понадобятся деньги, ведь она должна на что-то жить.

Из десяти чемоданов собрав два, Эстелла вышла из дома, никем не замеченная. Время было пять утра, и солнышко уже робко согревало землю кончиками лучей. Эстелла не боялась и не волновалась. Главное — убраться подальше от Маурисио. Спустя полчаса кучер высадил Эстеллу у дверей гостиницы «Маска».

В большом кабинете, том, что обычно занимал Арсиеро, этим утром восседал Ламберто. Он распахнул настежь все окна, впустив в кабинет яркое солнце, и, утопая в кожаном кресле,

разглядывал какие-то пергаменты. Так он сидел в тишине целый час, пока на пороге не вырос Эстебан.

— О, маркиз, да вы ранняя пташка, я смотрю! — сказал тот весело.

— Привычка, — вяло отозвался Ламберто, втягивая голову в плечи и едва ли не целиком погружаясь в кресло. — Кофе будете? Составите мне компанию?

— Ммм... пожалуй.

Эстебан позвал заспанную Урсулу, велел принести две чашки кофе с булочками. Спустя пятнадцать минут сие было исполнено, и от аромата крепкого кофе, разносящегося по комнате, у мужчин завязалась пространная беседа.

— Маркиз, послушайте, я что хочу спросить: есть ли способы получить официальный развод? Желательно без скандала.

Ламберто почесал кончик носа.

— Ммм... это проблематично, Эстебан, я бы даже сказал невозможно. Как человек, имеющий дело с законодательством, я могу вас в этом уверить.

— И лазеек нет?

— Да уж никак вы решили отделаться от Хорхелины? — сощурил Ламберто голубые глаза.

— Вот именно.

— Могу вам только посочувствовать. Единственный способ от неё отделаться — овдоветь. Увы, но это так. Хотя теоретически и существует шанс расторгнуть брак, если вы, скажем, поймаете её с любовником. Но тут нужны неопровержимые доказательства, а так будет её слово против вашего. Бракоразводные процессы длятся годами, а то и десятилетиями. Я знал человека, который пытался развестись с женой все сорок лет их совместной жизни, пока сам не умер.

Эстебан, вздохнув, долбанулся лбом о кулак.

— Эстебан, можно задать вам вопрос? — вкрадчиво любопытствовал Ламберто, глядя себя по острой бородке. — Простите, а какого чёрта вы вообще на ней женились? Ради чего?

У Эстебана было такое лицо, будто Ламберто спросил невероятную чушь.

— Вы вроде взрослый человек, маркиз, а вопросы у вас, как у подростка. Ради чего в нашем обществе заключаются браки? Вы хоть один брак по любви видели? Мне лично, кроме свадьбы моей матери и отца, ничего больше в голову не приходит. Но это редкость и это потому что они вышли из среды простолюдинов, а там всё проще. В аристократическом же обществе, увы, брак по любви граничит со сказкой. И, конечно, мы с Хорхелиной не исключение. На самом деле, это был единственный шанс не оказаться в сточной канаве.

— Не понял, — наморщил лоб Ламберто.

— Это отец во всём виноват. После его смерти, когда открыли завешание, оказалось, что там одни долги. Он брал большие ссуды и подписывал векселя. Кучу векселей. Чтобы дом не ушёл с молотка, мне пришлось жениться на Хорхелине. На её приданное мы выплатили закладную за дом. Самое смешное, что Хорхелина понятия не имеет, куда ушли её деньги. Она думает, они вложены в ценные бумаги, — Эстебан нервно захихикал. — С тех пор много воды утекло, у меня есть и свой капитал, и поэтому теперь возник вопрос о разводе. Не могу я больше с ней жить.

— Ну это я могу понять, — беззаботно рассмеялся Ламберто. — Я, как любитель красивых женщин, не представляю, как можно столько лет спать с жабой.

— А ещё я люблю другую, — грустно сказал Эстебан.

— О, это уже серьезнее! И что же за чудо чудное пленило ваше сердце? Я её знаю? Она хорошенькая?

— Это Либертад.

— Либертад... Кто это?

— Наша горничная.

Ламберто закашлялся.

— Конечно, кто я такой, чтобы вас поучать, да и не люблю я это гиблое дело — лезть в чужие штаны, но, по-моему, горничные, да ещё цветные — это не тот сорт людей, которых следует любить. Развлечение — да, но любовь... Боже упаси!

— Но разве мы выбираем, кого нам любить? — Эстебан нетерпеливо мешал в чашке кофейную гущу. — Вы думаете, маркиз, я сам без ума от того, что она не белая? Но сердцу не прикажешь. Конечно, вам легко говорить, вы свободны как ветер. А может, вы не способны полюбить в принципе, поэтому так говорите?

— Вот тут вы ошибаетесь. Я способен полюбить, но только раз в жизни, — Ламберто устался в дубовую столешницу.

— И?

— В моей жизни такая любовь уже была.

— А куда она оделась?

— Она пропала, — глубоко вздохнул Ламберто. — Исчезла много лет назад, и я до сих пор не знаю, где она. Возможно, ещё жива, возможно, уже умерла.

— Вы меня удивили! — восторженно воскликнул Эстебан. — И что же это за девушка?

— Это Йоланда Риверо.

— Кто?

— Та девушка, которую обвинили в убийстве виконта де Фьябле. Оно произошло в этом доме. Вы не помните эту историю?

— Значит, это она, такая рыжая? — Эстебан выглядел обескуражено. — Помню, помню. Но ведь это вы убили виконта, а всю вину свалили на неё.

Ламберто вытаращился на Эстебана с нескрываемым изумлением.

— Откуда вы знаете?

— Знаю. Она взяла вашу вину на себя. В ту ночь, когда вы отсюда сбежали, я слышал ваш разговор. Я стоял под дверью.

— Почему же вы позволили нам убежать? — Ламберто был потрясён.

— Понятия не имею. Наверное, потому что пожалел вас, бедолаг. О, я тогда был романтиком! — рассмеялся Эстебан. — Верил во всякие глупости вроде того, что надо совершать добрые дела, и тогда они возвратятся к тебе. Правда, позже убедился, что эта теория не верна. Чем больше ты делаешь добра, тем больше тебе садятся на шею и попрекают этим же добром. Не делай добра — не получишь зла. Я это усвоил, прожив с Хорхелиной. Да и та девушка была ни в чём не виновата. Но ведь её так и не нашли. Я думал, вы всё-таки увезли её тогда и где-то спрятали.

— Мы с отцом так и планировали. Мы спрятали Йоланду и хотели увезти после похорон виконта в Байрес, но когда пришло время уезжать, она исчезла. Просто испарилась.

— А когда вы успели в неё влюбиться, маркиз? — Эстебана разобрало любопытство. — Вы же не были частым гостем в нашем городе.

— О, это было как огненная вспышка! — мечтательно закрыл глаза Ламберто. — Это произошло уже после того, как Роксана вышла замуж за Бласа. Я приехал её навестить. В

один из таких визитов я и познакомился с Йоландой. Мы ходили в оперу и оказались в одной ложе: я, Роксана, Блас, Йоланда и её отец, барон Риверо. Мы с Йоландой увидели друг друга и сразу же полюбили. Она поселилась в моём сердце. Я признался ей в своих чувствах, она смутилась, сказала, что барон Риверо тщательно следит за её нравственностью. И он не позволит нам встречаться, даже если я попрошу её руки. Отец Йоланды считал, что девушка ни с кем не должна встречаться до брака, даже с будущим мужем.

— Надо же, любовь с первого взгляда... Такое только в книгах бывает, — ухмыльнулся Эстебан.

— Как видите, не только. Йоланда была сама нежность, да и красавица настоящая. Таких, как она, поискать ещё надо. Я так и не нашёл до сих пор, сколько не пытался.

— Так вы попросили её руки у папаши или нет?

— Нет, не успел. В тот раз мне пришлось вернуться в Байрес. Я оставил ей свой адрес, и она мне написала. Сама. Несколько месяцев у нас был роман в письмах, мы изливали на бумагу свои чувства и благодаря этому узнали друг друга очень хорошо. Потом я не выдержал, нашёл предлог и снова приехал в Ферре де Кастильо. И мы стали близки. Тогда я хотел посвататься к ней, но отец срочно вызвал меня обратно. Я обещал вернуться быстро, а уехал в Париж по делам отца и приехал лишь через пару месяцев. Я хотел забрать Йоланду, рассказать обо всём её и своему отцу, но я боялся, что она меня отвергнет.

— Почему? Разве она вас не любила? Думаю, приличные женщины, да с таким воспитанием, раз ей даже на мужчин и смотреть запрещали, просто так не идут на близость.

— Она меня любила, но я боялся её разочаровать из-за... из-за... смерти Хусто. Думал, что она придёт в ужас, когда узнает, что я убил человека. Ваша мать вон до сих пор меня не простила, хотя прошло уже много лет.

— Ну-у-у... маму можно понять, — Эстебан взлохматил светлые кудри. — Она ведь сына потеряла, но я, например, вас понимаю. Это была честная дуэль, а не предумышленное убийство. Однажды я сам чуть не проткнул шпагой одного молокососа, правда, всё закончилось миром, спасибо здравомыслящим нашим приятелям. А Хусто... он ведь был такой бешеный, мы с ним с детства воевали. Он вечно долбил нас с Бласом, потом я вырос и стал давать сдачи. Он кого угодно мог вывести из себя. Так чем закончилась та история с девушкой?

— Я всё-таки рассказал Йоланде об этом случае, и она меня поняла, она сказала примерно то же, что и вы: что это была дуэль, а не убийство. И потом Йоланда мне рассказала, что беременна.

Эстебан вытаращил глаза.

— Она была беременна?

— Да, она сказала мне это в тот день, на балу. Мы договорились, что на следующий день я приду просить её руки к барону Риверо. Но я так и не успел...

— Потому что в тот же день вы убили Рубена де Фьябле.

— Да, но это вышло случайно, Эстебан. Он был пьян и он на неё напал. Он хотел её изнасиловать. Я стукнул его по морде, но он выхватил кинжал, мы стали бороться, и я его пырнул.

— Это я всё понял ещё тогда. Не понял только одного: как вы могли позволить беременной женщине взять на себя вашу вину, а, маркиз?

Ламберто разглядывал свои пальцы с надетыми на них серебряными перстнями и кольцами.

— Наверное, потому что я дурак и трус и постоянно влипаю в истории. Йоланда сама это предложила, я тогда был в шоке и не сопротивлялся, а позже до меня дошло, что мы натворили что-то не то. Я пошёл к отцу и всё рассказал. Герцог обещал нам помочь, и, думаю, у нас всё бы получилось, если бы Йоланда не исчезла. Это было так странно, мы потом где её только не искали, даже нанимали сыщика. И тот сделал вывод, что Йоланда из города не выезжала, и следы её стоит искать здесь. Это одна из причин, по которой я сюда приехал.

— Но разве вы не на свадьбу Эстеллы приехали?

— Да, но не только. Решил убить нескольких птиц одним выстрелом и задержаться в Ферре де Кастильо на время. Понимаете, Эстебан, я хочу найти концы Йоланды. Даже если её уже нет в живых, я хочу узнать что с ней случилось.

— Вы сказали, это одна из причин. А есть ещё?

— Когда я приехал сюда вчера утром, причин было две. Я хотел найти концы Йоланды и разобраться ещё в одной истории. Это запутанное дело, к которому я подбираюсь уже несколько лет. Мои осведомители указали на след здесь, в Ферре де Кастильо.

— Что за дело?

— Пока я не могу рассказать. Эта тайна не моя. И след может быть ложным. Так что если сейчас об этом рассказать, могут пострадать невинные люди, разрушиться семьи и отношения. И пока я не узнаю истину, я бы предпочёл помолчать об этом. Так вот, я думал, эти две истории — это всё, что меня задержит в этом городе, но появилось ещё кое-что.

— Вот как? Вы меня окончательно запутали, маркиз, — Эстебан, наконец, отставил пустую чашку из-под кофе. — Что же ещё так внезапно на вас свалилось? Ещё один семейный скелет?

— Возможно. Пока я теряюсь в догадках. Сейчас я кое-что покажу вам, — открыв верхний ящик стола, Ламберто извлёк оттуда портрет в золочёной раме. Протянул его Эстебану.

На портрете красовалось изображение эффектного мужчины лет тридцати с аристократичным лицом, раскосыми чёрными глазами и чёрными длинными волосами, зачёсанными на косой пробор. Вид у портрета был горделивый и надменный.

— Что это значит? — не понял Эстебан. — Кто это?

— Вот скажите, Эстебан, вы когда-нибудь видели этого человека?

— Ммм... что-то знакомое в нём есть, но я не уверен. Так кто это?

— Это мой двоюродный дедушка Ландольфо.

— Тогда я точно его не видел, — рассмеялся Эстебан. — Сколько ему лет? Здесь он молод, но он, наверное, умер уже.

— Умер давно, в возрасте тридцати четырёх лет.

— Так рано? Его убили? — почесал подбородок Эстебан.

— Нет, он помешался. У него было очень редкое психическое заболевание. Эээ... как же это? Магнетический сомнамбулизм, вот. В общем, он воображал себя другим человеком. Придумывал себе вымышленное имя, биографию, и сам в это верил. Иногда он был абсолютно нормальный, но иногда его настоящая личность засыпала, и он действовал как сомнамбула, был в трансе. А когда приходил в себя, ничего не помнил. Этих людей с разными именами, судьбами и характерами в его голове было аж четыре. Его отец и брат отправили его в Жёлтый дом. Но однажды, во время приступа, он проткнул себе грудь шпагой. Две его личности затеяли дуэль. Он подрался сам с собой, представьте себе, и одна

личность убила другую.

— Ужас какой! — воскликнул Эстебан. — Но я так и не понял, а к чему вы это сейчас рассказали?

— Да вот к тому, — Ламберто вытащил из-под кипы бумаг пергаментный лист.

Это был карандашный рисунок, почти копия дедушки Ландольфо, но с небольшими изменениями. Человек с рисунка тянул лет едва ли на восемнадцать, черты имел более тонкие, а разрез его глаз, косо уходящих вверх, придавал юноше сходство с рысью, в то время как у дедушки этот разрез был замечен лишь при внимательном рассмотрении.

Эстебан разглядывал то портрет, то рисунок, но так и не произносил ни слова.

— Я вас ещё раз спрашиваю, Эстебан, — нарушил молчание Ламберто. — Этот человек вам знаком? Этот портрет нарисовала Эстелла. Причём, таких рисунков у неё целая куча. И везде нарисован только этот человек. Это никак не может быть дедушка Ландольфо. Она его никогда в жизни не видела, да и в вашем доме нет его портретов и быть не может.

— Нет, это не дедушка Ландольфо, — Эстебан положил оба портрета рядом — так сходство было заметнее. — Как же я забыл? Но это неудивительно, я ж ведь его видел всего раз. Это эстеллин мальчик. Он сюда приходил к ней свататься.

— Вот как? А чего ж она за другого замуж вышла?

— Так решила ваша сестрица, — объяснил Эстебан. — Мальчик был очень приятный, но странный. И вы знаете, маркиз, а сходство и вправду поразительное! Как такое может быть?

— Меня тоже интересует ответ на этот вопрос, — сказал Ламберто. — Хотелось бы познакомиться с этим мальчиком. А вдруг он имеет какое-то отношение к дедушке? Ну мало-ли. Может, у дедушки были внебрачные дети, и этот мальчик — один из его потомков. Как бы я мог с ним связаться?

— Увы, это невозможно, Ламберто.

— Почему?

— Он умер.

— Умер? Но... но... он же совсем юный, — впал в ступор Ламберто. — От чего он умер?

— Расстреляли на площади по обвинению в колдовстве. Три месяца назад.

Наступила тишина.

— Сколько лет ему было? — спросил Ламберто.

— Точно не знаю, он примерный ровесник Эстелле, может, чуть старше. Лет семнадцать-восемнадцать. Знаете, маркиз, думаю, вам не нужно забивать этим голову. Этот мальчик был обычным пастухом. Хотя он нам наплёл с три короба про кучу денег и богатых родителей, но он простого происхождения, как оказалось. Навряд-ли он имеет отношение к вашему дедушке.

— Но так похож...

— Бывают же в жизни похожие люди. Это совпадение.

— Не верю я в совпадения, — упёрся Ламберто. — Да и внешность у него не пастушья. На нём написано крупными буквами, что происхождение там явно не простое. Вы разве никогда не видели, как выглядят пастухи?

Эстебан только плечами пожал, оставшись при своём мнении.

— А почему Эстелла его рисует, да ещё в таком количестве? — не унимался Ламберто.

— Ну, он вроде бы ей нравился. Она хотела выйти замуж за этого мальчика, а не за

Маурисио, но потом выяснилось, что тот обычный пастух. Да и его обвинили в колдовстве и в убийстве. Он и церковь поджёт, представляете? Так что теперь я даже рад, что всё так вышло. Маурисио Рейес — прекрасный человек, уверен, Эстелла будет с ним счастлива.

В гостиной раздалися шаги, и Берта просунула сквозь дверь свой нос. Презрительным взглядом смерив Ламберто, она поманила Эстебана рукой:

— Эстебан, дорогой, не могли бы вы пойти со мной?

— Что-то случилось, мама?

— Нет, просто мне нужна помощь. Не могли бы вы передвинуть горшок с кактусом? Он так разросся, что я его сама не подниму. А Альфредо повёз вашу супругу по магазинам. Похоже, Хорхелина решила обновить весь свой гардероб.

Фыркнув, Эстебан поднялся и пошёл вслед за Бертой. Ламберто разглядывал портрет дедушки, сравнивая его с портретом Данте, и курил сигару.

Из оцепенения его вывел шум в гостиной. С ощущением, что в дом ворвалось стадо бешеных слонов, Ламберто выглянул из кабинета.

В гостиной собралось всё семейство: Роксана, Арсиеро, Эстебан, Лусиано, Берта Мисолина, служанки — Урсула и Либертад, и новоиспеченный член семьи — Маурисио Рейес. А также трое незнакомых Ламберто персон: горбоносый мужчина с седыми бакенбардами; симпатичная девушка со слегка крупным ртом и высокая русоволосая дама, похожая на птичку — Норберто, Сантана и Амарилис. Не было здесь только Хорхелины — она до сей поры скупала магазины.

На Амарилис Ламберто задержал взгляд. Ничего в ней нет особенного, не красавица, но что-то-таки заставило сердце мужчины ёкнуть.

— Что случилось? — удивился он, переводя взгляд с Амарилис на остальных. — У нас пожар?

— Хуже! — вопила Роксана срывающимся голосом. — Эта дура! Этот позорный нарыв на добром имени нашей семьи опять сбежала! Я думала, что всё закончилось, а она опять за своё! Сил уже нет!

— Закрой рот, гадюка, не смей обзывать мою внучку! — рявкнула не менее взвинченная Берта.

— Ничего не понимаю, — сказал Ламберто. — Кто сбежал-то?

— Моя жена, — ответил Маурисио. Он был весь красный, точно индюк, которого сварили заживо к кипятке. — Как это может быть? Мы только вчера поженились! Кого вы мне подсунули в жены? — ополчился он на Роксану и Арсиеро.

Тон Маурисио Ламберто не понравился. Вчера жених произвёл на него впечатление спокойного, уравновешенного человека, холодного и здравомыслящего. Но исчезновение Эстеллы изменило поведение Маурисио в корне. Он истерил и едва ли ногами не топал, бегая по гостиной туда-сюда.

— Маурисио, успокойтесь, — Арсиеро взял его под локоть.

— Вы сами к ней сватались, — сообщила Роксана ядовито. — Теперь не жалуйтесь.

— Но я не знал, что ваша дочь способна удрать из дома.

— О, да! Моя сестрица ещё та потаскушка, — пискнула Мисолина, за что тут же получила оплеуху от матери.

— Если мне не вернут мою жену сию минуту, я пойду в жандармерию! — орал Маурисио. — Где моя жена, говорите немедленно, куда она пошла?

— Маркиз, возьмите себя в руки, — вмешался Эстебан. — Если б мы знали, где она... А

вообще с чего все взяли, что Эстелла сбежала? Может, она вышла прогуляться?

— Я проснулся, а её нет, — процедил сквозь зубы Маурисио. — Я обыскал весь дом, позвал служанку, вон ту, — он ткнул пальцем в Урсулу. — Она посмотрела эстеллины чемоданы и сказала, что части вещей не хватает. Моя жена ушла с вещами! Это вы понимаете? Так и знайте, если она сбежала с другим, я их обоих из-под земли достану и убью! Я не собираюсь носить рога! Я вам не страус!!!

— Новый вид страуса — страус-рогач, — не удержалась Берта.

Маурисио смерил её злобным взглядом.

— Семейка обманщиков! Они ещё и потешаются надо мной! — прохрипел он.

— Ну зачем же вы так, успокойтесь, дорогой зять, — уговаривал Арсиеро.

— Не собираюсь я успокаиваться! Мало того, что вы мне подложили порченный товар, так я ещё и посмешищем теперь могу стать для всего города.

— Что вы имеете ввиду? — вздёрнула нос Роксана.

— А то! Вы думаете, Маурисио Рейес совсем дурак? Ваша дочь испорченная, она была не девственница. Я ей вчера об этом не сказал, потому что хотел проучить позже, но не успел — она взяла и удрала. Я не позволю делать из меня идиота! — и Маурисио застучал ногами по полу.

Арсиеро и Эстебан переглянулись и, подхватив его под локти, силком увели в кабинет.

Роксана яростно обмахивалась веером так, что локоны её ходили ходуном. Берта была задумчива. Либертад улыбалась себе под нос. На лицах Урсулы, Сантаны, Лусиано и Норберто читалось возмущение. Мисолина ухмылялась, и только Амарилис выглядела безмятежно. Пока её супруг и племянница обмусоливали произошедшее, она, прогуливаясь по гостиной, бросила взгляд на Ламберто. Тот стоял в стороне, так и не понимая, что же ему делать.

Ламберто был убежден: он не может принять чью-либо сторону, не зная, что сподвигло Эстеллу сбежать. Смутно подозревал: дело в том мальчике с портрета. Наверное, она сильно его любила. Но это были лишь его догадки, и Ламберто предпочитал молчать о них.

Амарилис долго рассматривала погружённого в свои мысли маркиза. Вскоре он почувствовал её взгляд и поднял глаза. Улыбаясь, Амарилис подошла к нему.

— Вы брат Роксаны, не так ли? — лукаво склонила она голову к плечу.

— Да, я маркиз Ламберто Фонтанарес де Арнау.

— А я Амарилис де Пенья Брага, лучшая подруга Роксаны, ваше Сиятельство.

— Ой, давайте без сиятельств, — отмахнулся Ламберто. — Я так устал их слушать целыми днями, что уже начинаю забывать своё имя. Зовите меня просто Ламберто.

— Как вам угодно. Мне кажется, Ламберто, или вы чувствуете себя не в своей тарелке на этих семейных разборках?

— Как вам угодно. Мне кажется, Ламберто, или вы чувствуете себя не в своей тарелке на этих семейных разборках?

— Ох, вы правы, Амарилис! Хотя я и дядя Эстеллы, но я гость в этом доме, и, по правде сказать, мне сейчас хочется отсюда сбежать. Я чувствую себя так, будто подглядываю в замочную скважину.

Амарилис громко расхохоталась.

— Знаете, Ламберто, мне кажется, мы с вами поладим. В данной ситуации я чувствую то же самое. Я и моя семья здесь случайные гости. Вчера бал закончился поздно и Роксана любезно пригласила нас остаться до утра. Если б я знала, что сегодня мы будем свидетелями

такой пикантной семейной сцены, я предпочла бы вчера уехать домой, даже под страхом, что на наш экипаж нападут разбойники.

— Это ваши муж и дочь? — простодушно спросил маркиз, указывая на Сантану и Норберто.

— Муж и племянница. У меня нет своих детей. Бог не дал, — Амарилис повела плечиком. — А Сантана осталась сиротой, бедняжка. Мой брат и его жена умерли, и я забрала её к себе. Не могла же я бросить девчонку на произвол судьбы.

— Да вы сама доброта, Амарилис!

— А-ха-ха-ха! Вы мне льстите. Я всего лишь выполнила священный долг тётушки. Кажется, мой муж меня зовёт. Позвольте откланяться.

— Надеюсь, мы ещё встретимся, Амарилис?

— Но, Ламберто, разве вы не уедите обратно в Буэнос-Айрес?

— Уеду, но не сразу. У меня ещё дела в этом городе, так что я задержусь, — Ламберто приосанился.

— Тогда буду рада новой встречи.

Амарилис вернулась к своему семейству, а Ламберто ещё долго её разглядывал. Не то, чтобы она заинтересовала его как сексуальный объект, скорее, он захотел с ней подружиться. Это было ещё более удивительно, ибо Ламберто имел привычку тащить в постель всё, что двигалось, и никогда не водил дружбу ни с одной женщиной.

===== Глава 47. Крайняя степень отчаяния =====

Эстелла оставила чемоданы в таверне, что прилепилась на углу Бульвара Путешественников, уговорив хозяина приглядеть за ними, и пошла на улицу Святой Мерседес, за которой начинался городской мост. Она хотела побродить по знакомым местам, попрощаться с ними прежде, чем покинуть Ферре де Кастильо навсегда. Когда-то она, милая девчушка двенадцати лет от роду, бегала по этой улице на свидания с Данте. Их первые свидания, их местечко у реки, где они сидели, болтая ногами в воде и рассказывая друг другу всё. Она клала голову ему на плечо и забывала о бедах. Словно, кроме них двоих, в мире никого не существовало. Как же ей было хорошо! И почему её счастье продлилось так недолго?

По лицу Эстеллы текли горькие слёзы, пока она добиралась до заветного местечка. Вот они, деревья жакаранды. Здесь она увидела Данте впервые. Подглядывала за ним, прижимаясь к стволу, когда он колдовал.

— Данте... — позвала девушка шёпотом.

Эстелла протаранилась сквозь кусты и деревья, разорвав подол и расцарапав руку до крови. Вот он, их с Данте любимый берег. Всё тут также, как тогда, ничего не изменилось. Густая трава под ногами, птички в кронах деревьев. Даже брёвнышко, на котором они сидели, то же самое.

Эстелла примостилась на него и, скинув туфли, погрузила ноги в воду. Вода была тёплая-тёплая, а река — спокойная, точно дремала, разомлев под лучами солнца. Эстелла уронила голову на колени и разревелась. Они были здесь вдвоём, а теперь она одна и умирает без Данте, умирает уже три месяца, долго и мучительно.

Тучу времени просидела Эстелла у реки, плакала и вспугивала мелких рыбёшек, создавая ногами брызги. Потом погрузила в воду руки, мечтая хоть немного приблизиться к Данте, к тем воспоминаниям, что согревали её обычно. Но теперь ей было холодно. Только боль и пустота, давящая тоска и иного ничего нет.

Спустя три часа, обессиленная от слёз Эстелла надела туфельки и побрела назад. Дойдя до моста, миновала несколько улочек. Взяла из таверны чемоданы, дав хозяину мелочь на чай, и ещё через полчаса явилась в «Маску».

Сеньор Нестор что-то мастерил у себя за столом. Увидел Эстеллу и даже лорнет из рук выронил.

— Ой, это вы! Куда ж вы пропали-то? Ушли, исчезли, все вещи тут оставили. Я их это, сохранил. Да и комнату вашу никому не сдавал, думал, вернётесь вы.

— Я пришла за вещами, — выговорила Эстелла.

— А где ж муж-то ваш?

— Он умер.

— Как умер? — сеньор Нестор с размаху плюхнулся на стул.

— Вот так, умер, убили его... — Эстелла закусил губы, стараясь не реветь. — Дайте мне, пожалуйста, ключ. Я бы хотела... хотела побывать в обеих комнатах, где мы жили. Пожалуйста...

— Хорошо, — всё ещё силясь прийти в себя от этой новости, сеньор Нестор протянул Эстелле два ключа — от номера 303 и номера 412.

Оставив чемоданы в холле, Эстелла поднялась наверх.

Номер 303 располагался в конце коридора третьего этажа. Тот самый номер, где она провела лучшее Рождество в жизни. Здесь же была их первая с Данте ночь, самая нежная, самая незабываемая.

Эстелла вставила ключ в замочную скважину. Повернула его. Номер сейчас был свободен, видимо, жильцы только-только съехали. И ничего от Данте тут не осталось. Чужие скомканные простыни, запах табака и шоколада и мусор в углу.

Эстелла прошла на балкон, но и тут ждало её разочарование. Огромная яблоня, что так любила обклёвывать Янгус и ветви которой лезли прямо на балкон, была теперь безжалостно спилена. Только пенёк торчал.

Эстелла перегнулась через перила. Бульвар Путешественников жил своей жизнью, нисколько не сокрушаясь о том, что Данте покинул этот мир навсегда. Всё та же суeta, всё те же прохожие: конопатый мальчик с таксой по кличке Сарделька — сынок зеленщицы сеньоры Марты; аптекарь сеньор Сантос, стоящий на углу с трубкой в зубах; хмурый мясник сеньор Дади; рыжий парфюмер мсье Пьер — помесь немца с французом.

Эстелла, плача, покинула номер. Она знала, что будет больно, но гораздо большее оказались не воспоминания о счастливых днях, а осознание того, что жизнь закончилась только для Данте и для неё, а для других людей, для всего города, она идёт своим чередом.

Она поднялась на четвёртый этаж. Вся дрожа от страха увидеть и в 412 номере, их супружеских апартаментах, ту же пустоту, девушка открыла дверь. Вот оно, их любовное гнёздышко, в которое они едва успели переехать. Пробыли здесь всего пару дней до злополучной сантаниной свадьбы. Правду сказал сеньор Нестор — он не сдавал комнату никому в надежде, что жильцы его вернутся.

Вот стоят чемоданы, часть которых они так и не успели разобрать. Простыни на кровати всё ещё хранят воспоминания о жарких ночах любви. Белая рубашка Данте, небрежно брошенная на синее канапе. Черепеховый гребень, которым он расчёсывал Эстелле волосы по утрам. И даже жердь Янгус стояла на том же месте. На ней болтался засохший персик.

Захлёбываясь слезами, Эстелла обошла квартирку. Она будто вернулась в прошлое.

Кажется, вот сейчас, сию минуту откроется дверь ванной и Данте, с мокрыми волосами и в одном полотенце на бёдрах, выйдет оттуда и заключит её в объятия.

В исступлённом безумии Эстелла метнулась на балкон, глянула вниз — красивый отсюда вид — на аллею Лос Роблес, засаженную огромными многовековыми дубами.

Девушка вернулась в гостиную. Вот кipa книг на полу — у Данте была хорошо развита фантазия и он буквально заглатывал книги, порой отключаясь от реальности.

Эстелла схватила с канапе его рубашку, прижав к губам, добралась до кровати и рухнула в неё. Родной запах. Запах мяты. Вся одежда и волосы Данте, и он сам, и вся постель так пахла. Всегда.

Некоторое время Эстелла лежала в кровати в обнимку с рубашкой. Затем встала и доплелась до ванной. Высохшие мыльные шарики в коробочке, что вечно благоухали на всю ванную, до сих пор источали лёгкий аромат свежих трав. Закрыв лицо руками, Эстелла выскочила оттуда. Она ведь знала, что ей будет тяжело, знала, но что бы так... И за что ей это?

Эстелла открыла шкаф — оттуда на неё пахнуло засушенной мятой — Данте любил класть в шкафы и комоды свежие мятные листики. Скуля, Эстелла перебирала его вещи, целуя каждую. Складывала их в чемоданы. Взяла всё, что смогла унести, и, пошатываясь, возвратилась в холл. Протянула сеньору Нестору ключи.

— С вами всё хорошо? — спросил хозяин, заглядывая в заплаканное лицо девушки. — Вы такая бледная. Не хотите воды?

Кивнув, Эстелла села на стул, поместив чемоданы рядом. Сеньор Нестор протянул ей стакан с водой.

— Спасибо. Я... я ещё хотела спросить, сеньор, — пролепетала Эстелла. — А лошади? Лошади, которые в конюшне оставались, чёрная и белая, где они?

— Белая там и стоит, бедняжка. Красивая лошадь. Я несколько раз выводил её прогуляться, чтобы она размялась. Я кормлю её, расчёсываю. Жалко её, три месяца в конюшне стоять, какой лошади это понравится?

— А чёрная? Неужто умерла? — шёпотом спросила Эстелла, боясь услышать страшное. Она ни раз читала о случаях, когда животные болели и умирали после смерти хозяина.

— Нет, ну что вы! — воскликнул сеньор Нестор. — Жива и здорова была, когда её забирал молодой человек.

— М-м-молодой человек? — Эстелла похлопала ресницами, чуть не выронив стакан на пол. — К-к-какой? Кто он?

«Может, это Клементе приезжал сюда?» — подумала она.

— Как какой? Супруг ваш. Он приходил сюда, это было... эээ... месяца три назад. В июне, кажется... — сеньор Нестор закатил глаза, подсчитывая что-то в уме. — Ну да, правильно, в июне.

— К-к-как это? — промямлила Эстелла, окончательно обалдев.

— Ну да, он приходил. На мой вопрос ничего внятного не объяснил, поднялся на четвёртый этаж, взял что-то в комнате. Потом забрал чёрную лошадь и уехал.

У Эстеллы аж в ушах зазвенело. Нет, она сошла с ума! Определённо. Как Данте мог забрать лошадь, если в июне он был в тюрьме? И в том же июне его и казнили. У него не было шанса приехать за Алмазом. Наверное, сеньор Нестор что-то напутал.

— Но... вы уверены, что это был Данте?

— Конечно, я ж не слепой пока ещё. Правда, он вёл себя странно и выглядел странно. У

него были волосы во-от такие, — сеньор Нестор указал на поясицу. — И на нём был плащ, длинный, аж по полу волочился. А ещё много украшений на пальцах и огромные когти, как у ястреба, представляете? Я так удивился, подумал, что он сбежал с бала-маскарада. Никогда не видел, чтобы люди так ходили по улице.

Эстелла не знала, что и думать. Этого быть не может, ведь Данте мёртв! Она сама видела его мёртвым. Она помнит эти остановившиеся глаза и окаменевшее лицо, когда он истекал кровью у неё на руках. Данте с волосами до пояса она видела только раз, когда он приходил к ней свататься. И тогда же он был в длинном плаще. Наверняка в тот день сеньор Нестор и видел его. Он попросту спутал месяцы.

— Вы поможете мне погрузить багаж на лошадь? — слабым голосом выдавила Эстелла.

— Помочь-то помогу, да поздно уже, и устали вы, сразу видать. Вы и пятнадцати минут не проедете. Взгляните на себя, какая вы бледная. Оставайтесь на ночь. Переночуете тут, а завтра утром поедете.

Эстелла попыталась возразить, но сил у неё не было даже на это. Хозяин прав, лучше переночевать здесь.

— А можно мне в другой номер? Пожалуйста... Я не хочу в том оставаться, это... это выше моих сил.

— Да, конечно.

Сеньор Нестор самолично затащил эстеллины чемоданы в другой номер, на втором этаже, и отвел её в трактирчик, чтобы она перекусила. И зря. Ибо и это место напомнило Эстелле о Данте. Их первый поцелуй и первый совместный ужин. В тот день она убежала из дома, а Данте привёл её сюда, накормил и целовал, целовал...

Разревевшись, Эстелла выскочила из трактира на улицу. Забежала в конюшню. Жемчужина стояла понурая, но при виде Эстеллы радостно заржала, переминаясь с ноги на ногу.

— Прости, моя хорошая, что не забрала тебя раньше, — шепнула Эстелла, обнимая лошадь.

Эту кобылу подарил ей Данте. Эстелла всегда любила животных, но Данте научил её видеть в них друзей, которые всё чувствуют и понимают.

— Завтра мы поедem в «Лас Бестиас». Потерпи ещё одну ночь, — беседовала Эстелла с лошадьё. — Сеньор Нестор прав, сегодня я не в состоянии никуда ехать, я попросту вывалюсь из седла по дороге.

После общения с Жемчужиной Эстелле стало легче дышать. Живое существо, которое её поняло, которое, в отличие от людей, не давало советов и не навязывало своё мнение. Кобыла лишь глядела на Эстеллу добрыми карими глазками. Эстелла плакала, прижимаясь к тёплой гриве лицом. Наконец, она покинула конюшню.

Прохладный ветерок дул девушке в лицо, взъерошивал волосы, раздувал подол платья.

Пшшшш...

С шипяще-фыркающим звуком что-то вдруг свалилось Эстелле на голову. Или кто-то. Оно зацепилось острыми когтями за эстеллино плечо и упало на землю, угодив под свет фонаря. Это была чёрная кошка с ярко-жёлтыми, как лимоны, глазами. Она приземлилась на все четыре лапы, чихнула и отряхнулась.

— Ты меня напугала, — вяло сказала Эстелла.

— Неужели я такая страшная? — усмехнулась кошка.

— Да нет, ты красивая, но кто ж так внезапно падает с неба... Что-о-о? — Эстелла

вперила взор в кошку. — Это ты со мной говорила?

— Разумеется я, — улыбнулась кошка во весь рот.

— Ты... ты... говорящая? — Эстелла проглотила комок в горле. — Никогда не видела говорящих кошек.

— Я волшебная кошка, — объяснила кошка.

— А...

— И я вижу, с тобой что-то не так. У тебя что-то случилось?

Закрыв лицо руками, Эстелла расплакалась.

— Я больше не могу так жить... я хочу умереть, — Эстелла понимала, что ведёт себя очень глупо, откровенничая с кошкой, хоть и с волшебной, но ничего не могла с собой поделать. Она сходит с ума, разговаривает то с лошадью, то с кошкой. Теперь-то она понимает Данте. Теперь она знает что такое настоящее одиночество.

— Отчего же столь юная и красивая девушка вдруг хочет умереть? Не рановато-ли об этом задумываться? — поинтересовалась кошка.

— Я не могу жить без него... не могу. Он мне нужен... Данте, мой Данте... Никто не может мне помочь. Я сделала всё, что могла, даже возвращалась в прошлое, но что-то пошло не так...

Кошка промолчала, и Эстелла отняла руки от лица. Вытерла слёзы. И чуть не вскрикнула. Желтоглазой кошки больше не было. Теперь у фонаря стояла эффектная женщина. Глаза у неё были карие, длинные чёрные волосы зачесаны в высокий хвост. Одета она была необычно для среднестатистической женщины — в мужской жилет, широкие брюки-юбку и серебристый плащ, длиной до земли.

Эстелла проморгалась.

— Эээ... а... где тут только что кошка была, сеньора? Чёрная кошка...

— Это я и была. Я волшебница, могу принимать облик кошки, — сказала Клариса, поправляя подол плаща.

— Вы были кошкой? Это я с вами разговаривала?

— Именно. Я показываю мой истинный облик далеко не каждому, — уточнила бывшая кошка.

— А почему вы показались мне?

— Потому что вижу, ты хороший человек и тебе нужна помощь.

— Помощь? Мне уже нельзя ничем помочь, — Эстелла обняла себя руками за плечи.

— Ну-у-у, хотя бы начать с того, что я могла бы просто выслушать тебя.

— Да, но как я могу говорить с незнакомым человеком на личные темы? Когда вы были кошкой, это было легче.

— Если хочешь, я могу обернуться обратно. А познакомиться нам не составит труда. Меня зовут Клариса, — женщина улыбнулась, протягивая Эстелле руку в ажурной перчатке.

— Эстелла, — представилась девушка и, пожав кларисину руку, ощутила, как по пальцам разлилось тепло. Магия! Эта женщина действительно волшебница, такая же волшебница, как Данте.

И тут вдруг Эстеллу точно обухом по голове ударило: незнакомка из зеркала советовала найти женщину, которая умеет превращаться в кошку! Так вот эта женщина-кошка, она стоит прямо перед ней! Эстелла судорожно открыла рот, пытаясь вздохнуть побольше воздуха.

— О, боже... боже... — побормотала она. — Я ведь хотела вас найти, только не знала

как. Вы мне и нужны...

— Я знаю, — фыркнула Клариса. — Ты думаешь, я случайно сюда пришла? Я прихожу к тем людям, которые нуждаются в моей помощи.

— Да-да, я нуждаюсь, очень нуждаюсь в вашей помощи, — Эстелла снова расплакалась. — Говорящее зеркало... оно сказала, что вы можете мне помочь, только вы.

— Какое-какое зеркало?

— Говорящее. Я с ним разговаривала, и оно давало мне советы. А в последний раз оно сказала, чтобы я нашла женщину, которая может превращаться в кошку.

Клариса нахмурилась.

— Что ж, пойдём-ка со мной.

— Куда?

— Ко мне домой.

— Но...

— Не бойся, я не причиню тебе зла. Я никогда не делаю плохо людям, у которых душа светлая. Твоя душа светла и мысли твои чисты, — пространно сказала Клариса. — Идём со мной. Ты должна мне всё подробно рассказать. Кто знает, вдруг я и правда смогу тебе помочь?

Щёлк! Клариса вновь обернулась в кошку.

— Мне так привычнее, — пояснила она. — Не люблю привлекать внимание к своей персоне. Иди за мной.

Эстелла подчинилась и пошла вслед за чёрной кошкой, лимонные глаза которой яростно блестели в сумерках.

===== Глава 48. Книга Прошлого =====

Сидя на чёрном бархатном диване, Эстелла пила чай. Дрожь в теле ослабела, и в сердце девушки родилась безумная надежда, когда Клариса, выслушав всю их историю с Данте, объявила, что попробует помочь.

Сейчас она ушла в другие комнаты, спрятанные за плюшевыми шторами, а Эстелла осталась в гостиной, где стены были обиты серебристой парчой.

В колдовском доме девушка никогда не была и в иное, счастливое время, впала бы в эйфорию. Но теперь её даже чудеса не радовали, хотя волшебство тут лезло буквально из всех щелей. Каждая статуэтка, каждая шкатулочка, каждый предмет интерьера таили в себе волшебство. Книжки на полках: огромные и миниатюрные, толстые и худенькие, с кожаными, бархатными и шёлковыми обложками, шелестели страницами, будто разговаривая, — Эстелла могла бы поклясться, что слышит голоса и разбирает фразы. Из шкатулки на столике шёл серебристый дым, а диван, на котором Эстелла сидела, частенько шевелил ножками и, кряхтя, потягивался.

От ароматного земляничного чая и тепла, исходящего от камина, где полыхал золотой огонь, Эстелла разомлела. Как было бы хорошо заснуть и не просыпаться!

Раздались шаги. То вернулась Клариса, принесла три предмета. Один представлял собой гигантский кубок, внутри которого лежало зеркало. Второй — круглый стеклянный шар, наполненный белым дымом. Третий предмет — книга с обложкой из змеиной кожи.

— Успокоилась? — спросила Клариса, взглянув на Эстеллу.

— Ага, немного.

— Ну вот и славно.

Клариса подвинула стол, водрузив на него артефакты, и села рядом с Эстеллой. Та

непонимающе переводила взгляд с Кларисы на артефакты и обратно.

— Я обещала помочь тебе и сдержу слово, — ответила Клариса на её взгляд. — Мы попробуем узнать что произошло с Данте после того, как он выпил зелье. Мы попробуем узнать, где он сейчас, жив или мёртв. Но я не гарантирую положительный результат. Может быть всё, что угодно, ведь то, что ты мне рассказала, странно.

— Почему?

— Правильно сваренный Эликсир Силы действует мгновенно. Он даёт человеку, выпившему его, небывалую силу, силу с которой сравнится разве что сила урагана. То есть, если бы Эликсир был сварен как положено, Данте мог бы раскидать палачей и толпу одной рукой. Он не позволил бы себя убить, так как Эликсир Силы включает в работу защитный механизм. Даже если человек не хочет защищаться, под воздействием Эликсира, он это сделает. Но здесь что-то не так.

— Значит, я неправильно его сварила, — вздохнула Эстелла.

— Или ты сварила не Эликсир Силы, — глаза Кларисы цветом напоминали крепко заваренный чёрный чай.

— Как это? Но на рецепте было написано: Эликсир Силы, — возразила Эстелла.

— Ну мало ли что там было написано. Написать можно что угодно. Мне не нравится тот человек из зеркала, про которого ты рассказала, совсем не нравится. Зачем ему помогать тебе воскрешать Данте? Зачем ему давать тебе рецепт непонятного зелья? Вот если бы ты вспомнила состав... Ты не сохранила рецепт?

— Так я помню! — встрепелась Эстелла. — Я его наизусть выучила, пока варила. Знаете, сколько раз я его перечитала, чтобы не ошибиться? Сотни две, как минимум.

— Это хорошо. Тогда напиши мне этот рецепт, — велела Клариса. В руке её появились пергамент и перо с чернильницей.

Пока Эстелла корпела над написанием, Клариса спросила:

— У тебя есть какие-то вещи, которые принадлежали Данте?

— Ммм...

— Надо что-то, что он носил постоянно: кусочек одежды, украшение, талисман.

— Что ж вы не сказали раньше? — расстроилась Эстелла. — Все его вещи остались в «Маске».

— Жаль. В идеале был бы незаменим клочок волос или ногти, или кровь, но...

— Стойте! У меня есть! — Эстелла стянула одно из обручальных колец и отдала его Кларисе. — Это кольцо сплетено из его волос, — объяснила она.

— Отлично! То, что надо! — Клариса положила кольцо на ладонь. — Эстелла, расскажи мне происхождение этого кольца.

Эстелла выложила женщине-кошке всё про их свадьбу с Данте, про Тибурона, про ритуалы, что он совершал.

— Чары любви, — задумчиво протянула Клариса, когда Эстелла окончила рассказ. — Как я поняла, кольца должны чувствовать друг друга, если магия их жива. Магия умирает либо со смертью одного из носителей колец, либо с прекращением взаимности любви их обладателей. Хотя бы раз за это время кольцо давало о себе знать?

— Нет. Точнее, — Эстелла замялась, — я не знаю. Я его прятала в медальоне, чтобы не видеть лишний раз. Но когда я его вынимала, никакой магии не чувствовала, кроме того раза, вчера, когда... когда... — Эстелла покраснела, — когда я была близка с другим человеком. Оба кольца засветились.

— Оба?

— Да, есть ещё второе. Такое же. Одно из прошлого, второе из настоящего. Я вам рассказывала же про Зелье Времени.

— Это кольцо мертво, — Клариса отложила первое кольцо в сторону.

— Оно из прошлого, — пояснила Эстелла. — Это кольцо, которое я достала из вазы.

— Давай второе.

Эстелла сняла второе кольцо. Клариса долго держала его на ладони, потом объявила:

— Это живое. Я чувствую его магию, но её как будто что-то сдерживает.

— Что это значит?

— Сейчас посмотрим, — Клариса подвинула к себе стеклянный шар. — Это Ищущий Шар. Благодаря ему, можно найти любого человека, как живого, так и мёртвого.

Эстелла вся была натянута, как струна, и Клариса это почувствовала.

— Успокойся, — велела она. — Для начала мы выясним, жив Данте или нет. Смотри внимательно на шар. Сейчас я положу на него кольцо, он начнёт вращаться и идентифицирует владельца кольца-магнита, того кольца, что было надето на палец Данте. Если шар станет зелёным, значит, человек жив и находится на земле. Если шар станет красным, значит, человек мёртв и находится под землёй. Готова?

— Д-д-да, — Эстелла задрожала.

— Успокойся, — повторила Клариса мягко.

Она взмахнула рукой — из шара потянулся белый дымок. Клариса уложила кольцо на стеклянную поверхность, прижав его пальцем, и шар быстро-быстро завращался.

У Эстеллы зуб на зуб не попадал от страха, когда она следила за процессом. Вдруг шар замер. Цвет он не поменял, как был белым, так и остался.

— Что это значит? — шёпотом спросила Эстелла.

— Пока ничего. Надо подождать.

Минуты тянулись бесконечной, мучительной лентой. Наконец, в шаре что-то щёлкнуло, он задымился и стал ярко-зелёным.

Эстелла громко вскрикнула. Потеряв над собой контроль, она закрыла рот руками и откинулась на диван.

— Не может быть... боже мой...

— Спокойнее. Тебе плохо? Может прервёмся? Хочешь чаю? — поинтересовалась Клариса.

— Нет-нет-нет, продолжайте! Я сейчас успокоюсь. Он живой! Живой!

— Да, живой, — улыбнулась Клариса, снова глянув на шар. Лицо её выглядело напряжённо-задумчивым.

Эстелла изо всех сил пыталась взять себя в руки, сердечко её колотилось, как сумасшедшее.

— Странно, — выдавила Клариса, — очень странно. Шар не может определить местонахождение Данте. Впервые такое вижу. Он говорит, что Данте жив, но не находит ни одного места на земле, где бы тот мог быть.

— Как это?

— Пока не знаю.

— Но что же делать?

— Сейчас мы с тобой вернёмся в прошлое, — известила Клариса.

— В прошлое? Что, опять? — напугалась Эстелла.

— Нет, не бойся. Мы останемся здесь и будем только смотреть прошлое, наблюдать его со стороны. Мы вернёмся в тот самый день, когда Данте выпил Эликсир. Ты, кстати, написала рецепт?

— Да, — Эстелла отдала Кларисе бумажку.

Та внимательно вчиталась.

— Хм... это не Эликсир Силы, дорогая моя. Кровь... волосы... огонь... То что ты наварила — это чёрное, наичернейшее зелье.

Эстелла в ужасе затрясла головой.

— Но я не знала... Боже мой, что я наделала? Что это? Что я сварила? Это яд?

— Нет, это не яд. Это зелье не смертельно. Это Зелье Душ. Человек, что тебе его посоветовал, страшно хитёр. И это наверняка чёрный колдун. Не каждый колдун знает рецепт такого зелья.

— Но всё же, что это? Объясните, умоляю, чем я напоила Данте? — ломала руки Эстелла.

— Тише, без паники. Действует оно примерно так: сначала человек ощущает, будто его заморозило, и теряет сознание. Ты говоришь, Данте ранили и была кровь? Но зелье на первом этапе действует, как щит. Таким образом, раны, скорее всего, были поверхностны.

— Но тогда что же плохого в этом зелье?

— Заморозка или щит — это первый этап действия Зелья Душ. Потом человек впадает в летаргический сон. Он как бы жив, но и как бы мёртв. Это состояние может длиться как полчаса, так и несколько месяцев, зависит от дозировки компонентов в зелье. А потом происходит третий этап. На каждого человека зелье действует по-разному. У кого-то это проявляется полной потерей памяти, у кого-то нервным расстройством, паранойей, манией преследования, а кто-то полностью теряет свою личность, становясь другим человеком, как бы отключается от всего, что было раньше.

— Боже мой, вы думаете с Данте такое случилось?

— Понятия не имею. Неизвестно, как он отреагировал на зелье. Реакция может быть и вовсе непредсказуемая. Зелье Душ — коварнейшая штука.

— Это я во всём виновата, — залилась слезами Эстелла.

— Ты сделала всё возможное, и ты спасла ему жизнь. Это уже многое значит. Магия, девочка, может всё, кроме одного — она не способна спасти человека, который уже мёртв. Но как мы выяснили, Данте твой скорее жив, чем мёртв, а значит, у нас с тобой есть шанс его найти и вернуть к нормальной жизни, в каком бы состоянии он сейчас ни был.

— Правда?

— Правда.

Эстелла утёрла слёзы.

— Сейчас мы будем листать Книгу Прошлого, — продолжила Клариса. — Мы вернёмся в тот день, на площадь, и отследим весь путь Данте после того, как он исчез из поля твоего зрения. Готова?

— Да! — уверенно сказала Эстелла.

Клариса взяла гигантский кубок с зеркалом на дне, накапала в него фиолетовую жидкость из изогнутого сосуда. Запахло лавандой. Клариса поднесла к кубку зажжённую лучину. И жидкость загорелась. Водрузив книгу в обложке из змеиной кожи на кубок, Клариса открыла первую страницу. Книга вспыхнула. Эстелле на секунду показалось, что она сейчас сгорит, но пламя потухло и книга засияла голубым светом. Женщин окутал

туман. На странице появились цифры. Эстелла присмотрелась и поняла, что это календарь. Клариса потыкала пальцем в календарь, листая даты, нашла нужную и нажала на неё ногтем.

— Внимание! — объявила она.

Книга увеличилась, став размером со столешницу. Страницы начали быстро-быстро перелистываться.

И вот, Эстелла увидела Пласа де Пьедрас. Толпа. Эшафот. Вот стоит Данте, надменно вскинув голову. Такой красивый и гордый. А вот и она, Эстелла, бросилась к нему, расталкивая всех. Жадно прильнула к его губам, оставив во рту капсулу.

— Смелая девочка, — шёпотом одобрила Клариса.

Ещё секунда и раздался крик: «Пли!». Данте упал на спину, когда семь стрел вонзились ему в грудь. Эстелла увидела себя, кричащую над окровавленным юношей. Увидела Роксану, которая оттаскивала её и била. Увидела Янгус, точно часовой, закрывшую Данте крыльями. И вот Данте погрузили на телегу. Янгус села рядом, шипя на палачей и кучера.

— Необычная птица, — заметила Клариса.

Телега двинулась в путь. Эстелла неотрывно следила за Данте — он не шевелился. Янгус прыгала возле него, размахивая крыльями. И вдруг тело Данте засветилось. От яркой вспышки кучер остановил лошадь. По указанию падре Антонио палачи должны были провезти тело по всему городу, а затем повесить на воротах для устрашения населения. Падре категорически запретил хоронить Данте как положено, велел вволю поиздеваться над телом, но не тут-то было.

Кучер и палачи в страхе сползли с телеги — прямо из груди Данте вырывался столб серебристого пламени. Миг, и он открыл глаза. Сел и огляделся.

У Эстеллы сердце почти остановилось, когда она увидела своего Данте, живого и здорового. Она, конечно, обратила внимание, что у него волосы до пояса и длинные-длинные когти. Но ей было наплевать на это. Он жив! Жив!

Палачи и кучер пялились на Данте. Тот вдруг рассмеялся, яростно, зло, как в тот раз, когда устроил пожар в церкви, и направил на них руку. Вспышка, и у всех пятерых сделался вид умалишённых. Они пустыми глазами осматривали округу, спрашивая друг у друга, как кого из них зовут.

— А мальчик силён! — горделиво прокомментировала Клариса. — Он стёр им память, надо же! Ритуал Забвения. Не каждый маг способен совершить его как положено. Я вот досих пор не научилась, — она рассмеялась.

Сердечко у Эстеллы билось где-то в горле. Данте преспокойно ушёл, оставив беспмятных мужчин на дороге. Отойдя, он крутанулся вокруг себя, превратившись в нечто вроде чёрного вихря. Это нечто взвилось над землей и улетело прочь. Янгус парила следом, не отставая.

Эстелла увидела знакомую вывеску: «Дом гостиничного типа «Маска»». Чёрный вихрь обратился в Данте и устремился туда. Янгус тотчас взгромоздилась ему на голову. Сеньор Нестор обрадовался его появлению, но Данте вёл себя отстранённо. Он поднялся по лестнице, зашёл в комнату и вынул из комода длинную коробку. В ней лежал серебряный меч, с рукоятью инкрустированной рубинами. Сунув меч под плащ, Данте вышел на улицу. Оседлал Алмаза и ускакал.

— Сеньор Нестор говорил мне, что Данте приходил, — шепнула потрясённая Эстелла. — А я не поверила, подумала, что он всё перепутал.

— Надо узнать что было дальше, — отозвалась Клариса. — Не похоже, чтобы он

потерял память.

Эстелла и Клариса ещё долго наблюдали, как Данте скакал и скакал куда-то в лес. Янгус летела следом, несмотря на то, что в эту ночь лил дождь и сверкала молния. Эстелла подумала: в тот же самый миг она лежала, уткнувшись лицом в озеро, и молила о смерти. Там и нашла её Лус-Инес. Боже, если бы она тогда знала, что Данте жив! Если бы знала! Не что с ним случилось? Почему он не объявился? Как он мог заставить её так страдать? Неужели он забыл о ней?

Данте, тем временем, пронёсся галопом, минуя жилой квартал, резко пришпорил Алмаза посреди леса и прыгнул на землю.

ЩЁЛК! Сняв перчатки, он щёлкнул пальцами, и на ладони его засветился крошечный серебристый огонёк. Освещая себе путь, Данте углубился в чащу. Шёл он долго, не оглядываясь. Выйдя на поляну, опустился на колени. Взмахнул рукой. Пальцы его осветились ярко-алым. Он провёл ладонью над землёй. Чуть в стороне от места, где он сидел, трава стала багровой. Убрав руку, Данте и начал быстро разгребать землю. И его усилия увенчались успехом: под мокрой землёй оказался люк.

Юноша извлёк из-под плаща волшебный меч, тот самый, что забрал из «Маски». Он подцепил крышку люка мечом, и она открылась, явив взору тоннель со ступенями, уходящими под землю. Подобрал полы плаща, Данте спустился вниз.

Тоннель привёл в помещение, где на стенах висели факелы. Посредине комнаты стоял чёрный гроб. Данте приблизился к нему и долго смотрел на крышку. Лицо его выглядело как никогда хищно.

Он поднял крышку гроба. Внутри лежал дряхлый дед. Эстелла вскрикнула, узнав старика. Это был Тибурон. На среднем пальце левой руки покойника сиял серебряный перстень с изумрудом. Данте, схватив мертвеца за пальцы, сдёрнул перстень. Тотчас факелы на стенах зашевелились, будто раздуваемые порывом ветра. Крышка гроба захлопнулась, и откуда-то сверху раздался завывающий голос: «Отдай!».

— Чёрта-с два! — усмехнулся Данте, надев перстень.

— Тебе это дорого обойдётся! — сказал голос.

— Буду ждать с нетерпением! — и Данте, неистово хохоча, щёлкнул пальцами. Серебристое пламя окутало его целиком, и он растворился в голубом дыму.

Материализовался Данте в каком-то тоннеле. Оглядываясь, побежал вперёд.

— Стой! — крикнули вслед. — Отдай перстень!

— Не отдам! Он мой!

— Не твой, — из темноты выплыла тень. Когда свет упал на незнакомца, Эстелла вжалась в диван — это был Тибурон, тот самый, что только что лежал в гробу.

— Отвали! — грубо выплюнул Данте. — Это мой перстень! Ты забрал его шантажом и поплатился за это жизнью!

— Перстень принадлежит Данте, — сообщил зомби-дед. — Только он может его забрать. Или тот, кому он принадлежал изначально.

— Я и есть Данте.

— Нет, — усмехнулся дед, — ты не Данте.

Данте дьявольски расхохотался, так, что Эстелла аж вздрогнула.

— А ты не человек. Ты мертвец и гори в аду, старый хрыч! — выхватив меч, Данте отрубил деду голову.

Старик упал. Полилась кровь, мигом затопив весь коридор. Данте кинулся прочь. Янгус,

вопя, полетела следом. Тоннель петлял и вилял, то сужался, то расширялся. Данте освещал себе путь мечом, но вдруг кровь Тибулона, что осталась на его лезвии, превратилась в пламя.

— Проклятье! — выругался Данте, уронив меч.

И там, куда упал меч, земля раскололась. Данте свалился в расщелину. Янгус успела зацепиться за него когтями.

— Чёрт возьми! — только и успел крикнуть Данте, как земля над его головой сомкнулась, проглотив и юношу, и его верную птицу.

Эстелла в шоке прикрыла глаза.

— Бинго! — Клариса захлопнула Книгу Прошлого.

Открыв глаза, Эстелла опасливо взглянула на женщину. К величайшему её изумлению Клариса улыбалась.

— Ну? Что делать-то теперь? Где его искать? Куда он провалился? Ужас какой-то, — жалобно спросила Эстелла.

— Спокойно. Теперь я всё поняла. Шар не показывал местонахождение Данте, потому что он находится в таком месте, где магия шара бессильна, как бессильна и любая другая магия извне. Это место охраняют сильнейшие чары.

— А мы сможем туда попасть?

— Думаю, да. Хотя... я забыла, ведь ты не волшебница, а туда может попасть только маг.

— Но... я...

— Но у меня есть идея! Данте провалился туда случайно или по чьей-то злой воле, не знаю. Обычный человек, как и колдун, незнакомый с магией этого места, специально туда не попадёт. Но это не значит, что туда не попадут иные живые существа, — загадочно сообщила Клариса, вставая. — Итак, Эстелла, мы с тобой отправимся в удивительное место, какого не сыщешь и на всей земле. Место, где остановлен ход времени, где магия едина и не делится на чёрную и белую. Там никто не стареет и не умирает. Там нет страданий, лишь сны и волшебство. Это место, где сосуществуют одновременно солнце и луна. Место, где встречаются настоящее, прошлое и будущее.

— И я увижу Данте? — пламенно воскликнула Эстелла, тоже поднимаясь на ноги.

— Пренебреженно! — хищно сверкнула глазами Клариса.

Открыв хрустальную шкатулку, стоящую на столе, она вынула оттуда флакон — продолговатый, с изумрудной пробкой.

— Выпей это, — велела она Эстелле.

— Что это?

— Твой пропуск в мир магии.

Эстелла ни секунды не колебалась. Схватила флакон и проглотила его содержимое всё до капли. Вкус жидкости напомнил девушке вкус клубники.

Взяв Эстеллу за руку, Клариса взмахнула другой рукой. Обеих женщин окутал вихрь пыли и они растворились в воздухе, точно и не было их никогда.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ!

2 ИЮЛЯ 2013 — 24 СЕНТЯБРЯ 2015

©Darina Naar

===== ЧАСТЬ IV. Глава 1. Белая кошка =====

В комнате, со стенами обитыми изумрудным шёлком, в кресле сидел юноша. Волосы его, чёрные и блестящие, ниспадали до пояса. Он сидел неподвижно, вперив раскосые синие

глаза в книгу, где страницы отливали золотом. И не отражалось в его взгляде никаких чувств — ни хороших, ни плохих. Белая рубашка, отороченная кружевом; бархатные штаны, по бокам стянутые шнурками; серебряные пряжки на сапогах и пальцы с длинными когтями ясно говорили об аристократическом происхождении их владельца. Руки юноши были унизаны браслетами и кольцами; из них особо выделялся серебряный перстень с изумрудом, что сиял как звёзды на небосводе.

В комнате не было ни окон, ни дверей. На возвышении стояла круглая кровать с прозрачным балдахинном. На стене — камин, где горел синий огонь. По центру располагался зелёный диван. Изредка шевеля ногами и цокая когтями, он путешествовал от камина до кровати и обратно, напоминая древнюю-предревную черепаху. Дальний угол занимал стеллаж с книгами: говорящими и кричащими, плюющими, шепчущимися и поющими серенады. Цветы в горшках, расставленные всюду, крутили головами, вращали глазами и ушами и даже зубами щёлкали. На низеньком столике в золотой чаше плескалась жидкость, меняя цвета и источая аромат пачули.

Юноша (как читатель уже догадался, это был Данте) всё вчитывался в книгу. Обложку её, из чёрной кожи, украшали символы и надписи на непонятном языке. Данте это не смущало — книга так увлекла его, что он почти не дышал.

Вдруг — яркая вспышка. Одна из стен раскололась, выплюнув из пасти белоснежную кошку. Пройдя в дыру, кошка встряхнулась и взмахнула пушистым хвостом, пугливо осматриваясь. Сощуриив чёрные глаза, она глянула на Данте. Тот и не шелохнулся, даже головы не поднял — книга будто загипнотизировала его. Кошка, ступая по мягкому ковру, дошла до Данте и села у его ног.

— Мяу, — сказала кошка и потёрлась головой о его начищенный до блеска сапог.

Данте взглянул на кошку. Лицо его не выражало ничего — он был похож на фарфоровую куклу, красивую и бесчувственную.

— Мя-я-яу! — жалобно пропищала кошка.

Длинные ресницы юноши дрогнули. Черты его смягчились, а в сапфировых очах появилась жизнь.

— Как ты сюда попала? — спросил он тихо.

— Мяу, — в третий раз повторила кошка.

— Странно... за всё время, что я тут нахожусь, я вижу живое существо впервые. Ты, наверное, голодная, — вздохнул Данте.

На каминной полке, изрисованной арабскими надписями, стоял чугунный котелок. Данте поставил его на стол. Открыл крышку. Котелок задымился, выплюнув из своих недр: графин с молоком, горшочек со сметаной и блюдо с рыбой. Данте налил в блюдце молока, в другие два блюдца положил рыбы и сметаны и сунул еду кошке под нос. Та, чихнув, отвернулась. Выгнула спину и бочком потёрлась о Данте.

— Ты не хочешь есть? — удивился он, беря кошку на руки.

Кошечка оказалась маленькая, лёгонькая, с нежной, пушистой шёрсткой. Глядя на Данте чёрными, полными слёз и тоски глазами, она жалобно мяукала. В груди у Данте что-то ёкнуло — он безумно любил животных и ничто, и никто не мог это изменить.

— Какая ты красивая! — он прижал кошечку к груди.

Та вцепилась когтями ему в рубашку, вцепилась мёртвой хваткой. Данте гладил очаровательную кошечку; она дрожала, ласкаясь к нему, словно искала защиты.

— Ну что ты дрожишь? — утешал её Данте. — Кто тебя так напугал? Не бойся, я тебя не

обижу. Животные гораздо лучше людей, и я никогда их не обижаю. А некоторые люди не стоят даже того, чтобы в них плюнуть. Да и ты сама это знаешь. Тебя явно кто-то обидел. Не удивлюсь, если над тобой издевался какой-то человек. Все люди — твари.

Мало-помалу кошечка успокоилась. Она перебралась к Данте на плечо, мурлыкая от удовольствия, когда он потёрся щекой о её шёрстку. Юноша зевнул. Он хотел снять кошку с плеча и пойти в кровать, но не тут-то было — она прилепилась намертво.

— Послушай, но я хочу спать, — недовольно сказал Данте. На кошку это не произвело впечатления, и Данте пришлось лечь с ней вместе. Кошка, удовлетворённо мурлыкая, лизнула юношу в подбородок и сползла с плеча к нему на грудь. Присутствие живого существа что-то всколыхнуло в сердце Данте. Лёжа в постели и перебирая кошачью шёрстку, он погрузился в сон.

Проснулся Данте от ощущения какой-то тяжести. Открыл глаза и обалдел. На груди его лежала девушка с длинными тёмными волосами. Обвивая Данте руками, она улыбалась. Это была Эстелла.

Данте проморгался. Неужто он сошёл с ума? Он не помнил некоторые моменты и события, не знал какой сейчас день, год и месяц. Здесь не было часов и время словно заблудилось. Иногда Данте это пугало, иногда ему было всё равно, иногда он жаждал выбраться из этого непонятного места, но не знал как. Тут не было ни дверей, ни окон, и Данте не находил выхода. Зато нашёл целый стеллаж магических книг и стал изучать их в надежде, что одна из них поможет ему. Волшебные книги очаровывали Данте. Читая, он погружался в иные миры. С благоговением глядя обложки с выбитыми на них серебряными и золотыми надписями, выложенные рубинами и сапфирами корешки с каллиграфическими буквами на латыни и арабском языках, Данте испытывал настоящий экстаз. Он любил старинные вещи, приятные запахи и звуки, дорогие ткани. С такими вкусами ему стояло бы родиться принцем или графом, живущем в роскошном замке, но он, верно, родился не в том месте и не в то время.

Порой Данте терял связь с реальностью, а когда приходил в себя, ничего не помнил. В минуты просветления он думал об Эстелле. Как же там его милая храбрая девочка? Она ведь не знает, что он жив. Там, на площади, когда он раскусил капсулу, возникло ощущение, будто тело превратилось в лёд. И последнее, что он помнит, — крик «Пли» и семь стрел, вонзающихся в грудь. А дальше — пустота. И вдруг он очнулся в волшебном доме, где остановлен ход времени и нет ни одного живого существа. Данте казалось, что он здесь уже несколько лет как минимум. Он тосковал по солнцу и зелёным пампасам, со слезами вспоминал свободу, охоту на лошадей, тёплый ветер, скидывающий волосы. Может, это и есть смерть? Та самая, которой все боятся. И это место и есть пресловутый рай или ад. Если это рай, то он дико скучный и не стоит того, чтобы в него так рваться, а если ад... ничего в нём нет страшного. Тут не хуже, чем в сырой тюремной камере, но там были люди, а здесь даже цветы ненастоящие. Они не пахнут, не вянут, только сияют и крутят головами да глазами. И полюбоваться на них нельзя — они сразу шипят и плюются.

Самым больным для Данте было то, что он не знал ничего о Янгус, Алмазе и Жемчужине. Быть может, Эстелла забрала их к себе? Может, отпустила на волю?

И вот вчера появилась эта кошка, такая хрупкая и миленькая. Данте был счастлив, заснув с ней на груди, а сегодня проснулся и увидел Эстеллу. Настоящая, реальная, его любимая девочка, его жена. Откуда она здесь? Как сюда попала? И куда делась кошка?

Данте, помотав головой, чтобы согнать наваждение, уцепился за ухо. Нет, не сон.

Он не спит. И Эстелла не исчезает. С восторгом на лице она сладко спит, как в былые времена.

Данте нежно погладил Эстеллу по голове, накрутил на палец её длинный локон. Эстелла шевельнулась. Зевнув, открыла глаза. Взгляды их встретились.

— Эсте, — выдохнул он.

Струйки слёз покатались по лицу Эстеллы, и она судорожно обхватила ладонями его лицо, будто проверяя он это или нет.

— Эсте, девочка моя, это ты...

— Живой... живой... — пролепетала Эстелла, — мой Данте...

Вместо слов он накрыл её губы своими. Это всё наяву! Это правда Данте. Он живой, и с ним всё хорошо. И зелье, которым она его сдуру напоила, не убило его, не свело с ума.

Эстелла вцепилась в него так, словно боялась, что он растворится в воздухе. Она задыхалась от рыданий, едва в обморок не упала от нахлынувших эмоций.

— Живой... живой... люблю... я тебя люблю... — бормотала она, обезумев от счастья, пока Данте целовал её.

— И я люблю тебя. Как же я скучал! — отозвался он эхом. — Родная моя, как ты сюда попала? Вчера я заснул на груди с кошкой, а проснулся с тобой. А где кошка?

— Это я... я... я была кошкой, — Эстелла уткнулась носом Данте в висок; на лицо ей упали тяжёлые пряди его волос.

— Ты была кошкой? — приподнял тонкую бровь Данте. — Ты обратилась в кошку? Но как? Ты ведь не волшебница.

— Мне помогла одна женщина. Её зовут Клариса, она колдунья. Она отыскала тебя с помощью шара и наших обручальных колец, — объясняла Эстелла ему в ухо. — Если бы не она, я бы никогда в жизни не узнала, где ты. Мы с ней превратились в кошек и пришли сюда. Она сказала, что человек не может попасть в это место, а животные могут, на них волшебные чары не действуют. Потом она что-то наколдовала и в стене образовалась дыра. Она велела мне пройти сквозь неё. Я прошла и оказалась здесь. Но где сейчас Клариса, я не знаю. И вообще, когда я тебя вчера увидела, я чуть не рехнулась. Мне было так хорошо, так хорошо... Когда ты взял меня на руки, я чуть не умерла от счастья.

— Но как ты обернулась обратно в себя?

— Не знаю. Наверное, действие колдовства закончилось само.

Данте мало что понял из рассказа девушки. Какая-то женщина. Какой-то шар. Какая-то дыра. А не всё ли равно? Ведь она сейчас здесь, с ним. Его Эстелла. Его любовь, сильнее которой нет на земле. А Эстелла буквально потеряла голову от переизбытка чувств. Она жадно целовала Данте и плакала, плакала, плакала.

— Люблю, люблю, — задыхаясь шептала она.

Эстелла рывком сняла с юноши рубашку, зацеловала его всего. От жарких ласк Данте окончательно обалдел, перед глазами у него аж птички полетели, но вдруг Эстелла остановилась. Закрыла лицо руками и захныкала.

— Нет, нет, я не могу...

— Что случилось, Эсте?

— Я... я не могу... Не могу быть с тобой...

— Почему?

— Я... я... боюсь...

Сев на кровати, Данте притянул её к себе.

— Боишься? Но ведь мы столько раз были вместе. Мы же муж и жена, Эсте. Нам всегда было так хорошо.

— Я знаю. Но мне, наверное, больше никогда не будет хорошо с... с мужчиной.

— Ну что ты, глупенькая! — Данте рассмеялся, зарываясь лицом в её волосы. — Ты просто перенервничала, бедная моя девочка. Конечно, нам будет хорошо. Эсте, ты только вспомни, как мы были счастливы.

— Я боюсь, что мне будет больно.

— Больно? — у Данте чуть глаза из орбит не выскочили. — Ну что ты? Разве тебе со мной было больно? Ты мне не говорила.

— С тобой — никогда, — сдавленно промямлила Эстелла. — С тобой я была счастлива, с тобой я летала. Это было невероятно, ты и сам знаешь.

— Тогда я не понимаю. Откуда вдруг такой страх?

Эстелла, всхлипывая, обвинила его шею руками.

— Я должна тебе кое-что рассказать, — шепнула она. — Прости меня... прости меня, пожалуйста, мой милый. Я не хотела, я... я... этого не хотела, так получилось...

— Эсте, о чём ты? — Данте окончательно был сбит с толку.

— Я... я... я... о, боже, как же мне это сказать? Я... я... вышла замуж.

— Конечно, ты вышла замуж. За меня, — усмехнулся Данте.

— Нет, ты не понимаешь, — Эстелла взъерошила ему волосы на затылке, надеясь таким образом смягчить удар. Данте это обожает, за эту ласку он ей всё простит. — Я... я... ведь думала, что тебя больше нет. Я чуть с ума не сошла. Ты не представляешь что со мной было. Я хотела уйти в монастырь, но меня оттуда силой забрали мама и отчим. Они... они меня заставили... А мне было наплевать, что со мной будет. Я мечтала о смерти, я хотела умереть, я не могла и не хотела жить без тебя.

Данте так и не понимал, что она пытается сказать, а Эстелла продолжала лохматить ему волосы.

— В общем, в общем... боже мой, прости меня, Данте. Я вышла замуж за... за... Маурисио Рейеса.

Данте резко встряхнул головой, отстраняясь. В синих глазах его полыхнуло пламя.

— Как это ты вышла замуж за Маурисио Рейеса? — выговорил он отрывисто.

— В-в-вышла... м-мы венчались в церкви. Я... я... не хотела... Они меня заставили, я думала, что тебя больше нет, я... прости меня. Данте, мой миленький, мой хороший, прости меня, — рыдала Эстелла.

— Ты не могла выйти замуж, — молвил Данте. — Мы ведь с тобой женаты. У женщины не может быть два мужа.

— Я... я... знаю, но я ведь думала, что ты...

— Значит, твой брак с этим человеком недействителен. Ведь я жив, и я твой муж.

— Д-д-да, наверное, недействителен...

— Тогда не плачь. Это всё, что ты хотела мне сказать? — Данте говорил спокойно, но Эстелла видела, что он потрясён.

— Н-н-нет, не всё. У нас с ним... с Маурисио... я... я... с ним б-была...

— В смысле?

— В постели. Я с ним спала. У нас была б-брачная ночь, — и Эстелла закрыла лицо руками. Так ей и надо! Она предательница и заслужила, чтобы Данте прогнал её вон.

Но он молчал. Эстелла робко взглянула на него. Данте не сердился и не кричал. Он

отрешённо пялился в стену, и по щекам его катились мелкие слёзы.

Эстелла подвинулась ближе, стала перебирать пальцами его волосы.

— У тебя волосы такие мягкие, — сказала она. — Ты меня слышишь? Ответь что-нибудь, Данте.

Данте рывком поднялся и ушёл в ванную, вход куда скрывала тяжёлая парчовая штора. Щёлкнул засов — он закрылся изнутри.

Эстелла со стоном повалилась на кровать. Она его потеряла. Потеряла навсегда. Данте её не простит. Эстелла рыдала, проклиная себя за то, что натворила: переспала с Маурисио да ещё и рассказала об этом Данте. Какая же дура!

Немного погодя Данте вышел из ванной. Эстелла вжалась в спинку кровати, умоляюще глядя на него. Глаза Данте больше не блестели, лицо окаменело, напоминая маску.

— Ты можешь идти, — сказал он тихо.

— Что?

— Ты можешь идти к нему.

— Данте, что ты такое говоришь? — Эстелла ожидала криков и брани, припадка ревности и обиды, а Данте опять её ошарашил своей непредсказуемостью.

— Я не хочу тебя мучить. И я не хочу тебе мешать. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Иди к своему мужу.

— Но мой муж ты...

— Я не хочу, чтобы ты была со мной из чувства долга или чувства вины, — в голосе Данте не было ни единой эмоции. — Я тебя отпускаю. Я не хочу тебя неволить. Ты свободна от любых обязательств передо мной.

— Но... но я не хочу уходить. Почему ты меня гонишь? — Эстелла не могла поверить в то, что слышит.

— Я не гоню, — Данте рассматривал вышивку на балдахине. — Я тебя отпускаю. Иди к тому, кого ты любишь.

— Но я люблю тебя! Тебя, только тебя! — выпалила Эстелла. — Не прогоняй меня. Данте, миленький, прости меня! Я этого не хотела. Ну что я могла сделать? Я не знала как этого избежать. Я хотела только одного — умереть, умереть следом за тобой. Боже мой, если бы я знала тогда, что ты жив. Я так тебя люблю! Это было ужасно... Это было так противно, мерзко, мне было больно...

— Больно?

— Да, очень больно. Я думаю, это из-за магии. У меня было ощущение, словно с меня кожу содрали и переломали все кости. Я чуть с ума не сошла, я думала, это не закончится никогда. Поэтому я боюсь снова близости с мужчиной, даже с тобой. Я боюсь, что мне опять будет больно.

— Но, — голос у Данте дрогнул, — значит, ты не любишь его?

— Я люблю тебя, тебя, только тебя! — выкрикнула Эстелла. — Я знаю, что кругом виновата. Это правда, я предала нашу любовь, но у меня не было выхода. У меня внутри была такая пустота, такая безысходность. У меня не было сил сопротивляться, бороться за что-то. Прости меня, Данте, пожалуйста, если ты меня прогонишь, я умру...

Данте порывисто притянул её к себе.

— Мой родной, только ты один мне нужен, прости меня, прости... — хныкала Эстелла.

— Нет, нет, успокойся. Ты не виновата. Я ведь сам тогда сказал тебе, чтобы ты устраивала свою жизнь без меня. Просто я... я так боюсь тебя потерять... Я подумал, что ты

больше не любишь меня.

— Я люблю, люблю, больше жизни люблю тебя! Но мне нужно время, чтобы прийти в себя, чтобы я снова смогла быть твоей, как раньше.

— Эсте, моя Эсте, у тебя будет столько времени, сколько ты захочешь. Всё будет хорошо. Только не бросай меня, слышишь? Если ты меня разлюбишь, я этого не переживу, — бормотал Данте как-то по-детски. — Мне иногда кажется, что я схожу с ума, у меня что-то с головой...

— Не говори так, Данте, — Эстелла целовала его в подбородок, в губы.

— Нет, это правда. Только ты можешь вернуть меня к нормальной жизни, только с тобой мне хорошо. Ты мне так нужна, — едва слышно прошептал он. — Эсте, если бы ты знала, как ты мне нужна. Не уходи, только не уходи от меня.

— Перестань, я никуда не уйду, — Эстелла обняла ладонями его за щёки, смахнула с лица жгуче-чёрную прядь. — Я люблю тебя. Я больше не хочу расставаться с тобой, Данте.

— И я не хочу. Я никому тебя не отдам.

— Не отдавай. Я прилипну к тебе, как колючка, и ты от меня не избавишься, даже не надейся.

Данте как-то нервно рассмеялся. В лёгкие мгновенно вернулся воздух, а с груди точно железные оковы спали.

— Эсте, ты должна мне всё-всё рассказать. Как ты сюда попала, что за женщина тебе помогла. Что-то она мне не нравится. Какого чёрта ей от нас надо? И про эту свадьбу и всё, всё что с тобой произошло.

— Угу. У тебя губы солёные от слёз, — захихикала Эстелла, когда Данте её поцеловал. — Боже мой, как же я соскучилась!

Утопая в объятиях и поцелуях, Данте чувствовал, как весь его мир переворачивается с ног на голову. Только рядом с Эстеллой он может испытать подобное. Он и не думал раньше, что любовь настолько коварная штука. Она способна вознести до небес, окунув в райское блаженство, но достаточно лишь слова, и её жертва упадёт на дно ада.

Эстелла и забыла, когда в последний раз так сладко спала. Счастье накрыло её лавиной, а воспоминания о близости с Маурисио отступили на второй план. Она загнала их в дальний уголок памяти и замуровала там.

Обнимая друг друга, Данте и Эстелла всю ночь говорили, говорили и никак не могли наговориться. Эстелла всхлипывала, шепча Данте на ушко обо всём, что она пережила, а он баюкал её, как маленькую девочку, и целовал мокрые от слёз щёки и губы. Однако, история про Кларису Данте насторожила.

— Эта женщина опасна, — решил он. — Эсте, я бы на твоём месте не доверял ей так слепо.

— Но она помогла мне тебя найти, — возразила Эстелла. — Я так ей благодарна! Если бы не Клариса, я бы до сих пор умирала от отчаяния. Она просто меня спасла. Я жила как в аду. А ты, неужели ты совсем по мне не скучал?

— Конечно скучал! Я думал о тебе каждую минуту. Просто я не мог дать тебе знать, что я жив, — Данте накрутил эстеллин локон себе на палец. — Кстати, а куда делась эта твоя Клариса? Ты говорила, что вы пришли сюда вместе.

— Представления не имею. Она велела мне пройти сквозь дыру в стене, а сама не пошла. Наверное, она захотела оставить нас вдвоём.

— Хм, странно... Хотелось бы мне с ней познакомиться.

— Ты же сказал, что она тебе не нравится! — Эстелла пощекотала Данте под подбородком.

— Ну, Эсте, щекотно! — фыркнул он. — Да, мне она не нравится. Я считаю, что она появилась неспроста. Ей от нас что-то нужно. И я хочу узнать что. Я чувствую людей, интуиция пока ещё ни разу меня не подводила.

— Зеркало мне сказала, что я должна найти женщину, которая умеет превращаться в кошку, — уточнила Эстелла. — В этом и вправду есть что-то странное. Я ведь не искала Кларису, она нашла меня сама.

— Минуточку, какое ещё зеркало? — не понял Данте.

— Волшебное. Я с ним разговаривала. Это оно меня научило, как варить то зелье, что тебя спасло. Правда, Клариса думает, что это зеркало подозрительное.

— В этом я с ней согласен.

— Но если бы не оно, тебя бы убили, мой милый. Ведь это зелье тебя спасло, а рецепт я нашла внутри зеркала.

— Не могу поспорить, — вздохнул Данте. — А где сейчас это зеркало? Хотелось бы его увидеть.

— Оно осталось в «Маске», с другими вещами.

— Жаль...

— Данте, ты мне так и не объяснил что с тобой было после казни. Книга Прошлого, которую мы листали с Кларисой, показала, что ты очнулся, пришёл в «Маску», взял там какой-то меч и Алмаза. Ты спустился в подземелье или в склеп, где стоял гроб Тибурана. Ты забрал у него очень красивый перстень, а потом провалился под землю.

Данте приподнял бровь.

— Но этого не было, — сказал он.

— То есть как не было? Я же видела! И Клариса видела.

— Но я этого не помню, — возразил Данте. — Последнее что я помню, как в меня выстрелили из арбалетов. И потом я очнулся здесь.

— О, боже, милый, это, наверное, действие зелья! Клариса говорила, что из-за него можно память потерять. А после того как ты оказался здесь, ты всё помнишь?

— Местами. Кое-что я помню отчётливо. Но иногда у меня бывают провалы. Во мне как будто что-то отключается.

— Я думаю, это зелье виновато. Но самое главное, что ты жив. Клариса сказала, что всё остальное исправимо. Нам надо встретиться с ней, и она тебе поможет.

Мало-помалу разговоры затихли и влюблённые уснули.

Наутро, однако, Эстелла увидела: с Данте что-то не то. Он ходил туда-сюда, будто сумасшедший, водя руками по стенам.

— Данте, а что ты делаешь? — изумилась Эстелла.

— Хочу найти выход, — откликнулся он. — Ты же как-то вошла сюда, значит, он есть.

— А мне и тут хорошо! — весело объявила Эстелла. — По крайней мере, здесь нас никто не ищет.

На завтрак волшебный котелок наколдовал целую гору овощей и фруктов, а также пирог с клюквой и клубничный сок. Но Данте был печален и ничего не ел.

— Данте, ну что с тобой? Расскажи мне, что тебя мучает? — Эстелла погладила его по щеке. — Мы же всегда доверяли друг другу.

— Нет, ничего. Просто я хочу выйти отсюда, — Данте смотрел куда-то мимо. — Мне

нужен свежий воздух, трава, солнце, мои животные... Кстати, а где они, Эсте?

— Жемчужина в «Маске». Я там её так и оставила, когда встретила Кларису. Я ведь туда пришла, потому что собиралась ехать к Пии и Клему.

— Зачем?

— Не могла я больше оставаться с Маурисио. Я сбежала от него и подумала, что единственный выход — уехать в «Лас Бестиас». Но потом появилась Клариса, я узнала, что ты жив, и никуда не поехала.

— А Алмаз? А Янгус?

— Ты разве не помнишь, Данте? Ах, да, ты не помнишь... После того, как ты очнулся, ты забрал Алмаза и приехал на нём к подземелью, где лежал Тибурон. Ты оставил Алмаза снаружи, а сам спустился в этот склеп. А дальше я не знаю. Наверное, он убежал. А Янгус была с тобой. И когда ты упал сюда, Янгус упала с тобой.

— Но её здесь нет, — в глазах у Данте мелькнула тоска. — Я так по ней скучаю... Я не знаю, где Янгус, не знаю. Она с детства была со мной, в самые тяжёлые моменты. А теперь её нет. Я как будто потерял часть себя. Я хочу отсюда выбраться. Мне нужен воздух, мне нужна свобода. Я почти полгода взаперти, сначала в тюрьме, теперь тут. Это невыносимо. Я уже забыл как выглядит небо. Я хочу увидеть облака, хочу поваляться в траве. Я больше не могу, — Данте закрыл лицо руками. Эстелла притянула его к себе, и он уткнулся затылком ей в живот.

— Всё будет хорошо, мой родной. Если есть вход, то должен быть и выход. Мы что-нибудь придумаем. Тут столько всего волшебного, куча всяких книг. Может в них что-то есть?

— Ничего там нет, — буркнул Данте. — Я уже смотрел. Хорошо, что ты здесь, Эсте. Я не могу больше быть один.

— Ты не один, нас двое. Наша любовь сильнее всего. Она победила даже смерть, победит и всё остальное, — уговаривала Эстелла.

— Угу...

В попытке юношу развеселить, Эстелла предложила нарисовать его портрет. Данте, позировав, отвлёкся, шутил и смеялся, и даже пел детскую песенку про усатого таракана, что заблудился в цветочном горшке. Потом они ужинали, Данте кормил Эстеллу из ложечки и целовал в носик. На какой-то миг Эстелле показалось, что он такой же, как раньше. Но когда настало время укладываться спать, он впал в состояние нервного возбуждения. Ходил туда-сюда и смотрел в одну точку.

Эстелла не знала что делать, и единственное, что смогла придумать — отвлечь его своей любовью. Конечно, ей будет непросто вновь сблизиться с мужчиной, но ведь это её Данте. Самый родной для неё человек. Он научил её любить, научил её быть женщиной. Зря она боится.

Эстелла убеждала саму себя и, в конце концов, решилась. Её Данте, такой свободолобивый, привыкший спать под открытым небом, уже много месяцев взаперти. Ему плохо, он мечется, как загнанный в клетку зверь. Она должна ему помочь.

— Данте, иди ко мне, — поманила Эстелла. — Идём спать.

— Я не хочу спать, — пробормотал он.

— Ну... мы не будем спать. Ну... ты понимаешь? Иди ко мне, я хочу сегодня быть с тобой.

Данте посмотрел на неё удивлённо.

— Эсте, ты же мне сказала, что тебе нужно время, что ты боишься. Эсте, если ты не готова, я тебя не тороплю, не надо себя ломать ради меня.

— Но я этого хочу, — сказала Эстелла твёрдо. — Я тут подумала: ведь мне же всегда было с тобой хорошо, а бояться можно годами и так себя и не пересилить. Я хочу снова быть твоей. Иди ко мне, Данте, приласкай меня, — она потянула его за запястья. Сев на кровать, Данте нежно провёл губами по её губам.

— Ты уверена, что этого хочешь, Эсте?

— Да, уверена. Ты ведь будешь ласковым со мной?

— Ну конечно. Я тебя люблю, Эсте. Люблю так сильно, что мне даже страшно, — и Данте зарылся лицом в копну её волос, вдыхая их аромат.

— И я люблю тебя. Это чувство такое огромное, как весь мир. Ты очень мне нужен, мой Данте.

Безмерное, невероятное счастье разлилось по телу Данте. Только ради того, чтобы услышать эти слова, он был готов пройти сначала весь тот ад, что пережил за последние месяцы. Руки Эстеллы потянулись к застёжкам, и её светло-розовое платье упало на пол.

Ещё миг, и влюблённые оказались на кровати, широкой и круглой, с ярко-зелёными простынями.

— Обожаю твою кожу, — шепнула Эстелла.

Данте целовал её, точно опаливая огнём. И время, и пространство — всё исчезло. Ничего и никого не было. Только юноша с чёрной гривой волос, завладевший всеми её мыслями и чувствами.

— Эсте, я люблю тебя, Эсте...

Если бы она сейчас умерла, сейчас, прямо сейчас, наверное, лучшей смерти и нельзя было бы себе пожелать.

— Эсте, Эсте, ты меня слышишь? Всё в порядке?

— Да...

Данте был ласков, как никогда, едва прикасался к девушке кончиками губ и пальцев. Видимо, боялся причинить боль. Но Эстелла забыла про страхи, испытывая фантастическое блаженство. А с самим Данте происходило нечто непонятное. Взор его заволокло туманом, из глубин которого раздавался голосок Эстеллы, обвинившейся вокруг его тела, как змея. Эстелла едва не впала в кому от наслаждения, когда по венам её потекла магия. Она неистово вцепилась Данте в спину ногтями, расцарапав её. Данте рычал, как дикий кот, жадно целуя девушку. И Эстелла ощутила во рту солоноватый привкус — он прокусил ей губы. Как-то хищно расхохотался, проглотив капельку крови.

— Я же говорил, что будет хорошо... — Данте откинул голову назад, опираясь руками о кровать, и каскад волос коснулся шёлковых простыней. — Эту ночь ты не забудешь никогда. Теперь ты от меня никуда не денешься.

Уткнувшись ему в ключицу, Эстелла плакала. Он водил длинными когтями по её спине, рисуя на ней узоры. Эстелла смеялась сквозь слёзы. Удивительную гамму чувств она испытывала: и счастье, и нежность, и облегчение от того, что страх её оказался напрасным, а слёзы текли и текли градом.

— Ну что ты? Что ты плачешь? — Эстелла уже слышала этот его тембр: низковатый, гипнотизирующий, голос настоящего мага. В тот день, когда Данте приходил к ней свататься.

— Нет, ничего. Это просто эмоции, — объяснила она. — Я так счастлива!

— Тебе понравилось?

— Очень. Только ты можешь подарить мне такие мгновения, любимый мой, — всхлипнула Эстелла, устраиваясь у Данте на груди, как на подушке.

Когда Данте проснулся, Эстелла лежала у него на животе, обхватив его руками за талию. Погладив девушку по спине, он приподнялся, но, ощутив резкое головокружение, без сил повалился обратно. Что-то странное произошло этой ночью. Никогда так не было, чтобы он не помнил момент их близости с Эстеллой. В ту секунду, как по венам девушки потекла магия, Данте провалился в яму. Но, если судить по улыбающемуся личику Эстеллы, всё прошло хорошо. Тогда почему, почему он ничего не помнит?

Эстелла зевнула, потягиваясь.

— Привет, — томно шепнула она ему в рот.

— Привет. С тобой всё хорошо? — спросил Данте.

— Да, — Эстелла покрыла мелкими поцелуйчиками его лицо. — Спасибо, мой дорогой, было чудесно. Я снова почувствовала себя нормальной женщиной, как будто вернулась на пять месяцев назад, в день нашей свадьбы, — Эстелла мечтательно вздохнула. — Как бы я хотела забыть всё, что мы пережили, начать всё сначала. Когда я была без тебя, я всё думала: ну зачем, зачем мы вернулись в город? Если бы остались в «Лас Бестиас», всё было бы иначе... Данте, почему ты молчишь? Тебе разве не понравилось со мной? Мне показалось, что тебе тоже было хорошо, — девушка любовно провела пальчиком по его животу.

— Мне было хорошо, — растеряно промямлил Данте. Он хотел сказать Эстелле, что не помнит ничего, но передумал. Она вся светится и больше не плачет, не боится. Для чего же он станет её огорчать?

— А вообще, знаешь, — продолжила Эстелла, — в этот раз мне показалось, что это было как-то... как-то ненормально.

— Ненормально? Почему?

— Ну... — Эстелла покраснела, — у меня были какие-то нездоровые ощущения.

— Тебе было больно?

— Нет, больно не было. Ну как тебе объяснить? В какой-то момент мне показалось, что я просто сейчас умру. Это было очень сильное чувство, во мне как вулкан взорвался. А ты меня покусал, между прочим. Ты укусил меня прямо в губы, ты никогда раньше так не делал. Сегодня ночью ты, кажется, превратился в вампира, — Эстелла, захихикав, поцеловала Данте в живот.

— Прости меня... Какая ты красивая, моя девочка, — Данте задумчиво перебирал пальцами её локоны.

— Ммм, обожаю, когда ты так меня называешь.

— Как?

— Своей девочкой.

— Я это учту.

— Ну, Данте, ты какой-то грустный. Что с тобой? Я тебе надоела?

— Конечно нет! Не выдумывай. Ты же знаешь, почему я грустный. Я хочу домой.

— В «Лас Бестиас»?

— Ну хотя бы и туда. Не могу больше находиться в четырёх стенах. Мне кажется, у меня что-то с головой. Наверное, это из-за того, что я сижу взаперти.

— Не говори так, мой милый. Всё с тобой хорошо. Самое главное, что мы вместе.

— Да, ты права. Только ты можешь вытащить меня из ада, только ты одна. Тебе правда было хорошо сегодня, ты меня не обманываешь?

— Клянусь! Это было восхитительно! Правда, у меня ум за разум зашёл, но это ничего, — блаженно прикрыв глаза, девушка провела пальчиком по его губам.

Эстелла хотела, чтобы это состояние беспредельного счастья длилось вечно. Неужели им придётся выйти из этой комнаты и расстаться? Снова видется урывками, украдкой, будто они совершают преступление. От мысли об этом, у неё сжалось сердце.

— Эсте, как же я люблю тебя! — Данте находился где-то на границе между сном и явью. Хотя сила любви, которую он испытывал, и пугала его, походя всё больше и больше на одержимость. Мысли, чувства, весь его мир сосредоточились на Эстелле. Без неё он просто умрёт.

Но вдруг он ощутил боль висках и затылке, словно его ударили камнем. В глазах резко потемнело, и Данте отключился.

Эстелла, с наслаждением глядя любимого по груди, не сразу заметила, что с ним неладно.

— Милый, ты замёрз? — спросила она, ощутив, что он чуть ли не льдом покрылся. — Данте?

Он не шевелился, и острый приступ паники охватил Эстеллу. Она рывком подползла к юноше, стала трясти его за плечи.

— Данте! Данте!

Глаза его, ныне чёрные, как безлунная ночь, были широко распахнуты. Эстелла в ужасе закричала, несколько раз ударив его по щекам. Но юноша не реагировал. Рыдая, она повалилась к Данте на грудь.

— Тук-тук-тук, — сердце у него билось. Значит, он не умер.

Эстелла, уложив его голову к себе на ноги, перебирала волосы юноши, звала его по имени, но Данте не откликался. Так прошло минут десять. Эстелла жалобно скулила, обнимая Данте в попытках его согреть. И вдруг он громко вздохнул.

— Данте, Данте, милый, мой хороший, — захныкала Эстелла. — Данте, Данте, что с тобой?

— Ничего, — сказал он зловеще. Встряхнувшись, сел. — Всё отлично. Ну чего ты испугалась, красавица?

Эстелла прикрыла рот рукой.

— Боже мой, как ты меня напугал! Ты был весь каменный и холодный, как лёд. Я... я... чуть не умерла от страха, у меня чуть сердце не разорвалось. Что это такое было, Данте?

— Всего лишь небольшой побочный эффект, — Данте рассмеялся, вставая с постели.

— Побочный эффект? — похлопала ресницами Эстелла.

— Да, от того зелья, что ты наварила. Не пугайся, красавица. Это всё тлен, — он наклонился и властно поцеловал её в губы. — Ну, и что у нас тут за сонное болото? Ты хочешь завтракать, красавица? Или так и будем валяться в кровати?

— Да, давай завтракать. Умираю от голода!

Данте вёл себя необычно. Он окунулся в ванну, где плавали лепестки чёрной розы, и даже одеться без магии не соизволил. Взмахнув рукой, оказался в кружевной рубашке, бархатных штанах со шнурками и тёмно-синем плаще. По одному надел на руки кольца и браслеты, снятые вчера (их оказалось семь штук). Особенной красотой среди них выделялся серебряный перстень с изумрудом, что вертелся в своей оправе.

С ленькой в движениях, ему не свойственной, Данте водрузил на стол волшебный котелок. Тот наколдовал гору дымящейся фасоли с мясом и грудку пирожков-эмпанадас с разной начинкой, а также кофе со сливками. Пока Эстелла совершала водные процедуры, Данте, расставив еду на столе, уселся в кресло и закурил длинную тонкую трубку.

— Кстати, ночью, это было чудесно, — заявил он, когда Эстелла вышла из ванной.

— Я тебе об этом целый час болтала, — усмехнулась она.

— Да? А, ну да... Я просто задумался.

— А с каких это пор ты куришь? — проворчала Эстелла, косясь на клубы дыма.

— С тех самых, — эффектным жестом Данте подкрутил пальцами кончик брови.

— Прекрати, мне это не нравится.

— Ничего себе, какая праведница мне досталась! — расхохотался он. — Что-то ночью мне не показалось, что ты уж очень правильная.

— Ну Данте! Какой-то ты пошлый сегодня, — надулась Эстелла. — Перестань так себя вести!

— А ты любишь только скромных мальчиков, да, красавица? Извини, что не соответствую твоим критериям.

— Данте, ну не язви. Лучше расчеши мне волосы! — капризно потребовала Эстелла. — С ума схожу, когда ты это делаешь!

Он не возражал. Затушив трубку, взял с полки вычурный гребень из слоновой кости и принялся аккуратно расчесывать эстеллину гриву.

Эстелле всегда нравилась эта процедура, но нынче Данте себя превзошёл. От его прикосновений девушка испытывала что-то из ряда вон выходящее. В кудрях её будто запутались звёздочки — из острых когтей Данте лился поток магии. Это было такое райское ощущение, что Эстелла даже испугалась. Данте ей дороже всех на свете, он стал её болезнью, наваждением. Она зависима от него, как алкоголик от бутылки спиртного. Всё время, что Данте её причёсывал, Эстелла находилась под дурманом, и очнулась лишь тогда, когда он убрал гребень.

— Ну что, ты довольна, красавица? Мы будем, наконец, завтракать?

— Д-да... поцелуй меня, поцелуй, — Эстелла не сдержалась и сама поцеловала юношу в губы. Данте ответил. Лениво, медленно, жарко.

Эстелла поймала его взгляд, лукавый, насмешливый и какой-то оценивающий. Обычно Данте смотрел на неё с обожанием, как на хрустальную вазу, очень ценную, которую он боится разбить. Теперь же в кошачьих глазах его притаились чёртики. Этот взор сочетал в себе глубокую страсть, восхищение мужчины красивой женщиной и некое коварство. Эстелла всегда понимала мысли Данте с полувзгляда, но сейчас не могла прочесть ничего ни по его глазам, ни по лицу, ни даже сердцем почувствовать. Какой-то он загадочный. А вдруг ему плохо после того «побочного эффекта», и он не говорит, чтобы её не пугать? Девушка про себя вздохнула. Да, надо бы им выйти отсюда и отыскать Кларису. Та бы смогла Данте избавить от действия идиотского эликсира.

Эстелла приступила к завтраку, рассматривая Данте из-под полуопущенных ресниц. Он усёк этот взгляд и чуточку улыбнулся, изогнув длинную бровь.

===== Глава 2. Кровь и щупальца =====

Эстелла находилась в недоумении от происходящего с Данте. Вчера он был мил и печален, сегодня же, после ночи любви, развеселился, но проснулось в нём какое-то спесивое коварство. Быть может, зелье и вправду сводит его с ума? Клариса ведь говорила:

Зелье Душ — штука опасная, и неизвестно чего от него ожидать.

С одной стороны, Эстеллу пугали новые повадки Данте, будь то страстные укусы или курение, или то, что самые элементарные вещи он делал с помощью магии. Одевался взмахом руки, посуду со стола убирал щелчком пальцами и скрутил волосы в косу, поколдовав над ними. С другой стороны, этот непривычный Данте вызывал в Эстелле притяжение, притяжение физическое, сводя её с ума.

Развалившись в кресле и закинув ногу на ногу, он курил трубку с мундштуком и читал книгу. Эстелла, сунув туда нос, мигом отпрянула — буквы, то ли арабские, то ли китайские, были выведены на чёрных страницах красными чернилами, напоминающими кровь. Книга дымилась и шелестела листами.

— Данте, а что ты читаешь? — спросила Эстелла.

— Это книга Яви и Сна, Луны и Солнца, чёрного и белого, двух противоположностей, — пространно ответил Данте.

— Но там же ничего непонятно!

— Ошибаешься, красавица. Для человека, в чьих венах струится магия, ни одна из этих книг не является откровением, — он указал на стеллаж с волшебными книгами. — Простой же человек, заглянув туда, не поймёт ничего. Это как разница между земным и небесным, между сказкой и реальностью, между взрослым и ребёнком. Становясь старше, мы перестаём верить в волшебство, не видим его. Истинный же маг всегда в душе ребёнок и ему доступны вещи, не доступные пониманию и взору иного человека. Маги живут в своём мире.

Данте никогда не говорил так путано, и Эстелле показалось, что перед ней другой человек. Но ведь глаза не могут обмануть её! Это он, Данте, всё с тем же прекрасным, хоть и чуть более неземным лицом, чем прежде. В груди Эстеллы пылал огонь, а по телу разливалась истома при воспоминании о ночи накануне. Она чувствовала наслаждение каждым кусочком кожи. Данте будто загипнотизировал её, и Эстелла, страшаясь своих мыслей, ждала повторения, как игроман, с дрожью сажающийся за карточный стол.

А Данте всё читал и читал. Чтобы отвлечься, Эстелла стала изучать содержимое шкафчиков и шкафов, комодов и тумбочек, расставленных по комнате. Чего здесь только не было! Флакончики, баночки, скляночки всех цветов, форм и размеров, хранящие в своих недрах блестящие порошки и булькающие жидкости, засушенных насекомых и даже кровь то ли человека, то ли животного. Были тут и скрипяще-вопящие статуэтки, и кривые зеркала, и шкатулочки, одна из которых, лязгая зубами, чуть не отхватила Эстелле палец. Пергаменты были исписаны нечитабельными символами всех цветов радуги; резные чернильницы зловеще блестели глазами; огромные самоцветы, стоило к ним прикоснуться, меняли форму. Наконец, Эстелла добралась до сундука с тканями и окончательно пришла в восторг. Золотая парча сияла так, словно нити её были сотканы из алмазов. Невесомый шёлк струился меж пальцев, как вода, а бархат был так мягок, что лебяжий пух в сравнении с ним казался жёсткой соломой.

— О, боже, какая прелесть! — Эстелла с благоговением трогала ткани.

Данте поднял голову. Глаза его, цвета ночи, блеснули как-то демонически.

— Сразу видно избалованную аристократку, падкую до нарядов, — усмехнулся он.

— Не смейся! — обиделась Эстелла. — Я люблю всё красивое, это правда, а эти ткани... от них глаз не отвести.

— Хочешь платье, так и скажи, — цокнув языком, Данте захлопнул книгу и подошёл к Эстелле.

Вывхватив из сундука кусок ярко-бирюзового шёлка, широким жестом он накинул его Эстелле на плечи. Ткань была так легка, что девушке показалось, будто она соткана из лепестков. Из когтей Данте полетели искры, изумруд в самом красивом перстне завращался, и тотчас на Эстелле материализовалось платье с длинным декольте и крупными сапфирами на поясе.

— Ой...

— Нравится? — оглядев девушку, Данте удовлетворённо хмыкнул.

— Эээ...

— Что, не нравится? Какая ты капризная, красавица!

— Оч-чень нравится, — промямлила Эстелла.

— Можно идти на бал! Только смотри, как бы тебя не похитили по дороге, уж очень ты соблазнительна, — двумя пальцами взяв Эстеллу за подбородок, Данте провёл кончиком языка по её губам.

По спине у девушки побежали мурашки. Татуировки и обручальное колечко заискрились, как и волшебное платье, что наколдовал её возлюбленный. Данте приступил к жарким поцелуям; магию его Эстелла ощутила даже на губах. Он бережно погладил девушку по волосам, и те вспыхнули, как багряное пламя заката. Нетерпеливые губы Данте скользнули ниже — на шею и в вырез платья, что на добрую половину выставлял напоказ эстеллину грудь. Воздух в лёгких закончился, Эстелла ощутила дикую, животную страсть. И когда Данте зубами стянул платье с её плеч, у Эстеллы потемнело в глазах. Всё потухло, и она, как вода, стекла ему на руки.

Данте аккуратно уложил её на постель. Укрыв её одеялом, поцеловал и шепнул в рот:

— Ты сводишь меня с ума, красавица, но мне надо заняться делами. Прости.

Данте надавил когтем на сияющий агат, что украшал один из его многочисленных браслетов. Тонкой струйкой камень выпустил ароматный дымок. Запах ванили, миндаля и жасмина веером окутал Эстеллу, погрузив её в глубокий сон.

— Спи, красавица, я ещё вернусь, — промурлыкал Данте.

Поднимая плащом вихри, он кинулся к стене, той, что два дня назад раскололась, впусив белую кошку. Данте передвинул несколько самоцветов на ней, выставив их в определённом порядке: сапфир, изумруд, алмаз, аметист, рубин и топаз. Стена задымилась. В ней появилось углубление, из которого торчала острая игла. Данте, не долго думая, насадил на иглу большой палец. Потекла кровь, и на стене возникло зеркало. Данте, приложив к нему палец, кровью вывел буквы: A D F L S.

Вмиг стена раскололась, явив взорам дыру, окружённую ореолом серебристого пламени. Подобрал полы плаща, Данте стремительно шагнул в неё, и дыра сомкнулась.

Узкий тоннель, ярко освещённый факелами, предстал перед юношей. Он двинулся вперёд. Плащ из тёмно-синего шёлка летел за его спиной, будто крылья. Данте шёл так некоторое время, пока не услышал шум. Он ринулся на звуки, и тоннель, виляя, привёл его к тупику. Прямо из-за каменной стены раздавались голоса. Данте наострил уши. Три разных голоса. Первый принадлежал мужчине, судя по всему, немолодому. Два других были женские: один — низкий и бархатистый, второй — тихий и печальный. Слов Данте не различил, но, видимо, эти то ли люди, то ли призраки спорили. Затем всё стихло, и Данте ощутил, как стена нагревается.

Бабах!

Стена раскололась надвое. Данте едва успел отскочить, как из неё выползла огромная

каскавела. Постукивая трещоткой, она скользнула юноше по сапогам. Но Данте не испугался. Пропустил змею вперёд, изучая её, вскинул руку — из когтей его потянулся синий дым. Данте направил руку на змею, и та, вспыхнув, обернулась в чёрную кошку.

— Как я и предполагал, ты — фикция, — заговорил он вкрадчиво и приблизился к кошке, ступая мягко, как ягуар.

— Надо же какая догадливость! — прошипела она. Но больше ничего сказать не успела — когти Данте выпустили синие лучи. Хлоп! Теперь перед ним стояла эффектная женщина, одетая в бархатную чёрную амазонку.

— Предпочитаю смотреть собеседнику в лицо, а не в морду, знаешь ли, — объявил Данте.

— Но... минуточку, как ты догадался, что я человек? — недовольно воскликнула женщина-кошка.

— О, я вижу то, чего не видят другие, — сообщил Данте. — Клариса? Не так ли? Что ж будем знакомы.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Ай-ай-ай, какая досада! Ты плохо осведомлена, ведьма. До сих пор не поняла с кем имеешь дело? Что ещё более удивительно, раз ты ходишь за мной по пятам уже долгое время. Преследуешь не только меня, но и мою жену. Поэтому мне стало любопытно узнать: что же тебе от нас надобно? — чем больше Данте злился, тем мягче звучал его голос.

— Ну, мы могли бы обсудить этот вопрос, но не в таком тоне, в котором ты начал, — попыталась Клариса взять контроль над ситуацией. Не тут-то было!

— Умолкни, ведьма! Здесь команду я!

— Да ну? — ухмыльнулась Клариса. — А я всё же думаю, что здесь, как и прежде, как и всегда, командует исключительно хозяин этого места.

— Мне плевать, кто здесь хозяин и чем он там командует! — Данте взмахнул головой, стряхивая чёрную прядь с лица. — Ты будешь делать то, что говорю я.

— Не слишком ли ты много на себя берёшь, мальчик?

— Здесь вопросы задаю я! — раскосые глаза Данте сверкнули, будто лезвие меча разрезало воздух. — Сейчас ты, ведьма, пойдёшь со мной к моей жене и объяснишь что тебе от нас надо. Усекла?

Клариса фыркнула:

— Никто не смеет так со мной разговаривать!

Хлоп! Она хотела обернуться в кошку, но Данте, одновременно с её манипуляцией, взмахнул рукой, и превращение Кларисы прошло неудачно. Теперь у неё было человеческое тело и кошачьи голова и хвост.

Данте яростно расхохотался.

— Оп-па! А кто-то жаждет показать себя сильной магессой, не так ли? Но увы, против моей силы любая другая сила — ничто! — надменно вздёрнув подбородок, Данте покрутил волшебный перстень. — Будешь меня бесить, навсегда останешься в таком виде, ведьма.

— Преврати меня обратно! — рыкнула Клариса, трясая кошачьей головой.

— О-хо-хо! Какие мы злые! Если честно, тебе бы не помешало немного походить в таком виде. В профилактических целях. Ну так уж и быть, я сегодня добрый, — и Данте помахал рукой, возвращая Кларисе её человеческий облик. — Вот так. А сейчас ты пойдёшь со мной.

— Куда, можно узнать?

— Придёшь и узнаешь. Увидишь Эстеллу. О, она считает тебя чуть ли не божеством! Бедная девочка, она такая наивная. И так легко пудрят ей мозг всякие лицемерки.

— Никому я ничего не пудрила! Я лишь помогла ей найти тебя. Бедняжка совсем извелась. Но глядя на тебя, я не понимаю из-за чего. И как такая милая девочка могла влюбиться в такое чудовище?

Данте надрывно рассмеялся, запрокидывая голову назад.

— Посмотри на меня, ведьма, — он провёл по себе рукой. — Я свожу женщин с ума. Они все скулят, как собачки, у моих ног и просят ещё и ещё. Но я дарю свою ласку не каждой. Эстелла — восхитительная женщина. Она стоит того, чтобы ради неё убить или умереть. Эта женщина моя, и я знаю, она пойдёт за мной до конца. И я никому её не отдам. Я уничтожу любого, кто встанет мне поперёк дороги.

— Ужас какой-то, — пробормотала Клариса. — Ты совсем невменяем и неуправляем. И дурно воспитан к тому же.

Хлоп! В воздухе появился цветок с оранжевыми лепестками в чёрную полосочку. Данте наигранно приосанился, точно принц на балу, и, сделав реверанс, вручил цветок Кларисе.

— Ох, простите меня, любезная госпожа, за мою бестактность! Что же мне сделать, чтобы заслужить вашу благосклонность? Может, встать на колени? — нараспев протянул он.

— Прекрати ломаться. Терпеть этого не могу! — Клариса зло покосилась на цветок, но взяла его.

— Фи, какая ты не женственная, ведьма!

— Ты думаешь, я теперь до конца жизни тебя обязана благодарить за этот дурацкий цветок? — закатила глаза Клариса.

— А-ха-ха-ха! Иди вперёд, ведьма! Шагай, шагай! Раз-два, раз-два. Не нервируй меня радуйся, что я в настроении, а то ты ещё не видела меня в гневе.

Клариса двинулась вперёд, держа цветок в руках, но и минуты не прошло, как стебель, будто змея, обвил щупальцами её руки и шею.

— Что это? Убери это с меня! — выругалась она, не в силах пошевелить ни головой, ни руками.

Данте легонько подтолкнул её в спину.

— Это чтобы ты не сбежала, ведьма. Не бойся, цветок не ядовитый и он тебя не съест. Может только придушить. А-ха-ха-ха!

— Идиот!

Наконец, они добрались до стены, с которой Данте и начал своё путешествие.

— Разве ты можешь открыть эту дверь, мальчик? — не удержалась Клариса от замечания. — Насколько я знаю, здесь нельзя так просто открывать ходы и двери.

— Я могу открыть что угодно, ведьма! И для этого мне необязательно оборачиваться в кошку, в которую ты превратила бедняжку Эстеллу. А-ха-ха-ха! Это было смешно! Однако, какая фантазия!

Данте постучал по стене когтем — появилась рамочка с драгоценными камнями. Данте расставил их в определённом порядке: топаз, рубин, аметист, алмаз, изумруд и сапфир. На стене проявилось зеркало. Уколов палец иглой, Данте вывел буквы: S L F D A. Вход открылся.

— Заходи внутрь! — велел он.

Клариса, не скрывая изумления, зашла в дыру. Данте — следом. Стена сомкнулась, будто закрыла пасть.

Данте и Клариса стояли в центре уже знакомой читателю комнаты. Эстелла по-прежнему лежала на круглой зелёной кровати. На губах её застыла сладкая улыбка, как у человека находящегося под дурманом.

Данте стремительно рванул к ней. Выражение его лица изменилось с надменно-снисходительного к страстно-ласковому. Сев на колени, он провёл рукой над Эстеллой, убирая синюю дымку. Потом пальцем коснулся её губ. Эстелла открыла глаза.

— О, Данте, как же мне было хорошо! — первое, что она сказала. — Ты чуть не заласкал меня до смерти, это было та-ак долго...

— Тебе показалось.

Эстелла, каким-то полупьяным жестом схватив Данте за шею, прильнула к его губам. Этот мужчина для неё всё, без него она не существует.

— Эй, может, ты всё же снимешь с меня это растение? — подала голос Клариса. — Мало того, что оно шевелится, оно ещё и волосатое.

Эстелла встрепенулась.

— Красавица моя, у нас сегодня гостя, — отозвался Данте на эстеллин взгляд. Щёлк! Он щёлкнул пальцами, и коварный цветок, опутавший руки и шею Кларисы, упал к её ногам.

— Здравствуй, Эстелла, — улыбнулась Клариса, отпихивая мерзкое растение в угол.

— К-клариса? Откуда ты здесь?

— Пока ты спала, красавица, я сходил за ней, — вместо Кларисы ответил Данте.

— Как это сходил? Ты нашёл выход?

— Ну, можно сказать и так.

— А я разве спала? Я думала, мы были вместе...

— Мы были вместе, но потом ты уснула, а я немножко отлучился. Я не стал тебя будить, чтобы рассказать, что знаю как открыть дверь. Ты так сладко спала... — ворковал Данте.

— О, милый, ты прочитал это в той чёрной книге?

— Ну да.

Клариса, одним ухом вслушиваясь в беседу влюблённых, осматривала комнату. И заметила: в присутствии Эстеллы Данте переменялся, растеряв весь свой пафос. Лишь этой хрупкой девочке под силу справиться с его характером. Она одна, единственная из всех, может заставить этого мужчину есть с рук.

Ещё некоторое время Клариса наблюдала за поцелуями Данте и Эстеллы, пока ей не надоело быть третьей лишней.

— Кхе-кхе, — нарушила она молчание. — Может быть, мне объяснят зачем я здесь?

— Прости, Клариса, — смутилась Эстелла, вставая с постели. — Будешь чай?

— Да, пожалуй. С одним условием: его приготовишь ты, Эстелла, — улыбнулась Клариса кончиками губ.

Данте громко расхохотался.

— Боишься, что я подсыплю тебе яд, ведьма?

— Из твоих рук я даже капли воды не возьму, — отрезала она. — Судя по моим наблюдениям, ты ещё та мразь. От таких, как ты, я предпочитаю держаться подальше.

Пока Эстелла извлекала из волшебного котелка угощение в виде фруктов, пончиков с разной начинкой и пирожных с ванильным кремом, Данте, хихикая себе под нос, курил, а Клариса рассматривала артефакты на полках.

— Чай подан, — сказала Эстелла.

Все троём расселись за круглым столиком. Клариса, с опаской понюхав содержимое

своей чашки, убедилась, что это обычный чёрный чай, и стала пить его, закусывая пончиками с клубничным желе. Данте дымил трубкой ей в лицо, откровенно забавляясь её гневом. Потом насадил на каждый коготь черешню и стал по очереди запихивать её в рот, сверкая побрякушками на пальцах. Эстелла не сводила с него глаз, пялилась с обожанием, как собачка на хозяина. Клариса только головой покачала, но отметила, что Данте отвечает Эстелле взаимностью. В жгучих глазах его таилась страсть, и, когда он смотрел на девушку, грудь его вздымалась.

— Удивительный ты человек, Данте, — нарушила молчание Клариса.

— Я и без тебя об этом знаю, — хмыкнул он. — Я неотразим.

— Наглый и самоуверенный, мнишь о себе невесть что. Злой, жестокий и несносный — это одно, — Клариса смело встретила его презрительный взгляд. — Но ты умеешь чувствовать и что-то хорошее. И это хорошее пробуждает в тебе Эстелла, не так ли?

— Тебя это не касается! — процедил Данте сквозь зубы.

— Данте, милый, ну зачем ты грубишь? — вмешалась Эстелла. — Не злись. Клариса сказала правду. Мы ведь не можем жить друг без друга.

Лицо Данте исказилось.

— Ненавижу, когда лезут ко мне в душу! Особенно посторонние люди.

— А у тебя есть душа, мальчик? — лукаво прищурилась Клариса.

— Представь себе есть! Но вообще-то я привёл тебя сюда не для того, чтобы ты лезла в наши отношения, ведьма. Хочу услышать ответ на свой вопрос: что тебе надо от меня и от Эстеллы?

— О, это до-о-олгая история. Длинная и скучная, как сама жизнь, — неопределённо сказала Клариса.

— Я никуда не тороплюсь и с удовольствием её послушаю, — теперь Данте насадил на коготь пончик и засунул его в рот почти целиком.

— Эстелла обратилась ко мне, и я помогла ей тебя найти, — миролюбиво протянула Клариса. — Меня трогают печальные любовные истории. Мне стало жаль твою жену. Она так горевала по тебе, бедняжка, и я решила вам помочь.

— С какой стати? Ты ведь не знала Эстеллу раньше.

— Да, правда, Клариса, — Эстелла взбалтывала заварку на дне чашки. — Ты ведь сама нашла меня. Хотя человек из зеркала мне сказал о тебе, но я ведь тебя не искала. Мы встретились в «Маске» неслучайно, ведь так?

— Ведь так, — не стала отпираться Клариса. — Я тебя нашла, чтобы узнать про Данте. Ты мне рассказала вашу историю, и мы его отыскиали, потому что я хотела его увидеть и познакомиться с ним. Круг сомкнулся.

— Зачем? — хором спросили Данте и Эстелла.

— О, я давно за тобой наблюдаю, мальчик.

— Это я знаю. Я помню тебя. Ты преследовала меня в «Маске». Ты шарилась в моих вещах. Что ты искала? Хотя... я догадываюсь. Тебе нужен перстень, не так ли? — Данте двумя пальцами погладил зелёный изумруд. Тот сверкнул от его прикосновения. — Разве ты не знаешь, ведьма, что перстень этот слушается только меня? Магия Крови. Слышала про такую? И ты разве не знаешь, от чего умер Тибурон? Жадный старикашка. Захотел получить перстень. Я отдал его сам, глупо, признаю, но это был взаимообмен. А старик взял и умер. Сила перстня убила его. Потому что перстень слушается только своего хозяина — меня. Ты хочешь перстень, ведьма, да? Хочешь последовать на тот свет за старикашкой? Но я могу

тебе устроить это путешествие и без перстня.

Эстелла слушала, разинув рот и ничего не понимая. Клариса рассмеялась.

— Не нужен мне твой перстень! И там, в гостинице, я его не искала. Это была не я. Это был Тибурон. Тогда он ещё не знал, что украденный артефакт не слушается человека, его укравшего. Это закон магии. Перстень спрятала твоя птица, умное животное, кстати. А я популярно объяснила Тибурону что с ним будет, если он украдёт перстень. Но он всё же хитростью заставил тебя его отдать. Я предупреждала его, но он не послушался и расплатился за это.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Я же сказала, я следила за тобой. А после того, как застучала Тибурона, когда он обшаривал твой номер, решила следить и за ним. Когда ты отдал перстень, ты свалил дурака. Но я не знала что ты представляешь из себя без перстня, как маг. Я не знала, насколько ты сильный. Я опасалась, что отдав перстень, ты остался без магической силы. Поэтому я прислала тебе подарок — волшебный меч. Сильный артефакт, несравнимый с перстнем, но способный защитить от многого, даже спасти жизнь. Так и вышло. Ведь он спас тебя от зомби. Колдуны после смерти часто превращаются в вампиров, в зомби или призраков и прочую нечисть, и пугают живых людей. Тибурон, похоже, не стал исключением. Ты потревожил его в гробу, когда забрал перстень. Зомби, оживших мертвецов, нельзя убить обычным оружием, потому что они уже мертвы. Меч спас тебе жизнь, дед мог бы тебя разорвать. Зомби уже не люди, у них нет ни души, ни мозга, только оболочка. Кстати, а где меч сейчас?

— Не знаю, — промямлил Данте. — Я его уронил после того, как убил Тибурона и провалился сюда. Значит, это ты прислала мне меч?

— Да, это был свадебный подарок, — улыбнулась Клариса.

— Но почему? Почему ты сделала мне свадебный подарок? Почему ты за мной следила? Какое тебе до меня дело? Ведь мы даже знакомы не были.

— Ну, у меня есть на это свои причины.

— Какие причины?

— Личного характера. Я слежу за тобой очень давно.

— Это я уже слышал.

— Я слежу за тобой с детства.

Глаза Данте превратились в чёрные угольки.

— С детства?

— Именно. Если быть точнее, с момента твоего рождения.

— К-к-ка это? Получается, ты знаешь всю историю моего рождения?

— Абсолютно верно.

— И т-ты... знала моих родителей?

— Точно так. Думаю, я могу рассказать тебе много интересного о твоих родителях. Ты ведь никогда их не видел, но я знаю о них больше, чем ты, и чем кто-либо другой.

Данте встал. Прошёлся по комнате, поднимая плащом ветер. Волосы его заискрились, как бывало в моменты, когда он злился. Эстелла убирала посуду, не зная что сказать.

— Я понимаю, это непросто, — продолжила Клариса. — Но, Данте, если хочешь, мы можем это обсудить. Я расскажу тебе о твоём рождении, о твоих родителях, о...

Данте развернулся и направился напрямик к Кларисе. Наклонился к её лицу, отрывисто шипя:

— Не хочу! Не хочу. Ничего. Слышать. Об этих. Людях.

— Но Данте, — не согласилась Эстелла, — разве ты не хочешь узнать о своих родителях? Ты всегда мне говорил, что не знаешь кто они. Это же здорово, что Клариса знакома с ними!

— Я НЕ ХОЧУ НИЧЕГО ЗНАТЬ ОБ ЭТИХ ЛЮДЯХ!!! — выкрикнул Данте, трясаясь ярости. В глазах его не стало зрачков, с волос посыпался дождь из красных искр. — ОНИ МЕНЯ БРОСИЛИ! ВЫБРОСИЛИ КАК СОБАКУ!!! ИЗ-ЗА НИХ МОЁ ДЕТСТВО Б ПОХОЖЕ НА АД!!! Я их ненавижу! Ненавижу! Они мне никто! Я ничего не хочу слушать. Если они ещё не сдохли, то пусть сдохнут в муках!!! — он в бешенстве носился по комнате.

Клариса молчала, ожидая когда закончится приступ гнева, но Данте не унимался. Схватив со стола безобразную вазу с листочками, он шмякнул её об пол. Осколки со вкусом разлетелись по углам.

— По-моему, по тебе плачет Жёлтый дом, — заметила Клариса, и это стало её ошибкой.

Данте развернулся так, что плащ его со свистом описал полукруг. Подскочив к Кларисе, он схватил её за воротник и припечатал спиной к стене.

— Ну все, сука, ты меня довела, я тебя сейчас убью! — Данте воткнул длинные когти прямо ей в шею. Клариса дёрнулась, но вырваться из его мёртвой хватки было непросто.

— Пусти, — прохрипела она.

Лицо Данте окаменело, глаза ввалились, напоминая два бездонных омуты. Он был похож на бесноватого, и с каким-то животным ощущением превосходства, власти над чужой жизнью, всё погружал острые, как ножи, когти Кларисе в горло. Та аж вся позеленела, но тут на помощь ей пришла Эстелла.

— Данте, что ты делаешь? Не надо! — она обняла его сзади за талию с небывалой для столь хрупкой девушки силой. Данте, вытащив когти из окровавленной кларисиной шеи, обернулся.

— Чего ты хочешь? — сипло выговорил он. С когтей его прямо на пол капала кровь.

— Данте, успокойся. Не надо так, я здесь, с тобой. Я всегда буду с тобой,

— руки Эстеллы по-змеиному обвили Данте. — Иди ко мне, мой Данте, поговори со мной. Это я, твоя Эсте. Я люблю тебя. Я знаю, что ты хороший, и что ты не можешь причинить никому зла. Это всё проклятое зелье виновато. Клариса, ты должна ему помочь. Помнишь, ты говорила, что зелье, которым я его напоила, опасно? — тараторила Эстелла.

Клариса молча подошла к зеркалу, поднесла руку к шее, магией залечивая царапины.

Данте дрожал. Он вцепился в Эстеллу так, что у неё аж дыхание спёрло, но потом вырвался из объятий.

Лицо его исказилось, словно от ужасной муки. Эстелла широко распахнутыми глазами смотрела на Данте, когда тот схватил её за плечи и, встряхнув, как бутылку с водой, прошипел прямо в лицо:

— Не трогай меня! Не смей больше ко мне прикасаться! Это всё из-за тебя! Это ты во всём виновата! Это ты делаешь меня таким! Я чёрный маг, в моих руках сила, — он указал на перстень, — способная повергнуть к моим ногам весь мир. Но ты... ты... хочешь меня уничтожить!

— Что ты говоришь, Данте? Миленький, это я, Эсте, твоя Эсте, — лепетала Эстелла. — Я люблю тебя, больше жизни люблю, ты для меня всё!

— Я разгадал твой план. Ты хочешь, чтобы я стал таким же, как раньше! Ты хочешь, чтобы я опять стал идиотом, который позволяет себя унижать. Но того идиота нет больше. Я

теперь другой! Я никому не позволю больше над собой насмеяться. Скоро весь мир ляжет к моим ногам, а вы все мне не нужны, никто мне не нужен! Я никого не буду любить. Не буду! Ты меня не заставишь себя любить! Я изгоню эту любовь прочь! Любовь — это слабость, она мне не нужна! — и Данте оттолкнул Эстеллу так, что она упала в кресло. Добежал до ванной и закрылся на засов.

— Он всегда такой ненормальный? — спросила Клариса. — Он же потенциальный убийца.

Цокая каблуками, Клариса прогулялась по комнате. Остановилась у голубого цветка и стряхнула с него пыль. Тот в ответ пошевелил лепестками и закивал.

Эстелла сползла на пол, прикрыв лицо руками, и завывала, бормоча одно и то же:

— Данте... Данте... он меня больше не любит... он меня не любит... я ему больше не нужна...

В ванной раздался звон бьющегося стекла и злобный рык.

— Ненавижу тебя! — выкрикнул Данте. — Ненавижу! Убирайся! Иди к чёрту! Прочь! Прочь от меня! Убирайтесь все от меня! Мне никто не нужен! Я хочу быть один!

Потом всё стихло.

Когда Данте вышел из ванной, Клариса уже уложила Эстеллу в постель. Та металась по кровати, скручивая простыни в верёвки.

— Видишь что ты наделал? — обратилась Клариса к Данте. — Стоило ли так беситься? Ты довёл её до истерики, — глянув на Данте, Клариса застыла от изумления. Теперь глаза у него были ярко-синие, а щеки и руки расцарапаны до крови. Похоже, он царапал сам себя когтями. Ладонь его была перемотана платком и выглядел он измученным.

— Зеркало разбилось, — молвил он тихо. — Я порезался. А ты кто такая?

— Что значит, кто я такая? — обалдела Клариса. — Я Клариса. Час назад ты меня чуть не убил.

Данте пожал плечами, взглянув на неё как-то болезненно.

— А как ты здесь оказалась?

— Ты же сам меня притащил сюда! Ещё и связал!

— Я этого не помню.

Он поглядел на Эстеллу. Та всхлипывала, блуждающим взглядом изучая потолок. Данте упал на колени возле кровати.

— Эсте... Эсте, что с тобой?

— У неё жар, — пояснила Клариса. — Она бредит. И всё из-за тебя. Ты на неё наорал.

— Это неправда... я не помню этого... ничего не помню... Эсте, девочка моя, — он обнял её двумя руками.

— Данте... Данте... — звала Эстелла. — Он меня больше не любит... я ему не нужна...

— Нет, нет, ты мне нужна, очень нужна! Я тебя люблю. Эсте, ты — единственное, что у меня есть, — повторял Данте, укачивая Эстеллу, как ребёнка. Но девушка его не узнавала.

Данте от неё не отходил. Он забыл про сон и еду, забыл про свои книги, забыл даже о присутствии Кларисы.

Последняя, пошарив по ящикам, отыскала несколько флаконов со снадобьями и смешала из них лекарство.

— Надо заставить её выпить, — протянула она Данте склянку с ярко-розовой жидкостью, источавшей аромат ананаса.

— Что это?

— Жаропонижающее. У неё это нервное походу. Ты настоящий идиот.

Данте молча понюхал содержимое склянки.

— Это не яд, — добавила Клариса, отходя в сторону. — Отравы — не мой метод.

Данте решился напоить Эстеллу лекарством, и, не прошло и двух часов, как жар спал, девушка перестала бредить и уснула

Поутру, открыв глаза, она обнаружила: Данте спит, сидя на полу и уложив голову на кровать.

Клариса, оккупировав диван, читала книгу.

— Клариса, а что происходит?

— Тебе лучше?

— Ну да, а что со мной было?

— У тебя был жар. Этот идиот тебя вчера довёл и себя заодно, — напомнила она.

— А, — вмиг боль обрушилась на Эстеллу лавиной. — Данте... он сказал, что не любит меня больше...

— По-моему, он псих, — Клариса покрутила пальцем у виска. — Сначала он устроил истерику, чуть не убил меня, нахамил тебе, расколотил зеркало в ванной, а потом всю ночь от тебя не отходил. И представляешь, спросил как меня зовут. Сделал вид, что ничего не помнит. Абсолютно невменяемый человек. Не знаю, как ты с ним живёшь. Я бы повесилась.

Эстелла нахмурилась, глядя Данте по волосам. Он вздрогнул. Поднял голову.

— Эсте, как ты?

— Ничего.

— Ты меня напугала. Ты вся горела и бредила.

— Ты... ты испугался? Почему? Разве тебе не всё равно? — горько спросила она. — Ты же вчера сказал, что я тебе не нужна, что ты меня не любишь.

— Нет, это неправда! Я люблю тебя, люблю всем сердцем. Если я что-то наговорил вчера, забудь, я был не в себе. Ты мне дороже всех на свете, моя Эсте.

Из глаз девушки хлынули слёзы.

— П-правда?

— Ну конечно! Прости, прости меня, если я тебя обидел. Я... я не хотел... Я иногда не понимаю что со мной... Я... я ничего помню из того, что было вчера, — тихо признался Данте, тыча носом Эстелле в шею. — Прости меня...

— О, мой милый! Милый мой, всё позади. Данте, вот сейчас ты такой же, как обычно. А вчера ты был странный. Ты разозлился, ты пришёл в бешенство, когда Клариса заговорила о твоих родителях.

— О моих родителях?

— Угу.

Данте быстро обернулся, стрельнув глазами в Кларису.

— Что вы знаете о моих родителях?

— Вчера кто-то не желал о них говорить, — хмыкнула та.

— Я и сейчас не желаю, — Данте встряхнулся, как мокрый кот. — Нет, не хочу. Не хочу ничего знать. Эти люди мне никто. Они меня бросили, я им был не нужен. Значит, и они мне не нужны.

— И ты не хочешь знать, кто они и что с ними стало? — Клариса искривила губы, будто съела лимон.

— Нет, не хочу. Они мне никто, — повторил Данте. — Их не было рядом со мной, когда

я в них нуждался. А теперь они мне и даром не нужны.

— А тебе не приходило в голову, мальчик, что они не были с тобой в силу обстоятельств?

— Нет таких обстоятельств, которые бы оправдали то, что меня выбросили на произвол судьбы, — отрезал Данте. — У меня был отец. Мой отец — Хуан Ньетто по прозвищу Мендига. Он умер. Про иных личностей я знать не желаю, — капризно сказал он, укладывая голову Эстелле на колени.

— Смотри, как бы потом жалеть не пришлось о своих словах.

Данте промолчал.

— Любимый, а что у тебя с лицом? — спросила Эстелла, глядя его по щекам. — Ты весь в царапинах, как будто на тебя ягуары напали.

— Не знаю...

— По-моему, это тоже самое, что было с моей шеей, — съязвила Клариса. — Кому-то не помешает постричь когти, а то он, чего доброго, заколет ими себя или ещё кого-то.

— В когтях и в волосах колдуна живёт магическая сила, — сказал Данте.

— О, да! Чем они длиннее, тем больше сила, — закатила глаза Клариса. — Ну и ну! По-твоему лысые колдуны — слабые? Тогда давайте все отрастим когти и гриву в километр длиной и будем волочить их за собой по земле. Кто-то начитался бредовых книжек. Не надо верить всему, что там написано.

В голове Данте царил пустота, приправленная туманом. Последнее, что он помнил, — как потерял сознание наутро после ночи любви с Эстеллой, а вчера очнулся в ванной среди осколков зеркала и с разбитыми пальцами. С каждым разом эти провалы в памяти пугали Данте всё сильнее. Он ощущал тревогу, ощущал, что задыхается, и не знал, что с этим делать. Признаться Эстелле? А вдруг она его отвергнет? Какая женщина захочет иметь дело с психом? А больше всего на свете Данте боялся потерять Эстеллу. И тут ещё эта Клариса. Данте она казалась опасной.

Но юноша окончательно запаниковал, когда Эстелла ему сообщила, что вчера он каким-то образом выходил из комнаты. И Данте признался, что он ничего не помнит.

После того, как до Кларисы дошло, что Данте не притворяется, она предложила: единственный вариант — всем троим обернуться в животных. Приготовив волшебное снадобье, Клариса дала его выпить Эстелле, и та вновь стала белой кошкой.

— Пей, — Клариса протянула зелье и Данте, но он отказался.

— Я могу обернуться без зелья, — пояснил он.

— Как это?

— Очень просто!

Данте щёлкнул пальцами. Пошёл сизый дымок. Хлоп! Теперь на месте Данте стоял небольшой оцелот [1]. Он сощурил раскосые глаза и сел на задние лапы, уложив хвост вокруг себя кольцом.

— Ну, пойдёт? — поинтересовался оцелот.

— Эээ... — Клариса проморгалась. — Вообще-то, было бы лучше, если бы ты тоже обернулся в кота. Мы же пойдём все втроём по городу. Представь себе зрелище: две кошки и оцелот.

— Да хоть в крокодила! — усмехнулся оцелот.

Хлоп! Вместо оцелота в комнате появился трёхцветный кот с кисточками на ушах.

— Значит, ты можешь обернуться в любое животное? — подивилась Клариса.

— Абсолютно в любое, — сказал кот.

— Но... как? Как ты научился?

Кот фыркнул.

— Прочитал в книжке. Это не сложно в общем-то.

— Я бы так не сказала. Я, к примеру, могу оборачиваться только в кошку и в змею.

— Ты забыла, что у меня есть перстень? — он подошёл к белой кошечке и выгнул спинку. Та потёрлась о него бочком.

Клариса, взяв банку с розовым порошком, высыпала порошок к себе в ладонь и швырнула горсть в стену.

Тотчас стена раскололась, образовав небольшую дыру. Человек не смог бы в неё пролезть, но кошке это было под силу.

— Идите вперёд! — велела Клариса, с хлопком превращаясь в чёрную кошку. Белая кошка и трёхцветный кот ловко прыгнули в дыру. Клариса последовала их примеру.

В тишине ночи, что накрыла бархатом город, на улице появились три кошки: чёрная, белая и трёхцветная. Они спокойно шли по тротуару, не оглядываясь и не останавливаясь. На небе светила луна. Её диск, огромный, яркий, как золотой поднос, отражался в фонарях. Миновав аллею, кошки ушли в горизонт и растворились на его фоне, увлекаемые манящим светом луны.

Комментарий к Глава 2. Кровь и щупальца —————

[1] Оцелот — хищное млекопитающее из семейства кошачьих. Распространён в Центральной и Южной Америке. Внешне напоминает длиннохвостую кошку или детёныша леопарда, хотя крупнее длиннохвостой кошки и меньше, чем леопард.

===== Глава 3. Дама с гиеной =====

Данте проспал двое суток, напоенный волшебным снадобьем, что приготовила Клариса. Одно сновидение сменяло другое и, свернувшись в клубок, юноша улыбался. Ему снились то Эстелла, то раскидистые деревья и бескрайние пампасы, по которым он скакал на Алмазе, а Янгус парила над ним, касаясь когтями его волос. Во сне мы видим свои мечты и страхи, неосознанные фантазии и нереализованные идеи. Порой сон уводит от реальности, порой является единственным утешением для человека среди тысяч его бед. Во сне Данте не осознавал, что ни Алмаза, ни Янгус нет с ним больше. Во сне он не знал ни провалов в памяти, ни отчаянья, ни страха, ни боли, ни злости.

Когда Данте встал, за окном сияло солнце. Сладко потянулся, сидя на кровати. Первое, что он увидел, — поднос с едой. Желудок тотчас потребовал, чтобы его накормили. Схватив поднос, Данте с аппетитом стал уминать поджаренный бекон, ароматные булочки с повидлом, сок из киви и манго и гроздья винограда. Сейчас Данте готов был проглотить живого быка.

Покончив с трапезой, юноша встал на ноги. Его качало и шатало, видимо, это были последствия длительного сна. Заглянув в зеркало, он ужаснулся: щеки ввалились, под глазами — синяки, волосы похожи на мочалку.

Обойдя весь номер (тот самый 412, что был их с Эстеллой любовным гнёздышком), Данте не обнаружил никого.

— Эсте! Эсте, ты где? — позвал он.

Данте заглянул в ванную; выйдя на балкон, залюбовался роскошными дубами на аллейке Лос Роблес; высунул нос в коридор, но Эстелла как в воду канула. Где Клариса Данте тоже не знал, да и ему эта женщина была до фонаря. Последний раз он её видел, когда

та напоила его зельем, горьким и противным, похожим на отвар полыни. Снадобье усыпило Данте намертво, но это пошло на пользу — Данте обрёл внутреннее умиротворение и покой.

Одевшись, умывшись и причесав волосы, Данте спустился вниз. За полгода внутренний распорядок «Маски», её хозяйина и постояльцев ни на йоту не изменился. Сеньор Нестор всё также сидел за столом, читая газеты, или играл сам с собой в домино. Увидев Данте, он заулыбался.

— Ну наконец-то я вижу вас в добром здравии, а то вы были странный, бледный, как покойник, когда пришли.

— Я просто устал. Мне надо было отдохнуть, — сердце Данте взыграло от радости. Он снова здесь и снова разговаривает с сеньором Нестором! Он жив и не сошёл с ума! Он свободен и может идти куда угодно!

— А где Эстелла, сеньор Нестор?

— Она ушла. Сказала, что ненадолго. По магазинам небось, — усмехнулся хозяин и, обслонявив палец, перелистнул газетную страницу. — Женщины обожают делать покупки, их сладостями не корми, дай поглазеть на витрины.

— А та, другая, где?

— Какая другая?

— Такая, с хвостом на голове. Клариса вроде.

— А, так она это, вчера уже уехала. С вещами. Странная дамочка, нелюдимая такая. Я ещё удивился, как это она умудрилась подружиться с вашей женой.

Данте кивнул, машинально взглянув на руку. Волшебный перстень, как и прежде, сиял на пальце. Клариса его не взяла, хотя могла бы снять его с Данте, пока тот спал. Значит, не наврала, охотилась не за перстнем, а за самим Данте.

Юноша вышел на улицу, испытывая восторг и вместе с ним грусть. Как же ему не хватает Янгус!

Встав посреди тротуара, Данте задрал голову. Солнце било ему в глаза. Данте прищурился, вглядываясь в небо — синее-синее, без единого облачка. От удовольствия по щекам его разлился румянец.

— Янгус... Где же ты, Янгус? — позвал он шёпотом.

Естественно, птица не откликнулась, хотя Данте и понадеялся, что произойдёт чудо и она прилетит на его зов.

Долго ещё Данте бродил по окрестностям, подставляя лицо тёплому ветру, разглядывая людей, экипажи, дома и палисадники. Горожане не узнавали в нём колдуна, «казнённого» на Пласа де Пьедрас полгода назад, но на душе Данте скребли кошки, словно он забыл сделать что-то важное.

Очнулся Данте от своих фантазий лишь когда стемнело. Заторопился обратно в «Маску». Наверное, Эстелла уже его потеряла и волнуется. Он загулялся, так соскучился по свободе, что не заметил, как время пролетело.

Но, по возвращении в гостиницу, Данте ждало новое потрясение.

— А супруги вашей ещё нет, — объявил сеньор Нестор. — Я думал, вы встретились и где-то вместе. Она ж ведь ненадолго уходила. Может, случилось чего?

— Как это её нет? — Данте просто обалдел — часы на стене в холле показывали 23:35.

Сердце у Данте колотилось от тревоги, едва не выскакивало, но Эстелла так и не явилась ни через час, ни через два. Данте слонялся по комнате, стоял на балконе, выходил на улицу и ждал девушку у дверей «Маски», но тщетно. Когда пробило три часа ночи, Данте, в

отчаянии ломая руки, понял: с Эстеллой что-то случилось.

Замок, мрачный и каменный, с башенками и остроконечной крышей, расположился прямо по центру улицы Святого Фернандо, соседствуя с домом доктора Дельгадо и вычурным дворцом короля золотых слитков Хосе Луиса Парра Медина-старшего. Замок утопал в кустах диких роз и жасмина, а раскидистые вишни и грушевые деревья так лезли ветвями в окна, что в комнаты не проникал свет.

Дом был окружён глухим забором с торчащими по его верху железными штырями. На надписи, что висела у калитки, красовался гепард, выпускающий из ушей пламя — фамильный герб семейства Рейес Прието. Чёрный испанский бульдог сидел на цепи прямо у входной двери. Он грыз кость размером с человеческую ногу и исходил слюнями, забрызгивая ими траву вокруг.

По тропинке, что петляла в глубинах сада, шествовала дама. С виду ей было около тридцати лет. Красивое и надменное лицо с аристократичными чертами обрамляли тёмно-каштановые локоны. Дама была затянута в фиолетовое платье с корсетом так, что едва могла дышать. Прикрываясь прозрачным зонтиком, она вела на поводке полосатую гиену. Та шла, понунив голову и нюхая землю. Коричневатая шерсть на спине гиены стояла дыбом.

— Лота, не отставайте, будьте любезны, — велела хозяйка.

Гиена, глянув исподлобья на женщину, поковыляла за ней дальше. Кривые тонкие лапы, всклокоченная шерсть на позвоночнике и покатая спина животного создавали впечатление комическо-отталкивающее. И ещё более резким был контраст между уродливостью гиены и красотой её хозяйки.

Дама и гиена, обойдя дом кругом, остановились под широким балконом. Женщина подняла голову. Карие глаза её вмиг превратились в две узкие щёлки, лицо перекосилось, потеряв всю привлекательность, и она грубо рявкнула:

— Вам кто разрешил выходить из комнаты? Вы забыли, что вам запрещено даже нос высовывать оттуда? Вы наказаны! Ну-ка сейчас же уйдите с глаз долой!

Зашуршали юбки и балконная дверь с силой захлопнулась. Лицо дамы выразило глубочайшее презрение. Раздувая ноздри, она взглянула на гиену, которая нашла где-тодохлую мышь и теперь с аппетитом пожирала её.

— Фи-и, Лота, как можно подбирать всякую дрянь в саду? Пойдёмте. Я велю Чоленаловить для вас свежих крыс в подвале.

Дама потянула поводок и зашла вместе со своей питомицей в парадную. Бульдог посторонился, впуская обеих, но лязгнул зубами вслед поджавшей от страха хвост Лоте.

Эстелла свирепо захлопнула балконную дверь, еле удержавшись от желания сбросить Матильде Рейес (а дамой с гиеной была именно она) что-нибудь на голову. Истинная гиена, ничуть не лучше, чем её подопечная Лота! Подумать только, когда-то давно, на балу в доме у Сантаны, где Эстелла и познакомилась с Маурисио, его сестра произвела на неё приятное впечатление. Теперь же, когда Эстелла узнала всю подноготную этой с виду милейшей женщины, она поняла, почему та в свои тридцать с хвостиком всё ещё ходит в девках. Да кто в здравом уме на ней женится?

Все местные кумушки, включая Роксану и Беренисе Дельгадо, Матильде обожали, признавая в ней чудеснейшее создание. Матильде дружила со всеми дамами света, исключая Амарилис. Та сестру Маурисио недолго любила, уверяя, что у сеньориты Рейес «термиты в

мозгу», и намеренно избегала любой встречи с ней. Эстелле хватило и пары часов, чтобы понять: тётка Сантаны права. Матильде была взбалмошна, непостоянна, хитра, чертовски умна и безжалостна. Да и наличие гиены в качестве домашнего питомца настораживало. Лоту для Матильде привезли из Азии после того, как она пожаловалась на скуку, заявив, что не прочь завести кого-нибудь экзотического в доме. Например, бегемота или крокодила. Чтобы избежать участи быть покусанным аллигатором, Маурисио подарил сестренке безобидное (по его мнению) животное — гиену, и теперь все в доме, кроме самой Матильде, обходили Лоту за километр.

Слуги, коих в замке было пятеро, Матильде боялись, как огня. Горничная Чола, помимо своих прямых обязанностей вынужденная заготавливать для Лоты еду в виде дохлых крыс, мышей и игуан, уже успела рассказать Эстелле, как Матильде однажды приказала содрать кожу с их конюха за то, что тот не осмелился застрелить умирающую лошадь.

Убегая от Маурисио после первой брачной ночи, Эстелла и представить не могла, что этот кусок льда (а для прочих людей — сама вежливость и обаяние) имеет и второе лицо и ничуть не уступает в этом своей сестре.

Доселе Эстелла не догадывалась, что за ней следят, следят с того момента, как они с Данте и Кларисой вышли из подземелья.

Вчера днём девушка прогуливалась по Бульвару Путешественников, разглядывая витрины и лавки. Она хотела купить Данте какой-нибудь подарок, но, когда завернула за угол, её окружила шайка разбойников. Эстелла и пикнуть не успела: четверо мужчин, схватив её, обмотали веревками и загрузили в повозку.

Спустя час девушку доставили в незнакомый ей дом. Эстелла ни на шутку испугалась, подумав о похищении. Сейчас эти люди посадят её под замок и будут требовать выкуп с Данте или с её семьи.

Похитители, проведя её сквозь комнату, где стены были украшены резьбой, втолкнули Эстеллу в кабинет. За столом чёрного дерева, утопая в мягком в кресле, сидел никто иной, как сам Маурисио Рейес. Он тянул виски из хрустального стакана и вид имел грозный. Эстеллу шмякнули в кресло напротив. Маурисио отдал бандитам увесистый кошель золота, и те откланялись.

И тут-то до Эстеллы дошло: это Маурисио нанял головорезов, дабы отыскать её. Она подумала о Данте. Неизвестно, как он себя поведёт, обнаружив её исчезновение. Порой Данте бывает невменяем, как в тот раз, когда Клариса упомянула о его родителях. И неясно на что способен Маурисио. Что если он велит бандитам Данте убить?

Эстелла съёжилась в комочек, прячась в кресле. Но дальше случилось то, чего она никак не ожидала. Маурисио, подойдя вплотную, ударил её по лицу. Раз. Другой. Третий. Десятый... Потом схватил за волосы и шваркнул об пол, продолжая бить. Делал он всё это молча. Криков Эстеллы никто не слышал, ибо рот у неё был замотан тряпкой, и она даже пошевелиться не могла, чтобы вырваться или дать сдачи — Маурисио и не думал разматывать верёвки, завязанные бандитами. Он избивал Эстеллу, пока она не потеряла сознание.

Очнулась Эстелла от того, что кто-то плеснул ей в лицо ледяной водой. Она с трудом разомкнула глаза, ощущая как вода стекает прямо за шиворот, и увидела Матильде Рейес. Эстелла лежала кровати, а сеньорита Рейес стояла возле, держа на поводке уродливую гиену.

— Ну что, очнулись? — выдавила она сквозь зубы. — Считаю, что вы получили мало. За свой поступок — побег из дома — вы заслужили много больше. Маурисио чрезмерно лоялен

и добр, я всегда это говорила. Вашу физиономию следовало бы превратить в кровавое месиво, может, это научило бы вас уважать своего супруга. Что ж, Маурисио поручил заботу о вас мне. Вы наказаны и не смейте меня ослушаться. Вы больше не выйдете из этой комнаты и ни с кем не заговорите, пока я вам не разрешу.

— Приказы в этом доме отдаём я и мой брат. И вы должны благодарить нас на наше великодушие. Мы могли бы вернуть вас в вашу семью, как неприличную женщину, и опозорить на весь город, но Маурисио чересчур к вам привязан. Но имейте ввиду, я не такая добренькая, как он. Так что меня лучше не злить. Я велю Чоле рассказать вам о том, что бывает с теми, кто мне не подчиняется, — Матильде улыбнулась, но улыбка её, несмотря на красоту зубов, напоминала оскал. Гиена тоже ощерила пасть, подражая хозяйке. Сейчас, как никогда, они были похожи друг на друга.

— Еда на столе, — Матильде ткнула пальцем в круглый столик, на котором стоял золотой поднос. — Через полчаса придёт Чола и унесет его, а заодно поведает вам некую занимательную историю.

Матильде потянула Лоту за поводок, и они обе вышли.

Полчаса спустя явилась Чола — метиска лет сорока-сорока пяти с ноздреватым носом и широким плоским лицом, добродушным и некрасивым. Она шёпотом поведала Эстелле, что сеньорите Матильде лучше не перечить — это чревато последствиями. Тут-то Чола и рассказала Эстелле о конюхе, который остался без кожи.

День клонился к вечеру, и Эстелла немного пришла в себя, хотя на лице красовались синяки да ссадины, а голова раскалывалась от боли. Эстелла вышла на балкон, дабы подышать воздухом. Но она и пяти минут там не простояла, как появилась Матильде со своей гиеной и погнала её назад в комнату.

В душе у Эстеллы не было смирения или желания подчиняться Маурисио и его сестрице. Особенно теперь, когда у неё есть Данте. Её любовь вернулась, и она будет бороться за неё до конца. Она отсюда выберется. И никакая гиена её не остановит!

Эстелла прошла мимо зеркала, мельком туда заглянув. Да уж, ну и вид у неё! Под глазом синяк. Губа разбита. Маурисио оказался ещё хуже, чем она предполагала. Да как он вообще осмелился поднять на неё руку? Если бы Данте узнал об этом, он вырвал бы Маурисио кишки. Надо придумать, как осадить Маурисио и как заставить его и Матильде есть у неё с рук. И тогда она вновь убежит. Сбежать вместе Данте в другой город, в другую страну, на другой континент, в конце концов, — это единственный выход.

Эстелла взяла из шкафчика первую попавшуюся книгу — любовный роман о похождениях Симоны — наглой девицы, что обводила кавалеров вокруг пальца, раскручивая их на деньги. Роман был ужасно пошлый, а Эстелла не любила подобные истории и подобных женщин. Она захлопнула книгу и отбросила её прочь.

Тяжко вздохнув, девушка села у зеркала, достала пудру, белила и румяна и принялась маскировать следы гнева Маурисио на своём лице. Она ещё ему покажет! Этот гусь будет валяться у неё в ногах и просить пощады. Она красивая женщина, аристократка. Женщина, которую мужчины должны носить на руках, а не таскать за волосы. И никому она не позволит обращаться с собой как с бродяжкой!

Эстелле, однако, пришлось постараться, чтобы скрыть синяки на лице. Пока гримировалась, она прокляла Маурисио раз сто и раз сто вспомнила Данте. При всём его сумасбродстве Данте никогда бы, никогда не поднял на неё руку, даже и в порыве безудержного гнева.

Сидение в четырёх стенах Эстелле вконец надоело, несмотря на царившую вокруг роскошь. А комната была чудесна! Розовый шёлк на стенах гармонировал с парчовыми портьерами; бархатная обивка кресел соседствовала с кружевами на наволочках, что лежали на кровати с белоснежным балдахинном; дубовый гардероб-шкаф высился до потолка, как и зеркало в полный рост, золотая рама которого создавала иллюзию, что это не обычная комната, а будуар принцессы. Но Эстелла испытывала дикое желание спалить всё, увидеть как изящная вышивка скукоживается в огне, а фарфоровые ангелочки на углах комода рассыпаются в прах.

В замке повернулся ключ, и Эстелла, бродившая по спальне взад-вперёд, быстро плюхнулась в расписное кресло в венецианском стиле, что находилось у окна. Вошёл Маурисио.

— Матильде мне сказала, что вы уже встали и уже успели её послушаться, — сообщил он без предисловий. — Нехорошо. Порядочная женщина должна чтить своего мужа, уважать его и подчиняться его приказам. А я приказал вам не перечить Матильде. Не знаю, как ещё с вами разговаривать. Вы глупы и несносны, вопреки вашей красоте.

Эстелла молчала. Она была так взвинчена, что боялась не сдержаться. Если она сейчас откроет рот, она наговорит Маурисио такого, что у него уши завянут.

— Вот как, вы решили играть в молчанку? — оскорбился Маурисио. — Потрясающе! Видимо, ваша мать ничему вас не научила. Она не объяснила вам, как должна вести себя женщина после замужества. Вы испорчены, вы не имеете ни малейшего понятия о том, что такое быть хорошей женой. Но я вас научу как себя вести. Ложитесь в кровать!

— Что-что? — Эстелла подняла голову. Чёрные глаза её зловеще сверкнули.

— Вы обязаны исполнять супружеский долг по первому моему требованию, — пояснил Маурисио сладенько улыбаясь. И Эстелла тут же захотела швырнуть в него кресло.

— Нет, — выдавила она сквозь зубы, — я больше не лягу с вами в постель. Вы можете меня убить, но спать с вами я не буду.

— И вы смеете со мной так разговаривать после всего, что натворили? — наморщил лоб Маурисио. — Да как вам не стыдно? Нормальная женщина после таких походов и глаза бы поднять не осмелилась, а вы... вы просто ужасны!

— Пусть так, я ужасна, испорчена и вам не пара. Прекрасно! Раз я такая дурная, а вы такой порядочный, тогда не лезьте ко мне, а то ещё запачкаетесь. Спать я с вами не лягу! Я буду спать только со своим мужем, — заявила Эстелла, с вызовом взглянув на него.

— А-ха-ха-ха! Шутить изволите? Это было очень смешно! Шутка вам удалась, но теперь всё, хватит. Надевайте рубашку и ложитесь в кровать.

— Вы меня не заставите, — хмыкнула Эстелла. — Разве вы не в курсе, что днём этого не делают? Как же так? Неужели наш благочестивый падре Антонио не объяснил вам, что любить женщин следует ночью и желательно в полной темноте? — издевалась Эстелла, со злорадством наблюдая, как у Маурисио меняется выражение лица с возмущённого на обалдевающее. — Ах, какой ужас! Да вы настоящий дегенерат! Как можно делать это среди бела дня?

— Я вас всё равно заставлю мне подчиняться! — рыкнул Маурисио.

— Что вы сделаете? Изнасилуете меня? Попробуйте и получите по голове вон той вазой с цветочками. Я вас предупредила! Я порядочная женщина и принадлежу только одному человеку — моему мужу.

— Но я ведь и есть ваш муж! Вы должны меня ублажать и рожать мне детей.

— Я вам ничего не должна. Наш с вами брак был фарсом, обманкой, картонной декорацией, состряпанной моими родственниками. Наш брак недействителен.

— Что, что вы сказали? — зверски сузил глаза Маурисио. — А-ха-ха-ха! Ну довольно, Эстелла, прекратите это. Мы с вами давали клятву перед святой церковью, падре Антонио лично нас обвенчал. Наш брак абсолютно законен.

— Вы ошибаетесь, — повела плечиком Эстелла. — Когда я выходила за вас, я уже была замужем за другим человеком. Я считала себя вдовой и по всем правилам должна была носить траур. Но мой муж жив. Когда мы с вами венчались, я этого не знала, теперь знаю. У женщины не может быть двух мужей одновременно. И, как вам известно, брак заключается навсегда. Так что, мой брак с моим первым мужем до сих пор действителен. Увы, маркиз, но вы остались не у дел.

Маурисио открыл рот, потом закрыл его, как рыба, выброшенная на берег.

— И вы это говорите сейчас? Почему я не узнал об этом раньше? Почему там, в церкви, когда падре спросил всех о причинах, по которым не может быть заключён наш брак, вы промолчали? Почему вы не сказали, что уже замужем?

— Я же объяснила вам! — нервно выпалила Эстелла. — Я думала, что мой муж умер. Я считала себя вдовой, и мне было всё равно. Я вышла замуж за вас, потому что меня вынудили мои родственники.

Маурисио ходил кругами по спальне. В зловещей тишине стук его каблуков звучал как набат.

— Маркиз, Маурисио, послушайте. Вы же взрослый человек, — продолжила Эстелла мягче. — Почему вы хотите сломать жизнь мне и себе? Зачем вы меня здесь держите?

— Может быть, потому что я вас люблю? И я хочу, чтобы вы были со мной и чтобы вы любили меня, — отозвался он.

— Но я вас не люблю. Я вам говорила об этом ещё давно. Я вас предупреждала. Вы не захотели меня услышать, считая капризной глупой девочкой, которая сама не знает чего хочет.

— А разве это не так?

— Нет, не так. Я люблю другого человека, — твёрдо сказала Эстелла. Она вдруг решила быть с Маурисио честной до конца. Быть может, тогда он поймёт её? — Это не просто каприз. Это длится уже много лет. Если быть точнее, это длится с детства.

— С детства?

— С двенадцати лет. Его зовут Данте. Он — первая и единственная любовь моей жизни. Он мой муж, моя судьба, моё счастье. Я отдала ему свою жизнь и сердце. И ничего уже не поделаешь. Эта любовь неизлечима, понимаете? Тут дело не в вас. Дело во мне. Я не могу полюбить ни вас, ни кого-то ещё. Я люблю всю жизнь только одного человека.

— Как вы можете говорить о «всей жизни»? — поморщился Маурисио. — У вас жизнь ещё только началась. Вам едва ли исполнилось восемнадцать. И как вы можете говорить о любви? Что вы о ней знаете?

— О, поверьте, что такое любовь я знаю лучше многих! — улыбнулась Эстелла. — Потому что я её чувствую и душой, и телом. Моя душа прикоснулась к ней, моя душа заражена ей. У любви нет границ. Она приходит сама и внезапно, наплевав на возраст, социальное положение, цвет кожи и прочие глупости.

— Это он, тот человек, привил вам такие либеральные мысли?

— Не важно.

— Эстелла, вы ещё ребёнок...

— Хорошо, считайте меня ребёнком, дело ваше. Но отпустите меня. Маурисио, ну зачем я вам? Вы же ещё можете найти своё истинное счастье.

— А если я скажу, что вы — моё счастье?

— Это не так. Я для вас несчастье. Я никогда не полюблю вас. Вы можете меня избить, запереть, даже заставить лечь с вами в постель, но я никогда не стану вашей. Обнимая меня, вы будете обнимать лишь оболочку, почти мёртвое тело, труп. Моя душа принадлежит другому, — Эстелла вновь начинала злиться, поняв: Маурисио не хочет слушать здравых доводов, он хочет подчинить её своей воле, и не важно, что оба они при этом будут страдать.

— И что вы мне предлагаете? Что вы от меня хотите, Эстелла? Думаете, со мной можно играть, как с куклой?

— Я так не думаю. Я с вами не играла. Я вам сказала правду ещё тогда, когда вы приходили ко мне свататься. Вы сами полезли на рожон. Но всё ещё исправимо. Просто отпустите меня. Позвольте мне быть счастливой.

— Но я вас люблю! — Маурисио аж ногой топнул.

— А я думаю, в вас нет никакой любви. В вас играет чувство уязвлённой гордости. Когда человек любит, он не причиняет боль. Он не бьёт, не обижает и не унижает объект любви. Он позволяет уйти. Он хочет, чтобы тот, кого он любит, был счастлив, пусть и без него.

— Очень интересная логика у вас, — скривился Маурисио. — То есть вы предлагаете мне стать посмешищем в глазах всего города? Пожертвовать собой ради вашей якобы великой любви к какому-то прохиндею? Кстати, это ведь он, тот самый, что приходил к вам свататься, такой длинноволосый? Явился, выдал себя за виконта, надул всех. А потом убил Луиса Парра Медина-младшего прямо на его свадьбе с вашей подругой. О, я уже знаю эту историю! Его же вроде казнили на площади по обвинению в колдовстве и убийстве. Какого чёрта вы говорите, что он жив?

— Такого, что Данте невиновен! — Эстелла чуть ли зубами не скрипнула, услышав нелестные отзывы о Данте из уст Маурисио. Она не выносила, когда про него кто-то плохо говорил. Никто не знает Данте так, как она. Никто не чувствует его так, как она. Поэтому никто не вправе в чём-либо обвинять его и делать выводы на основании домыслов. — Разве вы не знаете, маркиз, что когда приговорённый к смерти во время казни остается жив — это подтверждение его невиновности? Господь не хочет забирать к себе невиновного, и с такого человека должны снять все обвинения.

— О, может его ещё канонизируют в святые? — съязвил Маурисио.

— Я бы не возражала. Кстати, а откуда вы знаете о Данте?

— Ох, это всё моя сестра! Матильде — завсегдатай четвергов сеньоры Беренисе. Знаете, супруга доктора Дельгадо каждый четверг устраивает обеды? В её салоне собираются все местные кумушки. В связи с чем, Матильде весьма и весьма наслышана о вашем скандальном поведении. Все дамы салона сеньоры Дельгадо вас обсуждали и осуждали. Весь город видел, как вы оплакивали того мерзавца на центральной площади. Только я один, как идиот, ничего не знал. Думал, что женюсь на порядочной, чистой девушке, а женился на потаскухе!

— Вы можете говорить что угодно. Меня ваши оскорбления никак не колышут. Я сама знаю, что я приличная женщина, и мне этого достаточно, — Эстелла разглядывала золотой маникюрный набор, стоящий на комод. Чего тут только не было! И ножнички

всевозможных форм и размеров, и щипчики, и специальные камушки для полировки ногтей, и резные палочки, лопаточки, щёточки, и баночки с припарками и притирками, чтобы женские пальчики стали мягкие, как пан-бархат. Всё это было сложено в квадратную шкатулку, покрытую позолотой и с углублением для каждого предмета.

— Да ну? По-вашему, я совсем дурак? — Маурисио зверски оскалился. — Вы считаете, что во время нашей первой брачной ночи я не понял, что вы уже испорчены?

— Да мне всё равно что вы там поняли! Данте был моим мужем. Законным. И до сих пор им и остаётся. Наш с вами брак состряпала моя мать, с неё и спрос. Она знала, что я уже замужем, но наплевала на это.

Маурисио плюхнулся в кресло. На некоторое время наступила тишина.

— Хорошо, полагаю, наш разговор на этом окончен. Я подумаю обо всём на досуге и решу, что с вами делать, Эсте, — сказал он наконец.

— Не смейте меня так называть! — язык Эстеллы выкрикнул это прежде, чем мозг его затормозил.

— ЧТО?

— Не смейте меня называть «Эсте»!

— Почему?

— Не смейте и всё!

— Ну хорошо. Я не знал, что вам это не нравится.

— Это не ваше дело, что мне нравится, а что нет! — огрызнулась Эстелла. — Кстати, а вы не желаете передо мной извиниться?

— Извиниться? С чего вдруг?

— С того! Поглядите что у меня на лице. Это следы от ваших лап. Вы меня избили!

— Вы это заслужили, дорогая, не находите? Вы от меня сбежали в первую же ночь после свадьбы. Вы мне изменили.

— Я была со своим мужем! И если я кому и изменила, то ему с вами, но никак не наоборот.

— Ваш муж я!

— Имейте ввиду, маркиз, нам это дело лучше решить миром, — выплюнула Эстелла, потеряв терпение от его ослиного упрямства.

— Вы мне угрожаете?

— Всё возможно. Мой дядя Ламберто и дедушка Лусиано — члены Законодательного Совета при вице-короле. Они знают законы, как свои пять пальцев. Если вы будете настаивать на продолжении нашего супружества, я обращусь к ним. Мы найдём адвоката и нас с вами разведут. Только это будет публичный скандал. К тому же, я всему городу расскажу, что вы меня бьёте. В ваших же интересах этот вопрос решить полюбовно, маркиз.

Маурисио побледнел.

— Вы просто невоспитанная, высокомерная нахалка, которая считает себя пупом земли! Вы полагаете, что вправе плевать на людей, которые вас любят? И всё ради чего? Ради кого? Ради грязного пастуха!

— Вон отсюда, или я вас ударю! — крикнула Эстелла в ярости. — Выйдете вон!

— Это мой дом вообще-то.

— Но в этой комнате живу я! Вы меня тут заперли, как пленницу. Хорошо, пусть так, пусть я в тюрьме под вашим надзором, но будьте любезны покинуть мою камеру, пока я вас не стукнула.

— Какая вы наглая, это просто уму непостижимо! Однажды я оторву вам язык, — пообещал Маурисио.

Он уже собрался уходить, но его опередил стук в дверь. Маурисио широким жестом распахнул её. На пороге стояла Чола.

— Что вам нужно? — грубо спросил он.

— Простите, сеньор, но дело в том, что тут принесли письмо, — затараторила метиска. — Письмо для сеньоры Эстеллы.

У Эстеллы ёкнуло сердце, и в голову пришла безумная мысль: вдруг это Данте написал ей письмо? Может, он каким-то образом узнал, что её держат в этом доме, и решил вызволить?

Но фантазии Эстеллы долго не продлились. Маурисио без зазрения совести выхватил у Чолы письмо и разорвал конверт.

— Минуточку, Чола сказала, что письмо для меня, а не для вас! — взбеленилась Эстелла. — Вы обвиняете меня в невоспитанности, а сами вскрываете чужие письма! Это хамство!

— Вся корреспонденция в этом доме проходит через мои руки прежде, чем попадает в руки своих адресатов. Я и корреспонденцию Матильде читаю перед тем, как отдать ей. В этом доме так принято.

Эстелла, возмущённо уставив руки в бока, следила за Маурисио, когда тот читал её письмо. Лицо его не изменилось и не дрогнуло после прочтения. Глянув на Эстеллу, он холодно объявил:

— У меня плохие известия для вас: в доме ваших родных траур.

— Траур?

— Именно так. Умерла ваша тётя Хорхелина. Сегодня в 17.00 похороны. Это уведомление, — он сунул письмо Эстелле в руки. — Приготовьте чёрное платье и шляпу с вуалью. Через четыре часа мы пойдём на панихиду, — и Маурисио вышел, оставив опупевшую Эстеллу наедине с письмом и Чолой.

Правда, через час он вернулся, притащив с собой две картонки: квадратную зелёную и белую, высокую и круглую, с алым бантом на крышке.

— Я тут подумал, пожалуй, вы были правы, Эстелла, я перегнул палку. Хотя вы это и заслужили, но я не должен был вас бить. И в связи с тем, что вас и вашу семью постигло такое несчастье, я снимаю с вас наказание. Теперь вы можете перемещаться по дому, но на улицу будете выходить только со мной или с Матильде. А чтобы загладить свою вину, я купил вам подарок. Думаю, неуместным было бы сейчас дарить вам что-то яркое, ведь у вас траур, поэтому я решил купить чёрное платье и чёрную шляпку. Наверняка у вас нет подходящего наряда для сегодняшних похорон, — он поставил обе картонки на кровать. — Одевайтесь. Через два часа мы уже должны быть готовы, иначе опоздаем. Мне жаль, что с вашей тётей произошло несчастье, я приношу вам свои искренние соболезнования, — сейчас Маурисио говорил совсем другим тоном, но Эстелла ни капельки не верила ему.

Но подходящего платья у неё и вправду не было (все траурные платья остались в «Маске»), и Эстелла начала открывать картонки. Вот приспичило эту Хорхелину отдать концы именно сейчас! Эстелле было несколько её не жаль, да и лишняя причина видеть своё семейство её не радовала.

Вскрыв обе картонки, Эстелла испытала досаду и презрение к Маурисио. В очередной раз. Нет, подарки были прекрасны: чёрный шёлк, вычурная драпировка шнуром, агаты на

корсаже, но вот к воротнику платья были пришиты большие перья, как и к шляпе. Перья, пучки перьев убитых райских птиц. После того, как Эстелла пожила с Данте, она прониклась его идеями, а общение с Янгус заставило её влюбиться в птиц. Пёрышки на наряде, что сейчас Эстелла держала в руках, были столь мягкие, что девушка аж едва не взывала. Ну почему, почему Маурисио такой тупой? Настоящий остопоп! Данте бы никогда не подарил ей платье с перьями!

Маурисио не спешил уходить. Стоя у двери, он лукаво поглядывал на реакцию Эстеллы, ожидая свойственных женщинам охов и ахов.

— Я это не надену! — заявила Эстелла, шмякнув платье на кровать.

— ЧТО-О-О? — у Маурисио челюсть буквально отвалилась. — Но, Эстелла, это очень элегантное платье, и оно подходит для похорон.

— Я не надену, — повторила Эстелла. — На нём перья.

— О, перья, это же так красиво! Вы же теперь маркиза, вы не можете идти куда-либо в простом платье. Да что обо мне люди подумают? Скажут, будто бы у меня нет денег, чтобы купить вам дорогое платье. Моя жена не может выглядеть простушкой даже на похоронах.

— Это перья убитых птиц, — прошипела Эстелла. — Я не ношу платья с перьями и не ношу шкурки животных. Они были живые и красивые, а их убили ради того, чтобы пришить на это платье. Ни за что не надену!

— Но... но... Эстелла, — Маурисио так растерялся, что позабыл все слова. — Я не знал, что вы защитница животных.

— Именно так. Я не ношу вещи, сшитые из животных! Можете выбросить это платье.

— Но, Эстелла, помилуйте! — взмолился Маурисио. — Неужели из-за такой ерунды вы готовы опоздать на похороны вашей тёти? Нам уже скоро идти. Не ломайтесь, надевайте платье и не выдумывайте.

— Не надену! — упёрлась Эстелла. — И это не ерунда! Это мои принципы.

— До чего ж вы упрямы! Кошмар какой-то! Ну тогда возьмите ножницы и срежьте перья. Наденете сверху накидку, а на шляпку — мантилью. Только быстрее, а то мы опоздаем! Ну что за характер, в самом деле? — бормоча, Маурисио покинул комнату.

Эстелла решила не упорствовать и послушаться последнего совета. Она обрезала с платья и шляпы перья и скоро уже сидела в экипаже с гербом семейства Рейес Прието на дверце, укутанная в чёрную кружевную шаль и мантилью, что закрывала шляпу целиком, доходя девушке до колен.

Откинув мантилью с лица, Эстелла рассматривала мелькавшие мимо кусты, деревья, экипажи и прохожих. Думать ей ни о чём не хотелось. Хотелось уснуть и проснуться в объятиях Данте. Как он там, её Данте? Наверное, он места себе не находит. Как бы умудриться послать ему записку? Но она же едет домой! А там Либертад. И бабушка. И Дуду. Можно попросить их отнести Данте весточку. Тогда он будет знать, что с ней и где она, и они смогут обдумать план дальнейших действий. Эта новая идея так завладела Эстеллой, что она даже улыбнулась. Она непременно найдёт выход! Страшнее того, что она пережила, думая, что Данте погиб, уже ничего не будет. Она вырвала его из когтей смерти, и всё иное меркнет в сравнении с этим. Главное — они оба живы и готовы драться за своё счастье.

===== Глава 4. Что правда, а что ложь =====

Данте метался по комнате, как тигр по клетке, не зная, что ему делать и где искать Эстеллу. И, как никогда прежде, он осознал своё одиночество: ему не к кому обратиться за

помощью и полагаться он может только на себя. Но вдруг Эстелла ещё придёт сама?

Однако, Эстелла не вернулась и через двое суток, и терпение юноши лопнуло. Наверняка тот лощёный упырь Маурисио Рейес нашёл её и забрал. И Данте вздумал пойти в эстеллин дом, вломиться туда и потребовать её обратно. Он её законный муж, он имеет на неё все права. Да, так и сделает! И наплевать, что в том доме его считают мёртвым, наплевать, что, увидев его, родственники Эстеллы позовут жандармов, и он снова угодит в тюрьму. Без Эстеллы жить он не может. В конце концов, если попадёт в беду, использует магию перстня, сравняет с землёй весь город, но Эстеллу никому не отдаст.

Данте напялил штаны из кожи крокодила, шёлковую рубашку с кружевами, плащ Салазара, браслеты Салазара и сапоги со шпорами. Заплёл волосы в косу, нахлобучил широкополую шляпу, и в таком образе человека не от мира сего проломился через дверь. У выхода мельком заглянул в зеркало — отражения там не было. Совсем. Никакого. Данте, пожав плечами, вышел из комнаты. Скатился по лестнице. Выбежал на улицу. Выведя из конюшни Жемчужину, сел на неё. Лошадь, уставшая от долгого стояния, радостно неслась по мостовой, едва не сшибая прохожих.

Немного терпения, и вот уже появился угол Бульвара Конституции. А вот и испанский красно-жёлтый флаг со львом развевается над Ратушей. Вот и крыша белого особняка, утопающего в цветах.

Данте спешил. Привязав Жемчужину к дереву, кинулся к дому. Калитка была настежь распахнута. На ней висел венок из чёрных роз. Народу вокруг было пруд пруди. Входящих встречала маленькая служанка в чёрном чепце и чёрном платье с чёрным же фартуком, отороченным чёрным кружевом. Вид у неё был усталый, но нисколько не расстроенный.

У них траур? И, видимо, похороны. Этого Данте никак не ожидал. Нет, врывать сейчас в дом нельзя. Не настолько же он идиот, чтобы устраивать скандал на похоронах. Но кто же у них умер? Может, поэтому Эстелла исчезла? Может, она узнала про кончину кого-то из близких и сама пошла домой, чтобы увидеть семью?

Данте это показалось логичным, но он сомневался, что Эстелла могла уйти, не оставив и записки. Нет, что-то тут не так. Как бы она не была расстроена несчастьем в семье, она не могла забыть о нём, о Данте, если только... У Данте чуть искры из ушей не полетели, когда ему пришла в голову жуткая мысль: а если здесь траур по Эстелле? Ведь умереть можно и за пять минут. Попала под экипаж, свалилась в овраг, убили грабители... Мало ли что может произойти с человеком на улице? Нет, нет, это бред! Эстелла не умерла. Если бы такое случилось, он бы почувствовал.

Данте взглянул на обручальное колечко — оно поблёскивало и было тёплым, как и всегда. Нет, с ней всё в порядке. Двумя руками взъерошив волосы, Данте случайно зацепил изумрудный перстень. Тот обжог ему пальцы. Хлоп! Данте и не сразу понял что произошло. Только оглядевшись, сообразил, что вся округа как-то увеличилась в размерах. Взглянул на себя. Он больше не был человеком, он был оцелотом. Тем, в которого превращался, дабы доказать Кларисе, что он тоже кое-что умеет.

Волшебные книги, что Данте изучал в подземелье, открыли для него мир магии с другой стороны, научили вещам, которых он не знал ранее. Но он так и не мог контролировать свою силу, когда злился или расстраивался. Вот и сейчас это неожиданное превращение сбilo его с толку.

Оцелот взъерошился, отгоняя наваждение. Сердце предательски трепыхалось где-то в горле, не давая дышать, и некоторое время он слонялся по округе, наблюдая за

подъезжающими и отъезжающими экипажами, за их пассажирами, за Либертад, с безучастным лицом принимающей от господ шляпы и трости.

Хотя ему тут не место, но он не уйдёт. Он дожждётся, когда вынесут гроб, и убедится, что в нём не Эстелла, а, может, увидит и саму Эстеллу в толпе безутешных родственников.

Очередной экипаж, богато украшенный резьбой и позолотой, подъехал к особняку. С подножки спрыгнул элегантный мужчина в цилиндре, сюртуке и рубашке с жабо. Он подал руку двум дамам. Первая была высокая, с надменным лицом и кружевным веером на запястье. Вторая — миниатюрная худенькая девушка в огромной чёрной шляпе. Данте задержал на ней взгляд, и у него в груди заныло, а потом и вовсе всё оборвалось, когда он увидел девушку в лицо. Эстелла!

Обе женщины, опустив на лица мантильи, взяли мужчину под локти и все втроём двинулись к особняку. Оцелот наблюдал за ними не дыша. На входе Эстелла задержалась, обнимаясь со служанкой. После — она и её спутники исчезли в недрах дома.

Что испытывал сейчас Данте не поддавалось никакому описанию. Он хотел кричать и разбить себе голову о камни на мостовой, а лучше разбить её тому аристократишке, что сопровождал Эстеллу. Данте узнал его. То был Маурисио Рейес, её так называемый новый муж.

Данте напрочь забыл, что он не человек, и затопал ногами по земле. Но хорошо, что его никто не увидел, ибо злобно топающий лапами оцелот выглядел воистину комически.

За что? За что Эстелла так с ним поступила? Она не была расстроена, никуда не бежала, не пряталась. Она спокойно прохаживалась под ручку с Маурисио Рейесом, прямо у него, у Данте, под носом. Значит, она всё наврала? Всё, что она говорила, было ложью, и все её мольбы, слёзы и признания ничего не стоят. Она променяла его на другого, а клялась в любви, чтобы усыпить его бдительность. Видимо, она хочет себе сразу обоих мужчин. Какая же подлая! Нет, он не позволит над собой насмеяться! Лучше умрёт!

Оцелот рванул прочь. Добежал до Жемчужины. Та попятилась, увидев безумного зверька, мчащегося прямо на неё. До Данте дошло, что он делает что-то не то, лишь когда он (всё пребывая в шкуре оцелота) трижды попытался запрыгнуть на лошадь.

Хлоп! Со вспышкой он обернулся в себя и плашмя свалился на живот. Жемчужина в ужасе заржала. Он сейчас умрёт, просто умрёт. Эстелла его предала. Такого удара он не переживёт. Теперь он остался совсем один, даже Янгус с ним больше нет.

Чтобы не заорать на всю улицу, Данте прикусил себе губы до крови и кое-как встал. Рывком запрыгнув на Жемчужину, натянул повод и ускакал в горизонт, поднимая пыль лошадиными копытами.

Едва только Эстелла переступила порог когда-то родного ей дома, у неё в глазах зарыбило — внутри была толпа народа и все чёрных одеяниях. Большинство из этих людей было Эстелле незнакомо. Пока Маурисио и Матильде раскланивались, приветствуя всех и выражая соболезнования Роксане и Арсиеро, Эстелла рассматривала гостей. По поводу смерти Хорхелины она не испытывала никаких эмоций, кроме любопытства, а заодно радовалась за Эстебана и Либертад — наконец те смогут быть вместе. Вот бы им с Данте также. Взял бы Маурисио да умер.

Эстелла отгоняла от себя эти кошунственные мысли, а глаза её мало-помалу привыкали к траурному сумраку гостиной. Девушка обвела комнату взглядом. Вот, Беренисе Дельгадо — полная дама с поджатыми губами и двойным подбородком. Ей нет и сорока, а выглядит

она много старше некоторых дам в возрасте. Она вполголоса беседовала с супругами Парра Медина — родителями Луиса, в убийстве которого обвинили Данте. Доктор Эухенио Дельгадо, её муж, — красивый и моложавый пустомеля. Он даже на похоронах умудрился собрать вокруг себя зевак, рассказывая зловещую историю про призрака.

— Это был Эдельберто Мендоса, мой давнишний пациент, — вещал доктор замогильным голосом так, что все вздрагивали. — Он умирал долго, недели две. Дрянной был человечиска, скажу я вам, и никак не желал умирать. Но всё ж таки умер. И вот, представьте, через два дня сплю я себе преспокойно, и вдруг слышу вой. А тогда гроза была, буря настоящая за окном, весь дом ходуном ходил. Так вот, продрал я глаза и вижу: прямёхонько супротив меня призрак Эдельберто Мендосы.

— Прозрачный такой, висит себе в воздухе и воет, да так громко: «До-о-октор! До-о-октор! Я не хочу быть призраком! Оживите меня-я-я, ведь вы ж всё уме-е-ете!». А я и отвечаю ему: «Не придумали ещё, голубчик, такое лекарство, чтоб от смерти спасало. Как придумают, так приходи, я сразу тебя и оживлю». Злой он был, но сделать ничего не смог — он же видел, что я его не боюсь, ни на того напал! Выл-выл, к утру и улетел. Вот такие они эти мертвецы, никто не знает, что взбредет им на ум. Вот я и думаю, покойница-то, сеньора Хорхелина, дабы не вернулась она обратно, чтоб тут всех пугать, надо падре позвать, чтобы он дом освятил.

Эстелла, будучи не в силах слушать ахиною, что нёс доктор, отошла в подальше.

Диего, сын доктора Эухенио и сеньоры Беренисе, тоже был здесь — слонялся в одиночестве и всё норовил укрыться от чужих глаз за какой-нибудь колонной. Выглядел он как-то болезненно-бледно. И Эстелла вспомнила, что Мисолина должна была выходить замуж за графа де Пас Ардани — старого извращенца-вдовца, что приехал из Рио-Негро. Похоже, свадьбу Мисолины Эстелла пропустила. Если всё прошло гладко, Мисолина сейчас должна быть графиней де Пас Ардани. Поэтому-то влюблённый в неё с детства Диего похож на египетскую мумию.

В другом углу стояла Сантана. Окружала её толпа молодых незамужних девушек, из которых Эстелла знакома была разве что с рыжей Соль. Эстелле стало вдруг очень обидно. Они с Сантаной не виделись со дня злополучной свадьбы с Маурисио, а та и не подошла. Заметив Эстеллу, лишь приветственно кивнула, увлечённая болтовнёй с Соль. Видимо, их дружба с Санти так и закончилась, и отношения их никогда не будут прежними. Эстелла умом понимала, что произошло это не сейчас и не за один день, но испытала некую ревность. Она, Эстелла, когда ей бывало особенно плохо, часто вспоминала подругу, скучала по их разговорам, шуткам, проделкам. А Сантана с лёгкостью заменила тринадцать лет дружбы с Эстеллой на хихиканье с Соль, которую знала поверхностно, и которая в детстве была подружкой Мисолины и участвовала во всех её гадостях.

Гости всё прибывали и прибывали, а Роксана и Арсиеро неустанно принимали соболезнования. Эстелла могла бы уже ничему не удивляться, но у неё это не получилось. До чего же её мать двуличная! Разговаривая с не менее притворной Матильде (та промокала глаза платочком, хотя Хорхелину видела два раза), Роксана упала в её объятия и завывала. Услышав слова: «О, бедняжка Хорхелина, мы её так любили. Такое несчастье, такая внезапная смерть. Я потрясена...», Эстелла едва не засмеялась. Лишь с годами вбитые манеры удержали её от этой выходки. Неизвестно, кто из них лицемернее — Матильде или Роксана. Две гиены нашли друг друга.

Норберто Пенья Брага, дядюшка Сантаны, стоял рядом с мужчинами в чёрных сюртуках

и фраках, среди коих Эстелла заметила и дядю Эстебана. Урсула разносила выпивку и угощение в виде крошечных корзиночек из песочного теста с многообразным содержимым, начиная с лимонного желе и заканчивая тушёными грибами.

Бабушку Берту Эстелла отыскала с трудом — та сидела на канопе, и от остальных её скрывал огромный, разросшийся на весь горшок кактус. Бабушка не выглядела расстроенной и даже не притворялась, что огорчена смертью Хорхелины. Шляпу её украшал бант цвета огурца, а она, лопая шоколадные пирожные с вишней, болтала с сеньором Альдо Адорарти. Мужчина что-то рассказывал бабушке, та по-девичьи хихикала, прикрываясь веером. Но, увидев Эстеллу, поманила её к себе. Эстелле пришлось подойти.

— Здравствуйте, бабушка, здравствуйте, сеньор.

Ювелир, подкрутив усики, отвесил Эстелле лёгкий поклон.

— О, дорогая, ну наконец-то ты нашлась! Я так рада тебя видеть! Садись-ка сюда, — Берта ткнула пальцем в канопе. — Альдо, у меня к вам просьба, — обратилась бабушка к своему собеседнику. — Не будете ли вы так любезны принести мне ещё вон тех пирожных с вишенкой? Уж очень они хороши!

— Да, конечно, моя прекрасная дама, — сказал сеньор Адорарти нараспев.

— И чашечку чая! — властно велела бабушка.

— Разумеется. А сеньорита будет что-нибудь?

— Нет, спасибо, — отказалась Эстелла.

— Только она сеньора, — исправила бабушка. — Моя внучка уже замужем.

— Ох, прошу прощения! — сеньор Адорарти, оставив женщин вдвоём, отправился гулять по зале в поисках пирожных (столики с угощениями были расставлены по разным углам).

— Бабушка, а что это сеньор ювелир сюда зачастил? Что он вообще тут делает сегодня, ведь похороны, не праздник же? — напрямую спросила Эстелла. Она разволновалась, увидев этого человека. Что если он проболтается бабушке при каких обстоятельствах познакомился с её внучкой?

— Ой, ну я сама его пригласила. Похороны, особенно похороны Хорхелины, где и плакать не хочется, нагоняют на меня скуку. Альдо, то есть сеньор Адорарти, — бабушка помахала веером, — вздумал за мной ухаживать. Ну а что ж такого? Я не против. Хотя вот твоя мамаша уверяет, что это смешно на старости лет-то. Может и смешно, дак что ж мне до конца жизни в одиночестве быть? Я ещё помирать не собираюсь. Гортензия, мой муженёк и мои старшие дети меня покинули. У Эстебана своя жизнь, он не будет возле меня сидеть, ты вот вышла замуж, Мисолина тоже. Я вообще одна одинёшенька тут кукую. Только с Урсулой да Либертад болтаю целыми днями. А сеньор Адорарти человек неплохой, занятный такой, он меня развлекает.

— Я очень рада за вас, бабушка, — сказала Эстелла, хотя и удивилась. Даже насторожилась. Какого чёрта этому господину надо от бабушки? Вдруг он мошенник и что-то задумал, а бабушка и уши развесила? Но Эстелла не решилась высказать свои опасения вслух и сменила тему. — Бабушка, вы мне расск; жите что тут случилось? Почему умерла Хорхелина? Я ведь ничего не знаю, чувствую себя оторванной от мира.

— А так и никто не знает. Сеньор Бруно, бывший наш лекарь, хоть и не особо был дипломирован, да дело своё знал, лечил всех от мала до велика, и никто не жаловался. Да вот умер он. А этот остолоп, доктор Дельгадо, знать о медицине ничегошеньки не знает, я и то лучше его в ней разбираюсь. Так вот. Мисолина-то замуж вышла три дня назад. И прямо

на свадебном балу Хорхелине поплохело. Сначала мы подумали, что она выпила лишнего, после решили, будто она едой отравились, потому как лежала она в койке вся зелёная и икала только. В общем, позавчера мы позвали доктора. Он припёрся, походил вокруг больной и говорит: «Знаю я одно, нет два, действенных лекарства. Начнём с пиявок». Приволок он этих пиявок, обложил ими всю хорхелинину голову, и доприсасовались они до того, что бедняга вся посинела и в обморок свалилась. Тогда доктор пустил ей кровь, вскрыв вены. Ну не псих ли? В общем расчищал он ей все руки ножиком, выпустил чуть ли не ведро крови, перевязал раны да говорит: «Всё, завтра здорова будет». И ушёл. Так она ночью и того, скопытилась. Просыпаемся утром, а у её кровати сидит Мисолина да рыдает: «Померла, — говорит, — тётя Хорхелина».

— Мисолина? А что она тут делала? Она же замуж вышла! — наморщила носик Эстелла.

— Вышла то вышла. Да муж её по делам поехал на неделю в Рио Негро, а она сюда и пришла. Сказала, будто навестить Хорхелину, ну не знаю, правда это иль нет. Только как померла Хорхелина, так Мисолина потом с мамашей своей разругалась в пух прах. Как они орали, ты б слышала! Стены шатались! И никто не знает, отчего эти двое взъелись друг на друга, всегда ведь ладили. Вот так вот.

Рассказ бабушки прервал сеньор Адорарти. Он вернулся, притащив поднос с чаем и вишнёвыми пирожными. Пока Берта и её кавалер ворковали, Эстелла встретила взглядом с матерью. Та тотчас отвернулась. Роксана теперь старательно делала вид, что Эстеллу и знать не знает. Маурисио и Матильде куда-то делись, зато в поле зрения Эстеллы появилась Амарилис, которая о чём-то шепталась с дядей Ламберто. Эстелле показалось, что они как-то чересчур открыто флиртуют друг с другом.

Дабы не мешать бабушке, Эстелла отправилась гулять по зале. Дядя Эстебан и не скрывал, что не является убитым горем вдовцом. Смоля сигарой, он задорно о чём-то спорил с мужчинами, его окружавшими.

Почувствовав на себе взгляд, Эстелла обернулась. На неё в упор смотрела Амарилис. Дядя Ламберто пригласительным жестом поманил Эстеллу к себе.

— О, и вы здесь, Эстелла? Куда это вы пропали? Мы все переживали, когда вы исчезли. А ваш супруг такой шум поднял, грозился даже жандармов позвать.

— Ничего страшного, дядя, всё улажено, — отговорила Эстелла. — Маурисио всё не так понял и устроил панику на ровном месте. Дядя, а я думала, вы уехали, — переключилась она на другую тему.

— Я вынужден немного задержаться. У меня тут дела, — сказал Ламберто, неопределённо махнув рукой.

Амарилис молча улыбалась, разглядывая Эстеллу, а потом вдруг выдала:

— Никогда не замечала за вами, Эстелла, чтобы вы раньше так сильно пудрились.

— Что, простите?

— У вас на лице, Эстелла, очень много пудры. Вы же красавица, и напрасно вы хотите состариться раньше времени. Рисовая пудра очень портит кожу, знаете ли. Хотя... быть может, есть на то иная причина?

— Я вас не понимаю, сеньора, — вспыхнула Эстелла.

— Ну, к примеру, вспоминая поведение вашего супруга в день, когда вы исчезли, а я ведь по стечению обстоятельств стала свидетельницей этой нелепой сцены, я могла бы поклясться, что, найдя вас, он применил к вам методы физического воздействия.

Эстелла вздрогнула. Она никогда особо не приглядывалась к Амарилис и контактировала с ней, ограничиваясь парой-тройкой слов, но та всегда была женщиной умной и проницательной.

— Я ошибаюсь? — спросила Амарилис, буравя Эстеллу взглядом.

Эстелла не знала как поступить. Рассказать, что Маурисио её побил? Но откровенничать с Амарилис... Она ведь плохо знает её, да ещё и дядя тут. Ламберто внимательно прислушивался к разговору.

— Эстелла, это правда то, что говорит Амарилис? Маурисио поднял на вас руку?

— Ну какое это имеет значение? — повела бровью Эстелла.

— Очень даже имеет! — возмутился дядя. — Вы моя племянница, в конце концов! Как я могу позволить, чтобы какой-то наглец издевался над вами?

— Ничего тут не поделаешь, Ламберто, — Амарилис захлопнула веер, ударив им о ладонь. — Этот наглец теперь её супруг и по законам нашего общества может делать с ней что угодно. Женщины в этом мире существа бесправные. О, на самом деле, я знаю об этом не понаслышке!

— Ваш супруг тоже вас обижает, Амарилис? — нахмурился Ламберто.

Амарилис расхохоталась, забыв, где она находится, расхохоталась так, что люди стали оглядываться.

— Ох, нет, Ламберто, ну что вы! Норберто и мухи не обидит. Да если бы он и попробовал меня стукнуть, я бы ему не позавидовала. Но вот мой покойный братик, к примеру, частенько долбил свою супругу, мать Сантаны. О, она вечно ходила вся в синяках, и ей было ужасно стыдно, поэтому она уверяла всех, что ударилась о дверь или о стол. Лицом. И все делали вид, что верят. Не понимаю женщин, которые это позволяют, да ещё и оправдывают своих мужей.

— Я не позволю себя бить! — вскипела Эстелла, найдя издёвку в рассказе Амарилис. Видимо, та думает, что Эстелла относится к числу тех женщин, что годами терпят унижения и побои. — Я аристократка, а не какая-нибудь там девка из подворотни! Это было в первый и в последний раз! Если он ещё хоть раз это сделает, я дам ему сдачи!

— Значит, это правда? Он вас побил? — серьёзно спросил Ламберто.

— Ну да...

— Вот негодяй! — дядя сжал кулаки. — Я сейчас же пойду и настучу ему по голове! Жаль, что дуэли запрещены, а то бы я...

— Нарвались бы на очередную проблему, — вставила Амарилис. — Третью по счёту. Оно вам надо, Ламберто? Годы идут, а жизнь так вас ничему и не учит. Вы не меняетесь, как были вертопрахом, так им и остались.

Ламберто с изумлением на неё воззрился. Амарилис ответила на его взгляд улыбкой.

Эстелла не поняла о чём речь, но ей тоже не хотелось, чтобы Ламберто устроил выволочку Маурисио прямо на похоронах.

— Дядя, прошу вас, не надо скандалить, — взмолилась она. — Здесь же похороны! Что касается Маурисио, он считает меня своей собственностью, но если вы хотите, вы и вправду можете помочь мне. Цивилизованным методом, — Эстелла решила взять быка за рога. — Дело в том, что Маурисио не совсем мне муж.

— То есть как это?

— Ну, он не имеет на меня прав, как муж. Когда я обвенчалась с ним, я уже была замужем за другим. Я думала, что тот человек погиб, и считала себя вдовой. Но теперь я

узнала, что он жив. Получается, мой брак с ним ещё в силе. Так вот, дядя, вы же разбираетесь в законах. Что-то можно сделать, чтобы расторгнуть мой брак с Маурисио?

Ламберто окончательно выпал в осадок от таких новостей, а Амарилис весело рассмеялась, вызывая гнев у стоящего неподалёку Арсиеро.

— Вот видите, Ламберто, как всё прекрасно складывается! Судьба повернулась к вам лицом, хотя долго была спиной. Помогите же своей племяннице быть с тем мужчиной, которого она любит, а не с тем, которого ей навязали. Знаете, жизнь похожа на колоду карт. Иногда выпадают двойки, а иногда тузы. Мы теряем кого-то, находим, расстаёмся, встречаемся, влюбляемся или разочаровываемся, иногда знакомимся с новыми людьми, а иногда сталкиваемся с теми, кому суждено сыграть в нашей жизни определённую роль: позитивную, негативную, случайную или роковую. Кто-то уходит из нашей жизни навсегда, а кто-то, уйдя, возвращается. Узы любви, узы крови нас связывают, пронося через года. Однажды вы поймёте что я имела ввиду, а сейчас помогите племяннице. Только не убивайте Маурисио Рейеса, не сворачивайте с нужной дороги. Судьба сама сейчас вас ведёт по прямой. Простите, меня Норберто зовёт. Я вас оставляю, — Амарилис щелчком распахнула веер и удалилась, волоча за собой длинный кружевной шлейф.

— Я ничего не понял, — сказал дядя Ламберто, провожая взглядом её спину.

— Я тоже, — откликнулась Эстелла. — По-моему, она странная. Но, признайтесь, она вам нравится, дядя?

— Даже и не знаю. Амарилис мне нравится, но как подруга. Она умна, образована, она очень приятный собеседник. Есть что-то в ней, что волнует меня, но это чувства иного характера. Я вижу в ней родственную душу гораздо больше, чем объект для ухаживания. Кроме того, она замужем.

— И всё же она вам нравится! — лукаво щурясь констатировала факт Эстелла. Ламберто промолчал.

Эстелла не стала смотреть, как будут спускать гроб с лестницы — зрелище не самое приятное. Она вышла из дома, радуясь возможности улизнуть от Матильде и Маурисио, которые где-то затерялись. Эстелла завернула за угол дома, и, ой... едва не попала в неловкую ситуацию. Чуть неподалёку, спрятавшись за кроной палисандра, стояли Мисолина и Диего. Нет, это было не тайным свиданием любовников, а скорее беседой, даже ссорой. Мисолина со злобным выражением на лице что-то шипела сквозь зубы, Диего был весь красный.

Любопытство Эстеллы нагло объявило, что хочет быть удовлетворено сию же секунду, поэтому она на цыпочках подкралась к парочке и притаилась за колонной, мечтая стать мухой. Если Мисолина увидит, что она подслушивает, не миновать скандала.

— Оставь меня в покое! — пищала Мисолина тонким голоском. — Я тебе сказала, что ничего уже не поделаешь.

— Я бы мог тебе помочь, Мисолина, доверься мне, — уговаривал Диего. — Я знаю, что должен был раньше что-то сделать, но я не смог противостоять родителям. Они хотят чтобы я женился на Кларибель.

— Ну так женись! — выплонула Мисолина.

— Мы могли бы сбежать.

— Сбежать? Ты хочешь, чтобы я сбежала с тобой, с сыном вонючего докторишки? Фи, какая гадость! Несмотря ни на что, я теперь графиня.

— Но я тебя люблю!

— А я тебя нет! — жёстко заявила Мисолина. — Да и где была вся твоя любовь, когда ты позволил им выдать меня за этого извращенца?

— Но я хочу помочь, я хочу избавить тебя от него.

— Как? Убить его? Убей, я разрешаю! Сам он всё равно не сдохнет, он всех переживёт. Только прикидывается развалиной. Мне повезло, что он уехал в Рио Негро, я хотя бы могу нормально попрощаться с моей любимой тётушкой. О, Хорхелина такая же несчастная, как и я, ей тоже все желали смерти, хотели угробить и доби́ли-таки.

— Но тебе никто не желает смерти, Мисолина, не говори так!

— Желают, и ещё как! Ты просто ничего не знаешь. Ты глупец! Но Хорхелина раскрыла мне на глаза на всё, что происходит в этом доме. Она умирала у меня на руках и перед смертью рассказала очень многое, всё, что знала сама. О, я теперь другая, я изменилась за эти дни. Если когда-нибудь я выберусь из того дома, если тот дегенерат всё-таки сдохнет раньше меня, я сюда вернусь и устрою всем тут сладкую жизнь. Они ещё будут пощады просить! О, боже, уже выносят гроб! Я должна быть там, — и Мисолина убежала, поднимая ветер юбками.

Ди́его остался один, а Эстелла вжалась в колонну, надеясь раствориться на её фоне. К счастью, её никто не заметил.

На похоронах Эстелла вела себя отстранёно и даже как следует не прощалась с Хорхелиной. Тупо стояла и смотрела, как её отпевают, потом зарывают в землю и говорят лживые слова об её идеальности. Искренне плакала только Мисолина, бросая красные розы на крышку гроба. Эстелла и не знала, что сестрица так сильно была привязана к Хорхелине.

Но сама Эстелла чувствовала себя превосходно, несмотря на мрачность обстановки. Разговор с дядей Ламберто внушил ей надежду на то, что она сумеет отделаться от Маурисио законным способом. Пока что дядя велел ничего не предпринимать: не убегать из дома, не драться и не скандалить с Маурисио, а вести себя прилежно. И хотя Эстелла надеялась сегодня же смыться от супруга и его сестрицы, добежать до «Маски» и этим же вечером вместе с Данте покинуть город, но одумалась, решив, что дядя прав, — такими выходками она лишь усугубит ситуацию. Надо прикинуться овечкой и ждать. Она должна выйти победительницей из этой войны, и чтобы Маурисио не смог обвинить её в аморальности.

Последние горсти земли упали на могилу Хорхелины — их бросил Эстебан. Хоть он и старался не выглядеть весёлым вдовцом, Эстелла прочла в его глазах ликование. То же самое она видела и в глазах Либертад, когда встретила её у входа в дом. Ну наконец-то эти двое будут счастливы! Правда, вопрос о том, кто же сжалился над ними — судьба или чья-то рука, убравшая помеху в виде Хорхелины, пока оставался открытым.

===== Глава 5. Два носа в чужих делах =====

Хоть Маурисио пас Эстеллу даже на похоронах, чудом ей удалось от него отвязаться. Помогла ей в этом Амарилис, намеренно или случайно — неизвестно. Она отвлекла Маурисио, прямо на кладбище затеяв в нём спор по поводу незavidного положения женщин в мужском мире. И Эстелла под шумок смылась. Первой её мыслью было идти в «Маску», но, вспомнив слова дяди Ламберто, она одумалась. Даже если они с Данте убегут, Маурисио всё равно их найдёт. Да она и Данте может крепко подставить. Вдруг Маурисио вздумает с ним расквитаться? Нет, она не может подводить Данте под удар, но он должен знать, где она и что с ней.

Эстелла бегом добежала до особняка. Ей повезло — первой, кого она встретила, была Либертад. Горничная мела садовую дорожку метлой, скрученной из стеблей джута [1] и

напевала песенку.

— Либертад! — окликнула её Эстелла.

— Ой, сеньорита, то есть сеньора Эстелла, это вы? А чего похороны уже того, закончились?

— Ну в общем да, но я пораньше оттуда сбежала. У меня к тебе дело, Либертад. Ты можешь отнести письмо одному человеку?

— Какому человеку? — Либертад подбоченилась, опершись рукой о метлу.

— Ну... ты его знаешь, — понизила голос Эстелла. — Это Данте.

— Как Данте? — глаза Либертад расширились, став размером со сливы. — Что, тот самый? Он же помер!

— Нет, не умер. Он жив, понимаешь?

— Нет, не понимаю. Его ж расстреляли на площади.

— Его только ранили, он остался жив, — с улыбкой сообщила Эстелла.

Либертад перекрестилась.

— Обалдеть! Вот это да! Это ж верный знак.

— Какой знак?

— Ну, знак того, что он не виноват. Говорят, когда человек выживает при казни, то невиновный он и ходит под Господом. Ну как бы Господь его охраняет, или он святой.

— Для меня Данте и вправду святой, — не стала спорить Эстелла. — Так ты можешь отнести ему весточку? Дело в том, что Маурисио силком меня увёз. Данте не знает, где я и что со мной.

— Ну, — Либертад почесала переносицу, — я б сходила, да не могу. Опосля этих похорон дел тьма. В доме кавардак, будто индейцы тута побывали, а скоро уж хозяева вернутся. Сеньора Роксана и так меня не жалуёт. К тому ж мадам Берта дома. Она ж на похороны-то не ходила, сказала, что у ней никто не помер, надела яркое платье и вовсю кокетничает с этим странным типом, там, в гостиной. Ежели я пойду куды-то, она начнёт меня спрашивать чего да как. А вы ж сами знаете, она вашего Данте недолюбливает, причём крепко так. Не надобно ей знать, что он живой, да и вообще, чем меньше народу это знает, тем лучше.

— Так что же делать? — расстроилась Эстелла. — Я должна обязательно сообщить Данте что со мной. Он, наверное, места себе не находит. Ой, я его знаю, он такой мнительный! Теперь напридумывал себе всякого.

— Можно Дуду отправить. Он в дом через парадную не ходит, на заднем дворе вон околачивается, никто и не увидит, как он уйдёт.

— Ммм... Либертад, тогда давай сделаем вот что, — решила Эстелла. — Я сейчас пойду в дом, напишу письмо Данте, а ты отыщи Дуду. Мы возьмём корзинку, положим письмо на дно, а сверху насыплем фруктов. Я так уже делала.

— Отличная идея! — одобрила Либертад.

Эстелла вбежала в парадную. Бабушка Берта, по-прежнему сидя в гостиной, точила лясы с сеньором Альдо Адорарти. Теперь на ней было ярко-розовое платье с рюшами.

Эстелла только плечами пожала. Бабушка, конечно, особа эксцентричная, но могла бы хоть денёк воздержаться от пёстрых нарядов. Всё же в доме траур. Но, похоже, Берту смерть Хорхелины нисколько не огорчала. Она была так поглощена беседой со своим ухажёром, что и не заметила внучку.

Эстелла поднялась по лестнице. Миновав коридор второго этажа, открыла дверь в свою

бывшую спальню. Обстановка здесь ни на йоту не изменилась. Пустые шкаф и комод. Вещи, из которых Эстелла выросла, сложены в сундуки. Окна занавешены тёмно-лиловыми портьерами. Эстелла рывком сдёрнула их. Портьеры свалились ей на ноги. Апчхи! Эстелла едва не задохнулась, наглотавшись пыли, но зато в комнату сразу же проникло солнце.

На туалетном столике лежало зеркало с серебряной ручкой и крышкой, инкрустированными изумрудами. То самое. Волшебное. Она забыла его, когда убегала из дома. Эстелла повертела зеркальце в руках, но оно не подало признаков жизни. Тогда девушка сунула его в тряпичную чёрную сумочку, что была сбоку приколата к её юбке.

Открыв верхний ящик стола, Эстелла вынула пару листочков розовой бумаги, надушенных и слегка выцветших от времени, взяла перо и чернильницу и села писать письмо.

Зная характер Данте, Эстелла так старалась подобрать слова, что написание письма заняло у неё почти час. Когда девушка вновь спустилась вниз, Берты и сеньора Альдо Адорарти в гостиной уже и след простыл. Зато там была Либертад.

— Ну наконец-то, я уж думала вы там уснули, — затараторила служанка вполголоса.

— Нет, я писала письмо.

— Хорошо, тогда давайте его сюды.

— А где Дуду?

— Письмо отнесу я, — пояснила Либертад. — Нам с вами, считай, повезло. Вашу бабушка с этим её сеньором женихом чего-то затеяли.

— В каком смысле?

— Ну, они тут какое-то письмо, оказывается, сочиняли часа два, с тех пор как все ушли на похороны. И вот сейчас велели мне его отнести и сунуть под дверь получателю. Так что у меня есть причина выйти из дома. Давайте сюда письмо, я по дороге зайду к вашему Данте и отдам ему. Только скажите мне адрес.

— А он там же живёт, в «Маске». Гостиница «Маска», — сказала Эстелла.

— Он что полоумный? — всплеснула руками служанка.

— Почему?

— Да его ж там в два счёта отыщут!

— Кто? Данте ни от кого не прячется.

— Да кто угодно, хоть и ваш муженёк или жандармы. Или мамаша ваша, любой, кто узнает, что он жив. Вспомните, какой был скандал полгода назад. Весь город только и обсуждал, что вашего Данте, колдуном его величали да грозились сами повесить, ежели инквизиторы его отпустят. Он же ведь в церкви такое устроил! А церковь для народа — священное место. Дамочкам-то нашим ведь скучно. Побездельничай-ка целыми днями-то. Вот они и молятся да сочиняют всякие страшилки. Сейчас ежели выяснится, что Данте ваш жив-здоров, вы только представьте сколько воплей будет.

— Я думаю, Данте предпочтёт скорее сбежать, чем опять связываться с жандармами да с богомолками — грустно вздохнула Эстелла. — Либертад, только отдай письмо ему лично в руки, хорошо?

— Ну так ясно дело, — хмыкнула служанка. — Вы думаете, Либертад дура что ли и ничего не понимает в таких делах? Я ещё пока в здравом уме, чтоб передавать любовные письма через третьи лица.

— Спасибо, Либертад, только ты одна меня понимаешь, — Эстелла обняла горничную. — Кстати, я хотела спросить, а как у тебя с дядей Эстебаном? Надеюсь, теперь

всё наладится?

— Я тоже на это надеюсь, — Либертад так покраснела, что это стало заметно даже сквозь её смуглую кожу. — Хотя жениться мы всё равно не сможем.

— Почему? Ах, ну да, траур. Ведь он теперь вдовец, а это минимум года два...

— Не из-за этого, — Либертад почесала лоб. — Ну сами подумайте, сеньора Эстелла. Я — цветная служанка, выхожу замуж за белого господина, это смешно.

— Не вижу ничего смешного, — возразила Эстелла. — Когда двое любят друг друга, предрассудки не имеют значения. Посмотри на нас с Данте.

— Вы оба хотя бы белые, — заупрямилась Либертад. — И вообще у Данте вашего такое лицо необычное. Я ж помню. Он запросто сойдёт за аристократа, ежели его принарядить да научить кой-чему. С таким не стыдно даже и при дворе у вице-короля появиться, а я... Ну вы взгляните на меня! Разве ж меня можно привести в приличное общество? Удел таких, как я, — быть любовницей. Тут уж ничего не поделаешь. Цвет кожи ценится выше титулов и даже денег. Некоторые плебеи богатеют на выращивании скота, другие покупают или выбивают себе титулы, но цвет кожи нельзя изменить никак и ничем, увы. Негры навсегда останутся неграми, а индейцы индейцами, хоть кол на голове теши.

Эстелла не знала, к каким ещё прибегнуть доводам, чтобы переубедить Либертад, и сменила тему.

— Либертад, а что остальные ещё не вернулись?

— Пока нет. Там ведь ещё служба должна была быть в церкви. Сначала ведь положена панихида, а уж опосля похороны, но сеньора Роксана и сеньор Арсиеро решили, что лучше всё наоборот. Жара ж ведь, сами знаете. Они побоялись, что тело испортится. Наверное, и правильно, ну чего таскать труп туда-сюда?

— А я и не знала, что будет ещё молебен. Наверное, они теперь думают, что я сбежала, — разволновалась Эстелла. — Либертад, давай-ка ты иди быстрее с письмом, а то мало ли что.

— Ага, только я вот ещё что хотела вам сказать, сеньорита, тьфу ты, сеньора. Это по поводу вашей бабушки.

— А что такое?

Либертад покусала губы, но решилась:

— Вы б с ней поговорили насчёт этого, её жениха. Чегой-то она с катушек съехала совсем на старости лет.

— Тебе этот человек не нравится? — осторожно спросила Эстелла.

— Ну... странный он.

— А я подумала, что это я одна такая мнительная. Мне тоже показалось странным, что он вдруг стал ухаживать за бабушкой, вот так, ни с того, ни с сего.

— Да тут дело не в ухаживании. Ухаживает, и Бог с ним. Скучно ведь ей, а вы сами сказали, что всякие предрассудки для любви не помеха.

— Я действительно так думаю. И дело не в их возрасте, — объяснила Эстелла. — Просто она ничего о нём не знает.

— Так и я о том же, — Либертад приблизилась к Эстелле почти вплотную и зашептала. — Короче говоря, слышала я тут кой-чего. Люди болтают, знаете ли. Я ж каждый божий день на базар хожу. Так вот, познакомилась я с его служанкой.

— С чьей?

— Ну, с его, сеньора Альдо Адорарти. Разговорчивая такая девица. Ну вот, как у

ювелира, у него репутация очень хорошая. Ну там, он не связывается с краденными вещами, не заключает сомнительных сделок. В этом плане он безупречен.

— А что тогда?

— Но есть одна тёмная история, связанная с его семьёй. Меня она как-то не очень порадовала.

— Ну, рассказывай, — поторопила Эстелла, сгорая от нетерпения. Любопытство было самой плохой чертой её характера, и ни разу ещё Эстелла не сумела его сдержать.

Либертад оглянулась по сторонам.

— Так вот, — продолжила она, — у сеньора Альдо был брат, сеньор... сеньор... не помню, как зовут, не важно. У того брата были жена и две дочери. Жена померла рано, от какой-то лягушки или ящерицы...

— От чего? — Эстелла надула щёки, чтобы сдержать смех.

— Да не смейтесь вы, — обиделась Либертад. — Ну забыла я, как это называется, подумаешь. Грудная лягушка, во!

— Грудная жаба [2], — поправила Эстелла.

— Во-во, точно она! Вот, померла она от этой жабы. А муж её остался с двумя дочками. Младшая была родная, а старшая приёмная. Жена брата сеньора Альдо долго не могла родить, и они решили, что женщина бесплодна, да взяли сиротку из приюта, а потом женщина вдруг забеременела. Так и получились у них две дочки. А сеньор Альдо раньше жил где-то далеко, в какой-то Культе, Кукульте...

— Калькутте [3]?

— Ага, точно. Какая вы умная, сеньорита! И откуда вы всё это знаете? Ну вот, и когда померла жена его брата, сеньор Альдо сбежал с этой Какутты. Он разорился и задолжал кучу денег тамошним торговцам, ну и дёрнул оттудава, чтоб его там не порешили. В общем, сеньор Альдо поселился у брата и влюбился в его старшую дочку, ту, которая приёмным была. Когда брат сеньора Альдо об этом узнал, он его из дому и погнал. А потом выяснилось, что девушка беременная. Отец сначала грозился её убить, но запер в доме и решил: когда она родит, они ребёнка утопят, а до сей поры девушка должна сидеть в доме и носа из него не высовывать, чтоб соседи ничего не прознали. Но девушке той удалось удрать. Говорят, ей помогла младшая сестра. Очень уж добрая она была, чуть ли не святой её люди называли. Она жуть как любила сестру, хотя та была ей и не родня, и помогла ей. Девушка исчезла, и так до сих пор никто не знает, где она, жива аль померла. Так что, возможно, у сеньора Альдо где-то есть сын или дочь.

— Мне это поведала служанка сеньора Альдо. Раньше её мать работала в доме его брата, и она помогала сеньору Альдо тайком встречаться с его возлюбленной. Когда это всё всплыло, служанку тоже прогнали, а она уже тогда была беременной, представьте себе. Ну и сеньор Альдо её пожалел и взял к себе. Он к тому времени уже открыл торговлю драгоценными камнями, и деньжата у него водились. А потом служанка померла, а её дочь тоже стала служанкой у сеньора Альдо. А младшая его племянница, она ведь тоже померла. Ну некоторые болтают, будто это Господь на их семью разгневался опосля похождения сеньора Альдо. И прям пару лет спустя младшая сестра тоже попала в беду. Её обвинили в каком-то преступлении и чуть не уpekли в башню, а потом она тоже сбежала. Исчезла, да с концами. О, вспомнила! Риверо их фамилия. Августо Риверо, так звали брата сеньора Альдо. Он кстати помер, спился опосля пропажи младшей дочери. Это было лет двадцать назад, и сеньор Альдо с тех пор ни с кем из семьи так и не общается. Может, стыдно ему, не знаю.

Вот так вот.

— Риверо... Риверо... никогда не слышала про таких, — Эстелла перебирала в памяти все знакомые ей семейства, но эта фамилия ни о чём ей не говорила. — Нет, я их не знаю. А почему у двух братьев разные фамилии?

— А сеньор Альдо разругался со всей семьёй же. У них ведь ещё были какие-то родственники, которые тоже возмущались его поведению. И он отказался от той фамилии. Взял другую, чтоб никто его не узнавал. История-то скандальная.

— Так я и знала, что с этим человеком что-то не чисто, — вздохнула Эстелла. — Я прямо почувствовала. Как он мог соблазнить собственную племянницу?

— Ну, она ему не родная племянница как бы была, — возразила Либертад.

— Ну и что? Ведь она была дочерью его брата, хоть и приёмной. Как так можно? — возмущалась Эстелла. — Это всё равно, что я бы сейчас закрутила роман с дядей Ламберто, например. А ты думаешь, Либертад, бабушка об этой истории не знает?

— Да я то почём знаю? — развела руками Либертад. — Было бы неплохо это до неё донести, но я не знаю как. Я уж недели две об этом думаю. Прийти и напрямую ляпнуть? Но мадам Берта так увлечена этим сеньором, пожалуй, решит, что я наслушалась сплетен, и не поверит мне.

— Либертад, ты думаешь, если об этом бабушке расскажу я, будет лучше?

— Не будет. Будет тоже самое. Она спросит, откуда вы это взяли, вы скажете, что это я вам рассказала, и она решит, что я вру или что меня кто-то обманул. У ней ведь мозг сейчас в отключке.

— Знаешь что, Либертад, можно послать бабушке письмо. Анонимное, — сообразила Эстелла. — Так она всё узнает и сама разберётся со своим сеньором. А мы будем не причём. Не представляю, как бы я смогла с ней говорить о таких вещах. Обсуждать с бабушкой её любовные дела... Да я бы сквозь землю провалилась! А так она всё узнает и сама решит что ей делать.

— Неплохая идея, — кивнула Либертад. — В общем, пойду я письма отнесу, — встрепенулась она, когда в холле раздались шаги.

Либертад пулей выскочила из гостиной и на входе едва не врезалась в Берту. Эстелла улыбнулась бабушке — та была наконец-то одна, видимо, проводила ухажёра восвояси. Эстелла так ничего и не сказала Берте о сеньоре Адорарти и ушла в кухню. Берта напевала песенку про влюблённого кучера, носясь по комнате и поливая свои многочисленные кактусы.

Спустя час, Эстелла нервно ходила туда-сюда по кухне. А вдруг Данте неадекватно воспримет её письмо? Или вдруг Либертад не найдёт Данте в гостинице? А вдруг Маурисис вернётся раньше, чем Либертад, и та не сможет рассказать ей новости?

Когда, наконец, горничная вошла в заднюю дверь, Эстелла кинулась к ней так поспешно, что едва не упала на пол.

— Ну что, Либертад, ты его видела? Данте. Как он? Что он сказал?

— Эээ... чего ж вы прямо так с порога-то? Дайте хоть дух перевести, — проворчала служанка. Залпом осушив кружку воды, она села на стул и поведала:

— Видала я его. Отдала ему ваше письмо. Он взял. Сказал чего-то странное: передай говорит, своей хозяйке, чтоб она была счастлива. И ушёл.

— И всё? — разочарованию Эстеллы не было предела. Что опять с Данте? Неужели он снова решил, будто она его бросила?

— И всё. Какой-то он был агрессивный. Мне показалось, что он прямо трясётся весь от злости и того и гляди на меня набросится. Я аж напугалась. Взгляд у него какой-то дикий был и вот-от такущие когти на пальцах, прям как у ястреба, — закончила рассказ Либертад. — Сеньорита, сеньора то есть, это не моё дело, конечно, но, может, не надо вам опять с ним связываться?

— Что ты имеешь ввиду?

— Ну, вроде как Господь отвадить его от вас попытался, когда его чуть не порешили на площади. Живучий он оказался, не всякому так везёт. А у вас теперь муж хороший. Зачем же вы ищите приключений-то опять? Нет, я понимаю, он вас очаровал, уж очень он собой хорош, тут не поспоришь, но ведь это не самое главное. Мне кажется, Данте этот ваш опасен. Не пара он вам, сеньорита, не ваш это человек, понимаете?

— Это мой человек! — Эстелла топнула ногой. — Я люблю Данте! И он не опасен! Он хороший, никто лучше меня не знает, какой он, настоящий Данте. Я его знаю с детства, я его понимаю, я его люблю больше жизни. И мы предназначены друг другу судьбой. И никто нас не разлучит! Я думала, хотя бы ты меня понимаешь, Либертад, но и ты туда же. Хватит уже меня поучать! Достали вы все, ей богу, со своими нравоучениями! — Эстелла развернулась и, шелестя юбками, покинула кухню.

— Совсем с катушек съехала, — вздохнула Либертад вслед возмущённому стуку каблучков.

Через полчаса, однако, Эстелла, ещё не остывшая от гнева, испытала новую атаку на свои нервы — явился Маурисио и закатил скандал.

— Как вы посмели сбежать с похорон? — вопил он, потрясая тростью с золотым набалдашником. — Да вы бесстыжая! Вам и тётку свою не жаль! Вы даже и попрощаться с ней не захотели. Вас надо на цепи держать, чтоб вы научились себя вести! Немедленно марш домой! Там я с вами получше поговорю!

Пока маркиз орал, его сестрица, довольно ухмыляясь, рассматривала себя в зеркало, что висело над каминной полкой.

Эстелле ничего не оставалось, как подчиниться. Следом за Маурисио и Матильде она пошла к экипажу, хотя руки у неё так и чесались залепить им обоим по хорошей затрещине. Боже, как же она ненавидит этих людей! Всю жизнь Эстелла полагала, что сильнее Мисолины она никого ненавидеть не сможет, но семейство Рейес превзошло её сестрицу с лихвой.

Безлунная ночь сменила дневной зной, тёмным кружевом укрыв город. Обитатели белого особняка спали, но когда часы на центральной башне Бульвара Конституции пробили два часа ночи, в коридоре второго этажа скрипнула дверь. Мелькнул огонёк. Изначально он плыл по воздуху, потом задрожал и стал перемещаться быстрее, и вскоре замер у одной из дверей.

— Давай, иди ты. А я тут покараулю, — зашептал женский голос. — Ежели чего — мяукну.

— Угу, — отозвался мужчина.

Повернув ручку, он на цыпочках прокрался внутрь комнаты. Женщина осталась на стрёме.

Ничего не подозревающая Берта мерно похрапывала, утопая в пушистой перине. Ночной чепчик её съехал набекрень, а глаза закрывала повязка.

Мужчина немного постоял на месте. Когда глаза его привыкли к мраку, различив очертания предметов, он сделал пару шагов и открыл верхний ящик комода. Пошарил там. Ничего не найдя, закрыл ящик и открыл следующий. Так продолжалось долго. Берта дрыхла, даже не шевелясь, пока комната её подвергалась обыску. Обследовав комод, секретер и туалетный столик, гость перешёл на сундуки в углу, а затем забрался и в большой дубовый шкаф, что высился у дальней стены.

Наконец, его осенила рискованная идея — заглянуть под перину. Он приблизился к спящей и, быстро подняв угол перины, сунул туда руку. Цап! Схватил какую-то папку, прижал к себе, и в этот момент Берта перевернулась на другой бок. Мужчина попятился спиной к двери, дёрнул ручку и был таков.

— Ну? — спросила Либертад, освещая Эстебану лицо свечкой так, что он напоминал приведение.

— Кажется, я что-то нашёл, — выдохнул он. — Папка лежала у неё под периной. Если была так спрятана, значит, там что-то важное. Ерунду никто не прячет. Пойдём в кабинет, посмотрим что я нашёл.

— А ежели кто проснется да спугнёт нас? — осторожничала Либертад. — Знаешь чего, пойдём-ка лучше в мою комнату. Запрёмся тама на ключ, и нас никто не потревожит. А утром выйдешь потихоньку. Не впервой авось.

Хихикая, Эстебан и Либертад спустились вниз. Миновав коридор, укрылись в одной из комнаток, прилегающих к кухне. Либертад водрузила свечу на грубо обтёсанную деревянную тумбу. Эстебан, сев на софу, уткнулся носом в содержимое коричневой папки, что выудил у матери из-под носа.

Там оказались официальные документы с печатями, вырезки из газет, старые пергаменты. По мере чтения каждой из бумажек лицо Эстебана вытягивалось всё больше.

— Ну и чего там? — Либертад примостилась на поручень софы, нетерпеливо дёргая Эстебана за рукав.

— Это настоящее цунами, — сказал он тихо. — Поверить не могу, мы нашли то, что искали. Наконец-то!

— Значит, это бумаги твоего отца?

— Да, и, похоже, мама знает больше, чем я мог себе представить. Это компромат на отца. За это ему бы светила виселица трижды, как минимум.

— Значит, сеньора Амарилис была права? Она ведь подозревала, что бумаги твоего отца припрятала сеньора Берта. А я ещё и не верила. Дорогой, тебе воды принести? — участливо спросила Либертад, видя что Эстебан всё больше бледнеет.

— Угу.

Девушка налила воду из графина, что стоял на прикроватной тумбе. Эстебан залпом осушил стакан.

— Всё так плохо? — осторожно поинтересовалась она.

— Даже хуже. Нет, я подозревал, что отец был не подарок, но чтобы так... Ты погляди, тут одни махинации. На крупные суммы денег. Он и его помощник Дамиан де Фьябле разворовали весь городской бюджет. После чего отец вложил деньги в какие-то несуществующие золотые рудники. Естественно, разорился и влез в долги. Когда он умер, даже дом этот был заложен и ушёл бы с молотка, если бы не приданое Хорхелины. Так, а это что? Ну-ка посмотрим... Какие-то письма... — Эстебан извлёк со дна папки увесистую кипу бумаг, перевязанную алой лентой.

«Любезный мой друг, Дамиан, как я уже говорил вам, финансовое положение наше плачевно. Иными словами, моя должность как председателя Совета Кабиљдо висит на волоске. Рехидор наш, сеньор Кастелли, пронюхал про дыры в городском бюджете и угрожает выслать проверку из столицы. Сегодня утром я получил об этом уведомление. Через неделю к нам приедет делегация во главе с казначеем его Высочества. Если они выяснят, куда ушли деньги, полетят головы. В первую очередь — моя. Поэтому до той поры, пока не разразилась сия неприятность, я вынужден буду принять меры. Что же делать — спросите вы меня. Размышляя над этим вопросом, я пришёл к выводу: деньги за неделю вернуть нельзя, ибо они вложены в золотые рудники, и извлечь их из дела не представляется возможным. Да я и более чем уверен: то дело — золотая жила, которая обеспечит нам шикарное будущее до конца дней и даже будущее наших потомков. Но я отыскал средство скрыть нашу маленькую авантюру от рехидора и его делегатов. Когда человек доходит до крайней степени отчаяния, мой дорогой Дамиан, он способен на всё. Мой секретарь Креспо Бернардн назавтра получит дипломат с фальшивыми деньгами и отправится выкупать у её хозяина ту древнюю лачугу, что стоит на окраине и которую люди называют Домом с Приведениями. Если старикашка согласится на продажу, фальшивые деньги останутся у него, и мы спишем растрату на это. Дескать, нам пришлось выложить энную сумму, дабы избавить город от некой нечисти. После этого Креспо надо будет убрать, он слишком много знает и становится опасен. Как только он выйдет от старика, его задавит экипаж...», — прервав чтение, Эстебан потрясённо уставился на Либертад.

— Креспо Бернардн...

— Так звали брата сеньоры Амарилис, — откликнулась Либертад. — Он угодил под экипаж в тот день, когда был по каким-то делам на окраине.

— Значит, у них всё получилось. Отец это спланировал, чтобы скрыть крупную растрату. Мало того, что он вор и мошенник, так он ещё и убийца. Он убил своего секретаря. Вот этого я точно не ожидал.

— Теперь я понимаю, почему сеньора Амарилис охотится за этой папкой, — Либертад в задумчивости кусала губы. — А я ещё удивлялась, чего ей надо. У ней идея фикс — она не верит, что с братом ейным произошёл несчастный случай. Хотя из этого письма не всё понятно. Когда брат сеньоры Амарилис помер, люди говорили, будто у него при себе деньги были большие, и они все разлетелись по сторонам. Получается, деньги тому бедняге он не отдал.

— Получается так...

— Давай посмотрим чего там ещё есть.

Эстебан поковырялся в письмах. Все они были адресованы одному человеку — ныне покойному Дамиану де Фьябле — и извлёк ещё одно письмо, мятое и заляпанное чернилами.

«Дамиан! Чёрт возьми, этот идиот Креспо всё испортил! — писал Альсидес приятелю. — Вы не поверите, наш план с треском провалился! Старик отказался взять деньги. Наверяд-ли он сообразил, что они фальшивые. Эти нищebroды не разбираются в таких вещах, просто Креспо болван. Не смог уговорить дряхлого старикана взять кучу денег в обмен на его грязный сарай. Поделом ему, сдох как собака под копытами лошади. Уж мои люди обо всём позаботились! О, дорогой мой друг, вам наверное, неплохо отдыхается там, в Париже. В то время как я рву и мечу. Срочно напишите ответ. Не знаю, что теперь делать. Ваш друг Альсидес Альтанеро».

«Дорогой мой друг, Альсидес, — отвечал Дамиан. — Поразмыслив над той ситуацией что вы мне описали, я бы назвал её катастрофичной. Вы сами себя загнали в угол, но у меня есть идея. Возможно, она покажется вам кощунственной, хотя и не столь ужасной на фоне того, что вы уже сделали. Вам нужен козёл отпущения. Самый лучший козёл — мёртвый козёл. Свалите пропажу денег на Креспо Бернарди. Допустим, он взял из кассы большую сумму и отправился по каким-то сомнительным делам в неблагополучный квартал. Там его ограбили и он с горя бросился под экипаж. Кто будет доказывать невиновность какого-то секретаря, тем более посмертно? А чтобы вернуть деньги хоть частично, затребуйте их с семейки покойного. Скажите его жене, что Креспо украл у вас большие деньги и требуйте, чтобы она их вернула. Пусть продаёт дом или себя на улице, это её дело. Зато вы прикроете одну из дыр в бюджете и глаза рехидору. Искренне ваш друг Дамиан».

— Да, я слышала эту историю! — перебила Либертад. — Сеньора Амарилис говорила что после смерти Креспо, к его жене явились какие-то люди и потребовали с неё огромную сумму, которую якобы её муж у них украл. Но семья была небогатой, и таких денег у женщины не было. Тогда она продала дом и всё имущество, но это не покрыло даже половины суммы. Сеньора Амарилис приютила невестку у себя вместе с племянницей. Сеньорите Сантане тогда было чуть больше года. А потом эти люди явились снова, но у матери Сантаны больше ничего не было, она отдала им всё до последнего платья. Они стали грозить, что убьют её, и она от страха покончила с собой. А сеньорита Сантана осталась жить у тётки. Но сеньора Амарилис сказала, что на этом всё не закончилось. После смерти матери Сантаны, бандиты явились снова и затребовали денег с неё и её мужа. И даже дом им чуть не сожгли. Они бросили горящую головешку прямо в окно на первом этаже. Обгорело только одно крыло дома, и, к счастью, никто не пострадал. Но они крепко испугались тогда, и сеньор Норберто вынужден был влезть в долги. Он отдал бандюгам оставшуюся сумму, подписал кучу векселей разным кредиторам. И эти векселя в итоге выкупил Луис Парра Медина-старший. Они были друзьями, когда тот, как и сеньор Норберто, работал дипломатом. Но потом Парра Медина-старший стал торговать золотыми слитками, и их пути разошлись. А много лет спустя он потребовал от Норберто оплатить долг. И они сговорились на том, что он женит своего непутёвого сыночка на Сантане, и когда это произойдёт, долг Норберто будет прощён. Отец Луиса просто волком выл от поведения сына.

— Но ничего не получилось, сам знаешь почему. Жених умер на свадьбе, Луис Парра Медина-старший дал Норберто отсрочку, но долг ему не простил. Так что муж сеньоры Амарилис по-прежнему весь в долгах.

— Я смотрю, ты прямо подружилась с Амарилис, — хитро сказал Эстебан. — Откуда ты всё это знаешь?

— Да она сама мне рассказала, пока мы тута всюду искали доказательства того, что её брат помер неслучайно. А я-то, дурёха, думала, что у ней какая-то навязчивая идея. А оказалось, она ведь права. Ничего себе у ней интуиция! Сеньора Амарилис ведь толком ничего не знала, всё это было лишь её догадками да предположениями. Она почему-то подозревала твоего отца с самого начала. И даже с сеньорой Роксаной подружилась, чтобы всё выведать. Такая настырная дама! Столько лет дружить с этой мегерой ради одной цели. А вообще сеньора Амарилис мне нравится.

— По-моему Ламберто положил на неё глаз, — ухмыльнулся Эстебан.

— Ты думаешь? — Либертад захихикала. — А чего, было бы неплохо. Хотя вроде муж у

ней хороший, жаль его. Из-за несостоявшегося брака Сантаны он всё ещё на крючке у короля золотых слитков, бедняга.

— Ха! Да зачем Сантане муж? — ядовито заметил Эстебан. Он понемногу начал приходить в себя после выясненной информации об отце. — Жаль, конечно, что тот мальчик умер, но Сантана в любом случае не стала бы ему нормальной женой.

— Почему?

— Она равнодушна к мужчинам. Её интересуют женщины.

Либертад охнула, прикрыв рот рукой.

— С чего ты взял?

— Видел собственным глазами. На балу у Амарилис она целовалась с девицей, такой рыжей, с конопушками. Ну, она часто у нас бывала раньше. И на том же самом балу с неё ещё корсаж свалился. Соль, кажется.

— Как это целовалась? — выпучила глаза Либертад. — Может, как с подругой, может, ты неправильно понял?

— Ну, я пока не совсем идиот, — презрительно хмыкнул Эстебан, — и могу отличить дружбу от чего-то другого. Они целовались в губы, как мужчина с женщиной. Я это видел своими глазами, вот так, как вижу сейчас тебя, Либертад.

— Ничего себе номер! Интересно, а сеньорита Эстелла знает об этом? Они ведь подруги как-никак.

— Не думаю, что Эстелла знает. Зато благодаря этой информации мне удалось поставить Сантану на место. Помнишь тот день, когда Сантана объявила, что Эстелла сбежала с мужчиной? Мне пришлось выручать Эстеллу и открыть Сантане, что я всё знаю про неё. Она струсила и пошла в попятную.

Либертад и Эстебан ещё долго разбирались со скандальной папкой, но больше ничего важного в ней нашли, и, когда рассвело, Эстебан на цыпочках выбрался из комнатки горничной. Войдя в гостиную, к своему удивлению он обнаружил там Ламберто, который, сидя в кресле, изучал какую-то бумагу с сургучной печатью.

— О, Ламберто, вы уже встали? — хотя Эстебан был расстроен тем, что узнал об отце, он постарался скрыть это под маской любезности и даже улыбнулся.

— А вы, похоже, и не ложились, — ответил Ламберто, мельком глянув на Эстебана.

— Ну да...

— Эх, любовь, любовь, она не даёт людям спать, — захихикал Ламберто.

— А вы-то что так рано встали?

— Да вот, жду одного человека. Я нанял сыщика, который ищет информацию по тем делам, что задержали меня здесь. Он должен прийти с минуты на минуту и принести важные сведения.

— А почему так рано? — удивился Эстебан, косясь на часы. Те показывали семь утра.

— Специально, чтобы нам не помешали. Не хочу, чтобы обитатели этого дома знали о моих делах.

— Ну что ж, желаю вам удачи в вашем расследовании. А я пойду всё же посплю. С ног валюсь, — и Эстебан ушёл наверх.

Ламберто ещё некоторое время сидел в гостиной, пока у входа не прозвонил колокольчик. Чтобы не гонять прислугу, быстрым шагом Ламберто пересёк гостиную, вышел в сад и, открыв калитку, впустил в дом незнакомца. Это был мужчина лет сорока-сорока пяти с седыми волосами, увязанными в хвостик, и длинными чёрными усами. Ламберто и

его визитёр, пройдя в кабинет, заперлись там на ключ.

— Сигару? — предложил Ламберто.

Гость, кивнув, взял сигару из позолоченной коробочки, на крышке которой были нарисованы попугаи.

— Ну что, сеньор Бартоломео, чем вы меня порадуете?

— Думаю, я напал на след, — мужчина выпустил изо рта клубы дыма. — Я нашёл ту женщину.

— И где же она? — разволновался Ламберто, ёрзая на стуле.

— О, она говорит, в тот самый день она совершила страшный, непростительный грех. И он подтолкнул её к уходу в монастырь.

— Монашка? — изумился Ламберто.

— Нет, не просто монашка, — уточнил сыщик. — Она живёт в этом городе. Теперь она аббатиса в монастыре «Пресвятой Девы Луханской». Настоятельница матушка Грасиэла.

— И она знает то, что меня интересует, и готова всё рассказать?

— От начала до конца.

— Тогда я хочу туда поехать! Немедленно! — Ламберто вскочил на ноги.

— Немедленно не получится. Матушка Грасиэла занятой человек, она примет вас завтра. Я обо всём договорился, — невозмутимо объяснил сыщик.

— Завтра, завтра.... так долго, — пробормотал Ламберто. — Я так долго ждал этого. Почти двадцать лет я хотел выяснить всю эту тёмную историю. И теперь любая минута промедления кажется мне тяжёлой ношей. Завтра наконец-то я узнаю правду! Даже не верится, — и он с размаху плюхнулся обратно в кресло так, что стоящие на столе чернильница, компас, глобус и портреты в рамках задребезжали.

Комментарий к Глава 5. Два носа в чужих делах —————

[1] Джут — род кустарников, полукустарников и трав семейства Мальвовые. Около 80 их видов произрастает в тропиках Азии, Африки, Америки и Австралии.

[2] Грудная жаба — устаревшее название стенокардии.

[3] Калькутта — город в Индии.

===== Глава 6. Тёмная сторона души =====

«Дорогой мой Данте, знаю, что моё внезапное исчезновение напугало и озадачило тебя. Наверное, ты обиделся или подумал обо мне плохо. Поэтому я пишу тебе это письмо. Когда в тот злополучный день я вышла из «Маски», люди Маурисио схватили меня и силой притащили в его дом. Он держал меня взаперти, и я не могла убежать. А потом умерла тётя Хорхелина. Я пришла на похороны и рассказала о нашей ситуации дяде Ламберто. Он обещал избавить меня от Маурисио законным способом, признав наш брак с ним недействительным. Но мы должны быть осторожны. Сегодня у меня был шанс сбежать и вернуться к тебе, я почти это сделала, но подумала: ведь Маурисио не оставит нас в покое. Ты не знаешь какой он двуличный, я и сама не ожидала. С виду он был добрый и вежливый, а на деле оказался эгоистичным тираном. Даже если мы с тобой убежим на край света, он всё равно придумает, как нас найти. Я боюсь, что он захочет с тобой расквитаться, я не смогу пережить вновь тот ужас, что я испытала, думая, что тебя больше нет. Дядя Ламберто мне посоветовал не делать глупостей и предоставить всё ему. Наверное, это будет не быстро, но зато я надеюсь раз и навсегда отделаться от Маурисио. Поэтому сейчас мне придётся остаться в этом адском доме и прикидываться покорной овцой. Но ты не думай, что мне это нравится. Я страшно по тебе тоскую, мой Данте. Ни минуточки не проходит, чтобы я не

думала о тебе. Ты всегда со мной, в моём сердце, в моей голове, на моей коже. Я смотрю на обручальное колечко и слышу твой голос. Это тяжело, но молю тебя, сейчас не предпринимай ничего, чтобы меня увидеть. Мы должны набраться терпения. Мы непременно будем вместе. Я верю в это. Я люблю тебя. Целую в губки. Твоя Эсте.

P.S. Умоляю, не обижайся и не думай, что я тебя обманываю. Я люблю только тебя».

Данте много раз перечитал письмо. Сейчас, когда он видел эти клятвы и объяснения своими глазами, всё вроде бы становилось на места. Но в душе его появились безысходность и раздражение, подобные тем, что он испытывал, будучи заперт в волшебном подземелье. Хотелось орать, реветь, топтать ногами, убить себя или кого-то ещё. Хотелось бежать к Эстелле и вырвать её из лап того гада или убежать на край света и вырвать её из собственного сердца. Почему ему так плохо? Аж всё трясется внутри, а в голове туман.

Когда явилась эстеллина служанка, Данте был жутко подавлен мнимым вероломством любимой и поначалу захотел придушить и Эстеллу, и Либертад за их лицемерие. Как она вообще посмела прислать ему письмо? Он же видел, как она гуляла под ручку с тем аристократишкой! Нельзя сказать, что, прочитав, Данте не поверил написанному, но его вдруг посетила мысль: он устал. Устал бороться со всем миром за крошечный кусочек счастья с Эстеллой. Может, было бы лучше им не мучить друг друга и расстаться? Насколько проще живётся человеку, когда он никого не любит, не жалеет, не страдает. Хорошо было бы стать куском льда, что не знает никаких чувств, кроме презрения к окружающим его болванам. Стать таким, как Салазар. Кстати, почему-то он давно не появлялся.

— Расстанься с ней, — тут же шепнул голос.

— Салазар?

— Нет, это ты, Данте, это твои мысли.

Обычно Данте чётко определял, что говорит Салазар, а что он сам, но теперь в голове была сплошная каша. Голос Салазара звучал в мозгу, в висках, во всём теле.

— Салазар, это ведь ты? — ещё раз спросил Данте, ощущая всеобъемлющую панику.

— Нет никакого Салазара и никогда не было. Это всё ты, ты сам. Салазар — это плод твоего воображения, фантазия. На самом деле его не существует. Есть только Данте, который наконец-то стал соображать, находить правильные мысли и решения, и силы бороться за своё, отсекая ненужное. Эстелла — это ненужное. Она уничтожает тебя, любовь эта разрушает тебя. Из-за неё ты становишься слабым и больным, как сопливая девчонка. Чтобы владеть магией и повелевать судьбами, жизнями и страхом ничтожных людишек, надо изгнать из себя лишние чувства и эмоции, искоренить их.

— Данте — чёрный маг, в его душе нет места ничему светлому, потому что у него нет души, — этот голос звучал как гипноз и Данте окончательно перестал отделять его от себя. Да, это не Салазар, на самом деле это он, Данте, так думает. Он должен вырвать Эстеллу из сердца любым способом. Ведь там, в подземелье ему открылась истинная суть вещей, глубина и красота мира магии, его сила, то чего не знал и не ведал он раньше. Хочет ли он, чтобы все люди, что травили его и унижали, за это заплатили? Да, хочет. Хочет ли он, чтобы враги его валялись в ногах его и просили пощады? Да, хочет. Чтобы избавить мир от грязи, надо быть хладнокровным. А любовь к Эстелле делает его безвольным, лишает разума, и смелости, и самоуважения, заставляя страдать.

Теперь Данте ощутил прилив невиданной силы, в мозгу щёлкнуло и он переключился, будто перелистнул страницу книги. Места чувствам в его жизни теперь нет. Только холодный расчёт и месть. Он расцветается с каждым, кто хоть раз его унизил. С каждым, по-

очереди, никого не упустит. А Эстелла — красивая девушка, нежная, но она цветок, который надо вырвать с корнем.

Данте поднялся с пола, взяв листок бумаги, установил на него перо и взмахнул рукой: перо само стало писать, бегая по пергаменту туда-сюда.

«Всё, что ты написала, красавица, очень мило, но увы, ты ошиблась, если думаешь, что нам это интересно. У нас другие цели в жизни, другие планы, в которых места сантиментам нет. И тебе тоже. Оставайся со своим мужем, люби его и роди ему целый выводок детей. Желаем удачи, просим больше нас не беспокоить. Прощай, красавица».

Запечатав записку в конверт, Данте отдал его в руки местному посыльному — мальчишке лет пятнадцати, сыну трактирщицы.

Как только Маурисио, Матильде и Эстелла оказались вне зоны видимости других людей, самообладание покинуло Маурисио. Вывернув Эстелле руки, он чуть ли не пинками впихнул её в дом. Матильде осталась снаружи, приветствуя свою уродливую питомицу Лоту. Та, слоняясь по двору, жрала всякую гадость, подбирая её с земли.

Маурисио, пыхтя и не говоря ни слова, затолкал Эстеллу в спальню и запер дверь на ключ изнутри. Швырнув девушку на постель, он рывками начал срывать с неё одежду.

— Пустите меня! Пустите меня сейчас же, грязный извращенец! — завопила Эстелла.

— Вы моя жена и должны выполнять супружеский долг!

— Я вам не жена и ничего вам не должна!

Ну уж нет, она не позволит, чтобы это произошло ещё раз! Тогда она уступила Маурисио от безысходности и отчаяния, думая, что Данте больше нет в живых. Но сейчас он есть, она любит его и хочет быть с ним. И ни за что она не позволит прикоснуться к себе другому мужчине.

Стащив с Эстеллы платье, Маурисио шпагой разрезал шнуровку на её корсете. Эстелла, брыкаясь, пинаясь и кусаясь, пошарила взглядом по округе, ища предметы для самообороны. Неподальёку стояла большая фарфоровая ваза, но дотянуться с кровати до неё Эстелла не могла. Как бы до неё добраться?

— Отстаньте от меня, я не буду с вами спать! — выкрикнула Эстелла, изо всех сил укусив его за щёку. Маурисио взвыл от боли — на прокушенной щеке остались следы от эстеллиных зубов и кровь.

— Не смейте кусаться, иначе хуже будет! — рявкнул он. — Ляжете спать со мной, как миленькая, и ещё и родите мне наследника, не будь я Маурисио Рейес!

— Что? Наследника, вам? Ну уж нет! Поищите другую дуру!

Маурисио рассмеялся ей в лицо.

— А куда вы денетесь?

— Да я лучше с моста прыгну, чем буду спать с вами и рожать вам детей, чтоб вам провалиться! — и Эстелла плюнула ему в лицо.

— Ах, ты, дрянь! Ну сейчас ты дождёшься у меня! — и Маурисио принялся стаскивать одежду и с себя.

Какая наглость! Он считает, что её можно заставить! И он думает, что она будет рожать детей своему насильнику? Чёрта-с-два! Но с другой стороны, если он сейчас над ней надругается, она вполне может забеременеть. В тот раз, перед первой ночью, хоть Эстелла и была неадекватна, но ей хватило ума выпить бабушкино зелье.

После давней беседы с Бертой, когда та настращала Эстеллу разными ужасами из жизни

невезучих любовниц, да ещё и вспоминая историю Лус, Эстелла испытывала панический страх перед беременностью. Хотя рядом с Данте она была спокойна. Во-первых, он маг, и он обещал, что такого не произойдёт. Да и Эстелла подозревала, что детей он не хочет, хотя напрямую они не говорили об этом. Во-вторых, от Данте тайком она ещё и пила снадобье. Нет, не бабушкино. То надо было варить самой, но около «Маски» находилась аптека, где сеньор Сантос из-под полы продавал всё, что угодно. В этот же раз ситуация действительно была опасна — Эстелла не принимала никаких снадобий с тех пор, как оказалась в доме у Маурисио — весь их запас у неё вышел, а за новыми надо было бежать в аптеку. Если Маурисио сейчас её изнасилует, ей очень повезёт, если она не забеременеет. Рожать от этого гада она не станет, так что придётся идти в аптеку за средством для аборта. А это ещё более опасно, ведь является преступлением. Нет, такого нельзя допустить! Ей и так проблем хватает. В отличие от других девушек, что относились к беременности как к благословению божьему, в каких бы неподходящих условиях она не наступила, Эстелла (из-за своего увлечения медицинской литературой) знала много. В данный момент это ей совершенно ни к чему. Может быть, когда-нибудь, когда Данте захочет, если он захочет... А если нет, то нет. Для Эстеллы этот вопрос не был принципиальным и она была готова пойти за своим мужчиной. Как Данте решит, так и будет. Главное, чтобы они были вместе. К тому же, она хотела учиться. Как только закончится вся эта ситуация с Маурисио, она попросит дядю Ламберто устроить её в университет. Они бы с Данте уехали в столицу и обосновались бы там подальше ото всех, кто мешает им обрести счастье.

Мысли эти заставили Эстеллу собраться с силами. Она вцепилась Маурисио ногтями в спину, царапая её. Маурисио снял с неё последнее — панталоны, и Эстелла осталась в одной рубашке. Положив свою корявую руку к девушке на поясницу, он нащупал выпуклую татуировку.

— А это что? Что это у вас тут такое? Ай! — Маурисио отпрянул. Подался назад и свалился на пол кверху ногами. Едва он коснулся татуировки, и она, и та, вторая, что была на плече, и обручальное кольцо Данте на эстеллином пальце вспыхнули. Маурисио получил сильнейший ожог. На его ладони образовался пузырь, а рубашка на животе сгорела, и сквозь прореху теперь виднелись красные полосы.

— Чт-т-то-что это такое? — пропыхтел он, отдуваясь и разглядывая ожоги.

— В следующий раз не будете лезть ко мне! — с вызовом сказала Эстелла, натягивая одежду обратно. — Это только цветочки. Ещё один такой выпад, и вы превратитесь в кучку пепла.

— Вы... вы... да вы ведьма!

— Именно так! Я ведьма! О, мой муж, мой законный муж, меня многому научил. Так что я могу постоять за себя и не намерена больше терпеть ваши выходки! Остерегайтесь меня, маркиз! — предупредила Эстелла.

Конечно, она блефовала. Ничему Данте не научил её по одной простой причине — она не может колдовать. Но Маурисио об этом не знает, так что победа осталась за ней. И теперь у неё есть средство, как держать его от себя подальше. О, магия Данте оберегает её даже на расстоянии. Как это здорово!

— А теперь будьте любезны дать мне ключ от двери! — властно велела Эстелла. — Если вы, конечно, не хотите остаться калекой.

Маурисио отдал ключ, полагая: Эстелла — настоящая ведьма и может превратить его в кого-нибудь или даже убить.

— Очень хорошо! Мне нравится, когда вы такой покладистый, — вставив ключ в замочную скважину, Эстелла открыла дверь и выбежала из комнаты. Заперла Маурисио снаружи.

— Зачем вы меня закрыли? Это произвол! Откройте дверь! — заорал Маурисио из спальни.

— Ничего с вами не случится. Посидите немного взаперти, подумаете о своём поведении. Это вам полезно. Слуги или ваша сестрица наверняка вас вызволят.

— Куда вы идёте?

— Я иду домой! — объявила Эстелла громко. — Я буду просить защиты у моего дяди Ламберто. Защиты от вас. Я всем расскажу, что вы пытались меня изнасиловать. Вам это так с рук не сойдёт, учтите. Я не какая-нибудь крестьянка, с которой можно обращаться, как с вещью. Я благородная дама, если вы ещё не поняли. Так что вы мне ответите за всё! Вы ещё будете просить пощады, маркиз.

— Но я ваш муж, я имею права!

— Дядя Ламберто мне скажет, имеет ли права незаконный муж насиловать меня и что ему за это будет. О, я всё узнаю! — злорадно сказала Эстелла и пустилась наутёк.

Главное, чтобы Матильде с Лотой сейчас не встали у неё на дороге. К счастью, сеньориты Рейес и её гиены поблизости не наблюдалось. Видимо, эта гадюка уверена, что Маурисио сам разберётся с Эстеллой, задав ей хорошую трёпку. Она ведь не думает, что с виду такая худенькая нежная девушка может превратиться в зверя, если её довести.

Эстелле легко удалось покинуть каменный замок. Никто её не увидел, кроме слюнявого бульдога, что восседал на цепи у двери. Куда ей пойти? К Данте? Нет, сначала надо заглянуть к дяде Ламберто и пожаловаться на Маурисио, чтобы все знали, как этот гад с ней обращается.

Однако, Эстелла ощутила разочарование, когда добралась до особняка и выяснила, что дядя Ламберто буквально пару часов назад уехал. Ждать его здесь она не может, это было бы безумием. Маурисио наверняка прибежит следом за ней, чтобы опровергнуть всё ей сказанное. Он же боится огласки, боится за свою репутацию. Поэтому Эстелла решила действовать быстро: написала дяде письмо, в котором рассказала обо всём, что произошло, и где её искать. Она отдала письмо Либертад, а та вручила ей другой конверт.

— Это принёс мальчик-посыльный из гостиницы «Маска», — объяснила она.

Ответ от Данте? Он написал ответ? Эстелла тотчас выхватила письмо, разорвав конверт, пробежалась глазами по тексту. Что?

— Сеньорита, чего это с вами, вам дурно? — всполошилась Либертад, когда Эстелла рухнула на стул, уронив письмо на колени.

— Он написал, что нам надо расстаться. Что это за бред? — забормотала Эстелла, снова вчитываясь в письмо. — Вот это вот, что это такое: мы, нам? Он что рехнулся? Пишет о себе во множественном числе... Я должна к нему пойти! — и, вскочив на ноги, Эстелла рванула на улицу через заднюю дверь.

— Совсем с катушек слетела со своим Данте, — вздохнула Либертад, пряча письмо для Ламберто в карман передника.

Поймав экипаж, за пятнадцать минут Эстелла домчалась до «Маски». На её расспросы сеньор Нестор лишь руками развёл, объявив, что Данте уехал около получаса назад. Куда именно — не сказал. Но вещи Данте остались в гостинице, так что тот вернётся.

Что же делать? Обратно домой идти она не может — туда наверняка уже явился

Маури시오, да и там мать, которая не станет заступаться за неё. Роксана будет счастлива, если Маури시오 её вообще убьёт. Наверное, лучше остаться здесь и подождать Данте.

— Сеньор Нестор, я могу остаться у Данте в комнате и подождать его? — робко спросила Эстелла.

— Ну вы же его жена, конечно, можете.

— Спасибо. Только, сеньор Нестор, меня тут нет. Ни для кого. Кто бы не пришёл за мной или за Данте, вы ничего не знаете и впервые о нас слышите.

— Ну разумеется, — кивнул сеньор Нестор. — Только надеюсь, вы не от жандармов прячетесь? Вы не втянете меня в неприятности?

— Нет, сеньор Нестор, мы прячемся от моей семьи. Они хотят нас разлучить, — честно призналась Эстелла.

— Ну раз такое дело я, конечно, помогу. Нравитесь вы мне оба, красивая вы пара.

— Спасибо!

Эстелла, прихватив ключ, стремительно взбежала на четвёртый этаж. Вот он, номер 412. Одежда раскидана по углам, старые газеты свалены в кучу, вот лежит её письмо. Скомканное. Наверное, Данте сильно обиделся и не поверил ей, поэтому написал какую-то чушь в ответ.

Эстелла стала убираться в номере. Разложила вещи по полочкам, вытерла пыль, сменила простыни, извлекла из-под кровати пустые бутылки из-под джина. Он пил джин? Может, он был пьян, когда писал ей ответ? О, боже! Как же с ним тяжело! Данте такой непредсказуемый, никогда не знаешь что стукнет ему в голову. И всё равно она его любит, как никого в этом мире.

Часом ранее.

Данте, нанизав на руки кучу колец и браслетов, рассматривал себя в зеркале. Оттуда теперь на него глядел черноглазый юноша; когти стали ещё длиннее, а изумруд в перстне сиял.

— Берегитесь, ваш час пробил, — прошипел он зеркалу с видом одержимого человека, который к тому же ещё и нетрезв. Сейчас Данте ощущал даже не ярость, а странную пустоту и злорадное чувство предвкушения.

— Пора навестить одну тварь, — сказал он высокомерно, — пришло время предъявить счёт.

Данте развернулся — длинный зелёный плащ со свистом развернулся следом за ним. Покинув «Маску», юноша оседлал Жемчужину и вскоре уже ехал по направлению к давно забытым местам. Там он не был много лет, там, где хранился поток его болезненных воспоминаний об адских годах травли и унижений. Это ненавистное место он не забудет и в следующей жизни. И когда наступил поздний вечер, а на небе появилась круглая луна, похожая на перезревшую тыкву, Данте спешил к у длинного кирпичного дома с надписью «Эстансия «Ла Пиранья»».

Несколько минут он вглядывался в силуэт дома. Затянутое тучами небо хмурилось, грозя вот-вот обрушить гневный дождь на нерадивых обитателей земли.

Данте направил руку на калитку. Из острых когтей его вырвалось пламя, и калитка за секунду сгорела дотла. Данте шагнул в образовавшуюся дыру.

Жители дома ещё не спали — время было около десяти вечера и в окнах горел свет. Старушка Руфина, полная негритянка в широченном переднике, мыла деревянный стол. На

звук шагов она обернулась.

— Ой! Кто это?

Данте приблизился.

— Ой... Кто вы? Данте? — вид у Руфины был такой, словно пред ней возник сам дьявол, и она выронила из рук тряпку. — Как ты здесь оказался-то? Ты какой-то не такой... Боже ж мой, я тебя и не признала! Но погодь, ведь ты ж... ты ж не... тебя же... я ж была там, на площади, я ж видела, как они в тебя стреляли, энти изверги... Ой, я ничегоченьки не понимаю! Ты чего ж, привидение? Явился ко мне в гости в того света? Ой-ой-ой! — заголосила Руфина. Чёрное лицо её заметно побелело от страха.

— Спокойно, не надо паниковать, Руфина, — произнёс Данте мягко. — Не бойся меня, я не приведение. Я жив. Забудь о том, что было на площади. Это всё в прошлом.

Руфина, завыв, кинулась Данте обнимать.

— О, мой мальчик! Мой мальчик-то жив, а старуха Руфина-то так горевала, так плакала по тебе. Какой ж ты большой да красивый, на принца прям похож. Ой, ты божечки, не верю своим глазам! Энто ж чудо какое-то!

Данте позволил Руфине попричитать и потрогать себя, дабы она убедилась, что он состоит не из воздуха. Понемногу Руфина успокоилась, перевела дух. Глаза её радостно сияли.

— Ох, какое ж счастье-то! Ну надо ж, у меня прям как камень с души. Я аж помолодела лет так на пятьдесят. Мой мальчик жив! Какая ж у тебя грива-то длинная, прям как у девицы, — раскритиковала Руфина. — Так руки и зачесались тебя постричь.

— А что, Руфина, эти то дома? — презрительно бросил Данте, покосившись на окна.

— Только Рене, — прогнусавила Руфина, утирая глаза фартуком. — Папаша его уехал по делам в... ой, забыла как энто называется, Ко... Корюнтес.

— Корриентес.

— Во-во, туды и уехал. Но скоро уж вернуться должен. Обещал сёдня к вечеру, да вот нету пока чегой-то. Быков хочет сбagrить. Знаешь, больные они ж все. У нас ведь тутa чёрте чего творится. Лекарь, который зверё то лечит, как бишь его...

— Ветеринар.

— Ага, он, энтот самый веритинар приходил, смотрел тутa их всех, чума, говорит, у быков-то, эпидума.

— Эпидемия.

— Ага, говорит, во всех поместьях така хворь. Даже падре Антонио к нам приходил быков отмаливать, а те, видать, Боженьку-то прогневили чем-то. Мрут один за другим. И всё бесполезно, падре и тот не помог. Вот сеньор Сильвио и поехал продавать быков в другой город. Тут-то он никому их не продаст, все уж знают, что они больные, да все стараются от них избавиться. Вот он и хочет всучить бычков тем, кто не знает, что они больны. А ведь с виду-то и не скажешь. Вот бегают они се по пастбищу, здоровые, жрут траву, а назавтра глядь — мёртвые валяются, и никак не угадашь, кто из них болен, а кто нет, кто помрёт, а кто нет. Вот такая вот напасть.

— Как был сукой, так и остался, — процедил Данте. — Жадная тварь, хочет обмануть доверчивых покупателей. Ну ничего, я дождусь, когда он вернётся. Дело у меня к нему. А этот мешок с опилками, Рене, говоришь, дома?

— Дома. Ничё не делает, целыми днями баклуши бьёт. Жрёт да хамит. Да ещё жениться тут удумал. Они уж раструбили по всем поместьям, будто бы Рене невесту ищет. Так хоть бы

одна клюнула, — Руфина хихикнула. — Умные девахи-то, не хотят с таким дураком связываться. И правильно. Тупой он, как пробка. Я вот, неграмотная старуха, и то получше его соображаю. А ты чего пришёл-то, мой мальчик?

Но последний вопрос Руфины остался без ответа. Данте, стремительно пересёк двор и, дойдя до входа, пнул дверь. Пыххх! Повалил дым, и дверь открылась. В самом центре её теперь зияла дыра — след от каблука. Руфина только глазами похлопала — дверь была дубовой и запиралась на кучу замков и задвижек.

Данте вошёл внутрь. Сердце кольнуло, давняя обида змеей подползла к груди. Вот об тот угол его швыряли головой ни раз. И, как мяч, пинками, гоняли по этому холлу. В чёрные глазах сверкнули молнии, и Данте, миновав холл и столовую, стремительно влетел в гостиную.

Рене сидел на диване, заняв своей тушкой большую его часть — только короткие ножки в шёлковых панталонах свисали вниз, едва доставая до пола. На огромном шарообразном пузе стоял поднос с едой. Рене лопал курицу, запивая её чаем и закусывая пирожными с кремом.

— Фуфина, это ты тута хофифь? Чего ты стучифь копытами, как лофадь? Чё те надо? — прошамкал Рене с набитым ртом.

Никто не ответил и тогда он изволил повернуть круглую, как тыква, голову. Данте стоял неподвижно. Рене уставился на незнакомца, стройного и высокого, в богатой одежде и с осанкой, достойной принца.

— Ты хто такой? Чего за гусь?

— Ну здравствуй, хомяк. Что, не узнаёшь меня? — прошипел Данте приближаясь.

Рене вжался в диван.

— К-к-какого ч-ч-чёрта т-т-ты так со мной г-г-говоришь? Ч-чё те надо?

— Что мне надо, хряк? Поглядеть, как ты ползаешь у меня в ногах, моля о пощаде. Поглядеть, как ты извиваешься, точно червяк, от боли и захлёбываешься собственной кровью. За все годы мучений, за каждое сказанное тобой слово, ты мне заплатишь сейчас.

Рене выпучил глаза. На отупевшем лице мелькнула здравая мысль, похоже, Данте он узнал.

— Т-т-ты? От-т-тродье? Н-н-но как? Я думал, ты енто, сдох.

— А мы, колдуны, живучи, знаешь ли.

Данте, подойдя вплотную, одной рукой схватил Рене за бархатный халат, запачканный едой, и швырнул его на пол.

Поднос отлетел в сторону, рассыпав своё содержимое по ковру и дивану. Рене, издав писк, попытался отползти в угол. Не тут-то было! Данте, вдавив каблук ему в грудь, взмахнул рукой, вызывая из воздуха тонкий длинный хлыст, которым обычно латифундисты наказывали провинившихся рабов.

— Ну что, хомяк, веселье начинается? — издевательски спросил он.

Щёлк! Хлыст со свистом прошёлся по воздуху и опустился Рене на физиономию.

— АААААААА! Не надо! — заорал Рене.

— Не надо? Тебе не нравится? Кто бы мог подумать, а я полагал, тебе будет приятно. Бедняжка, какая жалость! А-ха-ха-ха! Однако, когда ты много лет надо мной издевался, тебе было плевать, что мне это не нравилось. Для тебя это было забавой. Теперь я тоже хочу развлечься. За всё в жизни надо платить.

Данте бил Рене хлыстом мучительно долго, смакуя каждый удар, бил до тех пор, пока не

исполосовал врага вдоль и поперёк.

— Хватит. Не убивай меня, — взмолился Рене.

— Убить тебя? Ну уж нет, ты хочешь слишком легко отделаться, сука, — сказал Данте, задумчиво рассматривая окровавленную грудку жира у своих ног. — Это ещё только начало. Предлагаю тебе отдохнуть в одном занятом местечке. Уверен, тебе понравится.

Данте щёлкнул пальцами. В воздухе материализовалась длинная цепь и змеёй опустилась ему в ладонь. Он произвёл рукой ещё одну мудрёную манипуляцию — в камине загорелся огонь. Данте, не долго думая, сунул конец цепи в пламя. Когда она раскалилась до красна, он петлей набросил её Рене на шею. Тот заорал, высовывая язык, будто жаба при ловле мухи, но Данте не унимался. Хлоп! Ещё взмах рукой. Запахло палёной человечиною, и цепь вросла Рене прямо в шею, расплавляя кожу. Данте, хохоча, взялся за свободный конец цепи и поволок Рене за собой по полу. Он уже не ощущал боли от воспоминаний, только безумное желание мстить, издеваться над этой сволочью, пока у того глаза на лоб не вылезут.

Впихнув Рене в тёмный коридор, Данте открыл люк в полу. Подвал. Тот самый, в котором его заперал Сильвио.

— Хочешь узнать, что со мной вытворял твой папаша? Тебе, наверное, это и не снилось, а? Сейчас узнаешь, ублюдок, — Данте подтащил Рене к люку и пропихнул в дыру его тушку, правда с усилиями — пузо никак не хотело пролезать. Но Данте протолкнул его ногой. Раздались шлепки — тело Рене покатилося по ступенькам с таким звуком, словно он был не человеком, а шматом сала.

— Тут же темно, выпусти меня! — завопил Рене, оказавшись внизу.

— Когда я там сидел, твоему папаше было плевать, что там темно, холодно и полчища крыс. Так что и мне плевать! — Данте захлопнул люк и, заперев его на ключ, вернулся в гостиную.

Оставалось дожидаться Сильвио. Но как же ему отомстить? Избить его также, как Рене? Это слишком просто. Надо придумать что-то более изощрённое. Надо отнять у него то, что ему дороже всего на свете. Но у Сильвио никогда не было ни к кому привязанности. Разве что к Рене. Но Данте сомневался, что Сильвио прямо уж так тяжело переживёт, даже если Рене убить у него на глазах. Он легко воспринял потерю жены и дочери, никого он не любит, кроме себя. И тут Данте осенило. Больше всего Сильвио любит деньги, богатство, заработанное при помощи нечеловеческого труда тысяч батраков. Он жуткий скупердай, не зря же пошёл продавать чумных быков. Конечно, если они все умрут, он не получит дохода, только убытки, а так выручит деньги, обманув доверчивых покупателей.

С волос Данте посыпались искры, на губах мелькнула злобная ухмылка, а глаза, чёрные, жгучие, превратились в бездонные колодцы. И он отправился в левое крыло дома. Первая дверь, куда он заглянул, вела в кабинет.

Данте вскрыл все ящики в столе и в секретере, найдя и сейф, вытряс из него папки, ценные бумаги, векселя, акции, бумажные деньги и перетащил их в гостиную. Затем он заглянул в спальню Сильвио, выудил украшения из шкатулок, золото и серебро из кошель и сумок, и тоже ссыпал кучей в гостиной. Себе Данте не взял ничего. Он не вор и не собирается никого грабить, но Сильвио своё получит. С такими мыслями Данте вернулся во двор. Руфины уже поблизости не было, видимо, она ушла спать. Тем лучше.

Он отворил двери конюшни, освещая темноту когтями, и насчитал по меньшей мере десятка четыре лошадей. Разумеется, убивать животных он не станет. Они этого не

заслужили. Несмотря на злость и жажду мести, одно в сердце Данте оставалось неизменным — любовь к животным. Она впиталась ему в кожу, в подкорку головного мозга с детства, когда животные подчас были единственными его друзьями, с которыми он мог общаться, которые выслушивали поток его обид, ненависти и слёз.

Данте вывел лошадей за забор. Всего их оказалось сорок четыре — целый табун.

— Идите, мои хорошие, вы теперь свободны! — сказал он. — Бегите на волю!

Но удивлённые лошади тупо стояли возле ограды. Тогда Данте выпустил из когтей огненный шар. От яркой вспышки лошади, заржав, всем табуном пустились наутёк.

Тоже самое Данте проделал и с овечками, с баранами, с козами, с поросятами. Выпустил всех индюков, гусей, кур. Пока гнал к водопою последнюю отару овец, у него вдруг ёкнуло сердце, а в глазах зашипало от поступивших слёз. Вспомнил себя маленького. Вот он верхом на Ветре гоняет овец по полям. Вот он лежит под деревом, укрыв лицо шляпой, и слушает где-то вдалеке пение кукушки. А вот он плачет от одиночества и обиды, сидя на берегу реки. А вот и Эстелла, красивая и весёлая девочка, его подруга, его любовь... Она приходила и клала головку к нему на плечо, не боясь ни его магии, ни его потрёпанного, истерзанного вида, ни его самого — зверёныша, озлобленного на весь мир. Она вдохнула в него силы жить дальше. Наверное, только благодаря Эстелле он и смог перенести всё с высоко поднятой головой. И что же он наделал? Почему он решил, что им надо расстаться? Да они умрут друг без друга! Именно эта любовь и вытаскивает его из ада, из бездны одиночества, отчаяния и боли. Всегда, всегда, когда он вспоминает Эстеллу, ему становится легче дышать. Даже в тюрьме он выжил благодаря этой любви, и его девочка спасла ему жизнь там, на площади.

Данте окончательно запутался в своих мыслях и чувствах, пока довёл отару до озера. Выпустил огонь из пальцев, и овечки бросились врассыпную. Но одна осталась на месте.

— А ты чего тут толчешься? — спросил Данте. — Иди к своим, не отбивайся от них, а то умрёшь.

Овечка жалобно взглянула на него.

— Ме-е-е-е.

Данте присел рядом с ней на корточки. Овца была нестриженная, и, видимо, умирала от жары в своей шубе.

— Вот твари, — не сдержался Данте. — Не умеют следить за животными, так и не брались бы.

Он погладил овцу по кудрявой густой шерсти и она доверчиво ткнулась ему мордой в ладонь. И Данте опять разревелся, осознавая что ведёт себя очень глупо. Он, взрослый юноша, обнимается с овцой и рыдает, как сопливая девчонка. Со стороны кто увидит, умрёт от смеха.

По мере того, как у Данте высохли слёзы, в груди опять забурилась ненависть. Как же он ненавидит всех, всех людей! Кроме Эстеллы. Было бы здорово, если бы все люди на земле умерли, а они бы с Эсте остались вдвоём в окружении только животных и растений.

— Вернись в поместье! — приказал голос в голове. — Хватит вспоминать её. Эстелла — пройденный этап. Нельзя смотреть назад, только вперёд. Любовь — это болезнь. Она лишает сил и твёрдости. Погляди на себя. Только ты о ней вспомнил, как начал реветь. Но ты ещё не довёл дело до конца.

Данте подчинился, хотя и не понимал, что с ним происходит, напрочь забыв про Салазара и решив, что это его собственные мысли. Он не смог бросить овечку, которая

отбилась от отары, и захватил её с собой, решив отдать Руфине.

Данте вернулся в «Ла Пиранью». Выпустил овцу бегать по двору. Первым, кого он увидел, был Сильвио, стоящий у дома и с разинутым ртом глядящий на пустые загоны, сарай и конюшню.

— Чего... чего это такое? — бормотал он. — Рене? Это он наделал чё ли? Я ж поручил ему следить за поместьем! Я щас убью этого идиотину!

— А-ха-ха-ха-ха-ха! — раздался зловещий смех из-за спины.

Сильвио обернулся и окаменел. Как только Данте увидел этого человека воочию, глаза его налились кровью. Как же он хочет убить этого гада, уничтожить, размазать по стене!

— Ты кто такой? — спросил Сильвио.

— О, да у тебя, старый хрыч, память отшибло?! — Данте провёл когтем по подбородку, выпуская тонкую струйку света.

Сильвио, сглотнув, попятился.

— Что, всё ещё не узнаешь меня, м?

— П-п-приведение.... Из-зиди! Ма-ма-мамочкиии! Ко мне явился призрак!

— Я не призрак, — сверкнул глазами Данте. — Ты вроде уже большой и старый, а от страха чуть в штаны не наложил. Всегда догадывался, что ты трус, как и твой свиноподобный сынок. Вы горазды только слабых обижать.

Наконец, до Сильвио дошло, что Данте не приведение. Он в ужасе кинулся в дом и попытался там закрыться изнутри. Данте подойдя к двери, направил на неё руку, и дверь сгорела за секунду, осыпавшись на пол кучкой пепла.

— Мамочкиииии! Дьявол!!! В моём доме Дьявол!!! — Сильвио, с небывалой для егс веса прытью, бросился бежать. Но убежал недалеко — споткнулся в гостиной о ковёр и растянулся на полу. Данте пнул его ногой в толстый зад.

— Ну что, старый хрыч, побеседуем? — руках у Данте появилось растение — оранжевый цветок с чёрными пятнышками на лепестках. Он ткнул цветком Сильвио в физиономию, и тот за секунду обвинил мужчину щупальцами, точно верёвкой. Сильвио стал похож на гусеницу. Выпучив глаза, он извивался и дёргался, но чем больше, тем сильнее растение обкручивалось вокруг его тела.

— Чего это такое? Убери это с меня! — вопил он. — Где Рене? Чего ты с ним сделал, а?

— О, наше хранилище жира в крайне интересном месте, — Данте прогуливался по гостиной, горделиво волоча за собой хвост плаща и смакуя каждое слово. — Уверен, ему там понравится. Подвал с крысами лучше любой тёплой перины, не находишь, тварь? — и Данте пнул Сильвио ногой в бок.

— Чего те надо, исчадие? Те нужны деньги, да? Я дам скоко хошь, токо отвали!

— А-ха-ха-ха! Деньги? Зачем мне твои деньги? — грубо расхохотался Данте. — Я хочу развлекаться, хочу поглядеть, как ты и твой отпрыск обгадите штаны от страха. Кроме того, откуда у тебя деньги?

— Чего? Как это откуда у меня деньги? — зарычал Сильвио. — Оттуда! Я ж самый богатый плантатор в этом городишке!

— Бедный нищий Сильвио, — театрально покачал головой Данте. — Скоро придётся тебе, хрыч, трясти своим жиром на какой-нибудь плантации, работая на одного из таких же жиробасов, как и ты.

— Чего ты несёшь, урод?

— А то, что с сегодняшнего дня богача Сильвио Бильосо не существует. Есть только мерзкий нищерброд. А ведь всё началось с того, что ты убил мою лошадь. Пожадничал отдавать её мне.

— Энта лошадь была моя! — прервал Сильвио, но в ответ получил каблуком по лицу.

— Повторяю для тупых: это была моя лошадь! — процедил Данте сквозь зубы. — Ветра подарил мне отец. Твой брат, между прочим, которого ты даже на порог не пускал, упырь вонючий!

— Не пушал, потому что идиотина он никчёмный был, — не сдавался Сильвио. — И никакой он те не отец! Хуан подобрал тя в какой-то канаве. Никто не знает, кем были твои родители. Ясно дело, они воры и убийцы, не сомневаюсь даже.

Шлёп! Сильвио получил новую порцию ударов. Данте бил его прямо в лицо каблуком так, что из носа и рта мужчины полилась кровь, запачкав добрую часть его физиономии.

— Мендига был моим отцом, — повторил Данте, — а Ветер был моим другом. Я был ребёнком и не мог за себя постоять. А ты пинал меня ногами, швырял головой об стену, запирали в подвале с крысами, ты меня унижал, ты морил меня голодом, ты ни дня не давал мне жить спокойно. Я не был виноват в том, что мои родители оказались тварями, которые бросили меня на произвол судьбы. В канаву, как ты говоришь. Хорошо. Да, твой брат подобрал меня в канаве, в которую меня выбросили мои родители, но это не давало тебе права изгаляться надо мной. Ты не знаешь, что такое жалость, ты не знаешь, что такое дружба, ты не знаешь, что такое любовь. А я, несмотря на свою ненависть к таким, как ты, знаю это. Кроме Ветра у меня не было никого в этом мире. Он был для меня всем. Он был моим другом, единственным. А ты его убил, сука! Но сегодня ты получишь сполна. Я отберу у тебя то, что тебе дороже всего, я это уничтожу у тебя на глазах, как когда-то ты проделал это со мной.

— Ты думаешь, ежели ты убьёшь Рене, я буду страдать что ль? — ухмыльнулся Сильвио, отплевываясь от крови. — Да от него пользы никакой, он тока жрёт да спит. Можешь его убить, но с условием, что отпустишь меня и забудь сюды дорогу.

— Какая же ты тварь! — Данте опять не сдержался, долбанув Сильвио ногой. — Ради своей шкурки и сына не пожалеешь.

— Не-а, не пожалею! — каркнул Сильвио. — Убей его, потешь свою душеньку, заодно избавишь мя от ненужного куска дерьма, и вали отсюда!

— Даже не надейся так легко отделаться, сука. Я прекрасно знаю, что ты никого не любишь, кроме себя. Но ты любишь свои денежки. Вот с ними и попрощайся. Сегодня ты видишь их в последний раз.

Сильвио завопил, мотая головой, когда Данте начал выуживать из кипы папок, сложенных в углу, векселя, акции и прочие банковские бумаги и, смакуя, по одной, запихивать их в камин.

— Прекрати! Отдай! Энто моё! Энто мои деньги! Энто нельзя жечь! — Сильвио вращался, извиваясь на полу, как червяк, и орал, но Данте только злое блеснул глазами. Потом ему надоело слушать вопли, он щёлкнул пальцами, и хитроумное растение залезло Сильвио в рот. Мужчине пришлось заткнуться.

Данте сжёг все бумаги до единой, а потом взялся и за бумажные деньги. Он вынимал купюры из пачек и бросал в камин. Спалил целый чемодан денег. Повернулся к Сильвио, пялясь в его красную физиономию, и с удовольствием увидел, что из глаз врага льются злые слёзы.

— Вот таким ты мне нравишься, мразь. Каково терять то, что тебе дорого, м? Приятно? Но не думай, что это конец. Это только начало.

Шмяк! На полу прямо между Данте и Сильвио появился здоровенный чугунный котёл. Данте помахал рукой и — о чудо, — котёл стал прозрачным. Внутри него плескалась и дымилась синяя жидкость.

— Это чтобы ты видел всё в подробностях, — зловеще объяснил Данте. Он принялся высыпать в котёл драгоценности, выуженные из сундуков и шкатулок: ожерелья, перстни, цепи, браслеты, запонки, зажимы для ночных чепчиков и панталон. Серебряные, золотые, платиновые, украшенные драгоценными и полудрагоценными камнями, они падали на дно котла и, попадая в жидкость, на глазах превращались в расплавленную массу. Но Данте и на этом не успокоился. Закончив с побрякушками, он начал ссыпать в котёл монеты — золотые дублоны и эскудо, серебряные песо — целые горсти денег поглотила кипящая лава. Данте запихал в котёл и кубки — серебряные и золотые, столовое серебро — ложки, ножи и вилки. Он ликовал от сладостного ощущения мести и расплавил даже золотой поднос, что висел на стене. Всё, всё, что представляло хоть какую-то материальную ценность в доме, Данте уничтожил.

— Думаю, я отдам это батракам. Им это нужнее, чем тебе, образина, — Данте поколдовал и жидкость в котле испарилась. Теперь на дне его лежали слитки — золотые и серебряные, и россыпи драгоценных камней. — А тебя я пушу по миру, крыса. Ты будешь просить милостыню на паперти.

Сильвио что-то вопил, закатывая глаза, но рот ему закрывало волшебное растение, так что слов разобрать было нельзя. А за окном, тем временем, рассвело. Лучики солнца скользили по кронам деревьев, лёгкий ветерок шевелил травку, и Данте ощутил страшную усталость. Гнев и ненависть отступили. Он выплеснул их, и теперь пребывал в оцепенении. Когда Данте шёл сюда, он был уверен, что убьёт. Или Сильвио, или Рене, или обоих. Но теперь Данте и не хотелось этого. Он сделал достаточно. Надо уходить, но сначала надо покончить с безнаказанностью этого человека раз и навсегда. Эта тварь ни над кем не посмеет больше издеваться!

И Данте наколдовал пергаментный свиток, перо и чернильницу.

— Сейчас ты это подпишешь.

Сильвио отрицательно помотал головой, и Данте вяло наступил каблуком ему на кадык.

— Ты это подпишешь. Или я затолкаю каблук тебе в глотку, потом выпущу кишки и развешу их по всем деревьям, понятно? Ты подпишешь.

Данте освободил Сильвио пальцы правой руки, сунул в них перо и заставил мужчину расписаться внизу чистого листа.

— Замечательно, — взяв пергамент, Данте сел в кресло и продиктовал перу содержание документа: — Я, сеньор Сильвио Бильосо, владелец эстансии «Ла Пиранья», находясь в здравом уме и твердой памяти, по своей воле дарую всем своим батракам и рабам вольную. И обещаю не предъявлять к ним никаких претензий, ни моральных, ни материальных. Подписано сегодняшним числом.

Сильвио что-то мычал, но Данте уже его не слушал. Скатав документ в трубочку, он подхватил котёл со слитками и вышел на улицу.

Ничего не подозревающая Руфина на заднем дворе месила тесто.

— Ой, мальчик мой, ты ещё тута, оказывается? — удивилась она.

— Да, Руфина, но я уже ухожу, — Данте плюхнул котелок на стол. — Возьми это и

раздай всем батракам.

— Чего это? — вытаращилась Руфина.

— Это слитки, золото, серебро, камни драгоценные. Разделите поровну между всеми.

— Откуда ж ты их взял-то?

— Он вам их дарит, — Данте указал взглядом на окна дома.

— Чего?

— Да, он расщедрился. Он дарит вам всё это и отпускает всех батраков и рабов. Все свободны.

Руфина рот разинула.

— Кстати, — продолжил Данте, — вчера я погорячился, отпустил всех животных на волю. Но теперь думаю, что зря. Скажи об этом людям, Руфина. Овцы, бараны, поросята, индюшки, куры не могли уйти далеко. Скорее всего, бродят где-то около берега, на водопоях. Поймайте их и поделите между всеми. Они ж ведь домашние, они не выживут в сельве.

— Чегой-то ты не то несёшь-то. Мальчик мой, я ничё не поняла.

Данте протянул Руфине свиток.

— Это вольная для всех. С его подписью.

Руфина аж чуть не подавилась воздухом.

— Данте, глянь-ка на меня, — сказала она. — Ты чего с ними сделал-то? В кои-то веки такая щедрость? Ты чего ж поубивал их там что ли?

— Вовсе нет, — измученно сказал юноша. — Один связанный в гостиной лежит, второй в подвале. Но погоди их освобождать, Руфина. Пускай люди сначала разделят всё хозяйство и уйдут отсюда. И я пойду. Устал я. У меня больше нет сил, — добавил Данте совсем тихо и ушёл не оборачиваясь.

Отойдя немного от эстансии, он свистнул, подзывая Жемчужину. Лошадь, прибежав тут же, покорно ткнулась мордой ему в плечо.

— Эх, если бы я ещё знал, где Алмаз. Так скучаю по нему...

Надев на кобылу узду, Данте повёл её за собой. Шли они медленно и долго. Данте шатало из стороны в сторону — чересчур много физических и моральных сил забрала у него эта месть, хотя он ни капли не жалел о содеянном. И ещё больше радовался, что ему хватило ума вовремя остановиться. Как бы не была сильна его ненависть, но в светлой половинке его души живёт любовь. Любовь к Эстелле. Любовь к его животным. Именно это и спасло его от роковой ошибки. В тот момент, когда Данте гонял овец по берегу, он вспомнил об этой любви, и благодаря лишь ей он никого сегодня не убил.

Данте остановился. Закрыв глаза, подставил лицо ветру. Хотя то, что он сделал, и было жестоко, но именно сейчас он смог освободиться от боли, обиды и ненависти, что мучили его столько лет. Будто оковы спали с сердца, он вырвался из ада и теперь свободен! Как хорошо ему сейчас! Вот бы ещё Эстелла была рядом, и Янгус, и Алмаз.

— Ты идиот, — шепнул всё тот же голос. — Почему ты никак не научишься отличать нужное от ненужного?

— Иди к чёрту, Салазар! — выкрикнул Данте громко. — В отличие от тебя, я как раз могу понять, где нужное, а где нет, где плохое, а где хорошее. Эстелла — это моя жизнь. В ней весь мой мир. Она часть моей души. Она, а не ты!

Данте дёрнул лошадь за узду и пошёл в горизонт. И вдруг за спиной раздался стук копыт. Жемчужина, встав на дыбы, радостно заржала. Данте резко обернулся. Перед ним

стоял Алмаз.

===== Глава 7. Рассказ аббатисы =====

В полной тишине Ламберто и сеньор Бартоломео ожидали матушку Грасиэлу. Сыщик сидел в кресле, куря сигару за сигарой, а Ламберто нетерпеливо ходил по кабинету — просторной комнате, заставленной стеллажами с книгами.

Наконец, отворилась дверь и пред мужчинами предстала статная высокая женщина в монашеском одеянии.

— Здравствуйте, мадре, — поприветствовал её усатый сыщик.

— Здравствуйте, сеньор Бартоломео. Здравствуйте, сеньор..? — она вопросительно взглянула на Ламберто.

— Ламберто. Маркиз Ламберто Фонтанарес де Арнау к вашим услугам, мадре, — сняв шляпу, Ламберто чуть склонил голову.

Аббатиса села за дубовый стол. Лицо её, всё хранящее признаки былой красоты, хоть и подпорченное оспой, выглядело задумчиво-серьёзным. Мужчины сели в кресла напротив.

— Что ж, Ваше Сиятельство, — начала аббатиса, — сеньор Бартоломео рассказал мне о вашем интересе к этому делу. Я, признаться, не пришла от этого в восторг, ибо поклялась самой себе, что никогда и никому не раскрою этой тайны. Когда сеньор Бартоломео поведал мне, что этой историей интересуется некий господин, я разгневалась и прогнала его прочь. Но когда горячность моя остыла, я поняла, что, пожалуй, рассказать всю правду без утайки означало бы отмыться от страшного греха, в который я вовлекла себя много лет назад и благодаря которому я сейчас и являюсь аббатисой этого монастыря. Вы, Ваше Сиятельство, вы ведь сын герцога Фонтанарес де Арнау, не так ли?

— Да, его самого.

Аббатиса глубоко вздохнула.

— Знала я его, хороший он человек. И ваша мать, сеньора Виситасьон, замечательная была женщина. Я работала у неё гувернанткой задолго до того, как она повенчалась с вашим отцом.

— Вот с этого места поподробней, мадре, — нетерпеливо вставил Ламберто.

— Что конкретно вас интересует, маркиз?

— Я хочу узнать о своей матери и её детях. Конкретно о том, сколько их у неё было и сколько ещё у меня сестёр или братьев. Правда ли то, что у мамы был ребёнок до того, как она стала женой моего отца?

В этот момент раздался стук в дверь — юная послушница принесла три чашки кофе.

— Угощайтесь, — аббатиса дождалась, пока послушница выйдет, и продолжила. — Да, сеньор Ламберто, это правда. За два года до того, как сеньора Виситасьон познакомилась с вашим отцом и полюбила его, соблазнил её один человек. Он был приезжий. Торговец, чуть ли не пират. По её рассказам, он плавал на огромном корабле и носил за поясом крючковатый кинжал. Встречались они несколько месяцев. Красив он был и хитер, как сам Дьявол, — матушка перекрестилась. — Ну и влюбилась сеньорита Виситасьон в него без памяти. Говорила я ей, предупреждала, но ничего не слушала она. Он её будто околдовал. А потом она узнала, что ждёт ребёнка. Тот человек вместо того, чтобы попросить её руки у вашего дедушки, как узнал, что она в положении, так и исчез. Да с концами — уплыл в другую страну, пообещав ей, что вернётся, да так с тех пор о нём и не слыхал никто. Уж как она страдала, рыдала целыми днями! Но больше всего боялась, что узнает об этом её семья. А дедушка ваш, отец её, служил писарем при вице-короле, и нельзя было допустить

подобного происшествия в его семье, ведь это прямой удар по репутации. И тогда решила сеньорита Виситасьон, пока не стал заметен живот, отправиться в Мендосу, в родовое поместье. Сказала всем, что врачи прописали ей тишину и жизнь на свежем воздухе из-за её мигрени. Я поехала с ней. И там мы жили, пока не пришел ей срок рожать.

— Ну и? — поторопил Ламберто. — Она-таки родила ребёнка?

— Родила. Родила она девочку, очень красивую, чёрненькую, смугленькую, копия папаша. Но отец велел сеньорите возвращаться домой, потому как нашёл ей выгодного жениха — вашего отца, сеньора Лусиано. Конечно, с нагулянным ребёнком вернуться домой сеньорита Виситасьон не могла, и мы решили девочку оставить в Мендосе. Это и есть тот грех, из-за которого я не нахожу себе места по сей день. Отнесла я ребёнка к церкви Святой Марии де ла Пьедад и положила на паперть, да и убежала.

— Потом мы с вашей матушкой вернулись в столицу, уж как она плакала, как горевала, но делать было нечего. Успокоилась, и через два года вышла замуж за сеньора Лусиано. Потом родились вы.

— Получается, у меня где-то есть ещё одна сестра? — у Ламберто от волнения ходили желваки.

Матушка тяжело вздохнула, утопив взор в чашке с кофе.

— Сестра-то у вас есть, но одна.

— Не понимаю. У меня же есть ещё младшая сестра, Роксана, — напомнил Ламберто. — А та, старшая, ведь она жива? Я бы хотел её найти.

— В том-то и дело. Ваша младшая сестра Роксана родилась мёртвой.

— То есть как это? — Ламберто потерял дар речи. — Но... но... у меня есть сестра. Роксана жива.

— Вы дослушайте сначала, Ваше Сиятельство, — недовольно проворчала аббатиса. — Сестра ваша, младшая сестра, родилась мёртвой. А я в это время уже служила послушницей при приюте Святой Клотильды. Не смогла я простить себе того поступка с первой девочкой и решила посвятить себя служению Господу. Ваша мать отыскала меня и попросила о помощи. Сеньор Лусиано тогда был в отъезде, он ни сном не духом не знал, что дочь его родилась мёртвой. И ваша мать взяла из приюта новорождённую девочку, которую кто-то подкинул под дверь. Она сказала, что таким образом хочет искупить свою вину перед старшей дочерью, которую бросила. Сеньора Виситасьон так горевала, она была уверена, что это Господь наказал её за тот проступок, убив её младшую дочь. И она забрала сиротку в дом и всем сказала, что это и есть ваша сестра.

Ламберто чуть кофе на себя не опрокинул.

— Значит, отец был прав, когда подозревал, будто Роксана ему не родная? Но он то думал, что мама её нагуляла.

— Нет, ну что вы! — возмутилась мадре. — Сеньора Виситасьон была порядочной женщиной и она любила вашего отца. Как жаль, что болезнь унесла её так рано. Может, она и обманула всех, скрыв смерть дочери, но она подарила счастье другой девочке. Жизнь в роскоши, жизнь, которой никогда бы не было у неё, если бы она осталась в приюте. Я думаю, это благородный поступок.

— Но где же та, другая, моя старшая сестра? Вы знаете про неё хоть что-то, мадре?

— Немного, но кое-что знаю. Работая в приюте, я выяснила, что девочка была удочерена. Сейчас, секунду, — мадре залезла в верхний ящик стола и, выудив оттуда чёрную кожаную папку, протянула её Ламберто. — Вот.

— «Младенец, девочка, обнаруженная 19 декабря 1756 года на паперти церкви Святой Марии де Ла Пьедад, что в Мендосе, 14 января 1757 года была помещена в приют «Мария Милагрос», — прочёл Ламберто. — При крещении получила имя Мария Клаудия Гонсалес. Значится как ребёнок тихий, но странный. 17 марта 1765 года была переведена в приют «Лос Польитос». Девочка своенравная, склонная к фантазиям и частенько лжи, замечена в неподчинении религиозным догмам и зlostных шутках над сверстниками. В связи с чем переведена в школу-интернат для общественно-опасных детей «Ла Сельда», откуда в 1766 году была удочерена супругами Нуньес Солино и зарегистрирована как Клаудия Мариса Нуньес Солино. До 1771 её местонахождение значится как город Ферре де Кастильо. С 1771 года и до нынешнего времени о её судьбе больше ничего неизвестно», — закончил чтение Ламберто.

— В дом этой семьи ворвались индейцы, — пояснила madre. — Они убили супругов Нуньес Солино, но что сделали с девочкой, неясно. Она просто исчезла. Возможно, они забрали её с собой. Возможно, тоже убили. Возможно, она укрылась где-то и выжила. Но с того момента след её потерялся.

— Но что же делать? — приуныл Ламберто.

Мадре развела руками:

— Это всё, что я знаю.

— У меня есть одна зацепка, — подал голос молчавший всё это время сыщик. — Мне удалось выяснить, что пока Клаудия Мариса жила в доме своих приёмных родителей, она близко подружилась с одной девочкой. Девочка та была из обеспеченной семьи, аристократка. Они были настолько разные, что всё удивлялись, как эти двое смогли подружиться. Клаудия часто ходила к подруге в гости, в результате, и семьи их стали активно общаться.

— А этих людей реально найти, сеньор Бартоломео? — Ламберто, волнуясь, кусал нижнюю губу.

— Разумеется. Девочка, подруга вашей сестры, ныне здравствует и преуспевает. Она живёт здесь, в Ферре де Кастильо. Замужем за дипломатом. Зовут её Амарилис де Пенья Брага, в девичестве Бернарди.

На лбу Ламберто выступила испарина.

— Амарилис? Амарилис дружила с моей сестрой? — оторопело спросил он.

— Вы с ней знакомы, Ваше Сиятельство? — в свою очередь удивился сыщик.

— Ещё как! Не может быть! Таких совпадений не бывает... — Хлоп! Ламберто стукнул кулаком по столу. — Я знаю эту женщину. Получается, всё это время мы были близки к разгадке и просто ходили по кругу? То-то мне казалось, что Амарилис знает обо мне больше, чем я сам. Наверняка ей известна вся эта история. Боже, как она могла молчать? Я должен немедленно поговорить с ней! — Ламберто вскочил на ноги.

— Думаю, вы выяснили всё, что хотели, маркиз? — спокойно произнесла аббатиса. — От меня больше ничего не требуется? Мне бы хотелось похоронить эту историю в своей памяти раз и навсегда.

— Если вы рассказали всё, что знали, матушка, то да, от вас больше ничего не требуется, — кивнул Ламберто.

— В таком случае, господа, я должна с вами попрощаться, — madre встала. — Аббатисой, знаете ли, быть не так просто, как кажется. Попробуй управиться с целым монастырём. Меня ждут важные дела. Позвольте откланяться.

— Разумеется, мадре.

Настоятельница ушла, и через минуту мужчины последовали её примеру.

Однако, не успел Ламберто спрыгнуть с подножки экипажа у особняка, как на него налетела всклокоченная Либертад и сунула ему в руки конверт.

— Что это? — удивился он.

— Это письмо от сеньориты Эстеллы, — объяснила Либертад шёпотом. — Читайте тут, а то там в гостиной народу целая толпень и все орут. А я вас вот караулю.

— Но что происходит, Либертад?

— Прочитайте сначала письмо и всё поймёте.

Ламберто, вскрыв конверт, пробежался глазами по тексту.

— Эстелла пишет, будто её муж хотел над ней надругаться, в связи с чем она сбежала. Даже адрес написала, где её можно найти. Я всё равно ничего не понимаю, Либертад, — растеряно пробормотал Ламберто.

— Это письмо только для вас, — Либертад переминалась с ноги на ногу. — Никому не давайте её адрес. Она ушла к своему мужу, ну, к другому мужу, которого считала мёртвым, а он живой, понимаете? А сеньор Маурисио пришёл и закатил там в гостиной такой скандалище. И сеньора Роксана беснуется, у ней чуть дым из ушей не валит, — Либертад сморщилась, будто муху проглотила. — Простите, сеньор Ламберто, вы такой хороший, а ваша сестра ну просто кобра. Удивляюсь, как это она может быть вашей сестрой. Вы ж такие разные!

Ламберто промолчал.

— Они там так орут, так орут, дом того и гляди рухнет, — болтала Либертад без умолку. — Вы должны чего-то сделать и помочь сеньорите Эстелле, сеньор Ламберто. Она сказала, будто бы вы ей обещали. Они ж ведь её со свету сживут. Сеньорита Эстелла одна против всех, бедняжка. С тех пор, как она вышла замуж за этого маркиза, все на его стороне. И даже сеньора Берта за него. А сеньорита любит другого, знаете? А этот Маурисио по моему над ней издевается. На похороны она пришла вся в синяках, хоть и заштукатуренная. Неужто окромя меня, это никто не заметил? Его надо поставить на место, а то он совсем распоясался. Я ей помогаю, конечно, но чего может сделать простая служанка?

Ламберто окончательно растерялся.

— Либертад, что тебе известно об этой истории, ну, про того мальчика, которого она любит и который якобы умер?

— Ну, я знаю только, что они с этим её Данте, его Данте зовут, любят друг друга прямо как безумные. Она прямо на нём помешалась, извелась вся. А эти, — Либертад ткнула пальцем в сторону дома, — не одобряют этого, потому что он бедный. В общем, это сеньора Роксана вместе с нашим падре довела тоды дело до казни. До сих пор удивляюсь, как он жив-то остался?

— Данте... — задумчиво произнёс Ламберто. — Не тот ли это мальчик с портрета?

— С какого портрета? — не поняла Либертад.

— Ах, не важно! Говоришь, все в гостиной? Ну и зачем же Эстелла сбежала? Я ведь просил её этого не делать, — укорил Ламберто. — Вот что, Либертад. Иди по этому адресу, — он указал на адрес в конверте. — Гостиница «Маска». Ты же знаешь, где это?

— Знаю.

— Вот и прекрасно. Найди Эстеллу и приведи сюда. Этот человек её не тронет, я обещаю. Она останется в этом доме под моей защитой. А я пока пойду разберусь со

скандалистами и вышвырну Маурисио Рейеса за порог.

— Но сеньора Роксана будет против, — предостерегла Либертад. — Она только что сказала, что не помешало бы ейную дочь избить кнутом. Она будет рада, если этот головорез её вообще прибьёт. Она не станет заступаться за сеньориту.

— Ну это мы ещё посмотрим! — вздёрнул подбородок Ламберто. — С сеньорой Роксаной я сам всё улажу, если придётся принять жёсткие меры, я их приму. Но Эстеллу никто обижать здесь не будет. Пусть возвращается домой. Негоже это благовоспитанной девушке по гостиницам ошиваться. Приведи её немедленно, Либертад!

— Да, сеньор, — Либертад стремглав рванула прочь, а Ламберто, спрятав письмо в карман, зашёл в дом.

Просидев в «Маске» сутки, к середине второго дня Эстелла уже не находила себе места. Данте так и не вернулся. Неужто с ним что-то произошло? Может, он поехал на охоту? Но не так же надолго! Правда, когда они жили в «Лас Бестиас», он мог уехать и на двое суток. Жаль, что они разминулись, и она не успела с ним поговорить, всё объяснить, убедить, что он не должен сомневаться в её любви. Письмо, которое Данте написал в ответ, не давало Эстелле покоя. Почему он решил с ней расстаться? Да как они могут расстаться теперь, когда обрели друг друга вновь?

Эстелла решила прогуляться по округе. Выйдя из гостиницы, некоторое время она ходила туда-сюда по Бульвару Путешественников, глядя на дорогу.

— Данте, вернись, — звала она. — Вернись, мой милый, мне без тебя плохо. Ты мне нужен, вернись ко мне...

Но Данте не возвращался, зато вскоре Эстелла заметила: по дороге несётся девушка в форме горничной.

— Либертад? — выпучила Эстелла глаза, когда запыхавшаяся служанка предстала перед ней.

— Ага.

— Случилось что-то?

— Там в доме жуткий скандал, сеньорита. Пришёл сеньор Маурисио, стал требовать вас обратно. Орал, как на базаре, и грозился вас повесить за клевету. А сеньора Роксана его поддержала. Тоды Эстебан и ваша бабушка стали кричать на них. В общем, там такое было, чуть драки не дошло. Сеньора Берта хотела оттащить вашу мать за волосы, но потом вернулся сеньор Ламберто, и я отдала ему ваше письмо. Он прочитал и велел мне идти за вами и вести вас домой.

— Но я не пойду! — отрицательно помотала головой Эстелла. — Нет, нет, к Маурисио я не вернусь. А Данте я ещё до сих пор не видела. Он уехал куда-то, а я его жду, — протараторила Эстелла.

— Но сеньорита, сеньор Ламберто говорит, что это для вашего же блага. Вам надс вернуться домой. Он защитит вас от сеньора Маурисио и сеньоры Роксаны.

— Но Данте...

— Сеньорита, прошу вас, не упрямытесь, идёйте. Вы ж сделаете только хуже. Ваш дядя умный человек, он дурного не посоветует.

— Я знаю, но Данте... — захныкала Эстелла, как маленькая девочка. — Я хочу к нему!

— Чего ж это за наказание-то такое? — всплеснула руками Либертад. — Я уж начинаю думать, что сеньора Берта права, он вас будто бы опоил чем-то.

— Я его люблю, Либертад, — всхлипнула Эстелла.

— Я прекрасно знаю, что такое любовь, — трещала Либертад. — Не надо мне об этом рассказывать, сеньорита. Я тоже люблю Эстебана, но это ж не повод, чтоб впадать в крайности. Вы совсем голову потеряли! Это ненормально как-то. Успокойтесь, никуда он не денется, ваш Данте. Увидите его позже, да и делов-то.

— Но я хочу к нему сейчас, — промямлила Эстелла.

— Сейчас надо послушаться сеньора Ламберто. Он же хочет вам помочь. А потом зато вы сможете встречаться со своим Данте сколько душевненьке угодно. Ну возьмите же себя в руки! Идёмте домой!

Последний аргумент крыть было нечем. Да, Либертад права. Дядя Ламберто знает что делать, и он ещё на похоронах Хорхелины запретил ей убегать и совершать прочие глупости. Грудь Эстеллы разрывалась. С одной стороны, она хотела послушаться Ламберто и Либертад. Но, с другой стороны, она так и не поговорила с Данте. Почему он обиделся? Она непременно должна убедить его в своей любви!

Либертад, видя, что Эстелла колеблется, схватила её за руку и потащила за собой. Эстелла вертела головой, оглядываясь на дверь «Маски», пока они не завернули за угол.

Когда Эстелла вслед за Либертад бочком протиснулась в дом, в гостиной стоял такой гвалт, что девушку никто не заметил. Она вжалась в колонну, притаилась тихо, как мышка, и вслушалась в крики. Либертад, заткнув уши пальцами, укрылась в сторону кухни, ибо визг стоял такой, что качалась огромная люстра, висящая на цепи под потолком.

В гостиной находились: Маурисио — он что-то бурчал себе под нос, сидя в кресле у камина; Роксана, которая разве что ногами не топала; взъерошенный Эстебан, бабушка Берта, визжащая как сирена; и дядя Ламберто, у которого глаза были выпучены, а жабо на рубашке съехало на бок.

— Закрой рот, идиотка! — вопила красная, как варёный рак, Берта. — Не смей даже и произносить имени моего сына! Убийца проклятая!

— Не смейте называть меня убийцей! — заорала вне себя от ярости Роксана. — Я не убивала вашего тупого сынка!

— А кто? Кто его убил? — скрипела зубами Берта. — Только не надо мне тут говорить, будто бы он сам выпал из седла! Да ежели б не ты, он бы и не сел никогда на лошадь!

— Не убивала я его! Не убивала! Пойми ты раз и навсегда, старая карга! — Роксана топнула ногой так, что у неё хрустнул каблук. — Всё хватит, слишком долго я это терпела, но больше я не позволю себя унижать! Я не убивала вашего сынка, ещё раз повторяю. Он упал с лошади, потому что на ней была плохо закреплена подпруга!

— Это ты, ты испортила подпругу! — не утихала Берта.

— Да заткнитесь вы, в самом деле! Не могу слышать ваш противный голос! Если ничего не знаете, так помолчали бы! К вашему сведению, Блас упал с моей лошади. С моей! Он упал с Агат! Да, подпруга была испорчена, но на моей лошади! Понимаете вы это или нет? — Роксана потрясла кулаком у Берты перед носом. — Какая-то тварь хотела убить меня, МЕНЯ, но убила вашего сынка. Это произошло случайно, потому что мы обменялись лошадьми. Я знаю, вы были бы счастливы, если бы сдохла тогда я. И я уже начинаю жалеть, что так и не произошло. Мало того, что вы с вашим сынком и муженьком поломали мне жизнь, так меня ещё и убить пытались в этом доме. Семейка преступников!

— Это у меня семейка преступников? — взревела Берта. — Значит, твой братец убил

моего сына, потом вы все довели до смерти моего мужа и ещё и называете нас преступниками? Да ты... да вы... совести у вас нет, вот что! — не находя больше слов, Берта гневно взглянула на Ламберто. Но тут вмешался Эстебан.

— Довольно, мама! Отец был тоже не святой.

— Что-что? — Берта поворачивала глазами.

— Вот только не надо врать, мама. Я всё знаю. Я читал документы отца, которые вы прятали у себя под периной. Я знаю, что он убил Креспо Бернарди, своего секретаря и отца Сантаны, чтобы скрыть финансовые махинации, коих было немерено. А потом ещё и повесил на мёртвого человека несуществующий долг и довёл его жену до самоубийства, угрожая ей расправой.

Наступила мёртвая тишина. Берта молчала. Ламберто стряхивал несуществующую пыль с рукава, а Маурисио крутил головой, рассматривая мебель. Эстелла, по-прежнему скрываясь за колонной, прикрыла рот рукой. А Роксана вдруг злое расхохоталась.

— Что съели? — выпалила она, с вызовом глядя на Берту. — Ах, вы, значит, святая дева и муж ваш — ангел, а все остальные ничтожества и преступники и вас не достойны. Так вам и надо! — смаковала Роксана. — Вы вышли замуж за убийцу и мошенника, так что гордитесь собой. Зато по любви! Ну и ну! Не удивлюсь, если история с Бласом проста, как мозг нашей кухарки. Допустим, ваш муженёк решил меня убить, испортил подругу у моей лошади, а когда погиб Блас, у него и случился сердечный приступ.

— Нет, это враки! — Берта упёрла руки в бока. — Нечего перекладывать свою вину на моего мужа!

— А я вот думаю, мама, — сказал Эстебан, — что слова Роксаны не лишены смысла. Если это правда, что Блас упал с её лошади, значит, кто-то заведомо хотел её убить. И это не похоже на роковое совпадение. Отца сняли с должности Председателя Совета Депутатов после убийства в нашем доме Рубена де Фьябле, затем Блас упал с лошади, тогда отец и умер от сердечного приступа. Всё логично.

Берта в порыве возмущения сжала губы в тонкую ниточку.

— Эстебан, вы, вы, обвиняете родного отца в убийстве брата? Да как вам в голову только это взбрело?

Эстебан пожал плечами.

— После того, что я узнал о нём, мама, я бы уже ничему не удивился. Роксана ведь не могла сама себе испортить подругу. Конечно, отец не хотел убивать Бласа. Он хотел убить Роксану, а вышло то, что вышло. И отец, когда понял, что он наделал, от чувства вины и слёг. И вообще, мама, я не понимаю, почему вы покрываете отца до сих пор? Вы меня удивляете!

— А вы удивляете меня, Эстебан! — с досадой пробурчала Берта. — Вы разве не в курсе, что о покойниках плохо не говорят? Либо хорошо, либо никак. И нечего было копаться в прошлом! Да как вам вообще не стыдно было обыскивать комнату собственной матери? Что за неуважение?

— Я лишь хотел узнать правду.

— Узнали и что? Полегчало вам теперь? — ядовито спросила Берта. — По мне так лучше и не знать ничего, спокойней спать будешь.

— А мне полегчало! — объявил Эстебан как-то высокомерно. — Да, я узнал, что отец был преступником, но любая правда, пусть горькая и больная, всегда дороже самой сладкой лжи.

Аргументы у Берты иссякли и она промолчала, прикладывая к глазам надушенный

платочек.

— Ну что? Может, вы теперь закроете свой рот и прекратите уже меня обвинять в убийстве Бласа? — надменно выпятила подбородок Роксана. — Учтите, если вы не отстанете от меня, мадам, я устрою скандал. Я раскопаю все грязные делишки вашего муженька и опозорю его посмертно, поглядим, как вы запоёте тогда. Так вот, возвращаясь к Эстелле, — переключилась Роксана, взглянув на Маурисио, который, не зная чем себя занять, отковыривал позолоту от набалдашника трости. — Я знаю насколько это исчадие неуправляемо. Пока она жила в этом доме, она опозорила нашу семью с ног до головы и ни один раз. И ей до сих пор мало. Так что я не вижу причины, по которой сеньор Маурисио, будучи её законным мужем, не мог бы её поставить на место. Не помешало бы разукрасить личико этой дряни парой десятков тумачков.

Холодные глаза Маурисио сверкнули, и он одобрительно кивнул головой.

— Вот и я говорю, сеньора. Ваша дочь далеко не подарок. Она совершенно невменяема, несносна и глупа как пробка.

— Минуточку, — встрял Ламберто, — я не позволю вам, маркиз, унижать мою племянницу. По-моему, вы забываетесь. А я-то считал вас человеком воспитанным, чутким и умным. Как видно, я ошибся.

— А я считаю, что Маурисио прав, — Роксана с достоинством села на краешек дивана, расправляя оборки тёмно-фиолетовой батистовой юбки. — Вы, дорогой брат, в этом доме лишь гость. Вы судите ситуацию поверхностно, потому что не знаете, что это безмозглое чудовище, которое все величают моей дочерью, тут творило с момента своего возвращения из школы. Её бы следовало посадить на кол и вытащить на обозрение всему городу, чтобы в неё все плевали, но я не могу. Это всё моя доброта, однажды она меня погубит, — и Роксана притворно вздохнула, опустив ресницы.

Маурисио скривил губы в ответ на недоверчивый взгляд, который бросил на него Ламберто.

— Позвольте, Роксана, — Ламберто наливал бренди в хрустальный стакан. — Насколько я выяснил, этот человек Эстеллу обижает не только на словах. На похороны Хорхелины она пришла вся в синяках. Он её бьёт, а я считаю это совершенно недопустимым. Он мужчина, в конце концов, и не вправе демонстрировать свою силу на хрупкой девушке. Если ему не на ком выместить свою агрессию, пошёл бы в лес, пристрелил бы дикого кабана и успокоился бы.

— Это клевета! — Маурисио стукнул тростью об пол. — Не верьте ей, маркиз, ваша племянница ещё та врунья!

— Он запирает Эстеллу под замок, — не стал слушать Ламберто. — А в последний раз чуть не изнасиловал. Бедняжке пришлось убежать из его дома. И она попросила защиты у меня.

— Она моя жена! Она должна выполнять супружеский долг! — Маурисио так выкатил белки глаз, что стал похож на мертвеца.

Ламберто скорчил гримасу отвращения.

— Ламберто, он её муж и он прав, — сказала Роксана. — После свадьбы женщина становится собственностью мужа и должна беспрекословно ему подчиняться. А эта идиотка даже мужа своего ублажить не способна так, что он вынужден настаивать на исполнении ею супружеских обязанностей. До сих пор удивляюсь, как эта девица может быть моей дочерью.

— То-то оно и видно, как ты подчиняешься своим мужьям, — вновь подала голос

Берта. — О, я прекрасно помню, как ты отказывалась спать с моим сыном. Эстелла в этом очень похожа на тебя. Сперва вы все выходите замуж, а потом наставляете рога своим мужьям и мучаете их, кувыркаясь по койкам с первым встречным. Сразу видать, что Эстелла пошла в тебя. Вместо того, чтоб любить своего муженька, она шляется где не попадя. Так что, сеньор Маурисио, я вас прекрасно понимаю. Мой сынок прошёл через то же самое. Это у них семейное — портить жизнь людям. Эта, — Берта ткнула пальцем в Роксану, — испортила жизнь моему сыну, а моя внучка, её дочь, портит жизнь вам.

— Умолкни, карга! Не смей сравнивать меня с этой ущербной, — процедила Роксана. — Я женщина порядочная, благовоспитанная. Я дама. Я аристократка в шестом колене и я никогда не была подстилкой и не ложилась под грязного пастуха. Но раз маркиз на ней женился, вот пусть теперь и мучается. Я своё отмучилась.

— Знаете что, — разозлился Ламберто, — моя племянница останется здесь, в этом доме! Насколько я понял из рассказов Эстеллы, вы, маркиз, ей не совсем муж, ибо брак ваш заключён с нарушением закона. В любом суде это можно доказать с лёгкостью. У женщины не может быть двух мужей одновременно, и законным считается только первый брак, конечно, при условии что оба супруга живы. Как и есть в данном случае. А все последующие браки можно легко аннулировать.

У Роксаны вырвался возглас негодования.

— Что вы такое несёте, брат? Мы все присутствовали на свадьбе Его Сиятельства с Эстеллой. Вы с ума сошли?

— Да, Роксана, но вы не учли тот факт, что, выходя замуж за Маурисио, Эстелла была уже замужем за другим мужчиной, хоть и считала себя вдовой. Но, так как первый муж её жив, второй брак не является законным.

Роксана, Берта и Эстебан, как по команде, рты разинули. Эстелла тихонько съехала на пол, закрыв лицо руками. Ну зачем, зачем дядя Ламберто сказал всем, что Данте жив? Теперь опять мать возьмётся за старое и начнёт его изводить. Она ведь всё равно не успокоится.

— Как это он жив? Тот пастух жив? — Роксана раздула ноздри, точно грозясь выпустить из них клубы дыма.

— Ничего себе! — Эстебан тоже не был готов к такому повороту.

— Но как это? Быть не может! — зашипела Роксана. — Да весь город видел, как он сдох! Он же валялся на площади в луже собственной крови!

— Эстелла уверяет, что он жив, — Ламберто был единственный, кто хранил спокойствие.

— Мне она сказала то же самое, — сообщил Маурисио. — Но этого преступника не помешало бы найти и казнить повторно.

— Я тоже так думаю, — добавила Берта перекрестившись. — Этот человек крайне опасен, а то, что он выжил во время казни, это подтверждает. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он приближался к нашей семье и к Эстелле! Он же может её убить, а она ничего не сообщает, потому что он её напоил каким-то снадобьем. О, я в этом просто уверена! Она же неменяема! Придётся сходить к знахарке и купить лекарство от приворота, чтоб она пришла в себя наконец-таки.

В эту секунду Эстелле захотелось бабушку прибить. Как они все достали, сил просто уже нет! Почему никто, никто не понимает её любви к Данте? Почему все считают её маленькой глупой девочкой, которая ничего не знает о жизни и любви, но в то же время уже

обязана выходить замуж и рожать детей нелюбимому мужчине, потому что так «правильно»? Определились бы сначала, маленькая она или уже взрослая. Все её поучают, воспитывают, решают за неё кого она имеет права любить, а кого нет. Как она устала! Почему они с Данте должны доказывать, что по-настоящему любят друг друга? Она ведь не виновата, что никто из людей, читающих ей бесконечную мораль и внушающих свою правду, не способен испытать то, что испытывает она. Им не дано. А ей дано и она будет бороться за свою любовь до конца!

— Грязная тварь! — Роксана вонзила ногти в бархатную обивку дивана. — Я до него всё равно доберусь, хоть что он делай! Приворожил он её, ха! Да мне плевать, эта подстилка может даже сдохнуть, главное, чтобы не позорила нашу семью. А тот ублюдок пусть не радуется, я всё равно его уничтожу!

— Если вы хоть раз ещё попробуете обидеть Эстеллу или того мальчика, я вас уничтожу, — сказал Ламберто.

— Вы мне угрожаете? — грубо усмехнулась Роксана. — Вы? Вы, пустая голова, вертопрах, способный лишь влипнуть в истории? Эстелла совершенно точно пошла в вас.

— Сомневаюсь.

— Не сомневайтесь! И не смейте мне мешать и вставать на моём пути, Ламберто! — скрипнула зубами Роксана. — Я пока не забыла, как вы изломали мне жизнь. Именно по вашей милости я, урожденная Фонтанарес де Арнау, живу в этой дыре. И вы не вправе мне указывать, что я должна делать со своими дочерьми. Я их рожала, значит, они — моя собственность и будут жить так, как захочу я. А знаете чего я хочу? — выразительные глаза Роксаны налились кровью. — Я хочу, чтобы они страдали так же, как страдала всю жизнь я. За каждую мою слезинку они должны заплатить, они должны искупить всё.

— Да ты сумасшедшая! — снова вздёрнулась Берта.

— О, нет, в отличие от вас, старая маразматичка, я мыслю здраво и знаю что делать. Этот вонючий пастух, покусившийся на доброе имя нашей семьи и наши деньги, будет кровью плевать, — издевательским тоном говорила Роксана. — Я его уничтожу, я разорву его на куски, я сотру его в пыль. А Эстелла, это отродье, будет рвать на себе волосы. Каждая секунда её жизни будет похожа на ад. Уж я об этом позабочусь! Если бы я могла, я бы бросила её в клетку к диким львам и полюбовалась бы, как они её раздирают на части, но увы... это было бы слишком примитивно. Чересчур лёгкая смерть для этой проститутки. По её милости я, в своё время, не смогла сбежать отсюда, потому что она изволила появиться на этот свет. По её милости Арсиеро не избрали рехидором, а всё потому что эта крыса устроила плач на площади по своему грязному любовнику. Так и хочется насадить её на вертел, как свинью, и запечь над костром. Как я её ненавижу! Ненавижу! О, она ещё будет молить о смерти как об избавлении!

Пока Роксана произносила всю эту тираду, Эстелле и вправду захотелось умереть. Ну за что мать её ненавидит? Она ведь не виновата в том, что родилась. Она не просила мать себя рожать. Со щёк Эстеллы скатились слезинки. Она попыталась их проглотить и не всхлипывать громко, дабы в гостиной её не слышали. Совсем не хочется участвовать в этих разборках, общаться с матерью, с Маурисио, даже с бабушкой. Все, все против неё!

«Данте, миленький, я хочу к тебе, — подумала Эстелла, прижимаясь губами к обручальному колечку. То сразу сверкнуло, ответив на ласку. — Мне нужны твои объятия, твои поцелуи. Я больше не могу находиться среди этих людей. Ты один меня понимаешь».

За размышлениями о Данте Эстелла прослушала часть монолога матери о том, как она

всех ненавидит, с Эстеллы перешедшего на Мисолину, и очнулась лишь, когда дядя Ламберто вдруг заорал, да так, что все чуть на пол не брякнулись.

— Так, всё хватит! Я устал это слушать! Я не хотел этого говорить, но вы меня довели. Думаю, Роксана, вам надо узнать кое-что, чтобы вы, наконец, прекратили задирасть свой курносый нос! — выпалил он. — Вы просто помешались на своём высокомерии и своей ненависти. Но знаете что, хоть Эстелла мне и не родная племянница, я не дам её в обиду!

— Что значит Эстелла вам не родная племянница? — Роксана встряхнула головой так, что у неё отлетела серёжка и, описав круг в воздухе, воткнулась в ковёр.

— То и значит. Вы мне не сестра, не родная сестра, поэтому Эстелла мне не родная племянница, — пояснил Ламберто.

— Что за бред вы несёте? — в бешенстве Роксана вскочила с дивана.

— Это не бред. Об этом я узнал лишь четыре часа назад. Вы так кичитесь тем, что вы урожденная аристократка, но, могу вас уверить, Роксана, что это не так. К семье Фонтанарес де Арнау вы не имеете никакого отношения. Вы приёмная в нашей семье. Об этом знала только мама, а отец лишь догадывался. Моя родная сестра родилась мёртвой, а вас мама взяла из приюта, скрыв это ото всех. В нашей семье вы — приёмыш. Так что умерьте свой пыл!

Роксану передёрнуло. Судорожно хватая ртом воздух, она замерла на месте, переваривая информацию.

— Видит Бог, я не хотел рассказывать об этом, — продолжил Ламберто. — Вернувшись сегодня в этот дом, я хотел сохранить эту тайну при себе и не рушить нашу семью, но вы напросились сами. Ненависть и злоба вас душат. Они пропитали каждую вашу клеточку. Поэтому, Роксана, вам нужен был большой ушат холодной воды. Вас давно следовало поставить на место, а место это ваше не такое уж и благородное, как вы всем говорите. Вы не дама, не аристократка, никто не знает, кем были ваши родители. Поэтому вы не вправе унижать ни того мальчика, которого полюбила Эстелла, ни кого бы то ни было. Тем более унижать за происхождение. Наверное, я жесток. Если это так, простите меня, — Ламберто окинул взглядом присутствующих — лица у всех были вытянуты. — Но, может, Роксана, вы, наконец, поймёте что-то и прекратите кичиться родословной, измеряя ей абсолютно всё и всех. Кстати, Эстелла останется этом доме. И не смейте мне в этом перечить, иначе о вашем происхождении узнает весь город. А ты, — Ламберто придвинулся к Маурисио и схватил того за ворот, — убирайся отсюда! Ты не мужчина, раз поднимаешь руку на женщину. Очень жаль, что дуэли в нашем вице-королевстве запрещены, а то бы ты пожалел, что появился на этот свет, подонок. Ещё раз я увижу тебя рядом с Эстеллой, пеняй на себя. Только попробуй хоть пальцем её тронуть! Я предупредил! — и Ламберто, протащив Маурисио по гостиной и холлу, выпихнул того на улицу. Захлопнул дверь и только теперь заметил сидящую на полу Эстеллу.

— Эстелла? Так вы здесь? Вы что же, всё слышали? Эй, Эстелла! Эстелла, стойте! — крикнул Ламберто, когда Эстелла, вскочив на ноги, ринулась на выход.

Ламберто быстрым шагом пересёк холл и схватил её под локоть.

— Оставьте меня, дядя! Я хочу отсюда уйти, — пролепетала она.

— Убегать — это не выход, Эстелла.

— Но я не хочу и не могу тут находиться. Этот дом меня душит. Зачем я только опять сюда пришла? Мне здесь плохо, а я хочу туда, где мне хорошо. Я хочу к тому, с кем мне хорошо.

— Вы о том мальчике?

— Я о своём муже.

— Эстелла, давайте договоримся, — глубоко вздохнул Ламберто. — До официального расторжения брака с Маурисио, вы останетесь в этом доме. Под моей защитой. Я обещаю, вас никто не тронет: ни ваша мать, ни Маурисио Рейес, ни кто-либо ещё. Но для всего города вы пока маркиза Рейес. Никто не знает всю подноготную этой истории. И с их точки зрения вы ведёте себя аморально. Негоже это замужней женщине болтаться по гостиницам. Поймите меня правильно, я не хочу вставлять вам палки в колеса, я хочу вам помочь. Если вы будете столь безрассудны, и если маркиз не захочет полюбовно расторгнуть брак, нам придётся судиться. И на суде он может использовать всё ваше нынешнее поведение против вас и повернуть дело совсем иначе. Тогда отрицательной героиней окажитесь вы, а он будет строить из себя жертву. Понимаете вы меня или нет?

Эстелла кивнула, глотая слёзы.

— Но Данте...

— А пригласите его сюда! Я бы хотел с ним познакомиться. Интересно было бы узнать, что это за мужчина свёл вас с ума так, что вы совсем ничего не соображаете. Должно быть, он какой-то особенный, — Ламберто усмехнулся.

— Правда, дядя? Вы позволите Данте прийти сюда? — Эстелла с надеждой взглянула на Ламберто.

— Ну конечно, он же ваш муж. Он имеет на вас все права. Да и я хочу с ним поговорить, я хочу ему объяснить эту ситуацию. Вы оба должны вести себя разумно и не совершать опрометчивых выходов. Ну что, согласны?

— Да. Спасибо, дядя!

— Ну вот и замечательно! — предложив Эстелле взять себя под локоть, Ламберто привёл её в гостиную.

При появлении Эстеллы Берта, Эстебан и Роксана повернули головы, смерив девушку мрачными взглядами. По щекам Роксаны текли злые слёзы.

— Я вам никогда этого не прощу, — выплюнула она Ламберто в лицо. — Вы могли бы рассказать мне эту гадость хотя бы тет-а-тет, чтобы никто не знал. Но вы меня унизили перед всеми. Я умру, да, умру, но непременно вернусь за вами. Так что ждите.

И она побежала по лестнице, приподняв подол и явив взорам окружающих ярко-синие туфельки с бантиками.

— Верните мне папку, — в полной тишине потребовала Берта.

— Нет, не верну. Она мне нужна, — возразил Эстебан.

— Зачем? Хотите продолжить развал семьи?

— Она и так уже развалена, мама, дальше некуда. Мой отец был подонком и этот факт остаётся только принять.

— Как вам не стыдно говорить так о родном отце? Вы неблагодарный, — Берта обиженно выпятила нижнюю губу.

— А как, как я должен о нём говорить? — отозвался Эстебан. — Он меня разочаровал, скажу больше, он меня убил. Моральное убийство — это тоже убийство, знаете ли, мама. Мало того, что он на пару с Дамианом де Фьябле разворовал весь городской бюджет и убил человека, а может и не одного, как знать, так ещё и нас едва по миру не пустил со своими золотыми рудниками. Разорил собственную семью и семью друга. Дочери Дамиана де Фьябле Беренисе тоже пришлось выкупать дом у кредиторов. Отец сломал мне жизнь к тому

же. Десять лет моей жизни он засунул коту под хвост.

— Что вы имеете ввиду? — не поняла Берта.

— А то, что этот дом был заложен, и чтобы мы не оказались на улице, мне пришлось жениться на Хорхелине. Иначе мы бы все сейчас жили в какой-нибудь подворотне. Благодаря её наследству нам удалось выкупить дом и сохранить видимость приличной семьи ещё на долгие годы. Но я больше не собираюсь ничего скрывать и никого покрывать. Всё, хватит! Вы вот обвиняете Эстеллу в аморальности, а она — единственный разумный человек среди нас. Она борется за то, что считает своим счастьем. А мы все трусы и моральные уроды.

Берта сделала нетерпеливый жест.

— Ну всё хватит! Как я устала! Это не дом, это сущий ад. Знаете что? Я отсюда уеду! И чем скорее, тем лучше.

— ЧТО? — хором воскликнули Эстебан, Ламберто, Эстелла и Либертад, которая пришла убирать раскиданные по полу цветочные горшки — последствия семейных разборок.

— Да, чего слышали! Раз вы все решили загубить нашу семью, я не собираюсь быть крайней. Сеньор Альдо мне предложил стать его женой. Я долго думала и не хотела соглашаться, потому что свадьба — это глупо в нашем возрасте, но я больше не желаю оставаться в этой клоаке. Я выхожу замуж и переезжаю, и живите как хотите! Пойду водички выпью, в горле пересохло, — и Берта вразвалочку уковыляла в сторону кухни.

Эстелла и Либертад переглянулись.

— Ой, — сказала Либертад, — похоже, сеньора чокнулась. Но этот человек, ведь он...

— Что, Либертад? — заинтересовался Эстебан.

— Н-н-нет, ничего. Сеньорита Эстелла, идёмте-ка со мной, поговорим с вашей бабушкой, — Либертад поманила Эстеллу за собой.

Та подчинилась, хотя сейчас ей было не до бабушкиных романов. Вот бы лечь на пол и тихо умереть, а ещё лучше — никогда, никогда больше не видеть своих родственников.

Женщины покинули гостиную, а мужчины им вслед только плечами пожали.

— Это не дом, это дурдом какой-то, — сказал Ламберто. — Не представляю, как вы столько лет здесь живёте. У меня уже голова кругом.

Эстебан в ответ только рассмеялся.

===== Глава 8. А бабушка сошла с ума =====

После приступа мстительности идти в «Маску» Данте не хотелось, поэтому он слонялся по сельве и берегу реки, вспоминая Эстеллу, её звонкий голосок, её глаза, губы... Алмаз и Жемчужина носились поблизости. Похоже, и они нашли друг друга. Как же он хочет к Эстелле! А она где-то далеко, с другим мужчиной, наверное, и думать забыла о нём, о Данте. Правильно, зачем он ей нужен? Ничтожество без кола, без двора, к тому же ещё и псих.

Лёжа в густой траве, Данте любовался на облака. Они плыли и плыли, меняя форму, то вращались по кругу, а то медленно ползли или замирали на месте. С детства Данте обожал разглядывать облака, он мог часами изучать их, воображая целые картины и даже миры. Вон то курчавое облако напоминает овечку, а следом плывёт крылатый единорог, выпуская из ноздрей клубы дыма, а за ними скачет длинноногая антилопа, грациозная и пугливая. А вот то огромное облако похоже на человеческую голову.

Данте впал в какой-то блаженный транс. Пусть бы это ощущение свободы длилось бесконечно. Не думать ни о чём, не страдать, не ненавидеть, не решать никаких проблем, а просто вот так любоваться красотой небес и мечтать, мечтать, мечтать... Почему нельзя

всегда жить в придуманном мире, в мире фантазий и снов, где нет страха и боли, а только счастье, крылатые лошади и любовь? Почему нельзя туда убежать навсегда? Наверное, есть люди, которым это под силу, но он не относится к их числу. Даже в этом ему не повезло. Завтра он поедет на охоту, надо начинать жизнь заново, забыв о кошмарах последних месяцев. Но сегодня он останется здесь. Тут так хорошо. Прохладный ветерок ласкает траву и кожу, где-то за головой постукивают копытами две прекрасные лошади, раскидистые деревья шелестят листьями, а чуть поодаль, скрытая зарослями мимозы, журчит речка.

Смеркалось, а Данте всё лежал и даже шевелиться ему было лень. Глаза постепенно сами закрылись, но, по ощущениям, он не проспал и десяти минут, как вдруг кто-то тронул его за плечо.

— Данте! Данте, проснись!

Сквозь дремоту Данте не смог понять кто это, хотя голос был знакомым. Угрюмо забурчав, юноша сел. Протёр глаза. Сначала увидел светло-рыжую лошадь. Знакомая лошадь... Лимончик! Подняв голову, Данте обнаружил рядом с конём и его хозяина — КLEMENTE. Тот смотрел на Данте во все глаза. На лице его восторг боролся с недоверием.

— Клем?! Откуда ты взялся? — изумился Данте. — Я так сладко спал... — он зевнул. — Ну? Чего ты таращишься? Меня вроде пчёлы не кусали в лицо и выгляжу я нормально. Что с тобой?

— Данте, это ты? — прошептал Клем потрясённо. — Не могу поверить... Ты живой? А мы... мы думали, что ты помер, что тебя... того... этого... Это что всё неправда? А у нас в посёлке все говорили, будто бы ты кого-то убил, церковь сжёг, всё такое, и тебя арестовали да расстреляли на площади. Все были так потрясены, даже мама.

— Да ну? — Данте провёл рукой по волосам, ероша их. — Небось все рады были без ума. Ну, это долгая история, я потом расскажу, сейчас не хочется.

КLEMENTE с сомнением косился на Данте, на его гриву до пояса, на длинные когти, шёлковый плащ и украшения на руках.

— Ты как-то изменился. Вроде ты, а вроде и нет, — сообщил Клем. — С трудом тебя узнаю. Ты похож на призрак богача. Это и вправду ты, Данте?

— Да я, я, — рассмеялся Данте. — Не приведение я. А ты что тут делаешь, Клем, и как ты меня нашёл?

— Никак не искал. Ехал себе по дороге, решил свернуть к реке, гляжу лошади бегают и кто-то лежит в траве. Присмотрелся, а это ты. Чуть не помер с испугу.

Данте расхохотался, представив эту картину. И сам себе не верил, что, оказывается, ещё способен смеяться от радости, а не от злости.

— А зачем ты едешь в город? Хотя... догадываюсь. К Лус небось.

КLEMENTE понурил голову.

— Да не знаю я где Лус. Пропала она.

— Как так?

— Ну, после той истории с беременностью. Я ей сказал, чтоб она избавилась от ребёнка и всё, исчезла она с концами. В борделе нет её и никто ничего о ней не знает. Я вот хотел найти её, а заодно хотел найти и твою Эстеллу.

— Зачем?

— Про тебя узнать хотел. Мы-то про тебя слыхали со слов падре Антонио и местных сплетников, а толком ничего и не знали. Да ещё Алмаз твой к нам прибёг месяца три назад, а позавчера как испарился. Я всю округу обыскал, нету и всё. А он к тебе дёрнул,

оказывается. Во даёт! — хихикнул Клементе. — Так вот, хотел я узнать про тебя у Эстеллы. Где, кстати, она?

Данте отряхивал колючки с плаща. В синих очах его мелькнула тоска. Клементе, заметив её, насторожился.

— Чего с тобой? Я чего-то не то спросил что ль? Неужто поругались?

— Да не ругались мы. Просто она вышла замуж за другого, когда думала, что я умер, и теперь живёт с ним. А я не знаю что мне делать.

— Она тебя бросила? — обомлел Клем. — Ну ведь у вас такая любовь была. Даже Пия вот уж на что она бревно, а вашей историей прониклась, она сама мне сказала.

— Нет, не бросала. Говорит, что любит меня, а не его, но я не знаю чему верить, а чему нет. Сложно всё это. Не могу я делить свою женщину с кем-то, как представляю, что он с ней рядом, хочется удавиться, — Данте присвистнул, подзывая к себе лошадей.

— Да, ситуация... — почесал голову Клем.

— Ладно, идём домой.

— Ты всё там же живёшь?

— Да, всё там же, в «Маске».

Двое приятелей пошли по дороге, увлекая за собой трёх лошадей — чёрную, белую и рыжую.

— А как у тебя с Пией? — спросил Данте.

Клементе уныло сморщился.

— Надоело всё. Не знаю, зачем я женился. Я хочу свободы, хочу гулять, веселиться, идти куда вздумается. Не могу больше жить этой унылой жизнью, достало.

— Может, стоит с ней расстаться? Вы же несчастны оба, только мучаете друг друга.

— Расстаться? Как? Развод невозможен, — Клем обречённо махнул рукой. — Ладно, чего жаловаться без толку? Сам виноват. Не надо было жениться. А теперь она ещё и беременна.

— Пия беременна? — Данте изогнул бровь. — Неужели? И как это ты умудрился её уломать на исполнение супружеских обязанностей?

— Ну вот умудрился пару раз, теперь она беременная и стала ещё хуже. Постоянные жалобы. То её тошнит, то у ней там болит, то тут болит. Задолбала! Я что женился, чтобы это всё слушать что ли? Жена должна мужа веселить, а не угнетать своим нытьём. Ноет и ноет, сил нету. Бабка-повитуха приходила, сказала, будто бы беременность тяжёлая, покой Пии, дескать, нужен и вообще рожать бы ей не следовало, помереть может. Да чего эта бабка понимает? Пия женщина, потерпит. Родить мне наследника — это её обязанность такая же, как готовить мне еду или штопать рубашки. А она ничего теперь не делает, жалуется только, что я виноват в том, что ей плохо. Ну я психанул и уехал. Ещё теперь я в своём доме вынужден на цыпочках ходить, дабы покой принцессы Пии не потревожить. Тоже мне неженка! Все вон рожают и никто ещё не умирал от этого, а эта всё стонет, прикидывается жертвой, чтоб её пожалели, несчастную мученицу. Ну, и чего ты молчишь-то? — взбеленился Клем, видя что Данте безмолвствует.

— А чего ты хочешь от меня услышать? — глухо отозвался Данте.

— Как чего? Ты брат мне или кто? Вот чего мне делать, как поставить её на место?

— Ты хочешь, чтобы я на пару с тобой возмущался поведению твоей жены? Не дождёшься. Прости, Клем, но у нас разное представление о браке, о любви и женщинах. Каждый человек — личность со своими чувствами, желаниями, со своими мечтами и своей

болью. Не важно мужчина это или женщина, бедный или богатый, чёрный или белый. И никто никому и ничем не обязан. Вся эта мораль, догмы и правила выдуманы глупцами. Кто сказал, что Пия обязана родить тебе наследника? Кто это придумал? Ты сам. А ещё твоя мамаша, падре Антонио и им подобные, которые бесконечно кричат о каких-то долгах обществу. Мы все кому-то что-то должны. А нам кто тогда должен за наши мучения? Никто, получается. И ради чего жить? Ради долгов? Ну нет. Там, в тюрьме, я понял одну вещь. Жить надо не в угоду каким-то дядям или тётям, жить надо для счастья. Чтобы это счастье распускалось в груди, подобно бутону цветка. Чтобы оно горело пламенем в глазах. Только у каждого счастье своё.

— У кого-то это семья и двадцать детей, у кого-то молитвы в церкви, у кого-то золото в мешках или интересное дело. Для меня счастье — это моя любовь к Эстелле и моя свобода. При этом одно неотделимо от другого, потому что Эстелла никогда не была для меня препятствием к свободе и потому что у неё то же самое понятие о счастье, что и у меня. Когда встречаются двое людей с одинаковым восприятием мира, происходит удивительное воссоединение душ. Ты пойми, Клем, нельзя навязать кому-то свои идеалы и своё собственное представление о счастье. Может быть, Пия вовсе не мечтает умереть при родах, может, она вообще не хочет никаких детей, а ты считаешь что она обязана, потому что тебе нужен наследник. Но ведь это твоё желание, а не её. А ты спросил у неё, чего она хочет? Нет. Но уже навязываешь ей своё. Она тебя раздражает, потому что не мечтает о том же, о чём и ты. Она и жалуется, потому что она несчастна. А такие, как ты, вы относитесь к женщинам, как к коровам или овцам, иногда и хуже. Но они тоже люди и порой они умнее вас, тех, кто принимает их за круглых дур, способных только варить еду и воспроизводить потомство. О, Эстелла меня многому научила! Самое главное, она научила меня её ценить, ценить не только минуты, проведённые с ней рядом, но и её саму, как личность. Ценить её чувства, её желания, мысли, мечты, а не только требовать исполнения несуществующих долгов. Да кому я это говорю? Ты меня не поймёшь, потому что ты считаешь, что всякое инакомыслие равно преступлению. И главное, чтобы соседи плохо не подумали, а там хоть трава не расти. Каролина внушала это тебе с колыбели, и ты поддался, — фыркнул Данте, глядя на Клема. У того на лице появилось какое-то брезгливое выражение, точно Данте рассказывал о том, как вынимать кишки из курицы. — Ладно, хочешь совета? Он таков: оставь Пию в покое. Если она тебя бесит, вернись к родителям на время. Никто, кроме тебя, не виноват в том, что ты на ней женился, и никто, кроме тебя, не виноват в том, что ты сделал ей ребёнка. Не пойму, чего ты теперь жалуешься? Головой надо было думать. А по поводу нытья, так она беременна, чего ты хочешь от неё теперь? Кстати, она реально может умереть. Вообще не понимаю, зачем подвергать её такой пытке. Самое лучшее, что можно сделать — позвать не неграмотную бабку, а лекаря из города или отвезти Пию к нему. Если и правда беременность может её убить, не лучше ли от этой беременности избавиться?

— Да ты с ума сошёл! — вознегодовал Клем. — Я вижу, ты совсем мозгов лишился. Говоришь как либерал какой-то. Поостерёгся бы. Ладно я, а если кто посторонний услышит? Подумают, что ты призываешь всех угнетённых женщин к восстанию против мужчин. Ещё чего не хватало! Бог сотворил Еву из ребра Адама, даже не из мозга, а из кости, и этим всё сказано. Против природы не попрёшь. У женщин нет разума, они лишь приложение к мужчинам, как бы они не возмущались. И, в конце концов, Пия родит мне сына. Хотя что-то хорошее от этого брака должно быть или нет?

— А если родится девочка? — насмешливо поинтересовался Данте.

— Нет, родится мальчик! Мне нужен только мальчик! — убеждённо воскликнул Клем. — Это буду как бы я, вновь родившийся. Только пусть попробует родить девочку!

Данте поморщился.

— Ребёнок — это не ты, это не продолжение тебя, это другой человек, вне зависимости от пола и возраста. Если родится всё же девочка, ты её выбросишь за ненадобностью или как?

Клем не ответил и тогда Данте продолжил:

— А если Пия умрёт, что ты будешь делать? Ну представь себе, она рождает ребёнка и умирает. Ты остаёшься с этим ребёнком. Может, всё же стоит сохранить Пии жизнь?

— Да плевать мне на Пию! — на щеках Клемента выступили красные пятна. — Она должна родить мне сына и точка! Это единственное, на что она годится. Умрёт, значит, такова её судьба. Главное, чтобы мой сын родился живым и здоровым. Беременность — не болезнь и редко, кто от неё умирает. Притворство это всё для привлечения внимания. И вообще хватит об этом, надоело! Пия, Пия, Пия... поговорить что ли больше не о чем?

— Мда... а мне даже жаль твою Пию стало, хоть она меня и раздражала всегда, — добил Данте. — Не позавидуешь женщине, в которой собственный муж не видит человека.

Клемента молча прибавил шагу. Данте шёл чуть поодаль, подгоняя лошадей и думая о своём. Удивительно всё же, какие они с Клемента разные. У них абсолютно противоположные представления о жизни. И ещё необычной было то, как с таким разным мировоззрением они умудрились поладить.

Бабушка Берта пила чай с плюшками, пока всклокоченная Либертад, устав от препирательств, вытирала пот со лба. Эстелла с безучастным видом смотрела на свои руки, мечтая об одном: сбежать отсюда подальше и упасть в объятия Данте, а мир пускай горит синим пламенем.

— Ну до чего ж вы упёртая, сеньора! — сказала Либертад. — А я вот всё удивлялась, и в кого это сеньорита Эстелла такая упрямая. Сразу видать в кого.

— Ну и? — вздёрнула нос Берта. — Чего ты ко мне пристала, Либертад? Вот только не надо меня уговаривать, чтоб я замуж не выходила. Сама знаю, может, это и глупо, но это единственный способ начать жить по-другому. Осточертело мне всё, не дом это, это яма с гадюками.

— Вы разве ж не поняли, сеньора, чего я вам только что сказала? — Либертад плюхнулась на соседний стул. — У этого человека рыльце в пушку.

— Вот ты ничегошеньки не знаешь, а туда же, Либертад! — отмахнулась Берта. — Слушаешь всякие сплетни. Ежели тебе так любопытно было, могла б и у меня спросить. Я прекрасно знаю эту историю, так что твои новости уж давненько плесенью покрылись. Сеньор Альдо сам рассказал мне про свою жизнь. Знаю я всё это, как говорится, из первых уст, а не через третьих лиц, как некоторые.

Либертад похлопала глазами.

— И?

— Чего и?

— И вы чего ж, всё равно хотите за него замуж, сеньора Берта? И вас не пугает эта грязная история? Он же ведь соблазнил свою племянницу! — всплеснула руками Либертад.

Бабушка лопала очередную плюшку, помешивая чай серебряной ложечкой.

— Во-первых, не была она его племянницей, она была приёмной дочерью Августо,

брата сеньора Альдо, — пояснила она. — Звали её Марина. И, во-вторых, сеньор Альдо не соблазнял её, она сама на него вешалась аки репей. Ну и скажи мне, Либертад, какой это мужчина устоит, ежели на него красивая девица сама кидается? Тем более, сеньор Альдо тогда погулять любил. Так что не вижу я ничего особенного в этой истории. У каждого человека есть прошлое, оно есть и у меня. Я ж тоже замуж выходила по любви за хорошего человека, а оказалась замужем за головорезом, — захихикала бабушка. — Так чего ж теперь-то? Ни Альдо, ни я не святые и ангелами к людям не нанимались. Все совершают ошибки.

— И что же, бабушка, вы всерьёз собрались замуж? — пробормотала Эстелла, чтобы не молчать, хотя у неё не было никакого желания вступать в беседу.

— Ну да, а чего, ты против, дорогая? Вижу, Либертад и тебе мозг запудрила рассказнями каких-то сплетников с базара.

— Мне это рассказала его служанка, — буркнула Либертад.

— Да уж, надо бы сказать сеньору Альдо, что он распустил свою прислугу, — ехидно заметила Берта. — Мелют про своих хозяев что не попадя. Так, Эстелла, ты имеешь что-то против? Эстелла! Эстелла, ау! — бабушка подёргала Эстеллу за плечо, потому как та ушла в нирвану, представляя, будто Данте расчёсывает ей волосы. Последний раз, когда он это делал там, в подземелье, она чуть не рехнулась от наслаждения. То ли его магия в этом была виновата, то ли гребень был волшебный, то ли её чувства такие огромные, что лишают её разума, — непонятно.

— Эстелла, что с тобой? Ты будто пьяная, — забеспокоилась бабушка.

— А? Я? Нет. Что вы спросили?

— Говорю, чего ты имеешь против сеньора Альдо?

— Я? Нет, ничего. Я с ним мало знакома, только вот... эээ... вам не кажется, бабушка, что вы напрасно собрались замуж? Вы его плохо знаете.

— А ты, ты-то хорошо знаешь человека, с которым обманываешь Маурисио? — разгневалась бабушка. — Маурисио такой хороший, порядочный мужчина, а ты делаешь с ним то же, что твоя мать с твоим отцом, — наставляешь ему рога.

— Всё, хватит! — Эстелла вскочила на ноги. — И зачем я только сюда пришла? Никто меня не понимает! Я люблю Данте, люблю его! И я никого не обманываю. Маурисио прекрасно знал на что идёт. Он с самого начала знал, что я его не люблю. Так что нечего теперь строить из себя жертву. Я знакома с Данте с детства. Никто лучше меня не знает, какой он, поэтому никто не вправе на него наговаривать. Мы с ним одинаковые, мы похожи, мы понимаем друг друга с одного взгляда. Мы можем прочесть мысли друг друга без слов. А вы знаете этого человека, этого сеньора Альдо, два дня и уже замуж собрались, а он, по моему, тот ещё типчик, — не осталась в долгу Эстелла. Вот пусть бабушка почувствует себя так же, как она, когда кто-то обижает Данте.

— Сядь и уймись! — приказала бабушка. — Нечего тут кричать. Сразу видать, этот опасный субъект чего-то с тобою сделал. Ты неадекватна. Надо б этим заняться, а то ты ведёшь себя как сумасшедшая.

— Я не сумасшедшая! Я люблю Данте, люблю его! Этот мужчина для меня всё! Он мой рай и ад, он моя жизнь, моя вторая кожа. Без него я не существую. Почему это так сложно понять? — выпалила Эстелла. Ей хотелось сейчас рычать от злости. Ну почему, почему все такие тупые?

— Прекрати орать! Надоел этот твой Данте, ей богу! Так вот, послушайте меня обе, — с Эстеллы Берта перевела взгляд на Либертад. — Я выхожу замуж за сеньора Альдо и точка.

Но это будет не завтра. Это как минимум месяца через три. Но тянуть я тоже не хочу.

— Вы так в него влюблены, бабушка? — прищурила глаза Эстелла, став похожей на хищную кошечку. Она изо всех сил пыталась взять себя в руки. Бабушка тоже ненавидит Данте. Очень больно от этого. Почему все вокруг считают, что лишь они имеют право на счастье, а она, Эстелла, нет? Она обязана всех слушаться и молча страдать, издали глядя на чужое счастье. До чего же люди эгоистичны! И бабушка туда же, ищет изъяны в Данте, а сама на своего ювелира объективно поглядеть не желает.

— Влюблена? — Берта хмыкнула. — Дорогая моя, я уж не в том возрасте, чтоб терять голову от любви. Я ведь не ты, я не буду издавать восторженный писк при виде смазливового мальчика, наплевав на то, что он бандит. Конечно, сеньор Альдо человек хороший и он мне приятен, но тут дело даже не в том, что я хочу убраться из этого дома или поскорее опять выйти замуж. Есть ещё одно важное дело.

— Ничего не понимаю, чего вы городите, сеньора, — Либертад налила Берте ещё чаю и себе заодно.

— Всё очень просто. Я хочу помочь сеньору Альдо найти его дочь или сына или хотя б узнать, чем закончилась история той девушки, Марины. Для этого придётся перерыть ворох документов и архивов, а, может, и поехать куда-то. Тем более, мы уже напали на след. Мы отправили письмо нынешним владельцам того дома, где в последний раз видели Марину. Ну помнишь, Либертад, ты ведь сама его относил? От них пришёл ответ, что вроде бы Марина уехала в Рио-Гранде-де-Сан-Педро. И концы её надо искать там. А это территория другого государства, Португалии как-никак. Так что, дабы сопровождать сеньора Альдо в этой поездке, я должна быть его женой, иначе нас не пустят на корабль. Дама не может путешествовать в сопровождении чужого мужчины, даже такая старуха, как я. Тем более через границу. Лучше одной, одной можно, а с мужчиной — ни-ни. Только с мужем, братом, отцом, дядей. Блюстителю нравственности наши, эту нравственность всё блюдут и блюдут. И вы следом за ними. Нечего читать мне, старухе, морали. Ты, — она ткнула пальцем в Либертад, — пока ещё тут прислуга. Эстебан, конечно, вдовец, но ты уже открыто ночуешь в его комнате, это совсем никуда не годится. Хотя бы обитателей этого дома постыдилась бы. А ты, — Берта перевела взгляд на Эстеллу, — ты совсем от рук отбилась. Ты ж на глазах у своего мужа и всего города крутишь роман с отпетым головорезом, с убийцей.

— Мой муж — Данте! Данте! И Данте не убийца! Мой Данте самый лучший! Ничего вы не понимаете! Идите вы все к чёрту, в конце концов! На себя бы сначала посмотрели, а потом других осуждали за то, что они любят друг друга! — выкрикнула Эстелла. Она в бешенстве помчалась на выход, но тут же едва не столкнулась лоб в лоб с Урсулой.

— Ой, сеньора, осторожней, чего ж вы не смотрите куды идёте-то? — воскликнула Урсула. — Вот вы все где. Вот вы тут сидите, чай гоняете, а у нас катастрофа!

— Чего ещё случилось? — нахмурилась Берта. — Тебе, Урсула, не кажется, что на сегодня катастроф уже достаточно?

— Да мне-то без разницы, — буркнула Урсула, — только сеньора Роксана там при смерти. Я вот уж Дуду за лекарем отправила.

— Ну ежели притопает доктор Дельгадо, пиши пропала, — съехидничала Берта. — Отправится вслед за Хорхелиной как миленькая. И чегой-то с нашей королевой вдруг сделалось-то? Никогда вроде не хворала, а тут на тебе.

— А она того, отравилась.

— Своим ядом что ль отравилась-то? Ну и слава богу! — Берта несколько не

расстроилась от такой новости.

— Небось это от того, что наболтал сеньор Ламберто, — сказала Либертад.

— Ах, ну да, наша королева-то голубых кровей узнала, что она плебейка, бедняжка, — смаковала Берта.

— Ну почему вы такая жестокая, бабушка? — сделав негодующий жест рукой, Эстелла бросилась в гостиную.

Ну и что, что мама её не любит и причинила им с Данте много зла, Эстелла всё равно не хочет, чтобы та болела или умирала. Маме, наверное, и вправду сейчас тяжело. Каково было узнать, что она приёмш в своей семье? Видимо, бог её наказал за всё, что она сделала. Эстелла, тем не менее, не испытывала злорадства. Скорее волнение и страх. А что если мама умрёт? Нет, она не должна умирать! Несмотря ни на что, Эстелла любит её и не хочет потерять.

С такими мыслями девушка стремительно взбежала по лестнице и ворвалась в комнату матери.

Роксана лежала на кровати, укрытая белой шёлковой простынкой. Волосы её разметались по подушке, а лицо выглядело безмятежным. Арсиеро сидел у изголовья кровати, уткнувшись в книгу.

— Что с ней? — шёпотом спросила Эстелла.

— Проглотила уксус, — устало отозвался Арсиеро.

— Что?

— Да, выпила уксус. Хотела отравиться. Скоро придёт доктор. Правда, Урсула дала ей выпить рвотное, и сейчас Роксана заснула. Думаю, всё будет хорошо.

— Тогда бы уж сразу мышьяк, — за спиной у Эстеллы появилась Берта. — И чего помелочилась-то?

Следом за бабушкой вошли Либертад, Ламберто, Эстебан и Урсула.

— И как вам не стыдно, сеньора? — возмутился Арсиеро вполголоса. — Нельзя желать кому-то смерти.

— А я желаю! Именно ей желаю и не скрываю этого! — Берта надула щёки, точно сдерживая смехи.

— Значит, мама будет жить? — растерянно спросила Эстелла.

— Ну конечно будет, — Урсула убирала с туалетного столика раскиданные маникюрные принадлежности, складывая их в позолоченную шкатулку. — От уксуса ещё никто не помирал. Только расстройство желудка получила, вот и всё, чего она добилась.

— Тогда я пойду отдохну, устала, — и Эстелла вышла.

Ей сейчас хотелось одного — лечь в постельку, заперевшись в своей девичьей комнатке, и думать, думать о Данте. Ну почему они не вместе сейчас, почему? А может, бабушка в чём-то и права? Она совсем помешалась, она думает о Данте ежесекундно. Она становится нервная, раздражительная, злая, стоит кому-то плохо про него сказать. Когда Данте нет рядом, Эстелла готова выть и на стены кидаться, а когда они вместе, она с ума сходит. Сапфировые глаза прожигают её насквозь, точно бьют молнией. Это какое-то безумие, и всё хуже и хуже с каждым днём. Нет, в том что Данте специально ничем её не приколдовывал к себе, она уверена. Это бабушкины фантазии. Она знает его лучше, чем саму себя. Её Данте никогда бы так не поступил. Но, вероятно, дело в самой магии. Она почувствовала её, соприкоснувшись с ней в моменты их близости, и ещё этот свадебный ритуал. Это Чары любви так на неё влияют, что она ни о чём ином и думать не в состоянии.

Свернувшись в комочек, Эстелла лежала на кровати и всё мечтала, мечтала, мечтала, прижимаясь губами к обручальному колечку. То отвечало взаимностью, изредка выпуская струйки блестящего дыма. Наконец, сквозь поток любовного бреда, в её голову прорвалась здравая мысль. За всеми этими скандалами и разоблачениями Эстелла напрочь забыла: дядя Ламберто пожелал познакомиться с Данте. Значит, она может его пригласить! Только вот остальные члены семьи навряд-ли этому обрадуются. Да и стоит ли подвергать Данте такому унижению? Та же бабушка способна наговорить ему много неприятного, у неё ведь язык без костей.

Потихоньку Эстелла погрузилась в сон. Приснился ей Данте. Весело хохоча он целовал её в губы, а потом вдруг превратился в трёхцветного кота с кисточками на ушах. Кот сверкнул синими очами, выпустил острые когти и, взмахнув хвостом, исчез.

Наутро Эстелла решила сходить в «Маску». В конце концов, они так и не поговорили. Она ему всё объяснит, они помирятся и решат знакомиться Данте с дядей Ламберто или не надо.

После душистой ванны с ароматом фиалки, надев платье цвета жемчуга с нарисованной на подоле сакурой и заколов волосы длинной алмазной шпилькой, Эстелла спустилась вниз. Не стала дожидаться общего завтрака и наспех перекусила в кухне под недовольное бормотание Урсулы.

— Урсула, ну не ворчи, — одёрнула Эстелла служанку. — Лучше расскажи как там мама?

— Да всё в порядке с сеньорой Роксаной. Доктор Дельгадо притопал, коды она уже оклемалась. Я напоила её настоем чертополоха, помогает он от отравлений. Мозгов у ней нету, вот дел и наворотила. А чего это вы решили завтракать-то раньше времени, ась, сеньора?

— Хочу кое-куда пойти.

— Куды это? — подбоченилась Урсула.

— Не важно.

— Ой, сеньора, опять вы за свои похождения взялись что ль? Уймётесь вы, наконец, али нет? Ну как вам не стыдно-то? Вроде воспитывались в приличной семье, церковь посещали, замужем, а ведёте себя как девка с красного кварталу!

— Нет, мне не стыдно! — Эстелла встала, со злости едва не уронив тарелку с тушёной фасолью. — Мне нечего стыдиться! Пусть стыдятся те, кто грабят, убивают, лгут, предают, творят зло и портят жизнь другим. А мне не стыдно! Любовь — не грех! — и Эстелла покинула кухню.

Ну в самом деле, сколько можно? Почему каждый в этом доме норовит сунуть нос в её дела? Даже прислуга высказывает своё фи её любви. Да кто они вообще такие и что они знают о её чувствах?

Решено. Сейчас, прямо сейчас она идёт к Данте, а там видно будет.

Однако, когда Эстелла вышла в гостиную, она тут же напоролась на бабушку Берту, сеньора Альдо Адорарти и Либертад, на чём-то напряжённо беседующих.

Эстеллу поначалу они не заметили, и она хотела прошмыгнуть мимо втихую, но, услышав обрывок разговора, замерла.

— ... в «Лас Бестиас», так сказал мой осведомитель, — говорил сеньор Адорарти.

— «Лас Бестиас»... где это такое-то? Никогда не слыхала, — отозвалась Берта.

Либертад молча вытирала с мебели пыль.

— Это в нашей местности. Поселение гаучо, ехать примерно часов десять, — пояснил ювелир.

— Гаучо? Но они ж все дикари! Я их боюсь! — воскликнула бабушка. — И она живёт там?

— Она уже умерла, но ребёнок остался. Вроде бы это девочка и её зовут... зовут Джованна.

— Джованна... красивое имя. Вы думаете это и есть ваша дочь?

— Ну, это предположение, следы ведут в тот посёлок. Хотя я не представляю, как Марина могла оказаться среди гаучо.

— Эти гаучо ведь настоящие дикари да дегенераты. Представляю, во что превратилась девочка, выросшая в такой среде, — покачала головой Берта.

— Они не дикари и не дегенераты! — услышала Эстелла свой возглас прежде, чем сумела прикусить язык.

Берта, сеньор Альдо и Либертад повернули головы.

— Что?

— Гаучо — нормальные люди, просто бедные. И все разные. Конечно, среди них есть и бандиты, но они есть и среди аристократов, — заявила Эстелла. — Далеко ходить не надо, у нас в семье их полно.

— Эстелла!

— Бросьте, бабушка, я вчера слышала всю вашу премилую беседу с мамой, дядей Эстебаном и дядей Ламберто. Я знаю, что дедушка убил отца Сантаны и, возможно, папу. Хотя вы и обвиняли маму. И ещё я знаю, что мама и дядя Ламберто не брат и сестра. Так что всё, хватит лжи. Я устала от вранья. И вот, возвращаясь к «Лас Бестиас». Я знаю, где это. Это замечательное место. Там была моя свадьба с Данте. Там я была счастлива. Там живёт семья Данте. И там очень хорошие люди. И я знаю, кто такая эта Джованна, я её видела. Конечно, женщин с таким именем много и это не может быть на сто процентов она, и тем не менее. Эта женщина пайсана, она ездит на диких лошадях и у неё муж и ребёнок. Если она и правда ваша дочь, сеньор Адорарти, то у вас есть ещё и внук.

Либертад аж тряпку из рук выронила.

— Эстелла, а ты уверена в этом? — Берта так выпучила глаза, что стала похожа на сову.

— Нет, я не уверена, что именно эта Джованна и есть дочь сеньора Адорарти. Я лишь сказала, что знаю девушку из «Лас Бестиас» по имени Джованна, вот и всё. Это может быть и совпадение, мало ли Джованн на свете. А сейчас, простите, но мне надо идти.

— Куда это ты собралась? — нахмурилась Берта.

— Прогуляюсь пойду.

— Но позвольте, дамы, ведь это потрясающая новость! — сеньор Адорарти хлопнул в ладоши. — Ещё одна прекрасная новость за сегодняшний день. Первой была та, когда вы, моя дорогая Берта, согласились с моим предложением. Мне не хотелось бы, чтобы сеньорита уходила прямо сейчас. Было бы неплохо созвать сюда всех членов семьи и устроить праздник.

— Зачем это? — хмыкнула Берта. — Вы хотите со всеми отпраздновать, что нашли свою дочь, Альдо? Но ведь мы ещё не уверены, что это именно та Джованна. Надо бы сначала съездить в это логово дикарей да удостовериться. А в этой семейке мало кому интересна ваша жизнь, я вас уверяю.

— О, съездить мы всегда успеем! — возразил сеньор Альдо. — Сейчас речь не об этом. Просто, дорогая моя дама сердца, мне бы хотелось официально объявить вашей семье, что мы обручены.

— О, нет, прошу вас, не стоит! — громко запротестовала бабушка. — Они уже в курсе и всё равно не оценят вашего рвения. Не надо устраивать цирк! Эстеллы и Либертад будет вполне достаточно.

— Ну тогда позвольте, Берта, преподнести вам маленький презент. А Либертад не будет ли любезна принести нам вина?

— Кто ж пьёт вино с утра? — пожала плечами Либертад. — Как скажите, сеньор, — добавила она в ответ на обиженный взгляд Берты, удалилась и через пару минут принесла бутылку красного вина и хрустальные бокалы.

Сеньор Альдо преподнёс бабушке подарок — громадный перстень из золота с великолепным рубином. Пока Берта и Либертад на все лады расхваливали подарок, охая, ахая и пританцовывая вокруг него, а сеньор Альдо разливал вино, Эстелла под шумок смылась. Пятилась, пятилась к двери и, когда упёрлась в неё спиной, нащупав ручку и открыв её, дала дёру.

Некогда ей стоять и глазеть, как этот субъект умасливает бабушку. Не нравится он ей и всё тут. Но это бабушкина жизнь и Эстелла не будет совать в неё нос. Но и участвовать в этом она не обязана. Она уже и так помогла бабушке, рассказав о Джованне. А сейчас её волнует примирение с Данте.

Покинув особняк, Эстелла поймала в экипаж и, спустя четверть часа, уже стояла перед сеньором Нестором. Тот, к её величайшей радости, объявил: Данте вернулся, да не один, а вместе с братом. Так вот, где он был — ездил за Кlemente! Не помня себя от счастья, Эстелла кинулась вверх по деревянной лестнице так поспешно, что ступени громко закрипели под её каблуками.

===== Глава 9. Плюсы и минусы богатого воображения =====

Эстелла бесшумно кралась по коридору четвертого этажа к номеру 412. Сердечко её стучало от волнения, предвкушения и нетерпения одновременно. Сейчас она увидит Данте. Наверное, придётся долго объясняться с ним. Он же такой упрямый, обидчивый. Но, может, он уже отошёл от того, как в порыве гнева написал ей письмо о расставании? Хорошо бы Данте сейчас открыл дверь и молча, ничего не говоря и не требуя, заключил её в объятия. Они ведь всегда понимали друг друга без слов. И, несмотря на его характер, Данте для неё самый лучший, самый любимый. Только этот мужчина может подарить ей счастье, только рядом с ним она испытывает райское блаженство.

Собрав всё мужество в кулак, Эстелла постучала в дверь. Раз. Другой. Третий. Никто не отозвался. Нетерпение выиграло в ней. Ну чего ради она стучит? Она ведь не к постороннему мужчине пришла. Даже если Данте там голый бегаёт по комнате, что она не видела его голым что ли?

И Эстелла повернула ручку. Дверь оказалась не заперта, что девушку удивило. Данте — мизантроп по натуре и всегда закрывается на ключ. Эстелле, однако, хватило и пары шагов, чтобы увидеть: на софе, лицом вниз, лежит незнакомка. Каштановые кудри разметались по её плечам и спине. Из одежды на гостье были только панталоны с рюшами и бледно-розовый корсет. Рядом с софой валялась гора окурков. При появлении Эстеллы девица даже не шелохнулась, похоже, она спала.

У Эстеллы аж в глазах потемнело. Так вот почему Данте и написал ей то странное

письмо. У него другая! Весь воздух вышел из лёгких и острая боль в груди буквально захлестнула Эстеллу. И голова её отключилась. Она и не подумала разбудить девицу, чтобы потребовать объяснений. Не догадалась и поискать Данте по номеру и убедиться, есть ли он тут вообще. Попятилась к двери и, толкнув её, стрелой вылетела прочь.

Она сейчас умрёт! Данте её предал, променял на другую, а она не может жить без него. Как же так? Он же обещал, что они будут вместе всегда!

Эстелла пронеслась мимо сеньора Нестора, чуть не сдув его юбкой. Он что-то сказал ей вслед, позвал, кажется, но Эстелла и не обернулась, так её оглушило. Слезы лились ручьями, целыми реками. Она бежала, шатаясь как пьяная и не разбирая дороги. Кусала губы, чтобы не заорать на всю улицу. Данте её предал, у него другая, а её, Эстеллу, он больше не любит.

Девушка миновала несколько улиц и мост, задержав взгляд на водах реки. Если бы она смогла, она бы сейчас туда прыгнула, вниз, прямо с моста. Но она трусиха. Даже считая Данте мёртвым, не покончила с собой. А теперь Эстелла и сама не знала что хуже: боль от смерти любимого или боль от его предательства. Тогда Данте умирал с её именем на губах. Сейчас он жив, но больше её не любит.

— Данте... Данте, за что ты так со мной? Я ведь тебя люблю... — шептала Эстелла, всё углубляясь в сельву. Может, её тут сожрут ягуары и её муки закончатся? Хорошо бы.

Ну почему, почему Данте так сделал? Привёл какую-то девку, а сам ведь говорил, что ему нужна только она, Эстелла. Он уверял, будто она самая красивая, самая ласковая, самая любимая. Зачем же тогда ему другая? Может, он думает, будто она влюблена в Маурисио, и решил ей отомстить? Нет, Данте не такой. Хотя теперь она уже и не знает, какой он.

Путаясь в мыслях и изнемогая от рыданий, Эстелла добрела до их излюбленного с Данте берега, где они познакомились и впервые поцеловались. Протаранилась сквозь кусты, ободрав локти и оторвав кружева на платье, но даже не ощутила этого. Она вывалилась на полянку и тут заметила, что на их с Данте брёвнышке сидит человек. Длинный плащ, смоляные волосы ниспадают до поясницы, закрывая всю спину. Данте!

Это и вправду был он. Как и в детстве сидел, опустив босые ноги в воду и болтая ими. На шорох и треск ветвей он повернул голову. Удлинённые глаза его округлились, когда он заглянул в заплаканное личико Эстеллы.

— Эсте?

Она промолчала, ощутив вдруг слабость во всём теле.

— Эсте! — Данте едва успел подскочить к Эстелле, как у неё подкосились ноги и она рухнула прямо ему на руки.

Мало-помалу сознание прояснилось. Эстелла шевельнулась и ткнулась носом во что-то тёплое. Ощутила тонкий аромат мяты. Открыв глаза, увидела, что лежит в объятиях Данте, закутанная в его плащ. Высокая трава скрывает их от чужих взглядов, а Данте греет её, нежно прижимая к себе.

— Эсте? Как ты? Тебе лучше? — спросил взволнованный голос. Такой любимый голос.

— Угу... Что случилось?

— Ты упала в обморок. Вся была холодная, как кусок льда. Ты меня напугала, моя девочка.

— Девочка? Твоя девочка?! — Эстеллу захлестнула ярость, и она вырвалась из кольца объятий. — Да как ты смеешь? Как ты смеешь меня так называть после того, что ты сделал?

— Что, что я сделал? — опешил Данте.

— И ты ещё спрашиваешь? Совести у тебя нет, вот что! — Эстелла попыталась встать.

Не тут-то было. Цап! Ловкие пальцы обхватили её чуть выше локтей.

— Пусти! Пусти меня, не прикасайся ко мне! — зашипела Эстелла, надувая щёки.

— И не подумаю, — Данте обнял её так, что у девушки дух захватило. — Рассказывай что случилось.

— Что случилось? Да ты свинья, вот что случилось! Не трогай меня, отпусти! Я не хочу с тобой разговаривать!

— Эсте, пожалуйста, объясни мне что происходит? Что я сделал? — в голосе Данте сквозили нотки отчаянья.

— Не прикидывайся святошей! — Эстелла чуть ли не зарычала, вонзая ногти ему прямо в плечо. — Как ты мог так со мной поступить? Не хочу больше с тобой разговаривать! И видеть тебя не хочу! Предатель! Иди лучше кувыркайся со своими девками, а меня оставь в покое!

— Чего-чего? — прошептал ошарашенный Данте.

— Того! Я всё видела!

— Что ты видела?

— Я была в «Маске».

— И что?

— А то! У тебя в номере какая-то девка! В одних панталонах! — выкрикнула Эстелла и принялась молотить кулаками ему в грудь. — Я тебе этого никогда не прощу! Никогда! Ты предал нашу любовь, ты её убил! Ты меня уничтожил! Отпусти, я хочу уйти!

— погоди, погоди... Эсте, милая, успокойся, — Данте не собирался отступать, держа Эстеллу крепко, как цепями сковал.

— Убери руки! И не называй меня милой. Я больше не твоя милая. Пусти, я сказала!

— Не пущу, не отпущу и всё! — синие очи потемнели. В глубине их закопошились два упрямых чёртика. — Эсте, объясни мне, о чём ты говоришь? Я ничего не понимаю. Я не понимаю, в чём ты меня обвиняешь.

— Ах, ты не понимаешь?! — Эстелла почти дымилась от гнева и ревности. — Я была в «Маске», вот сейчас, недавно. Я только что оттуда. В твоём, в нашем номере, девка в одних панталонах. Я тебя ненавижу! — Эстелла с ругани перешла к всхлипываниям. — Почему, Данте? За что ты так со мной? Ты ведь говорил, что любишь только меня, а сам спутался с какой-то особой.

А Данте вдруг начал смеяться. Попросту ржать. Он отпустил Эстеллу и хохотал, упав на спину и чуть ли не хватаясь руками за живот.

Вся ярость Эстеллы тут же улетучилась. Как он может быть таким циничным? Он смеётся в то время, когда ей так больно.

— Я не думала, что ты такой... такой жестокий... Тебе смешно, да? Тебя веселит эта ситуация? — закрыв лицо руками, Эстелла заскулила.

Данте, хихикая, поднялся на локтях и снова притянул её к себе.

— Ну Эсте, маленькая моя, ну ты чего? — сказал он ласково. — Иди сюда. Не плачь, иди ко мне, глупенькая.

— Не трогай меня! Я не хочу, чтобы ты ко мне прикасался после того, как был с другой.

Данте опять захихикал. В глазах его блеснули хитрые искорки.

— Впервые вижу, как ты ревнуешь.

— Как смешно, сил нет! — горько заявила Эстелла, а слёзы всё катились и катились у неё из глаз. — Какой же ты...

— Эсте, Эсте, посмотри на меня.

— Не хочу.

— Посмотри на меня, — он взял её за подбородок, но Эстелла на зло прикрыла глаза. — Ну какая же ты вредная! — ухмыльнулся Данте. — Не знаю, что ты там себе напридумывала, но я не был ни с какой другой. Ну скажи мне, что ты видела?

— Она лежала в твоём номере на софе. Она была в одних панталонах и корсете, почти голая, — пробурчала Эстелла.

— И?

— Что «и»?

— Ну что ты ещё видела? Ты видела там меня? Я её целовал, обнимал, спал с ней? Что?

— Нет.

— Что «нет»?

— Тебя я не видела. Я убежала, — слабым голосом промямлила Эстелла.

— Ну тогда на основании чего ты сделала вывод, что я вообще там был, м? — Данте лукаво склонил голову на бок. — Я даже не знаю, о ком идёт речь. Если Клем приволок какую-то девушку, то я тут причём?

— Клем? Не ври.

— Я не вру, — Данте обхватил Эстеллу двумя руками за лицо. — Посмотри на меня, Эсте. Мы знакомы с детства. За это время я хоть раз тебя обманывал?

Она насуплено мотнула головой и подняла ресницы. Утонула в сапфировых глазах юноши, раскосых, ярких, как праздничные огни. Данте провёл пальцем по её щеке, смахивая слезинки.

— Услышь меня, Эсте, пожалуйста. Ну что ты ведёшь себя, как маленькая? Ко мне вчера приехал Клем. Мы были в «Маске», затем поругались, я психанул и ушёл, и всю ночь сидел тут. Какую девку он там подцепил и кого ты видела, я не знаю, Эсте. Меня там вообще не было, клянусь!

Эстелла по-кошачьи фыркнула, но доверчиво уткнулась носом Данте в шею, позволив себя обнять. Она плакала и плакала, а Данте гладил её по волосам. Мало-помалу слёзы высохли и в мозгу у девушки прояснилось. Данте её не обманывал, всё хорошо. Он всю ночь был тут, на их любимом берегу, а ту девушку привёл Кlemente. Сеньор Нестор ведь ей сказал, что Данте вернулся вместе с братом. И почему она сразу не поняла? Вот дура! Это же элементарно. Как она могла сомневаться в Данте? Да и что такого она увидела? Ну подумаешь, девушка спала на софе, она же не вместе с Данте спала. Эстелле сейчас захотелось провалиться сквозь землю. Вела себя, как идиотка, устроила сцену ревности на пустом месте, наверное, Данте подумал, что она совсем больная.

— Успокоилась?

— Угу... Данте, прости меня, — шепнула она ему в ухо. — Когда я вошла в номер и увидела ту девушку, у меня что-то замкнуло в голове. Я так боюсь тебя потерять! Я чуть не спятила, пока дошла сюда. Обещаю, что больше не буду выдумывать всякий вздор. А если что, спрошу у тебя, и ты мне всё-всё объяснишь, правда?

— Правда, — Данте поцеловал её в кончик подбородка. — Знаешь, а мне даже понравилось, что ты меня приревновала.

— Да, тебе-то понравилось, — надулась Эстелла, обвивая руками его шею. — А мне каково было?

— Глупенькая... Я так соскучился...

— А я как! Я так скучала по твоим губам...

В висках у Данте застучало, и кровь запульсировала в венах. Вот-вот и он задымится от желания обладать Эстеллой снова. Он целовал её мокрые от слёз губы, нежно, почти с дрожью, будто впервые. Эстелла, запустив руки ему под рубашку, дёрнула её вверх.

— Люби меня, Данте.

— Ты этого хочешь прямо сейчас?

— Да, хочу...

Водопад чёрных волос смешался воедино; сплетённые руки как змеи заскользили по коже, избавляя её от одежды. Омываемая волнами наслаждения, Эстелла впивалась острыми ноготками Данте в плечи, а он шептал ей в уши и в рот нечто бессвязное и целовал, целовал, целовал... Сердце его трепетало от обретенного вновь счастья, как умирающий у огня мотылёк.

— Данте, а если кто-то нас увидит? — пролепетала Эстелла вяло.

Однако, издали ничего увидеть было невозможно — влюблённых скрывали густые заросли мимозы. Данте захихикал, стаскивая с девушки платье и обнажая ей грудь и живот.

Когда по венам Эстеллы вновь потекла магия, она закусил губы. Хотелось кричать от того, что она снова с Данте и снова испытывает эти невероятные эмоции. Даже природная стыдливость не смогла взять верх над чувствами, так сильны они были после хоть недолгой, но разлуки. И Эстелла аж вся дрожала от блаженства. В волосах Данте искрились звёздочки, и, прикасаясь к ним, Эстелла ощущала покалывание в кончиках пальцев.

— Люблю тебя, Эсте, только ты мне нужна...

— Ммм...

— Никогда не бросай меня, слышишь? Если ты уйдёшь, я умру.

— Ммм... и я, я умру без тебя, мой Данте...

Все мышцы, вены, кожа у Эстеллы вибрировали, с локонов её тоже полетели искры.

— О, Данте, что ты со мной делаешь? Я никогда не смогу любить никого, кроме тебя. Никто мне тебя не заменит. Никогда.

Искры сыпались у Эстеллы даже с ресниц. Это было настолько дивное ощущение, что она позабыла собственное имя и, наконец, обессиленная повалилась к Данте на грудь.

Они лежали в обнимку, утопая в мягкой траве, точно Адам и Ева в раю. Время было около одиннадцати утра, а солнце пекло, как в пустыне, раскаляя землю до красна.

— Может, пойдём в «Маску»? — шепнул Данте, зарываясь лицом в эстеллины локоны и щекоча её спину. — Хотелось бы понять, что там Клем устроил, и что это за девицу он приволок. Какой прыткий! — Данте усмехнулся. — Ну надо же, и когда он успел только?

— Не хочется, — Эстелла сладко улыбалась, теснее прижимаясь к любимому.

— А чего тебе хочется? — ласковые пальцы прошли по позвоночнику, спустились на бедра и обрисовали их контур.

— Ничего, — сказала она капризно. — Просто хочу быть с тобой. Даже шевелиться не хочу. Мне столько всего надо рассказать тебе, а я и говорить не хочу.

— Потом расскажешь, у нас впереди вся жизнь, — пальцы Данте всё продолжали путешествовать по эстеллиному телу, и у девушки ум за разум заходил от этих прикосновений.

— Я просто перенервничала, а твои ласки окончательно меня доконали. О, боже, Данте, ты просто сводишь меня с ума! — Эстелла всё ещё дрожала от страсти, ещё ощущая лёгкое покалывание под кожей.

— Ты восхитительна, моя Эсте.

— У меня сил не осталось. Давай просто полежим здесь. Ничего не хочу делать, тем более куда-то идти.

— Ты же боялась, что нас кто-нибудь увидит, — хохотнул Данте.

— А теперь не боюсь. Самое главное, что мы вместе.

Эстелла потёрлась кончиком носа о нос Данте, сонно улыбаясь в ответ на его улыбку, такую искреннюю и чуть застенчивую. Он когтями расчесывал её тёмные локоны, а Эстелла, опершись на руки, подставляла солнышку обнажённую грудь, напрочь забыв о всяком стеснении. Раньше она бы умерла от стыда, если бы только представила, что кто-то может увидеть её голой. Но Данте своей любовью сделал невозможное — сломал всю мораль, что вбивалась в неё с рождения и внушил свою собственную, ту мораль, что им обоим подсказывали сердца. Из застенчивой девочки Эстелла превратилась в страстную женщину, ласковую любовницу. И она нисколько не была подавлена или озадачена этим фактом, приняв как должное, что она теперь другая, новая Эстелла. И такой её сделал Данте.

Запрокинув голову, она поймала губами его губы, и тотчас по жилам побежала магия. Подобно тому, как змея выпускает яд, Данте провёл языком девушке по губам и выпустил струю света ей прямо в рот. У Эстеллы голова кружилась, как у пьяной, а он только смеялся, продолжая её целовать и ловя себя на мысли, что уже не в состоянии контролировать свои чувства.

Когда Эстелла упёрлась затылком ему в грудь, Данте в изнеможении откинул голову назад. В небе плыло белоснежное облако. Данте залюбовался им. Человеку, лишённому воображения, оно напомнило бы комок ваты, но в видении Данте облако принимало загадочные формы. Сначала оно было зайцем с длинными-длинными ушами, затем превратилось в огромную хищную рыбу, в открытой пасти которой Данте насчитал аж двадцать четыре зуба. После Данте увидел тигра в прыжке. Наконец, облако окончательно заморочило ему голову, превратившись в птицу. Она парила, широко раскрыв крылья, а в груди её зияла стрела. Болезненная фантазия Данте тут же дорисовала и капли крови, и агонию умирающей птицы. Данте вспомнил о Янгус. Когда-то он тоже спас её от стрелы, и она много лет за это платила ему своей преданностью и любовью. А теперь он не знает, где она. Может, попробовать её отыскать?

Вздохнув, Данте опустил глаза, чтобы больше не видеть дурацкое облако. Взгляд его упал на разомлевшую Эстеллу, и тоска окончательно завладела им. В последнее время он чувствовал себя опустошённым, будто магия забирала у него энергию. А может, её забирала любовь?

Его любовь к Эстелле так сильна, что превратилась в одержимость. И хуже всего — он не знает как с этим справиться.

— Что с тобой, мой родной? — спросила Эстелла, заметив на лице Данте тень грусти.

— Не знаю как объяснить, — глаза Данте сейчас цветом напоминали драгоценные опалы. — Меня переполняет такое огромное чувство, что мне страшно. Не понимаю, как оно может во мне уместиться. Оно разрывает меня изнутри, давит, не даёт дышать. Я всё время хочу быть с тобой, каждую минуту. Я так боюсь тебя потерять. Но моя любовь превратилась в болезнь, в навязчивую идею. Я не знаю что с этим делать. Если однажды ты уйдёшь, Эсте, если однажды я потеряю тебя, я не уверен, что переживу это.

— Ну что ты, Данте! — Эстелла возмущённо встряхнула локонами, щекоча ими юношу. — Не говори глупостей. Я никуда не денусь. Я люблю тебя больше жизни.

— Это ты сейчас так говоришь, — печально молвил он, — потому что тебе хорошо. А если ты разочаруешься во мне... да и тот человек, твой новый муж...

Эстелла развернулась к Данте лицом и провела пальцем по его губам, не дав ему договорить.

— Ш-ш-ш... замолчи. Не хочу слушать эту ерунду! Откуда такие глупые мысли? Мы навсегда принадлежим друг другу и никто, и ничто это не изменит. Вот так! — и она покрыла мелкими поцелуйчиками его лицо.

У Данте была восхитительная кожа, гладкая, мягкая, как у девушки, и с годами это не менялось. Целуя его, Эстелла отметила про себя, что, похоже, борода на лице её мага не растёт совсем. По крайней мере, Данте со щетиной она никогда не видела. И никогда не видела, чтобы он брился. Наверное, это потому что он колдун.

Наконец, хоть Эстелла и не желала возвращаться к реальности, решено было пойти в «Маску». Уж очень Данте жаждал узнать, что же за девицу подцепил Клем.

Они поднялись с земли. Данте оделся, помог Эстелле зашнуровать корсет и вдруг прижал девушку к себе. Эстелла была невысокой и доставала ему лишь до плеча. Так, в объятиях, они простояли несколько минут.

— Как же хорошо с тобой, — сказала Эстелла. — Ты пахнешь мятой.

— Ты правда меня любишь, Эсте?

— Ну конечно, миленький мой! Я тебя люблю.

— И тебе всё равно, что у меня никого и ничего нет? Тебе всё равно, что я нищий гаучо, сирота, который ненавидит всех и которому эти «все» отвечают взаимностью? Я ведь не могу дать тебе того, что могут дать тебе другие мужчины, мужчины, у которых куча денег и титулов.

— Мне не нужны деньги и титулы! — отрезала Эстелла. — В отличие от моей мамы или сестры, я никогда о них не мечтала и не бредила ими. Я мечтала о любви. Всегда, с тех пор, как себя помню. И моя мечта сбылась. Я нашла эту любовь, мою единственную, такую сильную, такую огромную, как весь мир. Это ты. И ты можешь сделать меня самой счастливой на свете, только потому что ты есть у меня. Потому что ты здесь, рядом со мной. Я вижу тебя, слышу твой голос, могу прижаться к тебе. И это всё, что мне нужно.

Заметив в уголках глаз Данте слёзы, Эстелла повисла у него на шее, лепеча:

— Никто не сделает меня счастливой, кроме тебя. Даже если он вставит себе в лоб бриллиант, я всё равно буду любить только тебя.

— А я тебя, — шепнул Данте. — Ради тебя я готов на всё. Ради тебя я могу убить и умереть.

— Нет, не надо! — запротестовала Эстелла. — Я не хочу больше никаких ужасов. Давай просто будем любить друг друга.

— Угу... Да, ты права, моя девочка, не обращай на меня внимания, я несу всякий вздор. Просто мне плохо.

— Плохо? — встревожилась Эстелла. — Но почему тебе плохо? Что случилось, Данте?

— Я не знаю. У меня в груди какая-то тяжесть, там что-то давит и не даёт дышать, — тихо признался Данте. — Хорошо, что ты со мной. Не уходи больше.

— Нет, не уйду. Никуда не уйду.

— Идём домой?

— Ага, — согласилась Эстелла, и они медленно побрели по дороге, не переставая обниматься.

И, тем не менее, сердце у Данте ныло странной, тонкой-тонкой щемящей болью, словно его царапали иголкой. И он сам не понимал почему.

Пропуская Эстеллу вперёд, Данте открыл дверь номера 412. В комнате пахло табаком. По полу ползал Клементе, сгребая раскиданные всюду окурки и огрызки в коробку для мусора. Прихлебывала кофе из белой чашки, на которой был нарисован мухомор, на софе сидела простоволосая девица. И Данте, и Эстелла тотчас её узнали. Лус!

— Ой, привет! — улыбнулась Лус Эстелле. Отставила чашку. — А ты тут откуда?

— Я с Данте пришла, — промямлила Эстелла, чувствуя себя всё глупее. И почему она сразу не признала Лус?

Клементе приветливо кивнул Эстелле, продолжая собирать мусор. Видимо, ночь накануне прошла бурно. Лус закурила сигарету. Данте распахнул балконную дверь, переступив через раскиданную по полу одежду. Эстелла сразу усекла, что он в бешенстве, — обычно мягкие его движения стали отрывистыми, резкими.

— Ты что тут делаешь? — грубо спросил Данте у Лус.

— Было б неплохо, если бы ты для начала сказал: «Привет, Лус, как дела?», — съязвила она, откинувшись на спинку софы.

Данте хмыкнул.

— Ещё чего! С какой стати я должен с тобой здороваться, ты разве знатная дама? Обыкновенная шлюха, к тому же находишься в моём доме в качестве незваной гостьи. Я тебя сюда не приглашал и не обязан с тобой любезничать.

— А-ха-ха-ха! Вот, Эстелла, говорила ж я тебе, что у Клема брат ещё та сука, а ты мне не верила.

Данте сузил глаза. Когти его зловеще блестели из-под чуть длинных ему манжет.

— Не смей говорить Эстелле про меня гадости, шлюха, или я тебя пинком отсюда вышвырну! — рявкнул он.

— Данте, не груби, — перебила Эстелла. — Не надо злиться без причины. Итак, Лус как ты сюда попала?

— Просто случайно встретила Клема на улице, и он меня позвал. Мне деваться всё равно некуда, я и пошла, — пояснила Лус, с насмешливо-презрительной миной разглядывая Данте.

— Хорошенькое дело! — фыркнул тот. — Вообще-то здесь не притон, я как бы тут живу. То, что я тебя позвал в гости на пару дней, — он полоснул Клема взглядом как стрелой, — не означает, что ты можешь приводить сюда проституток и пугать мою жену. Из-за тебя мы чуть не поссорились с Эстеллой.

— В каком смысле? — удивился Клем, выуживая из-под шкафа собственную рубашку.

— В таком. Моя жена, значит, приходит сюда и видит, как эта, — он ткнул пальцем в Лус, — спит у меня на софе. Что по-твоему она могла подумать? Почему я должен ещё и оправдываться, хотя и знать ничего не знаю? — Данте весь бурлил от негодования, точно котелок на огне.

Накануне он поссорился с Клемом, сказав ему, что тот ведёт себя с Пией, как осёл, и ночевал у реки, дабы не продолжать ругань. А теперь по милости Клементе он и с Эстеллой чуть не разругался.

— Этого еще не хватало! — продолжал бесноваться Данте, носясь из угла в угол. — То, что ты не можешь ужиться с Пией, не даёт тебе права рушить и мой брак тоже. Ты Пию не

любишь, а я Эстеллу люблю и никогда её не обижу и уж тем более не буду наставлять её рога со всякими, — он метнул свирепый взгляд на Лус. — Ты в гостях, так что имей совесть. Не надо устраивать тут бордель.

— Данте, ну перестань, — Эстеллу совсем не впечатляло, что Данте и Клем скандалят из-за неё. — Ну что ты в самом деле? Мы же с тобой уже всё выяснили, я сама сваляла дурочку. Не надо ссориться с Клемом из-за меня.

— Я ни с кем не ссорюсь, — проворчал Данте. — И уж тем более ты тут ни причём, Эсте. Клему я всё сказал ещё вчера. Если он не хочет слушать, то это его проблемы. Да, милая, ты не всё знаешь. Давай, расскажи ей, Клем, то, что рассказал мне про свою жену. Эсте хорошо относится к Пии, думаю, ей будет интересно тебя послушать. Только смотри, как бы моя жена потом тебе не треснула по голове. Она не меньшая либералка, чем я, — и Данте ушёл в ванну, гневно долбанув дверь.

Клементе пробурчал что-то нечленораздельное, а Лус захихикала. Эстелла про себя отметила, что та абсолютно к Клему равнодушна, хоть он и бросает на неё страстные взгляды.

В присутствии Эстеллы и Лус Клементе вёл себя тихо, про Пию ничего не рассказал, кроме того, что она беременна и может умереть.

Немного погодя Данте вышел из ванной. Чтобы успокоиться, он намочил все волосы, и теперь с них ручьями стекала вода. Эстелла, взяв полотенце, усадила Данте на стул и терпеливо начала вытирать ему гриву, про себя ругая его дурацкий характер и бесконечные выходки.

Потом, по настоянию всё той же Эстеллы, жаждущей примирить Данте и Клема, все четверо сели пить чай с вафлями и пончиками, расположившись на синих бархатных пуфах вокруг столика.

— Ну и что ты будешь делать теперь? — спросила Эстелла у Клементе.

— А по-твоему что мне делать? — буркнул тот.

— Ну... для начала, я думаю, ты должен привезти Пию сюда, на осмотр к доктору, — уверенно сказала Эстелла. — Неграмотная повитуха ничего не понимает и может её угробить. Я бы помогла Пии, я бы сама сходила с ней к доктору. Он её осмотрит и скажет, стоит ей рожать или нет.

— Что значит стоит или нет? — вознегодовал Клем. — Родить мне сына — это её обязанность!

Данте и Эстелла переглянулись.

— Я и говорю, он к женщинам относится, как к самкам, даже хуже, — скривился Данте.

— Много ты знаешь, — вскинулся Клем.

— Говорю то, что вижу.

— Клементе, но так нельзя, — сказала Эстелла строго. — Это эгоистично с твоей стороны. Ты думаешь только о себе. А как же Пия? Что если она умрёт?

— Даже если умрёт, я категорически против, чтобы она избавлялась от ребёнка. Мой ребёнок — это продолжение меня. Ребёнок всегда важнее взрослого.

Данте закатил глаза под лоб.

— Только ослы ставят одних людей выше других, — заявил он. — Ребёнок — это такой же человек, как и его родители, ни больше, ни меньше. И говорить, что жизнь одного человека наименее важна, чем жизнь другого, глупо. А этот ребёнок ещё даже не родился. То есть он даже ещё не человек.

— Ты считаешь, что жизнь Пии важнее жизни моего сына? — процедил Клементе сквозь зубы.

— Именно. Жизнь женщины в приоритете. Жить можно и без ребёнка или родить другого, а если Пия умрёт, то её уже ничто не воскресит. А ей всего двадцать. Она может ещё принести пользу этому обществу и даже может ещё кого-то осчастливить, не тебя, конечно. Тебя уже ничто не исправит, — едко произнёс Данте.

— Я всегда знал, что ты болен на голову, но не думал что настолько, — выплюнул Клементе.

— Возможно. Зато моя Эсте со мной счастлива, — не унимался Данте. — Потому что она для меня всегда на первом месте, и я никогда не стану подвергать её унижениям и боли.

— Ты слишком превозносишь женщин. Ты забываешь, что в нашем обществе главную роль всегда играет мужчина, — уныло заметил Клем, — потом наследник мужчины, а уж потом все остальные. А женщины нужны для постели и рождения детей. Однажды ты это поймёшь.

— Никогда не пойму.

— Тогда тебе место в Жёлтом доме, — огрызнулся Клем. — Или в тюрьме. Люди с такими взглядами сидят либо там, либо там.

— Ну прекратите уже, в самом деле! — не выдержала Эстелла.

Психанув, Данте ушёл на балкон. Лус отмалчивалась, рассеяно лопая вафли.

— Знаешь что, — Эстелла налила Клементе, Лус и себе ещё чаю, — привези-ка ты Пик сюда, к нам, а там посмотрим.

Клементе нетерпеливо дёрнулся.

— И зачем её сюда тащить, скажи мне? Да она будет жаловаться всю дорогу на то, как ей плохо и как она страдает. И тогда я просто её оставлю в лесу. Так что пускай дома сидит, нечего будущей матери повсюду разъезжать.

— Ты её не любишь, это очевидно, — терпеливо продолжила Эстелла, про себя отметив, как ей несказанно повезло с Данте. — Тогда позволь ей самой принимать решения. Разведись с ней и оставайся один или с той, кого любишь.

— Развестись?! — у Клементе было такое лицо, будто он увидел синего бегемота. — Вот не зря вы с Данте нашли друг друга. Вы и вправду одинаковые. Вы ни во что не ставите институт семьи. Брак — это на всю жизнь, а развод — позор. Да в меня пальцами будет тыкать весь посёлок!

Эстелла не знала, как бороться с этим ослиным упрямством. Подумать только, и она ещё на Данте грешила! Да у него характер шёлковый по сравнению с Клемом. Он бы никогда не позволил себе так обращаться с женщиной, как обращается Клементе с Пией. И что в сравнении с этим его вспыльчивость? Она знает к Данте подход и знает, как его успокоить, когда он взрывается. А вот как бороться с мнением Клема о том, что женщины существа второго сорта, она понятия не имеет.

— А с Лус ты что будешь делать? — сменила Эстелла тему.

— Заберу её с собой.

— Куда? — одновременно спросили Эстелла и вернувшийся в комнату Данте.

— В «Лас Бестиас».

— И что же она там будет делать? — подходя к комоду, Данте одно за другим принялся снимать украшения с пальцев. Оставил лишь обручальное кольцо и изумрудный перстень — с ними он не расставался даже ночью.

— Она там будет жить, — пояснил Клем.

— А ты будешь бегать от Пии к Лус и обратно? Умно! — закатил глаза Данте. — Вот знаешь, мой тебе совет, хотя ты их никогда и не слушаешь, но тем не менее: прекрати верить в бред, который внушает тебе мать. Я знаю, что Пию ты не любишь, но попробуй хотя бы её уважать, а не принимать за корову, которая должна отелиться во чтобы то ни стало. Ты ужасен, послушать тебя со стороны, можно подумать, что ты тиран и маньяк. Но я ведь знаю тебя с детства, я знаю, что это не так, — примирительно закончил Данте.

Клем молчал, оставаясь при своём мнении и хмуро разглядывая плюшевого кота на шкафу.

— Лус могла бы пожить в нашем бывшем доме, — предложила вдруг Эстелла. — Ну в том, где мы с Данте жили после свадьбы.

— Это хорошая идея! — одобрил Клем, сразу повеселев. — Что ты думаешь, Лус?

— Да мне всё равно, — Лус опять дымила сигаретой. — Я не принцесса, мне хоромы не нужны. Мне любой угол сойдёт, тем более, выбирать не приходится. Всяко лучше, чем на улице.

— Там очень миленький домик, — объяснила Эстелла. — Мне там нравилось, хоть я привыкла к хоромам.

— Значит, мы с Лус уедем сегодня, — решил Клементе.

— Уже? Так быстро? — огорчилась Эстелла.

— Ну да, а чего тут делать-то? Это вон в Данте помер аристократ, а я ненавижу город, хоть убивайте меня, — Клементе аж передёрнуло. — Мне тут скучно. Второй день только я здесь, а уж хочу обратно на свежий воздух. А вы, кстати, не желаете поехать с нами?

Эстелле в принципе было всё равно. Если Данте захочет, она с радостью поедет с ним. Девушка взглянула на него, но он отрицательно мотнул головой, давая понять, что не хочет.

— Нет, мы не поедem, — добавил Данте, переведя взгляд на Клема.

— Тебе и вправду так нравится жить в городе? — удивился тот.

— Именно. Мне нравится жить в городе. Я чувствую себя здесь нормальным человеком. А там я чувствую себя нищим пастухом и приживалкой в гостях у других людей. Нет, нет, не хочу.

— Значит, мы не поедem, — Эстелла взяла Данте под руку.

— Жаль, — вздохнул Клем. — Ты все ещё сердисься на маму и папу, да, Данте? — спросил он осторожно.

Данте сузил глаза. Эстелла ощутила, как на руке его напрягаются мышцы.

— У меня нет мамы и папы, — выдавил он.

— Я имел ввиду моих родителей.

— А я здесь причём? Они твои родители, а не мои.

— Но, Данте, они так расстроились, когда думали, что ты помер.

— Может, ты и расстроился, не знаю, а они нет. Это всё притворство и не надо их оправдывать. Я больше никогда не хочу видеть этих людей! — отрезал Данте.

Эстелла чувствовала, как мышцы у него ходят ходуном. Она прижалась к Данте сильнее, положив подбородок на его плечо.

— Значит, ты все ещё злишься? Но, Данте, нельзя же обижаться всю жизнь. Мы же родные люди, в конце концов, — Клементе изучал ковер под ногами.

— У меня нет родных. Единственный мой родной человек — это Эстелла, — Данте обнял её за талию. — И больше я ни в ком не нуждаюсь, а в предателях тем более, ясно?

Клементе промолчал и Данте счёл разговор оконченным.

Но, чем больше спорил Клем, тем больше Эстеллу восхищали сила духа и принципиальность её Данте. Он будет стоять на своём до победного, а Клементе вечно колеблется. Порой Клем виделся ей мужланом, особенно когда резко отзывался о Пии, а иногда, как сейчас, на фоне Данте он выглядел мягкотелым мальчиком. Эстелла решила, что Клементе просто человек, идущий на поводу у общества и избегающий стычек с ним любой ценой. В то время как Данте вечно лезет на рожон.

Через два часа Клементе и Лус распрощались с Данте и Эстеллой. Эстелла пожимала обоим руки, а всё ещё надутый и взвинченный Данте ограничился кивками головы. И, когда Лус Эстеллу обняла, он бросил на первую неприязненный взгляд. Только этого не хватало, чтобы его Эсте обнималась с проституткой!

— Ну и характер у него! Как ты его терпишь? — шепнула Лус на прощание. Эстелла в ответ только улыбнулась.

Оседлав Лимончика, Лус и Клементе умчались вдаль. Чёрный балахон Лус развевался в воздухе, точно траурный шлейф королевы.

===== Глава 10. Ни дня без приключений =====

Однако, по возвращении в гостиницу Данте продолжал угрюмо молчать и кукситься.

— Ну что с тобой, мой хороший? Что тебя мучает, расскажи своей Эсте? — подлизывалась Эстелла, теребя его то за волосы, то за уши.

— Ничего. Иногда Клем меня бесит. Он горой за свою мамашу и всё делает, как она велит. А я её никогда не прощу, пусть она горит в аду! — выплюнул он.

— Ну не надо так, Данте!

— А как? — он лихо встряхнул головой. — Они меня предали! Сначала пригрели, а потом выкинули, как собаку. Не прощу и всё! Не прощу! Я злопамятный. И мне не нравится, что ты любезничала с этой Лус. Эсте, она проститутка, она тебе не ровня. Я не хочу, чтобы ты с ней общалась.

— Я знаю, кто она, милый. Но я не привыкла хамить людям.

— По-твоему я хам? — у Данте глаза чуть не выскочили.

— Нет, ты не хам. Просто ты очень взрывной. И ты нетерпим к людям и их недостаткам. А это неправильно.

— Ненавижу людей! Ненавижу их всех! — в сердцах бросил Данте.

Эстелла обняла его за талию, положив голову к нему на спину.

— Между прочим, Лус спасла мне жизнь, — сказала она.

— То есть?

— Ну, это было в тот день, после казни. Я попала в монастырь. А привела меня туда Лус. Если бы не она, я бы так и осталась лежать под дождём, потому что у меня не было сил куда-то идти. И я наверняка бы схватила пневмонию и умерла бы. Но Лус меня нашла, привела в монастырь и там меня выходили. Я была в жутком состоянии, я же тебе рассказывала, мой милый.

— Угу, но ты мне не говорила, что это была она.

— Вот, а теперь говорю. Она мне рассказала свою историю, а я тогда даже пожалеть её толком не смогла, мне так плохо было.

— Пожалеть? Её? Эсте, она же шлюха! — брезгливо фыркнул Данте.

— Ты презираешь таких женщин?

— Сейчас как никогда.

— Почему?

— Потому что когда я полюбил тебя, я увидел существенную разницу между такими, как ты, и такими, как она.

— А между нами есть разница, ну, кроме того, что она выросла в другой семье и попала в плохую среду? — удивилась Эстелла.

— О, разница огромная, моя девочка! Это сложно объяснить, но для меня это очевидно. Ты и она — как роза и поганка.

— Но я тебе всё равно расскажу её историю и, может, ты изменишь своё мнение, — голосок Эстеллы звучал лукаво. — У тебя ведь доброе сердце, я знаю, как бы ты не прикидывался. Ты теперь даже Пию защищаешь, хотя терпеть её не мог.

— Я не защищаю Пию, плевать я на неё хотел, — не согласился Данте. — Я ещё не забыл и не забуду, как она убивала моих животных. Но мне не нравится, как ведёт себя Клем. Если бы на месте Пии была любая другая, да та же Лус, я бы сказал всё то же самое. Какая бы она не была, а она человек и ничем не обязана Клему. Только она сама вправе распоряжаться своим телом и своей жизнью.

— Но я всё равно расскажу, — Эстелла развернула Данте к себе лицом. — Мне вообще многое надо тебе рассказать. Например, о Маурисио. Нет, не делай такое лицо! Мы должны поговорить об этом, потому что это важно. И ещё о том письме, что ты мне написал.

— О каком письме?

— В котором ты пишешь, что мы должны расстаться.

— Но я такого не писал!

— Как это не писал? Я его получила и почерк был твой.

— Но я не помню... Нет, как твоё письмо я читал, я помню, а что было дальше... дальше я очнулся у реки... там была овечка... такая хорошенькая, и я её обнимал... а потом... потом всё исчезло и я увидел Алмаза и Клема... — Данте уткнулся головой Эстелле в плечо. Она успокоительно взяла его за руки.

— Какие у тебя пальцы красивые, — Эстелла внимательно разглядывала изящные пальцы своего любимого. И невольно ей вспомнились прикосновения Маурисио. Пальцы у того были жёсткие, толстоватые и не шли ни в какое сравнение с ласковыми пальцами Данте. — Миленький, иди ко мне. Расскажи мне всё по порядку.

— Нет, я не хочу, я ничего не помню... Я не хочу быть плохим... — бормотал Данте, сжимая виски руками.

— Ну кто тебе сказал, что ты плохой? Ты очень, очень хороший. Мне ли это не знать? — уговаривала Эстелла.

— Никто не говорил, я сам знаю. Я очень плохой, я злой, я сумасшедший и меня все ненавидят, — глаза у Данте сделались какие-то безумные. Тёмно-синие, раскосые, сейчас они были похожи на две хвостатые кометы. — И ты не должна со мной общаться. Я на тебя плохо влияю.

— Ну, Данте, перестань. Какие глупости ты говоришь сегодня! Иди сюда, — Эстелла, усадив его на диван, положила к себе на колени его голову и стала перебирать густые волосы. Обнимая девушку, Данте тыкался лицом ей в живот.

Эстелла заплела Данте косу, чтобы ему легче было дышать. Она отпаивала его чаем из листьев липы и рассказывала о Лус, о дяде Ламберто, о Маурисио и Матильде. Но перед глазами у Данте всё ходило ходуном. Он уставился в стену напротив — она шаталась и изгибалась, то приближаясь, то отдаляясь. В ушах противно звенело, и Данте зажмурился.

и закрывал уши. Сквозь звон и гул он слышал два голоса: нежный эстеллин и вкрадчивый Салазара. Последний становился всё отчетливей и отчетливей.

— Оставь её в покое. Зачем ты ей нужен, никчемный олух? — шептал Салазар. — Чудовище, которое чуть не убило Сильвио и Рене. Благо, у тебя хватило мозгов остановиться. Ты для неё всего лишь каприз. Как только она разочаруется, она бросит тебя. А ты разочаруешь её непременно.

— Нет... не хочу... уйди, уйди прочь! — Данте закрыл лицо руками.

— Данте, что ты говоришь? — Эстелла ласково склонилась над ним, он тяжело дышал и видел её лицо в каком-то тумане.

— Нет, ничего...

— Я говорю, что дядя Ламберто хочет с тобой познакомиться. Мне кажется, это было бы здорово. Он хочет помочь нам и ему не нравится Маурисио.

Голос Эстеллы теперь стал чётче. Данте теснее к ней прижался, сосредотачиваясь на её словах. Нет, он не позволит Салазару управлять собой, сводить себя с ума!

— Нет никакого Салазара, — опять шепнул голос. — Я — это плод твоей больной фантазии. Знаешь, кто ты? Ты самый обыкновенный псих. И она тебя бросит, вот увидишь. Эта женщина не твоего круга, она не будет всю жизнь с тобой нянчиться, потому что она хочет, чтобы нянчились с ней.

— Нет... нет... Эсте... Эсте, не уходи, ты мне нужна, — повторял Данте как в бреду.

— Я никуда не ухожу, Данте. Я тебе рассказываю про дядю Ламберто. Ты, наверное, заснул на секундочку и тебе что-то приснилось. Но я здесь, с тобой, — она поцеловала его в губы, улыбнулась, всматриваясь в его точёное лицо. — Мне кажется, тебе надо отдохнуть. Давай я постелю постельку и ты ляжешь?

— Нет, нет, я не хочу в постель, не хочу быть один. Поговори со мной о чём-нибудь, только не молчи, Эсте. Я буду слушать твой голос, и всё пройдёт. О чём ты говорила?

— Я говорю, когда дядя узнал, что Маурисио меня избил... ой!

Данте резко сел. Голова ещё кружилась, но Салазара он больше не слышал. Эстелле удалось вытянуть Данте из прострации, переключив его внимание неожиданной новостью.

— Что?

— Эээ... ну...

— Что ты сказала только что? Эсте, как это он тебя избил? — черты Данте тотчас заострились, глаза потемнели.

— Ну да... — вздохнула Эстелла. — На самом деле я не хотела тебе говорить, потому что боялась твоей реакции. Это было в тот день, когда его люди меня похитили. Маурисио меня избил за то, что я сбежала от него в первую брачную ночь. Нет, Данте, ты не думай, что я такая рохля, — оправдывалась Эстелла. — Я не смогла сопротивляться, потому что была связана. Если бы не это, я бы не позволила ему себя бить, я бы дала ему сдачи, запустила бы в него чем-нибудь. Но его люди меня связали, и я даже шевельнуться не могла, поэтому он меня поколотил. У меня всё лицо было в синяках. Когда я пошла на похороны Хорхелины, пришлось наложить на лицо десять слоёв пудры. Только тетка Сантаны это заметила и спросила меня об этом в присутствии дяди Ламберто. И я всё рассказала. Дядя хотел Маурисио проучить, но я... Данте, ты чего? — Эстелла испугалась, увидев, что он встал на ноги.

Но Данте уже ничего не слышал. В ярости он пнул ногой софу так, что она отъехала на пол метра в сторону.

— Я убью этого урода! Я его убью!

— Нет, Данте, успокойся! Не надо никого убивать! Дядя Ламберто сказал, что можно справиться с Маурисио цивилизованным способом.

— Цивилизованным? — глаза Данте окончательно превратились в угольки. — С такими уродами цивилизованные способы не действуют. С ними надо разбираться их же методами!

Эстелла в ужасе прикрыла рот руками, когда Данте, достав кинжал, на рукояти которого была выгравирована парадиса — райская птица, начал выуживать из-под комода сапоги.

— Нет, Данте, не надо никуда ходить! Убери кинжал! — завопила она. — Я тебя умоляю! Ради меня, ради нашей любви не связывайся с ним. Он идиот, но ты-то нет. Я не хочу, чтобы ты снова попал в беду! Если ты его убьёшь, ты опять угодишь на эшафот, и тогда я умру. Миленький, не надо, пожалуйста, умоляю, не надо разбираться с Маурисио! — Эстелла повисла у него на шее.

— Сука! Я его урою! Он у меня кровью плевать будет! Он больше не посмеет не то, что поднять руку на мою женщину, так и вообще выйти из дома не сможет. Будет только ползать! Я обрублю ему руки и ноги, будет поленом с глазами всю оставшуюся жизнь. Тварь! — весь искрясь, Данте вырывался, но Эстелла с силой вцепилась в него и не отпускала.

— Если ты меня любишь, не делай этого! — слёзно умоляла она. — Да, Маурисио гад, поэтому он не стоит того, чтобы из-за него губить свою жизнь. Нашу жизнь, мой милый. Пожалуйста, подумай обо мне. Я не переживу, если с тобой опять что-то случится. Ну что мне сделать, чтобы ты никуда не ходил? Хочешь, я на колени встану?

— Эсте... Эсте, ну что ты говоришь? — под таким натиском Данте сдался. Отобрав у него кинжал, Эстелла усадила юношу на софу. Залезла к нему на колени и прижала его голову к себе.

— Успокойся, мой хороший, мой дорогой, радость моя, — шептала она.

Данте всего трясло от злости и ненависти, сердце у него застряло где-то в районе горла.

— Ну зачем я тебе рассказала? Ведь знала, что так и будет.

— Нет, ты должна была мне рассказать, — он погладил её по щеке. — Бедная моя девочка. Тебе было очень больно? Где он тебя ударил?

Эстелла неопределённо махнула рукой. Данте покрыл поцелуями её лицо, глаза, щеки, губы, словно пытаясь вылечить от побоев Маурисио.

— Пообещай мне, что не будешь делать глупостей, — потребовала она.

— Не знаю... не могу обещать. За тебя я могу и убить.

Но, в итоге, присутствие Эстеллы, тонкий аромат её парфюма и нежный голосок привели Данте в чувства.

День клонился к вечеру. Сходив в трактир, Эстелла принесла ужин: жареных осьминогов, фрукты и бисквитные пирожные с ванильным кремом.

Данте сначала любовался дубами, стоя на балконе, затем попытался читать, но отбросил книгу через пять минут. В голове жужжало и она не воспринимала никакую информацию. Тогда он ушёл в спальню и, лёжа на кровати, блуждающим взором долго изучал комнату. Взгляд его остановился на овальном серебряном зеркальце с крышкой и ручкой, инкрустированными рубинами, что лежало на тумбе. Данте взял его в руки и долго рассматривал. Отражения своего он не увидел, как не увидел и ничего иного — зеркало было пустым. Это юношу несколько не озадачило — ни в одном из зеркал Данте себя не наблюдал.

Эстелла расставляла тарелки с едой на столике в гостиной.

— Данте, иди к столу! — позвала она, но он не откликнулся.

Войдя в спальню, она увидела, что Данте сидит на кровати и смотрит в волшебное зеркало как зачарованный.

— Это то самое.

— Что? — не понял Данте.

— То самое волшебное зеркало, с которым я разговаривала.

Данте покрутил артефакт в руках, даже перевернул вверх тормашками, но тот не подавал признаков жизни.

— Никакого волшебства не вижу.

— Оно давно уже молчит. В последний раз, когда я с ним беседовала, оно велело мне найти Кларису. Кстати, по поводу Кларисы у меня есть идея.

— Что за идея?

— Я помню, где она живёт, — объяснила Эстелла. — Точнее я помню дорогу, по которой мы шли до её дома.

— И что? — Данте переводил непонимающий взгляд с зеркала на Эстеллу и обратно.

— Просто я думаю, что Клариса могла бы нам помочь.

— Чем?

— Во-первых, было бы неплохо показать ей это зеркало. Во-вторых, ты всё равно немного странный, мой милый. Я думаю, то зелье на тебя влияет до сих пор. У тебя беспричинные перепады настроения, ты заговариваешься и эти твои провалы в памяти мне не нравятся.

— Как будто мне они нравятся, — буркнул Данте.

— Во-от, давай поужинаем, а потом сходим к дому Кларисы. Даже если мы её не найдём, хотя бы убедимся, что я правильно запомнила дорогу.

— Не знаю... Честно говоря, мне не хочется видеть Кларису. Я ей не доверяю, — нахмурился Данте.

— Почему?

— Не знаю. Не могу это объяснить. Просто я чувствую людей. Она мне неприятна, мне кажется, она лгунья.

— А мне нравится Клариса, — наморщила носик Эстелла. — Без её помощи я бы тебя не нашла.

— Нет, дело не в этом. Я так и не понял, что ей от нас надо. Зачем она меня выслеживала? Она что-то говорила много и путано, но конечную цель я так и не уловил. Она явно что-то скрывает. Но если ты так хочешь, мы сходим к её дому. Тебя одну я больше никуда не отпущу. Мало ли на что способен этот идиот, твой маркиз.

— Он не мой. Это ты мой, — подлизалась Эстелла. — Идём есть, а то всё остынет.

— Ага.

За ужином поглощение еды перемежалось с нежностями. Объевшись осьминогов, Данте повеселел. Он кормил Эстеллу пирожными с кремом, измазал ей нос и щёки, а потом взялся слизывать крем с её лица.

— Ну что ты делаешь? — захихикала Эстелла. — Не начинай, я ведь не могу устоять перед твоими ласками. А мы хотели идти к Кларисе.

— А я бы предпочёл заняться другим, — промурлыкал Данте, целуя её в подбородок. — Эсте... как же я люблю тебя, Эсте! — нет, этого мало. Слишком мало. Никаких слов не

хватит, чтобы передать всё, что он испытывает.

— Ну Данте, мы всё утро этим занимались. Какой ты ненасытный! — притворно возмутилась Эстелла, хотя и умирала от блаженства.

— Просто я соскучился. Мы так редко бываем вместе, — вздохнул он горько. — Я уже устал бороться за крошечные мгновения счастья, что нам выпадают. Я хочу любить тебя открыто, быть с тобой всегда, ни от кого не прячась. Мы ведь муж и жена, в конце концов.

— Потерпи, милый. Я хочу того же. Но если не отделаться от Маурисио законным методом, он так и будет нас преследовать, — Эстелла потёрлась носиком о его щёку. — Давай мы всё-таки сходим к Кларисе, пока ещё не слишком темно. А к ночи вернёмся, залезем в постельку и будем согревать и ласкать друг друга. Ну пойдём, это недалеко.

У Данте в груди опять заныло — какое-то предчувствие терзало его уже с раннего утра. Но Эстелла, сама того не подозревая, умела манипулировать этим свободолюбивым, своенравным юношей и крутить им как угодно. Данте не смог ей отказать. Пришлось засунуть свои предчувствия поглубже, и, спустя ещё полчаса, влюблённые покинули гостиницу.

Пока шли, Эстелла читала таблички на домах и считала повороты. Тогда, вместе с Кларисой они пересекли лишь пару улиц, и, завернув за угол, — вуаля — оказались у её дома. Но теперь, сколько Данте и Эстелла не ходили по округе, ничего похожего на волшебный дом так и не появилось. Эстелла решила, что-таки спутала дорогу. В тот день она была неадекватна, оплакивая мнимую смерть Данте. А может, дом Кларисы имел свойство сам прятаться от чужих глаз? Проблуждав по улицам часа два и так и не найдя искомого, Данте с Эстеллой повернули обратно к «Маске».

Они гуляли по аллее, держась за руки. До гостиницы оставалось несколько сотен метров (надо было лишь за угол завернуть), и ВДРУГ!

Цок-цок-цок — за спинами раздался цокот копыт и шум. Мгновение, и девушку с юношей плотным кольцом окружили всадники. Их было пятеро. Пятеро разбойников в лохмотьях и масках. За поясами у них сверкали кинжалы и пистолеты.

Данте на миг оцепенел от неожиданности, но, овладев собой, рывком притянул Эстеллу к себе. Бандиты, заржав в ответ, вынули пистолеты и наставили их на девушку с юношей.

— Вот голубки и попались, — пробасил один из всадников — коренастый, широкоплечий, с обтрёпанной шляпой на голове.

Лиц бандитов Данте и Эстелла не видели — их скрывали кожаные маски с узкими отверстиями для глаз.

— Что вам надо? — спросил Данте, проклиная свою дурость — выходя из «Маски», он не взял кинжал, и теперь лихорадочно соображал что делать. Сам с пятью вооружёнными мужчинами он не справится. По большому счёту, Данте испугался за Эстеллу. Одному ему было бы проще, а так он должен защитить любимую, пусть и ценой своей жизни.

— Если вам нужны деньги, то вы обратились не по адресу! — заявил Данте. — У нас нет ценностей, поищите других жертв.

— От такого нищего, как ты, мы богатств и не ждём, — сказал второй бандит, худой и гнусавый. — Нам и так хорошо за вас заплатят. Нам не впервой выслеживать прелюбодеёв. Муженьки-рогоносцы знатно раскошеливаются, да и мы не промах, за бесплатно не работаем.

— А девка-то ничего, — голос третьего бандита звучал хрипло. — Хорошенькая. Было б неплохо с ней того, позабавиться. Чтоб в следующий раз неповадно было по чужим койкам

бегать. Шлюха она на то и годна, чтоб всех ублажать.

Эстелла крепко держалась за Данте, обвивая руками его талию. Но это ему не помешало. Бац! Лошадь бандита отпрянула, когда Данте, наплевав на то, что на них с Эстеллой наставлены пять пистолетов, приблизился, подпрыгнул и вмазал обидчику кулаком по физиономии.

— Ещё одно слово о моей женщине и ты труп!

— Н-надо же! А т-ты м-малый от-тчаянный ок-казывается, — заикаясь, произнёс четвёртый бандит. — М-мы т-тебя н-недооценили, од-днако.

Тот, кого Данте ударил, шумно сопел, вращаясь на лошади по кругу. Сквозь маску виднелись его глаза — маленькие, болото-серые, они отдавали металлом.

— Послушай, парень, ты не думай о нас плохо. Мы ж не убийцы. Просто выполняем пожелания того, кто нам платит. Так что у тебя есть выбор, — заявил круглый, как шарик, бандюга, подъезжая к Данте и потрясая пистолетом перед его лицом.

— Какой же? — сквозь зубы процедил Данте, буравя мужчину взглядом.

— Хочешь остаться в живых? Я уверен, что хочешь. Кто ж не хотел бы-то? Нас пятеро, а ты один. Как бы ты не хорохорился, а тебе с нами не справиться. Так что давай решим всё любовно и без ненужных телодвижений, — он размахивал пистолетом, наезжая на юношу грудью коня, — отдай нам девку и топай отсюда.

Данте надменно усмехнулся.

— Никто из вас к моей жене не прикоснётся! — выплюнул он, делая пару шагов назад и укрывая Эстеллу плащом. — Я никуда не уйду. Если вы её тронете, пеняйте на себя, — Данте решил, что единственный выход — использовать магию. Они с Эсте явно попали в беду и просто так их не отпустят.

Бандиты подскакали ближе, окружив парочку плотным кольцом. Приставили пять пистолетов к голове Данте.

— Отдай девчонку, или мы прострелим тебе башку, и твои мозги растекутся по всей округе.

— Можете стрелять! — с вызовом сказал Данте, мёртвой хваткой прижимая Эстеллу к себе. Девушка впилась ногтями ему в поясницу.

— Нет, Данте, отпусти меня, я пойду с ними, — сказала она. — Я уверена, это Маурисио их послал. Они мне ничего не сделают, просто отвезут к нему, а тебя могут убить.

— А деваха-то твоя умная, в отличие от тебя! — прогнусавил худой.

— Нет, она никуда не пойдёт! — Данте так обнимал Эстеллу, что она дышала с трудом.

Бандиты переглянулись.

— Да ты, походу, либо дурак, либо псих! Кто ж будет рисковать своей шкурой из-за порченной бабы? Неизвестно с кем ещё она кувыркалась. Или думаешь, ты у неё единственный? А-ха-ха-ха-ха! Ах, ты, ублюдок! — вскричал толстяк, когда Данте, плюнув ему в рожу, попал в глаз.

— Закрой пасть, сука! — прошипел Данте. — Мы прекрасно знаем, кто вас послал. Не передайте ему, что он получит Эстеллу только через мой труп.

— Да тебе, похоже, жизнь-то не мила, парень, — расхохотался хрипой. — Но мы могли бы это обсудить, например... — но он не успел договорить. Данте вдруг изловчился и, ухватив его за шею, сбросил с лошади. Тот, перевалившись Данте через плечо, упал с таким звуком, будто раздробил себе все кости.

— Эсте, беги! Уходи! Прочь! Прочь! — выкрикнул Данте.

Схватив Эстеллу за талию, он плашмя бросил её поперёк лошади. Ударил кобылу каблуком в бок. Взбесившись, каурая [1] встала на дыбы.

— Ах, ты, ублюдок! Да тебе конец! — бандиты попрыгали вниз и кинулись на Данте всей гурьбой, забыв об Эстелле. И путь для неё оказался свободен. Она кое-как ухватила за лошадиный круп, и кобыла понесла её прямо в лес.

Бандит в шляпе поскакал за ней следом, но Данте этого не видел. Он отчаянно боролся, даже выпустил из когтей огонь, но один против четверых был бессилен.

Ему вывернули руки и связали их за спиной так, что магию использовать он больше не мог. Бросив юношу на землю, бандиты пинали его ногами. Данте удалось вырваться и оползти в сторону. Но попытка его развязать верёвки оказалась тщетной.

— Ну всё, гадёныш, ты сам напросился, — зловеще проговорил гнусавый бандит. — Мы предлагали разойтись миром, ты не захотел, теперь пеняй на себя.

— Можете меня убить! — просипел Данте. — Всё равно тот урод, что вас нанял, Эстеллу не получит. Он может хоть на голове прыгать, но она любит меня. И нас даже смерть не разлучит. Так и передайте ему!

На горло Данте опустилась тонкая кожаная удавка. Задыхаясь, он издал хрип, когда его протащили на удавке прямо по булыжникам. Грубо ухватили за длинные волосы. Шарахнули лбом о землю. Опять потянули за волосы, запрокидывая голову вверх так, что в шее хрустнуло. Один из бандитов (Данте уже не видел кто именно) стал вливать ему в рот какое-то пойло.

— Глотай!

Данте замотал головой, выплюнув горькую гадость.

— Пить, я сказал! — бандит пальцами зажал ему нос, затягивая удавку сильнее.

Чуть не задохнувшись, Данте судорожно открыл рот. Едва не подавился, закашлялся и проглотил не всё, но какую-то часть жидкости. Он так и не смог определить чем именно его напоили, но внутри всё обожгло так, будто он проглотил горящий факел.

— Чудненько! — со злорадством молвил гнусавый.

Данте била сильнейшая дрожь, горло словно выжгли огнём, а все внутренности выворачивало наружу.

— Воды... — еле слышно прошептал он.

— Что? Воды? А-ха-ха-ха!

Раздался взрыв хохота. Кто-то пихнул его ногой в бок.

— Ты хочешь воды, урод? Слышите? Он просит воды. Что ж, сейчас будет тебе вода.

Толстяк протянул напарнику новую фляжку. Её приставили к губам Данте, и он жадно проглотил её содержимое. По вкусу это и вправду была вода.

Однако, не прошло и минуты, как перед глазами Данте начали рисоваться видения: разноцветные чудовища лязгали зубищами, пытаясь сожрать его; огромные летучие мыши кружили над ним, колотя его крыльями; зелёные змеи дышали фиолетовым огнём. Всё это происходило лишь у Данте в голове, но легче ему от этого не становилось. Со стоном он подался назад, зажмурился, отгоняя галлюцинации, но это было бессмысленно.

Его опять куда-то поволокли, но Данте уже не сопротивлялся, только открывал рот, вдыхая струю воздуха, пока не ударился головой о корягу и не потерял сознание.

Комментарий к Глава 10. Ни дня без приключений —————

[1] Каурая — «дикая» масть. Окраска туловища рыжеватая, грива и хвост рыже-коричневые, темнее корпуса.

Данте с трудом открыл глаза, понимая, что не может шевелиться. Он дёрнулся и тщетно — тело будто заковали в железо. Он был обнажён до пояса и туго привязан кожаными ремнями к высокому чёрному креслу, похожему на трон. Блуждающим взором Данте уставился вверх, на каменный потолок, увешанный канделябрами. Свет от них ударил юноше в глаза.

Привыкнув к яркому освещению, Данте чуть опустил голову и узрел круглое пространство — нечто вроде циркового манежа. Кресло, в котором он находился, висело на цепях выше манежа примерно на метр.

Данте абсолютно не понимал, где он и что происходит, но сердце его едва не остановилось, когда, изучив глазами комнату, он увидел: напротив, в точно таком же кресле сидит Эстелла. Её расширенные от ужаса глаза и заплаканное мертвенно-бледное личико, — мигом дали Данте повод тут же себя накрутить.

Последнее, что он помнил: как его били и душили бандиты, затем напоили какой-то дрянью, от которой у него начались галлюцинации, и он упал в обморок. И теперь очнулся в этом месте. Но что тут делает Эстелла? Ведь лошадь унесла её прочь. Она должна была спастись! Неужели её всё-таки поймали? Зачем её тоже привязали к креслу? И почему она смотрит на него с таким ужасом? Данте украдкой оглядел себя. На теле у него было несколько синяков и ссадин и немного крови, но в целом ничего смертельного.

Данте, заглянув Эстелле в глаза, попробовал ободряюще улыбнуться. Потрескавшиеся губы слушались плохо, и улыбка вышла кривой. Видимо, Эстеллу она не впечатлила — девушка точно окаменела. Наверное, её парализовал страх. О, ему знакомо это состояние! Такое с ним бывает при виде крыс. Бедная его девочка, она сильно напугана.

Из-за тугих ремней все мышцы у Данте свело и он не ощущал даже кончиков пальцев. Это его жутко бесило, ведь он не мог колдовать, чтобы разорвать путы. Неужели и Эстелла так привязана? Может, ей больно, поэтому она напоминает статую? Он-то прошёл однажды через подобные пытки. Там, в тюрьме, он и по нескольку суток висел на одних руках, и выдержал, а его Эсте, хрупкая и нежная, не должна такого испытывать.

Данте подарил ей ласково-ободряющий взгляд. В чёрных очах Эстеллы мелькнула покорная обречённость, которой раньше не было. Наградив Данте глубоким печальным взглядом, она опустила ресницы. Данте ощутил, как завибрировало обручальное кольцо, по пальцам потекла вода. Слезы! Она плачет и кольцо вместе с ней. Злоба душила Данте. Ему хотелось кричать. Какого чёрта их тут держат? Надо выбираться отсюда. Надо попытаться разорвать свои оковы магией, а потом вызволить и Эстеллу. Он резко подался вперёд — ремни натянулись, впиваясь в кожу, и Данте весь задымился, но разорвать путы так и не смог.

Нежданный шум привлёк его внимание. В комнату ввалилась толпа. Данте насчитал десять человек: девять мужчин и одна женщина. Пятерых он узнал тотчас — это были всё те же головорезы в масках, что напоили его наркотической дрянью. Женщина — красивая, яркая брюнетка, затянутая в синее платье с верхом, скроенным на манер мужского фрака, Данте была незнакома. Среди остальных выделялся мужчина с повадками аристократа. Он был высок, строен, одет в серый костюм для верховой езды: редингот, облегающие штаны и сапоги. Голову его венчала узкополая шляпа, лихо сдвинутая на лоб. В правой руке он держал необычного вида трость — на ней зловеще блестел золотом острый, как пика, наконечник. Другие трое, одетые в холщовые рубахи и штаны, явно были простого

происхождения. Аристократ взошёл на манеж, и тогда Данте узнал его. Это был никто иной, как Маурисио Рейес.

Он приказал троим мужчинам в простом одеянии (кажется, они были слугами) опустить оба кресла ниже так, чтобы хорошо видеть и Данте, и Эстеллу.

— Так, так, так. Какие люди к нам пожаловали! — произнёс Маурисио с издёвкой. — Наконец-то, я вижу воочию человека, который спит с моей женой у меня под носом.

— Эстелла — моя жена! Ты к ней не имеешь никакого отношения! — выкрикнул Данте в пылу ярости. Теперь, когда он не сомневался, что всё это — дело рук Маурисио, ему захотелось его удавить. — Отпусти Эстеллу, червяк! Она тут ни причём. Если хочешь свести счёты, своди их со мной. Если хоть один волосок упадёт с головы Эстеллы, ты пожалеешь, что живёшь на этом свете. Я тебя из под земли достану, учти. Я предупредил.

— О-хо-хо-хо! Как страшно! Я аж дрожу весь! — наигранно расхохотался Маурисио. — И кто мне угрожает? Ты? Нищий ублюдок, без гроша в кармане, который сейчас и пальцем двинуть не в состоянии. Надо же, какая наглость!

— Да ты просто обыкновенный трус, — презрительно выплюнул Данте. — Ты нанимаешь с десятков головорезов и после этого чувствуешь себя мужчиной, не так ли? А тебе слабо побороться за женщину на равных?

— Я не собираюсь за неё бороться, — парировал Маурисио. — Эстелла уже моя, она моя законная жена, а ты зарвавшийся бродяга, который забыл, где его место. Но я тебе напомню.

— Отпусти её, я сказал! — у Данте грудь едва не разорвало от гнева и бессилия, когда он заглянул в бледное эстеллино личико. Вновь дёрнулся, пытаясь освободиться от пут, но, увы, тщетно.

Маурисио торжествующе хохотал, видя как Данте извивается.

— Сука, вот ты кто! — крикнул Данте. — Ты считаешь, что можно заставить женщину себя полюбить, мучая её? Избивая, связывая, насилуя? Ты просто мразь! И никогда, никогда ни одна женщина тебя не полюбит, несмотря на все твои деньги! Потому что ты любить не умеешь в принципе!

— А-ха-ха-ха, не тебе говорить о любви, пастух! Такие, как ты, созданы для того, чтобы прислуживать таким, как я, гнуть перед нами спину. Усёк? А женщины существа глупые, знаешь ли, — Маурисио вертел в руках трость, прохаживаясь по манежу. — Они сами не знают, чего они хотят, кого они любят, а кого нет, — он повернулся к Эстелле. — Не правда ли, дорогая Эстелла, вы знаете это не по-наслышке? Глупее вас я ещё никого не встречал. Соответственно, глупые, хоть и красивые дамы не в состоянии сами ничего решить. Как можно умно рассуждать, не имея мозга? Поэтому их надо подтолкнуть к верному решению и верным чувствам. Чем мы сейчас и займёмся.

Данте не знал что ответить на такой бред и сжал зубы, свирепо вращая глазами.

— Ну всё, хватит, глупой болтовни, — продолжил Маурисио. — Ты так жаждешь спасти Эстеллу от меня? Что ж, я предоставлю тебе такую возможность. Хотя эту прелюбодейку следовало бы проучить. Но у меня доброе сердце, и я дам ей ещё один шанс. У вас обоих будет выбор. Ты, к примеру, — он обратился к Данте, — сможешь выбрать кому из вас достанется то или иное наказание — тебе или ей. А Эстелла сможет прервать любое действие из всех, что тут будут происходить. В любой момент. Прервать одним своим словом, — Маурисио насмешливо заглянул ей в глаза. — Я вам уже говорил, дорогая, что у человека всегда есть выбор, а что он предпочтёт, зависит лишь от него. Пора начинать! — Маурисио

обвёл взглядом троих слуг, бандитов и женщину, что стояла поодаль.

Он взял у слуги тонкий длинный хлыст. Данте увидел, как у Эстеллы побелели губы. И её обезумевший взгляд окончательно открыл для него страшную истину: сегодня его запытают до смерти, ибо он не позволит ни единому человеку даже пальцем коснуться этой девушки.

— Ты наверное, знаешь, пастух, — сказал Маурисио, — для чего это, — он любовно погладил хлыст пальцами. — Порка — самая позорная пытка. Так хозяева наказывают провинившихся рабов.

Данте решил не смотреть на Эстеллу, чтобы не видеть её немой ужас. В тюрьме ему доводилось уже выдерживать подобное. Правда, стражники исполняли приказ: ни в коем случае не убить жертву; у Маурисио же ограничений не было.

— Ну так что? — ехидно спросил Маурисио, обращаясь к Данте. — Выбор за тобой, пастушок. Кого будем пороть: тебя или её?

— Меня, — ни секунды не раздумывал Данте.

— Ну это ж надо, какие мы благородные! — Маурисио подал знак бандитам, махнув рукой в их сторону.

Трое головорезов, отстегнув Данте от кресла, надели ему на шею и конечности тяжеленные кандалы и столкнули его на манеж. Эстелле вставили в рот кляп, чтобы она не орала, и кресло её подняли выше, открывая более удачный обзор.

Толстый бандит взял хлыст в руку. Взмахнул, рассекая воздух, и первый удар пришёлся Данте по лицу. По щеке потекла красная струйка. Юноша попытался отползти в сторону, но кандалы ему мешали. Щёлк! Новый взмах. На сей раз Данте увернулся. Он вжался в каменный пол, и хлыст пролетел над спиной, не зацепив.

— Стоп, стоп, стоп! Так не пойдёт! — раздался холодный голос Маурисио. — Я сегодня хочу повеселиться на славу, и никто мне не испортит удовольствие! Сгинь, увалень, ты ничего не умеешь! — он выхватил у бандита хлыст. — Сейчас я вам покажу настоящее мастерство. О, у меня большой опыт порки отбросов общества! Матильде знает, — и он подмигнул сестрице, безучастно маячившей вдалеке. — Учитесь, бездари!

Маурисио окунул хлыст в неподалёку стоящую бочку с некой жидкостью. Кандалы мешали Данте двигаться — к ним были привязаны неподъёмные гири, и он, как ни пытался, не мог отползти больше, чем на пару-тройку шагов.

Маурисио занёс хлыст. Щёлк! Удар пришёлся по обнажённой спине, и Данте чуть не заорал в голос, осознав, что хлыст смазан чем-то жгучим. Маурисио приказал одному из бандитов держать Данте, чтобы он не шарахался по манежу. Коренастый головорез схватил Данте сзади за волосы. Намотав всю длину волос себе на руку, а другой держа его за шею, он не позволял юноше уворачиваться от ударов. Теперь они стали непрерывными, как длинный-длинный моток ниток, и Данте потерял им счёт.

Ощущения были ужасные. Периодически Маурисио окунал хлыст в бочку со жгучей жидкостью, и боль усиливалась в разы. Но Данте запретил себе кричать. Представляя что сейчас творится в душе у Эстеллы, он приходил в бешенство. Хотелось разорвать Маурисио на куски, но кандалы и железная хватка амбала ему мешали. Данте кусал губы, призывая на помощь всё своё мужество. Наконец, ему удалось овладеть собой и даже отключиться от боли настолько, что он сосредоточился на магии. И когда она забурилась под кожей, Данте испытал облегчение. Боль притупилась, но волновало его теперь иное — он не снял обручальное кольцо. Проклятье! Что если Эстелла тоже испытывает боль? Но Данте не

решался на неё смотреть. Если он увидит её страдания, он начнёт орать. И, когда бандит тянул его за волосы, поднимая ему голову вверх, чтобы Маурисио и Эстелла видели его лицо, Данте закрывал глаза.

Пытка продолжалась долго. Когда Маурисио выдохся, за дело взялся другой бандит, потом третий, четвертый и так по кругу. Данте был весь исполосован хлыстом, из ран текла кровь.

Прошла целая вечность до того момента, когда Маурисио велел закончить экзекуцию. Измученного Данте снова приковали к креслу. Он весь дрожал, но скорее от злобы, ненависти и унижения, чем от боли. Всё же магия, как бы он не ругал её и не пытался от неё избавиться, ни раз спасала его. Но она могла залечить раны на теле, на душе, увы, нет. А душа Данте буквально изнемогала. Эстелла... Эстелла... Он не хочет, чтобы она видела эти ужасы. Только не она! Когда кресло Эстеллы опустили вниз и они оказались напротив друг друга, Данте невольно поднял глаза. Девушка была белее фарфора и мелко-мелко дрожала; из остановившихся глаз потоком текли слёзы.

— Ну-с, продолжим, — на губах Маурисио играла улыбка. Он получал садистское удовольствие, созерцая чужие муки.

Бородатый слуга принёс шесть факелов, раздал по одному бандитам и Маурисио.

— Думаю, что это как раз для женщин, — гаденько сообщил Маурисио. — Женщины любят пламя, оно зажигает страсть в их сердцах. Как ты думаешь, пастух, м?

— Нет, — выплюнул Данте.

— Что нет?

— Ты не будешь мучить Эстеллу, мразь! Ты сказал, я могу выбирать, кому предназначена пытка, так будь мужчиной, держи своё слово.

— Ты хочешь сказать, пастушок, что хлыста тебе мало? Ты хочешь ещё? Какой жадный! А я думал, ты захочешь поделиться наказанием со своей любовницей. Ну так что? Твоё последнее слово. Кого будем наказывать: тебя или её?

— Меня.

— Какая-то неправильная у тебя тактика, пастух. Ты хочешь взять всё на себя. Очень смело, но глупо. Ты ведь сдохнешь прямо у неё на глазах.

— Повторяю для тупых: ты не будешь мучить Эстеллу, сука, — выговорил Данте медленно. — Только через мой труп. Лучше я сдохну ради неё, чем буду смотреть, как ты над ней издеваешься.

— Хорошо, твоя взяла. Приступайте! — велел Маурисио наёмникам.

Эстеллино кресло подняли вверх. Данте мельком увидел, что она вся зелёная и находится на грани обморока.

Данте уложили на железную решётку, пристегнули к её углам за руки и за ноги и надели ошейник с зубьями внутри. Зубья эти впивались в шею, прорывая кожу и не позволяя двигать головой. Всю конструкцию подвесили в центре манежа на цепях.

Маурисио поднёс свой факел к канделябру, зажигая его от свечей. И мир Данте снова взорвался мучительной болью, такой, что у него чуть глаза не вывалились из орбит, — Маурисио стал прижигать факелом раны на его теле.

Как ни старался Данте, он не мог сосредоточиться на магии, беспрерывно думая об Эстелле. Что же делать? Как отсюда вырваться или заставить Маурисио хотя бы увести Эстеллу, дабы она не видела что с ним делают. Когда сменивший Маурисио бандит припечатал факел Данте прямо к кровоточащей ране на животе, он не вытерпел и вскрикнул.

Обручальное колечко вдруг завибрировало, как и изумрудный перстень, и татуировки на плече и пояснице, и Данте испытал облегчение. Он поднял глаза вверх — эстеллино кресло висело прямоком над ним. Увидел, что она похожа на труп, а на щеках её капли крови. Произошло то, чего он так боялся — она забрала часть его боли на себя. Проклятые кольца!

— Эсте, не надо, прекрати! — выкрикнул он громко, но она не слушалась. Кольцо обжигало ему палец, а тело словно заморозило. У Данте сердце стучало в ушах от осознания того, что Эстелле сейчас больно также, как было ему. Его отважная девочка забрала всю боль на себя, чтобы облегчить его муки. Но он мужчина, он мог бы и потерпеть, а она нет. Зачем она это делает? Данте не знал, как это прекратить, как остановить магическую связь колец. Надо бы снять кольцо, но он не может и пальцем пошевелить. И он зарычал в бессильной ярости.

— Ну что, нравится? — спросил Маурисио, нависнув над своей жертвой, как коршун.

— Чтоб ты сдох! — выпалил Данте.

— Ну нет, — расхохотался тот, — в этот раз сдохнешь именно ты.

— Если тебе хочется, чтобы я сдох, я сдохну. Убей меня, только отпусти Эстеллу.

— Какой ты хитрый. Убить тебя было бы слишком просто. Я ведь делаю это не только для собственного удовольствия, но больше ради вас обоих, мои дорогие голубки. Я забочусь о ваших заблудших душонках, понимаете ли, — зубоскалил маркиз. — Прелюбодеяние — грех, а грехи искупают страданиями и кровью. Мне бы хотелось, чтобы вы усвоили этот урок и сделали вывод, что шутить со мной чревато последствиями. Продолжаем! — и Маурисио отошёл в сторону.

Железную решётку, на которой Данте лежал, стали подогревать, и прутья её впились Данте в спину, расплавляя кожу, точно воск. Всё тело покрылось пузырями, и он чувствовал себя индюком, которого медленно поджаривают на углях. Запах плавящейся кожи и палёных волос ударил ему в горло, и вкупе с болью, они доводили его до помутнения рассудка. Речь Маурисио отвлекла Эстеллу от кольца. Изнемогающая от шока и рыданий, она уже не могла вновь на нём сосредоточиться. У Данте всё поплыло перед глазами. Он почти отключился и где-то вдали слышал злорадный голос Маурисио:

— Ну и что ты, как кисейная барышня, в обморок падаешь? Кто-то тут недавно кичился, что он мужчина. Оно и видно. А-ха-ха-ха!

На Данте вылили ведро ледяной воды. Отстегнули от решётки. Пинком швырнув на пол. Обессиленный, он упал лицом вниз.

— Не думай, что это конец, — объявил Маурисио. — Эй, ты, смотри, что ждёт тебя или твою ненаглядную дальше! — он схватил Данте за волосы, задирая ему голову вверх. — Смотреть, я сказал!

Данте, тяжело дыша, уставился замутнённым взором вперёд и увидел: Матильде — та красивая женщина, что до этого стояла вдали, ведёт на поводке... леопарда.

— Ну что, кто хочет поиграть с этим милым котиком? — сладенько поинтересовался Маурисио. — Может, ты, пастух, всё же уступишь местечко даме и позволишь котику с ней развлечься, м?

— Только через мой труп, — прошептал Данте.

— Только через мой труп, — передразнил Маурисио. — О, Эстельита, я вижу, ты прекрасно себя чувствуешь, что не скажешь о твоём любовничке. Должно быть, тебе нравится наблюдать, как из-за твоих капризов мучается твой верный рыцарь. Что ж, будь по-твоему. Матильде, выпускай нашего котёнка, он со вчерашнего дня ничего не ел,

бедняжка, — велел Маурисио.

Та приспустила поводок, и леопард, ощерив пасть, мягко пошёл на Данте. Зверь чуял кровь и это сводило его с ума. Внутри у Данте образовалась пустота. Вот, наверное, и всё. Сейчас он станет ужином для леопарда. Ни бежать, ни бороться с ним он не может — мешают кандалы и слабость от ран и ожогов.

Но тут раздался задушенный вопль. Крича и мыча сквозь кляп во рту, Эстелла мотала головой. Её била дрожь, по лицу струились целые реки слёз, перемешанные с капельками крови.

Маурисио жестом остановил Матильде, готовую уже выпустить поводок из рук. Она удержала леопарда. Тот, рыча, сверкал жёлтыми глазками на Данте, который с безучастным видом сидел на полу.

— О, кажется, наша Святая Дева хочет что-то сказать, — ухмыльнулся Маурисио. — Развяжите-ка ей рот.

Кресло с Эстеллой спустили вниз, и один из слуг вынул у неё кляп изо рта.

— Хватит! — выговорила она сдавленно. — Прекратите это! Вы уже потешили своё самолюбие, маркиз, сколько можно? Я знаю, что вы способны мучить его до конца, и он будет мучиться до конца, потому что хочет защитить меня. Отпустите его.

— Вы уверены, дорогая? А я-то думал, что ж вы так долго молчите? Я было решил, что вам нравится сие зрелище. Неужто в вас проснулся здравый смысл?

— Отпустите его, — повторила Эстелла. — Вы мне обещали.

— О, разумеется! Я всегда выполняю свои обещания, дорогая. Ну вот и славно, что в вас выиграло благоразумие!

Маурисио приказал слугам снять с Данте кандалы. Тот, почуяв свободу, поднёс левую руку к телу, она осветилась зелёным, и раны, рубцы, ожоги стали исчезать прямо на глазах у изумлённых бандитов.

Маурисио стоял к Данте спиной и не видел этого. Подойдя к Эстелле, он самолично освободил её из кресла. Ноги девушку не слушались, она спотыкалась на каждом шагу, и Маурисио, как куклу, поволок её за собой. Они прошли сквозь арку в стене. А Данте, после магического лечения ощутив прилив сил, вскочил и ринулся за ними.

Он бежал по длинному коридору-тоннелю, будучи уверен: Маурисио повёл Эстеллу куда-то, чтобы продолжать её мучить. Наконец, вдалеке забрезжил свет и Данте вывалился сквозь кособокую дверь на залитую солнцем лужайку. Маурисио с Эстеллой были тут же — девушка еле перебирала ногами, а Маурисио держал её под локоть.

Не помня себя, Данте пересёк лужайку и кинулся на Маурисио со спины, подпрыгнув как ягуар, и через секунду оба уже катались по земле, лущая друг друга чем придётся.

Данте решил не использовать магию, а проучить Маурисио по-мужски, попросту отдубасить его до сдвига в мозгу. Они дрались крепко, и руками, и ногами, били друг друга по лицу, голове и прочим частями тела, и никто из них не собирался уступать. Наконец, Маурисио изловчился и ударил Данте так, что тот откатился в сторону.

— Знаешь, что, — крикнул Маурисио. — Ты, ублюдок, Эстелла моя, ты понял? Или до тебя это всё никак не дойдёт? Ты ей не нужен. Она любит меня!

— Ах ты, слизняк! Ты подавишься сейчас своими словами! Сдохни, тварь! Сдохни!!! — прохрипел Данте, бросаясь на врага, как бык на красную тряпку. Раздался хруст.

— А-а-а-а-а!!! — Маурисио завопил — ему, кажется, сломали руку.

Тем временем, появились трое слуг. В изумлении они смотрели на драку, не

вмешиваясь. Эстелла так же стояла поодаль. Лицо её окаменело, на нежной коже под глазами виднелись красные точки — от крика и слёз полопались капилляры.

Данте, злой как чёрт, пинал Маурисио ногами, бил кулаками так, что у врага рёбра хрустели. Он очень неплохо умел драться, ибо опыт самозащиты у него был с детства. Маурисио, как урождённый аристократ, максимум что мог — весьма средне сражаться на шпагах, и дрался он, скорее, чисто интуитивно. Начал побеждать, Данте изловчился и использовал свой любимый приём — заломил Маурисио руки за спину, уселся на него сверху и стал долбать противника лицом об землю. С волос его посыпались огненные искры, красные черти закружились перед глазами. Он был вне себя и готов был колотить Маурисио до тех пор, пока тот не отдаст концы. Маурисио пытался сопротивляться, но вырваться уже не мог.

— Тварь! Тварь!!! ТВАРЬ!!! Ненавижу!!! Ненавижу!!! — хриплым голосом зарычал Данте, в очередной раз приложив соперника лбом об корягу, что торчала из земли. — Ты сдохнешь, сука!!! Прямо сейчас. За издевательства над Эстеллой ты мне заплатишь!!! — Данте, хоть и не хотел использовать магию, она вырвалась сама. И он вонзил острые когти Маурисио в спину, выпустив ему под кожу столб пламени. Маурисио взвыл.

— Что, не нравится?! — орал Данте. — А я думал тебе приятно будет, так же, как было мне!

Он был совершенно невменяем и просто уже бессмысленно кричал, молотя врага кулаками.

— Хватит!!! Хватит!!! — завопили слуги.

— Надо их разнять, а то тут будет кровавое месиво, — сказал длинный веснушчатый мужчина.

— Сделайте же что-нибудь! — взмолилась Эстелла. — Я больше не могу смотреть на это!

Бородатый слуга вышел вперёд. Был он широкоплеч и ладони его размером напоминали небольшие лопаты. Косолапя, он подгрёб к драчунам и, ухватив Данте поперёк талии, стащил его с Маурисио. К Маурисио тут же подскочили двое других слуг. Пыхтя, он встал на ноги, рукавом утирая кровь с лица.

— Ты за это ответишь, ублюдок, — повернул голову Маурисио к сидящему на коленях Данте, которого здоровенный слуга держал за руки. — Ты подписал себя приговор!

Глаза у Данте блуждали, как у безумного. Эстелла, с посеревшим лицом, так и стояла на месте, не подходя ни к тому, ни другому.

— Идёмте, — велел ей Маурисио.

— Она никуда с тобой не пойдёт! — угрожающе сощурил раскосые глаза Данте. В висках у него стучало, а сбитые в кровь пальцы дрожали от гнева. Хлоп! Пошёл дым. Слуга шарахнулся в сторону — на месте Данте появился огромный волк.

Маурисио и его прислужники попятились, когда волк пошёл на них, скаля зубы. Но вдруг Эстелла преградила ему путь.

— Данте, пожалуйста, хватит, — сказала она устало. — У меня больше нет сил.

Волк остановился, потряс мордой и через секунду вновь обернулся в Данте.

— Эсте, пойдём, пойдём домой, — сказал он тихо.

— Ты весь в крови, приведи себя в порядок прежде, чем идти в «Маску», а то напугаешь сеньора Нестора, — ответила она вполголоса. Погладила его пальцем по щеке, вытирая кровь.

— Эсте, — выдохнул он одними губами, — моя Эсте... с тобой всё хорошо, — это был не вопрос, скорее констатация факта.

Она, ничего не сказав, изучила долгим, печальным взглядом его лицо, убрала с его лба спутанную прядь волос.

— Эстелла, долго я буду ждать? — поторопил Маурисио. Он стоял, опираясь на одного из слуг. — Идёмте!

— Она никуда с тобой не пойдёт, мразь! — Данте, зеленея, сжал кулаки. Маурисио расхохотался.

— Ну всё, хватит, этот пустоголовый мне уже надоел. Хотя он должен благодарить меня за то, что уходит сегодня живым. Раз он ничего не понимает, скажите ему всё сами, Эстелла. Может, тогда до него дойдёт.

— Эсте, ты устала, моя девочка, пойдём со мной, — взяв её за руку, Данте легонько потянул Эстеллу на себя, но она не двинулась с места.

— Прости, Данте. Я... я была с тобой очень счастлива, — она поймала в его взгляде недоумение. — Мы с двенадцати лет шли с тобой одной дорогой, несмотря на моменты разлуки. Но жизнь не стоит на месте, она течёт как река. Всё время меняется и мы вместе с ней. С этой минуты ты и я пойдём разными путями. Прощай и не держи на меня зла. Я уйду с Маурисио.

И она пошла вперёд не оглядываясь. Подол её тёмно-алого платья, волочился по земле, собирая репы и осыпавшиеся лепестки диких цветов. Маурисио победно улыбнулся, а у Данте аж челюсти свело.

— Надеюсь, ты усвоил урок, грязный пастух, и больше не встанешь у меня на пути! — выплюнул Маурисио напоследок. — И скажи ей спасибо, что ты остался жив.

Одной рукой опираясь о слугу, а второй о трость, он доковылял до Эстеллы. Оказалось, недалеко, укрытый деревьями, стоит экипаж. Маурисио, Эстелла и слуга загрузились в него и уехали.

Ноги у Данте подкосились. Он рухнул на колени. Она ушла с Маурисио. И это после всего, что этот человек устроил. Он, Данте, готов был умереть за неё. А этот садист Маурисио мучил её, бил, обижал, смеялся ей в лицо. И она всё равно выбрала его. Как же так?

Данте вцепился окровавленными пальцами себе в волосы, будто хотел вырвать их с корнями, и, упершись лбом в зелёную траву, надрывно зарычал, точно зверь, попавший в капкан.

===== Глава 12. В тупике =====

Ночь выдалась жаркая и тёмная, будто ветер окаменел, а луну и звёзды кто-то выбросил с неба. Природа безмолвствовала и, укрытый её тишиной, Данте сидел на берегу реки. Волосы, длинные и чёрные, спускались до поясницы, закрывая собой его обнажённую спину. Из одежды на нём были только рваные штаны. Данте сидел на бревне, опустив ноги в воду, и не шевелился. Лишь изредка крутил головой, смахивая капельки, что стекали с мокрых волос и щекотали ему кожу. Вокруг была темень. Единственным источником света служили руки юноши. Они горели то синим, то зелёным, то багряным пламенем, и на этот свет летели мелкие мошки и ночные бабочки. Данте внимательно смотрел, как они порхают, озаряемые волшебными огоньками.

После пыток, драки с Маурисио и внезапного ухода Эстеллы, Данте был ошеломлён. Почему она ушла с этим гадом? Как она могла бросить его, Данте? Ведь он был готов на всё,

чтобы её спасти, он позволил бы сделать с собой что угодно. А она ушла с его мучителем, с врагом! Данте пребывал в состоянии нервного оцепенения. К тому же мышцы и кожа ещё ныли от недавних пыток. Хотя он и залечил раны магией, но чувствовал слабость. Идти в «Маску» Данте не хотел. Что ему там делать? Его там никто не ждёт, а заснуть он не заснёт. Здесь, в этом месте, где родилась их с Эстеллой любовь, он хотя бы чувствует её присутствие. Нет, она сейчас далеко, там, с другим, и это сводило Данте с ума. Но ушла ли Эстелла добровольно? Навряд-ли. Этот идиот наверняка её терзает, а Данте не имеет понятия, где она и как ей помочь. Но он отыщет Эстеллу. Скорее всего, тот гад ей угрожал, он её заставил, вынудил уйти с ним. Данте был в этом убеждён, поэтому не испытывал обиды, а больше недоумение, тревогу и усталость и вместе с тем решимость. Он дожждётся утра и пойдёт к особняку алькальда. Подкараулит эстеллину служанку, ту самую Либертад, и узнает у неё, где находится дом Маурисио Рейеса. Но сначала надо зайти в «Маску» и привести себя в порядок, нельзя идти к Эстелле в таком растерзанном виде. Он похож на чудище! Штаны висели лохмотьями, как и волосы, которые местами обуглились, а местами отвалились после пытки огнём. Наверное, придётся их отрезать.

Данте вздохнул и опять усталился на свои руки. Обручальное кольцо не подавало признаков жизни. Поцеловав его, он шёпотом позвал Эстеллу. Кольцо вяло блеснуло, и на этом его магия закончилась. Данте это насторожило. Но если бы Эстелле было плохо, он бы понял. Наверное, она спит, уже глубокая ночь, часа два, не меньше. Зря он себя накручивает.

Наконец, Данте решил-таки покинуть своё убежище. Завтра он пойдёт искать Эстеллу и найдёт её. Надо будет, весь город перевернёт, но заберёт её у этого аристократишки! Стряхнув воду с ног и выжав остатки штанов, Данте натянул сапоги и скрылся в ночи.

Вернулся в «Маску» он к рассвету. Заспанный и недовольный сеньор Нестор отозвался на стук лишь с десятого раза. Впустил Данте, пыхтя, что тот явился так поздно.

Данте поднялся в свой номер, принял ванну с листьями мяты и улёгся в постель. Но беспокойство за судьбу Эстеллы давало о себе знать, и он проснулся через четыре часа. Немного отдохнувший и посвежевший, Данте с удивлением обнаружил, что за ночь испорченные волосы отросли. Стали ещё гуще, ещё толще и ещё шелковистей, и теперь по виду Данте нельзя было понять, что он пережил нечто жуткое.

Он оделся и спустился в трактир. Позавтракав тушёными с рыбой овощами и жареными бананами, занял наблюдательный пост у дома алькальда.

Время было восемь утра, и белый особняк на Бульваре Конституции, засаженный цветами, начинал пробуждаться ото сна. На нижнем этаже горничная раздвигала портьеры, открывала окна, впуская в дом утренний воздух.

Вокруг дома очень густо разрослись бугенвиллеи [1] и жакаранды. Их изящные причудливые цветы: розовые, фиолетовые, белые, оранжевые и красные, напоминали японскую сакуру, нежную и недоступную. За ними Данте и укрылся, сев прямоком на землю.

Изредка на кусты налетал порыв ветра, сдувая мелкие цветочки, и чёрные волосы Данте оказывались усыпаны ими, как снегом. Он с досадой фыркал и встряхивался, будто кот, избавляясь от назойливых цветов и носом вдыхая их тонкий, едва уловимый аромат.

Данте сидел в зарослях долго, хоть и был вправе позвонить в колокольчик у двери и потребовать, чтобы ему отдали Эстеллу. Но он никак не решался на такую наглость.

Наконец, около девяти часов, из дома вышла служанка. Данте хотел кинуться за ней, но одумался, увидев, что это не та девушка, которая ему нужна. Это не Либертад. Та более

смазливая, более молодая и менее чёрная. Эта же тянула лет на сорок, кожа у неё была очень смуглая, крупный плоский нос выделялся на лице, а поджатые губы придавали ей уныло-брезгливый вид человека, который постоянно чем-то недоволен. Эта служанка, в таком же, как у Либертад, сером платье и белом фартуке, с чепцом на голове и плетёной корзинкой в руках, прошла мимо кустов, где прятался Данте, зацепив за них юбкой. Вихрь цветочков полетел за ней как стая мелких-мелких бабочек.

То была Урсула, но Данте не осмелился пристать к ней с вопросами, боясь скомпрометировать Эстеллу. Скорее всего, эта служанка ничего не знает, лучше дождаться ту, другую. Всё равно Либертад рано или поздно выйдет из дома.

Урсула вернулась минут через сорок. Потом особняк покинул элегантный кудрявый блондин. В синем фраке, с цилиндром на голове, украшенным страусовым пером, он сел в экипаж и уехал. Снова появилась Урсула. Теперь она несла два тюка белья, очевидно, направляясь в прачечную. В одиннадцатом часу из особняка, крихтя и отдуваясь, выплыла эстеллина бабушка. Одета в ярко-малиновое атласное платье с завышенной талией и длинным шлейфом, в зелёной шляпке, с розовым зонтом в руках, она вышла в сопровождении (Бинго!) той самой Либертад, которую Данте и караулил.

Юноша встрепелся. Конечно, он планировал поговорить с Либертад наедине, но эстеллина бабушка, когда он видел её на злополучной свадьбе Сантаны, произвела на него хорошее впечатление. Надо рискнуть.

Берта и Либертад прошли мимо кустов, где он сидел. Они не торопились, верно, бабушка вышла на прогулку, а Либертад сопровождала её.

Данте вылез из своего убежища и пошёл позади женщин, прячась за деревьями. Когда они миновали Бульвар Конституции и вышли на тихую аллею Ла Ислета, где было мало народа и тротуар сужался так, что в ширину на нём не умещались и двое, Данте ускорил шаг. Настиг женщин. Хвать! Поймал Либертад за локоть.

Женщины, с невозмутимыми лицами что-то обсуждавшие, не планировали, что болтовня их будет прервана такой бесцеремонностью. И Либертад, и Берта, обе одновременно, вскрикнув, повернули головы и вылупились на Данте. Тот, с горящими глазами, весь бледный как покойник, и с гривой волос, усыпанной мелкими цветами, напоминал приведение. Возникла пауза.

— Ах, это опять вы? — первая пришла в себя Либертад.

Данте промычал что-то невнятное, и тогда Берта, отстраняясь от него, бросила:

— Чего это вам от нас надобно, ась? — покосилась она на его когти, зловеще выглядывающие из-под манжет.

Данте проглотил комок в горле.

— Я... я хотел узнать где Эстелла, — молвил он.

— Что-о-о? — женщины переглянулись.

— Эстелла, моя жена. Мне нужен адрес того человека, что держит её у себя. Этого маркиза, как его, Маурисио Рейес, вот. Он забрал её насильно, — в глазах Данте появился какой-то маниакальный блеск.

— Да как вы вообще смеете вот так, напрямую, нам такое говорить?! — взбеленилась Берта. — Какая наглость! Это ж уму непостижимо! Эстелла в доме своего мужа, и ей там самое место, ясно вам?

— Моей жене место со мной, я её муж! Скажите мне адрес! — потребовал Данте уже грубо.

— Это ж надо, а! — всплеснула руками Берта. — Знаете, молодой человек, ничегошеньки мы вам не скажем, — она нервно вертела в руках зонтик, отделанный кружевом. — Моя внучка со своим законным мужем. Они любят друг друга и счастливы. Маурисио достойный человек, а вы — всего лишь эпизод в её жизни. Детская любовь. Было и прошло, это был каприз маленькой девочки, и ничего больше. Так что имейте-ка совесть, прекратите нас преследовать, а то мы живо позовём жандармов!

— Но сеньора, — открыла рот Либертад, увидев, что Данте побелел ещё сильнее.

— Помолчи! — прервала Берта. — Мы ж хотели навестить Мисолину. Так что идём, Либертад, и не оборачивайся. Нечего связываться с этим бандитом.

Женщины быстро пошли вперёд, оставив Данте на дороге.

— Я всё равно её найду! — выкрикнул он в сердцах. — Я найду, даже если мне придётся перевернуть весь город!

Вот кошёлки! Разозлившись, Данте бросился бежать. Потом остановился, прижался губами к обручальному колечку.

— Эсте... Эсте, — позвал он в безумной надежде, что Эстелла откликнется. Кольцо сверкнуло в ответ, но этого было недостаточно.

Данте вернулся к особняку и ещё некоторое время шараялся вокруг него. Наконец, засёк, что Берта и Либертад идут назад. Обе красные, как варёные раки, они явно о чём-то спорили.

— Нет, я не согласна! — вопила Берта громко.

— Но сеньора!

— Ежели ты будешь помогать этому головорезу, я тебя выгоню, Либертад! Эстелла должна жить с Маурисио и точка. Он самый подходящий для неё человек. Замечательный мужчина, галантный, воспитанный, умный. И это как Эстелле только не совестно над ним издеваться?

— А я вот не уверена, что он такой уж замечательный, — буркнула Либертад.

— А я вот уверена! Эстелла вся в свою мамашу. Она просто глупая маленькая девочка, которая не видит своего счастья! Я категорически против, чтоб она имела дело с этим длинноволосым бандитом. Он убийца, он убил Луиса Парра Медина, он поджёг церковь, а то, что он до сих пор жив — это происки Дьявола. Он колдун, самый настоящий злой колдун. Он приворожил бедную девочку специально, вот и всё. А ты, Либертад, по-моему, замучилась совать нос в чужие дела! Скоро кто-нибудь тебе его оторвёт.

Тут они обе застыли, потому как Данте нахально преградил им дорогу.

— Опять вы?! — разгневалась Берта. — Да что ж это такое-то, в конце концов?

— Мне нужен адрес Эстеллы, — выговорил Данте сухо, пытаясь совладать с бешенством, что закипало в его груди от такой несправедливости. Он-то думал, что эстеллина бабушка на их стороне, а, оказывается, все, абсолютно все хотят отнять у него Эстеллу.

— Ежели вы сейчас же не уйдёте, я позову жандармов, — сказала Берта сурово. — Предупреждаю в последний раз. Я ведь не шучу, так что не нарывайтесь.

— Да зовите вы кого хотите! — прошипел Данте. — Нас с Эсте никто не разлучит, чего бы вы все не делали! Я буду бороться за неё! Хотите вы этого или нет, а мы любим друг друга, и я её найду и без вашей помощи и увезу туда, где нас никто не найдёт. И никогда, никогда вы её больше не увидите!

— Да вы просто маньяк! — Берта раздула щёки, став похожей на шарик.

Однако, Либертад, заметив в глазах Данте слёзы, опустила голову. Берта взяла её за руку и потащила в дом. Дверь за ними захлопнулась.

Данте ещё немного постоял, глядя на окна, потом развернулся и, пиная ногами камушки, побрёл прочь. Ну почему? Почему все против их любви? Разве они с Эстеллой делают что-то плохое? Любить — не преступление. Они лишь хотят быть счастливыми. Они нашли друг друга ещё в детстве и не могут потерять. Неужели это так сложно понять? Ладно, пускай беснуются, он всё равно её найдёт. Найдёт сам, без чьей-либо помощи. Город не такой уж и большой, чтобы тут можно было затеряться с концами.

Данте возвратился в «Маску». Пообедав закопчённой на углях говядиной, оседлал Алмаза и снова поехал в город. Он объезжал квартал за кварталом, читая вывески с названием улиц и домов. Останавливался у богатых особняков, изучая надписи на них.

Так продолжалось несколько суток. Данте вставал ни свет, ни заря, седлал лошадь и ехал искать дом Маурисио Рейеса. Благо, фамилию он запомнил, и это упрощало поиски. Данте пытался расспросить прохожих, но, верно, его вид вызывал у них подозрения, и они опасались отвечать на его расспросы. Данте уже совсем было отчаялся, пока, наконец, на пятые сутки не попал на улицу Святого Фернандо, где внимание его привлёк мрачный замок с башенками и остроконечной крышей, с окнами, такими малюсенькими, что в них не попадал свет.

Данте спешил. Привязав Алмаза к дереву, подошёл калитке, на которой висела табличка с гербом в виде гепарда, выпускающего из ушей пламя. «Фамильный замок Рейес Прието. Построен в 1561 году», — прочёл Данте.

Второй фамилии Маурисио Данте не знал, но это был единственный богатый дом с фамилией Рейес, который ему встретился за пять дней поисков. Остановив низкорослого мужчину с лорнетом, Данте спросил у него, кто живёт в этом доме, но ничего внятного не добился. Незнакомец стал выпытывать: а с какой целью Данте интересуется хозяевами дома, и уж не грабитель ли он. А затем и вовсе замахнулся на него тростью, угрожая позвать жандармов. Данте пришлось отступить. Он укрылся за деревьями, рассматривая замок, но мало что увидел — дом был обнесён глухим забором с торчащими по его верху острыми штырями. Да ещё и раскидистые деревья сада закрывали стены так, что видно было только башенки третьего этажа.

Данте занял наблюдательный пост у большого грушевого дерева, окружённого акациями. Сев на землю, он облокотился затылком о ствол дерева и вперился глазами в калитку.

Эстелла свернулась калачиком на роскошной кровати с периной из лебяжьего пуха, кружевными наволочками и белоснежным балдахинном. Кровать достойная королевы. Но Эстеллу это не впечатляло. Она не чувствовала себя ни живой, ни мёртвой, ибо за пять дней нахождения в замке, Маурисио окончательно довёл её до нервного истощения. Да, ей удалось спасти Данте, но вместе им не быть. Маурисио пообещал, что не тронет его больше, но в обмен за это потребовал расстаться с Данте навсегда. Эстелла плакала и кричала, не соглашаясь на такую жертву. Маркиз попытался её задобрить, купив диадему с бриллиантами. Эстелла швырнула подарок ему в лицо, и тогда он сменил тактику — ночью явился за супружеским долгом. Эстелла кусалась, орала и стукнула его вазой по голове. Маурисио потерял сознание, но на крики сбежались Матильде и вся прислуга. Рассвирепевшая Матильде привязала Эстеллу к кровати, а под дверь ей усадила леопарда —

того, что едва не загрыз Данте. Оказалось, этот хищник — новая прихоть неугомонной сеньориты Рейес.

На следующую ночь Маурисио с повязкой на голове припёрся снова. Он не стал церемониться. Сорвав со связанной Эстеллы одежду, изнасиловал девушку. Эстелла кричала до хрипоты от дикой боли, коя была в разы сильнее той, что испытала она в первый их раз. Получив своё, Маурисио ушёл, а Эстелла всю ночь выла и скулила, как смертельно раненный зверёк. На следующую ночь Маурисио явился за новой порцией удовольствия, и всё повторилось. Он утверждал, что будет насиловать её до тех пор, пока она не пообещает любить его всегда. И мучение продолжилось и на третью, и на четвёртую ночи.

Эстелла даже плакать не могла, впав в шок от унижения и боли. Девушка чувствовала себя грязной, словно проститутка из борделя. Да она ничуть не лучше Лус! Эстелла ненавидела себя за это, и в результате, Маурисио добился того, что она и вовсе перестала сопротивляться. Терпела, кусая губы так, что по подбородку ручейком стекала кровь. Она уже не испытывала страха, только боль и тошноту от прикосновений Маурисио. Нежная кожа на запястьях и щиколотках вспухла и покраснела от сдавливающих их верёвок — Маурисио и не думал их развязывать, упиваясь её беспомощностью. И Эстелла поняла, что всё напрасно. Она должна уступить шантажу, ибо этот гад не отвяжется.

На пятый день, пока Эстелла лежала одна в своей шикарной постели, в голову её вихрем ворвалась мысль: она не выпила траву. Ни разу за все четыре ночи. И теперь Эстелла думала лишь о том, как отсюда вырваться и добежать до аптеки. А ещё лучше прыгнуть сразу в реку и тогда все проблемы мигом закончатся. Она не собирается рожать Маурисио детей, никогда и ни за что. Но даже если она каким-то чудом избежит этого и отделается от Маурисио, она навряд ли ещё пойдёт на близость с мужчиной. Даже с Данте. Этот урод Маурисио сделал всё, чтобы сломать ей жизнь. Из нежной, весёлой девочки она превратилась в перепуганного зверька, вздрагивающего от каждого шороха. Она больше никогда, никогда не станет нормальной женщиной. Так что смерть была бы лучшим выходом.

Открылась дверь. Маурисио вошёл, минуя леопарда. Водрузил на туалетный столик поднос с кучей тарелок, от которых шёл умопомрачительный запах.

— А я принёс вам обед, дорогая, — сообщил он радостно. — Время уже два часа дня, а вы всё нежитесь в кровати. Смотрите, сколько здесь вкусовостей, — он указал на поднос. — О, наша кухарка готовит — пальчики оближешь! Да вы и сами наверняка уже это поняли, дорогая. Во всём вице-королевстве не найдётся еды вкуснее, чем в этом доме. Попробуйте, например, вот этих крабов в сырном соусе. Ммм... даже Матильде, которая вечно на диете, сегодня попросила добавки.

Но Эстелла не шевелилась. Она не в силах была подняться, чувствуя себя ужасно. Живот крутило, запястья и щиколотки ломило от верёвок, а голова раскалывалась, как грецкий орех под орехоколом. А в груди горела жгучая ненависть. Да как он вообще смеет с ней шутить и прикидываться галантным после того, как четыре ночи подряд её насиловал?

— Что-то не так? — спросил Маурисио, словно не понимая, что с ней может быть не так.

Эстелла не ответила.

— Я с вами разговариваю! — вспылil Маурисио. — Вы обязаны мне отвечать, когда я вас о чём-то спрашиваю!

Тогда она выдавила сквозь зубы:

— Идите к чёрту, я больна.

— Больны? — недоверчиво хмыкнул Маурисио. — Чем же, интересно?

— Мне нужно лекарство, — проигнорировала Эстелла его вопрос.

— Что за лекарство?

— Из аптеки.

— Скажите мне название, и я куплю.

— Лучше пусть сходит Чола.

— Почему Чола?

Эстелла изобразила смущение, но по сути ей было наплевать на всё.

— Ну... она женщина. Это лекарство для женщин, — пояснила Эстелла.

— Хорошо, — голос Маурисио подобрел. — Я позову Чолу.

Эстелле терять было нечего. Она рассчитывала на неграмотность Чолы, которая и читать не умела, и на неосведомленность Маурисио в женских делах. Мужчины ничего в этом не понимают, главное, чтобы Матильде не разнюхала.

— Вижу, вы и вправду больны, — Маурисио, внимательно рассмотрев Эстеллу, заметил её мертвенно-бледное лицо и круги под глазами. — Наверное, вы перенервничали. Но ведь, как ваш супруг, я должен был вас наказать и научить как себя вести, дорогая. Если бы вы не отказывались исполнять супружеский долг, ничего бы этого не было. Так что вы сами виноваты. Но так уж и быть, я завершу наказание сейчас, при условии, что вы будете благоразумны.

Он взял нож и разрезал верёвки на руках и ногах девушки. Эстелла, дрожа, укрылась одеялом с головой.

— Я думаю, вам всё же надо поесть, — сказал Маурисио, закрывая дверь снаружи.

Вскоре явилась Чола. Эстелла торопливо вывела на бумажке несколько наименований лекарств и трав, впихнув между ними фразу: «Всё уже случилось, надо предотвратить последствия. Служанка не умеет читать, ничего с ней не обсуждайте. Уничтожьте записку». Эстелла убедила Чолу запрятать бумажку подальше в свой передник и никому её не показывать даже под страхом смерти. Только аптекарю. И Чола ушла.

Изнывая от нетерпения, Эстелла сидела в постели, обхватив руками колени. Сердечко её стучало, как безумное. Если Маурисио всё узнает, ей конец. Он наверняка замучает её до смерти. И Чолу заодно. Спустя час, однако, служанка преспокойно вернулась, притащив несколько склянок. Протянула их Эстелле.

— Сеньора, — сказала она, — а вы уверены, что правильно всё написали?

— Уверена. А что? Что-то не так? — встревожилась Эстелла, буравя Чолу взглядом.

— Да нет, просто коды я эту бумажку аптекарю сунула, он та-ак на меня посмотрел.

— Но он всё тебе продал?

— Ну да. Молча. Ничегошеньки не сказал, но вид у него был напуганный какой-то. И он поскорей эту бумажку вашу сжёт прямо у меня глазах. Чего это за лекарства такие странные, что так его напугали? Уж не яд ли я вам принесла, сеньора?

— Нет, Чола, — перевела дух Эстелла. — Это лекарства от... от женского недомогания.

Чола ушла, а Эстелла стремительно бросилась в ванную. Прочитав этикетки на склянках, откупорила две из них, с розовой и голубоватой жидкостями, и проглотила всё до капли. Вынув из стены шатающийся камень, сложила в этот импровизированный тайник другие склянки и вставила камень обратно. Приняв ванну, Эстелла почувствовала облегчение. Легла в постель и вскоре забылась тяжёлым сном.

Проснулась она от воплей. Некто истошно голосил ей прямо в ухо и тряс её за плечи. То

была Чола, которая принесла ужин.

— Ну что ты орёшь, Чола? — проворчала Эстелла спросонья. Её дико мутило, болел живот или желудок — непонятно, будто она наглоталась червей.

— Да у вас вся постель в крови, сеньора!

Эстелла поглядела на простынь, та и вправду была в крови, но девушка мигом сообразила что произошло, и не испугалась.

— Успокойся, Чола, не кричи. Никому ни слова. Сейчас я пойду в ванную, а ты смени простыни.

— Но, сеньора, вы ж истекаете кровью, — лепетала перепуганная служанка. — Я уж подумала, вас кто-то прирезал. Надо бы лекаря позвать, вдруг вы помрёте.

— Ну что ты, Чола, в самом деле! — вскипела Эстелла. Вот бестолочь! — Ты что не знаешь, что у женщин это бывает каждый месяц? Я же тебе объясняла, у меня недомогание, ты же сама бегала мне в аптеку за лекарством. Ничего страшного не случилось. Смени постель и не вой, бога ради! Не хватало ещё, чтобы весь дом сюда сбежался.

Умолкнув, Чола стала убирать простыни, а Эстелла ушла в ванную. От осознания того, что проделка её удалась, она немного воспрянула духом. Но, когда воротилась в комнату, с досадой увидела, что Маурисио сидит в кресле, закинув ногу на ногу.

— Что вам опять надо? — скрепя зубами, бросила она. — Не видите, я больна? Из-за вас, кстати.

— Из-за меня? — удивился он. — Чола мне сказала, что у вас обычное женское недомогание.

— Оно не обычное, — огрызнулась Эстелла, укладываясь в чистую постель. — Это всё по вашей милости. Вы надо мной надругались и теперь я больна. Я вас ненавижу! Уйдите отсюда, будьте добры, оставьте меня в покое! Или вы станете опять принуждать меня к близости? У вас нет совести!

— Нет, не стану, — мягко сказал Маурисио. — Я хочу, чтобы вы поправились, дорогая. Если это с вами из-за меня, то я прошу прощения. Но, насколько я знаю, вы давно уже не девочка и от близости с мужчиной у вас не должно быть недомоганий.

— Но они есть! А всё от того, что кто-то размахивает своими жизненно важными органами направо и налево. Хуже, чем обезьяна! — выплюнула Эстелла грубо.

— Да вы... да вы просто хамка! — Маурисио вскочил с кресла. — И где вы нахватались таких гадостей? Уж не от того ли дикаря, с которым наставляли мне рога?

— Идите к чёрту! — и Эстелла зарылась лицом в подушку.

Маурисио решил, что сейчас её не надо трогать, и ушёл.

Потихоньку огни в доме гасли, и замок погружался во тьму. Но Эстелле не спалось. Тёплая постелька и осознание того, что она избежала ещё одной проблемы, придавали ей сил. Мысли её вернулись к Данте. Всего неделю назад они были счастливы, испивая любовь друг друга, как эльфы нектар цветов. А теперь ей кажется, что это было как минимум лет двадцать назад и не с ней.

Эстелла потрогала обручальное кольцо — оно сверкнуло. Долго она лежала, прижимаясь к нему губами. Напрасно она себя мучает, им с Данте не быть вместе. Она не может подвергать его опасности. Не имеет права. Она слишком его любит и не должна подставлять его под удар. Да и после того, что с ней сделал Маурисио, она уже не чувствует себя женщиной и навряд-ли способна подарить Данте счастье. Зачем она ему такая нужна? Лучше отпустить его на все четыре стороны. Быть может, он ещё встретит своё счастье.

Вдруг за окном раздался шум, будто кто-то тихонько царапался в ставню. Вор? Но как он мог миновать штыри на заборе и трёх испанских бульдогов в саду, коих по ночам спускали с цепей? Может, это птица села на её балкон?

Эстелла на цыпочках подкралась к балконной двери, предусмотрительно заперев входную. Бесшумно дёрнув ручку, она высунула нос наружу. И чуть не упала — перед ней стоял Данте.

Комментарий к Глава 12. В тупике —————

[1] Бугенвиллея — тропический кустарник в виде обильно цветущих, вьющихся и лазающих лиан. Цветы могут быть фиолетовые, розовые или красные.

===== Глава 13. Жертвы шантажа =====

Данте следил за калиткой до ночи, жадно всматриваясь в каждого, кто входил или выходил из замка, пока оттуда не выплыла красивая, статная брюнетка с гиеной на поводке. Данте узнал её. Та самая, что натравливала на него леопарда, сестра Маурисио. Значит, он не ошибся. Это их дом! И, скорее всего, Эстелла тут.

Выгуляв Лоту, примерно через час Матильде вернулась в дом. Завела питомицу внутрь и снова вышла, уже с леопардом. Данте, который и сам был помешан на животных, несколько не покоробил их выбор. Зато поразила смелость дамы. Она вела леопарда на поводке с таким видом, будто выгуливала карманную собачку.

Собрав в кулак всё своё мужество, Данте решил дожидаться ночи. А вдруг Эстелла сама выйдет из дома? Но если не выйдет, как только все лягут спать, он проникнет в замок. Пусть даже это будет последнее, что он сделает в своей жизни.

Данте не чувствовал ни жары, ни холода, ни голода, и не заметил как стал накрапывать мелкий дождик. Ещё пару раз из замка выходила служанка — некрасивая метиска лет сорока. Форма её отличалась от формы прислуги в доме алькальда: длинная коричневая юбка в складку, блуза с большим воротником и круглый передник с карманчиками; на голове — простонародный чепец. Явно куда-то спеша, она оглядывалась и вскоре исчезла за углом. Но не прошло и получаса, как она возвратилась. Прижимая к груди бумажный пакет, шмыгнула в калитку и устремилась в дом.

Дождик всё капал, и Данте промок до нитки. Наступила ночь. Огни в башенках третьего этажа погасли. Данте уже совсем продрог, рубашка прилипла к телу. Он выбрался из кустов, расправляя затекшие мышцы, и, подойдя к ограде, взгляделся в окна. Когда погас последний огонёк на чердаке, видимо, в комнате прислуги, он решился на отчаянную выходку. Посветил руками на забор. Подпрыгнув, схватился за штыри, что тянулись по его верхушке. Как лезвия ножа они воткнулись ему в ладони. Но чувство самосохранения было Данте неведомо, и он не отступил. Перемахнул через забор, разодрав руки и одежду. Спрыгнув на землю, услышал лай и едва не угодил в пасть к чёрному бульдогу, что без всякой привязи носился по саду.

Спас Данте всё тот же забор. Он прыгнул на него обратно и ухватился одной рукой за штырь, ощущая, как тот входит в кожу, разрезая ладонь. Было очень больно, но Эстелла ему дороже, дороже всего. И он направил вторую руку на собаку. Появилось волшебное лассо. Данте прицелился и метнул его в бульдога. В мгновение ока тот был связан сверкающей веревкой. Скуля, пёс валялся в траве, напоминая гусеницу, а Данте, перешагнув через него, ринулся к замку.

Несколько раз обогнул он дом, но наугад определить местонахождение Эстеллы было нереально. Данте уже хотел обследовать каждое окно, но тут его осенила идея. Обручальное

кольцо! Ведь магическая связь колец никуда не делась. Однажды она уже помогла Эстелле найти его. Правда, при этом присутствовала Клариса, но попытка не пытка. Он ведь тоже маг!

Данте прижался к колечку губами и тихонько позвал: «Эсте... Эсте...». Оно блеснуло. «Я люблю тебя, моя родная. Где ты, отзовись?». Колечко засветилось ярче и вдруг в окне второго этажа вспыхнул синий огонёк. Сердце Данте заколотилось как сумасшедшее. Вот оно, её окно. К нему примыкал балкон, перила которого тоже были утыканы штырями с острыми наконечниками.

«Прямо не дом, а крепость какая-то», — с досадой подумал Данте. Он осветил руками в темноту, ища лестницу, верёвку или дерево. На углу дома рос огромный агакат [1], очень старый, с пышной кроной. Данте остановил на нём взгляд. Если взлезть на дерево, до заветного балкона придётся ещё идти по карнизам, цепляясь за другие окна. Так он перебудит весь дом, да ещё и сорвётся в потёмках. Оставалась магия.

Глубоко вздохнув, чтобы унять сердцебиение, Данте наколдовал волшебное лассо. Бросил петлю, зацепив за перила. И полез. Израненные руки он и не подумал вылечить. Впрочем, Данте с малолетства был ловок как кошка и до балкона добрался мигом. Перемахнул через штыри. Щелчком растворил в воздухе лассо и робко поскрёбся в окно когтями.

Оставалась надежда, что он не ошибся, и что это действительно комната Эстеллы, а синий огонёк был сигналом кольца.

Грудь у Данте разрывалась от волнения, а, меж тем, Эстелла не реагировала. Но стучать в окно кулаком он не осмелился. А вдруг с ней в комнате ещё и этот подлый маркиз? Хотя, по рассказам всё той же Эстеллы, Данте знал: у аристократов принято, чтобы муж и жена спали в разных комнатах.

Наконец, в глубине спальни зажглась свеча. Дрожа, пламя подступило к балконной двери. Раздвинулась штора. Дверь отворилась, и Данте увидел Эстеллу. С распущенными волосами, в длинной ночной рубашке и со свечой в руках она напоминала покойницу.

Несколько минут они смотрели друг на друга молча. В свете луны лицо Данте казалось прозрачным. Одежда его была вся изодрана, на руках кровавые царапины. Эстелла не могла поверить своим глазам. Как он её нашёл? Как он ухитрился перелезть через забор? Самоубийца!

— Эсте... — выдохнул Данте одними губами.

Она кивком головы пригласила его войти. Он подчинился. Она захлопнула дверь и поставила свечу на туалетный столик. Данте приблизился. Взял её ручки в свои.

— С тобой всё хорошо, Эсте? Я места себе не находил...

Но Эстелла вырвалась.

— Не трогай меня!

— Почему? — удивился Данте.

— Не трогай и всё. Не трогай меня руками, мне неприятно.

Она отошла в угол, а Данте просто обалдел.

— Эсте... Эсте, что случилось? Это ведь я, Данте, твой Данте.

— Я знаю, — сказала она безэмоционально. — Не спрашивай ничего, просто не трогай меня руками и всё.

Как же так? Он неделю её искал, весь город объехал, целый день наблюдал за этим замком, а она...

Заметив, что Данте притих, Эстелла исподлобья поглядела на него. В свете свечи было сложно увидеть его лицо, но она засекала: с ладоней его капает кровь.

— Ты весь растерзан, — выговорила она шёпотом. — Что с тобой?

— Ничего, это ерунда. Просто я лез через забор и поранился.

Усадив Данте в мягкое кресло в венецианском стиле, Эстелла завернула ему мокрые, изорванные в лохмотья рукава, взяла одеколон и начала дезинфицировать раны.

— Не надо, Эсте. Я это всё вылечу сам, — проговорил он. — Лучше иди ко мне. Ты мне так нужна, я так волновался за тебя.

Но она молчала, сосредоточенно наматывая хлопковый бинт ему на ладони.

— Эсте, поговори со мной! — взмолился Данте. — Что происходит? Почему ты такая холодная?

— Я не холодная, — тихо промямлила она, закончив перевязку. — Просто ты свалился мне на голову в три часа ночи, весь израненный. Я спала, а ты меня разбудил.

— Но ведь я пришёл не просто так.

— Нет? — Эстелла поднялась с пола. — Зная тебя, я уже ничему не удивлюсь. Так зачем ты пришёл?

— За тобой.

— За мной?

— Да, я хочу тебя отсюда забрать. Пойдём со мной.

— Куда?

— Куда? Да какая разница? Куда угодно! Я думаю, нам надо убежать отсюда, в другой город, в другое королевство, на другой континент, в конце концов! Иначе нас так и будут преследовать, — затараторил Данте. — Давай, собирайся, моя милая, пойдём отсюда.

Эстелла отвернулась, разглядывая в полусумраке гобелен на стене.

— Кто тебе сказал, что я куда-то с тобой пойду? — она старалась придать голосу нейтральный оттенок, но волнение было сильнее, и он дрожал как струна.

— Как это кто мне сказал? — усмехнулся Данте. — Мне этом говорили твои глаза, твоя кожа, когда мы любили друг друга.

Эстелла вцепилась ногтями себе в запястье.

— Ты ошибаешься, — жёстко молвила она. — Я никуда с тобой не пойду, Данте. Ни сейчас, ни потом. Я останусь здесь.

Данте сощурил глаза.

— А-ха-ха! Как смешно! Эсте, ну прекрати, сейчас не время для шуток.

— Я не шучу. Я останусь здесь, в этом доме, со своим мужем.

— Но твой муж я!

— Тише, не кричи, весь дом разбудишь, — Эстелла говорила ровным, безразличным тоном, словно зачитывала биржевую сводку. — Услышь меня, Данте, и пойми: всё, что было между нами, осталось в прошлом. Я тебе сказала об этом, когда ушла с Маурисио. Наши дороги на этом этапе расходятся. Теперь каждый из нас пойдёт своим путём, станет жить своей жизнью, жизнью новой. Так вот, в моей новой жизни для тебя места нет.

У Данте на виске быстро-быстро билась жилка, а сердце то уходило в пятки, то подкатывалось к горлу. Что она говорит? Она сошла с ума что ли? Не помня себя, он схватил Эстеллу за руки и развернул лицом к себе.

— Эсте! Эсте, что ты несёшь? Это не ты, это не твои слова! Скажи мне правду! Он тебя заставил, да? Он тебе угрожал? Он мучил тебя? Что он с тобой сделал? Скажи мне, мож

радость!

— Отпусти меня! — она отстранилась. — Отпусти, ты делаешь мне больно. Я же тебе сказала, не прикасайся ко мне! Ничего он со мной не сделал, Маурисио любит меня и относится ко мне ласково. Кто меня мучает, так это ты. Я тебе говорю одно, а ты меня не слышишь. Городишь что-то своё. Как тебе ещё объяснить: между нами всё кончено.

— Эсте, Эсте, посмотри на меня, это же я, твой Данте, — пробормотал он. — Эсте девочка моя, я не верю, что ты серьёзно это говоришь.

— Придётся поверить.

— Нет, нет, это враньё! Я тебе не верю! — Данте тяжело дышал, едва не задыхался. — А как же наша любовь, Эсте? Всё, что мы пережили вместе? Мы столько боролись за наше счастье. Зачем ты хочешь его разрушить?

— Наша любовь... — протянула она задумчиво. — Наша любовь была прекрасной, я не спорю. Мне было с тобой хорошо. Но рано или поздно всему приходит конец. Так вот, этой любви настал конец, Данте. Она подарила мне немало счастья, но ещё больше она принесла мне горя. А я больше не хочу страдать.

Но он не дослушал. Обняв за щёки, прильнул губами к её губам. Эстелла не сопротивлялась. Он целовал её медленно, жарко, нежно. Эти губы, такие ласковые, такие горячие... Только Данте так её целует, что она едва не теряет сознание. Эстелла ощутила, что лицо у него мокрое — он плакал и слёзы падали ей на кожу, щекоча её. Но потом она отпрянула.

— Ну всё, довольно. Мы попрощались, а теперь уходи, Данте.

— Нет...

— Хватит, Данте. Я уже приняла решение, и ты меня не переубедишь. Уходи и больше не возвращайся. Ты можешь меня скомпрометировать перед Маурисио. Я маркиза, если ты забыл, и не могу принимать посторонних мужчин по ночам.

— Посторонних? После всего, что было между нами, я теперь посторонний? — Данте чуть воздухом не подавился.

— Именно так.

В душе у Данте оцепенение боролось с недоверием. Нет, это всё какой-то бред! Этого не может быть! Он не верит, не верит ни единому её слову. Только что он её целовал, чувствуя, как она дрожит, слышал стук её сердца. И после этого она называет его посторонним, даже бровью не ведёт.

Эстелла опять изучала гобелен, где золотом был вышит верблюд, утопающий в бескрайних песках арабской пустыни.

— Эсте, поговори со мной, я ничего не понимаю...

— Я тебе всё уже сказала, — бросила она с какой-то злостью. Ну почему он никак не уйдёт? Зачем мучает её и себя? Если Маурисио их застукает, Данте точно не жить. Но она не хочет, чтобы с ним что-то случилось. Они больше никогда не будут вместе, и жизнь её, жизнь той сумасшедшей, безбашенной девочки закончилась. От неё осталась тень, но она может ещё сохранить жизнь ему.

Эстелла закусила губы, когда Данте прижался щекой к её щеке. Несмотря на то, что она пережила накануне, мягкая кожа Данте, едва уловимый запах мяты и листвы, исходящий от его волос, ещё вызывали в ней трепет. Так она и знала, что отвадить его будет ой как непросто.

— Эсте, пожалуйста, не убивай нашу любовь. Не делай этого, — шепнул он. — Не бойся

никого и ничего. Мы будем бороться и победим, клянусь, даже если против нас восстанет весь мир. Умоляю тебя, пойдём со мной, — его голос звучал так ласково и печально, что на краткий миг Эстелла забылась, впад в блаженный транс. — Мы будем любить друг друга вечно. Помнишь, ты сама мне обещала, что мы будем вместе всю жизнь?

Но когда его цепкие руки обхватили её за талию, Эстелла ощутила приступ тошноты. За секунду вспомнила, как Маурисио лапал её своими ручищами. И хотя с прикосновениями Данте их было не сравнить, неконтролируемый животный страх оглушил Эстеллу. И она толкнула Данте так, что он налетел спиной на шкаф.

— Не трогай меня!

— Я люблю тебя, люблю, Эсте, пойдём со мной. Не разрушай нашу любовь, не надо, прошу тебя, — голос у Данте дрожал, но он ещё настаивал на своём. В глазах его застыли надежда и мольба, смешанные с недоумением и какой-то горькой, детской обидой.

— Нашей любви больше нет, Данте. Она осталась в прошлом. Пойми это и уходи.

Очи его потемнели, отчаяние в них уступило место гневу.

— Это твоё последнее слово? — процедил он сквозь зубы. — Учти, я не буду за тобой бегать. Если я уйду сейчас, то уже не вернусь, — конечно, это была ложь. И Данте сам прекрасно знал, что он не отступит и Эстеллу вот так запросто не отдаст, но хотел взять её на испуг. И она его ошарашила:

— Ну и прекрасно! Это именно то, чего я хочу: чтобы ты ушёл навсегда из моей жизни, Данте. Да, это моё последнее слово. Я остаюсь здесь. Я остаюсь с Маурисио. Уходи, я пока прошу тебя по-хорошему. Не вынуждай меня говорить гадости, я не хочу тебя обижать. Просто уйди и забудь сюда дорогу.

Он попятился, толкнул спиной балконную дверь. Та распахнулась настежь.

— Только не вздумай прыгать вниз, в саду собаки, — предостерегла Эстелла.

— А тебе будет не всё равно, если они меня загрызут?

— Мне всё равно, загрызут они тебя или нет, — добила Эстелла, — но они поднимут лай и перебудят весь дом. И тогда все узнают, что ты был у меня в комнате. А я не хочу ссориться с Маурисио из-за твоих глупых выходок.

Ничего не ответив, он как-то судорожно дёрнулся, но прыгать не стал. Наколдовал лассо и спустился по нему вниз.

Эстелла выдохнула, до последнего стараясь удержать слёзы. Данте ещё немного постоял у неё под балконом, пока она демонстративно не ушла в спальню. И тогда он крикнул, напоследок разбудив возгласом всех дворовых собак:

— Я ещё вернусь, учти! Не думай, что я так просто сдамся!

Собаки лаяли как припадочные, и Эстелла, изнемогая от тревоги за Данте, слушала звук его удаляющихся шагов. Когда шум затих, она без сил повалилась на кровать и заплакала.

Остаток ночи Эстелла провела в слезах, скручивая простыни в верёвки. Никогда, никогда теперь она не будет счастлива. Больше они с Данте не прижмутся друг к другу, сцепившись телами, как две юные змейки. Отныне она обречена страдать одна в этом мерзком замке, похожем на тюрьму, прикрытую роскошью убранства.

Около десяти утра явился Маурисио. За ним вошла Чола, поставила завтрак на туалетный столик и молча удалилась.

— Ну что, как ваше недомогание? Вам лучше? — поинтересовался маркиз.

Эстелла безмолвствовала, пряча в подушку опухшее от слёз лицо.

— Как бы там ни было, — продолжил он, — но сегодня вам придётся закончить фарс со своей мнимой болезнью. Я знаю, вы это придумали, чтобы не исполнять супружеский долг. Что ж, вчера я сделал вид, что вам поверил, но сегодня у нас дела. Так что завтракайте, приводите себя в порядок и мы отправимся с визитами. Сначала пойдём к вашим родственникам, а затем я провожу вас и Матильде в дом доктора Дельгадо. Сегодня четверг и у сеньоры Дельгадо в салоне собираются все местные дамы. У меня же во второй половине дня будут дела вдали от вас, дорогая, но вы, как и подобает маркизе, должны бывать в обществе. И должны вести себя безупречно. Матильде присмотрит за вами, — он навис над Эстеллой, дыша ей прямо в лицо.

— Имейте ввиду, никаких глупостей. Я многое простил вам и закрыл глаза на такие вещи, за которые другой мужчина давно бы вас отправил на гильотину. Но отныне любая ваша провинность, даже самая мелкая, будет сурово караться. Имейте это ввиду. Мне надоело быть идиотом. А теперь собирайтесь, вы обязаны выглядеть великолепно, как и подобает маркизе Рейес. Через два часа мы уже должны быть в доме ваших родственников.

— Зачем нам туда идти? — сидя на кровати Эстелла приглаживала растрёпанные волосы.

— Как это зачем? — хмыкнул Маурисио. — Вы устроили цирк, опозорили меня перед вашей семейкой, выставив тираном. К тому же, ваш мерзкий дядя из столицы грозит расторгнуть наш брак в суде. Так вот. Сегодня вы объясните своему семейству, что всё это было недоразумением. Вы им скажите, что мы с вами помирились и до безумия друг друга любим. И только попробуйте не убедить их в этом. Если я раз ещё услышу в свой адрес хоть одно дурное слово от вас или от кого-то из ваших родственников, вы будете выть на похоронах своего пастушонка. Ну если, конечно, там будет что хоронить после того, что я с ним сделаю, — надменно выпятив подбородок, Маурисио покинул комнату.

Эстелла кое-как запихнула в себя завтрак, давась им и безостановочно льющимися из глаз слезами. Итак, ей никто больше не поможет. Последний оплот надежды — дядя Ламберто — рассеивался как дым. Теперь она должна его убедить, чтобы он ничего не предпринимал против Маурисио, либо тот убьёт Данте не колеблясь.

Спустя два часа, Эстелла, одетая в платье из муара нежно-василькового цвета, с завышенной талией и длинным шлейфом, и в объёмной шляпе с вуалью, усыпанной колотыми топазами, прибыла к когда-то родному ей дому. Маурисио, в бархатном бордовом аби с золотой вышивкой, помог Эстелле выйти из экипажа, отворив дверцу. Со стороны эти двое выглядели счастливой супружеской четой, элегантной и красивой.

Оказалось, ни Арсиеро, ни Роксаны дома нет — они уехали в Буэнос-Айрес, чтобы Арсиеро, претендовавший на пост рехидора, мог заручиться поддержкой одного из советников вице-короля Педро Мело. Так что маркиза и маркизу Рейес встретил улыбающийся во весь рот Эстебан. Берта, которую хоть и отвлекли от окучивания кактусов, с большим удовольствием приветствовала внучку и Маурисио. А дядя Ламберто вышел из кабинета в неожиданном сопровождении — с ним были Сантана и Норберто.

В одиннадцать утра (как раз наступило время ланча) Либертад подала чай со сладостями: венскими вафлями, пончиками с повидлом, мармеладом и шоколадом. Все уселись в гостиной на зелёных канапе, расставленных квадратом. Эстелла с каменным выражением лица поведала родственникам, что они с Маурисио нашли, наконец, общий язык. И теперь в их доме мир и любовь, так что вопрос о разводе можно считать закрытым. Маурисио сдал ей руку чуть выше локтя, сдал так, что рука онемела, и отпустил лишь

тогда, когда Эстелла попросила дядю Ламберто забыть эту историю. Тот выглядел озадаченно, но спорить не стал. Эстелле вообще показалось, что его волнует нечто иное, чем её разборки с Маурисио.

Зато Берта обрадовалась. Расцветая улыбкой, она, в знак своей безграничной симпатии, подарила Маурисио необычный кактус. Желтовато-зелёный, с белыми иголками, он имел форму пятиконечной звезды с крошечным розовым бутончиком посередине. Улыбаясь своей холодной улыбкой и не испытывая при этом ничего, кроме снисходительного равнодушия, Маурисио поцеловал её пухлую ручку и принял подарок.

В эту минуту Эстелле захотелось разорвать всех: и лицемерного Маурисио (его в первую очередь); и дядю Эстебана, бросающего весёлые взгляды на затылок Либертад, что приносила и уносила пустые чашки да блюда; и дядю Ламберто, который витал в облаках; и бабушку, что души не чаяла в Маурисио. Знала бы она, каков он в реальности! Эстеллу не раздражала только Сантана. Как же давно они не виделись!

С момента их последней встречи Сантана заметно расцвела. В ярко-сиреновом платье в полоску, с волосами, кокетливо уложенными набекрень и с воткнутом в них украшением в виде мелких цветков, свисающих на ниточках, она выглядела совсем взрослой. На её фоне, флегматичной, уверенной в себе, Эстелла почувствовала себя раненым воробышком, несчастным и забитым, хоть и была разодета в муар и топазы. Ну и что, что у Санти платье проще и нет драгоценностей на волосах и руках, зато у неё глаза вон как блестят, и она смеётся во все тридцать два зуба, слушая шутки Берты и Эстебана, а сердце Эстеллы кровоточит и глаза колит от невыплаканных слёз. Когда-то они были лучшими подругами. Никого у неё не было ближе Санти, если не считать Данте. И вроде бы они помирились и извинились друг перед другом, но между ними всё равно образовалась пропасть. Какая-то натянутость и пустота. Эстелла знала, что Сантана сейчас очень дружна с Соль. Наверное, у неё всё хорошо. Она не страдает ни от разлуки с любимым, ни от издевательств ненавистного мужа, ни от того, что потеряла подругу.

Эстелла уставилась в свою фарфоровую чашку, сжав её обеими ладошками. Хорошо было бы просто умереть и не мучиться более. После того, что сделал с ней Маурисио, у неё нет сил жить дальше, бороться за что-то. Боль и гнетущее одиночество разрывают её, как и воспоминания о её недолгом счастье с Данте.

Пока все предавались болтовне и поеданию лакомств, Эстелла так и сидела с чашкой, обняв её двумя руками и разглядывая, как плавают в ней чайинки. Пока голос Сантаны не вывел её из оцепенения. Подняв ресницы, она сообразила, что обращаются к ней.

— Эстелла, дорогая, вы какая-то задумчивая, — Сантана впритык смотрела на бледное лицо подруги и её отрешённый вид. — У вас всё в порядке?

— Всё хорошо, — отговорила Эстелла. — Но мне немного нездоровится. Наверное, я простудилась.

Маурисио, что сидел рядом с Эстеллой, услышав её ответ, улыбнулся себе под нос и переключил внимание на Эстебана. Но проникательную Сантану обмануть было непросто. Эстелла по её вопросительно-тревожному взгляду поняла: та ей не поверила.

— А как вы оказались сегодня здесь, дорогая? — спросила она Сантану.

— О, да мы с дядей пришли к сеньору Ламберто, — Сантана положила в рот кусочек шоколада. — Вы разве не в курсе, Эстелла, что у нас происходит? Тётя Амарилис пропала.

— Как это пропала? — наморщила носик Эстелла.

— А вот так, исчезла, испарилась, — пояснила Сантана. — Мы и пришли к вашему дяде

узнать что-нибудь. Дело в том, что он был последним, кто с тётёй разговаривал.

— Да, было дело, — отозвался Ламберто грустно. — Я хотел узнать у Амарилис про её подругу детства, Клаудию. Мне очень надо найти эту женщину, но Амарилис повела себя странно. Когда я её спросил про Клаудию, она разволновалась, сначала уверяла, что не понимает, о чём речь. Но в итоге она заявила, что Клаудия умерла. Я потребовал сказать, где её могила, и тогда Амарилис раскричалась. Я объяснил ей, зачем мне нужна её подруга, и она призналась, что обманула меня. Клаудия не умерла, а просто взяла с неё слово никому не рассказывать о её местонахождении. Амарилис пообещала мне дать адрес Клаудии. Ушла домой и после этого никто её больше не видел. Она как в воду канула. Не знаю, связано ли одно с другим или это совпадение.

— Впервые слышу, что у тётё была ещё одна подруга, кроме сеньоры Роксаны, — вставила Сантана. — Я никогда не видела никакой Клаудии в нашем доме. Но тётя исчезла, мы ищем её уже целую неделю. Всё это очень странно. Может быть, она пошла к той самой Клаудии? Но почему не предупредила нас, мы же волнуемся? — закончила Сантана недовольно.

Но сеньор Норберто не казался расстроенным. Он с энтузиазмом обсуждал с Эстебаном результаты последних лошадиных скачек и весело хохотал, подкручивая пальцами седые бакенбарды.

— В последнее время у нас ведь сплошные проблемы, — сокрушалась Берта, качая головой. — Хорошо, хоть вы примирились, — она поглядела на Эстеллу и Маурисио. — Одной заботой меньше. А то вот Арсиеро грозятся снять с должность алькальда, хоть он и рвётся в рехидоры, зачем не знай. Толку-то от него? Роксана, ясно дело, беснуется, боится потерять статус первой дамы, особенно теперича, как узнала, что нет у ней голубой кровушки, — Берта хихикнула. — А то всё попрекала да попрекала всех плебейством, нос задирала выше крыши, вот и съела. Так ей и надо. Поделом ведь. Правда, она, как оклемалась после комедии с уксусом, так ещё злее стала. Прямо кидается на всех, только что не кусает зубами, а так собака собакой. Эти, — она указала на Эстебана и Либертад, которая ставила на столик новую порцию вафель, — жениться собрались. А Роксана против. Такую бучу тут подняла! Вот теперь тётка Сантаны исчезла не знаю куда, и Мисолина тоже.

— А Мисолина тут причём? — спросила Эстелла.

— Притом. Никак вот не попаду к ней в гости, — нахмурилась Берта. — Четыре раза уж ходила в особняк де Пас Ардани, он тут, через два квартала. — Так служанка ихняя меня всё время выпроваживает. То Мисолина куда-то ушла, то уехала в какое-то загадочное поместье, то она спит средь бела дня и никого не принимает. А последний раз, когда мы с Либертад туда ходили, было это... э-м-м, — Берта закатила глаза к потолку, — ну да, правильно, дней шесть назад, вышел её муж, этот дряхлый маразматик, да заявил, будто бы она больна и отдыхает. И велел нам, представьте себе, к его жене больше не приходить и не донимать её своими глупостями. Видите ли, мы ей нынче не семья, а теперь её семья — он один. И захлопнул калитку мне чуть ли не в нос. Так вот, мне это совсем не нравится. Чего этот старый козёл там с нею вытворяет? Хоть зови жандармов, ей богу, и врывайся туда насильно с ними вместе.

Эстелла повела плечиком — жизнь Мисолины мало её волновала. Вместе с тем, она испытала и злорадство. Не только же она должна мучиться. Мисолине это тоже полезно. Да и Эстелла была убеждена: что бы граф де Пас Ардани не вытворял с Мисолиной, де Маурисио ему далеко. Уж точно насиловать Мисолину старик не будет, из него песок уже

сыплется, и он навряд-ли на это способен, в отличие от Маурисио, которому через неделю исполнится двадцать семь. Эстелла полагала, что Мисолине повезло гораздо больше, чем ей. Лучше бы тогда её выдали замуж за этого хрыча. Вечно он жить не сможет и через несколько лет явно умрёт. Тогда сестрица останется вдовой с наследством и свободой (вдовам не запрещалось ни учиться, ни даже работать, и никто им был не в указ). А она, Эстелла, всю жизнь так и будет мучиться с этим «молодым и симпатичным» маркизом. Эстелле нисколько не было жаль Мисолину, себя ей было жалче. Пусть это плохо — радоваться несчастьем родной сестры, — но совесть её не грызёт. Наплевать ей на всё и на всех.

Эстелла вяло ухмыльнулась, представив Мисолину в слезах, и поймала взгляд Сантаны. Та жестом дала понять, что хочет поговорить ещё о чём-то, но наедине.

С семейных дел болтовня перешла на обсуждение соседей. Бабушка рассказала, что Диего Дельгадо-таки женился на троюродной кузине, и у них на свадьбе отец жениха напился так, что сеньоре Беренисе пришлось тащить его на своей спине по лестнице. Доктор Дельгадо обзывал жену, упирался и выл похабные песенки при всём честном народе. В конце Берта посетовала, что Диего, такой симпатичный юноша, женился на такой страшилке, как Кларибель.

— Боже ж ты мой, она такая страшная, это ж уму не постижимо! И как с эдаким чудищем можно спать в одной кровати? — закончила бабушка. И все засмеялись.

Наконец, беседа свернула к политике. Мужчины, забыв о дамах, стали спорить, размахивая руками и стуча тростями об пол. Либертад убирала посуду, а Эстелла и Сантана под шумок смылись в оранжерею.

Оранжерея — комната с причудливыми растениями и фонтанчиками, где в золочёной клетке сидел гиацинтовый попугай. Щёлкая клювом, он угрожающе помахивал крыльями и вопил низким скрипучим голосом:

— Не хотите ли ч-ч-чаю?

Пропустив Сантану вперёд, Эстелла вошла в комнату следом за ней и притворила дверь.

— Ты что-то хотела мне сказать, Санти?

— В общем да, — когда они остались вдвоём, Сантана сразу погрузнела.

— О тёте Амарилис? Ты так расстроена из-за её исчезновения? — удивилась Эстелла.

— Ну я расстроена, это правда, но поговорить я хотела не об этом.

— Понятно, — Эстелла подошла к Рамиро. Попугай топорщил пёрышки, глядя на неё круглыми бусинками глаз. — Наверное, ты хочешь поговорить о смерти своего отца? — продолжила она, не глядя на Сантану. Та любовалась на водяные лилии, розовые и белые, что плавали в каменной клумбе-озерце, наполненной водой.

— Я уже знаю, что это мой дед убил твоего отца. Ты была права, — Эстелла вздохнула.

— Права была не я, а тётя Амарилис, — ответила Сантана глухо. — Она с первого дня его подозревала.

— Мне жаль, что так вышло, — протянула Эстелла. — Ты, наверное, злишься на меня? Ведь я оказалась внучкой убийцы твоих родителей.

— Вовсе нет, нисколько я не злюсь, — Сантана подошла ближе. Теперь они обе стояли возле попугая. Тот, надменно смерив их взглядом, чихнул и повернулся спиной.

Сантана взяла Эстеллу за руку. Она была выше её и чуть шире в кости, и тоненькая маленькая Эстелла рядом с ней казалась подростком.

— Ты ни в чём не виновата, — продолжила Сантана. — Единственный человек, кто виноват — твой дед, но он умер, поэтому спрашивать за это преступление больше не с кого.

А тётя очень хотела отмыть папино имя, чтобы его не обвиняли в воровстве и других гадостях. Но это не совсем то, что я хотела тебе сказать, Эсти.

— Тогда что же?

— Я хотела поговорить о нашей дружбе. Вернее о том, что от неё осталось, — серьёзно сказала Сантана. — Я долго и много думала о нашей ситуации. Мы с тобой разругались, потом ты пришла на мою свадьбу и мы вроде бы помирились, но у меня всё равно остался осадок. А после — твоя свадьба и вообще всё, что случилось. Мне кажется, мы отдалились друг от друга, и мне грустно от этого.

— Правда? — Эстелла заглянула подруге в глаза.

— Правда. Я очень по тебе скучаю. Я бы хотела вернуть нашу дружбу, ту, что была когда-то. Ты мне очень нужна, Эсти. У меня не было подруги ближе, чем ты.

— А как же... как же Соль?

Сантана вспыхнула.

— Ну причём тут Соль? Я говорю о нашей дружбе, а она не имеет к Соль никакого отношения. Мы так нелепо поругались, и я чувствую себя одинокой.

— И я... я... чувствую себя одинокой и никому ненужной, — всхлипнула Эстелла. — Я осталась совсем-совсем одна.

— Но я так и не поняла что произошло? Почему ты теперь с Маурисио? Ты влюбилась в него? А как же тот, другой? Ты же с ума по нему сходила.

Эстелла не ответила на вопрос, порывисто обняв подругу.

— Прости меня, Санти, если я тебя чем-то обидела.

— А ты меня.

— Как хорошо, что ты у меня есть. Сейчас я живу в таком аду, что мне просто необходимо хоть с кем-то поговорить.

— Ты должна мне всё рассказать, — нахмурилась Сантана.

— Угу...

Они ещё долго обнимались и плакали под мерное журчание водички в фонтане, увитом плющом, и тихое тарыхтение попугая:

— Уйди с дор-р-роги! Тр-р-р...

Эстелла плакала, Сантана утешала её, баюкая приятным голосом и чувственным запахом розы — её любимого аромата.

Комментарий к Глава 13. Жертвы шантажа —————

[1] Агакат — старинное название персеи, дерева, на котором растёт авокадо.

===== Глава 14. Ложь во спасение =====

Наступил декабрь, сухой, жаркий, душный. В послеполуденные часы солнце раскаляло землю так, что она напоминала вулканическую лаву. И душа Эстеллы, словно под влиянием этого же солнца, превращалась в выжженную пустыню. Примирение с Сантаной всколыхнуло в ней надежду, но ненадолго. Она поняла: рассказать подруге прямо всё-всё-всё она не может. И Эстелла умолчала о том, что с ней сделал Маурисио, и о том, что рассталась она с Данте не по своей воле, убедив Сантану, будто разлюбила его.

После долгих угроз и упрёков Маурисио разрешил Эстелле общение с Сантаной, но с условием: она не наболтает лишнего, и встречаться они будут в замке Рейес. Выбора у Эстеллы не было — Маурисио не позволял ей одной даже в сад выйти. В церковь и на посиделки к Беренисе Дельгадо она ходила в сопровождении Матильде, что пасла её как конвоир арестанта. На светские мероприятия в виде балов, приёмов, спектаклей в театре и

скачек Маурисио брал Эстеллу с собой, где вынуждал её изображать счастливую супругу. Если родственники Эстеллы, например, бабушка Берта, дядя Ламберто или дядя Эстебан изъявляли желание с ней пообщаться, Маурисио и Эстелла приходили с визитом в особняк.

Сантана оказалась единственной, кому был открыт доступ в мрачный замок на улице Святого Фернандо. Сначала подружки встречались в присутствии Матильде или Маурисио. Но когда маркиз убедился, что Сантана не несёт угрозы, он ослабил бдительность, позволив девушкам болтать наедине. Не последнюю роль в этом «великодуший» сыграла и Матильде. Ей очень понравилась Сантана, и Эстелла заметила, что та набивается к ней в подружки. Сантана не возражала, принимая симпатию Матильде, и, не прошло и месяца, как сеньорита Рейес потребовала, чтобы брат прекратил за Санти шпионить и разрешил ей приходить чаще.

И отныне Сантана гостила в замке чуть ли не ежедневно. Эстелла не понимала, как могла она сдружиться с Матильде, испытывая уколы ревности, когда они весело болтали и хихикали. Однажды она не смолчала, предупредив Санти: Матильде — двуличная особа, жестокая, надменная и безжалостная. В ответ Сантана её огорошила, объявив, что прекрасно всё это знает. Она на ухо поведала Эстелле, что подружилась с Матильде, дабы втереться в её доверие. Эстелле не была ясна эта новая игра Сантаны, и дружба её с Матильде вызывала в ней тревогу. А вдруг Санти проболтается этой мегере о её делах? И Эстелла стала ещё более осторожной. Она не жаловалась Сантане ни на что, уверяя, что счастлива с Маурисио. Даже когда Сантана замечала её заплаканные глаза, Эстелла говорила, что плакала, читая трагическую книгу.

Книги были единственным убежищем для Эстеллы. Она таскала их из огромной библиотеки, где стеллажи, занимая все стены, высились до потолка. Когда Маурисио не трогал её, Эстелла проводила ночи наедине с книгами. Погружаясь в чужие страсти, она плакала, растворяя в слезах не столько выдуманные невзгоды, сколько свою собственную жизнь.

Книги и Сантана — именно они спасали Эстеллу от безумия. Маурисио по-прежнему донимал её. Изначально Эстелла думала: он мстит из-за её связи с Данте. Потом предполагала, что он обращается с ней, как с проституткой, таковой её и считая. Ведь она была не девственницей, когда вышла за него замуж. Но Маурисио не унимался. Едва ли не каждую ночь требовал исполнения супружеских обязанностей, а если Эстелла противилась, он её колотил, таскал за волосы, связывал и насиловал. Эстелла не понимала, что ему надо, но Маурисио, вероятно, нравилось над ней изгаляться, смотреть, как она кричит, плачет, умоляет о пощаде. Сам он уверял: его жестокое обращение — результат её дурного поведения. Да только к дурному поведению приравнивался даже неправильный, с его точки зрения, взгляд или поворот головы. Доходило до того, что выбор не того платья трактовался как проступок, за которым следовало наказание. Но единственное преступление, что совершала Эстелла — употребление снадобий из аптеки. Теперь приходилось пить их каждый день на всякий случай.

Но никто не мог помочь Эстелле в её беде. Даже если бы она нажаловалась кому-то, никто бы ей не поверил. В глазах общества Маурисио Рейес был сама идеальность, как и его полоумная сестрица.

Теперь Матильде, коей наскучило времяпрепровождение с гиенами и леопардами, увлеклась химическими и алхимическими экспериментами. Специально для неё в одной из башен третьего этажа соорудили лабораторию. Там она умерщвляла мышей, крыс, ящериц и

лягушек, потроша их, отрезая им лапы, хвосты и уши, и закапывая им в глаза щёлочь. Она изобретала хитрые смеси, начиная от безобидной парфюмерии и заканчивая ядами и мазями, от которых кожа покрывалась пузырями и лопалась, превращаясь в кровавое месиво. Матильде уверяла: когда она изобретёт что-то интересненькое, обязательно испробует его на слугах.

Эстелла была единственной, кого больные фантазии Матильде не волновали. За два прошедших месяца она смирилась с участью рабыни Маурисио. В чёрных глазах её не стало блеска, только печать обречённой покорности. Она носила шёлк, муар, пан-бархат, парчу, расшитые золотом и серебром; драгоценности с великолепными камнями украшали её запястья, волосы и оттягивали уши и шею, а будуар благоухал ароматами Франции, Индии и Аравии. И чувствовала она себя свободолюбивой птицей, посаженной в золотую клетку. Она не могла смеяться и плакать — глаза были сухи и кололи, словно в них попал песок. И сердце Эстеллы больше не билось от волнения, от радости, от предвкушения счастья. Чувства умерли вместе с той хрупкой девочкой, что лежала некогда в объятиях Данте.

Данте... Имя это было единственным, что заставляло раненное сердечко Эстеллы трепыхаться. Но происходило это отнюдь не от счастья или ожидания свиданий и жарких ласк, а от боли, глубокой, острой, сковывающей внутренности. Нет, она ничего не забыла. И не забудет никогда. Данте и сам не давал о себе забыть. Он её преследовал. Везде, куда бы Эстелла не отправилась с Маурисио, с Матильде ли, она видела Данте. Он следил за ней и днём, и ночью. Караулил у церкви, у театра, сидел под балконом, швыряя в окна камушки или бумажки с признаниями в любви и предложениями побега. Затем стал умолять о свидании, поносил дурными словами Берту и Либертад, которые, по его мнению, плохо влияли на Эстеллу. Он чуть не довёл до сердечного приступа Чолу, угрожая её спалить и для убедительности потрясая перед ней горящими пальцами. Но Эстелла избрала тактику игнорирования, не отвечая ни на мольбы, ни на клятвы, ни на угрозы.

В конце концов, Данте выследил и Сантану у магазина тканей, где она глазела на витрины. Грубо схватил её, заявив, что уверен: это Сантана их рассорила. Она специально что-то наплела про него Эстелле, и та не хочет его видеть.

Так минуло два месяца. Но вчера Эстелла получила передышку — Маурисио отправился в Мендосу продавать поместье, доставшееся им с Матильде в наследство от дядюшки. По мнению Маурисио, поместье это не приносило ренты, хоть и сдавалось в наем. От него были сплошные убытки — старый дом требовал ремонта, а жильцы добавляли головной боли, вечно что-то ломая. Так, решено было от этой собственности избавиться, и Маурисио уехал, оставив Эстеллу на попечение Матильде.

Когда утром следующего дня Сантана явилась в замок, она поведала Эстелле, что Данте снова к ней цеплялся. Он был неадекватен, и Сантана, которая всегда Данте презирала, вдруг пожалела его.

— Он тебе передал вот это, — сказала она, отдав Эстелле огненно-красную розу. От великолепия цветка и его аромата Эстелла едва не лишилась чувств. Он не забыл, помнит их условный сигнал, о котором они договорились ещё в детстве. Эстелла взяла розу и долго рассматривала бутон, силясь не заплакать.

— Представь себе, когда я вчера вечером уходила, он сидел у забора. Когда я пришла сегодня, он лежал в траве у забора на том же месте. Похоже, он тут и ночевал, — ухмыльнулась Сантана. — Знаешь, что он мне сказал? Говорит, мол: передай Эстелле розу, она знает, что это означает. Я буду её ждать, если она не придёт до завтрашнего рассвета, я

сброшусь с моста. Представь себе! Он совсем дурак, я смотрю. Что, кстати, означает эта роза?

Эстелла вспыхнула.

— Откуда я знаю? — наврала она. — Роза как роза, красивая... Хорошо, что Маурисио вчера уехал, и они с Данте не столкнулись.

Эстелла притворялась как могла, но грудь её разрывалась. Данте... Как же она его любит!

— Мне кажется, ты сама виновата в этой ситуации, — наставляла Сантана. — Ты ведёшь себя с ним жестоко. Он в отчаянии. Как бы он и вправду чего не натворил. Кто знает, что взбредёт ему в голову? Ты бы поговорила с ним что ли.

— Я уже с ним говорила, Санти, — объяснила Эстелла. — Это было два месяца назад. Я ему сказала, что между нами всё кончено, но он не слушает. А я не хочу давать Маурисио повод для ревности.

— Эсти, я понимаю, но ведь можно сделать так, чтобы Маурисио не узнал о вашей встрече. Я согласна с тобой, не надо провоцировать мужчину на ревность. Но на твоём месте я бы увиделась с Данте ещё раз и спокойно ему всё объяснила, — участливо сказала Сантана.

— Я не хочу! — выпалила Эстелла, вонзаясь ногтями себе в запястье. — Не хочу с ним разговаривать! Не хочу его видеть!

— Но как же так? — Сантану изумила такая реакция. — Ты так влюблена в него была, а сейчас так себя ведёшь, будто ненавидишь его. Но почему? Что он тебе сделал?

— Ничего он не сделал, — пролепетала Эстелла. — Просто мне надоела его навязчивость.

— Эсти, скажи мне правду, кого из них ты любишь на самом деле: Данте или Маурисио? — напрямую спросила Сантана.

Эстелла опустила глаза, проглотив комок в горле, и выдавила:

— М-маурисио. Д-данте я разлюбила, я же тебе говорила. Это была детская любовь, первая любовь, сильная, яркая, но она прошла.

Эстелла не знала, верит ли Сантана в её рассказы или нет, но чувствовала себя ужасно. Какая же она предательница! Обманывает и подругу, и Данте. Но это ложь во спасение — так она защищает их от гнева Маурисио.

— А ты говорила Данте об этом? — наморщила лоб Сантана.

— Ну да, говорила...

— Вот прямо так и сказала, что любишь Маурисио, а его не любишь? И он всё равно не отстаёт?

— Нет, так напрямую я не говорила. Я сказала ему, что мы расстаёмся. Данте разозлился и ушёл, и начал меня преследовать.

— Ну тогда всё ясно, — Сантана подёргала себя за ухо. — Он не отстаёт, потому что не понимает что произошло. Он не понимает причину, по которой ты его отшила. Значит, надо её озвучить. Скажи ему об этом.

— О чём?

— Что не любишь его. Эсти, ты должна объяснить ему причину расставания, сказать, что любишь Маурисио. Если у него есть гордость, после этого он уйдёт.

Эстелла прикусила нижнюю губу.

— Но... я не смогу такое сказать, у меня же не каменное сердце. Я не хочу его обижать.

— Почему сразу обижать? — скривилась Сантана. — На правду глупо обижаться. Эсти,

он не отвяжется. Ты бы его видела, у него глаза стеклянные, он похож на одержимого. Сегодня я даже испугалась. Точнее я вчера уже испугалась, когда он кинулся на меня у магазина. Я подумала, он меня убьёт. Тебе надо переступить через «не хочу» ради собственного спокойствия.

— Но Маурисио сразу узнает, если я встречу с Данте, — запротестовала Эстелла. — В этом доме глаза, уши и языки есть даже у пыли на шкафах.

— Я тебе помогу встретиться с Данте так, чтобы никто не узнал, — пообещала Сантана. — Ты должна это сделать, пойми, или эта ситуация будет бесконечной. А так ты ему скажешь, что любишь другого, он поймёт, что ловить ему нечего, пострадает немного, успокоится и встретит другую женщину. А ты будешь счастлива с Маурисио. Разве ты не этого хочешь?

— Угу, — нестерпимая боль кинжалом вонзилась в грудь Эстеллы, когда она представила Данте в объятиях другой.

Но она не должна быть эгоисткой. Она не имеет права держать Данте. Наверное, он думает, что Маурисио её заставил с ним расстаться. И он прав, но... он не должен так думать. Надо убедить Данте, что она его больше не любит. Да, это жестоко, и она не уверена, что сможет так солгать, но если Данте будет кружить возле неё и дальше, он напорется на Маурисио. И ничем хорошим это не закончится.

Данте едва не кричал от отчаяния — Эстелла возвела между ним и собой глухую стену и не желала ничего слушать. Зачем она так с ним? Он не может достучаться до неё уже два месяца. Она его игнорирует, будто его не существует. Первое время Данте мнил, что Маурисио держит Эстеллу в ежовых рукавицах, и поэтому она боится идти на контакт. Но издали наблюдая за Эстеллой, Данте усмотрел: она ведёт активную светскую жизнь, посещает театры, рестораны, ходит в церковь и на посиделки к местным кумушкам. Данте за шестьдесят дней шпионажа выучил все её перемещения на зубок. Знал все места, куда Эстелла ходила, разодетая в шёлк и бархат, с бриллиантами на шее. Восхитительно красивая и недоступная, как особа королевской крови. Не похоже, чтобы её кто-то мучил или заставлял так себя вести.

В сердце Данте поселилась глубокая тоска. Ночами он лежал без сна, изнемогая от горечи, снова и снова вспоминая их прогулки возле реки, как они смеялись, болтали, обнимались, целовались, строили планы... Неужели их любовь вот так взяла и закончилась вмиг? И в один миг он стал ей не нужен.

Чтобы отвлечься, Данте вновь занялся охотой и продажей лошадей. Иногда он уезжал в пампу на сутки, а то и на несколько. Возвращался с добычей в виде двух или трёх лошадок. Больше за один раз он не ловил, ибо охотился за редкими мастями, на которые был спрос среди аристократов. Заядлые коллекционеры отдавали состояние за шанс заиметь необычный экземпляр, коим они хвастались перед друзьями. Это был своего рода показатель статуса. Швырять деньги на бесполезную роскошь, будь то редкие лошади, драгоценные камни нестандартной огранки или коллекционные гробы чёрного и красного дерева размером с ноготь, являлось шиком. Данте же считал, что богачам некуда девать деньги, вот они с жиру и бесятся. Но благодаря их заскокам он имел доход.

За последней пойманной лошастью тигровой масти Данте охотился аж трое суток. Лошадь окрасом напоминала зебру — пепельно-белая с тонкими чёрными полосками на спине, она была так хороша, что Данте не сразу рискнул её продать. Но, в итоге, отвёз в

эстансию к очень богатому португальцу. Тот был так потрясён великолепием лошади, что аж весь задрожал. Рассыпаясь в благодарностях, он отдал Данте четыре увесистых кошелька золота. Но деньги сейчас мало интересовали Данте, и по возвращении в «Маску» он безразлично плюхнул золото в комод.

Лежа в кровати или в траве под звёздным куполом небес, он звал Эстеллу, заклиная её сменить гнев на милость. Быть может, он обидел её чем-то? Но они не ссорились. Всё было хорошо до того момента, как они пошли искать дом Кларисы и попали в лапы бандитов. Что-то здесь не так. Может, кто-то специально их поссорил? Это было единственное более-менее разумное объяснение, которое Данте находил. Кто угодно мог наплести про него бред Эстелле, и его наивная девочка купилась на это. И Маурисио, и его сестрица, и эстеллины родственники, начиная с её бабки и заканчивая горничной. А ещё есть препротивная Сантана, которая его терпеть не могла и уже пыталась их рассорить. Да кто угодно мог его оклеветать!

Придя к такому заключению, Данте решил: во-первых, выяснить, кто же виноват в их разрыве; а во-вторых, поговорить с Эстеллой и убедить её в своей любви.

Для начала он подкараулил Либертад, когда та возвращалась из прачечной, таща огромную корзину с бельём. Данте вырос как из-под земли, преградив ей дорогу, и Либертад аж взвизгнула.

— Господи боже мой, это опять вы?! Как же вы меня напугали! — возмутилась она, плюхнув корзинку на землю. — Чего вам надо?

— Ты мне сейчас же скажешь, кто наговорил Эстелле обо мне гадостей! — рыкнул Данте с такой злобой, что Либертад рот открыла.

— Не понимаю...

— Всё ты понимаешь! Отвечай на мой вопрос, гадюка! — он схватил её за руку, чуть не вывернув девушке плечо. — Почему Эстелла не хочет меня видеть? Это ты ей чего-то наплела, да? Или это та старуха с клумбой на голове, что тут на меня орала, будто я грязь под её ногами?

— Да чего вы несёте-то? — Либертад вырвала руку. — Ничегошеньки сеньоре Эстелле мы не говорили. А уж про вас и подавно. Сеньора Берта мне вообще запретила с вами болтать. Ежели она узнает, что я тута с вами лясы точу, она меня погонит метлой. Она вас терпеть не может из-за того, чего вы в церкви устроили. И ей нравится сеньор Маурисио. А вот мне он не нравится, как и вы тоже. Вы с ним оба хороши. Но дело-то не в этом, а в том, что ни у меня, ни у сеньоры Берты, ни у других жильцов этого дома нету доступа к сеньоре Эстелле. Сюда она ходит только вместе с муженьком своим. Он её не пускает одну ни на секундочку. Ни с кем она не может поговорить без его ведома, разве что с сеньоритой Сантаной.

Кровь прилила к лицу Данте.

— Значит, это Сантана, эта дрянь. Я так и знал! — сквозь зубы процедил он. Либертад в ужасе попятилась, когда с волос Данте посыпались красные искры. — Ну а ты имей ввиду, я узнаю кто нас поссорил и достану его из-под земли. Этому человеку не жить! Я вытащу из него кишки и развешу их по деревьям. Никто не заберёт у меня Эстеллу, никто! Я всех уничтожу, если надо сожгу весь город! Вы все сдохните, мерзкие твари! — Данте в бешенстве пнул неподалёку стоявшую клумбу с цветами. Удар был такой силы, что от клумбы отлетело несколько камней. Данте развернулся и убежал.

Либертад, проводив взглядом его спину, покрутила пальцем у виска, взяла корзинку с

бельем и зашла в дом.

Две ночи Данте просидел у замка Рейес, бросая в эстеллин балкон камушки. Реакции не последовало, и через пару дней он выследил Чолу. Схватив её за горло, воткнул ей в шею острые когти и потребовал, чтобы она сказала своей хозяйке к нему выйти. И, наколдовав на ладонях пламя, потряс им у горничной перед носом, заявив, что спалит её заживо. Та в страхе ринулась в замок и сообщила об инциденте Эстелле. Маурисио, к счастью, дома не было, а Матильде находилась в лаборатории, измываясь над мышами, и Эстелла уговорила Чолу никому не рассказывать о происшествии.

К тому времени как Данте попала на глаза Сантана, прошла ещё неделя. Он не сомневался: она и виновата в их ссоре с Эстеллой. Узрев Сантану у витрины с тканями на Бульваре Путешественников, Данте пересёк улицу и бесцеремонно припечатал девушку спиной к стене.

— Да вы что себе позволяете? Это что ещё за наглость?! — рассвирепела Сантана, но потом узнала Данте. — Ах, это ты!

Глаза Данте налились кровью. Сантана аж растерялась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что ты ей наговорила? — прошипел он. — Я тебе сейчас убью, гадина!

— погоди, погоди, — оборвала Сантана. — Во-первых, с дамами так не обращаются. Во-вторых, я что-то не поняла, в чём ты меня обвиняешь?

— Какая из тебя дама? Ты не дама, ты сука, вот ты кто! — заорал Данте на всю улицу. Трое мальчишек лет восьми-девяти пустились на утёк. — Ты уже не в первый раз лезешь в наши отношения с Эстеллой. Тогда я тебя не убил, потому что не хотел с ней ссориться. Но ты нас не разлучишь! Сейчас ты пойдёшь в этот мерзкий дом и скажешь Эстелле, что я её люблю и хочу с ней встретиться, а всё, что ты наплела про меня, это враньё! Ты это ей скажешь, поняла, дрянь? Или я тебе глаза вырву!

— Так, ну-ка умолкни! — овладев собой, Сантана тоже заговорила грубо. — Не смей меня обзывать, неграмотный! Да как вообще Эстелла с тобой жила, я не знаю. Ты же чокнутый! Но я ничего ей про тебя не говорила. Мы с ней про тебя вообще не разговаривали. Я, кстати, так и не знаю, почему она тебя отшила, хотя ты Маурисио и в подмётки не годишься. Он просто ангел в сравнении с тобой, — Сантана с удовлетворением отметила, как Данте покрылся мертвенной бледностью.

Он ослабил хватку, и она окончательно завладела ситуацией.

— Маурисио интеллигентный, галантный, умный, воспитанный, милый, приветливый, добрый, образованный, богатый, — со смаком перечисляла Сантана, загибая пальцы. — Ты бы видел, какие наряды и драгоценности он ей дарит. Да тебе и во сне они не снились! Ты же нищеврод без кола, без двора. Достаточно или продолжить? Неужели ты настолько глуп, что тебе ещё не ясно, почему она с ним, а не с тобой?

Ошалевший Данте промолчал и Сантана ушла, крутя в руках розовый плиссированный зонтик.

Но, когда через три часа она вышла из фамильного замка Рейес, увидела, что Данте сидит на клумбе, прислонившись спиной к забору и изучая стеклянным взглядом кроны деревьев. Сантана прошла было мимо него, но, передумав, вернулась назад.

— Эстелла не хочет с тобой разговаривать, — пояснила она. Данте не прореагировал, и она добавила: — Шёл бы ты отсюда. Если её муж узнает, они поссорятся. Ты разве не желаешь ей счастья? Если ты и вправду любишь Эстеллу, отстань от неё. Она хочет быть с

Маурисио, — и Сантана ушла.

Прохожие с удивлением оглядывали сидящего на земле Данте, но ему было плевать. Наступила ночь, и мириады ярких звёзд усыпали небо. Вокруг уличных фонарей кружились насекомые. На одном из деревьев сидела цикаба [1], ероша перья и тараща круглые, как блюдца, глаза.

Когда утром Сантана, одетая в зелёное платье из тафты с кучей оборочек, явилась снова, Данте лежал на земле, уткнувшись лицом в траву. Окружали его розы — красные, жёлтые, розовые, голубые и белые. Ни на шутку испугавшись, Сантана приблизилась.

— Эй, что с тобой? Ты чего тут лежишь? Тебе плохо что ли?

Безрезультатно. Данте как лежал скрюченный, так и продолжил лежать. Сантана тронула его за плечо, и тогда он пошевелился. Приподнялся на руках, исподлобья глянув на неё. Увидев его глаза, остекленевшие и неподвижные, Сантана отшатнулась.

— Передай ей, — прохрипел Данте, — я буду ждать её сегодня. Если она не придёт, я сброшусь с моста.

— Иди-ка ты лучше домой, — посоветовала Сантана. — Ни я, ни Эстелла не поверим в этот детский лепет. Сброшусь с моста, порежу руки, выпью яду и бла-бла-бла... Это дешёвый шантаж!

— Я никого ни в чём убеждать не собираюсь, тем более тебя, — Данте встряхнулся и сорвал с клумбы красную розу. — Отдай это Эстелле, — он протянул цветок Сантане. — Она знает, что это значит. Я буду её ждать до рассвета следующего дня. Если она не явится, пусть не говорит, что я не предупреждал.

— Да ты совсем ку-ку!

— Я её люблю, — Данте глядел в одну точку. — Эстелла — единственное, что у меня есть, она — моя жизнь.

— Тебе пора лечиться. У тебя есть гордость, в конце концов, или нет? Ты ей не нужен, пойми это. Она тебя кинула, потому что ты ей надоел. Иди уже отсюда! — и Сантана унесла розу в дом. Калитка за ней захлопнулась.

Данте ещё некоторое время сидел на земле, затем кое-как встал и, опустив голову, побрёл прочь. Если Эстелла ещё любит его, она придёт. Если нет, что ж... Он принял решение и не отступит от него. Жить без Эстеллы он не будет. Они могут верить или не верить, считая его слова шантажом глупого неуравновешенного мальчика. Пусть думают, что хотят.

После беседы с Сантаной Эстелла не находила себе места. Она долго смотрела на розу в хрустальном графине, ловя носом её божественный аромат. Наверное, она так пахнет, потому что это подарок Данте. Но розы недолговечны. Скоро она завянет, рассыпется в прах, как и их счастье. И Эстелле взбрело в голову эту розу посадить. Она выпросила у Чоль цветочный горшок и под чутким руководством служанки роза была высажена в землю и поставлена на окно. Сантану это немало удивило, но она не стала поднимать подругу на смех, зато сообщила, что знает как помочь Эстелле встретиться с Данте. Когда они сегодня придут с вечерней мессы и сядут ужинать, она подсыпет Матильде снотворной травы. Та заснёт, и Эстелла благополучно улизнёт из дома.

На мессу Матильде, Эстелла и свободная от тётушкиной опеки Сантана отправились втроём. Сорвав белую розу с куста, что цвёл неподалёку от храма Святой Аны, Эстелла незаметно обронила её на паперть. Данте она усекла, только выйдя из экипажа. Лица его

Эстелла не увидела — он скрывался за той же жакарандой, что и шесть лет назад. Видны были только концы его длинных волос, которые развевались на ветру, как корабельные паруса. Женщины вошли в церковь.

Конечно, Данте Эстеллу увидел, но он был в таком душевном состоянии, что предпочёл спрятаться. Когда же народ вломился в церковь, он рискнул взглянуть на опустевшую улицу. И сердце чуть не выскочило — на паперти лежала белая роза. Она согласилась на встречу. Она придёт! Придёт!

Тоска сменилась ликованием и, не помня себя, Данте кинулся прочь. Бежал и бежал, налетая на людей, спотыкаясь о камни и коряги и ничего не замечая вокруг. И не остановился, пока не добрался до берега реки. Эстелла придёт к нему!

Данте пришла в голову дикая мысль: если она не захочет уйти с ним добровольно, станет упираться и говорить ерунду, он её украдёт. Положит к себе на плечо и увезёт далеко в пампасы. И тогда она уже не сбежит. Он будет её целовать, целовать до исступления, и в итоге выпытает у неё всю правду.

Заламывая пальцы, Данте метался туда-сюда по побережью. Сидеть на месте он не мог, сгорая от нетерпения. Ну когда же, когда же Эстелла придёт? Только бы ей удалось выбраться из замка!

Данте уже потерял счёт времени, когда, наконец, раздался шорох и Эстелла выбралась из зарослей. Язык Данте прилип к нёбу. Он столько хотел ей сказать, а теперь вся его решимость улетучивалась с молниеносной скоростью.

— Эсте... — на негнущихся ногах он приблизился к девушке, схватил её за руку, поднёс её к щеке. — Родная моя, ты пришла.

Эстелла вырвала у него руку.

— Я пришла, чтобы расставить все точки над «и», — объяснила она. — Это последний раз, когда я прихожу к тебе на свидание. Больше не приду, что бы ты не делал.

— Эсте, пожалуйста, объясни в чём дело, — взмолился он. — Эсте... пожалуйста... Почему ты меня игнорируешь? Ты на что-то обиделась? Расскажи мне. Я всегда думал, что мы доверяем друг другу. Эсте...

Эстелла молчала, собираясь с силами, а Данте еле стоял на ногах, видя её равнодушие.

— Мне не нравится, как ты себя ведёшь, — сказала она сдавленно. — Ты меня преследуешь, ты мне проходу не даёшь. Я устала от тебя, Данте. Пойми, я не твоя собственность.

Данте стал бледно-зелёный, чувствуя, как в грудь вонзается острый кол.

— Я и не говорю, что ты моя собственность. Я никогда тебя не неволил. Но я хочу знать что происходит. Я... я имею права на это после всего, что было между нами. После тех безумных ночей, что мы проводили вместе, когда я чувствовал твою кожу каждой клеточкой. Я имею права услышать внятные объяснения! Имею! Я твой муж, в конце концов! Мы клялись друг другу в вечной любви, а теперь ты меня гонишь. Но я всё равно не отстану.

— Не думала, что ты такой прилипчивый, — ядовито бросила Эстелла. — Сколько можно навязывать мне своё общество?

— Вот как? Значит, я тебе навязываю своё общество? — Данте прикусил губы.

— Да, вот так! — прошептала Эстелла, сверкнув чёрными глазами. — Почему ты никак не поймёшь, что я больше не хочу тебя видеть? Данте, между нами всё кончено.

— Я уже это слышал! — он начал кричать. — Почему? За что? Что я сделал не так? Ведь я тебя люблю! Люблю! Не издевайся надо мной, пожалуйста! — он схватил её за плечи

и встряхнул, как бутылку с водой.

— Прекрати орать. Сядь, — молвила она, указывая на бревно.

— Не хочу я сидеть, я хочу слышать объяснения!

— Ты их услышишь, — голос Эстеллы стал сиплым от волнения. — Но будет лучше, если мы присядем, — и она первая села на их родное с детства брёвнышко. Данте послушно сел рядом. И это оказалось удачной идеей, ибо ноги у него были ватные.

Он исподлобья взглянул на Эстеллу. Она была немного бледной, в ярко-сиреневом шелковом платье и с локонами, увязанными в хвост. Такая красивая... самая красивая на свете.

Эстелла тоже робко изучила Данте. Поймала его взгляд, полный обожания и горечи, и чуть не разревелась. Он выглядел болезненно-изможденным, с чёрными кругами под глазами и с листьями в растрёпанных волосах. Будто время повернуло вспять и этот красивый, яркий юноша, которого она полюбила всей душой, снова превратился в дикого зверёныша, что ненавидел всех, кроме неё одной, и волшебство которого очаровало её шесть лет назад.

— Эсте, — позвал Данте, — прошу тебя... поговори со мной... Я ничего не понимаю.

— А с чего ты вообразил, что я должна оправдываться? — холодно спросила она. — Ты не имеешь на меня никаких прав и не можешь их тут качать. Я тебе ничем не обязана и делаю что хочу.

Данте, конечно, предполагал, что их разговор с Эстеллой будет тяжёлым, но чтобы она вела себя так жестоко! Уж лучше бы она кричала и плакала, высказывая ему обиду, чем столь равнодушно говорить такие вещи.

— Я люблю, люблю тебя, Эсте! Клянусь чем угодно, это правда. Я не знаю, на что ты обиделась, но поверь мне, пожалуйста, — голос его дрожал как порванная струна. — Я люблю тебя, люблю...

— Но я тебя нет, — сказала она тихо.

— Что?

— Я тебя больше не люблю, — повторила Эстелла.

Он замер, вцепившись в ветку груши, что росла рядом. При свете луны Эстелла увидела, как исказилось его лицо, и поспешно отвернулась.

— Нет, это неправда, — пробормотал Данте. — Эсте, ты не можешь такое говорить, это ложь. Мы любим друг друга с двенадцати лет, мы родились друг для друга. Наша любовь вечная, огромная как океан, она столько пережила. Наша любовь не может умереть.

— Но она умерла, — холодный тон Эстеллы пугал Данте всё сильнее. — Я тебя больше не люблю. Не спрашивай почему. Я не могу это объяснить. Просто я к тебе остыла. Моя любовь погасла так же внезапно, как и вспыхнула. Это была детская любовь. Мы так резко расстались тогда и пять лет я хранила в сердце мечту о тебе. И потом мы вдруг встретились. Я очень хотела влюбиться, я искала эту любовь, грезил о ней и влюбилась в тебя, потому что ты был первый, кто меня целовал, кто говорил мне красивые слова. Просто мне не с чем и не с кем было сравнить. У меня до тебя не было других мужчин. И я приняла эту любовь за великую и единственную в моей жизни, но это оказалось не так. Когда появился Маурисио, я поняла, что ошиблась. Ты был лишь первой любовью, этапом в моей жизни, который закончился. Вот и всё. Прости, но в сравнении с Маурисио ты просто мальчик, Данте. С Маурисио я испытала такое, чего никогда не испытывала с тобой. И я поняла: он и есть моя судьба. Я люблю Маурисио. Очень его люблю. И прошу тебя не мешать моему счастью. Не

ломай мне жизнь, Данте. Маурисио ревнив, а к тебе он ревнует особенно. Я не хочу ссориться с ним из-за тебя. Если я и вправду дорога, уйди в сторону. Отпусти меня. Я люблю Маурисио и хочу остаться с ним.

Данте молчал, уткнувшись лбом в ветку груши. Эстелла не видела его лица и даже представлять не хотела ни его взгляд, ни то, что происходит в его душе. Она всё верно сделала. Он должен уйти и оставить её страдать одну.

— Раз ты молчишь, — выдавила она, — думаю, ты всё понял, и на этом наш разговор окончен. Я ушла тайком и не могу отсутствовать долго. Мне надо идти. Надеюсь, ты прекратишь меня преследовать, Данте, и я больше не увижу тебя у себя под окнами и не услышу рассказы о тебе от Сантаны или бедной Чолы, которую ты напугал до колик.

Эстелла встала, чтобы уйти, и невольно взглянула на Данте. И всё перевернулось в её сердце. Она едва не послала всё к чёрту, так велик был порыв броситься к нему на шею. Он был красив, как и всегда, но глаза у него стали жуткие. Они почернели и ввалились, словно у мертвеца.

Эстелла хотела убежать, но вдруг он её схватил за руку так крепко, что у неё в плече хрустнуло. Пальцы у Данте были ледяные. Он ничего не сказал, лишь удержал её, обжигая зверским взглядом.

— Отпусти, — Эстелла хотела и зацеловать Данте, и надавать оплеух за его упрямство и немое отчаяние. — Ты делаешь мне больно. Я хочу уйти.

Но он держал её так, будто вместо пальцев у него выросли клешни. И тогда Эстелла, изнемогая от муки, заорала ему в лицо:

— А я думала ты нормальный, а ты просто клинический идиот! Отпусти меня! Пойми, наконец, я тебя больше не люблю! Прекрати унижаться! Ты мужчина или кто? Смотреть на тебя противно, бегаешь как собачка и выпрашиваешь, чтобы тебя полюбили. Меня от тебя тошнит! Ты меня раздражаешь! Иди к чёрту! Услышь меня, наконец! Я люблю Маурисио! Маурисио! Маурисио! А тебя я презираю! За что тебя любить, скажи мне? Что ты можешь мне дать? Никчемный деревенщина, нищий сиротка. Ты меня не достоин! Я аристократка, а ты плебей! Правильно все над тобой смеются! Ты — никто! — всё это Эстелла выпалила одним махом и сама в ужас пришла от того что сказала. Нет, она не хотела, так не хотела. Она никогда так про Данте думала и не думает. Это вышло само собой из-за его ослиного упрямства. Она мысленно просила у Данте прощения, но, видимо, было поздно.

У Данте аж губы почернели, и он выпустил её руку. Эстелла воспользовалась этим, оттолкнув его так, что он упал с бревна, и пустилась на утёк.

А Данте не осознавал, где он сейчас находится, и просто тупо лежал на траве. Даже слёз не было, зато челюсть заклинило так, что он и рот открыть не мог. Он не помнил, как встал и пошёл куда-то. И чудом доплёлся до «Маски».

— О, вот и вы! — сказал некто, когда Данте вломился в дверь. — А к вам гости.

Данте не понимал, кто с ним разговаривает, но ощутил: кто-то подошёл и тронул его за плечо.

— Привет, — сказал этот кто-то.

Его потянули за рукав. Данте в упор уставился на собеседника и лишь с десятого раза узнал Клементе.

— Данте, чего с тобой? Ты какой-то неживой, — сказал Клем. — А я вот тут опять к тебе припёрся. Но не просто так. Меня родители отправили за тобой, сказали чтоб я тебя привёз. Когда они узнали, что ты живой, они страшно обрадовались, — тараторил

Клементе. — Данте, ты меня слышишь? — встревожился он, увидев, что Данте как замороженный.

Данте легонько кивнул.

— Правда всё в порядке?

Данте опять кивнул.

— Ну хорошо. Я тогда сейчас в трактир сгоняю за ужином и приду, — сообщил Клем и ушёл.

А Данте направился к лестнице. Практически вслепую, цепляясь за перила и стены, он добрался до четвёртого этажа. Ног он не чувствовал, будто их отрезало. Открыл дверь ключом, даже удивительно, что попал в замочную скважину с первого раза.

Почти вполз в дверь. Его точно сковал железный обруч. Он хотел кричать, но не мог — голоса не было. Несколько раз Данте прошёлся туда-сюда по комнате. Выдвинув ящик комода, извлёк из него бутылку джина и снотворную настойку. Откупорил бутылку, влил туда снотворное и, взболтав, приложился к горлышку. Он не задумывался о том, что делает, всё происходило машинально. Вынув из другого ящика лассо, Данте вышел на балкон.

Остекленевшим взором он изучил козырёк, что примыкал к крыше и значительно выдавался вперёд. К нему были приделаны крючки, где висели цветочные горшки. Данте снял горшки, аккуратно поставив их на пол. Прицепил один конец лассо к освободившимся крючкам, а второй скрутил в петлю. И залез на перила.

Ветер с силой хлестал по лицу, раздувая длинные волосы, что напоминали змей на голове Медузы Горгоны, чёрных и блестящих. Данте глянул вниз. Внизу — кусты. И тротуар, выложенный булыжниками.

Сильнейшие порывы ветра грозили сбросить его с перил, но ему на удивление вдруг стало легко. Сейчас, сию минуту! Нужно сделать только шаг. Один шаг, и всё закончится. Его боль, мучения, унижения, его любовь — всё канет в лету.

Данте окинул взором утопающий в утреннем свете город. Аллея Лос Роблес, засаженная зелёными дубами. Окна соседних домов и их крыши: остроконечные и покатые, плоские и зубчатые, с чердаками, флюгерами и дымовыми трубами, отливали бронзой и золотом. Он задрал голову и поглядел на облака — они были белые-белые и сегодня напоминали фату невесты. В вышине парили голуби. Скоро он к ним присоединится. Детская мечта летать как птица, свободным, вольным, без забот и несчастий, станет реальностью.

Когда очередной порыв ветра набросился на юношу, опять растрепав ему волосы, Данте решил и надел петлю на шею. Глубокий вдох. Сердце стучит даже в ушах. Данте закрыл глаза и шагнул вперёд...

Комментарий к Глава 14. Ложь во спасение —————

[1] Циккаба — птица семейства совиных. Обитает от Мексики, Колумбии и Венесуэлы до большей части территории Бразилии и Аргентины. Её оперение в верхней части тела тёмно-коричневое с светлыми пятнами, в нижней — белое или бледно-жёлтое с чёткими тёмными полосами. Ведёт одиночный и ночной образ жизни и охотится в основном на мелких млекопитающих, птиц, рептилий и насекомых.

===== Глава 15. Нервный срыв =====

После встречи с Данте Эстелла еле-еле добрела до дома. Грудь её чуть не лопалась от сдерживаемых рыданий, будто превратилась в огромный мыльный пузырь. Девушка тихонько скользнула в калитку, лишь кончик её платья мелькнул за кустами, смахивая с них отцветшие бутоны.

В гостиной было темно хоть глаза выколи. После того, как за ужином Сантана бухнула Матильде в еду снотворную настойку, сеньорита Рейес уснула.

Эстелла не зажгла свечу, боясь привлечь внимание слуг, и на ощупь дошла до спальни. Заперев дверь, в изнеможении рухнула в постель.

Она плакала, кусая зубами подушку. Омертвевшее лицо Данте, его жуткий взгляд, не выходили у неё из головы. Она ударила его в ножом в спину и ещё и провернула лезвие в ране. Эстелла ненавидела себя за ту чудовищную ложь, что она крикнула Данте в лицо. Она его смертельно обидела, сказав, что презирает его за бедность и за происхождение, что он не достоин её и несравним с Маурисио.

— Прости меня, мой родной, прости, — шептала Эстелла, сотрясаясь от рыданий. — Я так не думаю, никогда так про тебя не думала. Я люблю тебя всем сердцем. Маурисио ничтожество в сравнении с тобой. Ты самый мой лучший, самый-самый.

Нет, Данте больше никогда не придёт к ней, даже если будет умирать от отчаяния. Зная его натуру, Эстелла прекрасно это понимала. Она его предала. По крайней мере, он так думает, а предательство он не простит.

Эстелла прижалась губами к колечку и чуть задремала, всхлипывая во сне, как вдруг... Вспышка! Кольцо задымилось, а татуировки обожгли ей поясницу и плечо. Она почувствовала — что-то давит на шею и воздух больше не проходит в лёгкие. Выпучив глаза, Эстелла схватилась за горло, сползла с кровати и легла на пол. Но удушье не проходило, и Эстелла не могла ни вздохнуть, ни крикнуть, дабы позвать на помощь. Длилось это состояние около минуты, но Эстелла жутко испугалась. Она открывала рот, как собачка после долгого бега, жадно глотая воздух. Шея болела так, словно Эстеллу душили удавкой. Кое-как она встала на ноги, зажгла свечу и, поставив её на подзеркальник, всмотрелась в отражение. На шее Эстелла обнаружила крупный красный след, как от толстой верёвки.

Обручальное колечко вибрировало, и у Эстеллы онемел палец. Вслед за ним онемела и рука, а затем и всё тело. Эстелла доковыляла до кровати и легла.

— О, боже, Данте, миленький, что с тобой? — нестерпимая тоска сжигала девушку. Шея болела, и Эстеллу била мелкая-мелкая дрожь. — Данте... Данте... что с тобой... — звала она шёпотом.

Понемногу дрожь и боль затихли, и колечко теперь чуть искрилось. Но Эстелла не могла заснуть. Мысли одна страшнее другой буравили ей мозг. Наверное, Данте плохо. Это она во всём виновата. Вдруг он угодил под экипаж или прыгнул с моста, как грозился? Нет, не может быть! Если бы такое случилось, она бы сразу поняла. Колечко живо и светится. Значит, Данте не мёртв.

Данте сделал шаг, и опора под ногами исчезла. В ту же секунду верёвка сдавила горло. Данте открыл рот, как рыбка, выброшенная на берег, но лассо держалось крепко. У Данте потемнело в глазах и он почти потерял сознание. Но длилось это недолго. В комнате раздался шум, а потом и вопль Клемента:

— Эй!!! Ты чего это делаешь?! Совсем дурак?

Его схватили за ноги, отрезали верёвку от карниза. Данте упал прямо на Клема, и вместе они оказались на полу. Клемента, ругаясь на чём свет стоит, начал снимать петлю у Данте с шеи.

— Ты чего творишь-то, совсем из ума выжил? Ты зачем туда полез? — вопил Клемента. — Кто тебя надоумил такое устраивать? Вешаться он вздумал! Самоубийство —

это грех, ты разве не знаешь?!

Но Данте молчал. Бледный как смерть, с выпученными глазами, он издавал свистящий хрип, рывками втягивая в себя воздух. Клементе отхлестал его по щекам, приводя в чувства. Облик его расплывался перед глазами Данте, он видел лишь некое бестелесное пятно, маячившее рядом.

— Да ты весь горишь, — сказал Клементе, потрогав Данте лоб. — У тебя жар. И похоже, ты бредишь.

Он подхватил Данте подмышки и втянул его в комнату. Дотащить юношу до кровати оказалось нелегко — Данте не шевелил ногами, да и ростом был выше Клема, и тот упарился, пока доволлок его до спальни.

— Не думал, что ты такой тяжёлый. Легче дуб на себе утащить, тем тебя, — Клементе плюхнул Данте на кровать. — Слава Богу, я приехал сегодня! Ну ты даёшь, — ворчал он, стаскивая с Данте обувь. Из горла Данте вырвался хриплый стон. Он смотрел в одну точку и, казалось, Клема не узнаёт.

Клементе покачал головой. Пройдясь по комнате, он заметил на столе пузырьрёк из-под снотворной настойки и бутылку из-под джина.

— А это что? Ты пил что ли? Когда ж ты успел-то? Ты ж пятнадцать минут назад только пришёл. Хотя я ещё там, внизу, подумал, что ты странный. Джин... — он прочитал этикетки на бутылке и на склянке. — Ну теперь мне всё ясно, у тебя глюки. Ты намешал джин со снотворным, ты совсем одурел. Данте, и как тебе это в голову стукнуло?

Данте молча свернулся в комок, вцепившись когтями в простынь. В висках у него стучала тупая, зудящая боль, он видел лишь очертания предметов, хотя глаза были широко открыты, но слышал всё, что говорил Клементе.

— Как ты меня напугал, я чуть не помер, когда вошёл в дверь и увидел как ты шагнул с балкона, — продолжал бурчать Клем. — Данте... Нет, это ненормально. Схожу-ка я к сеньору Нестору. Пусть лекаря позовёт. Я ж не местный и не знаю где тут искать докторов да лекарей. Я на минутку, — предупредил он. — Не вздумай опять что-то выкинуть.

Клем вышел. Данте никак не прореагировал на его слова. В мозгу было абсолютно пусто, а в ушах стоял гул. Он сейчас толком и не помнил, что произошло.

Вскоре Клем вернулся и сообщил, что сеньор Нестор отправил посыльного за лекарем.

Когда вместо лекаря пришёл аптекарь сеньор Сантос, Данте всё с тем же безучастным видом лежал на кровати. Доктор Дельгадо же приходить отказался, мотивировав тем, что лечит он только богачей. Остальные пусть хоть умирают — это не его ума дела.

Зато вместе с аптекарем пришла его жена сеньора Анхелина — худенькая дама с конопушками и ярко-красными волосами, собранными в пучок на затылке. У неё не было ни бровей, ни ресниц, а на лице выделялся лоб — высоченный, с огромными залысинами. Супруга аптекаря была травницей и знала множество народных рецептов.

— И чего ж туточки случилось? — спросил сеньор Сантос.

— Вот, — Клем указал на Данте, — у него жар. И ещё он проглотил бутылку джина и снотворную настойку — всё вместе, — Клементе отдал аптекарю склянки. — А потом он чуть не повесился. Я его из петли вытащил.

Сеньор Сантос хмыкнул.

— Хм... возможно, смесь лекарства со спиртным вызвала такую реакцию: судороги, галлюцинации. Ему могло что-то привидеться и поэтому он залез в петлю, — размышлял аптекарь вслух. — Давно это было?

— Да минут двадцать как.

— Промывание желудка делать уже поздно. Напоим успокаивающим. И покой, только покой. Никаких нервных встрясок. Пойду схожу к себе, принесу лекарства, а моя жёнка пока тут с вами посидит.

Аптекарь вывалился через дверь. Своим видом он напоминал кота, проглотившего шарик.

Сеньора Анхелина положила руку Данте на лоб, проверяя температуру, и невольно залюбовалась красотой юноши.

— Будто кукла, — сказала она. — Ну надо же. Никогда ещё не видела такое лицо.

— Но чего же с ним, сеньора? Ведь он не шевелится и не говорит ничего.

— Похоже на какой-то спазм, — травница потрогала Данте за плечи, пощупала ему челюсть и грудь. — У него всё тело сведено судорогой, мышцы как каменные. Это может быть всё что угодно. Например, реакция организма на сильное эмоциональное потрясение. Но это может быть и нервное расстройство. У него нет нервных заболеваний: эпилепсия, мания, бешенство, безумие, расстройство памяти?

— Нет, я такого не замечал, — Клем пожевал нижнюю губу. — Ну он вспыльчивый, иногда злится по пустякам, но не так уж прям глобально. Как и все вспыльчивые люди. Потом отходит.

— Ни с того, ни с сего такое не происходит. У него в роду никого не было с психическими отклонениями?

— Н-нет... не знаю...

— То есть?

— Ну, я не знаю, кто у него был в роду. Он и сам не знает, он сирота, — объяснил Клем.

— Ясно. Но такие болезни часто передаются по наследству. В последнее время я увлеклась темой нервных расстройств. Некоторые выявляются сразу, а другие протекают так незаметно, что окружающие и до конца жизни пациента могут не понять, что он болен. Конечно, при условии, что болезнь не входит в активную её фазу. Агрессия, потеря памяти, попытки самоубийства... Это первый раз, когда он пытался покончить с собой?

— Вроде бы да, я не помню, чтобы такое было ещё когда-то, — Клементе задумчиво почесал затылок. — Нет, ну Данте, конечно, взбалмошный, ни от мира сего, но он не сумасшедший. Видимо, у него что-то случилось. Это я виноват, он был странный, когда пришёл. Он не разговаривал и был какой-то заторможенный, а я махнул на это рукой.

Аптекарь вернулся спустя полчаса, притащив сундучок с медикаментами. Он попытался влить лекарство Данте в рот, но это оказалось проблематично — зубы Данте были сжаты и челюсть заклинило. Пришлось делать инъекцию в руку.

— Это успокоительное, — пояснил аптекарь. — Как только подействует, он уснёт.

— А он разве в сознании? — удивился Клементе.

— У меня нет оснований думать, что он без сознания, — сказал аптекарь. — Глаза открыты, наверняка он даже видит нас и слышит. Лучшее, что можно сделать, это погрузить пациента в глубокий сон.

Но лекарство подействовало на Данте не сразу. Лишь час спустя сведённое судорогой лицо юноши чуть-чуть дёрнулось, и он закрыл глаза.

Вздыхнув с облегчением, Клементе проводил сеньора Сантоса и сеньору Анхелину на выход. Но обрадовался он рано — на следующий день ситуация усугубилась. Когда Клементе пришёл из трактира, держа в руках мешки с едой, он едва не шлёпнулся прямо на пороге.

Данте сидел на кровати, обняв голову и притянув ноги к груди, и раскачивался из стороны в сторону как маятник. Всюду валялись куриные перья — всё, что осталось от подушки. Рубашка на Данте была разорвана, а сквозь прорехи на коже виднелись длинные кровавые царапины.

— Данте, а чего происходит? — озадаченно поинтересовался Клем, но Данте не отвечал, продолжая раскачиваться и напоминая буйно помешанного. — Данте, — Клем приблизился, тронул Данте за плечо. Тот, рыча, как раненный зверёк, метнулся в сторону. Глаза у него сейчас были неожиданно бирюзового цвета, а кожа покрылась мелкими красными точками — полопались капилляры.

Пришлось Клему опять идти вниз. Он велел сыну зеленщицы сеньоры Марты сбегать за аптекарем или его женой, а сам позвал сеньора Нестора наверх.

— Видите что происходит? Чего делать-то? — спросил Клем, указывая на Данте. — Вчера жена аптекаря мне сказала, что у него сдвиг по фазе, но я не поверил. А может он и правда того, свихнулся?

— А я думаю, пока ничего делать не надо, — сеньор Нестор внимательно разглядывал Данте.

— То есть как это?

— Ну вроде он не буйный, убивать никого не лезет. Так что надо оставить его в покое и поглядеть что будет дальше. Может, он сам придёт в себя. Чего с ним вообще случилось-то?

— Да откуда ж я знаю? — развёл руками КLEMENTE. — Он пришёл сам не свой и чуть не повесился вон там, на балконе, на карнизе прямо. Ладно я успел его оттуда стащить. Кстати, а где ж Эстелла-то? — спохватился Клем. — Она ж ведь его жена, она не знает что случилось с Данте. Где она?

— Не знаю, её уж два месяца тут нет, — пояснил хозяин.

Но тут они увидели, что при имени Эстеллы Данте со всей одури припечатался спиной к бортику кровати и начал долбиться затылком об стену.

— Смотрите чего он делает, он же голову разобьёт! — воскликнул Клем.

Но Данте не соображал ничего, лишь чувствовал в груди дикую боль, которая его оглушала, рвала на части. После суток глубочайшего сна, сознание юноши, наконец, открыло ему всю картину произошедшего. И теперь он шарахался по кровати, едва не вырывая себе волосы, и не знал куда деться. Эстелла его больше не любит. Она любит того гада, который у неё на глазах над ним издевался. Ложь... вся их любовь была ложью, а он верил, верил до последнего.

Но теперь весь мир его рухнул. И любовь его, огромная как небеса, рассыпалась в прах. Его Эстелла, его нежный цветок, упала с пьедестала и разбилась. Данте раздражался неискреннее сочувствие Клема, скрытое под озабоченность равнодушие сеньора Сантоса и любопытство сеньора Нестора. Им всем было интересно понаблюдать за этим диковинным зверьком, бившемся в конвульсиях. Зачем они тут? Ну что им надо?

КLEMENTE же пугало, что Данте не разговаривает и ничего не объясняет. А Данте и не хотел, и не мог говорить — от шока у него сел голос.

Пришедшая, наконец, жена аптекаря в очередной раз напичкала юношу лекарствами. Тот сопротивлялся, но в итоге проглотил их. И она повторила свою версию о том, что у Данте психическое расстройство. Клем не поверил. Травница разозлила его и, когда она ушла, он в сердцах бросил:

— Да чего она вообще понимает? Строит из себя тут. У женщин нет мозга, это всем

известно. Её обязанность готовить еду и рожать детей, а не ходить по пациентам с умным видом.

Три следующих дня Данте кормили успокоительными и он всё время спал. Иногда ему снились кошмары и он кричал во сне. Температура, однако, не спадала, юноша весь горел и в бреду у него, наконец, прорезался голос. Призывая к себе Эстеллу, он сел на кровати, безумным взглядом вперясь в стену.

— Данте? Что с тобой? — Клементе уж было хотел идти спать в гостиную на софу, но вид Данте встревожил его.

— Стена... — пробормотал Данте.

— Что?

— Стена шевелится... Она шевелится и хочет на меня напасть, — прошептал Данте. — Я не хочу. Уйди! Уйдите все отсюда! Прочь от меня! — он начал кричать, но голоса не было и получался хрип. — **ВОН!!! ВОН!!! НЕ ХОЧУ!!!** Не хочу никого видеть!!! Пошли все вон!!! Я хочу умереть... умереть... Эстелла... Эстелла...

Дрожа с головы до ног, он рвал простыни, рвал на себе одежду и истошно, сипло кричал. Клем смылся в гостиную, заткнув уши пальцами, и уже начиная злиться.

К утру Данте затих, жар у него спал и галлюцинации закончились. Ещё пару дней он лежал как бревно на спине, глядя в потолок. Он ничего не ел и не объяснял в чём дело.

Клементе пора уже было возвращаться домой — он итак проторчал в городе полторы недели, но уехать, бросив Данте одного, он не мог. Видя что Данте больше не беснуется, Клем подвинул стул кровати и сел.

— Данте, поговори со мной. Ну нельзя же так. Чего ты с собой делаешь? Погляди на себя. Поешь хотя бы.

Данте не ответил.

— Послушай, я не знаю что произошло, но мне бы уже пора возвращаться домой. Я хотел забрать тебя и Эстеллу с собой в «Лас Бестиас», я за этим и приехал, но...

— Никогда, никогда больше не смей произносить её имя, — прохрипел вдруг Данте.

— Почему?

— Потому. Для меня она умерла.

Клементе аж закашлялся.

— Та-ак, значит, это из-за неё ты в таком состоянии? У меня были такие подозрения. Может, расскажешь что произошло?

— Нечего тут рассказывать. Она меня бросила. Она меня предала. Она сказала, что любит другого, и что я ничтожество и не достоин её, — Данте говорил сухо и отрывисто. — Но она права. Кто я в сравнении с ним? У меня ничего и никого нет. Я не могу ей дать то, что она заслуживает: наряды, драгоценности, балы, шикарный дом с кучей прислуги. Она родилась в роскоши, она красивая и её маленькие ручки не должны мыть посуду и полоть грядки. Я её не заслужил. Я не могу сделать её счастливой и не хочу, чтобы она страдала. Пусть живёт в своём мире. Мне в её мире места нет, так же как и ей в моём. Но я не хочу больше жить. Зачем ты меня спас? Я тебя об этом не просил.

Клем слушал потрясённо.

— Ничего себе... — молвил он. — Но у вас была такая любовь, что аж Пия вам позавидовала. Да и я, признаться, тоже. Вы же нашли друг друга.

— А теперь потеряли. Этой любви больше нет, Клем, — измученно выдавил Данте.

— Но, Данте, ты не должен опускать руки и так себя изводить. Даже если вы

расстались, это не повод лезть в петлю. Жизнь-то продолжается. Ты ещё встретишь другую женщину.

Данте сделал неопределённый жест.

— Мне не нужна другая женщина. Эстелла — единственная женщина, с которой я хочу быть. Я её люблю.

— Я прекрасно знаю что такое любовь, и понимаю, что тебе тяжело сейчас. Но я также знаю, что это не смертельно, Данте. От любви ещё никто не умирал.

— Значит, я буду первым, — вяло скривился Данте. — Ты говоришь, что знаешь что такое любовь? Может быть, но есть одно но: каждый человек понимает любовь по-своему и ищет в ней то, чего не видят другие. Ты воспринимаешь её иначе, чем я. Ты считаешь, что любовь можно заменить. Тогда почему ты не заменишь свою Лус на другую? Она ведь тоже тебя не любит.

Клем почесал кончик носа.

— Я бы с удовольствием, — сказал он. — Если бы встретил другую и полюбил её. Но ещё есть идиотка Пия. Знал бы ты, как я её ненавижу, она всю жизнь мне сломала. Так что мне уже ничего не светит. Зато Лус принимает меня таким, какой я есть, и ей без разницы, что у меня беременная жена. Она согласна на роль любовницы. У тебя же другая ситуация, ты свободен как ветер, и можешь влюбиться снова.

— Не могу. Не умею я любить снова и снова. Я люблю Эстеллу. Я люблю её с двенадцати лет. Её одну, и этого уже не исправить и не изменить. Она была для меня всем: моим миром, моей кожей, моим воздухом. Благодаря ей я смог пережить всё, что со мной произошло. Потому что даже находясь в тюрьме, я верил: она меня ждёт и любит. Ты не знаешь что есть истинное одиночество, Клем. У тебя всегда были твоя семья, друзья, в тебя никто не тыкал пальцем за твою непохожесть на других. Я всю жизнь сторонился и ненавидел людей, предпочитая их обществу животных. Эстелла единственная, кого я впустил в свою душу. Впустил так глубоко, что она туда выросла корнями, как дерево, а потом ударила. Ножом в самое сердце. Я больше никому не верю, я не хочу никого видеть, я не хочу никуда идти или что-то делать. Я просто хочу сдохнуть, — и Данте натянул одеяло на голову и отвернулся.

Декабрь подходил к концу. Ферре де Кастильо сиял гирляндами в предвкушении рождественской суеты, а Данте было так тяжело, что он перестал ощущать себя человеком. Хотелось спрятаться, забиться в угол и тихо умереть. Если поначалу от шока у него даже слёз не было, то теперь они полились ручьями. Данте плакал ночами напролёт, пряча голову под подушку, чтобы Клем из соседней комнаты не услышал. Он не знал что предпринять, и как заглушить боль, которая сжигала его, не давая дышать. Когда обида на Эстеллу прошла, Данте решил: она во всём права. Она его бросила, потому что он её разочаровал. Случилось то, чего он боялся. Он плохой, и он Эстеллы не достоин. Но забыть её он не сможет, она буквально впиталась ему в кровь.

Предрождественское утро началось с того, что Клем приволок откуда-то громадную ель. Водрузив её посреди гостиной, стал украшать бантиками, цветочками, гирляндами, бубликами, конфетами в ярких обёртках и иным хламом. Затеял он это, чтобы отвлечь Данте, переключив его с Эстеллы на праздник. И действительно, Данте, обожавший Рождество, даже встал с кровати, чтобы поглядеть на ель. Та была великолепна — мощные зелёные ветви её источали насыщенный хвойный аромат, будто лес сам, по своей воле,

пришёл в комнату. Но взгляд Данте, изучив ёлку, поблуждал по округе и остановился на шкафу. На нём сидел плюшевый кот, а на комод лежали гребень и круглое зеркальце. Возле них стоял фиал с парфюмом. Все эти вещицы остались от Эстеллы — уходя, она не забрала с собой ничего. Лицо Данте искажилось. Он кинулся обратно в спальню и с размаху упал на кровать лицом вниз.

— Э, ты чего это? — крикнул Клем вслед. — Тебе не нравится ёлка?

— Нет, не нравится, — буркнул Данте.

— Почему? Она ведь красивая.

— Она мёртвая, спиленная. А деревья должны расти в земле.

— Так Рождество ведь.

— Я не люблю мёртвые растения, так же как и мёртвых животных. Это принцип.

— Ох, уж эти твои принципы! — вздохнул Кlemente, заходя в спальню. — Но, кажется, я знаю, как мы будем отмечать Рождество. Зачем сидеть в четырёх стенах у ёлки? Пойдём развлекаться во «Фламинго».

— Ты с ума сошёл? — вяло возмутился Данте. — Я не в силах дойти и до угла, не то что ехать в бордель и спать с девками.

— А по-моему тебе надо отвлечься. Клин клином. Ласки другой женщины и вино — лучшее лекарство от любовных переживаний.

Данте не знал как отвертеться, но так был измучен, что мечтал забыть обо всём хотя бы на пару часов.

— Ну хорошо, — согласился он. — Поедем.

К вечеру, принарядившись, приятели оседлали Алмаза и Лимончика и прибыли на улицу Баррьо де Грана. Данте еле стоял на ногах, поэтому всю дорогу Клем следил, дабы он не вывалился из седла.

Улица сверкала рождественскими украшениями так, что они перекрыли пурпур фонарей. Данте затошнило — воспоминания окутали его дурманом. Прошрое Рождество они с Эстеллой отмечали вдвоём, нежась в объятиях друг друга. Как же он был счастлив тогда! Он думал, что это навсегда, но любовь её рассеялась как дым. Их было двое, а теперь он снова один и вынужден искать утешения в объятиях бордельных девиц.

Всюду слонялись ярко разукрашенные женщины. Свистом и возгласами заманивали они мужчин в свои сети, а огромные окна домов, где горел алый свет и на подоконниках восседали полуобнажённые девицы, были украшены веточками омелы и колокольчиками.

«Фламинго — дом наслаждений» — так гордо звучало название двухэтажного домика с розовым фламинго на крыше и кустами лайма вокруг. Сюда и вошли наши герои.

Публика едва начала собираться. Неприятно-красный цвет стен бил Данте по глазам. Девицы кучками толпились по всему периметру залы, сидели на бархатных креслах и пуфах или бродили между полупустыми столиками, куря сигары и трубки, покачивая бедрами и голодными глазами высматривая клиентов. Одетые идентично — в корсеты, чулки и короткие юбочки разных цветов или панталоны с рюшами — издали они походили на тропических бабочек.

Донья Нэла, хозяйка заведения, — дама строгая, поджарая, лицом напоминавшая рыбу, важно гуляла по зале, проверяя всё ли в порядке. Основная масса клиентов всегда появлялась после десяти вечера, а сейчас было четверть девятого, да к тому же Сочельник — семейный праздник — и хозяйка, не будучи уверена, что народ привалит, нервничала.

Клем потащил было Данте к дальнему столику, но тот сел за столик, что расположился

у бара. Клему пришлось смириться. Тут же к ним подлетела конопатая девица со вздёрнутым кверху носом — она отвечала за напитки.

Обычно, приходя во «Фламинго», Данте пил что-то лёгкое вроде вина или ликёра, но сегодня, решив нажраться вдрызг, дабы утопить своё горе, он заказал женеввер. Вылакал один целую бутылку. Заказал бренди, а потом запил всё коньяком. Клементе пытался его остановить, но это было тщетно, и, в конце концов, махнул рукой, рассудив, что Данте и вправду не помешает наклюкаться до поросычьего визга. Авось легче станет. Но Данте почти не хмелел. Он заказал ещё женеввер и закурил трубку с длинным мундштуком. И лишь хрипло смеялся, запрокидывая красивую голову назад так, что шея хрустела.

— Кого я вижу! Мой милашка Де! Давненько тебя тут не было! — воскликнула Томаса — дамочка лет тридцати с крупными формами. Одета в атласные панталончики и серебристый корсет, из которого вываливалась её пышная грудь, она без зазрения совести поцеловала Данте в губы. Он не возражал. Губы у Томасы были полные и мягкие, и она пахла шоколадом. Именно Томаса когда-то научила Данте не только поцелуям, но и другим премудростям интимных отношений.

— В кои-то веки ты целуешься с клиентами в губы, Томи? — спросила Коко — девица в полупрозрачном платье и с рыжими волосами, сидящая у бара.

— О, не ревнуй, Коко, детка! — насмешливо отозвалась Томаса, наливая себе пиво в огромную кружку. — Это правда, обычно я не целуюсь в губы. А чего с ними целоваться, с этими стариканами? У них зубы гнилые, а-ха-ха-ха! Но мой Де — это другое дело, — она закатила глаза, притворно вздыхая. — О, у него такие губки! Он похож на пирожное и вкусно пахнет к тому же. А я так люблю сладости! Мой Де — единственный мужчина, с которым я люблю целоваться.

Данте рассмеялся, осушая стакан за стаканом, и выпуская клубы дыма Томасе в лицо.

— А с каких это пор мой пёсик курит? — ухмыльнулась Томаса, косясь на длинную трубку в его руках.

— С тех самых. Что хочу, то и делаю! — глаза у Данте сейчас были чёрные, а волосы, под воздействием магии, с каждым днём становились всё гуще и гуще, точно высасывали кровь из своего хозяина.

— Фи, какой ты грубый! — пухлыми пальчиками Томаса подцепила прядь его волос, что змеями спадали по плечам и спине. — А когда это ты успел так обрасти, прям как девка? Может тебя постричь, м? А то скоро патлы твои дорастут до пола и ты, чего доброго, ещё наступишь на них, — и она громко захохотала.

— Тебя забыл спросить, — огрызнулся Данте.

— Ну чего ты такой злой сегодня? — надула она щёки. — Я ж пошутила. Мне нравится твоя грива, я б её съела, — и она опять захихикала. — Может, пойдём наверх?

— Ещё рано. Да и мне хочется сегодня чего-то особого, — Данте сверкнул на Томасу своими фантастическими очами.

— А я — не особая? — удивилась Томаса. — Пока никто не жаловался. Уж я-то умею ублажать мужчин, а ты такой красавчик, прямо... ммм... так бы тебя и съела. Но я могу придумать и что-то необычное, ты только скажи чего ты хочешь. А может, ты хочешь нашего жандарма, донью Нэлу? Но она дорого берёт и не с каждым идёт. Но чего там смотреть-то на неё? Там даже ухватиться не за что! — Томаса горделиво выпятила свою шарообразную грудь, давая возможность всем на неё полюбоваться. — Хозяйка наша старая и плоская, как камбала. Когда она проходит мимо, слышно как гремят её кости, — в ответ на эту реплику

Коко и Маргарита — девица, разливающая спиртное, заржали.

— Нет уж, увольте, я не люблю костлявых старушек, фу-у-у, — брезгливо поморщился Данте. — Предпочитаю вкусненькое и свеженькое.

Ласки Томасы продолжились. Она взгромоздилась к Данте на колени, жадно целуя его то в губы, то в шею, а то лохматила волосы, чем вводила его в исступление. Коко, тоже успевшая набраться до горла, караулила клиентов, глядя на дверь. Но мужчины не спешили, приходя по одиночке и осматриваясь, они медлили, беседуя с хозяйкой. Да и Коко особо не стремилась работать, пропуская всех клиентов в надежде, что ей улыбнется удача в виде молодого красавца, который в неё влюбится. Сегодня у неё было романтическое настроение и она с завистью поглядывала на Томасу, отхватившую такой лакомый кусочек, как Данте, и на Сандру — белокурую девицу в голубом платье, что уже залезла на Клема.

— Чего это ты ничего не делаешь, а? — ядовито спросила Томаса, видя, как Коко бьёт баклуши. — Донья Нэла задаст тебе жару! Сама знаешь, она не любит бездельниц. Вон гляди, клиенты незанятые ходят. Вон тот с усами, к примеру.

Коко сделала такое лицо, будто её вот-вот стошнит.

— Знаю я этого усатого, был он у меня как-то, — заявила она капризно. — Таракан тот ещё. Извращенец чистой воды. Но может, мне повезёт сегодня и ко мне придёт кто-то милый. Ну или хотя бы молодой.

— Надеешься получить удовольствие от своей работы? — Томаса и Маргарита заржали в голос.

— А чего тут такого? — набычилась Коко. — Или ты думаешь, что только им надо удовольствие, а я обойдусь?

Томаса пожала пухлыми плечами.

— Эх, детка, какая ты наивная! Я уж и не помню, когда в последний раз получала удовольствие с мужчиной. По мне, так они все дегенераты. Ну кроме вот этого пирожного с карамелью, на котором я сейчас сижу, — и она смачно чмокнула Данте в подбородок.

— О, я придумал! — объявил вдруг тот. Хмель, наконец, подействовал на него, вызвав желание вытворить что-то дикое. — Я знаю, что сегодня мы будем делать. Раз уж я пришёл сюда, я хочу веселиться. Я хочу и тебя, и тебя, — он указал на Томасу и на Коко. — Вы будете ублажать меня вдвоём.

Они переглянулись.

— А я не знала, что ты тоже извращенец, — хихикнула Коко.

— Можно подумать, ты никогда этого не делала.

— Пёсик, а ты после такой выпивки с двумя-то справишься? — скептически заметила Томаса.

— Ты меня плохо знаешь, сладкоежка.

Тем временем, блондинка-таки завладела Клемом, быстро утащив его наверх. Данте был рад, что Кlemente не сидит у него над душой. В эту секунду внимание всех привлекли новые гости. Их было четверо: высокий, русоволосый мужчина лет пятидесяти, закутанный в плащ; второй мужчина, полноватый, с короткими маленькими ножками, прикрывал лицо шляпой, надвинув её на лоб, и невозможно было определить сколько ему лет, но, судя по походке, он был немолод. Третий мужчина — мулат лет тридцати в простой рубаше и домотканых штанах. С ними была женщина. Длинный балахон с капюшоном скрывал её целиком. На лицо была надета золотая маска с красными перьями. Мужчины поздоровались с доньей Нэлой и, более ни с кем не общаясь, держа женщину под руки, увели её наверх.

— А кто это? — спросил Данте. — Что за девка? Новенькая?

— Ну да, типа того, — презрительно сморщилась Томаса. — Залётная птичка и вечно в маске. Никто из девочек с ней разу не общался и никто не видал её лица, ну разве что донья Нэла. Эта дамочка всегда приходит с толпой мужчин, ведёт их с собой.

— Хорошо, что она не отбивает у нас клиентов, а приводит их с собой. Небось на улице ловит, — буркнула Коко. — Ловила б тут, я бы ей вмазала. Слишком нос задирает, в маске она видите ли. Загадочную из себя строит.

Спустя полчаса Данте, который был пьян так, что и сидеть уже не мог, нежился в постели, ласкаемый двумя женщинами. Коко, раздев его донага, целовала ему грудь, живот, спускалась на бёдра и поднималась обратно, а Томаса, положив его голову себе на ноги, перебирала ему гриву.

На какой-то миг по телу Данте пробежала дрожь — он представил на месте Коко Эстеллу. Это она сейчас его целует, это её губы скользят по его телу.

— Ещё... ещё... Эсте... Эсте, не уходи... ещё... — шепнул он, проваливаясь в бездну.

Ночь прошла бурно. Правда, Данте смутно помнил её, проснувшись поутру на розовых шёлковых простынях в компании сразу двух девок. Голову ломило так, будто по ней прогулялся бегемот. Ещё бы, столько выпить! И зачем он так нажрался вчера? Толку всё равно нет, Эстеллу он не забыл даже в пьяном угаре.

Кое-как встав, Данте добрался до ванной. Сидя в ароматной пене, он мало-помалу приходил в себя. Как вдруг сквозь дверь услышал шум и беготню. Но не стал торопиться. Спокойно закончил водные процедуры, оделся и вернулся в комнату. Положив золото на тумбу, увидел, что кровать пуста. Томаса и Коко стояли у двери, закутанные в простыни.

— В чём дело? — спросил у них Данте.

— Т-там что-то с-стряслось, — ответила Коко заикаясь.

— Кажется, драка в соседнем номере, — добавила флегматичная Томаса.

Они все втроём вышли из номера. А в коридоре уже образовалась толпа. Девочки и мужчины пёстрыми стайками топтались по всему периметру, с любопытством глядя на дверь, из-за которой раздавались грохот и скрежет, будто мебель расшвыривали по углам. Клем тоже был здесь. Уже одетый и, вероятно, ожидающий появления Данте.

Пять минут никто не двигался, слушая шум и гневные голоса. Данте зевал, изнемогая от головной боли.

— Мне кажется, нам стоит вмешаться, — подал голос Клем.

— А если и нам достанется? — опасливо нахмурился мужчина с огромными залысинами.

— Но нельзя же просто так тут стоять и слушать, — не согласился Клементе.

— Та-а-ак, ну и в чём дело? Что тут за сборище? — явилась донья Нэла, на ходу запахивая красный халат. — Кто тут буянит?

— Там, вон в том номере, что-то происходит, — пропищала худосочная румяная девица в платье с розовыми сердечками.

— Они там дерутся, похоже, — уточнил Клементе.

Донья Нэла взором жандарма глянула на шумную дверь.

— Безобразие! В моём заведение это запрещено! Ну сейчас я им устрою!

Она собралась уже ворваться в номер, но не успела — дверь раскрылась и оттуда вывалился мужчина. На носу его сидели расколотые очки, рубашка была порвана и окровавлена, а из груди торчал кинжал.

Несколько мгновений никто не двигался. Все глядели на мужчину в надежде, что тот шевельнётся, но он так и лежал на спине с кинжалом в груди. В номере гвалт не утихал и, не прошло и минуты, как из двери кубарем вылетели ещё двое. Сцепившись намертво в рукопашной схватке, мужчины, крепкие и молодые, перекатились через мертвеца. Под их весом торчащий кинжал вошёл в труп по самую рукоять.

— Я тебя убью, мерзавец! Ты не имеешь права жить! — вопил юноша с белобрысыми волосами, увязанными в короткий хвостик.

Второй — высокий мулат — вдруг вынул револьвер и направил на врага. Блондин тотчас схватился за его ствол, они начали бороться, смещаясь мимо толпы. Но когда они выскочили на лестничную площадку, блондин прижал мулата к перилам балюстрады. БАХ! Прогремел выстрел. И оба шлёпнулись на первый этаж. Теперь стало очевидно, что ранен блондин. Из груди его фонтаном лилась кровь, и он не подавал признаков жизни. Мулат ранен не был и, лежа, на спине, чуть дёргался.

Девушки, все, как одна, заголосили. Некоторые предпочли укрыться в верхних комнатах. Несколько клиентов, слишком известных и богатых, чтобы быть впутанными в скандал, попытались вылезти на улицу через окна.

— Теперь-то нас точно закроют, — в полной тишине проворчала донья Нэла. — Пойду отправлю кого-нибудь за жандармами. Да не ори ты! — гаркнула она на Коко — та выла, кусая собственный кулак.

Донья Нэла ушла. Она была единственной, кто не испугался, если не считать Данте. Чтобы отвлечься от тоски и головной боли, он спустился по лестнице и подошёл к лежащим на полу телам. Мулат был жив и дышал, но, похоже, он повредил позвоночник, упав плашмя на спину.

— Этот мёртв, — сказал Данте, пощупав пульс у блондина.

Погибшим был юноша лет двадцати, судя по одежде, он происходил из обеспеченной семьи. Лицо его показалось Данте знакомым, но он не смог его идентифицировать, пока Томаса и усатый мужчина, которого забракковала Коко, не подошли ближе.

— Этого не знаю, — усач ткнул пальцем в мулата. — А белобрысый, это ж сын нашего доктора, доктора Дельгадо. Диего Дельгадо.

— И откуда ж он тут взялся? — удивилась Томаса. Вид крови заставил её брезгливо сморщить нос. — Отродясь его тут не бывало, а вот его папаня к нам заглядывал, было дело.

Данте не представлял кто такой доктор Дельгадо, но имя «Диего» напомнило ему, откуда он знает этого мальчика. Шесть лет назад он видел его в доме Эстеллы. Эти двое — Луис и Диего были невоспитанными друзьями Мисолины. И, в итоге, оба умерли у него на глазах. Сначала Луис на собственной свадьбе, теперь и Диего. Данте стало не по себе от этих мыслей. Ну зачем он согласился в Рождество идти в бордель? Почему это убийство произошло не вчера и не завтра или не месяц назад? Он сто лет не был во «Фламинго», а как пришёл, так влип в историю. Вечно ему не везёт.

— Такой молодой мальчик этот сын доктора, — всхлипнула Маргарита, утирая слёзы рукавом. — Сколько ж ему лет-то было?

— Лет двадцать, не больше, — Томаса отковыривала заусенец с пальца.

— Там ещё есть трупы, — сказал кто-то. И все обернулись. Это Клементе спускался по лестнице. — Тот, что вывалился из двери первым, он тоже мёртв, и ещё один лежит в номере в луже крови, — объяснил Клем всем присутствующим, коих было не меньше двух десятков

человек. — И ещё девица...

— Что, тоже мёртвая?! — ахнула Маргарита, всплеснув руками.

— Нет, девица живая, — вздохнул Кlemente. — Да только она ничего не говорит, но, кажется, она одна и знает что произошло.

Данте и Клем, как самые молодые и отчаянные, поднялись наверх. Любопытная Томаса, расстроенная донья Нэла и икающая Коко отправились с ними.

Мужчина в очках так и лежал на пороге. Данте перешагнул через него, невольно заглянув в его лицо. Знакомый тип... Где ж он его видел? Мертвец был весь в морщинах, с редкими седыми волосами и длинным носом, кончик которого доставал ему до верхней губы.

В номере царил разгром. Мебель и одежда были расшвыряны по углам, ковёр висел на подоконнике, грозясь свалиться в открытое окно. В ванной лежал труп. Это был высокий русоволосый мужчина лет пятидесяти, Данте незнакомый. По центру, на возвышении, стояла кровать в форме сердца. На ней сидела женщина, закутанная с головой в одеяло. Данте и Клем переглянулись и приблизились к ней. Та отодвинулась, сильнее прячась в одеяло. Коко при виде крови и трупов начала стонать и жаловаться, что её тошнит.

— Ну-ка умолкни, дура! — рявкнула донья Нэла, стукнув Коко по затылку. — Не до тебя сейчас!

— Слушайте, ну чего вы все притащились сюда? — разозлился Данте. — Видите, она испугана? Может, вы уйдёте и дадите нам с ней поговорить?

— Да, пошли отсюда, — жёлто-зелёная от отвращения Томаса рукой поправила свою исполинскую грудь. — А то такая обстановка очень влияет на моё врождённое чувство красоты. Не люблю кровь и смерть.

Под гневным взглядом доньи Нэлы Томаса умолкла, а Коко, получив затрещину за вопли, изредка икала. Они ушли, а Данте и Клем остались наедине с девицей в одеяле.

— Слушай, может ты нам расскажешь, что тут было? — спросил Данте.

Та безмолвствовала.

— Это в твоих же интересах, — продолжил он мягче. — Ты единственная свидетельница, понимаешь? А если ты будешь молчать, придут жандармы и арестуют тебя за соучастие.

— Н-нет... — пискнула девица.

— Да чего ты с ней сюсюкаешь? — встрял Кlemente. — Эй, ты, давай выкладывай всё, не нервируй нас!

— Тебе я ничего не расскажу, — голос по мнению Данте у девицы был наигранно-детский и посему ужасно противный. — Ты злой и ты мне хамишь. Иди отсюда!

— Ха! Только этого мне не хватало! — взбесился Клем. — Ты, шлюха, с чего ты мне указываешь? Твоё дело подчиняться, поняла?

— Тебе ничего не скажу! — со злостью повторила девушка. — Вот ему расскажу, — она ткнула пальцем в Данте. — А ты выйди, козёл.

— Да я смотрю, ты не умеешь обращаться с мужчинами! Но я тебя научу! За такие слова в адрес мужчины баба всегда получает по роже! — Кlemente потряс кулаком, но Данте жестом его остановил.

— Клем, прекрати! Правда, выйди. Вдруг она чего скажет мне?

— Ладно, ваша взяла. Пойду на воздух, — смирился Кlemente. — Да скоро уж жандармы придут.

При упоминании о жандармах Данте побелел как мел. Что если они его узнают и опять посадят в тюрьму?

Дождавшись когда Клем выйдет, девица жалобно прошептала:

— Не надо жандармов, пожалуйста. Они не должны меня видеть.

— Почему?

— Потому что они не должны меня видеть, никто не должен, — тембр голоса её был похож на птичий. — Я не хочу, чтобы кто-то видел моё лицо, — и она всхлипнула.

Одеяло съехало с неё, обнажив острые плечи. Копна белокурых волос рассыпалась по спине. Лицо девушки скрывала золотая маска с красными перьями.

Данте, наконец, узнал девицу. Та самая, что пришла вчера с тремя мужчинами!

У девушки оказались изящные руки аристократки с округлыми ноготками, и Данте залюбовался на них, вспомнив о других руках, не менее нежных. У Эстеллы они были такие же красивые, только пальцы чуть длиннее, а ноготки острее. Почему-то Данте стало жаль девушку и он сел рядом с ней на кровать.

— Почему ты прячешь лицо? — спросил он прямо. — Что у тебя с лицом?

— Ничего. Просто... просто я не хочу, чтобы меня узнали. Моя семья не должна ничего узнать, а если придут жандармы, они заставят меня открыть лицо, и это будет катастрофа, — мямлила она, шмыгая носом.

— А кто твоя семья?

— О, они... они аристократы. Они очень богаты и известны в городе.

— Но как же ты попала в бордель? — рассказ девицы звучал не очень убедительно и Данте и верил, и не верил ей.

— О, это всё он, мой муж!

— Муж? У тебя есть муж?

Она кивнула.

— Да, такой старый и в очках. Ты, наверное, видел его. Он небось уже успел что-то насочинять в своё оправдание.

— Нет, не успел. Старик в очках лежит на пороге этой комнаты с кинжалом в груди. Он мёртв.

Девушка вдруг встрепенулась и весело, как-то по-детски, рассмеялась.

— Правда? Он сдох? Ты не шутишь?

— Нет, не шучу.

Она похлопала в ладоши. Данте засомневался в своём ли она уме. Но ему ли судить о других? Не далее как вчера, он вёл себя в десять раз глупее и хуже.

— Так это и правда твой муж? Но он же старый, а ты мне кажешься молодой, хотя я и не вижу твоё лицо... — затараторил Данте.

— Мне восемнадцать, а ему семьдесят два, — ответила она.

— Как же ты стала его женой? — Данте подкрутил кончик брови пальцами.

— О, это всё мои родственнички! Они состряпали этот брак, чтобы от меня отделаться, — с ненавистью выплюнула девушка.

— Так, ты обещала рассказать что именно тут случилось, — напомнил Данте.

Она понурилась.

— Он... мой муж, этот урод, привёл меня сюда. Он извращенец. Он сам не может ничего, ну, как мужчина, потому что он уже старый, но он заставляет меня спать с другими мужчинами. А сам сидит и на это смотрит, — она обняла себя за плечи. — Он очень

богатый и он чёрный вдовец. Он утробил четырёх жён, и теперь я знаю как. У него большой дом, но я не была там хозяйкой. Я была там в роли его игрушки. Он сажал меня на цепь, как собаку. Он никогда не разрешал мне ходить по дому, с кем-то разговаривать и даже спать на кровати. Я спала на полу. Он сам находил для меня мужчин. Приводил их в дом и заставлял меня с ними вытворять всякие гадости, — она шмыгнула носом. — Если я от чего-то отказывалась, он меня бил и лишал еды. А потом он повадился водить меня сюда. Он говорил это для того, чтобы я научилась у проституток, как вести себя с мужчинами. Вчера он привёл какого-то хрыча, кажется, это его друг или знакомый. И ещё с ними был наш конюх. Мы пришли сюда, и они всю ночь со мной забавлялись вдвоём, а этот козёл на нас смотрел. Но утром в комнату ворвался... ворвался... человек... — она запнулась. — Ну... он стал их всех бить. В общем... он хотел меня защитить. Они тут дрались, а я спряталась под кровать.

— А почему тот человек тебя защищал? — спросил ошарашенный таким рассказом Данте. — Ты знаешь его?

— Ну... ну... да... он был моим ухажёром, пока я не вышла замуж за этого гада.

Данте не знал что ещё сказать и умолк.

— А он жив? — робко спросила девушка.

— Кто?

— Диего. Тот, кто меня защищал. Ну он такой, блондин с хвостиком.

— Нет, мёртв, — опасливо признался Данте. — Его застрелили.

Она глубоко вздохнула.

— Ты любила его?

— Нет, просто мне его жалко, — повела она плечиком. — Он не заслужил такой смерти. Он был единственный, кто меня любил.

— А почему ты не захотела рассказать всё это при Кlemente?

— Потому что он хам и он меня обзывал. Ненавижу мужланов!

— Клем нормальный, просто он не умеет обращаться с женщинами, — разъяснил Данте.

— Я так и поняла. Он часто сюда ходит, я его видела много раз. А тебя вижу впервые и ты мне кажешься нормальным. Тут всегда собираются одни дегенераты, мне никого нормального ещё не попадалось.

— Я редко здесь бываю, — Данте разглядывал свои ладони. — А как тебя зовут?

— Эмм... Хуана, — неуверенный её тон дал Данте понять, что это имя ненастоящее. — А тебя?

— Данте.

— Странное имя, но я будто его уже слышала. А ты можешь мне помочь, Данте?

— Как?

— Отвези меня домой, пока не приехали жандармы.

— А где твой дом?

— Я... я скажу куда ехать. Главное, надо отсюда выбраться так, чтобы никто не узнал.

— Хорошо.

Она встала, опершись о Данте, но не прошла и метра, как брякнулась ему на руки.

— Чёрт возьми! — выругался Данте. — Что с тобой?

— Просто мне больно идти.

— Почему?

— Догадайся с трёх раз, — прошипела она зло. — Над тобой всю ночь не изгалялись два мужлана. Ты же парень, откуда тебе знать, что при этом чувствует женщина. К твоему сведению, я не проститутка.

Данте закутал Хуану в одеяло и поднял на руки. Она обхватила рукой его за шею. Маску так и не сняла. Данте понёс её к двери. Когда они перешагнули через труп старика, девушка вдруг дёрнулась, извернулась и плюнула в него. Попала в лицо.

— Вот тебе, урод! Наконец-то ты сдох! — радостно сказала она и уткнулась Данте в плечо.

Но не успел Данте с Хуаной на руках дойти до лестницы, как столкнулся с Клемом.

— Что это ты делаешь? — удивился тот. — Куда ты её тащишь?

— Давай, иди лови экипаж, девчонку надо увезти, пока не явились жандармы! — скомандовал Данте.

— Но почему?

— По дороге объясню, сейчас некогда.

— Но жандармы уже здесь, — огорошил его Клементе. — Они всех согнали в одну комнату и допрашивают. А я был на улице и они меня не заметили.

— Нас пока тоже. Давай быстрее, надо дуть отсюда, — поторопил Данте. — Здесь есть чёрный ход?

— Не знаю, — растерялся Клем.

— Есть, — вмешалась Хуана. — Вон там, — она махнула рукой вперёд. — Надо дойти до конца коридора и там будет пожарная лестница.

Данте, таща девицу, двинулся по коридору. Клементе ничего не оставалось как пойти за ними. Девушка оказалась лёгкой, как пёрышко. И Данте в очередной раз сравнил её с Эстеллой — они были примерно одинакового роста и телосложения. Хотя у Эстеллы, грудь чуть больше и бедра круглее. Данте сам себя костерил за эти бредовые мысли. С какой стати он сравнивает эту грязную девку с Эстеллой? Данте, конечно, пожалел Хуану, но ему не верилось, что она аристократка и рассказала всю правду.

Троица спустилась по отвесной лесенке вниз: Клем легко, а Данте, который тащил Хуану на руках, — с небольшими сложностями. Никто их бегства не заметил. Выйдя на дорогу, Клементе поймал экипаж. Все в него загрузились, и он тронулся в путь.

Пока ехали, Данте поведал Клему историю, что рассказала девица. Тот отнёсся к ней скептически.

— Ты скажешь нам адрес, наконец, или нет? Куда ехать-то? — спросил Данте, когда кучеру надоело петлять по округе, и он, дёрнув поводья, остановился посреди улицы Святой Мерседес.

— Я выйду здесь! — объявила Хуана.

— Где это здесь? Здесь нет жилых домов! — фыркнул Данте. — Мы хотели доставить тебя прямо к дому.

— Я дойду сама!

— Но ты же еле ходишь!

— Да ладно тебе, Данте, — презрительно бросил Клем. — Пусть идёт, раз так хочет. Мы что ей няньки что ли?

Как Данте не противился, но Хуана, настояв на своём, вылезла из экипажа. Но — Данте и Клементе отъехать не успели — девушка и ста метров не прошла, покачнулась и рухнула на мостовую.

Выскочив из экипажа, Данте поднял её на руки и втащил обратно.

— Ну что за наказание на наши головы? — рассердился Клементе.

— Она в обмороке.

— И что теперь?

— Да откуда я знаю?! — Данте был взвинчен не меньше. — Адрес она так и не сказала, и куда её везти я не знаю.

Экипаж так и стоял, раскорячившись на дороге, — Данте и Клем стали ждать, когда Хуана очнётся и скажет куда ехать. Но она была холодна как труп, поэтому Данте решил снять с неё маску, чтобы она отдышалась.

Облокотив её голову о Клема, он развязал ленточки у неё под подбородком, и вот уже маска оказалась в его руках. Но заглянув в красивое лицо девушки, Данте окаменел.

— Чего это с тобой? — спросил Клем, глядя по-очереди то на девицу, то на Данте, глаза которого были широко распахнуты. — Она красивая. Только не говори, что ты влюбился, — хихикнул Клементе.

Но Данте отрицательно мотнул головой, и Клем увидел, что по щекам его текут слёзы.

— Данте, ну ты чего? Что тебя так потрясло?

— Нет, всё нормально, — проглотил Данте комок в горле. — Я знаю куда её везти. Поезжайте на Бульвар Конституции к особняку алькальда, — велел он кучеру.

Тот тронул вожжи. На лице Клементе отразилось недоумение.

— А с чего ты взял, что она именно там живёт?

— С того. Эта девушка — сестра Эстеллы, — ответил Данте.

— Да ладно! Что правда?

— Угу.

Данте прижался лбом к окну, сквозь слёзы созерцая мелькавший пейзаж: зелёные деревья и кусты, богатые особняки и маленькие домики, утопающие в тени листвы, разномастных прохожих и экипажи.

Данте не сомневался: девушка из борделя — Мисолина. Почему это открытие так потрясло его, он не мог объяснить. Но представил на месте Мисолины Эстеллу, и у него аж уши заложило. Когда-то Эстеллу хотели выдать замуж за этого старика, который в итоге женился на её сестре. Данте теперь вспомнил, где он его видел: в доме у Эстеллы, когда приходил к ней свататься. Значит, Эстелла чудом избежала участи стать женой извращенца. Несмотря на обиду, боль и безграничное отчаяние, Данте волновался за Эстеллу. Хотя она не любит его больше, но у него остались воспоминания о тех днях, когда они любили друг друга. И он искренне желает ей счастья, пусть и не с ним.

===== Глава 17. Вне теории вероятностей =====

Всю дорогу Клементе и Данте молчали. Данте думал об Эстелле, а Клем опасался её трогать, ожидая непредсказуемой реакции. Мисолина всё также была в обмороке. Когда экипаж остановился у белого особняка с колоннами, Данте чуть сознание не потерял — так стучало сердце.

— Ну что, выходим? — спросил Клементе.

— Эээ... может, ты пойдёшь один? — замялся Данте.

— Один? — недовольно скривил губы Клем. — Почему это?

— Ну, ты отнесёшь девушку, отдашь её родственникам и вернёшься. А я тебя подожду в экипаже, — объяснил Данте. — Просто я... я не хочу туда идти... Это же дом Эстеллы.

— Не, один я туда не пойду, — заартачился Клем. — Я там никого не знаю и не знаю

что говорить, когда они спросят, откуда я эту девушку притащил. Так что не неси чепуху. Бери девушку и пошли вдвоём. Тем более, это ты всё затеял.

— Но... вдруг там Эстелла? — промямлил Данте. На глаза у него опять навернулись слёзы. — Я не хочу с ней встречаться.

— Ты ж сам говорил, что она теперь живёт в другом доме, с тем аристократом.

— Да, она живёт там, но... вдруг она сейчас тут? — привёл последний аргумент Данте.

— Вероятность такой ситуации именно в этот день и в эту секунду — один к ста. Сомневаюсь, что мы попадём в эту единицу.

Крыть Данте было нечем. Вытащив Мисолину из экипажа, он взял её на руки и они с Клементе позвонили в колокольчик у калитки.

Либертад рот открыла, подойдя к ограде и увидев Данте, на руках у которого лежала вся зелёная Мисолина. И с ними был ещё какой-то незнакомый светловолосый парень.

— Чего это всё значит? — спросила Либертад грубоватым тоном.

— Здравствуйте, сеньорита, — Клементе попытался быть вежливым. — Мы тут случайно выручили из неприятности вот эту девушку. А Данте уверен, что она живёт здесь. Она упала в обморок и мы её привезли.

— Да какая я вам сеньорита? — отмахнулась Либертад. — И вообще-то сеньорита, то есть сеньора Мисолина тут больше не живёт. Она живёт в доме своего мужа, — уточнила горничная.

— Её муж умер, — не стал ходить вокруг да около Данте. — Так куда мне её нести?

Либертад, пребывая в оцепенении,пустила Данте и Клементе в дом. Открыла парадную дверь, и Данте аккуратно внёс туда Мисолину. Клем шёл чуть позади, растеряно глядя в пол и чувствуя себя не в своей тарелке.

Первой, с кем юноши столкнулись в гостиной, была Берта. Напевая песенку про ядовитого паука, она поливала кактусы из розовой лейки с цветочками. На шум повернула голову и так и застыла с лейкой в руках.

— Сеньора, тут эти господа... — начала Либертад, но Берта её прервала.

— Что такое? Чего опять этот человек тут делает? — Берта помахала лейкой в сторону Данте.

— Ну так я и говорю, сеньора Берта, — растолковывала горничная, — тут эти господа принесли сеньориту... то есть сеньору Мисолину. Она без сознания, и они говорят, что её муж вроде как умер.

— ЧТО-О-О? — Берта шмякнула лейку на журнальный столик и выпятила подбородок, придав лицу грозный вид. — Ну-ка ты, убийца, — она взглянула на Данте, — признавайся чего ты сделал с Мисолиной?

— Вы ошибаетесь, сеньора, — вместо Данте ответил Клем. — Мы ничего с ней не делали. Она попала в историю, а её мужа, в общем... его убили, а мы принесли её сюда, потому что Данте сказал, что это сестра его жены.

— Какой такой жены? — взбесилась Берта, раздуваясь как рыба-ёж. — Эстелла замужем за Маурисио Рейесом, понял, мерзавец! Так что никогда к ней не подходи!

— Куда мне её отнести? Скажите, где мне её оставить, и я уйду, — тихо молвил Данте, игнорируя выкрики Берты. Ему, конечно, не привыкать к ненависти, но зачем, зачем Клем вытащил его из петли?

Либертад поманила Данте на второй этаж, что Берту отнюдь не обрадовало.

— Смотри там в оба, — велела она служанке. — Как бы этот ирод чего не натворил. А

то подожжёт дом или насыплет отравы под ковры, чтоб мы все тут померли.

Данте, смерив её грустным взглядом, ничего не ответил и пошёл следом за Либертад.

Дверь в девичью спальню Мисолины оказалась заперта на ключ, поэтому Данте ещё с четверть часа простоял с Мисолиной на руках — Либертад шарила по дому в поисках запасного ключа. Наконец, дверь в комнатку, оббитую выгоревшим зелёным жаккардом, была открыта и Данте водрузил девушку на кровать, высокую, с изящной спинкой и ножками, укрытую балдахином из прозрачной вуали — настоящее белое облако.

— Ей бы лекарь не помешал, — сказал Данте, глядя на Мисолину, которая напоминала труп в гробу.

Данте обернулся к Либертад. Однако, взгляд горничной был прикован к комоду розового дерева с нарисованными на нём маками. Там стоял портрет Мисолины в чёрной рамке, перетянутый по диагонали чёрной лентой, где красовалась надпись: «Покойся с миром. Аминь». Рядом стояла зажжённая свеча.

— Что это? — обалдев, Данте заговорил шёпотом.

— Откуда ж я знаю? — так же шёпотом ответила Либертад. — Я в эту комнату не заходила с тех пор, как сеньорита Мисолина замуж вышла. Сеньора Роксана её заперла да не велела тута убираться. Кто-то видать поставил сеньорите свечку за упокой.

— Семейка дебилов! — не сдержался Данте и стремглав направился к двери. Надо уходить отсюда быстрее. Атмосфера в этом доме давящая, его тут все ненавидят, да и друг друга тоже.

Либертад, убрав свечу, сорвала чёрную ленту с портрета Мисолины и вынула его из траурной рамки.

Данте спустился вниз, намереваясь сбежать, но в гостиной уже собралась куча народа. И самое плохое — здесь была Эстелла. Произошло то, чего он и боялся. Эстелла стояла рядом с Бертой и стройным блондином в чёрном. «Кажется, это её дядя», — припомнил Данте. С ними находился ещё один мужчина, Данте незнакомый. То был представительный брюнет с пышным хвостом и холёными усиками и бородкой. Кlemente, чуть поодаль от остальных, яростно жестикулировал в компании Сантаны, одетой в нежно-голубое платье в синий горошек.

Он не хочет, чтобы эти люди его видели! Он не хочет встречаться с Эстеллой! Ноги стали ватные, в горле пересохло, и Данте попятился назад, вздумав где-нибудь спрятаться. Тут много комнат, наверное, не страшно, если он укроется в одной из них. А когда все уйдут из гостиной, он выйдет и сбежит.

Но планы Данте на корню зарубила Либертад. Спускаясь по лестнице, она задела локтем статуэтку Пегаса — несколько штук этих прекрасных крылатых коней украшали перила. Статуэтка упала и разбилась вдребезги.

— Чёрт возьми! — выругалась Либертад громко. — Понаставили тут!

Вся компания обернулась на шум и уставилась на горничную и на Данте, что стоял у подножья лестницы. Либертад, недовольно пыхтя, начала собирать осколки Пегаса, а Данте не знал куда деваться от всех этих взглядов.

Двое мужчин приблизились к нему. Это были Ламберто и Эстебан. Последний принялся вытаскивать осколки из руки Либертад — она поранилась. А Ламберто заговорил с Данте.

— Значит, это вы тот молодой человек, что принёс Мисолину? — спросил он. — Но мы так и не понимаем, где же вы нашли её?

— Разве мой брат вам не объяснил? — пробормотал Данте, глядя в пол.

— Брат?

— Да, Клементе.

— Ах, тот светловолосый юноша! Так он ваш брат? — изумился Ламберто. — Вы совсем непохожи.

— Ну да...

— Так вот, ваш брат сказал, что вы сами всё объясните. Пойдёмте сюда, — Ламберто позвал Данте за собой.

Данте подчинился и подошёл к толпе, чувствуя себя всё глупее.

— Как вас зовут? — поинтересовался Ламберто.

— Данте, Данте Ньетто.

— Очень приятно, маркиз Ламберто Фонтанарес де Арнау к вашим услугам, — и Ламберто пожал Данте руку.

Данте на ходу выдумал историю: они с Клемом гуляли по улице Святой Мерседес и увидели на дороге Мисолину, которой было плохо. Она им сказала, будто её муж умер, а потом брякнулась в обморок. И они привезли её сюда. Конечно, врать не хорошо, но Данте не хотел позорить Мисолину перед её семьёй. Если сочтёт нужным, она сама им всё расскажет.

— Бедная моя внучка, — не удержалась от вздоха Берта. Стоя рядом с Эстеллой, она обмахивалась веером из листьев кактуса, который она сама и смастерила.

— А откуда вы узнали наш адрес? — полюбопытствовал Ламберто.

Данте вспыхнул.

— Дело в том, что я... я... я просто знаю, что эта сеньорита жила здесь, — выдавил он глухо.

— А вы что ж, маркиз, ещё не поняли? — вмешалась Берта. — Этот человек и есть тот мерзавец, что опозорил нашу Эстеллу.

Данте сжал кулаки, полуопущенные ресницы его дрожали. На Эстеллу он не смотрел, хотя она стояла почти рядом. Красивая, как и всегда. В шёлковом розовом платье, расшитым серебряным шнуром, с высокой причёской и кокетливой тиарой на голове. Красивая... самая красивая... Его девочка... Нет, уже не его.

Сердце Данте готово было разорваться. Надо уходить отсюда. Он сделал своё дело — привёз Мисолину, а дальше не его забота. Он сверкал на Клементе глазами, давая ему понять, что им надо идти. Но тот ни на шутку увлёкся болтовнёй с Сантаной. Девушка что-то активно ему рассказывала, и он хихикал. Про Данте, про Мисолину и про всю эту ситуацию он забыл напрочь.

— Нам, наверное, надо идти, нам пора, — промямлил Данте, потихоньку нацеливаясь на дверь.

— Ну что вы, как можно! — воскликнул Ламберто огорчённым тоном. — Вы наши гости. Вы сделали такое дело — выручили из беды Мисолину. А то она могла бы умереть на дороге. Господа, вы пренебреженно должны с нами отобедать. И это не обсуждается! — объявил маркиз.

Он с любопытством разглядывал Данте, узнав его. Это тот юноша с рисунка Эстеллы, и он похож на дедушку Ландольфо. Теперь, когда Ламберто лицезрел Данте воочию, он в этом убедился. Нет, он не может упустить шанс познакомиться с Данте! Вероятно, тот и впрямь потомок дедушки. Очевидно же, что происхождение там явно не крестьянское. Слишком

белая кожа, слишком тонкие черты. Некое врождённое изящество сквозило в его жестах. И чем больше Ламберто к Данте присматривался, тем больше он испытывал к нему симпатию.

Взглядом Ламберто дал понять Эстебану, чтобы тот его поддержал, а Эстебан, тоже припомнив дедушку, кивнул в ответ.

— Разумеется, сеньоры, оставайтесь, — подтвердил он. — Мы будем рады, если спасители Мисолины с нами отобедают. Наша кухарка готовит изумительно. А сегодня на обед её коронное блюдо — жаркое из голубятины. Ммм...

Берта открыла рот в попытке возразить, но Эстебан глянул на неё сурово, и она умолкла.

— О, благодарим вас за приглашение, сеньоры! — воскликнул Клементе. — Конечно же мы его принимаем!

Он чувствовал себя вполне комфортно в этом богатом доме. Видимо, Сантана так на него повлияла. Данте в ужасе замотал головой, давая понять Клему, что он не хочет оставаться. Но Клементе жаждал поболтать с Сантаной, поэтому не понял реакции Данте. Или сделал вид.

Нет, только не это! Здесь же Эстелла! А этот мерзкий обед наверняка растянется надолго, как оно и бывает у аристократов. Он этого не выдержит. Быть здесь, рядом с ней, в такой опасной близости, и одновременно так далеко.

Эстелла единственная из всех не проронила ни слова. Она была спокойна, даже равнодушна, и не смотрела на Данте. Он для неё пустое место, это ясно. А ему даже дышать больно.

Когда обед был подан и все расселись за столом, Данте и Эстелла оказались друг напротив друга. Девушка надела маску безразличия, хотя в реальности едва не кричала. Грудь её разрывалась на кусочки. Эстелла чувствовала себя опустошённой, загнанной, обессиленной, как воздушный шар, из которого выпустили воздух. Ну почему ей так не везёт? Угораздило же её прийти сюда именно сегодня и столкнуться с Данте. Все чувства к нему, которые и так жили в Эстелле и днём, и ночью, разгорелись с новой силой. Со скоростью пожара они распространились по её телу. Как же она его любит! Так хочется к нему прижаться, вкусить его губы, ощутить его запах... Такой он бледный и измученный, но хотя бы живой, значит, глупостей не наворотил.

Эстелла старалась не выдать себя, и у неё это недурно получалось. Она смотрела на Данте, как на едва знакомого человека. Поддерживала светские разговоры ни о чём с бабушкой, с дядей Эстебаном, с дядей Ламберто, насильно впихивала в себя еду, делая вид, что изумлена блюдами и очень голодна. И никто не знал, что её выворачивает от одного вида еды, и хочется забиться в угол и плакать, плакать не переставая. А стол ломился от деликатесов! И креветки, и рыба, запечённая в тесте, и фаршированные грибами томаты, и курица с апельсинами. А хвалёное жаркое из голубятины распространяло такой умопомрачительный аромат, что голова кружилась.

Данте было так больно, что он еле дышал. Он не притронулся к еде, только расковырял её, делая вид, что ест. Фарфоровая кожа его приобрела зеленоватый оттенок. Он не произносил ни слова, и лихорадочно щурил глаза, силясь не разреветься.

От Ламберто, что сидел рядом с Данте, заторможенное состояние юноши не ускользнуло. Может, ему плохо? Он такой бледный, вот-вот брякнется в обморок.

— Скажите, Данте, вам нехорошо? Может, воды? — участливо обратился он к юноше. Данте вздрогнул, не сразу поняв, что обращаются к нему. Но надо было что-то ответить,

и он выдавил:

— Нет, всё хорошо, сеньор. Не обращайтесь внимания. Просто у меня мигрень.

Отмазка была найдена удачная. После неё Ламберто отстал, решив, что человека с мигренью лучше не трогать.

Зато Клементе было весело — он явно что-то нашёл в Сантане и плевал на всех с высокой колокольни, общаясь исключительно с ней. Мужчины обсуждали последние новости с биржи, скачки и политику вице-короля. Затем все перешли к светским сплетням, в коих большой мастерицей была Берта. Она рассказывала о соседях так, будто жила в доме у каждого из них. Она выуживала из недр своей головы такие подробности, которых не знали и сами жертвы её языка. Наконец, Берта перешла к семейным делам и на зло Данте стала на все лады нахваливать Маурисио.

; А где ж твой супруг, моя дорогая?; обратилась она к Эстелле.; Что же он с тобой не пришёл?

; Уехал по делам. Нашёл покупателей для поместья в Мендосе наконец-то, — Эстелла улыбнулась, хотя готова была бабушку убить. Ну вот зачем она при Данте заговорила о Маурисио?

; О, я так довольна, что у меня теперь есть ещё один внук! Мой названный внучок Маурисио такой галантный, воспитанный. А уж как они с Эстельитой любят друг друга да как они счастливы, правда дорогая? — она лукаво посмотрела на Эстеллу.

; Угу.

; А все глупости, что внученька моя наворотила, остались в прошлом. Это было ошибкой юности. О, кто же не творит глупостей в семнадцать лет? — Берта окатила Данте победным взглядом. Тот, окончательно превратившись в труп, испепелял глазами кусок жаркого на тарелке. — Теперь Эстельита стала истинной дамой и поняла, что её счастье рядом с достойным мужчиной. Ты согласна со мной, дорогая?

; Угу.

Либертад принесла десерт: лимонный торт, эклеры и мороженое. Данте, у которого грудь горела так, будто туда налили кислоты, не мог дожидаться, когда этот кошмар закончится.

Наконец, Ламберто и Эстебан зазвали всех в гостиную пить чай. Но бабушка Берта отмочила очередное «что-нибудь». Она положила свой кактусовый веер на соседний стул, и Сантана на него села. Веер пострадал мало, зато из сантаниной юбки теперь торчали огромные иглы. Извиняясь, Берта стала вынимать их из кринолина девушки, и произошла заминка. Все суетились вокруг и давали советы, а Данте с Эстеллой оказались в гостиной вдвоём.

Данте, едва держась на ногах, ухватился за каминную полку. Сесть на канаве ему не позволяла гордость, а развернуться и уйти — совесть. Всё-таки их с Клемом тут приветили, и будет невежливо, если он вот так сбежит. Данте сделал вид, что рассматривает дом. Оглядел каминную полку и сам камин, где потрескивал огонь; зеркало над ним. Своего отражения так и не увидел, но залюбовался золотой рамой. После переключил внимание на статуэтки, бабушкины кактусы, картины на стенах. Неужели это некогда не закончится? За что ему такая мука?

Эстелла искусала губы чуть ли не до крови. Прогуливаясь по гостиной, она поправила портьеры на окнах. Затем для храбрости налила себе стакан неразбавленного бренди и выпила его залпом. И заговорила:

— Данте, — мягко позвала она.

Он вздрогнул, но не повернулся.

— Я знаю, ты обиделся на меня, — Эстелла говорила спокойно, хоть и вся дрожала от страха, боли и любви одновременно. — И ты прав. Я наговорила тебе гадостей. Я... я была жестока. Но тогда ты меня не отпускал и я разозлилась. В общем, извини меня. Я не хотела тебя обижать. Просто так вышло. Давай останемся друзьями.

— Друзьями? — Данте услышал свой голос как бы со стороны. — Ты считаешь, это возможно?

— Ну а почему нет? В детстве мы были друзьями. Я не хочу, чтобы между нами выросла стена. Это было бы неправильно. Мы столько пережили вместе, и ради этих прекрасных мгновений мы могли бы забыть о ненависти.

— Кто сказал, что я тебя ненавижу? — прошептал Данте. — Это не так. Не расстраивайся, я не держу на тебя зла. Я понимаю, почему ты выбрала его, и больше не стану тебе докучать. То, что я сегодня здесь, это случайность. Я узнал твою сестру и не смог бросить её в беде. Но не проси меня стать твоим другом, это лишнее.

Снова наступило неловкое молчание. Данте так и не повернулся, а Эстелла не знала что ещё сказать. Они стали совсем чужие. И это было больно. На ресницах её блеснули слёзы, и она ушла в другой угол. А Данте стоял с прямой спиной и по виду ему было всё равно, хотя огонь в камине расплывался перед глазами.

Вскоре и остальные подтянулись в гостиную. Сантана смеялась, рассказывая во всеуслышание, как она села на кактусовый веер. Клем и Берта хохотали вместе с ней.

Данте вытер глаза, а Либертад принесла чай. Но не успели все рассесться по зелёным канапе, расставленным квадратом, как у двери вдруг прозвонил колокольчик. Все удивлённо переглянулись — гостей больше никто не ждал. Дверь пошла открывать Урсула, ибо Либертад разливала чай по чашкам.

Через минуту Урсула вернулась, ведя за собой четверых мужчин в форме.

— Сеньоры, — объявила она растеряно, — тут жандармы.

Данте чуть не поседел. Кlemente с ужасом разинул рот. Ну вот и всё. Сейчас их арестуют из-за того, что они удрали из борделя, а потом и узнают в Данте ожившего мертвеца.

— Сеньоры, что привело вас сюда? — спросил Ламберто.

— Нам нужна маркиза Рейес, — провозгласил высокий жандарм с небольшой лысиной на макушке.

— Это я, — Эстелла поднялась на ноги.

— Тогда вы должны пройти с нами, маркиза.

— Зачем это? — вмешался Ламберто.

— Дело в том, что мы вынуждены арестовать сеньору. У нас есть ордер, — жандарм вытащил пергамент с сургучной печатью и сунул его в руки Ламберто. Тот прочитал и, судя по его лицу, ничего хорошего там не обнаружил.

— Но за что? Я ничего не сделала... — проямлила Эстелла.

— В жандармерии вам всё объяснят, маркиза.

— Эстелла, вам придётся с ними пойти, — сказал Ламберто. — Это официальный ордер на арест. Но я уверен, это какая-то ошибка. И я в этом разберусь, я поеду с вами.

Жандармы было хотели взять Эстеллу за руки, но Ламберто им не позволил.

— Нет уж, увольте! Она пойдёт добровольно.

Он взял ошарашенную Эстеллу под ручку, и они вышли вместе с жандармами. Все были потрясены. А у Данте в голове помутилось. Он забыл всё: свою обиду, и боль, и те слова, что Эстелла ему наговорила. Осталась только любовь. Огромная, как океан, нет у которой ни конца, ни края. И не обращая ни на кого внимания, Данте ринулся следом.

Экипаж, на котором приехали жандармы, уже тронулся в путь. Данте побежал за ним.

Притихшая Эстелла смотрела в окно. Какой-то сон. За что её арестовали? Она ничего не сделала. Может, это Маурисио ей какую-то пакость устроил или Мисолина, или Роксана? Эстелла перебирала в памяти все давние и недавние события, но не могла вспомнить, чтобы хоть раз дала повод для ареста. А вдруг они узнали, что Данте жив? Но тогда бы пришли за ним, а не за ней.

— Эстелла, не бойтесь, я с вами, — подбодрил дядя Ламберто.

— Я и не боюсь, — ответила она. — Просто не понимаю.

Тут Ламберто, высунувшись в окно, увидел, что за экипажем кто-то бежит. Он с удивлением узнал молодого человека, спасшего Мисолину — длинные волосы Данте развевались за его спиной как флаг.

— За нами бежит тот юноша, который Мисолину привёз, — сказал он. — Данте кажется.

Вздвогнув, Эстелла невольно покосилась на окно.

— Эстелла, скажите мне правду, что у вас с ним? — напрямую спросил дядя. — Вы влюблены в него или в Маурисио?

— В... в Маурисио, — храбро наврала Эстелла, хотя и вся трепетала. Данте, её Данте бежал за экипажем. Несмотря ни на что, он хочет быть рядом с ней. Он все ещё любит её. И от этого на душе сделалось легче.

Данте бежал и бежал за экипажем, не чувствуя ног. Ему было всё равно. Пусть он задохнётся, это не повод отступать. За что, за что Эстеллу арестовали? Его нежная девочка не способна никому причинить зла.

Экипаж остановился у до боли знакомого Данте места — тюремной башни. Жандармы, Эстелла и её дядя обогнули первое здание. За ним располагалась ещё одна башня, поменьше. Здесь находилась жандармерия и здесь же обитали арестованные за мелкие проступки и правонарушения.

Внутри Данте не пустили — у дверей стоял конвой. Изнемогая от волнения, юноша потоптался на месте, а затем сел у ограды на траву. И стал ждать. Пока он не узнает что с Эстеллой, он и с места не сдвинется. Когда она и её дядя выйдут обратно, он в наглую подойдёт к ним и спросит что произошло. Иначе умрёт от переживаний. Да, Эстелла его больше не любит, но тюрьму, этот ад, она не заслужила. Она разочаровалась в нём, потому что он её недостоин. Он мерзавец, сволочь, никому ненужный выродок. И он не смог уберечь их любовь.

— Эсте... Эсте... девочка моя, что такое с тобой? — Данте прижался губами к обручальному колечку — оно тотчас выпустило струйку дыма, а по татуировкам побежали мурашки. Неужели магия любви ещё жива? Тибурон же говорил, что она умрёт вместе с взаимностью чувств.

Комиссар жандармерии сеньор Ласерда, мужчина с красивыми глазами и холёными усами, сидел в кабинете — тесной комнатке, заставленной стеллажами с пергаменами и папками, и с большим, заляпанным чернилами столом. Откинувшись на спинку кресла, он

дымил трубкой.

Эстелла, ни жива, ни мертва, расположилась на стуле напротив, а дядя Ламберто стоял за её спиной. На облезлом диванчике у окна восседала женщина. С длинной шеей, маленькими серыми глазками и полными губами, она напоминала гермафродита. Одета в простенькое ситцевое платье и чепец, она бросала на разряженную в шёлк Эстеллу ненавистные взгляды.

— Я не понимаю, зачем здесь я и моя племянница, комиссар Ласерда, — тон Ламберто не терпел возражений. — Что за беспредел?

— Это не беспреде-ел, ва-аше Сия-тельство, — комиссар растягивал слова, будто мех аккордеона. — Произошло уби-ийство. Умер оте-ец вот этой сеньори-иты, — он указал на мужеподобную девицу в углу.

— А я-то тут причём? — Эстелла смерила неизвестную сеньориту дерзким взглядом. — Я её вижу впервые.

— Дело в то-ом, достопочте-енная марки-иза, что вы гла-авная подозрева-аемая, — извлёк из горла очередную мяукающую фразу комиссар.

— ЧТО? — хором воскликнули Ламберто и Эстелла.

— Да вы из ума выжили! — Эстелла заколотила двумя кулаками по столу. — Вы хоть знаете с кем разговариваете? Я маркиза Рейес! Мой муж — один из самых богатых людей в этом городе! Мой дядя, присутствующий здесь, — она указала на Ламберто, — помощник законодательного министра при дворе вице-короля. Мой дедушка — второй советник вице-короля. Да как вы смее обвинять меня в убийстве неизвестно кого? Я даже животное ни одно не убила, не то что человека!

Тирада Эстеллы не вызвала у комиссара никаких эмоций, верно, на своём веку он понаслушался немало.

Зато девица в углу вдруг выдала:

— Не смей отпираться, мерзавка! Маркиза, тоже мне! — голос её напоминал собачий лай. — Ты убила моего отца! Тебя видели! Ещё и прикидывается святой!

Эстелла впилась ногтями в ладони — так захотелось ей надавать этой девице тумаков. Дядя Ламберто положил ей руку на плечо, подбадривающе сжимая его.

— Сеньорита, не смейте голословно обвинять мою племянницу в чём бы то ни было и оскорблять её! — резко оборвал он.

— Эта сука убила моего отца! — не унималась та.

— Я никого не убивала, а сука твоя бабушка, — выплюнула Эстелла, трясась от ярости. Ну и тварь!

— Комиссар Ласерда, — строго взглянул на главу жандармерии Ламберто. — Я требую уважения ко мне и к моей племяннице. Если эта женщина не умеет держать свой язык за зубами, я требую удалить её отсюда. Мы не обязаны слушать вопли сумасшедших.

— И не подумаю молчать! Я не сумасшедшая! А эта тварь в шелках сдохнет на гильотине! — и девица нагло ухмыльнулась.

— Сеньори-ита Кассерас, помолчи-ите немно-ого, — лениво протянул комиссар. — А то я позову конво-ой.

Сеньорите Кассерас пришлось умолкнуть. А Эстелла мигом вспылала к ней жгучей ненавистью.

— Я требую объяснений, комиссар, — грудь Ламберто гневно вздымалась. — На каком основании вы задержали мою племянницу? На каком основании эта женщина её

оскорбляет? И о каком убийстве идёт речь? Это произвол! Я буду жаловаться министру вице-короля! И вы вылетите из этого кресла, как орех из скорлупы!

В ответ на все угрозы комиссар лишь зевнул. Открыв ящик стола, он извлёк скрученный в трубку пергамент. Протянул дяде Ламберто. Тот развернул его и углубился в чтение. По мере изучения документа лицо его сначала посинело, потом побелело, а затем пошло красными пятнами. Комиссар, безразличным жестом налив из графина воду, выпил её залпом.

— Может мне кто-то объяснить, наконец, что я тут делаю и в чём вообще меня обвиняют? — со злостью прошипела Эстелла.

— 27 июня прошлого го-ода, — вяло начал комиссар, — в туалете одного из кабако-ов на улице Баррьо де Грана, что напро-отив казино «Червонная дама», был найден труп мужчи-ины с двумя ранениями в области живота и па-аха, от которых он и сконча-ался. Это был сеньор Фелиппе Кассерас — отец вот этой девушки, — указал на мужеподобную сеньориту комиссар. — Свиде-етели утверждают, что сеньор Кассерас зашёл в туале-ет вместе с дамой. Они та-ам уединились, а пото-ом она, нанеся ему ране-ения осколком зеркала, кото-орый тоже найден на месте преступле-ения, выбежала на улицу. Тамошние проститутки уверя-яют, что девица была не местная, скорее-ей всего залётная бабочка, кото-орая ловила клиентов сама по себе. Полгода мы шли по сле-еду, опрашивали свиде-етелей и, наконец-то, пришли к вы-ыводу, что описание убийцы по-олностью совпадает с ва-ашим.

Ламберто так шарахнул кулаком по столу, что чернильницы, перья и папки на нём подпрыгнули.

— Это что ещё за бред? Моя племянница маркиза! Она не проститутка и не ходит по таким районам! — завопил он, багровея и теряя всю свою внешнюю рассудительность.

Но Эстелла не шевелилась, ословело вперившись в стену напротив — на ней красовался огромный револьвер в рамке. Острый приступ паники охватил её. Она вспомнила тот день и того мужчину. Страшный день. День казни Данте. Выпрыгнув из экипажа Арсиеро, она долго куда-то бежала. И попала в Баррьо де Грана — район красных фонарей. Тот мужчина, неприятный тип с бородой, чуть её не изнасиловал в туалете какого-то кабака. Она пырнула его в пах осколком зеркала и скрылась. И почти сразу забыла об этом — эпизод вылетел из памяти под воздействием горя, что она испытывала в те дни. Значит, тот гад умер. Но как жандармы её вычислили? Непонятно.

Потрясённая Эстелла, закрыв лицо руками, разревелась.

— Эстелла, что с вами? — воскликнул Ламберто. — Успокойтесь, не плачьте. Это всё чушь! У них нет никаких доказательств против вас. Они обвиняют вас, потому что вы кому-то показались похожей на убийцу. Какой вздор! Мало ли девушек с такой внешностью в городе?

— Ду-умаю, что ма-ало, — внимательно оглядел Эстеллу комиссар Ласерда. — Сеньо-ора марки-иза очень приметная женщина, тут сло-ожно ошибиться.

Ламберто вызывающе хмыкнул.

— Вместо того, чтобы ловить убийцу, вы мучаете невинных людей. Но вы мне заплатите за такое унижение моей племянницы, я вам это обещаю! — обычно добродушное лицо его стало жёстким.

— Эта шлюха убила моего отца! — пролаяла сеньорита Кассерас чуть ли не басом. — Забавлялась с ним в туалете, а потом убила и наверняка ещё и ограбила! При нём не осталось никаких ценностей. Подлая тварь!

— Я не убивала и не грабила. Он хотел меня изнасиловать, — глухо сказала Эстелла. — Я защищалась и порезала его зеркалом, вот и всё.

Наступила пауза.

— Что вы сказали, Эстелла? — Ламберто был поражён так, что испариной покрылся.

— Я не хотела, дядя, — пролепетала Эстелла тихо, — но он пытался надо мной надругаться. Он был пьян, он затащил меня в туалет и стал снимать с меня одежду. Я разбила зеркало и пырнула его осколком. Я не хотела убивать, я просто хотела вырваться.

Сеньорита Кассерас злобно расхохоталась.

— Какая наглость, нет, вы подумайте! Она ещё и жертву из себя строит. Да мой отец мухи бы не обидел! Сама его соблазнила и затащила в туалет, а потом убила, дрянь. Гильотина тебя ждёт. Я уж об этом позабочусь, будь уверена. Я не посмотрю, что ты маркиза, я тебя размажу по стенке!

У дяди Ламберто аж язык прирос к нёбу. Эта ситуация мгновенно напомнила ему ту, другую. Много лет назад, когда Рубен де Фьябле пытался изнасиловать Йоланду, и он, защищая её, тоже убил виконта. А Эстеллу защитить было некому, поэтому она оборонялась как могла.

— Зна-ачит, марки-иза, вы признаётесь в преднамеренном убийстве сеньо-ора Фелиппе Кассераса? — спросил комиссар.

— Нет, не признаюсь! — опять разгневалась Эстелла. — Вы глухой что ли? Я не признаюсь ни в каком убийстве, тем более в преднамеренном. Я вам объяснила, комиссар, что этот человек пытался меня изнасиловать, а я лишь защищала свою жизнь и честь.

— Не лома-айте дурочку, марки-иза, — уныло протянул комиссар. — Никто не собирался ва-ас наси-ировать. Вы находились в Баррьо де Гра-ана, приличные женщины туда не хо-одят. И там никого не наси-ируют, потому что проститу-уток нельзя изнасиловать, они па-адшие женщины и с ни-ими можно де-елать что угодно. Признайтесь, марки-иза, вам стало ску-учно и вы захоте-ели пошалить, прикинувшись одной из ни-их. Вам захотелось острых ощущение-ий и вы отпра-авились ловить мужчин. Вы спровоцировали сеньо-ора Кассераса, но пото-ом испугались и пристукнули его. А мо-ожет ещё и ограбили.

— Да вы... да вы... просто, — Эстелла, не находя слов, беспорядочно замахала руками. — Да как вы смее-ете так переворачивать мои слова? Я вам объясняю как всё было. Этот старый дегенерат хотел надо мной надругаться! Я оборонялась! Я приличная женщина!

— Приличные по Баррьо де Грана не ходят. И не смей наговаривать на моего отца, он был святой человек! А ты преступница! — огрызнулась сеньорита Кассерас.

— Не твякай на меня! Не забывай с кем разговариваешь, шавка неграмотная! — не осталась в долгу Эстелла. — Сразу видно, что ты вся в папашу.

Сеньорита Кассерас чуть желчью не подавилась.

— В общем, мне всё я-ясно, — подытожил комиссар. — Дело мо-ожно закрывать и передава-ать судьям. А они уж реша-ат какая судьба вас ждёт, марки-иза: заключение или казнь.

— Нет, секундочку! Да это произвол какой-то! — Ламберто слов не находил от возмущения. — Вы, комиссар, обязаны собрать все улики, изучить их тщательно, найти свидетелей и лишь после этого кого-то обвинять. А вы просто работать не хотите. Да я вам тут устрою сладкую жизнь!

— Устраивайте что хоти-ите. Моё дело преступницу найти-и и посади-ить под арест. Тем более, она сама призна-алась. А это де-ело висит надо мно-ой уж полгода. Оно мне

надоело. Конво-о-ой! — комиссар трижды хлопнул в ладоши.

Явились двое стражников.

— Отведите марки-изу в отдельную ка-амеру, — распорядился он, поглаживая свои роскошные усы. — Так как она аристокра-атка, с простолюди-инками её не сажа-ать, а то до суда она не доживёт.

Голос комиссара, который не разговаривал, а словно играл на баяне, Эстеллу бесил неимоверно, а появление конвоя окончательно её добило. От страха у девушки в глазах потемнело, когда тюремщики схватили её под руки.

Сеньорита Кассерас улыбнулась, показав редкие мелкие зубки. Видимо, к такому её поведению примешивалась не только ненависть за убийство отца, а ещё и зависть некрасивой женщины к красавице.

— Надеюсь, ты сдохнешь, фифа! — выкрикнула она весело.

— Не бойтесь, Эстелла, я завтра же вызову из Байреса нашего семейного адвоката, — сказал дядя Ламберто. — Он вас вытащит. Он и не с такими делами справлялся. А тут просто форменное самоуправство и нарушение всех законов. Я ещё ни разу такого беспредела не видел.

Но Эстелла не слышала эту ободряющую фразу дяди. Страх оглушил её, когда жандармы повели её сквозь длинный коридор. Ну вот и всё. Жизнь закончилась.

Сеньорита Кассерас ушла следом.

— Слава боженьке, этот дегенерат сдох, нашли козу отпущения и дело скоро закроют! Уж я-то повеселюсь тогда на славу! — с воодушевлением воскликнула она, как только затворила дверь в кабинет комиссара. — Девку на гильотину, а у меня как гора с плеч. Ненавижу аристократок! — и она удалилась с королевским видом, хоть голову её и закрывал простонародный чепец.

Ламберто тоже пришлось уйти. Напоследок он велел комиссару не обольщаться — он этого так не оставит.

— Готовьтесь покинуть это кресло, я вас предупредил! — и Ламберто в ярости долбанул дверь.

Он был вне себя. Что за безобразие творится в этом городишке? Это не жандармерия, это бардак какой-то! Они даже разбираться не хотят, спихивают преступление на того, кто первый попадётся им в лапы.

Изнемогающий от тревоги Данте всё также сидел у забора. Он уже был готов покусать конвой, чтобы попасть в башню. Но, наконец, главный вход открылся. Данте вострепнулся, вскочил на ноги. Уже стемнело, поэтому юноша ни сразу увидел, кто вышел из жандармерии. Но когда Ламберто поравнялся с оградой и угодил под свет фонаря, Данте чуть не рухнул. Один! Один, без Эстеллы. Значит, Эстелла осталась в тюрьме! Не может быть!

Данте кинулся к Ламберто так резко, что чуть с ног его не сшиб.

— О, Господи Боже, как вы меня напугали! — воскликнул Ламберто, признав Данте. — Это вы бежали за нашим экипажем? Зачем, можно спросить?

— Я хочу узнать что с Эстеллой. Что случилось? Где она? — Данте было всё равно, что этот сеньор о нём подумает. Его трясло как в лихорадке, и он был на грани истерики.

— Она осталась там, — печально объяснил Ламберто, указывая на здание жандармерии.

— Как это осталась там? Это же тюрьма!

— Это не тюрьма, это жандармерия. Тюрьма в другой башне, по соседству. Там сидят

осуждённые, а здесь арестованные.

— Это я и без вас знаю! — не сдержался Данте. — Значит, они её арестовали?

— Именно.

— И вы им позволили? — скрипнул зубами Данте. — Почему вы им позволили? Эстелла не может там оставаться даже на пять минут! Это ужасное место! Как вы не понимаете, сеньор? Вы же обещали её защитить! Какого чёрта вы тогда с ней поехали?! — Данте кричал во всё горло.

— Не надо кричать, успокойтесь. Я сделал всё, что мог сделать в данный момент. Всё довольно сложно. Эстеллу обвиняют в убийстве.

— В убийстве?! — у Данте чуть глаза из орбит не вывалились. — Что за бред? Она не может никого убить, она не способна на такое!

— Но убила, — вздохнул Ламберто.

— То есть как это?

— Эстелла призналась, что убила человека в целях самозащиты. Он на неё напал, и она порезала его осколком зеркала. А он взял и умер.

На Данте будто небо рухнуло. Они с Ламберто стояли друг напротив друга: потрясённый Данте не мог сосредоточиться и лишь нервно вздрагивал, а Ламберто внимательно его рассматривал. Они были почти одного роста и телосложения (Данте чуть выше и тоньше в кости), оба с аристократичными чертами и изящными манерами, и с длинными волосами. Но у Данте они были до поясницы, жгуче-чёрные и растрёпанные, а у Ламберто каштановые, чуть выющиеся, они были заплетены в косу и доставали до лопаток.

— Я вот не понимаю одного, — хитро сощурился Ламберто. — Какое вам дело до Эстеллы? Эстелла — замужняя женщина, а вы ей никто. Что вам надо от неё?

Данте промолчал, стоя столбом, и тогда Ламберто спросил:

— Пойдёмте отсюда? Вас подвести?

Данте отрицательно мотнул головой и Ламберто, пожав плечами ушёл. Данте остался один.

Небо почернело, звёзд и луны сегодня не было, и город накрыла тьма. И тишина. Тишина, как в склепе, даже совы не ухали. Изредка перекрикивались между собой конвоиры и слышался хруст камушков под их тяжёлыми сапогами.

Данте сел на траву, обхватив голову руками. Что же делать? Как помочь Эстелле, как? Она не выдержит в тюрьме ни дня. Надо что-то придумать, надо её оттуда вытащить. Он единственный, кто может ей помочь, остальным наплевать. Даже этот её добренький дядя Ламберто, которого она всегда нахваливала, пошёл домой, преспокойно оставив её в тюрьме, и даже глазом не моргнул. Он не знает как там жутко, потому что не был там. Зато Данте испытал это на своей шкуре. Правда, он был в соседней башне, в подземелье для особо опасных преступников. Но это не существенно. Даже если Эстелла попала в лучшие условия, она этого не вынесет.

Она слишком нежная для такого испытания. Ему, с детства видевшему самые дурные стороны жизни, до сих пор снится эта мерзкая башня с крысами, пауками и летучими мышами, и каждый раз он просыпается в холодном поту.

Данте в отчаянье прижался щекой к обручальному кольцу.

— Эсте, Эсте, родная моя, всё будет хорошо, — шепнул он. — Хоть ты и не видишь меня, но моя душа с тобой. Я что-нибудь придумаю. Если надо будет, взорву эту тюрьму к чёртовой матери, но всё равно тебя вытащу отсюда. Хоть ты и не любишь меня, но ты не

сможешь мне запретить любить тебя. А я всегда буду тебя любить, сколько бы времени не прошло.

Данте плакал как маленький мальчик, горько, навзрыд, и слёзы его, попадая на кольцо, впитывались в него. Оно в ответ чуть вспыхивало. Данте мысленно представлял, как он обнимает Эстеллу, как греет её в своих объятиях и баюкает её, оберегая от любых бед.

В конце концов, его осенила идея. Идея дикая и лишённая какого-либо смысла. Скорее, это был порыв отчаявшегося влюблённого сердца. И Данте принял странное по сути решение, от которого ныне зависели целых две жизни: его и Эстеллы.

===== Глава 18. Навстречу мечте =====

Дрожа от страха и холода, Эстелла смотрела, как догорает свеча на стене. Камера — тесная комнатуха без окон, с решётчатой дверью и с лавкой-кроватью в углу. В этом жутком месте Эстелле и предстояло провести ночь. А может и не одну. Поначалу Эстелла находилась в оцепенении, но осознав ситуацию до конца, расплакалась. Плакала и плакала до изнеможения. Укрыться было нечем (ей даже простынку не выдали) и Эстелла дико замерзла в своём тонком шёлковом платье. Обнимая себя за плечи она залезла с ногами на лавку, но заставить себя лечь на голую доску не могла. Уткнулась лбом в колени и зарыдала громче. Ну она же просто защищалась! Тот человек хотел её изнасиловать. За что ей это? Она-то думала, дядя Ламберто что-то предпримет, а он бросил её здесь одну.

— Данте... Данте, родной мой, как ты мне нужен сейчас, если бы ты знал, — эти слова сами сорвались с языка. Эстелла прижалась к обручальному кольцу губами — оно было мокрое и солёное. Что это? Данте плачет?

Кольцо и правда источало слёзы, а Эстелла вдруг ощутила тепло. Оно расплзлось по телу, словно Данте был рядом, согревал её в объятиях. Однажды она уже испытывала подобное и тоже благодаря кольцу.

Эстелла с отчаяньем следила, как фитилёк свечки сползает по стене и гаснет, а камера погружается во тьму. Наконец, девушку сморил сон. Эстелла свернулась клубочком на лавке. Ей теперь не было холодно, и даже жёсткость доски она не почувствовала, будто лежала на перине, а нежные руки Данте ласкали её, защищая от невзгод внешнего мира.

На следующий день Ламберто опять явился в жандармерию. С ним пришли Маурисио и два адвоката. Они долго бесновались, вопили и скандалили в кабинете у комиссара, но ушли ни с чем. Комиссар Ласерда только посмеялся, заявив, что ни капли их не боится: Эстелла сама призналась в убийстве и дело он закрывает.

Обезумевшая от страха и унижения Эстелла уже на второй день была без сил. Гадкую тюремную баланду в рот она взять не могла; четыре каменных стены, отсутствие света и воздуха — всё это довело её до изнеможения. Она лежала на лавке, глядя в одну точку и мечтая умереть. А в сознании всплывал образ Данте. Данте. Он не выходил у неё из головы ни на секунду.

Но на третьи сутки ситуация вдруг кардинально изменилась. Явился конвоир и повёл едва живую Эстеллу в кабинет комиссара. Усадив её на стул, ушёл.

— У меня к ва-ам только один вопро-ос, — промяукал комиссар иным, чем всегда, тоном. — Сколько ударов оско-олком вы нанесли жертве?

— Я же сказала вам — один, — Эстелла держалась как могла, хотя у неё был озноб и она едва зубами не стучала. Похоже, простудилась в этой дыре. — Тот человек напал на меня, я разбила зеркало, схватила осколок и пырнула его в... ну... вы понимаете, туда... ниже живота, — Эстелла покраснела. — Один раз чикнула, он упал и начал стонать. Я

бросила стекляшку и убежала.

Комиссар пару минут сидел задумчиво, стуча кончиками пальцев друг об друга.

— Вы свободны, марки-иза, — объявил он, наконец.

— Что? — Эстелла выпучила глаза. Уж не ослышалась ли она?

— Вы свободны, — повторил комиссар Ласерда. — Мы не можем вас больше задерживать. Появились другие улики и другие подозреваемые.

— Какие другие?

— Вот вы говори-ите, что ударили жертву оди-ин раз, а ран на его теле две. Одна в области паха, втора-ая в районе печени. Получается, что следом за ва-ами пришёл кто-то ещё и добил жертву, — сегодня комиссар говорил с Эстеллой почтительно и как-то виновато.

— Значит, я... я могу идти домой?

— Пока да-а. Скажите спасибо адвокатам своего дя-яди, именно они обратили моё внима-ание на эту ма-аленькую деталь. Из круга подозрева-аемых мы вас не исключаем и ещё ни ра-аз сюда позовём. Но пока вы можете находиться до-ома.

Чуть не сойдя с ума от счастья, Эстелла вскочила на ноги, но тут же пошатнулась и рухнула обратно на стул.

— Что с ва-ами?

— Я плохо себя чувствую после вашей камеры, — капризно объявила она. — Наверное, у меня температура. Если можно, пусть за мной кто-нибудь приедет из семьи, я навряд-ли сама доберусь до дома.

— Как ска-ажите. Я отправлю посыльного к ва-ам в дом, ваш супруг или дя-ядя заберут вас, а пока побудете ту-ут. Может, чаю?

Эстелла не отказалась. У неё кружилась голова и крепкий чёрный чай был весьма кстати.

Минут через сорок приехал Маурисио.

— Слава богу, дорогая, всё закончилось! — он набросил Эстелле на плечи шаль, и она с удовольствием в неё закуталась.

— Я бы так не сказа-ал, сеньо-ора пока ещё подозреваемая, — уточнил комиссар. — Но уже не еди-инственная.

— А с вами я не хочу разговаривать! — рыкнул Маурисио. — Прощайтесь с должностью, комиссар Ласерда. Связываться со мной — чревато последствиями.

— Вот не на-адо тут мне угрожать. Я уже устал от ва-ашей семейки. То один мне угрожа-ает, то друго-ой, надоели.

— Вы продержали мою жену под арестом трое суток. Головы вам не сносить за это, я вам обещаю! — помахал кулаком Маурисио.

— Ловить преступников — моя рабо-ота, — вяло протянул комиссар.

Маурисио, пропустив Эстеллу вперёд, гневно захлопнул дверь.

Они вернулись в замок и Эстелла сразу слегла — у неё поднялась температура, начался кашель и четыре дня она провалялась в спальне.

Когда же доктор Дельгадо, после смерти сына растерявший всё своё бахвальство, разрешил Эстелле выйти на улицу, они с Маурисио отправились в особняк. Маурисио объяснил: дядя Ламберто хочет Эстелле что-то сказать. Кажется, сам Маурисио был уже в курсе, но предпочёл, чтобы Эстелла услышала это из первых уст.

— Эстелла, послушайте, — начал Ламберто, беря её за руку, когда они остались вдвоём в кабинете. Маурисио вышел, сказав что побудет в гостиной с Бертой, Роксаной и Арсиеро,

которые, наконец, вернулись из делового путешествия. — Я долго думал над вашей ситуацией. Как ни крути, а вы виноваты, даже если вы нанесли мужчине лишь одну рану, вы совершили преступление.

— Я защищалась! — топнула ногой Эстелла.

— Я знаю, но наказания вам не избежать, дорогая. Думаю, пару лет тюрьмы вам обеспечено.

— Что? Пару лет? — Эстелла затрясла головой так, что серьги в её ушах ходуном заходили. — Да я три дня еле выдержала. И за что, за что? Я защищала свою честь и, быть может, жизнь! Этот урод меня чуть изнасиловал!

— Я вас прекрасно понимаю, Эстелла, но... вы же сами видели, какой беспредел творится в этом городишке. Будучи здесь, справедливости мы не добьёмся. Поэтому у меня к вам предложение. Мне надо возвращаться в Байрес, я и так задержался тут непозволительно долго. Поэтому я предлагаю вам и Маурисио поехать со мной.

Шокированная Эстелла рот открыла, как рыбка, выброшенная на берег.

— Я понимаю, это неожиданно для вас, Эстелла, но времени на раздумья у нас нет. Комиссар сказал, что они нашли убийцу. Того, который нанёс второй, смертельный удар. Фелиппе Кассерас задолжал ему огромную сумму денег. Убийца караулил его, и, когда вы убежали из кабака, он вошёл следом и нанёс жертве ещё одну рану. Но первую рану нанесли вы, хоть она и была не смертельна. Убийцу, конечно, накажут, но и вас тоже. К женщинам, покусившимся на жизнь мужчины, закон гораздо суровее, чем ежели б это было наоборот. Да и этот ушлый комиссаришка и дочка жертвы не унимаются. Сеньорита Кассерас настаивает на том, что вы сами соблазнили её отца с целью грабежа. Эта девица настоящий дьявол в юбке. Даже узнав об истинном убийце, она не успокаивается и грозитя упечь вас в тюрьму. Не знаю что ей надо. Поэтому единственный выход для вас, Эстелла, — уехать в Буэнос-Айрес. Там наши с дедушкой адвокаты сделают всё, чтобы вас оправдать. Мы будем настаивать на том, чтобы суд прошёл в Буэнос-Айресе при независимых судьях. Здесь же суд навряд-ли будет на вашей стороне. Они не хотят ничего слушать, мотивируют тем, что у них свои законы и столица им не в указ. В провинции крайне сильны предрассудки, женщина, покусившаяся на мужчину... Да местные моралистки вас камнями закидают без всякого суда, тем более вы ещё и в таком районе были... До сих пор не понимаю, как вас туда занесло. Маурисио со мной согласен. Вы будете жить в нашем с дедушкой доме. Дом огромный, настоящий дворец, а народу там мало.

Видя, что Эстелла растеряна, Ламберто сделал ход конём.

— Помнится, дорогая моя племянница, вы говорили мне, что хотите учиться. Если вы поедете со мной, я уговорю Маурисио разрешить вам посещать университет. Я найду вам лучшее учебное заведение в вице-королевстве. Ну что, согласны?

— Я... я не знаю... — промямлила Эстелла.

На самом деле Буэнос-Айрес она любила и вспоминала его с нежностью. И университет — её мечта, мечта стать кем-то в этой жизни, кроме как несчастной рабыней Маурисио Рейеса. Теперь эта мечта могла бы стать реальностью. Она грезила об этом с детства. Быть врачом, лечить людей, спасать им жизни. Она изучала медицинские книги, воображая себя свободной и независимой. И ничто её не держит в этом городе, кроме... Данте. Данте был единственной причиной, из-за которой Эстелла и колебалась. Несмотря ни на что, она знала: он любит её, всё ещё любит. Их последняя встреча, его взгляд, и когда он бежал за экипажем, всё сказали без слов. И где-то в глубинах сердца Эстеллы ещё теплилась

крошечная надежда: какой-нибудь счастливый случай избавит её от Маурисио, и они с Данте будут вместе. Но предложение дяди Ламберто зарубало эту крупницу надежды на корню. Если она уедет, то навряд-ли уже сюда вернётся. Да и разумом Эстелла понимала: Данте, хоть и любит её но не простит. Любовь их жива, но они отделились друг от друга. Теперь между ними пропасть, и она разрастается всё больше и больше.

— Ну так что, Эстелла, вы согласны? — поторопил её дядя Ламберто. — Поймите, медлить нельзя. В любой момент, по настоянию той же сеньориты Кассерас, явятся жандармы и заберут вас опять. В этом городе дикие законы. Власти творят всё, что им вздумается. Это беда маленьких городков, увы, бич нашего времени. Мне нужен ваш ответ сейчас, Эстелла.

— Хорошо, дядя, — ответила она после паузы. — Я поеду с вами в Буэнос-Айрес, потому что я хочу отбелить своё имя и оправдаться в этом преступлении. И я хочу учиться в университете, потому что мне надоело быть вещью в чужих руках. Сначала мама, потом Маурисио, все мной управляют и указывают, как мне жить. А я устала от этого!

— Вот и отлично! Тогда ступайте домой собирать вещи. Мы уезжаем завтра.

День сборов прошёл в суете. До вечера Эстелла упаковывала свои платья, корсажи, юбки и подъюбки, корсеты и туфельки, головные уборы и украшения в сотни баулов и кошелок, сумок и чемоданов. Помогали ей в этом Чола и Либертад, которую заслал на помощь дядя Эстебан.

Красная роза, подаренная Данте, как ни странно, прижилась в цветочном горшке. Эстелле было жаль брать её с собой в дорогу, но жаль и оставлять — безалаберная Чола всегда забывала поливать растения. И Эстелла высадила розу в сад.

Расстроенная близкой разлукой, Сантана крутилась в замке с утра. Она поддержала решение Эстеллы уехать, но та увидела, что подруга едва не плачет.

В день отъезда Сантана первой попрощалась с Эстеллой. Они долго ревели в объятия друг друга, и Санти призналась, что с ней случилось странное: впервые она испытала симпатию к мужчине, если не считать Диего в детстве. В ответ на удивленный возглас Эстеллы, Сантана пояснила, что симпатия эта дружеская, но её заинтересовал юноша, что приходил вместе с Данте в особняк.

— Клементе? Тебе понравился Клементе? — Эстелла просто обалдела.

— Я ж говорю, как друг, — щёки Сантаны залились румянцем. — Мне он показался интересным. У нас есть что-то общее. Так он брат Данте, да? Никогда бы не подумала. Они не похожи.

— Они неродные братья, Данте приёмный в их семье, — объяснила Эстелла. — Санти, что у тебя за манера, вечно ты кидаешься в крайности!

— Ой, кто бы говорил! — захихикала Сантана.

— А разве Клем не сказал тебе, что он женат? И жене его скоро рожать. Так что тебе там ловить нечего, прости.

— Женат? — Сантана явно была огорчена. — Он мне не сказал. Как жаль... — и она вздохнула, чем ещё больше изумила Эстеллу.

— А кто-то мне говорил, что не выносит мужчин, — фыркнула Эстелла.

Сантана промолчала, видимо, она сама пребывала в смятении, и о Клеме девушки больше не говорили.

— Ты же будешь мне писать? — спросила её Эстелла.

— Ну конечно! Жаль, что ты уезжаешь. Только мы с тобой помирились, и вот на тебе.

Но я за тебя рада. Ты должна начать новую жизнь, Эсти, и забыть всё, что произошло в старой.

— Я тоже так думаю, — и Эстелла расцеловала подругу в обе щеки. На том они и попрощались.

Матильде решила остаться в Ферре де Кастильо и, провожая, супругов, жеманно чмокнула Маурисио в щёку. Эстелле не сказала ни слова.

Весь огромный багаж Эстеллы — сорок четыре чемодана, кошёлки, сумки и картонки всяких размеров и диаметра, и чуть менее большой багаж её супруга, отправились вперёд. Маурисио и Эстелла приехали в особняк налегке — Эстелла взяла только небольшую сумочку, куда сложила зеркальце, расческу, пудреницу, кружевной платочек и прочий дамский хлам.

Бабушка Берта утирала слёзы, обнимая Эстеллу и Маурисио — своих любимых внуков — и подарила им обоим по цветущему кактусу. А после, без перехода заявила, что сеньор Альдо Адорарти успешно нашёл свою дочь. И всё благодаря наводке Эстеллы. Оказалось, что Марина Риверо укрылась в индейском поселении неподалёку от «Лас Бестиас», где родила девочку по имени Джованна. Спустя пару лет она вышла замуж за красавца-метиса и все втроём они перебрались в «Лас Бестиас» и там и обосновались. Они уже умерли, но дочь сеньора Альдо Джованна живёт в посёлке. И это именно та Джованна, о которой рассказала Эстелла. Джо знала историю своего происхождения от матери, так что появление сеньора Альдо её не удивило. Тот очень хотел забрать её, её мужа и их сына в город, но они наотрез отказались переезжать. Зато непременно приедут на его свадьбу с Бертой уже через два месяца. Берта пояснила, что свадьба будет в скромном семейном кругу, а затем они с супругом уедут в путешествие на Ямайку.

Арсiero с волнением в голосе пожелал Эстелле удачи, хотя сам был расстроен. Его карьера трещала по всем швам, оппозиция угрожала снять его с должности алькальда, а рехидором внезапно избрали его соперника, поэтому они с Роксаной вернулись домой в растрёпанных чувствах.

Дядя Эстебан обещал приехать к Эстелле в гости, да ещё и Либертад с собой захватить. Сама же Либертад расплакалась, провожая любимую хозяйку. Даже Урсула и Лупита вышли попрощаться с Эстеллой и сморкались в платочки. Только Роксана не дрогнула. Сухо пожелав счастливого пути, выразила надежду, что физиономию Эстеллы в своём доме она больше не увидит.

Эстелла хотела попрощаться не только с родственниками, но и с самим домом. Неизвестно, увидит ли она его ещё когда-нибудь. Сначала девушка побродила по первому этажу. Посетила кухню, кабинет, зашла в любимую оранжерею, где погладила Рамиро по ярким пёрышкам. Но наверху она застряла в своей девичьей спальне. Столько воспоминаний оставляет она здесь, и хороших, и плохих, наполненных счастьем и болью! Воспоминаний той нежной наивной девочки, которой уже нет. Целый час Эстелла провела в комнате и даже полежала на постельке, хранившей её детские секреты. Она сгорала от желания снова стать той Эстеллой, какой была раньше. Но это, увы, невозможно. Слишком многое она пережила за два года.

Наконец, Эстелла вышла из спальни. Проходя по коридору, она увидела: в комнату Мисолины приоткрыта дверь. Сестрица, единственная из всех, с Эстеллой не попрощалась.

Из-за двери раздавались громкие голоса. Любопытство — это та черта, что ещё сохранилась в ней от той маленькой Эстельиты. И она не смогла пройти мимо, подкралась

ближе и приложила ухо к щели.

— Ты будешь делать то, что я велю! — в приказном тоне говорила Роксана.

— Не дождётесь, мамуля, и не надейтесь, что я буду вам подчиняться! — пищала Мисолина. — Ваша власть надо мной закончилась! Вы сломали мне жизнь! Я вас ненавижу!

Хлоп! Эстелла вздрогнула — Роксана со всего маха стукнула Мисолину по щеке.

— Повторяю для тупых! Я выдала тебя замуж за графа де Пас Ардани не для того, чтобы ты, овдовев, осталась с носом. Ты читала завещание или нет, безмозглая ослица? Старый урод хитёр, ничего не скажешь. И ты получишь его деньги, только если родишь ему наследника.

— Я не могу родить ему наследника! — выкрикнула Мисолина. — Он сдох! Кроме того, он был импотентом!

— Не смей произносить такие слова в моём доме, дрянь! — Роксана опять размахнулась и стукнула Мисолину по губам. — Никто об этом знать не должен. Ты родишь наследника старику и получишь его деньги. Или я тебе обрублю уши, поняла?

— Этот ребёнок не его! — не сдавалась Мисолина. — Я не знаю, чей он, и рожать ублюдка не буду, лучше с моста прыгну!

— Родишь! Родишь как миленькая, — скрипнула зубами Роксана. — Только попробуй не получить такую кучу денег. Я тебя изуродую так, что ты больше никогда взглянешь на свою рожу в зеркало.

— Мисолина, ты что беременна? — ворвалась в комнату Эстелла.

Роксана злобно зыркнула на неё.

— Да, Мисолина беременна, — сообщила она. — А ты скоро станешь тётушкой.

— Но ты беременна не от мужа, да? — не унималась Эстелла. — Ловко же ты его облапошила! Хотя меня это не удивляет, ты всю жизнь была дрянью.

— Нет, Мисолина беременна от графа де Пас Ардани, своего покойного мужа. Нс бедняжка умер, царствие ему небесное, так и не увидев наследника, — Роксана приблизилась к Эстелле вплотную. Секунда, и она, схватив дочь за горло, припечатала её спиной к стене. — Поняла? Если ты откроешь свой поганый рот, я вырву тебе язык! Пошла отсюда! Уезжай и больше никогда не возвращайся, иначе я тебя прибью! — Роксана с силой вытолкнула Эстеллу из комнаты и заперла дверь на ключ.

«Идиотка», — подумала Эстелла, потирая шею. Похоже, мать совсем рехнулась. В комнате Мисолины в это время раздались грохот, шлепки и возня.

— Ты будешь мне подчиняться! — визжала Роксана.

— Нет не буду!

— Будешь как миленькая! Ты отсюда не выйдешь, пока не родишь! Я тебя посажу на цепь, как собаку, и выпущу тогда, когда своими глазами увижу младенца, который станет нашей золотой жилой и приведёт нас к наследству старика!

— Пустите, ненавижу вас! — вопила Мисолина. — Чтоб вы провалились, вы мне не мать!

Эстелле дурно стало от таких криков и она спустилась вниз. Мисолину ей было нисколько не жаль, она всё это заслужила. И мало ей, пусть страдает, поделом. Не одной же ей, Эстелле, мучиться. А по Роксане Жёлтый дом не просто плачет, а уже бьётся в истерике.

Когда Эстелла вышла из особняка, чтобы сесть в экипаж, она увидела: у ворот стоят две лошади. Знакомые лошади — чёрная и белая. Алмаз и Жемчужина. Сердце девушки заколотилось. Несмотря на оклики Маурисио и дяди Ламберто, Эстелла ринулась к лошадям

и, вся дрожа, обняла сначала одну, потом вторую. Лошади тоже признали девушку. Погладив их по гривам, Эстелла обнаружила на шее у Жемчужины тонкую верёвочку, к которой была подвешена маленькая коробочка.

Эстелла отвязала верёвку. Вскрыла коробочку. Внутри лежал необыкновенной красоты перстень — серебряный, с зелёным изумрудом. К нему прилагалась и записка. Эстелла узнала перстень — такой носил Данте. Дрожащими руками она развернула записку, жадно вперилась глазами в до боли знакомый мелкий почерк и прочла:

«Я знаю, что мы чужие друг другу, но моё сердце так не считает, поэтому я не держу на тебя обиды. Ты ничего мне не должна и я не хочу, чтобы ты чувствовала себя виноватой. Мы больше не увидимся, поэтому я осмелюсь попросить тебя, во имя той любви, что когда-то связывала нас, позаботься об Алмазе и Жемчужине. Забери их себе. И забери себе этот перстень. Он волшебный, но не бойся, он не причинит тебе зла. Помнится, Клариса хотела заполучить его. Если ты однажды встретишь её, отдай ей перстень, она знает что с ним делать. Мне он больше не нужен. Если я когда-то причинил тебе боль, прости меня. Всё, что я сделал, хорошего ли, плохого ли, это всё было ради тебя. Прощай и будь счастлива. Данте».

Эстеллу как обухом по голове ударило. Она не поняла смысла слов, которые Данте написал. К чему это? О чём он говорит? Может, он узнал, что она уезжает? Но зачем он отдал ей перстень и лошадей? Бред какой-то...

Но Эстелла ничего не успела толком сообразить — к ней приближался дядя Ламберто.

— Эстелла, ну что вы тут застряли?

— Н-ничего, сейчас...

— Какие красивые лошади! — воскликнул дядя, рассматривая Алмаза и Жемчужину. — Откуда они взялись?

— Это мои лошади, — промямлила Эстелла. — Я хочу забрать их с собой. Пожалуйста.

Ламберто не возражал. Увидев в глазах племянницы слёзы, он кивнул и, поручив Алмаза с Жемчужиной кучеру, сам сел на козлы.

Эстелла помахала Берте, Эстебану, Арсиеро, Либертад, Лупите и Урсуле ручкой и села в экипаж. В душе не было ни горечи, ни сожаления. Не было до тех пор, пока экипаж не выехал за городские ворота. Когда же со всех сторон вырос лес, у Эстеллы комок подкатился к горлу. Она выглянула в окно и картина той памятной встречи на дороге развернулась перед её глазами. Вот он, её смелый синеглазый всадник, её любимый, самый родной. Так лихо он спас её в тот день. Он горделиво гарцевал на Алмазе, волосы разлетались от порывов ветра, а лицо скрывало паньюэло — красный шёлковый шарф. А потом она сидела за его спиной, и он заливисто смеялся, запрокидывая голову назад, и сердца у них обоих стучали как сумасшедшие.

Эстелла высматривала на дороге то самое место, где они встретились с Данте, часто-часто моргая, чтобы удержать слёзы. Машинально взглянула на колечко, скрученное из жгуче-чёрных пряжей её милого мага. Сейчас кольцо не подавало признаков жизни.

Маурисио, сидящий напротив, казалось, отключился, думая о чём-то своём. Эстелла крепко прижала руки к корсажу, где был спрятан волшебный перстень, откинулась на спинку сидения и закрыла глаза. А экипаж всё уносил и уносил их вдаль, и грудь Эстеллы разрывалась от боли и одиночества. Она больше никогда не увидит Данте. Никогда.

===== Глава 19. Между прошлым и будущим =====

Год 1801.

Начало нового тысячелетия ознаменовало и начало новой жизни. Первым шагом на

пути к этому стала отмена рабства в Санто-Доминго — испанской колонии, где власть монополии свергли революционеры — приверженцы французской борьбы за независимость. Назревала война между Португалией и Испанией, а в колониях, то тут, то там, вспыхивали очаги недовольства. Апофеозом их послужили крупные восстания индейцев в Перу и Чили. Вслед за ними волна освободительного движения захватила умы и сердца порабождённых народов. И сидя на этом, готовом в любой момент взорваться вулкане, Ла Плата вступила в век девятнадцатый.

Столичная жизнь завертела Эстеллу в своём круговороте, и она и думать забыла о том, что осталось далеко в прошлом. Только Данте не забыла. Он — её любовь, любовь единственная, которой она отдала себя без остатка. И нет, и не будет в её жизни любви иной. Пусть они расстались, но Данте по-прежнему жил в сердце девушки. Он впитался в её кожу, в её кровь, в подкорку головного мозга. Эстелла засыпала и просыпалась с его именем на устах, и дня не проходило, чтобы она не тосковала о нём. Она грезилась теперь о Данте, как о прекрасной, несбыточной сказке. В целях успокоения и из страха перед болью от близости с Маурисио, Эстелла сняла обручальное кольцо. Запрятала его и изумрудный перстень в шкатулку с драгоценностями, но изредка вынимала, чтобы полюбоваться. Кольцо мало реагировало на её зов, и Эстеллу это тревожило, а перстень и вовсе пугал её. Раньше, когда Эстелла видела его на пальце Данте, изумруд, бывало, вращался в оправе. Но в её руках перстень не источал магии, хотя от прикосновений к нему Эстелле делалось дурно.

Огромный дворец Фонтанарес де Арнау занимал угол улицы Сан-Тельмо. Три этажа, колонны и арки, выстроенные полукругом (с внутренним двориком в центре) делали этот дом воистину королевским. Со стороны фасада, что лицезрели все прохожие, раскинулся сад, где росли жакаранды, пальмы, араукарии, хоризии, фиговые и моры. На калитке был выгравирован серебряный герб в виде ястреба с сапфировыми глазами. Внутренний дворик венчал фонтан в два метра высотой. Кроме него там расположились: беседка и скамеечки, увитые плющом, и клумбы с различными видами роз; среди них были редчайшие экземпляры. Алые, оранжевые, жёлтые, розовые, кремовые, зелёные, синие, чайные, бардовые, пятнистые, белые и даже чёрные, они источали умопомрачительный аромат, и Эстелла часами просиживала около них, слушая дивный запах и вспоминая Данте.

Собак во дворе не держали — дедушка Лусиано на дух не выносил сторожевых псов. Зато у калитки стояли часовые, а в глубине сада была построена вольера, где важно вышагивали синие, зелёные и белые павлины. Чуть вдали располагалась и конюшня, что содержала двадцать пять великолепных скакунов.

Алмаза и Жемчужину поселили в этой же конюшне, и они стали для Эстеллы настоящей отрадой. Она ухаживала за ними сама: чистила, кормила, расчёсывала им гривы и выезжала на прогулку верхом то на одной, то на другой лошади.

Внутри особняк был не менее прекрасен, чем снаружи, а заблудиться в нём не составляло труда. Пятьдесят две комнаты; каждая из них несла определённую функцию, вмещая столько вещей, что за пять лет Эстелла и половины из них не рассмотрела.

Центральная гостиная — шикарная зала приёмов со стенами, обитыми золотой парчой, и уставленная белоснежной мебелью, оканчивалась алой лестницей, что переходила в балюстраду второго этажа гигантской волной.

Тридцать человек домашней прислуги следили за хозяйством и день, и ночь. Горничные сметали пыль, перестилали кровати и ухаживали за одеждой господ. Кухарки чистили овощи, месили тесто, потрошили птицу и рыбу, а повара ежедневно изобретали по несколько

новых блюд.

Официанты прислуживали за столом; прачки стирали; дворецкий отворял дверь, встречая визитёров; поломойки драили полы; посудомойки начищали до блеска кастрюли и подносы; конюхи следили за лошадьми; кузнец их подковывал; кучера управляли экипажами и каретами, за исправность которых отвечал каретник. Для особо торжественных выездов в доме содержались два юноши-лакея. Ещё были сервировщица, в обязанности которой входила сервировка стола; гладильщица, что гладила одежду здоровенными утюгами, подогреваемыми от печки; мальчик-посыльный; молодой юноша — секретарь дедушки Лусиано; чистильщики обуви и оружейники, которые следили чтобы шпаги, пистолеты и арбалеты хозяев всегда были наготове, если им вдруг приспичит выехать на охоту в ближайший лес. Всей обслугой руководила экономка донья Фиона — щупленькая старушенция с пронзительным визгливым голосом и крутым нравом; а кладовыми и ключами от всех дверей заведовала ключница.

Маурисио и Эстеллу заселили в левое крыло дома — здесь они могли делать что угодно и месяцами не попадаться никому на глаза, спускаясь лишь на завтрак, обед, ужин и ежедневный послеполуденный чай — время строго обязательное для всех. В иные часы еда не подавалась, и если кто-то опаздывал на трапезу, то ходил голодным до следующего по расписанию приёма пищи или шёл в кофейню.

Больше всего Эстеллу поразила библиотека, что занимала внушительную часть первого этажа. От потолка до пола по стенам здесь тянулись шкафы красного дерева, уставленные книгами на любой вкус. Дядя Ламберто был большим ценителем литературы и коллекционировал книги уже много лет. Стоимость некоторых превышала все мыслимые границы, но Ламберто это не останавливало. Когда он с гордостью продемонстрировал племяннице библиотеку, Эстелла аж вся задрожала от предвкушения. Сколько же прекрасных книг она может здесь откопать!

Как и водится, Маурисио и Эстелла разместились в двух спальнях — консервативный дедушка Лусиано был против заселения супругов одну комнату.

«Лазурное небо» — так прозвали в доме спальню Эстеллы, ибо стены её были обиты нежно-голубым шёлком. Комната состояла из нескольких зон. В одной находилась дубовая белоснежная кровать с периной лебяжьего пуха, застеленная синими хлопковыми простынями и укрытая балдахин из тончайшего ажюра. Вторая зона — мини-гостиная, отделялась от спальни перегородкой. Изящное синее канапе с ножками из слоновой кости; секретер; посеребренный туалетный столик с кучей ящичков и огромным зеркалом в расписной раме; пара кресел в итальянском стиле; пуфы и подушечки; огромная статуя змеи, ползущей вверх; ковёр в виде шкуры зебры — всё это убранство напоминало будуар инфанты, где та, едва проснувшись пополудни, принимала многочисленных посетителей, одновременно совершая туалет.

В третьей зоне была гардеробная. Там стояли два золотых комода для хранения постельного и нижнего белья; огромные, под потолок, шкафы для повседневной верхней одежды; вешалки и манекены для бальных и вечерних туалетов; полочки для шляпок, перчаток, туфель, вееров и зонтиков и деревянные сундуки.

О гардеробной Эстелла всегда мечтала — её наряды вечно никуда не умещались ни в родительском доме, ни в замке Рейес, и их приходилось распахивать по чемоданам и коробкам. Теперь же у каждой вещички было своё место и Эстелла могла часами крутиться перед зеркалом, примеряя то или иное платье.

Гардеробная соединялась с гостиной коридорчиком. Там стояли напольные вазы с цветами, а в глубине виднелась дверь в ванную комнату. Вот здесь был настоящий рай на земле. Ванна — круглое фарфоровое сооружение, похожее на гигантскую чашу, — стояла по центру. Вокруг неё разместились шкафчики и полочки со склянками с парфюмом, мыльными шариками, пахучими травами, морской солью, одеколонами, мазями и иными коробочками и баночками с притирками и припарками для того, чтобы бархатная кожа Эстеллы окончательно превратилась в персик.

Впервые попав сюда и изучив все склянки, Эстелла нашла баночку с засушенными листиками мяты. Открыв, вдохнула запах и едва не лишилась разума.

Тот самый аромат, родной, любимый, который она ощущала всякий раз, будучи в объятиях Данте. Как хорошо бы жилось им в этом доме, в этой спальне, в этой уютной ванной! Как бы они любили друг друга на этой кровати!

Узенький и длинный балкон с вычурными перилами открывал вид на Пласа Дорrego — площадь, что по выходным превращалась в ярмарку. Там высилась огромная статуя ангела с раскрытыми на всю ширину крыльями. Второй балкон, квадратный и просторный, напоминал асотею. Являясь продолжением комнаты, он выходил во внутренний дворик. Лучшего места для уединения и придумать было нельзя. После полудня Эстелла пряталась здесь от мира, сидя в плетёном кресле, укрытая тенью жакаранды, что дотягивалась ветвями до перил.

Как Ламберто и обещал, он уговорил Маурисио позволить Эстелле учиться. Маурисио колебался, но в итоге уступил натиску Ламберто и поддержавшего его Лусиано. Тот хоть и был консерватором, но Эстелла виделась ему девушкой умной и мало созданной для того, чтобы быть домашней насадкой. Было решено подыскать Эстелле место учёбы по окончании суда по делу об убийстве Фелиппе Кассераса.

Ни дядя, ни дедушка не сомневались — их адвокаты добьются справедливости. Так и вышло. На первом же заседании все шесть судей Эстеллу оправдали единогласно. Обвинения с неё были сняты, и, хотя следствие над истинным убийцей продолжалось в Ферре де Кастильо, ни Эстелле, ни её родственникам уже не было до этого дела.

Дядя Ламберто слово сдержал. Когда ужасы суда закончились, он подыскал для Эстеллы отличное учебное заведение — лучшую в Ла Плате Медицинскую Академию, куда Эстелла успешно и поступила. Учиться ей нравилось. Зарываясь в увесистые пыльные энциклопедии, девушка забывала обо всём на свете.

Первый год был самым сложным. Эстелла полностью отдавалась учёбе, прерываясь лишь на сон и еду, но мало-помалу жизнь вошла в колею. На следующий год, кроме изучения наук, у неё появились и иные увлечения: новые приятельницы из академии, что частенько приходили в гости; театры, рестораны, кофейни, скачки, которые Эстелла посещала вместе с Маурисио. Хотя последний отныне бывал в Байресе наездами. Повинуясь внутреннему голосу, что давал понять — Эстелла несчастлива с Маурисио — дедушка Лусиано выбил ему должность посла при дворе вице-короля. И теперь Маурисио катался по миру, отсутствуя на родине месяцами.

Когда Маурисио уезжал, Эстеллу всюду сопровождал дядя Ламберто — большой любитель светских мероприятий. Они посещали все театральные премьеры, побывали в опере и даже в казино. Ну и конечно не обошли стороной и балы при дворе вице-короля, где и дедушка, и дядя были завсегдатаями. Балы эти изумили Эстеллу своей роскошью и помпезностью. Ламберто, красивый мужчина, был ещё тот сердцеед — местные дамы с ума

по нему сходили. Но он заводил лишь лёгкие интрижки со светскими красавицами или наведывался для низменных любовных утех в бордель. Но ни к одной женщине Ламберто не питал глубокой привязанности.

Эстелла, будучи представлена новому, только вступившему в должность вице-королю Хоакину дель Пино и Росасу, со временем превратилась в истинно придворную даму. Но она не выносила совместные посиделки с кумушками, что сводились к перетиранию чужих костей и вытряхиванию грязного белья всех, начиная от вице-королевы и заканчивая конюхом. Поэтому Эстелла всё чаще стала примыкать к компании мужчин. Девичью нежность её сменила кокетливость кошечки, манеры сделались мягче, и сама она расцвела, подобно бутону розы. Эстелла научилась играть в вист, посещала скачки, делая ставки, на равных обсуждала с мужчинами их результаты и отпускала колкие шуточки, которые в дамском обществе не воспринимали. Мужчины были покорены и даже наличие у Эстеллы супруга не останавливало их перед попытками ухаживаний. Про маркизу Рейес слагали легенды, но Эстелла оставалась глуха и к комплиментам, и к ухаживаниям. А женщины лопались от яда, ожидая, когда же эта мнимая её добродетель падёт ниц.

Но Эстелла никогда и не была добродетельной — она принадлежала лишь одному мужчине, с двенадцати лет и на всю жизнь, и другие её не интересовали. Как бы её не мучил Маурисио и не искушали светские денди, это не изменилось в ней ни через полгода, ни через пять лет. Она часто перечитывала записку Данте, ту, что он послал с лошадьми и кольцом. Но смысл её так и оставался загадкой.

Когда Маурисио появлялся в особняке, он хоть и принуждал Эстеллу исполнять супружеский долг, но не осмеливался на большее в страхе, что она нажалуется Лусиано или Ламберто. Но Эстелла всё равно пила снадобья, восполняя их запасы у местного аптекаря.

Спустя пару лет их супружества Маурисио заговорил о наследниках. Он сыпал упрёками: дескать, пора бы ей уже родить ему сына. Эстелла отмалчивалась, корча дурочку и продолжая пить снадобья. Но Маурисио поплакался Ламберто и тот предложил отвести Эстеллу к доктору на осмотр. Эстелла жуть как этого испугалась. Если доктор попадётся грамотный, а не какой-нибудь шарлатан вроде доктора Дельгадо, все её хитрости мигом раскроются. Она отказывалась идти на осмотр, уверяя, что ей стыдно. Тогда Ламберто позвал доктора на дом. Тот, осмотрев Эстеллу, со скорбной миной поведал: маловероятно, что она сможет иметь детей. Даже если забеременеет, не факт, что выносит. А если и выносит, не факт, что родит, ибо роды для неё чреваты последствиями.

Эстелла удивилась этому вердикту — её никогда ничего не беспокоило в плане здоровья, если не считать моментов близости с Маурисио. Но для неё такой диагноз не явился трагедией. Как девушка умная, а теперь ещё и медицински грамотная, она считала материнство лишь одной из функций женского организма, но не главной целью всей жизни.

Маурисио, однако, новость ошарашила. Он был крайне раздражён, увидев, что Эстелла не плачет и не бьётся в истерику после ухода эскулапа. Когда в ответ на его прямой вопрос: почему это она не расстроилась, что не сможет подарить ему наследника, Эстелла пожалала плечами, он залепил ей оплеуху.

— Тварь! Всю жизнь мне сломала! Если бы я знал, что ты неполноценная, я бы никогда на тебе не женился! — выдал Маурисио и ушёл из комнаты, оставив её одну.

А Эстелла ощутила зловещую радость. Слава богу! Хоть в этом ей повезло. Но снадобья она пить не перестала — бдительность никогда не помешает — в академии им часто рассказывали онежданной беременности после двадцати лет бесплодия.

С той поры Маурисио как подменили. Он никогда не был ласковым, хоть и говорил Эстелле, что любит её. Но теперь его любовь и вовсе ветром сдуло: он стал презрительно холоден и многократно оскорблял супругу. Она и обманщица, и потаскуха, и недоженщина, и его не достойна. Эстелла же предложила Маурисио развестись и найти себе наседку, которая родит ему десятерых.

— И где же вся ваша любовь? — однажды спросила она, не скрывая ехидства. — Что? Закончилась? А почему, знаете? Да потому что и не было её. Когда мужчина любит женщину, ему наплевать на всё и на всех, кроме неё одной. И уж тем более ему без разницы, может она родить или нет. Знаете, маркиз, пусть я не женщина, как вы говорите, но я человек, а не курица, и у меня есть чувства, мысли, мечты, а не только способность или не способность рожать детей.

— Будь проклят тот день, когда я с вами связался! — рыкнул Маурисио. — Надо было развестись с вами, опозорить перед всеми, чтобы вас на кол посадили на центральной площади, как прелюбодейку. Стоило ли сохранять вам жизнь, если вы ни на что не годны? — и Маурисио с размаху хлопнул дверью.

Так минуло пять лет. И в жизни Эстеллы, наконец, наступил знаменательный день — она получила вожеленный диплом бакалавра медицины по специальности фельдшер.

По этому поводу Ламберто закатил праздничный ужин и устроил в саду фейерверк. Всюду летали шутихи, меняя цвета и формы, а многочисленные слуги аплодировали молодой хозяйке, которую они обожали. Эстелла же чувствовала и эйфорию от сбывшейся мечты, и гордость за себя саму, и вместе с тем необъяснимую печаль.

Как же летит время! Только вчера та восемнадцатилетняя девушка, опустошённая, убитая горем разлуки с любимым, в слезах покидала Ферре де Кастильо. И вот она, уже молодая женщина двадцати трёх лет, с дипломом фельдшера, ощущает, что теперь мир открыт для неё. И это она, Эстелла, та самая, и в тоже время совсем другая.

По окончании празднеств Эстелла поднялась к себе в спальню. Маурисио сейчас находился в Риме, и она была предоставлена самой себе. Эстелла долго смотрела на диплом, изящный, с золотым тиснением и красной печатью Медицинской Академии. Затем убрала его в комод и вздумала написать письмо бабушке.

Эстелла переписывалась с Бертой и Сантаной раз в пару месяцев. Изливала на бумагу свои мысли, с удовольствием читала весёлые ответы на них, но сегодня слова не шли с кончика пера. Эстелла около получаса смотрела на пустой пергаментный лист и так и не могла написать ни строчки, кроме двух приветственных слов: «Дорогая бабушка...».

Бабушка. Она, конечно, отвечает на её письма, но жизнь её поменялась после нового замужества. Эстелла помнила этот день в мелочах. Не столько из-за бабушкиной свадьбы, сколько от того, что последовало за ней. Эстелла прикрыла глаза. Перо выпало из руки, оставив кляксы на пергаменте, а воображение унесло её в воспоминания пятилетней давности...

Через два месяца после того, как Эстеллу признали невиновной в убийстве Фелиппе Кассераса, она и Маурисио получили приглашение на свадьбу бабушки Берты.

Эстелле не хотелось ехать обратно в Ферре де Кастильо, так заворожил её Буэнос-Айрес, да и воспоминания разрывали душу на кусочки. А вдруг она встретит там Данте и у неё не хватит сил больше его отталкивать? Ну вот что она там забыла? Что интересного в бабушкиной свадьбе? В конце концов, бабушка не юная девица на выданье и непонятно зачем она устраивает этот балаган. Выставляет себя на смех, и это в её-то возрасте! После

бед, что выпали на её долю, сердце Эстеллы ожесточилось. Она нынче не испытывала жалости и сострадания, терпимости и снисходительности к людям. Жаль ей было только себя, ну и ещё Данте. Никогда она не забудет его взгляд при их последней встрече. А все прочие вызвали в ней раздражение. Им наплевать на её чувства, вот и ей наплевать на чувства других. Та же самая бабушка Данте ненавидит и ей всё равно, что они дышать не могут друг без друга.

Эстелла искала отговорку за отговоркой, чтобы не ехать, но так и не смогла открутиться. Маурисио — любитель запудрить всем мозги наигранной любезностью — дал Эстелле понять: на свадьбу Берты они поедут. И для убедительности принудил её к очередному исполнению супружеского долга, привязав к кровати и закрыв ей рот тряпкой.

Лусиано и Ламберто приглашений на свадьбу не получили, но и не расстроились. Ламберто вообще похихикал, пожелав Эстелле не заснуть на церемонии бракосочетания:

— Смотрите, дорогая племянница, не усните прямо в церкви, когда эти двое будут греметь костями у алтаря! — пошутил он, провожая Эстеллу и Маурисио в путь.

Но эстеллино нежелание посещать сие нудное мероприятие вдруг материализовалось. Почти. Хоть они с Маурисио и выехали аж за три дня до свадьбы, всё равно умудрились опоздать на венчание. Одна из лошадей, запряжённых в экипаж, посреди дороги сломала ногу. Пришлось остановиться на ночлег в ближайшей таверне, а утром оказалось, что там нет запасных лошадей. И кучер отправился в другую таверну, дабы пригнать новых. Маурисио был в бешенстве, а Эстелла надеялась на свадьбу-таки не попасть. Увы, этот номер у неё не прошёл, но они с Маурисио потеряли целых двенадцать часов, и когда прибыли в Ферре де Кастильо, в храме Святой Аны уже шло венчание. Решив, туда не врываться, Эстелла и Маурисио дождались всех на улице.

Гостей оказалось немного. Эстебан, одетый в элегантный фрак и узкие кюлоты песочного цвета, вышел из церкви под ручку с Либертад. Та была необыкновенно хороша в розовом шёлковом платье. Со спины её легко можно было принять за сеньориту, если бы не цвет кожи.

Урсула с Лупитой, разодетые в ситцевые платья, разрисованные ягодками и цветочками, походили на крестьянок, затесавшихся на праздник богачей. Джованна, которую Эстелла сразу же узнала, — смуглая, невысокая, широкоплечая и немного угловатая женщина в жёлтом атласном платье с корсетом. Она, привыкнув одеваться по-мужски, странновато семенила и дёргала то шлейф, то корсаж, которые, верно, её раздражали. Джованну сопровождал среднего роста мужчина, лысый, с круглым розовощёким лицом, на коем не было ни волос, ни бровей, ни ресниц. Джованна держала за руку мальчика лет восьми. Тот беспрестанно вертелся, зевал и шмыгал носом.

На свадьбу пришла и Сантана вместе с дядей Норберто и тётей Амарилис. Последняя судя по письмам Сантаны, благополучно нашлась сразу, как только Ламберто вернулся в Буэнос-Айрес. Объяснила она своё отсутствие тем, что гостила у давней подруги.

Сантана была одета в серебристое платье из парчи. Увидев Эстеллу, она радостно бросилась в её объятия. Эстелла же переодеться не успела, поэтому осталась в дорожном платье, нежно-синем в мелкую клеточку, и с маленькой шляпкой на голове.

Тут были и незнакомые Эстелле гости: мужчины в возрасте с жёнами — друзья сеньора Альдо. Сам сеньор Альдо в элегантном чёрном фраке почти растворился на фоне Берты. Та в многослойном платье цвета абрикоса и с гигантской шляпой с красными, розовыми и синими перьями, заняла собой всё пространство, напоминая торт с кремом. Эстелла про

себя подумала, что для вдовы бабуля вырядилась чересчур пафосно. Но Берта любила все объёмное и приметное, поэтому мнение окружающих ей было до фонаря.

Принимая поздравления и цветы, Берта заметила Эстеллу с Маурисио и подошла к ним. Эстелла расцеловала бабушку в обе щеки, а Маурисио преподнёс ей подарок — ажурный зонтик от солнца с алмазной ручкой.

Эстелла пожелала бабушке счастья, хотя сеньор Альдо Адорарти так и не вызывал у неё доверия. Но это бабушкина жизнь и она не станет в неё лезть. Хотя сама Берта в её жизнь лезла регулярно, считая себя вправе говорить гадости про Данте.

— А что, Мисолина не пришла? — спросила Эстелла.

— Не-а, — сообщила Берта, обмахиваясь веером из страусовых перьев. — Не знаем мы, где она. Исчезла.

— Как это исчезла? — Эстелла поправила опаловую серёжку в ухе — камушек прицепился к волосам.

— Вот так. Мамаша её сказала, будто бы Мисолина сбежала с вещами прямо у ней из-под носа. Хоть Роксана её и караулила. Ты ведь знаешь, дорогая, Мисолина же беременная от своего покойного старикашки. Я та-ак удивилась, когда узнала! — захихикала Берта. — Надо ж. Я ведь была уверена, что он уже всё, того, ничегошеньки не может, с виду-то еле ногами передвигал, а ребёнка сделал.

Эстелла хотела было сказать, что Мисолина где-то нагуляла живот, но не стала омрачать бабушкину свадьбу.

В конце концов, все отправились на обед в дом сеньора Альдо — небольшой двухэтажный особнячок из красного камня, огороженный весёленьким сине-зелёно-красным заборчиком. На крыше дома стоял флюгер в виде золотого петуха; напротив фасада раскинулся цветник, а на заднем дворе росли фруктовые деревья.

За столом мужчины шутили, желая новоиспеченным супругам счастья и долгих лет жизни, а женщины — жёны друзей сеньора Альдо, примерно все возраста Берты, завели болтовню о соседях, о детях и внуках, о приготовлении еды, шитье и ведении домашнего хозяйства. Эстелла чувствовала себя райской птичкой в курятнике. Ей было дико скучно и она не знала на что отвлечься. То рассматривала стены, обитые беленькой тканью в жёлтый горошек, то теребила пурпурную бахрому на краях скатерти, а то изучала собственные ногти. Господи, какая скукотища, просто сил нет!

Эстелла уже готова была уснуть, как вдруг началось веселье. Одна из дам опрокинула на себя рагу из рыбы, перепачкав всё платье. С воплями и сожалениями об испорченном наряде, провонявшем рыбой, она бегала по столовой и размахивала руками. Другие женщины, включая невесту, пытались её успокоить. Амарилис и Норберто на обед не пошли — поздравили Берту в церкви и смотались восвояси.

Сантана же осталась и теперь рассеяно лопала экзотический салат с добавлением жареных морских свинок, к которому Эстелла так и не рискнула подойти.

Но неожиданно Сантана начала зеленеть

— Что с тобой, Санти? — взволновалась Эстелла.

— Что-то мне плохо, — пропыхтела та, держась рукой за живот. — Я или объелась, или отравилась.

— Мне сразу не понравился этот салат. Не зря я не стала его есть! — Эстелла, взяв свой веер из павлиньих перьев, помахала над подругой.

— Я думаю, её надо отвезти в госпиталь, — вмешался Маурисио. — По-моему, дело

серьезное. Бабули и дедули, — он указал на гостей, — и без нас повеселятся.

На людях Маурисио всегда проявлял великодушие и заботу. Эстелла прекрасно знала, что это лицемерие — до Сантаны ему нет никакого дела. Но сейчас выбирать не приходилось.

— Да, вы правы, — согласилась Эстелла. — Едем в госпиталь.

Через несколько минут они уже прощались с Бертой, которая голосила что-то об испорченном обеде. Потом сели в экипаж и поехали в госпиталь — заведовать им с недавнего времени (не без поддержки отца овдовевшей Кларибель) стал доктор Дельгадо.

Выяснилось: источником отравления Сантаны послужили не морские свинки, а кальмары.

Эстелле и Маурисио пора уже было возвращаться в Байрес, но Эстелла уж очень волновалась за подругу, и Маурисио уступил, разрешив ей остаться в госпитале до утра. А сам, заявив, что не выносит лечебницы, отправился в фамильный замок Рейес навестить Матильде.

Эстелла долго шарахалась по коридору туда-сюда, ожидая, когда задремавшая от слабости Сантана проснётся, и можно будет её увидеть. «Вот сейчас отличный шанс сбежать», — машинально подумала Эстелла. Да, раньше она бы непременно этим шансом воспользовалась, но теперь... Куда ей бежать? И зачем? У Данте, быть может, уже новая любовь, а про неё, Эстеллу, он и думать забыл. А если и вспоминает, то как страшный сон.

В реальность Эстеллу вернули голоса... знакомые голоса. Она обернулась и увидела семейство Ортега. Кlemente, Гаспар и Каролина, стоя неподалёку, что-то активно обсуждали.

Эстелла кинулась к ним, поздно сообразив, что делает что-то не то: они с Данте расстались и эти люди ей чужие. Но на шум её шагов все трое повернули головы.

— Здравствуйте, — поздоровалась Эстелла. — Я рада вас видеть.

Гаспар и Клем пожали ей руку, а Каролина хмуро кивнула.

— Эстелла? Какими судьбами? Что ты делаешь в госпитале? — воскликнул Кlemente. — Ты не заболела?

— Нет, я здесь с подругой, — объяснила Эстелла. — У нас был праздник, и ей стало дурно. Вот я сижу и жду, когда мне позволят её увидеть. А вы что тут делаете?

— Мы привезли Пию, — ответил Гаспар грустно. — У неё начались роды. Мы хотели, чтобы ей помогала повитуха, но та женщина посоветовала отвезти Пию к врачу. По её словам, Пия может умереть.

— На всё воля Божья, — встряла Каролина. — Умрёт, значит Бог так захотел.

— Главное, чтобы мой сын родился здоровым, а остальное не важно! — заключил Кlemente.

— Клем, ну какое имеет значение кто родится? — мягко заметил Гаспар. — Девочку мы будем любить не меньше, чем мальчика. Но Пия тоже должна выкарабкаться. Она сильная, я уверен, всё будет хорошо.

— На всё воля Божья, — повторила Каролина.

Эстелла про себя подумала: насколько же эти люди разные. И как они уживаются друг с другом?

— А сеньор Анхель с вами? — спросила она.

— Нет, он болеет в последнее время, — Клем, зевая, взъерошил белокурые волосы. — У него подагра открылась, ему тяжело ходить, а уж ехать в такую даль тем более. Кстати,

Эстелла, я хочу поговорить с тобой кое о чём. Наедине.

Эстелла и Клементе отошли в сторону, ловя на себе косые взгляды Каролины.

— Что случилось, Клем?

— У меня к тебе пара вопросов. Во-первых, эта твоя подруга, которой стало плохо, эта не та случайно, ну такая, с красивыми губами и круглыми глазами? Мы с Данте её видели у тебя дома.

— Ну да, Сантана, это она, — подтвердила Эстелла. — Ближе неё подруги у меня нет.

— С ней всё в порядке?

Эстелла усмехнулась: какой же этот Клем странный! Жена у него рождает, чуть ли не при смерти, а он спрашивает о посторонней девушке, которую видел лишь раз.

— Да она кальмарами отравилась, ничего смертельного. А почему тебя это интересует? — лукаво спросила Эстелла, хотя уже знала ответ на вопрос.

— Не важно, — буркнул Клементе и покраснел.

— Нет, ещё как важно. Извини, Клем, я, конечно, против тебя ничего не имею, но Санти моя лучшая подруга и не стоит причинять ей боль, — предупредила Эстелла. — Ты женат, твоя жена сейчас рождает, а ещё у тебя есть любовница. Кстати, где Лус-то?

— В «Лас Бестиас», где ж ещё.

— Мда-а-а... — протянула Эстелла язвительно. — Тебе мало женщин что ли? Тебе надо третью? Санти незамужняя, не обременённая ничем девушка. Зачем ты ей сдался? Не лезь к ней и не порти ей жизнь.

— Да я знаю, ты права, — глубоко вздохнул Клементе. — Я сам во всём виноват. Если б я не женился на Пии, сейчас бы всё было иначе. Да и Сантана не моего круга, мы выросли в разной среде.

— Ну это как раз меньшее, на что я бы обратила внимание. Это все твои вопросы, Клем? — Эстелла чувствовала себя неловко. С одной стороны, она хотела уберечь Санти от возможной ошибки, но с другой... Она сама бесилась, когда кто-то лез в её жизнь и давал советы, а получается, она делает то же самое. Но Клементе Сантане не подходит. Не потому что он бедный, а потому что его отношение к женщинам — это его огромный недостаток, перекрывающий все достоинства.

— Нет, вопросы не все. Я ещё хотел узнать: а что произошло у вас с Данте?

Эстелла помрачнела.

— Я бы не хотела обсуждать эту тему, Клем.

— Я понимаю, но вы так любили друг друга. Я не сую свой нос в ваши дела из праздного любопытства, я волнуюсь за Данте, ведь он мне как брат. А то он творит не пойми чего, в петлю вон лезет...

— Что?

— Ну да, это было, когда вы рассорились, — Клем подёргал себя за уши. — Я его вытащил из петли, а потом у него был припадок, ему даже мерещилось, что стены шевелятся. Он мне сказал, что ты его бросила. А теперь стало и того хуже.

— Что, что случилось с Данте? — вся похолодев, Эстелла повысила голос.

— Да пропал он. Исчез, испарился, и никто не знает, где он сейчас, — объявил Клем.

Эстелла с размаху рухнула в поблизости стоящее кресло.

— Он... он отдал мне лошадей, — пролепетала она срывающимся голосом. «И волшебный перстень», — подумала она уже про себя. — Это неспроста. Он что-то опять натворил. О, боже мой! — и Эстелла прикрыла рот рукой.

Клементе смерил её странным взглядом.

— Клем, пожалуйста, — взмолилась Эстелла, — ты должен его найти. Умоляю, найди его. Я не хочу, чтобы с Данте что-то случилось. Сама я ничего не могу сделать. Я теперь живу в Буэнос-Айресе и сюда приехала только на свадьбу к бабушке. Клем, найди Данте, ты должен его найти!

— Разве тебе не всё равно? — отчаянье её поразило Клементе. — Ты же его бросила! Данте сказал, что ты его разлюбила.

— Это не имеет значения, — чуть не плача молвила Эстелла.

— А я думаю, как раз имеет. Я не знаю, что там у вас случилось, но для меня очевидно, что ты ещё любишь этого безмозглого. И он тебя любит. И вы оба друг друга мучаете и творите всякие глупости, вместо того, чтобы быть рядом.

— Мы не можем быть с Данте вместе, Клем, — отрезала Эстелла. — На это есть свои причины, но прошу тебя, не спрашивай меня ни о чём. Просто пообещай, что найдёшь Данте.

— Хорошо, я попробую.

— Я не понимаю, что он задумал, — дрожащим голосом проямлила Эстелла. — Он зачем-то отдал мне Алмаза и Жемчужину.

— Отдал? — Клементе сдвинул брови к переносице.

— Да, отдал, просил позаботиться о них. Это какое-то безумие...

Но больше Эстелла и Клементе ничего не успели обсудить — в коридоре появился акушер.

— Кто из вас родственники Пии Ортега Лозано? — спросил он.

— Мы! — крикнули все хором, включая Эстеллу.

— Если точнее, мне нужен её супруг, — вяло сказал акушер.

— Это я, — Клем вышел вперёд.

— Ситуация такая, — акушер зевнул. — Доктор Дельгадо говорит, что обоих спасти не получится. Вам, как супругу и отцу ребёнка, придётся выбрать кого из них спасать: мать или ребёнка.

Наступила тишина. Даже Каролина рот открыла. Никто до последнего не верил, что всё так серьёзно.

— Но разве нет никаких шансов? — первой подала голос Эстелла.

— Шансы есть, — ответил акушер, — но только у одного. Ей вообще не следовало бы рожать. Таз узкий, организм слабый. В таких случаях последнее слово всегда за мужем. Только решайте быстрее, — повернулся он к Клему. — Времени нет, у неё схватки уже вторые сутки. Не понятно вообще, почему вы так тянули, а не привезли её сразу.

— Мы издалека ехали, — пояснил Клем. — А решать тут нечего. Всё давно уже решено. Спасайте моего сына.

— Клементе, послушай, — попытался вмешаться Гаспар, но Клем был непреклонен.

— Я не собираюсь убивать своего ребёнка! Долг каждой женщины — родить, даже если это будет последнее, что она сделает в своей жизни, — отрезал он. — А после того, как женщина выполнит своё предназначение, она может и умереть, надобность в её присутствии отпадает. Ну вот какой смысл Пии жить? Какой от неё прок? Она только всем мешает. Так что спасайте моего сына и точка!

Кивнув, акушер удалился. Каролина молча крестилась, Гаспар прошёлся туда-сюда и тоже ничего не сказал. А в душе Эстеллы закипела ярость.

— Какая же ты сволочь! — выдала она, сузив глаза и сверкнув ими на Клема. — Ты

относишься к Пии как к скотине, которую ведут на бойню. Даже с коровами так не обращаются. Она живой человек, а не организм для воспроизведения потомства. Пия уже существует, у неё есть чувства и разум, а ребёнок, он ещё не родился. Как таковой он ещё не существует, у него нет ни чувств, ни мыслей, ни планов. Пия могла бы ещё жить, могла бы ещё стать счастливой или подарить кому-то счастье, ведь ей всего двадцать лет! А ты загубил ей всю жизнь и ещё и убить её хочешь!

— А кого я должен убить, ребёнка? — огрызнулся Клементе.

— Этот ребёнок ещё не родился и, честно говоря, он не стоит таких мук, потому что ещё неизвестно кто из него вырастет. А Пия могла бы жить и без ребёнка. Я же живу! Это не смертельно, уверяю тебя. А вот если она умрёт, это уже непоправимо. Ты просто жалкий слизняк, вот ты кто! Если бы Данте был здесь, он сказал бы тебе то же самое!

И Эстелла отошла в дальний угол. Смотреть на Клема ей было противно, но уходить она не собиралась, как из-за Сантаны, так и из-за Пии, ибо хотела узнать развязку и той, и другой истории.

Часы тянулись бесконечно. Наконец, появился всё тот же акушер, усталый и измученный.

— Поздравляю вас, — сказал он Клементе. — У вас девочка.

Клем вылупил глаза.

— К-к-как д-девочка?

— Именно, девочка. Маленькая, хорошенькая, правда, слегка болезненная — запуталась в пуповине, но мы её откачали. Так что вы теперь папаша! — акушер похлопал Клема по плечу.

Глядя на обалдевшего Клементе, Эстелла вдруг расхохоталась, жестоко, грубо, совсем как Данте, когда он бывал под личиной Салазара.

— Так тебе и надо! — выдала она и повернулась к акушеру: — Сеньор, а что с Пией-то?

Акушер почесал голову.

— Воля была ваша, вы сами выбрали ребёнка, так что мать скончалась. У неё открылось кровотечение, мы не смогли ничего сделать. Примите мои соболезнования.

— Царствие ей небесное, — печалилась Каролина, целуя чётки.

Гаспар тяжело вздохнул, а на глазах у Эстеллы сверкнули слёзы.

— Я даже поговорить с ней в последний раз не смогла. Если бы я знала раньше...

Акушер ушёл, не желая быть свидетелем скорбной сцены.

— Теперь надо похороны организовывать, — глухо выдавил Гаспар. — И Анхелю сказать как-то...

— Его точно удар хватит, — добавила Каролина. А Эстелла подумала, что она ведёт себя адекватней, чем раньше. — Ещё и эта подагра. Он даже попрощаться с ней не сумел. О, я прекрасно знаю, что такое хоронить ребёнка! — Каролина всхлипнула. — Эта беда, смерть Энрике, выпотрошила мне когда-то всю душу. Если б не Бог, я бы наверняка тоже померла. Но Господь оказался рядом со мной и вывел меня к свету. Только я тогда была молодая совсем, а вот Анхель... сомневаюсь я, что он это переживёт. Пия была единственной его отрадой.

— Думаю, похоронами заниматься будем мы, — сказал Гаспар. — Надо будет позвать падре, заказать панихиду в церкви...

— Да идите вы к чёрту со своей панихидой! — выдал Клем, сжимая кулаки. — Кончика носа моего там не будет! Эта дура даже сына мне родить не сумела. Ни на что не способна!

Померла, туда ей и дорога.

Хлоп! На щеке у Клема осталась эстеллина пятерня.

— Идиот!

Он развернулся и ушёл не оборачиваясь, а Эстелла крикнула вслед:

— Даже и думать забудь о моей подруге! Не хватало, чтобы ты и её угробил!

Через полчаса Эстелле позволили зайти к Сантане. Та уже почти оклемалась и выглядела неплохо, даже разругивалась. Эстелла хотела было рассказать ей обо всём, что произошло с Пией, а заодно и о поведении Клема, но не решилась. И покинула госпиталь с тяжёлым сердцем. Когда вернётся в Байрес и остынет, она непременно напишет Сантане письмо. Может, это и нехорошо с её стороны, но она должна предостеречь подругу.

На выходе Эстелла вновь столкнулась с семейством Клема. Самого Клемента поблизости не было, а Гаспар и Каролина стояли рядышком, держа на руках крошечный комочек — свою внучку, и ворковали как два голубка.

Было раннее утро. По веточкам прыгали птички-печники, и Эстелла вздохнула полной грудью. И подумала о Пии: такая молодая девушка и так нелепо погибла от глупой, ничем неоправданной жестокости человека, который был её мужем. Из-за него она больше не увидит рассвет, солнце, траву, не увидит и птичек.

Мысли Эстеллы вернулись к Данте. Где он сейчас? Только бы с ним ничего не случилось. Она вспомнила и о Маурисио, невольно сравнив их опять. Есть мужчины, которые любят женщин. Есть мужчины, которые любят детей. А есть мужчины, которые любят лишь себя. И все они, увы, всегда по разные стороны баррикад. Если бы она, Эстелла, попала в ситуацию Пии, что бы сделал Данте и что бы сделал Маурисио? Сомнений у неё не было: Маурисио поступил бы также, как Клем, и ещё и посмертно унизил бы её за то, что она родила не мальчика, а девочку. А Данте? Данте сохранил бы жизнь ей, кто бы и что бы о нём не говорил и как бы его не осуждали. Всё-таки сердце её не ошиблось, когда выбрало этого дикого мальчика, превратившегося в юношу, что научил её любить и подарил ей настоящую, хоть короткую, но сказку. И Эстелла заплакала, стоя у куста мимозы, вокруг которого жужжали шмели...

Воспоминание о Пии заставило Эстеллу очнуться. Она открыла глаза и увидела, что сидит у секретера. Перо валяется на полу, а перед ней пергамент, заляпанный чернилами. Она хотела написать письмо бабушке и вдруг провалились в прошлое. Как древняя-преддревняя старушенция, что вспоминает молодость, ибо больше заняться нечем.

Встряхнувшись, Эстелла отбросила испорченный пергамент, выудив из ящика чистый. Но мысли её блуждали. Бедная Пия умерла такой молодой, не познав ни счастья, ни любви, ни разу даже не надев красивого платья. О дальнейшей судьбе Клема и его семьи Эстелла ничего не знала — Сантана в письмах ни разу больше не говорила о Кlemente, а Эстелла и не спрашивала, ещё сердясь на него из-за его твердолобости.

Внезапно в дверь постучали. Это пришла служанка Лея — маленькая, худенькая негритянка с короткими кудряшками.

— Сеньора, для вас письмо, — сказала она.

Эстелла взяла конверт — розовый, разрисованный цветными бантиками — такие обычно присылала бабушка. Это и правда было письмо от Берты, чему Эстелла искренне удивилась — бабушка присылала ей письмо совсем недавно.

Странно, что она отправила ещё одно письмо вдогонку к первому. Неужели что-то случилось?

Поспешно вскрыв конверт, Эстелла прочла коротенькое послание:

«Дорогая Эстелла, я не писала этого раньше, ибо никто не был уверен в том, что происходит. Ответ можешь не присылать, письма не дойдут — городские ворота заперли. В городе чума. Поэтому прошу тебя ни в коем случае, ни под каким предлогом не приезжать в Ферре де Кастильо. Не пугайся, у нас все живы и здоровы, и в доме твоей матери тоже. Целую. Бабушка».

Эстелла, уронив письмо на колени, застыла с широко распахнутыми глазами. Чума... Чума! И первая мысль её была о Данте.

— О, боже мой, боже, только бы он был жив! — прошептала Эстелла и тут же умолкла, поймав удивлённый взгляд Леи. Она забыла, что служанка всё ещё тут.

— Что-то случилось, сеньора?

— Нет... да... Да! Случилось! — вскочила на ноги Эстелла. — Прикажи каретнику готовить экипаж и пришли кого-нибудь, чтобы помог мне собрать вещи. Я еду в Ферре де Кастильо!

И Эстелла ринулась в гардеробную. Она стала охалками вытаскивать из шкафов вещи и бросать их на пол. Плевать на предостережения бабушки и даже на запертые городские ворота! Наплевать! Если понадобится, она подземный ход прокопает, но она туда попадёт!

В девушке вновь разыгралась решимость той семнадцатилетней Эстеллы, готовой горы свернуть ради своей любви. Она должна найти Данте. Если он заразился чумой, она тоже её заразится, и они умрут вместе. Она поедет туда и никто её не остановит. А попробует, так пожалеет, что осмелился встать на её пути!

===== Глава 20. Рыжий лис =====

Отъезд Эстеллы застал Лусиано и Ламберто врасплох, пусть они и не знали о том, что происходит в Ферре де Кастильо — газеты молчали об эпидемии и Буэнос-Айрес спал спокойно.

— Эстелла, но почему такая поспешность? — недоумевал Ламберто, видя эстеллино упорство, когда она яростно помогала слугам запихивать вещи в экипаж. В голове её уже сложился план действий. Она приедет в Ферре де Кастильо, найдёт Данте и увезёт его, а там хоть всё синим пламенем гори. Но Эстеллу била дрожь: зная Данте, она не сомневалась: в экстремальных условиях он может повести себя непредсказуемо.

— Я соскучилась по бабушке и по Сантане, дядя. Я хочу их увидеть, вот и всё, — внешне Эстелла была хладнокровна, но маниакальный взгляд выдавал её.

Ламберто понял: она явно что-то задумала.

— Но вы собрались так скоро, Эстелла, — попытался он её вразумить. — Может быть, что-то случилось в нашей семье?

— Нет-нет, я же объяснила, дядя, я соскучилась по бабушке и подруге. Я не видела их пять лет. Я уезжаю ненадолго, просто мне здесь тоскливо, — сочиняла Эстелла.

— Но вы могли бы подождать пару-тройку дней, и я бы поехал с вами.

— Нет, дядя, я не могу ждать! Дело в том, что у Сантаны что-то случилось, она хочет меня увидеть. Это важно, и она не может рассказать об этом в письме. Ну дядя, пожалуйста, отпустите меня, я вернусь, обещаю.

Ламберто сдался, хоть поведение Эстеллы его и насторожило. И он решил поступить по-своему. Вместе с Лусиано они отправили Маурисио письмо в Рим, где объяснили, что супруга его поехала в Ферре де Кастильо и ведёт себя странно. Поэтому они настоятельно рекомендует ему вернуться и образумить её.

Эстелла об этом не догадывалась, не ожидая, что дядя подключит Маурисио, который не особо ему импонировал.

Когда багаж был упакован и запихан, Эстелла, кое-как перекусив фруктами, отправилась в путь, напоследок взяв с Ламберто слово заботиться об Алмазе и Жемчужине.

Чем дальше экипаж удалялся от Байреса, тем чаще билось сердце Эстеллы. Ехать двое суток. Эстелла была вся на взводе, впервые ощутив как длинна эта дорога. Страшное слово «чума» — болезнь, которую прозвали «чёрная смерть», пугало её чуть ли не до судорог. Воображение рисовало жуткие картины: вымерший город, стаи мух, кружащие над трупами, чёрные гробы и в одном из них Данте — бледный, с застывшим лицом и растрёпанными смоляными волосами. Только бы он был жив! Да, в случае эпидемии от болезни никто не застрахован, но это не значит, что все умрут поголовно. Только бы Данте избежал этой болезни! Она терпела издевательства Маурисио, обрекла и себя, и Данте на муки ради того, чтобы сохранить ему жизнь. Но чума не оставила выбора. Если он заболеет, всё это потеряет смысл, и жертвы её будут напрасны.

Изнемогая от тревоги, Эстелла откинулась на спинку сидения. Надо успокоиться, она должна приехать в адекватном состоянии. Неизвестно что её ждёт в городе. Да и куда идти по приезду? В дом Роксаны? Нет, боже упаси! По словам всё той же бабушки, Роксана окончательно съехала с катушек, когда Арсиеро сняли-таки с должности алькальда. Городом теперь управлял Алехандро Фрейтас — симпатичный мужчина лет сорока пяти, бездетный вдовец. Роксана вздумала устроить новому алькальду приём в особняке. Приём столь любезный, что это удивило многих. Как бывшая первая дама, она, напротив, должна была бы поддерживать своего мужа, а не обхаживать его политического конкурента. Берта сочла, что Роксана положила на сеньора Фрейтаса глаз, поставив на Арсиеро крест. В одном из писем бабушка недвусмысленно намекнула Эстелле: как бы Арсиеро не отправился на тот свет следом за Хорхелиной. Но Эстелла не верила, что Роксана способна Арсиеро убить, хотя в последнем письме Берта сообщила: тот «хворать стал часто и деньки его сочтены».

В особняке на Бульваре Конституции нынче жили Роксана, Арсиеро, Эстебан с Либертад и слуги: Урсула с её мужем Альфредо, пожилой конюх и Лупита с сынком Дуду, который вымахал в здорового детину. Эстелла не хотела туда ехать. За пять лет она отвыкла от хамства.

Во дворце Фонтанарес де Арнау с ней обращались ласково и уважительно все, исключая Маурисио. И снова терпеть унижения, слушать вопли матери? Ну нет!

Бабушка поселилась в доме Альдо Адорарти и жила своей жизнью, полной тихих семейных радостей. Супруг её уговорил Джованну с мужем и сыном перебраться в город и теперь они жили все вместе. Ехать в этот чужой дом в качестве приживалки Эстелла тоже не хотела.

Но не останавливаться же ей в доме Сантаны! Сантана сейчас была предоставлена самой себе — Норберто и Амарилис частенько куда-нибудь уезжали. Конечно, Эстелла могла бы попроситься к ней в гости, но ей не позволяла гордость. Смутно она подумала о «Маске». На крайний случай можно остановиться там, хоть это тяжело и больно. Был ещё замок Рейес. Кроме Чолы и пары слуг, что следили за хозяйством, там никто не жил. Матильде, пару лет назад выйдя замуж за латифундиста Хосе Деметрио Гонсалвеса, уехала в Мадрид, где её изредка навещал Маурисио, бывая там по работе.

Эстелла решила ориентироваться по обстоятельствам: пойдёт либо в «Маску», либо в замок Рейес, но оповещать родственников о своём приезде она не будет. Берта же вся

испричитается, узнав, что Эстелла проигнорировала её письмо.

Девушка поглядела в окно — кусты, кусты, кусты и деревья, трава и снова кусты — пейзаж не менялся, а дело уже клонилось к ночи. Вскоре они должны уже доехать до первой остановки — таверны «Весёлая тётушка».

«Где же ты сейчас, мой Данте? Как же мне тебя не хватает!», — подумала Эстелла. Да её ли он? Наверное, уже нет, давно забыл о ней. Может, у него теперь жена, семья. Пять лет — срок немалый.

Эстелла не знала ничего о судьбе Данте. Последнее, что она слышала о нём — то, что сказал ей Клем в день смерти Пии. Данте исчез, отдав ей лошадей и волшебный перстень. Хоть Эстелла и намеревалась искать его, но с чего начинать, она понятия не имела. Наверное, придётся поехать в «Лас Бестиас» и расспросить Клема о Данте. За столько лет он должен был что-то узнать.

Поздно вечером экипаж остановился у таверны «Весёлая тётушка» — невзрачного деревянного здания с плоской крышей и облезлыми кустиками акаций у входа.

Внутри таверна оказалась тесным помещением, обитым досками, с множеством столов и лавок, расставленных как попало. В верхние комнаты, предназначенные для ночлега, вела скрипучая деревянная лестница, а за кособокой внутренней дверью была кухонька, где готовилась еда и жутко воняло плесенью и луком.

Хозяйка таверны внешне соответствовала названию «Весёлая тётушка». Она была толстая-толстая, всё время смеялась и что-то жевала. Эстелле она напомнила хозяйку колбасной или кондитерской.

Девушка рассеяно поужинала жареной на углях камбалой, закусив её фруктами и запив мате, и уже собралась идти спать, но внимание её привлекла женщина, зашедшая в таверну. Это была цыганка. Довольно полная, закутанная в тридцать три юбки и шали и увешанная дешёвыми бусами, она вальяжно прогулялась вокруг столиков, предлагая всем погадать.

Перво-наперво она уломала на этот эксперимент сеньора средних лет. Разложив карты, долго изучала их под одобрение его спутников — бородатых и уже охмелевших мужчин. Эстелла не слышала, о чём говорила цыганка, но у неё возникла ребяческая мысль уговорить женщину погадать и ей. Вообще-то Эстелла не верила в такие вещи. Наверяд-ли цыганка нагадает что-то умное, но развлечься же можно. Однако, Эстелла так и не решилась подозвать цыганку, пока та сама её не заметила.

— Не желает ли красавица, чтобы Чарген ей погадала? — сладостным голоском спросила цыганка.

— Да, желаю! — объявила Эстелла, протягивая золотой эскудо.

— Красавица щедрая да богатая, сразу видать, — цыганка взяла деньги и села напротив.

Вблизи она оказалась молодой, с крупным носом и хитрыми пронырливыми глазками. И у неё торчал живот — цыганка была беременна. Разложив карты на столе, несколько минут она изучала их.

— Интересная у тебя судьба, красавица, — молвила она. — Карты говорят Чарген, что жизнь твою рисует большое чувство. Много лет живёт оно в сердце твоём. Это любовь к мужчине, мужчине, душа которого подвластна лишь ветру. Сколько бы времени не проходило, красавица, будет жить он в тебе, и не вырвешь ты его ни с болью, ни с кровью. Чарген повторяет лишь то, что говорят карты. Судьба так хочет, вы рождены друг для друга. Как бы далеко не разошлись ваши пути, вы связаны одной нитью. Но есть сейчас в твоей жизни и другой человек, — цыганка ткнула пальцем в одну из карт. — Этот ближе к тебе

телом, а тот душой, красавица.

Эстелла вздрогнула. Она пока не верила цыганке, хотя и начала колебаться.

— А расскажите подробнее.

— Чего ты хочешь узнать у Чарген, красавица?

— О том мужчине, о первом. Увижу ли я его ещё?

Цыганка, перемешав карты, разложила их по-новой.

— Карты говорят Чарген, что скоро вы встретитесь, — поведала она. — Но сначала душа его придёт к тебе, и только потом он сам. Но второй мужчина явится вслед за первым. Заблудишься ты, красавица. И выбрать надо будет тебе между двумя мужчинами дважды.

— Ну и чушь! — недоверчиво фыркнула Эстелла. — Моё сердце давно уже всё выбрало.

Цыганка покачала головой.

— Карты не лгут. Чарген видит сумятицу. Ты окажешься на перепутье. Но потом один из мужчин уйдёт сам, чтобы вернуться в ином воплощении. Тогда ты будешь выбирать между тем, что ты считаешь правильным, и тем, что правильным считают другие, — она вынула из колоды ещё несколько карт. — Вот он, тот, кого ты любишь. У него два лица и он потянет тебя за собой. И только от тебя зависит, куда вы с ним пойдёте: в рай или в ад.

Сердце стучало у Эстеллы в ушах, в горле, даже в пятках, будто стало больше её тела.

— Мы с ним будем вместе?

— Или да, или нет. Карты уверяют Чарген, что никто не может разрушить вашу связь, кроме вас самих.

— А где он сейчас? Как он? Что вообще с ним происходит? — Эстелла и верила, и не верила цыганке, или ей хотелось верить в то, что та говорит о Данте.

Цыганка смешала колоду и разложила её в третий раз.

— Разлука с тобой убила в нём птицу, — выдала она. — Он любил летать, но ты обрезала ему крылья, красавица. Чарген видит одиночество. Он спас тебя от страшной беды, и ты сама этого не поняла. В прошлом Чарген видит темноту и много камней. Но сейчас вокруг него трава. Тело его на свободе, но душа скована льдом и черна. Ещё что-то хочешь спросить у Чарген, красавица? — цыганка внимательно уставилась Эстелле в глаза.

— Он... он... у него нет другой? — прошептала Эстелла.

Цыганка опять изучила расклад.

— Нет, красавица. Он один, а все прочие за стеной. Хотя три женщины увидят в нём свою радость и свою печаль.

— Три-и? — ахнула Эстелла, чувствуя как грудь кольнула жгучая ревность.

— Одна из них, как огонь, и стал он для неё всё равно, что заноза в сердце. Но он её презирает, — уточнила цыганка. — Вторая одержима тщеславием и он для неё, как свет во тьме, но он её не видит. А третья, как луна на небе, красивая, но холодная. Увидит она в нём подобие себе, но он её не знает. Ни одна из них ему не нужна. Нужна ему только та, что далека, как солнце. Ты нужна ему, красавица.

Эстелла не знала что ещё спросить, и с цыганкой распрощалась. А затем поднялась в верхние комнаты.

Наутро, после смены лошадей и кучера, она снова двинулась в путь. Какая же она дура, что поверила цыганке! Всем известно, что все эти цыганки-гадалки только деньги вымогают. Лишь такая идиотка, как она, могла попасться на эту удочку! Впрочем, она навряд-ли глупее Мисолины.

О Мисолине Эстелла размышляла всю ночь — беременная цыганка напомнила ей о

сестрице. Удивительно, к кому-то жизнь сурова, к кому-то несправедлива, над кем-то насмехается, а с этой твари как с гуся вода.

Мисолина, по мнению Эстеллы, нагуляла где-то живот, а потом они с Роксаной решили выдать этого ребёнка за сына графа де Пас Ардани, дабы прикарманить его наследство.

Хитрый старик был не промах — чтобы жёны не претендовали на его денежки, он завещал своё огромное состояние несуществующему ребёнку. И супруга его могла получить наследство лишь в том случае, если бы родила ему дитя.

Мисолина ничуть не лучше Роксаны, такая же подлая, как и мать, и также гоняется за деньгами и титулами — так считала Эстелла. Не прошло и пары месяцев после свадьбы Берты, как сбежавшая Мисолина явилась обратно, голодная, оборванная и с уже большим животом. До родов она припеваючи жила в доме матери, и, верно, и она, и Роксана — обе потирали ручки в предвкушении кучи денег, что грозилась на них свалиться. Но когда пришло время Мисолине рожать, случилось нечто необъяснимое: сын Мисолины родился чернокожим. Эстелла едва не лопнула от смеха, узнав об этом из письма бабушки. У графа де Пас Ардани, аристократа в седьмом колене, в роду не было ни чернокожих, ни краснокожих, ни иных, портящих чистоту крови личностей. О чём и заявили некие алчные родственники графа, тоже жаждущие отхватить кусок от пирога. Мисолине никто не поверил, что чернокожий ребёнок является сыном её мужа. Её подняли на смех, обозвали дурными словами и выгнали из графского дома, пригрозив ещё и в тюрьму усадить за мошенничество.

Так Мисолина осталась не у дел. Роксана была вне себя. Впав в бешенство, она Мисолину избила и вместе с ребёнком выставила на улицу, захлопнув дверь прямо ей в нос.

Внучку и правнука приютила Берта. Однако, Мисолина вела себя странно. Она уверяла бабушку, что ненавидит своего ребёнка, называла его ублюдком и однажды чуть не утопила его, засунув в бочку с водой. Но Берта вовремя вмешалась. Через неделю Мисолина сложила вещички и удрала, оставив ребёнка на шее у бабушки. Явилась она лишь два года спустя и снова беременная. Берта понадеялась, что на сей раз внучка образумится. Не тут-то было! Родив девочку, Мисолина оклемалась и вновь сбежала, оставив и этого ребёнка у бабушки. С того момента никто о ней не слышал, а Берта была зла на неё и обзывала кукушкой, что побросала всех своих детей.

Эстелла же никак не могла определиться со своим отношением к Мисолине. Она и злорадствовала, и не понимала сестру. Она ведь тоже не питает особых чувств к детям. Наверное, они с Мисолиной обе пошли в мать. Хотя она, Эстелла, если бы уж родила, то навряд-ли бы бросила. Но, скорее всего, не стала бы рожать. Даже на большом сроке ещё можно избавиться от плода. Например, упасть с лестницы или прыгнуть из окна, чтобы вызвать выкидыш. И Эстелла пришла к выводу, что Мисолина дура, зачем-то нарожала ненужных детей и обрекла их на страдания.

Через двое суток экипаж выехал на до боли знакомую Эстелле дорогу, и у неё на глаза навернулись слёзы. Здесь она встретила Данте семь лет назад. Он спас её от грабителей, она заглянула в его сапфировые глаза, и не стало ей в этой жизни ни счастья, ни покоя без него. Права была цыганка, не вырвет она его из сердца никогда, как бы ни пыталась и сколько бы времени не прошло. Как же она хочет вновь оказаться в его нежных и сильных объятиях, ощутить его кожу на своей, его запах, целовать его, принадлежать ему...

Эстелла, обнимая себя за плечи, захныкала, по-детски, жалобно:

— Данте... Данте... Только не умирай, слышишь, я люблю тебя.

Вынув из сумочки обручальное кольцо, она надела его на палец. Оно выпустило слабую струйку дыма. Сердце девушки подпрыгнуло. Чем ближе они подъезжали к городу, тем сильнее светилось и вибрировало кольцо. Живой! Он живой!

Вдруг экипаж остановился. Эстелла аж подпрыгнула от неожиданности. Неужто опять грабители? Но никого на дороге не было, а вот кучер почему-то спрыгнул с козел. Открыв дверцу, Эстелла крикнула:

— Что случилось?!

— Да ничего, сеньора, — отозвался кучер. — Лошадь споткнулась и потеряла подкову. Сейчас поправим. До города уже близко, минут двадцать и будем там.

Пока кучер переподковывал лошадь, Эстелла вылезла из экипажа, чтобы размять мышцы. Далеко она не отходила — кружила поблизости, рассматривая деревья, кустарники, травы и дикие цветы.

Нежданно в кустах мимозы что-то зашуршало. Эстелла вздрогнула, но это оказался некий зверёк — рыжий пушистый хвостик мелькнул в зарослях. Эстеллу разобрало любопытство. Животных она не боялась, да и там был кто-то небольшой и неопасный. Подобрав юбки, девушка полезла в кусты. Зацепилась рукавом за ветку и слегка порвала его. Раздвинув мимозу, она увидела на земле маленького лисёнка. Такие зверьки редко водились в субтропиках. Местные лисы или зорро, как их тут величали, — различных видов и окрасов от рыжего до буро-серого, седого и даже чёрного — были помесью североамериканской лисы с дикой собакой. Этот же зверёк был, видимо, чистокровным лисом: очень пушистая тёмно-рыжая шёрстка, коричневая мордочка, острые ушки и длинный-длинный хвост. Лисёнок был молодой и абсолютно дикий. По крайней мере, вид Эстеллы привёл его в ужас.

— Какой ты красивый! — залепетала она нежным голоском. — Не бойся меня, я никогда не обижаю животных. Можно я тебя поглажу?

Присев на корточки, Эстелла коснулась шёрстки лисёнка, но он так дрожал, что она сама испугалась.

— Ну ты чего, не надо меня бояться. Я тебя не обижу. Наверное, какие-то злые люди тебя напугали. Небось охотники с собаками. Бедняжка, ты же ещё малыш совсем, — вздохнув, Эстелла снова его погладила. Но лисёнок дёрнулся, попятился и пустился наутёк.

— Куда же ты? — расстроилась Эстелла, потеряв зверька из виду.

— Сеньора, сеньора! Можно ехать! — это кричал кучер.

Эстелла воротилась к экипажу, залезла в него, и он тронулся в путь. Минут через десять, когда она выглянула в окошко, то с удивлением обнаружила: рыжий лисёнок робко семенит за экипажем. Эстелла чуть шею себе не свернула, наблюдая за ним.

— Ворота закрыты, сеньора, — сообщил кучер, остановившись у городских ворот.

Лисёнок тут же исчез. Эстелла и не заметила, как и куда он убежал. «Конечно, в город он не пойдёт, это же дикий зверёк и он боится людей», — с сожалением подумала она, ибо у неё возникла безумная мысль взять зверька себе.

Ворота и правда оказались закрыты. Эстелла вылезла из экипажа и долго в них стучала кулаками, пока с одной из смотровых башенок её не увидели стражники.

— Вы разве не знаете, сеньора, что в городе чума и въезд любым экипажам и каретам запрещён? — сурово спросил её стражник.

— Знаю. Но разве я не могу пройти пешком?

— Нет, не можете. В городе чума, повторяю ещё раз.

— Но я родилась в этом городе, там вся моя семья и я хочу туда попасть! — упрямова

Эстелле было не занимать. — Я маркиза Рейес! Мой муж посол! Мой дедушка советник вице-короля, да мы вас в два счёта в башню упечём! Я вас предупредила! Мне нужно попасть в город и точка.

— Но сеньора, у меня распоряжение никого не впускать!

— Понятно. Всё с вами ясно. До чего же люди алчные! — ядовито выплюнула Эстелла. Развязав тесёмки, она вытащила из сумочки горсть золотых эскудо. Всыпала их стражнику в руку. — Ну? Теперь я могу пройти?

— Хорошо, сеньора, — стражник сгрузил золотые в карман. — Но въезд экипажам всё равно запрещён.

— Значит, я пойду пешком!

— Да я туда ни ногой! — воскликнул кучер из-за эстеллиной спины. — Я ж не знал, что там чума! Ну нет, благодарю покорно. Тут есть где-нибудь таверна или трактир?

— Через сорок миль гостиница, — сказал стражник.

— Вот и отлично! Прощайте, сеньора! — кучер выставил эстеллин багаж на землю и, развернув лошадей, поехал прочь.

«Трус» — подумала Эстелла. Отпихнув рукой стражника, она вошла в ворота.

Пока Эстелла шла мимо маячивших вдалеке поместий и эстансий, по спине её бежали мурашки. В этой части города она не наблюдала изменений, всё было как и раньше: густая трава под ногами, блеяние барашков, мычание коров и ржание лошадок. Но что будет дальше — неизвестно. У Эстеллы ноги задрожали, когда она взошла на мост. Но попав на улицу Святой Мерседес, она крайне удивилась. Наверное, её богатое воображение чересчур разыгралось при слове «чума». Город мало изменился. Не было на улице ни гробов, ни трупов, ни суеты.

Город как город, как и всегда. Единственное: людей стало меньше.

За всю дорогу встретились ей лишь несколько прохожих: простоволосые женщины с корзинками и мужчины в рабочей одежде. Зато на стене каждого дома Эстелла обнаружила листовки: «Осторожно чума! Массовые скопления народа (больше пяти человек) в общественных местах запрещены».

Перво-наперво Эстелла отправилась в «Маску». Вдруг удастся что-то выяснить там о Данте? Она дошла до Бульвара Путешественников и вот тут впервые осознала, что в городе что-то случилось: двери всех лавок были закрыты. Продажи теперь велись через маленькие окошечки в дверях. Внутри же лавочек, никого не пускали.

Эстелла толкнула дверь гостиницы, но та тоже была заперта. Ни души. На двери висела надпись: «Закрыто в связи с эпидемией».

Эстелла немного походила вокруг «Маски», разглядывая окна и родной балкон на четвёртом этаже. Разревелась и заставила себя уйти.

Бегом добежала до улицы Святого Фернандо. Отдышалась и позвонила в колокольчик у замка Рейес. Дверь ей открыла Чола. Секунду смотрела на неё, потом, всплеснув руками, быстро втащила Эстеллу в дом.

— Заходите немедленно, сеньора! На улицу лишний раз нос не надо бы совать, а то ещё подцепите эту хворь.

— Чола, я так рада тебя видеть! — воскликнула Эстелла, бросив шляпку на кресло в холле.

— Я вас тоже, сеньора, очень рада видеть. Вы такая красавица, прямо загляденье, ещё лучше прежнего, — расхваливала метиска. — Но вы приехали явно не вовремя. У нас тут

ужас чего творится, люди мрут как мухи.

— Но что случилось, Чола, почему такое произошло?

— Да кто ж знает-то? Некоторые говорят, будто чума пошла от быков. Сначала поумирали быки, а потом уж люди начали.

Эстелла фыркнула:

— Чушь! Во-первых, чума у быков была давно. Во-вторых, это совсем другая болезнь и человеку она не передаётся.

— А ещё говорят, будто бы это крысы принесли чуму, — сказала Чола. — Теперича их тут полчища бегают, прям нашествие какое-то.

— Вот это уже ближе к истине, — Эстелла, пройдя в гостиную, шмякнула на пол чемоданчик. Другие её вещи должны были вот-вот прибыть. Городской стражник посоветовал ей: чтобы не тащить багаж на себе, нанять для доставки какую-нибудь внутригородскую повозку. Что она и сделала. — Неужели всё так плохо, Чола?

— Хуже некуда, сеньора. Даже вызвали чумных докторов из Парижу, потому что местные только руками разводят. В домах-то оно всё нормально, главное на улицу пореже выходить, а то можно заразу приволочь оттудова.

— Скоро мой багаж приедет, займись им, — велела Эстелла и поднялась наверх.

За пять лет в замке ничего не изменилось. Всё та же мрачность, те же каменные холодные стены. Приняв ванну, Эстелла переоделась в голубенькое платье с кружавчиками и, вопреки протестам Чолы, спустилась в сад.

— Сеньора, но там чума! — возмущалась служанка.

— Но я не пойду на улицу, Чола, я погуляю по саду, мне нужен воздух.

Интересно, роза, подаренная Данте, которую она высадила пять лет назад в землю, ещё жива? И первым делом Эстелла пошла к цветнику. Но там её ждало разочарование — вместо розы торчала сухая будылышка.

Эстелла слонялась по саду до тех пор, пока Чола не позвала её ужинать. Девушка направилась по тропинке к дому и вдруг заметила: у ограды мелькнуло что-то рыжее.

Она домчалась до калитки за секунду и так и обомлела. На травке у забора, уткнувшись мордочкой в хвостик, лежал рыжий лисёнок, тот самый, что бежал за её экипажем.

— Ты чего тут делаешь? — выйдя за ограду, Эстелла присела на корточки рядом со зверьком.

Лисёнок поднял мордочку. Уставился на неё грустными-грустными карими глазами.

— Ты, наверное, голодный! — сделала вывод Эстелла. — Бедняжка. Пойдём со мной в дом, я тебя накормлю.

Она подхватила зверька на руки. В этот раз он не вырвался, хоть и весь дрожал. Лисёнок был небольшим и худеньким — под шёрсткой его легко прощупывались кости.

Эстелла унесла лисёнка в дом, решив оставить его у себя как можно дольше. Всё равно ей тоскливо одной, а так хоть компания будет. Но когда она поставила перед ним тарелочки с молоком и сырым мясом, зверёк фыркнул и улегся на пол, прикрыв мордочку хвостом. Эстелла растерялась. Наверное, ему не нравится еда. Она велела кухарке мясо сварить и попыталась накормить лисёнка ещё раз, из рук, и — о чудо — он стал есть, беря кусочки мяса с её ладони и облизывая ей пальцы. Но стояло положить еду в тарелку, как он отвернулся. «Какой-то странный зверёк» — подумала Эстелла.

Накормив лисёнка, она его искупала, вытерла полотенцем и причесала. Рыжая густая шерсть сразу же заблестела. Прижимая лисёнка к себе, Эстелла покачивалась в кресле

качалке. Зверёк был не таким уж диким, а очень даже ласковым — он позволял себя чесать и гладить, доверчиво тычась Эстелле носом в ладонь. Ощувив что-то мокрое, Эстелла взглянула на него и с изумлением обнаружила: из глаз лисёнка капаят слёзы.

===== Глава 21. Узы крови =====

Эстелла так была очарована пушистым лисёнком, что поселила его в своей комнате. На ночь она уложила его в кресло на шёлковую подушечку. Лисёнок покорно лёг, изредка вздрагивая и печально глядя на Эстеллу.

Проснувшись Эстелла от шороха (спала она всегда чутко, а из-за нервного напряжения и подавно). Зевая и потягиваясь, она села и с изумлением обнаружила: зверёк сидит на полу у её кровати.

— Ты чего тут сидишь? — удивилась Эстелла. — Может, ты хочешь есть?

Он взъерошил шерсть, вперясь в девушку тяжёлым взглядом.

Время было пять утра. Эстелла слезла с кровати и, взяв лисёнка на руки, уложила его обратно в кресло. Он не сопротивлялся, лёг на подушечку и затих. Эстелла сунула ему под нос тарелочки с едой, но он и головы не поднял.

«Странный всё-таки этот зверёк», — решила Эстелла. Он дикий и не привык спать на подушках и креслах, но её, Эстеллу, почему-то безропотно слушается.

Девушка немного понаблюдала за ним, но лисёнок не реагировал, закрыв мордочку хвостом, и Эстелла легла в кровать.

Около десяти утра распахнулась дверь — это Чола принесла завтрак.

— А ну-ка брысь отсюда, чудище! Фу, гадость какая! — служанка споткнулась о лисёнка (он опять лежал у эстеллиной кровати). Пнув его ногой, она поставила поднос с едой на тумбу. Зверёк, пискнув, отскочил в сторону.

— Это что ещё такое, Чола?! — вскрикнула Эстелла. — Как ты смеешь обижать животных? Ещё раз я такое увижу, я тебя выгоню вон! — Эстелла была вне себя, у неё аж кулаки самопроизвольно сжались.

— Но сеньора, это ж дикое животное! — не согласилась упрямая метиска. — Зря вы его притащили в дом, оно наверняка чумное.

— Не носи чушь, Чола! Это же не крыса. Когда Матильде тут разводила зверинец, никто ей не перечил. Принеси еды для лиса и не беси меня. Я только с виду добрая, но если меня разозлить... — пригрозила Эстелла. Ей сейчас хотелось Чолу отпинать.

Служанка, ворча, ушла. Чола ненавидела животных после того, как имела дело с гиеной. Обиженный лисёнок спрятался за портьеру, и Эстелла полезла его оттуда вытаскивать.

— Иди сюда, не бойся, — позвала она ласково. — Чола больше тебя не тронет. А если посмеет, я её уволю. Иди сюда, — Эстелла взяла зверька на руки, он поддался, хоть вид у него был понурый. — Тебе наверное, больно, бедняжка, — она погладила его по спинке. — Кстати, надо бы имя тебе придумать. Ммм... давай ты будешь... Мио.

Лисёнок посмотрел на неё внимательно и грустно-грустно, и вдруг уткнулся мордочкой ей в плечо. Эстелла решила, что поведение у него зверька какое-то ненормальное.

Целый день девушка распаковывала вещи. Мио, сидя рядом, наблюдал, как она вынимает свои многочисленные платья, шляпки и туфельки из картонок, коробок и баулов. Он почти ничего не ел, лишь выпил воды и взял мясо из эстеллиных рук.

Перед сном Эстелла вышла на балкон. Месяц сегодня походил на рога буйвола, а небо — на кусок чёрного бархата, усыпанный мелкими бриллиантами звёзд. Только в Ферре де Кастильо можно было увидеть такую красоту. У Эстеллы горло сдавило от нахлынувших

воспоминаний. Когда-то она любовалась на ночное небо, лежа в объятиях Данте, и все беды меркли в сравнении с этим, вырванным у судьбы счастьем. Сейчас же она опустошена, как земля, выжженная лучами солнца.

Эстелла вернулась в комнату и легла в постель. Мио, тотчас прыгнув с шёлковой подушки, сел возле её кровати.

— Ну и чего ты хочешь? — спросила Эстелла. — Может, тебе не нравится спать в кресле? Ты хочешь спать в кровати со мной? — догадалась она. — Никогда не спала с животными, но ты такой пушистенький... Ну иди сюда, — и она похлопала ладонью по перине.

Как только девушка его позвала, лисёнок тут же впрыгнул на кровать. Такое ощущение, что он понимает абсолютно всё.

Эстелла уложила Мио рядом с собой, и, глядя его, погрузилась в сон. Проснувшись она от того, что лисёнок, забравшись к ней на грудь, облизывал ей лицо языком, как домашняя кошка или собачка.

— Да ты ласковый оказывается! — Эстеллу изумила такая любовь дикого зверька к себе.

День накануне, потраченный на раскладывание вещей, Эстелла сочла потерянным. Ведь она приехала в чумной город, чтобы искать Данте, а сама занимается ерундой.

После завтрака, она, вопреки протестам Чолы, отправилась в город. Лисёнка оставила в замке, велел служанке, чтобы она не обижала его, а смотрела за ним и кормила.

Но зверёк Чолу слушать не стал. При её приближении он угрожающе оскалил зубки и вспрыгнул на подоконник, да так и замер там, наблюдая за Эстеллой, что усаживалась в экипаж.

А Эстелла целенаправленно поехала в «Маску». Вчера гостиница была закрыта, но вдруг сегодня ей повезёт. А если нет, она расспросит кого-нибудь о сеньоре Несторе и о жильцах «Маски». Надо с чего-то начинать. И самое логичное — искать Данте там, где он жил раньше.

И действительно, на гостинице по-прежнему висела табличка о закрытии. Но дверь была не заперта и поддавалась настойчивому желанию Эстеллы попасть внутрь. Дёрнув ручку, девушка зашла в «Маску». Сеньор Нестор, совсем седой и постаревший, сидя в углу на софе, изучал газету.

— У нас всё закрыто, — сказал он, не поднимая глаз.

— Сеньор Нестор, — позвала Эстелла, — вы меня не помните?

Он, взглянув на неё, уронил лорнет на колени.

— Вы? Да вы с ума сошли! Зачем вы здесь? У нас тут карантин! — воскликнул он гневно-разочарованно. — Все гостиницы, театры, казино и прочие общественные заведения закрыты по приказу нового алькальда.

— Я знаю. Но я пока не больна, а, стало быть, не заразна, — Эстелла прогулялась по холлу. В гостинице царил запустение, везде лежала пыль, а мебель была укрыта тряпками. — Я вернулась в город недавно. Я не была здесь пять лет. И я хочу узнать кое-что, сеньор Нестор. Я за этим и пришла, я хочу спросить.

— О чём же?

— О... о Данте...

— О Данте? — лоб сеньора Нестора, и без того весь в морщинках, стал похож на гриб-сморчок. — Но разве ж вы не расстались? Последний раз, когда я его видел, он был похож на

труп. И он сказал, что вы ушли от него.

— Это долгая история, но... пожалуйста, сеньор Нестор, расскажите мне о Данте хоть что-нибудь! — жалобно взмолилась Эстелла. — Я узнала про чуму и приехала сюда, чтобы найти Данте.

— Но я не знаю ничего о Данте, — развёл руками сеньор Нестор. — Я его видел пять лет назад. Он собрал вещи и оставил их мне на хранение, сам взял лошадей, обеих, и уехал. И не вернулся.

Эстелла аж чуть не взвыла, всё больше и больше ненавидя себя. Это из-за неё с Данте произошло нечто странное, всё из-за неё. Она разбила ему сердце, испортила ему жизнь.

— Лошади у меня, — пролепетала Эстелла еле слышно. — Он отдал их мне.

— Вам не хорошо, может водички? — спросил сеньор Нестор, видя её мертвенную бледность.

— Да, пожалуйста, что-то мне дурно, — ноги у Эстеллы подкосились, и она рухнула на софу. Сеньор Нестор налил воды из графина и протянул ей. Эстелла выпила залпом.

— Что же мне делать? — девушка чуть не плакала. Идя сюда, она была уверена: сеньор Нестор что-то знает о Данте и поможет ей. — Где же мне искать Данте? Неужели нет никаких зацепок?

Сеньор Нестор почесал голову.

— Я больше не видел Данте, это чистая правда. Но его вещи я сохранил, мало ли. Хотите их забрать?

Эстелла кивнула.

— Сейчас.

Он вынес из соседней комнаты два мешка. Эстелла по очереди водрузила их на стол и развязала. Едва уловимо пахнуло старой мятой. Внутри была одежда Данте, знакомая Эстелле, пара шляп, несколько ремней и кожаных браслетов. И больше ничего ценного.

— Я заберу эти вещи с собой, — глухо молвила Эстелла.

Она уже собралась уходить, но тут сеньор Нестор хлопнул себя по лбу так, что Эстелла аж вздрогнула.

— Ой, я ж совсем забыл! Кроме вас, Данте искала ещё одна женщина.

— Что за женщина? — у Эстеллы в лёгких мгновенно закончился воздух.

— Ваша подруга.

— Что? Сантана?

— Нет, её как-то по-другому звали, я уж и не помню. Такая высокая брюнетка, странно одетая и с длинным хвостом. Вы ещё давненько с ней дружили, — пояснил сеньор Нестор.

— К-клариса? — обомлела Эстелла.

— Да, точно! Так она и представлялась, а я думаю Клара, Кьяра... Клариса, вот.

— Давно это было?

— Ну, она приходила года два назад, а позавчера вновь тут околачивалась. Что-то вынюхивала как будто. Спросила, что нового мне известно про Данте. А я как не знал, так и не знаю ничего.

— Клариса, Клариса... — забормотала Эстелла, пятясь к двери. — Как же я о ней сразу не подумала?

— Эй, вы куда?! — крикнул сеньор Нестор, но Эстелла уже выскочила на улицу. С двумя мешками бежать было неудобно, поэтому она поймала повозку и за плату уговорила кучера отвезти вещи Данте в замок Рейес, а сама припустила по улице вниз.

Эстелла хотела найти дом Кларисы. Ведь он же ей не приснился! Она сама там была. Однажды они с Данте уже пытались его отыскать, но тщетно. Да и то было ночью, а сейчас день. Она же не сумасшедшая, она помнит эту улицу и дорогу, по которой она шла за чёрной кошкой. А вот и ориентир — Эстелла его запомнила — кофейня с оранжевой крышей на пересечении Фиалковой аллеи и переулка Оружейников.

Эстелла долго бродила между двумя улицами, но ничего похожего на дом Кларисы не находила. Но вдруг внимание её привлёк отблеск на ограждении клумбы. Она наклонилась и увидела отпечаток лапы. Маленькой лапки. Кошачьей или собачьей. Ничего особенного в этом отпечатке не было, да вот блестел он, как светлячок во тьме.

Эстелла присмотрелась и обнаружила: таких отпечатков на мостовой пруд пруди. Девушка ринулась по следу, бежала, бежала и выбежала на пустырь. Поле, усеянное травой, и ничего больше — здесь следы терялись.

От отчаянья Эстелла разревелась в голос, но тут что-то загрохотало и — бабах! — взорвалось. Чуть не в лицо ей повалил густой чёрный дым, и Эстелла в ужасе отскочила в сторону. Но когда дым рассеялся, на месте, что было полем, вырос домик. Эстелла мигом его узнала — это было жилище Кларисы. Вот оно что! Значит, дом и правда имеет свойство исчезать. На крыльце сидела чёрная кошка и, поводя хвостом, сверкала на девушку ярко-жёлтыми глазами.

— Ты не меня ищешь? — спросила она.

— Тебя, тебя! — воскликнула Эстелла. — Ну наконец-то! Никак не могла тебя найти, Клариса, ходила кругами. Я же помню, где находится твой дом, но почему-то не видела его.

— Потому что ты не волшебница, — пояснила кошка.

— Но сейчас я его вижу.

— Потому что я сама захотела, чтобы ты его увидела. Так зачем ты пожаловала?

— Это очень, очень важно, Клариса! — Эстелла с трудом подавляла рыдания. — Я узнала у сеньора Нестора, что ты искала Данте. Я тоже его ищу. Я не видела его уже пять лет. Я не знаю, что с ним и где он. Я очень, очень хочу его найти!

— Проходи, — кошка встряхнулась, от шерсти её полетели искры, и дверь позади отворилась. — Разговор у нас будет серьёзный и длинный.

Клариса вошла в дом, Эстелла шагнула за ней. Как только они переступили порог, кошка обратилась в человека. Всё такая же эффектная и надменная. Годы были не властны над Кларисой, она ни на йоту не изменилась за это время.

Проведя Эстеллу в гостиную, Клариса усадила её на чёрный бархатный диван.

— Так что ты хочешь узнать? — спросила она, разливая по позолоченным чашкам ароматный чай и раскладывая по тарелкам пирожные с земляникой.

— Про Данте. Сеньор Нестор сказал, что ты разыскивала его, — затараторила Эстелла. — Клариса, умоляю, объясни, зачем ты его искала?

— О, это долгая история! — повела бровью Клариса.

— Но всё же? В тот раз я так и не поняла, зачем ты следишь за Данте?

— Данте сам не стал меня слушать, хотя я могла бы многое ему рассказать о его родителях.

— Ты с ними была знакома, да? — жгучие глаза Эстеллы загорелись интересом.

— О, да! И они замечательные люди, Эстелла. Хоть Данте упрям, как осёл, и думает, будто они его бросили, но это не так. Данте был год, когда умерла его мать. Она погибла при пожаре, потому что не была волшебницей. А Данте колдун, у него магический дар с

рождения. Дар этот усилился многократно, благодаря магу, что передал Данте свою силу и волшебный перстень.

— Этот перстень у меня, — перебила Эстелла. — Данте отдал его мне и я не знаю зачем. А эту историю Данте мне рассказывал, всё, кроме того, что его мать погибла в том пожаре.

— Потому что про нахождение Йоланды в том доме не знал никто, и Данте тем более, — объяснила Клариса.

— Его мать звали Йоланда?

— Именно так.

— Краси-и-ивое имя, — протянула Эстелла. — Я как будто его уже слышала. А кто она такая? Кем она была, Клариса, пожалуйста, расскажи! — Эстелла уже не скрывала любопытства — черту характера, которую даже годы не искоренили.

— Её звали Йоланда Риверо, — начала рассказ Клариса. — Отец её был бароном Августо Риверо, вдовец с двумя дочерьми. Старшая сестра Йоланды Марина была приёмной в их семье. С этой Мариной связана некая грязная история. Кажется, её соблазнил брат отца. Там был грандиозный скандал и девушка пропала. Говорят, что Йоланда спасла её от гнева отца, помогла ей сбежать. А через пару лет в беду попала и она сама. Йоланду обвинили в убийстве, и она вынуждена была скрываться.

Эстелла была потрясена, мигом вспомнив, кто эта Йоланда Риверо. То-то имя показалось ей знакомым.

— Боже мой! — она прижала ладони к щекам. — Я ведь знаю эту историю! Точнее я знаю как раз историю Марины, другой сестры. Тот человек, что её соблазнил, — Альдо Адорарти, новый муж моей бабушки. Марина сбежала из дома беременная, потому что её отец грозился ребёнка убить. Но она родила, и дочь сеньора Альдо сейчас живёт с моей бабушкой. Значит... значит... та, другая, сестра Марины — мать Данте? И Данте получается внучатый племянник сеньора Альдо?

— Историю Марины Риверо я знаю плохо, — Клариса была несколько обескуражена словами Эстеллы. — Я познакомилась с Йоландой уже после побега Марины.

— погоди. Эта Йоланда — мать Данте, так? А кто же отец? — спохватилась Эстелла. — Клариса, ты что-то знаешь о нём?

— Не знаю, надо ли тебе это говорить...

— Надо! — уверенно воскликнула Эстелла. — Я столько пережила, что меня навряд-ли уже чем-то удивишь. Рассказывай, Клариса, начала, так рассказывай до конца!

— Отец Данте очень богатый и влиятельный человек. Он аристократ. Они с Йоландой любили друг друга, но беда разлучила их, а потом Йоланда умерла.

Эстелла похлопала ресницами.

— Да ладно? Значит, у Данте благородная кровь?

— Именно, — Клариса налила и себе, и Эстелле ещё по чашке чая. — Данте аристократ, у него голубая кровь.

— Но Клариса, ты-то откуда всё это знаешь? — Эстелла не могла прийти в себя от таких новостей и таращила глаза как сова. — Ты столько всего знаешь о семье Данте, будто жила с ними вместе.

— Это ближе к истине, — пространно молвила Клариса. — Если быть откровенной до конца, судьба Данте меня интересует, потому что я... — она мгновение колебалась, но затем выдала: — Я его родная тётя. Данте мой племянник, Эстелла. И поэтому меня волнует его

судьба и его жизнь. Его отец приходится мне братом по матери.

— Ничего себе! — Эстелла едва чай на себя не опрокинула. — Но почему ты раньше об этом не сказала, Клариса?

— Потому что Данте и слова мне не дал вымолвить о его родителях, — насмешливо заявила Клариса, проведя рукой по хвосту на голове. — Данте сам не захотел меня слушать, а я не из тех, кто навязывается.

— Значит, колдовские способности у него от тебя?

— А то! — Клариса рассмеялась. — Такие вещи передаются по наследству. И мне есть чем гордиться, Данте сильный маг, действительно сильный. Настолько, что иногда он меня вводит в ступор. Но он не знает ни нижнего, ни верхнего порога своей силы и в этом его беда.

— Потому что он учился магии самостоятельно, по наитию, — объяснила Эстелла. — Но ты мне так и не сказала, Клариса, отец Данте — твой брат. А где он сейчас? Он жив?

— Да, мой брат жив и здоров и ты его прекрасно знаешь, — уголки губ Кларисы дрогнули — она едва сдержала улыбку.

— Как это?

— Очень просто. Отца Данте зовут маркиз Ламберто Фонтанарес де Арнау.

— Что-о-о? — Эстелла уронила-таки чашку с чаем на пол. Та разбилась вдребезги.

— Да, дорогая моя. Данте — родной сын Ламберто, — Клариса, взмахом руки убрав осколки, наколдовала другую чашку. Снова наполнила её чаем. Но Эстелла и так уже выпила три чашки, и ей казалось, ещё немного и она лопнет. — А я сестра Ламберто по материнской линии, я незаконнорождённая дочь Виситасьон, его матери. Она бросила меня младенцем, чтобы скрыть грешок молодости.

Эстелла зажала рот ладошкой. Глаза её лихорадочно сверкали на бледном лице и едва не искрились от избытка эмоций.

— А дядя Ламберто обо всём знает?

— Он знает, что я есть, но мы пока не встречались, — задорно сообщила Клариса. — Вернее, это он не встречался с Кларисой, но я-то его видела много раз. Думаю, когда придёт время, я сама покажусь ему на глаза в истинном облике, хотя я знаю, что Ламберто ищет меня.

— А о Данте дядя знает?

— Нет, и не догадывается. Он не знает, что Йоланда родила ему сына.

— погоди, Данте сын дяди Ламберто? Получается, мы с ним родственники, — Эстелла задумалась, а через минуту вспомнила ещё одну деталь. — Хотя... нет... ведь мама, мама не Фонтанарес де Арнау, она приёмная... — и тут Эстелла начала смеяться, хохотать, как сумасшедшая.

Клариса смотрела на неё изумлённо.

— Что с тобой? Что смешного я сказала?

— Это же здорово, Клариса! — выдавила Эстелла сквозь смех. — Как ты не понимаешь? О, боже мой! Данте сын дяди Ламберто, когда дядя узнает об этом, он захочет его найти. И найдёт. И мы сможем быть вместе, потому что никто, никто больше не посмеет обозвать Данте пастухом и плебеем. Я поверить не могу!

— Не думала, что для тебя происхождение так важно, — скривилась Клариса. — Ты так обрадовалась, что Данте не простолюдин? Ты меня удивляешь, Эстелла.

— Как ты могла подумать, Клариса? — ошетинулась Эстелла. — Для меня не имеет

значения, кем были родители Данте. Я полюбила сироту неизвестного происхождения. Я полюбила его самого, а не его предков, прошлое, титулы или деньги. Это всё для меня не важно. Но это важно для других людей. Происхождение Данте, вернее его отсутствие, было главной причиной того, что моя семья не позволяла нам быть вместе. Конечно, были и есть и иные причины — Маурисио и моя мама. С Маурисио всё сложнее, но мама мне не в указ теперь. Я уже давно живу в столице у дяди Ламберто и приехала сюда, когда узнала про чуму. Я приехала искать Данте. Клариса, мы должны его найти и восстановить справедливость. Я заберу его с собой в дом дяди. Данте займёт то место, которое принадлежит ему по праву. Ты искала же Данте, что ты узнала о нём, расскажи мне. Где он может быть сейчас?

— Когда ты видела его в последний раз? — ответила Клариса вопросом на вопрос.

— Пять лет назад.

— Так давно? Но почему? Вы же любили друг друга.

— Нам пришлось расстаться, — еле выговорила Эстелла. — И я уехала в столицу, потому что меня обвинили в преступлении. Дядя Ламберто меня увёз, он предложил мне своих адвокатов и университет, а Данте... Данте... Я узнала от его брата, что он исчез. Данте отдал мне наших лошадей и волшебный перстень. Кстати, он велел передать его тебе, если я тебя встречу.

— Нет уж, — отмахнулась Клариса, — оставь его себе. Ты не магесса и перстень не причинит тебе зла, а мне может, потому что Данте по своему незнанию совершил необратимый чёрный ритуал. Магия Крови. Перстень впитал в себя кровь Данте и слушается лишь его, остальных магов он уничтожает. Мне не хочется быть его жертвой. У меня ещё много дел на этом свете и я не хочу раньше времени попасть на тот, — она улыбнулась. — Но я вижу, Эстелла, ты знаешь даже меньше, чем я. Я этого не ожидала. Я не могу найти Данте сейчас. Он совсем затерялся. Но что происходило с ним всё это время, я выяснила.

— Расскажи мне, Клариса, прошу тебя! — Эстелла прижала ладони друг к другу в молитвенном жесте.

— Расскажу. Точнее покажу.

— Книга Прошлого? — сообразила Эстелла.

— Именно, — утвердительно кивнула Клариса. — Но Книга показывает мне не всё, поэтому я не могу понять, где Данте теперь. К шару я тоже обращалась. Он утверждает, что Данте жив, но где он, тоже не говорит. Я впервые такое вижу.

— Может быть, он снова там, ну, в том подземелье? — предположила Эстелла.

— Нет, я там была самолично ещё несколько раз, Данте там нет.

— Тогда объясни мне хотя бы, что было с Данте все эти годы, — печально вздохнула Эстелла.

— Сейчас я принесу Книгу.

Клариса ушла в другую комнату и вернулась через пять минут, неся в руках Книгу Прошлого с обложкой из кожи змеи, большой кубок, внутри которого лежало зеркало, и сосуд с фиолетовой жидкостью.

Поставив кубок на стол, Клариса накапала в него зелье. Свечой подожгла жидкость. Водрузив на кубок Книгу Прошлого, открыла её, и та вспыхнула. Пролистав страницы, Клариса нашла календарь. Но, прежде чем окунуться в прошлое, она вынула из кармана пузырёк с прозрачной жидкостью и дала его Эстелле.

— Что это? — спросила та.

— Успокоительное.

— Но зачем?

— Лучше выпей, — посоветовала Клариса. — То, что ты увидишь, даже меня, виды видевшую, повергло в шок. Что уж говорить о тебе, девочке до сих пор влюблённой в этого безбашенного типа. За то, что он натворил, я бы самолично ему голову открутила.

— Но... боже, Клариса, не пугай меня!

— Выпей зелье, — спокойно велела Клариса.

Эстелла выпила содержимое склянки. Когда дрожь, бившая её, немного ослабла, Клариса, нажала ногтем на дату в Книге Прошлого: 10 января 1797 год.

Книга увеличилась в размерах, страницы начали сами перелистываться, и женщин окутал густой туман...

===== Глава 22. Тайна, покрытая мраком =====

Книга Прошлого вспыхнула, и Эстелла увидела знакомое до боли место — жандармерию, где она провела три жутких дня.

А вот и Данте. Бледный как смерть, он шарахался по округе, сидел на траве, обхватив голову руками. Так продолжалось, пока из жандармерии не вышел дядя Ламберто. Данте кинулся к нему. Они стояли друг напротив друга, отец и сын, такие разные и такие одинаковые.

Ламберто ушёл, оставив Данте одного. Тот снова плюхнулся на землю и горько заплакал. У Эстеллы в груди всё переворачивалось от любви, от жалости, от желания обнять Данте и не расставаться с ним. Когда рассвело и сменился конвой, жандармы заметили сидящего у ограды юношу.

— Вам чего тут надо? — рявкнул один из них. — Ну-ка топайте вон, пока мы вас не арестовали за бродяжничество!

Данте отступил. Некоторое время он блуждал по улицам, не зная куда податься. Вернулся в «Маску». Помотался по комнате и вдруг начал складывать вещи в мешки. Когда всё было готово, Данте, сев за столик, написал письмо. Спустился вниз, отдал вещи сеньору Нестору, сказав, что вернётся за ними позже, и вывел из конюшни Алмаза и Жемчужину.

— Боже, что он задумал? — шепнула Эстелла, пытаясь унять сердцебиение, а душу её сжигала тоска вкупе с чувством вины. Это она довела Данте до безумия.

Данте привязал животных к калитке у дома Эстеллы, оставив на шее у Жемчужины перстень и записку. Окинув ошалевшим взглядом окна особняка, он погладил лошадей по гривам и вдруг прижался к Алмазу. Будто попрощался. И, наконец, ушёл не оборачиваясь.

Книга зашелестела страницами, и вот уже Данте опять стоял у жандармерии.

— Чего вам тут надо? — рыкнул стражник, оглядев его потерянный вид.

— Кто тут у вас главный? Главный жандарм, он мне нужен, — робко сказал Данте.

— Зачем он вам?

— Хочу сообщить о преступлении.

Стражник, выкатывая рыбы глаза, позвал напарника и велел ему проводить Данте к комиссару Ласерда. Последний крайне изумился, когда пред ним предстал юноша, своим видом напоминающий приведение.

— Что-о вам уго-одно? — промяукал комиссар. Эстелла за пять лет уже и забыла его дурацкую манеру тянуть слова.

— Я хочу рассказать правду, — ответил Данте.

— Каку-ую пра-авду? — зевнул комиссар.

— Сеньорита, то есть сеньора Эстелла... маркиза Рейес... девушка, которую вы арестовали, дочка алькальда, — сбивчиво пробормотал Данте.

— Ну да, зна-аю таку-ую.

— Она никого не убивала!

— Да мне всё-ё равно, убивала али не-ет, — уныло скривился комиссар. — Она сама призна-алась и всё-ё тут. Хотя есть у меня подозре-ения, что действовала эта да-амочка не одна. Гря-язную работу кто-то сделал по её прика-азу. Всё про-осто, благородная да-ама решила развле-ечься экстравагантным о-образом. Гуляла по Баррьо де Гра-ана, подцепила Фелиппе Кассе-ераса, уединилась с ним в туале-ете, порезала его зе-еркалом да и дёрнула отту-уда. А нанятый ею челове-ек жертву добил. У убитого две ра-аны, из которых смертельна то-олько одна. На этом настаивают и адвока-аты милой марки-изы. Кто-о её подельник, она не признаё-ётся. Но вы-то чего от меня-я хоти-ите?

— Этого человека убил я, — сказал Данте.

Холёная физиономия комиссара Ласерды загорелась интересом.

— Я сделал это, потому что... потому что он задолжал мне деньги, — сочинял Данте. — Я его убил, потому что он не отдавал мне долг. Я за ним следил и нашёл подходящий случай.

— Гм... любопы-ытно, — комиссар погладил свои роскошные, как у моржа, усы. — Вы утвержда-аете, что это вы убили Фелиппе Кассе-ераса, та-ак?

— Да.

— Стало бы-ыть, вы выслеживали его, ви-идели, как он повёл сеньо-ору маркизу Рейес в туалет? Она уверяет, будто он пыта-ался её изнасиловать, и она уда-арила его осколком зе-еркала.

— Она говорит правду, — еле шевеля губами врал Данте. — Я прятался неподалёку. Эстелла ни в чём не виновата. Она только защищалась. Когда она убежала, он был жив. Она чуть-чуть его ранила. А я подошёл и его убил.

— А почему же вы реши-или сознаться именно сейча-ас? — съехидничал комиссар. — Да, у деви-ицы хорошие адвока-аты, но засадить её по полной програ-амме ничего не сто-ит. А вы ведё-ёте себя нелогично. Я бы на вашем ме-есте ни за что бы не созна-ался.

— Просто меня замучила совесть. Ну что вам ещё надо, я не понимаю? — раздражённо прибавил Данте. — Я вам говорю, что это я его убил, арестуйте меня, а Эстеллу отпустите, она невиновна.

Из уст Эстеллы вырвался гневный возглас:

— Что за бред он несёт?! Да как ему вообще в голову это пришло? — она топнула ногой. — Данте там и близко не было! Это было в тот день, в тот день, на площади... он в это время был в отключке из-за ран и действия эликсира. Он совсем рехнулся что ли?

— Я же сказала — придурок, голову бы ему оторвать, — откомментировала Клариса.

Жандармы в эту секунду увели Данте в темницу, а через пару часов комиссар отпустил Эстеллу домой.

— Получается, когда комиссар мне сказал, что они нашли другого подозреваемого, это был Данте что ли? — Эстелла закрыла рот ладошкой.

Страницы Книги перелистывались и сверкали. Всё заволочло дымкой, но потом очертания обрели фокус. Картинка то приближалась, то отдалялась. Так же как и звуки голосов — иногда они затихали, иногда напоминали шум или гудение, а иногда были столь резкими и громкими, что Эстелла пугалась, что у неё лопнут барабанные перепонки.

Наконец, картинка прояснилась.

Данте сидел в кабинете у комиссара Ласерды. Рядом находилась сеньорита Кассерас — дочка убитого мужчины, а также падре Антонио и два толстяка — один молодой, другой старый.

— Значит, сень-ор Бильосо, вы утверждаете, что этот челове-ек едва не убил вас и вашего сы-ына? — комиссар невозмутимо курил трубку, выпуская столько дыма, что в кабинете стоял туман.

— Ето так и есть, — проскрипел Сильвио (а это был именно он). — Ентот, — он ткнул пальцем в Данте, который сидел на стуле и напоминал дикое и очень пушистое животное из-за разлохмаченных волос, — запер моего сыночку в подвале. А сначала он отколотил его да на цепь усадил аки собаку, — лицемерно причитал Сильвио.

— Не сравнивай этот мешок жира с собаками! — выплюнул Данте — сапфиры в его глазах недобро сверкнули. — Животные намного лучше людей, а вас и людьми-то не назовёшь. Насекомые.

— Видали, комиссар, как ентот нас оскорбляет? Так всегда ж было. Житья он нам не давал, ещё коды пешком под стол ходил. А в последний раз он и сыночку моего чуть не покалечил, и мя тож. Он нас пытал, да ещё и грабанул вдобавок. У-у-у, выродок! — Сильвио погрозил Данте кулаком.

— Но, сень-ор Бильосо, служанка ва-аша говорит друго-ое. Она уверя-яет, что сеньор Ньетто разда-ал все ваши де-еньги вашим же батракам, — уныло прогундосил комиссар.

— Герой тож мне, защитник бедных да несчастных. Ещё и вздумал их отпустить, чобы у нас слуг ваще не осталось, — пробурчал Рене. — Он хочет нас голодом уморить, вот чего. Или он думат, мы ся сами чоли должны обслуживать, обойдётся! Не для того я уродился, чоб спину гнуть.

— Кому-то не помешало бы поднять жирный зад и растрясти его, — не остался в долгу Данте.

— Те надо, ты и подымай! Я Ренато Бильосо, а не кто-нить тама. Я не должен тростник рубить! Сам руби, урод!

Данте только нервно рассмеялся, крутя лохматой головой.

— Да мне до фонаря, куды он те деньги засунул, хоть се в штаны, а хоть и в яму скинул. Он мя ограбил и точка! — рычал Сильвио, надувая лоснящиеся от жира щёки. — Вот, я специально и падре Антонио приволок сюды. Он могёт подтвердить, кто такой ентот гусь.

Падре кивнул.

— Год назад этого юношу обвинили в преступлениях против церкви и даже в убийстве и приговорили к казни. Но Господь добр к раскаявшимся и невинным, — падре перебирал чётки. — Юноша этот, как видите, жив. Всевышний сам вступился за него. Невиннс обвинён, значит, человек или так покался, что Господь простил его.

Эстелла не удержалась и хмыкнула: в кои-то веки падре Антонио милосерден, как и подобает человеку с саном священнослужителя.

— Однако, — голос падре Антонио стал жёстче. Он поднял вверх указательный палец, — это не умаляет вины этого раба божьего за то, что он совершил в дальнейшем. Но, дети мои, преступления эти носят мирской характер. Так что мне здесь делать нечего. Воровство и убийство неизвестного горожанина — это не ко мне. Я священник и не расследую преступления. Я могу лишь молить Всевышнего, дабы он направил эту заблудшую душу и открыл ей путь к свету, — падре явно играл на публику, с таким, воистину

театральным, пафосом он произносил свою речь. — Я занимаюсь только вероотступниками, обвинёнными в богохульстве, ереси и прочих мерзостях. Так что, синьор Сильвио, я вам не помощник в этом вопросе. Позвольте мне откланяться, сеньоры, у меня множество дел в приходе.

— Конечно, па-адре, — разрешил комиссар, и тот вышел.

На физиономии Сильвио отразилось всё, что он думал по поводу интеллекта падре и комиссара вместе взятых. Данте разглядывал свои когти — те поблёскивали в неярком освещении.

— Послу-ушайте, — комиссар заглянул в какой-то свиток, — Данте Гонсало Ньетто, так во-от, сеньор Ньетто, с убийством Фели-иппе Кассераса мне всё я-ясно. Вы доделали за ту да-амочку грязную рабо-оту. Она сама-а не осмелилась уби-ить, мяя себя аристократкой. Хотя в душе она обы-ычная проститутка, пусть и с родосло-овной.

Эстелла увидела, как Данте воткнул когти себе в запястье. Какой же всё-таки мерзкий тип этот комиссар!

— Но у неё ку-уча денег и свя-язей, — комиссар не реагировал на молчаливое бешенство Данте. — Ду-умаю, если она и понесё-ёт наказание, то незначительное. Её родственники настаивают, что де-ело должно слушаться в Высшем суде Буэнос-Айреса, там мы её не доста-анем. Но вы — это не она-а. Вы-то заплатите за это преступле-ение сполна, — он ухмыльнулся, подкручивая усы пальцами. — И я, и сеньорита Кассе-ерас об этом позабо-отимся.

Дочь убитого, вышеупомянутая сеньорита Кьяра Кассерас, не проронила ни слова. Но Данте она изучала с любопытством. Её явно поразила красота юноши. Хоть Данте и был неестественно бледен, с растрёпанными волосами и остекленевшим взглядом, он и сам не понимал, насколько сейчас прекрасен. Но сеньорита Кассерас не выказывала особой злости и желания упечь Данте в темницу. И Эстелла, глядя на это сквозь страницы Книги Прошлого, рассмеялась: какая же мерзкая девица, вся в своего папашу! Её-то, Эстеллу, она хотела упечь в тюрьму чисто из женской зависти. На Данте же она смотрела как кошка на рыбку.

— Но меня интересу-ует другое, — продолжил мяукать комиссар. — Что вы мо-ожете сказать по поводу обвине-ений в ваш адрес со стороны-ы синьоров Сильвио и Ренато Бильосо, прису-утствующих здесь?

— Мало им, — заявил Данте, двумя руками убирая волосы со лба.

— Во-от как? Стало быть, сеньо-ор Ньетто, это пра-авда, что вы их пытали, что вы их огра-абили?

— Я не помню.

— То-о есть?

— Не помню и всё, — поёжился Данте. — Это был не я. Это был человек, который живёт во мне. Но если бы это был я, я бы им кишки вырвал, — по лицу Данте поползла гадкая ухмылка. Глаза его сделались чёрные как угли. Он пронзил Сильвио и Рене взглядом убийцы. — Я бы хотел, чтобы они сдохли. Я бы плюнул на их могилы. Как жаль, что Салазар их не убил.

— Кто это — Салаза-ар? — сдвинул брови к переносице комиссар.

— Это я, — шепнул Данте.

— Вы-ы? Интере-есно. Тогда кто тако-ой Данте Ньетто?

— Это я, — повторил Данте как попугай. Лицо его будто заледенело.

— То есть как та-ак? — комиссар потёр виски пальцами.

— Это потому что нас много, — Данте метнул на комиссара взгляд исподлобья. — Представьте, живёт себе на свете человек, и все думают, будто он это он, а на самом деле в нём живёт кто-то иной. Вот вы смотрите в зеркало, комиссар, и что ты там видите?

— Себя коне-ечно.

— А я не вижу себя. Я вообще ничего там не вижу или вижу себя и не себя одновременно, — Данте обвёл всех пустым взглядом. — Лучшее, что вы можете сделать, комиссар, — убить меня прямо сейчас. И меня, и Салазара... Убить, всех убить, только не трогайте её. Не надо трогать Эстеллу, иначе я убью вас, — и Данте нервно дёрнулся.

Комиссар Ласерда потряс головой, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

— Я ни черта не по-онял, — сказал он. — Вы что-о надо мно-ой издеваетесь?

— А вы кто?

— Что значит кто-о я? — разозлился комиссар, долбанув рукой по столу так, что Сильвио и Рене тотчас сменили одинаково тупые физиономии на одинаково испуганные. — Я комисса-ар Ласерда!

— А у вас над затылком баранья голова, — добил Данте.

— Что-о-о?

— Потому вы упрямы, тупы и не видите дальше своего носа, точно как баран. А ещё у вас противный голос и он меня раздражает так, что мне хочется вас задушить, — Данте засмеялся как-то надрывно. — А эти двое, — он указал на Рене и Сильвио, — однажды будут гореть в огне. Их дни сочтены, коса смерти висит над ними. Когда этот город укроют страх и дым погребальных костров, земля сама очистит себя от лишних. Они будут лежать на смертном одре и никто не придёт к ним на помощь, — голос Данте сделался низким, чарующим, как голос настоящего мага-предсказателя. Когти его удлинились больше и засияли серебром.

— Да он бредит! — Рене сварливо выпятил губы. — Он ведь чокнутый, вы чо не видите чо ли? В Жёлтый дом его!

— Ну-у это су-удьи будут реша-ать, — заключил комиссар, — где ему бы-ыть в башне или в Жёлтом до-оме. Моё дело преступле-ение раскрыть, а там уж пускай хоть на уха-ах скачет. Жа-аль, что смертная ка-азнь по велению вице-короля-я оста-алась лишь для государственных престу-упников и богохульников. Я б все-ех убивал. Даже за кражу хле-еба на виселицу без разгово-оров, чтоб неповадно бы-ыло.

— Жаль, что тебе не приходилось и не придётся голодать, — раскосые глаза Данте превратились в две хвостатые кометы, от чего лицо сделалось ещё более неземным, чем прежде. А голос зазвучал грубо и хрипло: — Если бы ты подышал с голоду, комиссаришка, и утащил бы у какого-нибудь богача несколько монет, чтобы купить кусок хлеба, я бы первый отправил тебя на виселицу, чтобы неповадно было!

— Конво-ой! — выкрикнул комиссар. — В ка-амеру его, пока я не открутил ему башку-у!

Явились стражники и, надев на Данте кандалы, потащили его к двери. Вырываясь из лап своих мучителей, Данте поднял глаза к потолку — там на цепи болталась безобразная кованая люстра.

— Я бы на твоём месте, комиссар, переставил свой стол в другой угол, — выплюнул юноша напоследок. — А то до завтра не доживёшь.

— Уведите это чудище во-он, Христа ра-ади! — взвыл комиссар.

Дверь за Данте и стражниками захлопнулась. Комиссар Ласерда, переведя дух, стал записывать показания Сильвио, Рене и сеньориты Кассерас, но и пары минут не прошло, как люстра на потолке вдруг покачнулась.

Шмяк! Цепь переломилась пополам, и люстра с размаху брякнулась комиссару на голову. По физиономии его потекла кровь и он откинулся на спинку кресла. У Сильвио, Рене и Кьяры Кассерас челюсти так и отвисли.

— Ха! — выпалила Клариса (Эстелла уж и забыла о её существовании). — Опять я его недооценила. Колдовство на расстоянии — это сильно!

Эстелла сглотнула.

— А... эээ... а комиссар остался жив? — спросила она робко.

— Как бы не так! Похоронили через два дня, — объявила Клариса.

Потрясённая Эстелла вперилась в Книгу — та быстро-быстро сама листала страницы.

«Год 1799», — прочла Эстелла дату.

Вновь открытая страница перенесла её и Кларису в мрачное подземелье, освещаемое свечкой. Эстелла узнала тюремную камеру.

Данте лежал на полу, на соломенной подстилке, лицом вниз. Чёрная одежда, смоляные волосы, запутанные до нельзя, на ногах кандалы. Сияющим когтем он чертил на полу какие-то узоры или буквы. Так продолжалось долго.

Изредка он, вглядываясь в каменные стены, что-то шептал. Иногда вскрикивал, обнимая себя руками:

— Нет! Нет!!! Хватит! Уйди! Уйди! Умереть... я хочу умереть...

— Я ничего не поняла, — от такого зрелища у Эстеллы ум за разум зашёл, а голос срывался во всхлипы. — Почему год девяносто девятый? Уже прошло два года? Почему Данте в тюрьме? Разве суда ещё не было?

— Суд был, — вздохнула Клариса. — Успокойся. Это долгая история, я не стала тебе показывать всё подряд, и, видимо, правильно сделала. Суть от этого не меняется. Данте вынесли приговор — десять лет тюрьмы.

— Что-о-о? — вскрикнула Эстелла, чуть не упав с дивана. — Как это десять лет?! Ты хочешь сказать, что всё это время Данте был в тюрьме? И, получается, он до сих пор там?

— Нет, Данте провёл в башне два года, — Клариса взяла Эстеллу за руку. — Может, не стоит смотреть дальше, раз ты так нервничаешь? Я могу объяснить тебе всё на словах.

— Нет! Нет, я хочу увидеть что было дальше! — Эстелла едва зубами не стучала, медленно впадая в истерику.

— Как хочешь, — и Клариса сама перевернула страницу Книги Прошлого.

Данте ещё находился в камере. Прижавшись к одной из стен, он буравил её когтями, будто хотел залезть на неё или разобрать по камешкам.

Заскрипели многочисленные засовы на двери. Вошли два стражника. Грубо схватив Данте, они вывернули ему руки, надев на них цепи, и поволокли его за собой. Данте не вырывался — он был измучен до предела.

У Эстеллы грудь разрывалась от ужаса и слёз — таким Данте она видела впервые. Он не был так сломлен морально даже накануне собственной казни. В глазах того Данте горели огонь, любовь, ненависть и желание доказать всем, что он не боится ни бога, ни дьявола. Новый же Данте напоминал мертвеца. Он едва шевелился и не издал никаких звуков, ни когда его проволокли по тёмному коридору подземелья, ни когда втолкнули в комнату, ярко освещённую факелами.

Здесь было множество скамей, занятых людьми. Перед ними находилась трибуна, где стоял человек в серой мантии судьи. Рядом был и падре Антонио, и ещё неизвестный Эстелле симпатичный мужчина с усиками. Данте толкнули на деревянную скамью, что располагалась напротив трибуны и зрителей, которые едва ли пальцами в него не тыкали.

Судья стал зачитывать какой-то длиннющий свиток, монотонно бубня себе под нос. Заняла эта процедура около сорока минут. За всё время Данте ни разу не шелохнулся. Как каменное изваяние он сидел на скамье, противопоставленный толпе, и слегка щурил глаза — отвык от яркого света.

Сквозь кучу терминов Эстелла разобрала суть происходящего. Человек в мантии, главный судья, зачитывал документ о новом приговоре. С Данте сняли обвинение в убийстве Фелиппе Кассераса, убедившись, что он себя оговорил. Вынося предыдущий приговор — десять лет заключения в башне, судьи не проверили информации, ссылаясь на признание самого Данте. Правда открылась через два года, когда шум подняла Руфина. Она пошла к падре Антонио и уговорила его помочь. Сопоставив даты, судьи поняли, что у Данте стопроцентное алиби, ведь он, будучи тяжело раненным на Пласа де Пьедрас, не мог никого убить в Баррьо де Грана.

Среди слушателей Эстелла увидела Кьяру Кассерас. С каждой фразой судьи лицо её искажалось и не ненавистью, а откровенным страхом.

В итоге, Данте оправдали в убийстве, а за причинение вреда Сильвио он наказание уже отбыл, поэтому судья велел выпустить его на свободу прямо из зала суда.

— Это какой-то ужас, — пролепетала Эстелла. Если бы она только знала! Если бы она знала раньше!

— А что, убийцу так и не нашли? — спросила она у Кларисы.

— Нашли, — скривила губы та. — Он, точнее она, сейчас сидит в одной из башен. Фелиппе Кассераса убила его дочь Кьяра Кассерас. Именно поэтому она так старательно обвиняла всех подряд. У самой-то рыльце в пушку. Но когда Данте оправдали, она пустилась в бег, чем себя и выдала. Поймали её спустя два месяца, когда она пересекала границу. И она во всём созналась. Она следила за отцом, видела как он заволок тебя в туалет, а когда ты убежала, она вошла туда. Он был жив, и она его добила.

— Я с самого начала подумала про неё. Уж очень неприятная особа! — скрипнула зубами Эстелла. — Вот мерзавка! Убила родного отца, а свалила всё на других, даже глазом не моргнула. Как она меня оскорбляла и обвиняла в убийстве, вовек этого не забуду. Гадина какая! Как бы я хотела плюнуть ей в рожу за то, что она сделала со мной и с Данте!

— Кьяра Кассерас сказала, что отец её насиловал с двенадцати лет, — задумчиво молвила Клариса. — И за это она его и кокнула.

— Но она была не вправе обвинять в своём преступлении невинных людей! А Данте? — переключилась Эстелла. — Что с ним было потом, ты знаешь, Клариса?

— После оправдания он вернулся в «Лас Бестиас».

У Эстеллы вырвался вздох облегчения. Клариса потыкала в календарь на первой странице книги. Найдя новую дату, нажала на неё.

Данте сидел на бревне у маленького домика, где на заборе сушились сапоги. По двору важно ходили индюки, гуси, куры и утки. Данте молча рассматривал какую-то травинку, белые облака кружились над его головой. Под боком у него раздражённо бегал Клем.

— Поверить не могу! — негодовал он, размахивая руками как мельница. — Лус совсем распоясалась! Знаешь, что она мне заявила? Дескать, не собирается она тратить свою жизнь

на воспитание моей дочери. Представь себе, я ей дал кров, семью, возможность быть матерью, а ей хоть бы что! Да это предел мечтаний каждой женщины — воспитывать ребёнка! А она мне выдала, якобы Адела ей не дочь и она следить за ней не обязана. А кто обязан? Я? Я обязан? Она вообще мне не нужна, я хотел мальчика и все прекрасно это знают! Это Пия во всём виновата!

Данте молчал, как воды в рот набрал.

— По-твоему Лус нормально себя ведёт? — не утихал Клементе. — Да она должна мне руки целовать за то, что я даю ей шанс прожить жизнь благовоспитанной женщины. Ну что ты молчишь, Данте? Я с тобой разговариваю или с пеньком? — он остановился напротив Данте, уперев руки в бока.

— Ты считаешь, что весь мир обязан любить твою дочь? — тихо спросил Данте.

— А разве нет? Да об этом любая женщина мечтает! Дети — это их предназначение.

— По-моему, скоро Лус от тебя дёрнет, — не удержался от яда Данте. — Она была проституткой, а ты ей про предназначение втираешь. Да даже если бы она была святой девой, она не обязана любить твою дочь. Тем более такую, как Адела. Это исчадие заслуживает сначала хорошей порки, а уж потом любви. Но никто ведь не заставлял тебя заводить детей. И никто не заставлял тебя убивать Пию. У тебя был выбор. Ты его сделал сам, так чего ты теперь ноешь?

— Все женщины любят детей! Так положено! — выдал Клементе.

Данте грубо хмыкнул.

— Не вынуждай меня говорить тебе гадости, Клем. Не хочется думать, что у моего брата совсем нет мозгов.

В эту секунду из домика выбежала девочка в ситцевом платье в горошек и с двумя светло-русыми косичками. Эстелла аж вздрогнула — девчонка была уменьшенной копией Пии. С визгом и воплями она носилась по округе, падала на землю, вскакивала, орала, не умолкая и на долю секунды.

— Адела, заткнись! — крикнул Клем, а Данте молчал, хоть и было видно, что визг и его бесит.

Но Адела не слушала. Сначала она извалялась в песке. Потом залезла в будку к дворовой собаке и ткнула ей в морду палкой. Собака щёлкнув пастью, громко залаяла, отгоняя от себя девчонку. Адела, смеясь, отбежала. На лай из окна выглянула Каролина.

— Следи за ребёнком, в конце концов! — велела она Клему. — Ты что хочешь, чтобы собака ей руку отгрызла?

— И поделом будет, — зловеще произнёс Данте. — Нечего лезть к собаке!

— Да как ты можешь такое говорить, это же ребёнок?! — возопила Каролина. — Господь тебя покарает!

— Детей надо воспитывать, а за издевательства над животными наказывать, — процедил Данте.

— Клем, смотри за дочерью, скоро её придётся защищать не только от животных, но и от собственного дяди! У меня тесто убежало! — спохватилась Каролина. — Это вы во всём виноваты, Бог вас накажет! — и она скрылась в недрах дома.

Но на Аделу не действовали никакие увещевания. Она залезла в лужу, с небывалой для такой маленькой девочки агрессией вытолкнув оттуда поросят, и извозилась в грязи с ног до головы. Клем рубил дрова, не обращая внимания на дочь.

— Оставь животных в покое! — прикрикнул Данте, когда Адела пнула самого

маленького поросёнка, и тот, визжа, удрал в кусты.

— Они все твари! — тоненько заявила Адела, показывая Данте язык, и с криком: «А-а-а-а!», умчалась за дом.

— Да отстань ты от неё, — посоветовал Клем. — Пусть растёт как сорняк, всё равно она вся в свою мамашу.

Данте смотрел в горизонт. Он был в бешенстве, но промолчал, когда Адела врзалась в его ноги и упала носом в траву. Промолчал он, и когда девчонка села в корыто с водой прямо в платье. Но терпение Данте резко закончилось, когда неуправляемая Адела сначала вырвала у кота клочок шерсти, а после схватила за шею индюшку и с какой-то маниакальной злостью стала её душить. Бедная птица только крылья растопыривала, не в силах вырваться, и почти уже отдала концы, но тут Данте встал. Молча подошёл к девочке и отвесил ей смачный шлепок по попе.

— А ну отпусти птицу, маленькая дрянь!

Адела уронила индюшку.

— Ещё раз ты обидишь хоть одно животное, пеняй на себя! — предупредил Данте. — Я тебе не отец и не бабушка, и даже не тётя Лус. Я тебя изобью хворостиной! Поняла меня? — взяв перепуганную индюшку на руки, Данте стал гладить её по пёрышкам.

И тут Адела плюхнулась на землю и завывала. На крик из дома выскочила Каролина, руки у неё были по локоть в муке.

— Что у вас тут опять?

— Хочу индю-ю-юшку! — заорала девчонка, размазывая сопли и тыча в Данте пальцем. — Он отобра-а-ал!

— Данте, зачем ты отобрал у неё индюшку, отдай ей, — упрекнула Каролина.

— Ага, щас, чтобы она её задушила! — Данте сел на бревно и стал отпаивать птицу водой.

— Но это ребёнок! Она просто играет!

— А это животное, и ему больно! — не сдавался Данте. — Выродили потенциальную убийцу, теперь воспитывайте!

— Чего ты несёшь? Да как ты смеешь так говорить о ребёнке? — подбоченилась Каролина.

— Если это чудовище ещё раз обидит хоть одно животное, я оторву ей руки, понятно? Она должна знать, что животных обижать нельзя!

— Столько визга из-за какой-то индюшки! Да как тебе не стыдно?

— Нет, мне не стыдно! Это вам должно быть стыдно! Она идёт по стопам своей матери, та тоже убивала моих животных. И я ещё не забыл, как эта малолетняя дебилка на той неделе хотела отрубить голову коту. Я ей пальцы вырву, клянусь! — глаза Данте зверски сверкнули.

— Это я тебе язык вырву! Это ребёнок, она не понимает! Она так мир познаёт! — вопила Каролина, трясась от злости.

— Всё она понимает и делает это специально! Ненавижу вас всех! — выплюнул Данте. — Как я хочу остаться один на этой земле! — и он ушёл прочь, унеся индюшку с собой.

— Мда... характер у него ещё тот, — не смолчала Клариса. — Какой он злой всё-таки.

— Данте не злой. Всё правильно он сделал! — в Эстелле вдруг проснулась прежняя безбашенная девочка, что была готова до хрипоты отстаивать свои принципы, и что отказывалась надевать платье с перьями. — Я бы сделала также. Нельзя обижать животных,

а эта девочка чуть не убила индюшку. Детей надо воспитывать!

— Да я смотрю, вы два сапога пара! — хмыкнула Клариса.

Эстелла промолчала, снова уставившись в Книгу, но про себя подумала, что сердце её незря выбрало Данте. Они и вправду как одно целое.

Клариса листала даты в календаре.

— Так Данте сейчас в «Лас Бестиас»? — с надеждой спросила её Эстелла.

— Нет, — Клариса нажала ногтем на очередную дату. — Смотри.

Каролина ходила туда-сюда по гостиной.

— С этим надо что-то делать. Очевидно, Данте безумен, — говорила она. — Поглядите, что он вытворяет. Он ненавидит даже собственную племянницу. Да она маленький невинный ангелочек! Нет-нет, мы не можем позволить, чтобы он оставался здесь. Уже все соседи его боятся, тем более, после того, как узнали, что он побывал в тюремной башне. Он опасен для общества. Он может сделать что угодно, а у нас ребёнок в доме. А вдруг он убьёт Аделу?

— Мама, вы городите вздор! — отмахнулся Клемента. — Данте никого не убьёт.

— Знаешь, Клем, а я думаю, что мама наша права, — Гаспар взглянул на сына с грустью. — Данте далеко не ангел. Он всегда был жестокий, а сейчас стал ещё хуже. Но что делать с ним, я ума не приложу.

— А я знаю! — провозгласила Каролина. — Наш сосед, сеньор Эмилиано, совсем впал в безумие, и его дочь Ильда на днях отвезла его в Жёлтый дом. Это не так уж сложно — достаточно согласия родственников.

— Что? — вытаращился Клем. — Да у сеньора Эмилиано маразм, он же старше, чем столетний дуб!

— Дело не в возрасте, сынок. Безумие не лечится, таких людей надо изолировать, — Каролина, похоже, не шутила, и дело принимало серьёзный оборот. — Жёлтый дом — единственный выход. Только так можно спасти нашу семью от монстра, что вселился в Данте. Однажды он что-нибудь натворит: или дом подожжёт, или прирежет нас.

— Но... но... — бормотал шокированный Клем. — Так нельзя! Данте не сумасшедший! Он просто немного запутался. Отец, скажите ей!

— Нет, Клем, в этот раз я согласен с твоей матерью, — сокрушался Гаспар. — Данте болен и это очевидно. Иногда он спокоен и кажется безобидным, но это до поры, до времени.

Все втроём вышли во двор.

— Адела! Адела, ты где? — в поисках внучки Каролина завернула за угол дома.

Девчонка, стоя под яблоней, пихала в рот живого червяка. Каролина, ворча, увела её в дом.

Данте в этот момент сидел верхом на заборе. Рядом с ним раскинулся огромный куст белых роз. Данте задумчиво рассматривал нежные бутоны и не заметил, что Клемента и Гаспар следят за ним. Увлечён Данте был необычным занятием: он водил пальцем по лепесткам, и розы от его прикосновений по-очереди окрашивались в алый цвет. Когда все розы покраснели, Данте вздрогнул, ощутив на себе взгляды.

— Что вы так смотрите?

— Нет, ничего, — промямлил Гаспар.

— Я же говорил, что я маг, — пояснил Данте, спрыгнув с забора. Он ушёл в дом, а Гаспар тихо молвил:

— Нет, мы бессильны в этом случае. Твоя мать права, Клем. Лишь в Жёлтом доме, возможно, смогут ему помочь.

Клементе хранил молчание.

Картинка в Книге Прошлого сменилась. Эстелла зажала рот руками, наблюдая как пятеро мужчин в жёлтых плащах запихнули связанного Данте в повозку с решётками. В глазах его мелькнула боль, боль дикого зверя, угодившего в капкан, когда он взглянул на Гаспара, Клема и Каролину, что стояли рядом.

— Так будет лучше, я в этом уверена, — Каролина не выглядела печальной, скорее наоборот — на лице её читалось облегчение, смешанное с некой затаённой радостью, будто она избавилась от очень тяжкого груза. — Я молилась, и Господь указал мне путь. Место умалишённых в Жёлтом доме, они не должны мучить нормальных людей.

— Мы будем его навещать, — поддакивал ей Гаспар.

А насупленный Клементе не выдавил ни звука.

Книга вновь зашелестела страницами, и Эстелла увидела пятиэтажный дом жёлтого цвета. Выстроенный кольцом, он напоминал низкую башню. Снаружи он был обнесён глухим забором с частоколом по верху. Внутри располагалась лестница, от которой ответвлялись узкие коридорчики. По ним перемещались санитары и няньки — мужчины и женщины, одетые во всё жёлтое. По обеим сторонам каждого коридора располагались двери в палаты.

Данте сидел на полу в пустой комнате со стенами из грубого камня. На шею его был надет железный ошейник, от которого тянулась длинная цепь, приделанная к крючку в полу. Такие же цепи были и на руках, и на ногах юноши. Все стены и пол в комнате были изрисованы — Данте рисовал на них углём. Рисовал одно и то же: деревья, реку, лошадь, птицу и девушку с длинными волосами, в которой Эстелла узнала себя. Красивые черты Данте заострились, став резкими, под глазами пролегли тёмные тени, а в волосах запуталась паутина. Нет, это больше не был её Данте, от него осталась тень. Эстелла ощутила приступ паники, ей захотелось броситься к нему, пролететь через страницы Книги, обнять его, вернуть его к жизни.

— Я больше не могу на это смотреть, Клариса! — Эстелла спрятала лицо в ладонях. — Всё, хватит! У меня больше нет сил. Просто скажи мне, где он сейчас. Неужели он все ещё в Жёлтом доме? Где бы он не был, его надо оттуда забрать!

— Нет, в доме для умалишённых Данте провёл год, а потом вдруг исчез. Бесследно. Необъяснимым образом. Я думаю, он сбежал оттуда, но как именно не представляю. Сбежать из Жёлтого дома нереально, их там держат на цепи, ты сама видела. Если только с помощью магии... Но чтобы колдовать, он должен был остаться в здравом рассудке, что сомнительно. Не знаю, как он оттуда выбрался и где его искать, — с этими словами Клариса захлопнула Книгу Прошлого. Та вмиг уменьшилась и превратилась в обычный старинный фолиант, обтянутый змеиной кожей.

У Эстеллы зуб на зуб не попадал — судьба Данте повергла её в шок.

— Я пойду, Клариса, мне надо домой, — сказала Эстелла, поднимаясь на ноги. Только бы не впасть в истерику сейчас, надо дойти до дома.

— Ты уверена, что тебя не надо провожать? — Клариса вглядывалась в эстеллино сине-зелёное, как у утопленницы, лицо.

— Уверена. Я сяду в экипаж и доеду, — проговорила Эстелла автоматом. — Если ты узнаешь, где искать Данте, сообщи мне, Клариса.

— Хорошо, тогда возьми это, — Клариса протянула Эстелле круглый золотой медальончик. — Это артефакт для обратной связи. Если я тебе понадобится, открой медальон и позови меня. У меня есть такой же, — Клариса продемонстрировала Эстелле медальон-близнец, что висел на её шее. — Я услышу тебя и приду.

Эстелла, кивнув, проглотила слёзы. Она пихнула медальон в сумочку, и Клариса проводила её до двери. Как только Эстелла вышла на улицу, дом за её спиной исчез. Теперь на его месте было поле, поросшее травой.

Кусая зубами костяшки пальцев, Эстелла еле-еле добрела до дороги. Ноги у неё подкашивались и она изо всех сил пыталась не разреветься. Ужасы, что показала Книга Прошлого, вихрями крутились теперь в её мозгу.

— Как же так? За что? Данте... Данте... что ты наделал? — шептала она, давясь слезами. — Зачем? Это я во всем виновата... Если бы мы тогда убежали с тобой, ничего бы этого не было. Где же мне теперь тебя искать? Отзовись, мой родной, прошу тебя... — она поцеловала обручальное кольцо — то сверкнуло и сделалось тёплым. Магия кольца была жива. Это внушало надежду на благополучный исход.

Поймав экипаж, Эстелла доехала до замка Рейес. Дверь ей открыла взбешённая Чола, с порога выпалив:

— Сеньора, ваш мерзкий лис прокусил мне палец до крови, теперь я наверняка умру от чумы!

Эстелла, игнорируя вьедливую метиску, отправилась вверх по лестнице. Чола пошла следом.

— А ещё, сеньора...

— Чола, отвали! — оборвала Эстелла, и Чола заткнулась.

Эстелла мечтала остаться одна, принять ванну, лечь в кровать и выплакать своё горе. Но и тут ждало её разочарование. Только она открыла дверь в спальню, так чуть не взвыла от злости: в кресле, обитом розовым шёлком, восседал Маурисио Рейес.

===== Глава 23. Паника =====

Когда Эстелла обнаружила Маурисио у себя в спальне, то захотела его убить. Нет ей покоя! Она вообще забыла о нём, у неё горе, ей надо искать Данте, а этот тип никак не отвяжется. Какого чёрта он припёрся в чумной город? Да и как узнал, что она здесь? Он же был в Риме!

Пока эти мысли метались в её голове, Маурисио, вскочив с кресла, рванул в угол. Раздался грозный рык. Эстелла охнула. Мио, её маленький лисёнок, как заправский тигр или ягуар, бросился на Маурисио и воткнул зубки в его ногу.

— Уйди, животное! Иди к дьяволу! — Маурисио махал ногой, но зверёк намертво вгрызся в его щиколотку, прикрытую белоснежным чулком.

— Мио! Ты что делаешь? Прекрати! — овладев собой, Эстелла схватила лисёнка в охапку.

Он разжал зубки, позволив взять себя на руки. Мордочка у него была вся в крови. Эстелла на секунду подумала, что он загрызёт и её, но зверёк лишь твякнул, щуря карие глазки. Девушка вытерла ему мордочку салфеткой, уложила его на подушечку и взялась за рану Маурисио. Тот, чертыхаясь, снял окровавленный чулок и развалился в кресле, косясь на Мио. Но лисёнок не осмеливался больше подходить. Эстелла, обработав рану, замотала Маурисио ногу хлопковым бинтом.

— Это что за гадость вы сюда притащили? — указал на зверька Маурисио.

— Это не гадость, это лис, — объяснила Эстелла терпеливо.

— Он меня покусал! А вдруг у него чума?

— У него нет чумы!

— Откуда вы знаете? А даже если и нет, это дикое животное и ему не место в доме, — Маурисио потрогал бинт пальцем. — Если назавтра я не смогу ходить, я сдеру с него шкуру, так и знайте!

— Ну попробуйте! — с вызовом бросила Эстелла. Мельком заглянув в зеркало, она поправила выбившуюся из причёски прядь. — Когда ваша сестрица завела в доме гиену и леопарда, ни вы и никто другой не возмущался. Хотя это тоже дикие животные, да ещё и опасные!

— Вы нарываетесь на неприятности! — вскинулся Маурисио. — Так я вам их устрою, это не сложно. Вы забыли, где ваше место? Вы — грязная прелюбодейка, сломавшая мне жизнь! Вы пустоцвет, не способный даже родить мне наследника! Вам место в богадельне, и вы обязаны мне в ноги кланяться за то, что я вас терплю и содержу, хотя вы и подошвы моего сапога не достойны!

Хлоп! Эстелла размахнулась и звонко ударила Маурисио по щеке.

— Вон! Вон отсюда! — выкрикнула она. — Ваши оскорбления сидят уже у меня в кишках! Я порядочная женщина, и, в отличие от вас, у меня есть достоинство и принципы. Убирайтесь к чёрту! — Эстелла подтолкнула его к двери, словно он был тумбочкой.

— Я вам это ещё припомню, — Маурисио похромал к выходу. На щеке его алело пятно с отпечатками эстеллиных пальчиков. — Дряннь бесстыжая! — и он долбанул дверью.

Рухнув в постель, Эстелла зарыдала, колошматя кулаками по подушке. И тут же ощутила под боком нечто мягенькое. Это Мио запрыгнул на кровать. Скуля и всхлипывая, Эстелла гладила его по шёрстке. Он, закатывая глазки, блаженно урчал.

Она не вышла к ужину, пребывая в мрачной меланхолии. Тёпленький лисёнок расположился на её животе и тихо фыркал.

— Ты такой красивый, и только ты меня понимаешь, — сказала Эстелла зверьку. — Я чувствую себя одинокой, никому я не нужна, все только и знают, что меня обижать. Я так устала...

Мио слушал, уложив мордочку на Эстеллу и изредка пробуя на зубок шнурок её корсажа.

Стемнело. Безлунное небо укрыли рассеянные тучи, похожие на куски обгоревшего пергамента. Когда в замке погасли огни, дверь в комнату Эстеллы распахнулась с такой силой, что едва не улетела в окно. На пороге возник Маурисио. В одной пижаме, с колпаком на голове, он был в стельку пьян и шатался. В развалку подойдя к постели, он схватил Мио за шкуру и выбросил его в коридор. Грубо и жёстко швырнул зверька прямо об пол, как пачку старых газет.

— Вы что делаете?! — вскрикнула Эстелла. — Не трогайте Мио, это живое существо и ему больно!

— А-ха-ха-ха-ха! — разразился дьявольским смехом Маурисио. Он запер дверь на ключ и навис над Эстеллой.

Эстелла вжалась в стену, но это её не спасло. Выудив из пижамного кармана стилет, Маурисио разрезал на ней платье так, что оно развалилось на две части. Девушка осталась в одном корсете и панталонах.

— Вы обязаны исполнить супружеский долг сию секунду! — объявил он.

— Ни за что!

— Или вы будете мне подчиняться, или я из вас сделаю фарш! — холодные глаза Маурисио зловеще сверкнули в темноте. — Вам решать.

— Я не буду с вами спать! Не буду! Не буду! — Эстелла вскочила на ноги, но убежать не сумела — отбросив стилет, Маурисио вытащил плётку.

— Дрянь бесплодная, я тебя уничтожу! Ты будешь в ногах у меня валяться! Я тебя изувечу! — орал он, размахивая плёткой.

На обнажённых руках девушки появились багровые отметины.

— Но-о! Пошла, кобыла! — вопил невменяемый Маурисио. — Раздевайся и живо на колени! Будешь вымаливать у меня прощение за все свои грехи. Если не будешь рыпаться, может быть, я тебе что-то прощу. А может и нет.

— Иди к чёрту, скотина! — Эстелла не сдавалась. Не собирается она это терпеть, всё хватит! В конце концов, она аристократка, благородная дама, а не какая-нибудь крестьянка, чтобы позволять так с собой обращаться.

И она плюнула Маурисио в лицо. Попала в глаз. Пока он, беснуясь, утирался, Эстелла ударила его коленкой в пах. Он, воя, упал на кровать. Эстелла сползла на пол и метнулась в ванную. Защёлкнула задвижку. Но толком и дух перевести не успела, как Маурисио начал ломиться в дверь.

— Ну-ка откройте, гадюка! Я ваш муж, а, значит, и ваш хозяин! Вы должны мне подчиняться! Я приказываю вам открыть мне дверь!

— Пошёл вон!

— Если вы не откроете, будет хуже! Я знаю, зачем вы сюда приехали — искать своего пастушка, с которым вы мне рога наставляли. Разве вы не знаете, что этот идиот в Жёлтом доме? Я-то всё про него разузнал, — плевался желчью Маурисио. — И я вобью в вашу пустую голову, как следует и не следует обращаться с собственным мужем! Вы пожалеете, что посмели надо мной смеяться! Я сделаю из вас кусок кровавого мяса, посмотрим, какому любовничку вы будете нужны!

БАМ! Маурисио ударил в дверь чем-то увесистым вроде стула или тумбы. Но дверь выдержала. В панике Эстелла металась по ванной. Сейчас это пьяное животное её убьёт или искалечит. А выхода отсюда нет — она сама себя загнала в угол. Надо было бежать на балкон.

И тут Эстелла вспомнила: в стене есть тайник. В нём она раньше хранила снадобья. Теперь тайник пуст, но дело не в нём. Его закрывал камень. Довольно тяжёлый.

Эстелла схватила с полки гребень с острой плоской ручкой. Найдя шатающийся камень, подцепила его. Он выпал из стены. Это крайняя мера, но другого выхода нет.

БАБАХ! Дверь сорвалась с петель. Маурисио снёс её здоровенной статуей Святого Мигеля, что стояла в углу комнаты. Он бросился на Эстеллу и накинул на её шею кожаный хвост плётки.

Собрав всю волю в кулак, Эстелла оттолкнула его, отбежала в угол и швырнула камень. Попала Маурисио в лоб. Он уронил плётку, и, выкатив глаза, рухнул на пол. На лбу его зияла глубокая рана. Окровавленный камень валялся рядом. Эстелла, онемев, тупо смотрела на Маурисио. Тот не шевелился, и она рванула на выход. Вывалилась в коридор, чуть не наступив на лисёнка, что лежал на пороге.

— Я его убила! Убила! — обезумев, девушка ринулась вниз по лестнице. Она хотела найти Чолу, чтобы та помогла ей убрать труп — попадать в темницу Эстелле ни капли не

улыбалось.

С грохотом и некоторыми трудностями (от шока она заблудилась в замке) Эстелла ворвалась в комнату Чолы. Та явно уже видела десятый сон, но Эстелла безжалостно её разбудила.

— Чола, вставай! Вставай сейчас же! Мне нужна твоя помощь!

Чола мало реагировала на крики и тогда Эстелла грубо её растолкала, тормоша за плечи:

— Вставай! Вставай!

— Чего такое, сеньора? — недовольно пробурчала служанка. — У нас пожар?

— Нет, хуже... Я его убила...

— Чего?

— Убила... убила... я его убила, — бормотала Эстелла срывающимся голосом. — Маурисио... он умер... Я его стукнула по лбу камнем, потому что он хотел меня... меня изнасиловать. И он бил меня плёткой, а я защищалась... Он лежит у меня в комнате! Давай, Чола пошли!

Чола протёрла глаза.

— Куда пошли-то?

— В мою спальню. Надо убрать труп, пока никто не узнал, — Эстелла сейчас напоминала умалишённую. Растрёпанная, в изорванной юбке и с окровавленными ссадинами на руках, она выпучивала глаза как сова.

— Убрать труп? — Чола набросила на плечи вязанную шаль.

— Да, убрать, — закивала Эстелла. — Я не хочу в башню, так что давай зароем его в саду. А может лучше его сварить? — размышляла Эстелла вслух. — Распилим и сварим в котле, а потом скормим собакам. И тогда никто вообще не узнает, что он сдох. Ведь для всех Маурисио в Риме...

— Да вы бредите! — вздохнула Чола, нащупывая в потёмках свои башмаки с деревянными подошвами, которые стучали при ходьбе так, что содрогались окна. — Вам это всё приснилось, сеньора.

— Ничего мне не приснилось! — возмутилась Эстелла. — У меня в комнате лежит труп Маурисио.

— А я говорю, что вам приснилось, — зевнув, Чола вышла из комнаты первая. Эстелла последовала за ней.

Они поднялись на второй этаж. Дверь в спальню была распахнута. Внутри горела свеча. Разве она зажигала свечу? Эстелла чуть в обморок не упала, увидев: Маурисио с забинтованной головой сидит в кресле и как-то странно покачивается из стороны в сторону. Но на труп он не похож.

— Ну, и чего я вам говорила? — набычилась Чола. — Вам это приснилось!

Эстелла не знала что ответить. Какой же этот Маурисио гад! Было бы лучше, если бы она и вправду его убила. Зарыла бы трупик в саду, а потом разыграла бы несчастную вдову. Эстеллу не ужасали мысли такого рода — настолько Маурисио её достал. Искалечил ей всю жизнь и Данте тоже, сволочь! Она смерила его зверским взглядом — он сидел понуриив голову.

— Сеньор Маурисио, а чего это с вами такое? Почему у вас голова забинтована? — спросила Чола.

— Это я его стукнула, — вместо него ответила Эстелла. — Я же тебе сказала, Чола.

— Ой, знаете чего, разбирайтесь-ка вы сами, а я пойду спать, — проворчала Чола и закрыла дверь снаружи.

— Ваше счастье, что я слабая и беззащитная, — заглянув в ванную, Эстелла изумилась: там не было ни следов крови, ни камня, которым она запустила в маркизов лоб. — Была бы я посильнее, вы бы сейчас тут не сидели. Но вы меня расстроили. Я уж было обрадовалась. Думала сварить ваш трупик в котле, скормить его собачкам или волкам. А потом надеть чёрное платье и изобразить безутешную вдовушку, — Эстелла говорила жёстко, будто рубила слова. И подумала: сейчас она очень напоминает Роксану. Вероятно, мать не от счастливой жизни превратилась в мегеру. — Ещё раз вы меня тронете, я возьму уже не камень, а томагавк, — закончила Эстелла тоном победительницы.

Маурисио поднял голову. Взгляд его Эстеллу поразил. Обычно пустые его глаза сейчас были живыми. Он смотрел на неё с... обожанием? Уж не мерещится ли ей? Эстелла хмыкнула. Он что влюбился в неё после того, как она огрела его камнем по лбу? Или у него что-то в мозгу сдвинулось от удара?

— Я думаю, лучшее, что сейчас можно сделать, — пойти спать, — Маурисио встал с кресла. — Ложись и отдыхай, отважная и безбашенная дамочка, которая кружит головы всем, не щадя ничьих чувств.

И он ушёл, даже не хромя, хотя нога его была покусана лисёнком. Кстати, а где же Мио?

Эстелла огляделась, но зверька нигде не обнаружила. Ладно, сейчас темно. Завтра утром она его найдёт за какой-нибудь портьерой. Он, пожалуй, испугался, ведь Маурисио швырнул его на пол, как мешок с опилками.

Эстелла загасила свечу и легла в постель. Но сон никак не пристаивал. Девушка впала в дремоту, взбудораженная до нельзя. Потом услышала тихое шуршание. Прыг! Мягкий комочек прижался к ней — Мио был тут как тут.

Поутру, однако, он исчез. Эстелла решила, что лисёнок боится попасть Маурисио под горячую руку.

Приняв ванну с лепестками фиалки, Эстелла нарядилась в травяного цвета платье, украшенное выпуклой чёрной вышивкой. Открыв дверь, она обнаружила у порога огромную корзину цветов. Здесь были розы, каллы, орхидеи, мутисии, солео и даже крошечные веточки вербены — не менее сотни ярких и красивых цветов. Все они в общей массе походили на стайку разноцветных бабочек.

Эстелла, перешагнув через корзину, спустилась в столовую. Чола накрыла завтрак на двоих, но Маурисио, который всегда был точен как часы, опоздал на пятнадцать минут. Явился он хмурый и странно одетый в штаны для верховой езды, сапоги и муслиновую бальную рубашку с жабо.

— Доброе утро, — выдавил Маурисио, плюхаясь на стул.

— Да вы, маркиз, сама галантность! И это после ваших выкрутасов накануне! — не сдержалась Эстелла. Он удостоил её молчаливым взглядом исподлобья.

Еду полагалось начинать с салата, но Маурисио пренебрёг этим и первым делом наворачнул бараньи ножки под острым соусом. Эстелла сморщилась — так недолго и до несварения.

— Эээ... — произнёс Маурисио немного погодя.

— Что «эээ»?

— Тебе... понравились цветы? — спросил он как-то робко.

— Тебе? Тебе?! Вы ещё смеете мне тыкать? — разозлилась Эстелла. — Да я вас видеть не могу после вчерашнего! Вы мне омерзительны! Сами чванитесь, что вы аристократ, а с собственной женой обращаться не умеете.

— Но разве ты... вы не любите меня? — наморщил лоб Маурисио. И Эстелла захотела стукнуть ему по голове ещё раз. — Я думал, вы страдаете от того, что думаете, будто я не люблю вас. Но это не так. Я вас люблю, маркиза, и дорожу вами. С этого дня я постараюсь относиться к вам ласково, как вы того заслуживаете.

Грудь Эстеллы гневно вздымалась. Какой же лицемерный человек! Любит он её, как же! Вот Данте её любил, ради неё даже в тюрьму отправился, а этот... Он только причиняет ей страдания, бьет, унижает, насилует. И ещё смеет говорить о какой-то любви!

— Так вам понравились цветы?

— Засуньте их себе в... — Эстелла вылезла из-за стола, — в уши.

Она убежала прочь. Вот наглец! Мучает её уже шестой год. Как он вообще смеет говорить о чувствах? Мерзавец!

Дрожа от гнева, Эстелла вмазалась-таки в корзину с цветами. Пнула её что есть мочи. Цветы разлетелись по коридору. Оказалось, что они не срезаны, а вырыты с корнями, ибо на дне корзины была земля.

— Идиот! — выпалила Эстелла, собирая цветы обратно в корзину.

Чуть поостыв, она вышла в сад и высадила цветы в клубу.

Время до полудня Эстелла извела на поиски Мио. Обойдя весь замок, она заглядывала в углы, под шкафы, за портьеры и тумбы, но зверёк как в воду канул. Эстелла была сильно огорчена этим фактом и заподозрила, что Маурисио тайком Мио выбросил.

После обеда Маурисио объявил, что уходит по делам и вернётся лишь к вечеру. Эстелле было плевать, куда он идёт, но слово «дела» её насмешило. Какие могут быть дела в городе, где свирепствует чума?

Но Маурисио ушёл, и это её обрадовало. Она отыскала в библиотеке книжку — приключенческий роман о контрабандистах и пиратах, но, войдя в комнату, ахнула: Мио преспокойно лежал на своей шёлковой подушечке.

Как только Эстелла переступила порог, лисёнок бросился к ней и, как кот, потёрся боком о её юбку. Эстелла, взяв Мио на руки, устроилась в кресле. Так они и провели остаток дня. Эстелла читала, а Мио, уложив мордочку девушке на плечо, тихонько урчал ей в ушко.

Но Маурисио домой не вернулся ни к вечеру, ни к утру. После завтрака Эстелла решила прогуляться — надо же выяснить, что происходит в городе. Она нарядилась в синее платье из пан-бархата с золотым поясом; свои миниатюрные ножки, которые так любил ласкать Данте, облачила в золотые же туфельки. Голову прикрыла синей шляпкой, затолкав под неё локоны.

В таком очаровательном виде молодая маркиза и вышла из замка. Мио она с собой не взяла в страхе, что он подхватит чуму. За себя Эстелла не боялась. Всё равно жизнь ей не мила без Данте. Ну заболит, ну умрёт, подумаешь. Зато муки её окончатся.

Когда Эстелла вышла на улицу Святой Мерседес, она была потрясена. Накануне город казался вымершим, сегодня же и шагу негде было ступить. Повозки, телеги, кареты, экипажи заполонили собой всё пространство улицы. Взмолнованные кучера гневно орали на лошадей и прохожих. Люди, бранясь, запихивали в повозки свой многочисленный багаж: картонки, сумки, чемоданы, баулы, мешки, даже мебель, упакованную в домотканые чехлы. Два кучера

ругались между собой, размахивая хлыстами, но не слезая с козел: они преградили друг другу путь и ни один не желал уступать.

Эстелла замешкалась. Разинув рот и глядя на небывалую толкотню, она чуть не угодила под экипаж. Кучер его с силой бил лошадей хлыстом, и они, обезумев, неслись по мостовой, едва не переворачивая повозку.

— Брысь с дороги, дамочка! — выкрикнул он, и Эстелла едва успела отбежать. Экипаж пронёсся мимо, обдав её вихрем пыли, и она, кашляя, свалилась на клумбу с маргаритками. Господи, что происходит?

Страхнув пыль с платья и поправив шляпку, Эстелла окликнула немолодого господина, что, стоя на тротуаре, ждал, когда слуга запихнёт в экипаж небывалых размеров сундук.

— Сеньор, простите, — робко промямлила Эстелла. — А что случилось? Почему столько шума?

Мужчина смерил её удивлённо-возмущённым взглядом.

— Как, вы разве не знаете, сеньора? Новый алькальд Его Сиятельство граф Алехандрс Фрейтас открыл на сутки городские ворота, чтобы все, кто ещё не болен, могли уехать из Ферре де Кастильо. Вот мы и спешим, ибо как минуют сутки, ни из города, ни в город больше никого не выпустят и не впустят.

— Спасибо за информацию, сеньор.

Эстелла отошла от толпы и свернула на Янтарную улицу, но крики, толкотня, тучи людей, экипажей, сундуков и чемоданов, выставленных прямо на тротуар, были и здесь.

— Ой! — кто-то резко дёрнул Эстеллу за рукав.

— Сеньорита... Сеньора Эстелла!

Это была Либертад. В запylённом ситцевом платье и сером чепце она выглядела как-то жалко.

— Божечки мои, да чего ж это вы тут делаете, сеньора Эстелла? Зачем это вы сюды приехали, тут ведь ад прямо на нас свалился, как ни крути! — всплеснула Либертад руками.

— Это долгая история, — отмахнулась Эстелла. — Хорошо, что я тебя встретила, Либертад. Расскажи мне, что там у вас происходит, я ведь совсем ничего не знаю.

Они пошли по запруженной дороге, протискиваясь сквозь толчею.

— Все собираются уезжать, — заговорила Либертад, когда они выбрались на зелёную аллею, где не было коней, людей и их багажа, — сеньора Берта и сеньор Альдо, и сеньора Джованна с её семьёй. Уезжают и забирают с собой детей сеньоры Мисолины. А сама сеньора Мисолина так и не нашлась, как в воду канула. Они все уезжают сегодня, в эту, как её... Бр... Бор... Бырсолуну, во!

— В Барселону?

— Ага, в неё, — подтвердила Либертад. — У них тама все живы да здоровы. А я пыталась уговорить сеньориту Сантану поехать с ними, но она упирается как баран.

— Почему? — порыв ветра налетел на Эстеллу, чуть не сбив с неё шляпку. Она удержала её двумя руками.

— Да упрямая потому что, вся в свою тётку. Не надо ей тут оставаться, а то заболает ещё. Тётка ж её, сеньора Амарилис, исчезла с концами, бросила дом, семью — всё, как только заболел сеньор Норберто.

— Он заболел? — Эстелла сглотнула. — Чем?

— Чем-чем, чем тут все болеют-то? — вскинулась Либертад. — Чума, чтоб её. Он ещё не помер, но его уж забрали в госпиталь. Сеньорита Сантана до чёртиков напугана, она одна

в доме, но уезжать не хочет, бросив дядю в госпитале. Да вот толку-то, ему ж ведь всё равно помирать.

— А у вас в доме как? — с трепетом спросила Эстелла, боясь услышать что-то страшное. — Мама... она не больна?

— Нет, эта не больна, — презрительно хмыкнула Либертад. — С такими ничегошеньки не случается. Сеньора Роксана сегодня с утра уехала в столицу. Разминулись вы с нею. Она забрала с собой Альфредо, Урсулу и Дуду, сына Лупиты. А сама Лупита осталась с нами.

— Почему?

— Ну я ж одна-то не могу следить за домом, готовить еду, ухаживать за больными. У меня нет столько рук! — с раздражением выпалила Либертад.

— За больными? Так в доме кто-то болен?

Либертад шмыгнула носом.

— Угу, сеньор Арсиеро, он... он умер... три дня назад, — сказала она после паузы.

У Эстеллы вырвался протяжный вздох.

— А ты почему не уехала, Либертад?

— Да не могу я никуда уехать! Чего ж я брошу Эстебана что ли? — Либертад сверкнула глазами, и в их отражении Эстелла увидела себя, ту отчаянную девочку, что шесть лет назад на центральной площади кричала о любви к Данте.

— А... дядя Эстебан... что с ним?

— Он... он тоже болен, — Либертад всхлипнула, подтирая нос рукавом. — Этот бестолковый дохтур Дельгадо ни черта не понимает в болезнях. Пустоголовый осёл, уверял, будто у Эстебана простуда. А когда сеньор Арсиеро помер, к нам пришёл чумной доктор и сказал, что у Эстебана тоже чума. Сеньора Роксана вовремя дёрнула, а мы с Эстебаном не успели за нею. А теперь я не могу уйти, хотя очень боюсь, — и Либертад расплакалась.

Эстелла хотела её обнять, но та отстранилась.

— О, Боженьки ради, не трогайте меня, сеньора! Я ж ухаживала за чумными, я тоже могу быть больна.

Крупные слёзы потекли по лицу Эстеллы. Да, ей было жаль дядю Эстебана и Арсиеро, и Норберто, и бедную Либертад, но больше всех Эстелле было жаль себя. Либертад хотя бы рядом с любимым, а она, Эстелла, не знает, где искать Данте и что вообще с ним. А вдруг он тоже болен? У девушки аж в глазах потемнело от этой мысли.

— Так зачем же вы приехали сюда, сеньора? — спросила Либертад, поправляя съехавший чепец. — Тут ведь самый настоящий ад. Чума никого не щадит. Это проклятие какое-то и никто не знает, когда ж это всё кончится!

— Я... мне надо... у меня тут дела, Либертад. Я должна найти кое-кого, — прошептала Эстелла.

— Ну нет! Неужто его, того длинноволосого? — нахмурилась Либертад. — Данте или как его?

Эстелла кивнула.

— Да вы чокнулись! — возмущению Либертад не было предела. — Пять лет уж прошло, а вы всё никак не уймётесь! Вы ж говорили, будто бы любите сеньора Маурисио.

— Маурисио? Маурисио?! Да я его ненавижу! Чтоб он сдох! Почему он не заболел чумой? Почему умирают хорошие люди, а твари живут?! — Эстеллу прорвало. Она закричала и затопала ногами, спугнув птиц с хлебного дерева, что раскорячилось неподалёку.

— Успокойтесь, сеньора! — Либертад оглянулась по сторонам. — Вы ведёте себя как умалишённая. Пойдёмте лучше со мной.

— А куда ты шла, Либертад?

— Я шла в дом вашей бабушки. Сеньора Берта ведь уезжает сегодня, я вам сказала же, сеньора. Я хотела с ней попрощаться.

— А она знает, что дядя Эстебан болен?

Либертад отрицательно мотнула головой.

— Нет. И не должна знать! Не проболтайтесь ей, Бога ради, сеньора, иначе она никуда не уедет! Останется тут и тоже заболеет. Нет-нет, этого нельзя допустить! Все, кто здоров, должен уехать, спасти свою жизнь. И вам, сеньора, тоже надо уезжать обратно. Бегите отсюда, пока это возможно.

— Я должна найти Данте! Я должна узнать что с ним, — Эстелла разглядывала эстрелью — куст розово-красных цветов, что формой напоминали звёздочки. Данте когда-то говорил, что она похожа на звёздочку, а эти цветочки — её тёзки. — Если он тоже болен, я останусь умирать с ним. Ты же не бросишь дядю Эстебана, Либертад, вот и я не брошу Данте.

На смуглом лице Либертад читалось отчаянье. И Эстелла подумала: ведь Либертад испытывает такие же чувства, как и она, Эстелла, — тревогу и боль. Но у Эстеллы ещё есть надежда, что с Данте всё хорошо, а у Либертад нет.

Эстелла надеялась повидаться с бабушкой перед её отъездом, но когда они с Либертад подошли к маленькому домику, вокруг которого раскинулся цветник, тот уже был заперт. Бедно одетый мужчина заколачивал окна досками.

— А где хозяева? — спросила у него Либертад.

— Да уехали они, уж с полчаса как.

— Как жа-аль! — протянула Эстелла.

Эстелла и Либертад ушли ни с чем. На углу Бульвара Конституции они попрощались. Эстелла, конечно, хотела навестить дядю, но Либертад ей категорично запретила.

— Да вы что, сеньора, сдвинулись? Вы ж этот, как его, фульдшер, а несёте чушь. Даже я, глупая служанка, знаю, чума — не игрушки. Это ж не простуда какая-то там. Не вздумайте даже и соваться в дом, а то ещё подцепите заразу.

На обратном пути Эстелла шла по аллее, не глядя вперёд. Она думала о Данте. Видела его как наяву, но разным: и с сияющими глазами, когда он признавался ей в любви; и коварным и оболъстительным, как в подземелье; и обезумевшим, как в Книге Прошлого. Мысли её блуждали и путались, и Эстелла не разбирала дороги. И вдруг ощутила толчок — на кого-то налетела.

— Ой, извините, — Эстелла очнулась от грёз, увидев перед собой девушку в простонародном чепце и коричневатом платье в цветочек. Та, побледнев, таращилась на неё в упор. Эстелла присмотрелась и охнула — это была Мисолина.

===== Глава 24. Две сложные натуры =====

— Мисолина? — Эстелла оторопело хлопала ресницами. — Это ты? А ты знаешь, что мы тебя потеряли? Бабушка думает, что тебя уже нет в живых.

— И что? — закатила глаза Мисолина. Несмотря на простой наряд и непонятный для Эстеллы образ жизни, спеси и высокомерия она не утратила. — Вы же все только этого и ждали. Хотели от меня отделаться и желали мне смерти.

— Какой бред! — вознегодовала Эстелла. — Никто никогда не желал тебе смерти, это

всё твоя мнительность.

— Да ну? — губы Мисолины расплзлись в кривой усмешке.

— Ты ведёшь себя ужасно! К тому же ты дрянная мать. Ты бросила на бабушку детей! — не без удовольствия ужалила сестрицу Эстелла.

— Каких детей?

— Которых ты родила.

— Как родила, так и забыла, — бесстрастно поведала Мисолина. — Я уже и не помню, как они выглядят. Мне они не нужны. Если тебе их так жаль, можешь забрать их себе, а можешь выбросить в речку. Я аристократка, я вдовствующая графиня и за мной нет грехов.

Мисолина всегда была не подарок, но Эстелла сочла, что это уж чересчур. Раз у неё хватило безрассудства родить ненужных детей, то она должна нести за них ответственность. А то раскидала их как кукушка.

— А где ты сейчас живёшь? — спросила Эстелла настороженно.

— Тебе-то какое дело?

— Да, вот знаешь, действительно никакого! — разозлилась Эстелла. — Но мы как-никак сёстры, а в городе чума, а ты слоняешься неизвестно где. Поэтому я и спросила. Я подумала, что тебе нужна помощь. Но раз нет, так нет. Прощай, — и Эстелла рванула в сторону, намереваясь уйти.

— Подожди! — окликнула её Мисолина.

Эстелла выпрямилась с видом инфанты, удостоившей внимания крестьянку. Мисолина подошла к ней.

— Я знаю, нас сложно назвать сёстрами, — она взглянула на Эстеллу исподлобья. — И я прекрасно знаю, что ты меня ненавидишь...

— Я тебя не ненавижу, — оборвала Эстелла. — Просто я не знаю, как с тобой разговаривать. У нас с тобой нет ничего общего. Я к тебе по-человечески, а ты как всегда. Ты с детства слышишь только себя.

— А себя ты считаешь святой, да? — огрызнулась Мисолина. — Я отношусь к тебе также плохо, как и ты ко мне. Ты махровая эгоистка, сестрёнка. Ты всегда заботишься сначала о себе, потом о себе и опять о себе, но изредка снисходишь до других.

Эстелла захохотала так, что с неё слетела шляпка. Тёмные локоны игриво рассыпались по плечам и спине. Девушка поймала шляпку и, встряхнув волосами, нахлобучила её обратно.

— Мда... а ты несколько не изменилась, всё такая же невыносимая. Ладно, я не хочу ссориться, — примирительно сказала Эстелла. Убеждать Мисолину в чём-либо — себе дороже. — Мы с тобой никогда не были близки, да и навряд-ли будем, но предлагаю пойти ко мне домой. Глупо разговаривать посреди дороги.

Мисолина, кивнув, последовала за сестрой. «Ну и видок у неё», — Эстелла украдкой рассматривала уставшее лицо Мисолины. Они залезли в экипаж и, спустя четверть часа, уже стояли у замка Рейес.

— Хорошо ты устроилась, — завистливо выдала Мисолина, заходя внутрь.

Эстелла угрюмо промолчала. Знала бы Мисолина в каком аду она живёт, зависть встала бы ей поперёк горла. Хотя она же всегда радовалась чужим несчастьям. Вряд-ли что-то изменилось.

Маурисио всё ещё отсутствовал, что Эстеллу и обрадовало, и насторожило. А вдруг он что-то задумал против Данте? Он же знает про него всё, он сам сказал. Может, Маурисио

выяснил где Данте сейчас и отправился его убивать? От этих мыслей по спине Эстеллы пробежал холодок. Данте явно уже запытали и убили, а она тут нянчится с Мисолиной. Если бы она знала где Данте, она бы всё бросила и побежала к нему!

Когда Эстелла и Мисолина зашли в дом, Мио кинулся им навстречу. Мисолина взвизгнула, отстраняясь (она не любила животных).

— Это мой питомец, его зовут Мио, — объяснила Эстелла, глядя лисёнка. Тот блаженно урчал. — Не бойся его, он очень ласковый, но если ты его обидишь, он отгрызёт тебе руку или ногу, — добавила она злорадно, вспомнив нападение Мио на Маурисио.

Мисолина не ответила, хмуро косясь на зверька, и так и не подошла к нему.

Чола подала обед, состоящий из морепродуктов и нескольких видов овощных и фруктовых салатов, которые обожала Эстелла. Мисолина никогда жизнерадостностью не отличалась, а сейчас и вовсе напоминала убийцу, выжидающую жертву, такое у неё было злобное лицо. И обед прошёл в молчании.

Традиционный послеобеденный чай в гостиной, однако, развязал Мисолине язык. И первое, что она сделала, — посмеялась над новой привычкой Эстеллы. Последняя пила чай, закусывая его ледяным мороженым — мода, которую Эстелла привезла из столицы. Горячий чай со льдом, с мороженым или с замороженным желе пили в особняке дяди Ламберто, как сами его обитатели, так и их гости. Мисолине эта идея показалась варварской, поэтому она долго хихикала, прикрываясь куском мармеладного торта.

— Вот ты говорила, что у нас с тобой нет ничего общего, — произнесла она, отставив фарфоровую чашку. — В основном нет, но кое-что нас связывает: мы с детства жили под гнётом человека, который жаждал нашей смерти.

— И что это значит? — приподняла бровь Эстелла.

— Я имею ввиду эту мегеру, нашу мать, — голубые глаза Мисолины сверкнули металлическим блеском. Она была полна ненависти, и это удивило Эстеллу, ведь Мисолина всегда хорошо относилась к матери.

— А не ты ли хотела быть похожей на неё? Что-то изменилось?

— Да, изменилось! — тоненько визгнула Мисолина. — Тётя Хорхелина перед смертью раскрыла мне глаза. Она боялась, что мама её убьёт. Это превратилось у неё в паранойю. И я не удивлюсь, если Роксана действительно приложила ручку к её смерти.

— Бред! — возмутилась Эстелла. — Мама не ангел, да, но... Я ведь тоже думала, что она убила папу. Но это неправда. Это были домыслы бабушки.

— Наша мать — чудовище! — зло шмыгнула носом Мисолина. Распалившись, она забыла, что разговаривает с Эстеллой, которую всегда терпеть не могла. — Мама даже свечку мне поставила за упокой, прямо в моей комнате и перемотала мой портрет чёрной лентой. Она сама мне сказала в лицо, что желает мне всего наихудшего. Она считает, что ни я, ни ты не должны были родиться. А я всегда хотела соответствовать ей, её происхождению и положению в обществе. Я хотела быть достойной дочерью для неё, чтобы она гордилась мной. Но мама никогда меня не любила, — Мисолина вдруг расплакалась, но, взглянув на Эстеллу (та сидела с каменным лицом), с яростью размазала слёзы по щекам. — Я хотела быть такой же, как мама: красивой, утончённой, властной. Она была моим идеалом, но я не знала, что она чудовище. Получается, я хотела стать копией чудовища. Но ведь я не специально. Я не мечтала быть плохой, просто я думала: то, как она ведёт себя — это хорошо, и я должна вести себя также.

— Но Мисолина, — Эстелла фыркнула, таким абсурдом показалась ей речь сестры, —

мама не объект для подражания. Неужели ты только сейчас это поняла?

— Нет, не только сейчас. Я это поняла в день смерти тёти Хорхелины. Она умерла у меня на руках и рассказала мне об истинном лице Роксаны.

— Если бы ты была сама собой, а не каким-то эфемерным идеалом, которым ты себя возомнила, мы бы с тобой нашли общий язык хотя бы чуть-чуть, — заметила Эстелла. Верить Мисолине она не торопилась — слишком хорошо знала её подленькую натуру.

— Но я никогда не считала себя идеалом, наоборот, я всегда считала себя никчемной, а мама называла меня ничтожеством. А я хотела ей понравиться. Только напрасно. Она чудовище, а я поздно это поняла, — вздохнула Мисолина.

— Мама не святая, да, но не стоит быть такой категоричной, — в Эстелле ещё жили чувства к Роксане. Хорошо бы мама однажды поняла, что была не права. Но пока это мечты. — Тётя Хорхелина тоже была ещё та особа, Мисолина. Я никогда ей не верила.

— Не говори дурно о тёте!

— А что это ты так её защищаешь?

— А то! — вспыхнула Мисолина. — Она единственная из всех относилась ко мне нормально. А Роксану я ненавижу. Надеюсь, она подохнет.

— Ты как была змеей, так и осталась, — Эстелла показала сестре язык в знак протеста. — И не смей желать смерти маме! Мама причинила и мне много зла, но я не сержусь на неё. Может, она просто больна и не контролирует свои действия.

— Сомневаюсь, — скрипнула зубами Мисолина.

— А мне кажется, она помешалась, когда узнала, что дядя Ламберто ей не брат.

— Что-о-о? — Мисолина выпучила глаза.

— А ты не знала? Мама приёмная в семье дедушки Лусиано. Так что напрасно она чванилась своим аристократизмом, его у неё нет, — добила Эстелла. Она получала воистину садистское наслаждение, видя как меняется лицо Мисолины.

— Нет, я не знала, — проямлила Мисолина. — Получается... получается она плебейка, и отец тоже... а значит и я, я тоже не аристократка? Какой ужас! — Мисолина закрыла лицо руками. — Теперь я больше никогда не смогу выйти на люди. Если все узнают, что у меня нет права называться урождённой сеньоритой, все будут надо мной смеяться. И я больше никогда не попаду ни на один бал! А ведь там, по моим расчётам, в меня должен влюбиться самый богатый человек в мире! Разве можно упускать этот шанс? — закончила она совсем по-детски.

И Эстелла расхохоталась.

— Какая ты дура!

— От дуры слышу! — передразнила Мисолина.

— Как бы там ни было, а папу мама не убивала, пойми, Мисолина, — тон Эстеллы зазвучал мягче. — Ты не присутствовала во время того разговора, точнее спора, когда бабушка обвинила маму в убийстве отца. А я там была и слышала всё. Когда наши родители поехали на прогулку, они поменялись лошадьми. Папа упал с маминой лошади, потому что у той была плохо закреплена подпруга. Получается, что убить хотели маму, а не папу.

— Хорхелина мне этого не сказала, — Мисолина комкала в руках кружевной платочек. — Но она умирала у меня на глазах, а человек при смерти не может лгать, ему незачем. Даже если она ошиблась и это не мама убила папу, но ведь саму Хорхелину тоже кто-то убил. И она уверяла, будто это мама всё подстроила.

— А как она умерла? — Эстелла, про себя подумала: впервые они с Мисолиной

разговаривают как сёстры, а не как две собаки, неподелившие кость. — Я знаю эту историю со слов бабушки. Бабушка сказала, что Хорхелине стало плохо на твоей свадьбе. Вроде она отравилась едой или напитками. А потом пришёл доктор Дельгадо, пустил ей кровь, и от кровопотери она и умерла.

— Когда я пришла тётю навестить, она ещё была жива, но она была вся зелёная и страшно напугана. Она схватила меня за воротник и рассказала, что после ухода доктора, к ней в окно вползла живая змея, и она её ужалила, — сообщила Мисолина.

— Что? — Эстелла удержалась от смеха, ибо Мисолина говорила на полном серьёзе, но Хорхелина была ещё та вруша — Эстелла не сомневалась.

— Тётя сказала, что змея была огромная, она вползла в окно и села к ней на живот. А когда Хорхелина попыталась закричать, она её ужалила и уползла. Она уверяла меня, будто это мама подбросила змею. Хорхелина умерла от змеиного укуса. Я никому этого не говорила, я думала, доктор поймёт это и без меня, — вещала Мисолина. — Но он туп как пробка, хотя я своими глазами видела этот укус — у тёти от него весь живот распух.

— Но почему она решила, что это мама подбросила змею? — Эстелла подёргала себя за мочку уха. — Наверняка это её фантазии. Если мама не убивала отца, зачем же ей было убивать Хорхелину?

— А даже если и не убила, я всё равно никогда её не прощу! — Мисолина топнула ногой так, что фарфор на столике загремел. — Она сломала мне жизнь!

— Вот как? Это чем же, позволь спросить? — Эстелла была возмущена такой наглостью. Значит, Мисолина уже пять лет как вдовствует и неизвестно чем занимается (детей же не ветром ей надуло), и это мама сломала ей жизнь? Даже она, Эстелла, вынужденная мучиться в браке с Маурисио, не обвиняет в этом исключительно одну Роксану. В конце концов, та не знала, каков «галантный и любезный» Маурисио в реальности.

— А то ты не знаешь! — ехидно процедила Мисолина. — Она выдала меня замуж за старого извращенца, хотя я умоляла и её, и Арсиеро этого не делать.

Эстелла закатила глаза под лоб.

— И что? Меня ведь тоже насильно выдали замуж.

— Сравнила, тоже мне, — в свою очередь вскипела Мисолина. — Маурисио прекрасный человек, ни чета тому старому козлу.

— Прекрасный? О, да! Уж я-то знаю, как он прекрасен! — Эстелла боролась с желанием надавать сестрице тумаков. Ну почему, почему Мисолина такая дура? Почему она ничего не понимает? — Кстати, ты знаешь, что Арсиеро умер от чумы?

— Так ему и надо! Он должен был помешать этой мерзавке искалечить мне жизнь. Пусть теперь в аду сгорит! — пропищала Мисолина с такой ненавистью, что у Эстеллы чуть уши не свернулись в трубочки.

— Глупости какие! Ты осталась вдовой, тебе, считай, повезло, — укорила она сестру. — Вот я вынуждена до сих пор терпеть Маурисио, да ещё и спать с ним, выносить надругательства и побои, потому что он не умеет приласкать женщину, он умеет только унижать, давить, причинять боль. А тебе что тот дед мог сделать? Он ведь наверняка был немощный. Так что не сочиняй!

— Сочиняй? Да что ты вообще знаешь обо мне?! — выкрикнула Мисолина, сжимая кулаки. — Ты ничего не знаешь, а уже уверена, что я всё выдумала! Да, он был не мужчина, но это не мешало ему заставлять меня спать со всякими уродами. Он сам искал мне

любовников и водил меня в бордель, а там сидел и смотрел на то, что они со мной вытворяли. Гад! Я его ненавижу, как и всех, кто поспособствовал этому браку!

Пока Эстелла обмозговывала рассказ сестры, Мисолина продолжила:

— Кстати, если бы не тот длинноволосый красавчик, Данте, кажется, я бы, наверное, уже была трупом.

— Что-что? — по телу Эстеллы побежали мурашки при звуке любимого имени.

— А то. В тот день, когда он и его друг привезли меня домой, они вытащили меня из борделя. Он меня спас. Диего тоже хотел меня защитить, он убил моего мужа, а потом кто-то убил и его. В бордель тогда понабежали жандармы, и я очень испугалась, что мне придётся давать показания. Это же позор! А тот юноша как раз был там. Я его попросила увезти меня. Ты думаешь, я не узнала этого красавчика, да? Как бы не так! Это же тот самый, что приходит к тебе свататься, а ты потом рыдала из-за него. Кстати, он был очень добр ко мне. И он милашка. Если бы я тогда была в состоянии, я бы забрала его себе.

Эстелла сглотнула. Теперь жалость к Мисолине, было проснувшаяся в ней, сменилась ревностью. Какого чёрта Мисолина заглядывается на Данте? Данте принадлежит ей, Эстелле! Он не должен смотреть на других женщин! От ревности Эстелла забыла, что сама же прогнала Данте, да ещё и гадостей ему наговорила.

— И что ты собираешься делать? — спросила она, подавляя гнев.

— Думаю, что я должна непременно найти себе богатого мужчину. Чем богаче, тем лучше. Желательно самого богатого на свете!

— Ты снова хочешь замуж? — обалдела Эстелла. Она и смотреть не могла на мужчин. Даже если она каким-то чудом отделается от Маурисио, что сомнительно, от этого мало что изменится. Она не уверена, что сможет стать близка даже с Данте — такую моральную травму нанёс ей Маурисио. От одной мысли о близости с мужчиной, пусть и самым любимым, Эстеллу в дрожь бросало. И как Мисолина после всего может с кем-то спать? Неужели ей не мерзко?

— Может замуж, а, может, и нет, — повела плечиком Мисолина. — Знаешь, несмотря на всё, мой покойный муж всё же сделал одну положительную вещь — он научил меня быть любовницей. Хорошей любовницей, которая умеет доставить удовольствие. Ты-то наверняка ничего в этом не смыслишь, — фыркнула Мисолина с каким-то превосходством. — А ведь любовниц, дорогая сестричка, гораздо больше любят, чем жён. Это факт. С ними обращаются ласковей и дают им больше денег, а жену держат на коротком поводке. Потому что женятся обычно на страшных и неопытных дурах, таких, как ты. А любят умных, опытных красавиц, таких, как я.

— Вижу, эта ситуация мозга тебе не прибавила, — съязвила Эстелла. — Когда мужчина платит женщине за удовольствия, называется проституция.

— Нет, дорогая моя, ты путаешь понятия, — Мисолина растянула губы в такой сладенько-ехидной улыбке, что Эстелле захотелось её пнуть. — Когда ты спишь со всеми подряд за жалкие гроши — это проституция, а когда с одним и за большие деньги — это называется взаимовыгода. Я ему удовольствие, а он мне материальные блага. Но такие курицы, как ты, ничего в этом не смыслят. Твой удел — домашнее хозяйство. А мой — шикарные туалеты, куча любовников и мешки денег.

— А как же любовь?

— Любовь? — усмехнулась Мисолина. — Её нет.

— Нет, ты ошибаешься сестрёнка, — Эстелла горделиво выпятила подбородок. —

Любовь есть! И это не пустые слова. Это чувство я ношу в сердце уже много лет. Любовь — это самое волшебное и самое мучительное чувство из всех, что существуют. Оно возносит под самые облака и сбрасывает на дно глубокого ущелья. Я знаю что такое любовь, поэтому я не понимаю, неужели тебе не противно спать с нелюбимым? Это огромная разница! Когда ты с любимым, ты испытываешь блаженство каждой клеточкой тела. А когда ты с нелюбимым, каждая клеточка твоего тела испытывает боль и омерзение. И никакие деньги не стоят того, чтобы променять одно на другое.

— Ты начиталась глупых романов. Никакой любви нет. А к остальному можно привыкнуть. Ради выгоды можно и неудобство потерпеть, — с философским видом заключила Мисолина, и Эстеллу поразила её цинизм. — Удовольствие от постели получают только мужчины. Женщина не может получить удовольствие, когда с ней такую пакость вытворяют.

— Это неправда! — возмутилась Эстелла. — Ты так говоришь, потому что никогда никого не любила!

— А вот и нет! Любила! — Мисолина стукнула кулаком по столику, и с него упало блюдо. Покатилось по полу, но на удивление даже не треснуло. — Я любила Маурисио! Но ты его у меня забрала. Так что теперь ничего не попишешь — карета уехала.

— Я его у тебя не забирала! — у Эстеллы аж волосы зашевелились от негодования. — Меня выдали за него замуж насильно. И ты прекрасно это знаешь. Я его ненавижу! Этот урод испортил мне всю жизнь! А я любила другого человека! — и Эстелла заревела в голос.

И тут, нежданно-негаданно, Мисолина обняла сестру. Обе плакали, одновременно и жалея, и не веря друг другу. Но это определённо был прогресс в их отношениях. Эстелла не припоминала случая, когда они с Мисолиной общались без ругани. А уж тот факт, что та её обнимает, вогнал девушку в ступор.

Мисолина покинула объятия первая. Эстелла, глядя на неё, вновь ощутила приступ безразличия. Нет, не любит она сестру. Ну ни капли.

— А дети у тебя откуда? — спросила она.

— Ну как откуда? — вспыхнула Мисолина. — Ты что не знаешь, откуда они берутся? Это побочный эффект. Мужчины получают свою долю удовольствия, а женщины расплачиваются за это беременностью и родами.

— Но ведь есть способы этого избежать.

— То есть?

— Ну... — Эстелла покраснела — такие вещи она обсуждала лишь с Данте, — есть средства, чтобы не забеременеть. Или чтобы прервать беременность, если уж она случилась. Ты думаешь, почему я до сих пор не родила от Маурисио? Правда, врач из Байреса мне сказал, что я бесплодна, но думаю, это снадобья, которые я принимаю, спровоцировали такой диагноз.

Мисолина похлопала глазами.

— А я... я не знала, что этого можно избежать. Я... я думала, это так и должно быть. Но почему мама никогда не говорила мне, что можно отделаться от беременности?

— Потому что об этом не принято говорить. Эти средства тайком продаются в аптеке. Аптекарь очень выгодно, это золотая жила, он наживает на нас, несчастных женщинах, у которых нет другого выхода, — объяснила Эстелла.

— А... а... ты можешь меня этому научить? — спросила Мисолина робко.

— Могу.

— Только, наверное, уже поздно.

— Почему это?

— Ну... — Мисолина опустила глаза в пол, — я опять беременна. Это ещё не видно, но мне это уже надоело. Дети не вызывают у меня иных чувств, кроме омерзения. Особенно младенцы, они такие уродливые. Когда подрастают и становятся похожи на людей, ещё ничего, но маленькие напоминают головастика.

Эстелла промолчала, подумав, что они с Мисолиной-таки похожи. Она, конечно, не так категорично не выносит детей, скорее, она к ним равнодушна. Но Мисолине явно не следует рожать, раз у неё к ним неприязнь. Такая мать и убить может.

— Но если ты не хочешь ребёнка, можно спровоцировать выкидыш, — сказала Эстелла. — Я как-то раз принимала одно снадобье... Правда, это было на следующий день после того, как Маурисио... ну-у-у... как он надо мной надругался. Так что я не уверена, что вообще была беременна. Но я знаю девушку, которая вызывала выкидыш уже на приличном сроке. Так что это возможно. Надо пойти в аптеку. Правда, это не совсем законно. Та девушка, её зовут Лус, тогда здорово вляпалась, её даже жандармы преследовали.

— Мне плевать! — отрезала Мисолина. — Я бы рискнула. Я не хочу рожать третьего ребёнка. Мне он нужен не больше, чем двое предыдущих, тем более я всё равно не знаю кто их отцы.

— Значит, завтра утром мы с тобой идём в аптеку! — решила Эстелла.

— Угу.

— А теперь расскажи мне, где ты живёшь сейчас?

— Ну... я жила у одного богатого плантатора, — пояснила Мисолина. — На его эстансии, там, за рекой. Он меня содержал, покупал мне платья и украшения, в общем я нормально жила. Потом к нему приехал его взрослый сын. Ну и он ко мне приклеился. Я была не против. А однажды его папаша застал нас, устроил скандал и выгнал меня. Теперь я работаю в казино. Я там крупье, ну и я хочу подцепить какого-нибудь богача, их там пруд пруди. А месяц назад я поняла, что опять беременна, — рассказала Мисолина.

Отношение Эстеллы к сестре вновь поменялось. Под влиянием некого порыва Эстелла Мисолину пожалела, но теперь она ощутила брезгливость. Конечно, Мисолина пережила многое, но у Эстеллы в голове не укладывалось, как та сподобилась превратиться в содержанку. Она, Эстелла, ни за что бы на такое не пошла. Лучше горничной устроиться, чем быть игрушкой у каких-то дегенератов. Но Мисолине, видимо, всё равно с кем спать. И как в ней только уживаются две противоположных натуры: одна хочет остаться безгрешной в глазах общества, а другая ведёт себя как похотливая кошка. И чего ради она строила из себя жертву? Идиотка!

Предложив Мисолине остаться в замке, Эстелла поручила её заботам Чолы и со спокойной совестью ушла к себе. Завтра они с Мисолиной пойдут в аптеку, а на сегодня лимит её терпения исчерпан.

Маурисио так и не возвращался, но Мио, пока Эстелла засыпала, облизал ей язычком всё лицо. Да уж, как не горько, но этот зверёк — единственное существо в мире, которое её любит.

===== Глава 25. Неисправимая =====

Маурисио не вернулся и на следующий день, и после завтрака Эстелла и Мисолина отправились в аптеку. Мисолина сегодня была спокойнее, чем обычно, и не цеплялась к сестре, но высокомерия не утратила. Из-за эпидемии общение лавочников с клиентами

происходило ныне через окошечки в дверях. Внутри никого не пускали — новый алькальд так и не снял запрет на массовые скопления народа.

Вообще-то Алехандро Фрейтас оказался талантливым политиком. Он заставил членов Кабиљдо работать, запретив им просиживать кальясоны, и теперь они с утра до вечера усовершенствовали старые законы и разрабатывали новые. Также он ограничил власть жандармерии. Если раньше жандармы из-за жалобы какого-нибудь богача могли арестовать любого человека, то Алехандро Фрейтас подрезал им крылья, и обвинить кого-то в преступлении без доказательств стало проблематичным. Одни горожане одобряли политику нового алькальда, другие ненавидели его. Когда распространилась чума, Алехандро Фрейтасу пришлось побороться за закон о запрете массовых скоплений народа, ибо лавочники, которым ой как не хотелось терять клиентуру, восстали против. Но чума никого не щадила, забирая жизнь за жизнью, и люди дрожали от страха. Тогда Алехандро Фрейтас заключил союз с падре Антонио, и тот стал внушать пастве: новый алькальд — посланник Господа на земле. Надо подчиняться его указам, иначе Кара Господня в виде «чёрной смерти» настигнет и их, и их близких. Падре и Бога люди тёмные и малограмотные боялись больше, чем алькальда, и, благодаря такому сотрудничеству церкви и власти, Ферре де Кастиљо до сих пор не утонул в трупях. Но всё чаще и чаще по улицам катились повозки, где, закутанные в тряпки, лежали мёртвые. Основная масса их приходилась на госпиталь, и те, кто жил поблизости от него, повидали уже немало. Зато другие горожане испытывали панику, натываясь на труповозки на центральных улицах.

Пока Эстелла и Мисолина шли до Бульвара Путешественников, они повстречали аж две таких повозки. Правда, единственное, что они увидели, — кучу босых человеческих ног, торчащих из-под горы тряпья, но зрелище было малоприятным.

Мисолина брезгливо поморщилась, а мозг Эстеллы сверлила навязчивая мысль: может быть, и Данте нет в живых. Маурисио его убил, неспроста он так долго не возвращается. Из города он уехать не мог — алькальд велел закрыть городские ворота, и Ферре де Кастиљо ныне являлся островком, оторванным от мира. А может быть, мёртвого Данте, как и этих несчастных, везут на телеге к окраине, чтобы предать его тело огню (чумные трупы нельзя было хоронить в земле, поэтому их сжигали).

От этих мыслей Эстелла очнулась, когда Мисолина дёрнула её за рукав.

— Вот же написано «Аптека «У Сантоса»». Нам сюда?

Взглянув на знакомую надпись, Эстелла кивнула. Вид аптеки за пять лет не изменился. С одним но: сейчас в двери было вырезано круглое окошечко.

Эстелла постучала в него, а Мисолина, держась поодаль, глазела на вывески. Бульвар Путешественников, где Эстелла и Данте гуляли в дни своего безоблачного счастья, выглядел опустевшим, даже заброшенным. Кусты были не стрижены, а цветы разрослись хаотично по газону, покинув отведённые им клумбы.

— Ты чего там прячешься? — окликнула Эстелла Мисолину — та, заслышав шаги в глубине аптеки, спряталась за грушевое дерево. — Иди сюда, сейчас нам откроют.

— Не пойду, — пискнула Мисолина. — Мне стыдно, покупай сама.

Эстелла хмыкнула. Только вчера Мисолина заявляла, что готова быть содержанкой у богача, а сегодня ей стыдно перед аптекарем. Что это: природная стыдливость или стыдливость, вбитая воспитанием? Ведь им с малолетства обоим внушали: приличная сеньорита должна быть застенчивой и почаще опускать глаза. Мисолина владела искусством притворной скромности гораздо лучше Эстеллы, и, выгоды ради, могла изобразить чуть ли

не монашку. Но она, как и Эстелла, не обладала внутренним благочестием, лишь внешним.

Эстелла нетерпеливо постучала ещё раз. Окошечко в двери щёлкнуло и открылось. Оттуда выглянула толстая физиономия сеньора Сантоса, похожего на обожравшегося кота. Он хитрыми глазками уставился на Эстеллу, разглядел на её голове чёрную пейнету.

— Что угодно, сеньора?

— Сеньор Сантос, — смело сказала Эстелла, — мне надо... в общем, ну... средство, чтобы избавиться от проблемы. От женской проблемы. Вы понимаете, моя сестра попала в беду... — она взглядом указала на дерево, из-за которого торчала лиловая юбка Мисолины.

— Тише! — аптекарь приложил палец к губам. — Я бы с радостью помог вам, сеньора, но нынче я не смешиваю такие снадобья. Жандармы теперь пасутся возле аптеки регулярно, и торговать запрещёнными средствами крайне опасно... для меня и для моей семьи. Я могу угодить в башню за это.

— Но почему вас карают жандармы? — огорчилась Эстелла. Где же она теперь найдёт снадобья и для себя тоже?

— Не только меня. И аптеки, и лавочки. Это указ алькальда: чтобы никто не продавал ничего запрещённого, и... — он высунулся в окошко и огляделся, а потом шепнул: — сейчас запретили продавать даже безобидные паучьи лапки, воск, алкоголь и парфюмерию, а молочные лавки совсем закрыли.

— Но почему? — выпучила глаза Эстелла, искренне недоумевая. Из медицинского курса она знала, что молоко и воск полезны в случае эпидемии. Ткань, пропитанная воском, может защитить дом от проникновения заразы, если, обтянуть ею двери и окна. А молоко надо пить для профилактики и ставить у постели умирающего, это известно ещё с прошлых столетий.

Аптекарь жестом велел Эстелле придвинуться ближе.

— Тут слухи ходят, что алькальд под видом спасения города делает всё наоборот. Он запретил к продаже средства, из которых якобы можно изготовить лекарство от чумы.

— Что за бред? — не поверила Эстелла. — Лекарства от чумы нет!

— А я ничего и не утверждаю, — набычился аптекарь. — Но говорят, у алькальда есть рецепт сыворотки, которая могла бы спасти всех. Но он по каким-то причинам желает, чтобы город вымер, поэтому запретил торговать ингредиентами и продуктами, которые входят в состав этой сыворотки.

— Чушь! — отмахнулась Эстелла. — Я слышала, новый алькальд хороший и он наводит порядок в городе, вот его и пытаются очернить. Наверное, он кому-то встал поперёк горла. Но вы, сеньор Сантос, лучше скажите, что нам с сестрой делать? Неужели нет способа достать то, что нам нужно?

— Я сказал, что не смешиваю снадобья сам, — аптекарь ещё понизил голос. — Теперь я продаю ингредиенты в бордель «Фламинго». Донье Нэле, хозяйке этого заведения, я предоставил и все рецепты, и она сама теперь всё смешивает. Она раньше работала санитаркой и разбирается что к чему. Только тсс... Если срочно надо, идите туда, скажите, что от меня. Она поможет.

— Спасибо, сеньор Сантос!

Тут аптекарь отпрянул от окошка — на углу улицы появились жандармы.

— Значит, вам нужно средство от кашля, сеньора? — спросил он нарочно громко. — К сожалению, оно закончилось. Приходите завтра.

— Какая жалость! — наигранно вздохнула Эстелла и, схватив Мисолину за руку, увела

её подальше от аптеки.

— О чём вы так долго шушукались? — поинтересовалась Мисолина, когда они миновали два квартала.

— Он сказал, где нам достать нужные снадобья. Мы туда сейчас и идём.

— Куда?

— В бордель «Фламинго», — ответила Эстелла будничным тоном.

— Что-о-о? И ты так спокойно об этом говоришь, будто идёшь в кофейню? — возмутилась Мисолина. — Ты что рехнулась? Нам, благородным дамам, идти в бордель. Да я туда ни ногой! Это неприличное место!

Эстелла прыснула со смеху. Ну и лицемерка эта Мисолина! Она неисправима.

— Тебе ли говорить о приличиях? Разве не ты мечтаешь об участии содержанки? Разве не тебя вытащили из того самого борделя? Да тебя там все наверняка знают! — Эстеллу забавляла реакция Мисолины — сестрица аж красно-сине-зелёными пятнами пошла.

— Никто меня знает. Я приличная дама, а не какая-нибудь там. Я не виновата, что этот старый козёл меня туда поволок. Никто не видел моего лица, я была в маске, — сжимая губы в ниточку, бурчала Мисолина. — Так что я не могу ходить в такие места в открытую. Если тебе всё равно, что о нас подумают, то мне нет.

Эстелла насмешливо фыркнула.

— Не бойся, дорогая сестрёнка, — сказала она саркастически. — Я не скомпрометирую такую непорочную деву, как ты. Я скажу, что мы пришли навестить Лус. Правда, где она сейчас, я не знаю. Пару лет назад была в «Лас Бестиас», хотя на её месте я бы давно оттуда дёрнула.

Примерно через час Мисолина и Эстелла добрались до Баррьо де Грана. Эстелла хотела поймать экипаж (тогда бы они доехали минут за двадцать), но Мисолина была против: а что если кучер у них спросит, зачем они едут в такой район?

— Да кучеру без разницы куда ты едешь, — уверила её Эстелла.

— Не скажи. До такой, как я, и бродягам дело есть, ведь меня нельзя не заметить. Я сияю как луна! — чванливо заявила Мисолина.

— Скорее как начищенный поднос. От счастья, что его почистили, — съехидничала Эстелла.

Мисолина вздёрнула нос.

— Я даже не сомневаюсь, что грязный кучер растрезвонит всем, что вдовствующая графиня де Пас Ардани ездила в Баррьо де Грана, — заключила она.

— Ты ведёшь себя так, будто ты королева и тебя каждая собака знает в лицо. Но на тебе свет клином явно не сошёлся. У людей, если ты не в курсе, сестрёнка, есть дела и поважнее.

— Важнее меня нет ничего! — выдала Мисолина. — Может, я сейчас и не королева, но чуть ли не королева. Такая перспектива не за горами, поэтому моя репутация должна быть безупречной.

Эстелла так и не могла понять: Мисолина всерьёз это говорит или шутит. Как, ну как она собирается стать благочестивой «чуть ли не королевой» и содержанкой одновременно? Вот дура!

Время было одиннадцать утра. Солнце пока не жарило, а лишь согревало землю, скользя лучиками по кронам деревьев и крышам домиков. В этот час Баррьо де Грана ещё пребывал в полудрёме. Эстелла и Мисолина торопливо шли по улице, прикрываясь веерами. Окна домов, что в ночное время сверкали пурпурными огнями и служили витринами для

местных девиц, были наглухо закрыты, некоторые занавешены плотной тканью. Потрёпанные и ненакрашенные девицы с корзинками, по одной или парочками, шли в булочную и бакалею, что расположились на углу, примыкая стенами друг к другу. Розовый фламинго на крыше борделя был замечен издали. Отливая золотом в лучах предполуденного солнца, он приковывал внимание всей улицы. Но на двери висела табличка: «Закрыто на карантин» — чума добралась и сюда.

На лестнице перед борделем сидел светловолосый мужчина в кое-как застёгнутой одежде. Он любовался на свои ботинки, утопая в кустах лайма. Эстелла и Мисолина остановились, наблюдая. Когда мужчина поднял голову, они обе вскрикнули: это был Клементе. На их одновременный возглас он обернулся.

— Клем? Ты что тут делаешь? — Эстелла подошла к нему, а Мисолина так и стояла статуей.

Клементе растерянно поглядел на Эстеллу, потом отвернулся, изучая перила лестницы.

— Ты, наверное, к Лус пришёл, да? — сообразила Эстелла. — А разве она тут?

Клем отрицательно мотнул головой.

— Нет, бордель закрыли на карантин, потому что несколько девочек заболели. И Лус тоже, — глухо отозвался он.

Эстелла вздрогнула.

— Но... но... как же так? Вы же были в «Лас Бестиас»! Почему она вернулась сюда?

— Она от меня ушла. Сказала, что я ей надоел. Она не захотела жить нормальной жизнью и воспитывать мою дочь, собрала вещи и вернулась сюда, — пояснил Клем грустно.

— И правильно сделала! — добила Эстелла. — И как у неё ещё терпения хватило тебя выносить так долго? Я бы и дня выдержала. От таких, как ты и твои родители, надо бежать без оглядки, — речь Эстеллы звучала жёстко.

— Зачем ты так говоришь? — с недоумением покосился на неё Клементе. — Что мы тебе сделали?

— Что вы сделали? Ты ещё спрашиваешь? — Эстелла взмахнула головой так, что черепаховая пейнета свалилась с её волос, хоть она и крепила её целый час у зеркала. — Во-первых, ты убил Пию.

— Я её не убивал! — вскинулся Клем, делая зверское лицо. — Она сама померла.

— По твоей инициативе, хотя ты мог сохранить ей жизнь, — Эстелла подняла гребень, втайне мечтая запустить им в Клема. — Во-вторых, ты и твоя семейка погубили Данте.

— Чего-чего?

— Чего слышал! Кто засунул его в Жёлтый дом, может быть, я? — уперев руки в бока прошипела Эстелла. Сейчас она напоминала разъярённую кобру. Стояло ей только вспомнить увиденное в Книге Прошлого, так и хотелось ей разорвать и Клементе, и его семейство голыми руками.

— Так решили мама и папа, — спокойно ответил Клементе. — Я-то тут причём?

— А, ты не причём? Ты всегда не причём! Вечно прикрываешься другими. Ты ведь святой, никогда ни в чём не виноват, виноваты все остальные! А ты, так называемый брат и лучший друг Данте, не должен был разве им помешать, когда они усадили его в дом умалишённых? Да все вы одинаковые, яблочко от яблоньки, все вы твари! — Эстелла не сдержалась и запустила-таки в Клема гребнем.

Он нагнулся, и гребень, перелетев через перила, упал в кусты.

— Ты что так себя ведёшь, спятила? — возмутился Клем. — Я не виноват, что Данте

сумасшедший!

— Он не сумасшедший! Это вы довели его до безумия! — в отчаянии воскликнула Эстелла. Начинаясь в мирном ключе беседа уже переходила в базарную ругань.

— Данте всегда был безумен, — сказал Клементе. Эстелле его слова виделись издёвкой и попыткой оправдаться. — А к тому, что было дальше, ты тоже приложила ручку. И не отпирайся! Ты, это ты довела Данте. Это из-за тебя у него крыша поехала. Ему даже мерещилось, будто стены шевелятся. А потом он совсем свихнулся. Сначала натворил дел и угодил в башню, а когда вернулся оттуда, мы даже стали его бояться. Потому что он был агрессивный и нёс всякую чушь. Даже дочь мою ненавидел.

— Потому что дочь твоя такое же исчадие, как ты и как твоя мамаша, — не удержалась от яда Эстелла.

— Не говори того, о чём ты не знаешь, — оборвал Клем. — А что касается Данте, если бы он был нормальный, его бы никто в Жёлтый дом не отправил. Но ему там хорошо.

— Хорошо?!!! — Эстелла как никогда сейчас понимала состояние Данте, когда его доводили до белого каления. Она чуть ли не дымилась от ярости.

— Да, мама навещала его. Его там хорошо лечат, он чувствует себя счастливым и даже домой не хочет, — сообщил Клем.

— Да ты... да вы... вот твари! — Эстелла едва не задохнулась. — А ты, ты хоть раз его навещал?

— Нет, но мама навещала.

— Ах, мама! — Эстелла начала орать. — Ну если то, в каком состоянии Данте видела я, она называет «хорошо», то она идиотка! Его там на цепи держали, как собаку, пока он не сбежал.

— Данте сбежал? — удивился Клементе.

— Да, уже год назад. А что, твоя мамаша тебе не сказала?

— Нет, — наморщил лоб Клем. — Как он мог сбежать год назад, если мама ездила к нему в прошлом месяце? Её не было пару дней, затем она вернулась домой и рассказала нам, что лечение Данте идёт успешно, и он выглядит даже весёлым.

— Это враньё! Эта гадюка Каролина вас просто надула! — своим выкриком Эстелла спугнула стайку печников, что облюбовали кустик лайма. — Она наверняка ни разу Данте и не навещала, просто вешала вам спагетти на уши. Данте сбежал из дома умалишённых ещё год назад. Его там нет и никто не знает, где он сейчас.

— Ты что-то путаешь, мама не могла нас обмануть, — не поверил Клементе.

У Эстеллы уже не было никаких слов, остались одни междометия, и она в гневе залепила Клему оплеуху.

— Ты что, совсем больная? — он схватился за щёку.

— Это вы больные! Я вас ненавижу, мрази! Вы погубили Данте! Он никогда не был сумасшедшим, он был нормальный! Уж я-то это знаю! Я всегда знала как привести его в чувства, когда он немного переходил границу. Вы специально от него избавились. Нет человека, нет проблемы! Уроды, как вас земля таких носит?

Эстелла разошлась ни на шутку. Она забыла, что стоит на улице напротив борделя, и все проходящие мимо проститутки на неё смотрят. Да ещё и Мисолина со злорадной ухмылочкой слушает её вопли.

Дверь борделя вдруг открылась и оттуда высунулась хмурая донья Нэла.

— Это что ещё тут у вас? — вознегодовала она. — Идите вон отсюда! Орите в лесу, а не

под окнами моего заведения!

— Простите, — буркнула Эстелла, но донья Нэла уже переключилась на Клема.

— А ты чего тут всё сидишь? Я ж тебе сказала, иди отсюда. У нас карантин, всё закрыто. Пять девочек увезли в госпиталь.

— А где Лус? — нагло вмешалась Эстелла.

— Лус тоже в госпитале. Но соваться туда не надо, там зараза мигом прилипнет. А ты вообще кто такая? — донья Нэла строго оглядела Эстеллу. — С какой целью ты сюда пожаловала, а, фифа?

— Я не фифа! — горделиво распрямила плечи Эстелла. — Мы с моей сестрой, — Эстелла указала на Мисолину, которая изучала разноцветную бабочку, спутавшую её юбку с розой, — пришли от сеньора Сантоса, от аптекаря. Нам нужны снадобья. Ну... снадобья для женщин, ну, вы понимаете?

Донья Нэла скривила уголки губ.

— Идём внутрь, но только одна. У нас карантин, всем нельзя, — и она поманила Эстеллу указательным пальцем.

Эстелла вошла следом за хозяйкой, оставив Мисолину и КLEMENTE снаружи.

Донья Нэла, проведя гостью в центральную залу, ушла во внутренние комнаты. Эстелла пялилась на вульгарную обстановку: стены, диваны и пуфы, обитые красным и розовым плюшем, картины с изображением голых девиц. В борделе не было ни души, и Эстелла, снедаемая приступом любопытства, рассмотрела всё, что смогла.

Донья Нэла вернулась через десять минут с коробочкой, полной всяких пузырьков.

— Я теперь сама их смешиваю, — объяснила она. — За сеньором Сантосом следят жандармы, вот он меня и научил. А чего остаётся делать нам, женщинам, не рожать же по ребёнку в год! Вот и крутимся. А ежели жандармы пристанут, так я им скажу, будто это афродизиаки, — она расхохоталась. — Так чего тебе надобно, красотка?

— Моя сестра в положении, — сказала Эстелла прямо. — Ей надо бы средство, чтобы вызвать выкидыш.

— Хм... а какой срок?

— Без понятия, — пожала плечами Эстелла. — Ну живот у неё ещё не виден, может месяц, может два.

Донья Нэла поковырялась в коробке и извлекла несколько пузырьков.

— Вот это посильнее, — она указала на красную бутылочку, — но скрутить может на несколько дней. От организма зависит. Но результат почти гарантирован, до месяца пятого так точно. Вот это послабее, — она показала на синюю бутылочку. — Его можно принять в следующие несколько дней после близости с мужчиной, для профилактики. А при очень большом сроке, — она наклонилась к Эстелле ближе, — травки и снадобья навряд-ли уже помогут. У меня одна из девочек на шестом месяце с лестницы падала, специально, три раза, на третий выкинула. Ещё с крыши можно или с лошади. А ещё есть народное средство, вязальная спица называется, — донья Нэла хихикнула в ответ на немой ужас Эстеллы. — А чего ты пугаешься, красотка? Моя прабабка так делала, дожила до девяноста семи лет, родила пятерых, а остальных спицей почикала ещё в утробе. И бабушку мою научила, и мать мою, да и меня тоже, ибо нечего нищету плодить. А раньше ж не так было, как теперь, делали всё подручными средствами, — и она опять расхохоталась.

В итоге Эстелла купила снадобья для Мисолины и свои запасы тоже пополнила. Собралась уже уходить, но тут дверь распахнулась и в неё ввалилась ярко-рыжая девица с

конопушками и туповатым добродушным лицом. В руках она держала пачку писем и газет.

— Донья Нэла, почта! — выкрикнула она, как торговка на базаре, тараща глаза на Эстеллу.

— Коко, сколько раз повторять, не ори дурным голосом! И без того голова трещит! — донья Нэла выхватила у Коко почту и стала просматривать её. Коко же не сводила с Эстеллы глаз. — Счета, счета, счета, «Городские ведомости», «Мода Парижа», «Светское чаепитие», — перечисляла названия донья Нэла, отбрасывая газеты и журналы в сторону. — А это что? — она выудила из-под кипы бесполезной макулатуры чёрный конверт. — Что бы это значило? Никогда таких не получала.

Не обращая внимания ни на кого, донья Нэла вскрыла конверт и вынула письмо, написанное на желтоватом пергаменте. Лицо её, сухощавое, с выдающимися скулами, покрывали мелкие морщинки, так что невозможно было определить сколько ей лет: тридцать или шестьдесят. Прочитав письмо, донья Нэла рухнула в кресло.

— Чёрт возьми, — выдавила она, роняя письмо на колени.

— Донья Нэла, чего это с вами? — пискнула Коко. Схватив графин с водой, она стала хозяйку отпаивать.

Эстелла не двигалась с места, не зная что делать: и уходить вот так нехорошо, и стоять тут столбом и слушать то, что её не касается, тоже. Но любопытство было сильнее, и она не шевелилась.

Донья Нэла сама дала ответ на все эстеллины вопросы.

— Лус померла, — объявила она, с Эстеллы переводя взгляд на Коко и обратно.

— Ой! — визгнула Коко, прикрыв рот руками.

— Это уведомление из госпиталя, — донья Нэла потрясла письмом. — Написано, что тело забирать нельзя, чумное оно, хоронить его не будут, сжигать только.

Эстелла разинула рот и попятилась к двери, обнимая сумочку со снадобьями.

— Бедная Лус, — всхлипнула Коко, когда Эстелла исчезла за дверью. — Донья Нэла, а вы знаете, чего это за особа к нам приходила? Чего ей было надо?

— Да снадобья купила, — глухо отозвалась хозяйка.

— А я её знаю! — объявила Коко.

— То есть?

— Ну... я её видала на одном портрете. Донья Нэла, вы помните брата Клементе, ну, того, что за Лус бегают и сидит щас на пороге у нас. Братец его красавчик такой, с длинными-длинными волосами.

— Помню такого, как его забудешь? Так он ведь сгинул куда-то.

— Эх, а я прямо аж без ума от него до сих пор, как вспомню! — Коко облизала губы. — Лакомый кусочек, жаль, что пропал. Так вот, эта самая фифа, я видала её на портрете, который он рисовал. Кажется, она его любовница.

— Ой, Коко, не неси чушь! — отмахнулась донья Нэла. — Где портрет, а где живой человек!

— А я говорю, она это, — упёрлась Коко. — Будь моя воля, я б её убила и забрала того красавчика себе.

— Всё, Коко, уймись! — прикрикнула донья Нэла. — Чтобы я этот бред больше не слышала! Иди лучше Расскажи девочкам о Лус. Какая жалость... Проклятая чума никого не щадит, даже молодых и красивых.

Эстелла вывалилась на улицу и чуть не споткнулась о Клементе. Он сидел всё там же, а

Мисолина, стоя поблизости, рассматривала клумбу с цветами. На стук входной двери она обернулась.

— Ну что? Купила?

— Угу.

— Что это с тобой? Ты что приведение увидела? — поинтересовалась Мисолина, глядя на вытянувшееся лицо Эстеллы.

— П-п-почти...

Новость о смерти Лус стала для Эстеллы шоком. Даже смерть Арсиеро она восприняла легче — забыла об этом на следующий же день. Но как только Эстелла увидела КLEMENTE, она осознала, что сейчас именно она должна будет сообщить ему эту новость. Вот не везёт, так не везёт! Эстелла уже открыла было рот, чтобы объявить ему прискорбную весть, но её неожиданно выручила донья Нэла, избавив от участи сказочной Банши — предвестницы смерти.

— Эй, парень, зайди, сказать тебе кое-чего хочу, — велела КЛЕМУ донья Нэла, выглянув в окно.

— А в чём дело? Речь о Лус? — удивился он.

— Да, о Лус. Заходи давай.

— Пойдём домой быстрее! — когда дверь за КLEMENTE закрылась, Мисолина и охнуть не успела, как сестра, вцепившись ей в запястье хваткой бульдога, поволокла её за собой.

— Пусти, мне же больно! — взвыла Мисолина, когда они завернули за угол. — Ты мне чуть руку не сломала! Чего случилось-то?

— Лус умерла.

— Кто это?

— Проститутка, возлюбленная Клема, ну, того парня, который сидел на пороге. Я не хотела ему сама об этом сообщать и не хочу при этом присутствовать, — объяснила Эстелла.

— Я его знаю, — Мисолина потирала руку — на запястье у неё красовался багровый след. — Он был с тем, с длинноволосым, в тот день, когда они меня отсюда вытащили. Тот первый милашка, а этот мне не нравится. Какой-то он скользкий.

— Вот и правильно. Он правда скользкий, — согласилась Эстелла. — Погубил жену, погубил брата, да и Лус доконал, видимо. Не просто же так она вернулась в бордель. Поэтому и заболела. Подхватила заразу от одной из девиц, наверное. Идиот этот КLEMENTE! Как и вся его семейка!

Покинув Баррьо де Грана, сёстры поймали экипаж и доехали до замка Рейес.

После обеда Эстелла напоила Мисолину снадобьями и та, ощутив их действие, слегла с недомоганием.

Эстелла спустилась в библиотеку. Со вчерашнего дня она увлеклась книгой о злой ведьме, что приняв облик юной девушки, убивала всех красавцев сказочного королевства. Читала она допоздна, потом вспомнила о Мио. Он опять куда-то делся — это было последней мыслью Эстеллы перед тем, как она упала в объятия Морфея.

Разбудил её шорох и чье-то мягкое прикосновение к руке. Эстелла открыла глаза — в них ударило солнце. Девушка так и сидела в библиотеке, уронив книжку на колени. Рядом с её креслом на пуфе расположился Маурисио. Он трогал Эстеллу за волосы и целовал ей ладошку.

Она резко вырвалась.

— Какая наглость! Что вы себе позволяете? — Эстелла вскочила с кресла. — Сначала

вы надо мной издеваетесь, потом исчезаете на трое суток, опять являетесь и строите из себя великого любовника? Прекратите этот фарс, я вам всё равно не верю! — Эстелла прошлась по комнате, волоча подол тяжёлого бархатного платья, усыпанного топазами.

— Простите меня, Эстелла, я должен был вас предупредить, что задержусь. Всё дела, дела, — Маурисио говорил спокойно и без бывшего пафоса, но смотрел на Эстеллу с каким-то вожделением. — Вы очень хороши, Эстелла.

— Ха! Неужели? Я проспала всю ночь в кресле, и вы смеете мне говорить, что я хороша? Лицемер! — задрав голову, Эстелла поспешила к себе в комнату.

Приведя себя в порядок, она заглянула к Мисолине. Та, скорчившись на окровавленных простынях, рыдала в голос.

— Ну и что ты воешь? — раздраженно бросила Эстелла. — Я через это проходила, не так уж и больно.

— Но я истекаю кровью! — пропищала Мисолина.

— И что? Тебя никто не заставлял спать с кем попало? — выдала Эстелла, сощурив глаза. В них сверкнула злость, смешанная с мстительным удовлетворением. Прекрасно, что Мисолина страдает. Не только же она, Эстелла, должна мучиться.

— Ты специально меня напоила какой-то гадостью. Наверняка это яд, и я умру! — скрипнула зубами Мисолина.

— Непременно, — ухмыльнулась Эстелла. Маурисио испортил ей настроение и теперь ей хотелось отыгаться на сестре. — Ну и что ты разлеглась? Иди в ванную, а я скажу Чоле, чтобы она поменяла тебе простыни, — и Эстелла удалилась.

Так Мисолине и надо, вот ещё она с ней не нянчилась. Когда ей, Эстелле было плохо, к ней никто не пришёл на помощь, она страдала в одиночестве.

Эстелла пошарила по углам в поисках Мио, но того и след простыл. Видимо, он укрылся от Маурисио.

Целый день Эстелла избегала встреч с маркизом, прячась то в библиотеке, то в спальне. Вечером Мисолине полегчало, и она вышла к ужину. Слегка осунувшаяся и побледневшая, она расцвела улыбкой при виде Маурисио. Тот, кивком её поприветствовав, весь вечер сверлил глазами Эстеллу так, что у той кусок в горло не лез.

Последние два часа перед сном традиционно были посвящены бесполезному ничегонеделанию в гостиной. Эстелла поглощала книгу страница за страницей, Маурисио читал газету, а Мисолина вышивала салфетку. Поглядывая на неё краем глаза, Эстелла убедилась, что ничего она не шьёт — за два часа семейных посиделок она сделала от силы стежков десять, а всё остальное время глазела на Маурисио.

Ночью Маурисио, как ни странно, в комнату супруги не пришёл. Не явился и Мио.

Последнего Эстелла очень ждала — привыкла, что тёпленький пушистый комочек лежит у неё под боком.

Она долго ворочалась и проспала от силы часов пять. Вскочила ни свет, ни заря, чувствуя себя разбитой. Даже прихорашиваться ей было лень. Какой в этом смысл? Вот ради Данте она бы постаралась, а ради Маурисио она и пальцем не пошевелит.

Поэтому Эстелла решила на зло ему выглядеть как можно хуже. Приняв ароматную ванну, она надела простенькое (по её мнению) платье из муслина — зелёное в белую полосочку и с изящной вышивкой на поясе и рукавах. Скрутив волосы в пучок, она украсила их алмазной шпилькой, обула зелёные туфельки без каблуков и в таком виде покинула комнату.

Часы на стене показывали восемь утра, а в гостиной уже кто-то был. Эстелла перегнулась через балюстраду.

На диване сидел Маурисио. Закинув ногу на ногу, он читал книгу. Это было первое, что Эстеллу поразило. За пять лет брака она ни разу не видела, чтобы Маурисио читал книги — обычно газеты и журналы. Рядом с ним была и Мисолина. Судя по её виду, про вчерашнее недомогание она забыла. Одета в ярко-красное платье, с обнажёнными плечами и с декольте, доходящим чуть ли не до пояса, она кружила около Маурисио, как шмель вокруг цветка. То садилась напротив него, то ходила по гостиной, наливая ему виски и, забравшись на подлокотник его дивана, протягивала ему стакан. Он рассеяно делал пару глотков, потом, морщась, отставлял стакан. Мисолина вспархивала с дивана и через некоторое время наполняла новый стакан. Таких стаканов возле Маурисио стояло уже штук пять.

Эстелла подавила смешок. Надо же, вырядилась в бальное платье в восемь утра! Мисолина явно нацелилась соблазнить Маурисио прямо у неё, у Эстеллы, под носом. Нет, конечно, она не ревнует. Она с радостью отдаст Маурисио сестре. Но сам факт такой подлости выводил Эстеллу из себя. Пригрела змею на груди! Только вчера Мисолина избавилась от ребёнка, прижитого неизвестно с кем, третьего по счёту, и уже ищет новых приключений.

Эстелла вслушалась в беседу мужа и сестры, ловя каждую фразу.

— Знаете, Маурисио, меня восхищают такие мужчины, как вы, — тараторила Мисолина жеманно. — Галантные, благовоспитанные, утончённые. И меня всегда удивляло, почему же такие мужчины часто женятся на развратницах и хабалках. Вот взять вас и мою сестру. Если бы она не была моей сестрой, я бы сказала, что она дочь какой-нибудь посудомойки и кучера. О, это ужасно так говорить о родной сестре, но у неё совсем нет манер, — Мисолина притворно вздохнула, наяривая круги по гостиной. — Она распущенная и уродливая, а я ей полная противоположность, — Мисолина умолкла, потому как Маурисио оторвал взгляд от книги. — Маурисио, о, я не должна вмешиваться в вашу жизнь с моей сестрой, — продолжила Мисолина нараспев, — но я не могу молчать. Мой долг благочестивой женщины, посещающей церковь и верующей в Господа нашего, раскрыть вам глаза. То, что с вами делает эта распутница, несправедливо. У Эстеллы с юности была целая туча любовников. Будучи ещё незамужней, она собирала в свою постель всё, что шевелится, включая и нашего конюха, и кучера, и садовника, и даже посыльного, — перечисляла Мисолина, загибая пальцы.

Эстелла сжала кулаки. Нет, это просто уму непостижимо! Да как эта потаскуха смеет говорить о ней такой вздор? О ней, об Эстелле, у которой за всю жизнь было только два мужчины: Данте и Маурисио, и то второй по принуждению. Она бы всё на свете отдала, чтобы Маурисио в её жизни никогда не существовало! А Мисолина смеет такое говорить про неё. Хотя кому-кому, а ей-то уж следовало бы молчать в тряпочку.

— А я ведь могла бы стать принцессой. О, да, сам сын вице-короля мечтал жениться на мне! — сочиняла Мисолина. — Да что там он, однажды меня чуть не похитил арабский шейх. Он так прельстился моей небывалой красотой, что валялся у меня в ногах и предлагал мне в дар весь мир, но я отвергла и принца, и шейха, — Мисолина сложила ладони в молитвенном жесте. — Я ведь жду своего единственного и отдам себя только ему.

И вот тут Эстелла заржала в голос. Мисолина и Маурисио, подняв головы, увидели, что она стоит на лестнице. Мисолина с видом оскорблённой невинности поджала губы.

Маурисио тотчас захлопнул книгу.

— А я вижу, сестрёнка, ты даром времени-то не теряешь, — молвила Эстелла, спускаясь по лестнице. — Ещё вчера шлялась не пойми с кем и плодила детей ото всех подряд, а сегодня уже соблазняешь моего мужа, строя из себя непорочную деву.

— Что ты говоришь, Эстелла? — возмутилась Мисолина тоном монахини. — Зачем ты меня оскорбляешь? Как тебе не стыдно? Да, я вдова, но когда я выходила замуж, я была невинна. И я всегда была верна своему мужу, я верна ему и после его смерти. И у меня нет детей, не наговаривай на меня сестрёнка, Богом тебя прошу. Господь не дал мне ребёночка от моего покойного муженька, царствие ему небесное, — Мисолина в порыве вдохновения подняла руки к потолку.

Эстелла упала на диван, хватаясь за живот. Она хохотала и хохотала, пока у неё слёзы не потекли.

— Ну какая же ты дрянь! — сквозь смех выговорила она. — Нет, мне конечно, всё равно. Если тебе так нужен этот дегенерат, забирай его себе, — Эстелла ткнула пальцем в Маурисио. — Ты ведь знаешь толк в извращенцах, тебя на них тянет. О, сестрёнка, ты сделаешь мне огромное одолжение, избавив меня от него!

— Ты не умеешь ценить настоящих мужчин, — Мисолина выпятила нижнюю губу. — Потому что у тебя их было столько, что ты потеряла вкус. Ты неспроста знакома с проститутками из борделя.

Устав от оскорблений, Эстелла подошла к сестре вплотную и врезала ей по лицу.

— Вот и помогай тебе после этого, тварь! — выкрикнула Эстелла. — Я вчера с тобой весь день носилась, избавляла тебе от проблемы. И вот как ты меня отблагодарила! А я ещё с дуру подумала, что ты изменилась. Когда у человека нет мозгов, это навсегда, — и Эстелла ушла в библиотеку, громко постукивая каблуками.

Как только за ней хлопнулась дверь, Мисолина, хныча и прижимая руку к щеке, подошла к Маурисио.

— Она меня ударила, представьте себе. Она с детства меня бьёт. Маурисио, вы такой милый, — заискивала Мисолина. — Вы мне поможете?

Он взглянул на неё с нескрываемым раздражением.

— Это каким же образом?

— Подуйте мне на щёку! — потребовала Мисолина капризно. — А лучше поцелуйте её.

— По-моему вам надо лечиться, — взорвался Маурисио. — Оставьте меня в покое! Что вы ко мне привязались? Я женат на вашей сестре, если вы забыли.

— Но разве я вам не нравлюсь? — Мисолина недоуменно похлопала глазами. — О, я намного лучше её, поверьте мне! Если бы вы только захотели, я бы сделала так, что вы бы забыли об этой курице навсегда.

— Не смейте так говорить об Эстелле! — рыкнул Маурисио. — Вы мне не нужны! Поймите и примите этот факт. Я люблю Эстеллу!

— Это вам так кажется, — уверенным тоном сообщила Мисолина. — Но вы её разлюбите и полюбите меня, я в этом уверена. Я очень красивая. Такой, как я, в этом мире больше нет. Я вам это докажу! — и Мисолина стянула платье с плеч, обнажив всю грудь.

— Ты что дура?! — Маурисио шарахнулся в угол, но споткнулся о ковёр и упал на пол.

— Вот видите, моя красота вас так ослепила, что вы даже упали, — не собираясь отступать, Мисолина подошла ближе.

— А ну-ка прикройтесь сейчас же! — и Маурисио зажмурился.

— Я же говорила, что я красивая. А вы зажмурились, потому что я свожу вас с ума и вы боитесь не устоять. Не бойтесь, если Эстелла будет нам мешать, я обварю её кипятком и она сдохнет, — присев на корточки с Маурисио рядом, Мисолина схватила его руку и положила её к себе на грудь.

Маркиз оттолкнул её. Мисолина шмякнулась на пол. Он вскочил и попятился к лестнице.

— Иди к чёрту, дура! Ещё одна такая выходка и ты вылетишь из этого дома! Я тебя здесь терплю только из-за Эстеллы. Но в сравнении с ней ты просто облезлая мышь. Хочешь знать у кого грудь красивее? — выдал Маурисио с несвойственным ему, мальчишеским запалом. — Так я тебе скажу — у неё. У Эстеллы грудь как апельсины, а у тебя как чеснок. Так что прикройся и не позорься, тебе нечего показывать! — и он убежал вверх, оставив Мисолину одну.

— Ты всё равно будешь мой, котик, — Мисолина натянула корсаж на грудь обратно. — Я знаю, ты любишь меня, просто не признаёшься в этом. Чола! Чола! — позвала Мисолина служанку. — Немедленно помоги мне встать!

Чола, выйдя из кухни, подхватила Мисолину под локти и поставила её на ноги.

— Замечательно. А теперь приготовь мне коктейль из манго, я хочу пить! И побыстрее, служанка, а то я тебя выгоню.

Чола рот разинула от такой наглости.

— Вообще-то мои хозяева — сеньора Эстелла и сеньор Маурисио, а не вы, и только они могут меня уволить, — буркнула Чола недовольно.

— Ошибаешься, служанка. Я — будущая маркиза Рейес! — Мисолина топнула ногой для пущей убедительности. — Моя сестра скоро покинет этот дом, а я выйду замуж за Маурисио. Это уже решено. Так что не зли меня, служанка, делай что я велю, пока я не отлупила тебя кочергой. И помой полы, здесь грязно, я испачкала свои туфельки.

Покрутив пальцем у виска, Чола ушла в кухню, а Эстелла, которой из библиотеки было всё прекрасно слышно, икала от смеха. Да-а, Мисолина явно больна. Вот кому надо в Жёлтый дом!

===== Глава 26. Комитет Милосердия =====

Пол дня Мисолина занималась тем, что украшала дом цветами. Для этого она ободрала все клумбы в саду, за что Эстелла мечтала вздёрнуть её на крюк. Только до обеда Мисолина переодевалась два раза. Первым было двухслойное жёлтое платье: верхний слой — длинная туника из аксамита [1] с завышенной талией и бантом под грудью. Под тунику надевалось нижнее платье в складочку. В таком наряде Мисолина бегала вокруг Маурисио по гостиной, напевая легкомысленные песенки. Но к одиннадцати утра она сочла: платье маркизу не нравится, ведь он не смотрит на неё. И Мисолина сменила наряд. Теперь её синий атласный корсаж украшали рюши, рукава-фонарики оканчивались кружавчиками, а к подолу серебристой юбки была пришита бахрома. От пояса, скрученного из искусственных цветов, тянулся длинный синий шлейф. Он откровенно мешал Мисолине ходить, но она мучилась до самого обеда, таская несчастный шлейф в руке.

В итоге, маркиз спрятался от неё в кабинете, а Мисолина, переодевшись в серенькое платье с чёрными цветами и широким атласным поясом, явилась в кухню. Выгнав оттуда кухарку с поварихой, она три часа готовила нечто ядовито-розового цвета, противно пахнущее капустой. Когда варево дошло до кондиции, Мисолина велела Чоле подать его Маурисио вместо чая. Поглощённый чтением, Маурисио обратил внимание на то, что он

выпил, лишь когда у него началось расстройство желудка. На весь остаток дня он слёг в постель и, к вящему неудовольствию Мисолины, запустил в неё туфлей, когда она явилась к нему в спальню, чтобы «помочь».

С одной стороны, Эстеллу всё это забавляло, но с другой бесило. На следующее утро она потребовала от Мисолины, чтобы та заканчивала «крутить хвостом» перед Маурисио.

— Что, ревность обуяла, сестричка? — сладенько улыбнулась Мисолина. — И правильно. То ли ещё будет. Скоро ты сдохнешь от ревности и зависти. Ты будешь рыдать горючими слезами и грызть свои локти, а я стану маркизой Рейес!

— Ревную? Я? А-ха-ха-ха! Да делай ты что хочешь, маркиза Рейес! — хохоча, Эстелла убежала в сад и некоторое время мрачно глядела на клумбы, разорённые Мисолиной.

На самом деле Эстелла ни капли не ревновала. На Маурисио ей было плевать, но её бесила свинячья неблагодарность Мисолины. Вот как так можно? Её приютили из жалости, а она в открытую соблазняет мужа родной сестры.

Но Маурисио сделал свои выводы, приняв всё за чистую монету. Неделью он заваливал Эстеллу подарками: цветами, платьями и ювелирными украшениями. Эстелла была раздосадована. Неужели он правда счёл, что она ревнует к Мисолине? Ну почему ей так не везёт? Если бы он обратил внимание на эту дуру, Эстелла бы дала ему развод и покинула бы этот дом. Но Мисолина маркизу была до фонаря, хотя на зло Эстелле он пару раз с её сестрицей заигрывал. Эстелла откровенно смеялась над ними, но и это не помогло. И Маурисио удвоил натиск, подарив ей шёлковое платье с сапфирами. При виде необыкновенной красоты камней Эстелла ощутила в груди боль. Синие-синие сапфиры — сверкающие кусочки вечернего неба — напомнили ей глаза Данте. И она расплакалась; слёзы её капали на нежный шёлк, сияя не хуже драгоценных камней. Маурисио был озадачен такой реакцией. Но (Эстелла отметила), он больше не дарил ей ни меха, ни перья. Надо же, запомнил урок! Да и насиловать её он нынче не пытался, даже в комнату к ней не заходил. Неужели удар по голове вправил ему мозг?

Эстелла слабо верила в «исправление» Маурисио. И ещё её волновала судьба Данте — сомнения в том, что Маурисио что-то с ним сделал, в её душе не утихали. В конце концов, она спросила Маурисио напрямую: что он сделал или собирается делать с Данте.

— О чём вы говорите?

— Как это о чём? — Эстелла сузила глаза, мечая ими молнии. — Я вас спрашиваю, что вы сделали с Данте?

— Данте? — потёр виски пальцами Маурисио. — Данте... Данте... что-то знакомое... А кто это?

Ах, вот как?! Значит, он решил прикидываться беспмятным! Рассвирепев, Эстелла смахнула со стола в кабинете все бумаги и ушла. Теперь-то она убедилась: Маурисио затеял что-то недоброе.

Дни тянулись за днями, и Эстелла, несмотря на злые чудачества Мисолины в виде выкрашенных охрой дверных ручек или испорченных туфелек, впала в апатию. Её ничто не радовало. Она живёт не своей жизнью, жизнью пустой и бессмысленной. Какой-то замкнутый круг. Она, как та лошадь, что ходит по цирковому манежу, и нет у её пути ни смысла, ни начала, ни конца.

Но перемена пришла сама, когда её никто не ждал. Однажды утром в замок Рейес явились дамы из Городского Комитета Милосердия. Это были Беренисе Дельгадо и две её столь же нудные и бесформенные подружки.

Эстелла люто ненавидела всех этих моралисток и праведниц. Но, пригласив их в гостиную, она полюбопытствовала: а что им надо. Дамочки, перекрикивая друг друга, объявили, что в связи с наплывом больных в госпиталь, санитары, доктор Дельгадо и чумные доктора не справляются. Так что отныне все замужние дамы и вдовы из любого сословия должны работать в госпитале.

— Ох, маркиза, мы узнали, что вы немного занимались медициной, — вкрадчиво сказала Беренисе Дельгадо. Её двойной подбородок колыхался при каждом вздохе.

— Немного? — фыркнула Эстелла оскорблённо. — Я закончила Медицинскую Академию! Я фельдшер!

— Ах, так это ж прекрасно! Тогда ваше присутствие нам просто необходимо! — девичьим голоском завершала сеньора Констанса Марвиля — женщина, похожая на платяной шкаф, (Эстелла не доставала ей и до плеча).

— Но я не чумной доктор, — пояснила Эстелла. — Я могу лечить раненых или не тяжёлых больных, но чума не в моей компетенции. Так что, сеньоры, извините, это не ко мне.

— Но как же так? — огорчились дамы.

— Вы не можете отказаться!

— Нам важны любые руки!

— Лечить никого не надо. Надо просто побыть сиделкой или санитаркой.

— Но я не хочу умирать от чумы! — не сдавалась Эстелла. Ей было наплевать на все эти благотворительные общества, помощь больным, бездомным, прокажённым. Во-первых, Эстелла не верила в искренность этих «святых» благодетельниц. Она была убеждена, что их доброта и порывы по помощи чужим людям — работа на публику. Во-вторых, Эстелла не была жалостливой, она и нищим-то на паперти подавала, лишь когда велел падре. А уж быть спасительницей умирающих! Нет, уж, увольте! Она пока в своём уме и надеется ещё немного пожить. Хотя бы дожить до встречи с Данте. Ещё бы разочек увидеть его милое, любимое лицо. Ради этого она была согласна даже подмочить репутацию. Пусть эти тётки считают её бессердечной, но чужие несчастья её не колышут, ей и своих хватает.

— Да вы просто эгоистка, маркиза! — заключила щупленькая и морщинистая, как жабо на шее денди, сеньора Апполинария Веласкес-Гретто. — Вот графиня де Пас Ардани наверняка нам поможет, — обратилась она к Мисолине, которая как раз спускалась с лестницы.

— О, я с удовольствием вам помогу, сеньоры! — воскликнула Мисолина, подходя ближе.

— Дорогая графиня, мы — представительницы Городского Комитета Милосердия, — пояснила Беренисе.

— Ах, так вам, верно, нужны деньги? — театрально огорчилась Мисолина. — Я бы рада помочь, правда, сеньоры, — пищала она ангельским голоском, — но у меня нет сейчас денег. Понимаете, мой дорогой муж, граф де Пас Ардани покинул эту бренную землю, не оставив мне наследства. Уж не знаю как, но все его деньги и земли отошли каким-то дальним родственникам. Думаю, тут не обошлось без махинаций. Но я, как женщина благочестивая и набожная, не держу ни на кого зла. Бог им судья, — пока Мисолина строила из себя святошу, Эстелла прикрыла рот веером, чтобы не заржать. — А теперь я живу из милости у сестры и её мужа, и не могу просить у них денег.

— Нет-нет, графиня, вы не поняли! — прервала Констанса. — Нам не нужны деньги.

Сейчас нам нужны помощники. Свободные руки и самоотверженные, благородные сердца. Надо ухаживать за больными в госпитале.

— ЧТО? — глаза Мисолины чуть из орбит не выпали, а ангельский тон будто корова слизала. — Мне, с моими шёлковыми ручками ухаживать за чумными? Помилуйте, сеньоры! Нет-нет, никогда!

— Но падре Антонио велит проявить милосердие в столь тяжёлое время, — напомнила сеньора Апполинария.

— Я... я... я понимаю, но я не согласна проявлять милосердие за счёт своей жизни, — насупилась Мисолина. — Знаете, у меня ещё есть планы на жизнь, и я...

— В общем ни я, ни моя сестра не станем работать в госпитале, — закончила её мысль Эстелла. — Поищите кого-нибудь другого, сеньоры.

Мисолина закивала — впервые они с Эстеллой нашли точку соприкосновения.

— Но... как вы можете отказываться от такого благородного дела? — пролепетала возмущённая Беренисе.

— Сеньора Дельгадо, а вы-то сами почему не работаете в госпитале? — лукаво спросила Эстелла. — Могли бы помочь своему мужу.

— Я? В госпитале? — Беренисе явно такой вопрос в лоб не ждала. — Да-да, конечно, маркиза, я бы с радостью. Но я не могу, знаете, у меня слабое здоровье и от неприятных запахов я падаю в обморок.

— В общем, вы тоже ни черта не делаете, — заключила Эстелла. — Тогда не смейте обвинять нас в эгоизме. Прошу всех на выход.

— Но...

Эстелла направилась к двери, давая понять, что гостям пора восвояси, но тут из кабинета вышел Маурисио.

— В чём дело? — спросил он строго. — Это что тут за сборище? Разве вы не в курсе, сеньоры, что массовые собрания запрещены?

— Здравствуйте, Ваше Сиятельство! — дамы присели в реверансе. — Хорошо, что вы здесь. Вы могли бы помочь нам и вразумить вашу супругу и её сестру.

— А в чём собственно дело?

— Мы из Городского Комитета Милосердия. Мы помогаем нуждающимся. Знаете, ничего нет достойнее такой миссии. Падре Антонио говорит, что мы исполняем волю Господа на земле, — верещала Беренисе.

— А если ближе к делу? — оборвал её Маурисио.

— Падре Антонио велит всем горожанкам хотя бы пару часов в день посвящать уходу за больными в госпитале, — ответила сеньора Апполинария. — Ваше Сиятельство, больных столько, что они того и гляди из окон посыпятся. А ходить за ними некому, рук не хватает.

— То есть вы хотите, чтобы моя жена ухаживала за чумными? — Маурисио пошёл красными пятнами. — Вы хотите её смерти?

— Ну что вы, маркиз, разумеется нет! — залепетала Констанса, обмахиваясь поросычез-розовым веером. Она была выше и Маурисио, который не мог пожаловаться на недостаток роста. — Но это благородная миссия. Если даже маркиза умрёт, она попадёт в рай.

Пока Маурисио переваривал информацию, сеньора Апполинария рассказала, что больные уже лежат в коридорах госпиталя, а вчера их начали выносить на веранду, ибо складывать их уже некуда.

И тут вдруг мозг Эстеллы заработал в ином направлении. Нет, идти в госпиталь ей совсем не улыбалось. Но а что если Данте тоже там, в госпитале? А вдруг он там умирает, а она и знать ничего не знает.

— Моя жена не будет помогать чумным! — Маурисио говорил резко. — Я запрещаю это безумие! Так что, сеньоры, вон отсюда! И чтобы я вас больше тут не видел.

Дамы поджали губы.

— Какие вы все бессердечные! — процедила сеньора Апполинария.

— Нет, сеньора, просто мы не хотим умирать, — ответила ей Мисолина.

Но Эстелла вдруг выдала:

— Стойте, я передумала!

Все усталились на неё, разинув рты.

— Ну нет, я категорически против! — выпалил Маурисио. — Вы моя жена и обязаны подчиняться моей воле. Только этого мне не хватало, чтобы вы ещё заразу подцепили в этом госпитале.

— Не смейте мне что-то запрещать! — Эстелла едва не пристрелила его взглядом. — Я не ваша собственность! Или, может, вы хотите, получить камнем по голове ещё раз? Так что не лезьте ко мне. Я приняла решение. Сеньоры, вы можете на меня рассчитывать, я буду работать в госпитале.

— Прекрасно, чудесно, восхитительно, это просто замечательно! — тараторили дамы, перебивая одна другую.

— Тогда завтра в восемь утра, маркиза, Комитет пришлёт за вами экипаж, — победно закончила Беренисе, и дамы откланялись.

Но когда дверь за ними закрылась, Маурисио, схватив Эстеллу за руку, потащил её в кабинет. Последнее, что Эстелла услышала, — хихиканье Мисолины за спиной.

Эстелла была уверена: Маурисио её изобьёт, но он усадил её в кресло и запер дверь на ключ.

— Что, опять будете меня бить?! — с вызовом крикнула Эстелла. — Всегда говорила, что вы не мужчина.

— Уймитесь, не собираюсь я вас бить, — глухо отозвался он.

Маурисио молча прошёлся по кабинету взад-вперёд; начищенный паркет поскрипывал под его каблуками. Эстелла тяжело дышала, готовая отстаивать свои права. Ну почему, почему она должна жить как в клетке и отчитываться перед этим субъектом за любой вздох? Она и сама не хочет идти в госпиталь, но пойдёт, чтобы искать там Данте. Она для этого и вернулась в город.

Сев в кожаное кресло, Маурисио закурил сигару.

— Вот скажите мне, Эстелла, — он выпускал огромные кольца дыма, и Эстелла начала задыхаться, — зачем вы собрались идти в госпиталь?

— Как это зачем? Вы же слышали, им нужна помощь, а я фельдшер. Я что просто так училась что ли? — буркнула Эстелла.

— Я этого не говорил, — миролюбиво ответил Маурисио. — Я не запрещаю вам помогать людям. Помогайте, лечите больных, у которых несложные заболевания. Простуда, например. Если хотите, откройте свой кабинет для приёма пациентов. Но после того, как эпидемия закончится. А в госпиталь к чумным вы не пойдёте!

— Нет, пойду!

— Нет, не пойдёте!

— Нет, пойдю! — Эстелла топнула ногой.

— А я говорю, не пойдёте! — не отступал Маурисио. — Если надо будет, я запру вас в комнате.

— Ах, ну разумеется! Настоящий аристократ и настоящий мужчина, когда у него заканчиваются аргументы, женщину запирает, бьёт и насилует. Отлично! — осклабилась Эстелла. — Но что бы вы не делали, в госпиталь я всё равно пойду.

Маурисио глубоко вздохнул.

— Ну до чего же вы упрямы! Я не понимаю, зачем вам туда идти, Эстелла. Объясните мне. Я не верю в вашу готовность пожертвовать собой во имя милосердия, — губы его чуть дрогнули, будто он сдержал улыбку. — Вы неверующая, вы не жалостливая, вы не любите людей. Зачем вам туда идти? Вы на мёртвых посмотреть хотите что ли? Вы мазохистка? Или вас гложет врождённое любопытство?

— Да откуда вам знать, что я на самом деле чувствую?! — разозлилась Эстелла. Её обескуражил мягкий тон Маурисио и то, что он раскусил её натуру. До этого момента Эстелла была уверена: Маурисио абсолютно её не понимает. — Я просто хочу туда пойти. Это каприз!

— Каприз? — он приподнял бровь, хотя раньше такая мимика была ему несвойственна. — Я не думал, что вы капризуля. Но даже если это каприз, то я решительно против. Я знаю, вы очень смелая, самая смелая и самая восхитительная женщина из всех, кого я встречал, — обычно холодный голос его стал бархатным. — Именно поэтому я не хочу вас потерять. Чума — это не игрушки, Эстелла. Если вы заболаете, никто вас не спасёт.

— Ну и что? А вы меня спросили? Может я этого и хочу: умереть, расстаться с этой проклятой жизнью! — уронив лицо в ладони, Эстелла разревелась.

Маурисио вдруг сел на пол у её кресла. У Эстеллы аж сердце ёкнуло — так всегда делал только Данте. Он садился у её ног и клал ей голову на колени, как кот в поисках ласки. Конечно, это совпадение, но для Эстеллы оно было болезненным. Если бы сейчас на месте Маурисио был Данте, если бы! Сто лет не нужен ей этот госпиталь. Она бы и не пошла туда, если бы не страх за Данте.

— Эстелла, послушай, — Маурисио расправил складки на её юбке. — Не ходи туда, если ты заболеешь, я тоже умру. Я не смогу жить без тебя.

Она опешила. Маурисио говорил мягко, нежно, а в глазах его горела искренняя любовь. Он никогда так с ней не разговаривал и сейчас не походил на того Маурисио, к которому она привыкла. Если бы Эстелла не видела его лица, она могла бы поклясться, что перед ней другой человек. Неужели удар по голове так на него повлиял?

— Эстелла, не ходи туда... пожалуйста, — уговаривал он. — Не делай такой глупости. Ты не сестра милосердия и не монашка, ты не обязана помогать чужим людям. Эстелла... Эсте...

И тут Эстелла очнулась.

— Я вам уже говорила десять раз: никогда не смейте мне тыкать и никогда не называйте меня Эсте!

— Но почему?

— Потому! — резко встав, она перешагнула прямо через Маурисио, отхлестав его юбкой по лицу. — Я ненавижу когда меня называют Эсте. Мне это неприятно! Ясно?

И, подбежав к двери, она повернула ключ и выскочила из кабинета.

За ночь Эстелла обдумала план на завтра. Чтобы удрать от Маурисио, придётся встать

пораньше. Она не будет дожидаться экипажа от Благотворительного Комитета, а доедет на обычном. Придёт в госпиталь, скажет, что готова помочь, но сама ухаживать за больными не станет. Просто воспользуется шансом, чтобы перемещаться по госпиталю свободно и выяснить есть ли там Данте. И Маурисио ей не помешает. Если попробует, она его убьёт!

Комментарий к Глава 26. Комитет Милосердия —————

[1] Аксамит — золотая или серебряная ткань с разводами, плотная и ворсистая как бархат.

===== Глава 27. Госпиталь Санта Маргарита =====

Ни свет, ни заря Эстелла уже была на ногах. Надев удобное платье — чёрное, с небольшим кринолином и длинными рукавами — она убрала волосы под чепец, наспех перекусила бутербродами и выскочила из дома, когда часы показывали без четверти восемь. Поймав экипаж, через минут тридцать Эстелла доехала до госпиталя.

Госпиталь «Санта Маргарита» представлял собой трёхэтажное каменное здание с глухим забором и деревянными воротами. Эстелла нетерпеливо позвонила в ржавый колокол у входа. Навстречу ей вышла санитарка — полная женщина в засаленном цветном платье и сером фартуке с карманами.

— Чего вам угодно? — спросила она хмуро.

— Здравствуйте, сеньора. Я от имени Комитета Милосердия, я хочу помочь в госпитале, — Эстелла улыбнулась санитарке, чтобы убедить её в своей искренности.

Но та нахмурилась, оглядывая Эстеллу. Девушка выглядела просто в своём платье и чепце, но её изящные пальчики и туфельки из кожи крокодила выдавали её с головой.

— Вы сразу видать аристократка, — пришла к выводу санитарка. — Много вас тут ходит таких сердобольных. Да толку-то от вас? Вы ж ничего делать не умеете!

— Но я буду стараться, сеньора, — пролепетала Эстелла нежным голоском. Очень ей не хотелось отказываться от своих планов, поэтому она прикидывалась ангелом.

— А заболеть-то не боишься? — спросила санитарка лукаво.

— Боюсь, — вздохнула Эстелла, опуская ресницы. В непокорной душе её уже начинала закипать досада. Какого чёрта эта тётка её допрашивает?

— А чего пришла тогда? Доброта прёт, того гляди из ушей полезет, так что ли? Или чего другого тебе тут надобно? — женщина скрестила руки на груди.

— Я только хочу помочь, сеньора, — промямлила Эстелла кротко, хоть и была готова надавать этой бабенции оплеух. — Меня пригласили дамы из Комитета Милосердия. А падре Антонио велит нам помогать страждущим.

— Какие прямо все милосердные, сил нету! Красотки да богачки так и жаждут помогать этим несчастным. Ага, знаю я, чего вы все тут ищите. Небось любовников своих, да чай мне от этого ни убыли, ни прибыли. Дело твоё, хочешь на больных поглядеть, поглядишь. Пошли, — санитарка махнула рукой, велев Эстелле идти за ней.

Они вошли в калитку, и у Эстеллы ноги подкосились: прямо у входа, на траве лежали люди. Кучи людей и в лохмотьях, и в богатых одеяниях, одутловатые, покрытые испариной, волдырями и язвами, с выпученными глазами и разинутыми ртами; синие, зелёные, жёлтые, бледные. Одни стонали и хрипели, другие бились в припадках, третьи едва дышали. Эстелла обкрутила ноги юбкой и пошла на цыпочках, чтобы никого не задеть. Это было проблематично — люди лежали вплотную друг к другу, как огромные рыбы в сетях рыбака.

— Местов нет больше в госпитале, вот и кладём их куда придётся, — пояснила

санитарка.

— Они все помрут, все кто, попал сюда, обречены. Нам остаётся облегчать их страдания да молиться за их души. Тебя звать-то как?

— Эстелла, — пролепетала потрясённая Эстелла. Одной минуты ей хватило, чтобы понять: она тут в первый и в последний раз. При условии, что не найдёт Данте. Но лучше бы не нашла. Если Данте здесь, значит, он умирает. Нет-нет, только не это! Она украдкой зажмурилась, сдерживая слёзы.

— Меня донья Эдельмира звать, — представилась санитарка. — А ты чего такая бледная? Испужалась что ли? Э-э-эх, да какая ж из тебя помощница? Ты ж ведь в обморок того и гляди брякнешься.

Эстелла и донья Эдельмира миновали холл, где каменные стены были побелены известью, и очутились в коридоре. На полу и на лавках лежали умирающие — нельзя было и шагу ступить, чтобы не наткнуться на них. Полчища мух кружили над их измождёнными, бьющимися в лихорадке телами. Туда-сюда шныряли санитарки в таких же серых, как у доньи Эдельмиры, передниках. Они таскали вёдра и тазы с водой, обтирали больных губками, бинтовали их язвы, приносили травяные отвары, но это мало облегчало их муки. Повсюду слышались вопли, стоны, проклятия, и жуткая вонь ударила Эстелле в нос. Нечего было и думать, чтобы провести тут целый день. Она и часа не выдержит.

Пока они с доньей Эдельмирой шли по коридорам, Эстелла уже готова была запищать, как мышка в мышеловке, и санитарка это заметила.

— Э, нет! Такая сестра милосердия нам не нужна. Пожалуй, мне придётся таскать нашатырь тебе, а не за больными следить. Ну что за наказание эти избалованные аристократки, в самом деле?! Вот что, давай-ка ты посидишь тут, — донья Эдельмира втолкнула Эстеллу в какое-то помещение. Это была выбеленная известью длинная и узкая комната. Больных здесь не наблюдалось, а деревянные столы и полки были уставлены пузырьками с каплями, настоями, отварами и мазями; хирургические скальпели для ампутации конечностей поблёскивали на солнце, бившем в кривые окна.

— Это хозяйственная комната, тут хранятся лекарства. Будешь тут сидеть, — решила донья Эдельмира. — Питьё по чашкам будешь разливать, воду греть, бинты да полотенца кипятить и скатывать. К больным не пушу. А то ещё в обморок хлопнешься прям на них. Ну что, согласная?

Эстелла кивнула. Такая работа больше её устраивала, нежели хождение около чумных. Донья Эдельмира дала девушке огромный передник, который был ей не по размеру. Пришлось обкрутить его вокруг себя дважды. Санитарка вручила Эстелле четыре корзины тряпок — их надо было разорвать на бинты, затем прокипятить, высушить чугунными утюгом, подогреваемым от печки, что стояла в нише, и скатать.

Надев перчатки и прикрыв лицо пропитанной воском тряпкой, Эстелла разложила по площадкам травы и подожгла их, чтобы обеззаразить воздух. И принялась рвать тряпки. Но её холёных ручек надолго не хватило — уже через полчаса они адски заныли. Но девушка не сдавалась. Подумаешь, мозоли натрёт. Надо узнать есть тут Данте или нет.

Через два часа явились доктора и госпиталь ожил. Донья Эдельмира вышла, и Эстелла тут же отставила утюг, которым она утюжила бинты. Подойдя к окну, она вгляделась в горизонт, мечтая отсюда сбежать.

В обед донья Эдельмира принесла еду: кукурузную похлёбку, булочки и матэ, но Эстелле кусок в горло не лез — ей казалось, что вся еда тоже заражена чумой.

Наконец, у Эстеллы появилась напарница — молчаливая молодая особа по имени Грисельда. Эстелла с превеликим удовольствием скинула на неё всю работу по глажке и скатыванию бинтов, а сама ушла. Надо обойти госпиталь и поискать Данте — это единственное, что её интересует.

Больные тянули к Эстелле руки, просили воды, лекарств, но она не испытывала жалости, только омерзение. Обходя палату за палатой, коридор за коридором, Эстелла вглядывалась и вглядывалась в лица больных. Но Данте среди них не было. Так слонялась она по госпиталю до вечера, пока её не начало тошнить.

Изучив весь госпиталь и так и не найдя Данте, Эстелла испытывала и облегчение, и усталость. Всё, баста, пора домой! Она направилась на выход, но тут её схватил под локоть какой-то человек. Он был одет в кожаный костюм, закрытый до горла, а также плащ, перчатки и маску. Наверное, это чумной доктор. Эстелла знала, что такие доктора, специализирующиеся на лечении чумы, холеры, оспы и прочих смертельных болезней, носят защитные костюмы.

— Вы санитарка? — спросил он грубым голосом.

— Ну да...

— Тогда почему вы ничего не делаете? Ну-ка немедленно оботрите губкой вон того больного, — приказал доктор, ткнув пальцем в угол, где лежал человек, весь покрытый язвами. — Видите, над ним мухи кружат.

— Что-о? Он же чумной! — возмутилась Эстелла. — Поглядите, он весь в язвах. Я не буду к нему прикасаться!

— Это что ещё за новости?! — рявкнул доктор. — Бездельниц тут понабрали! А ну-ка быстро за работу!

— Не смейте так со мной разговаривать, я маркиза! — Эстелла от обиды чуть не лопнула.

— Да мне плевать кто вы такая, хоть королева! — отрезал доктор. — Пришли работать, так работайте!

— Ну всё, с меня хватит! — одним движением Эстелла сорвала передник санитарки и швырнула его в доктора. — Работайте сами, а я ухожу!

Она кинулась прочь, перепрыгивая через больных.

— А ну-ка вернись! Видимо, твой муж давно тебя не порол! Ремень по тебе плачет! — выкрикнул доктор.

— Иди к чёрту, докторишка! Сначала научись обращаться с дамами, а потом открывай рот! Хам!

Добежав до выхода, Эстелла толкнула тяжёлую дубовую дверь и оказалась на улице. Миновав дворик, выскочила за калитку, сняла тряпку с лица и облегчённо втянула носом свежий воздух. Наконец-то! Какая же она дура! И чего она сюда припёрлась? Данте тут всё равно нет. И слава богу! Весь день на ногах, руки отваливаются — наверняка на них теперь мозоли. А эта донья Эдельмира помыкала ею как служанкой. А этот невоспитанный доктор посмел её оскорблять. Да кончика носа её больше тут не будет! Она маркиза, чёрт возьми!

Выбежав на мостовую, Эстелла стала ловить экипаж.

— Эстелла! Эсти! — услышала она оклик.

Эстелла обернулась. Сантана, в рыжем платье и рыжей шляпке, идя ей навстречу, махала рукой.

— Я тебя ещё издали приметила. Ты откуда тут взялась? — радостно воскликнула она.

— Сбежала из госпиталя.

— Из госпиталя? — Сантана поправила бант на шляпке. За пять лет она не изменилась, осталась всё той же жизнерадостной девчонкой, откровенной и непосредственной. Да и внешне выглядела цветущей. — А что ты там делала?

— Представь себе, Санти, вчера к нам явились дамочки из Комитета Милосердия. Эти кошёлки — Беренисе Дельгадо и ещё две ей подобные, — Эстелла с превосходством изогнула бровь, — сказали, будто теперь все замужние женщины и вдовы должны пахать в госпитале. Ну я с дуру туда и попёрлась, хотя Маурисио был против. Я вчера на него накричала, но теперь понимаю, что он был прав. Мне нечего делать в этом аду.

— Эсти, но когда ты приехала?

— Почти две недели назад.

— Но почему ты не сообщила о своём приезде?

— Вообще-то я приехала инкогнито, — разъяснила Эстелла краснея. — Но потом я встретила Либертад, да и Маурисио следом за мной приехал, и всё рассекретилось. А теперь мы не можем уехать обратно, потому что городские ворота закрыли.

— Но зачем же ты сюда приехала? — не отставала Сантана.

— Может, мы не будем болтать посреди мостовой, а пойдём ко мне? — избежала ответа Эстелла.

— Я с удовольствием! — воскликнула Сантана. — Жажду подробностей! Да и мне столько надо тебе рассказать! — тараторила она. — Как же я рада, что встретила тебя, Эсти! Это настоящий сюрприз! Но ты сумасшедшая, всегда была, есть и будешь ею! — рассмеялась она, беря Эстеллу под ручку. — И как ты осмелилась припереться в город, где бушует чума?

Эстелла и Сантана поймали экипаж и вскоре уже входили в замок Рейес, где на калитке красовался гепард, выпускающий из ушей пламя.

Но в гостиной подруг ждал сюрприз. Мисолина, ползая на коленях, расставляла на полу свечи в виде пентаграммы — пятиконечной звезды, заключённой в круг. На столике в медной посудине что-то дымилось, и по всей комнате воняло жжёной травой.

— Это что здесь за комедия? — рассвирепела Эстелла, бросив чепец в кресло.

Мисолина и бровью не повела.

— Я изгоняю духа, — объявила она.

Эстелла и Сантана переглянулись.

— Какого ещё духа? — ехидно поинтересовалась Эстелла.

— Этого духа зовут Эстелла Рейес в девичестве Гальярдо де Агилар, — выставив последнюю свечку, Мисолина взяла лучину, подожгла её от дымящихся на столе благовоний и стала зажигать свечи. — Она должна уйти из этого дома раз и навсегда, чтобы освободить дорогу более достойным.

— Это ты что ли более достойная? — хмыкнула Эстелла, а Сантана прикрыла рот рукой, давась от смеха. — Я тебе уже говорила, сестрёнка, если тебе так нужен Маурисио, я его с радостью тебе отдам. Но, я смотрю, он на тебя не кидается.

— Это потому что ты здесь. Вот если бы ты сдохла, это было бы другое дело. Кстати, — Мисолина подняла голову и увидела Сантану, — а почему это ты сюда опять пришла, сестричка? Ведь ты пошла в этот мерзкий госпиталь. По моим расчётам тебе уже пора умирать от чумы.

— Увы, могу тебя разочаровать. Я пока умирать не собираюсь.

— Очень жаль. Ты вынуждаешь меня принять крайние меры. А эта что тут делает? —

Мисолина указала на Сантану.

— Санти — моя подруга. Она будет приходить сюда, когда ей вздумается, — Эстелла разглядывала пустой камин. Ей хотелось Мисолину пнуть ногой и она едва сдерживалась.

— Вот именно, она твоя подруга, а не моя, а в этом доме я — будущая хозяйка. Так что пусть выметается! — в приказном тоне заявила Мисолина.

— Вот что, милочка, ты мне надоела! — Эстелла наклонилась и, схватив Мисолину за ворот, притянула её к себе ближе. — Я тебя предупреждаю в последний раз, если ты не прекратишь действовать мне на нервы, ты пойдёшь на улицу. Я приютила тебя из жалости, так что, будь любезна, соблюдай дистанцию. Хозяйка в этом доме пока ещё я, а ты тут гостья. Чола! Чола, немедленно иди сюда! — нервно крикнула Эстелла.

Обычно она не позволяла себе гонять прислугу, но сейчас была взвинчена. Служанка явилась мигом, раздосадованная невежливым тоном хозяйки.

— Чола, пожалуйста, приготовь мне и моей подруге чаю и принеси его наверх, — мягче сказала Эстелла. Нет, не станет она опускаться до уровня Мисолины и ругаться с прислужгой. — Мы будем в моей спальне. А потом убери весь этот хлам из гостиной, — указала она на свечи. — Если эта неблагодарная приживалка возникнет, — она ткнула пальцем в Мисолину, всё также ползающую по полу, — дай ей пинка под зад, я разрешаю. Кстати, а где Маурисио?

— А Его Сиятельство ушёл, куда не сказал, — ответила Чола.

— Слава богу! Хорошо бы, чтобы он не вернулся! Пойдём наверх, Санти.

Сантана с Эстеллой поднялись по лестнице, Мисолина вся кипела от злости, а Чола, хмыкая, ушла готовить чай — она терпеть не могла Мисолину и радовалась её неудачам.

Через пятнадцать минут подружки, сидя в креслах, обитых жаккардом, уже пили ароматный чай, закусывая его мороженым. Эстелла рассказала Сантане о своей жизни в Байресе, хотя та знала подробности из писем. Но кое о чём Эстелла умолчала: о поведении Маурисио и о всё живших в ней чувствах к Данте.

— Так зачем же ты всё-таки приехала, Эсти? — вновь спросила Сантана. — Мы с тобой уже час болтаем, но ты мне так и не объяснила.

— Ну, когда я получила письмо от бабушки, я очень разволновалась, — выдумывала Эстелла на ходу. — Я переживала за моих родных и за тебя тоже, Санти. Ведь чума — это не простуда. И я захотела быть поближе к вам.

— Чего-то ты не договариваешь, — не поверила Сантана. — Ты даже никого не оповестила о своём приезде. Ты не пришла ни ко мне, ни к своей бабушке, ни к матери. Разве так ведёт себя человек, который соскучился по близким и переживает за них?

— Ну... я когда приехала, узнала, что всё хорошо, и решила не пугать вас своим появлением, — отговорила Эстелла.

Слова её звучали неубедительно. Эстелла и сама понимала, что несёт бред, но открывать истинную причину своего приезда не желала. Пусть лучше Сантана думает, что она дуручка, чем опять упрекнёт её за любовь к Данте.

— Да не так уж всё и хорошо, — кисло заметила Сантана. — Ты разве не знаешь, что Арсиеро умер? И Эстебан болен.

— Я знаю. Мне Либертад рассказала. Твой дядя тоже болен.

Сантана глубоко вздохнула.

— Дядя Норберто умер, — сообщила она.

— Мне очень жаль, Санти, я тебе сочувствую, — Эстелла изобразила скорбное лицо,

чтобы Сантана не усомнилась в том, что ей жаль дядю Норберто. Хотя это было не так. Эстелла и сама удивлялась, насколько она изменилась за пять лет. Стала более равнодушной, более жёсткой и менее жалостливой. Эта черта жила в ней всегда, но с недавних пор себя проявила. Нынче Эстеллу волновала судьба лишь одного человека — Данте. Остальные могли бы у неё на глазах превратиться в кучку пепла, она бы и не заметила. Наверное, она эгоистка. Но признаваться в этом Сантане она не стала бы и под страхом смерти. К счастью, искренность Эстеллы у Санти сомнений не вызвала.

— Мне тоже жаль дядю Норберто. Он был хороший, — Сантана подлила себе ещё чаю из фарфорового чайничка. — А вот тётя Амарилис меня пугает с каждым днём всё больше.

— В каком смысле?

— Ну, во-первых, пока он болел, она в очередной раз исчезла из дома. Явилась, когда из госпиталя пришло уведомление о смерти дяди Норберто. И, во-вторых, она даже слезинки не проронила. Хотя всегда утверждала, будто любит его. И ещё она разговаривает сама с собой. А однажды я такое видела, — Санти понизила голос. — Ты, наверное, скажешь, что мне это приснилось, или у меня была галлюцинация, но это не так. Однажды я видела, как у тёти Амарилис вырос хвост.

— Хвост? — Эстелла уронила на пол серебряную ложечку. — В смысле хвост? На голове?

— Нет, сзади, на копчике, как у животного, — поведала Сантана. — Пушистый такой и длинный. Она стояла ко мне спиной и меня не видела. Она помахала этим хвостом, а после запихала его под юбку. Я так и обомлела.

— Тебе это точно приснилась! — заверила подругу Эстелла.

— А я говорю, не приснилось! — упиралась в своё Сантана.

— Но этого не может быть, Санти!

— По-твоему я сумасшедшая? — надулась Сантана.

— Нет, но тебе могло показаться. Наверно, это был не хвост, а просто свет так упал на её платье, — доказывала Эстелла.

Она и сама не знала зачем спорит. Если Санти это не померещилось, то тут лишь один вариант: Амарилис — волшебница. Да и как Эстелла может удивляться таким вещам, если сама не только видела магию, но и ощущала её в своей крови, будучи близка с Данте? Но как рассказать об этом Сантане, Эстелла не представляла. Поэтому избрала тактику отрицания. В итоге, она убедила Сантану, что ей показалось, ибо, по словам Санти, в тот день она выпила пунш.

Когда разговор свёлся к беседам на личные темы, Сантана спросила подругу, счастлива ли та с Маурисио. И Эстелла опять наврала, сказав, что счастлива. О Данте Сантана не спросила, уверенная: Эстелла давно похоронила эту историю в своём сердце. Но сама разоткровенничалась. С недавних пор за Сантаной ухаживал Ноэль Марвиля — сын Констансы Марвиля, той дамы из Комитета Милосердия, что накануне приходила к Эстелле. Сантана принимала эти ухаживания от скуки — ей было одиноко, а отношения с девушками ей надоели. На этой почве Соль закатила сцену ревности, и они разругались в пух и прах. Сантана пояснила, что даже рада этому — недвусмысленные отношения с Соль давно напрягали её. Но теперь она в конец запуталась. После того, как Амарилис и Соль убедили её в том, что все мужчины идиоты, Сантане противоположный пол не нравился. Но был один человек, который поколебал эту уверенность. Покраснев, она спросила Эстеллу о том парне, блондине, с которым однажды познакомилась в её доме.

— Клементе? — наморщила носик Эстелла.

— Ну да.

— Санти, не пугай меня, — сказала Эстелла строго. — Он что, действительно тебе нравится до сих пор? Ведь пять лет прошло!

— Ну как тебе объяснить? — задумчиво молвила Сантана. — Мы с ним болтали один разок всего, я знаю, это глупо, но что-то есть в нём такое, что меня зацепило. И я иногда о нём вспоминаю. Только не смейся, Эсти. Это единственный мужчина, к которому я почувствовала симпатию.

— Ох, Санти! — уныло вздохнула Эстелла. — Ну только этого не хватало! Неужто ты влюбилась в Клема?

— Я не говорила, что влюбилась! — запротестовала Сантана. — Просто он меня зацепил.

— Бога ради, не связывайся с ним! — взмолилась Эстелла, приглаживая волосы. — Нет, я понимаю, я не вправе тебя поучать, но он нехороший человек и навряд-ли перевоспитается.

— А мне он показался милым.

— Это обманчивое впечатление. Он, может, и нормальный в других вопросах, но он полный идиот в отношениях с женщинами.

И Эстелла поведала Сантане всю историю Клементе, Пии и Лус.

— Понимаешь, Санти, он видит в женщине рабыню, служанку, самку для вынашивания его потомства, кого угодно, но не человека. Он не умеет любить, ценить, уважать женщину. Санти, не связывайся с ним, я тебя умоляю! Он угробил двух красивых молодых женщин, а если попадется третья, он и её угробит.

— Ну уж нет! — хмыкнула Сантана. Она пыталась скрыть разочарование, но Эстеллу провести было сложно. — Со мной этот номер не пройдет. Если я и свяжу с кем-то свою жизнь, будет ли это мужчина или женщина, я не позволю им себя унижать. Хотя тётя Амарилис уже поставила на мне крест, — Сантана хихикнула. — Каждый раз обзывает меня старой девой. Но если всё же в моей жизни появится какой-то человек, он либо будет меня уважать, либо пойдёт к чёрту. Я лучше буду одна, чем с кем попало.

— Вот и правильно! — поддержала её Эстелла. — Я надеюсь, что ты не натворишь глупостей, Санти. Ты ведь всегда была благоразумнее меня.

Подруги проболтали до ужина. Когда Чола накрыла стол, оказалось, что ужинать они будут вдвоём: Маурисио так и не явился, а Мисолина заперлась в комнате, объявив, что с Сантаной за стол не сядет, ибо она не её круга. Девушки долго смеялись над чванливой Мисолиной, после ужина чаёвничая в гостиной, а затем Эстелла, проводив Сантану до экипажа, вернулась к себе. И обнаружила у порога Мио.

Вид у него был странный: шерсть свалаялась в колтуны, мутные глаза смотрели в никуда. Он весь дрожал, и когда Эстелла протянула ему на ладони мясо, лисёнок даже не взглянул на него. Потрогав его нос, Эстелла убедилась, что тот горячий. Похоже, у зверька жар. Первое, что подумала Эстелла — Мио заболел чумой. Оставлять его в комнате было опасно, но и выкинуть его на улицу она не могла — очень привязалась к зверьку. Надев перчатки, Эстелла взяла лисёнка и уложила его на пол, на шелковую подушечку. Она велела Чоле вскипятить молоко, налила его в блюдце и попыталась зверька напоить.

— Выпей это, мой хороший, — уговаривала Эстелла. Ей так хотелось погладить зверька, но страх был сильнее жалости. Что если у него и правда чума?

К счастью, подозрения Эстеллы не оправдались. Через пару дней жар спал, Мис

повеселел и теперь кушал с аппетитом, но, как и всегда, исключительно из эстеллиных рук. У Эстеллы как гора с плеч упала. Видимо, лисёнок простудился, пока прятался где-то.

Зато эта ситуация пошла Эстелле на пользу. Два дня она выхаживала Мио, забывая про сон и еду, и осознала — лечить животных ей нравится больше, чем людей. Там, в госпитале, когда она воочию столкнулась с тем, что в Медицинской Академии изучала только по книжкам, она испытала шок и отвращение. Профессия лекаря, о которой она мечтала с детства, её оттолкнула. После госпиталя Эстелла уверилась — фельдшером она работать не сможет. Для этого она чересчур брезглива и равнодушна к людям. Нет, она неверную профессию выбрала. Прав был дядя Ламберто, когда говорил, что медицина — это немощные люди, гадкие болезни и нет в ней ничего романтического. Лучше бы она занялась рисованием! Однако, болезнь Мио поставила всё на свои места, открыв Эстелле новую нишу, которой она могла бы себя посвятить, не испытывая гадливости и омерзения. Она может лечить животных!

Счастливая своим открытием, Эстелла решила: как только закончится чума и она найдёт Данте, то увезёт его в столицу. Ведь он сын дяди Ламберто и вправе занять своё место. И там она займётся ветеринарией. Откроет свой кабинет и будет лечить домашних животных: кошечек, собачек, птичек. Эта новая затея и выздоровление Мио так захватили Эстеллу, что она не сразу заметила, что Маурисио до сих пор нет дома. А ведь прошло уже двое суток!

Утром, накормив уже окрепшего Мио, Эстелла затеяла купить ему красивый ошейник. Плевать, что вокруг чума и все умирают! Она хочет порадовать Мио и точка! С такими мыслями Эстелла наведлась в ювелирную лавку. Уехавшего в Барселону сеньора Адорарти заменил золотых дел мастер Серхио Дасван. В отличие от сеньора Альдо, он малс разбирался в драгоценных камнях, но зато ему не было равных в изготовлении золотых цепочек. Он работал с золотом так, словно это был не металл, а бумага. Цепи и цепочки, и толстые, и тонкие, и кручёные, и с круглыми колечками, и с овальными, и с треугольными, и с зигзагообразными он выплавлял с лёгкостью. Сеньор Дасван скручивал золото в косицы и умудрялся даже выгравировать на крошечных звеньях цепей имена их владельцев.

Изучив огромный ассортимент лавки, Эстелла остановила выбор на кручёной цепочке с медальончиком, где велела написать её адрес и имя Мио. На случай если лисёнок потеряется, кто-то его найдёт и вернёт.

Довольная покупкой, Эстелла приехала домой. Чола как раз затеяла генеральную уборку: начала она с библиотеки и застряла там до ночи, стирая пыль с книг. Мисолина уже второй день вышивала себе пеньюар для первой брачной ночи с Маурисио. Эстелла воспринимала её как помешанную, избегая встреч с ней. Так что компанию девушки в этот день составлял только Мио.

Взяв его на ручки, Эстелла забралась в кровать и надела ему на шею золотую цепочку. На медальончике с именем «Мио» играли солнечные зайчики. Цепочка мало напоминала ошейник, ибо совсем не стягивала зверьку шею, а висела свободно, но Мио отреагировал неадекватно. Спрыгнув на пол, он забился угол и заскулил, царапая когтями ковёр.

— Мио, Мио, что с тобой? — воскликнула Эстелла. — Тебе не нравится мой подарок? Просто я не хочу, чтобы ты потерялся. Ну хорошо, давай я сниму. Иди сюда, — звала она ласково, но лисёнок не подходил. Надрывно твякая, он лапами сдирал цепь с шеи. Эстелла села рядом с ним на корточки.

— Мио, ну прости меня. Иди ко мне, я её сниму, — чуть не плача она протянула руку,

чтобы отстегнуть цепочку.

Пыххх! Яркая вспышка. Прямо из лисьей шерсти повалил синий дым. Эстелла вскрикнув, отпрянула и зажмурилась. Хлоп! Что-то хлопнуло, и наступила тишина. Эстелла рискнула открыть глаза. Но то, что она увидела, повергло её в шок.

На месте, где только что был лисёнок, теперь находился человек. Он сидел на коленях, опустив голову. Длинные-длинные чёрные волосы рваными прядями ниспадали ему на лицо, грудь и плечи, закрывая их целиком. Сердце Эстеллы сначала ушло в пятки, затем подкатилось к горлу. Замерло, и, наконец, пустилось в бешеный галоп, как лошадь, преследуемая охотником. Эстелла подползла ближе. Одной рукой человек держался за шею, а второй упирался в пол. Пальцы у него были тонкие и длинные, очень красивые... такие родные... На них серебром поблёскивали когти.

— Д-д-данте? — прохрипела Эстелла.

Но он будто не слышал. Тогда она, обезумев, схватила его за руку. Грудь разрывалась от страха, неверия и всё подступающего чувства безграничного блаженства.

Он поднял голову. Это и вправду был Данте. Её Данте, её любимый, которого она искала в треклятом госпитале. А он всё это время был рядом с ней! Прятался в шкуре лисёнка! Сапфировые глаза, в которых раньше плескалось море чувств от необъятной ненависти до всепоглощающей любви, теперь были пусты. Раскосость их как никогда выделялась на исхудалом лице.

— Д-д-данте, — стуча зубами, повторила Эстелла.

Он стеклянным взглядом обвёл её лицо, потолок, пол, увидел золотую цепь, что валялась рядом, и схватился руками за горло.

— Нет... не хочу... отпустите... не хочу... — пробормотал Данте и, царапая шею, точно срывая невидимый ошейник, повалился на пол.

Эстелла не знала что делать, разрываясь между всеми чувствами сразу: и ужас, и любовь, и боль, и блаженство, и жалость, и непонимание хлынули на неё голову водопадом. Но она не решалась трогать этого нового Данте, свернувшегося клубочком у её ног. Таким она видела его впервые и к нему ей, видимо, ещё предстояло привыкнуть.

===== Глава 28. А сердце помнит =====

— Данте, — у Эстеллы, наконец, прорезался голос. — Данте, поговори со мной.

Но он так и лежал на полу, свернувшись клубком и держа руки у горла.

— Данте... Данте... — звала Эстелла, хотя разум её понимал, что юноша неадекватен.

— Пожалуйста... хватит... не надо больше, — взмолился он еле слышно. — Воздух... мне нужен воздух...

Эстелла подползла к Данте и легла рядом с ним на пол, обнимая его.

— Миленький, что с тобой? Успокойся. Это же я, твоя Эсте. Ты помнишь меня? Иди сюда, мой Данте. Как же я скучала по тебе!

Данте, издав некий звук — что-то вроде лисьего тявканья, — уткнулся Эстелле носом в грудь. Часто-часто задышал, вдыхая тонкий аромат фиалки. Она гладила его по спутанной гриве и плакала. Вот он, её любимый Данте. Она его нашла. Но от него осталась тень.

— Данте... Данте, — шептала Эстелла ему в ухо, — поговори со мной. Ты меня узнаёшь? Это я, твоя девочка, твоя Эсте. Вспомни, как мы любили друг друга, — она погладила его по исхудавшим щекам, по губам.

Но Данте смотрел мимо. Тогда Эстелла покрыла поцелуями его лицо, и на миг ей показалось, что черты его приобрели осмысленное выражение.

— Данте?

Эстелла поняла, что всё напрасно, когда он уложил голову ей на плечо и заурчал как зверёк. И до девушки начало доходить. Кажется, Данте не понимает, что он человек. Ведёт себя также, как вёл себя, будучи Мио. Наверное, он слишком долго был в шкуре лиса. Возможно, с тех пор, как сбежал из Жёлтого дома. И поэтому его никто не мог найти. Да ещё и неизвестно, в каком он был душевном состоянии, когда обратился в Мио.

— Данте, всё будет хорошо, слышишь? — пролепетала Эстелла, сдерживая рыдания. — Я с тобой, я тебе помогу. Ты снова станешь таким, как прежде. Наша любовь тебя вылечит. Она никуда не делась, она ещё живёт в моём сердце, как и в твоём, я это знаю.

Они лежали на мягком ковре, прижимаясь друг к другу. Эстелла долго изучала лицо Данте. Какой он бледный и совсем-совсем юный, точно и не было этих лет. И кожа фарфоровая, как у двенадцатилетнего мальчика. Эстелла невольно залюбовалась им. Данте по-прежнему был красив, хоть черты его и заострились. А ещё она почему-то вспомнила Кларису. Та тоже не меняется с годами. Может, это свойство всех колдунов? Но как же тогда объяснить, что маги бывают и старые, да и Клариса не осталась в возрасте восемнадцати лет. Наверное, каждый из них стареет до определённого момента.

Взяв Данте за руку, Эстелла потёрлась о неё щекой. И обручальное кольцо на его пальце завибрировало. Не снял. Не выбросил. Не забыл, значит. Эстелла по какому-то наитию дотронулась до кольца Данте своим колечком. И они оба вспыхнули. По телу девушки побежали мурашки, татуировки на плече и поясице запульсировали, точно к её коже присосались тысячи пиявок. С губ Данте сорвался стон. Он перекатился на спину и изогнулся по-змеиному, когда с его волос, с когтей, с ресниц и даже с кончика языка заструился яркий свет.

Эстелла было понадеялась, что магия вернёт его к жизни, но увы. Чары Любви обновили свою силу после долгой разлуки, но Данте был не в себе. Эстеллу он не узнавал и, самое плохое — не отзывался на своё имя. Зато когда Эстелла, эксперимента ради, назвала его «Мио», он встрепенулся.

— Мио? Ну хорошо, давай ты пока будешь Мио, — сердце у Эстеллы разрывалось, но в такой ситуации она могла лишь подыгрывать. Конечно, когда Эстелла ехала назад в Ферре де Кастильо, она была готова к любому повороту. Даже приготовилась увидеть Данте умирающим от чумы, но чтобы он был таким, совсем неменяемым... Смотреть на это было больно.

— Боже мой, что они с тобой сделали, мой миленький? Подлые, жестокие твари! Это всё твоя мерзкая семейка виновата: Клем, Каролина и Гаспар. Это они тебя в этот ад упрятали! Ты ведь был нормальным, я же видела в Книге Прошлого! Даже после башни, ты был нормальным. Это они тебя сделали таким, сволочи! — Эстелла изнемогала от рыданий.

Ненависть в её душе превысила все допустимые пределы. Необузданная, злая, она переплюнула даже ненависть к Маурисио. Того Эстелла больше презирала, чем ненавидела. Несмотря на всю боль, что он ей причинил, она не желала ему зла. Пусть бы жил себе да здравствовал, лишь бы подальше от неё. Но семейство Клема она мысленно отправила гореть в ад. За то, что эти изверги сделали с Данте, она своими руками разорвала бы их на куски. Эстелла сжала зубы. Ей хотелось разгромить всю комнату, а потом забиться в угол и плакать там. Но нельзя ей впадать в истерику. Данте ничего не соображает, и она должна привести его в чувства.

— Я думаю, Мио, тебе надо хорошенько подкрепиться, — объявила она бодрым

голосом, хоть душа её и кровоточила. — Но сначала я тебя искупаю и расчесу тебе волосы, — ухватив Данте за талию, Эстелла помогла ему встать. Данте шатало, но он пошёл на двух ногах. Эстелле это внушило оптимизм. Хоть на четвереньках не бегают, и то славно.

— Пойдём сюда, Мио, — открыв дверь в ванную, она присвистнула, чтобы привлечь его внимание. Данте подчинился.

Эстелла наполнила ванну водой из бочонка, мысленно поблагодарив Чолу за то, что та натаस्कала и нагрела её ранее. Стадив с Данте лохмотья, в которые он был одет, она усадила его в ванну. Накидала туда мыльных шариков с запахом мяты и травы, взболтав их в пену. Эстелла с трепетом касалась его кожи, намыливая её. Вымыла Данте и волосы. Но она так и не смогла их расчесать. Волосы были спутанные, словно их не расчёсывали года два. Придётся их обрезать.

Эстелла взяла ножницы и, пока Данте плавал в ароматной воде, млея от удовольствия, она отстригла ему волосы до плеч. Когда смоляные пряди его засыпали весь пол, Эстелла опять расплакалась. Данте не заметил ни своих обрезанных волос, ни слёз девушки.

Но Эстелла осушила слёзы, когда Данте вылез из ванны. Он был всё так же статен, пусть и похудел, но красота природная брала своё и ничто не могло её испортить. Пока Эстелла вытирала Данте полотенцем, она едва не задымилась. Как бы ей хотелось сейчас целовать его, ласкать его тело, снова принадлежать ему, но она понимала, что так нельзя. Она не может думать о глупостях, когда Данте в таком состоянии.

Эстелла выудила для Данте одежду из его же мешков, которые забрала из «Маски», но он отказался одеваться, разбросав все тряпки по комнате. И лёг в кровать голым. Эстелла предусмотрительно заперла дверь на ключ. Что если Маурисио вернётся, а она тут с Данте? Когда он был лисёнком, спать с ним в одной кровати не составляло труда, но теперь-то он человек.

Набросив на плечи хлопковую ночную рубашку, Эстелла легла рядом с Данте. Он тут же пристроил голову ей в район ключицы — именно туда же клал мордочку Мио. Капельки воды с его влажных волос падали ей на грудь. Весь вечер и ночь Эстелла провела как в бреду — она не сомкнула глаз, разрываясь между любовью и страхом, между жалостью и страстью. Данте мерно спал, урча во сне, когда она ерошила ему волосы или водила пальцами по его обнажённой спине. Размышляя, Эстелла надумала: именно цепочка, которую она надела ему на шею, спровоцировала его превращение. Вспомнив картинки из Книги Прошлого, Эстелла предположила, что такая реакция на её подарок у Данте случилась от того, что в Жёлтом доме на него надевали ошейник и цепи. Да и в башне, вероятно, тоже. Бедный, сколько он перенёс! Немудрено, что у него ум за разум зашёл. Но она вернёт его к жизни. Должна вернуть!

Эстелла с наслаждением втянула носом аромат его волос. Тот самый запах мяты, он ассоциировался у Эстеллы лишь с Данте. Сколько раз за эти годы она пыталась воссоздать этот запах. Сама принимала ванну с листиками мяты и мятными мыльными шариками, велела прачкам стирать простыни и одежду с добавлением в воду мяты, но это было тщетно. Запах получался приятный, но другой. Видимо, только на коже Данте мята приобретает ту самую нотку, что сводит её с ума.

Морфей доконал Эстеллу к рассвету. Заснула она так сладко, как не спала уже много лет, а проснулась от необычного ощущения.

Во-первых, под рукой было что-то очень мягкое. Во-вторых, кто-то облизывал ей лицо. На миг Эстелле показалось, что Данте снова обернулся в лиса. Отнюдь. Он был человеком,

но облизывал ей подбородок языком также, как делал Мио. А мягкими оказались его волосы, что за ночь отросли и теперь, шелковистые и блестящие, струились по спине до копчика.

Данте лизнул её в шею. С болью в сердце Эстелла приняла эту ласку. Наверное, пока он не может выразить свои чувства иначе. Да, рассудок у Данте помутился, но любовь его жива. Это на уровне инстинкта. Сердце подсказывает ему, что она, Эстелла — родная, хотя голова этого и не помнит.

Данте лежал на животе без одеяла и Эстелла невольно залюбовалась изгибами его тела. В ней горело дикое желание. Эстелла сама себе удивлялась: как после всего, что с ней сделал Маурисио, она ещё способна желать мужчину. Вероятно, потому что это Данте. Они рождены друг для друга. Они — одно целое. Без него она не чувствует себя полноценной, будто у неё отняли часть тела — руку, ногу или содрали кожу.

— Я тебя так люблю, — шепнула Эстелла ему в ухо. — Слышишь, Данте? То есть Мио... — на это имя он отозвался; подняв голову, заглянул ей в глаза. — Вспомни меня, мой хороший. Я знаю, твоё сердце меня помнит, значит, и голова вспомнит. Это я, Эсте, твоя Эсте.

Он смотрел на неё внимательней, чем вчера. Что-то начало в нём пробуждаться, в ярко-синих очах затеплилась жизнь.

— Ты меня понимаешь? Я — Эсте, твоя Эсте, — повторила она.

— Эсте... — молвил он неуверенно.

— Да, да, правильно. Это я, я Эсте. Любовь моя, — Эстелла обвила его руками, а Данте опять уткнулся носом ей в шею и тихо-тихо прошептал:

— Вкусно...

— Что?

— Вкусно... пахнет... цветы... люблю цветы, — он с наслаждением вдохнул её фиалковый парфюм.

Эстелла надрывно рассмеялась. Нет, он что-то соображает. Он помнит её духи и разговаривает здраво. Значит, не всё потеряно, она его вылечит!

Ещё немного понежившись в кровати, Эстелла встала. Надо пойти вниз и узнать вернулся ли Маурисио. Да и Данте надо покормить.

Приняв ванну, она напялила первое попавшееся платье — синее с красными розами по подолу. Попросила Данте вести себя тихо. Но он и не думал буянить — лежал в постели, свернувшись клубочком. Причесаться Эстелла позабыла, но дверь на ключ заперла. Мало ли, какая-нибудь Чола ворвётся в спальню и увидит в её кровати голого мужчину.

Завтрак Эстелла, конечно, проспала, но ей повезло: Маурисио ещё не вернулся, а Мисолина закрылась в комнате, вышивая себе подвенечное платье. Чола на пару с двумя горничными продолжала генеральную уборку — сегодня они снимали портьеры, вытирали пыль на шкафах и выдвигали мебель. Пройдя в кухню, Эстелла разогрела завтрак и, ссылаясь на мигрень, унесла поднос наверх.

Данте так и лежал в постели, мурлыкая себе под нос.

— Милый, Данте... Мио, — позвала его Эстелла. Но он не шелохнулся, и тогда она присвистнула.

Данте лениво поднял голову.

— Идём завтракать.

На завтрак было рагу из овощей, эмпанадас, фрукты, ягоды и мандариновый сок. Сначала Данте вёл себя неуверенно. Вилкой он есть не стал, как и руками. Эстелле

пришлось кормить его самой. Она едва не разревелась, когда он непонимающе покосился на столовые приборы, но, в итоге, завтрак прошёл в форме любовной игры. Под конец Эстелла, измазав Данте щёки и нос клубникой, не сдержалась и расцеловала его. И пришла в восторг, когда он улыбнулся.

Главная сложность была в том, что Эстелла никак не могла убедить Данте одеться — он отбросил всю одежду, что она ему предложила, и опять лёг в кровать.

А на Эстеллу напало безделье. Всё, всё ушло на десятый план, остался только Данте. Он затмил даже солнечный свет. Лень её дошла до того, что она так и не изволила причесаться, и ходила простоволосая из угла в угол. Потом села на кровать рядом с Данте. Он тут же уложил голову ей на колени. Эстелла долго перебирала его волосы, заплела их в косу, чтобы ему было легче дышать. Но ей хотелось другого. Она жаждала его ласки, его сильных и нежных объятий.

Но сейчас Данте был беспомощен и это вводило Эстеллу в исступление. Нет, на Данте она не злилась, он не виноват. Виноваты те, кто довёл его до такого состояния. У неё бы рука не дрогнула их убить. Наконец, она обратила внимание, что Данте удивлённо разглядывает свои руки — когти его зловеще поблёскивали.

— Что такое, милый? — спросила Эстелла. — Мио?

Он приподнялся и протянул ей руку.

— Что это? — выдавил он.

— Я тебя не понимаю, Данте. Что значит «что это?». Это твоя рука, — нежным голоском объяснила Эстелла.

— Это не я, это кто-то другой, — пробормотал он встряхиваясь. — Их много... много...

— Кого много? Я не понимаю, что ты хочешь сказать, Данте, — обвив его руками, Эстелла уложила щёку ему на плечо.

— Их много, они все тут. Они чего-то хотят... Но меня здесь нет. Почему я такой? Кто я?

Кажется, до Данте начало доходить, что он не лис, но нечто блокировало его сознание.

— Иди сюда, я тебе кое-что покажу, — взяв его за руки, Эстелла потянула его за собой. Подвела к зеркалу. — Смотри, это ты, — указала она на отражение. — Ты человек. Тебя зовут Данте. А это я, — она показала на себя зеркальную. — Я Эстелла. Я твоя жена. Вспомни, миленький.

Данте не мигая смотрел в зеркало и молчал. Эстелла отошла, чтобы оставить его наедине с собой. Он долго изучал отражение, потом сел на пол и провёл пальцем по стеклу.

— Но здесь ничего нет.

— Что-что? — не поняла Эстелла.

— Оно куда-то делось, — Данте потыкал когтем в зеркало.

— Как это? — Эстелла вернулась к зеркалу. Взглянула на себя, на Данте реального и на его отражение.

— Как это ничего нет? Данте, это зеркало, мы в нём отражаемся, гляди.

— Сейчас есть, а когда ты там, — он неопределённо махнул рукой, — то нет.

Эстелла пожала плечами, не понимая, о чём он говорит.

— Может, ты всё же оденешься? Ну Данте, не надо ходить голым, ты же простудишься.

Он будто не услышал, раз — и вспрыгнул на кровать.

— Данте, ты совсем меня запутал, — призналась Эстелла. Сев рядом, она накрыла его одеялом, но Данте, фыркая, сбросил его. Потянулся носом к эстеллиной шее. Понюхал и

облизал.

— Вкусно...

— Чего ты хочешь? Ласки? — Эстелла ладонями обняла его за щёки. Он в ответ облизал ей нос.

— Нет, не так, — терпеливо объяснила она.

— Так.

— Нет, не так. А вот так, — и Эстелла коснулась губами его губ. Нежно-нежно, как в первый раз. Она ощутила, как у Данте напряглись все мышцы, и он заурчал, но уже более человечески, чем прежде.

Не владея больше собой, Эстелла уложила его на спину и покрыла поцелуями его лицо и грудь.

— Боже мой, как я тебя люблю! Как же я мечтала об этом!

Губы Эстеллы спускались всё ниже и ниже. Данте, впад в транс, изредка тихонько помякивал. Поцелуи Эстеллы становились всё жарче и жарче, и вдруг Данте весь затрясся. Из него повалил дым. Эстелла отпрянула. Закатив глаза, Данте дёргался, как бесноватый, и искрился. Это продолжалось минут пять, и потом он застыл. Эстелла тронула его пальцем — он был холодный как лёд. Испугавшись ни на шутку, Эстелла выбежала из комнаты и ринулась в кухню. Прошло не больше двух минут, как она влетела обратно в спальню, неся в руках полный графин с водой. Но Данте в кровати не было.

Эстелла обнаружила его на балконе. По пояс перегнувшись через перила, он смотрел вдаль. Простынь на его бёдрах — первое, что удивило Эстеллу. Вполне человеческое, осознанное действие — нежелание идти на балкон голышом.

— Данте, — вздохнула Эстелла, — как ты меня напугал!

Он обернулся, и Эстелла вся затрепетала. Глаза его сейчас были чёрные как угли, и в них сияли хитрые искорки. А ещё страсть. Да, он смотрит на неё с желанием!

— Данте, — повторила Эстелла.

— Чёрт возьми, надо же кого я вижу! Маркиза Рейес собственной персоной. Предательница, лицемерка и просто дрянь, хотя красавица, что и говорить, — выдал Данте издевательским тоном.

Эстелла подобрала челюсть с пола. Оскорбления её не задели, она понимала, что он обижен. Она же наговорила ему нечто чудовищное. Хотя и попросила прощения в тот день, когда он принёс Мисолину из борделя. Но сейчас главным было не это. Он может обижаться, кричать, ругаться, ненавидеть её, но ведь он её узнал! Вне себя от радости, наплевав на все ехидства, она бросилась в его объятия.

— Данте, Данте, радость моя, ты пришёл в себя! Боже мой, не могу поверить, с тобой всё хорошо!

Но Данте, разжав её цепкие руки, грубо отпихнул Эстеллу и прошёл в комнату. Она кинулась следом задыхаясь от счастья.

— Данте, любовь моя!

— Не ломай комедию, красавица. Вот только не надо объясняться мне в любви, я не верю ни одному твоему слову, — жёстко проговорил он. Щёлкнул пальцами и оказался одет в бархатные штаны, сапоги из змеиной кожи, рубашку с кружевами и шёлковый чёрный плащ, хвост которого стелился по полу. — Любопытно. Совершенно не помню, почему я оказался в твоей спальне, маркиза. Но, увы, мне пора уходить. У меня есть незаконченные дела.

— Нет-нет, не уходи! Я знаю, что ты злишься, мой хороший, и ты прав. Я наговорила тебе гадостей, я тебя обидела, но я могу всё объяснить. Прошу тебя, Данте, давай поговорим, — Эстелла повисла на его шее, заискивающе глядя ему в глаза.

— Нет, — односложно ответил он, хотя ресницы его дрогнули.

— Миленький, не уходи! Останься со мной, ты мне нужен! Я вернулась в этот город только ради тебя, — по-детски захныкала Эстелла, вцепившись ему в руку ногтями.

— Враньё! — он задрал одну бровь так, что она перерезала половину лба.

Эстелла и узнавала, и не узнавала Данте. Таким жёстким и властным она его уже видела. Там, в волшебном подземелье, где он с яростью бросался на Кларису, угрожая ей расправой. Тот же взгляд, те же манеры, достойные принца, но не свойственные Данте-охотнику на лошадей. Что же с ним происходит?

— Я люблю тебя, Данте, люблю, — еле выговорила девушка и устало облокотилась о шкаф.

— Не знаю, что за игру ты затеяла, маркиза лжи, но мне всё равно любишь ты меня или нет. Я-то тебя не люблю, — в глазах Данте мелькнули досада и гнев. Но Эстелле показалось, что он больше злится на себя, чем на неё. Она невинно похлопала ресницами.

— А что ты хотела? — ответил он на её немое отчаяние. — Ты думала, я буду страдать, рыдать, рвать на себе волосы? Может быть, Данте так и делал. Но тот Данте — это тот Данте, он идиот и его больше нет. А я — это я. И для меня ты — прошлое, которое я не хочу вспоминать. Ты мне не нужна, красавица. Так что отвали от меня. Я ухожу! — и он направился к двери.

Обезумев, Эстелла вцепилась ногтями ему в плащ, дёрнула и вырвала кусок. Данте фыркая, взмахнул рукой, и дыра на плаще сию секунду исчезла.

— А я не знал, что ты бешеная дура. Где же твоя гордость, маркиза? Кстати, да, я забыл, верни мне волшебный перстень. Данте по своей дурости отдал его тебе, но мне он нужен, он мой. Верни мне перстень.

Эстелла молча кивнула. Руки и ноги её не слушались. Она кое-как добрела до туалетного столика, порылась в шкатулке с драгоценностями и нашла перстень. Хотела было его отдать, но тут её осенило, и она пихнула его обратно в шкатулку.

— Ну, давай мне перстень, я жду, — поторопил Данте.

— Нет.

— Нет? Что значит «нет»?

— Я не отдам тебе перстень, пока мы не поговорим.

— Вот как? Это шантаж? — Данте расхохотался, запрокидывая голову назад.

— Да, это шантаж! — сверкнула глазами Эстелла. Нет, она его не отпустит! Слишком долго она ждала этой встречи. — Сейчас ты сядешь тут, — она властно указала на кресло, — и выслушаешь меня, а потом, если захочешь уйти, я отдам тебе перстень, и ты уйдёшь. Но ты останешься со мной, я знаю.

В глазах Данте полыхнуло пламя, прикрытое насмешкой.

— Вот такой ты мне нравишься больше, — он цокнул языком, садясь в кресло. — Я люблю отчаянных женщин. Что ж, красавица, так и быть, я тебя выслушаю. Выкладывай.

Закинув ногу на ногу, он наколдовал два бокала с кровавого цвета напитком и протянул один Эстелле. Второй взял себе.

— Что это? — спросила она, нюхая содержимое.

— Вино, просто вино. Расслабься, красавица.

Эстелла залпом осушила бокал, не ощутив вкуса. Она села на пол у кресла Данте и так же, как он когда-то, уложила голову на его колени.

— Не прогоняй меня, умоляю. Данте, всё, что я тебе тогда наговорила, это неправда. Это всё Маурисио, он меня заставил. А я люблю только тебя, я всегда тебя любила, ты для меня всё... — Эстелла по-кошачьи потёрлась щекой о его колено. — Погладь меня, милый, приласкай меня. Я так соскучилась, я так тосковала по тебе. Давай начнём всё с чистого листа.

Грудь у Данте вздымалась. Отставив недопитое вино, он запустил пальцы в эстеллины волосы. Они подёрнулись золотом, и жаркая страсть разлилась по телу девушки.

— Может, мы перейдём сразу к делу, м? — вкрадчиво молвил Данте. Из когтей он выпускал лучи, что ложились на локоны Эстеллы сверкающими нитями.

— В смысле?

— Я знаю, чего ты хочешь, красавица. Ты хочешь меня. И я тебя прекрасно понимаю. Этот твой хваленый маркиз может и богат, и титулован, но в сравнении со мной он ничто, — Данте надменно выпятил подбородок, глядя его когтем. — И в постели он полный дуб, даже и не сомневаюсь в этом. Эти аристократы, воспитанные в строгих правилах морали и нравственности, не могут доставить женщине удовольствие, ибо падре не велит ублажать супругу иначе, чем раз в год и исключительно для рождения потомства, — Эстелла и ойкнуть не успела, как Данте, схватив её в охапку, бросил на кровать. И рывками стал снимать с себя и с неё одежду.

— Данте, погоди... — от неожиданности она впала в ступор. То он безумен, то груб, то ласков, то вот такой, как сейчас, нетерпеливый и страстный. Эти перепады настроения Эстеллу запутали.

— Разве ты не этого хочешь, красавица? — изящные пальцы его, скользнув Эстелле под корсаж, расшнуровали его и побежали по позвонкам, будто юноша играл на арфе. И у Эстеллы в мозгу что-то задымилось, щёки её покрылись румянцем. Но это был не стыд — то была страсть влюблённой женщины.

— Я... я... Данте... о, Данте...

— Я знаю, ты хочешь меня. Это написано на тебе крупными буквами, — он рассмеялся нагло, явно осознавая свою власть над ней. — Поди изголодалась по удовольствиям, бедняжка. Этот твой чванливый маркиз небось пылинки сам с себя сдувает, а любовью занимается строго в темноте и через ночную рубашку. Бьюсь об заклад, что ему на тебя и на твои чувства наплевать. Но со мной ты будешь питаться от наслаждения и просить ещё и ещё.

Он целовал её губы жадно, чуть ли не с рыком, и в рот девушке хлынула магия. Эстелла ослабла под таким натиском, обратившись в воск в его руках. Данте как безвольную куклу раздел её, приподнял и усадил к себе на бедра. Эстелла уже и забыла как это бывает, вот так, без принуждения, без глупых условностей: надень рубашку, сними рубашку, лежи только на спине и не шевелись, ибо остальное грех, а если что не так, сразу удар по лицу или привязывание к кровати. Все пережитые ужасы, боль, страх — всё исчезло, ушло в небытие как кошмарный сон. Данте был ласков и в то же время отчаянно дерзок. Его руки и губы спускались по телу девушки, как капли воды по стеклу. Иногда он, теряя контроль над собой, чуть прикусывал ей кожу зубами. Но ей не было больно, напротив, это лишь распаляло её. И по венам Эстеллы потекла магия — знакомое и давно желаемое ощущение. Она вцепилась ногтями Данте в спину, расцарапав её в кровь. В голове не осталось мыслей, зато от блаженства, у неё ручьями потекли слёзы.

— Тебе хорошо, красавица?

— Д-да... Люблю... люблю тебя...

Он рассмеялся. Укусил её за подбородок, потом вдруг стал серьёзным.

— Ты знаешь, что я тебя ненавижу, красавица? — шепнул он как-то грустно. — Потому что ты сделала невозможное. Ты свела с ума человека, который не может любить.

Эстелла сейчас плохо соображала и не поняла сути его слов. В конце концов, обессилив, она повалилась к Данте на грудь. Вся кожа у неё горела огнём, и Эстелла ещё ощущала, как по венам вместе с кровью бежит и магия. Она расцеловала Данте в обе щёки, в губы — они были солёные и мокрые.

— Данте, ты что плачешь? — удивилась Эстелла, хотя минуту назад сама также рыдала от счастья.

— Нет, ничего, всё хорошо, — он крепко прижал её к себе. — Прости меня.

— За что?

Он не ответил, запустил руку ей в волосы — они подёрнулись дымкой. Эстелла впала в экстаз, в глазах её потемнело. Ещё миг, и она отключилась.

Солнце било в окно, играя тёплыми лучиками на оперении птиц, что облюбовали козырёк соседнего окна. Часы пробили полдень. Данте посмотрел на потолок, где жужжала муха. Перевёл взгляд на Эстеллу. На лице девушки застыло блаженно-ошарашенное выражение, словно она находилась под гипнозом. Он накрутил на указательный палец её локон, поцеловал чуть приоткрытые алые губы.

— Ты красивая, ты ласковая, ты божество, — молвил он с отчаяньем. — Но я не могу тебя любить. Чёрный маг не может никого любить. Тебя любил Данте, но он — это он. А я не могу идти по его стопам. Прости, красавица, ты очень хороша, но я ухожу. Мы не увидимся больше. Завтра ты проснёшься, и жизнь пойдёт своим чередом. Так должно быть и так будет! — Данте аккуратно приподнял Эстеллу, сняв со своей груди, и подложил ей под голову подушку. Она спала так крепко, что сейчас её не смогло бы разбудить и стадо носорогов, ворвавшихся в дом.

Данте оделся взмахом руки, поковырялся в шкатулке с драгоценностями. Нашёл изумрудный перстень. Глубоким взглядом он изучил спящую Эстеллу, пытаясь запомнить каждую её чёрточку, потом щёлкнул пальцами и растворился в воздухе.

===== Глава 29. Три души =====

Когда Эстелла вынырнула из объятий сна, солнце уже приблизилось к горизонту. Часы пробили шесть. Какое сейчас время суток и что произошло? Ах, да, она была с Данте! Провела с ним восхитительную ночь, то есть утро. И заснула. А сейчас, надо полагать, вечер. Она ещё дрожит от страсти, а Данте... Данте рядом не было. Одежды его тоже. Остался лишь аромат мяты на простынях.

Эстелла обошла комнату в надежде отыскать Данте в ванной или на балконе, но, увы, — его и след простыл. Куда же он мог пойти и почему? Ведь им было так хорошо! Нет, хорошо — это не то слово. Потрясающе! Эстелла ещё находилась в трансе, а по телу разливалась истома. Нечто волшебное она испытала, хотя и была уверена, что после издевательств Маурисио, не сможет быть ни с одним мужчиной, включая Данте. Но их любовь сильнее всего. Тогда почему же он ушёл? Разве они не помирились? Наверное, он так не думает. Она же толком ничего и не объяснила ему. Сначала Данте грубил и хотел уйти, но, вдруг передумав, затащил её в кровать. И страсть отключила ей мозг. Какая же она дура! Надо было сначала с Данте поговорить, а потом уже с ним спать. А теперь он ушёл, наверняка ещё

и обиженный.

Остаток дня Эстелла провела, бессмысленно ходя из угла в угол и костеря себя на чём свет стоит. Как она могла заснуть в двенадцать дня?

— Данте... Данте, мой хороший, вернись ко мне! — звала Эстелла вполголоса.

Она не вышла к ужину, поэтому встревоженная Чола явилась к ней сама. Она принесла еду, и Эстелла вынуждена была её проглотить, ибо служанка грозила, что не уйдёт, пока хозяйка всё не съест.

Чола рассказала, что весь день занималась уборкой, а после обратила внимание, что Эстелла не выходит из комнаты, и всполошилась. А сеньор Маурисио так и не вернулся. Эти его странные исчезновения уже начали Чолу беспокоить, как и сеньору Мисолину, которая теперь вбила себе в голову, что Эстелла Маурисио убила и отдала его труп собакам. И всё это ради того, чтобы Маурисио не достался ей, Мисолине.

— Передай ей, что она дура. Пусть подлечит мозги, — захихикала Эстелла, хотя ей было не до смеха. Нет, не из-за Маурисио. На него ей плевать, пусть в ад провалится. Эстелла чувствовала, как под кожей её будто ползают червячки. Магия! То же ощущение, что в моменты близости с Данте. Но сейчас Данте рядом нет, а магия его есть. Такого раньше не было, и Эстеллу это тревожило.

Она еле дождалась ухода Чолы и побыстрее расстегнула рукав — кожа вся светилась и ходила ходуном. Эстелла легла в кровать, уткнув нос в подушку. Она быстро заснула, вдыхая родной запах. Как же она любит этого мужчину! Она бы жизнь отдала за него!

К утру вибрации в теле прекратились, но Эстелла изнемогала от жары. Кожу как огнём опалили, и ощущение это не ушло ни после завтрака, ни после обеда, а к вечеру усилилось. Эстелла мечтала о повторении безумных ласк, что были накануне. И это превратилось в навязчивую идею. Девушка не находила себе места, бегая туда-сюда и ломая руки. Боже, что с ней такое? Она рехнулась! Ведёт себя как похотливая кошка. Данте странный, он не в себе был и наверняка есть, а она думает о его ласках. И ещё Мисолину обвиняла в аморальности, а сама ничуть не лучше. Но все доводы разума меркли в сравнении со страстью, что горела в Эстелле. Ей было плохо чисто физически, и она понимала, что единственный способ от этого избавиться — снова быть с Данте. В конце концов, Эстелла плюхнулась на пол и разрыдалась от отчаянья, бессилия и злости на саму себя. Она похожа на алкоголичку, что сходит с ума без выпивки. И Эстелла припомнила заверения бабушки о том, что Данте её приворожил. Чушь. А может и нет? Вдруг правда? Дикая страсть, которую она испытывает, — это ненормально. А Данте ведь напоил её перед тем, как уложить в постель. Сказал, что это вино. Только вкуса вина она не помнит. И зачем он вообще дал ей его выпить? Нет, нет глупости! Конечно, Данте странный, но это последствия того, что он пережил. Она должна его найти и вернуть. Но куда же он пошёл?

И тут Эстелла вспомнила про Кларису. Та ведь тоже искала Данте, но не нашла, потому что он был в шкуре лиса. Но сейчас он человек!

Кубарем скатившись с кровати, Эстелла покопалась в шкатулке с драгоценностями. Нашла медальон Кларисы, попутно заметив, что нет изумрудного перстня. Данте его забрал. «Неужели он с ней переспал лишь ради перстня?» — мелькнула смутная мысль у Эстеллы. Нет, бред. Данте её любит, он её любил и когда был в шкуре Мио. И он доказал ей свою любовь, даже в тюрьму пошёл ради неё.

Эстелла открыла медальон.

— Клариса! Клариса! Это Эстелла, ты мне нужна. Появись, пожалуйста! — сказала она

громко.

Медальон нагрелся и задымился. Выпускал струйки дыма он минут десять, и больше ничего не происходило. Эстелла уже начала злиться, как вдруг — хлоп! — из воздуха появилась чёрная кошка с лимонно-жёлтыми глазами.

— Ты меня звала? — кошка села на ковёр, помахивая пушистым хвостом.

— Да! Да! Клариса, я нашла Данте! — выпалила Эстелла.

— Вот как? Где же?

— Он превратился в лиса. Я подобрала его на дороге, — объяснила Эстелла, сдерживая волнение. Но голос её дрожал — так она хотела вернуть Данте, буквально до скрежета в зубах. — Он прибился ко мне, и я его забрала. Он всё это время был здесь, в этом доме, в моей комнате, спал со мной в кровати. А позавчера он обернулся в Данте.

— Что ж, это отличная новость! И это многое объясняет, — кошка уложила хвост вокруг себя кольцом. — Видимо, Данте сбежал из Жёлтого дома, обернувшись в лиса. И всё это время находился в его шкуре. А поисковые артефакты не действуют на животных, только на людей, поэтому я не могла его найти. Эстелла, скажи, когда он обернулся в человека, ты с ним говорила? В каком состоянии он был?

— Сначала он был невменяем, он меня не узнавал и думал, что он лис, — вздрогнула Эстелла, вспомнив глаза Данте и его беспомощность. — Но он пришёл в себя, и мы были вместе, мы помирились. А когда я проснулась, Данте уже не было. И он забрал свой перстень.

Кошка фыркнула, поведя ушами. И глубоко о чём-то задумалась.

— Я именно поэтому тебя и позвала, Клариса, — продолжила Эстелла. — Данте ушёл от меня, я не видела когда и не знаю куда. Но он сейчас человек и был в своём уме. Его надо найти. Мы с ним толком не поговорили, а я хотела рассказать ему всё-всё-всё, в том числе и про его родителей.

— Хорошо, я попробую что-то сделать, — согласно кивнула кошка. — Как только у меня будут новости, я к тебе приду. Но меня насторожил твой рассказ. Думаю, Данте нездоров, и это его якобы вмняемое состояние, оно временное. Мне надо бы его увидеть лично и понаблюдать за ним. В общем, я свяжусь с тобой, Эстелла, — кошку окутал серебряный дымок, и она исчезла.

Данте шатался по улицам, не зная куда податься. В душе царили мрак и пустота. Он понимал, что был прав, уйдя от Эстеллы. Он чёрный маг, он не должен любить, страдать переживать, он должен только мстить всем, кто причинил ему зло. Эти мысли прочно засели у Данте в голове. Надо всем отомстить и точка, а любовь к Эстелле делает его слабым, лишая силы воли, разума, даже той ненависти, что необходима ему, дабы покарать обидчиков. Но Эстелла будто впиталась в его кожу. Что он наделал? Зачем с ней переспал? Своими же руками вырвал себе сердце, обострив былые чувства. Опять из него лезет тот, другой Данте, которого он выдавливал из себя уже третий год. Глупый, брошенный всеми мальчик, что сам себя отправил в ад, по доброй воле, спасая от тюрьмы предательницу и лгунью. Нет, нет, он не должен о ней думать! Хватит быть жертвой! Тот Данте умер, его больше нет.

Данте очнулся посреди улицы Святой Мерседес, когда его чуть не сшибла повозка, гружёная трупами. Умерших уже не накрывали, а просто сваливали в кучу друг на друга и так и перевозили. Вонь от них была чудовищная, поэтому всюду теперь жгли костры — едкий дым от них должен был обеззараживать воздух. На этих же кострах сжигали одежду,

мебель и иные вещи, которые могли контактировать с больными.

Жара была невыносимая — дождь словно забыл о городе, обходя его стороной вот уже тридцать три дня подряд. Земля и растения умирали от жажды, а примешивающийся к засухе смрад превратил Ферре де Кастильо в адский котёл.

Данте в этой атмосфере всеобщего ужаса чувствовал себя прекрасно — когда им управляла личина Салазара, он испытывал садистское наслаждение при виде чужих страданий. Пусть, пусть всем тоже будет плохо! Пусть весь город сдохнет!

Он остановился, любуясь труповозками, от которых шарахались другие люди, и представляя на месте умерших всех, кто когда-либо причинил ему боль. Но мало-помалу ненависть сменилась тревогой. Нет, не из-за чумы. Чумы он не боялся. Это было что-то иное, непонятное, неопределённое. Словно хищная рысь царапала когтями его грудь. Мерзкое чувство.

Чтобы отвлечься, Данте окинул взглядом местность и у дороги увидел пожухлый розовый куст. Сердце его вдруг сжалось, и он вздумал этот куст полить. Конечно, все кусты от засухи он спасти не сможет, но на этом росли розы. Когда-то огненно-красные, теперь они были бледно-коричневатые, бутоны их поникли, а листья скукожились.

Данте приблизился к измученному кусту.

— Бедняжка, — тихо сказал он растению, кончиками пальцев глядя увядшие цветы.

Юноша закрыл глаза и, направив ладонь на куст, подумал о воде. И тут же почувствовал вибрацию в пальцах и услышал всплеск. Распахнул глаза. Когти его излучали нежно-зелёное свечение, а из ладони хлынула струя воды. Данте, приблизив руку к кусту, долго поливал его. И — о, чудо! — листочки развернулись, а бутоны распустились на глазах. В упор глядя на оживший куст, Данте и сам не мог объяснить своих чувств: злость, досада, ненависть отступили. Чёрные глаза посветлели, приобретя оттенок синих опалов. Данте захотелось обнять куст, но он не решился и отвернулся.

Взгляд его опять упал на повозки, снующие туда-сюда, на перепуганные лица людей. Над головами каждого прохожего светились мысли. В эту пору они у всех были идентичны: страх, страх, страх. Скелеты и черепа, больничные койки, госпиталь, трупы, черви. Всё одно и то же — любой человек боялся умереть от чумы.

Но Данте не только видел мысли, но и смог бы сказать, кто из этих людей уже обречён, а кто ещё нет. Вот над этим высоким мужчиной с бородой череп с червями, выползающими из глазниц, значит, он уже болен или скоро заболеет. А этот плюгавый, с кудрявой огненной шевелюрой, выживет, но потеряет всю семью. А вот у этой худенькой девушки в чепце уже кто-то умер. И эта толстая метиска умрёт, но не от чумы — упадёт в яму. А вот над этим юношей в цилиндре висит чёрный гроб и написана дата его смерти: 5 апреля 1801 года.

У Данте аж голова закружилась — в неё потоком хлынули чужие мысли, страхи, чужое будущее. Перстень на пальце сиял зловеще, и изумруд вращался в оправе.

Обхватив голову руками, Данте побежал вперёд. Бежал и бежал, не разбирая дороги. Аллея де Айяс сменилась улицей, спускающейся отвесно вниз и носящей имя Лос Перрос. Здесь не было ни одного фонаря. В покосившихся постройках отсутствовали окна, а в некоторых и двери.

Завернув за угол, Данте миновал ещё с десятков домов. На тротуаре сидел старик в лохмотьях; во дворе горланил пьянчуга; из окон были слышны нецензурная брань и звон разбивающейся посуды. Над домами Данте увидел сапог, кирки и изображение полыхающего горна. Ага, сапожник, каменщики и кузнец. Видимо, это какой-то

ремесленный квартал. Здесь Данте был впервые и место это вызывало в душе его неприятное чувство.

Проскочив ещё один закоулок, Данте вышел к дому, явно заброшенному. На стенах его облупилась штукатурка, грязные окна были заколочены досками. За домом начинался пустырь. Данте хотел было повернуть назад, понимая — он забрёл не туда. Но вдруг он услышал собачий лай. Точнее визг. Где-то вдали множество собак выло и скулило на разные голоса. Сердце Данте забилося быстро-быстро. И в мозгу включился свет — большая любовь к животным жила в нём с детства. И теперь он каким-то седьмым чувством почуял: надо туда идти.

Его не смутил лай, он не побоялся, что собаки в большом количестве могут быть опасны. Завернув за мрачный дом, Данте пошёл на лай по пустырю, где вдалеке светились огни. Он шёл, шёл, наконец, упёрся в железную решётку и так и обомлел.

Очень высокий и грузный мужчина с усами, одетый в залатанную одежду и сапоги, стоял по центру отгороженного поля. Вокруг него горели огни и располагались клетки с собаками всех пород, начиная от огромных волкодавов и слюнявых бульдогов и заканчивая крошечными пуделями и болонками. Животные пронзительно тявкали и подвывали, а Данте заметил ещё двух человек. Поочередно они выводили собак из клеток и привязывали их к невысокому столбику. Усатый, щурясь, целился в животных из карабина.

Живодёры!

Бах! Данте и опомнится не успел, как раздался выстрел, и огромный мастиф упал на землю, извиваясь в судорогах.

Бах! Бах! Бах! — мужчина стрелял до тех пор, пока собака не прекратила дёргаться. Двое других тут же отбросили труп в сторону и вывели следующую собаку — белого пуделя. Он жалобно скулил, упираясь и поджимая хвост.

— Ну чего там так долго? — пробасил убийца с карабином. — К чертям их вытаскивать, щас пройдуся по клеткам и всех постреляю так. Надоело!

Он подошёл в упор к пуделю.

Бах!

Собака завизжала, и на белой шерсти осталось кровавое пятно.

Бах! Бах! Бах!

Мужчина, прикончив пуделя, пошёл по кругу, не дожидаясь, пока его помощники откроют клетки. Он стал отстреливать всех собак подряд, и у Данте искры полетели из глаз. Он кинулся прочь. Бежал, спотыкаясь о камни, и орал диким голосом.

Навстречу ему попадалось местное население: женщины и дети — грязные и замотанные в лохмотья; бездомные, пьяницы, нецензурно вопящие на всю округу. Обезумевший Данте мчался, сбивая всё на своём пути, чем ещё больше привлекал к себе внимание. Все эти люди, ухмыляясь и оскаливаясь, таращились на него, тыча пальцами.

Паника накрыла Данте во всей своей красе, когда дорога, по которой он бежал, внезапно оборвалась, упершись в стену дома. Данте ринулся в ближайший двор и побежал вдоль домов. Но, похоже, он окончательно заблудился. А страшная картина расстрела собак буравила ему мозг, и сердце вырывалось из груди. Твари! Твари!

В отчаянье закрыв лицо руками, Данте плюхнулся на тротуар. Неподалёку, в полуразрушенном доме тускло светились окна. Редкие прохожие смотрели на юношу, как на бродягу. А он есть бродяга. Его никто не любит, идти ему некуда. У него нет ни денег, ни дома, ни семьи. Те люди, которых он считал близкими, отвернулись от него, отправили в

Жёлтый дом и забыли о нём, будто похоронили.

Мимо Данте прошла пара. Девушка и юноша держались за ручки, глядя друг на друга влюблёнными глазами, и у Данте от зависти потекли слёзы. Когда-то они с Эстеллой вот также гуляли по улицам, от любви забывая даже дышать. Но она его бросила, променяла на другого, богатого и перспективного. А он верил ей больше, чем самому себе. Остановившимся взглядом проводил Данте влюблённых, пока те не скрылись из виду, и, уронив голову на колени, горько расплакался.

Так он просидел несколько часов. Ни воспоминания об Эстелле, ни увиденная сцена на живодёрне не желали улечиваться из его головы, доводя юношу до истерики.

— За что? За что? Я хочу умереть... пожалуйста, я хочу умереть... — прошептал Данте. — Я больше не могу жить в таком аду... Эстелла, Эстелла...

— Может, ты прекратишь себя жалеть? — вкрадчиво молвил Салазар. — Я сто раз тебе говорил: забудь эту женщину. Ты маг. Ты должен заставить весь мир дрожать от страха, а ты вместо этого маешься из-за глупой девки и пары вонючих собак.

— Нет, нет... уйди, уйди из моей головы, — пробормотал Данте.

— Не могу. Мы с тобой одно целое. Ты — это я. Разве ты забыл, что Данте больше нет? Теперь есть Салазар. Ты Салазар, и я Салазар. Так что будет лучше, если ты прекратишь искать в своих мозгах то, чего там давно нет.

Бархатный голос Салазара Данте душил. Он был повсюду — в голове, в теле, на языке. Упав на тротуар, Данте отполз к забору и вцепился когтями себе в волосы.

— Ну так кто ты? Повтори, — приказным тоном велел Салазар.

— Не знаю... не знаю... я ничего не знаю...

— Зато я знаю. Ты — моя тень! И ты будешь делать то, что я велю! — и Салазар победно расхохотался.

Тело Данте пронзила такая боль, будто его разрезали ножом. Он вцепился в траву. В ушах ещё звучал хохот Салазара. И выстрелы. И собаки, много собак и много крови. Подняв глаза к небу, оцепевшим взором Данте уставился на палисандр, раскидистый, мощный. Только у него были глаза, рот и острые клыки. Дерево, зловеще скалясь и покачивая кроной, двинулось на Данте. Оно щёлкало клыками и рычало.

Шокированный Данте вжался в забор — он никогда раньше не видел живые деревья. Вдруг где-то сбоку хрустнули ветки, и Данте, вскочив на ноги, побежал.

— Эй! Стой! Стой, тебе говорю! — крикнул низкий женский голос. — Стой!!!

Но Данте даже не оглянулся. Он нёсся вперёд, пока не оказался на городском мосту. Он был убеждён: за ним гонится ожившее дерево с клыками.

Миновав мост, Данте кинулся в самую чащу леса. Он совсем перестал себя контролировать, его гнал животный страх. Всякий раз, заслышав хруст, оклик или иной звук, он бежал дальше, и в итоге окончательно заблудился. Создав у себя на ладони огонёк, Данте попытался разогнать тьму, но в густых зарослях сельвы, это слабо помогло. В конце концов, он уселся на землю, привалившись спиной к дереву. Дул пронизывающий ветер, и юноша дрожал как лист.

Очередной хруст веток раздался прямо над ухом. Данте инстинктивно дёрнулся, но во мраке не смог сориентироваться. Его так трясло от холода и страха, что он ничего не соображал, только представлял, как на него нападает огромное дерево. Когда из кустов выплыл фонарь, Данте в ужасе зажмурился.

Хлоп! Вспышка. Трава вдруг выросла и теперь доставала ему до подбородка. Он

уменьшился, вновь обратившись в лиса. И в голове прояснилось. Как же здорово в лесу! Хотя в доме той ласковой девушки, что кормила его из рук, было ещё лучше. Лисёнок уложил мордочку на траву, чуть щуря глаза от яркого света фонаря.

— Вот ты где, — сказала женщина. — Ну наконец-то. И чего ты от меня бегаешь? Разве я страшная?

Она подхватила лиса на руки, а тот измучился так, что не сопротивлялся. Эта была явно не та девушка, у которой он жил. Лисёнок повёл носом, принюхиваясь. Уловил горький аромат миндаля, а та, другая, пахла фиалками. Но Мио был спокоен и почему-то уверен: девушки взаимосвязаны. Одна обязательно отнесёт его к другой, и та, что пахнет фиалками, опять будет кормить его из рук, расчёсывать ему шерстку и уложит с собой в постель. И он покорно уткнулся незнакомке в плечо. Та была одета в рубашку, штаны, сапоги и длинный плащ, и у неё был хвост на голове.

Позже он оказался в чужом доме. Здесь было дымно и пахло благовониями и табаком. А ещё тут всё блестело и булькало. Мио удивлённо разглядывал сосуд на столе, где плавало что-то похожее на водоросли. Оно крутилось, вертелось, меняя цвета и форму, а ещё у него были глаза. Изучая округу, зверёк улегся на мягкий ковёр. Пушистый, как волосы той девушки, что пахнет фиалками. И зачем его сюда принесли? Тут уютно и странно, но он хочет туда, в другой дом.

Женщина наклонилась к нему. Подняв острую мордочку, Мио тоскливо твякнул на Кларису (а это была именно она). Та, покачивая головой, выудила из кармана шёлковый мешочек, запустила в него руку и, вытащив горсть зелёного порошка, обсыпала им зверька. Мио проморгался, чихнув от запаха полыни и ещё чего-то терпкого, а затем ощутил, будто падает в глубокую яму.

Очнулся Данте, когда чьи-то нежные пальчики скользнули его по губам, а на щёки закапал дождик. Данте встряхнул головой, смахивая мокрые капельки. Зевнул. И первое, что увидел: глубокие чёрные омуты глаз, обрамлённые пушистыми ресницами, и круглое заплаканное личико, такое родное...

Данте лежал на широкой кровати, голова его удобно расположилась на коленях у Эстеллы. Девушка перебирала ему волосы, гладила лицо и шептала нечто бессвязное. Данте повёл носом, принюхиваясь. Знакомо пахло фиалками, и он тотчас успокоился. Это она, та девушка, что кормила его из рук. Как хорошо! Она снова с ним! Но почему она плачет?

— Данте? — Эстелла наклонилась к его лицу, близко-близко. — Миленький, ты меня узнаёшь?

Данте выгнулся, слизывая с её подбородка солёные капельки, и заурчал по-лисий. Тело Эстеллы сотряс новый поток рыданий. Она ластилась к нему, шепча:

— Не может быть, опять всё сначала... Он меня не узнаёт...

— Этого следовало ожидать, — вторил ей другой голос, низкий и мягкий. — Когда я его нашла, он был неадекватен. Убежал от меня, словно я чудовище, а потом обернулся в лиса.

Клариса, цокая каблуками, прошла по гостиной, открыла шкаф и, вынув оттуда множество склянок и коробочек с разноцветными жидкостями и травами, выставила их на каминную полку.

— Но, Клариса, что же делать? — Эстелла, всхлипывая, кусала губы.

— Ты говоришь, когда он позавчера был у тебя, он приходил в себя?

— Ну да...

— Получается, он впадает в такое состояние время от времени. Я попробую ему помочь, но сначала надо бы за ним понаблюдать, — объяснила Клариса. — Я хочу посмотреть, как он превращается и как себя ведёт при этом. Лучшее, что мы пока можем сделать, — не трогать его. Оставить таким, какой он сейчас, и поглядеть что будет дальше.

Глотая слёзы, Эстелла кивнула и потёрлась щекой о щёку Данте. Он блаженно закрыл глаза. Эстелла не была согласна с мнением Кларисы — ей хотелось, чтобы та вылечила Данте сейчас же. Ведь она колдунья! Эстелла ещё верила в сказки, в то, что волшебство избавляет от бед мгновенно. Но Клариса вела себя прозаично, как заправский доктор, выясняющий причину болезни и только после этого решающий чем её лечить.

Данте же, воображая себя лисом, испытывал умиротворение. Он не помнил прошлого, не помнил своей жизни как Данте, не помнил ни страданий, ни ужасов, ни боли. Никуда ему не надо было бежать, волноваться из-за проблем. Ему нравилось вот так ласкаться к этой девушке и ощущать её прикосновения. Он не знал, кто она и как её зовут, но понимал: она добрая и не причинит ему зла. И она единственная, с кем ему хорошо.

Полдня Данте нежился в кровати. Он брал еду из рук Эстеллы, облизывал ей лицо и пальцы, что означало бесконечное доверие и любовь, но от этого Эстелла делалась ещё печальнее.

Но к вечеру всё поменялось. Данте ощутил тревогу, а грудь будто железный панцирь сковал. Он судорожно открывал рот, вдыхая побольше кислорода, у него кружилась голова, и страшно хотелось пить. Через минуту, с волос юноши посыпались искры, и дикая боль оглушила его. Крича, Данте перекатился по кровати, извиваясь как змея.

— Клариса! Клариса! — услышал он голос Эстеллы сквозь собственные вопли. — Скорее иди сюда! Данте... Данте, поговори со мной, — умоляла Эстелла, но он видел лишь её силуэт — перед глазами всё плыло. — Любовь моя, что с тобой?

— Больно... — прохрипел Данте. Ощущение было такое, словно он наглотался раскалённых углей.

— Данте... Данте, миленький, скажи, чем тебе помочь, — рыдая шептала Эстелла. Она крепко держала его за руку. Когда Данте сотряс новый приступ боли, он истошно закричал и потерял сознание.

Очнулся от того, что некто совал ему под нос прохладный кубок.

— Хороший мой, выпей, — нежно говорила Эстелла.

Данте послушно проглотил жидкость. Это оказалась вода. Он сел на постели, стряхивая со лба прилипшие волосы. Огляделся по сторонам: незнакомая комната, незнакомая кровать. Но, похоже, дом этот волшебный, если судить по обстановке. Вон и диван, скрипя, перемещается из угла в угол, как домашний питомец. И Эстелла всхлипывает рядом. Опять она? Откуда она взялась? Он же от неё ушёл! Ну в самом деле, прилипла как банный лист!

— Миленький, ты меня узнаёшь? — спросила Эстелла тихо-тихо, глядя его по руке.

— Разумеется, — спесиво фыркнул Данте. — Тебя забудешь, как же! И захочешь — не избавишься. Какая ты прилипчивая, маркиза!

Эстелла непонимающе похлопала глазами, но тут в разговор вмешалась Клариса.

— А меня ты помнишь? — она стояла напротив юноши, скрестив руки на груди.

Данте, смерив её мрачным взглядом, встал и прошёлся по комнате, изучая обстановку.

— Можно узнать, ведьма, что ты тут делаешь? — спросил он ядовито.

— Вообще-то я тут живу, это мой дом, — ответила Клариса резко. — И ты у меня в гостях, поэтому води себя прилично, — предупредила она.

— Что ж, прекрасно! В таком случае, что тут делаю я? — сверкающим когтем Данте погладил себя по подбородку, переключив внимание на танцующую книгу на полке и любуясь тем, как она выделяется па.

— О, это долгая история! — неопределённо сказала Клариса.

— Хотелось бы её послушать, ведьма. Хотя у меня есть и свои догадки. Эта безумная женщина, — он просверлил очами Эстеллу, — явно тебя попросила заманить меня сюда. Хотя я ей сказал: между нами всё кончено, но это бесполезно. Не понимаю, как я поддался на ваши уловки и очутился здесь? — и Данте изящным жестом поправил изумрудный перстень на пальце, будто проверяя на месте ли он.

— Ты ошибаешься. Это я позвала Эстеллу, когда ты в очередной раз обратился в лиса.

— Обратился в лиса, я? А-ха-ха-ха-ха! — расхохотался он, поймав кларисин взгляд. — Нет, я, конечно, могу, но не вижу смысла.

Клариса, вычислив что-то в уме, вдруг спросила:

— А ты помнишь, как тебя зовут?

Он опять захохотал так, что дверцы стеклянного шкафа загремели. Смех звучал холодно и безжалостно.

— Нашла что спросить! У тебя начался маразм, ведьма, и ты забыла моё имя? Хорошо, представляюсь по-новой. Меня зовут Салазар, очень приятно в десятый раз познакомиться, — и он отвесил театральный поклон, как перед дамой на балу.

Эстелла открыла было рот в попытке возразить, но Клариса, глянув на неё сурово, дала понять, чтобы она умолкла.

— Хорошо, Салазар, так Салазар, — подыграла она. — Ты будешь с нами ужинать?

Он надменно хмыкнул.

— Не откажусь, но только попробуй меня отравить, ведьма. У меня нюх на яд лучше, чем у любой собаки. Имей ввиду, если я пойму, что ты хочешь меня убить, чтобы завладеть моей силой, ты об этом пожалеешь.

— На кой чёрт мне твоя сила? Мне и своей хватает, — и Клариса скрылась в смежной комнате.

Эстелла молчала. Она была сбита с толку, но до неё начало что-то доходить. Когда Данте вот такой, жёсткий, злой, он явно принимает себя за кого-то другого.

На ужин было жаркое из индейки, тушёные овощи, фрукты и зелёный чай. Данте вёл себя спокойно, хотя и настороженно. Прежде чем что-то съесть, он нюхал это, ища яд. Он не сомневался — Клариса жаждет от него избавиться, поэтому и заманила в свой дом.

Эстелла тревожным и жадным взглядом смотрела на юношу. Она не притронулась к жаркому, только расковыряла его, и съела немного фруктов. Сердце её отчаянно билось. И она хотела себя за это поколотить. Данте не в себе, но при одном взгляде на него, такого изощрённого в некой жестокости, и вместе с тем притягательного и утончённого, у неё кровь закипала в жилах. И Эстелла не смогла бы сейчас выбрать, какой Данте ей нравится больше: тот, ласковый, влюблённый в неё без памяти, или этот, коварный и такой очаровательный, настоящий чёрный колдун из книжек.

Данте ел вишню, нанизывая ягоды на когти, как бусины на нитку. Он был задумчив, но, ощутив на себе взгляд, поднял ресницы. Эстелла смотрела на него с отчаянным блаженством. В антрацитовых глазах юноши она прочла желание. Желание болезненное, точно он боролся с собственной страстью и не мог её победить.

А Данте мысленно убеждал себя: он не должен любить Эстеллу, но это чувство уже

выходило из-под контроля. Ему хотелось прижать девушку к себе, сорвать с неё одежду и зацеловать всю, с головы до ног. И всё иное отступало на задний план.

Данте нервно поправил перстень — изумруд сверкнул в ответ. Ситуация с Эстеллой осложнялась ещё и тем, что она была единственной, чьих мыслей он не мог прочесть. Зато над головой Кларисы плавали сосуды с зельями. Данте счёл: это знак того, что она хочет его отравить и размышляет о том, какой смешать яд. И он ошетинился пуще прежнего. Пусть только попробует его убить — будет жалеть об этом до скончания дней!

Вообще Данте уже давненько задумал отомстить Каролине и Гаспару за то, что они отправили его в Жёлтый дом. И Рене с Сильвио за то, что пожаловались комиссару. Да, Данте себя оговорил по глупости, но эти уроды — Рене и Сильвио воспользовались его любовью к Эстелле. Эта любовь — его проклятье, она его погубит, так что надо вырвать её с корнем, даже если будет больно. Он не должен поддаваться, не должен испытывать боль, он должен отомстить обидчикам — это первостепенно. И Данте, пребывая в облике Салазара, только и думал, какую бы порчу на всех наслать. Его радовало, что вокруг чума и все умирают, но то чужие люди, а мучители его живут и здравствуют. Да и если бы они умерли от чумы, легче ему бы не стало. Он хочет отомстить своими руками, но надо всё обдумать. Нельзя действовать спонтанно: если жертвы выживут, они опять усадят его в башню. Ему нужно какое-то чёрное заклинание, что-то необычное, редкое. Надо бы вновь посетить волшебное подземелье. Там куча древних книг и магических артефактов, наверняка там он найдёт что-то полезное.

Но чувства к Эстелле ломали его планы. Если она узнает, что он задумал дурное, она встанет у него на дороге. Этого нельзя допустить. Она хочет вернуть того Данте, который был раньше. Но он-то теперь Салазар и желает им и остаться. Салазар никого не боится, ему море по колено, он переступит через любого. Кроме Эстеллы. Ей причинить зло он не может. Так что надо держаться от неё подальше.

Несмотря на такие мысли, страсть в Данте не угасала — Эстелла ловила её в его глубоких, как омуты, очах. Что же с ним происходит? Нечто мешает ему наслаждаться их счастьем. Что-то помутилось в его сознании. Эстелла не знала как Данте помочь и единственное, что придумала — быть с ним ещё ласковей и любить его таким, какой он есть. Она не должна обижаться на его выходки и плохие слова, Данте нездоров, а исцелить его может её любовь.

Эстелла, будучи девушкой умной, в основном рассчитывала на Кларису. Данте той племянник и она обязана ему помочь. Но Эстеллу злило, что Клариса не спешит с этим, наблюдая за Данте, как за редким зверьком.

После ужина Клариса взмахом руки убрала со стола, и, выйдя в другую комнату, долго там гремела разными склянками. Эстелла решила, что она готовит лекарство для Данте. Сам же Данте сделался беспокойным. Он шарахался кругами, а после, закинув ногу на ногу, уселся в чёрное бархатное кресло у окна. На подоконнике лежало множество книг в обложках из змеиной и крокодиловой кожи, больших и крошечных, с кучей надписей на арабском, греческом языках, на хинди, с иероглифами и руническими символами.

Эстелла стояла у овального зеркала в широченной дубовой раме. Втихаря она бросала на Данте жаркие взгляды, отвлекаясь на изготовление причёски «Леди Гамильтон», когда волосы на затылке начёсывались и укладывались петлями. Однако, шпильки не желали держаться на голове, да и Эстелла в последнее время обленилась. В итоге, она, плюнув, просто расчесала и распустила волосы. И вдруг выронила остатки шпилек — Данте обнял её

сзади за талию. Откинув голову, Эстелла затылком уперлась возлюбленному в плечо. Руки Данте скользнули на бёдра, обведя их контур. Параллельно он целовал её в шею и за ушком. Эстелла чувствовала — он весь натянут как струна гитары. Но юноша тотчас отпрянул.

— Нет, всё хватит, — хрипло выдавил он.

— Но почему, миленький, мы ведь любим друг друга? — умоляющим тоном спросила Эстелла. Кожа её горела от страсти, а в душе клокотала детская обида вкупе с невероятной нежностью. — Мы ведь оба умираем друг без друга. Я знаю, я во многом сама виновата, я первая тебя оттолкнула. Но мы же муж и жена, Данте, ты забыл? Мы не разведены. Давай снова будем вместе, прошу тебя...

Она приблизилась, но Данте отступил назад. На лице его мелькнуло отчаянье.

— Нет. Я уже сказал тебе, красавица, что всё кончено. Ты мне не нужна, я так решил, — и он отступил ещё на шаг.

Но Эстелла не сдавалась — обвила его руками так, что у Данте дыхание спёрло, и, прижав спиной к зеркалу, прильнула к его губам.

— Я не отпущу тебя, Данте, никуда не отпущу... Я люблю тебя...

— И я... я люблю, — ответил он шёпотом.

Эстелла неистово целовала его, задыхаясь от счастья. Как змея выпускает из языка яд, Данте выпустил девушке в рот струйку света, и магия заструилась по её телу. Эстелле так нравилось это ощущение, что поцелуи без магического воздействия казались ей пресными. И Данте был ей необходим, ведь другие мужчины не могли дать ей подобного.

А по щекам Данте текли слёзы. Нет, бессмысленно сопротивляться. Эта женщина украла у него сердце, встрясла ему всю душу, и он не может избавиться от этой любви. Кто сказал, что чёрный маг не может любить? Он тоже имеет право на поток счастья. И Данте закрыл глаза, отдаваясь во власть ощущений. А поцелуи становились всё жарче и жарче — влюблённые забыли, что находятся в чужом доме.

— Ой! — вскрикнула вдруг Эстелла.

— Что? — Данте недовольно фыркнул — так было хорошо.

— Данте, ты не отражаешься в зеркале! — объявила Эстелла, проведя пальцем по зеркалу, к которому Данте прижимался спиной.

— Ну и что? — пожал он плечами.

— Как это «ну и что»?

— Просто у меня нет отражения.

— Но почему? — не унималась Эстелла. — Раньше было.

— Наверное, потому что он частенько использует чёрную магию. Не так ли? — из смежной комнаты появилась Клариса. В руках она держала высокий изогнутый сосуд. Красная жидкость в нём сияла и булькала.

Юноша и девушка отпрянули друг от друга.

— Нет, я, конечно, понимаю — любовь и все дела, — закатила Клариса глаза под лоб, — но вы находитесь у меня дома, так что ведите себя прилично, будьте добры. А относительно отражения... чёрные маги, Эстелла, не отражаются в зеркалах, — пояснила она. — Это закон магии. Когда я пользовалась чёрными заклинаниями, у меня тоже не было отражения. Но в последнее время оно появилось. Магия способна обновляться, восстанавливаться и перерождаться. Если не использовать чёрную магию долго, кровь и аура светлеют. А тот, кто грешит этим постоянно, — она пронзила Данте взглядом, — не отражается в зеркалах вообще.

Грудь Данте гневно вздымалась — на губах он всё ощущал поцелуй Эстеллы, а Кларису жутко ненавидел. Она вызывала в нём неприязнь с первой же их встречи, а сейчас над её головой висело изображение кобры.

Клариса, налив кровавое зелье из сосуда в кубок, поманила Данте к себе.

— После этого я наверняка перестану отражаться в зеркалах, ибо ради зелья пришлось угробить пару мышей и лягушку, но тебе надо это выпить, — саркастически объявила она.

Он заглянул в кубок, понюхал — пахло болотной тиной.

— Ни за что! Я не буду пить яд.

— Это не яд! — разозлилась Клариса.

— Да ну? — в очах Данте заплясали чёртики. — Сама же только что призналась. Любое зелье, содержащее чью-то кровь, кожу, волосы, ногти и так далее, является чёрным. Даже не сомневаюсь, что ты хочешь меня убить.

— Не собираюсь я тебя убивать! — топнула ногой Клариса. — Я хочу тебе помочь. Это зелье избавляет от воздействия злых чар, под которыми ты, очевидно, и находишься.

Данте захохотал, запрокидывая голову, но смех его звучал зловеще, и в глазах не было ни толики радости.

— Какая наивность! Неужели, ведьма, ты думаешь, что я такой идиот? Сварила яд и полагаешь, будто я его выпью, если ты скажешь, что он не ядовит? А лечить меня не от чего — никакому воздействию я не подвергаюсь. Просто я, наконец, познал суть вещей, — глубоким голосом сказал Данте-Салазар.

— Моему терпению есть предел, в конце концов. Ещё раз повторяю: я не собираюсь тебя убивать, — процедила сквозь зубы Клариса. — Я не убиваю своих родственников.

— Что-что?

— Что слышал. Думаю, пришло время тебе об этом узнать. Мы с тобой родственники, Данте, — сообщила Клариса. Выражение лица Данте сменилось с презрительного на обалдевающее. — Я твоя родная тётя, тётя по отцу, — призналась она через паузу. — Так что сядь, выпей зелье и послушай, что я тебе расскажу.

Данте с размаху бухнулся на стул. Он ни капли не поверил Кларисе, убеждённый: всё это её уловки.

— Я весь внимания, просто жажду тебя послушать! — воскликнул он сардонически. — Но пить это я не буду! — и он отодвинул от себя кубок с зельем.

— Ну до чего ж упрям! — вздохнула Клариса.

— Ведьма, давай ближе к делу, — поторопил Данте. — Я не люблю терять время, знаешь ли. У тебя есть пара минут, чтобы рассказать тот бред, что ты придумала.

— Данте, это вовсе не бред, — подала голос Эстелла. Зайдя Данте за спину, она уложила руки ему на плечи. — Послушай, пожалуйста, что тебе скажет Клариса, и не злись.

— Я действительно твоя родная тётя, Данте, — Клариса пронзила его жёстким взглядом. Любой человек бы дрогнул от такого взгляда, но Данте-Салазар даже не моргнул. — Я сестра твоего отца по материнской линии. А твой отец, он...

— Ну нет! — бесцеремонно прервал Данте. — Я тебе по-моему уже говорил, ведьма, что не желаю слушать про родителей Данте. Они его бросили, ну и меня соответственно тоже. Мы их ненавидим!

— Ты ошибаешься, — повысила тон Клариса. — И прекрати величать себя на «вы». Ишь ты, какое у тебя раздутое самомнение! Если кто со стороны услышит, поймёт, что у тебя с головой тью-тью. Итак, твоя мать тебя не бросала. Она умерла, погибла в том пожаре в

волшебном доме. Погибла она, потому что не была колдуньей. Старик Брухо приютил её, когда она попала в беду. Её обвинили в убийстве, и ей пришлось скрываться. Именно поэтому ты и появился на свет в том доме, как люди его величали «проклятом». Что касается твоего отца, то он жив и здоровствует и поныне, но он не знает о твоём существовании.

— Если бы он знал, он бы никогда тебя не бросил, милый, — Эстелла подушечками пальцев разглаживала Данте волосы на макушке. Данте переводил взгляд с неё на Кларису и обратно.

— Знаете, мне это неинтересно, — выплюнул он. — Кем бы ни был этот человек, он не вправе называться нашим отцом. И я не хочу его видеть. Да и как он мог не знать о нас? Или он не в курсе, от чего рождаются дети? Раз он обрюхатил нашу мать, то обязан был это знать. Благодаря ему наше детство напоминало ад, и я никогда ему этого не прощу.

— Ты меня не слушаешь, Данте! — скрипнула зубами Клариса.

— Мы прекрасно всё слышали, — задрал Данте нос. — Хорошо, допустим, мать умерла, допустим, отец жив, допустим даже, что ты моя тётка. Но какое это всё имеет значение? Зачем вы нам это рассказываете?

— Но ты должен встретиться со своим отцом, — вместо Кларисы ответила Эстелла. — Послушай, милый. Я хорошо знаю его, он живёт в Байресе. Как только закончится чума и можно будет выехать из Ферре де Кастильо, мы с тобой поедem в столицу, ты познакомишься со своим отцом и займёшь то место, что принадлежит тебе по праву.

— Какое же место? — Данте с остервенением раздувал ноздри, готовый сию же минуту задушить любого, кто ещё раз напомнит ему про родителей.

— Мой брат аристократ в шестом колене, он богат, он не женат и у него нет детей, Данте, — объяснила Клариса. — Кроме тебя. Получается, ты — его единственный наследник.

В глазах Данте вспыхнуло что-то, но отнюдь не радость, скорее мрачное злорадство. Мозг Данте-Салазара работал в ином направлении, чем могло бы показаться: сейчас он раздумывал как свой факт родства с аристократами использовать в своих интересах.

— А ты какое имеешь к этому отношение? — спросил он Эстеллу прямо.

— Понимаешь, Данте, — ласково объяснила она, — я, когда узнала чей ты сын, просто обалдела. Так вот, начну сначала, маму твою звали Йоланда, Йоланда Риверо.

И Эстелла поведала Данте всю историю сестёр Риверо. Данте молчал, в душе его злости и ненависть боролись с недоверием, обидой и желанием надавать всем оплеух. Но он лишь хлопал глазами.

— Так вот, получается, ты — внучатый племянник сеньора Альдо — второго мужа моей бабушки, — продолжала Эстелла. — Но это ещё не всё. Как же тесен мир, просто невероятно! Всё это время твой отец был так близок ко мне, но ни я, ни ты не подозревали об этом. Ты с ним тоже знаком, Данте. Это мой дядя Ламберто, такой высокий, с длинным хвостом. Он и есть твой отец.

Наступила гнетущая тишина. Данте минут пять переваривал информацию, нервно встряхивая волосами и лицом напоминая покойника.

— Твой дядя, твой дядя — мой отец... — пробормотал он. — Значит, твоя мать мне тётка, получается, мы с тобой родственники? — он смерил Эстеллу каким-то диким взглядом.

— Нет-нет, милый. Я разве тебе не говорила? По-моему говорила... Моя мать —

приёмная в семье дяди, она ему неродная сестра. Поэтому мы с тобой не родственники.

— Родная сестра Ламберто я, — вставила Клариса.

— Так вот, Данте, я предлагаю тебе поехать со мной в Буэнос-Айрес и рассказать дяде всю правду, — Эстелла потёрлась щекой о мягкие волосы Данте. — Он обрадуется, я уверена! И ты, Клариса, тоже поехали с нами. Дядя Ламберто и тебе будет рад.

— Всеми своё время, — пространно молвила та. — Данте, прошу тебя, выпей зелье, — резко сменила она тему.

Глаза Данте налились кровью. Сжав кулаки, он одним движением смахнул кубок с зельем со стола. Он покатился по полу. Разлитое содержимое его алело, точно лужа крови.

— Иди к чёрту, ведьма! — выкрикнул Данте. — Нам плевать, тётя ты нам или дядя! Нам никто не нужен, ясно? Мы никому не верим, а этих людей, что нас родили, мы никогда не простим, будь они хоть ангелы! Они добровольно произвели меня на свет и заставили мучиться всю жизнь! Я их не просил об этом. Я их ненавижу! Всех, всех ненавижу!

С волос Данте полетели огненные искры. Он вскочил на ноги, перевернув стул, и кинулся на выход.

— Данте! Данте, стой! — Эстелла побежала за ним, схватила за руку.

— Уйди, красавица, не держи меня. Ты самое прекрасное, что было в моей жизни, но мы не будем вместе. Прощай, — Данте оттолкнул её и скрылся за дверью.

Когда Эстелла вышла на порог кларисино дома, Данте уже не было, а на земле лежала ярко-красная роза.

===== Глава 30. Многоликий =====

Данте шарахался по округе, приводя мысли к нужной кондиции и через каждые сто метров натываясь на погребальные костры и труповозки. И решил: он теряет время, сходя с ума по Эстелле и сердясь на Кларису. Плевать ему на всяких новоиспеченных родственников! Хотя эти узы ещё можно использовать. В будущем. Но сейчас у него другая задача — месть. И месть глобальная. Поэтому сию минуту он отправится в заколдованное подземелье. Данте вспомнил: впервые он проник туда через склеп, где покоился Тибурон. Наверное, следует начать с того же. Взмахнув рукой, Данте выпустил блестящие лучи из когтей, и вихрь серебристой пыли — то ли призрак, то ли смерч — тотчас взмыл под облака.

Материализовался Данте у знакомого ему места — в тот день, после «казни» на площади, он был тут. Ночью в ливень. Сейчас же полдень, дикая жара, смрад от чумных, тела которых без зазрения совести везут через центр города, и дым от погребальных костров, что окутывает местность туманом. И Данте сориентировался ни сразу. Он немного поблуждал, удаляясь в самое сердце леса, и, наконец, вышел на поляну. На ней росло необычное дерево (Данте заприметил его ещё давно) — огромный дуб, ствол которого раздваивался от центра, будто сиамские близнецы срослись друг с другом корнями.

Данте опустился на колени и поколдовал над травой. Она заалела, а, слабо присыпанный землёй и листвой, люк сверкнул на солнце. Данте быстро разгрёб землю, открыв вход в подземелье.

Подобрав полы плаща, юноша спустился вниз. Дошёл до пещеры, где некогда стоял гроб Тибурона. Но ни гроба, ни мёртвого колдуна Данте на сей раз не обнаружил — пещера была пуста. На возвышении, где раньше находился гроб, теперь лежал меч, сверкая всеми цветами радуги. Меч, тот самый, волшебный, что подарила ему Клариса. Он обронил его, когда убил восставшего из мёртвых Тибурона.

Данте бесстрашно схватил меч за рукоять. От его прикосновения артефакт потеплел и

вспыхнул ещё ярче, признав хозяина. Осмелев, Данте прижал меч к себе и устремился вперёд. Тоннель путал следы, то шёл прямо, то резко уходил в сторону или поворачивал по кругу, и вдруг закончился. Данте упёрся в глухую стену.

Рыкнув от злости, юноша посветил на стену мечом и немного поколдовал над ней, но не нашёл ничего похожего на вход. В отчаянье он повернул обратно, держа меч перед собой, и тут под ногами что-то блеснуло. Данте присел на корточки. Увидел лужу засохшей крови. А внутри неё сверкало и переливалось пёрышко, чёрное у основание и алое по краям.

Янгус! Сердце Данте мигом рвануло к горлу, и он едва не задохнулся от эмоций. Он тысячу раз убеждал себя, что не должен поддаваться чувствам, но... Столько лет Янгус была его любимицей, его верной подругой. Во многом благодаря ей он и выжил в доме Сильвио. Хотя Данте был убежден: Янгус нет в живых, за шесть лет она так и не прилетела к нему. Данте скучал по птице, щемящая тоска одолевала его и в те моменты, когда он чувствовал себя могущественным Салазаром, которому подвластно всё, и одиноким Данте, что мечтает спрятаться от мира. При виде знакомого пёрышка у Данте грудь едва не лопнула, как мыльный пузырь, и слёзы выступили на глазах. Неужто это кровь Янгус? Хотя она могла быть и кровью Тибурона, которому он отсёк голову. Получается, он нашёл то самое место — вход в подземелье.

Данте водил над кровавым пятном когтями и мечом, но ничего не происходило, лишь пёрышко Янгус горело, будто пламя свечи. Данте спрятал пёрышко в карман и воткнул меч прямо в землю. И как только он это сделал, земля под ним раскололась.

Ещё секунда, и он провалился в дыру, крепко держа меч. Когда земля сомкнулась над его головой, Данте оказался в ярко освещённом каменном коридоре. Весь пол был усыпан чёрными и алыми перьями.

Данте вздрагивал от мысли, что найдёт малоприятное зрелище — труп Янгус. Но прошло шесть лет! Шесть! Даже если он что и найдёт, то одни кости. И, тем не менее, его затрясло.

Тихо ступая, он пошёл вперёд. Всюду были раскиданы перья, но ни крови, ни трупов, ни костей не встречалось. Коридор привёл Данте к той самой стене, где раньше находилось зеркало, открывающее вход в комнату, полную магических книг и артефактов. Тронув перстень когтем, Данте ощутил тепло во всём теле.

— Послушай, — обратился он к изумруд, — однажды Данте просил тебя кое о чём, не знаю к лучшему это было или нет, но ты это исполнил. Теперь пришло моё время. Салазар тоже хочет кое о чём попросить. Ты знаешь, кто есть Салазар, ведь так? Ангел мести, что жил в тени ужаса, боли и предрассудков, не позволяющим ненавидеть этот мир настолько, насколько он заслужил. Но Салазар покинул зеркало и свершит правосудие, — Данте поднёс перстень к губам. — Я хочу отомстить. Всем. Помоги мне найти здесь оружие для возмездия.

Изумруд, вспыхнув, завращался в своей оправе. Страх и неуверенность ушли, уступив место безбашенной решимости. И Данте стал действовать по наитию — магия перстня вела его сама.

Постучав когтем по стене, он вызвал зеркало. Собрался было войти, написав кровью зашифрованные буквы, но тут перстень выпустил огненный луч в противоположную сторону. И Данте пошёл за ним. Миновав запутанный тоннель, он упёрся в тупик и вспомнил: из этой же стены, приняв облик змеи, некогда выползала Клариса.

Изучив стену, Данте не нашёл в ней лазейки, и поэтому ударил её мечом. Стена сверкнула, но тотчас погасла. Данте поднёс к ней перстень. Стена, вспыхнув, чуть

приподнялась над землёй, открыв небольшую щель. Нет, человек туда не пролезет, если только не обернётся в мышку. Не зря Клариса превращалась в змею, видимо, иначе не пройдёшь.

Данте щёлкнул пальцами. Пошёл сизый дымок. Хлоп, и в один миг он обернулся в виноградного змея — зелёного, изящно-тонкого, гибкого, с острой головой и чёрными глазками.

В таком виде он прополз в щель под стеной и опять обернулся в себя. Выудив из щели меч, ткнул перстнем в стену. Та закрылась. Миновав узкий коридорчик, Данте остановился у овального, в полный рост зеркала. Потрогав стекло, он убедился: рука свободно проходит сквозь него. И Данте, смело шагнув в зеркало, очутился в просторной зале. Стены её были обтянуты красным бархатом. В центре комнаты стояли софа и два кресла на кованых ножках-лапах. В углу примостилась жаровня, где булькал и подпрыгивал чугунный котелок. Пол закрывал красный ковёр с длинным ворсом, а по всему периметру залы высились стеклянные шкафы с магическими книгами и кучей флакончиков и сосудов различных форм и размеров.

Как только Данте переступил порог, изумруд в перстне заискрился и цветом стал напоминать молодую хвою. У юноши вмиг подкосились ноги, и он рухнул на пол без сознания.

Ему казалось, что прошла максимум минута перед тем, как он вновь открыл глаза. Голова болела ужасно, до тошноты. Данте помнил всё, что с ним было, но уже не ощущал себя Салазаром. Изумлённо оглядываясь, он изучал комнату. В ней не было ни души. Но когда Данте глянул сквозь арку в проходе, увидел спальню, обитую золотой парчой. По центру её стояла кровать и на ней лежал... мужчина.

Данте опасно приблизился. Глаза его расширились, став похожими на блюдца. На кровати лежал Тибурон. Нет, не мертвый. У старика был здоровый цвет лица, ухоженные усы и борода. Одет он был в длинную фиолетовую рясу, расшитую золотом, а количество колец и перстней на пальцах зашкаливало — их было больше, чем у самого Данте. И дед дышал, грудь его вздымалась ровно, хотя глаза были закрыты. Кажется, он спал.

— Чёрт возьми, — пробормотал шокированный Данте. — Ты же умер! Ты что бессмертен, старый хрыч?

Данте попятился, едва не снеся посох, украшенный драгоценными камнями, что стоял в углу. Данте удержал его, дабы грохотом не разбудить старика, и случайно зацепил когтем топаз на рукоятке.

ПЫХ! За спиной юноши возникло чёрное пламя. Зеркало, что висело на стене, под воздействием его вдруг открылось. Ещё одна дверь? Тибурон, к счастью, не шевельнулся. Данте мигом нырнул в потайной вход и попал в комнату, обитую ярко-зелёным атласом.

Зеркало за спиной закрылось. Данте смутно подумал: надо было взять посох с собой. Вот идиот!

Комната была больше предыдущей, центр её венчало дерево, и листья, и ветви, и ствол его были золотыми. Данте обошёл дерево, разглядывая его мёртвую красоту. За чёрной бархатной портьерой он обнаружил ещё одну дверь — такую низенькую, что Данте пришлось сложиться едва ли не пополам, дабы пролезть в неё. Открылась она легко, стояло лишь повернуть ручку.

Очередная комната — с голубенькими стенами и белоснежной кроватью, укрытой кисейным пологом, — возникла пред Данте. Но он едва не вскрикнул, заметив: и на этой

кровати кто-то спит. В этот раз женщина.

«Что у них тут за сонное царство?» — раздраженно подумал Данте.

Женщина на вид была молода. Красивые черты, аристократичные руки; огненные волосы кольцами разметались по простыням. Глаза её были закрыты и пушистые тёмные ресницы чуть вздрагивали. Одета в простое белое платье, женщина улыбалась во сне.

Данте невольно залюбовался ею. Мысленно сравнил с Эстеллой, придя к выводу, что эта хороша, но Эстелла вне конкуренции.

Надо бы поговорить с женщиной и узнать, кто она и что тут делает, но Данте, не решаясь её будить, некоторое время топтался на месте. Смятение и робость охватили его сердце. Он мог бы поклясться, что женщину эту не видел никогда, но ему казалось, будто он знает её всю жизнь. Присев на корточки у кровати, Данте тронул незнакомку за плечо.

— Эй, проснитесь!

Она не реагировала. Данте потряс женщину сильнее. Та не просыпалась и на секунду Данте предположил, что она мертва. Но нет, рыжая красавица дышала, лицо было живо и подвижно, веки и губы вздрагивали. Тогда Данте сообразил — женщина находится под магическим сном. Наверняка это дело рук Тибурона.

Направив руку на женщину, Данте выпустил из перстня луч. Спящая красавица вздохнула, когда сквозь её тело просочилась магия Данте, сняв предыдущие чары. Быстро-быстро, как-то судорожно задышав, она открыла глаза. Непонимающим взглядом уставилась в необычное лицо Данте, потом отпрянула, перекатившись по кровати, и сползла на пол.

— Не трогай меня, чудовище! Уйди, уйди прочь!

— Спокойно, — снисходительным тоном молвил Данте. — Я пока ещё не сделал вам ничего плохого, отчего можно было бы так вопить.

— Я знаю, это ты, всё ты, многоликое чудовище! Ты можешь принимать любой облик, ты меня не обманешь! — вжавшись в стену и всхлипывая, незнакомка обняла себя за плечи. — Я видела, видела тебя, когда ты разговаривал с зеркалом. Не знаю, зачем ты меня тут держишь. Что тебе надо от меня? Оставь меня в покое, отпусти меня!

Данте не понимал, о чём говорит эта женщина. Почему она его так боится, он же впервые её видит?

— Знаете что, — Данте не выносил истерик. Отхлестать бы незнакомку по щекам, чтобы она прекратила ныть, но он сдержался, — вы мне абсолютно безразличны, но я никому не позволю так с собой разговаривать. Вы либо сумасшедшая, либо меня с кем-то перепутали, — смягчился он, видя, что женщина пугается ещё больше и ревет белухой. Ну что за дура? И всё же, своеобразные чувства она вызывала в Данте: недоумение, смешанное с нежностью.

— Послушайте, — Данте отошёл от незнакомки на почтительное расстояние, — может, вы перестанете дрожать? Я не причиню вам зла, — убеждал он смиренным голосом, но женщина не верила.

— Это неправда, неправда, ты злой, ты держишь меня тут уже много времени, — бормотала она.

— Ошибаетесь, я вижу вас впервые. Прекратите меня бояться и лучше скажите, кто вы и что тут делаете? Как вас зовут?

— Не знаю... — проямлила она хныча.

— То есть?

— Я не помню... Я ничего не помню. Однажды я очнулась на этой кровати и с тех пор я

здесь. Я не знаю сколько прошло времени, тут нет часов...

— Здесь остановлен ход времени, — задумчиво вторил Данте.

— Тут одно колдовство, — шепнула женщина. — Но ты, ты ведь тоже колдун?

— О, да! — горделиво отозвался Данте. На лице его появилось превосходство. Да, он колдун и гордится этим. Не чета ему обычные люди!

— Но как ты можешь говорить, что не причинишь мне зла? Волшебство ужасно, оно причиняет страдания и боль! — убеждённо объявила женщина.

— Волшебство не бывает ни плохим, ни хорошим, — скептически заметил Данте. — Это колдуны бывают белые и чёрные. Само же волшебство не несёт в себе угрозы. Оно творит чудеса, потрясает, восхищает, дарит красоту, силу и власть. Разве вы этого не знаете?

— Нет, не знаю, я не волшебница.

Данте был обескуражен.

— Не волшебница? На как же вы попали сюда? Не каждый маг может проникнуть в это место, а простой человек тем более.

— Не знаю, не знаю, это ты, всё ты, — лепетала женщина. — Это ты меня тут запер, твоё лицо мне знакомо, я тебя видела, ты разговаривал с зеркалом! — выпалила она. Голубые глаза её сверкнули каким-то фантастическим блеском. В них отразились и ярость, и презрение, и в то же время нежность и упорство. И взгляд её чем-то напомнил Данте взгляд Эстеллы, хотя глаза у той были другие.

— О, я вижу, у нас гости! — вдруг пробасил мужской голос, и оба — женщина и Данте — вздрогнули и обернулись. В дверях стоял Тибурон с волшебным посохом в руках.

— Ты? Ну надо же, и как ты умудрился сюда попасть? — хмыкнул дед, проходя в помещение. Как только он вошёл, стена за ним закрылась.

— Это моё дело! — выпятил подбородок Данте. — Меня больше интересует другой вопрос: кто ты такой? Почему ты до сих пор жив? Ты же умер.

Дед грубо расхохотался.

— О, ты меня плохо знаешь, мальчик! Я тебя не убил до сих пор, лишь потому что ты подопечный Кларисы. Она любит сирых и убогих, а я, к сожалению, перед ней в долгу. Однажды она выручила меня из беды, и я не могу сделать ей гадость, убив её разлюбезного племянничка. Если бы не это, я бы давно стёр тебя с лица земли, потому что твоя наглость не знает границ, — бухтел дед, прохаживаясь по комнате и стуча посохом об пол. — Я совершил ошибку. Давным-давно, по собственной глупости я отдал тебе на хранение одну вещь. Я не верил, что ты — жалкий отпрыск двух людей, не обладающих магической силой, вдруг станешь мне серьёзным противником. При рождении у тебя были задатки магии, это правда. Видимо, они передались тебе по наследству.

— Что это за бред ты городишь, хрыч? — скрипнул зубами Данте. — Давай ближе к делу. Я хочу знать, кто ты и что тебе надо от меня? — поторопил он.

По лицу рыжеволосой женщины было видно, что она боится их обоих: и Данте, и старика.

— Я — тот человек, что спас твою жизнь в младенчестве, — объявил дед. — Я — тот человек, что отдал тебе волшебный перстень и вместе с ним часть своей силы. Меня зовут Тибурон, но давным-давно в этом городке я был известен под именем Брухо. Да-да, я тот самый колдун, хозяин дома, что, как все думают, сгорел при пожаре. На самом деле никакого пожара не было. Это была магия, иллюзия, обман зрения. Дом всего-навсего ушёл под землю, да так там и остался. В нём ты сейчас и находишься. Забавно, мальчик, ты

вернулся туда, где и появился на свет, — дребезжаще захохотав, Тибурон стукнул об пол посохом и обратился в дряхлого-предряхлого старика. У него была длинная борода и лицо, всё испещрённое морщинами. — В таком облике меня и знала твоя мать, когда пришла сюда, хотя я могу принять любой облик, — он опять стукнул посохом, и Данте аж вздрогнул, когда дед обернулся в Салазара. Будто тот, покинув зеркало, стоял пред Данте, нагло ухмыляясь.

Рыжеволосая женщина взвизгнула, прикрывая рот рукой. Взор её пометался между двумя похожими юношами и остановился на настоящем Данте. И лицо её посветлело. Она поняла, что тот говорил правду.

— Ах, ты, старый хрыч! — рассвирепел Данте, яростно встряхивая длинной гривой волос. — Ты ещё и взялся в меня оборачиваться! Что ты всё никак не уймёшься? Что тебе надо от меня?

— Что мне надо? Вообще-то это ты явился в мой дом, а не я в твой, — зубоскалил собеседник.

— Я пришёл по делу, — объяснил Данте. — Я хотел узнать, что стало с моей птицей, с Янгус. Она должна быть тут.

— Птицы твоей я не видел, — равнодушно сказал Салазар, растворяясь в дымке и вновь принимая облик Тибурона. — Птица твоя волшебная, ты знаешь об этом? После того, как ты поделился с ней своей кровью, она тоже стала обладать колдовской силой, а животные могут без труда отсюда выбраться. Думаю, она, если и жива, то где-то на воле. Поищи её в другом месте. Это всё, что ты хотел?

— Нет, не всё! Мне нужно оружие, оружие мести.

— Хм... интересно. Кому же ты хочешь отомстить? — ухмыльнулся Тибурон.

— Всем, кто когда-либо причинял мне зло! — воскликнул Данте, сам не понимая, откуда в его голове взялись эти идеи. — Раз ты такой умный, ты мог бы мне помочь.

— И не собираюсь. Хотя могу дать совет. Орудие мести ты уже нашёл. Вот оно, — дед указал на рыжеволосую женщину.

— Не понял.

— Думаю, Клариса тебе всё объяснит, а мне не досуг. Я отдам тебе этот ценный приз, если ты вернёшь мне перстень.

Данте расхохотался, грубо и нервно.

— Отдать перстень ради какой-то тётки? Я даже не знаю, кто она такая!

— Это ты узнаешь от Кларисы. А перстень принадлежит мне, — оскалился дед. — Когда ты был младенцем, я его тебе одолжил, можно сказать, отдал на хранение, ибо до него было слишком много охотников. А я хотел сберечь его для себя. Я планировал его забрать, когда придёт время. И забрал. Помнишь день своей свадьбы? Но я не думал тогда, что ты сделал такую вещь.

— В смысле? Что я сделал?

— Магия Крови, — пояснил дед хмурясь. — Перстень впитал твою кровь и слушается нынче лишь тебя.

— Тогда зачем он тебе нужен? — повёл бровью Данте. — Он всё равно не станет слушаться тебя. Этот ритуал необратим.

— Да, если только он не впитает и мою кровь. Но если это произойдёт, я заберу и власть над перстнем, и силу его предыдущего хозяина. Каково, а? — победно воскликнул Тибурон. — Всё, что я тебе одолжил, вернётся ко мне сторицей. Но у тебя есть альтернатива.

Я не хочу быть мелочным и жестоким. Если ты не хочешь остаться без магии, ты исполнишь один ритуал. Ты отречёшься от перстня и отдашь его мне, а сам останешься при своей магии. А я взамен отдам тебе вот это сокровище, — дед снова ткнул пальцем в рыжеволосую женщину. У той был пустой, отрешённый взгляд.

Данте засмеялся так, что факелы на стенах задрожали.

— Слушай, хрыч, ты думаешь, что способен меня победить? Я молод, в моих руках — величайшая магическая сила, и ты думаешь я тебе её отдам добровольно? А-ха-ха-ха-ха! Ты меня насмешил. Какая наивность!

— Если не отдашь — пожалеешь.

— Неизвестно кому из нас придётся жалеть, — заявил Данте, рассекая воздух взглядом, будто кинжалом. — Я тебя не боюсь! Я уже не тот глупый мальчик, что шёл на поводу у своих чувств. Я изменился и могу тебя уверить — не в твою пользу, — и Данте погладил перстень когтем.

Тибурон, резко вскинув руку, направил её на Данте, и в грудь тому ударил красный свет, но Данте, выхватив волшебный меч, разрубил луч пополам, и тот отколошетил обратно. Дед пошатнулся, ударившись о комод.

— Ты знаешь как отсюда выйти? — спросил вполголоса Данте, подойдя к женщине.

— Да откуда она знает? — выпалил Тибурон. — Она не помнит даже своего имени, да и она не ведьма! — добавил он презрительно.

Женщина, сжав зубы, посмотрела на Данте и взглядом указала ему на огромное зеркало на стене.

Ещё несколько раз Тибурон пытался наслать на Данте проклятия, но тот, защищаясь то мечом, то перстнем, добрался-таки до зеркала.

— Ты не выйдешь отсюда, не выйдешь! Верни мне перстень, он мой! — гремел старик.

— Ни за что! Из принципа теперь не отдам! — Данте замахнулся и проткнул грудь старика, нанизав его на меч, точно куропатку на вертел. Резко выдернул меч из тела. Старик упал на спину, и груди его хлынула, нет, не кровь, а некая прозрачная субстанция.

— Такой штукой меня не убьёшь, кишка тонка! — хрипел дед, ползая по полу. — Я тебя ещё достану, сопляк!

Но Данте уже не слышал. Он рванул на выход, шагнув сквозь зеркало и зачем-то прихватив с собой рыжеволосую незнакомку. Сделал он это по инерции, просто взял её за руку и потащил за собой. Она цепко держалась за него, и Данте стало вдруг жаль её. Не может же он её тут бросить. Да и очень уж хотелось ему надуть старика. Ишь ты, затеял неравноценный обмен: перстень на неизвестную женщину. Но он не идиот, как думает дед, он заберёт и то, и другое.

Данте и незнакомка бежали и бежали по тоннелям, пока за спинами их не раздался выкрик:

— А ну-ка стой, отдай перстень! — вопил громовым голосом Тибурон.

А тоннель всё петлял и вилял и, казалось, ему не будет конца.

— Помоги мне отсюда выйти, помоги, в конце концов! — воскликнул Данте, обращаясь к перстню.

Хлоп! Данте окутал вихрь дыма и серебряной пыли. Его поволокло вверх, будто кто-то вытягивал его со дна озера. Он еле удержал свою спутницу за руку.

— Держись за меня, дьявол тебя раздери! — грубо скомандовал он, ощутив, как её рука чуть не выскользнула из его ладони. Она послушно уцепилась за талию юноши, и, в итоге,

они кубарем приземлились на поляне, откуда Данте и начал путь. В земле красовалась дыра — вход в подземелье.

Данте побыстрее захлопнул люк, завалив его грудой камней. И тут же у него закружилась голова, и он облокотился о дерево.

— А-ха-ха-ха-ха! — гоготал Салазар в ушах. — У тебя совсем нет мозгов! Вместо того чтобы спасать свою шкуру, ты спасаешь посторонних! Зачем тебе эта глупая баба?! Брось её, и чёрт с ней! Надо заняться более важным делом. Кажется, ты забыл, что некоторые никак не дождутся, когда мы, наконец, расквитаемся с ними!

Схватив женщину за руку, Данте потащил её за собой по дороге. Она семенила, едва поспевая за его широкими шагами, а у него темнело в глазах. Когда беглецы поднялись вверх по мосту и вышли на улицу Святой Мерседес, Салазар снова завладел разумом Данте, отключив его от реальности. На небе возшла круглая, как поднос, луна. Всюду горели фонари и пылали погребальные костры, и в их отблесках рыжие волосы незнакомки светились алым, колыхаясь за её спиной как пламя.

===== Глава 31. Месть, снова мсть =====

Данте и незнакомка долго блуждали по извилистой Фиалковой аллее, но дом Кларисы Манли так и не находили.

— У меня уже ноги подкашиваются, — жалобно протянула женщина. — Я устала. Может, мы отдохнём?

Данте смерил её взглядом акулы-убийцы.

— Только этого мне не хватало! Вы должны спасибо мне сказать за то, что я вас не бросил в том подземелье. Я вас оттуда вытащил, а вы ноете! — шипел он как змей, и волосы его, раздуваемые ветром, угрожающе колыхались за спиной. — Знаете что? Не хотите со мной идти, мне же лучше. Оставайтесь тут, а я уйду!

Выпустив её руку, Данте попытался уйти.

— Нет-нет, не бросай меня одну! — взмолилась женщина. — Уже ведь темно, а я боюсь темноты. Я не знаю, что мне делать и куда идти.

— Но у вас, наверное, есть дом? — спросил Данте, мечая стрелы взглядом.

— Нет, нет, я не знаю, не знаю... Я не помню, — захныкала незнакомка. — Не бросай меня, пожалуйста. Кроме тебя я никого не знаю, мне некому помочь.

Закатив глаза под лоб, Данте уныло вздохнул.

— Ладно, так и быть. Я придумаю что с вами делать, но с условием — не ныть. Терпеть не могу нытьё!

Женщина послушно закивала.

— Я всё сделаю, как ты скажешь. Ты хороший, ты спас меня от этого гадкого старика. Я постараюсь не действовать тебе на нервы.

— Ну вот и прекрасно! — сунув её руку себе под локоть, Данте потянул женщину за собой.

— А куда мы идём?

— Я хотел найти дом Кларисы. Старикашка сказал, будто она знает больше, чем говорит. Но либо мы не там ищем, либо она не хочет, чтобы мы её нашли. О, это ещё та гадюка! Кстати, вы так и не сказали как вас зовут.

— Но я не помню... — виновато потупилась женщина.

— Но ведь тот дед вас как-то называл?

— Называл. Ия, кажется.

— Ия? Странное имечко, похоже на индейское. Ну ладно, Ия, так Ия, я ж всё равно не могу обращаться к вам на «эй, ты». А я Салазар, — представился Данте.

— Салазар, — повторила она эхом. — Необычное имя.

— Я и сам необычный, — горделиво повёл он бровью.

Данте и незнакомка ещё долго бродили в сумраке, но дом Кларисы так и не появлялся, и тогда Данте осенила новая идея: он решил отвести Ию к Эстелле. Не бросит же он эту кури среди улицы. Жалко её, бедолагу беспамятную. Да и она слишком красива, чтобы становиться бродяжкой в городе, где свирепствует чума. А Эстелла знает как связаться с Кларисой. Они вдвоём придумают что делать с этой женщиной, а ему недосуг.

Ия разглядывала дома, улицы и тучи повозок со сваленными на них человеческими телами. От дыма костров у неё заслезились глаза и она закашлялась.

— А что происходит? — спросила она робко. — Откуда все эти люди? Мёртвые... они мёртвые? Неужто война?

— Хуже, — сухо ответил Данте-Салазар. — В городе чума, людишки мрут как мухи.

— Чума... чума... боже, какой ужас! — пробормотала Ия. — Бог за что-то покарал жителей этого города.

Данте скептически хмыкнул.

— Природа берёт своё, избавляя себя от позорных наростов. Это естественный отбор во всём его великолепии. Когда людей становится слишком много, земля сама от них избавляется. Отсюда войны, смерчи, наводнения, эпидемии и другие интересные напасти.

Ия не обратила внимания на яд в его словах.

— Господь — наш судья и на небе, и на земле! — убеждённо изрекла она. — И чтобы этот ужас прекратился, мы должны верить и молиться, и просить прощения за грехи наши и грехи наших близких. И тогда Всевышний сотворит чудо.

— Я предпочитаю верить себе, нежели какому-то выдуманному идолу, — провозгласил Данте, тем самым Ию шокировав окончательно. — А чудеса я и сам умею делать. Так что не жду их от кого-то, кто, вероятно, существует лишь в людском воображении.

— Как ты можешь не верить в Бога? Он тебя покарает за это! — негодуя воскликнула Ия.

— Жду с нетерпением. Если он и вправду существует, было бы любопытно с ним познакомиться и сказать ему в лицо всё, что я о нём думаю.

— Но ты попадёшь в ад!

— В ад? — Данте прищурился так, что глаза его превратились в две косые полоски, и он хищно сверкнул ими. — Вы думаете, тот мифический ад гораздо хуже того, в котором я живу здесь, на земле? Я живу в аду с рождения, так что страшилками меня пугать не надо, я их не боюсь.

Ия не знала что на это возразить, лишь молча перекрестилась и всхлипнула.

— Вот только не надо мне тут нюни развозить! — разгневался Данте.

— Ты злой... Почему ты такой злой? Почему ты ненавидишь людей?

— Может, потому что они не сделали мне ничего хорошего? — криво усмехнулся Данте.

Они свернули на улицу Святого Фернандо и вскоре уже трезвонили в колокольчик у замка Рейес. Дверь открыла Чола.

— Вы кто? Чего вам надобно? Время десять часов. Поздно уж с визитами ходить, — пробухтела она.

— Нам нужна сеньора Эстелла. Она дома? — спросил Данте тоном принца, что снизошёл до беседы с нищенкой.

— Сеньора маркиза дома, но...

— Прекрасно! Значит, мы пришли вовремя, — не слушая протестов Чолы, Данте оттолкнул её и, увлекая за собой Ию, вломился в замок.

Чола, недовольно кривя лицо, побежала за ними.

Эстелла была в гостиной одна. В причёску её была воткнута красная роза, что Данте оставил у дома Кларисы. Примостившись у канделябра, она читала запрещённый церковью роман «Сильвина де Кристаль». Как раз добралась до очень жаркой любовной сценой между героиней и её неверным возлюбленным, и, казалось, весь мир для Эстеллы канул в небытие. Она точно пролетела сквозь книгу и теперь жила вместе с персонажами на её страницах.

— Сеньора Эстелла, сеньора, — видя, что девушка не реагирует на шум и оклики, Чола подёргала её за плечо.

— Что такое? — Эстелла уронила книгу на колени.

— К вам пришли, сеньора.

Эстелла обернулась и чуть не вскрикнула от радости, увидев Данте. Лохматого и взбудораженного, но такого родного.

— О, Данте, это ты! Ты пришёл ко мне! Я знала, что ты далеко не уйдёшь, наша любовь вечна! — воскликнула она, бросаясь к нему на грудь.

Чола взглянула на Эстеллу изумлённо, а Данте отстранился.

— Знаешь, красавица, мне сейчас не до сантиментов. Я и так кучу времени потерял. Я хотел найти эту ведьму Кларису, но так и не нашёл. Ты можешь с ней связаться?

— Конечно!

— Замечательно. Вот эту женщину, — Данте ткнул пальцем в Ию, что стояла потупив взор, — нужно отвести к Кларисе. Её предположительно зовут Ия. Она ничего не помнит. Я нашёл её в подземелье, в том, где мы были шесть лет назад. Кажется, наш дорогой старикашка Тибурон жив и здоров. И он держал её там насильно, как пленницу. Я не знаю что с ней делать, но не смог её бросить, поэтому привёл к тебе. Думаю, вы с Кларисой решите как поступить.

Эстелла перевела взгляд на женщину. Та с подозрением рассматривала её.

— Ну, конечно, мой хороший, ты прав, что не бросил эту сеньору! — одарив незнакомку улыбкой, Эстелла снова повернулась к Данте. От счастья голосок её звенел нежно, как колокольчик, но Данте смотрел мимо. — Безусловно мы ей поможем. Проходите, сеньора, — Эстелла жестом пригласила Ию в комнату, усадив её на кроваво-красный диван.

— Спасибо, вы очень добры, — еле слышно проямлила та.

— Вы, наверное, голодны, сеньора? И ты, Данте, тоже. Чола! Чола, немедленно подай нашим гостям ужин, — велела Эстелла служанке.

— Нет, мне ничего не нужно, — отказался Данте. — Я пришёл сюда, потому что не смог найти Кларису. Но я ухожу, — и он направился к двери.

Эстелла, поражённая в самое сердце его холодностью, роняя мебель и спотыкаясь о собственные ноги, бросилась за Данте. Поймала его у калитки, повисла на шее.

— Данте... Данте, миленький, не уходи от меня! Останься!

— По-моему, ты ведёшь себя ужасно, красавица, — заметил он грустно. — Это дом твоего мужа, твоего второго мужа, а ты мне предлагаешь тут остаться. Может, мне ещё и в постель его лечь? Слушай, маркиза, ты красивая, ты ласковая, но уймись, ладно? — голос

Данте дрогнул, когда он увидел слёзы на её щеках, розу в растрёпанных волосах, но личина Салазара уже приняла решение и отступать не собиралась. — Не надо быть такой навязчивой, красавица, мужчин это раздражает. Мне надо идти, у меня ещё туча дел, прости. И прощай.

Он разомкнул её объятия и быстро ушёл.

Эстелла заревела в голос, повиснув на калитке. Она была уверена: Данте так себя ведёт, потому что ещё сердится на неё. Он не простил ей тех ужасных слов. Мало того, что она уверяла, будто не любит его, так ещё и гадостей наплела. И хотя она извинилась, он по-прежнему зол и обижен. И он прав. Но она должна найти способ его вернуть.

— Данте... Данте, не уходи, не бросай меня... Ты для меня всё, я не могу без тебя, — звала Эстелла пустоту.

Но он не слышал, растворившись в черноте горизонта.

Данте шёл спокойно, не оборачиваясь и с апломбом неся свою красивую голову. Он знал, что Эстелла смотрит, чувствовал спиной её взгляд. Надо дать ей понять, что она ему безразлична. Но, завернув за угол, Данте припустил бегом. Бежал несколько кварталов, пока не задохнулся. Прислонился спиной к дереву. Ну почему рядом с Эстеллой он чувствует себя дураком? Она плохо на него влияет, делает его слабым, беспомощным. Он должен избавиться от этой любви. Кроме того, Данте уже несколько часов ощущал неприятное покалывание в пальцах, а в голове стоял шум, будто там завелись летучие мыши.

— Нет, нет, иди к чёрту! — пробормотал Данте, стучась затылком о дерево. — У меня ещё много дел. Иди прочь! Я Салазар, Салазар и точка. Надо что-то придумать, чтобы не потерять контроль, — выпучив глаза, Данте царапал себе щёки когтями. — Магия... магия... мне нужна чёрная магия, кровь, много крови...

По-звериному рыча, он кинулся вперёд. Миновав мост, спрятался в зарослях акаций, снял с бедра волшебный меч и, засучив манжету, разрезал себе руку вдоль предплечья. Воткнул когти в кровь и кровью этой обрызгал близлежащий куст.

— Вот так, — из когтей Данте ударили красные лучи, и куст вмиг превратился в клубок чёрных змей. Они шипели и извивались, а Данте, залечив рану, выбрался из зарослей. ПЫХ. Во вспышкой он исчез и появился в месте назначения за считанные секунды.

Вот он, одноэтажный длинный дом с табличкой на калитке: «Ла Пиранья». Оставалось спуститься вниз по тропинке. Что Данте и сделал. Стучать не стал. Толкнув полусгнившую калитку, вошёл в неё. И во дворе, и в доме света не было. Темнота стояла хоть глаза выколи. Данте вынул меч и, подсвечивая им дорогу, обошёл дом кругом. Ни души.

Когда он решил войти, дверь оказалась не заперта. Это удивило Данте, но ещё больше его поразило запустение, царившее вокруг. Всё поросло сорняком в метр высотой; конюшня, курятник и загоны пустовали, даже собак не было видно.

В доме было грязно и чем-то воняло. Данте, аккуратно ступая, прошёл в гостиную, но и тут никого не встретил. Сквозь единственный источник света — меч, он разглядел рваную обивку кресел и испачканный чем-то ковёр. Странно. Руфина обычно всё убирала, счищала и штопала. Она бы не позволила дому зарости в грязи, даже если и предположить, что семейство Бильосо-таки разорено. Данте обошёл весь дом, заглянув и в спальни Сильвио и Рене, но так их и не обнаружил.

«Куда же они делись?» — Данте даже расстроился — так хотелось ему поквитаться с ненавистной семейкой. Как вдруг раздался вопль:

— Эй, открой! Выпусти мя, старый хрен!

Данте узнал ненавистный голос Рене. Но слышался он не со двора, не из комнат и не с кухни, а откуда-то снизу. «Подвал!» — сообразил Данте.

Снедаемый любопытством, он бросился к ненавистному месту. Открыл дверь в чёрный коридор. Темнотища. Данте посветил её мечом. На люке, что вёл в подвал, стояла бочка, полная камней, а снизу доносился крик:

— Эй! Откройте! Выпустите мя! Папа! Папа! Открой, я те говорю, изверг вонючий!

Открыть — не открыть? Невероятное чувство злорадства охватило Данте. Рене сидит в подвале. И, похоже, запер его там Сильвио. Вот так папаша!

Данте попытался сдвинуть бочку, но та оказалась неподъёмной. И он решил не корячиться, а направил на неё пальцы, мысленно воображая, как препятствие разлетается на куски.

БА-БАХ! Бочка взорвалась. Данте едва успел отскочить, дабы не быть погребённым под фейерверком из камней.

Он дёрнул ручку люка и, освещая себе путь когтями и мечом, спустился по крутой лестнице. Сердце щемило от горьких воспоминаний. Некогда и он тут сидел наедине с крысами, умирая от страха и ненависти. С тех пор мало что изменилось. Всё тот же подвал. Несколько крыс в углу. При взгляде на них Данте передёрнуло. Нет-нет, он не должен бояться! Он больше не маленький, затравленный Данте, он Салазар — чёрный маг, которому подвластно всё, хозяин сильнейшего артефакта. С чего ему бояться крыс? Взмахнув рукой, Данте наколдовал на ладони огненный шар. Метнул его в крыс. За секунду они сгорели, обратившись в кучку пепла.

В другом углу Данте увидел Рене. И не узнал его. Годы назад эта неграмотная жиробасина издевалась над ним в кабинете комиссара Ласерды. Теперь Рене напоминал скелет, похудев так, что на него жутко было смотреть. Щёки ввалились, а кожа приобрела нездоровый серо-синюшный оттенок. Руки и ноги его были связаны верёвками.

— Ух ты, кого я вижу! — восхитился Данте чудесным зрелищем, пиная Рене каблуком в бок. Он не испытывал ни капли жалости — лишь омерзение и триумф. Отлично! Гадёныша давно пора проучить, чересчур много крови тот ему попортил.

Рене поглядел на Данте, крысиные глазки его в страхе расширились.

— Уйди отсюда, я тя не звал, чудище, я звал папашу. Ентот гад меня тута закрыл и даже жрать сёдня не приносил. Где его черти носят, не знам, скот он паршивый. Тока пусть сунется сюды, я его прибью!

— А-ха-ха-ха-ха-ха! — грубо расхохотался Данте. — Знаешь, а мне нравится тебя видеть таким жалким. Слизняк! — Данте снова пихнул Рене каблуком.

— Слышь ты, иль топай отсюда, иль отвяжи мя.

— И не подумаю. Сдыхай, сдыхай, сучёнок. Мало тебе. Но не переживай, с папашкой твоим я поквитаюсь. А ты тут подохнешь и без моей помощи. Судя по твоему виду, тебе недолго осталось.

Наверху раздался шум. Кто-то, кряхтя и пыхтя, спускался по лестнице. Это был Сильвио — по звукам шагов Данте узнал его. Шёл он с трудом, очевидно, ему мешал большой вес. Ещё не видя Данте, мужчина гаркнул во тьму:

— Сёдня жрать не бушь! Авось сдохнешь. Я те сказал, ты наказан за неуважение ко мне, отцу родимому. Вот как научишься ся вести, так и поглядим чего с тобой делать, — Сильвио умолк, взором уткнувшись в сапоги из змеиной кожи.

Поднял голову, увидел Данте и аж посинел. Данте зловеще улыбался, разглядывая врага. В отличие от сына, Сильвио потолстел ещё больше, чем прежде. Физиономия его окончательно затонула в море из жира, тройной подбородок свисал до ключиц, а пузо грозило вскоре дорасти до колен. Одетый в безразмерный клетчатый халат, он безостановочно что-то жевал.

— Т-т-ты? Дьявол проклятый, опять ты. Чего ты тут делаешь? Тя разве выпустили из тюрьмы, урод? А я-то надеялся, что ты там, наконец-таки, сдохнешь.

— Зря надеялся. Помнишь, мешок жира, в тот день, в жандармерии, когда ты и твой сынок в очередной раз изломали мне жизнь, я сказал, что над вами висит коса смерти? И что тот день, когда город накроют страх и дым погребальных костров, станет для вас последним? Так этот день настал! — и Данте без раздумий воткнул волшебный меч Сильвио в живот.

Тот, выпучив глаза, рухнул на пол, содрогаясь от конвульсий.

— Ты, убийца проклятуций! Чёрт ты раздери, ты притащился мя убить!

— Убить? А-ха-ха-ха-ха-ха! Нет, я хочу, чтобы ты не просто сдох, а сдох в агонии, сука! — шипел Данте. В чёрных глазах его исчезли зрачки, а кожа мертвецки побелела. — Очень жаль, что вы не заразились чумой, какие вы живучие, твари. В городе каждый второй умирает от этой болезни, а вам всё не почём. Но я это исправлю.

У Данте не было никакого плана — он так и не придумал, как этим двум отомстить цивилизованно. Да и стоит ли с ними церемониться? Нет, слишком много чести для этих тараканов. Придя к такому выводу, Данте начал избивать Сильвио ногами по голове, лицу, конечностями и наступил каблуком на рану в животе.

— Ненавижу! Ненавижу! Никогда, никогда не прощу! Даже когда ты сдохнешь, я тебя в аду достану! Я всё равно не оставлю тебя в покое, сука! — вопил неменяемый Данте, дубася Сильвио.

Тот не сопротивлялся — из-за раны и из-за веса шевелился он с трудом. Рене молчал, вжимаясь в стену, но надеясь, что его Данте не тронет.

Когда Данте выдохся, он наколдовал ярко-оранжевый цветок. Засунул его стебель Сильвио в рот, и растение обвилось мужчиной с ног до головы, превратив его в кокон. Сильвио что-то мычал, но поделать ничего не мог.

— Так те и надо, — заявил вдруг Рене. — А ты, щас же развяжи мя, пока я тебя не отделал! — велел он Данте.

— Закрой пасть, червяк! — со всей одури Данте стукнул Рене по лицу ногой.

— Я те приказываю, выпусти мя! Я тут хозяин! А ентот пусть подохнет.

— Подохнете вы оба, это я вам гарантирую, — жёстко процедил Данте. — Но придётся заткнуть тебя насильно, раз ты ни черта не понимаешь.

Данте наколдовал на ладони горсть зелёных мохнатых гусениц павлиноглазки [1] и, не долго думая, затолкал их Рене в рот. Тот едва не задохнулся, но выплюнуть гадость не смог.

— Жри, жри я сказал, — похлопав Рене по плечу, Данте отошёл в центр подвала. Наколдовал гору сухих веток. Наколдовал огонь. И развёл костёр. Вынимая из костра горящие ветки и раскидывая их по подвалу, он дико хохотал.

— Радуйтесь, суки, что я избавляю вас от мучений. Вам не придётся подыхать от чумы. Видите, какой я добренький сегодня? Это потому что у меня хорошее настроение. Так что вам повезло. А-ха-ха-ха-ха!

Он бросил несколько горящих веток прямо на отца с сыном. Дождлся, пока на них

загорится одежда, и стремительно бросился вверх по лестнице. Вылез из подвала, закрыл крышку люка, засыпав её камнями. Магией отчистил одежду от крови и грязи и вернулся в гостиную. Растерянно пометался туда-сюда, пытаясь унять злобу, кипевшую в груди. Надо уходить, пока его никто не увидел. Но тут за спиной раздались шаги.

— Кто здесь? — спросил гнусавый голос.

Данте обернулся. Перед ним стоял мужчина с лицом, покрытым шрамами. На нём были залатанные штаны и грязная рубаша с прорезами. Виктор!

— Вы кто? — Виктор с благоговейным ужасом оглядывал гостя, что держал в руках светящийся меч.

— Вот как? Ты разве не узнаёшь меня, Виктор? — Данте говорил спокойно, хотя внутри всё дрожало.

Тот приблизился.

— Данте? Ты ли? — выдавил он, не веря собственным предположениям.

— Я.

— Вот так сюрприз! Ниче себе! А ты ж изменился. И одежда прям богатая у тебя. Ты похож на аристократа, — усталый голос Виктора повеселел.

— Просто мы давно не виделись, поэтому тебе и кажется, что я изменился, — ответил Данте.

— Но чего ж ты пришёл-то?

Данте на миг смутился, но быстро сообразил что сказать.

— Я проезжал мимо и решил навестить Руфину. Где она, кстати?

Виктор тяжело вздохнул.

— Опоздал ты, парень. Померла Руфина.

Сердце у Данте ёкнуло, и он вновь ощутил покалывание в пальцах.

— Когда это было?

— Уж с месяц как.

— Но... но... что с ней случилось? — горло Данте сдавил ком, и слёзы выступили на глазах. Нет, только этого не хватало! Если он сейчас разревётся, всё пойдёт прахом, он уже не будет Салазаром, он опять превратится в слабохарактерного Данте, которого все унижают.

— Чего, чего, то же чего и со всеми — чума, чёрт её раздери! — пробурчал Виктор. — Руфина ж добрая душа была, поможала тут больных батраков выхаживать, вот и загнулася. Старая уж была она, вот и всё.

Данте гневно растёр слёзы по лицу.

— Я бы хотел увидеть могилу Руфины, — сказал он. — Ты можешь меня к ней проводить, Виктор?

— Да нету могилы, тела чумных сжигают ведь. Нельзя ж их в земле хоронить, вот так вот.

— Тогда я уйду, — поспешил на выход Данте. Надо уйти, пока Виктор не сообразил, что он поджёт подвал, где Рене и Сильвио. В душе его ненависть боролась с горем из-за смерти Руфины.

Виктор вышел за ограду вместе с Данте.

— Мать честная! — вдруг вскричал он, шарахаясь в сторону.

У калитки, свернувшись клубком, лежала огромная каскавела. На крик Виктора она подняла голову. Данте не шелохнулся — змей он не боялся. Если она попытается напасть, он

отрубит ей голову мечом или подожжёт её.

Осмотрев Данте, змея проползла мимо, чуть коснувшись хвостом его сапог. Виктор вжался в ограду, когда она остановилась напротив него, угрожающе щёлкая трещоткой.

— Ты, ты можешь её убить, Д-данте? — прохрипел Виктор, обращаясь к Данте. — Это ж ведь каскавела. Она ж ядовитая. Она ж меня ужалит, и я помру.

Данте хотел отсечь змеиную голову и уже сжал рукоять меча, но вдруг подумал: а зачем? Зачем ему спасать Виктора? Тот — единственный свидетель того, что он, Данте, тут был. Когда обнаружат Рене и Сильвио, заживо сгоревшими в подвале, Виктор поймёт, что это Данте их убил, и всем расскажет. А если Виктора ужалит змея, он умрёт и унесёт все тайны с собой в могилу.

Виктор заорал, когда змея поползла по его ногам.

— Чёрт возьми, Данте? Чего ты стоишь-то? Убей её! — взмолился он, но Данте не двигался с места.

Шипя и извиваясь, каскавела укусила Виктора в живот, а затем в шею. Виктор упал на землю, корчась от боли. Змея отползла в кусты.

— Она меня ужалила! Ужалила! Чего ж ты смотришь? Спаси меня! — орал Виктор.

— Мне жаль, Виктор, — молвил Данте, подходя ближе и сверху вниз глядя на умирающего у его ног человека. — Прости, но я не собираюсь сдыхать в тюрьме. Я уже там был и никогда этого не забуду. С меня хватит. Поэтому сдохнуть придётся тебе. Сейчас.

Виктор кричал и хрипел, всё тело его распухло. Полными ужаса глазами он глядел на Данте, но тот спокойно ждал конца. И конец этот наступил быстро — Виктор умер через десять минут. Данте изумился тому, с какой скоростью змеиный яд распространился по телу жертвы. Каскавела же укрылась за кустами и не уползала, но и на Данте не нападала.

— Ну вот и отлично! С этими покончено. Теперь можно навестить кое-кого ещё, — объявил Данте сам себе.

Бросив последний взгляд на тело Виктора, он крутанулся вокруг себя и — фьють! — чёрным вихрем взмыл под облака. Сквозь кусты сверкнули глаза змеи — крупные, лимонно-жёлтые.

— Кажется, я в очередной раз тебя недооценила, мальчик. А тебя стоит опасаться, ты ещё хуже меня. Собственно, кровь ведь у нас с тобой одна, — прошипела змея и, ударив хвостом о землю, исчезла.

Комментарий к Глава 31. Мечь, снова мечь —————

[1] Павлиноглазка — красивейшая тропическая бабочка, у которой крылышки похожи на павлиний хвост. Гусеницы некоторых павлиноглазок смертельно ядовиты.

===== Глава 32. Куда толкает ненависть =====

Новой целью Данте стал «Лас Бестиас». После того, что он сделал, в душе образовалась пустота. Главное — мечь, остальное не важно. Он отомстил Сильвио и Рене. Теперь надо отомстить семейству Гаспара. Вопрос как? Убивать и поджигать их Данте не хотел, но предательства простить не мог и, снедаемый дрожью и ненавистью, прибыл в «Лас Бестиас» к рассвету.

На нежно-розовом небе тускнел месяц, а солнышко уже робко выглядывало из-за горизонта, лаская сонную землю. Кабачок «Кентавры», что располагался у въезда в посёлок, жил своей жизнью, бодрствуя, пока остальные утопали в неге сна. Компания бородатых и волосатых мужчин чокалась пивными кружками у входа в заведение, а пара пьянчужек валялась под соседним деревом. Никого из этих людей Данте не знал, да они и не обратили

на него внимания. Прощмыгнув мимо, наш герой добрался до домика, где на заборе сушились сапоги, а по двору обычно гуляли индюшки да куры. Сейчас вся живность, включая собаку в будке, дрыхла, только петух, сидя на крыше, кукарекал во всё своё петушиное горло.

Данте не хотел останавливаться в этом доме из-за обиды и из осторожности. Дом, где они жили с Пией, Клементе продал после её смерти, переехав с дочерью к родителям, и Данте наведалься в их бывшее с Эстеллой свадебное гнёздышко. Домик этот располагался в десяти минутах ходьбы от дома Гаспара и Каролины. Переговорив с хозяином, Данте выяснил, что дом не занят. Денег у юноши осталось немного — пора было вновь охотиться на лошадей. Но сейчас продать их будет сложнее, ведь кругом чума и многие толстосумы покинули город. Остались латифундисты — эти жадные, упрямые, неграмотные выходцы из крестьянской среды не бросили бы свои земли, даже если бы те обратились в пустыню.

Хозяина дома впечатлил богатый наряд Данте-Салазара и его манеры, к тому же тот внёс предоплату. И хозяин не усомнился — денег у Данте полно. Так, Данте заселился в домик, не предполагая, что это станет тяжким испытанием для его нервов. Стояло войти внутрь, как воспоминания об Эстелле хлынули ему в голову водопадом. Вот на этом жемчужного цвета диванчике они сидели, слушая треск огня в камине и песни дождя за окном. А на этой кровати они любили друг друга.

Данте несколько часов лежал, уткнувшись в подушку и в бессильной ярости дубася кулаками в стену. Ну почему? Почему он никак не выкинет Эстеллу из головы? Это уже не любовь, это превратилось в наваждение. Что же ему делать? Что?

В конце концов, Данте провалился в сон и встал к полудню, злой и с мигренью. Но медлить было нельзя. Даже если голова его лопнет от боли, он должен осуществить свой план. И, приведя себя в порядок, Данте появился в дом к Гаспару и Каролине.

Дверь ему открыл Клементе. Пару минут смотрел на Данте, вытаращив глаза, потом лицо его просияло.

— Данте? Ты? А ты изменился. Другой какой-то. Откуда ты здесь?

— Да вот, решил в гости зайти, — криво улыбнулся Данте. — Можно?

— Ну, конечно, проходи! — Клементе открыл дверь шире, впуская Данте в дом. — А отца нет, он поехал к перекупщикам, на счёт лошадей сторговаться. А мама сегодня целый день что-то пьёт. А Агата бегают с соседскими детьми. Покоя от неё нет, дьявол какой-то растёт. Вся в мамашу, — выпалил Клем одним махом.

Данте изо всех сил душил в себе злобу, скрывая её под любезной улыбкой. Нет, не сейчас. Ещё не время. Мстить надо на холодную голову.

— Ты надолго к нам? — весело спросил Клементе.

— Не знаю, просто решил вас навестить, а вообще я остановился тут, неподалёку, в доме, где жила Лус.

При звуке этого имени Клементе помрачнел. Данте сделал вид, что ничего не заметил.

— Мама, смотрите, кто к нам пришёл! — воскликнул Клем, когда они зашли в гостиную.

Каролина, в ситцевом платье в крупный цветочек и с волосами, увязанными в пучок, сидя в кресле, вышивала скатерть. На возглас Клементе она подняла голову и при виде Данте вздрогнула.

— Ты? Откуда ты тут взялся? Разве ты не в Жёлтом доме? — строго поинтересовалась она.

— Здравствуйте, тётя Каролина, — кротким голосом сказал Данте, хотя и жаждал Каролину удушить. — Дело в том, что я здоров, и меня отпустили.

— Вот как? А Эстелла мне сказала, будто ты сбежал, — удивился Клем.

— Сбежал? Ну нет конечно. Меня отпустили. Эстелла ничего не знает обо мне, мы с ней давно уже расстались.

— И чего ты от нас хочешь? Зачем пришёл? Опозорил нашу семью, и тебе всё мало? — Каролина была так зла, что едва не пришила руку к скатерти.

— Нет, тётя Каролина, вы ошибаетесь. Я не желаю никому зла, — Данте придал лицу ангельское выражение. — Я только хотел узнать, как вы поживаете, вот и всё.

Каролина покосилась на него с недоверием.

— Не верю я в твоё преображение, ох, не верю, — она скептически поцокала. — Сомнительно это. Дьявол не может стать ангелом. Или, хочешь сказать, Жёлтый дом тебя исправил?

— Разумеется, тётя, — невинно похлопал ресницами Данте. — Я многое осознал. Да и вы же хотели как лучше, не так ли? Я нисколько на вас не сержусь, ведь я чувствую себя прекрасно. Моя душа обрела покой, которого мне так не хватало.

— Я поверю тебе лишь тогда, когда ты начнёшь регулярно молиться и посещать мессы, — объявила Каролина.

— Конечно, тётя, так и будет, — вкрадчиво заверил её Данте. Он строил из себя невинность, но в груди бурлил гейзер. Он им всем покажет! Дорого они заплатят за то, что ему пришлось пережить. И если надо будет съесть жука или пойти в церковь, что одинаково мерзко, он удавится, но сделает это. Он вотрётся в доверие и нанесёт удар.

Каролина была обескуражена такими переменами в Данте. В ответ на её колкости он не орал, ничего не доказывал, но улыбался, соглашаясь с её правотой. Неужто и правда в Жёлтом доме его перевоспитали? На всякий случай Каролина решила быть бдительной.

— Пойду обед готовить, — сказала она, взглянув на часы. — Гаспар скоро вернётся.

— Тогда я ухожу, — Данте поднялся с дивана.

— Нет, Данте, оставайся с нами, — удержал его Клем.

— Но я не хочу вам мешать.

— Ты нам не мешаешь, потому что ты член нашей семьи, правда, мама? — Клем строго взглянул на Каролину.

Та уныло кивнула:

— Оставайся, раз пришёл. Сейчас я мясо поджарю, пальчики оближешь. Тебя ж никто не гонит, но с условием, что будешь вести себя прилично, — добавила она сурово.

— Конечно, тётя.

— Клем, пойди и найди свою дочь, — велела Каролина. — Она бежит по улице уж полдня, а ты, Данте, давай-ка почисти-ка овощи.

— Да, тётя.

Клем вышел, а Данте, сняв плащ, взялся за чистку моркови. Каролина молчала. Данте, тоже молча, посылал её ко всем чертям.

Через час, когда вернулся Гаспар, обед был готов и семейство оккупировало стол.

Каролина подала асадо с соусом чили, салат с тыквой, фрукты и матэ. Данте вёл себя мило, хвалил кулинарные способности Каролины, расспрашивал Гаспара и Клема об их делах, о жизни «Лас Бестиас», в общем пудрил всем мозг, дабы показать: он нормальный.

Кlemente охотно рассказал о том, что «Лас Бестиас» был первым местом, где возникли

очаги эпидемии. Да только чумой страдали быки, а не люди. Но многие были уверены, что именно бычья чума и стала причиной распространения заразы. Однако, чудо-фармацевт, алхимик и учёный мсье Шарль Бонэ, приехавший из Прованса ради получения новых знаний, уверил всех: человеческая чума и чума бычья не имеют друг к другу отношения. Быки «Лас Бестиас», переболев сей заразой, уменьшили поголовье втрое, но хворь эта закончилась, и теперь быки пасутся на пастбищах, количество их увеличивается и ничто им не угрожает.

— Французишка тот говорил, будто человеческую чуму разносят мухи и крысы, — пояснил Клем. — А нам ещё падре Антонио жаловался, что на церковь Святой Аны какое-то нашествие крыс. Это было за полгода до эпидемии. Крыс травили, травили, и вроде вытравили. Откуда они пришли, так никто и не узнал, но их были полчища. Похоже, они и разнесли чуму.

— А много умерших здесь, в посёлке? — спросил Данте. На чуму ему было наплевать, но ради пускания пыли в глаза он готов был поддержать любой разговор.

— Я бы не сказал, — вмешался в болтовню Гаспар. — Мы пока не сильно страдаем, в меньшей степени, чем другие посёлки, и гораздо меньше, чем сам город. Но жертвы есть, например, Ильда — дочь сеньора Эмилиано. Сам старик жив и он до сих пор в Жёлтом доме, а дочка померла. Ещё умер Гвидо, помнишь его, Данте? Хороший был человек. Сеньор Анхель, бедняга. После смерти Пии он совсем разболелся. А когда началась чума, он напился воды из реки. Специально. Говорил, мол, хочу к дочке, жизнь не мила. И вскоре заболел да помер. Ну а остальные вроде живы и пока не хворают. Всех, у кого подозрение на чуму, сразу же отвозят в город.

— А я понимаю сеньора Анхеля, — Каролина подала десерт — пирог с банановой начинкой. — Мне вот тоже жизнь не мила была, когда умер брат Клема, Энрике. Только Господь мне и помог. Он вывел меня к свету. Я всегда была верующая, но когда Господь забрал Энрике, я поняла: он прогневался на меня за то, что я не слишком усердно молилась. И я стала молиться каждый день и воздавать ему хвалы, поэтому и пережила это горе.

— Но ведь и Данте поспособствовал тому, что мы пережили смерть Энрике, — робко заметил Клем.

— Почему это? — судя по выражению лица Каролины, мнение сына она не разделяла.

— Потому что он заменил мне брата, а вам второго сына. Когда Данте появился, мне показалось, что это Энрике ожил. Счастье, что он был с нами все эти годы, — Клем хлопнул Данте по плечу, а Гаспар улыбнулся; морщинки у глаз его походили на солнечные лучики. Данте отметил про себя, что Гаспар заметно постарел, не от хорошей жизни, наверное. Так ему и надо. Но, сохраняя хладнокровие, Данте ответил улыбкой на улыбку.

— Глупости! — разозлилась Каролина. — Энрике мне никто не заменит, тем более Данте, которого мы взяли из жалости. А он отплатил нам за это свинячьей неблагодарностью, опозорив нашу семью. Думаете, мне приятно слушать шушуканье за спиной: младший сын Каролины и Гаспара дьявол, богохульник, сумасшедший. Он сидел в башне, а потом в Жёлтом доме. Замечательная слава! — Каролина гремела посудой, убирая её со стола. Данте кусал губы, сдерживаясь изо всех сил. Он отомстит за всё, за каждое слово, за каждое унижение, но надо чуточку потерпеть, найти больные места у обидчиков и бить в них целенаправленно.

Адела, к удивлению Данте, за столом не хулиганила и не бросалась едой, как раньше. Её было не видно и не слышно. Данте это насторожило, но, хотя он не выносил детей в целом и Аделу в частности, он наступил себе на горло и за обедом ласково с ней болтал. Спросил об

её увлечениях, о друзьях. Спросил нравится ли ей жить в «Лас Бестиас».

— Нет, потому что тут все тупые, — выдала девочка. — И кругом одни животные. Гадость! — она высунула язык.

«Уж не б; лшая гадость, чем ты», — подумал Данте.

Но тихому поведению Аделы быстро нашлось объяснение. Когда Гаспар и Клем встали из-за стола, она захохотала. Оказалось, их штанины узлом привязаны друг к другу.

— Ах, ты, маленькая дрянь! — ругался Клем, отвязывая себя от отца. — Как жаль, что твоя мамаша не забрала тебя с собой на тот свет. Всю жизнь вы мне испортили, две идиотки!

Миновала неделя. Данте вёл себя примерно: ни с кем ни ссорился, выполнял поручения Каролины, ездил на охоту, посещал церковь и при Каролине пару раз даже перекрестился. Стояло ему это безумной мигрени и скрученных в верёвки простыней, но жажда мести была сильнее. В итоге, Каролина сдалась на милость победителя, и Данте решил: пора действовать.

На следующий день Каролина ушла стирать бельё на речку, а Клем и Гаспар погнали лошадей к перекупщикам. Потеряв бдительность, Каролина уговорила Данте посидеть пару часиков с Аделой. Данте с энтузиазмом согласился, уверяя: они с девчонкой найдут общий язык. Но, как только Каролина ушла, Данте, напичкав черничный пирог снотворным, скормил его Аделе, и та уснула.

Данте отнёс её в комнату, запер дверь на ключ и принялся обшаривать дом. Он не искал ничего конкретного, но знал что ему нужно, — любые вещи, связанные с Энрике, погибшим братом Клема.

Усилия Данте были вознаграждены: в спальне Клементе он нашёл дневник его брата, а у Каролины обнаружил сундук, где, вперемишку с иконами, хранилась детская одежда Энрике.

— Отлично! То, что нужно! — выудив из сундука штаны и рубашку, Данте спрятал их у себя в домике вместе с дневником.

Всю ночь он подделывал почерк. Наутро «привет с того света» был готов, и Данте подложил его под дверь Гаспару и Каролине. Вернулся домой и, переждав четыре часа, как ни в чём не бывало, пришёл к ним на завтрак.

Дверь ему открыл Гаспар — вид у него был поникший.

— Доброе утро! — сказал Данте, войдя в кухню.

— Доброе? Да какое оно доброе?! — тут же вспыхнула Каролина. Она расставляла тарелки с пирожками-эмпанадас.

— Не обращай внимания, Данте. Каролина не в настроении, — смягчил ситуацию Гаспар.

— Что-то случилось? — хитро шурясь, Данте оглядел всех. На лицах и Каролины, и Гаспара, и Клема читалось напряжение.

— Вот, — Каролина шмякнула на стол пергамент, в котором Данте узнал собственную писульку.

— Что это?

— Прочти, — вместо матери ответил Клементе.

Данте, изобразив любопытство, развернул письмо:

«Дорогая мама, я знаю, что письмо это станет для вас неожиданностью, но это подло — забывать покойников. Вы заменили меня другим сыном, и, наверное, это правильно, но всякий раз я переворачиваюсь в гробу, видя, что вы не вспоминаете обо мне месяцами. Моя

душа ещё бродит по земле, и нет ей покоя ни в раю, ни в аду, а всё от того, что никто так и не ответил за мою смерть. Пусть это будет на вашей совести, мама. Энрике».

— И что это значит? — повёл бровью Данте.

— Чья-то шутка, — отозвался Гаспар. — Не сам же Энрике это написал, он уже тринадцать лет как в могиле.

— Тупая шутка, знал бы я, кто это так шутит, прибил бы, — угрожающе помахал кулаком Клементе. — Мёртвых нельзя тревожить, это грех.

— А вдруг он жив? — предположил Данте. — Что если он всё это время был жив? Может, он сбежал от вас.

— Не смей городить чушь о моём сыне! — топнула ногой Каролина. — Царствие ему небесное. Ах, кто бы не написал это письмо, а мы должны задуматься! Энрике гневается, потому что мы не чтим его память. Пойду помолюсь, — скрипнув зубами, Каролина убежала к себе.

— Я думаю, молитва обязательно поможет тёте Каролине, — лицемерил Данте. — Она не любит меня, но я прощаю её. А вы не переживайте, дядя Гаспар, Клем, это чья-то неудачная шутка.

— Найти бы этого шутника да голову ему открутить, — буркнул Клементе.

В антрацитовых очах Данте-Салазара сияли недобрые искорки, но никто этого не замечал.

Переждав денёк, Данте затеял новое издевательство. Он мечтал причинить боль семейству Ортега и нашёл для этого их ахиллесову пяту. Уже неделю он тайком тренировался в сложном магическом действе — превращении из человека в другого в человека. В животных Данте научился оборачиваться легко, а встреча с Тибуроном подсказала ему идею. Вон как дед лихо, оборачиваясь в самого Данте, сбивал с толку Ию.

Данте отыскал нужный раздел о превращениях и модификациях в книге, что прихватил из подземелья. В животных он оборачивался не без участия перстня — достаточно было надеть его на большой палец левой руки. Для нового превращения Данте использовал тот же принцип. Надел перстень на указанный палец, закрыл глаза и представил человека, в которого желал обернуться. И — вуаля! — оставалось выучить последовательность движений руками, указанную в книге. За четыре дня тренировок Данте пять раз обернулся в Гаспара и дважды в Каролину, наконец, обернулся и в Клема. По рассказам он знал: Клементе и Энрике были близнецами. Но Энрике умер в одиннадцать лет. Будет глупо изображать его взрослого, ведь взрослым он никогда не был.

И Данте научился оборачиваться в Клема, как во взрослого, так и в маленького. Теперь всё было готово. Данте дождался наступления ночи и обернулся в тринадцатилетнего Клема.

Он добился полупрозрачности кожи и надел одежду Энрике, выуженную из сундука Каролины (к рубашке и штанам были приделаны бирочки с надписью «Энрике», так что Данте не сомневался, что это его одежда). Он облился водой с головы до ног и в таком виде явился в спальню Каролины.

Та проснулась от прикосновения чего-то мокрого и холодного.

— Мама... мама, — позвал Данте дребезжащим голосом.

Первое, что увидела Каролина, — серебристый туман. Внутри него болтался призрак — сверкающий, прозрачный, расплывчатый. Он был как две капли воды похож на Клементе, Клементе лет двенадцати, и с него ручьями стекала вода.

— Мама...

— Э-энрике? — проямлила потрясённая Каролина.

— Да-а, это я-я. Не пугайтесь, ма-ама. Я пришёл, потому что душа-а моя не может упокоиться с ми-иром, — завывал Данте утробным голосом. — И в этом виноваты вы-ы, ма-ама!

Каролина четырежды перекрестилась, отползая к дальней стене. Гаспара в комнате не было. Это и к лучшему, он не такой верующий, как Каролина, и мог бы испортить весь спектакль.

— Эх, ма-ама, ма-ама. Вы не позволяете моей душе-е успокоиться. А всё потому что челове-ек, виновный в моей сме-ерти до сих пор не нака-азан.

— Чт-т-то?

— Да-а, ма-ама. Вы думаете, будто я утонул в реке са-ам, но это не та-ак. Мой убийца жив и здравствует и ны-ане. И душа моя мечется между не-ебом и землёй вот уже тринадцать ле-ет.

— Но к-кто? Кто тебя убил, с-сынок? — заикалась от страха Каролина.

— О, ма-ама, всё это время он живёт у вас под но-осом. Это Клементе, ваш сы-ын и мой бра-ат, это он утопил меня в реке-е. С самого детства он мне зави-идовал, потому что я превосходил его во всё-ём, и он не мо-ог и не хотел с этим мириться. О, ма-ама, не будет мне поко-оя, сколько бы вы не молились, пока убийца мой не понесёт наказа-ание, — и лже-привидение растворилось в воздухе.

Материализовался Данте в своём доме. Побыстрее превратился в себя, сжёг одежду Энрике и лёг спать.

На следующий день в доме Ортега стоял шум и гам. Каролина рассказала о своём видении Гаспару, который отсутствовал в тот момент, сажая на цепь дворовую собаку. Он уверял супругу: это всё сон. Но Каролина кричала, что непременно выяснит правду о смерти Энрике, и бросила в лицо Клему, что это он убил родного брата. Рассвирепев, Клементе замахнулся на Каролину рукой. Гаспар надавал сыну пощёчин.

— Я никогда вам этого не прощу! — заорал Клементе и убежал, долбанув дверь.

Данте молча любовался своей «работой», но решил, что этого мало. Подумаешь, все переругались. Это ещё цветочки. И вечером в спальне Каролины и Гаспара появилась сверкающая надпись на стене: «Мама, моя душа страдает».

Вопя и топая ногами, Каролина обвинила Клементе в том, что это он написал.

— Ничего я не писал! — кричал возмущённый Клементе. — Вы задолбали городить всякую чушь!

— Но в моей комнате надпись во всю стену! — доказывала Каролина. — Пойдёмте со мной, сами увидите.

Гаспар и Клем подчинились, но, когда зашли в спальню, надписи уже и след простыл. Наутро Клем пожаловался Данте, что, похоже, у матери крыша съехала.

— Бедная тётя Каролина, — наигранно вздохнул Данте. — Но в Жёлтом доме могли бы ей помочь.

— Что-о-о? Ты хочешь, чтобы я родную мать отправил в Жёлтый дом?

— Но меня же туда отправили, — пожал плечами Данте. — Хотя кто я такой, чтобы вмешиваться в жизнь вашей семьи? Я просто так сказал. Уверен, что тётя Каролина скоро придёт в себя. Наверняка это то письмо так на неё повлияло.

На следующий день вся семья слегла с отравлением. Сам Данте, изобразив, будто ему тоже плохо, предположил, что еда была некачественная. Через пару дней Адела нашла в

кармане у Кlemente какую-то вонючую траву, съела её и едва не захлебнулась рвотой. Симптомы были те же, что и накануне, и Каролина решила: это Кlemente напихал отравы в еду.

— Ах, ты, убийца! — голосила она ему в лицо. — Теперь я всё поняла! Это ты утопил моего сына! Ты убил Энрике, а сейчас, когда правда открылась, ты решил убрать всю семью, чтобы избавиться от свидетелей. Ты мне больше не сын! Забудь о моём существовании!

Визг стоял до вечера, дело чуть до драки не дошло, а для ушей Данте это была истинная музыка. Но он не унимался, и на следующий день Каролина унюхала запах гари, после обнаружила у себя в кровати жуков, которых кроме неё никто не увидел, и, наконец, услышала рычание тигра за окном. Гаспар и Клем не знали что делать, уверенные — Каролина спятила. Данте молчал, больше не упоминая о Жёлтом доме, но подвёл итог ситуации новой выходкой. Адела придумала скинуть Каролине на голову тарантула в тот момент, когда та резала на кухне мясо. Данте знал об этом, так как нахальная девчонка попросила его поймать паука. Почувствовав, что по ней кто-то ползает, Каролина начала размахивать ножом. Данте подкрался с сидящей на крыше Аделе и столкнул её прямо в чердачный люк. Упав на Каролину, она поранилась о нож, который та держала в руках. К счастью, чуть-чуть. Пока Каролина причитала над внучкой, Данте слез с крыши и ретировался.

Впоследствии, как Каролина не уверяла мужчин, что ранила девочку случайно, Клем и Гаспар решили: она порезала ребёнка ножом специально, когда та, играя, бросила на неё паука.

— Подумаешь паук! — кричал Гаспар. — Из-за паука размахивать ножом на ребёнка, уму непостижимо!

И было решено отправить Каролину в Жёлтый дом. Приехавшие санитары, связав женщину, погрузили её в повозку.

— Я ещё вернусь и отомщу вам за смерть моего сына! — голосила Каролина.

Клем и Гаспар стояли в сторонке, а Данте подошёл к ней, когда она уже сидела в повозке. Наклонился, и, заглянув ей в лицо, прошипел сквозь зубы:

— Приятного путешествия в ад, мамуля. Думаю, тебе понравится также, как понравилось мне, — жестокая улыбка исказила красивое лицо Данте. Он спрыгнул с подножки, и повозка тронулась в путь. Возможно, Каролина и поняла, что это он всё устроил, но это уже не имело значения.

После столь удачной операции возмездия Данте взял паузу, дабы никто не подумал, что все неприятности в семье Ортега спланированы, и занялся своей личной жизнью — помирился с Табитой. Сделать это ему посоветовал Клем, ибо Табита, узнав о возвращении Данте в «Лас Бестиас», из кожи вон лезла, чтобы его охмурить. Она подкарауливала его за каждым углом, посылала любовные записки, подглядывала в окно и однажды тайком влезла в его дом. Данте гнал её — его дико раздражала эта противная девица. Он жаловался Клему, что Табита его преследует. Прилипла как банный лист, хотя он десять раз ей уже сказал, что она ему не нужна.

— Ну почему ты всегда так категоричен, Данте? — спросил Клем. — Ты молодой, здоровый, а любому мужчине нужна женщина. Ты же не монах. Никто не говорит, что тебе надо жениться на Табите, на таких и не женятся, но развлечься-то можно.

— Не хочу, — отмахнулся Данте. — Ну как тебе объяснить, Клем? Эта особа мне неприятна. Она потаскуха, спит со всеми, а меня больше не привлекают грязные женщины.

— А ты попробуй, — не поверил Клементе. — С опытной гораздо лучше, чем с непорочной девой.

— Ошибаешься.

— Нет, не ошибаюсь. Ты же знаешь, я ненавижу девственниц. Всё равно, что спать с табуреткой. Или... а, может, ты всё ещё любишь свою Эстеллу? — догадался Клем.

— Вовсе нет, — упрямо мотнул головой Данте.

Но после этого разговора на зло Клементе он уложил Табиту в кровать, в тайне надеясь: утехи такого рода заставят его позабыть Эстеллу.

Но мечты эти разбились как корабль о рифы. Всё вышло с точностью до наоборот. Переспав с Табитой, Данте ощутил такое омерзение, какого от близости с женщиной не испытывал никогда. Ему захотелось схватить Табиту и шарахнуть её головой об шкаф. И Данте выставил её на улицу. Вернулся в комнату, сбросил простыни и до утра ревел, сидя на полу.

— Эстелла, Эсте... Эсте... что ты со мной сделала? Ты мне нужна, только ты одна.

Едва рассвело, Данте уже сидел в седле, решив навеститься к одному памятному местечку. Немного поблуждав, он отыскал полянку, ту самую, где их с Эстеллой обвенчал Тибурон. Данте спешился, привязав гнедую кобылу по прозвищу Айва к дереву. И его охватил острый приступ отчаянья. Ну почему, почему он должен расставаться с Эстеллой? Он не хочет её терять. Он любит эту женщину, и этого уже не исправить.

Не сразу, но Данте отыскал и молодую драцену, ту, что они с Эстеллой посадили в день свадьбы. Тогда это был саженец размером с ладонь. За шесть лет он вымахал до деревца высотой в метр. Юноша долго рассматривал драцену, глядя её длинные жёсткие листья, вспоминая клятвы, поцелуи и объятия, и их ночи с Эстеллой. Что-то кольнуло в животе, мурашки побежали по телу, пальцы онемели, а из ушей повалил дым. Приступ жуткой боли скрутил все внутренности, и Данте упал без сознания у подножия дерева Удачи — символа вечной любви.

===== Глава 33. И всюду реет смерть =====

Неопределённость с Данте, появление в доме Ии, а также исчезновение Маурисис выбили Эстеллу из колеи. Да и Мисолина прибавляла проблем. Ию она возненавидела. Хотя та была тише воды, ниже травы — даже помогала кухарке готовить, а Чоле убираться. Но Мисолина не упускала возможности ляпнуть гадость. Эстелла Ией тоже особо не прониклась, оставив её в доме лишь из-за просьбы Данте. На следующий же день Эстелла, открыв волшебный медальон, позвала Кларису. Та была занята и попросила подождать пару дней. Так, Ия осталась в доме Рейес.

В сердце Эстеллы, вместе с тоской по Данте горела и скука. Ну чёрт возьми! Из-за этой чумы ей и сходить некуда. Все рестораны, театр и казино, даже лавки и ярмарки — всё, всё закрыто. Новый алькальд нынче запретил и церковные мессы. Теперь разрешалась только исповедь один на один с падре Антонио.

Эстелла затосковала по Буэнос-Айресу, по широким улицам, площадям, Бульвару Аламеда с его увеселительными заведениями и магазинами, и по дому дяди Ламберто. Вот бы им с Данте туда попасть! Если бы закончилась эта мерзкая чума, она бы убедила Данте и Кларису поехать в столицу.

Но чума не отступала, люди умирали массово, день за днём, час за часом. Трупы уже не вывозили на окраину — их было так много, что сжигали их прямо на городских улицах. А в сердцах живых копошился страх. Алехандро Фрейтас приказал ежедневно вывешивать на

стенах ратуши списки умерших. «Стена ужаса», как её прозвали в народе, вызывала у горожан панику — все боялись найти в списках фамилии своих родных, друзей или возлюбленных.

Эстелла давно хотела навеститься к ратуше, дабы почитать списки, но то одно, то другое, то третье — что-то беспрестанно ей мешало.

О Маурисио она вспоминала редко, но зато в душе её появилась обида на Данте. Почему он так холоден с ней? Неужто разлюбил? Нет, не может быть! При последней их встрече она явно читала в его глазах страсть, нежность и безграничное восхищение. Но почему он её отталкивает, если любит?

Утром в среду Эстелла решилась-таки пойти к ратуше, да и заодно навеститься в особняк на Бульваре Конституции. А то она совсем выпала из реальности.

Когда она объявила за завтраком о своих планах, Мисолина захотела пойти с ней. Эстелла не придумала как отказать сестре, но оставаться с ней вдвоём и слушать её колкости она не желала, поэтому зазвала с собой и Ию. На возмущение Мисолины Эстелла, поведя плечиком, сообщила: Мисолину никто не заставляет никуда идти, она сама напрашивается.

— Если тебя что-то не устраивает, сестричка, ты можешь остаться дома и погрызть себе локти, — ядовито закончила Эстелла. И Мисолина умолкла.

После завтрака три женщины покинули замок Рейес, сели в экипаж и вскоре уже созерцали белоснежное здание ратуши.

Несмотря на запрет алькальда, народу тут была уйма. Распихивая толпу, Эстелла добралась до списков. Ия и Мисолина с ней не полезли.

Прочитать списки удалось не сразу. Во-первых, впереди маячили людские головы. Во-вторых, шрифт печати был до невозможности мелким.

— Зря ещё мельче не напечатали, даже обидно, — не удержалась от возгласа Эстелла. Кое-как протиснувшись ближе и вычитала среди тучи имен и фамилий те, которые повергли её в шок:

Дельгадо Беренисе — жена доктора Дельгадо.

Дельгадо Кларибель — жена покойного Диего Дельгадо.

Ничего себе! У Эстеллы затряслись все поджилки. Только недавно супруга доктора навещала к ней. Живая и здоровая, она приглашала Эстеллу работать в госпитале. Самого доктора Дельгадо в списках не было.

Пока Эстелла переваривала информацию, некая грузная дама толкнула её локтем в бок.

— Можно поаккуратнее? — возмутилась Эстелла. Но дама напирала, и, в итоге, оттеснила её чуть дальше — здесь фамилии в списках начинались на М, Н, О и далее.

Эстелла аж чуть не пнула толстуху ногой. Она-то как раз хотела добраться до букв А и Г, чтобы удостовериться: никого из членов её семьи в списках нет.

Но делать было нечего, и Эстелла, в ожидании доступа к нужным ей спискам, опять вчиталась в какие попало:

Нуньес Соль-Мария. Это ж подруга Сантаны! Та самая, с которой её связывали недвусмысленные отношения.

Парра Медина Хосе-Луис-старший; Парра Медина Клара — родители Луиса.

Эстелла, находя знакомые фамилии, расстраивалась всё сильнее и сильнее. Сердечко её заколотилось от тревоги, когда она, наконец, протиснувшись к началу алфавита.

Де Пенья Брага Норберто. Дядя Сантаны. Об этой смерти она уже знала.

Гальярдо де Агилар Арсиеро. И об этом знает, хотя до жути страшно видеть в списке

собственную фамилию.

Бильосо Сильвио; Бильосо Ренато. Какие-то знакомые фамилии, будто она их уже слышала. Но вспомнить так и не смогла.

Альтанеро Хорхе-Эстебан...

Эстелла замерла, глотая слёзы. Дядя Эстебан умер. Как гром среди ясного неба. Хотя она знала, что так и будет, но до последнего надеялась на чудо: ошибочный диагноз или чудодейственное лекарство. Наивная, а ещё фельдшер. Ведь прекрасно знает: чума никого не щадит. Надо идти домой и расспросить обо всём Либертад. Бедняга. Она сама-то хоть жива?

В списках фамилии Либертад Эстелла не нашла, но это мало её успокоило. Не в силах больше читать и сопротивляться напиранию толпе, она вылезла на дорогу. Мисолина и Ия стояли, отвернувшись друг от друга, но, увидев Эстеллу, бросились к ней.

— Ну что там? — напряжённо спросила Мисолина.

— Умерла Беренисе Дельгадо, родители Луиса, Соль, Кларибель, — перечисляла Эстелла. — И самое ужасное — дядя Эстебан. Я хочу пойти к нашему дому и узнать что там происходит.

— Да ты сдурела что ли? — зашипела Мисолина, раздуваясь как рыба-фугу. — Они там все поумирали, а кто не умер, так, наверное, заразный. Я ни за что туда не пойду!

— А я пойду! — рыкнула Эстелла, пуская глазами молнии.

— Это твоё дело, — скривилась Мисолина. — Хочешь умирать, умирай, только меня не зарази, а то я тебя убью. Кстати, мы тут пока стояли с этой женщиной, — указала она на Ию, — слышали один разговор. Говорят, будто бы у алькальда есть лекарство от чумы. И люди не прочь штурмовать ратушу, чтоб заставить алькальда спасти тех, кто ещё жив.

— Бред! — нетерпеливым жестом Эстелла поправила шляпку. — Лекарства от чумы не существует. Его нет и всё тут. Это я тебе как фельдшер говорю.

Но Мисолина не поверила её доводам. Эстелла отправила их с Ией в замок, а сама пошла на Бульвар Конституции.

Нервная дрожь охватила девушку, когда она приблизилась к дому, где прошло её детство. Особняк, молчаливый, мрачный, выглядел нежилым. Калитка была открыта, злые собаки во дворе отсутствовали.

Эстелла протиснулась в калитку и пошла по тропинке, минуя сад. Вместо цветов из клумб торчали сорняки; кусты акаций и мимоз были не стрижены и разрослись как попало, напоминая ошестинившихся ежей. На двери висела чёрная ленточка.

Эстелла робко постучалась, но никто не отозвался. Тогда она постучала сильнее. Минут через десять из двери выглянула Лупита. Домотканое платье её было залатано, на фартуке красовались пятна. Эстеллу это изумило, ибо мама никогда не позволяла прислуге неряшливо выглядеть. Но мама в Буэнос-Айресе — так говорила Либертад.

— Ой, с-сеньора Эс-стелла! — заикаясь пролепетала кухарка. — Это вы? Д-давненькс мы вас не видали, откуда вы т-тута взялись?

— Здравствуй, Лупита. Я пришла узнать как у вас дела. Я войду?

Лупита впустила молодую хозяйку в дом.

Когда Эстелла прошла в гостиную, она не поверила своим глазам: на мебели лежали слои пыли, а паркет, кажется, не мыли месяца три. Дом выглядел неухоженным, заброшенным, но всюду горели свечи, дымились чаши с травами и благовониями, стояли кувшины и блюдца с молоком, а окна изнутри были замазаны воском.

— Лупита, ты что тут одна? А где Либертад? — вид дома навёл Эстеллу на мысль, что

она находится в склепе, и она заговорила шёпотом.

— Н-нет, Либерт-т-тад наверху.

— Она тоже больна? — испуганно спросила Эстелла.

— Ч-чумой нет. Но она б-б-больна, знаете, д-думается мне, у ней чегой-то с г-головой. С-с-сеньор Эстебан, он же того, помер. Вчера.

— Я знаю, сегодня прочитала в списках, что висят у ратуши, — глубоко вздохнув, Эстелла прогулялась по гостиной. В тишине стук её каблучков звучал как набат. Она не испытывала ностальгии по особняку, что некогда был ей родным. Нет, ни на секунду не возникло у неё ощущения, что она дома. Будто в гости заглянула.

— Он ещё т-туточки, — Лупита перекрестилась. — Тама, наверху. П-п-падре сказал, что т-тело с-с-сегодня должны увезти. Хоронить в з-земле-то н-нельзя. Сжигать только огнём з-заразу енту. Уж как мы плакали с Либерт-т-тад, да как п-просили, чтоб разрешили нам с-схоронить молодого х-хозяина как в-велит Б-боженька, да в церкви отпеть. Куда тама! П-падре Ант-тонио не отпевает уж ч-чумных, т-т-только молится за их д-души. Ох, горе-то какое, г-горюшко, — слезливо причитала Лупита. — Коды уж д-дон Арсиеро п-помер, мы ж горевали, да не так. Он не старый б-был, к-к-конечно, да пожил уж всё равно. А ентому ещё б жить да жить. Это, в-видать, Б-боженьку мы чем-то прогневили, раз он так нас к-к-карает.

Пока Лупита сбивчиво жаловалась, Эстелла подумала о Данте. Не дай Бог он заразится чумой! Хотя он маг, может, он знает способ как этого избежать? Хорошо бы. Ведь если он умрёт, как дядя Эстебан, она умрёт вслед за ним.

— А Либерт-т-тад так т-тама и сидит, — болтала Лупита. — Уж я х-ходила вокруг ней, уговаривала, б-бесполезно в-всё. Она ж от него не от-тходила. П-п-помирал он прямо д-долго. С-с-сеньор Арсиеро, т-тот убрался дня за три, мы и ахнуть-то не успели. А с-с-сеньор Эстебан никак и никак. Хоть и дохтур Д-дельгадо, в-всё нам твердил, мол, с-с-сеньор Эстебан вот-вот п-п-померёт. С чумой-то больше н-недели и не живут. Дык он аж три недели п-п-помирал. Дохтур удивлялся в-всё. «Как, — говорит, — он живой ещё? Д-да быть не могёт!». Уж и мы з-засомневались, п-подумали, что и не чума енто. А позавчера с-с-сеньор Эстебан вдруг в-взял да и п-помер. В-вот ждём, коды з-за телом приедут. А Либерт-тад сидит возле него-то, глядит в одну т-точку да молчит. Ни слова не г-говорит, не ест, не п-пьет. Я уж не знай чего и делать. Вдвоём мы т-тута с нею. В-все разъехались, б-бросили нас. А мы ж не могли никак б-бросить с-с-сеньора Арсиеро и с-с-сеньора Эстебана. Коды выпускали в-всех из г-города, мы не уехали, ведь с собой б-больных не заберёшь. А щас и н-надо бы рвать отсюдова, да кто ж нас в-выпустит? — охала и вздыхала Лупита.

Эстелла промокала слёзы кружевным платочком.

— Как жаль, что я не пришла раньше. Но я, наверное, могу ещё попрощаться с дядей?

— Ой, не знам, с-с-сеньора, не знам. Ведь и з-заразу подцепить можете. Т-тута в-вообще опасно, в д-доме была ч-чума, мы, конечно, в-всё окуриваем, — Лупита ткнула пальцем в горящие всюду чаши с травами. — Да толку-то? И куды от ентой з-заразы деваться, никто не з-знает.

— Я пойду наверх! — заявила Эстелла тоном, не терпящим возражений.

Пока она шла до комнаты дяди Эстебана, вспомнила один из самых страшных моментов своей жизни — день казни Данте. Вспомнила и своё состояние тогда. Бедная Либертад! Жутко это — терять любимых, знать, что они, быть может, и существуют где-то в иной реальности, но в мире живых ты больше никогда их не увидишь. Никогда они не посмотрят на тебя, не поцелуют, не утешат, не заключат в объятия. Страшная всё-таки штука жизнь.

Эстелла тихонько постучала в дверь, но Либертад на стук не отозвалась. Тогда девушка, дёрнув ручку, влетела в комнату.

Спальня дяди Эстебана (Эстелла была в ней лишь пару раз) — просторная, с большими окнами и огромной кроватью по центру. Стены были обиты бежевым шёлком, а тёмно-вишнёвая мебель выдавала в дяде натуру страстную, хоть и придерживающуюся стереотипов.

Либертад сидела на стуле, глядя в никуда. Её чёрное шерстяное платье сливалось с кожей, а лицо так опухло от слёз, что Эстелла с трудом узнала служанку. За считанные дни она постарела лет на двадцать.

— Либертад, — окликнула её Эстелла. Та подняла заплаканные глаза и отупевшим взглядом смерила хозяйку.

— Либертад, привет!

Служанка безмолвствовала. Эстелла, подойдя ближе, увидела на кровати дядю Эстебана. В отличие от живой Либертад, мёртвый дядя Эстебан выглядел недурно и на покойника, тем более чумного, не походил совсем. Вспомнив испещрённые язвами лица умирающих в госпитале, Эстелла наморщила носик. Кожа у дяди была чистая, благородные черты не утратили привлекательности, губы застыли в полуулыбке, а брови чуть приподнялись. Будто, умерев, он очень удивился.

— Точно спит, — не удержалась Эстелла от комментария, но Либертад не шелохнулась. — Я как узнала, сразу пришла. Когда же это закончится, сил уже нет?! Проклятая чума! — подобрав юбки, Эстелла плюхнулась в кресло. — А горожане-то ведь болтают, что от чумы есть лекарство. А я нашла Данте. И Мисолину, она живёт у меня, а Маурисио пропал, — собирала всё в одну кучу Эстелла, не зная что умного сказать. Все слова бессмысленны. Она знает это состояние шока, боли и отупения, она три месяца в нём находилась. И как бы другие не пытались её вытянуть, она с каждым днём погружалась в болото страданий всё глубже.

Либертад упорно молчала. Она не плакала и выглядела безучастной ко всему. После часа тщетных попыток завязать разговор, Эстелла решила оставить Либертад наедине с дядей и её горем. Она прекрасно понимала все её чувства, она сама побывала в шкуре безутешной вдовы, но в роли утешительницы никогда ещё не выступала. Хуже всего, что помочь тут невозможно.

Эстелла встала, намереваясь уйти, но тут в дверь влетела Лупита. И с ней пришли трое: падре Антонио и два здоровенных мужчины в защитных костюмах и масках, напоминающих птичьи клювы. Эстелла уже видела на улицах людей в такой одежде — то были чумные доктора. Занимались они не только «лечением» неизлечимой чумы, но и сжигали трупы.

— С-сеньора, эти люди пришли з-за телом, — прогнусавила Лупита.

Падре Антонио, который, по словам той же Лупиты, уже приходил вчера — читал отходную, теперь размахивал крестом перед клювами чумных докторов, поясняя, что молится за их души.

Зато Либертад вдруг встала. Пошатываясь, ушла в ванную. Эстелла с Лупитой, стоя истуканами, наблюдали за священником. Затем чумные доктора переложили тело Эстебана на сплетённые из листьев пальмы носилки. В этот момент Либертад вышла из ванной. Эстелла ахнула: роскошные кудри Либертад, жёсткие, густые, длинные были обрезаны под корень. Держа волосы в руках, она приблизилась к Эстебану и запихала их ему под рубашку. Мужчины с клювами не препятствовали. Когда же Либертад отступила от тела, они вынесли его из комнаты.

Лупита, Эстелла, Либертад и падре Антонио спустились в сад. Тело погрузили на телегу, укрыв чёрным куском бархата. Либертад хотела сопровождать Эстебана, но священник удержал её.

— Не стоит смотреть как сжигают чумных, — предостерёг он. — Это малоприятное зрелище, дочь моя. Пусть лучше в твоей памяти он останется живым, нежели горящим в огне.

Либертад ещё долго беседовала с падре в саду, а Эстелла с Лупитой вернулись в дом.

Эстелла хотела немедленно уйти, сбежать из этой гнетущей атмосферы, из этих стен, где повсюду реет смерть. Лупита же, взяв со столика лучину, подожгла её и стала окуривать гостиную, бродя по углам.

— А зачем Либертад волосы обрезала? — спросила Эстелла, чтобы не молчать.

— А это в знак т-траура, с-с-сеньора. У нас, негров, так п-принято. В-вдова умершего об-брезает волосы и хоронит их в-вместе с мужем. Они б-будут об-берегать его на том с-свете. Ладно, с-с-сеньора Эстелла, п-пойду я и другие к-комнаты окурю. Надо выгонять д-духов смерти из этого д-дома.

Лупита, держа лучину и чашу с травами, поднялась по лестнице. Эстелла проводила её взглядом, а затем выбежала на улицу. Падре Антонио и Либертад сидели на скамейке. Либертад плакала, а священник что-то монотонно внушал ей. Эстелла не попрощалась с ними. За считанные минуты, поймав экипаж, она домчалась до замка Рейес.

Но по возвращении её ждал сюрприз: в гостиной, элегантно положив ногу на ногу, восседал Маурисио. На стук эстеллиных каблучков он поднял голову, отбросив книгу на канапе. В обычно ледяных глазах его читался вызов.

— Надо же, какой сюрприз! Неужто вы изволили явиться домой? — ехидно процедила Эстелла, пройдясь по гостиной. Фиолетовая юбка её, расшитая по подолу павлиньими перьями, покачивалась в такт её шагам. — А я уж было подумала, что вас аллигатор сожрал.

— Зря подумали, — хмыкнул Маурисио, поведя бровью. — У меня были дела, да и вообще я не обязан перед вами отчитываться. Я ваш муж, а следовательно — хозяин. Это я должен слушать объяснения. К примеру, где вы сейчас были и с кем?

— Это не ваше дело! — огрызнулась Эстелла.

— Ещё как моё! Очень даже моё! — Маурисио встал с канапе, грозно скрестив на груди руки. — Я ваш муж, а вы, вместо того, чтобы ждать меня дома и греть постель, где-то шляетесь.

— Да вы... да вы... совести у вас нет, вот что! — Эстелла готова была разорвать Маурисио на миллиард кусочков. — Это вы, вы шляетесь неизвестно где! Вас не было три недели, ТРИ! А теперь вы явились и требуете от меня отчёта? А губы закатать не желаете?

Эстелла ринулась вверх, не в силах больше ни смотреть на Маурисио, ни разговаривать с ним. Он, побежав за ней, резко схватил её под локоть, дёрнул на себя, и они оба — бац! — кубарем скатились с лестницы. К счастью, падать было невысоко — всего три ступеньки.

— Да вы! Ах, вы! Да как вы смее! Уйдите прочь, я вас ненавижу! — завопила Эстелла, сползая с Маурисио и отряхивая платье.

Он взглянул на неё трагически.

— Ладно, ладно, так и быть, делайте что хотите. Но пока. Ночью я к вам приду, учтите. Вы обязаны выполнить супружеский долг!

— Ни за что! — больно пнув его по щиколотке, Эстелла побежала к себе.

— Я вас люблю и вы меня тоже полюбите! — крикнул Маурисио вслед.

— Лучше сдохну! Ненавижу вас! — Эстелла добралась до площадки второго этажа, но, вот незадача, тут же налетела на взволнованную Ию.

— Что случилось?

— Ничего! Этот дегенерат меня заколебал! — и Эстелла умчалась прочь, поднимая ветер юбкой.

Перегнувшись через балюстраду, Ия взглянула на сидящего у лестницы Маурисио. Тот исподлобья покосился на неё.

— Вы кто, тётя?

— Меня зовут Ия, и я вам не тётя, — сказала Ия. — Будьте добры, не хамите.

— Я у себя дома, тётя, поэтому могу хамить столько, сколько мне заблагорассудится.

Пожав плечами, Ия скрылась в недрах второго этажа. Маурисио почесал голову; на лбу его красовалась здоровенная шишка.

— Ну ладно, маркиза Рейес, мы ещё поглядим, как ты ко мне прибежишь и будешь умолять о любви, — сквозь зубы процедил он.

Эстелла в бешенстве мерила шагами комнату. Каков наглец! Маурисио сам себя превзошёл в лицемерии и ещё смеет уверять, что любит её. Идиот!

Выйдя на балкон, девушка опустила лицо в ладони и расплакалась.

— Данте, где же ты? Данте, мой Данте, ты мне так нужен, — бормотала она.

С полчаса она стояла на балконе, подставляя лицо и волосы тёплому бризу. Грудь её разрывали противоположные чувства: глубокая тоска по Данте, по старым временам, по той семнадцатилетней Эстелле, которой больше нет; а ненависть к Маурисио зашкаливала, доводя Эстеллу до дурноты. Нельзя желать кому-то смерти, но сейчас она всё бы отдала за то, чтобы Маурисио взял да умер.

Эстелла вернулась в спальню и несколько минут ходила из угла в угол, маясь от безделья и тревоги.

Пых! За спиной что-то зашипело.

— Ай! — вскрикнула Эстелла, но тотчас успокоилась — на полу сидела чёрная кошка с глазами, похожими на лимоны. — Клариса! Как ты меня напугала!

— Прости, но, насколько я помню, три дня назад ты сама меня звала. Увы, я не могла прийти раньше. Так что случилось? — низким голосом заговорила кошка.

И Эстелла рассказала Кларисе обо всём, что знала о Данте, о подземелье и о женщине, которую он спас от коварного Тибурона.

— Данте не нашёл тебя и привёл её ко мне. Она сейчас здесь, в замке. Она называет себя Ия, но она ничего не помнит из прошлого, — закончила Эстелла.

Шерсть на спине кошки встала дыбом. Она чихнула, трясая головой.

— Надо же, какой прыткий у меня племянничек! Везде успел побывать и даже открыл некоторые тайны подземелья. И её нашёл? Ну ничего себе! Не угонишься за ним.

— Данте попросил меня отвести эту женщину к тебе, — объяснила Эстелла. — Тот старик сказал, что ты могла бы помочь Ие.

— Не знаю, не знаю... Поглядеть бы на неё. А Данте меня и удивляет, и пугает, не знаешь что от него ожидать. Он такой непредсказуемый.

Клариса не договорила, потому как дверь открылась и в комнату ввалился Маурисио. Взглянул на Эстеллу, на кошку. Две пары глаз, чёрные и жёлтые, в ответ смерили его циничными взглядами.

— А я думаю и с кем это ты... вы разговариваете, — усмехнулся он. — Оказывается,

сами с собой, то есть с кошкой, что одинаково глупо.

— Что это вы себе позволяете? — взбеленилась Эстелла. — К вашему сведению, я у себя в комнате и могу говорить с кем угодно. И вас это не касается. Ясно? По какому праву вы сюда врываетесь без стука?

— Это мой дом вообще-то, а вы — моя жена! Поэтому мне интересно: с какой стати вы приводите в мой дом кого не попадая, даже не спросив меня? Сначала притащили этот невыносимый репей, вашу сестру. Хотя, надо отдать ей должное, в отличие от вас она не шляется где попало, а сидит дома, как приличная женщина и вдова. После вы притащили какую-то чужую тётку. Что это за рыжая бестия тут ходит по моему дому и ещё и смеет делать мне замечания? Я не говорю уже о том, что вы устроили тут зверинец!

Маурисио гневно покосился на кошку. Та внимательно его разглядывала. Глаза её странно блестели.

— Мисолину я приютила, потому что она моя сестра, — выдавила Эстелла, тайком сжимая кулаки. — Ия — моя гостья, она попала в передрыгу и потеряла память. Ясно вам? Я не выгоню их на улицу. А животных я люблю и буду заводить кого хочу и сколько захочу. Вы же молчали, когда Матильде разводила тут гиен и леопардов. Так что не жалуйтесь и теперь. Прежде чем орать, вы хотя бы поинтересовались, как у меня дела, если вы такой любящий супруг, какого из себя изображаете.

— И как же у вас дела? — ядовито спросил Маурисио.

— Всё очень плохо. Умер дядя Эстебан. Вы хоть знаете об этом? Между прочим, он был вашим другом.

Лицо Маурисио не дрогнуло, хоть он и изобразил огорчение. Но по его пустым глазам Эстелла поняла: никаких дружеских чувств к дяде Эстебану он не питал и не сожалел о его кончине. Какая же тварь!

— Мне очень жаль, я вам соболезную, — протянул Маурисио с притворной скорбью на лице.

— Вам жаль? Вы соболезнуете? И это всё, что вы скажете? — у Эстеллы едва дым из ноздрей не пошёл. — Да, я любила дядю Эстебана! Но я думала, что вы относились к нему как к другу, а вам всё равно, вы и тут притворялись. Какой же вы лицемерный! А он ведь был за вас горой, когда вы ко мне сватались. Знаете что, видеть вас не могу! Выйдите вон из моей комнаты, пока я вас не огрела чем-нибудь по голове.

— Какая вы злая! Ну ладно, злитесь, не злитесь, а ночью я к вам приду. Ждите, — и Маурисио захлопнул дверь с той стороны. Ретировался он вовремя, ибо Эстелла уже схватилась за хрустальный графин, что стоял на комод.

Клариса напомнила о себе, насмешливо фыркая.

— Забавный субъект.

— Забавный? Да он исчадие! — звякнула графином Эстелла, водрузив его на место. — Это Маурисио Рейес, мой второй муж. Знала бы ты, Клариса, как я его ненавижу, и как я хочу избавиться от него!

Кошка подёргала ушами.

— Ммм... а мне не показался он плохим, скорее странным. А я ведь чувствую людей. Есть в нём и хорошее, но есть и что-то настораживающее. А он точно человек?

— Что-о-о? В каком смысле? — обомлела Эстелла.

— Я имею ввиду, нет ли у него сверхспособностей?

— Ну конечно нет, Клариса! — презрительно выплюнула Эстелла. — Маурисио не маг,

если ты об этом. Нет у него никаких способностей, кроме одной — патологического лицемерия.

— Ты не обижайся, Эстелла. Не надо злиться, но я ведьма и многое вижу и чувствую то, чего не можешь почувствовать ты. У меня возникло необычное ощущение, когда он вошёл, — молвила кошка задумчиво. — Сила, сила чужая, чужая магия. Я всегда чувствую, если рядом со мной маг. Я умею отличить волшебника от неволшебника.

— Но Маурисио не маг! — упрямо топнула ногой Эстелла. Мысль о том, что Маурисио может в чём-то сравниться с Данте, казалась ей кошунственной — Клариса, я тоже могу отличить мага от немага, я ведь жена Данте, и я с детства наблюдала за его магией, я чувствовала эту магию в своей крови. Я бы поняла, если бы у Маурисио были какие-то способности. Но их нет и никогда не было. Я уже шесть лет с ним живу. Ни разу ничего я не заметила. Этого не может быть! Тебе показалась, просто от него исходит такая жестокость, что аж с ног сбивает.

Кошка повертела хвостом — так делают обычные кошки, когда злятся. Но Клариса была волшебной кошкой, поэтому Эстелла не поняла, что сие означает.

— Нет, нет, нет. С этим человеком что-то не так. Предположим, он сам и не маг, но он может находиться под некими чарами. Я ощутила чужую магию. Хорошо бы за ним понаблюдать...

— Знаешь что, Клариса, Маурисио меня мало волнует, — заключила Эстелла. — Ты лучше скажи, ты знаешь что-то о Данте? Где он сейчас?

— Позавчера Ищущий шар показал, что Данте в «Лас Бестиас». Но сегодня с утра он опять исчез. Это кошмар какой-то! Мой племянник с ума меня сведёт своими выходками.

Эстелла тяжело вздохнула.

— И не только тебя, Клариса. С ним происходит нечто плохое и с этим надо что-то делать, но что — ума не приложу. Ах, ещё ведь та женщина! — спохватилась Эстелла. — Пойдём со мной, я тебе покажу её. — Кошка не возразила, и они с Эстеллой вдвоём покинули спальню.

Комната, где обитала Ия, располагалась в конце коридора второго этажа. Ия быстро вышла на стук в дверь, но при виде чёрной кошки улыбка на её лице сменилась ужасом. Щёки женщины покрылись мертвенной бледностью. Секунда, и Ия сползла вниз по стеночке.

Клариса сориентировалась молниеносно — она обернулась в человека и дала Ие какое-то снадобье с запахом лилий, введя её в глубокий сон. Попросила Эстеллу не беспокоиться — она заберёт женщину к себе, а дальше будет видно. И Клариса растворилась в воздухе вместе с Ией, осыпав ту волшебным порошком.

Эстелла и не задумалась: а правильно ли она сделала, отдав Ию Кларисе, убеждённая в искренности последней.

От ужина Эстелла попыталась открутиться, но Маурисио бухтением и злыми подколами заставил её сесть за стол. Целый час Эстелла наблюдала, как обнаглевшая в конец Мисолина увивается вокруг маркиза. Сестрица откровенно строила Маурисио глазки и даже подкладывала ему в тарелку еду. Эстеллу это раздражало, а Маурисио наслаждался ситуацией, уверенный, что девушка ревнует. Ага, как бы не так! В гробу она видала и Маурисио, и Мисолину, но сам факт такой наглости и неуважения к себе Эстеллу бесил до искр из глаз. Она надеялась, что Маурисио не придёт к ней в спальню и его угрозы — лишь бравада. Но к полуночи он беспардонно появился на пороге. И хотя Эстелла закрыла дверь

на ключ, маркиз вломился в комнату, высадив её плечом. Замок отлетел в сторону, а Эстелла была брошена на кровать. Ни крики, ни размахивания вазой её не спасли.

— Если вы будете сопротивляться, я найду вашего любовника, как его там, Данте, кажется, и убью в особо жестокой форме, — пригрозил Маурисио. — Думаете, я не знаю, что вы с ним встречались, пока я отсутствовал? Учтите, я знаю абсолютно всё и обо всём. Я слежу за каждым вашим вздохом, даже когда меня нет рядом. Так что в ваших же интересах, дорогая моя маркиза, выполнять всё, что я вам велю, — Маурисио откровенно издевался над ней — Эстелла поняла это по его безжалостной ухмылке.

И она уступила. Легла на спину, закрыв лицо одеялом, чтобы не видеть наглую физиономию Маурисио. Она ожидала очередного приступа боли, омерзения и тошноты, но Маурисио, побуянив и поугрожав, вдруг успокоился и сделался ласковым. Обычно от его прикосновений Эстеллу выворачивало наизнанку. К тому же, у него были жёсткие пальцы, что выдавало в нём натуру резкую и беспринципную, хоть он и прикрывался лицемерной галантностью.

Но сегодня всё вышло из-под контроля. Когда Маурисио, посрывав с Эстеллы одежду, стал гладить девушку, по телу её побежала истома. Движения его сделались вкрадчивыми, пальцы мягкими и будто удлинились. И Эстеллу окатила волна наслаждения. Вслед за ней пришло чувство стыда и вины перед Данте. Она его предаёт. Она не специально, но ей нравятся ласки другого мужчины. И это отвратительно. Всё сильнее кутая лицо в одеяло, Эстелла плакала, мысленно просила у Данте прощения, но ничего не могла с собой сделать. Тело перестало её слушаться — оно жаждало продолжения, хотя сердце и разум сопротивлялись. Маурисио никогда не был нежным — был либо холоден, либо груб. Но сейчас он покрывал Эстеллу поцелуями, хотя раньше уверял, что терпеть не может целоваться. Что это с ним? Если бы она не знала, что это он, Маурисио Рейес, она бы поклялась, что это другой человек.

Когда Маурисио сделал её своей, Эстелла едва удержалась, чтобы не погладить его по спине. Вцепилась ногтями в простынь и сжала зубы. Проклятье! Почему ей так хорошо? Ведь это не Данте, не её Данте! Маурисио не говорил ни слова, а Эстелла, вместе с болезненным наслаждением испытывала горечь и не могла дождаться конца. Маурисио обычно не уделял ей больше пятнадцати минут, получал свою порцию удовольствия и уходил, наплевав на её ощущения. Сегодня всё было долго, и впервые рядом с ним Эстелла ощутила себя желанной и любимой. Он даже стащил с её лица одеяло и поцеловал в губы. Губы его были мягкие и солёные, на лицо Эстелле упали слезинки, и Маурисио тотчас скатился с неё.

— Нет, это уж слишком, ну сколько можно? — пробормотал он. Вскочил и убежал.

Свернувшись в клубок, Эстелла зарыдала в голос. Ей было стыдно. Хотелось отмыться, содрать с себя кожу, а потом найти Данте, упасть перед ним на колени и вымаливать прощение.

— Прости меня, Данте, родной мой... прости, я не хотела... Я люблю только тебя, я не знаю, почему так вышло... — она плакала, корила себя, рвала на себе волосы. Как она могла получить удовольствие от близости с Маурисио? Что с ней, она с ума что ли сошла? Она его ненавидит, этот мерзкий, ужасный человек шесть лет над издевался. А нынче ей понравилось. Она предала Данте, предала их любовь. Если он узнает, он её не простит.

Эстелла ещё долго долбилась лицом в подушку, затем, убежав в ванную, натёрла кожу до покраснения. Она и в зеркало не могла смотреться — так была себе омерзительна. И ей

пришло в голову себя наказать, чтобы искупить вину перед Данте.

Поутру Эстелла натолкала себе в туфли битого стекла. Ходила она в них до вечера, пока Чола не заметила, что с туфель хозяйки капает кровь. Служанка тотчас доложила Маурисио, и тот, ругаясь на чём свет стоит, заставил Эстеллу туфли снять.

— Вы что совсем идиотка? — вопил он, вытрясая из шёлковых туфелек окровавленные стекляшки. — Как вам в голову это только пришло?

Эстелла безэмоционально пожала плечами. Чола до ночи выковыривала из её израненных ножек стекло. Забинтовала ей стопы, и три дня Эстелла лежала в кровати. Но сама она сочла, что такого наказания недостаточно. Поэтому всю следующую неделю Эстелла морила себя голодом — пила только воду, пока не упала в обморок, да ещё и получила расстройство желудка.

Зато Маурисио теперь не приставал с супружеским долгом. Эстелла решила: когда он снова к ней явится, она ни за что не поддастся. Пусть лучше он её в очередной раз изнасиловает, пусть ей будет больно, но так её тело хотя бы не предаст Данте. Но Маурисио избрал тактику игнорирования, заявляя, что теперь будет с ней спать, лишь когда она сама попросит.

— Вы думаете, я буду вас об этом просить? — дьявольски захохотала Эстелла. — Да я скорее проглочу горящий факел! Добровольно я с вами не лягу и точка. Если вы хотите чего-то добиться, вам придётся взять меня силой.

— Не пойму я, чего вам надо, — почесал Маурисио переносицу. — Иногда мне кажется, что у вас не все дома. Вы хотите, чтобы я вас изнасиловал? Не дождётесь. Я вот, например, хочу, чтобы вы меня полюбили.

— И не мечтайте! — злобно сверкнула глазами Эстелла. — Я вас ненавижу! Чем полюбить такое чудовище, как вы, лучше съесть живого паука.

— Это мы ещё посмотрим, — пообещал Маурисио, закрывая за собой дверь.

Эстелла в ярости запустила ему вслед фарфоровой вазой, пузатой и низкой, украшенной птицами. Та разбилась об архитрав, и осколки дождём посыпались на пол.

Эстелла растерянно глядела на остатки вазы. По ним скакал солнечный зайчик. Надо срочно искать Данте и бежать, бежать подальше. Можно попробовать выбраться из Ферре де Кастильо, минуя городские ворота. Она должна действовать! Нельзя сидеть сложа руки. Что если Маурисио добьётся своего? Вдруг она в него влюбится? Нет, такого быть не может! Но ведь ей понравилась та ночь с ним. А что если ей понравится и в следующий раз? Нет, она не может оставаться в одном доме с Маурисио! Есть только два выхода — побег или смерть. Иного пути ни для неё, ни для Данте, ни для их любви нет.

===== Глава 34. Тень ужаса =====

Наутро Эстелла запланировала вылазку из дома, чтобы найти Данте, но не тут-то было — у неё поднялась температура, а на шее выросла припухлость размером со сливу.

Чола до полудня отпаивала Эстеллу целебными травами, но лихорадка не проходила. Появились головные боли, озноб, и жуткая слабость сковала тело девушки. Самочувствие Эстеллы ухудшалось буквально по часам. Маурисио срочно велел Чоле идти к доктору Дельгадо. Но, пробежав час, служанка вернулась ни с чем.

— Доктор прийти не может, — объяснила она.

— Что значит не может? — скрипнул зубами Маурисио.

— Ну он в госпитале, так служанка его сказала.

— Что значит служанка? А с самим доктором ты разговаривала?

— Нет, я ж говорю, он госпитале, — Чола украдкой зевнула.

— Тогда где ты была целый час? — у Маурисио аж вены на висках вздулись.

— Ну... я болтала с Бией, докторовой служанкой, — заявила Чола. — Да вы не переживайте, сеньор. Сеньора Эстелла простудилась наверняка. Она оклемается, а Бия сказала, доктор занят в госпитале, ему некогда лечить простуду. Там мертвяков же полным-полно. Он вообще субъект опасный, энтот доктор, нельзя с ним связываться, мертвяки поди уж вселились в него, — Чола говорила с восторгом. Маурисио удержался от пощёчины, вложив руку в руку и громко хрустнув пальцами.

— Идиотка! — выругался он. — Моя жена умирает, а ты занимаешься ерундой. Живо топай наверх и ухаживай за Эстеллой! И если ей будет хуже, я тебя убью, дрянь цветная! Пойду сам за этим докторишкой. Плевать мне, что он занят. Я его кнутом сюда пригоню, как безродного мула.

Отсутствовал Маурисио пару часов. Явился взвинченный, но с доктором Эухенис Дельгадо, коего чуть ли не за шкурку волок.

Некогда красивое лицо доктора сейчас было неузнаваемо. После смерти сына и жены он целыми днями находился в госпитале, лицезря чумные трупы, осунулся и постарел лет на двадцать; отчетливо проявились морщины у его губ и глаз.

Осмотрев Эстеллу, доктор огорошил всех и сразу:

— Вообще-то на простуду это мало похоже. У неё все признаки чумы, да и это неудивительно. Кругом все умирают. Видите этот узел на шее? Я б на вашем месте отправил её в госпиталь и не мучился.

— В госпиталь? В госпиталь?! — взбеленился Маурисио. — Чтобы моя жена валялась на полу в грязном госпитале? Да ни за что! Она останется дома, а вы должны её вылечить! Вы обязаны её вылечить!

Доктор Дельгадо развёл руками.

— Маркиз, я всё понимаю, но в данном случае я бессилен. Если бы я мог вылечить чуму, люди не умирали бы тысячами. Эта зараза неизлечима, она уничтожила половину города, и эта тенденция всё растёт. А нам остаётся лишь ждать конца или чуда.

— Тогда какой из вас доктор, если вы ни на что не способны? — в гневе Маурисио схватил доктора за воротник и потряс его, как мешок с опилками. — Шарлатан проклятый! Вон отсюда! — и Маурисио вытолкал доктора Дельгадо из замка взащей.

Эстелла бредила. Она плакала, вертясь во все стороны, и с губ её срывалось имя Данте. Маурисио бесновался, не зная что предпринять. Даже Чола была поражена, увидев, его искреннее отчаяние. Зато Мисолина расправила пёрышки. Узнав о диагнозе Эстеллы, она нацепила ярко-красное платье с вырезом до пупа и велела Чоле принести бутылку лучшего вина, дабы «отпраздновать эту новость».

— Но, сеньора, — заспорила Чола, — чего тут праздновать? Ваша сестра больна, возможно, у ней чума. Как вам не стыдно?

— А почему это мне должно быть стыдно, а, служанка? — фыркнула Мисолина. — Всё складывается донельзя удачно. Эта гадюка сдохнет, Маурисио овдовеет и женится на мне. Мы же с ним любим друг друга, а моя сестрица всё портит.

Чола ушла, а Мисолина стала танцевать посреди гостиной, выделявая бальные па. Но горничная была так возмущена, что нажаловалась на Мисолину Маурисио. И тот закатил скандал.

— Ах, ты, тварь неблагодарная! Эстелла тебя приютила из жалости, хотя я был против,

но не выгнал тебя, потому что ты её сестра. Как ты смеешь радоваться её болезни?

— А я должна плакать что ли? — Мисолина невинно похлопала голубыми глазами. — Не вижу повода для грусти, вот-вот на меня упадёт счастье! Не кричите, мой любимый маркиз, давайте лучше отметим это событие. Вино, кальмары, пирожные... Скоро вы станете вдовцом, и мы наконец-то будем вместе, — Мисолина на цыпочках подкралась к Маурисио, выпятив полуобнажённую грудь, и сложила губки бантиком. — Лучше не нервничайте, а поцелуйте меня.

— Да ты совсем больная! — вскричал Маурисио. — Закрой рот и не смей оскорблять Эстеллу!

— Я никого не оскорбляю, я называю вещи своими именами. Эта плебейка мне немало крови испортила. А когда она женила вас на себе, я так страдала, так страдала! — и Мисолина театрально приложила руку ко лбу.

Хлоп! Маурисио закатил ей оплеуху. На щеке Мисолины проступили отпечатки его пальцев.

— Дрянь!

— Зачем вы меня бьёте? — не унималась Мисолина. — Я знаю, вы меня любите, давайте не будем драться, а займёмся любовью.

Маурисио среагировал бурно. Взлетев по лестнице, он ворвался в комнату Мисолины и начал вытрясать из шкафа её вещи.

— Что это вы делаете с моими вещами, милый? — жеманно пролепетала Мисолина, появляясь на пороге. — О, я знаю! Вы хотите сделать мне подарок в честь нашей будущей свадьбы и обновить мой гардероб? Ах, как чудесно! — она захлопала в ладоши. — А то мне стыдно уже ходить в этих обносках. Каждое платье я надевала не менее двух раз.

Маурисио молчал и, пыхтя от злости, распахивал одежду Мисолины по сундукам и чемоданам. Когда вещи были запакованы, он выбросил их с балкона.

— Пошла вон из моего дома! Чтобы духу твоего здесь больше не было!

Мисолина такого не ожидала и не поверила Маурисио, даже когда он самолично вытолкнул её на улицу, захлопнув дверь ей в нос.

Он вздохнул с облегчением, наивно полагая, что избавился от девицы. Не тут-то было!

Спустя минут двадцать, в гостиной раздался грохот и звук разбивающегося стекла. Мисолина швырнула в окно первого этажа булыжник и через этот импровизированный вход влезла обратно в дом. У Маурисио аж вся злость пропала.

— Ты... ты вообще здорова? Ты же просто дура. В голове не укладывается!

— Я не дура. Я будущая хозяйка этого дома, будущая маркиза Рейес. Я ваша судьба и как бы вы от меня не бегали, милый, я вас не отпущу, — повиснув на Маурисио, Мисолина смачно поцеловала его в губы.

Он, с яростью оттолкнув её, выбежал из дома с криком:

— Я с тобой в одном доме не останусь! Сумасшедшая! Раз ты не хочешь уходить, уйду я.

— Возвращайся, любимый, я буду тебя ждать, — ангельским голосом пропела Мисолина ему вслед.

Данте шевельнулся и тут же ощутил боль в боку. Оказалось, он лежит на берегу, а под ребро ему впивается камешек. Данте сел, стряхнув с себя листья, и огляделся. Река, лес и всё. Их с Эстеллой любимый берег. У Данте дико болела голова, а мышцы как свинцом налились. Смахнув с глаз прилипшие волосы, он проморгался. Но боль не отступала. Она

была такой, что слёзы лились. Чёртова мигрень! Данте уткнулся лбом в колени и некоторое время так сидел. Он не помнил что с ним произошло. Не помнил ни про чуму, ни про месть, ни про путешествие в подземелье, ни Брухо, ни Ию, ни даже рассказа Кларисы о родителях. Но, когда боль отступила, он вспомнил Эстеллу. Она не любит его. Она в лицо ему это сказала, а потом её арестовали, а потом... потом он взял её вину на себя и попал в ад. Вспомнил он и предательство семейства Ортега, когда они отправили его в Жёлтый дом. Ни разу не навестили, не побеспокоились о нём. И плевать им было, что его держат на цепи, как собаку. А дальше — полный провал. И как он оказался здесь, непонятно.

Данте мотал головой, но память не возвращалась. Он машинально потрогал себя за шею. Нет, ошейника там нет, цепей тоже. Неужели ему удалось выжить и не сойти с ума?

Данте взглянул на свои руки. Волшебный перстень был надет на большой палец правой руки. Он искрился и дымил, и у Данте застучало в висках с новой силой. Ему было так плохо, что внутренности едва не лезли через горло. И Данте сдёрнул перстень. Стало легче. Боль притупилась, а с груди будто упали кандалы.

Данте взглянул и на обручальное кольцо. Оно было ледяным как сосулька. Данте потрогал кольцо — оно выпустило струйку чёрного дыма. Данте испугался ни на шутку. Неужто с Эстеллой что-то случилось? Что-то плохое! Все обиды и боль ушли мигом на второй план. Да, Эстелла полюбила того чванливого маркиза, забыв всё, что они пережили вместе. А он, Данте, отдал за неё два года свободы в сырой тюремной камере, где бегали крысы, а узников через каждые пару дней подвергали изощрённым издевательствам. Но если бы можно было повернуть время вспять, он бы сделал тоже самое.

Данте не знал ничего о жизни и судьбе Эстеллы. Крайний раз он видел её в доме её родственников, когда спас Мисолину из борделя. После ареста он узнал, что жандармы девушку отпустили и сняли с неё обвинения в убийстве. И всё. Наверное, Эстелла счастлива. И давно забыла о нём. Нет, он не станет лезть в её жизнь, ему нет там места, он лишь хочет знать, что с ней всё хорошо. Поведение кольца Данте настораживало, Тибурон же говорил, что главное условие Чар Любви — взаимность. Эстелла его не любит, но кольцо живо вопреки всему. Странно это.

Перед тем как идти в город, Данте решил залезть в воду. Он не помнил про чуму, а про недавний запрет купания в водоемах и вовсе не слышал. Данте снял с себя рубашку и готов был уже войти в реку, но чудо спасло его от безрассудства. За спиной вдруг раздались пронзительный свист и хлопанье крыльев. Данте обернулся — прямо на него летела чёрно-алая птица, крича и закрывая собой вид на облака.

— Янгус?! Янгус! — вне себя счастья Данте ринулся птице навстречу. Как будто время повернуло назад и он опять стал юным мальчиком, друзьями которого были порывистый ветер, грациозная лошадь и бесстрашная птица. Как же давно это было! Произошло много и хорошего, и не очень, но хуже все то, что он потерял Эстеллу. А ещё потерял себя. И, наверное, уже не найдёт ни то, ни другое.

Янгус камнем упала на Данте. Встряхнулась и любовно постучала его клювом по голове.

— Не может быть... Ты жива, Янгус, — бормотал Данте, размазывая слёзы по лицу.

Некоторое время он прижимался к птице щекой. Она булькала и топорщила перья. Но залезть в реку она Данте так и не позволила — больно клюнув его в ухо, вцепилась когтями ему в плечо так, что пошла кровь.

— Янгус, ты что? Что с тобой? Ты не хочешь, чтобы я купался?

Птица замахала крыльями, надрывно крича. И Данте послушался. Надел рубашку и отправился в город, неся Янгус на плече.

Когда Данте миновал мост и вышел на улицу Святой Мерседес, он был поражён до глубины души. Горели костры, стоял смрад, ходили люди, с головы до ног укутанные в плащи и с масками в виде птичьих клювов. Туда-сюда сновали повозки с... трупами? Данте протёр глаза. И правда трупы. Что это такое? Куда он попал?

Янгус тихонько курлыкала ему в ухо, но юношу это не успокоило.

— С дороги! Прочь! — какая-то телега, гружёная обезображенными мертвецами, едва не сшибла Данте с ног. Кучер злобно рыкнул на него, но Данте не обратил внимания. Его мутило, в голове всё смешалось. Он ухватился за дерево, немного постоял, приходя в себя, и двинулся вперёд. Квартал за кварталом он наблюдал одну и ту же картину, пока не дошёл до Бульвара Конституции. Вот он, белый особняк с колоннами, хранящий воспоминания об их любви с Эстеллой. Но теперь он пуст. Окна заколочены, а сад зарос сорняками.

— Эсте, Эсте, — позвал Данте глухо. — Где же ты? Куда все делись?

Он метался по округе, пока не вспомнил о существовании замка Рейес. Она же живёт там! Всю дорогу Данте бежал бегом, задыхаясь и едва не теряя сознание. Янгус парила над ним, роняя пёрышки ему на голову.

Вот он, мрачный дом на улице Святого Фернандо. Каменный замок, похожий на тюрьму.

Данте остановился у калитки, вглядываясь в табличку с нарисованным на ней гепардом. Он не знал что делать. Не позвонит же он в колокольчик и не спросит у Маурисио Рейеса, как там поживает Эстелла.

Но ситуация разрешилась сама. Открылась парадная дверь, и Данте тотчас спрятался за грушевые деревья, что росли у забора. По дорожке вышагивала дама в чёрном платье и чёрном же чепце с кружевами. Данте узнал Мисолину. Она вышла за калитку и огляделась по сторонам, точно искала кого-то. Наверное, если он подойдёт к ней, это не будет очень грубо. В конце концов, он вытащил её из борделя, она должна это помнить.

— Сеньорита, сеньорита, подождите! — Данте вылез из кустов, кинулся к Мисолине.

Она, стоя вполоборота, высокомерно взглянула на него. Вид у Данте был странный. Дорогая одежда его — шёлковая белая рубашка, бархатные штаны, сапоги из кожи крокодила, — была порвана, а спутанные волосы висели петлями.

— Милостыню я не подаю, — отрезала Мисолина. — Идите куда шли и не мешайте мне, я занята, — она вздёрнула нос.

— Но я не прошу подавания, — смутился Данте. Да уж, видок у него ещё тот, раз она приняла его за бродяжку. — Вы меня не узнаете?

— Разумеется, нет, — скривила губы Мисолина. — Я не общаюсь с нищими, я птица другого полёта. Так что не подходите ко мне, а то вы меня скомпрометируете перед будущим мужем.

— Я Данте, — сказал он. — Вы помните тот эпизод во «Фламинго»? Простите, чтс напоминаю, — спохватился он, — но это я, я тогда привёз вас домой. Помните, со мной ещё был мой... эээ знакомый, Клемента? — Данте хотел сказать «брат» или «друг», но, вспомнив о предательстве Клема, передумал.

Мисолина покрылась пятнами. Вгляделась в Данте и, наконец, узнала в его измученном лице того красавца, что спас её пять лет назад. Но признаваться она в этом не пожелала.

— Не понимаю, о чём вы говорите, вы меня с кем-то перепутали, — буркнула она. — Я

никогда не была в таком заведении, я приличная дама, и вас я не знаю.

— Я видел ваше лицо. Когда вы упали в обморок у экипажа, пришлось снять с вас маску. Я знаю, вы сестра Эстеллы... — голос у Данте дрожал.

— Чего вам надо? Вам нужны деньги? Теперь вы будете меня шантажировать?! — вспыхнула Мисолина. — Но у меня нет ни гроша. После смерти мужа я осталась ни с чем. Его родственники украли у меня наследство. Грязные варвары и пройдохи! — наврала Мисолина и глазом не моргнув.

— Не оскорбляйте меня, сеньора, мне не нужны ваши деньги, — печально сказал Данте. — Не бойтесь, тот эпизод навсегда останется между нами. Я пришёл сюда по другому поводу, а вас увидел случайно.

— И что вы хотите? — голос Мисолины смягчился.

— Я хотел спросить про... про вашу сестру.

— ЧТО?

— Да, про Эстеллу. Я ничего не сделаю плохого ни вам, ни ей, но я хочу знать всё ли с ней в порядке...

— Да что ж это такое?! — расвибрировала Мисолина. Нежное личико её налилось кровью. Она капризно надула губы. — Все только и спрашивают что о ней. Эстелла, Эстелла, Эстелла! Все вокруг неё бегают, а на меня всем плевать. Но ничего, скоро это закончится, — она зло сверкнула глазами. — Хотите знать что с вашей разлюбленной Эстеллой? Так я вам скажу: она при смерти. И максимум через недельку отбросит копыта. Ясно вам? Наконец-то я отмучаюсь! Наконец-то она сдохнет и все будут любить только меня! — взмахнув юбкой, Мисолина побежала по зелёной аллее. А на Данте словно небо рухнуло.

— Подождите! Стойте! Сеньора! Сеньорита! — он бросился следом. Догнал Мисолину схватил за плечо.

— Ну что ещё? Отстаньте от меня, я вам всё сказала!

— Нет, не всё! Что с Эстеллой? Почему она умирает? Чем она больна?

— Тем же, чем болен и весь город — у неё чума! — радостно выкрикнула Мисолина.

Увидев подъезжающий экипаж, она прыгнула в него и была такова.

Чума... Чума... бред какой-то... Чума... Не может быть!

Данте обхватил ладонями голову. В отличие от Эстеллы он ничего не понимал в медицине. Он знал, что чума бывает у быков. Волна её несколько лет назад прокатилась по многим поместьям и эстансиям, где выращивали скот. Но у людей... В какой-то книге Данте читал про бубонную чуму. «Чёрная смерть» — так её величали. А ещё в той книге были чумные доктора в масках с клювами. Такие же сейчас ходят по городу. Но то было столетие примерно тринадцатое. Откуда же взялась чума теперь?

Обручальное кольцо вдруг сжало Данте палец, точно уменьшилось размера на два. И у него сердце едва не остановилось. Эстелла! Она больна, умирает! Он должен её увидеть! Любой ценой. А если этот напыщенный маркиз ему помешает, он его убьёт!

Данте вернулся к замку Рейес и позвонил в колокольчик. Открыла ему Чола.

— Чего вам угодно? — Чола взглянула на него, как на кучку мусора. Так домашние слуги смотрят на нищих и бездомных, видя своё преимущество перед оными.

— Я хочу увидеть сеньориту, сеньору Эстеллу.

— Это невозможно. Сеньора больна и лежит в постели, — важно протянула Чола. Она гордилась своей миссией глашатая дурных вестей.

— А мне наплевать возможно это или нет! Я всё равно её увижу! — направив на Чолу

руку, Данте выпустил из пальцев ледяное пламя. Волосы Чолы, а также брови и ресницы покрылись инеем. Она так и застыла с выпученными глазами, а Данте, оттолкнув её, стремительно вошёл в замок. Янгус сидела на дереве, не шевелясь, лишь таращила глаза. За Данте она не полетела. А он взбежал по лестнице. Отыскал комнату Эстеллы, наугад открывая двери.

Вот она — комнатка с шёлковыми обоями и розовой мебелью в итальянском стиле, настоящая спальня инфанты.

Эстелла лежала в кровати, утопая в белоснежной перине, и тихонько посапывала. Выглядела она безмятежно и не была похожа на умирающую, только синяки под глазами и припухшая шея выдавали в ней больную.

Данте несколько минут смотрел на неё, пока до его сознания не дошло, что всё это правда. Она больна и умирает! И он рухнул на колени у кровати.

— Эсте... Эсте... Эстелла, девочка моя... — он прижался губами к её руке. — Как же так? Почему? Не умирай, нет, только не это... Даже если мы никогда не будем вместе, ты должна жить. Пусть далеко от меня, но я буду знать, что ты счастлива, что ты улыбаешься, видишь солнце, траву. Эсте... Эсте...

Он беззвучно плакал, держа её за руку, и Эстелла открыла глаза. Сейчас они были чернее обычного и блестели ярко, как звёзды.

— Данте?

— Эсте...

— Данте, — увидев, что он плачет, она погладила его по спутанной гриве. — Не надо. Не плачь.

— Нет...

— Послушай, ты напрасно пришёл, я могу тебя заразить. У меня чума. Я слышала их болтовню. Они думают, что я не знаю, и говорят мне, что у меня простуда, — она звонко рассмеялась, а Данте потёрся мокрой щекой о её ладошку. — Данте, послушай меня. Я не хочу, чтобы ты повторял мои ошибки. Не мучай себя. Я не хочу, чтобы ты меня оплакивал. Я хочу умереть легко, зная, что ты найдёшь в себе силы жить дальше, без меня. Пожалуйста.

— Но ведь можно ещё что-то сделать...

Она опять рассмеялась, задорно, как ребёнок.

— Нет, Данте. Сделать ничего нельзя. Ты ведь знаешь, я осуществила свою мечту — получила диплом фельдшера. Меня не обманешь. Лекарства от чумы нет.

— Но...

— Данте, послушай. Когда закончится этот ад, а он закончится, я знаю, поезжай в столицу к своей семье, к своему отцу. Возьми с собой Кларису. Ты больше не один, у тебя есть семья, прекрасная семья. Они полюбят тебя, тебя нельзя не полюбить, — Эстелла ласково вытирала ему слёзы, но у Данте ум за разум заходил от горя.

— Я не понимаю... ничего не понимаю... — задыхаясь, он тряс головой, волосы прилипли к его мокрому лицу. — Какая семья? Моя единственная семья — это ты, так было всегда и так будет до конца моей жизни. Ты для меня самая родная. Я знаю, что не достоин тебя, что я тебе не нужен, но всё это не имеет значения. Эсте... Эсте, ты должна бороться, ты не можешь умереть, — и Данте, сев на кровать, обнял её двумя руками.

— Данте, не надо, ты можешь заболеть. Чума — это не шутки. Меня уже ничто не спасёт, но ты, ты ещё можешь спастись. Надо выбраться из города окольными путями, минуя городские ворота.

— Я никуда не уйду. Плевать мне на чуму, на всё наплевать. Я останусь с тобой. Если нам суждено умереть, значит, мы умрём вместе.

Он обнимал Эстеллу крепко, боясь, что она вот-вот испустит дух, зарывался в её волосы и плакал навзрыд. Сердце Эстеллы выпрыгивало от счастья и тревоги, что он заразится, но оттолкнуть его она не могла. Как хорошо, что он пришёл. Её Данте. В его объятиях и умереть не страшно.

Данте долго обнимал и баюкал Эстеллу, и, в конце концов, она погрузилась в сон. Данте понимал, что не должен её компрометировать — Маурисио, похоже, дома нет, раз он до сих пор не закатил скандал. Но он вернётся, и Данте не может тут оставаться. Но и уйти он был не в силах.

Город накрыла тьма. На небе не было ни луны, ни даже звёзд — все светила потухли, как костры, залитые водой. Данте, сидя на полу, обнимал Эстеллу за талию и не заметил как отключился. Проснулся он от настойчивых пиханий в плечо.

— Эй! Эй, проснись!

Эстелла спала, даже не шевелилась. Данте протёр глаза, убирая со лба нечёсанные волосы, и увидел, что рядом стоят две женщины: Чола с поджатыми губами и... Сантана.

— Ты что тут делаешь? — воскликнула последняя, уставив руки в бока.

— А этот безбожник ещё вчера пришёл, меня чуть не порешил, — пожаловалась Чола.

Данте смерил её таким злобным взглядом, что на лбу её выступила испарина.

— В любую минуту воротится сеньор Маурисио, — Чола спряталась за спину Сантаны, — а у нас дьявол в доме. А я тут одна. Всю ночь не спала, думала всё, смертушка за мной явилась. Он же разбойник, сразу видать. А сеньора Мисолина пошла искать хозяина и тоже пропала. Я поэтому вас и позвала, сеньорита Сантана. Сделайте чего-нибудь, а то ж ведь боязно. Может, позвать жандармов, а?

Внимательно оглядев Данте, его несчастный, взъерошенный вид, Сантана приказала Чоле выйти.

— Но, сеньорита...

— Я сказала вон отсюда! — прикрикнула Сантана. — Я хочу остаться наедине с этим человеком и моей подругой.

Чола испарилась, с досады топая как бегемот.

— Ты мне так и не ответил, ты что тут делаешь? — обратилась Сантана к Данте.

— Я пришёл к Эстелле, — отнюдь не дружелюбным тоном сказал он. — Пойдём на балкон, а то разбудим её.

Они вышли на квадратный балкон, окружённый каменными перилами со штырями — некогда Данте лазал через них.

— Ты разве не знаешь, что у Эстеллы есть муж, который любит её и с которым она счастлива? — прошипела вполголоса Сантана.

— Знаю. Но Эстелла больна, — Данте, сдерживая слёзы, облокотился о перила, наплевав, что может пораниться о них. Всмотрелся ввысь — на небе не было ни облачка, а солнце нещадно жарило в лицо.

— И что? С каких пор тебя это колышет? Эстелла уже давно забыла о тебе, и тебя не должна волновать её судьба, — укорила Сантана.

— Это моё дело, тебя не касается, что меня волнует, а что нет, — огрызнулся Данте. Сузив глаза, он сверкнул ими из-под ресниц, как хищник, отслеживающий жертву в темноте. — Да и где этот хваленый муж? Что-то я его не наблюдаю. Это всё чушь. Можно

произносить сколько угодно красивых слов о любви, но они не стоят ничего, если не подтверждаются поступками. Когда я пришёл вчера, этого упыря не было, и сейчас, видимо, нет. Он где-то шляется, а Эстелла умирает!

— Умирает? — дёрнула бровью Сантана. — Что ты несёшь? Чола сказала, что у Эстеллы обычная простуда, от этого не умирают.

— Простуда? — если бы Данте мог убить взглядом, Сантана уже превратилась бы в кучку пепла. — Чума! У неё ЧУМА!!!

— Как чума? — обалдела Сантана. — Но... но... Чола мне этого не сказала. Не может быть! — Сантана прикрыла рот рукой.

Но Данте не верил в её искренность. Даже когда Сантана расплакалась, он не изменил мнения.

— Она... она всё время без сознания? — тревожилась Сантана. — Она с тобой говорила?

— Сейчас она просто спит. Вчера Эстелла была в сознании и мы разговаривали, — горько вздохнул Данте. — Послушай, Сантана, ведь тебя так зовут?

— Ага.

— Так вот, мы должны что-то сделать.

— В каком смысле? — не поняла Сантана.

— Надо спасти Эстеллу, надо что-то придумать. Она не может умереть, не может, — бормотал Данте, выкатывая глаза. Сантану изумило его отчаяние, но она лишь уныло скривила губы.

— Ничего тут не сделаешь. Если у Эстеллы и вправду чума, она умрёт. Я же видела чуму, знаю, как это бывает. У меня дядя тоже умер от чумы, — покачала головой девушка. — И когда только это закончится? Ну почему, почему эта проклятая зараза никак не оставит нас в покое?

— Я не верю, что Эстеллу нельзя спасти, — в фантастических очах Данте полыхало синее пламя. Эта ситуация полной беспомощности жутко его раздражала. Не может быть, чтобы не существовало способа вылечить Эстеллу! На других ему наплевать, пусть их всех хоть разорвёт. Но Эстелла должна жить!

— Может быть, существует какое-то лекарство и его можно где-то достать? Пожалуйста, Сантана, подумай. Я совсем в этом не разбираюсь, да и я... я только сегодня вернулся в город, — сочинял Данте. Не признается же он, что ничего не помнит. Сантана явно сочтёт его психом и будет недалеко от истины. — Я только сегодня узнал про чуму и про Эстеллу. Я не верю, что её нельзя спасти. Я готов на всё, лишь бы она жила.

Сантана задумчиво почесала подбородок.

— Пойми, Данте, люди умирают сотнями. Если бы можно было их спасти, их бы давно спасли. Хотя... слышала я тут одну ересь...

— Говори!

— Так люди болтают, — пояснила Сантана. — Скорее всего, это враки. Они ни на чём не основаны, и их придумали для собственного успокоения и чтобы свалить на кого-то вину за происходящее.

— Ну так что? — Данте уже начинал закипать, будто котёл на огне.

— В общем, говорят, будто бы у нового алькальда Алехандро Фрейтаса есть лекарство от чумы или что-то в этом роде — все говорят по-разному. Люди считают, что якобы алькальд специально уничтожает город. Чистит его от неудобных. Бредни пьяного осла, —

добавила Сантана, видя, что Данте напрягся. — Самое смешное, что моя тётя Амарилис уверяет, будто средство от чумы существует. Я, конечно, ей не верю, но... что такое? — Сантана аж вздрогнула, когда Данте волчком крутанулся вокруг себя.

— Я знаю что делать!

— Что?!

— Надо залезть в ратушу и найти лекарство в кабинете у алькальда.

— Чего-о-о?! — Сантана, видя его настрой, испугалась. — Залезть в ратушу? Да ты и своим уме? Это подсудное дело!

— Мне всё равно. Я буду искать любой шанс спасти Эстеллу. Пусть и самый бредовый, безумный или опасный. Но сначала мы пойдём к твоей тётке. Возможно, она подскажет что делать.

— Не думаю, — повела плечом Сантана. — В последнее время тётя не в себе. Она жутко странно себя ведёт.

— Мне без разницы, как она себя ведёт! Я всё равно хочу с ней встретиться. Сегодня. А завтра я полезу в ратушу.

— Один? — у Санти чуть глаза на лоб не вылезли.

— Не думаю, фифа, что ты пойдёшь со мной, — усмехнулся Данте, оглядывая её изящное лазоревое платье и ажурные перчатки на руках. — Короче, сейчас мы идём к твоей тётке. И без возражений, — сурово добавил Данте в ответ на её негодующий взгляд.

Данте умылся и расчесался у Эстеллы в ванной. И переоделся, обнаружив в шкафу мешки со своими же вещами.

Сопровождаемый Сантаной, жаждущей, как ему казалось, спасти подругу, Данте покинул замок. Они сели в экипаж и вскоре прибыли к уютному кирпичному домику, где в саду росли дикие орхидеи.

На звон колокольчика откликнулась темнокожая и очень юная служанка — с виду ей было лет пятнадцать. Она молча повела Сантану и Данте за собой, указывая им дорогу.

Амарилис сидела в своей знаменитой гостиной, где стены были зеркальные, а мебель поросяче-розовая. Утянутая в бардовое платье с меховой оторочкой, она вышивала на наволочке орхидею.

— Добрый день, тётя, я уже вернулась, — доложила Сантана. — И со мной гость.

Амарилис взглянула на племянницу, затем на Данте, склонив голову к плечу. В чайного цвета глазах её полыхнуло что-то хищное.

— Здравствуй, дорогая. И вам добрый день, — кивнула она Данте. — Присаживайтесь, будьте любезны, — королевским жестом Амарилис указала на канапе, видом своим напоминавшее откормленную хрюшку. — Сантана, оставь меня наедине с молодым человеком. Иди в кухню и вели Ханне подать нам дневной чай.

Сантана и Данте переглянулись — Амарилис даже не спросила, кто он такой, и не удивилась его появлению. Но Сантана, не посмея перечить тётке, ушла. Расправив на коленях юбку, Амарилис убрала шитьё в расписную шкатулку, обитую цветным шёлком.

— Сеньора, — начал Данте, — меня зовут Данте, Данте Ньетто. Я пришёл...

— Я знаю, зачем ты пришёл, — улыбнулась Амарилис спесиво. — Я давно тебя жду.

— ??? — не зная как на это реагировать, Данте сглотнул.

— Не удивляйся, Да-а-анте, — протянула она, словно пробуя на вкус его имя. — Я многое знаю. Больше, чем все думают. О тебе я знаю даже то, чего не знаешь ты сам.

— Я вас не понимаю, сеньора, — изумление на лице Данте всё возрастало; глазищи его

грозились обратиться в фарфоровые блюда.

Меж тем Ханна — та самая маленькая горничная, что отворяла дверь, принесла чай, а к нему — булочки, рогалики и вафли. Сантана пришла с ней, видимо, надеясь узнать, о чём говорят Амарилис с Данте, но тётка мигом её построила.

— Спасибо за чай, Ханна, — улыбнулась Амарилис ласково и тут же добавила тоном военкомандующего: — А теперь обе — вон отсюда!

Сантана, оттопырив нижнюю губу и что-то бормоча про себя, ушла наверх, а Ханна скользнула в дверцу за лестницей.

— На чём мы остановились? — продолжила Амарилис. — Ах, да, я сказала, что многое знаю о тебе. Я знаю, зачем ты сегодня пришёл: тебе нужно лекарство от чумы, ведь так?

— Д-да... — Данте просто обалдел. Кто такая эта женщина? Она что, мысли его прочитала?

— Ты пришёл по адресу, будь уверен! — объявила Амарилис. — Конечно, лекарства у меня нет, но я могу дать тебе наводку, где его искать. Впрочем, ты и сам, человек умный, хоть ты и действуешь по наитию, но ты на правильном пути. Ты собираешься посетить ратушу, так? Но у алькальда нет лекарства.

— Нет? Значит, всё, что говорят люди — это неправда? И не стоит туда идти? — вырвалось у Данте. Он боролся сам с собой. Интуиция подсказывала: доверять этой женщине нельзя, чересчур она странная. Что-то есть в ней такое... От её взгляда мурашки по коже. Но желание спасти Эстеллу перекрывало доводы разума.

— Ммм... — почесала переносицу Амарилис. — Ну как тебе сказать? Ни да, ни нет. Сам Алехандро Фрейтас никоим боком не связан с чумой и лекарствами от неё. То, что болтают в народе — это ересь, кем-то выдуманная с целью ему навредить как политику. Но! В ратуше, точнее в его кабинете, есть одна вещь, о силе которой сам алькальд и не подозревает.

Данте похлопал ресницами, ощущая себя полным дураком.

— Ты ведь маг, и не отпирайся. Я это знаю. Я это чувствую. Маги легко находят друг друга, ощущая чужую силу. Я заприметила тебя ещё сто лет назад в церкви, на свадьбе Сантаны, — голос Амарилис звучал тихо, мягко, вкрадчиво, словно она гипнотизировала слушателя.

— Значит, вы колдунья? — напрямую спросил Данте.

— Разумеется, — она усмехнулась, отставив чашку из-под чая.

— И ваша семья об этом не знает?

— Нет, конечно, — Амарилис поправила запутавшуюся в волосах серёжку с огромной розовой жемчужиной. — О таких вещах не стоит распространяться. Люди, знаешь ли, у нас тёмные, трусливые. А я вращаюсь в высшем обществе. Зачем мне неприятности? Так вот, вернёмся к алькальду. В его кабинете есть серебряная статуя единорога, у которого рог усыпан алмазами. Её надо оттуда забрать.

— Это ещё зачем?! — рассвирепел Данте. Эта женщина издевается над ним что ли? Для чего ему дурацкая статуя, когда ему нужно лечить Эстеллу?!

Он уже хотел ляпнуть какую-нибудь гадость, но Амарилис жестом остановила его.

— Тихо, не кипятись. Статуя единорога — это магический артефакт, — пояснила она. — Он затерялся сотни лет назад. Это очень древняя вещь. До недавнего времени никто из магов не знал, где она находится. Её перекупали, перекупали и перекупали тысячи раз, а теперь она украшает кабинет алькальда.

— А алькальд тоже маг? Откуда у него такой артефакт? — окончательно запутался Данте.

— Нет, не думаю. Он коллекционер, кстати, неплохой человек. Я с ним общалась и была приятно удивлена. Алехандро Фрейтас — ценитель прекрасного, он любит старинные вещи, дорогие, редкие, с большой историей. Но обычные люди, даже храня у себя магические артефакты, не ощущают их силы.

— А для чего нужна эта статуя?

— О, именно она и поможет тебе в том, что ты ищешь, — усмехнулась Амарилис.

— Лекарство?

— Так точно!

— И мы сможем спасти Эстеллу, правда? — с надеждой воскликнул Данте.

— Ну-у, это зависит только от тебя, — неопределённо сказала Амарилис. — Но я могу помочь. Принеси мне статую единорога, и мы с тобой сварим одно зелье.

— Но... но кто же мне её отдаст? Или мне надо её украсть? — колебался Данте. С детства он был яростным противником воровства, и теперь у него аж под ложечкой засосало. — Но... я не могу воровать, это, это жизненный принцип.

— Я не говорила о воровстве, — фыркнула Амарилис. — Придумай как забрать артефакт иначе. Украденный, он всё равно работать не станет — закон магии.

— Но...

— Могу дать совет, — Данте казалось, что Амарилис над ним смеётся, такое у неё было лицо. — Я думаю, это глупость — лезть в ратушу одному. Я слышала, народ давно хочет штурмовать ратушу, но они не решаются, потому что боятся последствий. У них нет лидера, который мог бы повести всю толпу за собой, подтолкнуть их к этому. Лидером мог бы стать ты.

— Организовать налёт на ратушу? Мне? Да вы свихнулись что ли?! — взбеленился Данте. У него чуть ли не нервный тик начался от бреда, который несла эта женщина. На что она его подбивает?

— Не совсем. Гляди, ты убедишь людей, что надо ворваться в ратушу с целью поиска лекарства от чумы, которое, как они думают, прячет алькальд. Но когда вы туда ворвётесь, немного напугаете алькальда, и потом ты войдёшь в его доверие, убедив народ в его невиновности. И — вуаля! — он наверняка предложит награду за спасение его драгоценной шкурки. И ты заберёшь артефакт, — Амарилис улыбнулась кончиками губ.

— Вы явно чокнулись! Я? Лидер?! Если только предводитель лошадей и коров, но никак не людей, — Данте нервно расхохотался, запрокидывая голову назад и представляя себе сие зрелище. — Да я всю жизнь был одиночкой, я не выношу толпу, я ненавижу людей, как и они меня. Если я начну их на что-то подначивать, меня никто и слушать не станет.

— А ты попробуй. Сейчас народ умирает от страха и отчаяния. Люди зацепятся за всякую надежду. А если что-то получится, ты станешь героем, — Амарилис заглянула прямо Данте в глаза. У него тотчас голова пошла кругом, и он зажмурился. Она захихикала.

— Нет-нет, это бред. Получается, сначала я настраиваю всех против алькальда, организовываю штурм ратуши, а затем предаю тех, кого сам же подбил на это, подставляю их, переходя на сторону врага? И всё ради получения этого артефакта. Я ни за что на такое не пойду! Это подло! — возмущался Данте.

— Не тебе, деточка, говорить о подлости. Ты пользовался чёрной магией и ещё и убил несколько человек, — жёстко отрезала Амарилис, и Данте побелел как мел — этих

подробностей он не помнил. — О каких подлостях и принципах ты рассуждаешь? Это смешно! И я думала, ты смелый, даже отчаянный. Если я не ошибаюсь, ты хочешь спасти кому-то жизнь? Подумай, что для тебя в приоритете: некие эфемерные идеалы, придуманные тобой самим, или жизнь дорогого человека?

Амарилис, верно, знала куда бить и била. При воспоминании об Эстелле и о том, что она может умереть, у Данте ум за разум зашёл. Да, ради этой женщины он способен на всё!

В этот момент на лестнице раздались шаги — появилась Сантана. Она сменила ярко-лазоревого платья на бежевое в коричневую клеточку и теперь выглядела как мешчанка.

— Сантана, я же просила оставить меня с гостем наедине, — едва сдержала гнев Амарилис.

— Тётя, я что должна в четырёх стенах сидеть? — возмутилась Сантана, спускаясь в гостиную.

— Простите, виконт, моя племянница как обычно невыносима.

— Но я не виконт, — растерялся Данте.

— О, я бы не была так в этом уверена, — улыбнулась Амарилис.

Сантана и Данте оба, как по команде, открыли рты.

— Знаете, сеньора, думаю, вы меня с кем-то перепутали. Мне пора идти, — Данте поднялся с канапе. — Я приходил к вам по делу и всё, что мне было нужно, я узнал. Позвольте откланяться.

— Я буду вас ждать, — пожав Данте руку, Амарилис велела Ханне проводить его до калитки.

Сантана смотрела на происходящее с нескрываемым изумлением. Амарилис спиной ощутила её взгляд.

— И не надейся, — через плечо бросила она, когда Ханна и Данте покинули дом.

— Не понимаю вас, тётя.

— Губы не раскатывай на мужчин, особенно на чужих. Я тебе сказала, что замуж ты не выйдешь. А если выйдешь, лишь за того, кого выберу я. Этот — нет.

— Я и не собираюсь за него замуж! — скрипнула зубами Сантана. И топнула ногой так, что каблук хрустнул. — Он нищий неграмотный идиот, который до сих пор влюблён в Эстеллу. Бегает за ней, как собачка. Фу-у!

Амарилис погладила себя по подбородку, где красовалась едва заметная ямочка.

— Видит бог, как я не хотела, чтобы ты выходила за Луиса, но твой дядя настоял на своём. Хотя я предупреждала и тебя, и его. И предупреждаю снова, — она повернулась лицом к племяннице и пошла на неё как бык на красную тряпку. Сантана попятилась. — Никаких браков, если не хочешь новой трагедии, племяшечка.

Волоча подол, Амарилис взошла на второй этаж. Сантана вслед показала ей кулак.

===== Глава 35. Два хитреца =====

После встречи с Амарилис Данте пребывал в растерянности. Кто такая эта женщина? Наверняка она опасна. Но он должен вылечить Эстеллу любым, хоть самым нереальным способом.

Данте шёл пешком, не разбирая дороги и утопая в своих мыслях. Янгус летела за ним. План Амарилис сначала показался ему дерзким, но разве есть ещё шанс забрать артефакт? Да, нехорошо обманывать людей, но люди всегда его подставляли, унижали, гнобили. Так что они будут квиты. Действовать надо хитростью, завуалированной под искренность. Нельзя попасть впросак. Он должен втереться в доверие.

Данте не думал, что справится с этой задачей. Даже обладая притягательной внешностью, врождённой аристократичностью и своеобразным обаянием, которое женщины уж точно ощущали, Данте не умел главного — находить общий язык с людьми, располагать их к себе. Если ему что-то не нравилось, он мигом переходил на колкости или грубости, что собеседника настораживало. Нет-нет, сегодня он должен показать себя с лучшей стороны!

С таким сумбуром в голове Данте дошёл до белоснежного здания ратуши, где ежедневно кучковались люди, читая списки умерших. Янгус, сев на дерево жакаранды, укрылась в его раскидистых ветвях.

Вопреки сомнениям Данте, его переговоры с народом прошли удачно. Он втиснулся в толпу, делая вид, что ищет кого-то в списках, и, наострив уши, вслушался в болтовню. Сразу уловил недовольство и злобные интонации в голосах людей.

— Когда же этому конец? — возмущался бородатый мужчина в залатанной одежде. — Сил нет никаких. Люди мрут как мухи.

— Я похоронил жену, — пожаловался его сосед — мужчина с усиками, подкрученными лихо вверх.

— А я сестру и сына, — вздохнула сухопарая старушка в чепчике.

— У нас много соседей поумирало, а я каждый раз боюсь за своих родных. Мне всё время снится, будто они померли, — вздохнул интеллигентного вида старичок с лорнетом.

— А списки всё больше и больше, — посетовал бородатый в заплатах.

— А что все говорят, неужто нет никакой надежды? — нервно теребила старушка свой чепчик.

— Видимо, нет, алькальд же хочет уничтожить город, — усатый гневно помахал кулаком.

— В каком смысле? — удивился старик.

— Да в прямом. Говорят, будто бы у него есть лекарство от этой чёртовой заразы, — объяснил усатый. — Но он скрывает его от людей, чтоб все неугодные ему померли, понимаете? А ежели сам заболит, так он лекарство выпьет и опять здоров, вот и не боится. Мерзкий Иуда!

— Да вы что?! Как-то не верится даже! — всплеснула руками старушка.

— А вы поверьте, уж будьте любезны.

Данте примкнул к говорившим вплотную.

— Но неужто нельзя заставить алькальда отдать нам это лекарство? — спросил старик.

— Похоже, нет.

— Но это в наших силах! — влез Данте.

Люди оглянулись и уставились на него. Он стушевался — не выносил внимания к себе. Но никто этого не заметил. Чтобы не смущать народ своей внешностью, Данте предусмотрительно заплел волосы в косу и надел широкополую шляпу, прикрыв ею лоб и глаза. Костюм гаучо и вид юноши, молодой, сильный, энергичный, внушил отчаявшимся людям доверие.

— Что вы имеете ввиду? — спросил бородатый.

— Если это лекарство существует и оно у алькальда, не надо дожидаться его милости. Мы должны пойти и забрать лекарство сами.

— То есть?

— Нас много, а алькальд один, — продолжил Данте воодушевлённо. — Если мы все, здесь присутствующие, или хотя бы половина из нас, ворвёмся в ратушу, он обязан будет

отдать нам лекарство. Он будет бессилен. Кто он один против нас? Муравей против слонов.

Данте говорил это так громко и уверенно, что не прошло и пяти минут, как толпа окружила его кольцом. Лица у многих посветлели.

— Власть выбирает народ! — выкрикивал Данте. — А народ — это мы. Если власть идёт против народа, её свергают. Раз алькальд хочет погубить всех нас, так долой его!

Народ одобрительно загудел, и голос Данте утонул в пучине гвалта.

— А парень ведь прав!

— Давно пора положить этому конец!

— Нас много, а он один!

— Долой алькальда!

— Он не за нас, а против нас!

Данте сам не понял, как ему удалось заболтать этих людей, ведь даром красноречия он никогда не обладал. Амарилис была права — все так напуганы, что готовы на всё, лишь бы спастись от эпидемии.

Тут же на месте толпа провозгласила Данте своим лидером и условилась: сегодня ночью они пойдут штурмовать ратушу.

— Только не забудьте взять оружие, — советовал старик с лорнетом. — У кого какое есть. Знаете, правители ведь тоже не лыком шиты, на то они и правители. Они могут начать обороняться, даже позвать жандармов.

— А нам уже всё равно от чего подышать! — выкрикнул бородатый в заплатах. — От чумы али от выстрелов. Всё одно. Так хотя бы мы сдохнем героями, и никто не скажет, будто мы ничегошеньки не сделали для своих родных!

— Правильно! Правильно!

— Вперёд на ратушу!

— Плевать на жандармов, они едят с рук у алькальда!

— Долой алькальда!

Ещё около получаса люди кричали у стен ратуши, а потом разбежались по домам готовиться к ночной вылазке.

— Вот так! — властно сказал Данте, оставшись один. После столь удачного заговора у него будто крылья выросли, и в сапфировых глазах зажглось что-то недоброе.

Куда идти Данте не знал, не к Эстелле же обратно. И в «Маску» не пойдёт. Он задумал нечто чудовищное, возможно сегодня же ночью их всех упекут в тюрьму. Надо ли компрометировать сеньора Нестора да и вообще кого бы то ни было?

Так, вместе с Янгус Данте вернулся на реку и улёгся на берегу, накрыв лицо шляпой. И его сморил сон. Приснился ему реальный эпизод из жизни, когда Маурисио пытал его на глазах у Эстеллы. И почему это вдруг всплыло в подсознании через столько лет? Самое удивительное, в этом сне Данте не ощущал себя жертвой. Он был палачом. Он поднимал хлыст, нанося удар за ударом, и испытывал наслаждение. А Эстелла плакала. Её обезумевшее лицо он тоже помнит. Ну ничего, это ей полезно.

Данте никак не мог выбраться из этого дурацкого сна. Разбудила его Янгус. Сев к нему на грудь, она сбросила с него шляпу и завопила. Данте не реагировал, и тогда Янгус клюнула его в нос. И он ощутил своё тело, траву, ветерок, колышущий волосы. Открыл глаза. Крича, Янгус метнулась ввысь и спряталась на дереве. Он смерил её недоуменным взглядом. Что за мерзкий сон? А, кстати, уже темнеет, пора идти.

Приведя себя в порядок, Данте присвистнул, подзывая Янгус, и тронулся в обратный

путь. Из оружия у него при себе был кинжал с изображением парадиса на рукояти.

Как было условлено ранее, заговорщики собрались в конюшне на улице Ремесленников. По мере прибытия всех мужчин, что желали участвовать в штурме, толпа завернула за угол, пройдя два квартала, и остановилась перед ратушей. Часовых поблизости не наблюдалось, ночь стояла тёмная и тихая — даже ветер не шевелил листья. Мужчины (всего их было около двадцати) перелезли через забор и добежали до парадного входа. Каменная дверь ратуши была закрыта изнутри наглухо. На окнах — решётки.

— Тогда через крышу! — скомандовал Данте.

Отыскав пожарную лестницу, люди поочерёдно забрались наверх и — ура! — чердачный люк оказался незаперт. Подцепив крышку, Данте открыл люк и первый спустился вниз, в темноту мерно спящего здания. Другие последовали за ним. Миновав пару неосвещённых коридоров, заговорщики попали в галерею второго этажа и тут чуть не напоролись на трёх часовых, что спали, сидя на стульях и уткнувшись головами друг в друга. Шума они не слышали, и Данте на цыпочках провёл всех за собой.

Кабинет алькальда найти удалось ни сразу. Мужчины долго блуждали по галереям и коридорам, освещённым канделябрами. Натыкались на зал переговоров, кабинеты, гостиные, комнаты отдыха. Наконец, обнаружили полукруглую дверцу, спрятанную за рядом из колонн.

Данте, повернув ручку, распахнул дверь. То, что это кабинет Алехандро Фрейтаса, сомнений не вызвало. По центру комнаты стоял дубовый стол, возле него — кожаное кресло, по стенам — высоченные шкафы с книгами и антикварными коллекционными вещами. И канапе в углу напротив.

Окна закрывали тяжёлые коричневые портьеры с кистями. Над креслом висел портрет Алехандро Фрейтаса в полный рост за авторством ныне популярного в городе художника Марсело Бьянте, что рисовал в подражание Караваджо [1].

В первый момент люди растерялись, но Данте, воодушевлённый победой над самим собой, мигом всех построил, и заговорщики начали обшаривать каждый закоулок кабинета. Сам Данте только делал вид, будто что-то ищет — нужный артефакт он усёк сразу. Единорог стоял под хрустальным колпаком, и это было истинное произведение искусства — изящный, весь серебряный, а рог его был усыпан крупными алмазами, сверкающими как звёзды.

Данте замер, любясь прекрасным зрелищем и ощущая, что от артефакта исходит некая сила. Изумрудный перстень, который он повесил на шею, нацепив на шнурок, вибрировал под одеждой. Значит, Амарилис не обманула, единорог и правда волшебный.

Вдруг скрипнула дверь. Из неё выполз фонарь, а за ним трое вооружённых карабинами часовых. Взломщики застыли в немой сцене.

— Я ж говорил, что тута воры! — сказал щуплый часовой с кривым носом. — А вы мне не верили, а я ж ведь слышал шум сквозь ваш храп.

— Да уж, дела-а-а, — протянул другой. Толстый и туповатый на вид, он почесывал макушку стволом карабина.

— Мы не воры! — первым пришёл в себя Данте.

— А кто ж тогда? Вторглись ночью, чего-то тут ищите, — ухмыльнулся третий часовой — молодой и лопухий.

— Мы пришли потребовать у алькальда, чтобы он отдал нам лекарство. Говорят, он может вылечить чуму! — провозгласил Данте задирая нос.

— Чего? — часовые переглянулись.

— Того! — огрызнулся Данте.

— Да-да! Пускай отдаст нам лекарство! — зарокотали люди за его спиной.

— Мы не преступники, мы лишь хотим спасти своих родных. Позовите сюда алькальда, мы скажем ему это в лицо! — выпалил Данте.

— Чё ты мелешь, чё за бред? — лопухий потряс карабином у Данте перед лицом.

— Это не бред! Чистой воды правда! — Данте грудью отодвинул от себя руку с карабином, а люди одобрительно закивали.

— Вы чё правда думаете, будто бы алькальд может вылечить енту заразу? — робко спросил кривоносый.

— Может! Может! — завопил осмелевший люд. — Мы за этим и пришли, и не надо нам угрожать! Давайте сюда алькальда!

— Правильно! Пора прекратить это безобразие в городе!

— Чё, может, правда алькальда позвать? — уныло спросил у товарищей толстяк.

— Да он дома давно, спит уж. Ночь на дворе как-никак, — отозвался кривоносый.

— Давайте их всех перестреляем да и делов-то! — воскликнул лопухий, потирая костлявые ладони.

— Попробуйте! — Данте сейчас напоминал тигра при встрече с охотником. Глаза его сверкали, точно в предвкушении близкой ли смерти, или близкой трапезы, приправленной человечинкой. — Нас много, а вас трое. Ничего вы с нами не сделаете, мы вас живо скрутим.

— Вот именно! — люди помахали своим оружием — кто ножом, кто вилами, кто дубиной, а кто лопатой. А Данте выудил из-за пояса кинжал.

— Лучше вы нас не провоцируйте! От вас всё равно нет толку. Какие вы часовые, если мы мимо вас ходили не меньше двух десятков раз, а вы даже не шелохнулись, м?! — говорил Данте издевательски. — Так что не надо нас пугать, доблестные воины, у вас небось и карабины не заряжены.

— И правда не заряжены, — уныло вздохнул толстяк.

— Ты чё мелешь? — возмутился лопухий. — Ещё как заряжены!

— Ну не знай, я посеял свою сумку с порохом ещё на прошлой неделе, — пожаловался толстый.

— Ты идиот! Не обязательно об этом рассказывать нашим врагам! — лопухий двинул товарища по затылку.

— Идите и позовите алькальда, — хмыкнул Данте, слушая эту перепалку. — Иначе он узнает, как вы дрыхнете на службе и теряете свои вещи.

— Твоя правда, парень, он же нас погонит метлой отсюда, — вздохнул кривоносый. — А я не хочу лишаться этого местечка. Тут тепло, светло и кормят, уж лучше, чем дверь караулить на улице.

— А у меня сестра при смерти, — вздохнул толстяк. — Мне б тоже лекарство-то не помешало. Может, это, за алькальдом сгоняем?

— Заткнись, пёс! Никому тут твои жалобы не нужны! — лопухий толкнул товарища локтем в бок (видимо, среди них он был главный). — Вот чего. Мы их тут запрём до утра, и они будут тут сидеть тихо, как мышки. А утром придут жандармы, и мы посмотрим, чего эти вруны наболтают об чуме, коды угодят на виселицу. А мы скажем жандармам, будто поймали преступников.

Такая перспектива толпу не прельстила.

— Да мы в два счёта вашу дверь снесём!

— Никакие заборы нас тут не удержат!

— Пускай сюда жандармы только сунутся, живыми не уйдут!

— Нам нужен алькальд, а не жандармы!

Пока все перекрикивали друг друга, Данте задумался. У него нет задачи устраивать кровавую бойню. Ему нужен алькальд, чтобы получить артефакт, и ради этого он посидит взаперти и месяц.

— Мы останемся тут и дождёмся алькальда, хоть с жандармами, хоть без, — подвёл итог Данте. — Мы не сдвинемся с места, пока сеньор Алехандро Фрейтас сюда не придёт.

И Данте сел в кресло алькальда, уложив ноги на стол для пущей убедительности.

Люди, видя, что их предводитель сдаваться не намерен, одобрительно заголосив, последовали его примеру: расселись кто на диванах, кто на стульях и креслах, а кто просто на полу, держа в руках своё импровизированное оружие. Часовые, пожав плечами, вышли, предусмотрительно заперев дверь на ключ.

К рассвету гул голосов затих — люди попросту отключились. Когда солнце уже вовсю светило в окно, да так, что едва не прожигало стекло насквозь, дверь открылась. Пришли уже знакомые читателю часовые, а с ними пять жандармов. Всех растолкали, пихая карабины людям в лица.

— Вы кто такие? Чего вы делаете в ратуше? — зарычал главный жандарм — мужчина с знаками отличия на форме и длинными усами, что свисали, как у моржа, аж до шеи.

— А вы кто такой? — в лоб спросил Данте.

Моржеобразный стушевался от такой наглости (обычно никто не спрашивал жандармов, кто они такие), но тотчас выкрикнул:

— Я Фредерико Конте! Новый комиссар жандармерии!

— А! Ну тогда вы зря припёрлись, вы нам не нужны, — разочарованно выдал Данте. — Нам нужен алькальд. Больше мы ни с кем говорить не будем.

— И зачем же вам наш алькальд? — съехидничал комиссар Конте.

— А пусть он отдаст нам лекарство, которое он прячет! — долговязый парень натянул на глаза шляпу, чтобы скрыть свою личность от комиссара.

— Какое-какое лекарство?

— Лекарство от чумы!

— Ну и чушь! — дружно расхохотались жандармы.

— Значит так, всех связать и в тюрьму! — приказал комиссар.

— Чёрта-с два мы пойдём в тюрьму! — люди, достав своё оружие, начали вилами, лопатами и косами тыкать жандармам в физиономии.

— Ааааа! — взвыл комиссар, когда рябой юноша, ухмыляясь, ножом чикнул ему усы. Комиссар Конте схватился за них, но было поздно — от усов осталась лишь одна половинка; вторая сторона была отрезана под чистую и торчала ёршиком. — Вы меня покалечили! Мои роскошные усы! Всех в тюрьму щас же!

— Это мы тебя сейчас в тюрьму, ирод! — косматый старик замахнулся на комиссара Конте дубиной.

— Мы отсюда уйдём только вперёд ногами!

— Правильно! Мы вас не боимся!

— Тогда пли! — заорал комиссар подчинённым. — Всех расстрелять сию же минуту!

— Так, это что тут в моём кабинете за представление? — раздался строгий голос, и все мигом заткнулись. — Что, обезьяны из цирка сбежали и все ко мне?

Явился Алехандро Фрейтас, всех растолкал, добираясь до своего кресла. Это был молодой представительный мужчина с зализанными седыми волосами. На пальцах его сияли перстни.

— Вы кто такие? Вы что тут делаете?

— Мы пришли... — начал Данте.

— Они воры!

— Мы не воры!

— Значит, убийцы!

— Мы не убийцы!

— Сеньор, они залезли ночью в ратушу, мы их тута заперли, а утром позвали жандармов, — объяснил кривоносый коротышка, подпрыгивая, чтобы его получше было видно.

— Они преступники! Они отрезали мне усы! — пожаловался наполовину усатый комиссар. — Я приказал всех расстрелять на месте!

— Нам нужно лекарство от чумы! — заорали люди хором, и алькальд чуть не поседел. А затем как рывкнет:

— А ну всем заткнуться!

И все умолкли.

— Теперь все говорят по очереди, — выдохнул алькальд, плюхаясь в кресло и наливая себе воды из графина. — Сначала вы, комиссар Конте.

— Это преступники! — завопил комиссар, потрясая остатками усов. — Они изуродовали мне усы! Вот этот вот! — он ткнул пальцем в рябого парня. Тот зевнул в ответ. — За это я хочу их всех расстрелять!

— Тише, комиссар Конте, не горячитесь, — Данте про себя удивился спокойствию алькальда. — Давайте по порядку. С чего всё началось?

— Началось с того, что мы сюда пришли, — комиссар почесал свою тыковку.

— А зачем вы пришли?

— Ну как это зачем? Вот эти вот, — он указал в часовых, — говорят, будто у вас тут вооруженный мятеж. Народ захватил власть, а вас, сеньор, убили. А эти три героя заперли убийц в кабинете. Вот мы и пришли.

— Как видите, я пока жив. И даже здоров, — ухмыльнулся алькальд. — Так что вы можете постоять за дверью.

— Но сеньор Фрейтас!

— ВО-О-ОН! — заорал алькальд. — Пока я не отрезал вам усы до конца.

Жандармы под предводительством комиссара Фредерико Конте вышли.

— Теперь вы, — Алехандро Фрейтас взглянул на часовых. — Объясните: зачем вы наплели жандармам, будто меня кто-то убил?

— Чтобы они пришли и арестовали этих, — пояснил лопоухий, указывая на толпу.

— Та-ак. А кто эти люди и что они делают в моём кабинете?

— Они сюда залезли тайком, — шепнул кривоносый.

— А не ваша ли работа была этого не допустить?

— Наша.

— Почему же вы её не сделали?

— Эээ...

— Потому что они спали! — встрял Данте, окинув победным взглядом часовых. Те

попятиться. — Вам не следует держать таких работников, сеньор алькальд. Они тут для того, чтобы охранять ратушу, а не для того, чтобы спать. Но мы прошли мимо них всей толпой несколько раз, они даже не шелохнулись.

— Это правда? — алькальд грозно сдвинул ястребиные брови.

— Эээ...

— Что эээ? Я спрашиваю это правда?

— Ммм...

— Значит так, все трое уволены! — объявил вердикт алькальд.

— Но...

— Во-о-о-он! — завопил сеньор Алехандро Фрейтас и ка-ак треснет кулаком по столу.

Часовые мигом испарились. Алькальд смахнул пот со лба.

— Так, теперь вы: кто вы такие и что вам надо в моём кабинете? Какого чёрта...

— Мы не воры!

— И не убийцы!

— Нам нужно лекарство от чумы! — перебил всех Данте.

— Что?

— Да, отдайте его нам, мы знаем, что оно у вас есть, — добавил старик с дубинкой.

— Мы хотим спасти своих родных.

— Мы не уйдём, пока не получим лекарство.

— А ежели не отдадите, мы вас порешим, ей богу! — пригрозил бородатый с вертелом наперевес.

Алькальд сглотнул, косясь на вертел, и поёрзал по креслу.

— К-к-какое ещё лекарство?

— От чумы.

— От чумы нет лекарства. А и было бы, я-то тут причём? Я политик, а не лекарь!

— А притом! — старик вышел вперёд. — Знаем мы, вы можете всех людей от этого мора избавить. Но вы ж не хотите, жаждете, чтоб весь город вымер.

— Мы не уйдём, пока не получим ответы на все вопросы, — добавил Данте сурово.

У алькальда глаз задёргался.

— Нет, я, конечно, знал что мои политические оппоненты готовы придумать что угодно, но такой бред я слышу впервые, — беспомощно сказал он. — Друзья, у меня нет лекарств, я ничем не могу вам помочь.

— Тогда мы вас убьём! — завопили люди, размахивая своим оружием.

— Спокойно, спокойно, без рукоприкладства! — остановил всех Данте, закрывая алькальда собой. — Мы не преступники, сеньор, мы отчаявшиеся люди, мы хотим спасти своих близких.

— Но я тут не причём! — закатил глаза алькальд. — Я не лекарь, поймите, я не разбираюсь в лекарствах. У меня нет возможности вам помочь. Я и сам был бы рад остановить чуму, но в данном случае я бессилен.

Однако, люди так распалились, что готовы были погромить всё в кабинете, а заодно насадить алькальда на вертел, как куропатку.

— Прошу вас, не надо агрессии! — убеждал Данте. — Мы же договаривались — без кровопролития. Не хватало нам всем угодить в тюрьму.

— Лучше уж в тюрьме сдохнуть, чем смотреть как твои родные помирают! — кричал плюгавый плосколицый человек, размахивая топором.

— Стало быть, ты их предводитель? — покосился алькальд на Данте.

— Ну я, — тот задрал вверх подбородок.

— Значит так, я желаю остаться наедине с вашим главарём! — объявил алькальд. — Иначе мы ни о чём не договоримся. Все остальные подождите за дверью.

— Мы никуда не уйдём!

— Нет, мы хотим послушать чего вы скажете!

Данте сообразил, что Алехандро Фрейтас вроде человек неплохой и сам идёт на компромисс. Теперь он, Данте, должен сыграть свою роль миротворца. С трудом, но ему удалось убедить толпу выйти из кабинета. Глядя на этих людей, Данте десять раз пожалел, что с ними связался. Чересчур ограничены. Не видят дальше собственного носа. Люди иного уровня развития никогда не поймут того, кто стоит выше их. Хотя сам Данте не был широко грамотный, но считал себя гораздо развитей обезьяны, от которой все эти люди явно недалеко ушли.

— Присаживайся, — велел алькальд, когда они остались вдвоём, и указал на стул напротив себя.

Данте сел, скрестив руки на груди и приняв выжидающе-оборонительную позу.

— Так вот, надеюсь ты, как лидер этой шайки, умнее их. Пастух не может быть глупее овец, иначе какой из него пастух, — сеньор Фрейтас нетерпеливо потерев перо в чернильнице. — У меня нет лекарства от чумы, повторяю ещё раз. Я не могу ничем помочь ни городу, ни этим людям. Я уже сделал всё возможное. Я издал указ, запрещающий массовые сборы. Бесполезно. Вы хотите спастись от чумы и сами же разносите заразу, собираясь толпами, как сейчас, например. Я запретил купаться в водоёмах, но дураки всё равно туда лезут. Я запретил службы и закрыл церковь на время эпидемии. Потому что мессы — это огромная куча людей, часть из которых явно уже заражены. И что ты думаешь: они возмущаются и говорят, будто я запретил им молиться. Вместе с этим чёртовым падре Антонио они обвиняют меня в богохульстве, уверяя, что это бог наслал на город чуму из-за закрытия церкви. Я запретил бесконтрольную продажу алкоголя, ибо от страха у людей сносит флюгеры, и они устраивают попойки. Не представляешь, сколько в последнее время развелось пьяниц! Так они кричат, что я лишил их единственного удовольствия — выпивки. Потом они сочли, что молоко, воск и паучьи лапки — это панацея от болезни и устроили такой психоз, что пришлось запретить их массовую продажу, чтобы люди сами себя не вводили в заблуждение. А, между прочим, пауки — тоже могут быть разносчиками инфекции. Теперь вот они придумали чушь про лекарство. Не удивлюсь, если источником и этих сплетен окажутся падре Антонио и его паства. После запрета месс, падре точит на меня зуб. Работая на моих политических оппонентов, он жаждет моего снятия с должности алькальда. У меня всё! — закончил мужчина. — Теперь объясни мне, чего ты хочешь? Кто тебя подослал организовать этот мятеж: падре Антонио или кто-то из моих конкурентов?

Данте был весьма далёк от политики, но речи алькальда ему понравились. По крайней мере, он слышал в них смысл и вполне справедливый упрёк в адрес народа.

— Никто меня не подсылал, — спокойно сказал он. — Я не имею отношения к политике и уж тем более к падре Антонио, — и Данте улыбнулся, так рассмешила его мысль он его якобы сотрудничестве с падре.

Алехандро Фрейтаса эта улыбка озадачила, и он уставился на Данте ещё внимательней, чтобы при случае поймать того на лжи.

— Допустим, я вам поверю, — продолжил Данте. — Я даже больше склонен верить вам,

чем всяким слухам, но люди, что пришли со мной, не умеют даже писать, зато обладают ослиным упрямством. Как по-вашему, сеньор, я должен заставить их вам поверить? Их близкие умирают и они в отчаянии, а кто-то воспользовался этим, вбив в их головы ересь про лекарство. Страх овладел всем городом, а вы даже пальцем не шевелите.

— Я тебя понимаю, — смягчился алькальд. — Но и ты меня пойми. Я не вызывал эту чуму из-под земли. Предположительно, её принесли крысы, которые расплодились в подвале храма Святой Аны. Мы их, конечно, вытравили, но крысы они и есть крысы. Да и падре Антонио вовек не признается, что это он раскормил крыс, будет валить всё на бога или на дьявола. Лицемерный тип.

Данте не удержался и захихикал — впервые он встретил человека, который говорил про священника в недобром ключе. А уж каков этот падре Антонио на самом деле Данте знал хорошо. Вовек он не забудет, как тот приказывал его пытать. Губы сеньора Фрейтаса тоже тронула улыбка. Он налил Данте стакан ликера и предложил сигару. Данте не отказался.

— Раз ты их лидер и привёл их сюда, значит, у тебя тоже есть своя цель? — спросил алькальд, шурясь и цедя ликёр крошечными глоточками. — Подобное шествие возглавляют либо безумные энтузиасты, либо люди, которые преследуют определённую цель, убеждая тупых баранов следовать за ними в качестве группы поддержки. Так кто ты на самом деле, парень?

— Скорее второе, хотя, может, кто-то и счёл бы меня безумцем, — признался Данте, откидываясь на спинку кресла. — Но у меня и правда есть своя цель. Без неё я не стал бы этого делать. По мне, так пусть все они катятся в преисподнюю и умирают толпами, мне нет до них дела.

— Вот как? — приподнял брови алькальд. — Что же тебе нужно?

— Я хочу спасти от смерти дорогого мне человека, — честно признался Данте.

— А мне показалось, ты умнее этого сброда. Неужели и ты поверил в эту чушь про лекарство?

— Ммм... не совсем, — Данте закурил сигару — он уже забыл, когда в последний раз курил, и чуть не закашлялся, хотя сигара была превосходного качества. — Идя сюда, я сразу был уверен, что никакого лекарства у вас нет.

— Тогда я совсем тебя не понимаю.

— У вас есть одна вещь, сеньор, которая пригодится для изготовления лекарства от чумы, — прямо сказал Данте.

Он вдруг решил не следовать совету Амарилис, а поступить иначе. Людей, конечно, придётся надуть, но с алькальдом было бы неплохо договориться. Он не станет унижаться и выпрашивать вознаграждение, он заключит сделку, как в своё время Тибурон, когда забрал у него перстень.

— погоди, я не понял. Какое лекарство? Кто-то может его приготовить? — не поверил своим ушам алькальд.

— Да, может. Я! Я могу приготовить лекарство от чумы! — глаза Данте потемнели, приобретя оттенок ночного неба, усыпанного тысячами звёзд. — Я хочу приготовить лекарство и спасти дорогого мне человека, а заодно и весь город, а вас я могу вознести на пьедестал.

— Это как же?

— Мне не нужна слава спасителя, а вам бы она не помешала, не так ли? Мы заключим пакт, и все будут уверены, что это вы спасли город, — сделал ход конём Данте.

— Хм... интересное предложение. Но у меня два вопроса. Первый: ты уверен, что можешь приготовить лекарство от чумы? Это не фантазии, не голый энтузиазм и эксперименты, а реальность? — сеньор Фрейтас заглянул Данте в лицо, блестя болотного цвета глазами.

Данте секунду поколебался.

— Да, могу. Я сварю это лекарство! — подтвердил он.

— Тогда второй вопрос: что за вещь тебе нужна?

— Мне нужна статуя единорога с алмазным рогом — вон та, — Данте указал на статую, что сверкала в лучах солнца.

Алькальд побледнел.

— Мальчик, но она стоит целое состояние!

— Ценность этой статуи не в её стоимости, сеньор. Это очень древний артефакт, и только он может помочь приготовить лекарство.

— Вот как?

— Именно.

— А почему я должен тебе верить? Вдруг ты мошенник? — справедливо усомнился алькальд. — Кто ты вообще такой? Я не знаю ни твоего имени, ни профессии. Ты лекарь?

— Нет, скорее... скорее алхимик, — сочинил Данте на ходу. Ну не скажет же он, что он погонщик скота! Кто после этого поверит, что он способен сварить зелье от чумы? — Меня зовут Данте Ньетто.

— Данте Ньетто, — повторил алькальд. — Алхимик... а я думал, они давно уже вымерли.

— Нет, просто перекалвалифицировались в аптекари, чтобы церковь не обвиняла в колдовстве, — выкрутился Данте.

— Вполне справедливо, — фыркнул алькальд. — И ты полагаешь, что у тебя достаточно знаний, чтобы приготовить лекарство?

— Разумеется.

— Но почему я должен тебе верить? — не унимался алькальд.

— Не знаю, это ваше право верить мне или нет. Я лишь хочу спасти одного единственного человека. Но лекарство может спасти и других, главное, чтобы оно было.

— А кого же ты хочешь спасти: мать, сестру, жену?

— Женщину, которую люблю больше жизни. Такой ответ вас устраивает?

— Вполне, — задумчиво произнёс алькальд. — Когда-то и у меня была женщина, которую я любил больше жизни. Но я её не спас. Ну ладно, речь сейчас не об этом. Ты почти меня убедил. Я думаю, ты был искренен со мной процентов эээ... на девяносто, а это очень много. Пожалуй, я помогу тебе. Но у меня тоже будут условия. Я отдам тебе единорога, признаться, пользы от него никакой, кроме желания похвалиться его ценой и красотой, — он захихикал. — За это ты обещаешь мне, что уведёшь отсюда свой сброд. И пусть отныне они меня поддерживают как политика. Но это ещё не всё. Сколько времени тебе нужно, чтобы приготовить лекарство?

— Этого я ещё не знаю, — растерялся Данте. — Я не помню рецепт наизусть, — нашёлся он.

— Понятно. Давай так, я даю тебе неделю. Если через неделю ты не придёшь ко мне с лекарством, которое я самолично потом отдам в госпиталь, я прикажу тебя повесить за мошенничество. Как тебе такой пакт?

Данте не ожидал от с виду любезного алькальда такой жестокости, но терять ему было нечего. Да и Эстелла навряд-ли проживёт больше недели. Если он не сварит лекарство, она умрёт, и ему будет не за чем жить.

— Я согласен, — Данте пожал руку явно обескураженному алькальду — тот был уверен, что юноша блефует, поэтому и предложил столь радикальную сделку.

— А ты мне нравишься! — восхитился он. — Никогда ещё не встречал такого самоуверенного наглеца.

Данте лишь повёл плечом.

Через десять минут он вышел из кабинета, прижимая к груди драгоценный ларец с единорогом, тщательно замотанный в ткань. Толпа окружила его кольцом.

— Ну что?

— Он отдал лекарство?

— О чём вы говорили так долго?

— У алькальда нет лекарства, — объявил Данте.

— И ты ему поверил?

— Да, я поверил. Наш алькальд хороший человек.

И что же теперь делать?

— Он сказал, что знает человека, который может это лекарство приготовить. Он говорит, это какой-то знахарь. Через неделю этот вопрос будет решён, — добил всех Данте.

— Неужто правда?

— Чистая правда, — Данте крепче прижал к себе единорога.

— Ура! Ура!

— Да здравствует Данте! — завопили люди.

Они хотели поднять его на руки, но Данте шарахнулся от них — он не выносил тактильного контакта с посторонними.

— Нам надо отсюда уйти, пока алькальд не передумал и не наслал на нас жандармов, — объяснил он своё поведение, взглядом указывая на жандармов, которые ещё кучковались в углу.

— Да, уходим! Уходим!

Люди поспешили на выход и вскоре покинули ратушу. В глазах многих горела надежда, что пришла на смену отчаянию. Никто не заметил, в какой момент Данте исчез.

Комментарий к Глава 35. Два хитреца —————

[1] Микеланджело Меризи да Караваджо — итальянский художник XVII века. Одним из первых применил манеру письма «кьяроскуро» — резкое противопоставление света и тени.

===== Глава 36. Сжигая мосты =====

Данте нёсся по улице, прижимая к себе волшебный артефакт. Янгус летела следом, что-то остервенело крича, но юноша не обращал на неё внимания. Сейчас важно добраться до Амарилис, до рецепта зелья, что спасёт Эстеллу. Она умирает, а он и так потерял кучу времени, пока бегал по ратуше и вёл переговоры с алькальдом.

До дома с орхидеями Данте добежал молниеносно — так было велико желание туда попасть. Потеребив колокольчик, он дождался, пока к калитке подойдёт Ханна. Янгус, сидя на акации, шипела и хлопала крыльями.

— Мне нужна сеньора Амарилис, — молвил Данте.

Ханна, кивнув, поманила его рукой. Данте про себя подумал: он ни разу и звука не слышал от этой девочки. Может, она немая?

Горничная сопровождала Данте в кабинет, вход куда располагался за колонной, увитой дикими розами. Амарилис сидела за столом, читая книгу. На звук шагов она подняла голову. Смерила Данте насмешливым взглядом.

— Спасибо, Ханна, ты можешь идти. Пусть нам никто не мешает, меня ни для кого нет. И приглядывай за Сантаной. Эта несчастная вздумала за мной шпионить, — распорядилась Амарилис и, Ханна, кивнув, вышла.

— А она что, немая? — брякнул Данте первое, что ему пришло на ум. — Почему она не разговаривает?

— Потому что слугам не положено разговаривать. Они должны исполнять приказы. А слишком болтливым приходится укорачивать языки, — у Амарилис было такое лицо, словно Данте сказал ей, что небо не голубое, а красное. Под её взглядом он ощутил себя дураком, хотя и задал вполне невинный вопрос.

— А я тебя ждала, — Амарилис, захлопнув книгу, вышла из-за стола Данте навстречу. Ехидно улыбнулась и, одним жестом сдернув шляпу с его головы, бросила её в кресло.

— Манерами ты не отличаешься, — добила она. — При встрече с дамой или высокопоставленной особой любого пола шляпу снимают.

— К сожалению, я гаучо, — не смолчал Данте, — и дел с высокопоставленными особами не имею. А настоящую даму знаю только одну — Эстеллу, — исподлобья сверкнул он глазами. — Она никогда не требовала, чтобы перед ней снимали шляпу. А остальных я за дам не считаю. Вас в том числе. Потому что истинная дама не может быть лицемеркой. А такие, как вы, дамы света, сеньоры, графини, маркизы, вы насквозь фальшивые.

Амарилис расхохоталась, демонстрируя крупные жемчужины зубов.

— Жаль, что на кабальеро ты не тянешь, деточка. Тебе, с твоими данными, украшать бы альков вице-королевы, а ты... Внешность принца и повадки бродяги. Тяжко тебе будет, когда ты войдёшь в другое общество. Но давай к делу. Надеюсь, ты пришёл с хорошими новостями?

— Разумеется, — сухо отозвался Данте. Эта женщина нравилась ему всё меньше и меньше. Интересно, что она имела ввиду, говоря о «другом» обществе? — Я принёс статую.

— Отли-и-ично! — по-девичьи хлопала в ладоши Амарилис. — Тебе удалось выманить артефакт у алькальда? Поздравляю!

— Спасибо. Я заключил с ним сделку.

— А ты умнее, чем я думала, — ещё пуще развеселилась Амарилис (Данте показалось, что она едва ли не прыгает). — Прекрасно! Превосходно! Замечательно! Ставь же эту прелесть сюда, — она убрала со стола книгу, освобождая пространство, и Данте водрузил на её место единорога. Сбросил тряпку.

В лучах полуденного солнца, бьющих из окна, артефакт засиял всеми цветами радуги. Амарилис обошла стол, сложив руки в замок и любуясь красотой единорога. Похрустела от волнения пальцами. Данте абсолютно её не понимал. Ну статуя, ну да, красивая, и рог с алмазами, но стоит ли так из-за неё распалаться?

— Чудесно! — потёрла ручки Амарилис, не сводя глаз с артефакта, и обошла стол ещё раз.

— Слушайте, сеньора, — не выдержал Данте. — Может, вы потом полюбуетесь на эту штуковину? Вы обещали, что научите меня варить зелье. Алькальд мне дал всего неделю, но даже не это главное. Неужели вы не понимаете, что время терять нельзя? Эстелла больна, она может умереть в любую минуту, — он умолк, поймав лукавый взгляд. Чайные глаза

Амарилис приобрели оттенок светлого янтаря.

— Эстелла, Эстелла, — проговорила она на одной ноте, — сколько шума из-за глупой девчонки, которая сама не знает чего хочет!

— Послушайте, вы, — Данте сжал кулаки, — не оскорбляйте Эстеллу! Не вынуждайте меня демонстрировать свою тёмную сторону. Мы с вами заключили пакт. Я выполнил свою часть, сеньора, я принёс вам эту чёртову статую. Вы даже не представляете, чего мне стояло выставить себя шутом перед толпой. Народный герой, предводитель бедных и угнетённых, — Данте скрипнул зубами. — Я ненавижу людей, у меня нет с ними ничего общего и никогда не будет. Но вы пообещали мне лекарство для Эстеллы. Я пошёл на это ради её жизни.

— Ладно, ладно, — миролюбиво согласилась Амарилис. — Твоя взяла. Я не обманщица и держу слово. Я дам тебе рецепт зелья, правда, не уверена, что у тебя хватит духу его сварить, — она взяла с кресла тот самый фолиант, что читала перед приходом Данте. Открыв на нужной странице, протянула его юноше. — Читай. У нас ещё не все ингредиенты есть, между прочим.

Страницы книги были чёрные, а буквы красные, точно написанные кровью. Данте плюхнулся на мягкий диванчик, обитый золочёным бархатом, и вчитался в рецепт:

«Зелье Жизни и Смерти».

Пятьдесят два ингредиента; некоторые из них повергали в шок.

Чем дольше Данте читал, тем в больший ужас приходил. Амарилис внимательно наблюдала, как меняется его лицо. Когда он окончил чтение, захлопнув фолиант, она победно хмыкнула:

— Я ж говорила, что ты его не сваришь! Кишка тонка.

— С чего вы взяли? — со злостью выплюнул Данте.

— У тебя всё на лице написано.

— Значит, вы плохо осведомлены, сеньора. Вы не знаете, на что я способен ради Эстеллы.

— О, да! — закатила глаза под лоб Амарилис. — Например, угодить в тюрьму. Какой благородный порыв — спустить два года жизни коту под хвост из-за глупой девчонки!

Данте промолчал, кусая губы в приступе жгучей ненависти.

— Ну так что, зелье-то варить будешь? — спросила Амарилис, не сумев трактовать его злое молчание.

— Ведь это Чёрная магия, так? — выдавил Данте глухо.

— А ты чего хотел, мальчик? Белая магия не может спасти от смерти того, кто обречён. Она спасает лишь того, у кого есть шанс выжить. Все, кто уже болен чумой, умрут, и твоя великая любовь Эстельита в том числе. Белая магия здесь бессильна, только чёрная, но ведь тебе не привыкать, не так ли? — кончики губ у Амарилис дрогнули — она сдержала улыбку.

Данте сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Какая же мерзавка! Так и хочется её придушить! Она смеётся над его горем, над болезнью Эстеллы, понимая, что он никуда не денется, не откажется от единственного шанса на спасение любимой.

— Что, трусил? — не унималась Амарилис, принимая тихую ярость Данте за замешательство. — Не строй из себя праведника, красавчик, ладно?! Ты убил несколько человек, убил изошрённо. Ты выдавал себя другого человека и даже за животное; ты отправил приёмную мать в Жёлтый дом; ты выпустил в мир того, кто никогда не должен был в нём вновь появляться. О, ты многое натворил за последние пару лет, драгоценный мой

чёрный-причёрный маг, — она пощёлкала языком и расхохоталась.

Данте не понял, о чём говорит эта женщина. Бред какой-то.

— Этого ничего не было! — убеждённо воскликнул он. — Я такого не помню. Но вы напрасно думаете, сеньора, что я трусил. Я уже говорил, ради Эстеллы я пойду на что угодно. Я буду варить это зелье!

— Отлично! Превосходно! Великолепно! — Амарилис похлопала себя по щекам, чтобы они разрумянились.

— Но я не совсем понял рецепт. Голова и шкура крысы. Надо убить крысу?

— Угу.

— Но ведь они разносят чуму!

— Крыса нужна здоровая, — пояснила Амарилис. — Зелье будет действовать как антидот, клин клином.

— Хорошо, ладно, крыса так крыса, — у Данте мороз пошёл по коже при воспоминании о крысах. — А вот это вот: шерсть из хвоста единорога. Где я возьму единорога? Они ведь существуют только в книгах!

— Я бы не была так в этом уверена, — вздёрнула бровь Амарилис.

— А это что? — не успокаивался Данте. — «Сердце и кровь жертвы». Что это значит?

— Закон Чёрной магии. Ты разве не помнишь о нём?

— Не понимаю.

— Обмен. Дашь на дашь, — напомнила Амарилис широко улыбаясь. — Ты обращаешься к силам магии, прося их отдать тебе жизнь человека, что уже стоит одной ногой в могиле. И ты должен чём-то пожертвовать. Всё очень просто: если ты просишь материальные ценности, ты отдаёшь материальное. Если жизнь, ты отдаёшь другую жизнь. Либо силу.

Данте стал похож на труп, мигом вспомнив ритуал, которому научил его Салазар, когда он спасал жизнь Янгус. Тогда он напоил птицу своей кровью.

— Значит, кровь нужна моя? — неуверенно спросил Данте.

— Не-ет, мой чёрный-причёрный маг. Если бы всё было так просто! Ты не можешь влить в это зелье свою кровь. Если бы ты спасал от смерти, скажем, меня, ведьму, тогда да, нужна была бы твоя кровь или кровь другого колдуна, кровь, содержащая волшебство. Но напоить зельем с магической кровью немагов чревато. Этим ты их убьёшь.

— Но... но ведь я спас жизнь Янгус именно так, отдав ей свою кровь, — заспорил Данте.

— Потому что Янгус — магическое животное. Но спасти немага можно только, отдав за него жизнь другого немага.

— Но... я... я должен кого-то убить?! — чуть не задохнулся Данте.

— Ага, — подтвердила Амарилис издевательски. — А ещё вырезать у него сердце и взять кровь, и всё это добавить в зелье. Понятно?

Данте аж затошнило, ком подкатился к горлу, а перед глазами заплясали цветные пятна.

— Но... но... кого?

— А это решать тебе. Главное — он должен быть здоров, чумная кровь чумную не вылечит.

— Тут ещё сказано, что нужно помешать всё волшебной палочкой, — хрипло выговорил Данте.

— О, за это не переживай! Эту штуку мы найдём, — многозначительно подмигнула Амарилис. — Пока всё, ступай. Принеси кровь и сердце. Но помни — времени мало.

Шокированный Данте на негнувшихся ногах покинул дом де Пенья Брага. Когда тот остался позади, Данте обернулся. На небе сияло красное солнце, и на его фоне особняк выглядел как-то дьявольски, будто охваченный кровавым огнём.

Что же ему делать? Что? Разве он может кого-то убить? Нет. Но и отступить не может. Тогда умрёт Эстелла.

Данте остановился посреди улицы. Обхватил голову дрожащими руками. В ушах стоял гул.

— Какой ты тупой! Я всегда это говорил! — услышал он уже знакомый голос.

Салазар! Опять Салазар.

— Что тебе надо? — прошипел Данте, трясаясь от ненависти и сдерживаемых рыданий. — Хочешь свести меня с ума?

— Пожалуй, нет. Я лишь хочу заставить тебя принять решение, — холодный смех Салазара всегда действовал Данте на нервы, а сейчас ему захотелось разбить голову о булыжники на мостовой, чтобы никогда больше не слышать этот смех, этот мягкий, обволакивающий голос. — Подумай, что для тебя хуже: смерть Эстеллы или убийство какого-нибудь ничтожества. И выбери. Это же просто.

— Конечно же я выберу Эстеллу! — выкрикнул Данте. Несколько птиц, в том числе и Янгус, вспорхнули с дерева. — Но убить, убить... Кого? Первого, кто попадется на пути? Я не смогу. Не смогу убить невинного человека просто так.

— Ну-у... можно убить того, кого ненавидишь, того, кто мешает, — подсказал Салазар. — Например, Маурисио Рейеса.

— Это было бы неплохо, — согласился Данте. — Но есть одно но: я не хочу причинять боль Эстелле.

— Боль? Не понял, — фыркнул как кот Салазар. — Чем же его смерть причинит ей боль? Вроде бы ты хочешь, чтобы эта женщина была с тобой. Ты убьёшь трёх птиц одним выстрелом: избавишься от соперника, сваришь зелье и заберёшь Эстеллу себе.

— Но она ведь любит его, а не меня, — не согласился Данте. — А я не хочу, чтобы она переживала. Пусть она не со мной, но я желаю ей счастья. А если я его убью, Эстелла будет страдать.

— Подумать только, какие мы благородные! Ты неисправим! — Салазар ехидно вздохнул, намекая на отсутствие у Данте умственных способностей. — Никак ты не поймёшь, что любить, ценить, уважать в первую очередь надо себя, а потом уже других. Или они станут вытирать о тебя ноги. Как это и происходит всю твою никчёмную жизнь. Ты сам позволяешь всяким тварям над собой издеваться. Именно поэтому Эстелла предпочла тебе его. В отличие от тебя, у него есть гордость и чувство собственного достоинства. И здоровый эгоизм. Будь он на твоём месте, он бы тебя убил и не дрогнул.

— Даже не сомневаюсь, — уныло согласился Данте. — В этом и отличие между нами. Он не любит Эстеллу так, как люблю её я. Я не могу причинить ей боль, лучше сдохну сам, а он не думает о её чувствах.

— Тогда подумай, кого ты ещё ненавидишь, так же сильно, как Маурисио Рейеса, — сменил тактику Салазар, поняв, что спорить бесполезно.

— Не знаю, не знаю... — Данте обхватил голову ладонями. — Я ненавижу всех и себя в том числе. Очень жаль, что я не могу убить себя. Я бы отдал за Эстеллу свою жизнь.

— А-ха-ха-ха-ха-ха!!! Такого дурака, как ты, ни высший, ни низший свет ещё не видывал.

— Салазар, уйди прочь! Ты меня раздражаешь, — взмолился Данте. — Я от тебя устал, у меня голова раскалывается!

Боль и правда была такая, будто по затылку стукнули камнем.

— А-ха-ха-ха-ха! — хохотал Салазар, как антагонист на сцене драмтеатра. — Какой ты неблагодарный! Я хочу помочь, но воля твоя. Я могу и уйти. Совет напоследок: загляни в Жёлтый дом.

— Что-о-о-о?

— Да, сходи туда, навести бывшую мамочку Каролину. Она давненько поджидает тебя, чтобы вырвать тебе глаза за то, что ты её туда упёк.

— Каролина в Жёлтом доме? Как это я её туда упёк? Что ты несёшь, Салазар? — опешил Данте.

— Что слышал. Упёк её туда, правда, я, а не ты. Но, думаю, она это заслужила. Ненавижу предателей! А ты можешь доделать мою работу. Бедняжка, наверное, страдает. Хорошо бы избавить её от земных мучений, отправив в царствие Тьмы или Света. Навсегда, — Салазар опять расхохотался надрывно, жестоко.

— Салазар! Что ты имеешь ввиду? Что ты говоришь?

Но ответом послужило молчание.

Впрочем, Данте лишь сделал вид, что ничего не понял. Намёк Салазара был ясен, как свет луны во мгле. Каролина — вот предполагаемая жертва. Но... Нет, он не сможет никого убить, иначе, чем в каком-нибудь поединке типа дуэли. А просто так...

В глазах вдруг потемнело, и Данте прижался лбом к дереву. Кончики волос искрились, но юноша был так поглощён мыслями, что не обратил на это внимания.

Мало-помалу волнение улеглось, и Данте овладело любопытство. Значит, Каролина в Жёлтом доме? Недоумение сменилось глухой радостью, даже злорадством. Он почувствовал себя отмщённым. Это ведь она, она, Каролина, отправила его в ад, в Жёлтый дом. Там его держали на цепи, так собаку, довели до безумия. Так что поделом ей. И Данте испытал отчетливое желание Каролину увидеть, насладиться её унижением. Выбежав на дорогу, он поймал экипаж.

— В Жёлтый дом! — велел он кучеру.

Тот ничего не сказал, смерив Данте порицающим взглядом: у всех чума, а он тут разъезжает.

Выстроенное кольцом здание, с облупившейся на стенах жёлтой краской, выглядело как башня после войны или землетрясения. Этот «шедевр» архитектуры напоминал груды набросанных друг на друга камней в пять этажей высотой. Кусты примяты; вокруг — глухой забор с частоколом и крошечная калитка в нём.

Данте долго в неё стучался, пока ему не открыл дежурный санитар — невысокий коренастый мужчина, угрюмый на вид.

— Чего вам? — пробасил он сурово.

— Я хочу увидеть одного человека, — ответил Данте. — Моя... моя тётя. Она лечится здесь.

— Зачем оно вам? Они ж все безумные, с ними и говорить нельзя, они ни черта не понимают, а то и убить могли б, ежели б их тут не сажали на цепь.

— Понимаете, сеньор, я приехал издалека и узнал, что моя тётя здесь. Возможно, я увижу её в последний раз. Пожалуйста, впустите меня, — пудрил Данте мозг санитару с видом добродетельного и очень любящего племянника.

— Ну ладно, заходите, чего уж там, — вздохнул санитар, приглашая Данте за забор. — К некоторым и правда родственники приходят, к иным и нет. Может, бояться, а, может, и рады избавиться. Да их понять легко. Страшное зрелище, я вам скажу, эти безумные.

Санитар повёл Данте за собой, и у того поджилки затряслись, когда он вошёл в здание, где провёл страшнейший год своей жизни. Перед глазами плавал туман, сердце колотилось, а когти вдруг начали удлиняться и искрить. Данте быстро сунул их под чуть длинные ему манжеты. Санитар шёл впереди, не глядя на юношу. Он открыл какую-то дверь, зазвав Данте внутрь. Это было помещение, где по центру стояли стол и кресло. А ещё куча шкафов с папками. Санитар вынул с одной из полок толстенную книжицу с вереницей безликих имён пациентов и номеров их палат.

— Как тётку-то звать вашу? — спросил он.

— Каролина Ортега, — голос Данте звучал спокойно, хотя он весь трясся от нахлынувших воспоминаний. Со свойственной ему впечатлительностью, Данте мигом ощутил, как шею опять обхватывает ошейник с цепью. Он ухватился рукой за горло. Нет, цепей нет, но от этого не легче. И зачем он сюда пришёл?

Санитар, полистав книгу, нашёл букву «О» и теперь водил пальцем по списку пациентов с не самой редкой фамилией Ортега.

— Ортега Камила, Ортега Карлос, Ортега Каролина. Вот она, нашёл! — радостно провозгласил он. — Палата № 47. Это четвёртый этаж. Идёмте.

И они двинулись в путь, минуя коридоры и двери, из-за которых слышались вопли, плач, смех, рёв и даже мяуканье. Поднялись по узенькой лесенке на четвёртый этаж и остановились у двери с цифрой «47».

Выудив из кармана связку ключей, санитар погромел, выбирая нужный — длинный с медным кольцом у основания — и вставил его в замочную скважину.

Внутри палата была пуста. Стены из грубого камня, груда тряпок на полу и всё. На тряпках сидела женщина в рубаше до пят и с растрёпанными седыми волосами. На руках, ногах и шее у неё были цепи.

— Она? — уточнил санитар у Данте, чтобы быть уверенным, что привёл парня туда, куда нужно.

Данте присмотрелся. Действительно Каролина. Только она заметно похудела и постарела лет на десять.

— Она, — подтвердил он. — Если можно, оставьте нас наедине.

— Вообще-то она не буйная, так что можно, но если что — стучите в стену, я буду за дверью, — и санитар вышел.

Идя сюда, Данте не собирался причинять зло Каролине — он хотел на неё посмотреть. Но любопытство сменилось восторгом, а потом и холодной яростью. В груди образовалась чёрная дыра.

— Ну что, тётя Каролина, узнаёшь меня?

Женщина, подняв голову, уставилась на него глазами пустыми и неестественно прозрачными.

— Ты прекрасно выглядишь, тётя Каролина. Как и подобает такой твари, как ты. Ты на своём месте. А для меня величайшее наслаждение — видеть врагов в агонии, — сказал Данте жёстко и застыл.

Черты лица его заострились, когти отросли сильнее, а раскосые глаза за секунду превратились в угольки. Каролина молча его разглядывала. Вид у Данте был хоть и

взбешенный, но зловещий, и мог напугать даже мертвеца. Когда он, наконец, пошевелился, во взгляде его полыхнул красный отблеск. Каролина на четвереньках отползла в угол.

— Дьявол... дьявол, зачем ты пришёл, убирайся! Это ад, а ты дьявол, я знаю...

— А-ха-ха-ха-ха!!! — расхохотался Данте грубо. — А мне нравится, что ты такая ммм... беспомощная, несчастная, да ещё и на цепи, как дворовая собака. Бедная, бедная тётя Каролина, — издевался он. — Но теперь ты понимаешь каково было мне? Тут мило, правда?

— Ты только прикидываешься ангелом, на самом деле ты исчадие. Сатана с ангельским лицом! Я никогда не заблуждалась на твой счёт! Но однажды ты покажешь свою истинную физиономию не только мне, но и всем остальным! — вопила Каролина. — Ты убил моего сына Энрике, да, я знаю, это ты его убил, чтобы потом занять его место! А теперь ты хочешь убить и меня?!

— А-ха-ха-ха!!! Это было бы самым правильным решением, — согласился Данте. — Возможно, ты ещё и отблаговаришь меня, если я прекращу твои мучения, ведь ты никогда отсюда не выйдешь. А я сыграю роль ангела-хранителя, и ты, вместо того, чтобы ещё лет двадцать подыхать тут, сдохнешь сегодня ради благого дела. Что может быть лучше? Некоторые люди ещё хотят жить, хотят принести пользу обществу, а ты лишний организм на этой земле.

Данте помахал пальцами, наколдовав кувшин и небольшой сундучок, в каких женщины обычно хранили украшения. Завернув рукава до локтя, он ногой прижал Каролину к стене. И выудил из-за пояса кинжал. Лезвие его зловеще сверкнуло, и Каролина побелела, когда Данте поднёс кинжал к её горлу.

— Дьявол... дьявол, — пробормотала она. — Но Бог мне поможет.

— Всенепременно! — и Данте одним движением разрезал ей шею.

Каролина захрипела. Кровь потекла рекой. Данте приблизил мерцающие когти к ране и лентой потянул кровь за собой, наполнив кувшин до края. Каролина ещё была жива, хоть и ослабла. Выпученными от ужаса глазами наблюдала она за действиями Данте. Он, отставив кувшин, быстро разорвал на Каролине рубашку, обнажив ей всю грудь. Она взвизгнула — в ней проснулась природная женская стыдливость.

— Ты что делаешь, ирод?!

Хлоп! Данте ударил её по щеке.

— Закрой рот! Ты думаешь, мне нужны твои прелести? В гробу я их видал! На старушек не зарюсь, извини. Ненавижу тебя! Сдохни! — и Данте вонзил Каролине в грудь кинжал, провернув его там несколько раз. Кинжал его всегда был смазан ядом кураре, от которого смерть наступает мгновенно.

— Ты сгоришь в аду, неблагодарный, — сказала Каролина, и глаза её потухли. Она была мертва.

Не теряя времени, Данте вытащил из её груди сердце — ещё живое и тёплое. Сложил его в сундучок. Уменьшив сундук и кувшин до микроскопического размера, пихнул их в карман плаща. Поколдовал над телом Каролины так, что все раны на нём срослись, даже и следов не осталось. Он усадил тело, облокотив спиной о стену и придав ему естественное положение. Отчистил свои руки и одежду от крови и постучал в дверь. Санитар явился тут же.

— Что уже всё?

— Да, я ухожу. Бедная тётя, она совсем больна, — притворно покачал головой Данте. —

Она меня не узнала. А потом заснула посреди разговора. Печальное зрелище, — он вышел из палаты, прикрыв за собой дверь.

Санитар, не заглянув внутрь, провернул в замке ключ, и они пошли по коридору обратно.

— Это ещё что, бывает хуже. Ваша тётя хотя бы не буйная, сидит себе в уголке, то спит, то думает о чём-то. А бывают такие, хуже животных. И на людей кидаются, и на стены.

Данте действовал хладнокровно, не ощущая ни ужаса, ни вины. У него нигде не дрогнуло от осознания того, что он сделал. Зато появилась новая мысль — этот санитар, что сейчас идёт с ним рядом, — единственный свидетель того, что он приходил к Каролине. Лучше бы его не было.

— Вы не проводите меня до выхода? — спросил Данте невинным тоном. — Я боюсь заблудиться в коридорах.

— Да мы почти уж пришли. Но можно срезать дорогу, вот тут, — санитар указал на лестницу, чёрную и неприметную — запасной выход. Но когда они туда зашли, Данте вдруг резко остановился, преградив санитару путь.

— Что-то не так?

— Знаете, мне кажется, вам не стоит идти дальше, — в глазах Данте-Салазара вновь полыхнуло пламя. — Вернее, не стоит ходить, сидеть, говорить и даже дышать. Смерть — лучшее лекарство от этой проклятой жизни.

Санитар и глаза не успел вытаращить, как Данте направил на него руку. Из когтей его вырвалось ледяное пламя, и мужчина вмиг обратился в прозрачную статую. Шмяк! Данте ногой сбросил статую по лестнице. Она прокатилась по пролёту, ударилась о стену и разбилась на куски. Данте спустился вниз — полюбоваться на свою работу. Распинал ледяные осколки — всё, что осталось от бывшего санитара.

Ну вот и всё. Уже не больно и не страшно. Сжигать мосты, так все, одним махом — чем ярче они горят за спиной, тем больше видна дорога впереди. Он отрезал все пути. Уже и ад нипочём, навряд-ли он хуже, чем эта мерзкая жизнь.

===== Глава 37. Единорог =====

Материализовался Данте у дома Амарилис. Пару минут тупо смотрел на калитку, затем позвонил в колокольчик. На сей раз хозяйка вышла сама.

— Как? Уже? — удивилась она, смерив его недоверчивым взглядом.

— Всё готово.

— А где ингредиенты? — оглядела Амарилис его пустые руки.

— В кармане. Я же маг, — усмехнулся он.

— Заходи.

Она пропустила его вперёд, подозрительно заглядывая ему в лицо. Данте спрятал глаза — сейчас они были чёрные, косые и безумные, как у голодной рыси.

Амарилис, приведя Данте в кабинет, заперла дверь на ключ и заколдовала стены так, что они покрылись блестящим туманом.

— Это чтобы никто нас не подслушал, — объяснила она. — Моя племянница вечно шпионит под дверью. Иногда мне хочется её удавить.

— Это было бы неплохо. Ваша племянница мне никогда не нравилась, — отозвался Данте. — Она всегда настраивала Эстеллу против меня.

Амарилис промолчала, а Данте, выудив из кармана микроскопические сосуды с сердцем и кровью Каролины, придал им нормальный размер. Поставил на стол.

— И кого же ты убил? — любопытствовала Амарилис.

— Разве это имеет значение?

— Хм, пожалуй нет, — Амарилис пальцем подкрутила бровь — длинную, тонкую и на конце резко изогнутую.

— Ну что? Мы будем готовить зелье или нет? — поторопил Данте, голос его звучал ниже обычного. — Кстати, там же ещё нужна шерсть единорога и волшебная палочка. Где их взять?

— За это не переживай. Сейчас я тебе кое-что покажу, а после мы сходим в мою лабораторию. Там есть крысы. Я их держу для моих магических экспериментов.

С этими словами Амарилис подошла к бамбуковой тумбе, что примостилась в углу. На ней стоял волшебный единорог. Амарилис сняла с него хрустальный колпак. Единорог сверкал всеми цветами радуги. Данте невольно залюбовался им, ощущая как кровь стынет в жилах, будто покрывается льдом. Перстень на шее завибрировал, едва не обжигая кожу своему владельцу. Надо бы надеть его на палец. Но... Амарилис — большая охотница за артефактами, если увидит перстень, пожалуй, захочет себе и его. Лучше не показывать.

Амарилис вдруг направила на статую руку, что-то бормоча про себя. Из ладони её выстрелил золотистый луч. Пыххх! Артефакт загорелся. Ба-бах!!! Он взорвался, разлетевшись на тысячу осколков.

— Ой... — это всё, что успел сказать Данте.

Из кусочков, раскиданных по полу, пошёл белый дым. Он становился всё гуще и гуще, пока не дорос до потолка.

Данте смотрел на происходящее широко раскрытыми глазами. Когда туман рассеялся, юноша чуть не вскрикнул — на том месте, где был артефакт, теперь стояла лошадь. Живая. Серебристая, со сверкающими хвостом и гривой. Только у неё на лбу был рог.

Единорог! Настоящий! Он грациозно прошёлся по комнате, цокая копытами. Рог и грива сияли фантастическим светом, будто мириады звёзд прилипли к ним. Сделав пару кругов по комнате, животное остановилось. Но когда Амарилис приблизилась к нему и протянула руку, единорог дёрнулся, угрожающе стуча задним копытом.

Амарилис отпрянула, а по телу Данте побежала дрожь — единорог выразительными чёрными глазами заглянул в его глаза. Чуть склонил голову, тряся гривой. Данте пошатнулся, в ушах зашумело, и свет померк.

— Эй! Эй, что с тобой?! — вскрикнула Амарилис. — Парень! Данте! Ты дымишься!

Но Данте уже не видел ни её, не единорога. Ему вдруг стало хорошо. Он парил над землёй, расправив огромные крылья, а тело превратилось в пёрышко.

Наконец, сознание прояснилось. Данте сидел на полу, прижимаясь спиной к шкафу. Амарилис склонялась над ним, протягивая кубок с водой; в ногах была какая-то тяжесть.

— Выпей, — велела Амарилис.

Данте взял кубок.

— Что случилось? — спросил он хрипло и выпил воду залпом.

— Ты задымился, а потом упал в обморок.

— Это из-за магии, наверное, — выдавил он тихо. — У меня бывает, я не всегда могу её контролировать.

— Это странно, — Амарилис задумчиво гладила пальцем ямочку на подбородке. — Мы маги обычно контролируем такие вещи. Иначе мы не смогли бы жить с людьми, не выдав себя.

— Я не умею, — покачал головой Данте. — Меня никто этому не учил.

— Значит, твоя магия стихийная, — сказала Амарилис. — Моя нет, потому что у меня был учитель в своё время.

— Учитель?

— О, да! Но это длинная и нудная история, сейчас не место и не время её обсуждать. Мы должны варить зелье. Тебе уже лучше?

— Да, лучше, — кивнул Данте. Глаза его сейчас цветом напоминали августит [1]. — Но как же мы будем варить зелье, я ведь ещё не принёс все ингредиенты? — растерялся он.

— Как это не принёс? — изумилась Амарилис. — Всё принёс.

— Но ведь вы говорили, что я должен кого-то убить, но я не могу... — пробормотал Данте.

— Ты что же, не помнишь ничего? — сообразила Амарилис.

— Нет, почему, я помню... Когда я прочитал рецепт зелья и вы мне объяснили про ингредиенты, я ушел. Но... а что было дальше? Почему я вернулся?

Амарилис нахмурилась.

— Ничего. Забудь. Всё в полном порядке. Ты вернулся, потому что у меня уже есть все нужные ингредиенты, — солгала она, не сводя с юноши глаз и что-то вычисляя в уме.

— И мне... мне не надо никого убивать?

— Нет, не надо.

Лицо Данте посветлело, в глазах перестали плавать черти. Но в ногах по-прежнему была тяжесть. Глянув на пол, Данте чуть не вскрикнул — около него лежала серебристая лошадь, устроив голову к нему на ноги. Нет, не лошадь. У животного был рог на лбу.

— К-к-к-кто это? — сглотнул Данте.

— Единорог, которого ты принёс от алькальда.

— Он ожил?! — ахнул Данте.

— А ты не помнишь? Я же расколдовала его у тебя на глазах!

— Нет, не помню, — вздохнул Данте, косясь на единорога. — Какой красивый!

Не удержавшись, Данте погладил животное по гриве. Единорог не возражал, тычась Данте мордой в ладонь.

— Похоже, ты ему понравился, — ухмыльнулась Амарилис. — Меня он так и не подпустил. Ты любишь животных, да?

— А то! — сверкнул очами Данте. Приподняв голову единорога, он встал.

Тот последовал за ним. Потряс гривой и, обойдя юношу кругом, замер.

— Тебе впору заводить свой зверинец: птицы, лошади, единороги... — съехидничала Амарилис, хотя лицо её выражало тревогу — она с опаской следила за единорогом.

— Животные — мои друзья! — горделиво объявил Данте. — В отличие от людей, они никогда не предадут, — единорог в ответ заржал. Ну лошадь лошастью, только рогатая. Уж с кем-кем, а с лошадьми Данте обращаться умел.

— Так я не понял, почему он был заколдован?

— Этот единорог — магическое животное, — Амарилис села за стол, рассматривая сосуды с сердцем и кровью, что принёс Данте. — Если погладить его по рогу, оттуда появляются алмазы. Попробуй, может, он тебя подпустит.

Данте осторожно поднёс руку к рогу, погладил — единорог не возразил. С кончика его рога в ладонь Данте, как смола, потекла серебристая жидкость. Затвердев на глазах, она превратилась в небольшой алмаз. Амарилис пришла в восторг, подпрыгивая в кресле, когда

Данте положил алмаз перед ней. Она схватила его, рассмотрела.

— Настоящий. Чистый. Вот видишь, это не фантазии! За этим животным долгое время велась охота. Алчные маги с разных концов света пытались поймать и приручить единорога, чтобы с его помощью добывать алмазы, продавать их и богатеть. Но единорог не даёт алмазы тем, кто одержим жадностью. Это и стало его проклятьем. Однажды он попал к очень злому греческому колдуну. Тот мечтал стать богаче всех людей на земле и рассчитывал, что единорог поможет ему в этом. Но единорог не подпускал его к себе и не давал алмазов. Тогда колдун разгневался, превратив единорога в каменную статую, и продал в антикварную лавку. С тех пор заколдованный единорог путешествовал по миру, переходя из рук в руки, пока не попал в коллекцию нашего алькальда.

— Но как вы умудрились его расколдовать? — не отставал Данте. Эта женщина с каждой минутой внушала ему всё меньше и меньше доверия, да и у неё было такое лицо, словно она потешалась над собственными словами.

— О, я очень долго за ним охотилась! И я прочитала массу книг в поисках способа, который снял бы заклятие с единорога. И я его нашла. Без единорога мы не сварим зелье, ведь нам нужна его шерсть, а также волшебная палочка, которую он хранит на шее.

— Волшебная палочка? — Данте автоматически взглянул на единорога. У того на шее висел шнурок с хрустальным футлярчиком.

— Это и есть волшебная палочка? — спросил Данте разочаровано. В его воображении она выглядела несколько иначе.

— Да, она там, внутри футляра, — уточнила Амарилис.

— А откуда она взялась?

— Когда тот злой маг поймал единорога, его служанка пожалела бедное животное. Она украла у колдуна волшебную палочку и повесила её на шею заколдованному единорогу. И палочка исчезла внутри статуи. А тот колдун лишился силы и не смог снять проклятье, чтобы вернуть палочку. Волшебная палочка — очень сильный магический артефакт, благодаря ему колдун может превратиться во властелина мира. Но нам она нужна для приготовления зелья. Попробуй снять её, — велела Амарилис.

Данте не думал, что единорог позволит забрать палочку, но тот либо сам жаждал от неё избавиться, либо так проникся Данте, что, когда юноша потянулся к шнурку, единорог сам подставил шею.

И Данте схватил футляр, открыл. Палочка была маленькая, длиной с ладонь, узенькая и прозрачная. На вид она показалась Данте сделанной из льда и очень хрупкой. Но когда он взял её в руку, палочка удлинилась. Оказалась, что и по крепости, и по красоте она сродни алмазу.

— Какая прелесть! — не удержался Данте от возгласа, когда палочка сверкнула в его руках.

— Давай палочку и будем варить зелье, — подойдя к Данте, Амарилис хотела забрать палочку, но единорог, заржав, встал между нею и Данте.

— Видимо, он не хочет, чтобы я отдавал вам палочку, — сказал Данте настороженно. — А я привык доверять животным. Они чувствуют людей. Так что он прав. Вдруг вы заберёте палочку и не сдержите обещание? Почему я должен вам верить, если я вас плохо знаю, сеньора? Я думаю, вы опасны. А интуиция никогда ещё меня не подводила. У меня нюх на дурных людей. Так что палочка останется у меня, пока мы не сварим зелье и не спасём Эстеллу.

Амарилис хмыкнула.

— В очередной раз я убеждаюсь, что ты умнее, чем я думала. Хорошо, твоя взяла.

Волшебный единорог так и гарцевал по комнате. Он позволил Данте отрезать кусочек от своей гривы. Палочку Данте повесил себе на шею, туда же, где был и перстень. Она снова уменьшилась, но ему казалось, что и перстень, и палочка, соприкасаясь, ведут себя странно. Они вибрировали, и у Данте грудь горела. Но он не обращал внимание на неприятное ощущение, стараясь от него абстрагироваться. Сейчас это не имеет значения. Сейчас главное — зелье.

Амарилис отодвинула ковёр, и Данте увидел в полу люк — это был вход в подвал, где располагалась лаборатория, в которой Амарилис ставила магические эксперименты.

Данте и Амарилис спустились вниз, и юноша самолично изловил трёх крыс. Тут же, на каменном столе, свернул им шеи. Жаровня, к которой был подвешен чугунный котёл, стояла по центру лаборатории — каменного помещения, заставленного склянками с жидкостями и ингредиентами для снадобий, а также книгами и растениями, у которых были щупальца, глаза и даже зубы.

После экзекуции над крысами Данте трясло как в лихорадке. Пот со лба лился градом, ноги подкашивались и жутко раскалывался затылок. Что это с ним такое? Неужто от страха? Нет, он не должен бояться крыс, это всё в прошлом. Сейчас важнее Эстеллы и зелья нет ничего.

Вообще-то Данте полагал, что от Амарилис будет какой-то толк, но помощь её ограничилась тем, что она, разложив на столе ингредиенты и плюхнув перед Данте книгу с рецептом, села в кресло читать журнал.

«Вот так помощь!» — разозлился Данте про себя. А если он ошибётся и сварит зелье неправильно? Ведь на кону жизнь Эстеллы! Ну ладно, он ещё покажет этой Амарилис! Подумаешь зелье, он же маг, неужто не справится? И Данте вчитался в рецепт.

Снадобье было невероятно сложным. Все ингредиенты следовало нарезать определённым образом, класть определённым образом, смешивать, помешивать определённое количество раз и в разных направлениях: по часовой стрелке, против часовой, по диагонали, крестом, зигзагом. Тут главное внимательность. Данте, который вечно витал в облаках, сосредоточиться на мелочах было трудно. Он злился, перечитывая каждую строчку рецепта сотни раз, но в итоге увлёкся. Он варит волшебное зелье! Он настоящий маг, чародей, которому подвластно всё. В детстве он мог мечтать об этом лишь во сне. Видели бы его сейчас те, кто над ним смеялся и унижал его! И в Данте впервые проснулось такое чувство, как тщеславие.

После долгих и упорных мучений около трёх часов кряду, Данте добился того, что варево сделалось прозрачным и приобрело консистенцию воды. Оставались два последних ингредиента: кровь и сердце.

Сердце следовало порубить на кусочки, что Данте и сделал, не задумываясь о том, чьё оно и откуда взялось. Но когда он добавил нарезку в зелье, оно вдруг почернело. Из котла повалили густые клубы дыма. Данте испугался ни на шутку — в рецепте не было об этом сказано. Неужто он сделал что-то не так?

— Сеньора, сеньора Амарилис! — позвал он. — Кажется, что-то пошло не так.

Амарилис, зевнув, отложила журнал и с ленцой в движениях подошла к котлу.

— Зелье почернело, когда я положил сердце, — уточнил Данте.

Амарилис повела плечиком.

— Ничего страшного.

— Но в рецепте этого не написано.

— Это означает, что у человека, которому принадлежало сердце, были дурные помыслы, гнев, ненависть, обиды. В момент смерти они жили в душе, в голове. И остались отпечатком на сердце. Но на зелье это не повлияет, в рецепте ведь не сказано, что сердце и кровь должны принадлежать светлому человеку. Так что добавляй кровь. Если зелье покраснеет, значит, ты сделал всё верно.

Данте тонкой струйкой влил в чёрное варево кровь Каролины. И действительно, дым валить перестал, а зелье покраснело. Когда оно приобрело оттенок граната, Данте снял с шеи волшебную палочку и помешал ею зелье сорок четыре раза по кругу и четыре по диагонали. Загасил огонь.

— Ну вот и всё! — хлопнула в ладоши Амарилис, изучив содержимое котла. — Я думаю, Зелье Жизни и Смерти получилось великолепным. Ты молодец, ты очень сильный колдун, Данте. И почему ты так не уверен в себе? Теперь зелье надо охладить и разлить по флаконам.

До вечера Данте и Амарилис занимались тем, что разливали зелье по мелким склянкам и бутылочкам. Амарилис была воодушевлена, много раз повторив, что Данте её поразил. Для человека, который никогда не варил зелий, он справился потрясающе.

— Теперь отдай мне волшебную палочку.

— Нет уж, сеньора, — досадливо скривился Данте. — Сначала я вылечу Эстеллу. Когда зелье подействует, я верну вам палочку.

— Каков хитрец! — прищурилась Амарилис и расхохоталась. — А ты мне всё больше и больше нравишься, парень. Я люблю умных и талантливых людей, они меня завораживают.

— Думайте что хотите, — Данте было плевать на эти комплименты, он считал эту женщину до корней волос лживой. — Это гарантия того, что Эстелла будет спасена. Если зелье не подействует, мы сварим его по новой. Я не уверен, что всё сделал как надо, и вы меня не переубедите, пока я своими глазами не увижу здоровую Эстеллу. Вы ведь обещали мне помогать, сеньора, а сами сидели и просто наблюдали.

— Я хотела, чтобы ты сварил его сам. Тебе надо учиться использовать магию в мирных целях, а не только для защиты или нападения. Ты отлично справился и без меня. Зелье впитало твою магию, твою энергию, твои мысли и чувства. Если бы его варили сразу несколько магов, эффект от него был бы менее действенный.

Но Данте эти речи не убедили — он отнёсся к ним скептически.

Нагруженные флакончиками с лекарством, Данте и Амарилис выбрались из лаборатории по крутой каменной лесенке. Единорог по-прежнему был в кабинете — лёжа на полу, жевал орхидеи, коими угостила его Амарилис. При появлении Данте волшебный зверь оторвался от лакомства и, не мигая, уставился на юношу выразительными чёрными глазами. Данте кивнул ему, и тотчас пошатнулся. Хватаясь руками за книжный шкаф, рухнул кресло.

— Эй, тебе что, плохо? — встревожилась Амарилис. — Ты бледный как покойник.

— Нет, сеньора, всё нормально, — солгал Данте.

На самом деле ему было чудовищно плохо — его мучило, знобило и зверски раскалывалась голова. Похоже, у него лихорадка. Неужели единорог так на него влияет? Но Данте не верил в это. Ни одно животное, не важно магическое или обычное, ни разу не причинило ему вреда. Чего нельзя сказать о людях. Но, что бы ни было причиной его дурного самочувствия, он не может сейчас заболеть. Надо напоить лекарством Эстеллу,

убедиться, что она здорова, а потом можно и умирать.

— Мне надо идти к Эстелле, — проговорил Данте, собираясь с силами. — Вы пойдёте со мной, сеньора?

— Нет уж, буду я ещё по чумным ходить, заняться мне больше нечем, — брезгливо поморщилась Амарилис. — Я останусь дома. Надо решить что делать с единорогом. Не будет же он жить у меня в кабинете, — она рассмеялась и ногтями пощипала себя за щёки, чтобы они разрумянились. — Иди к своей Эстелле, но не забудь — ты должен вернуть мне палочку. Если ты меня обманешь, я тебя из-под земли достану, — пригрозила она. — Ты ведь меня не знаешь и не видел, какой я бываю, когда злюсь.

— Аналогично, — набычился Данте. — Меня в гневе вы тоже не видели, так что не нарывайтесь, сеньора. Я вам сказал, что палочку я верну. Я всегда держу своё слово. Да и мне она не нужна, — с пренебрежением выплюнул он. — Но я отдам её, когда буду уверен, что Эстелла здорова. Счастливо оставаться.

— До встречи, Да-анте.

Юноша ушёл, а Амарилис некоторое время пялилась в окно, провожая Данте взглядом. Затем расхохоталась и, подняв голову вверх, сказала некоему воображаемому слушателю:

— О-хо-хо, думаю, мой красивый и сумасшедший маг, ты смог бы гордиться своими потомками!

Данте бежал по улице, не чувствуя ни ног, ни дыхания. Даже о существовании Янгус, что летела следом, он позабыл. Вспомнил лишь тогда, когда она, недовольная его невниманием, коснулась ногтями его волос.

— Янгус, отстань! — с раздражением отмахнулся он. — Как ты не понимаешь, Эстелла умирает, надо торопиться.

До замка Рейес пешком идти было далеко, и Данте взял экипаж. Когда он тронулся в путь, Янгус, сев на его крышу, долбанула в неё клювом и надрывно завопила.

— Боже ж ты мой, чего за птица такая с нами увязалась? — брюзжал кучер. — Орёт и орёт, так и оглохнуть недолго. Никогда такой не видывал.

Данте промолчал, решив: что-то произошло или произойдёт. Янгус всё плохое всегда предугадывала заранее. И у Данте мурашки по спине поползли. Неужто Эстелле совсем плохо? Как он успел понаслушаться, некоторые чумные умирают неделями, а иные убираются за пару дней — тут как повезёт. Что если Эстелла уже умерла? Нет, не может быть! Он бы почувствовал. Данте потрогал обручальное кольцо — то обожгло ему пальцы. Магия колец была жива, несмотря ни на что.

Когда экипаж остановился у мрачного величественного замка Рейес, видом своим напоминающего гору, поросшую мхом и плесенью, у Данте зуб на зуб не попадал от страха. Он полуползком вылез из экипажа, чуть не шмякнувшись носом в мостовую — запутался в ногах.

— Эй, парень, ты до дома-то дойдёшь? — спросил кучер сурово. — А то, я гляжу, наклюкался ты знатно.

— Дойду, — сквозь зубы процедил Данте, мысленно посылая плюгавого кучера ко всем чертям. Этот идиот решил, что он пьяница. Да какого дьявола?

Кучер не уехал, пока Данте не встал на ноги. На зло юноша пошёл прямо и тогда кучер тронул поводья. Экипаж исчез за углом, а Данте вцепился в дерево. Что-то ему совсем худо. Его знобило и ног он не чувствовал. Данте потрогал свой лоб — тот был как кипятилок.

Нет-нет, сейчас не время болеть. Надо вылечить Эстеллу, надо до неё добраться. Главное не свалиться посреди улицы.

Янгус с криком нарезала круги над головой юноши, и у того звенело в ушах.

— Янгус, прошу тебя, успокойся, — взмолился Данте. — Мне и так плохо, а ты меня нервируешь.

Янгус послушалась — села на хлебное дерево и умолкла, зыря на Данте круглыми бусинками глаз и топорща все перья разом. Она трясла крыльями и шипела, но к Данте больше не приставала.

Собравшись с силами, Данте позвонил в колокольчик, смутно подумав, что сейчас явно напорется на Маурисио. Давненько он с ним не встречался — такое везение продолжаться вечно не может.

Калитку открыла Чола. Замученная, в съехавшем на бок чепчике и с синими кругами под глазами, она смерила Данте суровым взглядом, узнав его.

— Чего вам надобно опять?

— Я к Эстелле, — сказал он без предисловий. — Впусти меня.

— Нет уж, — Чола преградила ему дорогу и подбоченилась, готовая вступить в схватку, словесную или рукопашную — не важно. — Я вас не впущу. Энтот дом — частная собственность, вы не можете в него врываться.

— Ты тут всего лишь служанка! Твоё мнение никого не интересует, — из Данте вдруг вылезли несвойственные ему речи. Обычно он не унижал людей их социальным статусом, но оно проявилось само, ни с того, ни с сего. — Лучше не нарывайся и не зли меня. Твоё дело — прислуживать, так что прочь с дороги, знай своё место! Я из тебя кишки вытрясу, если ты непустишь меня к Эстелле.

— А я позову жандармов! — не сдавалась Чола. — Уходите по добру, по здорову, разбойник!

— А ну пошла вон! — Данте толкнул Чолу грудью.

— Да нету тута вашей Эстеллы! Нету! — выкрикнула она в страхе — глаза Данте из ярко-синих за секунду стали угольно-чёрными. — В доме две одинокие женщины: я да сеньора Мисолина. Не убивайте нас, мы вам ничегошеньки не сделали, — загнусавила Чола. — Да и неприлично двум одиноким дамам впускать в дом мужчину.

— Где? Где Эстелла? — Данте, уже не владея собой, схватил Чолу за руки и потряс её, как чучело с опилками.

— Нету тута её, я ж вам сказала, — пискнула Чола. — Всё уж, конец сеньоре Эстелле. В госпиталь её увезли, сегодня с утречка. А говорят, кого туды увозют, они уж обратно не возвращаются, тама и помирают. Можно было оставить её дома, но сеньор Маурисио, он куды-то опять пропал, а мы не знали чего с нею делать. И сеньора Мисолина, она ж ведь как-никак сестра ейная, распорядилась отправить сеньору Эстеллу в госпиталь. И я с ней согласная, чумные пушай помирают среди своих, а то ещё и мы бы заболели, ухаживая за ней.

Ощувив, что Данте ослабил хватку, Чола вырвалась и быстро захлопнула калитку. Закрыв засов, рванула к дому, только пятки засверкали.

Комментарий к Глава 37. Единорог —————

[1] Августит — драгоценный камень нежно-синего цвета, разновидность аквамарина. Темнее, чем аквамарин, но светлее, чем сапфир.

===== Глава 38. Многоголосье =====

Ошеломлённый Данте стоял неподвижно, глядя в одну точку. Боль змеей подползала к груди, издевательски извиваясь, и — хват! — укусила. Слезы подступили к глазам. Данте сжал кулаки. Нет, он не будет плакать, не время сейчас. Эстелла ещё жива, а у него есть лекарство. Надо ехать в госпиталь.

Не обращая внимания на слёзы, слабость в ногах и признаки удушья, Данте побежал по дороге, ища свободный экипаж. Поймал. Запрыгнул в него. Верная Янгус взгромодилась на крышу, сопровождая хозяина. У госпиталя «Санта Маргарита» птица метнулась к раскидистой жакаранде и растворилась в её кроне. Только чёрное оперение проглядывало сквозь ветви.

Здесь Данте не был никогда. Госпиталь, трёхэтажный, каменный, увиделся ему неказистым и похожим на руины древнего-предревного строения. Калитка была открыта настежь.

Войдя во двор, юноша остолбенел — под ногами лежали люди. Тучи людей. Впервые он наблюдал чуму во всей её красе. До этого Данте видел её частично: погруженные на телеги мёртвые тела, костры, где их сжигали, и всё.

Данте предполагал, что в госпиталь прорваться будет сложно, но на него никто и не взглянул. Больных было столько, что санитары и санитарки с ног сбивались. Всюду кружили мухи, раздавались вопли, стоны и проклятья. Около чумных, на земле, как цыгане, обосновались их родственники — теперь им разрешалось ухаживать за родными, так как санитарок на всех не хватало.

Данте пробирался вперёд, всматриваясь в лица. Навряд-ли Эстеллу положили на улице, она же аристократка. А ведь она могла стать и неузнаваемой — у многих на лицах волдыри да язвы.

— Эй, эй... воды... воды, — проскрипел кто-то, и чьи-то руки, костлявые, обезображенные, схватили Данте за сапог. Это был мужчина неопределённого возраста, весь покрытый шишками.

— Иди к дьяволу! Я тебе не санитар! — ругнулся Данте. С остервенением вырвав ногу, он перешагнул через мужчину.

Нет, он отсюда не уйдёт, пока не отыщет Эстеллу, даже если эти люди умрут у него на глазах. Плевать. Жалости он не испытывал. Не испытывал и страха. Только тошноту и ярость. Какого чёрта они все тут разлеглись? Мешают искать Эстеллу.

Наконец, Данте прорвался к двери, едва не наступив на чьи-то ноги или руки и не раздавив их каблуком. Он ввалился в холл, надеясь, что в самом госпитале не такой ад, как у входа. Не тут-то было! Умиравшие и здесь лежали на полу, вплотную друг к другу.

Стиснув зубы, Данте перешагивал через людей, не реагируя ни на предсмертные хрипы, ни на мольбы о помощи. Он жадно вглядывался в каждое лицо, обрамлённое длинными тёмными волосами. И чем дальше он шёл, тем явственней понимал: найти здесь кого-то — равносильно чуду.

Поблуждав по коридорам и палатам, Данте осознал: таким методом он ничего не добьётся — лишь потеряет драгоценное время, а счёт уже идёт на часы, если не на минуты. Надо бы спросить у кого-нибудь про Эстеллу.

Он огляделся. Обратил внимание на несколько одиноких девушек, стариков, молодых мужчин, которые, также как и он, растерянно слонялись по рядам из тел. Одетые по-городки, они не были ни санитарями, ни лекарями. Видимо, тоже кого-то искали.

Данте поймал под локоть первую попавшуюся санитарку — конопатую девицу с

бледным и худым лицом.

— Сеньорита, простите. Я ищу здесь свою жену, — сказал он скороговоркой. — Вы не могли бы мне помочь?

— Вы что одурели в конец? — буркнула девица, поудобнее беря таз с тряпками, который держала одной рукой. — Кого ж тут можно отыскать-то? Никто никого по именам не знает, да и у больных нет определённого места, их перемещают, потому что каждый час привозят новеньких. Найти своих можно лишь случайно, если повезёт. Вон те люди тоже ищут родственников, — санитарка махнула в сторону прогуливающих по рядам незнакомцев. — Тут много таких как вы, все ходят, ходят, ищут своих, а находят редко.

— Но что же мне делать? — в отчаянье воскликнул Данте. Ему хотелось завывать и сдохнуть прямо сейчас. Это невыносимо! Эстелла умирает, он сам едва стоит на ногах и ещё вынужден искать её. Убить бы эту тварь Мисолину, которой стукнуло в голову отправить Эстеллу в госпиталь! — А есть у вас тут главный кто-нибудь?

— Да, есть. Это доктор Дельгадо.

— Я хочу с ним поговорить! — решил Данте. — Где он? Как он выглядит? Дело в том, что моя жена, она аристократка, она из известной семьи. Может, этот доктор её знает?

— Может быть, — согласилась санитарка. — Доктор Дельгадо до эпидемии был светским человеком, и он знал если не все, то почти все семейные династии в городе, а жена его сеньора Беренисе, царствие ей небесное, регулярно устраивала четверги в их доме. Там собирались все местные аристократки. Если ваша жена посещала эти мероприятия, возможно, доктор смог бы вам помочь. Но вот только он занят...

— Всё равно я хочу с ним поговорить. Скажите мне, где его найти, сеньорита.

Санитарка объяснила, где находится доктор Дельгадо и как он выглядит, и Данте помчался по коридорам, перепрыгивая через умирающих. Он так торопился, что даже не ощущал вони, исходящей от чумных тел. Хотя, выросший на свежем воздухе, всегда был чувствителен к запахам. У каждого встречного санитаря Данте спрашивал про доктора Дельгадо. Наконец, увидел его издали. «Седовласый мужчина с остатками былой красоты на лице» — так описала его конопатая санитарка. Это он!

Данте ринулся к доктору со всех ног.

— Доктор! Доктор! Вы доктор Дельгадо?

Доктор обернулся. Лицо его, аристократичное и явно в молодости отличавшееся пригожестью, было серого цвета, а морщины сильно проступили у рта и подбородка. Он мрачно оглядел юношу с волосами, заплетёнными в косу.

— Да, доктор Дельгадо — это я, но мне некогда с вами разговаривать, — с нескрываемым раздражением сказал доктор. — Каридад! — крикнул он одной из санитарок. — Протрите губкой больных из соседнего крыла, к ним сегодня ещё никто не заходил.

— Да, доктор.

— Доктор, я ищу одного человека, — не отставал Данте.

— И что? Здесь многие кого-то ищут, молодой человек, — уныло вздохнул доктор Дельгадо. — Но это бессмысленно. Понимаете, все эти люди, — широким жестом он обвёл рукой больных, — умрут, это лишь вопрос времени. И с каждым днём я всё больше понимаю, что вся наша медицина и гроша ломанного не стоит. Вся та куча дипломов, что лежит у меня в шкафу, — бессильна, ведь я ни черта не знаю о чуме и не могу им ничем помочь. А чумные доктора — бездельники, они только трупы выносят.

Доктор, будто позабыв о существовании Данте, двинулся меж рядов из тел. Но Данте, не собираясь отступать, пошёл следом.

— Я ищу сеньориту Эстеллу... Гальярдо де Агилар, — заявил он доктору в спину. — Маркизу Рейес. Её служанка сказала, что она здесь.

Доктор Дельгадо устало обернулся.

— Эстеллу? Вы ищите Эстеллу?

— Да-да, доктор, прошу вас, скажите мне, где она.

— Насколько я знаю, у неё есть муж, но он отчего-то не интересуется ей.

— Я... я... он прислал меня, — выкрутился Данте. — Я пришёл от её мужа, он сейчас занят, но он послал меня справиться о её здоровье.

Доктор скептически оглядел Данте. По пустому взгляду его нельзя было понять, что он думает и чувствует. Поверил он Данте или нет?

— Да, маркиза Рейес и правда здесь, — сказал доктор после раздумий. — Для таких, как она, тут есть отдельная палата. Я отведу вас к ней, всё равно мне надо сделать перерыв, но не стоит лгать. Если бы маркиза Рейеса волновала судьба супруги, он не отправил бы её умирать в общий госпиталь. Но сеньора Мисолина, её сестра, когда я приехал к ним утром, сказала, что это его распоряжение. Я полагаю, вы — её любовник. И не отпирайтесь, — напрямую выдал доктор. — У каждой богатой женщины нынче есть любовник. Вы думаете, вы первый, кто сюда приходит к какой-нибудь барышне и уверяет, что он друг, брат, кузен, сват, слуга и всё в том же духе. А у самих на лицах всё написано, — скривил губы доктор.

— Но маркиза Рейес хорошая девушка, мне жаль, что ей достался такой чёрствый супруг. Пойдёмте, я вас провожу. Непозволительно любовникам не попрощаться.

— Попрощаться?

— А вы что же думаете? Она не проживёт дольше недели, — пожал плечами доктор. — Увидите её в последний раз. Она, кстати, весьма и весьма недурна собой. Я даже удивляюсь, ни одной язвы. У некоторых вон вся физиономия в язвах да волдырях, а этой можно на бал идти.

Пока мужчины шли до палаты, где лежала Эстелла, Данте искусал себе губы до крови. Хорошо, что этот доктор нормальный человек. А то попался бы какой-нибудь идиот и не пустил бы его к Эстелле. Меж тем, они так долго блуждали по госпиталю, что Данте отчётливо осознал: один в этом лабиринте он бы Эстеллу не нашёл.

— Заходите, — доктор Дельгадо открыл низенькую дверку в помещение со стенами, побелёнными известью. Здесь стояло много кушеток и было поцивильнее. И даже не пахло чумными — больше лекарствами.

— Сюда и в соседнюю палату кладём только людей с хорошим происхождением, в основном дам. Негоже это аристократкам валяться на полу.

Доктор провёл Данте мимо больных — это были женщины, девушки и бабушки. Остановился у кушетки рядом с окном, где стояла герань.

Ещё издали Данте приметил эту кровать. Она стояла отдельно ото всех, у единственного на всю палату окна. Длинные тёмные локоны змеями рассыпались по белоснежным простыням, напоминая волосы Медузы-горгоны. Эстелла лежала с закрытыми глазами и не походила на умирающую. Кожа у неё была чистая, и только небывалая бледность и синяки под глазами выдавали её состояние.

При виде неё самообладание изменило Данте. Рухнув на колени у кровати, он прижался губами к запястью девушки.

— Я пойду, дел неспорно, — сказал доктор тихо. — Только не впадайте в отчаяние, а то сами заболите. Стоит смотреть на всё философски. Это жизнь, она всегда заканчивается смертью, сколько бы мы не цеплялись за неё. У кого-то раньше, у кого-то позже. У тех, кто выживет сейчас, она продолжится. Я это знаю. Я похоронил сына и жену и живу дальше, как видите.

Данте не успел обернуться, как доктор уже ушёл. А ведь он хотел сказать ему про лекарство!

Эстелла сладко посапывала. Погладив её пальцем по щеке, Данте прикоснулся губами к её губам. Она шевельнулась. Открыла глаза. Обвела взглядом потолок и увидела Данте.

— Данте...

— Тсс... Ничего не говори. Всё будет хорошо.

Он вынул из кармана флакончик с зельем. Открыв крышку, поднёс его к губам девушки.

— Выпей это, Эсте.

— Что это?

— Это лекарство.

— Лекарство?

— Да, оно должно тебе помочь.

Недоумевая, Эстелла взяла флакончик и выпила его содержимое.

— Фу, гадость какая! Горько.

— Ничего, всё пройдёт, вот увидишь. Теперь надо подождать, — с отчаянной надеждой шепнул Данте, обвивая руками талию девушки.

— Ты зря сюда пришёл, Данте, ты ведь заразишься.

— Не важно, — вместе с чувством облегчения к Данте пришла и усталость. Он держался до последнего, ещё с начала варки зелья испытывая дурноту. Но сейчас в ушах зажужжало с новой силой, будто там мухи застряли, перед глазами всё поплыло, и жутко разболелась голова. Хотелось забиться в угол и тихо умереть. Но Данте ничего не сказал Эстелле, дабы её не пугать, уложил голову к ней на живот и замер.

Эстелла гладила его по волосам. Её Данте снова с ней рядом. Так хорошо. Но, спустя минут пятнадцать, она ощутила, как запульсировала кровь в венах; её бросило в жар.

«Наверное, это конец», — решила Эстелла.

Но если это смерть, она не такая уж и страшная. Никакой боли. Тепло разлилось по телу. Дрожь прошла, и голова перестала кружиться. Эстелла ощутила прилив сил, хотя и не тешила себя напрасными иллюзиями — давно смирилась с тем, что должна умереть. Как девушка умная и образованная, она знала, что перед смертью наступает облегчение. Наверное, поэтому ей вдруг стало хорошо. Замечательно, что Данте здесь. Она умрёт на его руках. Эстелла переплела ему косу, пропуская мягкие локоны сквозь пальцы. Данте чуть вздрагивал, но ничего не говорил. Эстелла решила, что он плачет.

— Данте, не надо, прошу тебя. Это чума и уже ничего не изменится. Пообещай мне, что будешь жить дальше, — шепнула она. Но он молчал. Наверное, не хочет, чтобы она видела его слёзы.

Однако, Эстелле становилось всё лучше и лучше. Даже возникло ребяческое желание встать с кровати. Она села и вот тут заметила: с Данте что-то не то. Он тяжело дышал и был покрыт испариной. Эстелла положила руку ему на лоб — огонь.

— Данте, да ты весь горишь! Тебе плохо? — всполошилась она.

— Угу...

— Что с тобой?

— Не знаю, это ещё с утра, наверное, я заболел...

— О, боже мой, боже мой... — Эстелла в ужасе прижала руки к щекам. Судя по виду Данте, симптомы у него были те же, что у неё. Неужели он заразился чумой?

— Данте, Данте, посмотри на меня, — она взяла его за подбородок, заглянула ему в глаза — они были мутные. Пощупала шею — нащупала увеличенный узел размером с перепелиное яйцо. У неё тоже самое было. Походу, у него действительно чума.

— Данте, я же тебе говорила, не надо со мной сидеть! О, боже мой! Неужели у тебя тоже чума?

Он вяло рассмеялся.

— Чума... чума... Может быть, я об этом не подумал. Наверное, я где-то её подцепил. Погляди в плаще.

— Что?

— В плаще, в кармане, там есть лекарство.

Эстелла мигом схватила плащ, что лежал у неё в ногах. Обшарив карманы, выудила пузырек с зельем, открыла и сунула его Данте в рот. Он послушно выпил и через минут двадцать начал приходить в себя.

Эстелла глазам своим не поверила. А ведь Данте и её напоил этим же лекарством. Теперь она чувствовала себя здоровой, словно и не было никакой чумы.

— Данте, тебе лучше?

— Да... а ты... как ты, Эсте?

— Всё хорошо. Но я подумала, что так и должно быть, перед смертью всегда бывает улучшение.

— Нет-нет, ты не умрёшь! — воскликнул Данте радостно, встряхивая головой, как мокрый кот. — И я не умру! Оно действует! Понимаешь, действует! Я сварил его правильно!

— Не понимаю...

— Это зелье Жизни и Смерти, — объяснил Данте. — Я его сварил вместе с тёткой твоей противной подружки Сантаны. Сеньора Амарилис тоже ведьма и она нашла рецепт.

— Зелье? Лекарство от чумы? — выпучила глаза Эстелла. Амарилис ведьма? Значит, не зря Сантана видела у неё хвост.

— Да-да, и я сварил много. Можно избавить город от чумы, прекратить этот кошмар. Я пообещал это алькальду.

— Не могу поверить! — Эстелла подпрыгивала на кровати, хлопая в ладоши. Она не умрёт, не умрёт! Данте спас ей жизнь, теперь они будут вместе. Всегда. А эпидемия закончится. Чудо какое-то.

Но потихоньку энтузиазм Эстеллы иссяк — она захотела спать. Данте даже испугался — вдруг лекарство не подействовало, но он-то чувствует себя хорошо.

— Не волнуйся, — успокоила его Эстелла. — Просто за время болезни я плохо спала. Да и у лекарств бывает побочный эффект.

Сладко зевнув, Эстелла погрузилась в негу сна. Данте долго изучал её черты, потом «вспомнил», что Эстелла не любит его больше. Действительно, за всё время, она не сказала ему ни слова о любви. Она любит Маурисио. Стоит ли тешить себя напрасными надеждами?

— Спи, Эсте, спи. Ты ещё слаба, — шепнул Данте. Обвёл пальцем контур её губ.

Ну вот и всё. Всё закончилось. Теперь он должен уйти навсегда. Тщеславие, горевшее в Данте в тот момент, когда он варил зелье, ещё подспудно грызло его, но уже не так сильно.

Увидев Эстеллу, он понял: ему не нужна ни магия, ни власть, ни слава. И не хочет он никому доказывать, что как маг чего-то стоит. То, что ему нужно, — любовь Эстеллы — этого он не получит. Любовь нельзя выпросить или украсть. Она либо есть, либо нет.

Выудив из плаща несколько флаконов с зельем, Данте сунул их в карман эстеллиного платья, что висело на спинке кровати. Надо оставить ей зелье, вдруг болезнь до конца не ушла или она захочет спасти близких.

Набросив плащ на плечи, он покинул госпиталь, ни с кем не прощаясь.

Через полчаса Данте уже стоял в кабинете Алехандро Фрейтаса. Тот рот разинул, когда Данте выставил перед ним коробки с флакончиками — алькальд был убеждён, что юноша его надул, забрал статую и испарился.

— Вот лекарство, о котором я говорил, сеньор.

— Что правда? И оно действует? — обалдел алькальд.

— Действует. Я тому пример. Я выпил его сам и напоил свою жену. И оно помогло. Мне было ужасно плохо, как и ей, она умирала.

Алькальд нервно сглотнул.

— Думаю, мы в расчёте, — поставил точку Данте.

— А статуя?

— Статуя у Амарилис де Пенья Брага, — пояснил Данте, решив не упоминать, что она оживила единорога — алькальд всё равно не поверит. — Это была цена за рецепт. Я отдал ей статую, она дала мне рецепт лекарства, и я его приготовил. Теперь я пойду. Знаете, сеньор, мне кажется, вы хороший человек и хороший алькальд. Лучше тех, что управляли городом до вас. Надеюсь, популярность не изменит вас к худшему. Прощайте, — Данте эффектным жестом нахлобучил шляпу на лоб и вышел.

— Удачи! — услышал он пожелание вслед.

Оставалось зайти к Амарилис. Пора перевернуть эту страницу жизни и начать всё с чистого лица.

— Вот, как и обещал, я возвращаю вам палочку, — сказал Данте, представ перед Амарилис. Сняв с шеи волшебную палочку, он вложил её женщине в руку.

— Значит, зелье подействовало? — любопытствовала Амарилис.

— Именно так.

— А я не думала, что ты придёшь, — поцокала она языком, любовно вертя палочку в руках.

— Думали, я вас обману? — ухмыльнулся Данте. — Я всегда держу своё слово, сеньора. И я не охотник за артефактами. Мне не нужна палочка, мне не нужна статуя, мне не нужно ничего, кроме счастья человека, которого я люблю больше жизни. А что вы сделали с единорогом?

— О, он пока у меня в конюшне. Там кроме меня и конюха никто не бывает. Сантана боится лошадей, после того, как в детстве одна кобыла едва её не лягнула. Не надо было дергать лошадь за хвост и лезть под копыта, но моя племянница неисправима. Она сочла виноватой лошадь, а не себя, и с тех пор не подходит к конюшне. А конюх у нас подслеповат, так что единорог пока сойдёт за лошадь, а дальше поглядим.

Данте поблагодарил Амарилис, пожимая ей руку.

— Я думаю, мы скоро увидимся, — воскликнула она, кокетливо взмахивая ресницами. Он нервно встряхнулся.

— Нет, сеньора. Мы с вами хоть и маги, но из разной среды. И пересеклись случайно.

Если бы не чума, я бы никогда не попал в ваш дом.

— Никогда не говори никогда, — со строгостью учительницы предостерегла она. — Когда в зеркальном отражении сойдутся одновременно прошлое и настоящее, мы встретимся вновь, Данте. А пока до свидания, драгоценный мой чёрно-белый маг.

— Прощайте, сеньора.

Данте был сбит с толку непонятными словами Амарилис, но когда оказался на улице, на душе сделалось легко. Вот только грудь там, где соприкасались перстень и волшебная палочка ещё горела. Расстегнув рубашку, Данте увидел: на груди у него небольшой ожог. Перстень сиял всеми цветами радуги. Пришлось снять его с шеи и надеть на палец — на безымянный правой руки.

Поразмыслив, Данте решил пойти в «Маску». Чума скоро закончится, гостиницу и иные заведения откроют для посетителей. Надо обрадовать сеньора Нестора, ведь тот всегда относился к нему хорошо.

Данте пошёл пешком. Янгус парила в небе; теперь она вела себя адекватно и больше не орала. Одна улица сменяла другую, и Данте заметил: лица людей преобразились. Многие улыбались и о чём-то сплетничали. У ратуши как всегда толпился народ. Но люд обсуждал не списки умерших и не новые запреты алькальда. Поравнявшись с толпой, Данте услышал кусочек разговора:

— Алькальд-то наш принёс в госпиталь лекарство от чумы.

— Теперь всех вылечат.

— Конец чуме!

— Да здравствует Алехандро Фрейтас!

— Если бы мы тогда не ворвались в ратушу, ничего бы этого не было.

— Теперь, все, кто ещё жив, поправятся.

— Надо закатить праздник!

Ухмыляясь Данте прошёл мимо. В Ферре де Кастильо возвращается жизнь. Но не в его душу. Там чёрная дыра, из которой нет выхода. И, по мере того, как на глазах Данте оживал измученный город, душа его падала в бездну всё глубже. Ему нет места нигде, никому он не нужен, даже Эстелле. Ради неё он готов на всё, но она любит другого. Пока Данте шёл до гостиницы, эти мысли становились всё навязчивей, а в мозгу звучали голоса — теперь их было несколько. Один он уже знал, привык к нему с детства. Салазар. Чёртов Салазар дьявольски хохотал, обзывая Данте никчемным дураком, помешавшемся на глупой девке. Второй голос был ни на что не похож. Мягко и вкрадчиво он звал на свободу. Хорошо бы побежать по траве, поваляться в ней, заснуть на груди у девушки, что кормит его из рук. Кто она? Он не помнит. Но её надо найти. Был ещё и третий голос. Данте мог бы поклясться, что раньше его не слышал. Голос был злой, грубый. Даже хуже, чем голос Салазара. У того хотя бы тембр приятный, а от этого возникало лишь одно желание — разmozжить голову о стену ближайшего дома.

«Эстелла твоя, только твоя... — внушал новый голос. — Всех, кто тебе мешает, надо уничтожить, стереть с лица земли. Эстелла должна быть с тобой, даже если этого не хочет, даже если не любит тебя. Она — твоя собственность».

Данте прижал ладони к вискам.

— Прекрати! Заткнись! — прошипел он.

Нельзя слушать этот бред. Он никогда не причинит зло Эстелле. Он не станет её неволить, заставляя быть с ним, если она любит другого. Нет, нет, никогда!

«Она только твоя, — не унимался голос. — Это приятно, когда тебя боятся. Чувство страха в глазах любимой женщины дарит такую же эйфорию, как и её любовь».

— Нет, нет, уйди, иди к чёрту, — бормотал Данте, впиваясь пальцами в волосы.

«И не собираюсь, я часть тебя. Я живу в тебе, мы с тобой одно целое».

— Кто ты такой? Ты ведь не Салазар! У тебя другой голос...

«О, я гораздо, гораздо лучше его. Я научу тебя, как получить всё, что твоё по праву».

Через час Данте вместе с Янгус уже благополучно заселился в номер 414 — тот самый, где они жили с Эстеллой. Сеньор Нестор, постаревший, но не утративший оптимизма, обрадовался появлению Данте и новостям, которые тот принёс.

— Наконец-то этот ад закончится! Мне уже и не верится! — восклицал он, расхаживая по холлу. — Значит, завтра надо устроить генеральную уборку и скоро можно открывать гостиницу.

Данте не думал, что возвращение в «Маску» станет для него пыткой. Воспоминания об Эстелле хлынули водопадом, когда он переступил порог номера. Вот на этой кровати они занимались любовью. За этим столиком ели, кормя друг друга из рук. И сидели на ковре у камина. И стояли на этом балконе, глядя на Дубовую аллею. Правда, дубы все спилили. Теперь вместо них красовалась молодая поросль. Зелёная-зелёная. Начало новой жизни. А у Данте сердце разрывалось от двух противоположных желаний: бежать к Эстелле и схватить её в охапку, а если будет сопротивляться, связать и утащить на край света. Или сброситься с крыши. Прямо в поросль юных дубочков. И пусть его мозги растекутся по мостовой. Все только обрадуются такому исходу.

А изумруд на пальце сиял зловеще, меняя цвета, как хамелеон.

===== Глава 39. Кто ты, маска? =====

Ферре де Кастильо с неистовым азартом праздновал излечение от чумы. Радость и ликование, наполнив сердца, вылились в уличные гулянья, что продолжались уже больше недели. Апофеозом их должен был стать грандиозный бал-маскарад в доме алькальда Алехандро Фрейтаса.

Замок его, трёхэтажный, из серого камня, располагался на Бульваре Конституции. Зажатый между особняком Альтанеро и ратушей, он напоминал скалу, у подножья засаженную деревьями так, что сквозь них не было видно ни людей, ни дорожку, ведущую к парадной.

Сегодня, по случаю маскарада, калитка была распахнута настежь, а сад освещён множеством факелов. Здоровенный волкодав, что обычно разгуливал по двору, прячась в тени деревьев, сидел на цепи.

Около семи вечера начали прибывать экипажи, выпуская из своих недр дам, похожих на тропических бабочек, и кавалеров, элегантных, во фраках с длинными фалдами и жилетах, стягивающих талии так, что они могли поспорить по тонкости с дамскими. Три горничных и дворецкий, своими чёрно-белыми одеяниями напоминающие пингвинов, кланялись гостям и сопровождали их в особняк.

Алехандро Фрейтас, вопреки здравому смыслу, отказался от рассылки именных приглашений, рискуя тем, что на праздник может заявиться кто угодно. Но после «спасения» города от чумы он не желал отказываться от образа народного героя.

— Двери моего дома открыты для любого! — провозглашал алькальд. — Если кто-то из бедняков захочет увидеть праздник, добро пожаловать!

Алехандро Фрейтас и сам понимал — прецеденты будут явно, но чтобы эти

разношёрстные гости могли сосуществовать вместе, и был придуман маскарад.

— Это будет суший базар, — ворчала Берта, с помощью Эстеллы и сеньора Альдо выкарабкиваясь из экипажа. Вернулась она в город три дня назад, но уже успела оценить масштаб празднеств. Зелёное платье её было полностью расшито бахромой из бисера и сияло в свете фонарей, как рождественская ель. На голове высилась зелёная шляпа с розовым цветком по центру.

— Толковала ж я вам, не надо сюда идти. Этот новый алькальд странный тип, надо ж такое удумать. Цирк да и только, аристократы и простолюдины на одном празднике. Мне-то всё равно, да ведь классовая ненависть у них впиталась с молоком кормилицы. Они ж глаза друг дружке выцарапают.

— Вы верно говорите, дорогая, — кивнул сеньор Альдо, поправляя узкополую шляпу. — Люди из разных социальных слоев никогда не найдут общий язык. Не потому что они плохие или хорошие, а потому что у них нет точек соприкосновения. Общество всегда будет делиться на богатых и бедных, на образованных и необразованных, таков его удел.

Во фраке серого сукна с укороченными фалдами и завышенной талией, в бриджах до колен и белоснежных чулках сеньор Альдо напоминал человека старой закалки, опасливо относящегося к экстравагантной моде и предпочитая ей проверенную временем классику.

— Хорошо, что мы вчера не пошли на площадь, — из другой дверцы экипажа вывалилась Мисолина. Шлейф её платья цвета спелой вишни волочился по земле, а корсет так стягивал талию, что её обладательница едва дышала. — Столь дивным красавицам, как я, не место среди этих вульгарных людишек, — она вздернула нос. — Но алькальд точно выжил из ума. Когда его уже прогонят с этой должности? Как он посмел не разослать именные приглашения? Ах, какой кошмар! Представьте только, вот мы сюда пришли, а ведь за любой маской может оказаться вор или убийца. Или нищий бродяга, решивший развлечься. А если он пригласит меня на танец? Да я же умру от ужаса! — Мисолина прикрыла рот веером из чёрных страусовых перьев. — Как угадать? Решишь, что под маской приличный человек, а там какая-нибудь помоечная шваль. Так и придётся отскребать грязь с рук и сжигать наряд после контактов с этими недолюдьми. Наш алькальд явно не в себе.

— Мисолина, умолкните! — резко осадил дочь Роксана. Она была последней, кто выгрузился из экипажа. Выбиралась она долго, так как подол её сиреневого платья, украшенного аметистами и белоснежной оторочкой из кружев ручной работы, прицепился к дверце. — Алькальд знает что делает. Он повышает свою популярность. Ради славы можно потерпеть неудобства, чтобы потом пожинать плоды своего успеха. А мы разделим этот успех с ним.

Берта только брезгливо фыркнула, закатывая глаза и про себя поражаясь наглости этой женщины.

После возвращения Роксаны из столицы все её разговоры сводились к Алехандро Фрейтасу. Она всерьёз нацелилась охмурить его — это единственный способ вернуть себе имя и былое уважение. В доме отца и брата, где Роксана пересидела эпидемию, она чувствовала себя чужой, хотя и Ламберто, и Лусиано относились к ней с прежними вниманием и любезностью. Не один из них ни разу не упрекнул её и не напомнил ей о статусе «неродной» сестры и дочери. Но мысль эта грызла Роксану, не давая ей ни минуты покоя. Гордость её, высокомерие, тщеславие, пренебрежение людьми со статусом ниже, чем у неё, жестоко страдали. Роксана привыкла козырять титулами отца, брата, мужа и своими собственными, но, выходит, она не имеет на них права. Она потеряла свой статус. Никто об

этом не знал, кроме неё да членов её семьи, НО Роксана казалось, что все тычут в неё пальцами и за спиной обсуждают её происхождение. Наверняка её родители были плебеями. Или того хуже — преступниками или пьяницами. Ну почему ей не дали умереть? Ведь она проглотила укус, а эта чёртова бабка Берта смела потешаться над её горем. А Арсиеро вздумал сдохнуть от чумы, ранее ещё и лишив её статуса первой дамы. Идиот! И почему ей так не везёт? Будучи в Буэнос-Айресе, в доме, где прошло её детство, Роксана думала о своей тяжкой судьбе и сделала вывод: ей надо снова выйти замуж. Естественно, за человека с деньгами И с именем. Пусть он будет страшный, старый или немощный, не важно. Благодаря ему она вернёт себе положение в обществе; титул, которым она могла бы козырять и ставить на место всех, кто смеет ей перечить.

Задавшись целью поймать жениха, Роксана посещала все светские мероприятия Байреса. В идеале она мечтала подцепить кого-нибудь из королевской семьи, но увы, вице-король был глубоко женат, а его дети слишком юны для Роксаны.

Конец эпидемии открыл Роксана новую перспективу. Ещё до смерти Арсиеро Роксана строила глазки его конкуренту, принимая Алехандро Фрейтаса в своём доме с распростёртыми объятиями. Теперь же, наслышанная его политическими успехами и историей с лекарством, она поспешила в Ферре де Кастильо. Нельзя упускать такой шанс. Надо брать быка за рога.

Никто не знал истории жизни Алехандро Фрейтаса. Бездетный вдовец, мужчина представительный, умный, радикал в некоторых вопросах, а это значит, что у него есть характер. Ни чета идиоту Бласу и дураку Арсиеро. В самый раз для неё. Сколько ему лет понять было трудно: может, сорок, а может, и шестьдесят. Есть категория людей, возраст которых неопределим, как бы вы не старались. Да и какая разница? Роксана главное стать сеньорой де Фрейтас, а там пусть хоть небо замёрзнет.

Расправив складки платья, Роксана отпустила кучера, обругав его: это он виноват, что её подол прицепился к дверце.

Эстелла молча стояла в стороне. Она так устала от окружающих, что не слушала ни высокомерные речи Мисолины, ни вопли Роксаны, ни сетования бабушки. За две недели, счастливые для города, душа Эстеллы погрузилась во мрак. Она не испытывала радости. Да, она пережила чуму, Данте спас её от смерти, но от этого не легче. Когда она проснулась там, в госпитале, он исчез. Испарился, ничего не сказав на прощание. А она-то думала, что теперь они будут вместе. Как он мог взять и уйти?

Эстелла была обижена на Данте за его дурацкий поступок. Она так много хотела ему сказать, а он... Зато объявился Маурисио. Мисолина, расстроенная тем, что Эстелла не умерла, мигом расправила пёрышки. Маркиз её в упор не замечал, как обивку на мебели. Но взгляды, что он метал в Эстеллу, пугали последнюю. Как маньяк, честное слово! Насиловать Эстеллу он больше не лез, но обмолвился, что вскоре преподнесёт ей сюрприз. Этих «сюрпризов» Эстелла опасалась, но пока не произошло ничего ужасного, а сердечко её наполнилось глубокой тоской. Зачем Данте её спасал, если не любит больше? Лучше бы она умерла от чумы.

Сегодняшний бал тоже был Эстелле в тягость. Хорошо, что маскарад, можно закрыть лицо и не строить из себя куклу, притворно улыбаясь едва знакомым людям — маска скроет и слёзы, и скорбь.

— Эстелла! — из омута мыслей Эстеллу вырвал яростный возглас матери. — Вам особое приглашение нужно? Идёмте! Что вы там застряли?

Эстелла покорила. Приподняла подол платья — ярко-бирюзового, из тончайшего японского шёлка, что колыбался при движении, будто вода в ручье. Никто не знал происхождения этого платья, кроме самой Эстеллы. Это был подарок Данте, тот, что он наколдовал шесть лет назад в подземелье. Эстелла хранила платье, частенько вынимая его из шкафа; разглаживала удивительной красоты ткань, глядя, как капельки её слёз бегут по шёлку, словно хрустальные сосуды, выдуваемые из трубки стеклодува. А сегодня она решилась его надеть. Мисолина чуть локти себе не отгрызла от зависти, когда Эстелла вышла в гостиную в этом платье.

Осиротевшее семейство, где остались четыре женщины и один мужчина — бабушкин муж (Маурисио Эстелла за члена семьи не считала), двинулось к особняку. Эстелла тайком радовалась, что Маурисио задержался дома, встречая Матильде и её супруга, что вернулись из Европы. Он обещал приехать на бал, но позже. Хоть ненадолго оставит её в покое.

Перед калиткой дамы и их кавалер надели маски. У сеньора Альдо она напоминала собачью морду. Роксана предпочла чёрные кружевные очки. Мисолина — розово-голубую маску в форме бабочки. Маска Эстеллы, из белоснежного кружева, напоминала иней, что в странах, где бывает зима, укутывает деревья и разрисовывает окна домов. Бабушка Берта отличилась как всегда — она нацепила маску а-ля кактус. В сочетании с зелёным мохнатым платьем и розовым цветком на шляпе, Берта походила на матукану [1]. Вообще поведение бабушки Эстеллу удивляло. Она спокойно восприняла известие о смерти Эстебана, лишь слегка всплакнув, и занялась изготовлением наряда к балу, хотя должна была носить траур. Эстелла решила, что она так отвлекается от мрачных мыслей, а Роксана не преминула обозвать Берту чёрствой старухой.

— Очевидно, что у вас маразм последней стадии, — вынесла вердикт Роксана, оглядывая бывшую свекровь. — Только вам могло прийти в голову нарядиться в кактус. Старая дура!

— От дуры слышу. Завидуй молча, — не остался в долгу «кактус» и с «псом» под ручку уковылял к парадной, откуда уже доносились все признаки праздника: хохот, музыка, звон посуды.

Поджав губы, Роксана потянула дочерей за собой. Они вошли в гостеприимный дом Алехандро Фрейтаса, просторный и светлый.

«Скоро я стану здесь хозяйкой», — подумала Роксана, чинно вплывая в ярко освещённую залу. От особняка Альтанеро, с которым связана туча дурных воспоминаний, неплохо бы избавиться. Всё равно там остались она да три служанки: Либертад, Урсула и Лупита.

Эстелла же хотела, чтобы Мисолина убралась из замка Рейес, переехав к матери, но та не уходила из-за Маурисио. Дети Мисолины жили у бабушки. Их мамаша и думать о них забыла, будто и не рожала их никогда, что Берту возмущало до нельзя.

Глядя на Мисолину, порхающую как птичка с ветки на ветку в поисках богатого жениха, она вздыхала и качала головой. Ну и кукушка! Эстелле было плевать и на Мисолину, и на её детей, и на Маурисио, лишь бы те её не трогали. Но, с другой стороны, Мисолина своей дуростью её веселила, отвлекая от тяжёлых мыслей.

Войдя в центральную залу, женщины угодили в толпу, и Эстелла вмиг пожалела, что сюда явилась. Нет, это прекрасно, что все в масках, но она же никого не узнает. Так и будет шараться в одиночестве весь вечер. Обидно.

Эстелла оглядывалась в тщетной попытке узнать кого-нибудь. Но даже хозяина дома не

обнаружила среди вороха пёстрых масок. Алехандро Фрейтаса она видела лишь раз, издали. А он наверняка станет её новым отчимом. Эстелла не сомневалась, что мать своего добьётся и непременно женит на себе алькальда. Такова её натура: если уж нацелилась, не отступит. И надо отдать ей должное, в отличие от недалёкой Мисолины, она действует с умом.

Берта оказалась не единственной, кто пришёл в экстраординарном одеянии. Более закрепощённые дамы и кавалеры предпочли маски в виде очков с перьями, но странные личности затесались и сюда. Да, бабушка явно не одинока в своём желании выделиться. Вон, например, ходит бурый медведь, волосатый-волосатый.

«С ума сойдёшь в таком костюме, — подумала Эстелла. — А красоты никакой».

А вон женщина в костюме молочницы — ярко-красном платье, белом переднике, чепчике и с кружкой на поясе. А у того мужчины на лице маска с хоботом — он изображает слона. Чего только люди не придумают! А вон тот мужчина... или женщина? Непонятно кто это. Эстелла задержала на этом человеке взгляд. Судя по фигуре, всё же дама, но одета по-мужски: чёрные кюлоты, сапоги и чёрный же аби, расшитый золотом. Белое жабо и манжеты выглядывали из-под него. Каптановые длинные волосы собраны в хвост, на голове — цилиндр, и белая «маска смерти» на лице. Эстелла аж вздрогнула. Она было решила, что это Клариса, но приглядываясь, определила: дамочка ростом ниже и шире в бёдрах, чем волшебная тётка Данте. Да и Клариса навряд-ли явится на такое массовое мероприятие. Насколько Эстелла поняла её натуру, Клариса, как и Данте, не любила внимание к себе.

Начало бала ещё не объявили, а Эстелла, бродя по зале и обмахиваясь белоснежным веером, уже зевала.

— Привет! — кто-то потыкал её в спину.

Эстелла обернулась. Девушка в лимонного цвета платье и с маской птички на лице напоминала канарейку. Чуть стянув маску, подмигнула. Эстелла вздохнула с облегчением, узнав Сантану. Ну слава богу, хоть не так скучно будет!

— Привет, Санти, дорогая! И как это ты меня вычислила? — обняла подругу Эстелла.

— Я видела, как ты пришла. Твою бабушку не узнать нельзя, — хихикнула Сантана, закрывая рот рукой в золотистой перчатке. — А тебя я узнала по платью, ты же всегда надеваешь нечто экстравагантное, — она оглядела Эстеллу, скептически скривилась при виде её декольте (грудь Эстеллы, стянутая шнуровкой, была обнажена наполовину). — Роскошное платье.

— Спасибо. Я вижу, Санти, ты не скучаешь?

— Нет, как раз мне дико скучно, я уже засыпаю, хотя вечер только начался, — тараторила Сантана. — Пока ничего интересного. Обещали живой оркестр, и я жду танцы. Может, мне повезёт, и я встречу здесь любовь всей своей жизни? — она жеманно хихикнула. — Правда, увидеть эту любовь в куче масок будет непросто. И зачем этот цирк, нет бы устроили нормальный бал. А так и познакомиться с кем-то боязно, мало ли кто под маской.

— Ты говоришь словами моей сестры, Санти, — фыркнула Эстелла. — А по-моему так интереснее. В полночь все снимут маски и увидят друг друга. Будет сюрприз. Хоть какое-то развлечение. Главное не знакомиться ни с той гориллой, ни с тем медведем, — Эстелла со смешком указала на людей в костюмах гориллы и медведя (судя по комплекции, это были мужчины), что стояли недалеко от них.

Сантана расхохоталась так, что едва не упала на пол.

— Представь себе, если один из них подойдёт и пригласит тебя на танец!

— Я откажусь, — повела плечиком Эстелла. — Да и вообще у меня нет настроения танцевать.

— Почему?

— Ну просто нет. Мне скучно, тоскливо и я встала не с той ноги, — объявила Эстелла капризно.

— А где твой муж?

— Встречает свою сестру. Матильде вернулась в Ферре де Кастильо. Маурисио сказал, что придёт попозже, но лучше бы не приходил. Если я стану танцевать с какой-нибудь макакой, он может устроить скандал.

— Ну что ты, дорогая, Маурисио цивилизованный человек. Вежливый, воспитанный. Он не способен на такое, — возразила Сантана.

— Ты плохо его знаешь, Санти. Ты с ним не жила. На людях он само совершенство, а вот в реальности...

— А я думала, у вас хорошие отношения. Ты ведь сама меня убеждала, что любишь его, — Сантана участливо положила руку Эстелле на плечо. — Что случилось, Эсти? Неужто между вами пробежала кошка?

— Скорее это был гиппопотам, — отшутилась Эстелла. Ей не хотелось посвящать подругу в детали своей нелёгкой жизни, но Сантана не отставала.

— Скажи правду, ты разлюбила Маурисио? Может, у тебя появился любовник?

— Нет, Санти, — Эстелла так помотала головой, что серёжки в её ушах пустились в пляс. — Любовник. Скажешь тоже! Ты начиталась бульварных романов. Любовь, страсть — для меня это всё в прошлом. Умерло и похоронено. Да и разве браки заключаются по любви? Ни одного не видела.

— Ты меня поражаешь, Эсти. Ты изменилась. Раньше ты говорила совсем другое.

— Потому что раньше я была наивной курицей. Начиталась любовных романов и размечталась. А в жизни всё иначе.

— А может, причина в том, что у вас с Маурисио нет детей? — предположила Сантана. — Дети всегда укрепляют брак.

— Кто тебе сказал такой бред? — под маской Эстеллу аж всю перекосило. Хорошо, лица не видно. Она сама не замечала, что уже давненько говорит словами Данте. — Дети брак разрушают, насколько мне известно. Если брак трещит по швам, дети это усугубят. Хотя некоторые сохраняют видимость счастья, чтобы не упасть в глазах общества. Но есть ли в этом смысл, Санти? Если бы я могла, я бы развелась с Маурисио. Но он не даст мне развода, да ещё и станет угрожать. Можно затеять суд, найти адвоката, попросить о помощи дядю Ламберто и бла-бла-бла, но я не вижу в этом смысла. Одни нервы. Единственный вариант, который мне остаётся, — умереть. Потому что жить в этом аду нельзя.

Эстелла говорила спокойно, как биржевые сводки зачитывала. Сантана смотрела на неё во все глаза.

— Что ты говоришь, Эсти? Разве можно, дорогая, говорить о смерти, когда ты чудом её избежала? Бог тебя накажет за это! Тебе невероятно повезло, что лекарство появилось до того, как чума свела тебя в могилу. Так что не говори о смерти! У вас с Маурисио просто кризис в отношениях. Тётя Амарилис говорила, что такое бывает в любом, даже счастливом браке. Так вот, ты должна сделать всё, чтобы забеременеть. Это единственный выход. Тогда в ваш дом вернётся счастье.

Эстелла нервно рассмеялась.

— И не подумаю. Во-первых, я не могу иметь детей, мне об этом сказал столичный доктор. Во-вторых, если бы и могла, ни за что бы не родила, лучше с моста сброситься, чем рожать наследников этому дегенерату, — отрезала Эстелла.

Сантана, сообразив, что убеждать подругу чревато ссорой, принялась болтать о пустяках. Рассказала, что очень долго выбирала маскарадный костюм и разругалась с тёткой, потому как та вырядилась в мужчину.

— Вон она, тётя Амарилис, — Сантана ткнула пальцем в ту самую женщину-мужчину, на которую Эстелла уже обращала внимание. — Представь себе, она надела штаны. Хотя это и маскарад, но они так обтягивают зад... это ж просто неприлично, — искренне возмущалась Сантана.

— Но у неё длинный аби, — возразила Эстелла. — Он всё прикрывает. Меня больше смущает её маска. Амарилис похожа на смерть, только косы и капюшона не хватает.

— Просто она решила распугать сегодня всех.

— Вообще-то твоя тётя вдова, — напомнила Эстелла. — Но, я гляжу, она не слишком убивается по мужу.

— Забыла о дяде Норберто через неделю, — подтвердила Сантана, глядя на звонко хохочущую Амарилис. — А всегда говорила, что любит его. Лицемерка. Ненавижу её!

— У тебя плохие отношения с Амарилис, да? — Эстелла услышала в голосе подруги злые нотки. Раньше Сантана отзывалась о тёте мягче.

— Мы с ней слишком разные и никогда не найдём общий язык, — вздохнула Сантана, поправляя птичью маску.

Около лестницы соорудили площадку для оркестра, и в восемь часов церемониймейстер официально открыл бал. Народ миглом ожил, а Эстелле с незнакомцами танцевать не хотелось, поэтому, когда некий одноглазый пират пригласил Сантану на танец, она укрылась в нише, где сидели замужние дамы и вдовы. В момент прихода Эстеллы они обсуждали рецепт пирожков с острой начинкой. В запале перебивали друг друга и скрипели зубами. В конце концов, разделились на два фронта: одна часть дам уверяла, что перца чили в начинку кладут целую щепотку, другая же часть вопила, что перец использовать нельзя, а надо заменить его чем-то, иначе пирожки в рот не возьмёшь. Эстелла чуть не взвыла. Неужто поговорить больше не о чем? Но, когда спор о пирожках закончился, она десять раз пожалела, что дамы сменили тему. Теперь они обсуждали младенцев. Дело и вовсе запахло жареным, когда дама, у которой на голове красовалось нечто, похожее на улей, стала рассказывать, сколько раз в день пачкает пелёнки её ребенок, со всеми подробностями этого увлекательного процесса. И Эстелле захотелось плюнуть кому-нибудь в глаз.

— Меня сейчас стошнит, — сказала она, поднимаясь на ноги. — Пойду к мужчинам. Лучше слушать их сказки о пиратах и контрабандистах, чем рассуждения о какашках.

Дамы умолкли, вылупившись на неё как куры, у которых отрасли совиные глаза.

Приподняв юбку, Эстелла невежливо ушла, ловя спиной неодобрительные взгляды, а заодно и возмущённый шёпот:

— Вертихвостка!

— Хамка!

— А ещё замужняя женщина!

— Она никого не уважает.

— А декольте-то, декольте. И как только не стыдно?

— Она оскорбила моего ребёнка, а, значит, и меня. Гореть ей в аду! — громко заявила

мамаша с улеем на голове.

Эстелла и бровью не повела. Ей вдруг стало смешно. Эти сплетницы просто-напросто ей завидуют. Ведь они глубоко несчастны. Их надо пожалеть. Они вышли замуж не по любви. Они родили ненужных детей от ненужных мужей после того, как эти мужья исполнили супружеский долг под покровом ночи через дырочку в рубашке. «Счастье» явно читалось на их лицах. Да в гробу она такое счастье видала! Наверняка им всем хочется стать свободными незамужними девочками, сбавить своих детей и мужей кому-нибудь, надеть эффектное платье и щеголять открытой грудью, ловя восхищённые взгляды. Да вот поздно метаться. У них нет шансов на более светлое будущее, чем та реальность, где они обитают. А у неё есть. Она молода, красива, у неё нет детей и ответственности перед кем-то; лишь один груз её обременяет — Маурисио. Но его можно отодвинуть. Не собирается она считаться с его чувствами. Плевать на всех! Сегодня она пришла веселиться, и она будет веселиться! И пусть все клуши лопаются от злости.

Эстелла примкнула в толпе мужчин, что уединились в верхней зоне, где стояли кожаные кресла и диваны и пахло виски с табаком. Помнится, в Байресе на балах у вице-короля Эстелла тоже предпочитала женской компании мужскую. В этом она пошла в мать. Роксана, сколько Эстелла её помнила, ни на одном балу не сидела с дамами. И нынешнее мероприятие исключением не стало.

Мужчины удивились появлению Эстеллы, но нашли для неё местечко в своём кругу. Любезно усадив её в кресло, они налили ей пунша и вернулись к своим разговорам. Кроме Эстеллы и Роксаны здесь находилась ещё и Амарилис.

Роксана, бросая презрительные взгляды на дочь, обхаживала седовласого мужчину в синей маске-очках (видимо, это и был Алехандро Фрейтас). Сидя на подлокотнике его кресла, она наливала ему виски и подавала сигары.

Мужчины курили, грубо выражались, стучали тростями об пол, спорили о политике и лошадиных скачках, новых законах и биржевых котировках, в общем о том, в чём Эстелла абсолютно не разбиралась. Но, несмотря на табачный дым и крепкие словечки, здесь ей нравилось больше, чем в женском обществе.

Амарилис смолила сигариллой [2]. До этого Эстелла никогда не видела тётку Сантаны курящей. Она не поняла, узнала Амарилис её или нет. Бросила на неё беглый взгляд и тоже предпочла остаться для всех инкогнито. Амарилис дискутировала наравне с мужчинами, а Роксана в разговор не встревала. У Амарилис не было желания убеждать мужчин в своей женственности — она предпочитала обратный эффект, но Роксана охмуряла Алехандро Фрейтаса, полагая, что ему не нравятся умные дамы.

— Вы курите? — спросил Эстеллу приятный голос. Мужчина в чёрной маске протягивал ей коробку с сигарами и сигариллами.

Эстелла пробовала курить лишь раз в жизни. Вместе с Данте. Любопытства ради забрала у него сигару и покурила чуток. Ощущение горечи во рту ей не нравилось, но тут её дернул какой-то чёрт.

— Да, спасибо, — она взяла длинную сигариллу. Мужчина любезно её прикурил.

Заметив гневный взгляд матери и заинтересованный Амарилис, Эстелла на зло им сунула сигариллу в рот. Чуть не задохнулась. Ну и гадость!

Но в итоге она развеселилась, почувствовав себя сердцем этой компании. Мужчины наперебой ухаживали за ней, предлагая то виски, то сигары, то воду, а то приглашали на танец. Она ни от чего не отказывалась. Гулять так гулять. Амарилис посмеивалась себе под

нос, а Роксана кипела от ярости. Это она, она королева, она должна быть в центре внимания, а эта дрянь пришла и всё испортила. Вечно она ломает ей планы. Даже Алехандро Фрейтас казалось, заинтересовался Эстеллой больше, чем её матерью, когда девушка, пригубив виски, вмешалась в спор, доказывая сначала, что рабы тоже люди и имеют право и на медицинское обслуживание, и на досуг. А потом села на своего любимого конька — медицину, в пух и прах разнеся работу госпиталя.

— Вот я с вами согласен, сеньора, — вторил ей некто в маске волка. — Эпидемия доказала всем, чего стоит наша медицина. Доктор Дельгадо обыкновенный шут и бахвал. Люди умирали тысячами, а он и эти уродцы с клювами на масках, чумные доктора, ходили кругами да разводили руками, пока не появилось то чудодейственное лекарство.

— А всё же, сеньор Фрейтас, — лукаво обратилась Эстелла к алькальду, — скажите правду, откуда появилось это лекарство?

— О, ну это долгая история! — отмахнулся он.

— Но мне любопытно её послушать.

— Да-да, расскажите, и нам тоже интересно! — заголосили остальные. — Ведь никто так и не знает происхождение лекарства. Откуда вы его взяли? Не сами же приготовили!

— Нет, не сам, — не стал врать Алехандро Фрейтас. — Однажды ко мне пришёл человек. Он представился алхимиком и сказал, что может сварить лекарство от чумы. Мы с ним заключили сделку, и он его приготовил. Вот и всё.

— Но тогда вы просто плутишка, — гадко-очаровательно рассмеялась Эстелла, кокетливо грозя ему пальцем. — Слава должна была достаться автору лекарства, а не вам. Вы украли чужую славу, сеньор Фрейтас.

— О, вовсе нет! — запротестовал он. — Мы с ним так договорились. Я бы мог сделать его народным героем, но он сам предпочёл устраниваться. Но я ведь и не присваиваю себе авторство. Я никогда не говорил, что это я приготовил лекарство. Я лишь отнёс его в госпиталь. Если тот человек придёт ко мне и скажет, что хочет, чтобы я объявил всем его имя, я не стану возражать. В конце концов, он и вправду спас город. А я ведь, признаться, сначала не очень-то ему поверил. Решил, что он лжец.

«На Данте это похоже», — подумала Эстелла. А к алькальду она прониклась внезапной симпатией. Кажется, он неплохой человек. Будет обидно, если он станет новой жертвой её матери. А что если...

И в эту секунду церемониймейстер выкрикнул:

— Белый вальс! Дамы приглашают кавалеров!

— Сеньор Фрейтас, а давайте-ка потанцуем! Раз белый танец, то я вас приглашаю, — выпалила Эстелла.

Роксана застыла с кофейной чашкой в руке, а Амарилис прикрыла лицо цилиндром, что сняла с головы. Верно, она смеялась.

— О, я с удовольствием потанцую с такой очаровательной дамой! — польщёно воскликнул Алехандро Фрейтас. — Если только вы не боитесь, что я отдавлю вам ноги.

— Нисколько.

Алькальд предложил Эстелле руку, и они спустились в центральную часть залы. Бал был в самом разгаре, всюду в танце двигались пары.

Эстелла спиной ощущала ненавистный взгляд матери. Но она не считала, что поступает дурно. Роксана должна понять, что ей не всё дозволено, и что она не пуп земли. И Эстелла выполнит свою маленькую миссию — спасёт хотя бы одного хорошего человека из

роксаниных когтей.

Алехандро Фрейтас вальсировал замечательно. От комплимента он удержаться не сумел:

— О, прекрасная дама, да вы легки как пушинка. Вы танцуете превосходно, сеньора!

— Можно просто Эстелла. И вы тоже прекрасно танцуете, сеньор Фрейтас, зря вы сетовали на свою неуклюжесть.

— Признаться, вы меня удивили, когда пригласили на танец. Хотя вы и в маске, но вы мне кажетесь совсем юной.

— Я действительно гораздо моложе вас, — подтвердила Эстелла. — И я вас пригласила на танец не с корыстной целью соблазнения, как могло бы показаться. Я хотела с вами поговорить так, чтобы нас никто не услышал.

— Вот как? И о чём же? — искренне заинтересовался алькальд.

— О моей матери.

— Не понял.

— Роксана, вдова Гальярдо де Агилар, та женщина, что вас обхаживает весь вечер, — моя мать.

— Неужели? Кто бы мог подумать?

— Я хочу вас предостеречь, — прямо сказала Эстелла. — Она вознамерилась заполучить вас в мужья, потому что хочет вернуть себе статус первой дамы. Даже если она будет говорить вам, что она вас любит и всё такое, не верьте. Может, с моей стороны дурно так говорить о родной матери, но я знаю её, как свои пять пальцев. Эта женщина до корней волос лжива. Она угробила двух мужей, в том числе и моего отца, и вас угробит, если вы пойдёте у неё на поводу.

У Алехандро Фрейтаса не было оснований Эстелле не верить, но ей показалось, он не удивлён её словам.

— А зачем вы мне всё это говорите, сеньора, то есть Эстелла?

— Потому что я не хочу, чтобы вы попали в лапы моей матери. Вы мне кажетесь хорошим человеком. Я в этом убедилась, когда вы честно сказали, что не являетесь автором лекарства от чумы. Дело в том, что я знаю Данте, того человека, который приготовил лекарство. Он... мой близкий друг. Он действительно не хочет славы, он не выносит внимания к себе, у него такая натура, — пустилась в объяснения Эстелла. — Но я думаю, вы должны что-то для него сделать. Это неправильно, что он пожелал уйти молча. Было бы хорошо разыскать его, — Эстелле только что пришла в голову эта идея — попросить алькальда помочь ей найти Данте. Да, она была на него обижена, но ей хотелось с ним объясниться. Нельзя расставаться вот так.

— Я с удовольствием разыскал бы этого человека, — кивнул алькальд. — Думаю, он заслуживает какой-то награды или уважения хотя бы. Если бы не он, чума никогда бы не закончилась, что правда, то правда. А что касается вашей матери, Эстелла, вы зря принимаете меня за дурака.

— Не понимаю.

— Я прекрасно вижу её игру и вижу чего она хочет. Но даже если бы я и попался на эту удочку, я бы не смог на ней жениться.

— Почему?

— Ну-у, об этих причинах я предпочитаю не рассказывать, — он улыбнулся. — Хотя Роксану не мешает научить уму разуму. И у меня есть одна идея.

— Да?

— Да. Спасибо, Эстелла, что решили мне помочь, но прошу вас, не вмешивайтесь. С вашей матерью я разберусь сам, уж поверьте мне.

Вальс закончился. Алехандро Фрейтас хотел проводить Эстеллу на место, но она предпочла не возвращаться к мужчинам, а стала прогуливаться по округе. Перед глазами всё плыло от количества выпитого. Завтра проснётся с головной болью. Да ещё и накурилась как уличная девка. Но она же вправе расслабиться. Да пропади всё пропадом! Ради кого и чего она всю жизнь старается вести себя как кукла: это нельзя, то не можно. Нет, хватит! С этого дня она будет сама решать что ей делать и как себя вести. И пусть общество рвёт на себе волосы, бесится, обзывает её любыми словами, ей от этого не горячо и не холодно.

Взяв бокал пунша и сигариллу, Эстелла уселась на канapé напротив дамской компании. С высокомерием глядя в их сторону, она смачно закурила и, попивая пунш, выпятила полуобнажённую грудь. Пускай завидуют. Хоть лица дам и были скрыты, по их набыченно-взъерошенным фигурам и змеиному шушуканью, Эстелла поняла кого они обсуждают. Вот и прекрасно, она им дала тему для разговора, не всегда же обсуждать пелёнки да пирожки.

Интересно где Сантана? За всеми этими интригами она напрочь забыла про подругу. Ах, вот же она! В своём лимонном платье с подвесками на корсаже хохочет в обществе одноглазого пирата. Видимо, он её заинтересовал. Чем дольше Эстелла разглядывала кавалера Сантаны, тем больше склонялась к мысли: где-то она его видела. Высок, широкоплеч, с немного тяжёлой походкой. Но голова пирата была укрыта красной тканью, а часть лица перерезала чёрная повязка, так что идентифицировать его возможным не представлялось.

Увлечённая разглядыванием округи и выведением из себя ненавистных ей клуш, Эстелла не сразу заметила, что на неё пялятся жгуче-чёрные глаза. Их обладатель — высокий, стройный мужчина, одетый в бархатный тёмно-синий фрак с очень длинными фалдами, расшитыми узором в виде серебряных змеек, и белые кюлоты, вставленные в чёрные сапоги с пряжками. На голове — цилиндр, волосы длинные, иссиня-чёрные, увязаны в хвост; белые перчатки, кружевная рубашка с жабо. Трость с серебряным набалдашником. Явно аристократ. Он смотрел на Эстеллу в упор, не мигая, разглядывал её как картину или музейный экспонат, и она, в конце концов, этот взгляд почувствовала. Обернулась. И всё поплыло. Замелькали лица, наряды, обстановка, снующие туда-сюда горничные. Мир перестал существовать. Остался лишь этот человек с антрацитовыми глазами, что сияли сквозь чёрную маску летучей мыши, как два месяца в ночи.

Мужчина скользил взглядом по лицу Эстеллы, по губам, по декольте... И тут-то Эстелла впервые подумала, что оно чересчур большое. Да, у неё красивая грудь, и она всегда ей гордилась, но сейчас она почувствовала себя раздетой. Предательский жар разлился по венам, а сердце буквально вырывалось из груди. «Хорошо, что есть маска», — подумала Эстелла, ощущая как щёки заливают румянец. Она схватила веер и начала им обмахиваться. Что ж такое-то? Наверное, она слишком много выпила, и у неё помутился рассудок.

Из омута странных, неконтролируемых чувств Эстеллу вырвал зелёный кактус, который плюхнулся рядом с ней на канapé.

— Ох, и упарилась я в этой маске, сил уж нет! Когда уже можно будет их снимать? — спросила бабушка Берта, выставляя на стол свою съестную добычу: шоколадные пирожные с малиной, венские вафли, дымящийся кофейник и фарфоровые чашечки.

— В полночь, бабушка.

— Ох, ещё целый час до полуночи, с ума спятишь! — покачала головой Берта, сдвинула маску набекрень и запихнула в рот самое большое пирожное. — Вкушняфина. Хофефь?

— Нет, спасибо, — отказалась Эстелла. — Я слежу за фигурой. Бабушка, а где ваш муж? Что это вы одна ходите?

— Да он там, с мужчинами ерунду всякую обсуждает. Не буду ж я сидеть с ними. С тоски помрёшь, — она оглядела Эстеллу. — А чего это у тебя с платьем? Не слишком ли большое декольте, ась? Прикройся шалью.

— Перестаньте, бабушка. Я люблю глубокие декольте, — заспорила Эстелла. Черноглазый всё продолжал буравить её взглядом. Может, он уже позовёт её танцевать?

— А чего это от тебя табаком пахнет? — не унималась бабушка принюхиваясь. — Ты чего ж, курила что ли?

— Да, ну и что? — разозлилась Эстелла. И чего к ней все цепляются? Достали, ей богу! — Я уже взрослая замужняя женщина, бабушка, так что прошу не читать мне морали.

— С каких это пор ты куришь?

— С тех самых.

— Это вульгарно. Приличная дама не должна курить, — укорила бабушка. — По-моему, замужество на тебя дурно влияет. Кстати, где Маурисио-то?

— А он сестрицу свою встречает. Матильде с мужем сегодня приехали. Маурисио собирался прийти позже, но что-то я его не наблюдаю. А может, он просто не видит нас, а мы его, не знаю, — сбивчиво объясняла Эстелла, а по телу так и бегали мурашки. Ну сколько можно смотреть? Пусть уже подойдёт!

Но черноглазый так и не подошёл ни через пять минут, ни через двадцать. Бабушка увлеклась уминанием пирожных, а Эстелле захотелось сделать что-то безумное. Разозлившись на нерасторопность потенциального кавалера, она встала и нарочно прошла мимо него, зацепив его платьем.

— Ой, простите, — извинилась она, роняя веер на пол.

Он молча кивнул, поднял веер, отдал ей и ушёл. Обескураженная Эстелла так и замерла посреди залы. Что за идиот? Чего тогда смотрел? Эстелле вдруг стало обидно, обидно совсем по-глупому, как маленькой девочке, которой не дали конфету. Она чуть не разревелась. Впервые за много лет она испытала подобное от взгляда другого мужчины — раньше только от взгляда Данте её бросало то в жар, то в холод. И вот этот человек взял и ушёл, так же, как ушёл Данте. Козлы одни вокруг, честное слово!

Яростно раскрыв веер, Эстелла помахала им. И из него вдруг что-то выпало. Клочок бумажки. Эстелла мигом наступила на него каблуком и, выждав момент, когда никто не смотрит, подняла. Это оказалась записка, которую черноглазый незнакомец положил в её веер:

«Через десять минут в саду за домом».

Он зовёт её на свидание! И что ей делать? Ей уже не шестнадцать, она замужем, она потеряла Данте — человека, которого любила больше жизни и любит до сих пор. И потеряла по собственной дурости. Так зачем ей идти на свидание с каким-то незнакомцем? Головой-то она это понимала, но сердце сегодня затеяло странную игру. Оно жаждало туда пойти, и все аргументы разума были тщетны. Это безрассудство то, что она хочет сделать. Время приближается к полуночи, в саду темно. Она нетрезва и одета, прямо говоря, откровенно. А мужчина ей незнаком. Он ведь может сделать всё, что угодно!

Гигантские золотые часы на стене показывали без десяти двенадцать. Через десять

минут все снимут маски. Если пойдёт, она пропустит кульминацию праздника. Но любопытство было сильнее.

И Эстелла вышла в сад. Темень была полная. Ни звёзд, ни луны — ничегошеньки на небе не проглядывало. Только факелы, установленные на ограду, мерцали в сумраке. В особняке веселье продолжалось, а в саду не было ни души, кроме волкодава, что лаял где-то вдаль, позвякивая цепью. Эстелла обогнула дом, завернула за угол. Никого. И темно. Совсем. Тут и факелов не было. Она явно чокнулась. Зачем она сюда пришла?

— Эй! — крикнула она в никуда. — Вы здесь? Я пришла!

Тишина. Лишь ночные птицы перекрикивались на ветках деревьев. Может он не придёт?

Но вдруг чьи-то руки обняли её за талию сзади. Мягко, но настойчиво потянули за собой в заросли деревьев. На секунду она оцепенела от страха. Господи, какая дура! Зачем она сюда припёрлась? Сейчас он её изнасилует или убьёт!

— Прекратите! Отпустите меня! Зачем вы меня лапаете? — прошептала Эстелла хриплым от волнения голосом.

Он разжал руки. Отпустил. Но Эстелла осознала, что уходить она не хочет. В темноте были видны лишь его глаза, они сверкали как-то нечеловечески ярко.

— Зачем вы меня сюда позвали? — спросила она. А грудь предательски вздымалась, и Эстелла не в силах была ничего с этим сделать. Этот взгляд сводит её с ума, вот и всё.

Он молча приблизился. Вновь притянул к себе. Уткнулся носом в её плечо и так замер, нервно вздрагивая. Ветер растрепал ему волосы, и они упали Эстелле на плечи. И она учуяла запах мяты. Знакомый. Любимый. Поймала его руку в свою. Пальцы длинные, тонкие, как змеи. На одном из них ярко сверкал зелёный изумруд. Данте! Её Данте! Вот сумасшедший! И как она сразу не поняла? Вот почему её сердце так колотилось. Ну почему она его не узнала там, на балу?

Хохоча, Эстелла откинулась к нему на грудь, подставляясь под поцелуи, которыми он покрывал её плечи и шею. Данте! Он пришёл, вернулся к ней. Все обиды мигом улетучились. Поцелуи продолжались долго, но Данте ничего не говорил, целуя Эстеллу с каким-то болезненным исступлением. Потом вдруг обнял так крепко, что девушка вскрикнула. На плечи ей упали капельки слёз, и Данте кинулся прочь, продираясь сквозь кусты и оставляя на них клочки одежды.

У Эстеллы даже язык отнялся, и она не сообразила хотя бы крикнуть, позвать его обратно. Так и стояла одна в темноте. За что он так с ней? Что она сделала? Он ведь сам пришёл на бал, сам её сюда заманил, а теперь взял и сбежал.

— Данте, Данте, зачем ты так со мной? Вернись, Данте! Вернись ко мне! — шепнула она в пустоту. Но услышала лишь эхо затихающих вдаль шагов.

Комментарий к Глава 39. Кто ты, маска? — -----

[1] Матукана — разновидность кактуса.

[2] Сигарилла — тонкая длинная дамская сигара.

===== Глава 40. Призрак любви =====

Бал в доме алькальда продолжался, и из окон слышались взрывы хохота, заглушаемые великолепной игрой оркестра. Время перевалило за полночь. Гости, уже без масок, рассеялись по саду. Они громко обсуждали праздник, признавая, что тот удался на славу. Но Эстелле было всё равно. На неё будто рухнул Колизей. Данте над ней издевается, такое ощущение, что специально. Но она не может без него жить. Сердце почувствовало его

присутствие, даже когда глаза не узнали. Ну почему, почему он ушёл и не забрал её с собой?

Поцелуи ещё горели на её плечах и шее, а она стояла за домом, не в силах выйти на освещённый участок сада. Прижала руки к щекам. Машинально потрогала обручальное кольцо. То было тёплым и мокрым. Данте плачет? Ему тоже плохо. Надо найти его, вернуть, поговорить с ним.

Эта мысль завладела Эстеллой, и ноги её обрели чувствительность. Поправив платье и прикрыв декольте газовой шалью, она миновала сад и выскочила за калитку.

— Эстелла! Эстелла! — кто-то окликнул её, но девушка и головы не повернула. Наплевать на всё и на всех.

Она побежала по улице, гонимая мыслью найти Данте. Что-то подсказывало: далеко он не ушёл. Надо добежать до их любимого местечка у озера, большая вероятность, что он там. Но этого не понадобилось. Пробежав всего два квартала, Эстелла тут же наткнулась на героя своих снов и переживаний. Он сидел на тротуаре, упираясь затылком в ствол хлебного дерева. На растопыренной кроне суежилась Янгус, щёлкая клювом и посвистывая.

Не помня себя, Эстелла кинулась к Данте, присела на корточки.

— Данте!

Он изучил её каким-то диким, затуманенным взглядом.

— Данте, не уходи, только не уходи. Давай поговорим, — взмолилась Эстелла в страхе, что он опять сбежит. Погладила его по щеке, влажной от слёз.

— Чего ты хочешь, красавица? — выдавил он устало. — Я уже говорил тебе: ты очень хороша, и мне с тобой хорошо, даже чересчур. Ты сделала невозможное, ты влюбила в себя человека, который любить не может. Но нам с тобой не по пути. Я так решил и не желаю это менять.

— Но ведь ты сам пришёл на бал! Сам написал мне записку и заманил в сад! — вскричала Эстелла. — Зачем ты меня целовал, если я тебе не нужна? Зачем ты мучаешь меня? Я была на тебя зла, когда ты сбежал из госпиталя, бросил меня, и мы даже не поговорили. И сейчас ты делаешь то же самое. Почему ты сначала приходишь, а потом убегаешь? Что я тебе сделала, Данте? Зачем ты так со мной? — уронив лицо в ладони, Эстелла заплакала.

— Перестань, красавица, умоляю, не надо сантиментов, — голос Данте дрогнул, и Эстелла разрыдалась сильнее (уже специально).

— Ну нет, только не это! Не надо выть, прошу тебя, я не люблю слёз! — Данте попытался встать, но Эстелла повисла на его шее, лепеча:

— Нет, нет, не уходи... Ты мне нужен, Данте.

— Зачем?

— Потому что я тебя люблю.

— Мы это уже обсуждали. Между нами всё кончено, — прижимаясь к Данте, Эстелла чувствовала, как бешено колотится его сердце.

— Тогда зачем ты пришёл на бал?

— Не знаю...

— Не знаешь? А я знаю, — шепнула она ему в ухо. — Ты хотел увидеть меня.

Он молча кивнул, закрывая глаза. И уже не пытался уйти.

— Я люблю тебя, Данте. А ты любишь меня. Наша любовь жива, как и прежде. Зачем нам расставаться?

— Это невозможно, невозможно... — пробормотал он, отпихивая Эстеллу и хватаясь

руками за голову.

— Почему? — Эстелла едва не рыкнула от гнева. Ей захотелось Данте побить. Ну что за человек? Чего ради он над ней издевается, может, мстит за те слова, что она ему наговорила?

— Мы с тобой расстались, потому что Маурисио мне угрожал, что убьёт тебя, — напомнила Эстелла осторожно. — Но сейчас он изменился, стал мягче. Давай убежим, только ты и я, вдвоём...

— Нет, — отрезал Данте. — Я не собираюсь никуда бежать, тем более с тобой.

— Данте, миленький, объясни, что происходит, — умоляюще прошептала Эстелла. — Я думала, мы помирились, когда ты пришёл в госпиталь. Ты спас мне жизнь, а теперь ты хочешь её забрать. Я не могу жить без тебя. Мы оба не можем друг без друга и ты это знаешь, и я это знаю.

Он глянул на неё как-то болезненно.

— Того Данте, которого ты любила, его больше нет, — взор Данте стал жёстким. — А тот, что есть сейчас, если ты узнаешь его ближе, ты его возненавидишь. А я этого не хочу. Я не хочу видеть в твоих глазах ненависть.

— Не говори так, я тебя люблю, ты самое дорогое, что у меня есть. Я не могу тебя ненавидеть. Что случилось, Данте? Ты сделал что-то дурное, да? Миленький, расскажи мне, мы вместе со всем справимся.

— Ты правда хочешь это знать? — он сузил глаза, и они превратились в две злые чёрные полосы.

— Да, хочу! Я хочу знать что происходит. Я хочу тебе помочь.

— Мне ничем уже не поможешь. Я убийца, — сказал он.

Наступила пауза.

— Что?

— Я убийца, я убил несколько человек, включая Каролину Ортега, мою приёмную мать. А потом вырезал у неё сердце и сварил из него то зелье, что спасло жизнь тебе и всему городу, — добил Данте сурово. — Ну, что скажешь? Ты ещё хочешь быть со мной? Любить меня, целовать меня, а, красавица?

Глаза его блеснули как два стальных ножа, и Эстеллу вдруг обуял страх. Страх животный. Он безумен. Это не тот Данте, которого она любила. Даже если эти убийства — плод его фантазии, от этого не легче.

— Что, испугалась? — выплюнул Данте в ответ на её молчание. — Да, я чудовище! Я могу сделать всё, что угодно. Могу убить и тебя, если приспичит, — и Данте захохотал грубо, зловеще. — Ну что ты молчишь, красавица? — схватив Эстеллу за плечи, он потряс её. — Отвечай! Ты ещё хочешь быть со мной? Со мной, с таким, какой я сейчас, а не с тем, что уже не вернётся никогда!

— Нет! — крикнула Эстелла громко и отпихнула его — Данте ударился спиной о дерево, а она вскочила на ноги. — Ты не тот Данте, который мне нужен. Я любила другого мужчину, ласкового, заботливого, смелого, у которого в порядке с головой. А ты... ты не в себе, ты другой человек! Ты безумен и несёшь бред! Ты спрашиваешь хочу ли я любить умалишённого? Нет, не хочу!

И она побежала прочь. Подальше. Подальше от него!

Данте упал ничком на землю, обхватив голову руками, и даже не попытался Эстеллу удержать.

Когда Эстелла добралась до замка Рейес, начался ливень. Он пошёл стеной, — собственные руки нельзя было увидеть, не поднеся их к носу. Эстелла угодила под самое начало дождя, и, как он хлынул, она наблюдала лишь краем глаза, скрываясь в парадной.

В замке стояла тишина. Маурисио, наверное, уже спит. И, интересно, вернулась ли Мисолина с бала? Хотя нет, неинтересно. Чтоб её волки разорвали.

Эстелла была взвинчена донельзя. Она обиделась на Данте и разозлилась на себя за то, что побежала за ним. Её взбесило его странное поведение и дурацкие бредни про убийства. В конце концов, ему уже не шестнадцать лет. В двадцать три года пора вести себя как мужчина. Да, она любит Данте, но себя она тоже любит. Сколько можно с ним нянчиться, бегать, упрашивать, уговаривать его взять себя в руки? Не хочет быть нормальным, ну и чёрт с ним, она будет жить своей жизнью.

Алкоголь, выпитый на балу, ещё действовал на Эстеллу, поэтому она не могла трезво оценить поведение Данте. Ей казалось, что он над ней насмехается, кося под сумасшедшего. Но ведь она маркиза, а не безродная крестьянка, она не позволит над собой изгаляться.

Пройдя в гостиную, Эстелла зажгла канделябры и пригубила ещё три стакана бренди. В смеси с уже выпитыми пуншем и виски это дало чудовищный результат — мозг отключился окончательно.

Когда в три часа ночи распахнулась парадная и в неё вошёл Маурисио, стряхивая капли дождя со шляпы, он увидел, что Эстелла стоит посреди гостиной.

— Ах, вот вы где, дорогая! Как хорошо, что вы уже дома, а то на улице жуткий ливень. Я поехал в дом алькальда искать вас, но попал под дождь. Пришлось сидеть там и пережидать непогоду, слушая бесполезные светские разговоры, — сообщил Маурисио радостно. — Стало быть, вы уехали раньше? А ваша сестра с вами? Её я тоже не нашёл.

— Понятия не имею, где эта дура, — фыркнула Эстелла и уставилась на него впритык.

— Вы очень красивы, — спохватился Маурисио, решив, что она ждёт комплиментов.

— А что же вы не появились на балу вовремя, как обещали?

— Ох, я так долго провозился с Матильде, с её багажом, который застрял где-то в пути. Его никак не могли довести. Потом я обсуждал дела с её мужем и забыл про время, — объяснил Маурисио, разглядывая супругу. При виде её декольте у него заблестели глаза.

— Понятно.

— А как прошёл бал, дорогая? Вам понравилось, было весело?

— Скука смертная, — Эстелла залпом осушила ещё стакан бренди. Взгляд её застыл, а в грудь кинжалом вонзилось желание отомстить. Отомстить Данте за всё, что он ей наговорил. Убрав стакан, Эстелла пошла на Маурисио, как бык на красную тряпку.

— Значит, вы считаете меня красивой, маркиз?

— Разумеется, Эстелла, вы прекрасны, вы само совершенство, я вам говорил это и ещё повторю сотни, тысячи раз.

— И я вам нравлюсь?

— Скажу вам больше, я вас люблю, — слова Маурисио звучали искренне, но на лице его отражалось недоумение — он не понимал к чему Эстелла клонит.

— Тогда пойдёмте наверх.

— Что?

— Пойдёмте в спальню. Я хочу, чтобы этой ночью вы меня любили.

Маурисио рот разинул, став похож на лягушку, ловящую муху.

— Вы... вы... да вы... Что с вами?

— Ничего. Просто я хочу ласки, — повела плечиком Эстелла. — В конце концов, вы мой муж и я вправе требовать исполнения вами супружеского долга. Или вы способны только болтать языком? Все мужчины одинаковые.

— Что значит «все»?

— Все и значит все. Не придирайтесь к словам. Так мы пойдём наверх? Да или нет?

Маурисио, не заставляя себя больше упрашивать, схватил Эстеллу на руки и потащил по лестнице. До него не дошло, что девушка пьяна и обижена на весь мир, и утром явно не обрадуется такому повороту.

Ночь прошла бурно. Эстелла получила удовольствие чисто физическое. Моральное — ни капли, но это уже не имело значения. Проснувшись она с головной болью. Обнажённая и в пустой кровати. Бирюзовая гора шёлка валялась на полу, а Маурисио и след простыл. Хотя он всегда так делал. Получив своё, уходил к себе, никогда не оставаясь до утра в её постели.

Эстелла помнила всё, что произошло, несмотря на количество выпитого. И поведение Данте, и то, что сама себя предложила Маурисио. Было стыдно, противно и больно. Она хотела сделать на зло Данте, но отомстила лишь себе, и теперь не могла даже в зеркало смотреться. Вчера она вела себя как Мисолина. И это уже второй раз, когда близость с Маурисио не вызвала в ней тошноты.

Когда без четверти десять маркиз вошёл в её спальню с завтраком на подносе, Эстелла была и раздражена, и польщена.

— Вот если бы вы всегда были таким любезным, как этой ночью... — она кокетливо взяла с подноса горсть винограда.

— Тогда что?

— Возможно, я смогла бы вас полюбить.

Зная двуличность Маурисио, Эстелла не верила, что он изменился. Но притворство — это лучше, чем насилие. Так что Эстелла сказала это с определённой целью: чтобы Маурисио продолжал притворяться. А маркиза эта фраза окрылила. Весь день он ухаживал за Эстеллой, крутясь возле неё, как бабочка у ароматного цветка.

Врождённому кокетству Эстеллы это льстило. Она — объект восхищения мужчин. Это они должны бегать за ней и умолять о любви, а не она. Воспоминание о том, как она вчера побежала за Данте, вызывало в Эстелле гнев и чувство унижения. С возрастом в ней проснулась гордость красивой женщины, замещающая подростковую романтичность. Это Данте, Данте должен за ней бегать, а она ещё подумает, нужен ли он ей со своими тараканами.

Оценив вчерашнюю ситуацию на трезвую голову, Эстелла поняла, что Данте болен. В ней горела и обида, и жалость, и любовь, и некий страх. Даже если он передумает и позовёт её обратно, она не уверена, что пойдёт. Связаться с ним, с таким, какой он сейчас, может либо дура, либо сумасшедшая. Эстелла не относилась к той, ни к другой категории. Да, она любила Данте всегда. Любит и сейчас. Но любит она мальчика, волшебством которого была очарована в двенадцать лет; любит храброго всадника, что спас её от грабителей; любит ласкового, самого красивого, самого родного человека, с которым лежала она под ночным небом и ела запечённые на костре груши. И никто не мог изгнать воспоминания о нём из её сердца. Она любила его как вымышленного героя книги, привязанность к которому не зависит от внешних факторов. А этот Данте, которого она видела вчера, это другой человек.

Два месяца минуло в одночасье. Наступил май, прохладный и ветреный. После эпидемии жизнь города вошла в спокойное русло, как и жизнь Эстеллы в замке Рейес.

Потянулись одинаково монотонные дни, наполненные мелкими заботами, что обычно ложились на плечи хозяйки дома: повздорить с прислугой из-за пересоленного рагу или оккупировать лавку торговца тканями в поисках новинок для пошива портьер или ночного чепчика.

Бытовуха, бытовуха, бытовуха. Каждый день одно и то же. Эстелла умирала от тоски, не зная куда приткнуться. Даже чтение книг ей наскучило. Романтическая часть её души не желала ныне взаимодействовать со своей хозяйкой, и все книги казались Эстелле невыносимо глупыми. С Матильде и её супругом она пересекалась лишь за совместными трапезами. Остальное время они не попадались ей на глаза. Как и Мисолина, которая повадилась ежедневно исчезать из дома.

Но конец осени принёс два неожиданных события, разбавив серые будни. Роксана и Алехандро Фрейтас объявили о свадьбе. И послали приглашение — изящный белоснежный конвертик с розовыми сердечками и серебряными надписями, что сухо уведомляли: «Уважаемые маркиз и маркиза Рейес, вы приглашены на бракосочетание сеньоры Роксаны Фонтанарес де Арнау, вдовы Гальярдо де Агилар, и сеньора Алехандро Фрейтаса, графа Медина, которое состоится 10 июня 1801 г. в эстансии «Ла Герра»».

Это стало для Эстеллы неприятным сюрпризом. Значит, через месяц её мать выйдет замуж. Как же так? Ведь алькальд ей сказал, что не женится на Роксане, и угодил в её сети. Эстелла не хотела идти на эту свадьбу, но приготовления к ней разбавили скуку, царившую в чопорном замке.

Второй сюрприз преподнёс Маурисио. Эстелла теперь проявляла к нему снисходительность, смешанную с долей симпатии и настороженности. Но он растопил лёд, когда однажды объявил: теперь у Эстеллы есть счёт в банке. На эти деньги она может осуществить свою мечту — открыть медицинский кабинет. Эстелла была озадачена, польщена и удивлена такой щедростью. Но, так как в профессии человеческого фельдшера она разочаровалась, решено было открыть кабинет ветеринарный.

На Бульваре Путешественников продавалось несколько лавочек, и Эстелла облюбовала одну из них. Это была разорившаяся кондитерская в самом центре бульвара. Эстелла ходила, ходила вокруг неё, всё больше влюбляясь в её расположение и представляя, как будет восседать внутри в чёрном платье с белоснежной манишкой и с лорнетом в руках. Эта мысль наполняла её гордостью. В конце концов, она сказала о лавочке Маурисио и они вдвоём отправились её смотреть.

От увиденного Эстелла пришла в восторг, и в тот же день сделка с продавцом была заключена.

И начался ремонт. Стены личного кабинета Эстеллы, где она могла отдохнуть, переодеться или поесть, отделали белым бархатом. Приёмная, где в ожидании своей очереди сидели пациенты, была обита розовым деревом и бамбуком и напоминала уютную террасу на какой-нибудь эстансии. Кабинет для осмотра отделали строже: стены из белого камня и чёрная мебель должны были настраивать на серьёзный лад всякого, сюда входящего. Снаружи бывшую кондитерскую обложили бело-сероватым мрамором и над дверью приколотили золочёную надпись: «Лечебница для домашних животных».

Эстелла была так счастлива, что буквально парила над землёй. Всюду бегала, напевала песенки, забыв обо всех неприятностях. Её мечта сбылась! Ей так нравился её кабинет, нравилось как он выглядит, и она не сразу сообразила, что окна его выходят прямоком на гостиницу «Маска». Окончательно это дошло Эстеллы, когда Сантана, что теперь

рекламировала её лечебницу всем знакомым, явилась к ней с новостями.

Денёк был ветреный. Деревья качались за окнами, и ветви их грозились разбить окно в кабинете осмотров. Только что Эстелла любезно распрощалась с клиенткой, перебинтовав лапку её кошке, и теперь сидела в кресле, потягивая чай и листая журнал.

С шумом распахнулась дверь. В неё влетела Сантана. Миновала приёмную и вихрем ворвалась в кабинет. Развязав ленты чепца под подбородком, плюхнулась в кресло. перевела дух.

— Что случилось, дорогая? — удивилась Эстелла, откладывая журнал.

Она давно заметила: с Сантаной что-то происходит. Ещё со времени бала-маскарада она то смеялась без причины, то грустила, то будто засыпала на ходу.

— Вообще у меня несколько новостей, — вздохнула Сантана, перебирая складки своей васильковой юбки.

— Ну так рассказывай, не тяни лошадь за хвост, — поторопила Эстелла.

— Ну, во-первых, ты знаешь, что твой Данте... ну ты же его помнишь, вот, он живёт тут, напротив, в «Маске».

— Угу, — кивнула Эстелла мрачно. — Ты его видела?

— Ну-у-у, как-то раз видела, когда была там по делу. Он такой, такой странный был, — стянув чепец в головы, Сантана бухнула его на колени.

Эстелла скрыла трепет под маской равнодушия. Ей удалось обмануть Сантану, но не своё сердце. Имя Данте ещё причиняло ей боль, вызывало дрожь и волнение.

— Мне сказали, что он чуть не умер от пневмонии, а теперь не разговаривает, как онемел.

— Кто сказал? — Эстелла проглотила комок в горле. В ночь маскарада она оставила Данте под проливным дождём, немудрено что он подхватил пневмонию. — Зачем ты ходила в «Маску», Санти? Что у тебя там за дела?

— Это ты уже перешла к другой новости, — хихикнула Сантана краснея. — Я хотела тебе рассказать уже давно, но боялась твоей реакции, потому что знаю, ты будешь против.

— Не поняла.

— Я встречаюсь с Клементе! — выпалила Сантана.

— ЧТО?

— Ага, — она покраснела сильнее. — О Данте он мне и рассказал. Он тоже сейчас живёт в «Маске». Они переехали в город вместе с отцом, когда узнали о смерти их матери. Она умерла в Жёлтом доме, бедняжка, представь себе.

Эстелла побелела. Каролина умерла... Данте ей об этом говорил, но он сказал, что сам её убил. Неужели это правда?

— А от чего она умерла?

— Ну-у-у, вроде как у неё сердце остановилось, — пояснила Сантана. — Она же того, свихнулась, ей мерещилось, что это Клементе виноват в смерти его брата-близнеца Энрике, который утонул в реке ещё в детстве. Короче, Клем и его отец отправили её в Жёлтый дом, а там её пичкали лекарствами, вот, видимо, сердце и не выдержало.

Эстелла налила себе воды из графина, выпила её залпом и перевела дух. Значит, об убийстве речи нет. Значит, всё это плод больного воображения Данте.

— Но, Санти, когда ты успела? Где ты встретила Клементе?

— Это было на маскараде, — улыбнулась Сантана. — Помнишь, я танцевала с мужчиной в костюме пирата?

— Ну да, помню.

— Так вот, когда в полночь все сняли маски, это оказался Клементе. Мы и до этого с ним хорошо общались, а как узнали друг друга на балу, уже и не расстаёмся, — и Сантана прикрыла лицо пёстрым веером, напоминающим бабочку-павлиноглазку.

— Но, Санти, не ты ли мне говорила, что не любишь мужчин, а любишь девушек? — искренне изумилась Эстелла.

— Ну да, говорила, было дело. Я тогда так и думала. А потом, помнишь, я тебе говорила, что Клем — единственный мужчина, который вызывает у меня симпатию?

— Угу. И между вами уже что-то было?

— Ну да, — Сантана окончательно превратилась в томат.

— И как далеко всё зашло? — любопытничала Эстелла.

— Ну... мы целовались... и не только, — Сантана спрятала пылающее лицо в ладонях, а затем расхохоталась. — Ах, подружка, я, кажется, влюбилась!

— Да ладно? — Эстелла ушам своим не верила. — Ты хочешь сказать, что тебе понравилось с мужчиной?

— Ага. Получается, ты была права, когда говорила, что я не люблю мужчин, потому что ещё не встретила своего человека. А теперь вот встретила.

— Санти, но это уже не шутки, — серьёзно сказала Эстелла. — Ты же знаешь, что Клементе — мужчина с прошлым. И с не очень хорошим. Он вдовец, с ребёнком на руках, а ты ни разу не была замужем.

— Это я знаю.

— И ты знаешь, что его жена умерла во время родов, я тебе рассказывала эту историю, — Эстелле не давала покоя судьба Пии и она считала: именно Клементе виноват в её смерти. — Он убил свою жену, Санти.

— Нет, не говори так, — запротестовала Сантана.

— И раньше говорила, и сейчас буду говорить, — стояла на своём Эстелла. — Клементе убил Пию, это было осознанное решение, это был его выбор. Когда акушер спросил, кому сохранять жизнь: матери или ребёнку, Клементе подписал Пии смертный приговор. Понимаешь, он не считал её за человека, он поставил жизнь взрослой, красивой и неглупой женщины, уже состоявшейся как личность, ниже жизни ещё нерождённого ребёнка. И никто меня не убедит в обратном! — сверкнула глазами Эстелла. — Он угробил Пию, а она могла бы ещё жить да жить. А потом угробил и свою любовницу. Да, Лус умерла от чумы, но она заболела, когда вернулась из «Лас Бестиас» в город. Сбежала от этого дурака, потому что он ни в грош её не ставил. Он считает всех женщин вторым сортом. Санти, я не хочу, чтобы ты закончила также, как эти две женщины, пойми меня правильно, — подытожила Эстелла.

— Это всё глупость, — недоверчиво хмыкнула Сантана. — И не тебе, Эсти, читать мне мораль. Ты тоже натворила много чего со своим Данте. Я уже взрослая и сама решу с кем связать жизнь. А уж с характером Клементе я поборюсь. Если я увижу такие поползновения в свой адрес, он получит в глаз, — объявила Сантана. — Только пусть попробует проявить ко мне неуважение. В конце концов, во мне течёт не какая-нибудь плебейская кровь, мои родители были аристократы.

Эстелла поняла, что Сантану она не переубедит, и не стала спорить. Это её жизнь и у неё есть право совершать ошибки.

— Я боюсь только одного, — сказала Сантана, уже стоя в дверях. — Я боюсь, с Клемом произойдёт что-то плохое.

— Это ещё почему? — удивилась Эстелла.

— Тётя Амарилис не хочет, чтобы я выходила замуж. Не хочет от слова совсем.

— Но почему?

— Она говорит, что с любым мужчиной, который на мне женится, произойдёт несчастье. Помнишь Луиса? Он ведь умер прямо на свадьбе, ещё не успев стать моим мужем. А Ноэль Марвиля, сын Констансы Марвиля, с которым я встречалась три месяца назад, упал с крыши, когда полез туда прочищать трубу. Он остался жив, но хромает на одну ногу, представь себе. А Диего вообще убили, хотя я с ним и не встречалась. Поэтому я боюсь, что с Кlemente произойдёт нечто подобное, — Сантана тяжело вздохнула.

— Ну что ты, Санти, не накручивай себя, — подбодрила её Эстелла. — Всё это совпадения. Уверена, твоя тётка специально внушает тебе, что ты чёрная вдова, чтобы держать в своей власти. Знаешь, мне не нравится твой выбор, потому что я не могу простить Клему того, что он сделал с Пией, но это мои проблемы. Если ты считаешь, что этот человек — твоё счастье, борись за него. И наплюй на всех.

На прощание подруги обнялись, и Сантана ушла. Эстелла, стоя на пороге, смотрела, как Сантана пересекает улицу и исчезает за углом. Потом машинально взглянула на окна «Маски». Данте... Образ красивого гаучо в шляпе, что гарцевал на длинноногом Алмазе, невольно встал перед глазами. Сегодняшнего Данте Эстелла воспринимать отказывалась. У неё пошёл какой-то внутренний протест по отношению к человеку, которого она увидела в день маскарада. Она любит того, прежнего Данте, а этот чужой для неё. И точка.

===== Глава 41. Торжество ненависти =====

Но к вечеру Эстеллой овладела хандра. Всё чаще она смотрела на окна «Маски» угадывая, за которым из них Данте. Прижимаясь щекой к обручальному кольцу, она чувствовала его тепло, вспоминала голос Данте, его поцелуи, ночи, что они проводили вместе. Разве может кто-то сравниться с ним? Нет. Нет такого мужчины, которого она любила бы сильнее, чем Данте. Как бы она хотела его вернуть, её милого, родного мага! Неужели он так изменился? В тот день, на балу, она была пьяна и воспринимала ситуацию неадекватно. Как она может любить прежнего Данте и не любить нынешнего, ведь это один и тот же человек? Она сама себя накрутила. Надо ещё раз увидеть его, чтобы убедиться в справедливости или несправедливости своих выводов.

Еле дожив до пяти вечера, Эстелла выпроводила клиентку, что притащила лесного ёжика.

— Я нашла его у своих ворот, — посетовала дамочка, немолодая и богато разодетая в бархатное коричневое платье с огромным, уже вышедшим из моды кринолином. — Я не знаю что с ним делать. Должно быть, он заблудился.

— Поите его молоком, а, как подрастёт, отпустите в лес, — посоветовала Эстелла.

Накинув шаль и шляпку, она закрыла дверь в лечебницу, пересекла мостовую и вошла в «Маску». Сеньор Нестор был радушен как всегда. Предложив Эстелле чаю, он спросил, как она поживает. Но Эстелла и рта открыть не успела, как в дверях возникли Гаспар и Кlemente.

Гаспар выглядел заметно постаревшим, болезненным, с мешками под глазами — так на него повлияла смерть Каролины. Клем, хмурый, с опущенной головой, напоминал отслужившего свой век мула.

«Интересно, он влюблён в Сантану или просто развлекается с ней?» — мелькнула у Эстеллы мысль. Она вспомнила Данте в дни их первых свиданий — глаза у него сияли, как

рождественские огни. Клем же на влюблённого похож мало, хотя... любовь каждый чувствует по-своему.

Гаспар и Клементе при виде Эстеллы замерли.

— Эстелла! Какими судьбами? — воскликнул Гаспар. Он приблизился, пожал ей руку.

— Я... узнала, что вы здесь. Мне Сантана рассказала, и я пришла вас навестить, — сочинила на ходу Эстелла.

— А я думал, ты пришла к Данте, — съязвил Клементе.

— Между нами давно всё кончено.

— Это ты так считаешь, а вот Данте, похоже, этого так и не понял. Сантана же наверняка тебе рассказала, что он болен. Я даже подозреваю, кто в этом виноват. По-моему, у некоторых нет совести, — тон Клементе звучал хамовато-вызывающе, и Эстелле захотелось его пнуть. Он ничего не знает о её чувствах и не смеет её упрекать. На себя бы посмотрел!

— Не тебе меня судить и не тебе говорить о совести, — отрезала Эстелла высокомерно. — Я не забыла, как ты убил Пию, и учти, я буду за тобой следить. Только попробуй обидеть мою подругу.

Клементе пробухтел что-то невнятное. Гаспар утихомирил его, положив руку ему на плечо.

— Я хочу увидеть Данте, — сказала Эстелла.

Все троём забрались наверх. Гаспар и Клем пояснили, что живут на третьем этаже, а Данте на четвёртом, в номере 414. Тот самый номер, их любовное гнёздышко! Сердечко Эстеллы трепыхалось, как крылья горящего в пламени мотылька.

— А что случилось с Данте? — спросила она у Гаспара, когда Клементе покинул их на лестнице. Он был зол на Эстеллу, считая: это она виновата в недуге Данте, да и не хотел слушать обвинения в смерти Пии.

— Сначала у него была пневмония, — Гаспар поднялся на площадку четвёртого этажа, увлекая Эстеллу за собой. — Мы думали, что он умрёт. У него был страшный жар, кашель и он бредил, кричал как умалишённый. Сеньор Нестор сказал, что Данте подхватил болезнь в тот день, когда был жуткий ливень. Он пришёл весь мокрый и к утру слёг. Потом болезнь отступила, но Данте всё ещё не в себе, Эстелла. Он ни с кем не разговаривает. Лежит и смотрит в одну точку. Сидит и смотрит в одну точку. Не знаю что с ним делать, — Гаспар тяжело вздохнул. — Попробуй с ним поговорить. Может, у тебя что-то выйдет.

Они дошли до двери с номером 414, и Гаспар спустился вниз, чтобы не мешать. Эстелла повернула ручку.

Значит, Данте по-прежнему живёт здесь. У Эстеллы в груди защемило. Обстановка всё та же: диванчик, камин, синий ковёр с длинным ворсом. Данте в гостиной не было, и Эстелла прошла в спальню.

Он лежал в кровати лицом вниз. Волосы чёрными змеями струились по его обнажённой спине. Опустив одну руку, Данте водил пальцем по полу, рисуя на нём узоры. Коготь его, длинный, серебристый, мерцал, выпуская струйки света.

— Данте, — позвала Эстелла шёпотом.

Он не ответил и не повернулся. Коготь продолжал разрисовывать пол сияющим орнаментом, и Эстелла вспомнила их первую встречу. Одиноким мальчик с печальными сапфировыми глазами запал ей душу за секунду. Минувло одиннадцать лет. Столько всего произошло. Она испытала и огромное, как небеса, счастье, и глубокое, как океан, горе, но

любовь к тому мальчику, любовь с запахом мяты и роз, ещё живёт в ней.

— Данте...

Ноль реакции. Сев на кровать, Эстелла легонько потянула юношу за волосы. Бесполезно. Она придвинулась ещё ближе, погладила Данте по спине, по затылку — это действие всегда и безотказно сводило его с ума. Он шевельнулся. Подставил голову, выгибаясь как кот. Эстелла некоторое время перебирала мягкие волосы, пропуская их меж пальцев. И Данте вдруг прижался к ней, уложив голову на её ключицу, как делал маленький рыжий лисёнок по кличке Мио.

— Данте, ты меня узнаёшь? — спросила она осторожно.

— Эсте... — пробормотал он, тычась носом ей в шею. — Эсте...

— Я пришла, потому что Сантана мне сказала, что ты заболел, — объяснила она.

— Не уходи... не уходи... Ты мне нужна... пожалуйста... голоса... голоса, — рыча, Данте прижался лбом к эстеллиному плечу. — Не уходи...

— Данте, ну что ты ведёшь себя как ребёнок? Мы с тобой уже взрослые, нам не по шестнадцать лет, — Эстелла пыталась его как-то встряхнуть, может быть, и разозлить, но Данте мало осознавал реальность.

Он поднял на неё глаза — синие-синие и абсолютно неземные. В них мелькнула мука.

— Голоса... голоса... останься со мной, когда ты со мной, они уходят...

— Какие голоса, я не понимаю тебя, Данте?

— Останься со мной, ты мне нужна... — повторял он одно и то же.

— Для чего я тебе нужна, объясни мне? — взбеленилась Эстелла, припомнив его поведение на маскараде. — Два месяца назад, когда я, как идиотка, побежала за тобой, ты говорил другое. Ты меня прогнал, сказал, что не хочешь быть со мной. А теперь чего тебе надо? Ты хочешь, чтобы я с тобой нянчилась, спасая от каких-то голосов? Но мне надоели твои вопли, капризы, безумства. Я устала, Данте. За эти два месяца многое изменилось, я переосмыслила свою жизнь и сделала выводы, — голос Эстеллы зазвучал властно и безжалостно, как у человека, что вдруг познал истину, недоступную простым смертным. На лице Данте отразился испуг.

— Два месяца назад... я не помню, что было вчера, а ты хочешь, чтобы я помнил, что было два месяца назад, — шепнул он потирая виски. — У меня что-то с головой... Всё как в тумане. Не бросай меня, Эсте. Я знаю, что со мной тяжело, что я тебя замучил, но я тебя люблю.

Во взоре его мелькнула мольба, но Эстеллу это не отрезвило — в неё вдруг вселился маленький чёртик. Откуда он взялся, она сама не понимала, ведь она пришла не ссориться с Данте и не упрекать его, а убедиться в правильности своих выводов. Убедилась. Он правда не в себе, и у Эстеллы эта обманутая надежда вызвала гнев.

— Ну что за детство, в самом деле?! С головой у тебя что-то? Ты только сейчас это понял? Да ты с ней с рождения не дружишь, но раньше тебе это не мешало. Знаешь, Данте, ты не мужчина, ты сопливый мальчик. А мне нужен мужчина. Прекрати на меня смотреть, как побитая собака, меня это раздражает! Лучше бы я не приходила сюда.

— Эсте... я тебя люблю...

— Я тебя тоже любила, Данте, любила до безумия. Ты сам всё убил. Но я любила и люблю того Данте, который однажды спас меня от грабителей. Того, который носил меня на руках. С ним я чувствовала себя не просто счастливой, а сильной и защищённой. А сейчас ты другой. Ты хочешь, чтобы я с тобой нянчилась и спасала тебя от плодов твоего больного

воображения. Таким ты мне не нужен.

— Это не так, это неправда, — промямлил он ошарашенно. — Я всё такой же, всё тот же Данте, и я тебя люблю. Просто сейчас мне плохо...

— А мне по-твоему хорошо?

— Получается, что твоя любовь однобокая, — шепнул он сипло. — Ты любишь меня, когда со мной всё в порядке. Но в самый тяжёлый момент я остаюсь один, и уже не в первый раз.

— Понимай как знаешь, — пожала Эстелла плечами. — Я не статуя, я человек. Любому терпению приходит конец. Вот он пришёл и у меня. Тем более сейчас я иначе взглянула на Маурисио. Рядом с ним я чувствую себя женщиной. А рядом с тобой я чувствую себя нянькой маленького ребёнка. Улавливаешь разницу?

— Ты свободна, — еле слышно проговорил Данте.

— Что?

— Ты свободна, — повторил он безэмоционально. — Уходи и забудь сюда дорогу. Больше никогда не возвращайся.

После этих слов между ними выросла стена. Эстелла мигом ощутила холодность. Данте сидел на краю кровати, прямой как палка и с окаменевшим лицом. Эстелла разумом понимала, что ведёт себя жестоко и глупо. Данте и правда болен, и он в этом не виноват. Но усталость перекрыла и любовь, и даже жалость. Это было сродни тому чувству, что она испытала при виде умирающих чумных — желание сбежать, спрятаться, не видеть их, не слышать их, избавиться от них, как от надоедливой груза, что нарушает её покой.

И Эстелла развернулась и вышла из номера. Он даже не встал, чтобы её проводить. Что за хамство, она дама, в конце концов! Вне себя от возмущения Эстелла долбанула дверь. А Данте повалился на кровать. Уставился в потолок. Воздуха не осталось. Как и слёз. Глаза были сухи, будто в них натолкали песка. Вот и всё. Она ушла, хотя он умолял её остаться. Она ещё могла бы вытащить его из адского болота, куда он погружался всё глубже, не справляясь с собственным сознанием. Рядом с Эстеллой Данте ощущал себя живым. А она не слышала его. Ушла. Устала. В чём-то она права. Но своим уходом она подписала ему приговор.

— Твоя взяла, — шепнул Данте в никуда. — Ты победил, Салазар. Я больше не хочу видеть реальность этого мира. Никогда.

Сутки Данте пролежал в кровати, не реагируя ни на сердобольные попытки Гаспара привести его в чувства, ни на агрессивные вопли Клема, коего раздражало состояние Данте. Но у юноши не было ни слёз, ни эмоций, ни даже обиды — только желание, чтобы от него отстали. Он не ел, не спал и не разговаривал.

Но к вечеру следующего дня, когда Гаспар и Клем, сидя в холле, распивали глнтвейн с сеньором Нестором, Данте вдруг спустился по лестнице.

— Данте, тебе уже лучше? — заботливо поинтересовался Гаспар.

— Разумеется, — ответил Данте сквозь зубы. Антрацитовые глаза сверкнули, молниями рассекая воздух.

Клем с изумлением разглядывал шёлковую рубашку, сапоги из кожи змеи и длинный чёрный плащ на плечах Данте. Юноша напоминал сейчас фарфоровую куклу, красивую и мёртвую; с чуть влажных волос стекала вода.

— Данте, ты куда-то собрался? — полюбопытствовал Гаспар.

— Да. Пойду развлекаться, надоело сидеть взаперти, — объявил Данте, с наслаждением

созерцая всё растущее изумление на лицах. — Кстати, мы можем пойти и все втроём.

— Ох, это было бы замечательно! — обрадовался Гаспар, отодвигая пустую кружку из-под глинтвейна. — Я бы с удовольствием куда-нибудь пошёл, но я плохо знаю город.

— Ну так пойдёмте.

— Я вижу, тебе и правда лучше. Ты в своём репертуаре, — скривился Клем. — И куда же ты хочешь нас повести?

— Ну, можно пойти в казино, можно в кафешантан, можно в бордель, — Данте уставился на КLEMENTE. В глазах его мелькнули насмешка и холодная ярость. Клем тотчас отвернулся, сообразив, что болезнь Данте ушла в другую крайность. Но он по-прежнему не в себе.

— Нет-нет, только не в бордель! — запротестовал Гаспар, размахивая руками как крыльями.

— Дядя Гаспар, вот только не надо прикидываться святошей! — фыркнул Данте. — Все мужчины хоть раз в жизни посещали бордель.

— Я нет.

— Ну тогда вам надо идти в монастырь. Поражаюсь, как это вы сумели сделать Клема, если одно упоминание о борделе вызывает в вас ужас, — насмеялся Данте. Он прошёлся по холлу; хвост шёлкового плаща волочился следом за ним.

— Данте, не будь вульгарным, — оборвал его Гаспар. — Мы ведь с Клемом в трауре, так что давайте выберем заведение поприличней.

— А почему бы вам не пойти в театр? — посоветовал сеньор Нестор. Внимательно слушая беседу, он разглядывал Данте через лорнет.

— В театр?! — Данте, Гаспар и КLEMENTE переглянулись.

— Да, там нынче идёт модное представление в духе тех, что бывают в кафешантанах. Оно начинается часов в десять вечера. Сегодня вы ещё успеете, — сеньор Нестор потёр ручки. — О, я был недавно! Сходите, это стоит того, чудесное зрелище, красивые женщины в перьях танцуют, поют, качаются на качелях под самым потолком.

— А это прекрасная мысль, сеньор Нестор! — одобрил Гаспар. — Давайте пойдём в театр, я всегда мечтал там побывать.

КLEMENTE что-то недовольно пробубнил, но Данте встал на сторону Гаспара и сеньора Нестора.

— Если будет скучно, всегда можно уйти, — сказал он, и это решило дело.

Через час трое мужчин уже входили в театр — здание с облупившейся штукатуркой и каменными ангелочками над входом, что окружали Минерву — древнеримскую покровительницу искусств.

Они купили билеты в центральную боковую ложу, откуда сцена была видна превосходно. Представление началось с задержкой в пятнадцать минут. Клема это взбесило так, что он хотел встать и уйти.

— Может, ты уймёшься? — одёрнул его Данте. — Мы пришли развлекаться, а не портить друг другу настроение. Чего ты такой нервный?

— Да потому что меня это всё достало! Ненавижу эту проклятую жизнь, так и хочется удавиться! — в сердцах выпалил Клем.

— С чего это вдруг? — скривился Данте. — У тебя вроде как новая любовь с этой, как её, Сантаной, подружкой моей бывшей черноглазой красавицы.

Клем неопределённо махнул рукой, а Гаспар, разинув рот, осматривал внутреннее

убранство зала — красные бархатные кресла и бортики лож, украшенные золотой лепниной.

Наконец, прозвонил третий звонок и занавес открылся.

Безвкусные декорации мигом вызвали у Данте приступ тошноты. Его врождённое чувство эстетики часто страдало от подобного. Задник был красный, пол малиновый, а девицы в ядовито-розовых корсетах и золотых панталонах наводнили всю сцену. К панталонам, в область копчика, были пришиты перья; как хвосты райских птиц, они покачивались в такт музыке.

Толстая девица с одутловатым и ярко разукрашенным лицом начала петь, остальные танцевали вокруг неё, помахивая «хвостами» и выпячивая груди.

Гаспар сидел с выпученными глазами до самого антракта. Клементе крутился, цокал, ёрзал, порываясь уйти, и Данте хотелось его пнуть. Хотя ему тоже было скучно, и он периодически зевал. Лучше бы они пошли в бордель. Когда до антракта оставалось минут пятнадцать, Данте заметил: Клем притих и вперился в сцену. Данте уставился туда. Всё те же девки, теперь в жёлтых костюмах и с искусственными цветами в волосах. Они кружились, выделявая незамысловатые па, а над их головами, на длинных веревках с привязанной к ним доской, парила певица. Одета в чёрный корсет и малиновые панталоны, она раскачивалась на качелях и скрипела что-то низковатым голосом. Иногда не попадала в такт и выкрикивала слова скороговоркой. Слух Данте сии звуки не воспринял, ему захотелось уши заткнуть пальцами, но наличие рядом людей удержало его от такой выходки. Петь этой мадам противопоказано, лучше бы она не позорилась. Кто ей вообще внушил, что она умеет петь? Небось любовница какого-нибудь богача. Все эти актриски-певички — те же самые потаскушки, хоть и чванятся тем, что они не из борделя. Но именно эта безголосая девка и привлекла внимание Клементе.

Данте засёк, что щёки Клема пылают. Снова перевёл взгляд на девицу на качелях. Яркая каштановая кудри, боевая раскраска на лице, большая грудь. Данте в бинокль изучил её физиономию. И тут у него тоже раскрылся рот. Это была Лус. Но ведь она умерла от чумы! Убрав бинокль, Данте зажмурился. Может, просто похожа? Бывают же похожие внешне люди. Данте протёр бинокль плащом и вновь направил на девицу. Это по-прежнему была Лус. Может, ему это мерещится? На всякий случай Данте поправил изумрудный перстень на пальце. Но Лус не исчезала.

— Ты видишь то же, что и я? — подал голос Клементе.

— В смысле? — изобразил удивление Данте.

— Это же Лус!

— Я уж решил, что я один это вижу, — облегчённо признался Данте. — Но ведь она умерла. Может, эта девка просто на неё похожа? Тем более в гриме, да издалека.

— Надо посмотреть на неё вблизи, — решил Клементе. — Когда начнётся антракт, мы пойдём за кулисы. Я не успокоюсь, пока с ней не поговорю.

Ждать долго не пришлось. После того, как эта партия артисток удалилась за кулисы, объявили антракт.

— Дядя Гаспар, мы с Клемом пойдём проветримся, не хотите с нами? — сказал Данте, игнорируя косые взгляды Клема.

— Нет, спасибо, — у Гаспара было какое-то виновато-ошарашенное выражение на лице. — Я посижу тут.

— Только не говорите, отец, что вам понравилась эта белиберда, — брезгливо фыркнул Клем.

— Яркое зрелище, но думаю, Каролина этого бы не одобрила, — грустно сказал Гаспар.

Данте закатил глаза, вдруг представив, что было бы Гаспаром и Клемом, если бы они узнали, что это он убил Каролину? И получил огромную долю садистского наслаждения. То ли ещё будет. Конечно, убивать ни Клема, ни Гаспара он не станет, но было бы неплохо, чтобы они ещё пострадали.

— Данте, пойдём на воздух, я умираю от жары, — Клементе нетерпеливо потянул его за рукав, и они вышли из ложи, продираясь сквозь зрителей.

Спустились в центральный холл и, уличив момент, когда никто не смотрит, нырнули в неприметную дверцу за лестницей.

Тут находилась куча девиц в одинаковых костюмах, одинаковом гриме и перьях. Пришлось в наглую подойти к ним и спросить про певицу, что качалась на качелях.

— Эту бездарность зовут Инес, — недовольно буркнула низкорослая актриска в оранжевом костюмчике. — Она, и те, кто был задействован в крайней перед антрактом сцене, в гримерке № 38. Это вон там, — ткнула она пальцем вдаль. — Идите прямо по коридору, потом направо и ещё раз направо.

Данте и Клементе поблагодарили собеседницу и, пройдя широкий коридор, заставленный мебелью и поломанными декорациями, дважды повернули направо. Остановились перед тремя дверьми с кривыми, выведенными белой краской номерками: № 36, № 37, № 38. И Клема вдруг обуяла робость.

— Постучи ты, — сказал он.

Данте удержался от смешка и, предупреждая ударив кулаком в дверь № 38, сунул туда нос.

Это была тесная комнатуха, уставленная зеркальными туалетными столиками. Горы нарядов свалены в кучи на полу. Гримёрку заполняли девицы. Одни надевали костюмы и головные уборы, другие наносили на лица белила, третьи пудрили волосы.

— Мне нужна Инес! — громко крикнул Данте. — Пусть она выйдет. К ней поклонник, — и захлопнул дверь, чувствуя, что сейчас чихнёт от запаха пудры и дешёвых духов.

Пресловутая Инес долго ждать себя не заставила. Через минуту появилась в дверях и застыла, узнав посетителей. Данте и Клементе изучили её бледное лицо, красные губы, каштановые волосы, обильно намазанные чем-то блестящим и сладко пахнущим. На позолоченном костюме её в нескольких местах потёрлась парча, но это не мешало его хозяйке строить из себя королеву. Это и правда была Лус.

Первым очухался Данте.

— Вот значит как? — криво усмехнулся он. — Её все похоронили, а она жива-здорова, да ещё и возомнила себя актрисой. Ну и шельма!

— Не надо читать мне морали, красавчик! — оборвала его Лус. — Ты тоже далеко не святой.

Плотнее закрыв дверь за спиной, Лус подтолкнула мужчин в нишу у окна.

— Чего вам надо? Чего пришли-то?

— Увидели тебя из ложи, вот и пришли убедиться, ты или не ты, — пояснил Данте.

— Убедились?

— А то!

— Тогда проваливайтесь! Я вам ничем не обязана, чего хочу, то и делаю.

— Да мне-то вообще до фонаря, чего ты делаешь, как и где, — зубоскалил Данте. — Это

вот его прерогатива за тебя беспокоиться, — он ткнул пальцем в бледного как мел Клемента. — Только я не понимаю, как тебе, шлюха, удалось всех убедить в своей смерти?

— Да очень просто. Донья Нэла договорилась с одним санитаром в госпитале, и он накалякал письмо о том, что якобы я отдала концы. И донья Нэла всем и рассказала об этом. Кто проверять-то будет? Тогда столько народу поумирало, что всем уж было наплевать, где правда, а где враки. А на самом-то деле я сбежала с одним цыганом. Обожаю хороших любовников, знаешь ли. Он меня в театральную труппу и пристроил. Теперь я актриса! — важно объявила Лус, выпячивая грудь колесом.

— Ха, актриса! Шлюха была, шлюхой и осталась! — зло расхохотался Данте. Клем так и молчал, пребывая в глубоком потрясении. — Так, ладно, я пожалуй пойду, — решил Данте. — Разбирайтесь сами.

И он двинулся в обратную сторону. Сзади донеслись вопли:

— Как ты могла такое устроить? Я считал тебя мёртвой, а ты, дрянь, жива оказывается! — кричал Клемента во всё горло.

— Не ори на меня, чего хочу, то и делаю! Иди ты к чёрту! Достал, ей богу, привязался как репей!

— Я тебе этого никогда не прощу!

— Ну и прекрасно! Потрясающе! Не прощай! Проваливай!

Данте ускорил шаг, и крики затихли. Антракт уже закончился, но в ложу возвращаться ему не хотелось. В голову ворвалась жестокая идея — он может отомстить Клементе прямо сейчас. С помощью Лус.

Данте вовремя укрылся за колонной, заметив Клема. Тот не проговорил с Лус и пяти минут, ушёл следом за Данте, злой и весь красный. Видимо, они разругались в пух и прах. Данте проводил Клементе взглядом — тот отправился наверх, в ложу, где всё ещё сидел Гаспар.

Чуть подождав, Данте вернулся обратно к примерке № 38. Стучать не пришлось. Лус стояла в конце коридора у окна, распахнув его настежь, и курила.

Данте подошёл сзади, запустил руку ей в волосы. К ладони прилипли блески. Лус обернулась, встряхивая кудрями.

— Ах, это опять ты, красавчик? Чего тебе?

— Есть разговор.

— Только не говори, что запал на меня и хочешь любви, — хрипло засмеялась Лус, выпуская изо рта клубы дыма.

— Если бы мне нужна была любовь, я бы искал её в другом месте. Предпочитаю роскошных женщин, у которых волосы как шёлк и нет штукатурки на лице; от которых пахнет дорогим парфюмом, а не дешёвой гадостью, — Данте заглянул ей в глаза. — Но я вернулся, потому что у меня к тебе дело, Лус. Или Инес, как там тебя.

— Ну и что за дело?

— Я понял, что вы сильно разругались с Клемом, так?

— Ах, ты пришёл заступаться за этого дегенерата?! — взъярилась Лус, раздувая ноздри. — Тогда убирайся! Твой братец меня достал, покоя от него нет! Это из-за него я вынуждена была прикидываться мёртвой, потому что он преследовал меня со своей идиотской любовью. Хотя сам любить ни черта не умеет.

— Не горячись. Я не собираюсь за него заступаться. Мне всё равно, кто из вас прав, а кто виноват, — лукаво сказал Данте, сверкая улыбкой.

Лус-Инес усталилась на него с любопытством.

— Мне интересно, — продолжил Данте, — Клем бесит тебя настолько, что ты могла бы пойти, скажем, на небольшую сделку с дьяволом, то бишь со мной? — он зло рассмеялся. — Во имя мести.

— Мести?

— Да, я хочу ему отомстить и для этого мне нужна ты, — прямо выдавил Данте, глядя Лус по обнажённым плечам.

Она не отстранилась — Данте был хорош собой, ласков и пользовался успехом у женщин всегда.

— Да, твой братец попортил мне немало крови. Но я не понимаю, почему ты хочешь ему отомстить?

— Он причинил мне зло. Я никогда не прощу ни его, ни его семейку, — цепкие пальцы Данте потянули корсаж вниз, обнажая Лус всю грудь. Она послушно поддалась.

— Ты меня пугаешь, красавчик. Я, конечно, женщина рискованная, но я не хочу участвовать в преступлении.

— Преступлении? О, нет, дорогая моя потаскушка, я не собираюсь совершать преступлений. Я отомщу иначе, — прошипел Данте. Положил ладонь Лус на грудь и невольно вспомнил грудь другую. У Эстеллы она была меньше, но круглее.

— У меня красивая грудь, правда? — захихикала Лус.

— Я видел лучше. Предпочитаю форму, а не размер.

— А ты хам! Что, не можешь сделать комплимент женщине?

— Нет, я прямолинейный, говорю как есть.

— Так каков план?

— Слушай.

И Данте на ухо поведал Лус всё, что он придумал буквально десять минут назад. Параллельно с рассказом он продолжал трогать её за грудь. Лус тяжело дышала и, в конце концов, не выдержала. Обернулась и поцеловала его в губы. В ответ получила укус.

— Ай, ты, дурак, ты чего делаешь? Мне больно! — она прижала руку к окровавленному рту.

— Не смей никогда целовать меня в губы! — грубо процедил он.

— Почему это?

— С проститутками я не целуюсь. Это для избранных.

— Как хочешь, — хмыкнула Лус. Больше спорить не стала, и Данте хозяйским жестом запустил ей руку в штаны.

Гаспар и Клементе просидели в ложе до конца представления. Клем был зол и обижен, но упорно глядел на сцену в надежде, что Лус появится там снова. А Гаспар, которому наскучило однообразное зрелище, забеспокоился, куда это исчез Данте.

— Кто из вас Клементе Ортега? — в ложу вошёл юноша лет шестнадцати-восемнадцати, что в антракте разносил кофе. Сейчас в руках вместо подноса с кофе он держал букет маргариток.

— Это я, — ответил Клем.

— Это вам передала одна из актрис, — подмигнув, юноша всучил Клементе букет.

— Клем, что это такое? — удивился Гаспар.

— А я почём знаю? — огрызнулся Клементе краснея.

Он дождался, когда Гаспар отвернётся, и нащупал в букете записку:

«Жду тебя после представления в гримёрке № 38. Лус».

До конца спектакля Клем сидел как на иголках. Лус на сцене так больше и не появилась. После финального поклона отец с сыном спустились в холл.

— Мы не можем уйти без Данте, — сказал Гаспар, протискиваясь сквозь толпу усталых и голодных зрителей. — Надо его найти.

— Тогда давайте разделимся, — воспользовался моментом Клем. — Вы пойдёте налево, а я направо.

Гаспар идею одобрил. Чтобы не потерять ещё и друг друга, они условились встретиться у входа через полчаса. И КLEMENTE ринулся вперёд по уже знакомому пути. В коридоре было темно, в соседних гримёрках раздавались голоса. КLEMENTE постучал в комнату № 38. Никто не ответил. Он постучал снова и повернул ручку...

В гримёрке находились только два человека: Данте и Лус. Копна волос закрывала обнажённую спину юноши. Лус перебирала его локоны пальцами, сидя на туалетном столике и обвивая бёдра Данте ногами. Он покусывал её в шею, и она хихикала, блаженно закатывая глаза. Любовнички увидели КLEMENTE в зеркало, что находилось у Лус за спиной.

— А, это ты, заходи! Не хочешь присоединиться к нам? — нагло спросила девица.

Данте неспешно выпустил её из объятий и, ухмыляясь, стал одеваться.

— Да ты... да вы... — КLEMENTE был в таком бешенстве, что растерял все слова. — Да ты шлюха! Ты ещё хуже, чем я думал!

— А кто-то говорил, будто любит меня, — глумилась Лус. Всё также сидя голышом на туалетном столике, она и не старалась прикрыться. Напротив, выпятила грудь и закурила сигарету. — Тебе нравится, моя грудь, мальчик? Вот Данте сказал, что видел лучше. А я обиделась. Разве бывает лучше? — издевалась она.

— Бывает. У тебя большая, но формой не очень, — объявил Данте весело. Он уже был полностью одет и застёгивал кружевные манжеты на рубашке.

А Клем едва не лопался от ярости. Да как они смеют вот так, в открытую, над ним насмехаться?

— Я знаю, что ты шлюха и тебе всё равно с кем, но... с моим... с моим братом... А ты? — обрушился он на Данте. — Как ты мог? Ты же знаешь, я её люблю.

— И что? — Данте и глазом не моргнул. — Она проститутка и спит со всеми.

— Минуточку, я уже не проститутка, — вмешалась Лус. — Теперь я актриса.

— Ты ведь знаешь, что я её люблю, — повторил КLEMENTE, сжимая кулаки и готовясь настучать Данте по лицу.

— Ух, ты, бедняжка Клем, приревновал шлюху и размахивает кулачками! Я сейчас заплачу от жалости! — притворно гнусавил Данте, наслаждаясь гневом КLEMENTE.

Лус ела красное яблоко, барабая пятками по столику.

— Да ты... ты, тварь, я тебя сейчас убью! Не смей надо мной ржать! — КLEMENTE ринулся в бой. Стукнул Данте по груди, но тут же отлетел к стене, впечатавшись в неё лопатками. Из когтей Данте вырывался синеватый дымок. Лус чуть яблоком не подавилась.

— Не смей размахивать своими ручонками, а то останешься без них, — прошипел Данте сквозь зубы. — Кто-то забыл, что я маг? Так я напому. Я не просто маг, а маг чёрный. Я могу сделать из тебя кровавую лужицу, дорогой мой бывший братик. Так что не нарывайся.

— Ты... ты... я тебя ненавижу! — выплюнул КLEMENTE. — Я тебя никогда не прощу!

— Ой, как я расстроился, сил нет! — гомерически расхохотался Данте, чуть не наступив на плащ. С волос его посыпались огненные искры. — Бедняжка Клем не простит меня за то,

что я позарился на его шлюху! Я сейчас буду биться в истерике! А-ха-ха-ха-ха! Да не прощай. Можешь удавиться. Только не забудь спросить себя, почему я это сделал. Почему я выбрал именно её и почему я захотел, чтобы ты это увидел. Да, задай себе этот вопрос.

— Ты ненормальный, ты болен! Напрасно тебя выпустили из Жёлтого дома! — выкрикнул Клементе.

В антрацитовых глазах Данте-Салазара не стало зрачков. Он подошёл к Клему и вlepил тому пощёчину.

— Я тебя ненавижу, Клементе Ортега. Ненавижу всей душой! Я никогда не прощу тебе и твоей семейке того, что вы сделали со мной!

— Чего ты несёшь? Это ты сломал нам всю жизнь! Будь проклят тот день, когда ты появился в нашем доме! А мы ни в чём перед тобой не виноваты! Мы приветили тебя как родного, а ты вон чего вытворяешь! — Клементе задыхался от отчаяния и бешенства. Ему хотелось стукнуть Данте ещё раз, но его сверкающие когти и волосы вид имели устрашающий.

— Ни в чём не виноваты, говоришь? А ты не помнишь, как ты стоял и смотрел, как меня, точно животное, запихивают в телегу и отвозят в ад? Ты был в Жёлтом доме? Нет, поэтому тебе кажется, что там хорошо и весело. Наверное, ты не знаешь, что меня год держали на цепи, как собаку? Но я рад, что твоя мамаша закончила там свои жалкие деньки. А ты... знаешь, зачем я это сделал? Зачем я польстился на эту грязную шлюху Лус, Инес или как там её? Я хотел, чтобы тебе было больно, так же, как мне тогда. Чтобы ты на своей жалкой шкурке почувствовал, что такое предательство близких людей. Стори в аду, сука! — пихнув ногой стену и рыча как зверь, Данте выскочил в коридор. Плащ засвистел за его спиной.

В груди злоба боролась с ликованием. Да, месть вышла импровизированной, мало продуманной, но зато он испытал наслаждение при виде физиономии Клементе. Лус же не пробудила в нём ни малейшего чувства. В тот момент, когда он сделал её своей, им руководили ненависть и жажда мести. С Эстеллой не сравнится ни одна женщина. Хотя она его бросила. Вернее бросила она Данте, от нытья которого устала. Но Салазар-то знает как свести её с ума, чтобы она растаяла, точно воск на открытом огне.

===== Глава 42. Ла Герра =====

Месяц пролетел незаметно, и как-то утром Эстелла обнаружила: наступило 10 июня — день, указанный в приглашении, как день свадьбы Роксаны и Алехандро Фрейтаса.

Венчание было назначено на пять вечера в загородном доме алькальда — эстансии «Ла Герра». Также свадебную программу входили: барбекю, прогулка на лошадях и три бала — праздник планировали растянуть на три дня.

Эстелла не хотела идти на свадьбу и видеть мамашу, а ещё была разочарована в Алехандро Фрейтасе, который самолично заверял её, что не поддастся на уловки Роксаны. И поддался. Все мужчины одинаковы. Вечно они влюбляются в змей.

С одиннадцати утра Эстелла занималась выбором платьев, ибо наряды должны были уехать раньше их хозяев. И Эстелла торопилась свой багаж упаковать. В общей сложности платьев у неё вышло семь. Платье для венчания — из нежно-розовых атласа и органди, с завышенной талией, лёгкое, воздушное, оно превращало Эстеллу в облачко сладкой ваты. Платье для бала на первый день — цвета заката, с острым вырезом и пышной шёлковой юбкой, усыпанное рубинами и гранатами. Платье для прогулки на лошадях — фиолетовое в белую полосочку, двухслойное, сшитое на манер амазонки; верхний слой его а-ля редингот,

делал и без того тонкую талию Эстеллы кукольной. Платье для бала второго дня Эстелла предпочла изумрудное, бархатное, украшенное сеточкой. Оно закрывало грудь, но обнажало всю спину. Платье для выездного барбекю на третий день — сине-чёрное, с кожей и эполетами, напоминало офицерский мундир. Ещё одно бальное платье для вечера третьего дня — нежно-голубое, всё в кружевах и рюшах, обращало Эстеллу в принцессу из старинной сказки. Седьмое платье — чёрное с длинным шлейфом и высоким воротником, строгое и очень элегантное, Эстелла взяла на случай непредвиденных обстоятельств. К каждому наряду ещё полагались аксессуары: шляпки, перчатки, шали, украшения, чулки и конечно же обувь, начиная от грубоватых дорожных сапожек и заканчивая невесомыми бальными туфельками. Ах, да, ещё не забыть взять нижнее белье: юбки, корсеты, панталоны, чепчики и, конечно, ночную рубашку.

Пока Эстелла складывала эту уйму вещей в сундуки и картонки, проклиная дурацкую свадьбу, а заодно и Чолу, что куда-то ушла с утра, дверь в спальню распахнулась. Эстелла в зеркало увидела Сантану. Та стояла на пороге злая и зарёванная.

— Дорогая, что случилось? — Эстелла бросила на кровать изумрудно-зелёную шляпку.

Усадив подругу в кресло, она протянула ей стакан воды. Сантана, рыдая, пояснила: Клементе истрепал ей все нервы. Неделю назад она узнала, что он посещает бордель. А сегодня, когда пришла в «Маску», застучала его в кровати с какой-то девкой.

— Я бы ещё поняла, если бы она была красоткой, но она просто ужас, — всхлипывала Сантана, жадно глотая воду. — У неё волосы, представь себе, крашенные, такие неестественно-рыжие. И на лице полно штукатурки. Сразу видно, что она неприличная. Я не понимаю, как Клементе мог променять меня на эту... эту... эту... О, если бы ты её видела, Эсти! Она такая вульгарная!

Эстелла не удивилась. Этого следовало ожидать. Не зря она не поверила в их отношения. Не любит Клем Сантану и не любил никогда. Влюблённого человека выдают глаза, поведение, разговоры, жесты.

— А я из-за него разругалась с тётей Амарилис, — сетовала Сантана. — Она поняла что у меня есть тайна, и выследила, как я выхожу из «Маски». Пришлось признаться. Ох, как она орала! Она говорила, что Клементе бедный и неграмотный, и что он мне не пара. Да, это правда. Меня саму иногда смущает, что он, к примеру, не умеет вести себя за столом, одевается как крестьянин и вытирает нос рукой. Но всему можно научиться. Я бы его научила как себя вести, я уже была к этому готова и даже собиралась уйти из дома, чтобы не слушать воплей тёти. А Клементе вот так со мной обошёлся. За что? — и Сантана опять зарыдала, пряча лицо в ладонях.

Эстелла не знала что делать. Она злилась на Клементе, но утешать других людей не умела. Укорять не хочется, сыпать соль на раны тоже. А вдруг Сантана обидится? Поставив себя на её место, Эстелла решила: она убила бы всякого, кто полез бы читать ей мораль. Она бы предпочла наревестись в одиночестве. А Сантана, наверное, ищет сочувствия, которого у Эстеллы нет. Ну не жалостливая она по натуре, что поделаешь.

— Значит, ты пришла и увидела их прямо в кровати? — осторожно спросила Эстелла, ругая себя за любопытство.

— Ну да. Они там кувыркались вовсю. Они были голые и даже не смутились, когда я зашла, — вздохнула Сантана. — По-моему, Клементе было всё равно, он даже ничего не объяснил мне. А эта девка смеялась и тыкала в меня пальцем, обзывала лягушкой и богачкой, и он не заткнул ей рот. Он за меня не заступился. Просто сказал: «Зря ты пришла,

лучше иди отсюда».

Эстелла погладила Сантану по плечу. Про себя решила: после свадьбы Роксаны она пойдёт в «Маску» и устроит Клему взбучку. Вот скотина! Она же предупреждала его, чтобы он не смел издеваться над Сантаной.

— Санти, я всё забываю спросить. А дочь Клема, Адела, где она?

Сантана вытерла глаза кружевным платочком.

— Они оставили её в «Лас Бестиас». Отдали в семью кормилицы, которая её выкормила в младенчестве. Там куча детей и своих, и чужих, и она там и прижилась.

— Странные люди.

— Ну-у-у Клем сказал, что девчонка ему не нужна, а Гаспар не знает как с ней обращаться. Если бы она была мальчиком, это другое дело.

— Не хотела я этого говорить, Санти, но скажу, — подавляя ярость, выцедила Эстелла. — Я же тебя предупреждала. С Клементе лучше не связываться. Он никого не любит, кроме себя, и всем причиняет боль. Ради жизни этой Аделы он угробил Пию. Но Адела ему никогда не была нужна, он ведь посмертно обвинял Пию в том, что она родила не мальчика. Он идиот! — закончила Эстелла сурово.

— Я это всё знаю и знаю, что ты в чём-то права, — согласилась Сантана. — То, что Клем оставил дочь у кормилицы, меня покорило, но это и к лучшему. У меня ведь на него планы, и, если мы создадим семью, я не хочу воспитывать чужого ребёнка. Так что Адела волнует меня мало. Мне больно, что Клементе изменил мне с какой-то шлюхой. Я не знаю что делать. Наверное, я простила бы его, если бы он пришёл и извинился. Потому что я его люблю. Ты ведь сама знаешь, Эсти, как это бывает. Вспомни, как ты сходила с ума по своему Данте.

Эстелла промолчала, закусывая губы — имя Данте причиняло ей боль. После их встречи в «Маске» она пожалела о своём поступке. Ну что за дура? Данте было плохо, он умолял её остаться, а в ней разыгралась гордость. Но ведь она его любит, любит по-прежнему. Она бы всё отдала, чтобы Данте стал таким, как раньше. В приступе раскаяния Эстелла три раза навещала в «Маску», но Данте так и не встретила — по словам сеньора Нестора он уходил и приходил, когда ему заблагорассудится. Эстелла испытывала и сожаление, и облегчение, не зная как смотреть Данте в глаза. И её начало тянуть к Маурисио, тянуть физически. Душой она была к нему холодна, но, когда он приходил к ней по ночам, Эстелле было хорошо. Но ведь не любит же она Маурисио? Много раз задавала она себе этот вопрос, и ответ был один: нет, не любит. Но ей нравился сам момент их близости. Она ругала себя за это. Какой-то низменный инстинкт. Может, это из-за одиночества? Ей просто не хватает любви.

От размышлений Эстеллу оторвали жалобы Сантаны. Та сетовала, как она несчастна и по жизни ей не везёт. В кои-то веки влюбилась в мужчину и вот на тебе. Ну неужели она такая страшная, что никто не может её полюбить искренне?

— Никакая ты не страшная, Санти, а очень даже красивая, — заверила её Эстелла. — Просто Клементе любить не способен. Но я уверена, ты ещё встретишь достойного человека. Дорогая, тебе надо взбодриться. Ты не забыла, что сегодня свадьба моей мамыши? Ты уже приготовила наряды?

— Угу, они ещё часа два назад уехали в «Ла Герру», вместе с нарядами тёти Амарилис.

— Вот и здорово! Смотри, время час дня. Нам скоро уезжать, а то опоздаем на венчание. Давай-ка, Санти, иди в ванную и умойся. Ты же не поедешь на свадьбу с красными

глазами и распухшим носом.

Спустя час, подруги в сопровождении Маурисио, Матильде и её мужа Хосе Деметрио (он едва доставал ей до плеча и был лыс, что твоя коленка) покинули замок. Мисолина, которая три раза за эту неделю поцапалась с Матильде, поехала в одном экипаже с Бертой и сеньором Альдо. Эстеллу это обрадовало, хоть не придётся все три часа слушать её гадости.

Дорога Эстелле была знакома — когда-то они с Данте ездили по ней в «Лас Бестиас». Правда, «Ла Герра» располагалась в другом месте, но сердце Эстеллы трепетало: знакомые пейзажи, запахи, звуки... Дымок, что тянулся из труб эстансий, мычание, крик, кваканье. Данте... Когда-то они скакали здесь верхом и она вдыхала запах его волос, прижимаясь к его спине. И как же она могла отвернуться от него? Это же её Данте, её родной, любимый. Он подарил ей незабываемые мгновения. А сейчас ему нужна её поддержка, её любовь. Ну ничего, когда она вернётся со свадьбы, то пойдёт в «Маску». Скажет много «приятностей» Клементе и извинится перед Данте.

Сантана молча разглядывала свои шёлковые перчатки. Маурисио расположился на козлах рядом с кучером, а Матильде и её муж, сидящие напротив Сантаны и Эстеллы, вполголоса переговаривались. Эстелла не вслушивалась в их беседу. Глядя в окно, она трогала пальцем обручальное кольцо. То выпускало струйки дыма, незаметные для окружающих, но много значащие для Эстеллы. Кольцо живо, и любовь их с Данте жива.

Через три часа экипаж остановился у одноэтажного, длинного дома из красного камня. Плоская крыша-асотейя его была превращена в комнату отдыха — на ней стояли лежанки и кресла.

Дом окружал забор, резной и невысокий, а вокруг раскинулись пастбища. Зелёные-зелёные, они стремились в бесконечность залитого солнцем горизонта. Несколько деревянных хлипких домиков — жилища батраков, — а также конюшня и загоны для скота прятались за домом. Перед входом росли яблони, груши, сливы и вишни. Меж ними то тут, то там белели скамеечки, а садовые дорожки были выложены булыжником.

Сквозь кроны деревьев просматривалось и место для венчания. Пастбище, чуть на отшибе, было огорожено кадками с цветами. В центре выставили алтарь, а по бокам от него множество скамеек. Работа домашних слуг и батраков кипела вовсю: кто-то укреплял алтарь, кто-то устанавливал столы для еды, кто-то убирал мусор. Работники весело перекрикивались, ржали лошади и лаяли собаки, носящиеся без привязи, — два огромных бульдога.

— Боже мой, ужас какой-то! — с негодованием воскликнула Матильде. — Куда это мы попали? Я думала, тут цивилизация, а тут животные всюду. Смотрите, там вон коровы пасутся! — она ткнула пальцем вдаль, где паслись четыре пятнистых коровы. — У алькальда такой красивый особняк на Бульваре Конституции, можно было устроить свадьбу там. Зачем мы притащились в эту глушь, уму непостижимо?! Здесь же грязно!

— Не думаю, что невеста это оценит, — ухмыльнулся Хосе Деметрио, помогая дамам выбраться из экипажа.

Они спустились, и каблучки их утонули в мягкой траве.

— Боже мой! Да я испорчу тут все свои туфельки и платья! — возмущалась Матильде, обмахиваясь ажурным веером, напоминающим сеть паука.

— Здесь же воняет навозом, фи-и, — Сантана заткнула нос двумя пальцами. К удивлению Эстеллы она мигом вернулась к облику брезгливой аристократки, хотя недавно уверяла, что готова жить с Клементе хоть в конюшне.

— А мне тут нравится. Свежий воздух, травка, животные, что может быть лучше? — Эстелла захлопала в ладоши, когда мимо них прошествовало утиное семейство: мама-утка и орава утят. Она ощутила дух свободы, тот самый, что испытывала в дни пребывания в «Лас Бестиас». Дух вольной жизни, казалось, уже потерянный для неё навсегда. — Поглядите, какой вид! — Эстелла окинула взором бескрайние пастбища. — Тут можно бегать или скакать на лошади, вперёд, вперёд, вперёд! И никогда не найти конца. Летать как ветер!

— Фу-у-у, какой кошмар! — поморщилась Матильде. — Я всегда говорила Маурисио, что в вас врождённые плебейские замашки, дорогая невестушка. Немудрено, ведь ваш отец был каким-то крестьянином, если я не ошибаюсь. Какая гадость! Это надо же так неудачно породниться с простолюдинами, — и Матильде состроила скорбное лицо. Эстелле захотелось пнуть её и её мужа, чьё глупое хихиканье напоминало бляение овцы.

— Закройте рот и не смейте оскорблять моего отца! — выплюнула сквозь зубы Эстелла. Как же она ненавидит эту дрянь Матильде Рейес!

— Прощу вас, дамы, не надо ссор! — вмешался Маурисио. И вовремя, ибо Матильде уже замахнулась на Эстеллу веером. — Мы приехали на чужую свадьбу и не можем устраивать тут базар.

— Вы правы, маркиз, — кивнула Эстелла. — Но умоляю вас, велите своей сестрице меня не доставать. Если она ещё раз оскорбит меня или кого-то из моей семьи, я пну её ногой.

У Матильде ноздри раздувались от ярости, но взгляд Маурисио заставил её прикусить язык. Она молча окатила Эстеллу волной презрения. Та, скорчив в ответ рожу, взяла Маурисио под локоть, и все впятером, включая Сантану и Хосе Деметрио, направились к дому.

Дверь была открыта настежь. Два здоровенных негра в красных ливреях встречали гостей, кланяясь в пол.

Эстелла вертела головой, осматривая округу, и в глаза ей бросилась надпись у входа: «Эстансия «Ла Герра»».

«Войны между рассудком и сердцем, между душой и телом, что происходят глубоко внутри нас и невидимы вооруженным глазом, хуже любой смертоносной войны. Живите разумом и берегите сердца».

Эта надпись отразила всё, что горело у Эстеллы в душе. Война чувств и разума, война двух сердец — её и Данте, сердец любящих, но раненых. Война друг с другом и со всем миром за собственное счастье. Она началась одиннадцать лет назад, в день, когда волшебство юного синеглазого мальчика покорило её. И до сих пор не могут они вырваться из этой глупой, бессмысленной, беспощадной борьбы за любовь.

Эстелла взглянула на холодный, жёсткий профиль Маурисио. Нет, она его не любит. То, что она испытывала в моменты близости с ним — это реакция её тела, инстинкт, что просыпается от недостатка любви и ласки. Но это мизер, капля, одинокий цветок среди пустыни. Данте же дарил ей целый мир, мир бескрайний и удивительный, принадлежащий лишь им двоим.

«Прости меня, Данте, — подумала Эстелла. — Когда я вернусь в город, я приду к тебе. Приду насовсем. Я не могу без тебя. Мы не должны воевать друг с другом. Наша любовь жива, она есть, она бьётся в наших сердцах, и мы не имеем права её убивать».

Чернокожий лакей проводил всех в апартаменты: для женщин было выделено несколько комнат в правом крыле дома, для мужчин — в левом. Спальня — большая, светлая, с кучей

зеркал и кроватей, укрытых кисейными пологам, Эстелле понравилась. Да и в смежной комнатке находилась ванная.

Уже прибывший багаж был расставлен всюду, оставалось найти свой. Вместе с Эстеллой и Сантаной тут разместилось ещё с десятков девушек, и комнатка напоминала Пансион для Благородных девиц. Эстеллу порадовало, что соседки молодые, значит, не будет брюзжания (дамы иных возрастов поселились в других спальнях).

К пяти вечера подруги в нарядных платьях: Эстелла в нежно-розовом, а Сантана в апельсиновом, отправились к месту венчания. Горы цветов окружали алтарь, благоухая так, что темнело в глазах. Падре Антонио в белоснежном облачении уже стоял на месте, ожидая начала церемонии.

Эстелла и Сантана сели на одну из многочисленных лавочек. Гости всё тянулись и тянулись гурьбой. Поблизости бегали мальчики в полосатых костюмах пажей, напоминая малокровных эльфов. Они должны были тащить шлейф невесты и раскидывать лепестки. Обычно этим занимались девочки, но Роксана, ненавидя всех женщин от младенца до старухи, и предпочла мальчиков.

Из трёх сотен гостей знакомых лиц Эстелла насчитала не больше десятка. Некоторых она видела на маскараде. Это Члены совета Кабильдо, приближённые к алькальду, их жёны и дети.

А вон Амарилис, в тёмно-красном, как кровь, платье. Эстелле она улыбнулась, а Сантану не удостоила и кивком головы. Бабушка Берта и сеньор Альдо сели позади Эстеллы и Сантаны, а Маурисио, Мисолина и Хосе Деметрио — впереди, (Матильде с ними почему-то не было). И Эстелла вынуждена была слушать пыхтение Берты в одно ухо и возмущение Мисолины в другое. Берта боялась, что ей в туфли заползут жуки. Мисолина сетовала на убожество обстановки, уверяя, что на такой позорной свадьбе она впервые. Неужели маме не стыдно выходить замуж в таком месте? Зачем тащить в эту дыру всех гостей и священника, если можно было устроить свадьбу в храме Святой Аны или в особняке алькальда.

— Наверное, жених просто поскупился. Не стал тратить лишних денег на церемонию, решил, что и так сойдёт, — предположила Сантана.

— Ах, бедная мама! — закатывала глаза Мисолина. — Каково это выходить замуж среди коровьих лепёшек!

— А мне ведь наш алькальд виделся человеком умным да здравомыслящим, — добила бабушка Берта. Сегодня она, на зло Роксане и вопреки своему стремлению к ярким краскам, нарядилась в чёрное платье с перьями на воротнике. — Не понимаю, как можно жениться на этой мегере, да ещё и на старости лет? Где у него голова, не знай. Вот не зря я сегодня в трауре — пророчу, что у нас скоро будет новый алькальд. А эта змея опять станет изображать убитую горем вдовушку. В третий раз!

У Эстеллы эта болтовня вызывала раздражение. Она жалела, что сюда приехала. Всё равно мать её ненавидит, а смотреть, как она захватывает в свои сети новую жертву, не слишком увлекательно. Лучше бы она пошла в «Маску» и поговорила с Данте, чем слушать змеиные комментарии.

Нагрянул хор — около десяти человек плюс музыкант с органом. Затем пришли дедушка Лусиано и дядя Ламберто. Отвесив дамам поклоны и пожав руки мужчинам, они сели рядом с Амарилис.

Наконец, явился жених. Одетый в строгий чёрный фрак, с зализанными седыми волосами, он был элегантен и подтянут. Но у Эстеллы Алехандро Фрейтас теперь не вызывал

ни жалости, ни уважения.

— Невеста! Невеста едет! — выкрикнул один из мальчиков-пажей.

Они бросились Роксане на встречу. Лусиано поднялся со скамейки и отправился следом.

Роксана подъехала в открытой повозке, запряжённой белоснежными лошадьми и украшенной цветами. Хор затянул торжественный псалом, и вперёд выбежал мальчик лет пяти с корзинкой — он раскидывал лепестки. Следом за ним появились невеста и её посаженный отец.

Платье Роксаны было алым. Тончайший шёлк, усыпанный крупными алмазами, переливался на солнце, и, казалось, невеста объята языками пламени. Причёску Роксаны венчали бутоны роз, а в руках она держала белоснежный букет лилий. Шлейф её, длинный, тяжёлый, как мантия королевы, несли трое мальчиков. Лусиано горделиво подвёл дочь к алтарю. Несмотря на прибавившееся количество морщин на лице и поредевшие волосы, он выглядел моложаво. Алехандро и Роксана сели на колени у алтаря, а Лусиано поспешил на своё место рядом с Ламберто. И церемония началась.

Эстелле она показалась бесконечной. Священник долго и нудно читал свои описи, написанные на желтоватом пергаменте, и Эстелла зевала, слушая краем уха бред про «долг перед обществом и Богом». Не зная чем себя занять, она считала травинки под ногами. Из унылого безразличия её вывел вопрос падре Антонио:

— Роксана, пришли ли вы сюда добровольно и берёте ли вы в супруги Алехандро, чтобы возлюбить его в богатстве и бедности, во здравии и болезни, как учит Священное Писание, пока смерть не разлучит вас?

— Да, падре! — уверенно провозгласила Роксана. Голос её звучал твёрдо и с долей превосходства над окружающими.

— Алехандро, пришли ли вы сюда добровольно и берёте ли вы в супруги Роксану, чтобы возлюбить её в богатстве и бедности, во здравии и болезни, как учит Священное Писание, пока смерть не разлучит вас?

Эстелле показалось, что жених нарочно затянул драматическую паузу и не отвечает. Он добился того, что по рядам гостей пробежал удивлённый шёпот.

— Нет, падре. Я не могу жениться на этой женщине ни сейчас, ни когда-либо потом, — объявил Алехандро Фрейтас громко.

У невесты и у гостей, как по команде, открылись рты. А Эстелла едва сдержала смех. А алькальд-то не так глуп, как она думала. Вот так гусь!

Шёпот толпы перерос в шокированное: «Ох!». Эстелла не видела лиц жениха и невесты, но физиономия падре Антонио искажилась.

— Что вы такое несёте? — Роксана сейчас напоминала разбуженную кобру. — Вам мало, что вы заманили меня в это убогое место? Я должна была идти по ковровой дорожке, как сама королева! Я хотела, чтобы передо мной не только бросали лепестки, но и склоняли головы. Но вы мне и это запретили! Я вынуждена пачкать свой роскошный наряд и вместо пяти лошадей приезжать на трёх, как нищенка! Я пошла ради вас на такие жертвы, а вы ещё и позорите меня перед гостями? А ну-ка сию же минуту берите свои слова назад и немедленно женитесь на мне! — в приказном тоне велела Роксана, размахивая букетом.

Берта за спиной Эстеллы брезгливо фыркнула:

— Она неисправима! Ковровую дорожку ей подавай, в ноги ей кланяйся да лошадей пять ей надо, а не три. Ишь ты, нахалка! Лучше б она упала с этих лошадей да шею себе

свернула в своём шикарном платье, в котором я бы и поле пахать не стала. Не платье, а гадость!

Тут уж Эстелла в корне не согласилась с бабушкой — платье у Роксаны было красивое, Эстелла и сама бы такое надела. Бабушка явно говорит это на зло.

Алехандро Фрейтас, тем временем, встал на ноги. Роксана же сидела на коленях у алтаря.

— Мне жаль, Роксана, что я вынужден так поступить, но вы сами напросились, — грустно, но твёрдо молвил он. — Ваша настойчивость и желание доказать всем, что вы пуп земли, сыграли с вами злую шутку. Вы привыкли идти напролом, добиваясь цели, переступать через любого, но со мной вы ошиблись. Я прекрасно понял все ваши честолюбивые замыслы, но позволил вам потешить своё самолюбие, убедив, что поддался вашим чарам. Вы красивы, обольстительны, хоть жестоки и холодны, и, возможно, я поддался бы искушению, если бы не одно но. Я не могу на вас жениться, Роксана, ни сейчас, ни когда-либо позже. Не потому что не хочу, а потому что это невозможно. Это непреодолимые обстоятельства.

— И что же это за обстоятельства такие? — сквозь зубы выцедила Роксана. С багровым от ярости лицом она вскочила на ноги.

— Я бы тоже хотел узнать об этих обстоятельствах, сеньор Фрейтас, — добавил падре Антонио.

— Я всё объясню, — Алехандро прогулялся вдоль алтаря. — Роксана, мне кажется, вам лучше сесть.

— И не собираюсь! — отшвырнув букет, Роксана уставила руки в бока, напоминая взбесившегося тигра.

Эстелла наострила ушки — инцидент вывел её из серой меланхолии. Берта тихонько хихикала в платочек. Ну вот почему бабушка такая злая? Эстелла и сама не желала этого брака, но сочла, что алькальд поступил жестоко, отказываясь от свадьбы публично, перед всеми. Он просто унизил маму.

— Падре, — спросил Алехандро Фрейтас священника, — насколько мне известно, браки между кровными родственниками запрещены?

— Разумеется, — кивнул падре Антонио, — но всё зависит от степени родства. Вы можете жениться на родственнице, если не будет полного кровосмешения. Например, на кузине или на племяннице жениться можно, но на сестре или матери нельзя.

— Как и на дочери.

— На дочери тоже нельзя, — подтвердил падре.

— Это и есть причина, по которой я не могу жениться на вас, Роксана, — объявил Алехандро, заглядывая Роксане в лицо.

===== Глава 43. Как рушится мир =====

Гости, обалдев, зароптали, а карие глаза Роксаны налились кровью.

— ЧТО-О-О? Да что за бред вы городите?! — грудь её вздымалась от гнева и бессилия.

Мисолина махала веером. Берта ехидно улыбалась. Ламберто и Лусиано были спокойны, как сытые коты, а губы Амарилис расплзлись в ухмылке. И Роксана возмечтала отколотить всех, кто над ней потешался, особенно Берту и Амарилис. Со старой каргой всё ясно, омерзительней человека ещё поискать надо, но Амарилис... Какого чёрта она насмехается, ведь они подруги?!

— Это небред, Роксана, — сказал алькальд невозмутимо. — Я не знаю, в курсе ли

семья, которая вас вырастила, вашего истинного происхождения, но...

— Мы в курсе, сеньор, что мама взяла Роксану в приюте Святой Клотильды, — к Алехандро и Роксане подошёл Ламберто. — Мы с отцом всегда любили Роксану, как родную, и правду открыли недавно. Но мы ничего не знаем о её настоящих родителях, — закончил он печально.

Роксану буквально разрывало от ярости, обиды и желания настучать Ламберто по лицу. Какого дьявола он рассказывает всем, что она не аристократка?! Подонок! Он это специально! Он хочет испортить ей репутацию!

— Закройте рот! — выдавила она брату в лицо. — Не смейте такое говорить! Вокруг люди! Мне ещё не хватает, чтобы человек, который искалечил мне жизнь, докалечил её до конца, выставив меня на посмешище. Что вы никак не уймётесь? Вам мало того, что вы уже со мной сделали?

— О чём это вы? — искренне удивился Ламберто.

— И вы ещё смеете меня об этом спрашивать?! А не по вашей ли милости я оказалась в этой дыре, вынужденная влачить жалкое существование? Я могла бы стать вице-королевой, я родилась, чтобы мне целовали ноги и дарили бриллианты каждый час, а вместо этого я торчу здесь. И я должна ещё выслушивать бред от всяких недоличностей, — она скрипнула зубами на Алехандро Фрейтаса. — Я иду на крайние меры, выходя замуж за всяких идиотов, чтобы сохранить свой статус и своё имя, а вы вставляете мне палки в колёса. Это вы во всём виноваты! Вы! Вы! И только вы! Вы искалечили мне жизнь!

— По-моему, вы не в себе, — сделал вывод Ламберто и умолк, возвращаясь на своё место.

А Роксана обернулась к алькальду:

— А вы, жалкий слизняк, сию же секунду на мне женитесь! И мне плевать, есть у нас кровная связь или нет! Я должна стать первой дамой и точка! — она топнула ножкой в серебристой туфельке. — Ради этого я лягу в кровать с самым дьяволом, если надо будет!

— Вот дура сумасшедшая, — не удержалась Берта. — До чего ж людей доводит тщеславие и алчность.

— Какой скандал! — гнусавила Мисолина нараспев. — И с чего это нашей матери приспичило выходить замуж за противного алькальда, который не может жить без скандалов? О, боже, какой кошмар! Никто не думает обо мне. А я ведь выхожу замуж за вице-короля!

Эстелла, прыснув со смеху, обернулась и шепнула вполголоса:

— Ты уж определись, за кого ты хочешь замуж: за Маурисио или за вице-короля.

— Тебя это не касается, дура, завидуй молча! — огрызнулась Мисолина. — Тебя бесит, что все мужчины сходят от меня с ума и оспаривают друг у друга право на мне жениться. Я птица высокого полёта, а ты уродина и никому ты не нужна, даже Маурисио мечтает от тебя избавиться, он мне сам говорил.

Эстелла рассмеялась так, что Хосе Деметрио шикнул:

— Тс-с-с! Хотя бы вы ведите себя прилично! Ну и семейка!

— На свою бы поглядели! — не смолчала Эстелла.

— Перестаньте препираться, умоляю вас! — встрял Маурисио.

— Она бесится, потому что скоро я буду управлять вице-королевством! — добила всех Мисолина. — И как только я взойду на престол, я отправлю её на гильотину, как государственную преступницу.

Тут уже даже Маурисио не сдержался, захохотав в голос.

— Будет лучше, если ты закатаешь свои губёшки, вице-королева помойки! — Эстелла показала сестре язык.

— Я погляжу, как ты запоёшь, когда я подпишу указ о твоей казни, — вздёрнула нос Мисолина. А Берта вытирала глаза платочком — от смеха у неё потекли слёзы.

Алехандро Фрейтас, тем временем, усадив Роксану на скамейку, продолжил:

— Я хочу передо всеми извиниться, но свадьбы не будет, — обвёл он взглядом гостей, — потому что вы, Роксана, — моя родная дочь. Я узнал об этом недавно. Вернее, о том, что у меня есть дочь, я знал всегда, но где она и что с ней, не имел представления. Много лет я искал вас и судьба привела меня в этот город. Это была и моя вина тоже, Роксана, что младенцем вы оказались в приюте Святой Клотильды, — вздохнул мужчина, а Роксана только глазами хлопала, тайком сжимая кулаки.

— Мать вашу звали Аврора, она была очень красивой женщиной, такой же красивой, как и вы. Вы так похожи на свою мать, буквально одно лицо! Мы с ней очень любили друг друга, но Рора была простого происхождения, — на этих словах Роксана вздрогнула. Она до последнего надеялась, что Алехандро Фрейтас поведает, что её родители короли по меньшей мере. — Аврора была дочерью молочницы. Её семья — выходцы из крестьянской среды, что разбогатели благодаря своей деловой хватке. Они не были бедными, они держали молочную лавку, но моим родителям-аристократам важнее были титулы, происхождение, чем золото в банке. И когда они узнали о нашей любви, то закатили скандал. Отец отправил меня учиться в Европу, я не хотел уезжать, но он грозился лишить меня наследства. А для меня, семнадцатилетнего юнца, это было катастрофой тогда. И я уехал на несколько лет, а когда вернулся и попытался найти Аврору, узнал, что она умерла. Мне сказали, что её застрелили в лесу охотники, случайно. Якобы стреляли в зверя, а попали в неё. Но позже я узнал правду, которая повергла меня в ужас. Когда мой отец, ваш родной дед, умирал у меня на руках, он признался, что в день моего отъезда в Европу, он приказал своим людям похитить Аврору. А она уже была беременна. Они держали вашу мать взаперти, пока она не родила вас. А потом люди отца, несмотря на крики и протесты Роры, забрали вас и отнесли в приют. И когда она попыталась сбежать, чтобы вас найти, они её застрелили, — Алехандро глубоко вздохнул. — Отец клялся, что жалеет о своём поступке и просил меня, отыскать его внучку. Он хотел умереть со спокойной совестью, но я не простил его до сих пор. Как не могу простить и себя за то, что тогда испугался и уехал. Долгие годы я искал вас и, вот, нашёл. Простите, Роксана, что сегодня так поступил с вами, но я хотел преподать вам урок. Воспитывать вас уже поздно, время упущено, но вы должны понять, что не всё в жизни продаётся и покупается. А люди не игрушки, они не обязаны поклоняться вам по любому капризу. Вы не можете использовать людей в корыстных целях. Поймите это и примите, — закончив, алькальд перевёл дух.

На лицах людей читался шок. Роксана же пошла красными пятнами.

— Я вас ненавижу! — рыкнула она. — И плевать я хотела, кто вы: отец или чёрт из ада! Будьте вы прокляты! Если бы вы хотели наладить со мной отношения, стать настоящим отцом, вы бы так не поступили. Вы бы не довели дело до свадьбы! Вы — презренный червяк! — вскочив со скамейки, Роксана стянула с руки ажурную перчатку и запустила ею в алькальда. Попала в лицо. — Я никогда, слышите, никогда больше не хочу видеть вас! Вы меня унизили, меня, самую благовоспитанную женщину города! Да я почти святая, и люди это знают! — вопила Роксана, трясясь от злости и отчаянья.

И тут раздался смешок. Роксана резко обернулась и встретила глазами с Амарилис. Та буквально покатывалась, едва не падая на плечо к Ламберто, что сидел с ней рядом.

— Над чем это вы смеётесь, можно узнать? — ядовито процедила Роксана. — Что весёлого тут происходит? Скажите мне, может, я с вами посмеюсь? А я-то думала, вы мне подруга!

— Подруга? — Амарилис встала, поправляя кроваво-красное платье. — Да боже упаси дружить с таким чудовищем! Разве вы ещё не поняли, дорогая, что дружила я с вами ради собственной выгоды?

Роксана рот открыла.

— К-какой ещё выгоды?

— О, ваша семейка — настоящая кладёз сюрпризов и скелетов в шкафах! — Амарилис обогнула Роксану, волоча за собой шлейф. — Ваш бывший свёкр, например, тот ещё типчик, — Эстелла услышала, как за её спиной зашипела Берта. — Ваша свекровь, конечно, называла вас убийцей, имея ввиду смерть Бласа, но она была недалеко от истины, — продолжила Амарилис. — Думаю, вы заслужили носить почётное и гордое звание «Убийца!».

— Чего? Чего вы сказали? — топала ногами Роксана. Причёска её, украшенная бутончиками роз, съехала набекрень. — Я не убивала Бласа!

— Тут вы правы, дорогая, Бласа вы не убивали, — лицо Амарилис исказила кривая усмешка. — Но зато на вашей совести другое убийство. Разве вы не помните, дорогая, как двадцать лет назад сбросили с моста некую сеньориту?

Роксана аж посинела.

— Что за чушь?

— Нет, дорогая моя бывшая подружка, это не чушь! — победно заявила Амарилис. — Девушку звали Йоланда Риверо. Вам о чём-то говорит это имя? — она хищно улыбнулась, демонстрируя крупные, ровные зубы.

Тихий шёпот, плавающий по рядам гостей, умолк. Наступила гнетущая тишина. У Эстеллы по спине поползли мурашки. Йоланда Риверо... где она слышала это имя? Ах, да, это же мать Данте!

— Я никого не убивала! А если эта женщина сдохла, туда ей и дорога! — завизжала Роксана не своим голосом. — Эта женщина была убийцей! Она убила человека и сбежала из-под носа у жандармов. Йоланда Риверо — та ещё тварь! Она заслужила подохнуть, как собака!

— Ох, милая моя бывшая подружка, человека лицемерней вас надо ещё поискать, — хмыкнула Амарилис. — Даже сейчас, когда вас припёрли к стенке, вы сваливаете свою вину на других. Но теперь вы не выкрутитесь. Комедия окончена. Сегодня — день снятия масок. Это вы убили Йоланду Риверо. Вы договорились с некой особой, которая пообещала выманить Йоланду из её убежища и привести на городской мост, где вы её и поджидали. С револьвером в руках.

— С револьвером? Это неправда! — Роксана крикнула так, что птицы с соседнего дерева в испуге шарахнулись кто куда. — Я и стрелять-то не умею!

— И тем не менее, вы пришли на мост, где угрожали Йоланде Риверо револьвером, — холодно сказала Амарилис. — Вот этим, — и она, открыв сумочку, вынула револьвер. Потрясла им перед носом у Роксаны, затем прошла по кругу, демонстрируя его всем. Роксана оружие узнала. В день похорон Рубена она взяла этот револьвер из секретера в

особняке Альтанеро.

— Ой! — воскликнула Берта, прижимая пальцы к губам, когда Амарилис показала ей револьвер вблизи. — Это ж револьвер моего покойного мужа!

— Абсолютно верно, сеньора! — кивнула Амарилис. — Этот револьвер когда-то принадлежал Альсидесу Альтанеро. Именно из него Роксана пыталась убить сеньориту Риверо.

— Но я в неё не стреляла! Револьвер был не заряжен! — Роксана упиралась до последнего. Она была вне себя от бешенства. Как же она забыла о такой важной детали?! Тогда, много лет назад, столкнув Йоланду в воду, она оставила револьвер на мосту. И ни разу о нём не вспомнила. Но как револьвер оказался в руках Амарилис?

— Откуда у вас револьвер? — задыхаясь спросила Роксана. — Я-то считала вас подругой, а вы... вы... всё это время притворялись! Лицемерка! Где вы взяли револьвер?

— Не вам, дорогая моя, говорить о лицемерии, — закатив глаза, Амарилис щелчком распахнула веер и помахала им перед Роксаной, чем вызвала у неё едва ли не дым из ушей. — Что касается револьвера... Ох, это долгая история! — она рассмеялась. — Если вкратце, то револьвер мне отдала Клариса, та женщина, что помогла вам заманить Йоланду Риверо на мост, — и Амарилис обернулась к Ламберто, ощутив спиной его колкий взгляд. — Да, Ламберто, я уже вам говорила, точнее вы со своими расследованиями сами вынудили меня рассказать, что я хорошо знала Кларису, то есть Клаудию, вашу настоящую сестру. Именно Клаудия была той женщиной, что помогла Роксане убить Йоланду. Знаете, почему? Нет, она вовсе не желала причинять зло Йоланде, она лишь хотела отомстить вашей семейке. За то, что её бросили.

— О, я знаю, вы не виноваты, виновата Виситасьон, ваша мать, — Амарилис эффектным жестом забросила на локоть надоевший ей шлейф платья. — И, тем не менее, эта особа, — она снова повернулась к Роксане, — заняла место, которое ей не принадлежит. Клариса не думала, что всё зайдёт так далеко и что эта идиотка решится на убийство. Но, увы, вышло то, что вышло.

— Так значит, это правда? — спросил Ламберто хрипло. — Вы, вы, Роксана, убили Йоланду?

— Да! ДА! — выплюнула Роксана ему в лицо. — Я её убила! Я! И если бы можно было повернуть время назад, я бы убила её ещё раз! Я хотела застрелить эту мерзавку, взяла револьвер из дома, но он оказался не заряжен. И тогда я решила её задушить, — растрёпанная, красная от злости, ненависти и отчаянья, Роксана вся тряслась и едва не рычала, напоминая умалишённую. — Мы дрались, я хотела вырвать ей волосы, раскроить ей голову, чтобы у неё мозги вытекли наружу, но она взяла и навернулась в реку с моста. Она упала сама! И утонула. Так ей и надо! Я её ненавижу! Ненавижу не меньше, чем вас, и всех, всех, кто меня окружает. Вы все сломали мне жизнь! Из-за вас, Ламберто, и нашего папаши я вышла замуж за этого тупицу Бласа!

— Не смей так называть моего сына! — заверещала Берта, сжав в руках веер так, что он разломился напополам.

— Ещё как буду называть, — ответила Роксана грубо. — Он испортил мне жизнь, ваш треклятый сынок, как и ваш мерзкий муж, как и вы, старая карга! Как и мой папаша, и мой брат, который по дурости убил этого мерзкого крестьянина, вашего другого сына.

— Заткнись! Не смей оскорблять моих сыновей! — пыхтя, Берта встала с лавки. — И Хусто, и Блас — они были святые, а ты — убийца, и вся семейка твоя — сплошные

убийцы! — перемахнув через пару скамеек, Берта подскочила к Роксане и стукнула её по лицу.

Роксана в долгу не осталась — размахнулась и залепила ответную оплеуху.

— Ах, ты, дрянь! Убийца! — визгнула Берта, хватаясь за щёку.

— Старая дура! Радуйся, что тут много людей, а то бы я тебе мозги вышибла! Ты называешь меня убийцей? Чудненько! А твой бывший муж тогда кто? Вор, взяточник и убийца! Будешь отпираться, карга? Разве ты не в курсе, что это твой муженёк испортил подругу у Агат? Он хотел убить меня и не рассчитал, что мы с Бласом обменяемся лошадьми. А когда Блас умер, у вашего муженька и случился сердечный приступ. От осознания того, что он убил родного сына.

— Ложь! — Берта пошла красными и зелёными пятнами. Сеньор Альдо, стоя позади неё, удержал её от попытки вцепиться Роксане в физиономию.

— К сожалению, сеньора, это правда, — с притворной скорбью сообщила Амарилис. — Бедняжка Рокси, этот день должен был стать для вас счастливым, а станет самым ужасным, — она прищурила глаза; обычно красивого чайного цвета, сейчас они веяли льдами Антарктики. — Много лет сеньора Берта обвиняла вас в убийстве своего сыночка. Не знаю, подозревала ли она при этом, что его убил её покойный муж, или нет, но я могу вас поздравить, Роксана, и публично объявить: у меня есть доказательства того, что вы не убивали Бласа.

Лицо Роксаны слегка посветлело. У Эстеллы непроизвольно вырвался вздох облегчения. Значит, мать её всё-таки папу не убивала. Хотя на том спасибо. Ну Амарилис, ну лиса, никогда не угадаешь что у неё на уме!

— Какие ещё доказательства? — прохрипела Берта.

— О, сеньора, не отпирайтесь! — Амарилис растянула губы в ехидной улыбке. — Скажем, о махинациях вашего супруга я узнала из папочки, которую вы заныкали у себя в комнате.

— Ты шарила в моей комнате, мерзавка? — взбеленилась Берта, вырываясь из рук сеньора Альдо, который всё держал её за плечи.

— Нет, не я, а ваш сынок Эстебан. Он был со мной заодно и помогал мне искать доказательства. Он и Либертад. Эстебан хотел выяснить правду о своём покойном папашке. А Либертад мне помогала, потому что я пообещала кое в чём ей помочь. И слово я сдержала.

— Одни предатели кругом, — пробурчала Берта, надуваясь, как рыба-ёж. — Даже Либертад и та против меня, а я всегда к ней хорошо относилась.

— О, не злитесь на неё, сеньора. Страсть затмевает наш разум, — изогнула бровь Амарилис. — Она была так поглощена любовью к вашему сыну, что наплевала на остальное.

— И ты, конечно, этим воспользовалась, мерзопакость? — подбоченилась Берта. — Зачем ты влезла в нашу семью, ась? Чего тебе надо?

— Всё проще, чем вам кажется, сеньора, — Амарилис несколько не смущало откровенное презрение Берты. — Ваш покойный муженёк разворовал городской бюджет, а когда запахло жареным, он свалил растрату на моего брата Креспо Бернарди. Слыхали о таком? Конечно, слыхали. Это всё написано в тех самых бумагах, что вы прятали. А потом мой брат угодил под экипаж. О, я знала, что смерть его не была случайной! Я была уверена, что убил его Альсидес Альтанеро. У меня нюх на такие вещи, как у гончей. Я долго ждала случая, чтобы подобраться к вашей семейке. И я нашла способ внедриться к вам в доверие: подружилась с Роксаной.

— Ах, ты, дрянь! — хором воскликнули Роксана и Берта, впервые найдя общий язык.

— Да и дружба Эстеллы и Сантаны тоже сыграла мне на руку, — Амарилис, похоже, забавляла эта ситуация, напоминая пьесу на сцене театра. — А что касается гибели Бласа, то доказательств у меня предостаточно. Ещё до смерти Эстебана мы с ним побывали у нотариуса Роблеса, который заведовал делами вашего мужа. Конечно, без усилий не обошлось, но мы забрали из банковской ячейки ещё одну прелюбопытнейшую папочку. Махинации, просроченные векселя, операции с акциями и ценными бумагами, и среди них оказалось забавное письмо. Оно, кстати, адресовано вам, сеньора Берта. Ваш муж написал его перед смертью, но отдать так и не решился. И письмо, как и ключ от ячейки, остались у нотариуса.

— Что за письмо?

— В нём он раскаивается в том, что приказал конюху подпортить Роксане седло. Если вам интересно, я вам его отдам чуть позже. Но учтите — это улика. Также у меня есть свидетель, Кристиан — тот самый конюх.

— Кристиан... у нас был конюх с таким именем, — подтвердила Роксана.

— Он жив до сих пор, — Амарилис бросила дерзкий взгляд на белого как мел Ламберто. — Я его нашла и он рассказал мне эту историю. Она не дает ему покоя уже много лет. Он горький пьяница, спился на почве вины, когда узнал о гибели Бласа. Так вот, он поведал мне, что свёкр ваш, Роксана, дал ему три кошеля золота за то, что он ослабил вам седло. Альсидес Альтанеро хотел вас убить, он хотел, чтобы его сын остался богатым вдовцом и женился потом на ком-нибудь ещё, но судьба распорядилась иначе.

— Блас сам захотел поменяться лошадьми, — сказала Роксана. — Потому что моя лошадь была спокойной, а его брыкалась. И он пересел на Агат, но мы и двадцати минут не проехали, как он вывалился из седла. Седло просто съехало на бок, Блас запутался ногой в стремях и не смог остановить лошадь. Она протащила его головой прямо по булыжникам. Слышала, старая дура? — повернулась Роксана к Берте. — Что, съела? Не убивала я твоего никчёмного сына!

Берта, стоя как вкопанная, хлопала глазами. Альдо обмахивал её веером, который позаимствовал у Сантаны, так как Берта свой сломала в порыве злости.

— Я ж говорила, тётя Амарилис просто мегера, они с твоей мамашей стоят друг друга, — шепнула Сантана Эстелле на ухо.

Но та молчала. Ей был неприятен весь этот цирк. Поначалу она обрадовалась, что Алехандро Фрейтас задумал поставить Роксану на место, но чем дальше, тем более неожиданный оборот принимало дело, и Эстелле было не по себе, что алькальд, а затем и Амарилис обнародовали их семейные тайны. Падре Антонио под шумок ретировался, как и часть гостей. Но самые наглые, готовые запихать свои носы в любое болото, сплетники и сплетницы, не двигались с места, внимая каждому слову. И Эстелле захотелось выгнать всех вон. Хоть бы Алехандро Фрейтас догадался отправить гостей восвояси. Неужели он не понимает, как это всё ужасно? Зачем выносить на публику грязное бельё?

Но алькальд даже и не слушал перепалку между Роксаной, Бертой и Амарилис — отойдя в сторону, он беседовал с грузным господином в очках.

— Это именно то, чего я и боялась. Я не хотела, чтобы все об этом узнали, — плакалась Берта. — Это ж позор! Не хочу я, чтоб мои внуки знали, что их дед вор да убийца! — Берта трагически взглянула на Мисолину, которая прикрывала лицо веером, и на испуганную Эстеллу. Получается, тётка Сантаны была права — дедушка Альсидес плохой человек.

Из размышлений Эстеллу вырвали вопли. Подняв глаза, она увидела, что Роксана поочередно бросается с кулаками то на Берту, то на Амарилис.

— Старая дура! И ты, мерзавка! Подруга, то же мне! Две крысы!!!

— Умолкни, убийца! — не сдавалась Берта, а Амарилис издевательски хохотала.

— Я не убийца! Вы что глухая? Я не убивала вашего сынка!

— Зато ты убила Йоланду Риверо, а она, между прочим, племянница моего нынешнего мужа, — парировала Берта.

— Кстати, вы так и не сказали мне, Роксана, зачем вы это сделали? — в перепалку вмешался Ламберто, схватив Роксану за руки. — Зачем? Зачем вы убили Йоланду? Неужели только из-за того, что вас заставили выйти за Бласа? Вы решили мне отомстить? Но я не знал, что вы выходите замуж не по своей воле. Если бы я знал, я бы этого не допустил. Почему вы не поговорили со мной? Я не хотел, чтобы вы приносили себя в жертву. Отец был неправ, но, Роксана, это ведь не повод убивать человека. Йоланда ни в чём не была виновата перед вами.

— Была! Была виновата, да ещё как! — Роксана уже не владела собой. Забыв о том, что вокруг посторонние люди, она закричала диким голосом. — Она, как и вы, тоже сломала мне жизнь. Потому что она убийца! Она убила Рубена де Фьябле. И я её ненавижу за это ненавижу до сих пор! Потому что Рубен — это единственный человек, которого я любила. Я любила его всем сердцем!

Роксана диким взглядом изучила округу. Взор её, поблуждав, упёрся в бледное лицо Эстеллы. И она вдруг расхохоталась, звонко, как юная девочка. Она уже и забыла, когда так смеялась, — сто лет назад, лёжа в объятиях Рубена.

— Вот она, справедливость! Сейчас, сейчас я расскажу всё! — выпалила она радостно. — Не только я одна должна страдать! Эта мерзкая дрянь, ваша любовница, убила Рубена! Я её ненавидела тогда и ненавижу по сей день. Хорошо, что она сдохла! Я бы всё равно не позволила ей жить! Я бы её достала из-под земли и вырвала бы ей кишки, потому что Рубен был для меня всем. Он был моей любовью, моей кожей, моим дыханием. Только благодаря его любви, я не сдохла от отвращения, когда ложилась в постель с Бласом! Ни одного из своих мужей я не любила ни до, ни после Рубена! Никого и никогда я не любила так, как Рубена! Я помню его прекрасное лицо в гробу, он был как живой, и я никогда этого не забуду. И всё из-за этой дряни, девицы Риверо! Все эти годы я пыталась забыть, видит Бог, — Роксана подняла глаза к небу — оно было ясным, светло-светло-голубым. — Я пыталась забыть Рубена и свою боль, но не смогла! Я люблю его до сих пор! Он живёт в моей памяти, он въелся в мой мозг, он стоит у меня перед глазами! Каждую ночь я ложилась и каждое утро вставала с его именем на губах. И знаете что самое страшное? — Роксана опять кольнула взглядом Эстеллу, и у той мурашки побежали по спине. Такой свою мать: растрёпанной, в отчаянье, но полной ненависти, решимости и боли, она никогда не видела. Голос Роксаны, звучащий страстно и глубоко, когда она говорила о Рубене, превратился в лёд.

— Все эти проклятые годы я мечтала умереть. А ещё я мечтала увидеть, как умрёт каждый кто заставил меня страдать. Особенно та, которую я ненавижу больше всех. Живое напоминание, живой портрет, почти копия мужчины, который унёс моё сердце с собой в могилу. Я не хотела, чтобы она родилась. Хотела, чтобы она сдохла у меня в утробе. Когда Рубен умер, я молила его, чтобы он забрал свой подарочек с собой. Но этого не произошло — она родилась. Она похожа на него, как две капли воды. На своего отца, которого я так

любила, а её ненавижу. Она напоминает мне о нём всякий раз, как я её вижу! Напоминает о том, как я несчастна, о том, что его больше нет на свете и никогда не будет. Его нет, а другие живут, смеются, мечтают, любят. А его нет. Это несправедливо!

Эстелла, ещё не осознавая смысла происходящего, вжалась в кресло. А Роксана перевела взгляд на Берту.

— Что, карга, до тебя ещё не дошло? Стыдно перед внучками, говоришь, поэтому ты и покрывала своего муженька-убийцу. Да вот только у тебя лишь одна внучка — вот эта никчемная потаскушка, — Роксана ткнула пальцем в Мисолину, что сидела с каменным лицом и вытаращенными глазами. — Она похожа на твоего сыночка и всю вашу семейку, такая же безмозглая. А эта, — теперь Роксана ткнула пальцем в Эстеллу, — не твоя внучка. Она не дочь Бласа. Я её нагуляла. Я наставляла твоему юродивому сынку рога. Каждую ночь поила его снотворным и уходила в постель к другому, к красивому мужчине, к любимому, от которого пахло дорогим парфюмом. А утром я приходила домой и смеялась над Бласом, а он всему верил, пустоголовый баран. Эстелла тебе не внучка, карга! Её отец — Рубен де Фьябле!

На Эстеллу будто небо упало, а Роксана, глядя на опухевшие лица всех присутствующих, надрывно расхохоталась.

— Вы все мне заплатите! Все! За каждую мою слезинку, — теперь Роксана глянула на Ламберто. — Я ничуть не жалею, что убила вашу девку. Она убила Рубена, я убила её. Око за око.

— Замолчи! — выкрикнул Ламберто, хватая Роксану за руки и тряся, чтобы она пришла в себя. — Ты ничего не знаешь! Йоланда никого не убивала! Это я, я виновен в смерти Рубена де Фьябле! Я убил его, потому что он пытался изнасиловать Йоланду. Он был пьян и напал на неё. Я ударил его и он кинулся на меня с кинжалом. Мы боролись, я вырвал у него кинжал и он сам на него напоролся. Это произошло случайно. А Йоланда взяла на себя мою вину. Она хотела спасти меня от виселицы. Но я рассказал обо всём отцу, — в подтверждение слов сына Лусиано кивнул. — Отец пытался помочь нам. Он спрятал Йоланду в надёжном месте, но она исчезла, как сквозь землю провалилась. Я искал её долгие годы и уже не надеялся найти, хотя до последнего верил, что она жива. Значит, это ты, ты её убила! В таком случае мы квиты! Я убил этого мерзавца, твоего любовника, а ты убила женщину, которую я любил всю жизнь и продолжаю любить до сих пор!

Роксана задыхалась от ярости. В глубине души она понимала, что Ламберто не лжёт — печаль читалась в его ясных глазах. Это он убил Рубена. Получается, Йоланду она убила зря. А, может, и нет, ведь он любил её, а она ему отомстила, столкнув её в реку. Пусть знает каково это — терять любимых. И, не придумав ответа на его слова, Роксана с размаху ударила Ламберто по щеке. На аристократичном лице его остался отпечаток её пальчиков.

— Вы все похожи на умственно отсталых! — сообщила она весело. — У вас лица вытянулись. И знаете что, мне плевать, что вы обо мне думаете! — Роксана вела себя как пьяная. Её качало из стороны в сторону, а язык заплетался. — Вы все для меня — пустое место. А я особенная! Я красивая. Я великолепная. Я как райская птица среди глупых серых мышей. Так что, мышки, горите в аду! — и она кинулась прочь, ухватив подол нежно-алого платья и оставив ошеломленных гостей смотреть друг на друга, как ослы на павлинов.

Берта плюхнулась на скамейку. Сеньор Альдо суетился около неё, как наседка вокруг цыплят. Мисолина истерически хохотала, а Эстелла и шевельнуться не могла. Все мысли улетучились. Осталась одна: Блас ей не отец.

А она так его любила, гордилась тем, что у неё замечательный папа. Но он отец лишь для Мисолины, а у неё... у неё никого больше нет. Только мать, которая её ненавидит. А бабушка ей неродная. И дядя Эстебан, и дядя Ламберто, дедушка Лусиано — они все ей никто. Она нагулянная, незаконнорождённая. Как же так? Что за человек её настоящий отец, этот самый Рубен де Фьябле? Она даже портрета его не видела никогда, не представляет, как он выглядел. А мама сказала, что она похожа на него. Роксана так его любила, наверное, так же сильно, как она, Эстелла, любит Данте. Оказывается, мама способна на любовь, наверное, она очень страдала, когда он умер. Уж Эстелла-то прекрасно знает, что это за чувство. Она тоже его испытала, в тот страшный день, шесть лет назад, когда Данте с окровавленной грудью лежал на центральной площади.

Но почему же, почему мама не поняла её чувств к Данте? А Эстелла поняла чувства Роксаны. Хотя это горько знать, что тебя ненавидит родная мать, ненавидит до искр из глаз, но Эстелла не была уверена, что на месте Роксаны не превратилась бы в такую же фурию. Всё же они в чём-то схожи. Эстелла тоже ненавидела весь мир, когда думала, что Данте погиб. И неизвестно во что бы она превратилась с годами.

По лицу Эстеллы лились горькие слёзы. Она их не замечала, а остальные, включая Сантану и Маурисио, сутились вокруг Берты, которая всхлипывала, ахала и охала на разные лады, уверяя, что сегодня не день, а настоящая катастрофа. Эстеллу же никто утешать не кинулся, видимо, всем плевать на её чувства. Вот, твари! Если бы сейчас рядом с ней был Данте, он бы обнял её, утешил, приласкал, но она сама его оттолкнула. Дура, и зачем она сюда приехала? Лучше бы пошла в «Маску» извиняться перед Данте.

Меж тем, Ламберто и Амарилис отчаянно спорили.

— Вы сию же минуту скажете мне, где она! — кричал Ламберто, раскрасневшись, как варёный рак. — Где моя сестра? Я хочу её видеть, я хочу поговорить с ней!

— Это невозможно.

— Что значит невозможно? Она моя сестра! Почему вы не хотите, чтобы я её увидел?

— А не задумывались ли вы, Ламберто, о том, что, быть может, она сама не жаждет встречи с вами, м? — цокнула языком Амарилис.

— Значит, вы с ней общались и она вам сказала, что не хочет меня видеть? — растерялся Ламберто.

— Я бы не была так в этом уверена, — лукаво молвила Амарилис, прожигая его взглядом.

— Знаете что, вы мне казались порядочной и серьёзной женщиной, Амарилис, но теперь я думаю, что вы просто хитрая лиса. Я хочу увидеть свою сестру, и вы мне сейчас же скажете, где она живёт! — потребовал Ламберто тоном, не терпящим возражений.

— Думаю, что всему своё время.

— Ну всё, вы сами нарвались! Я не хотел этого говорить публично, но раз вы не идёте мне навстречу, я приму иные меры, — он повысил голос, отходя в сторону. — Друзья, внимание! У меня ещё одно важное объявление. Женщины, которая стоит передо мной и которую знают в светском обществе под именем Амарилис де Пенья Брага, на самом деле не существует! — выпалил Ламберто.

Кончики губ Амарилис тронула едва заметная усмешка.

— Да что вы говорите? Что же я, по-вашему, призрак?

— Я не знаю, кто вы и как вас зовут, но я выяснил одну прелюбопытную деталь. У Креспо Бернарди действительно была сестра, которую звали Амалия Маргарита Элиса

Бернарди. Она была очень дружна с моей настоящей сестрой Клаудией Марисой. Только загвоздка в том, что Амалия погибла в возрасте пятнадцати лет во время пожара в доме Клаудии. На них напали индейцы, убили приёмных родителей Клаудии и подожгли дом. Амалия в тот день была у них в гостях, и она числится в городском архиве, как погибшая. Выходит, у Креспо Бернарди нет сестры. Выходит, что вы самозванка, которая выдаёт себя за умершего человека. Вы не Амарилис Бернарди! — победно закончил Ламберто, сверкая на женщину ярко-голубыми глазами.

— А-ха-ха-ха-ха! — Амарилис рассмеялась, запрокидывая голову. Эстелле это напомнило манеру Данте так хохотать, когда в него вселялось что-то дикое. — Я всегда говорила, что у мужчин логика отсутствует. Ах, Ламберто, Ламберто, с виду вы кажетесь умным человеком, но на деле вы наивны, как цыплёнок. Раз вы засунули свой изящный профиль туда, куда не следовало, не понимаю, почему вы до сих пор прибавили два к двум. Всё-таки вы невообразимый осёл! Много лет искать то, что ходит у вас под самым носом, — это надо постараться. Не зря вы влюбились в эту клушу Йоланду, вы два сапога пара. Вы такие тупые! А-ха-ха-ха-ха! Но я рада, что Данте пошёл не в вас. Хотя бы у одного члена семьи есть такое качество, как сообразительность! — с этими словами Амарилис щёлкнула пальцами, и все ахнули. Её окутало синее пламя. Хлоп! На долю секунды мелькнул чёрный хвост, сверкнули два жёлтых глаза, и она исчезла, растворяясь в зловещих отблесках волшебного огня.

===== Глава 44. Приступ ревности =====

Пока семейство, окружив расстроенную БERTУ, утешало её, Эстелла начала соображать. Она догадывалась, что Амарилис колдунья, с момента, когда Сантана рассказала ей про хвост. А теперь Амарилис при всех обернулась в чёрную кошку с глазами-лимонами, в ту, что оборачивалась и Клариса. Совпадение? Нет, в такие совпадения Эстелла не верила. Может, Амарилис и Клариса договорились специально всех запутать? Они ведь подруги, но... дядя Ламберто сказал, что настоящая Амарилис погибла. А эта — самозванка. Клариса же, по версии Ламберто, пропала без вести, когда на дом её приёмных родителей напали индейцы. Чем больше Эстелла сравнивала повадки Амарилис и Кларисы, их фразы, жесты манеры, тем больше понимала: Амарилис и Клариса — это один человек!

Клариса умна, хитра, коварна и вполне может выдать себя за умершего человека. Она была обижена на семью за то, что они её бросили, как и Данте обижен на своих родителей, а характером они с Кларисой схожи. И она, явно задумав отомстить, внедрилась в семью Сантаны, чтобы попасть в высшее общество. Подружилась с Роксаной, которая заняла её место в доме Фонтанарес де Арнау. Оправдание Креспо Бернарди и разоблачение дедушки Альсидеса — это лишь предлог, скелет, что она встрясла из шкафа за компанию. А главная причина — месть. Поэтому она и помогла Роксане убить возлюбленную дяди Ламберто и мать Данте. Бедный Данте! Ну и семейка у него! Мстительная тётка, двоюродный дедушка Альдо, который соблазнил собственную племянницу. Хотя и у неё ничуть не лучше. Блас ей не отец, а мать гулящая. И Мисолина мечтает об участии содержанки. Ну и чёрт с ними. Они всё равно не понимают и не принимают её чувств к Данте. И, судя по тому, что к ней так никто и не подошёл, им без разницы, даже если она околеет. Эстелла всхлипнула, глотая слёзы. Так всё разом навалилось... Она хотела уйти, сбежать, но сил не было. И Эстелла так и сидела на лавке, пялясь в одну точку, пока Алехандро Фрейтас громко не крикнул, что свадьба окончена и все могут разъезжаться по домам.

Остаток дня прошёл как в забытьи. Гости, возмущённые сорванной свадьбой и

потерянным временем, загружали свои баулы в экипажи и покидали «Ла Герру». Эстелла старалась отключиться от мыслей об отце. Она подумает об этом, когда вернётся в город, пойдёт в «Маску», помирится с Данте. Всё-всё ему расскажет, и он утешит её, защитит, вытрет ей слёзы, излечит её раненное сердечко. Единственный человек, которому она нужна, единственный, кто её понимал всегда. Её Данте. А пока надо отвлечься. Она давнх хотела побеседовать с дядей Ламберто, рассказать ему о Данте. Надо поставить точку в этой истории. Хочет Данте того или нет, а он должен занять своё место.

С бабушкой Эстелла не перемолвилась ни словом — та старательно её избегала, носясь по «Ла Герре» туда-суда. Она и сеньор Альдо загружали в экипаж многочисленные баулы, а Мисолина, не ударив палец о палец, ныла и жаловалась, что от плохого настроения у неё ухудшился свет лица, а она всегда должна быть красивой, чтобы в неё влюбился вице-король. Сантана была чернее тучи — хоть свадьба и отвлекла её от мрачных мыслей, но Эстелла понимала: подруга явно думает об измене Клема.

Задуманный разговор с дядей Ламберто обещал быть тяжёлым. Эстелла не хотела откладывать его в долгий ящик, но с чего начать не знала. Интересно, а как бы Данте поступил на её месте? Характер его Эстелла изучила, как свои пять пальцев. Данте прямолинейный, он бы не ходил вокруг да около. И она, следуя этой логике, решила пойти напролом: ворвалась в библиотеку, где Ламберто уединился с огромной книгой и чашечкой кофе, и выпалила с порога:

— Дядя, я должна вам кое-что сказать! Дело в том, что у вас есть сын!

Разговор, как Эстелла и полагала, лёгким не получился. Одним махом она вывалила дяде всё, что знала об истории Данте и Йоланды Риверо. Не рассказала лишь о магии Ламберто был так потрясен, что Эстелле пришлось повторить несколько раз, что с Данте он знаком.

— Дядя, ваш сын — Данте. Мой муж, про которого я вам рассказывала. Он ещё спас Мисолину, когда она упала в обморок на улице. Помните, вы и портреты его видели у меня?

Когда Эстелла упомянула про свои рисунки, на лице Ламберто появилось осмысленное выражение.

— Так вот оно что, — прошептал он. — Вот почему он похож на дедушку Ландольфо. А я думал, это какой-то побочный потомок дедушки.

История про дедушку Эстеллу заинтересовала. Ламберто показал ей его портрет и выложил всю его биографию. И чем дольше Эстелла слушала, тем больше сердце её когтем царапала тревога.

— Дедушка Ландольфо — родной брат Леопольдо, папиного отца, — объяснял Ламберто. — Он жил в их доме и папа наблюдал его поведение своими глазами, будучи ещё маленьким мальчиком. У дедушки не было жены и детей, но отец говорил, что он был влюблён в одну очень красивую женщину. Её звали Соледад. Сначала они встречались, но потом она вышла замуж за другого. Дедушка был очень видный мужчина, — Ламберто указал на портрет, где красовался эффектный брюнет с раскосыми чёрными глазами, похожий на Данте так, что их можно было принять за близнецов. — Претенденток на сердце его было немало, но он так и не женился. В двадцать девять лет у него начались провалы в памяти, припадки агрессии, во время которых он хватался то за револьвер, то за нож. Отец говорил, что произошло это на почве неразделенной любви. Когда Соледад вышла замуж, психика дедушки не выдержала. Он очень её любил, и всегда отличался излишней чувствительностью, обидчивостью, нервозностью. Такие люди крайне болезненно

переживают эмоциональные потрясения. И в итоге, у него развился магнетический сомнамбулизм. Это психическое заболевание, очень редкое. Он воображал себя другим человеком. Его настоящая личность как бы засыпала, входила в транс. При этом он жил полноценной жизнью, называя себя чужим именем, но повадки, манеры и характер имел другого человека. А потом становился собой и ничего не мог вспомнить. Сначала это напоминало шутку, дедушка любил пошутить, поэтому в семье полагали, что он дурачится. Но потом болезнь стала прогрессировать, он слышал голоса, забывал даты, события, представлял себя разными личностями; со временем этих личностей в его голове стало аж четыре.

— И чем всё закончилось? — с дрожью спросила Эстелла. Она не могла оторваться от портрета. У Данте лицо тоньше, а уголки глаз сильнее приподняты к вискам. И глаза синие. И надменности чуть меньше.

— Он умер молодым, в тридцать четыре года, — сказал Ламберто. — Он несколько лет провёл в Жёлтом доме, а когда его оттуда забрали, он покончил с собой. Проткнул себе грудь шпагой. Отец говорил, что одна его личность поссорилась с другой и убила её.

Холодок бегал по коже Эстеллы всё время, что она слушала рассказ о прадедушке Ландольфо. История его напомнила ей о проблемах Данте. Тот упоминал о голосах, называл себя другим именем, даже в лиса оборачивался, и многое не помнил. Из медицинского курса Эстелла знала, что болезни головы неизлечимы и передаются по наследству. А она-то думала, что это из-за зелья! Неужели Данте унаследовал болезнь прадедушки? Тогда это катастрофа! Она срочно должна вернуться домой. Излечить его сможет только любовь и ласка. Это она виновата. Болезнь могла бы и никогда не развиваться у Данте, если бы Эстелла сама, своими руками, её не спровоцировала. У прадедушки толчком стала неразделённая любовь. А Данте ведь тоже думает, будто она его не любит. Ну какая же дура! Он столько пережил, нервы у него ни к чёрту, а она всё усугубила. Нет-нет, нельзя допустить, чтобы Данте закончил, как прадедушка. Надо ехать домой!

О своих подозрениях Эстелла Ламберто не сказала. Пока она не убедится в них, не стоит никого пугать. Может, у Данте нервный срыв, и она напрасно паникует.

Но о Кларисе Эстелла не смолчала, объявив дяде, что, возможно, Амарилис и есть та сестра, которую он ищет. И вздрогнула, когда Ламберто со всей дури хлопнул себя по лбу.

— Чёрт возьми, какой же я тупица! Ведь всё лежало на поверхности! Две девочки дружат: бедная и богатая; богатая погибает, а бедная исчезает. А потом погибшая вдруг объявляется. Она выдала себя за сестру Креспо Бернарди! Но я не понимаю, как ей удалось всех обмануть, они ведь не близняшки и непохожи внешне.

Эстелла дёрнула плечами, хоть и знала ответ: дело в магии. Клариса обернулась в умершую подругу. Но Эстеллу так взволновала история прадедушки, что она забыла о собственных несчастьях: о матери, об отце, о том, что она больше не член своей семьи. Все мысли устремились к Данте. И она еле-еле дождалась момента, когда загрузят вещи в экипаж и тот тронется в путь.

Мисолина искапризничалась так, что уехала вперёд, заявив: у неё дела в городе и она не может долго находиться в такой глуши, ведь она не свинья. Маурисио молча исчез, и Эстелла заподозрила, что они с Мисолиной где-то вместе. А что? Было бы замечательно, если бы маркиз влюбился в Мисолину и оставил бы, наконец, Эстеллу в покое.

Дядя Ламберто остался в «Ла Герре», так как в последнюю минуту обнаружилось, что Роксана тоже испарилась. Пришлось мужчинам садиться на лошадей и объезжать округу.

Поиски организовал сеньор Алехандро, чувствуя себя виноватым перед Роксаной за балаган на свадьбе.

Всю дорогу Матильде бухтела о том, как она испортила туфли и надышалась навозом, к тому же, из-за головной боли пропустила скандал на свадьбе. Муж её Хосе Деметрио, уронив подбородок на грудь, клевал носом. Сантана пялилась в окно. Берта, хмурая и злая, молча общипывала перья со шляпы, бросая их на пол, а сеньор Альдо что-то вполголоса внушал ей. Эстелла же не могла усидеть на месте, вертелась и ёрзала, порываясь выпрыгнуть из экипажа и добежать до Данте пешком.

Дорога заняла три часа. Нервы Эстеллы были натянуты как струны, и в итоге не выдержали. Когда началась длительная выгрузка багажа у дверей дома, она пустилась наутёк. Но далеко не убежала — едва завернула за угол, как её под локоть схватила Сантана.

— Эсти, ты куда собралась?

— В «Маску», — не зная что наврать, Эстелла сказала прямо.

— Зачем?

— Ну... я... помнишь, Санти, я говорила, что если Клем тебя обидит, я его убью? Так вот, пока Маурисио нет поблизости, пойду разберусь с Кlemente, у меня давно руки чешутся, — выкрутилась Эстелла.

— Тогда я с тобой.

— Ты тоже хочешь убить Кlemente?

— Нет, хочу добиться от него вразумительного ответа на вопрос: любит он меня или нет, — с апломбом заявила Сантана.

Эстелла была раздосадована — она собиралась идти к Данте, а Клема можно было поколотить и позже, но как отделаться от Сантаны, не вызывая её подозрений, она не придумала. Поэтому уже через пятнадцать минут подруги входили в дом гостиничного типа «Маска».

Однако, там их ждало разочарование: сеньор Нестор объявил, что Кlemente ушёл с Данте и Гаспаром. Поначалу хозяин не желал говорить, куда они пошли, но Эстелла так напирала, что он сдался.

— Слыхал я, как они говорили между собой, что идут в казино «Червонная дама», — сеньор Нестор наклонился к эстеллиному уху. — Только тсс-с-с. Ежели они узнают, что это я проболтался, так не сносить мне головы. Сеньор Данте в последнее время жуть какой злой. Я аж содрогаюсь. Он как гаркнет порой, уши закладывает.

— А где это казино находится, сеньор Нестор? — спросила Эстелла.

— А это на пересечении улиц Ла Фортуна и Баррьо де Грана.

— Спасибо, сеньор Нестор!

— В казино, как же! — фыркнула Сантана, когда они с Эстеллой вышли на улицу. — Знаю я, куда они попёрлись. Все мужчины там околачиваются. В бордель. Клем небось к той девице потопал. По ней сразу было видать, что она падшая. У неё волосы крашенные, а волосы красят только проститутки.

Расстроенная Эстелла молчала — она планировала увидеть Данте немедленно, а теперь придётся ждать, когда он возвратится.

— А пойдём туда! — предложила Сантана, видя замешательство подруги.

— Куда «туда»?

— Ну... туда, в это казино. Если они там, мы их найдём. А если нет, спросим, где они. Ты знаешь, где находятся эти улицы: Ла Фортуна и Баррьо де Грана?

— Знаю, — вздохнула Эстелла, припомилив свой поход с Мисолиной к донье Нэле. Её удивляло рвение Сантаны найти Клема, не важно в казино ли, в борделе ли. Сама Эстелла морально не была готова увидеть Данте в объятиях какой-нибудь шлюхи.

— Тогда давай поймаем экипаж! — распорядилась Сантана, и Эстелле пришлось смириться. Во-первых, она не хочет возвращаться в замок Рейес. Во-вторых, хочет увидеть Данте, даже если он развлекается с проститутками. В-третьих, Сантана была полна решимости, чтобы устроить разборки с Клемом, и Эстелла не могла отпустить её одну в Баррьо де Грана. Она знает, чем это чревато.

Через полчаса девушки прибыли на угол улиц Ла Фортуна и Баррьо де Грана, где красовалось, сияющее всеми цветами радуги, казино «Червонная дама». Яркие двери, резные окна, вывеска в форме игральной карты. Вокруг — постриженные квадратом кустики да скамейки, где расположились богато одетые клиенты — в основном мужчины, на вид респектабельные. Кто-то из них вышел из казино подышать воздухом, кто-то покурить, а кто-то, спустив все деньги, сидел на лавке, печально глядя в одну точку.

Энтузиазм Сантаны иссяк, когда они с Эстеллой оказались у двери.

— Ой, Эсти, я не хочу заходить внутрь, — шепнула она. — Мы же приличные дамы, а это место нехорошее. Что о нас подумают? Если мы туда войдём, мы себя скомпрометируем.

— Санти, ты хочешь найти Клема или нет? — раздражённо спросила Эстелла. В отличие от подруги, в ней разыгралась решимость — ради Данте она войдёт куда угодно. Она должна с ним помириться, чтобы излечить его от болезни, пока он не закончил как прадедушка Ландольфо.

— Хочу, — потупилась Сантана, рассматривая свои полосатые туфельки.

— Тогда не трусь! — и Эстелла толкнула входную дверь, аляповато разрисованную завитками.

Внутри пахло табачным дымом, и Сантана тут же чихнула. В казино стояли жуткий смрад, шум, хохот, выкрики крупье: «Делайте ваши ставки господа!». Клиентами в основном были мужчины, но Эстелла заметила и несколько дам, важно восседающих за карточными столами. Дым разъедал глаза, и Сантана, судорожно открыв рот, кинулась назад к двери.

— Ты чего? — удивилась Эстелла.

— Нет уж, я туда не пойду! — ответила та, зажимая нос пальцами. — Я слишком воспитана для такой компании, там одни мужчины, и я сейчас задохнусь. Тут же дышать невозможно! — жаловалась она.

Махнув на неё рукой, Эстелла начала пробираться между столиками. Ловя на себе косые взгляды дам и любопытные кавалеров, она дошла до барной стойки, за которой расположилась девица, одетая в ярко-красный мужской фрак. Разливая всем желающим горячительные напитки, она жеманно хихикала.

Эстелла спросила у девицы про Данте и КLEMENTE, описав их внешность, и барменша вспомнила о ком идёт речь, так как юноши были приметные. Она объяснила, что Данте, Клем и мужчина средних лет (Эстелла знала от сеньора Нестора, что это Гаспар) пробыли в казино недолго: выпив, понаблюдали за игрой и отправились в бордель.

Ну вот, Санти сразу догадалась, что они в борделе, а Эстелла ещё и не верила. Данте пошёл развлекаться с проститутками. Неужели он о ней забыл? И Эстелла испытала укол ревности, хотя и понимала, что сама во всём виновата.

Сантану она нашла на улице. Та уже отдышалась и новость о борделе встретила безразлично.

— Я даже не сомневалась, что они там. Потому что они бедные, — объяснила она свои догадки. — Нечего им делать в казино, тут только богачи спускают своё состояние, а им и проигрывать-то нечего.

Подруги пересекли улицу и вскоре уже разглядывали розовую птицу на крыше да вывеску: «Фламинго — дом наслаждений».

— Фу-у, какая гадость! — поморщилась Сантана. — Дом наслаждений, придумали же! И как мы туда войдём? Там же у них теперь в разгаре эти самые наслаждения, — переживала она. — Я никогда не была в борделе, да и дамы туда не ходят. Нас, наверное, и не пустят.

— Пустят, Санти, пустят. Данте мне говорил, что дамы тоже туда приходят. Ну эти, такие, — Эстелла замялась, вспомнив, как Сантана однажды уверяла её, что относится к числу «таких», — ну те, которые женщин любят, — промямлила она робко. — Надо просто войти и сказать хозяйке, что мы пришли за своими мужьями, вот и всё, — с этими словами она толкнула входную дверь.

Миновав холл, где стояли лавки и плескались фонтаны, девушки очутились в центральной зале. С момента, как Эстелла была тут в последний раз, «Фламинго» мало изменился: те же обитые красным плюшем стены, картины с голыми женщинами, поросячепрозовые пуфы, золотистые ковры и диваны. Запах спиртного и курева ударил подругам в носы, как и в казино. Клиентов: старых и молодых, толстых и худых, богатых и не очень, окружали толпы девиц. Разодетые в яркие корсеты и панталоны с рюшами, все вместе они напоминали тропических бабочек, слетевшихся на клумбу, полную ароматных цветов.

Искать объекты своих мучений подругам долго не пришлось. Эстелла оглянулась, высматривая хозяйку, и взгляд её мигом выперил знакомый силуэт. Длинные чёрные волосы, эффектная поза, стройный стан. Он сидел на диване в центре залы, а на коленях его расположилась белокурая девица, с лицом прикрытым маской с перьями. То что это Данте, Эстелла не сомневалась: сердце заколотилось как бешеное, а перед глазами поползла дымка, и ярость схватила за горло, едва не задушив. Никогда ещё Эстелла такой ревности не испытывала — ей захотелось на куски разорвать девку, что сидела верхом на Данте. Это её, её мужчина! Только её! Какого чёрта эта дура к нему прилипла?!

— Что-то Клема я тут не вижу, — сказала Сантана. — Эсти, давай спросим у кого-нибудь, и если их тут нет, пойдём из этого притона. Тут ужасно! Эсти, что с тобой, ты меня слышишь? — повысила голос Сантана, когда подруга не ответила.

Но Эстелла уже ничего не слышала и не видела; все мысли и чувства, устремились к одному объекту — к дивану, где какая-то белобрысая сволочь целовала её Данте. Прямо в губы! Сейчас она ей устроит! И Эстелла бросилась вперёд.

— Эй, Эсти, Эсти, ты куда?! — крикнула Сантана. Она попыталась схватить подругу под локоть, но не удержала. Ещё миг, и Эстелла накинута на белокурую проститутку, как коршун. Схватив её за волосы, стащила с Данте и уронила на пол. Испуганные девицы и их клиенты повскакивали с мест, с любопытством глядя на происходящее. В толпе мелькнуло возмущённое лицо доньи Нэлы, но её возгласы утонули в потоке всеобщего гвалта и выкриков Эстеллы:

— Я тебе покажу! Ты узнаешь, как лапать моего мужа, гадина!

Эстелла жаждала крови, со всей дури колошматя девицу по всем местам. Та пыталась её столкнуть, но против такой ярости была бессильна. В Эстеллу будто демон вселился. Разорвав на сопернице корсаж и обнажив ей всю грудь, она расцарапала её ногтями и, наконец, сорвала маску. И замерла. То была Мисолина. Мисолина! Её сестра! В борделе!

Соблазняла её Данте!

— Ах, ты, тварь! — это открытие вызвало у Эстеллы такой приступ бешенства, что у неё звёзды полетели перед глазами. Схватив Мисолину за волосы, она вырвала их целый клочок.

— А-а-а-а-а-а-а! Больно! Пусти меня, дура! — вопила Мисолина, отпихивая сестру, но Эстелла, ничего не соображая, вырывала с головы соперницы волосы пучками и раскидывала их по сторонам.

— Этот мужчина мой, мой, поняла, мерзавка?! Он мой, мой, только мой! — и Эстелла плюнула в Мисолину, но тут кто-то схватил её подмышки. Кто-то сильный. Мужчина. Стащил с Мисолины и, обнимая, повёл за собой. Эстелла ничего не видела, перед глазами стоял туман, но руки были ласковые, объятия тёплые. Татуировки на плече и пояснице закололи иголочками, а обручальное кольцо обожгло Эстелле палец. На лицо ей упали его волосы, она учуяла запах... запах мяты. Родной. Любимый. Данте!

— Пусти! Пусти сейчас же! — прохрипела Эстелла вырываясь. — Я тебя ненавижу ненавижу, я тебя никогда не прощу! Ты обжимался с моей сестрой! Не прощу! Ты же знал, что она моя сестра. Если бы это была другая девка, любая другая, я бы тебя простила, — бормотала она скороговоркой, сквозь текущий по лицу дождь из слёз, — но Мисолина... это Мисолина... я тебя ненавижу...

— Тише, красавица, не плачь, успокойся, — шепнул он ей на ухо. — Насколько я помню, я тебе ничем не обязан. Мы расстались и оба свободны. И ты, и я вправе делать что угодно. Я же тебе не запрещаю любить своего маркиза или кого-то ещё. Поэтому и ты не можешь устраивать тут сцены, тем более мы в борделе. Ревновать к проститутке — это уже слишком. Иди домой, красавица, и прекрати за мной бегать. Я люблю гордых женщин.

Эстелла не соображала, куда он её ведёт, что он говорит и что вообще происходит. По лицу лились слёзы, безудержные, злые, а грудь горела так, будто в неё вонзили нож. С Мисолиной, Данте изменил ей с Мисолиной!

Эстелла ощутила, что он куда-то посадил её, на что-то мягкое. На секунду прижал к себе, крепко-крепко. Сердце его колотилось, как у зайчика, убегающего от лисы. А потом он разжал объятия и молча ушёл, оставив её одну. Закрыв уши руками, Эстелла уронила лицо на колени и завывала в голос. Она потеряла счёт времени, не могла понять, где она находится, пока кто-то не тронул её за плечо.

— Эсти, Эсти, вот ты где! — голос Сантаны. — Ты совсем рехнулась? Зачем ты устроила драку? Пойдём отсюда, не могу здесь больше находиться. Я нашла Клема. Он был с той девкой, с рыжей, с которой я его застукала в «Маске». Я так и знала, что она проститутка, у неё это на лице написано. Я предъявила ему ультиматум, потребовала, чтобы он выбирал, кто ему нужен я или она. Он сказал, что любит её, и чтобы я уходила и больше его не преследовала, — Сантана говорила жёстко, рубила слова, как брёвна топором. — Зачем мы только сюда пришли, какой кошмар?! Мне так стыдно! Нельзя бегать за мужчинами и выпрашивать у них любовь, мы с тобой обе хороши, идём, Эсти.

— Не могу... не могу... мне плохо, — пролепетала Эстелла. — Я хочу умереть.

— Успокойся, пойдём на воздух, тебе нужно на воздух. Мы сидим в холле борделя и на нас все смотрят, — уговаривала Сантана.

— Данте... Данте... я ему больше не нужна... он был с Мисолиной, с этой тварью. А потом усадил меня сюда и ушёл, бросил, как ненужную вещь, и ему всё равно, что я сейчас умру, — давилась Эстелла слезами.

— По-моему, он не в себе, — сказала Сантана. — Я его видела, у него глаза безумные.

Эстелла, нельзя с ним больше связываться, он ненормальный, если бы ты видела его лицо...

Тут в мозгу у Эстеллы что-то щёлкнуло. Дядя Ламберто... прадедушка... Данте... он болен. Поэтому он так себя ведёт. Он не понимает что творит. Она не должна на него обижаться. Его надо увести отсюда, вернуть в семью. Пелена перед глазами немного спала, и Эстелла увидела, что они с Сантаной сидят в холле «Фламинго» на двух плюшевых пуфах.

— Эсти, тебе лучше? Пойдём домой, — повторила Сантана.

— Да, пойдём, — кивнула Эстелла, — но я заберу Данте с собой.

— Что?

— Что слышала. Я заберу его с собой, даже если придётся стукнуть его чем-нибудь по голове!

Вскочив на ноги, она ринулась обратно в центральную залу. Сантане ничего не оставалось, как последовать за ней. В ту секунду, когда они вошли, раздался визг. И первое, что увидела растрёпанная и заплаканная Эстелла, — женщину с ярко-каштановыми волосами, лежащую в луже крови.

Подойдя ближе, Эстелла узнала Лус. Перепуганные посетители и работницы борделя кучковались по углам, брезгливо косясь на жертву. Сантана ойкнула, видимо, тоже узнала девушку. В толпе мелькнуло взволнованное, сильно потрепанное жизнью лицо Гаспара. Мисолину Эстелла не увидела, но Данте был тут. Сейчас он держал под локти светловолосого мужчину. Кlemente! Рубашка у того была вся в крови, а в руке он держал нож.

— Кто-нибудь, позовите жандармов! — командным тоном распоряжалась донья Нэла. — Скажите, что в моём заведении произошло убийство. Клиент убил одну из девочек. А вы держите его, держите крепче, а то сбежит, — велела она Данте и ещё двум мужчинам.

Усадив Клема на диван, Данте отошёл от него, подпуская к нему двоих здоровенных бугаев. Но Клем не сопротивлялся и никуда не убегал, искоса глядя на мёртвую Лус и лужу крови подле неё.

— Эсти... Эсти, что происходит? — забормотала Сантана за спиной подруги.

— Я так понимаю, что Кlemente убил Лус, — сухо отрезала Эстелла.

И ей вдруг стало всё равно. Как же она устала! Устала от этой треклятой жизни! Она так мечтала о счастье, а её преследуют одни беды, свои и чужие. Вечно она попадает в истории.

Ощувив на себе взгляд, Эстелла подняла ресницы. Встретилась глазами с Данте, чёрными, без зрачков, глубокими как омуты. Вспомнила портрет прадедушки. Как похож-то! А вид и правда странный, какой-то дикий, но такой любимый... Так хочется прижаться к его груди! Но Эстелла заметила и то, что лицо Данте изменилось, когда он её увидел: досада, тоска, боль, страсть, восхищение и... любовь — море чувств мелькнуло в его очах.

Кольцо обожгло Эстелле палец. И она поняла, что простит ему всё, даже поцелуи с Мисолиной. И никуда она отсюда не уйдёт без него. Не уйдёт и всё.

Лаская друг друга взглядами, Данте и Эстелла напрочь забыли, что находятся в борделе, что кругом люди, а на полу лежит окровавленное тело Лус, которую убил Кlemente. Эстелла уже не слышала, как позади неё рыдает Сантана, мечтая лишь обо одном — оказаться в объятиях Данте. А весь мир пусть катится в ад!

===== Глава 45. В огне =====

Пока Данте и Эстелла созерцали друг друга, явились жандармы. Осмотрев труп, они арестовали Кlemente и принялись за допрос. Всем, кто находился в «Фламинго» пришлось не только дать показания, но и подписать бумаги, где они обязывались явиться в

жандармерию, а потом и в суд, как свидетели. Выяснив, что ни Эстелла, ни Сантана убийства не видели, жандармы ихпустили. Сантана уговаривала Эстеллу выйти на улицу, чтобы ехать с Кlemente в жандармерию, но Эстелла упёрлась и ни в какую — без Данте она не уйдёт и точка. Судьба Клема мало её волновала — она так и не простила ему смерти Пии.

От Данте Эстелла ожидала, что он за брата вступится, но его хладнокровие изумило её. И бровью не поведя, Данте рассказал жандармам обо всём, что произошло. После того, как Сантана, застукав Клема в объятиях Лус, выставила ему ультиматум: выбрать между ними, Кlemente заявил, что любит Лус, и потребовал, чтобы Сантана от него отвязалась. Та ушла обиженной, а в стельку пьяная Лус стала над Кlemente подтрунивать, заявляя, что он напрасно прогнал Сантану: девушка в него влюблена, а она, Лус, нет, потому что она презирает тупых и слабохарактерных мужчин.

— Да я предпочту тебе любого первого встречного, — вопила она, опустошая бокал за бокалом. — Ты — жалкий слюнтяй! Ненавижу таких, как ты. Я сто раз тебе говорила, что я тебя не люблю. Так что отвали от меня, достал!

Лус повисла на одном из клиентов, и тогда взбешённый Клем, схватив со стола нож, пырнул её в грудь.

С каждым словом Данте Эстелла ему поражалась всё больше. Он смаковал подробности, будто рассказывал не о Кlemente, своём друге, брате, а о ненавистном человеке.

— Кlemente — убийца, он убил Лус. Хоть она проститутка, но она живой человек. Он должен понести за это наказание, — Данте обвёл округу злобным взглядом. Зыркнув на красного как томат Гаспара, ухмыльнулся ему в лицо. — Убийце место в тюрьме. А ещё лучше на виселице, — закончил он.

Эстелла знала, что порой Данте бывает злым, грубым и жестоким, но не до такой же степени. Его, казалось, забавлял ужас, написанный на лице Гаспара и Клема. Неужто он и вправду помешался? Надо забрать его с собой, отвести к дяде Ламберто, но Эстелла не знала, как это сделать. Если она подойдёт и скажет Данте прямо, он посмеётся над ней. Как же быть?

Она оглянулась и увидела, что Сантаны уже и след простыл. Эстелла и не заметила, когда та смылась. Наверное, побежала к Клему. Меж тем, жандармы, отпустив свидетелей, покинули «Фламинго».

Бордель гудел как растревоженный улей, обсуждая происшествие. Донья Нэла, заставив Коко, Томасу, Маргариту и ещё пару девочек отчищать ковёр от крови, всех клиентов попросила на выход. Мисолины так и не было видно, и Эстелла решила, что та отсиживается где-то в верхних комнатах. Данте же она поймала в холле.

— Данте! Данте, подожди!

Он яростно сверкнул глазами, как лезвием ножа разрезая воздух, но остановился.

— Опять ты, маркиза? Я ж тебе сказал: между нами всё кончено. Хватит меня преследовать!

— Дело не в этом, — проямлила Эстелла. Хоть на щеках её и блестели слёзы обиды, она не сдавалась. — Я пришла сюда не просто так, Данте. Мне было очень больно увидеть, как ты целуешься моей сестрой, но я знаю, что она ещё та мерзавка. А ты, Данте, ты должен пойти со мной.

— Пойти с тобой? Куда же? — сощурился он.

— Ко мне домой, точнее, в дом моей семьи. Чтобы увидеть твоего отца.

— Что?

— Данте, ну помнишь, мы с Кларисой тебе рассказывали о твоих родителях, о том, кто они? Дядя Ламберто, который мне вроде дядя, а вроде и нет, ты с ним знаком. Он твой настоящий отец. Я ему всё рассказала. За эти дни столько всего случилось... Данте, пойдём со мной. Пожалуйста, не упрямься. Идём, — видя, что он не убегает и настроен не слишком агрессивно, Эстелла подошла ближе. Взяла его за руки — они были ледяные. — Данте, пожалуйста, послушай меня, я желаю тебе счастья, я хочу, чтобы ты занял место, которое твоё по праву. Слышишь меня, Данте? Услышь меня, пожалуйста...

Голосок её звучал так нежно, отдаваясь в мозгу у Данте, как звон бубенцов, что вешают на лошадей в праздничной упряжке. Он одурманивал, гипнотизировал, сводил с ума. Как он любит её голосок, её личико, её всю, такую изящную, милую, родную. Эстелла. Вот бы он мог быть с ней всегда. Но это невозможно. Он же сам понимает, что когда она рядом, он превращается в дурака, становится нерешительным, глупым маленьким мальчиком. Но он чёрный маг, и сердце его облачено в траурный бархат ненависти. Он не может, не должен любить. Салазар никого не любит. Кроме этой женщины. Наваждение какое-то...

Мягкая ручка Эстеллы коснулась его щеки, и Данте прикрыл глаза, млея от удовольствия. А грудь разрывала тупая боль — Эстелла любит не его, она любит Данте, того мальчика, которого повстречала давным-давно. Салазара она не любит. Ей кажется, что это один человек. Она не понимает, что они разные, как змея и птица.

У Эстеллы сердечко уходило в пятки от страха и радости: не убегает, поддаётся. Значит, что-то соображает. Всё будет хорошо, она его вылечит. И Эстелла упрямо потянула Данте за запястья.

— Пойдём со мной, пойдём. Я не желаю тебе ничего плохого, наоборот. Ты же всегда мне верил, Данте. Так поверь и сейчас.

Проведя рукой по его волосам, она взъерошила ему гриву на затылке, и Данте больше не владел собой — пошёл за Эстеллой, смутно думая, что эта хрупкая девушка — единственный человек в мире, способный разбить на кусочки его мерзкий характер, его злость, ненависть, всё, всё, что копилось годами. Одним движением маленькой ручки она превращает его в безвольного быка, которого ведут на бойню.

Спустя сорок минут они уже входили в двери особняка на Бульваре Конституции. В холле были выставлены чемоданы и баулы, а всё семейство сгрудилось в гостиной вокруг Ламберто, который о чём-то рассказывал. Тут были Лусиано, Берта, сеньор Альдо, Либертад, Урсула и даже нашедшаяся Роксана, что, сидя на диване, глядела на всех исподлобья. «Прямо все в сборе, — мрачно подумала Эстелла. — Для полного счастья не хватает Мисолины и Маурисио с его мерзкой сестрицей».

Когда Данте и Эстелла вошли, вся толпа обернулась. Семь пар глаз уставились на них, кто с удивлением, кто с яростью.

При виде Данте-Салазара, разодетого в шёлк и бархат, Берта перекрестилась.

— Опять он? — воскликнула она в сердцах. — Чего это чудище тут делает? Он же убийца и опасен для общества!

— Данте не убийца, — глухо ответила Эстелла, испытывая неконтролируемое желание в бабушку плюнуть. — Данте — член нашей, вернее, вашей семьи. Я же в вашу семью теперь не вхожу, — Эстелла скривила рот, будто проглотила перец чили. — Данте — сын дяди Ламберто.

Наступила гнетущая тишина. Данте-Салазар с нескрываемым удовольствием

разглядывал опупевшие лица. В нём загорелось тщеславие. Он аристократ по праву рождения, он должен жить в роскоши, носить красивые вещи, а не гонять овец да лошадей. Наконец-то справедливость восторжествует! В фантастических очах его, сейчас чёрных, как ночное небо, сверкнуло превосходство. Берта разевала рот, словно рыба, которую вытащили из реки. Над головой её Данте увидел нимб — большой булыжник, из тех, что не годятся для выкладки мостовой, но ими удобно кого-нибудь стукнуть. Видимо, ей очень хочется швырнуть такой камушек в Данте. Но ещё больше, чем лицо Берты, Данте порадовала физиономия Роксаны. Та, трясаясь от ярости, вжималась в диван, а над головой её горело пламя, много пламени. Целый пожар!

Данте так и не понимал, откуда берутся эти чёртовы видения и что они означают. Хотя в детстве он определил, что это чужие мысли, но иногда они такие странные... А Эстелла, как и прежде, была единственным человеком, над кем Данте не видел ни слов, ни картинок, ни нимбов. Он погладил указательным пальцем изумруд в перстне, и тот сверкнул.

Меж тем, Ламберто подошёл к ним Эстеллой.

— Добрый вечер, — сказал он, протягивая Данте руку. — Честно говоря, я пока мало верю в происходящее, но... добро пожаловать в нашу семью!

Данте, смерив его холодным взглядом, руку пожал, но молча. Этот человек ему чужой, как и все прочие. Никаких чувств он к ним не испытывает. Хотя нет, испытывает — ненависть и презрение. Когда он в них нуждался, их не было рядом. В самые тяжёлые моменты он был один, и никто, никто не помогал ему. А теперь они объявились и хотят, чтобы он полюбил их. Чёрта-с два! Наверное, если бы Данте сейчас был собой, а не Салазаром, он бы закатил скандал с обидами, истериками и швырянием мебелью. Но хитрый Салазар, надо отдать ему должное, в руках держать себя умел, когда ему это было выгодно. И он решил: как бы он не ненавидел этих людей, а родство с ними принесёт ему пользу, открыв двери и перспективы, ранее для него недоступные. Он попадёт в светское общество, и никто больше не посмеет величать его пастухом. Он же всегда хотел царить, вызывать восхищение и страх. Да и отомстить за свои загубленные детство и юность не помешает. Ради этого надо сделать вид, что он принимает новых родственников.

Эстелла очень боялась реакции Данте и испытала облегчение: он не закатил скандал и даже позволил дяде Ламберто увести себя в кабинет. Там они уединились надолго, так что Либертад замучилась носить им то кофе, то чай.

Слушая рассказ Ламберто о себе, о Йоланде, о Кларисе, о прадедушке Ландольфо и прочих членах семейства Фонтанарес де Арнау, Данте не испытывал положительных эмоций. Он не оценил своего сходства с портретом прадедушки, также его не впечатлили и взаимоотношения Ламберто с Йоландой.

— Если бы вы её любили, — сказал он сухо, — вы бы не бросили её, разъезжая по каким-то делам, а сразу увезли бы её с собой. И уж тем более, не позволили бы ей взять на себя вашу вину за убийство.

— Но я любил твою мать и люблю до сих пор, — печально возразил Ламберто.

Оттопыривая мизинец, Данте пил из крошечной чашечки кофе.

— Влюблённость и любовь — разные вещи, — изрёк он философски. — Вы были влюблены в неё, а когда она исчезла, это чувство осталось в вас, как нереализованная мечта. То, о чём вы рассказали мне, это не любовь. Когда любят, не причиняют боль.

Ламберто мотнул головой, оставаясь при своём мнении и внимательно разглядывая Данте. Манеры юноши его впечатляли. Тот вырос в среде бедняков, но ведёт себя так, будто

все двадцать три года прожил в покоях королевы.

— Эстелла мне рассказала, что тебя усыновил какой-то крестьянин... — начал Ламберто.

— Да! Мой приёмный отец — Хуан Ньетто по прозвищу Мендига. Он был пастухом. Он спас меня от смерти и забрал к себе. Это был самый лучший человек на земле! Он любил меня, как сына, а те, кто меня произвели на свет, предпочли закрыть глаза на моё существование, — грубо добил он.

— Я же тебе объяснил, что не знал о тебе, — миролюбиво сказал Ламберто. — И я не обвиняю того человека ни в чём, напротив, я благодарен ему за всё, что он для тебя сделал. А почему он назвал тебя Данте?

Данте пожал плечами.

— Вам не нравится моё имя?

— Нет, не в том дело. Но ты не думал, что твоя мать могла назвать тебя иначе?

— Нет, не могла, — отозвался Данте. — Мендига, когда принёс меня домой, увидел, что на всей моей одежде было вышито это имя: Данте. Он так меня и назвал.

— Я к чему веду, я бы хотел дать тебе свою фамилию, — подытожил Ламберто.

— Нет, — отрезал Данте. — Оставьте свою громкую фамилию себе. Я буду носить фамилию человека, которого считаю своим отцом. Вас я отцом не считаю, — и он надменно задрал подбородок.

Тем временем, в гостиной Берта и Роксана разругались в пух и прах.

— Старая дура!

— Убийца!

— Чтоб ты провалилась, карга, выметайся из моего дома!

— Я-то уйду к себе домой и слава богу, а тебе бы не помешало сгореть в аду!

— Закрой рот, старуха!

— Маньячка!

— Пошла вон!

— Сама туда иди!

У Эстеллы от этого безумия разболелась голова. Она страшно устала и хотела спать, но не могла уйти из гостиной, не дождавись Данте и дядю Ламберто.

Те вышли из кабинета через три часа, оба измученные и всклокоченные. Несмотря на дикое упрямство Данте, они сошлись на том, что через пару дней Ламберто поедет в Байрес, забрав Данте с собой.

— Но тут я не останусь! Меня от этого дома тошнит! — заявил Данте напоследок и удалился, высоко задрав голову.

— До чего ж упёртый, ну просто кошмар! — не без гордости сказал дядя Ламберто, когда за Данте закрылась дверь. — Даже не знаю в кого он такой. У нас в семье вроде все покладистые. Я его два часа убеждал в том, что он и правда мой сын, хотя сам ещё не до конца в это верю. Но сходство с дедушкой поразительное. А Данте, глянув на портрет, объявил, что они ни капли не похожи, — захихикал Ламберто. — И переубеждать бесполезно. Ну и характер!

Вслед за Данте особняк покинули и Берта с сеньором Альдо, но явилась Мисолина злая, зарёванная и вся в царапинах от эстеллиных ногтей. При виде её в Эстелле разыгралась ярость и жажда сестру поколотить. Эта тварь наверняка узнала Данте в борделе! Его нельзя не узнать, и Мисолина в курсе, что она, Эстелла, Данте любит. Она нарочно это делает:

хочет отобрать у Эстеллы всех её мужчин: и Маурисио, и Данте. И вообще с какой стати она явилась сюда, а не в замок Рейес? Поди не хочет, чтобы Маурисио увидел её расцарапанную рожу. Еле удержавшись от пинка, Эстелла ограничилась тем, что втихаря плюнула Мисолине на юбку, а затем поднялась на второй этаж, чтобы остаться ночевать в особняке.

Несмотря на пережитые волнения и воспоминания, что навевала её девичья спальенка, Эстелла заснула как убитая — так устала.

Проснувшись она от резкого, удушливого запаха гари. Протёрла глаза кулачками и ахнула: вся комната была в дыму, густом и чёрном, от которого голова шла кругом.

В ужасе Эстелла скатилась к кровати. Подбежав к двери, распахнула её и остолбенела, когда на неё пошла стена пламени — весь коридор второго этажа был охвачен огнём. Эстелла захлопнула дверь, медленно впадая в панику. Пожар! Дом горит! И путь отрезан, через коридор она отсюда не выберется. Единственный вариант — прыгать с балкона в сад.

Стремглав ринувшись к балкону, Эстелла дёрнула ручку, и та осталась у неё в руке, а балконная дверь почему-то была заперта.

Прижав ладони к ушам, Эстелла тихонько осела на пол. Никто её не спасёт. Она тут умрёт! И почему она не пошла ночевать в замок Рейес? Вот дура!

Покинув особняк, Данте бродил по округе. Ну и денёк сегодня! После инцидента в театре, когда Клементе застукал его в объятиях Лус, они не разговаривали друг с другом. Гаспар старался их помирить, не зная причин ссоры, но Клементе был зол, а Данте не испытывал потребности с ним мириться, ощущая удовлетворение от мести. Но в бордель они пошли втроём. Клему срочно приспичило увидеть Лус. Увидел, ничего не скажешь. Идиот! Взял и пырнул её ножом. Конечно, эта потаскуха иного и не заслужила — актрисой пробыла недолго, выгнали её из театра, и она вернулась назад в бордель, как побитая собачка. И из-за этой дряни ломать себе жизнь! У Клема совсем нет мозгов.

В отличие от Клементе, который отправился во «Фламинго» на разборки с Лус, и Гаспара, что пошёл любопытства ради, Данте намеревался всю ночь веселиться. И Мисолина подвернулась кстати — даже сквозь маску он её узнал. Зачем она попёрлась снова в бордель, с которым у неё связаны не лучшие воспоминания, Данте не понимал и понять не старался. Намешав много разновидностей выпивки, он захотел чего-то необычного. А эти шлюхи все на одно лицо. Мисолина тоже шлюха, но дорогая и пахнет цветами. И разве мог он представить, что Эстелла, эта безумная женщина, явится в бордель и устроит побоище? Вот сумасшедшая! Но какая красивая она была, когда в порыве ревности кричала: «Этот мужчина — мой, мой!».

Данте и льстила такая страсть, и доводила его до исступления. Всё-таки он любит её, так любит, что нет сил сопротивляться. А Клементе, конечно, отчебучил. Ну ничего, пускай посидит в башне, это ему полезно, не только же он, Данте должен страдать. А теперь, когда он стал частью аристократической семьи, он всем покажет! Это родство ему ой как пригодится, и он не станет задумываться, хорошо это или плохо — наступать на себе горло, делая вид, что он всё простил.

Утопая в размышлениях, Данте не заметил, как, сделав круг, вернулся обратно на Бульвар Конституции. Машинально поднял голову, разглядывая белый особняк, и замер. Из окон второго этажа валили клубы чёрного дыма. Калитка была распахнута, а по саду бегали люди. Среди них Данте узнал Ламберто, Лусиано, Лупиту, Дуду, Урсулу и Альфредо.

Прежде, чем голова успела подумать, ноги Данте уже рванули вперёд.

— Ужас-то какой! Дом-то весь сгорит поди, вот уж несчастье, так несчастье! — вопила Урсула, размахивая руками, как мельница.

— Ж-ж-жалко, — поддакивала ей Лупита. — К-к-красивый б-б-был д-д-дом.

— Что значит «был»? — Данте влез в болтовню не здороваясь. — А потушить огонь вы не пробовали? Чего вы тут скачете, четыре коня, а? — злобно покосился Данте на мужчин.

— Я туда не полезу! — первым выкрикнул Альфредо. — У меня поясницу прихватывает сразу, как я вижу огонь!

— А я тем более, — добавил Дуду. — Я ещё молодой и хочу жить, и я вообще пожара боюсь!

— Стар я уже геройствовать, — вздохнул Лусиано, а Ламберто молчал как пробка от бутылки.

— Не лезут и правильно делают, — сказала Урсула. — Нельзя вмешиваться в волю Господа!

— Чего? — Данте сейчас напоминал ястреба.

— Того. Раз всё загорелось, это Господь так решил. И ежели дом весь погорит, на то воля Всевышнего. Господь лучше знает, что нужно каждому из нас. Раз уж он хочет, чтоб мы жили под мостом, придётся там и жить.

Данте взглянул на неё, как на умалишённую, но ответить не успел — его прервал крик Либертад, что выскочила из горящего дома и кубарем рухнула всем под ноги.

— Ой, Либертад, ты жива! — обрадовались Урсула с Лупитой.

— Жива, жива, — пробормотала та, отплёвываясь от дыма и размазывая копоть по лицу. — Ой, и страху ж я натерпелась! Проснулась, а вокруг дым стеной! Чуть не задохнулась!

— Но я не вижу ни Эстеллы, ни Мисолины, ни Роксаны, — спохватился Ламберто. — Мы-то все повыскакивали наружу, мы думали они следом за нами выйдут, а их всё нет и нет. Ты что же, Либертад, их собой-то не забрала? А вдруг они ещё спят?

— Да как я их заберу-то? — развела руками Либертад. — Там же огнище во-от такой, — она подняла руки на уровень своего роста. — Там не видать ничегошеньки и дышать нечем. Хорошо, моя комната на первом этаже, там полыхает поменьше, а лестница вся уж в дыму, на второй этаж я даже и не совалась. Похоже, пожар начался оттудова, сверху.

— Погодите, так что Эстелла в доме? — сердце Данте ушло в пятки.

— Ну да, — кивнула Урсула.

— Но... но... как она там оказалась? Она ведь живёт в другом месте!

— Она осталась вчера ночевать, — пояснила Либертад. — Поздно уж было. Вы да сеньора Берта с муженьком как вчера ушли, так и всё, а другие так и уснули в доме.

— Да вы... да вы... как вы могли там её бросить?! — взбеленился Данте. — Спасаете собственные шкурки, а на остальных плевать, да? Идиоты!

— Эй, стой, ты куда?! — крикнул Ламберто, когда Данте ринулся в горящий дом. — Ты же погибнешь!

Но Данте заклинило. Мозг сверлила одна мысль: Эстелла в доме и она может умереть.

На бегу сняв плащ, Данте окунул его в фонтан и, укрывшись им с головой, распахнул дверь. В нос ему ударил резкий запах гари, но в холле огня ещё не было. Гостиная тоже мало пострадала, но с балюстрады вырывались языки пламени.

Данте взлетел наверх. Защищаясь мокрым плащом, прошёл сквозь горящую балюстраду и лестничную площадку и очутился в коридоре второго этажа. Здесь был настоящий ад —

обивка и картины на стенах полыхали, скручиваясь в огне, как и двери комнат.

Шокированный зрелищем, Данте крикнул:

— Эстелла! Эсте! Эсте!!! Ты где? Отзовись!

Но никто не откликнулся, и Данте стал наугад открывать двери. От сквозняка пламя разгоралось жарче, превращая дом в адский котёл. У Данте слезились глаза и кружилась голова от едкого запаха, но он не сдавался. Он или спасёт Эстеллу, или они вдвоём тут погибнут, но глупо бегать по саду, как остальные, он не будет. Плевать на всё. Эстелла — самый родной для него человек. Сейчас Данте отключился от мыслей, что терзали его затуманенную голову ещё полчаса назад. Жажда мести, тщеславие, обиды — всё ушло на десятый план.

— Эстелла! Эсте! Где ты, Эсте?! — звал он.

Распахнул дверь в спальню со стенами, разрисованными бутончиками роз. Сюда огонь не добрался, но комната была наполнена чёрным дымом.

— Эсте! Эсте! — Данте узнал спальню — когда-то он забирался сюда через балкон. Эстеллу он обнаружил на полу в ванной у бочки с водой. Она была без сознания, вся мокрая и в копоты, но дышала.

— Эсте! Эсте, девочка моя, ты живая... Живая! — сев на колени возле девушки, Данте прижал её к себе, пощупал пульс, послушал дыхание. — Мы отсюда выберемся, вот увидишь.

Он снял с кровати простынь и, намочив её в воде, закутал в неё Эстеллу. Схватил на руки и потащил на выход.

Огонь бил в лицо и, когда Данте с Эстеллой на руках почти миновал коридор, он услышал грохот: балюстрада и площадка второго этажа рухнули. Путь к отступлению через первый этаж был отрезан. Что же делать?

Единственный выход — лезть через окно или крышу. Если бы Данте был один, он бы просто выпрыгнул в ближайшее окно, но с ним была Эстелла. Придётся лезть на крышу. Тут должен быть чердак. В любом доме есть чердак, люк, труба — какой-то выход наверх.

Дойдя до конца коридора, Данте упёрся в нишу, за которой скрывалась узенькая лесенка. Забросив Эстеллу на плечо, Данте полез наверх, цепляясь за ступени и обжигая руки — лестница была металлической и раскалилась от огня. Вот он, чердак. Данте с облегчением вздохнул, увидев квадратное оконце в крыше. Усадил Эстеллу на пол, облокотив её спиной о стену, а сам, добравшись до окна, разбил его. По рукам потекла кровь, но он не обратил внимания.

Когда он поднял Эстеллу, она застонала.

— Потерпи, Эсте, всё хорошо, мы почти выбрались.

Она что-то невнятно пролепетала, но он не вслушивался. Ещё миг, и Данте вытолкнул Эстеллу наверх, уложив её спиной прямо на крышу. Подтянулся и вылез следом.

В доме раздавался грохот — рушились балки второго этажа. Главное, чтобы крыша не упала. Надо спускаться отсюда.

Снизу им что-то кричали Ламберто и Либертад, но Данте не понимал слов — в ушах свистел ветер, развевая ему спутанные и частично обгоревшие волосы, будто флаги пиратского парусника.

К крыше подставили длинную садовую лестницу. Эстелла закашлялась, втянув ртом свежий воздух. Когда Данте взял её на руки, она открыла глаза. Схватила его за шею.

— Данте...

— Тише... всё хорошо...

— Данте, это ты? Ты пришёл ко мне, о, моя любовь...

— Да, Эсте, всё позади, — он прижался губами к её щеке.

— Спасибо... — прошептала Эстелла. — Ты спас мне жизнь...

— Я так испугался за тебя, — сейчас Данте начало потрясывать — до этого он был хладнокровен, не ощущая ничего, кроме страха за жизнь Эстеллы.

— Спускайтесь! Спускайтесь вниз! — кричал Лусиано, отчаянно жестикулируя. — Быстрее! Крыша может рухнуть!

Ламберто же не стал ждать, пока Данте с Эстеллой наговорятся, и сам полез на крышу. Взял Эстеллу на руки.

— Дядя, там остались мама и Мисолина, — пролепетала Эстелла, когда все втроем оказались внизу. — Я хотела их спасти, но не сумела. Там повсюду огонь, я не смогла выйти из комнаты. Я хотела потушить пожар, добралась до ванной, но упала в обморок. Но я слышала их голоса, мама и Мисолина кричали где-то, и, кажется, ссорились.

Данте с Ламберто переглянулись.

— Я их найду, — просто сказал Данте.

— Но, Данте. Сынок... — это слово Ламберто выдал после паузы. Далось оно ему с трудом — он не представлял, что значит быть отцом. — Второй раз лезть туда — это очень опасно. Крыша может обвалиться в любую секунду.

— Но я полезу, — вздёрнул бровь Данте. — Моя жизнь ничего не стоит. Она никогда не стоила и ломанного гроша. А вы позаботьтесь об Эстелле, докажите, что хотя бы вы чего-то стоите. Эстелла — единственный человек, которого я любил и люблю в этой проклятой жизни, — и Данте бросился назад в полыхающий дом.

Эстелла этого уже не видела — от пережитого она потеряла сознание.

===== Глава 46. Навсегда =====

Роксана и Мисолина, обе красные как варёные раки, сидели на коленях у большого железного ящика-сейфа. Вокруг были раскиданы кипы бумаги, а мебель вся перевернута.

— Я никуда отсюда не уйду! — вопила Роксана, трясая головой. — Всё, что в этом сейфе, — моё! Тут всё, всё принадлежит мне!

— Нет, это моё! Я унаследую всё, когда вы все умрёте! — Мисолина отпихивала мать от сейфа ногой.

— Ты сама виновата, что осталась без наследства, дрянь! — не утихала Роксана. — Если бы ты не родила чёрного ребёнка, ты бы получила наследство своего мужа! А ты просто дура!

— Не говорите мне о том дегенерате!

— АЙ! — Роксана вскрикнула, когда дочь, укусив её за руку, потянула сейф на себя.

— Отдайте! Это моё!

— Нет, моё! — Роксана держалась за сейф хваткой бульдога.

— А я сказала моё! Я тут самая главная! — скрипнула зубами Мисолина. — Я не для того поджигала дом, чтобы остаться ни с чем! А в этом сейфе наверняка куча денег и драгоценностей.

— Чёрта-с два я отдам тебе то, что принадлежит мне! — Роксана сейчас напоминала кобру, в гневе раздувающую капюшон. Она вонзила дочери в руку ногти, прорывая кожу насквозь. — Ты и так изломала мне всю жизнь, чтобы я ещё с тобой чем-то делилась, соплячка!

— А что вы станете делать с этим сейфом, а, мамуля? — ядовито выплюнула Мисолина,

вырывая руку. — Вы всё равно его не поднимете и не утащите, он тяжёлый.

— Нет, утащу! А не утащу, так тут открою!

— Как это тут откроете, если тут всё горит?

Роксана задумалась.

— Ты как была дурой с рождения, так и осталась. Ни одной здоровой мысли за всю жизнь. Давай, бери топор и вскрывай сейф, а после убирайся к чёрту! — приказала Роксана.

— Что-о-о? Я? Я должна вскрывать сейф? — вытаращилась Мисолина.

— Ну не я же! — фыркнула Роксана презрительно. — Вот ещё, руки я тут не марала. Из нас двоих чёрная рабочая сила — явно ты!

— Я не собираюсь вскрывать сейф! — завопила Мисолина, суча ногами по полу. — Я выхожу замуж! Вице-король видит меня во сне каждую ночь, а вы, моя мать, хотите, чтобы я вкалывала, как батрачка на плантации?!

— Тогда иди отсюда!

— И не подумаю, это мой дом и мой сейф, я их никому не отдам! Вы и так испортили мне репутацию, когда оказались дочерью молочницы. Но, к счастью, титулы — не единственный пропуск в высшее общество. Самое главное — это деньги! Да, правильно, — рассуждала Мисолина, тараща глаза и напоминая пациентку Жёлтого дома, — я должна немедленно выйти замуж за того, кто даст мне и деньги, и титулы, и всё, всё, чего я не пожелаю. И пока вице-король будет искать меня, я успею выйти замуж ещё раз и снова овдоветь. И у меня даже есть два кандидата на должность мужа! Я гениальна! — и Мисолина похлопала в ладоши.

Роксана смотрела на неё с брезгливостью, как на заплесневелое яблоко.

— Хватит нести чушь! Немедленно иди и туши пожар, который ты устроила!

— И не подумаю! Когда этот дом сгорит вместе с вами и дурой Эстеллой, на пепелище останемся только я и этот сейф, — Мисолина ткнула в сейф пальцем. — Лишь я и он выйдем победителями из этой схватки.

— Даже если я тут сдохну, — пропыхтела Роксана, обнимая сейф двумя руками, — ты не получишь ни мои деньги, ни мои драгоценности. Я заберу их с собой в могилу! — и она плюнула Мисолине в лицо. Попала в лоб.

— Ах, вы ещё и плюётесь?! — выкрикнула Мисолина, толкнув Роксану, — та упала на пол вместе с сейфом. Мисолина же взвыла от удара локтем об угол сейфа. Отпихнув от себя сейф, Роксана схватила дочь за ноги и потянула на себя.

— Ах, ты курица!

— От курицы слышу!

Через секунду мать и дочь уже катались по полу, пачкая наряды в пыли ковра и таская друг друга за волосы.

— Ты испортила мне всю жизнь! — захлёбывалась воплями Мисолина. — О, я всё знаю! Тётя Хорхелина перед смертью рассказала мне, какая ты дрянь. Это ты её убила, мамуля, ты запустила ей в комнату змею!

— Чего ты мелешь, дура? Да кому нужна эта идиотка?! Хотя я была счастлива, когда она сдохла. Жаль, что ты и твоя сестрица не последовали за ней! Я вас ненавижу, надо было ещё в детстве вас удушить!

— Не переживай, мамуля, — Мисолина, пыхтя, царапала Роксану ногтями, а та вырывала дочери шпильки из причёски вместе с волосами. — О, эта дура Эстелла сдохнет сегодня! Она не выберется, потому что я заперла балкон снаружи, а коридор весь в огне.

Наконец-то она сдохнет. И ты сдохнешь. Вы обе сдохнете! А я потанцую на ваших могилах. Но сначала я разукрашу тебе рожу, чтоб ты в гробу выглядела уродкой. Ты испортила мне жизнь! Вместо того, чтобы выдать меня замуж за арабского шейха, как я того заслуживаю, ты выдала меня за старого извращенца. Может ты не знаешь, мамуля, чего он со мной вытворял, так я тебе расскажу. Он сдавал меня в бордель, чтобы я обслуживала всяких идиотов, а сам сидел и любовался на это.

— Так тебе и надо! Я этого и хотела, — Роксана, изловчившись, укусила дочь за ухо. — Мало тебе. Правильно он сделал, что пустил тебя по рукам, надо было вообще продать тебя в рабство, дрянь! Это ты, ты, и твоя треклятая сестрица во всём виноваты! Из-за вас я несчастна, из-за вас я потеряла любовь всей моей жизни. Ну ничего, сегодня я умру, но заберу вас обеих с собой!

Роксана сейчас напоминала маньяка-убийцу; волосы её растрепались, в глазах появилось что-то безумное, и она уже потянула пальцы к шее дочери, как вдруг раздался грохот — сверху упала огромная кованая люстра. Женщин она не задела — они были в стороне от центра комнаты, но по потолку поползла трещина. Дом мог обрушиться с минуты на минуту, и Мисолина занервничала.

— Ты как хочешь, мамуля, а я ухожу. А то падающие люстры могут испортить мне причёску и платье, — взмахнув косматой головой, она заправила выбившиеся пряди за уши. — Ты-то уже старая и страшная, тебе терять нечего, а мне ещё замуж выходить и ни раз. Но когда ты сдохнешь, сейф всё равно будет мой! Никуда он от меня не денется! — Мисолина попятилась назад и вышла в гостиную, заперев дверь снаружи.

Но Роксана и не услышала, как повернулся ключ в замке. В душе её наступил беспросветный мрак. Терять ей уже нечего. Она потеряла в этой жизни всё: любовь и титулы, семью, деньги и уважение в обществе. После того что Алехандро Фрейтас устроил на свадьбе, Роксане думалось, что город обсуждает только её, ведь мать её была дочерью молочника. Плебейкой! А на свете нет ничего важнее титулов. Все люди это знают, и иметь низкое происхождение — позор. Теперь она и по улице не пройдёт, все будут смеяться, обзывать её молочницей, да ещё и камнями забросают — так всегда поступают с тем, у кого нет ни одного титула.

Всё это жило в воображении Роксаны — горожанам не было до неё дела. Но Роксана очень бы удивилась, узнав, что никто её не обсуждает, кроме кучки сплетниц, которым нечем заняться. Она считала, что мир вращается вокруг неё, а люди думают только о ней, завидуют или восхищаются ею. Других занятий и тем для разговоров у них нет. Ведь она — само совершенство. А теперь ещё и этот грязный пастух, любовник Эстеллы, вклинился в их семью. Проклятый мошенник! Роксана была убеждена, что Данте нарочно выдаёт себя за сына Ламберто, ведь у Ламберто от Йоланды детей не было. Она, Роксана, своими руками столкнула девицу в реку. Та не могла никого родить. Разумеется, этот человек — самозванец, но разве этим глупцам что-то докажешь? Пусть, пусть он оберёт их до нитки, а она, глядя с небес, позлорадствует, когда все, кто сломал ей жизнь, окажутся в сточной канаве. Принять в семью вонючего пастуха, сидеть с ним за столом, нет уж, это без неё. Такого стыда она не переживёт. Лучше умереть сейчас. Дом сгорит и обвалится, похоронив её под грудой камней. Но она умрёт как королева.

Роксана открыла сейф крошечным ключиком, что выудила из ящика письменного стола. В сейфе она обнаружила несколько золотых слитков и пару мешочков с бриллиантами, а ещё шкатулку, большую, дубовую, закрытую на замок. Роксана подцепила его шпилькой.

Внутри оказались драгоценности. Чего тут только не было! Бусы и ожерелья, браслеты и кольца, подвески, серьги, диадемы и тиары. Подойдя к овальному зеркалу, что украшало стену кабинета, Роксана поправила причёску и платье, отряхнув их от пыли, и обвешала себя украшениями с головы до ног. Она опустошила шкатулку, надев всё, что в ней было. Она набила сумочку и карманы платья бриллиантами и жемчужинами. Умирая, она заберёт с собой в могилу всё. Там, в ином мире, она должна блистать не меньше, чем здесь. Она должна быть богата и красива, ведь она встретит там Рубена!

И она не будет заживо поджариваться в горящем доме, словно куропатка на вертеле. Роксана подумала об Эстелле, представив её на месте той самой куропатки. Мисолина сказала, что она её заперла. Отлично! Пусть эта паразитка сдохнет в муках. А она, Роксана, будет счастлива с Рубеном.

Подойдя к бару, Роксана налила в бокал вино, алое, как закат. Выудив из секретера бутылочку с прозрачной жидкостью, она бухнула её содержимое в бокал — вино запузырилось. Сев в кресло, как королева на трон, Роксана осушила бокал залпом.

— Я иду к тебе, Рубен, любимый... Жди меня, я скоро, — шепнула она.

Когда Данте вошёл в особняк, он пожалел, что вернулся сюда. Никого он тут не найдёт, это нереально. Где искать этих двоих, неизвестно, лестница рухнула и забраться на второй этаж нельзя.

Гостиная уже вся полыхала: зелёные канапе, ковры, мебель орехового дерева — всё покрылось копотью и горело, как погребальный костёр.

— Эй! Тут кто-нибудь есть? Отзовитесь!

К счастью, Данте сразу же услышал вопли. Нет, пение. Женский голос, писклявый и звонкий, громко пел песню. Поди это одна из них: Роксана или Мисолина. Кто ещё сподобится петь посреди пожара? Мысленно посылая их ко всем чертям, Данте пошёл на голос и увидел Мисолину.

Та, стоя посреди охваченной пламенем гостиной, размахивая руками и кружась, распевала песенку о демоне, что, приходя во снах к девушкам, сводит их с ума.

— Ты что, дура, творишь?! — рассвирепел Данте. Подбежав к Мисолине, он схватил её за плечи. — Ты слепая, не видишь, что тут пожар?

— Ах, красавчик, это ты?! — обрадовалась Мисолина. — Конечно, я вижу, что тут пожар. А ты не видишь разве, как я счастлива? Скоро весь дом рухнет и я останусь посреди пепелища, как главная победительница битвы. Все, все мои враги сдохнут у меня на глазах! Особенно эта дура Эстелла! О, как я её ненавижу! Поскорей бы она обуглилась, как жареный окорок! Надо бы скормить её тушку собакам! Не зря же я тут всё поджигала, туфельки себе портила, спину гнула, как батрачка на плантации, столько труда вложила в это восхитительное пламя! — и она взмахнула рукой, обводя ею гостиную. За спиной её догорали остатки лестницы; дым и пламя стояли столбом.

Данте, восприимчивый к запахам, силился не задохнуться от смрада и гари, а Мисолине было хоть бы что — она вся сияла от гордости.

— Рано радуешься! — прошипел Данте. Вмиг он ощутил и ненависть, и всю абсурдность этой ситуации: он уже не в первый раз спасает эту ненормальную, что желает смерти его Эстелле. — Значит, это твоих рук дело, дрянь? Это ты подожгла дом?

— Ага, я! Я-я-я! — тоненько пропела Мисолина, улыбаясь во весь рот, и поаплодировала сама себе. — Здорово я придумала, правда? Я тут всё подожгла, а затем

подпёрла балкон этой уродливой каракатицы, моей сестры, бревном. Она меня избивала в борделе, ну, ты помнишь, красавчик, когда она ворвалась и помешала нашему счастью. А я ведь пришла туда поймать жениха! Она меня достала, она с детства надо мной издевается, и я сегодня решила положить конец её беспределу. Сколько можно страдать и терпеть унижения?

Данте сжал кулаки — так захотелось ему надавать Мисолине пинков. Меж тем, огонь уже подбирался к холлу, грозя отрезать последний путь к отступлению. Если они не уйдут отсюда немедленно, они сгорят заживо.

— Могу тебя разочаровать, идиотка, — не размыкая губ выплюнул Данте. — Я спас Эстеллу, она жива. И если ты будешь лезть к ней, я тебя размажу по стене, поняла?

Лицо Мисолины помрачнело.

— Как же так, котик? — пропищала она, невинно хлопая глазами. — Ведь эта змея не оставит нас в покое!

— Нас?

— Да, нас, ведь мы же любим друг друга, а она нам мешает. Она ведьма и хочет нас разлучить, — не моргнув глазом заявила Мисолина.

— Чего-чего? — прохрипел Данте вне себя от бешенства. — Кто-то из нас определённо сошёл с ума. И я даже знаю кто. Чего ты вообще городишь, дура безмозглая? Тебя явно что-то привиделось.

— Конечно, нет! Я же знаю, что ты сходишь от меня с ума! Ни один мужчина передо мной не устоит. Ведь я — богиня! Мы же теперь поженимся, правда, котик? О, я должна срочно выйти замуж за богача, а ты теперь богат и знатен, мы с тобой — отличная пара.

У Данте аж всё поплыло перед глазами от ярости и возникло странное ощущение, что это с ним уже происходило. Но этого быть не могло — Мисолина впервые завела с ним такой разговор.

— Где твоя мать? — спросил он, трясая её за плечи, чтобы привести в здравый рассудок.

— А я-то откуда знаю? — пожалала плечами Мисолина. — Я её не встречала.

— Тогда идём, а то крыша сейчас рухнет, — задрав голову, Данте разглядывал потолок, но сквозь дым не видел его.

— Уйти отсюда и пропустить момент, когда останется кучка пепла? Ну уж нет! — Мисолина топнула ногой, возмущённо трясая белокурыми локонами. — Я ни за что не пропущу такое зрелище! Я должна это увидеть! И ты оставайся со мной, пёсик! Смотри, какая я красивая. Ты такой, как я, никогда не видел. Давай займёмся любовью прямо сейчас! — с этими словами Мисолина стянула с себя корсаж, обнажая грудь.

— Да ты совсем больная! Идём отсюда немедленно! Тут пожар, а ты мне свои прелести показываешь!

— Но ведь у меня красивая грудь, правда? Ну, птенчик, давай займёмся любовью, — канючила Мисолина притворно-детским голоском. — Только представь, как это будет здорово! Вокруг пламя, и мы вдвоём, на полу! Ты такой красивый и богатый, и я хочу, чтобы ты меня раздел. А когда всё сгорит и подохнут все лишние, мы поженимся!

И тут над их головами что-то затрещало и потолок зашатался. Данте, не реагируя более на повизгивания Мисолины, взвалил её к себе на плечо и потащил на выход. Добежали они лишь до холла — через секунду потолок и стены обвалились.

— Чёрт, всё из-за тебя, дура! — только и успел крикнуть Данте, когда на них с Мисолиной упала груда камней.

Падая на пол, Данте смутно подумал, что он дважды идиот: надо было сразу хватать Мисолину и бежать на выход; да и почему он не воспользовался магией? Но сознание помутилось и он провалился в темноту...

Некогда величественный белый особняк доживал свои последние минуты. Стены рушились, крыша провалилась, а Роксана, разряженная в золото и бриллианты, словно индийская богиня Лакшми, сидящая в кресле, как на цветке лотоса, ещё дышала — яд, проглоченный с вином, действовал медленно. Роксана уже не ощущала себя живой. Она не видела, как обваливается потолок, погребая её в могилу из камней, остатков бархатной обивки, кожи, красного и чёрного дерева и позолоты. Она не слышала, как за окном вопит, обезумев от страха и отчаяния, Эстелла: «Данте! Данте! Он остался там!». Роксана ощущала небывалую лёгкость. Она умирает, как истинная королева, не дожив и до сорока. И перед глазами чётко встало красивое лицо Рубена. Улыбаясь, он звал её: «Роксана, Роксана, иди сюда...», — ямочки играли на его щеках, а карие глаза лукаво блестели. Он манил её к себе, протягивая руки в белоснежных перчатках, и она пошла...

Рубен то приближался, то отдалялся, плавая к густом, сверкающем тумане. И Роксана вдруг увидела себя со стороны: ту, иную, восемнадцатилетнюю Роксану, ещё полную жизни и тайных страстей. Вот она, нарядившись в гаучо, скачет верхом на Агат. И так отчаянно колотится её юное сердце от предвкушения свидания с ним. С Гаспаром. То есть с Рубеном.

Тогда она считала его простым карабинером, и, несмотря на заносчивость и высокомерие, полюбила его всей душой. Вот, они ужинают в ресторане... их первый день знакомства. Ресторан-кабаре «Чёрный ангел» — это название врезалось ей в подкорку мозга, она никогда его не забывала. Голос Рубена звучит мягко и певуче. Ни один мужчина так не сводил её с ума. В тот день она пошла с ним в гостиницу, будто уличная девка. Он целовал её, целовал, щекоча усами, а шёлковое платье упало на пол. Рубен... её Рубен. Впервые она тогда испытала удовольствие от близости с мужчиной. Он подарил ей, холодной и самовлюбленной, злой, эгоистичной и избалованной, настоящий рай. Единственный мужчина, которого она, женщина с каменным сердцем, любила. Любит и сейчас и будет любить до последнего вздоха.

— Ро... Ро, иди сюда... Мы теперь всегда будем вместе, — он схватил её за руки, и Роксана упала в его объятия.

— Рубен... — прошептала она запёкшимися губами. Выразительные карие глаза её потускнели, и сердце, сделав финальный скачок, остановилось навсегда. Роксана была мертва.

На небе светила луна, огромная, яркая, как пламя, а мимо догорающих руин с криком носилась чёрно-алая птица, засыпая округу перьями.

===== Глава 47. Долгожданная встреча =====

Очнулся Данте от того, что некто копошился в его голове. Он лежал на земле, по плечи заваленный грудой чёрных камней, а на нём сидела Янгус. Шипя как змея, она махала крыльями и клювом тянула хозяина за волосы. А потом так свистнула, что у Данте уши заложило. Он хотел было использовать магию, но пальцы еле шевелились — только когти слегка блеснули. К счастью, на свист Янгус быстро прибежали люди.

— Данте! Данте! — услышал он нежный голосок. Такой любимый...

Эстелла бросилась вперёд, начав руками разгребать завалы. Ламберто и Дуду с Альфредо поспешили ей на помощь, и скоро Данте был освобождён из плена каменной ловушки. Эстелла, ощупав его, убедилась, что он не ранен, и крепко обвила руками.

— Данте! Данте... Как же я испугалась! Я чуть не умерла, когда крыша рухнула, — лепетала она, давясь слезами. — Я очнулась, а тебя нет, а дядя Ламберто сказал, что ты полез спасать маму и Мисолину. Зачем?

Данте промолчал, и Эстелла решила, что ему нехорошо.

— Данте, как ты? Ты такой бледный. У тебя что-нибудь болит? Ты можешь двигаться?

— Всё нормально, красавица, не паникуй, — проговорил он, чуть переводя дыхание.

— А встать ты можешь? — вмешался взволнованный Ламберто.

— Наверное.

Опираясь на Эстеллу, Данте поднялся. Немного болели бока и спина от ушибов, но это было терпимо, учитывая, что на него плашмя рухнула каменная стена. Данте даже ничего себе не сломал, как и в детстве, когда Сильвио сбросил его в подвал. Видимо, магия оберегает его.

— Да ты в рубашке родился, парень! — похлопал Ламберто его по плечу. — На тебя рухнул дом, и ни царапины, только вид слегка помятый, — хмыкнул он с ноткой восхищения в голосе. Эстелле подумалось, что дядя гордится, что у него такой отважный и сильный сын. — А теперь расскажи что произошло? Почему ты так надолго застрял в доме?

Они кое-как выбрались из руин. Янгус приземлилась на соседний палисандр (листочки того были слегка обуглены — пожар долетел даже сюда), и, вращая круглыми глазками, чуть помахивала крыльями. От дома остались развалины, а вокруг собралась толпа: соседи, прохожие, обычные зеваки и даже жандармы. Несколько мужчин, которыми командовал Лусиано, заливали тлеющие руины водой.

— Это Мисолина меня задержала, — объяснил Данте. — Я её сразу нашёл, она была в гостинной, несла какую-то чашу, и мы не успели выйти до того, как крыша рухнула. Это она виновата, — зло подчеркнул Данте. — А твою мать я так и не нашёл, — добавил он, глядя на Эстеллу. — Я спросил у Мисолины, она сказала, что не видела её.

Данте вещал будничным тоном, но в сердце Эстеллы опять ворвалась ревность. Кровь её вскипала от негодования. Мисолина, кругом Мисолина! Какого чёрта он пошёл её спасать? А может, он влюблён в неё?

— А ты не слишком много внимания уделяешь этой белобрысой? — проворчала она, буравя его злым взглядом.

Данте вяло ухмыльнулся.

— Мне кажется, красавица, для ревности сейчас не самое подходящее время.

— Ревности? Какой ещё ревности?! — вспыхнула Эстелла. — Ревность у твоей бабушки на носу, а я только спросила.

Данте и Ламберто одновременно хихикнули, а, глядя на насупленное лицо Эстеллы, развеселились ещё больше.

— Знаете что, вы оба одинаковые. Только и знаете что издеваться над женщинами! — и она вздёрнула нос.

Затушив остатки пламени, мужчины, что оказались добровольцами из числа горожан, разбирали завалы. Мисолину нашли быстро, но она была мертва. Рухнувшие камни и балки ударили её по голове. На затылке девушки красовалась глубокая рана — она и стала причиной её гибели.

Чтобы найти Роксану, пришлось попотеть. Но и Лусиано, и Ламберто, и Эстелла настаивали, чтобы её искали до победного. И усилия увенчались успехом: Роксану обнаружили. Выглядела она как живая, большие глаза её были широко распахнуты, на алых

губах застыла полуулыбка, но сердце уже не билось. Стены рухнули на неё крайне удачно — углом, так, что она оказалась в некое подобие шалаша и могла бы остаться жива, если бы не выпила яд.

В роскошном золотом платье, вся увешанная драгоценностями, воинственная, с прямой спиной, Роксана напоминала королеву. На щеках её играл румянец. И ни тени страха на лице.

Эстелла поначалу испытала недоумение от такого внезапного конца. Но через два дня, в день похорон, увидев Роксану и Мисолину раздетыми в шёлк, красивыми и одинаковыми, как близняшки, но в гробах, Эстелла разревелась. И сама не понимала почему. Мисолину она не любила. И, глядя на неё мёртвую, продолжала ненавидеть, так и не простив ей поцелуев с Данте. Мать же Эстелла любила по-своему, хоть та над ней и издевалась. Роксана была единственным родным ей человеком. Родным по крови. Все остальные ей никто. Она чужая, лишняя в их семье, незаконнорождённая нахлебница. А теперь мамы больше нет. Эстелла никогда не отличалась добротой, милосердием и всепрощением, поэтому в данной ситуации пожалела себя.

Шокированная трагедией Берта зазвала всех разместиться в её доме. Тот был небольшой, но уютный, да ещё и Берта его облагородила, развешав всюду портьеры с вышивкой, расстелив покрывала, чехлы и салфетки с цветочками и бабочками. И на каждой полке, на каждом столике и подоконнике высились кактусы.

В доме была всего одна служанка — белобрысая маленькая мулатка по имени Флор. Та открывала дверь, когда Эстелла приходила в ювелирную лавку продавать украшения. О них сеньор Альдо так и помалкивал, и Эстеллу это пугало. После эпидемии в лавку он не вернулся, уступив место золотых дел мастеру Серхио Дасвану. А деньги, вырученные от продажи помещения, камней и драгоценностей, положил в банк под проценты.

Из животных в доме Берты и Альдо были рыбки всяческих пород, форм и размеров: рыбы-хирурги, розовато-полосатые, хвостовые плавники которых напоминали хирургические скальпели; зубастые гурами; рыбы-телескопы с глазами, круглыми, как блюдца; моллинезии, похожие на кусочки чёрного бархата, и даже хищные пираньи. Рыбок бабушка развела, потому что очень хотела какую-нибудь живность, но из-за наличия в доме двух маленьких детей (Пепе и Нанси, отпрысков Мисолины), заводить её было небезопасно. Для живности. Эстелла никогда с детьми близко не общалась, да ещё и с маленькими (старшему, чернокожему Пепе, было пять; белобрысой Нанси — три года), поэтому они представлялись ей куклами, с которыми можно поиграть. Но бабушка была права, не разведя иных животных, так как доставалось и рыбам, и кактусам. Пепе упрямо обрывал с кактусов цветки, несмотря на израненные иголками пальцы; орал, давился слезами от боли, но продолжал уничтожать растения. За это получал от бабушки увесистые шлепки, но выводов не делал. Нанси же лопала рыб, сырыми. Вылавливала их руками из аквариумов и запихивала в рот. Уже через два часа нахождения с этой «чудной» девочкой в одном доме, Эстелла мысленно пожелала Нанси сожрать пираний, доступ к которым Берта ограничила, закрыв их аквариум в отдельной комнате.

Шум в доме стоял страшный; дети творили что хотели; бабушка и служанка с ними не справлялись, а сеньор Альдо не обращал на них внимания. Джованна с семейством вернулись в «Лас Бестиас», мотивируя тем, что им не нравится город, но Эстелла мигом смекнула: сбежали они от бертиных правнуков. Те вызвали раздражение у Эстеллы сразу, хотя бабушка, Либертад, Урсула, Лупита, Флор и даже Лусиано только умилялись. Эстелла

решила: не все дома либо у неё, либо у них. Она попыталась быть хорошей, притворно сюсюкая с детишками, как и положено любой «нормальной» сеньорите, но хватило её ненадолго. Когда Пепе плюнул ей на юбку, а Нанси укусила за палец, Эстелла, взбесившись, вскочила с дивана, во всеуслышание заявив, что мальчишку надо высечь хворостиной, а девочке зашить рот нитками.

— Как так можно?! — возмущалась Берта. — Эстелла, они же дети! А дети — это наше всё, они цветы жизни. Так нельзя себя вести. Ты же будущая мать!

— К счастью, детей у меня не будет никогда! — выдала Эстелла радостно — бабушка аж чуть не поперхнулась. — Я бесплодна!

— Но... но... как же так? — огорчилась Берта. — А я жду ещё правнуков.

— Ждите дальше.

— Но ведь это ужасно, дорогая! Твоя жизнь будет несчастна. Женщина без детей — не женщина! — всплескивала руками бабушка.

— Разумеется, не женщина. По-любому мужчина! — совсем грубо ухмыльнулась Эстелла.

Давно уже не могла она понять, почему все так расстраиваются, узнав о бесплодии? Гораздо хуже заболеть чем-нибудь смертельным или потерять руку, ногу, зрение. Но не родить... Подумаешь, трагедия! Можно жить счастливо и без детей.

Взрослея, Эстелла всё глубже узнавала саму себя, свою сущность. Когда-то она мечтала о медицине, но, столкнувшись с ней, поняла: это не её. Долгие годы она внушала себе, что она хорошая и правильная и любит свою семью, но в действительности она никого не любит, кроме Данте. Всё, что она испытывает к другим — привязанность, чувство долга перед родными, обществом, моралью и ценностями, что ей чужды. Оно внушённое, приобретённое, не её. У неё душа птицы, как и у Данте. Единственное, к чему она всегда стремилась, — свобода, отсутствие границ, оков, предубеждений. Она сама себе внушила, что хочет семью. Но правда в том, что она хочет любви и ласки. И свободы. Вольной жизни. Хочет скакать на лошади бок о бок с Данте. Вот и всё. Может быть, со смертью Мисолины и Роксаны в ней что-то умерло, а, может, и наоборот, вылезло то, в чём она боялась себе признаться. У неё нет материнского инстинкта.

Это даётся от природы, также, как талант к врачеванию или склонность к кулинарии, к танцам, к шитью, к верховой езде. Можно научиться, можно прикинуться, что у тебя получается и тебе это нравится, но когда нет призвания, то его нет. Не все могут быть кулинарами, не все могут быть гуру в области права или медицины. Она не жалостливая, она не готова приносить себя в жертву. Она любит комфорт, красивые вещи, приятные запахи. Её бесят больные и голосащие люди, шум, вонь, язвы, раны на теле — ей это противно. Поэтому она не может быть врачом. Именно по этой же причине она не может, не должна быть матерью. Дети не вызывают в ней умиления, больше раздражают. И зачем обрекать себя и ребёнка на несчастное существование? Она сама такой ребёнок, выросший в нелюбви. Она плакала от холодности Роксаны, хотела от неё ласки и заботы, но видела только равнодушие. Она думала, что это она в чём-то виновата, хотела заслужить любовь матери хорошими поступками, но поняла: тут нет её вины, как нет вины и Роксаны. Просто маме не следовало заводить детей, вот и всё. И Эстелла поняла — она очень похожа на Роксану. Если бы Пепе и Нанси были детьми Роксаны, та бы отдубасила их хворостиной. И у Эстеллы руки чесались сделать тоже самое.

Глядя в распахнутое окно, Эстелла вздохнула полной грудью. Годы идут, она вырастет,

узнаёт себя всё больше. А смерть сестры и матери — своего рода точка, конец одного этапа её жизни и начало другого. Она не всегда могла разобраться в себе, принять свою истинную натуру, без романтических и моральных бредней, вдолбленных с детства. И в эту минуту, любясь на пурпурный закат, что разгорался всё ярче и ярче, она поняла и простила Роксану. Обида ушла, оставив сожаление о том, что время нельзя повернуть вспять. Они с мамой были похожи, а она злилась на то, в чём Роксана не была виновата. Никто не виноват в том, что у него та или иная натура. Все люди разные, и Роксана попала не в ту среду, где было её место. И потому всю жизнь была несчастной. Но она, Эстелла, будет бороться за счастье, впивать каждый миг жизни, как колибри нектар цветка. Отныне никто ей не в указ, она свободна от любых законов, принципов, преград, от проклятого общества.

В тот же вечер Эстелла от бабушки съехала, несмотря на протесты. Она вернулась в замок Рейес, да ещё и Ламберто с Лусиано с собой прихватила. Берта ни на шутку обиделась, обозвав их неблагодарными, но Эстелла в лицо ей заявила, что с маленькими детьми в одном доме жить не может — они её бесят. И запрыгнула в экипаж, оставив обалдевшую бабушку на пороге.

Эстелла предполагала, что с толкнётся с Маурисио сразу, и тот потребует объяснений её отсутствию, но в замке их с Ламберто и Лусиано встретила Чола. С порога она пожаловалась на смертельную скуку, ведь в доме остались она да кухарка. А Маурисио отправился в Мадрид вместе с Матильде и её мужем разбираться с какой-то махинацией с недвижимостью, которую провернула Матильде и сама в ней и запуталась. Так, Эстелла, Ламберто и Лусиано временно поселились в замке Рейес.

На похороны Роксаны и Мисолины пришёл весь город. Оба гроба утопали в одеяле из роз: белых и красных. И отпевание в храме Святой Аны, и похороны прошли для Эстеллы как в бреду. Она не была убита горем, но немного ошеломлена. Она автоматом принимала соболезнования, автоматом всех приветствовала, кивая головой. Данте, который мыслями ещё был в шкуре Салазара, от Эстеллы не отходил — так испугался за неё во время пожара. Эстелла, обвивая руками его шею, расплакалась, когда чёрные гробы опустили в землю. И дождь из роз полился сверху, укрывая их собой.

Янгус, взгромоздившись на дерево, лопала хорька. Раньше она ела только фрукты, но, будучи однажды напоенной кровью Данте, она всё чаще поедала и мелких зверьков: игуан, ящериц, мышей, лягушек и хорьков.

Рядом с могилой Мисолины всхлипывала Берта, вытирая глаза кружевным платочком. На могилу же Роксаны она и цветка не положила. Сеньор Альдо утешал её, обнимая за плечи, а она долго кручинилась, повторяя одно и то же:

— Бедная моя внучка, померла такой молодой. Даже женского счастья не узнала и деток своих не видала перед смертью. Бедняжки Пепе и Нанси совсем сиротками остались. Я, конечно, буду заботиться о них, но ведь я уже старуха. Я ж вечно-то жить не буду, — она одним глазом покосилась на Эстеллу. Та, положив на могилу Роксаны пятьдесят белых роз, на могилу сестры и не взглянула, а, рыдая, повисла на Данте. — Этим сорванцам расти ещё, да расти. Мне уж и не угнаться за ними, они вон какие прыткие. Надо, чтобы о них заботился кто-то молодой, вот, например... Эстелла! — окликнула Берта внучку. Девушка обернулась. — Хоть я на тебя и обиделась, дорогая, когда ты ушла из моего дома, но то, что ты сказала тогда, заставило меня подумать вот о чём: ежели я помру, о Пепе и Нанси некому будет заботиться. А ты, сестра Мисолины, и её дети тебе племянники. Мне, по правде говоря, и сейчас уже тяжело с ними, не в том я возрасте, чтоб за ними гоняться. А ты молодая

и твой долг не бросать этих деток на произвол судьбы. Так что ты могла бы, Эстельита, взять племянников к себе сейчас, — Берта не обратила внимания, как у Эстеллы вытянулось лицо. — Ты вот мне сказала, будто не можешь родить, так вот, это ж шанс для тебя стать матерью. Я понимаю, ты страдаешь, дорогая, поэтому и ведёшь себя агрессивно. Ведь для любой женщины это горе — не иметь детей. А вы с Маурисио такая красивая пара... — Берта глянула в лицо Данте, который побледнел не меньше своей возлюбленной, — вы с маркизом могли бы стать хорошими родителями для Пепе и Нанси.

— Нет, — сухо отрезала Эстелла, смахивая слёзы со щёк, и процедила сквозь зубы: — Первое: с Маурисио я развожусь. Всё, с меня хватит, я устала быть марионеткой в чужих руках! Я уже поговорила с дядей Ламберто. Как только мы приедем в Байрес, он займётся этим вопросом. И второе: с чего вы взяли, что я страдаю, сеньора Берта? — Эстелла нарочно не назвала бабушку «бабушкой», чтобы отомстить за тот вздор, что она нагородила. — Да я счастлива, что мне не придётся мучиться и кого-то рожать!

— Но... ты не можешь говорить такие вещи, это ужасно, это грех, — забормотала бабушка. — Да и они же твои племянники!

— Они мне племянники только наполовину. Вы забыли, что у нас с Мисолиной разные отцы?

— Но ежели я помру, кто ж о них позаботится?

Эстелла закатила глаза.

— Если они вам надоели, сеньора, сдайте их в приют! — выдала она и пустилась наутёк. Галька, которой была усыпана кладбищенская тропинка, разлеталась под её каблуками во все стороны.

Данте был изумлён, услышав такие речи. Интересно, что так повлияло на Эстеллу? Неужто смерть Роксаны и Мисолины? Или её всё достало? А может, может, это ему-таки удалось вытрясти из неё стереотипы, вбитые воспитанием? Когда-то он об этом мечтал, надеясь, что из маленькой девочки, закованной в кандалы общественных догм и предрассудков, она превратится в женщину свободную, со своими принципами, со своей моралью. И вот, кажется, получилось. Хотя это был длительный процесс, и, возможно, не столько он, сколько сама жизнь изломала всё ненастоящее, несвойственное натуре Эстеллы. И Данте усмехнулся этим мыслям. Такой смелой, дерзкой, прямолинейной она нравилась ему ещё больше.

— Это всё ваше дурное влияние, — прошипела Берта, заметив ухмылку на его губах. — Будь проклят тот день, когда вы вторглись в нашу семью! Вы заморочили моей внучке голову!

— Вы ошибаетесь, сеньора, это вы, вы и вам подобные курицы выедают мозг девочкам, с колыбели внушая им разный бред. «Должна то, должна сё...». Да ничего она никому не должна! Эстелла личность и имеет права на свою точку зрения. Как и я, как и все люди на земле. У каждого человека счастье своё. Так что не лезьте к нам и мешайте нам строить жизнь такой, какой её видим мы, а не вы. Отвалите от нас! — и, надменно вскинув голову, Данте ушёл.

Берта только руками всплеснула:

— Катастрофа! Сущая катастрофа! Мало того, что преступник, так ещё и хам! Моя внучка попала в лапы чудовища! Он промыл ей мозги!

До этой ситуации Берта была искренне уверена в своей правоте: когда Эстелла два дня назад покинула её дом, она решила, что девушка страдает при виде детей Мисолины, ведь

она не может иметь своих. Берта не сомневалась, когда она предложит Эстелле взять на себя заботу о Пепе и Нанси, та с радостью согласится. У бабушки и мысли не возникло, что план её полетит в тартарары, и сегодня она хотела вручить Эстелле подарок — брошь в виде лилии, украшенной аметистами, — фамильную драгоценность. Берта уже пыталась подарить её Эстелле в день её свадьбы с Маурисио. Да та не взяла. Но по традиции брошь должна была достаться одной из женщин в семье, и Берта, ошарашенная тем фактом, что Эстеллу не огорчает собственная неполноценность, оставила лилию на могиле у Мисолины.

Алехандро Фрейтас тоже не смог не прийти на похороны. Долго и печально он стоял у могилы Роксаны, украшая её цветами. А после пообещал Лусиано и Ламберто, что будет приходить на кладбище и прикажет соорудить здесь две гранитные статуи — Роксану и Мисолину в полный рост.

— Я хоть никогда и не заботился о них, — сказал он грустно, — но уже начал привыкать к мысли, что у меня есть дочь и внучка. Жаль, что так всё вышло, но знаете, — он протянул руку Лусиано и Ламберто, — я благодарен вам за то, что вы заботились о Роксане, что полюбили её как родную, что она жила в роскоши и ни в чём не нуждалась. Ведь если бы не вы, неизвестно, как сложилась бы её жизнь, — он глубоко вздохнул. — Печально, что у неё был такой скверный характер, и я каюсь в том, что устроил в «Ла Герре». Я хотел преподать ей урок и не думал, что та наша встреча станет последней. Но я хочу, чтобы мы с вами не теряли контакта. Хоть вы и уедете в столицу, знайте, что каждый из членов вашей семьи может всегда обратиться ко мне за помощью. А теперь позвольте откланяться, — Алехандро чуть склонил голову в знак уважения к собеседникам. — Хоть сегодня и тяжёлый день, но мою работу по управлению городом ещё никто не отменял. Я хочу, чтобы Ферре де Кастильо процветал, чтобы люди гордились тем, что живут в этом городе. И я хочу этого не ради славы, а хотя бы во имя памяти моей дочери, — он изящным жестом надел шляпу и ушёл с кладбища, постукивая тростью о гравий.

— Хороший человек этот Алехандро Фрейтас, — молвил Лусиано ему вслед. — Жаль, что мы не познакомились с ним раньше и не узнали всю эту историю. Могли бы дружить семьями. Ох, пойдёмте уже отсюда. Что-то я совсем старый стал, этот жуткий день меня доконал.

— Я вас догоню, — сказал Ламберто, — надо найти Данте и Эстеллу. Не пойму, куда они подевались. Они не могут просто так исчезнуть, ведь завтра мы уезжаем в Байрес. Надеюсь, Данте не передумал.

Кивнув, Лусиано откланялся, а Ламберто оглянулся по сторонам. Данте и Эстеллу он не обнаружил, но зато увидел эффектную брюнетку, одетую в некое подобие амазонки с фраком и жилетом, скроенными на мужской манер. Высоко задирая подбородок, она шла к нему навстречу.

— Ну здравствуй, Ламберто, — сказала женщина, протягивая ему руку.

Он пожал её.

— С кем имею честь, сеньорита?

— До меня дошли слухи, что ты хотел меня видеть. Что ж, думаю, пришло время нам встретиться. Я Клаудия Мариса, твоя сестра по матери, — Клариса (а это была именно она) сощурила глаза, лукаво наблюдая за его реакцией.

Ламберто оглядел её с ног до головы.

— Я действительно хотел тебя увидеть, Клаудия. Ты очень красивая, и ты похожа на нашу мать в молодости, — ответил он. — Я не представлял, как ты выглядишь, и очень рад

видеть тебя, — взяв Кларису под руку, он повёл её по тропинке, что, плутая, рассекала кладбище вдоль и поперёк. — Но объясни мне одну вещь. Моя племянница Эстелла зародила во мне сомнение, что ты и Амарилис — одно лицо. Глядя на тебя, мне слабо верится, что ты могла выдать себя за Амарилис. Все-таки вас двое, не так ли?

Клариса весело расхохоталась.

— Ты правда хочешь это знать, братец?

— Хочу, — уверенно ответил Ламберто.

— Хорошо. Всё элементарно: Клаудия и Амарилис — это один человек. И этот человек я. Мы были подругами, но она умерла, когда на дом моих родителей напали индейцы. Амарилис была у нас в гостях в тот день, и индейцы убили моих приёмных родителей и её, а я спряталась в курятнике. Я видела, как они сняли с них скальпы и подожгли дом. И я решила прийти в семью Амарилис и выдать себя за неё. Зато я жила в роскоши, научилась хорошим манерам и прочему. Я не жалею, что сделала это.

— Но как? — не понимал Ламберто. — Разве родители Амарилис не знали, как выглядит их дочь? Она шатенка, ты брюнетка, у вас разные черты лица, разный рост, разное телосложение.

— Просто я знаю один фокус, — хихикнув, Клариса остановилась на дороге. Окинула взором опустевшее кладбище и щёлкнула пальцами.

Ламберто отпрянул, когда из волос и тела Кларисы повалил синий дым. Секунда, дым рассеялся, и теперь пред ним стояла Амарилис. Элегантная и немного надменная, в бордовом платье в белую полоску, она крутила в руке зонтик.

— Но... но... как? Как это м-может б-быть? — потрясённо заикался Ламберто.

— Всё очень просто, милый братик. Я — ведьма. Самая настоящая. Я умею колдовать и могу превратиться в кого угодно, — Клариса, снова щёлкнув пальцами, обернулась в себя.

— Но... как это? Ведь волшебства не бывает, это всё сказки, — похлопал глазами Ламберто.

— Нет, дорогой мой братик, ты ошибаешься. Волшебство существует, это не сказки. И в твоей семье, могу тебя уверить, это не единичный случай, — ухмыльнулась она. — В твоём роду уже был маг. Твой дедушка Ландольфо, слышал о таком?

— Ну да, слышал, — кивнул Ламберто. — Мне отец о нём рассказывал. Это тот, у которого крыша поехала?

— Именно! Он был колдуном. Сильным колдуном и очень талантливым. Он изобретал зелья, писал магические книги. А способности к колдовству передаются по наследству. Они передались и Данте. Ты разве не знаешь, что твой сын тоже колдун?

Ламберто сглотнул. Он не верил своим ушам и глазам, и Клариса рассудила, что ему нужно время, дабы переварить информацию.

Они вышли с кладбища и остановились у ограды. Ламберто пытался убедить Кларису поехать в замок Рейес, где все собирались после похорон. Клариса упиралась — как и Данте, она не выносила толпу и внимание к себе. Но когда она уже вознамерилась распрощаться с Ламберто, взгляд её упал на симпатичного мужчину, что стоял неподалёку у экипажа. Он разговаривал о чём-то с Данте, Эстеллой и Сантаной, что тоже пришла на похороны.

Ламберто настойчиво внушал Кларисе, что она не может игнорировать свою семью и не должна обижаться на них, ведь они не знали о её существовании, иначе непременно нашли бы её.

— А что это за человек? — рассеяно спросила Клариса, указывая на незнакомца.

— Понятия не имею, — вздёрнул Ламберто брови. — Ну так что, поедem в замок? У нас будет семейный обед. Дело в том, что в таком составе мы соберёмся теперь нескоро. Я убедил Данте поехать со мной в Байрес, правда, у него всё время меняется настроение, он непредсказуем и может отмочить всё, что угодно, но...

— Уж я-то это знаю, — громко расхохоталась Клариса. — Он невыносим.

— Но он согласился поехать со мной, и я не могу упускать шанс забрать сына домой, пока он не передумал. И я хочу, чтобы ты тоже поехала с нами. Ведь ты моя сестра, Клаудия, ты имеешь право жить в нашем семейном гнезде.

— Ну нет, — фыркнула Клариса. — Только этого мне не хватало! Я не хочу никуда ехать, по крайней мере сейчас. Кстати, прекрати называть меня Клаудией, я ненавижу это имя! Называй меня Кларисой.

В этот момент мужчина, на которого пялилась Клариса, обернулся. У него были прозрачно-голубые глаза и чуть седоватые волосы. Это оказался Гаспар. Поймав заинтересованный взгляд, он приветливо Кларисе улыбнулся.

— Но на обед, я, пожалуй, останусь, — решила Клариса, когда Гаспар вместе с Данте и Эстеллой загрузился в экипаж. — Едем, дорогой мой братец!

===== Глава 48. Будни простых аристократов =====

Сидя в экипаже, Эстелла пялилась в окно. В небесах, меняя форму и кружась, плыли пушистые облака. Мимо проносились то редкие кипарисы, то хлебные деревья, то заросли акаций и мимоз. Эстелла, Данте, Лусиано и Ламберто покидали Ферре де Кастильо. Возможно, навсегда. Больше ничто не держит Эстеллу в этом городе. Буэнос-Айрес всегда манил её огнями, широкими проспектами и яркой светской жизнью, в Ферре де Кастильо же она возвращалась ради Данте. Теперь Данте, сидя напротив, стрелял в неё глазами, но Эстелла делала вид, что не замечает его, ибо рядом находились два цензора: дедушка и дядя.

Бесспорно, Ламберто был лояльнее, чем его отец — консерватор до мозга костей. Вчера, после семейного обеда, дедушка Лусиано взорвал Эстелле мозг. Ламберто накануне пообещал, что займётся её бракоразводным процессом с Маурисио, но Лусиано категорично этому воспротивился.

— Разведённая женщина в нашей семье! Да не бывать этому! Только через мой труп! — вопил герцог, обычно флегматичный, на сей раз он был взбешён. — Я второй советник вице-короля! Я аристократ! У нашей семьи безупречная репутация, а вы хотите её запятнать? Не понимаю, как можно желать развестись с Маурисио Рейесом?! Да любая женщина мечтает о таком муже: умен, воспитан, богат, знатен. Что вам ещё надо? Вы не цените то, что имеете! Роксана ничему вас не научила, у вас такая же дурная голова, как и у вашей матери!

Эстелла упрямо доказывала, что её брак с Маурисио не совсем действителен. Ламберто был на её стороне: у женщины не может быть двух мужей одновременно, и все последующие браки легко расторгнуть, главное, чтобы первый брак был заключен как положено. Тут-то и возник камень преткновения, ибо Эстелла вынуждена была рассказать, что они с Данте не венчались в церкви.

— Да вы с ума сошли, Эстелла! — вознегодовал дедушка Лусиано. — Если бы вы обвенчались, ещё можно было бы аннулировать второй брак, избежав формулировки «развод», но вы хотите настаивать в суде на законности языческого брака? Да нас поднимут на смех, а потом самих отдадут под суд!

— Эстелла, — закивал Ламберто, — тут я вынужден согласиться с отцом. Действительным считается лишь брак, заключённый в церкви. К сожалению, реалии таковы,

что религия тесно переплетается с политикой и законодательством, и игнорировать церковные постулаты мы не вправе. Если в суде выяснится, что ваш с Данте брак заключён по языческому обряду, мы не только проиграем процесс, но ещё и подвергнемся обвинениям в ереси. А мы с Его Сиятельством занимаем слишком высокие должности при дворе, чтобы втягивать нашу семью в такой скандал. Да и, честно говоря, с епископом я связываться не хочу, это тот ещё жучара. Так что, Эстелла, вам придётся смириться. Маурисио Рейес останется вашим мужем.

Эстелла этого не ожидала, уверенная, что их брак с Данте абсолютно законен.

— Но неужели ничего нельзя сделать? — всхлипнула она жалобно. — Я не могу, не хочу жить с Маурисио. Я его не люблю, я люблю Данте! А Маурисио... он, он чудовище.

— В этом случае только развод, — вздохнул Ламберто. — Но развод — это головная боль, Эстелла, и это такой длительный и скандальный процесс, что если его начать, можно об этом пожалеть.

— И это страшный позор, — добавил Лусиано.

— Ну а если доказать, что Маурисио надо мной издевается? — не унималась Эстелла.

— Даже если вы найдёте аргументы и доказательства, не думаю, что Маурисио промолчит в ответ. Он наверняка встречно обвинит вас в прелюбодеянии.

— Ну и что? Пусть обвиняет! Я тоже могу порассказать кое-что! — топнула Эстелла каблучком.

— Ох, Эстелла, в вас ещё играет юность, — покачал головой Ламберто. — Вы многого не понимаете и из-за своей инфантильности понять не хотите. Когда инициатор развода мужчина и у него на то веская причина — поймал супругу на измене или она бесплодна, или умалишённая, если он сможет что-то доказать, то получит развод. Хотя и отвернёт от себя наше закостенелое общество. Но если инициатива развода исходит от женщины, это очень, очень сложно. Это почти невозможно. Во-первых, всё законодательство составлялось мужчинами и для мужчин. Во-вторых, рукоприкладство мужа в отношении жены — это не преступление, нет закона, по которому его можно остановить. И, в-третьих, если Маурисио заявит в суде, что поднял на вас руку из-за измены, вы угодите в башню за прелюбодеяние.

— В общем, — подытожил Лусиано, — всё останется на своих местах. Никаких разводов и судилищ мы устраивать не будем. Вы маркиза Рейес и будете ею до конца вашей жизни или жизни вашего супруга. И запомните, Эстелла, вы должны вести себя, как подобает замужней даме, — никаких безумных выходок. А относительно Данте, — герцог обернулся к Ламберто, — маркиз, ему надо дать нашу фамилию.

— Я уже говорил с ним об этом, — Ламберто погладил тонкую бородку двумя пальцами. — Но он не хочет, он невероятно упрям.

— Надо непременно его убедить. А что касается ваших взаимоотношений, — Лусиано глянул зарёванной Эстелле в глаза, — о них придётся забыть. После того, как Данте станет Фонтанарес де Арнау, для всех вы будете кузеном и кузиной. В Байресе никто не знает об истинном происхождении Роксаны, и пусть это останется тайной. Были бы вы не замужем, это другое дело. Но нынче ваши отношения с Данте невозможны. Репутация нашей семьи выше всего, поймите и примите этот факт, Эстелла.

Эстелла, хоть и прорыдала всю ночь, но ещё надеялась: когда они приедут в Байрес и Данте адаптируется в доме, дедушка и дядя смягчатся, увидев, как они оба страдают. Путь предстоял долгий — два дня с остановками для смены лошадей и кучера, и Эстелла не знала как выдержать его, не выдав своих чувств. Ещё с момента похорон Данте бросал на неё

страстно-ласковые взгляды. Эстеллу они и сводили с ума, и причиняли ей боль.

Клариса в Буэнос-Айрес так и не поехала — прошедший накануне семейный обед, хоть и расставил все точки над «и», но не уломал ни Кларису, ни Данте быть к родственникам снисходительнее. Да и ещё одной причиной, по которой Клариса осталась в Ферре де Кастильо, неожиданно стал Гаспар. Эстелла не понимала, чем этот бесхребетный тьюфак заинтересовал самодостаточную Кларису. А, может, дело в чём-то другом? Мало ли что у Кларисы на уме. Но вчера Гаспар полдня оказывал Кларисе знаки внимания и отвлёкся лишь раз, поведав Эстелле о её родном отце Рубене де Фьябле, с которым когда-то они были дружны. Рассказал и о любви Рубена и её матери. Подробностей Эстелла не знала, поэтому слушала Гаспара, затаив дыхание. Кто бы мог подумать, что холодная, как льды Антарктики, Роксана в восемнадцать лет натуру имела страстную. Полюбив Рубена, она писала ему пылкие записки на адрес Гаспара.

— А зачем он выдавал себя за вас и обманывал маму? — спросила Эстелла.

— Он хотел произвести на неё впечатление, — ответил Гаспар печально. — Кто-то вбил Рубену в голову, что женщин привлекают мужчины в военной форме. Вот он и назвался карабинером, чтоб выглядеть в глазах Роксаны эдаким отважным кабальеро. На самом деле он даже верхом не ездил.

— Он был таким трусом? — разочарованно воскликнула Эстелла.

— Нет, Рубен не был трусом, но больше всего он любил себя, комфорт и благополучие, вплоть до того, что, испачкав туфли, готов был истерить из-за этого несколько часов. Какие уж тут лошади? Он боялся выглядеть небезупречным. Хотел быть совершенством во всём и не желал браться за что-то, не будучи уверенным, что сделает это идеально. А в глазах женщин он хотел представлять героем.

Эстелла недовольно поморщилась, вспомнив, как однажды Данте спас её от разбойников. А ещё он защищал её, когда Маурисио вздумал их пытать. Данте готов был умереть за неё. Он настоящий герой, а её отец... Это большой вопрос. Можно сколь угодно притворяться, но стоит попасть в ситуацию, где надо проявить героизм, так «герой» мигом и сдуется.

В конце беседы Гаспар подарил Эстелле портрет её отца. Разглядывая его, Эстелла сочла: Рубен был очень красив, один из самых красивых мужчин, что она когда-либо видела, не считая Данте. Не зря Роксана так влюбилась — молодые девушки нередко очаровываются красавчиками. Эстелла не хотела верить, что её отец был мерзавцем, но всё указывало на то, что Рубен Роксану не любил — у него была натура ловеласа, коллекционера женских сердец.

Пока Эстелла размышляла об отце, о вчерашнем обеде и иных семейных вопросах, экипаж всё удалялся и удалялся от родного ей города. Монотонное мелькание пейзажа убаюкивало, погружая в транс. На жгучие взгляды Данте Эстелла не реагировала — было лень шевелиться и не хотелось гневить дядю и дедушку, а хотелось уснуть и проснуться уже в Буэнос-Айресе. И она не брала в толк, что глухая крепость отчуждения между ней и Данте становится всё выше и выше.

А Данте мало создавал что происходит с ним самим, с Эстеллой, с их отношениями. Жутко болела голова, в ушах жужжало, а сердце то и дело подкатывало к горлу. Было бы лучше всё забыть раз и навсегда, отключиться от мира, исчезнув в тумане, что наполняет его мысли, являясь из ниоткуда. Эстелла его не любит и это уже неоспоримый факт. Сегодня с утра Данте чувствовал себя как никогда несчастным. Салазар испарился из его головы, оставив в памяти одни провалы. Он помнил о смерти Мисолины и Роксаны, помнил, как

спасал Эстеллу из огня, и даже помнил, что Ламберто его родной отец. Но мысли путались, теряясь где-то между прошлым и настоящим. Помнил Данте и разговор с Эстеллой на берегу реки, когда она сказала, что любит Маурисио, помнил тюрьму и Жёлтый дом, но всё, что происходило между этими событиями, будто закрасили чёрной краской.

Тайком вздохнув, Данте прижался щекой к тёпленькому бочку Янгус, что горделиво восседала на его плече. Та нежно булькнула, ероша перья и напоминая пушистый шарик. Данте жмурился, сдерживая слёзы. Любовь, это жестокое, мучительное чувство, за столько лет так и не покидало его сердце. Но гордость была сильнее, сильнее даже самой невыносимой муки. Нет, он не позволит никому над собой потешаться!

— Данте, не понимаю, зачем ты взял с собой эту птицу? — подал голос Ламберто. — Можно было в Байресе купить другую, да и там у нас в саду живут павлины, они очень красивые.

— Мне не нужны павлины, — глухо отозвался Данте. — Я не предаю друзей, а Янгус — мой друг.

Этот диалог вывел Эстеллу из полусна. Украдкой она посмотрела на Данте, но тот, глядя в угол, тёрся щекой о Янгус.

— Ты так любишь животных? — улыбнулся Ламберто.

— Да, люблю. Животные гораздо лучше людей, — исподлобья сверкнул глазами Данте. — Они никогда не обманут и не предадут. Люди же делают это всегда.

В груди у Эстеллы кольнуло — она слышала эти слова из уст Данте много раз, но теперь они явно относились к ней. Ну зачем он так? Ведь сердцем она никогда его не предавала, даже будучи близка с Маурисио.

— Кстати, дядя, а лошади, Алмаз и Жемчужина, они ещё там, в конюшне? — Эстелла попыталась смягчить разговор, который Данте уводил в агрессивное русло.

— Стоят себе, куда они денутся, — ответил Ламберто. — Конюхи ухаживают за ними, чистят, расчёсывают, выводят на прогулку.

— Слышишь, Данте, Алмаз и Жемчужина в доме дяди и бабушки! — весело сказала Эстелла.

В грустно-обречённом взгляде Данте что-то мелькнуло, что-то тёплое, живое, хотя и мало похожее на радость. Сейчас глаза у него были ярко-синие, как два чистейших сапфира.

— Я рад, что наши лошади живы и здоровы, — тихо сказал он, глядя на янгусовы лапы. — Я бы хотел их увидеть.

— Ты их увидишь, — Ламберто изумляло поведение Данте, его бесконечные перепады настроения от печали до агрессии, от нежности до злости и обратно — и всё в течение пяти минут. И Ламберто не знал, как искать подход, чтобы не настроить Данте против себя окончательно. До чего же тяжёлый характер!

— Кстати, дядя, а как же мне быть с ветеринарной клиникой? — вспомнила Эстелла. — Я же уехала, просто закрыв её на ключ.

— Она принадлежит вам или Маурисио?

— Мне. Маурисио купил помещение и записал его на моё имя, он сделал мне подарок, — объяснила Эстелла.

— Ваш супруг очень щедр, — отозвался молчавший до этого Лусиано. — Ясно, что он любит вас, раз делает такие подарки. По-моему, всякая женщина счастлива, когда любима.

Эстелла, безмолвствуя, на Данте глянуть не осмелилась. Тот, закусив губы, отвернулся к окну. В голубых небесах танцевали белые облака. Данте притворился, что изучает их форму,

но он не видел ничего — перед глазами всё плыло. Янгус ласково трепала его клювом за ухо. Ну зачем, зачем он попёрся в столицу? Он будет жить в одном доме с Эстеллой. Он будет ежедневно слушать разговоры о Маурисио, а то и встретит его самого, станет невольным свидетелем их отношений с Эстеллой. Неужели ему мало мук?

— Думаю, что помещение клиники можно продать и подыскать другое в Байресе, — рассуждал Ламберто.

— Но я больше не хочу заниматься клиникой! — заявила Эстелла. — Знаете, дядя, я поняла, что медицина — это не моё. Лечить людей я не могу, ведь я брезгливая. С животными проще и я их обожаю, но я бы предпочла дружить с ними и любоваться на них, чем ковыряться в их болезнях.

— Так чего же вы хотите, Эстелла? — хором удивились Лусиано и Ламберто столь внезапной перемене.

— Не знаю... — повела плечиком Эстелла. — Я люблю рисовать, вышивать, танцевать, я люблю красивые наряды, драгоценности, балы, — перечисляла она лениво. — Но я не хочу бить баклуши в четырёх стенах, как большинство аристократок. Я бы с удовольствием занялась каким-нибудь делом. Но я не знаю, что могло бы мне понравиться. Мне быстро всё надоедает. Я не могу подолгу заниматься одним и тем же.

— А я вам ещё давно говорил, Эстелла, что вы могли бы стать художницей, — напомнил Ламберто. — Рисуете вы превосходно. Мы можем организовать выставку ваших работ.

— Это было бы замечательно, — Эстелла на миг задумалась, и губы её расползлись в очаровательной улыбке. — О, дядя, у меня возникла идея! Может, мне открыть салон мод? Вы только представьте, я буду придумывать и рисовать эскизы нарядов, шляпок и зонтиков, портные будут шить, а потом мы устроим показ, куда созовём все сливки общества.

— А в этом что-то есть, — одобрил Ламберто, почесав кончик носа. — Дама с безупречным вкусом, придумывающая наряды для дам, у которых этот вкус не столь безупречен. Знаете, многие, даже очень богатые женщины не умеют одеваться и порой выглядят, как рождественские ёлки. Думаю, вы могли бы испытать себя на этом попроще. А я вам помогу.

Эстелла захлопала в ладоши, подпрыгивая на сиденье, как маленькая избалованная девочка.

Слушая это светское чириканье, Данте прижимался лбом к окну. Кусты и деревья сменили равнины с травой, доходящей аж до колен. Когда-то они с Эстеллой гуляли по такой траве, держась за руки, или лежали в тени деревьев, покрывая друг друга поцелуями. И не представляли иной жизни. Теперь она мечтает о судьбе светской львицы, о нарядах, салоне моды, о шляпках и зонтиках, чтобы украшать ими своих безвкусных подруг-аристократок, хотя грезил о профессии лекаря. Разочаровалась в своей мечте, разочаровалась и в нём, и в любви к нему. Конечно, Маурисио Рейес позволяет ей капризничать. Вот взял и купил помещение для клиники, что просуществовала пару месяцев, дабы супруга потешила своё самолюбие. С таким же успехом купит и помещение для салона мод. Данте всегда казалось, что они с Эстеллой похожи. А нынче она изменилась, стала чужой, у неё появились интересы, которые ему не близки. Они отдалились друг от друга, он не нужен ей со своей больной головой, маниями, фобиями, навязчивыми мыслями и мизантропией.

Он вновь один, но среди толпы родственников, делающих вид, что о нём заботятся. А

единственный человек в мире, который ему нужен, — Эстелла, далека от него, как луна от морского дна.

Три месяца пролетели как по-волшебству. Жизнь Данте и Эстеллы в доме Фонтанарес де Арнау мало-помалу входила в колею. Наступил сентябрь, тёплый, но влажный и ветряный. Данте любил такую погоду, хотя она не соответствовала той болезненной засухе, что поселилась в его душе.

Эстелла плавала в волнах светской жизни как рыба в воде. Дядя Ламберто слово своё сдержал: он нашёл покупателей на помещение ветеринарной клиники в Ферре де Кастильо, а затем подыскал местечко в Байресе для открытия салона мод. И теперь Эстелла целыми днями руководила ремонтом, нанимала работников и работниц и рисовала эскизы для будущих моделей. Про Данте она забыла (так ему казалось), хотя жили они под боком друг у друга.

Дворец Фонтанарес де Арнау располагался на углу улицы Сан-Тельмо. Дом напоминал старинную крепость, выстроенную по кругу, так как имел внутренний дворик с фонтаном, цветником из редких видов роз, включая зелёные, голубые и чёрные, и вольтерой, где разгуливали павлины. От посторонних взглядов дворец защищал гигантский сад, а также часовые с карабинами наперевес.

Ещё здесь была конюшня с тридцатью великолепными скакунами. Несмотря на протесты отца и деда, уверявших, что аристократ не должен самолично запрягать и чистить лошадей, Данте навещался туда постоянно. Ухаживал за Алмазом и выезжал на нём на прогулку. Среди роз, лошадей и птиц Данте находил небольшое, но успокоение. Огромный же дворец, с кучей всевозможных вещей, роскошными залами, спальнями и бескрайней библиотекой, Данте не радовал. Сердце его изнемогало от тоски по свободе и от любви к Эстелле, а дом казался холодным, помпезным, как кафедральный собор. Куча слуг ходили за Данте по пятам, не позволяя ему даже поднять упавшую одежду, а он не мог запомнить их лиц и имён. Узнавал только Либертад, что (по желанию Эстеллы) стала экономкой вместо доньи Фионы, скончавшейся пару месяцев назад.

Эстелла обитала в левом крыле дома, в спальне, что именовалась «Лазурное небо». Данте слышал это название от слуг, но за три месяца ни разу там не был. Сам он жил в правом крыле — в комнате с мебелью чёрного дерева и стенами, обитыми алым бархатом. В кровати, круглой как солнце, застеленной шёлком, можно было утонуть; ворс ковра ласкал стопы, напоминая лебяжий пух; в ванной, с полностью зеркальными стенами, Данте мог наблюдать себя во всех ракурсах; гардеробная, зона отдыха, квадратный балкон, выходящий во дворик — всего не перечислить. Хотя Данте никогда и не видел такой роскоши, но в этом мавзолее ему было скучно. Часами он любовался статуэтками, шкатулками, изучал содержимое ящиков, таскал книги из библиотеки. И, читая их, не ощущал ничего. Даже самые невероятные бредни авторов не вызывали у него фантазий, картинок в голове, как это было раньше. Меланхолия, боль и любовь грызли ему душу. Эстеллу он видел за завтраком, обедом, ужином и послеполуденным чаем — временем, когда трапезничать собиралась вся семья. Эстелла, увлечённая модным салоном, лишь о нём и болтала, а на Данте смотрела, как на предмет интерьера.

Данте же, сидя за длинным белоснежным столом, уставленным кучей приборов, блюдами и лакомствами, от которых слюнки текли, еле-еле заставлял себя проглотить хоть что-нибудь. Он ловил каждое движение Эстеллы, каждую улыбку, каждый жест. Видеть её, смотреть на неё — это стало больной необходимостью, такой важной, что она затмевала

собой всё. Он ждал этих мгновений, но они не дарили ему счастья, лишь продлевали лихорадку, с которой он засыпал и просыпался. Слушая её звенящий голос, её рассказы о том, как великолепно отделали фасад салона, Данте почти не дышал. Сердце кровоточило и трепетало. Это были единственные минуты, когда он видел Эстеллу. В иное время они не встречались и не общались. Эстелла возвела между ним и собой каменную стену, а пробить её нахрапом Данте не давала гордость. Ни за что не пойдёт он выпрашивать любовь, лучше сдохнет.

Агонии Данте суждено было усилиться, когда через две недели явился Маурисио. И Эстелла, ещё мечтавшая о примирении с Данте, испытала досаду. А он вёл себя как ледышка. Не подходил с ней, не вызывал на разговоры, не ловил её за какой-нибудь колонной, хотя Эстелла ждала, что он проникнет в её комнату, схватит её и всю зацелует. Куда там! Данте и не шевелился, и Эстеллу это злило.

Наверное, Данте, не выдержав этой пытки, стал бы искать встреч с любимой, но приезд Маурисио смешал все карты. Эстелла не догадывалась, что приехал маркиз по просьбам дедушки Лусиано, которого волновало, как бы Эстелла и Данте не натворили глупостей.

Водворившись в доме, Маурисио вёл себя как хозяин, вид имел самодовольный и глядел на Данте свысока. Обманчивое равнодушие Данте бесило Эстеллу. Она жаждала приступов ревности, взрыва эмоций, но Данте напоминал мумию, и Эстелла готова была запустить в него блюдом с жареной куропаткой. Нет, Данте больше её не любит, это очевидно. Зато настроение Маурисио менялось ежедневно: он бывал то злым и жестоким, а то ласковым и галантным. То размахивал револьвером перед её носом, а то засыпал подарками в виде платьев и драгоценностей.

Эстелла жила как на вулкане и, чтобы отвлечься, вздумала устраивать приёмы для налаживания контакта с известными аристократическими семьями Буэнос-Айреса и завоевания будущей клиентуры. И теперь по пятницам в её гостиной собирались дамы всех возрастов — богатые и жутко чванливые. Они приходили в обед, вышивали, сплетничали, делились рецептами и обсуждали наряды. Эти нудные посиделки перетекали в ужин, к которому являлись и мужчины: мужья, братья, отцы, сыновья, и пятница превращалась в балаган. В эти дни Данте смывался из дома, сам себе устраивая экскурсии по Байресу. Он изучал улицы и улочки, площади и аллеи, каждый уголок, каждый закоулок. Его очаровывали широкие проспекты, но раздражали люди; кружили голову разодетые манекены в витринах и бесили докучливые приказчики. Он слонялся по городу до ночи, чтобы не лицезреть эстеллиных гостей. Диво, но в эти дни личина Салазара Данте не посещала — так у него захватывало дух от ярких эмоций, и положительных, и отрицательных. Ликование, счастье, любовь, боль, ненависть — всё смешалось в сердце, не оставляя Данте наедине с мыслями. Он не думал ни о чём, переживая гамму чувств, силой доходящих до крика: утром от восторга, когда скакал на Алмазе по оживлённому, бесконечному бульвару Аламеда, и ночью, умирая от горя и страсти. Вопреки ненависти к людской ораве, Буэнос-Айрес Данте полюбил самозабвенно. Он же так мечтал жить в городе! Мечтал стать кем-то значимым в глазах людей, в глазах самого себя, а не пастухом, в которого пальцами тычут. Ныне, если кто и тыкал, то от любопытства. «Это сын Его Сиятельства маркиза Фонтанарес де Арнау», — шептались у Данте за спиной. Сперва ему это досаждало, но, в итоге, польстило. И из Данте опять вылезло тщеславие.

Хитрый Ламберто мигом засёк в сыне эту параноидальную жажду утереть всем носы и, убедив его взять свою фамилию, отписал на его имя часть состояния. Данте противился

этому, пока не осознал: это право есть у него от рождения, и все, все, кто раньше попрекал его статусом, и подошвы от его ботинок не стоят. Он аристократ! И однажды наступит день, когда он плюнет в лицо всякому, кто посмеет его унижить.

Лусиано быстро выбил для Данте титул виконта, и теперь его именовали не иначе, как Ваша Милость. Правда, в светское общество Данте ещё не ввели — Ламберто счёл, что его надо научить правильно говорить, эффектно одеваться, этикету при общении с дамами и пожилыми, и с людьми, которые выше его или ниже по статусу. До Ламберто всецело дошло, что Данте надо объяснять всё на пальцах, в тот день, когда он швырнул в горничную Лею сапог.

— Таким поведением ты ставишь себя на одну ступень с теми, кто ниже тебя, — настойчиво внушал Ламберто. — Истинные аристократы уважают людей, которые им служат. Прислуга не должна тебя бояться. Надо быть твёрдым и решительным, но и великодушным. Надо уметь приказывать, не оскорбляя их чувств, но надо и прощать их оплошности. Тогда они осознают вину, а тебя сочтут справедливым и добрым хозяином.

— Почти как с лошадьми, — буркнул Данте угрюмо, и Ламберто рассмеялся.

— Ну, можно сказать и так. Представь, что твои слуги — это лошади. Ты же не кидаешь в лошадь сапог, если она не подчиняется?

— Конечно, нет!

— Тогда зачем ты бросил сапог в Лею?

— Потому что она дура безрукая и пролила на меня кофе! — выпалил Данте, скрепя зубами. — А лошади — умные животные. Люди и животные несравнимы, животные намного добрее, преданней и умнее.

— Ну хорошо. Попробуй всегда, когда злишься на человека, представлять его каким-нибудь животным, — посоветовал Ламберто. — И поступай так, как вёл бы себя с животным.

— Это сложно, — заупрямился Данте. — Животные хорошие, они никогда не обидят первыми, и я их люблю. А люди твари, и я их ненавижу!

— Как же с тобой тяжело!

— Если я вас не устраиваю, я могу уйти жить в лес! — парировал Данте, вскочил и убежал, хлопнув дверью.

Ламберто только вздохнул. Он не понимал, что дело не в кофе и не в конкретной служанке. В Данте кипело ощущение власти, того, что он может командовать, помыкать, унижать, как когда-то унижали его. Это была своего рода месть, месть людям за искалеченные детство и юность.

Однако, Данте задело, что его считают тупым, и он, аки попугай, стал подражать Ламберто в элегантной манере одеваться, завязывал волосы в хвост и говорил, чуть растягивая слова. Как дедушка Лусиано он курил сигару, закинув ногу на ногу и читая «Правдивый вестник» — столичную новостную газету. Также Данте купил себе золотые часы на цепочке и теперь поглядывал на них, ежеминутно вынимая из кармана. Он стал носить цилиндр и белые перчатки и постоянно менял трости, различавшиеся цветом, формой и дороговизной набалдашника. Он унизывал пальцы перстнями, приглашал на дом цирюльника и забил гардероб модными нарядами ещё и на зло Маурисио, желая доказать своё превосходство.

По истечении трёх месяцев Данте добился ошеломительных результатов — фактически стал другим человеком, аристократом с хорошими манерами и элегантностью инфанта. Но в

душе он оставался всё тем же диковатым, обиженным на весь мир и никем непонятым мальчишкой, ухватив только внешний лоск из-за ревности и любви, что правили балом в его сердце по двадцать четыре часа в сутки.

В одну из знаменитых эстеллиных пятниц, гремевших на весь Буэнос-Айрес, Лусиано с заговорщическим видом шепнул Данте, чтобы тот оставался дома, ибо придут важные гости. И это станет его первым официальным выходом в свет.

«Важными» гостями оказалось семейство Мендисабаль: блондинка с копной кудряшек и остреньким носиком по имени Леонела, её отец-банкир Браулио Мендисабаль и мать Кандида — местная дама-патронесса и сплетница. Эстелла не переваривала эту чванливую куклу Леонелу, а когда до неё дошло, что Лусиано затеял сосватать их с Данте, у девушки в груди взорвался вулкан.

Данте явно приглянулся семейству банкира: хорош собой, воспитан, богат, знатен — отличная партия для всех девиц на выданье. Леонела упорно напоминала Эстелле Мисолину, может быть, ещё и поэтому вызывала у неё негатив. Вот курица! Да как она смеет пялиться на Данте? Чтоб у неё глаза вытекли! Сам Данте вёл себя любезно, поддерживая беседу и обмахивая сеньориту Мендисабаль её же веером. Эстелла готова была вцепиться обеими руками девице в горло и душить, душить, душить. Самое обидное, что поблизости ещё и маячил Маурисио — по пятницам он всегда уезжал по делам, но сегодня остался. Как будто на зло.

Глядя, как Данте смеётся, угощая Леонелу пирожными, а дедушка шепчет Ламберто, что намерен породниться с Мендисабальями и приобрести акции Национального банка, которым владел Браулио, в Эстелле закипела обида.

Ах, вот они как! И дедушка, и дядя знают, что она любит Данте. Знают и сватают к нему эту пигалицу. Данте тоже знает, что Эстелла любит его, но заигрывает с другой. Холодная ярость окутывала Эстеллу, и она задыхалась, как рыбка, выброшенная на сушу.

Будучи расстроена, она даже не прочла письмо, доставленное посыльным из Ферре де Кастильо. Шмякнув его на туалетный столик, заперла дверь и бросилась в кровать. Всю ночь рыдала в подушку и к завтраку вышла хмурая и злая.

А у Данте ум за разум заходил от отчаянья — его попытка вызвать у Эстеллы ревность с треском провалилась. Он ожидал, что Эстелла выскажет ему неудовольствие из-за его ухаживаний за Леонелой Мендисабаль. И тогда он обнимет её, признается в любви, и она останется с ним до рассвета. Данте метался по комнате, как лев по клетке, вслушиваясь в любой звук, но Эстелла так и не пришла. Его это ошеломило. Какой же идиот! Чего он хотел этим добиться, ведь ясно как день — она любит Маурисио. На что он надеется, почему никак не поймёт, что между ними всё кончено? От бессонницы у Данте началась мигрень. В висках стучало, он не мог внятно говорить и к завтраку вышел еле живой.

Эстелла заметила, что он какой-то неадекватный, весь дёрганный, нервный и... красивый. Она невольно им залюбовалась, хотя Данте был страшно бледен, а очи его сияли, как у кошки в темноте. Эстелла уже готова была простить ему, что он угощал пирожными Леонелу Мендисабаль, так захотелось ей Данте приласкать, но Лусиано всё испортил. Сверкая улыбкой, он сообщил: сегодня утром он купил акции Национального банка, а заодно встретился с Браулио Мендисабалем, и они обсудили свадьбу Данте и Леонелы. В ответ на шокированный взгляд Данте, дедушка радостно поведал, что брак этот — дело решённое. Через три месяца состоится обручение, а сама свадьба ещё через полгода — так требуют правила приличия.

Эстелла готова была выть от ревности, отчаянья и гнева, да ещё проблем ей добавил Маурисио, заглянув в её комнату и пообещав, что ночью придёт за супружеским долгом.

— Провалитесь вы уже в ад! — в сердцах бросила Эстелла ему в лицо и залезла в шкаф, вытряхнув из него одежду.

Маурисио крутил пальцем у виска, а Эстелла, рыдая, просидела в шкафу до обеда.

Но на трапезу Данте не явился, чем вызвал общее неодобрение. Эстелла насуплено молчала и, не съев ни кусочка, ушла в оранжерею. С упорством, достойным ордена, до ужина она вытирала пыль с растений и считала количество лепестков на орхидеях. Этот предатель Данте собрался жениться. Ну и пожалуйста, хоть десять раз! Ей наплевать, у её есть дела поинтереснее, например, пересчитать камушки в аквариуме. Что может быть важнее?

А Данте был взбешён. Он не привык, чтобы кто-то совал нос в его личную жизнь, в его чувства, в его отношения с женщинами. Да пошли они все к дьяволу! Никто не заставит его жениться на какой-то дуре. И никто не запретит ему умереть от любви к Эстелле. У Данте уши закладывало от эмоций и, не зная как успокоиться, он ходил из угла в угол. Янгус, что он поселил с собой в комнате, переминалась на жердочке, шелестя крыльями и бормоча что-то на своём, на птичьем.

В знак протеста Данте не вышел к обеду, за что получил втык от Ламберто, но дал отпор, заявив, что не женится на Леонеле Мендисабаль, даже если земля посинеет.

— Но, Данте, у нас так не принято, — возразил Ламберто. — Если вы упираетесь рогом из-за Эстеллы, то это напрасно. Она никогда не будет с вами. Брак её с Маурисио Рейесом абсолютно законен, потому что венчан в церкви. Вы должны забыть о детских глупостях и жениться на Леонеле Мендисабаль. Это очень выгодный брак, лучше невесты вам не найти во всём вице-королевстве. Она красива, её легко полюбить, надо лишь приложить немного усилий. Отец уже обо всём договорился и отступать поздно, мужчины в нашей семье держат своё слово. Браки не должны заключаться по велению сердца, Данте, лишь по воле разума.

— Поэтому вы не женились на моей матери, да? — выплюнул Данте. — Видимо, вы и ваш папаша сочли, что она не достойна вашей благородной фамилии? Тогда я тоже не хочу быть достойным вашей фамилии. Отвалите от меня! Я не буду жениться на женщине, которую не люблю, будь у неё хоть голубая кровь, хоть фиолетовая!

Ламберто крыть было нечем, и он ушёл с тяжёлым сердцем, сетуя, что с Данте хлопот не оберёшься. Он не сказал отцу, что Данте не жаждет породниться с Мендисабальями — Лусиано был так доволен заключённой сделкой, что Ламберто не стал портить ему настроение, веря, что Данте одумается.

А Данте хотелось и Ламберто, и Лусиано, и всё семейство Мендисабаль, насадив на вертел, медленно поджарить на костре. Тайком оседлав Алмаза, он уехал из дворца, проигнорировав и ужин.

Отсутствие Данте разозлило герцога и маркиза. Они велели Либертад сходить за ним, но когда та сообщила, что, по словам конюха, Данте ускакал верхом, Лусиано окончательно выпрыгнул из подштанников.

— Такое неуважение к себе я наблюдаю впервые! — вопил он, вытирая пот со лба накрахмаленным платком. — Не являться за стол! Где это видано? Правила этого дома едины для всех! Они установлены ещё нашими предками и никто не смеет их нарушать! Ясное дело, он вырос среди крестьян и ему закон не писан!

Эстелла же, слушая эти возгласы, решила, что Данте уехал на свидание с Леонелой Мендисабаль. Когда он влюблён, он вытворяет глупости. А то, что он влюблён в эту девицу,

уже не вызывает сомнений. Эстелла сама себя накрутила, сама себя убедила в том, что Данте на свидании с другой, и из головы её от ревности улетучилось всё здравомыслие.

Около полуночи она спустилась вниз. В доме уже было темно — прислуга, загасив огни, легла спать. Эстелла на цыпочках скользнула в кабинет, заставленный дубовой мебелью. Она хотела найти покой, а заодно спрятаться от Маурисио. Тот грозился прийти ночью, а ей совсем не до него, ведь Данте влюбился в эту Леонелу. О, он наверняка сейчас целует её в губы также, как целовал и Эстеллу. Вообразив себе эту картину, Эстелла сжала кулаки. Убить бы их обоих, чтобы знали, как издеваться над ней!

Кукушка в старинных часах прокуковала полночь, и дверь открылась. Кто-то озарил темноту свечой.

— Вот вы где, — сказал Маурисио шёпотом. — А я ищу вас по всему дому. Что вы тут делаете?

— Это не ваше дело, — огрызнулась Эстелла. Даже ночью ей нет покоя. Как же всё достало!

— Не надо грубить, дорогая, — укорил Маурисио. — Вы моя жена и должны меня слушаться. Разве я не сказал вам, чтобы вы сегодня ожидали меня? И что же? Я захожу в вашу комнату, а вас там нет. Вы совсем меня не уважаете.

Эстелла молчала, едва сдерживаясь, чтобы не влечь Маурисио затрещину. Каков гад! После всего, что он вытворял, он ещё и требует уважения. Двумичный дегенерат!

С тех пор, как Маурисио приехал в Байрес, Эстелла его к себе не подпускала — из-за присутствия Данте ей было неловко, хоть он и жил в другом крыле. Она находила кучу предлогов и отговорок, чтобы не впускать Маурисио ночью. Тот злился, грозясь её наказать, но Эстелла не сдавалась.

В пламени свечи лицо Маурисио выглядело зловеще, и Эстелла испугалась: а вдруг он опять её изнасилует.

— Чего вы хотите? — спросила она, цедя слова. — Вам нравится надо мной издеваться, да?

— О, ну что вы, дорогая! Я вас очень люблю, но я имею права требовать исполнения супружеского долга, — водрузив свечу на стол, Маурисио прижал Эстеллу к книжному шкафу. В руке его блеснул стилет.

— Вы что совсем из ума выжили? — прошипела Эстелла. — Вы не мужчина, размахиваете стилетом вместо того, чтобы меня приласкать! Вы не умеете обращаться с дамами, но требуете, чтобы вас любили. Да как вас полюбишь, если вы ведёте себя, как скотина?

— Но вы сами меня на это толкаете, — пояснил Маурисио. — Вы сводите меня с ума, Эстелла. Я вас люблю, я вас обожаю, а когда вы сопротивляетесь, как дикая кобылица, это доводит меня до бешенства, — и Маурисио не поцеловал её, нет, он вгрызся ей в губы так, что пошла кровь.

Он совсем озверел, если она не уступит, он будет бить её и насиловать. А это самое страшное.

— Хорошо, — промямлила Эстелла, дрожа от гнева и бессилия, — я буду сегодня вашей. Но с условием: вы не причините мне боль. Идёмте наверх.

— Не вам тут ставить условия, — ухмыльнулся Маурисио. — Вы меня разозлили, так что будете делать, что я велю. Я пришёл к вам в спальню, но вы предпочли укрыться тут. Значит, мы тут и останемся.

— Да вы больны! Нас же увидит кто-нибудь!

— Я так не думаю. Уже глубокая ночь и все спят. А дом большой. Если сильно не шуметь, никто и не услышит.

Одним взмахом стилета Маурисио разрезал шнуровку на платье Эстеллы. Бросил стилет в угол и запустил руки ей в корсаж. А Эстеллу настигла апатия. Пускай делает что хочет. Данте всё равно женится на Леонеле Мендисабаль и они явно сейчас предаются любовным утехам.

Маурисио отвлёкся, зажигая три больших канделябра. В комнате стало светло как днём. У Эстеллы был призрачный шанс сбежать, но она и не дёрнулась. Не лучше ли потерпеть пятнадцать минут добровольно, чем недели две залечивать синяки да ссадины? И она поддалась, когда Маурисио, сбросив папки и документы со стола, усадил на него Эстеллу. Сорвал с неё платье, прижал к себе, покрывая поцелуями её плечи и шею.

— Эстелла, не знаю говорил ли вам кто-нибудь, как вы красивы, но вы — само совершенство, вы сводите меня с ума, — шептал он ей в ухо.

Эстелла молчала, думая о Данте. Он же спал со шлюхами из борделя, целовался Мисолиной у неё на глазах, а теперь спит с Леонелой Мендисабаль. Так что и она не обязана хранить ему верность.

В этот раз Маурисио вёл себя жёстко, не церемонясь, но Эстелла ощущала только безразличие, не испытывая ни боли, ни наслаждения. Она пыталась представить, что рядом с ней Данте, но тщетно. Другие руки, другие губы, другой запах... Нет, это не Данте. Всё-таки Маурисио так себе любовник.

Ни охваченный страстью Маурисио, ни оцепеневшая Эстелла и не заметили, как бесшумно затворилась дверь.

Когда всё закончилось, Эстелла молча слезла со стола, также молча оделась и ушла к себе.

Через полчаса она уже лежала в кровати. Плакала, как девчонка, вытирая кулачками глаза. Горечь и омерзение пылали в груди. И ещё у Эстеллы онемел палец, куда было надето кольцо, скрученное из волос Данте. В порыве обиды она сняла его, бросив на комод. Палец мигом обрёл чувствительность, но душе легче не стало. Данте её больше не любит. Он любит Леонелу Мендисабаль.

Заревев в голос, Эстелла уткнулась носом в подушку. Нет никакого выхода из этой ситуации, нет и всё. Так и будет она куклой для Маурисио до конца своих дней. А для Данте она умерла, не существует, теперь у него в сердце живёт другая, эта белобрысая чучундра, дочка банкира. Рыча от злости, Эстелла замолотила кулаками по перине. Хорошо было бы умереть, умереть прямо сейчас. Ну почему, почему она не сгорела в том пожаре, как её мать или Мисолина? Так всем было бы лучше.

===== Глава 49. До чего доводит гордость =====

Прорывав полночи и едва не разорвав на клочки подушку, Эстелла вдруг сообразила: она не выпила траву. Вот дура! Несмотря на диагноз бесплодия, Эстелла ещё боялась последствий близости с мужчинами. К счастью, у неё был запас лекарств. Вскочив с кровати, она отыскала в комодке склянку и выпила её содержимое залпом. Утром, несмотря на недомогание, Эстелла ощущала лишь облегчение. Хорошо, что вовремя вспомнила. Ей и так проблем хватает, чтобы ещё влипать в истории, она же не Мисолина.

Вспомнив о Мисолине, Эстелла брезгливо сморщилась — она презирала сестру даже теперь, когда та лежала в могиле. Зато это навело её на другую мысль. Письмо! Вчера она

получила письмо из Ферре де Кастильо.

Оказалось, что оно упало за туалетный столик. Пришлось выуживать его с помощью зонта, трость которого украшали топазы. В объемном конверте с печатью города Ферре де Кастильо — ветки жакаранды, обвитой алой лентой, находилось ещё два отдельных конверта: один был от бабушки, второй от Сантаны, и оба адресованы Эстелле.

Бегло изучив писанину Берты (Эстелла ещё дулась на неё за сцену на кладбище), девушка разозлилась. Опять тоже самое! И чего бабушке неймётся? Во всех подробностях Берта описывала проделки Пеппе и Нанси, доказывая Эстелле, что они забавные и она должна взять их к себе.

«Какая жалость, что семья наша распалась, — писала бабушка. — Все разъехались кто куда, а я ж так скучаю по временам, когда мы все жили в одном доме, сидели за одним столом. Но это я как-нибудь переживу, моя дорогая внучка. А волнует меня кой-чего другое: как ты там живёшь в одном доме с этими людьми? Это ж логово преступников! Один убийца, уколошил моего сына, моего дорогого Хусто, и живёт себе припеваючи. Никогда его не прощу! Второй поломал карьеру Альсидесу, чтобы отомстить ему за шантаж. Да ежели б я знала, что Бласито женится на эдакой мымре, как Роксана, я бы костями легла, а не допустила бы этого брака. А теперь и это чудовище, новоиспечённый сыночек Ламберто. Я ещё не забыла, как он поджигал церковь да убивал Луиса Парра Медина. Хоть некоторые и считают, что когда преступник выживает во время казни, это якобы сам Господь его оправдал, но я в это не верю. Этот человек — маньяк! Поэтому, Эстельита, у тебя мозги набекрень и съехали, он тебя приколдовал. Мне давно это было ясно, но теперь мне всё страшнее и страшнее за тебя. Тут на днях сеньор Альдо поведал мне одну занимательную историю: оказывается, ты приходила в его ювелирную лавку и распродала там свои украшения, прямо как цыганка. Я теперь и не знаю чего думать, дорогая. Эти люди превратили тебя в чудовище, ты ж никогда такой не была. Ты продаёшь свои вещи, ты ни во что не ставишь семейные ценности и не чтишь Бога, ты ненавидишь своих племянников, тебя не расстраивает тот факт, что ты не женщина. Ох, люди, с которыми ты живёшь, все, как один преступники, еретики, колдуны, сумасшедшие, и они дурно влияют на тебя, они опасны. Я хочу, чтобы ты, Эстельита, немедленно вернулась в Ферре де Кастильо, пока бредни этих нелюдей не довели тебя до гильотины».

— Это ты бредишь, достала читать мне мораль! Я сама знаю, что мне нужно, а что нет! — выпалила Эстелла вслух и со вкусом разорвала бабушкино письмо. Пусть уже все живут своей жизнью, а её оставят в покое. Надоели эти моралистики, что суют носы куда ни попадя. Либо ты живёшь так, как считают верным они, либо ты — моральный урод. Третьего не дано. И переубедить таких людей невозможно. Да и надо ли? Пусть лучше она будет моральным уродом, чем станет жить по правилам, которые ей чужды, обрекать себя на страдания. Страданий ей и так достаточно, чтобы ещё создавать их искусственно.

Письмо Сантаны выглядело куда содержательней. Она тоже страдала и жаловалась, но хотя бы не внушала Эстелле свою мораль. Да и не Санти её судить, та сама со странностями. Взяла и переключилась на Клема, но Эстелла теперь и не знала как лучше: чтобы Сантана любила девушек или мужчину, который её не достоин.

После случая в борделе, Кlemente признался жандармам, что это он убил Лус. Из ревности. Лус мучила его своей нелюбовью и насмешками, и у него сдали нервы. Через три месяца состоялся суд, и Кlemente приговорили к двум годам в башне.

Эстеллу взбесила мягкость наказания. Очередные двойные стандарты. Когда-то она

сама чуть не угодила в башню из-за дегенерата, что едва её не изнасиловал. Ей грозило не меньше пяти лет, а то и гильотина, хотя она защищала свою жизнь и честь. А Клем хладнокровно прирезал Лус, потому что она не любила его, и отделался легко. А всё почему? Потому что Эстелла — женщина, и Лус — женщина, да ещё и проститутка, а, значит, не человек и её можно убить. Прав был дядя Ламберто, когда сказал, что все законы написаны мужчинами и для мужчин. Мужчин они оправдывают за любое ужасное преступление, а женщину, даже укравшую кусок хлеба, дабы не умереть с голоду, вешают на площади, не моргнув глазом.

Сантана с Эстеллой солидарна не была. В письме она жаловалась на суровость судей и законов, но уверила, что Клема простила и дожждётся его. Два года — не такой большой срок, и, когда он выйдет из башни, они поженятся. Гаспар тоже был на её стороне. В последнее время они сдружились, и он уговорил Сантану забрать Аделу от кормилицы.

Сантана в восторг от этой идеи не пришла, но, чтобы расположить Гаспара к себе, согласилась. Недавно девочку привезли к ней домой. Сантана сетовала, что Адела очень злая и несносная, но она займётся её воспитанием. Клем не узнает свою дочь и будет благодарен Санти за её доброту. Таков был план Сантаны по завоеванию сердца Клемента. Эстелла крутила пальцем у виска — ни один мужчина ещё не влюбился в женщину из-за того, что она воспитывает его детей. Но Сантана наняла кучу няnek и гувернанток, которые держали Аделу на коротком поводке, наказывая её за любой промах. Сама Сантана с Аделой общий язык не находила, но старалась, ведь однажды девочка станет её падчерицей. Сантана разрешала гувернанткам лупить Аделу хворостиной. Та вопила и огрызалась, но, в итоге, стала бояться. Гаспару эти методы виделись кощунственными, но он тактично самоустранился. Зато Клариса-Амарилис была с Сантаной солидарна. Она прямо заявила, что воспитание девочки запущено, и единственное, что может её исправить, — метод кнута. От Сантаны Клариса отвязалась, уйдя из дома де Пенья Брага и позволив Сантане стать его полновластной хозяйкой. Но Санти всё равно недолюбливала бывшую тётку — слишком долго та её запугивала «чёрным вдовством». Сантана для себя решила, что это обычная женская зависть.

Меж тем, роман Кларисы и Гаспара развивался стремительно. Сантану это крайне озадачивало. Более странной пары и представить себе нельзя. Эстелла недоумение подруги разделяла — Клариса и Гаспар не пара. Она не высказывала этого в письмах, но полагала, что, заведя роман с Гаспаром, Клариса преследует цели, не связанные с такими чувствами как любовь, страсть и им подобное.

Эстелла сунула письмо в комод, решив ответить на него позже.

Пришло время завтрака. Эстелла не горела желанием видеть кого-либо, но вариантов не оставалось. Она надела ажурное платье цвета фуксии и украсила причёску заколкой в виде веточки сакуры. Бросив на обручальное кольцо печально-обиженный взгляд, Эстелла сунула его в кулон в виде цветка монарды и спрятала в шкатулку с драгоценностями. Взгляд её на секунду упал на другую вещицу — золотой медальончик на цепочке с надписью «Мино». Она зачем-то сохранила его, и грудь сдавило от воспоминаний. Быстро захлопнув шкатулку, Эстелла выбежала из комнаты.

Когда она явилась в столовую, Ламберто, Лусиано и Маурисио уже сидели на местах. Не хватало лишь Данте.

— Доброе утро, — тихо сказала Эстелла, плюхаясь на стул. Тотчас Маурисио, хозяйским жестом схватив её за шею, поцеловал в губы. Обычно он не проявлял чувств на

людях, и Эстеллу этот поступок удивил. К грубостям она уже привыкла — он вечно хватал её за горло, как гусыню. Судя по взглядам, что дедушка и дядя бросили друг на друга, поведение Маурисио им не понравилось.

— Та-ак, а где же Данте, почему его снова нет за столом? — возмутился Лусиано, когда прошло ещё минут пятнадцать.

— А он явственно божеством себя каким-то возомнил, — съязвила Либертад, раскладывая по тарелкам салат из рукколы. — Я коды сегодня пришла в его спальню, он лежал в кровати и даже разговаривать со мной не изволил, молча нос воротил да и всё.

— Нет, это немыслимо! — Лусиано поправил батистовый бант на шее. — Данте неуправляем и несносен! Мы уже три месяца пытаемся сделать из него человека. Мне казалось, мы добились каких-то результатов, но в последние дни из него опять вылез пастух. И сколько мы не стараемся наладить с ним контакт и научить его манерам, правилам хорошего тона, он хватает лишь верхушки. Он играет на публику, изображая, что всё усвоил, когда ему это выгодно, но остаётся всё тем же дикарём. Я не знаю что делать, — развёл Лусиано руками. — Иногда он кажется очень умным и интересным, но иногда я подозреваю, что либо он глуп как табуретка, либо у него что-то с головой.

— Пожалуй, я схожу наверх и узнаю в чём дело, — сказал Ламберто печально.

— Ну только не сейчас! — запротестовал Лусиано. — Не будем задерживать завтрак и терять время. У меня ещё куча дел запланирована. Сходите позже, ваше Сиятельство. Не хочет есть, пускай сидит голодный. Подавай, Либертад.

Завтрак прошёл в напряжённом молчании. Лусиано был мрачен, Ламберто задумчив, Маурисио счастлив от отсутствия Данте, а Эстелла обескуражена. А вдруг что-то случилось? Она не видела Данте уже сутки. После того, как вчера Лусиано сообщил о его свадьбе, Данте начал всех игнорировать.

У Эстеллы возникло смутное желание зайти к нему и узнать в чём дело, но она не осмелилась, продолжая лелеять свою ревность. Данте её не любит, смысл к нему цепляться? Пусть живёт своей жизнью, а она должна подумать о своей. Нельзя страдать годами, надо что-то делать.

Когда, окончив завтрак, Ламберто явился в комнату Данте, тот лежал в постели, зарываясь носом в подушку.

— Данте, сынок, а что случилось? Почему ты уже второй день не выходишь к столу? — мягко спросил он.

Данте промолчал.

— Данте, я с тобой разговариваю! Я твой отец, в конце концов! Что за неуважение?

Прошептав что-то еле различимое, Данте накрыл голову одеялом.

— Ну это уже ни в какие ворота! — Ламберто прошёлся взад-вперёд, стуча каблуками. — Это хамство! В нашем доме есть определённые правила, они существуют уже двести лет. А ты ведёшь себя отвратительно, Данте. Ты вынуждаешь всех терять время, ожидая тебя за столом, а у нас у всех есть дела. Мы не бездельники и, в отличие от тебя, не бьём баклуши целыми днями. Не явиться к указанному времени считается неуважением ко всем, кто здесь живёт, включая прислугу. Ты и сейчас хамишь, молча отворачиваясь от меня, как будто я со стенкой общаюсь. Я не хочу с тобой ссориться, но чтобы это было в последний раз. Сегодня к обеду мы желаем тебя лицезреть за столом. И точка.

Ламберто резко захлопнул дверь, а Данте лишь плотнее укутался в одеяло. За что ему всё это? Ну почему никто ничего не понимает? Сначала они навязывают ему ненужную

девицу в жёны, а теперь, когда ему и дышать больно, они ещё и орут. Все люди сволочи, все, без исключения.

Вчера Данте вместо ужина ускакал на Алмазе, пытаясь смерить гнев. Объехав полгорода, он вернулся к полуночи. Завёл Алмаза в конюшню, почистил его. Огни в доме были погашены, и Данте уже хотел подняться к себе, но услышал шум в комнате, смежной с гостиной. Данте решил, что это воры. Ну кто ещё может шарахаться по дому среди ночи? На цыпочках он подкрался ближе, повернул ручку, отворяя дверь, и от увиденного просто ошалел. Никаких чужаков там не было. Это были Маурисио и Эстелла.

Она сидела на столе, а он целовал её обнажённую грудь, шепча нечто бессвязное и полное страсти. Эстелла обвивала его руками и ногами, гладила его по спине, лохматила ему волосы...

У Данте ноги подкосились, и он едва не брякнулся у порога. Тихо закрыл дверь. Натыкаясь на мебель, кое-как добрался до лестницы и рухнул на неё. Надежды, что ещё теплились в его сердце, умерли в один миг — Эстелла счастлива с этим гадом. Он над ней издевался, бил её, а она всё равно его любит, и Данте застукал их в самый жаркий момент. Не похоже, чтобы Эстеллу кто-то принуждал или насиловал. Если судить по её лицу, ей было очень хорошо.

Данте долго лежал на лестнице. В висках стучало, а сердце трепыхалось, как мотылёк на последнем издыхании. Данте слышался эстеллин смех, хотя это был лишь плод его воображения. Надо добраться до спальни. Нельзя здесь лежать. Эти двое, что развлекаются в кабинете, не должны узнать о его присутствии. Это слишком унижительно. Он никому не позволит насмеяться над собой, тем более Маурисио Рейесу.

Почти теряя сознание, Данте зацепился руками за перила лестницы и еле-еле залез на второй этаж. Как дошёл до спальни, не помнил. Голова включалась на секунду, вспышкой, когда он натёкался на очередную стену. В итоге, вполз в комнату и упал на ковёр.

Всё тело свело судорогой, и Данте не мог пошевелиться. Он не плакал и не кричал — превратился в мумию и только глазами хлопал. Пролежал на полу до утра. Когда в окна ударило солнце, Данте сообразил, что дверь не заперта. Если кто-то увидит его, придётся что-то объяснять.

С невероятными усилиями он заполз на кровать и закутался в одеяло, и вовремя — через минут десять явилась Либертад узнать, будет ли он завтракать. Данте прикинулся, что спит, но его била нервная дрожь, и этот номер не удался. Либертад несла чушь, но Данте упорно молчал — он просто не мог говорить. В конце концов, она ушла. Данте пытался забыть об увиденном в кабинете, вызвать в памяти что-то другое, что-то хорошее, но это не помогало.

Ещё часа через полтора нагрянул Ламберто. Данте трясло, но он всё сделал, чтобы отец этого не заметил. Ламберто был взбешён поведением сына и не углядел, что тому плохо. Но упрямство и гордость в Данте пересилили даже боль. Он вцепился ногтями в подушку, мысленно посылая всех людей катиться в ад. Не будет он никому подчиняться. Не будет!

Янгус с утра где-то летала, но после ухода Ламберто вернулась. Принесла в клюве полудохлого суслика. Полакомилась им и затем увидела, что хозяин её ещё лежит в кровати. Села на него, размахивая крыльями и вереща, но Данте только нервно вздрагивал. Янгус прижалась к нему тёплыми перышками, распушив их до предела. И, о чудо! — их кончики осветились золотом. Данте ощутил в теле вибрацию, кровь потекла по жилам быстрее, и судорога начала ослабевать. Он смог пошевелиться и даже сесть. Окружающее пространство

стало четче и предметы обрели фокус, но говорить Данте так и не мог — не было голоса. Янгус бегала по полу, булькая и трясая перьями. И по лицу Данте потекли слёзы. Уткнувшись носом в колени, он плакал и плакал, изливая своё отчаянье. Как ему жить дальше? Он дышать не может без Эстеллы, а она забыла о нём, нашла счастье в объятиях другого. Ночные похождения Эстеллы и Маурисио стояли у Данте перед глазами, и он готов был лезть на стену. Это уже и не ревность — какая-то животная боль. Обручальное кольцо признаков жизни не подавало. Видимо, умерло окончательно. Магия любви рассеялась как дым. Нет у него больше Эстеллы.

Данте не хотел идти вниз, но в дело опять вмешалась гордость. Нет, ни Маурисио, ни Эстелла не будут упиваться победой над ним. Он покажет, что ему на них плевать.

На ногах Данте стоял с трудом, но, подавляя тошноту и дрожь, вырядился как заморский принц в шёлк и бархат и явился на обед. Все уже сидели за столом, включая Маурисио и Эстеллу. Тот ухаживал за супругой, подавая ей блюдо с креветками, а при появлении Данте театрально чмокнул её в плечо.

— Да неужели наш капризный виконт явился?! Ну надо же! С чего это вдруг вы решили снизойти до нас, а, ваша Милость? — съязвил Лусиано.

Данте промолчал. Приветственно кивнул всем, изображая надменность, и сел на стул.

Но выдержать чёртов обед было сложно, невыносимо. В груди так горело, что Данте казалось: её вот-вот разорвёт и оттуда потоком хлынет кровь. Но он сидел с прямой спиной, глядя мимо, и Эстелла ощутила новый приступ бешенства. Ясное дело, он такой заторможенный, потому что думает о Леонеле Мендисабаль, весь поглощён своей любовью. На зло Эстелла начала кокетничать с Маурисио — надеялась увидеть на лице Данте досаду, обиду, ревность. Но он был не здесь, летал где-то в своих мыслях. Он мечтает о ней! О Леонеле Мендисабаль! Эстелле хотелось топтать ногами и стучать кулаками по столу от бессилия. Ну ладно, раз так, то она из принципа влюбится, должна влюбиться в Маурисио, и пусть Данте потом не жалуется. Предатель!

Данте еле дождался окончания обеда — прошло от силы минут сорок, а ему казалось, что часов двадцать как минимум. Боль оглушила его, но из упрямства он продолжал высокомерно сидеть напротив Эстеллы. За что ему такие муки? Это хуже любой физической пытки. Зато гаденькая улыбочка Маурисио сменилась на недоуменную, и чувство злого удовлетворения, превосходства от того, что этот мерзкий человек не может упиваться его страданиями, было единственным, что удерживало Данте от обморока.

Эстелла вышла из-за стола первая, Маурисио — следом за ней. Данте ушёл сразу после них, гордо споткнувшись о ковёр и чуть не сломав себе ногу. Дойдя до спальни, он запер дверь на ключ и без сил сполз по стеночке.

— По-моему Данте не в себе, — сказал Ламберто, с тревогой глядя ему вслед. — Он меня пугает.

— Почему? — удивился Лусиано. Запутавшийся в своих правилах, титулах и волнениях о безупречной репутации, он не замечал очевидного.

— А вам не кажется, отец, что Данте очень похож на дедушку Ландольфо? — Ламберто отложил журнал, который читал уже минут двадцать. — Я сужу по портрету, внешнее сходство изумляет. Но я же никогда не видел дедушку, а вы видели, ваше Сиятельство. Как вы полагаете, есть у них что-то общее в характере или они схожи только внешне?

Лусиано вертел у руках лорнет.

— Ну-у я тогда был ребёнком, но я его помню. Визуально они и вправду похожи. Когда

я увидел Данте впервые, я подумал, что это дядя Ландольфо ожил, но я бы не сказал, что сходство идеальное. Дядя был аристократичнее, изящнее. У него была грация ягуара — сила и мягкость. Он был умен невероятно, знал абсолютно всё и обо всём. Он производил впечатление очень приятного человека. Он никогда не повышал голоса, при этом слуги боялись ему перечить. Он ладил с людьми, притягивал их к себе. Вокруг него всегда собиралась толпа. Дядю Ландольфо любили все, такого обаятельного человека я больше никогда в жизни не встречал. Жаль, что он так мало прожил. Что касается Данте, то он другой. Резкий, раздражается по пустякам, может хамить, орать, хлопать дверьми и трястись от злости. Он похож на дядю лицом, но не притягивает, даже отталкивает своим характером. Он очень тяжёлый, упрямый, невыносимый, несговорчивый. Он ненавидит всех, он одиночка по сути. Я не знаю, как он живёт среди людей и как собирается жить дальше. В общем, характером они как вода и пламя. А почему вы спрашиваете, маркиз?

— Меня пугает эта схожесть, — честно признался Ламберто. — Данте очень нервный, болезненно нервный. Я боюсь, что он закончит как дедушка. Ведь тот сошёл с ума, а безумие передаётся по наследству. Данте иногда ведёт себя неадекватно. Отец, как вы думаете, дедушка не мог наградить его своей болезнью?

— Хм... это сложный вопрос, Ламберто, но в чём-то вы правы. Данте действительно странный. Но он такой всегда и это его сущность. Дядя же бывал странным лишь во время приступов, но в нормальном состоянии он был душой этого дома. Думаю, прежде чем делать выводы, нам надо за Данте понаблюдать. Возможно, мы зря паникуем.

Ламберто кивнул, в душе оставаясь при мнении, что Данте не помешало бы показать специалисту по заболеваниям головы.

Следующие дни Эстелла истратила на попытки распалить в себе страсть к Маурисио, увы, тщетные. Она надевала экстравагантные платья, стреляла в него глазами, приходила к нему в спальню ночью, заставляя себя увидеть в нём замечательного любовника. Маурисио это льстило, но Эстелла чувствовала себя отвратительно. Это напоминало охоту кошки за мышкой, только Эстелла не знала, кто из них был кошкой, а кто мышкой.

Полюбить Маурисио у неё не получалось — это было невыполнимой задачей. Любовь либо есть, либо нет. Эстелла не могла полюбить Маурисио по желанию, что выросло из обиды на Данте. И не могла разлюбить Данте, сколько бы не гневалась на него. Маурисио же, уверяя Эстеллу, что любит её, ночевать в её комнате не оставался и не звал в свою — противный консерватор, что жил в нём, был уверен: супруги должны спать в разных комнатах, и хоть ты тресни.

А Данте становился всё мрачнее и мрачнее, наблюдая издали за отношениями маркизы и маркиза Рейес. У него скручивало все внутренности, а сердце едва не рассыпалось, но он молчал, закусывая губы, бледнея и худея на глазах. За это Ламберто распекал повариху Грету — что такое она готовит, что Данте буквально тает. В итоге, выяснил: Данте оставляет всю еду на тарелке.

Единственным спасением для Данте стали книги. Всё свободное время он проводил в библиотеке, читая старинные фолианты до самого рассвета. Это был целый мир, невероятный и завораживающий. Может, приземлённому реалисту столь фанатичное увлечение книгами показалось бы странным, но больное воображение Данте требовало подпитки. Раньше эту подпитку давала ему любовь Эстеллы. Теперь ею стали книги, ибо Данте жил мечтами всегда. Они были ему необходимы как воздух, помогая переносить тяжёлую реальность.

Эстелла же не видела дальше своего носа — так велики были её обида и ревность. Маурисио раздражал её как человек, да и как любовник мало устраивал. Конечно, с Данте его было не сравнить, но... ведь любой женщине хочется чувствовать себя нужной и желанной, и Эстелла пыталась искусственно восполнить недостаток любви.

Сегодня, когда она уже собиралась ко сну, приняв ванну с лепестками жасмина и надев рубашку из тонкого хлопка, Маурисио явился опять. Он был, мягко говоря, нетрезв и держался рукой за стену.

— Я вас люблю! — выдал он, громко хохоча.

— Прежде чем это говорить, вам не мешает проспаться, — съязвила Эстелла.

— А я думаю, мне нужно получить своё. Мой супружеский долг. Я вас хочу прямо сейчас! — шатаясь, он подошёл и схватил её за талию.

— Вы всегда так говорите, а потом получаете своё и сбегаете через полчаса, — укорила Эстелла, вырываясь из объятий.

— А чего вы от меня хотите?

— Хоть бы раз вы остались на ночь, так нет, вам же это претит, — выдавила она ехидно. — Вы уверяете, что я красивая и что вы любите меня. А сами бежите как от крокодила. А ведь мы муж и жена. Знаете, если вы не в курсе, то засыпать и просыпаться в объятиях друг друга — очень приятно.

— Но это неприлично! — Маурисио топнул ногой так, что зазвенел хрустальный графин на комод. — Мы с вами не какие-нибудь крестьяне. Мы аристократы, у нас голубая кровь!

— Вы совершенно не умеете улаживать женщин. Вы даже не ледышка, вы айсберг! — заявила Эстелла.

— Вообще-то я пришёл не вести с вами пространные диалоги. Мне нужно другое. Так что раздевайтесь и ложитесь.

Пожав плечами, Эстелла сбросила рубашку на пол и легла в кровать. Она не ждала чего-то особенного, но сегодня всё оказалось иначе. Руки его, обычно жёсткие, вдруг стали мягкими, движения кошачьими, и по телу Эстеллы побежала дрожь. Как давно она подобное не испытывала! Ночь не отдачи супружеского долга, а ночь любви.

— Мне так хорошо... — вырвалось у Эстеллы. — Вот если бы ты всегда такой был, я, наверное, смогла бы тебя полюбить...

Он молчал, продолжая её ласкать. Поцелуи перешли в покусывания, и Эстелла ощутила райское блаженство, какое она никогда не испытывала, будучи с Маурисио. Только с Данте она то взлетала в облака, то падала в бездну. Только от его ласк у неё захватывало дух.

Но сегодня Маурисио себя превзошёл. Всё тело у Эстеллы горело огнём. Темнота была полная, за окном не светили ни звёзды, ни луна, а Маурисио не удосужился зажечь свечи. Поэтому Эстелла его не видела. На ощупь поймала губами его губы. Обычно поцелуи в губы с Маурисио ей не нравились, он всегда целовался грубо и быстро, оставляя синяки. Сейчас это было долго и медленно. Даже когда он чуть прикусил зубами ей нижнюю губу, Эстелле не было больно. В груди кипела страсть. Она прижалась к нему, ловя ощущения, провела рукой по его спине. Как же хорошо сегодня... Не хочется, чтобы это заканчивалось...

В голове всё перепуталось, а из сумрака раздавался его смех, низковатый, гипнотизирующий. Эстелла взъерошила рукой ему волосы — они были мягкие и... длинные, закрывали всю спину. «Откуда у Маурисио такие длинные волосы?» — это была последняя мысль Эстеллы перед тем, как она провалилась в бездну.

Как долго Эстелла была в отключке, она не смогла бы сказать — когда открыла глаза, за окном уже брезжил рассвет. И розовато-голубое небо пробуждалось, светлея и напоминая бутон цветка, что раскрывается постепенно, являя миру свою красоту. Голова у Эстеллы гудела, а кожа ещё не остыла от жарких ласк. На груди у неё лежал юноша, тычась щекой ей в ключицу. И это был не Маурисио.

Данте! Волосы его, длинные, мягкие, как нити шелкопряда, что идут на изготовление тончайшего японского шёлка для сказочных кимоно, щекотали Эстеллу. Она собрала всю эту гриву в хвост, чтобы ему легче стало дышать. Так вот почему она испытала такое блаженство. С ней был Данте. Вот сумасшедший! Взял и обернулся в этого дурака Маурисио. Хотя она ждала от Данте какой-нибудь безумной выходки, ждала давно. Эстелла тихонько рассмеялась. Подумать только, ещё вчера она чувствовала себя несчастной, одинокой, нелюбимой, а теперь парит в облаках. Незабываемая ночь! До сих пор всё тело пылает от страсти. И так приятно просыпаться в объятиях самого родного ей человека.

Эстелла прижалась к Данте сильнее, змейкой обвиваясь вокруг него. Вот бы вечно так лежать, утопая в своём мирке, забыв все горести и ненастья мира внешнего. Данте чуть слышно вздохнул, проведя губами по её шее, и по коже Эстеллы полился мелкий дождик. Он плачет?

— Данте... — позвала Эстелла шёпотом. — Данте...

— Прости... прости меня... — так же шепотом отозвался он. — Не надо было этого делать, но... это сильнее меня, сильнее всего на свете. Я никогда никого не любил, и не должен, ведь чёрный маг не может любить. Но появилась ты и выпила из меня всю кровь, — Данте так и не поднимал головы, упираясь лицом Эстелле в ключицу и бормоча ерунду, смысла которой она не понимала. — Я говорю это в первый и последний раз: «Я люблю тебя, моя красавица. Я люблю тебя так, что это превратилось в болезнь, от которой нет лекарства. Но так не может продолжаться. Я знаю, что ты меня не любишь, а я не могу за тобой бегать. Сегодня я пришёл попрощаться.

— погоди, погоди, — Эстелла мало-помалу обретала способность мыслить. Страсть сменилась закипающим гневом, и она толкнула Данте с себя. — Что ты говоришь, Данте? Что за чушь?

— Вот видишь, сама сказала, — он посмотрел ей в лицо — глаза у него были угольно-чёрные, но в них блестели слёзы. — Ты меня не любишь, ты любишь другого, и я не вправе мешать тебе быть счастливой. Прости меня за эту ночь, маркиза. Отпусти меня, мне надо идти, — рывком встав, он оделся, щёлкнув пальцами, на которых поблёскивали серебристые когти.

— Нет-нет, Данте, стой! Ты не можешь вот так уйти! — закричала Эстелла, скатываясь с постели. Она схватила его за подол тёмно-синего бархатного плаща, и плащ остался у неё в руках, а сам Данте исчез за дверью.

Эстелла кинулась следом. Так обезумела, что даже простынку не набросила. Выскочила в коридор и, пробежав пару метров, сообразила, что она голая. Пришлось вернуться в комнату.

Пока Эстелла металась туда-сюда в поисках платья и туфель, грудь её разрывали противоречивые чувства. С одной стороны, ей хотелось догнать Данте, кинуться к нему на шею, рассказать, как она его любит. Ведь они не могут после такой ночи, делать вид, что равнодушны друг к другу. Он нагрязнул к ней, выдав себя за Маурисио, сделал её своей,

признался в любви и ушёл. А она хочет быть с ним, потому что только с ним она чувствует себя женщиной, любимой и счастливой.

Но когда Эстелла уже почти была одета, она вспомнила: Данте женится на Леонеле Мендисабаль. Он же бегал к той на свидания, а вчера заявился к ней, к Эстелле. С чего бы это? Наверное, Леонела его к себе не подпустила, сказала, что близость будет после свадьбы — так делают все лицемерные кокетки. Хотя у самой поди рыльце в пушку, цену себе набивает, прикидываясь невинной. Гадюка! А Данте — страстный мужчина и ему нужна женщина, уж она, Эстелла, это знает. Вот он и пришёл к ней ночью, вообразив, что ней можно всегда. Явился к ней, как к проститутке, потому что доступ к телу невестушки запрещен. А она как дура собралась его догонять. Да ни за что! И Эстелла, стащив с себя платье, зелёное в белый горошек, повалилась на кровать вся в слезах.

Проревела до завтрака. Когда резные напольные часы пробили десять, ей пришлось идти в столовую. Данте сидел за столом в компании Ламберто и Лусиано. Маурисио не было, и Эстелла задалась вопросом: а куда он делся? Последний раз она видела настоящего Маурисио вчера за ужином.

— Доброе утро, — вымученно выдавила Эстелла, плюхаясь за стол. Покосилась на Данте. Тот был бледен и, как и накануне, смотрел мимо. Мыслями он был где-то далеко, и Эстелла чуть не лопнула от злости. Какой же мерзавец! Устроил ей жаркую ночь и делает вид, что ничего не произошло.

— А где ваш супруг, Эстелла? — поинтересовался Ламберто. — Он обычно пунктуален, а сегодня что-то опаздывает.

— Понятия не имею, — закатила глаза Эстелла. — Я его с утра ещё не видела.

— Кстати, сегодня к нам на ужин пожелуют Мендисабали, — поведал Лусиано, не отрываясь от чтения газеты. — Скоро мы станем одной семьёй и надо получше с ними познакомиться, подружиться, найти общие интересы. Вот я и пригласил их. Надеюсь, все будут вести себя как подобает, нам не нужна слава негостеприимных хозяев, не так ли? — он вынырнул из-за газеты, бросив на Данте укоризненный взор.

Данте вздрогнул, сообразив, что это относится к нему, и кивнул.

Эстеллу его «ангельское» поведение доконало. Это уму непостижимо! Строит из себя святошу, а сам всё делает, чтобы ей было плохо. Ну ладно, она этого так не оставит. Она ему всё выскажет. Уже нет сил молчать!

А Данте было так невыносимо, что он еле дышал. Сцена, увиденная в кабинете, стояла перед глазами и день, и ночь. Да ещё дедушка привязался с этой женитьбой. Данте решил: сегодня за ужином он прямо скажет Мендисабалим, что не намерен жениться на Леонеле. И будь что будет. Если отец или дед закатят скандал, он сбежит из дома. Да и вообще зачем он сюда приехал? Всё равно не стать ему аристократом. Это Данте осознал вчера, пока разглядывал портрет знаменитого прадедушки Ландольфо, на которого, как все считали, он был похож. И правда похож, они как братья-близнецы, и разные, и одинаковые. Также, как с Салазаром, — одно лицо и иная душа. Салазар, кстати, так и не появлялся, и Данте это пугало. Но без него Данте стал мыслить лучше. Может, этому ещё способствовало чтение книг? Накануне Данте обнаружил в библиотеке очень красивый фолиант — большой, обтянутый кожей крокодила и украшенный самоцветами. Но открыв его, Данте увидел, что книга полая, а внутри лежит книжечка поменьше — нечто вроде личного дневника. Записи, сделанные от руки, Данте разобрал с трудом и то не все. В столбик были выписаны календарные даты, как древние (чуть ли не с прошлого века), так и нынешние. Напротив

каждой красовались пояснения. Одни на арабском, другие на японском языках. Но были и на испанском.

Запись на последней странице гласила:

«13.01.1802 — Да встретятся луна с солнцем, а небеса с морем». Тринадцатое января 1802 — это через полгода. Почему именно эта дата? Данте ни о чём она не сказала, и он не сумел определить автора дневника — на обложке была написана лишь аббревиатура: LSFDA.

Данте всю ночь изучал дневник, но так ничего и не понял. После завтрака, ради успокоения нервов, он решил прокатиться на Алмазе. Заплёл тугую косу, нарядился в чёрный костюм для верховой езды, отделанный серебряным шнуром, и белоснежную рубашку с кружевными манжетами. Стоя у зеркала, он завязывал на шее галстук-бант. Тот не подчинялся. Данте до сих пор не научился управляться с галстуками, воротниками и шейными платками (аристократы завязывали их слишком мудрёно) и уже весь изозлился.

Вдруг дверь с силой распахнулась. На стук её Данте обернулся, и разинул рот — на пороге стояла Эстелла, зарёванная, растрёпанная и с перекошенным от гнева лицом.

— Эсте... — сказал он тихо.

— Какая я тебе Эсте? — завопила она, не владея собой. — Ты женишься на этой белобрысой чучундре Леонеле Мендисабаль и смеешь называть меня Эсте?! Для тебя я маркиза Рейес! Ясно? А после того, что ты устроил ночью, я тебя видеть не хочу! — всё это Эстелла выпалила одним махом.

Влетев в комнату, она бросилась на Данте как коршун на жертву, и толкнула его в грудь так, что он упал на кровать. Взгромоздилась сверху и, стуча ему кулаками по груди, заорала:

— Больше никогда, никогда ко мне не подходи! Я тебя ненавижу! Ненавижу! Забери вот это! — сняв с груди медальон в виде цветка монарды, куда было закрыто её обручальное кольцо, Эстелла швырнула его в Данте. Трясаясь от ярости, она скатилась с юноши и убежала, хлопнув дверью.

Ошеломленный Данте так и лежал на постели, укрытой красным шёлковым покрывалом. Что это с Эстеллой? Она с ума сошла? Что он ей сделал? Может, она узнала что он видел их с Маурисио в кабинете? Нет, навряд ли. Данте не понимал, почему Эстелла так с ним обращается. Грудь защемило от царапающей боли, что усилилась в разы, когда он открыл медальон. Обручальное кольцо. Она вернула ему кольцо.

Сердце у Данте упало. Вот зачем она приходила — вернуть кольцо, тем самым поставив крест на их любви. Нет больше этой любви. Точнее есть, но лишь с его стороны.

Невероятно острое чувство беспомощности окатило Данте, затягивая в пучину ада. Что ему делать со своей любовью? Куда деваться от неё? Прижав кольцо к губам, он заплакал. Янгус хлопала крыльями и жалобно что-то тарыхтела, прыгая по жёрдочке.

Просидев в обнимку с кольцом некоторое время, Данте решил уйти. Совсем. Он покинет этот мавзолей и больше не вернётся сюда.

Сложив в мешок немного одежды — в основном ту, что привёз с собой из Ферре де Кастильо, Данте выудил из комода бархатную коробочку, где хранился волшебный перстень. Открыл. Но внутри было пусто. Перстень исчез. Его кто-то забрал! Холодок пробежал по спине Данте. Нет, перстень ему жаль не было — тот приносил одни несчастья. Но кто-то заходил в его комнату, шарил тут, кто-то знает, что он колдун. Неужели это снова вечноживущий Тибурон?

Увязав вещи в узел, Данте хотел спуститься вниз, но вдруг за его спиной что-то

звякнуло, будто колокольчик на ветру. Он резко обернулся: лежащий у зеркала дневник, обнаруженный в библиотечной книге, дымился и звенел. Вот оно что — дневник волшебный и, скорее всего, надписи в нём зашифрованы колдуном. Данте, смело взяв дневник, открыл его.

Пыххх! Большое зеркало на стене подёрнулось дымкой и внутри него появилось изображение. Данте ожидал увидеть Салазара — только он появлялся так внезапно. Не тут-то было! В зеркале отражался Тибурон, Брухо или как его ещё звали. Тот самый колдун, что охотился за перстнем.

— Вот и пришло время нам снова встретиться, — громоподобно заявил дед из зазеркалья. — И этот раз будет последним, ибо встретятся луна с солнцем, а небеса с морем, да настанет для кого-то рассвет, а для кого-то закат. Осталось выяснить для кого.

— Что тебе опять надо? — шепнул Данте, но это было всё, что он успел сказать — рука старика, пройдя сквозь стекло, схватила его за горло. Зеркало открылось, явив дыру — портал в волшебный мир. И Данте затянуло в зазеркалье, как в омут. Янгус, вскрикнув, бросилась следом и успела влететь в дыру перед тем, как она закрылась.

Зеркало потухло, став обычным куском стекла. А буквы в волшебном дневнике, что лежал рядом, зловеще отливали красным, будто написанные чьей-то кровью.

===== Глава 50. Без альтернативы =====

Когда к вечеру пожаловало семейство Мендисабаль, Эстелла, злая и измученная (поскандалив с Данте, она рыдала почти двенадцать часов), еле сдерживалась, чтобы не оттащить Леонелу за её белокурые кудряшки. Эстеллу задевало ещё и то, что девушка была хороша собой, изящна, приветлива и ни у кого не вызывала антипатии. С воодушевлением обняв Эстеллу, Леонела прочирикала ей в ухо, что хочет с ней подружиться. Только этого не хватало! Дружить с любовницей Данте! Эстелла, мечтая отхлестать девицу по щекам, натянуто улыбнулась.

Сеньор Браулио Мендисабаль — грузный, высокий мужчина с острой бородкой и усами, лихо закрученными вверх, человеком казался вежливым и приятным. Он раскланивался, целуя дамам ручки, а его жена сеньора Кандида — низкорослая, седовласая дама, похожая на шарик, с ходу взялась сплетничать о соседях. Но вечер был омрачен тем, что на него не явились ни Маурисио, ни Данте.

С Маурисио всё было ясно — днём Эстелла нашла в его спальне записку, что гласила: вчера он уехал в Мадрид, так как скоростижно скончался Хосе Деметрио, муж Матильде.

А вот Данте исчез молча. Просто испарился. И, когда Ламберто, извиняясь, сообщил, что его в доме нет, любезные Мендисабали показали истинные лица. Кандида сжимала губы, давая понять, как она разочарована в женихе. Браулио вопил, что их не уважают, раз не являются на званый ужин, который сами же затеяли (то было ошибкой Лусиано — приглашая гостей, он сказал, что это идея Данте, ибо тот жаждет поближе узнать Леонелу). В итоге, гости заявили, что такой невоспитанный жених их дочери не нужен. Ведь Данте должен благодарить их за то, что они на него позарились. Да, он Фонтанарес де Арнау, но, скорее всего, незаконнорождённый, прижитый от какой-нибудь горничной, сразу видно, что он не аристократ и манерам ему ещё учиться и учиться. После этого взбешённый Ламберто попросил семейку на выход. Лусиано был обескуражен, на лице Леонелы читались шок и грусть — ей понравился Данте, и она уже представляла его своим мужем. Зато Эстелла была в восторге. Данте не женится на этой крысе! Не женится! Она готова была прыгать и хлопать в ладоши, когда за Мендисабальми закрылась дверь.

Настроение у всех было испорчено, и Лусиано разрешил родственникам поужинать в комнатах. Заодно сказал, что с Данте они поговорят за завтраком.

Ночь Эстелла провела беспокойную. Сердце её ликовало — свадьба Данте отменилась. Только где сам Данте, непонятно. Может, он специально сбежал, чтобы не ужинать с Мендисабалями? Ведь утром он признался Эстелле в любви. А она на него наорала, да ещё и кольцо ему вернула. Ну не дура ли?

Когда ревность у Эстеллы прошла, в мозгу её включился свет. Логически поразмыслив, она сделала вывод: Данте думает, будто она влюблена в Маурисио, а свадьба с Леонелой была состряпана дедушкой. Данте очень упрям и горд, но ведь ночью он пришёл сам, первый. А она жестоко с ним обошлась, обидела его. Ну ничего. Она пойдёт к нему и извинится. Даже если Данте сейчас нет дома, она подождёт в его спальне. Когда-нибудь же он явится.

И Эстелла прокралась в комнату Данте, прозванную слугами «Алая» за цвет её стен. Зажгла свечи и стала ждать.

Время шло, стрелки в часах неумолимо двигались вперёд, но Данте не возвращался. Ни в полночь, ни в два часа, ни в три. Ну где же он? Янгус тоже отсутствовала, верно, он забрал её с собой. От нечего делать Эстелла разглядывала обстановку. А тут красиво! Чёрная мебель, алые стены, кровать круглая, застеленная шёлком. Особенно Эстелле понравилась зеркальная ванная. Здорово было бы уединиться в ней с Данте, утопая в лепестках роз и мяты. Когда кукушка прокуковала четыре утра, Эстелла, засыпая на ходу, улеглась в постель, надеясь: Данте придёт, увидев её спящую, растает и простит ей злые слова.

Уткнувшись в подушку, Эстелла втянула носиком запах мяты, любимый-любимый... Обнимая чёрного плюшевого кота, что Данте привёз с собой из Ферре де Кастильо, она погрузилась в мечты и воспоминания. Кот этот сидел на шкафу в номере гостиницы «Маска». Он был свидетелем их первой, самой нежной ночи. Много воды утекло с тех пор, но, несмотря на всё, любовь их жива. Ранена больно, глубоко, но жива. И они ещё могут её вылечить. Они всегда чувствовали мысли друг друга. Что же происходит сейчас? Где они потеряли взаимопонимание?

За размышлениями Эстелла не заметила как отключилась. Проснувшись утром и обнаружила, что спит в комнате Данте, на его постели, обнимая плюшевого кота, а Данте так и нет. И не было.

Эстелла решила, что ждать дальше бессмысленно, — часы показывали восемь утра, через два часа завтрак. Она вышла из комнаты, забрав плюшевого кота с собой. Это будет предлог, чтобы прийти ещё раз — отдать игрушку и заодно поговорить с Данте.

Но Данте не явился ни в этот день, ни на следующий, ни две недели спустя. Ламберто и Лусиано, тревожась, уже собрались идти в жандармерию, чтобы организовать официальные поиски, как вдруг пришло письмо:

«Герцогу и маркизу Фонтанарес де Арнау.

У меня всё в порядке. Я вернулся в Ферре де Кастильо. В вашем доме я жить не могу, не хочу и не буду. Очень прошу, не надо искать меня. Забудьте, что я существую. Много лет мы не знали друг друга и встретились случайно. Представьте, что этой встречи не было. Вообще. Никогда. Хотя мы и родственники по крови, но мы разные, мы чужие друг другу. Я никогда не стану таким, каким вы хотите меня видеть. Вы никогда не примете меня таким, какой я есть. Мы не поймём друг друга и нет смысла мучиться. Пусть всё останется как было раньше. Для вас нет меня. И для меня нет вас. Будьте счастливы. Данте».

Письмо это шокировало всех. Ламберто был расстроен до нельзя. Лусиано ругался на чём свет стоит, обвиняя Данте в неблагодарности. Эстелла плакала, чувствуя себя виноватой — Данте уехал с обидой на неё, и неясно увидятся ли они ещё. Побег этот стал событием года и для слуг — они меньше обсуждали появление Данте в доме, чем его исчезновение.

Когда слёзы Эстеллы высохли, она задумалась: всё как-то подозрительно. Данте уехал, не взяв ни вещей, которые уже были собраны, ни Алмаза. Тот так и стоял в конюшне вместе с Жемчужиной. Единственное, что он забрал — обручальное кольцо, что Эстелла ему вернула. Она поняла это, обнаружив в его постели свой медальон. Пустым.

Маурисио тоже присылал письма, где сообщал: Матильде в глубоком трауре, а он занимается продажей её имущества в Мадриде. Когда они закончат дела, то оба вернутся в Байрес.

Так минуло три месяца. Наступил декабрь, жаркий и сухой. Земля порой раскалялась так, что едва не превращалась в вулканическую лаву. Днём на улицу было выйти невозможно и даже ночью стояла духота. Жители дворца Фонтанарес де Арнау спасались от жары в холле, куда Лусиано велел поставить фонтан с прохладной водой.

На Данте дедушка сильно обиделся. Больше ни слуху, ни духу о нём не было, и Лусиано в сердцах бросил: если Данте надумает вернуться, ему будут не рады. Ни Ламберто, ни Эстелла его мнения не разделяли, но вслух об этом не говорили.

Эстелла, несмотря на упрямство, лучше Данте умела приспосабливаться к ситуации и легче относилась к жизни. Она была убеждена: Данте вернётся, он не может исчезнуть навсегда. Да и от тяжёлых мыслей её отвлёк салон моды.

Ремонт, наконец, был завершён, сотрудницы наняты, эскизы нарисованы, и работа закипела. Закройщицы резали и рвали бесчисленное множество тканей: шёлк и парчу, бархат и муслин, кисею и вуаль, атлас, кожу и даже меха. Швеи упорно шили, подгоняя наряды на натурщиц, которых пригласили для демонстрации моделей. Эстелла контролировала весь процесс, указывая на ошибки и нюансы, бракуя неудачный крой или сочетание цветов.

В конце декабря, накануне сочельника, салон моды «Красная роза» торжественно открылся — это был подарок для всех местных дам. Пурпурная изогнутая надпись с названием и символ салона — кровавая роза, увитая жемчужной нитью, — высились на крыше. Снаружи салон был отделан белым мрамором, а в стеклянных витринах его, прозрачных и огромных, красовались манекены. У входа Эстелла велела посадить кусты роз и поставить изящные скамеечки и столики — специально для мужчин, чтобы они коротали время за чтением журналов или раскуриванием трубок, ожидая дам. Внутри салон состоял из трёх широких галерей. В одной были выставлены готовые наряды: от бальных туалетов до дорожных мантий, от ажурных панталончиков до корсетов из китового уса. В другой располагались ткани — если клиентка не могла ничего выбрать из готового платья или ей не подходил размер, она заказывала индивидуальный пошив. В третьей галерее продавались аксессуары: шляпки и шали, перчатки и веера, зонтики и воротнички, дамские галстучки и носовые платки. Также в галереях находились примерочные кабинеты, диваны и столики с эскизами моделей и образцами тканей. Приказчицы, наряженные в тёмно-синие атласные платья, с утра до вечера угождали клиенткам. Одна предлагала имеющиеся модели, другая обязана была подать чай с пирожными, вне зависимости от того, как покупательница вела себя и к какому социальному классу относилась.

Эстелла была горда собой как никогда. В зелёном бархатном платье, с лорнетом и блокнотиком в руках и с грифелем, подвешенным на цепочке к запястью, она прохаживалась

по салону, цокая каблучками. Тут она была в своей стихии. Эстелле нравилось, что приказчицы смотрят ей в рот, а клиентки таращатся на её изящную фигурку и элегантное платье. Ей нравился запах новых тканей, нравилось, что дамы кучковались в её салоне по полдня: и статные консерваторши, что предпочитали экстравагантным фантазиям проверенную временем классику; и франтихи, что бежали впереди моды, лишь бы за ней не опоздать; и очень богатые и властные представительницы аристократии, что искали нечто соответствующее их статусу; и разбогатевшие простолюдинки, не умеющие одеваться элегантно; и мещанки, с благоговением и завистью глазающие на ткани и наряды и цены на них. Эстелла испытывала наслаждение, когда любая из этих женщин преображалась на её глазах: простушка становилась красавицей, а дама света — ещё более утончённой и прекрасной. Они благодарили, пожимали Эстелле руки, сыпя комплиментами и обещая прийти вновь. И приходили.

А Эстелла до конца не верила в то, что случилось. Она нашла себя. Столько лет искала, уже отчаялась, и вдруг нашла. Вот так запросто, поддавшись спонтанной идее и желанию отвлечься. Она была счастлива, фантазируя, выдумывая эскизы. Внедряя новую модель, новый фасон шляпки, платья, новую ткань или узор, Эстелла сначала примеряла их на себя. Шокировала и восхищала, добиваясь, чтобы о «неслыханном наряде маркизы Рейес» поведали в газетах светской хроники. После этого разрекламированная модель появлялась на витрине её салона. И дамы бежали её покупать. Она стала законодательницей моды, её душой, её творцом. Салон «Красная роза» имел ошеломительный успех, и к январю о нём заговорил весь город.

Эстеллу же раздирали противоречивые чувства: одна половина её души, мятежная, деятельная, не желающая быть домохозяйкой, женой, матерью и хранительницей очага, наконец, нашла пристанище. Но другая половина, та, что жаждала любви и ласки, страдала от одиночества. Хотя везде, где Эстелла появлялась: на балах ли вице-короля, в театре или просто на улице, её обсуждали. Женщины подражали, сплетничали и завидовали; мужчины восхищались, влюблялись, делали комплименты. Некоторые и откровенно предлагали близость. Эстелла отшучивалась, хотя ей это и льстило, и раздражало одновременно. Да не нужны ей любовники ради низменных физических ласк! Ей нужна любовь истинная, чтобы тонуть в ней, сгорать и возрождаться из пепла, как птица Феникс.

Маури시오 обещал вернуться в феврале и привезти с собой Матильде. А Данте так и не давал о себе знать. Это тревожило и Эстеллу, и Ламберто. Тайком от Лусиано они написали письмо Кларисе, чтобы та нашла Данте в Ферре де Кастильо, выяснила что с ним. Но ответ Кларисы поверг их в уныние: её источники информации уверяли, что Данте в Ферре де Кастильо нет — в город он не возвращался.

Эстелла костерила себя за то, что отдала Данте кольцо — с ним она хоть бы чувствовала хорошо Данте или плохо. Ну почему она такая идиотка? Пока Данте жил здесь, в доме, у неё было море шансов с ним поговорить, а она ни одним не воспользовалась.

В итоге, Ламберто и Эстелла в письмах убедили Кларису приехать в Байрес, чтобы помочь им отыскать Данте. Клариса колебалась, но сжалась над ними, пообещав навестить их через пару недель.

Земля, выжженная солнцем и жаждущая влаги, умирала от жары уже второй месяц. А Эстеллу терзала собственная горячка. Днём она занималась салоном, но ночами лежала без сна. И чтобы унять тревогу, она повадилась спать в комнате Данте, в его постели. Перебирала его вещи, целуя каждую, и всё больше впадала в уныние. Как же она хочет к

нему! Никакой другой мужчина ей не нужен. Данте был прав, сказав, что любовь — это болезнь. Да, она больна, одержима с двенадцати лет и, видимо, на всю жизнь. Нет лекарства от этой любви. Ничто не смогло её убить: ни время, ни разлука, ни ревность, ни даже смерть.

Утром десятого января, покинув комнату Данте, Эстелла едва успела умыться и переодеться, как услышала в гостиной шум и голоса. Выйдя на лестницу, перегнулась через балюстраду. Она вообразила, что шум как-то связан с Данте. А вдруг он вернулся и теперь с кем-нибудь спорит в гостиной? Но, оказалось, это приехала Клариса с кучей багажа и с Гаспаром.

Эстелла спустилась им навстречу. Ламберто, что уже находился в гостиной, пожал Гаспару руку, а Кларису расцеловал в обе щёки. Либертад, Лея и ещё две служанки затаскивали многочисленный кларисин багаж на второй этаж.

Кларису с Гаспаром заселили в две гостевые комнаты, просторные и светлые, окна которых выходили на Пласа Дорrego — площадь, где высилась огромная статуя ангела с раскрытыми крыльями.

Клариса с порога объявила, что приехала ради поисков Данте. Гаспар — по этой же причине, ведь он воспитывал Данте, заменив ему отца. Надолго в Байресе они с Гаспаром не задержатся. Когда Данте найдётся, они вернутся в Ферре де Кастильо и там поженятся. Эта новость ошарашила всех, но Гаспар произвёл на Ламберто приятное впечатление, и он смирился.

Эстелла же оставалась при своём мнении: Гаспар и Клариса — не пара. Супруги должны быть похожи, с общими интересами, с одинаковым мировоззрением. А эти двое ну очень разные. Но кто она такая, чтобы их осуждать?

Поиски Данте Клариса начала с осмотра его комнаты. Откопала в шкафу волшебный меч, что подарила ему в честь свадьбы с Эстеллой. Рассмотрев артефакт, любовно погладила его рукоять — меч сверкнул в ответ.

— Обожаю магические артефакты! — восхищённо объявила Клариса. — Это моя слабость. Но пускай он пока останется у тебя, — и она вложила меч Эстелле в руки. — Никогда не знаешь что на уме у человека, будь он твой друг, возлюбленный или родственник.

Эстелла не поняла этих слов, но меч взяла, чтобы сохранить его для Данте. А у Кларисы был нюх на артефакты, предметы, содержащие волшебство. Оглядев комнату, она миглом усекла и загадочный дневник на столике у зеркала.

По лицу её невозможно было угадать мыслей, но, когда Клариса дочитала дневник, губы её тронула ухмылка.

— Всё понятно, — объявила она, захлопнув дневник, и пихнула его в сумочку. — Я знаю где Данте.

— Где же? — Эстелла так разволновалась, что вцепилась Кларисе ногтями в руку.

— Спокойнее, — флегматично произнесла та. — Там же, где мы нашли его в прошлый раз. Думаю, составитель дневника захотел увидаться с Данте опять. Соскучился, — и она хмыкнула.

— Что, снова это подземелье? — огорчилась Эстелла — ей не улыбалось туда возвращаться. — Мы пойдём за Данте сегодня?

— Нет, не сегодня. Рано ещё. Через три дня.

— Но почему?

— Потому что всё должно идти своим чередом, — повела бровью Клариса. — Я думаю, нас ожидают в определённый день. В другие дни нам будут не рады.

— Не поняла.

Клариса молча ткнула пальцем в последнюю страницу дневника, где стояла дата: 13.01.1802 — та сверкнула от прикосновения.

— Что это значит?

— Мы пойдём туда в эту пятницу, тринадцатого января, — объяснила Клариса терпеливо. — Не будем гневить некоторых персонажей этой истории. Да я и сама не люблю быть незваной гостьей. Не знаю что произойдёт, но что-то произойдёт непременно. Встреча Тьмы и Света, Луны и Солнца, двух противоположностей. Мы станем этому свидетелями. Или жертвами. Или палачами. Как знать?

Клариса говорила загадками, но уверенно, и Эстелла предположила: она знает что случилось с Данте.

— Кстати, я давно хочу тебя спросить, Эстелла, — молвила Клариса после паузы. — Ты помнишь Ию?

— Ию?

— Ну да, ту женщину, которую Данте забрал из подземелья. Она потеряла память и немного жила в твоём доме.

— Ах, да, я её помню!

— Так вот, вопрос: ещё хоть раз она давала о себе знать? Может, приходила к тебе или к Данте?

— Нет, — отрицательно мотнула головой Эстелла, — я больше не видела её. Клариса, она же ушла с тобой, я думала, ты позаботилась о ней.

— Я хотела, — Клариса почесала кончик носа. — Я мечтала, чтобы она и все мы жили спокойно и без волнений. Зачем ворошить то, что умерло и похоронено? Но эта неблагодарная сбежала. Исчезла, будто её ветром сдуло. Я пыталась её найти, но мне не помогли даже артефакты, что очень, очень странно.

— Нет-нет, я ничего о ней не знаю, — уверенно повторила Эстелла.

— Жаль, хотелось бы её найти и принять меры по её обезвреживанию, для нашей же безопасности.

— О чём ты? — не поняла Эстелла.

Клариса, тщательно обдумав ответ, сказала:

— Мне кажется, эта женщина опасна. Для нашей семьи. Для Данте в первую очередь.

— Но мне она показалась беззащитной, — не согласилась Эстелла.

— Я бы не была так в этом уверена. Никогда не знаешь что ожидать от этих святых клуш. В тихом омуте...

Ночью Эстелла не сомкнула глаз, размышляя над словами Кларисы. Когда под утро её сморил сон, ей привиделся Данте. Он был весь в крови и его пожирало пламя. Он кричал и звал её по имени, и Эстелла проснулась в холодном поту. Часы пробили четверть десятого утра. Через сорок минут завтрак.

Приняв ванну, Эстелла нарядилась в светло-розовое муслиновое платье с ажурными рукавами. Спустилась по лестнице и услышала в гостиной шум. Внизу собралась толпа: Ламберто, Лусиано, Клариса, куча прислуги и... жандармы.

При виде них у Эстеллы мурашки побежали по коже. Неужели с Данте что-то случилось? Не зря она видела плохой сон.

— А что тут происходит? — сдерживая дрожь в голосе, спросила Эстелла.

— У нас катастрофа, — ответил Ламберто; от волнения у него ходил кадык. — Ночью умер Гаспар.

— Как умер? — выпучила глаза Эстелла. — Вчера за ужином он был бодр и весел и даже анекдоты рассказывал. Как он мог умереть?

— Его укусила змея, — в полной тишине сказал Ламберто.

Эстелла ойкнула, закрывая рот руками, и украдкой глянула на Кларису. Та не выглядела убитой горем невестой, потерявшей жениха. Скорее, она была раздражена от внимания толпы людей.

Местный доктор установил: Гаспар умер от яда змеи — на теле его обнаружили следы укусов. Эстелла даже всплакнула — она из-за смерти сестры так не расстроилась, как из-за смерти Гаспара, хотя и обижалась на семью Ортега из-за их предательства Данте. Ламберто организовал похороны за один день, и прошли они в узком семейном кругу. Глядя на Кларису, Эстелла уверилась: та играет, опуская глазки и делая вид что плачет.

Двенадцатого января, когда все вернулись с похорон, Клариса зазвала Эстеллу к себе, объяснив: несмотря на скорбь, рушить планы они не могут — завтра отправляются искать Данте.

— Я размышляла обо всём, что ты и Ламберто мне рассказали, — Клариса теребила в руках перчатки из тонкой чёрной кожи. — Да и я лично имела шанс понаблюдать за Данте. Так вот, я думаю, им кто-то управляет. Многое из того, что он вытворял, самому Данте не свойственно.

Эстелла не могла не согласиться. Иногда Данте бывает милым и ласковым, но порой становится грубым, жестоким, точно в него вселяется демон. У Эстеллы уже возникала мысль, что у Данте расстройство головы, но Клариса придерживалась иной версии.

— Кстати, я ни раз слышала, как он называл себя другим именем или говорил о себе во множественном числе, — Клариса задумчиво гладила себя пальцем по подбородку.

— Что это значит? — у Эстеллы сердце в пятки уходило, так она боялась услышать что-то страшное.

— Я думаю, в Данте вселилась некая сущность, дух. Возможно, это дух умершего колдуна. Когда маги умирают, их души часто остаются на земле. Они путешествуют по свету, обращаются в привидения, а, бывает, вселяются в живых людей и управляют их жизнями.

Эстелла прижала руки к щекам.

— Клариса, ты думаешь с Данте такое случилось?

— Уверена почти на все сто. В мире магии чего только не бывает, моя дорогая.

— Но что же нам делать? Данте можно как-то помочь?

— Ммм... можно. Это очень радикальный метод, но он единственный. Если ты готова на это пойти... — не закончив фразу, Клариса прищёлкнула языком.

— Ты же знаешь, я люблю Данте! — выпалила Эстелла с энтузиазмом. — Ради него я готова на всё. Я хочу, чтобы он стал таким, как раньше. Тем Данте, с которым я познакомилась. А тот, другой, что лезет из него, меня пугает. Так что делать, Клариса?

— Единственный способ избавить Данте от Сущности, что в него вселилась, эту Сущность уничтожить, убить, стереть с лица земли. И это можешь сделать только ты, ведь вы с Данте связаны Чарами Любви. Помнишь меч, который мы нашли три дня назад?

— Ага.

— Во-от, когда мы завтра найдём Данте, ты воткнёшь этот меч ему в грудь.

— ЧТО-О-О? — у Эстеллы чуть глаза из орбит не выпали. — Клариса, ты с ума сошла! Ты хочешь, чтобы я своими руками убила Данте?

— Нет, не Данте. Надо убить то, что в него вселилось, а сам Данте будет только ранен. Потом мы его вылечим. Не забывай, что меч волшебный. Когда Нечто выйдет из Данте, ты напоишь его вот этим. Это ранозаживляющее зелье, — Клариса вынула из кармана хрустальный пузырёк с тёмно-красной жидкостью и отдала его Эстелле.

Эстелла колебалась. Ломая руки, она прошлась по комнате.

— Я не знаю, Клариса... Я очень, очень хочу спасти Данте. Я хочу, чтобы он стал прежним, но... это будет непросто. Как мне своими руками всадить ему в грудь меч? А если он умрёт?

— Я же сказала, он не умрёт! — остервенело выдавила Клариса.

— И нет никакой альтернативы?

— Нет. Чужую магическую сущность так просто не изгонишь. Думаю, оно вселилось в Данте из-за неразумного злоупотребления чёрной магией. Он часто вытворял глупости, и некая Сущность этим воспользовалась. Ну как ты не понимаешь, Эстелла, — сменила тон Клариса. Голос её зазвучал мягко и вкрадчиво. — Данте страдает, когда это Нечто управляет им, он не может с ним совладать. Я уверена, Данте и сам хочет избавиться от этого.

Эстелла вздохнула — она так жаждала помочь Данте, что слова Кларисы пересилили всё. Жалость — сильное чувство, порой оно сильнее рассудка и даже любви. У Эстеллы возникло смутное подозрение: Клариса манипулирует ею, но она вспомнила лицо Данте, его глаза в те моменты, когда им управляло это Нечто. Он умолял не бросать его. Она ему нужна. Она должна ему помочь, а она, дура трусливая, ещё и сомневается.

— Хорошо, — решила Эстелла. — Я сделаю это.

— Ну вот и чудненько! — хлопнула в ладоши Клариса; лицом она сейчас напоминала гигантскую ящерицу. — Завтра нас ждёт великий день. День встреч и разлук. День магии и торжества любви, — глаза её сделались жёлтыми, как два лимона, но отдавали металлическим холодом. — Хотя... любовь — это болезнь души, и никто, даже сам больной, не знает, куда она его заведёт.

===== Глава 51. Хамелеоны =====

Остекленевшим взором Данте изучал потолок, засиженный летучими мышами. Юноша лежал в центре каменной комнаты, привязанный тугими ремнями к деревянному столу-помосту. Из источников света здесь имелись только факелы, а по стенам были развешаны зеркала. Но они не показывали отражений — чёрные тени внутри них двигались, сверкая зелёными, голубыми, красными, фиолетовыми и жёлтыми нечеловеческими глазами, и хохотали резким, скрипучим смехом. Стояло приблизиться к зеркалам, как их обитатели высовывали костлявые пальцы, чтобы схватить подошедшего. Любого человека, если бы провёл он здесь и один день, охватил бы ужас. Данте тут находился с момента, как Тибурон утащил его в зеркало.

Мыши под потолком, похожие на крошечных вампиров, мерзко пищали, и Данте закрыл глаза. Вырваться из пут он не мог — ремни, напичканные колдовством, впивались в кожу, не давая шевелиться.

Данте явно недооценил Тибурона в его изощрённости и коварстве — ситуация, куда он угодил, была планом старика, что мечтал вернуть власть над перстнем. На глазах у Данте Тибурон провёл чёрный ритуал — разрезав руку, окунул изумруд в свою кровь. Но тот, обратив кровь в синюю жижу, потоком изверг её магу в лицо. Ругаясь на чём свет стоит, дед

потребовал от Данте объяснений: что он сделал с перстнем, раз тот не подчиняется. Но Данте молчал: он и не знал что сказать, и из упрямства и ненависти не хотел помогать Тибуруну — такой сильный артефакт опасен в руках злого человека. А дед явно добротой не отличался.

Несмотря на стариковы чары, магии Данте не лишился. Он ощущал, как она течёт по жилам, но будто высасывает из него силы физические.

Тибурун оказался любителем ставить магические эксперименты, и Данте за эти пять месяцев их все испытал на своей шкуре. Он не знал какой нынче день, час, время года. Сейчас он не смог бы сосчитать и до двух — в голове был вакуум. Мыслей не осталось, лишь обрывки воспоминаний и боль, и физическая, и моральная, и, неизвестно, что было хуже. Обручальное кольцо Эстеллы Данте надел на мизинец, и это стало роковой ошибкой. Кольца, соприкасаясь, обменивались магией: одно забирало боль в себя, другое тут же её отдавало, удваивая в разы.

Первое время юноша сопротивлялся, вырываясь и брыкаясь так, что под путами лопалась кожа; он плевал мучителю в лицо, кусался и рычал, когда Тибурун заставлял его проглотить какое-нибудь зелье. Но после этой процедуры Данте падал в ад. Тело то горело огнём, то превращалось в лёд, то его будто резали ножами, то выкручивали мышцы и суставы, а голова разрывалась, как при ударе в висок томагавком. Но Данте упрямо не кричал, на зло, специально, чтобы не доставлять Тибуруну удовольствие. И делал хуже. Видя, что Данте так просто не сломать, Тибурун изобретал ещё более ужасные экзекуции. Он варил снадобья, причинявшие дикую боль; изобретал приспособления для пыток: ошейник, что жертву душил, железные кандалы, что прокаливались на огне и оставляли рубцы и волдыри на коже. Но иногда Тибурун всего-навсего прикладывал ко лбу Данте маленькое зеркальце, и у юноши начинались страшные видения.

Но Данте, упрямый, гордый, готовый умереть с высоко задранном носом, прошедший и тюрьму, и Жёлтый дом, не сдавался. Тибурун бесился, но не мог полноценно насладиться победой — после любой пытки Данте истерически хохотал ему в лицо. Однако, решимость его закончилась в ноябре, когда у колдуна появилась помощница.

То была женщина с фигурой статуэтки. Впервые Данте лицезрел её издали: невысокая, с тёмными длинными волосами, она была одета в платье-плащ из змеиной кожи. Лица Данте не увидел — дама стояла спиной, да и заглянула на минутку — принесла Тибуруну несколько фиалов со снадобьями и ушла. Но сердце у Данте едва не выпрыгнуло.

Второй раз дамочка появилась спустя дней пять. Одета во всё чёрное, она принесла дымящийся золотой кубок и, подойдя к Данте близко, наклонилась, чтобы он разглядел её лицо. Это была Эстелла.

— Ну здравствуй, — холодно прошипела «Эстелла» в ответ на непонимание в его глазах. — Узнаёшь меня? Ну, конечно, узнаёшь. Бедняжка, Данте! Такой глупый, такой никчёмный и неприспособленный к жизни дурачок. Добро пожаловать в твой индивидуальный ад! Знаешь, иногда ад при жизни гораздо хуже и эффективнее ада потустороннего, которым людей пугают всякие падре, — и она громко расхохоталась.

Если бы Данте был в адеквате, он бы понял, что эта женщина не может быть Эстеллой. Но после трёх месяцев издевательств он соображал плохо и на её появление среагировал инстинктивно — увидел Эстеллу, её лицо, её фигурку, услышал её голосок, произносящий нечто ужасное, и весь мир его рухнул. Она его ненавидит, а он так и не смог её разлюбить...

Приложив указательные пальцы к вискам Данте, Лже-Эстелла влила ему в голову струю

чёрного дыма. Перед глазами юноши полетели черти. Затем они обратились в трёхглавых драконов, что, разевая пасти и выпуская из ноздрей искры, кидались на него. Голову пронзила безумная боль, у Данте аж челюсть свело, и впервые за всё время нахождения здесь, он начал орать, извиваясь в своих путах.

«Я же тебе говорил, что любовь приносит только страдания. И не стоит ждать от неё ничего хорошего. Все люди предатели и твоя маркиза — не исключение», — шепнул вкрадчивый голос Салазара.

— Нет, не надо, хватит, уходи, уходи... — пробормотал Данте.

«Ну какой же ты всё-таки тупой! — не унимался Салазар (Данте так чётко слышал его голос, будто Салазар, из плоти и крови, стоял рядом). — Пойми, наконец, эта женщина такая же, как все, и даже хуже. Она не любит тебя. Ей нравится смотреть на твои мучения, поэтому она и здесь, тупица!».

— Замечательно! — молвила «Эстелла», подтверждая его слова. — Я люблю наблюдать, как безмозглые людишки кричат и извиваются, медленно сходя с ума и превращаясь в растения. Я ещё вернусь, — сказала она кому-то и, кажется, ушла — Данте услышал стук её каблуков.

В следующий раз Лже-Эстелла явилась в декабре. В ярко-красном платье с эполетами на плечах. И устроила спектакль: стала признаваться Тибурону в любви, обнимала его, целовала, уверяя, что ради него пойдёт на всё. Мужчина реагировал спокойно, хотя в антрацитовых глазах его и прыгали искорки, когда он бросал на неё взгляд. Салазар у Данте в голове лишь хихикал, повторяя, как попугай, одно и то же: «Я тебе говорил! Говорил!».

Когда «Эстелле» надоело кривляться, она наколдовала в воздухе хлыст, и мир Данте снова разрезала боль. При каждом ударе, что наносила эта женщина, кожа у Данте лопалась и пузырилась. Хлыст явно был напичкан магией, что усиливала боль в разы, и Данте кричал и кричал, срывая голос. И он так и не задумался, что Эстелла, настоящая Эстелла, не может колдовать, она не может вытворять такие вещи. Здоровые мысли до него уже не доходили. Дамочка грубо смеялась, запрокидывая голову, и уверяла, что ненавидит Данте, а любит всю жизнь одного мужчину — Тибурона.

К январю издевательства двух магов довели Данте до изнеможения. Голос Салазара ещё звучал в его мозгу, напоминая назойливое жужжание мухи, но Данте не разбирал слов.

Утром тринадцатого января Тибурон, заставив Данте проглотить некую дрянь фиолетового цвета, долго и задумчиво смотрел, как тот извивается, прокусывая себе губы до крови.

— Я вижу, всё бесполезно, — молвил маг, прохаживаясь по комнате. Одет он был в длинную синюю рясу; подол её волочился хвостом. — Ты не понимаешь ни по-хорошему, ни по-плохому и не хочешь сказать, почему перстень меня не слушается. Магия Крови? Будь она неладна! Но ведь я совершил обратный ритуал. Я хотел лишить тебя не только власти над перстнем, но и силы. Твоя магия должна была вернуться ко мне. Ты был жалким младенцем, когда я тебе одолжил часть своей силы и перстень, ты должен был стать их хранителем, а не хозяином. Но теперь перстень не подчиняется даже волшебной палочке, что я позаимствовал у одной нашей общей знакомой. Эта палочка почему-то не содержит магии, хотя считается сильнейшим колдовским артефактом.

— Одно из двух: либо эта стерва меня надула, либо её надул тот, у кого она взяла эту палочку. Я — величайший колдун, я бы мог стать властелином мира, я всегда был с магией на ты, но сейчас происходит непонятное. И ты, слизняк, должен мне объяснить, что ты

сделал с перстнем! — подойдя ближе, Тибурон с размаху ударил Данте по лицу. — Ты мне скажешь! Скажешь! И ты должен, обязан заставить перстень подчиняться мне, своему истинному хозяину!

Тибурон скрипел зубами, но Данте лишь безучастно пялился в потолок.

— Молчишь, незаконнорождённый ублюдок? Ладно. Тебе, видать, мало. А вот интересно, где же наша любимая Эстельита? Жду её, не дождусь.

При упоминании Эстеллы Данте нервно вздрогнул, и Тибурон, сверкая чёрными глазами, загоготал. Снова ударил Данте по щеке.

— Неужто ты ещё не понял, выродок, что эта женщина — моя? Она любит меня, а ты ей противен. Мы давно с ней любовники. Она сходит от меня с ума, пищит от моих ласк и поцелуев, как мышь в мышеловке.

В эту секунду открылась дверь, и в комнату вошла Лже-Эстелла, необыкновенно красивая в платье цвета янтаря. В руках она несла клетку, где сидели три чёрных крысы.

— А вот и объект наших мечтаний пожаловала! — громогласно произнёс Тибурон. — Ты великолепна сегодня, красавица! Впрочем, как всегда. Что ты нам принесла?

— Сегодня будет весело, — протянула «Эстелла», скаля белые зубки.

Поставив клетку на стол, она поочередно вынула крыс, беря их голыми руками, и усадила к Данте на грудь.

— Вот они, мои очаровашки. Думаю, сегодня они развлекутся на славу, — и «Эстелла» нежно погладила одну крысу. Все три были огромные, жирные, размером с упитанную кошку; они мерзко шевелили носами, волоча за собой длинные тонкие, как плети, хвосты.

Хоть Данте и плохо соображал, но фобия дала о себе знать. И пока крысы, гуляли по нему да по столу, где он лежал, Данте трясло, как в припадке эпилепсии. Лже-Эстелла, хохоча, обнимала Тибурона.

— Ну вот, скажи мне, дорогой, — обратилась она к нему. — За что мне его любить? Трусливый маленький мальчик боится милейших крысок! То ли дело ты, я люблю смелых и изобретательных мужчин, — и она поцеловала его в губы.

В голове у Данте царил беспросветный мрак, грудь разрывали на части боль и страх. «Умереть... умереть... я хочу умереть...», — подумал он, пялясь на гроздь летучих мышей под потолком. Он слышал издевательский смех Эстеллы, ощущал на теле мерзкие копошения крыс, и у него ум за разум заходил. Неужели этому не будет конца? Ну сколько можно? От бессилия у Данте полились слёзы, а когда одна из крыс вплотную добралась до его лица, Данте, глянув на её морду, потерял сознание.

С утра тринадцатого января Эстелла не находила себе места — Клариса обещала, что сегодня они пойдут искать Данте, но всё медлила и медлила. Она пропустила завтрак, оставив записку, что ушла по делам, «которые не терпят отлагательств». Явилась к обеду (как показалось Эстелле, чем-то очень довольная). И лишь часам к трём дня, когда Эстелла уже готова была её разорвать на кусочки, Клариса объявила, что им пора «навестить того, кто их уже дождался». На удивлённые вопросы Ламберто и Лусиано, Клариса пояснила, что они с Эстеллой едут на поиски Данте.

Дедушка Лусиано, всё обиженный на Данте, заявил: если они Данте найдут, чтобы ноги его в доме не было. Из-за него развалилось их родство с Мендисабальями, да и отношения с акционерами Национального банка у Лусиано трещали по швам — Браулио Мендисабаль настроил всех против герцога, и акционеры делали всё, чтобы Лусиано вышел из состава

банка.

Ламберто на Национальный банк было плевать. Он радовался, что Клариса, несмотря на утрату Гаспара, продолжает жить и думать о делах насущных. Данте найти надо обязательно. И Ламберто объявил: он тоже хочет поехать за Данте вместе с Кларисой и Эстеллой, и это не обсуждается. Судя по лицу Кларисы, она была этим раздосадована, но отговаривать Ламберто не стала: как-никак, а Данте его сын.

Эстеллу же волновали Данте и салон моды, управление которым пришлось взвалить на главную приказчицу, сеньориту Росу, — благовоспитанную старую деву. Эстелла предупредила сотрудниц, что её не будет несколько дней. Она упросила дедушку Лусиано контролировать дела салона, изредка туда заглядывая. Тот, скрепя сердце, согласился, хоть и не понимал её логики: на пару дней салон можно просто закрыть. Эстелла и сама удивлялась той тщательности, с которой готовилась ехать за Данте, будто собиралась в кругосветное плавание. Она даже взяла с собой волшебное зеркальце, что однажды помогло ей сохранить Данте жизнь. С тех пор зеркало магии не излучало, но Эстелла нафантазировала: а вдруи зеркало пригодится. Закрыв в него ранозаживляющее зелье, Эстелла сунула зеркальце в карман дорожного плаща, что накинула сверху платья.

К четырём часам дня трое наших героев отправились в путь. Эстелла верхом на Жемчужине, Ламберто — на Императоре, своём любимом скакуне, серебристом с чёрным мазками на боках. Клариса же оседлала тёмно-рыжего Каштана. Эстелла было попыталась усадить её на Алмаза, но тот заартачился. Стуча задним копытом, он закидал Кларису землёй.

— Какая упрямая лошадь! — наморщила лоб Клариса, отходя от алмазовых копыт подальше. Тот фыркал и тряс гривой. — Это же лошадь Данте, не так ли? Видать, никого не подпускает к себе, кроме хозяина.

— Он впервые так себя ведёт, — сказала Эстелла. — Меня подпускал. Я же ездила на нём верхом, Алмаз всегда был очень спокойный, он гораздо послушнее моей Жемчужины. Не понимаю что с ним.

— Да не хочет и не надо, — отмахнулась Клариса. — Нет разницы на какой лошади ехать.

Миновав несколько бульваров и кварталов, троица спешила в заброшенном сквере. Здесь было безлюдно, а вокруг низенького фонтанчика сгрудились скамьи и разросшиеся кусты магнолии. Не долго думая, Клариса залезла с ногами в фонтан, взмахнула рукой, и чаша, откуда била вода, вспыхнув, раскололась. Фонтан разъехался как двери королевских покоев, демонстрируя каменную лестницу, уходящую отвесно вниз.

— Нам сюда, — поманила всех за собой Клариса и первая начала спускаться по ступенькам.

Ламберто и Эстелла последовали за ней. Эстелла, привыкшая к волшебству, особо не удивлялась, да и доверяла Кларисе, ведь ни раз помогала ей и Данте. А вот на лице Ламберто читалось детское изумление.

Когда закончились многочисленные ступени, наши герои оказались в каменном коридоре без окон и дверей. Только факелы горели на пустых стенах. Эстелла припомнила: когда она побывала здесь впервые, обстановка была иная: были двери и комнаты, сейчас же, кроме узкого тоннеля, не наблюдалось ничего.

— Клариса, а почему сейчас всё по-другому? — не удержалась от вопроса Эстелла. — Не так, как в прошлый раз.

— Ну, во-первых, в прошлый раз мы и заходили сюда по-другому. Ты забыла, что тогда мы были в Ферре де Кастильо? Вообще, в этот дом можно попасть отовсюду, главное знать где ближайший вход. И здесь всё наполнено магией, комнаты перемещаются, у них нет определённого места. Тут легко заблудиться. А двери есть где-то в стенах, но открыть их — целая наука. Я не знаю всех тайн этого дома, хотя была тут ни раз. Сейчас вы выпьете это, — Клариса протянула Эстелле и Ламберто по склянке с красновато-розовой жидкостью.

— Для чего это? — нахмурился Ламберто.

— Чтобы попасть внутрь, надо знать секреты открытия дверей. Я их не знаю, ведь они меняются ежедневно. Да и если бы знала, втроём мы бы всё равно не прошли. Человек, не обладающий магическими способностями, внутрь не попадёт. Дом его не впустит, закроет вход перед носом. На все двери наложены сложнейшие чары. Но! — повысила голос Клариса, поднимая указательный палец вверх. — Эстелле я уже это объясняла: животное, любое животное, а также птица, рыба и насекомое, как магическое, так и обычное, в дом попасть может. Чары действуют только на людей. И вам надо выпить зелье, чтобы превратиться в кошек.

— А почему в кошек? — не утихал Ламберто.

— Потому что я так хочу! — закатила глаза Клариса. — Если ты превратишься, к примеру, в слона или в жирафа, или в бегемота, ты всё равно не пролезешь в дом, ибо вход маленький. Поэтому животное тоже должно быть маленькое и прыткое, и умеющее лазать. Теперь ясно?

Пока Клариса с ехидством в голосе всё это объясняла, Эстелла, залпом выпив зелье, обернулась в маленькую беленькую кошечку. Но Ламберто медлил.

— Что-то мне это не нравится, — он скептически косился то на склянку, то на Эстеллу-кошку. — Во-первых, я не верю в волшебство, во-вторых, я не хочу быть котом, ведь я человек. И, в-третьих, а мы превратимся обратно?

— Ну, конечно, превратимся! — нервно вздохнула Клариса.

Эстелла, хоть и была кошкой, но соображала хорошо. По лицу Кларисы она поняла, что та жалеет, что они взяли Ламберто с собой.

— О, братик, ты, конечно, можешь не пить зелье, — сказала Клариса насмешливо. — Но тогда мы с Эстеллой пойдём вдвоём, а ты останешься тут, пока мы не вернёмся. Без нас ты отсюда не выберешься. Или ты пьёшь зелье и идёшь с нами, но с условием: если ты станешь нам мешать или действовать на нервы, будешь котом неделю как минимум.

Тяжко вздохнув, Ламберто приложился к склянке и мигом обратился в ярко-рыжего кота с зелёными, как трава, глазами.

— То-то же, — хмыкнув, Клариса превратилась в чёрную кошку.

Две кошки и кот пошли по тоннелю вперёд. Он петлял, вилял, поворачивал в неожиданные стороны, напоминая лабиринт. Но у Эстеллы сложилось впечатление, что Клариса точно знает куда идти. Она целенаправленно вела Эстеллу и Ламберто за собой, пока они не угодили в тупик. Остановились перед глухой стеной.

Шерсть чёрной кошки, встав дыбом, подёрнулась красным. Прыг! Всеми четырьмя лапами она прыгнула в стену, и та открылась. Щель была небольшая, круглая как окно и достаточная для того, чтобы в неё пролез небольшой зверёк.

— Прыгайте внутрь, — велела Клариса.

Белая кошка и рыжий кот по-очереди сиганули в дыру. Клариса последовала за ними, и дыра закрылась, словно акулья пасть.

Приземлилось кошачье семейство в комнатке, ярко освещённой факелами и газовыми рожками.

Здесь было уютно: несколько диванов и кресел пёстрой расцветки стояли буквой «П»; золотистый ковёр укрывал весь пол; низенький одноногий столик был заставлен вазочками с пирожными и фруктами.

Встряхнувшись Клариса превратилась в себя. Затем, поведив рукой над Эстеллой, вернула и её в человеческое обличье. Меч, что перед выходом из дома она забрала у Эстеллы, в уменьшенном состоянии висел у Кларисы на шее, напоминая зуб буйвола, коим украшают себя охотники или индейцы.

— Меч пока нам не нужен, — пояснила Клариса. — Он понадобится, когда мы найдём Данте.

Она почему-то не спешила расколдовывать Ламберто. Эстелла хотела спросить об этом, но заметила: рыжий кот лёг на ковёр, уложив морду на лапы и прикрыв глаза.

— Что это с ним, Клариса? — испугалась Эстелла.

— Ничего смертельного, — зевнула та. — Он уснул. Я подсыпала ему в зелье снотворное. Я подумала, он будет нам несколько... эээ... мешать. Предлагаю оставить его в этой комнате. Тут уютно и безопасно. Он будет спать, пока мы не вернёмся обратно уже с Данте.

Эстелла сочла слова Кларисы благоразумными — дядя Ламберто мог выкинуть что угодно. Вспомнить хотя бы убийство Рубена, её настоящего отца. Да, Рубен был мерзавцем и пытался изнасиловать мать Данте, но Ламберто тогда зашёл далеко, размахивать кинжалом было необязательно. Хотя... Данте, наверное, сделал бы так же. Кстати, сам Данте — это ещё одна причина, по которой Ламберто будет лучше остаться тут — неизвестно, в каком состоянии они Данте найдут. Эстелла содрогнулась от этих мыслей. Ну зачем, зачем она отдала Данте обручальное кольцо?

— Извини, дорогой братик, — сказала Клариса, беря спящего кота на руки. — Раз ты не понимаешь, что для человека, никогда не видевшего магии, пребывание тут может стать опасным, если он будет вести себя по-дурацки, что ты умеешь и практикуешь, мы оставим тебя здесь, — она уложила кота на один из диванов.

Проведя над ним рукой, наколдовала сферу — прозрачный шар, так, что Ламберто-кот оказался в его центре.

— Вот так, — подытожила Клариса. Судя по её лицу, настроение у неё мигом поднялось, и она потянула Эстеллу за собой через дверь, что напоминала сгусток тумана.

Некоторое время они бродили по подземелью, изучая его комнаты. Одни были наполнены волшебными артефактами: и поющими, и скрипящими, дрыгающимися и изрыгающими пламя. Другие — магическими животными: голубыми птичками с глазами-звёздами; террариумом, где извивались, похожие на клубок спутанных ниток, змеи всех цветов радуги; тут же, в прозрачной сфере плавал аллигатор; зелёная обезьянка, раскачиваясь на лиане, лопала банан и свистела, пародируя пение соловья, что прыгал по огромной чёрной книге. В аквариуме плескались рыбы. У них были зубы, рога и когти.

Следующая комната была оранжереей, но растения здесь не пахли. Некоторые выглядели безобидно, корчась, пыжась, пританцовывая и болтая друг с другом. А иные могли и руку отхватить — стояло приблизиться, как они открывали пасти, демонстрируя зубы и даже раздвоенные языки. Клариса велела держаться от них подальше и ничего в комнате не трогать.

Чем дольше женщины блуждали по всяким комнатам и галереям, тем в большее оцепенение впадала Эстелла. Её убаюкивало, гипнотизировало волшебство, что обитало здесь. Она впала в безразличие, послушно идя за Кларисой. Но когда они зашли в комнату с чёрными стенами, Эстеллу обуял страх.

Под потолком — скелеты. На столике напротив — черепа. В углу на полках сияли бутылки и бутылочки, фиалы, склянки, флаконы с чем-то красным, напоминающим кровь то ли людей, то ли животных. На другой полке сверкали остро наточенные ножи и кинжалы, топоры и томагавки. Вдоль одной из стен высились прозрачные стеллажи, заставленные чем-то вроде аквариумов всяческих форм и размеров: длинные и высокие, низенькие и квадратные, похожие на ящики, и круглые, и яйцеобразные, и в виде конусов и пирамид. В них, в красной, зелёной, синей, жёлтой, розовой жидкостях что-то плавало. Издали Эстелле показалось, что это рыбки, крабы, улитки или какие-то диковинные растения. Но, подойдя, она ахнула: в одних сосудах плавали пальцы, в других руки, в третьих ноги, глаза, языки — всё человеческое. Самым жутким оказался большой стеллаж по центру: тут в каждом аквариуме, в зелёной вязкой жидкости болтались... человеческие головы. Женские и мужские, старые и молодые.

Эстеллу затошнило. Не в силах на это смотреть, она зажмурилась и шарахнулась в угол. Ай! Напоролась спиной на раскрытый гроб, полный пауков.

— Ой, боже мой, Клариса, какой ужас! — воскликнула Эстелла отпрянув. — Что это за комната, пойдём отсюда быстрее! — взмолилась девушка, но спутница её не шевелилась.

— Я привела тебя сюда не для того, чтобы напугать, — молвила Клариса. — Я хочу показать тебе две грани волшебства, две его стороны, противоположные, но не существующие одна без другой. Это как в зеркале, твоё отражение — обратная сторона твоего облика. В иных комнатах ты увидела магию, что создаёт красоту. Магию, что восхищает и завораживает. Магию сказки. То, что ты видишь здесь, — тоже магия, но она ужасает, вызывает панику и омерзение. У магов, как и у простых смертных, когда они слышат о магии Тьмы и о магии Света, бытуют россыпи мифов и заблуждений. На самом же деле вся магия едина, нет ни чёрной, ни белой магии — это всё придумали сами колдуны. Они разделили магию на хорошую и плохую, ведь они сами, как и все люди за земле, хорошие и плохие. А пресловутое «но» заключается в том, что белая магия тоже бывает опасна. Она может и убить, а чёрная может и спасти. Так вот, в магическом мире произошла подмена понятий и с разделением магии всё перепуталось. Чёрное стало белым, а белое чёрным. Некоторых добрых магов считают чёрными, потому что они используют чёрные зелья и заклинания, пусть и ради экспериментов или благих целей. А некоторые самые наибелейшие маги — дьяволы во плоти, но это не мешает им считаться белыми. Понимаешь?

Но Эстелла ничего не поняла из кларисиной речи — ей хотелось побыстрее уйти из этой мерзкой комнаты.

— Поди сюда, — поманила Клариса Эстеллу пальцем, замерев у стеллажа, где плавали человеческие головы. — Не бойся, я лишь хочу, чтобы ты поняла: в мире нет только белого или только чёрного. Каждый из нас, магов или простых людей, может быть одновременно и хорошим, и плохим. Это зависит от ситуации, от собственной морали, от окружения, среды, где ты обитаешь. Иди сюда...

— Но, Клариса, мы хотели искать Данте, — робко возразила Эстелла.

— Мы его найдём непременно. Кстати о Данте. Он тоже относится к разряду магов

чёрных. Иногда он вытворял нечто, о чём ты не знаешь, но на то были свои причины. Вот взгляни, — Эстелла подошла, и Клариса указала на полку с отрезанными головами. — Что ты видишь?

— Г-головы... — шёпотом выдавила Эстелла.

— Правильно, головы. Головы людей. Но взгляни внимательнее вот сюда, например, — она ткнула пальцем в аквариум, где плавала голова светловолосой женщины. Волосы её, болтаясь в зелёной жидкости, напоминали ламинарию, а лицо выглядело одутловатым. Эстелла с ужасом вскрикнула: то была голова Каролины.

— Это... это... Каролина, это жена Г-г-аспара, — пролепетала Эстелла, прижимая руки ко рту.

— Пра-а-авильно, — мякнула Клариса. — Данте убил Каролину, чтобы спасти жизнь тебе.

— Что?

— Когда была эпидемия чумы, помнишь, Данте сварил зелье, которое всех излечило? Для этого зелья надо было убить человека, чтобы использовать его кровь и сердце. Почему он выбрал Каролину, я не знаю. Видимо, она сильно его обидела, но у Данте была ситуация выбора: либо он убивает её, либо умираешь ты. У человека всегда есть выбор, и иногда мы совершаем шаг, который другие люди сочли бы ужасным, отвратительным, кошунственным. Но у каждого своя истина. И у всякой истины есть две стороны: чёрная и белая. Один человек, посмотрев на некую ситуацию, скажет: это правильно, это белое; но другой, оценив ту же ситуацию, скажет: это плохо, это чёрное. И оба будут правы, потому что смотрят на ситуацию, как в зеркало, видя лишь одну грань и не зная что кроется внутри. И они будут спорить, доказывая друг другу свою правду, и никогда не договорятся — закон жизни, — окончила Клариса свою тираду.

Но Эстелла слушала в пол уха, переключив внимание на плавающие головы.

— Я вижу, тебя многое тут заинтересовало? — хитро спросила Клариса.

— К-к-клариса, к-к-как это объяснить? Я знаю кто это, — Эстелла показала на голову черноволосого юноши, молодого и красивого. — Это же Луис, Луис Парра Медина, жених Сантаны.

— Да, он умер на свадьбе, думаю, ты хорошо помнишь этот эпизод. Его убил Данте. Ты разве забыла?

Эстелла попыталась возразить, но Клариса сбила её с мысли, указав на следующую голову.

— А это Хорхелина, твоя тётушка. Помнишь такую?

— Её покусала змея, — прошептала Эстелла.

— Змею подложил Данте по просьбе Либертад. Когда та узнала, что Данте маг, она попросила его избавить её от Хорхелины. И он сжалился над бедняжкой.

«Нет, это какой-то бред!» — сообразила Эстелла. Причём тут Данте? Это противоречит всякой логике, хоть у Данте логики и нет. Но он не имеет отношения ни к Либертад, ни к Хорхелине — её он знал по эстеллиным рассказам. Но Клариса, не дав Эстелле шанса прибавить два к двум, опять переключила её внимание.

— А это Рене и Сильвио Бильосо, — показала она на две слегка обгоревшие и одинаково круглые головы. — Это люди, которые Данте воспитывали в детстве. А он им отплатил свинячьей неблагодарностью — поджёг.

— Я же их знаю! Я их видела в Книге Прошлого, в кабинете у комиссара Ласерды, —

вспомнила Эстелла. — Они ещё обвиняли Данте в ограблении.

— Да, это они, — кивнула Клариса. — Данте не в первый раз их мучил, и в итоге добил.

— Если это те, что в детстве запирали его в подвале и морили голодом, то мне их не жалко, — заявила Эстелла. — Он мне рассказывал эту историю. Я бы этих извергов на кол посадила и выставила на центральной площади на всеобщее обозрение.

— А это наш старый знакомый Гаспар, — перешла Клариса к новой голове. — Ах, бедняжка, он ведь умер всего пару дней назад и по той же причине, что и несчастная Хорхелина — его покусала змея. Интересное совпадение, правда?

— Ну тут уж Данте явно не причём! — заспорила Эстелла.

— Ошибаешься, моя дорогая. Ещё как причём! Правда в том, что Данте всех обманул — он разыграл своё исчезновение, чтобы дожидаться случая и отомстить обидчикам, устраняя их по одному. Вот и очередь Гаспара подошла. Не переживай, дорогая, — Клариса погладила Эстеллу по волосам, и те подёрнулись серебристой дымкой. — Я понимаю, это тяжело — любить убийцу, но такова реальность.

Эстелла хлопала глазами, глядя на плавающее в зелёной жиже лицо Гаспара, которого три дня назад видела живым и здоровым. У висках у неё стучало, а ноги подкашивались.

— А это, узнаешь, кто? — спросила Клариса змеиным шёпотом, ткнув пальцем чуть левее, и Эстелла закрыла лицо руками — в круглом аквариуме болталась голова... Маурисио.

— Но... но... это Маурисио? Да как это возможно? Когда умер Маурисио?

— А вот Маурисио убила ты, моя дорогая, — объявила Клариса задорно.

— Что-о-о?

— Да, в тот раз, когда пробила ему голову камнем. Он упал, ты побежала за служанкой, а когда вернулась...

— Когда я привела в комнату Чолу, он был жив! — закричала Эстелла, топая ногой. Она резко дёрнулась, и Кларисе пришлось убрать руку с её головы. Ноги тут же обрели чувствительность.

— Это был не Маурисио, моя дорогая. Это был твой драгоценный Данте в его обличье. Ты разве не помнишь, что Данте некоторое время жил в замке в облике лиса? Так вот, Маурисио умер от удара камнем, а Данте, о, благородный наш, — Клариса рассмеялась как-то нервно, — решил спасти тебя от тюрьмы. Он спрятал тело, а сам превратился в Маурисио, и, когда ты вернулась в комнату, там находился Данте. Ты разве не обратила внимания, что нигде и следов крови не осталось? Он их уничтожил.

Эстелла припомнила сей эпизод. Да, всё, что сказала Клариса, было, и Маурисио именно с этого дня стал противоречить сам себе.

— Поверить не могу... — промямлила шокированная Эстелла. — Клариса, скажи мне, что это неправда. Данте, Данте, которого я любила и люблю, не может быть таким чудовищем.

— Ещё как может, моя дорогая. Но вспомни нашу недавнюю беседу. Я же тебе объяснила, что в Данте вселилась некая Сущность, дух другого колдуна. Он управляет им и всё, что Данте натворил, он натворил под воздействием этой Сущности.

— Вот оно что... Но... но что, что делать-то? — всхлипнула Эстелла, отходя от стеллажей с головами.

— Я тебе сказала что делать, — вздохнула Клариса сочувственно. — Ты можешь ему помочь, — и она, с силой ухватив Эстеллу за руку, вдруг потащила её на середину комнаты,

где лежал ковёр — огромная паутина. Топнула ногой, и ковёр поехал вниз, увлекая женщин за собой. Доехав до нижнего этажа, он остановился. Эстелла и Клариса сошли с ковра, и тот уехал вверх.

Женщины очутились в коридоре, по стенам которого располагался с десяток дверей. Клариса повела Эстеллу за собой — целенаправленно к двери, опутанной чем-то чёрным. Эстелле привиделось, что это цепи, но когда они подошли ближе, оказалось, что дверь обвивают живые змеи. Эстелла чуть в обморок не брякнулась, глядя как они шевелятся.

— Ну-ка, кыш отсюда! — голыми руками Клариса сбросила змей с двери на пол. Сняла с шеи серебряный меч — тот увеличился в размерах, и она, вставив его кончик в замочную скважину, открыла дверь. Втолкнула Эстеллу внутрь.

Комната была просторная, но напоминала камеру пыток. На стенах блестели зеркала, где что-то булькало, сверкало, выло и скрипело. Всюду — факелы. Под потолком — летучие мыши. По центру расположился деревянный помост-стол. И на нём кто-то лежал... Мужчина. Длинные чёрные волосы...

Эстелла, вскрикнув, кинулась вперёд:

— Данте! Данте!

Клариса не стала её удерживать.

Кроме Данте и летучих мышей в комнате никого не наблюдалась. Увидев любимого, Эстелла расплакалась: Данте был худой, бледный, измученный и напоминал покойника в гробу. На лице его красовались царапины и ссадины, спутанные волосы частично обгорели. Грудь его стягивали тугие ремни, а шею, руки и ноги — железные ошейник и кандалы.

— Данте! Данте! — всхлипывая, Эстелла попыталась руками разорвать путы — естественно, ничего не вышло. — Боже, что это? Кто это с тобой сделал?

Но Данте не узнавал её, бешеным взглядом изучая потолок.

— Клариса! Клариса! — заорала Эстелла. — Помоги мне, его надо освободить!

Но Клариса отчего-то медлила, прохаживаясь по зале туда и обратно и цокая каблуками.

— Данте, миленький, ты меня слышишь? — Эстелла потрогала его за лицо. — Данте, это я, Эсте, твоя Эсте, ты меня узнаёшь? — девушка плакала, прижимая к себе его голову. — Мой хороший, посмотри на меня, вспомни меня, я тебя так люблю, — и она прильнула губами к его губам.

Данте глубоко вздохнул. В сапфировых глазах мелькнула мука, такая, что Эстелла аж отшатнулась. Он взглянул на неё как-то дико, зажмурился, и из глаз его вытекло несколько слезинок, крупных и... красных как кровь.

— Данте... Данте, что с тобой? — Эстелла опять вцепилась в ремни, тщетно разрывая их. — Клариса, ну в самом деле, помоги же уже!

Та, наконец, изволила подойти, но помощь её ограничилась тем, что она вложила Эстелле в руку меч.

— Ты знаешь что делать. Мы это уже обсуждали, — сказала Клариса безразлично и снова отошла.

Но Эстелла, к её досаде, не ударила Данте мечом — она разрешила на нём путы. Те поддались легко, стояло коснуться их волшебным мечом, как они развалились вместе кандалами и ошейником. Данте, ощутив свободу, вдруг задрожал.

— Данте, Данте, миленький, всё будет хорошо, — ласково бормотала Эстелла, обвивая его руками. И тут Данте заговорил, едва слышно, невнятно:

— За что... За что? Я всегда видел в тебе свет, ты была единственным человеком,

которому я верил, иногда больше, чем себе. Все, все люди твари и ты такая же, как все, но если в тебе осталось что-то человеческое, убей меня сейчас. Пожалуйста, я хочу умереть...

— Видишь, он сам просит, — ухмыльнулась Клариса, и лицо её стало жёстким. — Чего ты ждёшь? Помнишь, о чём мы говорили? Разве ты не хочешь ему помочь?

— Убей меня... убей... пожалуйста... я не хочу жить, зная твоё истинное лицо, — повторил Данте. Взгляд его был безумен, а щёки перемазаны в кровавых слезах, и Эстелла, разрываемая страхом, любовью и жалостью, решилась.

— Данте, я не знаю, в чём ты меня обвиняешь, но я хочу тебе помочь. Я хочу, чтобы ты стал таким, как раньше. Чтобы мы любили друг друга всю жизнь, как мы об этом мечтали. Прости меня, — и она, занеся меч, зажмурилась и всадила его Данте в грудь...

===== Глава 52. Паутина =====

Пыххх! В тот миг, когда Эстелла всадила меч в Данте, кровь его, что потекла из раны, вспыхнула, а из тела повалил густой чёрный дым.

Эстелла шарахнулась в угол, отпустив рукоять меча, и тот, звякнув, упал на пол. А Данте продолжал дымиться.

— Эсте... Эсте... — звал он тяжело дыша. — Эсте...

— Я здесь, мой хороший, — пищала она, боясь к нему подходить. — Клариса, Клариса, что делать?

— Ждать, — односложно отозвалась та.

А Данте, объятый языками чёрного пламени, захохотал, извиваясь, как змея. Глаза у него были широко раскрыты и пусты, а смех срывался с губ помимо его воли. И вдруг он замер. Пламя и дым погасли. Из груди потекла алая кровь.

Эстелла бросилась к Данте. Ставив его на пол, начала трясти и бить по щекам.

— Данте! Данте! Зелье... надо дать ему зелье, — вспомнила она, запустив руку в карман и извлекая оттуда пузырёк с красноватой жидкостью. Открыв пробку, она приложила склянку к губам Данте, вливая ему снадобье в рот. Он не проглотил.

— Клариса, по-моему он не дышит! — в панике выкрикнула Эстелла. — Данте! Данте! Очнись, пожалуйста, не уходи! Ты не можешь так сделать! Не поступай так со мной! Данте! — она трясла его за плечи, гладила, целовала и вся перепачкалась в крови, но Данте не реагировал.

— Странно... — подойдя ближе, Клариса наклонилась, разглядывая юношу. — Вообще-то магия самого Данте должна была залечить рану. Зелье я приготовила на всякий случай. Меч волшебный, он должен был изгнать чужую Сущность. Определённо тут что-то не так, — Клариса изобразила на лице скорбь, хотя Эстелле вид её показался наигранным, да и голос звучал ровно. — Не может быть! Неужели мы ошиблись?

— Ошиблись? — оцепенев, Эстелла переводила взгляд с Данте на Кларису и обратно.

— У меня лишь одно объяснение этому явлению, — сказала Клариса мрачно. — Меч не нашел в крови у Данте чужой магии, потому что её там нет. Пожалуй, права была ты, а не я.

— Права в чём? — Эстелла не понимала, к чему ведёт Клариса, но у неё мороз побежал по коже — сердце у Данте не билось, и он не дышал.

— Магнетический сомнамбулизм. Ты озвучивала эту версию. Я же решила, что в Данте вселилась некая Сущность, но, похоже, у него и правда было заболевание головы. В него никто не вселялся, это всё плод его фантазии.

— Что-что-что? Что ты говоришь?

— А то, что нет никакой Сущности. Меч должен был её убить, но раз её нет, он убил

самого Данте, вот и всё, — с бесстрастностью гранита молвила Клариса.

— Как убил?! Что значит убил?! — завопила Эстелла. Она чуть приподняла Данте, подсунув ему руку под шею, но голова его безжизненно повисла. — Данте! Данте! Очнись, Данте! Умоляю! Очнись! Ты же мне обещала, Клариса! Ты обещала, что он не умрёт!

— Ну-у-у, моя дорогая, в магии всякое бывает. Мне жаль, но это ты его убила, Эстелла, а не я. Ты своей рукой воткнула ему в грудь меч, поэтому пенять ты можешь только на себя, — не моргнув глазом заявила Клариса. — Я не заставляла тебя слушаться моих советов, ты вправе была отказаться от этой затеи.

Эстелла смерила её диким взглядом — Клариса в ответ пожала плечами.

— Он ведь сам хотел умереть, так, может, оно и к лучшему? — она погладила себя по подбородку указательным пальцем. — Если Данте и правда страдал наследственным недугом, он бы плохо закончил в любом случае. Болезни головы неизлечимы, и смерть тут — лучший выход. Так что отнесись к этому философски, он отмучился. Лучше рано, чем поздно.

Но Эстелла не слушала никаких объяснений, упав Данте на окровавленную грудь и заливаясь слезами.

— Прости меня... прости... я тебя убила, это я тебя убила... — лепетала девушка, обезумев от горя. — Но я отсюда никуда не уйду. Я останусь с тобой навсегда, я тоже умру, умру, и мы снова будем вместе.

Сколько прошло минут или дней Эстелла не понимала. Время будто замёрзло, как и её измученное сердце. Она убила Данте. Убила своими руками. Наслушалась тупых советов.

Лёжа у Данте на груди, вся в его крови, Эстелла, хоть голова её и была затуманена горем и слезами, сложила одно с другим. Это Клариса во всём виновата. Она затеяла какую-то свою игру, запудрив Эстелле мозг, убедив её, что в Данте кто-то вселился. Заманила её сюда, напугав отрезанными головами и уверяя, что все эти люди — жертвы Сущности, что управляет Данте и которую надо убить. Но это ложь! Всё ложь! Какая же она дура, что поверила! Она могла бы спасти Данте сама, вылечить его без всякой магии, только любовью. Она бы излечила ему и душу, и голову. Она всегда, всегда находила подход к нему, даже при полной его неадекватности.

— Почему? Почему... — Эстелла целовала Данте в губы, ещё тёплые и живые, в глаза, в подбородок, наплевав на то, что он весь в крови. — Это я во всём виновата, я просто глупая овца. Она специально это сделала, она всё, всё продумала, а я повелась, — чуть дыша мямлила Эстелла. — Ну ничего, мы уйдём с тобой вместе, мой любимый, без тебя я жить не хочу и не буду.

Зловещие зеркала на стенах переливались и дрожали. Оглядев комнату, Эстелла осознала: они с Данте здесь вдвоём — Клариса исчезла, и Эстелла даже не заметила когда.

— Мерзкая гадина, будь ты проклята!!! — заорала Эстелла во всё горло, колошматя кулаками по полу. — Лицемерка! Прикидывалась добренькой, а сама... Данте... Данте... ты был прав, как же ты был прав, что не верил этой женщине. Ты никогда не ошибался в людях, и я в этом убеждалась всякий раз, когда они показывали свои истинные лица, — воя, Эстелла обвила себя руками. В голове стоял невообразимый туман. — Господи, я хочу умереть! Я хочу умереть... умереть...

Эстелла укутала Данте в свой дорожный плащ. Сняв с его мизинца своё обручальное кольцо, надела его на палец. Оно было тёплым и чуть сияло. Ещё некоторое время она сидела на полу, прислонившись к стене и уложив голову Данте к себе на ноги. Перебирала

его волосы, покачиваясь и впад в забытьё.

Ба-бах! Одно из зеркал расколосось, объятые пламенем, и оттуда выскочил чёрный вихрь. Покружив по комнате, он превратился в воронку смерча, вертелся и вертелся, пока из него не сложился человек. Эстелла в шоке вжалась в стену. Перед ней стоял Данте. Живой и одетый с иголки в узкие кюлоты, сапоги из кожи крокодила, белоснежную рубашку с кружевами и зелёный плащ, что сзади волочился хвостом. Смоляные волосы его, длиной до поясицы, сверкали в ореоле серебристого света. В раскосых антрацитовых глазах отсутствовали зрачки.

Другой Данте по-прежнему лежал у Эстеллы на ногах. Мёртвый.

— Ну здравствуй, моя красавица, — бархатным голосом проговорил Данте № 1. — Вот мы и встретились.

Хоть Эстелла и была напугана и шокирована, от его тембра по телу её поползли мурашки. Она много раз слышала этот голос, голос Данте, но чуть более низкий, грудной. Он всегда сводил её с ума.

— Кто ты? — Эстелла, как утопающий за соломинку, схватилась за настоящего Данте.

— Как, маркиза, неужто ты не помнишь меня? Ты не помнишь, сколько ночей мы провели вместе? Как мы любили друг друга... Как падали в бездну ада... Какая же у тебя короткая память! — шелестел Салазар, приближаясь мягко, как змея.

Глаза его сверкнули льдом, когда он увидел мёртвого Данте. Перевёл взгляд на Эстеллу, и что-то в нём изменилось. Холодная, неземная красота его потеплела при виде муки и слёз на её лице.

— Ну что ты плачешь, красавица?

— Ты не ответил на мой вопрос: кто ты такой? — всхлинула Эстелла, тычась носом Данте в макушку.

— Называй меня Салазар. Я маг, я происхожу из семьи аристократов с очень богатой родословной. К сожалению, один из моих потомков эту родословную испортил. Женился на кукушке, что нарожала незаконнорождённых детей. А его никчёмный сынок продолжил эту традицию. Проклятые олухи! Теперь противно видеть генеалогическое древо нашей семьи! — Салазар взмахнул рукой, и тело Данте переместилось на стол. — Как-то глупо разговаривать с красивой женщиной, когда между нами труп, — насмешливо произнёс он.

Салазар помахал над Данте рукой, убирая кровь с его лица и груди; затем, положив ладонь на его лоб, погрузил юношу в светящуюся ледяную сферу.

Он обернулся к Эстелле, быстро приподнял её, поставив на ноги. Провёл рукой по её платью, и следы крови с него исчезли. Эстелла вся дрожала от страха, горя и ещё какого-то непонятного чувства, что это Данте стоит перед ней.

— Не бойся меня, красавица. Не надо дрожать, я не причиню тебе зла, — ласково шепнул Салазар, заправляя локон ей за ушко. — Только не тебе. Для этого я слишком тебя люблю.

И он прижал её к себе. Взъерошил ей волосы на затылке — на пальцах у него сверкали длинные серебристые когти, и из них полился свет. Прямо Эстелле в голову, по всем волосам. Она ощутила такое блаженство, что чуть не потеряла сознание. И позволила поцеловать себя в губы, в шею, в плечи.

— Я люблю тебя, красавица, люблю. Будь со мной. Я вознесу тебя на небеса, я покажу тебя такие вещи, которых ты никогда не видела и не увидишь, живя в обычном, неволшебном мире. Останься со мной, — от переливов его голоса Эстелла испытывала экстаз. На миг она

забыла обо всём. Взяв Салазара за пальцы, стала их рассматривать. И обручальным кольцом зацепилась за изумрудный перстень.

— Ай! — тело Эстеллы пронзила боль, и она отпрянула, толкнув колдуна так, что он напоролся на стеллаж, где стояли прозрачные колбы на подставке, — внутри них плавали чьи-то глаза. Рука у Эстеллы онемела, а татуировки на плече и пояснице горели огнём.

— Что случилось, красавица? — искренне удивился Салазар.

— Уйди от меня! — выкрикнула Эстелла пятясь назад. — Не подходи ко мне! Ты не Данте! Ты лжец, который принял его облик, но меня ты не проведёшь!

— Какая разница? — Салазар так дёрнул бровью, что она перерезала ему половину лба. — Я могу быть любым, каким тебе нравится, ты только скажи чего ты хочешь. И ведь мы с ним похожи. Хочешь, называй меня Данте. Разве тебе было плохо со мной? Мы столько ночей провели вместе... Вспомни, как нам было хорошо, — голос его звучал тихо, мягко, но хищно, шелестя как змея.

— Замолчи! Ты пытаешься меня околдовать и запутать, но Данте, в отличие от тебя, не надо было меня привораживать, чтобы я его полюбила. Для нашей любви не нужна магия, потому что эта любовь и была самой магией. Она была прекрасна, такой любви у меня больше никогда не будет, — Эстелла опустила глаза, чтобы не смотреть на колдуна, и отступила ещё дальше, мысленно повторяя: «Это не Данте! Не Данте!». Это другой человек чужой, он лишь принял его облик. И как бы не были они похожи, как бы этот человек не пытался свести её с ума ласками и словами, точно паук, расставляющий сети для бабочки, она не должна поддаваться. Это не Данте! Настоящий Данте мёртв, она сама его убила. Сердце Эстеллы вновь пронзила боль и слёзы подступили к глазам. Данте мёртв, а она позволяет этому лжецу себя целовать! Какая гадость!

— Красавица... красавица моя, я люблю тебя, — Салазар за два шага приблизился и прижал Эстеллу к стене.

— Но, когда любят, не причиняют боль, — сказала Эстелла, чуть отталкивая его. А потом вдруг погладила по щеке одним пальцем. Он вздрогнул. Заглянул ей в глаза.

«Это не Данте, не Данте», — про себя повторяла Эстелла скороговоркой. Их сложно было отличить друг от друга. У Салазара лицо было острее; ярко выраженная раскосость в глазах придавала ему сходство с представителем внеземной цивилизации. Лицо же Данте было мягче, живее, напоминая кого-то из семейства кошачьих.

— Но я не причиняю тебе боль, красавица. Я хочу любить тебя, хочу, чтобы тебе было хорошо.

— Это неправда, — замотала головой Эстелла. — Ты хочешь, чтобы хорошо было тебе, а не мне. Только ты забыл спросить, чего хочу я. А я хочу быть с человеком, которого люблю. С Данте.

— Но Данте мёртв.

— А ведь это ты заманил меня сюда и заставил убить Данте, да? — горько спросила она, вырываясь из объятий. Салазар отпустил её. — Вы вместе с Кларисой всё это спланировали, так?

— Не совсем. У Данте должок передо мной. Когда он был младенцем, я подарил ему часть своей силы и волшебный перстень, — Салазар когтем потрогал изумруд, но тот и не думал сверкать в ответ.

— Зачем?

— У меня на то были свои причины. Я планировал забрать у Данте перстень со

временем. Однако, благодаря Ритуалу Крови, что он совершил, перстень не слушается меня. Я заманил Данте сюда, чтобы забрать то, что моё. Я не собирался его убивать, — Салазар смерил Эстеллу саркастическим взглядом, но, увидев её слёзы, опустил ресницы, расправляя длинный шёлковый плащ. — Я лишь хочу вернуть себе власть над перстнем. Я не знаю, зачем Клариса устроила этот балаган. Но я не думаю, что стоит так расстраиваться и плакать. Ведь у тебя есть я. И я люблю тебя.

— Да ты просто чудовище! — выкрикнула Эстелла, топая каблуком. — Как ты смеешь говорить мне о любви? Ты не знаешь что это такое!

— Ошибаешься. Считается, что у чёрных магов нет души, но это чушь, выдуманная теми, кто разделил магию на чёрную и белую. Хотя я тоже полагал, что не могу полюбить. Раньше. Но однажды в моей жизни появилась ты, красавица. О, я помню тот день! Я тогда убедил Данте, что должен пойти свататься к тебе вместо него. Мне хотелось посмотреть на женщину, что довела этого дурачка до отключки мозгов. И когда я увидел тебя, я понял, что душа у меня есть. С тех пор я не могу забыть тебя, красавица. Я очень старался избавиться от этого наваждения, я гнал тебя, но ничего не вышло. Правда в том, что ты свела меня с ума. Меня, человека, не способного ни на какие чувства, кроме ненависти.

— Так значит это ты и есть? Это ты, ты вселился в Данте, да? — в ярости Эстелла сжимала кулаки. Теперь в груди её не осталось ничего, кроме злобы. Вот он, этот проклятый человек, что издевался над Данте. Это всё из-за него!

— Что значит вселился? — расхохотался Салазар, встряхивая волосами. — Не вселялся. Я с ним общался, помогал ему, давал советы. Он меня слушался, но вдруг стал сопротивляться. Ему претило наше общение. Сначала я устранился, но Данте совершал глупость за глупостью, попадал в сомнительные истории, даже умудрился угодить на эшафот, так что пришлось начать контролировать его насильно.

— Но как? Каким образом? Как вы общались?

— Так же, как однажды мы общались с тобой, — улыбнулся Салазар. — Через зеркало. Это ведь я разговаривал с тобой, я заставил тебя приготовить Зелье Душ. Тогда я спас Данте жизнь, и ты напрасно злишься на меня, красавица.

— Но, когда мы с тобой общались, я видела только надписи на зеркале, — возразила Эстелла. — Я не слышала тебя в своей голове, я общалась с предметом, а Данте вёл себя, как умалишённый, даже называл себя твоим именем — Салазар. Я вспомнила, я слышала это имя!

— Но ведь ты не волшебница. А в Данте живёт частичка моей магии и ещё кое-что. Наградив его силой, я вложил ему в голову кусочек зеркала. Здесь, в этом доме, множество зеркал, но есть одно, которое объединяет их все. Волшебное зеркало. Благодаря ему я могу появиться в любом, самом обычном зеркале, что стоит в любом, самом обычном доме. То зеркало, с которым общалась ты, не было волшебным. Оно работало за счёт моего зеркала. И с Данте принцип был тот же. Зеркало в его голове позволяло мне контролировать его, знать, о чём он думает, что делает или собирается сделать. Сперва я лишь следил за ним или помогал, когда он просил об этом, но появилась ты, и всё вышло из-под контроля. Я не в силах был совладать со своими чувствами, а Данте, этот незаконнорождённый, одно из грязных пятен на добром имени нашей семьи, стал мне помехой, соперником.

— Соперником?! — в ярости зарычала Эстелла. Ей захотелось расхохотаться, а потом ударить Салазара. — Да ты вообще нормальный? Что ты несёшь? Мы с Данте любили друить друга с двенадцати лет! В моём сердце всегда был только он! Для меня он единственный!

Нет у него никаких соперников! А ты заставляял его делать ужасные вещи! Зачем?

— О чём это ты, красавица?

— Как о чём? Ты заставил его убить многих людей: Каролину, Гаспара, Хорхелину, Луиса, семейку Бильосо, а также выдать себя за Маурисио, — перечислила она, загибая пальцы.

— Ну и абсурд! — фыркнул Салазар. — Позволь спросить, откуда ты взяла этот бред?

— Мне сказала Клариса.

— А-ха-ха-ха-ха! — колдун разразился таким гоготом, что Эстелла решила: он вот-вот лопнет. — Ах, Клариса! Ну да, разумеется! Кто же ещё? Из всех, кого ты перечислила, лично я убил только Каролину, Рене и Сильвио. Будучи в теле Данте. Иногда я отключал ему его собственные мысли, заставлял его быть мною, одеваться, как я, даже учил его колдовать, но он этого не запоминал. Я же не мог сидеть у волшебного зеркала годами, и, когда я отвлекался на дела насущные, Данте становился собой. К счастью, он ничего не помнил, и это было мне на руку. Рене и Сильвио свою смерть заслужили. Данте они были как кость в горле, но я знал, что он не осмелится отомстить, и сделал всё за него. Такие твари не должны жить, это мусор, а не люди. А для смерти Каролины была веская причина — ты. Ты чуть не умерла от чумы. А Данте сварил зелье, которое тебя спасло. Зелье это чёрное, а главный принцип чёрной магии — обмен: чтобы спасти жизнь, надо отдать другую жизнь. Этой жизнью и стала жизнь Каролины. Почему она? А потому что эта дрянь упрятала Данте в Жёлтый дом, вот и получила сполна. Я ненавижу предателей! Меня тоже предавали, я знаю, что испытывал Данте в этот момент, так что предателей я караю безжалостно. Но остальных, кого ты перечислила, мы с Данте не убивали.

— Но зачем Клариса мне сказала, что это Данте? — промямлила Эстелла. От такого количества информации и дезинформации у неё мозг дымился. — Она мне показала отрубленные головы... Это было ужасно!

— О, Клариса ещё та любительница острых ощущений! — прищурил очи Салазар. От его взгляда Эстеллу аж передёрнуло — сила и страсть и вместе с ними что-то очень злое было в этом человеке. — Клариса любит собирать магические артефакты, а также коллекционировать мёртвых людей, животных, вернее их части: руки, ноги, лапы, головы, языки, глаза. Она так развлекается. Помещает их в сосуды и ставит над ними опыты. Так вот, по поводу тех смертей. Гаспар. Он умер от укуса змеи. Змеи волшебной. Ведь наша чудесная Клариса, взбалмошная дамочка, которая вечно что-то вытворяет, умеет превращаться не только в кошку, но и в змею. Эта змея Гаспара и убила.

— Но за что? Ведь они собирались пожениться! — окончательно запуталась Эстелла.

— А-ха-ха-ха-ха-ха! Жениться? Что, правда? Вот этого я не знал. Да она форменная дура! Открою тебе одну тайну, моя красавица: Клариса в меня влюблена уже много лет. Но я, увы, не отвечаю ей взаимностью. Как-то мы с ней поругались и на зло она мне сказала, что выйдет замуж. И, видимо, нашла жертву — Гаспара.

— Но зачем она его убила?

— А в этом виновата Сантана, твоя подружка. Косвенно, конечно. Она подговорила Гаспара выяснить правду о смерти Луиса Парра Медина. И Гаспар сошёлся с Кларисой, чтобы помочь Сантане найти доказательства. Но он был простаком и разоблачил себя мигом — Клариса застукала его в своей комнате, когда он копался в её вещах. Он не стал отпираться и рассказал, что Сантана, да и он тоже уверены, что это Клариса убила Луиса. Она посмеялась над этим, как над шуткой, а на следующую ночь Гаспара укусила змея.

— Вот дрянь! — не сдержалась Эстелла. — Крыса двуличная! Так что, Луиса убила она, да?

— Именно.

— Но зачем?

— Хотела убить двух птиц сразу, — злорадно пояснил Салазар. — Во-первых, Клариса хотела напугать Сантану её якобы «чёрным вдовством», чтобы держать её в ежовых рукавицах. Она хотела через Сантану подобраться поближе к твоей семье. И, во-вторых, она хотела подставить под удар Данте. Ведь именно после этой истории он угодил на эшафот.

— Но зачем, ведь он её племянник?!

— Чтобы отомстить Роксане, Ламберто и всей остальной семейке. Она до сих не простила, что её бросили в младенчестве. Она задумала разрушить жизнь всем членам семьи Фонтанарес де Арнау, это стало её навязчивой идеей, ради которой она готова была на всё, и у неё это получилось. Почти. Надо сказать, манипулятор она превосходный.

— Ну ладно. А Хорхелина? Её ведь тоже ужалила змея! — сообразила Эстелла. Подумать только, вот она дура, не видела дальше своего носа, а ведь всё, всё лежало на поверхности. Как она могла так слепо верить Кларисе? Где были её хваленый ум и сообразительность, которыми она всегда гордилась?

— Так точно, моя красавица! Смотрю, ты начала соображать. Мне это нравится, — он щёлкнул языком. — Люблю умных женщин. Клариса выдавала себя за Амарилис и, якобы ради очищения имени Креспо Бернарди, хотела разоблачить Альсидеса. На самом деле копала под Роксану, которая, по её мнению, заняла её место. Она уговорила Либертад помочь ей, в обмен пообещав той любовь Эстебана. И дурочка согласилась. После того, как они нашли компромат на твоего деда, Клариса сдержала слово и убила Хорхелину.

— Бог наказал Либертад за это, забрав у неё дядю Эстебана, — вздохнула Эстелла. Несмотря на разрывавшие её грудь чувства обречённости и ненависть к Кларисе, головоломка понемногу складывалась. — А Маурисио?

— С Маурисио всё сложнее. Его убил я, — честно признался Салазар. Эстеллу удивляло и шокировало, что он так прямо всё рассказывает. Может, это очередная ловушка? Но версия Салазара звучала куда убедительней версии Кларисы. — Точнее я его добил. Когда ты ударила Маурисио камнем и убежала, он валялся без сознания, но он был жив. Я заставил Данте стукнуть его ещё раз, и Маурисио очнулся. Я отправил его тело сюда, в этот дом, через зеркало, убрал следы крови и обернулся в него. Данте тогда сбежал из Жёлтого дома в облике лиса, он ничего не соображал. Я мог ему помочь, но не стал этого делать. Меня устраивало его состояние, так им было гораздо легче управлять.

— погоди, Клариса сказала, что это Данте выдавал себя за Маурисио. Так это был он или ты? Или он это делал под твоим влиянием? — Эстелла поставила руки в бока, грудь её вздымалась от бешенства. Вот так ложь! Ведь история с камнем приключилась давно, значит, некоторое время она жила не с Маурисио!

— По-разному, — ничуть не смутился Салазар. — Сначала это был Данте. Он делал это не по своей воле, а под моим руководством. Когда мне надоело этот цирк, я снова превращал его в лиса. В эти дни Маурисио просто исчезал, — он рассмеялся. — Но потом, когда я понял, что ты стала мне безумно дорога, моя красавица, я начал превращаться в Маурисио сам, минуя Данте. Это было много раз. Последний — в сентябре. Помнишь ту ночь? Только не ври, что тебе не понравилось. Ты же скулила от удовольствия как собачка.

— Так это был ты, мерзавец? — вскипела Эстелла. В гневе она хотела стукнуть его по

лицу, занесла руку, но Салазар удержал её за запястье. Поцеловал ладонь.

— Да, это был я. Прости, красавица, что плохо обращался с тобой, когда был в облике Маурисио, но я делал это специально. Я не хотел слишком привязываться к тебе и не хотел, чтобы меня разоблачили. Ведь Маурисио был тот ещё типчик. Но ты так божественно хороша... Я теряю рассудок, когда ты рядом. А ведь мы можем повторить одну из наших ночей прямо сейчас. Пойдём со мной. Я так люблю и хочу тебя, — он потянул её за собой, но Эстелла резко вырвалась. — В чём дело, красавица?

— Не говори мне эту чушь! Не говори мне о любви! Какая любовь, если ты имя моё не можешь запомнить?! Никого ты не любишь, кроме себя. Человек, который искренне любит, не издевается над объектом своей любви. Он отпускает и желает счастья. Так всегда делал Данте, — Эстелла всхлипнула, вспомнив о мёртвом Данте. — Он меня защищал, ради меня он был готов умереть и вытерпеть любое страдание. О, теперь я всё понимаю! Он думал, что я влюблена в Маурисио, которого и в помине уже нет, поэтому Данте от меня отступился. А ты, ты никого не любишь! Ты чудовище!

— Ошибаешься, красавица, я тебя люблю! В моей жизни была ещё одна женщина, которую я боготворил, но нас разлучили, и она вышла замуж за другого. Но то, что я испытывал к ней, не идёт ни в какое сравнение с тем, что я испытываю к тебе, — в антрацитовых глазах сверкнула глубокая страсть, но Эстелла не видела в них любви. Данте смотрел на неё с обожанием, как на редкую, хрупкую драгоценность; Салазар же раздевал взглядом. Вероятно, он что-то и испытывает, но это не любовь. Он просто её хочет как женщину.

— Тогда докажи! — с вызовом вздёрнула нос Эстелла.

— Что?

Подойдя вплотную, она положила руку ему на грудь — сердце у Салазара билось, как загнанная в клетку птичка.

— Докажи, что ты меня любишь. Докажи, что у тебя и вправду есть душа.

— Чего ты хочешь, красавица? — голос его дрогнул, в глазах сверкнуло что-то, что-то глубокое, яркое, как пламя.

— Клариса заставила меня убить Данте, и я так и не знаю почему.

— Ты хочешь, чтобы я это узнал? — удивился он. — Это проще простого, я узнаю.

— Нет, не совсем. Я сюда пришла, чтобы спасти Данте. Я поверила Кларисе, я хотела, чтобы Данте стал таким, как раньше. Поэтому я согласилась на это безумие, — она похлопала глазами, сдерживая слёзы, но они всё равно предательски покатались по щекам. Салазар вытер их пальцами.

— Нет, не плачь, красивая моя, я не выношу слёз, — сказал он беспомощно, и Эстелла, несмотря на граничащее с истерикой состояние, поняла, что она на верном пути.

— Если ты правда меня любишь, верни Данте к жизни. Если ты это сделаешь, если он станет таким, как прежде, и ты пообещаешь больше его не донимать своими зеркалами и не лезть к нему в голову, я останусь здесь, с тобой. Навсегда, — пошла Эстелла ва-банк.

Салазар, ничего не ответив, прошёл к столу, где лежал Данте в ореоле сверкающего льдинками густого тумана. И долго в упор смотрел на него.

— Считается, что магия не умеет оживлять мёртвых, — проговорил он задумчиво.

— А он точно мёртв? — скулила Эстелла. — Ведь меч волшебный, а кольцо, кольцо у меня ещё живо, оно светится, чуть-чуть, но светится, — с мольбой она указала на обручальное колечко. Салазар бросил на него взгляд.

— Возможно, это остаточная магия.

Закрыв лицо руками, Эстелла завывала. Сейчас она была готова на всё, на любую жертву, даже заключить сделку с самим дьяволом, лишь бы Данте ожил.

— Не надо, красавица, — Салазар положил руки ей на плечи. Голос его звучал необычайно мягко, и Эстелла подумала: может, он правда её любит? Или в нём есть что-то человеческое.

— Ты ничего не понимаешь! — выкрикнула она, размазывая слёзы. — Ты говоришь о любви, но это всё пустые фразы. Ты, маг, чародей, неужели ты не можешь предоставить мне доказательства своей любви? Я вот тебе не верю, не верю, что ты меня любишь. Дай мне возможность поверить в твою искренность. Если ты спасёшь Данте, я останусь с тобой. Ну пожалуйста, я тебя прошу, — и Эстелла вдруг сама обняла Салазара. Плача, уложила голову к нему на грудь. Он отрывисто дышал. — Разве ты не хочешь, чтобы я всю жизнь была с тобой? Я останусь здесь, я буду тебя любить, только оживи Данте, умоляю!

Салазар колебался, грудь его бешено вздымалась.

— Хорошо, — молвил он наконец. — У меня есть один вариант. Я не хотел этого делать, считая, что люди, испортившие родословную нашей семьи должны быть за это наказаны. Но ради тебя я выпущу птицу из клетки, — он наклонился к Эстелле, ладонями обнимая её за щёки, и поцелует её с её лица капельки слёз. — Я попробую.

===== Глава 53. Кто чёрен, а кто бел =====

— Жди меня здесь. Только без глупостей, — предостерег Эстеллу Салазар, щуря неземные очи. — Обычно я не бываю таким добрым, вот, что ты со мной вытворяешь, красавица, но моему терпению, как и моей любви, предел есть. Я не Данте, с которым ты могла обращаться как угодно, и он всё тебе прощал. Я умею быть жестоким и мстительным. Имей это ввиду, — он крутанулся вокруг себя, превращаясь то ли в птицу, то ли в тучу, и вихрем нырнул в одно из светящихся зеркал.

Эстелла осталась наедине с мёртвым Данте. Ломая руки, она плакала, сквозь ледяную сферу глядя на его милое, любимое лицо. Вместе с тем, в ней горела отчаянная надежда. А вдруг Салазар поможет? Неужели он её не обманет? После вероломства Кларисы Эстелла уже никому не доверяла. Да и Салазар, хоть визуально и был схож с Данте, казался ей воплощением зла. Только изощрённо жестокий человек мог вселиться в чужую голову и управлять чужими мыслями на расстоянии. Неужто в нём есть что-то человеческое? И он способен на такие чувства, как любовь или жалость?

И в Эстелле, несмотря на лихорадочное состояние, проснулся холодный расчёт. Если Салазар действительно к ней что-то испытывает, она попробует им поманипулировать. Грубо — играть на чувствах влюблённого мужчины? Наверное. Но Эстелле было его не жаль. Всё равно выхода нет. Она убедит Салазара, что останется с ним, и он спасёт Данте. А потом она придумает как отсюда сбежать: хитростью ли, нежностью ли — без разницы. Может, и в кровать с ним ляжет — Эстелла этого не исключала. Придётся поставить на карту всё. Но Салазар, хоть гораздо опаснее, но и приятнее как мужчина, чем Маурисио.

По ощущениями Эстеллы колдун отсутствовал долго, ибо минута для неё была равноценна часу. В реальности и получаса не прошло, как он явился вновь, неся в руках стеклянный шар, похожий на глобус.

— Я уж думала, ты не вернёшься, — облегчённо вздохнула Эстелла.

Он глянул на неё саркастически, водрузив шар на столик у стены.

— Выходец из семьи с шестью поколениями аристократов держит слово, — сообщил

маг, высокомерно задрал нос.

Проведя над Данте рукой, Салазар уничтожил ледяную сферу.

— Это магический лёд, — объяснил он. — Я заморозил тело, дабы не произошло необратимых процессов.

— То есть ты знал, что Данте можно оживить?!

— Ну-у-у, скажем, я не исключал такой возможности, — протянул Салазар. — Я ведь не собирался его убивать, это Клариса затеяла какую-то свою игру у меня за спиной. Кстати, а куда она делась? Насколько я понял, вы пришли сюда вместе.

— Я не знаю, — всхлипнула Эстелла, ероша волосы. — После того как я... я убила Данте, она сказала, что ошиблась, полагая, что в него вселился кто-то посторонний, сказала, что у него этот... как его, магнетический сомнамбулизм, как у прадедушки Ландольфо, а потом Клариса исчезла. Я даже не заметила когда.

Салазар ничего не ответил, эффектно поведя бровью, и переместил тело Данте на пол, усадив его спиной к одному из зеркал. Он положил юноше на грудь маленькое зеркальце, что выудил из кармана эстеллиного плаща, то самое, с помощью которого они когда-то общались. Чуть помедлив, стянул с руки перстень и надел его Данте на безымянный палец, поверх обручального кольца. Изумруд, ярко вспыхнув, увеличился в размерах.

— Всё-таки я не понимаю, что он с ним сделал, — раздражённо бросил Салазар. — Перстень реагирует на него даже мёртвого. А где меч? — перевёл он взгляд на Эстеллу.

Эстелла, подняв меч с пола, отдала его Салазару. Щелчком колдун отчистил артефакт от крови, затем, поставив стеклянный шар, что принёс с собой, на середину комнаты, рассёк его мечом напополам.

Фьють!

Эстелла резко отпрянула — из шара выпрыгнуло что-то серебристое и очень красивое. Лошадь! Она скакала по комнате, постукивая прозрачными, как хрусталь, копытами. Такой восхитительной лошади Эстелла никогда не видела. Она сверкала, как алмазы на солнце; грива и хвост её развевались, словно флаги, а на лбу торчал длинный рог.

— К-к-кто это? — спросила Эстелла, изумлённая и напуганная. Ей захотелось погладить дивное животное, но она не решилась.

— Это единорог, — Салазар воткнул меч в раму одного из зеркал. — Прекраснейшее из магических существ. Может как спасти, так и убить. Очень непредсказуем. Этот конкретный единорог появился в моём доме недавно. Его привела Клариса. Много лет он был статуей, находился под чарами некого алчного мага, а теперь он здесь. Единорог этот непростой: если потереть ему рог, оттуда посыпятся алмазы. Но не всякого он подпустит к своему рогу. Да и алмазы нам не нужны, я привёл его для другой цели, — и Салазар выудил из кармана плаща очень красивую палочку. Кручёная, изящная, хрупкая на вид, она словно была сделана из льда.

Он наколдовал на ладони несколько крупных цветков и присвистнул, подзывая единорога. Тот недоверчиво покосился на колдуна, внимательно изучив его и цветы, но подошёл. Понюхав цветы, единорог стал их есть у Салазара с руки.

— А я думала, животные чувствуют людей и к плохим не идут, — съязвила Эстелла.

— У меня обычно хорошие отношения с животными, — сделал вид, что не заметил её иронии, Салазар.

После того как единорог умял цветы, Салазар, уложив волшебную палочку на открытую ладонь, продемонстрировал её животному. Фыркая, единорог ткнулся в палочку мордой, но

та не подала признаков жизни.

— Не понимаю, почему палочка не работает, — пробормотал Салазар мрачно. — Что эта ведьма с ней натворила?

Видя покорность единорога (тот не проявлял агрессии), Салазар приложил волшебную палочку к его рогу. Рог вспыхнул, и от палочки потянулся длинный серебристый луч.

— Ну наконец-то! — воскликнул Салазар.

Но единорог взбесился. Кажется, он не любил, когда его трогали за рог. Заржав, как самая обычная лошадь, он встал на дыбы. Салазар, успев отпрянуть, направил волшебную палочку в зеркало, спиной к которому сидел Данте.

В гневе единорог бросился за лучом. Бамс! Перепрыгнув через Данте, он протаранил зеркало рогом, но то лишь исказилось, как гладь воды от прикосновения. Изрыгнув в единорога струю едкого зелёного дыма, оно мигом успокоило животное. И единорог, будто одурманенный, лёг на пол рядом с Данте.

Пыххх! Маленькое зеркальце, что лежало на Данте, вдруг задымилось. Ба-бах! Тысячи осколков разлетелись по комнате, а на груди у Данте вспыхнуло алое пламя.

— О, боже! Что это?! — вскрикнула Эстелла, хватая себя за распущенные волосы и вытягивая их руками.

— Спокойно, — односложно сказал Салазар.

Пламя всё росло и росло, волна за волною превращаясь из бесформенной массы в некую фигуру. И Эстелла узрела очертания птицы. Широко раскрыв крылья, та, искрясь и пылая, реяла над Данте. Но вскоре огонь, что охватывал её перья, уступил место яркому свету. Птица больше не горела — она сияла как драгоценность, и её чёрно-алые перья отливали золотом.

— Это же Янгус! — ахнула Эстелла, наблюдая удивительное зрелище. — А я не знала, что она волшебная!

Сев Данте на грудь, Янгус открыла клюв и приложила его к ране. Теперь вспыхнуло и тело Данте — из клюва птицы полился нежно-голубой свет. Зеркало позади, растревоженное единорогом, стреляло зелёными лучами. Янгус, выпустив из клюва магию, взмыла вверх и влетела прямо в зеркало. Рана на груди Данте затянулась. А зеркало, когда птица оказалась в нём, загорелось, и оттуда посыпались перья. Широко растопырив крылья, Янгус догорала внутри рамы.

Несмотря на страх, Эстелла невольно любовалась — картина была восхитительна. Она ожидала, что птица, сгорев дотла, превратится в кучку пепла, но, когда все перья, вылетев из зеркала, опустились на Данте, укрыв его покрывалом, из дыма сложился силуэт. Эстелла глазам своим не поверила, решив, что у неё на нервной почве начались галлюцинации. Это был силуэт женщины. Он становился все чётче и чётче. Сначала — тонкая фигурка, потом — жемчужного цвета платье, и, наконец, появилось и лицо, обрамлённое рыжими волосами. Небесно-голубые глаза с длинными ресницами, нежный профиль, изящные руки.

Когда женщина вырисовалась в зеркале целиком, пламя погасло. Она сделала шаг вперёд и вышла из рамы. Эстелла закрыла рот руками. Она узнала женщину. То была Ия — однажды Данте спас её из этого подземелья. Что она опять тут забыла? Да ещё и в Янгус превратилась. Вот так номер!

Эстелла и опомниться не успела — потрясения сегодня сыпались, будто из рога изобилия, — как с губ Данте сорвался стон. Он протяжно вздохнул, а чёрные и алые перья, что укрывали его, исчезли, впитавшись в кожу, и на теле его не осталось ни шрамов, ни ран.

Не помня себя от счастья, Эстелла рванула вперёд, но — хватать! — Салазар резко удержал её под локти. Руки у него были ледяные, а хватка железная.

— Данте! Данте! — крикнула Эстелла.

— Похоже, кто-то забыл, о чём мы договаривались, — зло выдавил Салазар ей в ухо. От былой мягкости в его голосе и следа не осталось. Он был раздражён, жгучие глаза ввалились и на фоне белого лица вид создавали устрашающий. — Я выполнил свою часть уговора, а ты свою нет. Не думай, красавица, что я спас Данте лишь ради тебя. На это были ещё причины. Во-первых, я так и не знаю, что он вытворил с перстнем. Во-вторых, было бы неплохо позлить Кларису, а то она совсем распоясалась. Втихаря творит что хочет.

Сев на край стола, Салазар потянул Эстеллу на себя, приставив к её горлу острые когти,

— Будешь дёргаться, я воткну когти в твою нежную шейку, моя красавица, — сказал Салазар, чуть прикусывая зубами мочку её уха.

Пальцы у него были гибкие и тонкие, красивые, униженные перстнями и кольцами. Эстелла боялась его, но тело её, против воли, реагировало на этого мужчину, — в груди и животе всё бурлило. Но это было просто желание, жажда ласки и не более. А сейчас это чувство, капля за каплей, подавлял стыд. Данте жив, и Ия здесь. Нет-нет, она же не Мисолина, она приличная женщина и не будет вести себя, как похотливая кошка, прыгая от одного мужчины к другому. Да и любит она Данте. Пусть Салазар хоть двести раз схож внешне, с Данте он не сравнится. И он пах мускатом. Пряный запах страсти, дурманящий, но неродной, нелюбимый.

Глядя на оживающего Данте, Эстелла заливалась слезами счастья. Он дышал тяжело, судорожно хватая губами воздух. Наконец, ресницы его дрогнули, и он открыл глаза. Обвёл взглядом потолок и приподнялся на руках. Увидел единорога, что лежал в паре шагов, чуть вздрагивая. Глаза Данте, яркие и синие-синие, как чистейший сапфир, затуманились, в них мелькнула мука, когда он узрел Салазара в обнимку с Эстеллой. В антрацитовых же очах Салазара Эстелла поймала тень злобной паники.

Данте взглянул на Ию. Она стояла на одном месте, молча и неподвижно, как скала.

— Я видел сон, — сказал Данте тихо. Эстелла так и не поняла, к кому он обращался, похоже, ко всем. — Пламя, много пламени, и я в нём горел. А потом прилетела Янгус и огонь погас. И я вдруг проснулся. Что происходит?

— Всё хорошо, теперь всё будет хорошо, Данте, — голос Ии напоминал звон рождественских колокольчиков.

— А где Янгус? — Данте растерянно погладил единорога по гриве. Изумруд на пальце его сверкал и вращался в оправе.

— Янгус — это я, — просто сказала Ия, подходя ближе.

— Что-что?

— Янгус — ненастоящая птица. И никогда не была настоящей. Янгус — это заколдованная девушка, — объявил Салазар издали.

Когти его впивались Эстелле в шею, выпуская ей под кожу струйки магии. Девушка дрожала, и он это чувствовал, от чего злился ещё сильнее. У Эстеллы шею свело от боли, но она седьмым чувством ощущала, что Салазар издевается не только над ней, но и над собой тоже — сердце у него стучало как у кролика при виде удава.

— Янгус — это я, — повторила Ия.

Присев рядом с Данте на корточки, она погладила его волосы. Те вновь отросли, став ещё гуще, ещё шелковистей, и чуть-чуть светились, будто на них сидели светлячки. Данте

покосился на женщину, не понимая, какого дьявола она к нему лезет.

— Ты спас меня трижды, Данте. В первый раз, когда не позволил охотнику застрелить меня в лесу. Во второй раз, когда напоил своей кровью. И в третий раз, когда вытащил из этого подземелья. Тот человек, — Ия опасно взглянула на Салазара, но он смотрел в эстеллин затылок, — многоликое чудовище, способное обернуться и в дряхлого старика, и в красивого юношу. Он сделал меня своей пленницей. Пленницей этого мерзкого дома, прекрасного, но пугающего. Я не знаю, что сподвигло его и что я ему сделала, но, когда я попыталась отсюда выбраться, он превратил меня в птицу. И выпустил на волю. А ты взял меня к себе. Все эти годы я была рядом с тобой и оберегала тебя, Данте. А когда, после казни на площади, мы попали сюда, этот человек больше не захотел меня отпускать. Ему не понравилось, что, став птицей, я помогала тебе. Я видела, как он разговаривал через зеркало с этой девушкой, — она глянула на Эстеллу. — Я мало понимала что происходит, потому что ничего помнила — магия уничтожила мою память. Но однажды, когда колдун отвлёкся, я связалась с Эстеллой через зеркало и посоветовала ей найти женщину, что умеет превращаться в кошку. Я боялась женщину-кошку, но думала, что она враг этого колдуна. К несчастью оказалось, что то зеркало может сохранять всё в своей памяти, и колдун узнал, что я разговаривала с Эстеллой. Он кричал, будто я испортила его планы, и заколдовал меня, введя в глубокий сон. Но ты пришёл снова, Данте, и спас меня. А когда Эстелла свела меня с той злой ведьмой, я опять угодила в ловушку. И я поняла, что эти два колдуна заодно. Они преследуют меня уже много лет. Женщина-кошка хотела меня убить, и я чудом спаслась. Я нашла в её доме волшебное зелье, с помощью которого можно было превратиться в животное. Выпив его, я снова стала Янгус. И тогда я вспомнила кто я и что я. И нашла тебя, Данте, — Ия ласково обняла его за плечи, но он дёрнулся, выражая недовольство, — Данте ненавидел тактильный контакт с посторонними.

Она глубоко вздохнула.

— Я знаю, Данте, у тебя была тяжёлая жизнь, и это во многом моя вина. Но я счастлива, что хотя бы в облике Янгус я была рядом с тобой и оберегала тебя. Я не волшебница и никогда ею не была, но, напоив меня своей кровью, ты отдал мне и часть своей силы. Я могла ею пользоваться, лишь будучи птицей. А сегодня я вернула её тебе, и отныне все чары сняты и с тебя, и с меня.

Данте только глазами хлопал, слушая речи этой женщины. А в груди потихоньку, как вода в котле, закипала ярость. Вот значит как, Янгус, даже Янгус оказалась двуличной, как и Эстелла, как и все вокруг. Все, все, кого не возьми, — лжецы и предатели!

— И зачем ты мне всё это рассказываешь? — сурово буркнул он.

— О, Данте! Ты стал такой взрослый и красивый, хоть у тебя и печаль в глазах, но я тебя узнала, увидев там, в лесу, когда ты спас меня от стрелы охотника. Тебя нельзя ни с кем перепутать. Ты и младенцем был необыкновенный, я любовалась тобой и всё думала: а каким ты вырастешь, — Ия глядела на него с восторгом. — Ты настоящий красавец! Наверное, ты разбил немало женских сердец.

— Хватит нести эту чушь! — разозлился Данте, отползая от Ии подальше. Эта женщина или ненормальная, или с кем-то его перепутала. — Что ты такое несёшь? Ты знала меня младенцем?

— Конечно, знала, — ласково улыбнулась Ия — лицо у неё было красивое и совсем молодое, кожа, как у юной девушки, а небесно-голубые глаза лучились радостью. — Как я могла не знать родного сына?

— Какого ещё сына? Что-о-о?! — выпучил глаза Данте, от гнева раздувая ноздри.

— Меня зовут Йоланда Риверо, я твоя мать, Данте.

Наступила тишина. Эстелла проглотила комок в горле, мысленно полагая: у неё, наверное, сейчас глаза похожи на блюдца. Тело всё онемело от мёртвой хватки Салазара, а тот упорно прижимал девушку к себе, боясь, что она сбежит.

— Ну всё, баста! — сказал Салазар, поднимаясь со стола и грубо спихивая с себя Эстеллу (она полусидела на его колене). — Мне надоела эта дешёвая мелодрама. Моя красавица, нам пора, — обратился он к Эстелле, проведя языком по линии от её уха до подбородка.

Эстелла невольно ощутила блаженство. Всё-таки Салазар умеет сделать приятно женщине. Но она старалась не поддаваться — то, что она к нему испытывает, — дрожь от страха и толику животной страсти — это поверхностные чувства. Он хороший любовник и внешне похож на Данте. Но любит она всё равно Данте.

— Ты просила доказательств моей любви, красавица, — голос Салазара шелестел, как трещотка у змеи, — ты их получила, не так ли? Я не просто вернул к жизни этого ублюдка, но ещё и вернул ему его мамашу, будь она неладна. Хоть и жаждал, чтобы она осталась для всех мёртвой до конца своей никчёмной жизни. Ламберто умудрился смострячить незаконнорождённого отпрыска, не изволив и жениться на этой, без рода, без племени, — презрительно фыркнул Салазар в сторону Йоланды. — Мои потомки опозорили нашу фамилию. Но, тем не менее, я сжалился над тобой, моя красавица, когда ты здесь рыдала у меня на груди. Я же не камень, у меня тоже есть душа, хоть и не все в это верят, да я и не всем её показываю. Но я не могу смотреть, как моя любимая женщина плачет. Мне нравится, когда ты улыбаешься.

Данте, меж тем, кое-как поднялся на ноги. Его мутило и шатало, голова шла кругом от количества магических манипуляций, которым он подвергся за это время. Йоланда протянула руки к нему, но он резко дёрнулся, встряхивая головой. Мать она ему или не мать, всё равно. Эта женщина ему чужая. Он никогда не был привязан ни к кому, кроме Эстеллы и своих животных — остальные люди ему одинаково омерзительны. А эта женщина теперь ещё и лишила его Янгус, которая была для него другом, для которой в его душе всегда был уголок. А она оказалась и вовсе не птицей. И теперь считает, что выполнила материнский долг. Как бы не так! Никогда, никогда он её не простит! И Данте отошёл от Йоланды, сжимая зубы, ибо к глазам подступили идиотские слёзы. Ну нет, никто не увидит, как он плачет. И почему мерзкий колдун и Эстелла не замучили его до смерти? Последнее, что он помнил, как сам попросил Эстеллу его убить. Она ударила его мечом, и всё почернело. И вдруг он очнулся, а на груди и раны нет. Что происходит?

Единорог, отойдя от дурмана, что напустило зеркало, вышагивал по кругу, цокая копытами и трясая гривой. Оглядев всех, Данте узнал Салазара, но не понимал откуда тот взялся, да ещё и настоящий, из плоти и крови, хотя сам же уверял, что нематериален. Значит, он заодно с этими двумя: Тибуроном и... Эстеллой.

Ноги у Данте подкосились, и он плюхнулся в ближайшее кресло. Сердце болезненно билось: Эстелла его не любит. Она променяла его на Маурисио, издевалась над ним вместе с Тибуроном, а теперь обнимается с Салазаром. У Данте голова шла кругом от отчаянья, ревности, обиды. Ну за что? За что она так с ним? Хотя... может, она и права. Он никогда не будет нормальным человеком, он чересчур странен, чтобы вписаться в этот мир. Куда бы он не попал: в среду крестьян или плантаторов, гаучо или аристократов, он чужак. Он пытался

прижиться везде, найти себя в чём-то, но не смог. И как он может осчастливить эту женщину, такую красивую и чувственную? Для неё он ничтожество и не о чем тут думать. Эстелла так и останется его несбыточной мечтой, счастьем, которого он ненадолго коснулся, но не удержал. Она подарила ему небеса, став смыслом его жизни, а он для неё лишь эпизод, подростковая влюблённость.

Данте осмелился взглянуть на Эстеллу, и в животе всё перевернулось, когда он узрел острые когти у её шеи и чёрные очи, сверкающие дьявольски. Салазар держал её, будто вещь, весь вид его говорил: «Она моя, моя собственность!».

Ощувив на себе взгляд, Эстелла подняла ресницы. И палец с обручальным кольцом вмиг задымился, по телу побежали мурашки, а татуировки нестерпимо заныли. Эстелла мысленно целовала Данте взглядом и смотрела так, будто прощалась. Он почувствовал на губах что-то тёплое, нежное, как поцелуй. Из кольца брызнул дождик.

Что это? Почему Чары Любви ещё действуют? Ведь Тибурон уверял, что главное — это взаимность. Кольца перестанут реагировать друг на друга, если один разлюбит. Это и произошло, произошло уже давно. Эстелла его ненавидит. Она говорила жуткие вещи, поила его какой-то гадостью и даже хотела убить. Почему же кольца до сих пор живы?

Заметив эти молчаливые переглядывания, Салазар толкнул Эстеллу вперёд, едва не рыча от злости и стреляя из когтей красными искрами.

— Ну-ка, пошевеливайся! Мне ведь ничего не стоит взять своё слово обратно, раз ты не хочешь вести себя как положено! — зашипел он. — Не вынуждай меня злиться, красавица, — после паузы смягчил Салазар тон. — Прошу тебя, не надо. Ты не знаешь, какой я бываю в гневе, и я не хочу, чтобы ты испытала мой гнев на себе. Прошу тебя, радость моя, не нарывайся. Я не хочу причинять тебе зло, не доводи меня искр из глаз, ради своего же блага. Идём!

Данте внимательно смотрел на эту парочку — Эстелла еле перебирала ногами и плакала, но шла вперёд, а Салазар что-то твердил ей в ухо. Что именно — Данте не слышал, но червячок сомнения заполз в его сердце: Эстелла не выглядит счастливой. Салазар её мучает, обманывает, может быть, наложил на неё какие-то чары. А она ведь любит Маурисио. Бедная его девочка... Хотя уже не его.

Когда руку обдало огнём, Данте машинально глянул на неё — поверх обручального кольца был надет и волшебный перстень — сияя, он выпускал язычки фиолетового дыма. Откуда он взялся? Ведь Тибурон забрал его.

Салазар грубо подтолкнул Эстеллу к одному из зеркал.

— А ну-ка отпусти её! — услышал Данте чей-то голос, и не сразу понял, что это его собственный.

— Что-что?

— Отпусти её, я сказал! — рыкнул Данте вставая. Пошатываясь, он пошёл на Салазара, как бык на красную тряпку. Глаза его потемнели — сапфиры превратились в опалы. Сейчас они с Салазаром были копией друг друга, кроме единственной детали, которую заплаканная, измученная Эстелла мигом уловила: в глубине глаз Данте не было жестокости — сквозь них проглядывала его душа, душа маленького, брошенного всеми зверька; у Салазара же в глазах была чернота, омут, без дна, без края, что затягивает и затягивает в пучину ада, откуда нет выхода. В ответ на возглас Данте он расхохотался.

— А ты знаешь, выродок, что эта женщина моя? И любит она меня, — процедил Салазар. От ярости у него ходили желваки, и он так обнял Эстеллу, что она чуть дух не

испустила.

— Это не имеет значения, — угрожающе выпятив грудь, Данте подходил всё ближе. В груди образовались пустота и невыносимое чувство обречённости, бескрайнее как океан. — Любит ли она тебя или кого-то ещё, это не дает тебе права её мучить. Отпусти её.

— Чёрта-с два! Она моя, моя, это моя женщина! Я её люблю, и я никому её не отдам! — и Салазар припечатал Эстеллу спиной к ближайшему зеркалу.

Хлоп! Эстелла и крикнуть не успела — оттуда вылезли зелёные, утыканные мелкими листочками, стебли некого растения, и обвили её всю с головы до ног. Данте буквально затрясло от ненависти. Он должен спасти Эстеллу, вырвать её из лап этого чудовища!

— Кстати, отдай мне перстень! — потребовал Салазар тоном инфанта.

— Зачем?

— Потому что он мой!

— Твой? Насколько я помню, перстень принадлежит Тибуруну, Брухо или как там его, этому мерзкому старикашке.

Салазар так загоготал, что чуть не пробил в полу дыру, крутанувшись вокруг себя на каблуке. Длинный плащ со свистом повторил траекторию за ним.

— А я по-твоему кто? — щёлк! Он щёлкнул пальцами. Утонув на миг в серебряном дыму, вынырнул в уже знакомом Данте облике Тибурона.

Эстелла, у которой рот был закрыт дурацким растением, только глазами похлопала. Значит, этот человек не похож на Данте — это тот самый дед, который их обвенчал. Ныне он выглядел моложе — морщины и борода у него отсутствовали, а седые волосы были увязаны в хвост. Получается, он лишь принял облик Данте. А она ещё что-то испытывала к нему. Фу-у-у! Эстелла ощутила отвращение, как в грязи извалялась. Старый дегенерат, строящий из себя юношу! Гадина!

— Видел? Доволен? — сказал колдун низким баритоном и, щёлкнув пальцами, снова обернулся в Салазара. — В зависимости от ситуации я меняю облик, — сообщил он весело. — Сейчас я предпочитаю выглядеть объектом, желанным для дам, — он усмехнулся, кольнув взглядом Эстеллу — у той были злые глаза. — Но что-то мы отвлеклись. Лучше верни мне перстень, не беси меня.

— А не много ли ты хочешь? И перстень тебе, и Эстеллу тебе. Мне кажется, тебе надо умерить аппетит и выбрать что-то одно. Мы могли бы поторговаться. Я отдам перстень, если ты отпустишь Эстеллу, — в ярких глазах Данте вспыхнуло нечто необъяснимое, печальное и решительное.

И Эстелла вспомнила тот страшный день на Пласа де Пьедрас, когда Данте едва не казнили. Там, во всеуслышание произносил он слова, которые людям явно не нравились, но был он так прекрасен, что она им залюбовалась. Сейчас Данте был таким же: красивым, гордым, сильным. В его голосе сквозила тоска, но с ней вместе и отчаянное упрямство, попытка вырвать Эстеллу из лап врага. И Эстелла расплакалась. Он всегда её защищал, всегда приходил на помощь, готов был умереть за неё. Единственный мужчина из всех. Остальные только её мучили. Да, сердце её не ошиблось. Данте достоин, достоин её любви, как никто другой.

— Решай что тебе дороже: Эстелла или этот дурацкий артефакт, — Данте с вызовом скрестил руки на груди. — Давай заключим сделку.

— Не собираюсь я заключать с тобой сделок! — взбеленился Салазар. — Перстень я тебе одолжил на время, чтобы спасти твою никчёмную жизнь, когда эта дура Клариса

надоумила Эстеллу пырнуть тебя мечом. Так что ты должен меня благодарить за мою доброту. Я вытащил тебя с того света. Не в первый раз, кстати. Но что-то я не слышу слов благодарности. Верни мне перстень! Он мой! И Эстелла моя, я люблю эту женщину и не собираюсь её терять! Всё, всё, что есть в этом доме — моё! — Салазар широким жестом обвёл комнату, но лицо его исказил страх, неподдельный, искренний страх, когда он взглянул на Эстеллу. Та, по-прежнему примотанная стеблями к зеркалу, не сводила с Данте влюблённых глаз.

— Данте, прошу тебя, уйдём отсюда, — тихо взмолилась Йоланда. Она наблюдала за этой сценой, стоя возле единорога, что закрывал её собой.

— Умолкни! — грубо огрызнулся Данте. — Проваливай куда хочешь, я тебя не держу! Без Эстеллы я никуда не уйду! Так что? Тебе нужен перстень? Да или нет? — сняв украшение с пальца, Данте поиграл им, подбрасывая на ладони и дразня Салазара. У того глаза чуть из орбит не выпали от бешенства, пока перстень, сияя, прыгал у Данте в руках. — Отпусти Эстеллу и разойдёмся миром. Тем более она тебя не любит.

— Она любит, любит меня! — вскричал Салазар — раз, и, воткнув когти себе в щёки, расцарапал их в кровь. Раны следом и исчезли под воздействием его магии, но, очевидно, что он переставал владеть собой. — Поверить не могу, неужто ты ещё на что-то надеешься, жалкий выродок, а? Ты думаешь, что нужен ей? Посмотри на себя и на меня и сравни нас: ты считаешь, что из нас двоих она выберет тебя? А-ха-ха-ха! Не смейся меня, чучело неграмотное! Погонщик скота и аристократка! Хороша парочка!

— Я знаю, что Эстелла меня не любит, — жёстко отрубил Данте. — Но это не имеет значения. Тебя она тоже не любит, это заметно по её лицу, — он скользнул по Эстелле отрешённым взглядом. — Неужели ты не видишь, что она плачет? Нельзя заставить женщину любить себя, причиняя ей боль и доводя до слёз. Она любит Маурисио Рейеса, и ни ты, ни я не можем это изменить.

Эстелла замотала головой так, что у неё мушки перед глазами полетели. Она попыталась крикнуть, но дурацкое растение закрывало ей рот, и она вцепилась в него зубами, чтобы перегрызть стебель.

А Салазар покатывался от хохота.

— Маурисио Рейеса? А-ха-ха-ха! Да ты совсем болван, как я погляжу! Как можно любить труп? Этот человек давно сдох! Я убил его своими руками!

Данте перевёл ошарашенный взгляд с Салазара на Эстеллу. Теперь ясно, почему она в таком состоянии — она оплакивает смерть Маурисио.

— И ты смеешь говорить, что любишь её? — с болью усмехнулся Данте. В груди так всё горело, будто в неё налили раскалённого железа. Да, Эстелла его не любит, оплакивает смерть другого, но он не уйдёт, пока не вырвет её из лап этого чудовища. — Человек, который любит, не обращается так с объектом своей любви. Любовь — это не обладание и жажда власти. Я раньше тоже не знал, что есть любовь, хотя думал, что знаю. Я был уверен, что любовь приносит счастье. Но это не так, любовь — это жертва. И боль. Когда ты любишь, тебе достаточно, что твой любимый человек улыбается, что ему хорошо, даже если он не с тобой. Нельзя заставить любить. Любовь либо есть, либо нет. Эстелла тебя не любит, она не любит и меня. Она любит Маурисио Рейеса, а ты причинил ей боль, убив его. Ты сделал её несчастной. И самое ужасное, что ты этого не понимаешь. Ты не умеешь любить.

— Да что ты там вякаешь?! Ты, пустоголовый болван, который не видит дальше собственного носа! Ты считаешь, что вправе учить меня, величайшего мага, жизни? Я не

могу без неё! Я люблю Эстеллу! — голос Салазара сорвался в вопль, а глаза налились кровью.

— Если ты правда её любишь,пусти, — спокойно сказал Данте. — Пожертвуй своим «я не могу без неё» ради её счастья. Эстелла сама знает, кого ей любить и с кем ей быть. Дай ей шанс решить самой, прекрати её мучить.

Эстелла с остервенением вгрызалась в мерзкое растение. Оно было горьким на вкус, и её выворачивало от тошноты, и так хотелось Данте обнять, зацеловать всего и никогда не отпускать.

В этот момент Салазар повернулся к ней. Подошёл вплотную. Заглянул в лицо. В глубине его глаз застыли гнев, страсть и мольба. Он долго изучал Эстеллу, потом скрипнул зубами.

— Проклятье! Ну почему? Почему так всегда? Почему ты, красавица моя, — единственная, чьи мысли я не могу прочитать? Наверное, потому что люблю тебя, — голос его дрожал, из него ушла злоба, жестокость, ненависть. Сейчас он звучал мягко и надрывно. — Но ты же мне обещала, ты сказала, что останешься со мной, красавица, если я докажу тебе свою любовь, если верну этого незаконнорождённого к жизни. Но почему твои глаза говорят иное, хотя должны объясняться мне в любви?

Он вдруг с силой рванул стебель цветка, распутывая Эстеллу. Остатки растения упали на пол, развалившись на куски.

— Говори! Скажи мне правду! Чего ты хочешь, красавица? — выпалил Салазар, вплотную приблизив лицо к её лицу. — Ты ведь любишь меня, правда? Ответь мне! — ухватив Эстеллу за плечи, он крепко встряхнул её.

— Ты знаешь ответ на этот вопрос, — шепнула Эстелла так, чтобы слышал только он.

Он прильнул губами к её губам. Поцеловал жадно, медленно впивая её губы, но Эстелла была холодна, как мрамор. Осознав, что этот человек — Тибурон, она перестала реагировать на него, как на мужчину.

Салазар чуть прикусил зубами её подбородок, потом резко отстранился. Застыл, глядя в одну точку.

— Ты свободна, — сказал он в полной тишине.

Эстелла ушам своим не поверила. Она беспомощно переводила взгляд с Данте на Салазара и обратно. В сапфировых очах Данте, сейчас ясных и ярких, сияла любовь, глубокая, чистая, нежная и мучительная. На пушистых ресницах Салазара застыли хрустальные капельки. Сощурившись, он внимательно оглядел влюблённых и отвернулся, привалившись спиной к зеркалу.

— Все свободны, — сказал он мрачно. — Верните мне перстень и вон отсюда! Никогда больше не хочу вас видеть, семейка выроdkов!

Но Данте не успел отдать перстень — одно из зеркал вдруг расколосось и из него выползла огромная, жуткая каскавела.

Йоланда в ужасе вскрикнула. А Эстелла инстинктивно прижалась к ней. Взгляд Данте, изучив округу, упал на меч, чья рукоять, украшенная драгоценными камнями, поблёскивая, торчала из рамы ближайшего зеркала. Салазар, скрестив руки на груди, стоял неподвижно.

— Ну вот мы и с-с-нова вс-с-стретилис-с-сь, — прошипела змея, стуча трещоткой об пол. — Моя любимая с-с-семейка, — она близко подползла к напуганным женщинам.

Данте, выхватив меч, подался вперёд.

— Какие мы с-с-смелые! — открыв пасть, каскавела бросилась на Данте, но вдруг

единорог, что до этого пробовал на зубок цветы в горшках, заржав, вспрыгнул на змею, копытами придавив её к полу.

Она зашипела, извиваясь, а Данте уже занёс меч, целясь отрубить ей голову.

Хлоп! Вяло щёлкнув пальцами, Салазар обратил змею в Кларису.

— Идиоты! — встав с пола, Клариса отряхивала чёрное бархатное платье, верх которого кроем напоминал мужской фрак. Потом обернулась к Салазару.

— Мог бы и вмешаться раньше. Или тебе нравится смотреть, как эти выродки меня убивают?

— Именно так, — безразлично отозвался он.

Эстелла, покинув объятия Йоланды, схватила Данте за рукав и потянула его к себе, давая понять, что ей страшно. Юноша подошёл, хотя ноги его не слушались — было очень тяжело находиться с Эстеллой рядом. Но это не имеет значения, главное её защитить, вывести отсюда живой и невредимой. И Данте, с пренебрежением отбросив меч в угол, потрогал кончиками пальцев её волосы, не решаясь на большее. Йоланду же он проигнорировал, не одарив её и взглядом. Единорог встал перед ними, защищая всех троих от опасности.

— А я-то думала, ты умный и сильный, — цокая каблуками, Клариса подошла к молчаливому Салазару. — Я всегда тебя любила именно за твой ум и несгибаемость. Ради тебя я готова была на всё! А ты, ты раскис из-за глупой соплячки. Променял меня на эту безмозглую, — она сверкнула на Эстеллу ярко-жёлтыми, как лимоны, глазами. Эстеллу аж чуть не сбило с ног, такую волну ненависти она ощутила. — Она даже не ведьма, лишь пустоголовая дура! Ты меня разочаровываешь, Ло.

— Закрой рот и никогда не называй меня Ло, Клаудия! — выдавил он сквозь зубы.

Подойдя к Салазару вплотную, Клариса стукнула его в грудь кулаком. Он встряхнул волосами, смахивая их с лица. Цап! Схватил Кларису за горло, вонзив когти в её шею.

— Никогда, никогда больше не смей меня бить, идиотка! — рыкнул он, припечатав её к стене. — И пойми, наконец, одну вещь: я тебя не люблю! Никогда не любил и любить не буду! Много лет назад я любил Соледад, но она вышла за другого. Теперь я полюбил Эстеллу, и она тоже рвётся к другому. История повторяется. Ирония судьбы, не правда ли? — горько усмехнулся он. Вытащил из кларисиной шеи когти и, отойдя в сторону, стряхнул с них кровь.

Она поднесла руку к горлу, залечивая рану.

— Они не любят тебя, но я тебя люблю! — прохрипела Клариса. — Зачем любить тех, кто этого не достоин, тех, кто не подарит тебе счастья? Ведь есть я! Я красивая и я сильная, я талантливая колдунья. А они даже не волшебницы, какие-то ничтожества! Ну погляди на меня, почему я тебе не нравлюсь, Ло? — вскинув голову, она пошла на него грудью.

— Хочешь знать почему? — ядовито хмыкнул Салазар. — Соледад — женщина, которую я любил, когда мне было двадцать, и Эстелла — женщина, которую я люблю сейчас, они похожи. У них обеих есть то, чего нет у тебя — чистая душа. Они обе способны на глубокое чувство. А ты лгуныя и убийца. Ты интриганка. Ты пыталась чужими руками убить Йоланду, дабы насолить ей, своему брату и Роксане. Ты убила Гаспара, потому что они с Сантаной раскусили твою причастность к смерти Луиса Парра Медина. Ты убила Виктора, ожидая, что Данте кинется спасать его, позовёт на помощь других батраков, и они поймут, что это он убил Рене и Сильвио. Ты убила Хорхелину, чтобы втереться в доверие к Либертад. Наконец, ты обманула Эстеллу, убедив её ударить Данте мечом. Между тобой и женщинами,

которых я любил и люблю — большая пропасть, — высокомерно выдавил Салазар, точно гордясь своей неразделённой любовью. — Они обе достойны любви, потому что они не способны на подлость. А ты нет. Ты змея. Но удовлетвори моё голодное любопытство, прошу тебя. Меня терзает несколько вопросов. Первый из них: зачем ты руками Эстеллы хотела убить Данте?

Эстелла напряжённо прислушивалась к их беседе — она тоже хотела услышать объяснения. Данте, свесив руки, стоял рядом. Так жаждал он её обнять, но не решался. Наверное, ей будет неприятно, ведь Эстелла думает о Маурисио.

К тому же, в Данте горела обида при воспоминании о том, что Эстелла над ним вытворяла на пару с Тибуроном. Йоланда гладила по гриве единорога — тот не возражал.

— А я не понимаю, зачем ты его спас?! — выплюнула Клариса. Из глаз её брызнули злые слёзы. — Ты же мне говорил, что ненавидишь Данте, что он незаконнорождённый отпрыск Ламберто, которому не место в родословной нашей семьи.

— Ты тоже незаконнорождённая, отпрыск потаскухи Виситасьон. И тебе тоже не место в родословной нашей семьи, — выдал он злорадно. Клариса чуть не поперхнулась. — Так я жду ответа на свой вопрос, не уходи от темы, Клаудия Мариса: зачем ты хотела убить Данте?

— Да потому что я ненавижу всю эту семейку! — выкрикнула Клариса. Она обернулась к Данте, Эстелле и Йоланде и выпалила им в лица: — Да, именно так, я вас всех ненавижу! С самого детства! Потому что вы изуродовали мне жизнь! Сначала эта дрянь, моя мамаша Виситасьон, меня бросила. Потом эта сука Роксана заняла моё место. А гаденыш Ламбертс опозорил всю семью. Убил сына Альсидеса Альтанеро и чуть не угодил на виселицу, а потом связался с этой мышью! — она ткнула пальцем в Йоланду. Та от волнения кусала губы. — Вообще не понимаю, откуда она тут взялась. С тех пор, как я узнала, что она жива, я искала её, дабы она не явилась к своему сынку и всё не испортила. Но я не могла, никак не могла найти эту дрянь! К сожалению, Ищущий шар не находит животных, только людей. Если бы я знала, что она обернулась в птицу, я бы давно выпустила из неё кишки! Чёрт возьми! Как меня могла провести эта простушка?! — Клариса так долбанула ногой об пол, что сломала каблук и чуть не брякнулась на пол. — Дочка безродного барона Риверо. Фу-у-у! Она всегда была недостойна нашей фамилии, недостойна породниться с семьёй Фонтанарес де Арнау. Да ещё и выродила этого ублюдка. А знаешь почему я хотела твоей смерти? — выбросив туфли в угол, Клариса босиком пошла на Данте, но единорог, угрожающе выставив рог, перегородил ей путь. — Я много лет за тобой охотилась. Сначала следила из любопытства, надеясь, что при такой жизни ты сам издохнешь или тебя приберут. Жаль, что этого не произошло! Когда я увидела тебя уже взрослым, я была поражена, как ты похож на него, — она ткнула пальцем в Салазара, — на мужчину, которого я любила всю жизнь. А когда мой Ло втюрился в глупую Эстеллу, — она снова уколола девушку ненавистным взглядом, — я решила ей отомстить. Она позарилась на мужчину, который принадлежит мне, а я такого не прощаю, не будь я Клариса Манли. Для этой тупицы самым страшным была твоя смерть. Поэтому в первый раз я заманила тебя в ловушку на свадьбе Сантаны, — она злобно захохотала. — О, я была уверена, что тебе не выбраться из инквизиторских лап, но ты вышел сухим из воды, — она с сожалением вздохнула, — потому что эти два идиота провернули твоё спасение за моей спиной.

— Никто не просил тебя вставлять мне палки в колёса и портить мне планы, — Салазар, овладев собой после сцены с Эстеллой, вновь принял саркастически-язвительный вид и закатил глаза, вертя меж пальцев волшебную палочку. Та поблёскивала в ответ.

— Второй раз я решила убить тебя руками Эстеллы и мечом, что однажды сама подарила тебе в надежде, что неумение обращаться с магическими артефактами сыграет с тобой злую шутку, — продолжила Клариса. — Я хотела, чтобы Эстелла страдала, лезла на стену, обвиняя себя саму в твоей смерти. Нечего было забирать моего мужчину! Но ты, ты опять всё испортил! — она переключилась на Салазара, растопырив пальцы и потрясая ими у его лица. — Я тебя любила до безумия, но у тебя нет мозгов, сегодня я окончательно это поняла.

Он рассмеялся.

— Меня терзает ещё один вопрос, Кларисита, — сказал Салазар, забавляясь её яростью и играя волшебной палочкой. — Сегодня палочка, наконец, заработала, когда я приложил её к рогу единорога. Но до этого она была недействующая. А ты говорила, что это сильный артефакт. Так что ты с ней сделала?

— Я? Я сделала?! — чуть не задохнувшись каркнула Клариса. — Это всё он! — она ткнула пальцем в Данте. — Я не виновата, что перед тем, как отдать палочку мне, то есть Амарилис, он повесил её себе на шею вместе с перстнем. Они контактировали друг с другом и перстень забрал из палочки всю магию. Когда я получила палочку, она уже была недействующая. Я пыталась узнать в чём дело, пролистав Книгу Прошлого и поняла, что он вытворил.

— Хм... — хмыкнул Салазар, почёсывая палочкой подбородок. — Поэтому перстень меня и не слушается. Он забрал всю магию из палочки. Две силы смешались внутри перстня. И ещё неизвестно как они на него повлияли...

— Мне на это плевать! — отрезала Клариса. — Плевать мне на перстень и на палочку! На всё плевать! Мне нужно только одно — твоя любовь, — и она обвила руками шею Салазара. — Забудь обо всяких дурах, они тебя недостойны, и люби меня, мой драгоценный.

— Нет, — заявил он ей в лицо.

— Нет?

— Я тебя не люблю. Я не люблю женщин, которые сами себя предлагают. Ты такая фальшивая, фальшивая насквозь, что не вызываешь у меня ничего, кроме жалости.

— Жалости? — глаза Кларисы вмиг пожелтели, но она прильнула к его губам. Салазар ответил на поцелуй. Бросив волшебную палочку на стол, он прижал Кларису к себе.

Эстелла только подумала, что эти двое стоят друг друга и наконец-то всё закончится, не тут-то было.

— Эстелла... Эстелла, — забывшись шепнул Салазар.

— Ах ты, дерьмо! — отпихнув его, Клариса схватила волшебную палочку со стола и как шпагу воткнула её Салазару в сердце.

Эстелла не удержалась от вскрика, когда он упал навзничь. Вместо крови из груди Салазара полилась серебристая жидкость. Стекая на пол, она сверкала, как мириады звёзд на небосводе.

— Ты дура, — сказал он хрипло. — Я тебя ненавижу. Я никогда не буду твоим ни на земле, ни под землёй. Потому что я люблю Эстеллу! Эстеллу! Эстеллу! — и он дьявольски захохотал.

Эстелла, Данте и Йоланда шокировано молчали. Единорог стучал задним копытом по полу.

Клариса стояла неподвижно, сверху вниз глядя на палочку, торчавшую из груди Салазара и на лужу серебряной крови. Но когда очи Салазара застыли, почернев ещё

сильнее, она рухнула на колени возле него.

Салазар, верно, уже не дышал — его объяло зелёное свечение, рана на груди вдруг закрылась, втянув в себя волшебную палочку. Эстелла пребывала в оцепенении — она впервые видела как умирает настоящий маг.

— Я тебя люблю, мой дорогой, — шептала Клариса, глядя его по щекам. — Я этого не хотела, я не хотела, чтобы всё так закончилось. Но зато теперь ты не достанешься никому, ты будешь только моим.

Рыдая, она легла к нему на грудь. И тут Эстелла вздрогнула — Данте, кипя от ненависти, вдруг подался вперёд. Вот она, эта женщина, что воет на груди у мёртвого Салазара, — причина всех его несчастий. Это она, она сломала ему жизнь. Она и Салазар, и этот мерзкий перстень, что он ещё сжимал в кулаке, виноваты в его мучениях. Твари!

Данте шёл прямо на Кларису. Та его не видела, лёжа на Салазаре лицом вниз. У Данте не было никакого плана. Инстинктивно он размахнулся и швырнул изумрудный перстень Кларисе в спину.

— Подавись своим перстнем! Ненавижу! Ненавижу! Сдохни, дрянь! — гаркнул Данте.

Пыхххх! Он едва успел отпрянуть и прикрыть рукой лицо. Вокруг Салазара и Кларисы всё полыхнуло. Пошёл чёрный дым. Он рос и рос, заглывая их обоих в свои сети. Клариса и головы не подняла, так и продолжая обнимать Салазара. Когда дым укрыл их целиком, они исчезли внутри него, будто проглоченные пастью неведомого чудовища. И всё погасло. Только изумрудный перстень, обугленный, чёрный, лежал посреди комнаты.

===== Глава 54. Сильнее боли =====

Минула неделя. Данте, измученный пытками и обидой на родителей и Эстеллу, лежал в постели. На улице стояла дикая жара, что было неудивительно для субтропического января. Солнце так било в окна, что пришлось наглухо задёрнуть шторы. Хотелось темноты и умереть. Данте ни с кем не общался, не выходил из спальни, а еду, что трижды в день приносила Лея — маленькая негритянка с короткими кудряшками, — оставлял нетронутой.

Он жаждал забыть, не вспоминать, не думать, но мысли то и дело возвращались к подземелью, к пыткам, к Эстелле, к Салазару, к Кларисе, к Йоланде... Никому он не нужен. Он один и ничего не меняется ни через десять лет, ни через двадцать. Его предала даже Янгус. Оказалось, что её не существует. Она не птица, а женщина, что подверглась чарам вездесущего Тибурона-Салазара. Йоланда Риверо. Та, о которой рассказывал Ламберто. Его мать, которой он никогда не знал. И, более того, знать не желает. Хороша мамаша, ничего не скажешь! Столько лет жила себе припеваючи в облике райской птицы. Была рядом с ним, заставила его себя полюбить, как лучшего друга. Видела, как он, её сын, страдал от одиночества, обид, унижений и ничего не сделала, чтобы ему помочь.

Данте яростно долбанул кулаком в стену, обтянутую алым бархатом. Мерзкая роскошь! Этот дом его раздражает до тошноты. Он чувствует себя здесь, как в клетке. В золотой клетке с шелковыми подушками и россыпью драгоценных камней и лепнины. Некогда он мечтал жить в городе, в красивом доме, носить шикарную одежду, а не обноски. Мечтал об уважении окружающих. Всё это сбылось с лихвой, но, оказывается, ему оно чуждо. Он хочет на свободу. Несчастлив он в ограниченном пространстве. У него душа птицы. Ему нужна воля, воздух, солнце. Пампасы, засеянные ковром зелёной травы, ветер, спутывающий волосы, Алмаз и открытый путь в горизонт. А ещё любовь...

А ведь раньше, живя полукочевой жизнью, он не слишком эту жизнь любил. Но тогда у него было всё, о чём он мечтает сейчас, и что уже не вернуть. И главное — Эстелла. В ней

видел он целый мир, чудесный мир грёз. Он задыхался от счастья, впивая её губы, как нектар цветов; хотелось кричать и достать с неба луну. А нынче в его душе мрак и чернота. Зато Ламберто сияет, как начищенный паркет в бальной зале вице-короля.

Когда семь дней назад Клариса и Салазар исчезли, оставив Данте, Эстеллу и Йоланду в волшебной комнате, Данте растерялся. Сквозь зеркала они пройти не смогли — те самозаблокировались, как и входная дверь. Сколько Данте эту дверь не дёргал и даже ударял её мечом, она не поддавалась. Единственный вариант, который он придумал — превратиться в животных — тоже потерпел фиаско. Сам-то он обернётся, хоть в кота, хоть в слона, но Эстелла и Йоланда не магессы и без специальных зелий не обойдутся. Надо было искать рецепты и ингредиенты, и Данте уже хотел за это взяться, но на помощь ему и женщинам пришёл единорог. Подойдя к двери, он ударил её рогом, и она исчезла. И троица выскочила из комнаты. Мерно цокая копытами, единорог повёл всех за собой по путаным коридорам подземелья. Рог его сверкал как звезда. Ударяя им каждую встречающуюся на пути дверь, он растворял её в воздухе.

Йоланда и Эстелла, в страхе прижимаясь друг к другу, немного отставали, а Данте шёл по пятам за единорогом, держа перед собой меч. Миновав уйму комнат, наши герои возвратились туда, где Эстелла и Клариса оставили Ламберто-кота. Он, уже в своём обличье, сидел на диване с книгой в руках, закинув ногу на ногу и попивая чай. Когда дверь от удара единорога исчезла с характерным «пффф», Ламберто поднял голову и... остолбенел.

Картина была та ещё! Первой из-под дымящегося архитрава выскочила рогатая лошадь, сверкающая как бриллиант на солнце. Её сопровождал Данте, измученный, взлохмаченный, но живой и с мечом в руке. А из-за его спины вышли две женщины: Эстелла, утомлённая и заплаканная, и... Йоланда. Её Йоланда. Словно сошедшая с небес, она была восхитительна в ореоле рыжих волос и простеньком, жемчужного цвета платье. Как же давно они не видели друг друга!

А Йоланда мало изменилась, будто всё время лежала во льдах Антарктики. Хотя и Ламберто не сильно постарел — у него не было ни морщин, ни седых волос, но на двадцать лет, конечно, он уже не тянул. Поэтому смутился, не сразу поверив, что видит женщину, о которой мечтал так долго.

Восторгов отца Данте не разделил — он был зол на Йоланду и она не казалась ему красивой. Миловидная, не больше. Он бы в такую не влюбился. Данте не слышал, что они сказали друг другу при встрече, но позавидовал, когда Йоланда, рыдая и лепеча что-то бессвязное, упала к Ламберто в объятия. Данте насуплено сжал кулаки, мечтая провалиться сквозь землю. Он слышал, что Эстелла у него за спиной всхлипывает, и это его добило. Ей тоже плохо от вида чужого счастья, она оплакивает Маурисио. Он мечтал прижать её к себе, как сделал это Ламберто, обнимая Йоланду, но ослиное упрямство гнуло своё. Эстелла его предала. Она издевалась над ним вместе с Салазаром, а сейчас оплакивает Маурисио. Она двуличная, она его убила морально, поэтому он будет страдать молча и, в конце концов, эта неразделённая любовь ведёт его в могилу. Скорей бы.

Единорог привёл бравую четвёрку в сквер, откуда всё и началось. Они вылезли прямо из-под фонтана и обнаружили: их ждут четыре лошади: Каштан, Император, Жемчужина и... Алмаз.

— Но... откуда взялся Алмаз?! — с изумлением воскликнула Эстелла. — Когда Клариса хотела на него сесть, он заартачился и чуть не ударил её копытом. И она поехала на Каштане.

— Наверное, он прибежал сам, — отозвался Ламберто. — Лошади — умные животные.

— Он по мне соскучился, — угрюмо пробормотал Данте, обнимая коня. — Мы полгода не виделись.

Алмаз радостно ржал, переминаясь с ноги на ногу и тычась в любимого хозяина мордой. И, несмотря на боль и мрак, в душе у Данте всколыхнулось что-то. Алмаз — единственный друг, который у него остался. Все иные, включая Эстеллу, — враги. Размазав слёзы по лицу, Данте вспрыгнул на лошадь.

— А что мы будем делать с единорогом? — спросил Ламберто у сына. — Заберём с собой?

— Его надо выпустить на волю! — ответил Данте резко. — Сразу видно, что это животное свободолюбивое, его нельзя держать в конюшне, это жестоко!

Гарцуя на Алмазе, Данте чуть отъехал от остальных и присвистнул, подзывая единорога. Тот подошёл. Свесившись с лошади, Данте погладил его по гриве, а после выманил на безлюдную аллею, засаженную яблонями, агакатами и хлебными деревьями.

— Иди, ты свободен! — сказал Данте. — Я знаю, ты хочешь на волю, потому что у всех лошадей душа как ветер. И в этом мы похожи, только у тебя есть шанс вырваться на свободу, а у меня нет.

Немного постояв, единорог пошёл вперёд, цокая хрустальными копытами. Медленно, словно нехотя. Пару раз обернулся, глядя на горделивую фигуру Данте, сидящую верхом на Алмазе, и вдруг припустил галопом.

Сияние единорога, похожее на серебристую луну, пьющую воду из озера, постепенно растворилось в чернильном горизонте.

Ночь была тёмная, душная, беззвёздная. Ламберто и Йоланда сели на Императора и Каштана, а Эстелла с Данте оседлали своих лошадей. Алмаз счастливо мчался по дороге, неся хозяина на спине, пока впереди не замаячил роскошный дворец Фонтанарес де Арнау с его раскидистым садом и огромными окнами, где на калитке был выгравирован герб — ястреб с сапфировыми глазами.

От красоты дома Йоланда пришла в восторг, едва не прыгая и не хлопая в ладоши. Ламберто же, опьянённый счастьем, только улыбался. А Эстелла с Данте не глядели друг на друга. Йоланда, в конце концов, заметила это напряжение между ними. Но на её расспросы они отмалчивались.

Лусиано сначала не обрадовался возвращению Данте, ещё дуюсь на него из-за расстроенной свадьбы с Леонелой Мендисабаль, но, когда Эстелла поведала ему об их приключениях и о вероломстве Кларисы, он сменил гнев на милость и даже расцеловал и Данте, и Йоланду в щёки.

И вечером, в честь воссоединения семьи, Лусиано устроил праздничный ужин. Стол, украшенный свечами, ломился от лакомств. Все пили португальское коллекционное вино и лопали индейку под мексиканским соусом да устричный салат — коронные блюда поварихи Греты. Но ни Данте, ни Эстелла не проглотили ни кусочка даже мангового пирога в форме королевского дворца, украшенного марципанами и клубникой — шедевра кулинарного искусства.

Эта игра в настоящую семью казалась Данте фальшивой и вызывала у него гнев. Какое лицемерие! Сначала эти люди испортили ему жизнь, а теперь уверяют, что любят его. Да плевать! Никто ему не нужен, он лишь хочет, чтобы от него отвалили все. Ему не место среди счастливых людей.

Не успели все очухаться от происшествий, как Ламберто заговорил о свадьбе с Йоландой. Лусиано не то, чтобы был против (ему нравилась Йоланда), но его лютый консерватизм вмешался и сюда. И герцог убедил Йоланду и Ламберто отложить свадьбу из-за вдовства Эстеллы. Он ведь советник вице-короля, а Ламберто — помощник законодательного министра, и члены их семьи обязаны блюсти правила, не рушить репутацию скандальными выходками. Эстелла должна скорбеть по Маурисио не менее двух лет. И во время траура надо избегать шумных событий и веселья, как дома, так и в публичных местах. Лусиано хотел даже запретить Эстелле работу в салоне моды — вдове не желательно показываться на людях, а надо сидеть дома и целыми днями оплакивать своего мужа. Но тут девушка взбунтовалась. Ни за что она не откажется от работы! Салон моды — её единственная отрада. И Ламберто встал на её сторону, убедив отца: нельзя лишать Эстеллу работы, ведь она отвлекает её от мрачных дум о Маурисио. Эстелла же о Маурисио ни разу и не вспомнила — она была морально убита холодностью Данте. Все её попытки с ним помириться ни к чему не вели — он не шёл на контакт, не смотрел ей в глаза, не оставался с ней наедине и как попугай твердил одну и ту же фразу: «Я желаю тебе счастья».

По поводу загадочной смерти Маурисио, Лусиано и Ламберто, переговорив, решили: правду рассказать они не могут. Во-первых, нужно искать тело, а где оно знают только Салазар и Клариса, которые предположительно умерли. Во-вторых, придётся Эстелле оправдываться за попытку убийства. Да и доказать, что под обликом Маурисио скрывался другой человек, Данте ли это, Салазар ли — невозможно. В колдовство никто не поверит, да ещё и в ереси обвинят. И по рекомендации семейных адвокатов надумали объявить, что Маурисио утонул в океане. Мол, по дороге из Мадрида, корабль, на котором он плыл, потерпел крушение, и все пассажиры погибли.

Адвокаты, благодаря связям Лусиано, составили фальшивые документы с печатями вице-короля, где Маурисио Рейес назывался трагически погибшим. Но как быть с его сестрицей никто не знал — найти её оказалось делом гиблым. Выяснилось, что в Мадриде женщина с именем Матильде Рейес де Гонсалвес не числится — она никогда туда не приезжала, как и её муж Хосе Деметрио. Тот действительно умер, но не в Мадриде, а в своём доме в Ферре де Кастильо. Только вот жены по имени Матильде у него никогда не было — он был холост. Сестрой же маркиза Маурисио Рейеса оказалась старая дева пятидесяти лет, всю жизнь проживающая в Росарио и не выезжавшая оттуда с тех пор, как её младший брат отправился учиться в Лондон. В архивах Ла Платы нынешнее местонахождение сеньориты Матильде Рейес Прието значилось как «Дом для умалишённых № 48» города Росарио, где она доживала свои дни в полном маразме.

Эти факты немало поразили Эстеллу и всё семейство Фонтанарес де Арнау в целом. Матильде в последний раз они видели на свадьбе Роксаны и Алехандро Фрейтаса. Она была молода и здорова, и уж никак та красивая и надменная женщина не тянула на престарелую маразматичку.

Данте все эти фамильные скелеты не волновали. Он точил и лелеял свою злость и обиду, пока не слёг.

Эстелла, ища к нему подход, три дня назад заглянула в его спальню. Сев на кровать, она гладила Данте по голове, подкупала нежными словами, но упрямство его было воистину патологическим.

— Данте, давай поговорим, — упрашивала его Эстелла. — Нам надо многое сказать друг другу, эта ситуация не может продолжаться бесконечно.

— Нет, — ответил он односложно и повернулся к стене.

Эстелла убежала вся в слезах и в последующие три дня не возвращалась. И Данте окончательно зарылся в свою нору. Он ей не нужен. Тогда зачем она приходила, если её не интересуют ни он, ни его самочувствие?

Сегодня с утра Данте пребывал в особо дурном настроении. Он раскидал по комнате мебель и чуть не убил Либертад подносом с завтраком, что она притащила.

— Отвали от меня! Оставь меня в покое, дура! — с криком Данте швырнул поднос ей вслед.

Либертад успела сбежать перед тем, как завтрак растёкся по стене.

— Припадочный! — хлопнув дверь, гаркнула она из коридора.

После этого Данте около часа дубасил в подушку кулаками и вгрызался в неё зубами. Нет, он никому не позволит над собой насмехаться. Он никогда, никогда больше не выйдет из этой комнаты, лучше сдохнет.

Но в обед к нему постучалась Йоланда.

— Можно? — робко спросила она, сунув нос в дверной проём.

Он не ответил, и она вошла. Удивлённо изучила стену, заляпанную остатками еды, и раскиданную по углам мебель.

— У тебя здесь прямо военные действия были, — пошутила она.

Данте упорно молчал. Сев на краешек кровати, Йоланда коснулась пальцами его затылка.

— Данте...

Он нетерпеливо дёрнулся, зарываясь в подушку.

— Ну какой же ты упрямый! — вздохнула Йоланда. — И, мне кажется, я знаю в кого у тебя такой характер. Ты очень похож на своего деда, моего отца. Барон Риверо. Он был жутко упрям и частенько всех бесил. Попытки убедить его в чём-либо равнялись нулю всегда. Он стоял на своём, даже будучи в корне неправым. Но у него было доброе сердце, — грустно рассмеялась Йоланда. — У тебя оно тоже очень доброе. Я знаю это, Данте. Просто ты злишься на весь мир, не так ли? Может, мы всё-таки поговорим?

Он молчал, обиженно сопя, как маленький мальчик, которого лишили десерта.

— Данте, ну я же твоя мать, я волнуюсь за тебя. Ты не выходишь из комнаты. Ты ничего не ешь, ты обижаешь прислугу, огрызаешься. Я хочу понять, что с тобой происходит. Я хочу тебе помочь.

— Вы мне не мать! — отрезал он грубо, пряча зарёванное лицо в одеяло. — Когда вы были мне нужны, вы отсутствовали. И я научился со своими проблемами справляться сам. И теперь вы мне не нужны. И никто не нужен! Что со мной происходит — не вашего ума дело. И помочь мне ничем нельзя. Я хочу только одного — сдохнуть. Так что отвалите от меня, дайте мне умереть спокойно. Уже недолго осталось.

Йоланда опять вздохнула.

— Я знаю, чтобы принять меня как мать, тебе нужно время. Я понимаю, Данте, у тебя была тяжёлая жизнь, и я не буду настаивать, чтобы ты за секунду меня полюбил. Я дам тебе столько времени, сколько ты захочешь. Да, прошлое нельзя изменить, но у нас впереди вся жизнь, Данте. Мы наверстаем упущенное, станем близкими людьми. Судьба разлучила нас, но мы встретились и можем начать всё с чистого листа, — голос Йоланды звучал нежно, будто она не разговаривала, а играла на флейте. — Данте, я хочу, чтобы ты был счастлив, чтобы на лице твоём играла улыбка. Но я вижу, что ты страдаешь.

— С чего вы взяли, что я страдаю? — огрызнулся он.

— Я же не дура и не слепая.

— Вас это не касается. Я никого больше не впущу в свою душу, — пробурчал он совсем тихо. — Однажды впустил и жалею об этом. Все люди одинаковые. Они твари и предатели.

— А бедняжка Эстелла тоже сама не своя, — вдруг переключилась Йоланда. — А она мне нравится, такая славная девушка. Только всё время плачет. А сейчас и вовсе заболела.

Данте сбросил одеяло.

— Как заболела?

— Да, у неё сильный жар и она бредит. Вот уже три дня. Бедная девочка.

Данте резко подался вверх, сев на кровати. В покрасневших глазах его мелькнули и страх, и тоска, и жалость, и любовь. Йоланда изучила его долгим взглядом. Данте заметил в её лице какую-то хитринку, и ему это не понравилось. Чего-то она не договаривает. И он с досады хрустнул пальцами.

— Я знаю почему Эсте... Эстелла заболела, — выговорил он. — Она тоскует по этому, своему мужу, Маурисио Рейесу, ведь она любит его, а он умер.

— Да-а-а? — наигранно удивилась Йоланда. — А я вот сегодня полтора часа сидела около неё, и ни разу не услышала его имени. Как ты говоришь его зовут? Маурисио? — она закатила глаза. — Нет-нет, не слышала. Бедняжка бредит, но единственный мужчина, которого она зовёт, носит красивое имя Данте. Ты знаешь его?

— Чего-чего?

Йоланда тихонько хихикнула.

— Данте, ну до чего же ты упёртый! Она зовёт тебя, потому что она тебя любит.

— Нет, это враки, — замотал Данте головой. — Эстелла любит Маурисио Рейеса, а меня ненавидит. Если бы это было не так, она не помогала бы тому колдуну ставить на мне опыты. Салазар, Тибурон, или как там его. Они полгода надо мной издевались. Вместе! Эстелла смеялась, говорила чудовищные вещи. Я не могу этого забыть. Этот кошмар снится мне каждую ночь, это было даже хуже, чем тюрьма или Жёлтый дом. Я никогда, никогда этого не забуду и не прощу её, — он зажмурился и закрыл глаза кулаками.

— Погоди-погоди, о чём ты говоришь, Данте? — не поняла Йоланда.

— Я её видел! — выкрикнул он, давясь слезами. — Она была заодно с Салазаром! Она приходила в подземелье, она признавалась ему в любви, она поила меня снадобьями, она... она... Я никогда не видел её такой безжалостной. Она была ещё хуже, чем в тот день, когда сказала мне, что любит Маурисио Рейеса.

Но в ответ на его искреннее, детское отчаянье Йоланда рассмеялась.

— Боже, Данте, ну что за чушь?! Ну кто тебе сказал, что это Эстелла? Последние полгода я была в теле Янгус и жила в комнате Салазара. Он сажал меня в вольеру. И я видела ту женщину, что превращалась в Эстеллу. Эта была Клариса, женщина-кошка. Она приходила, кормила своих питомцев — крыс и гиен, пила какое-то зелье и становилась Эстеллой. Потом брала из шкафов разные склянки и артефакты и уходила. Это было у меня на глазах не единожды!

Выпучив глаза, Данте схватил Йоланду за руку. Вцепился ей в запястье ногтями.

— Правда? Ты меня не обманываешь? Это была не Эстелла?

— Ну конечно нет! Ты сам подумай, Данте, ведь Эстелла, как и я, не волшебница. Она не смогла бы поставить на тебе ни одного колдовского эксперимента, даже если бы захотела.

На ресницах Данте сверкнули хрустальные капельки.

— Значит, это не она... не моя Эсте...

— Данте, Данте, посмотри на меня, — Йоланда взяла его за подбородок. — Эстелла тебя любит. Я не знаю, почему сеньор Лусиано и Ламберто решили, что она переживает из-за Маурисио. Они слепцы и глупцы. Я сразу, как увидела вас двоих, ещё там, в подземелье, поняла, что вы любите друг друга. Достаточно посмотреть, как загораются глаза Эстеллы, когда она слышит твоё имя. И у тебя тоже всё написано на лице. Хватит уже валять дурака! Она любит тебя, ты любишь её, я не понимаю, зачем вы мучаете друг друга. Вам давным-давно пора наслаждаться счастьем. Мы с Ламберто ждали нашего счастья двадцать пять лет. И дождались. Неужели и вы хотите потерять столько времени? Любовь — это самое прекрасное чувство на свете. Да, оно приносит страдания, но приносит и счастье. И счастья оно дарит гораздо больше.

Данте плакал, слушая эту тираду, и слёзы его падали Йоланде в руку. А с души будто упал огромный валун. Неужели он ошибался? Неужели гордость и боль сделали его таким слепым, что он не видел дальше своего носа? Он взглянул на обручальное кольцо — то сияло, переливаясь всеми цветами радуги. Чары Любви живы. Их главное условие — взаимность. То-то он всё удивлялся, почему кольца не умирают. Так, может, любовь, их соединяющая, жива?

— Данте, хватит упрямиться. Иди к ней сейчас, — посоветовала Йоланда. Вынув из кармана надушенный шёлковый платочек, она вытерла Данте слёзы — он поддался. — Эстелла тебя ждёт, она тебя зовёт. И заболела она из-за тебя, когда ты её прогнал. Если ты придёшь, ей сразу станет лучше.

Данте больше не заставил себя упрашивать. Вскочив с кровати, он, спотыкаясь, ринулся на выход. Даже не переоделся, как был косматый, в домашних штанах и босиком, так и побежал.

Йоланда улыбнулась ему вслед.

Когда Данте влетел в нежно-голубую спальню, Эстелла, утопая в перине из лебяжьего пуха и укутанная белоснежным одеялом, напоминала невесту. Глаза её были прикрыты, тёмные, загнутые кверху ресницы оттеняли фарфоровую кожу. На щеках от жара разливался румянец, а длинные волосы каскадом струились по подушке.

Данте, рухнув на колени у постели, прижался губами к её запястью.

— Эсте...

— Нет, не уходи, не бросай меня... вернись, вернись ко мне, миленький... — прошептала она хныча.

Данте оцепенел. Если он сейчас услышит, как она зовёт мёртвого Маурисио, он шагнёт прямо в окно. Он больше не вынесет этой муки.

— Пожалуйста, вернись ко мне... люблю... я тебя люблю, Данте, Данте...

Безграничное блаженство заполнило грудь Данте, и солнце взошло в его сердце, когда он услышал из её уст своё имя. Значит, она не забыла.

Обняв Эстеллу двумя руками, Данте уткнулся носом ей в живот и расплакался. Ревел навзрыд, но впервые в жизни от счастья.

Через время Эстелла ощутила: по лицу её течёт дождик. На вкус он был солёный как морская вода. Она сонно отмахнулась, стирая с лица капельки, и под руку ей попались мягкие пряди чьих-то волос.

— Чудесно... — пролепетала она, унюхав тонкий аромат мяты.

Распахнула глаза. Данте, сидя на полу, прижимался щекой к её щеке. Лицо его опухло от слёз; они текли ручьями, реками и попадали Эстелле в рот.

— Данте? — удивлённо спросила она. — Это ты? Ты что тут делаешь?

— Эсте... моя Эсте, как я тебя люблю... Я никогда не переставал тебя любить. Ты мой мир, мой воздух, моя жизнь, — шептал он ей в ушко.

Сердце у Эстеллы судорожно затрепыхалось. Это не сон? Она это правда слышит? Не ведь три дня назад Данте и видеть её не желал.

— Данте, Данте, погоди, я ничего не понимаю... А что происходит? — промямлила Эстелла, касаясь губами его губ. Как она любит эти губы, самые родные, самые желанные.

— Прости меня, Эсте. Прости, что был груб с тобой. Я тебя довёл до того, что ты заболела. Я знаю, я очень плохой. Я всегда был никчёмным, упрямым, злым. Таким и остался. Но я не могу жить без тебя, это слишком больно. Я так устал... Если ты сейчас меня выгонишь, я пойду на улицу и брошусь под экипаж, — выдал он совсем по-детски.

— Какой же ты глупенький! — Эстелла обхватила его двумя руками за голову. Взъерошила волосы на затылке, припомнив, как он любил эту ласку. — Данте, мой Данте... Я никуда тебя больше не отпущу. Я тебя люблю, люблю с двенадцати лет и не переставала любить ни на секундочку, — всхлипывая призналась она.

— Правда?

— Клянусь!

Слёзы, поцелуи, нежные, едва различимые слова — всё смешалось в кучу.

Когда беззвучно отворилась дверь и Ламберто, сунув туда нос, хотел вмешаться, Йоланда схватила его под локоть.

— Оставь их, — мягко, но настойчиво шепнула она.

— Но, милая, это неприлично! — возразил он тоже шёпотом. — Эстелла вдова, она должна соблюдать траур, а она целуется с мужчиной в собственной спальне, в кровати. Они даже дверь не закрыли. У нас не бордель, тут приличный дом. Если отец узнает, будет скандал.

— Если ты ему не скажешь, он и не узнает. Пойдём, не надо им мешать, — прикрыв дверь, Йоланда потянула Ламберто за собой.

— Но...

— Никаких но! Ламберто, ну не будь эгоистом. Мы с тобой ждали друг друга двадцать пять лет. Ты хочешь, чтобы Данте с Эстеллой постигла та же участь? — Йоланда заискивающе заглянула ему в лицо. Несмотря на мягкий характер и нежный голосок, стоять на своём она умела не хуже, чем Данте.

— Нет, но... — совсем растерялся Ламберто. — Я полагал, что Эстелла страдает из-за смерти Маурисио, — честно признался он. — Я думал, их отношения с Данте — пройденный этап. Я хотел помочь Эстелле, даже упрашивал отца не запрещать ей работу в салоне мод. Как же так?

— Какие вы мужчины всё-таки слепцы! Не видите дальше своего носа. Они же любят друг друга с детства! Они много страдали, они ждали этого счастья. Так же, как мы. Или ты считаешь, милый, что мы заслужили наше счастье, а они нет?

— Разумеется нет! Я так не считаю! — запротестовал Ламберто. — Я очень хочу, чтобы Данте и Эстелла были счастливы.

— Вот и прекрасно! — обрадовалась Йоланда. — Лучшее, что можно сделать, — оставить их в покое. Пусть они наслаждаются своей любовью.

— Йоланда, ну а как же репутация?

— Ох, как вы мне все надоели со своей репутацией! — с укором вздохнула она.

— Милая, но это не моя прихоть, — оправдывался Ламберто. — Мы с отцом занимаем слишком высокие должности при дворе. Поэтому скелеты и тайны этого дома от общества надо скрыть. Никто же не запрещает этим двоим оболтусам любить друг друга, но это нельзя выставлять напоказ. Надо потерпеть до окончания траура. Вдова может выйти замуж и во второй раз, и в третий, и в десятый, но всё должно быть по правилам.

— Мы с ними это обсудим, — пошла на встречу Йоланда. — Мы их уговорим повременить с публичным проявлением своих чувств. Но ни мы, ни твой отец не вправе их разлучать. Любовь всегда в приоритете.

Крыть Ламберто было нечем, и он сдался на милость победителей.

Два года минули как по волшебству. Хотя о волшебстве во дворце Фонтанарес де Арнау старались не вспоминать — чересчур болезненными были эти воспоминания.

Данте, избегая прилюдного проявления своих магических навыков, скучал по дням, наполненным сказкой. Но без магии обойтись он не мог и не хотел — тайком ото всех одевался и причёсывался манипуляциями руками или щелчком пальцами переставлял мебель в комнате.

Всё же магия — его сущность. Он колдун и не может, не должен отказываться от этого дара. Магические способности в нём природные, они передались ему по наследству. А вот перстня теперь не было. Данте не расстраивался, но иногда думал: жаль, что он больше не может читать мысли.

В последующие годы Данте много размышлял о своей жизни, вспоминая её радостные и печальные моменты, самые страшные, самые счастливые, самые болезненные. Магия всегда приходила к нему на помощь, своеобразно, но... Был бы он сейчас жив без неё? Наверяд-ли. Всё-таки магия — не проклятие, это дар судьбы. Так же, как любовь Эстеллы. И он должен научиться принимать себя таким, какой он есть. Да, это тяжело — отличаться ото всех, но... у него есть своё мнение, он никогда не пойдёт за стадом, как покорная овца, а выберет свой путь, тот, что подскажут ему разум и душа. Надо лишь научиться жить без оглядки на чужое мнение.

Единственным волшебным артефактом, что остался у Данте, был меч. Не зная, куда его приспособить, он повесил его в спальне как картину, и, глядя на него, изредка ностальгировал по прежним временам.

Эстеллу это немало позабавило — иногда Данте вёл себя по-дурацки, но его заскоки ей даже нравились. Хоть Данте и возмущался тем, что светские правила вынуждают Эстеллу разыгрывать убитую горем вдову, ему пришлось смириться — только так дедушка Лусиано согласился закрыть глаза на их отношения. Ночи Данте с Эстеллой проводили вместе, но днём на людях изображали холодную учтивость. Это тихое счастье украдкой, тем не менее, вытащило Данте из его панциря нелюдимого мизантропа, куда закрывался он с тех пор, как себя помнил.

Но забыть всё оказалось непросто. Данте снились кошмары, и он просыпался в холодном поту, видя себя то в тюрьме среди крыс, то в Жёлтом доме на цепи, откуда спасся, чудом обернувшись в лисёнка Мио; то вспоминая страшные пытки, которым подвергали его Салазар и Маурисио. Он со скрипом выносил галстуки, банты и украшения на шее — они его душили, доводили до бешенства и слёз, напоминая о пережитом. Но время текло, как вода в

реке, его было не удержать, не остановить, и боль мало-помалу притупилась. Кошмары посещали юношу всё реже, уступая место снам иного характера: нежным грёзам о парящих в облаках лошадях да туманных замках, плавающих среди огромных, как арбузы, звёзд.

Эстелла была ласкова и внимательна к Данте, выслушивая его страхи, беды и жалобы, что ночами он шептал ей на ушко. Она целовала его в губы, расчёсывала ему волосы, убеждая, что всё будет хорошо. Главное — они есть друг у друга. И её звонкий голосок, улыбка, прикосновения, медленно, но верно излечивали его душу, действуя как целительный бальзам. Раны затягивались, сначала грубо, рубцами, изредка побаливая, но потом рубцы рассасывались и Данте уже не вздрагивал от громких выкриков, не слышал голоса, не путал даты, имена, события и даже перестал бояться зеркал. Отражение там снова появилось, а Салазар не подавал признаков жизни, и Данте, в конце концов, перестал ожидать новой катастрофы. Он учился быть счастливым, улыбаться, радоваться жизни, общаться с людьми и видеть в них что-то хорошее. Эстелла учила его манерам: как одеваться, как говорить, как вести себя за столом. Однажды Данте сломал в ней оковы, стереотипы, заложенные обществом и церковью, вбитые с детства, вытащил из неё то, что пряталось в её душе. Научил её быть самой собой, впустил её в свою жизнь. И теперь Эстелла хотела ввести Данте в ту жизнь, к которой привыкла она с рождения. Конечно, Ламберто и Лусиано уже натащали Данте по части манер и поведения, но он не уловил их сути. Данте играл в аристократа, следуя правилам, что ему диктовали, играл умело, но душой он всегда был далеко. И Эстелла пыталась объяснить ему вещи, свойственные и ей, привнести некий лоск, чтобы любой жест или слово Данте были не маской, а частью его характера, его сущностью. Делала она это не столько для самого Данте, сколько для себя. Как и в её возлюбленном, в Эстелле жило тщеславие, проявляясь временами. Когда закончится дурацкий траур, она выйдет с Данте в свет, представив его как нового мужа, и она хочет, чтобы вся округа умерла от зависти. Утереть бы носы всяким Мендисабалам и иже с ними!

Последние всё таили злость на несостоявшуюся родню, и Лусиано был вынужден продать акции Национального банка. Но напоследок отомстил, найдя крайне вредного покупателя — герцога Григорио Эдельмейса — очень богатого старикашку, въедливого как комар. Теперь, стояло акционерам Национального банка устроить собрание, как на него являлся Эдельмейс и доводил до ручки всех: то ему не нравился зал заседаний и он требовал перекрасить стены в другой цвет; то его не устраивала форма стола и он возмущался, почему тот круглый, а не овальный, да и ножки, где это видано! — не деревянные, а кованые. Потом Эдельмейс стал верещать, что акционеры хотят его отравить, и, когда ему подносили чай или кофе, заставлял кого-нибудь сделать глоток из его чашки. А если ему не нравился чей-то взгляд, он закатывал скандал прямо в банке, раскидывая мебель пинками.

Браулио Мендисабаль нервно общипывал себе бакенбарды, мечтая избавиться от этой напасти, но сеньор Эдельмейс уходить из банка не собирался, чувствуя себя как рыба в воде среди людей, которых он жутко бесил. А Лусиано только ручки потирал — Эдельмейс, хоть и был невыносим, но заплатил за акции щедро.

Эстелла же, обретя личное счастье, стала и к людям относиться мягче и лояльней, и, в конце концов, помирилась и с Бертой, от которой получала новости из Ферре де Кастильо. Новостей этих было немного, но справочное бюро по имени «Берта» работало без сбоев.

Послания бабушки скрашивали однообразное существование Эстеллы — из-за траура она выпала из жизни: теперь не было ни балов, ни театров, ни её знаменитых пятниц. Она смертельно скучала, вынужденная разыгрывать безутешную вдову. Отвлекали её лишь салон

моды, любовь Данте и бабушкины письма, длина которых частенько превышала все допустимые пределы.

А Берта писала и писала, выуживая подробности из жизни соседей, мелочи, глупости, сплетни. В первый год эстеллиного вдовства в каждом письме бабушка сожалела о кончине Маурисио и спрашивала, не превратил ли Эстеллу «злодей Данте» в жабу? Сначала девушку это злило, но, в конце концов, стало веселить. Никогда люди разных поколений друг друга не поймут, так что лучше пропускать это мимо ушей — нервы целее будут.

Но, помимо брюзжания, Берта выдавала и интересную информацию о событиях в городе.

Например, Эстеллу позабавила судьба дам из Комитета Милосердия, с которыми она сталкивалась в страшные дни эпидемии в Ферре де Кастильо. Прыская со смеху, она вычитала из бабушкиного письма, куда Берта приложила ещё и газетную вырезку, о бракосочетании Ноэля Марвиля, сына сеньоры Констансы Марвиля — женщины, похожей на шкаф, с сеньорой Апполинарией Веласкес-Гретто — старушенцией девяносто трёх лет от роду, морщинистой, как шарпей. Апполинария была богатой вдовушкой со стажем — похоронила шестерых мужей. А ведь Ноэль Марвиля некогда ухаживал за Сантаной! Теперь его мать, пребывая в ужасе от невесты, отказывалась не только видеть сына и сноху, но и грозилась уйти в монастырь, если старуха не околеет в ближайшее время. Над этой историей Эстелла хохотала до слёз, решив обсудить её с Сантаной, когда предоставится случай.

Как готовит Флор, служанка сеньора Альдо, Берте давненько не нравилось, и она с превеликим удовольствием взяла к себе Лупиту. Сынок Лупиты Дуду, которого Эстелла помнила ещё мальчишкой, вымахал в здорового детину и подался на Гаити, где в 1803 году отменили рабство. Теперь наравне с белыми Дуду торговал экзотическими фруктами и свободно шастал по улицам, раскланиваясь со всеми и откликаясь на имя «сеньор Эдуардо». Лупита своим сынком несказанно гордилась, рассказывая о нём каждому встречному.

Урсула и Альфредо теперь служили в доме у латифундиста Ариосто де Ридо — владельца эстансии «Эль Кампо» и обширных плантаций, где росло какао. Толпы батраков работали там не покладая рук, ног и спин, а Урсула целыми днями готовила им еду, перестилала в хозяйском доме кровати, мыла окна и полы. Альфредо ходил за скотиной и водил дружбу с местными конюхами да пастухами.

Эстелла была рада, что у слуг, к которым она привыкла с детства, всё хорошо. «А лучше-то им и не надо, — писала бабушка. — Я ж поначалу удивлялась им, спрашивала: «А не хотите ли прикупить себе домик, завести своё хозяйство да жить припеваючи?». Даже помочь им хотела. Так они ж ни в какую! Урсула аж взывала: «Как жеж это я без хозяев-то буду, одна одинёшенька, да я ж помру! За что это вы меня так не любите, что хотите мне такой несчастной судьбы?». Я аж так и села. А потом дошло до меня: мозги у них рабские, не могут они жить иначе. Свобода для них — это самое страшное. Они считают, раз родились чёрными, такова их участь — быть прислугой у белых. И ведь не сопрёшь! Есть, конечно, и те негры, что мечтают о свободе, а эти, не. Глухой номер! Так что они по-своему счастливы. В общем, их дела это, пуцай живут, как им нравится».

В последнее время Эстелла обнаружила в себе ещё одну скверную черту характера — злорадство. Похоже, она нахваталась этого от Данте — тот обожал, когда кому-то из ненавистных ему людей было плохо. От злорадства он хмелел, как от алкоголя, становился весёлым, шутил и сверкал глазами. Эстелла за собой тоже замечала подобное, например, раньше она радовалась, когда страдала Мисолина, но это не было чем-то патологическим.

Но однажды Эстелла напугалась. Какая она стала жестокая!

«Да это ж ведь хуже любой эпидемии, — жаловалась бабушка в недавнем письме. — Представь себе, сеньор Алехандро Фрейтас — наш изобретательный алькальд, чтоб ему... придумал очередную бредятину. Сначала велел он установить на могилах у Мисолины и Роксаны две здоровенных статуи размером с меня, так что там и не подойти теперь. А недавно и совсем с катушек рухнул. Нажаловался он тут давеча епископу на падре Антонио. Приехала в город проверка, давай всех горожан опрашивать, дескать, каков падре Антонио и не дурно ли влияет он на паству. Некоторые-то, понятно, боялись чушь молоть и обижать священника. Какой бы он ни был, а он представитель церкви, человек уважаемый, избранный богом. Чего на него пургу-то гнать? Ан нет, появились и наглецы да безбожники, которые взяли да падре нашего прямо на потроха и разобрали. Дескать, и такой он, и сякой, и толку нету от него, на виселицу всех отправляет, и из-за него люди и в церковь бояться ходить — как начнет запугивать адом да Сатаной, страху нагоняет. А я считаю, что и правильно он делает, а то вольнодумцев развелось, хоть кашу из них вари. В общем, гусь этот лапчатый, наш алькальд, добился того, что падре Антонио понизили в должности и сослали его, беднягу, штатным священником в какое-то захолустье, где, говорят, одни овцы да козы, а люди всё равно что обезьяны. А нам на днях нового священника прислали. Падре Хулио. И теперь у нас мессы да проповеди — это самое популярное городское мероприятие. Девицы туда толпами ходят, повлюблялись в этого падре аж искры летят. Он же молоденький да хорошенький. Весь город теперь только падре Хулио и обсуждает. Во напасть-то, хуже любой чумы! Так ты представь, моя дорогая, чего сеньор Альдо тут на днях вытворил: повадился на все мессы со мной ходить. Одну, говорит, не пущу. Боится, что я тоже влюблюсь в падре Хулио. Вот индюк старый! Песок уж сыпется, а он туда же».

Получив от Берты эту забавную новость, Эстелла с Данте хохотали, катаясь по кровати и задирая ноги кверху. И не в силах были остановиться.

— Данте, ну так нельзя, — еле выговорила Эстелла, утирая слёзы. — Грешно смеяться над священнослужителем. Это жестоко!

— Жестоко? — он застонал, держась руками за живот. — А когда этот «святой» хрен приказывал меня пытать, а после затащил на эшафот, это было не жестоко? Пусть в аду сгорит! А я ещё полюбуюсь на это зрелище. Подумаешь, в глушь сослали. Мало ему!

Эстелле возразить было нечего, и она промолчала. Может, Данте и прав в чём-то, но иногда Эстеллу грызло желание быть хорошей, как её учили в детстве. Хотя рядом с Данте это проблематично. Не может же она разорваться! Так что придётся забыть о честолюбивых мечтах стать доброй и всепрощающей. Не выйдет ничего.

Зато история Сантаны и Клема ни Эстеллу, ни Данте не впечатлила. Сначала Берта, а потом и сама Сантана поведали, что Клементе, благополучно выйдя из башни, с Сантаной обвенчался. Они женились, не соблюдая аристократические «полгода приличия» между помолвкой и свадьбой — двух лет разлуки было достаточно.

Сантана виновато извинялась в письме, что не пригласила Эстеллу на свадьбу — она хотела, но Берта ей запретила, ведь Эстелла вдова и не может посещать праздники. Эстеллу это не то, чтобы обидело (она не горела желанием смотреть, как Сантана ломает себе жизнь), но осадок у неё остался. Всё-таки они подруги. Если не пригласила, могла бы хоть написать о свадьбе заранее. Эстелла бы прислала подарок. Но в итоге причины этой скоропостижной свадьбы выплыли наружу — Сантана оказалась беременной. Она была счастлива, уверяя, что всё у неё сложилось удачно: Клементе её любит, у них будет ребёнок,

Адела её слушается и даже теперь не бьёт дворовую собаку.

А ещё, с подачи доктора Дельгадо и аптекаря сеньора Сантоса, Берта и Сантана организовали «Дом Милосердия» в помещении, бывшим когда-то эстеллиной ветеринарной клиникой. Там они раздают еду бездомным, бродягам, калекам и заодно лечат их. Хотя Сантана из-за беременности редко там бывает, а Берте справляться со всем помогают Лупита, Чола, Бия — служанка доктора Дельгадо, Ханна — немая служанка Сантаны, и жена аптекаря, травница Анхелина. А ещё Адела и Пепе с Нанси — отпрыски Мисолины Ухаживая за кем-то, дети учатся доброте — так считает Берта.

Но мифы о счастливой жизни Сантаны развеяла сама Берта, описав Эстелле, что у её подруги не всё так радужно, как она говорит. Ведь, только у Сантаны вырос живот, и Кlemente вновь понесло в бордель.

«Видать той истории с убитой девицей ему мало, — судя по чернильным кляксам на пергаменте, Берта была так возмущена, что во время написания письма жала на перо изо всех сил. — Короче, Сантана ко мне приходила давеча, просила совета: как, мол, отвадить муженька от борделя. А я знаю что ль? Ежели этого дурака туда тянет, как рыбу в сеть, чего с ним поделаешь-то? И чего ему ещё надо, непонятно. Жена красивая, умная да любит его, а он всё скачет из кровати в кровать. Дак Сантана-то девка не промах. Прямо со своим пузом пошла в этот бордель и выяснила там у местных, что Кlemente посещает определённую девицу. Рыжую да конопатую, и имя у ней дурацкое — Табита».

— Клема исправит только могила, — скептически заметил Данте, когда Эстелла вслух зачитала ему письмо Берты. — Зря твоя сумасшедшая подружка с ним связалась. А Табиту я знаю.

— Вот как? — мигом набычилась Эстелла, пихнув письмо в комод. — Откуда это ты её знаешь? Тоже к ней бегал?

— Эсте, ну не ревнуй. Я к ней не бегал. Она жила в «Лас Бестиас», и некоторое время мы с ней встречались. Это ещё было до тебя, — поспешно добавил Данте, увидев тень на лице Эстеллы. — Ну, Эсте, не злись. Я же не евнух, и до тебя у меня были другие женщины и ты об этом прекрасно знаешь. У мужчин есть определённые потребности. Так вот, Табита. Она никогда не работала в борделе. Как её туда занесло?

— Все они одного поля ягоды, — пробурчала Эстелла.

— Обожаю, когда ты ревнуешь! — хитро сверкнул Данте глазами.

— Смотри, как бы я тебе не врезала, обожает он!

Данте рассмеялся, задорно взмахивая волосами, и больше речь о Табите не заводил. Но про себя решил, что Клем совсем без мозгов, похоже, сидение в башне забрало у него последние.

Но сама Табита не преминула о себе напомнить. Данте аж чуть не лопнул от злости, когда посыльный вручил ему увесистый пергаментный конверт, подписанный размашистым почерком, — послание из Ферре де Кастильо. К счастью, Эстелла в этот момент находилась в салоне мод — контролировала выставку новых тканей, что сооружали в витрине приказчицы, и Данте не знал кого и что за это благодарить. Если бы Эстелла увидела конверт, она бы захотела узнать его содержимое, а узнав, взвыла бы от ревности.

У Данте дым с волос повалил от гнева, когда, раскрыв конверт, он обнаружил внутри портрет Эстеллы, разрисованный красными чернилами и истыканный иголками. Письмо, прицепленное к нему, гласило:

«Здравствуй, дорогой мой дружок. Ты наверняка удивишься, что я тебе пишу, но я

узнала от Клема, будто ты у нас теперь богатеем заделался, важной птицей стал, а вот про любовь всей своей жизни позабыл. А я вот решила о себе напомнить, выудила у Клема твой адрес и вот тебе и пишу. Ты ж ведь не можешь не помнить свою Табиту. А ещё ты должен знать, что всё, чего происходит в моей жизни, — это по твоей милости. Ежели б ты не променял меня на ту богатую курицу, я б и не сунулась в бордель. Но я не держу на тебя зла, мой птенчик. Здесь не так уж и плохо. Девочки хорошие, клиенты как и везде — тупые извращенцы. А вообще у нас тут полная свобода теперь. Донья Нэла как вышла замуж за сеньора Нестора и стала заправлять в гостинице, так и бросила «Фламинго» на Томасу. А та ведь жутко ленивая. Она любит только пожрать да поспать. Хозяйка борделя из неё, как из меня кузнец. В общем мы тут прохлаждаемся и делаем чего хотим. Я даже подружилась с Коко и Маргаритой, а они такие дуры, но зато тебя, видать, хорошо знают. С таким восторгом о тебе вспоминают, особенно Коко. Так бы и дала ей в глаз, нечего на моих мужчин губы раскатывать. Я ведь знаю, птенчик, ты любишь меня, а та кура, с которой ты связался только из-за денег, и в подмётки мне не годится. Ты шустрый, однако, и правильно, ведь без денег в наше время никуда. Так что я решила тебе помочь остаться богатым вдовцом как можно быстрее. Я тут давеча нашла портрет твоей благоверной в вещах у Коко. Она сказала, будто ты его сам нарисовал и, видимо, забыл у неё. И я подумала, было б неплохо насрать на эту курицу порчу. Пошла тут к местной бабке и она меня научила, чего делать надо, чтоб соперница померла в ближайшие два дня. Кучу денег отвалила, и всё сделала, как она велела. Так что скоро ты станешь вдовцом, мой птенчик, и мы снова будем вместе. Не забудь потом сказать мне спасибо, представляю, как эта общипанная тебе осточертела! Я буду тебя ждать. За Клема не переживай. Как только мы с тобой помиримся, я его брошу. Целую. Твоя Табита».

То, что Данте пришёл в ярость от этого бреда сумасшедшей — это слабо сказано. Рыча, он пнул ногой бархатный пуф, что стоял у кровати, и тот отлетел к окну.

— Тварь! Идиотка! Вздумала мне присылать всякую чушь! И как Клема угораздилс опять связаться с девкой, у которой мозгов меньше, чем у таракана? Да ещё и дал ей мой адрес! Чтоб вы все провалились! — вопил Данте, бегая по комнате туда-сюда.

Эстелла не должна это увидеть! Ещё ему не хватало ссориться с ней из-за глупой девки и безмозглого Клема.

Переведя дух, Данте спустился в большой кабинет. Разжёл камин и зашвырнул туда письмо с конвертом и изрисованным портретом. И долго смотрел, как их пожирает пламя.

Этот случай несколько не омрачил их нежного счастья с Эстеллой. Данте ни словом не обмолвился о наглости Табиты и дурацкой посылке, а Эстелла теперь была уверена в его любви. Единственное, что огорчало её по-настоящему, — воспоминания о Кларисе. Та так и не подавала признаков жизни. Но Эстелла не могла простить её вероломства, из-за которого Данте чуть не лишился жизни. И от злости она даже выбросила волшебный медальон, что однажды дала ей Клариса. Эстелла швырнула его в городской фонтан, проезжая мимо на Жемчужине. Эту женщину она простит. Никогда!

===== Глава 55. Та любовь, что нам дана =====

Окончательное изгнание колонистов из Гаити в 1804 году поставило на уши всех. Волна революционных настроений катилась от Северной Америки до Центральной и незаметно добиралась и до Южной. И пока в североамериканских колониях горели города и шли освободительные войны, Ла Плата жила на пороховой бочке — её жаждали взорвать, но, не зная с какой стороны подойти, медлили.

Обитатели же дворца Фонтанарес де Арнау относились к этому по-разному. Йоланда витала в облаках счастья. Эстелла терпеливо ждала, когда ей разрешат снять траур. Данте мечтал о свободе, о шансе вырваться из удушающей его роскоши. Зато Лусиано и Ламберто круглыми сутками спорили: доберётся ли гаитянская революция до Ла Платы и как скоро; коснётся ли она высшей аристократии или минует её.

Несмотря на внешнее спокойствие, в Буэнос-Айресе печатались журналы и газеты провокационного содержания; либералы и оппозиционеры кучковались в кофейнях или в подпольных казино. Но пока их планы и заговоры не шли дальше фантазий.

Март ознаменовал приход осени, тёплой и влажной. Эстелла, наконец, сняла траур, и гардероб её вновь запестрел красками и экстравагантными туалетами. Ну а главным событием ближайших дней называлась свадьба Йоланды и Ламберто.

Данте радости не ощущал. Он впадал в панику от мысли, что придётся снова общаться с толпой аристократов, коих грозило понаехать не менее пятисот человек. И эти люди будут его разглядывать, изучать пристально, ведь им известно, что он сын Ламберто.

Эстелла чувствовала себя не лучше. На толпу ей было плевать (она любила внимание), но ей было скучно. Жизнь тянулась однообразно, без ярких впечатлений. Даже салон мод Эстелле надоел, хотя там была клиентура и куча заказов, но она уже подумывала, на кого бы свалить управление салоном. Её угнетала любая ответственность, и она сама себя ругала за это. Ну почему она такая непостоянная? Они с Данте и в этом похожи, хотя тот более постоянен в убеждениях и увлечениях.

Но теперь Ламберто насел на него с пожеланиями найти себе занятие. Может, он пойдёт учиться в Университет или придумает себе дело? Ламберто был готов помочь и советами, и финансами, но Данте тщательно избегал давать ему ответ — не лежала душа его ни к чему. Политика, торговля и науки его не интересовали; из книг он любил лишь приключенческие или фантазийные истории, возбуждающие его больное воображение. Из иного привлекали его только животные. Но лечить он их не умел, ловить не хотел, и единственное желание, что у Данте возникало — скакать на Алмазе куда глаза глядят, ощущая как ветер треплет волосы. И ещё любить Эстеллу. Но если он признается в таких желаниях, Ламберто поднимет его на смех, а то и разозлится и обзовёт лентяем. Но лентяем Данте не был — он бы с радостью занялся чем-нибудь, если бы придумал чем.

Пока идей не появлялось, и Данте целыми днями шаркался по дворцу, как волк в неволе. Волку страстно хотелось в лес. Повалиться в траве, спать под деревом и купаться в реке, но отныне он носил шёлк и бархат, запонки, ремни, пряжки да шнурки на одежде — признаки аристократизма. И это его угнетало.

Хотя за два года Данте и смирился с тем, что у него есть мать, отец и ещё куча родственников, но в сердце осталось чёрное пятнышко. Иногда оно ныло, крича: он ничего не испытывает к этим людям. Семейные, кровные узы не были для Данте священны. Он впустил новоявленных родственников в свою жизнь, не впуская в душу. Ни Йоланда, ни Ламберто, ни Лусиано, к счастью, так и не понимали, что Данте неискренен с ними и не любит их. Но Эстелла заметила печаль в его глазах.

— Данте, ты такой грустный в последнее время, — сказала она, однажды ночью лёжа в его объятиях. — Что с тобой? Это я виновата?

— Разумеется, нет. Ты не виновата. Дело не в тебе, Эсте, дело во мне, — притянув Эстеллу к себе ближе, он понизил голос и зашептал ей в ушко. — Этот дом меня душит. А я хочу на свободу, я хочу летать. Я чувствую себя здесь чужим, лишним, а эти люди, моя семья,

да, но они мне неродные. У меня не получается их полюбить. Я пытался, я очень старался, но, наверное, я слишком плохой для них. Эсте, давай отсюда уедем.

— Уедем? А куда? — Эстелла не удивилась его предложению, она этого ожидала, да и сама хотела смены обстановки.

— Не важно куда. Перед нами открыт весь мир. Давай поедem в путешествие. Только не в экипаже, — быстро добавил он. — Верхom. Вспомни, как мы были счастливы раньше. Только ты, я и горизонт. Я бы так хотел вернуть это время, Эсте!

— Я помню, — мечтательно закрыв глаза, она потёрлась щекой о его грудь.

— Может, тебе покажется, что я сошёл с ума, да и не только тебе, — он глубоко вздохнул. — Никто в своём уме не уедет из семьи аристократов, от такой роскоши. Да и твой салон мод. Но я больше не могу жить взаперти, соблюдая глупые правила. Мне не хватает воздуха. Я здесь умираю.

— Я согласна! — объявила Эстелла, щекоча ему живот.

— Правда?

— Я же знаю тебя лучше, чем ты сам. Я ждала, когда ты об этом заговоришь, — рассмеялась она. — И я хочу того же. Мне надоела светская жизнь, надоели правила и условности, надоело завтракать, обедать и ужинать по часам, надоели люди вокруг и салон мод мне тоже надоел. Я тут подумала, твоей маме нравится там быть, что-то делать, и у неё получается. Она часто мне помогает. Я думаю оставить управление салоном на неё. Так я развяжу себе руки. Ты же знаешь, миленький, я не могу долго заниматься одним и тем же, — пока Эстелла болтала, у Данте всё шире открывались глаза.

— Мне тоже всё быстро надоедает, особенно люди, — сказал он, крепко обнимая Эстеллу. — До сих пор не верю, что нашёл человека, который так меня понимает. Мы с тобой одно целое.

— Это правда. Значит, решено? После свадьбы твоих родителей мы отсюда уезжаем! Но, так как эта свадьба будет первым моим светским мероприятием после траура, но последним перед нашим отъездом, я придумаю себе самое красивое платье! — и Эстелла, хихикая, покрыла мелкими поцелуйчиками его лицо.

— Эсте, ты какая смешная! И как в тебе уживается два разных человека: светская франтиха и ярая либералка? И они так гармонично сосуществуют, что я не перестаю удивляться.

Эстелла в ответ захихикала, ластясь к Данте как кошечка.

Накануне свадьбы дым в особняке стоял коромыслом. Дюжина служанок вылизывала до блеска окна и паркет, меняла портьеры, перетряхивала ковры и книги; садовники вычищали сад и внутренний дворик, фонтан и вольеру с павлинами; гладильщица отпаривала воротники и манжеты, рубашки и юбки чугунными утюгами, подогреваемыми от печки. Либертад, в своей новой роли экономки, держалась чопорно. Она руководила всей обслугой, покрикивая на каждую нерасторопную служанку, за что уже получила прозвище «сержант».

В день венчания, с самого утра кухарки и поварихи готовили кушанья, умопомрачительный аромат которых разлетался всюду.

Церемонию бракосочетания решили устроить в саду среди раскидистых бугенвиллей и агакатов. Венчать Йоланду и Ламберто приехал сам епископ, а гостей, как и предполагалось, навалило более пятисот человек. Лусиано был горд и счастлив, что его сын наконец-то женится, и раструбил об этом по всему вице-королевству. Однако, неожиданно для всех, из Ферре де Кастильо нагрянули Берта, Альдо и Сантана.

Пригласила их Эстелла, но убедил Берту поехать на эту свадьбу её муж — та не хотела встречаться ни с Лусиано, ни с Ламберто, ни с Данте. Сеньор Альдо же настоял на своём — он жаждал увидеть Йоланду и Данте, и Берте пришлось уступить. Сантану они захватили с собой, чтобы отвлечь ту от разборок с Клементе. Беременность Сантаны протекала легко, живот был небольшой, она чувствовала себя прекрасно и (по её заверениям) могла бы танцевать на балу до утра, если бы беременным это позволялось. Клементе с ней не поехал, даже чтобы увидеться с Данте.

Ожидая невесту, гости кучковались в саду: кто укрывался в тени деревьев, кто развалился на скамеечках, а кто и просто на траве. Алтарь, увитый цветущими лианами, был установлен поодаль, на открытой площадке. Епископ уже прибыл. В праздничном облачении он прохаживался по саду, здороваясь со всеми и позволяя целовать себе руки. Это был грузный мужчина, широкоплечий, с седыми волосами и неожиданно чёрными глазами, выдающими живой ум и смекалку.

Мужчины как всегда обсуждали политические дразги, новости с биржи и лошадиные скачки, а женщины, как огромные бабочки, порхали то тут, то там, ведя разговоры о женихах, рецептах блюд и домашнем хозяйстве.

У всех дам платья были из лёгких тканей: кисея, тюль, муслин, батист, кружево, ибо в этом году из бальной моды вышли тяжёлые ткани (они остались прерогативой для верхней и мужской одежды, для дорожных манто, амазонок и рединготов). Декольте уползли вверх, закрыв дам до шеи. В лету канули и корсеты, и кринолины, а также шлейфы, создающие неудобства при ходьбе. Нынче все платья шились на манер длинных рубашек. Высоко под грудью они перехватывались поясами, шарфами и кокетками, а юбки по низу вышивались золотыми и серебряными нитями.

Сегодня Эстелла выбрала ярко-бирюзовое платье с синим поясом-шарфом. Оно не подчёркивало талию, но делало Эстеллу ещё более хрупкой и стройной, чем она была. Две нижние юбки, чёрные, обшитые по краю серебряным шнуром, выглядывали из-под верхнего платья, приподнимая его над землей. Квадратный вырез на груди, чуть прикрытый тонюсенькой шнуровкой, напоминал паутину. Ножки Эстеллы были обуты в атласные синие туфельки без каблук и с удлиненными носами — последний писк европейской моды. Сбоку на голове примостилась шляпка-тарелочка, украшенная брошью и бусами на манер чалмы турецкого султана — в головных уборах пришла мода на всё восточное. Туалет Эстеллы был самым эффектным среди иных модниц, что предпочли пастельные тона: нежно-розовый, нежно-фиалковый, бледно-фисташковый, цвет дыма и цвет жемчуга.

Из этой массы дам, утопающих в невесомых газовых тканях, как в облаках, Берта с Сантаной выделялись контрастом. Бабушка была в канареечно-жёлтом платье с завышенной талией и широким кринолином; на шее — оранжевое боа из перьев. На голове — тюрбан. Сантана же укуталась в фиолетовое платье со складчатой юбкой, и прикрывала живот кружевной шалью.

Мужская мода, в отличие от женской, больших изменений за эти годы не претерпела. По-прежнему были популярны фраки, жилеты и светлые сорочки с бантами и жабо; длина штанов варьировалась от совсем коротких панталон до почти полноценных брюк, узких и обтягивающих ноги, как чулки. Хотя мужчины в возрасте такие штаны надевать не решались, предпочитая классические бриджи и кюлоты, но юных франтов, стремящихся угнаться за модой, ничто не могло остановить. Поэтому сегодня молодые мужчины, все повально, упаковали ноги в кюлоты-чулки. В совокупности с затянутыми в жилеты и фраки талиями и

стоячими до ушей воротниками, многие походили на цапель.

Высокому длинноногую Данте шло абсолютно всё и (по предвзятому мнению Эстеллы) он затмил даже жениха. Ламберто был одет в традиционный чёрный фрак с длинными фалдами, серый, вышитый чёрной нитью жилет, белую сорочку и белые бриджи с чулками. Волосы он увязал в хвост, а шею украсил пышным жабо. У Данте же фрак был из тёмно-зелёного бархата, расшитый по манжетам и фалдам серебром. Кюлоты, по бокам собранные на шнурки, закрывали ноги целиком, а шею венчал белоснежный бант. Эстелла заплела Данте косу, перемотав её серебристой лентой, а на голову он надел высоченный цилиндр.

Когда Эстелла вышла из парадной с Данте под ручку, все чуть не свернули шеи. Мужчины и дамы в возрасте смотрели на них с умилением, незамужние девицы не скрывали зависти. Данте, с его тонкой талией и осанкой принца, и нежная, хрупкая Эстелла, в своём платье напоминающая родольфу — ярко-голубую райскую птичку, что обитает в Новой Голландии [1], — так восхитительно смотрелись вместе, что по рядам гостей пробежал шёпот.

Даже Сантана улыбнулась, выходя им навстречу из-под раскидистой жакаранды, где сидела в окружении замужних и беременных дам. Берта, оттопыривая нижнюю губу, было заартачилась приветствовать внуку и «этого головореза», но сеньор Альдо неумолимо потянул её за собой.

Пока Сантана восторгалась эстеллиным нарядом, Берта и Альдо подошли к Данте. Альдо радовался встрече с внучатым племянником и пожимал ему руки, а Берта, оставаясь при своём мнении, надувала щёки. Когда Эстелла её поприветствовала, бабушка заявила, что счастлива видеть, что она до сих пор жива.

— А то от этого, — покосилась она на Данте, — ожидать можно всякого.

— У моего мужа есть имя, — подавляя гнев процедила Эстелла. — Его зовут Данте, если вы забыли, бабушка.

Она снова называла Берту «бабушкой». Их примирение состоялось по переписке, и Эстелла не желала рушить этот хрупкий мир, но если бабушка станет обижать Данте, она опять перейдёт на официальное «сеньора».

— Забудешь тут, как же, — буркнула Берта, обмахиваясь шёлковым веером, расписанным под китайскую фреску: стрекозами и соловьями, сидящими на веточках магнолии.

— Знаете, сеньора, — сказал Данте, — если я вам так неприятен, это ваше дело. Я от вас тоже не в восторге. Ненавижу людей, которые суют нос в чужую постель. Думаю, перемирия у нас с вами не выйдет. Так что предлагаю избрать тактику игнорирования: меня нет для вас, а вас — для меня, — и он пугающе сверкнул глазами. — Эсте, родная, я отойду. Спрошу как дела у отца. С вашего позволения, — при обращении к Эстелле голос его зазвучал нежно. Чуть приподняв цилиндр, Данте ушёл к Ламберто, что в волнении стоял у алтаря.

Берта сжала губы в тонкую ниточку.

— До чего ж несносный тип, уму непостижимо! — проворчала она. — Настроения и так нету — приехать на свадьбу этих убийц, где ж это видано? Так его ещё и портят всякие! — и, обмахиваясь веером, вместе с сеньором Альдо Берта отправилась рассматривать округу.

Сантана и Эстелла остались одни. Эстелла чувствовала себя неловко — Сантана, насочинявшая в письмах о своей замечательной семейной жизни, была не в курсе, что Берта поведала Эстелле о проделках Клема. Но разоблачать бабушку и ссорить её с Сантаной

Эстелла не хотела.

— А что это Клем с тобой не приехал, Санти? — прикинулась Эстелла дурочкой. — Мог бы навестить нас, с Данте увидаться.

— Да не захотел он, — неопределённо махнула рукой Сантана. — Сказал, ему тут все чужие, а Данте видеть он не хочет.

— Раньше они ладили, — вздохнула Эстелла, теребя брошь на шляпке, — но потом между ними пробежала кошка, а я так и не знаю какая.

— Я сама не знаю. Кlemente мне не говорил, почему они рассорились с Данте. А после смерти Гаспара он вообще зол на вашу семью. Говорит, если бы Гаспар сюда не поехал, жив бы остался. А я так и не могу ему рассказать, что в смерти Гаспара я тоже виновата.

— В каком смысле? — изумилась Эстелла. — Санти, я же тебе писала, что это твоя бывшая тётка его убила. Кстати, я так и не могу смириться с тем, что Амарилис и Клариса — это один человек. И не могу простить ей того, что она сделала с Данте, — Эстелла взмахнула локонами.

Отойдя от гостей, подруги расположились у цветущей акации.

— А я тебе всегда говорила, Эсти, что тетя Амарилис — та ещё штучка, — Сантана понизила голос, наклоняясь к эстеллиному уху. — Я с детства видела, что она не подарок. Она мне казалась строгой, но справедливой, а позже я стала замечать за ней странности. Во-первых, дядю Норберто она не любила. Во-вторых, эти её вечные исчезновения из дома. В-третьих, она меня запугивала и внушала мне всякую ерунду. Говорила, что я уродка и что в меня никто не влюбится. Называла меня «чёрной вдовой», убеждая, что любой мужчина, на которого я посмотрю, умрёт. Она довела меня до паранойи, я и правда стала в это верить. Я так боялась, что мужчины, которых я люблю, погибнут, что стала заглядываться на девушек. Но потом дядя Норберто настоял на браке с Луисом. Тётя Амарилис делала вид, что рада этому, а сама меня убеждала, что я сломаю Луису жизнь.

— А накануне свадьбы она сказала, что у неё для меня сюрприз, свадебный подарок. И когда Луис умер, я испугалась и подумала: а не её ли рук это дело. Тётя специально меня запугивала, чтобы держать в своей власти, я ведь была нужна ей, чтобы внедриться в твою семью, — Сантана горько вздохнула. — По этой же причине она подружилась с твоей матерью, Эсти. Она всё рассчитала. А мной она хотела управлять, а, может, ещё и задействовать в своих планах. Но когда я влюбилась в Клема, тётя Амарилис поняла, что я вышла из-под её контроля. Её это жутко бесило, я знаю. Когда я стала ходить в «Маску», там я узнала, что брат сеньора Нестора — «доктор мёртвых» [2]. Однажды сеньор Нестор рассказал о своём брате, и я попросила его о помощи. Его брат, покопавшись в своих архивах, выяснил, что Луис умер от яда, состав которого никто не смог определить. Брат сеньора Нестора объяснил, что этот яд проник через кожу. Отравление произошло от взаимодействия с какими-то предметами или с одеждой, с посудой. Меня это озадачило, и я долго думала: как тётя, которая не пересекалась с Луисом лично, могла его отравить. И меня осенило. Когда объявили нашу с Луисом помолвку, тётя Амарилис закатила ужин, где подарила Луису трость. Очень красивую, из белого дерева, с ручкой в виде головы дракона. И у неё был острый, как пика, наконечник.

Описание трости показалось Эстелле знакомым. Где же, где она видела такую трость? И у кого?

— Луису очень понравился подарок, — рассказывала Сантана. — Он коллекционировал необычного вида трости. Похоже, эту трость тётя и напичкала ядом. Брат сеньора Нестора

сказал, что у Луиса ладони были чёрные, то есть соприкасался с ядом он именно руками.

— Интересный способ убийства! — повела бровью Эстелла. — Какая же эта женщина гадюка! Но до чего изобретательна!

— У неё извращённый мозг, — покивала Сантана. — Нормальный человек, даже если бы и пошёл на убийство, до такого бы не додумался.

— Санти, ты меня прости за то, что я сейчас скажу, — призналась вдруг Эстелла, — но когда умер Луис и Данте из-за этого попал в большую беду, у меня было много разных мыслей. Я даже подумала, что это ты его убила. Потому что перед свадьбой ты так странно себя вела...

Сантана рассмеялась.

— Понимаю. Но я действительно вела себя странно. Я была расстроена и наговорила тебе ерунды, потому что в тот день я хотела сбежать, до или после свадьбы. Соль обещала мне помочь, и я даже собрала чемоданы, но Луис умер и побег сам отменился. Кстати, я ведь знала, что Данте твой не трогал Луиса. Вы сидели далеко, а я стояла рядом с Луисом, я видела, как он упал, смахнув с алтаря свечи. Он упал на них, поэтому и загорелся. Когда Данте к нему подошёл, он уже был мёртв.

— Ты меня простишь за то, что я плохо о тебе думала? — хлюпнула носом Эстелла.

— Ну конечно, Эсти. Мы обе тогда были не в себе. Я же могла помочь и заступиться за Данте, но я не решилась связываться с падре Антонио. Да и тётя Амарилис нас с дядей так быстро оттуда утащила. Она говорила, что боится скандала, и что ей стыдно в глаза смотреть своим друзьям. Ты тоже прости меня, что я струсилась, да и я хотела уберечь тебя от Данте, подумала, может, оно и к лучшему, — и Сантана обняла подругу, насколько позволял выпирающий живот.

— Но я всё равно не понимаю каким боком тут Гаспар, — призналась Эстелла. — Один человек мне сказал... — она замаялась — Сантана не знала о существовании Салазара, — что ты хотела, чтобы Гаспар помог тебе раскрыть смерть Луиса, но я в это не поверила.

— Это правда. Когда я догадалась про трость, я захотела её найти. Но родители Луиса умерли от чумы, да и доступ в его дом мне был заказан с момента свадьбы. Я ждала подходящего случая. Когда появился Гаспар, меня удивила тётина заинтересованность им. Я не верила, что она могла его полюбить. Я иногда думала, что она любит женщин, потому что ко всем мужчинам, включая дядю Норберто, она была абсолютно равнодушна. Она как ледяная глыба. В общем, я рассказала Гаспару о своих подозрениях. Он обещал мне помочь и стал ухаживать за тётей Амарилис. И когда ты мне рассказала о его смерти, я почувствовала себя виноватой. Ведь это я втянула Гаспара в эту историю, а в нём хитрости не было ни на грош. Вот и всё, — подытожила Сантана. — Самое плохое, что я не могу рассказать об этом Клему. Если он узнает, что это я виновата в смерти его отца, он меня возненавидит.

— Санти, перестань, ты ни в чём не виновата! — Эстелла, пожав Сантане обе руки, усадила её на ближайшую скамейку, белоснежную, резную, с изящными ножками. — Ты хотела справедливости, хотела как лучше. А Гаспар всё-таки мужчина, а не кисейная барышня, он сам в это ввязался и решил тебе помочь, мог ведь и отказаться. И нет твоей вины в том, что эта женщина такая подлая. Я сама попала на её удочку.

— Ты думаешь, Эсти, мне надо рассказать Клему правду о смерти его отца? — грустно спросила Сантана. — Он-то думает, что Гаспара укусила змея.

Эстелла задумалась. Ну что тут посоветовать? У Сантаны с Клементе всё сложно. Этот дурак поди обрадуется, если Сантана даст ему повод упрекнуть её в чём-нибудь. А Эстелла

была уверена, что Клем уцепится за любую возможность, чтобы вырваться из этих отношений. А Сантана беременна. Эстелла сочувственно покосилась на её живот. С виду месяцев семь. Эх, Санти, сама себя в угол загнала. Не было бы хоть живота...

— Я бы не стала ничего говорить, — молвила Эстелла. — Не надо давать мужчинам повод для упрёка, особенно таким, как Клементе. Если он узнает, что ты неидеальна и где-то допустила ошибку, он тебя задолбит этим. Так что забудь. В смерти Гаспара ты не виновата. Ты должна думать о себе и своём здоровье. И вообще я так рада, что ты приехала, Санти! Праздник, смена обстановки, счастливые лица пойдут тебе на пользу.

Эстелла так и не сказала Сантане, что она в курсе выкрутасов Клема. Захочет, сама расскажет. Сантана, вероятно, и догадывалась, что Эстелла знает о Табите и борделе, но гордо решила сохранить эту тайну при себе.

Они болтали ещё некоторое время, обсуждая разные новости. Сантана поведала, что донья Нэла вышла замуж за сеньора Нестора и теперь заправляет «Маской». А в борделе хозяйничает Томаса, но проституткам живётся несладко — по указу Алехандро Фрейтаса во «Фламинго» с еженедельными проверками являются жандармы во главе с комиссаром Фредерико Конте. А Эстелла рассказала о своём, наконец, обретённом счастье с Данте. Правда, есть минус: Лусиано с Ламберто настаивают, чтобы они обвенчались в церкви. А Данте против. Свадьба-то у них была уже, но родственникам, властям и обществу этого мало — им подавай традиционное венчание.

Беседу Эстеллы и Сантаны прервало появление невесты. Когда Йоланда, в кремовом платье с тысячей мелких рюш и оборочек, выплыла из парадной, гости ахнули, а Ламберто, счастливый и взволнованный, приосанился. Невеста была изящна, мила и напоминала ландыш. Голову её венчала плоская шляпка с вуалью. В руках Йоланда несла букет калл. Специально приглашённый хор мальчиков затянул «Аве Мария», и, пока Йоланда медленно плыла к алтарю, глаза гостей наполнились влагой. Даже бабушка Берта утиралась платочком. Сантана тоже разревелась, а Эстелла ощущала в груди лёгкость. Когда жених и невеста преклонили колени у алтаря, Данте, подойдя к Эстелле сзади, крепко обнял её.

— Данте, ты не хочешь, чтобы у нас была такая свадьба? — спросила Эстелла, откидывая голову к нему на грудь.

— Нет. Ненавижу священников! И у нас уже была свадьба. Ты хочешь ещё одну? — хихикнул он.

— Нет, наша свадьба была самой чудесной на свете! Ни у кого такой не было, и я никогда её не забуду! Но, Данте, похоже, это единственный способ, чтобы нам позволили любить друг друга открыто.

— А я знаю другой способ, — шепнул он заговорщически.

— Вот как?! Какой же?

— Давай сбежим.

— Мы же хотели уехать завтра.

— А я предлагаю сейчас. Завтра все будут нас уговаривать остаться, а я не хочу это слушать. Пойдём! — и Данте настойчиво потянул её за руку.

Наверное, это невежливо — убегать со свадьбы, не поздравив молодожёнов, но Эстеллу тянуло на приключения. В конце концов, Йоланда и Ламберто так счастливы, что не обидятся.

Данте и Эстелла вошли в дом через чёрный ход, чтобы избежать косых взглядов. Вещи их уже были собраны, и, выудив их из-под кровати, Данте поколдовал над чемоданами. Они

уменьшились, став размером с карманные часы. Эстелла надела чёрную бархатную амазонку, Данте — тёмно-синий костюм для верховой езды. Сняв со стены волшебный меч, Данте прицепил его к бедру; воткнул в пояс сзади кинжал, на рукояти которого была выгравирована парадиса. И они с Эстеллой на цыпочках прокрались в конюшню, оставив родственникам письмо, где объясняли, что уехали в путешествие.

Крошечные чемоданчики Данте впихнул в сумки для багажа, что были приделаны к седлу Алмаза. Выведя лошадей за ограду, влюблённые вспрыгнули на них и пошли неспешным шагом. А когда дворец Фонтанарес де Арнау исчез из поля их зрения, они пустили Алмаза и Жемчужину галопом.

Ехали они и день, и ночь вперёд и вперёд, и вот уже Буэнос-Айрес с его широкими улицами и бульварами, магазинами и театрами, ярмарочными площадями и толпами людей, остался позади. Алмаз и Жемчужина шли бок о бок. Ветер трепал волосы, сбрасывая шляпы с голов, и Данте изредка наклонялся к Эстелле, целуя её в губы. Спать влюблённые ложились прямо в траву под деревьями, мягкую и высокую.

Через пару суток на горизонте выросли знакомые места. Та самая дорога, где Данте спас Эстеллу от грабителей. С этого момента началась история их уже не детской, а настоящей, большой любви. Эстелла оторопела, когда они с Данте оказались у ворот Ферре де Кастильо.

— Данте, а зачем мы сюда приехали?

— Я хочу увидеть наш берег, наше дерево, прежде, чем мы уедем путешествовать по другим городам и королевствам, потому что я не знаю, когда мы вернёмся и вернёмся ли вообще, — объяснил он.

Эстелла пожала плечами, сочтя, что её милый-любимый, как был безумцем, так и остался. Но, по мере приближения к заветному местечку у реки, сердце её стучало всё сильнее.

Когда Данте раздвинул ветви зарослей, за которыми давным-давно пряталась двенадцатилетняя девочка, ещё не знавшая ни горя, ни боли, ни любви, Эстелла расплакалась.

Они с Данте прорвались сквозь мимозы и сели на бревно. Лихо скинув сапоги, Данте стащил с Эстеллы дорожные ботинки, и они погрузили ноги в воду. Он нежно взял её за руку, сжав ладонку, а Эстелла положила голову к нему на плечо. Совсем как раньше...

Она плакала, а Данте целовал её мокрые от слёз губы, и в его дивных очах тоже блестели хрустальные капельки. Как же долго они шли к своему счастью!

Их история любви началась как сказка, продолжилась как страшная реальность, и вновь стала мечтой. Эстелла, хрупкая наивная девочка, с годами превратилась в страстную молодую женщину, узнала и поняла себя, научилась любить, научилась принимать мир таким, каков он есть. Она больше не витает в розовых облаках, зная, что все люди разные и нет абсолютной добродетели, как и нет абсолютного зла. А Данте, этот испуганный маленький зверёныш, превратился в красивого мужчину и, несмотря на всё, он остался верен себе. Непохожесть на других — это не несчастье, это дар. Иметь достаточно разума и мужества, чтобы не быть покорной овцой, идущей внутри стада, трудно, но возможно. За это Эстелла его и полюбила: за уникальность, за смелость, за его убеждения, а ещё за то, что этот мужчина — единственный, кто способен, подарить ей и солнце, и луну, и целый океан лишь своим присутствием.

Ночь они провели на берегу, сидя на бревне и взбалтывая ногами воду. Тысячи звёзд на

тёмном бархате небес, отражаясь в воде, превращали её в сказочный шатёр. На кусте эстреллы, красно-розовые цветы которой походили на звёздочки, распевала пронзительную песню циккаба. Данте иногда опускал светящиеся пальцы в реку, и вода становилась разноцветной. И Эстелла хохотала, млея от удовольствия.

Наутро, оседлав лошадей, они отправились в «Лас Бестиас». Но в сам посёлок Данте заезжать не захотел, поэтому, чуть не доехав до вывески с названием, наши герои свернули в бок. И спешили на полянке, где трава доходила до щиколоток. Эстелла вспомнила это место — здесь была их свадьба. А вот и дерево драцены, что они с Данте посадили в тот день. Оно разрослось и в ширину, и в высоту и покачивалось в такт ветру, кивая кроной. Данте гладил жёсткие зелёные листочки, а эмоции переполняли его грудь. Как же он счастлив! Это невероятно! Никто и никогда больше не отнимет у него свободу и Эстеллу. Ради этого стояло пройти всё, что они пережили. Теперь они знают цену своей любви и не потеряют из-за какой-нибудь глупости.

— Пойдём, — шепнула Эстелла, потянув его за собой.

— Куда?

— Ты забыл, тут есть ещё одно местечко...

Данте и Эстелла пролезли через кусты и попали на другую сторону реки. Здесь когда-то была их брачная ночь. Незабываемая.

Солнце стояло высоко над горизонтом, а в небе, похожие на овечек, плыли облака.

— Иди сюда, — взяв Данте за запястья, Эстелла прижала его руки к своей груди.

Он лукаво прищурился.

— Эсте, чего ты хочешь?

— Ты знаешь чего, — щёки её покрылись румянцем. Она запустила пальцы ему под рубашку. Погладила по животу. — Люби меня, Данте.

И мир исчез. Данте расшнуровал на Эстелле платье и, как по струнам гитары, его мягкие пальцы побежали по её спине. Как же хорошо! Сколько бы лет не проходило, а чувства их не угасали. Напротив, они росли, взрослели, становились глубже.

Река нынче была своенравна, и тёплые волны ласкали мятежных любовников. По телу Эстеллы шла вибрация, татуировки горели огнём, а с волос и ресниц сыпались искры. Как же она любит это ощущение, когда магия струится по венам, бурлит в её крови! Только Данте может подарить ей это ощущение. Ощущение счастья.

— Данте... Данте, я тебя люблю, люблю до безумия, — шепнула Эстелла, обвиваясь вокруг его бёдер, как ползучая лиана.

— И я, я люблю тебя, Эсте. Ты моя самая родная, ближе тебя у меня никого нет и не будет.

У реки разрослось бесчисленное множество диких роз — бутоны у них были мелкие, но благоухали так, что дурманили как опиум. Нарвав охапку белых и красных цветков, Данте вплетал их Эстелле в мокрые волосы, а она смеялась, смеялась без остановки, наслаждаясь близостью его тела, ароматом роз и мяты, водой и тишиной, что нарушали только чирикающие птички-печники да белая и чёрная лошади, стоящие бок о бок, так же близко, как и их хозяева.

— Помнишь наши розы? — спросил Данте, когда все волосы Эстеллы оказались усыпаны бутонами.

— А то! Розы у меня всегда ассоциируются только с тобой.

— И они тебе очень идут!

Эстелла задорно встряхнула головой — на Данте полетел дождь из лепестков.

— Данте, мы же теперь всегда будем вместе, правда?

— Всю жизнь!

Щурясь от солнца и крепко обнимая Эстеллу, Данте глядел в ярко-голубое небо. Там плыли белые-белые, пушистые, как лебяжий пух, облака. Ветка сакуры, гигантская птица, волшебная карета и единорог, охраняющий вход в башню, — герои детских снов и сказок.

Комментарий к Глава 55. Та любовь, что нам дана —————

[1] Новая Голландия — старое название Австралии.

[2] Доктор мёртвых — патологоанатом.

===== Эпилог =====

«Любовь — сложное чувство. Ты радуешься, когда она приходит. И ты её ненавидишь, когда она причиняет боль. Нет чувства прекраснее и мучительнее, чем любовь. Она разукрашивает жизнь всеми цветами, превращая её в радугу. Из-за любви мы совершаем глупости и безрассудства. Из-за любви мы способны убить и умереть. Она сильнее ненависти и злости. Сильнее несправедливости и зависти. Сильнее любого волшебства. Сильнее смерти...» — черноволосый мужчина диктовал эти фразы длинному перу, что порхало над огромным, в половину стола, фолиантом.

— Довольно! — колдун небрежно взмахнул рукой, и перо замерло.

Он сидел за дубовым столом напротив книги, исписанной каллиграфическим почерком волшебного пера. Густые волосы, длиной до поясницы, мерцали в свете факелов. Хвост синего шёлкового плаща лежал на полу. На стене рядом висело зеркало, овальное, высотой до потолка, и рама его, серебряная, украшенная рубинами и изумрудами, скрипела и шелестела на разные голоса. Само зеркало вместо отражения показывало берег реки, где находились Данте и Эстелла, влюблённые, счастливые, охваченные страстью.

Мужчина молча, неотрывно, следил за ними в зеркало, иногда вздрагивая и отвлекаясь на перо и книгу.

Скрипнула дверь. Вошла женщина — высокая, черноволосая, с красивым надменным лицом аристократки. Одета она была в платье вишнёвого цвета, перевязанное поясом-кушаком, и чёрный плащ, что волочился по полу. Она бесстрашно вела на поводке леопарда. Это была Матильде Рейес.

Мужчина у зеркала не шелохнулся, продолжая пялиться на Данте с Эстеллой.

— Всё любишь на неё? — раздражённо спросила Матильде.

Усадив леопарда на пороге, она привязала его к двери. Подойдя к мужчине, через его плечо заглянула в зеркало.

— О! Какие пикантные подробности! Да ты мазохист! — не сдержала она яда.

Он обернулся, яростно встряхнув волосами. Это был Салазар. Смерив Матильде злобным взглядом, он расхохотался.

— Тебе не надоело ещё менять облик, Клариса Манли? Сколько у тебя масок, я уже начинаю в них путаться.

— Полагаю, не меньше, чем у тебя, Ло!

— Я по-моему просил не называть меня Ло!

— А как же мне тебя называть? — насмехалась она. — Может быть, Данте?!

— Заткнись! — прошипел Салазар, выпуская из когтей искры. Взмахнул рукой, и изображение в зеркале погасло. — Я тебе уже говорил, называй меня Салазар.

— А-ха-ха-ха! Да, ты, похоже, с ним сроднился! Хотя я предпочитаю видеть тебя в

твоём натуральном облике, — Матильде накрутила на палец прядь волос. — Знаешь, хоть вы с Данте и похожи внешне, мне не нравится видеть перед собой его, а не тебя. Я вроде бы любила взрослого мужчину, а не сопливого мальчика. Но на фоне твоей юной физиономии, я чувствую себя старухой, — указательным пальцем она погладила его по переносице.

Салазар хмыкнул, чуть скривив рот, щёлкнул пальцами и, на секунду утонув в серебристом дыму, видоизменился. Лицо стало старше и круглее, раскосость чёрных глаз менее выражена, и облик был вполне человеческий, не считая искрящихся длинных волос и когтей.

— Так лучше? — с ехидством спросил он. Улыбнулся, и на щеках его заиграли ямочки.

— Гораздо! — Матильде плюхнулась к нему на колени.

— Ненавижу эту женщину!

— Что? — не поняла она.

— Ненавижу Матильде Рейес! В этом облике ты вызываешь у меня ассоциации с твоими питомцами — гиенами и крысами, что сидят в клетках лаборатории, — он неопределённо взмахнул головой. — Кстати, а где настоящая сеньорита Рейес? Ты мне так и не рассказала, что ты с ней сделала, и почему её братец согласился на этот фарс.

— Настоящая Матильде Рейес — тётка пятидесяти лет от роду, к тому же умалишённая, — Лже-Матильде, расстегнув Салазару рубашку, погладила его по груди. — Когда её братец подался в Европу, она свихнулась от одиночества, и ему пришлось отправить её в Жёлтый дом. Но он страшно боялся огласки, боялся, что кто-то узнает, что родная сестра маркиза Маурисио Рейеса сошла с ума. А когда он приехал в Ферре де Кастильо и тоже, как и некоторые, поддался чарам глупой Эстельиты, я воспользовалась моментом и предложила ему заключить пакт. Он всем объявляет, что Матильде — это я, а я ему помогаю заполнить Эстеллу, — и она рассмеялась, обвивая Салазара руками.

— А ты ещё хуже, чем я! — заявил он ядовито, подставляясь под ласки этой неугомонной женщины.

— У меня всё шло по плану. Ну, почти, за исключением того, что ледышка Маурисио так и не сумел влюбить в себя глупую девчонку. Я показала ему, как надо обращаться с теми, кто не подчиняется, и как надо внушать людям страх — с помощью боли. Я посоветовала ему шантажировать эту дуру смертью Данте. Но Эстельита всё равно сохла по своему любовничку. И перевернула всё с ног на голову, когда стукнула Маурисио камнем. Она всё испортила. Как и ты, своей попыткой спасти её от тюрьмы. Я-то хотела, чтобы Маурисио повторил судьбу Луиса. И даже подарила ему одну чудную вещицу — трость-убийцу, — она загоготала, запрокидывая голову. — Ты только представь, красивая и внезапная смерть, желательно на глазах у толпы. И палачом, жестоким и безжалостным, вновь оказался бы Данте. Но увы, — Матильде притворно-горестно вздохнула. — Какая жалость! Это было бы феерично! Но ты со своей Эстельитой носился, как с писаной торбой, и мешал мне все карты. Не единожды. Ах, ты мой любимый мерзавец! — кокетливо шепнула она, чуть коснувшись губами его губ. — Но так и быть, я тебя прощаю. Хотя так и не понимаю, как ты умудряешься пронюхивать обо всех моих планах. Я ведь тебе не всё рассказываю.

— Может быть, я прочитал твои мысли? — пробуравил Салазар её жёстким взглядом.

— А-ха-ха-ха! Как смешно! — она чмокнула его в губы, но Салазар дёрнулся.

— В чём дело, мой драгоценный?

— Я не хочу целоваться с Матильде Рейес! Думаю, этой особе пора исчезнуть навсегда.

— Как прикажете, мой господин! — со щелчком и искрами Матильде обратилась в

Кларису.

— Так лучше? Или ты предпочитаешь, чтобы я обернулась в Эстеллу? В прошлый раз ты был не против. Мне нравилась эта игра, особенно физиономия Данте при виде «плохой» Эстельиты. А-ха-ха-ха-ха! Хотя я бы предпочла содрать с этой идиотки кожу, как с конюха Рейесов, или отрезать ей язычок, как Ханне. И сохранить его себе на память, чтобы любоваться проделанной работой. А-ха-ха-ха-ха!

— Заткнись! — Салазар грубо столкнул Кларису с себя. — Не говори мне об Эстелле! И не смей язвить на её счёт! Это запретная тема!

— О, да, именно поэтому ты любишься, как она кувыркается со своим Данте? Прекрасно же ты хочешь о ней забыть!

— Ещё одно слово и я тебя ударю! — разозлился Салазар. — Лучше не нарывайся.

Клариса обошла его кресло. Встав за его спиной, уложила голову к нему на плечо.

— Давай не будем ссориться, мой драгоценный чёрный маг. Я думала, после того как святая дева Эстелла тебя отшила, это всё осталось в прошлом. Но ты предпочитаешь страдать. И так всегда. Ты всегда был такой, сколько я тебя помню. Видимо, тебе это нравится. Сейчас Эстелла, до этого были страдания по Соледад. Пока ты не дострадался до того, что твои родственнички упрятали тебя в Жёлтый дом.

— Не напоминай. Мне. Об этом, — делая паузу после каждого слова, рыкнул Салазар.

— Не пора ли об этом забыть? — промяукала Клариса ему в ухо.

— Не тебе меня судить, глупая ведьма! — ошетинился он, вырываясь из кольца объятий. — Не ты ли всю жизнь грезил о мести?

— Ну так я и отомстила. И моя душа, наконец, успокоилась. Да, всё вышло не так гладко и феерично, как я хотела, и всё из-за некоторых, — она пощекотала ему шею, — но я довольна. Я отомстила всем, кому хотела, и отпустила эту ситуацию. Чего и тебе советую.

— Нет. Никогда! — сжал кулаки Салазар, впиваясь ногтями себе в ладони — из них полетели красные искры. — Они всё сделали, чтобы разлучить меня с Соледад, настроили её против меня, а когда она вышла замуж за другого, отправили меня в Жёлтый дом, чтобы я вдруг не сорвал её свадьбу, — в голосе Салазара сквозили злоба, обида, горечь — те же чувства, что кипели в Данте, когда семейство Гаспара сбагрило его в дом умалишённых. — Всё мало им было! Они берегли свою поганую репутацию, видите ли Соледад мне не пара. А когда Лусиано женился на этой шлюхе Виситасьон, твоей мамаше, ему было можно. И когда Ламберто заделал этой провинциальной девице Йоланде ублюдочного ребёнка, ему было можно. Всем, всем можно бороться за своё счастье, кроме меня. Они лишили меня любви, сдали в Жёлтый дом, но когда дело дошло до них самих, до их чувств, все их правила приличия и шесть поколений аристократов с голубой кровью улетели в тартарары. Весело, не правда ли? Я никогда, никогда их не прощу!

— Но ведь теперь всё хорошо, — Клариса пальцами перебирала ему волосы. — Это ведь не Лусиано и Ламберто, и не Данте сбагрили тебя в Жёлтый дом, а их предки. Да и ты сбежал от них, убедил их в своей смерти. Тебе не привыкать понарошку умирать. Ты делаешь это каждый раз всё профессиональнее, мой бессмертный падший ангел. А Ламберто и Лусиано зато всем рассказывают о том, как прадедушка Ландольфо чокнулся и пырнул самого себя шпагой. О, у них это семейная легенда! — она рассмеялась.

— Прекрати называть меня прадедушкой! — расвирепел Салазар. — Я ещё их всех переживу! Останусь всё таким же молодым, когда их тела уже будут жрать черви. Ненавижу эту семейку! Пусть они провалятся. И никогда не называй меня Ландольфо.

— Ну почему ты такой грубый? — вздохнула Клариса. — А ты ведь должен благодарить меня. Когда мы познакомились, ты был на грани помешательства. А я уговорила тебя учить меня магии, отвлекала и развлекала тебя как могла. Почему ты не хочешь чуточку быть ласковей со мной, ведь я вытянула тебя из ада?

— Это правда, — смягчился он. — Я никогда и не говорил, что не благодарен тебе. Если бы не ты, я бы действительно сошёл с ума. Кстати, Данте чуть не повторил мою судьбу, когда попал в дом умалишённых. О, я прекрасно понимаю, что он испытывал тогда!

— И поэтому ты убил Каролину и отомстил Кlemente?

— Именно. Данте слабак. Он бы так и копил обиду до конца жизни, чем отомстил бы один разок, а эти уроды жили бы и здравствовали. Каролина ведь уверяла всех, что навещала Данте и что в Жёлтом доме ему хорошо. А сама ни разу там и не была, ездила в город исповедоваться к падре Антонио. Лицемерка! Мои папаша и брат были такие же, святые предатели. Одной рукой молятся, а другой убивают. Лучше быть открытым мерзавцем, чем демоном в ангельском обличье. Ненавижу предателей! Да и как ни крути, а в Данте, хоть он и незаконнорождённый, есть и моя кровь. Кровная месть, око за око, зуб за зуб и бла-бла-бла, — и Салазар рассмеялся.

— Я думаю, мой драгоценный чёрный маг, мы должны начать всё с чистого листа. Забыть обо всём, что было, вычеркнуть этих людишек из памяти и попытаться быть счастливыми. Вдвоём. Только ты и я, — вкрадчиво мурлыкала Клариса.

— Ты забыла одну деталь, Клариса Манли: я тебя не люблю.

— Это я уже слышала. Но если бы ты чуть-чуть приоткрыл своё сердце, впустил бы меня туда, я бы там обязательно поселилась, — сказала она и с невинным видом похлопала ресницами.

— Это невозможно. Я люблю Эстеллу, — отрезал он.

Клариса закатила глаза.

— А может, пора прекратить любить тех, кто тебя не любит? Может, надо оглядеться по сторонам и увидеть тех, кто рядом, тех, кому ты нужен, м?

Она уселась на стол и, скинув туфлю, ногой погладила Салазара по груди, спустилась на живот... Прикрыв глаза, он откинулся на спинку кресла.

— Я тебя обожаю, мой драгоценный...

— А ты не боишься, Клариса Манли, что я никогда тебя не полюблю?

— Нет, не боюсь. Уверена, что полюбишь.

Он криво усмехнулся.

— Хватит нам с тобой жить чужими жизнями, — продолжила она. — Предлагаю уехать куда-нибудь.

— Например?

— Например, в Европу. В Англию. Будем гулять по Пикадилли, держась за руки. Там нас никто не знает и не узнает. А если что, превратимся в котов, — и она захохотала. Смех её, низковатый, обманчиво-мягкий, развеселил и Салазара.

— Ты просто невыносима!

— Ну что? Согласен? — потянув Салазара за запястья, она стащила его с кресла.

— Ладно, твоя взяла. Мы поедем в Лондон, — сдался он. — Но я всё равно отправлю им напоследок свадебный подарочек, — он указал на длинный, высокий свёрток, стоящий в углу. На нём красовался адрес дворца Фонтанарес де Арнау, выведенный изящным почерком волшебного пера.

— Что это?

— А это твоя любимая трость, Клариса Манли. Думаю, моим родственникам она придётся по душе. И спасибо, что вернула мне дневник. Когда перо допишет Книгу Прошлого, она вместе с тростью и дневником отправится к нашей любимой семейке в гости. Пускай порадуются.

Салазар ткнул указательным пальцем в перо, что вертикально висело над фолиантом, и оно продолжило писать.

Хихикая, Клариса вложила руку Салазару в ладонь, и они вместе шагнули в волшебное зеркало. И исчезли там, как в пасти невиданного науке животного.

А перо летало над книгой:

«Всё, что происходило и, возможно, ещё произойдёт, как и любое событие на земле, однажды канет в лету. Чудно, когда историю своей жизни, человек пишет сам. Но бывает иначе. Мою историю вы написали за меня, решая кого мне любить, а кого ненавидеть, навешав ярлыки и заставив страдать. Я отплатил вам той же монетой, описав в этой книге всю глупость и никчёмность ваших жизней. И ни одно событие, произошедшее за много десятилетий, не было случайностью. Это я писал вашу судьбу так, как мне этого хотелось. Это я диктовал вам правила игры, забирая жизни или переворачивая их с ног на голову. Ответы на все вопросы вы найдёте на страницах этой книги. Хронология их — в волшебном дневнике, что лежит в посылке вместе с тростью — моим подарком на счастье».

Фолиант, зловеще вспыхнув, самопроизвольно закрылся. На обложке из змеиной кожи, украшенной самоцветами, красовалось название: «Книга Прошлого». А магическое перо, зловеще сияя, вывело:

«Для моих потомков.

LSFDA

Ландольфо Салазар Фонтанарес де Арнау

12 апреля 1804 год».

КОНЕЦ!!!

Больше книг на сайте - Knigolub.net